

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXIII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXXIII

1901

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1901

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
ЯНВАРЬ, 1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1901 г.

СТРАН.

I. На чужбинѣ. Записки эмигранта. Романъ. (Посвящается Льву Николаевичу Толстому). I—II. Марка Басапина	7
II. Записки Н. П. Мамаева . Часть первая. Гл. I—II.	40
III. Братья Хрычевы. Рассказъ. В. Г. Авеѣенко	77
IV. Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ. I—IV. С. А. Цурикова	118
V. Исторія карточной игры на Руси. I—III. В. О. Михневича	141
VI. Воспоминанія о Михаилѣ Петровичѣ Погодинѣ. Н. А. Чаева	162
Иллюстраціи: 1) Михаилъ Петровичъ Погодинъ. (Съ фотографіи, снятой въ пятидесятыхъ годахъ).—2) Михаилъ Петровичъ Погодинъ. (Въ старости).	
VII. Памяти А. К. Шеллера. А. И. Фаресова	174
Иллюстрація: Александръ Константиновичъ Шеллеръ.	
VIII. Памяти Алексѣя Петровича Коломнина. А. И. Чехова (А. Сѣдой)	206
IX. Воспоминанія А. И. Абариновой	213
X. Къ біографіи М. В. Буташевича-Петрашевскаго. А. В. Безроднаго	225
XI. Рассказъ очевидца о пожарахъ въ Симбирскѣ въ 1864 году. В. Дублицкаго	230
XII. Плащаница 1566 года. Е. Романова	240
Иллюстрація: Плащаница 1566 года.	
XIII. На берегахъ Куры. С. И. Уманца	247
Иллюстраціи: 1) Видъ Тифлиса. — 2) Крестъ св. Нины.—3) Метехскій замокъ.—4) Могила А. С. Грибоедова.—5) Ванскій соборъ.—6) Памятникъ князю Воронцову.—7) Памятникъ А. С. Пушкину.—8) Сунитская мечеть.—9) Шитская мечеть.—10) Русскій театр въ Тифлисѣ.	
XIV. Иностранцы о Россіи. Мемуары барона Камо. В. Т.	303
XV. Критика и бібліографія	330

1) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть пятая, съ 8 апрѣля 1853 по 22 іюня 1854 года. Спб. 1900. У.—2) Н. Н. Оглоблинъ. Обзорныя столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть третья. Документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1900. **В. Руданова**. — 3) Извѣстія историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Томъ XVIII. Нѣжинъ. 1900. **В. Р—ва**. — 4) Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга вторая. Съ приложеніемъ 2-хъ плановъ, 24-хъ рисунковъ и 9 портретовъ. Владимиръ. 1900. **В. Руданова**. — 5) Справочный словарь орфографическій и толковый русскаго литературнаго языка. Составленъ подъ редакціей А. Н. Чудинова. Шесть выпусковъ. Спб. 1900. **А.** — 6) Чернушевичъ. Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть 1-я. Служба въ мирное время. Выпускъ 1-й. Въ парствование императора Николая I (1825—1855 гг.). Спб. 1900. **А. А—мова**. — 7) Труды Я. К. Грота. III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Спб. 1901. **А. Н.** — 8) К. В. Харламовичъ. Къ вопросу о сущности русскаго раскола старообрядства. Казань. 1900. **Х. Р. А—вича**. — 9) М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Изданіе О. Н. Поновой. Спб. 1900. **А. Нимитинскаго**. — 10) Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ сто восьмой. Юрьевъ. 1900. **Ан. Ал.** — 11) Izdef Dunin-Karwicki. Z zamglonej i niedawno minionej przeszlosc. Wolynskie opowiadania historyczne. Warszawa.

См. слѣд. стр.

1901, н. х. — 12) А. Л. Волянский. Леонардо-да-Винчи. Издание А. Ф. Маркса. Спб. 1900. **А. Нинитинскаго.**—13) Иосифъ Голчекъ. Россія и Западъ. (Глава изъ книги «Поездка въ Россію»). Переводъ съ чешскаго. Сообщеніе, сдѣланное 31-го марта 1900 г. въ кружокъ имени Я. П. Полонскаго. Издание П. П. Сойкина. Спб. 1900. **А. Нинитинскаго.**—14) А. К. Дживелеговъ. Городская община въ средніе вѣка. Москва. 1901. П. К.—15) Эмиль Фагъ. Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Третья серия. Москва. 1900, н. **Аленъева.**—16) Э. Бернштейнъ. Историческій материализмъ. Переводъ Л. Канцель. Издание товарищества «Знамя». Спб. 1901. **А. Нинитинскаго.**—17) Н. Овсяный. Болгарія и болгары. Съ картой Балканскаго полуострова. Спб. 1900. **А. А.**

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 357

1) Почему Тезей былъ другомъ Гераклея.—2) Одиъ изъ враговъ Ришелье.—3) Англичане въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ.—4) Графъ Головкинъ и принцъ де-Линь.—5) Фридрихъ Великій о Вольтерѣ.—6) Испанская инквизиція въ XVIII вѣкѣ.—7) Новые французскіе мемуары.—8) Юбилей перваго гренадера французской республики.—9) Тайственное похищеніе французскаго сенатора сто лѣтъ тому назадъ.—10) Молодость Даниэля Вебстера.—11) Автобиографическія «Мысли» Леопарди.—11) Причина борьбы между Ватиканомъ и Квириналомъ.—12) Конгрессъ исторіи религій.—13) Отголосокъ юбилея Сенкевича во Франціи.—14) Переписка прусской королевской четы съ императоромъ Александромъ I.—15) Изъ разсказовъ Джевадъ-паши.

XVII. Смѣсь 390

1) Чествованіе памяти М. П. Погодина.—2) Памятникъ Нарвской битвѣ.—3) Диспутъ В. Н. Перетца.—4) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—5) Археологическій институтъ.—6) Церковно-археологическій отдѣлъ при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ.—8) Библиологическое общество.—9) Пермская ученая архивная коммиссія.—10) Курская ученая архивная коммиссія.—11) Географическое общество.—12) Антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія въ Москвѣ.

XVIII. Некрологи 410

1) Грипенко, Н. Н.—2) Забугинъ, Н. П.—3) Иверсень, В. Э.—4) Ильковъ, В. Е.—5) Имеретинскій, А. К.—6) Юхеръ, А. А.—7) Конисскій, А. Я.—8) Коржинскій, С. И.—9) Мордвиновъ, С. А.—10) Назарьева, К. В.—11) Нащокина, В. А.—12) Николаевъ, Н. Г.—13) Подрезъ, А. Г.—14) Посальскій, П. Т.—15) Фенверъ, Г. Г.—16) Хорень, Ст.

XIX. Замѣтки и поправки 418

По поводу «Воспоминаній о быломъ» Е. А. Сабанъевой, н. н. Нашнина.

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Константиновича Шеллера.—2) Робеспьеръ (Robespierre). Романъ Анжа Гальдемара. Переводъ съ англійскаго. I—IV.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1901 году
(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1901 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать одинъ годъ (1880—1900).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одесѣ и Саратовѣ**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

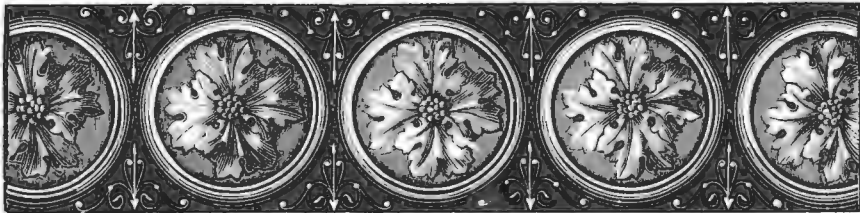

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.

ДОВ. ПЕНЗ. 16 ДЕКАБРЯ 1900 Г. СПБ.

НА ЧУЖБИНѢ.

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому).

.....
.....
..... Я рѣшилъ ѣхать. Заграничный паспортъ былъ взятъ. Выдавая его, чиновникъ предупредительно объяснилъ мнѣ, что, если я ѣду черезъ Германію, то могу не визировать его, если же поѣду черезъ Австрію, то обязательно долженъ визировать его въ австрійскомъ консульствѣ, иначе меня задержатъ на границѣ. Я принялъ его слова къ свѣдѣнію, сразу оцѣнивъ то значеніе, какое это обстоятельство имѣло для меня.

Въ то время я уже впрочемъ не принадлежалъ себѣ. Я всецѣло отдался въ распоряженіе пріятелей и «знающихъ людей», руководившихъ моими поступками и заставлявшихъ меня дѣлать то, что имъ было угодно. Несомнѣнно, что все они желали мнѣ добра, а иные и искренно были привязаны ко мнѣ. Я зналъ это и до вѣрялъ имъ. А главное мнѣ такъ было легче. Была возможность не думать, не разсуждать, не соображать. Все это должны были дѣлать за меня другіе, тѣ, которые взяли на себя меня спасать. Мнѣ оставалось только слушаться. И я слушался и позволялъ обращаться съ собою, какъ съ вещью. Мнѣ казалось, что вся отвѣтственность снималась съ моихъ плечъ и ложилась на другія крѣпкія, надежныя плечи.

Это были моменты полного, глубокаго упадка всехъ духовныхъ силъ. Воли, характера, даже простаго здраваго смысла какъ не бы-

вало. Все придавилъ безумный, безграничный, отвратительный и нелѣпный страхъ за свою шкуру.

Четырнадцатаго февраля, въ лютой морозъ я выѣхалъ изъ Петербурга по Варшавской желѣзной дорогѣ. На мнѣ было поношенное мѣховое пальто съ барашковымъ воротникомъ и барашковая шапка—костюмъ, въ которомъ я ежился и зябнулъ, но который, по мнѣнію моихъ доброжелателей, болѣе всего подходилъ къ данному случаю,—ноги мои стыли въ резиновыхъ лѣтнихъ калошахъ, и ѣхалъ я умышленно въ третьемъ классѣ, чтобы не такъ бросаться въ глаза. Весь мой багажъ составлялъ: портфель съ засунутыми въ него носками и ночной рубашкой, а въ боковомъ карманѣ сюртука лежалъ у меня заграничный паспортъ, да бумажникъ со ста семьдесятю рублями и билетомъ III-го класса Гамбургско-Американской компаниі на проѣздъ моремъ въ Южную Америку.

Сядясь въ вагонъ, я зналъ только одно, что, проѣхавъ Варшаву, я долженъ выйти на ближайшей къ границѣ станціи, найти провожатаго еврея, перейти съ нимъ границу пѣшкомъ и ѣхать затѣмъ дальше, не беспокоясь о томъ, что меня поймають.

Всю дорогу я только и думалъ о томъ, какъ я устрою этотъ переходъ черезъ границу, удастся ли найти проводника, и сколько ему придется заплатить, и волновался страшно. Ночью, несмотря на усталость, я не могъ сомкнуть глазъ, и по мѣрѣ того, какъ поѣздъ подходилъ къ Варшавѣ, я становился все возбужденнѣе и нервнѣе. Больше всего меня мучилъ проводникъ. Я совсѣмъ не имѣлъ представленія о томъ, что значитъ перейти границу, и воображалъ, что самое трудное найти проводника.

Вотъ и Варшава. Поѣздъ остановился. Морозъ былъ куда легче, чѣмъ наканунѣ, но я такъ продрогъ, что меня била лихорадка. Хотѣлось мнѣ пойти въ буфетъ выпить стаканъ чаю, но я не рѣшился, хотя отлично сознавалъ, что меня еще не успѣли хватиться. Даже то, что поѣздъ стоитъ такъ долго, беспокоило меня. Зазвенѣлъ звонокъ, охнулъ паровозъ, и я вздохнулъ съ облегченіемъ. Но проводникъ? Гдѣ взять проводника?

Городскіе огни потонули во мглѣ. Совсѣмъ стемнѣло. Поѣздъ идетъ тише. Должно быть, подходимъ къ станціи. Сердце мое просто разрывается на части отъ мучительной заботы.

Противъ меня сидитъ какой-то человекъ въ высокихъ сапогахъ, въ полушубкѣ и въ ватномъ надвинутомъ на уши картузѣ. Лицо его мнѣ вдругъ кажется добродушнымъ и внушающимъ довѣріе.

— Скажите, пожалуйста,—рѣшаюсь я обратиться къ нему:—не знаете ли вы, какъ перейти границу?

— Что-съ?—переспросилъ онъ, очевидно совсѣмъ не понявъ вопроса.

Я подвинулся къ нему ближе.

— Мнѣ говорили, что здѣсь довольно обыкновенная вещь, что переходятъ границу пѣшкомъ... евреи переводятъ. Я хотѣлъ только спросить у васъ, какъ это дѣлается.

Лицо моего собесѣдника приняло испуганное выраженіе, и онъ отодвинулся отъ меня.

Въ ту же минуту поѣздъ остановился, и онъ вышелъ изъ вагона, а его мѣсто тотчасъ же занялъ сидѣвшій у окна рядомъ пассажиръ, на котораго я до этого момента не обращалъ вниманія.

Это былъ старый, высокій, худощавый еврей съ обдерганной рыжей бородой, крючковатымъ носомъ, клочковатыми бровями и маленькими, злыми и яркими глазами.

Пока поѣздъ стоялъ, онъ молчалъ, не сводя съ меня своего пронизывающаго, хищнаго взгляда, но едва мы тронулись, наклонилъ голову и тихо, точно говоря самъ съ собою и не обращаясь ни къ кому въ особенности, произнесъ:

— А зачѣмъ пану знать, якъ переходятъ люди черезъ границу?

Я вздрогнулъ, пораженный неожиданностью, и такъ какъ лицо его мнѣ очень не понравилось, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ:

— Просто изъ любопытства.

Жидъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Жѣ любопытства? Азе панъ такой любопытный?

Я промолчалъ. Молчалъ и жидъ и все продолжалъ меня разсматривать. Мнѣ становилось неловко и было уже жаль, что я оборвалъ его, потому что проводникъ все-таки былъ необходимъ, и мнѣ надо же было къ кому нибудь обратиться.

— А откуда панъ ѣдетъ?—также тихо вдругъ спросилъ еврей.

— Изъ Петербурга.

— А, може, пану нужно, чтобы его не сцапали на границѣ?

— Положимъ, нужно. Вы можете помочь мнѣ?

— Можемъ. А панъ гроши мае?

— Деньги? Деньги у меня есть.

— О! безъ денегъ ничего не можно, а съ деньгами усе. А зачѣмъ панъ надумалъ бѣжать?

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— Ай, нѣтъ! Какъ можно такъ говорить? Може, панъ ограбилъ али убилъ кого...

Онъ умолкъ и заглянулъ мнѣ въ глаза.

— А, може, панъ—соці-а-листъ?—протянулъ онъ.—Это вже всего хуже, это-жѣ пре-сту-пле-ніе.

— Нѣтъ, я не соціалистъ,—сказалъ я:— но во всякомъ случаѣ исповѣдываться передъ вамъ не желаю. Хотите заработать деньги,—ведите меня, не хотите,—я найду и другого.

— Ухъ, какой панъ горячій! Такой горячій! Такъ у всякаго дѣла испортить можно. Паспортъ у пана есть?

— Есть.

— Есть? Ой, нѣтъ! Не можетъ быть, чтобы у пана былъ паспортъ.

Я, молча, вынулъ паспортъ и подалъ еврею.

Онъ внимательно разсмотрѣлъ его и, возвращая мнѣ, таинственно прошепталъ:

— Хорошій паспортъ, панъ. Ай, какой хорошій! Заразъ видно, что уфѣ Петербургѣ дѣлали, уфѣ столицѣ. Ай-ай! Какъ хорошо уфѣ Петербургѣ паспорта дѣлаютъ.

И онъ даже зажмурилъ глаза отъ удовольствія.

— Вы, кажется, воображаете, что мой паспортъ фальшивый?— съ раздраженіемъ спросилъ я.

— А зачево же мнѣ воображать? Я-жъ ничего не воображаю, я-жъ вижу, что паспортъ фальшивый. Сколько панъ заплатилъ?— дѣловымъ тономъ освѣдомился онъ.

— Я говорю вамъ, что паспортъ настоящій. Это наконецъ глупо.

Еврей закачалъ головой и весь затрясся отъ внутренняго смѣха.

— Ай-ай! Какой панъ хитрый! Теперь я вже вижу, что панъ не социалистъ. Ай, нѣтъ! Куда социалисту до пана! У социалиста такого хорошаго паспорта никогда не бываетъ. И видъ у пана иной. О! Я вже вижу. Социалистъ худой, голодный, а панъ—видный, сытый, панъ увсегда хорошо кушалъ. А, може, панъ былъ уфѣ Петербургѣ кассиромъ?—прибавилъ онъ, при чемъ всѣмъ руществомъ своимъ выразилъ живѣйшее любопытство.

— Нѣтъ, я кассиромъ не былъ. И вообще прошу васъ на мой счетъ не дѣлать никакихъ заключеній. Я не воръ и не убійца.

— Ай-ай, панъ вже и разсердился. Я-жъ пана не обидѣлъ. Азе я пана называлъ воромъ альбо убійцей? То-жъ глупцы, они на каторгу пойдутъ, а панъ умный, панъ за границу ѣдетъ. О! панъ очень умный человекъ. Какой паспортъ у пана! Съ такимъ паспортомъ Мойше Шнеерзонъ и самъ убѣжитъ и сколько угодно денегъ съ собой увезетъ.

— Кто это Мойше?

— А ужли панъ не знаетъ?

Еврей оглядѣлъ сидѣвшихъ въ вагонѣ, — ихъ было не болѣе десяти человекъ, и всѣ помѣщались на другой сторонѣ, вдали отъ насъ,—и залился продолжительнымъ смѣхомъ.

Онъ смѣялся неудержимо и долго. Двѣ слезинки выдавились изъ его сощуренныхъ глазъ и медленно скатились по морщинистому, смуглому лицу на рыжую бороду. Онъ перевелъ духъ, вынулъ грязный красный платокъ, медленно вытеръ глаза и лицо, высморкался и повторилъ:

— Ужли панъ не знаетъ? О! Мойше Шнеерзонъ — великій человекъ. Ахъ, какой человекъ! Пусть панъ не смотритъ, что Мойше одѣтъ бѣдно. Мойшу всѣ знаютъ. Безъ Мойши заяць не перебѣ-

жить границу. Вотъ онъ Мойше!—заклучилъ онъ торжественно и ткнулъ себя въ грудь.

— Вы?

— Я. А панъ што думаль? О! Мойше много можетъ. Мойше все можетъ. Пусть панъ дастъ мнѣ двадцать пять рублей. Скоро пану выходить,—шопотомъ и скороговоркой прибавилъ онъ.

— Зачѣмъ же я дамъ вамъ всѣ деньги впередъ? Мнѣ сказали, что переводъ черезъ границу стоитъ двадцать пять рублей. Берите половину, остальное потомъ.

— А кто-жъ это пану набрешилъ? — злобно проговорилъ еврей. — Пусть панъ наплюетъ тому въ очи. Двадцать пять рублей панъ долженъ мнѣ, а другіе еще спросятъ, и пану надо платить.

— Сколько же это будетъ стоить?

— А панъ увидить. Може, сто, а, може, полтора. Ну, давай скорѣе деньги, надо выходить,—уже грубо добавилъ онъ.

Я понялъ, что торговаться бесполезно, досталъ бумажникъ и далъ еврею двадцать пять рублей.

Онъ долго разсматривалъ бумажки, сначала сидя на мѣстѣ, потомъ на свѣтъ подъ фонаремъ, и наконецъ вытащилъ засаленный кожаный кошель, и тщательно спряталъ ихъ.

Поѣздъ сталъ. Жидъ кивнулъ мнѣ и пошелъ изъ вагона.

На станціи тускло мигали огни. Шелъ снѣгъ. Была ночь, и я съ трудомъ слѣдовалъ за своимъ спутникомъ, каждую минуту боясь потерять его изъ виду. Мы прошли всю пустынную платформу, спустились съ нея по ступенькамъ на рельсы, пересѣкли ихъ, потомъ перелѣзли черезъ канаву и очутились въ совершенномъ мракѣ. Только внизу подъ ногами чуть бѣлѣлъ снѣгъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ онъ насъ чернѣла не то стѣна, не то какое-то зданіе. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что то были сложены дрова.

Старикъ остановился и издалъ протяжный, чуть слышный звукъ.

Отъ дровъ отдѣлились четыре фигуры и тотчасъ же опять скрылись. Мы подошли къ нимъ и, какъ онѣ, прижались къ дровамъ. Начались переговоры. Еврей говорили всѣ разомъ на совершенно непонятномъ мнѣ жаргонѣ. По временамъ они начинали кричать и браниться. Наконецъ поладили и замолкли.

— Вотъ онъ беретъ васъ, — сказалъ мнѣ старикъ, указывая на одного изъ евреевъ.—Идите съ нимъ, и дай вамъ панъ Бугъ удачи.

Новый мой путеводитель пошелъ впередъ. Я зашагалъ за нимъ. Насколько настроеніе мое было мрачно и тяжело, пока я сидѣлъ въ вагонѣ, настолько бодрымъ и полнымъ энергіи я чувствовалъ себя теперь.

— Ну, что-жъ,—думалось мнѣ:—самое трудное сдѣлано. Провод-

никъ найденъ, сейчасъ перейдемъ границу, и, можетъ быть, черезъ какіе нибудь полчаса я въ безопасности.

Проводникъ мой молчалъ и даже ни разу не обернулся назадъ. Сначала мы долго шли прямо полемъ, потомъ вышли на узкую, должно быть, проселочную дорогу, которая вывела насъ наконецъ на широкое шоссе.

Еврей ускорилъ шаги, я не отставалъ отъ него. Прошло, по моему расчету, никакъ не менѣ часа съ тѣхъ поръ, какъ мы пустились въ путь.

Издали донесся лай собаки. Показались какія-то постройки.

— Что это?—спросилъ я.

— Радзивилловъ,—отвѣтилъ еврей.

Мы вступили въ мѣстечко. Прямо тянулась длинная, широкая улица. Нигдѣ не видно было огня, всѣ спали, и только собачій лай время отъ времени нарушалъ мертвую тишину.

— Теперь скоро?—спросилъ я.

Спутникъ мой не отвѣтилъ, и только сдѣлалъ мнѣ знакъ молчать.

Мы повернули въ какой-то переулокъ и остановились у маленькаго покосившагося домишка.

Еврей постучалъ въ окно. Кто-то завозился у двери.

— Это я, Ривка,—сказалъ еврей.

Въ домикъ вспыхнулъ огонекъ, и намъ отворила растрепанная еврейка, очевидно, вскочившая прямо съ постели.

Мы вошли. Еврей тщательно заперъ дверь, а я сѣлъ на скамью и оглядѣлся. Двѣ огромныя постели съ перинами, которыя лѣзли подъ самый потолокъ, занимали почти полкомнаты. На одной изъ нихъ спалъ ребенокъ, и рядомъ съ нимъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, тотчасъ же улеглась и еврейка. У окна стоялъ столъ и двѣ скамьи, въ углу шкафчикъ. Вотъ и все. Я не понималъ, зачѣмъ еврей привелъ меня сюда и вопросительно смотрѣлъ на его еще очень молодое, испитое лицо съ большими, точно испуганными черными глазами. Особенно поразили меня бѣлки его глазъ, совершенно синіе.

— Ну, что же, панъ, такъ и думаешь сидѣть? — проговорилъ онъ.

— А развѣ мы не сейчасъ перейдемъ границу?

Еврей презрительно выпятилъ нижнюю губу.

— Пхе! Теперь надо ложиться спать. Вотъ постель пану. Панъ дастъ мнѣ пятьдесятъ карбованцевъ, и добра ночь пану.

— Пятьдесятъ рублей?—удивился я.—Я вѣдь уже далъ двадцать пять рублей.

— Мнѣ панъ не давалъ ничего, мнѣ надо пятьдесятъ рублей.

— Это очень дорого.

— А вотъ дверь. Я пана не держу, онъ и самъ найдетъ дорогу,—произнесъ еврей, и глаза его загорѣлись ненавистью.

Я далъ ему деньги. Онъ тотчасъ же смягчился, пожелалъ мнѣ покойной ночи, потушилъ лампу и улегся рядомъ со своей Ривкой и ребенкомъ.

Что оставалось мнѣ дѣлать? Я раздѣлся, взобрался на приготовленное для меня ложе и потонулъ въ мягкой и грязной перинѣ, которая, какъ пришлось мнѣ тутъ же убѣдиться, была еще вдобавокъ населена многочисленными насѣкомыми. Долго ворочался я съ боку на бокъ, не находя себѣ мѣста, но усталость и бессонная ночь въ вагонѣ сказались, и я наконецъ заснулъ, какъ убитый.

Когда я проснулся, въ комнатѣ никого уже не было. Постель евреевъ была прибрана. Изъ-за перегородки слышался тихій разговоръ и стукъ посуды.

Я взглянулъ на часы. Было десять.

Я сталъ поспѣшно одѣваться.

Голова еврея просунулась изъ-за двери и тотчасъ же скрылась. Затѣмъ онъ вошелъ ко мнѣ и поставилъ на столъ подносъ со стаканомъ чаю и большой бѣлой булкой.

— Вотъ чай пану. Хорошо ли панъ почивалъ?

Я поблагодарилъ и сѣлъ пить чай. Онъ показался мнѣ необыкновенно вкуснымъ и сладкимъ.

Еврей стоялъ, прислонясь къ двери, посматривалъ на меня и шептался съ женой.

— А, може, панъ хочеть сливокъ?—вдругъ спросилъ онъ.— Сливки можно достать, ежели панъ позволить.

Я отказался.

— А можетъ панъ любить вудку?—затараторила еврейка, высовываясь въ комнату:—въ шинкѣ есть добра вудка. Аэ?

Я отказался и отъ водки, но попросилъ еще чаю. Еврейка взяла у меня стаканъ и завозилась за перегородкой.

— Леонъ!—вдругъ завопила она, какъ обожженная.—Ле-онъ! А! О! А вай миръ! О! Пропали мы! Посмотри, кто идетъ! А! О!

Еврей погрозилъ ей пальцемъ.

— Десятникъ идетъ,—шопотомъ пояснилъ онъ мнѣ.

Дверь распахнулась, и на порогѣ остановился рослый мужикъ съ бляхой.

— Чай да сахаръ!—произнесъ онъ въ видѣ привѣтствія, посматривая то на еврея, то на Ривку, подававшую мнѣ чай.

— Доброе утро!—сказалъ еврей.

Мужикъ переступилъ съ ноги на ногу, покосился на меня и оглядѣлъ мою постель, которая еще была не убрана.

— Эхъ!—вздыхнулъ онъ.— Я вижу, у тебя, Леонъ Соломонычъ, все по-старому, какъ мать поставила. Достукаешься ты, милый другъ!

— Это што же значить?—проговорилъ еврей.

— Что прикидываешься-то, ровно не понимаешь. Погоди—дождешься: будетъ тебѣ крышка. Прощай покелева.

И, хлопнувъ дверь, онъ ушелъ.

— А! О! Ай вай миръ! — снова неистово завопила Ривка, вся скорчившись, присѣвъ къ полу и изобразивъ на лицѣ ужасъ и отчаяніе.—Ой, бѣдное мое дитю, бѣдная я!

— Панъ, пять рублей!—вдругъ озадачилъ меня мой жидъ.

— Зачѣмъ?

— Надо ему дать, а то донесетъ.

И, получивъ отъ меня деньги, онъ бросился вонъ изъ избы. Ривка немедленно успокоилась.

Не знаю, какое употребленіе сдѣлалъ мой хозяинъ изъ этихъ пяти рублей, но вернулся онъ такъ скоро, что врядъ ли имѣлъ время помѣстить эти деньги дальше своего кармана. Лицо его выражало живѣйшее удовольствіе.

— Теперь ладно,—сказалъ онъ.—Будьте спокойны, панъ. Вже никто васъ не тронетъ.

— А когда же мы отправимся?

— То еще не скоро, панъ. Я скажу пану.

— Почему не теперь?

— Ай-ай! Какъ можно. Панъ думаетъ, что это такого легкаго дѣла, какъ выпить чай. Ай, нѣтъ!

Я спросилъ перо и чернила и принялся писать письмо.

Еврей одѣлся и ушелъ, сказавъ мнѣ, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не выходилъ на улицу. Ривка убрала комнату и отправилась за перегородку.

Не прошло и часа, въ двери постучали.

Я думалъ, что это вернулся хозяинъ. Кажется, тоже думала и побѣжавшая отворять Ривка.

— А мужъ гдѣ?—раздался сзади меня строгій, начальническій голосъ.

— Ай, вай миръ! Ай, горе мнѣ бѣдной!—причитала Ривка: — мужъ ушелъ, ясновельможный пане. Заразъ вернется.

— Ну, я подожду. Я васъ не стѣсню?

Послѣднія слова очевидно относились ко мнѣ.

Я поднялъ голову и увидѣлъ молодцоватаго урядника.

— Нисколько, прошу васъ,—отвѣтилъ я, продолжая писать.

Урядникъ расположился противъ меня на скамьѣ и закурилъ. Я почувствовалъ на себѣ его взглядъ, но почему-то не ощущалъ никакого безпокойства.

Такъ прошло минутъ двадцать. Урядникъ закурилъ уже третью папиросу, я все писалъ.

Наконецъ онъ звякнулъ шпорами, откашлялся и произнесъ:

— Извоили здѣсь ночевать?

— Да, здѣсь, — отвѣтилъ я, удивляясь про себя своему самообладанію.

— А куда изволите ѣхать?

— За границу, — окончательно осмѣлѣлъ я.

И, насладившись недоумѣніемъ, въ которое повергъ этотъ отвѣтъ моего собесѣдника, я прибавилъ:

— Вотъ что, господинъ урядникъ. Я вѣдь отлично вижу, что вы здѣсь ради меня, и что вамъ ужасно хочется узнать, кто я, откуда и зачѣмъ здѣсь нахожусь. Такъ вотъ вамъ мой паспортъ. Почитайте его, а я пока допишу письмо.

Урядникъ все съ тѣмъ же недоумѣніемъ взялъ паспортъ и принялся его разсматривать.

Я кончилъ письмо, а онъ все еще перечитывалъ документъ. Наконецъ онъ сложилъ его и положилъ на столъ.

— Что скажете? — спросилъ я.

— Воля ваша, не могу понять, зачѣмъ вамъ съ законнымъ видомъ сидѣть у этого жида. Правду вамъ сказать, вѣдь я думалъ, что документа у васъ нѣтъ.

— Да вы хорошо ли разглядѣли мой видъ? Можетъ быть, онъ фальшивый? — потѣшался я надъ его недоумѣніемъ, которое придавало ему комичное выраженіе.

Онъ снова взялъ бумагу и принялся вертѣть ее въ рукахъ.

— Нѣтъ! — вздохнулъ онъ наконецъ. — Видъ въ порядкѣ.

— Да въ порядкѣ ли?

— Въ полномъ порядкѣ.

— Эхъ, господинъ урядникъ, мало вы еще каши ѣли, — засмѣялся я: — а вы поглядите-ка, виза австрійскаго консула есть?

— Ахъ, вѣдь и то, визы-то дѣйствительно нѣтъ.

— Ну, вотъ вамъ и разгадка. Поэтому я хочу перейти границу пѣшкомъ.

— Позвольте-съ, да вамъ гораздо лучше просто послать вашъ документъ по почтѣ черезъ жандармское управленіе въ Петербургъ. Тамъ визируютъ вамъ видъ и вернутъ обратно.

— А сколько это потребуетъ времени?

— Дня четыре.

— А! вотъ видите. А у меня спѣшное дѣло. Мнѣ завтра надо быть въ Австріи.

— Какое же такое спѣшное дѣло?

— Положимъ, я не обязанъ вамъ рассказывать мои частныя дѣла, но вы мнѣ очень нравитесь, и я буду съ вами откровененъ. Представьте, у меня бѣжала жена и увезла съ собою моего маленькаго сына. Недавно я выхлопоталъ судомъ право взять отъ нея ребенка къ себѣ. Мнѣ телеграфировали, что она въ настоящее время въ Краковѣ, я и тороплюсь накрыть ее тамъ, а если не застану, то опять надолго потеряю ее изъ виду. Поняли?

Всю эту басню я избобрѣлъ тутъ же неожиданно для самого себя.

— Понялъ-съ. Какъ это у васъ все сошлось интересно! А документикъ вы мнѣ все таки позвольте-съ. Ненадолго, на часокъ— другой.

— Извольте, только, пожалуйста, не задержите.

— Не беспокойтесь. До свиданія.

Мы раскланялись. Урядникъ ушелъ, а я принялся обдумывать свое положеніе. Весь мой напускной куражъ соскочилъ съ меня, и я не на шутку перетрусилъ.

Вернулся еврей и тотчасъ же скрылся за перегородкой и принялся шушукаться съ Ривкой.

Мнѣ стало еще больше не по себѣ. Неопредѣленность и неизвѣстность мучили меня. Къ этому еще присоединялась и тревога о паспортѣ. Я тоскливо сновалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, и постепенно нервы мои дошли до такого возбужденія, что, когда постучали въ дверь, я почувствовалъ, какъ у меня похолодѣлъ лобъ, и я поблѣднѣлъ.

Это возвратился урядникъ.

Еврей заюлилъ и закланялся. Но урядникъ даже не взглянулъ на него.

— Извольте вашъ документъ,—сказалъ онъ.

— Значить, вы разрѣшаете мнѣ переходъ черезъ границу контрабандой?—сказалъ я, сразу оправившись и обрадованный благополучнымъ исходомъ.

— Вы отъ нашего правительства имѣете разрѣшеніе на выѣздъ за границу, и мы вамъ препятствовать не можемъ, а съ австрійцами вѣдайтесь ужъ за свой страхъ. Одно скажу вамъ: вы рискуете. Наша цѣпь, видите ли, шире и тѣснѣе, но нашъ солдатъ не стрѣляетъ, а у австрійца пограничная стража разставлена рѣдко и въ одинъ рядъ, но зато стрѣляетъ. Вы, можетъ быть, этого не знали?

— Не зналъ, но все равно. Я говорилъ вамъ...

— Ну-съ, благополучнаго пути, желаю вамъ поискунѣе надуть австрійца. Честь имѣю кланяться!

Я такъ былъ радъ, что даже пожалъ ему руку.

Не успѣлъ онъ выйти за дверь, еврей подскочилъ ко мнѣ.

— Панъ, десять рублей.

— Опять?

— И ему надо дать,—зашепталъ онъ, указывая влѣдъ уряднику:—этому непременно надо дать, а то бѣда, большая бѣда: донесетъ.

Я не сталъ прекословить.

Еврей вырвалъ у меня изъ рукъ десятирублевую бумажку и исчезъ за дверью.

— А, може, панъ желаетъ кушать?—проговорила Ривка, выглядывая изъ-за перегородки, гдѣ она возилась съ ребенкомъ.

Я уже нѣсколько дней ѣлъ плохо и былъ голоденъ.

— А что здѣсь можно достать?

— Увсе. Есть колбаса, щилетка, яйце, увсе есть. Вудка есть.

— Водки я не пью. Нельзя ли приготовить яичницу?

— Можно, заразъ можно. А какъ же панъ не пьетъ вудки? Може, пану надо вайнъ?

— Вино?

— Да, вайнъ. Есть хорошій, настоящій, контрабанда, Лисбонъ. Ай какой вайнъ! Аэ?

— Нѣтъ, вина не хочу.

— Леонъ!—закричала еврейка, увидя входящаго мужа,—возьми ребенка. Панъ хочеть кушать.

Еврей не возражая взялъ на руки ребенка и началъ ходить съ нимъ по комнатѣ и качать его.

Ривка постлала на столъ скатерть, поставила солонку, перецъ и принялась за стряпню, при чемъ вся изба наполнилась чадомъ и дымомъ.

Зато надо отдать ей справедливость, она не заставила меня долго ждать, и черезъ какіе нибудь полчаса передо мной уже стояла огромная чугунная сковородка съ тонкой, какъ блинъ, яичницей.

Еврей передалъ женѣ ребенка, усѣлся за столъ и сталъ смотрѣть мнѣ въ ротъ съ такой жадностью, что я наконецъ сказалъ:

— Не хотите ли и вы? Мнѣ всего много.

— Благодарю васъ,—немедленно согласился онъ.—Ривка, тарелке!

И онъ сталъ съ такимъ усердіемъ помогать мнѣ, что скоро сковорода была какъ вычищенная.

Поѣвъ, онъ собралъ со стола и приказалъ женѣ подать чаю.

— А знаетъ панъ, гдѣ былъ его паспортъ?—вдругъ проговорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ, наклонивъ голову къ столу, разставивъ руки и заглядывая мнѣ въ глаза:—онъ же былъ у пана пристава. Аэ?

— Ну, такъ что-жъ?

— А гдѣ-жъ панъ досталъ такого добжаго паспорта, что и самъ панъ приставъ остался въ дурняхъ?

— У меня паспортъ настоящій.

— Пхе! Зъ настоящимъ паспортомъ панъ не сидѣлъ бы у меня, а ѣхалъ бы себѣ увъ вагонъ и курилъ цигаре. Это и панъ приставъ скажетъ, и панъ урядникъ, и увсякій. Аэ?

— Однако вы видите, мнѣ возвратили паспортъ.

— А что же панъ сказалъ пану-уряднику?

— Ну, если ужъ вамъ такъ любопытно, то я тоже могу повторить и вамъ.

И я рассказалъ ему сочиненную мною басню.

Еврей задумался и долго сидѣлъ молча, наклонивъ голову.

Вдругъ онъ поднялъ ее, презрительно вытянулъ нижнюю губу и съ разстановкою сказалъ:

— Што панъ забылъ визировать паспортъ,—это для пана очень хорошо, а што у пана убѣжала жинка и съ дитю,—это очень залко. Ай, вай, какъ залко! Только панъ найдетъ жинку, а панъ-приставъ и панъ урядникъ вже не найдутъ пана, потому что сваяли дурака. Ай-ай-ай! А еще панъ приставъ такой старый, такой строгій человекъ.

Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на жида и на его кривлянья. Онъ то зажмуривалъ глаза, то широко раскрывалъ ихъ, качалъ головою, воздѣвалъ руки кверху. Ривка стояла въ дверяхъ, кормя грудью ребенка, и не сводила восхищенныхъ и жадныхъ взоровъ съ своего повелителя.

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросилъ я наконецъ.

— Ай-ай!—продолжалъ кривляться еврей:—панъ приставъ и панъ урядникъ сваяли дурака, и панъ надулъ ихъ, какъ глупыхъ тетерекъ. А Леона Соловейчика пану не надуть. Будь Леонъ Соловейчикъ—панъ приставъ, онъ бы сказалъ,—тутъ еврей высоко поднялъ брови, наморщилъ лобъ и принялъ начальнически-грозный видъ, дѣлавшій его необыкновенно смѣшнымъ,—а и гдѣ у васъ, сударь мой, постановленіе суда объ отобраніи ребенке? А у пана нѣтъ этого бумаге, и пана надо задержать. Аэ?—съ торжествомъ заключилъ онъ.

— А вѣдь онъ правъ,—подумалъ я и подивился сообразительности жида.

— Вамъ бы надо юристомъ быть,—сказалъ я.

— Пхе! А вы што думали? Панъ приставъ и панъ урядникъ вумные люди, а Леонъ Соловейчикъ умнѣ ихъ. Пусть панъ рассудитъ, ежели панъ справедливый человекъ. Кто кого надуетъ? Леонъ Соловейчикъ увсегда и пана пристава и пана урядника за носъ водить, а они его не могутъ. Аинъ! Панъ приставъ мѣняется, и панъ урядникъ мѣняется, сегодня одинъ, завтра вже другой, а Леонъ Соловейчикъ увсе тутъ. Цвай! Еще панъ приставъ и не родился, увже тутъ былъ Соловейчикъ: увъ этомъ дому, панъ, дѣдъ мой жилъ, и папеньке мой жилъ, и все были вумные люди. Ай, какіе вумные люди!

— Все это прекрасно. А когда же мы отправимся?

— Теперичка увже скоро. Я скажу пану. Ривка, бумаге!

Ривка метнулась за перегородку и подала мужу тонкій, измятый и засаленный листъ бумаги.

Еврей подвинулъ себѣ чернильницу, взялъ перо и принялся старательно выводить буквы, наклоня голову то на правое, то на лѣвое плечо, вздыхая, потирая себѣ переносицу и почесывая за ухомъ.

На это занятіе онъ потратилъ добрые полчаса. Наконецъ выпря-

мился, вздохнулъ на всю комнату, бережно положилъ листокъ на середину стола и всталъ.

— Ну, я вже теперь уйду, а когда приду, пусть панъ будетъ готовъ. А эта бумажка пусть панъ не трогаетъ, а когда она просохнетъ, прошу пана прочитать.

Начинало темнѣть. Тусклыми зимнія сумерки смотрѣли въ заледенѣвшія окна. Изъ-за перегородки слышался тихій голосъ Ривки, напѣвавшей заунывную пѣсню.

Мною овладѣло уныніе. Хоть бы поскорѣе приходилъ жидъ!

Отъ нечего дѣлать, взялъ я оставленный имъ на столѣ листокъ и принялся читать его. На немъ крупными каракулями было написано слѣдующее:

И Щ О Т Ъ.

кровать	одинъ рубль
порціе тшаю	одинъ »
две дутцена еиць	два рубли
масла	50 кипеекъ
солъ, перце	25 »
булке франзоле	50 »
щилетке панъ не бралъ	25 »

тоталь пять рубл. 50 кипеекъ

Я только пожалъ плечами.

Подъ окнами загромѣли колеса. Въ избу суетливо вбѣжалъ еврей.

— Ъдемъ, пане!—сказалъ онъ.—Записке панъ прочиталъ?

— Прочиталъ и удивляюсь, почему я долженъ платить за то, чего я даже не бралъ. Селедки я не спрашивалъ, а въ счетъ за нее стоитъ 25 копеекъ.

— Ай-ай! То ошибке. Пусть панъ дастъ мнѣ ищотъ, я заразъ перепишу.

— Нѣтъ, ужъ пожайлуста,—возразилъ я, зная, что жидъ провозится съ перомъ и чернилами еще полчаса:—получите деньги,—мелочи у меня нѣтъ,—вотъ шесть рублей. Сдачи не надо.

— Ай, какъ можно! Ривка, бѣги увъ шинокъ, размѣняй рубль.

Ривка накинула платокъ и побѣжала. Черезъ минуту она вернулась и, подавая мнѣ деньги, сказала:

— Вотъ, панъ, ваши пятьдесятъ кипеекъ. Мой Леонъ—цестнаго еврею, и лишняго ему не нужно. Пусть панъ знаетъ, что мы бѣдны, но цестны.

Леонъ стоялъ рядомъ съ ней и одобрительно и самодовольно кивалъ головой.

Я одѣлся и взялъ свой портфель подъ мышку. Леонъ простился съ женой, и мы вышли на крыльцо.

Жалкій, оборванный жиденокъ сидѣлъ на козлахъ и правиль молодой, тощей и слабой лошаденкой.

Леонъ уѣлся рядомъ со мной, и таратайка запрыгала по мерзлой, кочковатой дорогѣ, уходившей въ сторону отъ шоссе.

— Мы переѣдемъ границу?—спросилъ я.

Еврей вскинулъ на меня глаза и кивнулъ на возницу.

Такъ ѣхали мы въ совершенномъ молчаніи версты четыре.

Стемнѣло. Морозъ все крѣпчалъ. Кругомъ стояла тишина пустыни, и только стукъ копытъ да громыханіе таратайки нарушали ее. За все время мы не встрѣтили ни души.

Наконецъ показались огоньки. Мы въѣхали въ деревушку. Таратайка остановилась у избы, жидъ соскочилъ на землю, помогъ выйти мнѣ и повелъ меня въ калитку на дворъ.

Мы поднялись на крылечко, жидъ постучалъ, и намъ отворилъ высокій красивый старикъ-хохолъ съ суровымъ, но добродушнымъ лицомъ.

— Добро пожаловать!—привѣтствовалъ онъ меня. — Оксана, прими гостя! А гдѣ хлопцы?

Самъ онъ остался съ евреемъ на крыльцѣ. Тотъ такъ и не вошелъ въ избу. Я видѣлъ въ окно, какъ онъ сѣлъ въ таратайку и уѣхалъ.

Я, не снимая пальто, опустился на лавку. Моя одиссея начала уже мнѣ сильно надоѣдать. Да гдѣ же эта проклятая граница, и скоро ли я перейду черезъ нее? Или долго еще будутъ меня перебрасывать съ рукъ на руки, какъ тюкъ съ товаромъ?

— А не поставитъ ли самоварчика, баринъ?—спросилъ хозяинъ.

Я не сразу отвѣтилъ. Чаю я былъ не прочь выпить, но, наученный горькимъ опытомъ, боялся, что это обойдется дорого.

— А что будетъ стоить самоваръ?—разсудилъ я за лучшее справиться.

— И! чтой-то ты, батюшка!—обидчиво возразилъ хозяинъ.— Я развѣ ради денегъ тебя чайкомъ прошу? Денегъ мы не возьмемъ. Господь съ тобой! Оксана, вздуй-ка самоварчикъ.

— А то лучше не надо, хозяинъ,—сказалъ я.—Пожалуй, на это уйдетъ много времени. А мнѣ бы хотѣлось поскорѣй перейти границу.

— Охъ, баринъ! До тѣхъ поръ не часъ и не два пройдетъ. Вотъ придутъ мои хлопцы,—они поведутъ тебя,—напьемся чайку да спать ляжемъ. Ночь-то, гляди, нонѣ мѣсячная будетъ, а это дѣло сторожко надо дѣлать, а не зря. Разоболокайся да садись къ столу.

Дѣлать было нечего. Оксана принесла самоваръ, поставила на столъ яйца, молоко, нарѣзанный ломтями хлѣбъ и заварила чай. Пришли и два сына хозяина, бравые, видные, красивые, черноусые и чернобровые парни и подсѣли къ столу.

— Кушай, баринъ!—угощалъ меня хозяинъ.— Ужъ сдѣлай милость, не обижай меня старика, не брезгуй нашимъ деревенскимъ добромъ.

— Какъ называется ваша деревня, хозяинъ?
 — Панья, баринъ, Паньей прозывается.
 — Граница близко отъ васъ?
 — Близко, мы у самой границы живемъ.
 — Часто вамъ приходится переводить черезъ границу?
 — А какъ же? Тѣмъ промышляемъ.
 — Развѣ не боитесь отвѣтственности?
 — Это начальства-то? Какъ не бояться! Да вѣдь береженаго и Богъ бережетъ, а двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать.
 — Мы привыкли, — сказали одинъ изъ сыновей: — ужъ такое наше мѣсто. У насъ и дѣды, и отцы граничниками были, и мы по нимъ пошли.

— Да вѣдь дѣло-то приходится имѣть все больше съ преступниками, — сказалъ я, желая узнать, какъ смотрятъ они на свое занятіе съ моральной стороны.

— Извѣстно, съ несчастными, — отвѣтилъ старикъ: — другой къ намъ не пойдетъ, онъ на машинѣ поѣдетъ.

— Ну, да, такъ вѣдь эти несчастные-то все-таки преступники, — настаивалъ я: — можетъ быть, воры, убійцы...

— Да ужъ, извѣстно, не безъ грѣха. А только намъ не судить его. У всякаго человѣка совѣсть есть. Иной, вѣдь, и самъ не радъ.

Послѣ чая Оксана, прибравъ на столѣ, ушла, старикъ влѣзъ на печку, а хлопцы, постлавъ мнѣ на лавкѣ, улеглись на полу.

— Ну, баринъ, спокойнаго сна, — сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, когда я легъ: — теперь будемъ спать, а чуть мѣсяцъ за облачко спрячется, такъ и пойдѣмъ. Только бы не прозѣвать.

Мѣсяцъ свѣтилъ ярко и двумя голубоватыми полосами ложился на досчатый полъ и на спавшихъ парней.

Я не сводилъ глазъ съ этихъ полосъ. Мнѣ все казалось, что вотъ-вотъ онѣ померкнутъ, и тогда надо скорѣе вставать и итти. Но полосы стали еще ярче, еще шире и замили своимъ нѣжнымъ голубымъ свѣтомъ всю избу.

Потомъ онѣ замерцали, затрепетали, слились въ одинъ широкій, свѣтлый потокъ, который вдругъ хлынулъ на меня и стремительно повлекъ меня за собой.

Когда я открылъ глаза, въ избѣ было темно. Кто-то тихонько толкалъ меня подъ бокъ.

Парни уже встали и торопили меня.

— Времени терять нельзя, баринъ, — сказали они: — пока темно, потуда намъ и удача.

Я послѣшно вскочилъ. Старикъ тоже слѣзъ съ печи и сталъ собирать сыновей въ дорогу.

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ, какъ онъ помогалъ имъ завертываться въ бѣлыя простыни.

— Петрушка готовъ, — сказалъ старикъ: — а ты, Ваня, спу-

таешься такъ-то. Дай-косъ, я тебя обряжу. Книжку-то у барина возьми,—указаль онъ на мой портфель.

— Я и самъ могу нести,—сказаль я.

— Нѣтъ,—возразиль Петръ:—вы ужъ о себѣ только помните, баринъ. Книжку мнѣ давайте.

— Счастливой удачи,—пожелаль старикъ.

— Чуръ меня звѣрь, чуръ лихой человѣкъ! Господи благослови!—проговориль, шагая черезъ порогъ, Петръ.

— Мы такъ пойдемъ,—обернулся онъ ко мнѣ:—я впередъ, вы за мной, а Ванюха сзади.

— А что же вы мнѣ не дали простыни?—спросиль я.

— Вамъ не нужно. Гдѣ мы пройдемъ, и вы пройдете,—сказаль Ваня.—Только не бойтесь. Погоня будетъ,—увидите,—мы побѣжали, и вы бѣгите.

Изъ плетня, ограждавшаго дворъ, оба мои проводника выдернули по длинному, заостренному шесту.

— Зачѣмъ вамъ эти шесты?—полюбопытствовалъ я.

— А на случай погоня будетъ,—словоохотливо объяснилъ Ваня.—Мы ихъ тогда на плечо, острымъ концомъ назадъ, солдатъ хочеть подѣхать, а лошадь-то отъ шеста назадъ пятится.

— Ну, тогда и мнѣ шестъ давайте.

— Вы не сумѣете,—усмѣхнулся Петръ:—еще упадете съ шестомъ-то.

— На это тоже большая сноровка нужна, — поддержаль Ваня.

Онъ затвориль за собою калитку, и мы очутились на пустынной, погруженной въ сонъ улицѣ. Морозъ сталъ еще крѣпче, было тихо, и шаги наши звонко раздавались среди молчанія ночи.

— Вѣдь вишь,—прошепталъ Ваня:—какъ на зло, снѣгъ такъ и хрустаетъ подъ ногами.

— Молчи!—тоже шопотомъ оборваль его Петръ.

Вышли за околицу. Бѣлое поле. Вправо чернѣеть лѣсъ. И какая-то необыкновенная тишина: боишься сказать слово, боишься ступить, чтобы не нарушить ея, не спугнуть очарованія. Хорошо и жутко.

— Надо держать къ лѣсу,—сказаль Петръ. — Помни, баринъ, не робѣть.

Мы шли, осторожно ступая по подмерзшему снѣгу, и быстро приближались къ лѣсу. Я былъ совершенно спокоенъ, и даже мысль объ опасности не приходила мнѣ въ голову.

Вдругъ, когда мы уже вступили въ лѣсъ, какая-то черная масса отдѣлилась отъ деревьевъ и бросилась въ нашу сторону.

— Га-га!—раздалось сзади.

— Га-га!—эхомъ откликнулся лѣсъ.

И прежде, чѣмъ я понялъ, въ чемъ дѣло, Петръ былъ уже далеко впереди. Вотъ и Ваня перегналъ меня.

Они убѣгаютъ, закинувъ свои шесты на плечо, прыгая черезъ кусты и кочки, оставляя меня на произволъ судьбы!

— Га-га!—перекатывалось по лѣсу.

Я бросился бѣжать. Я бѣжалъ, какъ только могъ быстро, напрягая всѣ силы, спотыкаясь, задыхаясь, не помня себя.

Сзади въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня бѣжалъ солдатъ. Я живо ощущалъ его близость. Я слышалъ его прерывистое дыханіе, я чувствовалъ занесенный надъ моей головой его палаши. Еще секунда, онъ ударитъ меня, и все кончено.

Вдругъ я споткнулся на пень, перелетѣлъ черезъ него и упалъ.

Безумный, животный страхъ сдавилъ мнѣ сердце. Я оглянулся, затаивъ дыханіе. Солдатъ былъ впереди. Онъ пробѣжалъ мимо меня. Я приподнялся и на четверенькахъ поползъ въ сторону. Прислушался: погони нѣтъ. Лѣсъ точно замеръ. Я всталъ на ноги.

— Га-га!—въ ту же минуту раздалось опять.

Солдатъ вѣрно замѣтилъ, что потерялъ слѣдъ, и остановился, не зная, куда итти. Не поднимись я, онъ не нашелъ бы меня, но я самъ выдалъ ему себя.

Я побѣжалъ вонъ изъ лѣса. Солдатъ, тяжело дыша, настигалъ меня. Впереди показался какой-то плетень, я бросился къ нему. Кругомъ шла дорожка, огибавшая его и круто заворачивавшая за уголъ. Но я не побѣжалъ по ней, а съ разбѣга перепрыгнулъ черезъ плетень, довольно высокій, и упалъ на сугробъ снѣга. Снѣгъ посыпался на меня съ плетня и съ вершины дрогнувшаго при моемъ паденіи высокаго дерева, росшаго у забора. Я всталъ и, стараясь не дышать, ждалъ.

Солдатъ добѣжалъ до плетня и пустился по дорожкѣ.

Сердце мое такъ сильно билось, и я дышалъ такъ тяжело, что, если бы преслѣдователь мой остановился и прислушался, то навѣрное открылъ бы меня.

Онъ прошелъ мимо меня два раза, выругался и повернулъ назадъ.

Я смотрѣлъ въ щель и, когда онъ скрылся, съ трудомъ перелѣзъ черезъ плетень, ограждавшій какой-то пустырь или огородъ. Ноги мои болѣли и ныли въ колѣнкахъ. Горло давила судорога. Виски стучали. Потъ градомъ катился по моему лицу, и все тѣло мое было въ испаринѣ.

Я поднялъ воротникъ пальто и запряталъ руки въ карманы, чтобы не простудиться, и пошелъ опять къ лѣсу, рассчитывая вернуться назадъ въ деревню.

Съ часъ блуждалъ я по лѣсу и наконецъ, измученный и продрогшій, выбрался на опушку. Мѣсто было не знакомое.

— Куда итти? Гдѣ укрыться?

Мѣсяцъ совсѣмъ спрятался. Поднялся вѣтеръ и ногналъ снѣгъ.

Холодъ и сырость пронизывали меня до костей. Я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Ноги отказывались мнѣ служить, но я все шелъ, куда глаза глядятъ, не соображая и не думая, просто по инерціи.

Такъ набрелъ я на стогъ сѣна. Я прижался къ нему спиной, выдержалъ въ немъ углубленіе и, какъ звѣрь, забился туда. Спина у меня немного согрѣлась, но грудь и руки знобило страшно. Мокрая рубашка остыла на мнѣ и липла къ тѣлу, холодая меня еще больше. Я дрожалъ мелкою дрожью и стучалъ зубами. Не знаю, сколько времени просидѣлъ я тамъ въ полной апатіи. Но чувство самосохраненія заговорило наконецъ во мнѣ. Я собрался съ силами, выползъ изъ своего убѣжища и пошелъ, какъ только могъ скоро, стараясь согрѣться на ходу и утѣшая себя тѣмъ, что кто нибудь вѣдь встрѣтится же мнѣ наконецъ.

Что этотъ встрѣчный будетъ, быть можетъ, солдатъ, мнѣ уже не было страшно.

— Все равно замерзну тутъ одинъ одиноконекъ въ чистомъ полѣ,—думалось мнѣ,—такъ ужъ лучше хоть солдату въ руки отдаться: онъ, по крайней мѣрѣ, меня въ тепло отведетъ.

Но никто не попадался. Куда ни глянешь — чистое поле: ни жилья, ни живого существа. Лѣсъ уходилъ все дальше. Поле тянулось безъ конца... А ноги нѣмѣютъ, грудь остыла, и ее, и спину ломитъ невыносимо, руки заоченѣли.

Нечего ждать, не на что надѣяться, некуда итти! Надо наконецъ сознать, что спасенія нѣтъ и не будетъ, что всѣ усилія безплодны и бессмысленны, и что отъ смерти не уйдешь.

Холодное, тупое отчаяніе охватило меня. Я остановился.

Ну, что жъ! Замерзнуть — такъ замерзнуть. Стоило такъ мучиться, такъ волноваться, такъ хлопотать для того, чтобы добраться до этой пустыни и здѣсь одиноко и глупо погибнуть. Лечь вотъ тутъ, на эту бѣлую землю, свернуться комкомъ и лежать неподвижно, медленно остывая и постепенно теряя сознание, пока наконецъ не придетъ смерть. Только бы скорѣе пришла, не томила бы.

Послѣдній разъ вперилъ я взоръ въ сумрачную, застывшую даль въ смутной надеждѣ на что-то. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня вырисовывались два высокихъ столба, и на нихъ на самомъ верху съ распростертыми крыльями два черныхъ орла. Я вздрогнулъ. Что это такое? Или это гигантская висѣлица, и эти двѣ хищныя птицы ждутъ ужасной добычи? Ужъ не меня ли подстерегаютъ онѣ? Я подошелъ ближе и понялъ. Орлы были не живые. Столбы съ одноглавымъ орломъ отмѣчали австрійскую границу.

Но отъ того мнѣ было не легче. Я не зналъ, куда итти, да и силъ не было.

Я прислонился къ одному изъ столбовъ, опустилъ голову, закрылъ глаза и замеръ. Вѣтеръ носился вокругъ меня съ воемъ и

свистомъ, обвѣвая меня холодомъ и напѣвая мнѣ въ уши какую-то дикую пѣсню. Я начиналъ отрѣшаться отъ дѣйствительности. Какіе-то не то сны, не то воспоминанія тѣснились въ моемъ потухающемъ сознаниі.

То видѣлъ я себя въ кругу товарищей за дружеской и горячей бесѣдой. Лампа проливаетъ ровный теплый свѣтъ на столъ, на сидящихъ кругомъ людей и на стаканы съ виномъ, оставляя все остальное въ тѣни. И какія у всѣхъ добрыя, симпатичныя лица! И говорятъ они такія хорошія, умныя рѣчи.

И вдругъ все это исчезаетъ, образы расплываются, лампа гаснетъ, но вмѣсто нея загорается яркое, жгучее солнце, и я вижу себя ребенкомъ. Знойный, лѣтній вѣтеръ цѣлуетъ меня, играя моими кудрями, въ голубомъ небѣ заливается какая-то птичка; густая, высокая, зеленая трава цѣпляется за рѣзвыя дѣтскія ножки, щекочетъ и колеетъ ихъ, и что-то шепчутъ и немолчно рассказываютъ и о чемъ-то безчисленныя насѣкомыя, козявки, кузнечики, сверчки, и красныя солдатики, копошащіяся и стрекочащія въ ней.

Но и это видѣніе становится все блѣднѣе и блѣднѣе, и вотъ уже опять нѣтъ ничего, и только носятся передъ глазами какія-то огромныя, яркія, свѣтлыя, серебряныя звѣзды.

Внезапно я очнулся и, широко раскрывъ глаза, сталъ смотрѣть передъ собою. Мѣсяцъ поблѣднѣлъ и опустился ниже, небо посѣрѣло, близился разсвѣтъ.

Вонъ въ сторонѣ слабо мерцаютъ два красныхъ огонька и точно зовутъ и манятъ меня. Но пройдетъ мгновение, и они погаснутъ, какъ погасла веселая лампа, какъ погасло ласковое солнце.

И я, не отрываясь, глядѣлъ на огоньки и ждалъ, когда потонутъ они во мглѣ.

Но они все продолжали горѣть.

Я сдѣлалъ усиліе и отдѣлился отъ столба. Огоньки все горѣли. Я пошелъ на нихъ. Ноги мои двигались, но я ихъ не чувствовалъ: онѣ затекли и застыли. Руки одеревенѣли. Наклонившись, я набралъ снѣгу и сталъ растирать ихъ. Онѣ скоро загорѣлись, но распухли и покраснѣли.

— Боже мой! Неужели я не ошибаюсь?

Я узналъ деревню. Это Панья. Нѣтъ никакого сомнѣнія. Вотъ и улица и высокіе плетни.

Я скоро отыскалъ избу моихъ хохловъ и постучалъ въ окошечко.

Въ избѣ зашевелились, калитка заскрипѣла, и я увидалъ старика.

— Баринъ! Да это вы вернулись! А мы ужъ и не чаяли. Ну, слава-те, Господи!

Петръ и Ваня давно уже были дома.

— Ну, баринъ, счастливъ твой Богъ!—сказалъ Петръ.—По вечеру опять поведемъ тебя, а теперь отдыхай. Книжка твоя у меня въ сохранности.

День показался мнѣ мучительно долгимъ.

Наконецъ насталъ вечеръ. Луна еще не показывалась. Было темно. Мои хозяева хотѣли подождать, но я не согласился. Нервы мои были такъ напряжены, что мнѣ казалось, что я не выдержу долѣе. Мнѣ должны были уступить.

Какъ и наканунѣ, съ тѣми же предосторожностями мы вышли изъ дома. Только на этотъ разъ я категорически заявилъ, что лѣсомъ не пойду.

— Теперь-то ничего,—согласился со мною Петръ:—а какъ выглянетъ мѣсяцъ, бѣда въ открытомъ-то мѣстѣ.

Но я твердо стоялъ на своемъ. Они задумались.

— Инъ, быть по-твоему, баринъ!—сказалъ наконецъ старшій.— Пойдемъ напрямикомъ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ.

Мы зашагали по полю. Я такъ спѣшилъ, что шелъ впереди моихъ проводниковъ. Мнѣ все казалось, что мыдвигаемся очень медленно.

— Скоро ли?—спросилъ я въ нетерпѣннн, оглядываясь на шедшаго за мной Петра.

Онъ приложилъ палецъ къ губамъ и шепнулъ:

— Сейчасъ.

Изъ-за облачка показался краешекъ луны.

— Стойте,—сказалъ Петръ.—Иванъ, ползи передомъ.

Ваня легъ на животъ и медленно поползъ впередъ. И мы оба легли на землю.

Въ тишинѣ раздался сначала глухой, потомъ ясный топотъ копытъ, и въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ насъ обрисовалась фигура всадника. Съ замираніемъ сердца я слѣдилъ за нею, пока она не скрылась.

Послышался шорохъ. Это подползъ Ваня.

— Нечего терять времени,—сказалъ онъ.—Сейчасъ проѣхалъ офицеръ. Я какъ увидѣлъ его, легъ въ канавку у дороги и притаился. Не замѣтилъ. Лошадь у самой моей головы прошла. Идемте.

Луна поднялась выше и теперь ярко сіяла на небѣ. Тучи сбѣжали къ горизонту. Снѣгъ такъ и блестѣлъ, и было свѣтло, какъ днемъ.

Мы быстро подвигались въ освѣщенномъ пространствѣ.

— Теперь кончено, кончено, сейчасъ мы перейдемъ границу,— съ мучительнымъ напряженіемъ повторялъ я про себя.

Вдругъ послышался рѣзкій сердитый окрикъ, отъ котораго у меня упало сердце, и помутилось въ глазахъ.

Въ то же мгновеніе проводники подхватили меня подъ мышки и побѣжали, унося меня и не давая мнѣ касаться земли.

Сзади раздался выстрѣлъ. Кто-то настигалъ насъ. Проводники побѣжали еще быстрее, увлекая меня за собой. Я слышалъ, какъ тяжело дышали ихъ груди, и ни о чемъ не думалъ, ничего не со-

ображалъ, даже не боялся. Мой мозгъ точно заволокло какимъ-то туманомъ.

— Будь, что будетъ,—мелькало у меня въ головѣ.

Вдругъ проводники остановились и поставили меня на землю.

— Поздравляемъ, баринъ!—сказалъ Ваня.

Я не понималъ, что случилось.

— Перешли границу,—пояснилъ Петръ, замѣтивъ мое недоразумѣніе.

Я оглянулся назадъ. Узкая канавка чуть выдѣлялась на снѣгу. По направленію къ ней бѣжалъ солдатъ. Вдругъ онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

— Что взялъ?—спешнулъ Ваня.

Солдатъ нерѣшительно шагнулъ впередъ.

Луна залила своимъ свѣтомъ его красное, вспотѣвшее и взволнованное лицо. Онъ медленно повернулся и пошелъ назадъ. Навстрѣчу ему скакалъ конный солдатъ, снѣшившій на выстрѣлъ.

— Ну, баринъ,—сказалъ Петръ,—мы свое дѣло сдѣлали. Теперь идите по этой дорожкѣ, тутъ вамъ и станція.

— Сколько я вамъ долженъ, ребята?

— Что пожалуете.

Я вынулъ три рубля и далъ имъ.

Лица ихъ просіяли отъ радости. Я подумалъ, что они вѣрно уже хорошо получили съ еврея, и сказалъ:

— А что, братцы, скажите мнѣ, сколько вамъ далъ за меня еврей, который меня привезъ?

— Отчего не сказать?—отвѣтилъ Петръ.—Пять рублей далъ.

— Какъ мало!—въ изумленіи воскликнулъ я.

— Ничего. Вѣдь вы не политическій,—сказалъ Ваня.—За политическихъ больше беремъ.

Я уже не жалѣлъ, что далъ имъ три рубля.

— Счастливаго пути!—пожелали они мнѣ, уходя.

Я смотрѣлъ имъ вслѣдъ и не двигался съ мѣста. Безумная радость охватила меня. Наконецъ-то я перешелъ границу. Ничто теперь не страшило меня. Мнѣ казалось, что самое трудное и самое главное уже назади, и то, что ждетъ меня впереди, несравненно легче и проще.

Я глубоко вздохнулъ и пошелъ по указанной мнѣ дорожкѣ къ рисовавшейся вдали станціи желѣзной дороги.

Я не зналъ, что это былъ только прологъ къ длинному ряду ожидающихъ меня невзгодъ и бѣдствій.

II.

О томъ, какъ я скитался за границей,—не стану рассказывать. Довольно сказать, что въ Гамбургѣ я очутился только черезъ три мѣсяца послѣ невыразимыхъ мытарствъ, тѣмъ болѣе отвратительныхъ, что всѣ они были мелки и ничтожны и однако до такой степени расшатали мои нервы, что я сталъ не похожъ на самого себя.

Мало того, они какъ-то унизили меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Сколько разъ я говорилъ себѣ, что натура у меня тряпичная, дряблая, ничтожная, совсѣмъ не способная ни на какіе подвиги, и что мнѣ слѣдовало съ самаго начала признать себя побѣжденнымъ и не начинать такой трудной кампаніи. Но жалѣть о томъ, что прошло, было бесполезно. Я чувствовалъ себя на наклонной плоскости и катился по ней внизъ въ какую-то безконечно-глубокую, мрачную и страшную пропасть.

Друзья мои и благодетели первое время еще высылали мнѣ деньги, но неумѣнье жить, необходимость скрываться и неопредѣленность положенія заставляли меня тратить гораздо больше, чѣмъ нужно. Поэтому денегъ мнѣ никогда не хватало. Я всегда чувствовалъ себя нищимъ и безпомощнымъ.

Наконецъ добрался я до Гамбурга.

Поѣздъ пришелъ въ девятомъ часу вечера. Я давно уже жилъ не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, а такъ, какъ меня заставляли жить, и поэтому во всѣхъ своихъ поступкахъ привыкъ дѣйствовать по инструкціи.

Такъ и тутъ. Мнѣ было сказано, что когда поѣздъ остановится въ Гамбургѣ, я долженъ выйти на платформу, разыскать агента общества, въ конторѣ котораго купленъ билетъ, и получить отъ него дальнѣйшія указанія.

Мнѣ не пришлось потратить много труда и времени на отысканіе таинственнаго агента. Едва я обратился съ вопросомъ о томъ, гдѣ найти его, къ одному изъ «динстмановъ», какъ ко мнѣ подошелъ человекъ въ выцвѣтшей фуражкѣ съ какой-то кокардой и въ потертомъ сѣромъ пальто. Онъ былъ небольшого роста, невзрачной внѣшности, съ острымъ, хищнымъ и вмѣстѣ точно пришибленнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ большой жидкой, растрепанной, рыжей бородой и съ бѣгающими подозрительными и хищными, но не умными карими глазами. Наружность его сразу обличала еврея.

Вслушавшись въ мой вопросъ, онъ на плохомъ нѣмецкомъ языкѣ объяснилъ мнѣ, что онъ именно тотъ агентъ, котораго я ищу.

Онъ мнѣ очень не понравился, и, тѣмъ не менѣе, я все-таки обрадовался ему. Я съ отвращеніемъ вспоминаю, какая апатія

овладѣла тогда мною, и какъ во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ не было ничего самостоятельнаго.

— Здѣсь вамъ не нужно выходить,—сказалъ агентъ.—Поѣздъ пойдетъ сейчасъ дальше и доставитъ васъ прямо на мѣсто.

Я замѣтилъ, что народу вышло немного.

— На этомъ поѣздѣ почти не прибываетъ постороннихъ,—сказалъ агентъ:—онъ спеціально для эмигрантовъ.

— Для эмигрантовъ?—повторилъ я и прибавилъ:—вы такъ называете кого же?

— Вообще всѣхъ, кто ѣдетъ въ Америку.

— Но можно не быть эмигрантомъ и ѣхать въ Америку.

— Конечно. Только согласитесь: кто же поѣдетъ такъ далеко на короткое время и безъ особенной необходимости?

Мы вошли въ вагонъ. Агентъ сѣлъ рядомъ со мною.

Минуть черезъ десять поѣздъ снова остановился. Всѣ заторопились выходить.

Тутъ только я замѣтилъ, что агентъ мой исчезъ, какъ будто сквозь землю провалился. Впрочемъ, я скоро забылъ о немъ. Увлеченный общимъ потокомъ, я пошелъ туда, куда шли другіе.

Кругомъ было пустынно и темно. По сторонамъ вымощенной камнемъ дороги росли унылыя, жидкія деревца. Гдѣ-то неподалеку непрерывно гудѣлъ локомотивъ.

Мы шли довольно долго. Наконецъ, въ темнотѣ вырисовалось передъ нами низенькое длинное строеніе, съ окнами того типа, какія встрѣчаются въ конюшняхъ, то-есть, широкія, подъ самой крышей и не высокія.

Вотъ и дверь. Кто-то толкнулъ ее. Но она не подалась. Очевидно, она была заперта изнутри.

Стали стучать. За стѣной послышался шумъ шаговъ, и щелкнулъ ключъ. На порогъ появился высокій, толстый, бѣлокурый человѣкъ съ надменнымъ и жесткимъ лицомъ.

— Ну, входите,—грубо крикнулъ онъ по-нѣмецки:—нечего проклажаться.

Толпа ввалилась въ маленькія сѣни и наполнила ихъ собою.

Никто не говорилъ ни слова. Всѣ были точно придавлены. Нѣсколько человѣкъ, притиснутые къ двери, выходившей въ смежное помѣщеніе, отворили ее.

— Не смѣть двигаться съ мѣста!—яростно закричалъ нѣмецъ. Всѣ попятнулись.

У меня сжалось сердце.

Нѣмецъ схватилъ меня за плечо и толкнулъ за стеклянную перегородку, надъ которой была вывѣска: Polizei.

За конторкой сидѣлъ другой нѣмецъ, маленькій, сухощавый и черноволосый. Онъ спросилъ у меня билетъ и, когда я подалъ его

ему, по складамъ сталъ читать мою фамилію, но, не осиливъ ея, обратился ко мнѣ:

— Какъ зовутъ васъ?

Я отвѣтилъ.

Онъ нацѣпилъ мой билетъ на гвоздь и указалъ мнѣ на дверь. За мной послѣдовали другіе. У всѣхъ спрашивали имя и брали билеты.

Я замѣтилъ, что большинство были евреи, потомъ много было славянъ, русскаго не было ни одного.

Я стоялъ въ сторонѣ и съ чувствомъ непобѣдимаго отвращенія вглядывался въ окружающую меня обстановку. Дверь наружу была заперта, и ключъ вынуть. Низкій потолокъ давилъ мнѣ голову. Стѣны, казалось, готовы были сдвинуться и раздавить насъ. Люди стояли плечо къ плечу; было душно и жарко невыносимо.

— Всѣ!—выкрикнулъ бѣлокурый нѣмецъ.—Берите ваши вещи и за мной.

У меня былъ съ собою только чемоданъ, который я купилъ въ Женевѣ.

У нѣкоторыхъ, особенно у семейныхъ, было много узловъ. Всѣ похватили свое добро. Нѣмецъ толкнулъ дверь, и черезъ темный, пустой сарай мы вышли на тѣсный дворъ, со всѣхъ сторонъ огражденный высокими каменными стѣнами.

— Да это тюрьма!—подумалъ я, почувствовавъ себя отрѣзаннымъ отъ всего міра.

Гдѣ мы были, я не зналъ. Городской шумъ не долеталъ сюда. Стояла зловѣщая тишина, изрѣдка нарушаемая свистками паровоза.

На дворъ глядѣли тѣ же широкія окна и двери. Нѣмецъ подошелъ къ одной изъ нихъ, вложилъ ключъ и отворилъ ее. Кислый, промозглый, отвратительный запахъ волной хлынулъ наружу и обдалъ насъ.

— Входите и спать!—приказалъ нѣмецъ.

Поднялся общій ропотъ, къ которому я присоединилъ свой голосъ. Но вдругъ я почувствовалъ, что меня сильно толкнули вперёдъ, и въ ту же минуту хлопнула дверь, и щелкнулъ замокъ. Мы были заперты.

Сначала я ничего не могъ разглядѣть. Постепенно глаза мои привыкли къ темнотѣ. По стѣнамъ тѣсно жались желѣзныя койки, покрытыя грязными рогожами. Большинство ихъ было занято раньше прибывшими людьми. Нѣкоторые проснулись при нашемъ приходѣ. Поднялись дѣти, и сарай огласился громкимъ плачемъ. Всѣми нами овладѣла какая-то тупая апатія, только нѣкоторые ворчали и бранились.

Мало-помалу мы размѣстились на свободныхъ койкахъ.

Я долго не могъ рѣшиться не только лечь, даже сѣсть на свою койку. Однако усталость взяла свое. Голова моя падала на грудь,

плечи и спина ныли. Сидѣть на земляномъ полу было холодно, и я былъ увѣренъ, что этотъ полъ очень грязенъ. Стоять не было силъ. Ноги подкашивались. Вѣки мои стали слипаться. Я безсознательно взобрался на койку и немедленно заснулъ, какъ убитый.

Спалъ я не больше двухъ часовъ. Меня разбудило тяжелое громыханье, стукъ и свистъ.

Это прибылъ новый поѣздъ. Захлопали двери, и защелкали замки. Нашъ сарай вдругъ открыли, и новая группа людей съ ропотомъ и бранью ввалилась въ него. Какъ и на насъ, на нихъ никто не обратилъ вниманія. Только одинъ сѣдой, очень старый еврей, котораго я замѣтилъ еще раньше, поднялъ голову и сердито сказалъ на своемъ жаргонѣ:

— Ну, нечего шумѣть! Здѣсь люди не хуже васъ, дайте покой.

Снова воцарилась тишина, но я уже не могъ спать. Тотъ мертвый сонъ, который вначалѣ овладѣлъ мною, не приходилъ, а едва я начиналъ дремать, какъ тысяча насѣкомыхъ съ жадностью набрасывалась на меня. Воздухъ становился все тяжелѣе. Было трудно дышать. Голова моя кружилась, и порой мнѣ казалось, что все вокругъ меня въ движеніи, или что меня подхватила какая-то волна, и я плыву, плыву...

Я потерялъ сознаніе.

Не сумѣю сказать,—сонъ это былъ или обморокъ. Когда я очнулся, было утро. Дверь въ сарай стояла настежь. Почти всѣ койки были пусты. Яркая полоса свѣта тянулась по земляному неровному полу.

Мнѣ неудержимо захотѣлось выбѣжать на воздухъ, на солнце. Я поднялся, отыскалъ фуражку и, шатаясь, вышелъ изъ барака.

Утро было необыкновенно хорошо. Яркое солнце ослѣпило меня. Надъ головой раскидывался безоблачный, дымчато-голубой небесный сводъ.

Я оглядѣлся. Дворъ раздѣленъ былъ высокими деревянными рѣшетками на нѣсколько отдѣленій. Ребятишки играли камешками и копались въ горячемъ пескѣ. Женщины возились съ вещами и тряпками. Нѣкоторыя стирали у огромнаго бака на асфальтовомъ полу. Мужчины тихонько похаживали по двору, собирались въ группы и тихо разговаривали. Въ глубинѣ двора то и дѣло хлопали на блокахъ двѣ тяжелыя желѣзныя двери. Обстановка была самая безотрадная. Солнце жгло немилосердно. Камни накалились. Отъ стѣнъ несло зноемъ. Тоція, недавно посаженные, низенькія деревца поникали листвою и только увеличивали грустное впечатлѣніе.

Пришелъ вчерашній бѣлокурый нѣмецъ и грубо приказалъ итти въ контору. Всѣ повалили туда тѣсною толпой, какъ стадо барановъ.

Насъ загнали въ большую комнату. За рѣшеткой помѣщались у своихъ конторокъ служащіе. Началась переключка по билетамъ,

при чемъ польскія и еврейскія имена коверкались до неузнаваемости. Билетъ оставался въ конторѣ, вмѣсто него каждый получалъ пропускъ на корабль, за который вималось три марки.

Когда переключка кончилась, насъ опять выпустили на дворъ. Затрещаль звонокъ къ чаю.

За одной изъ рѣшетокъ помѣщалась кухня. Посреди видѣлся огромный чанъ, до краевъ наполненный темно-бурой горячей жидкостью, отъ которой такъ и валилъ паръ.

Двѣ упитанныя, краснощекія пѣмки, въ свѣтлыхъ ситцевыхъ платьяхъ и бѣлыхъ накрахмаленныхъ передникахъ черпали эту бурду кружками и раздавали всѣмъ желающимъ, при чемъ каждый еще получалъ двѣ горячихъ булки.

Чай готовится здѣсь такъ: въ котелъ кладутъ чай вмѣстѣ съ сахаромъ и кипятятъ такъ, пока не выварится изъ него все, что можно. Вкусъ его отвратителенъ, а запахъ напоминаетъ пареный вѣнникъ.

Мнѣ хотѣлось ѣсть и пить. Я съ жадностью опорожнилъ свою кружку и только съ послѣднимъ глоткомъ почувствовалъ отвращеніе. Но булки были свѣжи и вкусны.

Жара становилась все сильнѣе. На дворѣ буквально не осталось ни одного прохладнаго уголка, и скоро зной загналъ насъ всѣхъ въ баракъ. Тутъ только я замѣтилъ, что были и такіе, которые совсѣмъ не выходили и лежали на своихъ койкахъ. Это были больные и слабые, которыхъ ни ужасный запахъ, ни безжалостная атака насѣкомыхъ не могли заставитьъ встать.

Я попробовалъ опять пойти на дворъ и скоро съ ужасомъ замѣтилъ, что и тамъ немногимъ лучше. Въ первый моментъ казалось, что на дворѣ воздуху много, но потомъ становилось душно, и кислый, пронзительный запахъ сарая ощущался всюду. Не знаю, съ чѣмъ сравнить его. Мнѣ онъ больше всего напоминалъ вонь, которая неизбѣжно водворяется въ клѣткѣ съ лисицами.

Мною овладѣла страшная тоска. Дѣлать было нечего, говорить было не съ кѣмъ. На лицахъ были написаны: забота, недовольство и мрачное отчаяніе. Я чувствовалъ себя особенно одинокимъ. Поляки—ихъ было пятеро—держались въ сторонѣ отдѣльной кучкой. Преобладали евреи съ дѣтьми, съ женами и съ кучей всякаго домашняго скарба.

Были еще галичане. Они переселялись изъ Австріи. Ихъ было нѣсколько семей; одѣты они были въ коричневые свитки и холщевыя рубахи, расшитыя красной и синей бумагой. Босые, грязные, загорѣлые, съ выраженіемъ безропотной покорности на тупыхъ, некрасивыхъ лицахъ, они, повидимому, чувствовали себя легче всѣхъ въ этой обстановкѣ. Ихъ бабы принялись за стирку своихъ панѣвъ, а мужчины усѣлись на лавочку около барака, набили табакомъ трубочки и принялись тихо калякать. Языкъ ихъ—смѣсь малороссійскаго съ польскимъ.

Я подошелъ къ нимъ.

— Куда вы идете?

— До Аргентины.

— Откуда узнали вы, что есть какая-то Аргентина?

— Агенты, агенты есте у насъ. Земли есте, мувать, много.

— Сколько заплатили за билеты?

— Тысенце гульденъ.

И они рассказали мнѣ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ было хорошее хозяйство, лошади, коровы, овцы, крѣпкія избы, но что все это они продали и съ убыткомъ, чтобы ѣхать на новую землю. Тамъ, — говорили они, — земля не то, что у насъ, тамъ — сегодня посѣялъ, а завтра взошло. И климатъ хорошій, всего много. Зимы не бываетъ. Скотъ ни по чемъ. Подати платить не нужно. Тамъ бѣдныхъ нѣтъ.

— Кто же это вамъ все рассказывалъ?

— А все-жь агенты.

Большинство евреевъ были ужасно грязны и неряшливы. Но и среди нихъ было нѣсколько весьма приличныхъ. Поляки же все смотрѣли джентльменами и очень тяготились своимъ положеніемъ.

Въ часъ раздался новый звонокъ къ обѣду. Каждый получилъ оловянную ложку и чашку, въ которую наливали жирную, мутную изъ баранины съ рисомъ похлебку. Къ этому давалось два толстыхъ ломтя ситнаго хлѣба.

Я былъ голоденъ и съѣлъ и это. Въ поѣздѣ я не выходилъ на вокзалахъ и почти ничего не ѣлъ, рассчитывая, что, когда приѣду, меня накормятъ. По моему мнѣнію, компанія должна была хорошо кормить меня. На ея содержаніи я долженъ былъ пробыть самое большое мѣсяць, а на семьдесятъ пять рублей одного человѣка можно хорошо кормить и давать ему приличное помѣщеніе, тѣмъ болѣе, что такихъ, какъ я, у компаніи набирается триста и больше человѣкъ на каждый пароходъ.

Голодъ и скука такъ мучили меня, что я, наконецъ, рѣшилъ пойти въ городъ.

Я вычистилъ сапоги и платье, надѣлъ чистую рубашку и направился къ выходу. Но едва я переступилъ порогъ конторы, какъ изъ-за стеклянной перегородки чиновникъ крикнулъ:

— Что вамъ надо?

Я подошелъ и сдержанно объяснилъ, что хочу уйти.

— Уйти? — переспросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Да, я пойду въ городъ.

— Въ городъ? — снова повторилъ онъ. — Но вы не имѣете права итти въ городъ. Разъ вы здѣсь, вы обязаны не уходить до отбытія парохода.

— Почему?

— Потому, что вамъ не зачѣмъ выходить. Все, что вамъ

нужно, вы можете найти здѣсь. Во дворѣ есть галантерейная лавка и съѣстная.

— Миѣ не нужно ни того, ни другого. Я просто хочу пройтись.

Онъ покачалъ головой. На лицѣ его выразилось нетерпѣніе и недовольство.

— Нельзя!—отрѣзалъ онъ наконецъ рѣшительно: — это противъ правилъ.

Меня взорвало.

— Ваши правила годятся для рабовъ и преступниковъ! Я не хочу подчиняться имъ!—вскричалъ я.

— Вы—эмигрантъ, а это почти то же,—сказалъ онъ.

Будь я въ другомъ положеніи, я, конечно, настоялъ бы на своемъ, но въ данномъ случаѣ миѣ это показалось рискованно.

Вообще привлекать на себя вниманіе не входило въ мои расчеты. Все равно буду терпѣть, только бы добраться до Америки. Какойнибудь мѣсяцъ, и я начну новую жизнь.

Въ семь часовъ насъ опять напоили чаемъ.

На дворѣ стало прохладно. Съ моря доносился свѣжій вѣтеръ. Всѣ вздохнули свободно. Къ сожалѣнію, въ девять часовъ насъ загнали спать. Я чувствовалъ себя настолько слабымъ и такъ нуждался въ отдыхѣ, что, несмотря на духоту, вонь, изобиліе насѣкомыхъ, брань взрослыхъ и плачь дѣтей, крѣпко заснулъ.

Къ удивленію своему, я долженъ былъ сознаться, что ужъ освоился съ этимъ воздухомъ и могъ не только переносить его, почти не замѣчать. Ко всему привыкаетъ человѣкъ!

Кормили насъ скверно, и даже за деньги нельзя ничего было достать, хотя на стѣнѣ каждаго барака и висѣли объявленія на польскомъ, еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ которыхъ было сказано, что за такую-то цѣну можно получить то-то и то-то. Но въ съѣстной лавчкѣ, кромѣ скверной колбасы, тухлыхъ яицъ и подмоченныхъ спичекъ, ничего не было. А галантерейная лавка, находившаяся тутъ же, заключала въ себѣ запасъ всякой дряни самаго плохого качества, булавокъ, шпилекъ, тесемокъ, щегокъ, гребней, грубыхъ башмаковъ и тому подобныхъ вещей.

Такъ прошелъ день, другой, третій. Люди начали роптать и негодовать. Евреи и поляки хотя говорили по-нѣмецки, но галичане даже не могли протестовать.

На пятый день къ вечеру шумъ, однако, до того усилился, что обезпокоилъ наше начальство. Пришелъ бѣлокурый нѣмецъ и грозно прикрикнулъ, чтобы были потише.

Его тотчасъ же обступили галичане, мужчины въ длинныхъ суконныхъ коричневыхъ свиткахъ и бабы въ расшитыхъ паневахъ. Бабы ныли и голосили, мужчины галдѣли и грозили.

Нѣмецъ, кажется, струсиль. Надменное лицо его поблѣднѣло, онъ отыскалъ глазами меня и сказалъ:

— Чего вамъ надо? Бараки вы сами грязните, пищи вдоволь, докторъ есть, хлѣбъ каждый день свѣжій. Переведите имъ,—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я отвѣтилъ ему, что не знаю ихъ языка. Но, тѣмъ не менѣе кое-какъ, употребляя то польскія, то малороссійскія слова, я передалъ имъ, что говорилъ нѣмецъ.

Они напряженно выслушали, поняли и снова загалдѣли, на этотъ разъ наступая на меня. Я сказалъ, чтобы не кричали, потому что нельзя ничего понять.

Изъ среды ихъ выступилъ высокій, сутуловатый старикъ, съ совершенно голой головой. Онъ всплеснулъ руками и взволнованно заговорилъ, дополняя знаками свою рѣчь. Смыслъ ея былъ таковъ.

— Мы жили бѣдно, но насъ уважали. Земля у насъ плохая и ея мало. Стали приходять къ намъ агенты и звать насъ въ Аргентину: тамъ хорошо, земли много, урожай богатый. Мы послушались и купили себѣ билеты, все продали, бросили могилы предковъ, бросили родную землю. Обѣщали намъ, что будутъ насъ кормить хорошо и содержать. А теперь мы въ тюрьмѣ, и маленькія дѣти умираютъ у насъ съ голоду, потому что негдѣ достать молока.

Тутъ изъ толпы вдругъ выступила женщина съ изможденнымъ лицомъ. Она распахнула свою рубашку и, указывая на иссохшую грудь, вскричала:

— Нема млека, дитя вмирае. Нема чо исти матери, здраво дитя не буде.

— Я сейчасъ скажу инспектору, завтра все будетъ,—сказалъ нѣмецъ и быстро скрылся въ небольшомъ домикѣ, выходящемъ одной стороною на дворъ, отъ котораго его отдѣлялъ палисадникъ, усаженный цвѣтами.

Прошолъ часъ, другой. Шумъ и брань понемногу стихли. Стали раздавать вечерній чай. Вдругъ явился нашъ нѣмецъ съ музыкальнымъ ящикомъ въ рукахъ. Онъ поставилъ его на скамейку подъ навѣсомъ и завертѣлъ ручку.

Толпа съ наивнымъ любопытствомъ обступила его, рассматривая интересную машинку. Это былъ манопанъ. Къ моему изумленію, онъ наигрывалъ «Сѣни». Нѣмецъ подозвалъ одного изъ мальчуговъ и показалъ, какъ вертѣть ручку.

Тотъ съ радостью принялся за дѣло и скоро долженъ былъ уступить мѣсто другому охотнику. А манопанъ все наигрывалъ русскіе мотивы: «Казачка», «Скажите ей», «Ахъ, ты, береза, ты, моя береза». Отъ одной группы отдѣлилась пара и начала плясать. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе. Недовольства, ропота—какъ не бывало.

Эти взрослые дѣти занялись игрушкой и все забыли. Только

тотъ старикъ, что говорилъ со зрителемъ, продолжалъ сидѣть неподвижно въ углу, низко склонивъ свою голую, какъ ладонь, голову, храня угрюмое и безнадежное выраженіе на суровомъ морщинистомъ лицѣ.

У калитки налесадыка стоялъ маленькій, сѣденькій, розовенькій старичекъ съ добродушнымъ, сытымъ лицомъ, какія часто встрѣчаются въ нѣмецкихъ дѣтскихъ книжкахъ съ картинками, и ласково поглядывалъ на толпу и тихонько бормоталъ себѣ что-то подъ носъ.

Это былъ инспекторъ.

А манопанъ все игралъ да игралъ. И вдругъ послѣ тягучихъ звуковъ стариннаго романса: «И, можетъ быть, мечты мои безумны», раздалось «Боже, Царя храни». Лица евреевъ вдругъ приняли торжественное выраженіе, и всѣ они, какъ одинъ человекъ, обнажили головы. И я, невольно повинувшись какому-то неясному чувству, тоже сдернулъ свою фуражку.

Низенькій, толстый еврей съ масляными хитрыми глазами подошелъ ко мнѣ и сказалъ по-русски:

— Ну, и что жъ? Пусть нѣмцы знаютъ, что это нашъ національный гимнъ, что мы русскіе люди, и что и у насъ есть тамъ, въ Россіи, на родинѣ, такой великій покровитель, что куда до него ихъ Вильгельму.

Солнце давно уже скрылось. Съ моря вѣяло сыростью и прохладой. Манопанъ унесли, но настроенная на веселье толпа все еще не расходилась. Еврейки собрались въ кучу и надтреснутыми голосами тянули какую-то надрывающую душу пѣсню. У галчантъ нашлась гармоника и балалайка, и два парня робко наигрывали на нихъ несложный, заунывный мотивъ.

По тротуару методически расхаживалъ нашъ нѣмецъ и, кажется, ждалъ удобнаго момента, когда можно будетъ загнать насъ всѣхъ въ бараки.

Такъ шли дни за днями.

— Хоть бы на пароходъ скорѣе!— раздавались постоянно возгласы.

— Намъ говорили, что каждое десятое число идетъ пароходъ, жаловался мнѣ одинъ еврей:—а мы сидимъ здѣсь ужъ три недѣли.

— На пароходѣ будетъ лучше,—утѣшались нѣкоторые.

А сколько дней мы будемъ въ морѣ?—спрашивалъ я и каждый разъ получалъ разные отвѣты.

Кто говорилъ—двѣ недѣли, кто—три, но почти всѣ были увѣрены, что не долѣе восемнадцати дней.

Только одинъ старый еврей, увѣрившій, что онъ уже бывалъ въ Аргентинѣ, говорилъ, что мы пробудемъ въ морѣ мѣсяць. Надъ нимъ смѣялись и не хотѣли ему вѣрить. Я самъ зналъ не больше другихъ, а когда обратился съ вопросомъ къ одному изъ служащихъ, то получилъ въ отвѣтъ:

— Кто же можетъ это знать, кромѣ Бога? Море—не суша. Будетъ хорошая погода, — дождете скоро, а если дурная, то, слава Богу, если останетесь живы.

2-го іюня новаго стила, послѣ обѣда, совершенно неожиданно для всѣхъ явился нашъ иѣмецъ и объявилъ:

— Складывайте скорѣе ваши пожитки: сейчасъ отправляться на пароходъ.

Къ нему было бросились съ разспросами, но онъ, замахавъ руками, крикнулъ «живо!» и скрылся.

Всѣ заметались и засуетились, особенно женщины. Онѣ точно потеряли голову: побросали дѣтей, которыя подняли неистовый крикъ, и принялись укладываться. Миѣ было нечего укладывать, и я могъ, сколько угодно, наблюдать то, что передо мною происходило.

Часа черезъ полтора раздался звонокъ въ неурочное время. Толпа высыпала на дворъ. Звали для медицинскаго осмотра.

Тучный, невысокаго роста, съ рѣдкими, рыжеватыми волосами на круглой головѣ и съ франтовски закрученными усами, румяный, голубоглазый молодой докторъ, въ франтоватой синей парѣ и въ желтыхъ туфляхъ стоялъ среди двора и по очереди подзывалъ къ себѣ отъѣзжающихъ.

Обзоръ былъ самый поверхностный. Каждый долженъ былъ раскрыть ротъ, высунуть языкъ и протянуть правую руку. Докторъ бралъ руку, внимательно всматривался въ ладонь, точно на ней было что нибудь написано, и произносилъ: gut, schön.

Почти всѣ оказались здоровыми. Только одинъ худой, слабый еврей возбудилъ подозрѣніе доктора, и тотъ не сразу отпустилъ его.

Еврей испуганно залопоталъ на своемъ жаргонѣ, размахивая руками, ударяя себя кулакомъ въ грудь, съ мольбой и страхомъ всматриваясь въ лицо доктора. Тотъ пропустилъ наконецъ и его.

Осмотръ кончился. Вещи были уложены. Никто не уходилъ со двора. Всѣ въ тревожномъ ожиданіи сбились въ кучу. Въ обычное время раздался звонокъ къ обѣду, и тотчасъ же послѣ него намъ объявили, чтобы мы приготовили пропускныя свидѣтельства на пароходъ, и вывели насъ изъ бараконъ.

По той же самой пустынной дорогѣ, обсаженной тощими молодыми деревцами, повели насъ опять, только въ противоположную сторону. Тамъ была пристань. Насъ ввели въ каменное, обширное зданіе и по одному стали пропускать мимо чиновника, который спрашивалъ фамилію и, провѣривъ пропускное свидѣтельство, отдавалъ его обратно, а получившаго его два жандарма направляли въ дверь, выходившую прямо на пристань.

Небольшой пароходъ, на который въ безпорядкѣ и кое-какъ свалили наше имущество, и гдѣ едва помѣстились мы сами, кто сяди, кто стоя, перевезъ насъ на пароходъ «Кордова», отходившій въ

Южную Америку. По спущенному въ море трапу взобрались мы на нижнюю палубу, а отсюда насъ перевели въ Zwischendeck (межпалубное пространство), темное, плохо вентилированное помещеніе, гдѣ тѣсно жались въ два этажа, одна надъ другой, желѣзныя койки съ тюфяками, набитыми морской травой.

Пароходъ былъ весь заново выкрашенъ. Тюфяки были чистые, даже новые, и въ первый моментъ это произвело на насъ хорошее впечатлѣніе.

— Это не то, что тамъ,—говорили евреи:—вотъ видите, на пароходѣ намъ будетъ хорошо.

Я до того времени никогда не бывалъ въ морѣ. Мнѣ представлялось, что морское путешествіе должно быть очень пріятно, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда наконецъ мы двинемся.

Настала ночь. Въ каютахъ вспыхнуло электричество, а мы все еще стояли. Въ десять часовъ вечера подплылъ маленькій пароходъ и привезъ какихъ-то людей, судя по виду, чиновниковъ или полицейскихъ.

И дѣйствительно это была полиція города Гамбурга. У всѣхъ насъ осмотрѣли паспорта.

— Скажите, пожалуйста,—обратился ко мнѣ послѣ осмотра тотъ слабый болѣзненный еврей, котораго не хотѣли принимать на пароходъ:—не знаете вы, будутъ у насъ еще спрашивать паспорта?

— Право, не знаю.

Но бывший въ Аргентинѣ старикъ вмѣшался и сказалъ:

— Нѣтъ, никто не спроситъ. Въ Аргентинѣ никакого паспорта не нужно, какъ хочешь назовись.

— Вы навѣрное знаете?—съ безпокойствомъ спросилъ больной.

— Вѣрно вамъ говорю. А что, развѣ у васъ нѣтъ паспорта?

— Есть, да знаете... не совсѣмъ надежный.

— Это ничего, —ободряющимъ тономъ успокоилъ его старикъ:—вѣдь вы имъ показывали?

— Показывать—показывалъ, да они не обратили вниманія.

— Что имъ до васъ за дѣло, — вы изъ Россіи, а они своихъ ищутъ.

Долго стоялъ я на палубѣ и смотрѣлъ на море и на раскинувшійся вдали огромный городъ. Огни фабрикъ, заводовъ, доковъ и огромныхъ многоэтажныхъ домовъ вереницами въ нѣсколько рядовъ рѣли во мракѣ.

Небо было черно и покрыто тучами. Море отливало металлической синевой. На палубѣ было тихо. Почти все, уставъ ждать, отправились спать. Мнѣ не хотѣлось уходить. Я все стоялъ, облокотившись на бортъ, и, не отрываясь, смотрѣлъ на темныя очертанія чуждаго мнѣ города, послѣдняго, какъ думалъ я, города на европейской землѣ.

Вдругъ мнѣ показалось, что полъ колеблется подъ моими ногами, и въ ту же минуту изъ глубины парохода, точно изъ мощной груди

страшнаго чудовища, вырвался дикій, могучій вопль. Это пароходъ прощался съ гаванью. Полъ заходилъ еще сильнѣе подъ моими ногами. Судно качнулось сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, опять заревѣла труба, и мы двинулись.

Мнѣ вдругъ стало страшно и больно.

— Прощай, Европа! Прощай, Старый Свѣтъ!—вырвалось у меня изъ души.

Я вперилъ жадный взоръ въ высокое увѣчанное башней зданіе доковъ. Оно уходило все дальше, все глубже и, наконецъ, совершенно потонуло вдали, и только фонарь, зажженный на самомъ верху, еще свѣтилъ, какъ путеводная звѣзда.

Тамъ и сямъ по черной поверхности воды скользили барки и пароходы, блестя разнодвѣтными, красными, зелеными и бѣлыми огнями, прощально мигали городскіе огни, и темной, неровной полосой рисовался удаляющійся берегъ.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА.

ВТОРЪ печатаемыхъ записокъ, Николай Ивановичъ Мамаевъ (р. въ Казани 3-го іюля 1815 г., ум. 5-го мая 1885 г.), происходить изъ дворянъ Новгородской губерніи, ведущихъ свой родъ отъ служилаго татарскаго князя Кингильдея Камай-мурза. Кингильдей Камай-мурза жилъ въ XVI вѣкѣ и былъ поселенъ въ земляхъ Новгорода Великаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, въ числѣ другихъ плѣнныхъ татаръ Казанскаго царства, послѣ паденія его независимости. Отецъ Николая Ивановича Мамаева, Иванъ Даниловичъ (р. 1781 г., ум. 1881 г.), морякъ, въ началѣ 1800-хъ годовъ былъ назначенъ на службу въ казанское «Адмиралтейство», учрежденное Петромъ Великимъ, и, женившись въ Казани на дочери мѣстнаго помѣщика, Варварѣ Васильевнѣ Мельгуновой, основался въ Казани и вошелъ въ число дворянъ Казанской губерніи.

Воспитывался Николай Ивановичъ Мамаевъ дома и затѣмъ, пробывъ короткое время въ с.-петербургскомъ горномъ корпусѣ, поступилъ въ студенты Казанскаго университета по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ (въ настоящее время юридическій факультетъ), на которомъ и кончилъ курсъ въ 1833 г. дѣйствительнымъ студентомъ съ серебряной медалью. Въ 1834 г. онъ началъ военную службу юнкеромъ въ Оренбургскомъ уланскомъ полку, былъ вскорѣ произведенъ въ корнеты, а черезъ три года въ по-

ручки. Въ этомъ чинѣ Мамаевъ въ 1838 г. назначенъ адъютантомъ къ волынскому губернатору Маслову и занималъ ту же должность при его преемникѣ Лашкаревѣ, а въ 1842 г. получилъ мѣсто старшаго адъютанта казанскаго военнаго губернатора Шипова, съ производствомъ въ штабъ-ротмистры. Въ 1843 г. Н. И. Мамаевъ женился въ Казани на дочери генераль-майора, Авдотѣ Петровнѣ Дурасовой, въ 1844 г. произведенъ въ ротмистры, а въ 1846 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ майора. Съ 1846 г. онъ нигдѣ не служилъ, проживая въ Казани и въ нижегородскомъ своемъ имѣніи, с. Ледыряхъ, и лишь въ 1880-хъ годахъ на короткое время принялъ участіе въ земскомъ самоуправленіи Казанской губерніи. Въ 1879 г. онъ былъ выбранъ въ гласные отъ Казанскаго уѣзда, а вслѣдъ затѣмъ въ губернскіе гласные и въ 1882 г. состоялъ членомъ казанской губернской земской управы. Завѣдуя въ ней отдѣломъ общественнаго призрѣнія, Н. И. Мамаевъ не поладилъ, прежде всего, съ медицинскимъ персоналомъ казанской губернской земской больницы, а затѣмъ и со своими сослуживцами по губернской управѣ и вышелъ изъ нея черезъ нѣсколько мѣсяцевъ службы.

Вся жизнь Н. И. Мамаева до 1842 г. включительно изложена имъ въ печатаемыхъ запискахъ, представляющихъ весьма интересный матеріалъ для изученія бытовой исторіи Россіи первой половины XIX вѣка. Въ этихъ запискахъ ярко очерчены какъ личность ихъ автора, весьма своеобразная и характерная для своего времени, такъ и среда, ее создавшая и воспитавшая. Несомнѣнный литературный талантъ Н. И. Мамаева переноситъ читателя въ міръ прошлаго «дореформенной» Россіи, въ эпоху царствованія императора Николая I. Живо и рельефно изображаетъ авторъ записокъ господствовавшую въ этомъ прошломъ мірѣ «дворянскую среду», со всѣми ея хорошими и дурными, сильными и слабыми, симпатичными и антипатичными сторонами.

Записки дошли до насъ, къ сожалѣнію, безъ конца, въ черновомъ автографѣ Н. И. Мамаева съ раздѣленіемъ на главы (лишь главы IX, X и XI переписаны другой рукой); только послѣднія тетради записокъ, повѣствующія о югозападномъ краѣ и о переходѣ автора на службу въ Казань въ 1842 г., не имѣютъ раздѣленія на главы. Мы сохранили дѣленіе на главы, данное авторомъ, снабдивъ каждую изъ нихъ подробнымъ оглавленіемъ и разбивъ изложеніе на «главы» тамъ, гдѣ ихъ не было. Кромѣ того, мы раздѣлили записки на три части, по періодамъ, на которые распадается жизнь Н. И. Мамаева.

Первая часть записокъ, съ 1815 по 1834-й годъ (гл. I—XI), обнимаетъ собою дѣтство и отрочество Н. И. Мамаева и пору его студенчества въ Казанскомъ университетѣ. Эта часть представляетъ очень много данныхъ для бытовой исторіи казанскаго дворянскаго

круга за указанное время и живо изображаетъ печальное положеніе Казанскаго университета, еще не оправившагося отъ жестокаго удара, нанесеннаго ему попечителемъ М. Л. Магницкимъ. Нашъ университетъ конца 1820-хъ и начала 1830-хъ годовъ текущаго столѣтія, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является подъ перомъ Н. И. Мамаева, само собою, не могъ давать серіознаго умственнаго развитія тогдашнимъ подростокующимъ поколѣніямъ и давать имъ должную подготовку къ опредѣленнымъ занятіямъ по окончаніи курса, а потому весьма естественно, что дворянская молодежь, обучавшаяся тамъ, смотрѣла на университетъ съ чисто-формальной стороны и, слѣдуя старымъ дворянскимъ преданіямъ, предпочитала военную службу службѣ гражданской и ученой дѣятельности. Н. И. Мамаевъ не составлялъ въ данномъ случаѣ исключенія. Первая часть его записокъ во многомъ дополняетъ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о казанской жизни начала XIX вѣка у другихъ мемуаристовъ-казанцевъ—С. Т. Аксакова и В. И. Панаева, составляя хронологическое продолженіе ихъ повѣствованій.

Вторая часть, съ 1834 по 1838 г. (гл. XII—XXIV), вводитъ читателя въ подробности пустой и безсодержательной жизни русскаго армейскаго кавалериста 1830-хъ годовъ въ мирное время. Москва съ ея окрестностями, гдѣ былъ расположенъ Оренбургскій уланскій полкъ, въ которомъ служилъ Н. И. Мамаевъ, и знаменитые «Вознесенскіе маневры» 1837 года являются главными центрами повѣствованія въ этой части. Здѣсь собрано много драгоцѣнныхъ чертъ для изученія «дворянскихъ нравовъ» Москвы и средней Россіи и вообще «порядковъ» того времени, и живо рисуется личность самого императора Николая I.

Третья часть, съ 1838 по 1842 г. (гл. XXV—XXXVIII), посвящена русскому юго-западному краю. Здѣсь любознательному Н. И. Мамаеву является широкое поле для наблюденій и благодарный матеріалъ для размышленій. Русскій дворянинъ и офицеръ, занимая вліятельную въ то время должность губернаторскаго адъютанта, попадаетъ въ ополяченный край съ кореннымъ русскимъ населеніемъ,—край, еще волнуемый слѣдами польскаго повстанья 1830—1831 годовъ. Положеніе Н. И. Мамаева очень затруднительно, но онъ выходитъ изъ него съ честью. Онъ невольно поддается вліянію болѣе высокой сравнительно съ русской культурѣ польскаго дворянства, но вмѣстѣ съ тѣмъ остается вѣренъ служебному и національному долгу вопліѣ русскаго человѣка. Онъ много читаетъ, изучаетъ мѣстную исторію края и пытается впервые анализировать самого себя, дать себѣ отчетъ въ собственныхъ своихъ побужденіяхъ и поступкахъ, излагая на бумагѣ разные эпизоды изъ своей жизни: такъ возникаютъ въ 1841-мъ году наброски его «записокъ».

Въ Житомирѣ Н. И. Мамаевъ кладетъ основаніе своей библио-

текст, которая со временем разрастается в весьма большое и разнообразное собрание книг. Кроме «записок», он составляет здесь заметки по истории Волынского края и пытается писать опыты в беллетристическом жанре. В бумагах Мамаева находятся между прочим: 1) «Историческія воспоминанія о Волынской губерніи», только частью обработанныя; в них собраны до сих пор не потерявшія историческаго интереса свѣдѣнія о старинныхъ городахъ этого исконнаго русскаго края и 2) повѣсть, содержаніе которой взято изъ польскаго возстанія 1830 г., подъ названіемъ «Два дня свѣтской жизни». Но этими «опытами» не исчерпываются литературныя упражненія Мамаева, которыя онъ продолжаетъ и въ 1850-хъ годахъ, уже будучи въ отставкѣ. Въ октябрѣ 1857 г. онъ пишетъ разсказъ во вкусѣ тогдашней «обличительной» литературы, сильно разившейся у насъ въ подраженіе «Губернскимъ очеркамъ» Щедрина, появившимся въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г. и имѣвшимъ необыкновенный успѣхъ. Разсказъ носитъ названіе «Становой приставъ» и предназначался для помѣщенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1858 г., что видно изъ черноваго письма Мамаева къ М. Н. Каткову.

Въ 1871 г. Мамаевъ, живя въ нижегородскомъ имѣніи, сельцѣ Ледыряхъ, окончательно редактируетъ свои записки, давъ имъ такое заглавіе: «Моя жизнь передъ лицомъ потомства, написанная мной самимъ», и предпославъ имъ предисловіе, въ которомъ выражаетъ свое воззрѣніе на значеніе автобіографій. Въ видѣ подготовительныхъ работъ къ «запискамъ» Мамаевъ занимается изученіемъ истории своего рода, заметки о чемъ также находятся въ его бумагахъ. Фамилію Мамаевыхъ производитъ онъ отъ извѣстнаго золотоордынскаго «тысячника» Мамаю, разбитаго московскимъ великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ въ 1380 году, и съ этой цѣлью входитъ въ подробное изученіе истории монголовъ и кипчакской орды. Эти историческія разысканія помѣчены апрѣлемъ 1871 года.

Личность Н. И. Мамаева рельефно выступаетъ въ его запискахъ, и читатель ихъ составитъ себѣ ясное о ней представленіе; а потому укажемъ здѣсь лишь на тѣ особенности міросозерцанія автора, которыя сообщаютъ оригинальность повѣсти о его жизни. Во-первыхъ, Н. И. Мамаевъ является фаталистомъ и мистикомъ. Онъ видитъ во всѣхъ событіяхъ человѣческой жизни вообще и своей личной въ частности дѣйствіе «предопредѣленія» и придаетъ рѣшающее значеніе элементу чудесному, сверхъестественному, даже въ обыденныхъ житейскихъ явленіяхъ. Во-вторыхъ, обладая чувствительнымъ сердцемъ и страстной натурой, онъ не только считаетъ «любовь» основнымъ элементомъ своей жизни, но стремится придать ей теоретическую формулировку, возвести въ систему, пытается создать, какъ онъ выражается, «науку любви». Фактамъ

изъ этой «науки» отведено въ его запискахъ очень много мѣста, и мы сочли необходимымъ исключить тѣ подробности изъ этой области, которыя могли имѣть значеніе только для самого Мамаева, но не представляютъ никакого интереса для посторонняго читателя. Но въ качествѣ характерной особенности «записокъ» мы оставили самые важные эпизоды «сердечныхъ походовъ» ихъ автора. Отмѣтимъ еще одну особенность Н. И. Мамаева. На него, какъ намъ кажется, оказали большое вліяніе модные въ Россіи въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ французскіе романы, въ родѣ романовъ Бальзака, Эжена Сю, Поля Феваля и т. п., и русскіе ихъ подражатели. Этими мы отнюдь не желаемъ заподозрѣть правдивость повѣствованія Н. И. Мамаева; наоборотъ, тонъ и общій характеръ его записокъ убѣждаютъ насъ въ совершенной искренности ихъ автора. Мы хотимъ отмѣтить лишь то обстоятельство, что «поступки» и «приключенія» многихъ изъ русскихъ свѣтскихъ молодыхъ людей 1820-хъ, 1830-хъ и 1840-хъ годовъ текущаго столѣтія совершались ими намѣренно въ подражаніе такъ называемыхъ «героевъ романовъ». Это была своего рода интеллигентная мода тѣхъ временъ. Достаточно припомнить, какой, напримѣръ, популярностью пользовались у насъ среди свѣтской молодежи 1820-хъ и 1830-хъ годовъ «байронизмъ» и «разочарованность», а позднѣе — «печоринство». Въ этомъ отношеніи особенно характерны главы XIX — XXII (2-й части), въ которыхъ Н. И. Мамаевъ излагаетъ свои отношенія къ одной московской *grande-dame*, скрытой имъ подъ именемъ *Alexandrine*.

Кромѣ указанныхъ выше исключеній, мы сдѣлали нѣсколько сокращеній и въ другихъ частяхъ «Записокъ». Нами выпущены изъ ихъ текста нѣкоторыя подробности, имѣющія семейный интересъ или касающіяся лицъ, хотя и умершихъ, но потомки которыхъ нынѣ здравствуютъ и могли бы сдѣлать намъ справедливый упрекъ по меньшей мѣрѣ въ невнимательномъ отношеніи къ ихъ отцамъ и дѣдамъ. Въ иныхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ полныя фамиліи мы должны были замѣнить лишь начальными ихъ буквами. Такого рода сокращенія истекаютъ изъ «воли» самого Н. И. Мамаева, исполненіе которой являлось для насъ, само собою, обязательнымъ.

Согласно завѣщанію Н. И. Мамаева, находящемуся въ подлинной рукописи «Записокъ», онѣ составляютъ собственность старшаго въ настоящее время представителя рода Мамаевыхъ, родного племянника автора, Алексѣя Петровича Мамаева, предводителя дворянства Казанскаго и Царевококшайскаго уѣздовъ. Въ этомъ «завѣщаніи» Н. И. Мамаевъ уполномочиваетъ «старшаго въ родѣ, если пожелаетъ и найдетъ возможнымъ, напечатать его «Записки» въ отрывкахъ или въ цѣломъ видѣ, но съ необходимыми выпусками».

Печатаются «Записки» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», съ выше-объясненными исключеніями, съ разрѣшенія Алексѣя Петровича Мамаева ¹⁾).

Д. Корсаковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ общечеловѣческой точки зрѣнія жизнь государства, какъ и жизнь частнаго лица, отдѣльно взятаго, имѣетъ свои возрасты или эпохи и разнствуется только въ своихъ размѣрахъ. Жизнь государства считается вѣками, жизнь человѣка—годами. Эпохи эти проявляются въ нравахъ, обычаяхъ, цивилизаціи, словомъ во внутреннемъ бытѣ, жизни людей. Люди, чѣмъ далѣе подвигаются на пути прогресса, тѣмъ болѣе сбрасываютъ съ себя привычки, предразсудки, основанные на рутинѣ и невѣжествѣ. Застоя, законности въ интеллектуальной жизни нѣтъ: все движется впередъ, и время этотъ сильный двигатель, осуществляетъ собой легенду о «Вѣчномъ Жидѣ», повторяя безпрестанно: «Иди! иди!». Жизнь народа подраздѣляется на внѣшнюю, такъ сказать, официальную, и на внутреннюю, или частную. Официальную жизнь можно изучать въ архивахъ, лѣтописяхъ, по монетамъ, по всему, что составляетъ предметъ исторіи; но въ частную жизнь можно заглянуть только по «запискамъ» современниковъ. Только этимъ ключемъ можно отомкнуть семейный бытъ, нравы, обычаи опредѣленной эпохи.

Само собою разумѣется, необходимо, чтобы «записки» не были измышлены, но строго истинны; въ такомъ только видѣ онѣ приносятъ несомнѣнную пользу потомству, желающему изучить частную жизнь своихъ предковъ.

Историкъ повѣствуетъ міровыя событія въ жизни государства, не касаясь мелочныхъ подробностей, произведенныхъ тѣмъ или другимъ явленіемъ; біографъ, подмѣчая случаи частной жизни, заноситъ ихъ на страницы своихъ записокъ. Эти частные случаи, несмотря на свою кажущуюся иногда мелочность, проливаютъ новый свѣтъ на совершившееся событіе.

---

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Мамаевъ р. 22 іюня 1850 г., ум. въ Казани 8 іюля 1899 г. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ въ 1871 г., онъ поступилъ на службу въ канцелярію казанскаго губернатора Н. Я. Скарятина, при которомъ затѣмъ былъ младшимъ и старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій; при преемникахъ г. Скарятина занималъ мѣсто совѣтника казанскаго губернскаго правленія. Уѣднымъ предводителемъ дворянства состоялъ съ 1896 года.

Объяснюсь.

Будущее, отдаленное потомство изъ исторіи Россіи узнаеть, что при императорѣ Александрѣ II измѣненъ почти весь государственнй строй, дотолѣ существовавшій: отмѣнено крѣпостное право; прежнее судопроизводство и судоговореніе замѣнено новымъ; экономическій бытъ народа основанъ на новыхъ началахъ, введены земскія учрежденія, совершенно измѣнившія прежній хозяйственнй порядокъ, и т. п. Но какое явленіе представляло собой то или другое нововведеніе? Какъ они отразились на современномъ обществѣ? Насколько встрѣтили они сочувствія и поддержки? Какъ были приняты: отмѣна крѣпостного права; замѣна рѣшенія дѣлъ старыхъ закрытыхъ судовъ гласностью; прежній, безконтрольный для самихъ участвующихъ порядокъ расходованія общественныхъ сборовъ, происходившій оттого самовольныя растраты суммъ, неправильность въ распредѣленіи налоговъ, неудовлетворительность въ израсходованіи ихъ и т. п.,—можно знать только изъ частныхъ записокъ современниковъ. Въ этомъ отношеніи правдивый біографъ для отдаленнаго потомства можетъ принести болѣе пользы, чѣмъ безпристрастный исторіографъ.

Проникнутый такимъ убѣжденіемъ въ важности современныхъ записокъ, я съ любовью, весьма охотно, на 56 году моей жизни, желаю и мою малую лепту принести въ общую сокровищницу знаній. Приступаю къ составленію описанія прожитаго мной времени.

Записки свои я пишу не для постороннихъ, но исключительно для потомковъ моего рода. Собственныхъ дѣтей я не имѣю; судьба отказала мнѣ въ этомъ утѣшеніи. Непрiятно вообще видѣть порванную цѣпь въ связи существъ, но не имѣть дѣтей значитъ не имѣть цѣли въ жизни, не утѣшаться воспроизведеніемъ себѣ подобныхъ; или, говоря словами Библии, не видѣть «плоть отъ плоти моей и кость отъ кости моей». Но

Fiat voluntas Tua!

Итакъ, записки свои я пишу, отстраняя отъ себя, какъ чувство ложнаго стыда тамъ, гдѣ дѣйствія мои были предосудительны, такъ и скромность въ самохваленіи, когда они заслуживали одобренія. Пусть въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся жизнь моя, весь я, со всѣми недостатками и пороками, а также и съ той долей достоинствъ, которыми наградила меня природа... Въ 56 лѣтъ, на прожитую жизнь можно смотрѣть, какъ на умершаго человѣка, а «мертвіи срама бо не имуть».

Я родился, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ, когда отживавшіе старые порядки въ образѣ жизни, понятіяхъ, привычкахъ, одеждѣ, замѣнялись совершенно новыми. Кампанія 1812 г., кромѣ побѣды надъ врагами, принесла съ собой и новые взгляды и новые понятія о политической и соціальной жизни общества. Что прежде почиталось хорошимъ, въ томъ стали находить недостатки;

появились удобства жизни, о которыхъ прежде и не думали; установился новый, свободный обмѣнъ мыслей; уровень общественнаго мнѣнія значительно повысился. Вслѣдствіе такого переворота многое измѣнилось къ лучшему, многое ухудшилось. Такъ, патріархальность семействъ, простота обращенія, много потерѣли отъ нововведеній. Родственныя связи ослабли, сердечная привязанность замѣнилась расчетомъ и видами корысти. Явились роскошь и мотовство. Свойства эти, дотолѣ державшіяся въ столицахъ, въ кругу знатныхъ и богатыхъ вельможъ и сановниковъ, въ мое время проникли въ провинцію, заразили собой семейства «средней руки» и были причиной многихъ печальныхъ катастрофъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я пережилъ знаменательное время, видѣлъ начало многого, что было предпринято, видѣлъ и конечные ихъ результаты. Видѣлъ борьбу «мрака со свѣтомъ», видѣлъ, какъ новыя идеи, чувства народности и независимости пробивались сквозь наложенныя преграды, и, выйдя наружу, принесли свои благотворныя сѣмена на цѣльную, благодатную почву... Да! я многое пережилъ, и въ этомъ отношеніи, смѣю думать, что записки мои не лишены своего рода интереса, какъ вѣрное отраженіе общественной и политической жизни моего времени.

Жизнь моя не выдвинулась ничѣмъ изъ общаго строя жизни людей, не ознаменовалась никакими громкими дѣяніями, выходящими изъ ряда обыкновенныхъ,—въ этомъ отношеніи она не пріобрѣла никакого права на вниманіе, но она имѣетъ за собой преимущество, о которомъ я говорилъ выше, т. е. какъ записки современника и какъ вѣрное очертаніе моей поры, времени.

Затѣмъ, благословясь, начинаю...

10 апрѣля 1871 года.

Село Ледыри.

I.

Мои братья и сестры.—Мои предки со стороны матери, Мельгуновы и Рославлевы.—Сенаторъ Ѳ. Ѳ. Желтухинъ и князь Д. В. Тенишевъ.—Воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ.—П. И. Хвостова.—Экипажи того времени.

Я родился въ Казани, на Грузинской улицѣ, въ домѣ бабки моей, С. А. Мельгуновой, утромъ 3-го іюля 1815 г., вторымъ въ нашей семьѣ. Всѣхъ насъ дѣтей было восемь, въ такомъ порядкѣ рожденія: Петръ, Николай (я), Софья, Александръ, Вѣра, Илья, Михайлъ и Николай (другой). Изъ нихъ остались въ живыхъ Петръ, я и сестра Вѣра, бывшая въ замужествѣ за самарскимъ помѣщикомъ А. Н. Чемодуровымъ и овдовѣвшая въ 1869 г. Всѣ остальные умерли въ очень молодыхъ лѣтахъ; изъ нихъ одинъ

только Илья дожилъ до 12-ти лѣтъ, въ бытность свою въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Илья выказывалъ замѣчательныя способности, особенно въ математикѣ. Изъ него могъ бы выйти человекъ недюжинный. Въ такихъ молодыхъ лѣтахъ онъ сознавалъ уже пользу ученя и умеръ въ 1835 г. отъ воспаленія въ мозгу, вслѣдствіе своихъ усиленныхъ занятій.

Отецъ мой, Иванъ Даниловичъ, происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи, обучался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1798 г. былъ выпущенъ въ Балтійскій флотъ, мичманомъ. Въ чинѣ лейтенанта, въ 1807 году, участвовалъ въ морскихъ сраженіяхъ съ турками, въ Архипелагѣ, подъ главнымъ начальствомъ славнаго адмирала Д. Н. Сеньявина, находясь флагъ-офицеромъ (т. е. адъютантомъ) при капитанъ-командорѣ Игнатъевѣ. Сдѣлавшись на abordажѣ съ турецкимъ кораблемъ Капуданъ-паши, отецъ выказалъ личную храбрость, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

Въ 1809-мъ году, отецъ былъ назначенъ въ Казань, командиромъ гордь-коота ¹⁾).

Въ это-то время онъ увидѣлъ мать мою и на ней женился. Потомъ отецъ перешелъ на службу въ казанское адмиралтейство младшимъ совѣтникомъ конторы, гдѣ и находился сначала подъ предсѣдательствомъ И. Г. Перелешина, а потомъ А. И. маркиза де-Траверса, сына бывшаго морского министра и эмигрировавшаго изъ Парижа въ Россію, въ 1789 году, отъ ужасовъ революціи.

По уничтоженіи адмиралтейства, если не ошибаюсь, въ 1827 году, отецъ перешелъ на службу по Казанскому университету, членомъ строительнаго комитета съ правомъ присутствовать въ правленіи университета въ качествѣ непремѣннаго члена. За сбереженіе значительной экономіи въ расходованіи суммъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-ой степени и, прослужа всего 35 лѣтъ, за что получилъ орденъ св. Владимира, въ 1834 году, вышелъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ. Остальное время отецъ жилъ, предаваясь своему любимому занятію—постройкамъ.

Въ своемъ домѣ всегда онъ находилъ что либо нужнымъ или передѣлать, или вновь прибавить, что и продолжалось по день его смерти, послѣдовавшей 30-го марта 1846 года, въ день его ангела.

Смерть его приключилась отъ ноги, какъ ему было предсказано.

Въ 1800-мъ году, мичманомъ, еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, отецъ «зазимовалъ» съ флотомъ на рижскомъ рейдѣ. Въ то время

¹⁾ Гордь-коотъ, или гортгоуть, такъ назывались особыя небольшія рѣчныя суда, учрежденныя Петромъ Великимъ для преслѣдованія и ловли по Волгѣ «понизовой вольницы» — этихъ восточно-русскихъ рѣчныхъ пиратовъ, остатковъ Разинскихъ и другихъ казацкихъ шаекъ, разбойничавшихъ въ нижнемъ Поволжьѣ въ теченіе не только всего XVIII в., но даже въ первой-половинѣ XIX в. Они исцезли лишь съ развитіемъ на Волгѣ пароходства.

въ Ригѣ проживала какая-то нѣмка или чухонка, предсказывавшая будущее,—нѣчто въ родѣ известной Ленорманъ, только на остзейской подкладкѣ. Отецъ мой, вмѣстѣ съ другими товарищами, такими же молодыми мичманами, отъ нечего дѣлать, какъ онъ говорилъ, отправился навѣстить современную Сивиллу. Та, разведя кофейную гущу, предрекла его судьбу, сказавъ: береги ноги! ты умрешь отъ ноги!

Разсказывая объ этомъ, отецъ, хотя и смѣялся надъ такимъ страннымъ предсказаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавался, что мысль о ногѣ, по его выраженію, «засѣла, какъ гвоздь», ему въ голову и невольно преслѣдовала его во всю жизнь. Никакія размышленія о невозможности для человѣка прозрѣть свое будущее и слѣдовательно о невѣрности подобныхъ предсказаній не могли заставить его забыть предсказанія рижской колдуньи.

Онъ часто разсказывалъ намъ, что во время сраженій съ турками, при каждомъ выстрѣлѣ изъ непріятельской пушки, невольно поднималъ то ту, то другую ногу, сознавая въ то же время всю бесполезность подобной предосторожности. Ядро слѣдуетъ мгновенно за выстрѣломъ, и потому, услыша выстрѣлъ, онъ поднималъ ногу тогда уже, когда ядро далеко легло за нимъ. Но предсказаніе нѣмецкой Сивиллы, несмотря на всю свою странность, дѣйствительно сбылось, 46 лѣтъ спустя.

Въ концѣ февраля 1846-го года, на масляницѣ, отецъ, возвратившись домой, съ блиновъ, отъ К. Л. Молоствовою, почувствовалъ сначала какъ бы неловкость въ щиколоткѣ лѣвой ноги, но не обратилъ вниманія на столь, по идимому, ничтожное обстоятельство. На другой день неловкость эта перешла въ боль, такъ что онъ не могъ надѣть сапога... Показалось на больномъ мѣстѣ небольшое багровое пятнышко, величиной съ булавочную головку... Потомъ края пятнышка начали чернѣть; вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась боль, и самое пятнышко начало увеличиваться въ своемъ объемѣ... открылся антоновъ огонь... Нашъ домашній докторъ, И. С. Дмитріевскій, и приглашенные на консилиумъ Кигтеръ и Скандовскій предложили отнять ногу. Отецъ не согласился. Начались страданія, ужасныя, переносимыя только силой воли отца. Въ продолженіе шести недѣль, онъ ни днемъ, ни ночью, буквально, не имѣлъ ни минуты покоя. При немъ постоянно, цѣлыя сутки, находились три смѣны людей, по два въ каждой. Отецъ, то и дѣло, просилъ то усадить его въ кресло, то уложить въ постель, то повернуть на которыйнибудь бокъ. Невыносимая боль въ ногѣ мѣшала ему долго оставаться въ одномъ и томъ же положеніи... Только за день до своей кончины отецъ успокоился и не чувствовалъ болѣе той жгучей боли, которая такъ его беспокоила. Тогда онъ причастился Св. Таинъ и соборовался.

30-го марта, утромъ, когда я подошелъ къ отцу, онъ, обращаясь ко мнѣ, шутливымъ тономъ сказалъ:

«истор. вѣстн.», январь, 1901 г., т. LXXXIII.

4

— Николай! Причеши меня! Я сегодня именинникъ.

Надо знать, что отецъ никогда не праздновалъ своихъ именинъ, и мы не знали навѣрное дня его ангела, такъ какъ Ивановъ много въ году. Когда я обернулъ его лицо и смочилъ голову одеколономъ, волосы его, уже сѣдые, тотчасъ сами собой завились, т. е. приняли свой обычный видъ. На страшно изнуренномъ, исхудаломъ лицѣ показался легкій румянецъ. Послѣ меня подошелъ къ отцу докторъ Дмитріевскій и сказалъ:

— Покажите мнѣ, Иванъ Данилычъ, вашу ногу.

— Которую? Ту, которая пошла на выписку?

Такъ еще шутилъ отецъ за нѣсколько часовъ до своей смерти. Присутствіе духа изумительное!

Часу въ 10-мъ утра, почувствовавъ приближеніе своей кончины, отецъ созвалъ всѣхъ насъ къ своей постели и благословивъ простился съ полнымъ сознаниемъ и твердостью. Потомъ приказалъ позвать дворню; благодарилъ ихъ за службу себѣ, просилъ простить, если кого обидѣлъ. Затѣмъ отпустилъ ихъ... Обратившись къ намъ, онъ сказалъ: — Ну, теперь дайте мнѣ уснуть. Я утомился!

То были послѣднія слова, сказанныя отцомъ... Въ глубокомъ молчаніи, съ трудомъ сдерживая душившія насъ рыданія, мы окружили его постель. Отецъ вскорѣ впалъ въ тихій, спокойный сонъ; потомъ дыханіе его начало затрудняться, дѣлаться все рѣже и рѣже... Послышались вздохи съ промежутками... Наступила предсмертная агонія... Часы пробили 11-ть... Отецъ вздохнулъ, грудь осталась поднятой... по тѣлу пробѣжала легкая дрожь... вытянулись руки... его не стало!.. Все еще не вѣря его кончинѣ, я бросился за зеркаломъ... поднесъ къ полураскрытому рту... стекло не потускнѣло... Не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что жизнь его на землѣ окончилась...

Слѣдя за кончиной отца, я могъ видѣть, что человекъ не болѣе, какъ сложная машина! Машина повредилась, колеса въ ней еще дѣйствуютъ, но уже неправильно, цѣпляясь другъ за друга, перевертываются, пока совсѣмъ не остановятся...

Когда приготовляли отца къ послѣднему одѣванью, тутъ только мы могли видѣть и понять, какъ была сильна и жгуча боль, и какъ велико терпѣнье отца—переносить ее. Ногти на пальцахъ лѣвой ноги отпали, а самыя оконечности пальцевъ сдѣлались багрово-синими, какъ испортившееся мясо. Онъ заживо разлагался, и мы потому только не слышали отъ него запаха разложенія, что ногу его постоянно держали въ компрессахъ, намоченныхъ сокомъ сильно ароматныхъ травъ. Согласно желанію отца, похороны были скромныя, не было разослано пригласительныхъ билетовъ, и онъ преданъ землѣ въ селѣ Соловцовѣ. . . . .

Я любилъ слушать отца, когда онъ въ зимніе вечера рассказы-

валь намъ про свое плаванье по Архипелагу, сраженія съ турками, свои посѣщенія Бокко-де-Катаро, Аѳонскихъ горъ, пребываніе въ Мессинѣ. Но любимымъ его разговоромъ было, какъ онъ, морякъ, выйдя изъ Кронштадта въ море на кораблѣ, вернулся черезъ всю Европу сухопутно.

Дѣло происходило такъ.

Въ 1809-мъ году, по возвращеніи изъ турецкаго похода, корабли наши, подъ командою адмирала Сенявина, зашли въ Лиссабонъ, чтобы принять запасъ прѣсной воды. Сенявинъ зналъ, что Португалія занята французами, но, странствуя по морямъ, оставался въ полномъ невѣдѣніи, что Наполеонъ объявилъ войну Россіи, и потому, войдя въ портъ, какъ намъ пріязненный, отсалютовалъ французскому флагу, развѣвавшемуся на цитадели крѣпости, и получилъ отвѣтные выстрѣлы; все—своимъ порядкомъ, какъ въ землѣ, состоящей съ нами въ союзѣ. Главнокомандующій французскими войсками, кажется, Жюно, по той довѣрчивости, съ которою Сенявинъ вошелъ въ портъ, и произведеннымъ имъ салютамъ догадался, что ему ничего неизвѣстно о разрывѣ, послѣдовавшемъ между Россіей и Франціей, и потому задумалъ подъ прикрытіемъ мнимой дружбы заманить Сенявина въ городъ, задержать и его и флотъ и тѣмъ доставить легкую побѣду своему императору. Но французскій главнокомандующій разсчитывалъ безъ геройскаго мужества русскаго адмирала! Сенявинъ, во время предупрежденный о разрывѣ съ Франціей, узнавъ свою ошибку, весьма энергично требовалъ свободнаго выхода изъ порта, грозя въ противномъ случаѣ лучше всѣ свои корабли и себя со всѣмъ экипажемъ взорвать на воздухъ, отъ чего неминуемо взлетитъ и часть города, чѣмъ спуститъ флагъ и сдаться непріятелю. Всѣ, знавшіе Сенявина, ни на минуту не усомнились, что онъ исполнитъ свое намѣреніе, и потому подчиненные его готовились къ смерти! Знали это и французы. При такихъ критическихъ обстоятельствахъ принялъ на себя посредничество въ нихъ англійскій посолъ. Благодаря такому вмѣшательству, Сенявинъ, понимая свое безвыходное положеніе, согласился сдать корабли не французамъ, но англичанамъ подъ расписку посланника, съ обязательствомъ возвратитъ ихъ Россіи и съ условіемъ, чтобы ни онъ самъ, ни офицеры, ни команда не были сочтены за военнопленныхъ, и имъ всѣмъ данъ былъ свободный пропускъ на родину. При этомъ свой флагъ Сенявинъ сохранилъ при себѣ. Такая почетная капитуляція стоитъ другой одержанной побѣды... Такимъ образомъ, отецъ мой изъ Лиссабона возвратился въ Россію сухимъ путемъ...

Ранѣе того, именно въ 1800 г., на фрегатѣ «Диспачъ», только что построенномъ къ Англійи и считавшемся, по своему ходу, первымъ въ нашемъ флотѣ, отецъ, подъ командою А. П. Костливцева, плавая около береговъ Норвегіи, въ бурную темную осеннюю ночь,

попалъ на каменные рифы. На счастье, фрегатъ съ проломленнымъ днищемъ ущемился между двухъ подводныхъ скалъ, и потому только не пошелъ ко дну, погружаясь, однако, въ воду настолько, что вся команда, въ числѣ оной и отецъ, стояли на палубѣ по поясъ въ холодной водѣ и держались за шканцы, чтобы не быть снесены волной въ морѣ. Такая невольная душа оледеняла ихъ члены; чтобы согрѣться, отецъ время отъ времени глоталъ голый ромъ и тѣмъ только могъ поддерживать нужную теплоту тѣла, чтобы не окоченѣть. Въ такомъ положеніи отецъ пробылъ почти цѣлую ночь. Къ разсвѣту буря стихла, и норвежскіе рыбаки, замѣтивъ ихъ бѣдственное состояніе, сняли ихъ съ фрегата и перевезли на берегъ, въ свои хижины. Продрогнувъ почти цѣлую ночь въ водѣ и выпивъ порядочную дозу рома, наши моряки повалились на постели и вскорѣ заснули такъ крѣпко, что не чувствовали ничего, что съ ними далѣе происходило.

Проснувшись и посмотрѣвъ другъ на друга, офицеры разразились гомерическимъ смѣхомъ: всѣ они были одѣты въ разнородные костюмы, мужскіе и женскіе, какъ бы готовясь въ маскарадъ. Добрые рыбаки, видя, что все бѣлье ихъ и одежда взмокли отъ воды, и не имѣя другого одѣянія, кромѣ своего домашняго, переодѣли въ нихъ, во время ихъ сна, а ихъ мундиры и бѣлье развѣсили передъ огнемъ, для сушки. Это-то перереяженъе и доставило нашимъ морякамъ такое удовольствіе. О бѣдствіи, ихъ постигшемъ, дали знать нашему посланнику въ Стокгольмѣ; онъ прислалъ фрегатъ, который и доставилъ ихъ благополучно въ Кронштадтъ.

Въ жизни моего отца былъ случай, не объяснимый, подобно предсказанію ему смерти отъ ноги. Отецъ не былъ никогда, что называется, «горячимъ, записнымъ» охотникомъ; но любилъ изрѣдка ходить съ ружьемъ, на крупную дичь. Однажды,—это случилось въ концѣ сентября,—мы отчего-то замѣшкались въ деревнѣ; начались ранніе морозы; выпалъ снѣгъ, — славная «пороша» на зайца. Отецъ, выбравъ свѣтлый, лунный вечеръ, взялъ ружье и отправился въ лѣсокъ, называемый «Юрты», стрѣлять зайцевъ. Отойдя отъ дома на нѣсколько сотъ шаговъ, одинъ въ чистомъ полѣ, ничѣмъ не занятомъ, отецъ вдругъ замѣтилъ около себя двѣ тѣни: одна его собственная, въ основаніи своемъ, какъ и слѣдовало, соприкасалась съ его пятами ногъ; другая же въ противоположной сторонѣ отъ первой, какой-то неопредѣленной формы, двигалась нѣсколько впереди, совершенно отдѣльно, такъ что между отцомъ и ею была чистая, свѣтлая полоса снѣга, ярко освѣщаемого луннымъ свѣтомъ... Отецъ тотчасъ вернулся домой, поставилъ ружье свое въ уголъ и съ той поры не дотрогивался до него во всю свою жизнь!...

Нѣчто подобное и я видѣлъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ моихъ записокъ.

Мать моя, Варвара Васильевна, была изъ рода Мельгуновыхъ. Двоюродный дѣдъ ея былъ извѣстный Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, пользовавшійся особымъ расположеніемъ и неограниченнымъ довѣріемъ императрицы Екатерины II-ой. Ему поручено было доставить въ Данію семейство Брауншвейгское, находившееся до-толѣ въ заточеніи въ г. Холмогорахъ, между тѣмъ какъ членъ этой фамиліи, бывшій императоръ Іоаннъ VI, томился въ казематахъ Шлюссельбурга.

Родной ея дѣдъ, А. В. Мельгуновъ, находился въ военной службѣ и, выйдя въ отставку, въ чинѣ премьеръ-майора, поселился въ своемъ казанскомъ имѣніи, селѣ Соловцовѣ. Во время бунта Пугачева и приближенія его съ своими шайками къ Казани, крестьяне соловцовскіе, слѣдуя общему примѣру, вознамѣрились убить своего помѣщика и для того бросились въ его домъ. Между многочисленной дворней нашлся одинъ преданный, который не только предупредилъ своего барина объ угрожающей ему опасности, но и скрылъ его въ кустахъ мѣстности, называемой и понынѣ «Телятникъ», а ночью тайно препроводилъ его въ Казань.

Тамъ прадѣдъ, защищая городъ отъ нападеній полчищъ Пугачева, получилъ рану, за что графомъ П. И. Панинымъ былъ произведенъ въ секундъ-майоры, какъ видно изъ «ордера», даннаго въ «Синбирскѣ». По смерти своей прадѣдъ былъ преданъ землѣ въ селѣ Соловцовѣ.

Отецъ моей матери, а мой дѣдъ, единственный сынъ прадѣда, Василій Алексѣевичъ, былъ, въ числѣ двѣнадцати дѣтей изъ лучшихъ фамилій, посланъ за границу, для обученія наукамъ, въ товариществѣ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.

Пробывъ за границей, кажется, девять лѣтъ, дѣдъ вернулся въ Россію, совершенно забывъ свой природный языкъ. Отсюда на первое время вышло большое затрудненіе въ сношеніяхъ его съ своими отцомъ и матерью, не знавшими другого языка, кромѣ русскаго. Затрудненіе это окончилось только, когда сынъ научился говорить по-русски. Умеръ онъ въ Вяткѣ въ должности коменданта.

Мать моей матери, а моя бабушка, Софья Александровна, была изъ рода Рославлевыхъ. Очень добрая, очень красивая женщина; въ особенности были хороши ея глаза, какъ по своему очертанію, такъ и по взгляду. Прелестные глаза составляли отличительный признакъ всего рода Рославлевыхъ и сохранялись отъ поколѣнія до поколѣнія, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Красоту свою бабушка сохранила и въ старости. Когда отецъ мой задумалъ жениться на моей матри и по тогдашнему обыкновенію, принятому въ обществѣ, желалъ понравиться матери своей суженой, то весь городъ заговорилъ, что отецъ женится на Софьѣ Александровнѣ. Такъ она была еще свѣжа и моложава! Бабушка моя овдовѣла въ очень еще молодыхъ лѣтахъ, имѣя на рукахъ восемь человѣкъ дѣ-

тей, которымъ и посвятила всю остальную свою жизнь. Я самъ былъ оставленъ на ея попеченіи вскорѣ послѣ моего рожденія, когда отецъ съ матерью и съ старшимъ братомъ отправился въ Петербургъ хлопотать о переводѣ своемъ изъ флота въ казанское адмиралтейство.

Бабка моя умерла въ Казани, во время холеры, въ 1830-мъ году и похоронена на кладбищѣ Кизицкаго монастыря.

Мать моя, Варвара Васильевна, получила образованіе въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ и за успѣхи и добрую нравственность, какъ сказано въ дипломѣ, при выпускѣ изъ заведенія, получила шифръ, состоящій изъ золотой буквы М подъ императорской короной (императрица Марія) и наложенный на бантъ изъ бѣлой, съ оранжевыми по концамъ полосками, ленты. Мать моя унаслѣдовала отъ моей бабки и красоту и кротость, имѣла высокій ростъ, стройное сложеніе тѣла; была въ высшей степени добрая женщина, снисходительная мать. Сколько разъ она покрывала наши дѣтскія шалости, чтобы онѣ не доходили до свѣдѣнія отца и не подвели бы насъ подъ отвѣтственность, зная, что расправа отца быстро слѣдовала за содѣяннымъ проступкомъ. Мы, дѣти, никогда не видали, чтобы мать ссорилась съ отцомъ; но часто слышали, какъ послѣдній покрикивалъ на нее. Но тогда былъ такой вѣкъ...

Всегда набожная, мать по смерти отца еще болѣе, если можно такъ выразиться, замкнулась въ религію. Добрыми своими дѣлами она думала выкупить несправедливости и ошибки отца и потому любила принимать разныхъ монашествующихъ обоюга пола лицъ; бесѣдовала съ ними, угощала ихъ со всѣмъ радушіемъ и, отпуская отъ себя, награждала ихъ щедро. За свое гостепріимство безъ разбора мать поплатилась разъ очень непріятной исторіей. Она приняла монаха, который впоследствии оказался бѣглымъ каторжникомъ, совершившимъ какое-то уголовное преступленіе и скрывающимся подъ монашеской рясой. Пойманный, онъ на допросѣ, между прочимъ, показалъ, что былъ принимаемъ въ домѣ моей матери и не разъ проживалъ у нея по нѣсколько дней. Такой поступокъ матери по нашимъ законамъ признается за укрывательство или даже пристанодержательство и строго преслѣдуется. На этотъ разъ дѣло окончилось объясненіемъ съ полиціей.

Точно также матушка помогала безъ разбора нищимъ. Сколько разъ мы указывали ей, что мнимый голодный, получа отъ нея милостыню, прямо шелъ въ кабакъ; она только говорила: «я сдѣлала свое дѣло: подала просящему, а что онъ сдѣлалъ изъ подаенія,— до меня не касается!» Послѣ ея смерти большого труда стоило отвадить нищихъ отъ оконъ занимаемаго ею дома; они толпами стекались за полученіемъ обычнаго подаенія. Вся жизнь матери была посвящена намъ, дѣтямъ, и кончилась для дѣтей. Въ 1857 году, желая сдѣлать подарокъ старшему брату, въ день его рожденія,

она отправилась за покупкой на «Биржу», — такъ называется въ Казани ярмарка, устраиваемая на берегу рѣки Булака, на время весенняго разлива водъ. Тамъ она простудилась, получила воспаление легкихъ, и на другой день ея не стало.

Однако, она успѣла выполнить христіанскій обрядъ: причастилась... Кончина ея послѣдовала мгновенно: она приказала приподнять себя, и когда горничная ея, Полинъка, о которой я буду говорить особо въ своихъ запискахъ, взявъ ее подъ спину, начала слегка и осторожно приподымать, мать вздохнула и склонилась головой на грудь... то былъ ея послѣдній вздохъ...

Согласно изъявленному ею заранѣе желанію, погребена въ Соловцовѣ, рядомъ съ отцомъ. . . . .

Таинство крещенія надо мной совершено въ церкви Грузинской Богоматери. Воспріемниками отъ купели были сенаторъ Ѳ. Ѳ. Желтухинъ, князь Д. В. Тенишевъ и казанскій комендантъ, генералъ-майоръ Соколовъ; воспріемницей — бабка С. А. Мельгунова... Другихъ не помню.

Родился я ребенкомъ слабымъ, хилымъ, такъ что отецъ и мать, отъѣзжая въ Петербургъ и оставляя меня на попеченіе бабки моей, простились со мной со слезами, полагая, что меня больше не увидятъ. Но благій промыселъ распорядился иначе: я — хилое растеніе, выбѣжалъ въ ростъ, окрѣпнулъ въ силахъ, и на мою долю выпалъ печальный жребій — предать землѣ виновниковъ дней моихъ.

Воспоминанія моего дѣтства представляются мнѣ очень смутно. Къ несчастью, не осталось никого въ живыхъ свидѣтелей того времени, рассказами которыхъ я могъ бы воспользоваться для пополненія моей ребяческой біографіи. Вынужденъ довольствоваться одной своей памятью, которая, конечно, можетъ послужить мнѣ матеріаломъ, но только безъ всякой связи, порядка и послѣдовательности. И потому буду описывать свое дѣтство, какъ оно представляется мнѣ въ настоящую минуту.

Домъ бабки моей, въ которомъ мы жили тогда, былъ деревянный, одноэтажный, имѣвшій надъ задними комнатами антресоль, въ которомъ помѣщалась моя спальня. Домъ былъ обширный, помѣстительный, главнымъ фасадомъ выходившій на Грузинскую улицу, а боковымъ — въ переулокъ, называемый Поперечная Лядская. Рамы въ окнахъ были опускныя (тогда еще не дѣлали ихъ створчатыми); при подъемѣ своемъ поддерживались деревянными подставками. Вхожу въ эти, повидимому, ничтожныя подробности, чтобы объяснить, во-первыхъ, какъ устраивались тогда рамы въ лучшихъ домахъ города; во-вторыхъ, что такая рама едва мнѣ не стоила жизни. Разъ я сидѣлъ на окнѣ. По рѣзвости своей я не могъ долго оставаться въ спокойномъ положеніи. Безпрестанно вер-

тясь и двигаясь, я какимъ-то неосторожнымъ поворотомъ тѣла вышибъ подставку, поддерживавшую раму. Рама, довольно тяжелая, опустилась... къ счастью, въ ту минуту, я сидѣлъ, свѣсившись за окно, и ударъ пришелся мнѣ по спинѣ... Я отдѣлался сильной болью и горькими слезами... Если бы ударъ рамы послѣдовалъ по шеѣ и головѣ... могло кончиться для меня очень, очень дурно: тогда мнѣ было не болѣе четырехъ лѣтъ.

По натурѣ своей я былъ очень рѣзвъ, но на всѣ шалости мои былъ страшный бичъ, въ лицѣ очень почтенной старушки, и проявлялся таинственнымъ образомъ. Противъ дома бабки моей, черезъ переулочекъ, жила Пелагея Ивановна Хвостова, старуха лѣтъ 60-ти. Ея я сильно боялся. Страху моему, вѣроятно, способствовалъ много тотъ мистическій способъ, который употребляли въ моихъ съ ней сношеніяхъ. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что на днѣ картонной коробочки, оклеенной красной бумажкой съ позолотой,—какъ теперь смотрю на нее,—лежалъ лоскутокъ бумажки, на которомъ очень неискусно нарисованъ былъ человѣческій глазъ, по размѣру своему и очертанію болѣе похожій на бычачій. Въ этомъ-то глазѣ и скрывалась та таинственная сила, которая заставляла меня трепетать передъ Хвостовой. Сила эта проявлялась для меня тѣмъ, что каждый разъ, какъ я распалюсь, и нѣтъ удержки моей рѣзвости, мнѣ сейчасъ показывали красную коробочку открытой и, уставляя на меня нарисованный глазъ, пресеріозно увѣряли, что онъ все видитъ и все расскажетъ Хвостовой. Какъ видите, глазъ этотъ соединялъ въ себѣ и чувство зрѣнія, и органъ голоса, и я тотчасъ прекращалъ свои шалости до новаго взгляда на чудесный глазъ коробочки... Въ своей ребяческой наивности, я слѣпо вѣрилъ въ чудесную силу глаза, не соображая, конечно, той простой уловки, что по приходѣ къ бабкѣ Хвостовой, прежде чѣмъ меня позовутъ къ ней на расправу, расскажутъ всѣ мои продѣлки. Когда я являюсь къ Хвостовой, всегда съ трепетомъ, она переважно открывала очарованную коробочку и, смотря на глазъ, перечисляла всѣ мои шалости, заканчивая ихъ, разумѣется, выговорами и замѣчаніями. Каждый разъ, со слезами на глазахъ, я обѣщаль ей исправиться, и каждый разъ забывалъ исполнять свои обѣщанія.

Упряжь лошадей въ то время состояла въ томъ, что въ карету впрягали пару «въ дышло» и пару въ уносъ на постромкахъ. На одной изъ уносныхъ лошадей сидѣлъ форрейторъ, или, какъ ихъ звали, «фалетуръ», обыкновенно, мальчикъ лѣтъ 13—14-ти. Обязанность его была довольно сложная: смотрѣть, чтобы постромки на ѣздѣ были всегда «вытянуты», а при поворотахъ или остановкахъ—чтобы ихъ не переступали лошади. Но главное его достоинство заключалось, при встрѣчѣ, предупреждать заблаговременно, чтобы давали дорогу проѣзжающему экипажу. Предупрежде-

ніе это состояло въ томъ, что форрейторъ звонкимъ голосомъ «заливался», выпѣвая: «пади, пади, пад-и-и-и!» Отчетливое выпѣваніе это и пріятный голосъ составляли славу хорошаго форрейтора, и такими гордились. Здѣсь кстати скажу, что и самые экипажи, въ особенности кареты, были замѣчательны по своему устройству. Послѣднія были необыкновенно высоки. Чтобы попасть въ такую карету, надо было подняться по 4—5-ти ступенькамъ, называемымъ «подножки». Подножки эти были складныя и устроивались въ дверцахъ кареты; для входа — опускались и потомъ, складываясь въ пакетъ, оставались внутри кареты. На запяткахъ, т.-е. мѣстахъ, устроенныхъ сзади кузова кареты, обыкновенно помѣщались два рослыхъ, видныхъ лакея, называемыхъ «выѣздными». На зиму карета ставилась на «полозки», т.-е. тѣ же колеса, имѣющія только три четверти своего обода. Чтобы такіе полозки не могли на ѣздѣ повернуться, ихъ скрѣпляли между собою цѣпями, и тогда «выѣздные» помѣщались на концахъ заднихъ «полозковъ», на каждый по одному.

Дѣтство мое шло, дѣлясь на шалости рѣзваго ребенка и на занятія, въ которыхъ проявлялась любознательность мальчика, одареннаго природой счастливыми способностями. Наступилъ 7-й годъ моего рожденія. Съ этого времени въ памяти моей событія моей жизни выдѣляются яснѣе изъ тумана прошлаго, кругозоръ моихъ понятій значительно расширился, и я могу продолжать свой рассказъ съ отчетливостью и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

II.

Казанское адмиралтейство и Морская, или Адмиралтейская, слобода.—Наша жизнь въ слободѣ.—Лѣтнія поѣздки въ имѣніе, село Соловцово.—Священникъ о. Петръ и его переходъ въ расколъ.—Деревенское жительство.—Жизнь осенью и зимой въ Казани.—Памятникъ взятія Казани 2 октября 1552 г. и ежегодное празднованіе въ Казани этого дня.—Зилантовъ монастырь.—Галера «Тверь» и модель военнаго корабля.—Святки и святочные игры.—Ѣзда на «татарахъ» во время масляницы.—Наступленіе весны.

Адмиралтейство, въ которомъ служилъ мой отецъ, было устроено на берегу рѣки Казанки, недалеко отъ впаденія ея въ Волгу, въ предмѣстьѣ города, называемомъ и понынѣ «Морская слобода», а по-татарски: «Бежболда», что значитъ: семь топоровъ. Преданіе говоритъ, что при заселеніи слободы первый, начавшій строиться, былъ татаринъ, при рытѣ фундамента для своего дома нашедшій въ землѣ семь топоровъ, что и послужило поводомъ къ названію слободы «Бежболда». Отцу моему было поручено выстроить въ Морской слободѣ, отъ казны, домъ для своего помѣщенія, куда мы и переѣхали отъ бабки, кажется, въ 1820 году.

Тогда Морская слобода, отстоящая отъ Казани въ 3-хъ верстахъ, не была соединена съ городомъ дамбой, устроенной въ позднѣйшее время (1856 г.), и сообщеніе съ послѣднимъ было не всегда удобно. Котловина, отдѣляющая городъ отъ предмѣстья, весной, при разливѣ рѣкъ, покрывалась водою; по спаду водъ или осенью, послѣ дождя, дѣлалась грязь непроѣзжаемая; зимою же часто вьюги прекращали сообщенія. Намъ, дѣтямъ, въ новомъ домѣ было гораздо веселѣе, чѣмъ въ городѣ, по разнообразію развлеченій и удовольствій, которыми мы могли пользоваться.

Однимъ изъ нихъ было присутствовать при спускѣ судовъ, называемыхъ, кажется, гальотами, строившимися въ Адмиралтействѣ. По глубокой своей садкѣ въ водѣ, гальоты могли быть вводимы въ Волгу только во время высокаго стоянія воды въ рѣкѣ Казанкѣ, т.-е. во время ея весенняго разлива. Въ назначенный для спуска день мы отправлялись въ адмиралтейство, помѣщались на нарочно устроенныя, на этотъ случай, около эллинга мѣста. Мы, дѣти, съ замираніемъ сердца ждали той минуты, когда двинется съ своего мѣста гальотъ. Вотъ священникъ отслужилъ молебенъ, окропилъ святою водою суда, готовыя къ спуску, раздаются командныя слова, затѣмъ стукъ молотовъ, выбивающихъ подпорки, сдерживающія судно, и гальотъ сперва тихо, плавно покачнулся на мѣстѣ, потомъ, шипя, пошелъ по подмосткамъ все скорѣе и скорѣе, увлекаемый по склону собственной своей тяжестью; при этомъ только дымъ идетъ изъ-подъ его днища; наконецъ, со всего размаха бухнулся въ воду; пѣна и брызги летятъ во всѣ стороны... И рабочіе, и матросы, и столпившійся народъ кричатъ «ура», махая шапками и платками. Намъ особенно весело... Между тѣмъ, матросы бросились на шпалы, по которымъ только что съѣхалъ гальотъ, и скребутъ сало, которымъ онѣ были смазаны, сколько для облегченія спуска, столько же и для предохраненія отъ самовозгоранія; безъ этой предосторожности шпалы легко могли загорѣться отъ тренія... Сало отдавалось въ пользу матросовъ. За первымъ гальотомъ слѣдовалъ тѣмъ же порядкомъ другой, и такъ далѣе, до послѣдняго, сколько ихъ построено было.

Послѣ спуска, въ одномъ изъ зданій адмиралтейства, приготовлялась закуска для почетныхъ посѣтителей, а для мастеровыхъ и матросовъ устраивалось угощенье, состоящее изъ пироговъ и водки,—тѣмъ и оканчивалось торжество.

Любимое наше развлеченіе весной составляло катанье по водѣ на катерѣ.

Контора адмиралтейства находилась въ городѣ. Отецъ въ качествѣ совѣтника обязанъ былъ посѣщать ее ежедневно, и потому на время разлива водъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи двѣнадцати-весельный катеръ, съ двумя съемными мачтами. Надъ сидѣньемъ былъ устроенъ на желѣзныхъ столбикахъ толстый пеньковый на-

метъ, выкрашенный зеленой краской, съ раздвижными боками, такъ что, въ случаѣ дождя, можно было закрыться со всѣхъ сторонъ.

Въ свободное время мы катались на этомъ катерѣ, восхищаясь и самымъ способомъ плаванія и греблей весель. Всѣ старанія имѣющихъ въ своемъ распоряженіи катеръ устремлены были на отчетливую греблю матросовъ. Шикъ въ греблѣ состоялъ въ томъ, что всѣ гребцы разомъ, какъ одинъ, должны были, нагибаясь напередъ и не болѣе указаннаго уклоненія, опускать весла въ воду; при подъемѣ ихъ откинуться назадъ, тоже на одинаковую степень уклоненія, перевернуть весла въ ключинахъ перьями плеса горизонтально водѣ, поднять ихъ на опредѣленную высоту и держать въ такомъ положеніи тоже извѣстное время, и при томъ такъ, чтобы одно весло не было ни выше, ни короче другого, а всѣ вмѣстѣ представляли бы изъ себя ровную поверхность. Катеръ въ такомъ видѣ издали представлялъ очень красивый видъ и походилъ на птицу, рѣющую въ воздухѣ съ неподвижно распущенными крыльями. Такому сходству много способствовала и самая окраска весель: съ рукоятки до плеса они выкрашены были коричневой краской, а самый плесъ—бѣлой. Продержавъ въ такомъ положеніи весла опредѣленное время, гребцы вновь опускали ихъ, вывертывая плесъ, чтобы онъ узкой своей стороною врѣзывался въ воду; при этомъ нагибались всѣ ровно, корпусомъ впередъ и такъ продолжали грести все время. Приближаясь къ берегу, унтеръ-офицеръ, молодецкато стоящій на кормѣ и управляющій рулемъ, давалъ свистокъ; тогда послѣдняя нара гребцовъ, сидящихъ на носу катера, складывали свои весла, вставляли на скамьи и, вооружившись баграми, держали ихъ въ рукахъ, стоямя, какъ пики. Всѣ эти движенія дѣлались съ удивительнымъ согласіемъ, какъ одинъ человекъ. По второму свистку кормового, остальные гребцы складывали свои весла, какъ птицы крылья, безъ всякой суеты и торопливости, а первые, вооруженные баграми, зацѣплялись ими за пристань, катеръ поворачивался бокомъ, выкидывалась сходя, два матроса брали за концы запасный багоръ, устраивали изъ него поручень, и мы, дѣти, съ шумомъ и смѣхомъ, веселясь, радостныя, толкая другъ друга, сходили на берегъ, благодарили гребцовъ за доставленное намъ удовольствіе и приходили въ восторгъ, получа отъ нихъ отвѣтъ: «рады стараться!».

Но удовольствіе наше удваивалось, если можно такъ выразиться, когда катанье на катерѣ происходило во время вѣтра. Тогда мы приставали къ отцу съ просьбой поднять паруса. Если отецъ видѣлъ, что вѣтеръ не очень силенъ и не грозитъ опасностью, охотно соглашался на наше желаніе, тѣмъ болѣе, что и самъ, какъ морякъ въ душѣ, былъ не прочь побороться съ вѣтромъ, мечтая, можетъ быть, въ то время, что управляетъ не утлымъ катеромъ, но силь-

нымъ кораблемъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить по скорому согласію, которое онъ давалъ намъ, что въ другихъ случаяхъ не всегда было, и по той довольной улыбкѣ, которая такъ красила его небольшой ротъ. Видя исполненіе нашего желанія, мы, дѣти, тотчасъ же заявляли о другомъ. Мы не довольствовались тѣмъ, что летѣли на парусахъ; намъ хочется, чтобы катеръ шелъ бокомъ, т. е., накренившись. Опять обращались къ отцу, и несказанно были рады, когда онъ говорилъ командѣ какія-то для насъ кабалистическія слова, отъ исполненія которыхъ немедленно катеръ клала на одинъ бокъ. Слова эти были:

«Ребята, фикъ-фокъ!»

Не думаю, чтобы тарабарщина эта составляла «морскую» команду, скорѣе то былъ условный терминъ, придуманный отцомъ и означавшій ставить паруса такъ, чтобы катеръ шелъ бокомъ.

Мать, когда бывала съ нами, очень пугалась этого маневра, а мы, дѣти, нарочно пересаживались на накренившійся бокъ катера и руками доставали воду.

По вечерамъ, въ ясную погоду, лакеи и горничныя господъ, жившихъ въ слободѣ, а ихъ было немало, какъ служащихъ въ адмиралтействѣ, такъ и частныхъ лицъ, — собирались на нашемъ обширномъ дворѣ, гдѣ были устроены качели, водили хороводы съ пѣснями, затѣвались игры въ «горѣлки»; иногда мужчины играли въ «городки», «чехарду» и т. п. Да, жилось тогда просто, довольствовались малымъ и веселились отъ души. Нынѣ всѣ эти забавы оставлены; ихъ замѣнили другія болѣе утонченныя для разврата, какъ-то лакейскіе клубы, танцевальныя для горничныхъ вечера. Просвѣщеніе (въ превратномъ смыслѣ) коснулось и нашихъ слугъ. Сбѣжала вешняя вода, рѣка Казанка вступила въ свои берега, земля обсохла; тамъ, гдѣ мы катались на катерѣ, образовались лужайки, покрытыя свѣжей, молодой зеленью; воздухъ значительно нагрѣлся, — наступило лѣто. Пора отправляться въ деревню, куда мы отбѣжали ежегодно, на все время городской пыли и жаровъ, и гдѣ оставались иногда до конца сентября.

Деревня наша, село Соловцово, принадлежавшее прадѣду, А. В. Мельгунову, и послѣ его смерти перешедшее въ приданое нашей матери, отстоитъ отъ Казани верстъ на 35-ть. Туда-то мы направляли нашъ путь. Сборы въ деревню являлись для насъ совершеннымъ праздникомъ, по свойственному дѣтямъ желанію переменъ мѣста и новизны, и мы радовались предстоящей поѣздкѣ. Дня за два до отбѣзда освобождали насъ отъ ученья, что тоже вносило не послѣднюю дозу удовольствія въ наше путешествіе, и давали намъ время «укладываться». Первое наше стараніе было: собрать и уложить всѣ наши игрушки, затѣмъ между ними гдѣнибудь въ уголку ящичковъ клали наши учебныя пособія. Наступала суета, страшная бѣготня, заботы, чтобы не забыть чего!... Наконецъ, на-

ступаль столь давно желанный и ожидаемый день нашего выезда. Начинается тѣмъ, что на присланныя наканунѣ изъ деревни крестьянскія подводы нагружаются вещи, какъ наши, такъ и нашей прислуги; лакеи, не нужные собственно для насъ въ пути, и горничныя разсаживаются съ визгомъ и смѣхомъ на воза; обозъ, трогаясь съ мѣста, вытягивается гуськомъ и отправляется въ путь, сопровождаемый добрыми пожеланіями дворни, остающейся въ городѣ. Мы, дѣти, давно уже не спимъ, отяжелѣвшими еще отъ сна глазами смотримъ изъ окна на всѣ эти сборы и на выездъ «обоза». Такой ранній выездъ обоза назначается для того, чтобы къ нашему приѣзду въ деревню всѣ на первый разъ нужныя вещи, какъ-то: постельное бѣлье и т. п., были уже вынуты и приготовлены. Наконецъ, просыпаются отецъ и мать, наступаетъ часъ и нашего отъезда. Отдается приказаніе «закладывать». Мы, дѣти, одѣтыя по-дорожному и совсѣмъ готовыя въ путь, выбѣгаемъ на крыльцо смотрѣть на процессъ закладыванья. Отворяется каретникъ, выкатывается «линейка» съ верхомъ и кожаными по бокамъ фартуками, выводится четверня добрыхъ, сытыхъ лошадей. Сперва закладывается пара въ дышло, потомъ въ построжки пара выносныхъ. На форрейторѣ пресмѣшной импровизированный костюмъ: переднія полы кафтана обмотаны около ногъ и въ концахъ стянуты ремешками, чтобы держались на сапогахъ; а задній подолъ кафтана, собранный въ видѣ «свиного уха», проходилъ межъ ногъ и затыкался спереди за кушакъ. Смотри издали на такой костюмъ, можно было подумать, что на форрейторѣ надѣты куртка и широкія, турецкія шаровары, съ перехватомъ у ступней ногъ.

Вмѣстѣ съ линейкой закладывалась бричка тройкой подъ «кухню», которая всегда слѣдовала за нами.

Осанистый, сильный кучеръ, Иванъ Денисовъ, родной братъ моей кормилицы, Степаниды, съ черной, окладистой бородой, осмотрѣвъ, въ порядкѣ ли упряжь, сѣлся на козлы, и линейка съ грохотомъ подѣзжала къ крыльцу. Тогда мы вбѣгали въ комнаты, объявляя, что «все готово».

Присѣвъ на стулья, оставались, молча, нѣсколько минутъ, потомъ вставали, молились на образа и прощались съ отцомъ, который, по службѣ, оставался въ городѣ и приѣзжалъ къ намъ въ деревню по субботамъ, послѣ обѣда, а уѣзжалъ по понедѣльникамъ, рано утромъ, чтобы посѣть въ контору къ присутствію. Бѣжали опять на крыльцо и съ шумомъ и смѣхомъ усаживались въ линейку, не ожидая старшихъ. Выходила мать въ сопровожденіи отца, за ними лакей, повязанный по нанковому сюртуку кушакомъ. Что означалъ повязанный кушакъ? Не знаю, но помню, что только при отправленіи въ деревню я видѣлъ всегда кушакъ на лакеѣ. Сѣдилась въ линейку мать съ своей неизмѣнной Полинькой, лакей застегивалъ фартуки и помѣщался на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ. Тогда отецъ своимъ звучнымъ голосомъ спрашивалъ:

— Все ли готово?

И, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ:

— Ну, съ Богомъ! Трогай! Смотри, Иванъ, у меня ѣхать осторожно! А не то...—и оканчивалъ энергическимъ жестомъ.

Линейка, на высочайшемъ ходу, какъ въ то время дѣлались всѣ рессорные экипажи, выкрашенномъ красной краской, колыхаясь, трогалась съ мѣста. Всю дорогу идетъ между нами неумолкаемая болтовня; все встрѣчное останавливаетъ на себѣ наше внимание: и прискакивающій воробей, и стрекочущая сорока, и порхающая бабочка... Переѣзжаемъ мостъ на р. Казанкѣ, въѣзжаемъ въ открытую мѣстность; повѣяло на насъ чистымъ, луговымъ воздухомъ. Радость наша усиливается, тѣмъ болѣе, что мы никѣмъ не стѣснены въ порывахъ нашей шумной веселости. Наша добрая мать радуется нашей радости, смѣется нашему смѣху. На половинѣ дороги останавливались на «приваль», что обыкновенно происходило или у обильнаго, сильно бьющаго родника, въ селѣ Каймарахъ, принадлежавшемъ Л. Н. Энгельгардту, или, не доѣзжая села, въ лѣсу. Теперь и родникъ изсякъ и лѣсъ вырубленъ, но я помню его еще густымъ, высокимъ лѣсомъ. Въ немъ, свернувъ съ дороги, вправо, на лужайкѣ, мы обыкновенно останавливались. Лошадей отпрягали, пускали на волю, а намъ ставили самоваръ, готовили чай, до котораго мать была большая охотница. Тутъ же поваръ вынималъ свою провизію, и у насъ на открытомъ воздухѣ устраивался прекрасный сытный завтракъ-обѣдъ. Любимая наша ѣда были кокурки. Изъ пшеничной муки приготавливали сдобное тѣсто, закладывали въ него куриное яйцо и ставили въ горячую печь, пока яйцо не прокалится. Такой простой процессъ и доставлялъ намъ кокурки, которыя мы ѣли, что называется, методически. Сперва осторожно отлупляли испеченное тѣсто отъ яйца, очищали его отъ скорлупы, брали на бумажку соль и, макая въ нее облупленное яйцо, заѣдали тѣстомъ. Кушанье не сложное, но очень вкусное; такимъ, по крайней мѣрѣ, оно намъ казалось. Послѣ порядочнаго отдыха и выкормки лошадей привезеннымъ съ собой овсомъ закладывалась линейка, и таборъ нашъ, потушивъ разведенные огни, за чѣмъ строго смотрѣла сама мать, снимался съ мѣста и ѣхалъ до самага Соловцова, не останавливаясь.

Здѣсь я разскажу пришедшее мнѣ на память происшествіе, случившееся въ одну изъ такихъ стоянокъ въ лѣсу,—происшествіе начавшееся безпокойствомъ и кончившееся смѣхомъ.

Однажды, не знаю почему, мы поѣхали въ деревню не на своихъ лошадяхъ, а на наемныхъ. Кучеромъ и форрейторомъ были у насъ татары. По заведенному порядку расположились на отдыхъ въ Каймарскомъ лѣсу, завтракали, ходили собирать ягоды и грибы, какъ и всегда. Наконецъ пришло время отправляться далѣе; приказали закладывать экипажи. Тутъ только хватились лошадей, а

ихъ нѣтъ какъ нѣтъ. Татары страшно переполошились, а съ ними и мы всѣ. Въ перспективѣ намъ предстояло дѣлать дорогу пѣшкомъ. Въ то время было сильно развито конокрадство, не прекращающееся и понынѣ. Не видя нигдѣ лошадей, порѣшили, что ихъ увели. Однако п татары и наши люди разбрелись по лѣсу ихъ отыскивать. Долго спустя, начали приводить лошадей по одиночкѣ. Слава Богу! Всѣ оказались на лицо. Что же произошло? Нашъ поваръ, Иванъ Ѳедоровъ, былъ страшный, неутомимый «балагуръ». Онъ-то занялъ татаръ-возчиковъ разными розказнями, между прочимъ, рассказалъ имъ притчу, какъ боролся нашъ пророкъ Илія съ ихъ пророкомъ Магометомъ, какія были послѣдствія этой борьбы; при этомъ объяснилъ имъ начало происшедшаго обычая, отъ чего татары на молитвѣ закрываютъ ладонями рукъ лицо свое и потомъ дѣлаютъ ими движеніе, какъ бы размазывая что по лицу... Татары, что называется, «развѣсили уши», слушая розказни повара, забыли посматривать на лошадей, а тѣ, не находя, вѣроятно, ничего для себя занимательнаго въ слушаніи, понемногу отдалялись да отдалялись отъ нашего притона и такимъ образомъ разбрелись по лѣсу на довольно значительное разстояніе.

По пріѣздѣ въ деревню, мать встрѣчали приказчикъ, Гаврило Васильевъ, всегда подписывавшійся подъ своимъ письмами «рапъ вашъ Крюковъ», и выборный, Ѳедоръ Ивановъ, имѣвшій привычку, когда приходилъ «съ докладомъ», лѣвую руку держать за пазухой кафтана, а правой съ выгнутымъ кверху большимъ пальцемъ размахивать по воздуху какъ бы «подковыривать». Пока мать выслушивала ихъ донесенія, у насъ начинались свои заботы. Сперва обѣжимъ весь домъ, заглянемъ во всѣ уголки, какъ будто пріѣхали въ него въ первый разъ; обѣжимъ весь садъ, заглянемъ въ оранжерею и парники, поздороваемся съ садовникомъ Карпушей, оттуда въ кухню, скотный дворъ, людскія, не забудемъ заглянуть въ каретный сарай, конюшню, словомъ, перебиваемъ вездѣ, какъ будто безъ нашего содѣйствія ничто не можетъ сдѣлаться. Набѣгавшись до усталости, повидавшись со всей деревенской дворней, съ раскраснѣвшимися лицами, возвращались въ домъ. Здѣсь насъ уже ожидали наши «кормилицы» съ деревянными чашками, въ которыхъ лежали каленыя яйца, окрашенныя въ желтый цвѣтъ. Такое привѣтствіе на ихъ языкѣ называлось: «пришли на поклонъ къ своимъ баричамъ». А барчата бросались имъ на шею, цѣловали, отдавали привезенные «гостинцы», состоявшіе, большею частью, изъ головныхъ платковъ, какъ единственнаго украшенія въ крестьянскомъ быту, котораго онѣ сами не дѣлали. Дѣтямъ ихъ отсылали лакомства: пряники, орѣхи, жомки. Потомъ шли пить чай съ густыми душистыми сливками, какіе можно имѣть только въ деревнѣ. Такъ обыкновенно оканчивался первый день нашего пріѣзда.

На другой день начиналась разборка нашихъ игрушекъ и учеб-

ныхъ пособій; начинались классы, и жизнь наша вступала въ колею обыденнаго препровожденія времени.

По праздникамъ мы ходили въ церковь, къ обѣднѣ, получали отъ священника по просфорѣ. По возвращеніи домой, собирали крестьянскихъ и дворовыхъ мальчиковъ, нашихъ однолѣтковъ, катались по саду и по двору въ ручныхъ телѣжкахъ, при чемъ нашими рысаками были тѣ же мальчики. Къ обѣду приходилъ попъ, иногда съ попадѣй, пилъ водку, закусывалъ рѣдкой, икалъ и пообѣдавши уходилъ восвояси. Между попами въ особенности выдѣляется въ моей памяти одинъ, по своей «веселой» жизни и таинственной судьбѣ, его постигшей. Имя его было—Петръ Иванычъ; но дворня прозвала его «березой» за его необычайно высокій ростъ и «балдой» за его разгульную жизнь. На крестьянскихъ свадьбахъ отецъ Петръ весьма часто, подобравъ полы своей рясы, пускался въ «присядку», пѣлъ пѣсни и т. п.; все это дѣлалось, разумѣется, послѣ порядочныхъ возліяній въ честь Бахуса.

Въ одно утро исчезъ изъ села нашъ попъ, бросивъ свою семью. Никто не могъ сказать: гдѣ онъ, и что съ нимъ случилось? Говорили только, что не задолго передъ тѣмъ видѣли, какъ приѣзжали къ нему и довольно часто, на тройкахъ, какіе-то люди, одѣтые въ синіе сугонные балахоны, повидимому, имѣвшіе большіе достатки. Домашніе попа, подтверждая приѣздъ къ нимъ гостей, дополняли, что попъ въ каждый приѣздъ неизвѣстныхъ людей записался съ ними въ отдельной комнатѣ, гдѣ у нихъ велись какіе-то тайные разговоры, и что каждый разъ по отъѣздѣ гостей у попа оказывались деньги и въ довольно значительномъ числѣ. Какъ бы то ни было, но попъ исчезъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ, что называется, «канулъ въ воду». По обыкновенію, дали знать о происшедшемъ полиціи, и та, по обыкновенію, ничего не дѣлая, донесла, что всѣ ея розыски ничего не открыли...

На томъ и покончилась судьба отца Петра.

Въ 1829 году, въ одинъ осенній темный вечеръ, докладываютъ отцу, что пришелъ бывшій священникъ, отецъ Петръ, и настоятельно просить позволенія его принять. Отецъ приказалъ прямо провести его въ свой кабинетъ. Мы всѣ видѣли, какъ попъ, страшно исхудавшій, съ лицомъ изможденнымъ, прошелъ черезъ залъ. Часъ спустя, вышелъ къ намъ отецъ, за нимъ съ понуренной головой прошелъ и попъ. Съ того времени онъ снова исчезъ безслѣдно; никто ничего не слышалъ о немъ. Надо думать, что онъ лишилъ себя жизни, въ чемъ убѣждаетъ рассказъ, переданный намъ отцемъ. Попъ, войдя въ кабинетъ, началъ съ того, что бросился на колѣни и на замѣчаніе отца о неприличіи такого движенія отвѣчалъ: «Не встану, пока не выслушаете и не простите меня!»—и дѣйствительно, несмотря ни на какія настоянія отца, оставался въ такомъ поло-

женіи все время, пока длилась его «исповѣдь». Разсказъ его состоялъ въ откровенномъ изложеніи всего съ нимъ случившагося. Оказалось, что неизвѣстные люди, пріѣзжавшіе къ нему на тройкахъ, были раскольники, уговорившіе его перейти къ нимъ въ секту. Попъ долго колебался, наконецъ, по собственному его выраженію, «аки Іуда, прельщенный тридцатью сребрениками, продался имъ», соблазвившись клятвеннымъ ихъ обѣщаніемъ давать ему денегъ, сколько пожелаетъ, но съ непремѣннымъ условіемъ—отказаться отъ своей семьи и слѣдовать за ними одному. Условившись съ раскольниками о часѣ бѣгства, назначеннаго въ темный осенній вечеръ, онъ вышелъ къ нимъ въ назначенное время за околицу села, не только ничего не говоря о томъ своимъ домашнимъ, но, чтобы не возбудить въ нихъ какого либо подозрѣнія насчетъ своего бѣгства, не взялъ даже своей шляпы. Придя на условленное мѣсто, встрѣтилъ тамъ поджидавшихъ его людей; они переодѣли его въ свое платье, дали шляпу, сѣли на тройки и повезли попу съ изумительной быстротой, день и ночь, останавливаясь въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ вездѣ находили готовыхъ, подставныхъ лошадей. Такимъ образомъ, попу не успѣлъ еще опомниться отъ всего, съ нимъ случившагося, какъ очутился уже въ дремучихъ лѣсахъ Саратовской губерніи, въ главномъ скиту раскольниковъ, нуждавшихся въ «священникѣ-ставленникѣ».

Раскольники честно выполнили всѣ свои обѣщанія. Попъ, живя въ скитѣ, буквально былъ осыпанъ деньгами по горло; всѣ малѣйшія его прихоти исполнялись скоро; но бѣда въ томъ, что раскольники зорко слѣдили за нимъ, караулили его днемъ и ночью и не выпускали ни на шагъ за ограду скита. Пользуйся чѣмъ хочешь, но пользуйся въ стѣнахъ монастыря! Попъ, не предвидя этого обстоятельства, не выговорилъ себѣ свободу дѣйствій, а раскольники, вѣроятно, съ умысломъ умолчали о томъ. Что пользы въ золотѣ, когда нельзя употреблять его по своему желанію? Вскорѣ по пріѣздѣ въ скитъ попу началъ тосковать въ своей, хотя и золотой, неволѣ, изыскивать возможность—вырваться на волю. Долго не представлялось къ тому случая; наконецъ какъ-то удалось попу усыпить бдительность сторожившихъ его раскольниковъ: онъ бѣжалъ изъ скита, захвативъ съ собой горсть золота; долго блуждалъ въ лѣсахъ, вздрагивалъ отъ малѣйшаго шороха, чуя во всемъ за собой погоню, и успокоился, когда случайно вышелъ на большую дорогу. Въ первомъ русскомъ селеніи нанялъ лошадей, безостановочно доѣхалъ до Казани и, придя къ отцу, умолялъ, чтобы онъ ходатайствовалъ за него у преосвященнаго.—Пусть—говорилъ попу,—наложить на меня какое угодно церковное наказаніе; пусть лишатъ навсегда сана, сдѣлаютъ вѣчнымъ понамеремъ,—онъ все снесетъ безъ ропота, но только, чтобы простили его и избавили отъ преслѣдованій раскольниковъ. Отецъ отказалъ

ему наотрѣзъ въ своемъ ходатайствѣ, сказавъ, чтобы онъ ушелъ, какъ пришелъ, и что ни онъ поца, ни попъ его не видали... Такова была судьба отца Петра.

Возвращаюсь къ нашей жизни въ деревнѣ.

Однимъ изъ лучшихъ для насъ развлеченій и удовольствій были поѣздки въ «дубраву». Верстахъ въ 4-хъ отъ села, за крутой Шуманской горой, находился нашъ лѣсъ, называемый «дубрава». Въ то время лѣсъ этотъ былъ «заказной» и росъ довольно густо. По срединѣ его лежала преживописная поляна, съ трехъ сторонъ оканчивающаяся неглубокимъ оврагомъ, по дну котораго, извинаясь въ травѣ, протекалъ родникъ чистой и студеной воды. На полянѣ были двѣ-три ямы, съ обвалившейся землей и заросшія травой. Происхожденіе этихъ ямъ мѣстные жители объясняли двояко: одни говорили, что тутъ когда-то было жилище, и ямы показываютъ остатки погребовъ; другіе—что въ ямахъ этихъ прадѣдъ нашъ, А. В. Мельгуновъ, содержалъ медвѣдей для травли. Мнѣ кажется, что эти оба разсказа правдоподобны, и мнимое разнорѣчіе можно согласить тѣмъ, что прежде тутъ могли дѣйствительно жить лѣсные сторожа, а впоследствии прадѣдъ держалъ здѣсь своихъ медвѣдей; разница заключается во времени: сперва жили люди, а послѣ звѣри.

На эту-то лужайку, окаймленную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, мы иногда ѣздили пить вечерній чай. Заранѣе отправлялась телѣга, нагруженная самоваромъ, угольями, сухарями, булками и прочими чайными принадлежностями; иногда присоединяли ко всему кадушку со льдомъ, въ которомъ стояла «форма» мороженаго; все это доставлялось подъ надзоромъ извѣстнаго балагура-повара Ивана Ѳедорова и кофешенка Прасковьи, въ сопровожденіи прочей дворни, желавшей погулять въ лѣсу и имѣвшей въ перспективѣ попить чайку. Вся эта ватага съ шумомъ и смѣхомъ надъ прибаутками повара отправлялась пѣшкомъ. Намъ въ свое время закладывали тоже извѣстную линейку, со всѣми приѣмами, которые я описалъ, при сборахъ нашихъ въ городъ, и мы, усѣвшись иногда съ учителемъ гувернеромъ, неизмѣнной Полинкой, всего человекъ 7—8, отправлялись въ лѣсъ. Дорогой мать своимъ чистымъ собрано затягивала:

«Возлѣ рѣчки, возлѣ моста» или

«Раснашу ль я (з) пашенку».

Мы своими дѣтскими пискливыми голосами старались поддѣяться къ ней. Выходила, разумѣется, страшная дисгармонія. Мать старается какъ нибудь, направить насъ; все напрасно; выходило, что называется, «кто въ лѣсъ, кто по дрова». Наконецъ мать, видя безуспѣшность своихъ попытокъ, первая начинала смѣяться тому, а за нею—и прочіе. Въ такихъ стараніяхъ какъ нибудь спѣться не видимъ, какъ идетъ время; мы незамѣтно совершаемъ нашъ путь,

въѣжаемъ въ лѣсъ, останавливаемся на полянѣ; тамъ разведены уже въ ямахъ костры; около самовара копошится Прасковья. Ба- лагуръ-поварь, вертя мороженое, рассказываетъ что-то столпившимся около него горничнымъ; тѣ смѣются. На берегу оврага разстилаютъ по травѣ большой персидскій коверъ подъ вѣтромъ отъ костра, чтобы дымъ отгонялъ отъ насъ мошекъ и комаровъ. Въ другой ямѣ разведенъ такой же, если не больше, костеръ, въ дымъ кото- раго ставятъ нашихъ добрыхъ лошадей для защиты отъ слѣпней и оводовъ, которые успѣли уже искушать ихъ до крови, пока мы ѣхали лѣсомъ. Стоянка наша принимаетъ видъ цыганскаго табора.

Напившись чаю и полакомившись, мы надѣвали на голову дегтяр- ные сѣтки въ предохраненіе отъ мошекъ и, взявъ привезенные съ собой кузовья, расходились по лѣсу, безпрестанно «аукаясь», чтобы не расходиться далеко другъ отъ друга. Хожденіе наше по лѣсу часто прерывалось криками, или испуганнымъ «ай!» при видѣ змѣи, или веселымъ: «ахъ! что я нашелъ!». Всѣ сбѣгались на крикъ, и часто оказывалось, что вскричавшій нашелъ грибъ, на видъ, правда, очень красивый, какъ нѣкоторый изъ породы мухоморовъ, но не употребляемый въ пищу. По зову матери, всѣ сходились къ ней; и тутъ начиналось показываніе найденныхъ грибовъ или ягодъ, самовосхваленіе, кто чего больше принесъ. Между тѣмъ, солнце садилось, тѣни отъ деревъ ложились длиннѣе, насту- пали сумерки, въ лѣсу чувствовалась сырость, и мы спѣшили отправляться домой. По возвращеніи бѣжали на кухню, и сами обжаривали въ сметанѣ свои грибы на ужинъ.

По субботамъ, если позволяла погода, выходили на Казанскую дорогу, иногда довольно далеко, встрѣчать отца. Завидя еще издали знакомую, окрашенную въ зеленый цвѣтъ, плетеную бричку, за- пряженную тройкой «георгіевскихъ» коней, опретью и въ пе- регонку другъ передъ дружкой бѣжали на встрѣчу. Отецъ оста- навливался, на рукахъ подымалъ насъ къ себѣ въ бричку и поздоровавшись сажалъ около себя. Потомъ приказывалъ кучеру пускать «георгіевскихъ» коней во всю прыть, и мы летѣли такъ, что захватывало дыханіе: то было намъ наградой за нашу встрѣчу.

Здѣсь я поясню, что значило «георгіевскіе» кони, и расскажу, что это были за лошади.

Отецъ мой не былъ охотникомъ, еще менѣе знатокомъ лошадей; онъ всегда говаривалъ: «мнѣ хотя корову запряги, только чтобы везла»,—но такъ былъ счастливъ въ покупкѣ ихъ, что лошади у насъ всегда были лучше, чѣмъ у другихъ записныхъ охотни- ковъ и знатоковъ. Въ особенности отцу «удались» георгіевскіе кони, такъ имъ прозванные потому, что въ корню ходила лошадь рыжей масти, а на пристяжкахъ—бѣлой. Лошади эти были изъ «косыка», т. е. степныя, и необыкновенно выносливы. Ихъ я за- сталъ еще у отца въ 1829-мъ году, по возвращеніи моемъ изъ

Петербурга, все такими же сильными и ретивыми, какъ оставилъ въ 1827 году. Несмотря на свои уже не молодые года, георгіевскіе кони и тогда выдѣлывали удивительныя вещи. Напримѣръ, на лѣто, по заведенному порядку, мать съ сестрой Вѣрой и братомъ Ильей уѣзжали въ деревню, а отецъ и я оставались въ городѣ: отецъ—какъ служившій въ строительномъ комитетѣ университета; я—какъ готовящійся поступить въ университетъ. По отъѣздѣ матери въ деревню, отецъ непремѣнно находилъ нужнымъ произвести какія либо передѣлки или поправки въ казанскомъ домѣ. Такъ было и въ 1829-мъ году. Отецъ перекладывалъ въ домѣ печи, кромѣ того, перестраивалъ амбары. Для производимыхъ работъ требовался нужный матеріалъ. Подвозка его совершалась георгіевскими конями, не исключая и субботы, т. е. дня, въ который мы отправлялись на нихъ же въ Соловцово.

Утромъ кони возятъ кирпичъ, песокъ, бревна, разный мусоръ; а послѣ обѣда, по выкормкѣ, закладываютъ ихъ въ бричку, и мы 35 верстѣ ѣдемъ не болѣе трехъ часовъ. При этомъ, надо взять во вниманіе, что дорога довольно гориста,—подъемъ на одну Каймарскую гору чего стоилъ; несмотря на то, если кучеръ немного сплоскаетъ, лошади принимались «бить». Обыкновенно начиналось тѣмъ, что коренникъ, приложивъ уши къ шеѣ, бросался впередъ со всѣхъ ногъ, пристяжныя съ особенно имъ присущимъ визгомъ подхватывали, и мы летимъ такимъ образомъ версту, иногда болѣе, пока кучеру не удастся справиться съ ними. Вотъ каковы были «георгіевскіе кони». Всѣ, знавшіе ихъ, не могли имъ надивиться и давали за нихъ дорогую цѣну, но отецъ никогда не соглашался на ихъ продажу.

Настанетъ конецъ сентября, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наше возвращеніе въ городъ. Сборы и порядокъ переѣзда тѣ же, какъ и въ деревню. Мы едва ли еще не съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали этого времени; однообразныя удовольствія деревенской жизни намъ успѣли наскучить.

Вскорѣ послѣ возвращенія въ Морскую слободу насъ ожидало немаловажное развлеченіе и удовольствіе. 2-го октября въ Казани празднуется годовщина покоренія ея царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, или, какъ мы, дѣти, говорили: «Казань сегодня именинница!»

Въ этотъ день, если позволяла погода, мы, дѣти, ходили къ памятнику, воздвигнутому, какъ говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла палатка царя Іоанна Грознаго, во время взятія Казани; въ случаѣ же дождя смотрѣли изъ оконъ дома на церемонію, около него происходившую.

Памятникъ этотъ стоитъ въ лощинѣ между Казанью и Морской слободой, на берегу рѣки Казанки, построенъ изъ дикаго камня въ правильныхъ плитахъ, имѣетъ видъ усѣченной четырехъ-уголь-

ной пирамиды, или конуса съ сръзаннымъ верхомъ, на которомъ водруженъ невысокій золотой жрестъ, формой своей схожій съ орденскими знаками св. Владимира.

По всѣмъ четыремъ сторонамъ памятника устроены фронтоны, лежащіе на четырехъ колоннахъ, по двѣ съ cadaго края. Такъ какъ мѣсто, на которомъ стоитъ памятникъ, покрывается весенней водой,—этимъ путемъ, т. е. котловиной, воды р. Казанки сливаются съ водами р. Волги,—то самый памятникъ поставленъ на насыпи, сдѣланной выше горизонта самага высокаго стоянія водъ, во время разлива. При рытьѣ земли для фундамента и устройства самой насыпи вырыто было очень много человѣческихъ череповъ и костей, которые всѣ собраны, сложены въ склепъ, устроенномъ въ основаніи памятника. Кости эти—необыкновенной величины; если собрать изъ нихъ скелетъ, то онъ будетъ выше трехъ аршинъ. По этому можно судить, какой имѣли тогда ростъ люди. Надъ этимъ костякомъ-склепомъ сооружена церковь въ очень небольшомъ размѣрѣ, въ которой между подлежащей утварью и образами сохраняется портретъ царя Іоанна Васильевича, присланный, какъ говорятъ, имъ самимъ въ Казань вскорѣ послѣ ея покоренія. Портретъ этотъ виситъ надъ входной дверью, противъ алтаря. Отъ времени наружные камни памятника начали крошиться; чтобы предохранить ихъ отъ разрушенія времени, обшили стѣны желѣзными листами и окрасили въ черный цвѣтъ. Памятникъ построенъ при императорѣ Александрѣ I-мъ архитекторомъ Пятницкимъ, по его плану и фасаду.

Въ этомъ-то памятникѣ и происходитъ ежегодно 2-го октября церемонія въ память покоренія Казани, а съ нею вѣстѣ и всего Казанскаго царства. Рано утромъ, приходятъ изъ города войска съ своей артиллеріей. Войска располагаются въ карре, а пушки разставляются по берегу р. Казанки, жерлами обращенныя къ водѣ. Пріѣзжаетъ начальство, пріѣзжалъ и архіерей. Служили обѣдню. По окончаніи ея спускались въ склепъ и тамъ, надъ костяками, сложенными въ открытомъ ящикѣ, въ видѣ гробницы, пѣли панихиду. Когда діаконъ провозглашаетъ: «Вѣчная память воинамъ, на брани животъ свой положившимъ»,—по данному знаку, войска стрѣляли батальнымъ огнемъ, въ которомъ пушечные выстрѣлы, производимые въ равныхъ промежуткахъ, держали какъ бы тактъ... Мы, дѣти, съ любопытствомъ и замираніемъ сердца слѣдили за этими выстрѣлами, видѣли, какъ изъ жерла пушки первоначально показывался огонь, потомъ вылеталъ клубъ дыма, наконецъ грохоталъ перекатами самый выстрѣлъ, далеко разносившійся по водѣ... Въ кустахъ, росшихъ на противоположномъ берегу Казанки, эхо вторило каждому выстрѣлу; казалось, невидимая артиллерія на каждый выстрѣлъ отвѣчала выстрѣломъ. Мало-помалу предстоящая картина заволакивалась пороховымъ дымомъ, въ воздухѣ слышался сильный

сѣрный запахъ пороха. Въ дыму виднѣлось только сверканіе огня, и люди двигались, какъ тѣни. Когда прекращалась пальба, и дымъ понемногу начиналъ расходиться, войска уже успѣли разойтись; казалось, будто они исчезли въ пороховомъ дымѣ. Вслѣдъ за ними и пушки, сверкая своей мѣдью, съ грохотомъ тоже двигались по направленію къ городу. Церемонія оканчивалась до слѣдующаго года.

Всѣ знакомые, какъ участвовавшіе, такъ и присутствовавшіе на церемоніи, обыкновенно пріѣзжали къ намъ. У насъ обѣденный столъ уже накрытъ. Съ пріѣздомъ гостей подавали кушанья. Въ то время обѣдали вообще очень рано: самое позднее, во 2-мъ часу. За столомъ перемѣнамъ кушанья не было числа, и все это, большею частью, жирное, сдобное: различные пироги, кулебяки, соусы, свинина, буженина и т. п. Мы, дѣти, всегда приходили въ восторгъ, когда къ концу обѣда подавали пирожное: лимонное желе, сдѣланное въ формѣ съ пустотой въ серединѣ, въ которой помѣщался зажженный огарокъ свѣчи.

Такая иллюминація блюда несказанно насъ радовала. Шампанскаго тогда не было, или употребляли его въ очень рѣдкихъ случаяхъ; мѣсто его занимали въ изобиліи подаваемыя «наливки» домашняго произведенія, настоянныя на разныхъ ягодахъ: малинѣ, вишнѣ и т. п., и донскія, или такъ называемыя цымлянскія вина, привозимыя въ Казань казаками съ Дона. Между послѣдними винами въ особенности славилось, сколько мнѣ помнится, извѣстное подъ названіемъ «розенъ-бэ»; оно было нѣжнаго цвѣта и очень пріятно на вкусъ.

Послѣ обѣда садились за «бостонъ». Я помню время, когда казанскіе помѣщики играли въ карты на кули, т. е. расплачивались кулями ржаной муки. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ такой куль стоилъ не дороже 2 р. 50 к. асс., что, по нынѣшнему курсу, составляетъ 71½ к. серебромъ. Дешевизна невѣроятная!

Для лакомства подавали моченыя яблоки, домашнія варенья, постилы и конфеты, состоящія изъ леденцовъ и патрончиковъ; такъ назывались небольшія бумажныя трубочки, покрытыя тонкой позолотой; въ трубочки были насыпаны конфеты.

Вечеромъ комнаты освѣщались сальными свѣчами, и при нихъ подавались щипцы для сниманія нагорѣвшей свѣтильни. Щипцы эти устроены были съ забавнымъ для насъ механизмомъ: при раскрытіи, изъ крышки ихъ подымалась пластинка, принимала на себя снятую свѣтильню и потомъ, входя въ свое мѣсто, захлопывалась, при чемъ производила щелканье, и мы, бѣгая отъ одной свѣчки къ другой, безпрестанно снимали нагорѣвшую свѣтильню. Тогда стеариновыхъ свѣчей не знали, а чисто восковыя употребляли только въ торжественныхъ случаяхъ. Послѣ ужина, часовъ въ 9-ть вечера, гости всѣ гурьбой возвращались въ городъ; тѣмъ заканчивался день «именинъ» Казани.

Цѣлью нашихъ осеннихъ прогулокъ было, между прочимъ, посещение Зилантова монастыря и адмиралтейства. Название мужского Зилантова монастыря происходитъ отъ татарскаго слова «Зилантъ», что означаетъ крылатый змѣй или драконъ съ двумя лапами, который и изображенъ въ гербѣ Казанской губерніи. Монастырь находится въ той же Морской слободѣ, устроенъ на возвышеніи, какъ бы искусственно сдѣланномъ. На самомъ дѣлѣ окрестности монастыря представляютъ равнину, и только уголь, образуемый изгибомъ рѣки Казанки, занятый монастыремъ, нѣсколько возвышенъ. Существуютъ два преданія о происхожденіи этой возвышенности: одно говоритъ, что насыпь эта образовалась отъ земли, вынутой при устройствѣ подкоповъ, которые проводились при взятіи Казани въ 1552 году. Другое увѣряетъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣки Казанки жилъ крылатый змѣй—Зилантъ, давшій собой название самому монастырю. Зилантъ, роя себѣ пещеру, набросалъ эту насыпь. Легенда подтверждаетъ это сказаніе тѣмъ, что Зилантъ былъ не простой змѣй и, имѣя двѣ лапы, могъ легко ими рыть землю и носить ее на одно мѣсто... Послѣднее преданіе, какъ болѣе поэтическое, болѣе говорящее воображенію, перенося рассказъ въ область фантази и вымысловъ, слѣдовательно, впадающее въ сказочный міръ, болѣе намъ сродно, и потому преобладаетъ надъ первымъ преданіемъ.

Въ адмиралтейство мы ходили смотрѣть сохраняющуюся и понынѣ подъ навѣсомъ со стеклами галеру, на которой императрица Екатерина II въ 1767 году приплыла изъ Твери въ Казань. Съ напряженнымъ любопытствомъ мы разсматривали каюты, собственно царицей занимаемыя. Къ сожалѣнію, въ нихъ не сохранилось никакой мебели; только однѣ голыя стѣны да сдѣланныя лавки для сидѣнья. Въ одной изъ комнатъ показываютъ на полу слѣды чернилъ, объясняя, что Екатерина, во время своего путешествія, французскій романъ Мармонтеля «Велизарій» разодрала на нѣсколько частей и дала ихъ переводить каждому изъ лицъ, составлявшихъ ея свиту, не устраниая и себя отъ такого труда. Занимаясь этимъ переводомъ, царица и забрызгала чернилами полъ каюты. Въ бытность свою въ Казани Екатерина принимала дворянъ въ залѣ собранія. По окончаніи церемоніи она потребовала дворянскую книгу и собственноручно написала въ ней: «Казанская помѣщица Екатерина». Книга эта, если только не сгорѣла съ домомъ дворянскаго собранія во время пожара 1842 года, должна храниться и понынѣ.

Отъ галеры переходили въ одну изъ залъ адмиралтейства, гдѣ на столикѣ помѣщалась раскрашенная модель трехдечнаго военнаго корабля, въ довольно большомъ размѣрѣ. Внимательно осматривали оснастку: всѣ веревочки съ миниатюрными блочками были на своихъ мѣстахъ, какъ и на настоящемъ кораблѣ. Подражаніе

доходило даже до мелочей: въ окнахъ каютъ были вставлены стекла, фонарики висѣли на надлежащихъ мѣстахъ. Модель эта, по уничтоженіи адмиралтейства, не знаю по какому случаю сдѣлалась собственностью казанскихъ архіереевъ и помѣщается и понынѣ въ ихъ загородномъ домѣ. Изъ залы заходили въ мастерскія, слесарни, заглядывали и въ кузницы; вездѣ работали матросики, большею частью, изъ татаръ. Не забывали взглянуть и на свой катеръ, заново выкрашенный и покоящійся до весны подъ навѣсомъ.

Между тѣмъ наступили морозы, въ воздухѣ лѣниво порхаютъ снѣжинки, потомъ снѣгъ въ видѣ хлопьевъ валить все больше и больше; устанавливается зима со своими вьюгами и мятелями. Удовольствія наши и забавы еще болѣе разнообразятся. Начиналось катанье сперва на салазкахъ по двору, потомъ на ледяной горѣ, устроенной черезъ улицу, прямо противъ нашего дома. Такъ какъ гора обыкновенно дѣлалась довольно значительной высоты, и слѣдовательно, раскатъ былъ дальній, то намъ, дѣтямъ, позволялось только скатываться, сидя на «чуманѣ» или на медвѣжьей шкурѣ. Ушибиться не могли: если и случалось при спускѣ сползать со шкуры или съ чумана, что мы иногда дѣлали изъ шалости, то намъ не предстояло никакого вреда, такъ какъ дальнѣйшій спускъ съ горы мы оканчивали, сидя на своихъ природныхъ салазкахъ. Людямъ, искуснымъ въ управленіи салазками, довѣрялось скатывать насъ съ горы, что составляло для насъ несказанное удовольствіе. Усѣвшись на колѣна катающаго и уцѣпившись крѣпко руками за его ноги, летимъ съ легкимъ замираніемъ сердца съ высококой горы, полной грудью рѣжемъ холодный воздухъ, въ которомъ морозъ сверкаетъ на солнцѣ, какъ огненные итлы, откатываемся далеко, далеко...

Другого рода катанье происходило на «самокатѣ», но этимъ удовольствіемъ мы могли пользоваться только во время вѣтра. Была устроена широкая скамья на полозьяхъ. По срединѣ скамьи утверждена мачта. Мы усаживались на скамью, подымался парусъ, и «самокатъ» силою вѣтра скользилъ по расчищенному льду озера, находящагося въ недалекомъ разстояніи отъ нашего дома. Обоиими этими развлеченіями любили пользоваться и взрослые, нарочно для этого прѣзжавшіе къ намъ изъ города. Иногда собиралось большое общество мужчинъ и женщинъ; кавалеры катали дамъ, послѣднія визжатъ и смѣются. Но мы, дѣти, не очень долголюбивали такіе наѣзды. Намъ не позволялось принимать участіе въ забавѣ взрослыхъ, а оставаться въ наши годы простыми зрителями значило дразнить себя удовольствіемъ другихъ. За подобныя лишенія мы себя вознаграждали тѣмъ, что катали другъ друга по двору на салазкахъ или запрягали въ нихъ нашего большого добраго козла, который былъ очень послушенъ и иногда даже рѣшался пускаться рысью.

Настаютъ «святки». То-то радость! То-то веселье! «Ряженые» будутъ приходять по вечерамъ, занимать насъ.

Обычай «наряжаться» на святкахъ нынѣ выводится даже между низшимъ классомъ людей. Во время нашей молодости, онъ еще существовалъ въ полномъ разгарѣ. Въ лучшихъ знатныхъ домахъ не пренебрегали этой забавою и смотрѣли на затѣи своей дворни не только снисходительно, но поощряли вниманіемъ и угощали.

Обыкновенно вечеромъ намъ объявляютъ: «Пожалуйте, пришли наряженные!». Мы отталкиваемъ отъ себя книги и тетради, по которымъ учили свои уроки, вскакиваемъ проворно со своихъ мѣстъ и стремглавъ летимъ въ залъ. Тамъ визгомъ и пискомъ встрѣчаютъ насъ разнообразныя доморощенные костюмы. Чего нѣтъ между ними? Тутъ и «поводильщикъ съ медвѣдемъ» и неизмѣнной его спутницей «козой»; тутъ и турокъ въ чалмѣ, и чопорная барыня въ допотопной шляпкѣ и пестрой, яркой шали; разные уроды съ горбами то спереди, то сзади... но всѣхъ не перечесть. Въмѣсто маски надѣты на лица лоскутки писчей бумаги съ прорѣзанными отверстиями для глазъ, носа и рта, при чемъ свой собственный носъ и щеки по бумагѣ намазаны сильно кирпичемъ. Другіе, не имѣя масокъ, закрывались просто рукавами своихъ костюмовъ, оставляя на виду одни только глаза. Все это обступаетъ насъ и визгливымъ, не своимъ голосомъ бормочетъ съ нами. Мы стараемся узнать личности. Подымается между братомъ и мной споръ. Одинъ говоритъ: «узналъ, узналъ! это—Федоръ, а это—Авдотья, а это—Варя!», а другой, горячо оспаривая, возражалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, не узналъ, какой это Федоръ? Это—Иванъ, ты видишь, его носъ! А это—Акулина, а это — Клеопатра!». Узнавали мы только безъ спора одного нашего повара, по разнымъ его прибауткамъ и розсказнямъ, несмотря на переряживание его и гримировку. Но лучший любимый нами костюмъ былъ «индѣйскій пѣтухъ». Костюмъ былъ очень не замысловатъ: обыкновенный овчинный тулупъ, съ большого роста человѣка, выворачивали шерстью наружу; кто либо изъ комнатныхъ мальчиковъ, чаще всего поваренокъ, ноги свои просовывалъ въ рукава тулупа, руки складывалъ на груди, и въ такомъ положеніи туловище его завертывали въ тулупъ и запеленывали полотенцами, оставляя только голову, на которую надѣвали шапку съ пришитымъ къ верхушкѣ краснымъ гребнемъ и съ привѣшенными къ бокамъ тоже красными лоскутьями, что все должно было изображать собой пѣтушиныя щеки; назади мальчика прицѣпляли подобіе хвоста. Мальчикъ въ такомъ костюмѣ могъ двигаться только ногами; самъ же и съ спеленатыми руками находился въ своемъ одѣяніи, какъ удитка въ раковинѣ. Нашимъ особеннымъ удовольствіемъ было подкрасться сзади къ такому «пѣтуху» и толкнуть такъ, чтобы онъ упалъ на полъ. Бѣдный «пѣтухъ» дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы подняться на

ноги, и подпрыгиваетъ, и перекатывается съ боку на бокъ; но, лишенный употребленія рукъ, никакъ не можетъ достичь своего и остается въ лежачемъ положеніи, пока кто нибудь не подниметъ его и не поставитъ на ноги. А мы, дѣти, смотря на его барахтанье и прыжки, чтобы встать самому съ пола, заливаемся смѣхомъ. Да и не мы одни увлекались такимъ зрѣлищемъ. Часто отецъ и мать и случившіеся прїѣзжіе посторонніе не отставали отъ насъ въ проявленіи своей веселости... Послѣ разныхъ кривляній и пляски наряженные снимали свои бумажныя маски и усаживались на стулья, составленные въ кругъ посреди зала. Начинали пѣть «подблюдныя пѣсни», играть въ «фанты». Мы усаживаемся тутъ же съ ними. Одна изъ горничныхъ-запѣвалъ звонкимъ голосомъ запѣваетъ:

«Слава царю нашему, слава!»

или

«Идетъ кузнецъ изъ кузницы!» и т. п.

Прочіе подхватываютъ, и звуки, довольно прїятные, льются по дому.

Наше сердце прыгаетъ отъ радости... Въ особенности помню одну оригинальную игру въ «фанты». Зажигали лучинку и старались передать скорѣе сосѣду, пока она еще тлѣетъ. У кого въ рукахъ она гасла, тотъ платилъ «фантъ», то-есть, клалъ на столъ какую нибудь вещь, ему принадлежащую: кольцо, сергу, булавку, платокъ и т. п. При этомъ пѣли приличную для того пѣсню, поражающую своей безсмыслицей:

«Жиль-былъ Курилка,
«Да чуть не умеръ.
«Какъ у нашего Курилушки
«Ножки тоненьки,
«Душа коротенька,
«Жена молоденька!» —

и далѣе опять сначала.

По окончаніи пѣсенъ разыгрывались фанты. Всѣ лежащія на столѣ вещи, собранныя отъ провинившихся, одинъ изъ участвующихъ въ играхъ сладывалъ въ шапку, соединялъ ея края вмѣстѣ, чтобы не видно было самыхъ вещей, и подходилъ къ кому нибудь, прося вынуть фантъ. Пока тотъ запускалъ руку въ шапку, собиравшій фанты спрашивалъ: «Чей фантъ вынется, что тому дѣлать?».

Съ такимъ вопросомъ, а равно и для выниманія фанта, чаще всего обращались къ намъ, дѣтямъ. Мы назначали то плясать, то быть зеркаломъ, то продавать ленты и т. п. Быть зеркаломъ значило повторять всѣ тѣ движенія, какія дѣлалъ тотъ, къ кому подходили. Продавецъ лентъ предлагалъ купить и спрашивалъ, сколько нужно аршинъ. Ему назначали. Тогда и предлагающій и

покупающій, взявшись за руки, вытягивали ихъ во всю длину и потомъ соединяли, повторяя это движеніе столько разъ, сколько было назначено аршинъ, при чемъ каждый разъ цѣловались. Такой жребій, павшій на долю счастливица, возбуждалъ зависть въ другихъ. Я разумѣю мужчинъ, но и горничныя были не прочь отъ такого удовольствія. Затѣмъ подавались лакомства, состояція изъ орѣховъ, пряниковъ и т. п. Дворня съ признательностью принимала такое дешевое угощеніе, цѣня вниманіе къ себѣ господъ... Тѣмъ кончался вечеръ.

Такъ продолжалось до самаго крещенія. Наставала «масленица» со своими блинами и катаньями на татарахъ. Прошу слова «на татарахъ» не принимать въ буквальномъ ихъ смыслѣ. Катались не на татарахъ, а на лошадяхъ, управляемыхъ татарами. Такъ принято говорить, все равно, какъ я бы сказалъ, что пріѣхалъ «на извозчикѣ». Употребленіе и потребление блиновъ считаю излишнимъ описывать: это всеѣмъ извѣстно; но обычай ѣздить «на татарахъ» заслуживаетъ быть упомянутымъ, какъ мѣстный продуктъ.

Нигдѣ въ цѣлой Россіи не существуетъ такого обычая, какъ въ Казани,—обычая ѣздить «на татарахъ». Къ первому дню масленицы изъ окрестныхъ иногда довольно отдаленныхъ деревень съѣзжаются въ городъ татары, большею частью, на парѣ, рѣдко на одной лошади, запряженныхъ въ простыя лубочныя сани, называемыя «пошевни».

На сидѣнье и на задокъ, или спинку, накидывается коверъ, болѣе или менѣе богатый, смотря по состоянію хозяина; лошадямъ въ гривы и хвосты вилетаются разноцвѣтныя ленты, между которыми преобладающій цвѣтъ—красный, вообще же яркій. Самъ хозяинъ татаринъ, въ своемъ національномъ одѣяніи, т.-е. озямъ изъ бѣлаго домашняго сукна, шапкѣ, опушенной мѣхомъ или шкурой барана, съ ярлыкомъ на спинѣ, означающимъ его право возить желающихъ, сидитъ на передкѣ саней и становится на улицѣ тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, онъ скорѣе можетъ найти сѣдоковъ, и потому татарина вездѣ можно встрѣтить, и на перекресткахъ, и по угламъ домовъ, даже посрединѣ улицы; ему нѣтъ опредѣленнаго мѣста. Говорю—вездѣ, потому что татаръ на эти дни наѣзжаетъ въ Казань не одна тысяча. Во время моего дѣтства татары обыкновенно возили, пуская лошадей во всю прыть и за большое пространство проѣзда брали сравнительно весьма малую плату. Нынѣ не то! Нынѣ татары ѣздятъ небольшой рысью и норовятъ взять какъ можно больше за небольшое разстояніе. Я помню, за проѣздъ отъ Морской слободы до города и обратно, что въ оба конца составляеть 6 верстъ, платили 10 коп. асс., т.-е. менѣе, чѣмъ 3 к. сер.; при томъ татаринъ везъ такъ, что захватывало духъ.

Я увѣренъ, что, какъ прежде, такъ и теперь, не найдется ни одинъ челоувѣкъ въ Казани, мужчина, женщина или ребенокъ, ко-

торый бы хотя разъ не проѣхался на татаринѣ. Безъ такой ѣзды и масленица не въ масленицу. Обычай этотъ приносить выгоду татарамъ; большая ихъ часть выручаетъ такъ много денегъ, что за уплатой податей имъ достаетъ на прокормленіе своей семьи до новой масленицы. Не менѣе выгодно и городу: за право возить ѣздоковъ татары обложены опредѣленнымъ сборомъ, по уплатѣ котораго снабжаются «ярлыками», о которыхъ я уже говорилъ.

Но всему есть конецъ! Приходитъ конецъ и масленицы. Настаетъ великій постъ. Унылый звонъ колоколовъ призываетъ къ молитвѣ. Татары, вчерашніе наши радѣтели удовольствія, ходятъ по домамъ, испрашивая «поганыхъ блиновъ». Всѣ оставшіеся блины отдаются имъ. Въ срединѣ поста воздухъ дѣлается теплѣе, рѣже; небо принимаетъ голубоватый съ зеленымъ отливомъ цвѣтъ; дышится легче!.. Начинаетъ чернѣть дорога, снѣгъ рыхлѣетъ; показываются протоки, открываются прогалины. Прилетаютъ скворцы и занимаютъ устроенныя для нихъ скворечницы. Солнце сильно печетъ. Жаворонокъ гдѣ-то въ выси звенитъ колокольчикомъ... Ручьи тающего снѣга увеличиваются день ото дня, вздувается рѣка Казанка, подымаетъ ледъ, который отстаетъ отъ береговъ, трещитъ, ломается съ какимъ-то стекляннымъ звономъ, вода выступаетъ изъ береговъ, низкія мѣста и ямы въ котловинѣ, отдѣляющей насъ отъ города, наполняются водой... Вода все болѣе и болѣе захватываетъ мѣста, и вотъ въ одно утро проснувшись смотримъ въ окно: все пространство до Казани покрыто водой. Вмѣстѣ съ тѣмъ трогается ледъ на рѣкѣ; за нимъ идутъ «расшивы», нагруженныя хлѣбомъ, бѣлѣя своими распущенными парусами. Въ то время на Волгѣ не знали еще пароходовъ, и, если не ошибаюсь, во всей Россіи одни только пароходы Берта бѣгали между Кронштадтомъ и Петербургомъ. Теперь одну Волгу рѣжутъ болѣе 500 пароходовъ разныхъ наименованій и назначеній... Изъ оконъ дома выставляютъ зимнія рамы; весенній воздухъ врывается въ комнаты, обдаетъ своей свѣжестью. Нашъ милый катеръ является передъ домомъ къ нашимъ услугамъ. Наши забавы и удовольствія вступаютъ въ свое обычное круговращательное движеніе, какъ мною описано. Все ближе и ближе подходитъ пора моего ученя. Няня моя, смотря на мои шалости и не въ силахъ будучи прекратить ихъ, все чаще и чаще повторяетъ: «А вотъ, погоди ужь! Скоро быть бычку на веревочкѣ!». Подъ «бычкомъ» подразумѣвался я, а подъ «веревочкой»—мое ученье...

Минуло мнѣ 7 лѣтъ, и меня «посадили за азбуку». Но здѣсь кончается мое дѣтство, наступаетъ періодъ «отрочества». Слѣдующія событія моей жизни въ памяти моей выдѣляются ясно, получаютъ болѣе законченное очертаніе, правильную послѣдовательность.

Н. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БРАТЯ ХРЫЧЕВЫ.

Разсказъ.

I.

ОЗДНІЯ іюньскія сумерки начинали обволакивать пыльную дорогу, мягко стлавшуюся среди зеленыхъ полей. Тѣни отъ попадавшихся кое-гдѣ вербъ становились длиннѣе и неопредѣленнѣе. Когда дорога подымалась на переваль, на далекомъ краю горизонта видно было совсѣмъ красное и тусклое солнце, погружавшееся словно въ какое-то пыльное облако. Тогда косые красные лучи вспыхивали на опушкѣ лѣса, уходившаго куда-то далеко всей своей темнѣющей массой.

По дорогѣ ѣхала повозка съ рогожнымъ кузовомъ. На облучкѣ сидѣлъ молодой парень въ холщевой рубахѣ и небрежно перебиралъ веревочными вожжами, отчего впрочемъ утомленная буланая пара нисколько не прибавляла ходу. Подъ кузовомъ, на охапкахъ сѣна и подушкахъ, неудобно сидѣлъ съ вытянутыми ногами господинъ лѣтъ тридцати шести, въ военной шинели и фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ. Средняго роста, сухощавый, костистый и мускулистый, загорѣвшій, какъ табачный листъ, онъ носилъ на своемъ простомъ, ничѣмъ не отличавшемся лицѣ слѣды утомленія или недавно пережитой болѣзни. Но въ маленькихъ, сѣрыхъ, зоркихъ глазахъ его еще чувствовался молодой огонекъ, и въ склад-

кахъ губъ съ бритыми по тогдашней модѣ усами какъ будто за-
легло выраженіе, отзывавшееся силой.

Чтобы лучше разглядѣть мѣстность, господинъ этотъ нагнулся
всѣмъ туловищемъ впередъ и наконецъ высунулъ голову изъ-
подъ кузова.

— Никакъ это ужъ пороховскіе лѣса?—обратился онъ къ воз-
ницѣ.

Тотъ сейчасъ же наполовину повернулся къ нему на облучкѣ.

— Пороховскіе и есть,—отвѣтилъ онъ.— Вотъ, сколько глазъ
видитъ, все они и есть. За лѣсомъ и усадьбы не видать. Только
глянь-ка вонъ туда, ваше благородіе—(онъ протянулъ руку)—вер-
хушка креста словно горитъ. Тамъ и есть усадьба. Церковь, зна-
чить, рядомъ.

— Ишь вѣдь, лѣсомъ-то всю округу заняло; конца-краю не ви-
дать,—произнесъ какъ бы про себя проѣзжіи.—А что, Пороховъ-то
самъ живъ?—добавилъ онъ громче.

— Гдѣ живъ! Лѣтъ пять какъ померъ. Дочернее теперь все. А
слышь ты, и дочка-то овдовѣла. Въ прошломъ году мужъ ея въ
заморской сторонѣ померъ. Она какъ вышла замужъ, все больше
въ чужихъ государствахъ съ нимъ жила. Теперь, говорятъ, ждуть
ее здѣсь.

— Эка перемѣнъ что!—какъ будто съ отѣнкомъ грусти про-
изнесъ проѣзжіи.—Да и то сказать: вѣдь безъ малаго двадцать
лѣтъ не бывалъ дома. На семнадцатомъ году уѣхалъ.

Возница еще больше повернулся на облучкѣ.

— Воевалъ все, ваше благородіе?—спросилъ онъ.

— Воевалъ,—подтвердилъ проѣзжіи и усмѣхнулся.—А не то
въ походахъ да на стоянкахъ прохлаждался. А не то почитаи пол-
года послѣ итальянской войны въ госпиталѣ провалялся.

— Ранили, небось?

— Прорѣштели немало. Всего было.

Ямщикъ окинулъ его взглядомъ, словно надѣясь рассмотреть,
какъ такъ прорѣштели его благородіе. Но затѣмъ по молодому
лицу его скользнула угрюмая тѣнь.

— Ты вотъ хоша черезъ двадцать лѣтъ, да домой доплелся,—
сказалъ онъ.—А изъ нашихъ сколько за то время на войну угнали,
а никто по сей часъ не вернулся.

— Неужто никто?

— Какъ есть ни одинъ человѣкъ. Можетъ, которые и живы еще,
да нѣтъ отъ нихъ ни слуху, ни духу. И скажи ты мнѣ, ваше бла-
городіе, неужто такъ завсегда воевать будутъ? Какъ имъ народу
не жалко! А, можетъ, перестанутъ теперь?

Проѣзжіи опять усмѣхнулся.

— Хотя въ настоящее время російскія войска не воюютъ,
однако же надо такъ полагать, что еще большія войны будутъ,—
сказалъ онъ.

Молодой парень окончательно повернулся спиной къ лошадамъ.

— Что жъ такъ? Какое нибудь царство завоевать порѣшили?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не то, а причина такая, что у французовъ очень славолубивый генераль императоромъ сдѣланъ и вмѣсто прежнихъ королей на престолѣ воцарился,—объяснилъ проѣзжій.—По всѣмъ видимостямъ много съ нимъ воевать придется.

— Ишь ты, дѣло-то какое,—отозвался парень и неодобрительно тряхнулъ головой.—А ты, ваше благородіе, не хрычевскій ли баринъ будешь?

— Да, я Хрычевъ, капитанъ Семенъ Ивановичъ Хрычевъ.

— Вотъ я такъ и домекнулся. Потому чужіе въ Хрычевку и не ѣздятъ. Батка-то твой померъ?

— Померъ.

— Такъ оно и есть. Вотчину, значить, принимать ѣдешь.

Проѣзжій помолчалъ и сталъ еще пристальнѣе вглядываться въ окружающую мѣстность. За переваломъ обрисовалась въ сумеркахъ небольшая усадьба.

— Вонъ она, Хрычевка-то твоя,—указалъ на нее возница.— Нонѣ, надо быть, народъ тамъ повеселѣлъ сколько нибудь.

— Почему?

— Да какъ почему? Дѣло простое. Батка-то твой лють былъ.

— Лють?

— Сказывали. Потому, говорятъ, лють, что чинъ на немъ большой былъ. Бригадиромъ никакъ былъ.

Проѣзжій опять замолчалъ. Отзывъ объ отцѣ неприятно кольнулъ его въ сердце.—«А впрочемъ,—подумалъ онъ,—у нихъ кто всякимъ ихъ непотребствамъ не повадчикъ, тотъ и лють. Строгий человекъ былъ отецъ, однако про лютость его не слыхалъ».

Парень подтянулъ вожжи, переложилъ шапку на правое ухо, подъ которымъ у него болталась серебряная серьга, и даже присвистнулъ. Буланая пара подхватила, благо дорога шла уже подъ гору, и повозка, объѣхавъ вскачь далеко растянувшіяся службы, подкатила къ низенькому крылечку длиннаго стараго одноэтажнаго дома.

На это крылечко, слышавъ колокольчикъ, прибѣжалъ изъ бокового флигелька старикъ лѣтъ шестидесяти-двухъ, съ длинной сѣдой бородой, подпоясанный поверхъ полукафтаныя широкимъ бумажныхъ поясомъ, а вслѣдъ затѣмъ изъ внутреннихъ покоевъ вышла женщина лѣтъ сорока, полная, съ благодушно-серіознымъ лицомъ, гладко зачесанными и подобранными подъ повойникъ волосами, и небольшими, опрятными, бѣлыми руками. Одѣта она была въ свѣжее холстинковое платье съ чернымъ каленковымъ передникомъ.

Оба они съ радостно растерянными лицами взглянули на приѣз-

жаго. На этихъ лицахъ выражался вопросъ: «нашъ баринъ, или нѣтъ?». Но возница, уже соскочившій съ облучка, подмигнувъ имъ. Старикъ повалился въ ноги.

— Батюшка, Семень Ивановичъ, милостивецъ нашъ!—проговорилъ онъ.

— Порфирій?—вопросительно отнесся къ нему капитанъ.

— Онъ самый, рабъ твой низжайшій. Господу Богу благодареніе за благополучное прибытіе... — продолжалъ, медленно поднимаясь, старикъ, и окладистое лицо его приняло простодушно-умиленное выраженіе.

— И о тебѣ домекаюсь: Петровна?—обратился Хрычевъ къ женщинѣ, которая уже ловила его руку.

— Она самая и есть,—подтвердилъ за нее старикъ.—А мы ужъ тутъ ждали-заждались...

На дворъ, между тѣмъ, выползли откуда-то всякаго рода люди и, окруживъ барина, кланялись въ поясъ и имѣли на лицахъ такое же подобострастно-умиленное выраженіе. Молодой парень, привезшій Хрычева и успѣвшій уже скинуть съ повозки подушки и кое-какую кладь, похаживалъ между дворовыми и сообщалъ вполголоса:

— Хорошій баринъ, доступчивый. Дорогою со мною по душѣ разговорился. Какъ есть все это про войну разъяснилъ и про бѣлаго царскаго генерала, который у французовъ за мѣсто короля объявился. И страшную же, братцы, онъ теперь войну поведетъ: всѣхъ расейскихъ войскъ мало будетъ.

— Въ горницы, батюшка баринъ, пожалуй; мы всякаго твоего распоряженія ждемъ,—пригласилъ Порфирій.

II.

Но въ ту минуту, когда Хрычевъ собирался ступить на крылечко, до слуха его донесся странный шумъ. Чей-то разбитый, натуженный до послѣдней возможности голосъ тянулся издалека. Въ деревнѣ тоже раздавались голоса, и какіе-то мужики бѣжали одинъ за другимъ въ сторону, противоположную той, откуда пріѣхалъ Хрычевъ.

Порфирій, стоя на верхней ступени крылечка, зорко вглядывался по направленію проселка, тянувшагося по лѣнному логу къ почтовой дорогѣ.

— Что за оказія? Видать, какъ карета передъ гатью остановилась. Обломалась, что ли? Да ужъ не баринъ ли Натолій Ивановичъ?—говорилъ онъ съ безпокойствомъ.—Больше-то вѣдь некому и проѣзжать здѣсь, окромя твоего брата.

Хрычевъ сейчасъ же повернулъ и, подобравъ полы своей запыленной и забрызганной шинели, быстрыми шагами пошелъ по

направленію къ мѣсту, откуда доносился призывавшій на помощь голосъ.

Дѣло вскорѣ объяснилось: поперекъ гати лежало бревно, а передъ бревномъ находилась порядочная яма. Ямщикъ не примѣтилъ этой ямы, и переднія колеса дормеза, погрузившись въ нее по ступицу, уже не могли перекатиться черезъ бревно. Громоздкій рыдванъ тотчасъ остановился, построжки оборвались, лошади попадали. Ямщикъ дикимъ голосомъ кричалъ и махалъ руками, торопя шедшихъ изъ деревни мужиковъ.

Семень Ивановичъ, подойдя, увидѣлъ впереди господина лѣтъ тридцати, довольно красивой наружности, въ плащѣ и шляпѣ съ широкими полями. Этотъ господинъ шелъ прямо ему навстрѣчу, прищурившись и помахивая тростью съ дорогимъ набалдашникомъ. Шагахъ въ двухъ онъ остановился и, протянувъ лѣвую руку какъ бы для привѣтствія, произнесъ съ пріятною картавостью:

— Не брата ли моего, Семена Ивановича, я вижу?

Тогда Семень Ивановичъ быстро приблизился, сжалъ его въ объятіяхъ и трижды поцѣловалъ.

— Вотъ какой вы стали, братецъ Анатолій. Красавецъ да щеголь, а по-вашему петиметръ,—сказалъ онъ и, отступивъ на шагъ, еще разъ оглядѣлъ брата съ головы до ногъ.—Ей-ей, петиметръ Миѣ рядомъ стыдно и взглянуть на себя.

Анатолій Ивановичъ, опершись на трость, слегка покачивался и улыбался, показывая отличные бѣлые зубы.

— Хорошо, однако, меня здѣсь принимаютъ, въ своей вотчинѣ: чуть шею не свихнуть, да и дормезъ, пожалуй, обломали,—сказалъ онъ.

— Да что такое случилось?—спросилъ Семень Ивановичъ.

Анатолій объяснилъ. Лошадей между тѣмъ выпрягли, и собравшіеся мужики принялись было подымать передокъ рыдвана.

— Дурачье! Бревно уберите, вотъ что,—прикрикнулъ на нихъ Семень Ивановичъ.—А васъ, братецъ, не утомитъ пройти шаговъ двѣсти до дома? И какъ мы удивительно съѣхались: не то что въ одинъ день, а въ одинъ часъ.

Семень Ивановичъ хотя былъ старше брата, но какъ будто стѣснялся его щеголеватой внѣшности и предпочиталъ оставаться съ нимъ на «вы».

Анатолій Ивановичъ, драпируясь въ плащъ и помахивая тростью, пошелъ рядомъ съ нимъ, приказавъ сопровождавшему его человѣку остаться при рыдванѣ.

— Совсѣмъ, какъ чужіе, мы съ вами встрѣчаемся, братецъ,—заговорилъ онъ своимъ красивымъ баритономъ.—И тѣмъ болѣе, что при превратностяхъ вашей походной жизни, мы и въ перепискѣ почти не состояли. Судьба наша была до чрезвычайности различна. Оба мы малолѣтними покинули отчій домъ; но вы — чтобы объять

бранное поприще и влести въ нашъ родовой гербъ новые лавры...

— Что, вы, братецъ, какъ это можно такъ говорить!—смущенно перебилъ капитанъ.

— А я,—продолжалъ, не обращая вниманія на этотъ протестъ, Анатолій,—я отдался честолюбію двора и высшей чреды гражданской службы. Не сомнѣваюсь, что каждый изъ насъ послѣдовалъ своему призванію и умѣлъ увѣнчаться соотвѣтственными успѣхами. Сколько умѣю судить, вы достигли степени капитана. Сожалѣю, что геройская служба ваша протекла не въ блестящихъ рядахъ гвардіи...

— «Что это онъ, словно поетъ надо мною»,—подумалъ Семень Ивановичъ и сказалъ вслухъ:

— Помилуй Богъ, братецъ, какая же геройская служба? У насъ героемъ былъ только покойный генералиссимусъ. И что мнѣ въ гвардіи дѣлать? Я человѣкъ простой.

— А я тѣмъ временемъ также стяжалъ многія отличія,—продолжалъ прежнимъ тономъ Анатолій.—И наипаче при настоящихъ обстоятельствахъ и при принадлежности моей къ новому двору, уповаю видѣть предъ собою открытымъ поприще гражданской службы до наивысшихъ даже степеней. Не вдаваясь въ хвастовство или кичливость, дозволяю себѣ сказать, что въ настоящее время, при молодомъ нашемъ императорѣ, преисполненномъ стремленій къ человѣколюбивымъ усовершенствованіямъ, требуются люди, столь же проникнутые просвѣщеніемъ.

— Про молодого императора много уже вездѣ слышится хорошаго,—замѣтилъ Семень Ивановичъ.

— По сему можете судить, братецъ, сколь велико восхищеніе тѣхъ, кои, подобно мнѣ, могутъ почестъ себя приближенными къ его сіянію,—заклучилъ Анатолій Ивановичъ.

На Семена Ивановича рѣчи брата производили такое впечатлѣніе, какъ будто что-то все болѣе раздвигало ихъ.

— Вижу, что обоюдныя судьбы наши весьма разнствуютъ,—сказалъ онъ.—Жизнь наша текла въ несходныхъ направленіяхъ, и единая токмо соединила насъ теперь кончина родителя. Получивъ сіе печальное извѣстіе, я не могъ тотчасъ пріѣхать, ибо лежалъ въ госпиталѣ больной ранами, и впоследствии тщетно хлопоталъ нѣкоторое время о полученіи отпуска.

— Я же подобнымъ образомъ удержанъ былъ обстоятельствами службы, въ коей при воцареніи молодого императора великая проявилась суета,—объяснилъ съ своей стороны Анатолій.—И при томъ желаніе мое было прибыть сюда не иначе, какъ одновременно съ вами, братецъ. А посему, получивши письмецо ваше, пущенное изъ Екатеринослава, разсчиталъ я такимъ образомъ,

чтобы ежели не упредить васъ, то и не затруднить своимъ опозда-
ніемъ.

— И словно какъ по волшебному дѣйствию, съѣхались въ день
и въ часъ,—весело заключилъ Семень Ивановичъ.

III.

Хрычевы вступили въ господскій домъ, и сейчасъ же вслѣдъ
за ними прошла неторопливой и важной походкой Петровна, сопро-
ждаемая краснощекой дѣвкой, тащившей самоваръ. У самой Пет-
ровны въ рукахъ былъ ларецъ краснаго дерева, съ чаемъ и са-
харомъ. Она провела братцевъ въ угловую комнату съ широкою
стеклянною дверью въ садъ и принялась хозяйничать, похаживая
вокругъ стола.

Анатолій Ивановичъ нѣсколько минутъ наблюдалъ за нею, на-
смѣшливо потягивая своими красивыми губами, потомъ подтолк-
нулъ брата и сказалъ вполголоса:

— La bonne à rара, hein?..

— Какъ-съ?—всполошился Семень Ивановичъ и покраснѣлъ.
Онъ понялъ французскую фразу, но ему не хотѣлось отвѣчать
на нее.

— Вы, милая, тутъ и живете, въ этомъ самомъ домѣ?—обра-
тился Анатолій къ Петровнѣ.

— Жила тутъ. Надо же было кому нибудь за домомъ присмот-
рѣть,—отвѣтила ключница.

Что-то похожее на чувство достоинства выразалось въ ея го-
лосѣ и движеніяхъ.

— Я ничего не имѣю противъ того, чтобы вы продолжали тутъ
жить, ничего не имѣю,—произнесъ Анатолій.—И вы, братецъ, вѣ-
роятно, также?

— Помилуйте, братецъ, что же я могу имѣть?—поспѣшно под-
твердилъ Семень Ивановичъ.

— У васъ, конечно, все въ сохранности, что осталось послѣ
покойнаго родителя нашего?—продолжалъ Анатолій:—серебро, по-
суда, платье, вещи разныя?

— Все какъ есть въ полной сохранности,—отвѣтила Петровна.—
Какъ при жизни покойнаго батюшки вашего все хозяйство у меня
на рукахъ было, такъ и по кончинѣ его цѣло осталось. Мы тогда
съ Порфиріемъ Васильевичемъ все какъ есть перебрали и по мѣ-
стамъ уложили. Цѣло все.

Вошелъ, слегка откашливаясь, Порфирій и почтительно остано-
вился подлѣ дверей.

— Вы бы, Петровна, присѣли, да и вы тоже, Пофирій Василье-
вичъ,—сказалъ Семень Ивановичъ.

Петровна медленно отошла къ самому дальнему стулу и спокойно сѣла. Порфирій только крикнулъ и поклонился, но не сѣлъ. Онъ успѣлъ замѣнить надѣтые на босую ногу башмаки высокими огромными сапогами, смазанными дегтемъ. Отъ этихъ сапоговъ шелъ сильнѣйшій запахъ.

— Коли угодно будетъ принять деньги и всякую движимость, какая послѣ покойнаго батюшки осталась, то извольте приказать, а у меня все въ полной готовности состоитъ,—заявилъ онъ.—Мнѣ, признаться, въ большую было тягость деньги оберегать: ночи бывало не спишь, все думаешь, какъ бы лихой человекъ не забрался. Хлигелекъ-то старенькій, долго ли поджечъ, да и меня самого тамъ сжарить.

— Гдѣ же у васъ деньги хранятся?—спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— А въ томъ самомъ сундукѣ, какъ при покойномъ баринѣ,—отвѣтилъ Порфирій.—И сундукъ-то у меня подъ кроватью стоитъ.

— И много денегъ?—съ дѣланною небрежностью полюбопытствовалъ Анатолій Ивановичъ.

Порфирій даже головой тряхнулъ.

— Много. Мы даже и сосчитать не умѣли,—отвѣтилъ онъ.—Всякія деньги: ассигнаціи, золото, серебро; мѣди тоже большой мѣшокъ. Ассигнаціями, надо быть, тысячъ десять есть. Да червонцами тысячъ шесть. А еще заграничными монетами очень много, такъ тѣхъ не сосчитали, не знаемъ. Серебра тоже за двѣ тысячи будетъ. Большая казна.

Братья переглянулись и помолчали.

— А по хозяйству тоже все въ порядкѣ,—продолжалъ Порфирій.—Какъ при покойномъ баринѣ было, такъ и послѣ него. Я потачки никому не давалъ. Вотъ если сами распорядитесь, можетъ, сколько нибудь поослобоните народъ, а я въ это не вступался.

— А развѣ тяжело?—спросилъ Семенъ Ивановичъ.

Порфирій опять тряхнулъ головой.

— Тяжеловато. Покойный батюшка-то строгій былъ человекъ, да и своего упустить не любилъ. Притомился народъ, надо правду сказать,—объяснилъ онъ.—А только надо тоже и такъ разсудить, народъ у насъ не балованный, худа большого отъ строгости этой ему нѣтъ.

— Я тоже такъ думаю,—процѣдилъ Анатолій.

— Вѣдь народъ глупъ,—какъ бы съ удовольствіемъ подхватилъ Порфирій.—Ослобонишь его вотъ настолько, а ему больше подавай. Распустить-то вѣдь не долго.

Анатолій все больше морщился, втягивая носомъ дегтярный запахъ сапоговъ Порфирія.

— Ну, вы теперь ступайте, мой милый, а когда будетъ нужно мы позовемъ васъ,—сказалъ онъ.

Порфирій поклонился и вышелъ. Петровна тоже поднялась и вышла вслѣдъ за нимъ.

— Намъ надо будетъ, конечно, осмотрѣть все хозяйство и установить порядки,—сказалъ Анатолій.—Надо узнать, что приноситъ эта Хрычевка. Покойный отецъ не очень-то много высылалъ мнѣ, хотя при моемъ положеніи въ Петербургѣ издержки у меня были весьма изрядныя.

— Полагаю, что на одно ваше щегольство большія деньги уходили,—замѣтилъ Семень Ивановичъ, и еще разъ оглядѣлъ брата съ головы до ногъ. При этомъ онъ подумалъ, что покойный отецъ въ послѣдніе годы совсѣмъ ничего не высылалъ ему, а жалованье выдавалось иногда не аккуратно, и нужда случалась большая. Но онъ подумалъ объ этомъ безъ всякой досады и сейчасъ же мысленно добавилъ, что въ походахъ да на глухихъ стоянкахъ новенькихъ мундировъ, пожалуй, и не надо совсѣмъ.

Анатолій откинулся на деревянную спинку стула и вытянулъ ноги, обувъ въ англійскіе ботфорты. На губахъ его играла самодовольная улыбка.

— Вращаясь въ высшемъ петербургскомъ свѣтѣ, невозможно отставать отъ другихъ,—сказалъ онъ.—Щегольство щегольствомъ, а и, кромѣ того, издержекъ превеликое множество. Вы представьте себѣ, братецъ, что за одну квартиру я плачу тысячу рублей ассигнаціями въ годъ. За то и квартира у меня въ Милліонной улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ императорскаго дворца. Четверка лошадей, кучера, лакеи, повара—всѣхъ кормить надо. А теперь, вы сами знаете, за ассигнаціонный рубль немного больше полтины даютъ.

— Чай, при такомъ образѣ жизни не иначе, какъ въ долги вошли?—замѣтилъ Семень Ивановичъ.

Анатолій сдѣлалъ гримасу.

— Безъ этого ужъ, конечно, не обошлось,—отвѣтилъ онъ.—Но теперь, вступая въ наслѣдство, уповаю, что и кредитъ мой утвердится. Кстати, братецъ: деньгами, которыя остались послѣ батюшки, я желалъ бы воспользоваться, соотвѣтственно увеличивъ вашу долю въ недвижимомъ владѣніи. Такъ какъ батюшка не выразилъ своей послѣдней воли въ завѣщаніи, то мы властны раздѣлиться по своему усмотрѣнію.

Семень Ивановичъ подумалъ и сказалъ, что въ наличныхъ деньгахъ онъ не нуждается, и готовъ согласоваться съ желаніемъ брата.

— Только сдается мнѣ,—добавилъ онъ,—что въ Петербургѣ деньги эти разматываются у васъ зря. А если бы, въ случаѣ чего, пришла вамъ крайность и пожелали бы вы Хрычевку продать, то на это я не согласенъ. Объ этомъ, братецъ, я вамъ прямо заявляю. Имѣніе родовое, и въ родѣ у насъ останется. Тутъ и могли родителей и предковъ нашихъ. Вотъ кстати и вспомнилось

мнѣ: вѣдь мы еще не поклонились могилѣ батюшки. Я велю сейчасъ поца позвать, и мы туда пойдѣмъ и отстоимъ панихиду.

Анатолій Ивановичъ согласился.

IV.

Посѣщеніе могилы отца навѣяло на Семена Ивановича грустное настроеніе.

— Вотъ, братецъ, и при жизни мы почти не знали своего родителя, и при кончинѣ его не привелось быть,—заговорилъ онъ, шагая уже впотъмахъ на перерѣзъ по широкому лугу, отдѣлявшему церковь отъ усадьбы.—И сколько уже великихъ жизней прервала смерть. Скончался и самъ генералиссимусъ, Александръ Васильевичъ Суворовъ, и императоръ Павелъ Петровичъ скончался..

— Ну, генералиссимусъ вашъ давно уже изъ ума выжилъ,—небрежно замѣтилъ Анатолій.

Семень Ивановичъ остановился и даже раскрылъ ротъ отъ изумленія.

— Какъ? какъ вы сказали, братецъ?—переспросилъ онъ, и при этомъ нижняя губа его странно задрожала.

— Въ Петербургѣ давно уже смѣялись надъ его чудачествами,— пояснилъ Анатолій. — Согласитесь, братецъ, нельзя же при дворѣ пѣтухомъ пѣть.

— А, пѣтухомъ пѣть... Такъ вѣдь это орелъ пѣтухомъ пѣлъ, вотъ что-съ,—съ волненіемъ выговорилъ Семень Ивановичъ.— Да-съ, орелъ, который воспарилъ надъ Альпами, вотъ-съ. И который съ налету билъ...

— Однакоже, дѣйствовалъ съ большими ошибками противъ правилъ стратегіи и тактики, такъ что только слѣпое 'счастье часто выручало его,—равнодушно возразилъ Анатолій.

Семень Ивановичъ поблѣднѣлъ, и нижняя губа его затряслась еще болѣе.

— Я удивляюсь, братецъ, какъ вы можете такъ судить,—проговорилъ онъ, почти задыхаясь отъ волненія.—Суворовъ... Суворовъ... это богатырь, вотъ-съ. Его подвиги превзошли все, что записано въ военную исторію. Онъ не только самъ былъ богатырь, но изъ каждаго вшиваго солдатишки богатыря дѣлалъ. Вы, братецъ, ужъ пожалуйста... Вы никогда такъ про Александра Васильевича не выражайтесь.

Анатолій Ивановичъ посмотрѣлъ на брата съ насмѣшливымъ удивленіемъ, пожалъ плечами и посвисталъ.

— Я думаю, намъ надо будетъ осмотрѣть имѣніе и разсудить, дастъ ли оно надлежащій доходъ,—сказалъ онъ черезъ минуту.— Покойный отецъ, говорятъ, былъ хорошій хозяинъ, но придержи-

вался во всемъ старой рутины, тогда какъ въ настоящее время извѣстны многіе способы, коими можно возвысить доходность.

Семень Ивановичъ сомнительно покачалъ головою.

— Развѣ вы, братецъ, имѣете въ намѣреніи серьезно заняться хозяйствомъ?—спросилъ онъ.

— Для этого мнѣ пришлось бы пожертвовать всей перспективой, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это было бы прямо неразумно,—отвѣтилъ онъ.—Но можно было бы прислать сюда управляющаго, англичанина или нѣмца, доподлинно знакомаго со всѣми усовершенствованіями агрикультуры.

— Ну, нѣтъ, это что же-съ! — съ живостью возразилъ Семень Ивановичъ.—Наслышанъ я много объ этихъ управляющихъ, только не съ хорошей стороны. Да и вотчина наша не столь значительна. А осмотрѣться, конечно, слѣдуетъ. Если вы на томъ согласны, то завтра съ утра и поѣдемъ въ объѣздъ.

Утро слѣдующаго дня выдалось погожее, яркое. Къ крылечку господскаго дома спозаранку подали линейку на круглыхъ рессорахъ, заложенную старымъ, застоявшимся рысакомъ, на которомъ еще покойный бригадиръ ѣздилъ лѣтъ десять. Братя проѣхали прямо на «порядокъ», зашли въ двѣ-три избы, осмотрѣли скотъ и гумна, опросили мужиковъ, и въ садикѣ у старосты напился густого, какъ сливки, молока съ отлично выщеченнымъ чернымъ хлѣбомъ. Видъ нѣкоторой зажиточности пріятно подѣйствовалъ на Семёна Ивановича.—«А при покойномъ батюшкѣ мужичкамъ-то, какъ видно, не дурно жилось, даромъ, что они его лютымъ прославили»,—подумалъ онъ.

Потомъ объѣхали поля, и такъ какъ солнце поднялось высоко и начинало припекать, Анатолій Ивановичъ предложилъ свернуть въ лѣсокъ и возвратиться домой другимъ путемъ, со стороны почтовой дороги и пороховскаго лѣса.

Узкая песчаная просѣлка безъ конца тянулась между мохнатыми елями и прямыми, частыми соснами. Густая хвоя казалась прозрачной отъ пронизывавшаго ее солнца. Старый рысакъ, притомившись, плохо передвигалъ ногами и только обмахивался хвостомъ отъ облѣпившихъ его оводовъ. Братя почти не разговаривали между собою.

Вдругъ сзади донесся звонъ колокольчика, топотъ лошадиныхъ ногъ, глухо задѣвавшихъ копытами корневища, и тяжелое громаханье дорожнаго экипажа. Всѣ эти звуки близились, становились явственнѣе, и наконецъ покрылись громкимъ окрикомъ ямщика:

— Гей! гей! сторонись!

Братя оглянулись. На нихъ ѣхала запыленная, забрызганная карета заграничнаго вида, съ нарощею на колесахъ грязью. Почтовая четверня бѣжала крупной рысью, а ямщикъ, повидимому, очень мало заботился о томъ, что на этой узкой дорогѣ невозможно было объѣхать на всемъ ходу застрявшую впереди линейку.

— Держи къ одной!— снова окрикнулъ ямщикъ, не убавляя рыси. Семень Ивановичъ, сидѣвшій впереди и правившій, ударилъ рысака вожжей и такъ круто повернулъ вправо, что линейка совсѣмъ прижалась къ стволамъ деревьевъ. Анатолій приподнялся, и, размахивая тростью, крикнулъ ямщику:

— Тише, каналья!

Но почтовые лошади, разбѣжавшись, продолжали нести, и не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ карета зацѣпила за линейку и опрокинула ее. Оба брата вывалились на дорогу. Изъ окна кареты выглянуло испуганное женское лицо.

Это было очень красивое лицо молодой женщины, въ дорожномъ плащѣ съ капюшономъ, покрывавшимъ голову. Складки капюшона придавали особую миловидность всему прелестному облику, изящному, нѣжному и оживленному. Большіе темносѣрые глаза глядѣли съ безпокойнымъ любопытствомъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Карета остановилась. Сидѣвшій на козлахъ лакей въ плащѣ зяграницаго покроя соскочилъ и подошелъ къ дверцѣ.

Анатолій первый поднялся и прежде всего подбѣжалъ къ козламъ, и, размахнувшись тростью, вытянулъ ею ямщика. Только потомъ уже онъ замѣтилъ хорошенькую женскую головку. Онъ покраснѣлъ и, снявъ свою запачканную при паденіи шляпу, подошелъ къ окну кареты.

— Боже мой, какъ это случилось?—воскликнула дама.

— Случилось очень просто, благодаря ротозѣйству вашего ямщика, въ отношеніи котораго, право, жаль было бы ограничиться однимъ ударомъ палки, — объяснилъ Анатолій, съ величайшимъ любопытствомъ вглядываясь въ лицо дамы и сразу захваченный ея красотою.—Позвольте себя представить: камеръ-юнкеръ Хрычевъ, здѣшній помѣщикъ.

— Хрычевъ? изъ Хрычевки?—переспросила дама, тотчасъ оживляясь.—Но вѣдь, значить, я васъ знаю. То-есть скорѣе по имени, конечно. Когда я была маленькая, вы бывали у насъ въ Пороховкѣ. Только я совсѣмъ, совсѣмъ васъ не помню...

— Зато я прекрасно васъ помню, хотя вы изъ маленькой дѣвочки превратились въ цвѣтущую красавицу,—отвѣтилъ, улыбаясь, Анатолій.

Молодая женщина сдѣлала кокетливую гримаску.

— А это вашъ братъ?—спросила она, кивнувъ на Семена Ивановича, который, почистившись и оставивъ своего рысака, тоже подходилъ къ каретѣ, снявъ фуражку.

Анатолій отвѣтилъ утвердительно.

— Сосѣди,—произнесла дама съ любезной улыбкой.—Васъ я тоже совсѣмъ не помню. Ахъ, нѣтъ, припоминаю: вы разъ посадили меня на свою лошадь, и мнѣ потомъ за это досталось...

Семень Ивановичъ не говорилъ ни слова. Онъ только кланялся,

не отрываясь глазами отъ красивой головки, и все болѣе краснѣлъ.

— Можетъ быть, вы меня не узнали? Можетъ быть, мнѣ надо назвать себя?—продолжала дама, забавляясь его смущеніемъ.— Бывшая Таисочка, а потомъ Таиса Лаврентьевна Порохова, а теперь Баблонская.—И вдова!—добавила она съ маленькимъ и, какъ показалось Анатолію, не совсѣмъ искреннимъ вздохомъ.

Сидѣвшая рядомъ съ нею горничная-нѣмка тоже вздохнула, какъ будто поняла, о чемъ шла рѣчь.

— Судьба, очевидно, насъ балуетъ, посылая намъ неожиданно такое прелестное сосѣдство,—сказалъ Анатолій, продолжая любоваться молодой женщиной совсѣмъ влюбленными глазами.— Сочтемъ себя счастливыми, если разрѣшите бывать у васъ на вечерахъ сосѣдства.

— *Mais comment donc!*—оживленно воскликнула Баблонская.— Я намѣрена вести здѣсь очень уединенную жизнь, но не хотѣла бы совсѣмъ лишиться себя человѣческаго общества. Пріѣзжайте завтра же. А теперь до свиданья, прикажите моему ямщику ѣхать. Ахъ, я еще не извинилась за него. Но мосье Анатоль немножко уже рассчитался съ нимъ...

Она вдругъ припомнила, какъ перевернулась линейка, и оба брата полетѣли на землю, растопыривъ руки. Это было такъ забавно, что она не выдержала и расхохоталась.

— Да, вамъ смѣшно...—пробормоталъ Анатолій.— Пошелъ, каналья!—прикрикнулъ онъ на ямщика.

Карета тронулась, а красивая головка, въ сѣромъ дорожномъ капюшонѣ, еще продолжала смѣяться и кивать.

V.

Семень Ивановичъ медленно вернулся къ линейкѣ и въ смущеніи хлопнулъ себя обѣими руками по бедрамъ.

— Вѣдь оглобля-то сломана,—сказалъ онъ:—пожалуй, что придется намъ пѣшкомъ возвращаться.

— Покорнѣйше благодарю. Отчего же вы не заставили этого подлеца ямщика перевязать ее какънибудь?—проворчалъ Анатолій.

— Что вы, братецъ, какъ же можно задерживать такую даму!—возразилъ Семень Ивановичъ.—Посмотрю, можетъ быть, какънибудь и самъ справлюсь съ этой чортовой оглоблей.

И онъ дѣйствительно справился, найдя подъ сидѣньемъ конецъ веревки и перевязавъ оглоблю настолько крѣпко, что можно было шагомъ дотачиться на линейкѣ.

Нѣсколько минутъ братья ѣхали молча. Наконецъ Анатолій сказалъ подсмѣиваясь:

— А вы, братецъ, совсѣмъ растерялись и стояли, какъ вкопан-

ный. Должно быть, сосѣдка-то наша сразу ударила васъ по сердечку.

Семенъ Ивановичъ хотя сидѣлъ спиною къ брату, но весь вспыхнулъ.

— Не знаю, отчего вамъ такъ показалось, братецъ, — отозвался онъ.

— Да ужъ ясное дѣло. Вѣдь вы хотя и тихоня по виду, а очень должны быть слабы къ женскому полу, — продолжалъ Анатолий. — Но и то сказать, на такую бабенку всякій заглядится. Такихъ и въ Петербургѣ не много.

— Я такъ полагаю, что ей собственно тамъ и мѣсто, въ Петербургѣ, — замѣтилъ Семенъ Ивановичъ. — Здѣсь для нея и веселости никакой не будетъ, да и общества подходящаго совсѣмъ не найдется.

— А мы-то съ вами на что? — весело возразилъ Анатолий. — Сосѣдство самое близкое, и дѣла у насъ тутъ немного, вотъ и будемъ ѣздить въ Пороховку ферлакурить.

Семенъ Ивановичъ помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Это для васъ, братецъ, дѣйствительно... А мы съ такими дамами и разговаривать не умѣемъ. По всему видно, что за границей она привыкла къ самому утонченному обществу. Ну, вы всѣ эти этикетки знаете и по-французски объясняться можете. А на такую армейскую косточку, какъ я, она и вниманія обратить не пожелаетъ.

— А вѣдь хороша? вѣдь чортовски хороша, а? — произнесъ Анатолий. — Нѣтъ, я отступаться не намѣренъ. Мнѣ ее само провидѣніе посылаетъ въ столь скучномъ мѣстѣ.

Семенъ Ивановичъ ничего не сказалъ, и во всю остальную дорогу разговоръ больше не возобновлялся.

На другой день Анатолий сейчасъ же послѣ завтрака напомнилъ брату, что ихъ ждутъ въ Пороховкѣ.

— Не слишкомъ ли скоро это будетъ? Вѣдь она, можетъ быть, только изъ любезности пригласила сегодня? — замѣтилъ, краснѣя, Семенъ Ивановичъ.

— А мы изъ любезности и поѣдемъ, — возразилъ Анатолий Ивановичъ. — Впрочемъ, если вы, братецъ, стѣсняетесь, то достаточно будетъ, если я и одинъ сдѣлаю ей визитъ. Васъ же могу оправдать внезапнымъ нездоровьемъ.

Семенъ Ивановичъ еще больше смутился.

— Нѣтъ, для чего же? Ужъ я поѣду съ вами, — рѣшилъ онъ.

На этотъ разъ братья распорядились заложить большую старую колымагу, лѣтъ десять не выдвигавшуюся изъ сарая. На туалетъ свой они тоже обратили вниманіе. Семенъ Ивановичъ вынулъ изъ своего плоскаго походнаго чемоданчика новенькій мундиръ, съ припиленными на длинной пряжкѣ орденами и медалями, а Ана-

толий Ивановичъ облекся въ коричневый фракъ съ золоченными пуговицами, узкія бѣлыя брюки и высокіе сапоги съ кисточками. На лѣвой рукѣ его, поверхъ перчатки, были надѣты перстни съ цѣнными камнями.

Старшій братъ какъ-то косо оглядѣлъ его и сказалъ съ нѣсколько натянутой шутливостью:

— Настоящимъ, братецъ, петиметромъ явитесь.

Анатолій усмѣхнулся съ довольнымъ видомъ.

— Каждый изъ насъ не плохъ въ своемъ родѣ, — отвѣтилъ онъ. — Вы, съ вашей военной осанкой и съ регаліями, имѣете очень марсіальный видъ.

— Какъ-съ? — переспросилъ Семень Ивановичъ.

— Имѣете, говорю, марсіальную варужность. Богъ войны, Марсъ, понимаете? — объяснилъ Анатолій.

Семень Ивановичъ вдругъ какъ будто обидѣлся.

— Мнѣ, братецъ, учиться теперь поздно, да и не вижу надобности входить въ разныя такія тонкости, — сказалъ онъ съ внезапною краскою въ лицѣ.

— Почему же вы, братецъ, недовольны на мои слова? — удивился Анатолій.

— Нѣтъ, такъ-съ. Селадномъ быть не собираюсь, — отрѣзалъ капитанъ.

Анатолій, очень проникательный въ такихъ случаяхъ, только посмотрѣлъ на брата и усмѣхнулся.

Подобранная на этотъ разъ рѣзвая четверня въ нѣсколько минутъ привезла ихъ въ Пороховку. Огромный, но весьма не затѣйливой архитектуры господскій домъ глянулъ на нихъ холодно и строго. Несмотря на суетившуюся прислугу, большія свѣтлыя залы казались необитаемыми. Хрычевыхъ провели на боковую половину, выходящую въ садъ. Таиса Лаврентьевна приняла ихъ въ своей маленькой гостиной, принадлежавшей ей еще въ дѣвушкахъ. Тутъ было уютнѣе и моднѣе, стояла мягкая низенькая штофная мебель, разбросаны были разныя бездѣлушки. Большія зеркала, съ гирляндами фарфоровыхъ розъ на бѣлыхъ рамахъ, весело отражали глядѣвшую въ раскрытыя окна зелень сада.

Молодая вдова была одѣта въ трауръ. Черныя складки кашемира мягко охватывали ея тонкій и стройный станъ. Была особая прелесть въ противорѣчьи этой строгой одежды съ подвижными, выразительными, дышавшими жизнью чертами ея лица. Обоймъ братьямъ она показалась сегодня еще очаровательнѣе, чѣмъ вчера, когда ея хорошенькая головка выглядывала изъ-подъ дорожнаго капюшона.

— Ну, вотъ мило, что вы не заставили себя ждать, — встрѣтила Баблонская гостей и поочередно протянула имъ для поцѣ-

луя руку, при чемъ большіе сѣрые глаза ея улыбались съ кокетливой смѣшливостью.—Можно вамъ предложить закусить?

Хрычевы отказались, сославшись, что сейчасъ только завтракали.

— Тогда я велю подать моего любимаго вина,—сказала Баблонская и дернула за шнурокъ.

Старый дворецкій, въ башмакахъ и штиблетахъ, подаль на фарфоровомъ подносѣ рюмки венеціанскаго стекла и графинъ съ мальвазіей.

— Вѣдь вы недавно изъ Петербурга?—обратилась Баблонская къ Анатолю.—Что тамъ новаго? Слышно, большія перемѣны: весь дворъ другой. Но я многихъ изъ нихъ встрѣчала въ чужихъ краяхъ: Чарторыйскій, напримѣръ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ большаго ума.

— Великій государственный мужъ,—подтвердилъ Анатолій,—и пользуется полнымъ довѣріемъ обожаемаго императора. А равно Новосильцевъ, графъ Кочубей, графъ Строгановъ... Молодые, просвѣщенные умы, направляющіе наше отечество на путь европейскаго благоустройства.

— Графа Строганова я видѣла въ Парижѣ, графа Кочубея въ Лондонѣ, они оба очаровали меня,—сказала Таиса Лаврентьевна.—Но если теперь наверху все такіе молодые и европейски просвѣщенные люди, то у васъ въ Петербургѣ, должно быть, сдѣлалось очень весело?

— Невозможно себѣ представить, до чего измѣнился съ новымъ царствованіемъ петербургскій свѣтъ, — съ живостью подхватилъ Анатолій Ивановичъ. — Наша столица стала прямо неузнаваема. Высокія душевныя качества молодого императора и его неизреченная благосклонность, будучи отражаемы новымъ дворомъ, какъ вѣрнымъ зеркаломъ, озаряютъ всѣ круги столичнаго общества.

— Послѣ того, что такъ недавно было, я воображаю!—воскликнула Баблонская.

— Нынѣшній вѣкъ можно сравнить съ лучшими временами великой императрицы,—съ чувствомъ сказалъ Анатолій.

Но эти слова вызвали скептическую улыбку на лицо Таисы Лаврентьевны.

— Да, развѣ что лучшія времена, которыхъ я не видала,—сказала она. — А что касается ея послѣднихъ лѣтъ, которыя я немножко захватила въ Петербургѣ, то надо сказать правду, при дворѣ великой императрицы набралось порядочно-таки всякаго старья.

И она засмѣялась маленькимъ, веселымъ смѣхомъ.

Этотъ смѣхъ точно зачекоталъ Анатолія Ивановича. Онъ выпилъ давно налитую для него рюмку мальвазіи, подвинулся къ Таисѣ Лаврентьевнѣ и вытянулъ свои ноги въ ботфортахъ съ кисточками.

— Всякое старье... *mais c'est charmant!*—воскликнулъ онъ.— Вы именно выразили существо дѣла. Пудренные парики и подагра въ ногахъ... Табакерки съ музыкой... ха-ха! Теперь этого уже не увидишь.

— Назовите мнѣ, изъ кого состоитъ маленькій высшій кружокъ теперешняго общества,—обратилась къ нему Баблонская.— Я боюсь, что когда приѣду въ Петербургъ, то буду тамъ, какъ чужая.

— О, петербургскій свѣтъ приметъ васъ съ распростертыми объятіями,—отвѣтилъ Анатолій Ивановичъ.— Вы имѣете слишкомъ много данныхъ, чтобъ блистать въ немъ.

Молодая женщина, улыбаясь, ударила его по рукѣ вѣеромъ.

— Лъстець!—сказала она.— Ну, такъ расскажите, какія у васъ тамъ красавицы двора и кумиры высшаго общества. Я хочу ранѣе составить себѣ понятіе.

VI.

Анатолій Ивановичъ былъ въ восторгѣ, что ему дали предметъ для разговора. Онъ попросилъ позволенія налить себѣ еще рюмку мальвазіи, подвинулъ свое кресло еще ближе, расположился еще удобнѣе и принялся рассказывать. Калейдоскопъ именъ, портретовъ, сплетенъ, словно посыпался съ его языка. Онъ старался быть веселымъ, остроумнымъ, немножко злымъ и, благодаря своему уже продолжительному вращенію въ свѣтѣ, отчасти умѣлъ этого достигнуть.

Во время этого разговора Семень Ивановичъ, сидя нѣсколько поодаль, имѣлъ очень стѣсненный и даже жалкій видъ. Его тяготила и совершенная невозможность принять участіе въ бесѣдѣ, и явно заинтересованное вниманіе, съ какимъ Таиса Лаврентьевна слушала рассказы Анатолія. Неистощимая болтовня брата, свобода, съ какой онъ держался предъ блестящей хозяйкой дома, подавляли капитана.—«Гдѣ ужъ намъ! Что ужъ тутъ!»—носилось въ его угнетенной мысли, и сухощавое лицо его то блѣднѣло, то какъ-то странно бурѣло.

Но вдругъ эта блестящая хозяйка повернулась къ нему и словно облила его своимъ долгимъ, зажигающимъ взглядомъ.

— Семень Ивановичъ, какъ это все суетно и ничтожно!—сказала она.— И за какую пустую и вертопрашную женщину вы должны меня принимать...

Капитанъ вздрогнулъ и почувствовалъ, какъ все лицо его густо залила краска.

— Что вы, помилуйте! Какъ же можно такъ говорить... — про-бормоталъ онъ, съ трудомъ находя слова.— Мнѣ и на мысль ничто подобное никакъ не могло прійти. Я вѣдь очень понимаю, что при

вашей молодости и всемъ прочемъ... какъ вы всегда обращались въ самомъ тонкомъ обществѣ и даже въ чужихъ краяхъ...

Таиса Лаврентьевна продолжала смотрѣть на него своимъ завораживающимъ взглядомъ, подавляя мелькавшую на губахъ улыбку.

— Вы надо мной насмѣхаетесь, Семенъ Ивановичъ, это нехорошо...—сказала она до безсовѣстности искреннимъ тономъ.

Капитанъ даже поблѣднѣлъ.

— Богъ съ вами, Таиса Лаврентьевна... я бы далъ голову себѣ отсѣчь, если бъ чтонибудь подобное... — протестовалъ онъ, слегка заикаясь.

— Конечно, всю эту пустую суетность вы понимаете, какъ она того заслуживаетъ,—продолжала Баблонская.—Но не спѣшите заключать съ справедливою строгостью. Что такое женщина? У нея ничего нѣтъ своего—ни понятій, ни вкусовъ, ни предрасположеній. Она мыслить и чувствуетъ, заимствуя отъ окружающаго. Я была поставлена судьбою такимъ образомъ, что видѣла вокругъ одну суетность. Но повѣрьте, что я умѣю цѣнить въ людяхъ истинныя достоинства и почитать истинныя заслуги. Скромность въ моихъ глазахъ не скрывается, а только усугубляетъ возвышенныя качества...

— «Ба, это еще что такое?»—мысленно произнесъ Анатолій Ивановичъ. А капитанъ только глядѣлъ на Баблонскую, не совѣмъ понимая, къ кому относились ея слова, и не замѣчая, что ротъ его довольно забавно раскрылся.

— Повѣрьте, что мое вертопрашество не препятствуетъ мнѣ отличать героевъ, покрывшихъ неувядаемою славою русское оружіе,—продолжала молодая женщина, и лицо ея становилось серьезнѣе.—Я была въ Парижѣ, когда туда, словно раскаты отдаленнаго грома, докатились слухи о страшныхъ ударахъ, нанесенныхъ въ Италіи республиканскимъ войскамъ суворовскими богатырями. Какіе это были чудные дни! Какъ я прислушивалась къ этимъ громовымъ ударамъ! Цвѣтъ французской арміи, предводимый лучшими генералами, собрался противостоять нашимъ ничтожнымъ силамъ, но тамъ былъ Суворовъ, и побѣда, какъ всегда, была прикована къ его знаменамъ.

— Никто, какъ онъ, Александръ Васильевичъ! — воскликнулъ капитанъ, весь подавшись впередъ и съ трудомъ переводя духъ.

— Вокругъ меня, въ Парижѣ, все глухо роптало...—съ одушевленіемъ продолжала Баблонская.—Самолюбіе французовъ жестоко страдало. Враждебныя директоріи партіи готовы были низринуть правительство. Положеніе мое и моего мужа сдѣлалось почти невыносимымъ. Мы перестали показываться въ парижскомъ свѣтѣ, гдѣ русскихъ тогда, кромѣ насъ, никого и не было. Но мое сердце билось торжественно и радостно, и моею мечтой было прижать къ нему нашего непобѣдимаго героя, нашего старика фельдмаршала...

Семень Ивановичъ, совсѣмъ блѣдный, не сводилъ съ Баблонской разгорѣвшагося взгляда. Ея одушевленная рѣчь звучала въ его ухахъ, какъ небесная музыка... Анатолій, повернувшись бокомъ, немножко хмурилъ брови, тогда какъ по губамъ его блуждала насмѣшливая улыбка.

— Вы его совсѣмъ осчастливили, Таиса Лаврентьевна,—сказалъ онъ, кивнувъ на брата.—Онъ и безъ того бредитъ своимъ Суворовымъ.

— Ахъ, я вполнѣ понимаю капитана, — съ живостью подхватила Баблонская.—Раздѣлить военные подвиги этого сказочнаго богатыря, сіять лучами его безсмертной славы—что можетъ быть выше для гражданина, для героя?

— Кланяйтесь, братецъ, и благодарите,—произнесъ насмѣшливымъ тономъ Анатолій.

— Вѣдь вы, капитанъ, дѣлали съ Суворовымъ итальянскій походъ?—обратилась къ Семену Ивановичу Баблонская, не удостоивъ вниманіемъ замѣчаніе Анатолія. — Вы непременно должны когда нибудь рассказать мнѣ объ этомъ. Непременно, слышите!

Семень Ивановичъ слова покраснѣлъ.

— Нѣтъ-съ, что же я могу рассказать? Война — извѣстно, война-съ,—протестовалъ онъ. — Генералиссимусъ Александръ Васильевичъ дѣйствительно герой; только объ этомъ запишется въ исторію. А я рассказывать не умѣю.

— Нѣтъ, не отговаривайтесь; я когда нибудь улучу минуту и заставлю васъ быть краснорѣчивымъ, — настаивала Таиса Лаврентьевна.

Анатолій съ небрежнымъ видомъ всталъ, оглянулся и, замѣтивъ въ углу комнаты клавишины съ раскрытыми на пиюитрѣ нотами, подошелъ къ нимъ и перебралъ нѣсколько тетрадокъ.

— Вижу моего любимаго Керубини, — объявилъ онъ. — Наша очаровательная хозяйка оказывается, кромѣ всего, и серьезною музыкантшею. Что, если бы она удостоила насъ сыграть одну изъ этихъ прелестныхъ пьесъ?

— Мосье Анатолю наскучили наши разговоры,—сказала Баблонская и тоже поднялась съ мѣста. — Отлично, послушаемъ Керубини. Я недаромъ въ Вѣнѣ и Миланѣ много училась клавишинной игрѣ.

Клавиши звонко дрогнули подъ ея искусными пальцами. Заграничные учителя, очевидно, не потеряли времени, давая уроки знатной русской дамѣ. Таиса Лаврентьевна играла увѣренно и тонко, съ изящной бойкостью и одушевленіемъ. Хрычевы слушали ее съ восторгомъ.

— Великолѣпно, великолѣпно!—повторялъ Анатолій, раскачивая въ тактъ головой.—Но, судя по вашимъ нотамъ, вы и поете тоже?—спросилъ онъ, когда Баблонская окончила пьесу.

— Это ужь когданибудь въ другой разъ,—отвѣтила она.

Братьевъ просили остаться обѣдать, но они отказались.

— Если вамъ не было скучно, то надѣюсь вскорѣ опять видѣть васъ,—сказала имъ на прощанье хозяйка.

Рѣзвая четверня опять довезла Хрычевыхъ въ нѣсколько минутъ. Братья всю дорогу не разговаривали, и только разъ Семенъ Ивановичъ сказалъ, глядя изъ окна на поля:

— А овсы хорошо поднялись.

Анатолій слегка фыркнулъ—до такой степени это замѣчаніе казалось несообразнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ.

За обѣдомъ, впрочемъ, онъ сдѣлалъ попытку обратить разговоръ на занимавшій ихъ обоихъ предметъ.

— Ну, что же, братецъ, какъ вамъ понравилась наша сосѣдка?—спросилъ онъ.

— Не вижу, почему вамъ любопытно это знать. Вы больше меня понимаете толкъ въ такихъ вещахъ,—отвѣтилъ съ нескрываемой сухостью капитанъ.

Анатолій слегка обидѣлся, но не показалъ этого, а только по-свисталъ.

— Ну, а хотите знать мое мнѣніе? — сказалъ онъ черезъ минуту.—Кокетка она первой степени, и на нашемъ мѣстѣ я держалъ бы себя съ нею крайне осторожно.

— Почему же на моемъ мѣстѣ?

— Да потому, что вы, братецъ, въ этихъ дѣлахъ не весьма искусны.

— Ну, такъ тому и быть, — заключилъ съ видимымъ раздраженіемъ Семенъ Ивановичъ.—Учиться во всякомъ разѣ не собираюсь.

VII.

Нѣсколько дней въ Хрычевкѣ не произносилось имя Таисы Лаврентьевны. Оба брата съ серіознымъ видомъ занялись хозяйственными распоряженіями. Сундукъ съ деньгами былъ перенесенъ изъ флигелька Порфирія въ господскій домъ; капиталъ пересчитанъ и сданъ Анатолію Ивановичу, который, въ свою очередь, выдалъ брату соответствующее обязательство. Денегъ, впрочемъ, оказалось менѣе, чѣмъ ожидали, такъ какъ большая часть капитала заключалась въ ассигнаціяхъ, цѣнившихся тогда немногимъ больше полтины за рубль. Затѣмъ дѣлались объѣзды полей, распоряженія насчетъ покосовъ, разборъ крестьянскихъ просьбъ и жалобъ. Петровна съ своей медлительной важностью завѣдывала домашнимъ хозяйствомъ. Споровъ между братьями не возникало но, тѣмъ не менѣе, оба они чувствовали, что между ними существуетъ какая-то натянутость, и что есть предметъ, о которомъ оба они избѣгаютъ говорить.

Но на пятый день Анатолий Ивановичъ за обѣдомъ сказалъ:

— А мы совсѣмъ забыли нашу сосѣдку; не съѣздить ли къ ней сегодня?

Семень Ивановичъ постарался сохранить равнодушное выраженіе лица, хотя у него что-то дрогнуло на уголкахъ губъ.

— Что-жъ, поѣдемъ,—сказалъ онъ.

На этотъ разъ Хрычевы провели въ Пороховкѣ полъ-дня, до самой ночи. Таиса Лаврентьевна, несмотря на свой траурный нарядъ, была еще оживленнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Она предложила прогулку на озеро, въ двухъ верстахъ отъ имѣнія, гдѣ находилась ея собственная пристань съ лодками и маленькой парусной шлюпкой. Для катанья съ парусомъ погода была самая благоприятная: дулъ теплый, но довольно сильный вѣтеръ, и мелкая рябь то и дѣло пробѣгала по озеру. Когда солнце сѣло, и низкіе красно-золотистые лучи его косо ударили по водяной поверхности, озеро казалось загорѣвшимся яркимъ рдянымъ пламенемъ. Изъ мужчинъ никто не умѣлъ управлять парусомъ, но Таиса Лаврентьевна каталась по этому озеру еще въ дѣтствѣ и смѣло распоряжалась шлюпкой, предоставляя обоимъ братьямъ только помогать ей, когда приходилось сильно потянуть веревку отъ паруса или повернуть руль.

— Съ такимъ адмираломъ можно и черезъ океанъ пуститься на этой скорлупкѣ,—сказалъ Анатолий, покачиваясь у ногъ Таисы Лаврентьевны.—Какъ вы думаете, братецъ?

— Не знаю-съ, я съ морской службой незнакомъ,—отвѣтилъ капитанъ.—А вотъ, если бы Таиса Лаврентьевна обронила въ воду колечко, такъ бросился бы на дно достать его.

— Bravo, bravo, братецъ!—воскликнулъ Анатолий, и захохоталъ принужденнымъ смѣхомъ.

Баблонская, стоявшая подъ парусомъ, медленно обратила на Семена Ивановича свои большіе и въ тѣни почти черные глаза. Выраженіе ихъ было серьезно и странно... Потомъ также медленно она ступила два шага къ нему, даже не покачнувшись своимъ гибкимъ станомъ, сняла съ руки обручальное кольцо и, высоко поднявъ другую руку, съ силою взмахнула ею.

Семень Ивановичъ поблѣднѣлъ, всталъ и быстро занесъ ногу на бортъ шлюпки. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что его схватили за рукавъ, и услышалъ сдержанный, нервный смѣхъ Таисы Лаврентьевны.

— Сядьте и сидите смирно, сумасшедшій!—сказала она.—Я пошутила: вотъ мое кольцо.

И она спокойно надѣла его на палецъ. Но она не вернулась на прежнее мѣсто, а тихо опустилась на скамью подлѣ капитана.

— Вы сумасшедшій, — повторила она. — Вѣдь тутъ пять са-

жень глубины. И я видѣла по вашему лицу, что вы не задумаетесь броситься.

— Я же не зналъ, что вы шутите,—наивно оправдывался капитанъ.

Баблонская опять взглянула на него, все съ тѣмъ же серьезнымъ и страннымъ выраженіемъ.

— Вы молодецъ. Я люблю такихъ,—сказала она.

Семень Ивановичъ вспыхнулъ и не зная, что съ собой сдѣлать, снялъ фуражку и обтеръ платкомъ лобъ. На этомъ лбу ясно обозначалась красная, какъ будто припухшая полоса.

— Что это такое? Вы были ранены?—спросила Баблонская.

— Нѣтъ, пустяки... контузія,—отвѣтилъ капитанъ.— Это вотъ каждый разъ, когда разволнуюсь чѣмъ нибудь, рубецъ и покраснѣеть. Тупой стороной ятагана попало. Оно бы ничего, только сильно кровь къ головѣ приливаетъ, такъ что иногда совсѣмъ разсудокъ теряю.

Разговоръ разомъ оборвался. Таиса Лаврентьевна повернулась бокомъ и, свѣсивъ черезъ бортъ руку, наблюдала, какъ вода съ силою бѣжала у нея между пальцами. Анатолій Ивановичъ, сидя у руля, хмурился, а губы его саркастически подсмѣивались. При другихъ условіяхъ, онъ готовъ былъ бы гордиться своимъ братомъ, но теперь почти злобствовалъ на него.

Солнце уже совсѣмъ сѣло, и жидкія, длинныя тѣни отъ сосноваго лѣса легли на полъ-озера.

— Я вамъ обѣщала что нибудь спѣть,—вдругъ сказала Баблонская, и по утихающей водяной ряби тихо и нѣжно, какъ колыбельная пѣснь, понесли звуки ея красиваго голоса. Она пѣла по-итальянски, и въ ея мелодіи звучало что-то веселое и мечтательное въ одно время, и наивно простое.

— Это баркаролла, которую я слышала въ Венеціи,—объяснила она, окончивъ первую строфу.—Тамъ еще есть настоящіе гондольеры и настоящія баркароллы. Боюсь, что скоро ихъ уже не будетъ, потому что въ наши плохія времена народъ въ Италіи теряетъ свою прежнюю веселую безпечность.

— Виноваты господа герои, съ ихъ нескончаемыми войнами,—замѣтилъ вскользь Анатолій.

— Герои войнъ не дѣлаютъ, они дѣлаютъ только побѣды,—возразила значительнымъ тономъ Баблонская.

Она снова запѣла. Все та же весело-мечтательная мелодія зазвенѣла надъ озеромъ. Вѣтеръ стихъ, и повисшій парусъ печально хлопалъ, какъ подстрѣленная птица хлопаетъ крыломъ.

— Ну, господа, теперь надо приняться за весла и завернуть назадъ: ночь ужъ близко,—прервала наконецъ свое пѣнье Таиса Лаврентьевна.

Въ усадьбу вернулись уже совсѣмъ впотьмахъ. Въ той же

бѣлой гостиной, гдѣ молодая хозяйка принимала въ первый разъ Хрычевыхъ, былъ поданъ чай. Но Баблонская извинилась, что по случаю усталости должна переодѣться, и оставила гостей однихъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась въ свѣтло-сѣрой блузѣ съ широкими рукавами и съ открытымъ воротомъ, густо убраннымъ кружевами. Анатолій Ивановичъ не могъ удержаться и воскликнуть съ разгорѣвшимися глазами:

— Какъ вы прелестны! Ваша роскошная красота создана для того, чтобы блистать въ бальномъ нарядѣ при свѣтѣ тысячи огней и ослѣплять упоенную толпу...

Таиса Лаврентьевна очень мило погрозила ему пальчикомъ и даже слегка покраснѣла. Но при этомъ рука ея освободилась по локоть изъ-подъ широкаго рукава блузы, и Семень Ивановичъ, видѣвшій въ Миланѣ антики, которые потомъ сдѣлались добычею парижскаго Лувра, припомнилъ, что именно такія давныя чертанія онъ встрѣчалъ у мраморныхъ богинь...

Онъ не подозрѣвалъ, что конецъ этого вечера, такъ пріятно начавшагося, вызоветъ въ немъ удрученное, тоскливое чувство. Таиса Лаврентьевна, какъ будто вспомнивъ, что до сихъ поръ мало обращала вниманія на Анатолія, захотѣла теперь сосредоточить на немъ свою любезность. Между ними опять завязался разговоръ о петербургскомъ свѣтѣ и европейскихъ столицахъ, въ которомъ Семень Ивановичъ не могъ принимать участія. Потомъ Баблонская предложила выйти въ садъ, и хотя капитанъ шелъ слѣва и собирался подать ей руку, она сама взяла руку Анатолія.

Въ довершеніе всего, когда уже зашли довольно далеко въ аллею, дремотно темнѣвшую подъ густыми кленами, Баблонская почувствовала, что ей холодно, и попросила Семена Ивановича сходить въ домъ и принести ей горностаевую мантилью. Капитанъ даже поблѣднѣлъ отъ ревливой досады, но, тѣмъ не менѣе, повиновался.

— «Кокетка, опытная и искусная кокетка»,— съ подавленнымъ чувствомъ думалъ онъ, возвращаясь домой.— «Но надъ кѣмъ же изъ насъ двоихъ изощрять она свое искусство, надо мной или надъ братомъ? Или же надъ нами обоими?»

VIII.

Семень Ивановичъ дурно спалъ въ эту ночь. Волнующій образъ Таисы Лаврентьевны неотступно стоялъ въ его воображеніи, и въ этомъ образѣ была какая-то влекущая и озлобляющая прелесть. И онъ самъ не могъ понять, какое въ немъ сложилось отношеніе къ ней. Онъ былъ раздраженъ непонятнымъ и обиднымъ невниманіемъ, съ какимъ она относилась къ нему послѣ того, какъ сама же дала ему поводъ предполагать, что умѣла оцѣнить его.

— «То же самое, какъ и въ тотъ разъ, только въ обратномъ порядкѣ,—припоминалъ онъ.—Тогда она сперва словно совѣмъ меня не замѣчала, а потомъ занялась мною однимъ; а теперь наоборотъ. Въ намѣреніяхъ ея, какъ видно, одурачить насъ обоихъ».

И онъ озлоблялся, точно видѣлъ въ ней своего личнаго врага. Но потомъ это чувство медленно замирало въ немъ, и онъ какъ будто переживалъ обаяніе той минуты, когда она, послѣ шутки съ кольцомъ сѣла подлѣ него, молчаливая и серіозная, словно вся охваченная и покоренная налетѣвшимъ на нее властнымъ порывомъ чувства.

«Вы молодецъ, я люблю такихъ»,—звучало, какъ музыка, въ ушахъ капитана, и онъ съ каждой новой минутой бессонной ночи чувствовалъ съ испугомъ, что самъ онъ уже несомнѣнно охваченъ страстью...

— «Но какъ же это будетъ?»—мучительно думалъ онъ, ворочаясь на своемъ жаркомъ пуховикѣ, который Петровна, несмотря на его протесты, упрямо приказывала стлать ему.—«Вѣдь такую женщину никогда не поймешь: она всякому мужчинѣ глаза завяжетъ. И притомъ—братъ. Онъ въ нее съ первой встрѣчи влюбился, это ясно. И они пара; захочетъ онъ на ней жениться, все получить: и красавицу жену, и богатство. И каждый скажетъ: женихъ и невеста стоятъ другъ друга. Можетъ быть, тамъ, въ темной аллеѣ, пока онъ ходилъ за мантилей, у нихъ и объясненіе произошло. Можетъ быть, цѣловались тамъ»...

Семень Ивановичъ чувствовалъ, что пуховикъ сильно жжетъ его, и тоскливо переворачивался на другой бокъ.

«Неужели мы съ братомъ будемъ соперники другъ другу?»—продолжалъ онъ думать.—И такъ мы всю молодость прожили врознь, и встрѣтились тутъ, какъ чужіе. Правда, и общаго у насъ мало. Даже «ты» другъ другу говорить не умѣемъ. Все же таки родные братья. А тутъ вдругъ бабенка подвернулась, чтобъ окончательно развести насъ другъ съ другомъ. Прямо позорное дѣло».

Даже подъ утро Семень Ивановичъ не заснулъ, но зато пришелъ къ рѣшенію, что, какъ бы то ни было, а надо непременно переговорить съ братомъ. Анатолій хотя и моложе, но опытнѣе его. Можетъ быть, изъ ихъ разговора, само собою, что нибудь разъяснится, и выйдетъ, что утро вечера мудренѣе.

Семень Ивановичъ поднялся очень рано и вышелъ въ садъ, въ ожиданіи, пока проснется братъ. Но едва повернулъ онъ въ большую липовую аллею, какъ увидѣлъ Анатолія Ивановича, въ архалукѣ и туфляхъ, задумчиво шагавшаго по сырому отъ росы песку. Это очень удивило капитана. Неужели и братъ, обыкновенно поздно встававшій, отъ волненія плохо спалъ ночь?

— Съ добрымъ утромъ, братецъ,—привѣтствовалъ онъ его еще издали. — Вотъ и вы нынче, какъ ранняя птичка въ одно время

со мною поднялись. Или, можетъ быть, вамъ отчего нибудь безпокойно почивалось?

— Не знаю самъ отчего; какой-то шумъ на дворѣ былъ,—отвѣтилъ Анатолій Ивановичъ.

— Не иначе какъ глупая скотница Лукерья свою возню подняла,—лукаво замѣтилъ капитанъ.—Вотъ я велю Порфирію постращать ее.

— Очень можетъ быть, что скотница; да, да, именно скотница,—разсѣянно подтвердилъ Анатолій.—Но и утро прекрасное; надо полагать, день будетъ жаркій.

— Нельзя ожидать, братецъ; въ той сторонѣ очень облачно. Да и съ вечера вчера заходило, словно какъ къ переменѣ погоды,—возразилъ Семень Ивановичъ, и при этомъ подумалъ: «горностаевая мантилья!».

Анатолій продолжалъ скорыми шагами ити по аллеѣ; онъ словно хотѣлъ отдѣлаться отъ брата. Но Семень Ивановичъ взялъ его подъ руку.

— Я хотѣлъ бы, братецъ, имѣть съ вами разговоръ,—сказалъ онъ нѣсколько загадочнымъ тономъ.

Анатолій быстро взглянулъ на него. Лицо капитана имѣло смущенное, но рѣшительное выраженіе.

— Да, разговоръ, — подтвердилъ Семень Ивановичъ. — Какъ надлежитъ между родными братьями. И вы, братецъ, при вашемъ тонкомъ умѣ, конечно, уже сообразили, о какомъ предметѣ желательно мнѣ было бы побесѣдовать.

Красивое лицо Анатолія отразило замѣшательство вмѣстѣ съ любопытствомъ. Онъ напряженно усмѣхнулся.

— Ужъ не по поводу ли нашей сосѣдки?—спросилъ онъ.

— Вотъ я и зналъ, что для васъ не представитъ трудности доискаться,—продолжалъ Семень Ивановичъ.—Ибо сія особа своими привлекательными качествами произвела на насъ обоихъ столь сильное впечатлѣніе, что овладѣла нашими помышленіями и даже чувствами... А какъ насъ соединяетъ кровное родство, то, по моему понятію, не подобаетъ намъ явиться въ семъ случаѣ соперниками. И я полагаю, братецъ, что намъ приличествуетъ со всею откровенностію изъяснить другъ другу свои намѣренія.

Семень Ивановичъ не безъ труда справлялся со своею рѣчью. Онъ совсѣмъ не былъ искусенъ въ объясненіяхъ такого рода, и потому былъ очень доволенъ, что ему все-таки удалось выразить свою мысль.

Анатолій Ивановичъ слушалъ, закусивъ губу. На лбу его обозначались морщины. Рѣшимость брата приступить къ такому предмету застала его врасплохъ. Въ умѣ его мысли бѣжали съ необычайной быстротой. Потомъ въ глазахъ его мелькнулъ лукавый огонекъ. Онъ остановился, слегка закинувъ голову, оглядѣлъ

брата пристальнымъ и насмѣшливымъ взглядомъ, и вдругъ громко захохоталъ.

— Да вы, какъ я вижу, и впрямь желаете проиставать... Вотъ поразили меня!— произнесъ онъ почти весело. — И все потому, что сія очаровательница, Таиса Лаврентьевна, достойную смѣха комедію разыграла вчера, едва не допустивъ васъ броситься черезъ бортъ въ воду... Видно, по всему видно, братецъ, что въ своей бранной жизни вы не имѣли случая постигнуть коварное легкомысліе свѣтской женщины.

И Анатолій Ивановичъ опять размѣялся, и съ такой будто бы добродушной веселостью, что у капитана сразу упало сердце.

— Однако же къ коварному легкомыслію той очаровательницы вы сами не остались нечувствительны,—сказалъ онъ.

— Чувствительность къ престыжамъ женщины вполне свойственна людямъ, обращающимся въ свѣтскомъ обществѣ, — отвѣтилъ Анатолій. — Но въ семъ случаѣ легкомыслію они противопоставляютъ легкомыслію и кокетству — еще болѣе искусное кокетство.

Семень Ивановичъ топнулъ ногою.

— А мы люди простые и этихъ искусныхъ хитростей вовсе не понимаемъ,— произнесъ онъ съ волненіемъ. — Если мы испытываемъ любовь, то она повелѣваетъ нашими сердцами. Играть же этимъ чувствомъ или смѣяться надъ нимъ никому нельзя дозволить.

Анатолій опять размѣялся.

— Любопытно было бы видѣть, какъ вы эти простыя требованія предъявите нашей красавицѣ,—сказалъ онъ.—Ничего, кромѣ достойнаго смѣху, изъ того не вышло бы.

Краска бросилась въ лицо Семена Ивановича, и багровая полоска на лбу надулась.

— Я не къ Таисѣ Лаврентьевнѣ, а къ вамъ,—понимаете, братецъ, къ вамъ обращаю этотъ разговоръ,—произнесъ онъ съ возроставшимъ волненіемъ.—Ибо намъ, говорю я, не приличествуетъ при нашемъ кровномъ родствѣ быть соперниками въ любовномъ дѣлѣ. И я требую, чтобы вы изъяснили мнѣ свое намѣреніе, потому что самъ я имѣю въ виду открыть Таисѣ Лаврентьевнѣ свои чувства и искать удовлетворенія имъ въ законномъ супружествѣ.

Анатолій Ивановичъ вскользь взглянулъ на брата, и его неприятно поразилъ до крайности возбужденный видъ капитана. Губы его надменно и хитро усмѣхнулись.

— А если бы я изъяснилъ вамъ, что и самъ питаю совершенно таковыя же намѣренія?—сказалъ онъ.

Семень Ивановичъ, приступая къ разговору, именно ожидалъ такого оборота. Но когда вопросъ былъ сдѣланъ, онъ совершенно растерялся. Все лицо его нервно подергивалось.

— Да, что бы вы сдѣлали, если бы оказалось, что мы на самомъ дѣлѣ являемся соперниками? — повторилъ свой вопросъ Анатолій.

Семенъ Ивановичъ вскинулъ на него вспыхнувшій взглядъ.

— Я не знаю, что я сдѣлалъ бы, но знаю, что мы въ такомъ случаѣ не могли бы оставаться всѣ трое въ живыхъ, — отвѣтилъ онъ.

Анатолій вздрогнулъ. Какъ вчера на озерѣ Баблонская поняла, что капитанъ дѣйствительно сейчасъ бросится въ воду, такъ теперь по тону голоса и по выраженію лица брата онъ понялъ, что тотъ способенъ на самое крайнее рѣшеніе. Онъ опять разсмѣялся съ искусно скрытымъ смущеніемъ.

— Вотъ, братецъ, вы привыкли съ вашимъ Суворовымъ всякія крѣпости брать, поэтому вамъ и тутъ кажется, будто предъ вами какая-то крѣпость стоитъ, которую надо взять штурмомъ, — сказалъ онъ. — Только совсѣмъ понапрасну вы себя въ такое волненіе приводите. Я хотя и моложе васъ, но не въ первый разъ вижу такую барыню, какъ наша сосѣдка. Вы можете вполне довѣриться моей опытности. Будьте спокойны, что если у васъ есть намѣренія, то у нея никакихъ намѣреній на нашъ счетъ нѣтъ. Совсѣмъ она въ другую сторону смотритъ.

И Анатолій посвисталъ съ безпечнымъ видомъ.

— Повѣрьте, братецъ, что она захала въ свою вотчину только потому, что желательно ей доходы собрать да съ порядками ознакомиться, — продолжалъ онъ, съ удовольствіемъ замѣчая, что возбужденное выраженіе лица капитана смѣняется угнетеннымъ. — Да еще потому, что срокъ траура не кончился. А загѣмъ улетитъ сія залетная птичка въ Петербургъ, займетъ собою тамошній высшій придворный кругъ, и будучи весьма искусна въ обращеніи, выйдетъ замужъ за какого нибудь вельможу знатнаго рода, находящагося на чредѣ высшихъ отличій.

Слова эти повергли Семена Ивановича въ тягостное сомнѣніе.

— Однако же вы сами должны были примѣтить, братецъ, что сосѣдка наша оказывала намъ обоимъ знаки отмѣннаго вниманія, — сказалъ онъ.

Анатолій снова выразительно посвисталъ.

— Все это дѣло пустого кокетства, — возразилъ онъ. — Неужели въ этомъ отмѣнномъ вниманіи не чувствовалась вамъ смѣшливость? Что меня касается, то мнѣ даже тягостно было присутствовать, когда она издѣвалась надъ простотою вашего сердца, заговаривая о вашемъ проиствѣ.

Семенъ Ивановичъ поблѣднѣлъ.

— Вы полагаете, братецъ, что то была одна издѣвка? — проговорилъ онъ какъ бы сдавленнымъ голосомъ.

Анатолій съ видомъ сожалѣнія повелъ плечами.

— Вы же сами слышали, что она любопытна только до всего касающагося новаго петербургскаго двора,—отвѣтилъ онъ.

Разговоръ на минуту оборвался. Семень Ивановичъ шелъ подлѣ брата, опустивъ голову и переживая самыя удручающія ощущенія. Онъ почти вѣрилъ брату. Въ самомъ дѣлѣ, все, что тотъ говорилъ, было такъ правдоподобно. Но въ такомъ случаѣ что же оставалось дѣлать?

И опять влекущій и властный образъ Таисы Лаврентьевны какъ бы проплылъ предъ его глазами. Съ жуткимъ ощущеніемъ обманутаго счастья припомнился ему теперь ея мечтательно-серіозный, почти влюбленный взглядъ, и ея слова: «Вы молодецъ; я люблю такихъ».

Онъ вдругъ чуть не съ яростью топнулъ ногой.

— Но такая женщина заслуживала бы презрѣнія!—громко воскликнулъ онъ.

Анатолій взялъ его подъ руку.

— Такимъ женщинамъ надо платить тою же монетой,—сказалъ онъ тѣмъ мягкимъ и вкрадчивымъ тономъ, какой умѣлъ иногда придавать своему голосу.—На ихъ притворныя чувства надо отвѣчать тѣмъ же притворствомъ и любезнымъ безсердечіемъ. А такъ какъ вы, братецъ, не имѣете опытности въ семъ искусствѣ, то за наилучшее надо считать для васъ—соблюдать воздержную осторожность. Во время овладѣвъ своею страстью, можно стать господиномъ ея.

IX.

Жизнь въ Хрычевкѣ потянулась очень однообразно. Никакихъ хозяйственныхъ распоряженій брата больше не дѣлали, предоставивъ все попрежнему въ руки Порфирія. Семень Ивановичъ любилъ только разбирать всякія крестьянскія дѣла: просьбы, жалобы, ссоры. Кто бы ни пришелъ къ нему, онъ внимательно выслушивалъ, вызывалъ отвѣтчиковъ и производилъ судъ. Все это онъ дѣлалъ съ шутками и прибаутками, не замѣчая, какъ онъ иногда мало согласовался съ суровою строгостью его взысканій. На мужика онъ вообще смотрѣлъ нѣсколько посвоему: какъ въ походѣ ему казалось, что солдатъ обязанъ быть веселъ подъ пулями, такъ и тутъ онъ считалъ, что шутка должна быть съ удовольствіемъ принята дворовымъ или крестьяниномъ, которому прописано полсотни «горячихъ».

Когда Анатолий въ первый разъ присутствовалъ при этомъ судѣ скоромъ и правомъ, но не особенно милостивомъ, Семень Ивановичъ немножко стѣснялся его. Но младшій братъ не выразилъ никакого протеста, и только произнесъ философскимъ тономъ:

— Сколь прискорбно видѣть людей на столь низкой степенн

совершенствованія, что для управленія ими необходимы жестокия и унизительныя наказанія.

И какъ бы оправдывая свою низкую степень совершенствованія, хрычевскіе крестьяне сами охотно шли къ капитану со своими дразгами, получали порцію «горячихъ», благодарили и уходили успокоенные.

За отсутствіемъ другихъ занятій, братья стали каждый день уходить на охоту. Первые два раза они ходили вмѣстѣ, но потомъ Анатолій сказалъ:

— Вы, братецъ, стрѣляете лучше меня и отбиваете у меня дичь. Завтра я пойду въ другую сторону.

Семень Ивановичъ подумалъ, что была только одна другая сторона—пороховскій лѣсъ; и что-то непріятно кольнуло его въ сердце. Но онъ ничего не сказалъ.

Анатолій Ивановичъ вообще очень мало бывалъ дома, уходя или уѣзжая въ половинѣ дня и возвращаясь ночью. По его словамъ, онъ познакомился съ нѣсколькими сосѣдними помѣщиками и игралъ у нихъ въ ломберъ; въ Хрычевку же не звалъ ихъ потому, что боялся стѣснить брата. Уѣзжалъ онъ обыкновенно въ двуколку, и никого, кромѣ собаки, не бралъ съ собою, или же бралъ своего вольнонаемнаго петербургскаго камердинера, очень важничавшаго передъ хрычевской дворней и для важности же пившаго красное вино, къ которому будто бы привыкъ въ чужихъ краяхъ.

Имя Баблонской опять перестало упоминаться между братьями. Но Семена Ивановича неотступно мучила мысль: видится ли съ нею Анатолій? Прямо задать этотъ вопросъ онъ не рѣшался, но однажды сказалъ:

— Слышно, въ пороховскомъ лѣсу богатая охота. Вы тамъ стрѣляете, братецъ?

— Да, стрѣляю,—отвѣтилъ, не глядя на него, Анатолій.

— Имѣете, значитъ, разрѣшеніе отъ Таисы Лаврентьевны?

— Какое тамъ разрѣшеніе? У нея все равно свои же мужики охотятся.

— А не съѣздить ли намъ какъ нибудь туда?—вдругъ сказалъ Семень Ивановичъ и покраснѣлъ.

— Въ лѣсъ?—переспросилъ Анатолій.

— Нѣтъ, къ самой Таисѣ Лаврентьевнѣ.

Анатолій взглянулъ на него и повелъ плечами.

— Что-жъ, съѣздимъ когда нибудь,—отвѣтилъ онъ, но такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что совмѣстная поѣздка съ братомъ мало отвѣчала его желаніямъ.

Семень Ивановичъ не продолжалъ разговора, но вынесъ убѣжденіе, что братъ навѣрное бываетъ у Таисы Лаврентьевны, и, можетъ быть, даже много подвинулся въ своихъ ухаживаньяхъ. Это

опять растравило его ревнивое чувство.—«Если онъ даже вправду не имѣеть серьезныхъ видовъ, то что же ему мѣшаетъ вести амурную игру и добиваться любовныхъ утѣхъ?»—подумалъ онъ.—«А къ тому же онъ молодъ и красивъ, и понимаетъ обращеніе. А она тоже молодая да красивая, и полагать надо, насмотрѣлась въ чужихъ краяхъ всякихъ бабьихъ вольностей и дурашествъ».

И жгучее ревнивое чувство такъ и зажгло взволнованную кровь капитана.

Какъ нарочно, ему случилось въ тотъ же день встрѣтиться съ Таисой Лаврентьевной. Послѣ довольно неудачной охоты онъ возвращался домой, усталый, съ ружьемъ за плечами и собакой, понуро тащившейся за его ногами. Уже вечерѣло, и сумерки мягко стлались по полямъ. Семенъ Ивановичъ шелъ по пыльному и совершенно безлюдному проселку. По обѣимъ сторонамъ желтѣла рожь, уже вытянувшаяся до человѣческаго роста. Вдругъ послышался сзади лошадиный топотъ—странный, быстрый топотъ, не сопровождавшійся громаханьемъ крестьянской телѣги. Капитанъ оглянулся и узналъ Баблонскую. Она скакала короткимъ галопомъ на рыжей англійской лошади. Нарядный егеръ, въ зеленой курткѣ и желтыхъ ботфортахъ, поспѣвалъ за нею рысцой.

Увидавъ капитана, молодая женщина круто осадилла лошадь и окликнула его.

— Вотъ чудесно: у васъ навѣрное есть съ собой вода,—сказала она.—Мой дуракъ всю расплескалъ. Помогите мнѣ сойти съ лошади.

И она соскочила на землю, сильно опершись на руку капитана, и бросила поводья подоспѣвшему егерю.

— Какъ я давно васъ не видала; гдѣ вы? что вы?—продолжала она, ловко закинувъ на руку длинный шлейфъ амазонки.—Пройдемте туда, въ рожь. Кажется, это мои поля, я могу ихъ топтать. Здѣсь чудесно, я хочу отдохнуть. Доставайте вашу баклагу.

Она шла впередъ, небрежно отстраняя свободной рукой колосья. Крошечныя ножки ея въ высокихъ ботинкахъ смѣло перепрыгнули черезъ узенькую канавку, на днѣ которой, въ едва приметной влагѣ, скромно пестрѣли незабудки. Дальше шли небольшія рытвины, густо поросшія колосьями; по краямъ ихъ синѣли молодые, только что распустившіеся васильки.

Таиса Лаврентьевна остановилась, взяла изъ рукъ Семена Ивановича баклагу, отпила прямо изъ горлышка нѣсколько глотковъ и поморщилась.

— Вода совсѣмъ теплая; дайте мнѣ лучше каплю рому,—сказала она.

Семенъ Ивановичъ подаль ей серебряную фляжку. Она поднесла ее къ губамъ, выпила глотокъ и, оглянувшись кругомъ, опустила прямо въ рожь.

— Вотъ, я здѣсь отдохну,—сказала она.—Я очень много скакала, когда было еще жарко. Садитесь и извольте-ка объяснить, почему васъ такъ давно не видно.

— Занятъ былъ; да и боялся надоѣсть вамъ, злоупотребляя сосѣдствомъ,—отвѣтилъ Семень Ивановичъ.

Таиса Лаврентьевна засмѣялась и погрозила ему пальчикомъ.

— Пустяки рассказываете,—возразила она.—Я отлично знаю, почему вы не прѣзжали. Вы вздумали ревновать къ брату.

Семень Ивановичъ весь вспыхнулъ.

— Это братецъ вамъ сказалъ?—спросилъ онъ.

— Я могла и сама догадаться. Такіе, какъ вы, всегда ревнуютъ и всегда ошибаются,—отвѣтила Баблонская.

Ея глаза весело и задорно смѣялись изъ-подъ короткихъ полей шляпы.

—«Они видятся»,—мрачно подумалъ Семень Ивановичъ и сказалъ вслухъ:

— Можетъ быть, вы и угадали; только врядъ ли я ошибаюсь.

Молодая женщина опять взглянула на него и промолчала. Только по яркимъ губамъ ея продолжала бѣгать замысловатая усмѣшка.

— Подлѣ васъ васильки, нарвите мнѣ,—попросила она черезъ минуту.

Капитанъ исполнилъ ея желаніе. Она бросила цвѣты на колѣни, сняла перчатки и принялась сплетать вѣнокъ. Потомъ вдругъ сдернула съ головы Семена Ивановича фуражку, прикрѣпила вкругъ околышка вѣнокъ, и снова надѣла фуражку ему на голову.

— Не смѣйте снимать этого вѣнка, пока Анатолій Ивановичъ его не увидитъ,—приказала она.—А теперь нарвите мнѣ незабудокъ.

Семень Ивановичъ опять повиновался. Баблонская взяла букетикъ и пришила его себѣ на грудь.

— И я тоже буду носить этотъ букетикъ, пока Анатолій Ивановичъ его не увидитъ,—сказала она со смѣхомъ.

Капитану не понравился этотъ смѣхъ.

— Братецъ, кажется, правду говорить, что вы кокетка, и имѣете въ мысляхъ только играть чувствами мужчинъ,—сказалъ онъ.

— Братецъ смѣетъ это говорить?—переспросила съ надменной усмѣшкой Таиса Лаврентьевна.—Хорошо же, ему припомнится эта дерзость.

Но измѣнчивое лицо ея сейчасъ же приняло свое задумчивое и замысловатое выраженіе.

— Я вамъ объясню, почему я хочу, чтобъ Анатолій Ивановичъ увидѣлъ на васъ этотъ вѣнокъ,—заговорила она совсѣмъ другимъ, довѣрчивымъ и вкрадчивымъ голосомъ.— Потому, что вы тихоня.

Вы меня боитесь. Миѣ надоѣло это. Васъ надо растормошить, чтобъ вы опять сдѣлались сумасшедшимъ, какъ тогда, въ лодкѣ...

У капитана задрожали мускулы въ лицѣ.

— Зачѣмъ вамъ это нужно?—спросилъ онъ.

— Затѣмъ, что я люблю, когда вы такой.

И она смѣло взглянула ему въ глаза своими потемнѣвшими, смѣющимися и угрожающими зрачками. Но, вѣроятно, и въ лицѣ Семена Ивановича она подмѣтила что-то опасное, потому что быстро встала и набросила на руку шлейфъ амазонки.

— Но, послушайте... вѣдь это же скучно, что вы не показываетесь,—сказала она.—Только не пріѣзжайте вмѣстѣ съ братомъ, вы будете ревновать меня другъ къ другу. Пріѣзжайте одинъ, завтра, въ это время.

Она махнула рукой, подавая знакъ егерю. Семень Ивановичъ молча посадилъ ее въ сѣдло. Онъ тяжело дышалъ, и колѣни его немного дрожали.

Х.

Словно нарочно, Анатолій былъ дома, когда капитанъ вернулся. Необычное украшеніе на фуражкѣ брата бросилось ему въ глаза.

— Это какая же нимфа полей или дриада лѣсовъ оказала вамъ сей знакъ нѣжной благосклонности?—шутливымъ тономъ полюбопытствовалъ Анатолій Ивановичъ.

— Нимфа ли она, или еще какъ по-вашему, ужъ не знаю, а по-нашему она называется Таисой Лаврентьевной Баблонской,—отвѣтилъ не очень дружественнымъ тономъ Семень Ивановичъ.

Анатолій удивленно покосился на него и прикусилъ губу.

— Вотъ какъ... Вы, вѣроятно, прогуливались во ржаномъ полѣ? Вмѣстѣ васильки рвали?—проговорилъ онъ и захохоталъ.

Семень Ивановичъ молча повѣсилъ фуражку съ вѣнкомъ на крючокъ. Анатолію было видимо не по себѣ. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, посвисталъ въ открытое окно, и вдругъ приказалъ подать себѣ бѣговья дрожки.

— «А вѣдь я дуракъ-дуракомъ вышелъ,—подумалъ Семень Ивановичъ, оставшись одинъ.—Ей не меня растормошить надо было, а раздражить брата. Теперь онъ, понятное дѣло, самъ не свой поскакалъ къ ней. Перебранка у нихъ горячая выйдетъ, а потомъ замиреніе произойдетъ. Цѣловаться-миловаться будутъ. А надо мной посмѣются, да и есть за что».

И Семень Ивановичъ чувствовалъ, что въ груди у него будто клокочетъ, и ему мало воздуха. Ему приходила мысль сейчасъ же поскакать въ Пороховку и застать тамъ ихъ обоихъ. Но по какому же праву?

— «Нѣтъ, это несообразно. А вотъ завтра я объяснюсь съ ней».

Напрямки заставлю ее изъясниться. И тогда видно будетъ»,—рѣшилъ онъ.

Таиса Лаврентьевна приняла его на другой день на большой открытой террасѣ, выходящей въ садъ. Въ виду жаркой погоды она не въ состояннн была строго придерживаться траура: вмѣсто тяжелаго кашемироваго платья, на ней была юбка изъ легкой черной тафты и полуоткрытый корсажъ изъ какой-то прозрачной ткани, отдѣланный черными блондами. Нитка жемчуга подхватывала ея чудесные темно-русые волосы и падала красиво завязанной петлей на сквозившее изъ-подъ блондъ плечо.

Въ ту минуту, когда Семень Ивановичъ входилъ на террасу, ему послышался удаляющійся топотъ лошади и скрипъ колесъ по песку.

— У васъ какой-то гость сейчасъ былъ?—спросилъ онъ.

Таиса Лаврентьевна сдѣлала удивленные глаза.

— Гость? Какой же можетъ быть гость?—возразила она.—Я веду здѣсь совершенно уединенную жизнь. Съ сосѣдями я не познакомилась. Нѣкоторые прїѣзжали ко мнѣ, но я никого не приняла. Зачѣмъ? Вѣдь я здѣсь не надолго.

— Не успѣешь оглянуться, какъ вы и упорхнете отсюда,—произнесъ съ замѣтною грустью Семень Ивановичъ.

Баблонская засмѣялась.

— Можно подумать, что для васъ это будетъ большимъ лишеніемъ. А между тѣмъ вы совсѣмъ не торопитесь пользоваться моимъ присутствіемъ,—сказала она.—Кажется, вы всего третій разъ удостоили меня посѣщеніемъ.

— Если бы я руководился своимъ влеченіемъ, то давно обременилъ бы васъ учащенными заѣздами,—отвѣтилъ капитанъ.—Но опасеніе вызвать ваше неудовольствіе своею навязчивостью каждоразно воздерживало меня.

— И напрасно,—сказала Баблонская, прямо глядя ему въ глаза своими весело-замысловатыми глазами.—Кого мнѣ не надо, тѣхъ я не зову; а къ вамъ и къ брату вашему многократно обращалась со своимъ зовомъ.

— Братецъ—то совсѣмъ другое дѣло.

— Почему же вы такъ почитаете?

— Этотъ предметъ и изъясненія не требуетъ. Братецъ по всѣмъ обстоятельствамъ можетъ быть прїятнымъ гостемъ для молодой и утонченной дамы.

— Сколько скромности! Но, повидимому, вы полагаете, что женщины умѣютъ цѣнить одни наружныя достоинства.

— Таково, по крайней мѣрѣ, общее на этотъ предметъ разсужденіе.

— Разсужденіе людей, мало понимающихъ природу женщины.

Я думала, Семень Ивановичъ, что вы составили обо мнѣ болѣе выгодное мнѣніе.

Баблонская оглянулась и указала рукой на фарфоровый столикъ, на которомъ въ маленькой хрустальной вазѣ нѣжились въ водѣ вчерашнія незабудки.

— Если бы я была такая, какъ вы себѣ представляете, то я выбросила бы этотъ букетикъ, снимая амазонку,—сказала она.— Но вы видите, какъ я за нимъ ухаживаю. Онъ милъ мнѣ своею скромной простотой. Въ оранжереѣ у меня роскошныя розы всѣхъ сортовъ, а я дорожу вотъ этими незабудками, которыя вы для меня нарвали.

Семень Ивановичъ почувствовалъ, точно у него по сердцу пробѣжали мурашки.

— Не иначе себѣ это объясняю, какъ дѣйствіемъ окружающей васъ здѣсь сельской простоты,—сказалъ онъ.—Но въ помыслахъ у васъ неизбѣжно суета и роскошь столицъ. Ваше пребываніе здѣсь временное и случайное, и, покинувъ здѣшнія мѣста, вы не сохраните даже воспоминанія о нихъ.

Баблонская медленно подняла на него серьезный, почти печальный взглядъ. Темные зрачки ея сдѣлались глубокими.

— Какъ вы заблуждаетесь!—произнесла она своимъ вкрадчивымъ и довѣрчивымъ тономъ.—Если бы я могла слѣдовать своему внутреннему влеченію, то, конечно, съ наслажденіемъ похоронила бы себя въ этой сельской тишинѣ. Не проходитъ дня, чтобы я не открывала въ ней новыхъ прелестей. И не удивляйтесь: я считаю великаго Руссо своимъ учителемъ въ познаніи природы. Вамъ, конечно, извѣстны творенія этого отчужденнаго сочинителя?

Семень Ивановичъ немножко смутился.

— Какъ же, случалось слышать; хотя, впрочемъ, находясь въ походной жизни и не будучи притомъ знакомъ съ чужими языками, мало могъ предаваться чтенію,—отвѣтилъ онъ, видимо запинаясь.

— Великій, несравненный творецъ и наставникъ въ возвышенныхъ чувствахъ,—съ оживленіемъ продолжала Таиса Лаврентьевна.—Онъ болѣе всѣхъ другихъ, болѣе самого Вольтера, властвуетъ надъ человѣческими умами. Даже и у насъ, между нашими новѣйшими сочинителями, есть нѣкто Карамзинъ, искусно заимствующій у Руссо его пріятную чувствительность.

Семень Ивановичъ, поглощенный вниманіемъ, не сознавалъ, что ротъ его довольно забавно раскрылся. А Таиса Лаврентьевна не показывала виду, что замѣчаетъ это, хотя по губамъ ея такъ и змѣлилась предательская улыбка.

— Отъ Руссо я научилась понимать уединенныя красоты природы и прелесть простыхъ сердецъ. Онъ и моему сердцу привилъ раннюю чувствительность,—продолжала она.—Я съ вами объ этомъ

говору, потому что и въ васъ предполагаю такую же склонность къ сельской тишинѣ и простому образу жизни, близкому къ пастушеской природѣ.

Волненіе все болѣе охватывало Семена Ивановича.

— И вы согласны были бы прожить всю жизнь здѣсь, отказавшись отъ всѣхъ соблазновъ столичной суеты? Промѣнять пышность двора на тихое сельское уединеніе? — спросилъ онъ.

Баблонская слегка вздохнула.

— Уединеніе — это діета души, — отвѣтила она. — Здоровый человѣкъ не можетъ всю жизнь находиться на діетѣ. Но если бы сердце мое было полно, то я съ радостью бѣжала бы отъ суетной пышности столицъ.

Она откинулась въ креслѣ, и на лицо ея опять набѣжало то самое выраженіе, съ какимъ она сидѣла тогда подлѣ капитана въ лодкѣ, на озерѣ. Что-то завораживающее и влекущее блуждало въ ея темныхъ зрачкахъ.

Семень Ивановичъ внутренно весь похолодѣлъ. У него захватывало духъ отъ такого же жуткаго чувства, съ какимъ онъ когда-то впервые шелъ на огнедышащій турецкій окопъ. Онъ вдругъ опустился предъ Баблонской на колѣни.

— Таиса Лаврентьевна, я не властенъ болѣе таить свои чувства. Найду ли я въ васъ свое счастье или погибель, но участь моя рѣшена! — произнесъ онъ страннымъ, глухимъ и волнующимся голосомъ.

Баблонская, повидимому, не ожидала такого быстрого оборота разговора. Въ глазахъ ея отразился испугъ, тогда какъ уголки губъ ея чуть примѣтно подергивались, словно она усиливалась удержать улыбку.

— Семень Ивановичъ, встаньте, успокойтесь! — поспѣшно произнесла она, и отодвинулась отъ него вмѣстѣ съ кресломъ.

Капитанъ поднялся и молча, тяжело переводя духъ, смотрѣлъ на нее. Нижняя губа его замѣтно дрожала.

— Какой вы пламенный въ движеніяхъ своего сердца! — тономъ нѣжнаго укора сказала Таиса Лаврентьевна. — Я совсѣмъ не была приготовлена къ такому изъясненію. Считаю васъ человѣкомъ, посвятившимъ себя одиночеству боевой жизни, я полагала себя въ безопасности, находясь съ вами.

— Отнынѣ участь моя въ вашихъ рукахъ, — произнесъ Семень Ивановичъ, покорно склоняя голову. — Я жду отвѣта, коимъ рѣшена будетъ моя жизнь.

Таиса Лаврентьевна немножко отвернулась, чтобы скрыть предательское подергиваніе губъ.

— Но развѣ я могу сейчасъ же дать вамъ отвѣтъ? — сказала она. — Этотъ глубокій трауръ (она опустила глаза на свои сквозившія изъ-подъ легкихъ блондъ плечи) долженъ вамъ объяснить,

сколь мало расположена я въ настоящее время думать объ устройствѣ будущей судьбы своей.

— Слишкомъ хорошо понимаю несвоевременность моей деклараціи, но и не притязая ни на что иное, какъ на разрѣшеніе питать въ сердцѣ своемъ отдаленную надежду, — возразилъ Семенъ Ивановичъ.

Баблонская поспѣшно достала изъ кармана батистовый съ кружевами платокъ и прижала его вмѣстѣ съ руками къ лицу: она была уже не въ силахъ совладать съ совершенно дѣтскимъ смѣхомъ, неудержимо рвавшимся наружу.

А Семенъ Ивановичъ, видя ея вздрагивавшія плечи и предполагая, что она плачетъ, снова бросился къ ея ногамъ и въ судорожномъ порывѣ дѣловалъ ея колѣни. Таиса Лаврентьевна, испуганная, быстро встала.

— Полноте, Семенъ Ивановичъ, успокойтесь, — сказала она. — Я васъ всегда считала такимъ благоразумнымъ. Вы, вѣроятно, не захотите со мною ссориться теперь... теперь... когда хотите сохранить надежду...

И ея лицо улыбалось ему съ задорнымъ, насмѣшливымъ кокетствомъ. Онъ весь побагровѣлъ и онять судорожно потянулся къ ней.

— Значитъ, вы разрѣшаете? Вы даете слово? — почти вскричалъ онъ, чувствуя, какъ туманъ словно застилаетъ ему глаза, и видя въ этомъ туманѣ только ея обольстительный обликъ и какъ мраморъ сверкавшія изъ-подъ черныхъ блондъ плечи. Баблонская, испуганная, отшатнулась отъ него, вильнувъ между креслами мягкими складками своей юбки.

— Вы бѣшенный! — произнесла она строго. — И никакого слова я вамъ не дала. Вы меня напугали... Вы оскорбили печальное значеніе этихъ траурныхъ одеждъ. Въ наказаніе я ничего больше не скажу вамъ сегодня.

Семенъ Ивановичъ рванулся къ ней и схватилъ ее за руку.

— Ваше слово! — громко и глухо потребовалъ онъ.

— Ой, больно! — воскликнула она и, вырвавъ руку, распахнула дверь во внутреннія комнаты.

Но на порогѣ она обернулась и, обливъ капитана своимъ загадочнымъ и завораживающимъ взглядомъ, произнесла тономъ героини мольеровскаго театра:

— Мое слово — терпѣніе!

Семенъ Ивановичъ сжалъ обѣими руками виски, въ которые напряженно стучала кровь, и пошатывающимися ногами вышелъ въ садъ.

XI.

Опять бессонная ночь постѣтила капитана, но теперь въ душѣ его расцвѣталь рай. Онъ забылся подѣ утро легкой дремотой и всталъ бодрый, счастливый, переполненный какимъ-то побѣднымъ и мечтательнымъ возбужденіемъ.

Цѣлый день, впрочемъ, онъ словно не находилъ себѣ мѣста и дѣла. Съ Порфиріемъ, явившимся за распоряженіями, онъ завелъ совершенно посторонній разговоръ.

— Пороховская-то вотчина съ нами вѣдь межа съ межей сходится?—спросилъ онъ между прочимъ.

— Совсѣмъ ђ-бокъ,—подтвердилъ Порфирій. — Наши мужички, правду сказать, частенько тамъ въ лѣсу пошаливаютъ.

— А ты зачѣмъ же спуску даешь?

— Спуску я не даю, а все, разумѣется, думаешь: чужимъ вѣдь попользовался, не своимъ господскимъ.

— Ну, это ты глупо рассуждаешь. Чтобъ у меня больше въ пороховскомъ лѣсу не смѣли хозяйничать!

Заслышавъ тянувшійся съ лужайки запахъ малины, Семень Ивановичъ вышелъ посмотрѣть, какъ Петровна варила варенье, и зачѣмъ-то приказалъ наварить побольше.

— Да зачѣмъ же, сударь, больше? У насъ и кушать некому,—возразила ключница.—Развѣ въ дорогу съ собой возьмете, или прикажете къ Анатолю Ивановичу въ Петербургъ послать?

— Ну, тамъ видно будетъ,—нѣсколько загадочнымъ тономъ отвѣтилъ капитанъ.

За завтракомъ онъ спросилъ Анатоля, предполагаетъ ли тогъ остаться до конца лѣта въ Хрычевкѣ.

— Намѣренія мои инья, — отвѣтилъ Анатолій Ивановичъ. — Благодаря вашей щедрости, братецъ, я могу аккитовать изрядный долгъ и возстановить свой кредитъ, и у меня есть желаніе скорѣе заняться сими важнѣйшими дѣлами. А, кромѣ того, получено мною сегодня письмо отъ родственника нашего и моего пріятели, Петра Артемьевича Допрядскаго, пущенное изъ Царскаго Села, коимъ онъ увѣдомляетъ, что приступлено уже къ нѣкому важному государственному преобразованію, касающемуся и моего служебнаго интереса.

— Значитъ, недолгъ и въ Петербургъ собираетесь? — промолвилъ съ скрытымъ чувствомъ удовольствія Семень Ивановичъ.

— Недолгъ и въ Петербургъ, братецъ,—спокойно подтвердилъ Анатолій.

Семень Ивановичъ какъ-то странно хихикнулъ.

— А не слышали ли, братецъ, какъ располагаетъ сосѣдка наша,

«истор. вѣстн.», январь, 1901 г., т. LXXXIII.

Таиса Лаврентьевна? Пожалуй, и она тоже въ столицу собирается, такъ что я тутъ совсѣмъ одинокій останусь? — спросилъ онъ замысловато звучащимъ голосомъ.

Анатолій незамѣтно покосился на него и отвѣтилъ съ равнодушнымъ видомъ:

— Доподлинно не могу вамъ изъяснить, братецъ, но полагать надо, что и ей нѣтъ причины продолжительно здѣсь оставаться.

Семень Ивановичъ сощурился и подтянулъ губы.

— Гм... А кажется, чѣмъ бы тутъ не житье Таисѣ Лаврентьевнѣ, — замѣтилъ онъ тѣмъ же замысловатымъ тономъ. — Лѣто Господь Богъ далъ прекрасное, усадьба у нея полная чаша. Вотъ развѣ только пустой этой столичной суеты нѣтъ. Такъ вѣдь и безъ этого можно не безъ пріятности прожить. Сдается мнѣ, что она не очень скоро помышляетъ уѣзжать отсюда.

Анатолій опять покосился на брата, но, не понимая, къ чему онъ это говоритъ, повелъ плечомъ и не продолжалъ разговора. Затѣмъ вскорѣ онъ велѣлъ заложить себѣ одноколку и уѣхалъ.

Спустя нѣсколько часовъ, когда въ душномъ воздухѣ потянуло уже предвечерней прохладой, Семену Ивановичу вздумалось пойти на охоту. Онъ перекинулъ черезъ плечо ружье, позвалъ собаку и въ первый разъ рѣшилъ попытать счастья въ пороховскомъ лѣсу. Послѣ вчерашняго замѣчательнаго разговора съ Таисой Лаврентьевной онъ уже какъ бы не считалъ себя совсѣмъ чужимъ въ ея владѣніяхъ.

Чудныя старыя сосны и ели, и между ними дубы и серебристыя березы, обступили его со всѣхъ сторонъ. Цахло поспѣвающимъ орѣхомъ, первыми молодыми грибами и земляникой; но все это заглушалъ терпкій, смолистый запахъ нагрѣтой хвои.

Дичи было немного, да и лучшіе часы для охоты уже ушли. Семень Ивановичъ брелъ не слѣша, занятый пріятно волновавшими его мыслями и мечтами. Онъ даже не отдавалъ себѣ отчета, въ какомъ направленіи змѣилась узкая лѣсная дорога. Только выйдя на небольшую прогалину, онъ неожиданно увидѣлъ недалека блеснувшій крестъ пороховской церкви. Стало быть, усадьба была близко.

«Развѣ зайти къ Таисѣ Лаврентьевнѣ? — подумалъ онъ. — Вотъ такъ, съ ружьемъ и собакой, будто утомился на охотѣ. Можно даже пройти садомъ, и если ея не будетъ на террасѣ, то уйти не доложившись».

И онъ взялъ въ сторону, туда, гдѣ лѣсъ былъ гуще и, понемногу подымаясь, подходилъ къ саду, отъ котораго отдѣлялъ его сухой оврагъ. Пріятныя мысли продолжали тихо волновать его.

— «А, должно быть, и въ оныхъ дѣлахъ поступать слѣдуетъ по примѣру нашего старичка фельдмаршала: не робѣть и прямо переходить къ натиску, — думалось ему. — Кабы робѣлъ, потерялъ бы

навсегда. Такъ и не домекнулся бы, что можно и съ нашей армейской наружностью дерзать добиваться. А вышло-то вонъ оно какъ...».

И ему припомнились все подробности вчерашняго свиданія, и завораживающій взглядъ Таисы Лаврентьевны, и ея кокетливая пугливость, и вздрагивающія подъ прозрачными кружевами блѣннраморныя плечи.—«Мое слово—терпѣнне!»—какъ музыка, звучало въ его ушахъ, и на крупныя губы его то и дѣло набѣгала довольная усмѣшка.

— «А братецъ, поди, гадаеть, что она за нимъ слѣдомъ въ Петербургъ поѣдетъ, и тамъ, какъ столичная вертопрашка, амурную игру съ нимъ затѣетъ»,—мысленно подсмѣивался онъ.

И сейчасъ же волна горячаго, жуткаго счастья обливала его сладкимъ трепетомъ, и все его думы тонули въ одной поглощающей и необъятной мечтѣ...

XII.

Вдругъ лѣниво тащившаяся за Семеномъ Ивановичемъ собака сдѣлала нѣсколько безпокойныхъ прыжковъ и слабо залаяла.

Капитанъ оглянулся. Онъ былъ уже близко къ оврагу, отдѣлявшему лѣсъ отъ сада. Благодаря разросшемуся орѣшнику, здѣсь была настоящая, почти непроходимая чаща. Проѣзжая дорога сворачивала въ сторону, а прямо предъ нимъ извивалась узенькая тропка, протоптанная между пнями и молодою порослью, и вся закиданная изсохшими сучьями и еловыми шишками.

Собака бросилась по этой тропинкѣ, продолжая нерѣшительно лаять. Капитанъ снова оглянулся, и зоркіе глаза его замѣтили невдалекѣ, сквозь переплетъ вѣтвей, соломенную крышу какого-то павильона. Въ ту же минуту онъ увидѣлъ Анатолія Ивановича, который, признавъ собаку, крикнулъ что-то и бросился бѣжать внизъ по оврагу. За нимъ изъ павильона выскочила женская фигура, въ которой капитанъ тотчасъ узналъ Баблонскую. Она спустилась вслѣдъ за Анатодемъ въ оврагъ, и тамъ они, взявшись за руки, кинулись еще поспѣшнѣе бѣжать вверхъ, по направлению къ саду.

Семень Ивановичъ въ два прыжка очутился подлѣ павильона. Черезъ раскрытую дверь онъ увидѣлъ уютно убранную комнатку. На низенькомъ диванѣ валялась брошенная и забытая впопыхахъ турецкая шаль.

Капитанъ пріостановился, разомъ зашатавшись на ногахъ. Лицо его покривилось отъ внезапной судороги, нижняя губа повисла. Багровый, припухлый шрамъ рѣзко обрисовался на лбу.

Прошла, можетъ быть, только одна секунда, но капитану казалось, что въ эту безконечно длинную секунду какая-то неодолимая

сила разорвала всю его жизнь, раздавила ему мозгъ. Въ черепѣ чувствовалась боль, точно вся кровь разомъ хлынула туда.

Обѣ фигуры, мужская и женская, продолжали мелькать на той сторонѣ оврага, полузакрытыя кустарникомъ. Только теперь мужчина, обхвативъ женщину рукою, какъ будто несъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Семень Ивановичъ, почти не понимая, что дѣлаетъ, перекинулъ изъ-за плеча ружье, приложился и выстрѣлилъ. Мужчина упалъ, потомъ сейчасъ же поднялся и сталъ медленно пробираться между кустами, придерживаясь за бедро. Женщина продолжала бѣжать.

Дымокъ отъ выстрѣла уже совсѣмъ разсѣялся, и обѣ фигуры успѣли скрыться, а Семень Ивановичъ все еще стоялъ на мѣстѣ, словно въ столбнякѣ, опираясь на опущенное къ ногѣ ружье. И лицо его имѣло еще болѣе искаженное и дикое выраженіе.

Наконецъ онъ словно очнулся, и шатаясь вошелъ въ павильонъ. Отшвырнувъ ружье, онъ бросился ничкомъ на диванъ, лицомъ на забытую Таисой Лаврентьевной шаль, и судорожно зарыдалъ.

Собака его жалобно завывала.

Сумерки между тѣмъ быстро сгущались. Когда Семень Ивановичъ приподнялся на диванѣ, въ павильонѣ было уже почти темно. Онъ облокотился на столъ, опустилъ голову и сторбившись долгот еще сидѣлъ такъ, словно ожидая чего-то. Потомъ всталъ, взялъ ружье и тихо пошелъ черезъ лѣсъ домой. Жутко отдавались въ ушахъ его собственные шаги, сопровождаемые шорохомъ сухихъ листьевъ, и жутко было ночное безмолвіе лѣса.

Придя домой, онъ вызвалъ Порфирія и объявилъ ему, что завтра уѣзжаетъ и поручаетъ ему попрежнему завѣдывать управленіемъ вотчиной.

— А доходы высылай четырежды въ годъ, по равной части, ко мнѣ и къ брату неукоснительно,—кратко наказалъ онъ.

— «Да, уѣду,—рѣшилъ онъ мысленно.—Послѣ того, чему Господь попустилъ совершиться, оставаться мнѣ здѣсь негоже. Вдалекѣ и среди привычностей полковой жизни, уповательно, скорѣе забудутся и женское коварство, и пустышныя тревоженія страсти».

Анатолій Ивановичъ не вернулся на ночь домой.

Утромъ Семень Ивановичъ послалъ къ нему въ Пороховку его петербургскаго камердинера, съ порученіемъ освѣдомиться о здоровьѣ барина. Слуга вернулся съ письмомъ отъ Анатолія, въ которомъ капитанъ прочиталъ слѣдующія строки:

«Милостивѣйшій государь и дражайшій братецъ! Богъ вамъ судья, ежели вы, презрѣвъ соединяющія насъ кровныя узы, стрѣляли въ меня дробью изъ ружья, словно по какому нибудь зайцу. По счастью, зарядъ сей былъ на излетѣ и причинилъ мнѣ токмо легкую рану въ лѣвую лядвею. Да подобнымъ же образомъ двѣ дробинки попали и въ Таису Лаврентьевну, но къ великому благо-

получію увязли въ ея корсетѣ, причинивъ токмо незначительную боль. И она поручаетъ написать вамъ, что за сіе гнѣва на васъ не имѣетъ, радуясь сердцемъ, что Провидѣніе не попустило совершиться задуманному вами двойному человѣкоубійству.

«Въ сихъ строкахъ увѣдомляю васъ, братецъ, что хотя и раненый, но сего же числа уѣзжаю одновременно съ Таисой Лаврентьевной въ Петербургъ, а васъ прошу прислать съ камердинеромъ моимъ мои вещи, въ томъ числѣ и шкатулку карельскаго дерева, въ коей находятся принадлежащія мнѣ деньги.

«А еще приписываю вамъ, братецъ, что во всѣхъ сихъ происшествіяхъ никоимъ образомъ виновнымъ признаться себя не могу. Пламенная страсть моя къ невѣстѣ моей Таисѣ Лаврентьевнѣ возгорѣлась во мнѣ съ перваго мгновенія встрѣчи, и если въ дальнѣйшемъ я не открылся вамъ въ моихъ намѣреніяхъ, то единственно по причинѣ вашего смѣхоподобнаго и несообразнаго ни съ наружностями вашими, ни съ воспитаніемъ поведенія. А наипаче какъ вы стали приходите въ безумство и угрожать изступленіемъ. Даже и посейчасъ благодарю Создателя, что, когда вы, крадучись въ лѣсу, выданы были собакою вашею, то въ ту же минуту домекнулся я отъ ярости вашей бѣжать, и тѣмъ спасеніе жизни своей и Таисы Лаврентьевны оградилъ.

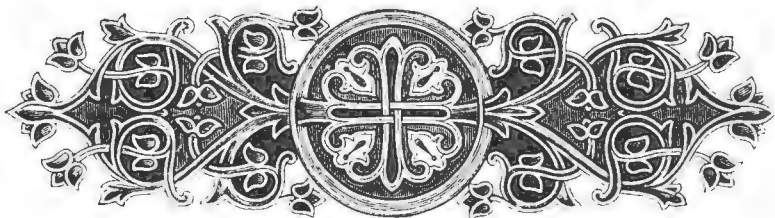
«Кончая сіе письмо, тѣхъ присовокупить, что Таиса Лаврентьевна жестоко потрясена сими происшествіями, и посейчасъ уразумѣть не можетъ, какъ вы въ смѣхоподобномъ ослѣпленіи своемъ чрезъ невинныя ея шалости и издѣвательства довели себя до безумства.

«За симъ имѣю честь быть вашимъ, дражайшій братецъ, покорнѣйшимъ слугою и братомъ».

Семень Ивановичъ читалъ медленно, останавливаясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ и возвращаясь къ прочитанному. Послѣднія строки онъ уже съ трудомъ могъ разобрать, потому что изъ глазъ его тихо текли обильныя слезы. И трудно сказать, что выплакивали эти слезы: погибшую любовь, или оскорбленіе.

В. Г. Авсеенко.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ 1877-1878 ГОДОВЪ.

I.

О ВОЛѢ его императорскаго высочества главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича Старшаго, я былъ вызванъ 1 апрѣля 1877 года въ г. Кишиневъ изъ Варшавы, мѣста расположенія л-гв. Гродненскаго гусарскаго полка, въ которомъ я служилъ. Черезъ 24 часа по полученіи телеграммы я уже собрался въ дорогу, поставилъ въ вагонъ верховыхъ лошадей и послѣ напутственнаго молебна выѣхалъ по назначенію. Когда въ Кишиневѣ явился я къ главнокомандующему, его высочеству угодно было обратить вниманіе на мой скорый пріѣздъ и милостиво замѣтить, что я успѣлъ прибыть быстро, по-кавалерійски. Вскорѣ пріѣхалъ въ Кишиневъ государь императоръ, и затѣмъ я былъ посланъ въ мою первую командировку къ генералу Скобелеву I-му для передачи письменнаго приказанія перейти границу, такъ какъ война была уже объявлена.

У генерала Скобелева I-го я встрѣтилъ временно прикомандированнаго къ нему адъютанта главнокомандующаго, штабъ-ротмистра Дерфельдена I-го. Привезенное мною извѣстіе объ объявленіи войны и началѣ военныхъ дѣйствій произвело на всѣхъ глубоко-радостное впечатлѣніе. Послѣ этого кавказская казачья бригада тронулась впередъ и благополучно перешла границу; я же вернулся обратно въ Кишиневъ. Спустя нѣкоторое время, насъ, ординарцевъ, погребовали въ Плоэшти, гдѣ затѣмъ были организованы и посланы

для обрекогносцированія береговъ Дуная небольшія партіи, каждая изъ двухъ или трехъ человѣкъ развѣдчиковъ. Мнѣ выпала счастливая доля находиться въ партіи, въ коей участвовалъ его императорское высочество, великій князь Николай Николаевичъ Младшій, и которая подъ начальствомъ и руководствомъ генеральнаго штаба подполковника Сухотина произвела рекогносцировку у Ольтеницы противъ Туртукай.

Въ то время Дунай былъ въ полномъ, необычайно многоводномъ разливѣ, и только у самой Ольтеницы теченіе рѣки, урегулированное дамбою, давало возможность перестрѣливаться съ появлявшимся на противоположномъ берегу неприятелемъ; но успѣхъ подобныхъ перестрѣлокъ для обѣихъ сторонъ былъ сомнителенъ, хотя у насъ и случались весьма незначительныя потери отъ ружейнаго и артиллерійскаго огня. Такія же потери были, вѣроятно, и у турокъ. Однажды, утромъ, одинъ изъ казаковъ на мѣстѣ положилъ изъ берданки двухъ турокъ, рискнувшихъ слишкомъ близко подойти къ рѣкѣ за водой.

Туртукай стоитъ на горѣ, и вообще характеръ его мѣстности похожъ на Систовскую. Въ то время у Туртукай возводились укрѣпленія. Вскорѣ послѣ возвращенія изъ командировки мнѣ поручено было отвезти пакетъ къ князю Святополкъ-Мирскому и остаться въ его распоряженіи. Князя и его дивизию я догналъ на послѣднемъ переходѣ къ городу Александріи, гдѣ я и явился къ нему передать пакетъ. Потребовавъ меня къ себѣ раннимъ утромъ слѣдующаго дня, князь вручилъ мнѣ пакетъ и при этомъ сказалъ:

— Передайте въ городѣ Зимницѣ командиру Брянскаго полка. Предупреждаю васъ, что, въ виду чрезвычайной важности порученія, именно посылаю васъ, какъ ординарца главнокомандующаго, и увѣренъ, что пакетъ передадите точно и быстро въ собственныя руки командира полка.

Исполнивъ въ точности возложенное на меня порученіе и получивъ въ Зимницѣ отъ командира Брянскаго полка расписку, я отправился къ своимъ бывшимъ однополчанамъ, лубенскимъ гусарамъ, которые послѣ радушнаго пріема предложили мнѣ посмотреть Дунай, городъ Систово и все, что казалось тогда особенно интереснымъ и достойнымъ вниманія. Я воспользовался этой поѣздкой для рекогносцировочныхъ цѣлей: набросалъ въ памятной книжкѣ кроки и сдѣлалъ довольно полное описаніе береговъ Дуная, находившихся тамъ укрѣпленій, города Систова и общаго характера мѣстности на болѣе выдающихся пунктахъ. По окончаніи этой рекогносцировки, на разсвѣтѣ, я выѣхалъ обратно въ городъ Александрію, гдѣ встрѣтилъ конвойныхъ казаковъ. Ихъ присутствіе въ этомъ городѣ удивило меня, но лично знавшій меня старшій урядникъ объяснилъ мнѣ суть дѣла: въ Александріи инкогнито находился главнокомандующій; пріѣздъ его императорскаго высочества составляетъ большую

тайну. Слѣзши съ коня у квартиры князя Святополкъ-Мирскаго, я вошелъ съ докладомъ въ комнату, гдѣ засталъ главнокомандующаго и тутъ же находившихся—начальника штаба генерала Непокойчицкаго, помощника его генерала Левицкаго и генераловъ Радецкаго и Драгомірова. Его императорское высочество, поздоровавшись со мной, спросилъ меня:

— Ты откуда?

— Изъ Зимницы,—отвѣчалъ я.

— Вотъ и прекрасно! Рассказывай, что ты тамъ видѣлъ.

Тогда по своей памятной книжкѣ и по лежащей на столѣ картѣ я сдѣлалъ подробный докладъ, которымъ главнокомандующій остался доволенъ и затѣмъ спросилъ меня:

— Ты здѣсь упоминаешь объ островѣ, а былъ ли ты на немъ? Топкій онъ или нѣтъ?

— На немъ я не былъ, — отвѣчалъ я, — но видѣлъ тамъ пасущихся лошадей, которыя ходятъ по немъ совершенно свободно, не проваливаясь..

— Вотъ видите, что я правъ! — изволилъ замѣтить главнокомандующій, милостиво поблагодарилъ меня за рекогносцировку и назвалъ молодцомъ, присовокунивъ при этомъ:—за рекогносцировку назначаю тебя въ распоряженіе генерала Драгомірова, а пока отправляйся въ деревню Драчи, никому не говори, что ты меня здѣсь видѣлъ, и дожидайся тамъ.

Простившись съ любезнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ, княземъ Святополкъ-Мирскимъ, я съ радостнымъ чувствомъ, что угодилъ главнокомандующему, отправился въ деревню Драчи, смутно догадываясь, куда и зачѣмъ поѣхалъ его императорское высочество, и почему именно его интересовала моя рекогносцировка. Предстояла переправа, ожидался первый бой, веденіе котораго ввѣрялось избранному генералу Драгомірову, который своимъ рѣшительнымъ движеніемъ впередъ долженъ былъ сдѣлать починъ цѣлому ряду грозныхъ, кровавыхъ событій. И неужели я назначенъ въ его распоряженіе? Это была великая для меня честь: въ столь громадномъ государственномъ дѣлѣ, въ первомъ бою мнѣ предстояла возможность тоже принести свою посильную долю пользы. Подъѣзжая къ деревнѣ Драчамъ, я встрѣтилъ подходящую туда же на ночлегъ главную квартиру. Этой встрѣчѣ я очень обрадовался, потому что при главной квартирѣ находились мои вещи, и я могъ переѣхать бѣлье, запастись необходимѣйшимъ предметами и отдохнуть до пріѣзда главнокомандующаго. На другой день пріѣхалъ его императорское высочество и передъ вечеромъ потребовалъ къ себѣ въ палатку великаго князя Николая Николаевича Младшаго и меня. Когда мы вошли въ палатку, главнокомандующій обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Я васъ назначаю на переправу въ распоряженіе генерала

Драгомірова; будете состоять при немъ и исполнять его приказанія, вернетесь же обратно, когда онъ васъ откомандируетъ. Помните, вы никому не должны говорить, зачѣмъ и куда вы посланы; и если я узнаю, что тайна предстоящаго дѣла сдѣлается извѣстной по вашей неосторожности, то я тебя, — главнокомандующій обратился къ своему сыну и потомъ указалъ на меня, — и тебя прикажу разстрѣлять. Въ Зимницу вы должны вѣхаться такъ, чтобы не обратить на себя вниманія.

Послѣ этого главнокомандующій благословилъ, обнялъ и поцѣловалъ сына, а мнѣ милостиво подаль руку.

Мы тотчасъ же съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ отправились снаряжаться въ путь и задолго до разсвѣта уже слѣдовали къ Зимницѣ. Съ нами были еще л.-гв. казачьяго полка корнетъ Яновъ, назначенный состоять при великомъ князѣ, да три казака того же полка. Недоѣзжая верстъ около десяти до Зимницы, мы рѣшили остановиться и дожждаться вечера, чтобы вѣхаться въ городъ впотьмахъ. Мы сдѣлали приваль у сливающагося съ Дунаемъ огромнаго озера, вдоль берега котораго стояли аванпосты отъ Лубенскаго гусарскаго полка. Здѣсь я встрѣтился съ моимъ старымъ товарищемъ Роговцовымъ, у котораго почему-то все лицо было исцарапано и заклеено липкимъ пластыремъ. Оказалось, что наканунѣ лошадь понесла его въ лѣсу, и онъ объ вѣтви исцарапалъ себѣ лицо. Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ. Та же лошадь, какъ я потомъ узналъ, вскорѣ послѣ переправы, во время одной изъ схватокъ Лубенскихъ гусаръ съ черкесами опять понесла его и врѣзалась въ отступавшую подъ натискомъ гусаръ черкесскую сотню; эта рѣзвая и дурного нрава лошадь настолько и такъ быстро отдѣлилась отъ своего эскадрона, что не было никакой возможности выручить любимаго всѣми корнета Роговцова, который, у всѣхъ на глазахъ, до того былъ изрубленъ черкесами, что по окончаніи дѣла нельзя было разыскать его останковъ. Уже совершенно стемнѣло, когда мы, вѣхавъ въ Зимницу, безъ особеннаго труда нашли домъ начальника дивизіи. Оказалось, что у него собрались начальники частей, и мы, въ ожиданіи возможности явиться, сѣли изъ скамейку возлѣ крыльца. Мы страшно проголодались, такъ какъ сѣстнаго ничего съ собой не взяли; а тутъ, какъ нарочно, генеральскій денщикъ изъ свѣжаго, еще теплаго хлѣба приготовляетъ бутерброды. Наконецъ, стало не втерпѣжъ, и я обратился съ просьбой къ денщику дать намъ немного хлѣба, но получилъ категорическій отвѣтъ, что хлѣбъ, молъ, готовится для генерала, и шабашъ! Долго еще намъ пришлось сидѣть на скамейкѣ, нюхая запахъ свѣжаго хлѣба. На этотъ разъ его высочество говоритъ мнѣ:

— Ъсть хочется ужасно! Прошу васъ, сходите еще разъ къ денщику и дайте ему за кусокъ хлѣба нѣсколько золотыхъ.

Я опять отправился, рассчитывая вѣрнаго слугу соблазнить золотомъ, но моя экспедиція снова не увѣнчалась успѣхомъ, и я получилъ, несмотря на предложенные червонцы, все тотъ же роковой отвѣтъ, что хлѣбъ, молъ, для генерала. Послѣ этой новой неудачи пришлось терпѣливо ожидать времени представленія генералу. Вотъ, наконецъ, на лѣстницѣ послышались голоса и явственное приказаніе генерала:

— Проси прѣзжихъ.

Мы вошли въ комнату и выстроились по старшинству. Генераль, никому не подавая руки, cadaго изъ насъ осмотрѣлъ съ ногъ до головы и сказалъ:

— Удивляюсь, зачѣмъ его высочество прислалъ васъ ко мнѣ; у меня и своихъ есть много, управимся и безъ васъ. А впрочемъ это—его воля, поэтому будьте при мнѣ.

Генераль поклономъ далъ намъ знакъ удалиться; мы вышли и опять сѣли на ту же злосчастную скамейку, а денщикъ все еще не кончилъ своей возни съ бутербродами, и запахъ свѣже-испеченнаго хлѣба такъ и стоялъ въ воздухѣ. Вдругъ до нашего слуха долетѣлъ сигнальный рожокъ у турокъ. Мы подумали, что непріятель замѣтилъ приготовленія къ переправѣ; но потомъ оказалось, что это былъ обѣденный сигналъ. Вотъ послышался скрипъ колесъ. Это везли понтоны для спуска въ рукавъ Дуная, откуда они должны были пройти въ самую рѣку, взять на себя десантъ для переправы его на турецкую сторону. Вышелъ генераль, мы встали и пошли за нимъ. За генераломъ тронулись откуда-то вдругъ появившіяся войска. Слѣдовали сперва берегомъ рукава, потомъ спустились внизъ, перешли устанный соломой мостикъ, еще прошли съ версту по сухому иловатому острову и очутились на берегу Дуная. Все время слѣдованія соблюдалась полная тишина безъ всякихъ разговоровъ, и приказанія отдавались шопотомъ. Впрочемъ, каждый такъ хорошо зналъ свое дѣло, что и безъ приказаній, казалось, было бы можно обойтись. Противоположный берегъ Дуная намъ казался черною линіей. Ночь была лунная, но иногда набѣгавшія тучки заволакивали луну, и тогда становилось темно; когда же луна опять выплывала изъ-за тучекъ, становилось такъ свѣтло, что съ противоположнаго берега турецкіе часовые, казалось, не могли не замѣтить стоящихъ на берегу нашихъ баталіоновъ. Чтобы убѣдиться, насколько наши баталіоны могли быть замѣтны туркамъ, я хотѣлъ отойти на разстояніе, приблизительно равное ширинѣ Дуная, но не успѣлъ я сдѣлать около ста шаговъ, какъ баталіоны мнѣ уже казались черными кустами, тѣмъ болѣе, что лѣвый флангъ дѣйствительно примыкалъ къ кустамъ, гдѣ впоследствии былъ устроенъ перевязочный пунктъ. Погода стояла тихая, лишь къ утру посвѣжѣло. Артиллерія заняла свои мѣста: одна часть ея стала правѣе сборнаго пункта, а другая —

много лѣвѣе рощи, въ которой былъ перевязочный пунктъ, приблизительно противъ Вардина.

II.

На основаніи свѣдѣній, добытыхъ во время прежнихъ рекогносцировокъ, расположеніе турецкихъ силъ, какъ оно потомъ въ дѣйствительности и оказалось, предполагалось слѣдующее: надъ угловой и фронтальной батареями, возведенными каждая на четыре орудія, расположенъ былъ на горѣ у Систова лагерь трехтысячнаго турецкаго отряда; вдоль берега рѣки стояли посты; у устья ручья Текиръ-Дере находилась занятая пѣхотной частью караулка и у Вардина, восточнѣе Систова,—семитысячный турецкій лагерь. Тихо, безъ всякаго шума, подошли понтоны и лѣвыми бортами причалили къ берегу. Начальникъ дивизіи перекрестился, сказалъ: «съ Богомъ», и махнулъ рукой. Началась переправа. Все было заранѣе предусмотрено, обдуманно и расписано, какъ по нотамъ: каждый безъ суеты пошелъ на свое мѣсто. Люди, снимая фуражки и крестясь, стали садиться на понтоны, головная часть десанта тихо отчалила. Съ понятной среди подобной обстановки тревогой ожидали мы, что каждое мгновеніе тайна нашего смѣлаго предпріятія будетъ открыта непріателемъ; но наши опасенія были напрасны: турки спали непробудно, и первый рейсъ выгрузился безъ выстрѣла. Люди штыками перекололи засѣвшую въ караулку у Текиръ-Дере пѣхотную часть, разломали эту постройку и заняли ближайшую возвышенность. Тогда только турецкіе часовые догадались открыть огонь по подходящимъ къ берегу понтонамъ. Поднялась тревога. Наши понтоны обратно причаливали къ берегу и съ новыми частями десанта опять переправлялись черезъ рѣку. Систовскія батареи открыли огонь, но гранаты, высоко перелетая надъ нами, падали въ позади находящуюся глубокую лужу, со дна которой, безвредно разрываясь, подымали высокіе столбы воды. Въ это время стало свѣтать, поднялся свѣжій вѣтеръ, взволновавшій поверхность рѣки. Семь понтоновъ быстрымъ теченіемъ были снесены ниже устья ручья Текиръ-Дере къ вардинскому лагерю, откуда уже поспѣшалъ къ берегу поднятый тревогой непріатель, и именно къ этому мѣсту сносило наши понтоны. Издали казалось, что гребцы совсѣмъ перестали работать и не стараются пристать къ берегу, а на самомъ дѣлѣ они выбивались изъ силъ, чтобы высадиться у Текиръ-Дере. Быстрое теченіе несло ихъ на вѣрную гибель: лишь только понтонъ подплывалъ къ скалистому берегу, занятому турецкими таборами, раздавался ружейный залпъ, и понтонъ шель ко дну рѣки. Пока подходилъ новый понтонъ, турки успѣвали зарядить ружья, и снова раздавались залпы. Такимъ образомъ одинъ за другимъ погибли семь понтоновъ съ

двумя орудіями и лошадьми, а съ ними цѣлые десятки людей, и роковое мѣсто безплодной гибели безслѣдно сглаживалось набѣгающими волнами Дуная. Только нѣсколько человѣкъ успѣли спастись вплавь. Изъ нихъ я потомъ видѣлъ артиллериста и матроса, который, получивъ много огнестрѣльныхъ ранъ, былъ вынесенъ теченіемъ на необитаемый островъ, гдѣ на третій или четвертый день нашли его наши моряки едва живого отъ потери крови и голода. Вскорѣ онъ умеръ въ Зимницкомъ госпиталѣ. Съ этимъ героемъ-страдальцемъ связано воспоминаніе объ одномъ изъ многихъ высокочеловѣчныхъ поступковъ въ Бозѣ почившаго великаго освободителя Болгаріи. Всѣмъ участникамъ послѣдней кампаніи навсегда незабвенны христіанскіе подвиги царя, когда онъ появлялся по возможности всюду, гдѣ только страдалъ нашъ богатырь-солдатъ, и благодатнымъ взоромъ, отечески протянутой рукой облегчалъ тяжкія страданія множества раненыхъ. Узнавъ о безнадежномъ положеніи израненнаго моряка, его величество навѣстилъ его въ больницѣ, утѣшилъ страдальца своей высокой монаршей милостью и собственной рукой возложилъ на него знакъ отличія военнаго ордена. Насколько помнится, это былъ первый знакъ, пожалованный въ минувшую войну.

Перестрѣлка на турецкомъ берегу все усиливалась, но я не могъ по направленію огня разобрать, гдѣ находились наши, а гдѣ—турки. Поэтому я обратился за разъясненіемъ къ генералу, который отвѣчалъ:

— Самъ не знаю, но пора ѣхать туда.

На поданный понтонъ вошли генералы Драгоміровъ и Скобелевъ, начальникъ штаба Якубовскій, капитаны: адъютантъ великаго князя Ласковскій и Сухотинъ, штабсъ-капитанъ Котельниковъ и я. При этомъ генералъ Драгоміровъ обратился къ великому князю Николаю Николаевичу Младшему съ слѣдующими словами:

— Ваше высочество, поручаю вамъ дальнѣйшія наблюденія касательно посадки людей на понтоны и ихъ отправленія.

Въ эту минуту артиллерійскій бой былъ въ полномъ разгарѣ. наши снаряды осыпали Систовскую батарею, которая держалась стойко и непрерывно посылала къ намъ отвѣтные чугунные гостинцы. Отъ усиленнаго и мѣткого огня систовскихъ батарей мѣсто посадки нашихъ войскъ сдѣлалось весьма опаснымъ; въ виду этого во избѣжаніе возможности замѣшательства въ частяхъ, которыя впервые попадали въ сферу огня, назначеніе великаго князя руководствовать столь важнымъ въ данную минуту дѣломъ быстрой и непрерывной посадки войскъ на понтоны было во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразно. Присутствіе сына августѣйшаго главнокомандующаго на такомъ жаркомъ пунктѣ, какъ мѣсто переправы, сильно ободряло и успокаивало необстрѣленныхъ солдатъ. Въ этомъ назначеніи между прочимъ сказалась военная опытность

М. И. Драгомірова, глубоко понимавшаго всю великость совершающагося событія, равно какъ и вѣранныхъ ему подчиненныхъ. Какъ оказалось впоследствии, нервное напряженіе на мѣстѣ переправы было такъ велико, что одинъ изъ болѣе значительныхъ начальниковъ подвергся душевной болѣзни. По нашему понтону во время переѣзда черезъ рѣку пущено было нѣсколько безвредныхъ пуль, и мы благополучно пристали къ берегу, возвышавшемуся глинистымъ отвѣсомъ, на которомъ стояла уже разрушенная караулка. Какъ только мы вошли въ ущелье ручья Текирь-Дере, то сразу очутились въ сферѣ жестокаго ружейнаго огня. Раздавались потрясающіе душу ожесточенные возгласы нашихъ и турокъ, но трудно было что нибудь видѣть, потому что все ущелье покрыто было рощами, садами и виноградниками, равно какъ и постепенно возвышающіяся надъ нимъ и сжимающія его горы. Выбѣжавшій впередъ генераль Скобелевъ быстро ориентировался и вернувшись сказалъ генералу Драгомірову:

— Ну, Михаилъ Ивановичъ, поздравляю тебя съ побѣдою!

— Ты почему знаешь, развѣ разберешь, что они кричатъ?— спросилъ генераль Драгоміровъ.

— Это ничего, что они кричатъ вздоръ; люди первый разъ въ бою и горячатся,—замѣтилъ генераль Скобелевъ,—но я узналъ о побѣдѣ по лицамъ солдатъ.

Тогда генераль Драгоміровъ отдалъ мнѣ свое первое приказаніе.

— Вернитесь на берегъ,—обратился онъ ко мнѣ,—соберите людей, которые успѣли высадиться, и прямо ведите ко мнѣ; это будетъ нашъ первый резервъ, пока не возстановится общій порядокъ.

И дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ подходили понтоны, люди небольшими кучками выскакивали на берегъ, бѣжали впередъ на выручку своимъ и, натыкаясь въ кустахъ и виноградникахъ на турокъ, стремительно бросались въ рукопашный бой. Бой шелъ хорошо, но разрозненно; поэтому генераль хотѣлъ имѣть въ своемъ исключительномъ распоряженіи хотя незначительную, но нераздробленную часть, вокругъ которой могъ бы сосредоточиться общій резервъ. Во всю прыть побѣжалъ я къ берегу рѣки, гдѣ засталъ уже высадившуюся часть, около полуроты, при фельдфебелѣ, но безъ офицера. Мое приказаніе выстроиться было неохотно принято людьми, и они исполнили его довольно медленно. Но при подобной обстановкѣ каждая минута имѣла громадное значеніе. Подражая складу рѣчи начальника дивизіи, я поспѣшилъ объяснить людямъ всю великую важность полученнаго отъ него приказанія. Это подѣйствовало: фельдфебель, не дожидаясь прибытія своего офицера, командовалъ:

— Направо, ряды вздой, шагомъ маршъ!

Полурота сдѣлала построеніе, но все-таки какъ-то недовѣрчиво. Я сталъ на правомъ флангѣ, и мы двинулись. Какъ только втя-

нулись мы въ ущелье ручья Текирь-Дере, правофланговый, шедший рядомъ со мной, былъ раненъ, и, чтобы это обстоятельство не произвело дурного впечатлѣнія на людей, я скомандовалъ: «бѣгомъ марши!» . Но, пробѣжавъ не болѣе 20 шаговъ, я оглянулся и къ великому огорченію своему увидѣлъ, что люди продолжаютъ итти шагомъ. Отъ волненія и страшной физической усталости я готовъ былъ въ изнеможеніи повалиться на землю. Къ счастью, наткнулся я на санитаровъ, несшихъ тяжело раненаго. Они объяснили мнѣ, гдѣ находится начальникъ дивизіи; слѣдовало итти прямо по ущелью, позернуть влѣво по углубленной дорогѣ и подняться на гору. Услышавъ гдѣ находится генераль, мои люди словно преобразились, фельдфебель сталъ подсчитывать ногу; я просто не узнавалъ людей, едва поспѣвая за ними моимъ усталымъ и непривычнымъ шагомъ. По указанію санитаровъ, я скоро отыскалъ генераловъ Драгомірова и Скобелева и всѣхъ сопровождающихъ лицъ. Генераль приказалъ мнѣ перебраться черезъ крутой оврагъ и разсыпать цѣпь отъ края оврага до стоящаго на бугрѣ дерева. Оврагъ представлялъ изъ себя почти отвѣсныя откосы. Мы спустились съ великимъ трудомъ и стали подыматься, цѣпляясь руками за корни и вѣтви кустарниковъ. Выбравшись изъ оврага, я рассыпалъ цѣпь, или, вѣрнѣе сказать, отдалъ объ этомъ приказаніе фельдфебелю, дѣло же дѣлалось само собой: люди легли и открыли огонь по туркамъ, которые находились отъ насъ въ какихъ нибудь 200 или 300 шагахъ. Я тоже легъ и затѣялъ разговоръ съ рядомъ лежащимъ унтеръ-офицеромъ. На вопросъ мой, почему люди меня неохотно слушали, когда я прибѣжалъ за ними къ берегу, онъ отвѣчалъ, что они никогда еще такой формы, какъ моя гусарская, не видали, и приняли было меня за англичанина; поэтому не хотѣли за мной слѣдовать. Вдругъ услышалъ я сигналъ, напоминающій «отступленіе»; онъ непріятно удивилъ меня, но объясненіе унтеръ-офицера меня успокоило. Оказалось, что начальникъ дивизіи заранѣе объявилъ вѣрнымъ ему частямъ, что отступленія не будетъ, и если услышатъ подобный сигналъ, то онъ будетъ поданъ или какимъ нибудь измѣнникомъ или непріателемъ, чтобы насъ сбить съ толку; но такъ какъ у насъ измѣнниковъ быть не можетъ, добавилъ мой сосѣдъ, то это, должно быть, забавляется непріятель. Вскорѣ подошелъ ротный командиръ съ субалтернами и съ остальной частью роты. Я сдалъ ему командованіе цѣпью, и, перебравшись опять черезъ крутой оврагъ, явился къ генералу, который стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и выравнивалъ постепенно прибывавшихъ на позицію отдѣльными кучками людей, по мѣрѣ того, какъ причаливали понтоны. Сплошной линіи не было: наши мелкіе отрядцы съ переменнымъ счастіемъ дрались съ турками, и пока только, приведенная мною, полурота образовала собою центръ позиціи, которую еще до моего прибытія выбралъ капитанъ

генеральнаго штаба Мальцевъ. Генераль то и дѣло посылалъ насъ впередъ то остановить слишкомъ зарвавшуюся кучку людей, то двинуть впередъ почему либо отставшую. Такимъ образомъ возстановился относительный порядокъ по линіи нашего наступленія. Въ это время турки значительно усилили свою цѣнь подоспѣвшимъ резервомъ. Непрiятель находился отъ насъ въ 300 шагахъ, и насъ раздѣляла только пологая балка. Тутъ генераль Скобелевъ обратился къ начальнику дивизіи съ слѣдующими словами:

— Михаилъ Ивановичъ, я хорошо знаю этихъ азіатовъ—лишь только начнемъ отступать, они сейчасъ вообразятъ, что насъ побѣдили, поэтому давай соберемъ сюда за кусты ближайшую часть цѣпи, а остальнымъ прикажи произвести фальшивое отступленіе вонъ до тѣхъ кустовъ, что въ ста шагахъ позади насъ, и, когда турки бросятся за отступающими, мы ударимъ имъ во флангъ.

Генераль Драгомiровъ согласился съ предложеніемъ генерала Скобелева и послалъ меня по цѣпи съ приказаніемъ отступать до условленнаго мѣста, а генерала Скобелева—собирать людей для засады. Между тѣмъ турки перешли въ наступленіе, и ихъ красныя фески уже показались на склонѣ балки, какъ вдругъ на лѣвомъ флангѣ грянуло «ура»,—такое «ура», по которому каждый, бывавшій въ бою, безошибочно заключить, что дѣло уже окончено въ нашу пользу. Это грозное «ура» мощно и быстро разливалось по всей цѣпи и, наконецъ, дошло до насъ, и мы вмѣсто отступленія дружно и неудержимо рванулись впередъ на врага, съ такимъ же потрясающимъ всеокрушающимъ «ура». Наступавшіе было турки быстро повернули назадъ: сначала ихъ фески были намъ видны на противоположномъ склонѣ балки, но затѣмъ они быстро скрылись въ чащѣ кустарниковъ, такъ что было бесполезно преслѣдовать ихъ огнемъ. Послѣ этого генераль опять послалъ меня назадъ къ мельницѣ, чтобы останавливать тамъ людей, прибывающихъ на понтонахъ; въ то же время отдано было приказаніе остановить преслѣдованіе непрiятеля, вернуться на старую позицію и окопаться. Мельница, къ которой я былъ посланъ, находилась на ручьѣ Текирь-Дере, недалеко отъ его впаденія въ Дунай. Здѣсь произошла одна изъ схватокъ; съ обѣихъ сторонъ были убитые, но нашихъ, какъ атакующихъ, оказалось нѣсколько больше. Когда мнѣ пришлось вновь проходить мимо мельницы, казаки предупредили меня, что оттуда стрѣляютъ. «Если стрѣляютъ, замѣтилъ я мимоходомъ казакамъ, то подождите мельницу». И дѣйствительно оттуда въ меня стрѣляли. На обратномъ пути къ берегу я уже нашелъ всю мельницу охваченною огнемъ; въ пламени погибли засѣвшіе въ ней турки, которые стрѣляли по одиночнымъ людямъ.

Главный бой на нашемъ лѣвомъ флангѣ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ. Генералы Драгомiровъ и Скобелевъ и всѣ сопровождавшія начальника дивизіи лица собрались недалеко отъ мельницы.

Тотъ самый генеральскій денщикъ, который наканунѣ переправы отказалъ намъ въ кускѣ хлѣба, появился теперь съ огромной деревянной флягой съ румынскимъ виномъ и съ вчерашними бутербродами.

Михаилъ Ивановичъ пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ закуску и сказалъ намъ:

— Беру обратно слова, сказанныя мною вчера. Я во многомъ обязанъ вашей помощи; многое зависѣло отъ своевременной и толковой передачи приказаній; однимъ словомъ вы были моими помощниками. Такъ и доложу главнокомандующему, а теперь позвольте каждому изъ васъ обнять. Въ лицѣ васъ обнимаю и сердечно благодарю всѣхъ отсутствующихъ, прочихъ участниковъ славнаго дѣла.

Наскоро закусивъ, мы отправились на нашъ правый флангъ противъ Систова. Тутъ бой былъ непродолжителенъ, такъ какъ Систовскій турецкій отрядъ былъ на половину меньше Вардинскаго отряда, съ которымъ мы имѣли упорное дѣло на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Турки, боясь быть отрѣзанными, оставили свою Систовскую позицію, лишь только 4-я стрѣлковая бригада заняла командующія надъ деревней Царевичъ высоты. Жители встрѣчали наши войска съ неописаннымъ восторгомъ. Каждый наперерывъ старался залучить къ себѣ гостя, накормить его и уложить спать. Солдатамъ въ изобиліи давали вино, табакъ, водку. Женщины бросали подъ ноги цвѣты, цѣловали руки и стремяна всадниковъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались радостныя привѣтствія: «Добро дошелъ братушка!» Всѣ лавки въ городѣ были залпты. На болгарскихъ домахъ и лавкахъ бѣлѣли изображенные мѣломъ кресты. Турецкіе дома и лавки были разграблены. Послѣ долгихъ поисковъ мнѣ наконецъ удалось разыскать квартиру начальника дивизіи, который уже успѣлъ пообѣдать и занимался дѣлами. Мнѣ отвели комнату и тоже накормили. Моя усталость была такъ велика, что я повалился на голую скамью и заснулъ мертвецки. Слишкомъ много во время дѣла пришлось ходить пѣшкомъ и пережить новыхъ сильныхъ ощущеній. На слѣдующій день начальники частей собрались къ тому мѣсту, гдѣ на берегу Дуная стояла турецкая караулка, до того разрушенная, что почти ея слѣдовъ не осталось. Вскорѣ подошла къ берегу паровая лодка, и изъ нея вышелъ, весь сія радостью, нашъ главнокомандующій. Его императорское высочество обнял и благодарилъ корпуснаго командира и начальника дивизіи и послалъ своего сына съ докладомъ къ государю. Вмѣстѣ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ отправились капитаны Ласковскій, Сухотинъ и я. Его величеству благоугодно было насъ принять и выслушать докладъ великаго князя, послѣ чего, осчастлививъ насъ милостивыми выраженіями благодарности, государь приказалъ намъ ѣхать обратно. Переправившись обратно

черезъ Дунай, я узналъ, что начальникъ дивизіи въ Систовѣ, и поѣхалъ туда же. Дорога, окопанная съ обѣихъ сторонъ канавами и обсаженная деревьями, шла ложбиною, среди фруктовыхъ садовъ. До Систова было около трехъ верстъ.

III.

Рано утромъ мы были разбужены страшной канонадой. Начальнику дивизіи и состоящимъ при немъ ординарцамъ подали коней, и мы поскакали на пушечные выстрѣлы, которые гремѣли въ томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ происходила переправа. Намъ представилась слѣдующая картина: стоявшая въ одну линію на командующей возвышенности батарея князя Мещерскаго осыпала гранатами турецкій броненосецъ и пароходъ, которые смѣло направлялись къ мѣсту нашей переправы. Гранаты падали вокругъ намѣченной цѣли, но не попадали въ нее, поэтому начальникъ дивизіи приказалъ прекратить огонь. Когда же непріятельскія суда стали подходить къ острову, намѣреваясь обогнуть его, чтобы подойти къ мѣсту переправы, до котораго оставалось не болѣе 1¹/₂ версты, изъ-за противоположной стороны острова вдругъ появились наши дежурныя миноноски. Издали онѣ казались тремя дикими утками, такъ онѣ были малы въ сравненіи съ турецкимъ броненосцемъ. Ихъ появленіе произвело неожиданный чрезвычайный эффектъ: мгновенно оба непріятельскія судна, повернувшись къ нимъ бортами, дали по залпу и стремительно стали уходить обратно внизъ по теченію, къ Руццуку. На возвратномъ пути къ Систову я получилъ приказаніе немедленно явиться въ Зимницу къ главнокомандующему. Отдавъ лошадь казаку, я переправился на другой берегъ. У палатки главнокомандующаго полковникъ Скалонъ предупредилъ меня, что его высочество генерала Скобелева, полковника Левицкаго и меня приметъ въ 2 часа дня. Въ назначенный часъ мы явились. Великій князь, вручивъ каждому изъ насъ по конверту, приказалъ намъ немедленно отправиться въ Систово къ генералу Радецкому, гдѣ и состоятъ въ его распоряженіи.

— А ты,—обратился главнокомандующій къ М. Д. Скобелеву,—оставайся здѣсь, я тебѣ лично дамъ порученіе.

Около 6 часовъ вечера Левицкій и я были уже у генерала Радецкаго, который, прочитавъ врученные ему конверты, сказалъ, какъ бы про себя: «Какъ я пошлю, когда казаковъ у меня нѣтъ?» И, обратившись къ намъ, генераль присовокупилъ:

— Идите домой и завтра въ 4 часа утра будьте у меня.

Мы съ Левицкимъ переночевали въ первомъ попавшемся болгарскомъ домѣ и рано утромъ явились къ генералу Радецкому, гдѣ уже застали генераловъ: Драгомірова, начальника штаба корпуса

Дмитровскаго и Скобелева. Всѣ сидѣли вокругъ стола, на которомъ лежала карта. Сначала никто нашего прихода не замѣтилъ. О чемъ именно происходило раньше совѣщаніе,—не знаю, но изъ словъ Скобелева можно было заключить, что онъ, повидимому, доказывалъ какую-то невозможность. Вошедшій казакъ доложилъ, что его высочество ѣдетъ на нашъ берегъ. Поднялась суета; о нашемъ присутствіи въ комнатѣ точно забыли; поэтому мы сѣли на коней и поѣхали къ переправѣ встрѣчать главнокомандующаго, пожелавшаго осмотрѣть позиціи. Мы выстроились противъ того мѣста, гдѣ должна была пристать лодка. Его высочеству подали коня. Увидѣвъ меня, главнокомандующій отчасти сердитымъ голосомъ спросилъ меня:

— А ты зачѣмъ здѣсь?

Я отвѣчалъ, что еще со вчерашняго дня командированъ его высочествомъ въ распоряженіе генерала Радецкаго.

— Ахъ, да!—видимо, какъ бы вспомнилъ главнокомандующій и, потребовавъ къ себѣ генерала Радецкаго, поѣхалъ съ нимъ по направленію къ Систову.

Главнокомандующій очевидно былъ чѣмъ-то недоволенъ, но о чемъ шелъ разговоръ, мы не слышали, такъ какъ свита слѣдовала въ 20 шагахъ позади; лишь замѣтно было, что Теодоръ Теодоровичъ находился въ нѣкоторомъ смущеніи. Его высочество, быстро обернувшись, потребовалъ къ себѣ дежурнаго ординарца, лейбъ-гвардіи уланскаго полка поручика графа Штакельберга, которому изволилъ дать слѣдующее приказаніе:

— Возьми двухъ казаковъ и поѣзжай по направленію къ Никополю до встрѣчи съ непріятелемъ и обо всемъ послѣдующемъ мнѣ доложи.

Поручикъ Штакельбергъ во время этой рекогносцировки наткнулся въ лѣсу на непріятельскій постъ; черкесы во избѣжаніе рукопашной схватки ускакали, одного изъ нихъ казакъ положилъ изъ берданки, снятое же съ него оружіе было представлено главнокомандующему. Послѣ объѣзда нѣкоторыхъ позицій мы прибыли на позицію, занятую 4-ю стрѣлковою бригадою. Увидѣвъ здѣсь генерала Скобелева, его высочество строго обратился къ нему:

— Ты зачѣмъ здѣсь?

Генераль Радецкій хотѣлъ было отвѣчать: «генераль Скобелевъ»... Но великій князь продолжалъ:

— Развѣ я тебя посылалъ къ генералу Радецкому, и развѣ я тебѣ лично не приказалъ ѣхать къ Руццуку? Отправляйся сейчасъ въ Зимницу, отдай свою саблю полковнику Скалону и сиди въ моей палаткѣ до моего возвращенія.

Взявъ подъ козырекъ и повернувшись нагѣво кругомъ, будущій герой Плевны, Ловчи и Шейнова отправился подъ арестъ. Генераль Драгоміровъ началъ просить за Скобелева:

— Ваше высочество, простите его хоть ради тѣхъ заслугъ, которыя онъ оказалъ на переправѣ.

Но великій князь оставался и тогда непреклоненъ, когда генералъ Скобелевъ Старшій, отецъ Михаила Дмитриевича, сталъ тоже просить:

— Ваше высочество, простите моего Мишку: онъ уже и такъ достаточно наказанъ.

— Эхъ, ты старый! — отвѣчалъ Скобелеву главнокомандующій,—своего Мишку не знаешь, а еще отецъ! Я твоего Мишку не меньше тебя люблю, но самъ посмотри, каковъ онъ: на переправу его никто не посылалъ, онъ произвольно оставилъ свой постъ и въ бой удралъ, гдѣ, повидимому, не боялся пуль, а теперь, когда я его послалъ на рекогносцировку, онъ не побѣхалъ почему-то вдругъ, видишь ли: страшно стало ѣхать безъ конвоя. А что онъ посидитъ у меня часа три или четыре въ палаткѣ—еще невелика бѣда. Зато, знаю впередъ, что если я что поручу ему, то онъ стѣну лбомъ расшибетъ, чтобы исполнить мое приказаніе. Только этого мнѣ и нужно.

Послѣ такихъ доводовъ никто уже больше не просилъ за Скобелева, а послѣдующія событія и обстоятельства доказали, какъ вѣрно и глубоко главнокомандующій понималъ нашего славнаго Скобелева, и какъ умѣлъ пользоваться его блистательными дарованіями для пользы и славы Россіи. Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстно, что въ полученныхъ нами въ палаткѣ его высочества конвертахъ заключалось приказаніе генералу Радецкому послать на рекогносцировку полковника Николая Левицкаго на Горный Студень, а меня къ Никополю; что же касается генерала Скобелева, то онъ лично отъ главнокомандующаго получилъ приказаніе ѣхать къ Руццуку. Но такъ какъ все это своевременно не было исполнено, то генералу Радецкому сдѣлано замѣчаніе, а Скобелева посадили подъ арестъ.

Мнѣ приказано было присоединиться къ главной квартирѣ, вскорѣ долженствовавшей переправиться черезъ Дунай, и ночевать въ деревнѣ Царевичъ въ трехъ верстахъ отъ переправы. Стоянка въ этой деревнѣ намъ памятна страшной жарой, какой еще не бывало.

Къ вечеру мы были обрадованы извѣстіемъ о новомъ успѣхѣ нашего оружія: генералъ Гурко занялъ съ бою г. Тырново, древнюю столицу Болгарскаго царства. Переночевавъ въ Царевичѣ, главная квартира двинулась къ Тырнову. Дорога пролегала по обширной волнообразной мѣстности, усѣянной курганами; кое-гдѣ издали бѣлѣли деревушки, которыя еще болѣе дѣлали похожей эту мѣстность на наши южныя губерніи—Полтавскую или Херсонскую. Только на третій день мы добрались до Тырнова, въ семи верстахъ отъ котораго дорога втягивается въ огромное ущелье, покрытое садами и виноградниками. На половинѣ пути по ущелью, по обѣимъ сторонамъ дороги, подъ отвѣсными скалами пріютились старинные

монастыри, точно ласточкины гнѣзда, прилѣпившіяся къ стѣнамъ дикаго, обнаженнаго утеса. Туда подъ древніе своды православныхъ храмовъ и въ тихія, убогія келіи уходили отъ бурь земныхъ и житейской невзгоды смиренные подвижники истой вѣры Христовой. И вотъ теперь среди этихъ мирныхъ убѣжищъ молитвы и труда пронесся раскатистый гулъ отъ пушечнаго грома, возвѣстившаго о концѣ пятивѣковаго рабства единовѣрной и единокровной Болгаріи. Въѣздъ его императорскаго высочества въ Тырново былъ настоящимъ всенароднымъ великимъ торжествомъ. Восторгъ и ликования жителей были безпредѣльны. Всѣ спѣшили въ праздничныхъ одеждахъ, шумными толпами, на встрѣчу августѣйшему главнокомандующему; всѣ спѣшили посмотрѣть хоть издали и благословить того, кому ввѣрены были доблестныя войска великаго царя освободителя. Пройдя городъ, главная квартира остановилась на крутой возвышенности среди садовъ и виноградниковъ. Отсюда открывался великолѣпный видъ на весь городъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, будучи сжатъ отвѣсными скалами, какъ будто сторонился своими маленькими, на подобіе птичьихъ гнѣздъ, домиками отъ угрожающихъ глубокихъ обрывовъ и, прижимаясь тѣснѣе къ этимъ громаднымъ скаламъ, всползалъ все выше и выше на ихъ утесистыя кручи. Противъ насъ возвышалась гора; огибая подошву этой горы, къ югу шла дорога на Дреново, Габрово и Шипку.

Между тѣмъ отрядъ генерала Гурко продолжалъ двигаться впередъ черезъ Хаинкюйскій переваль, преодолевая трудныя естественныя препятствія съ помощію коннопіонеровъ, набранныхъ и сформированныхъ изъ чиновъ передового отряда. Цѣль движенія генерала Гурко заключалась въ томъ, чтобы, пройдя долиной Тунджи или Розъ на Казанлыкъ и д. Шипку, съ юга атаковать Шипкинскій переваль, занятый семитысячнымъ турецкимъ отрядомъ. Атака назначена была на 5-е іюля, и въ помощь передовому отряду, для единовременной атаки Шипкинскаго перевала съ сѣверной стороны, были посланы семь ротъ Орловскаго полка, подъ командой генерала Дерожинскаго, который, кромѣ того, долженъ былъ присоединить къ своей колоннѣ 30-й Донской казачій полкъ, расположенный въ Габровѣ и наблюдающій оттуда за балканскими проходами. Его императорскому высочеству благоугодно было осчастливить меня новой командировкой: съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Младшимъ я былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Дерожинскаго. Послѣ недолгихъ сборовъ, великій князь, адъютантъ великаго князя главнокомандующаго капитанъ Ласковскій, ординарецъ корнетъ Яновъ и я отправились въ Габрово. Этотъ городъ находится въ 50-ти верстахъ отъ Тырнова. На половинѣ пути, въ маленькомъ городкѣ Дреново, мы сдѣлали большой привалъ, кормили коней и къ вечеру прибыли въ Габрово, гдѣ

остановились на обширной полянѣ, не доѣзжая до города, рядомъ съ бивакомъ 30 Донскаго казачьяго полка. Сюда же подходили роты Орловскаго полка. Помѣстились мы въ палаткахъ. Здѣсь я считаю долгомъ вспомнить о превосходной рекогносцировкѣ, произведенной развѣздами вышеупомянутаго казачьяго полка, командиромъ котораго былъ полковникъ Орловъ. Молодцы донцы такъ лихо произвели свою развѣдку и такъ образно и толково сообщили начальству добытыя ими свѣдѣнія, что шипкинскія турецкія позиціи во всѣхъ ихъ характерныхъ топографическихъ подробностяхъ представились отчетливо, какъ на ладони. Таковы природныя неоцѣненные достоинства нашихъ казаковъ. Послѣ филиппопольскаго пораженія арміи Сулеймана-паши, этотъ полкъ подъ командою полковника Грекова захватилъ 40 непріятельскихъ орудій. Утромъ слѣдующаго дня къ генералу Дерожинскому болгары привели нѣсколькихъ турокъ, которые были пойманы и уличены въ совершеніи разныхъ варварскихъ, звѣрскихъ преступленій. Ихъ разстрѣляли. Я не былъ при исполненіи смертной казни, но мнѣ рассказывали очевидцы, что эти изувѣры такъ спокойно и просто подходили къ роковому столбу у вырытой могилы, какъ будто бы дѣлали самое обыкновенное дѣло. Черезъ день пріѣхалъ начальникъ дивизіи, князь Святополкъ-Мирскій, и принялъ общее начальство, послѣ донесенія генерала Дерожинскаго о томъ, что онъ считаетъ недостаточными силы, находившіяся въ его распоряженіи, для поставленной ему цѣли.

5-го іюля, въ день, назначенный для атаки шипкинскаго перевала, нашъ отрядъ раннимъ утромъ прошелъ черезъ Габрово и втянулся въ ущелье, пройдя которымъ около 4-хъ верстъ, круто повернулъ влѣво и сталъ подыматься въ гору. Дорога, по которой онъ слѣдовалъ, только по названію считалась дорогой, до такой степени пересѣкали ее вдоль и поперекъ рытвины и уступы отъ одного до двухъ аршинъ глубины и вышины. Двигаться по ней какому бы то ни было обозу было немыслимо, и когда впоследствии потребовалось препроводить орудія, то ихъ перетаскивали на рукахъ. Во время подъема, къ вершинѣ перевала отъ страшной жары было много случаевъ солнечнаго удара. Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій голова колонны и начальство взобрались на верхнюю площадку, гдѣ и остановились, чтобы дать время подтянуться отставшимъ. Это мѣсто уже находилось въ виду турецкаго редута, который предполагалось атаковать; поэтому одна рота разсыпалась по гребню занятой нами площадки. Мы начали въ бинокли разсматривать непріятельское укрѣпленіе, къ которому, должно быть, по тревогѣ сбѣгались его защитники для встрѣчи столь неожиданно появившихся гостей. Часть турецкаго отряда уже двигалась по направленію къ занятой нами высотѣ, противъ которой по другую сторону глубокаго ущелья подымалась возвышенность со скло-

нами, поросшими молодымъ дубнякомъ. И вдругъ съ этой возвышенности грянулъ по нашей колоннѣ залпъ, который тѣмъ болѣе былъ неожиданнымъ, что до того мгновенія на ней ничего не было замѣтно, и только впослѣдствіи мы убѣдились, что она была укрѣплена двумя ярусами прекрасно замаскированныхъ стрѣлковыхъ окоповъ. Дорога вдоль гребня занятой нами позиціи поворачивала вправо и, огибая по спуску высоту, шла прямо къ редуту. Залегшая рота открыла огонь. Около 4-хъ часовъ дня наша правая обходная колонна взшла на сосѣднюю командующую возвышенность, подъ названіемъ «Зеленое древо», и открыла огонь изъ орудій; но снаряды не долетали по назначенію, и такимъ образомъ она не могла принести ожидаемой пользы.

О нашей лѣвой колоннѣ, которая, какъ и правая, тоже состояла изъ двухъ ротъ, пока еще ничего не было извѣстно. Перестрѣлка все продолжалась; но такъ какъ выяснилось, что турки оказались гораздо сильнѣе нашего отряда, то и рѣшено было, по инициативѣ и подъ руководствомъ адъютанта его высочества лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона капитана Ласковскаго, построить батарею и окопы для пѣхоты, а ночью занять ихъ. Немедленно приступили къ работѣ, и къ закату солнца отрядъ, занимавшій позицію, стоялъ уже въ окопахъ. Вечеромъ получено было извѣстіе изъ лѣвой колонны, что она по винѣ проводника болгарина—умышленной или нечаянной, вышла лѣсомъ прямо въ средину турецкаго лагеря и вынуждена была отступить съ громаднымъ урономъ. Эта чувствительная потеря совершенно измѣнила предположенный планъ дѣйствій: начальникъ дивизіи отдалъ приказаніе оставить занятую позицію и спуститься съ горъ къ подошвѣ на габровскую дорогу. Послѣ вторично полученнаго приказанія колонна отступила обратно, къ подошвѣ сѣвернаго склона занятой нами возвышенности. 6-го іюля собирались люди потерѣвшей лѣвой колонны.

Въ вечернихъ сумеркахъ я и Ласковскій замѣтили орудійный огонь на горѣ Святого Николая, о чемъ немедленно и донесли князю Святополкъ-Мирскому; гула выстрѣловъ не было слышно, и мы только видѣли, какъ безпрестанно вырывались изъ жерла пушекъ вспыхивавшіе краснымъ пламенемъ и мгновенно потухавшіе столбы огненнаго дыма. Очевидно, производилась атака отрядомъ генерала Гурко, и, вѣроятно, дѣло уже подходило къ концу. Объ оказаніи поддержки нечего было и думать, помимо темной ночи и разстояніе до шипкинскихъ турецкихъ позицій было слишкомъ велико, чтобы поспѣть во время. Отъ Габрова до мѣста расположенія нашего центрального отряда, оставшагося послѣ неудачнаго наступленія 5 іюля, у перевала, было около 8 верстъ; по своей же собственной инициативѣ эти двѣ роты двинуться на турокъ не могли, такъ какъ, вслѣдствіе топографическихъ особенностей мѣстности, онѣ не могли замѣтить тѣ огни пушечныхъ выстрѣловъ, которые

намъ были такъ хорошо видны изъ Габрова. Когда окончательно выяснилось, что нашъ отрядъ не можетъ поспѣть на помощь отряду генерала Гурко, великому князю, Ласковскому, Янову и мнѣ подали коней, и мы поскакали къ Шипкѣ, питая обманчивую надежду хотя самимъ лично принять участіе въ дѣлѣ. Но совершенная темнота и уже болѣе не вспыхивавшіе огни выстрѣловъ, что было несомнѣннымъ доказательствомъ прекращенія боя, понемногу заставили насъ образумиться, и мы повернули коней обратно къ Габрову. Вышло, что начальникъ дивизіи былъ опытнѣе насъ, и не хотѣлъ напрасно тревожить людей; мы же, зарвавшись далѣе, легко могли бы сдѣлаться безцѣльной жертвой нашего юношески пылкого воинственного задора. Поздно вечеромъ прибылъ въ Габрово генералъ Скобелевъ 2-й вмѣстѣ съ Минскимъ полкомъ 14-й дивизіи и принялъ начальствованіе надъ нашимъ отрядомъ, и мы такимъ образомъ оказались въ его распоряженіи.

IV.

На слѣдующій день вновь назначалась атака Шипки съ сѣверной стороны; но на этотъ разъ Михаилъ Дмитриевичъ рѣшилъ атаковать турокъ прямо въ лобъ всѣми силами.

7-го іюля, на разсвѣтѣ, мы тронулись съ габровскаго бивака къ перевалу, гдѣ у самаго подъема къ остававшимся въ этомъ пунктѣ двумъ ротамъ присоединились остатки лѣвой и вся правая колонна. Генералъ Скобелевъ вызвалъ изъ фронта всѣхъ офицеровъ, познакомился съ ними и обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью.

«Его императорскому высочеству главнокомандующему. угодно было въ первый разъ сдѣлать мнѣ честь, довѣривъ командованіе отдѣльною частью, для совершенія столь серьезнаго дѣла, какъ взятіе съ боя перевала. А потому вы можете себѣ представить, какъ я полѣзу на эту Шипку! Я буду ее атаковать до послѣдняго человѣка, и даю вамъ честное слово, если я случайно только одинъ останусь живъ, то все-таки буду атаковывать ее».

Послѣ этой краткой, но внушительной рѣчи Михаилъ Дмитриевичъ, обратившись къ намъ лично, сказалъ: «относительно васъ я не получилъ никакого приказанія отъ главнокомандующаго, а потому дѣлайте, какъ хотите». Мы, конечно, съ живѣйшей радостью рѣшили участвовать въ предстоящемъ дѣлѣ. Сѣвъ на коня, Скобелевъ сталъ пропускать мимо себя роты; мы же, хорошо зная дорогу, поѣхали впередъ, весело разговаривая объ испытанныхъ тревогахъ 5-го іюля и о предстоящей атакѣ Шипки отрядами генераловъ Гурко и Скобелева.

Путь къ перевалу былъ ужъ нѣсколько разработанъ, погода стояла сѣренькая, не жаркая, поэтому мы скоро добрались до мѣ-

ста, гдѣ 5-го іюля происходило дѣло. Мы слѣзли съ коней и, поджидая пѣхоту, стали опять разсматривать въ бинокли непріятельскія позиціи. Каждую минуту мы ожидали залповъ съ противоположной высоты, которыми насъ столь неожиданно привѣтствовали во время перваго дѣла; но залповъ не послѣдовало, даже когда роты уже взобрались на верхнюю площадку перевала. Мы двинулись дальше, разсчитывая, что, вѣроятно, турки окажутъ намъ первое сопротивление изъ редута; за нами двинулись роты. Съ генераломъ Скобелевымъ пріѣхалъ въ роли корреспондента доброволецъ С. В. Верещагинъ, братъ знаменитаго художника-баталиста. Онъ тотчасъ же съ перевала отправился пѣшкомъ съ солдатикомъ Орловскаго полка къ турецкому редуту и опередилъ насъ и всю колонну шаговъ на восьмьсотъ. Мы, конечно, обратили на это вниманіе; а Скобелевъ замѣтилъ: «посмотрите, господа, Верещагинъ съ своимъ портфелемъ и однимъ орловцемъ хочетъ взять редуть!». Когда мы, подвигаясь впередъ, казалось, вошли уже въ сферу ружейнаго огня, Верещагинъ уже подходилъ къ редуту; но выстрѣловъ все-таки не послѣдовало. Каково же было наше удивленіе, когда Верещагинъ, поравнявшись съ редутомъ, вошелъ въ него, снялъ шапку и закричалъ «ура!». Оказалось, что турки ушли изъ редута, бросивъ въ немъ два орудія. Мы опять остановились, чтобы дать время подоспѣть отставшимъ. Рѣшено было, что турки, ослабленные боемъ, вѣроятно, сосредоточились на горѣ Святого Николая, чтобы упорно защищать ее, какъ ключъ всей шипкинской позиціи. Роты подтянулись, мы пошли дальше. На пути предстояло занять еще редуть, круглую батарею и расположенный за нею лагерь. Подходя къ редуту, мы замѣчали среди бѣлѣвшихъ палатокъ лагеря движеніе одиночныхъ людей. На этотъ разъ Верещагинъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нами верхомъ. Мы все ожидали залповъ изъ редута и батареи; но и изъ этихъ укрѣпленій турки тоже бѣжали, оставивъ на мѣстѣ все орудія; кромѣ того, подъ круглой батареей мы нашли пороховой погребъ съ боевыми патронами и запасомъ пороха. Оставалось занять еще лагерь и казарменную постройку. И тотъ и другая не были укрѣплены съ сѣверной стороны, но съ южной—ихъ защищала батарея. Изъ лагеря вышли къ намъ навстрѣчу нѣсколько турокъ. Они были безъ оружія и знаками стали намъ объяснять, что турки бѣжали. Понятно, до какой степени мы обрадовались столь неожиданному и легкому успѣху, и дружное «ура!» всего отряда пронеслось по занятымъ безъ боя позиціямъ и огласило шипкинскія высоты. Турки бросили укрѣпленія и лагерь незадолго до нашего прихода. О посидѣнности ихъ отступленія, или, вѣрнѣе сказать, безпорядочнаго бѣгства свидѣтельствовали неприбранныя офицерскія кровати, и брошенные на произволъ судьбы вся артиллерія и раненые. Раненыхъ сейчасъ же помѣстили въ казармѣ, и доктора начали свою

работу. Въ лагерѣ нижніе чины нашли много турецкихъ ассигнацій, называемыхъ кайме, они рвали ихъ и пускали по вѣтру. Отыскали десятка два яицъ. Эта находка въ данную минуту была драгоцѣннѣе всякихъ турецкихъ кредитныхъ билетовъ. Найденныя яйца тотчасъ же сварилъ Верещагинъ и подѣлился съ нами этимъ изысканнымъ лакомствомъ.

Съ вершины горы Святого Николая мы любовались чудеснымъ видомъ на Долину Розъ, всю усѣянную плантаціями этихъ прекрасныхъ благоуханныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ жители долины добывали драгоцѣнное розовое масло. Вдали виденъ былъ Казанлыкъ, а прямо внизу, у подошвы горы, пріютилась деревня Шипка, близъ которой расположился бивакомъ отрядъ генерала Гурко. Величавая красота природы вполне согласовалась съ нашимъ радостнымъ истинно праздничнымъ настроеніемъ, но оно вскорѣ было нарушено картиной неслыханнаго звѣрства. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ атаквали стрѣлки отряда г. Гурко, и гдѣ наша лѣвая колонна, наткнувшись 5 іюля на превосходныя силы противника, должна была отступить послѣ кровопролитнаго боя, мы нашли обезображенные трупы нашихъ злополучныхъ боевыхъ товарищей. Почти у всѣхъ турки обрубали руки или пальцы; на груди и животѣ многихъ живьемъ замученныхъ страдальцевъ турецкіе изувѣры вырѣзывали подобіе креста и сдирали кожу. Отрѣзанныя головы пріявшихъ мученическую смерть за великое дѣло освобожденія были въ сторонѣ сложены въ потрясающую душу пирамиду. Среди этой разлагающейся массы кощунственно брошенныхъ останковъ я узналъ голову командира пластуновъ капитана Баштаннаго, съ которымъ я былъ въ бою 15 іюня, при занятіи Систовскихъ высотъ, во время переправы. Невыносимо тяжело и грустно было смотрѣть на подобныя злодѣянія варварства и мусульманскаго фанатизма, рядомъ съ которыми еще возвышеннѣе и прекраснѣе казались исполненные глубоко челоуѣческаго чувства и христіанскаго смиренія поступки нашего чудо-богатыря солдата по отношенію къ своему побѣжденному врагу. Нѣкоторое время спустя послѣ занятія нашимъ отрядомъ горы Святого Николая, мы замѣтили нѣсколько челоуѣкъ, пробиравшихся по тропинкѣ съ южной стороны горы. Они шли медленно, крадучись, часто останавливаясь и подозрительно разглядывая. Это были наши изъ отряда генерала Гурко. Мы имъ стали подавать голосъ и махали платками, но они продолжали соблюдать прежнюю осторожность. Зато нужно было посмотрѣть, какова была ихъ безпредѣльная радость, когда мы послали къ нимъ навстрѣчу одного изъ своихъ солдатиковъ. И было чему обрадоваться: эти герои, ничего не зная о прибытіи нашего отряда и слѣдовательно ежеминутно рискуя попасть въ руки турокъ, шли подбирать своихъ раненыхъ товарищей изъ стрѣлковъ отряда генерала Гурко, которые на самомъ дѣлѣ также точно уже были звѣрски замучены и обезображены, какъ и ране-

ные нашей лѣвой колонны. Наткнись эти великодушные храбрецы на турокъ, ихъ навѣрное постигла бы та же страшная участь, и на верхушкѣ сложенной руками изверговъ пирамиды появилось бы нѣсколько новыхъ отрѣзанныхъ головъ.

Подъ руководствомъ адъютанта великаго князя капитана Ласковскаго, я и одинъ офицеръ Орловскаго полка, фамилію котораго, къ сожалѣнію, не помню (это былъ очень дѣльный и полезный офицеръ въ нашемъ отрядѣ), отправились осматривать мѣстность съ той цѣлью, чтобы, на случай внезапнаго наступленія турокъ, приспособить занятія нами укрѣпленія для нашей обороны, возвести, буде понадобится, новыя прикрытія, сдѣлать засѣки и волчьи ямы, однимъ словомъ увеличить средства защиты перевала. Я ночевалъ въ турецкой казарменной постройкѣ. На Шипкинскихъ высотахъ стояла такая холодная ночь, что я, будучи совершенно налегкѣ, въ одной только венгеркѣ безъ плаща, до того продрогъ, что даже покрылся вытасченной изъ какого-то хлама грязной рогожей, и былъ наказанъ за это. Ночью на меня во множествѣ напали извѣстнаго рода военно-походныя насѣкомыя; но зато мнѣ было теплѣе, и я заснулъ, какъ убитый.

8-го іюля, генералы Гурко и Святополкъ-Мирскій вмѣстѣ объѣзжали позиціи, при чемъ первый обратилъ вниманіе англійскаго корреспондента на обезображенные трупы нашихъ убитыхъ и раненыхъ. Корреспондентъ обѣщалъ о совершенныхъ звѣрствахъ сообщить черезъ свою газету Англій, этой высоко-культурной союзницѣ Турціи. Когда все понемногу успокоилось послѣ боевыхъ тревогъ предшествующихъ дней, и Орловскія роты дружно принялись укрѣплять гору Святого Николая и прочіе важнѣйшіе пункты занятыхъ позицій, вдругъ распространился слухъ, что непріятель изъ Карлова и Калофера собирается атаковать Шипку. Генераль Скобелевъ поспѣшилъ сдѣлать соответственныя распоряженія о занятіи траншей. Въ случаѣ слишкомъ значительнаго перевѣса турецкихъ силъ, рѣшено было съ непрерывнымъ боемъ отступать отъ одного укрѣпленія къ другому, окончательно сосредоточиться у круглой батареи съ пороховымъ погребомъ, и на этой позиціи защищаться до послѣдняго солдата. «Если же и тутъ послѣдуетъ неудача,—сказалъ Скобелевъ,—я самъ лично взорву пороховой погребъ». Но слухи не оправдались, турки не наступали; но крайней мѣрѣ, насъ никто не беспокоилъ, хотя болгары продолжали положительно утверждать, что непріятель былъ гдѣ-то довольно близко, но не посмѣлъ насъ атаковать и ушелъ обратно въ Калоферъ и Карлово. Вскорѣ мнѣ пришлось разстаться съ Шипкой, и, признаюсь, это было бы для меня далеко налегкимъ дѣломъ, если бы я не имѣлъ счастья состоять ординарцемъ августѣйшаго главнокомандующаго. Получивъ конвертъ отъ князя Святополкъ-Мирскаго, я отправился въ главную квартиру, въ Тыр-

ново. Черезъ нѣсколько дней стали приводить въ Тырново плѣнныхъ, взятыхъ на Шипкѣ. Оказалось, что турецкія войска, выдержавъ двѣ атаки нашихъ отрядовъ, не рѣшились далѣе вести бой на двухъ фронтахъ. Турки для выигрыша времени послали къ генералу Гурко предложеніе о сдачѣ; сами же, бросивъ свою артиллерію, въ разбродъ, небольшими партіями ушли въ горы. Изъ нихъ многіе, мучимые голодомъ, добровольно приходили къ нашимъ и просились въ плѣнъ; другихъ приводили болгары и даже болгарки, которыя такимъ образомъ, отправляясь въ лѣсъ за грибами, находили вмѣсто грибовъ бывшихъ защитниковъ Шипки. Одинъ изъ добровольно явившихся турокъ былъ добрый семидесятилѣтній старикъ. На вопросъ его высочества главнокомандующаго, зачѣмъ онъ предпочелъ очутиться въ плѣну, старикъ отвѣчалъ, что еще въ 1828 году онъ былъ у насъ въ плѣну. Тогда его послали въ Харьковъ, гдѣ ему жилось отлично. Во время крымской кампаніи онъ опять попался въ плѣнъ, и его отправили въ Кіевъ, гдѣ ему жилось еще лучше; поэтому теперь онъ почелъ нужнымъ добровольно явиться и просить, чтобы его опять отправили въ Кіевъ, который ему очень полюбился. На слѣдующій день, въ послѣобѣденное время, опять привели партію плѣнныхъ; изъ нихъ больше всего обратили на себя вниманіе молодой красавецъ поручикъ, мулла и старикъ майоръ, тоже лѣтъ около семидесяти, если не больше. Послѣ опроса красавецъ поручикъ заявилъ, что онъ знаетъ главнокомандующаго.

— Почему ты меня знаешь?—спросилъ поручика его высочество.

— Когда ваше высочество во время путешествія своего на востокъ были въ гостяхъ у нашего султана,—отвѣчалъ поручикъ:— я былъ во дворцѣ въ почетномъ караулѣ; но тогда я вашего лица не видѣлъ, такъ какъ намъ запрещено смотрѣть на такихъ высокихъ особъ.

Старичекъ майоръ отъ усталости едва держался на ногахъ и попросилъ позволенія сѣсть. Его высочество милостиво дозволилъ и спросилъ, не желаетъ ли онъ поѣсть. Получивъ утвердительный отвѣтъ, его высочество поручилъ генералу Галлу сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы накормить плѣнныхъ. Генералъ Галлъ повелъ ихъ въ столовую палатку, гдѣ имъ подали разныхъ закусокъ и вина. Мулла и поручикъ съ жадностью принялись за ѣду, а старичекъ майоръ, схвативъ бутылку краснаго вина, сталъ усердно потягивать прямо изъ горлышка и, разумѣется, скоро охмелѣлъ. Поставивъ бутылку у своихъ ногъ, онъ увлекся разсказами про войну. Одинъ изъ моихъ товарищей, поручикъ Дерфельденъ (Христофоръ), незамѣтно убралъ бутылку. И велико же было горе старичка майора, когда онъ замѣтилъ похищеніе своей драгоценности. Онъ обвелъ глазами всѣхъ присутствующихъ и прямо указалъ на Дерфельдена. Старичекъ становился все забавнѣе.

— Ты—воръ!—обратился онъ къ похитителю: —ты украдь у меня бутылку, которую мнѣ пожаловалъ мой теперешній властелинъ. Нехорошо! Если хочешь выпить, пойди къ нему и попроси: онъ добръ и прикажетъ дать тебѣ вина.

Но хмель бралъ свое, и старикъ опять увлекся своими разсказами, пока не увидалъ своей бутылки на прежнемъ мѣстѣ. Тутъ онъ внѣ себя отъ большой радости схватилъ ее обѣими руками и тянулъ изъ нея до самаго доньшка. Потомъ, отыскавъ совершенно помутившимися глазами Дерфельдена, онъ передалъ ему бутылку и назидательно сказалъ: «вотъ тебѣ въ благодарность за то, что ты послушался своей совѣсти и отдалъ мнѣ мою бутылку». Дерфельденъ насилу отдѣлался отъ пьянаго старичка и его бутылки. Въ моей памяти хорошо сохранились эти подробности забавныхъ приключеній съ тырновскими плѣнными, и я не безъ умысла теперь вспомнилъ о нихъ. Онѣ убѣдительно свидѣлствуютъ, насколько добросердеченъ русскій человѣкъ даже по отношенію къ своимъ врагамъ. Въ этомъ случаѣ, какъ всегда во множествѣ другихъ, его высочество вмѣщало въ своей высокой и свѣтлой душѣ лучшія коренныя наклонности и побужденія русскаго народа и нашего православнаго доблестнаго воинства.

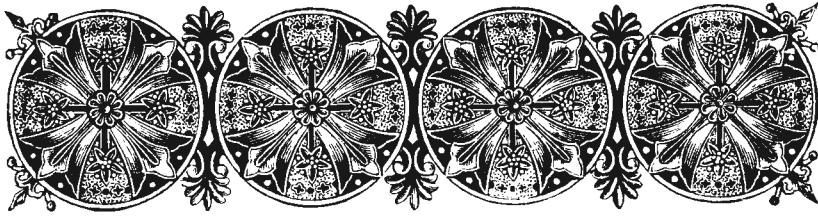
На позиціяхъ ли или въ главной квартирѣ къ плѣннымъ туркамъ относились съ одинаковымъ великодушіемъ; и даже возмутительнѣйшія звѣрства, совершенныя турками на Шипкѣ и подъ Телишемъ, не въ состояніи были заставить нашего воина позабыть русскую пословицу, что «лежачаго не бьютъ». Глубокій смыслъ этой пословицы помогаетъ намъ послѣ кровопролитныхъ битвъ продолжать дѣло мирнаго нравственнаго завоеванія. Но возвратимся къ нашимъ воспоминаніямъ.

С. Цуриковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЯ КАРТОЧНОЙ ИГРЫ НА РУСИ ¹⁾.

I.

Азартная игра и ея генезисъ.—Запреты игръ въ древней Руси.—Время занесенія къ намъ картъ и карточной игры.—Первыя противъ нихъ запретительныя и карательныя мѣры.—Цѣловальничья слезная жалоба на картежное неистовство солдатства.—Игроки-солдаты, взяточникъ-капитанъ и тяжелый на руку полковникъ.—Законъ о карточной игрѣ въ уложеніи Алексѣя Михайловича.— Опытъ отдачи картъ и зерни на откупъ.

ДВА ЛИ есть толкъ и необходимость пускаться въ кропотливо-ученыя разысканія о времени и мѣстѣ первоначальнаго изобрѣтенія азартной игры.

Азартная игра въ натурѣ человѣческой. Она началась вмѣстѣ съ человѣкомъ и, слѣдовательно, не была и не могла быть плодомъ чьего либо особаго, частнаго изобрѣтенія. Изобрѣтались только различные виды, формы и комбинаціи игры, сообразно условіямъ мѣста и времени, а также характеру данной народности.

Не существенно и дѣленіе игръ разсматриваемой категоріи на азартныя и неазартныя, или «коммерческія», какъ это принято въ нашемъ, на примѣръ, законодательствѣ. Въ сущ-

¹⁾ Покойный Владиміръ Осиповичъ Михневичъ много лѣтъ собиралъ матеріалы для исторіи карточной игры въ Россіи. Не задолго до кончины, онъ приступилъ къ обработкѣ своихъ любопытныхъ и кропотливыхъ изысканій, но, къ сожалѣнію, кончина прервала его работу на времени императрицы Екатерины II. Печатающъ этотъ неоконченный посмертный трудъ нашего давняго сотрудника, глубоко скорбимъ о потерѣ этого прекраснаго и даровитаго человѣка, съ которымъ насъ тѣсно связывали многолѣтнія дружескія отношенія. Ред.

ности, всѣ игры азартны въ различной только степени. Игра, въ которой отсутствовалъ бы всякій азартъ, уже не игра: она не представляла бы ровно никакого интереса.

Классификаторы и законодатели смѣшали азартъ съ матеріальнымъ рискомъ играющихъ; но нетрудно убѣдиться, что послѣдній вовсе не зависитъ отъ свойства самой игры и степени ея азартности. Изъ всѣхъ игръ самая азартная, т. е. наиболѣе страстная, волнующая и захватывающая игрока, — шахматы, что, безъ сомнѣнія, подтверждаютъ всѣ шахматисты, а между тѣмъ игра эта нигдѣ и никогда не запрещалась и никто въ нее въ пухъ не проигрывался. Наоборотъ, что можетъ быть невиннѣе, со стороны азарта, и глупѣе игры «въ дурачки»; однакожь, извѣстны факты (достопамятное дѣло Гулакъ-Артемовской), что люди умудрялись проигрывать «въ дурачки» цѣлыя состоянія. Точно также, напри- мѣръ, и «пикетъ» признается игрой не азартной, «коммерческой» и дозволенной; тѣмъ не менѣе на нашей еще памяти одинъ, нынѣ покойный, знаменитый писатель обыгралъ именно въ «пикетъ» одного, тоже нынѣ покойнаго, государственнаго мужа на нѣсколько сотъ тысячъ рублей. И это не единственный въ такомъ родѣ фактъ. Очевидно, стало быть, что рискъ и размѣръ проигрыша, зависятъ ли они отъ «счастья» или отъ искусства играющихъ, вовсе не обуславливаются выборомъ игры и степенью ея азартности.

Старина, въ этомъ отношеніи, была гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе. Одинаково признавая грѣхомъ и общественнымъ зломъ всѣ игры безъ исключенія, она категорически запрещала ихъ силою церковной и свѣтской власти, подѣ страхомъ суровыхъ взысканій въ здѣшней и въ загробной жизни. Строгий моралистъ «Домостроя», осуждая всѣхъ тѣхъ, «кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божію не имѣя, и воли Божіей не творитъ и закону христіанскаго и отеческаго преданія не хранить, всякое скаредіе творитъ и всякія богомерзкія дѣла», то-есть: «бѣсовскія пѣсни, плясаніе, скаканіе, гудѣніе» и проч., причисляетъ къ запретнымъ «богомерзкимъ дѣламъ» и употреблявшіяся тогда игры: кто «и зерню, и шахматы, и тавлеи (играетъ), — прямо заключаетъ онъ, — всѣ вкупѣ будутъ во адѣ, а здѣ прокляти». Отъ угрозы словомъ запрещеніе переходило въ возмездіе на дѣлѣ: «Аще кто отъ клирикъ, — возвѣщалось, въ видѣ законоположенія, отцами перкви, — играетъ шахматъ или лѣки (кости), да извержетъ сана; ащець дьякъ (причетникъ) или простецъ (мірянинъ) да примуть опитемью 2 лѣта о хлѣбѣ и о водѣ, одною днемъ, а поклона на день 200; понеже игра та отъ беззаконныхъ халдей: жрецы бо идольскіе тою игрою пророчествовашеть... да то есть прельщеніе сатанино». Сугубо подтверждалось и въ «Стоглавѣ» строжайшее запрещеніе «всякаго игранія причетникъ и мірскимъ челоувѣкомъ

зернью, шахматы и тавлеями и прочими таковыми играми». Результатомъ этого явились многочисленныя приказанія воеводамъ и инымъ областнымъ властямъ всячески преслѣдовать такого сорта игры и главнымъ образомъ зернь, такъ какъ послѣдняя игра болѣе всего была распространена въ древней Руси.

Равнымъ образомъ подвергалась запрещенію и преслѣдованію и карточная игра съ той поры, какъ она стала входить у насъ въ общее употребленіе. Собственно по этимъ только запрещеніямъ представляется возможность приблизительно опредѣлить время занесенія къ намъ картъ и карточной игры. Внѣ этихъ источниковъ нѣтъ прямыхъ и точныхъ указаній, когда именно и какъ это случилось.

Есть предположеніе, что карты занесены къ намъ не ранѣе XVII столѣтія. Князь Курбскій, говоря въ своемъ разсказѣ о лучшей порѣ царствованія Іоанна Васильевича Грознаго, ставилъ его въ примѣръ западнымъ государямъ, которые де любятъ сидѣть дома и играть въ карты, предоставляя своимъ полководцамъ сражаться за ихъ честь. Изъ этого указанія можно заключить, что въ XVI столѣтіи карты на Руси были еще неизвѣстны. Занесли ихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, поляки и украинскіе казаки¹⁾ въ смутную эпоху лихолѣтья, а отчасти и пѣмцы, во множествѣ наѣзжавшіе тогда въ московское государство, въ качествѣ купцовъ и кондотъери, формировавшихъ наемныя иноземныя войска на царской службѣ.

Предположеніе это подтверждается временемъ изданія правительственныхъ запрещеній карточной игры. Первые изъ нихъ, насколько извѣстно, появляются уже въ царствованіе Михаила Фе-

¹⁾ Въ Польшѣ, по извѣстіямъ польскихъ историковъ, карты въ царствованіе Сигизмунда III были уже настолько распространены, что противъ нихъ начало возставать католическое духовенство въ церковныхъ проповѣдяхъ («Gry i zabawa», Л. Голэмбіовскаго). Извѣстный Мартинъ Бэръ, описывая въ своей «Московской Лѣтописи» безчинства поляковъ во время ихъ сидѣнія въ Кремлѣ, послѣ сожженія и разграбленія Москвы въ 1611 г., утверждаетъ, что «своевольные солдаты проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у бояръ и купцовъ именитыхъ» («Сказанія о Дмитріи Самозванцѣ», т. I, стр. 142). У польскихъ солдатъ и казаковъ такая игра на людей была не въ диковину. Польскій лѣтописецъ Бѣдльскій разсказываетъ, что на Украинѣ, въ XVI ст., еще до возникновенія шляхетско-казачьей вражды, когда полякамъ и запорожцамъ совокупно удавалось громить татаръ, то, обыкновенно, при дѣлежѣ добычи и полона, завязывалась между шляхтой и казаками игра въ карты и въ кости не только на добычу, но и на взятыхъ въ плѣнъ ордынцевъ («Исторія воссоединенія Руси», П. Кулиша, т. I, 100). Вообще, въ Запорожѣ карточная игра была сильно распространена. Гетманъ Выговскій, жалувъсь въ письмѣ къ боярину Морозову (1658 г.) на запорожскихъ казаковъ, писалъ: «Пусть бы государь покаралъ ихъ по своему премудрому разуму. Они своевольники... На чужое добро держаютъ, чтобы ѣсть имъ, да пить, да въ карты играть, да всякія безчинства Богу и людямъ чинить» («Историческія монографіи» Н. И. Костомарова, т. II, 68).

доровича, въ половинѣ XVII вѣка, когда, значитъ, карты успѣли уже настолько распространиться, что вызывалась надобность издавать общія постановленія объ ихъ воспрещеніи. Слѣдовательно, впервые появились у насъ карты гораздо раньше, т. е., вѣроятно, въ началѣ 1600-хъ годовъ. Въ какой же степени были онѣ уже распространены въ половинѣ означеннаго столѣтія,—доказывается слѣдующими, между прочимъ, документами.

Въ 1649 году верхотурскій воевода Рафъ Всеволожскій, въ «памяти» приказчику Ирбитской слободы, Григорью Барыбину, писалъ, что «въдомо де государю учинилося, что въ Сибири, въ Тобольску и иныхъ сибирскихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, мірскіе всякихъ чиновъ люди» въ воскресные дни и праздники предаются разнымъ богомерзкимъ, безчиннымъ игрищамъ и забавамъ, въ томъ числѣ—«и медвѣди водятъ, и съ собачками пляшутъ, и зерню, и карты, и шахматы и лодыгами играютъ». Воевода, въ виду этого, предписывалъ Барыбину, что если бы такое же безчиніе въ Ирбитской слободѣ оказалось, то «ты бѣ тѣхъ людей велѣлъ бить батоги, а которые люди отъ такого безчинія не отстанутъ, и выймутъ у нихъ такіа богомерзкія игры вдругорядъ, и ты бѣ тѣхъ ослушниковъ велѣлъ бить батоги». Если бы и это двойное битіе не подѣйствовало, то избличенныхъ «въ такой винѣ третіе и вчетвертое»—отсылать «съ приставы» въ Верхотурье на воеводскую уже расправу¹⁾.

Если, какъ можно судить по приведенной «памяти», карточная игра въ то время была въ обычаѣ у «всякихъ чиновъ людей» даже въ далекой Сибири, несмотря на страхъ батоговъ, то дивиться ли заботамъ благочестивыхъ монаховъ Тихвинской обители объ искорененіи карточного соблазна въ средѣ подвѣдомственной имъ паствы?

Заботы эти выразились въ двухъ «памятяхъ» (одна—1663 года и другая—1668 года) Тихвинскаго монастыря архимандрита съ братіей головамъ и старостамъ Тихвинскаго посада. Въ обѣихъ «памятяхъ» предписывается принять мѣры—безъ угрозы, впрочемъ, батогами—противъ замѣченныхъ въ посадѣ корчемства и всякаго безчинія, при чемъ указывалось накрѣпко смотрѣть, чтобы, въ ряду другихъ непотребствъ, «зерни и картъ и всякаго дурна на посадѣ не было-бѣ»²⁾.

Чѣмъ ближе къ центру—къ Москвѣ, тѣмъ, по обыкновенію, новая запретная игра обнаруживалась чаще, и охотниковъ до нея оказывалось больше, да и заявляли они себя наглѣе.

Въ 1653 году изъ пригорода Москвы, Коломны, прислали мѣстнаго кружечнаго двора голова Микифоръ Прохоровъ съ товарищи

¹⁾ «Акты историческіе», т. IV, стр. 125 и 126.

²⁾ «Акты археографической экспедиціи», т. IV, стр. 192 и 217.

великую, слезную жалобу государю на «солдацкаго строю служилыхъ людей» и ихъ «маюра» (майора) за помѣху продажѣ казеннаго вина и открытое корчемство, за самовольство и насиліе. «Да солдаты жъ,—говорилось, между прочимъ, въ жалобѣ,—по вся дни собираются на государевѣ Коломенскомъ кружечномъ дворѣ, въ избахъ, и играютъ зернью и карты, и о томъ де онъ, Микифоръ съ товарищи, не въ одно время маеру извѣщалъ, чтобы онъ ихъ отъ того унялъ, и маерь де ихъ не унимаетъ; а какъ де они учнутъ ихъ съ государева кружечнаго двора сбивать, чтобы зернью и карты не играли, и они де ихъ, Микифора съ товарищи, бранятъ и хотятъ бить и съ кружечнаго двора нейдутъ, чинятся силны» ¹⁾).

Воспрещенная игра производилась, значить, не только нагло и безстрашно, но открыто и публично. Въ Москвѣ отнеслись къ жалобѣ Микифора серьезно, и наряжено было цѣлое слѣдствіе, результатъ котораго намъ, впрочемъ, неизвѣстенъ.

Въ то время у насъ, какъ извѣстно, было сформировано на европейскій образецъ нѣсколько десятковъ регулярныхъ «солдацкихъ» и «рейтарскихъ» полковъ, ряды которыхъ комплектовались большею частью русскими людьми, но частью наемными иностранными приплецами и состояли подъ командой иностранныхъ же наемныхъ офицеровъ. Безъ сомнѣнія, этотъ пришлый военный сбродъ, привыкшій къ безпутной лагерной и казарменной жизни, немало посодѣйствовалъ распространенію на Руси картъ и карточной игры, какъ равно и многихъ другихъ новшествъ такого же сомнительнаго сорта.

Картежь среди солдатства былъ обычнымъ явленіемъ въ самой Москвѣ; особенно же процвѣталъ онъ въ Нѣмецкой слободѣ, сбродные обитатели которой, вообще, не отличались строгостью нравовъ, вели жизнь веселую и разгульную. Собственно за солдатами, квартировавшими въ Москвѣ, смотрѣли строже, чѣмъ въ Коломнѣ, чтобы они не забавлялись картами. Поэтому они играли тайкомъ, ночью. Однажды, какъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ Патрикъ Гордонъ, русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ партію игроковъ-солдатъ на мѣстѣ преступленія и, по тогдашнему обычаю московскихъ начальныхъ людей, воспользовался этой оказіей для личной добычи. Онъ не только забралъ себѣ тѣ деньги, которыя были въ игрѣ, но еще вынудилъ съ солдатъ 60 рублей, въ видѣ взятки за недоведеніе дѣла до свѣдѣнія высшаго начальства. Начальствомъ этимъ былъ самъ Гордонъ, который, однако, какъ-то узналъ про это. Онъ призвалъ Спиридонова, избличилъ его и сдѣлалъ строгій выговоръ, съ угрозой, что впредь ему будетъ плохо. Капитану очень не понравилось это внушеніе, онъ сталъ

¹⁾ «Акты историческіе», т. IV, стр. 198 и слѣд.
«истор. вѣстн.», январь, 1901 г., т. LXXXIII.

горячиться и говорить дерзости. Тогда Гордонъ расправился съ нимъ по-солдатски: повалилъ капитана на полъ и такъ отдулъ дубинкой, что тотъ едва могъ встать. Спиридоновъ побѣждалъ жаловаться, но Гордонъ, досконально уже ознакомленный съ порядками московскаго правосудія, на сдѣланные ему свѣше запросы, точно ли онъ далъ волю рукамъ надъ русскимъ капитаномъ, заперся, пользуясь тѣмъ, что при расправѣ не было свидѣтелей.

Составители «Уложения» царя Алексѣя Михайловича не забыли и о карточной игрѣ, отнеся ее къ преступленіямъ сугубой уголовщины, жестоко караемой увѣчьемъ и смертью. Въ изданіи «Уложения» 1649 г. относящаяся къ этому дѣянію статья помѣщена въ главѣ «о разбойныхъ и татинныхъ дѣлѣхъ».

«А которые воры,—сказано въ этой статьѣ,—на Москвѣ и въ городѣхъ воруютъ — карты и зерню играютъ, и проигрывая, воруютъ, ходя по улицамъ, людей рѣжутъ, шапки срываютъ и грабятъ, и о такихъ... велѣно чинить «черезъ бирючей заказъ», и, самихъ имать, приводить въ приказъ. А будетъ въ приказѣ (послѣ пытки) «сыщется допряма, что они зерню и карты играютъ... и тѣмъ ворами чинити указъ тотъ же, какъ писано выше о татѣхъ», то-есть сажать въ тюрьму, конфисковать имущество, бить кнутомъ,⁴ урѣзывать уши (въ позднѣйшемъ изданіи—пальцы и руки) и смертью казнить.

«А будетъ кто,—говорится въ заключеніи статьи,—такихъ воровъ, видя гдѣ, не изымаетъ и въ приказъ не приведетъ, а изымати ихъ было мощно... и на тѣхъ людяхъ имати заповѣди по полтинѣ на человекѣ».

Это первое у насъ общее законоположеніе о карточной игрѣ, и не только законоположеніе, но отчасти и картина нравовъ. Очевидно, законъ имѣлъ въ виду не столько любителей карточной игры, предающихся ей въ часы досуга въ домашней мирной компаніи, сколько игроковъ-спеціалистовъ, воровски промышлявшихъ игрой въ разныхъ притонахъ. Узнаемъ при этомъ, что народъ этотъ былъ отчаянный — подлинныя воры: въ случаѣ неудачной игры, ходили по улицамъ и возмещали свой проигрышъ срываніемъ съ прохожихъ шапокъ, грабежемъ и даже убійствомъ! Законодатель даетъ понять, что такихъ молодцовъ «на Москвѣ и въ городѣхъ» водилось уже тогда немало, что ихъ «воровскія» дѣйствія не составляли большой рѣдкости. Вспомнимъ, что это относится къ первой половинѣ XVII столѣтія. По датѣ цитированнаго здѣсь закона о карточной игрѣ можно приблизительно заключить о времени появленія и степени распространенія у нихъ послѣдней.

Сохранился любопытный документъ, относящійся къ концу царствованія Алексѣя Михайловича и свидѣтельствующій, что въ средѣ московской администраціи, вѣроятно, убѣдившейся въ неискоренимости карточной игры, возникла было счастливая мысль

обратить ее въ источникъ государственнаго дохода. Московское правительство не однажды такъ остроумно поступало. Жестоко преслѣдуя вначалѣ, напримѣръ, потребленіе зелена-вина и табаку, позднѣе, убѣдившись въ своемъ безсиліи воспрепятствовать ихъ распространенію, кончало тѣмъ, что налагало на эти запретныя «зелья» свою властную руку, принимая монопольный сбытъ ихъ на себя или отдавая его откупщикамъ, къ вящему приращенію казны. То же случилось и съ картами, хотя гораздо уже позднѣе, и хотя извлекаемый изъ ихъ монопольно-казенной фабрикаціи и продажи доходъ обращенъ не прямо на государственныя, а на государственно-филантропическія нужды, тѣмъ не менѣе, честь этого блистательнаго изобрѣтенія мы должны отнести къ XVII столѣтію.

Драгоцѣнное въ этомъ смыслѣ указаніе мы нашли въ «грамотѣ въ Сибирь туринскому воеводѣ Алексѣю Беклемишеву» (1675 г.). Оказывалось, что изъ Tobольска въ Москву передъ тѣмъ «писали воевода Петръ Годуновъ да дякъ Михайло Постниковъ, что они (неизвѣстно на какомъ основаніи) отдали въ Tobольскѣ зернь и карты на откупъ», иначе говоря, разрѣшили, за счетъ казны и подъ ея фирмой, открывать игорные дома. Соблазнительному примѣру этому захотѣли послѣдовать и другіе города «тобольскаго разряда». Изъ Верхотурья и Сургута воеводы писали, «чтобъ имъ по тому жъ зернь и карты отданы были на откупъ». На эти писанья великій государь указалъ: въ Tobольскѣ и прочихъ городахъ «зернь и карты отставить и откупъ съ зерни и картъ изъ оклада выложить». Грамота предписывала сдѣлать то же и воеводѣ туринскаго острога, Беклемишеву, даже и въ томъ случаѣ, если бы имъ по примѣру Tobольска и по «отпискамъ» Годунова, зернь и карты отданы были уже на откупъ. Къ воспрещенію этого откупа, грамота присовокупляла: самого «откупщика, будетъ онъ присланъ изъ Tobольска, а не туринской жилецъ, и его изъ Туринска выслать, а впредь заказъ учинить крѣпкой...¹⁾

Замѣчательно, что въ грамотѣ нѣтъ уже прежнихъ застращиваній увѣчемъ и казнями за самый фактъ карточной игры; вся угроза ограничивается неопредѣленнымъ выраженіемъ—«заказъ чинить крѣпкой». Не менѣе замѣчательно снисходительное отношеніе грамоты къ самому «откupu», какъ къ вещи, хорошо знакомой правительству и точно бы допускаемой имъ, за исключеніемъ лишь сибирскихъ городовъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, были ли тогда опыты подобной же отдачи на откупъ зерни и картъ за счетъ казны гдѣ нибудь въ другихъ городахъ по сю сторону Урала; но возможность этого краснорѣчиво подтверждается самой уже предпримчивостью въ данномъ направленіи воеводъ Tobольскаго раз-

¹⁾ Полное собраніе законовъ, т. I, ст. 436.

ряда, со стольникомъ Годуновымъ во главѣ. Очевидно, они такъ рѣшительно учреждали откупа на зернь и карты по существующимъ уже, живымъ примѣрамъ и въ соотвѣтствіи со взглядами на этотъ предметъ своего высшаго начальства, которые имъ, безъ сомнѣнія, были досконально извѣстны. Московское правительство на этотъ разъ, какъ мы видѣли, воспротивилось почему-то введенію оригинальныхъ откуповъ на столь преслѣдуемая имъ передъ тѣмъ зернь и карты; но приведенная здѣсь грамота достаточно убѣждаетъ, что оно и тогда уже было очень близко къ узаконенію такихъ откуповъ ради умноженія своихъ финансовъ и хотя бы къ пущему поврежденію нравовъ.

II.

Забава карточной игрой «наверху»—во дворцѣ и въ боярскихъ хоромахъ. — Запасы «гвилыхъ» картъ, найденные въ старомъ Коломенскомъ дворцѣ. — Петровское законодательство о карточной игрѣ и снятіе съ нея безусловнаго запрета. — Личное отношеніе Петра Великаго къ картамъ. — Игра въ обиходѣ Петровскаго общества. — Картежъ въ Московской Нѣмецкой слободѣ. — Страстный охотникъ до «марьяжа». — Игра въ «короли» на поцѣлуи.

Запрещенная для народа, гонимая и искореняемая *de jure*, карточная игра въ то же время находила себѣ радушный приѣмъ и охочихъ любителей на верху—въ боярскихъ домахъ и дворцовыхъ палатахъ. Это, впрочемъ, не единственный примѣръ такого лицемѣрія въ нашей внутренней политикѣ XVII вѣка. Такъ, на примѣръ, при «тишайшемъ» Алексѣѣ Михайловичѣ, изувѣрное гоненіе музыки, яко «бѣсовской прелести», доходило до того, что отнятыя силой у площадныхъ «умѣльцевъ» музыкальные инструменты публично сжигались, случалось, цѣлыми кострами на Москвѣ-рѣкѣ, а въ это самое время высшее, избранное общество съ наслажденіемъ слушало въ дворцовой «потѣшной палатѣ» хитрую игру разныхъ заморскихъ и доморощенныхъ «шпыней».

Безъ сомнѣнія, карты и карточная игра были драгоценнѣйшей находкой въ тогдашней, скудной умственными и художественными интересами, жизни, протекавшей въ высокихъ хоромахъ и замкнутыхъ теремахъ среди праздности и томительной скуки. А что ею тамъ забавлялись еще въ XVII столѣтіи, по крайней мѣрѣ, въ концѣ его,—неотразимой уликой можетъ служить слѣдующее «вещественное доказательство».

Сохранилась подробная опись Коломенскаго дворца и его инвентаря въ томъ видѣ, въ какомъ дворецъ этотъ, построенный Алексѣемъ Михайловичемъ и очень имъ любимый, находился до 1767 г., когда онъ, за ветхостью, былъ сломанъ и разобранъ. Въ этой-то описи мы, между прочимъ, находимъ любопытную для

насть статью, въ которой записаны «двѣ дюжины и семь игоръ картъ гнилыхъ» ¹⁾. Г. Забѣлинъ, изъ книги котораго мы привели это извѣстіе, дѣлаетъ предположеніе, что, «вѣроятно, это остатки отъ ассамблей петровскаго времени»; но нѣтъ ничего невозможнаго допустить въ данномъ случаѣ улику болѣе ранняго, допетровскаго времени. Допустить это тѣмъ болѣе возможно, что опись, которою пользовался г. Забѣлинъ, хотя и относится къ царствованію Елисаветы Петровны, но, по его же словамъ, представляетъ не болѣе, какъ «копію со списковъ XVII столѣтія». Наше предположеніе можетъ подтверждать и тотъ фактъ, что найденныя въ Коломенскомъ дворцѣ карты, не бывшія, конечно, въ употребленіи, оказались «гнилыми», на что, безъ сомнѣнія, должно было потребоваться очень много времени.

Въ царствованіе Петра Великаго старыя строгія законы о картахъ и карточной игрѣ теряютъ свою силу и забываются окончательно. Во всякомъ случаѣ, съ картами и карточной игрою любители ихъ болѣе не прячутся, какъ съ такой запретной вещью и съ такимъ преступнымъ дѣяніемъ, которыя, по самому уже названію, не могли быть терпимы и жестоко преслѣдовались.

Карты вошли въ общее употребленіе и никакого подозрѣнія въ законодательѣ не возбуждали, пока оставались невинной и недорого стоящей забавой для препровожденія празднаго времени. Только однажды, и то по исключительно важному случаю, петровское законодательство высказалось противъ карточной игры, сопровождаемой денежнымъ интересомъ. Именно, въ 1717 г., въ запрещеніи, «объявленномъ для настоящей войны» (т.-е., по случаю ея тягостей), покупать и носить «пряденое и волоченое золото и серебро», пунктъ 3-й закона гласилъ: «чтобъ никто въ деньги не игралъ, подъ тройнымъ штрафомъ обрѣтающихся денегъ въ игрѣ».

Даже въ «воинскомъ артикулѣ», проникнутомъ такой суровой дисциплинарной взыскательностью, карточная игра не воспрещалась безусловно воинскимъ чинамъ. Вотъ, «если кто (изъ солдатъ) свой мундиръ, ружье проиграетъ», тогда другое дѣло: «оный имѣетъ впервые и вдругорядъ жестоко шпицрутенами и заплатаю утраченнаго наказанъ, и въ третіе разстрѣлянъ быть». Не оставялся безъ возмездія и выигравшій, польстившійся на солдатскій нарядъ: «второе, сколько оный стоитъ, штрафу заплатить долженъ», или, глядя по особѣ, «шпицрутенами наказанъ будетъ» ²⁾.

Не воспрещая игры среди солдатъ, законодатель петровскаго времени не допускалъ, однако, чтобы между ними водились заправскіе профессионалисты. «Которые солдаты,—читаемъ въ законѣ еще 1700 г.,—явятся въ другіе и въ третіе зерники и пьяницы,

¹⁾ См. «Домашній бытъ русскихъ царей» И. Забѣлина (Матеріалы, стр. 34).

²⁾ «Воинскій артикулъ», гл. VI, § 59.

и въ службѣ быть негодны, бить кнутомъ». Замѣтимъ, что у тогдашнихъ «учителей» нашихъ, шведовъ, воинскіе законы на этотъ счетъ были не менѣе строги. Карлъ XII не терпѣлъ никакихъ игръ въ своихъ войскахъ и сурово преслѣдовалъ обличавшихся среди нихъ игроковъ ¹⁾. Самъ онъ не бралъ картъ въ руки и только во время своего томительнаго сидѣнія въ Бендерахъ развлекался иногда игрою въ шахматы.

Безусловное воспрещеніе карточной и всякой однородной игры на деньги или безъ денегъ встрѣчается въ петровскомъ законодательствѣ по отношенію только къ одному специально-служебному обиходу. Это—въ военно-морскомъ обиходѣ во время плаванія. Въ изданныхъ въ 1710 г. «Инструкціи и артикулахъ военныхъ російскому флоту» пунктъ 34-й, между прочимъ, гласитъ: «Дабы всѣ случаи брани, здору и драки, отъ костей и зерни происходящей, предостеречь, того ради никто да не дерзаетъ костей, зерни, картъ и прочихъ таковыхъ вещей на корабль привозить, подъ наказаніемъ по разсмотрѣнію». Какъ извѣстно, артикулъ этотъ и до сихъ поръ строго соблюдается въ нашемъ флотѣ: сѣвъ на корабль, моряки забываютъ, есть ли карточная игра, или нѣтъ ея на свѣтѣ.

Изъ всего, что мы знаемъ о Петрѣ Великомъ, объ его вкусахъ и наклонностяхъ, нѣтъ ни одного извѣстія, которое указывало бы на малѣйшее его пристрастіе къ картамъ и карточной игрѣ. Лично знавшій его, извѣстный Веберъ категорически утверждаетъ, что онъ вообще никакихъ игръ не любилъ. По словамъ другого современника-иностранца, Петръ, лѣчась водами въ 1717 г. въ Спа, «не предавался любимѣйшему изъ времяпрепровожденій этихъ водъ — карточной игрѣ. Въ свободное время царь игралъ только въ шахматы; изъ карточныхъ же игръ зналъ только *gavias*, голландскую игру, но игралъ въ нее очень рѣдко» ²⁾. У царя-работника мало было для этого досуга, а что касается «сильныхъ ощущеній», которымъ онъ порой необузданно предавался, то возбуждающихъ къ тому стимуловъ имѣлось слишкомъ достаточно и помимо карточной игры.

Не любя картъ, Петръ, однако, относился къ нимъ терпимо, какъ видно уже изъ его законодательства ³⁾. Личный взглядъ его

¹⁾ Нелишне мимоходомъ замѣтить, что именно сподвижники Карла, военнопленные шведы, едва ли не впервые завели у насъ фабрикацію игорныхъ картъ. Веберъ удостовѣряетъ, что нѣкоторые изъ нихъ, содержась въ Tobolskѣ, ради пропитанія стали промышлять «дѣланіемъ игорныхъ картъ; нѣсколько ихъ колодъ князь Гагаринъ привезъ изъ Сибири въ даръ государю» («Записки», «Русск. Арх.» 1872 г.). Веберъ видѣлъ карты шведскаго издѣлія въ продажѣ въ Москвѣ.

²⁾ «Петръ Великій въ Спа», «Древняя и Новая Россія», 1880 г., стр. 589.

³⁾ Придерживаясь во всемъ трезвой практической точки зрѣнія, Петръ не прочь былъ, особенно въ минуты финансовыхъ затрудненій, утилизировать вообще человѣческую падкость къ игрецкому азарту и риску для пополненія государственной казны. Подтвержденіемъ этого можетъ служить устройство въ Москвѣ

на эту забаву отразился, между прочимъ, въ собственноручно сочиненномъ имъ юмористическомъ «чинѣ рукоположенія всепьянѣйшаго князь-папы». Совершавшій этотъ «чинъ» «архиерецъ» рукополагалъ посвящаемого

«Во имя всѣхъ пьяницъ,
Во имя всѣхъ скляницъ»...

«Въ чинѣ» перечисляются всѣ хмельныя снадобья, жрецы и весь, такъ сказать, арсеналь «отца нашего Бахуса», и въ томъ же счетѣ посвящавшій рукополагалъ:

«Во имя всѣхъ зернщиковъ,
.....
Во имя всѣхъ картъ,
Во имя всѣхъ костей,
Во имя всѣхъ бирюлекъ»...

Такимъ образомъ, относя карты къ разряду забавъ, приличныхъ «всешутѣйшему собору», царственный авторъ «чина» уже тѣмъ самымъ, понятно, признавалъ ихъ зазорность и вздорность.

Что, дѣйствительно, въ петровскіе дни карточная игра не входила еще у насъ въ репертуаръ общераспространенныхъ, непремѣнныхъ развлеченій—краснорѣчивымъ тому подтвержденіемъ могутъ служить записки камеръ-юнкера Берхгольца, которыя онъ, съ величайшей обстоятельностью, велъ подневно съ начала 1721 года по смерти Петра. Въ качествѣ придворнаго герцога голштинскаго, Берхголецъ видѣлъ много и бывалъ на всѣхъ дававшихся петербургскимъ дворомъ и вельможами безчисленныхъ празднествахъ, пирахъ, балахъ, ассамблеяхъ и иныхъ веселыхъ собраніяхъ; тѣмъ не менѣе, подробно описывая ихъ, онъ почти нигдѣ не упоминаетъ, чтобы на нихъ играли въ карты.

еще въ 1698 г., лотереи, о которой находимъ любопытное извѣстіе въ запискахъ Желябужскаго. Учредителемъ лотереи хотя и являлось частное лицо, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, она была государственная, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго текста опубликованнаго о ней извѣщенія: «Произволеніемъ нашего великаго государя-царя,—такъ начинается извѣщеніе,—симъ всему міру являетъ Яковъ Андреевъ сынъ Гасеніусъ, часового дѣла мастеръ, что на дворѣ окольничаго Ивана Ивановича Головина... будетъ вскорѣ уставлено счастливое испытаніе (sic!), по-иноземчески называется лотерея, въ 8 рублей лоть съ числами, гдѣ всѣмъ охотникамъ или охотницамъ вольно свою часть испытать, како добыти тысячу рублей на гривну. Къ сему дѣлу 8020 счастливые ярлыки»... Слѣдуетъ объясненіе плана и расчета лотереи. «И сколь скоро,—продолжаетъ извѣщеніе,— всѣ лоты будутъ розданы, тогда день будетъ назначенъ къ испытанію счастливца... А при смотрѣніи для вѣрности присмотра будутъ вѣрныя господа, какихъ великій государь нашъ укажетъ къ испытанію счастливца; тако же два младенца, которые предъ всѣмъ народомъ лоты будутъ вынимать». Гасеніусу предоставлено вычитать въ свою пользу по копейкѣ съ гривны «за подыатіе многихъ трудовъ и проторей у сего строенія». Къ сожалѣнію, Желябужскій ничего не говоритъ о результатѣ этой, едва ли не первой въ Россіи, публичной лотереи.

Петръ имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, которому онъ ни при какихъ случаяхъ не измѣнялъ. На большихъ парадныхъ пирахъ, сопровождавшихся жестокими попойками, царь, уходя послѣ обѣда соснуть, приказывалъ гостямъ продолжать пированіе въ ожиданіи его возвращенія, а чтобы никто не посмѣлъ ослушаться, приставлялъ къ дверямъ часовыхъ. Освобожденіе отъ такого гостепріимнаго ареста ни для кого не допускалось, не исключая представителей дипломатическаго корпуса. Тутъ бы, казалось, всего умѣстнѣе усадить гостей за карты, но этого не дѣлалось, и охмѣлѣвшіе «гости-невольники» страшно томились или спали. Во время какого-то антракта на большомъ обѣдѣ, данномъ по случаю празднованія мира со Швеціей, графы Кинскій и Бассевичъ (первый—австрійскій посланникъ, второй—голландскій министръ) выражали, какъ рассказываетъ Берхгольцъ, «сожалѣніе, что для препровожденія времени не захватили съ собой картъ, потому что устали разговаривать и не знали, что дѣлать».

Берхгольцъ утверждаетъ, что даже на обыкновенныхъ ассамблеяхъ «карты не терпѣлись и не подавались» ¹⁾, играли только въ шашки и шахматы. Разъ съ герцогомъ они попали на ассамблею у великаго адмирала Апраксина, гдѣ присутствовалъ государь со всею знатью, и оба проскучали. Скучно имъ показалось потому, что на ассамблеѣ не было дамъ и не было танцевъ. Хозяинъ не имѣлъ жены, и по этой причинѣ дамы къ нему не ѣздили. «Мужчины только разговариваютъ, играютъ въ шахматы, курятъ табакъ и пьютъ»,—описываетъ онъ какъ эту, такъ и другія холостыя ассамблеи. О картахъ ни слова, хотя авторъ, нужно замѣтить, далеко не былъ къ нимъ равнодушенъ, и каждый разъ, когда ему приводилось видѣть игру или самому играть, онъ неупустительно заносилъ это въ свой дневникъ.

Во время пребыванія въ 1722 году двора и герцога голландскаго въ Москвѣ, Берхгольцъ перезнакомился со всѣми компатріотами изъ Нѣмецкой слободы, весело проводилъ время въ ихъ домахъ и часто игралъ въ карты, особенно съ дамами, между которыми встрѣчалось немало страстныхъ любительницъ карточной игры. Играли обыкновенно въ ломберъ, l'entrée и марьяжъ, но московскія пріятельницы Берхгольца выучили его также и спеціально русской игрѣ, какъ онъ называетъ игру въ короли (занесенную, несомнѣнно, изъ Польши), которую онъ подробно описываетъ и находитъ «несравненной и умной» ²⁾. По его словамъ, короли, марьяжъ и шахматы были тогда у насъ «въ большомъ ходу, и

¹⁾ «Дневникъ» Берхгольца, ч. II, стр. 101.

²⁾ Берхгольцъ называетъ эту игру русской потому, что нѣмки, съ которыми онъ игралъ въ нее, употребляли, при переговорахъ, русскіе, то-есть, вѣрнѣе, перенянные съ польскаго на русскій игорные термины.

русскіе играли въ нихъ безподобно». Подтвержденіемъ этого можетъ служить рассказанный имъ ранѣе характерный и комическій случай.

Возвращаясь изъ Ревеля въ Петербургъ, Берхгольцъ встрѣтилъ за Нарвой, на станціи, «старога русскаго дворянина», зрителя мѣстнаго императорскаго стекляннаго завода (очевидно, дѣло происходило въ Петергофѣ). Дворянинъ поджидалъ царицу, также возвращавшуюся изъ Ревеля, и, вѣроятно, соскучившись долгимъ ожиданіемъ, навязался проѣзжему голштинскому кавалеру со знакомствомъ, хотя ни слова не говорилъ понѣмецки, какъ тотъ не разумѣлъ ни бельмеса по-русски. «Мы, поэтому, — рассказываетъ Берхгольцъ, — стояли нѣкоторое время и молча глядѣли другъ на друга; наконецъ, дворянинъ спросилъ меня порусски, — не хочу ли я поиграть съ нимъ въ карты? Но я тогда только понялъ его вопросъ, когда онъ вытащилъ изъ кармана колоду картъ и, показавъ ее мнѣ, промолвилъ: изволишь? Мы сѣли за какой-то старый обломокъ стола... мнѣ очень хотѣлось узнать, что это будетъ за игра; но какъ скоро мой партнеръ сдалъ себѣ и мнѣ только шесть картъ и одну выбралъ, я тотчасъ же понялъ, что игра наша — марьяжъ, особенно, когда онъ, послѣ первой взятки, открылъ настоящій марьяжъ. Тогда игра пошла у насъ легко... Сказавъ, что я играю мастерски — не хуже его, онъ такъ увлекся игрой, что вѣрно просидѣлъ бы за ней до другого дня, если бы я на это согласился. Когда мы сыграли нѣсколько игръ, онъ досталъ свой кошелекъ и, вынувъ изъ него двѣ копейки, далъ мнѣ понять, что, если я хочу, онъ готовъ играть и на деньги». Берхгольцъ отказался продолжать игру, такъ какъ ему пора была уѣзжать, но «старый дворянинъ» упросилъ его сыграть еще хоть одинъ разъ и, выигравъ двѣ «полныя наличныя копейки», вернулъ ихъ въ особую бумажку. На вопросъ черезъ переводчика, — для чего онъ это дѣлаетъ, старикъ отвѣчалъ, что «будетъ всю жизнь беречь эти деньги, которыя онъ честно выигралъ въ карты у иностранца, не умѣвшаго даже говорить съ нимъ».

Эта сцена можетъ назваться прототипомъ тѣхъ безчисленныхъ въ послѣдствіи и неизбѣжныхъ на Руси станціонныхъ знакомствъ, которыя заключались при посредствѣ, именно, карточной игры между проѣзжающими и нерѣдко разрѣшались траги-комическими послѣдствіями.

Что касается игры въ короли, которая такъ понравилась Берхгольцу, то она, точно, была у насъ въ то время сильно распространена въ среднихъ слояхъ общества, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда компанія собиралась изъ нѣсколькихъ человѣкъ, и въ ней присутствовали дамы. Игра эта не азартная, простая, ей легко сразу выучиться, при всемъ томъ, веселая и какъ бы нарочно созданная для невинной забавы въ семейномъ кругу. Расплачи-

ваются въ ней не деньгами за проигрышъ, а, обыкновенно, разными забавно-символическими податями, назначаемыми «королемъ». При всей, однако, невинности она послужила поводомъ — и, вѣроятно, не единственнымъ, — къ соблазнительному адюльтеру, на этотъ разъ получившему большую историческую извѣстность.

На игрѣ, именно, въ «короли» змѣй-искуситель попуталъ первую супругу знаменитаго предка Пушкина, арапа Абрама Петровича Ганнибала, Евдокію Андреевну, выданную за него отцомъ по принужденію. Дѣло происходило въ г. Перновѣ въ 1731 г., куда капитанъ Ганнибалъ, вскорѣ послѣ женитьбы, явился съ молодою женою по обязанностямъ службы. Здѣсь Евдокія Андреевна познакомилась съ нѣкоей мѣщанкой Моршею, у которой была дочь — молодая дѣвица Марія-Елизабетъ, состоявшая въ интимной связи съ перновскимъ сердцебдомъ кондукторомъ Шишковымъ. На пасхѣ Евдокія Андреевна пришла къ Моршамъ въ гости, куда явился и Шишковъ. Сѣли играть въ карты, въ короли, «и когда онъ, Шишковъ, — какъ обнаружилось на дознаніи, — король былъ, то ей, капитаншѣ, наложилъ, чтобъ она его поцѣловала, что капитанша и учинила», — и оттого у нихъ «любленіе пошло»¹⁾. За это увлеченіе несчастная «капитанша» очень дорого поплатилась. Ревнивый Ганнибалъ истязалъ ее, предалъ публичному поруганію, волочилъ по судамъ и тюрьмамъ и, наконецъ, заточилъ въ монастырь. Не поздоровилось и «королю»-соблазнителю.

III.

Петровскіе моралисты о картахъ. — Игроки съ историческими именами. — Партнеры Петра II. — Изобличенный въ нечистой игрѣ владѣтельный принцъ. — Герцогъ Биронъ и гр. Левенвольде на «зеленомъ полѣ». — Придворные карточные вечера. — Проигрыши Анны Іоанновны. — Игра въ банкъ шута Педрилло за счетъ императрицы. — Макиавеллистическое противорѣчіе. — Законъ 1733 г. о запрещеніи играть на деньги. — Изъ наблюденій современнаго сатирика.

Итакъ, въ петровскіе дни, на официальныхъ и частныхъ увеселительныхъ всякаго рода собраніяхъ, подолгу засиживались за пиршественными столами, очень много пили и шумѣли, много плясали, часто тѣпились затѣйливыми иллюминаціями и фейерверками, но карточной игрой въ этихъ случаяхъ рѣдко кто забавлялся, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи царя. Объяснить это слѣдуетъ именно тѣмъ, что самъ Петръ не былъ охотникомъ до картъ. Вліяніе же царя на всѣхъ окружающихъ и на тогдашнее общество было такъ огромно и неотразимо, что примѣръ его въ этомъ отно-

¹⁾ Е. А. Ганнибалъ, С. И. Оpatовича. «Р. Ст.», XVIII, 71.

шеніи признавался обязательнымъ и находилъ множество подражателей, хотя бы и не всегда искреннихъ. Примѣръ, къ тому-жъ, встрѣчалъ поддержку и въ доброй старозавѣтной морали, не совѣмъ еще въ тѣ дни распатанной даже въ людяхъ новаго направленія. Извѣстный Посопковъ, въ своемъ замѣчательномъ «Отеческомъ завѣщательномъ поученіи посланному въ дальнія страны юному сыну», не упустилъ, между прочимъ, «совѣтовать — ни единаго часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти». Другой, не менѣе извѣстный современникъ петровской эпохи, образованный и честный Татищевъ, также въ завѣщаніи сыну, возставая противъ виннаго откупа, мотивируетъ свои доводы, между прочимъ, такъ: «И то еще хочу тебѣ сказать,—обращается онъ къ сыну,—гдѣ вино въ вольной продажѣ есть, тамъ всегда меньше пьяницъ, бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ... а кабакъ не что иное, какъ токмо общее всѣмъ подлымъ людямъ прибѣжище и пристойное знакомство: тамъ одинъ другого всякъ по своему желанію всегда найдетъ; краденое раздѣлитъ и продать, а остальное пропить или въ карты и въ кости проиграть—всеуму удобный случай».

За всѣмъ тѣмъ, разумѣется, картежъ понемножку распространялся въ обществѣ, дѣлался обиходной забавой для многихъ, орудіемъ сильныхъ ощущений—для «широкихъ натуръ» и прибыльнымъ искусствомъ—для профессиональныхъ игроковъ. Что это было такъ,—доказываютъ и приведенныя цитаты моралистовъ, и вышеупомянутый указъ о запрещеніи играть въ карты на деньги. Только по сравненію съ позднѣйшими временами, когда карточная игра стала обычной при дворѣ, обуяла все общество и сдѣлалась какъ бы господствующей стихіей русскаго культурнаго общежитія, петровскіе дни, въ этомъ отношеніи, должны казаться до извѣстной степени безупречными.

Среди выдающихся сотрудниковъ и любимцевъ Петра временами предавались сильной игрѣ, конечно, потихоньку отъ царя, П. И. Ягужинскій, А. И. Румянцевъ, Татищевъ. Горячій и задорный Ягужинскій, часто, къ тому-жъ, находившійся подъ парами, доходилъ въ игрецкомъ азартѣ иногда до крупныхъ ссоръ съ партнерами, о которыхъ узнавалъ весь Петербургъ. Берхгольцъ, въ своемъ дневникѣ, отъ 26-го марта 1723 г., записалъ, какъ новость петербургскаго дня: «говорятъ, Ягужинскій и Татищевъ сильно поссорились у графа Кинскаго за игрою; но они, конечно,—прибавляетъ онъ,—помиряются, потому что хорошо знаютъ другъ друга, да и такая ссора для нихъ вещь вовсе не новая. Однакожъ, графа Кинскаго, не привыкшаго къ такимъ сценамъ, она немало удивила». Минихъ въ своей характеристикѣ А. И. Румянцева, отдавая справедливость его достоинствамъ, ставилъ ему, однако, въ большой порокъ страсть къ азартной карточной игрѣ.

Князь Меншиковъ также любилъ поиграть въ карты, но забавой этой онъ не увлекался, а игралъ, по заведенному порядку, въ опредѣленную часть, для отдыха, какъ это дѣлаютъ важные господа, у которыхъ время дорого, и пользуются они имъ методически. Въ сохранившихся «поденныхъ запискахъ» Меншикова, когда князь, по кончинѣ Петра, достигъ вершины власти, подробно расписаны всѣ его дни и часы. Тамъ говорится, что, обыкновенно, послѣ обѣда и слѣдовавшаго за нимъ сна, каждый день «его свѣтлость изволилъ забавляться въ карты и шахматы». Партнерами являлись чаще всего знатные вельможи.

Уже при Петрѣ II, несмотря на отроческій возрастъ государя, карточная игра входитъ въ репертуаръ обыденныхъ забавъ въ императорскомъ дворцѣ. Она дѣлается въ такой степени необходимой и даже, въ своемъ родѣ, официальной, что безъ нея не могутъ обойтись ни одинъ придворный балъ, ни одно собраніе при дворѣ. Даже во время торжественнаго обрученія царя съ княжной Е. А. Долгоруковой, происходившаго днемъ, когда обрядъ кончился, и начался балъ,—въ дворцовыхъ покояхъ для солидныхъ гостей, предпочитавшихъ танцамъ удовольствіе покозырять, услужливо были разставлены карточные столы. И это занесено въ официальное описаніе торжества.

Хотя императоръ-отрокъ былъ поглощенъ, какъ извѣстно, страстью къ охотѣ, но, повидимому, онъ не былъ равнодушенъ и къ азартнымъ играмъ. Говоря объ его отношеніяхъ къ навязываемымъ ему невѣстамъ (сперва Меншиковой, а потомъ Долгоруковой), польско-саксонскій посланникъ Лефортъ иронически замѣчаетъ, что «царь играетъ въ бириби и предпочитаетъ ее игрѣ въ любовь». Долгоруковы, потворствуя дурнымъ инстинктамъ и прихотямъ Петра, не оставили безъ поощренія и эту въ немъ страстишку. Дюкь-де-Лирія доносилъ, что «царь привыкъ съ Долгоруковыми играть по вечерамъ въ карты». Часто случалось, что игра длилась далеко за полночь. Разъ у самого дюка на пиру, на которомъ присутствовалъ государь, гости заперивались и заигрались до семи часовъ утра, при чемъ выпили слишкомъ шестьсотъ бутылокъ вина, не считая водки и пива.

Карты въ это время сдѣлались настолько общераспространеннымъ занятіемъ въ свѣтскихъ домахъ, что неиграющіе гости составляли рѣдкость, и имъ тамъ нечего было дѣлать. Играли и мужчины и дамы. «У польскаго министра Лефорта,—пишетъ лэди Рондо изъ Москвы въ концѣ 1729 года,—бываютъ каждый вечеръ собранія, собираются все люди хорошаго общества, но, къ крайнему моему огорченію, большая часть ихъ сходится для игры, хотя никого къ ней не принуждаютъ. Такъ какъ я всегда удивляюсь, какимъ образомъ это пустое и въ то же время опасное развлеченіе можетъ привлекать людей разсудительныхъ, то мнѣ и нечего

говорить вамъ, что я остаюсь зрительницей и размышляю о чело-
вѣческихъ слабостяхъ». Какъ на счастливое въ этомъ родѣ исклю-
ченіе, лэди сослалась на княжну Е. А. Долгорукову (будущую не-
вѣсту Петра II), которую встрѣтила однажды на вечерѣ у Лефорта
и которая также не играла: «происходитъ ли это,—наивно замѣ-
чаетъ она,—отъ той же непонятливости (въ игрѣ), какъ и моя,
или оттого, что сердце княжны наполнено нѣжной страстью,—
право, я не умѣю опредѣлить».

То, что дѣлалось, по наблюденію Рондо, на вечерахъ въ домѣ
Лефорта, происходило, конечно, и въ другихъ свѣтскихъ домахъ,
русскихъ и иностранныхъ, гдѣ собиралось «хорошее общество».
Иностранцы не уступали русскимъ представителямъ такого обще-
ства въ страсти къ игрѣ. Даже среди посланниковъ, обязанныхъ
своимъ отвѣтственнымъ положеніемъ къ соблюденію строгой кор-
ректности въ поведеніи и образѣ жизни, попадались отчаянные
картежники, случалось, небезупречные въ карточныхъ расчетахъ.
Такъ, прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ (младшій), по
увѣренію дюка де-Лирія, ведя вообще «очень дурную жизнь, лю-
билъ играть въ карты и проигрывалъ болѣе, чѣмъ могъ заплатить».
Еще болѣе сомнительную репутацію въ этомъ отношеніи заслужилъ
прибывшій еще при Петрѣ Великомъ въ Россію, въ качествѣ пре-
тендента на руку цесаревны Елисаветы Петровны, принцъ Лю-
двигъ Гессенъ-Гомбургскій. Сватовство его не удалось; онъ не
нравился хорошенькой цесаревнѣ, да и не могъ понравиться. Не-
смотря на свое знатное происхождение и владѣтельный титулъ,
принцъ, по словамъ Манштейна, «не имѣлъ ни ума, ни образова-
нія, ни манеръ» и «былъ способенъ на всевозможныя низости».
Поступивъ въ русскую службу, онъ въ нѣсколько лѣтъ, рѣши-
тельно ничѣмъ не отличившись, кромѣ трусости, дослужился иска-
тельствомъ до высокаго чина генераль-фельдмаршала (при Елиса-
ветѣ), но когда его ближе узнали, сталъ посмѣшищемъ при дворѣ
и предметомъ общаго презрѣнія въ арміи. Не послѣднимъ къ тому
поводомъ должно было послужить, надо полагать, неряшество его
въ игрѣ, которую онъ очень любилъ. Принцъ Людвигъ безъ це-
ремоніи плутовалъ въ картахъ, въ чемъ не разъ былъ позорно
уличаемъ ¹⁾.

Изъ другихъ иностранцевъ съ историческими именами, впи-
санными въ русскую исторію первой половины прошлаго столѣтія,
особенно прославились, какъ азартные картежники, знаменитый
Эрнстъ-Иоганнъ Биронъ и его современники, земляки и сподвиж-
ники, братья Левенвольды, особенно старшій (Карлъ-Рейнгольдъ),
бывшій однимъ изъ фаворитовъ Екатерины I.

У герцога Курляндскаго было, какъ извѣстно, двѣ страсти: одна

¹⁾ Memoires du pr. P. Dolgoroukoff, t. I, p. 49.

«весьма благородная», по аттестации Миниха, — къ лошадямъ, другая—къ карточной игрѣ. По словамъ того же Миниха, Биронъ, находясь уже у власти, «не могъ иначе проводить послѣобѣденное время, какъ играя въ карты и при томъ на большіе куши. Ему это доставляло большія выгоды, но весьма часто ставило въ затруднительное положеніе лицъ, избираемыхъ имъ въ свои партнеры». Это и понятно; всеильный временщикъ не любилъ проигрывать. Значить обыгрывать его было опасно, но и въ проигрышѣ не заключалось никакой радости.

Подчиняясь во всемъ вліянію своего любимца и угождая ему, императрица Анна Иоанновна также ежедневно почти, на вечернихъ придворныхъ собраніяхъ, забавлялась карточной игрою, хотя, по видимому, и не питала къ ней пристрастія. Кромѣ картъ, въ большомъ употребленіи при дворѣ были тогда шахматы и билліардная игра. На это указываетъ описаніе тогдашняго Зимняго дворца, въ которомъ находились особыя комнаты—шахматная, украшенная рѣзбой и позолотой, и билліардная, гдѣ былъ поставленъ въ 1741 г., по высочайшему повелѣнію, выписанный изъ Англіи за 258 рублей билліардъ англійскаго мастера Дингласа ¹⁾.

На придворныхъ карточныхъ собраніяхъ бывала извѣстная намъ лэди Рондо и описываетъ ихъ такъ: «У царицы пріемы похожи на частныя собранія запросто; придворный кругъ составляетъ въ какіе нибудь полчаса. Послѣ того, государыня и принцессы садятся играть въ карты; ихъ примѣру слѣдуютъ остальные лица, которыя любятъ игру». Играли чаще всего въ азартныя игры: фараонъ (банкъ) и кинце (quinze). Благодаря участию Бирона и оберъ-гофмаршала, графа К. Р. Левенвольда, игра велась иногда очень большая. Ставки, случалось, доходили до 20.000 рублей, что для того времени составляло огромную сумму. Болѣе всѣхъ увлекался и зарывался Левенвольдъ,—этотъ, своего рода, Алкивиадъ того времени, расточительный бонвиванъ, блестящій куртизанъ и красавецъ, любимый всѣми женщинами и черезъ нихъ составившій себѣ видную карьеру. Въ оправданіе пословицы, въ любви онъ былъ болѣе счастливъ, чѣмъ въ картахъ. По словамъ Манштейна, «игра разорила Левенвольда, такъ какъ нерѣдко онъ проигрывалъ большія суммы въ одинъ вечеръ».

Иногда императрица сама держала банкъ, но—совершенно по царски — безъ желанія кого нибудь обыграть. Напротивъ, Анна Иоанновна метала банкъ съ тайнымъ намѣреніемъ дать выиграть у себя лицамъ, заслужившимъ ея особую благосклонность. Поэтому понтировать ей могли только тѣ изъ игроковъ, кого она сама называла и приглашала. Выигравшіе тотчасъ же получали свой

¹⁾ Внутренній бытъ Русскаго государства, кн. I, 215.

выигрышъ наличностію, съ проигравшихъ же императрица никогда не требовала денегъ.

Сохранилось нѣсколько точныхъ, документальныхъ свѣдѣній о проигрышахъ Анны Іоанновны. Въ книгахъ камеръ-цалмейстерской конторы отъ 1740-го года записанъ слѣдующій именной императорскій указъ гофъ-фурьеру Симонову: «Повелѣваемъ,—сказано въ указѣ, — взнесенныя въ комнату нашу въ разныя числа, для игранія въ банкъ, деньги 2100 рублей, да еще взнесенные, жъ въ комнату нашу 500 рублей, которые отъ насъ отданы италянцу Петриллѣ для игранія жъ въ банкъ, всего двѣ тысячи шестьсотъ рублей записать въ расходъ. Данъ въ С.-Петербургѣ февраля 26 дня 1740 года. Подписано: Анна»¹⁾.

Указъ чрезвычайно любопытный! Оказывается, во-первыхъ, что проигрыши императрицы, въ сущности, не весьма были значительны, особенно по сравненію со ставками, напримѣръ, графа Левенвольде. Во-вторыхъ, очень любопытно упоминаніе о Петриллѣ (или Педриллѣ). Это былъ любимый Анной Іоанновной, исторически извѣстный путь, алчный, скаредный и изобрѣтавшій разные фарсы для личной наживы. Какъ видно изъ цитированнаго указа, Педрилло принималъ дѣятельное участіе въ карточной игрѣ при дворѣ и какими-то способами ухищрялся играть въ банкъ за счетъ императрицы.

Примѣръ двора въ области нравовъ, понятій, образа жизни всегда въ Россіи оказывалъ на общество огромное вліяніе, въ особенности же въ прошломъ столѣтіи. Для молодого, мало еще воспитаннаго въ культурныхъ правилахъ и обычаяхъ общества примѣръ этотъ являлся не только единственнымъ образцомъ, достойнымъ подражанія, но во многихъ случаяхъ и обязательнымъ авторитетомъ. Обязательнымъ потому, что, при существовавшей тогда всеобъемлющей полицейской опекѣ, многое, исходившее въ этомъ отношеніи отъ двора, на самомъ дѣлѣ вводилось въ общество принудительно, законодательнымъ порядкомъ, по силѣ высочайшихъ указовъ.

По той же причинѣ случалось иногда и обратное, ставившее законодателя въ вопіющее и просто комическое противорѣчіе съ самимъ собою. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣръ двора, слишкомъ заразительно дѣйствовавшій на общество, но, съ точки зрѣнія морали и благочинія, не заслуживавшій подражанія, деморализовалъ послѣднее. Тогда законодатель гремѣлъ и грозилъ полицейскими страхами и уголовными карами противъ того самого порока, примѣръ котораго подавался и распространялся дворомъ. Выходило странное и не совѣтмъ благовидное противорѣчіе: то, что невозбранно, на глазахъ верховныхъ представителей закона и

¹⁾ Внутренній бытъ Русск. гос., кн. I, 315.

власти и при ихъ участіи, дѣлалось при дворѣ, строжайше, по именнымъ указамъ, запрещалось дѣлать внѣ двора—всѣмъ вѣрнопоподаннымъ, какъ вреднѣйшій порокъ и «богомерзкое» преступленіе.

Такихъ противорѣчій во вкусѣ Макиавелли въ нашемъ старомъ законодательствѣ прошлаго столѣтія можно найти сколько угодно. На первый случай сошлемся на указъ о карточной игрѣ, изданный въ 1733 г. при Аннѣ Іоанновнѣ. Вызванъ онъ былъ, именно, чрезмѣрнымъ распространеніемъ азартной игры, что во многихъ случаяхъ могло происходить изъ рабскаго подражанія заразительному примѣру двора, гдѣ, какъ мы видѣли, играли тогда напропалую.

Сославшись на извѣстный уже намъ петровскій указъ 1717 г. о воспрещеніи игры на деньги, по случаю войны, законодатель именемъ государыни продолжалъ: «А нынѣ намъ извѣстно учинилось, что не токмо по тому указу такая богомерзкая (sic!) игра не пресѣклась, но многіе компаніями и въ партикулярныхъ домахъ какъ въ карты, такъ въ кости и въ другія игры проигрываютъ деньги и пожитки, людей и деревни свои, отъ чего не только въ крайнее убожество и разореніе приходятъ, но и въ самый тяжкій грѣхъ впадаютъ и души свои въ конечную погибель приводятъ. А наше, по ревности закона Божія, всемилостивѣйшее намѣреніе и соизволеніе въ томъ состоитъ, чтобы такія богомерзкія и вредительныя игры конечно пресѣчены были. Того ради всемилостивѣйше повелѣваемъ во всей нашей Россійской имперіи публиковать въ народъ, чтобъ никто изъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, съѣзжаясь въ партикулярныхъ и вольныхъ домахъ, какъ въ деньги, такъ на пожитки, и на дворы, и на деревни и на людей ни въ какую игру отнюдь не играли; а ежели кто за симъ всемилостивѣйшимъ нашимъ указомъ и запрещеніемъ такія богомерзкія продерзости чинить будетъ, тѣхъ повелѣваемъ жестоко штрафовать»...

За «первое преступленіе» штрафъ состоялъ, согласно указу 1717 г., во «взятіи обрѣтающихся денегъ и прочаго въ игрѣ, изъ чего давать объявителю о томъ треть, а двѣ доли на гошпиталь». За второе оказательство, кромѣ «онаго взятья», «офицеры и прочіе знатные люди» штрафовались мѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, а «подлыхъ повелѣвалось бить батоги нещадно». За третье преступленіе, сверхъ взятья денежнаго, оное наказаніе умножалось вдвое. Кто же, и послѣ троекратнаго воздаянія, изобличился бы въ «богомерзкой игрѣ», тѣхъ законодатель уже не зналъ, какъ строже оштрафовать: изобрѣтательность его истощалась, и онъ предоставлялъ «полиціямъ, губернаторамъ и воеводамъ, а въ арміи главнымъ командирамъ» «поступать съ таковыми жестокае, смотря по важности дѣла».

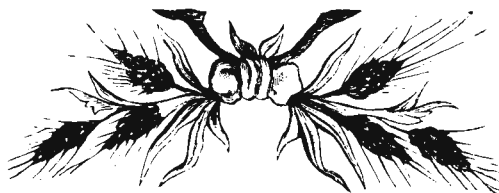
Легко представить себѣ, сколько ябедничества и шантажа, сколько злоупотребленій властью долженъ былъ породить этотъ лицемѣр-

ный и, въ сущности, нелѣпый указъ! Для насъ, впрочемъ, онъ очень любопытенъ, какъ историческое свидѣтельство размѣровъ картежа и его разорительнаго, деморализующаго значенія, какое онъ принялъ въ это время. Сравните этотъ указъ съ указомъ 1717 г.: между ними прошло всего какихъ нибудь шестнадцать лѣтъ, и тогда, какъ въ петровскомъ—коротко сказано о запрещеніи игры на деньги, и то лишь по случаю войны, въ анненскомъ—рядомъ съ преувеличенною расточительностью въ устрашающемъ краснорѣчїи, въ изобрѣтеніи каръ и штрафовъ, изображаются и не менѣе краснорѣчивые факты, несомнѣнно почерпнутые изъ дѣйствительности, именно: серьезные проигрыши «компанїями», въ «партикулярныхъ домахъ» (подъ послѣдними разумѣлись гостиницы и трактиры), не только денегъ и пожитковъ, но и дворовъ (т. е. домовъ), и деревень, и людей (крестьянъ),—настолько серьезные, что проигравшіеся впадали въ «крайнее убожество и разореніе», не говоря уже о «погибели души».

Прогрессъ, значить, произошелъ быстрый и существенный!

В. О. Михневичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О МИХАИЛѢ ПЕТРОВИЧѢ ПОГОДИНѢ ¹⁾.

не осмѣлился бы говорить о Погодинѣ, не только оцѣнять его разнообразнѣйшую ученую и общественную дѣятельность, въ настоящемъ собраніи, среди людей безкорыстно посвятившихъ жизнь свою наукѣ, несомнѣнно, болѣе и лучше меня знакомыхъ съ многочисленными, плодотворными трудами этого прозорливца русской мысли и древней русской и славянской были. Не смѣлъ бы я, повторяю, говорить объ этомъ знаменитомъ, дорогомъ всей Россіи и всему славянству челоѣкъ, если бы меня не побуждала къ тому живѣйшая признательность за его благосклоннѣйшее, снисходительное вниманіе къ моему жизненному дѣлу, страстно и имъ любимому,—работѣ надъ историческою русскою драмою.

Погодинъ, Даль, Вельтманы, Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ... Воспоминанія? О нихъ? Да они живы, стоятъ передо мной поднесъ, то ободряя, то указывая мнѣ каждую ложъ, измѣну простотѣ и мощи нашего слова, иль вѣковѣчной правдѣ старорусскаго міровоззрѣнія.

Впервые мысль работать надъ русскою историческою драмою явилась у меня въ 1859 году, когда я напечаталъ первый разсказъ мой «Ямщикъ», написанный простонародной рѣчью, встрѣченный похва-

---

¹⁾ Воспоминанія печатаются въ томъ самомъ видѣ, какъ читались авторомъ въ торжественномъ засѣданіи общества любителей русской словесности при императорскомъ Московскомъ университетѣ 12 ноября 1900 г., въ годовщину совершившагося столѣтія со дня рожденія М. П. Погодина.

лами знатоковъ языка, и между прочимъ такого художника слова, какъ А. Н. Островскій. (Я не былъ еще знакомъ съ нимъ, но ему отвезъ мой рассказъ, кажется, Якушкинъ).

Я задумалъ попробовать писать сцены изъ временъ княжествъ, или старинной, славной жизни Пскова, Новгорода Великаго. Вѣче, народъ, думалось мнѣ, воскресаютъ, мечутся живьемъ, когда внимаешь говору и гаму деревенской сходки. Князья, старые, отни, сѣдовласые, дружинники, посадники... Да развѣ не похожи на нихъ величавые, убѣленные сѣдиной старцы, какихъ встрѣчаешь то и дѣло въ русскихъ селахъ, деревняхъ, въ средѣ хранителя устава старины, нашего духовенства, стариннаго купечества.

Съ народомъ я знакомъ былъ нѣсколько, шатаюсь съ двустволкою и собакой, иногда цѣлыя недѣли, по полямъ и дебрямъ, ночуя въ деревняхъ, порой съ косцами у стоговъ, у лѣсниковъ или у рыбаковъ на Волгѣ.

Чтобы показать вамъ степень моего знакомства съ стариной русскою, я вынужденъ вернуться нѣсколько назадъ, къ 1850 году. Меня тянуло къ старинѣ съ юности, чуть не съ дѣтства; время отъ времени читалъ я, что попадало подъ руку: Брюина, Котошихина, Сахарова; живыя лекціи К. Д. Кавелина (я былъ юристъ), читавшаго исторію русскаго гражданскаго права, съ приводимыми имъ цѣликомъ мѣстами изъ Русской Правды, Судебника, его вниманіе ко мнѣ, заманили было меня заниматься стариною, но не надолго. Окончивъ курсъ и похоронивъ отца, я поступилъ на службу въ Ригу, къ генералъ-губернатору, которымъ былъ свѣтлѣйшій князь А. А. Суворовъ.

Я пріѣхалъ въ Ригу, спустя два дня послѣ отъѣзда оттуда Ю. О. Самарина, какъ онъ послѣ самъ мнѣ говорилъ; мнѣ довелось охотиться съ ферстеромъ, съ которымъ охотился и Самаринъ. Простой народъ, латыши, бушвехтеры его помнили и очень любили.

Средневѣковый замокъ, на берегу Двины, гдѣ жилъ свѣтлѣйшій, и помѣщалася наша канцелярія, съ башнями и переходами, въ окрестностяхъ развалины старинныхъ, рыцарскихъ гнѣздъ: Трейденъ, Зегевольдъ, Кремонъ, Ронебургъ, Кукеноисъ, бывшее русское княжество, гдѣ чуть не повѣсилъ Іоаннъ Грозный пастора, за то, что онъ въ богословскомъ диспутѣ съ царемъ осмѣлился сравнить апостола Павла съ Лютеромъ. Все это вновь потянуло меня къ прошедшему; у меня родилась мысль написать романъ изъ ливонскихъ войнъ Іоанна Грознаго. Сталъ я читать иностранныхъ писателей о Россіи XVI вѣка, въ бывшей іезуитской, богатой библиотекѣ, въ Domkirche, существующей и понынѣ. Познакомься тамъ же и въ музыкальныхъ кругахъ съ нѣкоторыми учеными остзейцами, между прочими съ профессоромъ Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго, университета, историкомъ Ширномъ, страшнымъ антагонистомъ всего русскаго (въ 70-хъ годахъ М. П. Погодинъ велъ съ нимъ жаркую полемику), я

былъ выбранъ въ члены остзейскаго историческаго общества, въ предсѣдательство знаменитаго Наперскаго, издателя открытаго имъ замѣчательнаго памятника, такъ называемыхъ Мстиславовыхъ грамотъ о сношеніяхъ въ XII вѣкѣ Смоленска съ Ригю. Эти подробности о себѣ, можетъ быть, утомительныя, я привожу для того, чтобы освѣдомить васъ, что я хотя не былъ совсѣмъ новичкомъ въ русской исторіи, но знанія мои были отрывочныя, поверхностныя; я самъ это сознавалъ, и поэтому романъ изъ времени Грознаго, съ первыхъ же главъ, былъ брошенъ въ печку. Черезъ шесть лѣтъ я вернулся изъ Риги въ Москву, чтобы имѣть подъ рукою русскіе источники. Тутъ началъ я работать надъ стариною уже съ бѣльшимъ толкомъ, усердіемъ и постоянствомъ. Можетъ быть, этому помогъ и семейный уголъ, которымъ я вновь обзавелся, женившись въ это время. Начавъ читать грамоты, лѣтописи и заслушиваясь въ то же время живыхъ разсказовъ о народѣ Павла Ивановича Якушкина, товарища моего по студенчеству, залетавшаго ко мнѣ, по временамъ, прямо изъ деревень и селъ, куда ходилъ покойный всю жизнь свою пѣшкомъ за словесною милостыней, пѣсней. Его наблюденія надъ рыбацкими ватагами, съ выборными атаманами и такъ далѣе, были для меня кладомъ, живой натурою для какихъ нибудь новгородскихъ ушкуйниковъ. Картины жизни рыбацкей артели на Чудскомъ озерѣ, сохранившіяся въ его сочиненіяхъ, останутся навсегда драгоцѣнностью для изучающихъ жизнь народную.

Насъ связывала съ Якушкинымъ общая любовь къ народу. Покойный, не тѣмъ будь помянуть, любилъ для краснаго слова и поцриврать, но тотчасъ же чистосердечно признавался въ этомъ, если его приструнивали.

Ему первому я и повѣдалъ о своемъ, можетъ быть, слишкомъ смѣломъ замыслѣ. Но смѣлымъ Богъ владѣетъ. Якушкинъ пришелъ въ восторгъ и, безъ моего вѣдома, передалъ, не утерпѣвъ, объ этомъ Петру Васильевичу Кирѣевскому, меня вовсе не знавшему.

Наконецъ, въ 1860 году, началъ я пробовать писать коротенькія сцены то стихомъ, то прозою; въ прозѣ кое-что удавалось, но стихъ, напаяленный на лѣтописный разсказъ, пословицу, сказанье-былину, напоминалъ французскій узенькій кафтанъ на могучихъ плечахъ запорожца Бульбы.

Якушкинъ, слушая эти мои робкіе опыты, молчалъ, покуривая папиросу, порой похваливалъ сквозь зубы, но зачастую вмѣсто оцѣнки неожиданно перебивалъ: «а что, Марья Ивановна (жена моя) не разсердится, я пойду, попрошу ее приказать подать закупить чего нибудь да водочки?»

Меня бѣсили иногда такіе неожиданные переходы отъ литературы къ житейской прозѣ, обличавшіе явное невниманіе къ моимъ

Михаилъ Петровичъ Погодинъ.
(Съ фотографіи, снятой въ пятидесятихъ годахъ).

опытамъ, но, отнесясь къ нимъ похладнокровнѣе, я сознавалъ потомъ и самъ, что дѣло покуда плохо ладится.

Однажды, утромъ, послѣ продолжительной, чуть ли не всеночной, бесѣды, Якушкинъ вдругъ, какъ осѣненный свыше, вскочилъ со стула и проговорилъ своей частопоговоркою: «знаешь—что? Поѣдемъ къ Погодину».

Имя Погодина (я не засталъ его на университетской кафедрѣ) по рассказамъ, долетавшимъ до меня о его дружбѣ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, знакомствѣ съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и т. д., было для меня, диллетанта по русской исторіи, но меньшей мѣрѣ, тѣмъ, что для какого нибудь любителя собирать красивыя раковины—имя Гумбольдта.

Я думалъ, Павелъ Ивановичъ рехнулся или переложилъ... Безпокоить академика Погодина, ѣхать къ нему мнѣ, тогда смотрителю почтамтскаго училища, съ какимъ-то юношескимъ бредомъ...

— Поѣдемъ сейчасъ,—не отставалъ пріятель мой.

— Какъ сейчасъ?

— Да такъ. Бери вотъ шапку, и поѣдемъ.

Я ему: да какъ же это? Дай хоть фракъ надѣть.

— Къ Погодину-то фракъ! Да онъ тебя прогонитъ, явишься во фракъ. Ѣдемъ!

И мы поѣхали, я—Подколесинимъ, Якушкинъ—Кочкаревымъ. Дорогой, дѣло было зимою, я раза два, не на шутку, собирался соскочить съ саней, но Кочкаревъ-Якушкинъ слѣдилъ за мною зорко, твердя: «пустяки, вздоръ. Ты не знаешь Погодина. Сиди, знай».

Пріѣхали. Лакей, должно быть, новый, не знавшій Якушкина, подозрительно поглядѣлъ на его потертый, дубленый полушубокъ, однако доложилъ, впустивъ насъ въ длинную комнату, уставленную витринами съ столбцами, грамотами, съ висячими печатями, пожелтѣвшими отъ времени письмами; около оконъ стояли бюсты, среди которыхъ я замѣтилъ бюстъ Пушкина. Стѣны увѣшаны были картинами, не важными, но старыми. Спусти двѣ или три минуты, слуга растворилъ дверь въ кабинетъ, и мы очутились предъ Погодинимъ. М. П. сидѣлъ у письменнаго стола и писалъ; не отрываясь отъ работы, онъ лѣвою рукою указалъ намъ на кресла близъ стола, и мы усѣлись. Минуть около десяти длилось молчаніе. Якушкинъ, увидавъ спички на сосѣднемъ столикѣ, безцеремонно закурилъ папиросу. Я сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, поглядывая на множество акварелей-портретовъ на стѣнкѣ, на полки, набитыя книгами.

Наконецъ, М. П. вопросительно повернулся къ намъ, запахнувъ полу бѣличьяго халата. Якушкинъ назвалъ мою фамилію. М. П. переспросилъ и, не дождавшись повторенія, перебилъ, засунувъ руки въ рукава: «что же вамъ угодно?». Я молчалъ, обдумывая,

какъ бы половчѣе объяснить, по меньшей мѣрѣ, странную причину прїѣзда. Якушкинъ вспыхнулъ и, отряхнувъ папирску, началъ своей скороговоркою: «онъ пишетъ историческую драму изъ времени Мономаха».

М. П. перебилъ.

— Погодите... Драму? Какъ вы сказали? Мономаха?

Я растерялся окончательно, проклиная въ душѣ и себя, что согласился ѣхать, и прїятеля съ его медвѣжьей услугою. Павелъ

Михаилъ Петровичъ Погодинъ.
(Съ фотографіи, снятой незадолго до кончины).

Ивановичъ воззрися въ меня чистѣйшимъ тигромъ; блестяшія стекла его очковъ довершали это сходство съ хищнымъ звѣремъ. Онъ, казалось, готовъ былъ разорвать меня.

Оправившись отъ своего смущенія, я, ужъ разсердясь, заговорилъ: «никакой драмы я не пишу, а»...

— Вретъ, пишетъ,—перебилъ Павелъ Ивановичъ.—И есть мѣста великолѣпныя!

Я снова обомлѣлъ, но повторилъ, что «только думаю, а вовсе не пишу... Просто, читаю лѣтописи».

— Ну, и читайте,—отворотясь отъ меня, проговорилъ М. П.—Дѣло хорошее.

Ему, очевидно, стало уже надоѣдать присутствіе людей, ворвавшихся къ нему невѣсть откуда, сами не знаютъ зачѣмъ.

Замѣтя это, я, чтобъ выйти изъ глупаго положенія, кое-какъ объяснилъ свой замыселъ, но оговариваясь поминутно, «что только пробую, хотя увѣренъ, увѣжденъ, что ничего изъ этого не выйдетъ».

М. П., отваливъ къ спинкѣ вольтеровскаго кресла, уставился на меня своими умными, темными, глазами, минуты двѣ, три, помолчалъ и произнесъ: «читайте лѣтопись и объясняйте себѣ каждое слово, каждое; задумывайтесь надъ мельчайшимъ фактомъ, не торопясь объяснять себѣ его причины сразу... Переноситесь въ старину... Мѣряйте прошедшее ея аршиномъ, не своимъ, нынѣшнимъ... А то у насъ сейчасъ!—а! вѣче—это митингъ... Общинное владѣніе земель—коммуна... И валяй. Этого берегитесь. Въ чемъ затруднитесь, пріѣзжайте ко мнѣ... Я помогу вамъ, какъ сумѣю».

Поговоривъ съ Якушкинымъ о какомъ-то сборникѣ съ новыми вариантами нѣкоторыхъ народныхъ пѣсень, М. П. всталъ, и мы простились съ нимъ.

Дорогою попалъ я на Якушкина за Мономаха: «я собираюсь писать князя Александра Тверского, и то еще не знаю, буду ли, а ты вдругъ»...

— Эка важность... Ну, позабылъ... Не все равно? Чего ты струсилъ-то? Не рассказалъ о своихъ этюдахъ? Ты прямо вези все къ нему, что ни напишешь. Онъ только съ виду бука, и сердитъ, а душа у него теплая... Это, братъ, не такой-то, и такой,—говорилъ Павелъ Ивановичъ, перебирая имена тогдашнихъ знаменитостей по русской исторіи.

Плодомъ совѣта М. П. вникать въ смыслъ лѣтописи была изданная мною книжка подъ заглавіемъ: «Наша старина». Текстъ лѣтописи я переводилъ на простонародный языкъ, освѣщая нѣкоторыя мѣста подходящими былинами о князѣ Владимирѣ, Вольгѣ Святославовичѣ, Микулѣ Селяниновичѣ и другими. Не помню отзыва о ней Погодина, но переводъ былъ замѣченъ знатоками языка и попалъ въ хрестоматію покойнаго Ѳ. А. Гилярова.

Спустя два года или три, я написалъ наконецъ драму «Князь Александръ Михайловичъ Тверской». Я взялъ въ герои князя Александра, вмѣсто отца его князя Михаила, потому что послѣдняго, какъ причисленнаго къ лику святыхъ, было немыслимо выводить на сцену. Въ рукописи я прочелъ піесу дома Юрьеву, Полтавцеву... Якушкинъ исчезъ куда-то, какъ всегда исчезалъ на годъ, а иногда и болѣе. Услыхавъ отъ кого-то о моей драмѣ, Яковъ Онисимовичъ Орель-Ошмянцевъ, секретарь Славянскаго общества, предсѣдателемъ котораго былъ тогда Погодинъ, пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ меня: не прочту ли я ее у А. Ѳ. Вельтмана, гдѣ будетъ и Михаилъ Петровичъ. Я согласился послѣ нѣкотораго колебанія.

У Михаила Петровича я не бывалъ послѣ первой поѣздки къ нему и не встрѣчался съ нимъ нигдѣ. Не знаю, помнилъ ли онъ псевдоавтора Якушкинскаго, мистическаго Мономаха.

Чтеніе у Вельтмана состоялось въ 1863 году въ одинъ изъ четверговъ, пріемный вечеръ у Вельтмановъ. Ошмянцовъ представилъ меня хозяевамъ, а ровно въ девять часовъ пріѣхалъ и Михаилъ Петровичъ. Въ числѣ слушателей были, кромѣ другихъ, попечитель московскаго округа Д. А. Левшинъ, Д. Д. Охлестышевъ, В. И. Даль. Погодинъ помѣстился прямо противъ столика, у котораго я сѣлъ съ своею рукописью. Я началъ чтеніе робѣя, но, замѣтивъ одобрительныя кивки Михаила Петровича и Даля, усилилъ голосъ и сталъ читать, какъ дома. Какъ теперь вижу, при разсказѣ дружинника (Стоянова) о убіеніи въ ордѣ князя Михаила Тверскаго, Погодинъ одобрительно переглянулся съ Вельтманомъ. Надо сказать, читая, я поминутно зорко наблюдалъ за Погодинымъ. Первые три дѣйствія, выдержанныя строго языкомъ грамотъ, мѣстами перевитыя бойкою, простонародной рѣчью, пословицей, побайкою, Михаилъ Петровичъ не спускалъ глазъ съ меня. Въ послѣднихъ же двухъ, гдѣ, такъ сказать, я вышелъ изъ кожи простолюдина, не выдержавъ, заговорилъ современнымъ языкомъ, впадая въ тонъ трагедіи, мѣстами чуть не мелодрамы, Погодинъ нагнулся, уставился въ полъ и по временамъ украдкой, но для меня явно, позѣвывалъ. Я растерялся, охолодѣлъ къ пьесѣ и, скороговоркою, пропуская даже иные моно-и діалоги, кое-какъ дочелъ ее.

Въ общемъ чтеніе произвело на довольно многочисленныхъ слушателей недурное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію моему, В. И. Даль, извиняясь, уѣхалъ послѣ третьяго дѣйствія, почувствовавъ сильную головную боль. Михаилъ Петровичъ послѣ чтенія горячо говорилъ что-то, отведя въ сторону Левшина и Вельтмана. Мнѣ страшно хотѣлось узнать, о чемъ онъ ведетъ рѣчь, но подойти было неловко. Подали чай. Но Погодинъ не остался. Уходя, онъ подошелъ ко мнѣ и, пожимая мнѣ руку, произнесъ: «хорошо, батюшка, работайте». Я ожилъ. Слезы брызнули изъ глазъ. Добрѣйшій, незабвенный А. Ѳ. Вельтманъ обнялъ меня, а Елена Ивановна была внѣ себя отъ радости: «Михаилъ Петровичъ похвалилъ вашъ трудъ. Очень, очень ему понравилась ваша хроника».

Прошу простить, что говорю объ этомъ такъ подробно. Но не могу. Это «работайте» такъ подняло меня, поддало мнѣ такого жару, что я чуть не Шекспиромъ ѣхалъ на Басманную, рѣшивъ тотчасъ же писать трилогію: Димитрій Самозванецъ, Шуйскій и 1612 годъ. Лихолѣтье давно манило меня множествомъ красокъ, картинъ, лицъ, бытовыхъ подробностей, сохранившихся въ многочисленныхъ запискахъ русскихъ и иноземныхъ очевидцевъ. Припомните, что я занимался въ Ригѣ въ старой соборной библіотекѣ, и Герберштейнъ, Ювій, Маржеретъ, Масса и другіе были мнѣ давно знакомы. Я даже дѣлалъ въ Ригѣ выписки изъ нихъ для замышляемаго романа.

Въ двѣ или три недѣли, прямо задыхаясь отъ волненія, написалъ я первую часть трилогіи: «Димитрій Самозванецъ».

Въ 1864 году, 24 ноября, въ предсѣдательство Михаила Петровича, я былъ удостоенъ выборомъ въ члены общества россійской словесности и въ томъ же году читалъ «Самозванца» въ одномъ изъ публичныхъ засѣданій общества, по рукописи.

Тогда члены читали не съ кафедръ, а сидя за общимъ длиннымъ столомъ, съ предсѣдателемъ въ концѣ стола. Помню, какъ теперь, слѣва подлѣ меня сидѣлъ Степанъ Алексѣевичъ Масловъ; съ нимъ рядомъ И. Д. Вѣляевъ; послѣдній, облокотясь на столъ, все чтеніе глядѣлъ на меня, чтó меня въ началѣ нѣсколько смущало.

Михаилъ Петровичъ, открывая засѣданіе, сказалъ нѣсколько словъ, о чемъ не помню. Конечно, всѣ изъ старыхъ, уже не многихъ, правда, членовъ, да и изъ новыхъ, нѣкоторые тогда бывшіе, можетъ быть, еще посѣтителями общества, помнятъ, какъ говорилъ публично, съ кафедръ, Погодинъ. Это было продуманное и прочувствованное, вѣщее слово, слово со властію; я не знаю и не знавалъ другого такого мастера говорить передъ обществомъ, публично. Избранная имъ мысль облекалась въ словахъ его въ прозрачѣйшую оболочку, озарялась такъ ярко, что слушатель усваивалъ ее сразу, и годъ, а иногда и во всю жизнь свою, хранилъ невольно въ памяти. Не говорю уже о томъ, какъ мастерски умѣлъ онъ подчеркнуть задорное, нерѣдко не цензурное, но всегда мѣткое, словцо, сопровождая его добродушною улыбкой и умнымъ, погодинскимъ, взглядомъ, кинутымъ вскользь на аудиторію. А какъ окрещивалъ онъ иногда сплеча, по-русски, прозвищемъ лицо, событіе, эпоху. Разъ, говоря о Грозномъ, онъ закончилъ: «вотъ вѣдь какое это было чадушко». Зашла рѣчь, помню, объ одномъ даровитѣйшемъ, живомъ понынѣ, знаменитомъ писателѣ. Михаилъ Петровичъ, вслушиваясь въ возникшій споръ, замѣтилъ: «вотъ вѣдь талантъ, и умъ большой, да нѣту разума». Александра Ѳомича Вельтмана, воспитанника извѣстной школы колонновожатыхъ Муравьева и написавшаго большое сочиненіе съ ландкартами о переселеніи народовъ, Погодинъ прозвалъ «колонновожатымъ русской исторіи». Онъ не щадилъ и себя; однажды, послѣ прочтенія своей, довольно рѣзкой статьи, кажется, о цензурной реформѣ, на вопросъ слушателей, почему онъ ее не напечаталъ, отвѣчалъ, убирая рукопись въ столъ и улыбаясь: «страха ради іудейска». Удивительно кстати вставлялъ онъ, по временамъ, въ разговорѣ, лѣтописное выраженіе, текстъ, пословицу... Такъ, посѣтивъ однажды Оружейную палату, онъ уѣзжая проговорилъ, обращаясь къ намъ, хранителямъ: «царскія утвари златомъ украшены и многоцѣннымъ камнемъ веселятъ очи зрящихъ на ня, паче же сихъ духовная красота». Позднѣе я встрѣтилъ это изреченіе въ житіи Саввы Звенигородскаго. Ходить съ Михаиломъ Петровичемъ по Оружейной палатѣ было прямо на-

слаждене... Прошлое оживало въ его рѣчахъ о старинѣ; оно металось предъ нимъ при созерцаніи каждой старинной вещи.

Я жилъ въ Запасномъ дворцѣ, стало быть, неподалеку отъ Сокольничьяго поля; Михаилъ Петровичъ на Дѣвичьемъ; пеняя какъ-то мнѣ, что я рѣдко бываю у него, на мое оправданіе, что далеко, конько, отвѣчалъ: «что за далеко? Съ поля на поле».

Возвращаюсь къ чтенію моего «Самозванца». Піеса понравилась, судя по благосклоннымъ привѣтамъ, послѣ чтенія высказаннымъ мнѣ многими членами. Незабвенный И. Д. Бѣляевъ, съ свойственною ему безграничною добротою, отнесся ко мнѣ даже съ такимъ памятнымъ мнѣ словомъ: «ну, батюшка, живого вытащили вы изъ могилы князя Семена Бекбулатовича Черкаскаго». Что сказали мнѣ послѣ засѣданія Михаилъ Петровичъ, къ сожалѣнію, не помню. Онъ самъ въ 1835 году напечаталъ драму: «Димитрій Самозванецъ», назвавъ ее: исторія въ лицахъ. Я, разумѣется, читалъ ее, какъ и Хомяковскаго «Лжедимитрія» въ стихахъ.

Кажется, въ этомъ же году, Михаилъ Петровичъ радушно предлагалъ мнѣ поселиться у него; предлагаемое имъ помѣщеніе было для насъ удобно; но, будучи неожиданно приглашенъ на службу въ Оружейную палату и получивъ казенную квартиру, я не могъ воспользоваться этимъ, весьма для меня лестнымъ, его предложеніемъ.

Закончу рѣчь отзывомъ Михаила Петровича о моей народной пѣснѣ въ лицахъ: «Грозный царь Иванъ Васильевичъ». Только что окончивъ ее, я, предварительно списавшись съ Софьей Ивановной (супругой М. П.), поѣхалъ къ нему съ рукописью вечеромъ въ назначенный мнѣ день. Слушателей было трое: Михаилъ Петровичъ, Софья Ивановна и какая-то старушка, какъ мнѣ сказали, родственница ихъ. Часовъ въ восемь усѣлись за чайнымъ столомъ. Михаилъ Петровичъ слушалъ не отрываясь, даже не давалъ мнѣ отдохнуть межъ актами. Въ мѣстахъ, гдѣ появлялся Грозный, Михаилъ Петровичъ закрывалъ рукою глаза, охраняясь ли отъ свѣта лампы, или чтобы лучше вслушаться, не знаю. При выходѣ царицы Анастасіи, со взятымъ прямо изъ пѣсни цѣликомъ возгласомъ ея: «раздвинься, разступись, народъ крещеный, православный» и т. д., Михаила Петровича, я хорошо замѣтилъ, какъ-то передернуло; видимо неприятно поразило его взятое сырьемъ изъ пѣсни въ драму мѣсто. Я хотя и усталъ, но читалъ, не щадя себя, играя, какъ всегда, каждую маленькую роль. По окончаніи чтенія, Михаилъ Петровичъ вскочилъ со стула и запальчиво заговорилъ: «знаете что вы сдѣлали? Вы набрали рубиновъ, изумрудовъ, алмазовъ, жемчугу, да и швырнули... На те вотъ вамъ. Такъ нельзя... Это вѣдь Богъ вѣсть что такое».

Проговоривъ эти слова, онъ вышелъ, не простясь и даже хлопнувъ на прощанье дверью. Софья Ивановна растерялась и краснѣя

начала увѣрять меня, что Михаилъ Петровичъ сегодня не въ духѣ, разстроенъ чѣмъ-то, весь день рветъ и мечетъ. Но я не вѣрилъ ей и уѣхалъ тотчасъ же убитый, уничтоженный. Пьеса моя мнѣ опротивѣла и больше года валялась въ письменномъ столѣ, межъ разнымъ хламомъ.

Эта пѣсня въ лицахъ, спустя не помню сколько лѣтъ, напечатана въ «Бесѣдахъ общества россійской словесности» и по опредѣленію общества, въ предсѣдательство Н. В. Калачова, отправлена въ Прагу, на основаніе Чешскаго народнаго театра. Послѣ чтенія Михаилу Петровичу я въ ней не измѣнилъ ни слова.

Благосклонность и вниманіе ко мнѣ Михаила Петровича не прекратились и послѣ этого строгаго выговора мнѣ. При встрѣчахъ со мною онъ былъ привѣтливъ и внимателенъ попрежнему.

Другую пѣсню въ лицахъ «Свекровь» я читалъ тоже у него, при довольно большомъ обществѣ. Пьеса ему понравилась, но о концѣ съ самоубійствомъ князя Михаила онъ замѣтилъ: «это не по-русски. Русскій старинный не поступитъ такъ, что бы съ нимъ ни содѣялось». Михаилъ Петровичъ былъ совершенно правъ: пѣсня, дѣйствительно, не великорусская, южная... Покойный Кажинскій, капельмейстеръ Александринскаго театра, когда я ставилъ въ Петербургѣ «Свекровь», подарилъ мнѣ текстъ и напѣвъ пѣсни, записанные имъ въ Галиціи. Вѣрное чутье старины не обмануло Михаила Петровича. Да и могло ли оно обмануть его? Онъ страстно любилъ русское прошлое; онъ не только описывалъ и изучалъ старину русскую; онъ жилъ ею и въ ней. И самъ онъ, въ своей поношенной шубѣ, старинной бархатной, четверугольной, съ старымъ мѣхомъ шапкѣ, съ своею неизмѣнною палкой смахивалъ на посадника Великаго Новгорода или Пскова. А его домъ?

Такъ и охватитъ тебя русской стариной родной, когда, бывало, подѣзжаешь къ его дому съ садомъ, съ русскою избой, древнѣхранилищемъ, при видѣ этого простора поля съ синею далью Воробьевыхъ горъ, за узорчнымъ ожерельемъ-оградой Новодевичьяго.

Послѣдній разъ я видѣлъ Михаила Петровича, должно быть, за годъ до его кончины, у А. П. Елагиной утромъ. Были ея именины. Народу было множество, и въ тѣсныхъ комнатахъ сильно пахло ландышами и гіацинтами, разставленными на столахъ и окнахъ. Михаилъ Петровичъ стоялъ въ залѣ у окна, видимо собираясь уѣхать незамѣченнымъ. Я подошелъ къ нему и началъ что-то рассказывать. Онъ внимательно выслушалъ меня и проговорилъ: «представьте, слышу каждое ваше слово, а не могу сообразить, о чемъ вы говорите». Я объяснилъ, что это, вѣроятно, отъ духоты, многолюдства и сильнаго запаха цвѣтовъ. Но онъ, покачавъ головою, отвѣтилъ мнѣ грустно: «Нѣтъ. Пора къ Пушкину».

Кошелевы, князь В. Ѡ. Одоевскій, А. П. Елагина (мать И. и П. Кирѣевскихъ), Н. С. Кохановская - Соханская, Аксаковъ, И. Д.

Бѣляевъ... Но незабвенный кругъ этихъ дорогихъ по многому людей былъ, помнится, какъ-то не полонъ безъ Погодина. Лишь около него, глядѣвшаго человѣкомъ себѣ на умъ, нелюдимымъ, букою, все оживало, сливалось въ одну семью, въ гармонію, и улетали вмгъ всѣ несогласія и диссонансы.

Одно 8-е ноября чего стоило, когда съѣзжалась вся Москва на пирогъ къ маститому, дорогому имениннику! Кого тутъ не было? Савонники, духовныя лица, купцы, славяне, писатели, профессора, студенты, гимназисты, художники, наборщики, аристократы, графы и князья, мѣщане...

Пріемъ, добро пожаловать, хозяевъ былъ для всѣхъ одинаковый, простой, радушный, русскій.

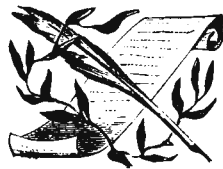
Брагъ тупоумной нетерпимости, онъ не былъ вожакомъ партіи, ни дирижеромъ, а мудрымъ наблюдателемъ, выдавшимъ на долгомъ, славномъ вѣку своемъ людей, начиная съ признаннаго всѣми генія, до забитаго судьбою труженика слова, екклезіастомъ, наглядѣвшимся на суетоку жизни и ежедневную смѣну системъ, теорій, направлений. Не потому ли, съ виду, несмотря на свою огромную ученость, онъ и не похожъ былъ на ученаго, на академика, а на маститаго, средневѣкового maestro, художника, съ своимъ задумчивымъ лицомъ, напоминавшимъ удивительно лицо ваятеля Микель Анджело Буонаротти.

Миръ праху твоему, учитель, не глядѣвшій учителемъ, а старымъ и глубокочтимымъ другомъ, искреннимъ, правдивымъ, вѣрнымъ другомъ.

Живая благодарность тебѣ, и не одна моя, а многихъ, слилась, — сплавилась въ сердцахъ твоей любовью, — навсегда съ неумолкающею на Руси, молитвенной, святою, вѣчной памятью.

Н. Чаевъ.

21 октября 1900 года.
Москва.

ПАМЯТИ А. К. ШЕЛЛЕРА.

I.

ОСЛѢ продолжительной и мучительной болѣзни, скончался, 21-го минувшаго ноября, извѣстный писатель Александръ Константиновичъ Шеллеръ, произведенія котораго пользовались заслуженной извѣстностью среди образованной публики. Подробная оцѣнка его литературной дѣятельности уже была сдѣлана нами въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1896 года, а потому мы не будемъ ее повторять и ограничимся въ настоящей статьѣ сообщеніемъ наиболѣе полныхъ біографическихъ свѣдѣній объ усопшемъ писателѣ и личныхъ о немъ воспоминаній, почерпнутыхъ изъ нашего съ нимъ почти тридцатилѣтняго знакомства.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ родился 30-го іюля 1838 года въ Петербургѣ, и первые годы его жизни описаны имъ самимъ въ романѣ «Гнилыя болота» и въ повѣсти «Загубленная жизнь» (приложеніе къ «Живописному Обзорнію» 1892 года). Подъ фамилію Рудыхъ въ «Гнилыхъ болотахъ» выведена его собственная семья, разумѣется, въ общихъ чертахъ.

Отецъ нашего писателя, Константинъ Андреевичъ, былъ родомъ эстонецъ и, по пріѣздѣ въ молодые годы изъ Аренсбурга въ Петербургъ, былъ опредѣленъ въ театральное училище. Окончивъ курсъ, онъ служилъ въ театральномъ оркестрѣ, но, поссорившись съ дирекціею, поступилъ на службу придворнымъ служителемъ.

Въ одномъ изъ некрологовъ А. К. Шеллера сказано, что, несмотря на очень стѣснительныя обстоятельства, А. К. удалось

очень рано познакомиться съ литературою: одинъ изъ его дядей, Александръ Ивановичъ Шеллеръ, былъ профессоромъ въ педагогическомъ институтѣ, переводчикомъ оперъ и первымъ насадителемъ на русской сценѣ мелодрамы; бабка и одна изъ тетокъ А. К. были связаны дружбою съ Рылѣевымъ, Крыловымъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ и др. Вслѣдствіе этого общество, окружавшее А. К. въ дѣтствѣ, состояло преимущественно изъ людей интеллигентныхъ. Друзьями его отца были артисты Дюръ, Брянскій, Смирновъ, художникъ Молдавскій и др.

Этотъ отзывъ о раннемъ дѣтствѣ и юности А. К. требуетъ комментаріевъ. Изъ него можно подуматъ, что А. К. былъ съ раннихъ лѣтъ окруженъ чуть ли не избраннымъ обществомъ столицы, а между тѣмъ въ автобіографическомъ романѣ «Гнилыя болота» самъ А. К. говоритъ о себѣ слѣдующее:

«Въ нашей квартирѣ въ теченіе недѣли визжала отцовская шила, свистѣли рубанки, стучалъ молотокъ, раздавался веселый голосъ моей матери, и часто звучали разговоры нѣсколькихъ дѣвушекъ, занятыхъ шитьемъ женскихъ нарядовъ, слышалось броженіе трудовой, честной и здоровой жизни. Отецъ и мать затворились въ своей квартирѣ и вели одинокую жизнь среди шумной столицы; отецъ служилъ, столярничалъ и отдыхалъ отъ трудовъ за чтеніемъ переводовъ англійскихъ романовъ, матушка шила по заказу платья». Вліяніе отца и матери было благотворное на подростка сына, но бабушка изъ обѣднѣлаго аристократическаго рода Адамовичей постоянно парализовала это вліяніе тѣмъ, что, по признанію автора, «баюкала меня волшебными сказками, а пуще рассказами о безпутномъ, великомъ, блестящемъ Екатерининскомъ вѣкѣ; описывала балы, маскарады, убранство барскихъ дворцовъ и садовъ,—и пестрою толпою неслись передо мною роскошныя и румяныя маски нашей старой знати. Какія-то полновѣсныя фигуры съ гордой осанкой и чопорной выступкой видѣлись мнѣ, и удивлялся я, что онѣ могли такъ ловко и низко гнуться и шаркать ногами, какъ говорила бабушка. Какъ сказка изъ тысячи одной ночи, восхищали меня эти рассказы, переданные съ увлеченіемъ, съ паѳосомъ моею Шехеразадою. Когда я наивно спрашивалъ: «А у меня, бабуся, будутъ такія комнаты, такіе наряды?» — то она съ полною увѣренностью отвѣчала: «Разумѣется, будутъ; вырастешь большой, будешь служить, дослужишься, можетъ быть, до генеральскаго чина, и будешь богатъ». Отецъ исподтишка подсмѣивался и шутя говорилъ мнѣ: «Ну, Саша, покуда ты не генералъ, набей-ка мнѣ трубку». Будущій генералъ исполнялъ роль крѣпостныхъ Ванекъ и Гришекъ».

Бабушка усиливала ложное тщеславіе въ ребенкѣ вѣчными напоминаніями о томъ, что «у насъ Ивановыхъ и въ роду не было. Нарышкины, Нелидовы, фонъ-Братке, Адамовичи, князья Черкас-

скіе, князья Давыдовы—это наши родственники, а мѣщанъ Ивановыхъ у насъ отъ роду не было». (См. «Загубленная жизнь», приложеніе къ «Живописному Обзорѣнію» 1892 года).

Отецъ Александра Константиновича говорилъ тогда бабушкѣ:

— Да, да, вы-то родня и самому Петру Великому... А я вотъ надняхъ на запяткахъ стоялъ за каретою одного изъ какихъ-то вашихъ родственникововъ. Вы знаете, что ваши родные не наши родные...

«Я не понималъ причинъ этой то глухой, то открытой борьбы бабушки и отца,—говорить А. К.,—и ростъ между огней. Бабка плѣняла меня рассказами о блескѣ и роскоши Екатерининскихъ временъ; отецъ старался при мнѣ указывать, какими скверными путями добывается иногда богатство; бабка учила меня кичиться тѣмъ, что мы якобы родня Петру, отецъ училъ гордиться тѣмъ, что мы дѣти простого трудового народа. И затѣмъ предо мною проходилъ цѣлый рядъ образовъ «нашей родни», «шеллеровской родни», какъ говорилъ отецъ.

«Лучшей темы разговора для бабушки не было, кромѣ разговора обо мнѣ, единственномъ ся родномъ внукѣ, кумирѣ. Она находила во мнѣ всѣ достоинства, и когда ей замѣчали, что мой покойный братъ Левъ, съ котораго Константинъ Ивановичъ Молдавскій напѣсаль портретъ младенца Христа, находящійся въ придѣлѣ Исаакіевскаго собора, былъ бы, вѣроятно, впоследствии красавцемъ, бабка всегда пренебрежительно заключала:

— «Ну, что бы вышло изъ него, это еще Богъ вѣсть, а каковъ Шурушка, это мы всѣ видимъ».

При всемъ баловствѣ бабушкой, дѣтство А. К. Шеллера было тяжелымъ. Въ разговорѣ о немъ Шеллеръ неоднократно рассказывалъ мнѣ слѣдующее:

«Бѣдность была такая, что всѣ мои братья вымерли и не вынесли условій жизни. Родные мои были крѣпышами. Отецъ силачъ, мать здоровая... Однако, дѣти всѣ умирали, одинъ я уцѣлѣлъ. Съ самаго дѣтства мнѣ были знакомы и нужда и горе. Помню до сихъ поръ, какъ въ нижнемъ этажѣ нашей квартиры поставили гробикъ для брата, а я ранѣе уже привыкъ къ тому, что какъ унесутъ этотъ гробикъ, такъ когонибудь изъ семьи нашей не хватаетъ... Поставили гробъ и говорятъ мнѣ, чтобы я не плакалъ.

— «Это люлька для братца твоего...

— «Я не хочу такой люльки себѣ,—кричалъ я въ ужасѣ.—Не хочу такой люльки!

«Всѣ мои братья и сестры пропадали въ такихъ «люлькахъ»; одинъ я выжилъ тяжелыя условія нашей домашней жизни.

«Иногда бабушка таскала меня къ дальнимъ, но богатымъ родственникамъ въ гости, и тамъ какойнибудь пажикъ спрашивалъ:

— «Гдѣ служить твой отецъ?»

— «При дворѣ,—отвѣчалъ я и уже начиналъ краснѣть.

— «А какой у него чинъ?»—продолжалъ допросчикъ.

«Я готовъ былъ заплакать и никакъ не рѣшался сказать правду; я уже стыдился званія своего отца и глупо глалъ, отвѣчая:

— «Не знаю».

Долго Александръ Константиновичъ находился подъ вліяніемъ родственниковъ по материнской линіи, но, наконецъ, наступилъ и въ немъ переломъ, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее:

«Мечты о томъ, что я самъ по себѣ, безъ заслугъ и дѣлъ, что нибудь значу, что счастье жизни состоитъ въ важномъ чинѣ, въ барскихъ замашкахъ и въ богатствѣ, мечты, привитыя мнѣ бабушкою, школою, контрастомъ богатой обстановки другихъ домовъ съ бѣдною обстановкою моей жизни, — теряютъ для меня всякое отградное значеніе, дѣлаются мнѣ отвратительны».

II.

Если и наступило для Шеллера время критическаго отношенія къ своему аристократизму по материнской линіи, то все-таки двойное воспитаніе съ дѣтства бабушкою-аристократкою и отцомъ-демократомъ бессознательно прорывалось въ сужденіяхъ и поступкахъ нашего писателя. Примириться съ демократическимъ происхожденіемъ онъ могъ только въ нравственномъ аристократизмѣ своихъ родителей и потому говорилъ о нихъ всегда, какъ о самыхъ идеальныхъ и выдающихся людяхъ.

Однажды, по его рассказамъ, кто-то изъ видныхъ лицъ при администраціи двора сказалъ его отцу, что очень много выходитъ денегъ на посуду, и въ заключеніе прибавилъ: «Я въ жизни своей никогда не разбилъ ни одного стакана».

— Неудивительно, что вы не били посуды,—перебилъ отецъ.— Вы никогда и не мыли ее за собой.

Въ другой разъ то же лицо, любуясь фонтанами въ Петергофѣ, замѣтило: «А вѣдь Самсонъ-то сталъ хуже выбрасывать воду. Прежде онъ билъ струю выше деревьевъ, а теперь ниже»...

— Неудивительно,—сухо поправилъ отецъ:—деревья растутъ, а Самсонъ не растетъ.

Случилось, что у одного придворнаго генерала проворовался сынъ, и этотъ генералъ, встрѣтивъ Константина Андреевича, спросилъ смѣясь: «А вашъ сынъ-то въ литературу пустился?.. Чуть-чуть что не Шиллеръ».

Старикъ нахмурился и промолчалъ.

— Да вы, кажется, обидѣлись? Я вѣдь пошутилъ...

— Да, я обидѣлся,—отвѣтилъ отецъ:—именно тѣмъ, что не могу въ свою очередь пошутить и спросить васъ, куда вашъ сынъ пустился...

По рассказамъ Александра Константиновича, его отецъ былъ дѣйствительно выдающимся человѣкомъ, умѣвшимъ во всякомъ званіи сохранить свое достоинство и даже оригинальность привычекъ.

«Онъ былъ человѣкомъ правой, а не лѣвой руки, — говорилъ про него сынъ.— Довольно тяжело всю жизнь держаться своей правой стороны... При встрѣчѣ съ людьми на улицѣ—стоять, кто бы ни шелъ, не двигаясь съ мѣста, и говорить: я иду своей правой стороной, совѣтую и вамъ то же дѣлать... Тогда никогда не будетъ неприятныхъ столкновений.

Разумѣется, это приносило Константину Андреевичу массу неприятностей, но послѣдній никогда не сворачивалъ съ дороги ни передъ кѣмъ.

Александръ Константиновичъ часто рассказывалъ мнѣ не только о сильномъ характерѣ и умѣ своего отца, но и объ удивительно добромъ его сердцѣ.

«У насъ были украдены,—говорилъ онъ,—старинныя, красной мѣди, кастрюли, которыми особенно дорожила мать...

— «Это память,—воскликнула она.—Въ этихъ кастрюляхъ готовили себѣ обѣдъ еще мои родители.

— «Прекрасныя были кастрюли,—философски согласился отецъ, нисколько не возмущаясь.

— «Ничего прекраснаго въ нихъ не было,—продолжала она,—измятыя были кастрюли и претяжелыя... А онъ дороги по воспоминаніямъ.

— «Я понимаю! Понимаю... Ну, сказала разъ и довольно плакаться. И безъ кастрюль можно жить!

«Философія не помогала, и мать сердито отвѣтила:

— «Тебѣ, батюшка, хоть весь домъ растащи—все равно...

«На другой день отецъ возвращался со мной изъ гостей домой и повстрѣчалъ на дворѣ маленькихъ дѣтей сапожника. Онъ приласкалъ, ихъ и одинъ изъ нихъ похвастался:

— «А мы мясо ѣли сегодня!

— «Почему такъ? Что за праздникъ?—удивленно спросилъ отецъ, зная бѣдность ихъ многочисленной семьи.

— «Батка продалъ кастрюли и купилъ мясо,—болтали дѣти.

— «Красныя кастрюли, съ помятыми боками?—спросилъ отецъ и тотчасъ же сконфузился отъ своего вопроса.

— «Красныя!—словоохотливо болтали малютки.

«Отецъ съ испугомъ взглянулъ на меня и вдругъ рѣзко сказалъ:

— «Молчи! Матери не рассказывай... Не огорчай ея. Это наши кастрюли. Дѣтей жаль... По цѣлымъ годамъ мясо не ѣдятъ, а у насъ собакамъ каждый день оно варится въ овсянкѣ. Не рассказывай никому... Не обижай бѣдныхъ людей!

«Голосъ отца былъ серьезень и строгъ».

Въ другой разъ его отецъ подалъ милостыню какому-то нищему, и тотъ прямо пошелъ въ кабакъ.

— Зачѣмъ ты далъ ему денегъ?—сказалъ мальчикъ.—Онъ пить водку пошелъ.

Это замѣчаніе вызвало въ Константинѣ Андреевичѣ гнѣвное восклицаніе.

— Можетъ быть, ему водка нужнѣе хлѣба! Почемъ ты знаешь? Ты еще ничѣмъ не заслужилъ судить несчастныхъ людей!

Этому спартанцу и философу А. К. обязанъ лучшими сторонами своего характера и лучшими взглядами на жизнь, которые онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ. Что касается матери, то она была тоже весьма хорошей женщиной. «Нравственная чистоплотность и брезгливость были основными чертами ея характера. Дурные люди были бы для нея мертвыми людьми, о которыхъ нечего было говорить, не имѣя возможности говорить о нихъ хорошее». Въ нравственномъ аристократизмѣ отца и матери А. К. нашель успокоеніе по вопросу о своемъ происхожденіи и посвятилъ имъ гордое стихотвореніе подъ заглавіемъ:

Мой родъ.

Въ моей семьѣ не сохранились
Остатки грамотъ и гербовъ,
Однимъ сознаваемъ мы гордились,
Что не имѣли мы рабовъ,
Что въ нашихъ предѣлахъ также бились
Сердца простыхъ мужиковъ.

* * *

Отецъ мой вышелъ изъ народа...
Дитя тѣхъ жалкихъ, скудныхъ мѣстъ,
Гдѣ смотреть мачихой природа,
Гдѣ бѣдники тяжелый крестъ
Несутъ смиренно въ родъ изъ рода,—
Онъ былъ простой крестьянинъ—эсть.

* * *

Съ пеленъ оставшись сиротою,
Не научившись спину гнуть,
Онъ съ неуклонной прямоюю,
Въ трудѣ надсаживая грудь,
Одинъ боролся съ ницетою
И самъ расчистилъ къ жизни путь.

* * *

Онъ не готовилъ мнѣ наслѣдства,
Но неподкупенъ, твердъ и смѣлъ,
Онъ далъ къ работѣ все мнѣ средства
И закалить мой духъ сумѣлъ,—
Такъ закалить, что въ годы дѣтства
Я предъ нуждою не робѣлъ.

* * *

Прошли года — онъ спитъ въ могилѣ.
 Меня могила тоже ждетъ,
 Но честь свою мы сохранили
 Среди лишеній и невзгодъ
 И малодушно не покрыли
 Позоромъ свой крестьянскій родъ.

III.

Трагизмъ двойного воспитанія Шеллера аристократами-родственниками и демократомъ отцомъ описанъ имъ самимъ въ романѣ «Гнилыя болота». Шеллеръ, дѣйствительно, являлся иногда то невыносимымъ аристократомъ, съ требованіемъ первенства, необыкновенной обидчивостью и ѣдкимъ сарказмомъ, то яркимъ демагогомъ, защитникомъ «Пролетаріата», «Анабаптистовъ» и нашихъ собственныхъ Благолѣповыхъ съ яркимъ обвиненіемъ зарождающейся у насъ буржуазіи (ром. «Голь»). Близкихъ друзей Шеллера всегда поражала въ немъ эта двойственность; но корень ея лежитъ въ его раннемъ воспитаніи и національности. Если вспомнить въ дополненіе къ сказанному, что онъ провелъ дѣтство и юность также въ значительной мѣрѣ среди кофейницъ и салоппницъ въ комнатѣ матери, при отсутствіи природы и товарищей дѣтскихъ игръ, то сложный характеръ Шеллера найдетъ себѣ надлежащее объясненіе. Книги и литературная среда содѣйствовали развитію его большихъ умственныхъ способностей, но вполне перевоспитать сильный характеръ Шеллера, т. е. прочно сложившіяся привычки, онъ не могли... Слѣдуетъ также вспомнить, что поклоненіе публики писателю также мѣшаетъ его самокритикѣ. Этими условіями разъясняются многія странности въ Шеллерѣ и примиряютъ насъ съ его отрицательными сторонами. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы перейдемъ теперь къ положительнымъ сторонамъ его большого ума, блестящей діалектикѣ, остроумнымъ бесѣдамъ, необыкновенному трудолюбію, солидной образованности и общественнымъ заслугамъ его литературнаго пера. Кто зналъ эту «лучшую его часть», тотъ мирился съ его недостатками, избѣгалъ въ его присутствіи множества раздражающихъ его темъ, щадилъ его привычки и, возвышаясь настроеніемъ въ духовномъ съ нимъ общеніи, любилъ этого богато одареннаго челоуѣка, всецѣло занятаго въ спокойномъ состояніи духа судьбами исторіи, литературы и искусства. Даже лица, мало симпатизировавшія ему, бывали подавлены и покорены его положительными достоинствами. У меня сохранилось письмо Н. С. Лѣскова о Шеллерѣ, которое прекрасно иллюстрируетъ мою собственную въ данномъ случаѣ мысль объ усопшемъ писателѣ. Лѣсковъ писалъ мнѣ:

«Обратите, пожалуйста, Анатолій Ивановичъ, ваше вниманіе на «Конецъ Бирюковской дачи» и скажите по совѣсти: много ли вы

встрѣчали и встрѣтите въ русской печати такого внимательнаго, умнаго и прямо внушительнаго отношенія къ бытовому горю разореннаго русскаго деревенскаго дворянства. Всѣ мы кое-что знаемъ и всѣ болтаемъ это, а такого умнаго и простаго дѣла не говорили. И вотъ этотъ Шеллеръ нашелъ настоящее умное отношеніе къ дѣлу, и это отличаетъ этого человѣка отъ всѣхъ прочихъ говорунъ и невѣгласовъ, и заставляетъ относиться къ нему съ уваженіемъ и съ любовью. Каковы бы ни были свойства его личнаго характера, это—его дѣло, а для проясненія общественнаго сознанія онъ служить превосходно, обнаруживая здравыя понятія и любовь къ тому, что оскорблено и унижено. Не хорошо играть на пониженіе репутаціи человѣка, который съ такимъ мастерствомъ ведетъ полезную работу въ нынѣшнее преглутое и преподлое время. Всѣхъ, которые занимаются тѣмъ же дѣломъ, какъ и онъ, я съ радостію отдалъ бы за него одного. А подумаемъ лучше вотъ о чемъ: отчего это мы всѣ вѣдь знали то же самое, что и ему извѣстно, а вотъ мы начнемъ говорить и затянемъ «антимонію» чортъ знаетъ про какія не насущныя явленія, а онъ что ни долбанетъ, то прямо въ жилу, и сейчасъ оттуда руда мечется наружу, и хочется плакать, и хочется помогать, и становится стыдно и гадко о себѣ думать? Это и есть несомнѣнный признакъ присутствія ума, чувства и таланта и при томъ въ превосходномъ ихъ, гармоническомъ сочетаніи. И если кто этого въ немъ не видитъ и не чувствуетъ, то я буду думать, что я Шеллера знаю болѣе, чѣмъ другой его знаетъ, хотя лично я съ Шеллеромъ и мало знакомъ, и мнѣ это не нужно: я знаю «лучшую его часть».

Это письмо Лѣскова въ особенности цѣнно тѣмъ, что онъ отлично зналъ неровный характеръ Шеллера, но также зналъ и «лучшую его часть», и преимущественно цѣнили ее въ нашемъ писателѣ.

«Лучшая часть» въ Шеллерѣ была въ его литературной дѣятельности и большомъ съ нею связанномъ характерѣ. Этотъ большой характеръ сказался у него и въ первыхъ шагахъ его литературной дѣятельности, и въ послѣдующей жизни. Получивъ первоначальное образованіе въ нѣмецкой школѣ (Annen-Schule), онъ поступилъ потомъ вольнослушателемъ въ С.-Петербургскій университетъ и оставался тамъ до первой студенческой исторіи 1861 г. Дальнѣйшее образованіе его заключалось въ самостоятельномъ изученіи иностранной литературы о социальныхъ вопросахъ—этого общаго источника нашихъ познаній о прогрессѣ.

По выходѣ изъ университета, онъ увлекся педагогіей и основалъ (на имя полковника Костылева, на Вознесенскомъ, около Садовой) школу для бѣдныхъ людей, въ которой дѣти получали первоначальное образованіе за 30—60 коп. въ мѣсяцъ, а по субботамъ шли для взрослыхъ лекціи по географіи, исторіи, и предпри-

нимались прогулки съ дѣтьми по музеямъ и т. д. Учениковъ собралось до 100 человекъ, но школа существовала всего до конца 1863 года, когда пришлось противъ желанія повысить плату за обученіе и измѣнить характеръ школы. По закрытіи ея, А. К. Шеллеръ поѣхалъ за границу, подготавливая матеріалъ для книги: «Пролетаріатъ во Франціи» и «Ассоціаціи». Къ этому времени относится и начало его литературной карьеры.

Принято думать, что Шеллеръ выступилъ на литературное поприще въ 1863 г., и самъ онъ справлялъ свой двадцатипятилѣтній юбилей 10 октября 1888 года. Но этотъ годъ не совсѣмъ точно опредѣляетъ начало его писательской дѣятельности. Въ иллюстрированномъ журналѣ А. Плюшара «Весельчакъ» за 1859 г. имѣются статьи Шеллера подъ заглавіемъ: «Мои бесѣды», подписанныя А. Релешъ. Читая подпись наоборотъ, получимъ собственную фамилію писателя. Въ этихъ полусатирическихъ фельетонахъ чрезвычайно остроумно Шеллеръ писалъ обо всемъ: о происхожденіи тогдашняго литературнаго наводненія безсодержательными произведеніями; объ особенной любви пишущей братіи къ скандальнымъ сюжетамъ и воспроизведенію живыхъ людей изъ личной мести... «Какъ разсердятся писатели на когонибудь, сейчасъ про того и напишутъ повѣсть, только прикрасятъ немного или, лучше сказать, причернятъ. Люди, того не знающіе, говорятъ: «вотъ знатокъ жизни», а того не знаютъ, что онъ своего папеньку да свою маменьку на показъ вывелъ, будто звѣрей какихъ за деньги выставилъ. Нынче, изволите видѣть, денежная взятка дѣло опасное; какъ разъ отхлепчутъ въ журналахъ; а литературная месть какогонибудь мерзавца дѣло обыкновенное... Говорятъ: писателю нужны сюжеты! Такіе забавники! во всемъ найдутъ оправданіе». Не менѣе остроумны «бесѣды» А. Релеша о паденіи искусства въ томъ случаѣ, «когда начинаютъ хвалить поэтовъ за музыкальность», и объ упадкѣ критики, «когда ругаютъ авторѣвъ и молчатъ про произведенія»; горько упрекаетъ онъ своихъ собратьевъ за неумѣнье «смѣяться» и за распространенное глумленье надъ неудачами ближнихъ или надъ чиновниками, берущими взятки при двѣнадцати-рублевомъ жалованіи... «А дальше ни шагу; будто только изъ этихъ двухъ элементовъ и сложилась русская жизнь... укажите дорогу громкому и разумному смѣху надъ собой, надъ вами, надъ нами, но не надъ наружной стороной, а надъ внутренней, гораздо важнѣйшей». Эти краткія извлеченія изъ первоначальнаго труда г. Шеллера, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ, что онъ вполне находился въ курсѣ животрепещущихъ вопросовъ и былъ совершенно подготовленъ къ ихъ разрѣшенію. Однако онъ говорилъ мнѣ неоднократно:

— «Плюшаръ платилъ мнѣ за «бесѣды» сто рублей въ мѣсяцъ, и, конечно, я легко могъ бы начать свою дѣятельность съ 1859 года въ качествѣ фельетониста, но это-то меня именно и пугало... Мой

отецъ также предостерегалъ меня отъ фельетонной работы, говоря, что «по мелочамъ не составишь себѣ имени». Я также и самъ видѣлъ массу даровитыхъ людей, растерявшихъ на фельетонахъ всѣ свои образы и идеи, и сдѣлавшихся совершенно негодными къ крупному труду. Но сознавая, что я могу быть недурнымъ фельетонистомъ, я въ то же время чувствовалъ, что «до романа я не доросъ»... Мы съ отцомъ и матерью тогда очень нуждались въ деньгахъ, но у меня хватило мужества добровольно прекратить сотрудничество у Плюшара и не братья за перо до тѣхъ поръ, пока я не созрѣю до романа. Я рѣшилъ не появляться въ литературѣ, пока не напишу двухъ хорошихъ романовъ, и только тогда позволить себѣ явиться къ Некрасову и Щедрину».

Обстоятельство это въ жизни писателя, скажемъ мы, весьма поучительно. Если бы ему слѣдовало большинство нашихъ писателей, то многіе изъ нихъ давно вышли бы изъ числа такъ называемыхъ все еще «молодыхъ» литераторовъ и были бы менѣе озлоблены на ту же самую литературу.

О своемъ дебютѣ въ литературѣ Александръ Константиновичъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее:

— «Я не хотѣлъ выступать на литературное поприще, не написавъ предварительно двухъ большихъ романовъ. Между тѣмъ, я иногда прочитывалъ своимъ друзьямъ нѣкоторыя свои стихотворенія и главы изъ романа «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова». Чтеніе стиховъ нравилось присутствующимъ, но самъ я не рѣшался нести ихъ на судъ какой либо редакціи. Тогда-то одинъ изъ самыхъ близкихъ ко мнѣ друзей, нѣкто А. Михайловъ, взялъ нѣсколько стихотвореній и, безъ моего вѣдома, отослалъ ихъ въ «Современникъ», подписавшись подъ ними собственной фамиліей. Долгое время я не зналъ объ этой дружеской услугѣ, но, разумѣется, былъ радъ, увидѣвъ свою музу въ печати. Въ это время романы «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова» уже близились къ концу, и первая часть «Гнилыхъ болотъ» была совершенно приготовлена къ печати. Я пошелъ съ нею въ редакцію «Современникъ», гдѣ меня встрѣтилъ довольно грубо секретарь редакціи А. Ф. Головачевъ женившийся потомъ на Авд. Яковл. Панаевой. Послѣ, узнавъ хорошо этого человѣка, я могъ убѣдиться, что это человѣкъ не злой, обыкновенно деликатный, хотя и безхарактерный.

— «Что же вы несете въ редакцію первую часть романа?—рѣзко спросилъ онъ.—Кто же будетъ читать неоконченную вещь!

— «Да вѣдь дурака видно по первой фразѣ,—спокойно перебилъ я его.—А я вамъ даю половину романа съ совершенно законченнымъ сюжетомъ.

— «Я передамъ на просмотръ, но едва ли рукопись безъ конца можетъ быть принята.

«Это было, положимъ, въ пятницу, а въ понедѣльникъ я уже

снова явился въ редакцію, узнавъ, что мои стихи напечатаны въ «Современникѣ». Головачевъ, вѣроятно, думалъ, что я пришелъ говорить о романѣ, и уже крикомъ встрѣтилъ меня:

— «Ваша рукопись передана, и въ свое время вы узнаете отвѣтъ. Чего вы шляетесь и надобдаете преждевременными справками... Не вы одинъ у насъ».

— «Да я шляюсь къ Некрасову, а не къ его лакею. Мнѣ нужно самого Некрасова и получить гонораръ за стихи...»

— «Какіе стихи?»

— «Стихи А. Михайлова...»

— «Такъ вы бы такъ съ самаго начала и сказали, что вы Михайловъ. Я сейчасъ скажу о васъ Некрасову,—вдругъ мягко произнесъ онъ».

Некрасовъ вышелъ къ Шеллеру со словами:

— Бабушка! да что же вы до сихъ поръ не приходили? Мы черезъ публикацію на обложкѣ «Современника» приглашали васъ до напечатанія стиховъ явиться въ редакцію или сообщить свой адресъ, а вы появились и пропали...

— «Да я и не появлялся... Это мой пріятель послалъ мои стихи подъ псевдонимомъ А. Михайловъ, и я самъ вчера объ этомъ узналъ изъ книжки «Современника». Теперь я принесъ вамъ романъ подъ тѣмъ же псевдонимомъ».

— «Романъ? Такъ вы и романы пишете? Вотъ отлично. Гдѣ?»

— «Секретарь говоритъ, что передалъ вамъ».

— «Никакого романа отъ А. Михайлова мнѣ не передавали. Такъ и есть,—сказалъ онъ, принимая отъ Головачева рукопись.—Подъ зеленое сукно положили, и лежалъ бы онъ тамъ непрочтеннымъ и возвращеннымъ вамъ такимъ же. Все самому надо въ редакціи дѣлать, а не черезъ другихъ».

Черезъ два дня Шеллеръ получилъ отъ А. Головачева слѣдующую записку:

«Милостивый государь

«Александръ Константиновичъ.

«Некрасовъ просилъ меня извѣстить васъ, что онъ будетъ дома завтра, въ четвергъ, въ 12 часовъ утра, и если вамъ удобенъ этотъ часъ, то онъ ждетъ васъ».

«Готовый къ услугамъ вашимъ

«А. Головачевъ».

28 октября.

«Гнилыя болота» были приняты въ «Современникъ» подъ тѣмъ же псевдонимомъ, подъ которымъ авторъ и ранѣе напечаталъ свои стихотворенія.

IV.

Одновременно съ «Гнилыми болотами», печатавшимися въ «Современникѣ» за 1864 годъ, былъ принятъ редакціей того же журнала и другой романъ Шеллера «Жизнь Шупова», печатавшійся въ 1865 году. Оба романа создали автору сразу громкое имя. По прекращеніи «Современника», А. К. приглашенъ былъ редакторомъ по иностранному отдѣлу въ «Русское Слово», а по закрытіи этого журнала принялъ общую редакцію «Дѣла», гдѣ появлялись и его романы («Господа Обносковы», «Засоренныя дороги», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ» и т. д.) и научныя статьи («Основы народнаго образованія въ Европѣ и Америкѣ» и др.). А за отсутствіемъ Н. В. Шелгунова онъ велъ въ теченіе трехъ лѣтъ внутреннее обозрѣніе въ томъ же журналѣ. Одновременно онъ принималъ участіе и соредакторство въ «Недѣлѣ» при Генкелѣ и Конради, а съ 1877 г. состоялъ редакторомъ «Живописнаго Обозрѣнія» и за послѣдніе годы газеты «Сынъ Отечества». Въ 1895 году появилось его «Полное собраніе сочиненій» въ XV томахъ.

Сорокъ лѣтъ трудовой жизни почти безъ развлеченій и отдыха отразились на здоровьѣ Александра Константиновича. Единственной радостью его жизни было сознаніе полезности своей литературной дѣятельности, высказанное имъ, послѣ 25-лѣтняго юбилея, въ слѣдующихъ скромныхъ словахъ: «Моя роль—роль второстепеннаго литературнаго дѣятеля, дѣлающаго по мѣрѣ силъ и разумѣнія свое дѣло. Я никогда не огорчался, какъ бы ни цѣнили размѣры моего таланта; но я всегда стремился къ тому, чтобы меня не могли упрекнуть за то, что я потакалъ дурнымъ инстинктамъ, пробуждалъ злыя чувства, или мѣнялъ свои взгляды и убѣжденія, и съ этой стороны меня едва ли могутъ упрекать даже тѣ, кому вовсе не симпатична моя дѣятельность. По моему убѣжденію, къ этому—и только къ этому—долженъ стремиться каждый второстепенный литературный дѣятель, такъ какъ единственно въ этомъ и состоятъ его сила и значеніе. Не краситъ въ старости ни за одну написанную въ молодости строку—вотъ высшее благо подобныхъ дѣятелей». Разумѣется, значеніе А. К. Шеллера гораздо значительнѣе въ русской литературѣ, но несомнѣнно и то, что ему нерѣдко приходилось утѣшать себя умаленіемъ своихъ положительныхъ заслугъ и радоваться только честному своему имени. Къ этой почти аскетической жизни по трудолюбію присоединились за послѣдніе годы склерозъ артерій и необезпеченная старость. Постоянные объ этомъ разговоры побудили одного изъ его друзей въ маѣ 1895 году написать въ литературный фондъ при академіи наукъ заявленіе о томъ, что перенесенные Александромъ Константиновичемъ Шеллеромъ параличи и отсутствіе постороннихъ

средствъ къ жизни, кромѣ пера, надрываютъ послѣднія его силы. Между тѣмъ, при назначеніи ему приличной пенсіи, независимо отъ текущихъ его заработковъ, отражавшихся губительно на его здоровьѣ, онъ могъ бы сохранивъ себя на многіе годы для литературы. По этому заявленію въ «постоянную комиссію для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ», была назначена Шеллеру съ 1-го іюня 1895 года пенсія въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ. Разумѣется, при дорогомъ и постоянномъ лѣченіи, онъ не могъ жить на такія ничтожныя средства и принужденъ былъ убивать себя въ качествѣ редактора «Живописнаго Обозрѣнія» и «Сына Отечества». Склерозъ артерій, какъ послѣдствіе «усталаго сердца», выражался у Шеллера то въ параличѣ руки, ноги и пищевода, то кровоизліяніемъ въ правый глазъ и окончательною утратою въ немъ зрѣнія, то мучительной нейрастеніей и т. д. Ему дѣлали операціи, онъ лѣчился электричествомъ и даже внушеніемъ, но медицина не могла дать ему новаго сердца, а старое—все болѣе и болѣе отказывалось служить. Болѣзненное состояніе доводило его иногда до того, что онъ на многія событія въ общественной жизни сталъ смотрѣть съ патологической точки зрѣнія и, можетъ быть, во многомъ былъ правъ... Помню, въ разговорѣ объ Ольгѣ Палемъ, А. К.—чѣ сказалъ:

— Она убила Довнара и уже, конечно, не убьетъ болѣе никого другого. Это убійца по несчастію, а не преступница. Всѣ нейрастенники могутъ быть такими несчастными. Я, напримѣръ, въ послѣднее время самый типическій нейрастеникъ отъ 4 часовъ утра до 8 часовъ. Я засыпаю около 12 часовъ, сплю хорошо до 4, а затѣмъ я просыпаюсь подъ давленіемъ вопроса: «Что будетъ дальше? Что меня ждетъ?» Чувствую, что мозгъ сверлитъ какая-то неотвязная мысль, и иногда эти вопросы преслѣдуютъ меня по самому пустому обстоятельству, и я отлично самъ это знаю, но отдѣлаться отъ вопроса—что будетъ?—не могу... Я зажигаю свѣчу, беру «Брема» и читаю часъ—полтора... Потомъ опять засыпаю и тотчасъ же вновь просыпаюсь. Новая мысль пробудила меня и точить мозгъ съ прежней силой. Я ворочаюсь на постели, встаю, опять ложусь, а въ головѣ стоитъ сотрудникъ, которому я обѣщаль помѣстить статью и не помѣстилъ, хотя за статью автору и переплачено, и онъ не будетъ даже разговаривать о ней. Я это отлично знаю, а все-таки лишаюсь сна отъ неотвязчивой мысли: а что если онъ скажетъ: дайте статью обратно; а статья-то, съ маковое зернышко, давно потеряна... Что же будетъ? Вотъ и лѣзутъ въ голову мысли, что онъ меня убьетъ, опозоритъ... Я бѣшусь на самого себя, ругаюсь идиотомъ, и такъ продолжается до 8—9 часовъ утра. И не мудрено: эта газетная работа, корректура по ночамъ и сотрудники съ ихъ дневниками о томъ, что каждый изъ нихъ думаетъ—а думать интересно изъ нихъ никто не умѣетъ—сведутъ

Александръ Константиновичъ Шеллеръ.
(Съ фотографіи, святой за мѣсяць до кончины).

меня съ ума... Въ это время я совершенно невѣняемый и могу чортъ знаетъ что про себя представить, мучиться страшнымъ вздоромъ, раздражаться на весь міръ, при полномъ сознаниі, что причинъ на сегодняшнее утро къ этому нѣтъ, и что волнуюсь я изъ-за пустяковъ. Умъ работаетъ правильно, а воля подавлена насильственными представленіями, разумъ обезсиливается, и я не могу отвѣчать за себя. Ну, у другихъ людей къ такому состоянію являються даже серіозныя причины, и они совершаютъ въ эти періоды цѣлыя

преступленія. Кто знаетъ, что Палемъ не страдала подобной нейрастенией, измучивъ себя вопросами о томъ, какъ она поругана, что съ ней будетъ, если Довнаръ броситъ ее, какъ жестоко жизнь насмѣялась надъ ней и т. д. Въ этомъ состояніи она и выстрѣлила въ него, а не въ себя, послѣ того какъ онъ сказалъ ей въ лицо, что такія подлая женщины, какъ она, не способны на самоубійство. Но теперь уже Довнара не существуетъ, вопросы о себѣ въ связи съ его поведеніемъ такъ же умерли, и Палемъ опять станетъ нормальнымъ человѣкомъ. Нейрастеники несчастные люди, а не злодѣи. Въ свои безсонныя ночи я неоднократно мысленно буйствовалъ то у Михаила Петровича Соловьева (бывшій начальникъ управленія по дѣламъ печати), то въ редакціи «Сына».. Утро возвращаетъ мнѣ сознаніе, но я долго не выхожу изъ своего кабинета, все еще опасаясь укусить когонибудь...

Въ такомъ состояніи А. К—чъ, дѣйствительно, былъ очень тяжелъ, но кто понималъ источникъ его раздражительности и подчасъ обидчивости, тотъ оберегалъ покой его духа и избѣгалъ могущихъ быть столкновеній. Его уже тяготили и сотрудники, и публика. На вопросъ случайнаго сотрудника о томъ, когда будетъ напечатана его рукопись, Шеллеръ съ гнѣвомъ въ голосѣ отвѣтилъ:

— Когда какъ свистнетъ!

— Что это значитъ?

— Это значитъ,—кричалъ Шеллеръ,—что редакціи нужно знать: вамъ ѣсть нечего, какъ другимъ ея сотрудникамъ, или вы можете ждать?

Разумѣется, никто не признавался въ первомъ, и Шеллеръ уже спокойнѣе дѣлалъ наставленіе:

— То-то и есть! Вы получаете доходы съ имѣнія и состоите на службѣ, а другіе писатели ничего не имѣютъ.

— Но вы писали мнѣ...

— Я ничего не пишу! А секретарь писалъ вамъ о срокѣ, когда всѣ наши сотрудники были сыты, а теперь многимъ ѣсть нечего.

— Въ такомъ случаѣ... Я подожду. Извините.

— Вы все-таки... зайдите,—удерживалъ его Шеллеръ... Черезъ два дня... Прямо ко мнѣ на верхъ около 12 часовъ къ завтраку. Можетъ быть, удастся помѣстить въ этомъ или слѣдующемъ номерѣ, а вы посмотрите корректуру.

Сотрудникъ уходилъ довольнымъ, а Шеллеръ грустно замѣчалъ: «редакторъ не имѣетъ права ни болѣть, ни имѣть нервовъ»...

Даже доктора, лѣчившіе Шеллера, мирились съ его «нервами» за послѣдніе годы его жизни.

— Я лѣчусь внушеніемъ,—говорилъ онъ мнѣ.—Ну, что же: по крайней мѣрѣ, умру естественной смертью, а не отъ лѣкарства. На самомъ дѣлѣ? Смѣшно... Докторъ разъ въ недѣлю внушаетъ мнѣ

спокойствіе и т. п., а жизнь всю недѣлю бьетъ меня въ другую сторону; ну, кого же я буду слушать: доктора или жизнь? Наконецъ, у меня у самого большой характеръ, и можетъ ли докторъ своимъ лѣкарствомъ и пассами измѣнить его? Одно шарлатанство. Теперь у меня глазъ залить кровью, приходитъ докторъ и, показывая на книгѣ свои пальцы, спрашиваетъ: сколько вы видите пальцевъ? А чортъ ихъ знаетъ!—уже кричу я въ раздраженіи:—у меня глазъ залить кровью, вы мнѣ его и вылѣчите; а сколько пальцевъ у васъ на книгѣ—мнѣ все равно.—Это нужно для опредѣленія степени болѣзненности, а я думаю, что это совсѣмъ не нужно; нужно вылѣчить глазъ отъ кровоизліянія въ него, а всѣ эти экзерсисы—тѣ же колдовскіе приемы, которые не вылѣчиваютъ, а только усиливаютъ иллюзію вылѣчиванія. То же шарлатанство!

Просто знакомымъ людямъ также было неудобно справляться у Шеллера объ его здоровьѣ. Онъ рѣзко перебивалъ сочувствующаго ему собесѣдника:

— Мой отецъ всегда въ такихъ случаяхъ говорилъ вопрошавшему: «а вы докторъ? Если не докторъ, то не зачѣмъ и спрашивать о моемъ здоровьѣ».

Природная раздражительность въ Шеллерѣ росла по мѣрѣ того, какъ параличи оставляли послѣдствія въ томъ или другомъ органѣ его тѣла.

— Отнимается все постепенно,—говорилъ онъ.—Доктора поправляютъ, но въ одинъ изъ такихъ припадковъ, который я перенесъ на этихъ дняхъ, я умру. Хорошо, если разомъ, а какъ придется годы жить безъ ногъ или слѣпымъ. Вотъ это пугаетъ меня. Надняхъ кончается срокъ моего отпуска, и я опять вступаю въ обязанность редактора «Сына Отечества», опять прикованъ каждый вечеръ къ чтенію статей о томъ, что думаютъ о жизни наши выдающіеся сотрудники. Вѣдь черезъ нѣсколько дней я уже не имѣю права хворать и быть не расположеннымъ къ чтенію этихъ статей... А бросить свои занятія и жить на 50 рублей пенсіи я не могу... Я не одинъ и, кромѣ того, старость и лѣченіе требуютъ денегъ, и много денегъ. Неужели мои 40 лѣтъ въ литературѣ, мои до 20 томовъ сочиненій, масса неизданныхъ работъ и дѣятельность редактора въ «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ» и «Живописномъ Обзорѣніи» не дадутъ мнѣ права на обезпеченную старость? Вѣдь не дадутъ, если ея нѣтъ, и если говорятъ, что я мало нуждаюсь въ пенсіи и могу зарабатывать въ литературѣ большія деньги. Видно, необходимо ослѣпить мнѣ и быть выгнаннымъ изъ редакторовъ. Можетъ быть, это скоро и случится, а, можетъ быть, въ такомъ положеніи я еще могу долго протянуть.

Огорченія Шеллера въ этомъ направленіи особенно усилились послѣ полученія имъ, разосланнаго всѣмъ пенсионерамъ фонда при академіи наукъ, циркуляра слѣдующаго содержанія, отъ 8 февраля 1898 г. за № 314:

«Состоящая при императорской академіи наукъ постоянная коммиссія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, въ совѣщаніи своемъ 28-го января сего года, постановила обратиться къ лицамъ, получающимъ пенсію имени императора Николая II, съ нижеслѣдующимъ заявленіемъ:

«Согласно § 9-му правилъ, данныхъ въ руководство означенной коммисіи, пенсіи назначаются по ея усмотрѣнію либо пожизненно, либо до перемѣны обстоятельствъ въ жизни пенсіонера.

«Сообразно съ нимъ, постоянная коммиссія, принимая во вниманіе, что сумма, назначаемая ей ежегодно, остается неизмѣнною, а число обращающихся къ ней за пенсіями постоянно возрастаетъ, покорнѣйше проситъ лицъ, пользующихся пенсіями имени императора Николая II, не отказать, буде у кого либо изъ нихъ обстоятельства измѣнились къ лучшему, сообщить ей: не согласится ли это лицо временно отказаться отъ пенсіи всецѣло, или же частію, въ пользу болѣе нуждающихся тружениковъ печати.

«При этомъ постоянная коммиссія, имѣя въ виду заслуги наукъ и литературъ, за которыя назначаются пенсіи имени императора Николая II, исполнѣ оставляетъ за отказавшимися лицами право, въ случаѣ перемѣны обстоятельствъ ихъ жизни къ худшему, заявить о томъ коммисіи для назначенія имъ вновь пенсіи. Равнымъ образомъ, коммиссія сохраняетъ за собою право прекратить выдачу пенсіи такому лицу, объ улучшившихся обстоятельствахъ котораго до нея дошли достовѣрныя свѣдѣнія помимо собственныхъ сообщеній этого лица.

«Предсѣдатель постоянной коммисіи, вице-президентъ императорской академіи наукъ Л. Майковъ».

Незадолго до своей смерти А. К.—чѣ вспоминалъ объ этомъ циркулярномъ предписаніи академіи наукъ и, волнуясь, говорилъ мнѣ:

— Писательскій фондъ при академіи наукъ выдаетъ мнѣ пенсію въ 50 рублей, какъ разъ на квартиру... Да, и эту пенсію хотѣли отобрать въ виду того, что былъ періодъ, когда я прирабатывалъ къ нимъ, какъ редакторъ «Живописнаго Обозрѣнія», и могъ бы жить безъ пенсіи. Я писалъ въ отвѣтъ Майкову приблизительно слѣдующее: «Въ настоящее время я совершенно обезпеченъ, то-есть имѣю средства заплатить за квартиру, за обѣдъ, помочь старухѣ-нянѣкѣ нѣсколькими рублями, а главное въ состояніи тратиться на докторовъ и лѣкарства. Лѣченіе стѣдитъ очень много. Но вы, конечно, въ правѣ сказать: «а за коимъ чортомъ ты лѣчишься? Кому ты нуженъ? Неужели ты еще думаешь, что твоя жизнь нужна русской литературѣ?». И здѣсь вы будете совершенно правы, и потому я могу отказаться отъ пенсіи». Это письмо, вѣроятно, повлияло на Майкова, и фондъ оставилъ за мною пенсію, какъ оказалось, весьма кстати. «Улучшенныя обстоятельства» въ жизни пи-

сателя оказались кратковременными, и на эту пенсію я теперь живу...

Болѣзнь продолжала свою разрушительную работу, и вмѣстѣ съ нею росло безпокойство Шеллера о себѣ, въ виду прекращенія изданія «Живописнаго Обозрѣнія» и «Сына Отечества». Но какъ только прошелъ слухъ о необходимости значительныхъ затратъ на лѣченіе Шеллера и отсутствіи у него регулярнаго заработка, общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературный фондъ) тотчасъ поспѣшило на помощь къ больному собрату; кромѣ того, редакція «Недѣли», благодаря М. О. Меньшикову, выдала Шеллеру значительный авансъ. Больной уже не безпокоился, что ему не хватитъ средствъ на уплату доктору за визитъ, въ аптеку—за подушки съ кислородомъ и т. д.

V.

Продолжительно и тяжело страдая, умиралъ Александръ Константиновичъ Шеллеръ... Ослабленная дѣятельность сердца вызвала явленіе грудной жабы и водянку. Доктора поддерживали сердце наркотиками, и оно вновь билось и оживляло больного на короткое время. Потомъ повторялась та же исторія: слабый пульсъ, стеланья и опять морфій, строфантумъ, хероинъ и вдыханія кислорода.

— Какъ запыхавшаяся собака, живу!—восклицалъ больной съ раздраженіемъ.—Зачѣмъ доктора лѣчатъ меня, если хорошо знаютъ, что вылѣчить нельзя? Новаго сердца они не дадутъ мнѣ, а тянуть возъ на старомъ уже невозможно. Чего же они тянутъ? Вѣдь дотянуть можно только до разоренія или до сумасшествія! Другого исхода я не вижу.

Въ одномъ изъ своихъ посмертныхъ стихотвореній «Недугъ» Шеллеръ пишетъ о себѣ:

Спустилась ночь, но не пришла дремота
 Во слѣдъ за ней... Свѣча еще горитъ
 Въ моемъ углу, и за стѣною кто-то
 Тревожное мое дыханье сторожить.
 Сорвется-ль вздохъ—и снова надо мною
 Измятое бессонницей лицо
 Склоняется, и опытной рукою
 Поднеситъ мнѣ холодное питье.
 Зачѣмъ вы здѣсь? Уйдите прочь! Не вы ли
 Рой призраковъ спугнули отъ меня?..
 Я видѣлъ, какъ во мнѣ они входили,
 И ласковый ихъ шопотъ слышалъ я.
 Они меня съ улыбкой кроткой звали:
 «Уйдемъ, уйдемъ, любимый нашъ, туда,
 Гдѣ не томятъ ни скорби, ни печали,
 Гдѣ не гнетутъ ни злоба, ни вражда...

Подъ вѣтвями раскидистыхъ сиреней,
 Подъ сочною, душистою травой
 Найдешь ты сонъ безъ страшныхъ сновидѣній
 И безъ заботъ мучительныхъ покой». —
 «Несите ледъ!» я слышу приказанье...
 И мнится мнѣ, что обрезааетъ врачъ
 Меня опътъ на новое терзанье
 И жжетъ мой мозгъ желѣзомъ, какъ палачъ.

Доктора, конечно, хорошо понимали его положеніе и лишь старались облегчить и уменьшить его мученія.

12-го сентября, я пріѣхалъ къ нему вечеромъ съ Д. А. Линевымъ, чтобы узнать о состояніи его здоровья. Но Шеллеръ не хотѣлъ отпустить насъ и пригласилъ въ столовую пить чай. Онъ еще тихо двигался по комнатамъ и на мое безпокойство о немъ сказалъ мнѣ:

— Не могу же я совсѣмъ отказаться отъ общества и жить, какъ въ банкѣ, никого не видя, не принимая и ни съ кѣмъ не разговаривая.

Весь вечеръ онъ былъ оживленъ и, между прочимъ, по поводу горькой участи больныхъ писателей сказалъ:

— На душѣ всей русской литературы лежитъ грѣхъ въ томъ, что мы не умѣли позаботиться о своемъ сословіи и попали въ руки книжныхъ торговцевъ и издателей. Всякое сословіе боролось за возвышеніе своего положенія, а мы — нѣтъ. Мы всѣ переругались и закабалили себя кто—кому... Случалось, что работаешь въ журналѣ и все мучишь себя вопросомъ о томъ, будутъ ли подписчики. Въ другомъ изданіи увѣренъ, что подписчики будутъ, но не увѣренъ, будетъ ли Добродѣевъ (бывшій издатель «Живописнаго Обозрѣнія» и «Сына Отечества»). А наконецъ и издатель и подписчики цѣлы, но не уцѣлѣло здоровье, и пришла старость. Заработковъ уже не хватаетъ переѣхать съ дачи на приличную квартиру. Поселяешься на какой-то Большой Гребецкой въ этой клѣткѣ, гдѣ я стучаюсь на ходу животомъ то о мебель, то о двери... Ну, да скоро переѣду на квартиру болѣе тѣсную и уже на вѣчную...

Шеллеръ остановился, нуждаясь въ отдыхѣ. Мы хотѣли протиться съ нимъ, но онъ быстро возобновилъ разговоръ:

— Какъ царевичъ въ сказкѣ пытался вытянуться хоть бы разъ, да въ волюшку, такъ и русскій литераторъ вытянется въ волюшку—только въ гробу! Все болѣе и болѣе зарабатываешься и наживаешь себѣ горбъ, а не волюшку. Да, вотъ скоро отдохну въ гробу... Много впереди отдыха! А все-таки горько и обидно,—внезапно воскликнулъ онъ,—кажется, все дѣлалъ, что положено мнѣ было сдѣлать, и въ награду за это гробъ... Вѣдь муха и та счастливѣе человѣка. Раздавятъ ее ногой, она не мучится ни болью, ни сознаниемъ о близости смерти; а тутъ цѣлыми годами въ

ея объятыхъ, и нельзя вырваться... А доктора еще удерживаютъ! Поскорѣ бы отпустили...

Съ тяжелымъ чувствомъ уѣхали мы съ Линевымъ отъ него, а черезъ день я получилъ извѣстіе, что Шеллеръ уже не можетъ подняться съ кресла и нуждается въ заботахъ о немъ его друзей.

Мнѣ пришлось провести около него много дней и ночей. Въ свѣтлые промежутки между припадками астмы и бредомъ онъ говорилъ о томъ, что его болѣе всего интересовало и волновало. Я приведу здѣсь тѣ изъ его разговоровъ, которые я запомнилъ, и которые, по моему мнѣнію, характеризуютъ его личность.

— «Въ октябрьской книжкѣ «Недѣли» пойдетъ моя статья: «Мечты и дѣйствительность»; въ журналахъ будетъ помѣщенъ мой портретъ, въ газетахъ — воспоминанія обо мнѣ... Самыя лучшія условія для благородной смерти писателя!—восклицалъ Шеллеръ.— Ничего другого я не желалъ бы. Задумевнѣйшіе взгляды на рабочій вопросъ я высказалъ въ этой статьѣ по поводу «Фамилистера въ Гизѣ» Жана-Батиста Годэна, не летавшаго такъ высоко, какъ мечтательный Фурье, но сдѣлавшаго въ дѣйствительности для рабочаго класса гораздо болѣе... Чьи нибудь воспоминанія, надѣюсь, возстановятъ то, что въ литературной сферѣ я ни разу не вильнулъ хвостомъ, хотя случаевъ къ тому было очень много... О, какъ много!»

При послѣднихъ словахъ онъ задремалъ на четверть часа и, проснувшись, попросилъ «воздуху». Я подаль ему подушку съ кислородомъ. Едва онъ перевелъ дыханіе, какъ началъ жаловаться на докторовъ:

— Зачѣмъ они протягиваютъ мнѣ жизнь? Уже я не могу быть тѣмъ человѣкомъ, какимъ меня всѣ знаютъ. Обстругать они не могутъ меня... Я не поправлюсь. А сидѣть еще нѣсколько мѣсяцевъ въ креслѣ Санъ-Галли и свистѣть задыхаясь я тоже не хочу... Жаль, что не хватаетъ характера наложить на себя руки... Нѣтъ, ты не возражай! Я вовсе не хочу участи К. Градовскаго или Глѣба Успенскаго, а между тѣмъ я могу тѣмъ же кончить, чѣмъ и они. Вѣдь тоже были умные люди и, конечно, предпочли бы въ свое время смерть, чѣмъ настоящее ихъ положеніе. А мое немногимъ отличается! Я — кукла... Да, кукла! Ноги какъ бревна; животъ майорскій, одинъ пульсъ, говоритъ докторъ, роскошный... Чортъ бы побралъ этотъ пульсъ! И съ хорошимъ пульсомъ люди умираютъ! Свободинъ умеръ на сценѣ. А я тяну и мучусь... Ничего нѣтъ ужаснѣе, какъ потерять способности и заживо умереть.

— У тебя есть здоровый органъ—это голова...

— Да, но можетъ соскочить какой нибудь винтикъ! Развѣ ты поручишься, что онъ не соскочитъ, если страданія такъ велики? Голова, правда, у меня здоровая... Докторъ справляется о моей «головкѣ»... А между тѣмъ я говорю только о томъ, что у меня бо-

лить; а о чемъ я не говорю — значить, у меня здорово... На самомъ дѣлѣ, мнѣ дышать нечѣмъ, а голова у меня только и осталась здорова, и не «головка», а цѣлый котель.

Видя, что Шеллеръ начинаетъ волноваться, я попробовалъ прекратить разговоръ.

— Будетъ еще время молчать,—съ неудовольствіемъ перебилъ онъ меня.—Скоро замолчу... А труднѣе отъ того не будетъ, если я поговорю съ друзьями, пока еще есть силы.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній я рассказалъ ему, между прочимъ, что наканунѣ былъ на представленіи драмы А. М. Федорова «Буреломъ».

— Въ чемъ ея содержаніе?—спросилъ онъ.—Больше, я думаю, прекрасныхъ словъ?

— Много словъ,—отвѣтилъ я:— потрачено на то, чтобы обрисовать героя, на самомъ коротенькомъ разстояніи бросившаго невѣсту ради актрисы и горячо увѣряющаго, что онъ не эгоистъ и не дурной человѣкъ, а только слабый и увлекающійся; что если человѣкъ, по слабости своей, разобьетъ голову не себѣ, а другому, то онъ все-таки не негодяй. Другой морали въ драмѣ нѣтъ.

— Морали у всѣхъ новыхъ писателей нѣтъ; но много «марали»,—выразительно перебилъ Шеллеръ.—Всѣ ихъ герои измараны увлеченіями, отъ которыхъ они очищаются на сценѣ, а не въ жизни. Всѣ негодяи—увлекающіеся люди, но только въ худую сторону... Хочется наговориться передъ смертью,—продолжалъ онъ отдохнувъ.—Вотъ я знаю, что послѣ моей смерти будутъ указывать на нехудожественность моихъ произведеній. Быть можетъ, у меня и мало ея, но такъ ли это ужъ важно въ писателѣ? Можно ли въ наше время на художественности обосновать свое значеніе? Вѣдь послѣ Шекспира и Рафаэля, даже художникъ Рѣпинъ, съ его протодьяконами (картина: «Крестный ходъ»),—я говорю, конечно, въ области мірового художественнаго творчества,—представляется нулемъ, а вотъ Герценъ никогда не слылъ художникомъ, никогда не обольщалъ «изобрѣтеніемъ» сюжета или языкомъ, но всегда былъ и будетъ дорогъ силою идей. Мои произведенія будутъ дороги тѣмъ людямъ, кому дороги идеи и мысли, сильно выраженные о нашей жизни. Нельзя сказать, что идеи и мысли вполне усвоены человѣчествомъ, и что ему недостаетъ только картинъ и образовъ. На Герценѣ мы видимъ, что людямъ нужны и глубокія мысли, если онѣ выражены прочувствованно и искренно.

При разговорѣ объ юбилеѣ Боборыкина Шеллеръ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе:

— Освистали его въ Москвѣ на «Накипи»... Это участь всякаго писателя, который прикасался къ «злѣбъ дня» поверхностно и слабо. Самъ Боборыкинъ сказалъ о себѣ, что его «15 лѣтъ замалчивали, а 25 лѣтъ выпучивали»... Что дѣлать! Участъ горькая,

но неизбежная, если писатель относится къ злу безъ страсти и силы. Нужно служить въ литературѣ вдохновенно, изъ послѣднихъ силъ своему знамени, и только въ этомъ случаѣ художественныя средства популяризуютъ писателя. Вѣдь и Максимъ Горькій сталъ популяренъ тѣмъ, что поклонился босяку. Это его знамя... Босяками онъ увлекается горячо, сильно и увлекаетъ ими своихъ читателей. Ну, а чѣмъ увлекался Боборыкинъ въ его 40-лѣтней дѣятельности? У всѣхъ значительныхъ писателей есть свое дѣтище, а у Боборыкина его нѣтъ, и потому грубая публика освистала его. Писатель всегда силенъ идеями, а не картинами. Что и за картина, если въ ней нѣтъ содержанія; что и за образъ, если онъ ничего не говоритъ русскому обществу?

— Ты не будь, — продолжалъ Шеллеръ, — въ «Союзѣ писателей», когда было внесено предложеніе ходатайствовать о разрѣшеніи сѣзда писателей? Многие боятся ходатайствовать. Чего же они боятся? Профессиональные сѣзды всѣмъ разрѣшаются. Конечно, могутъ укоротить сѣздъ: снабдить его инструкціями о томъ, чего слѣдуетъ касаться и чего не касаться, и т. п. Такъ что же? Мнѣ вспоминается нашъ «Художественный клубъ», гдѣ обсуждались вопросы, начиная съ Сербско-Турецкой войны и кончая гонорарными... Это не правилось, и ходили слухи, что за нами наблюдаютъ. «Пусть наблюдаютъ, — сказалъ Костомаровъ совершенно спокойно. — Чего же бояться? Всѣ мы лысы, всѣ мы сѣды и всѣ — въ томъ или другомъ положеніи — дѣйствительные статскіе совѣтники... Ничего другого нельзя наблюсти въ собраніяхъ писателей!» Кажется, въ «Союзѣ писателей» тоже много сѣдыхъ, лысыхъ и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, которые литераторствуютъ и ничѣмъ другимъ не мѣшаются... Администрація это отлично понимаетъ, и, конечно, при нѣкоторомъ умѣніи можно добиться разрѣшенія писательскаго сѣзда.

Въ ночь на 23-е октября у Шеллера просидѣла моя жена-врачъ. Въ полночь она услышала, что Шеллеръ тяжело бредитъ и кричить...

— Снилось мнѣ, — сказалъ онъ проснувшись, — что я опять молодой и дѣлаю первый литературный шагъ... Благосвѣтловъ заказалъ мнѣ написать 10 повѣстей, и я никакъ не могъ этого исполнить. Кричалъ и стоналъ отъ своего безсилія! Пишу одну повѣсть, другую, а все 10-ти повѣстей не хватаетъ...

— Литературный фондъ помогаетъ мнѣ, — сказалъ однажды Шеллеръ. — Былъ у меня лѣтомъ Котельниковъ, а теперь Карѣевъ и Анненскій. Денегъ привезли... Но я въ жизни своей никому не былъ обязанъ и, конечно, сдѣлаю распоряженіе моимъ наслѣдникамъ, чтобы весь долгъ уплатили фонду послѣ моей смерти. Кромѣ того, я подарю фонду новый 16-й томъ моихъ сочиненій... Томъ стихотвореній. Это что нибудь принесетъ фонду. Боюсь, чтобы кто

нибудь не попрекнулъ меня тѣмъ, что послѣдніе годы я жилъ на благотворительность...

Успокоить его въ этомъ отношеніи не было возможности... Даже полученный авансомъ гонораръ изъ редакціи «Недѣля» за статью «Мечты и дѣйствительность» причинялъ ему мученія.

— А если въ декабрьской книжкѣ не пройдетъ окончаніе статьи, и я умру, оставшись должникомъ «Недѣль»!—восклицалъ онъ съ ужасомъ.— Эти долги не дадутъ мнѣ покоя... Третьяго дня мнѣ было легче, и я сталъ диктовать Татьянѣ Николаевнѣ¹⁾ «Исторію одного изданія»... исторію «Живописнаго Обзорѣнія». Она очень любопытна, и, написавъ ее, я думалъ заработать ею... Но мозговое усиліе отразилось на общемъ состояніи, и я вновь сталъ задыхаться и страдать отъ боли. Доктора запретили не только диктовать, но прямо говорятъ: «не думайте ни о чемъ! Это вамъ вредно...» А могу ли я не думать, если они не умѣютъ выпилить изъ черепа мой мозгъ? Дни, какъ вѣчность, длятся, и еще не думать... Мучители! Сорокъ лѣтъ только и дѣлалъ, что думалъ, и теперь это вредно... Доктора никогда не знаютъ психологіи больного: я не могу не думать! Если я не буду читать книгу или диктовать, то я буду все-таки думать и еще больше думать, чѣмъ безъ книги...

Желая отвлечь Шеллера отъ мрачныхъ мыслей, я сообщилъ ему нѣсколько литературныхъ новостей, и больной тотчасъ же перенесся въ отвлеченную область.

— Хотѣлось бы иногда еще поработать... По-настоящему, чело-вѣку должно быть дано двѣ жизни: въ одной пройти жизнь, въ другой—вспомнить, какъ ты ее прошелъ, т. е. въ какой мѣрѣ ты измѣнялъ своимъ обѣщаніямъ; насколько ты былъ цѣльнымъ чело-вѣкомъ, и чѣмъ тебя слѣдуетъ помянуть?

Онъ началъ было говорить о «второй жизни», но я, замѣтивъ его утомленіе, постарался прекратить разговоръ.

19-го ноября я пріѣхалъ къ больному въ два часа дня и уже въ передней услышалъ его свистящее дыханіе и крики...

— Всю ночь прокричалъ такъ, — грустно встрѣтила меня Татьяна Николаевна. — Всю ночь кричалъ... Ахъ, какая была ночь. Вдругъ стало ему все хуже и хуже...

Я подошелъ къ больному, но онъ сидѣлъ, закрывъ глаза въ тяжеломъ кошмарѣ, оглашая комнату стонами и восклицаніями: «ахъ! Господи!».

На другой день жена моя получила отъ Татьяны Николаевны записку слѣдующаго содержанія:

«20 ноября.

«У Алекс. Констант. рожистое воспаленіе ногъ, температура 40,2, все время въ забытѣ».

¹⁾ Имя женщины, жившей у Шеллера и бывшей ему преданной сестрой.

Вечеромъ, вернувшись отъ Шеллера, жена сообщила, что у него агонія... Бредъ смѣнился забытjemъ, и часы его сочтены.

Я тотчасъ поѣхалъ къ нему и провелъ у его изголовья всю послѣднюю въ его жизни ночь. Больной никого не узнавалъ, бредъ смѣнился глубокимъ сномъ, прерываемымъ тихими стонами...

Въ 12^{1/2} часовъ утра, 21-го ноября, А. К. Шеллеръ умеръ, не приходя въ сознание.

Похороненъ онъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. На его могилѣ поэтъ К. М. Фофановъ произнесъ элегическое стихотвореніе, совершенно вѣрно передающее не только нашу скорбь по усопшемъ писателѣ, но и его значеніе для русскаго общества:

Нѣтъ силъ, нѣтъ словъ сазать надгробное «прости»...
 Мнѣ кажется, онъ живъ и дышитъ вмѣстѣ съ нами...
 Но мы еще стоимъ на гибельномъ пути,
 А онъ прошелъ рубежъ—и скрылся за вѣками...
 Насъ будни ослѣпляютъ то солнцемъ золотымъ,
 То мелкою борьбой, то гнѣвомъ мимолетнымъ,
 Но только нѣтъ, не имъ,—не другомъ дорогимъ,
 Что жилъ, сочувствовалъ—и сталъ теперь безплотнымъ.
 Свершилось! Боже мой, какъ страшно, какъ темно,
 Какою пропастью звучитъ намъ смерть сурово...
 Но только не тому, кѣмъ было свершено
 Все лучшее земли для мысли и для слова!..
 Учитель ласковый! Другъ юности живой,
 Ты долго угасалъ... и кончилось мученье!
 И въ смерти ты обрѣлъ величье и покой;
 И счастье высшее—съ судьбою примиренье...

Дѣйствительно, А. К. Шеллеръ былъ «другомъ нашей юности живой»; и неудивительно, что одинъ изъ старыхъ редакторовъ, узнавъ о смерти А. К. Шеллера, воскликнулъ съ сокрушеніемъ: «Умеръ послѣдній литераторъ! Отъ души жаль Шеллера. Онъ былъ не только талантливый, но—что такъ рѣдко за послѣдніе годы въ нашей литературѣ—честный писатель. На его памяти нѣтъ пятенъ и, если за это полагается награда свыше, то на томъ свѣтѣ ему будетъ хорошо. Но за него скорбѣть нельзя: ему было бы всего труднѣе и тѣснѣе въ нынѣшней фабричной литературѣ».

VI.

Популярность и распространенность литературныхъ произведеній А. К. Шеллера слѣдуетъ признать вполне заслуженными. «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Засоренныя дороги», «Господа Обносковы», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», «Паденіе», «Ртищевъ», «Голь», «Старыя гнѣзда», «Хлѣба и зрѣлицъ», «Безпечальное житье», «И золотомъ и молотомъ», «Совѣсть», «Бездомники», «Зачумленный», «Конецъ

Бирюковской дачи», «Алчущіе», «Послѣ насъ» и т. д.—отражаютъ послѣдовательно многочисленныя перемѣны въ нашей общественной жизни за послѣднія тридцать лѣтъ. Справедливость требуетъ сказать, что не всѣ произведенія Шеллера написаны имъ съ одинаковымъ мастерствомъ, но, конечно, если сравнивать его съ современными «талантами», то изъ каждаго его романа и повѣсти можно выкроить по нѣскольку рассказовъ и очерковъ, давшихъ громкую извѣстность многимъ писателямъ исключительно за ихъ такъ называемую «художественность». Затѣмъ, если бы Шеллеръ не повторялся и сжалъ бы пятнадцать томовъ своего «Полнаго собранія сочиненій» въ шесть-семь томовъ, то онъ былъ бы несомнѣнно первокласснымъ писателемъ. Но и такимъ, какимъ мы знаемъ Шеллера, можно изъ полнаго собранія его сочиненій указать на избранныя, которыя исполнены художественно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнимаютъ собою не эскизъ съ воробьиный носъ изъ русскаго быта, но охватываютъ цѣлыя десятилѣтія русской жизни съ ея типичными представителями. Такъ, нап. имѣръ, въ романахъ «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова» ярко выведены дореформенныя школы и семьи, на развалинахъ которыхъ зарождается новая жизнь и новые люди 1860-хъ годовъ; въ романѣ «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ» шестидесятники къ концу семидесятыхъ годовъ провѣряютъ свои идеалы и признаются о себѣ устами одного изъ Прохоровыхъ, что «у насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ. Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками. Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнять взятый на себя трудъ и за шатаніе изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой, но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщено ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого неумѣнія. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему». Послѣ такой грустной провѣрки самихъ себя, менѣе сильные люди въ русскомъ обществѣ впадали въ ренегатство, сначала добродушное, вышучивающее свое прошлое и подготовляющее собственныхъ дѣтей не вѣрить ни въ какіе идеалы. Въ романѣ «Паденіе» выведенъ этотъ переходный типъ индифферентиста конца семидесятыхъ годовъ въ лицѣ Серпухова. Въ это время, послѣ 1881 года, уже подготовлялась новѣйшая культура съ злымъ и систематическимъ ренегатомъ, презирающимъ идеалистовъ и неудачниковъ 60-хъ годовъ, ругающимъ все, кромѣ себя: и литературу, и общество, и земство, захватывая, однако, все себѣ и не оставляя ничего другимъ: пользуясь всѣми,

пока они нужны, и ничего для них не дѣлая, когда нужда миновала въ нихъ. Шеллеръ тотчасъ откликнулся на этотъ зарождающійся типъ реакціонера и вывелъ его въ романѣ: «Ртищевъ». Реакціи содѣйствовали не только наши шатающіяся семьи и школы, но и экономическія причины, выкинувшія за бортъ «оскудѣннейшей» русскаго дворянства. Шеллеръ вывелъ ихъ въ «Семьѣ Муратовыхъ» не только гибнущими («Безпечальное житье», «Бездомники», «Конецъ Вирюковской дачи»), но и торжествующими, какъ Орловъ изъ «Голи» по городамъ и Кожуховы изъ «Алчущихъ» по деревнямъ. Въ этихъ двухъ романахъ авторъ рисуетъ зарожденіе у насъ буржуазіи на мѣстахъ упраздненнаго дворянства. Въ повѣсти «Послѣ насъ» Шеллеромъ отмѣчено появленіе въ нашемъ обществѣ такъ называемыхъ «толстовцевъ», со всей ихъ непрактичностью и безсердечіемъ, несмотря на христіанскія рѣчи. Такимъ образомъ, откликаясь почти на всѣ выдающіяся явленія русской жизни за послѣднія тридцать лѣтъ, Шеллеръ упрочилъ себѣ мѣсто въ русской литературѣ одними беллетристическими произведеніями. Между тѣмъ, у него еще имѣется множество публицистическихъ работъ, не лишенныхъ научнаго достоинства: «Основы народнаго образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Наши дѣти», «Ассоціаціи», «Пролетаріатъ во Франціи», «Царство двухъ монаховъ» (Савонароллы и Кампанеллы), «Анабаптисты» и т. д. Савонаролла и Кампанелла были не только теоретики объ индивидуальномъ счастьѣ человѣка, но и практики, стремившіеся къ социальному благу. Первый былъ сожженъ, а второй семь разъ былъ подвергнутъ пыткамъ и двадцать семь лѣтъ содержался въ тюрьмѣ. Если принять во вниманіе, что это мученичество они приняли добровольно, то, конечно, исторія ихъ жизни всегда будетъ трогать благодарныя сердца. Книга о нихъ написана Шеллеромъ въ высшей степени увлекательнымъ языкомъ и по самымъ новѣйшимъ источникамъ. «Революціонный анабаптизмъ» также занимаетъ собою интереснѣйшую страницу въ европейской жизни тотчасъ же послѣ реформаціи. «Все, что проповѣдывали и разрабатывали религіозные пропагандисты и социальные новаторы въ позднѣйшія времена, замѣчаетъ Шеллеръ, было уже высказано въ первой половинѣ XVI столѣтія Мюнцеромъ и его послѣдователями. Въ области социальныхъ вопросовъ вы тутъ найдете все, начиная съ разумныхъ требованій справедливости и кончая самыми чудовищными проявленіями коммунистическаго деспотизма, выразившагося въ дѣятельности Іоанна Лейденскаго. Въ сферѣ религіозныхъ воззрѣній вы встрѣтите здѣсь то же самое: анабаптисты прошли всѣ ступени отрицаній и сомнѣній, создали въ короткое время цѣлую массу новыхъ сектъ и толковъ, коснулись той сущности религіи, которой въ нашъ вѣкъ посвящались цѣлые трактаты Штраусами и Ренанами. Въ какія нибудь пятнадцать лѣтъ анабаптизмъ передумалъ, высказалъ и пережилъ то, что

потомъ передумывалось, высказывалось и переживалось въ остальной Европѣ въ теченіе вѣковъ». Изъ этихъ словъ можно заключить, съ какимъ живымъ увлеченіемъ читается книга Шеллера о смутномъ времени анабаптизма. «Основы народнаго образованія» должны, по нашему мнѣнію, стать настольной книгой для каждаго сельскаго и городскаго учителя въ народной школѣ; «Наши дѣти»—руководствомъ для всѣхъ благотворительныхъ обществъ; изслѣдованіе о французскомъ пролетаріатѣ, за время отъ 1789 года по 1852 годъ, представляетъ геройскую, но мало производительную борьбу рабочаго класса съ буржуазіей при помощи стачекъ, возстаній, баррикадъ и слабыхъ попытокъ къ устройству производительныхъ ассоціацій. Однако, какъ бы ни были малочисленны производительныя ассоціаціи, съ правомъ голоса при представительствѣ, Шеллеръ съ особеннымъ упованіемъ (въ книгѣ «Ассоціаціи») останавливается на этихъ наиболѣе практическихъ и мирныхъ приобрѣтеніяхъ французскаго пролетаріата въ борьбѣ за свои права. Сторонникомъ мирнаго и дѣятельнаго прогресса въ интересахъ рабочаго класса Шеллеръ является и въ «Смутномъ времени анабаптизма» и въ особенности въ посмертной статьѣ: «Мечты и дѣйствительность» (Книжки «Недѣля» за 1900 г.).

О своемъ значеніи въ русской литературѣ Шеллеръ неоднократно велъ со мною многочисленныя разговоры, и одинъ изъ нихъ мы недавно напечатали въ газетѣ «Недѣля» (отъ 26 ноября), который съ нѣкоторыми дополненіями считаемъ необходимымъ привести здѣсь для полноты нашего очерка.

— «Моитицы,—говорилъ Шеллеръ,—не настолько художественны, чтобы ими измѣрять мое значеніе. Типовъ собственно нѣтъ у современныхъ писателей. У Чехова есть удачныя и случайныя образы, но не типы. Образы могутъ быть всякіе, а типы—это обобщающіе и для всякаго разумѣнія обязательныя образы. Короленко интересенъ по сюжетамъ, а не типами, которыхъ и у него нѣтъ. Онъ оболстилъ насъ «изобрѣтеніемъ». Написалъ онъ романъ «Безъ языка»—о томъ, что претерпѣваютъ переселенцы въ Америкѣ изъ Россіи, и сюжетъ новизной своею нравится, какъ и другой его сюжетъ о томъ, что думаетъ о мірѣ «слѣпой музыкантъ». Всѣ будутъ читать и интересоваться сюжетомъ, а не типами. У Потапенки—ни одного типа, но есть очень много Лѣскова, Глѣба Успенскаго и собственнаго повторенія одного и того же темперамента, особенно женскаго. Также напрасно писали Скабичевскій, Венгеровъ и др. о созданіи мною школы писателей. Ни на типы, ни на школу—я не претендую. Время школъ прошло. Пушкинъ создалъ языкъ, Гоголь—реализмъ, а теперь въ чемъ можетъ быть у насъ «новая школа»? Достоевскому подражаютъ сами по себѣ сходственные таланты à la Альбовъ, такъ же, какъ Чехову—большинство позднѣйшихъ писателей. Мои романы и повѣсти

изъ русской жизни воспроизводятъ время, идеи и страсти, кому-то, очевидно, близкія, если меня называютъ воспитателемъ общества. Особенность моя въ томъ, что я удѣлялъ очень много мѣста личной нравственности, убѣжденный въ томъ, что если всѣ будутъ нравственны, то социальный вопросъ разрѣшится самъ собою. Теперь такъ думаютъ всѣ: и Левъ Толстой, и Сенкевичъ, и Бурже. Въ своихъ научныхъ работахъ я не умалялъ значенія социальной обстановки въ исторіи и, признавъ значительное вліяніе общественныхъ формъ на людей, объяснялъ въ то же время, что самая могучая обстановка — это люди. Съ лѣтами и опытомъ, по мѣрѣ того, какъ я наблюдалъ теченіе 60-хъ годовъ въ Россіи и чѣмъ они закончились, я еще болѣе утвердился въ томъ, что русскимъ людямъ необходимѣ всего моральный элементъ, и что безнравственно проповѣдывать воду, когда самъ пьешь вино».

Къ этимъ словамъ А. К. Шеллера о самомъ себѣ слѣдуетъ добавить, что морализмъ его произведеній далеко не тенденціозенъ, а всегда бытовой и обоснованный. Онъ говорилъ мнѣ неоднократно слѣдующее:

— «У современныхъ беллетристовъ имѣется талантъ, но нѣтъ чутья къ общественной жизни; а чутья этого нѣтъ потому, что у нихъ нѣтъ общественнаго и живого дѣла. Мы, шестидесятники, счастливѣе ихъ. У насъ были реформы: крестьянская, земская, судебная, женская, равноправность національностей, законы о печати и т. д. Писатели являлись сторонниками общественной жизни, и потому ихъ любили и цѣнили; а теперь какая у насъ общественная жизнь? Что долженъ защищать писатель и чѣмъ онъ можетъ заслужить себѣ уваженіе въ обществѣ? Ничѣмъ, кромѣ собственнаго дарованія, современный писатель, не располагаетъ. Вотъ почему мы и видимъ массу талантливыхъ, но преждевременно погибшихъ писателей. Ничего глубокаго въ общественной жизни они не прочувствовали, никакихъ обобщеній не встрѣтишь въ ихъ произведеніяхъ. Ихъ читаютъ, но не слѣдуютъ за ними, и ихъ произведенія умираютъ на другой день послѣ появленія. Эти восьмидесятники и девяностники неспособны были даже обсудить въ своихъ произведеніяхъ хотя бы рабочій вопросъ или политическія формы общественной жизни, чтобы художественными образами выяснить обществу злобу дня. Скажутъ, что это трудно по цензурнымъ условіямъ, но имъ гораздо труднѣе сдѣлать это по собственному безсилію, по отсутствію чутья къ общественнымъ нуждамъ. Они предаются пересказамъ собственныхъ приключеній, заботясь объ ихъ отдѣлкѣ, о точности рисунка, а не о содержательности. Съ такими ограниченнымъ пониманіемъ прогресса современные художники утратили учительство и руководство русскимъ обществомъ».

Выросши преимуществу на почвѣ общественныхъ интере-

совъ, Шеллеръ естественно остался чуждъ всякимъ утопіямъ и мистической мечтательности. Онъ вполне реальный писатель. Весьма часто бесѣдуя со своими друзьями о литературѣ, Шеллеръ, со свойственнымъ ему остроуміемъ, говорилъ о себѣ:

— Когда я былъ маленькій, и меня брали на руки во время прогулки, то, вѣроятно, прежде чѣмъ научиться говорить «папа» и «мама», я кричалъ нянькѣ: на землю! на полъ! пѣшкомъ!.. Я до сихъ поръ такъ живу: иду по землѣ и полонъ ея интересами. Метафизическіе возгласы въ литературѣ противъ позитивизма, реализма, либерализма покойныхъ «Отечественныхъ Записокъ» и т. д. мнѣ кажутся похожими на приглашеніе ходить по потолку... Такъ мало я понимаю и симпатизирую имъ. Точно опять нянька беретъ меня на руки, и я непремѣнно долженъ кричать: пусти меня на землю, на полъ! Вопросы о томъ, что станетъ съ нашей совѣстью, и будетъ ли конецъ земли или нѣтъ, — я порѣшилъ, какъ только сдѣлался «митрофаньевскимъ помѣщикомъ»... Я купилъ на Митрофаньевскомъ кладбищѣ кусокъ земли и вижу, что тамъ изъ моей матери и отца выросла сирень. Чтобы не причинять людямъ безпокойства послѣ смерти, я приготовилъ заранѣе себѣ мѣсто и состою членомъ похоронной кассы для литераторовъ. Вотъ все, что я знаю о моей душѣ. На чемъ бы другомъ я ни остановился, меня все-таки будетъ смущать вопросъ: «а потомъ?», которымъ я смущалъ въ дѣтствѣ свою няньку. Умеръ у меня дядя и поставили гробъ въ комнатѣ. Я и спрашиваю няню: «что съ дядей будетъ?»—«На небо уйдетъ»,—говоритъ няня. — «А потомъ?»— «А потомъ будетъ жить съ ангелами, не будетъ тамъ горя, а только однѣ радости»...— «А потомъ?»— «А потомъ?.. Что же потомъ?.. Потомъ и мы умремъ и свидимся съ дяденькой въ небесахъ»...— «А потомъ?»— «Тѣфу ты, пострѣлъ», обругала меня старуха, а отвѣтить все-таки не могла. Вотъ и теперь, когда я встрѣчаю писателя, отвергающаго реальныя нужды страны и проповѣдывающаго метафизическое счастье, я спрашиваю: «а потомъ?». Я понимаю свободу и счастье человѣка въ зависимости отъ того или другого политическаго порядка вещей, отъ степени образованія въ странѣ, но ничего не понимаю въ «метафизической свободѣ». Если говорятъ о внутренней свободѣ человѣка при любомъ порядкѣ вещей, то я спрашиваю: а потомъ? Развѣ этимъ и кончается все? Вѣдь этой внутренней свободой нельзя же самого себя тѣшить! къ нею связаны дѣла и поступки, то-есть нужды времени, опять-таки не вѣчныя, а настоящія... Таковъ складъ моего ума. Я всегда былъ врагомъ фразерства. Пока русскій народъ будетъ безъ сапогъ, ему не до Шекспира и Пушкина. Я достаточно понимаю Пушкина, и когда я разстроенъ, то ничто такъ не успокаиваетъ мои нервы, какъ чтеніе въ сотый разъ того же Пушкина. Но если до крестьянскихъ школъ доходятъ только сказки Пуш-

кина, и только одинъ старый кабакъ реформируется въ казенную винную лавку, а больше ничего изъ реформъ не попадаетъ въ деревни, то Пушкинъ и Шекспиръ будутъ ему чужды. «Съйте рожь, а васильки сами выростутъ»... При такомъ пониманіи эта мысль о ржи ничего не содержитъ въ себѣ пошлаго и матеріалистическаго. Разные нынѣшніе учителя проповѣдуютъ «метафизическій идеализмъ» противъ ржи и каши... Они думаютъ, что утилитаріанизмъ есть предпочтеніе сапоговъ Шекспиру; они думаютъ, что Писаревъ не понималъ превосходства Шекспира. Ошибаются. Писаревъ лучше ихъ понималъ и Пушкина, и Шекспира. А только пока русскій народъ будетъ безъ сапогъ, не читать ему ни Шекспира, ни Пушкина. Вотъ о чемъ надо заботиться. Никто изъ шестидесятниковъ не опровергалъ идеализмъ, то-есть стремленіе къ тому, чтобы прежде самому быть лучше, а потомъ ужъ и строй измѣнится... Но мы понимали, что онъ измѣнится не иначе, какъ если мы будемъ съять хлѣбъ, а васильки сами народятся... Можетъ быть, я тѣмъ и дорогъ читателю, что никогда не фразерствовалъ «о метафизическомъ идеализмѣ», но изображалъ въ своихъ романахъ идеалистовъ на живомъ и доступномъ всеѣмъ дѣлѣ. По моимъ произведеніямъ легко угадать идеальный типъ учителя по призванію; дѣвушку, сохраняющую въ цѣломудріи свое тѣло, какъ и душу; родителей, которые боятся воспитать изъ собственныхъ дѣтей враговъ себѣ и стараются сдѣлать ихъ счастливыми въ своемъ родномъ гнѣздѣ, а не на сторонѣ у чужихъ людей; скромныхъ общественныхъ дѣятелей, которые не любятъ шуму и не проповѣдуютъ другимъ того, что сами не въ силахъ выполнить и т. д. Этому реальному направленію моихъ писаній причастно и большинство русскихъ писателей»...

Никогда не сочувствуя утопіямъ, если онѣ ограничиваются словами, а не живымъ дѣломъ, А. К.—чѣ, конечно, не могъ мириться ни съ толстовствомъ, ни съ русскимъ марксизмомъ, ни съ «лапотничествомъ» народниковъ. Узнавъ, что толстовцы уѣхали въ Англію и думаютъ издавать свой журналъ, онъ грустно замѣтилъ, бесѣдуя со мною о нихъ:

— Если толстовцы будутъ проводить въ журналѣ то, что «ничего не надо отъ государственности», и что народъ самъ долженъ отъ личности къ личности развиваться духовно и отстаивать свои права безъ реформъ Александра II, и что нептуническая теорія дѣлаетъ то же, что и вулканическая, но вѣрнѣе и прочнѣе,—то журналъ не будетъ имѣть успѣха. Вѣдь этого «ничего не надо» достаточно и теперь. Чего же они добиваются? Напротивъ того. Русскому народу все надо: и хорошей полиціи, и хорошаго чиновника, и хорошей литературы, и законности, и кредитныхъ банковъ, и желѣзныхъ дорогъ... Все нужно! Безъ государственной организациі въ настоящее время этого ничего нельзя достигнуть. Я

никогда не служилъ утопіямъ, но не отъ недостатка ихъ пониманія. Самое отдаленное будущее доступно моему созерцанію... Въ моихъ «Анабаптистахъ» найдется и отрицаніе регламентаціи общественной жизни и блестящая проповѣдь утопическихъ ученій о богочеловѣчествѣ... Но я не съ ними. Я не сочувствую принудительному прогрессу съ непремѣннымъ приниженіемъ личности и свободы, но я знаю, что въ дикомъ состояніи «личность» еще болѣе уничтожается отъ холода, голода и враговъ, чѣмъ при европейской организаціи государства. Смѣются надъ Фурье, что онъ проповѣдывалъ казарму, а Спенсеръ въ подобномъ казарменномъ государствѣ видитъ «грядущее рабство». Но что же лучше: казармы или голодъ? Регламентированная жизнь или нерегламентированная нищета? Толстому тоже не понравится принудительный прогрессъ. Ну, да вѣдь это все отрицается съ барской точки зрѣнія... Съ точки зрѣнія гениальныхъ и богатыхъ людей! Конечно, имъ нѣтъ надобности входить въ ассоціацію, подчиняться уставу и т. д. Они могутъ преуспѣвать и не зависѣть отъ другихъ людей. А бѣдняки, чтобы не умереть съ голоду, ищутъ опоры другъ въ другѣ и соединяются въ ассоціаціи и государства. Въ моей статьѣ «Мечты и дѣйствительность» я подробно развилъ эту мысль... Хорошо Л. Н. Толстому говорить, что спасеніе челоѣка въ самомъ себя и счастье тамъ же... Хорошо, когда у него 600.000 годового дохода. Да, дай мнѣ миллионъ, и я научу всякаго спасаться въ самомъ себѣ... А теперь вотъ даже мнѣ самому нужна комиссія по выдачѣ пенсій престарѣлымъ и заслуженнымъ литераторамъ... Вотъ тебѣ и царствіе Божіе внутри насъ. Съ миллиономъ, то и счастье внутри. Съ этимъ всякій согласится. Впрочемъ я понимаю еще Толстого, отъ котораго такъ и вѣетъ умомъ, что бы онъ ни писалъ. Понимаю и Лѣскова, у котораго большой лобъ, большая голова, глаза, которые могутъ съѣсть челоѣка... А эти маленькіе послѣдователи Толстого, съ соннымъ выраженіемъ лица и точно «вареные» въ разговорахъ, уже равно ничего не говорятъ моему уму. Всѣ они либо глухы и фразеры, когда отрицаютъ нашу культуру, съ наукою и вкусами, ничего другого не дѣлая, какъ только сочиняя книги и живя въ городахъ по тѣмъ же самымъ вкусамъ, которымъ и мы слѣдуемъ; либо невмѣненные и безвредные фантасты, нравящіеся исключительно провинціальной молодежи да женщинамъ... Конечно, если телефоны и телеграфы существуютъ для того, чтобы жены увѣдомляли своихъ мужей о томъ, что онѣ купили въ Парижѣ себѣ новыхъ нарядовъ, а медицина, чтобы отравлять людей, то дѣйствительно не будутъ нужны ни телеграфы, ни медицина. Съ этой точки зрѣнія толстовцы отрицаютъ и науку безъ религіозныхъ цѣлей и цивилизацію съ принудительными задачами, совѣтуя все это оставить и сдѣлаться намъ мужиками; но вѣдь какая же это точка зрѣнія?! Что толку, если разговоры ихъ

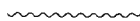
логичны, когда исходная точка зрѣнія ошибочна! Сами они въ практической жизни остаются не мужиками, а господами, пользуясь и телеграфомъ, и медициной, и даже полиціей для защиты своихъ господскихъ правъ, когда это имъ нужно.

О марксистахъ онъ говорилъ:

— «Я не понимаю экспроприацію орудій производства, когда всѣ страны будутъ въ рукахъ нѣсколькихъ синдикатовъ, а всѣ мы будемъ пролетаріями, распропагандированными ученіемъ о трудовой цѣнности, наибольшая доля которой принадлежитъ намъ, рабочимъ. Жди, когда такое время настанетъ! Я вижу, что и теперь капиталъ столь же часто распределяется въ странѣ, сколько сконцентрировывается. Поземельная собственность во Франціи дробится; акціонерныя общества даютъ долю барыша мелкимъ пайщикамъ, а не уничтожаютъ ихъ; рабочіе, при помощи банка и выкупной операціи, могутъ также приобрести собственность на артельныхъ началахъ и т. д. Словомъ, экономическій матеріализмъ, даже самый безвредный въ практическомъ смыслѣ—не въ моемъ вкусѣ... Я раздѣляю либеральное направленіе, то-есть то историческое, которое гораздо шире народническаго, и которое отстаивали журналы, гдѣ я прежде работалъ («Современникъ», «Русское Слово» и «Дѣло»). Я вѣрю въ миссію интеллигенціи, долженствующей стать правительственной и общественной силами... Лапотническое направленіе въ литературѣ мнѣ тоже ненавистно. Что касается «консервативнаго» въ разныхъ журналахъ, лягающихъ шестидесятые года за недостатокъ философскихъ идеаловъ, то одного изъ «лягающихъ» господъ я остановилъ крикомъ: «Да позвольте, когда было освобожденіе крестьянъ?»—Въ шестидесятихъ годахъ.—«А гласный судъ?»—Въ шестидесятихъ годахъ.—«А законъ о печати?»—Въ шестидесятихъ годахъ.—«А мировыя городскія и земскія учрежденія?»—Въ шестидесятихъ годахъ.—«А отмѣна тѣлеснаго наказанія, а женское образованіе?»—Все въ шестидесятихъ годахъ...—«Такъ какъ же вы говорите, что они страдаютъ недостаткомъ идеаловъ? А что касается философін, то для философскихъ умовъ Герцена, Лаврова, Чернышевскаго, Кавелина, Вырубова недостаточно было отвлеченныхъ системъ, и они примкнули къ живымъ задачамъ жизни. Развѣ эти задачи меньше требовали идеализма и философін, чѣмъ ваши консервативныя статьи въ реакціонное время?»

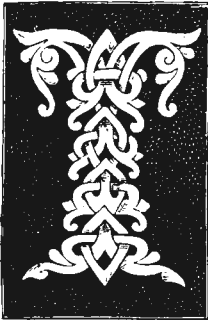
Въ этихъ спорахъ А. К.—ча о шестидесятихъ годахъ видно его реальное отношеніе къ вопросамъ русской жизни, которымъ онъ служилъ въ литературѣ около сорока лѣтъ, стараясь строго различать «мечты и дѣйствительность» въ исторической жизни народовъ.

А. Фаресовъ.

ПАМЯТИ АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА КОЛОМНИНА.

РУДНО подводить итоги прошедшему въ тѣхъ случаяхъ, когда эта работа вызвана печальными обстоятельствами. Я нѣсколько разъ принимался за перо, чтобы хотя блѣдными и слабыми штрихами очертить образъ Алексѣя Петровича Коломнина, но подъ впечатлѣніемъ живой утраты на бумагу выливалось совсѣмъ не то, что мнѣ хотѣлось, и не въ той формѣ, въ какой чувствовалось. Вотъ онъ стоитъ передо мною, какъ живой, и смотритъ сквозь очки своими кроткими, слегка строгими и чуть-чуть насмѣшливыми глазами, вотъ онъ—серіозный и весь погруженный въ дѣловую думу, вотъ онъ — веселый и добрый, а вотъ его губы складываются въ сдержанную, насмѣшливо-добродушную улыбку, за которою часто слѣдовало какое-нибудь острое и мѣткое словцо, всегда попадавшее въ цѣль, но не всегда гладившее по головкѣ того, къ кому оно относилось. Сколько такихъ словечекъ перепало на мою долю и на долю моихъ товарищей по редакціи «Новаго Времени»! Всѣ они были проникнуты добродушнымъ юморомъ, всѣ били не въ бровь, а прямо въ глазъ, но ни одно изъ нихъ не вызывало обиды. Какъ ни горько было подчасъ выслушивать изъ его устъ сарказмъ, но возражать приходилось рѣдко: выходило всякій разъ, что правъ Алексѣй Петровичъ, а не ты. Начнешь, бывало, послѣ взвѣшивать и обдумывать, и оказывается, что по поводу какого-нибудь житейскаго случая или событія ты наговорилъ три короба и глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ; а попадетъ это дѣло, случайно или умышленно, на судъ къ Алексѣю Петровичу,—произноситъ онъ одно только

слово, и все становится сразу яснымъ и безспорнымъ, и видишь, что правда лежитъ на его сторонѣ. У него была цѣнная особенность: онъ не стѣснялся говорить самую рѣзкую правду въ лицо, но никогда не осуждалъ никого за глаза. Онъ умѣлъ хранить чужіе секреты, какъ бы ничтожны и мелки они ни были, и никогда никто не слышалъ, чтобы онъ когда-нибудь проговорился. А сколько секретовъ и тайнъ было ему извѣстно! Кто только ни шелъ къ нему съ самой искренней исповѣдью! Онъ одинаково зналъ семейное положеніе, недостатки, прегрѣшенія и житейскіе промахи самаго мелкаго труженика изъ типографской «свинцовой арміи» и лютого изъ интеллигентныхъ работниковъ въ редакціи. Всѣ шли къ нему съ своими нуждами и со своимъ горемъ и довѣрчиво калялись въ грѣхахъ; правда, шли со страхомъ и трепетомъ, выслушивали иногда очень неприятныя для самолюбія вещи, но уходили утѣшенные. Ниже я приведу нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ Алексѣя Петровича, какъ человѣка добрѣйшей души, строгого къ самому себѣ, но въ высокой степени снисходительнаго къ ближнему. Онъ старался казаться строгимъ, даже каменно-холоднымъ, но никогда не былъ въ глубинѣ души въ силахъ отказать въ помощи даже такимъ лицамъ, которыя, какъ ему казалось, не оправдывали его довѣрія. Онъ всегда находилъ для нихъ оправданіе.

Алексѣй Петровичъ завѣдывалъ финансовой стороной газеты. Въ чемъ заключалось это сложное дѣло,—я не знаю, потому что онъ никогда ничего не говорилъ объ этомъ. Но на этой почвѣ ему приходилось немало претерпѣвать отъ насъ—сотрудниковъ. Большинство изъ насъ были народомъ нуждающимся—особенно въ первые годы сотрудничества—и вѣчно приставали къ нему съ просьбами объ авансахъ. Эти наши просьбы были для него настоящей мукой. Отказывать онъ не умѣлъ, но часто задолженность просившаго превосходила его кредитоспособность. Какъ тутъ быть? Тутъ Алексѣй Петровичъ какъ бы раздваивался: съ одной стороны, ему было жаль нуждавшагося, а съ другой,—нельзя же было и бесконечно черпать изъ редакціонной кассы. Въ этихъ случаяхъ онъ облакался въ броню страшной черствости и суровости и рѣзко отказывалъ. Но потомъ мало-по-малу смягчался, суровый взглядъ его дѣлался все добрѣе и добрѣе, и дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что просившій уходилъ отъ него съ облегченной душою и съ запискою въ карманѣ, въ которой значились короткія, но для того момента очень отрадныя строки: «Прошу контору выдать такому-то столько-то, авансомъ...». Какъ было не любить такого человѣка? Ни одинъ изъ насъ не вѣрилъ въ его напускную жесткость и строгость, всѣ его глубоко уважали, всѣ любили, всѣ преклонялись передъ его прямою, и всѣ были твердо убѣждены въ его глубокой сердечности и добротѣ. Даже лгать передъ нимъ никто не рѣшался.

Человѣкъ слабъ. Давно извѣстно, что если человѣку не въ очередь понадобится деньги, и ему нужно эти деньги просить заимообразно и въ счетъ будущихъ благъ, то онъ всегда какъ-то невольно старается придумать иллюстрацію къ своей просьбѣ въ видѣ разныхъ «смягчающихъ обстоятельствъ», иногда очень далекихъ отъ правды. Алексѣй Петровичъ былъ всегда противъ подобныхъ иллюстрацій. На ламентации просившаго онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Какое мнѣ дѣло до этихъ подробностей? Мнѣ важно знать, насколько вы кредитоспособны, а остальное меня не касается... Сколько вы должны конторѣ?..

Просившій имѣлъ полную возможность въ своемъ отвѣтѣ уменьшить цифру своего долга (поди, потомъ наводи справки: *après nous la déluge!*), но ни у кого не поворачивался языкъ сказать ложь. Каждый называлъ истинную цифру.

— Вотъ видите, — строго возражалъ Алексѣй Петровичъ. — Вы уже забрали болѣе, чѣмъ имѣете право...

Загнѣвъ онъ медленно отрывалъ листокъ бумаги, медленно писалъ на немъ заветныя строки и, умышленно глядя въ сторону, протягивалъ листокъ и говорилъ:

— Вотъ возьмите. Это я вамъ даю на свой страхъ и рискъ...

Выраженій благодарности Алексѣй Петровичъ не выносилъ. Въ этихъ случаяхъ онъ торопливо прерывалъ благодарившаго:

— Оставьте... Все это пустяки... Все—суета суетъ...

Все только-что рассказанное я испыталъ на самомъ себѣ, но увѣренъ, что подъ этими строками подписалось бы охотно и еще немало лицъ, кромѣ меня. Скажу проще: если въ нашемъ товарищескомъ, сотрудническомъ кружкѣ кто-нибудь жаловался на острое безденежье, то почти всегда постановлялся одинъ и тотъ же стереотипный приговоръ:

— Иди (или: идите) къ Алексѣю Петровичу: онъ выручитъ...

— Боюсь. Я уже и такъ надоѣлъ ему; за мною и безъ того уже много... А деньги до-зарѣзу нужны.

— Остается одно: итти къ Алексѣю Петровичу...

— Страшно... И совѣстно...

— Такъ-то оно такъ. Но вѣдь волковъ бояться, — въ лѣсъ не ходить. Развѣ не знаешь его: встрѣтитъ сурово, прочитаетъ нотацию, а, въ концѣ концовъ, все-таки дастъ записку. Вѣдь это — добрѣйшей души человѣкъ; онъ нарочно напускаетъ на себя суровость...

Да, Алексѣй Петровичъ былъ дѣйствительно добрѣйшей души человѣкъ. Его доброта простиралась такъ далеко, что онъ нерѣдко помогалъ нуждающимся изъ собственныхъ средствъ и иногда довольно крупными суммами.

Въ его присутствіи неоднократно заходила въ шутку рѣчь о томъ, что онъ, какъ опытный и талантливый юристъ, долженъ

былъ скопить себѣ практикой довольно приличный капиталъ, но онъ всякій разъ отвѣчалъ одно и то же:

— У меня ничего нѣтъ. Правда, прежде дѣйствительно я зарабатывалъ практикой крупныя суммы, но теперь я почти оставилъ практику, и у меня нѣтъ ничего въ запасѣ. Есть у меня маленькое имѣніе въ средней Россіи, но оно ничего мнѣ не приноситъ. Впрочемъ, все—суета, суета суеть, всяческая суета...

Алексѣй Петровичъ при очень многихъ случаяхъ жизни любилъ ссылаться на это ветхозавѣтное изреченіе о суеть суеть и, повидимому, вѣрилъ въ его правдивость и примѣнимость ко всему на свѣтѣ. Приведу примѣры, свидѣтелями которыхъ былъ я лично и въ разное время.

Одинъ заботливый отецъ обратился къ Алексѣю Петровичу съ вопросомъ, какъ ему нужно поступить, чтобы узаконить своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Алексѣй Петровичъ съ охотою далъ обстоятельный юридическій совѣтъ, снабдивъ необходимыми указаніями и свѣдѣніями, и даже указалъ на полезныхъ для дѣла лицъ, но при этомъ почему-то вздохнулъ и прибавилъ:

— Желаю вамъ успѣха. Только все это—суета суеть.

Въ другой разъ одинъ изъ завзятыхъ театраловъ, захлебываясь отъ восторга, рассказывалъ объ успѣхахъ, произведенныхъ первымъ дебютомъ какой-то заграничной балерины. Восторгъ рассказчика отразился и на всѣхъ окружавшихъ его слушателяхъ. Одинъ только Алексѣй Петровичъ остался, повидимому, спокоенъ и на обращенный къ нему вопросъ по этому предмету скромно отвѣтилъ, что новая звѣзда, вѣроятно, будетъ имѣть успѣхъ среди петербургскихъ балетомановъ, но что все это—суета суеть. Можно было думать, что его уравновѣшенная душа волновалась рѣдко. Когда весь Петербургъ волновался такими крупными событіями, какъ громкіе процессы, грандіозныя наводненія, выдающіяся политическія событія и т. п., то А. П., слѣдя за ними съ зоркостью живого и чувствующаго человѣка, которому ничто человѣческое не чуждо, все-таки находилъ возможнымъ относить и ихъ къ категоріи житейской суеты суеть... Онъ былъ постоянно ровень и наружно спокоенъ. За всѣ четырнадцать лѣтъ нашего знакомства я не видѣлъ его ни разу всплывшимъ или сердитымъ: владѣлъ онъ собою превосходно. Одинъ только разъ въ жизни я слышалъ вылетѣвшее изъ его устъ слово: «болванъ». Это было такъ курьезно, что я считаю нужнымъ рассказать этотъ случай.

Редакція «Новаго Времени» только-что была переведена съ Малой Итальянской въ Эртелевъ переулокъ. Перемѣщеніе было совершено такъ быстро, чуть ли не въ одну ночь, что никому не пришло въ голову повѣсить на дверяхъ покинутой квартиры аншлагъ съ новымъ адресомъ редакціи. Сдѣлать это догадался только одинъ изъ многочисленныхъ редакціонныхъ лакеевъ-артельщиковъ.

Взялъ онъ первую попавшуюся картонку, нацарапалъ на ней, какъ умѣлъ, новый адресъ съ погрѣшностями противъ грамотности и прибилъ на дверяхъ. Кто-то изъ посѣтителей или сотрудниковъ сорвалъ эту надпись и показалъ ее, какъ курьезъ, Алексѣю Петровичу. Но послѣдній взглянулъ на дѣло серьезнѣе, чѣмъ ожидали. Онъ подошелъ къ дверямъ лакейской и строго спросилъ:

— Какой это болванъ осмѣлился вывѣсить на дверяхъ такую безграмотную нелѣпость?!..

Это было такъ неожиданно, что всѣ, слышавшіе эту фразу, переглянулись между собою: Алексѣй Петровичъ произнесъ слово «болванъ»! Это было что-то новое и доселѣ неслыханное...

Алексѣй Петровичъ очень недолюбливалъ бранныхъ словъ и сильныхъ выраженій и постоянно морщился, когда ихъ при немъ произносили. При немъ и анекдоты, снабженные излишней солью, всегда облекались въ болѣе или менѣе приличную форму. Дѣлалось это какъ-то невольно и не потому, чтобы онъ былъ фанатикомъ-пуританиномъ: онъ никогда по этому поводу не дѣлалъ никакихъ замѣчаній; просто, какъ человекъ, привыкшій къ точному и краткому изложенію мыслей, онъ находилъ многія слова совершенно ненужными и излишними. Въ жизни онъ отличался замѣчательной терпимостью, никогда не насилывалъ ни чужихъ убѣжденій, ни образа мыслей и никому не навязывалъ своихъ. Даже совѣты онъ подавалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ у него спрашивали.

Для желающихъ пользоваться его совѣтами двери его квартиры были ежедневно открыты отъ 9 до 11 утра, и въ эти часы онъ аккуратно бывалъ дома. Я не знаю ни одного случая, когда бы онъ, назначивъ посѣтителю или гостю время для свиданія, опоздалъ хоть на четверть часа. Въ этихъ отношеніяхъ онъ былъ точенъ, какъ часовая стрѣлка. Мнѣ много разъ приходилось бывать у него въ квартирѣ, и онъ всегда являлся ласковымъ, но дѣловымъ хозяиномъ; онъ съ участіемъ разспрашивалъ, съ участіемъ выслушивалъ, но тратилъ времени на праздные разговоры, особенно въ часы пріема, онъ не любилъ. Дорожа временемъ, онъ не любилъ отнимать его и у другихъ. Въ его роскошно обставленномъ кабинетѣ велись только дѣловые разговоры и съ такою размѣренностью, что посѣтитель самъ чувствовалъ наступленіе момента, когда нужно было подняться съ мѣста и откланяться.

Вставалъ Алексѣй Петровичъ рано и ложился поздно. Нерѣдко я его видѣлъ въ 2 и даже въ 3 часа ночи, но, несмотря на это, на другое утро онъ уже бывалъ на ногахъ въ опредѣленное разъ навсегда время и въ 9 часовъ былъ уже готовъ къ пріему. Спалъ онъ удивительно мало. Когда я однажды, встрѣтивъ его поздно ночью въ редакціи, спросилъ, сколько же часовъ онъ спитъ въ сутки, онъ отвѣтилъ коротко и неохотно:

— Мнѣ нужно мало времени на сонъ. Излишекъ сна вреденъ.

— По гигиенѣ полагается спать восемь часовъ,—сказалъ я.

— По восьми часовъ въ сутки спятъ только лѣнтяи,—получилъ я короткій, но вѣскій отвѣтъ, заставившій меня тотчасъ же умолкнуть, такъ какъ я всегда проповѣдывалъ физиологическую необходимость восьмичасового сна. Въ этомъ случаѣ косвенно попалъ и я въ разрядъ лѣнтяевъ, но дѣлать было нечего...

Алексѣй Петровичъ почему-то очень не любилъ, когда освѣдомлялись о его здоровьѣ. На шаблонную фразу при встрѣчѣ «какъ ваше здоровье?» онъ еще кое-какъ отвѣчалъ, тоже по принятому шаблону; но когда кто-нибудь изъ не особенно близкихъ къ нему лицъ начиналъ болѣе участливо разспрашивать о здоровьѣ, онъ немедленно переменялъ тему разговора, и по лицу его пробѣгала тѣнь. Ему нельзя было задать столь частаго въ обществѣ, но въ сущности нецѣпаго вопроса, какъ, на примѣръ:

— Хорошо ли вы сегодня спали? Вы сегодня кажетесь блѣднѣе обыкновеннаго...

Онъ отвѣчалъ обыкновенно вѣжливо, но такимъ тономъ, который ясно показывалъ, что подобные вопросы и праздны и неумѣстны. Въ самые первые дни нашего знакомства, лѣтъ четырнадцать тому назадъ, я, встрѣтивъ его съ насморкомъ, обратился къ нему съ простодушнымъ соболѣзнованіемъ:

— Что это у васъ, А. П., насморкъ? Гдѣ вы его захватили?

— Да, насморкъ. Только впередъ никогда не спрашивайте меня о моемъ здоровьѣ,—отвѣтилъ онъ.— Я нахожу, что подобные вопросы—самые ненужные въ мірѣ. Ихъ давно слѣдовало бы упразднить. Освѣдомляться о здоровьѣ долженъ только одинъ врачъ...

Я намоталъ себѣ это на усъ и съ той поры, въ теченіе почти пятнадцати лѣтъ, ни разу не раскрывалъ рта на эту тему, и наши встрѣчи всегда были радушными. Уже гораздо позднѣе, когда я самъ сталъ съ годами прихварывать, я понялъ всю мудрость преподаннаго мнѣ урока. Дѣйствительно, участливый вопросъ добраго знакомаго, какъ бы онъ ни былъ добродушенъ, здоровья не прибавитъ, а только напомнитъ лишній разъ о хвори...

А. П. былъ замѣчательнъ еще и въ томъ отношеніи, что у него не было враговъ. Я помню его еще ученикомъ таганрогской гимназіи. Онъ былъ въ одномъ изъ старшихъ классовъ, когда я только-что поступилъ въ приготовительный. Мы, мелюзга, смотрѣли тогда на учениковъ старшихъ классовъ съ большимъ уваженіемъ и почему-то дѣлили ихъ на два разряда—добрыхъ и недобрыхъ. Какъ теперь помню, Коломнинъ числился у насъ въ разрядѣ «добрыхъ». Я уже засталъ его съ этимъ титуломъ, и меня въ это посвятили старшіе товарищи-второгодники. По тогдашнимъ понятіямъ, добрымъ считался тотъ ученикъ, который, будучи старшимъ, не обижалъ младшихъ. Такимъ добрымъ А. П.

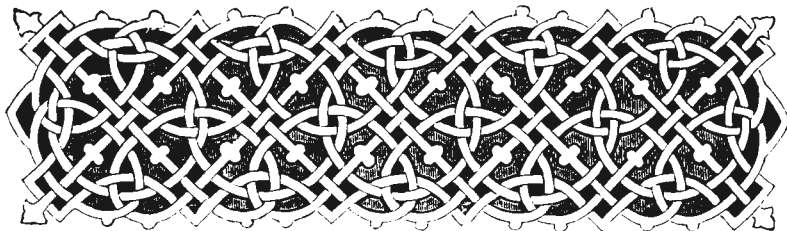
остался и на всю жизнь. Всѣ его любили, всѣ его хвалили, и всѣ, какъ я уже сказалъ, признавали въ немъ человѣка добрѣйшей души. Онъ былъ въ высшей степени правдивъ и снисходителенъ, но страшно презиралъ ложь. Если кто-нибудь обманывалъ его хоть разъ, тотъ уже навсегда терялъ его довѣріе.

Зналъ я А. П. еще и съ другой стороны, — какъ фотографа любителя. На фотографіи онъ отдыхалъ отъ своихъ многостороннихъ и тяжелыхъ трудовъ. Въ этой отрасли въ немъ сказывался настоящій художникъ. Лабораторная работа съ краснымъ фонаремъ мало привлекала его. Онъ за послѣдніе годы довольствовался тѣмъ, что удачно выбиралъ художественные объекты для фотографирования и снималъ ихъ. Проявлялъ ихъ кто-нибудь другой, и А. П. уже, какъ знатокъ, оцеивалъ полученный негативъ. Онъ любилъ свѣтопись, но ему некогда было заниматься ею. Зато онъ живо интересовался всѣми текущими новостями по фотографіи и охотно выслушивалъ, если я ему сообщалъ что-нибудь новенькое по этой части. Онъ очень интересовался также новѣйшими объективами и покупалъ, и выписывалъ ихъ довольно часто. Нѣкоторые изъ этихъ объективовъ онъ отдавалъ на испытаніе и на пробу мнѣ. Я не знаю, куда онъ ихъ дѣвалъ потомъ, послѣ того какъ ознакомился съ результатами моихъ пробъ, — ставилъ ли на полку въ шкафъ или же дарилъ кому-нибудь (а онъ любилъ дарить); но только помню, что между его объективами были превосходные въ оптическомъ отношеніи и цѣнные экземпляры.

На этомъ я заканчиваю, хотя и сознаю, что сказалъ очень мало. Въ короткомъ очеркѣ трудно дать сколько-нибудь сносное и стройное воспоминаніе о человѣкѣ, съ которымъ приходилось встрѣчаться почти ежедневно, и который своей прекрасной душою завоевалъ себѣ всеобщія симпатіи и глубокое уваженіе. Повторяю, онъ стоитъ передо мною, какъ живой, я прекрасно вижу всѣ его черты, и каждая изъ нихъ зарождаетъ въ моей душѣ воспоминаніе. И этихъ отрадныхъ и живыхъ воспоминаній такъ много, и такъ тѣсно они переплетаются между собою, что потребуется еще не мало времени для того, чтобы дать имъ улечься и прійти въ порядокъ. Лишь тогда явится возможность хоть сколько-нибудь сносно обрисовать обликъ этого прекраснаго, симпатичнѣйшаго, глубоко честнаго, правдиваго и добрѣйшаго человѣка. Теперь этого я сдѣлать не въ силахъ: слишкомъ свѣжа еще его могила...

Ал. Чеховъ (А. Сѣдой).

ВОСПОМИНАНІЯ А. И. АБАРИНОВОЙ.

ОИ ДРУЗЬЯ и знакомые неоднократно упрашивали меня набросать мои воспоминанія. До сихъ поръ я не могла исполнить ихъ просьбы, такъ какъ мое время всегда было занято: зимою—во время сезона—изученіемъ ролей, спектаклями и репетиціями, а въ свободные отъ занятій мѣсяцы путешествіями по Европѣ. Въ настоящее время, когда тяжелая болѣзнь приковала меня къ одному мѣсту, я съ удовольствіемъ исполняю ихъ просьбу. Спѣшу оговориться: я не имѣю никакихъ литературныхъ претензій, и ручаюсь лишь за то, что въ моихъ замѣткахъ нѣтъ никакихъ вымысловъ.

I.

*Non c'è nessun maggior dolore
che ricordarsi del tempo
felice nella miseria.*

Дѣтство мое не оставило во мнѣ хорошихъ воспоминаній. Родители мои жили недружно. Между ними была, во-первыхъ, огромная разница лѣтъ, во-вторыхъ, они совѣмъ ни въ чемъ не подходили другъ къ другу. Мать моя вышла замужъ по приказанію своего отца, который былъ большимъ деспотомъ въ семействѣ. Она была женщина очень умная, рѣдкаго образованія и талантли-

вая. Она прекрасно пѣла, а въ особенности—рисовала и постоянно интересовалась всѣми отраслями искусства; но характеръ имѣла тяжелый. Отецъ мой, человѣкъ необыкновенной доброты, былъ лѣтъ на двадцать ея старше, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и служилъ въ молодости въ лейбъ-гвардіи егерскомъ полку, былъ четыре раза раненъ на войнѣ и вышелъ въ отставку. Оправившись отъ ранъ, онъ служилъ полицмейстеромъ во Владимирѣ, гдѣ я родилась, а позже былъ смотрителемъ Литовскаго замка въ Петербургѣ. Братевъ и сестеръ у меня не было, я росла одна. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, меня отдали въ Патріотическій институтъ, гдѣ я пробыла шесть лѣтъ.

Институтъ оставилъ во мнѣ очень пріятное воспоминаніе. Подруги меня любили, начальство отличало за то, что я хорошо училась. Посѣщавшіе институтъ высокіе гости относились ко мнѣ милостиво. Особенно удостоивали меня вниманіемъ покойная великая княгиня Марія Николаевна и дочь ея, нынѣ здравствующая принцесса Баденская, Марія Максимилиановна. Одно изъ лучшихъ воспоминаній моего дѣтства и ранней юности соединено съ именемъ Татьяны Борисовны Потемкиной, извѣстной тогда благотворительницы и меценатки. При Литовскомъ замкѣ, гдѣ служилъ мой отецъ, она устроила пріютъ для дѣтей арестантовъ и, посѣщая его, познакомилась съ моими родителями, имѣвшими квартиру въ замкѣ. Она «страстно любила дѣтей и, не имѣя своихъ собственныхъ, всегда искала случая оказать ласку и покровительство чужимъ дѣтямъ. Одною изъ такихъ ея симпатій была я. Когда меня въ рѣдкихъ случаяхъ, по протекціи, отпускали изъ института на каникулы или на праздники, она часто присылала за мною, а послѣ выпуска изъ института она заинтересовалась моимъ голосомъ и приглашала къ себѣ на вечера. Мнѣ приходилось пѣть въ присутствіи ея родственниковъ и блестящаго общества: Рибопьеры, Куракины, Голицыны, Юсуповы, Трубецкіе; у нея бывалъ тогда принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, всегда относившійся ко мнѣ милостиво и хвалившій мой голосъ еще въ институтѣ. Потомъ мнѣ не разъ приходилось обращаться къ его высочеству за покровительствомъ, и я никогда не встрѣчала отказа въ его помощи. Такъ, напримѣръ, онъ опредѣлилъ по моей просьбѣ въ Николаевскій сиротскій институтъ двоюродную мою племянницу, сестру поэта Надсона, послѣ смерти ихъ матери, моей двоюродной сестры.

Яркимъ воспоминаніемъ остается для меня одинъ вечеръ, который я имѣла счастье провести во дворцѣ великой княгини Маріи Николаевны, куда повезла меня Т. В. Потемкина. У великой княгини назначено было чтеніе «*Les misérables*» В. Гюго. Меня отвели на половину великихъ княженъ Маріи и Евгеніи Максимилиановны. Ихъ воспитательница, графиня Толстая, оставила насъ однихъ, и мы втроемъ пресвесело провели время. Я пѣла романсы

подъ акомпанементъ великой княгини Маріи Максимиліановны, а Евгенія Максимиліановна пѣла малороссійскія пѣсни. У нея былъ прехорошенькій голосъ. Заходилъ къ намъ и великій князь Николай Максимиліановичъ. Съ 8 часовъ вечера до полуночи время прошло прелестно и незамѣтно. Помню, что Татьяна Борисовна на обратномъ пути въ каретѣ учила меня произносить молитву на французскомъ языкѣ, которая предохраняла бы меня отъ искушеній свѣта, въ особенности—отъ ухаживаній молодыхъ людей.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхала съ матерью за границу, чтобы продолжать учиться пѣть въ Миланѣ. Мы нанмали двѣ комнаты у старушки Караро, бывшей знаменитости, современницы Малибранъ. Много рассказывала она намъ интереснаго про эту эксцентричную, гениальную пѣвицу, о чемъ сообщу дальше. Полтора года я занималась непрерывно. Сначала моимъ учителемъ былъ Мацукато, а потомъ извѣстный профессоръ пѣнія Ламперти. Черезъ полтора года я должна была съ матерью вернуться въ Россію, по семейнымъ обстоятельствамъ, и проѣздомъ черезъ Одессу я выступила экспромтомъ на сценѣ, въ роли Пьеретто въ оперѣ «Линда ди Шамуни».

Тогдашній мой успѣхъ я приписываю только моей молодости, недурной внѣшности и природному хорошему тембру голоса, но я далеко еще не была законченной пѣвицей. Одновременно со мной выступили тогда извѣстные артисты, теноръ Комисаржевскій и баритонъ Падилла. Послѣ сезона я уѣхала въ Италію опять заниматься пѣніемъ. На слѣдующій сезонъ я была приглашена въ итальянскую оперу въ Москву, гдѣ выступила подъ именемъ Реджи и пѣла весь репертуаръ контральто. Со мною служили: сопрано драматическое Фриччи, Гасье — колоратурное сопрано, теноръ Нери-Баральди, басъ Віалетти и баритонъ Стеллеръ. Послѣ этого сезона я скорѣ вышла замужъ и оставила сцену на пять лѣтъ. Эти тяжелые годы я хотѣла бы вычеркнуть изъ моей жизни и не хочу ихъ вспоминать. Я нигдѣ не бывала, и у насъ никто не бывалъ. Только послѣднее время меня навѣщали двѣ мои институтскія подруги: А. Н. Чебышева и Н. А. Акинѣева, впоследствии—графиня Богарне. Я бывала у нея, въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ она гостила у своего родственника канцлера князя Горчакова. Наконецъ я была вынуждена уѣхать отъ мужа, захвативъ съ собою троихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему было три года, а меньшому одинъ мѣсяць. Средствъ у меня не было никакихъ. Я переѣхала въ домъ моей подруги А. Н. Ч. и скорѣ была обрадована предложеніемъ Г. П. Кондратьева ѣхать по Волгѣ давать концерты въ приволжскихъ городахъ. Съ нами поѣхалъ П. В. Васильевъ, извѣстный артистъ, на гастроли. Въ антрактахъ его спектаклей мы съ Кондратьевымъ пѣли и, кромѣ того, давали отдѣльно концерты. Успѣхъ былъ большой, и въ матеріальномъ

отношеніи поѣздка была удачная. Проѣздомъ я была въ Таганрогъ и въ Одессѣ, гдѣ получила приглашеніе на зимній сезонъ въ итальянскую оперу. Тогда мнѣ шелъ 24-й годъ. Сезонъ для меня удался блистательно. Особенно же я вспоминаю мой первый бенефисъ. Я выступила въ Роли Ромео, въ оперѣ Беллини «Монтечки и Капулетти». На лѣто въ Одессу пріѣхалъ изъ Кіева съ своей группой русской оперы антрепренеръ Бергеръ, и по желанію публики я перешла въ его труппу. Со мною пѣли: Меньшикова, В. И. Васильевъ (басъ), Раппортъ и Додоновъ. Въ этомъ сезонѣ первый разъ была поставлена въ Одессѣ «Жизнь за Царя», имѣвшая громадный успѣхъ. Я пѣла роль Вани. Осенью я переѣхала въ Тифлисъ, заключивъ контрактъ на два сезона въ итальянскую оперу. Въ 1871 году посѣтилъ Тифлисъ императоръ Александръ II. Спектакль galá состоялъ изъ отрывковъ разныхъ оперъ. Я исполняла роль Зибеля въ третьемъ актѣ Фауста, и такъ какъ затѣмъ должна была пѣть одинъ актъ Периколы, то, окончивъ свою арію, торопилась переодѣваться изъ мужского костюма въ женскій. Вдругъ ко мнѣ въ уборную постучался директоръ театра, баронъ Мейндорфъ, объявляя, что государь пришелъ на сцену и желаетъ со мною говорить. Я страшно взволновалась и, наскоро накинувъ капоть и шаль, выбѣжала за кулисы. Государь говорилъ со мною очень милостиво, хвалилъ мой голосъ и былъ пріятно удивленъ тѣмъ, что я—бывшая воспитанница Патріотическаго института, да еще награжденная шифромъ. Въ тотъ же вечеръ я была представлена великому князю Владимиру Александровичу, которому обязана моимъ поступленіемъ на Петербургскую сцену.

Въ этомъ сезонѣ въ Тифлисскомъ театрѣ впервые была поставлена, на ряду съ итальянскими операми, первая оперетка «Птички пѣвчія». Постановка стоила большого труда. Самъ директоръ, баронъ Мейндорфъ, и я писали французскими буквами русскія слова для хора, который весь состоялъ изъ итальянцевъ. Градовъ-Соколовъ и Журинъ изъ драматической труппы, игравшіе первыя роли въ Периколѣ, не знали нотъ совсѣмъ, и мнѣ пришлось разучивать ихъ партіи и учить ихъ съ голоса, запоминая по слуху. Извѣстный теперь опереточный премьеръ А. Д. Давыдовъ исполнялъ роль одного изъ нотаріусовъ.

Наши труды не пропали даромъ: «Птички пѣвчія» имѣли успѣхъ колоссальный и дали болѣе 20-ти полныхъ сборовъ, что для провинціи—небывалая рѣдкость. Мою службу въ Тифлисъ я вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностью. Успѣхъ мой былъ большой, меня очень любили, всюду принимали радушно и баловали. Я имѣла честь пѣть во дворцѣ великаго князя Михаила Николаевича и удостоилась получить подарокъ отъ покойной великой княгини Ольги Феодоровны.

Итальянская опера была такъ роскошно обставлена въ Тиф-

лисѣ, что, несмотря на отличные сборы и субсидію отъ казны, послѣ двухъ сезононъ получился огромный дефицитъ, и театръ пришлось закрыть и распустить труппу. Для меня это было очень неожиданно и тяжело, такъ какъ я оставалась опять безъ всякихъ рессурсовъ. Я отправилась лѣтомъ въ Москву просить дебюта, но въ глубинѣ души надѣялась опять вернуться въ Тифлисъ, гдѣ мнѣ жилось такъ хорошо. Увы! вскорѣ я узнала, что театръ сгорѣлъ. Это былъ самый красивый театръ, который я только видѣла въ жизни; внутри онъ былъ роскошно отдѣланъ въ восточномъ вкусѣ.

Лѣтомъ 1872 года, въ Москвѣ, была политехническая выставка. Въ концѣ юля ждали проѣзда государя черезъ Москву въ Крымъ. По приѣздѣ моемъ въ Москву, я обратилась къ управляющему московскими театрами, В. П. Бѣгичеву, прося разрѣшить мнѣ дебютъ. Онъ предложилъ мнѣ выступить въ «Жизни за Царя» и въ «Птичкахъ пѣвчихъ», модной тогда опереткѣ. На моемъ второмъ дебютѣ присутствовалъ государь и нѣкоторыя лица царской фамиліи. Послѣ перваго акта его величество пришелъ на сцену, говорилъ со мною и пригласилъ въ царскую ложу, сказавъ, что его племянница, великая княгиня Марія Максимиліановна, узнала меня и желаетъ меня видѣть. Я была глубоко тронута доброй памятью великой княгини и никогда не забуду ея милостиваго со мною обращенія.

На другой день моего удачнаго дебюта со мною былъ заключенъ контрактъ на выгодныхъ для меня условіяхъ, и я уѣхала въ Тверь къ роднымъ. Тамъ я должна была получить телеграмму изъ Ливадіи, когда мой контрактъ будетъ подписанъ министромъ. Но, къ моему удивленію, я получила не эту, а другую депешу, отъ директора петербургскаго театра, Гедеонова, вызывающую меня немедленно въ Петербургъ для переговоровъ по важному дѣлу. Я сейчасъ же выѣхала и на другое утро явилась къ Гедеонову. Онъ принялъ меня крайне любезно, но каково же было мое удивленіе, когда онъ сталъ меня уговаривать остаться служить въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ!

На дѣлѣ оказалось вотъ что: чиновникъ особыхъ порученій при директорѣ, А. А. Эйхлеръ, присутствовалъ на моихъ дебютахъ въ Москвѣ и разсказалъ Гедеонову, какъ они были удачны, и какъ внимательно отнесся ко мнѣ государь и лица царской фамиліи. Какъ разъ въ это время въ Петербургѣ былъ кризисъ съ пѣвицами—контральто. Леонова советѣмъ покинула сцену; Лавровская въ разгарѣ своей славы, не поладивъ съ дирекціей, уѣхала изъ Петербурга. Оставалась одна Крутикова въ оперѣ. Даже Кронебергъ, пѣвшая въ опереткѣ, заболѣла серьезно.

Такимъ образомъ, я, пѣвшая весь репертуаръ контральто, а также и нѣсколько партій входившихъ тогда въ моду оперетокъ, оказалась необходимою для петербургской сцены.

На предложеніе Гедеонова я возразила, что меня пугаетъ продолжительность переписки о моемъ переводѣ, и что Богъ знаетъ, когда это можетъ устроиться. Но онъ сейчасъ же, при мнѣ, послалъ телеграмму въ Ливадію министру двора, а вечеромъ былъ ужъ полученъ отвѣтъ, рѣшившій мою службу въ Петербургѣ. При обсужденіи вопроса о дебютѣ я нашла, что выступать въ одной изъ ролей любимицы публики, Лавровской, въ тотъ моментъ, когда весь городъ былъ опечаленъ ея вынужденнымъ отъѣздомъ, было бы нетактично и рискованно. Поэтому я выбрала «Птички пѣвчія», рассчитывая, судя по прошлому, на вѣрный успѣхъ. Расчетъ мой оказался вѣренъ, публика приняла меня восторженно, что даже превзошло мои ожиданія.

Итакъ, съ 30-го августа 1872 г. я ужъ не покидала Петербурга. Однако мой легкій успѣхъ въ опереткахъ не удовлетворялъ меня, и, кромѣ того, партіи опереточныхъ премьершъ, написанныя иногда въ высокихъ регистрахъ, вредно отзывались на моемъ голосѣ. Я только полтора сезона пѣла въ опереткахъ на Александринской сценѣ, а затѣмъ перешла на Маринскую, въ русскую оперу. Одною изъ первыхъ моихъ ролей въ русской оперѣ была роль Спиридоновны во «Вражьей силѣ» Сѣрова. Это открыло мнѣ новый горизонтъ въ искусствѣ. Послѣ «*bel canto italiano*», на которомъ я была воспитана, въ музыкальномъ отношеніи, партія Спиридоновны показалась мнѣ сначала чѣмъ-то дикимъ. Все, что я могла сдѣлать, это выучить добросовѣстно роль къ первой же репетиціи. Но каково было мое положеніе, когда Направникъ послѣ моей попытки пѣть закрылъ ноты и сказалъ: «Это совсѣмъ не то. Вы поете итальянскій речитативъ. Тутъ голоса не нужно, а говоркомъ, тривиально». Я заплакала и не знала, что дѣлать. Послѣ репетиціи пришелъ ко мнѣ Г. П. Кондратьевъ ободрить меня и увѣрилъ, что при помощи нашего общаго пріятеля, П. В. Васильева, дѣло пойдетъ на ладъ. Однако на другой день они долго мучились со мною и не могли добиться того, что нужно. Дѣйствительно послѣ Ромео, Арзаса, Орсино, мнѣ, тогда совсѣмъ молодой женщинѣ, трудно было изобразить старую, пьяную бабу въ трактирѣ. Вдругъ Васильеву пришла гениальная мысль: «загумируйте ее, сдѣлайте ей шугай, купите рыночныя сапоги, повяжите голову повойникомъ — тогда она пойметъ, что нужно дѣлать». Для гримировки былъ призванъ художникъ Якобій. Одѣли меня такъ, какъ слѣдуетъ, и едва я увидѣла себя въ зеркало, какъ сразу появились и жесты, и фразировка. Впослѣдствіи Направникъ хвалилъ меня за эту роль.

Весною 1874 года, я поѣхала въ Парижъ, для исправленія недостатковъ въ моемъ пѣніи, къ знаменитой пѣвицѣ Віардо-Гарсія, къ которой у меня было нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Когда, въ назначенный день, я вошла въ ея кабинетъ, горничная просила меня подождать. М-ше Віардо была на экзаменѣ въ кон-

серватори. Я съ любопытствомъ разсматривала картины и портреты, украшавшіе комнату. Тутъ были: портретъ во весь ростъ ея геніальной сестры, Малибранъ, портретъ ея пріятельницы Жоржъ-Зандъ, Тургенева, Гуно, Сень-Санса и т. д.

Вдругъ слышу, кто-то бѣжитъ по лѣстницѣ. «Marguerite, prenez vite mon chapeau!» И вотъ она вошла. Судя по рассказамъ моей матери, современницы Віардо, я ожидала увидѣть почтенную старушку. Моему удивленію не было границъ, когда я увидала на порогѣ стройную, невысокую женщину среднихъ лѣтъ, въ изящномъ черномъ кружевномъ платьѣ и въ такой же шляпѣ съ полевыми цвѣтами. (Въ то время художникъ Харламовъ писалъ ея портретъ). Она любезно извинилась, что заставила меня ждать, попросила спѣть ей что нибудь изъ моего репертуара и спросила, сколько мѣсяцевъ я имѣю въ моемъ распоряженіи. Я отвѣчала, что четыре мѣсяца я совсѣмъ свободна. Затѣмъ она заговорила быстро и авторитетно: «*quatre mois—c'est beaucoup, vous n'êtes pas une commençante. Vous prendrez un logement à Bougival à côté de moi, et vous viendrez chez moi tous les jours*». (Четыре мѣсяца много—вы не начинающая. Вы наймете помещеніе въ Буживаль, около меня, и будете приходить ко мнѣ ежедневно).

Въ тотъ же вечеръ я отправилась въ Буживаль и наняла маленькую дачку у вдовы художника Бутервека, друга Ораса Верне. Нельзя не сказать нѣсколько словъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Ей было 72 года. Голландка по происхожденію, она была необыкновенно сильна и цвѣтуща для такого возраста: высокаго роста, богатырскаго сложенія, съ румянцемъ во всю щеку. Она вставала въ 5 часовъ утра, выливая на себя три ведра холодной воды и затѣмъ шла за нѣсколько километровъ пѣшкомъ въ Версаль, за провизіей. Такъ какъ она имѣла характеръ весьма неуживчивый, то перессорилась со всѣми лавочниками въ Буживаль, ей не отпускали больше провизіи, и она принуждена была покупать ее въ Версаль.

Съ перваго же урока m-me Віардо совсѣмъ очаровала меня. Женщина необыкновеннаго ума, говорящая на всѣхъ европейскихъ языкахъ такъ увлекательно, что заслушаться можно; энергія, бьющая ключемъ, подвижность, темпераментъ, а ей было тогда за 50 лѣтъ. Кромѣ пѣнія, она обладала еще и музыкальнымъ талантомъ, какъ піанистка. Я узнала отъ нея, что до 15 лѣтъ она готовилась быть піанисткой, пока у нея не открылся замѣчательный голосъ. Все это показывало натуру, исключительно одаренную. Мои уроки были для меня наслажденіемъ. Иногда m-me Віардо такъ увлекалась сама какимъ нибудь романсомъ или аріей, что забывала условленные полчаса, и урокъ затягивался болѣе часа. Она очень цѣнила русскую музыку и съ особеннымъ удовольствіемъ проходила со мною партію Ратмира въ «Русланѣ». Чайковского

она ставила очень высоко и интересовалась всѣмъ, что выходило въ Россіи новаго по музыкальной части.

Я помню такой случай: при мнѣ принесли съ почты ящикъ съ новыми нотами. Она стала разбирать его при мнѣ и остановилась на новомъ тогда романсѣ Чайковскаго: «Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ». Она усѣлась за рояль и стала сама напѣвать, искренно восхищаясь. Такого исполненія, такихъ оттѣнковъ и фразировки я никогда ужь больше не слыхала. На этотъ разъ урокъ затянулся на полтора часа.

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего приѣзда въ Буживаль, вернулся изъ Россіи Тургеневъ совсѣмъ больной. Онъ жилъ рядомъ съ виллой Віардо, въ маленькомъ chalet. Однажды, отправляясь на урокъ, я увидѣла въ саду согнувшагося старичка, въ высокихъ плисовыхъ сапогахъ, опирающагося на палку. Дня черезъ два передъ урокомъ m-me Віардо познакомила меня съ Иваномъ Сергѣевичемъ, который былъ въ тотъ день неузнаваемъ. Припадокъ подагры миновалъ, и я увидѣла передъ собою высокаго, стройнаго человѣка, съ густыми сѣдыми волосами и свѣжимъ, румянымъ лицомъ. Я страшно конфузилась, когда m-me Віардо заставляла меня пѣть при немъ мой «cheval de bataille», какъ она называла вторую арію Ратмира изъ «Руслана» «Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость». M-me Віардо обращалась съ Иваномъ Сергѣевичемъ очень кокетливо, даже шаловливо, подшучивая надъ нимъ, говорила мнѣ: «Vous avez peur de lui,—ah, vous avez raison, c'est un homme terrible» (вы его боитесь, и вы правы, это ужасный человѣкъ). Онъ добродушно улыбался, казалось, конфузился не менѣе меня и отвѣчалъ: «Не вѣрьте m-me Віардо, ну, какой я homme terrible?». Увидавъ ихъ вмѣстѣ, я сразу поняла, какое было безграничное обожаніе съ его стороны. Потомъ мнѣ не разъ приходилось съ нимъ встрѣчаться у m-me Віардо. Сколько интереснаго рассказывала мнѣ эта удивительная женщина про себя и про свою сестру Малибранъ! Отъ нея я узнала, что партія Фидесъ въ «Пророкъ» была написана для нея Мейерберомъ. Она пѣла ее на трехъ языкахъ. Вмѣстѣ съ знаменитымъ Маріо и самимъ композиторомъ они втроемъ объѣхали съ этой оперой всѣ столицы Европы. Партія Фидесъ, написанная въ очень обширномъ регистрѣ, настолько ее утомила, что, по совѣту доктора, Віардо, тогда еще молодая женщина, должна была для отдыха оставить сцену на полтора года, чтобы вернуть свой прежній голосъ.

Въ то время, когда я занималась съ m-me Віардо, я слышала отъ нея, что Сенъ-Сансъ пишетъ оперу «Самсонъ и Далила», въ послѣдствіи обошедшую всѣ европейскія сцены. Тогда онъ закончилъ только два акта и уговорилъ Віардо спѣть роль Далилы на маленькой частной сценѣ, недалеко отъ Буживаля. Весь entourage состоялъ изъ учениковъ консерваторіи. Публика была неплатная,

только по личному приглашенію m-me Віардо или композитора. Присутствовали всѣ музыкальные авторитеты Парижа. Віардо была такъ любезна, что доставила билеты двумъ своимъ ученицамъ— мнѣ и m-elle Скобелевой, будущей герцогинѣ Лейхтенбергской.

Мнѣ часто приходилось ждать окончанія урока З. Д. Скобелевой. Изъ сосѣдней комнаты я слушала съ удовольствіемъ ея прелестный голосъ—фіоритурное сопрано. Во время этого замѣчательнаго спектакля на мѣстѣ оркестра стоялъ рояль, и самъ авторъ акомпанировалъ пѣнію артистовъ. Тогда голосъ Віардо былъ уже тронуть, особенно средній регистръ, но верхнія и низкія ноты сохранились прекрасно, а гениальное исполненіе заставляло забывать и возрастъ, не подходящій для Далилы, и недостатки голоса, и все остальное. Этотъ спектакль остается для меня воспоминаніемъ исключительнымъ. Вполнѣ стали мнѣ понятны безумные восторги публики, сопровождавшіе молодость этой удивительной артистки.

M-me Віардо мнѣ часто рассказывала о своей сестрѣ Малибранъ, выражаясь про нее, что «*c'était une folle, elle ne pouvait rester un moment tranquille, ni prendre un livre, un ouvrage quelconque*» (это была сумасшедшая, она не могла остаться ни минуты спокойной, ни взять книгу или какую нибудь работу). У нея былъ избытокъ силъ, которыя каждую минуту рвались наружу. Она была красива и прекрасно сложена, замѣчательная актриса, голосъ ея былъ необыкновеннаго размѣра и силы, она свободно владѣла тремя октавами и могла пѣть Арзаса (низкое контральто), а на другой день Семирамиду (высокое сопрано), Ромео и Сонамбулу и т. п. Кромѣ того, она отлично фехтовала и ѣздила верхомъ въ мужскомъ платьѣ.

Она успѣла два раза быть замужемъ, хотя умерла всего 29 лѣтъ. Съ первымъ мужемъ, Малибраномъ, она развелась и вышла за Берію, извѣстнаго скрипача. Я слышала, что причиною смерти ея было паденіе съ лошади и болѣзнь ноги. Тутъ кстати я могу припомнить рассказы старушки Караро, о которыхъ я упомянула раньше.

Малибранъ была приглашена на нѣсколько спектаклей въ Неаполь. Въ тотъ вечеръ, когда она должна была выступить въ любимой ея роли, Ромео, къ началу спектакля ея не оказалось въ театрѣ; проходитъ четверть часа, двадцать минутъ—все ея нѣтъ. Публика начала шикать и свистать. Наконецъ, черезъ полчаса подѣхала Малибранъ. Импрессарію рветъ на себѣ волосы, подбѣгая къ ней, и предупреждаетъ, что публика враждебно настроена, и ее ждетъ скандалъ. Не обративъ на него вниманія, она въ минуту одѣлась и вышла на сцену. Ее встрѣтили свистками, но она съ полнымъ самообладаніемъ продолжала роль, и въ сценѣ, когда Ромео является посломъ въ лагерь Капулетти, она смѣло подняла забрало и, обратясь къ публикѣ, пропѣла речитативъ «*guarda mi e trema*» (смотри на меня и трепещи). Театръ мгновенно сталъ

неузнаваемъ и задрожалъ отъ рукоплесканій. Въ этотъ вечеръ она была особенно въ ударѣ, и по окончаніи спектакля ее вынесли на рукахъ; каждый считалъ за счастье прикоснуться къ ея одеждѣ. Въ фойе театра «La Scala» въ Миланѣ стоитъ бюстъ этой гениальной артистки, а похоронена она въ окрестностяхъ Брюсселя. Я была на ея могилѣ и съ благоговѣніемъ положила вѣнокъ къ ея ногамъ.

Много лѣтъ спустя мнѣ опять пришлось заѣхать въ Буживаль. М-ме Віардо я не застала дома. Меня встрѣтилъ съ лаемъ большой бѣлый пудель. Я испугалась, но затѣмъ услышала голосъ Ивана Сергѣевича: «Не бойтесь, онъ не кусается». М-ме Віардо жила на другой виллѣ, еще болѣе роскошной и, какъ мнѣ сказали, подаренной ей Тургеневымъ. Онъ занималъ, какъ и прежде, маленькій chalet, рядомъ съ большимъ домомъ. Вмѣстѣ съ нимъ жилъ сынъ м-ме Віардо, Поль, извѣстный скрипачъ. Я просидѣла у Ивана Сергѣевича около часу. Кабинетъ его заключалъ въ себѣ много портретовъ Віардо. Я остановилась на одномъ изъ нихъ, на которомъ она была немного польщена. Онъ снялъ его со стѣны, чтобы показать мнѣ поближе, и самъ долго съ любовью смотрѣлъ на него, и, какъ бы про себя, промолвилъ: «какія чудныя черты!» Онъ много разспрашивалъ меня о Чайковскомъ и просилъ разузнать и написать ему, по возвращеніи моемъ въ Россію, гдѣ онъ находится. (Это было вскорѣ послѣ женитьбы Чайковскаго). Когда я простилась, Иванъ Сергѣевичъ пошелъ меня провожать, такъ какъ по дорогѣ жили его родственники, тоже Тургеневы. Проходя черезъ ворота, онъ остановился и заговорилъ съ консьержемъ: «N'oubliez pas de faire atteler pour les 5 heures», т. е. къ тому часу, когда Віардо должна была вернуться изъ Парижа. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ разсѣянно слушалъ то, что я ему говорила, и еще разъ вернулся повторить консьержу то же самое. Очевидно, забота о ней не оставляла его ни на минуту. Тургеневъ пріѣзжалъ въ Петербургъ во время первой постановки его комедіи «Мѣсяцъ въ деревнѣ» и былъ у меня. Я съ нимъ читала мою роль, дѣлала сокращенія по его указанію и приняла къ свѣдѣнію нѣкоторыя его замѣчанія. Это было въ первый годъ моего перехода изъ оперы; я была слишкомъ еще неопытна для трудной роли Натальи Петровны.

Въ 1897 году, я снова была въ Парижѣ и навѣстила м-ме Віардо въ ея городской квартирѣ (faubourg St. Germain). Разумѣется, она постарѣла за эти 26 лѣтъ, но сѣдые волосы еще болѣе шли къ ея большимъ, чернымъ, неугасшимъ глазамъ. Попрежнему она всѣмъ интересовалась и для своихъ 77 лѣтъ была необыкновенно бодра и попрежнему элегантна. Между прочимъ, она съ грустью сообщила мнѣ, что ея любимецъ, Поль, женился такъ неудачно, что она вынуждена была перестать съ нимъ видѣться.

На прощанье она дала мнѣ свой портретъ съ любезной надписью, и съ тѣхъ поръ я ужъ ея не видала. Безспорно, это была самая замѣчательная женщина изъ всѣхъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться въ жизни.

Возвращаясь, послѣ отступленія, къ текущимъ воспоминаніямъ моей жизни.

Въ 1877 году, я просила перевода въ Московскую оперу, который былъ вскорѣ утвержденъ. Но, спустя нѣкоторое время, обстоятельства вынудили меня хлопотать о томъ, чтобы остаться въ Петербургѣ. Недоступный директоръ, баронъ Кистеръ, былъ, конечно, недоволенъ мною, но такъ какъ онъ не принималъ никого изъ артистовъ, то и невозможно было объяснить ему серьезные причины, заставлявшія меня измѣнить мое рѣшеніе. Въ оперѣ поспѣшили меня замѣнить, а такъ какъ сцену бросить я не хотѣла и не могла, то я ухватилась за слабую надежду перейти въ драму. Благодаря покровительству великаго князя Владимира Александровича, мнѣ разрѣшили дебютировать на Александринской сценѣ. Въ августѣ того же года я дебютировала въ роли Лемтюгиной въ комедіи Манна «Паугина» и была принята въ драматическую труппу на роли *grandes coquettes*, а потомъ понемногу перешла на роли *grandes dames*. Я продолжала мою службу счастливо до постигшей меня тяжелой болѣзни въ ноябрѣ 1899 года.

Я не нахожу удобнымъ говорить о своихъ успѣхахъ и удачныхъ роляхъ. Ссылаюсь на статью въ «Театральномъ ежегодникѣ», написанную Н. А. Селивановымъ по поводу моего 25-лѣтняго юбилея. Моими любимыми ролями прежде на Александринской сценѣ были: «Лакомый кусочекъ» Дамьянова (мой первый выдающійся успѣхъ), «Свѣтитъ, да не грѣетъ» Ренева. Въ недавнее время, по переѣздѣ амплуа, я придаю значеніе роли Мышкиной въ «Жизни Илимова», въ которой я изображала комическую старуху, стоившую мнѣ немало труда послѣ ролей *grandes dames*. Могу еще назвать нѣсколько ролей, которыя я играла съ особеннымъ удовольствіемъ: «Блуждающіе огни»—Лидія, «Виноватая»—роль Бородавкиной, «Ревизоръ»—городничиха, «Безприданница»—Огудалова, «Вакантное мѣсто»—Сыропустова, «Божья коровка»—Ярцева, «Въ неравной борьбѣ»—фонъ-Штенгъ, «Тартюфъ»—Эльмира, «На всякаго мудреца»—Мамаева, «Ольга Ранцева»—кн. Шастунова, «Перчатка»—m-me Кристингенъ, «Плоды просвѣщенія»—Звѣздинцева, «Общество поощренія скуки»—гр. Буханова, «Дворянское гнѣздо»—Калитина, «Безъ предразсудковъ»—Агарина, «Супружеское счастье»—Брызгалова, «На законномъ основаніи»—баронесса, «Первая муха»—Пелагея Дмитріевна, «Спорный вопросъ»—Опенкова, «Пашенька»—кн. Ларская, «Защитникъ»—Шорникова, «Вой бабочекъ»—Гергентхеймъ, «Татьяна Рѣпина»—Анна Львовна Кокошкина, «Борцы»—баронесса Торнъ. Послѣднія роли: «Закатъ»—кн. Дубецкая, «Накипь»—В. С. Мосѣва.

Не могу сказать ничего, кромѣ хорошаго, о моихъ товарищяхъ, съ которыми я жила всегда дружно и въ особенности оцѣнила ихъ сердечное ко мнѣ отношеніе во время моей болѣзни.

Всѣ мои досуги я посвящала путешествіямъ, составлявшимъ, на ряду со сценой, главный интересъ моей жизни.

Со скромными средствами я постепенно, въ теченіе почти 20-ти лѣтъ, объѣхала всю Европу, побывала и въ сѣверной Африкѣ.

Передъ каждой моей поѣздкой я заранѣе читала все, что меня могло подготовить къ ней, т. е. историческія описанія, путешествія и проч. Собираясь въ Англію, я брала уроки англійскаго языка, и хотя не могу сказать, чтобы успѣла изучить его въ совершенствѣ, тѣмъ не менѣе знаю его настолько, что могла безъ затрудненія объяснить все, что мнѣ было нужно.

А. Абарина.

КЪ БЮГРАФИИ М. В. БУТАШЕВИЧА-ПЕТРАШЕВСКАГО.

ДѢЛО, извѣстное подь названіемъ «заговора Петрашевскаго», имѣло сильное вліяніе на судьбу и творчество Ф. М. Достоевскаго. Знакомство его съ Буташевичемъ-Петрашевскимъ завершилось ссылкой на каторгу, которая, въ свою очередь, отразилась въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» и на всей дальнѣйшей дѣятельности Достоевскаго. Хотя политическій процессъ Петрашевскаго выясненъ уже въ достаточной степени, но личность самого Петрашевскаго обрисовывается въ немъ не столь выпукло, чтобы можно было не обратить вниманія на ярко-характерныя черты, разбросанныя въ перепискѣ по дѣлу Петрашевскаго съ приставомъ слѣдственныхъ дѣлъ Зануцци, которая хранится въ с.-петербургскомъ сенатскомъ архивѣ.

Дѣло это возникло въ 1848 г. по жалобѣ самого Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевскаго, состоявшаго тогда, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, вторымъ переводчикомъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Присутствуя по служебному порученію въ камерѣ слѣдственнаго пристава Зануцци, Петрашевскій 14-го октября 1848 г. сдѣлался свидѣтелемъ, а затѣмъ—и дѣятельнымъ участникомъ слѣдующей, по его собственному описанію, сцены.

Въ контору пристава,—какъ заявляетъ Петрашевскій въ прошеніи, подданномъ первому департаменту сената,—явился офицеръ Кондратьевъ, служащій при департаментѣ военныхъ поселеній, для врученія Зануцци отвѣтовъ на вопросныя пункты по касавшемуся его, Кондратьева, уголовному дѣлу.

«Я очень хорошо видѣлъ,—разсказываетъ Петрашевскій,—что г. Кондратьевъ сперва отдалъ приставу одну бумагу, а ту, которая ей служила оберткой, удержалъ у себя. Едва только вручена была г. Зануцци первая бумага, какъ онъ сказалъ: «копіи съ отвѣтовъ вашихъ вы не можете оставлять у себя», стремительно привставъ со стула, схватился за бумагу, которую держалъ у себя въ рукахъ Кондратьевъ, разорвалъ ее и, смявъ въ комокъ, положилъ въ лѣвый карманъ брюкъ и требовалъ отъ Кондратьева возвращенія остального».

Кондратьевъ, по словамъ Петрашевскаго, сказалъ при этомъ Зануцци:

— «Побойтесь вы Бога, г. слѣдственный приставъ, что вы это со мной дѣлаете! Мало вамъ, безъ всякой нужды, меня запутывать и тревожить! Что же вы дѣлаете съ людьми бѣдными и мужиками, когда въ присутствіи другихъ противъ офицера позволяете себѣ дѣлать такое насиліе. Господа, будьте, пожалуйста, этому свидѣтели».

Такъ какъ въ комнатѣ, кромѣ Петрашевскаго, находились лишь иностранецъ, для котораго онъ былъ приглашенъ переводчикомъ, и пятеро письмоводителей пристава, «которые, разумѣется, въ семь дѣлъ отозвались невѣдѣніемъ», то Петрашевскій, «приблизясь къ обидчику и обиженному, объявилъ г. Кондратьеву: такъ какъ я одинъ при семь дѣлъ могу быть достовѣрнымъ свидѣтелемъ, то готовъ засвидѣтельствовать объ обидахъ, нанесенныхъ слѣдственнымъ приставомъ, равно какъ и о тѣхъ нарушеніяхъ законовъ, кои имъ были сдѣланы».

«Въ то же время,—повѣствуетъ далѣе Петрашевскій,—по собственному мнѣ миролюбію, старался я привести г. слѣдственного пристава къ сознанію его долга и убѣждалъ его возвратить Кондратьеву вырванную имъ бумагу. Но г. приставомъ совѣтъ мой не былъ исполненъ. Г. приставъ, какъ всякій человекъ, доведенный до крайности, и, видя незаконность и несправедливость своихъ дѣйствій, ложно разсчитывая еще большею дерзостью скрыть и безъ того уже весьма явную преступность его дѣйствій, желая тоже застрашать и меня, позволилъ себѣ съ этой цѣлью и мнѣ нанести оскорбленіе и именовать неоднократно за такое мое стараніе внушить ему должное уваженіе къ законамъ справедливости и ближняго—наименовать помѣшаннымъ и сумасшедшимъ».

Въ стремленіи покарать слѣдственного пристава Петрашевскій проявилъ чрезвычайную настойчивость. Онъ тотчасъ же подаль своему начальству въ департаментѣ внутреннихъ сношеній министерства внутреннихъ дѣлъ подробный рапортъ. Кромѣ того, «дабы дѣло это не было замято и окончено безслѣдственно тщетною перепискою» между этимъ департаментомъ и петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, Петрашевскій одновременно представилъ и по-

слѣдному мотивированное прошеніе о назначеніи формальнаго слѣдствія. Оберъ-полицеймейстеръ препроводилъ бумагу въ управу благочинія, которая, получивъ разъясненіе отъ пристава Зануци, постановила домогательство о назначеніи слѣдствія оставить безъ послѣдствій. Петрашевскій обжаловалъ это постановленіе въ прошеніи, поданномъ въ 1-й департаментъ сената. Помимо сдѣланныхъ нами выше выписокъ изъ этого прошенія, изображающихъ столкновение между Петрашевскимъ и Зануци въ камерѣ послѣдняго, оно заключаетъ въ себѣ рядъ ссылокъ на различныя узаконенія, будто бы нарушенныя управою благочинія, страстную то ироническую, то запальчивую критику ея образа дѣйствій, и поясненіе, что Петрашевскій намѣревался представить подтвержденіе справедливости своихъ показаній лишь при производствѣ формальнаго слѣдствія, такъ какъ имѣетъ дѣло въ лицѣ Зануци «не съ простымъ виновнымъ, но съ отвѣтчикомъ, виновнымъ въ нарушеніи законовъ, вооруженнымъ практическимъ знаніемъ законовъ и тѣхъ изворотовъ, къ коимъ прибѣгаютъ преступники для умаленія силы доказательствъ и уликъ, свидѣтельствующихъ въ ихъ виновности».

Сенатъ потребовалъ отъ управы благочинія разъясненіе слѣдственнаго пристава Зануци, который представилъ весь инцидентъ въ совершенно иномъ видѣ.

По словамъ Зануци, поручикъ Кондратьевъ, написавъ въ присутствіи его, слѣдователя, отвѣты на заготовленные вопросные пункты сперва вчернѣ, а потомъ—на подлинныхъ пунктахъ, вручилъ ему тѣ и другіе, но, въ то же время, вспомнивъ, что передать и черновой листъ бумаги, пожелалъ имъ воспользоваться и выразилъ неудовольствіе, что слѣдователь захватилъ принадлежащую ему бумагу. Зануци возразилъ, что черновые отвѣты, какъ написанные на его канцелярской бумагѣ и по дѣлу, имъ производимому, не составляютъ нисколько собственности Кондратьева.

Тогда Кондратьевъ схватилъ спорную бумагу, намѣреваясь ее вырвать, но «воспользовался только лоскутками, потому что Зануци крѣпко держалъ ее въ лѣвой рукѣ. Здѣсь вмѣшался г. переводчикъ, требуя запальчиво и дерзко или возвращенія Кондратьеву бумаги, якобы у него захваченной, или опечатанія ея, при чемъ дозволилъ себѣ произвестъ шумъ, крикъ, говорить весьма оскорбительныя слова и толкованія на счетъ слѣдователя, называя распоряженіе его грабежомъ, насиліемъ и заставляя поручика Кондратьева ѣхать немедленно вмѣстѣ съ нимъ къ г. оберъ-полицеймейстеру съ жалобою на Зануци».

Однако, слѣдователю, какъ онъ утверждаетъ, удалось «вразумить г. Кондратьева въ его неправомъ и противозаконномъ домогательствѣ имѣть черновыя бумаги со слѣдственно-уголовнаго дѣла и въ его дерзкомъ покушеніи получить самую бумагу, ему не при-

надлежащую. Г. Кондратьевъ уступилъ справедливости этого убѣжденія и принесъ полное чистосердечное извиненіе. Господину же переводчику Зануцци, дѣйствительно, замѣтилъ, что вступить съ такою опрометчивостю, запальчивостю и даже дерзостю въ дѣло, совершенно для него чуждое, не узнавъ напередъ сущности спора и войти въ распоряженія, ему не принадлежащія, въ особенности надъ лицомъ слѣдователя, какъ составляющаго первое и главное лицо въ составѣ слѣдственнаго присутствія, суть дѣйствіе, не имѣющее ничего общаго съ здравымъ состояніемъ человѣка».

Къ такому заключенію Зануцци пришель на основаніи не только описываемаго имъ пререканія, но и въ силу предшествовавшаго поведенія Петрашевскаго и даже самой его наружности. «При первомъ прибытіи его въ контору, — говоритъ слѣдователь, — явился онъ съ косматою, всклоченною головою и съ длинною, широкою и окладистою бородою, скрывшею болѣе половины лица его. Онъ, приставъ Зануцци, тогда же замѣтилъ ему, что въ такомъ странномъ видѣ неприлично ему присутствовать при слѣдствіи, тѣмъ болѣе, что иностранцы могутъ почестъ его за русскаго торговца и оказать къ нему недовѣріе, зная хорошо, что въ русскомъ государствѣ должностные чиновники имѣютъ законные предѣлы въ образѣ одежды и въ наружномъ видѣ. Хотя отвѣты и разговоры г. Петрашевскаго отзывались большею частью загадочными оборотами, но, занятый тогда дѣлами и приписывая эту странность усвоенной манерѣ выражаться съ собственною оригинальностью, слѣдователь не обратилъ особеннаго на то вниманія, и онъ, Петрашевскій, удалился съ полученіемъ назначенія явиться въ другой разъ, тѣмъ болѣе, что и лицо, вызванное на тотъ разъ, не явилось въ свое время. Но тогда же, весьма вѣроятно, затаялъ онъ въ себѣ негодованіе къ Зануцци за совершенно невинное его предостереженіе».

«Въ слѣдующій разъ, и именно въ описываемый выше день, — продолжаетъ Зануцци свою, быть можетъ, не лишнюю нѣкотораго шаржа характеристику Петрашевскаго, — г. переводчикъ явился съ подрѣзанными бакенбардами, выбритою до подбородка бородою и болѣе уже въ приличномъ видѣ. При этомъ второмъ посѣщеніи говорилъ, что ему сдѣлалъ замѣчаніе на счетъ эксцентрической наружности и директоръ департамента, гдѣ онъ состоитъ на службѣ, на что онъ объявилъ ему, что государь императоръ разрѣшилъ ему носить длинную бороду, при чемъ плевалъ на полъ, говоря, что они его сглазили. Много еще странностей можно было бы схватить при болѣе постоянномъ наблюденіи, но онъ, Зануцци, ни права, ни надобности, ни времени на это не имѣлъ, а обратилъ его къ занятіямъ, по явкѣ купца Пердризе, для перевода коему онъ былъ приглашенъ. Но онъ приступилъ къ тому разсѣянно, блуждая взорами по комнатѣ, пока не представился ему случай вступить въ дѣло поручика Кондратьева, за которое онъ и принялся съ неописаннымъ жаромъ и вдохновеніемъ».

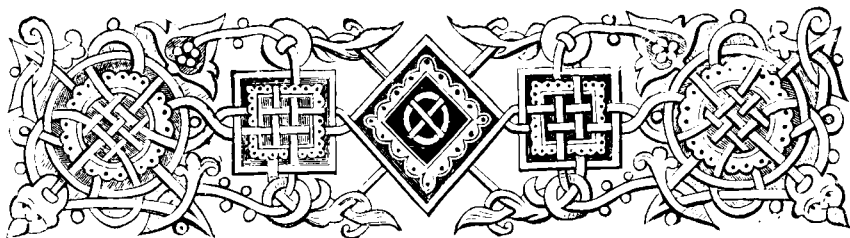
Не ограничившись столь своеобразнымъ по слогу изображеніемъ вѣшности и образа дѣйствій Буташевича-Петрашевскаго, слѣдственный приставъ Зануцци предложилъ и разъясненіе его странностямъ, стараясь, повидимому, вмѣстѣ съ тѣмъ снять съ себя обвиненіе въ умышленно-оскорбительномъ именованіи переводчика сумасшедшимъ.

«Вообще,—завершаетъ онъ характеристику Петрашевскаго,—неодолимое страстное влеченіе его къ занятіямъ судебными, тяжбыными и стряпческими дѣлами, при его богатомъ состояніи и при служебныхъ обязанностяхъ, самые усиленные поиски и вызовы тяжущихся посредствомъ газетныхъ публикацій и даже завлеченіе ихъ силою, какъ поступилъ онъ въ отношеніи г. Кондратьева,—и ночи, проводимыя имъ безъ сна, какъ онъ рассказывалъ г. Зануцци, въ бдѣніи надъ изученіемъ законовъ и ихъ глубокаго смысла, все это ведетъ къ заключенію, не принадлежитъ ли эта загадочная страсть его къ области болѣзни, хотя бы и односторонняго качества, въ родѣ мономаніи, и тогда этимъ только можно объяснить себѣ поступокъ г. Петрашевскаго».

Сенатъ затребовалъ по этому дѣлу заключенія отъ с.-петербургскаго военнаго губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ; оба они согласились съ постановленіемъ управы благочинія. Сенатъ, въ свою очередь разсмотрѣвъ куріозное дѣло, также нашелъ ея постановленіе правильнымъ, «потому что дѣйствія пристава Зануцци, объ изслѣдованіи коихъ просить Петрашевскій, относятся къ поручику Кондратьеву, отъ котораго никакой жалобы на оныя не было, а проситель представляется здѣсь лицомъ постороннимъ, и если онъ могъ быть свидѣтелемъ какого либо происшествія между Кондратьевымъ и Зануцци, то не имѣетъ права дѣлать сему послѣднему при отправленіи имъ должности убѣжденія и совѣтовъ, почему и опредѣлилъ: жалобу Буташевича-Петрашевскаго оставить безъ уваженія. О чемъ для объявленія ему и взысканія установленныхъ гербовыхъ пошлинъ управѣ благочинія послать указъ, каковыми увѣдомить г.г. министра внутреннихъ дѣлъ и с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора».

При исполненіи этого рѣшенія, указъ сената, однако, не могъ быть объявленъ самому Петрашевскому, такъ какъ онъ уже оказался сосланнымъ въ каторжныя работы, о чемъ управа благочинія донесла сенату 28-го февраля 1850 года. Затѣмъ переписка была сочтена оконченной и сдана въ сенатскій архивъ, гдѣ и хранится по настоящее время.

А. В. Безродный.

РАЗСКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О ПОЖАРАХЪ ВЪ СИМБИРСКЪ ВЪ 1864 ГОДУ.

ОЖАРЫ, бывшіе въ Симбирскѣ въ 1864 году, превосходятъ всякое вѣроятіе по тѣмъ ужасамъ, которые выпали на долю жителей этого города.

Сначала считаю нужнымъ сказать о томъ, что предшествовало пожарамъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года распространился среди жителей Симбирска слухъ о намѣреніи какихъ-то злоумышленниковъ сжечь городъ, а казначейство ограбить. Одновременно съ возникновеніемъ этихъ слуховъ появились въ ночное время на улицахъ усиленные полицейскіе обходы при участіи жандармовъ, а къ казначейству начали ставить на ночь усиленный караулъ.

Такъ прошли апрѣль и май. Въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ все обстояло благополучно, и жители города, а вмѣстѣ съ ними губернское начальство и полиція, совершенно успокоились. Усиленные обходы и караулы были отмѣнены, и все предалось обычному теченію жизни. Наступилъ августъ, и вотъ 13 числа этого мѣсяца въ 4 часа по полудни въ невыносимо знойный день (температура съ первыхъ чиселъ августа стояла 24° въ тѣни) вспыхнуло деревянное холодное строеніе при домѣ купца Зеленцова, находящееся на дворцовой улицѣ почти рядомъ съ домомъ, занимаемымъ городскимъ полицейскимъ управленіемъ.

Огонь съ немовѣрной быстротой охватилъ какъ загорѣвшіяся, такъ и сосѣднія строенія и затѣмъ перешелъ на дома, находящіеся

на Карамзинской площади. Къ вечеру отъ восьми домовъ остались лишь: отъ каменныхъ — дымящіяся стѣны, а отъ деревянныхъ— груды горящихъ угольевъ. Въ 11 часовъ ночи этого же числа, на глазахъ тушившихъ догорающіе остатки, на той же улицѣ вблизи отъ горѣвшихъ строеній загорѣлись холодныя при домѣ купца Кирпичникова и, уже совершенно рядомъ съ домомъ, занимаемымъ полицейскимъ управленіемъ. 14-го августа между жителями города быстро пронеслась молва о поджогахъ. 15-го августа, въ 9 часовъ вечера, въ Лосевой улицѣ, расположенной близъ базарной площади и имѣющей сплошную массу деревянныхъ строеній съ постоянными дворами, трактирами и кабаками, вспыхнулъ новый пожаръ, который къ утру истребилъ болѣе чѣмъ половину бывшихъ на этой улицѣ домовъ. Молва о поджогахъ росла; рассказывали о подметныхъ письмахъ, о надписяхъ на заборахъ, дошло наконецъ дѣло и до очевидныхъ фактовъ: такъ въ одну ночь во многихъ улицахъ оказались нѣкоторые деревянные дома и заборы намазанными какимъ-то составомъ, который моментально воспламенялся, какъ только попадали на него первые лучи солнца. Тутъ уже жители окончательно пали духомъ, и большинство спѣшило вывозить свое имущество за городъ, оставляя дома на произволь судьбы. 16-го числа, въ 6 часовъ по полудни, въ центрѣ города на Покровской улицѣ загорѣлся домъ купца Бѣляева и не болѣе, какъ въ три часа пожаръ истребилъ пять домовъ со всѣми службами, а вслѣдъ за этимъ пожаромъ на другой день, то-есть 17-го, вспыхнулъ новый на Большой Саратовской улицѣ въ домѣ купца Завьялова. Этотъ пожаръ, несмотря на опасность отъ сложенного на дворѣ Завьялова въ громадномъ количествѣ лѣса для продажи, сбѣжавшимся народомъ былъ прекращенъ въ началѣ. Вечеромъ этого же числа уже стали говорить о подметномъ письмѣ, предупреждающемъ, что 18-го числа будетъ зажженъ на Стрѣлецкой улицѣ домъ помѣщика Языкова, и дѣйствительно 18-го августа ровно въ 12 часовъ дня при сильномъ порывистомъ вѣтрѣ надъ домомъ Языкова показался густой, черный дымъ, а затѣмъ, какъ бы изъ жерла, вырвалось пламя. Черезъ четверть часа вся улица уже была въ огнѣ; оставшіеся въ домахъ жители въ бѣгствѣ искали спасенія. Буквально черезъ два часа отъ улицы Стрѣлецкой и соединенныхъ съ нею Шатальной и Мартыновой не осталось и слѣда. Жители этихъ улицъ, а въ томъ числѣ и я съ остатками спасеннаго имущества, остались подъ открытымъ небомъ и размѣстились по вѣнцу надъ рѣкою Волгою, начиная отъ рабочаго дома. Наступила темная ночь. Никто не спалъ. Вдругъ разнесся слухъ, что злоумышленники намѣрены въ эту ночь напасть на погорѣльцевъ. Этотъ слухъ такъ быстро распространился и такой навелъ на всѣхъ ужасъ, что, посоветовавшись другъ съ другомъ, рѣшили послать къ губернатору депутацію съ просьбой о высылкѣ вооруженныхъ солдатъ для успо-

коенія и охраны. Въмѣсто удовлетворенія этой просьбы около 11 часовъ ночи отъ губернатора присланъ былъ къ намъ баталіонный командиръ майоръ Бендерскій, который объявилъ намъ, что солдатъ свободныхъ у него нѣтъ, и что, кромѣ необходимыхъ постовъ, двѣ роты охраняютъ казначейство и губернаторскій домъ. Такъ какъ Бендерскій былъ полякъ, а озлобленіе къ этой націи во всѣхъ слояхъ общества дошло до ожесточенія, то Бендерскому энергично было рекомендовано уѣзжать, куда знаетъ, и онъ, повернувши коня, ускакалъ. Къ губернатору была послана другая депутація, которая настоятельно потребовала охрану для погорѣльцевъ. Послѣ этого требованія и уже въ 12 часовъ ночи явился взводъ солдатъ изъ 20 человекъ, которые и были разставлены по всей набережной на протяженіи около версты. Такимъ образомъ все успокоилось, и ночь прошла благополучно. Утромъ 19 августа солнце подняло всѣхъ на ноги; первымъ дѣломъ, конечно, нужно было достать воды, чтобы умыться и сдѣлать чай. Составилась экспедиція: кто съ уцѣлѣвшимъ ведромъ, кто съ самоваромъ, кто нашелъ кувшинъ, кто кастрюлю, а кто и съ однимъ полотенцемъ, отправились по подгорью въ сады, гдѣ были колодцы. Слуховъ о погибшихъ людяхъ во время пожара не было, и мнѣ первому пришла мысль принести благодареніе Господу, пощадившему нашу жизнь. Эта мысль единодушно была принята, и человекъ до ста двинулась къ уцѣлѣвшей на этотъ разъ ближайшей церкви св. пророка Іліи: черезъ короткое время явилось духовенство съ иконами, и начался молебенъ святителю и Божіей Матери съ акаѳистомъ. Всѣ пали на колѣни, всѣхъ охватило необыкновенное доселѣ религиозное чувство, и рыданія огласили воздухъ. Положившись въ будущемъ на милосердіе Божіе, всѣ какъ будто понемногу успокоились, но недолго длилось это спокойствіе. Ровно въ 11 часовъ дня, гдѣ-то вдали отъ нашего лагеря, бой барабана возвѣстилъ о новомъ пожарѣ, и вскорѣ подулъ сильный вѣтеръ, превратившійся въ бурю. Черезъ самое короткое время огненная лава охватила нѣсколько улицъ. Огонь сплошною массою леталъ, въ разныхъ направленіяхъ, по воздуху. Изъ числа домовъ въ этотъ пожаръ сгорѣли: губернаторскій, архіерейскій, корпусъ присутственныхъ мѣстъ, городского общества, гимназіи и дворянскаго собранія. Жители, находившіеся при имуществѣ на площадяхъ, видя себя схваченными огнемъ, бросили все и искали спасенія въ бѣгствѣ подъ гору къ Волгѣ. Но изъ нихъ болѣе ста человекъ, будучи достигнуты огнемъ и удушающимъ дымомъ, пали мертвыми. Такъ какъ присутственныя мѣста не были закрыты включительно до 19 августа, то чиновники въ моментъ этого разрушительнаго пожара оставались на своихъ служебныхъ мѣстахъ и должны были заняться спасеніемъ дѣлъ; поэтому ихъ имущество было брошено на произволъ судьбы. Дѣла присутственныхъ мѣстъ были сложены вмѣстѣ

съ имуществомъ частныхъ лицъ на площадяхъ, гдѣ все это и сгорѣло окончательно, а уцѣлѣвшія бумаги, подхваченныя вѣтромъ, неслись за Волгу. Впослѣдствіи много дѣлъ и бумагъ были найдены за 40 верстъ отъ Симбирска на поляхъ деревни Бряндиной, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи, а жители заволжскихъ слободъ Часовни и Канавы набрали на своихъ поляхъ много гербовой бумаги. Большинство чиновниковъ и въ числѣ ихъ губернаторъ Анисимовъ съ семействомъ бросились бѣжать подъ гору къ Волгѣ въ луга, называемые Барыкинскими. Прекращать пожаръ въ этотъ день никто не думалъ, да и не было къ тому никакой возможности. Около 3-хъ часовъ дня отъ сильнаго горячаго вѣтра, бьющаго въ глаза землею съ золою, не было возможности держаться на ногахъ. Легкія вещи поднимало на воздухъ, а болѣе тяжелыя катило по землѣ, и я самъ видѣлъ, какъ комодъ, наполненный имуществомъ, вырвало изъ рукъ двоихъ мужчинъ. Желая избѣгнуть этого невыносимаго положенія, почти всѣ въ нашемъ лагерѣ попрятались: кто залѣзъ подъ диванъ, кто легъ между сундуками, а кто и просто лежалъ, окутавши голову. Я попробовалъ было завязать глаза кисеей отъ оконныхъ шторъ, свернувши ее въ нѣсколько разъ, но это средство мало помогло мнѣ. Выведенный наконецъ изъ терпѣнія, я рѣшился бросить свое имущество и бѣжать подъ гору къ Волгѣ, задавшись мыслию переправиться за Волгу. Эту мысль я высказалъ лежавшему неподалеку отъ меня въ гардеробѣ губернскому землемѣру Сегедію, и мы вдвоемъ съ нимъ начали спускаться по тропинкѣ; но лишь только успѣли сдѣлать нѣсколько сажень, какъ увидѣли, что стоящіе на берегу Волги деревянные хлѣбные амбары вспыхнули: огонь съ ужаснымъ трескомъ началъ обхватывать ихъ. Тушить, конечно, было некому. Мой компаніонъ Сегедій задыхался отъ дыму и, потерявши силы, упалъ, отказываясь слѣдовать дальше, а я, ускоривъ ходъ, черезъ короткое время былъ на берегу Волги; но тутъ планъ мой переправиться черезъ Волгу разрушился. Ни на перевозѣ, ни на частныхъ лодкахъ людей не оказалось. Что предпринять? Я рѣшительно потерялся и безъ всякой надежды на что нибудь шелъ берегомъ дальше. Наконецъ городъ остался далеко позади меня. По вѣнцу надъ берегомъ мнѣ виденъ былъ народъ: то были жители, оставшіе въ городѣ дома и искавшіе спасенія за предѣлами его. Вдругъ въ городѣ раздались почти одновременно два оглушительные удара отъ взрыва пороховъ. Тутъ я уже окончательно рѣшилъ въ Симбирскъ не возвращаться; да и опаснымъ казалось мнѣ итти туда, такъ какъ, когда я шелъ берегомъ, какіе-то люди избили землемѣра Маторина, и навстрѣчу мнѣ толпа челоуѣкъ въ 10 ташила какого-то офицера со связанными руками и оборванными погонями; на вопросъ же мой, куда и за что ведутъ его, — отвѣчали: «не твое дѣло, баринъ!». Продолжая путь мой, я увидалъ впереди меня стоящую

у берега старую безъ мачты баржу; сообразивши, что баржа эта можетъ служить мнѣ приютомъ на ночь, я скоро добрался до нея. При баржѣ этой оказалась лодка «завозня», могущая поднять до 60 человѣкъ, но лодка это затоплена была въ водѣ. Людей на баржѣ и кругомъ ея не было. Предположивъ, что на ней долженъ быть караульщикъ, я началъ кричать его. На крикъ мой изъ баржи вышелъ сѣдой старикъ, который спросилъ меня: «что тѣ надо?». Я попросилъ его переправить меня за Волгу, но старикъ, указавъ мнѣ на волны, сказалъ: «а это видишь; вонъ она, матушка, какъ расходилась», и когда я объявилъ ему, что волнъ не боюсь и заплачу за перевозъ 3 рубля, то старикъ, подумавъ немного и почесавъ въ головѣ, сказалъ: «развѣ ребятъ позвать». И онъ началъ кричать и махать руками работавшимъ въ 100 саженьяхъ отъ баржи 6 человѣкамъ. Тѣ бросили работу и явились къ намъ. Выслушавъ мою просьбу, они дѣятельно принялись отливать изъ лодки воду. Пока отливали воду, ко мнѣ съ верхняго вѣнца началъ сбѣгаться народъ съ просьбою перевезти ихъ на ту сторону Волги. Желанія большинства я, конечно, удовлетворить не могъ, да и опасно бы было при сильныхъ волнахъ загружать лодку. Я взялъ все-таки до 40 человѣкъ съ условіемъ работать въ веслахъ, и такимъ образомъ въ весла сѣли 12 человѣкъ, а на кормѣ сталъ мой добрый старикъ. Лодка двинулась, и раздалась команда старика: «призывай Бога на помощь». Всѣ обнажили головы и начали креститься, произнося молитвы. Долго пришлось нырять намъ въ волнахъ; лодку нашу, несмотря на ея величину, то поднимало на высоту, то сбрасывало внизъ. Всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи, и только изрѣдка раздавалась команда лоцмана: «грянь, молодцы, грянь!» и вотъ наконецъ часа черезъ три мы остановились на мели въ 50 саженьяхъ отъ берега; но это уже никого не смутило, всѣ вышли изъ лодки въ бродъ. Направились къ берегу; отсюда оставалось не болѣе версты до слободы Канавы; туда всѣ и двинулись. Солнце склонилось къ закату. Я обернулся въ сторону Симбирска и увидѣлъ, что на мѣстѣ бывшихъ деревянныхъ строеній лежали огненные горы, а каменные дома догорали, не имѣя уже ни оконъ, ни крышъ; въ это время вѣтеръ началъ уже стихать. Не знаю, долго ли я простоялъ бы на берегу въ созерцаніи этой грустной картины, если бы не подошелъ ко мнѣ какой-то старикъ, который спросилъ меня: «не изъ Симбирска ли ваша милость?». Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ любезно пригласилъ меня въ свой домъ, чѣмъ я и воспользовался. Въ домѣ меня встрѣтила старуха, жена хозяина, предложившая мнѣ съ первыхъ словъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Такъ какъ съ ранняго утра я ничего не ѣлъ, то предложеніе это принялъ съ благодарностію. Трапеза была незатѣйлива и непродолжительна. Я чувствовалъ сильное утомленіе и большую потребность подкрѣпить себя сномъ, что я, конечно, и привелъ бы

въ исполненіе тотчасъ; но хозяинъ дома заинтересовалъ меня разсказами о положеніи, въ какомъ находятся жители ихъ слободы. Оказалось, что они, глядя на ежедневные симбирскіе пожары, только и ждутъ, что слобода ихъ вспыхнетъ, и они останутся безъ крова. Имущество, связанное въ узлахъ и уложенное въ сундуки, они вывезли на берегъ Волги, въ мѣстность, заросшую деревьями, оскорью, и тамъ зарыли его въ пескъ. Карауловъ у нихъ не существуетъ, пожарныхъ инструментовъ тоже нѣтъ никакихъ, и на вопросъ, есть ли у нихъ староста, онъ мнѣ отвѣтилъ, что хотя староста и есть, но онъ не можетъ распоряжаться чѣмъ либо безъ приказанія начальства, а приказаній ни отъ кого никакихъ не было. Я обдумалъ все сообщенное этимъ старикомъ, и мнѣ пришла мысль позвать къ себѣ старосту и серьезно переговорить съ нимъ о мѣрахъ къ предупрежденію пожаровъ. На вызовъ мой староста немедленно явился и объявилъ, что отъ начальства никакихъ распоряженій не получалъ, а только предложилъ обывателямъ зарыть имущество въ песокъ, гдѣ растетъ осокорь. Поговоривъ съ нимъ, я предложилъ ему собрать сходъ, на что онъ, видимо, съ радостью согласился, и не прошло и часа времени, какъ этотъ же староста явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что сходъ готовъ, и просилъ выйти поговорить со стариками. Я поспѣшилъ удовлетворить его желаніе. Сходъ собранъ былъ на улицѣ около сложенныхъ въ ярусы бревень. Мнѣ указали самое почетное и самое удобное мѣсто на верху яруса, и съ этого возвышенія я обратился къ обывателямъ съ указаніями, какія, по мнѣнію моему, должны были быть приняты охранительныя мѣры; всѣ мои предложенія были приняты единогласно. Мѣры заключались въ слѣдующемъ; назначить отъ каждыхъ десяти дворовъ по одному караульщику, раздѣлить ихъ на дневныхъ и ночныхъ, разставить ихъ по улицѣ и позади дворовъ, установить конные разѣзды вокругъ слободы и по берегу Волги, чтобы объѣздки эти были раздѣлены на двѣ партіи и производили объѣздъ вразсыпную, и одна партія ѣхала бы на встрѣчу другой; на перевозѣ отдано было приказаніе всѣхъ переѣзжающихъ и никому неизвѣстныхъ лицъ спрашивать, кто они, зачѣмъ и куда слѣдуютъ. Я принялъ на себя обязанность слѣдить за исполненіемъ всѣхъ мѣръ. Придя со схода въ занятую мною квартиру, я не раздѣваясь легъ на лавку, но заснуть не могъ: меня заботила мысль, приведутъ ли въ исполненіе всѣ предложенныя мною мѣры; но скоро раздавшійся стукъ караульщика убѣдилъ меня, что караульные заняли уже свои посты, и я спокойно заснулъ. Вставъ утромъ, я не мѣшкая отправился провѣрять караулы и разѣзды. Оказалось все въ строгомъ порядкѣ; по какой-то случайности въ карманѣ моемъ нашелся свистокъ, который я бралъ на охоту съ ружьемъ, и этотъ свистокъ принесъ

большую пользу. На него должны были являться ближайшіе карательные для принятія распоряженій. Подтвердивъ, кому слѣдовало, о точномъ исполненіи всего установленнаго, я вернулся на свою квартиру. Здѣсь уже дожидались меня старики. Они пришли благодарить меня за предложенныя мною мѣры и спросить совѣта, можно ли зарытое въ песокъ имущество перевезти въ дома. Такъ какъ они вполне увѣрились, что съ принятіемъ мѣръ устранилась всякая для ихъ домовъ опасность, и послѣ одобренія моего все имущество въ тотъ же день было перевезено въ дома. 21-го утромъ я поѣхалъ въ Симбирскъ, съ цѣлью узнать, сохранились ли остатки моего имущества, и повидаться съ начальствомъ, получить приказаніе, когда и куда являться на службу. Время было тихое; меня скоро перевезли на Симбирскій берегъ, и я взобрался на гору къ тому самому мѣсту, гдѣ оставлено было мое имущество. Многихъ изъ временныхъ сосѣдей моихъ уже не оказалось. Всѣ вещи мои были на лицо, кромѣ двухъ ковровъ, взятыхъ, вѣроятно, какъ необходимыхъ вещи, для устройства временнаго шатра, чему я не удивился; но вотъ что удивило меня: около имущества сидѣла моя подружейная собака; мы ужасно обрадовались нашей встрѣчѣ, тѣмъ болѣе, что я ее считалъ погибшею, такъ какъ во время моего бѣгства ея тутъ не было. Прежде всего я озабочился перевезти мое имущество въ садъ къ хорошему моему знакомому, Д. М. Карташеву. Для этой операціи я сейчасъ же нашелъ двѣ крестьянскія телѣги за самую снисходительную плату, такъ какъ наѣхавшихъ въ надеждѣ на большой заработокъ крестьянъ было множество. Въ саду у Карташева я нашелъ почти всѣхъ моихъ сосѣдей по бивуаку; всѣ они помѣщались въ устроенныхъ собственными руками шалашахъ, въ которые можно было проникнуть, согнувшись, какъ говорится въ дугу. Хозяинъ сада встрѣтилъ меня радушно, но не могъ предложить никакого пристанища, такъ какъ домъ его и всѣ надворныя постройки сгорѣли, а самъ онъ съ семействомъ помѣщался въ амбарѣ, въ саду, куда ссыпались яблоки. По расчету времени, я не могъ до ночи управиться со всѣми дѣлами, нужно было отыскать начальство, купить чаю, сахару и табаку; но гдѣ все это найти, узнать я ни отъ кого не могъ. Не теряя времени, я отправился по пожарищу; дымъ отъ догоравшихъ остатковъ покрывалъ необъятное пространство, мѣстами вспыхивало пламя, и хоть бы одинъ человѣкъ виденъ гдѣнибудь. Вдругъ вижу, на встрѣчу мнѣ несется экипажъ, конвоируемый двумя казаками; оказалось, что ѣдетъ губернаторъ. Увидавъ меня, онъ приказалъ остановиться и сказалъ мнѣ, что 23-го откроетъ присутствія на первый разъ въ зданіи Александровской больницы. Распростившись съ губернаторомъ, я пошелъ искать желаемыхъ товаровъ и послѣ долгихъ поисковъ нашелъ все у торговца, помѣстившагося въ подвалѣ одного изъ обгорѣвшихъ

каменныхъ домовъ на Саратовской улицѣ. Возвратившись въ садъ Каргашева, я рѣшилъ здѣсь переночевать. Въ имуществѣ моемъ нашлась кожаная подушка, а хозяинъ предложилъ мнѣ на постилку сѣна и далъ медвѣжьё шубу, которая съ большою пользою послужила мнѣ, такъ какъ пришлось спать подъ открытымъ небомъ, а съ наступленіемъ сумерекъ сдѣлалось свѣжо, и воздухъ сталъ влажный; на разсвѣтѣ же пошелъ небольшой дождь, который и разбудилъ меня. Вставать изъ-подъ теплой шубы ужасно не хотѣлось, а все-таки пришлось; въ шалашахъ всѣ еще спали. Умывшись у колодца и перемѣнивъ законченное бѣлье на чистое, я разбудилъ спавшаго недалеко отъ меня моего знакомаго Сегедія, думая, что онъ найдетъ средство напиться чаю; но оказалось, что у него ни самовара, ни чайнаго прибора нѣтъ, и онъ пьетъ чай у знакомыхъ, помѣщающихся въ этомъ же саду. Долго не думая, я предложилъ Сегедію идти въ рабочій домъ; тутъ у зрителя мы нашли все необходимое для изготавленія чая, а затѣмъ, нанявъ двѣ подводы и простившись съ Сегедіемъ, я перевезъ имущество свое за Волгу, такъ какъ о квартирахъ въ городѣ въ это время нечего было и думать.

Утромъ я снова пріѣхалъ, такъ какъ этотъ день былъ назначенъ для открытія присутствій. Пора пояснить, что я занималъ должность правителя дѣлъ строительной комиссіи.

Къ прибытію нашему казначей комиссіи приготовилъ всѣ канцелярскіе матеріалы; два, три стола и нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ пожара стульевъ. Оказалось, что дѣла всѣ сгорѣли. Чѣмъ ознаменованъ первое присутствіе? Никто не могъ придумать; я предложилъ сдѣлать постановленіе о составленіи новаго проектнаго плана. Это предложеніе было принято, и составленіе плана поручено было губернскому архитектору Бѣлоусову. Черезъ часъ мы разошлись, и всѣ отправились искать квартиры въ улицахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Я направился въ улицу Всесвятскую и, заходя въ каждый дворъ, спрашивалъ: «нѣтъ ли квартиры?». Дворовъ до 20 обошелъ я, — все неудача; подхожу наконецъ къ довольно большому деревянному дому купчихи Набоковой, спрашиваю: «нѣтъ ли квартиры?». Стоявшіе у воротъ приказчики отвѣтили, что не знаютъ; я отправился въ домъ, вызвалъ хозяйку, и на тотъ же вопросъ она отвѣтила мнѣ, что хорошему человѣку можетъ сдать небольшую пристройку въ задней части дома. Я отрекомендовался и попросилъ позволенія посмотреть предлагаемое помѣщеніе. Пристройка оказалась новой; въ длину три сажени и въ ширину двѣ, службъ никакихъ. Плата была назначена самая снисходительная, а именно 6 рублей въ мѣсяць. Я предложилъ задатокъ, но его не приняли и увѣрили, что квартира никому, кромѣ меня, сдана не будетъ. Всякій можетъ понять, до чего велика была моя радость. Я готовъ былъ помѣститься хотя бы въ какойнибудь амбарушкѣ, а тутъ квартира въ

три комнаты и совершенно новенькая, съ четырьмя окнами. Въ этотъ же день я отправился за Волгу и на утро, простившись съ моими добрыми старичками, переѣхалъ въ Симбирскъ. Въ это время тысячи жителей оставались еще въ полѣ; скоро сдѣлалось ненастье и холодъ, квартиръ въ городѣ уже не было, оставаться день и ночь подъ открытымъ небомъ, а въ особенности людямъ семейнымъ, было невыносимо; для простого класса людей были устроены бараки, но они не могли вмѣстить всѣхъ бѣдствующихъ; большинство изъ нихъ начали рыть землянки: кто въ стѣнахъ оврага, проходящаго чрезъ Симбирскъ, на днѣ котораго протекаетъ едва замѣтнымъ ручейкомъ рѣчка Симбирска; кто на мѣстахъ, оставшихся послѣ сгорѣвшихъ построекъ; даже погреба были обращены въ жилища. Чиновники, служащіе въ канцеляріяхъ присутственныхъ мѣстъ, нашли себѣ убѣжище въ окрестныхъ съ Симбирскомъ деревняхъ: Большой Конной, Малой Конной и Мостовой. Многіе изъ нихъ схватили ревматизмы и разныя простудныя болѣзни, во многихъ семействахъ умирали дѣти отъ простуды. Наконецъ, газеты возвѣстили всей православной Руси о бѣдствіяхъ жителей Симбирска, и въ комитетъ, образовавшемся для пособія погорѣльцамъ, со всѣхъ сторонъ начали получаться деньги, носильное платье, всякая обувь, печеный хлѣбъ, мука, крупа и даже сухари. Сочувственнѣе всѣхъ отнеслись самарцы; отъ нихъ привезено было всего во множествѣ на судахъ, и все это ежедневно раздавалось нуждающимся лицамъ: лишившимся домовъ и не имѣющимъ средствъ къ постройкѣ ихъ выдавалось изъ пожертвованныхъ денегъ соответственное пособіе. Чиновникамъ выданы были по особому высочайшему повелѣнію годовые оклады жалованья. Этою высочайшею милостію воспользовались всѣ безъ исключенія отъ губернатора и до послѣдняго писца, даже тѣ, которые заблаговременно вывезли свое имущество въ безопасныя мѣста; но это уже дѣло ихъ совѣсти... Теперь другая явилась бѣда: лѣсъ, кирпичъ и всѣ строительные матеріалы дошли до баснословной цѣны. Въ рабочихъ, пильщикахъ, каменщикахъ и пр. оказался недостатокъ; нанять поденщика или кухарку было немыслимо; многіе изъ нихъ ушли съ мѣсть и поселились въ землянкахъ, получая ежедневное пособіе деньгами и продовольственными продуктами: въ каждой землянкѣ набиралось по стольку человѣкъ, сколько она могла вмѣстить въ себя. Эти люди вообразили, что для нихъ наступила масленица; ночи они проводили въ пьянствѣ, пока комитетъ не истощилъ всѣхъ своихъ средствъ на поддержку ихъ. Въ январѣ мѣсяцѣ губернаторъ Анисимовъ былъ отозванъ, а на его мѣсто назначенъ былъ баронъ Веліо, человѣкъ дѣятельный, энергичный; онъ сразу забралъ все въ руки, все подтянулъ, всѣхъ привелъ къ сознанію своего долга, въ особенности полицію и пожарную команду. У этого человѣка на все хватало времени: и выслушать доклады,

и сдѣлать распоряженія, и распечь, и подтянуть кого слѣдовало; съ разсвѣтомъ его уже можно было видѣть на улицѣ. Онъ являлся на всѣхъ казенныхъ и частныхъ постройкахъ, отдавалъ вездѣ приказанія, слѣдилъ за торговлею и доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ и даже заглядывалъ въ кабаки. Такимъ же ревностнымъ сотрудникомъ являлся ему вице-губернаторъ Павелъ Павловичъ Косооговскій. Тутъ только поняли всѣ, что обязанность губернатора заключается не въ одной кабинетной работѣ, и что губернаторъ, подобный барону Веліо, сумѣлъ бы спасти Симбирскъ отъ гибели. За составленіемъ новаго проектнаго плана, порученнаго архитектору Бѣлоусову, баронъ Иванъ Осиповичъ счелъ нужнымъ наблюдать лично, и съ этою цѣлью онъ каждый день съ восходомъ солнца отправлялся къ дому Бѣлоусова, и если еще тотъ спалъ, то открывалъ окошко и стукомъ будилъ его.

Старичокъ приходилъ въ отчаяніе отъ этихъ почетныхъ визитовъ. Имя барона Ивана Осиповича не забудется въ Симбирской губерніи. Какъ же это,—спросить читатель,—если была возможность спасти отъ гибели Симбирскъ, то отчего же не сдѣлали этого? На это можно отвѣтить, что администрація, начиная отъ губернатора и кончая будочникомъ, не обладала тою сообразительностію и тою энергіею, которая въ подобныхъ случаяхъ необходима. Полицеймейстеръ Барляевъ былъ старикъ съ слабымъ характеромъ; обязанности его заключались только въ томъ, чтобы утромъ въ опредѣленный часъ явиться съ рапортомъ къ губернатору. Въ составѣ полицейской команды было много жидовъ, которые сумѣли снискать его довѣріе и дѣйствовали солидарно, на пользу собственныхъ интересовъ; они такъ ловко вели дѣло, что послѣ пожара у нѣкоторыхъ изъ нихъ явились капиталы, давшіе имъ возможность входить въ подряды съ казною и земствомъ по всякаго рода операціямъ. Закончу статью мою тѣмъ, что слѣдствіе о симбирскомъ пожарѣ нужно было начать съ строгихъ допросовъ только что указанныхъ мною охранителей общественной тишины и спокойствія.

В. Дублицкій.

ПЛАЩАНИЦА 1566 года.

Въ Могилевскій церковно-археологическій музей поступила недавно плащаница 1566 года, представляющая замѣчательный памятникъ русской церковной старины, какъ по художественной работѣ, такъ, и въ особенности, по надписямъ, сохранившимся на плащаницѣ.

Памятникъ этотъ въ одной изъ надписей называется «воздухомъ». Онъ имѣетъ въ длину 2 арш. 4 вершка. и въ ширину 1 арш. 14 вершковъ. Средняя часть его—1 аршинъ 10 вершковъ длиною и 1 аршинъ 5 вершковъ шириною—сдѣлана изъ тонкаго сукна, малиноваго цвѣта, которое отъ времени и небрежнаго храненія нѣсколько вылиняло и приняло красный отгѣнокъ. Наружная часть памятника состоитъ изъ лиловаго атласа, которымъ края сукна обшиты со всѣхъ сторонъ, полосою въ 5 вершковъ ширины. Средняя, суконная, часть широкимъ золоченымъ позументомъ раздѣлена по длинѣ на двѣ неравныя части: верхняя 8 вершковъ, нижняя 12 вершковъ (и 1 вершокъ позумента).

Здѣсь, на нижней, болѣе широкой, части находится изображеніе Спасителя, лежащаго во гробѣ. Тѣло художественно вышито шелками, а пелена золотыми нитями. Длина изображенія 1 аршинъ. Съ правой стороны главы надпись накладными серебряно-нитяными буквами, въ $\frac{7}{8}$ вершка вышиною:

ІС. ХС.

Стѣнка гроба, обращенная къ зрителю, имѣетъ 1 аршинъ 9 вершковъ длины и 5 вершковъ ширины. Она обведена шелковымъ бордюромъ, съ серебрянымъ и золотымъ шитьемъ въ видѣ завитковъ, и украшена золотымъ и серебрянымъ шитьемъ въ видѣ звѣздочекъ, имѣющихъ основаніемъ крестъ.

Въ верхней, болѣе узкой, части въ срединѣ находятся такія же художественныя изображенія Божіей Матери плачущей и за нею двухъ мирносицъ, затѣмъ, въ лѣвомъ углѣ плачущаго архистратига Михаила, а въ правомъ—архангела Гаврііла. Между женами и ангелами слѣва вышито изображеніе солнца и справа—изображеніе луны.

Изображенія Богоматери и мирносицъ имѣютъ въ вышину по семи вершковъ; изображенія ангеловъ по $4\frac{1}{2}$ вершка.

Надписи здѣсь слѣдующія:

слѣва: мр̄ ѳу
ар̄ ас̄ ги миχᾱι
справа: мирно̄сци
ар̄ ха̄ ги га̄ рин̄

И ниже изображеній ангеловъ, по обѣ стороны Богоматери и женъ, въ двѣ строчки:

сты бже | сты и кр̄ ѣ ки
сты и бѣ мѣ ти | помилӯ на̄

Всѣ надписи, изъ серебряно-нитяныхъ нашивныхъ буквъ, сдѣланы вязью: первая въ $\frac{1}{2}$ вершка, вторая въ $\frac{3}{4}$ вершка.

Атласная кайма, окружающая срединную суконную часть плащаницы, также имѣетъ изображенія и надписи. По угламъ здѣсь вышиты—шелками, золотомъ и серебромъ—изображенія четырехъ евангелистовъ, вышиною въ 6 вершковъ каждое, въ такомъ порядкѣ: въ лѣвомъ верхнемъ углу изображеніе Иоанна (съ Прохоромъ); въ правомъ верхнемъ—изображеніе Луки; въ правомъ нижнемъ—изображеніе Марка, и въ лѣвомъ нижнемъ—изображеніе Матѳея.

Надписи здѣсь изъ мелкихъ золото-нитяныхъ нашивныхъ буквъ:

ша по̄ хо̄ | лука
ма̄ ѳѣ | макъ

то-есть: Иоаннъ, Прохоръ, Лука, Матѳея, Маркъ.

Все остальное пространство каймы, между этими изображеніями, занято крупною, въ $2\frac{1}{2}$ в. вышиною, вязью изъ золотыхъ же буквъ. Вязь начинается съ лѣваго верхняго угла, буквами внутрь, переходитъ на правую боковую сторону, также буквами внутрь, затѣмъ на лѣвую боковую, буквами наружу, и наконецъ на нижнюю, также буквами наружу.

Вязь читается такъ:

Вверху: да мѣчитъ всака плоть члвчѣна и да стои со страхо и трепетѣ и ничтоже земнаго в себѣ да помышмас црь бо

На правой сторонѣ:

црѣствующїи і гдѣ госпѣ ствующи хс бгъ ншь проісходитъ

На лѣвой сторонѣ:

заклати і дати в снѣ кѣрны предыдѣ ж сему лица
агистїи со всѣми началаы

Внизу: влѣтми мзѣнѣчитага хрѣвїи шестокрылнага сераѣни
лица закрывающе и вопиюще пѣснь алѣлѣа, алѣлѣа,
алѣлѣа.

Теперь я перейду къ самой важной надписи.

Она находится въ срединной части плащаницы, въ правомъ верхнемъ углѣ. Начинается она у стопъ Спасителя и идетъ кверху, къ изображенію архангела Гавріила, буквами наружу. Надпись эта занимаетъ три строки, съ промежутками для проходящаго здѣсь позумента и представляетъ мелкую вязь, въ $\frac{1}{2}$ вершка вышиною, изъ серебряно-нитяныхъ нашивныхъ буквъ.

Къ сожалѣнію, надпись эта сильно пострадала. У нѣкоторыхъ буквъ утрачены отдѣльные штрихи, другія буквы неправильно нашиты (нижнюю частью вверхъ); нѣкоторыя совсѣмъ выпали; въ нѣсколькихъ словахъ утеряны титла и т. п.

При всемъ томъ надпись можетъ быть прочитана.

Я ее читаю такъ:

лѣта 30Д Го септаавріа се възду^х положила анна
васїѣва жена вниаѣвоіак княже ѳѣ^ррова доч івановнча палѣ
ково въ юсѣе оу^ала миХаїла в монастырѣ по себѣ і по своему роду

То есть: «Лѣта 7074 (1566) 3-го сентября. Сей воздухъ положила Анна, Васильева жена Яковлевича, князь Ѳедорова дочь Ивановича, Палецкаго, въ Юрьевѣ, у архангела Михаила въ монастырѣ, по себѣ и по своему роду».

Рѣдкостный памятникъ этотъ доставленъ въ музей изъ Бѣлоцерковской Троицкой церкви, что близъ Черей Сѣнненскаго уѣзда Могилевской губерніи.

До 1834 года здѣсь существовалъ Бѣлоцерковскій монастырь, обновленный въ 1599 году извѣстнымъ Львомъ Сапѣгою, до его ренегатства, изъ древняго монастыря Черейскаго, основаннаго до 1454 года епископомъ смоленскимъ Михайломъ¹⁾. Но монастырь этотъ былъ Троицкій; Юрьева же Михайловскаго монастыря въ Западной Россіи не было.

¹⁾ «Мог. Губ. Вѣд.» 1900 г., № 31—39, «Черейскій монастырь», Д. И. Довгалло.

Плащаница 1566 года.

Въ Могилевскій церковно-археологическій музей изъ той же Бѣлоцерковской церкви доставлена металлическая таблица съ латинскою подписью 1640 года, висѣвшая у чудотворнаго образа Божіей Матери въ Черейскомъ монастырѣ. Надпись эта въ переводѣ, между прочимъ, гласить:

«Сіе изображеніе Богоравной Дѣвы Маріи, какъ извѣстно, пользовавшейся чрезвычайнымъ почитаніемъ народовъ, найденное въ Великомъ Новгородѣ Московскомъ въ числѣ добычи литовскаго войска и взятое сіятельнымъ Львомъ Сапѣгою, канцлеромъ въ то время великаго князя литовскаго, Казимиръ Сапѣга (передалъ) базилианскому монастырю Черейской церкви въ 1640 году».

Чрезвычайная вожность этой надписи несомнѣнна. Ею устанавливается фактъ перехода церковныхъ предметовъ изъ Московской Руси въ Западную Русь.

Иконографическій пошибъ нашей плащаницы, характеръ вязи, текстъ тропаря и сохранившіяся въ надписи особенности языка также свидѣтельствуютъ, что памятникъ этотъ происхожденія не западнорусскаго.

Приходится, такимъ образомъ, Юрьевъ Михайловскій монастыря искать въ Восточной Россіи. Вопросъ здѣсь сводится къ тому: въ какомъ Юрьевѣ существовалъ въ 1566 году Михайловскій монастырь, въ Ливонскомъ, Костромскомъ, Волжскомъ или въ Суздальскомъ Юрьевѣ - Польскомъ, или, наконецъ, это былъ Новгородскій Юрьевъ монастырь?

Что касается Юрьева Ливонскаго и Юрьевца Костромскаго, то въ нихъ монастырей совершенно не имѣется. Въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ церкви архангела Михаила въ XVI вѣкѣ также не было. Какъ видно изъ описанія этого монастыря архимандрита Макарія ¹⁾, существующая тамъ теперь церковь архангела Михаила сооружена только въ 1831 году, и при томъ въ башнѣ, построенной не ранѣе 1760 года. Остается искать Михайловскій монастырь въ Юрьевѣ-Польскомъ.

Юрьевъ-Польской принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ русскихъ. Онъ основанъ Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году. Въ XV, XVI и XVII вв. онъ отдавался «въ кормленіе» разнымъ знатнымъ иностранцамъ, искавшимъ убѣжища въ Московской Руси. Въ 1408 году, на примѣръ, здѣсь былъ извѣстный западнорусскій князь Свидригайло; въ 1507 году казанскій ханъ, въ половинѣ XVI вѣка астраханскій царевичъ и т. д. Въ это время здѣсь находились и имѣнія Ѳедора Никитича Романова ²⁾. Въ 1609 году

¹⁾ Спб., 1862 г., стр. 32.

²⁾ Сб. мат. по ист. предк. царя Мих. Ѳед. Романова, ч. II., Спб., 1898 г., стр. 88.

Юрьевъ былъ отданъ касимовскому царевичу тушинскимъ самозванцемъ, такъ какъ Юрьевъ принадлежалъ къ числу городовъ, признавшихъ самозванца.

Изъ древнихъ храмовъ въ Юрьевѣ находятся: Георгіевская церковь, основанная Юріемъ Долгорукимъ, и Архангельскій Михайловскій монастырь, основанный въ XIII вѣкѣ, но соборная церковь котораго построена только въ 1560 году, то-есть всего за шесть лѣтъ до сооруженія нашей плащаницы ¹⁾.

Едва ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію, что именно въ эту церковь и положила Анна Ѳедоровна свой «воздухъ».

Что касается личности жертвовательницы, то въ ней съ наибольшою вѣроятностью слѣдуетъ признать дочь князя Ѳедора Ивановича Палецкаго, Анну Ѳедоровну, бывшую замужемъ за окольничимъ Василіемъ Яковлевичемъ Захарьинымъ, близкимъ родственникомъ Анастасіи Романовны. Какъ извѣстно ²⁾, Василій Яковлевичъ былъ женатъ на Аннѣ, но отчество ея и фамилія доселѣ не были извѣстны ³⁾. Нашему памятнику суждено впервые пролить свѣтъ на этотъ вопросъ.

Что касается князей Палецкихъ, то въ 17 колѣнѣ, соответствующемъ времени Анны Ѳедоровны, было два князя Ѳедора Ивановича — большой и меньшей. Но дочью какого изъ нихъ была Анна Ѳедоровна, не извѣстно.

Умерла Анна Ѳедоровна въ 1571 году ⁴⁾.

На основаніи изложенныхъ данныхъ, исторія памятника представляется въ такомъ видѣ. Съ 1566 по 1606 годъ онъ находился въ Юрьевѣ-Польскомъ въ Михайловскомъ монастырѣ. Въ 1606 году Юрьевъ призналъ самозванца, и въ него получили доступъ польскія и литовскія войска, однимъ изъ главныхъ вождей которыхъ былъ братъ Льва Сапѣги Черейскаго — Петръ Сапѣга, осаждавшій въ 1608 — 1610 году Троицко-Сергіевскую лавру и занимавшій Московскій кремль. Но Юрьевъ возсталъ противъ самозванца уже въ 1609 году. Оставляя его въ это время, литовцы, вѣроятно, ограбили городъ и захватили изъ Михайловскаго монастыря болѣе цѣнную утварь, въ видѣ военной добычи. Въ числѣ ея была, очевидно, и плащаница.

Подобно тому, какъ раньше Новгородская чудотворная икона Божіей Матери, плащаница была передана Льву Сапѣгѣ, только что реставрировавшему Черейскій монастырь. Какъ предметъ цер-

¹⁾ Ист. рос. іер. Амвросія, ч. III, 333. Упоминаемаго здѣсь кн. Кубенскаго въ Родосл. кн. я не нашелъ. Повидимому, это топографическое прозвище, рѣчь же идетъ здѣсь о кн. Мих. Ів. Палецкомъ. См. Род. кн. Лобанова-Ростовскаго.

²⁾ Др. Рос. Вивл., т. XIII, 30.

³⁾ Сб. мат. по ист. предк. царя Мих. Ѳед. Романова, ч. 2, стр. 27.

⁴⁾ Русск. род. кн. Лобанова-Ростовскаго, т. 2, 444.

ковнаго употребленія, оставлять который въ домѣ не было пѣли, плащаница была передана Львомъ Черейскому монастырю, несомнѣнно, нуждавшемуся въ утвари.

Въ Черейскомъ монастырѣ, который съ 1601 гоода перешелъ въ унию, плащаница оставалась въ неприкосновенномъ видѣ до 1832 года.

Къ этому времени она уже обветшала и потребовала обновленія.

Къ счастью, реставрація коснулась, кажется, только подкладки, позументовъ и краевъ плащаницы. Портившееся же на изображеніяхъ шитье поправлено не было; выпавшія буквы (въ словахъ—Іоаннъ, Прохоръ, Маркъ и др.) вставлены не были; бахромы, несомнѣнно, бывшая при памятникѣ, отнята и не замѣнена новою и т. п.

О реставраціи этой свидѣтельствуетъ польская надпись, вышитая на подкладкѣ: «Odnówiona w r. 1832: za X: WM: B:», то есть: «обновлена въ 1832 году при велеб. кс. М. Бяломъ».

Спустя два года, въ 1834 году, церковь возвращена православію.

Плащаница при богослуженіи болѣе не употреблялась и находилась на стѣнѣ, какъ образъ.

Любители церковной старины найдутъ описанія подобныхъ «воздуховъ» въ «Древностяхъ» (т. 4). Надписи, находящіяся на нихъ, свидѣтельствуютъ, что уже въ XIV вѣкѣ тропарь «Да молчитъ всяка плоть» былъ у насъ въ обычномъ употребленіи на памятникахъ этого рода.

Е. Романовъ.

НА БЕРЕГАХЪ КУРЫ.

(Къ столѣтiю присоединенiя Грузiи къ Россiи).

Когда на вершинахъ Кавказа
Тихонько ручей прожурчить,—
Улада для путника глаза,—
Скорбь сердце невольно томить:
Мнѣ чудится—старыя раны
Размоетъ живая струя,
И крови горячей фонтаны
Вдругъ хлынуть изъ лона ручья!..

Князь М. Гуріели.

I.

Приближеніе къ Тифлису.—Общая характеристика города.—Майданъ.—Исторія Тифлиса.

ЖЕ ИЗДАЛИ, миновавъ Мхеть, со стороны Военно-Грузинской дороги, видите вы въ сумракѣ вечера привѣтливо мерцающіе огоньки Тифлиса, живописно разбросанные по склонамъ окружающихъ его горъ... Они становятся все ближе и ближе, все ярче и ярче, и «сердце Грузiи» разстилается предъ вами широкимъ амфитеатромъ, края котораго далеко убѣгають въ горы, а дно заполняетъ собой плоскіе берега Куры, раздѣляющей Тифлисъ на двѣ неравныя части. Вы минуете предмѣстья, встрѣчаете на пути крестъ, поставленный въ память избавленія императора Николая Павловича, въ 1837 году, отъ опасности при паденiи на крутомъ спускѣ къ рѣкѣ Вѣрѣ изъ экипажа, ѣдете мимо тѣнистыхъ садовъ, про-

ѣзжаете нѣсколько узкихъ улицъ и переулковъ и выѣзжаете на главную улицу Тифлиса—Головинскій проспектъ, гдѣ и останавливаетесь передъ конторой дилижансовъ.

Прогуливаясь на утро по городу, вы чувствуете себя въ большомъ многолюдномъ и шумномъ центрѣ цѣлаго обширнаго края, совершенно особаго, живущаго своей собственной жизнью, интересующагося своими особливими злобами дня, думающаго и чувствующаго по-своему. Да иначе и быть не можетъ! Здѣсь мѣстныя народности, жившія нѣкогда каждая своей отдѣльной исторіей, доселѣ составляютъ ядро населенія, здѣсь вы столько же въ Россіи, сколько въ Азіи, здѣсь Европа и Востокъ дружески подаютъ другъ другу руки, и современная культура, съ ея утонченными требованіями и законами, какъ-то необыкновенно мирно уживается съ самой откровенной косностью неподвижнаго ислама...

Пойдите съ красиваго и широкаго Головинскаго проспекта на Дворцовую улицу, щеголяющую лучшими въ городѣ магазинами, поверните направо, мимо зданія штаба, пересѣките Эриванскую площадь, заверните налево, на Армянскій базаръ, — и вы сразу перейдете въ другую атмосферу: изъ Европы вы уже начинаете двигаться къ Азіи... Вы вошли въ узенькую улицу, направо и налево лавки-лари, съ хозяиномъ, тутъ же, предъ вашими глазами, углубленнымъ въ свое ремесло... Большинство торговцевъ—персіяне или татары, въ національныхъ костюмахъ... Вокругъ слышится восточный говоръ... Идите все дальше, поверните направо, минуйте Сіонскій соборъ, пройдите мимо армянскаго каравансарая (каравансарай нѣчто въ родѣ нашихъ «пассажей»), заверните направо, и вы упретесь, немного спустя, въ персидскій каравансарай, узкій, темный, съ рядами лавокъ, гдѣ торгуютъ тканями, сукномъ, мѣстными коврами, шалами, ситцами и фруктами. Этотъ темный, а втѣхную погоду, которая царитъ въ Закавказьѣ втеченіе восьми-девяти мѣсяцевъ въ году, прохладный проходъ выведетъ васъ на такъ называемый «Майданъ» (майданъ по-персидски площадь),—самую характерную, оригинальную и любопытную часть Тифлиса, самую старую часть города, составлявшую собой нѣкогда тотъ грузинскій Тифлисъ, о которомъ мы знаемъ лишь по исторіи, воспоминаніямъ и дожившимъ до нашихъ дней памятникамъ глубокой старины... Очутившись на Майданѣ, вы сразу попадаете на базаръ любого восточнаго города! На небольшой неправильной формы площади торгуютъ, сидя на землѣ, по мусульманскому обычаю; виднѣются шалашики, защищающіе отъ пыли и солнца горы фруктовъ и сластей мѣстнаго приготовленія; угрюмо и лѣниво плетутся ишаки (ослы), покорно ступая подъ тюками съ углемъ или корзинами съ овощами, а пройдите по прилегающей Воронцовской улицѣ, и вамъ попадутся навстрѣчу одnogорбые и двугорбые верблюды, мѣрно и важно выступающіе подъ вьюками разнородныхъ

товаровъ. Возлѣ васъ кишить толпа въ чалмахъ, фескахъ, высокихъ, конусообразныхъ персидскихъ шалкахъ; то тамъ, то тутъ промелькнетъ мимо васъ длинная женская фигура, закутанная въ чадру, въ прорѣзъ которой на васъ сверкнутъ черные глаза, иногда очень выразительные... А на фонѣ этой полной своеобразной прелести декораціи прихотливыхъ формъ деревянныя постройки съ безконечными сквозными верандами и точно наудачу, безъ порядка прихотливо прорѣзанными окнами и дверьми, которыя ведутъ на сокрытые отъ любопытныхъ взоровъ внутренне, мощные плитникомъ дворики восточнаго типа, гдѣ мирно ютятся мусульманскія семьи, столь же далекія и теперь отъ прогресса и современной культуры, какъ и въ отдаленныя отъ насъ времена грузинскаго царства.

Какъ-то невольно именно здѣсь, въ этой колыбели Тифлиса, въ азіатской его части, вдали отъ франтовскихъ улицъ съ роскошными домами, не уступающими по архитектурѣ и внутреннему комфорту зданіямъ любого большого центра вспоминается обильная рѣзней и кровью исторія прежней грузинской столицы. Грузинскіе историки приписываютъ основаніе Тифлиса царю Вахтангу Гургъ-Аслану (446—499 по Р. X.), но въ грузинскихъ лѣтописяхъ Тифлисъ упоминается гораздо раньше. Въ этихъ лѣтописяхъ встрѣчается рассказъ о томъ, какъ въ царствованіе Варазъ-Бакора (379—393 по Р. X.) персидскій царь, желая обложить данью армянь и грузинъ, послалъ противъ нихъ войско, изгнавшее Вараза въ Кахетію. Персидскій полководецъ разорилъ Арменію и Грузію и построилъ на берегахъ Куры крѣпость, въ угрозу древнему городу Мцхету, резиденціи грузинскихъ царей.

Это и былъ первый зародышъ Тифлиса.

Гургъ-Асланъ не успѣлъ окончить построеніе Тифлиса. Городъ болѣе или менѣе отстроился уже при его сынѣ, Дачи (499—514 по Р. X.), при которомъ были выведены городскія стѣны. Тогда же резиденція грузинскихъ царей была перенесена изъ Мцхета въ Тифлисъ, названный такъ благодаря своимъ горячимъ минеральнымъ источникамъ: тпили по-грузински значитъ теплый; отсюда Тпилиси, перешедшій въ нашемъ произношеніи въ Тифлисъ.

Съ этого времени Тифлисъ становится ареной кровавыхъ распрей. Въ исходѣ VI-го вѣка имъ овладѣваютъ персы, а затѣмъ Грузія подпадаетъ подъ вліяніе Греціи.

Въ 731 году полководецъ Омара, Мурванъ-Абдуль-Казимъ, обратилъ Тифлисъ въ груды развалинъ и огнемъ и мечомъ сталъ водворять въ немъ исламъ.

Едва только Грузія немного оправилась отъ этого набѣга, какъ ею уже снова овладѣли персы и убили царя Арчила II-го, численнаго грузинской церковью къ лику святыхъ.

Въ VIII вѣкѣ Грузіей, подпавшей подъ власть арабскаго ха-

лифата, управляетъ Ашотъ Великій, первый изъ династіи Багратионовъ, занимавшихъ престолъ Грузіи вплоть до присоединенія ея къ Россіи.

Знаменитый халифъ Гарунъ-ал-Рашидъ сначала очень благоволилъ Ашоту, осыпалъ его милостями и пожаловалъ ему громкій титулъ «эмиръ-аль-умара», т. е. «князь князей», но затѣмъ, подъ вліяніемъ придворныхъ интригъ, разсорился съ нимъ. Тифлисъ былъ опустошенъ подъ буйнымъ набѣгомъ и сталъ резиденціей халифскихъ намѣстниковъ.

Въ IX вѣкѣ на Тифлисъ нападаютъ хозары, проникнувъ въ Грузію чрезъ Дарьяльское ущелье, а затѣмъ сарацины.

Въ XI вѣкѣ Грузія и Арменія были разорены дикими полчищами сельджукскихъ турокъ, а Тифлисъ лежалъ въ развалинахъ. Населеніе города было вырѣзано, а уцѣлѣвшіе спаслись въ горахъ и ущельяхъ. Грузія, казалось, доживала послѣдніе дни, но Давидъ II-й (1089—1125 г.), прозванный грузинами «возобновителемъ» (огпахнебели), изгналъ турокъ изъ грузинскихъ владѣній и освободилъ страну отъ иноземнаго ига.

При царицѣ Тамарѣ, время которой, по справедливости, считается «золотымъ вѣкомъ» Грузіи, — Тифлисъ пользовался спокойствіемъ, но не долго. Со смертью этой царицы закончился и непродолжительный періодъ могущества и славы грузинскаго царства, и для Тифлиса снова наступаетъ безконечный рядъ бѣдствій и разгромовъ!

Въ 1228 году блестящій и ужасный Джелалъ-единъ овладѣлъ Тифлисомъ и сдѣлалъ себѣ тронъ изъ купола Сіонскаго собора...

Въ 1388 году на Кавказскій край обрушился Тимуръ-ленкъ (Тамерланъ) и за измѣну исламу царя Баграта III-го разрушилъ Тифлисъ до основанія.

Весь XVI и XVII вѣкъ прошли для Грузіи и Тифлиса въ поперебѣнныхъ нашествіяхъ персіянъ и турокъ, упорно спорившихъ другъ съ другомъ за обладаніе страной. На этомъ кровавомъ фонѣ безумной и дикой рѣзни особенно выдѣляется 1616 годъ страшнаго нашествія на Тифлисъ кровожаднаго шаха Аббаса I-го.

Въ 1703 году царемъ Карталиніи (Грузія дѣлилась въ это время на два царства: Карталинское и Кахетинское) былъ просвѣщенный и предприимчивый Вахтангъ II, устроившій въ Тифлисѣ первую книгопечатню. Этотъ Вахтангъ велъ переговоры съ Петромъ Великимъ, приглашавшимъ его соединиться вмѣстѣ противъ шаха Тамаза. Походъ Россіи на Персію, однако, не состоялся; Вахтангъ уже сильно пострадалъ за свои сношенія съ Петромъ: на него донесъ шаху его завистливый сосѣдъ, царь кахетинскій, Константинъ. Этому послѣднему и была отдана шахомъ Карталинія. Константинъ долго изувѣрствовалъ въ Тифлисѣ и перебилъ всѣхъ приверженцевъ Вахтанга, который въ 1724 году переѣхалъ съ семьей на

жительство въ Россію. вмѣстѣ съ нимъ и за нимъ переѣхали туда же и многіе изъ тогдашней грузинской знати, какъ, напримеръ, князь Дмитрій Орбеліяни, князья Баратовы, Джаваховы, князь Шаликовъ, князь Давыдовъ, князь Туркестановъ, князь Амилохвари, Мачаварьяловы, Тухареловы и другіе.

Въ 1735 году знаменитый Надиръ-шахъ изгналъ изъ Тифлиса овладѣвшихъ имъ въ 1724 году турокъ и назначилъ провителемъ Карталиніи Теймураза II-го. При немъ и сынъ его Иракліи Тифлисъ сталъ принимать благоустроенный видъ. Ираклій основалъ здѣсь типографію, арсеналь, монетный дворъ.

Въ 1795 г. Тифлисъ постигъ послѣдній, но самый ужасный ударъ,—на Тифлисъ напалъ психически больной отъ раздражавшаго его физическаго уродства, жестокой Ага-Мухаммедъ-ханъ и не оставилъ въ злоконечной Грузіи камня на камнѣ!.. Шестъ дней неистовствовали въ Тифлисѣ полчища персидскаго тирана, громя все, что попадалось подъ руку... Все живое было звѣрски вырѣзано, поругано, осквернено... Три тысячи плѣнныхъ были отправлены въ Иранъ. Избѣгшіе случайно смерти въ ужасѣ разбѣжались...

Послѣ этого ужаснаго погрома Тифлисъ долго представлялъ собой кучу развалинъ и груды обезображенныхъ труповъ! Кура была запружена убитыми, а по дорогамъ возвышались цѣлые курганы кровавыхъ тѣлъ!

Черезъ пять лѣтъ послѣ этого Грузія добровольно отдала себя подъ власть и покровительство Россіи, и только съ этого времени прекратились, наконецъ, ея безконечныя бѣдствія.

II.

Сіонскій соборъ.—Крестъ Нины.—Метехскій замокъ.—Царица Тамара грузинской исторіи.—«Царица Тамара» у Лермонтова.

Идя на Майданъ съ Эриванской площади, чрезъ Армянскій базаръ и Сіонскую улицу, вы видите на лѣвой сторонѣ обширную, старую, точно вросшую въ землю церковь, въ которую нужно спустаться по ступенькамъ. Это православный Сіонскій соборъ, самый большой храмъ въ Тифлисѣ, во имя Успенія Пресвятой Богородицы.

Соборъ заложенъ при Вахтангѣ Гургъ-Асланѣ, въ V вѣкѣ по Р. Х. Въ теченіе многострадальной исторіи Грузіи соборъ этотъ подвергался, конечно, много разъ разрушенію. Особенно сильно пострадалъ онъ во время нашествія на страну Аги-Мухаммедъ-хана.

Съ 1811 г. Сіонскій соборъ сдѣланъ каедральныхъ соборомъ экзарховъ Грузіи.

Въ 1850 г. при князѣ М. С. Воронцовѣ стѣны и сводъ храма расписаны живописью въ византійскомъ стилѣ по рисункамъ князя Григорія Гагарина. Главнѣйшая достопримѣчательность собора это величайшая святыня Грузіи—крестъ святой Нины, просвѣтительницы Грузіи, сдѣланный изъ виноградной лозы и обвитый, по трогательному преданію о ея жизни, собственными волосами подвижницы. Этотъ драгоценный крестъ бережно хранится въ парчевой ризѣ и покрытъ вычеканенною изъ серебра иконою св. Нины.

Исторія этой святыни весьма замѣчательна.

По смерти св. Нины крестъ ея сохранялся въ соборѣ города Мехета,—арены просвѣтительной дѣятельности святой, прибывшей сюда въ IV вѣкѣ изъ Палестины и подвизавшейся въ Грузіи при царѣ Маріанѣ, сынѣ шаха Хозроя, родоначальникѣ грузинскихъ Сассанидовъ. Въ Мцхетскомъ соборѣ первоначально предполагали похоронить св. Нину, но потомъ рѣшили предать ея тѣло землѣ въ селѣ Буди (Бодби), близъ г. Сигнаха, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ скромный, сдѣланный изъ вѣтвей шалашъ, въ которомъ долго жила преподобная Нина. Въ 342 г. надъ могилой ея грузинскій царь Бакаръ возвелъ храмъ во имя св. великомученика Георгія. При этомъ храмѣ учреждена была впоследствии Бодбійская митрополія, старѣйшая во всей Кахетіи, и отъ нея-то евангельская проповѣдь распространялась въ горы восточнаго Кавказа.

Затѣмъ крестъ св. Нины, въ теченіе многихъ вѣковъ, переходилъ изъ города въ городъ, изъ страны въ страну: его набожно спасали отъ рукъ невѣрныхъ. По армянскимъ источникамъ, крестъ находился въ Мцхетѣ 175 лѣтъ, въ крѣпости Ванандѣ 495 лѣтъ, въ г. Карсѣ 164 года и въ г. Ани 142 года. Послѣ взятія этого города монголами, въ 1239 году, крестъ былъ обратно перенесенъ въ Мцхетъ, но не надолго: его снова пришлось прятать отъ мусульманъ—то въ Ананурѣ, то въ монастырѣ св. Троицы, на Казбекѣ. Въ 1752 году грузинскій митрополитъ Романъ самовольно увезъ крестъ съ собою въ Россію и передалъ царевичу Бакару, сыну грузинскаго царя Вахтанга, переселившемуся, какъ уже знаютъ читатели, въ 1724 году съ отцомъ въ Россію и проживавшему въ Москвѣ. Отсюда крестъ былъ перевезенъ въ село Лысково, Нижегородской губерніи,—имѣніе свѣтлѣйшихъ князей грузинскихъ, потомковъ царей Грузіи, а въ 1800 году княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ, внукомъ царевича Бакара, былъ подаренъ императору Александру Павловичу. Послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи эта народная святыня была возвращена грузинскому народу высочайшимъ рескриптомъ отъ 15-го октября 1801 года, на имя тогдашняго главнокомандующаго въ Грузіи генераль-аншефа Кнорринга, и съ тѣхъ поръ неизмѣнно хранится въ Сіонскомъ соборѣ.

Другая рѣдкость собора — икона Богоматери въ серебряной ризѣ, съ короною, осыпанная драгоценными камнями. Прежняя икона Божіей Матери была брошена по приказанію шаха Измаила, въ 1522 г., въ Куру. Икона пожертвована собору царевичемъ Георгіемъ, сыномъ Вахтанга, въ 1762 г.

Въ Сіонскомъ соборѣ похоронены грузинскіе цари Гурамъ, строитель храма, и Адарпасе (619—639), докончившій его постройку.

Здѣсь же погребены: извѣстный полководецъ временъ царицы Тамары Іоаннъ Мхиргдзелли (Долгорукій), бывшій главнокомандующій въ Грузіи храбрый князь Циціановъ, убитый подъ стѣнами Баку въ 1803 г., и генералъ И. П. Лазаревъ, заколотый въ томъ же году царицей Маріей, супругой послѣдняго грузинскаго царя Георгія XII, которую, послѣ смерти мужа, И. П. Лазаревъ долженъ былъ выслать въ Петербургъ, въ виду поддерживаемыхъ царицей смуть въ Грузіи, съ цѣлью воцаренія.

Кончая съ описаніемъ Сіонскаго собора, хранящаго въ своихъ стѣнахъ драгоценную для грузинъ святыню, — крестъ св. Нины, здѣсь ктати будетъ упомянуть, что недавно вышло чрезвычайно любопытное изслѣдованіе ученаго хранителя азіатскаго музея императорской академіи наукъ, О. Лемма, подъ заглавіемъ «Къ исторіи обращенія иверовъ въ христіанство» (*Zur Geschichte der Bekehrung der Iberer zum Christenthum*), помѣщенное въ X томѣ «Извѣстій» академіи (май 1899 г.), въ которомъ авторъ, на основаніи арабскаго, эіопскаго и коптскаго синаксарей (житія святыхъ), доказываетъ, что настоящее имя святой просвѣтительницы Грузіи было вовсе не Нина, какъ доселѣ принято думать, а Θεογνοστα.

Интересующихся подробнѣе ознакомиться съ этимъ вопросомъ отсылаемъ къ прекрасной статьѣ г. Л. Л., напечатанной въ XXVI-мъ томѣ «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» (стр. 113), издаваемаго управленіемъ Кавказскаго учебнаго округа.

Въ той же мѣстности, вблизи собора, противъ Майдана, на лѣвомъ берегу Куры, высится на крутомъ скалистомъ холмѣ зданіе тюрьмы, носящее названіе «Метехскаго замка». Тутъ въ V-мъ вѣкѣ была цитадель, внутри которой помѣщался царскій дворецъ съ придворной церковью. Отъ дворца, въ которомъ жили грузинскіе цари до Ростомъ, не уцѣлѣло ни одного слѣда.. Въ XVI-мъ вѣкѣ турки выстроили здѣсь крѣпость, которая была разрушена Шахъ-Аббасомъ въ XVIII вѣкѣ и загѣмъ возобновлена Иракліемъ II, а при Ермоловѣ въ 1819 г. тутъ было построено обширное зданіе тюрьмы.

Что же касается церкви, то она понынѣ сохранилась и считается древнѣйшей церковью въ Тифлисѣ. Она очень небольшая, узкая, полутемная, съ двойными хорами.

Внутренность храма очень пострадала отъ нашествія на Тифлисъ Аги-Мухаммедъ-хана, но послѣдній грузинскій царь Георгій XII ремонтировалъ церковь заново.

Въ придѣлѣ Метехской церкви покоится прахъ царицы Шушаники, замученной въ V-мъ вѣкѣ персіянами за вѣрность ученію Христа.

При подъемѣ на Метехскую скалу со стороны Майдана, вы увидите направо, въ стѣнѣ, небольшую часовенку; она построена въ память обращенія въ христіанство персіянина—огнепоклонника Або, сожженного за это въ VIII вѣкѣ его единоплеменниками и причисленнаго впослѣдствіи грузинской церковью къ лику святыхъ. Часовня сооружена графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, а иконы въ ней поставлены сенаторомъ Сафоновымъ.

Нѣкогда на Метехѣ высились чертоги славной царицы Тамары...

Вѣкъ царицы Тамары (1184—1212 г.), какъ уже сказано, былъ «золотымъ вѣкомъ» Грузіи, блестящей страницей ея исторіи, отраднымъ оазисомъ среди кровавыхъ нашествій виѣшнихъ враговъ, безконечныхъ неурядицъ и бѣдствій внутри страны и темныхъ интригъ придворныхъ партій.

Блеставшая красотой, умомъ и силой характера знаменитая внучка храбраго Давида «возобновителя», наводившаго страхъ на мусульманъ, отличалась горячей приверженностью къ вѣрѣ Христовой и считалась ревностной защитницей христіанъ, проживающихъ въ иновѣрныхъ странахъ. Царица усердно хлопочетъ объ облегченіи монастырскихъ податей въ земляхъ ислама, о безпрепятственномъ движеніи паломниковъ въ св. Землю, отнимаетъ у султановъ Малой Азіи Трапезондъ, который отдаетъ своему племяннику Алексѣю Комнену; ей подчиняются не только единокровные народы Грузіи, но и горцы Кавказа, сосѣдніе мусульмане и армяне; ея владѣнія тянутся на востокъ до Каспія и Дербента, на западъ до Азовскаго моря и Трапезонда, на сѣверъ до тогдашней Россіи и на югъ до Эрзерума и Тавриза; она водворяетъ миръ внутри государства и высоко поднимаетъ внутреннее благосостояніе своей страны; у трона ея благоденствуютъ поэты, духовные ораторы, художники; воздвигаются великолѣпные храмы, строятся города, проводятся каналы...

О славныхъ побѣдахъ Тамары надъ персіянами въ Шамхорѣ (1203 г.) и Ардебилѣ говоритъ самъ царь московскій—Иванъ Васильевичъ Грозный, обращаясь въ своей рѣчи къ ратникамъ, предъ штурмомъ Казани, съ такими, между прочимъ, словами:

«Слышите иногда Божію бывшую великую милость и Пречистыя Богородицы помощь, яко премудрая и мужеумная царица Иверская сотвори и колико побѣду показа на безбожныхъ персѣхъ».

Такова была эта дивная царица Грузіи, можетъ быть, и при-

украшенная въ благодарной памяти ея народа, но, несомнѣнно, выдающаяся по уму и способностямъ. Подобно тому, какъ наша исторія отмѣчаетъ главную эпоху Екатерины II, такъ и исторія грузинскаго царства заключаетъ въ себѣ золотой вѣкъ Тамары.

Народная память о царицѣ Тамарѣ, являющейся въ представленіи легендъ и исторіи премудрой и благочестивой, живетъ повсюду въ Грузіи. Много мѣстностей носятъ имя этой царицы: Тамарисъ-цихе (городъ въ Имеретіи), Тамарисъ-кала (крѣпость въ Закатальскомъ округѣ), «гора Тамары» около Батума и др. Повсюду на Кавказѣ вы найдете массу всевозможныхъ легендъ, сказаній, пѣсенъ, пословицъ, соединенныхъ съ дорогимъ грузинамъ именемъ Тамары.

Особенно характернымъ является то обстоятельство, что почти каждый уголокъ Грузіи ищетъ у себя могилу Тамары...

Грузинскій поэтъ — классикъ Ашотъ Руставели, посвящаетъ царицѣ слѣдующія строки:

. . . . .
. . . . .

Пусть грузинъ всѣ поколѣнья,
Размножась на этомъ шарѣ,
Прочитаютъ восхваленья,
Что слагаю я Тамарѣ!
Льву подобна — величавой
Силой мощи — эта львица
Править Грузіей со славой,
Дѣва солнца и царица!
Блещетъ царская корона,
А въ бояхъ знамена вьются,
Отъ златыхъ ступеней трона
Правда, милость, блага льются!
Весь востокъ поетъ ей оды;
Ей легко правленья бремя, —
Вѣкъ Тамары — вѣкъ свободы,
Золотое наше время!..
Дни Тамары — славны, громки,
Это истина — не грезы..
Пусть же вѣдаютъ потомки,
Какъ мы лили кровь и слезы..
. . . . .

Царица Тамара была замужемъ за русскимъ. Ея первымъ мужемъ былъ сынъ Андрея Боголюбскаго — Юрій, изгнанный послѣ смерти отца (1174 г.) дядей своимъ Всеволодомъ и проживавшій въ г. Свинджѣ, у кипчаковъ.

Это былъ въ полномъ смыслѣ слова бракъ политической, совершенный Тамарой подъ энергическимъ давленіемъ придворной партіи, имѣвшей сильное вліяніе на юную царицу, рано оставшуюся круглой сиротой. Какъ ни отказывалась она отъ навязаннаго ей жениха, но должна была уступить, такъ какъ Грузіи, конечно,

было выгодно заручиться родствомъ сильнаго сѣвернаго царства. Заключенный при такихъ условіяхъ брачный союзъ, разумѣется, не могъ быть счастливымъ. Тамара разошлась съ мужемъ, начавшимъ, будто бы, по словамъ грузинскихъ источниковъ, вести разгульную жизнь, и вышла вторично замужъ за осетинскаго князя Давида, изъ рода Багратионовъ, котораго давно любила, зная его съ дѣтскихъ лѣтъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ грузинской царицей Тамарой, дочерью Георгія III и царицы Бурдуханы, извѣстной намъ по грузинскимъ, армянскимъ и мусульманскимъ источникамъ.

О какой же царицѣ Тамарѣ говоритъ Лермонтовъ въ своемъ всѣмъ извѣстномъ стихотвореніи «Тамара» (1841)?

Въ немъ описывается сладострастная царица—красавица, заманивавшая въ свою одинокую башню путниковъ, которыхъ она потомъ убивала и бросала въ Терекъ.

Это красивое музыкальное стихотвореніе начинается дивной строфой, которую невольно вспоминаешь, когда ѣдешь по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ глубокой тѣсинѣ Дарьяла,
Гдѣ растетъ Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на мрачной скалѣ.

Въ той башнѣ, высокой и тѣсной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ, коварна и зла.

По ночамъ въ башнѣ мерцалъ огонекъ и манилъ къ себѣ одинокихъ путниковъ. А изъ башни слышался голосъ Тамары.

Онъ весь былъ желанье и страсть, —
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непоятная власть.

Путникъ поддавался очарованью и покорно шелъ на призывъ. Его встрѣчалъ безмолвный евнухъ и вводилъ къ царевнѣ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостей... Шипѣли
Предъ нею два кубка вина...

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страшные, дикіе звуки
Всю ночь раздавались тамъ, —

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ...

Видъ Тифлиса.

А на утро башня попрежнему погружалась въ молчанье.

Лишь Терекъ въ тѣснищѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну, —

И съ плачемъ безгласное тѣло
Слѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда «прости!».

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Что будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщаль.

Эта мрачная легенда Кавказа, гдѣ и посейчасъ показываютъ въ разныхъ мѣстахъ, въ Дарьяльскомъ, напримѣръ, ущельѣ и въ Имеретіи, «башни Тамары», конечно, не можетъ имѣть ничего общаго съ мудрой, благочестивой и любимой народной памятью царицей Тамарой, о которой мы выше бесѣдовали съ читателями, Тамарой покровительницей христіанства, заступницей за монастыри и палестинскихъ паломниковъ, помощницей сирыхъ и убогихъ и причисленной наконецъ грузинской церковью къ лику святыхъ.

Память Тамары празднуется 10-го апрѣля. На одной изъ старинныхъ иконъ Сіонскаго собора изображены всѣ празднуемые грузинской церковью святые, и въ ихъ числѣ мы видимъ и царицу Тамару. Недавно доставленъ въ Тифлисскій церковный музей древній образъ, изображающій царицу Тамару въ нимбѣ. Откуда же, однако, поэтъ заимствовалъ образъ своей царицы Тамары?

А. Н. Веселовскій усматриваетъ въ Лермонтовской царицѣ Тамарѣ канву неаполитанской легенды XIV вѣка о нѣкоей красавицѣ Джіовиллѣ, платившей за любовь, по словамъ итальянскаго преданья, такъ же жестоко, какъ и «царица Тамара» Лермонтова ¹⁾).

Но зачѣмъ ѣздить въ чужіе края за отыскиваньемъ Тамары Кавказской легенды, когда ее легко можно найти въ грузинскихъ сказаніяхъ тутъ же на Кавказѣ?

Сама Грузія дастъ намъ прототипы Лермонтовскаго образа царицы-вакханки.

Это были — Дареджана, жена имеретинскаго царя Александра (XVII в.), отличавшаяся жестокостью и распутствомъ, и Тамара Дадіанъ, племянница карталинскаго царя Вахтанга V-го, извѣстнаго въ мусульманствѣ подъ именемъ Шахъ-Наваза. Изъ-за обладанія этой легкомысленной красавицей ратовали царь Багратъ, сынъ имеретинскаго царя Александра, который силой оружія от-

¹⁾ «Кавказъ» за 1898 г., №№ 6 и 7.

Крестъ св. Нины.

нялъ ее у Дадіана, и князь Георгій Гуріели. Въ 1678 году Дадіанъ взялъ Кутаисъ, прогналъ царя Баграта и снова вернулъ себѣ Тамару, но на слѣдующій годъ Баграта съ войскомъ явился подъ стѣнами Кутаиса и овладѣлъ городомъ, а съ нимъ и Тамарой. По смерти Баграта въ Имеретіи воцарился князь Георгій Гуріели, который женился на Тamarѣ, разошедшись первоначально со своей женой, которая была не кто иная, какъ дочь этой же самой Тамары... Вскорѣ послѣ этого послѣдняго торжества своей красоты Тамара умерла беременной.

Эта-то Тамара, яблоко раздора кавказскихъ князей, весьма напоминающая собой легендарную Елену троянской войны, и послужила, конечно, сюжетомъ кавказскаго преданія, такъ изящно воспроизведеннаго поэтомъ.

III.

Гора св. Давида и могила Грибоѣдова.—Кешветская церковь.—Дарійскій монастырь.—Царь Ираклій и царица Дарья.—Послѣдніе дни Грузинскаго царства.

Кто изъ русскихъ въ Тифлисѣ не побывалъ на горѣ св. Давида, гдѣ покоится дорогой намъ прахъ знаменитаго творца безсмертной комедіи—А. С. Грибоѣдова?

Гора эта въ западной части города и носитъ названіе «Мтацминда», т. е. святая гора.

На склонѣ горы (1940 фут. надъ уровнемъ моря) возвышается красивая бѣлая церковка во имя св. Давида, первоначально выстроенная, по преданію, св. Давидомъ, сиріянниномъ, проповѣдывавшимъ, въ VI вѣкѣ, въ Грузіи вѣру Христову.

До начала текущаго столѣтія церковь эта находилась въ запустѣніи, и лишь въ 1809 году, благодаря грузинскому католику Антонію II, сыну царя Ираклія, она была возстановлена.

Въ послѣднее время старая церковь была сломана и выстроена другая, болѣе обширная.

На гору устроены удобный подъемъ.

Въ особомъ склепѣ, ниже церкви, увѣнчанномъ куполомъ и открытомъ со стороны, обращенной къ городу, похороненъ творецъ «Горя отъ ума», очень любившій это живописное мѣсто при жизни и завѣщавшій здѣсь положить себя послѣ смерти.

Надъ могилой А. С. Грибоѣдова возведенъ его вдовой роскошный памятникъ изъ чернаго мрамора съ бронзовымъ крестомъ, у подножія котораго помѣщается бронзовая же фигура плачущей женщины, припавшей къ подножію креста. На лицевой сторонѣ памятника прекрасный портретъ поэта, а внизу годъ его рожденія и смерти. Съ двухъ боковыхъ сторонъ читаемъ:

«Незабвенному—его Нина» и «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего тебя пережила любовь моя?»

Рядомъ погребена и та, которая написала эти простыя и трогательныя слова, вдова поэта, Нина Александровна Грибоѣдова, рожденная княжна Чавчавадзе, скончавшаяся 24 января 1857 г.

Тутъ же и дѣтская могилка Нины Николаи, дочери покойнаго барона А. П. Николаи, который былъ женатъ на родной сестрѣ Нины Грибоѣдовой.

Обыкновенно «Мта-цинда» посѣщается по четвергамъ массою женщинъ и дѣвушекъ многоплеменнаго Кавказа, не исключая даже и мусульманокъ, такъ какъ св. Давидъ считается здѣсь покровителемъ брачныхъ узъ и семейнаго счастья.

Здѣсь, въ этомъ живописномъ уединеніи, у рѣшетки скита, прильнувшего къ уступу горы, у подножья которой нестрѣбеть шумный, характерный городъ съ своеобразной, чисто азіатской фізіономіей,—невольно возстаетъ въ мысляхъ образъ дорогаго покойника и тѣ прелестныя слова, которыя вложилъ въ уста его вдовы Я. П. Полонскій, лично знавшій, въ бытность свою на Кавказѣ, Нину Александровну Грибоѣдову:

. . . . .
 И положила я его
 На той скалѣ, гдѣ спить
 Семья гробницъ, и гдѣ святой
 Давидъ ихъ сторожить,
 Гдѣ раньше, чѣмъ заглянетъ къ намъ
 Въ окошко алый свѣтъ,
 Заря подъ своды алтари
 Шлетъ пламенный привѣтъ,
 На той скалѣ, гдѣ въ бурный часъ,
 Зимой, издалека
 Причались, плачутъ по веснѣ
 Ночныя облака,
 Куда всегда по четвергамъ
 Вредутъ на ранній звонъ
 Тропинкой каменной, въ чадрахъ,
 Толпы грузинскихъ женъ...
 Вредутъ, нерѣдко въ страшный зной,
 Однѣ—просить дѣтей,
 Другія—воротить мольбой
 Остывшихъ къ нимъ мужей...
 Тамъ въ темномъ гротѣ—мавзолей
 И, скромный даръ вдовы,
 Лампадка свѣтитъ въ полутьмѣ,
 Чтобъ прочитали вы
 Ту надпись, и чтобъ вамъ она
 Напомнила сама
 Два горя: горе отъ любви
 И «Горе отъ ума»...

Къ сожалѣнію, этой-то именно лампадки мы не видѣли у могильнаго мрамора А. С. Грибоѣдова... Сквозная чугунная рѣшетка широкой арки склепа, черезъ которую хорошо видна вся внутренность грота, и каменные по обѣимъ его сторонамъ ступени, ведущія на площадку, гдѣ стоитъ церковь, требуютъ обновленія, и вообще нѣкоторая реставрація склепа Грибоѣдовыхъ весьма желательна.

Извѣстный грузинскій поэтъ, князь Н. М. Баратовъ, посвятилъ горѣ св. Давида задушевную элегію, въ которой встрѣчаются очень красивыя мѣста.

О, Мта-цминда, о ты, гора моя святая!
 Какъ трогаетъ твоихъ пустынныхъ мѣстъ краса,
 Когда на нихъ скользятъ лучъ солнца, догорая,
 И окропляетъ ихъ небесная роса.
 . . . . .
 Я помню, вечеръ былъ, бродилъ я одиноко,
 О темная гора, въ святыхъ твоихъ мѣстахъ...
 Всю предель вечера я чувствовалъ глубоко,
 Онъ грустенъ былъ, какъ я: я чуждъ друга въ немъ!
 . . . . .
 Пока задумчивый стоялъ я на вершинѣ,
 И красоту небесъ съ любовью созерцалъ,
 Подкралась сумерки: былъ май: порой въ дождниѣ
 Вдыхалъ ночной зифирь—и цѣлый міръ смолкалъ.

Священная гора! Улыбку-ль утѣшенья,
 Иль тихую слезу найдешь въ тебѣ пришедецъ,
 Что для него всегда источникъ облегченья,
 О другъ таинственныхъ тоскующихъ сердецъ!

И смолкло все вокругъ въ безмолвіи великомъ:
 Взошла луна, звѣзда зажглась любовью къ ней...
 Склоненный дискъ луны казался блѣднымъ ликомъ
 Молящимся, съ душой, не вѣдавшей страстей.

Такъ наступила ночь. Въ моемъ воспоминаньи,
 О Мта-цминда, ту ночь я свято сохранилъ
 . . . . .

Съ тѣхъ поръ, когда печаль мнѣ душу омрачаетъ,
 Я вновь бѣгу къ тебѣ, какъ къ другу моему,
 И горькую тоску надежда облегчаетъ,
 Что первый солнца лучъ разгонитъ скорбь и тьму!

Спустимся отъ Грибоѣдовскаго памятника внизъ, по Давидовской улицѣ, на Головинскій проспектъ, и отправимся опять въ азіатскія части Тифлиса, самыя интересныя и достойныя вниманья.

По дорогѣ туда зайдемъ ненадолго въ грузинскую Кашветскую церковь, стоящую на углу Головинскаго проспекта и Георгіевской улицы. Она построена при Теймуразѣ, отцѣ царя Ираклія.

Метехский замок.

Внутренность храма чрезвычайнаго эффектна: въ простѣнкахъ двѣнадцати оконъ купола изображены фигуры 12 апостоловъ и надъ ними двѣнадцать знаковъ зодіака, съ обозначеніемъ мѣсяцевъ.

Не доходя до подъема на Метехскую скалу, гдѣ мы уже были съ читателями, повернемъ влѣво и выйдемъ на Авлабарскую площадь, вблизи которой виднѣется низенькая, обнесенная каменной оградой, старинная церковь, — это бывший женскій Дарійскій монастырь (во имя св. Ираклія и Дарьи), возведенный царицей Дарьей Георгіевной, супругой предпослѣдняго грузинскаго царя Ираклія. Здѣсь, въ кельяхъ, провела свои послѣдніе годы властолюбивая и безпокойная царица.

Монастырская полутемная, низенькая церковь, стоящая въ правомъ углу обширнаго двора, окружаемаго невысокими постройками, гдѣ прежде помѣщались инокини, очень не велика и не представляетъ внутри ничего замѣчательнаго. Монастырь (нынѣ приходская церковь во имя Спаса Преображенія) интересенъ по тѣмъ историческимъ воспоминаніямъ, которыя возникаютъ при его видѣ, связанные съ именами царя Ираклія и его супруги.

Время царя Ираклія II-го была эпохой постепеннаго, прогрессивнаго разложенія Грузіи, подготовившей ея неизбѣжное присоединеніе къ Россіи.

Постоянныя войны, которыя вель Иракліи съ мусульманами при почти всегдашней удачѣ, сопровождавшей первую половину его царствованія, въ конецъ разорили Грузію. Населеніе должно было постоянно поддерживать казну, въ виду большихъ военныхъ издержекъ. Налоги распредѣлялись неравномѣрно. Существовавшій въ странѣ обычай щедро жаловать монастырямъ и церквамъ разныя угодья, а равно и большія земли, лишалъ государство значительныхъ доходовъ. Еще сильнѣе вліялъ на ресурсы государства обычай раздавать князьямъ и дворянамъ помѣстья. Правительство представляло имъ всѣ доходы съ жалуемыхъ земель, съ обязательствомъ выставлять въ случаѣ нужды извѣстное число милиціонеровъ. Такимъ образомъ оставалась лишь небольшая часть государственныхъ крестьянъ, на которыхъ и лежало непосредственное несеніе всѣхъ податей. Между тѣмъ постоянныя жертвы, требуемыя войной, вредно отзывались на народномъ хозяйствѣ. Отъ непрерывныхъ войнъ упала торговля Грузіи.

Частыя отлучки крестьянъ на поле битвы, не позволявшія ни правильнаго занятія хлѣбопашествомъ, ни своевременнаго обмѣна сельскихъ произведеній, значительно понизили государственные доходы. Правительство нерѣдко бывало въ большомъ затрудненіи отъ недостатка денежныхъ средствъ. Очень часто административныя мѣры, клонящіяся къ пользѣ народа, оставались за неимѣніемъ источниковъ безъ исполненія. Народъ, что очень стественно, видѣлъ въ этомъ безсиліе власти. То же безсиліе проявлялось и въ

сношеніяхъ съ князьями. Получивъ земли, они зачастую отказывались являться на царскую службу. Наемныя войска, не получая изъ казны жалованья, поднимали ропотъ и творили въ Тифлисѣ разныя неистовства, что проходило для нихъ безнаказанно, такъ какъ царь боялся ихъ раздражать. Слабость власти не оставалась, конечно, тайной для дагестанскихъ бековъ, и отовсюду стали получаться извѣстія, что горцы идутъ въ Грузію.

Пагубно вліяло также на страну и постоянное вмѣшательство въ государственныя дѣла царицы Дарьи (дочери владѣтельнаго князя Мингрелии Георгія Дадіана), третьей супруги царя, женщины крайне честолюбивой, заносчивой, дурного характера и далеко не безукоризненнаго поведенія, такъ какъ ея связь съ оберъ-гофмаршаломъ двора Коргеновымъ ни для кого не была секретомъ...

Царица домогалась уничтоженія, во что бы то ни стало, акта престолонаслѣдія, которымъ наслѣдникомъ грузинскаго престола былъ назначенъ старшій сынъ царя царевичъ Георгій (впослѣдствіи Георгій XII), рожденный отъ второго брака царя, и объявленія наслѣдникомъ ея собственнаго сына Юлона.

Дворъ раздѣлился въ виду этого на два враждебныхъ лагеря: въ главѣ одного стояли дѣти Ираклія отъ второго брака, во главѣ другого царица Дарья и Юлонъ.

Неудовольствіе въ народѣ все росло и росло и готово было принять грозныя размѣры...

Ираклію ничего не оставалось дѣлать, какъ искать поддержки у иностранныхъ державъ.

Переговоры съ Іосифомъ II, которые велись при посредствѣ проживавшаго тогда въ Тифлисѣ патера Доминика, монаха іезуитскаго ордена, не привели къ желаемой цѣли: царь не получилъ просимой имъ суммы для спасенія своей страны, христіанства.

Тогда Ираклій рѣшился искать покровительства Россіи.

Съ этой цѣлью царь обратился къ командовавшему тогда на кавказской линіи генераль-поручику П. С. Потемкину съ ходатайствомъ о содѣйствіи и получилъ въ отвѣтъ указаніе обратиться непосредственно къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Ираклій отправилъ челобитную государынѣ осенью 1782 года. Онъ просилъ 1) оказать ему помощь отрядомъ въ 4.000 человекъ, съ содержаніемъ отъ русскаго правительства, для защиты Грузіи отъ враговъ, завоеванія Ахалциха и отнятія земель, захваченныхъ лезгинами; 2) утвердить его съ потомствомъ въ царскомъ достоинствѣ; 3) оставить грузинскаго католика и 4) выдать денежное пособіе для борьбы съ врагами.

Съ своей стороны Ираклій обѣщаль: 1) издержки на содержанье русскихъ войскъ пополнить доходами съ тѣхъ областей, которыя будутъ покорены силою оружія; 2) отправить одного изъ царевичей съ князьями заложникомъ въ Петербургъ. 3) изъ прибыли отъ раз-

работки металловъ, открытыхъ и впредь могущихъ открыться, вносить половину въ русскую казну; 4) съ каждаго дыма уплачивать Россіи по 70 копеекъ; 5) посылать ежегодно для высочайшаго двора по 2 тысячи ведеръ хорошаго вина и 14 лошадей дорогихъ породъ и 6) поставлять ежегодно изъ Грузіи рекрутъ въ Россію въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ они набирались у насъ.

24 іюля 1783 г. между Иракліемъ II и императрицей Екатериной былъ подписанъ трактатъ, въ силу котораго Россія обѣщала постоянную поддержку Грузіи, а Грузія отказывалась развѣ навсегда отъ зависимости отъ Персіи или иной державы, кромѣ Россіи. Далѣе трактатомъ было постановлено, что царь кахетинскій и карталіискій, вступивъ на престолъ Грузіи, обязывается извѣщать объ этомъ російскій императорскій дворъ, испрашивая, чрезъ посланниковъ своихъ, подтвержденія Россіи на царство, при чемъ получаетъ отъ русскаго двора инвеституру, состоящую въ грамотѣ, знамени, жезлѣ и горностаевой мантии. Получивъ это, царь обязуется принести присягу на вѣрность Россіи. Остальными главнѣйшими статьями трактата устанавливалось, что царь Грузіи не долженъ былъ имѣть никакихъ политическихъ сношеній съ сосѣдними владѣтелями безъ согласенія по этому поводу съ русскимъ дворомъ; что грузинскій католикосъ считался въ числѣ русскихъ архіереевъ, и что грузинскіе князья и дворяне сравнивались въ своихъ правахъ съ русскими.

Въ виду всего вышесказаннаго, въ ноябрѣ того же года, въ Тифлисѣ прибыли, для постояннаго пребыванія на Кавказѣ, Горскій и Бѣлорусскій батальоны, для охраны Грузіи отъ ея враговъ.

Въ знакъ своего особаго благоволенія, императрица пожаловала Дарьѣ Георгіевнѣ орденъ св. Екатерины съ брилліантовой звѣздой и драгоцѣнный перстень; царевичъ Миріанъ, 17 лѣтъ, былъ принятъ на русскую службу полковникомъ и назначенъ командиромъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, а царевичъ Антоній, вступившій въ монашество, былъ рукоположенъ въ Москвѣ въ архіепископы и назначенъ католикосомъ Грузіи.

Императрица, осыпая милостями Ираклія, рассчитывала имѣть опору въ единовѣрной Грузіи, для распространенія своего вліянія на сосѣднія государства. Грузія, съ своей стороны, заискивая въ Россіи, надѣялась на прекращеніе враждебныхъ дѣйствій сосѣдей. Обѣ стороны, однако, ошиблись въ своихъ расчетахъ...

Грузинскія войска оказались никуда негодными мародерами, только и думавшими о томъ, какъ бы тайкомъ разбѣжаться по домамъ. Вѣглецовъ силою возвращали въ строй и жестоко наказывали, но это не помогало. Въ Грузіи уже начиналось то пагубное разложеніе, которое и привело ее къ полной невозможности жить государственной жизнью самостоятельной страны. При такихъ отрицательныхъ качествахъ туземныхъ войскъ русскимъ ба-

Могила А. С. Грибоѣдова.

тальонамъ приходилось самимъ возстановлять спокойствіе въ татарскихъ областяхъ Кавказа и защищать Кахетію и Карталинію отъ набѣговъ лезгинъ.

Ираклій напрасно думалъ, что его союзъ съ Россіей избавитъ его отъ вражды сосѣдей. Вассальные ханы Персіи встревожились этимъ, многіе изъ нихъ, опасаясь за цѣлость своихъ владѣній, очень недружелюбно посмотрѣли на союзъ Грузіи съ Россіей. Главный противникъ Ираклія, Омаръ, ханъ аварскій, владѣтель обширныхъ земель въ Дагестанѣ, всецѣло преданный турецкимъ интересамъ, попрежнему продолжалъ, по просьбѣ ахалцихскаго паши, тревожить Грузію, дѣлая на нее набѣги и послѣ появленія русскихъ войскъ въ Тифлисъ.

Военныя дѣйствія противъ него Ираклія были неудачны. Приходилось снова обращаться къ сильной союзницѣ.

Ираклій рѣшился просить императрицу усилить его новыми войсками, въ размѣрѣ 10 тысячъ человѣкъ, и дать ему въ ссуду или въ подарокъ 300 тысячъ рублей.

Эта просьба была принята въ Петербургѣ весьма неблагоклонно. Русскій дворъ былъ очень недоволенъ Грузіей, не выполнявшей своихъ обязательствъ... Русскія войска въ Грузіи терпѣли лишенія рѣшительно во всемъ, даже нерѣдко въ дневномъ довольствіи, а между тѣмъ провезти чрезъ гигантскій Кавказскій хребетъ транспорты съ фуражемъ не представлялось возможности, въ виду плохого состоянія Военно-Грузинской дороги, изъ Владикавказа въ Тифлисъ, которую Ираклій, несмотря на обѣщанія русскому правительству, не торопился упорядочить.

Батальоны, двинутые изъ Моздока въ Тифлисъ въ 1783 году, застряли въ горахъ и принуждены были сами прокладывать себѣ путь. Только послѣ шестинедѣльнаго утомительнаго похода они, наконецъ, прибыли въ Тифлисъ. Съ того времени грузинская дорога ничуть не улучшилась, и русскимъ войскамъ, оторваннымъ отъ Россіи, приходилось бороться въ Грузіи не съ однимъ только врагомъ, но и со всевозможными лишеніями, устранить которыя при нежеланіи со стороны царя было невозможно.

Осенью 1784 года русскія войска были отозваны Екатериной изъ Грузіи. Это совпало съ началомъ войны между Россіей и Турціей.

Ираклій былъ горько пораженъ этимъ событіемъ, совершенно для него неожиданнымъ, и не переставалъ призывать къ себѣ на помощь русскихъ, послѣ ухода которыхъ Грузія впала въ самое бѣдственное положеніе. Разбои усилились, земледѣліе упало, торговля прекратилась. Повсюду царила въ странѣ анархія, которая и привела къ страшной катастрофѣ 1795 г., подкосившей окончательно основы государства.

Мы говоримъ о нашествіи на Грузію Аги-Мухаммедъ-хана, осно-

Ванскій соборъ.

вателя нынѣ царствующей въ Иранѣ династіи Кадугаровъ, негодовавшаго на Ираклія за его желаніе освободиться отъ вліянія Персіи при помощи союза съ Россіей, и на эту послѣднюю, такъ какъ въ соглашеніи Россіи съ Грузіей Ага-Мухаммедъ-ханъ видѣлъ начало осуществленія плановъ Петра Великаго, намѣревавшагося овладѣть сѣвѣрной Персіей для свободнаго пути въ Индію.

Съ конца 1794 года Ага-Мухаммедъ-ханъ сталъ готовиться къ походу въ Грузію, но тамъ не обращали серіознаго вниманія на эти приготовленія. И ходила даже молва, что злой геній Грузіи, царица Дарья, постоянно мутившая дворъ и имѣвшая самое пагубное вліяніе на престарѣлаго царя Ираклія, съ умысломъ горячо убѣждала этого послѣдняго не дѣлать никакихъ распоряженій на случай приближенія враговъ, такъ какъ была въ тайныхъ сношеніяхъ съ Персіей и сознательно обезпечивала удачу Аги-Мухаммедъ-хана въ Грузіи пѣной его обѣщанія возвести на грузинскій престолъ, по взятіи Тифлиса, ея сына царевича Юлона. Мысль видѣть своего любимаго сына на престолѣ всецѣло овладѣла этой честолюбивой царицей, и она, для осуществленія своей мечты, готова была рѣшительно на все, даже на измѣну своему народу...

Въ началѣ мая 1795 г. Ага-Мухаммедъ-ханъ стоялъ уже подъ стѣнами Шуши.

Видя неминуемую опасность, Ираклій просилъ императрицу, чрезъ командующаго войсками на Кавказской линіи, генерала графа Гудовича, о присылкѣ въ Грузію 3 тысячъ солдатъ, но на эту просьбу не обратили сначала вниманія, и ее пришлось настоятельно повторить. Когда же, наконецъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе о присылкѣ Ираклію двухъ полныхъ батальоновъ пѣхоты, при 4 орудіяхъ, то уже было, съ сожалѣнію, слишкомъ поздно: Ага-Мухаммедъ-ханъ въ концѣ августа показался въ окрестностяхъ Тифлиса.

Схватка завязалась въ Сендабадѣ (теперь Воронцовская улица) и у Банныхъ воротъ. Горсть грузинъ, съ которыми Ираклію пришлось встрѣтить врага, конечно, сейчасъ же разсѣялась въ разныя стороны. Самъ Ираклій едва избѣжалъ плѣна и ускакалъ въ Анапуръ, селеніе въ Кавказскихъ горахъ, по Военно-Грузинской дорогѣ, а царица Дарья съ дворомъ заблаговременно поспѣшно покинула Тифлисъ и уѣхала въ село Степанъ-цминда, близъ Казбека.

Несчастный Тифлисъ, оставленный на волю судьбы, былъ разрушенъ персіянами и представлялъ груды развалинъ, а вернушіеся въ него, по уходѣ врага, бѣглецы не только не нашли своихъ прежнихъ домовъ, но даже не могли узнать мѣсть, гдѣ они когда-то находились,—до такой степени все было изуродовано, разграблено, истерзано.

Ираклій переѣхалъ на жигѣ въ Телавъ, въ Кахетію. Туда же перебралась и царица Дарья изъ Степанъ-цминда... Народъ, счи-

тая ее не безъ основанія главной виновницей постигшаго страну несчастія, встрѣтилъ ее при вѣздѣ свистками и оскорбительными и угрожающими криками.

Съ этого времени фактической властительницей Грузіи сдѣлалась царица Дарья. Ираклій, послѣ испытанныхъ имъ несчастій, замѣтно ослабѣлъ... Къ тому же полученныя имъ въ сраженіяхъ раны и преклонный возрастъ (ему было уже 80 л.) брали свое.

При дворѣ непрерывно происходили пререканія царицы Дарьи съ царевичами и подпольная борьба приверженцевъ Георгія и Юлона.

Безъ войска, безъ казны, при полной анархіи среди народа и нравственной простраціи «князей» и дворянъ, лишенныхъ всякаго національнаго чувства, Грузія должна была погибнуть, сдѣлавшись легкой добычей Персіи или Турціи, и дни ея самостоятельной жизни во всякомъ случаѣ были безповоротно сочтены.

Императрица Екатерина приняла близко къ сердцу бѣдствіе, постигшее злополучную Грузію. Немедленно были двинуты въ Тифлисъ русскія войска подъ начальствомъ полковника Сырохнева, а именно 2 батальона пѣхоты и 6 орудій. Грузія ободрилась, а объявленная въ то же время Россіей война Персіи началась настолько удачно, что можно было надѣяться на ея блестящій для русскаго вліянія на Востокъ исходъ, но неожиданная кончина государыни въ ноябрѣ 1796 г. положила конецъ нашимъ военнымъ дѣйствіямъ въ Персіи, такъ какъ вступившій на русскій престолъ императоръ Павелъ немедленно же отозвалъ наши войска изъ Грузіи обратно въ Россію, не считая нужнымъ продолжать столь удачно начатую нами войну съ Ага-Мухаммедъ-ханомъ, какъ не желалъ продолжать ничего, что было начато его геніальной матерью.

Вскорѣ послѣ ухода русскихъ войскъ изъ Грузіи умеръ царь Ираклій, 82 лѣтъ отъ роду.

Царевичъ Георгій, старшій сынъ Ираклія, вступившій на грузинскій престолъ подъ именемъ Георгія XII, очутился еще въ болѣе критическомъ положеніи, чѣмъ былъ его покойный отецъ. Край одичалъ и опустѣлъ. Жители, не находя защиты въ правительствѣ, изнемогали отъ грабежей турокъ и лезгинъ и отъ непосильныхъ поборовъ своихъ князей, толпами покидали родину и искали спасенія въ сосѣднихъ странахъ. До 1783 г. въ Грузіи числилось 61.000 семействъ, а въ 1801 году, послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, ихъ было едва 35.000.

Между тѣмъ Фатхъ-Али-шахъ, замѣнившій жестокаго и кроваваго Агу-Мухаммедъ-хана, убитаго въ іюнѣ 1797 года своими же собственными приближенными, предложилъ безмѣрно тучному, простоватому и отчѣнно набожному Георгію, вѣчно окруженному попами и монахами, покровительство и поддержку Персіи, но въ такой недвусмысленной формѣ, что отказъ отъ этого лестнаго

предложенія долженъ былъ неминуемо вызвать повтореніе въ Грузіи всѣхъ недавно пережитыхъ ею ужасовъ персидскаго разгрома. Царь поручилъ царевичу Давиду написать въ Петербургъ, прося защиты у русскаго правительства. Отчаянное письмо Давида Георгіевича къ грузинскому уполномоченному при русскомъ дворѣ князю Герсевану Чавчавадзе произвело свое дѣйствіе. Императоръ Павелъ приказалъ двинуть въ Грузію съ Кавказской линіи егерскій полкъ, который и выступилъ туда въ октябрѣ 1799 г.

Занятіе Тифлиса русскими войсками встрѣтило протестъ со стороны Персіи. Персидское войско вошло затѣмъ въ предѣлы Эриванскаго ханства, распространяя слухи, что идетъ на Тифлисъ. Въ виду этого, по приказанію императора Павла, съ Кавказской линіи былъ двинуть въ Грузію еще одинъ полкъ,—пѣхотный Кабардинскій, подъ командой генераль-майора Гудовича.

Прибытіе этого полка было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ въ это самое время получилось извѣстіе, что уже знакомый читателямъ Омаръ, ханъ аварскій, появился съ 15.000 тыс. лезгянъ на границѣ Кахетіи.

При рѣкѣ Іорѣ, недалеко отъ кахетинской деревни Кагабети, въ ноябрѣ 1800 г., между Омаръ-ханомъ и русскими, подъ командой генерала Лазарева, произошло кровопролитное сраженіе, которое, конечно, окончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля.

Сраженіе на берегахъ Іоры навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ кавказской войны, такъ какъ было послѣднимъ въ защитѣ Тифлиса. Съ тѣхъ поръ ни лезгины, ни турки, ни персіяне уже не осмѣливались приближаться къ этому городу...

Большое счастье, что во главѣ горсти русскихъ людей, пришедшихъ тогда въ Грузію, стояли такіе генералы, какъ Лазаревъ и его другъ и помощникъ Гуляковъ, имена которыхъ никогда не будутъ вычеркнуты изъ нашей славной исторіи. Оба они оказались достойными носителями русскаго имени, и оба запечатлѣли своей кровью братскую помощь, оказанную нами Грузіи. Лазаревъ погибъ въ Тифлисѣ въ апрѣлѣ 1803 г.: онъ палъ подъ ударомъ кинжала, нанесеннымъ ему царицей Маріей, которую, по приказанію главнокомандующаго, князя Циціанова, онъ долженъ былъ увезти изъ Тифлиса съ семействомъ въ Петербургъ, послѣ кончины царя Георгія.

Генералъ Гуляковъ былъ убитъ за Алазанью, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти своего друга и бывшаго начальника.

Видя полное разложеніе Грузіи, междоусобныя распри царевичей, интриги царицы Дарьи и абсолютную невозможность хоть сколько нибудь поправить дѣла своей страны, которой страшное нашествіе Аги-Мухаммедъ-хана нанесло столь сильный ударъ, что отъ него Грузія уже не могла болѣе оправиться,—царь Георгій послалъ передъ смертью въ Петербургъ къ императору Павлу по-

Памятникъ князю Воропцову.

словъ, князей Чавчавадзе, Авалова и Палавандова, которыхъ уполномочилъ просить государя принять Грузію навсегда и въ полную зависимость и подданство, съ обѣщаніемъ самому оставаться у Россіи «во всѣхъ частяхъ въ повиновеніи и зависимости». 22-го декабря 1800 г. въ Петербургѣ былъ подписанъ манифестъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, а 28-го декабря въ Тифлисѣ сошелъ въ могилу, еще совсѣмъ не старымъ человѣкомъ, послѣдній царь Грузіи...

По воцареніи Александра I, въ Грузію по приказанію этого государя былъ посланъ командующій на нашей кавказской линіи генералъ-лейтенантъ Кноррингъ, для всесторонняго ознакомленія съ положеніемъ этой страны.

Въ рескриптѣ, данномъ по этому случаю генералу Кноррингу, императоръ Александръ I выражалъ между прочимъ непремѣнное желаніе доподлинно узнать, «по собственномъ ли убѣжденіи въ необходимости отечественной пользы основано было преклоненіе царства грузинскаго подъ российскую державу, и единодушно ли всѣ высшія состоянія и народъ признали поступокъ сей себѣ во спасеніе, или, увлекаемые предприимчивостію извѣстнаго рода людей, уступили они страху замысловъ и постороннимъ внушеніямъ болѣе, нежели истинному сознанію пользы своихъ».

Только по докладѣ Кнорринга о томъ, что внутреннее и внѣшнее положеніе Грузіи таково, что съ одними своими силами ей не справиться съ властолюбивыми притязаніями Персіи, ни отразить набѣговъ окружающихъ ее горскихъ народовъ, что междуусобія въ царской семьѣ, между партіями царевичей Давида и Юлона, приняли всѣ признаки неизлѣчимаго недуга, грозя осложненіями и кровопролитіемъ, что передовые представители грузинскаго народа давно желали и желаютъ передать свою страну подъ защиту Россіи, императоръ Александръ I рѣшился, наконецъ, на окончательное присоединеніе грузинскаго царства къ русской державѣ и издалъ знаменитый манифестъ, въ которомъ стоятъ слѣдующія знаменательныя строки: «Не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи приедемъ мы на себя бремя управленія царства грузинскаго: единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ внять моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, и учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».

IV.

Анчисхатская церковь.—Ванскій соборъ.—Могила графа М. Т. Лорисъ-Меликова.—
Церковь царицы Тамары въ Дидубе.—Памятникъ князю М. С. Воронцову.—
Памятникъ А. С. Пушкину.—Памятникъ А. П. Берже.

На правомъ берегу Куры, вблизи экзаршьяго подворья, возвышается небольшая, но высокая, узкая церковь. Это такъ называемая Анчисхатская церковь, нѣкогда бывшая церковью грузинскихъ католикосовъ. Храмъ выстроенъ въ VII вѣкѣ и много разъ страдалъ отъ нашествій мусульманъ. Храмъ въ древне-грузинскомъ стилѣ, съ оригинально расписанными узкими арками и стѣнной живописью духовнаго содержанія. Главная святыня храма—икона Божіей Матери съ младенцемъ на рукахъ стариннаго греческаго письма, перенесенная сюда изъ села Анчи, на рѣкѣ Чорохѣ (Артвинскаго округа), откуда и самое названіе церкви, что въ переводѣ съ грузинскаго означаетъ: Анчійская икона. Этотъ образъ небольшихъ размѣровъ и помѣщается у второй колонны, налѣво отъ входа въ церковь; онъ украшенъ хоругвями, и предъ нимъ горитъ неугасимая лампада. Анчійская икона привезена въ Грузію изъ Греціи, въ эпоху императора Льва Исаврянина, и пользуется среди грузинъ величайшимъ почитаніемъ.

Главнѣйшій армянскій храмъ въ Тифлисѣ—это Ванскій соборъ, стоящій на площади того же названія. Онъ служитъ кафедрой для армянскихъ архіепископовъ грузино-имеретинской епархіи. Первоначальное строеніе собора относится къ концу XVI вѣка.

Телерешнй Ванскій соборъ, возведенный на мѣстѣ прежняго, разрушеннаго во время мусульманскихъ набѣговъ на Тифлисъ, отстроенъ въ 1720 году, во время управленія армянскою церковью патріарха Аствацитура.

При Иракліи II соборъ былъ отремонтированъ.

Соборъ обнесенъ широкой оградой. Здѣсь покоятся между прочимъ останки извѣстнаго генерала Теръ-Гукасова, отличившагося въ послѣднюю русско-турецкую войну, генераловъ Алхазова и Шелковникова и графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова.

Могила послѣдняго справа отъ входа въ ограду собора, послѣдняя къ церковному дому.

Это простой, безъ всякихъ украшеній черный мраморъ съ лаконической надписью золотыми буквами, что здѣсь схороненъ. Надъ камнемъ, обнесеннымъ чугунной массивной рѣшеткой, грустно склонилось миндальное дерево. Внизу, за низенькой каменной оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы, шумно бѣжитъ капризная Кура, какъ бы напоминая собою о томъ, что въ мірѣ все преходящее и быстро уносится потокомъ времени...

Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ скончался въ Ниццѣ 12 декабря 1888 года. Внутренность собора нѣсколько обветшала и давно нуждается въ ремонтѣ. Одинъ изъ извѣстныхъ богачей армянской колоніи въ Тифлисѣ взялъ на себя означенный ремонтъ храма, который по смѣтѣ будетъ простираться до 25.000 рублей.

Въ предмѣстьѣ Тифлиса—Дидубе, соединенномъ съ центральной частью города трамваемъ, вы увидите небольшую грузинскую церковь. Она построена въ 1884 году на мѣстѣ прежней церкви, воздвигнутой царицей Тамарой. Здѣсь она вѣнчалась со своимъ вторымъ мужемъ Давидомъ Багратиономъ.

Въ дополненіе къ извѣстнымъ уже нашимъ читателямъ свѣдѣніямъ о славной грузинской царицѣ, прибавимъ здѣсь, что Тамара скончалась 18 января 1212 года, на 57-мъ году отъ рожденія, процарствовавъ 28 лѣтъ.

Тамара погребена въ Гелати, въ фамильномъ скленѣ Багратионовъ.

Находящаяся въ Дидубійской церкви икона Богоматери чрезвычайно чтима народомъ. По понедѣльникамъ въ Дидубе бываетъ приливъ молящихся.

Близъ Николаевского моста, соединяющаго центральную часть города съ его предмѣстьями, выросшими на лѣвомъ берегу Куры въ недавнее сравнительно время, возвышается красивый памятникъ князю М. С. Воронцову на площади, носящей его имя. Памятникъ, изображающій бывшаго намѣстника Кавказа во весь ростъ, съ фельдмаршалскимъ жезломъ въ рукѣ, воздвигнуть по инициативѣ грузинскаго дворянства, на средства, собранныя по подпискѣ, среди всѣхъ классовъ населенія Кавказскаго края.

Первымъ главнокомандующимъ въ прежней Грузіи по присоединеніи ея къ Россіи былъ генералъ Кноррингъ, пробывшій въ этой должности недолго.

Въ 1803 г. на должность главнокомандующаго на Кавказѣ былъ назначенъ извѣстный генералъ кн. А. Д. Циціановъ (1803—1806 г.). При немъ была произведена первая официальная перепись населенія Тифлиса, состоялось избраніе перваго предводителя грузинскаго дворянства, уничтожены существовавшія до того времени внутреннія пошлины, устроено почтовое сообщеніе и открыто первое въ Тифлисѣ училище. Въ февралѣ 1806 г. князь Циціановъ былъ измѣнически убитъ по приказанію бакинскаго хана Хусейна-Кули, во время переговоровъ о сдачѣ города Баку.

Въ промежутокъ времени отъ 1806 по 1816 г. краемъ послѣдовательно управляли: графъ Гудовичъ, генералъ Тормасовъ, маркизъ Паулучи (который былъ нѣкоторое время генералъ-губернаторомъ въ Балтійскомъ краѣ, гдѣ, въ Ригѣ, одна изъ лучшихъ улицъ носила его имя) и генералъ Ртищевъ. Въ теченіе этого времени ростъ Тифлиса и развитіе его внутренней жизни шли

Памятникъ А. С. Пушкину.

очень медленно, и, кромѣ открытія приказа общественнаго призрѣнія, въ 1810 г. и утвержденія положенія о духовномъ управленіи Грузіи, этотъ періодъ жизни края ничѣмъ существеннымъ не ознаменовался.

Въ 1816 г. въ управленіе краемъ вступилъ А. П. Ермоловъ (1816—1827 г.), идеальнѣйшій изъ намѣстниковъ, оставившій по себѣ самое свѣтлое воспоминаніе, какъ о человѣкѣ большого и самостоятельнаго государственнаго ума и непреклонной силы воли.

При немъ въ Тифлисѣ открыта была духовная семинарія, учрежденъ совѣстный судъ и сформирована особая коммиссія для перевода «Уложенія царя Вахтанга», которымъ Грузія нѣкогда исключительно руководствовалась; грузинскому дворянству были дарованы одинаковыя съ русскимъ права и преимущества; въ 1818 г. въ Тифлисѣ впервые появляются виртембергскіе переселенцы, заселившіе собой ту часть города, которая теперь носитъ названіе бывшей здѣсь прежде деревни «Куки» (Михайловская и параллельныя улицы).

Въ настоящее время нѣмецкая колонія въ Тифлисѣ довольно многочисленна. Нѣмцы занимаются здѣсь торговлей, ремеслами и заводской промышленностью. Все пивоваренное производство въ Тифлисѣ исключительно въ ихъ рукахъ.

Нѣмецкая община имѣетъ здѣсь свою кирку и при ней прекрасно поставленную школу, гдѣ обучается до 300 дѣтей обоого пола, содержитъ богадѣльню для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду и открыла свой клубъ на Михайловской улицѣ. Тифлисскіе нѣмцы всѣ грамотны и пользуются хорошей славой трезвыхъ и честныхъ тружениковъ, охотно идущихъ навстрѣчу всякому общественному дѣлу.

Въ 1827 году въ управленіе Грузіей вступилъ графъ И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій, а въ 1831 г. его замѣстилъ генераль-отъ-инфантеріи баронъ Розень, послѣ котораго Грузіей управлялъ генераль Головинъ (1837—1842 г.), уступившій впоследствии мѣсто генералу Нейдгардту (1842—1844 г.).

Въ 1844 году назначенъ былъ первымъ «намѣстникомъ Кавказа» свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ. Съ нимъ наступила новая эра для Кавказскаго края вообще, а для Тифлиса въ особенности.

Этотъ выдающійся государственный человѣкъ вдохнулъ въ управленіе краемъ новую жизнь, положилъ прочное основаніе гражданскаго строя въ странѣ и далъ толчекъ культурному развитію Кавказа. Многое изъ того, чѣмъ обладаетъ Тифлисъ въ настоящее время, было основано или начато при князѣ Воронцовѣ.

Своимъ благоустройствомъ Тифлисъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ князю Воронцову. Онъ присоединилъ къ городу и правильно распланировалъ только что упомянутый нами поселокъ «Куки»,

Сунитская мечеть.

заселенный бѣднѣйшимъ людомъ, перекинулъ чрезъ Куру мосты: Михайловскій (нынѣ Николаевскій) въ 1852 г. и Млацакановскій въ 1858 г. Солоникскіе сады были отведены при немъ подъ улицы и стали быстро застраиваться, былъ возведенъ и нынѣшній дворецъ и проложена Воронцовская улица, идущая мимо Майдана до предмѣстья Артачалы.

Особенное вниманіе было обращено княземъ на умственное и гражданское развитіе населенія. Въ Тифлисѣ былъ открытъ театръ, положено начало первой русской газетѣ: «Кавказъ» (на русскомъ и армянскомъ языкахъ), учрежденъ мѣстный отдѣлъ императорскаго русскаго географическаго общества и кавказскаго сельскаго хозяйства, учреждена тифлисская общественная обсерваторія, возникъ Кавказскій учебный округъ съ цензурнымъ комитетомъ, появились многія учебныя заведенія, основана публичная библіотека въ Тифлисѣ и учреждены многія правительственныя мѣста.

Въ 1862 г. намѣстникомъ кавказскимъ былъ назначенъ его императорское высочество великій князь Михайлъ Николаевичъ, оставившій по себѣ самую лучшую память на Кавказѣ и пользовавшійся здѣсь самой широкой популярностью и любовью среди всѣхъ классовъ населенія и національностей края. При великомъ князѣ было основано кавказское медицинское общество, учреждена археографическая комиссія, открыто отдѣленіе государственнаго банка, учреждены реальное училище и женская гимназія и положено начало кавказскому музею. Въ 1868 г. введена на Кавказѣ судебная реформа императора Александра II-го, въ 1870 г. основанъ тифлисскій коммерческій банкъ и общество взаимнаго кредита, въ 1871 г. Тифлисъ былъ соединенъ рельсовымъ путемъ съ западнымъ Закавказьемъ и берегомъ Чернаго моря, въ 1875 году введено въ Тифлисъ городское самоуправленіе по городовому положенію 1870 года.

Въ 1881 г. кавказское намѣстничество было упразднено, и учреждена должность главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ.

1 января 1882 года главноначальствующимъ на Кавказѣ былъ назначенъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ. Въ 1890 г. его замѣстилъ генералъ-адъютантъ С. А. Шереметевъ, а 12 декабря 1896 года главноначальствующимъ гражданской частью и командующимъ войсками кавказскаго военного округа назначенъ сенаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи, князь Григорій Сергѣевичъ Голицынъ.

Кромѣ памятника князю Воронцову, въ Тифлисъ есть еще два интересныхъ памятника, А. С. Пушкину и Берзе.

Небольшой, но прекрасно исполненный бюстъ поэта, отличающійся сходствомъ съ оригиналомъ, поставленъ на средства города, въ маленькомъ тѣнистомъ скверѣ, расположенномъ близъ Эриванской площади, предъ зданіемъ мѣстной духовной семинаріи. Бюстъ обращенъ въ сторону того самаго дома, близъ сквера, гдѣ проѣздомъ черезъ Тифлисъ останавливался Пушкинъ, въ 1829 году, направляясь въ армію Паскевича. Въ настоящее время въ домѣ этомъ сдѣланъ пассажъ съ магазинами. Очень жаль, что на домѣ нѣтъ болѣе доски съ соответствующей надписью, которая висѣла на немъ прежде.

Но можно ли, впрочемъ, поставить это въ укоръ провинціальному городу Тифлису, съ преобладающимъ въ немъ нерусскимъ элементомъ населенія, когда въ самой русской столицѣ, въ С.-Петербургѣ, бывшій кабинетъ величайшаго поэта, въ домѣ князя Волконскаго, у Пѣвческаго моста и Мойки, отданъ подъ канцелярію контроля Николаевской желѣзной дороги, повѣсившую на той самой стѣнѣ, возлѣ которой стояла кровать поэта, гдѣ онъ испустилъ послѣдній вздохъ на рукахъ другого корифея русской лите-

ратуры В. А. Жуковского, какое-то желѣзнодорожное расписание?..

И Петербургская дума съ пресловутымъ г. Леляновымъ во главѣ находить это вполне естественнымъ...

Упомянемъ здѣсь кстати, что отпразднованная столѣтняя годовщина со дня рожденія великаго нашего поэта ознаменовалась на Кавказѣ появленіемъ нѣсколькихъ любопытныхъ изданій, посвященныхъ А. С. Пушкину.

Такъ редакція газеты «Кавказъ» выпустила въ свѣтъ «Кавказскую поминку о Пушкинѣ». Въ книжкѣ этой весьма интересны примѣчанія Е. Г. Вейдельбаума къ «Путешествію въ Арзрумъ» и статья того же автора «О пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году». Затѣмъ были изданы въ Тифлисѣ брошюра «А. С. Пушкинъ въ музыкѣ» В. Корганова и «А. С. Пушкинъ на Кавказѣ». К. Н. Вѣгичева.

Въ Кутаисѣ вышла въ свѣтъ брошюра «О мѣстѣ дуэли Пушкина (1837—1899)» Д. Лобанова и въ Екатеринодарѣ «Кавказъ въ поэзіи Пушкина» г. Коневецкаго.

Помимо этого было нѣсколько изданій на мѣстныхъ языкахъ, посвященныхъ Пушкину.

Тифлисское общество изданія армянскихъ книгъ выпустило въ свѣтъ брошюру г. Лисицына «Пушкинъ»; редакція журнала «Таразъ» издала «Пушкинскій сборникъ»; типографія «Ароръ» въ Баку выпустила книгу «Лира Пушкина». На грузинскомъ языкѣ были изданы въ городѣ Гунія біографія и нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, а грузинское общество распространенія грамотности отпечатало брошюрку «А. С. Пушкинъ». Какъ видятъ чататели, Кавказъ не отнесся холодно къ нашему знаменитому поэту.

Памятникъ А. П. Берже въ садикѣ при Кавказскомъ музеѣ воздвигнуть въ честь одного изъ почтенныхъ Кавказскихъ дѣятелей, много лѣтъ сряду потрудившагося (1852—1886 г.г.) на мирномъ поприщѣ исторической науки.

Ученыя работы А. П. Берже посвящены почти исключительно этнографіи Кавказа. Онъ занималъ должность предсѣдателя Кавказской археологической комиссіи, и подъ его непосредственнымъ руководствомъ изданы были десять объемистыхъ томовъ актовъ этой комиссіи, заключающихъ въ себѣ документы, относящіеся до исторіи Кавказа со времени водворенія въ краѣ русскаго владычества.

V.

Мечети въ Тифлисѣ. — Шитская мечеть. — Тифлисскіе мусульмане. — Нѣсколько словъ о мусульманскомъ духовенствѣ въ Закавказьѣ. — Населеніе Тифлиса. — Русскіе. — Армяне. — Грузины. — Грузино-армянскія отношенія.

Хотя въ Тифлисѣ много мусульманъ, но мечети здѣсь не отличаются ни архитектурой, ни внутреннимъ убранствомъ. Мечеть магометанъ-суннитовъ, на горѣ, близъ ботаническаго сада, лучше содержится, чѣмъ шитская мечеть, близъ Воронцовской улицы, въ узенькомъ и темномъ переулочкѣ, гдѣ съ трудомъ могутъ развѣхаться двѣ арбы. Зато шитская мечеть, съ красиво расписаннымъ, небольшимъ минаретомъ, интересна оригинальными украшеніями изъ рисованныхъ изразцовъ, занимающихъ собой всю стѣну надъ мольбертомъ, т. е. каедрой, съ высоты которой мулла произноситъ молитвы и проповѣди.

— Отчего, — спросилъ я у мечетскаго сторожа съ черной бородой и засаленнымъ тюрбаномъ изъ разноцвѣтныхъ тряпокъ, услужливо проводшаго меня на маленькіе хоры мечети по какимъ-то совѣмъ почти темнымъ и низкимъ закоулкамъ чрезъ грязноватыя сѣни: — отчего ваша мечеть въ такомъ плохомъ видѣ? Пыльно, запущено, ковры старенькіе, бассейнъ для омовеній (помѣщающійся рядомъ съ сѣнямиhalbъ отъ входа) засоренъ?

— Оттого, эфенди, — отвѣчалъ привратникъ на половину по-русски, на половину по-адербейджански, — что здѣшніе шиты народъ бѣдный, торговцы простые на Майданѣ да на армянскомъ базарѣ, а если кто побогаче, такъ пріѣзжіе изъ Персіи... Эти долго тутъ не остаются.

— Значить, доходы у вашей мечети маленькіе?

— Да, небольшіе доходы... Вотъ у татаръ мечети куда лучше! Тамъ богатые, а у насъ мало кто что даетъ на мечеть.

— Ну, а служба разъ въ недѣлю, по пятницамъ, бываетъ?

— Нѣтъ, эфенди не бываетъ... У насъ теперь и пишнамаза (мулла) нѣтъ... Былъ прежде пишнамазъ хорошій, а теперь нѣтъ пишнамаза!..

Слова сторожа показались намъ нѣсколько странными; тифлисская мечеть шитовъ имѣетъ, насколько мы знаемъ, 9.000 рублей ежегоднаго дохода и могла бы, кажется, и лучше содержаться и не быть лишенной пишнамаза для совершенія богомоленій.

Тифлисскіе мусульмане состоятъ изъ адербейджанскихъ татаръ и персіянъ. Среди нихъ встрѣчаются курды, лезгины, чеченцы и другіе, но въ незначительной пропорціи.

Составляя около $7\frac{1}{2}\%$ всего городского населенія, они ютятся въ старой части города, въ непроходимыхъ лабиринтахъ и тупи-

кахъ, у старой крѣпостной стѣны, въ Сеидь-Абарѣ, на Майданѣ, Авлабарѣ, на Воронцовской и Таможенной. Они исключительно всевозможные торговцы. Крупная торговля азіатскими товарами также, по преимуществу, въ ихъ рукахъ.

Татары дѣлятся на сунитовъ и шитовъ; персіяне, какъ читатели, конечно, знаютъ, принадлежатъ къ шитскому толку. И тѣ и другіе имѣютъ свои особыя духовныя управленія, состоящія подъ надзоромъ шейхъ-уль-ислама у шитовъ и муфтїя у сунитовъ.

Шитская мечеть.

У нихъ есть также и свои училища, гдѣ, кромѣ законовъ вѣры, преподаютъ также, хотя и въ очень узкихъ рамкахъ, общеобразовательный курсъ.

Просвѣщеніе проникаетъ въ мусульманскую среду крайне туго, благодаря упорной косности ислама и налагаемой имъ на своихъ сыновъ отчужденности отъ европейской культуры. Если и встрѣчаются среди тифлисскихъ мусульманъ такіе смѣльчаки, которые посылаютъ своихъ дочерей, вопреки ученію корана о замкнутости женщинъ, въ открытыя учебныя заведенія, то ихъ можно перечесть по пальцамъ.

Число мусульманокъ въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ въ Тифлисѣ не превышаетъ 6—7% всего числа ученицъ этихъ

учебныхъ заведеній. Что же касается частныхъ училищъ, то въ нихъ мусульманъ обоюго пола не болѣе 1,2⁰/о всѣхъ учащихся. Въ трехъ мужскихъ гимназіяхъ учениковъ татаръ 2⁰/о, въ реальномъ училищѣ—3,1⁰/о.

Кромѣ вышеупомянутыхъ мусульманскихъ училищъ, такъ сказать, свѣтскаго характера, носящихъ названіе мектебе, существуютъ еще при мечетяхъ духовныя школы (медресе), гдѣ воспитанники обучаются лишь догматамъ вѣры, проходя чисто богословскій курсъ магометанскаго закона.

Учрежденіемъ въ Закавказьѣ высшаго магометанскаго духовенства имѣлось главнымъ образомъ въ виду отдалить здѣшнее населеніе отъ вліянія иноземнаго мусульманскаго духовенства. Къ сожалѣнію, однакоже, этимъ путемъ вліяніе этого послѣдняго не устранено. Извѣстно, что у закавказскихъ сунитовъ и въ особенности у шитовъ большимъ вліяніемъ пользуются турецкіе и персидскіе ученые и шейхи, къ которымъ отсылаются закавказскими мусульманами значительныя суммы. Ни одинъ значительный праздникъ у шитовъ не обходится здѣсь безъ персидскихъ мерсіахановъ и пишнамазовъ. Мы слышали, что само духовное начальство сунитское и шитское проситъ объ организаціи какихъ нибудь мѣръ противъ вторженія въ Закавказье иноземнаго мусульманскаго духовенства, совершающаго здѣсь разныя требы и тѣмъ самымъ отбывающаго доходы у назначенныхъ правительствомъ штатныхъ муллъ.

При томъ положеніи вещей, какое существуетъ нынѣ, нѣтъ, кажется, никакой возможности рассчитывать на то, чтобы магометанское духовенство въ предѣлахъ Россіи пользовалось когда либо тѣмъ же вліяніемъ и авторитетомъ, какимъ пользуется мусульманское духовенство за границей. По нашимъ законоположеніямъ, ученые духовныя степени магометанской церковной іерархіи даются духовными правленіями, предсѣдателями которыхъ являются шейхъ-уль-исламъ и муфтіи. Эти послѣдніе только тогда могли бы имѣть серіозное значеніе въ глазахъ закавказскихъ мусульманъ, если бы были поставлены въ одинаковое положеніе съ тѣми же лицами въ мусульманскихъ странахъ.

Для этого прежде всего сунитскому муфтію долженъ былъ бы соответствовать у шитовъ не шейхъ-уль-исламъ, лицо второстепенное въ духовной мусульманской іерархіи, а муштехидъ, высшій толкователь законовъ вѣры. Далѣе, по ученію магометанъ, всякій муфтіи и муштехидъ пріобрѣтаетъ право объявлять фетву (повелѣніе) по духовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, по достиженіи ими степени шитихида, т. е. духовнаго совершенства,—отъ такихъ же только муфтіи и муштехида преемственно, подобно тому, какъ эти послѣдніе получили свои духовныя степени отъ лицъ, получившихъ ихъ раньше, и т. д. Поэтому закавказскіе муштехиды и муфтіи

должны бы были получить посвященіе въ санъ отъ персидскаго муштехиды и турецкаго муфтія. Ничего подобнаго нѣтъ у насъ. Учрежденіе въ Закавказьѣ должности муштехиды было признано правительствомъ опаснымъ, въ виду слишкомъ большого значенія муштехиды вообще въ шитскомъ мірѣ, какъ непогрѣшимаго истолкователя шаріата, подчиняющаго своему вліянію населеніе не только въ религіозныхъ, но и въ политическихъ дѣлахъ, что мы видимъ постоянно въ Персіи. Къ тому же, въ случаѣ учрежденія должности закавказскаго муштехиды, его пришлось бы неизбѣжно посылать, для посвященія, въ Персію и тѣмъ самымъ давать возможность, вовсе нежелательную, персидскому духовенству вмѣшиваться въ дѣла нашихъ мусульманъ.

Итакъ, у насъ нѣтъ всеильнаго муштехиды для шитовъ, а существуетъ скромный и малозначащій шейхъ-уль-исламъ, а муфтіи, съ точки зрѣнія мусульманской догматики, врядъ ли можетъ быть названъ на самомъ дѣлѣ муфтіемъ, такъ какъ не получаетъ ритуальнаго посвященія отъ муфтія же и назначается правительственной властью.

При подобной постановкѣ дѣла,—что вызывается причинами, только что нами указанными,—врядъ ли, повторяемъ, можно разсчитывать на усиленіе вліянія мусульманскаго духовенства среди его единовѣрцевъ... Поэтому проникновеніе въ край разныхъ заѣзжихъ улемовъ, шейховъ, дервишей и пишнамазовъ является совершенно логическимъ послѣдствіемъ существующаго порядка вещей.

Этотъ фактъ въ свою очередь наводитъ на мысль о своевременности и желательности всесторонняго пересмотра нынѣ дѣйствующаго положенія о духовныхъ дѣлахъ нашихъ закавказскихъ мусульманъ.

Что касается до вопроса населенія Тифлиса вообще, то искони, съ самыхъ отдаленныхъ временъ, ядро городского населенія въ Грузіи составляли исключительно армяне, народъ, склонный къ торговлѣ, ремесламъ и обществу.

Грузины же, въ виду изстари укоренившагося въ странѣ феодальнаго склада, послужившаго одной изъ серьезныхъ причинъ постепеннаго ослабленія Грузіи до потери ею возможности жить самостоятельной государственной жизнью,—проводили время въ своихъ родовыхъ и жалованныхъ имѣніяхъ, окруженные своимъ домашнимъ штатомъ и мелкопомѣстными собственниками, своего рода «клиентами» древнихъ патриціевъ.

Собственно горожанами, по-грузински макалаки, являлись въ городахъ Грузіи иноплеменники, главнымъ образомъ, какъ сказано выше, армяне, затѣмъ греки, евреи и др. Макалаки пользовались въ Тифлисѣ разными преимуществами и льготами. Грузинскіе цари оказывали имъ знаки вниманія и, нуждаясь почти всегда въ деньгахъ, частенько пользовались ихъ кредитомъ. По законамъ Вахъ-

танга, за кровь макалака взыскивалась такая же сумма, какъ и за кровь грузинскаго дворянина самой чистой пробы. Въ тяжелыя для Грузіи времена (а когда они не были тяжелы для этой слабой и злополучной страны?), когда грузины должны были доставлять персидскому двору особую дань красивыми мальчиками и дѣвочками, макалаки всегда откупались отъ этого позора деньгами.

Съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, открывшимъ притокъ въ нее новаго, русскаго, элемента, населеніе Тифлиса стало разрастаться. Ростъ этотъ пошелъ особенно быстро со времени окончательнаго усмиренія горскихъ племенъ, при чемъ преобладающимъ элементомъ населенія остались, какъ и прежде, армяне.

По послѣднимъ даннымъ переписей населенія Тифлиса, въ немъ насчитывается: русскихъ 33.306 (20.50/0), грузинъ 33.420 (20.60/0), армянъ 61.790 (38.10/0), прочихъ національностей (персіяне, татары, греки, евреи, нѣмцы и пр.)—33.838 (20.80/0).

Русскіе стали селиться въ Тифлисъ съ прошлаго столѣтія, эпохи присоединенія Грузіи къ Россіи. Помимо весьма обширнаго служилаго элемента, въ Тифлисъ проживаетъ довольно много русскихъ сектантовъ, водворившихся здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ Кавказа въ началѣ 1840-хъ годовъ, частью по распоряженію правительства, добровольно. Раскольники, главнымъ образомъ молокане, субботники, баптисты, заселяютъ часть города, носящую названіе «Пески» и предмѣстья Артачалы и Дидубе, имѣя здѣсь свои молельни и занимаясь ремеслами и извозомъ. Среди мѣстнаго населенія они пользуются доброй репутаціей трудолюбивыхъ и честныхъ людей, живущихъ въ сравнительномъ довольствѣ.

Скажемъ здѣсь кстати, что относительно духоборовъ, выселившихся въ послѣднее время изъ Карской области въ Канаду, имѣются разнорѣчивыя свѣдѣнія. Сами сектанты въ письмахъ на Кавказъ, къ роднымъ и знакомымъ, хвалятъ Канаду, тамошніе порядки и все тамъ житье, восхищаясь полной религіозной свободой и дешевизной жизни. По другимъ же извѣстіямъ, имъ живется на чужбинѣ далеко не такъ хорошо, какъ они сами о себѣ рассказываютъ. Положеніе кавказскихъ духоборовъ въ Канадѣ, во всякомъ случаѣ, весьма затруднительное. Чувствуя себя оторванными отъ Россіи, они не могутъ не желать вернуться на родину, вернуться же они не въ состояніи, такъ какъ, по закону, они (конечно, подъ условіемъ возвращенія въ лоно-церкви) не могутъ приписаться къ прежнимъ своимъ сельскимъ обществамъ и могли бы причислиться лишь къ новымъ; но, конечно, въ такомъ случаѣ они не получили бы никакого надѣла и очутились бы въ еще худшемъ положеніи.

Армяне или гайки (т.-е. потомки библейскаго Гайка изъ племени Іафета), которые причислялись прежде къ иранской группѣ бѣлой расы, составляютъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ совер-

Русскій театръ въ Тифлисъ.

шенно отдѣльный народъ, хотя и близко подходящій по языку къ народностямъ означенной группы. По опредѣленію покойнаго профессора К. П. Патканова, армянскій языкъ, занимая среднее мѣсто между группами иранской и славяно-литовской, является въ то же время и представителемъ совершенно самостоятельной, нынѣ исчезнувшей, группы индо-европейскихъ языковъ. Подъ вліяніемъ Грузіи, кавказскіе армяне настолько сроднились съ нѣкогда господствовавшей народностью, что, сохранивъ свою религію, нѣсколько отстали отъ своего родного языка, такъ что въ настоящее время среди тифлисскихъ армянъ вовсе не рѣдкость встрѣтить многихъ, которые съ трудомъ говорятъ по-армянски.

Среди кавказскихъ армянъ весьма замѣтно стремленіе къ просвѣщенію, что наглядно подтверждается ежегодно возрастающимъ числомъ армянъ обоого пола въ правительственныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса.

Такъ въ настоящее время въ учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса обучается, по имѣющимся официальнымъ свѣдѣніямъ, 3.742 учащихся обоого пола армянской національности.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что теперь въ Тифлисѣ число всѣхъ учебныхъ заведеній—правительственныхъ и частныхъ заведеній—доходитъ до сотни, въ которыхъ обучается около 18.000 дѣтей обоого пола.

Большинство тифлисскихъ армянъ принадлежатъ къ григоріанскому исповѣданію, очень незначительное число ихъ исповѣдуютъ католичество.

Армянская литература сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи. Какъ беллетристы, заслуживаютъ вниманія Р. Патканьянцъ, А. Пароньянцъ, Ованесъ Аракольянцъ, Протьянцъ; какъ поэты—Шахъ-Азизъ, Ширванъ-заде, Цатурьянцъ.

Желающимъ познакомиться съ новѣйшей армянской прозой и поэзіей рекомендуемъ прекрасно составленные сборники Ю. Веселовскаго и М. Берберьяна, дающіе понятіе о лучшихъ произведеніяхъ армянскаго литературнаго творчества въ переводѣ на русскій языкъ («Армянскіе беллетристы», «Стихотворные переводы», Москва, 1898 г.).

Подъ общее понятіе «грузинъ», принадлежащихъ къ картвельской группѣ народовъ Кавказа и называющихъ себя картли, а свою родину Сакартвело, подходитъ цѣлая группа отдѣльныхъ народностей Кавказа, носящихъ каждая особое названіе, но являющихся лишь подраздѣленіями одной и той же національности.

Такъ имеретинцы, гурийцы, аджарцы, хевсуры, пшавы, тушины, абхазцы, мингрельцы и т. д., представляя свои особенности въ этнографическомъ и бытовомъ отношеніи, составляютъ, однако, одинъ грузинскій народъ, говорящій однимъ грузинскимъ языкомъ.

Грузинскій языкъ, единственный изъ всѣхъ языковъ картвель-

скою группы, сохранившій свою письменность, отличается по мѣстностямъ. Эти отличія, однако, настолько незначительны, что не могутъ образовать собою особыхъ нарѣчій, будучи лишь простыми особенностями того или другого провинціального говора.

Прошлое Грузіи теряется въ миѳическомъ туманѣ героической старины, близкой къ эпохѣ библейскаго потопа.

Легенды повѣствуютъ, что Таргамосъ, правнукъ Ноя, изъ Іафетова колѣна, послѣ вавилонскаго столпотворенія, поселился съ своимъ родомъ близъ горы Арарата.

При жизни онъ раздѣлилъ свою землю между сыновьями. Старшій изъ нихъ Гайкъ, легендарный родоначальникъ армянскаго народа, получилъ свою долю по правую сторону Аракса. Второму, Картлосу, родоначальнику грузинскаго племени, достались земли бассейна Куры и Аракса. Такимъ образомъ, по народнымъ преданіямъ, оказывается, что грузины и армяне родственники и довольно близкіе: потомки двухъ родныхъ братьевъ, а между тѣмъ попробуйте сказать это любому грузину, а въ особенности мѣстному князю (ихъ на Кавказѣ достаточное количество), и вы навѣрно сдѣлаете ему большую непріятность: такъ не дружатъ другъ съ другомъ эти національности, живущія бокъ о бокъ и постоянно и неизбѣжно другъ съ другомъ соприкасающіяся.

Этотъ антагонизмъ между грузинами и армянами существуетъ издавна и главнымъ образомъ на почвѣ имущественнаго преобладанія. Въ послѣднее время эта распря приняла нѣсколько острый характеръ.

Съ 1891 года тифлисскія дума очутилась исключительно въ рукахъ армянъ, и теперь вы не увидите ни одного грузина на засѣданіяхъ въ числѣ городскихъ гласныхъ. Обиженная грузинская буржуазія стала бороться противъ армянской путемъ печати. Всѣ сторонники того или другого вида сближенія армяно-грузинскихъ элементовъ побивались камнями. Князь Г. Церетелли, нынѣ покойный, возбудилъ противъ себя все грузинское общество тѣмъ, что рѣшился поставить свою кандидатуру въ гласные тифлисской думы. Его обвиняли въ измѣнѣ грузинскому дворянству и всячески оскорбляли, объявляя чуть не врагомъ родины. Всесильное время охладило постепенно страсти.

Представитель воинствующей Грузіи, Н. Николадзе, сразу успокоился, ставши городскимъ головой въ Поти, а князь И. Г. Чавчавадзе, занявъ мѣсто директора тифлискаго дворянскаго земельного банка, предался всецѣло своимъ новымъ обязанностямъ... А между тѣмъ армянскій кулакъ втихомолку продолжалъ дѣлать свое дѣло и, гдѣ только можно, понемножку прибралъ къ своимъ рукамъ грузинскую деревню, гдѣ въ конецъ разорившаяся грузинская аристократія безсильно взираетъ на свое постепенное оскудѣніе.

Вотъ канва грузино-армянской распри. Грузины обвиняютъ ар-

мянское кулачество въ разореніи будто бы Грузіи, попавшей въ кабалу армянскихъ капиталовъ; армяне горячо протестуютъ, говоря, что это клевета, и что кулачество на Кавказѣ процвѣтаетъ у самихъ же грузинъ ничуть не менѣе, чемъ среди армянъ, и что, если подымать крики противъ кулачества, то никакъ не противъ армянскаго кулачества, а противъ кулачества вообще.

Кто же правъ? Кажется, скорѣе армяне.

Что кулачество—величайшее зло, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но кулачество есть зло вполне интернаціональное, и на Кавказѣ вы можете встрѣтить кулака, какъ среди армянъ, такъ и среди грузинъ. Въ Карской области, на примѣръ, вы можете найти кулаковъ среди персіанъ и курдовъ, которые крѣпко держатъ въ своихъ рукахъ населеніе. Въ Кутаисской губерніи и во всей Имеретіи, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ армянскаго элемента, деспотически царятъ грузинскіе кулаки.

Въ 1898 году въ кутаисскомъ окружномъ судѣ разбиралось характерное дѣло о ростовщичествѣ грузинскаго крестьянина-кулака, который бралъ съ своихъ сосѣдей и даже близкихъ родственниковъ грузинъ прямо невѣроятные безбожные проценты... Въ Имеретіи объ армянахъ не слышно, а между тѣмъ эта часть Грузіи отлично знаетъ кулака грузина.

Что же касается до исключительнаго господства армянскаго капитала именно въ Тифлисской губерніи, тогда какъ онъ вовсе не является вершителемъ экономическихъ судебъ въ Кутаисской губерніи и вообще въ Имеретіи, то причины этого явленія слѣдуетъ, конечно, искать не въ чемъ иномъ, какъ въ совершенно исключительномъ, крайне тяжеломъ положеніи крестьянъ въ Тифлисской губерніи, гдѣ они до сихъ поръ еще почти вѣкъ остаются со времени освободительнаго манифеста 1861 г. временно обязанными предъ своими прежними господами. Со времени освобожденія изъ нихъ успѣло выйти на выкупъ всего 30⁰/₀, остальные же 70⁰/₀ продолжаютъ оставаться de facto крѣпостными, при чемъ на каждый дымъ приходится весьма незначительное количество земли, не болѣе 3,9 десятины. При столь стѣсненномъ матеріальномъ положеніи совершенно естественно, что въ Тифлисской губерніи крестьянину поневолѣ приходится обращаться къ кулаку, чтобы во время уплаты лежащей на немъ обязательной суммы (платежъ за надѣлъ, подать, земскій сборъ), который колеблется отъ 28 до 54 рублей въ годъ.

Ко всему здѣсь сказанному слѣдуетъ прибавить еще сложный вопросъ о такъ называемыхъ «хизанахъ» въ Тифлисской губерніи—многочисленныхъ (100 тысячъ душъ) крестьянахъ-арендаторахъ, находящихся въ полной и тяжелой зависимости отъ собственниковъ земель (вопросъ, на который нынѣ обращено просвѣщенное вниманіе высшей власти въ краѣ)—и читатели поймутъ, отчего эконо-

номическое положеніе Тифлисской губерніи не можетъ назваться блестящимъ...

Въ послѣднее время среди грузинскаго общества замѣчается нѣкоторое стремленіе къ образованію. Въ Тифлисъ существуетъ содержимая грузинскимъ дворянствомъ школа для мальчиковъ («дворянская школа»), гдѣ воспитывается около 500 учениковъ. По даннымъ 1899 года общее число воспитанниковъ грузинъ въ остальныхъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ Тифлиса равняется приблизительно 600 ученикамъ.

Грузинская литература имѣетъ за собою интересное и продолжительное прошлое.

Съ IV по X вѣкъ въ Грузіи процвѣтала переводная литература религиозно-назидательнаго характера. Въ эпоху Багратидовъ, по XIII вѣкъ, начался ростъ оригинальной грузинской литературы. Уже извѣстный читателямъ грузинскій царь Давидъ Возобновитель немало способствовалъ просвѣщенію въ своей странѣ отправкой въ Грецію молодыхъ людей для изученія и перевода на грузинскій языкъ греческихъ богословскихъ и философскихъ сочиненій.

Блестящій періодъ грузинской литературы это, конечно, вѣкъ царицы Тамары, «золотое время» Грузіи, единственное въ исторіи этой страны, періодически, въ теченіе вѣковъ, разоряемой, сжигаемой и опустошаемой сосѣдями и дикими ордами разныхъ пришельцевъ, въ родѣ сельджуковъ, Тимура и Чингизъ-хана.

При дворѣ просвѣщенной царицы блистали такіе славные поэты, какъ знаменитый авторъ «Барсовой кожи» (Ведѣхвисъ-Ткаосани) Шотъ Руставели, Шавтели, Чахрухадзе и романисты — Михолели и Саргосъ Тмогвели. Шотъ Руставели, грузинскій классикъ, стихи котораго считаются любимѣйшими и популярнѣйшими въ грузинскомъ обществѣ, былъ родомъ изъ Ахалциха, воспитывался въ Греціи и окончилъ дни свои въ монастырѣ св. Креста, въ Іерусалимѣ, погруженный въ мистицизмъ и меланхолію, развившіяся на почвѣ сердечныхъ разочарованій.

Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ столѣтій бѣдствій и разгромовъ, обрушившихся на Грузію вслѣдъ за эпохой Тамары, грузинская литература была въ полнѣйшемъ упадкѣ.

Только въ XVII вѣкѣ замѣчается опять нѣкоторый подъемъ въ умственной жизни страны.

Въ это столѣтіе мы видимъ царя Вахтанга VI, усердно работающаго надъ упомянутымъ нами выше сборникомъ законовъ, царевича Вахрушта, автора исторіи и географіи Грузіи, и Давида Гураманвили, оплакивавшаго въ выразительныхъ стихахъ злоключенія своей слабой родины, лишенной нравственныхъ силъ и энергіи, чтобы успѣшно бороться съ врагами.

Послѣдній фазисъ грузинской письменности относится къ позд-

нѣйшему времени, когда Грузія, подѣ сильной защитой русской державы, стала понемногу оправляться отъ своихъ ранъ и развивать свои духовныя силы безъ вѣчной боязни очутиться неожиданно въ развалинахъ... Новѣйшая литература Грузіи отражаетъ въ себѣ всѣ современныя теченія русской и западной литературъ и насчитываетъ немало выдающихся именъ, каковы князь Акакій Церетелли, князь Н. Баратовъ, князь Илья Чавчавадзе, А. Казбекъ (Мочхубарадзе), князя Эристовы, князь М. Гуріели, княгиня В. Джорджадзе и др.

У князя Акакія Церетелли есть прелестное, граціозное стихотвореніе «Гребешокъ», посвященное покойному нашему поэту Я. П. Полонскому, съ которымъ авторъ былъ въ добрыхъ отношеніяхъ.

Вотъ между прочимъ интересное шестистишье князя Г. Эристова, которое было посвящено Нинѣ Александровнѣ Грибоѣдовой (въ переводѣ В. Л. Величко).

Покинувъ горныя блестяція вершины,
 На мраморную грудь прекрасной Нины
 Комъ снѣга яркаго скатился,—
 Ее своей затмить онъ думалъ бѣлизной...
 Когда же въ роковой ошибкѣ убѣдился,—
 Растаялъ отъ стыда алмазною слезой!..

А вотъ сильное и задушевное стихотвореніе современнаго грузинскаго поэта, князя Ильи Чавчавадзе, «Арагва», вспоминающаго въ звучныхъ стихахъ тяжелые дни Грузіи, стонавшей подѣ напоромъ своихъ восточныхъ сосѣдей.

О родная Арагва моя,
 Какъ глубоко люблю я тебя!
 Было время, сильна и смѣла
 Здѣсь отчизна моя расцвѣла,—
 Древней славы ея ореоль
 Надъ твоими волнами взошелъ,
 И грузинъ, здѣсь родившись на свѣтъ,
 Отъ тебя слышитъ первый приѣтъ!
 Для него былъ значенія полнь
 Попотъ быстро несущихся волнь,
 И въ защиту родимыхъ долинъ
 Грудью сталь у Арагвы грузинъ!
 Кровь лилась подѣ рукою врага,
 Обагрятъ твои берега...
 Тамъ, гдѣ съ мутно-тревожной Курой
 Ты сливаешься свѣтлой струей,
 Тамъ потокъ нашей жизни шумѣлъ,
 Тамъ и кличъ боевой нашъ гремѣлъ!
 Шли года, шли за ними вѣка—
 Много волнь прокатила рѣка,
 Много воиновъ въ битвѣ легло,
 Много въ вѣчность преданій ушло...

Сколько разъ я свой взоръ устремлялъ.
 Въ твои волны—чего я искалъ?
 Я о прошломъ отчизны мечталъ.
 Я Арагву о ней вопрошалъ,—
 Но лишь кровь, что лилась здѣсь рѣкой,
 Мнѣ давала отвѣтъ роковой!

Какъ хорошо передаетъ это стихотвореніе отзвуки былой исторіи Грузіи!

Очень хороша поэма того же автора «Отшельникъ» (1883 г.), описывающая одно старое кавказское преданіе объ отшельникѣ, жившемъ нѣкогда въ пещерѣ, на мѣстѣ прежней обители, на вершинѣ Казбека (Мкилвари) и дошедшемъ до такой силы святости, что божественный лучъ чудесно поддерживалъ его тяжелый молитвенникъ во время его продолжительныхъ стояній предъ образомъ Богоматери.

Когда изъ-за окрестныхъ горъ,
 Блестая, солнце поднималось,
 Вся эта келья, съ давнихъ поръ,
 Лучомъ блестящимъ озарялась,—
 И въ томъ лучѣ являлось чудо:
 Вставалъ отшельникъ—и покуда
 Самъ на молитвѣ онъ стоялъ,
 Тотъ лучъ молитвенникъ держалъ!
 Такъ шли года.. Все также строго
 Обѣтъ пустынный соблюдалъ,
 И самъ свою угодность Богу
 Онъ этимъ чудомъ провѣрялъ.

Но вотъ въ тихую келью анахорета, застигнутая страшной грозой, разразившейся надъ сѣдою вершиной Казбека, прибѣжала молодая красавица крестьянка, пасшая въ окрестностяхъ отцовское стадо, ища спасенья и пріюта у отшельника.

Когда бы вздумала живой
 Любви богиня въ міръ явиться,
 То пожелала бь воплотиться
 Сама въ красавицѣ молодой!
 Красою дѣвушки плѣненъ,
 Отшельникъ блѣдный передъ ней
 Стоялъ и не сводилъ очей.

Между ними завязывается разговоръ. Молодая дѣвушка, полная земныхъ надеждъ и мірскихъ тревогъ и заботъ, удивляется взглядамъ отшельника, исполненнымъ аскетизма.

А сколько лѣтъ, какъ поселился
 Ты въ этихъ льдахъ?—Не знаю самъ:
 Навѣки съ міромъ я простился,—
 Къ чему же счетъ вести годамъ?
 — Жить одному... но для чего же?
 — Такъ хочеть Богъ, дитя мое...

— Какъ Богъ?! Но Богу-то на что же
Здѣсь одиночество твое?
Какъ сносишь ты уединенье,
Когда такъ сладокъ Божій міръ?
Здѣсь смерть, тамъ жизнь, здѣсь скорбь и тлѣнье,
А тамъ, тамъ счастья свѣтлый пиръ!..

Наступила ночь... Согрѣтая разведеннымъ въ пещерѣ очагомъ, дѣвушка заснула съ улыбкой на устахъ. Потрясенный разговоромъ съ ней и взволнованный ея дивной красотой, отшельникъ тихо подошелъ къ спавшей...

Къ ея устамъ
Ужъ онъ съ лобзаньемъ наклонился,
Но въ тотъ же мигъ остановился:
Ужели онъ не побѣдить
Въ себѣ земного увлеченья?!
О, вѣтъ, предъ силой искушенья—
Угодникъ Бога устоитъ!
Самимъ Всевышнимъ подкрѣпленный,
Не искусится мужъ святой,
Для плоти, разъ ужъ побѣжденной,
Онъ не пожертвуетъ душой!

Онъ съ мольбой обращаетъ взоры къ лику Богоматери, но,—о ужасъ!—онъ видитъ предъ собой дивный образъ красавицы! Онъ хочетъ осѣнить себя крестомъ, рука не шевелится, хочетъ читать молитву, языкъ не въ силахъ произнести святыхъ словъ! Онъ въ ужасѣ выбѣгаетъ изъ кельи и ждетъ разсвѣта въ кручахъ горъ. Съ первымъ лучемъ солнца, озарившимъ снѣга Казбека, онъ возвращается въ обитель. Богоматерь попрежнему взирала на него со стѣны, съ обычной кротостью...

И со слезами умиленья
Онъ на молитву сталъ оять...
Увы! святая благодать
Уже луча не укрѣпляла,
И книга съ грохотомъ упала!

Ядъ міра отравилъ святыню духа и навсегда нарушилъ его покой и блаженство безстрастія.

Желающихъ ознакомиться покороче съ современной грузинской музой отсылаемъ къ прекраснымъ русскимъ переводамъ грузинскихъ поэтовъ, принадлежащимъ талантливому перу г. Тхоржевскаго («Иванъ да Марья»).

VI.

Кавказскій музей въ Тифлисъ.—«Храмъ Славы».

Кавказскій музей, учрежденный въ 1867 г. и помѣщающійся въ отдѣльномъ, трехъэтажномъ каменномъ зданіи, на Головинскомъ проспектѣ, противъ дворца, можетъ считаться не только прекраснымъ мѣстнымъ музеемъ, но имѣетъ полное право занимать почетное мѣсто среди музеевъ Россіи вообще. По массѣ разнообразныхъ историческихъ, археологическихъ, этнографическихъ, зоологическихъ, геологическихъ и другихъ коллекцій, касающихся Кавказскаго края, собранныхъ здѣсь съ величайшимъ стараніемъ и послѣдовательностью и систематизированныхъ съ отменной тщательностью и научной эрудиціей, — Кавказскій музей въ силахъ представить самому требовательному ученому богатѣйшій матеріалъ, дающій собой полную картину страны въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и отрасляхъ ея жизни.

Можно только подивиться, какъ много на сравнительно небольшія средства сдѣлалъ почтенный директоръ музея, д-ръ Г. И. Радде, поставившій Кавказскій музей на образцовую высоту, достойную подражанія.

Черезъ восьмиугольныя, сводчатыя съ нишами въ персидскомъ стилѣ сѣни, съ бѣлыми на голубомъ фонѣ восточными орнаментами, входите вы въ нижній залъ музея, посвященный геологіи Кавказа. Залъ арками раздѣленъ на три части. На плафонѣ изображены разныя допотопныя животныя, по стѣнамъ ландкарты геологическихъ эпохъ. Въ массивныхъ шкафахъ выставлены геологическія коллекціи, — разнообразнѣйшія мѣстныя горныя породы и окаменѣлости, собраніе мѣстныхъ камней, нефтяныхъ слоевъ и проч.

Повсюду на стѣнахъ научныя карты, объясняющія и дополняющія собой коллекціи.

Слѣдующіе залы посвящены зоологіи.

Здѣсь выставлены всевозможныя мѣстныя млекопитающія и птицы. Чучела первыхъ очень живописно расположены группами по всему залу; модели птицъ разставлены въ шкафахъ. Здѣсь же прекрасная, полная коллекція гнѣздъ птицъ. Стѣна и потолокъ расписаны соотвѣтствующими ландшафтами.

Въ 4 залѣ выставлена очень интересная бѣлуга гигантскихъ размѣровъ, пойманная въ Курѣ. Рыба безъ внутренностей вѣсила 35 пудовъ и содержала 6 пудовъ икры. Полный вѣсъ ея 60 пудовъ. Рядомъ скелетъ кита, выброшеннаго въ 1880 г. близъ Батума, большая рѣдкость для Чернаго моря.

Осмотрѣвъ нижнее отдѣленіе музея, вы возвращаетесь въ прихожую, чтобы подняться на верхъ.

Рядомъ съ конторкой, гдѣ хранится книга для записыванія именъ почетныхъ посѣтителей, очень интересный разрѣзь 200-лѣтней липы и рядомъ—клена не менѣе стараго.

Въ прихожей портреты августѣйшихъ особъ, панорама Тифлиса и видъ Военно-Грузинской дороги, автографы членовъ императорской фамилии и прежняго шаха персидскаго Насръ-эддина, а также портреты членовъ 5-го археологическаго съѣзда въ Тифлисъ 1881 г. и видъ Петербурга съ Троицкаго моста, — подарокъ покойнаго художника И. К. Айвазовскаго.

По широкой каменной лѣстницѣ посѣтитель поднимается въ верхній этажъ музея. Подъемъ украшенъ стѣнными фресками, сюжеты которыхъ заимствованы изъ исторіи и преданій Кавказа. Такъ мы видимъ здѣсь изображенія хорошо уже извѣстныхъ читателямъ царя Грузіи Давида Возобновителя и царицы Тамары, Прометея, прикованнаго къ скалѣ Кавказа, прибытіе аргонавтовъ въ Колхиду, Язона и Медею въ храмѣ Гекаты, Ноя, сажающаго виноградную лозу, и борющихся амазонокъ. Всѣ эти фрески работы художника Зима и поставлены въ 1881 году.

Подъ Прометеемъ длинный рядъ портретовъ историческихъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ управленіи Кавказскимъ краемъ.

Здѣсь же, въ сторонкѣ, рядомъ съ портретомъ князя А. И. Барятинскаго, и портретъ знаменитаго Шамиля, отличающійся, по отзывамъ старожиловъ, поразительнымъ сходствомъ съ оригиналомъ.

О Шамилѣ писалось и говорилось въ свое время немало, но врядъ ли гдѣ читатель найдетъ лучшее по непосредственности и правдивости изображеніе личности этого замѣчательнаго имама, чѣмъ въ запискахъ штабсъ-капитана Руновскаго, состоявшаго при немъ въ Калугѣ, въ бытность Шамиля нашимъ плѣнникомъ. Эти записки печатались въ «Военномъ Сборникѣ» 1860 года и нынѣ составляютъ библиографическую рѣдкость.

Вотъ одно очень любопытное мѣсто въ запискахъ Руновскаго, своеобразно характеризующее религіозныя воззрѣнія философа имама, котораго иные представляли себѣ дикимъ фанатикомъ.

Предъ отъѣздомъ въ Калугу Шамиль провелъ нѣсколько дней въ Петербургѣ, гдѣ осматривалъ достопримѣчательности и, между прочимъ, заѣзжалъ со своей свитой къ фотографу Деньеру сниматься. Вмѣстѣ съ нимъ былъ, конечно, и Руновскій.

Шамиль позировалъ три раза. Художникъ Деньеръ былъ очень доволенъ его спокойствіемъ, необходимымъ для хорошаго снимка. За вторымъ разомъ имамъ уступилъ свое мѣсто сыну, а самъ пересѣлъ на диванъ и занялся разсматриваньемъ кишсековъ, разбросанныхъ на ближайшемъ къ нему столѣ. Ему здѣсь попались подъ руку снимки Дрезденской галлерей и прежде всего гравюра—Христосъ Спаситель.

Шамиль (разсказываетъ Руновскій) долго разсматривалъ ликъ Христа съ напряженнымъ вниманіемъ.

Въ его глазахъ и на всемъ лицѣ отразилось то самое чувство, которое должно быть возбуждено въ каждомъ мыслящемъ человѣкѣ страданіями Спасителя, переданными художникомъ.

— Кто это?—взволнованнымъ голосомъ спросилъ имамъ.

— Это Иисусъ Христосъ,—отвѣчалъ Руновскій.

Шамиль посмотрѣлъ на изображеніе Спасителя еще разъ и потомъ сказалъ:

— Я поцѣлую его!

И вслѣдъ за этимъ онъ поднесъ къ губамъ картину и поцѣловалъ её.

Г. Руновскій слышалъ еще другой подобный случай съ имамомъ, при посѣщеніи имъ Царскаго Села. Осматривая достопримѣчательности царскосельскаго дворца, Шамиль остановился предъ статуей Спасителя. Онъ разсматривалъ ее съ величайшимъ любопытствомъ, притрогиваясь по временамъ къ ней, какъ будто для того, чтобы убѣдиться, что предъ нимъ неподвижный мраморъ. Взглянувши пристально въ лицо статуи, онъ до того былъ пораженъ его выраженіемъ, что долго не могъ отъ него оторваться.

— Кто это?—спросилъ онъ у сопровождавшихъ его лицъ.

— Спаситель нашъ, — былъ отвѣтъ.

— Онъ многому прекрасному училъ васъ!—сказалъ Шамиль.— Я тоже буду ему молиться. Онъ мнѣ счастье дастъ...

Г. Руновскій утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что въ душѣ Шамиль далеко не былъ такимъ узкимъ фанатикомъ, какъ это можно было думать, судя по его дѣйствіямъ въ распространеніи мюридизма и возбужденіи газавата, что религіозный его фанатизмъ былъ скорѣе дѣломъ политическаго расчета, и что онъ самъ не слишкомъ слѣпо поддавался внушеніямъ Корана, но напротивъ подвергалъ его критикѣ чрезъ сравненіе съ тождественными принципами Евангелія, которое было ему извѣстно.

Вернемся, однако, въ музей.

Поднявшись по лѣстницѣ и полюбовавшись группой цейлонскихъ птицъ, расположенныхъ подъ развѣсистой пальмою съ острова Целебеса, вы минуете витрины съ бабочками изъ-подъ азіатскихъ тропиковъ и входите въ этнографическое отдѣленіе музея, состоящее изъ двухъ залъ, отдѣланныхъ въ восточномъ вкусѣ—съ потолками, разрисованными ковровыми узорами туркменскихъ образцовъ, окнами съ разноцвѣтными стеклами и поломъ, устланнымъ мѣстными коврами, дорожками и циновками.

Здѣсь въ соответствующей обстановкѣ и декораціяхъ посѣгитель встрѣтится лицомъ къ лицу со всѣми народностями Кавказа, изображенными въ натуральную величину человѣческаго роста, въ національныхъ костюмахъ и при своемъ обычномъ вооруженіи. Чередуюсь, проходятъ предъ нимъ грузины, имеретины, мингрельцы, гурійцы, танцующіе лезгинку въ саду, хевсуры, шшавы, тушины,

сванеты, осетины, происхождение которых занимает немало ученый миръ, абхазцы, кабардинцы... Тутъ же предметы домашняго обихода тѣхъ или иныхъ племенъ, образцы одежды, оружія, упряжи, музыкальныхъ инструментовъ, украшеній, модели саклей и цѣлыхъ ауловъ... Въ коллекціи палокъ мѣстнаго происхожденія интересна трость, нѣкогда бывавшая въ рукахъ князя М. С. Воронцова. Здѣсь же въ первомъ залѣ—любопытный топоръ, подаренный Шамилемъ наibu Бекъ-Мамеду, взятый 18 января 1852 г., при штурмѣ деревни Шлеги генераломъ Сусловымъ; этотъ топоръ служилъ нѣкогда орудіемъ для обезглавленія.

Во второмъ залѣ—евреи, армяне, чеченцы, аджарцы, лезгины, кумыки, курды, персіяне, татары, туркмены. Здѣсь же помѣщены картины, изображающія различныя категоріи кавказской растительности, мѣстное вышиваніе золотомъ, шелками и др., металлическія и серебряныя вещи, а также рядъ фотографій, въ подвижныхъ рамкахъ, на подставкахъ и неподвижныхъ перпендикулярныхъ экранахъ. Фотографіи эти изображаютъ всевозможныя мѣстности Кавказа и его народностей, и также виды Персіи, ея главнѣйшихъ городовъ и замѣчательныхъ зданій и во множествѣ персидскіе типы.

Слѣдующая комната посвящена богатому и разнообразному ботаническому отдѣлу, а послѣдняя, четвертая, зала энтомологическимъ коллекціямъ, среди которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя богатѣйшее собраніе (въ 48 ящикахъ) кавказскихъ бабочекъ, составленное директоромъ музея Г. И. Радде и докторомъ Сиверсомъ. Коллекція эта въ очень значительной степени пополнена его императорскимъ высочествомъ, великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ.

Мы только что упомянули выше объ осетинахъ. Изученіе этого племени и новѣйшія изысканія въ области славяно-романскихъ корней осетинскаго языка проливаютъ на осетинскую народность совершенно новый свѣтъ. Несомнѣнно, осетины были древнѣйшими, полумиоическими жителями Швеціи. Это тѣ самые азы, асы или осы, которые жили у сѣверныхъ предгорій Кавказа и оставили намъ въ наслѣдіе названіе Азовскаго моря, а въ своей новой скандинавской родинѣ основали Азъ-городъ, играющій такую видную роль въ скандинавской мифологіи. Древніе путешественники въ Татарію—Плано Карпини и Рубруквисъ, видѣли азовъ или осовъ на Дону, близъ Азовскаго моря и Кавказа, еще въ XIII вѣкѣ. Оставшіеся на Кавказѣ осы и есть нынѣшніе осетины, языкъ которыхъ такъ полонъ славяно-нѣмецкими корнями, показывающими отдаленную генетическую связь Скандинавіи со славянствомъ, объединенныхъ нѣкогда общностью одного индо-европейскаго языка. Поэтому указанія древности на происхождение асовъ отъ скивовъ, несущихъ, какъ будто бы въ своемъ названіи ко-

рень чисто славянскаго глагола скитаться и бывшихъ въ такомъ случаѣ не чѣмъ инымъ, какъ кочевниками южно-русскихъ и сибирскихъ степей, являются вѣроятными.

Въ третьемъ этажѣ музея, въ невысокихъ антресоляхъ, расположенъ отдѣлъ археологии (нумизматика, орнаменты, архитектура, надписи, древности).

Въ двухъ шагахъ отъ «Кавказскаго музея», на томъ же Головинскомъ проспектѣ, возвышается узкое, безъ оконъ, каменное зданіе военно-историческаго музея, освѣщенное сверху стеклянной кровлей и носящее названіе «Храмъ славы». Здѣсь собраны разныя вещи и картины, касающіяся эпохи покоренія Кавказа и послѣдней русско-турецкой войны («Высадка императора Николая I у Геленжика», «Штурмъ аула Салты», «Авларская битва», «Битва при рѣкѣ Иора», «Взятіе Карса», «Вступленіе русскихъ войскъ въ Тифлисъ, въ 1799 г.», «Смерть Слѣпцова», «Шамиль сдается князю Барятинскому» и др.). Въ числѣ холстовъ есть работы художниковъ Рубо и Айвазовскаго. Кромѣ батальныхъ картинъ, въ музеѣ собрано множество портретовъ высочайшихъ особъ, грузинскихъ царей, дѣятелей сказаннаго времени. Внизу, подъ картинами, въ витринахъ, подъ стекломъ, лежатъ ключи отъ нѣкоторыхъ взятыхъ нами персидскихъ городовъ, оружіе и предметы, нѣкогда принадлежавшіе главнокомандующимъ на Кавказѣ, альбомъ рисунковъ Тимма, кавказскіе кресты и медали, старыя книжки «Военнаго Сборника» и еще кое-какія вещи. Большинство витринъ совершенно пустыя... У колоннъ, раздѣляющихъ залъ на двѣ части, висятъ взятые нами нѣкогда знамена, покрытыя слоемъ пыли... Фасадъ зданія украшенъ черными металлическими досками, съ выгравированными на нихъ золотыми буквами указаніями главнѣйшихъ событій кавказской войны и эпохи присоединенія Грузіи.

«Храмъ Славы» возведенъ въ 1885 году.

VII.

Русскій театръ въ Тифлисъ. — Грузинскій театръ. — Армянскій театръ.

Устройство русскаго театра въ Тифлисъ состоялось въ бытность намѣстникомъ кавказскимъ князя М. С. Воронцова, временно устроившаго русскіе спектакли въ манежѣ, въ 1845 году. Въ 1850 году на Эриванской площади было выстроено на частныя средства г. Тамамшева при правительственной субсидіи особое театральное зданіе, гдѣ давались драматическія и оперныя представленія. Театръ этотъ сгорѣлъ, зданіе было приспособлено впоследствии подъ каравансарай (гостинный дворъ), а театральная

зала была перенесена на Инженерную улицу, близъ Александровскаго сада, во временное помѣщеніе, просуществовавшее до 1896 г., когда была закончена постройка новаго казеннаго театра на Головинскомъ проспектѣ. Новый русскій театръ, устройство котораго совершилось по инициативѣ бывшаго намѣстника Кавказа, его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича, представляетъ собой красивое зданіе съ оригинальнымъ фасадомъ въ древне-арабскомъ стилѣ, напоминающее не то мечеть, не то восточный кіоскъ. Театръ освѣщается электричествомъ, отопливается паромъ, прекрасно вентилируется и обладаетъ разными новѣйшими механическими приспособленіями, но, къ сожалѣнію, имѣетъ одинъ весьма существенный и непоправимый недостатокъ: зрительной залѣ, имѣющей почему-то совершенно необычайную форму усѣченной подковы съ раздутыми боками, отведено слишкомъ мало мѣста. Зданіе театра съ виду большое, помѣстительное, но войдите въ зрительную залу — и вы удивитесь ея миниатюрности. Все ушло подъ фойе, курильни, буфеты, широчайшія лѣстницы, такіе же коридоры, разныя площадки, балконы, какіе-то закуулки, въ родѣ «тупиковъ», никому ненужные и занимающіе пространство, — а для самаго-то главнаго въ театрѣ, — для залы, гдѣ даются представленія, осталось совсѣмъ мало мѣста, такъ мало, что невольно дивишься, зачѣмъ понадобилось строить такую колоссальную постройку, стоившую около полутора милліона, для такой капельной сцены и залы, напоминающихъ домашнія театральныя залы провинціальныхъ уголковъ?

Въ русскомъ казенномъ театрѣ, субсидируемомъ правительствомъ, зимой даются оперы, а послѣ поста здѣсь кратковременно гоститъ какая нибудь русская труппа провинціальныхъ актеровъ, приглашаемая по усмотрѣнію дирекціи.

Что касается грузинскаго театра, то исторія грузинской сцены вообще очень еще молода и только теперь начинаетъ понемногу развиваться.

Возникновеніе грузинскаго театра въ Тифлисѣ также связано съ именемъ князя Воронцова. Считая театръ однимъ изъ серьезныхъ факторовъ народнаго развитія, князь Воронцовъ, который всѣми силами заботился о насажденіи культуры въ Кавказскомъ краѣ, попробовалъ организовать грузинскіе спектакли, предложивъ князю Г. Эристову поставить среди любителей его только-что оконченную имъ тогда комедію «Раздѣлъ». Успѣхъ спектакля, дружно разыграннаго представителями и представительницами грузинской знати, на импровизированной сценѣ гимназіи, превзошелъ всѣ ожиданія. Князь Воронцовъ съ семьей и свитой присутствовалъ на спектаклѣ и больше всѣхъ аплодировалъ добровольнымъ актерамъ. Довольный произведеннымъ имъ опытомъ, намѣстникъ поручилъ тому же талантливому драматургу составить уже постоянную гру-

зинскую труппу, назначивъ на это дѣло 4.000 рублей въ годъ казенной субсидіи. Понемногу стали появляться среди грузинской интеллигенціи и сценическіе писатели, произведенія которыхъ съ успѣхомъ разыгрывались на грузинской сценѣ. Съ оставленіемъ княземъ Воронцовымъ Кавказа, дѣла грузинскаго театра пошли значительно хуже, такъ какъ прекратилась поддерживавшая его субсидія. Однако и послѣ отъѣзда князя Воронцова изъ Тифлиса отъ времени до времени устраивались любительскіе грузинскіе спектакли въ Тифлисъ, Кутаисъ и другихъ городахъ Закавказья.

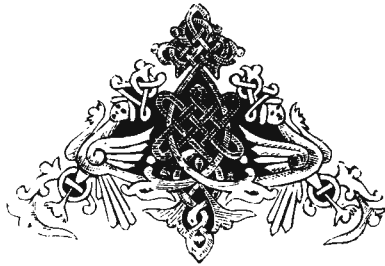
Въ 1878 году было, наконецъ, учреждено товарищество для основанія постоянной грузинской труппы. Это предпріятіе имѣло успѣхъ; къ нему на помощь пришло правленіе грузинскаго дворянскаго земельного банка, ассигновавъ ежегодную субсидію въ размѣрѣ 3.000 рублей.

За этотъ періодъ времени нѣсколько развилась и грузинская сценическая литература, какъ оригинальная, такъ и переводная. Изъ грузинскихъ драматурговъ укажемъ на уже извѣстныхъ читателямъ князя Г. Эристова (и его сына Д. Эристова), князя Акакія Церетели, князя И. Чавчавадзе, В. Цагарелли, А. Пурцеладзе, В. Абашидзе, К. Кипіяни, В. Гуниа, К. Месхи и др.

Въ совѣтъ иныя условія была поставлена армянская сцена. Продолжительное пребываніе въ турецкихъ и персидскихъ владѣніяхъ и тѣсное общеніе съ мусульманствомъ издавна наложили на армянское общество черты, обычаи, понятія и взгляды, свойственные исключительно исламу. Безличіе мусульманской женщины въ семьѣ и обществѣ, ея затворничество и подчиненность мужчинамъ отразились, конечно, и на прежнемъ складѣ армянской семьи, смотрѣвшей долгое время на многія проявленія европеизма, какъ на ненужныя и непонятныя для нея, почти грѣховныя новшества. Когда небольшой кружокъ любителей изъ среды константинопольскихъ армянъ устраивалъ въ 1840-хъ годахъ домашніе спектакли то всѣ женскія роли, поневолѣ, должны были исполняться мужчинами, такъ какъ ни одна армянка не смѣла и думать выступать на театральныхъ подмосткахъ, даже въ тѣсномъ кругу знакомыхъ! Лишь въ началѣ 70-хъ годовъ основался въ Константинополѣ (въ Перѣ) постоянный армянскій театръ, давшій толчекъ театальному дѣлу и среди армянъ Закавказья, гдѣ съ этого времени стали мало-по-малу выступать на сценѣ и женщины. Сценическая литература армянъ того времени не отличалась ни оригинальностью, ни беллетристическими качествами, представляя собой, въ большинствѣ случаевъ, разныя невѣроятныя комедіи и драмы съ привидѣніями, разбойниками, похищеніями, выстрѣлами и кинжалами, тѣша незатѣйливый вкусъ невзыскательной публики. Лишь съ появленіемъ Г. Сандукьянца, написавшаго нѣсколько дѣйствительно

интересныхъ бытовыхъ пьесъ изъ современной армянской жизни, полныхъ злого юмора и воспитательныхъ задачъ (Разоренная семья, Хатабала, Цено, Еще одна жертва и мн. др.), армянская сцена болѣе или менѣе поднялась до европейскаго уровня. Въ настоящее время армянская театральная литература довольно богата серьезными пьесами, имѣющими несомнѣнное достоинство.

С. И. Уманецъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Мемуары барона Комо.—Воспоминанія объ его товарищѣ Наполеонѣ.—Плѣнь въ Россіи въ 1812—1813 годахъ.

ОВЫЯ воспоминанія о Наполеонѣ, эмиграціи и Россіи въ концѣ прошедшаго столѣтія или въ началѣ нынѣшняго появляются во французской литературѣ чуть ли не ежедневно. Едва мы успѣли познакомить читателя съ мемуарами генерала Дедема и графа Ла-Ферронэ, какъ уже появились записки барона Комо¹⁾. Онѣ представляютъ ббльшій интересъ, чѣмъ значительная часть вышедшихъ за послѣдніе годы мемуаровъ о Наполеонѣ, потому что ихъ авторъ былъ товарищемъ его по артиллеріи и находился съ нимъ въ юности въ гарнизонахъ Оксона и Безансона, а потому впоследствии хотя онъ, какъ роялистъ и эмигрантъ, не хотѣлъ служить узурпатору и убійцѣ герцога Ангіенскаго, но почти постоянно находился при главномъ штабѣ великой арміи въ качествѣ представителя Баваріи, на службѣ которой онъ состоялъ и поддерживалъ самыя дружескія сношенія съ прежнимъ своимъ товарищемъ, повидимому, уважавшимъ его и совѣтывавшимся съ нимъ въ критическія минуты. Бесѣды съ Наполеономъ, приводимыя цѣликомъ въ мемуарахъ Комо, придаютъ имъ особую важность, а для насъ, русскихъ, еще любопытнѣе разсказъ объ его плѣнѣ въ

¹⁾ Souvenirs des geures d'Allemagne pendant la revolution et l'empire, par le baron de Comeau, Paris, 1900.

Россіи въ 1812—1813 годахъ. Этотъ французъ и товарищъ Наполеона, оказывавшій услуги ему и своей родинѣ, но какъ иностранный офицеръ, вышелъ изъ баварской арміи, когда она вмѣстѣ съ войсками союзниковъ вступила въ борьбу съ Франціей, и даже потомъ отказался поступить на службу Бурбоновъ, находя, что реставрація не соотвѣтствовала его хотя роялистскимъ, но патріотическимъ стремленіямъ. Благодаря такой замѣчательной независимости въ мысляхъ и дѣйствіяхъ Комо, его воспоминанія отличаются особой своеобразностью и рѣдкимъ безпристрастіемъ, хотя, быть можетъ, какъ большая часть мемуаровъ, они страдаютъ мѣстами излишнимъ авторскимъ самоувѣреніемъ.

Баронъ Жозефъ Комо-де-Шарри родился въ 1771 году и принадлежалъ къ старинной дворянской семьѣ въ Бургундіи. До 13 лѣтъ онъ воспитывался дома, и родители готовили его въ патеры, но потомъ онъ упросилъ ихъ отдать его въ Мецскую военную школу, изъ которой онъ вышелъ съ чиномъ артиллерійскаго подпоручика въ 1789 году. Первые два года военной службы онъ провелъ въ гарнизонахъ Оксона и Безансона, гдѣ его товарищемъ былъ Наполеонъ Бонапарте, вышедшій въ офицеры въ одно время съ нимъ. Они принадлежали къ различнымъ политическимъ партіямъ: именно Комо къ роялистамъ, а Бонапарте къ революціонерамъ, но это не помѣшало послѣднему оказать Комо значительную услугу. Когда въ 1790-мъ году онъ временно отлучился въ Ліонъ и тамъ принялъ участіе въ попыткѣ графа Ла-Шапелья перевезти въ Ліонъ короля со всей королевской семьей изъ Парижа, при чемъ молодому офицеру грозила опасность отъ ліонскихъ революціонеровъ, то Бонапарте, узнавъ объ этомъ, разыскалъ его и сказалъ:

— Вы компрометированы. Клубы знаютъ о роялистскомъ заговорѣ, примите мѣры. Сожгите всѣ опасныя бумаги.

Этотъ благородный поступокъ будущаго императора объясняется, по словамъ Комо, не только ихъ товариществомъ, но и тѣмъ фактомъ, что Наполеонъ въ дѣтствѣ многимъ былъ обязанъ его теткѣ, г-жѣ Шампо, ухаживавшей за нимъ во время его пребыванія въ Отенской коллегіи до поступленія въ Бріенъ вмѣстѣ съ ея сыномъ.

Какъ бы то ни было, юный Комо благополучно вернулся въ Безансонъ, но не долго тамъ оставался и, отказавшись принять присягу націи, а не королю, онъ вмѣстѣ со многими роялистами эмигрировалъ въ 1791 году. Принцъ Кондэ принялъ его въ свою армію, и въ продолженіе девяти лѣтъ онъ испытывалъ всѣ тягости эмигрантской жизни, принимая участіе въ безконечныхъ маршахъ и контръ-маршахъ арміи Кондэ. Онъ только не сопровождалъ ея въ Россію въ 1798 году, а дождался ея возвращенія въ Германію, гдѣ сдѣлался землемѣромъ, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба. Въ послѣднюю кампанію Кондэ онъ отличился въ битвѣ подъ Кон-

станцемъ, гдѣ съ нѣсколькими рабочими уничтожилъ мостъ на Рейнѣ подъ непріятельскимъ огнемъ и тѣмъ спасъ свою армію, которая благополучно ретировалась. Вскорѣ послѣ этого императоръ Павелъ вышелъ изъ европейской коалиціи, и Австрія заключила миръ съ Франціей, а потому Кондэ былъ вынужденъ распустить свое войско. Въ эту критическую минуту Комо получилъ предложеніе баварскаго курфюрста поступить въ его артиллерію съ чиномъ капитана. Испросивъ на это разрѣшеніе Людовика XVIII, жившаго тогда въ Митавѣ, онъ превратился въ баварскаго офицера и очень энергично принялся за преобразование артиллеріи курфюрста. Въ концѣ 1800 года его послали въ Парижъ съ секретными депешами о союзѣ между баварскимъ курфюрстомъ и первымъ консуломъ, о чемъ онъ первый подалъ мысль. Въ Парижѣ онъ не видѣлъ Наполеона и имѣлъ дѣло лишь съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Талейраномъ, но впоследствии обнаружилось, что Наполеонъ присутствовалъ за перегородкой при его разговорахъ съ Талейраномъ. Убѣдившись тайно, что этотъ баварскій офицеръ былъ дѣйствительно его старымъ товарищемъ, и что онъ можетъ быть ему полезенъ, Наполеонъ позаботился объ его судьбѣ. Когда, спустя годъ, онъ поѣхалъ изъ Мюнхена въ Дижонъ, чтобы воспользоваться амнистіей, объявленной эмигрантамъ, то префектъ ему сказалъ, что по приказанію перваго консула ему разрѣшено остаться на баварской службѣ, сохраняя права французскаго гражданина подъ условіемъ покинуть эту службу, если Баварія объявитъ войну Франціи. Комо принялъ присягу въ этомъ смыслѣ и вернулся въ Баварію съ своей молодой женой, на которой онъ женился во Франціи. Это была его двоюродная сестра Франсуаза Еньяръ-де-Масонъ.

Въ 1805 году Наполеонъ впервые потребовалъ отъ своего союзника, баварскаго курфюрста, вспомогательный корпусъ, а Комо прикомандировалъ къ своему главному штабу. Неохотно пламенный роялистъ и бывший офицеръ арміи Кондэ отправлялся къ своему новому назначенію, тѣмъ болѣе, что онъ питалъ ненависть къ Наполеону со времени убійства герцога Ангіенскаго. Они встрѣтились на равнинѣ передъ Ульмомъ. Наполеонъ былъ верхомъ и въ своемъ знаменитомъ сѣромъ сюртукѣ среди блестящей свиты. Не успѣлъ Комо приблизиться, какъ неожиданно часовой прицѣлился въ него, такъ какъ на немъ былъ баварскій мундиръ. Наполеонъ быстро подскакалъ къ нему, прыгнулъ съ лошади и усѣлся на камнѣ, держа за поводья свою лошадь. Комо подошелъ и хотѣлъ взять поводья изъ его рукъ.

— Оставьте, оставьте, это не ваше дѣло,—произнесъ Наполеонъ.

Черезъ минуту приблизился конюхъ, и императоръ, бросивъ ему поводья, сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ удалился. Во все это время онъ пристально смотрѣлъ на Комо.

— Ну, вотъ и вы,—сказалъ онъ наконецъ, оставшись вдвоемъ съ Комо. — Я потребовалъ васъ еще въ Страсбургѣ. Я не только васъ знаю, но въ старину мы были очень съ вами близки. Однажды въ Безансонѣ за офицерскимъ столомъ вы бросили свою салфетку и сказали слугѣ, что не хотите сидѣть рядомъ со мною, такъ какъ я, будучи офицеромъ, посѣщаль клубы. Намъ еще надо покончить съ вами эту исторію. Сонжи, Сонжи, — крикнулъ онъ, подзывая изъ приблизившейся свиты генераль-инспектора артиллеріи,—вотъ одна изъ свѣтлыхъ головъ нашей старой школы, держите его всегда при себѣ. Въ его лысой, хотя еще юной головѣ вы найдете все, что вы у меня спрашивали въ Булонѣ. Ему есть чѣмъ удовлетворить всѣ требованія. Не жалѣйте ничего, я хочу, чтобы мой первый огонь былъ здоровый. А что у васъ много снарядовъ, Комо? Какова ваша артиллерія? Готова ли она? Вы, господа нѣмцы, очень медлительны!

— Мы готовы, ваше величество, — отвѣчалъ Комо. — У меня два корпуса по двадцать пять тысячъ человѣкъ въ шести миляхъ отсюда.

— И, конечно, есть кавалерія?

— Двѣнадцать прекрасныхъ эскадроновъ.

— Хорошо, а артиллерія?

— Десять осадныхъ батарей и двѣ легкія. Но лучше этого, ваше величество, у меня есть готовые снаряды для трехъ битвъ, какъ вы ихъ любите, для трехъ Маренго.

— Отлично. Вы слышите, господа, у меня вездѣ есть друзья. Мы одной съ нимъ школы и вмѣстѣ учились математикѣ. Сонжи, я вамъ отдаю его! А оба Коланжа, они также наши товарищи, только постарше насъ, не правда ли?

— Да, ваше величество, они командуютъ артиллеріей двухъ баварскихъ корпусовъ.

— Хорошо, я увѣренъ, что у нихъ настоящая артиллерія. Сонжи, рекомендую вамъ: Комо, онъ старинной школы. У него въ карманѣ снарядовъ на три Маренго. Помогите ему немедленно ихъ раздать, но не мѣшайте ему распоряжаться, какъ онъ знаетъ. Бертье,—прибавилъ онъ, обращаясь къ приблизившемуся начальнику главнаго штаба и познакомивъ его съ Комо,—примите мѣры и не мѣшайте. Онъ знаетъ языкъ и страну. Это не мальчишка, не правда ли, Андреасси? Я зналъ его поручикомъ, когда политика еще не разлучила насъ. Ну, впередъ!

Наполеонъ вскочилъ на лошаадь и ускакалъ со своей свитой, а Комо остался позади. Но черезъ нѣсколько минутъ явился пажъ верхомъ, крича во все горло:

— Гдѣ баварецъ, императоръ требуетъ баварца?

«Я,—разсказываетъ Комо,—сѣлъ на лошаадь и догналъ императора. Мы поѣхали рядомъ, а Сонжи и Бертье слѣдовали немного

позади. «Сѣрый сюртукъ» сталъ говорить фамиллярно, какъ со старымъ любимымъ товарищемъ, съ которымъ онъ разстался недавно по причинѣ ихъ общаго военнаго ремесла. Здѣсь кстати сказать, что Наполеонъ одинъ изо всѣхъ своихъ генераловъ умѣлъ просто говорить, внимательно слушать и логично отвѣчать. Онъ самъ всегда былъ спокоенъ, а своего собесѣдника ставилъ въ ловкое, непринужденное положеніе. Но какой былъ контрастъ между нашей бесѣдой и его приказаніями! Окруженный блестящей, золоченой свитой маршаловъ, генераловъ, министровъ и крупныхъ администраторовъ, онъ раздавалъ рѣзкіе, отрывочные, повелительные приказы. Всѣ эти люди, столь гордые, грубые и дерзкіе съ другими, вели себя относительно императора низкопоклонно и подбостранно, а онъ обращался со мной, простымъ капитаномъ, удивительно учтиво, внимательно, слушалъ мои совѣты и замѣчанія, одобряя ихъ или опровергая, какъ онъ считалъ нужнымъ. Мы оба разговаривали, будто были прежніе товарищи одного выпуска. Маршалы же и генералы часто поражали меня своей надменностью, гордостью и самоиѣніемъ. Чтобы показать различіе, существовавшее между императоромъ и ними, надо было видѣть и чувствовать это различіе».

Дружескія бесѣды съ Наполеономъ продолжались во все время австрійской кампаніи, ознаменовавшейся взятіемъ Ульма и побѣдой подъ Аустерлицемъ. Прежде вступленія въ Вѣну императоръ позвалъ Кома и сказалъ:

— «Вы мнѣ нужны. Италія и Египетъ не научили моихъ молодцевъ нѣмецкому языку, а если ихъ и учили въ Сень-Сирѣ и политехническомъ училищѣ этому языку, то лишь грамматикѣ, поэтому они не умѣютъ говорить съ поселянами, а только отъ поселянъ можно узнать все, что нужно. Какъ вы думаете, непріятель отступаетъ и отдастъ намъ Вѣну?»

— «Да, ваше величество,— отвѣчалъ Кома.

— «Хорошо, такъ вотъ что мнѣ нужно отъ васъ. Говорите всѣмъ на ихъ языкѣ: «Наполеонъ любитъ германскій народъ и приноситъ вредъ только тѣмъ, которые ему сопротивляются. Онъ показалъ въ Италіи, чего хочетъ. Онъ ничего не требуетъ отъ нѣмцевъ, кромѣ Рейна. Зачѣмъ они нападаютъ на него?» Вотъ что надо сказать. Вы понимаете? Идите и служите также хорошо, какъ до сихъ поръ».

Послѣ вступленія французовъ въ Вѣну всѣ маршалы и генералы ожидали заключенія мира и раздачи наградъ, но на блестящемъ приѣмѣ въ Шенбрунскомъ дворцѣ Наполеонъ сказалъ повелительнымъ, лаконическимъ тономъ:

— Русская армія пришла и подобрала остатки австрійскихъ войскъ. Надо пойти на встрѣчу и разбить ихъ, непременно разбить при первомъ столкновеніи. Необходимо пустить въ ходъ всю

массу артиллеріи, а не выстрѣлъ за выстрѣломъ, ядро за ядромъ. Слѣдуетъ открыть по непріятелю убійственный огонь, а какъ только онъ дрогнетъ, то кавалерія должна ударить на него.

Онъ поклонился и вышелъ, а, въ дверяхъ замѣтивъ Комо, спросилъ:

— Что вамъ надо? чего вы дожидаетесь?

— Приказаній вашего величества!

— На коня и за мной.

Комо догналъ его на полѣ битвы Аустерлицкой, но видя, что онъ не смотритъ на него и не даетъ ему порученій, Комо поѣхалъ къ артиллеріи, которой командовалъ товарищъ его и императора, Сенармонъ. Вскорѣ туда прибылъ и Наполеонъ, который съ удовольствіемъ увидѣлъ себя среди своихъ старыхъ друзей. Какъ всегда очень любезно, онъ послалъ Комо къ Келлерману съ приказаніемъ ударить на русское каре, которое стойко держалось на правомъ крылѣ, что доставило случай храброму французу, превратившемуся въ баварца, отличиться среди своихъ соотечественниковъ. Но когда послѣ славной побѣды Наполеонъ сталъ раздавать награды, то Комо озабочился, чтобы не обошли ими баварцевъ, но самъ отказался, считая невозможнымъ получить награду изъ рукъ убійцы герцога Ангіенскаго. Онъ даже не хотѣлъ повышенія въ баварской арміи, и курфюрстъ, только что тогда пожалованный Наполеономъ въ короли, насильно назначилъ его начальникомъ ея главнаго штаба.

Однако не успѣла вспыхнуть новая война съ Пруссіей, какъ Наполеонъ снова потребовалъ «своего Комо» и попрежнему назначилъ его въ главный штабъ французской арміи, хотя въ качествѣ представителя Баваріи. Въ самомъ началѣ битвы подъ Іеной онъ былъ посланъ для наблюденія за австрійской границей, такъ что не видѣлъ этой знаменитой побѣды своего товарища, а когда онъ явился послѣ нея въ Берлинъ, то Наполеонъ сказалъ ему:

— «Въ Барейтѣ есть крѣпость, которая славится своей неприступностью. Она перерѣзываетъ сообщенія между Саксоніей и Баваріей. Я не люблю крѣпостей, которыя забываются среди покоренной страны. Возьмите ее, господинъ ученикъ Белидора (ихъ общій профессоръ артиллеріи), захватите съ собой ваши старыя школьныя книги и побольше снарядовъ, а я вамъ дамъ то, что имѣетъ не менѣ дѣйствія и служитъ нервомъ войны, именно сто тысячъ франковъ. Вы понимаете. Берите деньги и въ походъ».

Прусская крѣпость, которой долженъ былъ овладѣть Комо, называлась Плассембургомъ. Она была расположена на границѣ Богеміи и занимала очень твердую позицію, на горѣ; запирая же Лауфенскую долину, принадлежащую Баваріи, она могла быть очень полезна для новаго королевства. Поэтому онъ рѣшилъ взять ее съ

помощью однихъ баварцевъ, для того чтобы она подъ этимъ предложеньемъ могла быть присоединена къ Баваріи. Явившись во главѣ двухъ баварскихъ батальоновъ въ сосѣдній городъ Лауфенъ, онъ легко овладѣлъ имъ и осадилъ Плассембургъ. Такъ какъ осада или штурмъ этого сильнаго укрѣпленнаго пункта были не мыслимы при его незначительныхъ военныхъ силахъ, и, кромѣ того, деньги, данныя ему Наполеономъ, ясно доказывали, что слѣдовало дѣйствовать подкупомъ, Комо прибѣгнулъ къ хитрости. Прежде всего онъ перерѣзалъ водопроводъ, снабжавшій водою крѣпость, а потомъ вступилъ въ переговоры съ комендантомъ, старымъ прусскимъ генераломъ, для чего два раза проникалъ въ крѣпость, какъ парламентаръ. Оказалось, что старый комендантъ растратилъ много казенныхъ денегъ и былъ очень радъ сдать крѣпость подъ условіемъ, что Комо выдастъ ему квитанцію въ полученіи подъ видомъ контрибуціи той суммы, которую онъ растратилъ, и отпустить его въ Пруссію, гдѣ онъ дастъ удовлетворительный отвѣтъ въ своемъ завѣдываніи казенными деньгами. Такимъ образомъ Комо удалось взять Плассембургъ безъ осады и штурма даже безъ израсходыванія данныхъ ему Наполеономъ денегъ. Но этотъ успѣхъ не обошелся безъ неприятели. Съ одной стороны къ нему стали приставать Бертье, а съ другой баварское министерство, упрекая его въ томъ, что онъ дѣйствовалъ безъ письменныхъ инструкцій, и дѣло дошло до того, что баварское правительство назначило на его мѣсто другого представителя своей арміи въ главный штабъ Наполеона, именно графа Пози. Но императоръ холодно принялъ его и лаконически сказалъ:

— Мнѣ надо не васъ, а моего Комо. Пусть король наградить его за подвигъ и пришлетъ ко мнѣ. Вы, пожалуй, здѣсь оставайтесь, если хотите, но отправьте сейчасъ мое письмо королю.

Это письмо уладило въ Мюнхенѣ все дѣло, и Комо вернулся къ Наполеону, награжденный чиномъ подполковника баварской арміи. Въ то время императоръ находился въ Познани, и онъ болѣе чѣмъ любезно встрѣтилъ своего бывшего товарища.

— Вы прекрасно исполнили мое порученіе,—сказалъ онъ при всемъ главномъ штабѣ съ Бертье во главѣ:—я придаю особую важность крѣпости Плассембургъ, а вы знаете, господа, онъ овладѣлъ ею въ два дня; она сдалась ему на капитуляцію. Генераль Бертранъ, прочитайте эту капитуляцію и помѣстите ее въ бюллетень.

Послѣ прочтенія этого документа и объясненія самимъ Комо, по приказанію императора, значенія Плассембурга, всѣ стали поздравлять его съ одержаннымъ успѣхомъ.

— Но какъ вы устроили все это такъ скоро?—спросилъ съ удивленіемъ Наполеонъ:—вѣдь крѣпость дѣйствительно неприступная.

— Я взялъ ее, какъ еврей Іерихонъ трубнымъ гласомъ,—отвѣчалъ Комо, намекая на трубача, который его сопровождалъ при посѣщеніи крѣпости парламентаромъ.

Наполеонъ не хотѣлъ взять обратно сто тысячъ франковъ, которые ему возвратилъ Комо, говоря, что онъ никогда не беретъ ничего назадъ.

— Съ какими войсками вы взяли крѣпость?—спросилъ онъ, замѣтя смущеніе Комо.

— Съ баварскими.

— Значить, и деньги принадлежатъ баварцамъ.

Комо отослалъ эти сто тысячъ франковъ баварскому правительству, которое употребило ихъ на военныя потребности.

Такъ называемую французами польскую кампанію, ознаменованную битвами подъ Прейсишъ-Эйлау и Фридландомъ, Комо называетъ самымъ замѣчательнымъ изъ походовъ Наполеона. Тутъ, по его словамъ, онъ выказалъ наиболѣе свой военный геній, хотя первая изъ этихъ битвъ, неудачно начатая, веденная безъ всякаго плана и страшно кровопролитная, была въ сущности пораженіемъ для французовъ, а не побѣдой, какъ увѣряли бюллетени великой арміи. Зато Комо считаетъ, что Фридландъ былъ торжествомъ Наполеона, и, если вѣрить ему, то онъ самъ игралъ немаловажную роль въ пораженіи русскихъ. Прежде всего онъ по порученію императора три дня и три ночи созывалъ разбросанные корпуса къ Фридланду, а потомъ, когда подъ конецъ жестокаго боя русскіе ударили со свѣжими силами изъ Гельсберга, и дивизія Сентъ-Иллера обратилась въ бѣгство, то Комо остановилъ бѣгущихъ и водворилъ порядокъ, обѣщая, что тотчасъ явятся приведенныя имъ подкрѣпленія. Дѣйствительно эти подкрѣпленія подоспѣли во время, и побѣда была окончательно одержана.

— Сентъ-Иллеръ,—сказалъ Наполеонъ, подѣзжая къ нему,— вотъ славный день для васъ! Вы спасли армію, вы спасли меня. Вы выиграли сраженіе, которое будетъ имѣть громадную важность.

— Ваше величество, — отвѣчалъ Сентъ-Иллеръ, фамиллярно ударяя по колѣнку Комо:—я одолженъ всѣмъ этому молодцу баварцу. Онъ возстановилъ храбрость моихъ войскъ, объявивъ, что привелъ подкрѣпленія.

— Бертье—крикнулъ Наполеонъ:—надѣньте на него свой крестъ, здѣсь же на полѣ битвы.

Бертье, соскочилъ съ лошади и, отдавая Комо орденъ почетнаго легіона, произнесъ:

— Привѣтствуйте, господа, новаго кавалера, но не называйте его баварцемъ, онъ такой же французъ, какъ и мы всѣ.

Хотя въ эту минуту Комо не забылъ, что онъ роялистъ, и не надѣлъ ордена, а спряталъ его въ карманъ подъ предлогомъ, что не можетъ носить орденовъ безъ разрѣшенія баварскаго короля, но потомъ онъ не только помирился съ этимъ отличіемъ, но заявилъ просьбу на возвращеніе конфискованныхъ у его отпа помѣстій въ пользу капитула ордена Почетнаго Легіона, что и было немедленно

исполнено. Однако онъ не принялъ сдѣланнаго ему отъ имени императора предложенія вступить во французскую армію съ чиномъ полковника и получить подъ команду тотъ самый артиллерійскій полкъ, въ которомъ онъ когда-то началъ свою военную службу. Онъ выставилъ уважительными причинами для такого отказа съ одной стороны невозможность покинуть баварскаго короля, который пожаловалъ его за Фридландскую битву въ камергеры и въ кавалеры ордена Максимилиана, а съ другой — большую пользу, которую онъ могъ принести императору, служа, какъ прежде, посредникомъ между Баваріей и Франціей, чѣмъ простымъ полковымъ командиромъ. Наполеонъ, повидимому, одобрилъ его поведение и продолжалъ поддерживать дружескія съ нимъ отношенія. Онъ постоянно давалъ ему болѣе или менѣе важныя порученія и откровенно съ нимъ бесѣдовалъ. Такъ, однажды, онъ сказалъ ему въ Варшавѣ:

— «Поляки допустили раздѣлъ своей родины, и съ тѣхъ поръ это не нація. У нихъ нѣтъ никакого національнаго духа. Дворянство слишкомъ поднимаетъ носъ, а народъ слишкомъ униженъ. Это мертвое тѣло, и надо прежде его воскресить, а потомъ уже думать, что изъ него сдѣлать. Я создалъ изъ поляковъ солдатъ и офицеровъ, а потомъ мы увидимъ. Я возьму у пруссаковъ Познань и Варшаву, но не трону ни Кракова, ни Галиціи, ни Вильны. Всѣ ошибаются, полагая, что я люблю войну. Я болѣе ни на кого не нападаю, потому что приобрѣлъ все, что мнѣ нужно. Теперь я только защищаюсь. Тѣмъ хуже для нападающихъ на меня, что я, защищая себя, уничтожаю ихъ. Они всѣ ослѣплены какимъ-то злымъ рокомъ, а знаете—почему? У меня только одинъ настоящій врагъ—это Англія. Своими деньгами и хитростью она меня отвлекаетъ постоянными войнами и не позволяетъ покончить съ ней. Это нація лавочниковъ, а какъ лавочники прибѣгаютъ къ стряпчимъ, чтобы запутать жертвы своихъ спекуляцій, такъ и англичане постоянно подбиваютъ противъ меня Австрію, Пруссію и Россію, чтобы запутать Францію безконечными войнами. Вотъ и теперь они уже тайно готовятся спустить на меня Австрію, какъ только я справлюсь съ Пруссіей и Россіей».

Хотя это предсказаніе исполнилось, но не скоро, и съ конца 1807 года до начала 1809 года Германія пользовалась миромъ. Но отношенія Кома съ Наполеономъ не прерывались; баварскій король часто посылалъ его въ Парижъ, и даже Наполеонъ давалъ ему порученія, иногда очень щекотливыя. Такъ во время пребыванія въ Мюнхенѣ императрицы Жозефины, по случаю свадьбы ея сына съ дочерью баварскаго короля, императоръ потребовалъ Кома въ Брауну, гдѣ онъ тогда находился.

— Поѣзжайте въ Мюнхенъ и скажите императрицѣ, что я очень не доволенъ ею и ея свитой. Что они вздумали обезьянничать дворъ

Людовика XV! У королевской власти была давность, которой у насъ нѣтъ. Ступайте, и если вы меня поняли, то не удивляйтесь, что я васъ выбралъ для такого порученія.

Дѣйствительно Жозефина и окружавшіе ее придворные позволяли себѣ самые легкомысленные поступки и скандальныя выходки, что приводило въ ужасъ скромныхъ нѣмцевъ. Но она была очень умна и, сразу понявъ порученіе, данное Комо, вывела его изъ неловкаго положенія. Повидимому, она уже привыкла получать императорскіе выговоры черезъ уполномоченныхъ. Подобными же выговорами Наполеонъ угощалъ и своихъ братьевъ. Комо присутствовалъ однажды при томъ, какъ онъ гнѣвно выговаривалъ какому-то вестфальскому генералу за неприличное поведеніе своего брата, вестфальскаго короля, и наконецъ воскликнулъ:

— Я желалъ бы знать, откуда черпаетъ мой братъ Иеронимъ такія притязанія. Ужъ не изъ своей ли доли въ наслѣдствѣ нашего покойнаго отца? Вотъ мой отвѣтъ, вы такъ и передайте ему, генераль.

Въ одно изъ своихъ частыхъ посѣщеній Мюнхена, Наполеонъ, окруженный блестящей свитой, встрѣтилъ на улицѣ короля и Комо, которые запросто разговаривали съ поселянами, привезшими свои произведенія на рынокъ. Онъ отпустилъ свиту и, присоединившись къ нимъ, выразилъ «брату Максимилиану» все свое удивленіе. Когда же король отвѣчалъ, что всѣ нѣмецкіе государи такъ поступаютъ, и ни одинъ подданный не забывался передъ ними, то онъ задумчиво промолвилъ:

— Вотъ что значитъ быть государемъ Божьей милостью, а не только по Божьему дозволенію.

Хотя Наполеонъ былъ такъ увѣренъ въ долгомъ сохраненіи мира на сѣверѣ, что совѣтовалъ баварскому королю распустить свою армію, а самъ исключительно обратилъ вниманіе на Испанію, но Комо подозрѣвалъ Австрію въ тайныхъ козняхъ и предпринялъ въ началѣ 1809 года, какъ частный человекъ, путешествіе по Богеміи, Зальцбургу и Тиролю. Его предположенія оказались вѣрными, и по собраннымъ имъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, австрійцы тайно собирали войска, чтобы послѣ отъѣзда Наполеона въ Италію занять Баварію и двинуться на Рейнъ. Сообщивъ объ этомъ своему королю, Комо поскакалъ въ Парижъ. Онъ засталъ императора наканунѣ его отъѣзда въ Испанію, но все-таки Наполеонъ его принялъ въ халатѣ и въ какомъ-то кашемировомъ тюрбанѣ на головѣ.

Тутъ произошла слѣдующая сцена, которая даетъ лучшее и болѣе живое понятіе о Наполеонѣ, чѣмъ цѣлыя томы ученыхъ разсужденій и психологическихъ анализовъ.

— А, это вы, майоръ! — сказалъ Наполеонъ, не поднимая головы съ карты Испаніи и южной Франціи: — я надѣюсь, вашъ

король не труситъ; онъ такъ живо пугается. Подождите, мнѣ надо кончить депешу.

Водворилось молчаніе. По окончаніи депеши, Наполеонъ спросилъ у Комо:

— Ну, что?

— Какъ только вы, ваше величество, уѣдете въ Испанію, то Австрія начнетъ войну.

— Ловко придумали; я завтра уѣзжаю.

Онъ прошелся раза два по комнатѣ, потирая себѣ рукою лобъ, а потомъ остановившись спросилъ:

— Это не химеры, не иллюзіи?

— Нѣтъ, ваше величество, я самъ видѣлъ приготовленія.

— Если такой опытный военный, какъ вы, такъ выражается, то значить дѣло серьезное.

Коленкуръ, присутствовавшій при разговорѣ, промолвилъ, что-то оскорбительное насчетъ Комо, но императоръ немедленно удалилъ всѣхъ изъ комнаты.

— Садитесь и говорите,—произнесъ онъ, останавливаясь противъ Комо и скрестивъ руки:—вчера я еще получилъ отъ моего посланника въ Вѣнѣ, Отто, совершенно противоположныя донесенія.

— Ваше величество, Отто наблюдаетъ за дворомъ, а я изслѣдовалъ на мѣстѣ пограничныя съ Баваріей австрійскія страны. Англичане тамъ такъ и кипятъ; они будто бы провозятъ контрабанду въ ваше итальянское королевство. Во всѣхъ деревняхъ больше австрійскихъ солдатъ, чѣмъ жителей, подъ предлогомъ сельскихъ работъ во время отпуска. По Дунаю снуютъ безчисленныя крытыя суда, а псевдо-барышники собираютъ лошадей на извѣстныхъ пунктахъ, и я самъ видѣлъ, что это лошади верховья. Ваше величество, Австрія готовитъ нападеніе на Францію. Тироль возстанетъ, и Баварія будетъ занята, если уже это не совершилось въ настоящую минуту. Вотъ что мнѣ приказалъ мой король доложить вашему величеству.

Наполеонъ, не говоря ни слова, дернулъ за шнурокъ звонка, и черезъ минуту въ комнату вбѣжало нѣсколько пажей и ливрейныхъ лакеевъ. Онъ приказалъ послать за министромъ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи и продолжалъ молча ходить по комнатѣ. Когда же министръ явился, то Наполеонъ рѣзко спросилъ его:

— Какія вѣсти изъ Вѣны?

— Самыя удовлетворительныя, ваше величество, полное спокойствіе.

— Вашъ посоль дуракъ; напишите ему, чтобы онъ взялъ лучше очки. Смотрите въ оба за иностранными послами, да не выпускайте изъ вида представителя Австріи, князя Меттерниха. Ну, что же, не будетъ Австріи!

Снова раздался звонокъ.

— Князя Невшательскаго!

До прибытія Бертге императоръ не прерывалъ своего нервнаго хожденія по комнатамъ, а тогда онъ остановился передъ нимъ и быстро заговорилъ:

— Еще война съ Австріей. Передвиженіе войскъ съ Пиринеевъ на Рейнъ. Все направляйте на Германію, сборный пунктъ Швабія. Италія тотчасъ займетъ Тироль. Усиленные переходы, слышите! Все, что направлялось въ Испанію, обратитъ на Рейнъ и маршаловъ также. Мою гвардію двинуть въ Страсбургъ. Гдѣ Даву?

Получивъ какой-то отвѣтъ, котораго Комо не разслышалъ, Наполеонъ снова позвонилъ и потребовалъ Бассано, который уже дожидался за дверью.

— Вся Европа опять противъ меня,—воскликнулъ онъ, увидѣвъ вошедшаго.—Австрійская армія наводняетъ Баварію; Тироль возстаетъ; Пруссія подымаетъ Голландію; англичане грозятъ всѣмъ берегамъ. Ну, что же, надо поразить всѣхъ страшнымъ, неожиданнымъ ударомъ. Я поведу войну въ Германіи. Пошлите мнѣ Дюрока и Бертрана.

По прибытіи перваго Наполеонъ сказалъ:

— Дюрокъ, у васъ вѣдь все готово, только перемѣните направленія. Я завтра ѣду въ Германію.

Потомъ, обращаясь къ явившемуся генералу Бертрану, императоръ приказалъ приготовить карты для веденія войны въ Германіи, Италіи, Россіи и Турціи. Замѣтивъ удивленный видъ генерала, онъ прибавилъ:

— Да, да, мы пойдемъ на Альпы, а не на Пиринеи. Вотъ возьмите этого офицера, онъ баварецъ только по мундиру, а въ душѣ французъ старой школы. Но не уходите; вы оба мнѣ нужны.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько времени Комо вторично позвали къ императору, который уже былъ одѣтъ и одинъ въ комнатахъ. Онъ посадилъ его противъ себя и сталъ говорить съ нимъ совершенно иначе, какъ со старымъ товарищемъ.

— Разскажите мнѣ все,—сказалъ онъ.—Я понимаю каждое ваше слово и какъ будто самъ на мѣстѣ слѣжу за вашей рекогносцировкой. Въ нашихъ новыхъ школахъ нѣтъ такихъ офицеровъ, какъ мы съ вами. Они знаютъ больше насъ, но мы лучше понимаемъ дѣло.

Долго они разговаривали совершенно подружески о предстоящей войнѣ. Наполеонъ откровенно изложилъ свой планъ и потребовалъ совѣтовъ Комо, какъ эксперта, только что бывшаго на мѣстѣ. Последній полагалъ, что лучше всего итти, какъ можно скорѣе, прямо на Вѣну.

— Вы правы,—воскликнулъ Наполеонъ:—если я думалъ поступить иначе, то лишь изъ боязни, что моя утомившаяся кавалерія не будетъ въ состояніи помѣриться съ прекрасной конницею эрцгерцога Карла, но я это дѣло устрою.

Онъ позвонилъ и крикнулъ:

— Бертье!

Когда послѣдній явился, онъ сказалъ:

— Усильте армію вице-короля италіянскаго. Онъ пойдетъ на Вѣну и оставитъ безъ вниманія Альпы. Дайте Даву четыре дивизіи; у него будетъ особый корпусъ. Массэна, Ланнъ и Магдональдъ будутъ также командовать корпусами великой арміи, которая двинется по правому берегу Дуная къ Вѣнѣ. Сегодня вечеромъ выступитъ въ походъ Нансуги съ четырнадцатью полками тяжелой кавалеріи. Ласалоу вы образуете корпусъ легкой кавалеріи, къ которому вы прибавите прекрасную конницу баварцевъ и виртембергцевъ. Соберите все, что есть войска между Гамбургомъ и Эрфуртомъ, подъ начальство Даву, и пусть онъ тотчасъ выступаетъ въ походъ.

Пока Комо, по его словамъ, изумлялся быстротѣ и точности, съ которой отдавалъ всѣ приказанія Наполеонъ, въ одну минуту перемѣнившій направленіе войскъ съ юга на востокъ, онъ снова остался съ нимъ наединѣ.

— Одно только не хорошо,—продолжалъ императоръ:—Даву со своими 56.000 явится мнѣ въ тылъ, и я буду вынужденъ отступить, чтобы соединиться съ нимъ, а этого я не люблю. А что, если бы я предупредилъ коварныхъ австрійцевъ? Ваша армія въ 80.000 человекъ составитъ мой авангардъ, а Даву—арьергардъ; я же пойду прямо на Вѣну, пока эрцъ-герцогъ будетъ собираться въ Парижъ. Но врядъ ли я успѣю предупредить ихъ. Вы слишкомъ хорошо видѣли то, что прозѣвалъ мой дуракъ посланникъ.

— Но, ваше величество, не вы отступите, чтобы соединиться съ Даву, а наша баварская армія; мы пятеро эмигрантовъ организовали эту армію по принципамъ принца Кондэ.

— Это былъ великій человекъ,—промолвилъ въ полголоса императоръ и громко сказалъ:—ну, въ чемъ же состоитъ вашъ планъ?

Комо изложилъ свои мысли, и Наполеонъ живо воскликнулъ:

— Уѣзжайте скорѣй и призовите къ оружію всю германскую федерацію. Разошлите всюду эстафеты, въ особенности въ Франконію, слышите, въ Франконію. На каждой станціи, гдѣ вы будете проѣзжать, оставляйте ваше имя. Прощайте, я на васъ рассчитываю. Ахъ, нѣтъ, погодите.

Онъ позвонилъ и приказалъ послать какъ можно скорѣе за баварскимъ посланникомъ, барономъ Сэтто. Послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, онъ молчалъ, а потомъ подошелъ къ Комо и произнесъ:

— Вы эмигрантъ, и у васъ отняли помѣстья. Неужели у васъ нечего просить у меня? Хоть какойнибудь лѣсъ или что другое?

Хотя Комо былъ очень удивленъ этими словами, но онъ отвѣтилъ спокойно:

— Ваше величество, я никогда не былъ богатъ; у моего отца отняли кой-какіе лѣса и поля, но я уже давно пересталъ о нихъ думать, да и стоили-то они не болѣе десяти тысячъ франковъ.

Когда явился баронъ Сэтто, то Наполеонъ отпустилъ своего прежняго товарища и приказалъ ему дожидаться въ баварскомъ посольствѣ дальнѣйшихъ распоряженій. Черезъ нѣсколько времени вернулся изъ дворца посланникъ и сказалъ ему:

— «Императоръ въ восторгѣ отъ васъ, но вы, право, сумасшедшій, что ничего у него не попросили въ такихъ обстоятельствахъ. Вѣдь онъ далъ бы вамъ съ удовольствіемъ сто тысячъ франковъ. Онъ и такъ вамъ посылаетъ десять тысячъ на путевые расходы».

Загѣмъ явился генералъ Бертранъ съ подробной инструкціей, продиктованной Наполеономъ, и Комо пустился въ путь.

Однако, какъ онъ ни торопился, но уже въ Аугсбургѣ услышалъ пушечную пальбу и узналъ, что Наполеонъ лично ведетъ борьбу съ Австріей. Занявъ свое прежнее мѣсто во французскомъ главномъ штабѣ, какъ представитель Баваріи, Комо принялъ участіе въ битвахъ при Ланцутѣ и Эсмондѣ. По обыкновенію императоръ давалъ ему разныя порученія и разсылалъ его съ приказаніями, такъ что въ сущности онъ исполнялъ должность адъютанта, а его знаніе мѣстности, благодаря десяти кампаніямъ, которыя онъ когда-то сдѣлалъ съ принцемъ Кондэ въ окрестныхъ странахъ, давало ему возможность оказывать значительныя услуги, за что послѣ занятія Вѣны Наполеонъ назначилъ ему пенсію въ 500 франковъ. Въ неудачной битвѣ при Эслингѣ и знаменитой побѣдѣ подъ Ваграмомъ онъ находился почти постоянно при Наполеонѣ или, какъ тотъ въ шутку называлъ «à ma botte». Но во время этой кампаніи онъ убѣдился во вредѣ, который могли принести впоследствии иностранныя военныя агенты, бывшіе въ сущности шпионами при великой арміи, а потому откровенно сказалъ объ этомъ императору.

— Напримѣръ, ваше величество,—прибавилъ онъ:—зачѣмъ допустили русскаго полковника, графа Чернышева, всюду, даже въ арьергардъ, гдѣ онъ могъ видѣть, что ваша система заключается въ быстротѣ, а потому за вашей арміей не слѣдуетъ провіантъ. Право, дипломаты въ роскошныхъ экипажахъ и неотлучающіеся отъ вашей главной квартиры были бы безопаснѣе этихъ кандидатовъ въ генералы.

— Вы вполне правы, мой любезный артиллеристъ, но вы, эмигрантъ и баварецъ, говорите противъ себя.

— Нѣтъ, ваше величество, я говорю противъ теперешняго моего поста, но я вѣдь исключеніе. Я французъ, и слава Франціи мнѣ дорога. Во мнѣ два человѣка: французъ и эмигрантъ. Французъ не дѣйствуетъ противъ своей родины, а эмигрантъ сохраняетъ свою честь, преданно служа пріотившему его государю и

оставаясь вѣрнымъ королямъ, которыхъ чтили его предки. Поэтому я всегда желалъ вамъ успѣха и увеличенія вашей славы, но старался избѣгать вашихъ милостей.

— Я васъ узнаю, дорогой мой товарищъ,—произнесъ Наполеонъ, пожимая ему руку:—теперь люди не такіе. Новый вѣкъ идетъ по другой дорогѣ.

На слѣдующій день всѣ иностранные военные агенты уѣхали къ своимъ государямъ съ собственноручными письмами Наполеона. «Никто изъ насъ уже болѣе не возвращался въ великую армію»,—замѣчаетъ Комо.

Произведенный въ концѣ 1809 года въ полковники, онъ жилъ спокойно въ своей семьѣ болѣе двухъ лѣтъ, и хотя иногда бывалъ въ Парижѣ по порученію баварскаго короля, но Тюильрійскій дворъ его отталкивалъ отъ себя, какъ эмигранта и баварца: въ первомъ отношеніи онъ считалъ этотъ дворъ сборищемъ выскочекъ, а въ послѣднемъ ему не нравилось, что Баварія сдѣлалась незначительной второкласной союзницей, съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ женился на Маріи-Луизѣ и заключилъ тѣсный союзъ съ Австріей и Пруссіей.

Наконецъ въ началѣ 1812 года передъ походомъ въ Россію баварскій король послалъ Комо въ Парижъ уже въ послѣдній разъ съ цѣлью предупредить Наполеона о тѣхъ опасностяхъ, которыя его ожидали въ Россіи. Онъ повезъ съ собою переданную ему королемъ и слегка имъ сокращенную записку о Россіи въ военномъ, топографическомъ, метеорологическомъ и другихъ отношеніяхъ, составленную очень хорошо, но неизвѣстно гдѣмъ, хотя, вѣроятно, какимъ нибудь эмигрантомъ, жившимъ въ Россіи. Наполеонъ принялъ его на этотъ разъ очень сухо и холодно въ присутствіи генерала Бертрана.

— Что вамъ угодно? Кто васъ прислалъ?—спросилъ онъ.

— Его величество, король баварскій.

— Что ему нужно отъ меня? Надѣюсь, что онъ не приказалъ вамъ предостеречь меня отъ моей союзницы Австріи. Все это глупости, химеры, иллюзіи. У него есть посланникъ въ Парижѣ. Вы видѣли его?

— Нѣтъ, ваше величество, мнѣ приказано обратиться прямо къ вамъ.

— Я вижу, вы имѣете возразить что нибудь противъ вашего военнаго контингента. Но Австрія и Пруссія мои союзницы. Рейнская федерація одолжена мнѣ своимъ существованіемъ. Баварію я спасъ два раза.

— Ваше величество всегда были довольны нашей арміей. Преданная королю, она и въ будущемъ останется той, какой была въ прошедшемъ. Но предвидя, гдѣ произойдетъ новая война, король приказалъ сдѣлать основательную рекогносцировку на мѣстѣ, и онъ

полагаетъ, что докладъ о ней не будетъ излишнимъ для вашего величества.

— Посмотримъ, посмотримъ, это любопытно!—отвѣчалъ Наполеонъ и взялъ у Комо записку съ планами.

Поспѣшно просмотрѣвъ ее и пристально взглянувъ на своего стараго товарища, онъ сказалъ:

— Не дурно. Вы не побоялись кнута, господинъ артиллеристъ старой школы?

— Нѣтъ, ваше величество, я на это не способенъ. Я не знаю ни одного сѣвернаго языка. Мнѣ только поручено сократить этотъ трудъ, перевести его и доставить вамъ.

— Такъ меня хотятъ отговорить отъ этой войны? Вы не одинъ объ этомъ хлопочете. Но Александръ, какъ заяцъ, которому попала въ голову дробинка, бѣжитъ прямо на свою гибель. Его столицы можно взять такъ же легко, какъ и всѣ другія, а когда у меня въ рукахъ столица, то я владѣю всей страной.

— Ваше величество, у сѣверныхъ народовъ нѣтъ централизаціи. Тамъ столицы не имѣютъ такого вліянія, какъ у народовъ болѣе цивилизованныхъ.

— Все это предразсудки, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, когда сердце ранено, то все тѣло страдаетъ.

Наполеонъ всталъ и, подойдя къ Бертрану, работавшему за со-сѣднимъ столомъ, передалъ ему записку.

— Прочтите со вниманіемъ,—сказалъ онъ:—это недурно и можетъ намъ служить, если не для той цѣли, какъ предположено, то для другой.

Потомъ онъ позвонилъ, сказалъ, чтобы никого не впускали, и, предложивъ Комо сѣсть, сказалъ:

— Вы хорошо служили въ нѣмецкихъ войнахъ; мы можемъ еще вмѣстѣ добыть болѣе славы въ далекой странѣ. Къ тому же это необходимо... Мои арміи никогда ни въ чемъ не нуждаются, пока онѣ на ходу, а эту войну надо вести быстро. Я заставляю бояться себя, а, возбудивъ благотворный страхъ, внушаю желаніе поладить со мной. Вотъ посмотрите на Австрію: она теперь, можетъ быть, преданнѣе мнѣ, чѣмъ Баварія.

— Ваше величество, въ сѣверныхъ странахъ лѣто коротко, а зима долгая, жестокая, и когда все замерзло, то арміи...

— Арміи, арміи, — перебилъ его Наполеонъ: — арміи живутъ лучше, чѣмъ обитатели страны. Онѣ поглощаютъ все въ одной мѣстности и идутъ далѣе.

Однако онъ становился все любезнѣе съ Комо и, взглянувъ на конвертъ записки, на которомъ было написано, въ которомъ часу уѣхалъ Комо изъ Страсбурга, сказалъ:

— Вы живо пріѣхали и по дорогѣ не мѣшкали. Хорошо, вы позавтракаете въ кабинетѣ у императора французовъ, короля Италиі,

покровителя рейнской федераціи, посредника швейцарской федераціи и т. д.

— Ваше величество, я надѣюсь, что вы прибавите себѣ въ скоромъ времени еще новые титулы.

— Вы должны согласиться, что писать веѣ эти титулы на нашей школьной доскѣ было бы забавнѣе, чѣмъ выводить алгебраическіе знаки. Вы постоянно примѣняли алгебру во всѣхъ вашихъ походахъ. Вообще я помню, что вы всегда были хорошимъ математикомъ и всегда знали, что минусъ на минусъ даетъ плюсъ. Я также недурно примѣнилъ эту теорію: минусъ Германія, минусъ Австрія, минусъ Пруссія, минусъ Италия, а все вмѣстѣ составило недурной плюсъ,—прибавилъ онъ, указывая на себя.

— Да, ваше величество, я вижу что всѣ эти минуты дали такой плюсъ, который вѣтъ всякаго расчета, но признаюсь, если бы я разрѣшилъ такую задачу, то остановился бы и не пошелъ далѣе.

— Нѣтъ, вы не остановились бы,—живо произнесъ Наполеонъ,—нельзя остановиться. Развѣ вы не знаете моей арміи? Это чудовище, которое меня растерзаетъ, если я перестану давать ему поживу.

Въ эту минуту Бертранъ подошелъ къ императору и, подавая ему записку, сказалъ:

— Это отлично. У вашего величества есть нѣчто подобное, но это лучше. Здѣсь означены разстоянія въ верстахъ и миляхъ, а почва точно опредѣлена, обозначена длина дней, эпохи холодовъ и т. д. Всѣ свѣдѣнія притомъ вполнѣ вѣрны и соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя собраны военнымъ вѣдомствомъ.

— А главное эта записка сокращеніе и логичнѣе. Сохраните ее и представьте мнѣ, когда понадобится.

— Развѣ свѣдѣнія, собранныя военнымъ вѣдомствомъ, не удовлетворяютъ требованіямъ вашего величества?

— Я этого не говорю, но для всѣхъ васъ я государь, и вы, какъ на словахъ, такъ и на бумагѣ говорите со мною тономъ подданныхъ, а эта записка составлена безъ обращенія къ кому бы то ни было, а потому въ ней нѣтъ ничего лишняго.

Императоръ привелъ въ порядокъ бумаги на своемъ столѣ, и Бертранъ ихъ унесъ. Оставшись вдвоемъ съ Комо и пока послѣдній завтракалъ, онъ сталъ ходить отъ окна къ окну, напѣвая своимъ фальшивымъ голосомъ «Malbrough s'en va-t-en guerre».

— Я хотѣлъ бы избѣгнуть этой войны,—произнесъ онъ наконецъ, останавливаясь передъ Комо, — но Александръ не знаетъ, куда идетъ, или куда его ведутъ... Нашъ общій профессоръ Безу училъ насъ, что масса, помноженная на быстроту, даетъ количество движенія. У меня есть масса, и не будетъ недостатка въ быстротѣ, а, значитъ, я все покончу, прежде чѣмъ русское солнце сядетъ. Въ Россіи, пока свѣтитъ солнце, дни долги. Я дамъ два, три сраженія...

— Но, ваше величество, продовольствіе?

— Продовольствіе? Но вѣдь вы же научили меня въ Пруссіи, что армія должна получать хлѣбъ на быкахъ и ѣсть прежде хлѣбъ, а потомъ быковъ. Сколько вы мнѣ дадите людей?

— Ваше величество, баварская армія въ полномъ составѣ, сорокъ батальоновъ пѣхоты, тридцать эскадроновъ кавалеріи и сто орудій.

Императоръ сѣлъ за столъ и задумался, а Комо продолжалъ:

— Ваше величество, во время послѣдней австрійской кампаніи три русскихъ офицера, которые были допущены вами въ главный штабъ, преимущественно изучали, сколько въ вашей арміи было отсталыхъ, и какъ они превращались въ резервы. Въ случаѣ войны съ ними они рассчитывали, что казаки будутъ мѣшать подобному превращенію, а Чернышевъ прямо говорилъ, что васъ можно побѣдить, только заманивъ на громадное пространство, а затѣмъ быстро тѣснить.

— Такъ вотъ ихъ тактика? Но развѣ у нихъ сапоги скороходы, что они рассчитываютъ опередить меня?

Императоръ позволялъ Комо говорить совершенно чистосердечно и даже не опровергалъ его, а потому онъ рѣшился замѣтить, что на Австрію и Пруссію нельзя было рассчитывать, такъ какъ онѣ при первой неудачѣ могли измѣнить и погубить все. Тутъ Наполеонъ разгорячился и вышелъ изъ себя.

— У меня сынъ,—воскликнулъ онъ:—король римскій, мнѣ обезпечиваетъ Австрію. Благодаря ему, моя будущность упрочена. Я теперь основываю законную династію. Имперіи создаются мечемъ, но сохраняются наслѣдственностью.

Однако, Наполеонъ вскорѣ успокоился, сѣлъ противъ Комо и знакомъ приказалъ ему продолжать свои возраженія. Тогда онъ выдвинулъ свои послѣдніе аргументы:

— Ваше величество, при вашемъ могуществѣ и съ такими союзниками, какъ у васъ, не пора ли положить предѣлы вашей имперіи и заняться обезпеченіемъ мира, который развилъ бы искусство, промышленность и общее благоденствіе? Стоитъ только дать Польшѣ короля и расширить ее, чтобы обуздать сѣверные народы, которые сами желаютъ только распространенія своихъ предѣловъ.

Тутъ императоръ разсердился не на шутку и даже толкнулъ Комо въ колѣно:

— Вы говорите, дать Польшѣ короля! У нея давно былъ бы король, если бы существовалъ одинъ настоящій кандидатъ. Но кого, чортъ возьми, дать имъ въ короли? Они не уважаютъ своихъ королей. Поляки народъ храбрый, но сумасбродный, и потомъ у нихъ только есть рабы и паны безъ гроша, которые храбро дерутся на полѣ брани, но не хотятъ никому повиноваться во время мира.

Съ этой минуты императоръ совершенно измѣнился, позвалъ свою свиту, сталъ рѣзко раздавать приказы и отпустилъ Комо, приказавъ ему отвести какъ можно скорѣе баварскую армію въ Эрфуртъ и тамъ дожидаться его распоряженій.

— Гувьенъ Сень-Сиръ будетъ руководить вашей арміей,—прибавилъ онъ:—повидайтесь съ нимъ прежде вашего отъѣзда. Я желаю, чтобы Вредэ командовалъ вами. У васъ хорошая кавалерія, я ее присоединю къ своей массѣ конницы. Вы будете находиться въ моей великой арміи. Я не забылъ вашей блестящей роли въ битвѣ подъ Ваграмомъ. Вотъ такъ была битва. Вы привели во время подкрѣпленія. У васъ вѣрныя мысли о войнѣ. Цоторопитесь; вы знаете мою быстроту, а я желаю застать васъ готовѣ. Я потомъ не разъ вспоминалъ то, что вы мнѣ говорили о военныхъ агентахъ. Я хочу, чтобы въ эту войну вы были начальникомъ штаба вашей арміи. Это будетъ четвертый корпусъ, арміи Италіи и Баваріи.

Комо удалился изъ Тюильри и болѣе не видалъ Наполеона, кромѣ какъ на парадѣ въ Вильнѣ.

Свою шестнадцатую кампанію онъ началъ съ самыми печальными предзнаменованіями, которыя еще болѣе усилились по достиженіи Россіи, гдѣ началось наступленіе шестисотъ-тысячной арміи безъ продовольственныхъ магазиновъ и укрѣпленныхъ базисовъ, по странѣ враждебной и плохо воздѣланной. Согласно желанію Наполеона, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба баварской арміи, которая подъ командой генерала Вредэ вошла въ составъ четвертаго корпуса съ генераломъ Гувьеномъ Сень-Сиромъ во главѣ. До Витебска она слѣдовала за Наполеономъ, который направлялся на Москву, и уже сразу стала ощущать недостатокъ продовольствія. Но послѣ Витебска Сень-Сиру было приказано перейти Двину и присоединиться къ корпусу генерала Мэзона въ Бѣлороссіи. Эта вторая великая армія подъ начальствомъ маршала Удино должна была еще увеличиться двумя корпусами и прямо итти на Петербургъ. Изъ баварской арміи въ ней были только пѣхота и артиллерія, такъ какъ кавалерію взялъ съ собою принцъ Евгеній и увелъ въ Москву. Не только вице-король итальянскій дѣйствовалъ самовольно, но вообще всѣ начальники забыли субординацію, и каждый распоряжался по-своему, такъ Сень-Сиръ не повиновался Мэзону, который вскорѣ замѣнилъ раненаго Удино, а Вредэ воевалъ съ русскими, какъ ему заблагоразсудилось. Но очень кстати Мэзонъ былъ раненъ шальной пулей, и Сень-Сиръ принялъ главное начальство. Онъ сталъ дѣйствовать энергично, концентировалъ всѣ войска, напалъ на армію Витгенштейна при Полоцкѣ и вмѣстѣ съ Вредэ выигралъ сраженіе. За это первый былъ произведенъ въ маршалы, а второй — сдѣланъ баварскимъ фельдмаршаломъ и княземъ. Это сраженіе было трид-

цатымъ и послѣднимъ, въ которомъ участвовалъ Комо въ продолженіе всей своей жизни.

Тяжело раненный ядромъ въ правую ногу, онъ былъ отнесенъ въ іезуитскій монастырь въ Полоцкѣ и тамъ пролежалъ до занятія города русскими, когда онъ очутился въ плѣну. Главнокомандующій Витгенштейнъ лично посѣтилъ раненаго плѣнника и, оставившись съ нимъ наединѣ, сказалъ:

— Говорите со мною откровенно, я человекъ добрый: были вы на русской службѣ?

— Я эмигрантъ,—отвѣчалъ Комо,—а служилъ въ арміи Кондэ, которая при императорѣ Павлѣ была на русской службѣ, но императоръ освободилъ насъ отъ принятой присяги. Потомъ я съ арміей Кондэ находился на службѣ Австріи, а затѣмъ, послѣ распущенія этой арміи, поступилъ на службу Баваріи и до сихъ поръ баварскій офицеръ.

Витгенштейнъ позвалъ свою свиту и, указывая на раненаго, произнесъ:

— Вотъ цвѣты нашего ремесла. Сражаешься, калѣчишь или убиваешь другъ друга, а когда встрѣтишься, то невольно ощущаешь любовь и сочувствіе. Это — молодецъ! Уважайте его, какъ товарища.

Десять мѣсяцевъ провелъ Комо въ іезуитскомъ монастырѣ, лежа на соломѣ и медленно оправляясь, при заботливомъ уходѣ монаховъ. Въ это время онъ насмотрѣлся страшныхъ и поразительныхъ картинъ, какъ въ своей комнатѣ, такъ и на улицѣ. То какой-то русскій офицеръ съ отталкивающимъ лицомъ выламывалъ дверь, набрасывался на него и только уходилъ, увидавъ его рану; то являлся генералъ съ салфеткой въ рукахъ, очевидно изъ-за обѣда, цѣловалъ его безъ конца, бросая деньги нѣмецкому слугѣ, который сопровождалъ Комо во всѣхъ его походахъ; то онъ видѣлъ въ окно, что аптекаръ выгонялъ плѣннаго французскаго офицера, просившаго позволенія погрѣться, и несчастный умиралъ на улицѣ, гдѣ его тѣло валялось три недѣли; то русскіе солдаты такъ избилы молодого баварца, что онъ бросился въ топившуюся печку, и его полубогорѣлое тѣло принесли въ комнату Комо, откуда его вынесли лишь за значительную сумму денегъ.

Наконецъ раненный плѣнникъ получилъ неожиданно съ придворнымъ курьеромъ двѣ тысячи рублей и два милостивыя письма отъ императрицы Елисаветы Алексѣевны и принцессы Амаліи Баденской, находившейся тогда въ Петербургѣ. Онѣ обѣ были сестрами королевъ баварской и шведской, которыя, вѣроятно, писали имъ о Комо. Добрая память первой понятна сама собой, такъ какъ онъ въ качествѣ камергера былъ *persona grata* при ея дворѣ, а королевѣ шведской ему однажды удалось оказать услугу. Онъ засталъ ее въ самомъ отчаянномъ положеніи въ гостиницѣ одного

прусскаго города, гдѣ ее бросилъ психически разстроенный мужъ; онъ и далъ ей свою карету и нѣсколько дукатовъ, такъ что она могла благополучно достигъ Мюнхена. Послѣ этой царской милости, мѣстное начальство стало обращаться съ плѣнникомъ совершенно иначе, а когда съ новымъ курьеромъ получился приказъ императора препроводить его въ Псковъ, то его снабдили всѣмъ нужнымъ и отправили въ путь въ его каретѣ, которая случайно отыскалась въ городѣ среди массы вещей, брошенныхъ французской арміей.

Благополучно прибывъ въ Псковъ, Комо былъ прямо доставленъ къ старому коменданту, нѣмцу, прогнанному съ прусской службы. Онъ встрѣтилъ его очень грубо словами: «еще собака». Потомъ его продержали нѣсколько часовъ въ грязной кордегардіи, а для ночлега ему отвели рыбачью хижину на берегу озера Пейпуса. Однако на другой день декорація перемѣнилась. Какой-то плѣнный баварецъ, узнавъ о пріѣздѣ своего соотечественника, явился къ нему и заявилъ, что въ Псковѣ, кромѣ коменданта, былъ еще гражданскій губернаторъ, очень приличный князь. Комо тотчасъ написалъ ему, увѣдомляя о письмѣ императрицы. Черезъ короткое время губернаторъ пріѣхалъ самъ, одѣтый очень изящно по парижской модѣ, и, вызвавъ изъ хижины плѣнника, объяснилъ по-французски, что хотѣлъ лично убѣдиться, дѣйствительно ли у него есть письмо отъ высокопоставленной особы, такъ какъ плѣнники, вообще, очень хитрый народъ и ловко сочиняютъ романы. Когда же Комо передалъ ему всѣ свои бумаги, то онъ просмотрѣлъ ихъ и быстро удалился, бормоча про себя: «Эта старая каналья всегда только дѣлаетъ глупости».

«Прошло полчаса,— рассказываетъ Комо,—и замѣчаю большое оживленіе на берегу озера. Къ моей хижинѣ подъѣзжаетъ великолѣпная карета шестерикомъ и съ казаками на козлахъ, на запяткахъ и верхомъ у дворецъ. Одинъ изъ верховыхъ соскакиваетъ съ лошади, переноситъ мой багажъ въ карету и предлагаетъ мнѣ знакомъ сѣсть въ нее. При этомъ весь эскортъ салютуетъ мнѣ пиками. Затѣмъ процессія двигается по городу къ красивому дому. На подъѣздѣ встрѣчаетъ меня губернаторъ въ камергерскомъ мундирѣ съ большимъ ключемъ. Онъ беретъ меня подъ руку и помогаетъ войти въ роскошную квартиру, состоящую изъ нѣсколькихъ комнатъ, гдѣ многочисленные слуги разставляли зеркала, диваны, кресла и другую мебель, а также разстилали ковры. Князь сказалъ, что я буду жить въ этомъ домѣ и пользоваться, какъ его прислугой, такъ и столомъ, что онъ будетъ имѣть честь меня часто навѣщать и обо всемъ тотчасъ донесетъ ея величеству. Весь городъ сталъ послѣ этого посѣщать меня и выражать мнѣ самое глубокое уваженіе. Просто это была страница изъ «Тысячи одной ночи», на европейскій манеръ». Спустя десять дней, прибылъ новый курьеръ съ большою суммой денегъ для баварскихъ плѣн-

ныхъ, которымъ тотчасъ она была роздана, а затѣмъ получено было разрѣшеніе о переводѣ Кома въ Петербургъ, куда онъ и препровожденъ со всѣми почестями въ каретѣ шестерней, подъ эскортомъ майора.

Въ іюлѣ 1813 года онъ прибылъ въ Петербургъ, который онъ называетъ городомъ «замѣчательнымъ, великолѣпнымъ и столь громаднымъ, что онъ кажется на взглядъ больше Парижа». На заставѣ его встрѣтили два казака и повезли въ гостиницу, гдѣ ему дали отдохнуть два часа. Потомъ къ нему явился придворный банкиръ, французъ Ливіо, человекъ, по словамъ Кома, «очень богатый, предупредительный и любезный». Онъ вручилъ плѣннику сто пятьдесятъ золотыхъ дукатовъ отъ имени императрицы. Наконецъ онъ былъ доставленъ къ генераль-губернатору Вязьмитинову, гдѣ его ожидалъ сухой, холодный приѣмъ. У него спросили имя, отчество, фамилію, чинъ и вѣроисповѣданіе, все записали и выдали ему какое-то свидѣтельство. Кома увѣряетъ, что въ этомъ свидѣтельствѣ онъ названъ Бернардовичъ Кома, протопнекъ, и что послѣднее слово означаетъ *colonel supérieur*, то-есть старшій полковникъ. Вообще, онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Россіи сообщаетъ вѣрныя, точныя свѣдѣнія и правильно переводитъ русскія названія и слова, только трудно сказать, что онъ подразумѣваетъ подъ протопнекъ, если это не перековерканный «полковникъ», точно такъ же, какъ, вѣроятно, другое ошибочно приводимое имъ слово «міеминскій» просто означаетъ нѣмецъ. Одинаково онъ, конечно, пропустилъ свое имя въ выданномъ ему свидѣтельствѣ, а прямо указываетъ на отчество, что иностранцы часто дѣлаютъ относительно русскихъ, называя ихъ не по имени, а по отчеству. Но вернемся къ петербургскимъ похождениямъ Кома.

Въ гостиницѣ какой-то еврей объяснилъ ему, что въ выданномъ свидѣтельствѣ упоминалось о передачѣ его въ вѣдѣніе военнаго коменданта, генерала Горголи. Онъ немедленно отправился по назначенію, и Горголи его встрѣтилъ гораздо любезнѣе. Онъ сообщилъ ему свѣдѣнія о французской и баварской арміяхъ, объяснилъ его права въ городѣ, изъ предѣловъ котораго онъ не могъ отлучаться, и обязалъ его являться каждую недѣлю. Къ этому генераль прибавилъ, что императрица, жившая тогда въ Царскомъ Селѣ, очень интересовалась плѣнникомъ, что къ ней посланъ былъ офицеръ съ увѣдомленіемъ объ его пріѣздѣ, и что онъ долженъ на свой счетъ нанять квартиру въ частномъ домѣ, о чемъ увѣдомить полицію. Послѣ этого еврей, исполнявшій должность локъ-лакея при гостиницѣ и говорившій на 14 языкахъ, повезъ Кома, по его словамъ, въ «постыдный кварталъ» Петербурга, въ Мѣщанскую, и тамъ нашелъ ему въ своемъ домѣ квартиру удобную, но очень дорогую.

«Когда я объявилъ объ этомъ въ полицію,—разсказываетъ авторъ мемуаровъ,—то всѣ громко захохотали. Въ тотъ же день императрица

прислала за мною придворный экипажъ, требуя моего немедленнаго прибытія. Я отправился, полагая, что, исполняя приказаніе императрицы, нельзя сдѣлать ничего дурнаго. Въ Царскомъ Селѣ ея величество приняла меня очень лестно и любезно. Она выразила желаніе, чтобы я жилъ хорошо въ Петербургѣ на ея счетъ, а банкиръ Ливіо, которому она поручила озаботиться обо всемъ, устроилъ меня на широкую ногу. Онъ нанялъ прекрасную квартиру на одной изъ набережныхъ Невы и роскошно ее меблировалъ. Императрица была такъ добра, что, доставила мнѣ письма отъ моей семьи, и, благодаря ея покровительству, я получилъ возможность постоянно переписываться съ родными. Я думалъ, что я заживу счастливо, но мнѣ это далось не сразу».

Дѣйствительно въ самый моментъ переѣзда Комо на новую квартиру его арестовали и повезли къ коменданту, гдѣ ему объявили, что онъ нарушилъ условія своего пребыванія въ Петербургѣ, выйдя изъ его предѣловъ, а потому онъ подлежалъ заточенію въ крѣпости. Его оправданій, основанныхъ на томъ, что онъ только исполнилъ приказаніе императрицы, не хотѣли слушать и его отправили въ крѣпость, но по дорогѣ встрѣтился генералъ Горголи, посадилъ его въ свой экипажъ и отвезъ на новую квартиру.

— Мы очень строги по службѣ,—сказалъ онъ:—это необходимо. По приказанію императора вамъ назначенъ Петербургъ мѣстомъ заключенія. Я вѣдь поступаю съ вами такъ не по своему желанію, а по волѣ государя. Поэтому вы не спрашивайте разрѣшенія съѣздить въ Петербургъ, Кронштадтъ или въ другія окрестности, которыя всегда посѣщаютъ иностранцы. Вы для насъ не иностранецъ, а военно-плѣнный, и по нашимъ законамъ вы не можете обѣдать у меня и бывать въ моей гостиной, а имѣете право только являться, когда вамъ нужно, въ мою канцелярію. Вы понимаете? Не правда ли теперь между нами не будетъ болѣе недоразумѣній?

Въ тотъ же день Ливіо по порученію императрицы объяснилъ Комо подноготную перенесенныхъ имъ неприятностей. Все заключалось въ томъ, если вѣрить автору мемуаровъ, что король баварскій послалъ ему сто луддоровъ, и что они попали въ руки Платова, который, по наведеніи у него справки, по приказанію императора Александра, заявилъ, что онъ отослалъ деньги генералу Вязьмитинову. Послѣдній такъ смутно отозвался объ этихъ деньгахъ на вопросъ императрицы, что она, по прибытіи Комо въ Петербургъ, приказала Ливіо выдать ему сто пятьдесятъ дукатовъ. Но Вязьмитиновъ нашелъ нужнымъ покончить неприятное для него дѣло и отдалъ плѣннику деньги, но не сто луддоровъ, а сто наполеондоровъ, что составило разницу на четыреста франковъ. Повидимому, наказать Комо на эту сумму показалось ему мало, и онъ рѣшился еще напугать его заточеніемъ въ крѣпость. Какъ

бы то ни было, все кончилось благополучно. Комо отдалъ Ливіо полученные отъ него сто пятьдесятъ дукатовъ, а императрица открыла ему безграничный кредитъ у этого банкира. вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что ея величество и ея сестра, принцесса Амалія, будутъ видѣться съ плѣнникомъ въ Петербургѣ.

Шесть мѣсяцевъ провелъ Комо въ русской столицѣ, по его словамъ, очень спокойно и даже роскошно. Описывая Петербургъ, онъ находитъ, что этотъ городъ великолѣпнѣе Вѣны, Берлина, Дрездена и Варшавы, хотя слишкомъ великъ для своего населенія. Въ особенности его поражали широкія улицы, недостатокъ движенія на нихъ, великолѣпные мосты (конечно, на каналахъ) и красавица Нева. О русскомъ народѣ онъ отзывался очень сочувственно, называя его «добрымъ, веселымъ, смышленнымъ, обязательнымъ и благодарнымъ за всякое одолженіе». Онъ очень удивлялся, какъ простой работникъ крѣпостной съ однимъ топоромъ ловко мастерилъ всѣ необходимые предметы для его квартиры. Представители высшаго класса Россіи, по его словамъ, чрезвычайно учтивы, если они побыли за границей, а безгранично грубы и дерзки, если знаютъ только свою родину. «Но средній полуобразованный классъ,—говоритъ онъ:—противнѣе всего, что можно себѣ вообразить. Онъ отличается завистью, низостью, лживостью, безчестностью, жестокостью и ханжествомъ. Къ этому классу надо прибавить многочисленныхъ нѣмцевъ, финляндцевъ, шведовъ и т. д., которые ко всѣмъ дурнымъ качествамъ русскаго средняго класса еще прибавляютъ подозрительность и недовѣрчивость».

Пребываніе Комо въ Петербургѣ ознаменовалось тремя любопытными эпизодами, которые онъ рассказываетъ очень живо. Первый изъ нихъ начался на набережной Невы и кончился въ судѣ. Во время одной изъ своихъ утреннихъ прогулокъ онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ рабочіе разгружали какое-то судно, и они, видя раненаго офицера на костыляхъ, почтительно и осторожно его обходили. Но неожиданно прошли мимо три франта, и одинъ изъ нихъ такъ сильно толкнулъ Комо, что онъ упалъ съ тротуара на мостовую. Рабочіе бросились къ нему на помощь, подняли его и забросали грязью франтовъ, крича, что съ врагами надо драться на полѣ брани, а не толкать раненыхъ плѣнныхъ на улицѣ. Потомъ они проводили Комо до его дома и быстро исчезли, чтобы онъ не далъ имъ на чай. Результатомъ этого неприятнаго случая было появленіе Комо на скамьѣ подсудимыхъ по жалобѣ франтовъ, которые увѣрили, что онъ подбивалъ рабочихъ къ бунту, а когда они хотѣли его удалить, то рабочіе забросали ихъ грязью. Пока допрашивали на судѣ доносчиковъ, явился генералъ-губернаторъ и объявилъ, что дѣло прекращено производствомъ по высшему распоряженію, а франтамъ сказалъ: «господа, я говорю съ вами по-французски изъ сожалѣнія къ вашимъ родителямъ. Импе-

ратрица очень недовольна вашимъ поведеніемъ, и мнѣ приказано воспрепятствовать вамъ доступу къ двору обѣихъ императрицъ... Народъ прекрасно отвѣтилъ вамъ, что для храбрыхъ была открыта армія, а только низкіе трусы воюютъ съ костылями. Я доложу объ этомъ случаѣ государю. Вы знаете его; только кровью на полѣ брани вы можете смыть свою вину».

Несмотря, однако, на эти строгія слова генераль-губернатора, онъ былъ недоволенъ и плѣнникомъ, по милости котораго возбудалось столько неприятностей, и на другой день Комо получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ ему показываться на улицѣ не иначе, какъ въ каретѣ, «для чего онъ былъ достаточно богатъ». Эта исторія надѣлала много шума въ Петербургѣ, и все высшее общество спѣшило выразить французу-баварцу свое сочувствіе. Между прочимъ княгиня Голицына, урожденная графиня Шувалова, воспитанная въ Парижѣ, устроила въ его честь блестящій вечеръ, но по ошибкѣ кучеръ перепуталъ адресъ, и Комо попалъ къ другой княгинѣ Голицыной, урожденной грузинкѣ и жившей на той же англійской набережной. Тамъ швейцаръ очень удивился визиту военноплѣннаго, но, увидавъ письменное приглашеніе, попросилъ Комо войти въ переднюю и пошелъ справиться. «Вдругъ,—разсказываетъ авторъ мемуаровъ,—я услыхалъ крикливый голосъ, и ко мнѣ выбѣжала фурія громаднаго роста, съ китайскими глазами и разгнѣваннымъ лицомъ. Она стала бранить меня на различныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на французскомъ, и она называла меня поганымъ псомъ. Она кричала внѣ себя, какъ могъ врагъ ея страны и убійца ея дѣтей осквернять своимъ присутствіемъ ея домъ. Я съ улыбкой спросилъ ее, неужели она любезнымъ письмомъ пригласила меня къ себѣ, чтобы сдѣлать такую сцену. Она взглянула на письмо, бывшее у нея въ рукахъ, и бросила мнѣ въ лицо; затѣмъ она указала мнѣ рукой на лѣстницу, а когда я сталъ спускаться по ступенямъ, то она еще ногой указала на дверь, при чемъ я увидѣлъ, что у нея ноги были толстыя, и она носила подвязки подъ колѣнками. Пока я въ смущеніи отступалъ, она хлопнула въ ладоши и приказала многочисленнымъ служанкамъ смыть съ пола слѣды моихъ ногъ. Мнѣ показалось это такъ забавно, что я сталъ съ улыбкой указывать имъ, гдѣ слѣдовало мыть, а онѣ громко смѣялись. Даже мой кучеръ хохоталъ во все горло. Только фурія продолжала браниться, и когда я уже былъ на порогѣ наружной двери, она крикнула кучеру: «Вези къ моей сумасбродной золовкѣ, черезъ три дома отсюда».

У другой княгини Голицыной Комо приняли самымъ любезнымъ образомъ, и, очутившись среди извѣстныхъ эмигрантовъ Ришелье, Ланжерона, Сенъ-При и другихъ, онъ подумалъ, что находится въ салонѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Конечно, онъ разсказать о только что случившемся, передразнивая брань и жесты

грузинки, при чемъ не были забыты и ея подвязки. Успѣхъ его разсказа былъ поразительный, и на слѣдующій день императрица цотребовала его къ себѣ и заставила его повторить забавный анекдотъ. Потомъ онъ часто бывалъ у доброй княгини Голицыной, а фурію онъ нерѣдко встрѣчалъ на улицѣ, при чемъ она всегда привѣтливо улыбалась. Однажды, увидавъ его на пустынномъ адмиралтейскомъ бульварѣ, она сказала ему:

— Если бы я знала, что вы такой острякъ, то не показала бы вамъ моей подвязки. А знаете, почему я такъ поступила съ вами?

— Вашъ поступокъ былъ такой безобразный, что я не желаю даже знать его причины.

— Однако, вы умны, какъ чортъ!—воскликнула грузинка.

Третій эпизодъ изъ жизни Комо въ Петербургѣ случился въ Ботаническомъ саду. Онъ часто ѣздилъ туда, внимательно осматривалъ оранжереи и бесѣдовалъ о цвѣтахъ съ садовниками, преимущественно нѣмцами. Однажды они повели его въ залы, гдѣ хранились гербаріи, но неожиданно онъ увидалъ въ дверяхъ генераль-губернатора, который гнѣвно крикнулъ ему по-французски:

— Вы слишкомъ дерзки и безъ всякаго права проникаете въ мою частную квартиру. Вы можете гулять въ этомъ саду. Уходите и болѣе никогда сюда не показывайтесь.

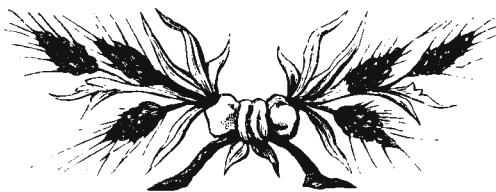
Но императрица узнала объ этомъ скандалѣ, и Ботаническій садъ изъяли изъ вѣдомства генераль-губернатора, а публику свободно допустили во всѣ оранжереи и прилегавшія къ нимъ помѣщенія. Вѣроятно, чтобы отмстить Комо, Вязьмитиновъ поднялъ вопросъ о томъ, что онъ не ходитъ въ костелъ по воскресеньямъ, за что, какъ Комо увѣряетъ, въ тѣ времена ссылали будто бы въ Сибирь. Но оказалось что онъ не могъ исполнять по воскресеньямъ церковныя требы въ костелѣ, такъ какъ по утрамъ долженъ былъ являться къ генералу Горголи, а присутствовалъ раньше или позже при церковной службѣ въ Мальтійской часовнѣ. Отъ дальнѣйшихъ же неприяностей, нарочно устраиваемыхъ ему генераль-губернаторомъ, онъ былъ освобожденъ, благодаря своему отъѣзду изъ Петербурга.

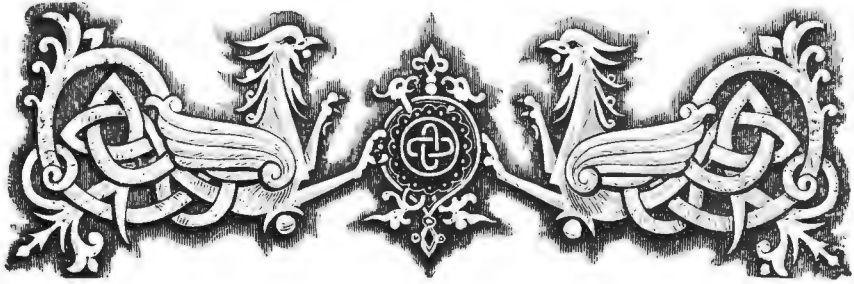
Однако, прежде чѣмъ покинуть русскую столицу, Комо случайно видѣлъ любопытное зрѣлище, именно, какъ пожарными трубами разгоняли бушевавшую толпу. Дѣло произошло оттого, что въ Неву вошелъ большой коммерческій корабль, который приняли за французскій, и на обоихъ берегахъ высыпали народныя толпы, которыя хотѣли его разграбить, считая законнымъ призомъ. Но оказалось, что корабль былъ не французскій, а голландскій, именно, первый, который пришелъ изъ Голландіи послѣ ея отдѣленія отъ Франціи. Но толпы не хотѣли ничего слышать и угрожали голландцамъ. Тогда, по словамъ Комо, вывели новаго рода орудіе и открыли по буянамъ не огонь, а струи воды. При общемъ смѣхѣ всѣ разошлись, и судно было спокойно разгружено.

Наконецъ въ октябрѣ 1813 года Баварія присоединилась къ союзнымъ государствамъ, и Комо былъ освобожденъ вмѣстѣ съ другими баварскими плѣнниками. Онъ поспѣшилъ въ Мюнхенъ и прибылъ туда 1 января 1814 года. Хотя въ Баваріи во время его отсутствія все измѣнилось, и вмѣсто поклоненія Наполеону царила вражда къ Франціи, но онъ остался вѣренъ своей присягѣ, по которой обязался покинуть баварскую службу, въ случаѣ войны съ Франціей. Несмотря на всѣ просьбы баварскаго короля и его жены, онъ настоялъ на своемъ и подалъ въ отставку. Поэтому ему пришлось снова разыгрывать роль военноплѣннаго, до заключенія общаго мира. Узнавъ объ этомъ благородномъ поступкѣ своего стараго товарища, Наполеонъ былъ очень тронутъ и приказалъ Бертье написать баварскому королю письмо съ просьбой оказать всевозможное вниманіе «такому рѣдкому человѣку въ XIX вѣкѣ».

Вернувшись во Францію, послѣ воцаренія Бурбоновъ, Комо чувствовалъ себя одинаково далекимъ отъ крайнихъ реакціонеровъ и отъ либеральной оппозиціи. Пламенный эмигрантъ, но честный патріотъ, онъ мечталъ о совершенно иной реставраціи и потому, не явившись даже къ двору, отказался отъ предложеннаго ему поста начальника Гренобльскаго арсенала, а принялъ лишь отъ стараго своего главнокомандующаго, принца Кондэ, крестъ св. Людовика, который онъ заслужилъ еще въ битвѣ при Констанцѣ. Послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни онъ провелъ тихо, мирно, въ семейномъ кружкѣ, набрасывая свои мемуары, и умеръ въ 1844 году семидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть пятая, съ 8 апрѣля 1853 по 22 іюня 1854 года. Спб. 1900.

В РЯДУ многочисленныхъ и разнообразныхъ произведеній знаменитаго русскаго византолога-путешественника, епископа Порфирія Успенскаго († 1835 г.), его «Книга бытія моего» представляетъ замѣчательное литературное явленіе. Она содержитъ въ себѣ дневники приснопамятнаго ученаго, которые онъ велъ въ теченіе почти всей своей жизни изо дня въ день, занося сюда все болѣе или менѣе интересныя данныя изъ жизни научной, общественной, политической и т. д. А такъ какъ епископъ Порфирій большую часть своей жизни провелъ въ ученыхъ путешествіяхъ по Палестинѣ, Сиріи, Египту и другимъ восточнымъ странамъ, знакомился съ современною церковно-общественною ихъ жизнью и, въ качествѣ начальника русской духовной миссіи, имѣлъ любопытныя встрѣчи съ различными дѣятелями, которыхъ онъ характеризуетъ въ своихъ запискахъ, отмѣчаетъ разныя обстоятельства своей личной жизни въ связи съ общественной, то понятно, какой живой и разнообразный интерес имѣетъ его «Книга бытія». Этотъ замѣчательный свой трудъ, какъ и многіе другіе, епископъ Порфирій не успѣлъ издать при жизни и передалъ въ рукописи въ императорскую академію наукъ, которой онъ оставилъ по завѣщанію и нѣкоторый денежный капиталъ на изданіе его литературныхъ произведеній. Такъ какъ «Книга бытія моего» имѣетъ весьма важное значеніе для исторіи православнаго греческаго Востока, въ

частности Палестины, а оставленный епископомъ Порфиріемъ капиталъ не позволялъ академіи наукъ въ скоромъ времени опубликовать ее, то на помощь академіи пришло императорское православное палестинское общество, на иждивеніи коего собственно и производится изданіе въ свѣтъ упомянутого литературнаго труда, подъ редакціей профессора С.-Петербургскаго университета П. А. Сырку. Въ настоящемъ году вышла уже пятая часть «Книги бытія моего», содержащая въ себѣ дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія съ 8-го апрѣля 1853 по 22-е июня 1854 года.

Время съ 8-го апрѣля 1853 года до 8-го мая 1854 года епископъ Порфирій провелъ въ Палестинѣ, находясь во главѣ русской православной духовной миссіи, которой ввѣрена была забота о православіи Святой Земли и объ охранѣ его противъ воздѣйствія католической и протестантской пропаганды. Исполняя свои прямыя обязанности, епископъ Порфирій въ то же время удовлетворялъ и необыкновенной въ немъ жаждѣ научнаго знанія, предпринималъ экскурсіи въ различныя мѣста Палестины. Въ отгѣченный періодъ времени онъ совершилъ поѣздки по Иордану и Мертвому морю, въ городъ Набулучъ, въ Рамлу, Яффу и Лидду. Всюду просвѣщенный путешественникъ обозрѣвалъ археологическія древности, преимущественно церковныя, списывалъ сохранившіяся на нихъ надписи, знакомился съ исторіей той или иной достопримѣчательности, узнавалъ бытъ и нравы мѣстнаго населенія, его симпатіи и антипатіи, обозрѣвалъ греческія и арабскія школы, вступалъ въ бесѣду съ приходскимъ духовенствомъ, и всѣ эти свѣдѣнія заносилъ въ свой дневникъ.

Событія съ 1-го января по 8-е мая 1854 года, когда епископъ Порфирій находился еще въ Палестинѣ, описаны въ его дневникѣ по отдѣламъ.

Пятаго мая 1854 года окончился срокъ пребыванія епископа Порфирія въ Иерусалимѣ, данный Портою. Въ виду тревожныхъ политическихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ войну Россіи съ Турціей, срокъ этотъ не былъ возобновленъ, и епископъ Порфирій рѣшился выѣхать изъ Иерусалима. Подъ 7 числа мая епископъ Порфирій занесъ въ свой дневникъ слѣдующія любопытныя строки: «Завтра чуть свѣтъ я выѣду изъ Святаго Града. Мое дѣло конечно здѣсь. Съ греческимъ духовенствомъ я ладилъ такъ, что патріархъ Кириллъ поручилъ мнѣ завѣдываніе всѣми православными училищами въ Палестинѣ и патріаршею школою въ Крестномъ монастырѣ. Изъ числа этихъ училищъ женское въ Иерусалимѣ и мужскія въ Рамлѣ и Лиддѣ открыты и упрочены мопмъ усердіемъ и умѣніемъ. А бѣдныя церкви въ нѣсколькихъ селеніяхъ получили отъ меня церковныя облаченія. Туземное арабское племя я за уши тянулъ къ свѣтлому верху. По моему настоянію помѣщены въ патріаршей школѣ юные туземцы, дабы со временемъ они послужили наставниками дѣтей въ ихъ родныхъ селахъ. Бѣднѣйшіе жители Виодеема ежегодно получали отъ меня денежныя пособія три раза: предъ Рождествомъ Христовымъ, предъ Пасхою и въ Успеневъ день, и въ эти три праздника разговлялись уже не какъ прежде, — не травкою, сваренною въ водѣ безъ молока и мяса. Нашему генеральному консулу въ Бейрутѣ я служилъ, какъ вѣрный вѣстникъ. Абиссинцы, сиро-іаковиты и копты видѣли во мнѣ своего заступника. Армяне уважали меня. Латинянамъ я былъ не понутру. Англійскій епископъ Гобатъ чуждался меня, но и

я не хотѣлъ знакомиться съ нимъ, потому что мнѣ весьма не нравилось воровство его, а воровалъ онъ православныя души и загонялъ ихъ въ свою кирку, въ которой нѣтъ даже Распятія, а стоятъ двѣ черно-мраморныя скрижали съ десятью заповѣдями, какъ будто онъ раввинъ, а не епископъ. Отъ мѣстныхъ магометанъ мнѣ не было ни малѣйшаго оскорбленія; напротивъ, они всегда раскланивались со мною любезно. Съ подчиненными и домочадцами своими я жилъ, какъ добрый отецъ съ хорошими дѣтьми. Между нами никогда не было и размолвки. Архангельскій монастырь, гдѣ мы жили и трудились, былъ подобенъ улью, въ которомъ каждая пчела вырабатывала то свой медъ, то свои соты. Приятно такъ жить. Приятно будетъ воспоминаніе о такомъ тихомъ, правильномъ, дружественномъ и, смѣю сказать, общепольномъ житіи. Но за все это честь и слава и благодареніе Богу» (стр. 215—216).

8-го мая 1854 года епископъ Порфирій выѣхалъ изъ Іерусалима въ Италію. По дорогѣ онъ осматрѣлъ Александрію, Смирну и особенно Аѳины, гдѣ обозрѣвалъ храмъ Зевса Олимпійскаго, Акрополь, Паренонъ, Ерехѳионъ, храмъ Теэа и другія древности.

Изъ Триеста, въ который епископъ Порфирій пріѣхалъ 26-го мая, онъ вскорѣ уѣхалъ въ Венецію для ея обозрѣнія. Въ дневникъ его описанію этого города посвящена цѣлая глава (стр. 254—332). Въ частности, здѣсь приводится описаніе Венеціи, составленное въ 1725 году русскимъ путешественникомъ Василіемъ Григоровичемъ Барскимъ, разсказывается исторія мѣстной греческой общины, ея монастыря, школы и типографіи. Греческая община возникла въ Венеціи, еще до завоеванія Константинополя турками въ 1435 году, вслѣдствіе частыхъ торгово-промышленныхъ и научно-художественныхъ сношеній византійцевъ съ населеніемъ этого свободнаго города. Послѣ же паденія Византійской имперіи, эта община значительно умножилась. Венеціанское правительство отдало грекамъ для совершенія богослуженія церковь св. Власія in Castello. Въ 1498 году венеціанскіе греки основали братство св. Николая съ цѣлью лѣченія больныхъ, вспомошествованія сиротамъ и бѣднымъ вдовамъ и другихъ благотворительныхъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько времени братство настолько благоустроилось и окрѣпло, что нашло возможнымъ построить собственный храмъ. Греки купили участокъ земли въ мѣстности Bigi, получили разрѣшеніе отъ дожа и палы и около 1573 года воздвигли свой храмъ во имя великомученика Георгія. Епископъ Порфирій весьма подробно описываетъ этотъ храмъ, существующій и въ настоящее время. Онъ излагаетъ исторію и православнаго греческаго духовенства при венеціанскомъ храмѣ св. Георгія, изображая жизнь и дѣятельность девяти греческихъ архіереевъ, которые съ конца XVI и до конца XVIII вѣковъ проходили скромное званіе ефимерія, т. е. приходскаго священника, при упомянутомъ храмѣ. Затѣмъ, епископъ Порфирій излагаетъ исторію греческаго женскаго монастыря въ Венеціи, возникшаго въ 1609 году для призрѣнія монахинь, бѣжавшихъ изъ Турціи: монастырь существовалъ до конца XVIII вѣка. Въ 1593 году въ Венеціи была основана архіепископомъ Гавріиломъ Севиромъ и греческая школа, имѣвшая большое значеніе для грековъ. Другая школа, общеобразовательная, была устроена въ 1626 году греческимъ богачемъ Юмою Флангини. Обѣ эти школы существо-

вали до конца XVIII вѣка. Наконецъ, въ Венеціи, вскорѣ послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, греками была устроена типографія, первое изданіе коей вышло въ 1484 году. Въ этой типографіи печатались книги церковно-богословскія, философскія и историческія. Онѣ впервые познакомили Западъ съ богатѣйшею византійскою литературой. Другая греческая типографія была открыта около 1715 года Димитріемъ Θεодосіевымъ и печатала, кромѣ греческихъ, и славянскія книги. И эта типографія имѣла большую работу и успѣхъ, но въ началѣ XIX вѣка прекратила свое существованіе. Вообще дѣятельность венеціанскаго греческаго братства была весьма почтенна и много содѣйствовала культурнымъ своимъ вліяніемъ прославленію греческаго имени на Западѣ.

Изъ Венеціи епископъ Порфирій отправился въ Падую (стр. 333—374).

Изъ Падуи ѣздилъ въ Миланъ (стр. 375—424). И здѣсь любознательный и просвѣщенный путешественникъ обозрѣлъ замѣчательныя церкви (кафедральный соборъ, церковь св. Виктора), библиотеку, царскій дворецъ, картинную галерею, базилику Амвросія и весьма подробно описалъ ихъ съ сохранившимися въ нихъ художественными произведеніями, а равно изложилъ исторію Милана съ древнѣйшихъ временъ.

16-го іюня 1854 года епископъ Порфирій отправился въ городъ Анкону (стр. 425—433), а затѣмъ въ Лоретто (стр. 434—456). И тамъ, и здѣсь нашъ паломникъ познакомился съ достопримѣчательностями, преимущественно съ церквами, описалъ ихъ и ознакомился съ историческою судьбою этихъ городов. 22-го іюня того же года епископъ Порфирій прибылъ въ Римъ. Этими сообщеніями и заканчивается пятая часть его «Книги бытія».

Разсматриваемый томъ снабженъ 39 планами и рисунками и указателемъ собственныхъ именъ (стр. 453—532).

Такимъ образомъ, пятая часть «Книги бытія моего» содержитъ разнообразный и любопытный матеріалъ. Она можетъ доставить истинный интересъ и богослову, и историку, и археологу, и психологу, и художнику. Значить, и въ этой части своей «Книги бытія» знаменитый Порфирій Успенскій является предъ русскою публикою тѣмъ высокообразованнымъ и поучительнымъ писателемъ, какимъ онъ уже давно извѣстенъ ей, по прежнимъ своимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ произведеніямъ. Σ.

Н. Н. Оглоблинъ. Обзорніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть третья. Документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1900.

Въ 1895 году появилась первая часть «Обзорнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа», черезъ два года вторая, и нынѣ мы имѣемъ уже третью, исполненную по тому же плану и системѣ, какъ и предшествующія. Всѣ, слѣдующія за новостями нашей историко-археологической литературы, помнятъ, несомнѣнно, какъ высоко были оцѣнены ученою критикою научныя

«Обозрѣнія» Н. Н. Оглоблина, и вполне знакомы съ характеромъ и особенностями ихъ. Такимъ образомъ, намъ въ настоящемъ случаѣ не зачѣмъ распространяться объ этомъ, а остается лишь познакомить читателей съ содержаниемъ третьей части.

Въ ней разсматриваются документы, трактующіе о сношеніяхъ сибирскаго управленія и населенія съ московскимъ управленіемъ—съ Сибирскимъ приказомъ, и обратно. Всѣ они подраздѣлены г. Оглоблинымъ на три группы: въ первую входятъ отписки воеводскаго, таможеннаго и церковнаго управленій въ Сибирскій приказъ и отвѣтныя грамоты послѣдняго въ Сибирь. Всего болѣе сохранилось отписокъ и грамотъ воеводскаго управленія—около 20.000 (общее число около 30.000). Изъ нихъ напечатано лишь нѣсколько десятковъ. «При многихъ воеводскихъ отпискахъ, говоритъ Н. Н. Оглоблинъ, встрѣчаются разнообразныя приложенія, мелкіе документы воеводскаго управленія», именные росписи, чертежи городовъ и зданій и проч. Не беря на себя задачи обозрѣть содержаніе этихъ отписокъ и грамотъ, нашъ авторъ указываетъ лишь на значеніе древнѣйшихъ изъ нихъ и говоритъ, что онѣ даютъ возможность «прослѣдить шагъ за шагомъ, почти изъ года въ годъ, жизнь Сибири въ самыхъ разнообразнѣйшихъ ея проявленіяхъ и являются настоящею лѣтописью Сибири, болѣе содержательною, правдивою, жизненною, чѣмъ всѣ повѣствованія сибирскихъ лѣтописцевъ». Довольно разнообразно содержаніе и таможенныхъ отписокъ, составившихся таможенными и заставными головами, и равно «цѣнными, особенно въ бытовомъ отношеніи, являются отписки и грамоты сибирскихъ архіерископовъ и митрополитовъ», на характеристикѣ которыхъ авторъ останавливается довольно подробно, именно въ виду ихъ сравнительной рѣдкости и исторической «цѣнности».

Вторую группу, наиболѣе крупную, составляютъ дѣла: административныя (гл. XXI), о ссыльныхъ людяхъ (гл. XXII), хозяйственныя (гл. XXIII), челобитныя (гл. XXIV), и «дѣла» о злоупотребленіяхъ служилыхъ людей. Первые представляютъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи сибирскихъ служилыхъ людей, «положеніе и условія службы которыхъ во многомъ были отличны отъ службы Московской Руси». Затѣмъ цѣнный матеріалъ для исторіи невольной колонизаціи Сибири даютъ «дѣла о ссыльныхъ людяхъ», сравнительно очень мало эксплуатированныя учеными изслѣдователями сибирской колонизаціи. Но самый важнѣйшій и заслуживающій особаго вниманія источникъ—это «дѣла челобитныя», сохранившіяся въ Сибирскомъ приказѣ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ. «Разнообразное содержаніе этихъ документовъ,—говоритъ г. Оглоблинъ,—вызванныхъ самою жизнью и рисующихъ почти со всѣхъ сторонъ жизнь сибирскаго (отчасти и московскаго) служилаго, жилищаго и ясачнаго населенія, цѣнно преимущественно въ бытовомъ отношеніи. Въ документахъ officialнаго происхожденія нельзя встрѣтить тѣхъ богатыхъ бытовыхъ данныхъ, какія находимъ въ челобитныхъ дѣлахъ, основные документы которыхъ—«челобитныя», составлялись населеніемъ вполне самостоятельно, свободно и независимо отъ административныхъ стремленій и вождѣній. Для изученія народнаго міросозерцанія въ XVII вѣкѣ челобитныя народа представляютъ единственный въ своемъ родѣ матеріалъ и болѣе цѣнный,

чѣмъ келейныя произведенія такъ называемой «литературы» этого времени (стр. 87—88).

«Челобитныя» принадлежатъ, какъ отдѣльнымъ людямъ разныхъ званій и сословій (всего болѣе сохранилось «челобитныхъ» служилыхъ людей), такъ и цѣлымъ «городамъ», «городамъ и уѣздамъ», «служилымъ» и «жплецкимъ», «мірамъ». Эти-то «мірскія челобитья», говоритъ авторъ, «заслуживаютъ исключительнаго вниманія»: въ нихъ всего болѣе высказывается «неподдѣльный голосъ народа» и его «воззрѣнія на окружающую дѣйствительность».

Наконецъ, третью группу составляютъ документы комиссій, посылавшихся изъ Москвы съ разными цѣлями—«сыскными», посольскими, торговыми, военными и др. Они также представляютъ живѣйшій матеріалъ для характеристики сибирской жизни XVII—XVIII вѣковъ. «Сыски» были частныя, касавшіяся одного уѣзда и одного или нѣсколькихъ лицъ, и общія, «большія», касавшіяся всей Сибири и «имѣвшія характеръ сенаторскихъ ревизій нашего времени». Изъ послѣднихъ, вообще наиболѣе цѣнныхъ, сохранился «въ довольно полномъ видѣ (около 30 столбцовъ и нѣсколько книгъ) грандіозный сыскъ временъ Петра Великаго, возникшій по его инициативѣ,—сыскъ думнаго дьяка Данилы Леонтьева Полянскаго и дьяка Данилы Берестова 1702 года», которые объѣхали всю Сибирь и собрали столь громаднй матеріалъ, что изъ него составилось еще 16 сысковъ. Матеріалъ этотъ, тѣмъ болѣе цѣнный, что онъ до сихъ поръ оставался неизвѣстнымъ. Незвѣстнымъ, говоритъ далѣе г. Оглоблинъ, оставался и другой «большой сыскъ» XVII вѣка — жильца Федора Охлопкава, разыскивавшаго въ 174 — 176 г., по инициативѣ приказа тайныхъ дѣлъ, о «неправдахъ и плутостяхъ» сибирскихъ и другихъ служилыхъ людей. Къ сожалѣнію, этотъ сыскъ сохранился въ отрывкахъ.

«Дѣла кунчинъ» и «дѣла Даурскаго полка», входяція также въ эту группу, имѣютъ болѣе узкое, спеціальное значеніе.

Все это нами заимствовано изъ первой, главной части труда Н. Н. Оглоблина. Самое же «обозрѣніе» и разнообразныя указатели къ нимъ помѣщены имъ во второй части—въ «Приложеніяхъ».

Не трудно отсюда видѣть, сколько труда и знанія положилъ въ свою до чрезвычайности кропотливую, но полезнѣйшую для исторической науки работу неутомимый труженикъ, Н. Н. Оглоблинъ. Само дѣло говоритъ за себя, и намъ остается лишь присоединиться къ тѣмъ многочисленнымъ приверженцамъ науки, которые искренно сожалеютъ о «невольномъ» уходѣ Н. Н. Оглоблина изъ Московскаго архива министерства юстиціи, обращеннаго теперь въ канцелярію отъ науки.

В. Рудаковъ.

Извѣстія историко-филологическаго института князя Везбородко въ Нѣжинѣ. Томъ XVIII. Нѣжинъ. 1900.

Настоящій томъ «Извѣстій» института представляетъ собою, кромѣ офіціального отчета о состояніи института за 1898—1899 учебный годъ, собраніе десяти различныхъ статей тамошнихъ профессоровъ. Во главѣ ихъ находимъ вступительную лекцію священника А. В. Лобачевскаго, подъ загла-

віємъ: «Научная цѣнность христіанскаго знанія», въ которой онъ пытается, руководясь, главнымъ образомъ, «Бесѣдою» архіепископа Никанора и статьею Л. Гусева: «Потребность и возможность научнаго оправданія христіанства», доказать, что «христіанское знаніе выше всякаго другого научнаго знанія».

Вслѣдъ за нею помѣщена рѣчь профессора Пискорскаго: «Начало академической свободы въ Западной Европѣ». Сдѣлавъ опредѣленіе академической свободы въ смыслѣ «такой организаціи научной дѣятельности и преподаванія, которая опредѣляется существованіемъ ученаго сословія, регулирующаго свои отношенія и дѣятельность независимо отъ внѣшнихъ авторитетовъ и исключительно подчиняющаго свою дѣятельность интересамъ знанія и требованіямъ научной истины», авторъ останавливается на первоначальной исторіи Болонскаго и Парижскаго университетовъ. Изъ его рассказовъ о томъ, какіе предметы преподаванія входили въ кругъ тогдашней университетской науки, о взаимныхъ отношеніяхъ профессоровъ и студентовъ, о корпораціяхъ, о столкновеніяхъ послѣднихъ съ различными властями и партіями, начиная съ нищенствующихъ монаховъ и кончая королями, и проч., видно, что «академическая свобода» приобрѣталась не легко, но, благодаря упорству добивавшихся ея, получила «широкія вольности» и во многихъ отношеніяхъ была благодѣтельной, особенно въ дѣлѣ распространенія научныхъ знаній.

Изъ дальнѣйшихъ статей: «Объ одной историко-политической запискѣ времени присоединенія Крыма», профессора М. Н. Бережкова; «Номеріса», профессора С. Н. Жданова; «Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа», В. Ф. Бурзи, и «Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка Римской имперіи», профессора П. Г. Турцевича; «Н. А. Лавровскій», профессора А. В. Добіаша; «Описаніе рукописей бібліотеки института», профессора М. Н. Сперанскаго; «Изъ исторіи сербской литературы», профессора В. В. Качановскаго, и «Что такое филологія и каково ея значеніе», профессора А. В. Добіаша,—остановимся лишь нѣсколько на статьяхъ: гг. Бережкова, Сперанскаго и Качановскаго.

Г. Бережковъ поднимаетъ вопросъ объ авторѣ «Записки», приписываемой Н. И. Григоровичемъ перу канцлера князя А. А. Безбородко. Основываясь, главнымъ образомъ, на слѣдующемъ мѣстѣ «Записки»: «означенныя причины возбудили во мнѣ нѣкогда любопытство обстоятельнѣе узнать крымскихъ татаръ, о которыхъ я имѣлъ до того только внѣшнее свѣдѣніе, по бытности моею въ Крыму и другихъ окружныхъ того мѣстахъ, и для того не оставилъ я читать разныхъ о нихъ писателей»..., онъ говоритъ, что Безбородко врядъ ли былъ до 1776 года, каковымъ годомъ помѣчена «Записка», въ Крыму,—по крайней мѣрѣ, нѣтъ объ этомъ вовсе свѣдѣній, и потому не могъ быть ея составителемъ. Другимъ же подтвержденіемъ этой мысли служитъ то, что, какъ видно изъ подробнаго обзора содержанія «Записки», авторъ ея хорошо изучилъ посѣщаемую имъ страну и имѣлъ обширныя и точныя свѣдѣнія какъ о географіи Крыма, такъ и объ его исторіи, врядъ ли въ то время доступныя князю Безбородко.

«Небольшое, но цѣнное по своему составу и содержанію», говоритъ проф. Сперанскій, «собраніе рукописей институтской бібліотеки составилось изъ

различныхъ источниковъ: главную, основную часть его—рукописи славяно-русскія—составила небольшая коллекція рукописей, поступившихъ въ институтъ вмѣстѣ съ библіотекой С. П. Шевырева; вторымъ приобретениемъ были рукописи, поступившія вмѣстѣ съ библіотекой лейпцигскаго проф. Ф. Ричля; остальные рукописи или достались институту въ наслѣдство отъ лица князя Безбородко, или вошли въ собраніе путемъ единичныхъ пожертвованій». Больше всего въ этомъ собраніи рукописей «старого періода», какъ-то: евангелій (не ранѣе второй половины XVI вѣка), богослужебныхъ книгъ, поученій, сборниковъ житій, повѣстей, хронографовъ, сказаній, указныхъ статей, расходныхъ книгъ, уложенія царя Алексѣя Михайловича, степенной книги, литовскаго статута (пол. XVIII вѣка) и др.

Затѣмъ довольно значительное количество рукописей «новаго періода», среди которыхъ находимъ: сборникъ сатиръ Кантемира (второй полов. XVIII в.), нѣсколько лѣтъ тому назадъ подробно описанный Е. В. Пѣтуховымъ, сборникъ митр. Серапіона, Зерцало историческое, лѣтописецъ Устюга, житіе Петра Великаго, автографы Н. В. Гоголя, А. А. Котляревскаго и мн. др. и, наконецъ, нѣсколько «рукописей иностранныхъ», преимущественно лекцій профессоровъ. Въ концѣ описанія приложенъ указатель именъ и предметовъ. Составлено описаніе при участіи студентовъ института весьма подробно и съ указаніемъ главнѣйшихъ особенностей рукописей отъ другихъ, наиболѣе извѣстныхъ, или печатныхъ изданій.

Наконецъ, В. В. Качановскій въ своей статьѣ обозрѣваетъ полемическую литературу противъ латинянъ и еретиковъ, относящуюся ко времени составленія «Законника» Стефана Душана, и немало страницъ посвящаетъ вопросу о вліяніи болгарской и русской литературы на сербскую. В. Р— въ.

Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга вторая. Съ приложеніемъ 2-хъ плановъ, 24-хъ рисунковъ и 9 портретовъ. Владимиръ. 1900.

Намъ уже приходилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника» привѣтствовать добрымъ словомъ появленіе первой книги «Трудовъ» названной комиссіи. Такое же отрадное впечатлѣніе, какъ и первая, производитъ на насъ и вторая книга этихъ «Трудовъ».

Первый отдѣлъ ея: «Сообщенія», состоящій изъ шести довольно значительныхъ статей, начинается сообщеніемъ протоіерея А. И. Свирѣлина о «Древнемъ закрестольномъ крестѣ въ гор. Переславѣ Залѣскомъ». Авторъ впервые подвергаетъ этотъ цѣнный церковно-археологическій памятникъ подробному изслѣдованію, но, какъ справедливо замѣчаетъ и редакція «Трудовъ», не вполне основательно относитъ время происхожденія креста къ X—XI в. Далѣе встрѣчаемъ любопытныя извѣстія о существовавшей при Суздальскомъ Спасо-Евѣиміевскомъ монастырѣ «крѣпости» для содержанія «безумныхъ колодниковъ» (вначалѣ) и другихъ разнаго рода преступниковъ (впослѣдствіи). Извѣстія эти сообщаетъ г. Н. А. Маклаковъ въ статьѣ: «Изъ исторіи Суз-

дальскаго Спасо-Евѣмпіева монастыря», основываясь, главнымъ образомъ, на данныхъ, извлеченныхъ изъ дѣлъ канцеляріи владимирскаго губернатора. Возникновеніе «крѣпости» «изъ двухъ или трехъ покоевъ» для «безумныхъ колодниковъ» относится къ 1776 году. Съ теченіемъ времени число «арестантовъ», въ числѣ которыхъ были духовныя лица, офицеры и гражданскіе чиновники, увеличивалось, но помѣщеніе не расширялось. Что касается содержанія заключенныхъ, то и оно оставляло желать много лучшаго. Были, напримеръ, такіе заключенные, на прокормъ которыхъ каждому отпускалось отъ казны всего 20 рублей въ годъ. Монастырскіе настоятели и владимирскіе губернаторы постоянно обращали вниманіе на это высшаго начальства и ходатайствовали объ улучшеніи положенія «арестантовъ», но ихъ ходатайства были услышаны только въ 20-хъ годахъ, когда пришлось довести до свѣдѣнія государя о «безчинствахъ» арестантовъ, отставныхъ корнета Спечинскаго и прапорщика Мѣщанкова. Около 1826 года было построено новое помѣщеніе, и опредѣлено содержаніе каждаго арестованнаго въ 156 рублей. До этого года и доводится разсказъ о «крѣпости» г. Маклаковымъ.

А. И. Бунинъ въ статьѣ: «Къ исторической топографіи города Владимира на Клязьмѣ», говоритъ о земляныхъ валахъ, свидѣтельствующихъ, по его мнѣнію, о постепенномъ возникновеніи трехъ «городовъ» (въ 1108, 1158 и 1194 годахъ) на мѣстѣ нынѣшняго Владимира. Затѣмъ В. Т. Георгіевскій въ небольшой статьѣ: «Къ портрету царицы Евдокіи Лопухиной», сообщаетъ о найденномъ имъ новомъ портретѣ царицы Евдокіи Лопухиной и описываетъ его такъ: «портретъ представляетъ довольно красивую, набѣленную и нарумяненную молодую женщину, съ большими глазами, съ красиво очерченными густыми бровями, красивымъ ртомъ и характернымъ носомъ; одежду ея составляютъ: темное платье, нѣсколько вырѣзанное у шеи, закрытое на протяженіи вырѣза тюлевымъ ожерельемъ—родъ жабо того времени; на головѣ черная шелковая кика, въ видѣ небольшой шапочки, покрывающей гладко причесанные темнокаштановые волосы; сверху кики накинута тюлевая, изящно вышитыя «цвѣточками» убрусецъ, спускающійся до самыхъ плечъ» (стр. 62). Портретъ писанъ масляными красками на полотнѣ и имѣетъ величину $11\frac{3}{4} \times 7\frac{7}{8}$ вершка. Покойный редакторъ «Русской Старины», М. И. Семева, посѣтившій въ свое время Суздальскій Покровскій монастырь, мѣсто заключенія двухъ царицъ Соломоніи Сабуровой и Евдокіи Лопухиной, принять хранившійся въ игуменской кельѣ монастыря портретъ первой за портретъ второй, но теперь его мнѣніе должно быть отвергнуто.

Наиболѣе крупною и едва ли не центральною изъ всѣхъ работъ, напечатанныхъ въ разсматриваемой нами книгѣ «Труды», слѣдуетъ считать работу только что упомянутаго автора В. Т. Георгіевскаго — «Суздальскій Ризположенскій женскій монастырь». Представивъ въ началѣ впервые столь подробную, насколько позволяли матеріалы, исторію монастыря, онъ большинство страницъ своего изслѣдованія посвящаетъ детальному описанію предметовъ древностей, какъ ранѣе бывшихъ въ монастырѣ, такъ и находящихся въ настоящее время. Въ приложеніи В. Т. Георгіевскій на 68 стр. приводитъ извлеченные имъ изъ монастырскаго и другихъ архивовъ матеріалы, относящіеся

до города Суздаля и самого монастыря. Въ числѣ этихъ архивныхъ матеріаловъ находимъ: писцовую книгу Суздаля 1628—1629 годовъ, «письма и мѣры Михаила Трусова да подъячаго Ѳедора Витовтова», нѣсколько челобитныхъ, указовъ царскихъ, консисторскихъ и митрополичьихъ, описей монастыря (напримѣръ, 1771 года,—подробнѣйшая) и рядъ другихъ документовъ.

Въ отдѣлѣ «Матеріалы» обращаютъ особенное вниманіе: описаніе архива переславскаго духовнаго правленія, заключающаго въ себѣ много цѣнныхъ извѣстій о бытѣ и положеніи мѣстнаго сельскаго духовенства конца XVIII и начала XIX вѣковъ, и статья А. В. Смирнова: «Степанъ Васильевичъ Руссовъ», въ которой авторъ на основаніи архивнаго дѣла о «производствѣ объ оберъ-секретарѣ, надворномъ совѣтникѣ Руссовѣ, и секретарѣ, надворномъ же совѣтникѣ Пучковѣ», сообщаетъ нѣсколько новыхъ біографическихъ матеріаловъ о Руссовѣ и кстати пополняетъ извѣстный доселѣ списокъ его печатныхъ трудовъ.

Не касаясь затѣмъ отдѣла «хроники», мы укажемъ лишь на помѣщенную въ «Приложеніяхъ» «Портретную галерею уроженцевъ и дѣятелей Владимирской губерніи» (выпускъ первый), въ которой авторъ ея, упомянутый выше А. В. Смирновъ, вмѣстѣ съ портретами сообщаетъ краткія біографическія и библиографическія свѣдѣнія о Я. Е. Протопоповѣ, В. А. Борисовѣ, В. И. Доброхотовѣ, К. Н. Тихонравовѣ, Н. Я. Дубянскомъ, Н. И. Шагановѣ, Д. А. Смирновѣ и И. С. Шмидтѣ.

Вотъ въ главныхъ чертахъ содержаніе разсматриваемой нами второй книги «Трудовъ Владимирской ученой архивной комиссіи», кстати сказать, изданной, съ внѣшней стороны, даже изящно. Уже изъ этого краткаго обзора видно, что, помимо высокаго научнаго значенія для мѣстной исторіи и археологіи, за указанными трудами должно быть признано немаловажное значеніе и для исторіи Россіи вообще. А это, несомнѣнно, побуждаетъ, по нашему мнѣнію, всѣхъ болѣе или менѣе интересующихся усилами нашихъ историко-археологическихъ знаній отнести съ благодарностью къ провинціальнымъ труженикамъ-историкамъ и архивистамъ, и съ тѣмъ болѣе, что они работаютъ безмездно, даже съ затратою собственныхъ средствъ, и могутъ удѣлять научнымъ занятіямъ лишь досуги отъ прямыхъ своихъ обязанностей, руководимые исключительно одною преданностью и любовью къ родинѣ и наукѣ. В. Рудаковъ.

Справочный словарь орфографическій, этимологическій и толковый русскаго литературнаго языка. Составленъ подъ редакціей А. Н. Чудинава. Шестъ выпусковъ. Спб. 1900.

Русскій языкъ отличается удивительнымъ богатствомъ, гибкостью и своеобразіемъ. Но, къ сожалѣнію, мы еще не научились сознательно и въ должной мѣрѣ цѣнить то сокровище, которое намъ досталось. Ни въ чемъ не выказалась такъ краснорѣчиво наша непростительная небрежность въ этомъ отношеніи и наше равнодушіе къ отечественному языку, какъ въ полномъ отсутствіи у насъ, русскихъ, своего филологическаго кодекса. У насъ нѣтъ ни

классической грамматики, ни современного законченнаго академическаго словаря, ни словарей—историческаго, орфографическаго и синонимическаго; ни языкъ народный, ни языкъ классическихъ нашихъ писателей почти не тронуть изученіемъ; извѣстна также слабость разработки русскаго языка въ отношеніи діалектическомъ,—все это результаты нашего небрежнаго отношенія къ слову, и въ частности къ родному слову. Прекрасный «Толковый словарь живого великорусскаго языка» покойнаго Даля, изданный послѣдній разъ 18 лѣтъ тому назадъ и стоящій 25 рублей, является до сихъ поръ, можно сказать, единственнымъ живымъ оазисомъ въ нашей филологической пустынѣ.

Удовлетвореніе насущныхъ нашихъ нуждъ въ этой области—дѣло «нескорое и неспорое», по справедливому выраженію г. Чудинова,—дѣло нашей академіи наукъ, дружнаго участія отечественныхъ специалистовъ-языковѣдовъ. «Но пока станетъ подготавливаться это большое и трудное дѣло,—да и когда-то оно еще будетъ,—я,—говоритъ г. Чудиновъ въ предисловіи къ своему словарю,—полагать не бесполезнымъ, въ предѣлахъ, доступныхъ скромнымъ моимъ силамъ, и принимая во вниманіе почти совершенное отсутствіе общедоступныхъ лексическихъ трудовъ по русскому языку,—предложить публикѣ настоящій «Справочный словарь этимологическій, орфографическій и толковый русскаго литературнаго языка». Какъ бы то ни было, потребность въ общедоступномъ словарѣ языка, которымъ говорятъ 84 милліона людей, изъ коихъ значительная часть инородцы, мнѣ казалась настолько несомнѣнной, что и настоящая моя попытка, при всѣхъ ея несовершенствахъ, быть можетъ, окажется не лишней». «Не имѣя,—говоритъ онъ въ заключеніи своего предисловія,—ни малѣйшей претензіи на научное значеніе предлагаемаго труда, мы старались сохранить за нимъ характеръ возможно болѣе точной справочной книги, которая могла бы помочь въ соблюденіи общепринятой орфографіи, указать наиболѣе затруднительныя этимологическія формы словъ и опредѣлить хотя бы ближайшее и важнѣйшее значеніе послѣднихъ. Если въ этомъ именно смыслѣ она окажется не бесполезною въ рукахъ читателя, скромная цѣль составителя ея будетъ вполне достигнута».

Книга г. Чудинова, разумеется, окажется далеко «не лишнею» и «не бесполезною», но тѣмъ болѣе досадны въ ней нѣкоторые промахи и недосмотры, какъ въ долженствующей быть «точною справочною книгой».

Раскроемъ для примѣра первую попавшуюся страницу (изъ коихъ каждая состоитъ изъ 2 столбцовъ) и пробѣжимъ ее. Вотъ, на примѣръ, въ послѣднемъ выпускѣ страница со столбцами 1841 и 1842. Пробѣгаемъ ее... «Свое-фабричный (сво-фабрич), им. прил. отн., ая, ое. Приготовленный на своей фабрикѣ». Неуклюжее, совершенно искусственное, вполне понятное по своему составу, но совсѣмъ не употребительное слово, а потому и вовсе лишнее въ книгѣ, которая должна дорожить каждой строчкой. «Сволдчъ,—ся (волоч-волок), 1) сов. в. гл. сволакивать,—ся, чу, чать. Прч. ф.: вшій, ченный; въ, нѣ. 2) Им. с. ж. р. и бранн. сл.». Тутъ уже наоборотъ—излишняя скупость, не къ мѣсту: необходимо было напечатать еще разъ это слово, во второмъ его значеніи (какъ имя существит. женск. рода и бранное слово), чтобы

показать, что оно имѣетъ совсѣмъ другое удареніе, а именно не на второмъ, а на первомъ слогѣ, а потому и произносится совершенно иначе. «Своячнина (сво), им. сущ. ж. р., ы. То же, что своячина». Слова съ этимъ удареніемъ нѣтъ, есть слово «своячнина». «Свѣреніе (вѣр), им. сущ. ср. р., ія. Дѣйствіе по гл.». Такого слова совсѣмъ нѣтъ. Есть слово свѣрка, которое и приводится совершенно вѣрно дальше, черезъ одно слово. Употребляется еще, хотя и довольно рѣдко, слово свѣряніе или свѣрянье, котораго въ словарѣ г. Чудинова нѣтъ; у Даля рядомъ со свѣрянье (длительное) стоитъ еще свѣрѣнье (оконченн.), но и это слово въ настоящее время, видимо, почти совершенно вышло изъ употребленія; слово же свѣряніе не употреблялось никогда.

Такимъ образомъ на одной страницѣ цѣлыхъ четыре промаха или недосмотра.

Беремъ первый выпускъ, раскрываемъ въ немъ на удачу стр. 398 и находимъ слово «вяжущій». Такого слова нѣтъ,—есть слово «вяжущій».

Очень можетъ быть, что это опечатки, но въ справочной книгѣ ихъ быть не должно,— иначе она теряетъ свое значеніе и вмѣсто пользы можетъ принести вредъ, внося еще большую путаницу и неясность въ ту область, гдѣ и безъ того ихъ достаточно, что не можетъ быть особенно удобнымъ и для русскаго человѣка, иностранца же или инородца можетъ положительно сбить съ толку.

Не ради простыхъ придирокъ говоримъ мы это, а ради того, что, желая успѣха словарю г. Чудинова, мы хотѣли бы въ то же время, чтобы всѣ промахи и недосмотры его (по крайней мѣрѣ, всѣ наиболѣе грубые изъ нихъ) были тщательно исправлены въ слѣдующемъ изданіи или, что еще гораздо лучше и что вовсе не такъ уже и трудно, въ особомъ прибавленіи къ изданію теперешнему.

А.

Чернушевичъ. Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть 1-я. Служба въ мирное время. Выпускъ 1-й. Въ царствованіе императора Николая I (1825—1855 гг.). Спб. 1900.

Подъ этимъ названіемъ авторъ даетъ намъ довольно подробный историческій обзоръ возникновенія и развитія пограничной стражи. Книга, украшенная нѣсколькими портретами и иллюстраціями, дѣлится на двѣ половины. Въ первой авторъ даетъ краткій историческій очеркъ образованія отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, во второй — въ хронологическомъ порядкѣ сгруппированы описанія наиболѣе интересныхъ стычекъ съ контрабандистами чиновъ пограничной стражи за три періода: съ 1825 по 1835, съ 1836—1846 и съ 1846—1854 годы.

Книга эта написана весьма живо, прекраснымъ языкомъ; любитель историческаго чтенія найдетъ въ ней много новаго и въ высшей степени для себя интереснаго матеріала. Особенно много новаго и интереснаго книга г. Чернушевича даетъ къ характеристикѣ императора Николая I. Для пограничной стражи этотъ императоръ игралъ громадную роль, такъ какъ первый понялъ

всю важность правильной охраны границы и во все свое царствованіе интересовался этимъ вопросомъ и внимательно слѣдилъ за нимъ, привлекая къ тому же своего наследника. Императору Николаю стража обязана своимъ преобразованиемъ. До Николая Павловича пограничная стража находилась въ переходномъ состояніи, и только съ его воцареніемъ она получила правильную организацію.

Доказательствомъ того, насколько выдѣленіе стражи въ отдѣльный корпусъ, осуществившееся въ 1893 году, было необходимо, можетъ служить слѣдующій фактъ: въ 1846 году, російскій комиссаръ по пограничнымъ дѣламъ съ Пруссіей, полковникъ Кохъ, представилъ записку насчетъ происшествій, случающихся на прусской границѣ при водвореніи контрабанды, и, какъ мѣру для успѣшной борьбы съ контрабандистами, выставилъ необходимость расположенія вдоль прусской границы вмѣсто одного двухъ армейскихъ полковъ, размѣстивъ ихъ на кантонирь-квартирахъ такъ, чтобы ни одинъ хозяинъ не оставался безъ постояльца, и чтобы, въ случаѣ тревоги на пограничной чертѣ, каждое мѣсто могло быть заперто для контрабандистовъ военною силою,—императоръ Николай I положилъ слѣдующую резолюцію:

«Слѣдуя этому правилу, гораздо еще вѣрнѣе будетъ расположить вдоль по границѣ, или еще лучше, перевести въ таможенное вѣдомство цѣлый корпусъ!»

«Нынѣшнія мѣры, ежели недостаточны, чтобы соблюдать законы, то сіе доказываетъ только, что мѣры взысканій, по глупѣйшей филантропіи, ничтожны, и потому слѣдуетъ непремѣнно ихъ усилить» (стр. 7).

Какъ внимательно и серьезно относился государь къ происшествіямъ на границѣ, можно судить по тѣмъ въ высшей степени интереснымъ резолюціямъ, которыя онъ клалъ на всеподданнѣйшихъ докладахъ министра финансовъ. Ко всякаго рода нарушителямъ границы и преступникамъ государь относился безошадно строго. Въ этихъ случаяхъ, хотя лица, производившія буйства и безчинства на границѣ, были и гражданскаго вѣдомства, государь обыкновенно писалъ на докладѣ: «судить военнымъ судомъ». Особенную строгость государь проявилъ въ дѣлѣ дезертира Енишатскаго (онъ же Алишутскій), стрѣлявшаго съ прусской границы въ офицера стражи.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ о семъ министра финансовъ 21-го мая 1848 года, государь императоръ высочайше повелѣлъ сообщить военному министру, что дезертиръ, какъ посягавшій на жизнь офицера, долженъ подлежать самой высшей степени наказанія, т. е. прогнанію сквозь строй черезъ 1.000 человекъ шесть разъ.

Но, карая преступниковъ, государь всегда щедро награждалъ тѣхъ, кто, помня присягу, служилъ вѣрой и правдой. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда усиливалъ награду противъ того, какъ представлялъ министръ финансовъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. За подвигъ, совершенный объѣзчикомъ Кіашко, министръ финансовъ выдалъ ему въ награду 50 рублей. Но государю это показалось мало, и по доведеніи сего случая до высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія, 26-го марта 1843 года повелѣно было: «произ-

вести объѣздчика Кіашко въ унтеръ-офицеры и выдать еще 50 рублей» (всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ 26-го марта 1843 г., стр. 78).

Въ другомъ случаѣ, несмотря на то, что помощникъ надзирателя виленской бригады, коллежскій секретарь Станкевичъ, отличившійся въ рукопашномъ бою съ контрабандистами въ ночь на 5-е декабря 1845 года, по закону не имѣлъ права на производство въ слѣдующій чинъ, какъ занимавшій должность XII класса и къ тому времени не дослужившій въ настоящемъ чинѣ для производства за отличіе 6 мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе, принимая въ уваженіе оказанный имъ подвигъ, государь императоръ, въ 3-й день января 1847 года, высочайше повелѣлъ: произвести Станкевича въ чинъ титулярнаго совѣтника за отличіе, не въ примѣръ другимъ.

Въ 1853 году министръ финансовъ ходатайствовалъ о награжденіи поручика Ходунова орденомъ св. Анны 3-й степени.

На ходатайство это послѣдовало высочайшее соизволеніе, при чемъ государь императоръ Николай I собственноручно добавилъ въ указѣ о пожалованіи слово «съ бантомъ» (всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ 14-го августа 1853 г., стр. 121).

Но особенную милость оказали государь вахмистру Курляндской полубригады Андрееву. За совершенный имъ подвигъ министръ финансовъ просилъ государя о награжденіи его, Андреева, ста рублями, но государь на докладѣ министра собственноручно изволил начертать: «Произвести въ офицеры таможенной стражи и выдать въ награжденіе всю сумму по оцѣнкѣ и опубликовать происшествіе въ газетахъ» (всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ 24-го сентября 1848 года), а сумма была немалая—903 рубля 26 коп.

Нельзя не отмѣтить также и характернаго приказанія государя: «публиковать въ газетахъ».

Награждая живыхъ, государь не забывалъ и убитыхъ, семьямъ которыхъ онъ всегда назначалъ болѣе или менѣе значительныя пенсіи. Чрезвычайно интересенъ языкъ, которымъ разговаривалъ государь съ тогдашнимъ прусскимъ правительствомъ. Извѣстяся въ 1834 году, что прусскіе жители производятъ на границѣ всевозможныя безчинства и разбои, государь на всеподданнѣйшемъ докладѣ написалъ: «приказать графу Нироду официально снести съ томъ съ прусскимъ правительствомъ, прося принять строжайшія мѣры къ прекращенію сихъ разбоевъ».

Въ другомъ случаѣ онъ выразился еще энергичнѣе. Такъ, напримѣръ, на стр. 117 мы читаемъ:

«Прочитавъ докладъ объ этомъ происшествіи, императоръ Николай собственноручно начерталъ на немъ: «Г. Нироду, съ тѣмъ, чтобы вошелъ въ сношеніе съ прусскимъ правительствомъ, что съ нѣкоторыхъ поръ эти происшествія вновь стали повторяться, и что прошу принять мѣры къ прекращенію».

Несмотря на такое вниманіе и сочувствіе императора къ дѣлу охраны границы, она велась далеко не такъ, какъ бы слѣдовало. Причиной этого была

отчасти малочисленность стражи, а отчасти недобросовѣтность пограничныхъ полицейскихъ и земскихъ властей, державшихъ почти всегда руку контрабандистовъ противъ стражи, которой они по закону должны были помогать. Образцомъ такого недобросовѣстнаго отношенія мѣстныхъ властей можетъ служить дѣло поручика Богусhevскаго и засѣдателя Танскаго.

Къ сожалѣнію, не безупречны были и донскіе казаки, поставленные на границу въ помощь стражѣ: они сами усиленно водворяли контрабанду. Какъ примѣръ подвиговъ казаковъ въ этомъ направленіи, можно привести описаніе крайне интереснаго дѣла въ ночь на 21-е мая 1851 года, въ которомъ отряду пограничной стражи подъ командой поручика Износкова пришлось выдержать упорную перестрѣлку, а затѣмъ отчаянный рукопашный бой съ партией донскихъ казаковъ, везшихъ контрабанду. Бой, продолжавшійся болѣе часу, кончился пораженіемъ казаковъ, которые побросавъ контрабанду, ускакали, потерявъ одного убитымъ. Стража тоже потеряла 4-хъ человекъ тяжело ранеными. Куріозно то, что казаки же упрекали стражу и съ досадою говорили: «удружили вы насъ, землячки». Между тѣмъ сами, на предложеніе, сдѣланное поручикомъ Износковымъ: «сдаться безъ боя», — отвѣчали бранью, а одинъ изъ казаковъ, выскочивъ впередъ, выстрѣлилъ въ офицера, но промахнулся.

Вообще книга г. Чернушевича можетъ быть причислена къ разряду чрезвычайно интересныхъ, такъ какъ въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ почти никакихъ свѣдѣній о пограничной стражѣ, и авторъ включилъ въ свой трудъ неизданные матеріалы, добросовѣстно собранные имъ въ архивахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и второй выпускъ изслѣдованія г. Чернушевича, обнимающій періодъ времени отъ 1854 года до настоящаго времени, будетъ столь же интересенъ.

А. А.—мовъ.

Труды Я. К. Грота. III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Спб. 1901.

Всякій истинный любитель отечественной литературы не можетъ не порадоваться отъ души появленію новаго третьяго тома посмертнаго изданія трудовъ Я. К. Грота, выходящаго подъ редакціей его сына, профессора К. Я. Грота.

Этотъ новый томъ трудовъ покойнаго нашего ученаго изданъ столь же умѣло, тщательно и добросовѣстно, съ тѣмъ же, можно сказать, любовнымъ вниманіемъ, какъ и первые два. Въ первомъ томѣ помѣщены очерки и переводы покойнаго Грота изъ скандинавскаго и финскаго міра. Второй томъ заключаетъ въ себѣ его знаменитыя «Филологическія разысканія», потребность въ которыхъ чувствовалась уже нѣсколько лѣтъ на книжномъ рынкѣ, такъ какъ это сочиненіе было распродано. Вышедшій нынѣ третій томъ трудовъ покойнаго академика вмѣщаетъ въ себѣ извлеченныя изъ журналовъ и академическихъ изданій изслѣдованія, очерки и замѣтки его по исторіи русской литературы. Расположены они не въ хронологическомъ порядкѣ написанія (хотя хронологическія даты всюду тщательно обозначены), а въ порядкѣ тѣхъ

литературныхъ явленій и лицъ, о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь. Здѣсь находимъ мы изслѣдованія и замѣтки о Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Фонвизинѣ, Хемницерѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ, Ватюшковѣ, Крыловѣ, Плетневѣ, князь Вяземскомъ, Востоковѣ, Блудовѣ, Шевыревѣ, Козловѣ, Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Никитенкѣ, Далѣ, Пекарскомъ, Срезневскомъ и др. Статьи о Пушкинѣ, особенно важныя и существенныя для характеристики лицейскаго періода его жизни, выдѣлены въ особую, довольно обширную часть (стр. 1—328). Не помѣщены въ этомъ томѣ лишь многочисленныя статьи о Державинѣ, такъ какъ онѣ въ большинствѣ своемъ въ переработанномъ и дополненномъ видѣ вошли въ извѣстное монументальное академическое изданіе «Сочиненій Державина», выпущенное подъ редакціей академика Грота, съ присоединеніемъ особаго тома (VIII) «Жизнь Державина», а потому, какъ подготовительныя очерки и матеріалы, послѣ своей окончательной обработки въ этихъ изданіяхъ, не могли не утратить нынѣ въ извѣстной степени своего первоначальнаго интереса и значенія. Профессоръ К. Я. Гротъ ограничился лишь тѣмъ, что далъ въ настоящемъ томѣ подробный библиографическій указатель этихъ статей. Кромѣ изслѣдованій, очерковъ и замѣтокъ чисто историко-литературнаго характера, онъ помѣстилъ еще въ этомъ томѣ статьи покойнаго академика объ академіи наукъ и второмъ ея отдѣленіи, въ виду той тѣсной и живой связи, какаѣ существуетъ между академіей наукъ, ея жизнью и исторіей и судьбами русскаго просвѣщенія и русской литературы.

Съ истиннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ этого крайне интереснаго и прекрасно изданнаго тома.

А. А.

К. В. Харламповичъ. Къ вопросу о сущности русскаго раскола старообрядства. Казань. 1900.

Вотъ тема, которая никогда не утратитъ интереса. Несмотря на изрядное количество попытокъ дать удовлетворительный на нее отвѣтъ, она такъ же далека отъ разрѣшенія, какъ и въ 1840-хъ годахъ, когда впервые попробовали разобраться въ этомъ сложномъ вопросѣ. Голоса изслѣдователей, ломавшихъ надъ нимъ голову, разошлись совершенно: достаточно указать на мнѣніе г. Абрамова, будто бы расколъ есть «протестъ противъ всякаго рода буквѣдства и схоластики». А цѣлый сонмъ представителей официальной науки исторіи русскаго раскола, преподаваемой, какъ извѣстно, въ высшихъ и среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, съ непоколебимымъ постоянствомъ продолжаетъ настаивать, что расколъ, наоборотъ, есть порожденіе именно буквѣдства самой чистой воды. Истина, обыкновенно говорятъ, лежитъ посрединѣ, но тутъ и середины никакой не выдумаешь, до того далеко зашло разногласіе мнѣній.

Г. Харламповичъ, послѣ короткаго обзора главнѣйшихъ мнѣній о сущности раскола, становится на сторону тѣхъ изслѣдователей, которые въ расколѣ видятъ религіозную подкладку, но становится очень осторожно, постоянно оглядываясь на противоположный лагерь и дѣлая оговорки о нѣкоторыхъ

другихъ факторахъ въ расколѣ. «Наука о расколѣ,—говоритъ онъ,—не отвергаетъ гражданскихъ или противогражданскихъ стремленій въ расколѣ, но видитъ въ нихъ нѣчто не первоначальное и главное, а второстепенное, сложившееся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ въ прошломъ, усиленное въ послѣднее время пропагандой среди старообрядцевъ антисоціальныхъ ученій и заграничными сношеніями ихъ». «Религіозный протестъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Харламповичъ,—удесятерилъ свои силы, соединившись съ протестомъ политическимъ и соціальнымъ», но «такое усиленіе и осложненіе раскола произошло тогда только, когда сторонники оппозиціи убѣдились, что правительство не только не намѣрено перейти на ихъ сторону и прекратить гоненія, но и окончательно, казалось, отступило отъ идеаловъ старины, реформируя всѣ стороны русской жизни—церковную, соціальную, военную, школьную». Главный же мотивъ раскола, по отношенію къ которому всѣ другіе стоятъ въ подчиненномъ отношеніи, все-таки религіозный, что г. Харламповичъ и стремится доказать выдержками изъ писаній первыхъ расколоучителей и анализомъ тѣхъ особенностей раскола, которыя даютъ поводъ видѣть въ немъ «оппозицію податного земства, массы народной противъ всего государственнаго строя—церковнаго и гражданскаго» (опредѣленіе Щапова).

Несомнѣнно, что въ настоящее время, послѣ свыше двухвѣковаго существованія, старообрядческій расколъ значительно измѣнилъ свою фізіономію, оживился новыми стихіями, дѣлающими его непохожимъ на расколъ XVII в. Авторъ подкрѣпляетъ свою мысль о религіозной основѣ раскола выписками изъ трудовъ главнымъ образомъ начальныхъ расколоучителей—знаменитаго протопопа Аввакума, діакона Феодора и проч. Этого было бы совершенно достаточно, если бы вопросъ шелъ собственно о происхожденіи раскола. Между тѣмъ авторъ рѣшаетъ еще болѣе сложный и трудный вопросъ о сущности раскола. Тутъ, намъ кажется, слѣдовало бы оказать надлежащее вниманіе и послѣдующимъ произведеніямъ раскольнической литературы вплоть до нашихъ дней. Авторъ, правда, приводитъ кой-какія выписки (замѣтимъ—безъ указанія источника), но ихъ очень мало. Засимъ въ комментированіи выписокъ послѣдней категоріи авторъ, на нашъ взглядъ, упустилъ изъ виду слѣдующее немалозначительное обстоятельство. Расколоучители, допустимъ, даже противъ кофе или картофеля протестуютъ во имя религіи. Но это можетъ объясняться простымъ стремленіемъ подыскать религіозную основу для протеста, чтобы освятить его въ глазахъ вѣрующей массы, истинные же мотивы протеста могли быть и не строго религіознаго характера. Далѣе, при разборѣ выписокъ позднѣйшихъ раскольничьихъ писателей, касавшихся такихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, подушная подать, народная перепись, метрики, паспорта, и вообще останавливавшихся на отношеніи старообрядцевъ къ разнымъ государственнымъ установленіямъ, слѣдовало бы не пренебрегать и тою мыслью, что, быть можетъ, эти писатели, въ виду остраго характера темъ, прибѣгаютъ къ пользованію тѣмъ эзоповскимъ языкомъ, который такъ въ ходу въ нашей провинціальной прессѣ вслѣдствіе тяжелыхъ условій ея существованія.

Все это мы говоримъ не въ укоръ автору, такъ какъ въ предѣлахъ вступительной лекціи (прочитанной г. Харламповичемъ въ Казанскомъ универси-

тетѣ), воспроизведеніе которой и составляет настоящая брошюра, конечно, и невозможно было разобрать поставленный вопросъ во всей его широтѣ. Предъ г. Харламповичемъ лежитъ еще достаточно длинный путь изысканій въ этой любопытной области—ему, быть можетъ, придется вернуться къ тому же вопросу и, если не перерѣшить, то болѣе прочно обосновать свой взглядъ на сущность раскола.

Х. Р. А-вичъ.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900.

«Русская фабрика» г. Туганъ-Барановскаго, вызвавшая въ свое время такую страстную, хорошо памятную читателю полемику, выходитъ теперь уже вторымъ изданіемъ, въ значительно дополненномъ видѣ. Главнѣйшія дополненія касаются общей теоріи промышленнаго развитія Россіи и исторіи современнаго промышленнаго кризиса, но зато собственно полемикѣ въ настоящемъ изданіи авторъ удѣлилъ значительно меньше мѣста, справедливо считая, что многіе вопросы, встрѣтившіе два года тому назадъ цѣлую «бурю возраженій», теперь ни для кого уже не покажутся сомнительными, — нельзя не сказать, что отъ этого трудъ автора только выигрываетъ. Впрочемъ, этимъ мы не хотимъ, конечно, утверждать справедливость всѣхъ положеній автора; такъ, развитіе «тяжелаго» кризиса, переживаемаго въ настоящее время русскою промышленностью, далеко не кажется намъ такъ яснымъ и опредѣленнымъ, какъ это представляется автору, слишкомъ подверженному догматизму. Но вообще, что касается до содержанія перваго тома, то смѣло можно сказать, что поставленную себѣ задачу: изобразить «постепенное измѣненіе внутренняго строя русской фабрики подъ вліяніемъ измѣненія общественно-экономической среды», — автору удалось выполнить болѣе, чѣмъ удовлетворительно. Онъ начинаетъ съ изслѣдованія торговаго капитала въ до-петровскій періодъ, затѣмъ прослѣживаетъ процессъ, благодаря которому купеческая фабрика—соціальныи продуктъ времени Петра—должна была постепенно уступить свое мѣсто дворянской фабрикѣ съ принудительнымъ рабочимъ трудомъ, а далѣе, — по мѣрѣ вступленія страны въ товарный кругооборотъ, — теряла все болѣе и болѣе, особенно въ связи съ развитіемъ кустарныхъ промысловъ, дворянскій характеръ, пока, наконецъ, съ реформами Александра II, не вступила на путь ея современнаго развитія. Если сюда добавить еще изслѣдованія автора о величинѣ заработной платы въ разные періоды, о фабричномъ законодательствѣ, борьбѣ рабочихъ съ хозяевами, отношеніи къ фабрикѣ правящихъ слоевъ, литературы и общества и т. д., то можно судить, насколько обширенъ трудъ, предпринятый авторомъ. Выше было уже сказано о его выполненіи; богатство фактическаго матеріала нигдѣ не затемняетъ у него хода мыслей; онъ обосновываетъ свои выводы и дѣйствительно даетъ широкую картину развитія русской фабрики, строго согласуя ее съ измѣненіемъ общественныхъ условій. Остается лишь пожелать скорѣйшаго выхода втораго тома, составляющаго непосредственное продолженіе настоящаго труда.

А. Н.

**Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества.
Томъ сто восьмой. Юрьевъ. 1900.**

Сто восьмой томъ «Сборника Императорскаго Русскаго историческаго общества» изданъ съ обычной тщательностью и полнотой. Онъ заключаетъ въ себѣ «Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Иоанновны», печатаемые подъ редакціей профессора Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова, и представляетъ собою третій томъ этихъ бумагъ.

Въ первыхъ двухъ томахъ, помѣщенныхъ въ сто четвертомъ и сто шестомъ томахъ «Сборника», напечатаны бумаги кабинета министровъ за первые годы его дѣятельности, а именно за 1731—1733 годы. Вышедшій нынѣ сто восьмой томъ заключаетъ въ себѣ бумаги за слѣдующій 1734 годъ.

Начиная съ этого тома, редакціей, съ разрѣшенія совѣта общества, въ интересахъ дѣла, внесено въ изданіе бумагъ кабинета нѣкоторое измѣненіе, состоящее въ томъ, что къ журналамъ кабинета, положеннымъ въ основаніе изданія его бумагъ за первые годы его дѣятельности, прибавлены еще списки или реестры входящихъ въ кабинетъ бумагъ. Основаніемъ для этого добавленія послужили слѣдующія соображенія. Журналы кабинета за 1731—1733 гг., напечатанные въ двухъ первыхъ томахъ, какъ видно изъ ихъ текста, наряду съ указаніемъ на лицъ, присутствовавшихъ въ кабинетѣ, и на «приказы», отдаваемые изъ кабинета министрами, содержали также перечисленіе входившихъ и исходящихъ изъ кабинета бумагъ, не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ свѣдѣній, касавшихся кабинета и его отношенія къ императрицѣ, различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, съ коими ему приходилось сношаться и т. д. Съ 1734 года характеръ журналовъ кабинета рѣзко измѣняется: вмѣсто этихъ, столь разнообразныхъ по содержанію журналовъ (которые можно было бы, по справедливости, назвать протоколами засѣданій кабинета), ведутся главнымъ образомъ лишь журналы приказовъ, отдаваемыхъ изъ кабинета, а изъ прежнихъ журналовъ-протоколовъ (вѣроятно, въ силу весьма значительнаго, съ годами, расширенія дѣятельности учрежденія) выдѣляются въ особыя книги списки или реестры входящихъ и исходящихъ изъ кабинета бумагъ, а равно и составляются, въ отдѣльныхъ случаяхъ, особыя «протокольные записки» и «протоколы на указы». Всѣ акты этого рода и послужили редакціи «Сборника» матеріаломъ для прибавленія къ журналамъ кабинета особыхъ списковъ или реестровъ входящихъ въ кабинетъ бумагъ, — прибавленія чрезвычайной важности и значительнаго интереса, весьма существеннаго для будущихъ историковъ кабинета.

Ан. Ал.

**Łózef Dunin-Karwicki. Z zamglonej i niedawno minionej przeszłość.
Wołyńskie opowiadania historyczne. Warszawa. 1901.**

Прошлое Волини—непостижимая почва для историческихъ изысканій. Тутъ трудилось уже немало лицъ, но остается еще много работы и для будущихъ изслѣдователей. Такъ почти нетронутой остается исторія Волини въ первую половину XIX вѣка, когда общественная жизнь была здѣсь ключемъ, Креме-

нець съ его лицемъ былъ умственнымъ центромъ всего Юго-Западнаго края, а контрактная ярмарка въ городѣ Дубно совершала крупнѣйшія экономическія сдѣлки на протяженіи цѣлыхъ трехъ губерній (Кіевской, Волынской и Подольской). Все это вносилъдѣтви перетянулъ къ себѣ Кіевъ. Старожилы волынскіе и доселѣ не перестаютъ вздыхать объ этомъ славномъ и, увы, невозвратномъ прошломъ. Г. Дунинъ-Карвицкій, тоже волынскій старожилъ, и при томъ горячій патріотъ своѣй земли, не довольствуясь воздыханіями, имѣетъ благой замыселъ передать и въ назиданіе потомству память объ этихъ пріятныхъ временахъ. Въ свое время на страницахъ нашего журнала былъ данъ отзывъ объ его очеркахъ «*Ze starego auntoaramentu*», воспроизводящихъ картины бытательскаго быта на Волыни въ первую половину XIX вѣка. Въ настоящей книжкѣ, заглавіе которой приведено выше, содержится фактическая, такъ сказать, исторія болѣе примѣчательныхъ городовъ, мѣстечекъ и селъ Волыни (числомъ болѣе 40).

Авторъ совершенно напрасно утруждалъ себя выписками свѣдѣній изъ лѣтописей и другихъ древнихъ извѣстій, касающихся историческихъ пунктовъ Волыни. Все это тысячу разъ было писано и переписано, и притомъ гораздо полнѣе, чѣмъ сдѣлано г. Дунинъ-Карвицкимъ. Гораздо интереснѣе, когда авторъ, пользуясь свѣдѣніями семейныхъ архивовъ или даже личными воспоминаніями, передаетъ исторію не такъ давно минувшаго времени, излагаетъ исторію польскихъ дворянскихъ родовъ, владѣвшихъ до 60-хъ годовъ всей землей волынской, дѣлаетъ бѣглые наброски болѣе выдающихся личностей, недавно сошедшихъ со сцены, описываетъ быстро измѣнившуюся за послѣднее время физіономію той или другой мѣстности и пр. Такъ заслуживаютъ упоминанія приведенныя авторомъ свѣдѣнія о частыхъ посѣщеніяхъ Волыни великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, который, въ бытность генералъ-инспекторомъ кавалеріи, расквартированной, главнымъ образомъ, на Волыни, завязалъ близкія отношенія со многими польскими фамиліями въ краѣ. Послѣ цѣлодневнаго муштрованія кавалерійскихъ полковъ, великій князь ѣхалъ на объѣздъ къ польскому помѣщику, куда собиралась окрестная знать, и гдѣ съ ранняго вечера начинались танцы, въ которыхъ принималъ участіе и великій князь со свитой. На другой день вся кавалькада перекочевывала къ другому помѣщику, гдѣ имѣлъ остановиться высокій гость, тутъ опять начинался балъ и т. д. По свидѣтельству автора, въ семейныхъ архивахъ волынскихъ помѣщиковъ хранится много собственноручныхъ писемъ великаго князя — памятникъ его сердечныхъ отношеній къ гостепримнымъ хозяевамъ. Довольно живо г. Дунинъ-Карвицкій описываетъ типичную фигуру генерала Ржищевскаго, — пана стараго закала, отличавагося всякими причудами. Въ видѣ ярко-кolorитной картинки можно указать на повѣствованіе о загаецкихъ корчмахъ, — этаный топографическій пунктъ на трактовой дорогѣ, гдѣ происходила первая встрѣча питомцевъ Кременецкаго лицея, съѣзжавшихся послѣ каникулъ изъ Украины, Подолія и южныхъ частей Волыни; за миской простокваши или стаканомъ пива здѣсь велись горячіе дебаты по научнымъ и литературнымъ вопросамъ, декламировались только что начинавшія появляться оды Мицкевича.

Немалый интересъ придаетъ книжкѣ и то, что авторъ, отдавши надлежа-

щую дань исторіи, сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи городовъ и мѣстечекъ, указываетъ число и этнографическій составъ населенія, касается мѣстной промышленности, иногда передаетъ мѣстныя народныя сказанія и преданія (например, о трехъ каменныхъ крестахъ въ полѣ у села Брыкова), описываетъ архитектурныя памятники старины въ томъ видѣ, какъ они сохранились теперь.

Тонъ разсказа—элегическій. Авторъ во всемъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе прошлому, когда жилось хоть и проще, безъ затѣй, но зато веселѣе и беззаботнѣе. Еще бы, при крѣпостномъ-то трудѣ! Тогда, дѣйствительно, помѣщику только и оставалось дѣлать, что повторять души своей.. яждь, пій и веселися! А вотъ, если бы спросить волынскаго простолюдина, такъ ли ужъ хорошо было жить въ старину, — тогъ, вѣроятно, далъ бы другой отвѣтъ и разсказалъ бы много кое-чего любопытнаго, о чемъ г. Дунинъ-Карвицкій благоразумно умолчалъ.

К. Х.

А. Л. Волынскій. Леонардо-да-Винчи. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1900.

Имя Леонардо-да-Винчи, какъ художника, давно уже пользуется всемірной славой. Но только лишь за послѣднее время, столь похожее, по словамъ автора, на времена ренессанса, интересъ къ нему настолько усилился, что въ роскошныхъ изданіяхъ печатаются даже его манускрипты, цѣлыя вѣка пролежавшіе въ забвеніи, подвергавшіеся всевозможнымъ случайностямъ, но изъ которыхъ мы впервые съ достовѣрностію узнаемъ природу этого необычайнаго человѣка, ученаго еще въ большей степени, чѣмъ художника. Обширному труду своему, отличающемуся болѣе, чѣмъ достаточною полнотой и роскошью изданія, авторъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ кропотливой работы, при чемъ ему удалось объѣздить чуть не все мѣста, гдѣ хранятся подлинныя или лишь приписываемыя Леонардо-да-Винчи произведенія, а также мѣстности, гдѣ жилъ и работалъ художникъ. Далѣе авторъ изучилъ все печатныя документы, имѣющіе отношеніе къ Леонардо-да-Винчи (наиболѣе любопытныя изъ нихъ приложены къ книгѣ), и, признавая огромную связь нашего вѣка съ идейнымъ движеніемъ ренессанса, по его словамъ, «стремился постигнуть отдаленную эпоху при помощи того, что дѣлается въ живой современности». Успѣлъ ли онъ въ этомъ? Во всякомъ случаѣ онъ достигъ того, что таинственный образъ Леонардо-да-Винчи принимаетъ въ его изложеніи понятный обликъ. Самый могучій умъ своего времени, онъ страдалъ, однако, душевнымъ разладомъ, такъ свойственнымъ и людямъ нашего времени; въ немъ боролись два міросозерцанія, и это отразилось на его художественныхъ произведеніяхъ, совершенныхъ по техникѣ, но не дающихъ цѣльнаго художественнаго впечатлѣнія. «Каждое изъ нихъ, по словамъ автора, является, прежде всего, какимъ-то символомъ сложнаго, многообъемлющаго знанія, непримиренныхъ между собою идей»... Слабѣе намъ кажется отдѣль, трактующей о научно-философскихъ трудахъ Леонардо-да-Винчи, что отчасти, быть можетъ, объясняется расплывчатостью изложенія; расплывчатость эта чувствуется, впрочемъ, во всѣхъ отдѣлахъ, особенно во второмъ

(искусство Леонардо-да-Винчи), которому авторъ придалъ полу-художественную форму, лишь ослабляя тѣмъ впечатлѣніе. Живо написана біографія Леонардо-да-Винчи, но не помѣшалъ бы, намъ думается, и историко-культурный очеркъ эпохи, когда жилъ и работалъ Леонардо, такъ какъ все-таки прежде всего онъ былъ сыномъ своего времени. Гравюры, рисунки и проч., исполнены превосходно, очень многочисленны и даютъ яркое представленіе о своеобразномъ, полномъ крайней оригинальности творествѣ этого гиганта мысли, предвосхитившаго въ самыхъ различныхъ областяхъ человѣческаго знанія открытія новѣйшихъ временъ, но никогда не удовлетвореннаго гонія.

А. Н.

Иосифъ Голечекъ. Россія и Западъ. (Глава изъ книги «Поездка въ Россію»). Переводъ съ чешскаго. Сообщение, сдѣланное 31-го марта 1900 г. въ кружокѣ имени Я. П. Полонскаго. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1900.

Въ 1895 году Иосифъ Голечекъ (одинъ изъ редакторовъ вліятельной пражской газеты «*Narodni Listy*») путешествовалъ по Россіи; плодомъ этого путешествія явилась книга «Поездка въ Россію», одна изъ главъ которой и послужила предметомъ сообщенія, сдѣланнаго въ кружокѣ имени Я. П. Полонскаго. Глава эта, впрочемъ, сама по себѣ составляетъ цѣлую книжку, довольно любопытную, такъ какъ авторъ сравниваетъ въ ней русскую культуру съ западной и, хотя самъ онъ западный культурный славянинъ, но цѣликомъ отвергаетъ «гнилую» культуру Европы. Извѣстно, впрочемъ, что задача, которую ставитъ себѣ авторъ, давно уже рѣшена у насъ Н. Я. Данилевскимъ въ его книгѣ «Россія и Европа». Поэтому едва ли можно согласиться съ авторомъ сообщенія, который говоритъ, что «самостоятельные и оригинальные взгляды автора въ значительной степеніи новы и для русскаго общества». Изложенію придана форма діалога со знакомымъ автору соотечественникомъ-шпиковаромъ. Эпизодъ съ жандармомъ производитъ нѣсколько странное впечатлѣніе.

А. Н.

А. К. Дживелеговъ. Городская община въ средніе вѣка. Москва. 1901.

Немного найдется проблемъ во всемірной исторіи, разработанныхъ съ такою энергіей и такъ сильно волновавшихъ ученыхъ, какъ вопросъ о происхожденіи городовъ. Въ нѣмецкой исторической литературѣ этотъ вопросъ вызвалъ интереснѣйшіе, оживленные дебаты, и еще такъ недавно французскій ученый Люперъ песимистически замѣтилъ, что и не разрѣшить этого сложнаго вопроса о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Рядъ крупныхъ ученыхъ, сдѣлавшихъ попытку разобраться въ этомъ вопросѣ, выдвинувшихъ остроумныя, иногда заманчивыя теоріи, остается, однако, неизвѣстнымъ для русскаго читателя-неспеціалиста, такъ какъ сочиненія эти и требуютъ соответствующей

подготовки, и у нас не переведены. Въ распоряженіи русскаго читателя есть хотя кое-что по этому вопросу въ сочиненіи Кудрявцева «Судьбы Италіи», устарѣломъ такъ же, какъ и Смирнова «Коммуна средневѣковой Франціи», и обстоятельное введеніе въ книгѣ Дитятина «Устройство и управленіе городовъ Россіи».

Между тѣмъ, несомнѣнно, исторія средневѣковой городской общины имѣетъ болѣе широкій и захватывающій интересъ, чѣмъ исключительно академическій. Коммуны не только выдвинули созданную ими буржуазію, но оказали огромное вліяніе на преобразование культурно-соціальныхъ отношеній. Чрезвычайно интересно прослѣдить, поэтому, какъ объясняютъ выдающіеся ученые вопросъ о происхожденіи городской общины.

Небольшая книжка г. Дживелегова, написанная сжато, но очень живо и ярко, даетъ русскому читателю талантливую попытку мобилизации громаднѣхъ трудовъ по этому вопросу. Читатель найдетъ здѣсь отчетливо изложенныя, и при томъ въ ясной и доступной формѣ, теоріи Белова, Зома, Флака и Кейтгена о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ, т.-е. новѣйшія теоріи. Авторъ не касался всѣхъ изслѣдованій, но вездѣ умѣло сопоставляетъ разныя воззрѣнія, отмѣчая характерныя черты метода, выдѣляя слабыя мѣста, приводя возраженія, опредѣляя мѣсто извѣстнаго труда въ ряду другихъ изслѣдованій, и давая основательную оцѣнку излагаемаго взгляда. Автора въ особенности интересуетъ методологическая сторона вопроса, и оцѣнка имъ, на примѣрѣ Флака, имѣетъ методологическій характеръ.

Сжатость изложенія книжки г. Дживелегова позволила, все-таки, автору сдѣлать на стр. 18 — 19 прекрасныя сопоставленія между юристомъ и историкомъ: хотя они и оперируютъ надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, но у нихъ совершенно разныя точки зрѣнія, и авторъ очень хорошо подчеркиваетъ увлеченія юридической точкой зрѣнія, иллюстрируя свои замѣчанія разобранной имъ теоріей Зома. Вся ошибочность построеній Зома объясняется тѣмъ, что его точка зрѣнія — юридическая. А. К. Дживелеговъ послѣдовательно выясняетъ, какъ юридическіе принципы заслонили предъ Зомомъ политическія и соціальныя условія, вслѣдствіе чего «его изслѣдованіе», говоритъ авторъ (33 стр.), «дало красивую схему, на первый взглядъ заманчивую, но не выдерживающую серьезной критики, основанной на данныхъ историческихъ источниковъ».

Съ большимъ интересомъ читается вторая глава книжки г. Дживелегова, посвященная разбору теоріи Флака, которому авторъ отводитъ выдающееся мѣсто въ литературѣ по вопросу о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ, въ особенности сравнивая его съ другимъ юристомъ — Зомомъ. Взгляды Флака авторъ считаетъ наиболѣе правильными. Изъ всѣхъ этихъ теорій читатель сдѣлаетъ тотъ выводъ, о которомъ авторъ и говоритъ въ своемъ предисловіи, что «эволюція экономическихъ отношеній есть важнѣйшая пружина» возникновенія городовъ. Слѣдуетъ прибавить, что во взглядахъ автора вовсе не преобладаетъ точка зрѣнія экономического матеріализма: авторъ видитъ лишь въ эволюціи экономическихъ порядковъ одну изъ главныхъ причинъ условій возникновенія коммуны.

Будучи строго научнымъ, а въ то же время единственнымъ очеркомъ изложенія и критики сложныхъ теорій о происхожденіи городовъ, книжка г. Дживелегова представляетъ собою по качеству талантливо освѣщенного матеріала замѣтное и весьма отрадное явленіе въ нашей небогатой научно-популярными сочиненіями литературѣ.

П. К.

Эмиль Фагэ. Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Третья серія. Москва. 1900.

Въ третьемъ и послѣднемъ томѣ серіи очерковъ, выпущенныхъ французскимъ критикомъ подъ названіемъ «Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка», фигурируютъ имена, не имѣющія между собою ничего общаго, между которыми трудно установить какое либо единство. Они или скептики, или позитивисты, или, наконецъ, «простые наблюдатели».

Въ своемъ предисловіи Фагэ пытается, хотя нѣсколько туманно, выяснить, почему онъ выбралъ заглавіемъ слова: «Политическіе мыслители и моралисты». Мыслители второй половины XIX вѣка, по замѣчанію Фагэ, болѣе блестящи и интересны, чѣмъ ихъ предшественники, и производятъ на насъ впечатлѣніе унынія, разочарованія и утомленія. «Мы поворотили назадъ», говоритъ онъ, «и возвращаемся къ точкѣ отправления, на которой стояли сто двадцать лѣтъ назадъ». Припоминая немолодую формулу — «свобода, равенство, братство», Фагэ говоритъ, что «братство» примиряетъ существующую антиномію между свободой и равенствомъ. Слѣдовательно, продолжаетъ онъ, свобода, и равенство должны опираться другъ на друга, одушевляясь братствомъ, социальный вопросъ есть по существу вопросъ моральный, а значитъ, и всѣ политическіе вопросы въ глубинѣ своей также основаны на моральной силѣ. Вотъ почему выбрано имъ такое заглавіе, изучены только тѣ, которые, будучи политиками, были и моралистами. «Такихъ» онъ насчитываетъ шесть: Стендаль, Токвиль, Прудонъ, Сентъ-Бѣвъ, Тэнъ, Ренанъ.

Почему же именно эти шесть? Можно назвать 12 другихъ именъ, тоже какъ разъ подходящихъ и къ политикамъ и къ моралистамъ, не понавшихъ въ число «избранныхъ» Фагэ. Наконецъ, самое объясненіе ничего не объясняетъ въ сущности, указывая лишь на отсутствіе стройнаго плана работы Фагэ.

Какъ всегда, отдѣльные портреты и очерки вышли у блестящаго французскаго критика, остроумнаго, насмѣшливаго и не всегда глубокаго, — весьма удачно.

Въ главѣ Стендалѣ онъ останавливается на его скептицизмѣ. Въ немъ Фагэ готовъ видѣть даже перваго изъ ницшеанцевъ, хотя первымъ былъ, по его же замѣчанію, Вольтеръ. Это самъ XVIII вѣкъ, но лишенный оптимизма, утратившій мечты, извращенный: «душевная сухость, ясный и положительный умъ, нѣсколько грубоватая чувственность». Идея Стендаля — охота за счастьемъ, переходящая скоро въ борьбу за счастье. Возстановитель реализма во Франціи, Стендаль, по взгляду Фагэ, гораздо выше Бальзака, а для литературы онъ служитъ одною изъ важнѣйшихъ ея датъ.

Токвиля Фагэ называетъ хорошимъ наблюдателемъ, проницательнымъ и тонкимъ аналитикомъ, прозрѣвающимъ особенности новаго времени. «Это очень точный, очень просвѣщенный профессоръ политики», душа правдивая, чистая, преданная великому, пылка и чувствительная. Фагэ подвергаетъ очень хорошему разбору сочиненія Токвиля, толково и съ достаточной полнотой излагая основныя идеи его «Демократіи» и «Старого порядка».

Третій политикъ и моралистъ—Прудонъ—«маленькій, хилый блондинъ», какъ онъ самъ называетъ себя. Изъ всѣхъ шести «политиковъ» Прудонъ имѣлъ наиболѣе ясный идеалъ. Фагэ, разбирая центральную идею Прудона—вѣру въ справедливость, парадоксально настаиваетъ на ложности этой идеи, поскольку она есть общая идея. Но идея эта «возвышенна и прекрасна», говоритъ Фагэ, а самъ Прудонъ—одинъ изъ величайшихъ двигателей идей. Двойственностью его натуры критикъ объясняетъ всѣ его экономическіе взгляды и то обстоятельство, почему Прудонъ никогда не могъ прийти ни къ какому удовлетворительному заключенію.

Сентъ-Бёвъ, по опредѣленію Фагэ, великій умъ упадка, скептикъ-диллетантъ, не ставившій никакого идеала передъ человѣчествомъ, «безобразный, чувственный, очень любознательный и необыкновенно умный человѣкъ». Онъ способствовалъ появленію школы скептицизма, а также и психологической школы. Ему же обязано и зарожденіе систематической критики.

Ученикомъ Сентъ-Бёва былъ Тэнъ, позитивистъ и пессимистъ, своего рода стоикъ. Фагэ очень остроумно прилагаетъ къ характеристикѣ Тэна его же методъ, опредѣляя, что господствующей чертою Тэна была честность. Онъ страстно любилъ все точное, это былъ правдивый умъ. Изложивъ общіе выводы Тэна о человѣкѣ и человѣческой жизни, обществѣ и общественной жизни, Фагэ выясняетъ, что позитивизмъ Тэна все собираетъ и стягиваетъ къ своему центру, а потому имѣлъ свою школу и создалъ себѣ хорошихъ противниковъ.

На Ренана Фагэ смотритъ довольно сурово. Онъ говоритъ, что Ренанъ не создалъ ничего прочнаго, что результаты его дѣятельности отрицательныя. Ренанъ былъ прежде всего человѣкомъ ума, «онъ слишкомъ любилъ вѣрить во все, чтобы не вѣрить ни во что». Въ немъ Фагэ различаетъ двѣ вѣры: одна — вѣра чувства, другая — размышленія. Этотъ послѣдній очеркъ Фагэ слабѣе предыдущихъ, можетъ быть, потому, что Ренанъ былъ слишкомъ большая величина, чтобы такъ легко распорядиться имъ, какъ это дѣлаетъ Фагэ съ другими.

К. Алексѣевъ.

Э. Бернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Переводъ Л. Канцель. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1901.

Имя Э. Бернштейна, какъ автора аграрнаго вопроса, хорошо извѣстно русской читающей публикѣ. Въ новомъ своемъ произведеніи Бернштейнъ еще болѣе является представителемъ того направленія въ социалистической литературѣ, которое онъ самъ опредѣляетъ, какъ борьбу «противъ остатковъ утопическаго способа мышленія въ социалистической теоріи»,... «соціально-демократіи

необходимъ Кантъ, который выступилъ бы противъ традиціоннаго догматизма критически, со всевозможной рѣзкостью и показалъ бы, гдѣ ея кажущіеся матеріализмъ является высшей и потому легче всего вводящей въ заблужденіе идеологіей». Изслѣдуя исторію матеріализма г. Бернштейнъ подробно указываетъ, какъ развились противорѣчія марксизма, и какъ сама практика жизни отвергала догму. Такъ, на примѣръ, вовсе не подтвердился «железный» законъ заработной платы, значительно увеличилось число капиталистовъ, среди которыхъ къ тому же все болѣе и болѣе замѣчаются стремленія къ организаціи производства, въ огромной степени развились потребительныя коопераціи, тогда какъ производительныя въ сравненіи съ ними составляютъ совершенно ничтожную величину; наконецъ, аграрныя отношенія въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ настоящее время почти совсѣмъ не поддаются социалистической организаціи, да и вообще мелкое производство вовсе не выказываетъ такой тенденціи къ своему уменьшенію (не говоря уже о быстромъ исчезновеніи), какъ это предрекалось въ свое время. Все это заставляетъ автора отнести къ «конечной цѣли» рабочаго движенія отрицательно, такъ какъ и теперь еще онъ не считаетъ рабочаго класса «достаточно развитымъ, чтобы овладѣть политической властью». На мѣсто этого захвата онъ ставитъ ближайшія практическія цѣли, проникнутыя, понятно, извѣстнымъ идеаломъ, но вполне осуществимыя и при теперешнихъ силахъ рабочаго класса, борьбу за политическую демократію и демократію въ промышленности. «Будущее этой борьбы, — говоритъ онъ, — зависитъ не отъ факта концентраціи капитала въ рукахъ уменьшающагося числа магнатовъ, не отъ всей діалектической постройки, которой принадлежитъ этотъ фактъ, но отъ роста общественнаго богатства, т. е., общественныхъ производительныхъ силъ въ связи съ общимъ социальнымъ прогрессомъ, въ особенности съ интеллектуальной и моральной зрѣлостью рабочаго класса».

А. Никитинскій.

Н. Овсяный. Болгарія и болгары. Съ картой Балканскаго полуострова. Спб. 1900.

Новый трудъ г. Н. Овсянаго, автора книгъ «Современная Турція» и «Сербія и сербы», заслуживаетъ полнаго вниманія не только специалистовъ, но и всякаго русскаго образованнаго человѣка. Мы даже готовы скорѣе сказать такъ: не столько специалистовъ, сколько всякаго русскаго образованнаго человѣка, потому что авторъ въ своемъ трудѣ не освѣщаетъ предмета своего изслѣдованія какимъ либо совершенно новымъ свѣтомъ, не вноситъ въ него чего либо особеннаго, своеобразнаго, не разрѣшаетъ какихъ либо спорныхъ вопросовъ, бывшихъ до него предметомъ пререканія специалистовъ, но зато даетъ въ своемъ очеркѣ ясную, полную, живую и яркую картину жизни — отчасти прошедшей, но главнымъ образомъ современной, настоящей — той страны и того народа, съ которыми онъ знакомитъ русскаго образованнаго читателя.

«На политыхъ русскою кровью поляхъ Болгаріи выросла болгарская сво-

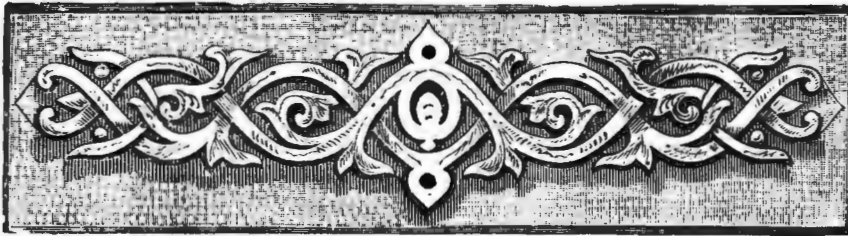
бода, — по этому одному, не говоря уже о племенномъ родствѣ и единствѣ вѣроисповѣданія, судьба болгарскаго народа должна быть въ особенности близка намъ. Темная туча налегла было на наши отношенія въ періодъ мрачной стамбуловщины, стремившейся отклонить Болгарію отъ Россіи; но волна народнаго движенія смыла и самого Стамбулова, и его нечистое дѣло. Теперь дружескія отношенія двухъ родственныхъ народовъ возстановились. Дай Богъ, чтобы эти узы окрѣпли и уже болѣе не ослаблялись! Но чтобы не повторились печальныя явленія прошлаго, намъ нужно хорошо знать другъ друга и отдавать себѣ ясный отчетъ во всемъ, что пропеходитъ у родственниковъ намъ народовъ; уроки прошлаго не должны проходить безслѣдно».

Этою потребностью г. Овсяный объясняетъ появленіе своего труда. И дѣйствительно, потребность эта сказывалась весьма настоятельно. Интересъ нашъ къ народностямъ, близкимъ намъ по вѣрѣ и по крови, и, кромѣ того, припавшимъ, такъ сказать, къ намъ пролитою нами за нихъ кровью, весьма естественъ и понятенъ. Довольствоваться обрывками свѣдѣній о нихъ изъ газетъ и журналовъ недостаточно. До трудовъ же специалистовъ у насъ добираются немногіе и нелегко. Книга г. Овсянаго можетъ сослужить въ этомъ отношеніи хорошую и полезную службу. Написанная легко и живо, она даетъ въ то же время достаточно полныя, точныя и основательныя свѣдѣнія преимущественно по новѣйшей современной исторіи Болгаріи, которую авторъ знаетъ не съ чужого голоса, не изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. По окончаніи войны 1877—1878 гг. ему выпало на долю послужить Болгаріи въ должности перваго окружнаго начальника въ одномъ изъ южныхъ округовъ. Въ прошломъ же году онъ ѣздилъ въ Болгарію специально для собранія свѣдѣній о странѣ и народѣ для своей книги и встрѣтилъ, по его словамъ, полное сочувствіе и содѣйствіе со стороны всѣхъ болгаръ, къ которымъ обращался. Тѣмъ не менѣе авторъ отличается полнымъ безпристрастіемъ и въ заключеніи своей книги (стр. 309 и далѣе) немало говоритъ горькой правды о современномъ положеніи страны и характерѣ ея интеллигенціи. Книга даетъ географическій обзоръ страны, историческій очеркъ ея народа, свѣдѣнія по статистикѣ и этнографіи, по литературѣ, наукѣ и искусству, о вооруженныхъ силахъ и въ заключеніе общую характеристику современнаго состоянія страны и народа. Въ приложеніи помѣщенъ очеркъ Македоніи и акты Санъ-Стефанскаго прелиминарнаго договора и Берлинскаго мирнаго договора. Въ концѣ книги приложена хорошо исполненная карта Балканскаго полуострова.

А. А.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОЧЕМУ Тезей былъ другомъ Геркулеса ¹⁾. Такъ называлъ М. Потье, членъ академіи надписей и изящной литературы, торжественную рѣчь, прочитанную имъ на общемъ годовомъ засѣданіи всѣхъ пяти академій во Франціи 25-го октября прошедшаго года и посвященную блестящей характеристикѣ Тезея, друга и преемника Геркулеса. Этотъ мастерской опытъ выяснитъ историческую подкладку древнихъ легендъ о герояхъ, которымъ поклонялись Аѳины, напечатанъ въ сокращенномъ видѣ въ «Revue encyclopedique» отъ 8-го декабря 1900 года. Какъ извѣстно, культъ Геркулеса, этого исключительно дорического героя, неожиданно смѣнился въ Аѳинахъ въ теченіе V столѣтія передъ Р. X. культомъ Тезея, болѣе сроднаго Аттікѣ, человѣческаго типа. Пока Аѳины не имѣли политическаго значенія, онѣ подчинялись дорическому вліянію, и герой лакедемонянъ, воинственный, мужественный, грубый, но добродушный Геркулесъ, служилъ предметомъ всеобщаго поклоненія; но когда прекратилось царство Пизистрата и его преемниковъ, когда эти тираны замѣнились республикой, и любовь къ свободѣ одержала верхъ въ Аѳинахъ, то вмѣстѣ съ увеличеніемъ политической силы стала увеличиваться въ нихъ ненависть къ Спартѣ и ко всему дорическому. Такимъ образомъ естественно началъ ступшеываться культъ Геркулеса, олицетворявшаго все, что стало тогда аѳинянамъ ненавистнымъ, и возникла въ нихъ пламенная любовь къ національному герою Тезею, который изба-

¹⁾ Pourquoi Thésée fut l'ami d'Hercule? par M. Pottier «Revue Encyclopedique», 8 decembre 1900.

вить свою родину отъ ига Миноса и убилъ чудовище, бывшее символомъ тираніи. Но какъ было примирить республиканскія стремленія съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Тезей былъ царемъ. Надо было устроить такую легенду, которая придавала бы республиканскій характеръ этому герою. Поэтому разыскали преданія, по которымъ Тезей организовалъ Аѣины въ идеальную республику, отрекся отъ престола, подвергъ себя добровольному ostracismu подобно Солону и отправился къ своему другу Геркулесу на берегъ Чернаго моря. Впослѣдствіи, возвратясь на родину, Тезей засталъ въ ней большіе безпорядки, и когда снова хотѣлъ взять въ свои руки власть, то народъ воспротивился, и онъ удался на островъ Спрось, гдѣ мѣстный царь приказалъ его сбросить въ море съ высокаго утеса. Такимъ образомъ его судьба была столь же трагична, какъ двухъ позднѣйшихъ аѣинянъ, Фемистокла и Алкивіада, что вполне естественно, такъ какъ они жили въ V вѣкѣ, а въ томъ же вѣкѣ измѣнились легенды о Тезеѣ, и этотъ герой-освободитель сдѣлался предметомъ поклоненія своихъ соотечественниковъ вмѣсто Геркулеса, олицетворявшаго покорное рабство. Но не въ духѣ грековъ было насильственно свергать одного кумира и замѣнить его другимъ, тѣмъ болѣе нельзя было поступить такъ съ Геркулесомъ, который считался сыномъ Юпитера и столько вѣковъ покровительствовалъ городу. Это было бы не только святотатствомъ, но и неблагоразумнымъ поступкомъ. Однако если нельзя было прибѣгнуть къ насилію, то можно было объявить новаго кумира другомъ стараго и мало-по-малу подъ видомъ ихъ неразлучной дружбы дойти до такого слиянія обоихъ героевъ, что новыи совершенно ступсевалъ бы стараго. Поэтому придумали между ними родство и сдѣлали Тезея сыномъ Нептуна, тогда какъ Геркулесъ былъ сыномъ Юпитера, затѣмъ приписали ему геркулесовскіе подвиги и наконецъ свели обоихъ героевъ, какъ закадычныхъ друзей, которые будто бы вели борьбу съ амазонками, при чемъ уже главную роль игралъ не Геркулесъ, а Тезей. Всѣ эти легенды были подтасованы въ продолженіе V вѣка, и Кимонъ, сынъ Мильтіада, съ торжествомъ перевезъ въ Аѣины съ острова Спроса останки героя Тезея, что воспѣто въ одной изъ одъ Вахилида, найденныхъ въ 1897 году. Представивъ такимъ образомъ подробный логическій отвѣтъ на заданный себѣ вопросъ, французскій ученый идетъ далѣе и спрашиваетъ себя: но существовалъ ли Тезей? На этотъ новый вопросъ онъ отвѣчаетъ совершенно спокойно: какое намъ дѣло? Самые живые образы не тѣ, которые существовали матеріально. Если Тезей жилъ тою же жизнью, какъ Ахиллесъ и Улиссъ, донъ-Кихоть и Фигаро, донъ-Жуанъ и Жиль Блазъ, то этого болѣе чѣмъ довольно. Эти великіе, легендарные и литературные типы составляютъ какъ бы центры, въ которыхъ концентрируются всѣ жизненные элементы громаднхъ массъ—забытыхъ покойниковъ, которые въ этихъ олицетворяющихъ ихъ типахъ живутъ такъ же долго, если не дольше, такъ называемыхъ великихъ людей. Въ сущности, въ Тезеѣ мы узнаемъ частицу Селона и Пизистрата, большую долю Фемистокла и слѣдъ Алкивіада. Но чтобы создать такой живой призракъ, необходимо было нѣчто большее, именно существованіе всего аѣинскаго народа, который освободился отъ тирановъ и спартанцевъ, провелъ реформы Клисѣена и сражался на поляхъ Мароѣона. Тезей былъ вѣрнымъ образомъ аѣинянъ, которые до сихъ поръ привлекаютъ насъ почти

столько же своими недостатками, сколько великими-качествами. Онъ вполне выражаетъ собою Аѳины, и императоръ Адрианъ вполне вѣрно понялъ легендарную правду, часто совпадающую съ исторической, воздвигнувъ спустя V вѣковъ у подножія Акрополя триумфальную арку съ сохранившейся до сихъ поръ надписью: «здѣсь Аѳины, городъ Тезея».

— Одинъ изъ враговъ Ришелье. Съ легкой руки Ганото, французскаго академика, бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ и автора обширной еще не оконченной біографіи Ришелье, вошло въ моду изслѣдованіе эпохи этого знаменитаго государственнаго дѣятеля, и постоянно появляются монографіи о различныхъ фазахъ его дѣятельности, а также объ его помощникахъ и врагахъ. Въ числѣ послѣднихъ, оказывается, имѣли наибольшее значеніе невѣдомые, преимущественно анонимные, авторы многочисленныхъ брошюръ и памфлетовъ, которые возбуждали общественное мнѣніе противъ могущественнаго министра и создали ему громадную непопулярность при его жизни и послѣ смерти, конечно, благодаря его деспотическимъ приемамъ и приписываемой ему вполне справедливо народными массами отвѣтственности за всѣ тогдашнія ихъ бѣдствія. Эта невѣдомая изнанка блестящаго диктаторства всеильнаго кардинала очень рельефно выдѣляется въ статьѣ М. Фанье, хотя онъ, идя по стопамъ Ганото, является яркимъ поклонникомъ централизованной политики Ришелье, отъ гибельныхъ послѣдствій которой до сихъ поръ не можетъ отдѣлаться Франція; эта статья помѣщена въ первой декабрьской книжкѣ «Revue des deux mondes» и озаглавлена «Матье де-Моргъ»¹⁾, по имени главнаго изъ враговъ Ришелье, преслѣдовавшихъ его памфлетами. Хотя «Матье де-Моргъ» обыкновенно называвшійся аббатомъ Сень-Жерменъ, по мѣсту его рожденія близъ города Пюи, не былъ принципиальнымъ противникомъ могущественнаго министра и не обличалъ его государственную дѣятельность изъ любви къ народу, но все-таки его злобное, грубое, проницательное перо было сильнымъ орудіемъ въ рукахъ оппозиціи, и если Ришелье не погубилъ смѣлаго памфлетиста, то лишь потому, что онъ писалъ внѣ предѣловъ Франціи. Окончивъ воспитаніе въ іезуитскомъ училищѣ въ Авиньонѣ, Моргъ нѣсколько времени былъ ревностнымъ провинціальнымъ патеромъ, а затѣмъ получилъ мѣсто проповѣдника при дворѣ Маргариты Валуа и сдѣлался ловкимъ свѣтскимъ аббатомъ. Послѣ смерти этой принцессы его назначили придворнымъ проповѣдникомъ при особѣ короля Людовика XIII. Благодаря своему новому званію, онъ приблизился къ королевѣ-матери, Маріи Медичи, и сдѣлался ея вѣрнымъ слугою. Сначала Ришелье, забравъ въ свои руки всю власть, воспользовался услугами Морга и, сдѣлавъ его своимъ секретаремъ, вывелъ его на путь памфлетиста, такъ какъ первые его труды въ этомъ отношеніи состояли въ сочиненіи памфлетовъ въ пользу Ришелье. Кардиналъ былъ такъ доволенъ его рѣзкимъ, искуснымъ перомъ, что далъ ему открывшуюся вакансію епископа тулонскаго, но папа его не утвердилъ, такъ какъ онъ не былъ въ Римѣ на хорошемъ счету за нападки на іезуитовъ, своихъ прежнихъ воспитателей. Хотя Ришелье былъ не причемъ въ этой неудачѣ своего секретаря и даже выхлопоталъ ему разрѣшеніе указать

¹⁾ Mathieu de Morg, par M. Faniez. «Revue des deux mondes», 1 decembre 1900.

своего преемника и получать отъ него часть его содержанія, но Моргъ заподозрѣлъ кардинала въ интригѣ противъ него и всецѣло предался интересамъ Маріи Медичи. Когда же онъ узналъ, что Ришелье подписалъ приказъ объ его арестѣ, то ночью бѣжалъ въ Брюссель, гдѣ находилась королева-мать и уже по дорогѣ написалъ свой первый памфлетъ противъ Ришелье подъ заглавіемъ: «Смирненное, справедливое предостереженіе королю». Несмотря на то, что аббатъ находился въ щекотливомъ положеніи, выступая изъ чисто личныхъ побужденій противъ своего прежняго покровителя, и что ему приходилось писать противъ кардинала тѣмъ же перомъ, которымъ онъ только что защищалъ его, онъ, повидимому, нимало не смущался и сталъ быстро, энергично и очень ѣдко обличать дѣйствія и политику перваго министра въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣли: «Французскій пророкъ къ кардиналу герцогу Ришелье», «Государственная сатира» и «Послѣдній совѣтъ добраго христіанина и преданнаго гражданина своей родинѣ Франціи». Главнымъ образомъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ онъ возставалъ противъ веденія постоянныхъ войнъ и разоренія страны солдатскими грабежами. Затѣмъ онъ обнаруживалъ всю жестокость и несправедливость обращенія перваго министра съ матерью и братомъ короля, которые должны были искать спасенія въ бѣгствѣ. Наконецъ онъ прямо обвинялъ Ришелье въ заговорѣ противъ короля и въ намѣреніи овладѣть престоломъ. Но хотя въ его нападкахъ на кардинала играло, повидимому, второстепенную роль обвиненіе въ уничтоженіи мѣстнаго самоуправленія и созданіи различныхъ привилегированныхъ учрежденій съ цѣлью увеличить деспотизмъ, но именно эта сторона его пропаганды всего болѣе дѣйствовала на народъ. Конечно, производили эффектъ и тѣ сатирическія, обличительныя страницы его памфлетовъ, въ которыхъ онъ доказывалъ, что Ришелье былъ обязанъ всѣмъ Маріи Медичи, а измѣнилъ ей ради кардинальской шляпы, что онъ подстрекалъ противъ короля его брата, а потомъ доносилъ на него, что онъ грабилъ страну, прибирая къ своимъ рукамъ самыя выгодныя статьи доходовъ и т. д. Хотя, конечно, всѣ эти памфлеты не имѣютъ никакого внутренняго достоинства и не отличаются блестящей литературной формой, но нельзя не признать, что ихъ вліяніе было громадное, и что, благодаря имъ, непопулярность всеильнаго министра росла не по днямъ, а по часамъ. Они переписывались или печатались въ многочисленныхъ экземплярахъ въ Брюсселѣ или Нанси, а отсюда тайно распространялись въ Парижѣ и во всей Франціи, несмотря на то, что за это грозили самыя тяжелыя наказанія, даже смертная казнь. Наконецъ, Моргъ дошелъ въ своей враждѣ къ Ришелье до того, что сталъ писать манифесты, адресованные австрійскимъ домомъ къ европейскимъ державамъ, и сдѣлался фламандскимъ гражданиномъ. Это отреченіе отъ своей родины и прямая измѣна ей не остались безъ справедливой кары. Марія Медичи, по совѣту своего любимца Фаброни и не предупредивъ Морга, который для нея пожертвовалъ всѣмъ, покинула Нидерланды и уѣхала въ Англию. Несчастый аббатъ остался въ самомъ критическомъ положеніи. По счастью для него вскорѣ умеръ Ришелье, и онъ вернулся во Францію въ 1643 году. Мазарини принялъ его на свою службу, и онъ прожилъ еще много лѣтъ, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ за свои знанія и многочисленныя правоучитель-

ныя сочиненія. Онъ спокойно умеръ на 81 году жизни, но, конечно, если о немъ вспомнили теперь во Франціи черезъ двѣсти тридцать лѣтъ, то лишь благодаря его памфлетамъ, которые представляютъ полный сводъ всѣхъ обвиненій, вводимыхъ современниками на Ришелье, и часть которыхъ признасть правильными безпристрастная исторія.

— Англичане въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Въ № 28 трудовъ «Англо-русскаго литературнаго общества» помѣщены рефераты, прочитанные въ лѣтнихъ засѣданіяхъ общества, и въ числѣ ихъ два представляютъ значительный интересъ ¹⁾. Въ одномъ профессоръ томскаго университета, Геблеръ, рассказываетъ о посольствѣ англичанина Джона Меррика въ Россію при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ, а въ другомъ англійскій докторъ Клемо рельефно обрисовалъ мало извѣстныя фигуры англійскихъ докторовъ, практиковавшихъ въ Петербургѣ въ XVIII столѣтіи. Хотя очеркъ профессора Геблера основанъ на IX и X томахъ почтеннаго труда Мартенса «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами», но такъ какъ съ этой книгой знакомы только специалисты даже въ Россіи, то какъ для русскаго, такъ и для англійскаго читателя эта картина дипломатическихъ отношеній между Россіей и Англійей почти триста лѣтъ тому назадъ является интересной новинкой. По своему востшествію на престолъ, царь Михаилъ Теодоровичъ задумалъ осуществить идею Іоанна IV о политическомъ союзѣ съ Англійей противъ Польши и Швеціи, а потому послалъ въ Лондонъ боярина Зюзина, которому было поручено добиться отъ англійскаго правительства помощи деньгами, порохомъ, свинцомъ и оружіемъ для защиты отъ враговъ. Царскій посолъ былъ очень любезно принятъ королемъ Іаковымъ I, который объявилъ ему, что желаетъ завязать съ царемъ еще болѣе дружескія отношенія, чѣмъ тѣ, которыя существовали при его предшественникахъ, и что ему хорошо извѣстно, какимъ бѣдствіямъ подвергли поляки Москву, за что Англія прервала всякія сношенія съ королемъ Сигизмундомъ, а также, что онъ знаетъ и о несправедливомъ поведеніи шведскаго короля. Поэтому онъ обѣцалъ прислать въ Москву спеціальнаго представителя, чтобы вступить въ переговоры о вмѣшательствѣ Англійи въ распри Россіи съ ея сосѣдями. Такимъ представителемъ явился въ Москву въ августѣ Джонъ Меррикъ. Этотъ англичанинъ, по словамъ профессора Геблера, оказалъ въ продолженіе двухъ лѣтъ значительныя услуги нашему отечеству въ печальную эпоху нашей исторіи въ качествѣ посредника между Россіей и Швеціей. Въ его кредитивныхъ грамотахъ онъ называется «княземъ, рыцаремъ и джентльменомъ тайнаго совѣта», а въ русскихъ актахъ его величаютъ «княземъ Иваномъ Ульяновичемъ Меррикомъ», но въ сущности онъ былъ просто Джономъ Меррикомъ, англійскимъ купцомъ, который жилъ въ Москвѣ при Борисѣ Годуновѣ, прекрасно зналъ положеніе дѣлъ въ Москвѣ и возилъ въ Англійю, по порученію Годунова, четырехъ русскихъ юношей для изученія англійскаго и латинскаго языковъ. Главная цѣль его посольства заключалась въ подтвержденіи старыхъ привилегій, которыми пользовались лондонскіе купцы въ Россіи, и въ полученіи разрѣшенія имъ торговать съ Персіей черезъ Россію и оты-

¹⁾ Proceedings of the anglo-russian literary society. May, june, july 1900, № 28.

скать торговый путь въ Индію по рѣкамъ Оби и Ленѣ; а для достиженія этой цѣли ему было дозволено принять на себя щекотливую роль посредника въ заключеніи мира между Россіей и Швеціей. Но русское правительство въ особенности дорожило послѣдней стороною данныхъ Меррику порученій, и князь Куракинъ, назначенный для веденія переговоровъ съ нимъ, настоятельно спрашивалъ прежде всего: поможетъ ли король царю, если шведы не послушаются англичанъ и не заключатъ мира? Меррикъ отвѣчалъ очень уклончиво, что, конечно, король въ случаѣ незаключенія мира съ шведами окажетъ помощь царю всѣмъ чѣмъ будетъ можно, о чемъ онъ уже совѣщался со своимъ парламентомъ. Но что касается лично до него, то Меррикъ добросовѣстно и энергично взялся за дѣло примиренія Россіи со Швеціей. Онъ отправился на шведскую границу и вступилъ въ переговоры съ уполномоченными короля Густава-Адольфа, а когда послѣдній измѣнилъ данному слову не предпринимать ничего противъ города Пскова до заявленія мирныхъ условій со стороны Россіи и двинулъ свои войска въ означенный городъ, то Меррикъ гнѣвно протестовалъ противъ такого безчестнаго и позорнаго поступка. Тогда царь Михаилъ послалъ въ Лондонъ Грязева для окончательнаго убѣжденія короля Якова въ необходимости помочь Россіи и сплюю оружія образумить короля шведскаго. Король обѣщалъ всячески содѣйствовать примирительной дѣятельности Меррика, а въ случаѣ ея неуспѣха оказать помощь и войсками. Однако, Меррику удалось послѣ долгихъ пререканій между русскими и шведскими уполномоченными заключить знаменитый Столбовскій миръ въ 1617 году. Русское правительство было такъ довольно дѣятельностью Меррика, что спросило его, какой онъ желаетъ награды, но онъ благородно отвѣчалъ: «Я получалъ отъ царя много милостей и подарковъ, а служить его царскому величеству обязанъ, потому что я родился въ Англіи, но воспитывался въ Россіи и ѣлъ болѣе русскаго хлѣба, чѣмъ англійскаго». Несмотря на это Михаилъ Феодоровичъ далъ Меррику свой портретъ, золотую цѣпь и много богатыхъ подарковъ. Однако, дальнѣйшія отношенія между Меррикомъ и русскимъ правительствомъ не отличались прежнимъ успѣхомъ. Царь настаивалъ на заключеніи политическаго союза съ Англіей, а ея представитель отказался подписать составленный по этому случаю актъ въ виду неимѣнія на то полномочій. Тогда были посланы въ Лондонъ Поздѣвъ и Вольнскій съ тою же цѣлью, но и они потерпѣли неудачу. Поэтому и русское правительство въ виду недоброжелательства англичанъ отказало въ большей части ходатайствъ Меррика въ пользу англійскихъ купцовъ, тѣмъ болѣе что московскіе купцы энергично противодѣйствовали расширенію привилегій англичанъ. Такимъ образомъ только были подтверждены прежнія привилегіи, но когда онъ сталъ требовать дозволенія свободной торговли по Волгѣ и свободнаго пути въ Персію, Индію и Китай, то ему отвѣчали: «на Волгу итти нельзя, тамъ много разбойниковъ, и туда не ходятъ даже москвичи, а потому пустить англійскихъ гостей туда нельзя; также не слѣдуетъ англичанамъ ходить въ Персію такъ какъ тамъ шахъ переступилъ черезъ русскую границу, и объ этомъ идутъ переговоры; въ Китай итти незачѣмъ, такъ какъ эта имперія небольшая и небогатая, а Сибирь—холодная отдаленная страна, и туземцы не знаютъ, откуда и куда течетъ Обь; наконецъ открытіе су-

хопунтаго сообщенія съ Индіей принесеть только пользу Англии, такъ какъ русскіе кушцы не могутъ соперничать съ англійскими». Получивъ такіе неудовлетворительные отвѣты, Меррикъ вернулся въ Лондонъ, но въ 1620 году снова явился въ Москву и продолжалъ прерванные торговые переговоры. Однако убѣдившись, что Россія не намѣрена предоставить Англии свободнаго пути черезъ свои территоріи въ Персію, Индію и Китай, онъ самъ отказался отъ своихъ требованій и сказалъ боярамъ: «Если вы считаете, что наша торговля съ Персіей принесеть убытокъ царской казнѣ и русскимъ торговцамъ, то не будемъ болѣе объ этомъ говорить, такъ какъ англійскій король не желаетъ сдѣлать какой бы то ни было вредъ русскому царю или его подданнымъ». Не менѣе очерка профессора Геблера интересенъ рефератъ доктора Клемо о медикахъ и медицинскихъ порядкахъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Авторъ уже два года тому назадъ читалъ въ одномъ изъ засѣданій Англо-Русскаго литературнаго общества лекцію объ англійскихъ докторахъ при московскомъ дворѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, а новую свою лекцію онъ началъ съ общаго взгляда на состояніе медицины въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Хотя Петръ посылалъ двухъ русскихъ студентовъ, Петра Посникова и Григорія Волкова, учиться медицинѣ въ Падуанскій университетъ, но первый, вернувшись въ Россію, вскорѣ умеръ, а второй поступилъ въ дипломатическую службу, благодаря знанію европейскихъ языковъ, а медицинское дѣло въ Россіи было организовано голландскимъ докторомъ Видло, который состоялъ придворнымъ врачомъ при Петрѣ Великомъ, выстроилъ въ Москвѣ придворный госпиталь и устроилъ медико-хирургическую школу, которая стала выдавать докторскіе дипломы съ 1713 года. Главную роль послѣ доктора Видло игралъ Лаврентій Вдументростъ, также голландецъ, и его два сына, изъ которыхъ одинъ Лаврентій былъ любимымъ лейбъ-медикомъ Петра. Изъ другихъ докторовъ, извѣстныхъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, докторъ Клемо упоминаетъ вскользь объ Аванасіи Шафонскомъ, который написалъ подробное описаніе чумы въ Москвѣ, объ уроженцѣ Кіева, Полетикѣ, который былъ одно время профессоромъ въ Кильскомъ университетѣ, объ извѣстномъ врачѣ Амботикѣ, который въ сущности былъ Несторомъ и Максимовичемъ, о Щенинѣ, о пресловутомъ Лестокѣ, а болѣе подробно останавливается на трехъ англійскихъ докторахъ Робертѣ Эрскинѣ, Томасѣ Димсделѣ и Джонѣ Роджерсонѣ. Первый изъ нихъ, называемый въ Россіи Робертомъ Карловичемъ Арескинымъ, былъ по происхожденію шотландцемъ и, получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, окончилъ курсъ наукъ въ Оксфордскомъ университетѣ со степенью доктора медицины и философіи. Какъ извѣстный въ Англии врачъ, онъ былъ приглашенъ Петромъ въ Россію и сначала сдѣлался домашнимъ докторомъ князя Меншикова, а затѣмъ лейбъ-медикомъ и архіатеромъ, или президентомъ медицинской канцеляріи. Онъ сопровождалъ Петра въ его путешествіяхъ по Германіи, Голландіи и Франціи, а во время пребыванія съ нимъ въ Парижѣ онъ формально предложилъ царя въ члены французской академіи наукъ. Такъ какъ Петръ Великій очень любилъ Эрскина и осыпалъ его милостями, то нашлись завистники среди иностранцевъ, которые взвели на него обвиненіе, что онъ находится въ сношеніяхъ со Стюартами и располагаетъ Петра къ нимъ. Но ему удалось вполне оправдаться, и онъ про-

должалъ свою полезную дѣятельность до своей смерти въ 1718 году на Олонецкихъ минеральныхъ водахъ. Петръ устроилъ ему торжественныя похороны въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Нелишне прибавить къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ докторомъ Клэмо, что Эркинъ первый открылъ Полюстровскія воды на Охтѣ и горячо рекомендовалъ ихъ больнымъ, страдавшимъ разстройствомъ нервовъ. Еще болѣе интереса представляетъ Томасъ Димсдель. Онъ былъ военнымъ докторомъ въ Англии и занимался прививкой оспы до великаго изобрѣтенія Эдуарда Дженнера. Въ 1768 году онъ былъ вызванъ Екатериной II въ Петербургъ для прививки оспы ей и великому князю Павлу, за что онъ былъ произведенъ въ бароны, получилъ 10.000 фунтовъ стерлинговъ одновременно и пенсію въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Много любопытныхъ подробностей пребыванія барона Димсделя въ Петербургѣ находится въ его перепискѣ съ императрицей Екатериной, которая хранится у его потомка, теперешняго барона Димсделя, и которой пользовался докторъ Клэмо. Изъ нея видно, что Екатерина питала къ нему полнѣйшее довѣріе, что онъ привилъ императрицѣ оспу отъ шестилѣтняго мальчика Александра, которому онъ ранѣе сдѣлалъ прививку, и что какъ императрица, такъ и великій князь Павелъ приняли прекрасно прививку, легко выдержали маленькій принадокъ оспы и быстро оправились. Мальчикъ Александръ былъ Александръ Даниловичъ Марковъ, возведенный императрицей въ дворянское достоинство съ перемѣной фамиліи въ Осеннаго, но, повидимому, его потомки отказались отъ этой фамиліи, хотя и воспользовались помѣстьемъ, которое пожаловала Александру Даниловичу Осенному императрица. Въ 1781 году Димсдель вернулся въ Россію для того, чтобы привить оспу великимъ князьямъ Александру и Константину. На этотъ разъ дѣло обошлось еще быстрѣе и успѣшнѣе, такъ что императрица Екатерина, прійдя въ восторгъ, подарила барону находившуюся у нея въ рукахъ муфту изъ чернобурой лисицы, хранимую до сихъ поръ его потомками. Вторично вернувшись въ Англию, Димсдель вступилъ въ парламентъ, устроилъ пріютъ для прививки оспы подъ своимъ личнымъ руководствомъ въ Гертфордѣ и умеръ ровно сто лѣтъ тому назадъ 30 декабря 1800 года на 89 году. Не менѣе извѣстенъ былъ любимый лейбъ-медикъ Екатерины Джонъ Роджерсонъ, который носилъ это званіе въ Петербургѣ впродолженіе пятидесяти лѣтъ при Екатеринѣ, Павлѣ и Александрѣ. Онъ былъ родомъ шотландецъ, воспитывался въ Единбургскомъ университетѣ и, переселившись въ Россію, въ 1767 году, пользовался довѣріемъ трехъ русскихъ государей. Екатерину онъ сопровождалъ въ ея знаменитомъ путешествіи въ Крымъ, и его имя упоминается въ эпитафіи, сочиненной императрицей для ея любимой собаки, герцогини Андерсонъ, которая когда-то укусила доктора:

*Ci git la duchesse Anderson.
Qui mordit monsieur Rodgerson.*

По словамъ доктора Клэмо, кромѣ указанныхъ англійскихъ врачей, въ XVIII вѣкѣ находились еще въ Россіи: Луишъ Кальдервудъ, полковой докторъ преображенскаго полка при Аннѣ и Елисаветѣ; Матью Гутри, практиковавшій въ Петербургѣ при Екатеринѣ II; Робертъ Симсонъ и Джонатанъ Роджерсъ,

состоявшие докторами въ русскомъ флотѣ, Генри Галовой и Чарльсъ Стюартъ, полковые доктора, Чарльсъ Браунъ, Самуэль Горетъ и сэръ Александръ Кричтонъ, который балзамироваль тѣло императора Павла. Объ остальныхъ статьяхъ послѣдняго выпуска трудовъ Англо-Русскаго литературнаго общества говорить нечего, онѣ заключаются въ описанія киргизовъ въ Сибири докторомъ Турвэромъ, въ очеркѣ сэра Сиднея Шипорда «Искусство и Толстой», въ критическомъ очеркѣ Г. Гавелока о Писаревѣ и въ нѣсколькихъ библиографическихкихъ замѣткахъ.

— Графъ Головкинъ и принцъ де-Линь. Французскій историкъ Люсьенъ Перэ, исключительно посвятившій свои труды XVIII столѣттю, издалъ особымъ сборникомъ подъ заглавьемъ «Фигуры прошедшаго» нѣсколько очерковъ, помѣщенныхъ имъ въ различныхъ журналахъ ¹⁾. Болѣе половины книги посвящено мемуарамъ графа Ѳедора Головкина и перепискѣ Екатерины съ принцемъ де-Линемъ, а остальные этюды: «Молодость графини Сабранъ», «Салонъ г-жи Жофренъ» и «Королева Гортензія по новымъ документамъ», вполне правильно занимаютъ второстепенное и небольшое мѣсто въ сборникѣ, такъ какъ они не представляютъ ничего новаго или интереснаго. Наибольшее любопытство, конечно, возбуждаютъ отрывки изъ загадочныхъ мемуаровъ графа Ѳедора Головкина, на которые уже давно дѣлаются ссылки различными историками, но которые до сихъ поръ не напечатаны. Люсьенъ Перэ удостоверяетъ, что они хранятся въ рукописи у господина Фрейденрейха, живущаго въ Швейцарии и дозволившаго ему не только прочесть ихъ, но и напечатать изъ нихъ отрывки. Насколько французскій авторъ познакомилъ насъ съ этими мемуарами, можно заключить, что дѣйствительно они любопытны, но, какъ выражаются онъ и князь Лобановъ-Ростовскій въ «Родословной книгѣ», ими слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью. Все, что въ нихъ заключается новаго, неизвѣстнаго, ничѣмъ не подтверждено, ничѣмъ не доказано, и приходится его извѣстiя принимать на вѣру, тогда какъ авторъ своей легкомысленностью, чрезмѣрнымъ самолюбьемъ и огульнымъ осужденіемъ всѣхъ и всего не вселяетъ къ себѣ никакого довѣрія. Какъ бы то ни было нельзя не быть признательнымъ французскому историку за обнаруженіе этихъ немногихъ отрывковъ изъ мемуаровъ Головкина, хотя было бы гораздо лучше, если бы онъ напечаталъ ихъ цѣлкомъ. Эти мемуары Головкина въ сущности не составляютъ автобіографіи, записокъ, или дневника, а не что иное, какъ собраніе безпорядочныхъ замѣтокъ, размышленій и отрывочныхъ разсказовъ, написанныхъ отъ времени до времени, когда ему приходило въ голову. Поэтому въ нихъ нѣтъ ничего общаго, цѣльнаго; а рядомъ съ нѣканнымъ анекдотомъ встрѣчаются ядовитыя злобныя замѣчанія и противоположныя мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ одномъ только онъ всегда остается вѣренъ себѣ, именно, о всѣхъ онъ отзывается съ одинаковой проніей и гнѣвнымъ осужденіемъ, что объясняется его неудачной жизнью, въ которой, конечно, онъ самъ виноватъ. Родившись въ Голландіи въ 1768 году, Головкинъ, какъ представитель древней аристократической русской семьи, состоявшей въ родственныхъ свя-

¹⁾ Figures du temps passé, par Lucien Perey. Paris. 1900.

зяхъ съ Нарышкиными, еще юношей былъ взятъ ко двору Екатериной II въ качествѣ камеръ-юнкера. Очень красивый, остроумный, самоувѣренный и смѣлый юноша, онъ вообразилъ, что имѣеть, въліяніе на императрицу и сталъ позволять себѣ всякаго рода странныя выходки, вмѣшивался во все, критиковалъ всѣхъ и сердился, когда его совѣты не принимались въ уваженіе. Наконецъ онъ надоѣлъ императрицѣ, и она удалила его въ почетную ссылку, назначивъ посланникомъ въ Неаполь, хотя ему тогда было только 25 лѣтъ. Вотъ въ двухъ словахъ придворная карьера графа Головкина въ ту эпоху, къ которой относится самая интересная часть его мемуаровъ, но, конечно, онъ самъ рисуетъ совершенно иную, блестящую картину, въ которой будто бы играть первую роль. Онъ начинаетъ свои мемуары съ бѣглыхъ замѣтокъ о царствованіяхъ предшественниковъ Екатерины, и въ нихъ нѣтъ ничего ни новаго, ни замѣчательнаго, за исключеніемъ рѣзкихъ отзывовъ. Напримѣръ, дворъ Екатерины I онъ называетъ «кордегардіей, которой командовалъ Меншиковъ». «При Аннѣ, по его словамъ, дворъ представлялъ смѣсь дикихъ нравовъ и нѣмецкихъ привычекъ, что вмѣстѣ составляло отвратительную карикатуру». Объ Елисаветѣ онъ отзывался, какъ объ «очень красивой и величественной женщинѣ, заботившейся только о своихъ туалетахъ, которыхъ у нея было столько, что ихъ хватило до царствованія Александра I, т.-е. вродолженіе пятидесяти лѣтъ на придворныя спектакли, турниры, балеты и т. д., не говоря о священническихъ облаченіяхъ». «Не было конца капризамъ и деспотизму Елисаветы», прибавляетъ онъ, «она нисколько не думала ни о чемъ и ни о комъ, а требовала слѣпое повиновенія ея волѣ, въ особенности въ мелкихъ подробностяхъ придворной жизни, такъ какъ въ политикѣ она легко подчинялась чужому вліянію и болѣе думала о выборѣ туалета, чѣмъ о заключеніи союза». Ко двору Екатерины II Головкинъ явился въ самую блестящую эпоху ея царствованія. По его словамъ, всѣ иностранцы охотно признавали, что послѣ Парижа Петербургъ былъ первымъ городомъ, гдѣ стоило жить, несмотря на всѣ трудности путешествія туда. Посланники, желавшіе соперничать въ великолѣпіи съ императорскимъ дворомъ и русскими вельможами, скоро разорялись, но благоразумные или безумные одинаково покидали Петербургъ съ сожалѣніемъ. «Какъ только Екатерина вступила на престолъ,— говоритъ Головкинъ,— такъ немедленно произошла коренная перемѣна въ тонѣ и манерахъ, какъ при дворѣ, такъ и въ обществѣ. Трудно объяснить, какъ женщина, перенесенная въ молодости изъ прусскаго гарнизоннаго города ко двору полудикому, полунѣмецкому, выказала такой тонченый вкусъ, который скорѣе можно было встрѣтить во французской аристократкѣ, чѣмъ въ русской императрицѣ. Я часто думалъ объ этой загадкѣ и не могу разрѣшить ее иначе, какъ приписать это странное явленіе отношеніямъ Екатерины къ графу Понятовскому, который былъ самымъ тонченнымъ кавалеромъ во всей Европѣ по своему вкусу и манерамъ. Во всякомъ случаѣ ея примѣръ электрически подѣйствовалъ на всѣхъ, и съ 1764 года вся молодежь стала слѣдовать парижскимъ модамъ, а всѣ пожилые люди вернулись къ старымъ московскимъ манерамъ. При дворѣ Екатерины этикетъ былъ строго опредѣленъ и строго исполнялся. Женщины играли при дворѣ болѣе значительную роль, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ странахъ, гдѣ государемъ жен-

щина; я не хочу сказать чтобы мужчины не занимали видныхъ мѣстъ при императрицѣ, но что женщины во всѣхъ церемоніяхъ шли впереди. Тогда при русскомъ дворѣ стояли выше всѣхъ оберъ-гофъ-мейстерина, которая носила на правой сторонѣ груди на голубой кокардѣ портретъ императрицы подѣ императорской короной, статсъ-дамы, носившія тотъ же портретъ, но на лѣвой сторонѣ груди, и фрейлины, носившія шифръ императрицы на одинаковой кокардѣ и съ той же стороны груди. Солдаты отдавали честь всѣмъ этимъ дамамъ; статсъ-дамы никогда не теряли своего званія, а фрейлины, хотя, выйдя замужъ, переставали быть фрейлинами, попрежнему носили шифръ. Екатерина установила для себя два туалета: парадный, состоявшій изъ такъ называемого русскаго костюма, именно алаго бархатнаго съ двойными рукавами, открытымъ воротомъ, и второй, ежедневный, молдаванскій, въ томъ же родѣ, но болѣе удобный. Всѣ старыя и молодыя женщины должны были носить такой же туалетъ, хотя для послѣднихъ допускались нѣкоторыя измѣненія. Эготъ вкусъ къ древнимъ русскимъ обычаямъ не былъ пустой фантазіей Екатерины, а входилъ въ ея общій планъ обрусѣнія русскіхъ. Слова русскій, русская, русское она произносила съ какимъ-то почтительнымъ уваженіемъ и видимо хотѣла царствовать надъ настоящими русскими, а не надъ какой-то помѣсью различныхъ расъ. По этому случаю оберъ-шенкъ Нарышкинъ, скрывавшій много ума подѣ оригинальными выходками, однажды смутилъ императрицу и ея маленькое избранное общество. «Государыня,—сказалъ онъ съ почти глупымъ видомъ, — я въ дѣтствѣ и юности привыкъ слышать, что русскіе составляютъ послѣднюю изъ націй; ихъ считали медвѣдями и даже свиньями, а съ нѣкоторыхъ поръ и совершенно справедливо ихъ ставятъ выше всѣхъ народовъ, поэтому я бы желалъ чтобы вы, ваше величество, объяснили намъ, когда мы были равны другимъ націямъ?» Такъ какъ графъ Головкинъ, по видимому, пользовался большою милостію Екатерины и часто сопровождалъ ее въ Царское Село, то насъ не удивляетъ слѣдующая чисто интимная картинка. «Это было въ половинѣ іюля 1792 года,—разсказываетъ онъ,—я рисовалъ подѣ колоннадой греческихъ купалень въ Царскомъ Селѣ. Императрица пришла туда, читая массу денешъ. Мы были одни; только шелестъ листьевъ нарушалъ безмолвную тишину. Неожиданно я взглянулъ на нее, бытъ можетъ, съ удивленіемъ. Она тотчасъ встала, подошла ко мнѣ и безъ всякихъ объясненій начала громко читать докладъ о дѣйствіяхъ какого-то генерала, который дѣлалъ только ошибки и привелъ въ полный безпорядокъ порученное ему управленіе. Какъ бы чувствуя необходимость оправдать себя въ моихъ глазахъ, она сказала, что никогда не цѣнила этого человѣка, но что князь Потемкинъ ему покровительствовалъ, и что по наущенію Потемкина нѣкоторые другіе вельможи его также расхваливали. Я молчалъ. Она встала и начала ходить взадъ и впередъ, а потомъ, остановившись предо мной, сказала, глубоко вздохнувъ: «Ахъ, если бы небо дало мнѣ вмѣсто юбокъ хорошія лосины, то я ручаюсь, что никогда ничего не случилось бы подобнаго. Управлять можно только глазами и ушами, а у женщины однѣ уши». Въ другой разъ, возвращаясь съ прогулки и проходя черезъ туалетную комнату императрицы, Головкинъ почему-то взглянулъ на старый серебряный рукомыльникъ, и Екатерина, замѣтивъ его взглядъ,

сказала: «Можете вы себя представить, что впродолжение многих лет меня упрекали, что я принесла в приданое только этот рукоюйник, но история, я надеюсь, оценит справедливее мое приданое. Если бы Европа могла знать, в чем оно будет заключаться, то никогда не согласилась бы на мой брак. Не говоря уже о необыкновенном увеличении народонаселения в мое царствование, я прибавила путем завоевания к народонаселению семь миллионов человек. Что бы там ни говорили, а вот мое приданое: оно великолѣпно, и при четырех глазах я сознаю, что оно мнѣ кажется великолѣпнымъ». Не приводя рѣзкихъ отзывовъ Головкина о законодательныхъ попыткахъ Екатерины, объ устроенномъ ею институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, о кадетскихъ корпусахъ, о генералахъ, объ офицерахъ и т. д., укажемъ только на замѣчательный отвѣтъ, который далъ Суворовъ при назначеніи его главнокомандующимъ австро-русской арміей на совѣтъ непременно помѣряться силами съ генераломъ Бонапарте. «Вы правы, этотъ воръ укралъ у меня мою тактику, но если я когданибудь его встрѣчу, то заставлю его отдать мнѣ сворованное». Причиной удаленія графа Головкина отъ двора было легкомысленное вмѣшательство его в государственныя дѣла. Одинъ изъ петербургскихъ книгопродавцевъ сталъ продавать какую-то запрещенную книгу, и Екатерина приказала, чтобы всѣ книгопродавцы представили находившіяся въ ихъ лавкахъ книги на просмотръ начальнику полиціи. Книгопродавцы пришли въ ужасъ отъ такого распоряженія, и двое изъ нихъ, Клостерманъ и Гай, обратились къ графу Головкину съ просьбой спасти ихъ. Онъ поговорилъ объ этомъ съ Платономъ Зубовымъ, который былъ тогда официальнымъ фаворитомъ, и тотъ холодно объявилъ, что императрица никогда не беретъ назадъ своихъ указовъ, но прибавилъ въ видѣ шутки: «На вашемъ мѣстѣ я пошелъ бы къ ней и объяснилъ бы ее». Смѣлый юноша послушался этого ехиднаго совѣта и прямо объяснилъ императрицѣ, что физически нельзя исполнить ея приказа, такъ какъ у начальника полиціи нѣтъ мѣста для всѣхъ книгъ, а если ихъ свалить на дворѣ, то онѣ испортятся и изъ-за одного виновнаго пострадаютъ одиннадцать невинныхъ. Екатерина сначала разсердилась и гнѣвно воскликнула: «Вы вмѣшиваетесь во все, что до васъ не касается, и вѣрите всему, что вамъ говорятъ, а такъ какъ я, благодаря вашей молодости, спускаю вамъ ваше легкомысліе и нахальство, то вы вообразили себя министромъ болтовни и дерзости, но предупреждаю васъ, что это мнѣ уже надоѣло». Однако, обсудивъ дѣло, императрица отмѣнила свое распоряженіе, сваливъ все на полицію, которая будто бы не поняла ея воли. Тѣмъ бы и кончилась эта смѣлая выходка юноши, если бы онъ не сталъ хвастаться своимъ вліяніемъ на императрицу, которая, узнавъ объ этомъ, отправила его въ почетную ссылку посланникомъ въ Неаполь. Конечно, самъ Головкинъ увѣряетъ, что ему надоѣлъ «фаворъ», какъ выражались при дворѣ, и что онъ самъ назначилъ себя посланникомъ. Какъ бы то ни было, въ началѣ 1793 года онъ поѣхалъ въ Неаполь представителемъ Россіи и тамъ въ короткое время скомпрометировалъ себя самыми легкомысленными поступками. Когда же онъ вздумалъ написать скабрзные стихи о королевѣ Каролинѣ, о которой онъ очень рѣзко отзывался въ своихъ мемуарахъ, то ему приказали немедленно удалиться подъ угрозой ареста. Онъ повиновался

и поѣхалъ въ Россію, но на границѣ получилъ приказъ Екатерины жить въ Перновѣ, гдѣ онъ и оставался въ ссылкѣ до ея смерти. О неаполитанской исторіи Головкинъ не упоминаетъ ни слова въ своихъ мемуарахъ, а ссылку въ Перновѣ объясняетъ преслѣдованіями Зубова и Моркова, будто бы боявшихся его вліянія на Екатерину. Павелъ потребовалъ Головкина въ Петербургъ, но онъ не долго оставался при дворѣ и провелъ всю послѣдующую свою жизнь въ постоянныхъ странствіяхъ, живя то въ Парижѣ, то во Флоренціи, то въ Берлинѣ, то въ Вѣнѣ, то въ Лозаннѣ, гдѣ умеръ въ 1825 году, оставивъ послѣ себя, кромѣ мемуаровъ, довольно плохой романъ «La princesse D'Amalfi» и «Сборникъ Лозанскихъ писемъ», въ которыхъ встрѣчаются интересныя страницы. Что касается до напечатанной въ книгѣ Люсьена Перэ «Перелиски Екатерины съ принцемъ де-Линемъ», то она не представляетъ для насъ никакого интереса, такъ какъ письма Екатерины помѣщены въ «Сборникъ историческаго общества», и хотя отвѣты принца де-Линя Перэ считаетъ нигдѣ не изданными новинками, кромѣ двухъ, и нарочно для него переписанными по приказанію Грота съ подлинниковъ, хранящихся въ русскихъ архивахъ, но они заключаютъ въ себѣ только всевозможныя варіаціи официальной лести и не бросаютъ никакого новаго свѣта не только на событія и людей того времени, но даже на отношенія принца де-Линя къ Екатеринѣ.

— Фридрихъ Великій о Вольтерѣ. Въ ноябрьскомъ номерѣ «Revue Franco-Allemande» напечатана рѣчь Фридриха II о Вольтерѣ, прочитанная 26-го ноября 1778 года въ чрезвычайномъ публичномъ засѣданіи берлинской академіи наукъ и изящной словесности ¹⁾. Она написана ея державнымъ авторомъ по случаю смерти Вольтера, несмотря на то, что онъ находился тогда на войнѣ и обдумывалъ ее среди двухъ сраженій. Напечатана она была отдѣльной брошюрой, но въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ, которые теперь составляютъ библиографическую рѣдкость. Самая интересная часть этого панегирика, написаннаго королемъ-философомъ въ честь короля философіи, представляетъ отзывы Фридриха о частной жизни Вольтера, и мы приведемъ ихъ цѣликомъ: «Я не желаю, господа, входить въ подробности частной жизни Вольтера, такъ какъ исторія короля должна заключать въ себѣ рассказъ обо всѣхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ своему народу; исторія полководца—изложеніе всѣхъ его походовъ, а исторія писателя—анализъ всѣхъ его сочиненій, на томъ основаніи, что анекдоты могутъ забавлять любопытныхъ, но только выясненіе дѣятельности великихъ людей приносить пользу. Однако, не возможно подробно рассмотреть все громадное множество сочиненій плодовитаго Вольтера, а потому, господа, вы должны довольствоваться легкимъ очеркомъ его литературной дѣятельности, который я вамъ представлю вмѣстѣ съ наброскомъ главныхъ событій его жизни... Въ своей ранней молодости Вольтеръ обратилъ на себя вниманіе необыкновеннымъ талантомъ, и г-жа де-Рупельмондъ была такъ поражена живостью ума и поэтическимъ даромъ юноши, что ввела его въ лучшее общество Парижа, которое сдѣлалось для него школой изящнаго вкуса, такта

¹⁾ Eloge de Voltaire, par Frederic le Grand. Revue Franco-Allemande, novembre, 1900.

приличія и изящества, отличавшихъ потомъ всѣ его сочиненія, тогда какъ ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ трудахъ ученыхъ, которые ведутъ уединенную жизнь и не знаютъ, что можетъ нравиться утонченному обществу. Благодаря именно блестящему свѣтскому доску всего, что писалъ Вольтеръ, онъ достигъ своей славы... Однако, парижане вполне сознали, что онъ великій человекъ, не прежде, чѣмъ мудрая и глубокомысленная Англія оказала ему всяческія почести. Тогда въ Парижѣ жила знаменитая г-жа Шателэ, о которой, господа, вы, конечно, слыхали. Она прочла философскія сочиненія молодого автора и познакомилась съ нимъ; желаніе просвѣтиться и увеличить то число истинъ, которыя доступны человеческому уму, еще болѣе укрѣпило узы дружбы, соединявшей маркизу съ Вольтеромъ. Она бросила романтическія бредни Лейбница и отдала предпочтеніе благоразумнымъ, осторожнымъ твореніямъ Локка. Оба друга избрали своимъ философскимъ убѣжищемъ замокъ Сирей и тамъ писали свои разнообразныя сочиненія, помогая другъ другу остроумными замѣчаніями. Хотя Вольтеръ былъ очень польщенъ избраніемъ его въ академики и назначеніемъ въ исторіографы, онъ все-таки предпочиталъ дружбу свѣтскому блеску и съ большимъ удовольствіемъ жилъ въ Сирейскомъ замкѣ, чѣмъ въ Версалѣ. Когда умерла маркиза, то онъ искалъ лишь въ философіи утѣшенія въ своемъ горѣ... Вольтеръ провелъ всю свою жизнь между преслѣдованіями завистниковъ и восторгами поклонниковъ, но ни то ни другое не мѣшало ему освѣщать лучезарнымъ свѣтомъ весь міръ и распространять своими сочиненіями любовь къ литературѣ и человечеству. Онъ не довольствовался проповѣдью нравственности на словахъ, а дѣлалъ добро практически, такъ онъ заступился за честь невиннаго Каласа, вырвалъ изъ рукъ палачей Сирвенонъ и воскресилъ бы кавалера Ла-Бара, если бы онъ имѣлъ способность творить чудеса. Какое прекрасное зрѣлище представляетъ философъ, который въ своемъ уединенномъ приютѣ возвышаетъ голосъ за правду и побуждаетъ судей перемѣнить свой несправедливый приговоръ». Въ концѣ своего панегирика Вольтера «Старый Фрицъ» сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, какъ злоупотреблялъ его герой своимъ любимымъ напиткомъ кофе. Когда онъ писалъ свою трагедію «Irene», Вольтеръ пилъ до пятидесяти чашекъ кофе въ сутки, преимущественно ночью, съ цѣлью отогнать сонъ и придать новыя силы утомившемуся уму. Благодаря чрезмерному употребленію этого напитка, кровь у него то того разгорячалась, что онъ сталъ прибѣгать къ сильнымъ дозамъ наркотическихъ средствъ, которыя не только не оказали ему ни малѣйшей пользы, но только ускорили его конецъ.

— Испанская инквизиція въ XVIII вѣкѣ. Въ «Revue Encyclopedique» отъ 1-го декабря помѣщенъ не большой, но поразительный очеркъ испанской инквизиціи въ XVIII столѣтіи на основаніи трудовъ Дездевиза-дю-Дезера въ Національномъ архивѣ Мадрида, гдѣ въ 1896 году найдены подлинныя протоколы инквизиціонныхъ судовъ въ Толедо и Валенціи ¹⁾. Эти труды явились, какъ нельзя болѣе кстати въ настоящее время, когда нѣкоторые clerикальные писатели Франціи и, въ особенности, Испаніи, имѣютъ смѣлость за-

¹⁾ Notes sur l'inquisition espagnole au XVIII siècle, par G. Z. «Revue Encyclopedique», decembre 1900.

пциать испанскую инквизицію, увѣряя, что инквизиторы были люди добрые, искренно преданные религіи и сдѣлавшіеся жертвами клеветъ либераловъ. Особенно эти ярые защитники инквизиціи возстаютъ противъ «Критической исторіи испанской инквизиціи», авторъ которой, Лоренто, фактически доказалъ, что при Филиппѣ V отъ 1700 по 1746 годы было 582 ауто-да-фе, при чемъ 79 людей были сожжены живыми, а 73 казнены въ изображеніи, что отъ 1746 по 1781 года сожжено 14 человекъ. Такъ какъ архивы инквизиціи были благоразумно сожжены въ 1809 и въ 1820 годахъ, то трудно было добратъся до истины, но послѣднія находки проливаютъ новый свѣтъ на всю дѣятельность испанской инквизиціи въ XVIII столѣтіи. Особенное вниманіе Дездевизъ-дю-Дезеръ обращаетъ въ своихъ трудахъ, напечатанныхъ въ «Revue Hispanique», на ту эпоху этой дѣятельности, когда инквизиція находилась въ упадкѣ и ее слабо поддерживали мѣстные власти. Несмотря на ихъ ревность, инквизиторы не могли помѣшать проникновенію французскихъ либеральныхъ идей въ Испанію. Такъ, въ 1769 году депутаты Толедской общины прогнали изъ своей среды служителей инквизиціи, а она, не рѣшаясь сама судить и рядить, какъ въ прежніе вѣка, обратилась къ гражданскимъ властямъ, которыя постановили приговоръ противъ нея. Въ 1764 году французъ Луи Франезъ краснорѣчиво обличилъ инквизицію, и она удовольствовалась арестомъ его, такъ какъ должна была отказаться отъ пытки изъ боязни общественаго мнѣнія. Въ 1797 году Карлъ IV издалъ приказъ, въ силу котораго иностранные рабочіе и мастеровые допускались къ свободному проживанію въ Испаніи, несмотря на ихъ вѣроисповѣданіе, и инквизиція не имѣла возможности прямо ихъ преслѣдовать, шпионничала за ними и наносила имъ всевозможныя неспрiятности. Наконецъ королю это надоѣло, и онъ подвергъ многихъ инквизиторовъ тяжелой пенѣ и даже ссылкѣ. Эти карательныя мѣры со стороны короля доказываютъ всего краснорѣчивѣе, какъ злоупотребляла своей властью инквизиція, и до какого она дошла упадка. Прежде она была жестокой, неумолимой, а кончила тѣмъ, что была только нелѣпой. По словамъ Дездевиза-дю-Дезера, трудно понять, какъ испанскій народъ не воплилъ нравственно растлѣть подъ ея вліяніемъ. Шпионство и доносы поощрялись ею во всѣхъ отношеніяхъ. Въ особенности инквизиція преслѣдовала идеи и книги. Авторъ приводитъ любопытные примѣры того, какъ патеры и студенты богословія доносили другъ на друга, обвиняя товарищей въ чтеніи недозволенныхъ книгъ, въ числѣ которыхъ находились сочиненія Монтескье, Вольтера и даже Овидія. Насколько тогдашніе испанскіе инквизиторы были невѣжественны, доказываетъ тотъ фактъ, что въ Толедо въ 1768 году одинъ аббатъ преслѣдовался за то, что у него нашлись сочиненія Расина, которыя были приняты за недозволенную книгу *Gardin des racines grecques*. Послѣ этого нельзя не согласиться съ Дездевизомъ-дю-Дезеромъ, что печально встрѣтить въ наше время защитниковъ испанской инквизиціи.

— Новые французскіе мемуары. Въ первой ноябрьской книжкѣ «Nouvelle Revue» напечатаны очень интересныя воспоминанія о Робеспьерѣ ¹⁾. Они

¹⁾ Les memoires de m-me Le-Bas. «Nouvelle Revue», 1-c novembre.

обнародованы Стефаном Полемъ и принадлежать одной изъ дочерей Дюплэ, у котораго въ послѣднее время жилъ Робеспьеръ. Она была женой члена конвента Лё-Ба, ревностнаго сторонника Робеспьера и раздѣлившаго его печальную судьбу. Эти воспоминанія, подлинность которыхъ не подлежитъ сомнѣнью, любопытны главнымъ образомъ потому, что рисуютъ картину домашней жизни Робеспьера, очень мало извѣстную до сихъ поръ. Елизавета Ле-Ба распространяется о добротѣ великаго трибуна, котораго не только враги, но и многіе историки старались представить, какъ олицетвореніе жестокости, и на каждомъ шагѣ повторяетъ: «нашъ добрый Максимилианъ». Для него было большимъ счастьемъ сдѣлать для кого нибудь добро, говоритъ она: и онъ никогда не бывалъ такъ счастливъ, какъ въ тѣ минуты, когда ему удавалось оказать кому нибудь услугу. Г-жа Лё-Ба приводитъ нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ, что дѣйствительно Робеспьеръ отличался добротою и даже нѣжностью. Вообще, ея мемуары вполне подтверждаютъ новый взглядъ на Робеспьера, какъ на человѣка, который изображенъ въ «Патологическихъ очеркахъ» д-ра Кабанеса и въ англійскомъ романѣ Гальдемара «Робеспьеръ», который печатается въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Авторъ статьи въ «Nouvelle Revue» прибавляетъ къ воспоминаніямъ г-жи Лё-Ба нѣсколько интересныхъ замѣтокъ самого Робеспьера, въ которыхъ онъ осуждаетъ герцога Орлеанскаго за подачу голоса противъ Людовика XVI, когда онъ могъ легко отказаться отъ баллотировки по родственнымъ связямъ, и удостовѣряетъ, что герцогъ Орлеанскій подкупалъ Мирабо, Дантона, Камилля Демулена, Колло Д'Эрбуа, Бильо-Варэна и многихъ другихъ съ цѣлью подготовить свою кандидатуру въ король. Въ другомъ французскомъ журналѣ «Le carnet historique» помѣщены военныя воспоминанія Дуази-де-Вилларженна ¹⁾, которыя уже въ 1884 году появились на англійскомъ языкѣ въ Америкѣ, гдѣ авторъ долго жилъ и умеръ, а сынъ его былъ итальянскимъ консуломъ въ Цинцинати. Эти воспоминанія о войнахъ Наполеона, хотя не представляютъ такого интереса, какъ, напримѣръ, недавно вышедшія и извѣстныя читателямъ «Историческаго Вѣстника» записки барона Кома, барона Баранта и графа Ла-Феррона, но въ нихъ встрѣчается нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, которые заслуживаютъ вниманія. Дуази-де-Вилларженнъ, подпоручикъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ, принималъ участіе во всѣхъ походахъ Наполеона, начиная отъ 1807 года до 1811, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ англичанами въ Португаліи и провелъ три года въ различныхъ городахъ Англіи на полной свободѣ, такъ какъ былъ отпущенъ на честное слово. Вернувшись во Францію послѣ паденія Наполеона, онъ подалъ въ отставку, и о дальнѣйшей его жизни ничего не извѣстно, кромѣ того, что, живя въ американскомъ городѣ Детруа, въ штатѣ Мичиганъ, онъ предсѣдательствовалъ семидесятилѣтнимъ старикомъ на банкетѣ, данномъ французами въ этомъ городѣ въ честь наполеоновскаго юбилея въ 1869 году, и произнесъ пламенную краснорѣчивую рѣчь. Изъ приводимыхъ Вилларженномъ анекдотовъ наиболѣе замѣчательна исторія столкновенія одного капитана

¹⁾ Souvenirs militaires Doisy de Villargennes. Carnet historique, octobre—novembre.

съ известнымъ маршаломъ Вандамомъ. Дѣло происходило послѣ взятія города Ратисбона, куда вела прекрасная аллея, совершенно уничтоженная проходомъ французской арміи въ 200.000 человекъ. Императоръ приказалъ исправить эту аллею и поставить по краямъ ея часовыхъ для воспрепятствія пропуска кому бы то ни было во время работъ. Неожиданно къ одному изъ часовыхъ подкакалъ Вандамъ, тогда еще генераль, но уже славившійся столько же своей грубостью, сколько храбростью. Молодой солдатъ объяснилъ, почему не можетъ его пропустить. Но генераль закричалъ: «Вандаму всюду дорога, убирайся къ чоргу!» Все-таки солдатъ настаивалъ на своемъ. Вандамъ вспылитъ и ударилъ его плеткой по лицу. Юноша оробѣлъ и готовъ былъ его пропустить, но тутъ явился на сцену дежурный по шкелету капитанъ. Онъ выхватилъ ружье изъ рукъ солдата и, направивъ штыкъ противъ груди генерала, произнесъ спокойно: «Если вы, генераль, сдѣлаете еще шагъ, то я васъ убью, какъ собаку, за то, что вы такъ поступили съ часовымъ». Вандамъ нашелъ болѣе осторожнымъ не входить въ пререканія съ такимъ рѣшительнымъ человекомъ и удалился, но далъ себѣ слово отомстить ему. Случай къ этому вскорѣ представился. Назначенный губернаторомъ Ратисбона, Вандамъ, во время посѣщенія военныхъ постовъ города, замѣтилъ, что однимъ изъ нихъ командовалъ его врагъ, капитанъ, но не сказалъ ему ни слова и молча проѣхалъ мимо. Однако, не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ неожиданно и совершенно съ другой стороны вернулся къ тому же посту и, хотя капитанъ немедленно выскочилъ изъ кордегардіи, но прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ его карауль отдалъ честь губернатору. Вандамъ воспользовался этимъ случаемъ и при солдатахъ, а также при многочисленныхъ офицерахъ, сбѣжавшихся на его крикъ, онъ разбранилъ несчастнаго офицера самымъ грубымъ образомъ, и, между прочимъ, сказалъ: «Вамъ бы пасти свиней, а не командовать солдатами». Капитанъ ничего не отвѣчалъ, но смѣнившись прямо отправился къ маршалу Удино, тогда начальнику главнаго штаба, и просилъ разрѣшенія вызвать на дуэль Вандама, но получилъ отказъ и даже строгій выговоръ за подобное нарушение дисциплины. Тогда онъ пошелъ прямо къ императору, который всегда принималъ офицеровъ и былъ съ ними очень любезенъ. Такъ случилось и съ капитаномъ. Выслушавъ его рассказъ, Наполеонъ сказалъ: «Я вполне понимаю ваши чувства въ этомъ случаѣ, но вы также должны понять, что ваша просьба на счетъ дуэли съ генераломъ не можетъ быть разрѣшена. Завтра, въ 12 часовъ, здѣсь соберутся всѣ начальники частей, и вы приходите въ то же время. Я до тѣхъ поръ наведу всѣ справки и если, какъ я увѣренъ, все, что вы мнѣ сказали, подтвердится, то я заставлю генерала Вандама извиниться передъ вами». Капитанъ явился въ назначенный часъ и почтительно стоялъ въ сторонѣ, пока императоръ говорилъ съ маршалами и генералами, но когда онъ сталъ ихъ отпускать, то капитанъ протолкался впередъ и громко сказалъ: «Ваше величество, вы дали мнѣ слово, что генераль Вандамъ, находящійся здѣсь на лицо, извинится передо мною въ тѣхъ незаслуженныхъ оскорбленіяхъ, которыя я претерпѣлъ отъ него». Наполеонъ ничего не отвѣчалъ капитану, а, обернувшись къ Вандаму, произнесъ: «Генераль, я произвелъ строгое слѣдствие по этому неприятному дѣлу, и оказывается, что вы оскорбили безъ всякой

причины и самым грубым образом офицера, который пользуется в полку общим уважением. Вы должны извиниться перед ним так же публично, как вы его оскорбили, и я желаю, чтобы вы это сдѣлали теперь же при мнѣ». Вандамъ отвѣчалъ: «Ваше величество, я сожалею, что, говоря съ капитаномъ, я поддался гнѣвной вспышкѣ, но этотъ офицеръ»... Капитанъ не далъ ему далѣе говорить и воскликнулъ: «Довольно, я удовлетворенъ. Ваше величество, я вамъ обязанъ больше, чѣмъ жизнью, и отъ всего сердца благодарю васъ». Этотъ анекдотъ очень рельефно обрисовываетъ, какая демократическая подкладка была въ сущности у арміи Наполеона, несмотря на всю строгость царствовавшей въ ней дисциплины, а другой рассказываемый Вилларженномъ случай подтверждаетъ, что Наполеонъ нисколько не былъ трусомъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые историки. Однажды парижскій префектъ, Савари доложилъ императору, что какой-то неизвѣстный человѣкъ добывается уже нѣсколько дней аудиенціи и въ тотъ день съ утра сидѣлъ на лѣстницѣ Тюильрійскаго дворца. Императоръ приказалъ его позвать и спросилъ, что ему нужно. Незвѣстный отвѣтилъ, что онъ не можетъ объяснить своего дѣла иначе, какъ съ глазу на глазъ. Императоръ приказалъ тогда Савари удалиться, но тотъ отвѣчалъ: «Я не уйду, ваше величество! У него подозрительное лицо; я о немъ дурного мнѣнія; при томъ же онъ, если я не ошибаюсь, корсиканецъ». Наполеонъ съ улыбкой прознесъ: «Ну, такъ что же? Онъ корсиканецъ, и я также корсиканецъ». Савари вынужденъ былъ удалиться, и Наполеонъ долго бесѣдовалъ съ неизвѣстнымъ. О чемъ они говорили и кто былъ этотъ неизвѣстный—остается тайной. Савари упоминаетъ объ этомъ случаѣ въ своихъ мемуарахъ, но самъ Наполеонъ не говоритъ объ этомъ ни слова въ «*Mémoires de Ste Hélène*». Третій анекдотъ, который мы приведемъ изъ мемуаровъ Вилларженна, также касается Наполеона. Во время своего плѣна въ Англии авторъ часто пользовался гостеприимствомъ сэра Вальтера Скотта, хотя еще тогда не достигшаго своей славы, и какъ Вилларженнъ, такъ и его товарищи, французскіе офицеры, весело проводили время у великаго романиста, который разспрашивалъ у нихъ о Наполеонѣ всевозможныя подробности, которыми впоследствии воспользовался для своей пресловутой «Исторіи Наполеона». Между прочимъ, французы по простотѣ душевной рассказали ему, что Суворовъ и Массѣна во время перемирія послѣ цюрихской битвы часто разговаривали между собою по-итальянски, и однажды Суворовъ, говоря о конфискованныхъ французами въ Италіи художественныхъ произведенійхъ, замѣтилъ: «*Tutti francesi sono ladroni* (все французы воры)». Услыхавъ это, Массѣна переспросилъ, качая головой: «*Tutti?*» (Все?). Суворовъ со смѣхомъ отвѣчалъ: «*Tutti, no, forse, tutti no ma buona parte*». (Все нѣтъ, конечно, все нѣтъ, но большая часть). Въ послѣднихъ двухъ словахъ заключается непереводимая игра словъ: *buona parte* и *buona parte*. Эта шутка Суворова приведена сэромъ Вальтеромъ Скоттомъ въ своей «Исторіи Наполеона», представляющей безконечный рядъ ошибокъ и клеветъ, какъ доказательство, что Наполеонъ былъ дѣйствительно воръ по ремеслу. Приведа этотъ примѣръ недобросовѣстности англійскаго романиста, Вилларженнъ, однако, напрасно старается оправдать Наполеона въ его конфискаціи итальянскихъ художественныхъ произведеній, на томъ основаніи, что онъ будто

бы вѣрно оцѣнилъ ихъ въ комиссіи, въ которой засѣдали частью итальянцы, засчиталъ опредѣленную ею сумму за уплату военной контрибуціи и помѣстилъ эти художественныя произведенія въ національные французскіе музеи.

— Юбилей перваго гренадера французской республики. Въ прошедшемъ году былъ юбилей, который прошелъ почти незамѣченнымъ, но теперь, подводя итоги за истекшій годъ, французскія газеты и журналы, хотя нѣсколько поздно, отдають должную честь одному изъ достойнѣйшихъ героевъ французской революціи, который сто лѣтъ тому назадъ палъ на полѣ брани, и имя котораго, какъ перваго гренадера французской республики, чтится до сихъ поръ всей Франціей. Этотъ легендарный герой былъ Теофиль-Мало-Коррѣ-де-ла-Туръ д'Овернь. Происходя отъ одной изъ незаконныхъ вѣтвей герцоговъ Бульонскихъ, къ которой также принадлежалъ и знаменитый Тюреннь, онъ родился въ маленькомъ бретонскомъ городѣ Карэ въ 1743 году, воспитывался въ Кимьерской коллегіи и хотя былъ прекраснымъ лингвистомъ и написалъ нѣсколько ученыхъ трудовъ по изслѣдованію археологическихъ древностей и стариннаго языка своей родины Бретани, но съ молодости посвятилъ себя военной службѣ. Въ старой королевской французской арміи чины давались очень медленно, и 36 лѣтъ онъ получилъ только чинъ капитана, но, не смотря на всѣ свои послѣдующіе подвиги, онъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться и умеръ капитаномъ. Какъ онъ ни умолялъ, ему не разрѣшили отправиться въ Америку и вступить въ ряды арміи Вашингтона, но простымъ волонтеромъ въ испанской арміи онъ сражался съ англичанами въ 1783 году и отказался отъ предложенной ему испанскимъ королемъ пенсіи въ три тысячи франковъ. Когда разразилась революція, онъ горячо высказался въ ея пользу, гнѣвно отвергнулъ всѣ предложенія поступить въ армію эмигрантовъ и принять геройское участіе въ дѣйствіяхъ республиканской арміи въ 1792 и 1793 годахъ преимущественно въ Испаніи. Такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ сдѣлаться генераломъ, то для него образовали особый гренадерскій отрядъ въ восемь тысячъ человекъ, которымъ онъ командовалъ въ своемъ чинѣ капитана, хотя со властью генерала. Его тогдашніе подвиги заслужили ему такую славу, что испанцы прозвали его отрядъ адской колонной, хотя въ немъ самомъ не было ничего адскаго, и онъ не только пламенно любилъ своихъ солдатъ, считая себя первымъ изъ нихъ, но и между сраженіями мирно обращался съ испанцами, ходилъ по ихъ деревнямъ, учился ихъ языку и записывалъ мѣстные легенды. Послѣ заключенія мира съ Испаніей онъ отправился изъ Байонны на маленькомъ суднѣ на свою родину Бретань, но по дорогѣ англичане взяли его въ плѣнъ, и онъ два года находился въ заточеніи въ Корнуэльсѣ, гдѣ изучалъ языкъ старыхъ кельтовъ, въ которыхъ онъ видѣлъ братьевъ бретонцевъ. Вернувшись во Францію, онъ вышелъ въ отставку послѣ тридцатилѣтней военной службы и только принялъ сто двадцать франковъ изъ предложенныхъ ему четырехсотъ золотыхъ на покрытіе недоимки жалованья во время его плѣна, а также отказался отъ богатаго помѣстья, которое ему хотѣлъ подарить герцогъ Бульонскій въ благодарность за то, что онъ по родству сохранилъ во время революціонной бури его громадныя имѣнія. Но Ла-Туръ д'Овернь недолго жилъ на родинѣ и занимался своими любимыми научными трудами, а когда у его друга

Ле-Бригана взяли на военную службу пятого сына, послѣ того, какъ у него на полѣ брани умерло четверо сыновей, то благородный герой вызвался быть его замѣстителемъ. Конечно, когда онъ явился въ армію Массены, то его снова поставили во главѣ его любимыхъ гренадеръ, и онъ съ ними совершилъ чудеса въ Цюрихской битвѣ. Затѣмъ онъ перешелъ съ своими гренадерами въ рейнскую армію, и за новые подвиги военный министръ Карно приказомъ официально далъ ему титулъ перваго гренадера французской республики и почетную саблю. Послѣднюю онъ принялъ, а отъ титула перваго гренадера отказался на томъ основаніи, что всѣ его гренадеры были одинаково съ нимъ храбры, и что въ республикѣ не можетъ быть ни перваго, ни послѣдняго, а всѣ равны. Однако вся Франція сохранила за нимъ этотъ титулъ до настоящаго времени. Но смерть его была близка, и 27 іюня 1800 года онъ былъ убитъ ударомъ пика въ самое сердце въ битвѣ при Обергаузенѣ. Главнокомандующій французской арміей генералъ Дессоль въ приказѣ объявилъ, что имя Ла-Туръ д'Оверна навѣки останется въ спискахъ его гренадерскаго полка. Дѣйствительно, до 1814 года, т. е. до наступленія реставраціи, каждый день при перекличкѣ въ 46 гренадерскомъ полку офицеръ выкликалъ: «Ла-Туръ д'Овернь», а знаменщикъ отвѣчалъ: «умеръ въ бою!» Подобной чести не удостоился ни одинъ изъ столь многочисленныхъ героевъ времени революціи и имперіи. Не лишне прибавить, что его шпага, сохранившаяся у его племянника капитана Керсози, была передана имъ Гарибальди, какъ единственному человеку, который былъ достоинъ ею владѣть. Что касается до почетной сабли, которую герой получилъ отъ республиканскаго правительства, то она хранится въ Домѣ Инвалидовъ.

— Тайнственное похищеніе французскаго сенатора сто лѣтъ тому назадъ. На основаніи новыхъ документовъ, напечатанныхъ въ «*Mercur Poitevin*» Буссеролезь въ 1899 и 1900 годахъ, Альсидъ Боно рассказываетъ въ «*Revue Encyclopedique*» отъ 8-го декабря загадочный историческій эпизодъ, который послужилъ темой для второй части одного изъ самыхъ драматическихъ романовъ Бальзака «Тайнственное дѣло». Герой этого эпизода Клеманъ де-Ри ¹⁾, назначенный сенаторомъ въ 1799 году, спокойно жилъ въ своемъ замкѣ Бовэ близъ Тура въ сентябрѣ 1800 года, когда шестеро незнакомцевъ, вооруженные и въ военной одеждѣ, неожиданно являются въ замокъ, схватываютъ слугъ, а затѣмъ арестуютъ сенатора и фельдшера Пети, который ухаживалъ за больной женой Клемана де-Ри. Они требуютъ выдачи имъ денегъ, серебра и бумагъ, находящихся у сенатора, производятъ обыскъ всего дома и захватываютъ 1800 франковъ деньгами, значительное количество серебра, много драгоценныхъ предметовъ и цѣлыя пачки бумагъ. Наконецъ они завязываютъ глаза сенатору и фельдшеру, сажаютъ ихъ въ карету и отвозятъ на Портальскую ферму, принадлежавшую поселянину Лакруа, и тамъ запираютъ своихъ узниковъ въ подземелье, гдѣ во времена террора скрывались католическіе патеры. Тамъ сенатора заставляютъ написать письмо къ

¹⁾ L'enlevement du senateur Clemant de Ris, par Alcide de Bonnau. Revue Encyclopedique, 8 desembre.

женъ съ требованіемъ, чтобы она отвезла 50.000 франковъ въ указанную гостиницу города Блуа, такъ какъ иначе онъ будетъ убитъ. Это письмо отвезъ фельдшеръ Пети, который затѣмъ увѣдомилъ о случившемся жандармовъ. По его указанію легко нашли Португальскую ферму, но, несмотря на всѣ усилія, не могли отыскать входа въ подземелье. Заstraщенный разбойниками или лже-разбойниками, фермеръ Лакруа упорно безмолвствовалъ, а его жена тайно носила пищу сенатору, за что они потомъ дорого заплатились. Похищеніе сенатора произвело громадное впечатлѣніе на всю Францію, и Наполеонъ приказалъ своему адъютанту Савари произвести слѣдствіе, но оно ничего не открыло. Устроена была западня въ той гостиницѣ города Блуа, куда жена сенатора должна была доставить 50.000 франковъ, но никто за ними не явился, кромѣ тайнаго полицейскаго агента Фушэ, у котораго, конечно, ничего не спросили, а въ сущности вся эта исторія была дѣломъ рукъ Фушэ. Похищеніе сенатора и его денегъ, а также и драгоцѣнностей, было только комедіей для скрываетія главной цѣли Фушэ, которая состояла въ томъ, чтобы овладѣть бумагами сенатора и обвинить въ этомъ заговорѣ нѣкоторыхъ шуановъ. Что именно заключалось въ бумагахъ сенатора, до сихъ поръ неизвѣстно и, по всей вѣроятности, никогда не обнаружится. Вальзакъ полагалъ, что въ нихъ были доказательства интригъ Фушэ съ Бурбонами, которые уже намѣревались вернуться во Францію въ твердой увѣренности, что Наполеонъ погибнетъ въ Италіи, гдѣ онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ австрійцами, но побѣда при Маренго положила конецъ этимъ интригамъ, слѣдъ которыхъ необходимо было чтожить для Фушэ. Эта гипотеза, конечно, наиболее близкая къ истинѣ. Но вернемся къ самой драмѣ. Она окончилась такимъ же таинственнымъ освобожденіемъ сенатора, какъ и его похищеніемъ. Его вывели изъ подземелья съ завязанными глазами, посадили на лошадь и повезли куда-то. Но по дорогѣ слышались сначала конскій топотъ, а потомъ перестрѣлка. Таинственные заговорщики скрываются, а спасители сенатора развязываютъ ему глаза. Въ сущности же тѣ и другіе, по всей вѣроятности, были агентами Фушэ. Во всякомъ случаѣ предводитель освободителей Шарль Гондэ былъ прежнимъ шуаномъ, предавшимся въ руки Фушэ и сдѣлавшимся его агентомъ. Напечатанный Бюссеродемъ официальный полицейскій документъ обнаруживаетъ, что арестованный, какъ участникъ въ похищеніи сенатора, Гондэ, былъ освобожденъ по требованію Фушэ въ виду принятія имъ участія въ освобожденіи Клемана де-Ри. Затѣмъ начинается самая возмутительная и позорная часть этой исторіи. Въ январѣ 1801 года по доносу этого самаго Шарля Гондэ были арестованы три молодые аристократа: графъ Шарль де-Модюссонъ, маркизъ Мустье де-Канти и Этьенъ Годэнъ. Всѣ они служили офицерами въ роялистской арміи въ Вандеѣ, но послѣ замиренія этой провинціи спокойно жили въ своихъ помѣстьяхъ и не только не имѣли ничего общаго съ похищеніемъ сенатора, но даже не знали другъ друга. Еще ранѣе были арестованы фермеръ Лакруа и его жена. Трудно себѣ представить что нибудь недостойнѣе суда надъ этими несчастными: во-первыхъ, ихъ дѣло производилось спеціальнымъ судомъ или скорѣе судебной комиссіей, а, во-вторыхъ, на судъ не были вызваны для очной ставки ни Клеманъ де-Ри, который могъ бы узнать схватившихъ его лицъ,

такъ какъ онъ видѣлъ ихъ ясно, прежде чѣмъ ему завязали глаза, ни даже доносчикъ Гондэ. Защитникъ несчастныхъ, краснорѣчивый Шово-Лагардъ напрасно обнаружилъ всю бездоказанность обвиненія и требовалъ вызова свидѣтелей въ доказательство alibi своихъ кліентовъ и въ особенности Клемана де-Ри. Въ послѣдней просьбѣ судъ не могъ ему отказать, но самъ вызываемый свидѣтель не явился, ссылаясь на свое право сенатора не являться въ судъ. Этотъ чудовищный поступокъ объясняется тѣмъ, что, вѣроятно, онъ тогда зналъ всю подноготную таинственной исторіи и боялся, сказавъ правду, навлечь на себя гнѣвъ могущественнаго начальника полиціи, Фушэ. Такимъ образомъ въ іюль мѣсяцѣ 1801 года три главные обвиняемые были признаны виновными, несмотря на ихъ очевидную невинность, и преданы казни, а фермеръ Лакруа и его жена посажены въ тюрьму на шесть лѣтъ.

— Молодость Даніэля Вебстера Въ Нью-Йоркѣ строятъ по всеобщей подлинскѣ храмъ Славы, гдѣ будутъ воздвигнуты статуи тридцати славнѣйшимъ сынамъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ, и для избранія, кто именно достоинъ занять мѣсто въ этой американской Валгалѣ, назначена коммисія изъ ста выдающихся писателей, ученыхъ и художниковъ. Первымъ единодушно избранъ Вашингтонъ, а вторыхъ оказалось два, въ пользу которыхъ подано одинаковое число голосовъ: Линкольнъ и Даніэль Вебстеръ. Даже Франклинъ и Джеферсонъ получили меньшее число голосовъ. Относительно того, что Линкольнъ, освободившій негровъ, достоинъ занять мѣсто рядомъ съ освободителемъ родины, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Величественныя фигуры того и другого близко извѣстны всему свѣту, но Вебстера едва ли многіе знаютъ внѣ предѣловъ Новаго Свѣта, а если кто и вѣдаетъ общественную дѣятельность этого американскаго государственнаго дѣятеля, то немало удивится, что современные американцы равняютъ его съ дѣйствительными отцами отечества. Конечно, Даніэль Вебстеръ былъ первый американскій ораторъ и, какъ депутатъ, сенаторъ и министръ, представлялъ настоящий типъ американца, пламенно стоявшаго за конституцію и федеративный союзъ, но все его выдающіяся качества не могутъ скрыть того факта, что онъ сначала боролся противъ рабства, а потомъ перешелъ на сторону рабовладѣльцевъ. Какъ бы то ни было, этотъ типичный американецъ, мало извѣстный въ Старомъ Свѣтѣ и приравняемый своими соотечественниками къ Вашингтону и Линкольну, производилъ громадное впечатлѣніе на современниковъ; такъ англійскій юмористъ Сидней Смитъ назвалъ его «паровой машиной въ панталонахъ», до того знаменитый ораторъ поразилъ его своей величественной фигурой. Поэтому близкое знакомство съ этой замѣчательною личностью только что окончившагося вѣка представляетъ значительный интересъ, и одинъ изъ лучшихъ американскихъ историковъ, Джонъ Макмастеръ, авторъ популярной «Исторіи народа Соединенныхъ штатовъ», вполне кстати предпринялъ подробную біографію, которая печатается въ «Century magazine» съ ноябрьской книжки ¹⁾. До сихъ поръ появилась только первая часть этого великолѣпно иллюстрированнаго труда, и въ ней находится любопытный рельефный разсказъ о молодости Веб-

¹⁾ Daniel Webster, by John Mc-Master. «Century magazine». November. 1900.

стера или, какъ выражается авторъ, о тридцатилѣтней подготовкѣ его героя къ своей общественной дѣятельности. Эта наиболѣе симпатичная эпоха его жизни знакомитъ насъ воочію съ тѣмъ, какъ въ первой половинѣ XIX столѣтія росли и развивались американскіе государственные люди. Сынъ фермера въ Нью-Гампширѣ, на границѣ Канады, патріотическаго дѣятеля войны за независимость, а затѣмъ мѣстнаго судьи, Даніэль Вебстеръ родился въ 1782 году и былъ младшимъ ребенкомъ въ многочисленной семьѣ. Хотя маленькимъ ребенкомъ онъ научился читать и, по его собственнымъ словамъ, очень рано узналъ, что существовала американская конституція, но воспитаніе его было не блестящее. Онъ нахватался всего что могъ отъ странствующаго сельскаго учителя, за которымъ слѣдовалъ изъ деревни въ деревню, но когда ему минуло четырнадцать лѣтъ, то отецъ объявилъ ему, что всякій обязанъ серьезно учиться, такъ какъ онъ самъ жилъ въ провинціи и не попалъ въ члены конгресса только въ виду недостаточнаго воспитанія. «Учись, учись», прибавилъ старикъ «пользуйся всѣми случаями, чтобы научиться большому, и тогда ты не испытаешь всѣхъ трудностей, которыя вынали на мою долю и благодаря которымъ я преждевременно состарѣлся». Мальчикъ, и до тѣхъ поръ любившій болѣе всего на свѣтѣ читать, исполнилъ завѣтъ отца и трудолюбиво, энергично учился сначала въ Экстерской коллегіи, а затѣмъ въ Дартмутской. Онъ не терилъ греческаго языка и математики, но съ любовью занимался литературой, исторіей и латинскимъ языкомъ. Главнымъ же образомъ онъ посвящалъ всякую свободную минуту чтенію, и, какъ онъ впоследствии самъ разсказывалъ, читалъ осмысленно и послѣ полудуса или часа чтенія всегда откладывалъ книгу и мысленно давалъ себѣ отчетъ въ томъ, чтѣ прочелъ. Еще находясь въ училищѣ, онъ принималъ участіе въ одной ежедневной газетѣ, чтѣмъ оплачивалъ квартиру и столъ, а также прославился, какъ ораторъ, въ преніяхъ, происходившихъ по временамъ между школьниками по различнымъ вопросамъ. Сохранилась его первая рѣчь, произнесенная имъ сто лѣтъ тому назадъ, по случаю національнаго праздника 11 юля 1880 года, и, хотя она отличается очень высренними фразами, но въ ней уже чувствуется будущій пламенный патріотъ и защитникъ федеративныхъ принциповъ. Вашингтона онъ называлъ «человѣкомъ, который чувствовалъ только тѣ раны, которыя наносилъ его родинѣ», Наполеона—«хвастливымъ египетскимъ пилигримомъ, который никогда не будетъ предписывать условія независимой Америкѣ», Англію—«надменнымъ Альбіономъ». Но рядомъ съ этой дѣтской декламацией каждое его слово уже дышало любовью къ родинѣ, преданностью къ союзу и сознаніемъ всѣхъ благъ конституціи и народнаго правленія. «Нашъ континентъ, — восклицалъ онъ въ концѣ своей рѣчи, — не созданъ быть сателлитомъ Стараго Свѣта. Природа создала насъ на широкую ногу. Естественное превосходство Америки ясно доказываетъ, что она создана для наиболѣе благородной расы людей, имѣющей лучшую форму правленія, высшій патріотизмъ, высшіе таланты и высшую добродѣтель. Пусть евронейскія націи развиваютъ свои силы, уничтожая другъ друга, пусть онѣ воюютъ между собою, пока ихъ континентъ не наводнится кровью, но да не дерзнетъ ни одна изъ этихъ націй, какъ бы велики ни были ея торжества и побѣды, нарушить

нейтральное положеніе нашей страны». Впослѣдствіи эти идеи выразились въ знаменитой теоріи Монроэ. Вскорѣ послѣ произнесенія этой рѣчи, Вебстеръ окончилъ блестяще свое воспитаніе въ Дартмутѣ и, согласно желанію отца, началъ приготовляться къ адвокатской дѣятельности, сначала въ Солсбери, а затѣмъ въ Бостонѣ, у извѣстнаго тогдашняго юриста Гора. Прежде, чѣмъ онъ окончилъ эти подготовительныя занятія, отецъ выхлопоталъ ему мѣсто секретаря въ томъ судѣ, гдѣ онъ былъ членомъ. Юноша былъ очень доволенъ такой выгодной и спокойной должностью, но Горъ посоветовалъ ему отказаться отъ нея. «Это мѣсто вы получите по протекціи, — сказалъ почтенный юристъ, — и оно не надежно, а главное, оно поставитъ васъ въ зависимость отъ другихъ, и неужели вы останетесь секретаремъ на всю жизнь. Вы бѣдны, — это правда, но естѣ горе больше бѣдности. Продолжайте свои занятія, и вы добьетесь большаго, а главное никогда не ѣшьте хлѣбъ иначе, какъ свой и самостоятельнымъ трудомъ нажитый». По словамъ Вебстера, онъ находился тогда въ очень критическомъ положеніи и не зналъ, на что рѣшиться, боясь оскорбить отца отказомъ, но, какъ истый американецъ, онъ избралъ путь самопомощи, и отецъ такъ же, какъ истый американецъ, нимало на него не разсердился, а сказалъ: «Ну, сынъ мой, твоя мать всегда говорила, что ты будешь чѣмъ нибудь замѣчательнымъ, или совершенно ничѣмъ, и ты, кажется, хочешь теперь рѣшить ея сомнѣнія насчетъ твоей судьбы». Получивъ, наконецъ, адвокатскій дипломъ, Вебстеръ открылъ контору стряпчаго въ маленькомъ городкѣ Воксавенѣ, близъ фермы отца, а послѣ его смерти переехалъ въ Портсмутъ, гдѣ женился и быстро пріобрѣлъ значительную адвокатскую практику, такъ что вырабатывалъ до двухъ тысячъ стерлинговъ въ годъ. Несмотря на его адвокатскіе успѣхи, онъ не любилъ карьеры, въ которой, по его словамъ, нравственные принципы на каждомъ шагѣ могли пошатнуться, и нельзя разбогатѣть иначе, какъ прижимая бѣдныхъ, такъ какъ богатые рѣдко судятся. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ развивать свой ораторскій талантъ и ежегодно произносилъ въ различныхъ городахъ рѣчи. Въ этихъ рѣчахъ онъ постоянно проповѣдывалъ преданность союзу и духу скорѣе, чѣмъ буквѣ конституціи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горячо отстаивалъ «необходимость сохраненія политической и общественной нравственности, безъ которой, по его словамъ, законы и конституція не что иное, какъ макулатура». Высказавъ, такимъ образомъ, въ своихъ рѣчахъ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ, свои политическія убѣжденія, онъ, наконецъ, въ 1812 году поставилъ свою кандидатуру, какъ федералиста, въ депутаты и былъ выбранъ. Тутъ кончается его подготовка къ общественной дѣятельности, и открывается эта дѣятельность, прославившая его имя до такой степени, что на порогѣ XX-го вѣка благодарные потомки вводятъ его въ храмъ Славы наравнѣ съ Вашингтономъ и Линкольномъ.

— Автобіографическія «Мысли» Леонарди. Только что появился седьмой и послѣдній томъ «Мыслей» Леонарди, величайшаго итальянскаго поэта XIX-го столѣтія ¹⁾. Эти мысли составляютъ чрезвычайно оригинальную авто-

¹⁾ *Pensieri di Leopardi; settimo ed ultimo volume. Firenze. 1901.*

біографію, именно исторію не жизни великаго лирическаго поэта и проповѣдника пессимизма, но исторію его идей и развитія его генія. Онѣ написаны впродолженіе семнадцати лѣтъ, отъ 1815 до 1832 года, и въ нихъ, по выраженію одного итальянскаго критика, Леопарди «смотрѣлъ на себя во время своего мышленія». Онъ не только углублялъ свою мысль внутрь себя, но и внутрь вселенной. Онъ думалъ много и свои мысли заносилъ на бумагу. Эти мысли самыя разнообразныя, то высокопоэтичныя, хотя высказаны въ прозѣ, то глубоко-философскія, дышущія упорнымъ пессимизмомъ, то литературныя, отличающіяся любопытными критическими взглядами, то филологическія, обнаруживающія основательныя знанія, то простыя выписки изъ книгъ, которыя произвели на него большое впечатлѣніе на итальянскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Наполняя семь большихъ томовъ, по пятисотъ страницъ каждый, эти «Мысли» Леопарди составляютъ арсеналъ, изъ котораго онъ черпалъ матеріалы своихъ сочиненій, а потому они служатъ драгоценнымъ пособіемъ для изученія великаго пѣвца міровой скорби и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ автобіографическихъ о немъ свѣдѣній. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ итальянскому правительству, что оно, по иниціативѣ парламента, вмѣшалось въ безконечныя споры между собственниками рукописей Леопарди и отчуждивъ эти рукописи, въ силу литературной экспроприаціи на пользу общую, поручило печатаніе «Мыслей», въ которыхъ, главнымъ образомъ, заключались спорныя рукописи, особой комиссіи подъ предѣдательствомъ поэта Кардуччи. Плодомъ этого новаго, но вполне справедливаго метода литературной экспроприаціи, являются означенныя семь томовъ прозаическихъ произведеній славнаго итальянскаго поэта. Приведемъ нѣкоторыя изъ его мыслей для примѣра ихъ оригинальности, глубины и блестящей формы. Вотъ что Леопарди говоритъ о Данте и Тассо: «Среди нашихъ великихъ поэтовъ двое были особенно несчастны: Данте и Тассо. Мы восторгаемся ими обоими, и мы посѣщаемъ ихъ гробницы. Я плакалъ на могилѣ Тассо, но я не ощущалъ ни малѣйшаго душевнаго волненія на могилѣ Данте, и я думаю, что всѣ испытываютъ тѣ же чувства, а между тѣмъ и я, и всѣ другіе, конечно, вполне справедливо цѣнятъ и восторгаются гораздо болѣе Данте, чѣмъ Тассо. Кромѣ того, Данте дѣйствительно перенесъ великія и несомнѣнныя несчастія, тогда какъ мы въ правѣ подозрѣвать, что несчастія Тассо были въ большой мѣрѣ воображаемыми, такъ мало мы имѣемъ достовѣрныхъ данныхъ объ этихъ несчастіяхъ, и такъ противорѣчивы свѣдѣнія самого Тассо о нихъ. Но мы видимъ въ Данте человѣка энергичнаго, который, имѣя сильную закаленную душу, борется со своими несчастіями, со своей судьбой, а потому онъ заслуживаетъ больше восторженнаго удивленія, чѣмъ нѣжнаго состраданія. Въ Тассо, напротивъ, мы видимъ человѣка побѣжденнаго, уничтоженнаго, убитаго злымъ рокомъ и который страдаетъ безпомощно. Если даже его несчастія и воображаемыя, то его горе и печаль искренни, потому несомнѣнно, что Данте перенесъ болѣе страданій, а Тассо былъ болѣе несчастнымъ». Ни одинъ проповѣдникъ пессимизма не выражалъ своего отчаянія такъ мрачно, какъ Леопарди въ слѣдующихъ словахъ: «Нельзя лучше выразить страшную тайну всеобщаго существованія, какъ признавъ недостаточными и ложными всѣ основныя принципы ра-

зума. Напримѣръ, тотъ принципъ, что одинъ и тотъ же предметъ, въ одно и то же время не можетъ быть и не быть, представляется волюнѣ ложнымъ, когда мы видимъ и осязаемъ противорѣчія, существующія въ природѣ. Существовать въ дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть возможности быть счастливымъ, или иначе находиться въ необходимости быть несчастнымъ—это двѣ истины, не допускающія никакого сомнѣнія относительно людей и всѣхъ живыхъ существъ. А быть связанными неразрывными узами съ несчастьями противоположно принципу жизни, цѣль которой—счастье. Такимъ образомъ, быть несчастнымъ значитъ быть и не быть въ одно и то же время. Вся природа безчувственна, исключая животныхъ, и они одни несчастны, для нихъ однихъ небогіе лучше бытія. Ихъ несчастья усиливаются съ расширеніемъ ихъ сознательной силы». Далѣе онъ говоритъ: «Что значитъ совершенствованіе человѣка, какъ не изобрѣтеніе новыхъ средствъ къ страданію». Эта мысль преслѣдуетъ постоянно Леонарди столько же, сколько другая мысль, составляющая основу всѣхъ его мыслей, что счастье невозможно. «Что такое жизнь? — восклицаетъ онъ.—Это путешествіе, предпринятое человѣкомъ больнымъ и хромымъ, съ тяжелой ношей на плечахъ; онъ взбирается по крутымъ горамъ, идетъ по самымъ непроходимымъ мѣстностямъ, подвергается и солнечному припеку, и снѣгу, и вѣтру, и морозу, идетъ безъ отдыха ни днемъ, ни ночью и, въ концѣ концовъ, приходитъ къ краю бездны, въ которую онъ волей, или неволей долженъ низвергнуться». Вообще, прочитавъ всѣ семь томовъ «Мыслей» Леонарди, нельзя не прійти къ тому заключенію, что этотъ поэтъ и философъ составляетъ живое олицетвореніе пессимизма. Шопенгауэръ представляется намъ спокойнымъ, даже веселымъ кабинетнымъ пессимистомъ, но Леонарди человѣкъ, въ плоть и кровь котораго пессимизмъ вѣлся. Въ этомъ заключается вся его оригинальность и, быть можетъ, все его величіе, такъ какъ мрачное отчаяніе было источникомъ его поэтического генія.

— Причина борьбы между Ватиканомъ и Квириналомъ. Римскій профессоръ Фіаминго напечаталъ въ ноябрьской книжкѣ нѣмецкаго журнала «Deutsche Revue» интересный очеркъ, имѣющій цѣлью объяснить тайную причину, почему Ватиканъ упорно ведетъ до сихъ поръ борьбу съ Квириналомъ¹⁾. При вступленіи Льва XIII на папскій престолъ онъ, повидимому, былъ расположенъ въ пользу примиренія католической церкви съ савойскимъ домомъ, но ему помѣшали могущественные іезуиты, которые забрали такую власть, что они всецѣло управляли Ватиканомъ. Одно время іезуиты очень боялись, чтобы не совершилось это примиреніе, и даже загоразживали баррикадами изъ различной мебели всѣ выходы изъ папскаго дворца, а также вели ожесточенную борьбу съ аббатомъ Тости, авторомъ пресловутой брошюры «Примиреніе» на столбцахъ своего главнаго органа «Voce della verita». Несмотря на все это, Криппи надѣялся, что все-таки состоится соглашеніе между папой и королевскимъ правительствомъ, благодаря содѣйствію монсиньора Карини, бібліотекаря въ Ватиканѣ, друга дѣтства Криппи и persona grata у

¹⁾ Vatican und Quirinal, von Profess. Fiamingo. «Deutsche Revue. November, 1900.

папы, но его смерть уничтожила послѣднія надежды сторонниковъ примиренія. Профессоръ Фіаминго объясняетъ упорное противодѣйствіе іезуитовъ, не допускающихъ и мысли о соглашеніи Ватикана съ Квириналомъ, той простой причиной, что послѣ подобнаго примиренія прекратился бы сборъ лепты святого Петра, потому что онъ сдѣлался бы ненужнымъ и бесполезнымъ въ случаѣ уплаты опредѣленнаго содержанія папѣ итальянскимъ правительствомъ. Лепта святого Петра представляетъ протестъ католическаго міра противъ заточенія папы: это сборъ милостыни со всѣхъ вѣрующихъ въ пользу главы церкви, который не можетъ унизиться до полученія милостыни отъ итальянскаго правительства, лишившаго его принадлежавшей папамъ издавна свѣтской власти. Этотъ протестъ приноситъ Ватикану до 20 милліоновъ франковъ въ годъ, которые идутъ на покрытіе расходовъ, какъ папы, такъ и всего Ватикана. Къ лептѣ св. Петра прибавляются еще много другихъ источниковъ дохода. Такимъ образомъ финансовыя соображенія побуждаютъ папу оставаться фиктивной, или символической жертвой итальянскаго единства. Примиреніе съ объединенной Италіей заставило бы его отказаться отъ многого и промѣнять золотой посохъ на деревянный. Папа обязанъ поддерживать въ католическомъ мірѣ фикцію, что онъ узникъ, запертый въ Ватиканѣ, что онъ бѣденъ, и что его всячески преслѣдуютъ, а потому всѣ вѣрные католики должны протестовать противъ подобнаго оскорбленія, наносимаго ихъ главѣ; этотъ тезисъ повторяется во всѣхъ энцикликахъ. Поэтому, когда при восшествіи на престолъ новаго короля Виктора-Эммануила III распространился слухъ, что по этому случаю произойдетъ примиреніе между Ватиканомъ и Квириналомъ, то папскій офиціозный и почти офиціальный органъ «*Observatore romano*» поспѣшилъ опровергнуть извѣстіе о томъ, чего никогда не могутъ допустить папа и окружающіе его прелаты изъ чисто финансовыхъ расчетовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ профессоръ Фіаминго и, дѣйствительно, если бы состоялось примиреніе между Ватиканомъ и Квириналомъ, то папа долженъ былъ бы довольствоваться назначеннымъ ему итальянскою конституціей ежегодной рентой съ капитала въ шестьдесятъ четыре милліона пятьсотъ тысячъ франковъ, а въ настоящее время онъ получаетъ, кромѣ лепты св. Петра, еще такъ называемый доходъ св. Петра, равняющійся милліону франковъ въ годъ и состоящій изъ сборовъ за папскіе дворянскіе титулы, за разрѣшеніе браковъ и т. д. Наконецъ Пій IX оставилъ своему преемнику 30 милліоновъ франковъ, составляющихъ экономію кардинала Антонелли, и Левъ XIII пользуется этими деньгами, хранящимися у лондонскаго Ротшильда, какъ своей собственностью. Все это позволяетъ ему покрывать ежегодный бюджетъ Ватикана въ 7 милліоновъ, щедро назначать стипендіи католическимъ школамъ и расходовать немало денегъ на художественныя произведенія, такъ онъ пожертвовалъ 10.000 франковъ на монументъ Данте въ Равеннѣ и великолѣпно возстановилъ Сикстинскую капеллу, а также закрытые до послѣдняго времени такъ называемые апартаменты Борджія въ Ватиканѣ. Выбѣтъ съ тѣмъ онъ не жалѣетъ денегъ и на увеличеніе внутреннихъ удобствъ Ватикана и недавно ввелъ тамъ электрическое освѣщеніе, при чемъ въ доказательство, что католическая церковь не имѣетъ ничего противъ современнаго прогресса, велѣлъ поставить статую Мадонны надъ входомъ въ электрическую станцію Ватикана.

— Конгрессъ исторіи религіи. Среди многочисленныхъ конгрессовъ, которые происходили въ Парижѣ осенью прошедшаго года по случаю всемирной выставки, прошелъ незамѣченнымъ конгрессъ исторіи религіи, и только въ *Revue des Revues* напечатанъ Жакомъ Кусанжемъ краткій отчетъ объ его засѣданіяхъ¹⁾. Этотъ съѣздъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ религіозныхъ вопросовъ, не походилъ на религіозный парламентъ въ Чикаго, и если было больше общаго между нимъ и конгрессомъ религіозныхъ наукъ въ Стокгольмѣ въ 1897 году, то все же и тамъ рядомъ съ исторіей религіи царили догматика и апологетика, при чемъ на конгрессѣ присутствовали только протестантскіе богословы, одинъ еврейскій раввинъ и одинъ русскій священникъ. На парижскомъ конгрессѣ дѣло шло только объ исторіи религіи, и на немъ засѣдали только ученые всѣхъ странъ, занимающіеся этой наукой, председательствовалъ извѣстный французскій ученый, написавшій много сочиненій по этому предмету, Альберъ Ревиль, а въ числѣ выдающихся членовъ были: графъ Губертисъ, профессоръ Римскаго университета, Монтэ, ректоръ богословскаго факультета Женевскаго университета, Глаголевъ, профессоръ Московской духовной академіи, извѣстный бельгійскій писатель, графъ Гобле Д'Альвиелла, докторъ Хикадзуми, японецъ, авторъ замѣчательной книги о буддизмѣ, и т. д. На засѣданіяхъ конгресса было прочитано много интересныхъ рефератовъ и вполне опредѣлено значеніе исторіи религіи, которая входитъ въ область социологіи. Недавно умершій Максъ Мюллеръ, одинъ изъ первыхъ занимался сравнительной исторіей религіи, и двадцать лѣтъ тому назадъ открыта во французской коллегіи каѳедра исторіи религіи, которую занимаетъ Ревиль. Буше-Леклеркъ, Мишель Бреаль и Опперъ читаютъ лекціи тамъ же по различнымъ отраслямъ этой новой науки, и для ея дальнѣйшаго развитія создана школа высшихъ изслѣдованій въ Сорбоннѣ. Аббатъ Брولي читаетъ курсы исторіи религіи въ католическомъ институтѣ, а многіе частные лекторы посвящаютъ отдѣльныя чтенія въ Парижѣ тому или другому религіозному вопросу. Въ Голландіи и Швейцаріи введена въ университетскую программу исторія религіи и въ первой изъ этихъ странъ Тилэ и Куэнень много поработали для развитія этой науки, Лордъ Клифордъ завѣщаль 40.000 фунтовъ стерлинговъ на открытіе подобныхъ каѳедръ въ шотландскихъ университетахъ, но въ Германіи еще не существуетъ каѳедры по исторіи религіи, хотя германскіе ученые Ричль, Бауэръ, Вельхаузенъ, Рейсъ, Гарнакъ и Гольдсманъ оказали большія услуги эзегетикѣ. Въ своемъ рефератѣ Сабатье, ректоръ факультета протестантскаго богословія въ Сорбоннѣ, изложилъ историческій очеркъ происхожденія эзегетики отъ гуманистовъ и ея дальнѣйшее развитіе, Аббатъ Дени, редакторъ «*Annale de philosophie chretienne*», старался увѣрить своихъ слушателей, что задача библейской критики заключалась въ томъ, чтобы, признавая чудеса, не подвергать ихъ объясненію, но допускать значительную роль человѣческой личности въ дѣлѣ религіи. Графъ Гоблэ Д'Альвиелла выяснилъ, что религія создала нравственность и сохранила человѣческое

¹⁾ Le congré d'histoire de religion, par Jacques de Coussanges. «*Revue des Revue*», 15 octobre.

общество, тогда какъ человѣческія группы, которыя не имѣли религіозной основы, перестали существовать. Марилье прочелъ блестящій докладъ объ изученіи народныхъ преданій, что составляетъ совершенно новую науку подъ названіемъ Folklore, и которую онъ первый ввелъ во Францію, подобно тому какъ Нутъ ввелъ ее въ Англию. Эта наука, по словамъ докладчика, можетъ всего лучше выяснитъ появленіе и развитіе религіозныхъ идей въ первобытной средѣ. Съ этой цѣлью изслѣдователи народныхъ преданій собираютъ не только всѣ старинныя легенды, но и записываютъ всѣ предрасудки и суевѣрія, которыя существуютъ въ настоящее время не только въ необразованныхъ, но и въ образованныхъ странахъ. Такъ въ Бельгій вбиваютъ гвозди въ статуи святого, чтобы обратить его вниманіе на молитвы вѣрующихъ, а въ Уэльсѣ пронзаютъ сердце у теленка, чтобы причинить смерть врагу. Профессоръ Буда-Пештскаго университета, Гольдцигеръ выяснилъ вліяніе мадеизма на магометанство, происхожденіе котораго до сихъ поръ объясняли вліяніемъ еврейства и христіанства. Между профессорами Камерлинкомъ и Рэвилемъ произошелъ споръ насчетъ того, что христіанство имѣло вліяніе на буддизмъ, съ чѣмъ послѣдній не соглашался. Стокгольмскій раввинъ Клейнъ силился доказать, что Иисусъ Христосъ принадлежалъ къ сектѣ ессеевъ. Французскій ученый Фай доказалъ, что греческіе апологисты II вѣка были пропитаны греческой философійю того времени, но, отыскивая истину, не нашли ея въ этой философійи и обратились въ христіанство; а Никавэ и Альфандэри подробно разобрали принципы авероизма, который своей утонченностью не могъ распространиться въ народныхъ массахъ. Было еще прочтано много другихъ рефератовъ на конгрессѣ и вообще какъ доклады, такъ и пренія положили твердую основу дальнѣйшему развитію исторіи религіи и могущей изъ нея возникнуть религіозной психологіи.

— Отголосокъ юбилея Сенкевича во Франціи. По случаю празднованія въ Варшавѣ юбилея перваго польскаго романиста нашего времени Генрика Сенкевича помѣщенъ въ *Revue des Revues* отъ 1-го декабря очеркъ его жизни и литературной дѣятельности ¹⁾. Авторъ этого очерка, Валерія Моршковская, представляетъ краткія біографическія данныя о своемъ героѣ и бѣглыми чертами характеризуетъ его главныя сочиненія. Происходя отъ старинной литовской дворянской семьи, Генрикъ Сенкевичъ родился въ 1846 году въ помѣстьѣ своего отца Радомской губерніи. Съ дѣтства онъ отличался удивительной памятью, которая позволяла ему повторять почти дословно слышанныя имъ въ церквѣ проповѣди, и той наблюдательностью, которая составляетъ одну изъ главныхъ чертъ его литературнаго таланта. Поэтому первые его рассказы, начавшіе появляться тотчасъ послѣ его выхода изъ варшавской главной школы, гдѣ онъ получилъ воспитаніе, представляютъ вѣрныя картины окружавшей его среды, и многіе изъ его товарищей по школѣ узнали себя въ герояхъ «Тщетно», «Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ», «Два пути» и т. д. Заявивъ себя такимъ образомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ литера-

¹⁾ L'auteur de «Quo vadis?» et son oeuvre, par Valérie Marèné-Morszokovska. «Revue des revues». 1 decembre.

турнымъ художникомъ, реалистомъ съ гуманными стремленіями и пламенной любовью къ униженнымъ и оскорбленнымъ, Сенкевичъ, подписавшій тогда свои рассказы псевдонимомъ «Литовець», отправился въ Америку, посѣтилъ главнѣйшіе города Соединенныхъ Штатовъ и прожилъ нѣсколько времени въ Калифорніи, плодомъ чего были его «Американскіе очерки». По возвращеніи на родину онъ женился на молодой дѣвушкѣ, которая сдѣлалась истинной подругой его жизни, но, подаривъ ему двухъ дѣтей, она умерла отъ чахотки, и Сенкевичъ нашелъ утѣшеніе лишь въ литературномъ трудѣ, именно въ окончаніи начатаго во время болѣзни жены лучшаго его романа «Quo vadis». Но все-таки по совѣту друзей онъ посѣтилъ тогда Африку, чтобы набраться новыхъ впечатлѣній, и потомъ, снова поселившись въ Варшавѣ, выступилъ на новой для него почвѣ журнализма. Онъ помѣстилъ цѣлый рядъ блестящихъ фельетоновъ въ «Gazeta polska» и замѣчательныхъ передовицъ въ «Słowo», редакторомъ котораго онъ состоялъ нѣсколько времени. Но онъ вскорѣ покинулъ журнализмъ, какъ не подходившее его таланту поприще, и посвятилъ себя всецѣло беллетристикѣ. Наиболѣе замѣчательными изъ его романовъ считаются историческая трилогія изъ польской жизни XVII вѣка: «Огнемъ и Мечемъ», «Потопъ» и «Панъ Володѣвскій», психологическій этюдъ «Безъ догмата», картина современныхъ нравовъ, «Семья Полонезскихъ», и двѣ историческія хроники «Quo vadis» изъ временъ перваго гоненія христіанъ при Неронѣ и «Меченосцы» изъ исторіи Польши въ XV вѣкѣ. Послѣдніе годы Сенкевичъ жилъ лѣтомъ въ Закопане въ Карпатахъ, извѣстномъ своей здоровой мѣстностью среди сосновыхъ лѣсовъ, а зиму проводилъ въ Варшавѣ, Краковѣ или въ какомъ либо изъ южныхъ городовъ. «Долгъ составляетъ правило жизни великаго романиста,—говоритъ Моршковская,—и онъ всегда оставался ему вѣренъ даже въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Возвышенное благородство соединяется въ немъ съ утонченными чувствами и рѣдкимъ тактомъ. Однажды одинъ изъ поклонниковъ его исторической трилогіи послалъ ему чекъ на значительный капиталъ съ надписью автору «Володѣвскаго». Хотя въ то время этотъ капиталъ для него былъ цѣлымъ состояніемъ, но Сенкевичъ пожертвовалъ его въ особый фондъ для оказанія помощи бѣднымъ, больнымъ литераторамъ. Впрочемъ онъ и теперь не богатъ, существуя исключительно своими сочиненіями, а потому его поклонники по случаю юбилея совершенно основательно поднесли ему живописное помѣстье «Обленгорскъ», гдѣ онъ можетъ спокойно провести послѣдующую свою жизнь, мечтая подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ и обдумывая на берегу быстрой рѣки свои будущія литературныя произведенія».

— Переписка прусской королевской четы съ императоромъ Александромъ I¹⁾. Павелъ Байлѣ издалъ, по порученію администраціи прусскаго государственнаго архива, переписку короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы съ императоромъ Александромъ I. Къ этой перепискѣ, въ видахъ поясненія, прибавлены и письма разныхъ другихъ высокопоставленныхъ

¹⁾ Briefwechsel König Friedrich-Wilhelm III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander I. Herausgeg. v. Paul Bailler. Leipzig. 1900. XXII—564.

особь, относящаяся къ той же эпохѣ; все вмѣстѣ составляетъ большой томъ въ 564 страницы. Содержаніе тома дѣлится на восемь отдѣловъ. Въ трехъ первыхъ заключается переписка короля Фридриха-Вильгельма III съ Александромъ I (стр. 1—344), съ матерью и супругою Александра (стр. 345—400), съ великою княгинею Еленою Павловною и ея супругомъ наследнымъ принцемъ Мекленбургскимъ (стр. 401—436). Къ этимъ письмамъ примыкаютъ четыре письма великаго князя (позже императора) Николая Павловича, на имя короля, затѣмъ письма королевы Луизы къ императору и обѣимъ императрицамъ (стр. 447—516), далѣе письма сыновей короля, кронпринца и принца Вильгельма къ императору и его супругѣ, и наконецъ, записки королевы Луизы, относящіяся къ 1802, 1809 и 1803 годамъ. Многія изъ писемъ имѣютъ политическое значеніе, даютъ возможность точнѣе услѣдить за важными событіями и отражаютъ мотивы дѣйствій разныхъ лицъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что частью писемъ уже неоднократно пользовались. Но главное значеніе сборника не въ мелочахъ, но въ общей картинѣ тѣхъ тѣсныхъ отношеній, которыя въ данное время соединяли русскій и прусскій царствующіе дома. Эти отношенія восходили, по словамъ издателя переписки, ко временамъ Фридриха Великаго, но получили особенное значеніе при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, чтобы потомъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, окрѣпнуть, особенно благодаря дружбѣ, въ 1801 году возникшей между великою княгинею Еленою Павловною и Фридрихомъ Вильгельмомъ III, наконецъ перейти въ искреннѣйшую привязанность короля и его супруги Луизы къ императору Александру. Эти отношенія заходили далеко за предѣлы личныхъ отношеній и являлись важнымъ факторомъ въ политикѣ обѣихъ сосѣднихъ странъ. «Съ обѣихъ сторонъ, — говоритъ Байлѣ въ своемъ предисловіи, — серьезно и честно относились къ этому дружественному союзу, но, какъ скоро оказалось, ошибались обѣ стороны. Каждый вѣрилъ, что нашелъ въ другомъ не только личнаго друга, но и политическаго союзника; ни тотъ ни другой не думалъ о томъ, чтобъ измѣнить сущность своей политики въ угоду новому другу. Изъ-за этого безсознательнаго взаимнаго обмана должны были происходить недоразумѣнія, размолвки». Называя Фридриха-Вильгельма III, на основаніи его писемъ, натурою простою и несложною, Байлѣ, такимъ образомъ, рисуетъ «пестрое разнообразіе» природы и цѣлей императора Александра I. «Это былъ человѣкъ добрый и великодушный, мечтательно преданный всѣмъ идеаламъ XVIII вѣка объ устройствѣ счастья человѣчества, но въ то же время недовѣрчивый и непостоянный, полный мистическихъ глубинъ въ душевной жизни, но въ то же время совершенно обращенный на внѣшность, полный жажды дѣятельности, тщеславный и честолюбивый... Самъ увлеченный и очарованный высокою своею цѣлью (освободить Европу, угнетенную Наполеономъ, и спасти Польшу), онъ не обращалъ вниманія на средства; мастеръ въ дипломатіи, къ которой онъ притворно относился съ презрѣніемъ, онъ не задумываясь брался за худшія орудія ея, за ложь и притворство». Эту характеристику Байлѣ старается подтвердить многими мѣстами переписки. Онъ указываетъ, между прочимъ, на переписку по вопросу о торговыхъ сношеніяхъ между Пруссіею и Польшею въ 1817 и 1822 годахъ; въ этихъ письмахъ любезность выраженій не исполнѣ скрывала попытки Алексан-

дра I вовлечъ прусскаго короля въ невыгодную сдѣлку. Особенно интересны въ собраніи Байлѣ письма королевы Луизы къ Александру I. Повидимому, русскій императоръ вполне очаровалъ королеву своимъ обращеніемъ, и въ письмахъ своихъ Луиза выражаетъ свое восхищеніе въ обычномъ тогда нѣсколько преувеличенномъ тонѣ. Въ письмѣ, помѣченномъ 14 мая 1807, она пишетъ императору, что видитъ въ немъ осуществленіе такихъ совершенствъ, о которыхъ обыкновенно мечтаешь только, какъ о несбыточномъ идеалѣ. Однако, королева, какъ искренняя патріотка, умѣла иногда писать и въ очень энергичныхъ выраженіяхъ; таково, напримѣръ, ея письмо отъ 2 іюня того же года, гдѣ она дѣлаетъ представленія по поводу образа веденія войны русскимъ генераломъ Беннигсеномъ.

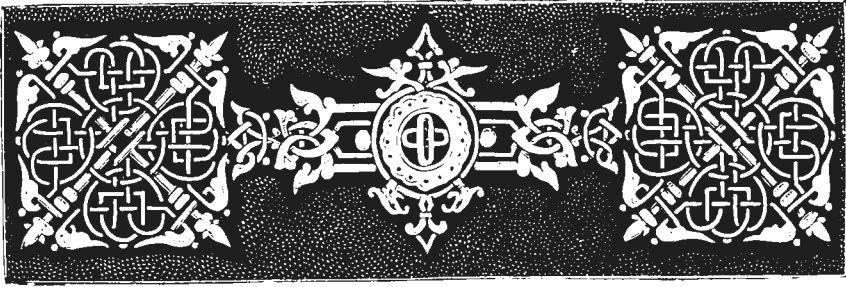
— Изъ разсказовъ Джевадъ-паши ¹⁾. Бернгардъ Штернъ излагаетъ въ «Deutsche Revue» содержаніе нѣкоторыхъ своихъ бесѣдъ съ турецкимъ визиремъ Джевадъ-пашею, недавно скончавшимся. Изъ этихъ бесѣдъ, касавшихся большею частью вопросовъ современной политики, представляетъ интересъ бесѣда, которую великій визирь велъ съ Б. Штерномъ 25 января 1895 года въ своемъ кабинетѣ въ Портѣ. Бесѣда происходила въ присутствіи инспектора почты и цензуры Лебеля-эффенди. Предметомъ бесѣды была политика Россіи и Англіи на берегахъ Босфора, а поводомъ къ разговору послужили армянскія смуты. «Я согласился, — сказалъ Джевадъ-паша, — на отсылку комиссіи изъ представителей державъ въ мѣстности, пострадавшія отъ безпорядковъ. Консулы Англіи, Россіи и Франціи примкнули къ комиссіи, которую я посылаю въ Анатолію. Можно, надѣюсь, положиться на этихъ консуловъ, если питаютъ недовѣріе къ избраннымъ мною людямъ, за честность которыхъ я ручаюсь. Но вѣдь не хотятъ спокойно ждать результатовъ слѣдственной комиссіи. Въ этомъ Англія увлекла всю остальную Европу. Европа пляшетъ по дудкѣ дряхлаго врага Турціи Гладстона. Я всегда апеллирую лишь къ логикѣ цивилизованнаго міра. Для насъ величайшій интересъ въ томъ, чтобы удержать миръ съ Европою и спокойствіе внутри государства. Всякаго рода конфликты въ пользу только Англіи. Лордъ Розбери старается поддержать свое слабое большинство въ парламентѣ красивыми фразами и маскою гуманности; громкимъ шумомъ онъ надѣется отвлечь интересы другихъ державъ отъ Египта и Малой Азіи. Вѣроломствомъ и хитростью Англія завладѣла Египтомъ. Но Англія еще не можетъ распорядиться въ Константинополѣ. Голоса Розбери, Кимберлеесъ и Гладстона не потрясутъ Блистательной Порты. Сэръ Филиппъ Кѣрри, правда, осмѣливается говорить такъ, точно онъ господинъ у Босфора, и султанъ былъ принужденъ принести у англійскаго правительства жалобу на грубое поведеніе этого дипломата. Если я, конечно, не могу быть другомъ Россіи, то все-таки англійская политика можетъ заставитьъ меня искать помощи у Россіи. Россія заинтересована въ томъ, чтобы не возникло общаго возстанія армянъ. Сама Россія владѣетъ провинціями, населенными армянами. Развѣ они остались бы спокойны, если бы Россія, по волѣ Англіи, стала под-

¹⁾ Erzählungen des grosswesirs Dschewad Pascha aus seinem Leben.—«Deutsche Revue», December, 1900.

держивать армянъ въ ихъ фантастическихъ плюзюяхъ? Или развѣ Россія отдала бы свои провинціи, чтобы онѣ вмѣстѣ съ турецкими, составили армянское королевство? Отъ желанія играть на Востокѣ роль освободительницы христіанъ Россія, вѣроятно, основательно излѣчилась. Что дало Россіи освобожденіе Болгаріи? Сотни тысячъ жертвъ людскими жизнями, сотни милліоновъ расходовъ, безконечную неблагодарность, Баттенберга и Стамбулова? Я дать вычислить, сколько всего армянъ во всемъ мірѣ. Мнѣ сказали, что ихъ 800.000. Половина изъ нихъ живетъ въ Турціи, 200.000 въ Константинополѣ и окрестностяхъ его, 200.000 въ анатолійскихъ вилайетахъ. Въ городѣ Сассунѣ, который армяне считаютъ чисто армянскимъ, 20.000 жителей: изъ нихъ 8.000 армянъ, остальные 12.000 мусульмане. Въ Битлисѣ двѣ трети жителей мусульмане, еще треть армяне; у турокъ здѣсь 30 мечетей, 10 медресе и 12 монастырей дервишей, а у армянъ только 8 церквей. Изъ жителей Вана также двѣ трети турокъ. Всего этого въ Европѣ не знаютъ. Въ Европѣ забываютъ также, что не мы покорили армянъ. Мы завоевали населенныя армянами области Анатоліи у монголовъ, черкесовъ и грузинъ. Нѣтъ поэтому никакихъ основаній отдавать наши съ трудомъ завоеванныя, населенныя больше мусульманами, чѣмъ христіанами, области только для того, чтобы создать армянское царство». Главнѣйшія изъ другихъ бесѣдъ Штерна съ Джевадъ-нашою касаются также армянскихъ безпорядковъ. По словамъ Джевада, эти безпорядки были несомнѣнно вызваны англичанами, а главными руководителями ихъ были бывшіе преступники, организовавшіе набѣги, отъ которыхъ одинаково страдали и мусульмане и христіане. Трудно повѣрить, насколько искренно говорилъ Джевадъ, и насколько В.Штернъ сумѣлъ отдѣлать собственныя воззрѣнія отъ воззрѣній турецкаго визиря. Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ то обстоятельство, что В. Штернъ былъ представленъ Джеваду-нашѣ извѣстнымъ туркофиломъ Германомъ Вамбери.

С М Ъ С Ъ.

ЕСТВОВАНИЕ памяти **М. П. Погодина**. 11-го ноября въ Петербургѣ и Москвѣ было торжественно отпраздновано столѣтіе со дня рожденія знаменитаго историка, писателя и общественнаго дѣятеля, профессора и академика Михаила Петровича Погодина. Въ Петербургѣ чествованіе проеходило въ академіи наукъ. Давно уже малый конференцъ-залъ академіи не видѣлъ въ своихъ стѣнахъ такъ много публики. Не только были заняты всѣ мѣста и поставленные стулья, но и въ проходѣ стояла толпа. Было много академиковъ и почетныхъ лицъ. Въ числѣ академиковъ и почетныхъ лицъ присутствовали: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, предсѣдатель отдѣленія словесности М. И. Сухомлиновъ, непремѣнный секретарь ген. Н. Ф. Дубровинъ, А. С. Фаминцынъ, К. Г. Зелеманъ, А. А. Шахматовъ, бар. В. Р. Розенъ, Ф. В. Овсянниковъ, М. С. Рыкачевъ, А. Н. Пылинъ; почетные академики: А. Ѳ. Кони, А. А. Голенищевъ-Кутузовъ и А. А. Потебхинъ. Кромѣ того, было много почетныхъ гостей, въ числѣ которыхъ былъ и почетитель Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскій. Ровно въ 2 часа пополудни прибылъ августѣйшій президентъ академіи его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ и занялъ предсѣдательское мѣсто. По сторонамъ его помѣстились М. И. Сухомлиновъ и адъюнктъ академіи А. С. Лаппо-Данилевскій. Предсѣдатель отдѣленія русскаго языка и словесности М. И. Сухомлиновъ открылъ засѣданіе краткой рѣчью. Отдѣленіе, слѣдуя издавна установленному обычаю, чествуетъ своихъ почившихъ членовъ. Сегодня оно че-

ствуеть члена російской академіи и члена ея отдѣленія русскаго языка и словесности Михаила Петровича Погодина. Время, въ которое онъ жилъ, было временемъ такихъ дѣятелей, какъ Пушкинъ, Гоголь, Востоковъ, Жуковскій, князь Вяземскій и другія лица, имена которыхъ съ благодарностью сохраняетъ и до сихъ поръ исторія литературы. Погодинъ служилъ для нихъ и для тогдашнихъ теченій связующимъ звеномъ. Затѣмъ слово было предоставлено А. С. Ланцо-Данилевскому. По его словамъ, начало XIX вѣка было временемъ переходнымъ. Направленія въ наукѣ и въ общественной мысли были враждующими, сталкивались и расходились. Одна философская система смѣняла другую. Этимъ колебаніямъ подчинялась и общественная мысль. При такихъ-то условіяхъ и выступилъ Погодинъ съ его живымъ темпераментомъ, кипучей фантазійей и воспріимчивостью. При этихъ условіяхъ ему трудно было замкнуться въ какой нибудь одной области. Онъ, какъ исторіографъ, пережилъ такіа потрясающія событія, какъ 14-е декабря, Крымскую войну. Все это наложило на него свою печать. Онъ былъ не только историкомъ, но и литераторомъ и публицистомъ. Онъ не былъ по свойству своей натуры кабинетнымъ ученымъ: его тянуло въ толпу, въ народъ и къ путешествіямъ. Онъ ѣздилъ, изучалъ, наблюдалъ и знакомился со всеми слоями общества безъ различій, все подмѣчалъ и записывалъ и всему старался дать характеристику и объясненіе. Онъ позналъ народъ и его бытъ. Онъ сталъ беззавѣтно преданнымъ общеземскимъ дѣламъ въ ихъ главной сущности и гражданномъ. Въ наукѣ, которую онъ преподавалъ—въ исторіи, онъ не былъ систематикомъ. Въ этомъ его достоинство и слабость. Онъ былъ тѣсно связанъ съ движеніемъ мысли современнаго ему общества. Его волновали тѣ философскія системы, которыя господствовали въ это время. Онѣ отражались на немъ. Первое время онъ относился недověрчиво къ скептическому движенію, господствовавшему въ 1820-хъ годахъ. Потомъ онъ отдался этому скептицизму и господствовавшему тогда ученію Шеллинга. Къ этому времени относится и его дружба съ Титовымъ и Шевыревымъ. Затѣмъ его илѣняла нѣмецкая романтика, и изъ французовъ — Жанъ-Жакъ Руссо. Подъ вліяніемъ времени и господствующихъ вліяній въ обществѣ Погодинъ дѣлается поклонникомъ Шеллинга. Въ немъ пробуждается потребность въ изученіи философіи. Бесѣды между нимъ и Титовымъ носятъ чисто философскій характеръ, но все-таки его тянетъ изъ кабинета на улицу и въ чужіе края. Вліяніе философіи сказалось. Онъ увлекается «небеснымъ состояніемъ души, которое долженъ былъ переживать Шеллингъ, когда открылъ свою систему». Далѣе ораторъ изложилъ значеніе «Афоризмовъ» Погодина, въ которыхъ въ отрывочныхъ положеніяхъ было высказано много матеріала, относящагося къ исторіи философіи. Самъ Погодинъ приписывалъ большое значеніе этой книгѣ. Онъ называлъ ее «книгою европейскою». Онъ былъ первымъ преподавателемъ исторіи, который ввелъ въ нее философское мышленіе. Въ то же время онъ наставлялъ и на самобытность Россіи. По его убѣжденію, Россія должна была появляться на европейской сценѣ не иначе, какъ самобытною. Онъ утверждалъ на лекціяхъ, что явленіями русской исторіи нужно объяснять русскую самобытность изъ нея же самой. Онъ говорилъ, что Западъ уже отжилъ, и что все остальное должна завершить Россія своей предстоящей исторической жизнью. Вліяніе

славянофильства сказывалось на Погодинѣ, но онъ утверждалъ и вѣрилъ, что образованіе Запада должно слиться съ русскимъ въ одну общую западно-славянскую струю. Онъ вѣрилъ, что надежда всей Европы сосредоточивается на Россіи. Но самъ Погодинъ не признавалъ себя славянофиломъ. Въ свою очередь и славянофилы не были довольны имъ. Но рядъ обстоятельствъ сдѣлалъ свое дѣло. Почувствовалась потребность въ исторической критикѣ. У Погодина былъ скептический такъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ораторъ указалъ на значеніе Погодина, какъ исторіографа и собирателя древнихъ памятниковъ. Въ его библиотекѣ было 19 тысячъ рукописей и 20 тысячъ старопечатныхъ книгъ. Мировоззрѣніе Погодина прошло черезъ нѣсколько разнородныхъ моментовъ. Онъ былъ частью славянофиломъ, частью западникомъ и въ суммѣ не былъ ни тѣмъ ни другимъ. Но благодарность потомства должна заслужить его твердая вѣра въ силу русской науки и вѣра въ русскій народъ и его внутреннюю силу. Затѣмъ слово было предоставлено академику В. И. Ламанскому. Въ живой формѣ нарисовалъ почтенный профессоръ фигуру М. П. Погодина. Онъ читалъ по конспекту, только заглядывая въ тетрадь, но его рѣчь была живою, и къ ней прислушивалась вся многочисленная публика. Пятьдесятъ лѣтъ прошло, съ тѣхъ поръ воды много утекло. За это время протекло много такихъ событій, которыя по характеру своему были на рубежѣ временъ Елисаветы и Екатерины. Погодинъ по своимъ воззрѣніямъ послужилъ связью между этими эпохами и позднѣйшимъ временемъ. Онъ жилъ въ то время, когда обо всемъ было принято умалчивать, когда цензура была строга. Но это его не смущало. Онъ говорилъ о томъ, что тогдашними цензурными правилами воспрещалось. Онъ былъ сторонникомъ идеи освобожденія крестьянъ. Онъ вѣрилъ въ лучшее. Въ 30-хъ годахъ онъ написалъ и издалъ чрезвычайно много. Въ его произведеніяхъ было много неудачныхъ вещей. Множество разнообразныхъ изданій заставляло его разбрасываться поневолѣ. Его задачей было идти по стопамъ Ломоносова и Новикова, которые поставили своей задачей будить русскую мысль и находить новыхъ дѣятелей. Любовь къ русскому народу проявилась во всѣхъ его изданіяхъ и работахъ. И ни одинъ писатель не былъ такъ тѣсно плотски связанъ съ народомъ, какъ Погодинъ. Народъ и исторія соединились въ его представленіи въ одно цѣлое. Все, что онъ создалъ и чѣмъ онъ былъ, истекало изъ его горячо любящаго сердца и любви къ русскому народу. Обыкновенный академикъ Н. П. Кондаковъ помянулъ М. П. Погодина, какъ исторіографа, который тѣмъ дѣнемъ, что оставилъ по себѣ добрую память въ археологій и вносилъ въ свои собранія и коллекціи все старое: иконы стараго письма и памятники древности. Онъ не держался ни школы, ни системы. Онъ оставилъ послѣ себя 19 тысячъ рукописей и 20 тысячъ рукописныхъ древнихъ книгъ. Его завѣтною мечтою было учрежденіе по всей Россіи археологическихъ музеевъ для сохраненія древнихъ историческихъ памятниковъ прошлаго Россіи. Последнее слово принадлежало почетному академику А. А. Потѣхину. Маститый литераторъ прочелъ свои воспоминанія о первой встрѣчѣ, о первыхъ шагахъ своей литературной дѣятельности, о томъ, какъ встрѣтился съ Погодинымъ, что говорилъ ему Погодинъ и какъ отзывчиво отнесся Погодинъ ко всему новому и хорошему. Погодинъ былъ расчетливъ и

скупъ, когда у него просили гонорара, ратовалъ за чистоту русскаго языка, сердился, когда при немъ произносили иностранныя имена въ родѣ: «артистка Читау (почему не Читалина?)», «гонораръ» и «фуроръ». Расплачивался по «Москвитяину» Погодинъ скупо, но аккуратно... Разсказъ А. А. Потѣхина былъ лучшимъ и живымъ, одухотвореннымъ вкладомъ въ чествованіе М. П. Погодина. Это—доступное только его перу мастерское изложеніе своихъ воспоминаній. Передать его въ той дивной и живой формѣ, какъ онъ излагалъ, невозможно. Это сдѣлать можетъ только самъ авторъ. Рѣчь А. А. Потѣхина была покрыта громомъ рукоплесканій. — Въ Москвѣ чествованіе Погодина происходило въ торжественномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности въ актовомъ залѣ университета. Надъ кафедрой, декорированной лавровыми деревьями, помѣщались три портрета Погодина, снятые въ 40-хъ годахъ, въ 1867 и въ 1871 г., а также фотографическіе виды дома, въ которомъ родился Погодинъ, на Тверской, противъ Малаго Гнѣздниковскаго переулка, нынѣ принадлежащаго бр. Бахрушинымъ, и «Погодинской избы» на Дѣвичьемъ полѣ, на Погодинской улицѣ. Засѣданіе происходило подъ предѣлательствомъ проф. А. Н. Веселовскаго, товарища предѣлателя общества, въ присутствіи ректора Московскаго университета А. А. Тихомирова, члена совѣта министерства народнаго просвѣщенія А. П. Расвѣтова, представителя отъ московской думы товарища городского головы Н. А. Лебедева, профессоровъ и преподавателей университета и многочисленной публики, переполнившей залу. Секретарь общества Д. Д. Языковъ прочиталъ протоколъ предварительнаго собранія общества объ устройствѣ настоящаго торжественнаго засѣданія, сообщилъ и о выраженіи благодарности товариществу Бахрушиныхъ, изъявившему готовность поставить на свой счетъ доску на домѣ бывшемъ Мятлевыхъ, гдѣ родился Погодинъ, съ соответствующей надписью. На кафедре взошелъ В. П. Шенрокъ и прочиталъ, за отсутствіемъ В. Е. Якушкина, его «Біографическій очеркъ Погодина». Въ концѣ очерка говорилось объ отношеніяхъ Погодина къ обществу любителей россійской словесности. Въ члены-сотрудники общества М. П. былъ избранъ еще юношею въ 1822 году, а 7-го сентябрю 1827 г. общество избрало Погодина своимъ дѣйствительнымъ членомъ, и въ 1834 г. секретаремъ. Въ должности секретаря М. П. прилагалъ усилія къ оживленію дѣятельности общества, но безуспѣшно. Общество возродилось только въ концѣ 50-хъ годовъ, съ началомъ оживленія въ самой русской жизни, и въ дѣятельности его въ 60-хъ М. П. принималъ самое дѣятельное участіе, избранный сначала предѣлелемъ, а потомъ почетнымъ членомъ общества. Н. А. Чаевъ прочиталъ «Воспоминанія о Погодинѣ», которые напечатаны въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Для связи приведемъ ихъ содержаніе. Н. А. Чаевъ задумалъ написать историческую драму «Александръ Михайловичъ Тверской». Погодинъ отнесся къ г. Чаеву съ большимъ вниманіемъ, далъ ему нѣсколько совѣтовъ и, когда черезъ 2—3 года драма была написана и читалась въ собраніи у Вельмана, ободрилъ автора нѣсколькими теплыми словами. Описывая М. П., какъ оратора, референтъ отмѣтилъ, что рѣчь его была всегда продуманнымъ произведеніемъ, прозорливымъ, вѣщимъ словомъ, яснымъ и опредѣленнымъ. Въ послѣдній разъ г. Чаевъ видѣлъ Погодина за 1—1½ года

до его кончины у А. П. Елагиной. Здѣсь, при разговорѣ съ Погодинымъ, маститый ученый отвѣчалъ ему: «Представьте, слышу каждое слово ваше, а не могу понять, о чемъ вы говорите». На объясненія, что это, быть можетъ, зависитъ отъ духоты и сильнаго запаха цвѣтовъ, Погодинъ замѣтилъ: «Нѣтъ, нѣтъ! Пора мнѣ къ Пушкину». Погодинъ былъ постоянно душою общества, которое онъ всегда оживлялъ 8-го ноября, въ день его именинъ, когда къ нему собирались представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ столичнаго населенія. Проф. А. И. Киршичниковъ сдѣлалъ докладъ: «Отношенія Гоголя къ Погодину». Лѣтомъ 1832 года Погодинъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженій, говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. Большая надежда, если возстановится его здоровье». Новые знакомцы, очевидно, произвели другъ на друга сильное и благоприятное впечатлѣніе: съ этихъ поръ начинаются ихъ постоянныя сношенія, начинается ихъ десятилѣтняя плодотворная для обѣихъ сторонъ дружба. Она настолько силегасть судьбу ихъ, что если бы Погодинъ былъ самымъ зауряднымъ профессоромъ, сношенія съ Гоголемъ дали бы ему замѣтное мѣсто въ исторіи русской литературы классическаго ея періода. Черезъ 4 мѣсяца послѣ начала знакомства Гоголь проситъ М. П. Погодина передать его поклонъ «Кирѣевскому, Аксакову и всѣмъ нашимъ москвичамъ». Стало быть, Гоголь въ это время смотритъ на Погодина, какъ на позрѣвика между нимъ, Гоголемъ, и московскою интеллигенціей. Послѣ 1842 года Аксаковы, Шевыревъ, графъ Толстой и другія были гораздо ближе сердцу Гоголя, чѣмъ Погодинъ; но Гоголь никогда не могъ забыть, что прежде всего чрезъ М. П. Погодина чуждая ему до сихъ поръ Москва стала для него роднымъ городомъ. Черезъ годъ послѣ перваго свиданія Гоголь и Погодинъ были уже на «ты». Что же такъ скоро и тѣсно сблизило Погодина съ Гоголемъ? Сближаетъ людей сходство интересовъ и возрѣній и такое различіе характеровъ и наклонностей, при которомъ одинъ человекъ какъ бы дополняетъ другого; и перваго, и втораго здѣсь было немало; но различіе больше бросалось въ глаза. М. П. Погодинъ вышелъ изъ великорусскихъ крѣпостныхъ; Н. В. Гоголь—изъ малорусскихъ пановъ, и каждый изъ нихъ представлялъ весьма рельефно нѣкоторыя изъ крупнѣйшихъ характерныхъ чертъ своего времени. М. П. Погодинъ при всей широтѣ своего ума и разнообразіи способностей былъ совершенно лишенъ юмора и остроумія, которыми Н. В. Гоголь обладалъ въ высшей степени. Зато М. П. Погодинъ былъ смѣль, рѣшителенъ, самоувѣренъ и скоръ въ работѣ, тогда какъ Н. В. Гоголь—съ излишкомъ осторожности. Одинъ былъ великій художникъ и иногда пытался быть историкомъ, другой былъ крупнымъ историкомъ и иногда пускался въ творчество; какъ люди способные, они и въ чужихъ областяхъ выходятъ впередъ изъ толпы. Оба они люди выдающіеся по душевной и умственной силѣ, по огромной энергіи; но у одного энергія открытая, мечущаяся въ глаза, у другого—сдержанная и скрытая. Поводомъ къ ихъ сближенію послужило то, что они были интересны другъ для друга. Гоголь уже «въ гимназіи высшихъ наукъ» слѣдилъ съ симпатіей за литературною дѣятельностью Погодина, послѣдній же въ первый разъ услышалъ о Гоголѣ по выходѣ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ». Этнографическое значеніе этой маленькой

книжки Погодинъ былъ способенъ понять лучше и глубже, нежели Пушкинъ, нежели даже самъ ея авторъ. Это значеніе «Вечеровъ на хуторѣ» Погодинъ долженъ былъ разъяснить Гоголю при первыхъ же свиданіяхъ. И вотъ почему между ними сейчасъ же начался разговоръ о малороссійской исторіи, подавшій Погодину большую надежду. Вотъ, по мнѣнію профессора А. И. Кирпичникова, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему холодный и недовѣрчивый, но тонко понимающій людей и вещи Гоголь сразу почувствовалъ такую симпатію къ Погодину и призналъ въ немъ «брата по душѣ». Другая важная причина ихъ быстрого сближенія—сходство ихъ положеній въ томъ аристократическомъ обществѣ, которое тогда составляло верхній слой и въ жизни, и въ литературѣ... Гоголь, хотя и дворянинъ по происхожденію, воспитаніе получилъ не дворянское, а разночинское. Недворянское воспитаніе сближало ихъ и въ самыхъ сокровенныхъ убѣжденіяхъ. Ихъ сближало, наконецъ, и единство занятій. Переписка между ними самая искренная и оживленная. Гоголь сообщаетъ Погодину планы своихъ научныхъ работъ и очевидно дорожитъ его мнѣніемъ, хотя и старается казаться независимымъ. Когда съ конца 1833 года Гоголь начинаетъ хлопотать о каѳедрѣ въ университетѣ, переписка съ Погодинымъ пріобрѣтаетъ для него еще большій интересъ: онъ проситъ лекціи Погодина, пользуется его книгами и указаніями. Когда Гоголю не удалось занять кафедру въ Кіевѣ, Погодинъ, очевидно, не безъ нѣкотораго усилія надъ своею ученою совѣстью предложилъ ему, чтобъ устроить его адъюнктомъ въ Москвѣ. Лѣтомъ 1839 года Гоголь вмѣстѣ съ Погодинымъ лѣчился въ Мариенбадѣ, а осенью вмѣстѣ поѣхали въ Москву. Гоголь поселился у Погодина. Однако, скоро ихъ идеальная дружба обращается во взаимное раздраженіе и даже злобу. Позднею осенью 1839 года Гоголь изъ дома Погодина поѣхалъ въ Петербургъ за сестрами. У Погодина въ это время явился планъ издавать «Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» (за особую плату), и онъ сообщилъ его Гоголю. Послѣдній написалъ Погодину письмо, въ которомъ разбилъ его планъ въ пухъ и прахъ и съ большимъ знаніемъ дѣла настаивалъ на журналѣ книжками. Весной 1840 года Гоголь уѣхалъ за границу, поручивъ свои денежныя дѣла, конечно, Погодину. Въ 1841 году начинаетъ выходить «Москвитянинъ», въ который Погодинъ вкладываетъ всю душу свою. Всѣмъ были извѣстны дружескія отношенія редактора и Гоголя. «Всѣ ждуть, — пишетъ Даль Погодину, — что-то будетъ въ «Москвитянинѣ» Гоголь? Его сотрудничество непременно расширитъ кругъ журнала. Гоголя любятъ всѣ; для него между читателями нѣтъ партій». Погодинъ рѣшается написать Гоголю на тему «выручай», но онъ немного побаивается своего капризнаго и болѣзненнаго друга и чувствуетъ, какъ было бы не деликатно ему, одному изъ главныхъ кредиторовъ Гоголя приставать къ нему, и потому прибѣгаетъ къ помощи С. Т. Аксакова. Аксаковъ взялъ ходатайство на себя. Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ Гоголя прямо-таки ужасное письмо; мало того, что тотъ считаетъ тяжелымъ грѣхомъ отвлекать его отъ великаго спасительнаго труда, считаетъ, что это дозвоительно только тому, кто не вѣритъ словамъ его и кто «недоступенъ великимъ мыслямъ». Мало того, что онъ намекаетъ на свою задолженность, на кредиторскія права Аксакова и Погодина, онъ заканчиваетъ письмо словами: «Но

статья будетъ готова; жаль только, если она усилитъ мое болѣзненное расположеніе; но я думаю—нѣтъ. Богъ милостивъ». Въ 1841 году Гоголь вернулся изъ Рима въ Россію и, пріѣхавъ въ Москву, поселился у Погодина. Въ началѣ этого совмѣстнаго житія, повидимому, все шло попрежнему. Послѣднія главы перваго тома «Мертвыхъ душъ» Гоголь читалъ только двумъ Аксаковымъ и Погодину. Аксаковы были въ такомъ восторгѣ, что отказались отъ всякой критики. Погодинъ критиковалъ планъ поэмы строго и съ раздраженіемъ: Гоголь слушалъ его внимательно и не возражалъ, но плана своего не измѣнилъ. Въ концѣ 1841 года и въ началѣ 1842 года начали возникать недоразумѣнія между Гоголемъ и Погодинымъ. Послѣ объяснилось, что Погодинъ пилилъ, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себѣ въ журналъ и укорялъ его въ неблагодарности. Такъ рассказываетъ Аксаковъ и не только обвиняетъ Погодина, но и себя самого за то, что не выѣхался въ ихъ ссору. 9-го мая, когда Гоголь давалъ обычный именинный обѣдъ въ саду, хозяинъ и его жилецъ уже не разговаривали другъ съ другомъ. Черезъ двѣ недѣли Гоголь надолго покинулъ Москву, и Погодина не было въ числѣ лицъ, провожавшихъ его. Такъ окончилась эта долгая дружба, обнимавшая лучшихъ десять лѣтъ жизни Гоголя. Потомъ сношенія Погодина съ Гоголемъ чрезъ нѣкоторое время опять возобновились, но они были дѣловыя, доброжелательныя, но уже не дружескія. Въ концѣ засѣданія князь А. И. Сумбатовъ мастерски продекламировалъ отрывокъ изъ трагедіи Погодина «Петръ Великій».

Памятникъ Нарвской битвѣ. 19 ноября на лѣвомъ берегу рѣки Нарвы, гдѣ 200 лѣтъ назадъ первая русская гвардія, преобразенцы, семеновцы и бомбардиры вынесли тяжкій бой со шведами, совершенно торжественное освященіе памятника, воздвигнутаго въ память битвы на пожертвованія настоящихъ и бывшихъ преобразенцевъ, семеновцевъ и бомбардировъ. Въ пожертвованіяхъ принимали участіе и высочайшія особы, числящіяся въ частяхъ. Русскія войска 200 лѣтъ назадъ, предводимыя Петромъ Великимъ, пришли подъ Нарву и стали вокругъ кольцомъ на протяженіи 7 верстъ. Испытанное въ бояхъ шведское войско, предводительствуемое самимъ королемъ Карломъ, атаковало русскіе окопы. Побѣда досталась шведамъ, нашъ лѣвый флангъ былъ смятъ, много русской конницы, когда она бросилась впасть, погибло въ Нарвѣ, устоялъ только отрядъ преобразенцевъ и семеновцевъ съ ихъ бомбардирами. До вечера держались они и отступили утромъ съ оружіемъ и знаменами, оставленными имъ Карломъ за храбрость, съ которой они защищались. На этотъ тяжелый урокъ русской молодой арміи Петръ Великій посмотрѣлъ, какъ на необходимость; онъ въ этомъ тяжкомъ боѣ видѣлъ «науку» и пользу своей арміи, и дѣйствительно: Нарва наконецъ была взята, а подъ Полтавой ученики доказали своимъ учителямъ шведамъ, что они ихъ превосходили. На торжество открытія памятника, который дѣйствительно стоитъ на костяхъ воиновъ, такъ какъ при устройствѣ памятника найденныя кости собраны и положены въ насыпи земляной пирамиды—могильномъ холмѣ,—назначены были для парада изъ Петербурга сводныя роты отъ полковъ лейбъ-гвардіи преобразженскаго, семеновскаго и 1-й великаго князя Михаила Павловича батареи лейбъ-гвардіи 1-й бригады гвардейской пѣшей артиллеріи и фельдфебели всѣхъ ротъ этихъ двухъ петровскихъ пол-

ковъ, и приглашены всѣ служившіе и служащіе въ этихъ частяхъ офицеры, а также командированы по одному штабъ-офицеру отъ команды гвардейской части и представитель отъ морского вѣдомства капитанъ Бухаринъ, который водружалъ предоставленныя морскимъ вѣдомствомъ орудія, окружающія памятникъ. Къ 12^{1/2} часамъ дня, на мѣстѣ у памятника, къ нему фронтомъ, построились на 2 фаса по сторонамъ справа и слѣва роты преображенцевъ и семеновцевъ. На флангѣ преображенцевъ стоялъ хоръ полковой музыки, противъ главнаго фаса памятника стояли представители офицеры и линия фельдфебелей. Въ строю преображенцевъ было два знамени—полковое и старое Петровское, которое было въ этомъ самомъ бою подъ Нарвою. Семеновцы имѣли свое полковое знамя. Ротами командовали командиры полковъ—преображенцами свиты его величества генераль-майоръ Озеровъ, семеновцами—полковникъ Лангофъ. Нѣсколько въ сторонѣ, по близости памятника, выстроилась батарея со снятыми съ передковъ орудіями, готовыми къ салюту. Частями войскъ командовалъ его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ, бывшій командиръ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, нынѣ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній. У памятника, окутаннаго вверху полотномъ, на раскинутомъ коврѣ было приготовлено мѣсто для богослуженія, и стоялъ пришедшій изъ города крестный ходъ и полковые священники во главѣ съ протопресвитеромъ военно-морскаго духовенства Желобовскимъ и возлѣ хоръ пѣвчихъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка. На экстренномъ поѣздѣ прибыли къ 12 часамъ дня въ Нарву августѣйшія особы и офицеры депутаты войскъ. Великій князь Константинъ Константиновичъ принялъ начальство надъ отрядомъ у памятника. Народъ по берегу рѣки и за заборомъ фабрики составлялъ живую красивую раму къ общей картинѣ торжества. Офицеры разнаго рода оружія заполнили площадку передъ памятникомъ. Въ числѣ присутствовавшихъ на торжествѣ были генераль-адъютантъ баронъ Фредериксъ 2-й, командиръ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи генераль Свиньинъ, начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи генераль Юбриковъ, губернаторы: с.-петербургскій егермейстеръ графъ Толь, эстляндскій тайный совѣтникъ Скалонъ, генераль-лейтенантъ Мешетичъ и многіе другіе генералы изъ служившихъ въ петровской бригадѣ. Въ числѣ представителей отъ полковъ находились: полковникъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскаго полка его высочество герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, а въ числѣ офицеровъ-преображенцевъ его высочество принцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій. Передъ началомъ церемоніи депутаціи украсили подножіе памятника вѣнками: серебряные вѣнки изъ лавровъ отъ города Нарвы, отъ 92-го пѣхотнаго печорскаго полка, и металлическіе съ фарфоровыми цвѣтами—отъ 23-й пѣхотной дивизіи, лавры, перевитые георгіевскою лентою, съ тремя лентами красною, спиною и черною бархатною и съ надписями на нихъ: «Героямъ, Нарвской битвы—преображенцамъ, семеновцамъ, бомбардирамъ», а на бантѣ изъ этихъ лентъ даты годовъ и числа; фельдфебеля изъ семеновскаго полка тоже положили вѣнокъ съ надписью на лентахъ: «Правнуки—прадѣдамъ фельдфебелямъ семеновскаго полка». Экстренный поѣздъ изъ Петербурга пришелъ въ 12 часовъ. На вокзалѣ въ Нарвѣ августѣйшаго главнокомандующаго великаго князя

Владимира Александровича встрѣтилъ с.-петербургскій и эстляндскій губернаторъ, мѣстный городской голова съ представителями города Нарвы и чины мѣстной администраціи. На дебаркадерѣ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ 93 пѣхотнаго печорскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыки. По городскимъ улицамъ и по пути къ памятнику стояли шпалерами нижніе чины печорскаго полка въ шинеляхъ безъ оружія и ряды вольной пожарной дружины. Вся Нарва изъ своихъ разукрашенныхъ теперь флагами домовъ высыпала на улицы. Огромная толпа публики окружила мѣсто, гдѣ стоитъ памятникъ. Къ нему изъ всѣхъ городскихъ церквей Нарвы пришелъ общій крестный ходъ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Мѣстные горожане и горожанки несли иконы и хоругви. Къ часу прибыли на мѣсто торжества августѣйшія особы. Августѣйшій командиръ гвардейскаго корпуса великій князь Павелъ Александровичъ обходилъ строй частей и здоровался; августѣйшій главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго округа великій князь Владиміръ Александровичъ съ августѣйшими особами и въ сопровожденіи начальника своего штаба генераль-лейтенантъ Васмунда и чиновъ штаба при звукахъ музыки совершилъ обходъ линій и здоровался. Войска держали на караулѣ, музыка играла петровскій маршъ. Обходъ кончился, и протопресвитеръ началъ молебствіе. Знамена принесены къ аналою у подножія памятника. Совершено водосвященіе. Сверкнули штыки, войска взяли ружья на караулъ, затрещали барабаны, зазвистали флейты, торжественно вторя тихому пѣнію, заиграла музыка преображенцевъ свой Петровскій маршъ, и на скалѣ, высоко надъ полемъ и рѣкой, надъ мѣстомъ тяжелой исторической битвы, гдѣ обильно лилась русская кровь, открылся высоко мирный православный крестъ надъ могильнымъ холмомъ. Въ то же время орудія гвардейской батареи оглашали окрестности громомъ салюта. Протопресвитеръ окропилъ памятникъ. Великіе князья, всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна. Умолкли музыка и пѣніе. Войска снова обнажили головы, и у подножія памятника героямъ старины протодіаконъ возгласилъ теперь «многая лѣта» христолюбивому російскому побѣдоносному воинству. Снова громко разносилось пѣніе «многая лѣта». Окончилось духовное торжество. Ряды войскъ перестроились къ церемональному маршу. Августѣйшій главнокомандующій со своимъ штабомъ и всей военной свитой сталъ у памятника. Подъ звуки новаго военнаго марша прошли сводныя роты Петровской бригады. Ихъ велъ великій князь Константинъ Константиновичъ. Прошли барабанщики, за ними несли знамена преображенцевъ, петровское — свидѣтель боя, и полковое. Отдѣленіями проходили преображенцы, семеновцы; громыхая орудіями, повзводно проѣзжала артилерія, за нею шли въ линію фельдфебели ротъ преображенцевъ и семеновцевъ. Памятникъ возвышается на земляной пирамидѣ въ двѣ съ половиною сажени вышины и въ 6 сажень ширины. На ней лежитъ скала изъ гранита, и на скалѣ утверждёнъ четвероконечный крестъ, господствующій надъ мѣстностью. Съ крестомъ высота памятника достигаетъ 5 сажень. Вокругъ памятника стоятъ орудія, связанныя цѣпями. Проектъ памятника составилъ и наблюдалъ надъ сооруженіемъ начальникъ нарвской инженерной дистанціи полковникъ Сейфертъ. Памятникъ стоитъ на мѣстѣ въ 100 квадрат. саж., безвозмездно уступленномъ собственникомъ лѣсопильнаго

завода г. Гермонтомъ; работы производилъ крестьянинъ Николаевъ. Особая комиссія изъ представителей полковъ преображенскаго, семеновскаго и артиллерійской батареи наблюдала за постройкой. По окончаніи парада въ залѣ общества «Гармонія» состоялся завтракъ.

Диспутъ В. Н. Пертца. 5-го ноября, въ актовомъ залѣ университета состоялась защита приватъ-доцентомъ В. Н. Пертцемъ диссертации, подъ заглавіемъ: «Историко-литературные изслѣдованія и матеріалы изъ исторіи русской пѣсни», на степень магистра русской словесности. В. Н. Пертць родился въ 1870 г., кончилъ курсъ и оставленъ при Петербургскомъ университетѣ въ 1893 г. и съ 1895 г. началъ въ немъ чтеніе лекцій. Изъ трудовъ его извѣстны: «Современная русская народная пѣсня», «Къ исторіи русской народной сказки», «Кукольный театр въ Россіи» и др. Въ своей вступительной рѣчи диссертантъ сказалъ, что хотя литература, посвященная изслѣдованію русской пѣсни, многочисленна, но она страдаетъ существенными недостатками: начиная съ Бѣлинскаго, русская пѣсня служитъ предметомъ раздора различныхъ школъ, но почвы хорошей для эволюціи русской пѣсни не существуетъ; необходимо обратиться къ памятникамъ крайней древности, т.-е. къ концу XVII и началу XVIII вѣковъ. Онъ, диссертантъ, стремится въ своихъ изслѣдованіяхъ исправить и пополнить неточности и пробѣлы работы предыдущихъ изслѣдователей—Безсонова, Мировича, Житецкаго, главная же цѣль его—выясненіе вопросовъ, связанныхъ съ возникновеніемъ поэзіи въ Россіи. Изъ главнѣйшихъ выводовъ работы В. Н. Пертца приведемъ слѣдующее. Малорусскія вирши XVI вѣка переходятъ въ сборники польскіе и великорусскіе; малорусская и польская поэзія проникаетъ въ Москву въ XVII вѣкѣ вмѣстѣ съ усилившимся западнымъ вліяніемъ; важную роль въ распространеніи малорусскихъ и польскихъ пѣсней въ XVIII вѣкѣ играли бандуристы и придворные пѣвчіе; репертуаръ бандуристовъ этого времени совмѣщалъ въ себѣ два противоположныхъ элемента — религіозно-назидательный и юмористически-порнографическій; въ рукописныхъ сборникахъ пѣсней XVIII вѣка видное мѣсто занимаютъ малорусскія пѣсни; хранителями этихъ пѣсней являлись главнымъ образомъ духовенство, мелкіе чиновники, купцы и военные, въ началѣ же XIX вѣка—старообрядцы; малорусскія пѣсни подвергались въ великорусской средѣ измѣненіямъ. Особенность малорусскихъ пѣсней—сжатость. Официальными опонентами выступили профессора И. Н. Ждановъ и А. И. Соболевскій. Оба они, признавъ за представленнымъ трудомъ достоинства, особенно знакомство съ огромнымъ матеріаломъ, сдѣлали возраженія. И. Н. Ждановъ отмѣтилъ произвольность со стороны автора въ признаніи «борьбы» двухъ направленій въ отношеніи теоретической метрики, а также указалъ ихъ частныя неясности и неточности въ опредѣленіи размѣровъ нѣкоторыхъ книжныхъ виршей. А. И. Соболевскій считаетъ совершенно неправильнымъ мнѣніе автора, что многія малорусскія вирши написаны въ чисто польскихъ рукописяхъ—эти рукописи не чисто польскія, а писались русскими, которые въ то время пользовались въ писаніяхъ польскимъ нарѣчіемъ, что доказываетъ и самый языкъ рукописей; затѣмъ пробѣломъ у диссертанта, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, является исключительно указаніе его на малорусское вліяніе въ XVIII вѣкѣ и отсутствіе указанія влія-

нія бѣлорусскаго, также сильнаго въ то время; многія нѣсни безъ всякаго основанія названы малорусскими, также неправильно приписано много стихотвореній старообрядцамъ. Кромѣ официальныхъ оппонентовъ, нѣсколько детальныхъ возраженій сдѣлалъ приватъ-доцентъ С. Л. Иташицкій. Диспутъ закончился признаніемъ В. Н. Пертца достойнымъ искомой степени.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. 18-го ноября состоялось общее собраніе членовъ общества, подъ предсѣдательствомъ графа И. И. Толстого. Открыто было засѣданіе словами предсѣдателя, предложившаго почтить вставаніемъ память умершихъ членовъ общества: двухъ почетныхъ — В. П. Васильева и Н. И. Стояновскаго, и двухъ дѣйствительныхъ — Е. М. Бибикова и А. Н. Щукарева. Рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о передачѣ на храненіе въ отдѣлъ христіанскихъ древностей русскаго музея императора Александра III копій фресокъ, вывезенныхъ изъ Кіево-Киріллоvsкаго монастыря членомъ общества А. В. Праховымъ. Въ медальную комиссію избраны: проф. Н. В. Покровскій, баронъ В. С. Розень, Н. И. Веселовскій, О. Ѳ. Ольденбургъ и М. И. Ростовцевъ. Далѣе. обсуждался вопросъ о помѣщеніи рѣдкаго памятника семитической эпиграфики, камня съ надписью на греческомъ и арамейскомъ языкахъ, подареннаго нынѣ Россіи турецкимъ султаномъ. Памятникъ этотъ открытъ въ 1882 г. княземъ С. С. Абамеликъ-Лазаревымъ. П. К. Коковцевымъ обращено было на него вниманіе общества. Надписи точно датированы и относятся къ 137 году по Р. Х. Постановлено просить императорскій Эрмитажъ о принятіи камня для храненія, право же научнаго изданія оставить за обществомъ. Прочтенъ былъ рефератъ Н. К. Рериха: «Раскопки, произведенныя близъ станціи Окуловка, въ соседствѣ съ имѣніемъ герцога Лейхтенбергскаго». Раскопанный Н. К. Рерихомъ могильникъ близъ имѣнія герцога Лейхтенбергскаго, съ признаками сожженія, принадлежитъ, по мнѣнію А. А. Спицына, ко времени не ранѣе XV столѣтія. Предметовъ найдено не было. **II.** На состоявшемся 23 ноября собраніи членовъ Восточнаго отдѣленія барономъ В. Р. Розеномъ сдѣлано было сообщеніе «Сасанидская версія Будасфы». Версія эта новая, оригинальная. Передается въ ней отрывокъ изъ исторіи персидскихъ царей. Царевичъ Будасфа—потомокъ цѣлой династіи справедливыхъ, мудрыхъ твердыхъ и милостивыхъ царей. Онъ отказывается отъ престола и уходитъ изъ своей страны. Спасаясь въ пустыню, онъ увлекаетъ своимъ примѣромъ дочь соседняго царя и, чтобы спасти ея душу и извлечь изъ дома, онъ рѣшается жениться на ней. Живя побратски, они проводятъ время въ молитвахъ. Но послѣ смерти отца народъ умоляетъ царевича принять на себя управленіе государствомъ, и Будасфа наконецъ соглашается, убѣжденный монахомъ-подвижникомъ, который является судьей между нимъ и народомъ. Послѣднее указываетъ на нѣкоторое вліяніе христіанства на редакцію легенды. Извѣстна эта версія лишь на арабскомъ языкѣ, на который она, вѣроятно, переведена съ персидскаго. Редакція довольно древняя. Легенда имѣетъ небольшую аналогію и съ исторіей Будды. Большая часть легенды передана въ катехизической формѣ. Въ нѣкоторыхъ разговорахъ слышится часто буржуазная современная мораль. **III.** На происшедшемъ подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова 25-го ноября засѣ-

даніи русскаго отдѣленія предсѣдателемъ императорской археологической комисіи графомъ А. А. Бобринскимъ сдѣланъ былъ интересный докладъ: «Кіевскія древности въ раскопкахъ г. Зноско-Боровскаго». Умершій недавно помѣщикъ Зноско-Боровскій всю жизнь свою провелъ за изслѣдованіемъ кургановъ, и одаренный большою проницательностью, крайне добросовѣстный и точный въ работѣ до мелочности, преданный дѣлу до фанатизма, онъ достигъ крупныхъ результатовъ. Раскопано имъ всего до 105 кургановъ. Богатое собраніе его находокъ пожертвовано кіевскому музею древностей и изящныхъ искусствъ. Графъ сообщилъ составленное Боровскимъ научное описаніе четырехъ раскопанныхъ послѣднимъ кургановъ. Одинъ изъ нихъ небольшой. Найдена въ немъ между прочимъ статуэтка идола. Богатые находками 2 кургана скинскаго типа. Курганы эти большею частью расхищались немедленно послѣ погребенія посредствомъ минныхъ галерей, которыя велись обыкновенно безошибочно. Не болѣе 5% изъ всего числа скинскихъ кургановъ остаются неразграбленными. Въ курганѣ, вскрытый Боровскимъ, также велъ подкопъ, но очевидно не удавшійся. Погребены въ этомъ курганѣ, по мнѣнію Боровскаго и судя по найденнымъ тамъ предметамъ, одна изъ сарматскихъ амазонокъ и ея служанка. Находки: бусы, штампованныя бляшки, колчанъ, бронзовые наконечники стрѣлъ, зеркало, краски, миски, ковши и проч. Два кургана другого типа, раскопанные Боровскимъ, представляютъ новый своеобразный видъ насыпей, такъ называемыхъ «печенѣжскихъ»: Здѣсь погребена лошадь, тутъ же найдены бронзовые удила, мѣдныя бляхи, часть сѣдла, серебряные гвоздики, желѣзное стремя, боевой желѣзный топоръ и истрѣвшій костьякъ воина въ бронѣ и желѣзной маскѣ. Второй референтъ С. Л. Иташицкій сообщилъ о нѣсколькихъ новыхъ польскихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ вопросу о Смутномъ времени. Одно изъ нихъ предполагаетъ въ первомъ самозванцѣ сына польскаго короля Стефана Баторія, на основаніи нѣкотораго сходства въ изображеніяхъ ихъ на монетахъ.

Археологическій институтъ. I. На общемъ собраніи членовъ и слушателей 16-го ноября прочтены были рефераты: М. К. Соколовскимъ «Благотворительность въ древней Руси» и А. А. Карелинымъ «Основы реставраціи». Милостивое отношеніе къ неимущимъ, бѣднымъ, убогимъ, несчастнымъ, крѣпко держалось въ русскомъ обществѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и признавалось нашими предками необходимою добродѣтелью каждаго христіанина. Лѣтопись, показанія современниковъ иностранцевъ, памятники народнаго творчества даютъ яркую картину развитія благотворительности въ древней Руси XI—XVII вѣковъ. Формы благотворительности были довольно разнообразны: наиболѣе распространена была несомнѣнно обыкновенная ручная милостыня, но помощь выражалась и въ погребеніи бѣдныхъ, помощи раненымъ, заключеннымъ, въ видѣ предоставленія труда, устройства артелей, богадѣленъ и пріютовъ. Но, благодаря отчасти избыточной ручной милостынѣ, широко развивалось нищенство. Постановленія столпаго собора, «Слово о милостынѣ» патріарха Іоакима, церковный соборъ 1681 и указъ царя Ѳеодора Алексѣевича 1682 г. говорятъ уже о необходимости классификаціи нищихъ. Но только со времени царствованія императора

Петра Великаго начинается настоящая борьба съ нищенствомъ. Второй рефератъ А. А. Карелина посвященъ былъ вопросу о раставраціи древнихъ памятниковъ искусства, главнымъ образомъ фресковой живописи. При настоящемъ состояніи фотографической техники она служить однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для возстановленія фресокъ въ ихъ настоящемъ видѣ, при полной ихъ сохранности. Современная фотографія такимъ образомъ является дѣятельнымъ факторомъ въ истинно научной реставраціи самыхъ разнообразныхъ памятниковъ древности. А. А. Карелинъ иллюстрировалъ свой докладъ интересными опытами свѣтовыхъ иллюзій. 11. 23-го ноября состоялось общее собраніе членовъ и слушателей подъ предѣдательствомъ проф. Н. В. Покровскаго. Выслушаны рефераты: Г. М. Болсунова «О палеонтологическихъ классификаціяхъ доисторической культуры» и И. И. Крафта «Кунь» (старинный юридическій институтъ у киргизовъ). Г. Болсуновъ разобралъ всѣ степени классификаціи доисторической археологіи, основанныя на данныхъ палеонтологіи. Остатки животныхъ, находимыхъ вмѣстѣ съ слѣдами жизни доисторическаго человѣка, даютъ возможность дѣлить эту жизнь на опредѣленные періоды. Напримѣръ, одна изъ такихъ системъ дѣлитъ доисторическую культуру на два періода: до — и послѣ-собачью, на основаніи того, что собака появилась въ жизни человѣка уже сравнительно поздно. Въ заключеніи своемъ референтъ пришелъ къ неутѣшительному выводу, что классификаціи, основанныя на данныхъ палеонтологіи, имѣютъ лишь мѣстное значеніе. Докладъ былъ иллюстрированъ изображеніемъ мамонта и др. животныхъ посредствомъ картинъ волшебнаго фонаря. Другой докладъ изъ области юридическихъ древностей прочелъ И. И. Крафтъ, въ теченіе 10 лѣтъ по службѣ прожившій въ областяхъ, населенныхъ степняками-кочевниками киргизами и хорошо изучившій ихъ бытъ. «Кунь», о которомъ онъ говорилъ на этотъ разъ, имѣетъ сходство съ нашей древней «вирой». Это плата за кровь, вознагражденіе за убитаго. Наши узаконенія по отношенію къ киргизамъ до нѣкоторой степени санкціонируютъ этотъ обычай древности. Плата за убитаго взимается до 1.000 барановъ за человѣка. Обычай держится крѣпко, такъ какъ выгоденъ для киргизскихъ старѣйшинъ. Часть «куня» идетъ въ пользу киргизскихъ султановъ и биевъ. Слово «кунь», по мнѣнію референта, можетъ имѣть свое происхожденіе и отъ нашихъ кунъ, о которыхъ говоритъ «Русская Правда» князя Ярослава.

Церковно-археологическій отдѣлъ при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ. 8-го ноября, въ засѣданіи отдѣла товарищемъ предѣдателя А. И. Успенскимъ прочитаны были два реферата: 1) «О художественной дѣятельности апостола и евангелиста Луки» и 2) «Судьба первой церкви на Москвѣ». Выяснивъ значеніе и размѣры художественной дѣятельности апостола Луки, референтъ пришелъ къ заключенію, что иконы Богоматери, приписываемыя евангелисту, не могутъ быть признаны произведеніемъ его кисти. Попутно референтъ сообщилъ любопытное архивное извѣстіе, датированное шестидесятью годами XVII столѣтія и бездоказательно усвояющее евангелисту Лукѣ художество рѣзчика. Это занятіе приписано св. Лукѣ внезапно, такъ сказать, ex improviso, выходцами-греками, желавшими новыгоднѣе

сбыть панагію, будто бы рѣзанную св. Лукою, царевичу Алексѣю Алексѣевичу, — и о немъ ничего неизвѣстно намъ изъ церковнаго преданія. Во второмъ рефератѣ А. И. Успенскій раскрылъ на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ печальную судьбу первой церкви на Москвѣ. Мѣсто, занимаемое нынѣшнимъ Кремлемъ, было нѣкогда покрыто лѣсомъ, чему свидѣтелями являются существующія до сихъ поръ названія Боровицкихъ воротъ и церкви Спаса на Бору. Близъ нынѣшней Боровицкой башни въ бору стояла издавна деревянная церковь въ честь Рождества Іоанна Предтечи, о которой въ лѣтописи замѣчено, что это «первая на Москвѣ церковь бысть». Когда и кѣмъ построена она — неизвѣстно. Это былъ первый московскій соборный храмъ, при которомъ св. митрополитъ Петръ сначала основалъ свой митрополичій дворъ ¹⁾; затѣмъ онъ перенесенъ былъ на то мѣсто, на которомъ оставался во все послѣдующее время, — на мѣсто нынѣшней синодальной конторы ²⁾. Церковь Рождества Іоанна Предтечи (названія ея: на берегу, въ XVII вѣкѣ у Аргамачыхъ конюшенъ, на дворѣ) имѣла слѣдующую судьбу. Въ 1461 году пришедшій въ ветхость деревянный храмъ былъ разобранъ великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ; на мѣсто его была выстроена новая каменная церковь, которая, однако, существовала не долго, всего лишь 32 года, когда она обрушилась отъ пожара. Въ 1493 году «іюля въ 28, въ недѣлю, въ 7 часѣ дни загорѣся церковь отъ небснаго огня Святаго Николы на песку, и въ томъ часѣ воста буря велія зѣло, и кину огонь на другую сторону Москвы рѣки... а отголѣ за Неглинну... и въ томъ часѣ нечисленно нача горѣчи во мнозѣхъ мѣстѣхъ... и церковь Іоаннъ Предтеча у Боровицкихъ воротъ выгорѣ и западе» ³⁾. Такимъ образомъ сторѣла не первоначальная, деревянная церковь, какъ сказано въ замѣткѣ, а построенная уже въ 1461 году каменная. Во время этого пожара погибла хранившаяся подъ церковію Рождества Іоанна Предтечи казна великой княгини Софіи Ѳоминичны, заключавшаяся, какъ можно предполагать, въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ, дорогихъ мѣхахъ, тканяхъ и тому подобныхъ предметахъ. Возобновленная церковь была освящена митрополитомъ Симономъ 5-го ноября 1509 года. При ней былъ устроенъ придѣлъ въ честь преподобнаго Варлаама Хутынского, затѣмъ упраздненный и замѣненный придѣломъ въ честь св. мученика Уара, въ память рожденія царевича Димитрія, получившаго, по древнему обычаю, два имени: при рожденіи Уаръ, а при крещеніи Димитрій. Этотъ придѣлъ впоследствии далъ свое имя самому храму, извѣстному затѣмъ болѣе подъ именемъ церкви Уара Мученика. Церковь же Іоанна Предтечи сообщила свое названіе воротамъ, у которыхъ она находилась, ворота эти въ 1658 году переименованы изъ Боровицкихъ въ Предтеченскія. Въ извѣстный Троицкій пожаръ 1737 года обгорѣли стѣны церкви Рождества Іоанна

¹⁾ Такъ называемая «Типографская лѣтопись», стр. 259: ср. Карамзинъ, V примѣч. 386, col. 167; а также профессоръ Е. Е. Голубинскій: «Исторія русской церкви». 1-я половинна II тома. М. 1900 г., стр. 137—138.

²⁾ «Никон. лѣтоп.», III, 130 нач.

³⁾ «Софійскій Временникъ». Часть вторая, стр. 245.

«Лѣтописецъ» 6714—7042 М. 1784, стр. 297. «Русскій Временникъ». М. 1890. Ч. II. 169.

Предтечи и погбила ея древняя ризница. Возобновленный дворцовымъ архитекторомъ Мичуринымъ храмъ этотъ подвергся также взрыву и разграбленію со стороны французовъ. При слѣдующей затѣмъ реставраціи церкви были разобраны: звонница на сѣверной стѣнѣ ея и паперть на западной. Въ 1848 году храмъ былъ разобранъ и перенесенъ въ Боровицкую башню. Описаніе этого храма предъ разрушеніемъ и рисунки его сохранились въ «Памятникахъ Московской древности» П. М. Снегирева.

Библиологическое общество. 19-го ноября собраніе общества было посвящено обсужденію вопроса объ изданіи обществомъ журнала «Литературный Вѣстникъ», на которое уже получено разрѣшеніе. Журналъ будетъ выходить съ января 1901 г. восемь разъ въ годъ подъ редакціей М. Н. Мазаева и А. Д. Ляценко. Затѣмъ Ѳ. А. Витбергъ сдѣлалъ очень обстоятельный и любопытный докладъ о погибшихъ русскихъ библіотекахъ. Цѣлымъ рядомъ фактовъ, извлеченныхъ изъ провинціальныхъ газетъ, воспоминаній, писемъ, газетныхъ объявленій и т. п. источникъ докладчикъ нарисовалъ яркую картину истребленія книжныхъ сокровищъ не только стихіями, но и людьми. Библіотеки горѣли, тонули, но чаще всего созвательно уничтожались. Г. Витбергъ привелъ, напри- мѣръ, случай, когда огромный униатскій архивъ былъ затопленъ въ рѣкѣ. Митрополитъ Евгеній случайно спасъ отъ такой же участи монастырскій архивъ, который монахи везли уже для свалки въ рѣку. Библіотеки писателей, имѣющія значеніе въ своемъ составѣ, какъ коллекціи книгъ, послѣ смерти ихъ владѣльцевъ постунаютъ всегда на рынокъ и затѣмъ расплываются во все стороны. Г. Витбергъ самъ купилъ часть книгъ изъ библіотеки Н. С. Лѣскова, изобиловавшей книгами мистическаго содержанія. Также безслѣдно исчезла библіотека В. Г. Бѣлинскаго. Друзья критика предполагали разыграть ее въ лотерею, но III-е Отдѣленіе не позволило этого, и книги, вѣроятно, распоз- лались по букинистамъ. Такая же участь едва не постигла библіотеку и оригиналь чрезвычайно важныхъ записокъ Семена Порошина. Букинистъ, поку- павшій эту библіотеку, прочелъ заглавіе: «Записки Семена Порошина», и рѣшилъ, что это записки по сельскому хозяйству, никому не интересныя замѣтки о сѣменахъ Порошина... Спасла библіотеку только счастливая случайность. Отмѣтивъ бездну печальныхъ фактовъ такого рода, г. Витбергъ высказалъ мнѣніе, что библиологическое общество должно было бы въ этомъ отношеніи играть роль общества спасанія на водахъ и спасать отъ гибели библіотеки частныхъ лицъ. Съ этой цѣлью, по мнѣнію г. Витберга, слѣдовало бы учредить особый капиталъ, на проценты съ котораго можно было бы покупать библіотеки. Задача эта, по мнѣнію г. Витберга, настолько важна, что, навѣрное, обществу оказало бы поддержку даже правительство. Во время преній по поводу реферата г. Гранстремъ и другіе сообщили еще нѣсколько извѣстныхъ имъ случаевъ гибели библіотекъ. Второй референтъ, г. Дараганъ, сдѣлалъ докладъ, въ которомъ доказалъ, что годомъ установленія нашей гражданской азбуки нельзя считать 1700 г. По его мнѣнію, новый шрифтъ выработывался постепенно въ періодъ между 1702 и 1708 годами. Остановившись на значеніи нашей азбуки, г. Дараганъ доказывалъ, что она имѣетъ огромныя преимуще- ства передъ латинскою азбукою, и что славянамъ, всемъ безъ исключенія, гораздо было бы удобнѣ замѣнить латинскій алфавитъ русскимъ.

Пермская ученая архивная комиссія. Пермская архивная комиссія возникшая по инициативѣ М. И. Семевского, была открыта черезъ годъ послѣ перваго (учредительнаго) собранія 5-го іюля 1888 годъ. Первые три—четыре года дѣятельность шла успѣшно, и сочувствіе къ ней выражалось въ ассигновкахъ земскихъ и городскихъ самоуправленій, въ поступленіи пожертвованій и т. д. Между прочимъ въ большую заслугу комиссіи нужно поставить организацію выставки археологическихъ коллекцій и предметовъ древности пермскаго края въ іюнѣ 1894 года. Съ этого времени дѣятельность архивной комиссіи пошла на убыль: ассигнованія и пожертвованія сократились, засѣданія почти прекратились, собранныя уже коллекціи для музея оказались какимъ-то образомъ въ управленіи и завѣдываніи совѣсьмъ другихъ учреждений, «Труды» перестали выходить, и отчетовъ комиссіи съ 1896 года не печаталось и не разсылалось. Причиною такой перемѣны было отсутствіе прочной организаціи и инертность со стороны членовъ и общества. Съ большимъ интересомъ поэтому отнеслись пермяки къ усиліямъ обновить комиссію. Въ концѣ 1899 года удалось настоять на избраніи ревизіонной подкомиссіи, которая обнаружила большія запущенія въ дѣлопроизводствѣ и отчетности и докладъ которой привелъ къ отставкѣ предсѣдателя и правителя дѣлъ и къ выбору новыхъ должностныхъ лицъ. Однако и послѣ того прошло еще много мѣсяцевъ, прежде нежели все было приведено въ порядокъ и налажено. Только съ сентября 1900 года начались очередныя засѣданія, на которыхъ обсуждались вопросы исключительно административные и организаціонные. Наконецъ удалось устроить засѣданіе въ присутствіи интересующейся публики 31-го октября. Предсѣдательствующій произнесъ рѣчь относительно методовъ и средствъ осуществить одну изъ прямыхъ задачъ комиссіи—описаніе дѣлъ «историческаго архива». Затѣмъ В. Н. Трапезниковъ сообщилъ, на основаніи 30-ти такихъ дѣлъ, «о людяхъ, искавшихъ вольности изъ владѣнія господъ своихъ». Оказывается, что въ нашей восточной окраинѣ на рубежѣ XVIII—XIX столѣтій возможны были въ дореформенныхъ судахъ и въ разгаръ крѣпостныхъ излишествъ иски крѣпостныхъ людей къ помѣщикамъ о незаконности порабощенія. Еще болѣе удивительно было узнать, что изъ 30-ти рассмотрѣнныхъ референтомъ дѣлъ по четыремъ истцы выиграли свой процессъ, т. е., слѣдовательно, получили свободу.

Курская ученая архивная комиссія. Въ непродолжительномъ времени при мѣстномъ статистическомъ комитетѣ ожидается открытіе ученой архивной комиссіи. Потребность въ учрежденіи давно уже назрѣла, и преподаватель Курской гимназіи, членъ Археологическаго института, А. А. Танковъ, въ теченіе трехъ лѣтъ въ рядѣ статей выяснилъ значеніе открытія комиссіи и основанія для ея дѣйствій. Можно надѣяться, что комиссія, по открытіи ея, подготовитъ научные матеріалы для предстоящаго археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, имѣющаго быть въ августѣ 1902 года. Для собиранія такихъ матеріаловъ Курская губернія можетъ дать весьма многое, особенно въ своихъ южныхъ и западныхъ уѣздахъ.

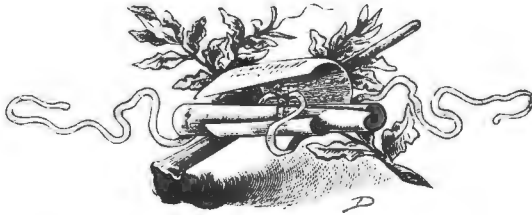
Географическое общество. I. 31-го октября, подъ предсѣдательствомъ профессора И. В. Мухометова, состоялось засѣданіе общества по отдѣленію геогра-

фин физической и математической. Председателемъ были сообщены свѣдѣнія относительно нѣкоторыхъ экспедицій, предпринятыхъ въ текущемъ году отдѣленіемъ. Такъ экспедиція Марковича, занятая обследованіемъ ледниковъ Кавказа, осмотрѣла ихъ въ количествѣ 8, поставила знаки и начала наблюденія; затѣмъ И. В. Мушкетовымъ предложено было весь имѣющийся въ распоряженіи отдѣленія сесмической (по наблюденію землетрясеній) матеріалъ передать во вновь образовавшуюся и начавшую свою дѣятельность особую сесмическую комиссію при академіи наукъ. Въ Страсбургѣ 11-го апрѣля 1901 г. состоится международный съѣздъ сесмологовъ. Ю. М. Шокальскій сдѣлалъ докладъ «О нѣкоторыхъ выводахъ о распредѣленіи температуръ въ Ладожскомъ озерѣ». II. Въ общемъ собраніи 8-го ноября, подъ предѣлательствомъ П. П. Семенова, въ члены общества были избраны: гг. Воронинъ, Гавриловъ, Жилинскій, Зобнинъ, Келеръ, Подгурскій, Миллеръ, Лазаревъ, Прокудинъ-Горскій, Рудневъ, Скурлатовъ и Футтереръ. Г. Маркграфъ сдѣлалъ интересное сообщеніе объ Обь-Енисейскомъ краѣ, который онъ изслѣдовалъ по порученію министерства земледѣлія. Маршрутъ г. Маркграфа былъ: Красноярскъ, Туруханскъ, Тобольскъ, Обдорскъ. Путь отъ Туруханска до Обдорска, избранный докладчикомъ, совершенно не изслѣдованъ. Путешествіе совершалось преимущественно на лодкахъ, при чемъ въ сутки дѣлали до 200 верстъ. Направленіе пути и передвиженія крайне затруднялись недовѣрчивостію и нежеланіемъ пропускать кого либо въ глубь страны со стороны мѣстнаго населенія. Рѣки, по которымъ совершалось путешествіе—Тахъ, Пуръ, Назлинь и др.—очень интересны и оригинальны, всѣ онѣ очень широки и по внѣшнимъ признакамъ когда-то были еще гораздо многоводнѣе. Питаются онѣ, повидимому, отъ главныхъ рѣкъ, почему, вѣроятно, и происходитъ такое странное явленіе, что онѣ замерзаютъ позднѣе рѣкъ большихъ. Представленіе объ Обской низменности, какъ понижающейся на сѣверъ, совершенно невѣрно: изслѣдованіе дало совершенно обратное заключеніе. Почва представляетъ изъ себя почти всюду наносъ; каменно-пластовые выходы очень рѣдки, но повсюду, даже въ озерахъ, встрѣчаются сопки, валуновъ почти нѣтъ; на пути попался лишь одинъ курганъ, представляющій изъ себя гигантскій камень аэролитнаго, вѣроятно, происхожденія. Озера прпдерживаются устьевъ рѣкъ, верхнихъ озеръ мало. Граница растительныхъ угодій противорѣчитъ нашимъ представленіямъ. Лиственница на самомъ сѣверѣ сохраняетъ свой стройный видъ и свободно можетъ быть сбытомъ за границу. Одинъ Обскій бассейнъ по расчету докладчика могъ бы свободно давать ежегодно до 2 милліоновъ бревенъ. Почва для скотоводства очень богата: роскошные луга изобилуютъ хвощемъ, питаеься которымъ скотъ въ два мѣсяца обливаеься жиромъ. Край богатъ, кромѣ того, рыбой и пушнымъ товаромъ, хотя звѣриная промышленность за послѣднее время падаетъ, и пора бы такимъ звѣрямъ, какъ соболь и песецъ, поколѣниемъ котораго несомнѣнно является тамошняя собака, заняться, какъ домашними животными. Всѣ богатства края пропадаютъ, благодаря отсутствію дорогъ; для возможности его эксплуатировать, по мнѣнію докладчика, необходимъ желѣзнодорожный путь отъ Архангельска до Березова, который представитъ изъ себя пространство всего 1.200 верстъ и быстро окупится движеніемъ грузовъ—хлѣба, лѣса, нефти и т. п., количество коихъ надо считать

до 100 миллионъ пудовъ. Дорога эта дастъ возможность перевозить товары съ Енисея и даже Лены; благодаря ей, къ намъ товары изъ Гамбурга и Лондона могутъ приходять гораздо дешевле настоящаго — все это, конечно, при условіи поощренія берегового плаванія и устройства постоянной морской станціи. Докладъ сопровождался воспроизведеніемъ діалозитивовъ на экранѣ. III. 17-го ноября въ засѣданіи этнографическаго отдѣла географическаго общества былъ прочитанъ чрезвычайно интересный докладъ В. И. Ясевичъ (Бородаевской): «О сектанствѣ въ Кіевской губерніи», основанный на личныхъ наблюденіяхъ первой у насъ въ Россіи изслѣдовательницы жизни сектантовъ, вынесенныхъ изъ ея поѣздки текущимъ лѣтомъ въ предѣлы Кіевской губерніи. Обрисовавъ въ яркихъ краскахъ тѣ историческія условія, при которыхъ создано сектантское движеніе въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ, докладчица ознакомила присутствующихъ съ сущностью баптизма, его происхожденіемъ, характеристикой, въ связи съ причинами, вызвавшими расколъ въ этомъ ученіи. Расколъ этотъ, по свидѣтельству г-жи Ясевичъ, породилъ младоштундизмъ, который и послужилъ переходною ступеню къ сектѣ малеванцевъ, — тому религіозному движенію, которое широкой волной охватило народную массу Кіевской губерніи. Основаніемъ секты малеванцевъ, впервые серьезно обслѣдованной въ нашей литературѣ и наукѣ, явился колесникъ Кондратій Малеваный, основавшій свое вѣроученіе на толкованіи Новаго Завѣта, какъ ряда притчъ, и положившій въ корень вѣроученія пророчества Ветхаго Завѣта о сошествіи на землю Спасителя. По ученію Малеванаго и его послѣдователей, весь циклъ человѣческой жизни, земной и загробной, завершается здѣсь на землѣ; себя же они считаютъ избранниками Божиими, призванными для водворенія правды на землѣ. Человѣкъ есть храмъ Бога живаго, а воскресенія мертвыхъ, какъ его рисуетъ и понимаетъ христіанство, они не признаютъ. Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, живые люди ходятъ въ грѣхахъ-гробахъ, то освобожденіе отъ этихъ грѣховъ и есть воскресеніе. Истинную жизнь они основываютъ на любви къ ближнимъ, на добрыхъ дѣлахъ, на терпимости и очищеніи себя отъ порока. Сдѣлавъ далѣе полную характеристику всего вѣроученія во всемъ его объемѣ по сравненію съ баптизмомъ и прыгунствомъ, г-жа Ясевичъ привела нѣсколько любопытныхъ мѣстъ изъ посланій Малеванаго, которыя тотъ направилъ своей наставѣ изъ казанской психіатрической больницы, куда онъ нынѣ заключенъ. Посланія эти содержатъ въ себѣ съ одной стороны обличенія людскихъ пороковъ и современной жизни, а съ другой — поученіе о праведной жизни. Докладчица обрисовала въ концѣ молитвенныя собранія малеванцевъ и сдѣлала характеристику ихъ псалмовъ. Послѣ этой характеристики хоръ молодежи подъ управленіемъ Рѣчкунова исполнилъ нѣсколько малеванскихъ псалмовъ, мелодія которыхъ была записана, по просьбѣ г-жи Ясевичъ, пѣвѣтнымъ украинскимъ композиторомъ Н. В. Лисенко. Тутъ же г-жа Ясевичъ предложила публикѣ къ разсмотрѣнію нѣсколько фотографическихъ группъ сектантовъ, ихъ молитвенники, изъ которыхъ нѣкоторые оказались написанными на «иныхъ языкахъ», о чемъ докладчица дала подробныя объясненія.

Антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія въ Москвѣ. Въ публичномъ засѣданіи 13-го ноября, Д. Н. Анучинъ сообщилъ «Объ останкахъ древнихъ германцевъ изъ торфяниковъ Шлезвига», по поводу находенія недавно одного такого трупа (мужчины въ цвѣтъ лѣтъ, высокаго роста и крѣпкаго стройнаго сложенія) въ торфяникѣ близъ Дамендорфа. Всѣхъ подобныхъ находокъ въ торфяникахъ Шлезвига, Даніи, Ганновера и т. д. извѣстно 21, различной степени сохранности. Обыкновенно тѣло уплощено, и часто сохранились только кожа и остатки волосъ; кости большею частью лишены извести и представляются гибкими, какъ резина; черты лица иногда неясны. Мужскіе трупы обыкновенно высокаго роста; волосы—свѣтлорусые или бѣлокурые, что подтвердила и послѣдняя находка, полученный отъ которой г. Анучинымъ образецъ волосъ былъ изслѣдованъ д-ромъ П. А. Минаковымъ. При трупахъ находили остатки одежды и обуви: шерстяной плащъ (sagum), родъ фуфайки (безъ рукавовъ), шаровары кожаныя (изъ коровьей кожи, волосами внизъ), башмаки, кожаный поясъ, иногда еще остатки шубы, фибулы (брошки для плаща), бусы, серебряныя коробочки и т. д. Принимая во вниманіе, что всѣ эти предметы подходятъ къ частямъ костюма и украшенія древнихъ германцевъ и имѣя въ виду, что въ тѣхъ же торфяникахъ находили иногда оружіе и римскія монеты II—IV вѣковъ, и что исторія указываетъ намъ въ эту эпоху въ означенныхъ мѣстностяхъ только германскія племена, нельзя сомнѣваться, что описываемые останки принадлежатъ германцамъ, въ пользу чего говоритъ и высокій ростъ, и бѣлокурые или свѣтлорусые волосы у находимыхъ труповъ. У трупа, найденнаго близъ Дамендорфа, волосы были острижены коротко напередѣ и спускались на 15-ть сантиметровъ позади; такой же способъ ношенія волосъ виденъ и на изображеніяхъ германцевъ на колоннахъ Траяна и М. Аврелія. Изъ 21 извѣстныхъ останковъ 8 принадлежали женщинамъ. Повидимому, во многихъ случаяхъ находеніе труповъ въ торфяникахъ должно быть объясняемо не случайнымъ утопленіемъ субъектовъ, а намѣреннымъ, насильственнымъ. Въ нѣсколькихъ случаяхъ были констатированы полѣнья или жерди, лежавшія сверху поперекъ тѣла, въ одномъ—была замѣчена веревка на шеѣ, еще въ одномъ—большая рана въ черепѣ. Можетъ быть, это слѣдуетъ объяснить особымъ видомъ казни, о которой есть упоминаніе у Тацита и которая примѣнялась еще мѣстами въ Шлезвигѣ лѣтъ 200 тому назадъ. Сохраненіе останковъ въ торфѣ объясняется особенностями разложенія въ немъ труповъ подъ вліяніемъ окружающей и проникающей въ полости и толщу тѣла растительности, при чемъ сохраняются обыкновенно только соединительная ткань, волосы и кожа, приобретающія свойства какъ бы дубленой (отъ гумусовой кислоты). Рефератъ сопровождался демонстраціей рисунка и образчика волосъ.—А. Д. Элькинъ прочиталъ рефератъ «Антропологическія наблюденія надъ произведеніями античнаго искусства», при чемъ указалъ, какъ послѣдовательно совершенствовалась античная скульптура въ изображеніи человѣческаго тѣла, переходя отъ болѣе условныхъ формъ къ болѣе реальнымъ, что въ особенности замѣтно на изображеніяхъ возрастныхъ и расовыхъ типовъ. Рефератъ сопровождался демонстраціей фотографій и альбома сним-

ковъ Булле.—В. В. Воробьевъ сообщилъ о своихъ наблюденіяхъ надъ типомъ астраханскихъ калмыковъ и привелъ сравненіе ихъ типа съ типомъ монголовъ (тарбагатайскихъ торговцовъ Ивановскаго). Въ общемъ калмыки удерживаютъ всѣ характерныя черты монгольскаго типа (смуглость кожи, черныя прямыя, жесткіе волоса, скуластость, плосконосость; короткоголовость и т. д.), но выказываютъ нѣсколько большее приближеніе къ русскому типу (въ ростѣ, меньшей ширинѣ головы и т. д.), что референтъ склоненъ объяснять вліяніемъ кровнаго смѣшенія съ русскими, не отрицая впрочемъ и возможности извѣстнаго вліянія условій жизни.

НЕКРОЛОГИ.

ГРИЦЕНКО, Н. Н. 8-го декабря, въ Ментонѣ скончался художникъ-маринистъ Николай Николаевичъ Гриценко. Покойный родился въ г. Кузнецкѣ въ 1856 г., окончилъ курсъ въ техническомъ училищѣ морского вѣдомства инженеръ-механикомъ и по окончаніи курса находился нѣсколько лѣтъ въ плаваніи за границей на клиперѣ «Крейсеръ». По возвращеніи его въ Россію онъ поступилъ въ императорскую академію художествъ въ классъ профессора Лагоріо. Въ виду своего крупнаго дарованія, особенно по морской живописи, Н. Н. былъ посланъ по распоряженію морского министерства въ Парижъ къ профессору Боголюбову, у котораго и окончилъ свое художественное образованіе. Вънѣстѣдствіи, живя постоянно въ Парижѣ, онъ поступилъ въ классъ извѣстнаго Кормона, который оказалъ на него сильное вліяніе. Во время путешествія Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, Н. Н. Гриценко удостоился чести состоять художникомъ при штабѣ Наслѣдника, сдѣлавъ весь путь совмѣстно, какъ по морю, такъ и обратно по Россіи. Результатомъ явилась чрезвычайно интересная коллекція акварелей, сдѣланныхъ въ пути. Послѣднее время Н. Н. Гриценко жилъ большею частью въ Парижѣ, имѣя тамъ мастерскую. Имя его, какъ художника, пользовалось почетной извѣстностью за границей, и устроенныя въ Парижѣ нѣсколько выставокъ его произведеній имѣли большой успѣхъ, особенно послѣдняя, бывшая въ концѣ 1896 г. Нѣсколько капитальныхъ полотенъ были выполнены Гриценко по порученію Его Императорскаго Величества («Пріѣздъ Ф. Фора на «Rothschi» въ Кронштадтъ»), а также и морского министерства. Одна изъ послѣднихъ его работъ, сдѣланная по высочайшему заказу для подарка Франціи, дала ему всего за нѣсколько дней до смерти ордень почетнаго легіона.

† **Забугинъ, Н. П.** 23-го ноября, скончался въ Петербургѣ тайный совѣтникъ Николай Павловичъ Забугинъ. Покойный родился въ 1845 г.; образова-

не получилъ въ Киевскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1870 г. опредѣлился на государственную службу чиновникомъ особыхъ порученій при черниговскомъ губернаторѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставилъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и перешелъ въ министерство финансовъ. Въ послѣднемъ его свыше чѣмъ 25-лѣтняя служба прошла по департаментамъ неокладныхъ сборовъ, торговли и мануфактуръ и таможенныхъ сборовъ; въ департаментѣ таможенныхъ сборовъ покойный состоялъ съ 1892 по 1896 г. директоромъ. Четыре года назадъ послѣдовало его назначеніе членомъ совѣта министерства финансовъ. Н. П. принималъ непосредственное участіе во всѣхъ послѣднихъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ. Кромѣ того, Н. П. былъ назначенъ, при введеніи казенной продажи питей, членомъ совѣта по дѣламъ этой продажи, а также онъ состоялъ членомъ высочайше учрежденной комиссіи о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумною заразою и совѣта при министерствѣ финансовъ по дѣламъ торговаго мореплаванія. Покойный принималъ участіе въ трудахъ попечительства о народной трезвости и общества борьбы съ заразными болѣзнями и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ совѣта попечительства императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. Попечительство обязано ему быстрымъ сооруженіемъ въ 1888 году зданія для института слѣпыхъ по Песочной улицѣ, на Аптекарскомъ островѣ; ему принадлежитъ инициатива учрежденія летучихъ окулистическихъ отрядовъ для подачи врачебной помощи больнымъ глазами среди бѣднѣйшаго населенія повсемѣстно въ Россіи.

† **Иверсенъ, В. Э.** 15-го ноября, скончался бібліотекаръ технологическаго института императора Николая I, въ Спб., Владимиръ Эдуардовичъ Иверсенъ, пріобрѣтшій въ литературѣ извѣстность, какъ популяризаторъ естественно-историческихъ наукъ. Начавъ литературную дѣятельность въ 1866 г. въ журналѣ «Народная Бесѣда», онъ помѣщалъ свои статьи въ «Семьѣ и Школѣ», «Дѣтскомъ Читеніи», «Нивѣ», «Живописномъ Обзорѣніи», «Женскомъ Образованіи», «Журналѣ для дѣтей» и др. изданіяхъ. За свои работы покойный получилъ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ медалей, въ томъ числѣ медали отъ С.-Петербургскаго университета за книгу «Сравнительная анатомія низшихъ организмовъ» и отъ комитета всероссійской выставки садоводства 1899 г. за составленіе «Полной сельско-хозяйственной зоологіи».

† **Ильковъ, В. Е.** 8-го ноября, въ Перми скончался на 45-мъ году жизни талантливый провинціальный актеръ Владимиръ Евграфовичъ Ильковъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи и на сцену поступилъ въ 1870 г. въ Перми, когда тамъ подвизалась труппа П. М. Медвѣдева. За время своего двадцатилѣтняго служенія на сценѣ В. Е. съ большимъ усѣхомъ игралъ какъ въ столицахъ, такъ и въ разныхъ провинціальныхъ городахъ—Кіевѣ, Харьковѣ, Астрахани, Саратовѣ, Казани; въ прошломъ сезонѣ В. Е. игралъ въ Ригѣ, въ нынѣшнемъ—въ Перми, въ труппѣ П. П. Струйскаго. Покойному принадлежитъ рядъ замѣтокъ и статей въ журналѣ «Театръ и Искусство».

† **Имеретинскій, А. К.** 17-го ноября, вечеромъ, скоропостижно скончался въ Варшавѣ членъ государственнаго совѣта, варшавскій генераль-губерна-

торъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи свѣтлѣйшій князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій.

Покойный свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій — сынъ Имеретинскаго царевича — родился 24 декабря 1837 г. Среднее образование получилъ въ пажемскомъ корпусѣ, откуда въ 1855 былъ произведенъ въ прапорщики въ лейб-гвардіи конноіонерный дивизионъ. Годъ спустя, перешелъ на службу въ кавказскія войска, съ переименованіемъ въ поручики арміи, и, находясь въ 14-мъ гренадерскомъ грузинскомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Николаевича полку, неоднократно отличался въ дѣлахъ противъ горцевъ при покореніи Чечни и Дагестана; за боевое отличіе 18 июля 1858 г. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, А. К. поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, которую и кончилъ первымъ. Въ 1863 г. князь А. К. принималъ участіе въ дѣлахъ съ польскими повстанцами. Въ 1867 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба гвардейскаго варшавскаго отряда. Затѣмъ въ 1869 г. князь А. К. былъ назначенъ на должность помощника начальника штаба варшавскаго военного округа съ производствомъ въ генераль-майоры и, наконецъ, начальникомъ штаба, каковую должность занималъ до 1878 г. Вскорѣ послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, — во время послѣдней русско-турецкой войны, — князь А. К. былъ назначенъ командующимъ 2 пѣхотной дивизіей; онъ принималъ участіе въ осадѣ Плевны, при чемъ въ награду за оказанныя при этомъ мужество и храбрость пожалованъ золотою саблею съ надписью «за храбрость». Въ августъ ему ввѣренъ былъ отрядъ для взятія города Ловчи, что онъ съ успѣхомъ и исполнилъ 22-го августа. Въ кровавые дни Плевны 25—31 августа князь А. К. дѣйствовалъ съ особеннымъ успѣхомъ у Зеленыхъ горъ, за что былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ виду невозможности взять Плевну открытою силою, былъ образованъ, какъ извѣстно, отрядъ для обложенія Плевны. А. К. назначенъ былъ начальникомъ штаба отряда обложенія Плевны и въ этой должности былъ дѣятельнымъ и энергичнымъ помощникомъ генерала Тотлебена. 29 ноября, послѣ благодарственнаго молебна по случаю паденія Плевны, государь императоръ Александръ Николаевичъ лично вручилъ князю Имеретинскому орденъ св. Георгія 3 степени. Въ концѣ 1878 г. князь А. К. былъ назначенъ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи, вмѣсто А. А. Непокойчицкаго. Послѣ войны 1880 г. А. К. назначается начальникомъ штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военного округа. Въ 1881 г. покойный занимаетъ должность начальника главнаго военно-суднаго управленія и главнаго военного прокурора. Въ этомъ же году онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь для возвѣщенія о кончинѣ императора Александра II и о восшествіи на престолъ императора Александра III. Въ отвѣтственной должности начальника военно-суднаго управленія покойный пробылъ до 1892 г. г., когда онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. 1-го января 1896 г. князь А. К. вновь призывается на отвѣтственный и трудный постъ — варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военного округа.

Князь А. К. был потомком имеретинскаго царя Михаила († 1329 г.); родоначальника царей Имерети, въ которой они царствовали до 1810 г. Предокъ А. К., князь Арчилъ Вахтановичъ, былъ записанъ подъ именемъ царя Имеретинскаго въ 1686 въ родословную книгу русскихъ князей. Сынъ Арчилла Вахтановича Александръ былъ однимъ изъ сподвижниковъ Петра Великаго и принималъ ближайшее участіе во многихъ его походахъ, при чемъ былъ плѣненъ во время войны со Швеціей при нарвской осадѣ и умеръ въ этомъ плѣну.

† **Юхеръ, А. А.** 19-го ноября, въ Петербургѣ скончался членъ конференціи Николаевской инженерной академіи и училища и преподаватель, военный инженеръ ген.-лейт. Адамъ (Феофилъ-Константинъ) Адамовичъ Юхеръ. Покойный родился въ 1833 году, службу началъ въ 1849 г. кондукторомъ въ кондукторской ротѣ Николаевскаго инженернаго училища. Произведенный въ инженеръ-прапорщики, А. А. былъ оставленъ въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ для окончанія курса наукъ. Въ званіи военного инженера онъ былъ назначенъ репетиторомъ Николаевскаго инженернаго училища и всю дальнѣйшую свою службу провелъ по учебной части въ инженерномъ вѣдомствѣ. Въ должности репетитора покойный былъ помощникомъ ученаго секретаря инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета, затѣмъ былъ помощникомъ начальника отдѣленія главнаго инженернаго управленія и съ 1878 г. членомъ конференціи Николаевской инженерной академіи и училища и штатнымъ преподавателемъ въ училищѣ. А. А. извѣстенъ въ военно-учебномъ мірѣ, какъ составитель курсовъ по долговременной фортификаціи, по атакѣ и оборонѣ крѣпостей, по минному искусству и какъ преподаватель фортификаціи.

† **Конисскій, А. Я.** 29-го ноября, въ Кіевѣ скончался Александръ Яковлевичъ Конисскій, одинъ изъ видныхъ малороссійскихъ писателей. Покойный родился въ с. Переходовкѣ, Нѣжинскаго уѣзда 6-го августа 1836 г., образованіе получилъ въ Нѣжинскомъ лицѣѣ. Послѣ Крымской кампаніи, во время которой А. Я. находился въ рядахъ русской арміи, онъ покинулъ военную службу и всецѣло посвятилъ себя адвокатурѣ и литературѣ. За рѣзкія украинофильскія убѣжденія онъ былъ высланъ въ началѣ 1860-хъ годовъ въ Вологду, а затѣмъ въ Тотьму. Получивъ позволеніе уѣхать за границу, онъ возвратился оттуда въ Россію въ 1865 году и жилъ преимущественно въ Кіевѣ. Свою литературную дѣятельность покойный началъ въ «Основѣ», напечатавъ въ этомъ журналѣ въ 1861 году нѣсколько небольшихъ статей. Какъ писателю, ему принадлежить множество стихотвореній, нѣсколько драмъ, до 50 повѣстей, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣли «Наймычка», «Полови груши», «Семень Жукъ», «Четери вечера» и «Казенный млинъ (во Львовѣ)», и рядъ корреспонденцій въ разныхъ газетахъ, главнымъ же образомъ въ «Порядкѣ». Свои литературныя произведенія А. Я. напечаталъ преимущественно на малороссійскомъ нарѣчій, подписывая ихъ инициалами или псевдонимами: Переходовець, Перебенда, Верныволя, О. Яковенко, О. Кошевой, Журавль и друг. Кромѣ беллетристическихъ работъ, имъ написано много статей по исторіи культуры и переведены на малороссійское нарѣчье нѣсколько сочиненій Костомарова и Мордовцева. Между прочимъ его статья о Галичинѣ была напечатана въ

«Вѣстникъ Европы» (1886 г.) и о Шевченкѣ въ «Русской Мысли» (1894 г.). Особенно же дѣятельное участіе А. Я. принималъ въ галицко-русскихъ изданіяхъ народнаго направленія и въ основаніи «Науковаго товариства імени Шевченко» во Львовѣ.

† **Коржинскій, С. И.** 18-го ноября, въ Петербургѣ скончался отъ болѣзни почекъ, осложненной воспаленіемъ легкихъ, экстраординарный академикъ императорской академіи наукъ, извѣстный изслѣдователь флоры Россіи, Сергѣй Ивановичъ Коржинскій. Покойный родился въ Астрахани въ 1861 году, образованіе получилъ въ мѣстной гимназіи и въ Казанскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ 1885 году былъ оставленъ при университетѣ. Въ 1887 году по защитѣ диссертации былъ удостоенъ степени магистра, а на слѣдующій годъ, получивъ докторскій дипломъ (за дисс. «Сѣверная граница черноземной полосы въ восточной половинѣ Европейской Россіи»), назначенъ былъ профессоромъ ботаники въ Томскій университетъ. Пробывъ здѣсь около семи лѣтъ, покойный былъ переведенъ въ Петербургъ и назначенъ старшимъ ботаникомъ императорскаго ботаническаго сада. Одновременно онъ избранъ былъ и экстраординарнымъ академикомъ академіи наукъ и занялъ должность директора ботаническаго музея академіи.

С. И. Коржинскимъ былъ совершенъ рядъ путешествій для ботаническихъ цѣлей по Уралу, Западной Сибири, Амуру и Туркестану, и многочисленныя работы его (печатавшіяся главнымъ образомъ въ «Трудахъ казанскаго общества естествоиспытателей» и въ «Botanisches Centralblatt») въ области ботанической географіи и систематики растений касаются преимущественно этихъ провинцій.

Изъ трудовъ Коржинскаго извѣстны: «Материалы къ географіи и морфологій *Aldrovandia vesiculosa*» (дисс.), «Сѣверная граница черноземной области востока Европейской Россіи» (дисс.), «Амуръ, какъ колонія», «*Plantae amurenses*», «*Tentamen florae Rossiae orientalis*», «Очерки расительности Туркестана», «*Florae Turkestanicae fragmenta*», «Гетерогенезисъ и эволюція» (1-я часть), «Гербарій русской флоры» (изданіе ботаническаго музея академіи, подъ редакціей Коржинскаго) и др. Прошлой весной высочайше повелѣно было выдать изъ собственныхъ средствъ его величества 21.000 р. въ распоряженіе Коржинскаго на обработку и изданіе монументальнаго описанія флоры Россіи, но неумолимая смерть пресѣкла это предпріятіе въ самомъ началѣ.

† **Мордвиновъ, С. А.** 14-го декабря, въ Петербургѣ скончался членъ государственнаго совѣта, сенаторъ, дѣйств. тайн. сов., Семень Александровичъ Мордвиновъ. Покойный, по окончаніи С.-Петербургскаго университета, въ 1845 году вступилъ на службу въ с.-петербургскую казенную палату; въ 1848 году прикомандированъ для особыхъ порученій къ департаменту разныхъ сборовъ и податей; въ 1859 году причисленъ къ министерству финансовъ, а въ слѣдующемъ году—къ государственной канцеляріи; въ 1861 году назначенъ членомъ псковской временной комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, а вслѣдъ за симъ—членомъ комиссіи, учрежденной для начертанія проекта положенія объ акцизѣ съ питей въ имперіи (за уничтоженіемъ откупной системы). Въ 1863 году, переведенный на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, С. А. принялъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго положенія о питейномъ

сборъ; въ слѣдующемъ году вторично зачисленъ въ министерство финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса и вскорѣ занялъ постъ начальника одесскаго таможеннаго округа. Въ 1870 году С. А. уже предѣлательствовалъ въ департаментѣ одесской судебной палаты, черезъ два года занялъ постъ старшаго предѣдателя саратовской судебной палаты; въ 1876 году назначенъ присутствующимъ въ сенатъ и одновременно — старшимъ предѣдателемъ с.-петербургской судебной палаты. Въ 1880 году С. А. Мордвинову всемилоостивѣше повелѣно быть членомъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ, и въ томъ же году онъ назначенъ членомъ комисіи для разсмотрѣнія проекта общаго наказа о внутреннемъ распорядкѣ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Въ 1881 году С. А. назначенъ присутствовать въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ правительствующаго сената; въ 1884 году переведенъ въ 1-й департаментъ и назначенъ членомъ особаго присутствія при государственномъ совѣтѣ, для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія сената. Въ 1895 году С. А. назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту законовъ, и въ томъ же году состоялось повелѣніе присутствовать ему въ особой комисіи при государственномъ совѣтѣ, образованной для предварительнаго обсуждения представленія министровъ юстиціи и финансовъ по проекту устава о вокселяхъ. Покойный имѣлъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ.

† **Назарьева, К. В.** Въ ночь съ 13-го на 14-е ноября въ Петербургѣ скончалась отъ воспаления въ легкихъ романистка и публицистка Капитолина Валеріановна Назарьева.

Капитолина Валеріановна, рожденная Манкошева, родилась въ 1847 году, получила домашнее образованіе и впоследствии выдержала экзаменъ на званіе домашней учительницы при 6-й с.-петербургской гимназіи. Выйдя замужъ за беллетриста 60-хъ и 70-хъ годовъ, В. Н. Назарьева занималась сперва переводами и компиляциями для издателя М. А. Хана; но собственно литературная ея дѣятельность, въ прямомъ значеніи этого слова, начинается съ 1879 года, когда въ «Вѣстникѣ Европы» (№ 1) было напечатано ея первое беллетристическое произведеніе — повѣсть «Специалистъ».

Съ того времени К. В., отличавшаяся изумительнымъ трудолюбіемъ и способностью къ работѣ напечатала нѣсколько десятковъ повѣстей, рассказовъ и романовъ. Она сотрудничала въ «Отголоскахъ» (1881 г.), «Дѣлѣ» (1883 и 1886 гг.), «Наблюдателѣ» (съ 1883 по 1895 г. включительно), «Всемирной Иллюстраціи» (1883 — 1885 гг.), «Иллюстрир. Мирѣ» (1884 г.), «Модномъ Свѣтѣ» (1883 — 1887 гг.), «Живописномъ Обзорѣніи» (1886 — 1898 гг.), «Нови» (1885—1887 гг.), «Русской Мысли» (1887 г.), «Сѣверѣ» (1889 г.), «Русскомъ Богатствѣ» (1888 г.), «Артистѣ» (1890 г.), «Новой Иллюстраціи», «Новомъ Мирѣ» и во всѣхъ Вольфовскихъ изданіяхъ и др.

Изъ отдѣльно изданныхъ ея произведеній укажемъ: романы «Изъ огня, да въ полымя» (Спб., 1884), «Въ когтяхъ нищеты» (Спб., 1885), «Въ тискахъ» (Спб., 1889), «Скорбный путь» (2-е изданіе, Спб., 1889), «Чортова гнѣздо» (Спб., 1890), «Дорогой цѣной» (Спб., 1898) и «Развѣнчанная королева» (подъ псевдонимомъ Марка Стоянова) и сборники: «Порывъ» (Спб., 1892), «Драмы и комедіи» (Спб., 1895), «Мелочи жизни» (Спб., 1898). Многіе изъ указанныхъ романовъ переведены на иностранные языки.

Въ послѣдніе годы К. В. посвятила себя преимущественно публицистикѣ и критикѣ. Какъ публицистъ, К. В. работала въ «Сынѣ Отечества» (провинціальный отдѣлъ, подъ псевдонимомъ Н. Левинъ), въ «Сѣверномъ Курьерѣ» (фельетоны: «Свѣтъ и тѣни провинціальной жизни», подъ псевдонимами: Кэнъ и К. Н.) и въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Какъ критикъ, покойная сотрудничала въ «Семейныхъ Литературныхъ Вечерахъ» (Вольфа) и въ «Извѣстіяхъ книжныхъ магазиновъ Вольфа».

Не обладая яркимъ художественнымъ талантомъ, К. В. Назарьева все же замѣтно выдавалась своими беллетристическими произведеніями, всегда отличавшимися, какъ и она сама, простотой, сердечностью, искренностью и задушевностью.

† **Нащокина, В. А.** 19-го ноября, въ Москвѣ скончалась престарѣлая Вѣра Александровна Нащокина, — другъ Пушкина, — бывшая во время прошлгоднихъ пушкинскихъ торжествъ предметомъ особаго вниманія.

Исторія жизни В. А. вѣсьмъ извѣстна. Когда-то богатая, блестящая красавица, служившая центромъ, около котораго группировались литераторы, художники, музыканты, посвящавшіе ей свои произведенія, она подъ конецъ жизни впала въ глубокую нужду и проживала въ комнаткѣ на крайнѣмъ города, и въ газетахъ не разъ появлялись воззванія, приглашавшія общество помочь В. А.

Во время прошлгоднихъ торжествъ покойная разсказывала много интереснаго о Пушкинѣ, котораго она описывала безконечнымъ хохотуномъ и вельчакомъ.

Мужъ В. А. — П. В. Нащокинъ, — былъ также другомъ поэта, и послѣдній у него зачастую останавливался, когда пріѣзжалъ въ Москву. У В. А. хранились письма Пушкина, большинство которыхъ уже появились въ печати.

† **Николаевъ, Н. Г.** 12-го ноября, въ Петербургской Александровской больницѣ скончался на 41-мъ году жизни, отъ общаго зараженія крови, полковникъ генеральнаго штаба и журналистъ Николай Геннадіевичъ Николаевъ. Покойный родился въ 1859 году и первоначальное образованіе получилъ въ реальномъ и Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ академію генеральнаго штаба. Затѣмъ онъ былъ причисленъ къ генеральному штабу, проходя въ немъ различныя должности.

Покойный былъ извѣстенъ, какъ авторъ специальныхъ статей: «Очерки о войсковыхъ собакахъ», «О воспитаніи и дрессировкѣ военныхъ собакъ», «Очеркъ крѣпости Усть-Двинска», 2 тома «Знаковъ отличія и регалій русской арміи съ XV-го столѣтія» и мн. др. Нѣсколько лѣтъ покойный состоялъ помощникомъ редактора «Развѣдчика» и редакторомъ «Вѣстника общества покровительства животнымъ». Въ началѣ нынѣшняго года Н. Г. предпринялъ изданіе общедоступнаго общественно-литературнаго журнала «Новый Вѣкъ», редакторомъ котораго онъ и состоялъ до послѣднихъ дней.

† **Подрезъ, А. Г.** Въ лицѣ трагически скончавшагося 11-го ноября (паденіе съ лошади) въ Харьковѣ профессора хирургіи Анолинарія Григорьевича Подреза Харьковскій университетъ лишился одного изъ талантливыхъ своихъ представителей, а русская медицина потеряла одного изъ знающихъ хирурговъ, пользовавшагося почетной извѣстностью на югѣ Россіи. Покойный родился въ

1852 году, образование получилъ въ Харьковскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ. Какъ одинъ изъ выдающихся учениковъ В. Θ. Грубе, онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Война балканскихъ славянъ за свою независимость увлекла молодого хирурга въ Сербію, куда онъ отправился въ составѣ санитарнаго отряда. Затѣмъ началась послѣдняя русско-турецкая война, и А. Г., какъ хирургу, пришлось немало потрудиться въ уходѣ за ранеными на азиатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Послѣ войны онъ защитилъ диссертацию «О вытяженіи нервовъ», представленную имъ для полученія степени доктора медицины, отправился за границу для занятій хирургіей подъ руководствомъ Билльбота и Дитля и, вернувшись оттуда, былъ приглашенъ въ 1883 году въ Харьковскій университетъ въ качествѣ приватъ-доцента по кафедрѣ хирургіи. Съ 1898 года онъ былъ ординарнымъ профессоромъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ цѣнныхъ медицинскихъ работъ, изъ которыхъ назовемъ: «Хирургическія болѣзни мочевого и полового аппарата», «Значеніе и средства современной эндоскопіи въ примѣненіи къ орагностикѣ и терапіи болѣзней мочеполового аппарата», «О лѣченіи перитонита чревосѣченіемъ» и др.

† **Посальскій, П. Т.** 12-го декабря, въ Одессѣ скоропостижно скончался молодой ученый, приватъ-доцентъ Новороссійскаго университета, П. Т. Посальскій. Покойный отличался цвѣтущимъ здоровьемъ и за нѣсколько дней до смерти выступалъ въ Одесскомъ математическомъ обществѣ съ интереснымъ докладомъ объ отклоненіяхъ магнитной стрѣлки въ Херсонской губерніи, такъ что его смерть своею неожиданностью поразила всѣхъ знавшихъ его.

П. Т. Посальскій родился въ Кишиневѣ 15-го января 1871 г., образование получилъ въ кишиневской гимназіи и на математическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета; по окончаніи курса былъ зачисленъ сверхштатнымъ лаборантомъ и приватъ-доцентомъ (съ 1895 г.) по кафедрѣ метеорологіи. Кромѣ того, П. Т. работалъ у проф. Классовскаго въ качествѣ наблюдателя магнито-метеорологической станціи; главный трудъ покойнаго по его специальности печатается и въ скоромъ времени, вѣроятно, появится въ свѣтъ.

† **Феннеръ, Г. Г.** 21-го ноября, скончался одинъ изъ старѣйшихъ петербургскихъ журналистовъ, — второй редакторъ нѣмецкой «St.-Petersburger Zeitung» Генрихъ Готтлибъ Феннеръ. Покойный въ теченіе 26-ти лѣтъ редактировалъ названный органъ, съ поразительной добросовѣстностью прочитывая его каждую ночь отъ доски до доски.

Покойный происходилъ изъ нѣмецкой бюргерской семьи. Онъ родился въ Помераніи, гдѣ отецъ его владѣлъ кожевеннымъ заводомъ. Получивъ превосходное образованіе, Г. Г. Феннеръ посвятилъ себя книжному дѣлу, которое онъ прекрасно изучилъ въ Берлинѣ. Свою литературную дѣятельность покойный началъ въ «Силезской Газетѣ», которую издавалъ его товарищъ г. Корнъ. Переселившись въ Россію, Г. Г. Феннеръ открылъ въ Вильнѣ книжный магазинъ и въ то же время продолжалъ сотрудничать въ «Силезской Газетѣ», посылая въ нее корреспонденціи изъ Россіи.

Въ концѣ 1868 г. покойный переселился въ Петербургъ и занялъ постъ завѣдующаго иностраннымъ отдѣленіемъ въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа.

«истор. вѣстн.», январь, 1901 г., т. LXXXIII.

1/227

Когда въ 1870 году была основана газета «Nordische Post», Г. Г. Феннеръ взялъ на себя завѣдываніе конторой этого изданія. Впрочемъ, въ конторѣ онъ оставался недолго: его публицистическая жилка вскорѣ заставила его стать въ ряды сотрудниковъ «Nordische Post», а рѣдкій талантъ газетнаго администратора скоро выдвинулъ его на отвѣтственный постъ одного изъ редакторовъ изданія.

Въ 1874 году редакція «Nordische Post» перешла въ «St.-Petersburger Zeitung», и Феннеръ тотчасъ же занялъ мѣсто главнаго помощника редактора и съ тѣхъ поръ въ теченіе 26-ти лѣтъ съ рѣдкимъ усердіемъ и знаніемъ дѣла редактировалъ эту газету.

Но не только какъ честный, умѣлый и добросовѣстный журналистъ, покойный снискалъ себѣ популярность въ Петербургѣ. Его знала и любила вся нѣмецкая колонія, какъ прекраснаго, отзывчиваго человѣка и неутомимаго работника на почвѣ благотворительности.

Одной изъ свѣтлыхъ минутъ въ жизни почившаго былъ моментъ, когда с.-петербургское нѣмецкое общество поднесло ему дипломъ на званіе почетнаго члена. Незадолго до Г. Г. Феннера въ почетные члены общества были избраны кн. Бисмаркъ.

† **Хоренъ, Ст.** 17-го ноября, въ армянскомъ монастырѣ, въ Θεодосіи скончался извѣстный востоковѣдъ, выдающійся проповѣдникъ, педагогъ и переводчикъ съ древне-армянскаго языка епископъ Степане Хоренъ. Почившій родился въ 1840 году, въ гор. Тифлисѣ. Окончивъ курсъ на филологическомъ факультетѣ Московскаго университета, епископъ Хоренъ отправился на родину, служенію которой онъ съ тѣхъ поръ посвящать все свои силы. Занявъ въ началѣ своей дѣятельности скромную должность учителя всеобщей исторіи, покойный вскорѣ приобрѣлъ большую популярность среди учащейся молодежи. Въ это время епископъ Степане основалъ въ Тифлисѣ педагогическій журналъ «Айкананъ Ашхаръ», въ которомъ напечаталъ рядъ статей по вопросамъ воспитанія и образованія. Выдающіяся способности и талантъ епископа Хорена были замѣчены армянскимъ католикосомъ Георгіемъ IV. Молодой ученый, по желанію католикоса, былъ отправленъ на нѣсколько лѣтъ за границу для изученія педагогическаго дѣла. Вернувшись изъ поѣздки съ богатымъ запасомъ знаній, покойный принялъ дѣятельное участіе въ реформированіи духовныхъ армянскихъ школъ. Епископъ Хоренъ оставилъ послѣ себя немало литературныхъ и ученыхъ трудовъ. Между прочимъ, Степане Хоренъ перевелъ съ древне-армянскаго языка «Исторію Арменіи Моисея Хоренскаго».

ПОПРАВКИ И ЗАМѢТКИ.

По поводу «Воспоминаній о быломъ» Е. А. Сабанѣвой.

Правда—лозунгъ исторіи, а точность—одинъ изъ составныхъ элементовъ полной правды. Съ этой точки зрѣнія, помѣщенные въ трехъ послѣднихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника» за 1900 г. «Воспоминанія о быломъ»

Е. А. Сабанѣвой, общее значеніе которыхъ достаточно выяснено Д. А. Корсаковымъ въ его предисловіи къ нимъ, выгодно отличаются отъ многихъ и многихъ «мемуаровъ». Все, что сообщилъ покойный авторъ «Воспоминаній» о своихъ родственникахъ, общихъ съ пишущимъ эти строки, Кашкиныхъ и князьяхъ Оболенскихъ, совпадаетъ съ преданіями объ нихъ, живыми въ моей семьѣ, или подтверждается хранимыми ею письмами и документами. Нелестные иногда отзывы Е. А. Сабанѣвой о нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ ею лицъ не могутъ даже быть неприятны потомкамъ послѣднихъ, настолько ея характеристики ихъ безпристрастны, жизненны и правдивы. Немногія неточности, которыя вкрались въ ея рассказъ, не измѣняютъ согласнаго съ дѣйствительностью существа ярко и талантливо нарисованной ею картины, при чемъ относятся къ событіямъ, происшедшимъ до ея рожденія, и большей частью къ лицамъ, умершимъ также до ея появленія на свѣтъ¹⁾. Отъ человѣка, припоминающаго на склонѣ лѣтъ свое дѣтство и рассказы родителей о людяхъ, скончавшихся еще до наступленія этого дѣтства,—да притомъ отъ человѣка, никогда спеціально исторіей не занимавшагося,—большей точности требовать невозможно.

Тѣмъ досаднѣе было мнѣ встрѣтить множество погрѣшностей въ примѣчаніяхъ, которыми «счелъ небезынтереснымъ» снабдить «Воспоминанія о быломъ» профессоръ исторіи Корсаковъ. Къ нему читатель въ правѣ, конечно, предъявлять совсѣмъ иныя требованія, чѣмъ къ автору «Воспоминаній»...

Для полнаго восстановленія истины хотя бы только въ сказанномъ Д. А. Корсаковымъ о «пресловутомъ» (въ глазахъ нѣкоторыхъ моихъ предковъ) родѣ Кашкиныхъ, мнѣ пришлось бы изложить всю его исторію, которой здѣсь, конечно, не мѣсто. Считаю однако необходимымъ отмѣтить нѣкоторыя изъ упомянутыхъ погрѣшностей, исключительно для того, чтобы впредь онѣ не повторялись, какъ повторены г. Корсаковымъ ошибки покойныхъ авторовъ тѣхъ единственныхъ двухъ источниковъ, которые онъ избралъ для составленія по нимъ примѣчаній о моемъ родѣ—статьи П. Н. Петрова «Е. П. Кашкинъ, одинъ изъ сподвижниковъ Екатерины II» («Русская Старина», 1882 г., июль, стр. 1—34) и родословной Кашкиныхъ, составленной кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ

¹⁾ Главная изъ этихъ неточностей—та, что Сергій Николаевичъ Кашкинъ уже задолго до 1825 г. на военной службѣ не находился (объ этомъ см. ниже). Сестра его Варвара, впоследствии жена генераль-майора А. А. Грессера, была не единственною, а второю дочерью Н. Е. Кашкина: на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ находимъ надгробіе старшей сестры ея Александры (род. 23 сентября 1797 г., † 12 ноября 1809 г.) рядомъ съ могилами тетевъ ея Александры и Варвары Евгеньевнъ Кашкиныхъ и кн. Анны Евгеньевны Оболенской. Отецъ ея Николай Евгеньевичъ, хотя и «оставался на службѣ до конца своей жизни», т. е. умеръ на службѣ, но въ царствованіе императора Павла, пробывъ нѣсколько лѣтъ бригадиромъ «не у дѣлъ», онъ 18 марта 1800 г. вышелъ въ отставку и долго въ ней оставался (см. статью Н. Н. Кашкина «Архивъ Кашкиныхъ» въ «Извѣстіяхъ Русскаго генеалогическаго общества», вып. I, 1900 г.). Имѣніе брата его Д. Е. Кашкина Бурмосово было не тульское: древнѣйшіе вотчинные акты и писцовыя книги указываютъ его въ Городскомъ стану Углицкаго уѣзда, а въ XVIII вѣкѣ часть углицкихъ кашкинскихъ имѣній, въ томъ числѣ Бурмосово, была зачислена въ Мышеинскій уѣздъ.

(«Русская родословная книга», изд. 1895 г., т. I, стр. 255 — 261). Пользоваться статьей Петрова, переполненной ошибокъ и страннѣйшихъ домысловъ, также невозможно, какъ и другими генеалогическими его работами, давно уже оцѣненными научной критикой, а изъ этой статьи перешло множество его ошибокъ и въ совершенно испорченное ими составленное кн. Лобановымъ родословіе ¹⁾. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что г. Корсаковъ, добавившій, впрочемъ, нѣсколько ошибокъ и отъ себя, довѣрился г. Петрову. Избѣжать этого было не трудно, — стоило только заглянуть въ едва ли неизвѣстный Д. А. Корсакову, занимающемуся и чисто генеалогическими работами, образцовый трудъ по этой отрасли «Государевъ родословецъ и родъ Адашевыхъ» Н. П. Лихачева. Тамъ, на страницахъ 57—61, почтенный ученый нашелъ бы главные первоисточники Кашкинского родословія — in extenso напечатанные г. Лихачевымъ два единственныхъ дошедшихъ до нашего времени списка родословной Кашкиныхъ. Одинъ изъ нихъ — тотъ, которымъ пользовался Петровъ — снятая въ XVIII вѣкѣ копія съ несохранившейся росписи, снабженной забавнымъ приложеніемъ: явно «составною» выпискою изъ разрядныхъ книгъ, въ которой къ имени извѣстнаго боярина Никиты Романовича (Юрьева) вездѣ пристегнута фамилія «Кашкинъ», на основаніи чего и въ росписи Никита Романовичъ Кашкинъ, — лицо, если и существовавшее, то, по расчету числа поколѣній, за 100 лѣтъ до своего тезки Юрьева, — пожалованъ въ бояре. Значеніе и происхожденіе этого документа прекрасно опредѣлено уважаемымъ докторомъ русской исторіи, Н. П. Лихачевымъ, на стр. 61 вышеозначеннаго его труда, пренебреженнаго почему-то Д. А. Корсаковымъ (не потому же, конечно, что на той же страницѣ «самымъ пышнымъ цвѣткомъ» въ области фальсификаціи родословій названо «генеалогическое сочиненіе о происхожденіи Корсаковыхъ отъ Юпитера!»). Фантастичность боярства Н. Р. Кашкина и снальничества сына его Ивана не ввела въ заблужденіе даже П. Н. Петрова, умолчавшаго, въ своемъ пересказѣ росписи, объ этомъ курьезѣ; но самъ Петровъ ввелъ всѣхъ читателей въ заблужденіе своимъ пересказомъ, отнеся, напримѣръ, біографическія свѣдѣнія, касающіяся Тихона Кондратьевича Кашкина, къ его сыну Василю (а всѣ эти свѣдѣнія росписи находятъ подтвержденіе въ официальныхъ источникахъ) и внеся въ свое изложеніе рядъ данныхъ, которыхъ въ росписи нѣтъ и которыя достоверными современными документами опровергаются. Въ этомъ убѣдится и г. Корсаковъ, если дастъ себѣ трудъ сравнить повѣствованіе Петрова съ означенной росписью.

Другой первоисточникъ родословія Кашкиныхъ, пренебреженный ужъ не только Д. А. Корсаковымъ, но и Петровымъ, — подлинная, хранящаяся понынѣ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ № 111 родовая роспись,

¹⁾ Хотя оно и снабжено примѣчаніемъ «Дополнилъ Н. Н. Кашкинъ», послѣднее вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что въ родословіе это включены нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщенныя мной, задолго до появленія «Русской родословной книги», одному близкому знакомому, передавшему ихъ князю Лобанову безъ моего вѣдома. Своевременно исправить это родословіе я не могъ, ибо даже не подозрѣвалъ, до выхода означеннаго изданія въ свѣтъ, что оно имѣетъ появиться; не могъ потому же исправить и помянутыя свѣдѣнія, скомпилированныя отчасти по печатнымъ источникамъ и никогда не предназначавшіяся для «Русской родословной книги».

озаглавленная «Родъ стол'ника Василья Тиханова сына Кашкина», составленная отъ его имени, но, за смертью его 15 мая 1687 г. (въ крымскомъ походѣ, въ большомъ полку боярина кн. В. В. Голицына), подписанная сыномъ его, стольникомъ Егоріемъ Васильевичемъ Кашкинымъ, за себя и за брата и поданная въ палату родословныхъ дѣлъ 28 мая 1688 года. Напечатана она полностью, только безъ означенной имѣющейся на ней даты, въ помянутомъ превосходномъ изслѣдованіи г. Лихачева на стр. 57 — 59. Въ ней никакихъ несообразностей вышеозначенной позднѣйшей копии нѣтъ, и всѣ сообщаемыя ею біографическія данныя оказываются, по провѣркѣ, согласными съ официальными документами. Вызываетъ сомнѣніе лишь слѣдующее начальное показаніе этой росписи ¹⁾: «Лѣта 6981 го(ду?) приехали изъ Риму с' цѣрвною Союнею, тѣщеръ цря Омы Морѣ'ского, со (в)нукою цря Мануила Греческого к' Москвѣ, к' великому кнзю Ивану Васильевичю всеа Росіи Греческіе дворяня, три брата прозваніемъ Кашкины: Аталыкъ, Армаметъ были бездетны, от' Карбуша с' нъ Федор'...». То же самое, нѣсколько иными словами, изложено въ томъ спискѣ, которымъ пользовался Петровъ, замѣтившій, что это показаніе Кашкиныхъ о выѣздѣ ихъ предковъ въ 6981 г. (т. е. въ концѣ 1472 г.) не совпадаетъ съ очень большимъ числомъ перечисленныхъ росписью поколѣній. Замѣчаніе вѣрное, и дѣло научной критики рѣшить, перепутаны ли въ росписи первыя колѣна или измыслено само происхожденіе рода. Петровъ предположилъ послѣднее и заключилъ, «что родъ Кашкиныхъ начинается несравненно ранѣе, нежели какъ оно показано въ гербовникѣ» (т. е. согласно росписи); «по количеству же колѣнъ отъ родоначальника, онъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Москвѣ, еще княжеской». Основывается это заключеніе однако лишь на томъ, что родоначальники Кашкиныхъ «именами своими напоминаютъ не грековъ, а вѣрнѣе выходцевъ восточныхъ, приходившихъ въ Москву служить уже со дней Калиты». Доказательство крайне слабое: «восточное» ли имя Карбушъ — большой вопросъ, татарскія же имена постоянно служили на Руси прозвищами чисто русскимъ людямъ; почему же не могли они быть даны и грекамъ, имѣвшимъ, разумѣется, христіанскія имена?! Прозвище «Аталыкъ» (что значить воспитатель, дьякъ) было употребительно еще и въ XVII вѣкѣ. Но, конечно, легенда о выѣздѣ съ Софією Палеологъ трехъ братьевъ грековъ, получившихъ на Москвѣ вышеупомянутыя личныя прозвища и родовое прозваніе Кашкиныхъ, не подкрѣпляемая, насколько мнѣ извѣстно, никакими источниками, весьма и весьма требуетъ доказательствъ.

Какъ же рѣшаетъ вопросъ профессоръ Корсаковъ? Очень просто: безъ всякихъ доказательствъ, рѣшительно отрицаетъ онъ греческое происхожденіе Кашкиныхъ и объявляетъ, на основаніи прозвищъ «Аталыкъ» и «Армаметъ», что Кашкины «происхожденія несомнѣнно татарскаго». Насколько это «несомнѣнно», видно, однако, изъ того, что эти прозвища родоначальниковъ Кашкиныхъ приведены единственно въ той же легендѣ, которую почтенный ученый отвергаетъ безъ малѣйшихъ колебаній! Упустилъ изъ виду г. Корсаковъ, что ранѣе провозглашенія этого вывода надо было еще доказать, что Аталыкъ,

¹⁾ Сохраняю орфографію подлинника.

Армаметъ и Карбушъ Кашкины, — къ какой бы народности они ни принадлежали, — когда либо существовали!

Далѣе: «Одинъ изъ потомковъ Корбуши» (такъ угодно Петрову, а потому и г. Корсакову, исказить прозвище «Карбушъ»), «дѣйствительный родоначальникъ Кашкиныхъ, имѣлъ прозваніе Кошки, вслѣдствіе чего первоначальное прозваніе ихъ было Кошкины, уже впоследствии передѣланное въ Кашкиныхъ». Увы! и такого «дѣйствительнаго родоначальника» родъ мой никогда не имѣлъ. Если бъ г. Корсаковъ писалъ на основаніи первоисточниковъ, а не вымысловъ Петрова, онъ зналъ бы, что въ той копіи родословной, которою пользовался послѣдній, сынъ Карбуша названъ просто «Федоръ Федоровичъ», въ подлинномъ же спискѣ названъ «Федоръ», даже безъ отчества. Зачѣмъ понадобилось Петрову награждать его прозвищемъ «Кошки», разгадать едва ли возможно. И не легче того — разгадать, зачѣмъ понадобилось г. Корсакову, уже самостоятельно, даже безъ помощи Петрова, утверждать, что «первоначальное прозваніе» Кашкиныхъ было «Кошкины»? Разные писцы и даже писатели путали и путаютъ эти двѣ фамиліи и поднесъ, отчасти потому, что родовому прозванію Кашкиныхъ изстари свойственно почему-то удареніе на послѣднемъ слогѣ ¹⁾, а буква о, когда на ней не стоитъ ударенія, читается, по правиламъ русскаго языка, какъ а. (Подобно сему, нѣкоторые однородцы Д. А. Корсакова подписываются Карсаковыми). Совершенно неизвѣстно, однако, чтобы «первоначально» эти родовыя прозванія къмъ либо путались, а тѣмъ болѣе, чтобы они сливались. Родовъ Кошкиныхъ существовало и существуетъ на Руси множество, разнообразнѣйшихъ сословій и происхожденія, но смѣшеніе ихъ г. Корсаковымъ съ Кашкиными ни на чемъ не основано. Могу указать подписи всѣхъ моихъ предковъ, начиная съ рожденныхъ въ концѣ XVI вѣкѣ (ибо «возвышеніе Кашкиныхъ путемъ службы и обученія» началось еще съ тѣхъ поръ, вопреки г. Корсакову, а не въ XVIII столѣтіи), и всѣ они подписывались «Кашкинъ», а не «Кошкинъ».

Не болѣе точно дальнѣйшее изложенія г. Корсаковымъ судебъ моего рода. Въ «скромной должности осаднаго головы» Кашкиныхъ не извѣстно; упомянутый же у кн. Лобанова-Ростовскаго Федоръ Ивановичъ, осадный голова въ Гремячемъ въ 1615 г., названъ въ «Книгахъ Разрядныхъ» (т. I, с. 77) Кошкинымъ, притомъ подъ 1616 годомъ «Федоромъ Евѣимьевымъ» (тамъ же, с. 184; сравн. стр. 396), а въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» (т. I, стр. 191, 240, 291) Кошкинымъ и даже Косошкинымъ (ср. со спискомъ, помѣщеннымъ во «Временникѣ Моск. общ. ист. и др. Росс.»). Разобраться въ этой путаницѣ полуграмотныхъ писцовъ тѣмъ труднѣе, что существовали и Федоръ Ивановъ Кошкинъ (упоминаемый въ Каширскихъ десятникъ), и Федоръ Евѣимьевъ Кошкинъ (помѣщикъ Коломенскаго уѣзда 1577 — 1578 г., — см. «Писцовыя книги XVI вѣка», I, 1, с. 399—400); по расчету лѣтъ, вѣрнѣе, что осаднымъ головою служилъ Федоръ Евѣимьевъ Кошкинъ. А Кашкины XVII вѣка упоминаются на службѣ исключительно «по Московскому списку», сперва

¹⁾ Оно-то, вѣроятно, и побудило составителей гербовника изобрѣсти легендарнымъ родоначальникамъ Кашкиныхъ фамилію «Кашейни» (1).

въ жильцахъ, дворянахъ московскихъ, стряпчихъ и пр., въ должностяхъ воеводъ и др., а съ 1674 г. все въ стольникахъ, царицыныхъ и царскихъ (полковыхъ). Ссылки на великое множество указывающихъ это документовъ, хранящихся большей частью въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, заняли бы слишкомъ много мѣста. Кстати сказать, что существовало и существуетъ до сихъ поръ нѣсколько другихъ дворянскихъ родовъ, носящихъ фамилію Кашкиныхъ.

Невѣрно и сообщеніе г. Корсакова (опять-таки довѣрившагося Петрову), что генераль-аншефъ и генераль-губернаторъ Евгенийъ Петровичъ Кашкинъ умеръ 21-го октября 1796 г.: интересная надпись на надгробномъ памятникѣ его на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, съ точностью, кромѣ стиховъ, воспроизведенная на стр. 61 извѣстнаго и полезнѣйшаго труда г. Саитова «Петербургскій Некрополь», гласитъ между прочимъ, что умеръ Е. П. Кашкинъ 7 октября 1796 г. Крайне сомнительно и объясненіе его карьеры, данное г. Корсаковымъ, но такъ какъ мнѣ неизвѣстно, чѣмъ мотивировано это мнѣніе почтеннаго профессора, оставляю его безъ возраженій.

Дѣдъ мой Сергѣй Николаевичъ Кашкинъ служилъ въ гвардіи не до времени, указаннаго г. Корсаковымъ на основаніи ошибки Е. А. Сабанѣевой (ошибочно также отнесшей время кончины А. Г. Кашкиной, умершей 31 января 1825 г., къ концу февраля этого года): онъ вступилъ въ Павловскій полкъ—потому что тамъ служилъ въ то время его двоюродный братъ и другъ князь Е. П. Оболенскій¹⁾—20 сентября 1819 г. и вышелъ въ отставку, съ чиномъ поручика, уже 24 сентября 1820 г.; жилъ затѣмъ преимущественно въ Москвѣ и тамъ же поступилъ въ гражданскую службу, съ переименованіемъ въ гражданскій чинъ, 3-го ноября 1824 года. Близкое родство его съ кн. Е. Оболенскимъ и братьями Муравьевыми-Апостолами, а также дружба его съ И. Н. Пущинымъ, повлекли обвиненіе его въ недонесеніи о заговорѣ декабристовъ, вызовъ его въ Петербургъ для заключенія на 7 мѣсяцевъ въ Петропавловскую крѣпость и ссылку въ Архангельскъ, безъ лишенія правъ, на службу въ канцелярію тамошняго генераль-губернатора, куда онъ поступилъ 7-го февраля 1827 года. Уже 20 июля того же года, во вниманіе къ кончинѣ (18 мая) его удрученнаго рядомъ семейныхъ несчастій отца, онъ былъ всемилостивѣйше прощенъ и получилъ разрѣшеніе жить, для устройства дѣлъ по имѣніямъ, въ с. Нижнихъ Прыскахъ, Козельскаго уѣзда, безъ права вѣзда въ столицу, возвращеннаго ему вполнѣдствіи для воспитанія сыновей. Ссылаясь въ подтвержденіе этого на документы объ немъ въ дѣлахъ архива департамента герольдіи, недоумѣваю, что побудило г. Корсакова къ повѣствованію объ исключеніи С. Н. Кашкина, послѣ 14 декабря 1825 г., изъ гвардіи?!

Наконецъ, благополучно здравствующій отецъ мой Николай Сергѣевичъ Кашкинъ можетъ лично подтвердить, что:

¹⁾ Декабристъ Оболенскій (въ память дѣда своего Е. П. Кашкина получившій при крещеніи имя Евгенія) перешелъ въ л.-гв. Павловскій полкъ изъ 1-й артиллерійской бригады въ 1817 г., а оттуда въ л.-гв. Финляндскій полкъ, поручикомъ, 12 февраля 1824 г.

1) въ 1848 году онъ сосланъ по «дѣлу Петрашевскаго» не былъ, ибо «дѣло» это (какъ извѣстно даже изъ справочныхъ словарей) было создано лишь въ 1849 году. Арестованъ былъ отецъ мой въ квартирѣ своихъ родителей, въ Петербургѣ, ночью 23-го апрѣля 1849 года; смертный приговоръ былъ прочитанъ ему и другимъ, также привезеннымъ на Семеновскій плацъ изъ Петропавловской крѣпости, «петрашевцамъ», взведеннымъ на эшафотъ и одѣтымъ (кромѣ А. П. Пальма) въ саваны, 22-го декабря 1849 г. Взамѣнъ казни, на слѣдующій день былъ отправленъ Н. С. Кашкинъ въ 4-й Кавказскій линейный батальонъ, рядовымъ. Прикомандированный для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ко 2-му батальону, за отличія: въ походахъ 1851 г. — получилъ солдатскаго Георгія; въ дѣлѣ 23 января 1852 г. — произведенъ въ унтеръ-офицеры; въ дѣлѣ 22 — 23 октября 1853 г. — въ прапоръ-щики (14 мая 1855 г.); прикомандированъ къ штабу кавказскихъ войскъ; высочайше помилованъ 25 января 1856 г.; возстановленъ въ дворянствѣ 22 февраля 1857 г.; произведенъ въ подпоручики, получилъ Анну 4 степени за храбрость; уволенъ по прошенію въ отставку въ сентябрѣ 1857 г.;

2) осенью 1858 г. выбранъ козельскимъ дворянствомъ въ члены Калужскаго комитета объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ; утвержденъ въ этой должности съ высочайшаго соизволенія незабвеннаго Царя-Освободителя. Мировымъ посредникомъ, вопреки г. Корсакову (заимствовавшему эту ошибку у лицейскаго современника и однокашника моего отца, кн. А. Б. Лобанова) никогда не былъ, но въ сѣздѣ посредниковъ председательствовалъ въ Козельскомъ уѣздѣ, когда служилъ тамъ предводителемъ дворянства. По выборамъ же земства служилъ и отъ названнаго, и отъ Перемышльскаго, Мещовскаго и Жиздринскаго уѣздовъ, равно какъ служить губернскимъ гласнымъ съ учрежденія земства, а въ судебномъ вѣдомствѣ (считая съ перваго избранія въ почетные мировые судьи) съ 1866 года.

Да не посѣтуетъ на меня ученый авторъ примѣчаній къ «Воспоминаніямъ о быломъ» за многочисленныя поправки: диктующее ихъ мнѣ чувство уваженія къ исторической истинѣ, равно въ крупномъ и мелкомъ, столь свойственно самому Д. А. Корсакову, что онъ пойметъ мое желаніе устранить неточности, которыя вкрались въ понесенный имъ для изданія записокъ Е. А. Сабанѣевой полезный трудъ, заслуживающій искренней признательности всѣхъ интересующихся жизнью предковъ. Весьма сожалѣю теперь, что ранѣе не указалъ въ печати безчисленныя ошибки тѣхъ источниковъ, которые ввели въ заблужденіе уже многихъ, а сперва вводили и меня. Быть можетъ, мнѣ когда нибудь и удастся установить вполне объективно «всю правду и только правду» о моемъ родѣ, хотя для этого и придется издавать цѣлую монографію объ немъ, въ каковой, по его скромнымъ историческимъ заслугамъ, русская наука едва ли нуждается.

Н. Н. Кашкинъ.

4-го декабря 1900 г.
С.-Петербургъ.

РОБЕСПЬЕРЪ

(Robespierre)

РОМАНЪ АНЖА ГАЛЬДЕМАРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

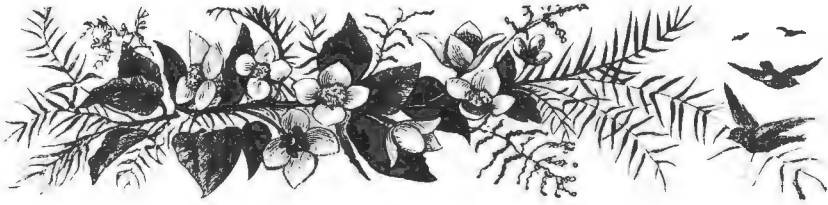
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
РАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕМЛЕВЪ ПЕР., Д 13
1901

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

ПРЕЛОЖЕНІЕ романа въ пьесу составляетъ обычное явленіе, но рѣдко можно встрѣтить романъ, передѣланный изъ пьесы, какъ «Робеспьеръ»—Анжа Гальдемара. Англійскій авторъ съ разрѣшенія Сарду взялъ на себя трудную, но искусно исполненную имъ задачу придать форму романа эффектной драмѣ, которую знаменитый англійскій актеръ, Ирвингъ, давалъ въ 1899 году на своемъ театрѣ въ Лондонѣ съ большимъ успѣхомъ. Эта пьеса никогда не была ни играна, ни напечатана на французскомъ языкѣ, потому что Робеспьеръ выведенъ въ ней, какъ человѣкъ, имѣвшій, подобно всѣмъ людямъ, хорошія и дурныя качества, а французы врядъ ли съ этимъ помирятся, привыкнувъ смотрѣть на «неподкупнаго Максимилиана», или какъ на чудовище зла, или какъ на идеальнаго революціоннаго героя. Но именно потому, что Сарду, а за нимъ Гальдемаръ, представили Робеспьера человѣкомъ среди вполне вѣрной и точной до мелочей обстановкѣ, романъ на эту тему вышелъ любопытнымъ воспроизведеніемъ историческаго дѣятели и знаменательной исторической эпохи. Конечно, англійскому автору пришлось исключить мишурные театральные эффекты Сарду и его пристрастныя выходки противъ Робеспьера или революціи, но онъ прибавилъ отъ себя скучныя разсужденія и ни къ чему ненужныя длинноты, которыя пропущены въ переводѣ.

I.

Домъ Жака Бернара Оливье-де-Понтиви, совѣтника въ королевскомъ парламентѣ, находился въ самомъ сердцѣ квартала Марэ, который въ концѣ XVIII столѣтія составлялъ почти отдѣльную провинцію въ Парижѣ.

Была прекрасная іюньская ночь 1775 года. Небо, покрытое блестящими звѣздами, задумчиво смотрѣло въ темныя воды лѣниво протекавшей Сены. Но домъ Понтиви, окруженный высокими каменными стѣнами, покрытыми плющемъ, былъ погруженъ въ безмолвную тишину и какъ бы не обращалъ никакого вниманія на всѣ красоты чудной ночи. Онъ казался какой-то монашеской обителью, отдаленной отъ людей и людского движенія. Однако, въ то время, какъ все вокругъ предавалось сну, его хозяинъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и усердно работалъ.

Наконецъ онъ поднялъ глаза и, посмотрѣвъ на часы, воскликнулъ:

— Двадцать минутъ третьяго, не могу же я пойти и разбудить бѣднаго юношу. Можетъ быть, я найду документъ и безъ него.

Онъ всталъ изъ-за большого письменнаго стола, заваленнаго книгами, бумагами, который стоялъ среди обширной комнаты, освѣщенной большимъ высокимъ канделябромъ уставленной по стѣнамъ массивными дубовыми шкапами. Подойдя къ одному изъ нихъ и отодвинувъ тяжелое кресло, покрытое зеленымъ репсомъ, и вынувъ картонку, началъ перебирать въ ней старыя бумаги.

Болѣе получаса онъ отыскивалъ пропавшій документъ, заключавшій съ себѣ мнѣніе одного извѣстнаго юриста по вопросу, который долженъ былъ разрѣшаться на другой день въ секретномъ засѣданіи парламента. Понтиви совершенно забылъ спросить объѣтомъ документъ у своего секретаря, прежде чѣмъ тотъ удалился въ свою комнату, и теперь ему самому приходилось исполнить его роль и безуспѣшно, такъ какъ одинъ Максимилианъ де-Робеспьеръ, какъ звали молодого секретаря, зналъ, гдѣ находилась эта бумага.

Этотъ секретарь съ каждымъ днемъ становился ему необходимѣе, и онъ былъ очень обязанъ за его рекомендацію аббату, будущему кардиналу Рогану. Богатый, вліятельный Понтиви пользовался общимъ уваженіемъ при дворѣ среди аристократіи и товарищей по парламенту. При своемъ недавнемъ восшествіи на престолъ Людовикъ XVI принялъ его въ частной аудіенціи и сказалъ ему: «Господинъ Понтиви, я знаю, какія вы оказали услуги Франціи, и я могу только просить васъ оказывать такія же услуги въ будущемъ».

Эти королевскія слова быстро распространились по всему Версалию, и всѣ придворне спѣшили его поздравить съ подобной милостью. Между прочемъ аббатъ Роганъ сказалъ ему:

— Такой лестный отзывъ дороже диплома съ королевской печатью.

Понтиви былъ очень доволенъ этимъ лестнымъ комплиментомъ, но тотчасъ понялъ, что такой человѣкъ, какъ Роганъ, не сталъ бы любезничать съ нимъ безъ всякой цѣли. Дѣйствительно аббатъ тотчасъ прибавилъ:

— Не знаете ли вы какого нибудь юриста, который нуждался бы въ секретарѣ. Я могъ бы порекомендовать ему очень умнаго, трудолюбиваго и нравственнаго юношу. Онъ только что вышелъ изъ коллегии Людовика Великаго и готовится въ адвокаты. Онъ былъ выбранъ своей коллегией, какъ лучший ученикъ, для привѣтствія короля и королевы при ихъ посѣщеніи этой коллегии.

— Какъ его зовутъ?

— Максимилианъ де-Робеспьеръ.

— А смѣю спросить, почему вы такъ интересуетесь этимъ молодымъ человѣкомъ?

— Конечно. Онъ уроженецъ Араса, и мнѣ рекомендовали его тамошній епископъ и одинъ изъ паперовъ моей епархіи. Я досталъ ему стипендію въ коллегію Людовика Великаго, а такъ какъ онъ вполне оправдалъ мое покровительство, то я желалъ бы устроить его будущность. Вы, конечно, понимаете, господинъ Понтиви, мои чувства, вѣдь невольно интересуешься тѣмъ, кому сдѣлалъ услугу.

— Вполнѣ понимаю: я беру вашего юношу.

— Какъ, къ себѣ?

— Да, и не благодарите меня. Я нуждался въ секретарѣ и очень радъ, что могу взять молодого человѣка, рекомендуемаго вами.

Дѣйствительно Понтиви при его многочисленныхъ занятіяхъ не имѣлъ помощника и уже давно отыскивалъ хорошаго секретаря. Предложеніе аббата ему вдвойнѣ улыбалось: сдѣлать одолженіе Рогану могло принести пользу, а съ другой стороны недурно было принять на свою службу юношу, котораго начальство нашло достойнымъ привѣтствовать короля и королеву.

На слѣдующій день Робеспьеръ явился въ домъ Понтиви. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ вопросовъ объ его семьѣ и учебныхъ занятіяхъ, совѣтникъ парламента ловко навелъ разговоръ на посѣщеніе коллегии Людовика Великаго королемъ и королевой. Молодой человѣкъ скромно, но съ достоинствомъ рассказывалъ все, что произошло при этомъ случаѣ.

— А что вамъ сказали король и королева?—спросилъ Понтиви.

— Ихъ величества со мною не говорили,—отвѣчалъ Робеспьеръ, нѣсколько смущенный.

— А!—произнесъ Понтиви, видимо довольный.

— Но король мнѣ улыбнулся,—продолжалъ Робеспьеръ,—и былъ очень со мною милостивъ.

— А королева?

— Она также была очень милостива.

Впродолженіе всего этого разговора Понтиви критически осматривалъ этого молодого человѣка. Онъ былъ одѣтъ очень просто, но вся его фигура и манеры дышали достоинствомъ. Приличный на взглядъ и живой въ обращеніи, но почтительный, онъ отличался рѣшительнымъ выраженіемъ лица и блѣдно зеленоватыми пронзительными глазами, которые, однако, несмотря на свою необыкновенную подвижность, имѣли въ себѣ какой-то мягкій пріятельный отгѣнокъ.

— Недурной юноша,—подумалъ Понтиви и тотчасъ водворилъ его въ своемъ домѣ.

Вскорѣ оказалось, что Робеспьеръ исполнялъ обязанности секретаря быстро, исправно, трудолюбиво и съ необыкновенной для его лѣтъ аккуратностью. Подготавливаясь въ адвокаты, онъ естественно интересовался юридическими, часто очень трудными вопросами, которыми занимался Понтиви, и поражалъ его по временамъ глубокими замѣчаніями, обнаруживавшими въ немъ глубокой инстинктъ, поэтому между совѣтникомъ парламента и его секретаремъ возникла невольная симпатія, хотя они такъ далеко стояли другъ отъ друга по своему положенію. Дѣйствительно первый гордился своей принадлежностью къ такъ называемой «noblesse de robe», или парламентскому дворянству, значительной ролью при дворѣ и открывавшейся передъ нимъ въ новое царствованіе блестящей будущностью, а послѣдній мечталъ лишь сдѣлаться провинціальнымъ адвокатомъ по примѣру своего отца. Какъ бы то ни было, Понтиви былъ очень доволенъ своимъ секретаремъ и сталъ за-просто принимать его въ своемъ домѣ. Мало-по-малу онъ началъ ежедневно обѣдать у своего патрона, такъ какъ Понтиви было скучно сидѣть за столомъ съ шестнадцатилѣтней дочерью Клариссой, мать которой уже давно умерла, и которая была наивнымъ, прелестнымъ созданіемъ съ бѣлокурыми волосами, тонкими чертами блѣднаго лица и голубыми глазами, отражавшими ея непорочное юное сердце.

Молодой Робеспьеръ сначала велъ себя очень скромно и только отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы, вскорѣ онъ сталъ смѣлѣе и къ большому удовольствію Клариссы началъ придавать общему разговору за обѣдомъ литературно-художественный отгѣнокъ, открывая ея юному уму новый невѣдомый пріятельный міръ. Еще болѣе ее очаровывали бесѣды съ нимъ по воскреснымъ вечерамъ, когда отецъ игралъ къ вистъ со своими скучными старыми друзьями, а Робеспьеръ въ уголку гостиной развивалъ передъ нею блестящія мечты, уносившія ее въ область идеальной фантазіи, казавшейся ей лучезарнымъ небомъ въ сравненіи съ окружавшей ее мрачной дѣйствительностью.

Съ самаго ранняго дѣтства, когда она лишилась матери, Кла-

рисса не знала ни одного счастливаго дня. Ея братъ Жакъ, бывшій на два года моложе ея, находился въ Наварской школѣ и бывалъ дома только разъ въ двѣ недѣли въ воскресенье, послѣ обѣдни на нѣсколько часовъ, для представленія своихъ письменныхъ работъ на просмотръ своему отцу, который обыкновенно ихъ не одобрялъ, а потому мальчикъ откровенно сознавался сестрѣ, что онъ предпочиталъ воскресенье проводить въ школѣ. Сама же Кларисса была отдана восьми лѣтъ въ монастырскій пансіонъ, и только недавно отецъ взялъ ее домой и нанялъ ей гувернантку. Въ сущности она продолжала вести прежнюю монастырскую жизнь, только по воскресеньямъ она ходила съ гувернанткой въ сосѣднюю церковь св. Павла къ обѣднѣ и вечернѣ, а, кромѣ того, иногда въ прекрасные солнечные дни она каталась въ экипажѣ по улицамъ Парижа съ той же гувернанткой. Все остальное время она проводила въ старомъ мрачномъ домѣ, гдѣ ничего не улыбалось, даже въ заброшенномъ саду и на дворѣ, гдѣ лишь сорная трава пробивалась между камнями. Конечно, лѣтомъ проводила она нѣсколько мѣсяцевъ въ замкѣ Понтиви, близъ Компьена, куда отецъ прїѣзжалъ только по праздникамъ, и тамъ молодая дѣвушка наслаждалась жизнью. Но лѣто скоро проходило, и снова начиналось скучное парижское существованіе, въ которомъ единственными свѣтлыми минутами были для нея въ послѣднее время бесѣды съ секретаремъ отца.

Кларисса была очень привязана къ своей гувернанткѣ, очень доброй и набожной старой дѣвицѣ Жюссомъ. Она старательно проповѣдывала передъ молодой дѣвушкой религіозные и нравственные принципы, между прочимъ она всегда повторяла ей: «вы должны любить своего отца».

— Но я люблю его!—отвѣчала Кларисса.

И дѣйствительно она была убѣждена въ своей любви къ нему изъ уваженія къ родственнымъ узамъ, его возрасту и высокому положенію. Но въ сущности между ними зіяла бездна, черезъ которую не хотѣлъ перекинуть золотого моста родительской любви холодный, сухой, эгоистичный, гордый, суровый и безсердечный совѣтникъ парламента, полагавшій, что онъ вполне исполнялъ свои отцовскія обязанности, такъ какъ рано еще было завершить благодѣянія, оказанныя дочери, выгоднымъ, приличнымъ замужествомъ, о чемъ онъ еще имѣлъ время подумать на досугѣ отъ своихъ болѣе важныхъ служебныхъ занятій. Однако въ то время какъ онъ откладывалъ до болѣе удобной минуты заботы о дочери, въ его домѣ разыгрался идиллическій романъ въ духѣ того времени.

Молодые люди полюбили другъ друга. Судьба свела ихъ подъ однимъ кровомъ, и одинокое, скучное существованіе сдѣлало ихъ жертвами своей юности, взаимной, бессознательной, притягательной силы и мощныхъ вліяній, который влекли ихъ къ любви. Онъ

впервые позналъ, что такое любовь, въ пламенныхъ страницахъ «Новой Элоизы» Руссо, которую онъ началъ читать тайкомъ въ коллегіи, а докончилъ въ своей скромной комнатѣ въ домѣ Понтиви и дошелъ до такого энтузіазма, что жаждалъ кому нибудь повторять заученныя имъ наизусть отрывки, которые онъ считалъ вдохновенными. А кому же лучше было ихъ повторять, какъ не хорошенькому, милому, отзывчивому созданію? Поэтому онъ и декламировалъ жгучія фразы Руссо безъ конца молодой дѣвушкѣ, всегда и вездѣ, какъ только онъ находился съ нею наединѣ, что бывало часто. Кромѣ того, онъ читалъ ей тогда модные сентиментальные стихи и мисологическіе мадригалы. Затѣмъ онъ сталъ списывать изъ книгъ и посылать ей восторженные изъясненія въ любви, а наконецъ и самъ сочинять ихъ, сравнивая свой пылъ съ вдохновеніемъ Руссо. Она же слушала и читала съ упоеніемъ, уносясь въ міръ фантазіи и чудныхъ иллюзій силой его юношескаго энтузіазма. Его присутствіе было въ ея одинокой мрачной жизни какъ бы лучемъ солнечнаго свѣта, подъ блескомъ котораго расцвѣлъ бутонъ ея юной жизни. Это чистое, непорочное существо, начинавшее жить безъ руководства родительской привязанности, не подозрѣвая зла, всецѣло отдалось своей первой любви.

Однако вернемся къ Понтиви въ ту прекрасную іюньскую ночь, когда онъ искалъ въ своихъ бумагахъ необходимый ему документъ.

Долго не рѣшался онъ разбудить своего секретаря, но мало-помалу въ его головѣ начинали возникать безпокойныя мысли. Не бросилъ ли молодой человекъ по ошибкѣ этотъ документъ въ каминъ, или еще хуже—не продалъ ли онъ его противной сторонѣ? Никогда ни въ комъ нельзя быть увѣреннымъ!

— Три часа!—воскликнулъ онъ, смотря на часы:—по вашей милости, господинъ секретарь, я не сплю до сихъ поръ. Теперь наступить ваша очередь!

Онъ всталъ, взявъ свѣчку, зажегъ ее и вышелъ въ коридоръ.

Все въ домѣ спало, и въ немъ царила безмолвная тишина. Онъ одинъ, казалось, охранялъ спокойствіе всего дома, который всецѣло принадлежалъ ему и подчинялся его волѣ. Эта мысль, что онъ тутъ полный хозяинъ и можетъ распоряжаться всемъ и всеми, какъ-то пріятно щекотала его самолюбіе. Въ своемъ длинномъ халатѣ съ высоко поднятымъ подсвѣчникомъ, сѣдой головой и строгимъ судейскимъ выраженіемъ чисто выбритаго лица, онъ казался какой-то статуей, сошедшей со своего пьедестала, чтобы освѣтить окружающій мракъ.

Пройдя черезъ длинный коридоръ и поднявшись по узкой лѣстницѣ въ верхній этажъ, онъ остановился передъ дверью комнаты, занимаемой секретаремъ, и постучалъ сначала тихо, а потомъ громче.

— Отвѣта нѣтъ,—промолвилъ Понтиви,—какъ онъ крѣпко спитъ. Впрочемъ это неудивительно въ его годы.

Совѣтникъ парламента уже хотѣлъ вернуться въ свой кабинетъ и отложить дальнѣйшіе розыски документа до слѣдующаго дня. Но въ головѣ его снова проснулись подозрѣнія, и онъ рѣшилъ выяснитъ тотчасъ это дѣло. Поэтому онъ сильно толкнулъ дверь, и къ его удивленію она отворилась. Онъ вошелъ въ комнату и прежде всего былъ пораженъ царившимъ въ ней образцовымъ порядкомъ, но черезъ минуту онъ замѣтилъ, что въ комнатѣ никого не было, и что постель была даже не смята.

Если секретарь не былъ дома въ такое позднее время, то значитъ привратникъ былъ съ нимъ заодно, и Понтиви далъ себѣ слово подвергнуть его тяжелому наказанію, но, размышляя такимъ образомъ, онъ неожиданно увидалъ шляпу и трость молодого чело-вѣка. Мало того, на стулѣ висѣли его сюртукъ и жилетъ съ жабо. Значитъ, Робеспьеръ находился внутри дома. Но гдѣ и у кого? Очевидно, онъ могъ быть только у горничной его дочери, красивой двадцатидвухлѣтней чернокудрой субретки.

— Мнѣ не слѣдовало брать въ домъ такую вертушку,—подумалъ онъ и вышелъ изъ комнаты съ твердымъ намѣреніемъ прогнать на другой день какъ горничную, такъ и лицемѣрнаго секретаря. Онъ совершенно забылъ о томъ, что былъ доволенъ молодымъ чело-вѣкомъ, и о рекомендаціи аббата Рогана, но ему даже казалось пикантнымъ сказать этому аббату:

— Вы знаете, я долженъ былъ прогнать изъ дома рекомендо-ваннаго вами секретаря. Я поймалъ его на чердакѣ съ горничной. Признаюсь, даже лакеи въ моемъ домѣ ведутъ себя приличіе.

Спустившись съ лѣстницы, Понтиви неожиданно услышалъ шопотъ и скрипъ двери. Онъ быстро погасилъ свѣчку и отскочилъ въ сторону. При мерцаніи утреннихъ сумерекъ онъ увидѣлъ, что Робеспьеръ шелъ изъ комнаты его дочери.

Въ глазахъ у него помутилось, онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва не бросилъ подсвѣчникомъ въ обольстителя своей дочери.

— Откуда вы идите?—промолвилъ онъ сквозь зубы и, набросившись на него, схватилъ за горло.

— Мнѣ больно,—застоналъ юноша, блѣдный, какъ полотно.

— Вамъ больно,—закричалъ во все горло старикъ, размахивая подсвѣчникомъ,—да я убью васъ, какъ низкаго негодяя, за безчестье моей дочери.

Но въ эту минуту кто-то схватилъ его за руку и отвелъ ударъ.

Это была Кларисса, которая выбѣжала на шумъ, полураздѣтая, съ распущенными волосами.

— Отецъ, отецъ!—воскликнула она рыдая и бросилась къ его ногамъ, какъ бы умоляя о пощадѣ.

Ея отчаніе еще болѣе вывело изъ себя Понтиви, который былъ вдвойнѣ оскорбленъ ея безчестіемъ, какъ отецъ и глава семьи, которой до тѣхъ поръ не омрачало ни одно черное пятно.

Робеспьеръ между тѣмъ оправился и хотѣлъ что-то сказать, но Понтиви грозно перебилъ его:

— Молчать! Ни одного слова! Слышите! Ни одного слова! Ступайте въ свою комнату и дожидайтесь моихъ приказаній.

Эти слова сопровождались такимъ повелительнымъ жестомъ, что юноша молча удалился.

— Что же касается до тебя...—продолжалъ старикъ, обращаясь къ Клариссѣ, но слова его замерли на устахъ.

Молодая дѣвушка лежала на полу безъ чувствъ. Онъ поднялъ ее, отнесъ въ ея комнату и положилъ на первое попавшееся кресло.

— Пана!

На слѣдующее утро Понтиви позвалъ Робеспьера и сказалъ ему повелительнымъ тономъ:

— То, что произошло вчера ночью, останется навсегда тайной. За обѣдомъ вы подъ какимъ нибудь предлогомъ скажите мнѣ что нибудь оскорбительное, а я попрошу васъ оставить мой домъ.

— Но я готовъ загладить свою вину,—промолвилъ юноша.

— Вы предлагаете жениться на моей дочери!—воскликнулъ совѣтникъ парламента, каторому слова секретаря показались новымъ оскорбленіемъ.—Вы забываете, кто вы, г. Робеспьеръ! Вы—мужъ моей дочери! Довольно, исполните мою волю.

Эпизодъ драмы разыгрался такъ, какъ желалъ Понтиви. Секретарь былъ удаленъ изъ дома за грубость, и никто не подозрѣвалъ настоящей причины этого неожиданнаго событія.

Кларисса серьезно занемогла; у нея открылась горячка, и она долго не выходила изъ своей комнаты.

II.

Прошло девятнадцать лѣтъ, и эти девятнадцать лѣтъ ознаменовались во Франціи такими событіями, какихъ никогда прежде не видывалъ свѣтъ. Злоупотребленія неограниченной властью возбудили всеобщее недовольство и привели къ революціи. Но это общественное возрожденіе произвело въ свою очередь злоупотребленія свободой. Людовикъ XVI, Марія-Антуанета, значительное число аристократовъ и даже многія ни въ чемъ не повинныя жертвы погибли подъ гильотиной. Терроръ царилъ со всѣми его ужасами.

Среди фанатичныхъ патріотовъ, видѣвшихъ въ террорѣ единственное спасеніе отъ внутреннихъ роялистскихъ интригъ и чужестраннаго вторженія, былъ Максимиліанъ де-Робеспьеръ, бывший секретарь Понтиви, теперь называвшій себя просто Робеспьеромъ. Самый могущественный изъ двѣнадцати членовъ комитета общественной безопасности, управлявшаго Франціей, онъ возбуждалъ во всѣхъ страхъ, и, 36 лѣтъ отъ рода, онъ стоялъ во главѣ революціи.

Исторія представляется романомъ народовъ, но наиболѣе переполнена невѣроятными событіями, чѣмъ самая фантастичная, волшебная сказка, а французская революція занимаетъ первое мѣсто среди историческихъ загадокъ со времени существованія свѣта. Дѣйствующія лица этой великой драмы невольно изумляютъ и поражаютъ насъ, словно они принадлежатъ къ иному міру, къ области чудовищной фантазіи. Судьбѣ было угодно, чтобъ секретарь Понтиви находился въ числѣ этихъ гигантовъ, и, несмотря на достигнутый имъ неимовѣрный успѣхъ, онъ не измѣнился отъ быстро смѣнявшихся другъ друга событій. Послѣ девятнадцати лѣтъ мы находимъ бывшаго секретаря Понтиви въ Эрмитажѣ Монморанси, въ той же самой комнатѣ, гдѣ Жанъ-Жакъ Руссо написалъ свою Новую Элоизу, такимъ же пламеннымъ его поклонникомъ, какъ въ то время, когда подъ влияніемъ этого романа онъ разыгралъ печальный романъ своей юности.

Была пятница, шестое іюня 1794 года, или, какъ тогда выражались, двадцатый преріаль второго года республики. Покинувъ наканунѣ вечеромъ Парижъ, онъ искалъ спокойствія въ этомъ окруженномъ цвѣтами убѣжищѣ на опушкѣ монморанскаго лѣса. «Эрмитажъ» Руссо сдѣлался государственной собственностью и былъ проданъ частному лицу, которое тайно отдало его въ наемъ Робеспьеру, содержащему тамъ садовника. Онъ часто проводилъ тутъ ночи и нѣсколько часовъ дня, чтобы отдохнуть на лонѣ природы отъ революціоннаго водоворота. Въ настоящую же минуту онъ искалъ въ этомъ убѣжищѣ вдохновенія для составленія рѣчи, которую онъ долженъ былъ вскорѣ произнести на подготовлявшемся празднествѣ въ честь верховнаго существа, церемоніи, придуманной и организованной имъ въ духѣ теоріи Руссо.

Рано утромъ Робеспьеръ вышелъ въ садъ и жадно вдыхалъ своей утомленной грудью свѣжій живительный воздухъ и, гуляя подъ тѣнью старыхъ увѣсистыхъ деревьевъ, недоумѣвалъ, подъ которымъ изъ нихъ нѣкогда любилъ сидѣть Руссо. Душа пламеннаго трибуна теперь какъ бы содинялась въ нѣжномъ единеніи съ чарующей природой при первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Вообще онъ любилъ блуждать по полямъ и доламъ, ботанизируя и собирая анютины глазки, любимые цвѣты Жанъ-Жака. Поэтому онъ часто заходилъ въ монморанскій лѣсъ, казавшійся продолженіемъ его лужайки, и тамъ встрѣчалъ иногда пріѣхавшихъ изъ Парижа друзей, съ которыми завтракалъ попросту на травѣ.

Въ это утро онъ поднялся еще ранѣе обыкновеннаго, такъ какъ въ головѣ его тѣснился рядъ мыслей, которыя надо было высказать въ своей рѣчи, первой попыткѣ говорить на общественномъ торжествѣ, и которая въ случаѣ успѣха должна была въ глазахъ народа окончательно утвердить его господство. При томъ было необходимо, чтобы онъ окончилъ эту рѣчь до двѣнадцати часовъ,

когда было назначено имъ въ лѣсу очень важное свиданіе, отъ котораго могла зависѣть перемѣна внѣшней политики Франціи.

Робеспьеръ провелъ ночь въ той самой комнатѣ, которую нѣкогда занималъ Руссо въ нижнемъ этажѣ, и въ которой собраны всѣ предметы, принадлежавшіе ему и оставленные имъ во время его поспѣшнаго бѣгства изъ «Эрмитажа» послѣ знаменитой ссоры съ его владѣлицей. Все тутъ говорило о великомъ философѣ—отъ кровати и двухъ шкаповъ орѣховаго дерева до стола, на которомъ онъ писалъ первую часть, «Новой Элоизы», книжныхъ полокъ, барометра и двухъ картинъ: «Судьба солдата» и «Десять мудрыхъ и десять глупыхъ дѣвъ». Въ такой-то обстановкѣ находился Робеспьеръ, вернувшись съ прогулки, чтобы писать свою рѣчь, подъ наитіемъ тайно присутствовавшей въ этомъ жилищѣ души его великаго учителя. Судя по его блѣдному лихорадочному лицу и опухшимъ глазамъ, трибунъ провелъ безсонную ночь. По внѣшности онъ почти не измѣнился, и Понтиви легко узналъ бы своего прежняго секретаря въ человѣкѣ, передъ которымъ дрожала теперь вся Франція. Это была та же живая подвижная фигура, прилично одѣтая, только въ ней стала еще замѣтнѣе постоянная нервность, которая доходила до того, что все его лицо, покрытое теперь рябинами, лихорадочно подергивалось. Выдающіяся скулы и безпокойно сверкавшіе зеленыя, какъ у кошекъ, глаза придавали ему непріятное выраженіе.

Онъ открылъ всѣ три окна своей комнаты, выходяшіе въ садъ. Свѣжій воздухъ и благоуханіе цвѣтовъ окружали теперь его. День только начинался, и вся монморанская долина была окутана блѣднымъ свѣтящимся паромъ. Долго простоялъ онъ у одного изъ оконъ и пристально смотрѣлъ на первыя улыбки просыпавшейся природы. Потомъ онъ сѣлъ за маленькій письменный столъ, на которомъ лежали бѣлые листы бумаги, и, обмокнувъ перо въ чернильницу съ бюстомъ Руссо, началъ писать.

Набросавъ нѣсколько отдѣльныхъ фразъ, онъ разсѣянно взглянулъ въ окно. Очевидно постороннія мысли тѣснились въ его головѣ. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ въ этой самой комнатѣ Руссо писалъ тѣ пламенныя страницы своего романа, подъ вліяніемъ которыхъ Робеспьеръ высказалъ свою любовь къ Клариссѣ. Думалъ ли онъ когда нибудь о своей первой любви и о несчастномъ ея плодѣ, о появленіи котораго на свѣтъ извѣстила его несчастная дѣвушка, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ужасной сцены въ домѣ Понтиви? Конечно, нѣтъ. Его постоянно занимали другія болѣе важныя мысли. Впродолженіе многихъ лѣтъ онъ думалъ только о самолюбивыхъ стремленіяхъ и практическомъ осуществленіи даже цѣною террора утопіи всеобщаго равенства. Однако письмо Клариссы о предстоящемъ рожденіи ребенка могло тронуть бездушную статую и навѣки запечатлѣлось въ его памяти. Даже теперь онъ помнилъ его слово въ слово:

«Милый Максимилианъ, я не хотѣла писать тебѣ, такъ какъ дала торжественное обѣщаніе отцу никогда этого не дѣлать въ тотъ день, когда онъ объявилъ мнѣ, что я не могу быть твоей женой. Но неожиданное обстоятельство освобождаетъ меня отъ этой клятвы и еще ближе соединяетъ меня съ тобою.

«Я вскорѣ буду матерью.

«Мой отецъ знаетъ объ этомъ. Я думала, что, признавшись ему, я наконецъ уговорю его согласиться на нашъ бракъ. Всѣ мои мольбы остались тщетными, онъ попрежнему не преклоненъ и рѣшился запереть меня въ монастырь, гдѣ увидитъ свѣтъ несчастное существо, жизнь котораго признается преступленіемъ. Мое сердце обливается кровью при мысли, какая бездна должна отдѣлять тебя отъ твоего ребенка, который родится сиротой, и какъ ты будешь несчастенъ, что тебѣ не суждено увидѣть никогда этого ребенка. Поэтому я рѣшилась освободить тебя отъ такого горя.

«Ты можешь, милый Максимилианъ, располагать нами, какъ хочешь: мы оба твои. У меня отложено на черный день немного денегъ и съ помощью доброй Жюсомъ мы можемъ съ тобою перебраться въ Англію, гдѣ католическій патеръ благословитъ нашъ еоюзъ. Послѣ этого мы можемъ вернуться во Францію, если ты этого пожелаешь. Мать твоего ребенка будетъ самой послушной тебѣ женой.

«Я посылаю это письмо къ твоимъ теткамъ въ Арасъ, прося ихъ переслать тебѣ. Пиши мнѣ на имя г-жи Жюсомъ «до востребованія». Гдѣ бы я ни была, эта добрая женщина перешлетъ мнѣ твое письмо.

«Цѣлую тебя отъ всей души, другъ моего сердца, которое, несмотря на все, будетъ вѣчно тебя любить.

«Кларисса де-Понтиви».

На это письмо не было получено отвѣта, хотя молодой Робеспьеръ получилъ его въ гостиницѣ «Серебряный пѣтухъ» въ улицѣ Огюстенъ, куда онъ переѣхалъ изъ дома Понтиви. Прочитавъ письмо два раза, онъ сжегъ его, чтобы не остались слѣды. Предложеніе Клариссы показалось ему слишкомъ рискованнымъ. Они не могли долго жить на ея скромный капиталъ, и, слѣдовательно, пришлось бы потомъ вымаливать прощеніе у Понтиви; къ тому же ихъ бракъ былъ бы во всякомъ случаѣ незаконнымъ, такъ какъ они оба были несовершеннолѣтны. Что же касается до ребенка, то онъ и не думалъ о немъ. Ребенокъ еще не родился и могъ вовсе не родиться.

Однако, второе письмо Клариссы увѣдомило его о рожденіи сына. При этомъ она увѣдомляла, что если онъ не возьметъ ихъ обоихъ къ себѣ, то ребенка отдадутъ въ воспитательный домъ, а ее въ монастырь, но Робеспьеръ сжегъ его такъ же, какъ и первое.

Въ сущности у ребенка былъ богатый дѣдушка, который посердится, посердится и, наконецъ, простить дочь, а затѣмъ устроить и судьбу ребенка. Робеспьеръ увѣрялъ себя, что ему нечего беспокоиться, такъ какъ онъ исполнилъ свою обязанность, предложивъ жениться на обезпеченной молодой дѣвушкѣ, но отецъ этого не пожелалъ. Тѣмъ хуже было для него.

Презрительный отказъ Понтиви породниться съ нимъ оказалъ молодому человѣку немалую услугу, такъ какъ это обстоятельство подстрекнуло его самолюбіе, и онъ рѣшился доказать совѣтнику парламента, что онъ сумѣетъ достигнуть на зло ему высокаго положенія.

Блистательно окончивъ занятія на юридическомъ факультетѣ въ Парижѣ, онъ получилъ дипломъ адвоката и вернулся въ Арасъ, гдѣ вскорѣ прославился, благодаря нѣсколькимъ громкимъ дѣламъ, которыя ему удалось выиграть. Но провинціальныхъ лавровъ ему было недостаточно, и онъ принялъ живое участіе въ революціонномъ движеніи, которое тогда охватило всю Францію. Когда были созданы генеральные штаты въ Версалѣ, то онъ явился туда представителемъ своего родного города. Но на этой великой аренѣ онъ не сразу одержалъ успѣхъ. Рядомъ съ титанами генеральныхъ штатовъ, рядомъ съ величественнымъ краснорѣчіемъ Мирабо, маленькая фигура провинціальнаго адвоката и его слабый пискливый голосъ казались смѣшными. Всѣ его попытки обратить на себя вниманіе пламенными рѣчами только возбуждали ироническія выходки противъ него. Одинъ только Мирабо понялъ тѣ могучія силы, которыя скрывались въ немъ, и сказалъ: «Этотъ человѣкъ пойдетъ далеко, потому что онъ вѣритъ въ то, что говоритъ».

Дѣйствительно, если бы товарищи Робеспьера по генеральнымъ штатамъ отличались большей дальноворкостью, то они догадались бы, что этотъ человѣкъ отличался безграничнымъ самолюбіемъ и увѣренностью въ томъ, что онъ сумѣетъ провести свою излюбленную идею о полномъ равенствѣ всѣхъ людей, хотя бы для торжества ея пришлось совершить преступленіе. По вѣрному замѣчанію Мирабо, онъ былъ убѣжденъ въ непреложной справедливости своей теоріи и осуществлялъ ее на практикѣ съ мужествомъ и упорствомъ. При этомъ онъ дѣйствовалъ съ удивительною осторожностью, никогда не компрометируя себя, и никогда самъ не увлекался, увлекая другихъ.

Объ его частной жизни было очень мало извѣстно, и только былъ онъ извѣстенъ своей безупречной честностью и нравственной жизнью. Его недаромъ называли неподкупнымъ, и ни одно черное пятно не омрачало его общественной дѣятельности. Сначала онъ жилъ очень скромно въ улицѣ Сентъ-Онжѣ въ маленькой квартирѣ и не только существовалъ исключительно депутатскимъ содержаніемъ, равнявшимся 18 франкамъ въ день, но еще

посылалъ часть этихъ денегъ своей сестрѣ въ Арась. Потомъ онъ перебрался въ домъ старика Дюплэ въ улицу Сентъ-Оноре, близъ Якобинскаго клуба. Вѣрнѣе сказать, онъ не самъ поселился въ этомъ новомъ жилищѣ, но случайно укрылся тамъ отъ уличныхъ беспорядковъ, а затѣмъ хозяинъ дома, пламенный его поклонникъ, почти насильно удержалъ его у себя, такъ какъ могъ ручаться за безопасность трибуна въ его домѣ. Его спартанская, чисто демократическая жизнь была извѣстна всѣмъ и составляла тотъ пьедесталъ, на которомъ онъ возвышался надъ всѣми.

Дѣйствительно въ настоящее время онъ стоялъ на недосягаемой высотѣ. Всѣ великіе вожди революціи, его предшественники или соперники, исчезли, какъ Мирабо и Маратъ, жертвы своего крайняго энтузіазма, или Дантонъ и Демуленъ, погибшіе по его обвиненію. Когда такимъ образомъ онъ очистилъ свой путь ото всѣхъ, кто могъ ему мѣшать, онъ держалъ судьбы Франціи въ своихъ рукахъ съ помощью конвента, повиновавшагося его волѣ и арміи, вполнѣ ему подчиненной. Но для всецѣлаго господства надъ страной ему надо было устранить еще одну преграду. Онъ чувствовалъ, что въ комитетѣ общественной безопасности, который сосредоточивалъ въ себѣ всю власть и членомъ котораго онъ состоялъ, было враждебное ему подземное теченіе.

Такимъ образомъ настала минута нанести послѣдній ударъ и освободиться отъ тайнаго сопротивленія въ комитетѣ. Затѣмъ онъ сдѣлаея бы всемогущимъ, непреодолимымъ. Способъ для достиженія окончательнаго торжества онъ видѣлъ въ празднествѣ Верховнаго Существа, которое должно было произойти черезъ нѣсколько дней, и въ которомъ ему предстояло разыграть первую роль въ качествѣ предсѣдателя конвента. Этому поста онъ добился именно съ цѣлью быть главою свѣтской церемоніи, долженствовавшей затмить всѣ религіозныя церемоніи старинной монархіи.

Онъ намѣревался публично, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ народа, установить культъ новаго божества, существованіе котораго онъ только что провозгласилъ,—бога природы, заимствованнаго имъ у Жанъ-Жака Руссо въ его знаменитыхъ страницахъ «Савойскаго викарія». Сектаторскія стремленія Робеспьера находили полное удовлетвореніе въ мысли, что онъ среди цвѣтовъ и еиміама произнесетъ тѣ громкія, цвѣтистыя фразы, которыя онъ теперь сочинялъ на томъ самомъ столѣ, на которомъ его великій учитель писалъ свои вдохновенныя произведенія. Онъ уже видѣлъ себя первосвященникомъ республики; онъ уже слышалъ восторженныя рукоплесканія толпы. Тайна, скрывавшая его ежедневное существованіе, придавала ему въ глазахъ толпы сверхъестественныя размѣры; онъ казался ей чистымъ источникомъ, изъ котораго среди дѣвственныхъ снѣговъ вытекалъ величественный потокъ революціи. А приготовлявшееся торжество должно было оконча-

тельно увѣнчать его лучезарнымъ ореоломъ, послѣ чего уже никто не смѣлъ бы сопротивляться ему.

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, мирно писавшій въ скромной сельской обстановкѣ монморанскаго «Эрмитажа».

Окончивъ первую свою рѣчь, такъ какъ онъ долженъ былъ произнести ихъ двѣ, Робеспьеръ перечелъ ее, исправляя слогъ, прискивая граціозныя фразы и подбирая эффектные эпитеты. Особенной силой дышало заключеніе, въ которомъ онъ грозилъ своимъ тайнымъ врагамъ: «Народъ, будемъ сегодня предаваться подъ покровительствомъ Верховнаго Существа чистой, непорочной радости, а завтра мы снова возьмемъ за оружіе противъ тирановъ и зла». Но ему еще болѣе нравилась фраза, въ которой онъ говорилъ о присутствіи Верховнаго Существа во всѣхъ радостяхъ жизни: «Верховное Существо придаетъ чарующую прелесть челу красавицы, осѣняя ее непорочной скромностію, наполняетъ материнское сердце нѣжной любовью, наполняетъ слезами счастья сына, прижимаемого матерью къ ея пылающему сердцу».

Перечитывая эти слова, онъ даже улыбнулся, такъ они показались ему музыкальны. Конечно, самъ Руссо съ удовольствіемъ поднесалъ бы подъ ними свое имя. Но при этой мысли онъ неожиданно нахмурилъ брови. Не были ли они перифразой какого нѣбудь выраженія въ «Савойскомъ викаріи»? Можетъ быть, онъ привелъ ту же метафору, какъ Руссо? Тогда его подняли бы на смѣхъ.

Робеспьеръ всталъ и подошелъ къ шкапу, въ которомъ хранились всѣ сочиненія Руссо. Ключъ торчалъ въ замкѣ, и стоило только повернуть его, чтобъ достать необходимую книгу и успокоить свое сомнѣніе. Но, несмотря на всѣ его усилія, онъ не могъ отпереть шкапа. Онъ уже хотѣлъ сломать дверь шкапа, но это показалось ему святотатствомъ, такъ какъ шкапъ принадлежалъ великому учителю.

Онъ позвалъ садовника и сказалъ ему:

— Замокъ не отпирается; попробуйте.

Садовникъ также не могъ сладить съ непослушнымъ ключомъ.

— Мнѣ необходима одна книга изъ этого шкапа, — сказалъ Робеспьеръ.

— Я сейчасъ позову слесаря, гражданинъ, — отвѣчалъ садовникъ:— онъ живетъ по дорогѣ въ лѣсъ.

Садовникъ послѣдно удалился, и Робеспьеръ снова принялся за свою работу. Вскорѣ онъ услышалъ за собою шаги и не повернулъ головы, такъ какъ набрасывалъ на бумагу пришедшія ему въ голову счастливыя мысли.

— Я привелъ слесаря, гражданинъ, — сказалъ садовникъ.

Слесарь перепробовалъ нѣсколько ключей и наконецъ отперъ шкапъ.

— Готово, гражданинъ, — произнесъ садовникъ.

— Благодарствуйте,—отвѣчалъ Робеспьеръ, не поднимая головы съ своей работы.

Неожиданно онъ услышалъ въ саду голосъ, распѣвавшій:

Птички въ лѣсу щебетали..

Это пѣлъ молодой слесарь, возвращавшійся домой, и громко пѣлъ. Робеспьеръ положилъ перо. Онъ гдѣ-то слышалъ эту мелодію, этотъ голосъ, но гдѣ и когда?

Но голосъ замеръ вдаль, и Робеспьеръ забылъ изумившее его совпаденіе. Онъ взялъ томъ сочиненій Руссо, въ которомъ находился «Савойскій викарій», и сталъ поспѣшно его перелистывать. Неожиданно его глаза остановились на слѣдующей фразѣ:

«Есть ли на свѣтѣ болѣе слабое и несчастное существо, какъ ребенокъ. Онъ постоянно нуждается въ состраданіи, заботахъ, печеніяхъ и покровительствѣ».

Онъ перевернулъ нѣсколько страницъ и нашелъ, что искалъ:

«Я вижу Бога во всѣхъ его твореніяхъ, я чувствую Его присутствіе во мнѣ, я вижу Его во всемъ, меня окружающемъ».

Робеспьеръ улыбнулся. Между выраженіемъ Руссо и его фразой существовала только аналогія мысли. То, на что только намекнулъ великій учитель, онъ подробно развилъ.

И онъ снова вернулся къ своей работѣ.

III.

Робеспьеръ не ошибся, что слышанный имъ голосъ и распѣваемая этимъ голосомъ мелодія ему извѣстны. То и другое ему могло напомнить Клариссу, которая не разъ въ эпоху ихъ любви пѣла эту мелодію. Судьбѣ было угодно свести его въ жилищѣ философа, подъ вліяніемъ котораго разыгрался первый и единственный романъ его жизни, съ сыномъ Клариссы. Но сердце не подсказало ему, что молодой слесарь, открывшій замокъ въ шкапу, былъ его сыномъ, который выросъ и возмужалъ вдаль отъ своего отца, который не имѣлъ понятія, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Выйдя изъ Эрмитажа, юноша пошелъ по тропинкѣ, которая вела въ лѣсъ. Это былъ красивый, здоровенный, мощный молодой человекъ, но его приличныя манеры и свѣтское воспитаніе невольнo проглядывали сквозь его рабочую одежду. Волоса его были темно-каштановые; голубые глаза мягко, нѣжно освѣщали загорѣлое смуглое лицо, а на тонкихъ губахъ, едва покрытыхъ усами, играла веселая улыбка. Онъ шелъ быстро, держа въ рукахъ большую палку. Но по временамъ онъ останавливался и отиралъ платкомъ потъ, выступавшій у него на лбу отъ нестерпимей жары. Наконецъ онъ нетерпѣливо скинулъ сюртукъ и, повѣсивъ его на палку, продолжалъ свой путь, держа палку съ сюртукомъ на правомъ плечѣ.

Вскорѣ онъ повернулъ на зеленую поляну, которая разстилась среди лѣса, и ускорилъ свои шаги, такъ какъ вдали показалась какая-то фигура:

— Тереза!—кликнулъ онъ.

— Здравствуйте, Оливье, — отвѣчала чистый мелодичный голосъ, и къ нему подбѣжала молодая дѣвушка, протянувъ руки.

Она была высокаго роста съ тонкой тальей, розовымъ цвѣтомъ лица, и на ней было старое полинявшее платье поселянки.

— Нехорошій мальчикъ,—продолжала она:—мы съ тетей такъ беспокоились о васъ; куда вы пропали?

Юноша ничего не отвѣчалъ, а молча поцѣловалъ ее въ лобъ, пока она такъ же молча брала у него палку съ сюртукомъ.

— Гдѣ мама?—спросилъ онъ наконецъ.

— Конечно, здѣсь,—отвѣчалъ другой голосъ, также женскій и столь же радостный, но болѣе нѣжный.

Голова Клариссы показалась надъ высокой травой, и черезъ минуту юноша былъ въ объятіяхъ матери. Они усѣлись на валявшемся на землѣ срубленномъ деревѣ, на краю весело журчавшаго ручейка, черезъ который былъ перекинутъ сельскій мостикъ.

— Мой бѣдный Оливье,—произнесла мать:—какъ мы беспокоились о тебѣ. Отчего ты поздно пришелъ? Да еще послѣ того, что не спалъ дома?

— Развѣ вы не знали, что я не долженъ былъ ночевать дома?

— Знала, но думала, что ты тѣмъ раньше придешь сегодня.

— Это всеустроилось неожиданно,—сказалъ юноша и объяснилъ, что и онъ всю ночь работалъ въ Сентъ-При, маленькомъ селеніи, отстоявшемъ на мило отъ Монморанси и гдѣ приготавлился праздникъ, а поэтому было необходимо скрѣпить желѣзными скобами большую эстраду.—Возвращаясь же домой,—продолжалъ онъ,—я встрѣтилъ здѣшняго садовника, который просилъ зайти въ Эрми-тажъ и отпереть замокъ въ книжномъ шкапу для жильца.

— А какой тамъ жилецъ?—спросила Кларисса, испуганная мыслию, что ея сынъ ходилъ въ домъ неизвѣстнаго человѣка.

— Не знаю, но только онъ сидѣлъ за работой и даже не поднялъ головы, чтобы поблагодарить меня. Нечего сказать, странныя манеры у этихъ республиканцевъ. По крайней мѣрѣ, прежніе аристократы были вѣжливыѣ.

— Тихе, тихе, тебя могутъ подслушать,—промолвила мать со страхомъ и обняла сына, какъ бы желая его защитить.—Лучше скажи, что ты слышалъ новаго въ своей мастерской.

— Въ Парижѣ продолжаютъ все тѣ же ужасы, и число жертвъ все увеличивается.

Пока онъ продолжалъ свой печальный разговоръ о парижскихъ ужасахъ. Тереза, сѣвши на траву, старалась разглядить руками его измятый сюртукъ, а мать съ любовью вперила свои глаза въ его лицо.

Отъ шестнадцатилѣтней Клариссы теперь ничего не оставалось, кромѣ бархатныхъ голубыхъ глазъ и нѣжной прелестя ихъ выраженія, которая отражала попрежнему чистую, непорочную душу. Блѣдное ея лицо было испещрено глубокими морщинами, а бѣлокурые волосы посѣдѣли. Хотя она была одѣта, какъ поселянка, но опытный наблюдатель могъ бы тотчасъ угадать аристократку по ея бѣлымъ рукамъ, тонкимъ пальцамъ и граціознымъ манерамъ.

Она была теперь извѣстна подъ именемъ Дюранъ, и то же имя носила ея племянница Тереза. Хотя она выдавала эту молодую дѣвушку за дочь своего деверя, но въ сущности она была дочерью ея брата, студента Наварской коллегіи, который былъ убитъ годъ тому назадъ въ рядахъ шуановъ вмѣстѣ съ ея мужемъ, такъ какъ Кларисса была замужемъ и овдовѣла.

Исторія ея прошедшаго была не многосложна, и она могла ее написать въ нѣсколькихъ строчкахъ, хотя, конечно, рука ея дрожала на каждомъ словѣ. Брошенная своимъ обольстителемъ и не получивъ отвѣта на ея письма, она вполне разочаровалась въ немъ, хотя по несчастію слишкомъ поздно. Она родила ребенка въ маленькомъ отдаленномъ селеніи Дофинэ, куда ее отвезъ отецъ, и гдѣ она посѣщала потомъ своего сына разъ въ двѣ недѣли по секрету ото всѣхъ. Она же сама продолжала жить съ гордымъ суровымъ отцемъ, который требовалъ, чтобы она по временамъ показывалась съ нимъ въ обществѣ. Несмотря на ея печальный видъ, она сохранила свою очаровательную грацію; въ нее влюбился молодой гвардейскій офицеръ де-Молюссонъ, который и просилъ ея руки у Понтиви.

— Ваше предложеніе дѣлаетъ намъ большую честь, но прежде чѣмъ дать вамъ окончательный отвѣтъ, я желалъ бы, чтобы вы сами переговорили съ моей дочерью.

Въ тотъ же вечеръ Понтиви объявилъ объ этомъ своей дочери въ слѣдующихъ характеристичныхъ словахъ.

— Господинъ де-Молюссонъ, повидимому, влюбленъ въ тебя и сдѣлалъ мнѣ честь просить твою руку, но я объяснилъ ему, что ты сама ею распоряжаешься. Онъ завтра пріѣдетъ, чтобы сдѣлать тебѣ лично предложеніе. Я не знаю, нравится ли онъ тебѣ, но если ты намѣрена быть его женой, то ты должна прежде сознаться ему во всемъ. Мнѣ нечего тебѣ прибавлять, что если онъ послѣ этого все-таки захочетъ жениться на тебѣ, то я съ удовольствіемъ дамъ свое согласіе.

— Быть по-вашему, отецъ, — отвѣчала Кларисса.

Тяжело было молодой дѣвушкѣ повѣдать свою тайну незнакомому человѣку, но она въ этомъ видѣла искупленіе своей вины, и она мужественно исполнила свой долгъ, такъ какъ она и безъ приказаній отца никогда не рѣшилась бы обмануть своего будущаго мужа. Въ немногихъ словахъ она повѣдала ему свое прошедшее, а онъ

оказался столь глубоко влюбленнымъ и столь благороднымъ человекомъ, что послѣ этого разсказа молча почтительно поцѣловаль ея руку.

— А ребенокъ,—промолвилъ онъ послѣ минутнаго молчанія:— чье имя онъ носить?

— Моего отца, его зовутъ Оливье.

— Нѣтъ, я говорю о фамиліи. Мы ему дадимъ свою фамилію. Вѣдь Молюссонъ не хуже Понтиви.

— Какъ!—воскликнула Кларисса, точно она была во снѣ:—вы хотите его усыновить!

Молюссонъ молча прижалъ ее къ своему сердцу, и по щекамъ Клариссы потекли слезы не отъ горя, а отъ неожиданнаго счастья. Ребенку было тогда два года. Молодая чета много путешествовала вмѣстѣ съ маленькимъ Оливье, а затѣмъ поселилась въ Понтиви близъ замка старика, который мало-по-малу сталъ нѣжнѣе обращаться съ дочерью изъ любви къ внуку. Молюссонъ, вышедшій въ отставку и всецѣло посвятившій себя семьѣ, исключительно занимался воспитаніемъ Оливье, который сталъ красивымъ, блестящимъ, умнымъ мальчикомъ. Кромѣ Понтиви и брата Клариссы Жака, никто не зналъ о настоящемъ его происхожденіи. Жакъ де-Понтиви былъ женатъ и потерялъ свою жену, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія дочери, которую Кларисса любила не меньше Оливье.

Жизнь, повидимому, улыбнулась бѣдной женщинѣ, но революція снова омрачила ея существованіе. Жакъ де-Понтиви вступилъ въ армію, куда вернулся и Молюссонъ, какъ только опасность стала грозить королю. Они оба сопровождали короля и Марію-Антуанегу въ ихъ бѣгствѣ въ Варенъ, а въ слѣдующемъ году эмигрировали въ Англию, а Кларисса съ обоими дѣтьми удалилась къ отцу въ замокъ Понтиви, гдѣ старикъ печально доживалъ свой вѣкъ утверждая, что въ виду тогдашнихъ событій ему оставалось только умереть.

Однако узнавъ, что мужъ и братъ отправляются въ королевскую армію въ Вандеѣ, Кларисса оставила временно отца и дѣтей и поѣхала повидаться съ ними въ Лондонъ, гдѣ они жили у англичанина Вогана, съ которымъ они подружились въ американскомъ посольствѣ. Ей не удалось даже пожить съ ними даже до ихъ отъѣзда, такъ какъ извѣстіе о томъ, что отецъ ея умиралъ, заставило ее поспѣшно вернуться во Францію.

Тутъ одно несчастіе за другимъ разразилось надъ ея головой. Въ первой стычкѣ шуановъ съ республиканцами, въ которой приняли участіе Жакъ де-Понтиви и Молюссонъ, первый былъ убитъ, а послѣдній тяжело раненъ. Переведенный въ Лондонъ, онъ умеръ на рукахъ вѣрнаго своего друга Вогана. Извѣстіе о его смерти было получено въ день кончины ея отца, и эта двойная потеря

такъ ее поразила, что она серьезно занемогла и двѣ недѣли была между жизнью и смертью. Наконецъ, когда она очнулась и открыла глаза, то увидала Оливье и Терезу, съ любовью и слезами смотрѣвшихъ на нее.

— Успокойтесь,—сказала она:—я буду жить для васъ. Леонаръ, какъ вы здѣсь?—прибавила она, замѣтивъ въ комнатѣ стараго слугу отца, который жилъ въ Монморанси.

— Вы можете быть увѣрены,—отвѣчалъ онъ:—что Леонаръ никогда не покинетъ васъ, пока вы совершенно не оправитесь.

— Такъ я никогда не оправлюсь,—отвѣчала она со смѣхомъ и протянула ему обѣ руки.

Напротивъ она очень быстро оправилась, и тогда пришлось рѣшить, что ей дѣлать въ будущемъ.

Леонаръ уже все давно обдумалъ и сказалъ ей:

— Вы не можете здѣсь оставаться. Ваше имя, ваши свѣтскія связи и богатство компрометируютъ васъ и рано или поздно вызовутъ мечь такъ называемыхъ патриотовъ. Вы должны покинуть Понтиви.

— Но куда же мы поѣдемъ,—воскликнула Кларисса:—за границу? Я уже давно объ этомъ думала. Но какъ я выѣду изъ Франціи съ моей молодежью безъ паспорта и проводника?

— Всего безопаснѣе остаться во Франціи,—отвѣчалъ Леонаръ,—выслушайте меня. Я живу въ маленькой хижинѣ въ монморансскомъ лѣсу, это очень уединенный пустынный уголокъ. Вы можете поселиться тамъ, какъ мои жильцы, подъ какой нибудь придуманной фамиліей. По сосѣдству обитаетъ почтенный садовникъ и его жена, которые могутъ вамъ помочь въ хозяйствѣ и въ работкѣ огорода. Чтобы избѣгнуть всякаго подозрѣнія, вы можете помѣститъ вашего сына въ моей слесарной мастерской. Я—одинъ изъ вліятельныхъ членовъ демократическаго общества въ Монморанси, и моего знакомства съ вами достаточно, чтобы гарантировать ваши республиканскія убѣжденія. Оливье научится ремеслу и останется подъ вашимъ наблюденіемъ, такъ какъ онъ можетъ постоянно обѣдать и ночевать у васъ.

Кларисса съ удовольствіемъ согласилась на этотъ планъ, и черезъ нѣсколько дней она со своей маленькой семьей поселилась въ хижинѣ среди монморанскаго лѣса. Четырнадцать мѣсяцевъ прожила она тамъ спокойно и была бы совершенно счастлива, если бы ея не тревожили мысли о томъ, что Оливье могъ ежедневно подвергнуться опасности въ эту грозную эпоху террора. Она была довольна только, когда онъ былъ дома, и, слушая его длинный разговоръ о парижскихъ событіяхъ, она утѣшала себя мыслью, что онъ до слѣдующаго утра не разстанется съ нею.

Но онъ неожиданно всталъ и взявъ сюртукъ у Терезы съ явнымъ намѣреніемъ уйти.

— Какъ,—воскликнула она:—ты не останешься съ нами весь день?

— Неужели вы хотите, чтобы я не попалъ на сегодняшний праздникъ?—отвѣчалъ Оливье, ласкаясь къ матери.—Подумайте только—я его готовилъ и не приму участія. Тамъ будетъ вся молодежь изъ Монморанси, и мое отсутствіе будетъ всѣми замѣчено, но я общаю вернуться домой къ ужину. У меня еще свободный цѣлый часъ, дайте мнѣ чтонибудь поѣсть и выпить стаканъ вина.

Кларисса встала и направилась къ новенькому мостику, а за нею послѣдовали Тереза и Оливье, но черезъ нѣсколько минутъ онъ вспомнилъ, что забылъ на травѣ свою палку, и вернулся назадъ. Въ эту минуту онъ услышалъ какой-то голосъ. Онъ обернулся и увидѣлъ передъ собою незнакомца, который спросилъ:

— Которая тропинка ведетъ въ Ла-Шевръ?

— Вотъ эта,—отвѣчалъ Оливье и указалъ ему на лѣсную тропу, по которой незнакомецъ и хотѣлъ удалиться, но въ эту минуту Кларисса радостно воскликнула:

— Неужели это вы, Воганъ?

— Г-жа де-Моллюссонъ!—отвѣчалъ незнакомецъ, и въ голосѣ его слышалась также радость.

— Тише, тише,—сказала она, понижая голосъ, и она познакомила Вогана со своей молодежью, которая часто слышала объ этомъ другѣ ихъ семьи.

Въ нѣсколькихъ словахъ Кларисса объяснила ихъ теперешнее положеніе и потомъ печально замолкла. Слезы показались на ея глазахъ. Ея мужъ умеръ на рукахъ Вогана и высказалъ ему свою послѣднюю волю. Ей хотѣлось разспросить у него всѣ подробности, но ее сдерживало присутствіе дѣтей. Тереза съ чисто женскимъ инстинктомъ поняла, въ чемъ дѣло, и спросила, можетъ ли она идти съ Оливье.

— Да, да, дѣти, идите впередъ,—сказала поспѣшно Кларисса, бросая благодарный взглядъ на молодую дѣвушку:—мы догонимъ васъ.

Оставшись вдвоемъ съ Воганомъ, она забросала его вопросами, на которые онъ отвѣчалъ съ большимъ тактомъ, избѣгая очень печальныхъ подробностей.

— Какая у васъ славная парочка!—произнесъ онъ, когда уже истощились ея вопросы.—Вы, конечно, жените ихъ.

Кларисса молча улыбнулась.

— Поздравляю васъ. А когда свадьба?

Она отвѣчала, что республиканское правительство уничтожило церковный обрядъ вѣнчанія, а если бы она и удовольствовалась гражданскимъ обрядомъ, то мэръ потребовалъ бы ихъ метрики, а у нея не только не было этихъ документовъ, но она не знала даже, гдѣ ихъ найти.

— Они у меня,—отвѣчалъ Воганъ.

Кларисса взглянула на него съ изумленіемъ.

Онъ объяснилъ ей, что онъ нашелъ эти документы, разбирая бумаги своего умершаго друга Молюссона.

— Между ними,—прибавилъ онъ съ замѣтнымъ смущеніемъ:—находятся свидѣтельства о рожденіи и крещеніи Оливье. Они оба помѣчены 1775 годомъ, т. е. двумя годами раньше вашего замужества.

Онъ остановился, какъ бы боясь, что сказалъ слишкомъ много.

— Къ какому же вы пришли заключенію, прочитавъ эти документы?—спросила Кларисса.

— Я полагаю, что мой другъ Молюссонъ женившись узаконилъ своего сына Оливье.

Кларисса поблѣднѣла. Ей никогда не приходило въ голову, что ея честнѣйшаго, благороднѣйшаго мужа могли заподозрѣть въ обольщеніи молодой дѣвушки.

— Вы ошибаетесь,—произнесла она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ:—Оливье носитъ имя Молюссона, но онъ сынъ не его, а мой.

Воганъ молча махнулъ рукой, какъ бы желая помѣшать ея дальнѣйшей исповѣди. Но молодая женщина рѣшилась лучше сознаться во всемъ вѣрному другу мужа, чѣмъ допустить, чтобы на его добромъ имени оставалась хотя тѣнь сомнѣнія. Въ немногихъ поспѣшныхъ словахъ она открыла ему тайну жизни и скрыла только имя отца Оливье.

— А онъ ничего не знаетъ?

— Ничего. Онъ увѣренъ, что отецъ его Молюссонъ.

— Вы много выстрадали,—сказалъ англичанинъ, взявъ обѣ руки Клариссы и дружески ихъ пожимая:—надѣюсь, что остальная ваша жизнь будетъ наполнена радостью и счастіемъ.

— Дай Богъ,—отвѣчала она,—но трудно тѣшить себя свѣтлыми надеждами въ эти трудныя, ужасныя времена.

Воганъ задумался и черезъ нѣсколько минутъ призналъ:

— Отчего бы вамъ не поѣхать со мною въ Англію?

— А вы скоро возвращаетесь туда?

— Черезъ нѣсколько дней.

Она радостно вскрикнула, но тотчасъ лицо ея отуманилось, и она сказала:

— Нечего утѣшать себя такими мыслями. Гдѣ я достану паспортъ?

— Я вамъ все устрою,—отвѣчалъ Воганъ.

Она на него взглянула съ удивленіемъ, но тутъ ей пришло въ голову, что она, можетъ быть, удерживаетъ его отъ исполненія какой нибудь важной обязанности, и стала поспѣшно въ этомъ извиняться.

— Нѣтъ, вамъ нечего извиняться. Я дѣйствительно здѣсь по

дѣлу, но вы меня нисколько не задержали. Я пришелъ на свиданіе слишкомъ рано. Конечно, это свиданіе не можетъ васъ очень интересовать, такъ какъ оно политическое. Одинъ вліятельный членъ англійской палаты депутатовъ поручилъ мнѣ переговорить съ главою республики Робеспьеромъ.

При этомъ имени Кларисса вздрогнула, но Воганъ нимало этому не удивился, такъ какъ Робеспьеръ внушалъ всѣмъ, въ особенности женщинамъ, безграничный страхъ. Поэтому онъ спокойно продолжалъ говорить о своемъ тайномъ посольствѣ. Онъ долженъ былъ отъ имени англійской партіи виговъ сдѣлать Робеспьеру очень важное предложеніе, которое въ случаѣ принятія измѣнило бы положеніе дѣлъ во Франціи и во всей Европѣ. Но вопросъ былъ въ томъ, приметъ ли онъ предложеніе. Воганъ въ этомъ сомнѣвался, такъ какъ предложеніе было лестное для самолюбія неподкупнаго, но оно уменьшило бы его значеніе, а жажда власти одушевляла этого человѣка, который не искалъ блеска, а напротивъ окружалъ себя республиканской простотой.

Видя, что Кларисса слушаетъ его съ пламеннымъ интересомъ, Воганъ сталъ подробно описывать скромную, стоическую жизнь Робеспьера въ патриархальной семьѣ столяра Дюплэ въ улицѣ Сеңтъ-Онорэ, на дочери котораго, Корнелии, онъ, повидимому, хотѣлъ жениться. Въ этомъ смиренномъ жилищѣ онъ былъ такъ хорошо охраняемъ, что Воганъ не могъ проникнуть къ нему, несмотря на письмо его лондонскаго агента. Ему удалось только получить разрѣшеніе видѣться съ Робеспьеромъ въ монморанскомъ лѣсу, гдѣ семья Дюплэ устраивала въ этотъ день пикникъ. Такая странная обстановка для политическаго свиданія была устроена съ цѣлью уничтожить подозрѣнія комитета общественной безопасности, который зорко слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ.

— Онъ придетъ сюда?—спросила Кларисса блѣдная и дрожащимъ голосомъ.

— Да,—отвѣчалъ Воганъ,—онъ сейчасъ придетъ. Я воспользуюсь этимъ счастливымъ случаемъ и попрошу у него паспорта для васъ и вашей семьи. Онъ не можетъ мнѣ въ этомъ отказать.

Кларисса взглянула на англичанина съ ужасомъ.

— Вы хотите просить у него паспорта для насъ?

— Да, и непременно получу.

— Это невозможно, это невысказимо,—воскликнула Кларисса.

— Отчего?—произнесъ Воганъ, приходя въ свою очередь въ удивленіе.

— Онъ спроситъ мое имя.

— Ну, такъ что же, я скажу.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула Кларисса и стала въ сильномъ волненіи шагать по травѣ.

— Я васъ не понимаю,—промолвилъ Воганъ.

Она остановилась, пристально посмотрѣла на него и съ необыкновенной рѣшимостью произнесла:

— Вы знаете половину моей тайны, и я вамъ открою остальное. Отецъ Оливье...

— Кто?—воскликнулъ Воганъ, не смѣя вѣрить своему подозрѣнію.

— Онъ!

Она упала на землю и горько зарыдала.

— Бѣдная, бѣдная г-жа де-Молюссонъ, — промолвилъ Воганъ, наклоняясь къ ней:—я думалъ, что ваши страданія окончены, и неосторожно дотронулся до вашей незакрытой раны.

— Это ничего,—отвѣчала вставая Кларисса:—я давно уже питаю къ нему только презрѣніе и отвращеніе.

— Тише, тише!—произнесъ Воганъ и сталъ присматриваться къ чему-то за деревьями.

— Это онъ?—сказала шопотомъ Кларисса:—вы придете потомъ къ намъ?

— Завтра, но не сегодня, такъ какъ я боюсь, что за мною будутъ слѣдить,—и убѣдившись, что дѣйствительно въ лѣсу шелъ Робеспьеръ, онъ поспѣшно прибавилъ:

— Уходите скорѣй!

— Гдѣ онъ?—спросила Кларисса, которая все-таки осталась женщиной и хотѣла видѣть человѣка, къ которому, по ея словамъ, она относилась съ презрѣніемъ и отвращеніемъ:—ахъ, да, вижу. Прощайте, дозавтра!

Эти слова она произнесла за деревьями, которыя совершенно ее скрывали.

Оставшись одинъ, Воганъ сѣлъ на срубленное дерево и сталъ смотрѣть на приближавшагося Робеспьера. Послѣдній шелъ медленно и собиралъ по дорогѣ анютины глазки, изъ которыхъ дѣлалъ букетъ. Онъ былъ одѣтъ очень изящно; на немъ были высокіе сапоги съ отворотами, сѣрый крѣпко стягивающій его талью сюртукъ, коричневыя узкія брюки и пестрый жилетъ. Передъ нимъ бѣжала рыжая собака датской породы. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ручья Робеспьеръ увидѣлъ Вогана и немедленно остановился. Въ ту же минуту показались два здоровенныхъ человѣка въ курткахъ и съ толстыми дубинами.

Воганъ всталъ и пошелъ на встрѣчу къ неподкупному. Собака начала лаять.

— Ни шага далѣе!—закричалъ Робеспьеръ:—кто вы такой?

Онъ махнулъ рукой явившимся людямъ, которые очевидно были шпионы, и они подошли къ Вогану. Хотя онъ удивился такой процедурѣ, но молча отдалъ рекомендательное письмо, привезенное изъ Лондона. Робеспьеръ взялъ письмо, вынулъ изъ кармана очки въ серебряной оправѣ и прочиталъ его.

— Все въ порядкѣ,—сказалъ онъ, обращаясь къ охранявшимъ его лицамъ.—Оставьте насъ, но не уходите далеко, а главное смотрите по сторонамъ, чтобы никто сюда не приблизился.

Затѣмъ онъ перешелъ черезъ мостъ въ сопровожденіи собаки и подошелъ къ Вогану.

IV.

Французъ и англичанинъ внимательно осмотрѣли другъ друга съ ногъ до головы: первый съ видимымъ подозрѣніемъ, а второй съ любопытствомъ. Какъ бы не довольствуясь рекомендательнымъ письмомъ, Робеспьеръ спросилъ фамилію Вогана, и тотъ нашелъ невозможнымъ отказать въ чемъ бы то ни было такому могущественному человѣку, но при этомъ онъ прибавилъ, что наканунѣ писалъ письмо Робеспьеру, прося его аудіенціи, что онъ въ Парижѣ остановился въ американскомъ консульствѣ, подъ именемъ мистера Мартина, хотя онъ въ сущности былъ членъ англійскаго парламента Бенжаминъ Воганъ. Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта Робеспьера, онъ началъ излагать данныя ему порученія Фоксомъ, противникомъ анти-республиканской политики Питта, но Робеспьеръ его перебилъ:

— Знаю, знаю. Фоксъ столпъ демократіи и талантливый, благородный человѣкъ. Я велѣлъ перевести его рѣчи и читалъ ихъ съ большимъ интересомъ. Я слѣдилъ внимательно за его ораторскимъ поединкомъ съ Буркомъ, и меня глубоко тронуло, что изъ политическихъ убѣжденій онъ порвалъ двадцатилѣтнюю дружбу съ нимъ. Это—поступокъ, достойный древнихъ героевъ. Ваши политическіе вожди—настоящіе римляне. Чего же желаетъ отъ меня почтенный Фоксъ?

Англичанинъ только что началъ выяснять данное ему обѣщаніе, какъ Робеспьеръ снова остановилъ его жестомъ и спросилъ, не слышалъ ли онъ шелеста листьевъ, хотя собака не залаяла. Воганъ отвѣчалъ, что онъ ничего не слышалъ, и Робеспьеръ просилъ его продолжать, но очевидно онъ слушалъ его въ нервномъ раздраженіи, прислушиваясь къ малѣйшему шороху.

Дѣйствительно свиданіе съ англійскимъ депутатомъ было болѣе чѣмъ компрометирующее, потому что партія виговъ предлагала установить во Франціи конституціонную монархію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ Англии, и подъ скипетромъ малолѣтняго сына Людовика XVI, который содержался узникомъ въ Тамплъской тюрьмѣ.

— Что вы говорите!—воскликнулъ Робеспьеръ съ удивленіемъ.

— Конечно, будетъ утверждено регентство.

— Франція не захочетъ объ этомъ и слышать.

— Отчего же нѣтъ, регентомъ будете вы.

Робеспьерь отскочилъ на два шага.

— Я? Я—регентъ? Да вы шутите.

Онъ сталъ ходить въ сильномъ волненіи взадъ и впередъ по травѣ, повторяя отказъ на всѣ тоны и въ то же время перебивая свою рѣчь восклицаніями:

— Вы слышали что нибудь? Кажется, кто-то идетъ. Ну, Блундъ, стереги меня хорошо!

Наконецъ онъ немного успокоился и произнесъ твердо, рѣшительно:

— Возстановить королевскую власть это нелѣбно! Неужели я работалъ все это время для того, чтобы на престолъ вступилъ сынъ человѣка, казненнаго мною? Нѣтъ, я работалъ прежде всего для Франціи, которая освобождена отъ позорившихъ ее корыстныхъ администраторовъ и низкихъ аристократовъ, а потомъ и для себя. Но не съ цѣлью личнаго самолюбія, а потому, что я чувствую себя способнымъ пересоздать страну, вдохнуть въ нее новую душу и очистить ее путемъ установленія добродѣтели справедливости и равенства. Я! я буду регентомъ! Неужели Фоксъ считаетъ это возможнымъ? Можетъ быть, я буду диктаторомъ или протекторомъ, какъ Кромвель, лордомъ протекторомъ страны, которую унижали въ теченіе вѣковъ тиранія и развратъ. О, тогда ее увидятъ искупленной крещеніемъ крови, чистой, непорочной. Еще нѣсколько казней, и изъ почвы, насыщенной кровью аристократовъ, палачей народа, возникнетъ древо свободы, древо жизни и справедливости, радости и любви, которое принесетъ удивительные плоды, и на которое Франція будетъ смотрѣть, какъ на свою мать кормилицу.

Воганъ слушалъ съ удивленіемъ эти идеальныя фантастическія разглагольствованія. Робеспьерь казался его практическому англійскому уму просто безумцемъ, и онъ ясно видѣлъ, что съ нимъ нельзя было заключить никакой благоразумной сдѣлки.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь?—спросилъ онъ.

— Рѣшительно.

— Такъ мнѣ остается только откланяться.

Но въ эту минуту Робеспьерь внезапно обернулся, собака залаяла, и какой-то неизвѣстный человѣкъ прошелъ мимо.

— Кто это?—спросилъ Робеспьерь съ испугомъ.

— Повидимому, нищій,—отвѣчалъ Воганъ.

— Вы думаете?—произнесъ Робеспьерь, не вполне успокоенный.—А, можетъ быть, это—шпіонтъ? Меня окружаютъ шпіоны. Моя жизнь невозможная. Если бы я не думалъ о счастіи Франціи...

Вдали послышались голоса и лай собакъ. По всей вѣроятности, охранители Робеспьера прогоняли нищаго.

— Ну, намъ пора разстаться, но смотрите, ни слова о нашемъ свиданіи. Я, конечно, могу рассчитывать на ваше безмолвіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ я могу васъ обвинить въ подкупѣ, и вы знаете, чѣмъ это кончится.

Воганъ отвѣчалъ что онъ сохранить тайну и, чтобы уничтожить всякое подозрѣніе, поѣдетъ въ Лондонъ черезъ Женеву. Хотя онъ видѣлъ по волненію Робеспьера, что было не время просить его о чемъ нибудь, но онъ все-таки намекнулъ, что желалъ бы отправиться въ Лондонъ съ одной дамой и ея сыномъ и дочерью. Робеспьеръ наотрѣзъ отказалъ въ выдачѣ паспортовъ и прибавилъ, что въ такія смутныя времена было не безопасно ѣхать вчетверомъ, и затѣмъ онъ прибавилъ, что если эта дама явится къ нему, спустя нѣсколько дней послѣ отъѣзда Вогана, то онъ съ удовольствіемъ прикажетъ выдать ей паспортъ и почтетъ себя счастливымъ оказать услугу семьѣ, которой интересуется мистеръ Воганъ. Но послѣдній отказался отъ этого предложенія и, простившись съ Робеспьеромъ, быстро удалился.

Оставшись одинъ, Робеспьеръ предался сомнѣніямъ и подозрѣніямъ. Какой это дамой интересовался англичанинъ? Значить, у него были во Франціи друзья, и онъ могъ рассказать о своемъ свиданіи въ лѣсу. Робеспьеръ немедленно позвалъ своихъ охранителей и сказалъ одному изъ нихъ, Дидье, который игралъ при немъ роль «Тристана Схимника».

— Пошлите поскорѣй тайнаго агента за этимъ человѣкомъ, и пусть прослѣдятъ каждый его шагъ въ Парижѣ.

— Это необходимо, — отвѣчалъ Дидье: — означенный человѣкъ очень подозрителенъ.

— Отчего?—воскликнулъ съ удивленіемъ Робеспьеръ.

Дидье отвѣчалъ, что, по словамъ одного изъ его сыщиковъ, караулившихъ въ окрестностяхъ, собесѣдникъ Робеспьера прежде свиданія съ нимъ видѣлся съ какой-то дамой, которая убѣжала въ свой домъ, находящійся недалеко отсюда.

— Какъ!—воскликнулъ Робеспьеръ со страхомъ:—третье лицо знаетъ о моемъ свиданіи съ англичаниномъ? Арестуйте тотчасъ эту даму.

— Но ихъ двое: мать и дочь.

— Арестуйте обѣихъ и еще мужчину. У этой дамы долженъ быть сынъ.

— Но онъ теперь не дома.

— Такъ арестуйте его, когда онъ вернется.

Дидье отдалъ приказаніе своему товарищу и вернулся къ Робеспьеру.

— А въ какую отвезти ихъ тюрьму?

— Въ какую хотите, только поскорѣе арестуйте. Но болѣе ни слова, вотъ мои друзья.

Послышались звонъ колокольчика и взмахи кнута, а потомъ веселые голоса и громкій смѣхъ. Прежде всего показался хромой человѣкъ, который медленно шель, опираясь на палку, а вокругъ его весело скакала собака Робеспьера. Это былъ племянникъ Дюплэ,

Симонъ, съ деревянной ногой. Служа волонтеромъ въ 1792 году, онъ потерялъ ногу въ сраженіи при Вальми и теперь находился въ отставкѣ, получалъ небольшую пенсію и исполнялъ должность секретаря Робеспьера.

— Здравствуйте, Робеспьеръ, долго вы насъ ждете?

Робеспьеръ только что хотѣлъ отвѣтить, что онъ сейчасъ пришелъ въ лѣсъ, но его избавили отъ этой лжи крики, раздавшіеся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него:

— Здравствуйте, Максимилианъ! Доброе утро, другъ!

Вся семья Дюплэ показалась въ телѣгѣ, запряженной уставшей, изнуренной лошадыю. Старикъ Дюплэ безъ сюртука и съ краснымъ запотѣвшимъ лицомъ велъ подъ уздцы лошадь, такъ какъ тропинка была усѣяна корнями, а его сынъ, Морисъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, бѣжалъ подлѣ, отгоняя вѣткой мухъ. Сзади подгалкивалъ телѣжку хорошо одѣтый господинъ. Это былъ Леба, товарищъ Робеспьера по конвенту и комитету общественной безопасности, мужъ одной изъ дочерей Дюплэ. Въ телѣжкѣ сидѣли г-жа Дюплэ, здоровенная женщина съ обнаженными до локтей руками, въ которыхъ она держала вожжи, а рядомъ съ нею помѣщались на корзинкахъ съ продовольствіемъ и посудой ея три дочери: Елизавета, жена Леба, Викторія, прелестная блондинка съ очаровательными глазами, и Элеонора, которую родители прозвали Корнеліей, чтобы придать ей античный отгѣнокъ въ глазахъ Робеспьера, собиравшагося, повидимому, на ней жениться.

Рослая брюнетка съ блестящими миндалеобразными глазами и гладко причесанными волосами, Корнелія была одѣта такъ же, какъ и ея сестры, просто, хотя въ ихъ лѣтнихъ костюмахъ опытный наблюдатель подмѣтилъ бы тѣнь кокетства. На трехъ сестрахъ были шляпки съ трехцвѣтными кокардами и лентами, что придавало всей группѣ въ старой украшенной вѣтвями телѣжкѣ праздничный видъ.

Семья Дюплэ часто въ прекрасные лѣтніе дни устраивала пикники на травѣ въ Монморанскомъ лѣсу, пользуясь этимъ случаемъ, чтобы провести нѣсколько часовъ со своимъ другомъ вдали отъ свѣта.

Телѣжка остановилась. Робеспьеръ быстро подошелъ къ нимъ и учтиво помогъ женщинамъ соскочить на землю среди застѣнчивыхъ восклицаній.

— Охъ, какъ высоко, невозможно соскочить!

Потомъ на него посыпались среди веселаго говора и смѣха безконечные вопросы.

— Хорошо ли вы спали, добрый другъ? Отчего вы такъ сіяете сегодня?

— Отъ радости васъ видѣть,—отвѣчалъ Робеспьеръ.

Мать и дочери были въ восторгѣ отъ каждаго его слова и сопровождали ихъ восклицаніями:

— Какой онъ добрый! Какой онъ добрый! Какъ здѣсь хорошо! Только онъ могъ найти такой прелестный уголокъ!

Между тѣмъ онъ стали распаковывать привезенныя корзины съ колбасами, жареными курами, салатомъ, пирожками, сыромъ, хлѣбомъ и дыней; а пока Дюплэ распрягалъ лошадь, Леба сообщалъ Робеспьеру о послѣднихъ парижскихъ новостяхъ, Симонъ отыскивалъ удобное мѣсто, чтобы разложить скатерть, а Морисъ игралъ съ собакой. Неожиданно всѣ вздрогнули и стали съ испугомъ прислушиваться. Невдалекѣ за деревьями послышались жалобные звуки.

— Это женскіе голоса,—произнесла Корнели, тревожно озираясь.

— Ты права,—отвѣчала мать и пошла по тому направленію, откуда неслись звуки.

— Это ничего,—сказалъ Робеспьеръ спокойно, и, видя вопрошительные взгляды женщинъ, онъ прибавилъ:—тутъ арестуютъ двухъ аристократокъ.

— Только-то!—отвѣчали мать и дочь.

Дюплэ и Симонъ подошли ближе къ неподкупному, надѣясь, что онъ расскажетъ имъ какую нибудь интересную исторію, но онъ только таинственно промолвилъ:

— Я нашелъ ихъ послѣ долгихъ поисковъ!

Въ эту минуту къ нему подошелъ Дидье.

— Все въ порядкѣ?—спросилъ Робеспьеръ.

— Все въ порядкѣ, гражданинъ!—отвѣтилъ Дидье.

Вполнѣ удовлетворенный этимъ отвѣтомъ, неподкупный подошелъ къ Корнели, которая нагнувшись срывала маргаритки. Въ нѣсколькихъ шагахъ на срубленномъ деревѣ лежалъ приготовленный имъ букетъ анютиныхъ глазокъ. Онъ взялъ его и подалъ молодой дѣвушкѣ.

— Какой хорошенькій букетъ!—воскликнула она и поблагодарила за вниманіе.

— Это любимые цвѣты Руссо!—замѣтилъ Робеспьеръ.

— Вы такъ же добры, какъ онъ!—промолвила молодая дѣвушка, зная, что Робеспьеру нравилось это сравненіе.

Пріятно польщенный словами Корнели, онъ приколотъ букетъ къ ея корсажу.

— Какъ отрадна жизнь!—произнесла сентиментальная молодая дѣвушка.

Робеспьеръ согласился съ нею и сталъ жадно вдыхать благоуханный воздухъ, къ которому примѣшивался аромат прекрасныхъ розъ, украшавшихъ находившійся невадалекѣ отсюда садъ Клариссы.

V.

Оливье не остался до конца праздника въ Сентъ-При. Въ пять часовъ онъ незамѣтно удалился и, возвращаясь домой, съ удовольствіемъ думалъ о томъ сюрпризѣ, который онъ сдѣлаетъ матери и Терезѣ, а такъ же о вкусномъ ужинѣ и пріятномъ снѣ, такъ какъ

наканунѣ онъ проработалъ всю ночь. Къ тому же его утомили шумъ и движеніе толпы, а въ особенности цвѣтистыя рѣчи политическихъ ораторовъ, которымъ онъ долженъ былъ невольно рукоплескать, такъ какъ всякое равнодушіе къ громкимъ фразамъ, восхвалявшимъ революцію, возбуждало подозрѣніе, которое могло довести до эшафота.

— Боже мой, мнѣ все это до смерти надоѣло,—думалъ онъ, идя по Монмаранскому лѣсу и вспоминая, сколько онъ, сынъ аристократки и вайдейца, долженъ былъ перенести униженія въ продолженіе послѣднихъ четырнадцати мѣсяцевъ.

Ему приходилось молча слушать революціонныя теоріи, возмущавшія его душу, и онъ только мирился со всѣмъ этимъ при мысли, что, дѣйствуя иначе, онъ могъ скомпрометировать себя и причинить горе матери и Терезѣ. Кромѣ того, мать постоянно успокоивала его увѣреніями, что терроръ не могъ долго продолжаться, и непремѣнно наступитъ реакція.

Подойдя къ дому, онъ удивился, что не было видно въ саду и окнахъ хижины ни одной изъ его обитательницъ. Въ дверяхъ стоялъ садовникъ, и Оливье радостно крикнулъ ему:

— Что, Поль, вы не думали, видѣть такъ рано?

Но лицо садовника было такъ печально, что сердце молодого человѣка дрогнуло; онъ подумалъ, не занемогла ли его мать или Тереза. Онъ быстро подбѣжалъ къ нему и со страхомъ спросилъ:

— Что случилось, говорите скорѣе?

Садовникъ въ короткихъ словахъ разсказалъ, что обѣ женщины были арестованы, несмотря на ихъ горячіе протесты, и быстро уведены въ Монморанси, чтобы не нарушить веселаго пикника, устроеннаго недалеко въ лѣсу около Шевра.

Услыхавъ это названіе, Оливье вспомнилъ объ англичанинѣ, который спрашивалъ дорогу туда, и воскликнулъ:

— А англичанинъ? Когда я ушелъ сегодня утромъ изъ дома, то въ немъ оставалась одна Тереза, а моя мать разговаривала въ лѣсу съ иностранцемъ. Развѣ онъ не приходилъ съ нею сюда?

— Нѣтъ, гражданка Дюранъ вернулась одна и очень поспѣшно. Она все оглядывалась, какъ бы не желая, чтобы ее видѣла веселая компанія.

— Какая веселая компанія?

— Компанія, устроившая пикникъ въ Шеврѣ. Повидимому, она была извѣстна полицейскимъ агентамъ, арестовавшимъ вашу мать и ея племянницу, такъ какъ одинъ изъ нихъ послѣ ареста пошелъ къ одному господину изъ числа компаніи и разговаривалъ съ нимъ.

— Кто онъ такой?

— Не знаю.

— А онъ еще тамъ со своей компаніей?

— Нѣтъ, всѣ уже давно уѣхали.

— Куда?

— Не знаю.

— А вы говорите, что мою мать и Терезу повели въ Монморанси.

— Я въ этомъ увѣренъ. Развѣ они по дорогѣ встрѣтили какойнибудь экипажъ.

— Зачѣмъ экипажъ?

— Чтобы отвезти арестованныхъ въ Парижъ.

Оливье никакъ не могъ примириться съ мыслью объ арестѣ дорогихъ для его сердца существъ. Зачѣмъ ихъ арестовали? Что онѣ сдѣлали? Какое онѣ могли учинить преступленіе?

На всѣ эти вопросы садовникъ отвѣчалъ, что онѣ ничего не знаютъ.

— Зачѣмъ же вы не прибѣжали за мною въ Сень-При?—воскликнулъ гнѣвно юноша.

— А кто же бы остался стеречь домъ,—отвѣтилъ садовникъ, который думалъ, что лучше было остаться дома съ больною женой, чѣмъ компрометировать себя розысками Оливье.

Юноша вбѣжалъ, какъ бѣшеный, въ комнату, въ какой-то безумной надеждѣ, что Тереза выскочитъ изъ-подъ какойнибудь мебели съ громкимъ хохотомъ, какъ въ счастливые дни дѣтства. Потомъ онъ побѣжалъ съ такимъ же бѣшенымъ пыломъ въ Монморанси съ двойною цѣлью: повидать Леонара, который зналъ чтонибудь объ арестѣ, и разыскать возницу, который отвозилъ несчастныхъ женщинъ въ Парижъ, если онѣ туда доставлены.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ Леонара, который торопился въ хижину, чтобы сообщить Оливье объ арестѣ его матери и Терезы. Объ этомъ ему рассказалъ возница, отвозившій ихъ въ Парижъ. Ихъ помѣстили въ тюрьму Ла-Бурбъ, какъ подозрительныхъ личностей.

— По чьему приказу?—спросилъ Оливье.

— Робеспьера.

— Подлецъ!—воскликнулъ юноша, внѣ себя отъ ужаса и гнѣва.— Миѣ надо какъ можно скорѣе отправиться въ Парижъ и вырвать ихъ изъ тюрьмы. Теперь тюрьма означаетъ гильотину.

Леонаръ всячески старался уговорить его не ходить въ Парижъ до утра и обдумать все дѣло на досугѣ, но Оливье не хотѣлъ его слушать и настоялъ на томъ, что Леонаръ далъ ему адресъ скромныхъ приличныхъ меблированныхъ комнатъ въ улицѣ Роше. Зайдя въ мастерскую Леонара, онъ захватилъ съ собою дорожный мѣшокъ съ нѣсколькими необходимыми вещами и пустился въ путь.

— Молитесь за меня, Леонаръ!—сказалъ онъ, прощаясь съ добрымъ старикомъ:—будьте увѣрены, что онѣ выйдутъ изъ тюрьмы хотя бы цѣною моей жизни.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, **имѣющіе общій интересъ**.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ
ФЕВРАЛЬ, 1901.

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1901 г.

	СТРАН.
I. На чужбинѣ. Записки эмигранта. Романъ. (Посвящается Льву Николаевичу Толстому). (Продолженіе). III—IV. Марья Васаннина	427
II. Записки Н. И. Мамаева . (Продолженіе). Часть первая. Гл. III—V.	471
III. Переходное время. (Изъ быта ремесленниковъ). I—VII. М. Е. Ермолиной	509
IV. Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ. (Окончаніе). V—VII. С. А. Цурикова	536
V. Исторія карточной игры на Руси. (Продолженіе). IV—VII. В. О. Михневича	559
VI. Атаманская чета. (Изъ воспоминаній). А. А. Карасева	588
VII. Воспоминанія о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. А. С. Зеленаго	604
VIII. Памяти М. П. Федорова. А. П. Чехова (А. Сѣдой)	623
Иллюстрація: Михаилъ Павловичъ Федоровъ.	
IX. Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ селѣ Кокшайскѣ въ 1869 году. В. Люстрицкаго	636
иллюстраціи: 1) Село Кокшайскъ. — 2) Церковь въ селѣ Кокшайскѣ. — 3) Домъ священника въ селѣ Кокшайскѣ. — 4) Училищный домъ въ селѣ Кокшайскѣ.	
X. Разсказъ объ императорѣ Александрѣ II. К. Добровольскаго	645
XI. Драма страстей Господнихъ въ Обераммергау. О. Н. Гончаровой	649
Иллюстраціи: 1) Театральная сцена въ Обераммергау. (Хоръ съ прологомъ). — 2) Антонъ Лангъ въ роли Иисуса Христа. — 3) Въѣздъ въ Иерусалимъ. — 4) Иисусъ Христосъ у Каиафы. — 5) Иисусъ Христосъ передъ Пилатомъ.	
XII. Историческій моментъ въ области современной геологій. А. П. Чехова	665
XIII. Наслѣдство Петра Великаго. I—III. Е. С. Шумигорскаго	679
XIV. Николай Александровичъ Сергіевскій. (Некрологъ). В. Е. Рудакова	698
Иллюстрація: Николай Александровичъ Сергіевскій.	
XV. Заблательная еврейская пѣснь. В. В. Розанова	706
Иллюстраціи: Рисунки, представляющій изображенія на фронтонахъ древняго египетскаго храма.	
XVI. Иностранцы о Россіи. В. Т.	729
XVII. Критика и библиографія	752

1) М. Сменцовскій. Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Спб. 1899. Его же. Церковно-историческіе матеріалы. Дополнительныя приложенія къ изслѣдованію «Братья Лихуды». Спб. 1899. 2) Ученые и учитель. Педагогическія замѣтки. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1900. и. н. 3.—3) А. В. Подольцовъ. Прогулка по Русскому музею императора Александра III въ С.-Петербурѣ. Съ 39 рисунками. М. 1900. в. р.—ва.—4) Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ первый. Спб. 1900. к. а.—5) С. С. Татищевъ. Родъ Татищевыхъ. 1400—1900. Историко-генеалогическое изслѣдованіе. Спб. 1900. к. а.—6) Матеріалы для исторіи императорской академіи наукъ. Томъ десятый. [1749—(июнь—декабрь)—1750]. Спб. 1900. —л.—7) Н. В. Гоголь. Походженія Чичикова или Мервыя души. Текстъ по послѣдней редакціи академика Тихонравова. Съ портретомъ Гоголя, 10 гравюръ и и 355 иллюстраціями. Изданіе А. Ф. Маркса. Выпускъ первый. Спб. 1900. с. ш.—8) Письма и бумаги Суворова. Изъ суворовскаго сборника императорской Публичной бібліотеки. Издалъ А. Алексѣевъ. Вып. I. Спб. 1901. в. п.—9) Матеріалы для біографіи Г. Н. Тихонравова. Письма къ нему разныхъ лицъ. Подъ редакціей А. В. Смирнова. Владимиръ. 1900. в. рудакова.—10) Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ А. В. Зеленина. Съ рисунками и картами, 2 тома. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1901. с. ш.—11) Грамоты и

См. слѣд. стр.

- другіе историческіе докуменгты, относящіеся до Грузіи. Томъ II. Выпускъ I. Грузинскіе тексты съ 1763 по 1801 г. Подъ ред. А. А. Цагарели, орд. проф. С.-Петербургскаго университета. Спб. 1898. **А. Хаханова.**—12) *Studia biblica et ecclesiastica. Essays chiefly in biblical and patristic criticism, by members of the University of Oxford. Volume V. Part I. Life of st. Nino. By Marjory Wardrop and I. O. Wardrop. Oxford. 1900. А. хах—ова.—13) И. Тэнъ. Гитъ Ливій. Критическое изслѣдованіе, переводъ съ французскаго В. И. Герье. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. **Б. Ал—ва.**—14) Эмиль Жебаръ. Мистическая Италия. Очеркъ изъ исторіи возрожденія религіи въ среднихъ вѣкахъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900. **А—ва.**—15) Людвигъ Вольфманъ. Историческій матеріализмъ. Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1901. **А. Никитинскаго.**—16) Н. Чернавскій. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Изслѣдованіе. Выпускъ первый. (Труды Оренбургской ученой архивной комисіи. Выпускъ VII). Оренбургъ, 1900. **В. Рудакова.**—17) Каедръ русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Къ столѣтню существованія университета. 1802—1902. Составилъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ Е. В. Пѣтуховъ. Юрьевъ. 1900. **Зи.**—18) Докторъ Герхартъ фонъ Шульце-Гевенишъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. В. Авилова и П. П. Румянцева съ предисловіемъ Петра Струве. Изданіе Н. П. Глаголева. Спб. 1901. **А. Никитинскаго.**—19) Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь. Этнографическій очеркъ. Сост. капитанъ О. А. Михайловъ подъ редак. начальника Закаспійской области ген.-лейт. А. А. Боголюбова. Ахалоатъ. 1900. **В. П.**—20) Alexander Kraushar. Książka Berpin i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta (1764—1768). Wydanie nowe, wzbogaczone i poprawione, z ilustracyami. Два тома. Warszawa. 1900. **Г. А. Воробьева.**—21) О сыномъ тифъ въ Иранскомъ уѣздъ Вятской губерніи, за десять лѣтъ (1887—1896 гг.). Статистическіе матеріалы по эпидемиологіи уѣзда. Земскаго врача П. В. Аксакова. Казань. 1900. **Зи.**—22) Краткій историческій очеркъ административныхъ учрежденій горнаго вѣдомства въ Россіи. 1700—1900 гг. Сост. А. М. Лоранскій. Спб. 1900. **З. П.**—23) Труды Оренбургской ученой архивной комисіи. Выпускъ VI. Подъ редакціей И. С. Шукшинева. Оренбургъ. 1900. **В. Р—ва.**—24) Профессоръ П. П. Ковалевскій. Психіатрическіе очерки изъ негоріи. Изданіе журнала «Русскій Медицинскій Вѣстникъ». Спб. 1900. **И. Н. З.**—25) «Новгородъ XVI вѣка». (По изображенію на хузьинской иконѣ «Видѣніе цошамря Тарасія»). Съ 24 рисунками П. Л. Гусева. Спб. 1900. **А. С.***
- XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 794**
- 1) Предвозвѣстникъ Христофора Колумба. — 2) Писма Гельвеція къ его женѣ. — 3) Шведскія статьи о Россіи. — 4) Баронесса Крюденеръ. — 5) Смерть герцога Бродыи и композитора Верди. — 6) Изъ разсказовъ о королевѣ Викторіи. — 7) Волъзанъ Гейне.
- XIX. Изъ прошлаго 816**
- Разсказы о митрополитѣ Филаретѣ. **Мелетія Васильева.**
- XX. Смѣсь 819**
- 1) Торжественное засѣданіе императорской академіи наукъ. — 2) Публичное собраніе императорской академіи наукъ. — 3) Археологическое общество въ С.-Петербурѣ. — 4) Въ библиологическомъ обществѣ. — 5) Археологическое общество въ Москвѣ. — 6) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. — 7) Воронежская архивная комисія. — 8) Комитетъ по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. — 9) Археологическая находка. — 10) Археологическіе грабежи и подѣлки. — 11) Общество любителей древней письменности. — 12) Русское библиографическое общество. — 13) Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. — 14) Географическое общ. тво. — 15) Русское общество дѣятеле печатнаго дѣла.
- XXI. Некрологи 842**
- 1) Бондщешко, В. А. — 2) Пресвященный Владимиръ. — 3) Героглифовъ, А. С. — 4) Гурко, Г. В. — 5) Дашенко, В. А. — 6) Ефремовъ, А. А. — 7) Клементьевъ, Н. О. — 8) Теваловъ, П. П. — 9) Лисовскій, А. Д. — 10) Максимовичъ, С. П. — 11) Мельниковъ, Н. М. — 12) Никитенко, С. А. — 13) Селифонтовъ, Н. Н. — 14) Соловьевъ, М. П. — 15) Тушковъ, Н. М. — 16) Шарлеманъ, А. О.
- XXII. Рѣдкіе портреты. Наталья Николаевна Ланская 854**
- XXIII. Объявленія.**
- ПРИЛОЖЕНІЯ:** 1) Портретъ Натальи Николаевны Ланской, въ первомъ замужествѣ Пушкиной. — 2) Робеспьеръ (Robespierre). Романъ Лиза Гальдемара. Переводъ съ англійскаго. (Продолженіе). V—VII.

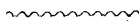

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1901 году
(дВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1901 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать одинъ годъ (1880—1900).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ЛАНСКАЯ, ВЪ ПЕРВОМЪ ЗАМУЖСТВѢ ПУШКИНА.

Съ фотографіи, снятой въ 1861 году, въ Ниццѣ, и принадлежащей князю Владимиру Михайловичу Голицыну.

дозв. ценз. 22 января 1901 г. спб.

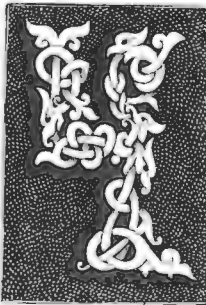
НА ЧУЖБИНѢ ¹⁾.

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому).

III.

ИВЕРТОЕ іюня. Второй день, какъ мы въ морѣ. Я осмотрѣлъ нашъ пароходъ и ознакомился съ его устройствомъ. Это — старое двухмачтовое судно съ водовзмѣстимостью въ 13.000 тоннъ, широкое, короткое, неуклюжее, похожее на бочку. Экипажъ его состоитъ изъ капитана, его помощника, доктора, эконома и десяти человѣкъ команды, включая сюда и двухъ юнгъ. Кромѣ того, имѣются два машиниста, два повара, пекарь, горничная и лакей для перваго класса. Послѣдній далеко не такъ комфортабеленъ и удобенъ, какъ можно было бы требовать. Каюты узкія, тѣсныя, на двѣ и на четыре койки съ безобразно низкимъ потолкомъ. Если представить себѣ, что всѣ мѣста заняты, то въ каютѣ буквально нечѣмъ дышать. И одному-то въ такой каморкѣ душно. Право, намъ лучше въ *Zwischendeck*'ѣ. По крайней мѣрѣ, мѣста много. Межпалубное пространство рассчитано на триста человѣкъ, а насъ ѣдетъ только сто, да и вентиляція у насъ лучше.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 7.

Кромѣ фортокъ, открытъ потолокъ, и къ намъ все время врывается свѣжій морской вѣтеръ.

Положимъ, въ первомъ классѣ куда меньше пассажировъ. Ихъ ѣдетъ только четверо. И каждому изъ нихъ дали по отдѣльной каютѣ. Къ ихъ услугамъ, кромѣ того, часть палубы и рубка, до того, впрочемъ, тѣсная и загроможденная обѣденнымъ столомъ и стульями, что тамъ негдѣ повернуться.

Все это я имѣлъ возможность наблюдать, когда ходилъ къ доктору, каюта котораго помѣщается противъ рубки. Съ докторомъ я познакомился въ первый же день, когда онъ дѣлалъ обходъ.

Какъ-то такъ случилось, что мнѣ пришлось быть переводчикомъ галичанъ. И теперь на мнѣ лежитъ обязанность получать лѣкарства и раздавать ихъ больнымъ. А больныхъ у насъ немало. Галичанки, какъ только вышли въ море, тотчасъ же выползли на палубу и улеглись на ней. Еврей, возбудившій подозрѣнія гамбургскаго доктора, — его фамилія Розенкранцъ, — лежитъ не вставая внизу, ничего не пьетъ и не ѣстъ.

Я чувствую себя очень хорошо. Море покойно, и если качать не будетъ сильнѣе, я не боюсь морской болѣзни.

Пятое іюня. Я буду аккуратно записывать каждый день. Это все-таки развлеченіе. Сегодня на разсвѣтѣ мы вошли въ Ламаншъ, имѣя въ виду берега Англіи.

Ихъ неясныя, гористыя очертанія, окутанныя предразсвѣтнымъ туманомъ, едва рисовались вправо отъ насъ. Всѣ взоры приковались къ нимъ. Несмотря на ранній часъ, палуба полна народу. Многіе съ вечера легли спать на верху, подѣ открытымъ небомъ, чтобы не прозѣвать земли.

Взошло солнце, туманъ разсѣялся, и, точно по волшебству, исчезли и берега. Ничего не было видно вдали. Синее небо одно сливалось на горизонтѣ съ синимъ моремъ, заливая его теплыми солнечными лучами.

— Прощай, Англія! — кто-то сказалъ подлѣ меня.

Вечеромъ въ шесть часовъ матросы стали подвѣшивать на бизань-мачту французскій флагъ. Мы были у береговъ Франціи. Опять всѣ затѣснились къ борту, жадно вперивъ взоры въ даль. Мы прошли почти у самыхъ береговъ, совсѣмъ близко, что называется «рукой подать». Но когда я справился у помощника капитана, какъ велико разстояніе до берега, то получилъ въ отвѣтъ:

— Близко. Не болѣе шести верстѣ.

А на глазъ казалось много, много тридцать-сорокъ сажень.

Но вотъ скрылась и Франція. Говорятъ, теперь не увидимъ земли цѣлыхъ четыре дня.

Шестое іюня. Я условился съ поваромъ, что за полмарки онъ каждый день будетъ давать мнѣ тарелку «капитанскаго», — какъ говоритъ онъ, — супу и порцію жаркого или рыбы. Значитъ, съ ны-

нѣшняго дня я буду обѣдать и могу надѣяться не умереть съ голоду.

До сихъ поръ я пребывалъ на пищѣ св. Антонія. Бѣсть не могу, что даютъ третъеклассникамъ; питался хлѣбомъ, картофелемъ, мясо разъ рѣшился попробовать и больше не могу даже смотрѣть на него. Здѣшняго кофе и чаю, этой темной, пронзительно-вонючей и грязной жижи, пить не могу. А воды нѣтъ. Положимъ, и есть, но до того отвратительная, что почти все равно, что нѣтъ. На «Кордовѣ» нѣтъ опрѣснителя, водой запасаются на материкѣ, и она скоро портится и приобретаетъ тухлый вкусъ и запахъ. Первые дни, пока она была свѣжа, я пилъ исключительно воду съ лимонами, которыхъ много у евреевъ, охотно продавшихъ мнѣ нѣсколько штукъ. Но потомъ я отказался и отъ воды.

Перспектива умереть съ голоду смѣнилась перспективой смерти отъ жажды. Я отправился къ завѣдующему хозяйствомъ, или — какъ его зовутъ всѣ — къ фервальтеру, и спросилъ его, нельзя ли купить у него чаю и сахару.

— Man kann nichts kaufen! (нельзя ничего купить), — строго отвѣтилъ мнѣ этотъ господинъ.

По правилу дѣйствительно въ кладовой нельзя ничего покупать, кромѣ вина и пива. Ни то, ни другое не можетъ замѣнить мнѣ чаю. Тѣмъ не менѣе, евреи ѣдятъ то масло, то селедки, а дѣти ихъ жуютъ англійскіе бисквиты. Конечно, можно было бы предположить, что они закупили всю эту провизію передъ отъѣздомъ, но я самъ нѣсколько разъ видѣлъ, какъ фервальтеръ давалъ имъ то то, то другое, и постоянно у кладовой, когда она отперта, ихъ тѣснитъ нѣсколько человѣкъ.

Дѣло наконецъ объяснилось.

— Man kann nichts kaufen, doch alles kriegen (ничего нельзя купить, но все можно достать), — сказалъ мнѣ Розенкранцъ, которому я пожаловался на наши порядки, и рассказалъ мнѣ, что его единовѣрцы даютъ фервальтеру взятки, кто сколько можетъ, и берутъ все, что хотятъ.

— Ничего нельзя купить, все можно достать, — сказалъ мнѣ и фервальтеръ, когда я обратился къ нему вторично.

Я сунулъ ему въ руку двѣ марки и получилъ нѣсколько щепотокъ чаю, а сахару онъ предложилъ мнѣ взять прямо изъ ящика, сколько хочу. Я нерѣшительно взялъ нѣсколько кусковъ, но онъ сказалъ:

— Берите больше.

И самъ наполнилъ оба кармана моего пиджака.

— Только никому не показывайте, — шепнулъ онъ, когда я уходилъ изъ кладовой, и тутъ же громко прибавилъ:

— Ничего нельзя купить.

Фервальтеръ — тощій, высокій, худосочный человѣкъ съ рѣд-

кими свѣтлыми волосами на головѣ и такими же усами, съ безцвѣтными, нѣсколько наглыми глазами на болѣзненно-желтомъ лицѣ, правая сторона котораго подвержена постояннымъ флюсамъ и кажется больше лѣвой, отчего получается странное, неприятное и какъ бы двойственное впечатлѣніе.

Онъ и докторъ—точно два родные брата. Только докторъ немного пониже ростомъ и не страдаетъ флюсами. Зато у него носъ съ проваломъ, и этотъ недостатокъ страннымъ образомъ роднитъ его съ фервальтеромъ, придавая ему то же выраженіе и производя то же впечатлѣніе. Все остальное—глаза, волосы, походка, манера говорить—какъ у одного, такъ и другого.

Оба—совершенная противоположность капитану и его помощнику,—здоровымъ, краснощекимъ толстякамъ.

Особенно толстъ капитанъ. У насъ прозвали его китомъ. Чуть онъ появится изъ своей каюты, тотчасъ же кто нибудь скажетъ:

— Смотрите, китъ вылъзъ.

Но капитанъ не любитъ выходить на палубу, онъ только выглянетъ изъ-за двери, выставитъ на мгновенье свое необъятное брюхо въ бѣломъ жилетѣ съ болтающимися на немъ брелокami и золотой цѣпочкой, и опять скроется.

Ко мнѣ онъ благоволитъ. Ежедневно мы здороваемся съ нимъ и немножко болтаемъ, и ежедневно капитанъ заключаетъ нашу бесѣду словами:

— Странно! Вы—русскій, а говорите такъ хорошо по-нѣмецки. Вотъ меня ужъ не заставишь говорить по-русски.

И каждый разъ добродушно смѣется, произнося послѣднюю фразу.

Вообще, надо сказать правду, нѣмецкій языкъ мнѣ-таки здѣсь пригодился. Ко мнѣ относятся лучше, чѣмъ къ прочимъ, и никто не говоритъ со мной начальническимъ тономъ. Впрочемъ, только я и держусь съ достоинствомъ, да развѣ еще поляки. Но поляки не говорятъ по-нѣмецки. Евреи же подобострастны, унижены и робки. А галичане въ глазахъ нѣмцевъ, кажется, не выше домашняго скота. Съ ними они вовсе не церемонятся.

Седьмое іюня. Сегодня первая остановка. Въ 10 часовъ утра мы подошли къ маленькому приморскому городку Виго на сѣверѣ Испаніи. Множество лодокъ тотчасъ же засновали вокругъ «Кордовы». Онѣ были нагружены лимонами, апельсинами, бутылками съ виномъ, жестянками съ сардинами, а сидѣвшіе въ нихъ мужчины и женщины съ загорѣлыми цыганскими лицами и полуголые мальчишки рѣзкими голосами выкрикивали на испанскомъ и ломаномъ французскомъ языкѣ свои товары и цѣны на нихъ.

Пассажиры тотчасъ съ жадностью набросились на все, что имъ предлагали. Нѣсколько веревокъ протянулось съ парохода въ лодки. Сначала поднимали пустую корзину на палубу. Покупатель

клатъ въ корзину монету и спускалъ ее внизъ, и тогда уже, получивъ плату впередъ, продавецъ накладывалъ въ корзину требуемыхъ вещей, и она снова отправлялась на пароходъ.

Въ какіе нибудь полчаса все расхватали. Покупали самые бѣдные, не въ силахъ будучи устоять передъ соблазномъ.

Между лодками шныряли нѣсколько ненагруженныхъ. Ихъ гребцы тоже кричали и жестикулировали. Когда я понялъ, что они предлагаютъ перевезти на берегъ, у меня явилось сильнѣйшее желаніе отправиться на землю.

Узнавъ, что мы простои́мъ въ Виго семь часовъ, я вступилъ въ переговоры съ однимъ лодочникомъ, говорившимъ на мое счастье довольно сносно по-французски. За два франка онъ обаялся отвезти меня въ городъ и доставить обратно.

Капитанъ выразилъ нѣкоторое недоумѣніе, когда я подошелъ къ нему спросить разрѣшенія выйти на берегъ, вынуть часы и сказать:

— Вы, конечно, вольны распоряжаться собою, какъ вамъ угодно. Только, смотрите, не опоздайте. Черезъ три часа вы должны быть здѣсь.

Я обрадовался, какъ школьникъ. Легко и весело сбѣжалъ я по трапу, прыгнулъ въ ветхую, зеленую лодченку, на днѣ которой стояла вода, и сразу точно окунулся въ какой-то новый, прекрасный и волшебный міръ.

Скука, усталость, недомоганіе, тревоги—все точно слетѣло съ меня. Я ничего не хотѣлъ, ни о чемъ не думалъ. Я весь ушелъ въ наслажденіе и тихимъ, недвижнымъ, яснымъ, какъ зеркало, зеленоватымъ, насквозь просвѣчивающимъ солнцемъ моремъ, и опрокинувшимся надъ нимъ лазурнымъ, полнымъ нѣги и зноя небомъ, и берегомъ, усыпаннымъ бѣлыми домами, изъ которыхъ одни, казалось, совсѣмъ стояли у воды, другіе лѣзли по горѣ выше и выше къ самому солнцу, яркому, жгучему, все обливавшему золотистымъ, горячимъ колоритомъ, и сознаниемъ того, что я свободенъ, дѣлаю то, что хочу, и избавился отъ казарменной, нѣтъ, скорѣе тюремной обстановки, такъ тяготившей меня.

Мы подплыли къ пристани, — къ ряду длинныхъ, каменныхъ, обросшихъ влажнымъ мхомъ, ступеней.

Босоногій мальчишка схватилъ руками за носъ нашу лодку и притянулъ ее почти вплотную къ пристани. Лодочникъ, молодой, очень красивый испанецъ, выскочилъ за мной и сказалъ:

— Пойдемте вмѣстѣ, сеньоръ. Вѣдь вы города не знаете, а я покажу вамъ его.

— Сколько вы хотите за это?—спросилъ я.

— Ничего. Развѣ сеньоръ угоститъ меня стаканчикомъ вина.

Набережная была полна народу. Толстыя, смуглыя женщины сидѣли рядами прямо на землѣ, разложивъ передъ собой свои то-

вары: вареныхъ съ ярко красной, выпуклой, круглой спиной и желтыми, вытянутыми во все стороны лапами крабовъ, напоминавшихъ гигантскихъ пауковъ, клубнику необыкновенной величины, совершенно бѣлую, разсыпанную на виноградныхъ листьяхъ, жирныя и румяныя витушки изъ тѣста, жареныя въ бараньемъ салтѣ, рыбу, выпотрошенную и разрѣзанную на куски.

Между ними сновали хозяйки съ корзинами, дѣвчонки и мальчишки, бродили нищие и попрошайки.

Съ набережной шла аллея изъ тополей, въ сторонѣ былъ разбитъ небольшой городской скверъ съ изсохшими фонтанами, съ увядшими отъ зноя цвѣтами на клумбахъ, каштанами и пальмами.

Городъ нѣсколькими улицами лѣзъ въ гору. Большинство домовъ имѣло на-лицо два и три этажа, а сзади прислонялось къ горѣ и выходило на нее однимъ этажемъ, правда, верхнимъ. Отъ каменныхъ зданій, отъ мостовой вѣяло зноемъ. Было тихо и безлюдно—казалось, все спали. По срединѣ главной улицы лѣниво тащилась конка, запряженная парю сонныхъ муловъ.

Мой чичероне соблазнилъ меня зайти въ трактиръ, гдѣ мы позавтракали съ большимъ аппетитомъ. Все поданное показалось мнѣ необыкновенно вкуснымъ, хотя заведеніе было очевидно самой средней руки. Сытый и, какъ нерѣдко бываетъ съ долго голодавшими людьми, пьяный отъ сытости, я заторопился на пароходъ. По дорогѣ я купилъ краба, двѣ коробки съ сардинами, клубники и апельсиновъ, истративъ почти все деньги, что взялъ съ собою.

Набережная уже опустѣла, рыночныя торговки ушли, оставивъ послѣ себя кучу листьевъ, рыбьей шелухи, скорлупы отъ крабовъ и тому подобной дряни. Солнце, казалось, стало еще жарче. Засучивъ выше колѣнъ тиковые штаны, мальчишки бродили по водѣ, собирая водоросли и раковины. Двѣ дѣвочки, одѣтыя грязно и бѣдно, но веселыя, съ яркими, точно позлащенными солнцемъ лицами, съ жгучими черными глазами и алыми, какъ кровь, губами, съ густыми растрепанными косами, улыбаясь и сверкая чудесными зубами, продавали на пристани цвѣты, великолѣпныя розы, нѣжныя анютины глазки, трехцвѣтныя фіалки и сильно пахнуція, пышныя, крупныя бѣлыя и красныя гвоздики. Я у обѣихъ купилъ цвѣтовъ и въ придачу получилъ пожеланіе всякаго счастья и добраго пути.

Разставаясь, лодочникъ съ такимъ чувствомъ жалъ мою руку и такъ ласково заглядывалъ мнѣ въ глаза, что я сверхъ условленной платы отдалъ ему и испанскую пезету, которою мнѣ далъ сдачу трактирщикъ.

На палубѣ было тѣсно. Все пороги, приступки и единственная скамейка у кухни были заняты сидѣвшими людьми. Менѣе счастливые размѣстились прямо на полу. Все были заняты ѣдой.

Кто чистилъ апельсинъ, кто тянулъ изъ горлышка слабое, кисло-ватое вино. Группа евреевъ вывалила нѣсколько коробокъ съ сардинами въ оловянную чашку, накрошила туда испанскаго луку, намяла ячменнаго хлѣба и съ наслажденіемъ ѣла этотъ винигретъ.

— Кваску бы къ этому хорошо, — сказалъ одинъ изъ нихъ, молодой, истощенный человѣкъ съ испитымъ лицомъ.

— Нѣтъ, ужъ теперь русской мурцовки не увидимъ, — вздохнувъ, проговорилъ другой, высокій, черноволосый и угрюмый.

— Вы изъ какихъ мѣстъ? — спросилъ я, удивленный такимъ «кваснымъ» патріотизмомъ и ихъ чистымъ произношеніемъ.

— Родомъ мы—литваки, — отвѣтилъ молодой, — а жили всегда въ Москвѣ, москвичи.

Я сложилъ свои покупки на полъ и оглядѣлся, ища, куда бы приткнуться.

Невдалекѣ я увидѣлъ Розенкранца. Онъ лежалъ на байковомъ сѣромъ одѣялѣ, разостланномъ на полу, прижавшись къ рѣшеткѣ борта.

Я пробрался къ нему.

— И вы вышли?

— Да. Солнце. Тутъ хорошо.

Онъ одинъ ничего не ѣлъ и, очевидно, ничего не купилъ.

— Послушайте, Розенкранцъ, есть у васъ деньги? — спросилъ я.

— Деньги? — переспросилъ онъ. — Нѣтъ у меня денегъ. Деньги!.. — съ горькой усмѣшкой повторилъ онъ.

— Вы, можетъ быть, съѣли бы чегонибудь? — сказалъ я.

— Я ничего не ѣмъ.

— Фруктовъ?

— Не знаю, не пробовалъ.

Я подаль ему клубники.

Онъ взялъ одну клубнику, съѣлъ и сказалъ:

— Я уже отвыкъ ѣсть.

— Какъ вы можете жить безъ ѣды?

— Морской воздухъ, говорятъ, питателенъ. Я каждый часъ глотаю чайную ложку портвейна, а ѣсть не могу. Противно.

— Вы бы поговорили съ поваромъ?

— А развѣ поваръ—шохетъ? Развѣ у него можетъ быть кошернае мясо? У него все трефъ.

— Такъ можно умереть съ голоду. Намъ еще долго ѣхать.

— Есть Богъ, — тихо отвѣтилъ онъ.

Значить, онъ и въ баракахъ въ Гамбургѣ ничего не ѣлъ, — сообразилъ я, и мнѣ стало страшно за него.

Солнце близилось къ горизонту, море потемнѣло и уже не было прозрачно, на западѣ облака слились въ черную тучу. А мы все стояли.

— Чего мы ждемъ? — думалъ я.

Мнѣ и въ голову не приходило, что мы ждемъ пассажировъ. Маленькій, нарядный пароходикъ подвезъ нѣсколькихъ полицейскихъ съ ихъ начальникомъ-хефе, а затѣмъ подъѣхалъ еще пароходъ побольше и выбросилъ къ намъ на нижнюю палубу полтора-раста человѣкъ, преимущественно мужчинъ, среди которыхъ женщины и дѣти терялись. Все это дюжіе, бандитообразные молодцы. Полиція у каждаго изъ нихъ провѣрила бумаги и, водворивъ эту орду на «Кордова», уѣхала.

Я съ ужасомъ думалъ о томъ, какъ много мѣста займутъ они въ Zwischendeck'ѣ.

«Кордова» начала разводить пары, дрогнула, закачалась и двинулась, испуская могучій прощальный вопль.

На этотъ разъ мы окончательно простились съ Европой.

Восьмое іюня. Предчувствіе не обмануло меня. Испанцы отравляютъ намъ существованіе, и можно ожидать, что потомъ намъ придется отъ нихъ еще хуже.

Эта ночь была ужасна. Полтора-раста человѣкъ новыхъ пассажировъ дали таки себя знать.

Среди ночи я замѣтилъ, что совсѣмъ нечѣмъ дышать. Отверстіе въ трюмъ было закрыто. Я наскоро одѣлся и выбѣжалъ на палубу.

На ней едва можно было ходить, такъ силенъ былъ вѣтеръ. «Кордова» была окутана чернымъ мракомъ. Начиналъ накрапывать дождь. Наверху нечего было и думать оставаться. Я сошелъ внизъ, взобрался на койку и, укутавшись съ головой въ одѣяло, сталъ стараться заснуть. Качка, которая становилась все сильнѣе, укачала меня, и я проснулся только въ девять часовъ съ страшной головной болью.

Испанцы расположились, какъ у себя дома. Средину Zwischen-deck'a заняли своими ящиками и чемоданами, изобразивъ изъ нихъ столы и стулья. Съ ними множество съѣстныхъ припасовъ и значительное количество вина. Вся ихъ компанія держится вмѣстѣ. Почти у каждаго торчитъ за поясомъ кинжалъ или ножъ, и ведутъ они себя чрезвычайно непринужденно и шумно.

Дождь все еще продолжалъ итти, то сильнѣе, то едва моросить. Небо посѣрѣло, а море приняло свинцовый оттѣнокъ. Солнце совсѣмъ спряталось. Вѣтеръ все крѣпчаетъ. Къ полудню больше половины пассажировъ слегло. Легъ и я, признавъ себя наконецъ побѣжденнымъ.

Только къ вечеру дождь пересталъ. Палуба опять наполнилась народомъ. Испанцы затѣяли игру въ карты. Галичане робко сбились въ кучу. Евреи тоже собрались вмѣстѣ въ сторонѣ отъ другихъ.

Я чувствовалъ себя совершенно одинокимъ и заброшеннымъ. Ничего общаго не было у меня съ этими людьми, вмѣстѣ съ которыми судьба забросила меня въ эту отвратительную водяную тюрьму.

Стемиѣло. Настала ночь, а испанцы все играли въ карты, пили вино, кричали, ссорились и бранились. Я не рѣшался итти внизъ и все сидѣлъ на палубѣ. Наконецъ усталость взяла свое, и, скрѣпя сердце, я сошелъ въ трюмъ. По счастью ночь была холодная, сухая и вѣтряная. Трюмъ оставили наполовину открытымъ, было сравнительно свѣжо и не душно. Зато къ ужасу моему я убѣдился, что испанцы привезли намъ съ собою еще враговъ, мелкихъ, но неутомимыхъ. До сихъ поръ я не замѣчалъ присутствія насѣкомыхъ, въ эту ночь я едва могъ заснуть и все ворочался съ боку на бокъ. Господи! Когда же кончится это ужасное путешествіе?

Девятое іюня. Погода становится все хуже.

На палубѣ грязь и слякоть. Качка такая, что даже матросы шатаются во всѣ стороны и чуть не падаютъ. Испанцы пьяны, ругаются, ко всѣмъ пристають и лѣзутъ въ драку. Испитого еврея, съ которымъ я говорилъ въ Виго—его зовутъ Воробейчикъ,—чуть не зарѣзалъ одинъ изъ нихъ.

Меня вся эта компанія давно уже раздражала. Этотъ случай вывелъ меня изъ себя. Я отправился на палубу перваго класса и заглянулъ въ капитанскую каюту. Капитанъ ласково кивнулъ мнѣ головой и подошелъ къ двери.

— Ну, что, какъ поживаете? Вы похудѣли.

Я горячо сталъ жаловаться на испанцевъ.

— Такой ужъ народъ,—сказалъ капитанъ.

— Но позвольте, капитанъ,—возразилъ я,—по правиламъ пьянство строго карается на корабляхъ. Точно также не имѣетъ никто права носить при себѣ оружіе, а у васъ испанцы открыто пьянствуютъ на палубѣ, и у cadaго изъ нихъ за поясомъ ножъ, которымъ онъ, не стѣсняясь, грозитъ при всякомъ случаѣ. Отчего вы не обезоружите ихъ?

Капитанъ улыбнулся.

— Ишь, что выдумали!—сказалъ онъ.—Попробуйте отнять ножъ у одного изъ этихъ молодцовъ, всѣ остальные бросятся на васъ и зарѣжутъ. А лучше всего оставьте ихъ въ покоѣ и не затрогивайте.

— Они сами ко всѣмъ лѣзутъ.

Капитанъ поморщился, махнулъ рукой и спрятался въ каюту.

Хоть бы поскорѣе опять остановка. Говорятъ, послѣ завтра мы подойдемъ къ Мадерѣ.

Земля! Сколько магической прелести, сколько неизъяснимаго очарованія заключается въ этомъ одномъ словѣ для людей, находящихся въ морѣ!

Я считаю часы и думаю только объ одномъ: сойти опять на землю и отдохнуть и отъ качки, и отъ сквернаго воздуха, которымъ дышишь въ цвищендекѣ, и отъ жизни впроголодь. Дѣйствиительно—впроголодь. Поваръ, правда, даетъ мнѣ «капитанскій» супъ

и второе блюдо, но надо видѣть эти порціи, чтобы понять, что насытиться ими—нечего и думать. Единственно, что можно—не умереть съ голоду.

Сегодня я замѣтилъ объ этомъ повару. Онъ пожалъ плечами и очень резонно, очевидно желая хорошенько растолковать мнѣ дѣло, сказалъ:

— Чего жъ вы хотите? Мнѣ выдаютъ провизію по вѣсу и въ обрѣзъ. Сколько нужно ловкости и искусства, чтобы украсть изъ нея ваши порціи. Вѣдь не вы одинъ платите мнѣ деньги, есть еще много охотниковъ, и я всѣмъ даю. Это—штука не легкая! Посади на мое мѣсто математика, и тотъ бы спдоховаль.

Онъ правъ. Но мнѣ отъ этого не легче, тѣмъ болѣе, что и пароходнаго хлѣба я теперь ужъ не могу ѣсть. Надо признаться, что столъ перваго класса тоже далеко не роскошенъ. За завтракомъ вѣчный бифштексъ съ жаренымъ въ салѣ съ перцемъ картофелемъ. За обѣдомъ разные габеръ- и биръ-супы, на второе — тоже бифштексъ или антрекотъ съ единственнымъ гарниромъ — картофелемъ, и на третье обыкновенно пудингъ съ черносливомъ. Иногда поваръ и мнѣ отпускаетъ этого пудинга. Я ѣмъ и припоминаю, что раньше ко всѣмъ подобнымъ нѣмецкимъ кулинарнымъ кунштюкамъ питалъ глубокое презрѣніе. Но голодъ—не тетка.

Десятое іюня. За ночь мы точно перелетѣли подъ другое небо. Послѣ скверно проведенной ночи я на разсвѣтѣ вышелъ на палубу и залюбовался окружающей меня картиной.

Солнце едва поднималось на востокъ. Мелкія, облитыя розовымъ свѣтомъ облачка тѣснились къ нему. Голубое небо было ясно и чисто. Море удивительно спокойно. И на душѣ у меня стало легче. Я уже готовъ былъ примириться со всѣми невзгодами и неприятностями. Но дѣйствительность живо разрушила очарованіе.

Часамъ къ одиннадцати стало страшно жарко и душно. Тутъ только я замѣтилъ одно обстоятельство, котораго, къ моему изумленію, до сихъ поръ не замѣчалъ. На палубѣ у насъ стоятъ за загородкой три быка, шесть барановъ и четыре свиньи. Къ этому прибавился еще курятникъ съ домашней птицей. Послѣдній принадлежитъ испанцамъ, которые захватили съ собою своего повара и въ отношеніи ѣды блаженствуютъ: заказываютъ, что хотятъ, и ѣдятъ по-своему вкусно и сытно.

Такъ вотъ всѣ эти животныя до сихъ поръ служили для насъ только предметомъ развлеченія. Быковъ я нерѣдко кормилъ чернымъ хлѣбомъ и ничего не имѣлъ противъ помѣщенія всей этой домашней твари на палубѣ.

Но сегодня я былъ пораженъ тѣмъ, что, несмотря на открытое со всѣхъ сторонъ пространство, на палубѣ трудно стало дышать. Солнце накалило всѣ металлическія части, на деревѣ краска пузырилась и лопалась. Не было ни малѣйшаго вѣтерка, и отъ

животныхъ распространялся такой скверный и тяжелый запахъ, что только послѣ трюма на палубѣ дышалось свободно, но уже черезъ нѣсколько минутъ начиналъ испытывать отвращеніе.

Испанцы и галичане, повидимому, не замѣчаютъ этого. Они тѣснятся къ закутамъ, сидятъ около нихъ и преспокойно обѣдаютъ или пьютъ кофе и чай, съ сосѣдствѣ свиней и барановъ. Но я не нахожу себѣ мѣста. Единственно, гдѣ полегче, — это на сквозномъ вѣтрѣ, около машины, гдѣ отворены настежь обѣ двери и съ той и съ другой стороны, но зато тутъ съ моря несетъ холодкомъ, а спину обдаетъ паромъ отъ паровика. Ъсть я ничего не могъ и, къ удивленію повара, возвратилъ свою порцію нетронутой.

Температура поднимается все выше и выше. Въ два часа термометръ показывалъ 40 градусовъ въ тѣни. Среди женщинъ и дѣтей много больныхъ. О нихъ никто не заботится. Докторъ нашъ давно прекратилъ свои обходы, а сами больные къ нему не обращаются. Галичанки лежа лежа всю дорогу. Розенкранцъ опять слегъ и не встаетъ. Поляки до того похудѣли, что страшно смотрѣть на нихъ. Неужели я похудѣлъ также? Неужели и у меня такое же голодное, мрачное, изможденное лицо? А вѣдь мы проѣхали едва четверть пути.

Галичане, народъ простой и не взыскательный, и тѣ жалуются на голодъ.

— Хлѣба даютъ вдоволь, — говорятъ они, — а приварка ѣсть нельзя. А одинъ сухой хлѣбъ не идетъ въ душу.

Евреи, изъ тѣхъ, что постарше, не ѣдятъ ничего мясного, и всю ихъ пищу составляетъ вареный картофель, лукъ, хлѣбъ и селедки, одинъ видъ которыхъ приводитъ меня въ ужасъ. Селедки эти сберегаются не въ разсолѣ, а въ сухомъ видѣ, густо пересыпанныя крупной солью. Кусокъ этой селедки рождаетъ неимоверную, мучительную жажду. Но за неимѣніемъ ничего лучшаго евреи истребляютъ ихъ во множествѣ.

Кого особенно жалко — дѣтей. Маленькимъ до пятилѣтняго возраста буквально ѣсть нечего. Матери, которыя кормятъ, жалуются, что у нихъ нѣтъ молока.

На несчастную дѣтвѣру страшно смотрѣть. Личики у нихъ стали блѣдныя, безъ кровинки, животы распухли, видъ у всѣхъ не подѣтски серіозный и унылый. Въ Гамбургѣ обѣщали молоко въ порошокъ для маленькихъ дѣтей, но на пароходѣ не только не даютъ молока, даже не варится никакой специальной пищи для ребятишекъ. Мясо свиное или баранье, — худшія части, — жестко и жирно. Супъ не питателенъ. Остается только картофель да прѣсный, не пропеченный хлѣбъ. И отъ того и отъ другого у нихъ только пухнутъ животы. Матери нажимаютъ дѣтямъ хлѣба въ чашку, смочать его кофеемъ или чаемъ, хорошо, если съ сахаромъ, а чаще безъ него, — вотъ и все, что ѣдятъ дѣти.

Я попробовалъ было сказать объ этомъ нашему эскулапу, но этотъ молодой, глупый нѣмецъ поразилъ меня своей тупостью и равнодушіемъ. Какъ не похожъ онъ на нашихъ русскихъ докторовъ, въ большинствѣ случаевъ видящихъ въ своемъ призваніи святой долгъ и нерѣдко готовыхъ жертвовать собою.

Нѣмецъ даже не понялъ, о чемъ я такъ забочусь, хотя отъ него зависѣло прописать дѣтямъ молоко и вино.

— Гдѣ же больные?—сказалъ онъ мнѣ.—Ни одинъ ребенокъ не лежитъ. Покажите мнѣ больного, я буду лѣчить его, а эти всѣ здоровы.

Я не сталъ болѣе говорить съ этой скотиной.

Поскорѣе прошелъ бы день и ночь. Завтра мы будемъ на Мадейрѣ.

11-е іюня. Вотъ и Мадейра.

Солнце еще не показывалось, когда у насъ въ цвишендекѣ поднялся страшный гвалтъ и шумъ. Молодые испанцы похватили оловянные тазы, въ которые разливаютъ супъ, и, стуча въ нихъ, какъ въ бубны, подняли неистовый крикъ, отъ котораго всѣ повскакали съ коекъ, спрашивая, что случилось.

— Tierra, tierra (земля, земля)!—услышали они въ отвѣтъ.

Мадейра — значитъ лѣсъ, дерево. Когда-то въ былыя времена островъ этотъ почти сплошь былъ покрытъ дремучимъ лѣсомъ. Теперь отъ прежнихъ лѣсовъ остались только жалкіе остатки. Корабли изъ году въ годъ заходятъ на Мадейру и запасаются на ней топливомъ, дровами и углемъ. Горы, какъ щетиной, когда-то покрытыя растительностью, теперь обнажены. Только у подошвы ихъ виднѣется то группа банановъ, то одиноко стоящая, стройная, четко рисующаяся въ небѣ перистыми листьями пальма, то молодая оливковая рощица, то садикъ, усаженный грецкимъ орѣшникомъ, апельсинными и лимонными деревьями.

Небольшіе бѣлые домики издали кажутся грудой огромныхъ камней, разбросанныхъ по горѣ.

Солнце заливаетъ зноемъ городокъ. Море тихо плещется у береговъ, а надъ песчаной, загроможденной лодками отмелью съ крикомъ носятся голубыя чайки и бѣлые морскіе голуби.

Какъ и въ Виго, «Кордову» моментально окружили лодки, нагруженныя апельсинами, лимонами, бутылками съ мѣстнымъ виномъ, грецкими орѣхами и бананами. Мальчишки-водолазы стали показывать свое искусство, бросаясь съ лодокъ внизъ головой. Коекто изъ зрителей поощрялъ ихъ, кидая въ воду мелкую серебряную монету, которую чрезъ мгновеніе водолазъ находилъ и являлся на поверхности, держа ее въ зубахъ.

Мы будемъ стоять у Мадейры восемь часовъ, пока не нагрузимся углемъ и не наберемъ воды. Я не могъ противостоять искушенію и съѣхалъ на берегъ. На этотъ разъ мнѣ навязался въ

спутники Воробейчикъ. И опять чувство несказанной радости овладѣло мною, какъ только я покинулъ «Кордову».

Городъ очень не великъ, населенъ преимущественно испанцами. Кромѣ того, есть французы и англичане. Изобиліе фруктовъ изумительное. Изъ-за золотистыхъ апельсиновъ и лимоновъ не видно листьевъ. Бананы гигантскими гроздьями свѣшиваются на могучихъ вѣткахъ, на которыхъ они сидятъ плотными рядами въ шесть, въ восемь и даже въ десять ярусовъ.

Всѣ заборы, плетни, стѣны домовъ обвиты виноградомъ. Кисти его, еще не спѣлыя въ это время года, такъ велики, что не вѣришь глазамъ. На всемъ лежитъ яркій, праздничный, нарядный колоритъ. Посмотришь ли на женщину—высокую, смуглую, съ черными, какъ ночь, глазами, съ тяжелой черной косой, полощущую бѣлье или управляющуюся съ хозяйствомъ,—все въ ней и вокругъ нея точно блестящая красками картина. Взглянешь ли на ребятишекъ, босыхъ и прикрытыхъ чѣмъ Богъ послалъ,—всѣ весело скалятъ зубы, у всѣхъ сіяющія здоровьемъ и радостью жизни румяныя, смуглыя рожицы. Невольно приходило на мысль: да, это райскій уголокъ! И хорошо живетъ этимъ людямъ подъ этимъ высоко уходящимъ вверхъ дымчато-голубымъ, прекраснымъ небомъ, подъ ягучими и нѣжащими лучами горячаго солнца, въ объятіяхъ свѣтло-зеленой ласковой морской волны, на этомъ лонѣ благодатной и царственно-щедрой природы. Мы зашли въ одинъ домикъ и попросили молока. Хозяйка поставила передъ нами двѣ кружки и сама подала тарелку, верхомъ насыпанную грецкими орѣхами и изюмомъ.

Молоко было густо, какъ сливки, и необыкновенно вкусно, а, можетъ быть, мнѣ оно такимъ показалось послѣ моего вынужденнаго говѣнья. Но изюма такого я раньше никогда не видалъ. Онъ напоминаетъ нашъ синій изюмъ на вѣткахъ, только этотъ гораздо мельче, нѣжно розоваго цвѣта, переходящаго въ голубой, необыкновенно сладкій, насквозь пропитанный сахаромъ.

Уходя, мы предложили испанкѣ пезету (немного менѣ итальянской лиры или французскаго франка). Она поколебалась, но потомъ взяла монету, кивнула головой, сорвала нѣсколько апельсиновъ и лимоновъ и съ любезной улыбкой подала намъ.

Я указалъ ей на цвѣты, блѣдно лиловые, похожіе на нашу мальву. Они густо осыпали широко разросшійся кустъ, опустивъ чашечки внизъ. Она тотчасъ же сорвала пучокъ и надѣлила цвѣтами и меня и Воробейчика.

— Добраго пути!—ласково сказала она намъ на прощанье.

И долго провожала насъ глазами.

По дорогѣ къ пристани мы купили грецкихъ орѣховъ, банановъ и четыре бутылки мадеры. Воробейчикъ увѣрилъ меня, что мадерой стоитъ запастись, что она здѣсь великолѣпна. Вернув-

шись мы застали на палубѣ ту же картину, что и въ первую остановку: люди съ жадностью ѣли и пили, забрасывая палубу апельсинными и лимонными корками, банановой шелухой и орѣховой скорлупой.

Надъ «Кордовой» стояла туча мелкой, угольной пыли.

Нагрузка кончилась. Начинало темнѣть. Легкій туманъ закрутился у береговъ надъ моремъ.

Присутствіе новыхъ лицъ неприятно поразило меня. Когда же я узналъ, что «Кордова» приняла еще пятьдесятъ человѣкъ, мнѣ стало страшно.

Розенкранца не было на палубѣ, и я спустился внизъ, чтобы провѣдать его. Спертый, вонючій воздухъ ошеломилъ меня, едва я очутился внизу. Стиснувъ зубы и стараясь не дышать, я перешелъ межпалубное пространство. Матросы устанавливали новые ряды коекъ. Посреди возились съ вещами вновь прибывшія женщины. На нашей половинѣ никого не было, только Розенкранцъ лежалъ въ своемъ углу. Я подошелъ къ нему.

— Какъ вы, Розенкранцъ?

— Ничего, — проговорилъ онъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

Я предложилъ ему апельсинъ. Онъ взялъ его, повертѣлъ въ рукахъ и положилъ около себя. Я очистилъ апельсинъ и по долькамъ сталъ ему давать его. Онъ не отказывался, но ѣлъ вяло и неохотно. Я спросилъ его, выходилъ ли онъ на палубу, онъ отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Напрасно, — сказалъ я: — тамъ воздухъ гораздо чище, вы бы освѣжились, выпили бы вина, поѣли бы фруктовъ.

— У меня ноги ослабѣли, — сказалъ онъ. — Я сегодня утромъ вставалъ и, представьте, сдѣлаю три шага, а дальше итти не могу, — чувствую, что упаду, — и сажусь на полъ.

— Послушайте-ка, — сказалъ я: — сдѣлайте усиліе, поднимитесь, я васъ доведу, пойдемте на верхъ. Теперь вечеръ, прохладно, посмотрите, какъ вы освѣжитесь.

Онъ приподнялся, спустилъ ноги и позволилъ вести себя на палубу.

Этотъ человѣкъ мнѣ вдругъ показался необыкновенно одинокимъ и жалкимъ. Онъ легъ грудью на бортъ и сталъ смотрѣть на островъ. Лицо его приняло выраженіе грустной и тоскливой думы.

Солнце сѣло. Съ моря поднимался свѣжій вѣтерокъ. Сквозь дымку тумана, какъ сквозь прозрачный газъ, мигали огоньки домиковъ. Розенкранцъ протянулъ по направленію къ нимъ руку и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Вотъ мы сейчасъ двинемся и опять простимся съ землею и съ людьми. Ъхать такъ еще далеко. Я писалъ своимъ, не знаю,

получили ли они письмо. Быть можетъ, ждутъ меня и, сидя вечеромъ за столомъ, говорятъ обо мнѣ и считаютъ дни.

— Развѣ у васъ есть родные въ Аргентинѣ?—спросилъ я.

— Зять, дочь и внуки. Они тамъ въ колоніяхъ. Я не хотѣлъ ѣхать съ ними, но когда они уѣхали, мнѣ стало такъ скучно, хотъ бѣжать. Три года промаялся я, продалъ все, что имѣлъ, бросилъ Россію и вотъ теперь ѣду туда. Въ Россіи у меня никого не оставалось, здоровьемъ я слабъ, и говорили мнѣ, что трудно мнѣ будетъ перенести это путешествіе, но я все-таки рѣшился поѣхать.

Засуетились и забѣгали матросы, подняли трапъ, и берегъ медленно сталъ удаляться отъ насъ. Кругомъ всюду, куда ни кинешь взглядъ, чернѣло, отливая стальнымъ блескомъ, море. Но долго еще вдали привѣтно мерцали, какъ вечернія лампы, огоньки. И странно было смотрѣть на нихъ, и грустно было разставаться съ ними.

Я свелъ Розенкранца внизъ и уложилъ. Палуба быстро опустилась, но мнѣ не хотѣлось укладываться на койку, и я оставался на верху.

Вѣтеръ все крѣпчалъ. Зловѣще начинали поскрипывать снасти.

— Будетъ качка!—сказалъ вахтенный, остановившись рядомъ со мной.

— Вы думаете?—спросилъ я.

— Увѣренъ. Погода, видите, мѣняется, да и мѣста тутъ такія.

— А когда мы будемъ въ Ріо-Жанейро?—спросилъ я.

— Черезъ четырнадцать дней.

— Не можетъ быть! Какъ же говорили черезъ недѣлю?

— Не знаютъ, что говорятъ,—сказалъ вахтенный.—Я вотъ уже который рейсъ дѣлаю, а скорѣе какъ черезъ четырнадцать дней отсюда въ Ріо-Жанейро мы никогда не приходили. А разъ пришли и черезъ восемнадцать.

Цѣлые четырнадцать дней до слѣдующей стоянки! Есть отъ чего упасть духомъ. Море показалось мнѣ отвратительнымъ.

А вѣтеръ все усиливается. Качаетъ такъ сильно, что я едва могу держаться на ногахъ. Уже во второмъ часу усталый, продрогшій я сошелъ въ трюмъ и не помню, какъ заснулъ.

Двѣнадцатое іюня. Одинъ изъ нашихъ быковъ, большой, рыжій, съ грустными глазами и унылымъ видомъ, околѣлъ сегодня ночью. Его выбросили въ море. Чтобы не потерпѣть убытка и отъ остальныхъ, его сосѣда, бѣлаго быка, страшно исхудавшаго такъ, что можно пересчитать всѣ ребра, рѣшено немедленно зарѣзать. Когда его изъ стойла повелъ мясникъ на другую сторону палубы, онъ шелъ, съ трудомъ волоча ноги, и не дойдя упалъ.

Два матроса стали бить его канатами и принудили встать. Онъ съ усиліемъ поднялся, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и упалъ опять. На этотъ разъ его оставили лежать, такъ какъ онъ былъ

у цѣли. Ему обвязали рога веревкой, которую продѣли въ кольцо наверху, тотчасъ же подтянули его къ этому кольцу, отпустили веревку и положили его на спину. Мясникъ перерѣзалъ ему горло ножомъ. Затѣмъ его освѣживали и раздѣлили на части, которыя тутъ же развѣсили, чтобы дать стечь крови.

Это кровавое зрѣлище доставило большое удовольствіе испанцамъ. Послѣдній оставшійся въ живыхъ пѣгій быкъ, точно предчувствуя ожидавшую его печальную участь, или пораженный ужаснымъ концомъ товарища, не переставая ревѣлъ, мотая головой и стуча копытами въ загородку.

Боковая качка смѣнилась килевой. Несмотря на вѣтеръ, воздухъ душенъ и жарокъ. Даже галичане жалуются на духоту.

Сейчасъ я сошелъ въ трюмъ за чайникомъ и кружкой, которые лежали у меня на койкѣ. Когда я вынесъ ихъ на палубу, то оказалось, что и то и другое полно крошечными муравьями. Эта новая египетская казнь привела меня въ отчаяніе. Попрошу у доктора карболки и вымою ею свою койку.

Розенкранца опять кормилъ апельсиномъ. Онъ очень слабъ и внушаетъ серьезное опасеніе. Я говорилъ о немъ доктору, но онъ только пожалъ плечами и авторитетнымъ тономъ заявилъ, что отъ морской болѣзни никто еще не умиралъ.

Отъ нечего дѣлать, я сталъ разсматривать убитаго быка. Онъ поразилъ меня страшной худобой. Жиру почти совсѣмъ нѣтъ, а головной мозгъ такъ высохъ, что сталъ величиною въ небольшой телячій мозгъ.

Не думаю, чтобы мясо такого быка было очень питательно. Лучшія части его пойдутъ первому классу, а остальное посолятъ для третьеклассниковъ и будутъ беречь до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ вся свинина.

Свинина эта, когда варится, издаетъ запахъ, несомнѣнно указывающій на то, что она протухла, но такъ какъ ея оставалось еще цѣлая бочка, то третьеклассники долго еще не увидятъ ничего другого.

Эта бочка, ничѣмъ не прикрытая и наполненная буро-красной кровяной жидкостью, съ плавающими на поверхности кусками бѣлаго жира и розоваго мяса, стоитъ внизу, въ коридорѣ, у двери въ ватерклозетъ. И вчера, и сегодня всѣ безъ исключенія выливали супъ прямо въ море. Но начальству до этого нѣтъ никакого дѣла. Оно каждому отпустило его порцію и считаетъ себя правымъ.

Тринадцатое іюня. Все время насъ терзаетъ непрерывная качка. Я совсѣмъ расклеился. Въ нашемъ помѣщеніи люди набиты, какъ сельди въ боченкѣ. Дышать съ каждымъ днемъ становится труднѣе: мы приближаемся къ экватору.

Въ срединѣ дня томить страшная жара и жажда, отъ которой нѣтъ спасенія. Надъ палубой натянули парусъ. Онъ защищаетъ отъ солнца, но, благодаря ему, на палубѣ еще душнѣе.

Послѣдній быкъ нашъ, пѣгій, околѣлъ вчера къ величайшему огорченію мясника и эконома, которые рискнули оставить его въ живыхъ до утра. Теперь до самаго Рио-Жанейро и начальство, и первый классъ осуждены питаться исключительно бараниной.

Я всѣ эти дни не могъ ѣсть даже капитанскаго супу и съ трудомъ выпивалъ двѣ чашки чая безъ сахару съ лимономъ и развареннымъ черносливомъ, которымъ меня угощаетъ поварь, желая не лишиться своихъ денегъ и по возможности добросовѣстно заработать ихъ.

Третьяго дня я чувствовалъ себя такъ плохо, что, несмотря на все отвращеніе, принужденъ былъ не покидать койки, а чтобы избавиться хотя отчасти отъ отвратительнаго запаха, вѣдრившагося въ цвишендекѣ, я мочилъ чистый носовой платокъ въ винѣ и покрывалъ себѣ имъ лицо. Какъ только платокъ высыхалъ, мнѣ дѣлалось тошно, я долженъ былъ опять мочить его. Нѣсколько плотковъ воды—вотъ все, что было у меня во рту.

Розенкранцъ, который совсѣмъ не встаетъ, время отъ времени обмѣнивается со мною короткими фразами.

Испанцы не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на качку, постоянно пьяны, ѣдятъ страшно много, и если ужъ очень плохо пришлось, валяются прямо на палубѣ, гдѣ и какъ попало.

Сегодня я какъ только проснулся, тотчасъ же, собравъ всѣ силы, выбрался на верхъ и ни разу не сходилъ внизъ, съ ужасомъ думая о томъ, какая ночь ожидаетъ меня въ цвишендекѣ.

У одной изъ галичанокъ заболѣлъ ребенокъ, трехлѣтній мальчикъ, и слегъ. Явился докторъ, пощупалъ, постучалъ, послушалъ, объявилъ, что все пустяки и вздоръ, и прописалъ антипиринъ, а ребенка приказалъ вынести на палубу, на воздухъ.

Отецъ принесъ овчину, разостлалъ ее на кормовой части палубы и положилъ на нее ребенка. Мать улеглась рядомъ, тоже больная. Ребенокъ лежалъ такъ цѣлый день, раскинувъ ручки, тяжело дыша, широко раскрывъ большіе, безсознательно глядящіе глаза. Иногда онъ начиналъ метаться, какъ бы не находя себѣ мѣста. Къ вечеру онъ умеръ. Галичанка подняла плачъ и вой. Къ ней присоединились ея соотечественницы. Лейтенантъ приказалъ убрать ребенка. Пришли два матросы, взяли ребенка и понесли. Его мать, ломая руки, крича и причитая, бросилась за ними. За ней побѣжалъ и отецъ. Имъ велѣли проститься съ сыномъ и понесли его на нижнюю палубу.

Отецъ и мать тщетно упрашивали матросовъ отдать имъ ребенка. Ихъ насильно вернули на палубу третьяго класса. Матросы завернули ребенка въ холстину и бросили въ море.

На меня смерть ребенка произвела тяжелое впечатлѣніе. Мнѣ кажется, онъ умеръ отъ истощенія. Я помню его въ первые дни нашего путешествія. Это былъ худенькій и блѣдный, но живой и

рѣзвый трехлѣтній мальчуганъ, съ смышленнымъ и добрымъ личикомъ.

Всѣ галичане собрались въ кучу: кто утѣшалъ несчастныхъ отца и мать, кто возмущался пароходными порядками. А кончилось это все тѣмъ, что нѣсколько бабъ подрались между собою. За нихъ вступились ихъ мужья, произошла свалка, и мирная бесѣда завершилась общей дракой. Я съ изумленіемъ наблюдалъ ее, никакъ не ожидая ничего подобнаго отъ такихъ смиренныхъ и тихихъ людей. Но ужъ, должно быть, такъ на нихъ подѣйствовало чрезвычайное горе, поразившее ихъ сородичей.

Двое галичанъ такъ сильно подрались, что въ кровь разбили другъ другу лицо. Ихъ стали разнимать матросы. Послали за капитаномъ.

Не совсѣмъ увѣренно и не смѣло подошелъ капитанъ къ галичанамъ и на нѣмецкомъ языкѣ, стараясь говорить какъ можно яснѣе и раздѣльнѣе, произнесъ рѣчь, смыслъ которой былъ слѣдующій:

— Всѣ люди должны жить въ мирѣ, тѣмъ болѣе, когда они подвергаются опасности. А плаваніе по морю представляетъ серьезную опасность. Тѣхъ, кто ведетъ себя хорошо, хранитъ самъ Богъ, а злыхъ онъ наказываетъ. Не слѣдуетъ прогнѣвлять Его вообще, а на пароходѣ въ особенности.

Кажется, капитанъ былъ очень доволенъ своею рѣчью и, совершенно забывъ о томъ, что галичане не понимали ни слова по-нѣмецки, повидимому, былъ увѣренъ, что именно такая простая рѣчь съ указаніемъ на Бога, должна произвести на нихъ наибольшее впечатлѣніе. Финалъ всей этой исторіи долженъ былъ утвердить капитана въ неотразимости его краснорѣчія. Когда онъ въ заключеніе протянулъ впередъ свою бѣлую, пухлую, украшенную обручальнымъ кольцомъ на указательномъ пальцѣ руку, галичане не нашли ничего лучшаго, какъ поцѣловать эту руку, чего капитанъ ужъ никакъ не ожидалъ, и что его даже сконфузило. Но тотчасъ же самодовольная улыбка появилась на его туповатомъ лицѣ, и онъ съ достоинствомъ ретировался.

Мнѣ почему-то стало ужасно совѣстно за галичанъ. Подойдя къ одному изъ драчуновъ, я спросилъ его, зачѣмъ онъ поцѣловалъ руку капитану.

— Да бисъ его знае!—простодушно отвѣтилъ онъ.—Якъ винъ протянувъ руку, та мы и подумали, то значить треба ему цѣловати.

— Ахъ, вы, американцы!—съ досадою подумалъ я.

И этотъ приниженный, жалкій и темный народъ показался мнѣ еще приниженнѣе, жалче и темнѣе.

Забѣжалъ на минутку въ цвишендекъ и чуть не упалъ въ обморокъ. Нечего и думать спать тамъ ночью.

Сегодня я пилъ только красное вино съ водой.

16-ое іюня. Сижу одинъ-одинехонекъ на палубѣ. Часа два тому назадъ попробовалъ еще разъ сойти въ цвишендекъ, взобрался на койку, положилъ на лицо намоченное водой полотенце и сталъ стараться заснуть. Полотенце въ какихъ нибудь пять минутъ совершенно высохло. Температура поднялась выше сорока градусовъ. Стѣнки парохода накалились до того, что къ нимъ нельзя приложить руку, и при этомъ воздухъ невозможный.

А испанцы, галичане и евреи спятъ себѣ.

Я, какъ попало, одѣлся, выбѣжалъ на палубу и чуть не упалъ. Слава Богу, было вѣтрено, и я скоро пришелъ въ себя. Но сердце стучить въ груди, какъ молотокъ, и я все не могу отдышаться. Лечь негдѣ, а я такъ усталъ, что легъ бы прямо на палубу. Но палубу моютъ, и на ней нѣтъ сухого мѣстечка. Мало того, открыты души въ потолокъ, и сверху вездѣ льетъ вода, такъ что единственное мѣсто у кухни, гдѣ подъ крышей не такъ чувствителенъ рѣзкій вѣтеръ, недоступно. Отверстія въ трюмѣ открыты настежь, а то можно было бы лечь хоть на крышкахъ. Но я ужъ помирился съ тѣмъ, что всю ночь продержусь на ногахъ, это въ морѣ-то, гдѣ люди лежатъ, не поднимаясь цѣлые дни.

Два матроса съ голыми ногами, засучивъ штаны, льютъ воду, перетаскивая съ мѣста на мѣсто гигантскую кишку, метутъ швабрами, брызгаютъ водой, шутятъ другъ съ другомъ и хохочутъ.

Поскорѣ бы день! Небо чуть-чуть поблѣднѣло, а ужъ изъ цвишендека начали, какъ тараканы, выползать на палубу люди, принося съ собою промозглый вонючій запахъ.

Я не держался на ногахъ, сѣлъ на кормѣ на лавку и тотчасъ же заснулъ.

Когда я проснулся, былъ уже полдень. Опять томительная жара, отвратительный запахъ изъ кухни, звонъ оловянной посуды, брань испанцевъ, шумъ и крикъ. Тѣло у меня все ноетъ, какъ разбитое. Голова тяжела, точно налита свинцомъ. Руки и ноги болятъ невыносимо.

На минуту забѣжалъ въ цвишендекъ провѣдать Розенкранца. Взглянулъ на него и пришелъ въ ужасъ. Блѣдное, точно не живое лицо его приняло землистый оттѣнокъ, страшно похудѣло и заострилось. Глаза провалились, а въ глубинѣ ихъ сверкаютъ двѣ яркія лихорадочныя точки. Поразили меня еще его руки, до того худыя, что ясно обозначались всѣ косточки. Я спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Хорошо,—едва слышно отвѣтилъ онъ.

— Не хотите ли чего нибудь?

— Ничего.

У меня у самого подкашивались ноги, и кружилась голова. Я послѣшилъ на свѣжій воздухъ. Съ отвращеніемъ выпилъ я чашку чаю, чтобы подкрѣпить себя хоть немного. Отъ ѣды отказался, но, не желая обидѣть повара, далъ ему полмарки.

Онъ сконфузился.

— Вы вѣдь ничего не кушаете,—сказалъ онъ и, кажется, хотѣлъ возвратитъ мнѣ деньги, долго вертѣлъ монету въ рукахъ, наконецъ опустилъ къ себѣ въ карманъ брюкъ, сказавъ:

— Ну, погодите, къ вечеру я вамъ достану такой лакомый кусочекъ, что вы покушаете.

И дѣйствительно вечеромъ онъ подозвалъ меня и сунулъ мнѣ закрытую тарелку.

Въ ней лежало три тонкихъ, какъ бумага, кусочка языка, облитыхъ какимъ-то острымъ соусомъ съ горчицей, и я дѣйствительно съ удовольствіемъ съѣлъ это блюдо, тѣмъ болѣе, что стало уже свѣжо, и качка значительно стихла.

Вносить воздуха цвишендека я не могу. Когда струя этой пронзительной, отвратительной вони доносится на палубу, я чувствую, какъ лицо мое блѣднѣетъ, щеки покрываются мурашками, а лобъ холодѣетъ, и на немъ выступаетъ потъ. Придется весь остальной путь жить на открытой палубѣ, на страшномъ вѣтру. Только бы не простудиться.

17-е іюня. Ночь я опять провелъ на палубѣ и чувствую себя совершенно больнымъ. Единственно, что меня поддерживаетъ—портвейнъ, бутылку котораго я купилъ у фервальтера. Мадеру я всю отдалъ Воробейчику. Она такъ отвратительна, что я не могъ ее пить. Но Воробейчикъ пьетъ съ наслажденіемъ и увѣряетъ, что въ этомъ винѣ есть букетъ, и что я только потому не слышу этого букета, что не знатокъ въ винахъ.

Въ шесть часовъ вечера мы перешли экваторъ. Начальство и первый классъ отпраздновали это событіе шампанскимъ, а поваръ болѣе обыкновеннаго суетился на кухнѣ. Матросамъ дали по чаркѣ водки, и они на нижней палубѣ выкупали юнгу въ соленой водѣ по мореходной традиціи.

Днемъ солнце палило невыносимо, но къ вечеру поднялся рѣзкій, холодный вѣтеръ. Я не рѣшился сойти въ цвишендекъ. Къ полуночи вѣтеръ стихъ, небо засверкало безчисленными звѣздами. Ярко горѣлъ среди нихъ, играя и переливаясь, Южный Крестъ.

Мы были въ другомъ полушаріи.

Я съѣлъ на кормѣ и прижался къ борту. Ночь тихая и теплая была полна неизъяснимой и торжественной красоты. Море было спокойно. Въ его темносинихъ волнахъ нашъ пароходъ прорѣзываетъ пѣнистую дорогу, и иногда то здѣсь, то тамъ оно загоралось голубоватымъ фосфорическимъ блескомъ.

18-е іюня. Погода прелестная. Море необыкновенно тихо. Качки нѣтъ и въ поминѣ. Кажется, только бы любоваться моремъ и небомъ, съ ихъ голубыми, бесконечно разнообразными тонами.

Въ трюмъ я боюсь и заглянуть. И эту ночь, какъ и прошлую, я провелъ на палубѣ.

Розенкранцу стало еще хуже. Я сказалъ о немъ доктору. Тотъ не соблаговолилъ самъ сойти къ больному и послалъ двухъ матросовъ вытащить его на верхъ. Странное лицо его, лицо мертвеца, поразило и доктора. Онъ тотчасъ же распорядился дать ему вина и приказалъ сварить для него бульону. Отъ вина Розенкранцъ не отказался и проглотилъ нѣсколько глотковъ, но супъ потихоньку вылилъ за бортъ.

Несмотря на красоту моря и неба, залитыхъ лучами ослѣпительнаго солнца, ждешь не дождешься ночи: во-первыхъ, спадаетъ жара, а, во-вторыхъ, знаешь, что прошелъ день, еще днемъ меньше.

Испанцы затѣяли новую игру. Время отъ времени то тотъ, то другой молодецъ вытащить изъ кармана фальшивую испанскую монету или итальянскую лиру-бумажку и предлагаетъ разыграть нѣ лотерею. Къ моему удивленію, въ охотникахъ на этотъ выигрышъ никогда не бываетъ недостатка, и счастливцевъ, сдѣлавшійся обладателемъ фальшиваго денежнаго знака, всегда чрезвычайно доволень.

Вообще испанцы чувствуютъ себя на пароходѣ легко: постоянно придумываютъ развлечения, почти все здоровы и вѣчно, собравшись на кормѣ, шумно галдятъ или орутъ пѣсни. Галичане и евреи только посматриваютъ на нихъ да скромно жмутся къ стюардѣ. Испанцы въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ поваромъ, знатъ не хотятъ капитана и, очевидно, склонны смотрѣть на жизнь безпечно и весело. Ночью они крѣпко спятъ, часовъ съ девяти забравшись въ трюмъ, встаютъ постоянно со звономъ, а весь день проводятъ на палубѣ, чувствуя себя отлично.

Морская болѣзнь не чинится и съ ними, но они относятся къ ней съ полнымъ презрѣніемъ. Сейчасъ онъ еще катался на палубѣ, не находя себѣ мѣста и рыча или воя, какъ дикій звѣрь, а смотришь, нѣсколько минутъ спустя, ужъ онъ сидитъ въ кругу товарищей, пьетъ вино, закусываетъ своимъ испанскимъ лукомъ и заѣдаетъ его бананами, опять запиваетъ виномъ, сосетъ лимонъ, свищетъ, плюетъ, бранится, клянется и отчаянно затягивается отвратительной пахитоской. По вечерамъ иногда отъ молодежи отдѣлится пара юныхъ испанцевъ, и они, подъ пѣніе остальнаго общества, а то только подъ шелканье своихъ кастаньетъ, начнутъ танцовать аванеру. А то, какъ сумасшедшіе, примутся бѣгать по палубѣ, толкая всѣхъ встрѣчныхъ и поминутно чиркая другъ у друга подъ носомъ восковыми спичками, коробки которыхъ каждый изъ нихъ обязательно имѣетъ въ карманѣ.

Народъ это все простой, здоровый, сильный и лѣнивый, жившій у себя впроголодь и отъѣдающійся на пароходѣ. Морское путешествіе для нихъ не диковина. Большинство изъ нихъ ѣдетъ кто въ Ріо-Жанейро, а кто въ Аргентину только на заработки. Пробудетъ полгода, годъ, много полтора или два, накопить деньжо-

нокъ, непременно запасется краснымъ или голубымъ фуляромъ, цвѣтнымъ пончо и мягкимъ сомбреро, иногда мандолиной или гитарой, если не чуждъ музыкальнаго таланта, и ѣдетъ опять домой.

Евреи и галичане представляютъ рѣзкій контрастъ съ ними. И тѣ и другіе угнетены, озабочены, недовольны, большинство смотрятъ прямо измученными. На всѣхъ лицахъ тоска, во взглядахъ тревога, въ движеніяхъ, въ походкѣ недоумоганіе.

Часто можно видѣть, какъ галичанка плачетъ, укачивая ребенка. А иная сядетъ гдѣ нибудь въ уголокъ, уткнется въ свою расшитую хустку и вся сотрясается отъ рыданій.

Я подошелъ къ одной такой и спросилъ:

— О чемъ ты такъ плачешь?

Она тотчасъ же съ охотой заговорила. Рѣчь ея горячо и свободно полилась изъ наболѣвшаго сердца.

— Какъ же не плакать? Жила я въ семьѣ хорошо. Отецъ съ матерью меня любили, баловали. Всего у меня было вдоволь—и паневъ, и хустокъ, и ожерелій, а вышла замужъ, и все счастье мое ушло. Пошли дѣти, бѣдность, мужъ бьетъ, а теперь еще надумали въ чужую землю ѣхать. О Господи! мы помремъ тамъ, всѣ помремъ, и не доѣдемъ еще, помремъ.

Я постарался ее, какъ могъ, утѣшить. Она слушала напряженно, стараясь уяснить себѣ каждое мое слово, ничего не возражая, только время отъ времени махая рукою да покачивая головою, а слезы ручьемъ струились по ея смуглому, молодому, красивому лицу и капали на грудь, увѣшанную въ нѣсколько нитокъ разноцвѣтными бусами и бисеромъ, и на бѣлую холщовую сборчатую рубашку.

Бараны наши тоже смотрятъ что-то грустно. Два изъ нихъ перестали ѣсть, и ихъ поскорѣ зарѣзали.

Я бодрюсь, какъ могу, но чувствую, что силы мои уходятъ съ каждымъ днемъ. Ноги такъ похудѣли, что штиблеты, которые я натягивалъ съ трудомъ, теперь я безъ усилія сбрасываю. Пиджакъ мой виситъ на мнѣ, какъ на вѣшалкѣ, и все мое платье сидитъ на мнѣ, какъ съ чужого плеча.

22-е іюня. Всѣ эти дни не могъ даже писать. Девятнадцатаго началась страшная качка, а двадцатаго разразилась такая буря, что «Кордову» нашу бросало, какъ щепку. Много времени спустя, когда волненіе значительно стихло, волны были такъ высоки, что выбрасывали къ намъ на палубу рыбу. Даже испанцы присмирѣли, а я всѣ ночи, несмотря на отвращеніе, проводилъ въ цвишендекѣ. На палубѣ прямо было опасно оставаться. Капитанъ, стоя на мостикѣ, приказываетъ себя привязывать къ мачтѣ. И хорошо дѣлаетъ. Не такъ давно съ большого французскаго судна въ шкваль капитана унесло въ море.

По счастью, вѣтеръ такъ силенъ, что постоянно врывается и въ цвишендекъ, такъ что воздухъ хоть нѣсколько освѣжается. Тем-

пература спала. Правда, все еще жарко, но до сорока градусовъ не доходитъ, какъ было прежде. А сегодня такъ среди дня въ тѣни было тридцать. Для насъ это благодать.

Розенкранцъ совѣтъ ослабѣлъ, еле передвигаетъ ноги. Среди галичанъ господствуетъ уныніе и паника. Вчера ночью я попробовалъ пойти на палубу, чтобъ нѣсколько освѣжиться. Отъ качки все ходило ходуномъ, и я только постоялъ у двери, изо всѣхъ силъ держась за косякъ, чтобы не упасть.

Когда я приглядѣлся къ темнотѣ, меня поразило зрѣлище, представившееся моимъ глазамъ.

На мокрой, залитой волнами палубѣ, на колѣняхъ, близко прижавшись другъ къ другу, стояла группа галичанокъ и усердно и съ жаромъ молилась. Среди черного, бушующаго моря, на этомъ одинокомъ, точно брошенномъ въ пространство, пароходѣ, который казался теперь утлой скорлупой, молитва эта производила необыкновенное, потрясающее впечатлѣніе.

На мгновение я проникся ихъ настроеніемъ. Мнѣ представилось, что мы на краю гибели, и что дѣйствительно все, что намъ осталось,—это молитва.

Правду говоритъ пословица: кто въ морѣ не бывалъ,—Богу не маливался.

Страшный порывъ вѣтра, отъ котораго затрепетали верхушки мачтъ, и съ громаханіемъ и визгомъ задвигалась передаточная цѣпь въ машинѣ, чуть не повалилъ молящихся. Съ ревомъ налетѣла волна, ударилась о корму, хлынула на палубу, потопила ее подъ потокомъ холодной соленой воды и заставила женщинъ подняться и уйти въ трюмъ. Я пошелъ за ними.

Даже матросы начинаютъ побаиваться. Я услышалъ, какъ сегодня они говорили между собою, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что если еще дня два продолжится такая буря, то будетъ плохо, съ фарватера собьемся и того и гляди наскочимъ на скалу или сядемъ на мель.

Капитанъ каждую ночь дежуритъ поочереды съ помощникомъ на мостикѣ. Благодаря сильному вѣтру, мы подвигаемся впередъ очень медленно, такъ что навѣрно опоздаемъ въ Рио-Жанейро.

24-е іюня. Слава Богу, наконецъ мы избавились отъ бури! Опасность миновала, но не качка. Правда, она значительно легче, но, кажется, ей не предвидится конца. Я начинаю приходить къ убѣжденію, что въ этомъ отчасти виновата сама «Кордова». Корпусъ ея коротокъ и широкъ, а, кромѣ того, нагружена она, по словамъ самихъ матросовъ, плохо. И особенно въ Мадерѣ, гдѣ приняли множество корзинъ съ виномъ и плетеныхъ бутылокъ, грузили кое-какъ, потому что торопились. Какъ бы то ни было, всѣ говорятъ, что двадцать седьмого мы войдемъ въ гавань Рио-Жанейро.

Три дня сравнительно съ нѣсколькими недѣлями кажутся очень короткимъ срокомъ. Я чувствую себя плохо, но не сдаюсь. Главное—совсѣмъ потерялъ аппетитъ. Рѣшительно все противно. Воды я опять не могу пить, даже чай пью съ неохотой, заставляя себя, чтобы окончательно не отоцать. А ѣсть совсѣмъ не могу, и даже самые лакомые кусочки, которые оставляетъ мнѣ поваръ, не идутъ въ горло.

Но чѣмъ живъ Розенкранцъ—положительно изумляюсь. Отъ этого человѣка остались только кожа да кости. Онъ такъ слабъ, что ходить самъ почти не въ состояннн. Вино поддерживаетъ его немного. Но иной разъ, глядя на него, мнѣ становится страшно. Онъ производитъ впечатлѣннн призрака.

За послѣднее время онъ сталъ разговорчивѣе, хотя говорить съ трудомъ, тихимъ, прерывающимся голосомъ. Онъ постоянно вспоминаетъ о своихъ родныхъ въ Аргентинѣ, рисуетъ себѣ картины ихъ жизни, мечтаетъ о томъ, какъ онъ прїѣдетъ, поправится и примется помогать имъ. И тогда лицо его оживляется, глаза загораются жизнью, и онъ становится менѣе страшнымъ, но еще болѣе жалкимъ.

Ко мнѣ онъ относится очень хорошо, и только со мной и говоритъ о своихъ родныхъ и о своихъ надеждахъ. Слушая его, я всегда нахожусь во власти тяжелаго, грустнаго чувства. На его лицѣ, мнѣ кажется, я различаю ту темную, таинственную тѣнь, предвѣстницу смерти, которая, говорятъ, ложится на лица безнадежно больныхъ и обреченныхъ.

26-е іюня. Съ утра мы окутаны туманомъ. Сначала надѣялись, что, какъ только взойдетъ солнце, онъ разсѣется. Но туманъ все сгущается. «Кордова» точно закутана въ бѣлую вату такъ плотно, что у самага борта уже ничего не видно. На лицѣ капитана и команды написана тревога. Въ бурю такъ не боялись.

Въ продолженіе двухъ часовъ каждую минуту реветъ труба, чтобы предупредить встрѣчный или сзади идущій пароходъ.

Всѣми овладѣло уныніе, и даже животныя раздѣляютъ общее волненіе. Бараны, не переставая, выражаютъ свое безпокойство протяжнымъ заунывнымъ блеяніемъ, а свиньи сердито хрюкаютъ. Пассажиры передаютъ другъ другу слышанные ими рассказы о несчастіяхъ въ морѣ, происшедшихъ, благодаря туману. Это еще болѣе усиливаетъ тяжелое настроеніе.

Шесть часовъ были мы въ туманѣ. Наконецъ, онъ понемногу сталъ разсѣиваться, потомъ вдругъ, точно раздвинулась какая-то завѣса, и предъ нами ярко запылало огненно-красное солнце, уже спускающееся къ горизонту.

Всѣ съ облегченіемъ вздохнули.

— Слава Богу!—слышалось всюду на разныхъ языкахъ.

Раздался звонокъ къ ужину; я отправился въ кухню за горячей водой.

— Ну, сегодня,—сказалъ поваръ,—вы уже должны покушать. Завтра придемъ въ Рио-Жанейро.

И онъ подальше мнѣ мою тарелку, съ тонкими кусочками жареной баранины и неизбѣжнаго картофеля въ свиномъ салтѣ съ перцемъ. Я попробовалъ, но не сталъ ѣсть, а отдалъ свою порцію одному изъ ребятишекъ, который немедленно съ жадностью и съ наслажденіемъ уничтожилъ ее.

Завтра сойду на берегъ и запасусь силами для остального пути.

28-е іюня. Опять туманъ. Мы почти подошли къ гавани, но не рѣшаемся войти въ нее. Въ этомъ мѣстѣ, говорятъ матросы, туманъ опаснѣе, чѣмъ въ открытомъ морѣ. Въ гавань входитъ множество судовъ, и достаточно малѣйшей неосторожности, чтобы произошло столкновение.

По счастью туманъ продолжался не долго, и въ девять часовъ утра мы вошли въ гавань Рио-Жанейро, но остановились очень далеко отъ береговъ и тотчасъ же дали сигналъ о своемъ прибытіи.

Часа черезъ полтора подошелъ маленькій пароходъ и привезъ санитарную комиссію и таможеннаго досмотрщика. Здѣсь должны были сойти пятьдесятъ испанцевъ. Санитары осмотрѣли ихъ, и они отправились въ городъ на другомъ пароходѣ.

Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда полилъ проливной дождь, и мы тотчасъ же вышли изъ порта, не простоявъ въ немъ и двухъ съ половиной часовъ. Капитанъ объяснилъ это тѣмъ, что въ Рио-Жанейро постоянно свирѣпствуютъ всевозможныя заразныя болѣзни, и что безъ надобности онъ не желаетъ рисковать экипажемъ.

2-е іюля. Стало замѣтно холоднѣе. Галичане повытаскали свои тулупы на черной овчинѣ, а ихъ дѣти и женщины нарядились въ такія же безрукавки. Вчера и третьяго дня почти непрерывно лилъ дождь, отъ котораго всѣ мы спасались подъ крышей у кухни, несмотря на то, что и здѣсь мы были прикрыты только сверху, а съ трехъ сторонъ на насъ брызгали дождь и волны, и обдувалъ вѣтеръ. Всѣ предпочитали лучше тѣсниться здѣсь у кухни, чѣмъ сидѣть въ цвишендекѣ. Удивляюсь, какъ я не простудился за это время. Третьяго дня я порядкомъ струхнулъ. Я почувствовалъ къ вечеру такой упадокъ силъ, что какъ улегся на койку, такъ и не вставалъ до самаго ужина на другой день. Не ѣлъ и не пилъ я ничего. Ночью мнѣ показалось, что у меня горитъ голова, и начинается жаръ и бредъ. Ну, подумалъ я, дѣло плохо, если дѣйствительно повысилась температура, то, пожалуй, мнѣ не миновать голоднаго тифа. И довольно спокойно я представилъ себѣ, какъ умру здѣсь на «Кордовѣ», какъ стащатъ меня съ койки равнодушные матросы, зашьютъ въ парусину и бросятъ въ море.

Но сегодня я ужъ далекъ отъ подобныхъ мыслей, я знаю, что доѣду до Буэносъ-Айреса. Сравнительно съ тѣмъ, что я вынесъ, осталось такъ немного. Въ цвишендекѣ хоть скверно, но, благо-

даря холоднымъ ночамъ, тамъ не такъ душно и не такъ жарко, какъ прежде, на палубѣ же я и днемъ все время дрожу отъ холода.

У меня только одно суконное пальто, но оно очень мало защищаетъ меня. Рѣзкій, холодный вѣтеръ пронизываетъ меня до костей, и, если я посижу два часа на палубѣ, у меня зубъ на зубъ не попадаетъ. И въ цвишендекѣ холодновато, такъ что ночью иногда я просыпаюсь отъ холода. Но съ этимъ можно мириться. Вотъ еврейскіе хорошо, съ ними куча всевозможнаго хлама: подушекъ, перинъ, одѣялъ, большихъ платковъ, коцевеекъ, салоповъ и тому подобныхъ вещей. Все это, большею частью, грязно, заносено, издаетъ неприятный специфическій запахъ. Но какъ все это необходимо и хорошо въ дорогѣ! Еврейки облеклись въ шубы съ выѣденными молью собачьими мѣховыми воротниками, въ салопы съ необъятными рукавами и длинными пелеринами съ хвостами и цѣлые дни стоятъ на палубѣ и тараторятъ на своемъ жаргонѣ.

Поляки, какъ я, ѣжятся въ холодныхъ осеннихъ пальто.

Говорятъ, что чрезъ нѣсколько дней будетъ еще холоднѣе. Но все равно. Пострадать отъ голода и холода какіе нибудь три-четыре дня—сущія пустяки. Я очень обтерпѣлся, и если чужая сторона не собираетъ меня баловать, то я уже прошелъ хорошую школу.

Кто плохъ, такъ это Розенкранцъ, У него тоже есть шуба, тяжелая и длинная, на какомъ-то странномъ, пестромъ и жидкомъ мѣху, который онъ называетъ бурундучкомъ. Но и шуба не согрѣваетъ его. Изнурительная лихорадка въ конецъ обезсилила его. Я каждый вечеръ даю ему антипиринъ и каждое утро хину. Онъ уже не ужасаетъ меня. Онъ такъ долго умираетъ у меня на глазахъ, что я, наконецъ, убѣдился, что онъ очень живучъ, и увѣренъ, что мы доведемъ его до Буэносъ-Айреса, а тамъ онъ поправится. Онъ самъ того же мнѣнія и часто говоритъ мнѣ это.

Въ Рио-Жанейро мы спустили самыхъ буйныхъ изъ испанцевъ. Остались тѣ, что постарше и посмирнѣе, большею частью семейные люди, и у насъ не такъ шумно и меньше пьяныхъ. Да и холода испанцы не любятъ. Они цѣлыми днями валяются по койкамъ, завернувшись въ одѣяла. Иной выйдетъ на палубу, постоитъ, посидитъ, походитъ, скажетъ: бр!.. и опять спрячется внизу.

Вообще у насъ въ трюмѣ стало какъ будто покойнѣе, а, можетъ быть, и привыкли мы всѣ къ путешествію и стали находить не такимъ ужъ дурнымъ то, что прежде намъ казалось такимъ отвратительнымъ.

4-е іюля. Мы въ гавани Монтевидео. Холодина такой, что хоть въ Петербургѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Вѣтеръ со свистомъ носится по палубѣ. Въ капитанской каютѣ термометръ показываетъ четыре градуса ниже нуля. Матросы завернулись въ свои кожухи; капитанъ надѣлъ ужасно смѣшной свѣтлосиній кургузый пиджачекъ,

обшитый у ворота и у рукавовъ желтенькимъ вылѣзшимъ мѣхомъ, а на голову ватный ушпатый картузь. И то и другое дѣлаетъ его еще толще и полнѣе.

Я все время расхаживаю по палубѣ, чтобы согрѣться. Все это плохо помогаетъ. Я начинаю серьезно бояться простудиться. Даже евреи въ своихъ шубахъ мерзнутъ и стучатъ зубами.

Впрочемъ они скоро нашли укромный уголокъ, о которомъ раньше никто и не думалъ. Между машиной и кухней есть спускъ въ коридоръ перваго класса и въ столярную. Вотъ на этой-то площадкѣ, особенно, если затворить дверь, очень тепло, такъ какъ съ одной стороны стѣна совсѣмъ горячая отъ комѣщающейся за ней кухонной плиты, а стѣну напротивъ нагреваетъ машина.

Еврейки живо сообразили, въ чемъ дѣло. Перетащили сюда свои складные стулья, ребятишекъ усадили на полу и на ступенькахъ и уже не двигаются съ мѣста. Я тоже забрался туда и отогрѣлся.

Поварь, огорченный тѣмъ, что я упорно отказываюсь отъ лапши изъ баранины, отъ баранины подъ бѣлымъ соусомъ, отъ баранины съ картофелемъ, отъ баранины съ горошкомъ, исключительно фигурирующей въ настоящее время на столѣ перваго класса, сегодня вечеромъ принесъ мнѣ полную верхомъ тарелку черносливу. Больше половины я роздалъ ребятишкамъ, а остальное съѣлъ самъ съ большимъ наслажденіемъ, запивая горячимъ чаемъ. Розенкранцу я тоже оставилъ съ десятокъ. Онъ съѣлъ три ягоды, но больше не сталъ. Ну, да теперь я за него не боюсь: завтра мы будемъ въ Буэносъ-Айресѣ.

5-е іюля. Ночь была страшно холодная. Я не могъ заснуть и все время дрожалъ мелкой дрожью, наконецъ, принужденъ былъ встать, чтобы согрѣться хоть движеніемъ. Надѣлъ на себя все, что могъ, и все-таки страдаю отъ холода.

Металлическія части обледенѣли. Въ бочкѣ на кормѣ замерзла вода. Термометръ показываетъ восемь градусовъ ниже нуля. Всѣ съ ранняго утра толпятся на верху. Говорятъ, что въ десять часовъ мы войдемъ въ портъ Буэносъ-Айреса.

Особенно волнуются галичанки. Нѣкоторыя уже не разъ принимались плакать отъ радости. Но холодъ очень пугаетъ ихъ. Вообще галичане совершенно не ожидали, что въ Аргентинѣ можетъ быть такъ холодно.

«А намъ говорили,—жалуются они,—что здѣсь зимы не бываетъ. Развѣ это не зима? Мы думали, какъ прїѣдемъ, отправятъ насъ на землю, мы выроемъ себѣ ямы и будемъ жить въ нихъ, пока не построимъ домá. А теперь мы видимъ, что жить такъ, какъ мы думали, нельзя».

Я убѣдилъ Розенкранца выйти на палубу, закуталъ его въ его шубу и съ большимъ трудомъ помогъ ему выбраться. Я уже нѣ-

сколько дней не видѣлъ его при дневномъ свѣтѣ, а все въ смутномъ полумракѣ цвипендека, и теперь, когда, выйдя съ нимъ наверхъ, взглянулъ на него, до того изумился, такъ былъ пораженъ его страшнымъ видомъ, что онъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Развѣ я такъ плохо выгляжу? Ну, ничего, черезъ нѣсколько часовъ я буду на твердой землѣ, и вы меня не узнаете.

Стоять онъ не могъ. Я посадилъ его на скамейку у кухни. Онъ устремилъ жадный, напряженный взглядъ впередъ, точно надѣясь увидеть вдали землю и городъ, и сидѣлъ неподвижно съ выраженіемъ ожиданія и надежды на худомъ, заострившемся лицѣ. Вдругъ онъ обернулся ко мнѣ и заговорилъ несвязно и быстро:

— Ну, вотъ и все!.. И пріѣхали... и наконецъ... все страшное назади. А теперь радость и жизнь... Можетъ быть, они меня и встрѣтятъ... Вѣдь я писалъ имъ. И какъ называется пароходъ... и все. Они тамъ всѣ пароходы знаютъ. Навѣрно встрѣтятъ. Вотъ обрадуются. А я-то, я съ ума сойду.

Онъ поднялся со своего мѣста и быстрыми, невѣрными шагами подошелъ къ борту съ такой стремительностью, что я невольно поспѣшилъ за нимъ. Онъ ухватился за бортъ руками, легъ на него грудью и опять сталъ жадно всматриваться въ даль.

Что-то какъ будто кольнуло меня. Точно въ выраженіи его явилось что-то новое, и его блѣдное лицо, страшно блѣдное, вдругъ стало еще блѣднѣе и точно еще больше вытянулось и заострилось.

Инстинктивно я схватилъ его за руку, судорожно цѣплявшуюся скорчившимися пальцами за бортъ, и въ ту же минуту онъ сталъ опускаться на полъ. Онъ взглянулъ на меня, глаза его, широко раскрывшись, остановились на мнѣ, въ горлѣ захрипѣло, и онъ повалился навзничъ, прежде чѣмъ я успѣлъ поддержать его.

Тотчасъ же вокругъ насъ собралась толпа. Розенкранца подняли, развязали на немъ галстукъ, разстегнули жилетъ, стали мочить ему голову водой. Онъ лежалъ неподвижно. Побѣжали за докторомъ, но докторъ былъ бесполезенъ. Розенкранцъ уже умеръ.

Пока съ нимъ возились,—переносили его на нижнюю палубу, собирали и печатавали его вещи, чтобы въ случаѣ требованія выдать его роднымъ, — съ носу послышался громкій крикъ матроса:

— Erde!

И тотчасъ же этотъ крикъ неистово подхватили испанцы.

— Tierra! tierra!

Вдали, чуть видно, окутанныя, какъ бѣлой кисеей, морознымъ, холоднымъ туманомъ, точно вися въ воздухѣ, рисовались неясныя розоватыя очертанія городскихъ зданій. Вокругъ меня тѣснились поляки, стояло нѣсколько евреевъ и галичанъ. Никто изъ нихъ не кричалъ, не шумѣлъ, не махалъ руками, какъ испанцы. Но лица всѣхъ преобразились и освѣтились, надежда и радость за-

жглись во взорахъ, скорбныя морщины разгладились, лишенія, страданія, горе—все было забыто.

Сердце мое вдругъ больно и сладко зануло, и я почувствовалъ, какъ по лицу моему покатались слезы. Я не отиралъ ихъ. Плакалъ не я одинъ, плакали почти всѣ.

Чувство безграничной радости, страстнаго желанія поскорѣ ступить на эту столь жданную, столь желанную землю властно охватило меня, и не ясныя, но свѣтлыя надежды зародились у меня въ головѣ.

Вода, еще вчера прозрачная и зеленовато-синяя, теперь была мутная и желтая. Такого цвѣта она бываетъ въ рѣкахъ и въ прудахъ съ песчанымъ дномъ, когда ее замутили, а она не успѣла еще устояться.

Небо уже не смотрѣлось въ нее и не отражалось въ ней.

Ясное, чистое, легкое, то нѣжно-голубое, то перламутровое, все пронизанное солнцемъ, оно, казалось, уносилось въ недосыгаемую высоту.

Низко, низко, чертя крыломъ по водѣ, закружились чайки. Два голубя сѣли на мачту. «Кордова» медленно и осторожно стала входить въ портъ.

Вотъ и черныя сваи мола, и лѣсъ мачтъ надъ пароходами и и барками и, точно стая птицъ съ бѣлыми крыльями, суда и лодки подъ парусами, а впереди зданія порта и пестрыя, мелкія строенія окраинъ.

А мы все двигаемся такъ медленно, что, еслибъ не уходящіе назадъ предметы, можно бы подумать, что мы стоимъ на мѣстѣ.

Постепенно, какъ гигантская панорама, разворачивается городъ. Пристань уже вся въ виду съ широкой и безконечно длинной платформой, съ нѣсколькими рядами рельсъ, засыпанныхъ черной каменноугольной пылью, съ раскрытыми настежь сараями для храненія товаровъ, съ суетливой, шумной и пестрой толпой матросовъ, носильщиковъ, разносчиковъ, провожающей и встрѣчающей публикой всевозможныхъ возрастовъ, состояній и національностей, осаживаемой назадъ нѣсколькими господами въ бѣлыхъ чулкахъ и перчаткахъ въ костюмѣ нашего традиціоннаго факельщика—здѣшними блюстителями порядка.

До слуха доносятся свистки локомотива, грохотъ экипажей съ гуломъ и шумомъ большого города и съ отрывками рѣчи на разныхъ языкахъ.

«Кордова» вдвинулась между двумя пароходами и остановилась. Спустили трапъ, и нетерпѣливая толпа хлынула на берегъ. Увлекаемый ею, я и не замѣтилъ, какъ очутился въ таможенѣ, куда полицейскіе направляли всѣхъ вновь прибывшихъ.

Болѣе трехъ часовъ пришлось мнѣ ждать, пока чиновники осмотрѣли мой багажъ, къ счастью для меня заключавшійся только

въ старомъ кожаномъ ручномъ чемоданѣ, набитомъ самыми необходимыми и далеко не роскошными предметами туалета.

Наскоро уложивъ безцеремонно перерытыя вещи, я вышелъ изъ таможни на широкую площадь и остановился въ нерѣшимости.

Радость, охватившая меня въ началѣ при видѣ этого города—конечной цѣли моего нелегкаго и долгаго путешествія, уступила мѣсто другому тяжелому и смутному чувству. Какимъ одинокимъ, оторваннымъ отъ всего родного, милаго, дорогого и привычнаго и жалкимъ показался я себѣ!

Въ грустномъ раздумьѣ прислонился я къ фонарному столбу, не зная, что предпринять.

Какой-то оборванецъ въ парусиновыхъ пиджакѣ и штанахъ, босой и загорѣлый, въ войлочной рыжей шляпѣ на черныхъ, какъ смоль, волосахъ, сталъ приставать ко мнѣ съ предложеніемъ услужь, при чемъ фамиллярно трепалъ меня по плечу, тормозилъ за бортъ пиджака и раза два пытался выдернуть у меня изъ рукъ чемоданъ.

Я не обращалъ сначала на него вниманія, но раздраженный наконецъ его назойливостью такъ оттолкнулъ его, что онъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и больше ужъ меня не беспокоилъ.

Тутъ высыпала изъ таможни толпа евреевъ. Среди нихъ я увидѣлъ Воробейчика. Онъ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ.

— Представьте,—сказалъ онъ:—одного изъ нашихъ ужъ успѣли обокрасть, отняли саквояжъ.

— Какъ такъ?

— Просто какой-то плутъ подбѣжалъ и вырвалъ изъ рукъ. А тамъ у него и бумаги и деньги—все. Говорятъ, надо итти къ комиссару въ полицію. Не пойдете ли вы съ нами?

— Что же я могу для васъ сдѣлать?

— А вы не говорите по-испански?

— Нѣтъ.

— А по-французски?

— По-французски говорю.

— Ну, вотъ видите. А вѣдь мы никто ни на какомъ языкѣ, кромѣ жаргона да русскаго. При томъ же вы человѣкъ образованный. Пожалуйста, пойдете.

— Пойдемте. Только не знаю, что изъ этого выйдетъ.

— Все-таки нельзя же не помочь человѣку. Мы всѣ идемъ.

Остальные еврей, галдя, жестикулируя и тараторя частью на жаргонѣ, частью по-русски, обступили насъ.

Полицейскіе задержали мошенника по указанію потерпѣвшаго, но саквояжа у него уже не было. Это былъ рослый, здоровенный парень, смуглый, румяный, жирный, едва прикрытый самымъ жалкимъ и грязнымъ рубищемъ, какое только можно себѣ представить.

Заложивъ руки въ карманы и посвистывая, онъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ шелъ за полицейскимъ, который всѣхъ насъ повелъ къ комиссару.

Исторія эта не слишкомъ занимала меня, но идти мнѣ было некуда, и я инстинктивно держался около этихъ евреевъ. Все-таки съ ними я былъ не одинъ, можно было говорить по-русски и по-нѣмецки, и наконецъ съ ними я прожилъ на пароходѣ почти цѣлый мѣсяць.

Мы подошли къ одноэтажному, довольно невзрачному дому. Дверь съ улицы отворилась прямо въ просторную, высокую и почти пустую комнату. Отъ кирпичныхъ стѣнъ и пола несло холодомъ...

Худощавый, надменный испанецъ распросилъ сначала насъ чрезъ переводчика француза, потомъ того человѣка, на котораго жаловались евреи.

— Теперь поздно,—объявилъ онъ:—я уйду. Если вы желаете, чтобы дѣло ваше было разслѣдовано, явитесь завтра со свидѣтелями сюда въ девять часовъ. И вы тоже,—обратился онъ къ обвиняемому.

— Развѣ его не задержать?—спросилъ я переводчика.

— Это свободная страна,—надменно отвѣтилъ комиссаръ:—и подвергать людей личному задержанію только потому, что ихъ въ чемъ-то подозреваютъ, здѣсь нельзя.

— Но согласитесь, что если этотъ человѣкъ укралъ, то ему нѣтъ никакого расчета являться къ вамъ завтра. Неужели вы даже не запишете его имени и адреса?

Переводчикъ опять перевелъ мои слова комиссару.

Тотъ выразилъ на лицѣ своемъ самое глубокое изумленіе, не лишенное презрѣнія, и напыщеннымъ тономъ сказалъ:

— Мы можемъ, конечно, записать имя его и адресъ, но кто поручится, что это будетъ его имя и его адресъ? Что же касается васъ, то вы навѣрное придете, хотя, не будь вы иностранцы, вы не стали бы терять времени на дѣло, которое не стоитъ выгѣденнаго яйца.

Евреи мои понурили головы и, недоумѣло разводя руками, вышли изъ полиціи.

Мошенникъ съ довольной и веселой рожей ушелъ еще раньше насъ.

Это маленькое происшествіе показалось мнѣ знаменательнымъ.

— Не очень-то ласково встрѣчаетъ насъ новая родина,—подумалось мнѣ:—кажется, она даже не собирается быть справедливой.

— Куда же вы пойдете, господинъ Горемыкинъ?—обратился ко мнѣ Воробейчикъ.

— Право, не знаю. У меня здѣсь никого нѣтъ.

— Если хотите, пойдете съ нами,—сказалъ онъ.—У насъ тутъ

есть родственникъ, хорошій человекъ, имѣетъ гешефтъ, богатый человекъ. Онъ можетъ дать вамъ столъ и квартиру и возьметъ недорого.

Я согласился.

Еврей вытащилъ изъ грязнаго, кожанаго кошель старый засаленный конвертъ и по складамъ прочелъ по-испански адресъ: Calle Lavalle, 0000 (улица Лавадже).

Съ большимъ трудомъ, показывая этотъ адресъ на каждомъ перекресткѣ городowymъ, по счастью многочисленнымъ, путаясь въ лабиринтъ незнакомыхъ, прямыхъ, узкихъ, раздѣленныхъ на правильные квадраты улицъ, ужъ къ вечеру, когда совсѣмъ стемнѣло, и зажглись огни, добрались мы, не помня себя отъ усталости и еле волоча ноги, до квартиры Янкеля Вульфсона.

IV.

Въ дверь сильно постучали, и неприятный, гортанный голосъ съ рѣзкимъ еврейскимъ акцентомъ крикнулъ:

— Пора вставать!

Я вскочилъ, сѣлъ на постели и сталъ припоминать, что было наканунѣ.

Какъ во снѣ, выплылъ предъ мною огромный нечищенный тульскій самоваръ, сѣрая вся въ пятнахъ, скатерть, неопрятныя русскія трактирныя чашки и чайникъ того же трактирнаго типа, яйцомъ, съ кирпичнаго цвѣта розаномъ и лиловыми васильками.

Припомнилось мнѣ также, что я осушилъ не то пять, не то шесть такихъ чашекъ сладкаго и жидкаго чаю съ молокомъ и сѣлъ чуть ли не цѣлый бѣлый хлѣбъ, необыкновенно вкусный, мягкій внутри, какъ пухъ, съ поджаристой, хрустѣвшей на зубахъ корочкой.

Но кто наливалъ мнѣ чай, кто сидѣлъ со мной за столомъ, каковъ былъ хозяинъ и его домочадцы, что говорили мнѣ, и что отвѣчалъ я,—все это совершенно исчезло изъ моей памяти.

Какимъ чудомъ,—спрашивалъ я себя:—я такъ хорошо помню этотъ самоваръ и эти чашки съ цвѣтами и, хоть убей, не могу себѣ представить ни одной фizioномii? Ужъ не произвелъ ли на меня столь глубокое и неизгладимое впечатлѣнiе самоваръ потому, что за все время моего путешествiя я встрѣчалъ всевозможныя человеческiя лица, но съ самой русской границы не видалъ ни одного самовара?

Мои разсужденiя прервалъ вторичный стукъ въ дверь уже по-сильнѣе, и тотъ же голосъ повторилъ:

— Пора вставать!

— Встаю! — отвѣтилъ я и принялся одѣваться, вдругъ охваченный холодомъ.

Комната была маленькая, шаговъ пять, не больше, квадратная, очень высокая, съ единственной стеклянной дверью, которая служила и окномъ, и безъ малѣйшаго намека на печь или что нибудь подобное. Стекла были затянута тонкой полупрозрачной кисеей, и сквозь нихъ двумя узкими полосками пробивалось солнце и ложилось на истертый коверъ, застилавшій средину каменнаго штучнаго пола.

По одной стѣнкѣ стояла широкая деревянная рѣзная кровать, умывальникъ и кресло-качалка, по другой—диванчикъ и нѣсколько стульевъ вокругъ круглаго небольшого стола. Въ глубинѣ, противъ двери, помѣщался зеркальный шкафъ. Тамъ и сямъ разбросаны были разныя бездѣлушки, пепельницы, спичечницы, фарфоровыя фигурки, вышитыя салфеточки. Вся обстановка была невысокаго качества, дешевая, очевидно давно служившая, но крикливая и съ претензіей на роскошь.

Одѣвшись, я отворилъ дверь и очутился подъ открытымъ небомъ на вымощенной кирпичемъ длинной и узкой сажени въ полторы площадкѣ, заставленной кадками съ цвѣтами и ограниченной съ одной стороны глухой и высокой каменной стѣной, а съ другой цѣлымъ рядомъ дверей, завѣшанныхъ изнутри кисеей. Между ними была и та, откуда я вышелъ. Слева былъ выходъ на улицу, справа въ стѣнѣ виднѣлась калитка. Я прошелъ въ нее и очутился на точно такой же площадкѣ, только поуже и погрязнѣе.

Двери, выходящія на нее, были раскрыты, и изъ нихъ слышались голоса.

Толстая, высокаго роста, жирная еврейка въ ситцевомъ засаленномъ платкѣ и большомъ платкѣ на плечахъ, увидѣвъ меня, запахла платокъ на груди и, сдѣлавъ умилное лицо, сказала:

— Ну, и ждраштуйте. Какъ спали?

— Благодарю васъ, очень хорошо, — отвѣтилъ я, догадываясь, что вижу передъ собой хозяйку.

Изъ-за спины ея тотчасъ же показался худой, невзрачный, маленькій старичишка въ обшмыганномъ халатѣ и въ туфляхъ на босу ногу. Сморщенное лицо его съ длиннымъ крючковатымъ носомъ, съ сѣдой жидкой бородежкой клиномъ и слезящимися мутными глазами подъ красными вылѣзшими вѣками выражало живѣйшее удовольствіе. Широкій, беззубый плотоядный ротъ, едва прикрытый рѣдкими, сѣдыми, клочковатыми усами, раздвинулся въ слащавую улыбку, обнаруживъ два длинныхъ, желтыхъ крѣпкихъ клыка. Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки, поймалъ мою руку и, цѣпко ухватившись за нее, сказалъ:

— Добраго дня. А сладко же вы, должно быть, спали. Ужъ двѣнадцать. Пожалуйте въ комидоръ, чайку попить.

Онъ говорилъ тоже съ акцентомъ, но много лучше жены. Я прошелъ за нимъ въ комнату, которую онъ называлъ комидо-

ромъ, и которая оказалась столовой, и едва вступилъ въ нее, какъ въ глаза мнѣ метнулась сѣрая въ пятнахъ скатерть на большомъ столѣ среди комнаты и нечищенный, огромный самоваръ на погнутомъ кругломъ мѣдномъ подносѣ, и чашки съ цвѣтами,—все, видѣнное мною наканунѣ.

— Кушайте, безъ церемоніи, намъ очень пріятно,—повторяла еврейка, подвигая мнѣ то хлѣбъ, то молоко.

И я ѣлъ съ изумлявшимъ меня самого аппетитомъ. Такой аппетитъ можно наблюдать, кромѣ совершившихъ путешествіе по морю, развѣ только у людей, перенесшихъ тифъ.

— А гдѣ же Воробейчикъ?—спросилъ я.

— Лазарь? Онъ вже давно ушелъ зъ однимъ хорошимъ человекомъ искать себѣ гешефтъ.

— Напрасно вы меня не разбудили и ждали меня съ чаемъ.

— Мы сами только что встали, — сказалъ Вульфсонъ: — мы встаемъ поздно и ложимся тоже очень поздно.

— Да, и ложимся поздно, — подтвердила жена его и со вздохомъ, выражавшимъ покорность долгу, прибавила: — что дѣлать? Такой хандлунгъ. Поздно торгуемъ.

— Да, ужъ такой хандлунгъ,—повторилъ за ней мужъ и прибавилъ: —а дѣвицы еще все спятъ?

— Ну, да, — отвѣтила еврейка: — когда же онѣ встаютъ рано? Имъ только и дѣла: что жрутъ да спятъ.

— Ничего, — сказалъ Вульфсонъ: — пусть ихъ. Хуже будетъ, ежели похудѣютъ.

— Што имъ худѣть, изъ чего?—возразила съ неудовольствіемъ еврейка:—имъ што? Все готовое. Какого имъ еще житью?

— А Бася? Все плачетъ?

— Реветъ. Мученье съ этой дѣвкой. Вчера къ гостямъ не пошла опять. Только другихъ мутить.

— Ничего, погоди, обойдется.

Чѣмъ болѣе я приглядывался къ этой еврейской четѣ и къ окружающей ее обстановкѣ, тѣмъ менѣе она мнѣ нравилась. Я рѣшилъ не оставаться у нихъ больше и въ тотъ же день перебраться въ другое мѣсто.

Я спросилъ, гдѣ русское консульство, и сказалъ, что хочу туда пойти.

— Мойше!—крикнулъ Вульфсонъ.

Вошелъ мальчишка лѣтъ четырнадцати, длинный и тощій, съ бойкимъ плутоватымъ лицомъ, хитрыми, наглыми глазами, тонкими, презрительно сжатыми губами и съ характернымъ еврейскимъ носомъ сливой, въ грязныхъ нанковыхъ штанахъ и сюртукѣ до пятъ, въ рваныхъ калошахъ и въ красномъ колпакѣ на головѣ. Большія, съ костлявыми пальцами, руки его далеко выходили изъ короткихъ рукавовъ и были красны отъ холода, и самъ онъ весь ежился и поводилъ плечами.

Остановившись въ дверяхъ, онъ наморщилъ носъ и, потянувъ имъ воздухъ, сказалъ:

— Что нужно?

— А вотъ сенъоръ хочетъ итти до консульства,—проводи его. Надѣнь черный сюртукъ.

— И шляпа, и халстукъ, и вше, чтобъ прилично,—добавила еврейка.

— Самъ знаю.

— А онъ говоритъ по-испански?—спросилъ я.

— Мойше? — съ гордостью сказалъ отецъ: — Мойше говоритъ, какъ здѣшній. О! Это ловкій паренъ. Нигдѣ не пропадетъ. Четырнадцатъ лѣтъ, а ужъ какъ понимаетъ хандлунгъ. Лучше меня, право, лучше.

— Мойше—хеній!—убѣжденно сказала еврейка.

— Какъ?—переспросилъ я.

— Хеній,—такой удивительный, самый умный человекъ,— съ готовностью пояснила она, и заплывшіе глаза ея блеснули чувствомъ, а обрюзгое, неумное лицо на мгновенье освѣтилось материнскимъ торжествомъ.

Геній скоро вернулся, преображенный до неузнаваемости.

Опрятная черная сюртучная пара, яркій галстукъ во весь пластронъ, лакированные сапоги и сѣрая шляпа котелкомъ составляли его костюмъ. Только красныя цѣпкія руки попрежнему бросались въ глаза и нарушали общее впечатлѣніе щеголеватости и благоприличія.

Мы отправились.

Проходя черезъ первую площадку, или дворъ, я замѣтилъ, что всѣ двери отворены. Сквозь нихъ видны были комнаты, какъ двѣ капли воды, похожія на ту, гдѣ ночевалъ я. Только одна сейчасъ у входа была очень большая, заставленная множествомъ круглыхъ и четырехугольныхъ столиковъ. Человекъ съ блѣднымъ, зашпаннымъ острымъ лицомъ, въ черномъ, порыжѣвшемъ и залоснившемся люстриновомъ пиджакѣ мелъ длинной метлой изъ какихъ-то свѣтлыхъ и тонкихъ, похожихъ на солому, прутьевъ кирпичный полъ.

— Я ухожу, Соломонъ!—кликнуть его Мойше.

— Хорошо, я запру,— не поднимая головы и не бросая дѣла, отвѣтилъ тотъ.

— Это что же у васъ за комната?—спросилъ я у Мойше.

— А рестораціонъ,—самодовольно отвѣтилъ онъ:—у насъ все есть и рестораціонъ, и альмасенъ, все.

— Что это альмасенъ?

— Лавка, торговля.

— Чѣмъ же вы торгуете?

— Всѣмъ. Табакомъ, сахаромъ, чаемъ, дульсе, канъей, всѣмъ.

- Какъ вы назвали послѣдніе два предмета?
 — Дульсе.
 — А еще?
 — Канья.
 — Что это такое?
 — Дульсе—сладости, а канья—это такая водка, а то есть еще хиневра тоже водка, только дешевле. А вы не знали?
 — Разумѣется, не зналъ.
 — Какъ же вы русскій, а не понимаете русскихъ словъ?
 — А вы думаете, что вы это говорите русскія слова?
 — Ну, да. Всѣ русскіе здѣсь говорятъ такъ.
 — Ну, и дуракъ же ты, братецъ, несмотря на твою хитрую рожу,—подумалъ я про себя и сказалъ:
 — Все это очевидно испанскія слова.
 — Ну, да, и испанцы говорятъ такъ,—согласился мой собесѣдникъ и дѣловито прибавилъ:
 — А вы не забыли взять съ собой папелету?
 — Что?
 — Папелету—паспортъ?
 — А! Паспортъ со мной.
 — Ну, вотъ вамъ и наше консульство. А вотъ вѣсы. У васъ есть десять центавовъ?
 — Нѣтъ.
 — Я брошу за васъ. Послѣ сочтемся.
 Я не прочь былъ узнать, каковъ мой вѣсъ, и сталъ на дощечку пневматическаго аппарата.
 — Пятьдесятъ кило, — объявилъ еврей, — то-есть на русскій счетъ три пуда и тридцать фунтовъ.
 — Недурно!—подумалъ я.—Значитъ, я потерялъ во время моего скитанія пудъ вѣсу. Въ Россіи я вѣсилъ около пяти пудовъ.
 Мы вошли въ консульство. Русскимъ консуломъ оказался шведъ, не говорящій по-русски.
 Зато секретарь, еврей изъ царства Польскаго, по-русски говорилъ бойко и рѣчисто на удивленіе.
 Узнавъ, что я русскій и только что прибылъ изъ Петербурга, онъ выразилъ живѣйшее удовольствіе, попросилъ меня сѣсть и объявилъ, что несказанно радъ видѣть соотечественника.
 Мойше, по его совѣту, я отправилъ домой.
 Я вынулъ свой паспортъ.
 — Долженъ ли я предъявить вамъ свои бумаги?
 Онъ улыбнулся.
 — Что значитъ, что вы только что пріѣхали! Вѣдь вы эмигрантъ?
 — Да.
 — Какое же значеніе имѣютъ теперь для васъ ваши бумаги?

Въ паспортѣ вы Сергѣевъ или Ивановъ, я не знаю тамъ, а здѣсь вы, если пожелаете, можете назваться совершенно иначе. Вы въ странѣ полной свободы.

— Образецъ этой свободы я уже видѣлъ,—подумалъ я, но ничего не сказалъ.

— Есть здѣсь русская колонія?

— Конечно, и очень большая.

— Неужели?—обрадовался я,—и все эмигранты?

— По выходнымъ свидѣтельствамъ.

— Сколько же человѣкъ?

— Около десяти тысячъ душъ.

Я былъ пораженъ.

— Неужели въ Буэносъ-Айресѣ такъ много русскихъ?

— Видите, мы считаемъ и тѣхъ, которые въ провинціяхъ. Но и въ Буэносъ-Айресѣ живутъ очень многіе. Существуетъ и русскій клубъ.

Я обрадовался еще больше.

— Пожалуйста, не можете ли вы мнѣ дать уставъ клуба или списокъ членовъ?—сказалъ я.—Кто знаетъ, можетъ быть, мнѣ попадутся и знакомые.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Мой собесѣдникъ тотчасъ же вынулъ изъ письменнаго стола тонкую зеленую брошюрку и подалъ мнѣ.

Я отыскалъ списокъ членовъ и жадно набросился на него. Но что это? Передо мною заперстрѣли имена: Абрамзонъ, Адамсонъ, Адамчикъ, Берка, Бернгуть, Вайцъ, Вайнштейнъ, Гельдманъ, Гольдманъ и такъ далѣе, и такъ далѣе.

— Это,—съ недоумѣніемъ сказалъ я,—все еврейскія фамиліи.

— Ну, да. А вы думали встрѣтить христіанъ русскихъ? Такихъ нѣтъ. То-есть, если хотите, и есть, но ихъ на перечь—трое. Вы будете четвертымъ. Русскими здѣсь въ Аргентинѣ называютъ себя евреи, и когда вамъ аргентинецъ будетъ говорить про русскаго, то, знайте, въ виду онъ будетъ имѣть еврея. Да и понятно. Судите сами: какъ же иначе еврей будетъ называть себя? А настоящихъ русскихъ-христіанъ здѣсь нѣтъ. Зачѣмъ они придутъ сюда? Имъ хорошо у себя въ Россіи. И повѣрьте,—взволнованно заключилъ онъ,—не будь евреямъ такъ плохо въ Россіи, и они не пошли бы въ эту проклятую страну.

— Развѣ здѣсь такъ плохо жить?—спросилъ я.

— Поживете,—увидите.

— А не можете ли вы мнѣ сообщить адресъ хоть когонибудь изъ русскихъ, про которыхъ вы мнѣ говорили?

— Адреса сообщить не могу, а фамиліи ихъ вамъ скажу, и навѣрно среди евреевъ найдутся люди, которые укажутъ вамъ, гдѣ они живутъ. Вотъ ихъ имена: Иванъ Павловичъ Петровъ,

Дмитрій Николаевичъ Гвоздиковъ и Андрей Семеновичъ Лѣвшя. Къ русскимъ же причисляетъ себя и господинъ Кношъ, хотя фамилія у него, какъ видите, не русская. Что онъ не еврей,—я знаю. Можетъ быть, и русскій. Всякія бываютъ фамиліи. Имени и отчества его не знаю, хотя много слышалъ о немъ. Господинъ интересный, такъ что о немъ даже много анекдотовъ ходитъ. Узнать всѣхъ этихъ господъ вы легче всего можете въ клубѣ. Зайдите туда вечеромъ и спросите секретаря, господина Шмультсона. Онъ очень будетъ радъ видѣть соотечественника. Съ Петровымъ онъ, кажется, лично знакомъ и въ хорошихъ отношеніяхъ.

Я поблагодарилъ.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ я,—меня все-таки беспокоитъ мой паспортъ. Выходитъ, что онъ мнѣ вовсе не нуженъ?

— Разумѣется, не нуженъ. Разорвите его или просто бросьте.

— Ну, а если я, напримѣръ, захочу жениться, говоря только для примѣра?

— Женитесь, пожалуйста. Никто вамъ не помѣшаетъ, никто у васъ ничего не спроситъ. Единственный случай, когда вамъ консульство можетъ оказать услугу,—это во время революціи или войны. Тогда каждый аргентинецъ обязанъ становиться подъ ружье. Вамъ, конечно, нѣтъ охоты сражаться за чужую вамъ страну, тогда вы зайдете въ консульство, и мы выдадимъ вамъ папелету, что вы русскій подданный. Позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Александръ Петровичъ Горемыкинъ.

— Я Моисей Моисеевичъ Рубль. Если вамъ чтонибудь понадобится, пожалуйста, заходите. Очень буду радъ услужить соотечественнику.

Мы разстались.

Я рѣшилъ, во что бы то ни стало, разыскать настоящихъ русскихъ людей.

Но до вечера было далеко, и я отправился осматривать городъ. Часа три безцѣльно бродилъ я по прямымъ, какъ стрѣла, то чрезмѣрно узкимъ, то широкимъ улицамъ, вымощеннымъ мелкимъ плитнякомъ съ узкими низенькими, вершка на два выше мостовой тротуарами, съ рядами тѣсно стоящихъ, невысокихъ, большею частью одноэтажныхъ домовъ.

Городъ производилъ впечатлѣніе большого европейскаго центра. Сильное и шумное движеніе. Безчисленныя конки, масса полицейскихъ, извозчичьи экипажи всѣ парные и приличнаго вида стоятъ на опредѣленныхъ мѣстахъ и не лѣзутъ, какъ у насъ, съ предложеніемъ услугъ, мальчишки-чистильщики перебѣгаютъ улицу или усердно полируютъ сапоги изящныхъ джентльменовъ въ цилиндрахъ, въ перчаткахъ и съ неизбѣжной тростью. Несмотря на холодъ, всѣ легко одѣты, какъ у насъ въ хорошій осенній день, и

только дамы,—кстати сказать, въ бросающихся въ глаза пестротой туалетахъ,—напоминають мѣховыми отдѣлками и боа о зимѣ.

Я вышелъ на площадь, украшенную скверомъ, и, выбравъ скамеечку, усталый, опустился на нее. Мальчишка-газетчикъ остановился передо мной. Я взялъ у него газету «La prensa» и за неимѣніемъ мѣстной монеты подалъ ему 20 пфениговъ.

Онъ внимательно разглядѣлъ ихъ и, повидимому, остался доволенъ.

Это напомнило мнѣ, что я еще не размѣнялъ денегъ, и я сказалъ себѣ, что, отдохнувъ, примусь искать контору или мѣняльную лавку.

Пока я сталъ просматривать купленную газету.

Съ пріятнымъ удивленіемъ я скоро убѣдился, что испанскій языкъ для владѣющаго французскимъ и латинскимъ не представляетъ трудности. Первый столбецъ я еще преодолѣвалъ, но второй прочелъ относительно легко и понимая каждое слово.

Пользуясь газетой, какъ словаремъ, я составилъ себѣ по ней нѣсколько самыхъ необходимыхъ фразъ и съ этимъ запасомъ отправился на поиски мѣняльной лавки.

Мнѣ очень скоро указали контору, гдѣ я размѣнялъ свои тысячу пятьсотъ марокъ.

Куча разноцвѣтныхъ мелкихъ бумажонокъ, похожихъ на пестрыя тряпки, которую подалъ мнѣ кассиръ, показалась мнѣ далеко не соответствующей моимъ деньгамъ, тѣмъ болѣе, что между нѣмецкой маркой и песо [наши семьдесятъ пять копеекъ (аргентинская денежная единица)] разница не такъ ужъ велика.

Тщательно сталъ я перебирать и разсматривать бумажонки и наконецъ понялъ, отчего ихъ такъ много. Не только песо, но пятьдесятъ центавовъ (песо имѣетъ сто центавовъ), двадцать, десять и и даже пять (на наши деньги три копейки)—въ Аргентинѣ обращаются въ бумажныхъ знакахъ, хотя есть и мелкая металлическая, аллюминіевая монета.

Набивъ туго мой бумажникъ и запрятавъ его поглубже во внутренній карманъ, я снова вышелъ на улицу. Отъ площади тянулся широкій, залитый асфальтомъ проспектъ съ высокими электрическими фонарями по-среди нѣ съ массой многоэтажныхъ красивыхъ зданій, сверкающихъ золотыми буквами вывѣсокъ. По срединѣ неслись щегольскія ландо и кареты, а по тротуарамъ двигалась густая, пестрая толпа.

Я подошелъ къ одному изъ полицейскихъ и спросилъ, какая это улица.

Онъ тотчасъ же съ готовностью отвѣтилъ, что это лучшая улица города и называется Avenida de Mayo.

Обрадовавшись, что этотъ человѣкъ понялъ меня, я кстати ужъ освѣдомился у него, гдѣ есть поблизости ресторанъ, гдѣ бы можно было пообѣдать или закусить.

- Сеньоръ богатъ?
 — Нѣтъ.
 — Сеньоръ—французъ?
 — Нѣтъ.
 — Allemano? (нѣмецъ).
 — Нѣтъ. Но, предположимъ, я—французъ.
 — Если бы сеньоръ былъ французъ, онъ могъ бы пойти въ французскую кухмистерскую. Она вотъ здѣсь сейчасъ за угломъ.
 — Хорошо. Гдѣ же она?
 — А вотъ на этой улицѣ, по лѣвой сторонѣ, вы увидите вывѣску:

Fiambreigia francesa.

Черезъ двѣ минуты я уже сидѣлъ въ длинной, узкой комнатѣ съ стеклянной дверью на улицу и съ другой такой же дверью напротивъ, настежь растворенной на дворъ, за маленькимъ, покрытымъ грязной салфеткой столомъ. Хозяйка, полная, не дурная собой, лѣтъ тридцати женщина дѣйствительно оказалась французенкой съ юга. Ресторанчикъ былъ почти пустъ.

— Ah, monsieur, — сказала она мнѣ:—вы чуть не опоздали. Уже полчаса третьяго. А обѣды только до трехъ. Въ Буэносъ-Айресѣ послѣ трехъ вы нигдѣ не найдете обѣда.

Малый въ пиджакѣ и бѣломъ фартукѣ поставилъ передо мной бутылку краснаго вина, стаканъ, соль, перецъ, горчицу и стаканчикъ съ зубочистками—деревянными лучинками. Кромѣ того, онъ принесъ бѣлый хлѣбъ въ родѣ нашего французскаго трехкопечнаго.

Первое, что мнѣ подали, была тарелка жирнаго, но довольно безвкуснаго супа съ морковью и капустой.

Затѣмъ на маленькой тарелочкѣ дали кусокъ мяса изъ супа съ этой же морковью и капустой и съ мучнистымъ и приторнымъ, какъ каштаны, картофелемъ.

За этой тарелкой послѣдовала другая съ тонкимъ и необыкновенно жесткимъ кускомъ жареной говядины, облитой оливковымъ масломъ съ стручковымъ перцемъ въ уксусѣ вмѣсто салата.

Это блюдо смѣнилось другимъ кускомъ мяса, на этотъ разъ обильно залитымъ отвратительнымъ на нашъ вкусъ краснымъ густымъ соусомъ съ невозможнымъ количествомъ перцу, луку и опять оливкового масла.

Въ заключеніе я получилъ на десертъ кусочекъ мягкаго сыра довольно низкаго качества и тонкую пластинку какой-то приторной темной пастилы.

За все это вмѣстѣ съ виномъ я заплатилъ всего пятьдесятъ центавовъ, т. е. нѣсколько больше 35 копеекъ. Но не скажу, чтобы я чувствовалъ себя очень сытымъ. Зато въ груди у меня былъ цѣлый адъ, ротъ, языкъ и горло такъ и горѣли, и несмотря на выпитое вино, я чувствовалъ палящую жажду.

Я зашелъ въ первую попавшуюся кондитерскую и съ жадностью выпилъ два стакана воды со льдомъ и съ сиропомъ.

Хозяинъ итальянецъ говорилъ по-французски.

Услыхавъ, что я русскій и никого и ничего не знаю въ Буэносъ-Айресѣ, онъ сказалъ:

— Отчего же вы не пойдете къ своему священнику? Вѣдь здѣсь есть ваша церковь.

— Можетъ быть, еврейская синагога?—переспросилъ я, недоумѣвая, для кого можетъ существовать православная церковь въ Аргентинѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ живостью возразилъ итальянецъ:—я вижу, вы не еврей,—русская церковь. Вы знаете, гдѣ Дефенса?

— Что это такое?

— Дефенса—улица.

— Я здѣсь улицъ совсѣмъ не знаю.

— Ну, такъ возьмите конку вотъ здѣсь съ угла на Буэнь-Орденъ,—это тоже улица,—и скажите кондуктору, что вамъ нужно сойти на Дефенса. Номера квартиры я не помню, но вамъ тамъ покажутъ.

— Да вѣдь это церковь, вы говорите.

— Да, но она помѣщается просто въ домѣ, въ квартирѣ священника.

— А номеръ дома?

— На домахъ стоятъ прямо номера квартиръ, у насъ перенумерованы не дома, а квартиры.

— А! такъ вотъ чѣмъ объясняется многозначность вашихъ номеровъ.

Я сѣлъ въ указанную мнѣ конку, и черезъ четверть часа кондукторъ предложилъ мнѣ выйти на большой, широкой, идущей подъ гору улицѣ.

— Поверните сейчасъ налѣво. Параллельная этой улицѣ будетъ Дефенса.

Я дошелъ до перекрестка и очутился у входа въ садъ. Желѣзные ворота, охраняемые полицейскимъ, были отперты.

Тотчасъ у входа налѣво устроена была карусель съ лошадами. Въ саду никого не было. Только у теплицы старый садовникъ съ помощникомъ подрѣзалъ сухіе сучья у кустовъ розъ.

На тщательно выметенныхъ дорожкахъ и аллеяхъ, несмотря на зимнее время, не было ни одного листочка; высокія, стройныя пальмы стояли увѣнчанныя вѣрообразными огромными листьями, темно-зеленыя магноліи пышно кудрявились подлѣ нихъ, гигантскія тропическія ели, поникая длинными хвоеми, опускали до самой земли гибкія, тонкія вѣтви, усыпанныя мелкими, пустыми внутри, круглыми съ ажурной рѣзбой на верхней части, шишечками и казались совсѣмъ черными, угрюмо и рѣзко выдѣляясь своими

грузными, тяжелыми стволами и косматыми вершинами-шапками на яркой зелени подстриженныхъ газоновъ и на фонѣ яснаго, чистаго, блѣдно-голубого неба, точно суровые припелъцы холоднаго сѣвера, невзначай изъ страны снѣговъ и льдовъ попавшіе въ страну вѣчной зелени и весны.

Зато цвѣтовъ не было. Ихъ отсутствіе особенно замѣтно бросалось на кустахъ розъ по краямъ дорожекъ. Бѣлыя мраморныя статуи тамъ и сямъ стыдливо прятались за густой листвою, тихо журчали фонтаны, наполняя душу грустнымъ очарованіемъ и заставляя забывать немолчный гулъ и грохотъ, доносившійся снизу.

Съ чувствомъ сожалѣнія покинулъ я садъ,—мнѣ не хотѣлось уходить,—но надо же было разыскать нашу церковь.

Одинъ изъ полицейскихъ сказалъ мнѣ номеръ квартиры. Я увидѣлъ обыкновенный двухъ-этажный домъ. Въ дверь, раскрытую на улицу, видна была другая чугунная, сквозная.

На стукъ показался человѣкъ, отперъ вторую дверь ключемъ и впустилъ меня на площадку.

Въ его фигурѣ сухощавой и неловкой, сутуловатой и узкоплечей, облеченной въ дурно-сшитый, мѣстами морщившій, а мѣстами висѣвшій мѣшкомъ черный старомодный длиннополый ниже колѣнъ сюртукъ съ повязаннымъ по стоячему воротнику узенькимъ чернымъ галстукомъ-ленточкой, мнѣ съ перваго взгляда мелькнуло что-то знакомое, даже родное.

Когда же я взглянулъ на его лицо землисто-сѣраго оттѣнка съ носомъ пуговицей, краснѣвшимъ, какъ спѣлая малина, съ космами русыхъ прямыхъ волосъ, падающихъ на низкій съ глубокими поперечными морщинами лобъ, съ круглой, русой бородкой и жидкими усами надъ блѣдно-розовыми губами, изъ которыхъ верхняя была слишкомъ тонка, а нижняя слишкомъ толста, съ бѣлобрысыми бровями и рѣсницами надъ голубовато сѣрыми добрыми недоумѣвающими глазами, я сразу призналъ въ немъ русскаго, и не просто русскаго, а русскаго семинариста.

— Можно видѣть батюшку?—спросилъ я.

Глаза его приняли еще болѣе недоумѣвающее, почти испуганное выраженіе.

— Батюшку?—переспросилъ онъ глухимъ, низкимъ голосомъ и откашлялся въ руку.

— Да, батюшку.

— Да его нѣтъ.

— Когда же онъ бываетъ?

— Да его совсѣмъ нѣтъ.

Пришла моя очередь изумиться.

— Какъ совсѣмъ нѣтъ?

— Такъ-таки и нѣту. Уѣхалъ.

— Куда?

- Въ Петербургъ.
- А кто же при церкви?
- Да вотъ я.
- А какъ же церковныя службы?
- Службъ нѣтъ.
- А требы?
- Какія?
- Ну, крестины, вѣнчанье, мало ли какія?
- Да кого тутъ крестить-то или вѣнчать?
- Можно видѣть церковь?

— Можно. Да что смотрѣть-то? Комната какъ комната. И ничего тамъ теперь нѣтъ, все убрано. Да и заперта она. Ключъ-то, положимъ, у меня, да забельшился куда-то. Со вчерашняго дня найти не могу. А вы не еврей?

- Нѣтъ, православный.
- Что-жъ служить сюда пріѣхали, или, можетъ, ученый?
- Нѣтъ, не служить, надумалъ поселиться здѣсь.
- Гм!.. Вы изъ какихъ же будете?
- Я дворянинъ, кончилъ университетъ по естественному факультету.

— Значитъ, такъ и есть ученый. Что же, это ничего. Показалъ бы я вамъ церковь-то,—отчего же не показать?—только говорю вамъ, не стоитъ. Да и ключъ-то... Вотъ пріѣдетъ батюшка,—тогда приходите.

- А когда батюшка вернется?
- А кто его знаетъ? Отпускъ на шесть мѣсяцевъ, а, чай, пройдутъ и всѣ девять.
- Ну, прощайте.
- Прощайте. Батюшка пріѣдетъ—тогда приходите. Батюшка у насъ лицо знаменитое, большимъ почетомъ пользуется, да и нельзя, русскій священникъ.

Начинало темнѣть. Я заглянулъ въ данный мнѣ въ консульствѣ уставъ русскаго, вѣрнѣе еврейскаго клуба въ Буэносъ-Айресѣ, и отправился его разыскивать.

На улицахъ вспыхнулъ газъ, магазины освѣтились, тамъ и сямъ зажглись электрическіе шары.

Движеніе стало еще сильнѣе, на тротуарахъ была толкотня, улицы становились все уже, и по нимъ быстро мчались экипажи, ныряя между сновавшими по всѣмъ направленіямъ конками, съ неустанно трубящими кучерами.

Мнѣ стоило большого труда каждый разъ, какъ я хотѣлъ справиться у полицейскаго, куда итти, подойти къ нему и добиться отвѣта.

Наконецъ толпа вынесла меня на широкую, безконечно длинную, залитую электричествомъ улицу. Я узналъ Avenida de Mayo

На ней было свѣтло, какъ днемъ. Толпа была еще гуще, экипажи неслись еще быстрѣе, но чѣмъ дальше, тѣмъ меньше было зданій, и наконецъ потянулись длинные, высокіе заборы, сверху до низу покрытые чудовищными афишами.

Часамъ къ семи я добрался до клуба. Мнѣ тотчасъ же указали тамъ Шмульсона, плотнаго, жизнерадостнаго, упитаннаго еврея, который принялъ меня необыкновенно любезно.

— Вотъ отлично, что вы навѣдались,—сказалъ онъ,—господинъ Петровъ здѣсь былъ у меня надняхъ. Прекраснѣйшій человѣкъ. Я увѣренъ, что вы съ нимъ сойдетесь.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Въ настоящее время, кажется, ничѣмъ. Но человѣкъ богатый идеями. Да вотъ вы его увидите. Сегодня онъ хотѣлъ вечеромъ зайти ко мнѣ. Было бы очень пріятно видѣть и васъ у себя. Пожалуйста, не церемоньтесь. Не забывайте, что мы на чужбинѣ. Не повѣрите, какъ обрадуешься русскому человѣку, когда проживешь здѣсь нѣсколько лѣтъ.

Я поблагодарилъ.

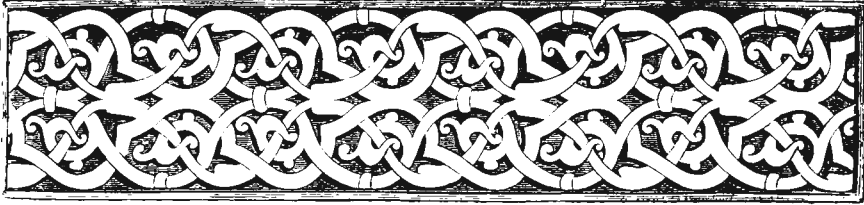
— Да чего лучше?—продолжалъ Шмульсонъ:—пойдемте-ка со мною. Вы еще не знаете хорошо улицъ, а теперь скоро восемь, и я иду домой. Я вотъ только приберу бумаги, и отправимся.

Я согласился.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

III.

Мои первые педагоги: соловцовскій понамарь и казанскій семинаристъ.—Пансіонъ Вишневскаго.—С. И. Знаменскій.—Отець покупаетъ домъ въ Казани, на Поповой горѣ.—Губернёръ французъ m-r de Corval.—Наши дѣтскія игры и забавы и дядька Федоръ Ивановичъ.—Наша «дворня».—Портной Иванъ и горничная Поливья.—Уроки танцевъ.—Annette Дитель.

НѢ МИНУЛО семь лѣтъ, 3 іюля 1823 г., что пришлось во время пребыванія нашего въ деревнѣ. На другой день утромъ пригласили священника, отслужили молебенъ для испрошенія Божьяго благословенія на начало ученья. Во время службы я, стоя на колѣняхъ, горячо молился. Всѣ обратили на меня вниманіе, тѣмъ болѣе, что я дѣйствовалъ не по наущенію другихъ, но по собственному побужденію, какъ бы сознавая самъ всю торжественность, всю важность предстоящей минуты для моей жизни.

По уходѣ священника, изъ двухъ причетниковъ, сопровождавшихъ его, отдѣлился одинъ,—понамарь,—мой педагогъ. Забылъ, какъ его звали, о чемъ очень сожалѣю, какъ о невозвратимой потерѣ въ томъ смыслѣ, что не могу имя его увѣковѣчить на весь учащійся міръ. Педагогъ мой былъ кривъ на одинъ глазъ, отчего другой блестялъ какъ-то особенно живо; имѣлъ жиденькую бородку козла, на котораго онъ и походилъ своимъ незвучнымъ голосомъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 40.

когда пѣлъ на клиросѣ церкви; мышинный хвостикъ за спиной, вмѣсто косы; большіе козловые сапоги, сильно смазанные дегтемъ и подкованные гвоздями. Запахъ дегтя уничтожалъ запахъ, издаваемый его потомъ. Всѣ эти подробности я подмѣтилъ съ перваго же раза, по свойственному всѣмъ дѣтямъ любопытству, съ которымъ они осматриваютъ всякое новое лицо, къ нимъ приближающееся.

Первый приступъ къ моему ученью заключался въ томъ, что мнѣ сдѣлали «указку». То была деревянная палочка толщиною въ гусиное перо, длиной вершка два съ половиной. Указка завершалась головкой въ видѣ четырехъ-угольной дощечки съ полукруглой выемкой въ верхнемъ ея концѣ. Такую штуку я долженъ былъ держать въ правой рукѣ, вывернувъ ладонь, между пальцами: указательнымъ и среднимъ, а большимъ придерживать, вложивъ его въ устроенную для того выемку, и водить указкой по той буквѣ въ книгѣ, которую изучалъ.

По понятіямъ моего учителя вся суть, вся глубина пониманія и знанія заключалась именно въ такой указкѣ; безъ нея какое ученье не могло итти въ прокъ. Словомъ указка служила видимымъ проводникомъ между начертаніемъ буквъ въ книгѣ и моими мозгами или умственными способностями.

Методъ обученія состоялъ въ томъ, что, водя указкой по буквамъ, я заучивалъ: азъ, буки, вѣди и т. д. Пока я училъ азбуку, такое названіе буквъ еще кое-какъ шло; но когда я достигъ складовъ,—дѣло ученія совершенно испортилось. Меня поразило странное сочетаніе буквъ; я думалъ: отчего, напримѣръ, буки-азъ дѣлали ба, или: покой-рцы-азъ-ра — пра? За объясненіемъ такой номенклатуры или китайскихъ словъ, при произношеніи щекотавшихъ языкъ, я, конечно, обращался къ своему педагогу; но онъ понималъ столько же, сколько и я, и только умѣлъ отвѣчать: «А вы, сударь, извольте учиться, не то—папенькѣ скажу!»

Не правда ли: какой удовлетворительный отвѣтъ на пытливый вопросъ мальчика?

Мой умишка требовалъ себѣ пищи, а тутъ предлагаютъ «пожаловаться», разумѣется, въ томъ предположеніи, что послѣдуетъ мнѣ «нагонка» отъ отца. Такой своеобразный способъ развивать умственныя способности въ мальчикѣ, конечно, могъ принести только «обратную» пользу; т. е. убить въ зародышѣ всякую любознательность.

Несмотря на всю безтолковость преподаванія, мои успѣхи въ ученіи открыли однакожъ, что природа надѣлила меня самыми счастливыми способностями. Къ счастью, отъ прозорливаго вниманія матери не скрылись: ни начало моего умственнаго развитія, ни скудность ученія, и въ первый разъ какъ пріѣхалъ въ деревню отецъ, она сообщила ему свои замѣчанія. Порѣшили съ переѣздомъ въ городъ пріискать для меня и старшаго брата, оставшагося

тогда на лѣто у нашей бабки,—учителя способнаго, который бы серьезно занялся нашимъ обученіемъ, а до того времени довольствоваться механическимъ способомъ преподаванія нашего доморощеннаго кривого педагога.

По прїѣздѣ въ городъ, скоро нашли намъ учителя изъ семинаристовъ. Онъ оказался съ большими способностями для исполненія своей обязанности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ горячайшій пьяница. Несмотря на то, мы дѣлали съ нимъ большіе успѣхи; въ какіе нибудь полгода научились свободно читать, писать, прошли почти всю первую часть грамматики и первыя четыре правила ариѳметики.

Толковое обученіе его принесло намъ большую пользу. Тутъ память моя выказала свою блестящую способность; я заучивала уроки легко, свободно, безъ всякихъ усилій.

Память моя, несмотря на прожитыя 56 лѣтъ, въ которыя она, конечно, утратила много своей силы, и теперь подсказываетъ мнѣ событія моего отдаленнаго прошлаго. Стоитъ только вдуматься, и дѣтство мое встаетъ передо мной со всей современной обстановкой, съ средой, меня тогда окружавшей. Люди и событія проходятъ передъ моими глазами, какъ въ подвижной панорамѣ. Даже ясно припоминается мнѣ мой тогдашній душевный міръ, я переживаю тѣ же ощущенія, тѣ же помысленія испытываю, тѣ же тревоги волнуютъ меня. Переносясь въ прошлое, я отстраняю отъ себя послѣдующіе годы моей жизни, какъ бы они для меня вовсе не существовали; перерождаюсь, или, лучше сказать, возрождаюсь въ той эпохѣ, которую описываю.

Долго терпѣли «слабость» нашего учителя ради его педагогическихъ способностей, но конецъ концовъ былъ тотъ, что ему должны были «отказать».

Отецъ, встрѣчая затрудненія въ прїисканіи способнаго нравственнаго наставника, порѣшилъ отдать насъ въ частный пансіонъ Вишнеvsкаго, который въ то время былъ инспекторомъ студентовъ, и пансіонъ его помѣщался въ зданіи университета.

Когда пришло время везти насъ въ пансіонъ, мы въ первый разъ испытали на себѣ всю силу нѣжной привязанности къ намъ матери; отпуская насъ, она обливала насъ слезами. Огорчалась она не тѣмъ, что мы отлучались за три версты, — мы и прежде того часто гащивали, иногда по мѣсяцу, у нашей бабки, а теперь она знала, что по субботамъ насъ будутъ привозить домой, стало быть, огорчала ее не недѣльная съ нами разлука, но тяжелая мысль, что отдають насъ въ посторонніе люди, на «чужія руки»!..

Ея заботливому воображенію представлялось, что мы въ пансіонѣ насидимся «и голодными и холодными», будемъ получать щипки и пинки отъ прочихъ дѣтей, нашихъ будущихъ товарищей, дѣтей, можетъ быть, грубыхъ. Боялась она и за нашъ молодой легко вос-

принимающій возрастъ, чтобы мы не переняли дурныхъ манеръ въ обращеніи, боялась и за нашу нравственность, чтобы не научились какимъ дурнымъ шалостямъ... и чего-чего не приходило на мысль ея встревоженному воображенію. Съ несвойственной ей твердостью она настояла отъ отца, чтобы для прислуги намъ былъ отпущенъ съ нами нашъ человѣкъ. Такимъ образомъ, нравственная связь наша съ семействомъ не совсѣмъ была порвана... Мать, не имѣя возможности сама слѣдовать за нами въ пансіонъ, препоручила насъ надежному слугѣ. Призвавъ послѣдняго къ отцу въ кабинетъ и заперевъ за собой двери, она долго-долго что-то говорила съ нимъ, вѣроятно, поучала его, какъ слѣдить за нами. Въ одномъ мы догадались: дядькѣ нашему поручено было отдавать матери подробный отчетъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, и догадались потому, что каждую субботу, по возвращеніи нашемъ домой, мать призывала дядьку въ тотъ же кабинетъ и все о чемъ-то подолгу его разспрашивала.

Въ первую же субботу, по приѣздѣ изъ пансіона, мать распорядилась снять съ насъ верхнее платье и облечь въ халаты, въ томъ убѣжденіи, что въ пансіонѣ мы цѣлую недѣлю, по цѣлымъ днямъ, ходили, не снимая платья, и потому члены наши и тѣло нуждаются въ нѣгѣ и свободѣ. Потомъ усадила насъ около себя, попеременно лаская и предлагая намъ разныя лакомства. Отецъ все это видѣлъ и молча только покачивалъ головой. Такъ продолжалось во все время нашего пребыванія въ пансіонѣ. Наша добрая дворня тоже по-своему выказывала свою радость нашимъ приѣздамъ, въ особенности моя няня. Всѣ они говорили, что съ отсутствіемъ нашимъ въ домѣ дѣлается и скучно и пусто; вездѣ тишина, точно нѣтъ живыхъ людей.

Наконецъ отцу наскучила мать своими настоятельными просьбами взять насъ изъ пансіона. Меньше чѣмъ черезъ годъ желаніе ея исполнилось, къ тому же времени пріискали намъ учителя, въ лицѣ Стефана (какъ онъ писалъ) Ивановича Знаменскаго, кончившаго курсъ наукъ въ Казанской семинаріи. Знаменскій оказался человѣкомъ доброй нравственности, безъ крупныхъ пороковъ; занимался съ нами уроками утромъ 4 часа и послѣ обѣда—2; остальное время посвящалъ приготовленію себя въ университетъ.

Въ концѣ 1825 г., отецъ купилъ у г. Толбузина каменный, двухъэтажный домъ въ Казани, на Поповой горѣ. (Домъ этотъ въ 1835 г. проданъ г-ну Палицыну, во владѣніи котораго находится и понынѣ). Мы тогда же переѣхали въ новый домъ, къ особому удовольствію Знаменскаго, поступившаго въ университетъ своекоштнымъ студентомъ. Посѣщать лекціи изъ Морской слободы, за 3 версты, конечно, представляло много неудобствъ.

Нашъ городской домъ устройствомъ своимъ много походилъ на тѣ старинныя католическія аббатства, какъ они описаны въ ста-

ринныхъ романахъ. Со стороны двора, по всему фасаду, тянулась на деревянныхъ столбахъ деревянная со стеклянными рамами галлерей, служившая какъ для внутренняго сообщенія, такъ и для хода во второй этажъ дома, въ который, впрочемъ, вела и другая, «парадная» лѣстница. Галлерей эта, кромѣ того, вела на чердакъ дома и внизъ, въ кухню, и, изгибаясь далѣе, выходила въ наружныя сѣни; словомъ галлерей представляла собой такое сплетеніе разныхъ перегородокъ, чуланчиковъ, поднимающихся и спускающихся лѣстницъ, что люди наши нескоро могли привыкнуть ко всѣмъ входамъ и выходамъ. Много было употреблено матеріала на устройство такой галлерей, безъ всякой пользы для хозяйства, и она только могла служить богатой пищей огню, во время пожара.

На слѣдующій годъ, осенью, когда мы вернулись изъ деревни,— не узнали нашего дома! Отецъ все передѣлалъ, все измѣнилъ. Галлерей не существовало, отчего заднія комнаты много выиграли въ освѣщеніи. вмѣсто лабиринта лѣстницъ устроена была одна, «черная», въ самомъ домѣ. Кухня отнесена напротивъ дома, черезъ проѣздъ во дворъ, и фасадомъ поставлена на улицу, на линію съ домомъ. вмѣсто гнилыхъ, покочнувшихся отъ времени, надворныхъ строеній появились новыя, приспособленныя къ удобствамъ и потребностямъ хозяйства. На задахъ двора, сейчасъ начинался глубокій оврагъ; отецъ и его обратилъ въ свою пользу, устроивъ къ нему проѣздъ. Въ оврагъ валили навозъ, всякій мусоръ, а зимой счищаемый съ улицы и двора снѣгъ. Удобство этого оврага выказалось въ особенности въ послѣднемъ случаѣ; по требованію полиціи, домохозяева обязаны были зимой счищать снѣгъ съ тротуаровъ и улицы, каждый передъ своимъ домомъ, и возить за городъ. Для живущихъ въ центрѣ города такое распоряженіе, конечно, было не совсѣмъ удобно. У насъ все это дѣлалось какъ бы дома: растворяютъ ворота и валяютъ въ оврагъ и снѣгъ и всякую дрянъ.

Мы, дѣти, имѣли свое особое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ, въ антресоляхъ дома, тамъ играли и учились.

Въ то время имѣли очень ограниченное понятіе объ образованіи вообще; цѣнили болѣе качества сердца, чѣмъ ума, какъ будто нельзя было соединить эти обѣ потребности вмѣстѣ, и потому воспитывали дѣтей въ правилахъ христіанскаго благочестія и нравственности; все научное образованіе заключалось въ основательномъ знаніи французскаго языка. Молодой человекъ, свободно изъясняющійся въ обществѣ по-французски, слылъ за любезнаго, ученаго... Что онъ любезный, не спорю, но чтобы онъ былъ ученый?!.. И при такомъ скудномъ образованіи слѣдовали ошибочному методу ученія: давали ребенку заучивать уроки «наизусть» и требовали буквального ихъ отвѣта. Развивая одну только память ученика, забывали, что у него есть еще размышленіе, со-

ображеніе, требующія своихъ выводовъ; способности эти оставляли какъ бы въ сторонѣ, не давали имъ никакого развитія, что не могло не отразиться вредно на дитяти. Ученикъ съ малолѣтства приучался думать чужимъ умомъ, безъ всякаго собственнаго анализа. Способность мышленія постепенно заглушалась, и когда онъ приходилъ въ возрастъ, дававшій ему возможность понять всю неосновательность и недостаточность своего образованія, ему подчасъ трудно, очень трудно бываетъ пробудить, расшевелить умственную дѣятельность, заставить себя работать мозгами...

Чтобы выполнить тогдашнюю программу воспитанія, взяли для насъ гувернера-француза m-g de Corval, по языку своему истаго парижанина, ни слова не знающаго по-русски, притомъ отличнаго каллиграфа и посредственнаго рисовальщика. Откуда онъ прибылъ въ Казань и по какому случаю? Не помню, но знаю, что онъ не былъ изъ числа плѣнныхъ 12-го года, наводнявшихъ тогда Россію.

De Corval имѣлъ весьма некрасивую наружность: лицо, покрытое угрями, грушевидный носъ, косопалый. Вначалѣ онъ вызвалъ въ насъ, дѣтяхъ, отталкивающее отъ себя чувство, но въ послѣдствіи, привыкнувъ мало-по-малу къ его неизящной внѣшности, мы полюбили его. Тому много способствовалъ заманчивый для дѣтей его способъ преподаванія: правила грамматики онъ своимъ красивымъ почеркомъ писалъ на поллистахъ бѣлой, чистой бумаги, а по краямъ, въ видѣ рамки, рисовалъ и раскрашивалъ бордюръ, состоявшій изъ цвѣтовъ, плодовъ, птицъ и звѣрей. Слѣдя глазами за его «художественными» произведеніями, казавшимися намъ верхомъ совершенства, мы невольно смотрѣли и на то, что было написано, и такимъ образомъ заучивали свои уроки. Съ нимъ мы дѣлали большіе успѣхи, какъ въ разговорномъ языкѣ, такъ и въ наукахъ.

Смѣшно было смотрѣть на насъ, какъ мы, вначалѣ, не зная французскаго языка, объяснялись между собой: гдѣ по пальцамъ, гдѣ просто тыкали въ ту вещь, которая намъ была нужна. Часто, въ минуты досады, что не понимаютъ насъ, мы по свойственной дѣтямъ насмѣшливости пѣли извѣстную, бывшую тогда въ большомъ ходу, патріотическую пѣсню, въ которой, между прочимъ, заключались слова:

А французу не до пляски,
 Растерялъ свои подвязки,
 Ну кричать: pardon!...

De Corval, не понимая смысла пѣсни, но по созвучію нѣкоторыхъ словъ съ его природнымъ языкомъ догадываясь, что дѣло идетъ о французахъ, и слыша нашъ чистый, раскатистый смѣхъ, заключилъ, что мы насмѣхаемся надъ нимъ; горячился, бросалъ свою трубку на полъ, а ничего не могъ съ нами сдѣлать, потому

что въ рекреационное время намъ дозволялось играть и пѣть,— только не шалить.

Здѣсь, кстати, расскажу наше препровожденіе времени въ часы, свободные отъ ученья.

Старшій братъ любилъ собакъ и имѣлъ двѣ «моськи», которыхъ онъ самъ и выдрессировалъ: закладывалъ въ телѣжку, одну—въ корень, другую—на пристяжку. Для упряжи самъ же сдѣлалъ и все принадлежности: хомуты, уздечки, дугу; взваживалъ собакъ вожжами и, вооруженный кнутикомъ, съ грохотомъ и шумомъ, возилъ ими свою телѣжку по комнатамъ. Я, напротивъ, предпочиталъ кошекъ и, не дойдя до возможности обращать ихъ въ лошадей, ограничивался выучкой: стоять или ходить на заднихъ лапахъ; по слову—притворяться мертвыми и потомъ снова оживать и т. п. «Продукты» нашихъ забавъ, по природной враждебности, часто ссорились между собой, каждый изъ насъ принималъ сторону своихъ фаворитовъ, отчего происходили и между нами столкновения, оканчивавшіяся обыкновенно дракой. Я, какъ слабѣйшій, всегда терпѣлъ отъ побоевъ брата и вымещалъ свою злобу тѣмъ, что сильно кусался и царапался. Насъ, «пѣтуховъ», разнимали, разставляли по угламъ на колѣна, пока не унималась наша вражда, и мы не переставали плакать и не мирились до нозаго столкновения.

Другая забава состояла въ катаньѣ по зимамъ на салазкахъ; поприщемъ служилъ нашъ довольно обширный дворъ. Братъ всегда возилъ меня и выбиралъ нарочно мѣста неровныя, что для насъ замѣняло «ухабы» на дорогахъ, или на поворотахъ держалъ санки, что было силы, отъ чего они раскатывались, и я вылеталъ изъ нихъ, какъ чурбанъ. Въ этомъ-то и заключался весь «шикъ» нашего катанья.

Удовольствіемъ этимъ мы пользовались, такъ сказать, «воровски», не въ указанное время. По вечерамъ, когда de Corval уходилъ въ свою комнату, мы оставались подъ надзоромъ дядьки, Федора Ивановича. Дядька былъ большой охотникъ до соловьевъ и имѣлъ ихъ довольное число въ клѣткахъ. Усѣвшись около печи, гдѣ было его любимое мѣсто, онъ обыкновенно начиналъ подвистывать соловьямъ. Теплота печи клонила ко сну; высвисты его дѣлались все рѣже и рѣже, какъ бы въ просонкахъ; наконецъ все умолкало: дядька засыпалъ окончательно. Этой-то минуты мы и дожидались съ нетерпѣніемъ. Братъ, со словомъ: «айда», бралъ шапку, наскоро накидывалъ на себя какое нибудь теплое платье; я слѣдовалъ его примѣру, и мы вмѣстѣ, взявшись за руки, нацыпочкахъ пробирались мимо спящаго дядьки, осторожно, чтобы никто не слышалъ, спускались съ «черной» лѣстницы, выбѣгали на дворъ, гдѣ и предавались нашему любимому удовольствію: я садился въ салазки, братъ брался за оглобли, и мы неслись по

сугробамъ снѣга и раскатамъ. Дядька, между тѣмъ, очнувшись отъ одолѣвшей его дремоты и не видя насъ въ комнатѣ, по предшествовавшимъ примѣрамъ зналъ, гдѣ искать насъ. Завидя брата, онъ обыкновенно говаривалъ: «Эй! большакъ! большакъ! Зачинщикъ!»—и, поймавъ его за руку, а иногда и за ухо, вель въ комнаты. Усадивъ его на мѣсто, дядька возвращался за мной и съ той же процедурой приводилъ и меня и такимъ образомъ соединялъ насъ, разбѣжавшихся овецъ. Но случалось иногда и такъ, особенно въ теплую погоду, и когда мы недостаточно еще набѣгались,—пока дядька, приведя въ комнату брата, уходилъ за мной, братъ снова скрывался. Когда бѣдный Федоръ Иванычъ отправлялся въ новые поиски, я убѣгалъ въ свою очередь. Маневръ этотъ повторялся нѣсколько разъ къ ряду, пока дядька не догадается отъ перваго попавшагося бѣглеца отобрать шапку и верхнее платье и не запретъ все это въ шкафъ на ключъ. Спасибо Федору Иванычу! Никогда о нашихъ продѣлкахъ съ нимъ онъ не доводилъ до свѣдѣнія отца: иначе намъ бы досталось.

Дядька нашъ, Федоръ Иванычъ, былъ замѣчательный человекъ. «Отпущенникъ»,—какъ тогда называли,—нашей бабки, онъ жилъ у насъ по найму и по своимъ немолодымъ уже годамъ и скромной жизни былъ къ намъ приставленъ въ качествѣ дядьки. Во всю свою продолжительную жизнь онъ ни разу не былъ боленъ; а если и случалось ему чувствовать себя нехорошо, то въ недугахъ своихъ прибѣгалъ къ единственному универсальному для себя средству: глоталъ мухъ. Выѣсты съ рвотой проходили всѣ его болѣзни, и онъ вылѣчивался радикально. На зиму онъ дѣлалъ запасъ мухъ и сохранялъ ихъ, разумѣется, «снулыми», въ бутылкѣ. До глубокой своей старости сохранилъ силы и бодрость, имѣлъ зубы цѣлыми и черный цвѣтъ волосъ на головѣ съ легкой просѣдью. Умеръ въ 1845 году, находясь у меня, уже женатаго, въ услуженіи. Самъ пожелалъ взять на свое попеченіе буфетъ и содержалъ его всегда въ примѣрной чистотѣ и опрятности. Когда онъ заболѣлъ своей первой и послѣдней болѣзью, я пригласилъ къ нему нашего домашняго доктора, И. С. Дмитріевскаго; но всѣ пособія и старанія излѣчить его оказались напрасными. Во время своей болѣзни Федоръ Иванычъ то и дѣло твердилъ: «Не надо лѣкарства! Дайте мухъ, мухъ дайте!» Но при его старческой болѣзни докторъ находилъ, что сильное средство, какъ рвота, могло причинить ему неминуемо смерть.

До самой своей кончины Федоръ Иванычъ оставался вѣренъ въ своей привязанности къ соловьямъ. Незадолго до смерти, онъ изъ города ходилъ въ лѣсъ, верстъ за 15-ть, за кормомъ для нихъ, состоящимъ, какъ извѣстно, изъ муравьиныхъ яицъ. Любопытенъ былъ употребляемый имъ способъ очистки яицъ отъ муравьевъ и прочаго сора. Самъ онъ, конечно, не могъ изъ муравейника вы-

бирать одни яйца; работу эту производили у него сами же муравьи. Возвращаясь изъ лѣса съ мѣшкомъ, полнымъ всыпаннымъ въ него муравейникомъ, какъ онъ его находилъ, т. е., съ муравьями, соромъ, прутьями и землей, онъ, изжаленный и искусанный муравьями, но не чувствовавшій усталости, принимался дѣлать токъ. Для этого площадку земли, аршинъ двухъ въ квадратѣ, очищалъ отъ растущей на ней травы и плотно убивалъ землю; по краямъ площадки, со всѣхъ четырехъ сторонъ ея, вырывалъ канаву, вершка два глубиной, прикрывалъ ее лубками или досками; что попадалось подъ руку, и весь мѣшокъ высыпалъ на средину расчищенной площадки. Муравьи тотчасъ же принимались за работу: начинали выбирать изъ кучи свои яйца и таскать ихъ въ канавку подъ покрывку. Когда Ѳеодоръ Ивановичъ замѣчалъ, что всѣ яйца изъ кучи выбраны, и муравьи болѣе не копошатся, бралъ горячую воду и ошпаривалъ муравьевъ въ ямкахъ, постепенно, подымая одну покрывку за другой. Добытые такимъ образомъ, муравьи и ихъ яйца онъ сохранялъ на зимній кормъ своимъ любимцамъ—соловьямъ.

Заговоривъ о Ѳеодорѣ Иванычѣ, скажу нѣсколько словъ и о прочей нашей дворнѣ вообще, которой я тоже въ воспоминаніяхъ своихъ обязанъ благодарностью за ея преданность и привязанность къ намъ.

Наша дворня была довольно многочисленна (при уничтоженіи крѣпостного права, у старшаго брата, на его иждивеніи, содержалось болѣе ста душъ, считая въ томъ числѣ и младенцевъ), а по мѣсту нахождения и роду своихъ обязанностей дѣлилась на городскую и деревенскую. Перечислять всѣ должности считаю излишнимъ. Отцы наши жили на «широкую» барскую ногу, — часто, весьма часто, на одну и ту же должность приходилось по нѣсколько слугъ; скажу только, что вся наша дворня состояла изъ добрыхъ слугъ, преданныхъ своимъ господамъ до самоотверженія, несмотря на то, что отецъ обращался съ ними строго, но справедливо. Отецъ хорошо понималъ свойство натуры русскаго человѣка вообще; зналъ, что онъ перенесетъ безропотно наказаніе, какъ бы оно тяжело ни было, когда въ душѣ сознаетъ, что заслужилъ этого; но бѣда, если онъ замѣтитъ лицепріятіе къ себѣ или пристрастіе, если одному прощается то, за что взыскивается съ другого, особливо, если появятся такъ называемые фавориты и фаворитки, или, еще хуже «барскія барыни»,—тогда онъ ожесточается, за малѣйшую несправедливость къ себѣ питаетъ злобу и вымѣщаетъ еѣ иногда самымъ звѣрскимъ образомъ...

Отецъ, повторяю, все это зналъ очень хорошо, и потому всѣ взысканія свои производилъ по мѣрѣ вины каждаго, несмотря ни на какую личность. Какъ примѣръ его полнаго безпристрастія, приведу одинъ случай.

Няня моя имѣла единственнаго сына, Ивана, въ которомъ, что называется, «души не чаяла». Отданный на выучку къ портному, Иванъ тамъ набаловался; научился шить, научился и пить. Отецъ, какъ я уже сказалъ, не могъ терпѣть этого порока и въ постороннихъ людяхъ, а тутъ лакей, на глазахъ, едва не каждый день, пьяный. Отецъ долго возился съ нимъ; наконецъ, видя, что никакія крутыя мѣры не помогаютъ, и жалѣя няню, сослалъ его въ деревню въ надеждѣ на исправленіе. Вышло напротивъ. На свободѣ и безъ острастки, Иванъ еще болѣе запилъ и сталъ буянить: прибилъ приказчика, котораго отличалъ самъ отецъ за его усердную службу, и который не только не слыхалъ ни отъ кого браннаго слова, но даже не видалъ «косого» взгляда; задумалъ стрѣлять изъ ружья въ селѣ, отчего едва не сжегъ его, одинъ домъ уже загорѣлся, но скоро потушили, дѣлалъ и другія безчинства. Тогда отецъ, не смотря ни на слезы, ни на просьбы моей няни, которую любилъ, и всѣхъ насъ, рѣшился прибѣгнуть къ крутой мѣрѣ: отдалъ его во время рекрутскаго набора въ матросы. Такой примѣръ строгой справедливости не могъ не оставить добраго, моральнаго впечатлѣнія въ умахъ остальной дворни. Всѣ заговорили: «когда баринъ не пощадилъ Ивана, ради просьбъ няни и самой барыни, то намъ, въ случаѣ бѣды, не на кого будетъ надѣяться». Такимъ образомъ примѣръ одного удерживалъ отъ дурныхъ поступковъ и склонностей десятки другихъ.

Повторяю, вся наша прислуга была предана своимъ господамъ, но въ особенности изъ нихъ выдѣлялась личность главной горничной моей матери,—Пелагеи Васильевны. Вся жизнь ея слилась, такъ сказать, съ жизнью матери. Однихъ лѣтъ съ своей госпожой, Полинъка, еще въ дѣвочкахъ, была помѣщена въ штатъ матери, играла съ ней въ куклы. Когда мать моя поступила для образованія въ Екатерининскій институтъ, Полинъку отдали для обученія женскимъ рукодѣльямъ. Мать моя вышла изъ института, Полинъка изъ мастерства, и съ того времени до самой кончины матери она не разставалась съ ней ни на минуту. Преданность ея доходила до самопожертвованія; красивая наружностью, безукоризненной нравственности, она, конечно, не имѣла недостатка въ женихахъ, но предпочла супружеской жизни жизнь дѣвическую, разсуждая убѣжденно и весьма справедливо, что мужъ, да еще, можетъ быть, дѣти, отвлекутъ ея заботы отъ матери и лишатъ возможности безраздѣльно служить ей. Рѣдкій, и въ тѣ времена, примѣръ преданности! Нынѣ такія горничныя немислимы! Если случалось заболѣть матери, Полинъка день и ночь не отходила отъ ея постели, приютившись кое-какъ въ ногахъ, страдала страданіями матери, нравственно переносила ея боли... На ея рукахъ скончалась мать наша, когда она приподымала ее!.. Полинъка недолго пережила кончину своей госпожи. Всѣ мы до самой ея смерти называли ее не иначе, какъ

«Полинька», любили и смотрѣли на нее, не какъ на служанку, но какъ на члена нашей семьи. Даже всѣмъ знакомымъ нашимъ она была извѣстна не иначе, какъ подъ именемъ «Полиньки».

Возвращаюсь къ себѣ.

Наше воспитаніе, по тогдашнимъ понятіямъ, было бы неполно, если бы насъ не научили танцовать. Въ Казани въ то время жилъ М. Monssard, обучавшій танцевальному искусству цѣлое современное мнѣ поколѣніе. Monssard квартировалъ въ домѣ купца Дитель и имѣлъ обыкновеніе разъ въ недѣлю всѣхъ своихъ учениковъ и ученицъ собирать у себя, въ довольно большомъ залѣ, гдѣ мы подъ звуки его маленькой скрипки отплясывали не только бальные танцы, но и хореграфическіе: минуэты, матлоты, дѣвицы съ шалью, и тому подобное. На этихъ-то вечерахъ проявилась во мнѣ способность влюбляться, способность, не оставлявшая меня во всю жизнь. Сердце мое въ первый разъ раскрылось для новаго ощущенія, или, правильнѣе сказать, для новаго вида любви. Дотолѣ я любилъ отца, любилъ мать, любилъ многихъ, но проявившееся во мнѣ чувство не походило на прежнее. Прежняя моя любовь была спокойная, невозмутима; новое ощущеніе, зародившееся во мнѣ, имѣло жгучее, тоскливое свойство.

У Дитель было три дочери: Вильгельмина, Луиза и Annette; послѣдняя-то, меньшая, и похитила мое сердце. Вертлявенькая, нѣсколько курносенькая, съ живыми блестящими глазками, съ локонами русыхъ волосъ, распущенными по голой шейкѣ, она была очень мила и возбудила во мнѣ дотолѣ незнакомое ощущеніе. Съ ней я безсознательно перешелъ всѣ перипетіи любви взрослого человѣка, испыталъ и ревность, сознавая, но не умѣя еще назвать этого чувства. Дулся отъ досады и готовъ былъ расплакаться, когда замѣчалъ, что Annette была ласкова и разговорчива съ другими мальчиками, и напротивъ приходилъ въ восторгъ, когда она всецѣло предавалась мнѣ, то есть занималась только мной однимъ. Однихъ со мной лѣтъ, но, какъ дѣвушка, болѣе меня развитая въ понятіяхъ, она лучше меня понимала чувство, насъ соединяющее, понимала и силу вліянія, которое имѣла на меня и часто имъ злоупотребляла изъ кокетства, столь присущаго ея полу. Когда мы оставались одни, и я со слезами на глазахъ, неосторожно высказывалъ ей всю горечь моей досады на ласковое ея обращеніе съ другими, въ чемъ я видѣлъ предпочтеніе мнѣ, она бросалась ко мнѣ на шею, увѣряла, что нельзя же ей, какъ хозяйкѣ, не занимать гостей, что она дѣлаетъ это по необходимости, но любить и будетъ любить вѣчно только меня одного. При этомъ слезы мои на глазахъ высушивала своими жаркими поцѣлуями!.. Я вѣрилъ и радостный и веселый разставался съ ней до новаго повода къ ревности, новой вспышки, новаго объясненія.

Я не умѣлъ скрывать моей привязанности къ Annette, и стар-

шіе часто подсмѣивались надо мной; только отецъ строго выговаривалъ: «рано, рано, Николай, принимаешься за куры-муры». Отецъ имѣлъ способность изобрѣтать свои часто, повидимому, безъ всякаго смысла выраженія, но такъ мѣтко, что они дѣлались понятными для всѣхъ.

Такъ шло мое время между ученьемъ и неопредѣленной привязанностью моей къ Annette. Мой душевный міръ былъ то тихъ и спокоенъ, какъ текуцій ручеекъ, то возмущался, какъ разбушевавшаяся рѣка: тогда я не имѣлъ еще понятія о морѣ и потому для уподобленія моихъ волненій привожу рѣку.

Наступилъ роковой для насъ 1827 годъ. Знаменскій, окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ, уѣхалъ въ Петербургъ на службу; французъ de Cogval собирался возвратиться на родину. При такихъ обстоятельствахъ отецъ рѣшилъ для дальнѣйшаго нашего образованія везти насъ въ Горный корпусъ.

IV.

Отецъ везетъ меня и старшаго брата въ Петербургъ, для опредѣленія насъ въ Горный корпусъ.—Отъѣздъ изъ Казани и приключеніе въ дорогѣ въ Васильсурскѣ.—Встрѣча съ декабристами.—Дядя Илья Даниловичъ Мамаевъ, «гатчинскій генералъ», и пребываніе въ его новгородскомъ имѣніи с. Кожаконѣ.—Петербургъ и первое отъ него впечатлѣніе.—А. С. Теплева и ея гостеприимство.—Горный корпусъ и поступленіе въ него.—Первые товарищи.—Препровожденіе времени въ Петербургѣ внѣ корпуса.

Выѣздъ нашъ изъ Казани назначенъ былъ въ концѣ января. Наша до тѣхъ поръ тихая, спокойная жизнь въ семьѣ разомъ оборвалась на сборахъ и приготовленіяхъ въ дорогу. Не слышать стало и нашего звонкаго, дѣтскаго смѣха, перестали мы и шумѣть и рѣзвиться; мѣсто всего этого заступили слезы и мучительная тоска. Всѣ мы притихли, какъ бы подъ гнетомъ большой тяжести.

Насталъ роковой день отъѣзда. Уложились. Священникъ отслужилъ напутственный молебенъ. Послали за почтовыми лошадьми. Мать попеременно обнимала насъ и цѣловала, обливая горькими слезами. Мы, дѣти, отъ тоски, душившей насъ, не могли проронить ни слова. Пришли сказать мучительное «все готово». Молча, усѣлись по мѣстамъ, какъ это принято при отправленіи въ дорогу. Мать, все время рыдавшая, долѣе не выдержала; съ ней сдѣбалось дурно, и ее безъ чувствъ уложили на постель. Въ такомъ состояніи мы и простились съ ней, не видя ея взора, не слыша ни одного ея слова; цѣловали только ея похолодѣвшія руки и губы, обливая ихъ слезами. По знаку отца, насъ съ большимъ трудомъ оторвали отъ матери, усадили въ повозку, и лошади тронулись...

Проѣхали нѣсколько станцій. Разнообразіе мѣстности, встрѣча новыхъ лицъ, безпрестанно мѣняющихся, наконецъ, новизна самаго зимняго пути, дотолѣ нами еще не извѣданная,—все это способствовало тому, чтобы нѣсколько ослабить въ насъ тяжесть разлуки съ матерью и нашимъ домомъ.

На другой день мы пріѣхали въ Васильсурскъ, гдѣ отецъ оставилъ насъ на попеченіе своего знакомаго, господина Баскакова, а самъ по хозяйственнымъ дѣламъ отправился верстъ за 30, въ свою деревню, ту самую, гдѣ я пишу эти строки. Когда мы остались одни въ незнакомомъ намъ городѣ, среди совершенно чужихъ людей, горе, невыразимая тоска взяли насъ еще сильнѣе... Бѣдный Баскаковъ не зналъ, что съ нами дѣлать!.. Помню, что онъ употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобы хотя нѣсколько развлечь насъ, успокоить; помню, что онъ предложилъ намъ, между прочимъ, разсматривать картинки въ книгѣ: «Арабскія сказки», или «Тысяча и одна ночь». Я, всегда любившій подобныя занятія, съ досадою оттолкнулъ отъ себя книжку. Наступила мучительная ночь; я и братъ не смыкали глазъ; разговаривая о нашей бѣдной матери и припоминая, что всего однѣ сутки пути отдѣляютъ насъ отъ всего, что мы такъ любили, и что намъ было такъ дорого, мы уговаривались бѣжать назадъ. Мечты эти насъ нѣсколько успокоили, мысли наши были заняты осуществленіемъ нашего плана, и мы заснули.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась наша затѣя, если бы не вернулся отецъ. Замѣтивъ, что продолжительная остановка на одномъ мѣстѣ сильно дѣйствуетъ на нашу тоску, онъ посигшилъ выѣхать далѣе.

Изъ Нижняго мы свернули на дорогу въ Кострому и Ярославль, чтобы заѣхать, какъ обѣщаль отецъ, къ нашему родному дядѣ Ильѣ Даниловичу Мамаеву, жившему въ Новгородской губерніи, близъ пристани Сомины, въ своемъ имѣніи, сельцѣ Кожаконѣ.

Между Ярославлемъ и Тихвиномъ, мы за сильной мятежью съ вьюгой съ трудомъ поздно вечеромъ могли доѣхать до почтовой станціи. Налившись чаю и поужинавъ, расположились на ночлегъ. Единственный диванъ въ комнатѣ заняли мы, а отецъ улегся на полу и не раздѣваясь завернулся въ шубу. Ночью мы были разбужены сильнымъ звономъ многихъ колокольчиковъ, подѣхавшихъ къ станціи. Нѣсколько времени спустя, дверь къ намъ растворилась, паръ густымъ облакомъ ввалился въ комнату, вмѣстѣ съ тѣмъ мы услышали звяканье желѣза. Когда разсѣялся паръ, мы увидали челоуѣкъ съ шестью съ цѣпями на ногахъ, отряхающихъ съ себя снѣгъ. Мы съ испугомъ соскочили съ дивана и, спрятавшись за отца, вставшаго съ пола, разсматривали изъ-за него съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ, находящихся передъ нами людей въ оковахъ. Дотолѣ въ Казани мы часто видали, какъ

проходили на улицѣ партіи арестантовъ, ссылаемыхъ въ Сибирь; намъ объясняли, что окованные цѣпями были разбойники и убійцы осужденные на каторгу.

Видя теперь передъ собой людей въ цѣпяхъ, мы тотчасъ же составили себѣ идею, что они тоже разбойники и убійцы; но для насъ казалось непонятнымъ: отъ чего видѣнные нами прежде шли пѣшкомъ, прикованные къ желѣзному пруту, а эти ѣдутъ въ сопровожденіи жандармовъ. Между тѣмъ какъ мы предавались нашимъ размышленіямъ и терялись въ догадкахъ,— одинъ изъ преступниковъ, увидя у отца крестъ, приблизился къ намъ, гремя своими цѣпями, и, указывая на крестъ, спросилъ отца:

— Гдѣ вы получили его?

Отецъ ему объяснилъ.

Тотъ продолжалъ:

— И я имѣлъ такой же!

Заключивъ изъ этихъ словъ, что говорящій съ нимъ былъ тоже морякъ, отецъ, въ свою очередь, спросилъ:

— Позвольте узнать вашу фамилію?

Но тутъ фельдъегерь какъ бы выросъ изъ земли и, вставъ между арестантомъ и отцомъ, сказалъ, обращаясь къ послѣднему:

— Извините! У него нѣтъ фамиліи, а есть «номеръ».

И «номеръ», улыбнувшись, отошелъ отъ отца. Между арестованными въ особенности одинъ обратилъ на себя наше вниманіе. То былъ еще очень молодой человѣкъ, думаю, не старѣе 18-ти лѣтъ. Одѣтый въ бархатный архалукъ, гранатнаго цвѣта, онъ все время пребыванія на станціи просидѣлъ молча у стола, подперши голову рукой, съ грустнымъ, тоскливымъ выраженіемъ въ лицѣ. Намъ, дѣтямъ, было очень жаль его! Мы тотчасъ представили себѣ, что онъ тоже имѣетъ такую же нѣжную мать, какъ наша, и груститъ въ разлукѣ съ ней. Тогда весь душевный міръ заключался въ насъ самихъ, и мы, дѣти, всѣ объясненія брали изъ сравненій съ тѣмъ, что перечувствовали сами.

Сцена эта такъ сильно подѣйствовала на мое воображеніе, такъ врѣзалась въ мою память, что и теперь, спустя 45-ть лѣтъ, какъ бы вижу ее, и весьма отчетливо, передъ собой.

Когда арестованные уѣхали, мы засыпали отца вопросами. Онъ сказалъ, что то были декабристы, при чемъ удовлетворилъ наше любопытство, насколько то было можно, при нашихъ скудныхъ понятіяхъ о политическомъ мірѣ!

Къ утру мятель прошла, и мѣсто ея заступилъ сильный морозъ. Отецъ думалъ было переждать его; но мы сами напросились ѣхать далѣе, за что я и былъ наказанъ; у меня и руки и ноги, несмотря на то, что, казалось, были одѣты «тепло», озябли, и когда мы пріѣхали въ Тихвинъ, то я, горько плача, повторялъ безпрестанно: «ай, рученьки! ай, ноженьки!». Этотъ вопль моего дѣтскаго отчаянія долго послѣ того служилъ предметомъ надо мной насмѣшекъ.

И теперь старший братъ, съ комической улыбкой, иногда повторяетъ: «ай, рученьки! ай, ноженьки!».

Обогрѣвшись, отецъ повелъ насъ въ монастырь, отслужилъ молебень Тихвинской Божьей Матери. Мы, дѣти, усердно молились объ оставленной нами бѣдной нашей матери, не имѣя,—да и не могли имѣть,—никакихъ о ней извѣстій.

Изъ Тихвина прѣхали въ Сомину.

Здѣсь мы оставили нашу зимнюю повозку, разсѣлись по санкамъ, запряженнымъ каждыя въ одну лошадь, и лѣсами отправились въ имѣніе нашего дяди. Наша широкая повозка не могла бы проѣхать по узкой дорогѣ, вьющейся по снѣгу.

Въ Кожиковѣ встрѣтилъ насъ привѣтливо, съ добродушной улыбкой на лицѣ, лысенкій средняго роста старичекъ, одѣтый въ длинную фуфайку, покрывающую животъ. То былъ нашъ дядя, старший братъ отца, Илья Даниловичъ, нѣкогда знаменитый «гатчинскій генераль» и любимецъ императора Павла.

Службу свою онъ началъ въ «десантныхъ» войскахъ. Въ царствованіе Екатерины дядя по дѣламъ своимъ прѣхалъ въ Петербургъ и по существовавшему тогда порядку явился къ великому князю Павлу Петровичу. Съ перваго же раза онъ полюбился великому князю, и тотъ перевелъ его въ свои гатчинскія войска, тѣмъ же чиномъ штабсъ-капитана.

При восшествіи своемъ на престолъ Павелъ дядю вмѣстѣ съ другими произвелъ изъ капитановъ прямо въ генераль-майоры, отъ чего всѣ, получившіе такой чинъ, и назывались «гатчинскими генералами», и назначилъ его шефомъ Фанагорійскаго гренадерскаго полка, столь любимаго Суворовымъ.

Дядя, квартируя съ своимъ полкомъ въ Виленской губерніи, въ началѣ царствованія императора Александра I-го, когда на «гатчинскихъ генераловъ» вообще власти смотрѣли неблагосклонно, сдѣлалъ проступокъ, испортившій ему всю его будущность. Влюбившись въ дочь какого-то знатнаго поляка и получивъ отказъ на свое предложеніе—жениться на ней, дядя задумалъ похитить свою возлюбленную силой. Онъ приказалъ командиру полка, полковнику Языкову, человѣку нетрезвой жизни, ударить тревогу, и когда собралась рота, то дядя повелъ ее, съ примкнутыми штыками, на штурмъ замка, въ которомъ жила его невѣста. Отецъ, предупрежденный заблаговременно о готовящемся на него нападеніи, выѣхалъ вмѣстѣ съ дочерью изъ своего замка и на почтовыхъ, не останавливаясь, поскакалъ прямо въ Петербургъ. Въ то время князь Чарторижскій, тоже полякъ, былъ въ «большой силѣ» у Александра.

Оскорбленный полякъ бросился къ Чарторижскому, прося защиты отъ преслѣдованій дяди. Чарторижскій радъ былъ услужить своему соотчичу и погубить русскаго, да еще генерала,—доложилъ

лично государю о происшедшемъ. Повелѣно было произвести слѣдствие, и дядя былъ уволенъ въ отставку съ тѣмъ же чиномъ, съ обязательствомъ жить въ имѣніи. Дядя, можетъ быть, отдѣлался бы и меньшимъ наказаніемъ, но пьяная болтовня Языкова погубила его.

Дѣдъ нашъ, Данилъ Ивановичъ, тучный тѣломъ, получивъ извѣстіе объ опалѣ, постигшей его сына, скончался отъ удара.

Этотъ-то въ свое время и по-своему замѣчательный генералъ, теперь хилый старичекъ, встрѣтилъ насъ съ такимъ радушіемъ. О пребываніи моемъ въ Кожакѣ у меня осталось въ памяти.

Отведенная намъ комната, въ одно окно, оклеенная зелеными бумажками, съ лежанкой, всегда натопленной такъ, что отъ жары щипало уши. Передъ окномъ комнаты въ небольшомъ разстояніи отъ дома извивалась рѣчка, покрытая тогда льдомъ и снѣгомъ. На другомъ противоположномъ отъ насъ берегу рѣчки начинался густой нескончаемый сосновый лѣсъ, изобилующій волками. По вечерамъ, волки подходили къ самому дому и начинали выть; тогда мы, потушивъ свѣчку въ комнатѣ, въ окно смотрѣли на ихъ глаза, горѣвшіе во тьмѣ, какъ раскаленные угли. Насъ, дѣтей, какъ не видавшихъ еще ничего подобнаго, зрѣлище это весьма занимало. Вниманіе мое остановила на себѣ небольшая въ рамѣ за стекломъ картина, висѣвшая направо отъ двери, ведущей въ гостиную; она изображала наше «родословное дерево». Представленъ былъ рыцарь въ полномъ вооруженіи, лагахъ, шлемѣ съ отпущеннымъ забраломъ, распростертымъ на землѣ; изъ живота его выросъ толстый дубъ съ густыми вѣтвями, увѣнчанный вмѣсто желудей небольшими медальонами, въ которыхъ были написаны имена нашихъ предковъ. Не имѣя никакого понятія о геральдикѣ и принятыхъ знакахъ ея изображенія, я въ точности понималъ видѣнную мной картину и не могъ надивиться: какъ изъ желудка человѣка могъ вырасти дубъ, да еще такой толщины? За разъясненіями я обращался и къ отцу и къ дядѣ. Напрасно оба они завѣряли меня, что въ природѣ этого быть не можетъ, что изображеніе это представляетъ «аллегорію» и т. п.; я не вѣрилъ имъ тѣмъ болѣе, что вовсе не понималъ слово «аллегорія» и, пораженный видимымъ мной, порѣшилъ, что картина эта, вѣроятно, имѣетъ какой нибудь тайный смыслъ, который желаютъ отъ меня скрыть.

Въ такомъ убѣжденіи меня много поддерживала вѣра въ сказки, которыя мнѣ говорила моя няня.

На дворѣ у конюшни былъ врытъ въ землю столбъ аршинъ четырехъ вышиной, на верхушкѣ котораго утверждено было въ горизонтальномъ положеніи колесо. Около столба къ конурѣ былъ привязанъ на длинной цѣпи медвѣдь. Мишенька иногда на потѣху намъ влѣзалъ на столбъ и усаживался важно на колесо.

Наконецъ мы получили ожидаемое съ такимъ нетерпѣніемъ

письмо отъ нашей матери. Она писала, что чувствуетъ себя хорошо, только сильно груститъ; поручала насъ милосердію Божію, просила не шалить, быть послушными, учиться прилежно, чѣмъ мы можемъ только утѣшить ее въ нашей разлукѣ, и благословляла насъ на новую жизнь, уподобляя насъ птенцамъ, вынутымъ изъ гнѣзда матери. Мы безъ слезъ не могли читать ея строкъ, цѣловали ея подпись, и на первыхъ порахъ обѣщались исполнять ея совѣты. Тоска наша и безпокойство значительно поутихли послѣ полученнаго отъ нея извѣстія.

Прогостивъ у дяди, все время ласкавшаго насъ, недѣли съ двѣ, мы разстались съ нимъ и отправились далѣе въ путь. Тутъ я видѣлъ дядю въ первый и послѣдній разъ въ своей жизни. Онъ умеръ въ 1846 году, переживъ отца нашего нѣсколькими мѣсяцами.

Вотъ показался и Петербургъ, цѣль нашей поѣздки! Любопытство наше было возбуждено въ высочайшей степени. Проѣхали Невскій проспектъ, обсаженный тогда липами и поразившій насъ громадною высотой домовъ; повернули къ Адмиралтейству. Отецъ указалъ намъ Зимній дворецъ. Я удивился еще болѣе, увидя обыкновенный домъ. Въ понятіяхъ моихъ, почерпнутыхъ изъ сказочнаго міра, составила мысль, что царь живетъ въ золотомъ дворцѣ, съ хрустальной крышей, въ рамахъ вмѣсто стеколъ вставлены алмазы и т. п. вздоръ. Указывая на Адмиралтейство, отецъ пояснилъ, что корабль, который мы видимъ на шпилѣ башни, вылитъ изъ червоннаго золота и поднесенъ голландцами Петру Великому, когда онъ въ Саардамѣ работалъ на корабельной верфи, какъ простой матросъ подъ именемъ Питеръ-Басъ. А вотъ и его памятникъ на конѣ! Проѣзжая Исакиевской площадью, отецъ шепнулъ намъ: «здѣсь дрались тѣ декабристы, которыхъ мы видѣли на станціи».

Переѣхали старый Исакиевскій мостъ и мимо перваго кадетскаго корпуса повернули въ первую линію Васильевскаго острова.

Когда мы проѣзжали мимо кадетскаго корпуса, мое вниманіе было привлечено рукой кадета въ рукавѣ съ краснымъ обшлагомъ, обшитымъ позументомъ, высунутой изъ форточки окна верхняго этажа и дающей кормъ стаѣ голубей, около летающихъ. Приготовляясь быть кадетомъ, я заинтересовался видѣннымъ мной зрѣлищемъ. Повернули на средній проспектъ, и на правой его сторонѣ остановились противъ большаго каменнаго дома, втораго отъ угла, принадлежащаго Лупандинымъ. Въ домѣ квартировала А. С. Телепнева, хорошая знакомая и, кажется, дальняя родственница нашего отца. Поднявшись по лѣстницѣ въ верхній этажъ, мы узнали, что нѣтъ никого изъ хозяевъ дома. Анна Сергѣевна уѣхала и со всѣми своими дочерьми въ Кронштадтъ навѣстить свою дочь, бывшую за мужемъ за какимъ-то адмираломъ, и когда возвратится?—неизвѣстно.

Отецъ, нѣсколько сконфуженный такой первой неудачей, расположился, однакожъ, въ комнатахъ Телепневой, въ ожиданіи,

пока не прищеть себѣ квартиру, которую вскорѣ и нашелъ не въ дальнемъ разстояніи.

Нѣсколько дней спустя, дали знать о возвращеніи Телепневой; мы отправились къ ней, и я увидѣлъ почтенную старушку съ добродушнымъ выраженіемъ лица, очень насъ обласкавшую. Тутъ же увидѣлъ и ея обѣихъ незамужнихъ дочерей: старшую Александрю, очень малаго роста, на ходьбѣ постукивающую своими высокими каблуками башмаковъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, собой некрасивую, нюхающую табакъ, съ луковицообразнымъ носомъ, и, повидимому, помирившуюся съ мыслью о своемъ безбрачномъ состояніи, и меньшую—Лизавету, съ довольно правильными чертами лица, тоже далеко не первой молодости, кривобокою, съ чепцомъ на головѣ, прикрывавшимъ ея очень жиденькіе черные волосы, несмотря на все это, мечтавшую о замужествѣ и тайно вздыхавшую о суженомъ, все еще опаздывающемъ своимъ появленіемъ. Само собой разумѣется, что все ея горячіе помыслы я узналъ въ послѣдствіи, а не съ разу, когда гостилъ у нихъ.

Старушка Телепнева, услышавъ, что мы на квартирѣ, очень нуждаемся въ постеляхъ и спимъ кое-какъ и на чемъ попало, тотчасъ же, съ свойственной ей добротой, предложила отцу помѣстить насъ въ имѣющейся у нея въ свободной комнатѣ, называемой «кадетской», и гдѣ находятся все принадлежности для спанья. Названа же она «кадетской» потому, что въ ней помѣщаются кадеты, которые приходятъ къ ней по праздникамъ изъ разныхъ корпусовъ. Отецъ съ благодарностью принялъ ея предложеніе, тѣмъ болѣе, что въ хлопотахъ по своимъ дѣламъ онъ долженъ былъ, и иногда подолгу, оставлять насъ однихъ на квартирѣ. Мы поступили на попеченіе Телепневой и помѣстились въ отведенной намъ комнатѣ.

Въ первую затѣмъ субботу вечеромъ начали къ Телепневой сходитья кадеты, наши будущіе товарищи игръ и шалостей, и мы знакомились съ ними по мѣрѣ ихъ появленія. То были изъ корпусовъ: Пажескаго,—два брата Корниловы, Аркадій и Иванъ; Морского, тоже—два брата Всеволожскихъ, Василій и Димитрій; изъ Инженернаго—Куломзинъ и Никоновъ; къ нимъ иногда присоединялся изъ Горнаго—Лычковъ.

Пока отецъ хлопоталъ о нашемъ опредѣленіи въ корпусъ, мы все время жили у Телепневой и очень полюбили старушку за ея ласковое вниманіе и заботы.

Но вотъ въ одно дождливое утро, какія могутъ быть въ февралѣ только въ Петербургѣ, приѣхалъ отецъ и объявилъ, что опредѣленіе наше въ корпусъ состоялось; насъ усадили въ сани, и мы по слякоти отправились.

Издали мы увидали фасадъ нашего будущаго жилища, широкую лѣстницу, по краямъ которой, на площадкахъ, стоятъ и по-

нынѣ большія статуи, окруженныя деревянной рѣшеткой. Поднявшись по ней, съ страшнымъ замираніемъ сердца мы вошли въ обширныя сѣни. Швейцаръ, старый служака, лысый, весь въ шевронахъ и крестахъ, снявъ съ насъ верхнее платье, пошелъ докладывать дежурному офицеру. Въ очень скоромъ времени вышелъ къ намъ, молодыхъ еще лѣтъ, красивый, средняго роста, офицеръ въ шитомъ золотомъ по черному бархату воротникѣ, въ мундирѣ темно-синяго сукна, но безъ эполетъ, и очень вѣжливо попросилъ отца и насъ войти въ свою дежурную комнату и тамъ подождать, пока онъ заявитъ о нашемъ прибытіи, кому слѣдуетъ. Когда мы остались одни, насъ удивилъ видимый во всемъ порядкѣ, чистота и полное отсутствіе всякаго шума, какъ въ совершенно пустомъ домѣ. Гдѣ же кадеты, наши будущіе товарищи? Пока мы предавались такимъ размышленіямъ и сообщали другъ другу свои догадки, дверь въ комнату отворилась, и вошли встрѣтившій насъ офицеръ, въ сопровожденіи другого,—высокаго роста, съ большимъ, открытымъ лбомъ и крючковатымъ носомъ. (Всѣ эти личности я назову при описаніи административныхъ властей корпуса)...

Послѣдній попросилъ насъ слѣдовать за нимъ въ канцелярію, гдѣ, въ присутствіи отца, сдѣлалъ намъ испытаніе въ нашихъ познаніяхъ и по отвѣтамъ нашимъ объявилъ, что мы оба поступаемъ во второю нижній классъ.

Когда мы вышли изъ канцеляріи, то издали еще услышали шумъ, какъ бы жужжаніе пчелъ въ ульѣ; жизнь проявлялась, значитъ, мы скоро увидимъ нашихъ товарищей. Вернувшись снова въ швейцарскую, мы прямо по лѣстницѣ поднялись въ небольшую проходную комнату, шумъ слышался яснѣе, начали попадаться и кадеты, но отдѣльно, съ книжкой и тетрадками подъ мышкой или въ рукахъ. Идя далѣе, мы вступили въ залъ и прямо попали въ середину улья. Кадеты всѣхъ возрастовъ кишѣли въ комнатѣ. Между ними ясно раздавались слова: «новенькіе, новенькіе!»—но были отъ насъ на почтительномъ отдаленіи, удерживаемые, вѣроятно, присутствіемъ сопровождавшаго насъ офицера съ ястребинымъ носомъ.

Въ залѣ мы растались съ отцомъ. Когда мы заплакали, то отецъ, самъ воспитавшійся въ Морскомъ корпусѣ, и потому на себѣ испытавшій состояніе «новичка» между кадетами, понялъ, что слезы наши послужатъ предметомъ насмѣшекъ надъ нами. Нагнувшись къ намъ, онъ шепнулъ: «не плачьте, будутъ смѣяться надъ вами, завтра я опять приѣду»,—и вышелъ вмѣстѣ съ офицеромъ.

Оставшись одни, мы въ мигъ были окружены кадетами. Посыпались вопросы: кто мы? откуда? какъ наша фамилія? Не успѣли мы отвѣчать на сдѣланные вопросы, какъ насъ начали повергивать

во все стороны, не совсемъ деликатно, пощипывать, дергать за волосы. Братъ не вытерпѣлъ, заплакалъ; тогда все закричали: «Э! да это фалья, плакса. Ты смотри, не вздумай жаловаться; тогда мы тебя проучимъ!» и т. п. На первыхъ же порахъ намъ предстояло испытаніе, о которомъ, впрочемъ, насъ предупредили. Что касается до меня, то, морщась отъ боли, я оттерпѣлся и, помня данныя наставленія, очень спокойно спросилъ окружающихъ меня: «отъ чего, когда мы приѣхали въ корпусъ, такъ было тихо?» Тогда вся толпа захопала въ ладоши, говоря: «Вотъ этотъ нашъ! Этотъ молодецъ, а тотъ фалья. Оставьте его». И потомъ, отвѣчая на мой вопросъ, сказали: «Мы были въ классахъ, что въ той пристройкѣ, которая виднѣется изъ окна». Я сдѣлался смѣлѣе и пустился въ дальнѣйшіе разспросы.

— Что такое значитъ—намъ объявили о поступленіи во 2-ой нижній классъ?

— А это—такой классъ,—былъ ничего не объясняющій для меня отвѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ кадеты закричали: «Эй! 2-го нижняго класса! Кто тамъ? Ступайте принимать новенькихъ!» Тутъ отдѣлилось отъ толпы нѣсколько кадетъ и, окруживъ меня съ братомъ, начали разспрашивать: «какъ зовутъ? сколько лѣтъ?» и т. п. Наша мирная бесѣда была прервана звономъ колокольчика; наши новые знакомые объяснили, что это знакъ къ обѣду, что все дѣлается по звуку колокольчика, даже становятся на молитву. Построились кадеты фронтомъ, въ двѣ шеренги, при чемъ и меня съ братомъ поставили «подъ ранжиръ». Нашими партикулярными платьями мы рѣзко отдѣлялись въ общемъ однообразіи кадетской формы и, не умѣя правильно итти въ ногу, поплелись кое-какъ за прочими, въ столовую, гдѣ и усѣлись за обѣдъ.

Порядки и вообще жизнь въ стѣнахъ корпуса я опишу въ слѣдующей главѣ, здѣсь же расскажу, что происходило со мной внѣ корпуса, къ которому я скоро привыкъ; но бѣдный братъ скучалъ и тосковалъ все время своего въ немъ пребыванія. Каждую субботу и наканунѣ праздниковъ, вечеромъ, отъ Телепневой приходилъ за мной въ корпусъ ея человѣкъ—Прокопій. Братъ мой на другой годъ своего поступленія въ корпусъ изъ него вышелъ и жилъ у Телепневой до опредѣленія своего въ 1829 году въ Оренбургскій уланскій полкъ.

Завидя Прокопія, я обычнымъ порядкомъ получалъ отпускной билетъ и отправлялся въ хорошую погоду пѣшкомъ, а въ сильный морозъ или снѣгъ и дождь—на извозчикѣ. Телепнева не держала ни своего экипажа, ни лошадей. Придя къ ней, я находилъ тамъ кадетъ изъ прочихъ корпусовъ. Начинались безконечные разговоры о томъ, что за время, въ которое мы не видались, происходило въ какомъ корпусѣ. Болѣе всехъ насъ смѣшилъ Ни-

коновъ; уроженецъ какого-то уголка Новгородской губерніи, онъ сохранилъ и нарѣчіе и наивность своей мѣстности, выражался страннымъ для насъ языкомъ, но имѣлъ много природнаго юмора и наблюдательности. Подмѣтивъ въ комъ нибудь смѣшную сторону или замѣтивъ вообще что нибудь смѣшное, онъ принимался рассказывать своимъ своеобразнымъ языкомъ и выговоромъ, и смѣшное выходило еще смѣшнѣе.

Нельзя было сохранить хладнокровіе и оставаться равнодушнымъ, смотря на его фигуру и слушая его слова. Наговорившись и насмѣявшись досыта, мы укладывались спать все вмѣстѣ, въ «кадетской», кто на кровати, а кто и на полу. Утромъ, проснувшись, молча и очень тихо, дѣлали свой туалетъ. Въ этотъ часъ дня нельзя было и заподозрѣть присутствіе въ одной комнатѣ 5—6 кадетъ, вчера еще такихъ рѣзвыхъ и шаловливыхъ.

Я объясню причину такой необыкновенной тишины дѣтей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представлю примѣръ необъяснимаго для меня психологическаго явленія. А. С. Телешева, по природѣ, въ душѣ, была очень добрая женщина, — это она доказывала на насъ самихъ, бравши къ себѣ кадетъ, почти ей чуждыхъ, но имѣла замѣчательное свойство характера. Каждое утро, пока она не напьется своего кофе, дѣлалась зла, какъ фурія; тогда все было не по ней, придиралась къ мелочамъ, чтобы выместить на комъ нибудь свое недовольство, малѣйшій шумъ раздражалъ ее до самозабвенія. Въ эти-то минуты мы и присмирѣемъ, стараемся не попадаться ей на глаза. Напившись кофе, она совершенно перерождалась, дѣлалась попрежнему доброй, ласковой, снисходительной. Кофе дѣйствовалъ на нее магически! Тогда мы подходили къ ней, здоровались и принимались за свои игры, иногда бѣгали, стучали. Телешева не только не сердилась за то, но, напротивъ, когда мы очень расшумимся, и дочери ея станутъ насъ останавливать, — она добродушно говорила послѣднимъ: «Оставьте ихъ! Не удерживайте! Пусть наиграются! Довольно съ нихъ и того, что въ корпусѣ имъ не позволяютъ рѣзвиться!».

Кадетамъ, въ мое время, не воспрещалось бывать на народныхъ гуляньяхъ, посѣщать театры, музеи, ѣздить въ экипажахъ. По добротѣ и внимательности Телешевой, я пользовался всѣми удовольствіями и развлеченіями общественной жизни. По лѣтамъ, мы ѣздили на Крестовскій островъ смотрѣть народныя гулянья, въ особенности когда они сопровождались фейерверками, посѣщали Кунсткамеру, Эрмитажъ, Румянцевскій музей, Академію Художествъ и пр. По зимамъ, бывалъ въ театрѣ, видѣлъ игру нашего славнаго трагика В. Каратыгина, въ трагедіяхъ: «Разбойники» и «Коварство и любовь» Шиллера. Обѣ трагедіи произвели на меня тяжелое, непріятно потрясающее впечатлѣніе, въ особенности, первая. Отъ второй у меня осталось въ памяти одно движеніе въ

игрѣ Каратыгина. Когда онъ, по ходу пьесы, принялъ ядъ и, желая показать зрителямъ, что онъ началъ уже дѣйствовать, т. е., душить его,—схватилъ обѣими руками за низъ борта своего мундира, рванулъ, и всѣ пуговицы разомъ отлетѣли! Послѣ я разспрашивалъ у всѣхъ, кого только могъ: отъ чего это произошло? были ли нарочно такъ слабо пришиты пуговицы? или онъ на самомъ дѣлѣ обладаетъ такой силой, что могъ оторвать ихъ безъ всякой подготовки? Привожу этотъ мелочной рассказъ, чтобы показать, какъ игра Каратыгина подѣйствовала своей художественной стороной не столько на мои душевныя ощущенія, сколько на глаза. Я не былъ еще достаточно развитъ, чтобы лучше понимать драматическое искусство. За то оперы: «Днѣпровская Русалка», «Волшебная флейта» и т. п., приводили меня въ восторгъ своими превращеніями, полетами, разными чудовищами. Въ смѣшливыхъ комедіяхъ и водевиляхъ я смѣялся отъ души.

Такимъ образомъ проявлялось мое эстетическое чувство!

V.

Зданіе Горнаго корпуса. — Корпусное начальство и «старшіе» изъ кадетъ. — Кадеты и ихъ форменная одежда. — Преподаваніе и его организація. — Внѣшнія условія жизни кадетъ. — Церковь. — Кадетскій театр. — Распредѣленіе дня въ корпусѣ и внѣшняя учебная дисциплина. — Игры и развлеченія. — Награды и наказанія. — Наблюденія изъ оконъ Горнаго корпуса надъ приходившими иностранными кораблями. — Посѣщеніе корпуса императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ маѣ 1829 года.

Опишу официальную и внутреннюю стороны Горнаго корпуса, что нынѣ—корпусъ горныхъ инженеровъ, какъ было въ мое время.

Корпусъ помѣщался, гдѣ и нынѣ, въ зданіи на западной оконечности Васильевскаго острова и строеніями своими занималъ цѣлый кварталъ. Переднимъ фасадомъ стоялъ на рѣку Неву, а заднимъ упирался въ Волково поле. Корпусъ имѣлъ церковь, больницу. Въ квадратѣ, образуемомъ въ срединѣ строеній, расположенъ былъ садъ, которымъ, впрочемъ, пользовались одни выздоравливающіе больные, такъ какъ больница главнымъ своимъ фасадомъ примыкала къ нему. Въ саду была устроена примѣрная шахта, въ которую спускались въ корзинѣ, приводимой въ движеніе воротомъ. Шахта эта существовала только для вида, во все трехлѣтнее пребываніе мое въ корпусѣ ни разу не спускали въ нее кадетъ, несмотря на наши настоятельныя просьбы. Для чего же была устроена шахта? Для одного только вида, какъ въ то время многое учреждалось. Музей корпуса обладаетъ прекраснымъ, богатымъ собраніемъ минераловъ и окаменѣлостей; модели всѣхъ возможныхъ машинъ, употребляемыхъ въ горномъ дѣлѣ, красуются на столикахъ,

разставленные въ симметричномъ порядкѣ. Есть даже цѣлые виды мѣстностей и заводовъ, съ миниатюрными постройками и фигурами людей, производящихъ различныя работы, какъ, напримѣръ, добываніе руды, соли и т. п.

Въ трехъэтажномъ зданіи, выходявшемъ фасадомъ къ Галерной гавани, помѣщались внизу: кухня и баня; въ среднемъ этажѣ—классы; въ верхнемъ—столовая и буфетъ. Широкій, свѣтлый коридоръ шелъ во всю длину второго этажа и велъ въ классы, размѣщенные по обѣимъ его сторонамъ. Надъ дверью каждаго класса была прибита небольшая овальная желѣзная дощечка, на которой, по черному лакированному полю, былъ написанъ золотыми буквами № и названіе класса. Въ классѣ, у продольной стѣны, было сдѣлано небольшое квадратное возвышеніе, на которомъ стояли: столъ и стулъ для преподавателя. Противъ возвышенія, на довольно значительное разстояніе, такъ какъ классы были просторны, помѣщались амфитеатромъ столы и лавки для кадетъ, съ проходами по концамъ. Въ углу класса стояла «математическая» доска на треножникѣ. Все это было покрыто черной масляной краской; полы же—желтой. На столахъ стояли оловянные чернильницы и песочницы.

Въ столовой, при входѣ, у крайней стѣны, былъ устроенъ красивый, дубовый шкафъ, проходившій черезъ всѣ этажи зданія въ кухню. Этимъ шкафомъ, посредствомъ особо устроеннаго механизма, кушанья подавались намъ въ столовую, прямо изъ кухни. Столы стояли, по длиннымъ стѣнамъ зала, накрывались довольно тонкими скатертями. Посуда была оловянная, но ложки—серебряныя. Подавались тоже салфетки.

Корпусъ состоялъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра финансовъ, графа Канкринъ, и управлялся особымъ директоромъ, Е. В. Карнѣевымъ, извѣстнымъ переводчикомъ «Духа законовъ», Монтегкье.

За нимъ слѣдовали:

Помощникъ директора, Е. П. Ковалевскій, бывший впоследствии министромъ народнаго просвѣщенія. Инспекторъ—Д. И. Соколовъ, преподаватель горныхъ наукъ. Помощникъ инспектора—Г. Б. Остеръ-Мейеръ, въ чинѣ оберъ-гинтеръ-фервальтера. Начальники отдѣленія: перваго—П. Б. Сукни, втораго—М. Я. Рябининъ, съ «ястребинымъ носомъ», который намъ дѣлалъ испытанія въ нашихъ познаніяхъ, при поступленіи въ корпусъ; третьяго (малолѣтняго)—Юшневскій. Дежурные офицеры: А. П. Гертовъ, первый, принявшій насъ при пріѣздѣ въ корпусъ. Впоследствии, въ чинѣ генераль-майора, состоялъ начальникомъ Монетнаго двора въ Петербургѣ. И. П. Кери, венгерецъ, съ австрійскимъ крестомъ «Маріи Терезіи» въ петлицѣ, былъ золь и больно наказывалъ кадетъ. Сальморанъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, преподавалъ намъ російскую словесность.

Мы не знали, какъ понимать Сальморана: сумасшедшимъ, или поэтомъ въ душѣ, отдѣляющимся отъ земли и парящимъ въ высшихъ сферахъ? По крайней мѣрѣ, въ такомъ недоумѣннн онъ поддерживалъ насъ своими странностями и выходками. Часто, на дежурствѣ, онъ прохаживался одинъ по длиннымъ коридорамъ, страшно жестикулируя руками: то на ходу билъ себя въ грудь, то останавливался, подымалъ ихъ къ верху и т. п., произнося стихи. Вообще у него была манія къ стихамъ. Усовѣщивая кадетъ, пойманныхъ въ шалости, онъ говорилъ не иначе, какъ стихами. Остается сказать еще о двухъ офицерахъ: Панышевъ — розовенькій, сытенькій господинъ, съ голубыми близорукими глазами, но добрый. Ламздорфъ, пристрастный въ своихъ дѣйствіяхъ, баловалъ и потакалъ своимъ фаворитамъ и строго преслѣдовалъ тѣхъ кадетъ, которые почему либо не имѣли счастья ему нравиться.

Въ отдѣленіи малолѣтнихъ, кромѣ того, были еще гувернеры: французъ и англичанинъ. Послѣдній, кажется, только тѣмъ и занимался, что чинилъ кадетамъ гусиный перья.

Далѣе, надзоръ за кадетами былъ порученъ старшимъ кадетамъ, находящимся въ послѣднемъ, выпускномъ классѣ, именованномъ унтеръ-офицерами и имѣвшемъ галуны на мундирѣ. Они тоже дежурили поочередно и дѣлали «вечернія переклички». Такихъ старшихъ мы называли «межеумками», потому что отъ кадетъ они отстали и имѣли право ихъ наказывать, употребляя свое право часто во зло, а къ офицерамъ еще не пристали, потому что продолжали учиться, какъ и мы; да и мундиръ носили такой же, за исключеніемъ галуна. Такихъ старшихъ было по одному и по два въ каждомъ дортуарѣ, или спальнѣ кадетъ.

Несмотря на такой длинный списокъ начальниковъ и надзирателей, съ нѣмецкими названіями чиновъ, которыя нескоро говоришь, какъ, на примѣръ, оберъ-ринтеръ-фервальтеръ и т. п., корпусъ не могъ похвалиться нравственностью кадетъ: производились шалости и даже весьма гнусныя. Справедливость пословицы: «у семи нянекъ дитя безъ глаза», оправдывалась на насъ, какъ нельзя лучше.

Преподаваніе наукъ дѣлилось на девять классовъ: три нижнихъ, четыре среднихъ и два верхнихъ. Въ двухъ верхнихъ преподавались собственно горныя науки; во всѣхъ остальныхъ — общія.

Кадеты поступали или безъ экзамена, прямо въ первый нижній классъ, или по экзамену и по степени познаній распределялись по классамъ, включительно до I-го средняго. Возрастъ для приѣма въ корпусъ, кажется, не ограничивался лѣтами, по крайней мѣрѣ, при мнѣ дѣти какого-то бѣднаго горнаго чиновника, прибывшія изъ Сибири съ транспортомъ золота, были приняты, хотя у старшаго пробивались уже усы и борода, и онъ по познаніямъ своимъ, увы, могъ поступать только во второй нижній классъ.

По возрасту кадегы распредѣлялись на три отдѣленія, первое для старшаго возраста, второе—для средняго и третье—для малолѣтнихъ. Въ то время уже понимали необходимость отдѣлять старшихъ отъ младшихъ. Въ дѣйствительности же, распредѣленіе это дѣлалось болѣе по росту. Такъ я, имѣя 12 лѣтъ отъ роду, помѣщался во 2-мъ отдѣленіи, а другіе, старше меня, были въ малолѣтнемъ, потому только, что ниже меня ростомъ.

Кадеты дѣлились на казеннокоштныхъ, пансіонеровъ и полупансіонеровъ. Первые все содержаніе получали отъ казны и обязаны были служить по горному вѣдомству; пансіонеры, къ числу которыхъ принадлежалъ я, пользовались содержаніемъ тоже отъ казны, но за опредѣленную плату. Полупансіонеры, или вольноприходящіе, все имѣли отъ себя и пользовались ученіемъ, кажется, бесплатно, но обязаны были, для единообразія, носить форму, присвоенную кадетамъ. Впрочемъ въ мое время полупансіонеромъ былъ только одинъ, Лычковъ, о которомъ я уже говорилъ.

Форма кадетъ была праздничная и будничная. Праздничная состояла изъ двухбортнаго мундира, обыкновеннаго (въ то время) солдатскаго покроя, темно-синяго цвѣта, съ чернымъ, изъ плиса, воротникомъ, опущеннымъ кантомъ изъ краснаго сукна; погоны на плечахъ изъ чернаго сукна, тоже съ красной выпушкой, рукава оканчивались обшлагами, съ нашитыми клапанами. Пуговицы были гладкія, изъ красной мѣди. Брюки суконныя, одного цвѣта съ мундиромъ, безъ всякой выпушки. При мундирахъ носили фуражки и кивера. Фуражки были скроены по общепринятому тогда образцу, безъ козырька, изъ темно-синяго сукна, съ чернымъ околышемъ и краснымъ кантомъ. Кивера—тоже общей формы, съ кожанымъ козырькомъ, чернаго сукна боками, завершались тульей изъ черной глянцовой кожи. На киверѣ, спереди красовалась мѣдная бляха, въ видѣ удлиненнаго полукруга, въ срединѣ котораго изображались атрибуты горнаго промысла: заступъ, кирка, лопата; все это крестообразно; отъ нихъ по оконечностямъ бляхи шли во всѣ стороны лучи, но не прозрачные, а выбитые. Нижняя часть бляхи прикрывалась довольно широкимъ кутасомъ изъ нитяныхъ шнурковъ, искусно сплетеннымъ, въ видѣ рогожки. Концы кутаса прикрѣплялись къ бокамъ кивера, и отъ нихъ шелъ другой кутасъ, помѣщавшійся на задней части кивера. Отъ соединенія кутасъ шли: съ лѣвой стороны, длинный двойной шнуръ, доходившій до плеча и оканчивающійся двумя плетушками изъ чернаго и желтаго сырца. Петли плетушекъ надѣвались на плечевую пуговицу, подъ погонъ; съ правой же стороны кивера висѣлъ короткій шнуръ, едва достигавшій до уха и оканчивающійся боcheнчкомъ, заплетеннымъ въ сырецъ тѣхъ же цвѣтовъ, какъ и первый. Къ киверу были пристегнуты мѣдныя чешуи, т. е., чешуеобразныя бляшки, собранныя на ремнѣ и застегивающіяся подъ

подбородкомъ кожанымъ костылькомъ и петелькой. Киверъ завершался помѣщеннымъ спереди репейкомъ, но безъ помпона. Репеекъ состоялъ изъ двухъ, одинаковой мѣры, горизонтально спитыхъ лоскутковъ, бѣлаго и синяго сукна, имѣлъ овальную форму и сзади подшитъ чернымъ сукномъ.

На лѣвое плечо, подъ погонъ, надѣвался широкой, изъ глядovitой черной кожи, ремень и спускался по груди и спинѣ до праваго бока, концы ремня соединялись особо устроеннымъ гнѣздомъ, въ которое вдѣвался тесакъ, въ кожаныхъ ножнахъ, съ мѣднымъ наконечникомъ. Рукоятка тесака тоже была мѣдная, безъ темляка; зимой и лѣтомъ кадеты имѣли одну шинель, темно-сѣраго сукна, солдатскаго покроя. Воротникъ и погоны были одинаковой формы, какъ и на мундирѣ. На зимнее время намъ выдавались теплыя рукавицы, въ суконномъ верхнемъ чехлѣ, и преумо-рительные наушники. То былъ лоскутъ бѣлой фланели, узкій по срединѣ и постепенно расширяющійся къ концамъ. Концы были загнуты только, но не пришиты, и собраны на ниткѣ, отъ чего представляли изъ себя концы туфлей. Наушникъ былъ пригнанъ такъ, чтобы, захвативъ ухо въ сборки концовъ, онъ плотно обнималъ и ухо и подбородокъ и держался бы самъ собой.

Ежедневная одежда кадетъ состояла изъ однобортной куртки темно-синяго сукна, съ воротникомъ, погонами и пуговицами, какъ у мундира; панталоны были изъ темно-сѣраго сукна. Сукно на всемъ было довольно тонкое.

Науки, преподаваемыя въ корпусѣ, дѣлились на общія и спеціальныя, т. е. собственно относящіяся до горнаго искусства; послѣднія преподавались исключительно въ послѣднихъ двухъ верхнихъ классахъ; во всѣхъ же прочихъ учили: священной исторіи, катихизису, общей и російской географіи и исторіи,—математикѣ, низшей и высшей, съ ея побочными науками: геометріей, тригонометріей, съемкой и т. д., языкамъ: французскому, нѣмецкому, латинскому; послѣдній, впрочемъ, не былъ обязательнымъ; искусствамъ: рисованью, черченью, танцамъ и для желающихъ—музыкѣ и фехтованью; кромѣ того, военной выправкѣ и маршировкѣ.

Уроки продолжались по полтора часа и назначались два до обѣда и два послѣ обѣда. Между уроками—полчаса свободнаго времени. Утренніе—начинались въ 8^{1/2} часовъ, кончались въ полдень, вечерніе—въ 2^{1/2} часа, оканчивались въ 6 часовъ. Ученьемъ насъ не обременяли, но учили очень плохо.

Вакаціонное время было: зимнее, съ 23 декабря по 7 января, и лѣтнее—съ начала іюня по 15 августа. Кромѣ того, распускали наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Содержали насъ превосходно. Пища была едва ли не лучше, чѣмъ въ Пажескомъ корпусѣ. Такое содержаніе приписывали тому обстоятельству, что во время моего пребыванія въ корпусѣ воспи-

тывались въ немъ побочныя дѣти графа Канкринъ, два брата Пишке. Начальство и экономя опасались, чтобы на разспросы министра о пищѣ не послѣдовало недоулетворительнаго отвѣта.

Въ гигиеническомъ отношеніи тоже былъ соблюдаемъ строгій порядокъ. Бѣлье изъ тонкаго русскаго полотна мѣнялось два раза въ недѣлю: въ среду и субботу. Зимой, въ двѣ недѣли разъ, водили насъ въ баню, гдѣ каждому кадету давали порядочный кусокъ бѣлаго мыла. Лѣтомъ на рѣкѣ Невѣ, противъ корпуса, были устроены двѣ обширныя купальни: одна глубокая, для умѣющихъ плавать, другая—мелкая, для неумѣющихъ. За корпусомъ, къ Волкову полю, помѣщался большой ровный плацъ, съ навѣсами по забору. На плацу мы играли въ мячъ и другія игры, а въ случаѣ дождя укрывались подъ навѣсомъ. Весной, когда земля еще не обсохла, и вездѣ была грязь, въ теплые дни насъ выпускали на большое парадное крыльцо подышать чистымъ воздухомъ.

Вездѣ, во всемъ корпусѣ, постоянно соблюдались замѣчательная чистота и порядокъ, такъ поразившія насъ при первомъ нашемъ поступленіи. Полы вездѣ были натерты воскомъ; въ дортуарахъ—желѣзныя кровати съ таковымъ же пруткомъ въ головахъ, на верхнемъ концѣ котораго, на квадратной дощечкѣ, выкрашенной черной масляной краской и обведенной красной каймой, мѣломъ, разведеннымъ въ водѣ, было четко и красиво написано: № и названіе класса и фамилія ученика, обладателя кровати. Постели всегда были въ порядкѣ. Съ боку, въ головахъ, помѣщался глухой столъ, въ нижней части котораго устроенъ шкафъ, а между шкафомъ и верхней доской—выдвижной ящикъ; все это съ врѣзанными глухими замками и запиралось на ключъ. Въ ногахъ кровати стоялъ табуретъ, на который мы складывали одежду, когда ложились спать. И столъ и табуретъ выкрашены масляной краской темно-синяго цвѣта. Постельный тюфякъ изъ полосатаго тика набитъ былъ мочаломъ, съ верхней прокладкой изъ конскаго волоса, покрывался простыней и одѣяломъ, зимой изъ бѣлой фланели, на холщевой подкладкѣ, лѣтомъ изъ русскаго бѣлаго тика. Поверхъ одѣяла лежала пуховая подушка, въ чистой наволочкѣ. Все постельное бѣлье изъ тонкаго русскаго полотна. Въ зимнее время печи всегда топилъ съ вечера, и температура въ комнатѣ поддерживалась на 12°. Для вентиляціи воздуха были устроены каминныя и фортки. Роскошь, которую имѣетъ не каждый, знатный, частный домъ! Словомъ, въ гигиеническомъ отношеніи не оставалось ничего желать болѣе.

Замѣчательный порядокъ существовалъ въ цейхгаузѣ, гдѣ хранились наше бѣлье, одежда и амуниція. По стѣнамъ шли узкія продолговатыя полки, отъ полу до половины завѣшанныя чистымъ холстомъ; въ закрытой части лежали наше бѣлье, сапоги; на виду—мундиры, кивера, тесаки, въ симметрическомъ порядкѣ. Все это перенумеровано, каждый кадетъ обязанъ былъ знать свой номеръ и

по немъ братъ вещи. Больница щеголяла своимъ устройствомъ. Она состояла изъ отдѣленій: для трудно больныхъ, просто больныхъ и выздоравливающихъ; кромѣ того, имѣлось особое отдѣленіе для глазныхъ болѣзней; въ немъ постоянно царствовалъ зеленоватый полумракъ отъ спущенныхъ сторъ изъ матеріи зеленого цвѣта. Порядокъ, чистота, бѣлье, больничная одежда, состоявшая изъ халата и туфлей, — все было превосходно. Докторъ ежедневно посѣщалъ больницу, фельдшера не отходили отъ больныхъ. Больница имѣла свою аптеку. Матеріальной частью больницы завѣдывала особая кастелянша. При мнѣ должность эту исполняла старушка m-me Planer: она же разливала и поила чаемъ всѣхъ больныхъ.

Церковь была небольшая, простой, но изящной отдѣлки, богата утварью и священническими одѣянiями. На клиросѣ пѣли кадеты. Корпусъ имѣлъ свой театръ, помѣщавшійся въ верхнемъ этажѣ, въ углу, образуемомъ двумя сходящимися строеніями. Здѣсь, кстати, скажу, что вообще планъ постройки всего корпуса былъ страшно перепутанъ и имѣлъ неправильные изгибы. Такъ наружный уголъ главнаго зданія, выходящій одной стѣной къ Невѣ, а другой—въ улицу, противъ казармъ финляндскаго полка, былъ не прямой, но раздвинутый, остальные строенія соприкасались между собой, подъ всѣми возможными углами. Видно было, что все это пристройки, дѣлались постепенно, по мѣрѣ надобности.

Театръ былъ устроенъ въ небольшой залѣ, имѣлъ возвышенную отъ пола сцену съ кулисами и занавѣсомъ. За рампой помѣщались музыканты. (Корпусъ имѣлъ свою инструментальную музыку). Отъ музыкантовъ невысокая перегородка отдѣляла партеръ съ мѣстами для посѣтителей. Надъ партеромъ до половины были устроены хоры, на которыхъ помѣщались кадеты. Все это въ небольшихъ размѣрахъ, но прилично. Зато лѣстница, ведущая въ театръ, была преотвратительная. Мѣсто не позволяло устроить ее лучше, и потому она была извилиста, узка, крута и совершенно темна. Стѣны лѣстницы замѣняли перила, а протянутая во всю ея длину веревка служила поручнемъ. Костюмы для пьесъ доставали изъ театральнаго гардероба, что было дѣлать легко, благодаря тому обстоятельству, что въ мое время воспитывались въ корпусѣ три брата Самойловы, дѣти извѣстнаго актера Самойлова: Александръ, Василій и Сергѣй. Изъ нихъ Василій служилъ потомъ украшеніемъ петербургской сцены; участь двухъ остальныхъ мнѣ неизвѣстна. На сценѣ кадеты разыгрывали комедіи, водевили, оперы въ родѣ «Мельникъ, сватъ, колдунъ, обманщикъ» и т. п. Выплясывали разные характерные танцы; исполняли женскія роли.

Театръ нашъ пользовался доброй репутаціей и посѣщался довольно многочисленной публикой.

Покончивъ съ официальной стороною корпуса, опишу нашу домашнюю, такъ сказать, жизнь.

День начинался тѣмъ, что во всѣ времена года колокольчикъ будилъ насъ въ 7 часовъ утра. Вставъ съ постели, шли умываться въ устроенную для того комнату, въ каждомъ изъ отдѣленій особо. Посреди комнаты помѣщался одинъ общій умывальникъ, состоящій изъ большого круглаго мѣднаго резервуара, всегда отлично вычищенного и утвержденного на тумбѣ, въ которой скрывалась труба, проводящая стекающую воду въ пріемникъ, устроенный гдѣ-то внѣ стѣнъ зданія. На днѣ резервуара, по краямъ, въ симметрическомъ и ровномъ другъ отъ друга разстояніи помѣщались такъ называемые «гвозди», т. е., мѣдные луженые прутья, имѣвшіе на наружныхъ концахъ шляпки, а другими, верхними концами, плотно входившіе въ гнѣзда, устроенныя на днѣ резервуара. Когда такой «гвоздь» нажмешь за нижнюю его шляпку ладонью руки, то онъ приподымается кверху, входитъ въ резервуаръ и пропускаетъ воду, когда же отымешь руку, гвоздь, опускаясь, входитъ въ свое мѣсто, затыкаетъ скважину, и токъ воды прекращается. Подъ резервуаромъ устроенъ пріемникъ, нѣсколько шире, чѣмъ самый резервуаръ; пріемникъ соединяется съ трубой въ тумбѣ, служащей базисомъ резервуара, и въ мѣстѣ соединенія имѣетъ отверстія, черезъ которыя грязная вода, стекая по наклоннымъ стѣнкамъ пріемника, уходила въ трубу. По стѣнамъ умывальной комнаты устроены были валики, на которыхъ висѣли полотенца, связанные концами вмѣстѣ. Можно было передергивать ихъ сколько угодно; они составляли вѣчный круговоротъ.

Умывшись и одѣвшись, кадеты становились, по ранжиру, во фронтъ, каждый въ своемъ дортуарѣ. Одинъ изъ нихъ громко читалъ утреннюю молитву, прочіе—крестились. По окончаніи молитвы, аудиторы спрашивали уроки, каждый у своихъ кадетъ. Учрежденіе аудитора состояло въ слѣдующемъ: избирался лучший по успѣхамъ ученикъ, которому поручалось 5—6 кадетъ, одного съ нимъ класса. Избранный и назывался аудиторомъ. Обязанность его состояла въ спрашиваніи урока, передъ началомъ классовъ, у учениковъ, значащихся въ его спискѣ, и отмѣткѣ ихъ отвѣтовъ. Списокъ этотъ потомъ подавался учителю. Такъ какъ аудиторы назначались не по всѣмъ предметамъ преподаванія вообще, а по каждому порознь, то весьма часто случалось, что аудиторъ имѣлъ у себя въ спискѣ ученика, который, въ свою очередь, былъ его аудиторомъ изъ другого предмета, отъ чего, разумѣется, происходили разныя злоупотребленія, и учителя, понявъ бесполезность введенія аудиторовъ, скоро ихъ уничтожили.

Кадеты забирали книги и другія пособія, нужныя для классовъ того утра, строились въ двѣ шеренги уже всѣ вмѣстѣ по отдѣленіямъ и шли въ столовую. Тамъ шеренги расходились на двое, по каждой сторонѣ стола и усаживались на лавки. Между тѣмъ на столахъ, на подносахъ, въ стаканахъ, дымился горячій сбитень (извѣстный

напитокъ), частью съ молокомъ, частью чистый; тутъ же лежали булки изъ пшеничной муки, невысокаго сорта. По знаку колокольчика, сбивень разбирался кадетами подъ надзоромъ унтеръ-офицеровъ, тутъ же сидящихъ, проворно уничтожался вмѣстѣ съ булкой, и ожидался новый знакъ. Дежурный офицеръ, присутствующій въ столовой, махалъ шляпой или давалъ знакъ рукой; помощникъ эконома, стоявшій у кухоннаго шкапа, о которомъ я уже упомянулъ, три раза ударялъ колокольчикомъ; кадеты встаютъ съ своихъ мѣстъ и отправляются тѣмъ же фронтомъ прямо въ классы. Войдя въ коридоръ, всѣ расходятся каждый на свое мѣсто. Въ полчаса промежутка, положеннаго на перемѣну учителей, желающіе могутъ ходить по коридору.

По окончаніи классовъ вновь строятся по ранжиру и возвращаются въ дортуары, гдѣ весь утренній беспорядокъ уже болѣе не существуетъ, постели прибраны, полы натерты, словомъ все приведено буквально въ блестящій видъ. Тамъ старшіе торопятъ кадетъ скорѣе укладывать книги и прочее на свои мѣста въ подстольные шкапы и тотчасъ же безъ всякаго уже порядка выгоняютъ, чтобы мы не измяли постелей и не испаркали пола. Мы уходили въ большой залъ, назначенный собственно для нашихъ игръ, которымъ и предавались «кто во что гораздъ».

Игры наши и развлечения были довольно разнообразны и дѣлились на зимнія и лѣтнія, а по роду занятій—на утреннія и вечернія. Дневныя зимнія игры состояли: въ игръ въ ключъ, мячъ, въ бѣготнѣ взапуски; вечернія—въ показываніи «тѣней», въ представленіи театра. Лѣтнія забавы ограничивались игрой въ лапту, въ «свайку» на плацу, о которомъ я уже упоминалъ; если же благопріятствовала погода, то прибѣгали къ зимнимъ развлечениямъ.

Находились между кадетами и «антрепренеры театровъ». Театръ, или, правильнѣе сказать, сцену театра довольно значительной величины, дѣлали изъ картона съ подвижными кулисами и поднимающимся и опускающимся занавѣсомъ. Кулисы вырѣзывали и раскрашивали согласно ихъ назначенію: такъ онѣ представляли комнату съ дверями и окнами или садъ, лужайку, лѣсъ съ хижиной и тому подобное, даже ухитрялись дѣлать волны морскія, двигая ихъ по сценѣ, взадъ и впередъ. Полъ на сценѣ былъ возвышенъ на столько, чтобы подъ нимъ могла свободно поворачиваться рука, и имѣлъ сквозные прорѣзы съ поворотами и по разнымъ направленіямъ. По прорѣзамъ ходили картонные актеры, разодѣтые соответственно представляемой пьесѣ и приводимые въ движеніе скрытой подъ поломъ рукой, при чемъ произносились монологи, сочиненные на такой случай. Были и такіе искусники, что дѣлали своихъ актеровъ съ подвижными головами, руками и ногами, отъ чего они прижимали руки къ сердцу, поднимали ихъ къ небу, кланялись, присѣдали, становились на колѣни и тому подобное. Желающіе видѣть

подобный спектакль платили за свое право бумагой, перьями, карандашами, порціями кушанья; но, замѣчательно; ни одна игра не производилась на деньги!

Была попытка издавать писанный журналъ, но не знаю, почему онъ прекратился на № 2.

Я оставилъ кадетъ, вышедшихъ изъ дортуаровъ и собравшихся въ игральной залѣ, занятыми игрой, между тѣмъ малолѣтніе, увы, были отдѣлены отъ насъ, какъ «овцы отъ козлищъ», и оставались взаперти въ своемъ отдѣленіи, гдѣ они, бѣдненькіе, не смѣли присѣсть на кровати, чтобы не измять ихъ и тѣмъ нарушить порядокъ. Не имѣя своей залы, они были стѣснены въ своихъ играхъ; при томъ должны были говорить между собой на языкѣ гувернера, дежурнаго въ тотъ день: такъ, если то былъ французъ, то по-французски, если нѣмецъ, то по-нѣмецки. Между ними ходили билетики, передаваемые тѣмъ, кто скажетъ хотя одно слово не на надлежащемъ языкѣ. У кого оказывались такіе билетики передъ обѣдомъ или ужиномъ, тотъ оставался безъ ѣды. Между тѣмъ у насъ шумъ, гамъ, бѣготня—все это дозволялось, а запрещалось только кричать и драться.

Вотъ бьетъ 2 часа—время обѣда, раздается призывный колокольчикъ; всѣ строятся и по тому же расчету и тѣмъ же порядкомъ, какъ утромъ, идутъ въ столовую, громко прочитывалась кѣмънибудь изъ кадетъ приличная молитва, усаживались и по звонку колокольчика принимались за первое блюдо. За обѣдомъ подавались три перемѣны кушанья: горячее, говядина или каша, если были щи, и чтонибудь въ родѣ пирожнаго. Изъ послѣднихъ я въ особенности любилъ такъ называемыя «пышки». Это тѣсто, изъ пшеничной муки, величиной съ яблоко, на которое и походило видомъ, обжаренное съ маслѣ и посыпанное сахаромъ. Ихъ подавали два раза въ недѣлю, по пяти штукъ на каждого. Этими-то пышками я всегда предлагалъ производить расплату въ проигрышѣ тѣхъ игръ, въ которыхъ я участвовалъ. Когда на горячее были «лѣнныя щи», то подаваемая вслѣдъ за ними каша составляла второе блюдо, и обѣдъ заканчивался жареной говядиной. Пока мы истребляемъ горячее, съ ломтемъ хорошо испеченнаго чернаго хлѣба, малюга скрипя подаетъ въ шкафѣ слѣдующее блюдо. Отъ шкафа иногда шелъ чадъ изъ кухни. Прислуга перемѣняла тарелки, и мы за слѣдующую перемѣну кушанья не могли дотронуться безъ звонка, производимаго тѣмъ же помощникомъ эконома и по знаку дежурнаго офицера. Тѣмъ же порядкомъ приступали къ третьей перемѣнѣ и по послѣднему звонку вставали изъ-за стола, снова прочитывалась благодарственная молитва, и мы въ прежнемъ порядкѣ возвращались въ свой залъ.

Обѣдъ, какъ я уже говорилъ, всегда былъ 'сытый, приготовлялся изъ свѣжихъ припасовъ; при немъ иногда присутствовалъ экономъ,

баронъ Виттъ. Во все трехлѣтнее пребываніе мое въ корпусѣ разъ только случилось, что на одномъ столѣ въ кашѣ нашли слѣды нечистотъ, оставленныхъ мышами. Вѣсть о томъ молніей пробѣжала по остальнымъ столамъ, и экономъ очень маленькаго роста буквально былъ закиданъ кашей, несмотря на присутствіе дежурнаго офицера и его приказанія возвратиться къ порядку. Примѣръ тому показали старшіе возрастомъ, а мы только подхватили. Сами унтеръ-офицеры, вмѣсто того, чтобы останавливать насъ, подкладывали намъ куски каши, которые потомъ летѣли въ эконома. Удивительно, что продѣлка эта осталась безъ всякихъ послѣдствій.

Не думаю, чтобы начальство, вообще довольно строгое къ нашимъ шалостямъ, признало за нами право такого самоуправства.

Вѣроятно же всего, что снисхожденіе его въ этомъ случаѣ происходило отъ благоразумнаго взгляда на нашъ проступокъ, и мѣры строгости останавливались въ виду трудности отысканія виновныхъ.

На самомъ дѣлѣ, виновныхъ, т. е. весь корпусъ поголовно, наказать немислимо, между кадетами нельзя было означить и главныхъ зачинщиковъ, потому что, если не зачинщиками, то ревностными поощрителями безпорядка, оказывались наши унтеръ-офицеры, т. е., лица, коимъ вѣрнѣе былъ ближайшій за нами надзоръ. Возможно ли наказывать ихъ, не уронивъ въ глазахъ нашихъ нравственнаго ихъ авторитета? А, можетъ быть, начальство и само струсило, боясь, чтобы свѣдѣніе о кашѣ не дошло до министра черезъ братьевъ Пишке. Какъ бы то ни было, только никто изъ насъ не былъ подвергнутъ наказанію. Одинъ только экономъ долженъ былъ выводить масляныя пятна изъ своего платья. Съ того времени мы имѣли кашу чистую отъ всякой посторонней примѣси.

Передъ началомъ вечернихъ классовъ мы снова шли въ спальни за нашими книгами и, взявъ ихъ, тотчасъ же уходили въ классы. По окончаніи ученья возвращались въ свои дортуары и оставались въ нихъ до утра.

Вечеромъ сбитень отъ казны не полагался, и потому пили его за особую плату тѣ только кадеты, которыхъ родители имѣли достатки.

Вечеръ посвящался приготовленію уроковъ на слѣдующій день.

Въ 8 часовъ звонокъ собиралъ насъ къ ужину, на которомъ подавались только двѣ переменны кушанья: горячее, которое было за обѣдомъ, и пироги, начиненные одинъ день кашей, другой говядиной, попеременно. Отъ ужина возвращались въ спальни, строились по ранжиру, каждый въ своемъ дортуарѣ. Дежурный унтеръ-офицеръ въ киверѣ и при тесахъ, какъ отличіи его обязанностей, обходилъ всѣ комнаты отдѣленія и по списку дѣлалъ переключку кадетъ. Каждый изъ насъ на произнесенную имъ фамилію обязанъ былъ отвѣчать «здѣсь». Отсутствующіе по какому либо случаю

отмѣчались въ спискѣ, который въ тотъ же вечеръ сдавался эконому, для его соображенія о количествѣ нужныхъ порцій кушанья. По окончаніи перекички и прочтеніи кѣмъ либо изъ кадетъ, во всеуслышанье, вечерней молитвы на сонъ грядущій, всѣ расходились и укладывались спать.

Раздѣваясь, каждый обязанъ былъ бѣлье свое и платье сложить въ опредѣленномъ единообразномъ порядкѣ на табуретъ и поставить его въ ногахъ постели. Потерпѣвшіе въ теченіе дня какую нибудь «аварію» въ своей одеждѣ, т. е. разорвавшіе сапоги или платье, складывали ихъ на окно. Дядьки, которыхъ было по одному и по два на каждый дортуаръ, смотря по его величинѣ и слѣдовательно по количеству его обитателей, собирали «аварію» съ оконъ и относили въ швальни. Утромъ рано все въ исправленномъ видѣ являлось на своихъ мѣстахъ, т. е. окнахъ. Мы ложились въ постели, и, при яркомъ освѣщеніи маслянныхъ лампъ, тихо спускался на насъ сонъ... Все въ стѣнахъ корпуса затихало до утренняго колокольчика. Предусмотрительность начальства простиралась до того, что въ каждомъ дортуарѣ лежало по нѣсколько халатовъ изъ бѣлой фланели, спитыхъ на разный ростъ, для ночныхъ выходовъ.

Такъ заканчивался день въ корпусѣ.

Ученіе производилось по общепринятому методу: спрашивали заданные уроки, и отвѣты отмѣчались въ спискахъ цифрами: 0, 1, 2, 3, и 4, что означало постепенность отъ «худо», до «отлично». Изъ класса въ классъ переводились по экзамену, происходившему ежегодно въ концѣ мая мѣсяца. Прилежныхъ, кромѣ того, награждали книгами, похвальными листами; на послѣднемъ обѣдѣ, передъ роспускомъ на каникулы, сажали ихъ за особый столъ и угощали изысканными кушаньями, а въ заключеніе подавали десертъ, состоящій изъ конфетъ и фруктовъ. Я со всѣми своими отличными способностями переводился только изъ класса въ классъ; но ни разу не удостоился попасть въ число награждаемыхъ за прилежаніе. За мной не было спеціальнаго надзора, который руководилъ бы меня и заставлялъ изоощрять свои способности; отъ этого я больше шалилъ, чѣмъ занимался ученьемъ.

Унтеръ-офицеры, кончившіе курсъ ученья, при выпускѣ получили названіе «практиканта». Для практикантовъ отъ корпуса назначалось угощеніе съ значительнымъ количествомъ крѣпкихъ напитковъ. Отводился отдѣльный домикъ, стоявшій въ углу зданій корпуса, къ Волкову полю, и отдавался въ безконтрольное распоряженіе практикантовъ. Тамъ они кутили все время, пока не выходило назначеніе: кому оставаться въ Петербургѣ, при Монетномъ дворѣ, кому отправляться въ Сибирь на заводы. На всѣ ихъ пьяныя продѣлки корпусное начальство смотрѣло «сквозь пальцы», платя за все истребленное ими. То было какъ бы прощаніе корпуса съ своими воспитанниками.

По окончаніи экзаменовъ, происходилъ публичный актъ въ рекреационномъ залѣ, только для этого торжественнаго случая доступномъ кадетамъ. Въ залѣ помѣщались статуи: Аполлона Бельведерскаго и семейства Лаокоона, терзаемаго зміями; стѣны украшены поясными портретами всѣхъ министровъ финансовъ, начиная отъ перваго и кончая (въ то время) настоящимъ—графомъ Канкринымъ. Само собой разумѣется, что на короткой стѣнѣ залы красовался портретъ во весь ростъ императора Николая. На актъ приглашались, кромѣ начальства, родственники кадетъ, находящіеся въ Петербургѣ, и много постороннихъ лицъ, въ качествѣ ревнителей просвѣщенія. Въ назначенный часъ двери, ведущія изъ 1-го отдѣленія, растворялись; кадеты, по два въ рядъ, меньшіе впереди, маршируя подъ звуки музыки, вступали въ залъ. Дойдя до посѣтителей, расходились: одинъ рядъ направо, другой налево, и строились въ колонну, при чемъ меньшіе ростомъ составляли переднюю шеренгу, лицомъ къ зрителямъ, за нею слѣдующіе по росту кадеты, въ самой послѣдней—самые высокіе; поэтому, если смотрѣть со стороны посѣтителей, образовывался амфитеатръ изъ головъ кадетъ. Читался отчетъ, провозглашались фамиліи отличившихся въ наукахъ кадетъ, раздавались имъ награды, и потомъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при входѣ въ залъ, кадеты скрывались за дверью, и актъ кончался до слѣдующаго года.

На другой день распускали кадетъ на лѣтнюю вакацію. Заговоривъ о наградахъ, я естественно долженъ упомянуть и о наказаніяхъ, коимъ подвергались провинившіеся. Наказанія, существовавшія въ корпусѣ въ мое время, можно подраздѣлить на общія и спеціальныя: къ первымъ принадлежатъ: сѣченье розгами, ставленіе на колѣна, дранье за волосы и уши; ко вторымъ—ставленіе къ столбу, битье линейкой по ногтямъ. Первые общія наказанія слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ описывать; скажу только, что розги употреблялись лишь въ самыхъ важныхъ проступкахъ. При мнѣ въ три года было только два случая наказанія розгами.

Первый 3-й нижній классъ, въ которомъ и я находился, мало того, что шумѣлъ во время преподаванія французскаго языка, но мы бросали въ учителя, т-г Planer, жеванными кусочками бумажекъ, свернутыхъ шарикомъ. Не найдя зачинщиковъ, корпусное начальство порѣшило наказать розгами десятаго. Собрали насъ въ классъ, дядьки принесли скамьи и розги; насъ поставили въ шеренгу «подъ ранжиръ» и отсчитали десятыхъ. Получившихъ роковое число наказали, но не очень больно. Меня миновалъ жребій, хотя, каюсь, я былъ въ числѣ главныхъ зачинщиковъ.

Другой случай наказанія розгами былъ болѣе торжественный, въ присутствіи всѣхъ кадетъ. Въ одинъ для насъ обыкновенный, а для наказуемыхъ скверный день, послѣ обѣда, насъ по обыкновению не вывели изъ столовой, а приказано было всѣмъ остаться

на своихъ мѣстахъ. Насъ удивило такое распоряженіе; но скорѣ разъяснилось недоумѣніе. Въ залъ ввели кадета изъ перваго верхняго класса, лѣтъ 20-ти, Макарова, и при всѣхъ наказали. Мы, меньшіе, не поняли хорошо, въ чемъ состояла его вина, но по небывалости подобнаго случая наказанія заключили, что онъ сдѣлалъ что либо немаловажное.

Спеціальность наказанія заключалась въ битвѣ линейкой по ногтямъ и составляла чистое варварство, въ родѣ инквизиціонной пытки. Провинившійся долженъ былъ собрать всѣ пальцы лѣвой руки вмѣстѣ и держать ихъ кверху. Въ такомъ видѣ били по ногтямъ линейкой, иногда до того сильно, что изъ-подъ ногтей выступала кровь. Наказаніе это обыкновенно производили унтеръ-офицеры. Къ счастью всѣхъ насъ, въ мое время такому истязанію подвергся кадетъ, отецъ котораго занималъ въ Петербургѣ какой-то видный постъ и былъ хорошо знакомъ съ директоромъ корпуса. Отецъ передалъ способъ наказанія его сына Карнѣеву, а тотъ при сборѣ всѣхъ кадетъ объявилъ унтеръ-офицерамъ, чтобы впередъ подобнаго наказанія никогда не употреблять.

За шалости или непослушаніе ставили «къ столбу». Наказаніе получило такое лаконическое названіе отъ печей, въ видѣ столба стоявшихъ по угламъ въ столовой залѣ. Обыкновенно провинившемуся говорило начальство отрывисто, коротко: «къ столбу», и тотъ долженъ былъ отправляться къ печкѣ и становиться спиной къ зрителямъ.

Наказывали также тѣмъ, что подчеркивали фамилію въ спискѣ. Имѣющій такую отмітку не могъ получить отпускнаго билета и на праздникъ оставался въ корпусѣ.

Роспускали насъ изъ корпуса, какъ я уже говорилъ, наканунѣ праздниковъ. Обыкновенно, по окончаніи вечернихъ классовъ, когда мы возвращались въ спальни, и такъ какъ путь нашъ лежалъ мимо швейцарской, то мы и забѣгали туда посмотреть: не пришли ли за нами посланные? Только кадетъ старшаго возраста отпускали однихъ, насъ же, меньшихъ, не иначе, какъ въ сопровожденіи мужчины или женщины, все равно.

Завидя желаемую личность, опрометью летимъ въ дортуаръ, спѣшимъ уложить книги, одѣться въ форму и явиться въ такъ называемую «дежурную комнату». Тамъ стоитъ уже развернутый столъ, за нимъ сидятъ дежурные унтеръ-офицеры, подъ предсѣдательствомъ котораго либо изъ начальниковъ отдѣленія или дежурнаго офицера. На столѣ лежатъ: списокъ кадетъ, мѣдные небольшие жетоны и отпечатанные на осьмушкѣ листа синей бумаги бланки отпускныхъ билетовъ, съ оставленными, гдѣ нужно, пробѣлами. Прежде выдачи билета справятся въ спискѣ, не подчеркнута ли фамилія кадета, просящагося въ увольненіе, что, замѣчу мимоходомъ, было совершенно излишне; каждый изъ насъ

заблаговременно зналъ, если имѣлъ свою фамилію подчеркнутой, и не являлся за отпускнымъ билетомъ. Въ пробѣлы билета вписывались унтеръ-офицеромъ фамилія кадета и срокъ, на который онъ отпускается; билетъ подписывался присутствующимъ начальникомъ и выдавался вмѣстѣ съ жетономъ въ руки отпускаемаго. Жетонъ передавался швейцару, какъ знакъ пропуска, а самый билетъ складывался узкой полоской и затыкался по борту мундира, между пуговицъ, такъ, чтобы конецъ его торчалъ наружу. Такимъ образомъ, при встрѣчѣ на улицѣ съ начальствомъ, послѣднее видѣло, что кадетъ имѣетъ билетъ, не спрашивая о томъ.

Таковъ былъ корпусъ въ мое время. Теперь все въ немъ, даже до самаго названія, измѣнилось, и воспоминанія мои сдѣлались достояніемъ исторіи. Горный корпусъ переименованъ въ корпусъ горныхъ инженеровъ; воспитанники его называются не кадетами, а студентами или слушателями. Самое заведеніе сдѣлалось открытымъ и не вмѣщаетъ въ себѣ болѣе живущихъ, а только—приходящихъ слушать лекціи. Въ мое время Горный корпусъ и образовывалъ и воспитывалъ вмѣстѣ; теперь корпусъ горныхъ инженеровъ даетъ только специальное образованіе. Къ лучшему ли такая перемѣна?—не мое дѣло судить! Надо спросить тѣхъ горныхъ чиновниковъ, которые прежде изъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири присылали въ горный корпусъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей и оставались спокойны духомъ, что они получаютъ и воспитаніе и образованіе въ стѣнахъ корпуса подъ надзоромъ лицъ, на этотъ предметъ поставленныхъ. Теперь бѣдный отецъ долженъ прежде заботиться, гдѣ и какъ помѣстить своего сына, издерживаться на его содержаніе и по отдаленному мѣсту своего служенія не имѣть возможности слѣдить за его нравственностью, его наклонностями и привычками...

Отцы такихъ дѣтей сумѣютъ отвѣтить на предложенный мной вопросъ: къ лучшему ли допущены измѣненія въ корпусѣ?

Корпусъ весьма рѣдко посѣщали государственныя лица. Разъ, графъ Канкринъ пріѣзжалъ лѣтомъ, когда мы, по окончаніи вечернихъ классовъ, находились въ дортуарахъ. Приказано было каждому изъ кадетъ встать въ ногахъ своей кровати. Вошелъ высокаго роста, сухощавый старикъ, съ зеленымъ зонтомъ на глазахъ, съ густыми золотыми эполетами, въ военномъ длинномъ сюртукѣ, ниже колѣнъ. Онъ прошелъ мимо насъ и, кажется, не замѣчалъ насъ, разговаривая на ломаномъ русскомъ языкѣ съ директоромъ корпуса, Карнѣевымъ.

Въ концѣ мая 1829 г., мы сидѣли за обѣденнымъ столомъ, когда распространилась вѣсть, что государь пріѣхалъ въ корпусъ.

Въ первый еще разъ онъ посѣтилъ горный корпусъ. Поднялась суматоха. Насъ вывели изъ столовой и поставили всѣхъ безъ исключенія во фронтъ, подъ ранжиръ, въ двѣ шеренги. Вышедшій къ намъ помощникъ инспектора, Остеръ-Мейеръ, училъ насъ, какъ отвѣчать государю, на случай, если онъ когонибудь изъ насъ спроситъ. Замѣтивъ у дежурнаго офицера, Панышева, висѣвшую по борту мундира щегольскую золотую цѣпочку отъ часовъ, посоветовалъ ее запрягать, завѣряя, что это можетъ не понравиться государю. Наконецъ, послѣ долгаго томительнаго ожиданія, послышались шаги, голоса, и въ дверь, какъ разъ раздѣляющую наше отдѣленіе отъ старшаго, вошелъ государь, сопровождаемый всѣмъ нашимъ корпуснымъ начальствомъ.

Обращаясь къ намъ, государь сказалъ: «Здравствуйте, дѣти!» и быстро, повернувшись къ старшимъ, повторилъ: «Здравствуйте, мои молодцы».

Послѣднія слова послужили намъ поводомъ къ насмѣшкамъ надъ старшими. Часто мы имъ говорили: «Царь назвалъ насъ своими дѣтьми, а вы что? Вы молодцы? но «молодцами» въ гостиномъ дворѣ зовутъ приказчиковъ». Иногда больно намъ доставалось отъ старшихъ за такую насмѣшку.

Наружность Николая извѣстна. Я въ первый еще разъ видѣлъ его такъ близко, встрѣчая потомъ на улицѣ ѣдущимъ въ экипажѣ. Меня поразила въ немъ верхняя часть лба, наискось, какъ онъ носилъ трехугольную шляпу, необыкновенной бѣлизны, тогда какъ остальная часть лица сильно загорѣла отъ солнца. Не обращаясь ни къ кому изъ насъ, государь въ разспрашивалъ директора о порядкахъ, введенныхъ въ корпусъ. Узнавъ, что мы учимся маршировкѣ, онъ сказалъ, что мы не отстанемъ отъ кадетъ прочихъ корпусовъ въ «чистотѣ и отдѣлкѣ ружейныхъ приѣмовъ»; то были его собственныя слова. Потомъ пошелъ далѣе и исчезъ такъ же быстро, какъ и появился. Послѣ мы узнали всѣ подробности его пріѣзда. Онъ пріѣхалъ во время нашего обѣда, когда мы были на другомъ концѣ зданія. Войдя въ швейцарскую, засталъ нашего лысаго ветерана швейцара, въ его неизмѣнной на головѣ кожаной чапашкѣ, пропитанной масломъ,—онъ имѣлъ привычку, заправляя лампы, отирать объ нее свои замасленныя руки,—починивающимъ свой дырявый сапогъ. Завидя государя, старикъ, какъ «бывалый человекъ, видавшій виды», не сробѣлъ, быстро стащилъ съ себя чапашку и, вытянувшись по-солдатски, на пріѣтствіе государя отвѣтилъ обычное: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!», — хотя былъ совершенно одинъ, но желаніе свое выразилъ во множественномъ числѣ, въ силу привычки или неразвитости нашего солдата, не позволяющаго себѣ отступать отъ заученной форменной фразы и не понимающаго, что того, что говорится массою во фронтѣ, нельзя сказать въ одиночку.

- Гдѣ дѣти?—спросилъ государь.
- Обѣдаютъ, ваше величество.
- А гдѣ, дежурный офицеръ?
- Съ ними.
- Веди меня въ спальни.

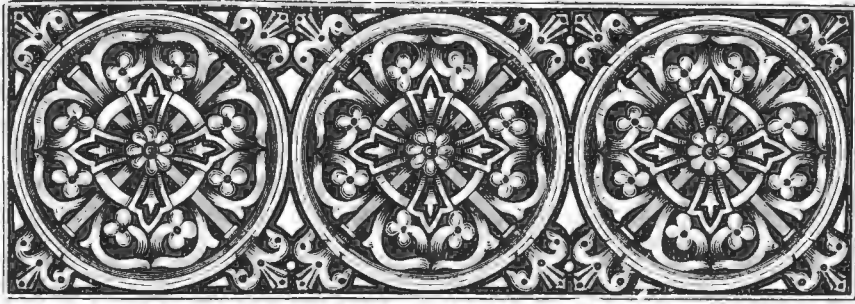
Старикъ черезъ дежурную комнату повелъ его въ наше отдѣленіе, какъ ближайшее. Тамъ, встрѣтивъ кого-то изъ дядекъ, швейцаръ шепнулъ, чтобы бѣжалъ извѣстить о пріѣздѣ государя. Застигнутое врасплохъ, наше начальство бросилось отыскивать по корпусу государя, потому что, пока оно собиралось, государь вышелъ уже изъ нашего отдѣленія, и куда направился, путеvodимый своимъ инвалидомъ, никто не зналъ. Наконецъ гдѣ-то натолкнулись на государя. Видя, что пріѣздъ его былъ совершенно неожиданъ, и найдя вездѣ отличный порядокъ и чистоту, государь весьма благосклонно принялъ директора, которому, между прочимъ, сказалъ, что давно слышалъ о порядкѣ, существующемъ въ корпусѣ, и очень радъ, что могъ лично удостовѣриться въ справедливости слуха. Осматривалъ все въ мельчайшихъ подробностяхъ, посѣтилъ кухню, гдѣ пробовалъ кушанья, прачечную, баню, больницу, въ которой, узнавъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ былъ одинъ смертный случай на 200 слишкомъ кадетъ, остался очень доволенъ и приказалъ доктора, находившагося въ отсутствіи, представить къ награждѣ. Въ церкви его встрѣтилъ нашъ священникъ съ крестомъ и св. водой. Приложившись къ кресту и помолившись образамъ, государь сказалъ, что церковь ему нравится.

Такъ какъ церковь сообщается съ корпусомъ квартирой директора, то государь прошелъ его комнатами, гдѣ представлялось ему семейство Карнѣева. Вообще, государь остался очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, былъ веселъ, шутилъ. Посѣщеніе корпуса государемъ долго послѣ служило намъ темой для разговора.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

(Изъ быта ремесленниковъ).

СЕННИЙ вѣтеръ уныло гудитъ, сердится и дергаетъ ветхій ставень, придерживаемый чугуннымъ болтомъ; въ этихъ звукахъ есть что-то знакомое, до такой степени знакомое и близкое, отчего сердце мое сжимается неопредѣленной тоской.

Сколько лѣтъ подъ рядъ прислушиваюсь я къ осеннимъ завываніямъ вѣтра, и съ каждымъ годомъ все больше и больше воспоминаній и думъ вызываютъ тоскливые плачущіе звуки непогоды. Воспоминанія!.. въ этомъ словѣ кроется такъ много— всѣ муки и вся радость жизни. Чѣмъ дальше я уйду отъ прошлаго, тѣмъ яснѣе вижу его.

Прежде, когда я была близка къ нему, оно казалось мнѣ мизернымъ и незначительнымъ, а теперь, по истеченіи многихъ, многихъ лѣтъ, это прошлое представляется мнѣ, какъ многозначительный фактъ жизни: на фонѣ мелкой будничной дѣйствительности, сѣренькой, какъ и эта осень, происходила глубокая, полная трагизма драма, смыслъ которой только теперь сталъ понятенъ для меня. Дѣйствующія лица этой драмы, люди маленькіе, будничные, такіе, каково большинство; они не выдавались ни особенными достоинствами, ни особенными недостатками, они жили, какъ всѣ— ѣли, пили, радовались, горевали, словомъ жили такъ, какъ живетъ

и теперь подавляющее большинство; они и дѣтей своихъ учили жить и поступать также, и, вѣроятно, дѣти продолжали бы ихъ незамѣтное существованіе, не попади они въ русло знаменательнаго историческаго процесса, который перевернулъ ихъ жизнь по-своему. Наши отцы не понимали и не могли понять духъ новаго времени, подтачивающаго въ корни ихъ старозавѣтные устои; они и въ могилу сошли, не понимая, что такое случилось въ ихъ жизни, и почему они должны были страдать, и въ ихъ честныхъ потускнѣвшихъ глазахъ навѣки застылъ недоумѣвающій тоскливый вопросъ.

Среди хаоса жизненныхъ явленій, ярко, образно встаютъ передъ моимъ воображеніемъ отдѣльныя картины минувшаго и заставляютъ вдумываться въ ихъ смыслъ.

Правильно ли, однако, понимаю я тѣ факты, которые совершались на моихъ глазахъ, есть ли это дѣйствительно отголоски эволюціоннаго процесса, который начался не при моей памяти, продолжается теперь и займетъ длинный періодъ въ будущемъ?

Какъ умѣю, передамъ то, что мнѣ приходилось наблюдать и переживать въ теченіе моихъ дѣтскихъ и юныхъ лѣтъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока я сама не «встала на ноги», какъ выражались окружающіе меня люди. А для этого мнѣ нужно вернуться лѣтъ за двадцать-тридцать тому назадъ, въ одинъ изъ бойкихъ портовыхъ городовъ юга Россіи, въ Одессу.

I.

Я начинаю помнить себя, а слѣдовательно и впечатлѣнія, какими снабжала меня жизнь, приблизительно съ шестилѣтняго возраста. Стоитъ мнѣ только закрыть глаза, чтобы я до мельчайшихъ подробностей вспомнила домъ, квартиру, улицу, по которой я свободно бѣгала въ обществѣ такихъ же, какъ я, ребятишекъ, — съ взъерошенными волосами, босыми ногами и блестящими, какъ у волчатъ, глазенками, такъ и высматривающими, какъ бы учинить какую нибудь необыкновенную штуку: прицѣпиться сзади, тайкомъ, къ рессорамъ проѣзжающаго экипажа и такимъ манеромъ прокатиться по улицѣ, бросая по сторонамъ побѣдоносные взгляды до тѣхъ поръ, пока кнутъ извозчика не оставитъ слѣда на обнаженной шеѣ или рукѣ; либо изъ-за угла попасть комомъ грязи въ прохожаго зѣваку, тутъ же моментально спрятаться, выглядывая сквозь щелку деревянныхъ воротъ, какой получился эффектъ, и пр. безобидныя шалости, которыя такъ тѣшатъ дѣтей, часть своей жизни проводящихъ на улицѣ.

Улица, по которой мы жили, была застроена старыми одноэтажными домами; съ одной стороны, она примыкала къ новому базару,

съ другой—къ соборной площади, усаженной въ былое время акаціями, цвѣтами которыхъ мы лакомились съ неменьшимъ удовольствіемъ, чѣмъ барчуки нашего возраста конфетами. Для этой цѣли мы собирались большой гурьбой и, подобно татарамъ, нападали на беззащитныя деревья, съ ловкостью арлекиновъ взбираясь по стволу въ тѣнистую листву, гдѣ спускались кисти бѣлыхъ душистыхъ цвѣтовъ, которыми мы набивали рты и карманы.

За площадью, гдѣ, кромѣ собора, стоитъ памятникъ Воронцова, внушавшій намъ почтительный страхъ, начинаются центральныя улицы города, съ большими каменными домами, роскошными магазинами, передъ окнами которыхъ мы любили простаивать часами, любуясь заморскими вещицами.

Несмотря на такое близкое сосѣдство съ центромъ портового промышленнаго города, наша улица была лишена благъ культуры: ни мостовой, ни тротуаровъ, лишь изрѣдка стояли керосиновые фонари.

Впрочемъ, мы, дѣтшки, находили, что наша улица куда лучше, ну, хоть Дерибасовской; ибо во время проливныхъ дождей на ней образовывались такія чудесныя лужи, которыя наше воображеніе превращало въ моря, океаны и пр. Вдоль домовъ, по обѣимъ сторонамъ дороги шли канавы, гдѣ можно было отлично выкупаться въ лѣтній зной и такъ шлепать ногами по мутной водѣ, что брызги, подобно дождю, орошали не только насъ, но и прохожихъ; у нѣкоторыхъ воротъ росли акаціи и лежали камни, гдѣ вечеркомъ любило посидѣть и покалякать населеніе дворовъ, состоявшее по большей части изъ ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ.

Домъ, въ которомъ жила моя семья, былъ очень старый, построенный чуть ли не съ основанія города, съ почернѣвшей деревянной крышей и большимъ дворомъ, гдѣ весной выростала травка. Гуси, куры, утки, оглашали его своимъ крикомъ; собаки и кошки составляли съ нами нераздѣльную компанію. Кромѣ главнаго фасада, выходившаго на улицу, по лѣвой сторонѣ тянулся флигель съ небольшими квартирами; прямо, противъ воротъ—магазины для ссыпки зернового хлѣба, главный предметъ, который Одесса отправляла за границу. Правая сторона двора была занята службами—деревянными сараями для дровъ, погребами и пр. Наша квартира находилась во дворѣ, во флигелѣ, и состояла изъ двухъ свѣтлыхъ комнатъ и кухни съ большою русскою печью; во дворѣ, между окнами нашей квартиры, была прибита желѣзная дощечка съ нарисованной «великанской» рукой, указательный палецъ которой показывалъ, гдѣ находится помѣщеніе «сапожныхъ и башмачныхъ дѣлъ мастера Антона Семякина», о чемъ гласила прибитая надъ воротами большая, зеленая, но полинявшая отъ времени вывѣска.

Въ то время среднимъ мастерамъ ремесленникамъ жилось куда лучше теперешняго, потому что тогда еще не было такого множе-

ства лавокъ съ «заграничною и варшавскою обувью», «готовымъ платьемъ», «складовъ мебели» и пр. Заказчики тогда были тоже люди солидные, основательные, они не столько гонялись за изяществомъ отдѣлки, сколько за прочностью товара.

— Дубъ, настоящій дубъ!—увѣрялъ мой отецъ, постукивая двумя пальцами по подошвѣ сапога:—ужь будьте спокойны, сдѣлано на совѣсть!

Заказчикъ внимательно осматривалъ со всѣхъ сторонъ сапоги, постукивалъ, потягивалъ, гнулъ кожу и, наконецъ, примѣрялъ.

— Главное, чтобы не тѣснило, чтобы ногѣ вольно было!—говорилъ онъ, поворачивая ногу во всѣ стороны. Убѣдившись, что товаръ удовлетворяетъ его вкусамъ и привычкамъ, онъ садился, снималъ сапогъ и, кряхтя, вынималъ изъ кармана увѣсистый кошелекъ.

— Ужь будьте покойны,—продолжалъ увѣрять мой отецъ, получая деньги:—сдѣлано на совѣсть.

Отецъ не лгалъ; совѣсть была не пустымъ звукомъ въ обиходѣ его жизни; совѣсть, развитая и поддерживаемая религіей, служила руководителемъ въ его житейскихъ отношеніяхъ; это она не позволяла ему эксплуатировать трудъ своихъ рабочихъ, заставляла заботиться о своихъ ученикахъ, что-бы они были сыты, одѣты и знали «страхъ Божій». Въ то время подмастерья работали у мастера помѣсячно, получая, кромѣ жалованья, пищу и кровъ, и считались членами хозяйской семьи; нѣкоторые такъ сливались съ семьею мастера, что принимали участіе во всѣхъ радостяхъ и горестяхъ его семейной жизни, горевали, если умиралъ кто изъ членовъ его семьи, радовались появленію ребенка, кумились и роднились съ нимъ.

У насъ работало пять подмастерьевъ и четыре мальчика ученика; послѣдніе принимались на полное хозяйское попеченіе на долгій, пяти-шестилѣтній срокъ.

Отецъ мой строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы подмастерья не обижали въ особенности маленькихъ учениковъ новичковъ, и не любилъ практиковавшихся тогда колотушекъ «куда попало» и себѣ не позволялъ подымать руку на беззащитнаго, развѣ только въ такихъ экстраординарныхъ случаяхъ, когда нужно было по его убѣжденію для пользы питомца «поучить маленько», напримѣръ, если за мальчикомъ замѣчались наклонности къ вороватости, лганью или выпивкѣ. Обыкновенно, дѣло происходило такъ: родители уличеннаго извѣщались, что за ихъ сыномъ замѣчались такіа-то дурныя качества; затѣмъ имъ вѣнялось въ обязанность сдѣлать мальчику строгій выговоръ, а если это не помогало, то отцу предоставлялось право наказать виновнаго, т.-е. высѣчь.

Я остановлюсь на одномъ изъ нашихъ учениковъ, Яшкѣ, котораго помню съ тѣхъ поръ, какъ помню себя; онъ былъ сирота;

когда умерла его мать-кухарка, добрые люди приняли участіе въ мальчикѣ и рѣшили отдать его хорошему ремесленнику; такимъ образомъ онъ попалъ къ намъ; ему шель тогда десятый годъ. Мальчикъ былъ слабый, худенькій и, вѣроятно, запуганный, потому что вначалѣ дичился всѣхъ. Прежде чѣмъ приняться за ремесло, Яшкѣ пришлось пройти весь ученическій искусь, т. е. подметать въ комнатахъ, бѣгать на рынокъ, въ лавку, кабакъ и помогать матушкѣ на кухнѣ. Яшка, какъ сирота, находился въ полной опека отъ родителей; за него, вѣдь, они должны будутъ отдать отчетъ Богу и людямъ, и, конечно, родители были заинтересованы не только въ томъ, чтобы изъ Яшки вышелъ хорошій сапожникъ, но и честный человекъ, т. е. не воръ, не пьяница, не распутникъ.

Мать моя была добрая, богобоязненная женщина и считала своею нравственною обязанностью пригрѣть сироту и приучить его подчиняться тѣмъ правиламъ религіозной морали, которыми была проникнута сама. Она слѣдила за тѣмъ, чтобы Яшка молился каждый день Богу, ходилъ по праздникамъ въ церковь, говѣлъ въ великомъ посту, не обманывалъ, не курилъ, а главное не научился пить, что было въ большемъ ходу среди ремесленниковъ. Матушка, какъ и большинство женщинъ нашего круга, была убѣждена, что все зло, всѣ невзгоды жизни происходятъ отъ водки, что пьянство разоряетъ людей, сводитъ ихъ съ честнаго трудового пути, будитъ дурныя мысли, побуждаетъ къ дурнымъ поступкамъ. Пьянство она считала самымъ большимъ несчастіемъ, какое можетъ постигнуть человекъ. Ей казалось, что не будь водки, этого бича жизни, то и міръ былъ бы другимъ, и люди бы жили, преисполненные благодати Божіей; она была увѣрена, что если бы отецъ не оставлялъ иногда свои трудовыя деньги по кабакамъ да трактирамъ, то и мы жили бы «полюдски», т. е. конили бы копейку за копейкой про черный день, и въ этомъ смыслѣ она часто поучала Яшку.

— Избѣгай пьянства, Яшка, какъ огня! оно—дьявольское навожденіе; кого хочетъ опутать сатана, того винищемъ начинаетъ донимать. Разбери ты самъ: при нашей работѣ развѣ мы не могли бы лучше жить, чтобы и покою больше было и всего прочаго? Мы что!.. Мы еще, слава Богу, сыты, одѣты, а вотъ другіе такъ и по-міру отъ водки идутъ.

Отецъ хотя и соглашался, что «пьянство точно большое зло», но причину людскихъ невзгодъ русскаго человекъ сваливалъ на евреевъ, и на эту тему читалъ длинныя поученія.

— Они, значить, жида, русскому человекъ ходу не даютъ!—говорилъ обыкновенно отецъ по поводу разговоровъ, что такой-то человекъ «въ разоръ палъ», что на такой-то улицѣ открылся новый еврейскій магазинъ, или что нибудь другое подобное.—Только начнетъ русскій человекъ соображать, какъ бы получше обернуться, дѣло свое на линію поставить, какъ жидъ тутъ и вы-

нырнеть; заюлить, анаема, да русскаго человѣка и собьетъ съ пуги. Даже водку русскій человѣкъ, можетъ, отъ того пьетъ, что жидъ его тѣснитъ... Никогда, Яшка, не водись съ погаными!

Отецъ при этомъ сплевывалъ въ сторону, а Яшка загадочно ухмылялся, сильнѣе дергая драгву.

Въ какой мѣрѣ дѣйствовала на Яшку подобная мораль, трудно сказать; онъ молча выслушивалъ поученія и старался угодить, такъ что ему и березовой каши не пришлось испробовать.

Я помню хорошо Яшку, когда ему шелъ пятнадцатый годъ; это былъ худенькій, нескладный подростокъ, съ черными, блестящими глазами, въ которыхъ свѣтилась какая-то затаенная мысль; всегда, когда я смотрѣла на него, мнѣ казалось, что онъ и слушаетъ и въ то же время свое думаетъ, но какія это были думы, никто не зналъ.

— Золотой мальчикъ!—говорила про него матушка:—тихий, почтительный, услужливый—и воды принесетъ, и дровъ, не то, что другіе!

Я не раздѣляла матушкинаго мнѣнія, потому что знала другія качества Яшки, которыя онъ тщательно скрывалъ отъ моихъ родителей; эти качества заключались въ томъ, что Яшка любилъ исподтишка мазнуть меня по лицу своей грязной ручищей, либо щипнуть, толкнуть, отчего я подымала невообразимый крикъ, набрасывалась съ кулаками на Яшку, чувствуя неодолимую потребность исцарапать его лицо, изорвать синій передникъ...

— Чего раскричалась, щенокъ!—останавливалъ меня строгій голосъ отца, а Яшка мигомъ принималъ свой обычный видъ тихони, какъ будто ни въ чемъ не виноватъ.

— Яш-ка ме-ня тро-о-галъ!—сквозь слезы говорила я.

— Я только нечаянно ее толкнулъ, а она и раскричалась,—защищался Яшка, бросая въ мою сторону насмѣшливый взглядъ:—не виноватъ я, что она вѣчно подъ ногами вертится!..

— Чего ты здѣсь торчишь!—напускался на меня отецъ, не любившій, чтобы его отвлекали отъ работы...

— Убирайся въ комнату, нечего тебѣ здѣсь вертѣться.

Я боялась строгаго властнаго голоса отца и поскорѣе старалась уйти отъ его глазъ, бросая негодующій взглядъ на Яшку; я была увѣрена, что противный мальчишка нарочно подводитъ меня и дразнить за тѣмъ, чтобы выпроводить меня изъ мастерской, гдѣ было гораздо интереснѣе и веселѣе, чѣмъ сидѣть одной въ комнатѣ... И какъ же я ненавидѣла тогда Яшку, ненавидѣла всѣми силами дѣтской души и придумывала тысячу способовъ, чѣмъ бы отомстить ему. Но что могла сдѣлать маленькая семилѣтняя дѣвочка большому верзилѣ, который притомъ умѣлъ ловко вывернуться въ глазахъ отца и матери? Ничего больше, какъ усѣсться на окно, заболтать ногами и во все горло кричать:

— Яшка, грязная рубашка, сапожникъ-замарашка!

Ору до тѣхъ поръ, пока отецъ или мать не выбранятъ меня.

II.

Въ то время, приблизительно до половины 80-хъ годовъ, ремесленники не имѣли устава, ограничивающаго рабочее время, которое находилось въ полномъ распоряженіи мастера. Который хозяинъ былъ жаденъ на работу и не жалѣлъ людей, у того плохо жилось, «просто сказать, всѣ жилы выматываетъ за работой», жаловались подмастерья. Обычай работать до 12 ч. ночи, а по субботамъ сплошь до утра, особенно практиковался въ швейныхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ мастерскихъ; даже дѣти не освобождались отъ долгихъ ночныхъ бдѣній; не мудрено, если чахотка, этотъ бичъ городовъ, подкашивала молодыя силы и преждевременно уносила въ могилу не успѣвшій окрѣпнуть организмъ.

Отецъ мой былъ не изъ жадныхъ, онъ понималъ, что каждому человѣку отдыхъ нуженъ, и положилъ за правило работать зимою не позже десяти, одиннадцати часовъ, а по субботамъ и раньше «шабашили», чтобы можно было и въ баню, и въ церковь пойти. Въ субботу же вечеромъ распускались по домамъ ученики съ тѣмъ, чтобы въ воскресенье вечеромъ возвратиться обратно. И лѣтомъ, и зимой вставали рано, въ шесть часовъ; отдыхъ полагался во время обѣда, да вечеромъ, передъ свѣчами, отдыхали полчаса.

Я хорошо помню долги зимніе вечера; за большимъ закрытымъ столомъ помѣщался отецъ и мать съ шитьемъ въ рукахъ, а на низенькихъ табуреткахъ, среди комнаты—подмастерья и ученики; лампъ тогда еще не было, работали при сальныхъ свѣчахъ; «казанокъ» жарко пылалъ, и въ комнатѣ пахло кожей и человѣческимъ потомъ.

Вѣтеръ уныло гудѣлъ за стѣной, а старый прохожій странникъ, Пахомычъ, изъ бывшихъ крѣпостныхъ, сидѣлъ у «казанка» и рассказывалъ про старину; говорилъ онъ, какіе были прежде помѣщики, какъ они народъ продавали и обижали, и какъ возрадовались крестьяне, когда манифестъ о волѣ вышелъ.

— Дай Богъ многая лѣта царю батюшкѣ!—благоговѣйно прибавлялъ онъ, осѣняя себя широкимъ крестомъ.—Полегчало теперь народу!

— Дѣдушка, и дѣвочекъ тогда продавали?—спросила я, потрясенная рассказами старика.

— Продавали, какъ скотину, людей продавали,—протянулъ Пахомычъ жалостнымъ голосомъ.—Молись Богу, Даша, что ты послѣ реформы родилась!

— А кто это былъ реформа?—спросила я, думая, что дѣдушка говорить о живомъ лицѣ.

— Не мѣшай, Даша!—нетерпѣливо сказала матушка:—ничего не понимаешь, такъ молчи и слушай!

Я покраснѣла и обидчиво опустила голову.

— А это видишь, Даша, штука вотъ въ чемъ,—сказалъ отецъ:— до реформы крестьяне были господскіе; господа что хотѣли, то и дѣлали съ ними, ну, вотъ все равно, какъ я съ этой колодкой... А какъ реформу далъ царь—пошли ему, Господи, за то многая лѣта—такъ, значить, и шабашъ! Каждый самъ себѣ господиномъ сталъ; значить, теперь законъ одинъ для всѣхъ; что ты баринъ, что мужикъ—все едино!

Говорили также часто о крымской войнѣ, какъ французъ нашъ городъ бомбардировалъ, и какъ отецъ съ пріятелями бѣжали на бульваръ, на иностранную эскадру смотрѣть... «А пуля-то, пуля какъ свистнетъ подлѣ меня да въ землю, проклятая, и зарылась!.. Страху-то сколько было! Богатые изъ города повыѣзжали, а мы ничего—не боялись!»

Разсказывалъ также Пахомычъ о монастыряхъ—о Свято-Троицкой и Кіево-Печерской лаврѣ, о великолѣпнн этихъ русскихъ святынь, повѣствовалъ о жизни подвижниковъ, чудесахъ.

Крѣпко увлекали меня разсказы старика; усядусь бывало на полу, на матушкиномъ платѣ, и пожираю глазами разсказчика, а сердце бьется сильнѣе; и хочется мнѣ также пойти по монастырямъ и жить во славу Божию.

— Дѣдушка,—прерываю я Пахомыча:—а маленькія могутъ быть страницами?

— Ишь, чего захотѣла!—улыбается матушка, поглаживая меня по головѣ:—не легкое это дѣло, Даша!

— Погоди, дѣвчурка! Выростешь, грѣховъ наберешь, тогда и пойдешь отмаливать,—отвѣчалъ старикъ, прищуренными глазами глядя на меня, и снова лилась его однообразная монотонная рѣчь, прерываемая стукомъ колодокъ. Но я уже не слушаю такъ внимательно дѣдушку; дрема начинаетъ овладѣвать мною, а вѣки сами собою опускаются; я кладу голову на колѣни матушки, и синіе, красные, фіолетовые круги мелькаютъ передъ глазами, летятъ куда-то, и вотъ я тоже лечу...

— Даша, Даша, спать пора, уже десять часовъ,—говоритъ матушка... Я продираю сонные глаза и улыбаюсь, чувствуя пріятную истому; подмастерья потягиваются, встаютъ съ своихъ мѣстъ, мальчишки съ шумомъ убираютъ мастерскую, угощая другъ друга подзатыльниками, хохочутъ. Вотъ и Яшка шмыгнулъ мимо меня и дернулъ за платье... Матушка поднимаетъ меня и ведетъ въ комнату...

— Помолись, Даша,—нѣжно говоритъ она, приготовляя постель.

Я наскоро шепчу молитву, прыгаю на кровать и, пожелавъ матушкѣ спокойной ночи, зарываюсь въ подушку, стараясь вспомнить, какой будетъ завтра день.

III

Монотонно и однообразно тянулась сѣренькая жизнь съ ежедневными повтореніями одного и того же; каждое утро, просыпаясь, я слышала недовольный голосъ отца, которому всегда казалось, что матушка тратитъ слишкомъ много денегъ на провизію...

— Я, что ли, ѣмъ твои деньги!—вспыхивала матушка:—пропиваю я ихъ, по кабакамъ, трактирамъ ношу! Все твою же ораву кормить нужно; нынче не то, что прежде: сѣбѣстные припасы дороже стали—одно мясо чего стоитъ!. Ну, что я за эти деньги могу купить?—волновалась матушка, повышая голосъ.

— Тшъ!..—останавливалъ отецъ, не любившій, чтобы посторонніе слышали ихъ размовку:—на, вотъ еще, да не кричи!

Онъ бросалъ еще нѣсколько монетъ и торопливо уходилъ въ мастерскую...

Бурныя стычки между отцомъ и матерью особенно усиливались передъ праздниками Рождества, Пасхи.

Матушка считала необходимымъ произвести радикальную чистку квартиры, и въ особенности ее смущали грязныя стѣны мастерской.

— Антонъ, нужно бы побѣлить мастерскую,—начинала она говорить недѣли за двѣ до праздниковъ.

— Будетъ еще время!—уклончиво отвѣчалъ отецъ; онъ терпѣть не могъ домашней сумятицы, нарушавшей обычный ходъ жизни и вышибавшей его изъ излюбленнаго уголка.

— Да когда же? всего двѣ недѣли осталось, нужно и постирать и приготовить все къ празднику... Я думаю въ четвергъ взяться за мастерскую, а вы пока работать въ кухню перейдете.

— Да оставь ты меня, пожалуйста!—рѣзко говорилъ отецъ:—тутъ дѣло, а она со своей чисткой суется... Смотри за своей кухней, а сюда тебѣ нечего вмѣшиваться!

— Да, вѣдь, грязно здѣсь какъ, Антонъ! Праздники идугъ, всѣ люди чистятся, а мы что же, прости Господи, какъ свиньи, должны жить!..

— Оставь меня въ покоѣ—чего пристала!—повышалъ отецъ голосъ; онъ чувствовалъ, что матушка ни за что не уступитъ, и оттого еще больше сердился...

— Чего гаркаешь, точно я дѣвченка!—вспыхивала матушка:—удовольствіе большое мнѣ отъ работы, что ли... для васъ же стараюсь. Загнили бы вы всѣ здѣсь, кабы я не смотрѣла... вонъ въ щеляхъ клопы такъ и ползаютъ!..

— Ну, и пусть! Не твое дѣло, не у тебя клопы! Пристанетъ точно клей... Работу, дѣло бросай для твоей чистоты, будетъ она кормить тебя, твоя чистота... душу только выворачиваешь, смуту производишь!..

Отецъ окончательно разсердился и наговорилъ много «страшныхъ словъ», отъ которыхъ у меня по кожѣ морозъ пробѣгаетъ; кричалъ онъ, что матушка жилы его тянетъ, кровь пьетъ, изъ дома его выгоняетъ; матушка въ свою очередь не уступала ему и осыпала упреками; переругаются, а все-таки выйдетъ по-матушкиному. Тогда у насъ въ домѣ начиналось столпотвореніе вавилонское, какъ говорилъ Яшка: подмастерья перетаскивали свою мастерскую въ кухню, суетились, хохотали; мальчики бѣгали, помогали матушкѣ мыть скамейки, окна, двери, а она сама, вооружившись щеткой и известкой, наводила чистоту.

Отецъ обыкновенно удиралъ, нахлобучивъ шапку на глаза, и очень часто послѣ такихъ размолвокъ возвращался домой пьянымъ; матушка никогда не могла привыкнуть къ нетрезвому виду отца и набрасывалась на него съ упреками.

— Опять нализался!—съ отчаяніемъ вскрикивала она, завидя пошатывающуюся фигуру отца:—и какъ эта проклятая водка въ глотку вамъ лѣзетъ, прости Господи! Лишнюю копейку у него трудно вытащить, лишнее платице дитю сдѣлать не можетъ: денегъ нѣтъ!.. А по кабакамъ разносить, такъ есть!

— Молчи, жена!—грозно кричалъ отецъ, стучая кулакомъ по столу:—хозяйнѣ я себѣ, али нѣтъ? Ступай да давай ужинать лучше... А ты, Яшка, маршъ—водки принеси!

Отецъ вытащилъ изъ кармана кучу мелкихъ монетъ, которыя со звономъ разсыпались по столу; матушка безцеремонно собрала деньги и ушла въ кухню...

— Э, черти!—ворчалъ отецъ:—грабители! Забрали все, ограбили!—Онъ выворачивалъ карманы и глубокомысленно смотрѣлъ на нихъ...

— Ты что тутъ вергнись, щенокъ?—неожиданно набрасывался на меня отецъ, отчего я вздрагивала и испуганно смотрѣла на него...

— На, бери еще!—злостно говорилъ онъ, бросая на столъ уцѣлѣвшія монеты:—на, грабь, бери все!.. Мнѣ ничего не нужно... Все для васъ, аспидовъ, работаю!..

Тутъ онъ замѣтилъ, что матушки нѣтъ въ комнатѣ, многозначительно подмигнувъ Яшкѣ, который отлично понималъ, въ чемъ дѣло, взявъ деньги, полуштофъ и полетѣлъ въ кабакъ.

— Ступай сюда, щенокъ!—обратился отецъ ко мнѣ послѣ нѣкотораго раздумья:—не бойся, не побью... Что я звѣрь, что ли, чтобы на свое дитя руку поднимать, врешь!.. Я тебя, Дашка, люблю, потому ты кровь моя, плоть моя—да! Ты думаешь, отецъ у тебя подлецъ, пьяница—врешь! Ты дочь моя, единственная надежда моя, и я тебѣ зла не сдѣлаю—понимаешь? Эхъ, кабы Гришка былъ живъ!—со вздохомъ протянулъ отецъ:—обидѣлъ меня Господь, не далъ радости вырастить сына, не далъ! Разгнѣвался Господь за грѣхи мои... грѣшный я, охъ, грѣшный!..

Отец до такой степени разжалобивался, что начиналъ всхлипывать; мнѣ становилось жалко отца; я взбиралась къ нему на колѣни, обнимала его шею и увѣряла, что я крѣпко люблю папашу и мамашу, что буду имъ замѣсто сына и никогда, никогда не перестану любить. Это окончательно умиляло отца...

— Золото ты дѣвка, Даша!.. а я-то подлецъ, пьяница, обижаю тебя!

— Нѣтъ, папаша!.. Я знаю, что вы меня любите!

— А все-таки обижаю! и тебя, и мать, и всѣхъ!..—всхлипывая говорилъ отецъ, опуская низко свою голову.

— Что ты тутъ нони распустилъ?—презрительно сказала матушка, входя въ комнату съ подогрѣтымъ ужиномъ въ рукахъ.

— Не сердись, Глафира, не печаль ты сердца моего! Самъ знаю, что мерзавецъ я, а ты не казни, пожалѣй, коли сердце есть у тебя!

— Что жалѣть, коли ты самъ себя не жалѣешь?.. Кому нужны твои пьяныя слезы? Поменьше бы пилъ, лучше бы было... Ребеночъ у тебя растеть, дочь родная, хоть бы ея постыдился... причитывала матушка. Въ это время Яшка вернулся съ полупштофомъ.

— Что это—опять водка? кто тебѣ велѣлъ ходить?—набрасывалась матушка на Якова:—сколько разъ говорила, не смѣй шляться по кабакамъ!

— Хозяинъ велѣли!—тихо отвѣчалъ Яшка, потупляя глаза.

— Этого твоего хозяина да высѣчь хорошенько!—сердилась матушка, бросая на виновныхъ гнѣвные взгляды:—и тебя вмѣстѣ съ нимъ!..

— Брось, Глаша, не тронь сироту!—жалобно началъ отецъ:—онъ у насъ замѣсто сына, его самъ Богъ послалъ ко мнѣ... Ступай сюда, Яшка, садись, ужинай съ нами!.. Я, Яшка, тебя люблю, человекъ изъ тебя сдѣлаю!..

При этихъ словахъ отецъ налилъ водку, опрокинулъ рюмку въ ротъ, крякнулъ, принимаясь за ѣду, и сталъ угощать матушку, Яшку.

— Пей, щенокъ!—обратился онъ ко мнѣ, наливъ полрюмки.

— Еще что выдумалъ: приучать ребенка къ водкѣ!—протестовала матушка.

— Я, мамочка, чуточку!—заискивающе подхватывала я и выпивала все до дна, морщилась, кашляла и смѣялась.

Мать торопливо убирала со стола водку, боясь, чтобы отецъ не переписался и не пролежалъ назавтра больнымъ; работа спѣшная, праздники близко, надо деньгу прикопить,

— Шелъ бы спать, чего напрасно языкомъ молоть!—перебивала матушка мечтанія отца, который успѣлъ уже сдѣлать Яшку своимъ наслѣдникомъ и чуть ли не женить на мнѣ...

— Понимаешь, братъ, наслѣдникомъ Антона Семякина!—съ гор-

достью говорилъ отецъ:—наше дѣло честное, чистое, чтобы, значить, все было по совѣсти! Ты—что такое? Ты—мразь, щенокъ и пропаль бы, какъ щенокъ, не возьми тебя хозяинъ. Я тебя выучилъ, я тебя въ люди выведу, на линію поставлю, а ты не финти!—хозяина и хозяйку почитай, потому мы у тебя замѣсто родителей!

— Будеть, будеть болгать!—нетерпѣливо говорила матушка:—когда тверезый будешь, тогда уму-разуму научай, а теперь ступай да выпись!.. Экъ, развязалъ свой пьяный языкъ!..

— Ну, и чортъ съ вами!—гнѣвно отвѣчалъ отецъ, плюнувъ въ сторону:—я хочу по-доброму, по-человѣчески потолковать, значить, какъ лучше...

Онъ поднялся со стула и снова грузно опустился на него.

— Яшка, болванъ, что стоишь! Не видишь, что хозяинъ ослабъ!.. Дай руку, болванъ!

Яшка помогъ отцу встать и проводилъ его до постели.

IV.

Въ сосѣдней съ нами квартирѣ, стѣна обѣ стѣну, жилъ портной Ермаковъ, съ семьей котораго мы были очень дружны. Самъ хозяинъ, Яковъ Степанычъ, былъ человѣкъ добрый, очень набожный и совѣтъ не пьющій, что очень цѣнилось въ нашемъ кругу. Средняго роста, съ добродушнымъ лицомъ и поразительно ясными голубыми глазами, онъ былъ всегда веселъ и доволенъ; въ противоположность моему отцу, приходившему въ мрачное уныніе во время безработицы, Яковъ Степанычъ не падалъ духомъ и весело говорилъ:

— Не все для мамоны жить, надо и для Бога. Работы меньше, въ церковь можно чаще ходить. Господь знаетъ, что дѣлаетъ, да будетъ слава Ему!

Жена его, Катерина Власьева, была тоже женщина добрая, жизнерадостная, работающая; по вечерамъ, особенно зимой, она любила собирать у себя дѣтвора, пѣла съ ними пѣсни, рассказывала сказки. Своихъ дѣтей у нея было четверо; старшему сыну, Ѳедору, шелъ 18-й годъ; онъ занимался тѣмъ же портняжнымъ ремесломъ и работалъ у своего отца наравнѣ съ подмастерьями; вторая дочь, Варя, училась въ швейной мастерской, а двѣнадцатилѣтній мальчикъ Саша посѣщалъ школу; послѣдняя, Любочка, была еще совсѣмъ маленькая дѣвочка, которую я очень любила нянчить. Это была замѣчательно мирная и дружная семья, гостепріимная и хлѣбосольная, и я всегда съ радостью бѣжала туда.

— Антиповна!—говорила Власьева, входя къ матушкѣ въ кухню:— не можете ли отпустить Дашу къ Любочкѣ? Мнѣ нужно на чердакъ пойти, бѣлье снять, а Любочка не спитъ; я боюсь оставить ее одну, того и гляди, свалится да расшибется!

— Отчего же, Власьевна, съ удовольствіемъ! Даша, ступай сейчасъ же къ Любочкѣ, да хорошенько смотри за ней, на руки не бери—уронишь!—напутствовала матушка, вытирая мокрымъ концомъ полотенца мое лицо.

— Кофейку выпейте, Власьевна... Кофей свѣжій, сейчасъ изжарила.

— Покорно благодарю! Чашечку, пожалуй, отдохну кстати маленько! Поясница что-то болитъ... Иди же, Даша, иди да за супомъ присмотри: какъ начнетъ кипѣть, ты крышкуними!

Я бѣжала къ Любочкѣ; она такая кругленькая, хорошенькая, сидитъ въ подушкахъ, улыбается, ручки на встрѣчу тянетъ. Наигравшись вдоволь съ Любочкой, я брала ее на руки и шла въ мастерскую, къ портнымъ.

— А, здравствуй, невѣста!—встрѣчалъ меня Федоръ:—ну, что жъ, когда будетъ наша свадьба?

Я конфузилась и опускала глаза, принимая слова Федора всерьезъ; меня всѣ жильцы нашего дома называли невѣстой Федора, и хотя я всегда открыто сердилась и смущалась, но въ глубинѣ души очень гордилась, что у меня такой большой и красивый женихъ.

— Много ли приданого у твоей невѣсты?—спрашивалъ бойкій Авоня, товарищъ Федора:—хорошенько смотри, чтобы не обсчитали!

На эту тему начинались шутки, остроги, которыя приводили меня въ крайнее смущеніе; оно увеличилось еще больше, когда я вспомнила, что платишко мое сзади разстегнуто, потому что, возясь съ Любочкой, я потеряла пуговицу. Вся раскраснѣвшись, я убѣгала изъ мастерской, а сзади меня раздавался молодой, звучный смѣхъ, и я недоумѣвала: отчего это большіе люди любятъ досаждать и смѣяться надъ маленькими; но скоро я успокоивалась; мимо меня прошмыгнулъ Мишка-ученикъ съ газетой въ рукахъ, и я знала, что Федоръ сейчасъ оставитъ свою работу, обопрется спиной о стѣнку и станетъ читать вслухъ. Сунувъ въ ротъ Любочки соску изъ жеваннаго хлѣба, я потихоньку прокрадывалась въ рабочую, усаживалась въ уголку и начинала слушать. Федоръ читалъ хорошо, гладко, плавно, и это меня приводило въ восхищеніе; я мало понимала изъ того, что читали, и очень удивлялась, отчего это добрый Яковъ Степанычъ сердится на французовъ и называетъ ихъ санкюлотами...

— Такъ, такъ! молодцы нѣмцы, не дали маху!—говорилъ онъ съ довольной улыбкой:—такъ имъ и надо за то, что царя законнаго не почитали!.. Ишь, вздумали что, республику устанавливать. Гдѣ это видано, чтобы государство безъ царя было!.. Пропадутъ, однимъ словомъ, пропадутъ!..

— Ужъ извѣстно, бунтовщики! — вставилъ Аэоня:— и чудное дѣло, чего бы имъ, кажется, нужно? Жили бы тихо...

Любочка засыпала у меня на колѣняхъ съ соской во рту; я боялась двинуться, отчего чувствовала ужасную неловкость, и потихоньку подзывала Мишку, чтобы онъ взялъ у меня ребенка; но Мишка дѣлалъ видъ, что не понимаетъ моихъ таинственныхъ манипуляцій, и продолжалъ, разиня ротъ, сидѣть на верстакѣ.

Федоръ уже перешолъ къ мѣстной хроникѣ и читалъ извѣстіе о томъ, что у насъ въ городѣ какой-то грекъ задушилъ пятилѣтнюю дѣвочку.

— Прости Господи душу его грѣшную! — сокрушенно вскрикнулъ Яковъ Степанычъ, осѣняя себя крестомъ:—этакое страшное дѣло человѣкъ могъ сдѣлать!

Это была темная и грязная исторія, вызвавшая безконечные толки между сосѣдями, и моя дѣтская душа сжималась отъ ужаса; но рядомъ съ этимъ чувствомъ подымалось неодолимое желаніе поскорѣй бѣжать домой и рассказать все матушкѣ...

— Миша, возьми ее! — тихонько взмолилась я, но Мишка и не думалъ двинуться съ мѣста, зато Яковъ Степанычъ услышалъ меня. Онъ бросилъ работу, взялъ изъ моихъ рукъ дѣвочку, которая спала крѣпкимъ безмятежнымъ сномъ.

— Господь дахранитъ тебя! — тихо промолвилъ Яковъ Степанычъ, съ любовью глядя на бѣлокурую головку, а я стремительно вскочила и понеслась домой.

— Даша, Даша, куда ты, постой! Возьми халвы! — кричала мнѣ вслѣдъ возвратившаяся Власьева, но мнѣ было не до халвы. Я стремительно влетѣла въ кухню и, захлебываясь отъ волненія, скороговоркой проговорила:

— Грекъ убилъ дѣвочку!..

— Гдѣ, какую дѣвочку, что ты болтаешь?

— Федоръ читалъ въ газетѣ!.. Маленькую, совсѣмъ маленькую, меньше меня. Она шла къ бабушкѣ, а грекъ ее словилъ да задушилъ!..

— О Господи! — сокрушенно сказала матушка, бросая мытье посуды:—въ газетѣ читали, ты слышала?..

— Да, да! Я сидѣла съ Любочкой, а Федоръ читалъ. Пойди, мама, узнай!

Я волновалась. Теперь я не буду бѣгать по улицѣ, — думала я, содрогаясь отъ мысли, что и меня могъ задушить грекъ.

Въ это время Яшка вбѣжалъ въ кухню, мазнулъ меня мимоходомъ по головѣ и принялся пить воду; на этотъ разъ я не разсердилась на грубую шутку Яшки.

— А я что-то знаю! — торжественно выпалила я, побѣдоносно глядя на Яшку.

— Та! та! та! — передразнилъ онъ, гримасничая:—кукушка, индюшка заболтала!

— Самъ ты индюкъ!—гнѣвно вскрикнула я, обиженная невниманіемъ Яшки:—убирайся отсюда, противный!

— Ха! ха! ха!—заливался Яшка:—щенокъ оцетинился!

При этомъ онъ далъ мнѣ щелчокъ въ лобъ и выбѣжалъ; я хватила грязный мокрый вѣшникъ и со всей силы хлопнула Яшку по спинѣ.

— Тебя бы задушить надо, проклятаго!—озлобленно прошептала я:—смѣетъ трогать меня, хозяйскую дочь!

Тѣмъ, что я хозяйская дочь, а не какого тамъ проходимца, заплаточника, я очень гордилась; въ этомъ было мое преимущество надъ Яшкой. Какъ никакъ, а Яшка все-таки сапожный ученикъ, сирота, и больше ничего; важность какая, что онъ посѣщаетъ воскресную школу, читаетъ книжки и играетъ на гитарѣ! Я, можетъ быть, тоже, когда выросту, въ настоящую школу буду ходить, можетъ, и на фортепіано буду играть. Да! да! на зло этому самому поганому Яшкѣ, и задамъ же я ему тогда—за все отомщу! Злость къ Яшкѣ кипѣла во мнѣ и отстраняла мысли отъ только что услышанной, страшной новости.

V.

По воскресеньямъ, особенно лѣтомъ и весной, матушка часто брала меня на базаръ; разбудить, бывало, рано утромъ, дастъ въ руки корзиночку, и мы отправляемся; сначала обойдемъ всѣ ряды, весь привозъ, а потомъ покупаемъ, гдѣ дешевле. Окончивъ покупки, мы оставляемъ наши корзины у знакомаго торговца и идемъ къ ранней обѣднѣ, въ церковь, которая выстроена посреди базарной площади. Народу много—все больше простой, мѣстный и приѣзжій изъ пригородныхъ деревень. Мать посылаетъ меня купить свѣчку, послѣ чего мы пробираемся впередъ, къ алтарю; мама искренно, отъ сердца молилась, и ея блѣдное, немолодое лицо приобрѣтало особенное сосредоточенное, молитвенное выраженіе.

Я тоже старалась молиться, подражая всѣмъ движеніямъ матушки, но скоро отвлекалась, слѣдя за мерцаніемъ свѣчей, клубами ладана. По окончаніи службы, мы шли прикладываться къ иконамъ, и я съ такимъ усердіемъ била земные поклоны, что лобъ начиналъ горѣть. При выходѣ изъ церкви, мнѣ бросались въ глаза разложенныя на полу картины и книжки; я останавливалась, пожирая ихъ глазами.

— Мама, купи картину! — просила я, останавливая матушку за юбку.

— Купите, сударыня, картина—первый сортъ!—увѣрялъ продавецъ, показывая лубочную картину съ изображеніемъ грустной молодой женщины съ ребенкомъ на рукахъ.

— Вотъ тутъ и стихи есть... смотри да читай!

Кто-то заглядываетъ черезъ мою голову и съ запинкой читаетъ:

Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ...

Пѣсня знакомая! Ее такъ хорошо поетъ своимъ тоненькимъ голоскомъ молоденькая швейка, Катенька, и мнѣ такъ сильно хочется имѣть эту картину, что я едва могу устоять на мѣстѣ.

— Сколько стоитъ?—спрашиваетъ, наконецъ, матушка.

— Пяточекъ, сударыня, пяточекъ! А вотъ не угодно ли страшный судъ, а вотъ кавказскій плѣнникъ, Шамиль!..

Глаза мои разбѣгаются при видѣ столькихъ сокровищъ; я дергаю матушку за юбку и съ мольбой смотрю въ ея озабоченное лицо; она достаетъ кошелекъ и пересчитываетъ оставшіяся деньги.

— Возьмешь три копейки?—робко спрашиваетъ она...

— И, сударыня, гдѣ вы найдете такой товаръ за три копейки? Самому дороже стоитъ! А вотъ, поглядите, книжечка для дѣвочки, азбука съ картинками—и цѣна всего пяточекъ!

Мнѣ хочется имѣть и книжечку... Матушка колеблется, торгуется, и, наконецъ, желанные предметы попадаютъ въ мои руки; восторгу нѣтъ границъ. Я весело шагаю впереди матушки, свысока посматриваю на проходжихъ и прижимаю къ груди свои сокровища.

— Яшка, Яшка, смотри, что у меня есть!—радостно кричу я, подбѣгая къ Яшкѣ; онъ сидитъ у окна и, наклонивши на бокъ голову, что-то пишетъ въ тетрадь; взглянувъ на мою книжку, Яшка дѣлаетъ презрительную гримасу.

— И картина есть!—не унимаюсь я,—и пѣсня «Подъ вечеръ осенью». Хочешь, прочти!

Яшка заинтересовывается картиной и прочитываетъ стихотвореніе, которое я стараюсь запомнить.

— Что жъ вы тамъ? Ступайте чай пить!—прерываетъ чтеніе голосъ отца, и я поспѣшно бѣгу къ нему; ради праздника мы пьемъ чай не въ кухнѣ, какъ обыкновенно, а въ комнатѣ; ярко вычищенный самоваръ весело поетъ на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, свѣжій пшеничный хлѣбъ и масло вкусно пахнутъ; отецъ въ чистой бѣлой рубахѣ и жилетѣ, подстриженный, подбритый сидитъ за столомъ и медленно пьетъ чай изъ блюдечка, держа его всей пятерней; онъ тоже только что вернулся изъ собора и передаетъ во всеуслышаніе содержаніе проповѣди. Изъ подмастерьевъ никого нѣтъ, всѣ по воскресеньямъ предпочитаютъ пить чай въ трактирѣ. Матушка сидитъ у самовара; я взбираюсь на кожаный диванъ и раскладываю передъ собой картину и книжку.

— Э, да ты, я вижу, молодецъ дѣвка!—говоритъ отецъ, поглаживая меня по головѣ:—книжку захотѣла; пора, пора ужъ тебѣ учиться!

— Въ осень надо въ школу отвести! — любовно говорить матушка и почему-то вздыхаетъ.

Я стараюсь придать себѣ болѣе солидный видъ, раскрываю книжку и спрашиваю у Якова названіе буквѣ; Яшка исподтишка дразнить меня и вретъ, что не ускользаетъ отъ вниманія отца.

— Ты что жъ ребенка съ толку сбиваешь? — сурово говоритъ онъ:— трудно, что ли, тебѣ азбуку сказать!..

— Вотъ онъ всегда такъ, всегда! — плаксиво подхватываю я, отворачиваясь отъ Яшки:— зато я ему больше никогда, ничего не покажу!

Яшка потихоньку ухмыляется и торопливо допиваетъ чай, чтобы приняться за свои уроки, матушка спѣшитъ въ кухню хозяйничать, а отецъ собирается къ поздней обѣднѣ.

У насъ при семинаріи устроили воскресную школу, и Яшка захотѣлъ посѣщать ее; такое желаніе мальчика пришлось по дунѣ моимъ родителямъ.

— Умная бестія, своею головою дошелъ, что въ ученѣ свѣтъ... Пусть учится—человѣкомъ будетъ,—говорилъ отецъ, гордясь своимъ ученикомъ.

VI.

Годовые праздники, Рождество, Пасха, совершенно измѣняли физиономію нашей квартиры: мастерская убиралась, принадлежности ремесла прятались, столъ накрывался скатертью, и на немъ ставились вкусныя яства. И лица окружающихъ измѣнялись тогда: будничное заботливое выраженіе уступало мѣсто спокойному довольству людей, сознающихъ свое право на отдыхъ и небольшія радости жизни. Годовые праздники, изъ года въ годъ, мы проводили такъ: на первый день съ утра мы отправлялись къ бабушкѣ, гдѣ просиживали до вечера. Бабушка, мать отца, была суровая непривѣтливая старуха изъ старообрядокъ; ея отецъ, значить мой прадѣдъ, переселился со всею семьєю въ Одессу, когда этотъ городъ былъ еще небольшою деревушкой Хаджибеемъ. Это были коренные великоруссы изъ купцовъ и крѣпко держались старины. Бабушка тоже держалась завѣтовъ дѣдовъ, посѣщала одну Успенскую церковь—любимую старовѣрами, крестилась двуперстнымъ крестомъ. Одѣвалась она въ темное платьѣ, носила на головѣ шелковую фіолетовую повязку; лицо у нея было строгое, суровое, голосъ медленный и глухой. Я боялась бабушки; она никогда не ласкала меня, но часто прикрикивала, если я, бывало, громко разсмѣюсь или расшалюсь съ сѣрымъ котомъ, Васькой. Жила она вмѣстѣ съ дядей Семеномъ, бездѣтнымъ вдовцомъ, который имѣлъ столярную мастерскую; такъ же, какъ и бабушка, онъ былъ суровъ и мраченъ. Говорили, что въ молодости онъ былъ очень живымъ

и веселымъ человѣкомъ, но что бабушка, съ которой онъ никогда не разставался, испортила ему жизнь; что она была очень недовольна женитьбой дяди, преслѣдовала свою молодую невѣстку, отчего послѣдняя заболѣла и умерла, и дядя затосковалъ и сталъ пить.

Меня всегда охватывало тяжелое чувство въ мрачномъ домѣ бабушки, куда, казалось, и солнце боялось заглядывать.

Мама тоже недолюбливала ворчливую, тяжелую старуху; потомъ, когда я выросла, мать не разъ рассказывала мнѣ грустную исторію о томъ, какъ ей пришлось нѣсколько недѣль прожить у бабушки.

Это было самое тяжелое воспоминаніе матушки, совпавшее со смертью ея двухъ малютокъ, умершихъ отъ дифтерита. Послѣ крымской войны отецъ, въ компаніи съ другимъ сапожникомъ, открыли большую мастерскую. Дѣла шли плохо, компаніонъ пьянствовалъ, дѣлалъ долги и сбѣжалъ. Отецъ запутался, зашилъ и попалъ въ тюрьму за долги, а матушка, похоронивъ дѣтей, перешла жить къ бабушкѣ.

— Сижу, бывало, одна одинешенька и думаю, зачѣмъ родилась я на свѣтъ Божій,—рассказывала матушка:—дѣтей у меня Богъ взялъ, мужъ въ тюрьмѣ сидитъ, имущество распродано, а тутъ еще маменька попреками донимаетъ.

— Да развѣ,—говорю,—маменька, я все размотала, я по кабакамъ шаталась?.. Сынъ же вашъ собственный и меня и себя загубилъ!

— И скупая была старуха, жадная, прости ее Господи! Вѣришь ли, боится, бывало, меня къ буфету подпустить, ключи, хлѣбъ прятала, чтобы я лишнее не съѣла; намаялась, охъ, какъ намаялась я тогда! Пойду къ Антону въ тюрьму да выплачусь хорошенько, горькую долю свою клянущу... Жалѣлъ онъ меня, да что могъ подѣлать? Зарокъ далъ не пить больше; оно точно съ тѣхъ поръ этого не было—мѣру знаетъ! Да и то сказать, мастеровому человѣку безъ этого нельзя. Я вотъ и сама, какъ ослабну, рюмочку выпью, крѣпче какъ будто стану... Трудно, Даша, жить мастеровому человѣку, оно точно; не дай Богъ тебѣ замужемъ за сапожникомъ быть!—обыкновенно заканчивала матушка свой скорбный рассказъ.

Такъ вотъ этой-то самой бабушкѣ по-родственному надо было почтеніе отдавать, раза три, четыре въ годъ навѣщать; какъ никакъ, а все-таки не чужой человѣкъ, а мать родная.

Усядусь, бывало, въ столовой на большой кованный сундукъ, смотрю въ окно и думаю, какъ бы удрать поскорѣе въ дядину мастерскую; такое нетерпѣніе разбираетъ меня, что я начинаю ногами болтать, сперва потихоньку, а потомъ посылнѣе.

— Даша!—строго останавливала меня матушка, укоризненно качая головой; я сейчасъ же затихну, исподлобья посмотрю на бабушку, прыгиваю съ сундука, подбѣгаю къ матушкѣ и шепотомъ прошусь «во дворъ погулять».

— Что ты тамъ шушуканье затѣваешь?—сердито ворчитъ бабушка, переворачивая дрова въ печи:—дома не наговоритесь что ли?

— Она просится во дворъ погулять,—робко отвѣчаетъ мать, приглаживая мои волосы.

— Успѣть еще! не можетъ даже минутку посидѣть спокойно!.. Избаловали вы ее...

— Что жъ, маменька, одна она у меня!—со вздохомъ говоритъ матушка:—конечно, дитя! Ему все не сидится на мѣстѣ, порѣзвиться хочется; пойди, Даша, къ дядѣ, а послѣ обѣда отпущу гулять...

Я отправляюсь въ дядинъ залъ, уставленный по стѣнамъ клеенчатой мебелью; въ немъ уныло и холодно, отъ всѣхъ угловъ несетъ пустотой и неуютомъ; дверь въ спальню открыта, и оттуда глухо отдаются голоса моего отца и дяди Семена. Они обсуждаютъ дѣла ремесленной управы, критикуютъ дѣйствія старшинъ и головы. У окна стоитъ письменный столъ, обтянутый клеенкой, запыленный; на немъ толстыя книги, изъ которыхъ я помню лѣчебникъ, старинную географическую энциклопедію, календарь и рисунки мебели.

— Дядя, можно посмотрѣть картинки?

— Смотри, да книжку не изорви. Читать ты еще не умѣешь, такъ возьми эту—здѣсь много картинокъ.

Дядя даетъ мнѣ старыя календарь, съ которымъ я отправляюсь въ залъ, сажусь въ широкое кресло и погружаюсь въ созерцаніе машинъ, домовъ, мебели, обуви и пр., думая въ то же время, скоро ли позовутъ обѣдать.

Черезъ нѣсколько времени приходитъ бабушка и зоветъ всѣхъ къ столу, гдѣ уже сидитъ старикъ Егорушка, дядинъ подмастерье. Праздничный обѣдъ тянется долго, безконечно; я уже успѣла утолить голодъ и слушаю, о чемъ говорить.

Разговоры ведутся серіозные, солидные, разбираются именитые граждане города, рассказывается исторія ихъ обогащенія, а вперемежку слышится звукъ наливаемой водки и вина. Дядя и отецъ пьютъ много, угощаютъ и Егорушку; бабушка сердито поглядываетъ на нихъ, и я удивляюсь, почему ни дядя, ни отецъ не боятся бабушки.

Послѣ обѣда всѣ расходятся; дядя и отецъ, отдохнувъ послѣ обѣда, отправляются въ трактиръ чай пить; мама помогаетъ бабушкѣ убирать посуду, а я лечу во дворъ...

— Смотри же, не шали, не испачкай платье!—напутствуетъ меня матушка, цѣлуя въ щеку. Я радостно, словно птичка, вырвавшаяся изъ клѣтки, бѣгаю по двору, захожу въ мастерскую: тамъ никого нѣтъ, только старикъ Егорушка, изрядно подвыпившій, крѣпко спитъ на верстакѣ. Набравъ всевозможныхъ дощечекъ, я нагружаю ими карманы отца, и послѣ ужина мы идемъ домой.

— Ну, вотъ и слава Богу!—говорить матушка, осѣняя себя крестомъ:—первый день прошелъ.

Мы всѣ рано укладываемся спать. Я зарываюсь въ подушку и среди пріятной дремы съ удовольствіемъ вспоминаю, что завтра опять праздникъ, и у насъ будутъ гости.

Гости сходились къ намъ на второй день, сейчасъ послѣ обѣда; приходилъ Яковъ Степановичъ со всей семьей, сосѣдка швея съ молоденькой дочкой Катенькой, еще двѣ-три семьи; наши подмастерья тоже приглашались; молодежь разыскивала старика Николаича, который игралъ на гитарѣ, приводила его и устраивала танцы; пѣли, танцовали и пили, пили до тѣхъ поръ, пока нѣсколько человѣкъ не свалятся, и ихъ приходилось силой уводить домой; только Яковъ Степановичъ оставался въ своемъ видѣ до конца. На другой день то же самое повторялось у Якова Степановича, а на четвертый высыпались и опохмелялись. Работы обыкновенно послѣ праздниковъ бывало мало, развѣ какая починка набѣжитъ, и тогда-то намъ было раздолье! На святкахъ дѣти обыкновенно любили ходить со звѣздой, колядовать, маскироваться, а молодежь устраивала театръ, для каковой цѣли служила большая мастерская Якова Степановича: за занавѣсью, гдѣ спали подмастерья, устраивали сцену, и Ѳедоръ съ другими подмастерьями разыгрывали видѣнный водевиль, на память. Женскія роли исполнялись Варей и Катенькой.

Эти «представленія» всѣ любили—и старые, и малые; сходились смотрѣть чуть ли не всѣ жильцы нашего двора. Хототу сколько было, особенно, когда Ѳедоръ удачно копировалъ любимаго артиста-комика. Ходили наши отцы и въ настоящій театръ—раза три-четыре въ годъ, а то и чаще; водили и насъ, дѣтей, по большей части, на дневные спектакли, на масленицѣ. Водили насъ смотрѣть Елену Прекрасную, Парашу Сибирячку, Царство Женщинъ. Молодежь, а въ особенности Ѳедоръ, такъ пристрастились къ театру, что ходили чуть ли не каждое воскресенье, а по понедѣльникамъ мы съ матушкой отправлялись въ Власевнѣ послушать, какъ Ѳедоръ будетъ передавать содержаніе пьесы и изображать игру актеровъ. Матушка любила пьесы трагическія, грустныя; въ особенности она жаловала «Велизарія», главную роль котораго исполнялъ любимецъ одесской публики Милославскій.

— Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо представляли!—разсказывала она на другой день послѣ театра сосѣдкѣ:—такъ жалостливо! и наплакалась же я; вѣрите, такъ слезы и льются, очень жалостливо!..

Отецъ отдавалъ преимущество пьесамъ съ историческимъ содержаніемъ, гдѣ фигурировали знаменитые русскіе люди—Грозный, Годуновъ, Мининъ Пожарскій, Сусанинъ.

— Молодецъ Милославскій! — похваливалъ отецъ любимаго

артиста:—какъ рывкнетъ во всю глотку на бояръ, такъ даже поджилки затряслись! Настоящій Грозный царь! люблю его за это!.. Молодчина!

Съ наступленіемъ Пасхи кончался зимній сезонъ, т. е. работа при свѣчахъ. Весна вступала въ свои права, акаціи распускались, и молодежь покидала по вечерамъ свои душныя мастерскія, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; одни уходили въ садъ, на бульваръ, другіе оставались дома, устраивали во дворѣ игры, пѣли пѣсни. Наступившее тепло растворяло двери всѣхъ квартиръ и соединяло всѣхъ жильцовъ дома, соответственно возрасту. Хозяева, а въ особенности женщины, собирались вмѣстѣ и вели бесѣды о житейскихъ дѣлахъ. Перваго мая, или въ ближайшее къ нему воскресенье, обязательно устраивалась «маѣвка», т. е. семейная прогулка въ одинъ изъ загородныхъ народныхъ садовъ. Собирались группой по нѣсколько семей, забирали провизию, самоваръ, чашки, угли, чтобы на свѣжемъ воздухѣ напитокъ чаю. Дюковскій садъ, куда обыкновенно ходили мы, находится далеко за городомъ; пройдя предмѣстье Молдаванку, надо спуститься внизъ, гдѣ начинается рядъ садовъ частныхъ владѣльцевъ, а за ними и городской Дюковскій садъ. Шли мы туда пѣшкомъ, нагружившись всѣмъ необходимымъ; достигнувъ цѣли нашего путешествія, мы выбирали тѣнистое мѣстечко, гдѣ разбрасывали нашъ лагерь.

— Благодать какая!—съ улыбкой говорилъ отецъ, втягивая свѣжій воздухъ и разваливаясь на душистой травѣ.

— Хорошій денекъ послалъ Богъ народу!—съ свѣтлой улыбкой произносилъ Яковъ Степановичъ, поглаживая свою бороду, и его ясные, добрые глаза дышали внутреннимъ довольствомъ.

Старики располагались отдохнуть, а женщины принимались хозяйничать: стлали на травѣ чистую, бѣлую скатерть, ставили чашки, закуски; кто нибудь изъ молодыхъ бралъ ведро и шельъ принести воды для самовара, другіе шли побродить по саду; мы, ребяташки, тоже разбѣгались.

Публики было много; все такія же, какъ наша, семейныя группы пестрили садъ; были тутъ и барышни въ модныхъ платьяхъ, пышныхъ шляпкахъ, очевидно, швейки; были и простыя дѣвушки въ яркихъ шерстяныхъ и ситцевыхъ платьяхъ, простоволосыя или въ платочкахъ, кавалеры въ пиджакахъ и сюртукахъ, въ перчаткахъ и безъ перчатокъ, простые рабочіе въ косовороткахъ и высокихъ смазныхъ сапогахъ. Въ центрѣ сада былъ устроенъ буфетъ—некрашенные деревянные столики со скамейками подъ деревьями, гдѣ пили пиво и играла музыка; здѣсь по большей части сидѣли нѣмцы съ бритыми красными физиономіями, съ шляпами на бекрень, громкой рѣчью; вокругъ буфета, по аллеямъ, бродила молодежь, забавляясь сѣмечками; молодыя дѣвушки бросали по сторонамъ кокетливыя взгляды, громко смѣялись, толка-

лись; тамъ продавецъ съ квасомъ осаждается «кацапами», тамъ мороженикъ разставилъ на скамейкѣ свой товаръ, которымъ угощаются взрослые и дѣти; гулъ голосовъ, звуки гармоникки, крики пьяныхъ, лусканье подсолнуховъ наполняли воздухъ. Откуда-то доносятся звуки шарманки—очевидно, тамъ карусель, и мы, дѣтишки, устремляемся на поиски. Скоро передъ глазами мелькнулъ вертящійся на верхушкѣ Ванька, блеснула мишура карусели, вокругъ которой образовался густой кружекъ зрителей. Глаза наши разбѣгаются, сердце начинаетъ усиленнѣе биться отъ желанія покружиться верхомъ на лошади, и мы бѣгомъ летимъ обратно, чтобы выпросить у отца пятакъ на карусель. Отецъ и Яковъ Степановичъ уже успѣли отдохнуть и пошли пройтись по саду. Мы ихъ атакуемъ со всѣхъ сторонъ и громко кричимъ: на качель!

Накатавшись, мы отправляемся на верхъ, въ поле...

— Урожай обѣщаетъ быть хорошимъ,—говоритъ отецъ, созерцающая зеленые всходы.

— Дай Господи!—отвѣчаетъ Яковъ Степановичъ, снимая шляпу и проводя рукой по головѣ:— дождичка даль бы Богъ во время, чтобы не пропали труды народа!

Мы, дѣтишки, разбѣгаемся по зеленой травѣ, рвемъ цвѣты и, набравъ ихъ полный подолъ, усаживаемся на пригоркѣ, плетемъ вѣнки, составляемъ букеты... Народу сюда на открытую лужайку прибываетъ все больше, главнымъ образомъ молодежь, которая устраиваетъ игры: въ кошку-мышку, въ горѣлки, въ мячъ. Солнце ярко свѣтитъ на безоблачномъ небѣ, пестрыя платья, какъ цвѣты, мелькаютъ передъ нами, а звонкіе молодые голоса гулко несутся въ прозрачномъ воздухѣ и такъ радостно и весело на душѣ...

— Пора къ нашимъ. Небось, хозяйки вѣрно уже чай приготовили!—говоритъ отецъ и торопитъ насъ итти поскорѣе.

Воткнувъ въ шляпки полевые цвѣты, мы бодро бѣжимъ, перегоняя другъ друга, кувыркаемся, падаемъ, чувствуя себя безконечно счастливыми.

— Мама, мама, смотри, какой вѣнокъ! — кричу я, подбѣгая къ матери.

— Дай-ка, дай! — кричитъ Катенька, выхватываетъ вѣнокъ и надѣваетъ на свою русую голову. Глаза ея свѣтятся молодою радостью жизни, и мнѣ кажется, что она вся свѣтится, и отъ этого мнѣ дѣлается еще веселѣе, я прыгаю, хлопаю въ ладоши и, подкравшись потихоньку къ Варѣ, которая боялась всѣхъ на свѣтѣ насѣкомыхъ, щекочу травкой по шеѣ.

— Ай! — неистово вскрикиваетъ Варя, вскакиваетъ съ мѣста, отряхая воображаемаго червяка, къ общему хохоту всѣхъ присутствующихъ.

Самоваръ закипѣлъ, всѣ усаживаются въ кружекъ, принимаясь за ѣду.

По окончаніи трапезы, молодежь начинаетъ бѣгать, перекидываясь шутками и тумаками.

— Ну, будетъ вамъ, будетъ!— говоритъ Власьевна:— спѣли бы лучше чтонибудь.

— Пѣть! пѣть! Господа, будемъ пѣть!—кричитъ Варя, собирая всѣхъ. Ѳеодоръ начинаетъ запѣвать; у него былъ мягкій, звучный теноръ.

Ой підъ горою, підъ перевозомъ
Стояла дівчина съ своимъ обозомъ!

Мелодическіе, нѣжные звуки несутся далеко по саду, собирая толпу.

Стояла дівчина съ своимъ обозомъ!—

подхватываетъ хоръ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ— и малые, и старые. Должно быть, хорошо пѣли, потому что вокругъ насъ образуется густой кружокъ зрителей, слышатся возгласы одобренія, хлопанье въ ладоши. А Ѳеодоръ все больше и больше увлекается. Одна пѣсня смѣняется другою; заунывные, полные грусти, звуки переходятъ внезапно въ разудалый мотивъ, плечи подергиваются, ноги притоптываютъ, глаза загораются удалью. Не успѣлъ замереть послѣдній звукъ, какъ снова грустная, хватающая за душу мелодія мѣняетъ лица всѣхъ.

Засвистали казаченки въ походъ въ полночи,
Заплакала Марусенька въ свои кары очи!..

Грустью подергивается лицо Власьевны, которая, подперевъ щеку рукой, смотритъ куда-то вдаль, матушка вздыхаетъ; Яковъ Степановичъ полузакрывъ глаза и недвижимо сидитъ, отецъ подтягиваетъ съ серьезнымъ и печальнымъ лицомъ. Хоръ умолкъ, и на мгновенье наступило молчаніе—ни звука...

Какъ по улицѣ Варваринской
Шелъ Касьянъ, мужикъ камаринскій!..—

неожиданно встряхивается Ѳеодоръ, подбочивается и пускается въ плясъ. Бойкая Катенька съ пылающимъ лицомъ и задорнымъ голоскомъ тоже выскакиваетъ въ средину круга, хоръ подхватываетъ плясовую, притоптываетъ, глядя на красивую съ увлеченіемъ танцующую парочку. Катенька семенитъ своими маленькими ножками, приподнявъ съ одной стороны юбку, отбрасываетъ назадъ голову, съ задорной улыбкой смотря на Ѳеодора; фалды его сюртука развѣваются, лицо раскраснѣлось, а ноги сами собой дѣлаютъ чудовищныя па, подгибаются. Зрители приходятъ въ восторгъ.

— Ай, да молодецъ парень! Важно трепака валяетъ!— раздавались подзадоривающіе голоса, а Власьевна съ любовью смотрѣла на своего первенца.

VIII.

Осенью меня отвели въ школу; народныхъ школъ тогда было мало въ Одессѣ, да и тѣ далеко отъ насъ. Отдала меня мать учиться въ Воронцовскую школу, основанную и содержимую княгиней Воронцовой, вдовой бывшаго генераль-губернатора края. Школа помѣщалась во дворцѣ, который примыкаетъ къ бульвару, во флигелѣ, гдѣ жила дворня княгини, и занимала двѣ комнаты, сообщавшіяся аркой; здѣсь обучались совмѣстно и мальчики и дѣвочки. Учитель нашъ былъ немолодой, изъ семинаристовъ, онъ училъ насъ не по звуковой методѣ, а по складамъ, при чемъ каждый ученикъ имѣлъ свой отдѣльный урокъ; общихъ занятій по группамъ, какъ это практикуется теперь въ народныхъ школахъ, у насъ не было. Учитель спрашивалъ у каждаго ученика его урокъ и задавалъ дальше, т. е. читать «отсюда и досюда»; списывали мы также съ книги, подъ диктовку никогда не писали и не знали самыхъ элементарныхъ правилъ грамматики; ариѳметикой мы тоже занимались по упрощенной методѣ; учитель заставлялъ насъ во время урока писать въ тетрадкахъ отъ единицы до милліона или сколько мы успѣвали во время урока, а потомъ показывалъ механизмъ четырехъ правилъ безъ теоретическихъ поясненій. Школа была даровая, и въ ней обучались дѣти ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ и прислуги. Программы никакой у насъ не было, и курсъ ученія продолжался неопредѣленное время. Когда я поступила въ школу, здѣсь были ученики и ученицы, посѣщавшіе ее въ теченіе пяти-шести лѣтъ и не научившіеся ничему, даже правильно писать, не говоря уже о другихъ предметахъ. Учитель часто приходилъ въ классъ въ нетрезвомъ видѣ; тогда онъ былъ золъ, придирался къ дѣтямъ, кричалъ и ругался; тѣлесныя наказанія были у насъ въ большомъ ходу: кромѣ секуцій, которыя учитель заставлялъ производить старшихъ учениковъ подъ его верховнымъ надзоромъ, онъ практиковалъ «линейку»; малѣйшая провинность, плохо прочитанный урокъ наказывались битьемъ линейкой по рукѣ. У меня въ памяти хорошо запечатлѣлась одна такая сцена: второй сынъ Власевны, Саша, посѣщалъ вмѣстѣ со мной школу; ему шелъ тогда четырнадцатый годъ, но онъ казался гораздо старше, благодаря своему высокому росту; мальчикъ былъ живой, бойкій и, къ величайшему удовольствію всего класса, удачно копировалъ учителя; онъ числился въ рядахъ первыхъ учениковъ, что, впрочемъ, не мудрено, такъ какъ посѣщалъ школу чуть ли не съ восьмилѣтняго возраста, а въ ней, какъ сказано раньше, ничему не учили, кромѣ чтенія и счета; однако это не мѣшало Сашѣ отлично и бѣгло рѣшать весьма сложныя задачи. Учитель очень часто

запаздывалъ въ классъ, и это время было для насъ самое лучшее: лишеные всякаго надзора—у насъ даже сторожа не было—мы дѣлали все, что хотѣли, и иногда поднимали такой невообразимый крикъ и топотъ, что изъ сосѣдней квартиры приходили унимать школьничковъ.

— Тише, мелюзга!—скомандовалъ однажды Саша, занимая учительское мѣсто и принимая его осанку; мы всѣ притихли и устремили выжидательный взглядъ на Сашу.

— Гришка, ступай сюда, отвѣчай урокъ!—подражая басу учителя, произнесъ Саша.

Гришка, маленькій, юркій мальчуганъ, живо выпрыгнулъ изъ-подъ парты и, вытянувшись въ струнку, сталъ у доски.

— Ну, что писать?—съ напускною грубостью спросилъ онъ.

— Молчи, мерзавецъ!—рявкнулъ Саша, стукнувъ линейкой по столу; въ классѣ настала необычайная тишина; мы всѣ съ любопытствомъ ждали, какое колѣнце выкинетъ Саша; въ это время незамѣтно вошелъ учитель и остановился у двери; никто не замѣтилъ, какъ онъ вошелъ.

— Пиши, болванъ!—скомандовалъ Саша тѣмъ же тономъ:—пьяный хохоль надергалъ нашего учителя за хохоль!

Взрывъ хохота привѣтствовалъ слова Саши и вдругъ сразу оборвался: мы всѣ увидѣли красное, недоброе лицо учителя, который, подкравшись къ Сашѣ, изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Саша вскочилъ, поблѣднѣлъ и устремилъ взглядъ въ лицо грознаго педагога.

— Негодяй, подлецъ! Вотъ я жъ тебѣ!—ревѣлъ не своимъ голосомъ взбѣшенный учитель, топая ногами:—я жъ тебя проучу! Я покажу, какъ издѣваться надо мной... Руку!—гаркнулъ онъ такъ, что всѣ вздрогнули. Саша вытянулъ руку ладонью вверхъ и застылъ въ этой позѣ... Страшная линейка засверкала въ воздухѣ.

— Два, три... семь... десять!—слышался злой голосъ учителя, все больше и больше приходившаго въ остервенѣніе. Саша не издавъ ни одного звука, не сдѣлавъ ни одного движенія, точно онъ приросъ къ полу, только лицо его становилось все блѣднѣй да блѣднѣй, а на губахъ играла злая усмѣшка... Вдругъ—трахъ!... Линейка сломалась, и палачъ остановился, бросая далеко отъ себя оставшійся кусокъ... Слезы текли у меня по щекамъ.

— Убирайся вонъ, негодяй! Чтобы духу твоего здѣсь не было, вонъ, вонъ! А вы, мерзавцы, республиканцы, на колѣни! всѣ на колѣни!

Саша, какъ ни въ чемъ не бывало, повернулся, забралъ свои тетради, книжки, взялъ пальто, шапку и, уходя, бросилъ такой взглядъ на учителя, что мнѣ стало страшно; я замѣтила, что рука у него сильно вспухла.

— На колѣни!—кричалъ учитель:— а ты что реешь? чего реешь?—онъ дернулъ меня за ухо и заставилъ стать на колѣни, хотя они у меня и безъ того тряслись; въ такомъ неудобномъ положеніи между сидѣньемъ и столомъ оставались мы весь первый урокъ, читая свои книжки.

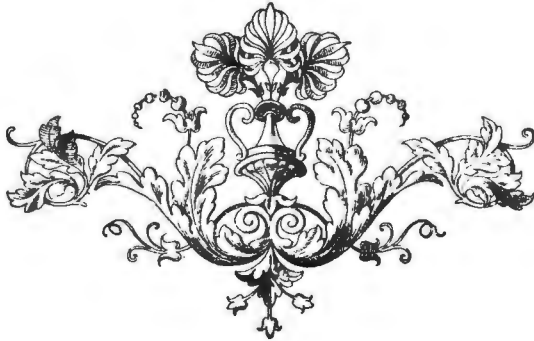
Передъ Рождествомъ насъ водили къ княгинѣ во дворецъ, гдѣ она одаривала насъ, дѣвочекъ, теплыми платками и вязанными смѣшными капорами, а мальчиковъ шарфами; лучшимъ же ученикамъ дарились дѣтскія книги съ картинками и съ надписью: за прилежаніе и благопривіе. Наканунѣ торжественнаго дня учитель приказывалъ намъ всѣмъ хорошенько дома помыться и надѣть чистыя платья; конечно, это событіе необыкновенно возбуждало насъ и пугало робкія души. Въ самомъ дѣлѣ, что будетъ, если въ тотъ моментъ, когда я предстану передъ свѣтлыя очи княгини, мнѣ захочется чихнуть, кашлянуть или что другое, отъ чего въ глазахъ у меня зарябитъ, а ноги задрожать такъ, что я едва устою; а главное, какъ я встану передъ княгиней, какъ посмотрю на нее, какъ поклонюсь? Княгиня рисовалась въ нашемъ дѣтскомъ воображеніи существомъ совсѣмъ особеннымъ—полубожествомъ, получеловѣкомъ, а извѣстно, что встрѣча съ такими предметами не вполне безопасна.

Какъ бы то ни было, въ назначенный день мы собирались въ школу рѣйше обыкновеннаго и не шалили, какъ всегда. Приходилъ учитель, ставилъ насъ попарно и велъ въ княжескіе апартаменты; сердца наши начинали усиленнѣе колотиться въ стѣсенной груди, когда суровый швейцаръ отворялъ передъ нами большую парадную дверь и смотрѣлъ такимъ взглядомъ, точно удивлялся, зачѣмъ появилась эта мелкота въ охраняемое имъ святилище. Мы подымались по мраморной устланной коврами лѣстницѣ, встрѣчая на пути важныхъ людей во фракахъ и бакенбардахъ, къ которымъ чувствовали инстинктивное почтеніе и очень удивлялись, почему учитель не велитъ намъ кланяться имъ; потомъ мы вступали въ большую пріемную, гдѣ свѣтъ умѣрялся бархатными малиновыми портьерами, и тутъ останавливались; въ этой комнатѣ было много цвѣтовъ и попугаевъ, которые привлекали мое вниманіе; княгиня сидѣла за столомъ въ большомъ бархатномъ креслѣ, и я очень удивлялась, видя передъ собой старенькую, совсѣмъ старенькую женщину въ черномъ шелковомъ платьѣ, такую, какихъ я часто встрѣчала въ соборѣ; на лицѣ у нея было много морщинокъ, глаза тусклые и усталые, и я сразу переставала бояться ея и гораздо съ большимъ почтеніемъ и страхомъ смотрѣла на двухъ пышныхъ дамъ, которыхъ называли фрейлинами княгини; на столѣ лежали тюки платковъ, чепцовъ, шарфовъ и нѣсколько книгъ въ красивыхъ переплетахъ; на плечѣ одной дамы сидѣлъ зеленый попугайчикъ и глубокомысленно смотрѣлъ на насъ. Каждый ученикъ под-

ходилъ въ группѣ, сидѣвшей за столомъ, отвѣшивалъ низкій поклонъ и получалъ изъ рукъ дворецкаго свою долю. Вырвавшись на волю изъ княжескихъ апартаментовъ, мы вздыхали свободнѣе и расправляли застывшіе члены, такъ что учителю стоило большого труда удержать школьниковъ въ предѣлахъ благонравія въ то время, когда мы проходили княжескій дворъ.

М. Е. Ермолина.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ВОЙНѢ 1877 1878 ГОДОВЪ¹⁾.

V.

В главную квартиру пріѣхалъ ординарецъ съ извѣстіемъ о нашей второй неудачной попыткѣ взять Плевну. Наши потери произвели на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе, но никто этому печальному событію тогда не придавалъ того значенія, какое оно имѣло въ дѣйствительности, какъ оказалось впоследствии. Главнокомандующій потребовалъ меня къ себѣ и, ввѣривъ мнѣ пакетъ, объяснилъ слѣдующее: «поѣзжай съ этимъ письменнымъ приказомъ къ генералу Гурко, а на словахъ передай, что если будетъ возможно, то пусть наводитъ страхъ по ту сторону Балканъ; если нѣтъ, то пусть перейдетъ на сѣверную сторону, и, удерживая проходы между Хаинкіомъ и Шишкою, поступитъ подъ начальство генерала Радецкаго. У насъ новая неудача подъ Плевной. Довѣряемый тебѣ конвертъ весьма важенъ, и никакимъ образомъ не долженъ попасть въ руки непріятели. Трудно сказать, гдѣ именно теперь находится генералъ Гурко: за Малыми Балканами или не доходя до нихъ. Командировка очень важная и опасная. Я пошлю еще съ дубликатомъ Чайковскаго (состоявшаго при начальникѣ штаба офицера Ямбургскаго уланскаго полка) черезъ Хаинкію, а ты

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 118.

поѣзжай черезъ Шипку». Вслѣдствіе этого приказанія я немедленно выѣхалъ изъ Тырнова. Мнѣ сопутствовали далеко нерадостныя думы. Вторая неудача подъ Плевной была горестнымъ, но убѣдительнымъ доказательствомъ нашей первоначальной основной ошибки: мы перешли Дунай съ слишкомъ малыми силами. Еще въ началѣ апрѣля, въ первые дни моего пріѣзда въ Кишиневъ, я неоднократно слышалъ въ главной квартирѣ, что главнокомандующій находилъ численность нашихъ силъ, съ которыми была начата война, недостаточной и, какъ говорятъ, просилъ государя о немедленной присылкѣ необходимыхъ резервовъ. Въ виду этого государемъ императоромъ обѣщано было прибытіе гвардіи съ тѣмъ, что государь самъ лично поздравитъ гвардію съ походомъ. Между тѣмъ послѣ отѣзда государя изъ Кишинева, главнокомандующимъ была получена отъ наслѣдника цесаревича изъ Курска телеграмма, что вслѣдствіе доводовъ военнаго министра предполагаемое скорое выступленіе гвардіи на театръ войны пока пріостановлено. Таковы были слухи. Миѣніе его высочества, къ несчастію, вскорѣ начало подтверждаться на дѣлѣ: тотчасъ же послѣ переправы мы вынуждены были раздробить наши силы для занятія несоотвѣтственно обширнаго театра военныхъ дѣйствій; нашъ правый флангъ оказался недостаточно обезпеченнымъ, выросла Плевна, и отрядъ генерала Гурко долженъ былъ отступать передъ арміей Сулеймана-паши. Такимъ образомъ военныя дѣйствія затянулись не въ нашу пользу, и все-таки въ результатѣ пришлось двинуть изъ Россіи значительные резервы, которые своимъ присутствіемъ въ началѣ дали бы возможность однимъ дружнымъ ударомъ раздавить врага и быстрымъ окончаніемъ войны сохранить не одну сотню милліоновъ рублей. Переночевавъ въ Габровѣ, я на разсвѣтѣ поѣхалъ дальше къ Шипкинскому перевалу. Уже на спускѣ я сталъ встрѣчать объятыхъ ужасомъ бѣглецовъ, жителей долины Тунджи. Все бѣжало въ страшномъ безпорядкѣ, послѣ рѣзни, произведенной изувѣрами Сулеймана-паши: женщины, дѣти, люди болгарскаго ополченія, лошади, навьюченные ослы. Нижніе чины несли на рукахъ дѣтей. Въ этихъ пестрыхъ толпахъ, слѣдившихъ къ перевалу людей, попадалось немало раненыхъ; между прочимъ я видѣлъ болгарскую дѣвушку лѣтъ 16-ти съ обрѣзанными грудями и десятилѣтняго мальчика, у котораго были отрублены руки.

Таковы были для христіанскаго народонаселенія послѣдствія нашей неудачи подъ Ески-Загрой. Въ Казанлыкѣ я увидѣлъ ту же картину. Въ женскомъ монастырѣ устроили временный госпиталь, который весь былъ переполненъ ранеными. Этихъ несчастныхъ помѣщали, гдѣ лишь только было возможно: и въ кельяхъ и на монастырскомъ дворѣ. Церковь служила для турокъ амбаромъ, въ ней находились галеты, рисъ и коровье масло, а иконы во многихъ мѣстахъ были прострѣлены. Я разыскалъ генерала

Рауха, котораго просилъ указать мнѣ, гдѣ находится генералъ Гурко. Но при подобныхъ обстоятельствахъ нельзя было получить точныхъ свѣдѣній. Извѣстно было лишь то, что на ночь назначено отступление къ Шипкѣ, что Малыя Балканы уже заняты турками, равно какъ, по всей вѣроятности, и долина, и что генералъ Гурко, вѣроятно, находился въ Малыхъ Балканахъ по дорогѣ на Хаинкію. Поэтому мнѣ совѣтовали ночевать въ Казанлыкѣ, тѣмъ болѣе, что, не зная дороги, легко было ночью сбиться съ пути. Какъ я ни досадовалъ на невольную потерю времени; но все-таки пришлось подчиниться необходимости ночевать при отрядѣ генерала Рауха, который отошелъ къ Шипкѣ. Ночь прошла спокойно, неприятель не потревожилъ. Утромъ слѣдующаго дня отрядъ сталъ подыматься на гору; я же вдоль главнаго Балканскаго хребта отправился къ Хаинкію. Со мной ѣхалъ адъютантъ начальника болгарской дружины генерала Столѣтова, поручикъ Лукашевъ, и, кромѣ двухъ казаковъ и денщика, моими спутниками были еще два офицера и шесть казаковъ Уральскаго полка, которые должны были проѣхать со мной одну треть дороги и затѣмъ свернуть въ районъ, уже занятый турецкими войсками, къ Малымъ Балканамъ, чтобы отыскать тѣло своего ташкентскаго товарища Калитина, командира одной изъ болгарскихъ дружинъ. Дорогой казачьи офицеры мнѣ рассказывали, что наканунѣ Калитинъ былъ тяжело раненъ. Во время отступления его несли на рукахъ; но ему было такъ трудно, что онъ просилъ положить его въ глухомъ ущельѣ, на берегу ручья, несмотря на близость наступавшихъ турокъ, которые могли его замучить. Впослѣдствіи я узналъ, что вѣрные товарищи нашли его на прежнемъ мѣстѣ; турки не набрали на умиравшаго Калитина, и онъ, по крайней мѣрѣ, отдалъ Богу душу безъ страшныхъ истязаній. Его тѣло привезено было къ своимъ и предано землѣ похристіански, съ подобающей воинской почестью. Еще мнѣ рассказывали, что Калитинъ потому велѣлъ оставить себя въ ущельѣ, чтобы несшіе его болгарскіе дружинники могли и во время отступления драться съ насѣдавшими на нихъ турками. Честь и слава такому витязю и такимъ вѣрнымъ казакамъ товарищамъ, которые добровольно, подвергая свою жизнь опасности, смѣло пробрались черезъ неприятельскія позиціи, чтобы совершить тихій, но тѣмъ не менѣе великій подвигъ челоѣколюбія и товарищескаго долга.

Близъ Маглиша у того мѣста, гдѣ уральцы должны были свернуть къ югу, къ Малымъ Балканамъ, мы сдѣлали въ роцѣ небольшой привалъ, затѣмъ простились и разѣхались: они—направо, а я и Лукашевъ—прямо, въ восточномъ направленіи, долиной Тунджи къ Хаинкію.

До самаго Хаинкія нашъ путь лежалъ у подножія южнаго склона Большихъ Балканъ. Долина Тунджи, или Розъ, представляетъ изъ себя ровную, какъ столъ, плоскость, кое-гдѣ орошаемую быст-

рыми ручьями и покрытую небольшими фруктовыми садами. Съ юга она ограничена пологими склонами Малыхъ Балканъ, а съ сѣверной стороны упирается въ почти отвѣсныя во многихъ мѣстахъ кручи южнаго склона Балканскаго хребта, такъ что на всемъ 45-ти-верстномъ пространствѣ отъ Шипки до Хаинкію находится только одинъ переваль, весь же южный склонъ громоздится исполинскими стѣнами, врядъ ли доступными даже дикимъ козамъ. Такой характеръ мѣстности былъ крайне опасенъ для моего движенія чугъ ли не въ виду непріятели, тѣмъ болѣе, что долина Тунджи по мѣрѣ приближенія къ Хаинкію суживается отъ 5 до 3 версты въ поперечникѣ, и не только одиночныхъ всадниковъ, но даже пѣшихъ людей подъ Малыми Балканами отлично было видно и невооруженнымъ глазомъ. Маломальски значительный турецкій разъѣздъ легко могъ прижать меня къ отвѣснымъ кручамъ южнаго склона и уничтожить, такъ какъ я могъ уйти въ горы только черезъ единственный переваль, до котораго еще надо было добраться. И вотъ впервые я началъ безпокойно сознавать всю опасность моего положенія. Я боялся за участь вѣреннаго мнѣ конверта, за успѣхъ возложеннаго на меня главнокомандующимъ столь важнаго порученія, которое, благодаря извѣстной обстановкѣ, оказалось труднѣйшимъ, опаснѣйшимъ изъ всѣхъ уже мною исполненныхъ до того времени и вполнѣдствіи.

Зорко осматривая долину вдоль сѣвернаго склона Малыхъ Балканъ, я переменными аллюрами благополучно приближался къ Хаинкію, какъ вдругъ, не доѣзжая около 8-ми версты до этого мѣста, вижу—подъ Малыми Балканами идетъ кавалерія безъ пикъ, а ея разъѣзды направляются прямо на мой ничтожный, состоящій изъ пяти всадниковъ, огрядецъ. Мы были убѣждены, что это черкесы. Я тотчасъ же свернулъ въ трубочку конвертъ и всунулъ его въ дуло револьвера, чтобы выстрѣломъ безслѣдно его уничтожить, и вслѣдъ за симъ промелькнула мысль: помощи, Господи, Чайковскому благополучно черезъ Хаинкію довести дубликатъ къ генералу Гурко! Я послалъ казака поближе разсмотрѣть наступавшіе разъѣзды. Онъ зарысиль, осторожно пробираясь отъ куста до куста, зорко высматривалъ, останавливался и снова пробирался впередъ, и вдругъ пустился на выстрѣчу къ ближайшему разъѣзду. Стало быть, свои! Я просто воскресъ изъ мертвыхъ, и драгоценный пакетъ, торжественно вынувъ изъ револьвернаго ствола, положилъ обратно въ сумку. Столь сильно напугавшій меня непріятель оказался нѣсколькими эскадронами Астраханскаго драгунскаго полка, которымъ приказано было очистить долину отъ турецкой кавалеріи.

Пройдя еще нѣсколько версты, мы наконецъ вѣхали въ аванпостную цѣпь Кіевскаго гусарскаго полка. Итакъ, моя крайне рискованная командировка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: я тотчасъ

же передалъ генералу Гурко конвертъ и словесное приказаніе главнокомандующаго. Здѣсь я встрѣтился съ моими товарищами по учебному эскадрону: поручикомъ лейбъ-драгунскаго полка Ковалевскимъ и майоромъ Карѣевымъ, командиромъ эскадрона Кіевскаго гусарскаго полка. Старые товарищи меня радушно пріютили у себя на бивакѣ, приказали накормить коней моихъ и казаковъ. Хотя они пришли не задолго на это мѣсто и еще не успѣли хорошо оглядѣться, все-таки, благодаря нашимъ смѣтливымъ и проворнымъ гусарамъ, нашелся овесъ въ снопахъ и въ котелкѣ кусокъ баранины. Черезъ сутки я получилъ отъ генерала Гурко отвѣтный конвертъ и отправился въ Тырново черезъ Хаинкіюскій проходъ, мѣстность котораго еще живописнѣе Шипки. Сначала дорога робко прижимается къ отвѣсной скалѣ надъ страшнымъ обрывомъ и потомъ, спустившись къ горному ручью, идетъ верстъ пять вдоль его русла. Весной и во время дождей этотъ проходъ недоступенъ, потому что ручей тогда обращается въ бурный стремительный потокъ. По дорогѣ я обогналъ транспортъ раненыхъ, слѣдовавшій на волахъ изъ-за Малыхъ Балканъ. Въ Тырново я уже не засталъ главной квартиры и нашелъ ее подъ Плевною, въ Болгарени, куда и прибылъ 27 іюля, въ день рожденія и тезоименитства его императорскаго высочества главнокомандующаго, явившись къ которому я сдѣлалъ словесный докладъ о моей командировкѣ. Его высочество милостиво благодарилъ меня за точное исполненіе его личныхъ приказаній и ласково присовокупилъ: «ты, небось, голоденъ, поди, поѣшь что нибудь».

На другой день, 28 іюля, мы отправились въ Горный Студень, гдѣ и началось долгое, скучное сидѣніе безъ дѣла, почти цѣлый мѣсяць до 26-го августа. Я тѣмъ болѣе изнывалъ отъ скуки и бездѣлія, что мое воображеніе слишкомъ было разгорячено переправой черезъ Дунай, занятіемъ Шипки и моей послѣдней, богатой сильными ощущеніями, командировкой въ Хаинкію, а тутъ какъ на грѣхъ на Шипкѣ пошли достопамятные августовскіе дни, когда, засѣвшіе на ея утесистыхъ вершинахъ, наши орлы доблестно отбивались отъ бѣшеныхъ атакъ закаленныхъ въ черногорскихъ битвахъ сѣлеймановыхъ таборовъ.

Во время моего пребыванія въ Горномъ Студенѣ произошли два случая о которыхъ я не въ правѣ умолчать, такъ какъ первый изъ нихъ имѣетъ важное историческое значеніе, наглядно свидѣтельствуя о той предательски-двуличной роли, которую по своему обыкновенію сыграла въ отношеніи насъ въ прошлую кампанію разлагающаяся Австрія. Однажды—это случилось во время моего дежурства—только что мы встали изъ-за обѣденнаго стола, какъ главнокомандующій потребовалъ меня въ свою палатку и, вручивъ распечатанную, но сложенную телеграмму, приказалъ отвезти ее къ государю императору. При этомъ его высочество до та-

кой степени былъ спокоенъ и отдалъ приказаніе такимъ обыкновеннымъ тономъ, что мнѣ и въ голову не приходило, чтобы эта телеграмма заключала въ себѣ что нибудь особенно важное. Сѣвъ на коня, я отправился къ государю. Квартира его величества находилась почти противъ палатки главнокомандующаго, надобно было только перебраться черезъ крутую балку. Я отдалъ коня вѣстовому и поручилъ камердинеру доложить о себѣ. Возвратившись, камердинеръ открылъ дверь, сообщивъ мнѣ, что его величество проситъ войти. Я очутился въ небольшой устланной ковромъ комнатѣ. У единственнаго окна, какъ разъ противъ двери, стоялъ занимавшій въ ширину три четверти комнаты большой письменный столъ, за которымъ спиной къ дверямъ сидѣлъ государь въ очкахъ и занятъ былъ бумагами. Когда я вошелъ, государь повернулся ко мнѣ, видимо утомленный письменной работой.

— Ты отъ брата?—спросилъ его величество.

— Такъ точно,—отвѣтилъ я, подавая телеграмму.

По мѣрѣ того, какъ государь читалъ телеграмму, имъ овладѣвало тревожное чувство, и вдругъ лицо государя поблѣднѣло, руки стали дрожать, какъ при лихорадочномъ состояніи. Отдавая мнѣ телеграмму и другой рукою опершись о письменный столъ, его величество изволилъ меня спросить:

— Ты читалъ эту телеграмму?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— Отнеси ее сейчасъ къ военному министру.

Квартира военнаго министра находилась рядомъ съ рабочимъ кабинетомъ государя. Графъ Милютинъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу и, прочитавъ телеграмму, тоже видимо былъ сильно взволнованъ. Онъ спросилъ меня, очень ли обезпокоился государь. Я отвѣтилъ утвердительно.

— Ничего, я пойду, успокою государя,—сказалъ военный министр:—а вы, пожалуйста, отнесите телеграмму къ Гамбургеру.

Гамбургеръ (помощникъ государственнаго канцлера князя Горчакова, который по случаю своей болѣзни находился тогда въ Вухарестѣ) совершенно спокойно прочиталъ телеграмму и сказалъ мнѣ:

— Да вѣдь этого быть не можетъ! Все-таки пойдите съ Бехтольсгейму (австрійскій военный агентъ).

Когда я замѣтилъ, что мнѣ содержаніе телеграммы до сихъ поръ еще неизвѣстно, и что если это не секретъ, то я бы желалъ узнать причину столь сильнаго безпокойства государя, Гамбургеръ далъ мнѣ прочитать телеграмму. Оказалось, что генералъ Дрентельнъ, комендантъ тыла арміи, сообщилъ главнокомандующему о переходѣ австрійской кавалеріи черезъ румынскую границу, и тогда мнѣ стало яснымъ, почему телеграмма произвела такое тягостное впечатлѣніе. Занятіемъ Румыніи австрійская армія отрѣзывала задунайскую армію отъ Россіи. Другого сообщенія не существовало,

потому что у насъ не было черноморскаго флота, оказывавшаго намъ въ прежнія войны съ турками великія услуги, и мы легко могли бы очутиться въ ловушкѣ. Прочитавъ телеграмму, Бехтольсгеймъ сказалъ:

— Не можетъ быть! Мой государь далъ слово хранить полный нейтралитетъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ его сдержитъ. Я сейчасъ же лично отправлю депешу въ Вѣну, и убѣжденъ, что получу успокоительный отвѣтъ.

Съ тѣмъ я и поѣхалъ обратно къ главнокомандующему. Потомъ я слышалъ, что изъ Вѣны дѣйствительно была получена успокоительная телеграмма: австрійцы оправдались тѣмъ, что ихъ кавалерія (теперь не помню, сколько именно) нечаянно перешла Румынскую границу во время маневрированія, и что ей приказано немедленно вернуться, а на начальника части, допустившаго такую оплошность, было наложено дисциплинарное взысканіе. Какъ бы то ни было, но у меня тогда же возникло убѣжденіе, что вся эта кутерьма съ переходомъ границы была не что иное, какъ только умышленный маневръ со стороны австрійцевъ, которые хотѣли посмотрѣть, какое впечатлѣніе въ дѣйствительности можетъ произвести появленіе ихъ кавалеріи въ Румыніи. Конечно, это для насъ было крайне нежелательно, и теперь совершенно понятно, почему мы были вынуждены согласиться на безсрочную австрійскую оккупацию Босніи и Герцеговины. При неимѣніи у насъ сильнаго флота на Черномъ морѣ, для насъ война съ Турціей безъ австрійскаго союза почти невозможна. Вздумай австрійцы въ прошлую войну снять съ себя маску своего исконнаго политическаго лицемѣрія и открыто угрожать правому флангу и тылу нашей дѣйствующей арміи, намъ бы предстояла нелегкая задача прежде разбить Австрію и затѣмъ ужъ довершить пораженіе турокъ.

VI.

Со второй половины августа у насъ началась усиленная дѣятельность: все готовилось къ предстоявшему большому сраженію; всѣ вѣрили, что Плевна на этотъ разъ непременно будетъ взята, и что взять ее, въ виду всѣхъ принятыхъ мѣръ, — совершенные пустяки. Въ этомъ были всѣ убѣждены отъ генерала до послѣдняго фургонщика. Войска сосредоточивались; крѣпостная артиллерія подвигалась, гвардейскій корпусъ поспѣшно слѣдовалъ черезъ Румынію къ Дунаю. Но третьей Плевнѣ предшествовало сраженіе подъ Ловчей, въ которомъ мнѣ не удалось принять личнаго участія, хотя я туда и былъ посланъ главнокомандующимъ. 21 августа я пріѣхалъ въ г. Сельви, въ штабъ отряда свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго. Генераль Скобелевъ назначенъ былъ начальникомъ авангарда, а полковникъ Паренсовъ — начальникомъ штаба отряда,

назначеннаго взять Ловчу. Наканунѣ выступленія къ Ловчѣ собрали совѣтъ изъ главныхъ начальниковъ, на которомъ рѣшили (почему именно, теперь не помню) отложить атаку Ловчи на одніи сутки. Мнѣ, какъ ординарцу главнокомандующаго, пришлось волей-неволей ѣхать къ его высочеству съ донесеніемъ о такомъ рѣшеніи совѣта.

Атака Ловчи имѣла тѣсную связь съ предполагавшейся третьей атакой Плевны, такъ какъ отрядъ князя Имеретинскаго послѣ взятія Ловчи долженъ былъ угрожать Плевнѣ съ южной стороны, что и было имъ въ точности исполнено, послѣ славной побѣды подъ Ловчей, гдѣ все три оружія дѣйствовали образцово. Подъ Ловчей въ полномъ блескѣ выказался геній Скобелева. Очевидцы боя мнѣ рассказывали, что онъ былъ веденъ съ замѣчательною послѣдовательностью: усиленнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ выбили непріятели изъ передовыхъ позицій; потомъ пѣхота, перейдя съ боемъ крытый мостъ черезъ рѣку, городъ и виноградники, брала штыками редутъ за редутомъ на главной позиціи, и наконецъ кавалерія довершила поражение турокъ. Лихая Тутолминовская бригада въ ея неполномъ составѣ, такъ какъ нѣсколько сотенъ одного полка отсутствовали, ринулась врасплохъ на отступающую и ошалѣвшую пѣхоту, и около пяти тысячъ турокъ пали подъ шашечными ударами молодцовъ линейцевъ. Эта блистательнѣйшая кавалерійская атака была довершена въ ущельѣ Кулебякинымъ, командиромъ сотни собственнаго конвоя его величества. Кстати вспомнить здѣсь о двухъ сотняхъ ингушей, которые въ это время, найдя себѣ лихихъ соперниковъ въ лубенскихъ гусарахъ, отличались съ послѣдними на восточномъ нашемъ фронтѣ, въ отрядѣ наследника цесаревича, и даже въ конномъ строю выбивали турецкую пѣхоту изъ укрѣпленій и траншей. Эти двѣ сотни ингушей были откомандированы отъ Тутолминовской бригады вслѣдствіе разныхъ безчинствъ, совершенныхъ нѣкоторыми изъ нихъ во время движенія по Румыніи, за что и были отосланы въ Крымъ; но въ половинѣ августа явились отъ нихъ депутаты съ повинною къ главнокомандующему. Они просили его высочество простить ихъ и вновь вернуть въ дѣйствующую армію, такъ какъ пребываніе ихъ въ тылу настолько считалось для нихъ позорнымъ наказаніемъ, что, переноса такое, имъ стыдно было вернуться на родину.—«А если вы опять напроказите?»—замѣтилъ главнокомандующій. Тогда ингуши со свойственнымъ дикимъ сынамъ Кавказа простодушіемъ отвѣчали: «прежде чѣмъ дойдетъ до тебя жалоба на когонибудь изъ насъ, мы его зарѣжемъ». Его высочество съ обычной своей безконечной добротой милостиво простилъ ингушей. Они были возвращены изъ Крыма, въ Русдукскій отрядъ, гдѣ вполне оправдали отличною службою возстановленное къ себѣ довѣріе главнокомандующаго. Итакъ, лубенцы и казаки Тутолмина краснорѣчиво до-

казали, что можетъ сдѣлать кавалерія, умѣющая хорошо владѣть холоднымъ оружіемъ и во время направленная опытнымъ начальникомъ, который вполне понимаетъ ея духъ и назначеніе въ бою.

Вспоминая о лубенскихъ гусарахъ, не могу обойти молчаніемъ, выдающіяся по своимъ значительнымъ результатамъ, дѣйствія 3-ей бригады 2-ой гвардейской кавалерійской дивизіи. Уланы его величества съ гвардейскими драгунами 28-го октября стремительнымъ набѣгомъ взяли съ боя очень важный въ стратегическомъ отношеніи городъ Врацу и, произведя усиленную рекогносцировку подъ городомъ Берковацомъ, до 11-го декабря, дня выступленія къ Софіи, несусыпной развѣдочной службой на нашемъ крайнемъ правомъ флангѣ очистили отъ непріятели огромный районъ отъ Врацы до сербской границы и отъ Дуная до Берковаца, въ то время какъ дивизионъ гродненскихъ гусаръ среди весьма тяжелой обстановки въ Балканскихъ предгорьяхъ почти весь ноябрь мѣсяцъ и часть декабря удерживалъ непріятели на Лютаковскихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ. За это время однимъ изъ болѣе выдающихся эпизодовъ былъ лихой развѣздъ корнета гродненскаго полка Васьянова, который 13-го декабря, перейдя Балканы, пробрался въ тылъ непріятельской отряда и тамъ разрушилъ телеграфъ. Во время движенія генерала Гурко отъ Софіи, въ которую раньше всѣхъ ворвались усиленные развѣзды полковъ означенной бригады къ Филиппополю, эти полки шли въ авангардъ всего западнаго отряда; 26-го декабря гродненскіе гусары, поддерживаемые уланами его величества и астраханскими драгунами, выбили непріятели изъ г. Ихтимана, взяли г. Банью и захватили нѣсколько транспортовъ и множество плѣнныхъ на Татаръ-Базарджикскомъ шоссе. Желаящіе ближе ознакомиться съ дѣйствіями полковъ 3-й гвардейской кавалерійской бригады могутъ найти самыя точныя подробности въ книгѣ А. Тальма: «Уланскій его величества и гродненскій гусарскій полки въ кампанію 1877—1878 годовъ».

Приближались роковые дни третьей Плевны. 25 августа, настъ, ординарцевъ, собрали къ палаткѣ генерала Левицкаго, который прочиталъ намъ диспозицію. Раннимъ утромъ слѣдующаго дня я былъ разбуженъ залпами изъ крѣпостныхъ и полевыхъ орудій. Наскоро одѣвшись, я поспѣшилъ къ палаткѣ главнокомандующаго, гдѣ засталъ своихъ товарищей, прочіихъ ординарцевъ. Мы получили приказаніе отправиться къ Плевнѣ, куда выѣхалъ и главнокомандующій. Съ 26 по 30 августа производилось усиленное бомбардированіе плевненскихъ редутовъ. Въ первый же день нѣкоторые изъ нихъ были объаты племенемъ и во многихъ мѣстахъ разрушены. Такой успѣхъ артиллеріи еще болѣе убѣждалъ въ полной удачѣ назначенной на 30 августа атаки. Въ это время его высочество лично произвелъ рекогносцировку непріятельскихъ позицій. Турки, замѣтивъ наше движеніе, открыли жестокой артиллерійскій огонь по

свитѣ главнокомандующаго. Одна изъ гранатъ, пролетѣвъ надъ его высочествомъ, упала въ какихъ нибудь 20 шагахъ, въ самую середину тутъ же залегшаго баталіона, но ея паденіе было для насъ такъ счастливо, что никого не ранило и даже не контузило. Другая граната опять пролетѣла такъ близко около генерала Галла, что лошади его и главнокомандующаго бросились въ сторону. Утромъ 30 августа мы уже были подъ Плевной. Наша артиллерія еще болѣе усилила огонь. Казалось, что всѣ редуты уже срыты и снесены съ лица земли.

Послѣ разговора съ его величествомъ, главнокомандующій, поздравивъ меня, сказалъ: «тебя государь требуетъ». Я поспѣшилъ къ его величеству, изволившему мнѣ приказать слѣдующее: «Погода дурная, я боюсь, что до сумерекъ не успѣютъ кончить атаку; а потому поѣзжай къ Зотову (командиръ 4 корпуса) и скажи, что я приказалъ начать атаку двумя часами раньше, то есть не въ 4 часа, а въ 2 часа дня, о чемъ сообщи и всѣмъ старшимъ начальникамъ, которыхъ встрѣтишь на пути». Я тотчасъ же поскакалъ къ генералу Зотову, который въ это время долженъ былъ находиться у Тученицкаго оврага. Миновавъ артиллерійскую горку, я встрѣтилъ генерала Крюденера, ожидавшаго начала штурма, и передалъ ему полученное приказаніе. По мѣрѣ того какъ я приближался къ Тученицкому оврагу, начавшійся артиллерійскій огонь все болѣе усиливался. Сообщивъ объ измѣненіи часа начала штурма генералу Зотову, я поспѣшилъ въ обратный путь, пролегавшій по сильно обстрѣливаемой мѣстности. Оказалось, что нѣкоторыя части 4 корпуса уже начали преждевременно атаку, которая, слѣдуетъ полагать, имѣла неблагопріятное вліяніе на исходъ всего дѣла: наши атакующія части не имѣли возможности единодушно, дружно и одновременно ринуться на непріятельскія позиціи и подъ адскимъ ружейнымъ огнемъ были разбиты по частямъ.

Во время моего обратнаго слѣдованія отъ генерала Зотова вся линія нашихъ войскъ уже производила наступленіе, лишь у крѣпостной батареи стоялъ одинъ баталіонъ съ красными околышами, какого полка—не помню. Когда я доложилъ его величеству объ исполненіи приказанія и обо всемъ послѣдовавшемъ, наша преждевременная атака уже была въ полномъ разгарѣ. Нѣсколько прапелей такъ близко разорвались отъ мѣста, гдѣ стоялъ государь, что главнокомандующій вынужденъ былъ просить его величество отойти нѣсколько назадъ. Въ это время прискакалъ отъ Гривицкаго редута офицеръ генеральнаго штаба, съ извѣстіемъ, что наши потерпѣли неудачу, и что оврагомъ, къ возвышенности, на которой находился его величество, наступаетъ турецкая кавалерія. Тогда главнокомандующій, взявъ руку подъ козырекъ, со слѣдующими словами обратился съ государю:

— Ваше величество, прошу васъ уѣхать отсюда: теперь здѣсь вамъ не слѣдуетъ оставаться.

Меня же главнокомандующій немедленно послалъ привести тотъ баталіонъ, который встрѣтилъ я на обратномъ пути отъ генерала Зотова, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ казачьей сотнѣ въ разсыпномъ строѣ выдвинуться впередъ, къ сторонѣ наступавшей турецкой кавалеріи. Исполненный боевыхъ тревогъ, достопамятный день смѣнила ненастная ночь; темнота была непроглядная; шелъ мелкій дождикъ; лишь изрѣдка кое-гдѣ слышались отдѣльные выстрѣлы, послѣдніе замирающіе отголоски жестокаго боя 30 августа.

Мы находились подъ вліяніемъ тягостныхъ впечатлѣній отъ испытанной неудачи. Вдругъ прибылъ къ главнокомандующему флигель-адъютантъ, полковникъ Чингисъ-Ханъ, и доложилъ, что Гривицкій редутъ взятъ нашими войсками. Въ награду за добрую вѣсть, которая тѣмъ болѣе обрадовала его высочество и всю свиту, что была совершенно неожиданна, полковникъ Чингисъ-Ханъ былъ посланъ съ докладомъ къ государю; мнѣ же приказано отправиться за генераломъ Зотовымъ. Долго я блуждалъ въ совершенной темнотѣ, съ трудомъ ориентіруясь на огоньки и звуки рѣдкихъ выстрѣловъ, и только когда стало чуть брезжить, наконецъ отыскалъ генерала Зотова, которому и передалъ приказаніе явиться къ главнокомандующему. Наибольшій успѣхъ въ роковой день третьей Плевны опять таки выпалъ на долю войскъ, дѣйствовавшихъ на Зеленыхъ горахъ подъ командой генерала Скобелева. Но такъ какъ на другой день не оказалось возможности поддержать его свѣжими резервами на занятыхъ послѣ упорнаго, кровопролитнаго боя турецкихъ позиціяхъ, то генералъ Скобелевъ вынужденъ былъ отступить. Это донельзя удручавшее душу отступление мнѣ удалось видѣть съ фланга. Всѣ непріятельскія укрѣпленныя позиціи вокругъ Плевны были расположены такимъ образомъ, что вся мѣстность между ними, а въ случаѣ надобности и самыя редуты сильно обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ. И вотъ мнѣ весьма отчетливо было видно, какъ ослабленныя наканунѣ большими потерями во время штурма, сильно порѣдѣвшія части Скобелевскаго отряда, шагъ за шагомъ съ бою отступали съ занятыхъ позицій. Донельзя утомленныя предшествовавшими неимоверными кровавыми трудами и безсонной ночью, геройскія войска Скобелева, безъ всякой новой поддержки, подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, мужественно отступали передъ массой все прибывавшихъ свѣжихъ турецкихъ резервовъ. Только слабый рѣдкій огонь наши могли противопоставить непрерывнымъ залпамъ насѣдавшей непріятельской пѣхоты; только исконный страхъ передъ непоколебимой нравственной силой нашего солдата удерживалъ превосходнаго численностью врага, и только благодаря этому обсто-

ательству, возможно было отступить остаткамъ разстрѣленныхъ, но не побѣжденныхъ побѣдителей на Зеленыхъ горахъ. Постигшая насъ 30 августа неудача подъ Плевной сильно повліяла на насъ всѣхъ нравственно, въ особенности же на августѣйшаго главнокомандующаго; его высочество до того серьезно заболѣлъ, что его заставили лечь въ постель. Къ сожалѣнію, слишкомъ поздно стало ясно, что насъ мало для того, чтобы штурмомъ взять столь многочисленныя и столь сильно взаимно себя обороняющія укрѣпленныя позиціи Плевны. Пришлось дожидаться гвардіи и гренадеръ, которые должны были прибыть въ первой половинѣ сентября.

Главная квартира расположилась въ Боготѣ. Вскорѣ его высочество послалъ меня въ Ловчу, съ тѣмъ, чтобы я оттуда проѣхалъ по дорогѣ въ Балканы на Микре и на Траяновъ переваль развѣдать, какъ далеко отъ этихъ пунктовъ находятся турецкія регулярныя войска. Кромѣ того, мнѣ поручено было провѣрить слухи, дѣйствительно ли турецкіе транспорты, кромѣ Софійскаго шоссе, слѣдуютъ еще и проселками на Микре. Въ Ловчѣ комендантъ города, генераль Карцевъ, сообщилъ мнѣ, что на оба вышеозначенные пункты имъ уже посланы по одной казачьей сотнѣ, но что донесеній оттуда еще не получено. Переночевавъ въ Ловчѣ, я раннимъ утромъ поѣхалъ въ Микре. Погода стояла самая дурная, настоящая осенняя. Дорога шла ущельями, среди Балканскихъ предгорій, поросшихъ густымъ лѣсомъ; она была усѣяна множествомъ тряпокъ и окровавленными клочками разорванныхъ мундировъ и амуниціи. Эти слѣды наглядно свидѣтельствовали, что послѣ погрома подъ Ловчей и подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ атаки Кавказской бригады генерала Тутолмина, объята паникой турецкія войска бѣжали именно по этой дорогѣ, на Микре. Въ послѣднемъ пунктѣ нашель я въ весьма слабомъ числѣ рядовъ казачью сотню и ея командира, который сообщилъ мнѣ, что имъ еще съ утра посланы три разъѣзда; два изъ нихъ уже вернулись съ донесеніемъ, что непріятеля нигдѣ не встрѣтили, а третій разъѣздъ еще не прибылъ. Такъ какъ было слишкомъ поздно для того, чтобы слѣдовать дальше, я не отказался отъ предложеннаго мнѣ командиромъ сотни стакана чая. Но едва только принялись мы за чай, какъ вошедшій урядникъ доложилъ о прибытіи 3-го разъѣзда. Мы, разумѣется, поспѣшили разузнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что изъ шести посланныхъ казаковъ вернулись всего двое, и то на крѣпко измученныхъ коняхъ. Прискакнвшіе казаки сообщили, что прочіе четыре товарища частью перебиты, частью взяты въ плѣнъ. Разъѣздъ былъ отрѣзанъ двумя турецкими эскадронами; уцѣлѣвшіе казаки, какъ ѣхавшіе впереди, успѣли прорваться и ускакали отъ преслѣдующаго непріятеля. Я тотчасъ же предложилъ командиру сотни осѣдлать коней и поспѣшить ва выручку захваченныхъ казаковъ. Но пока мы собрались, наступила такая

темнота, что, несмотря на надежнаго проводника, мы попали въ тонкое болото, откуда только съ большимъ трудомъ удалось намъ выбраться. Такимъ образомъ до разсвѣта нечего было и думать о выступленіи изъ Микре. Еще днемъ, когда я подъѣзжалъ къ Микре, я замѣтилъ удобную для небольшого отряда позицію; туда мы и отправились. Казаки побатовали коней, и мы расположились на ночлегъ со всѣми мѣрами предосторожности; но непріятель насъ не потревожилъ.

На разсвѣтѣ мы быстро двинулись на развѣдку непріятеля и выручку захваченныхъ казаковъ. Каково же было наше радостное удивленіе, когда, не доходя до Турскаго-Издвора, мы встрѣтили на дорогѣ всѣхъ нашихъ пропавшихъ казаковъ живыхъ и цѣлехонкихъ! Только лошади у двоихъ оказались убитыми. Спѣшенные казаки, перебираясь отъ куста къ кусту, шли по склону огромной горы и, замѣтивъ приближеніе нашей сотни, спустились на дорогу. Разсказъ отрѣзанныхъ непріятельской конницею четырехъ казаковъ настолько занимателенъ и даже поучителенъ, какъ характеристика казачьей тактики и стратегіи, что я считаю не лишнимъ привести его въ цѣлости. Они разсказывали приблизительно вотъ что.

Въ двухъ верстахъ, не доходя до Турскаго-Издвора, ведущее къ нему ущелье развѣтвляется на два ущелья — одно изъ нихъ идетъ на Тетевень, который на огромной горѣ едва замѣтенъ съ его укрѣпленіями, а другое ущелье расширяется въ долину, поросшую садами, среди которыхъ расположена деревня Турскій-Издворъ. Изъ садовъ этой деревни насъ встрѣтили выстрѣлами башибузуки. Мы обскакали сады и выбили оттуда башибузуконъ; они заняли было окраину деревни, но мы ихъ прогнали далеко за деревню, а сами, поставивъ сторожевой постъ для наблюденія за непріятелемъ, стали запрягать буйволовъ и нагружать каруцы (повозки) всякимъ добромъ. Когда обозъ изъ десяти каруцъ былъ готовъ, мы сняли сторожевой постъ и направились обратно къ Микре; но, дойдя до мѣста, гдѣ ущелье расходится на два прохода, мы увидѣли, что намъ загородили дорогу два турецкихъ эскадрона, которые пришли изъ Тетевеня. Тогда мы, зарубивъ двухъ захваченныхъ нами въ плѣнъ, бросили обозъ, взяли пики на перевѣсъ и бросились въ самую середину турокъ. Турки расступились передъ нами. Но, когда мы проскочили, по насъ начали стрѣлять и убили двухъ лошадей. Тутъ мы пѣшіе быстро взбѣжали на гору и залегли за большимъ камнемъ. Трое турокъ слѣзли было съ коней и бросились за нами, но мы уложили ихъ всѣхъ изъ винтовокъ. Увидѣвъ такое дѣло, прочіе турки уже не посмѣли насъ потревожить и только издали махали намъ платками и просили, чтобы мы вышли къ нимъ изъ нашей засады; но мы не шли, а звали ихъ къ себѣ. Тутъ они погалдѣли, погалдѣли по-своему и повернули обратно; мы же ушли въ горы.

— А подушки съ сѣдла, небось, бросили, ракали, на лоша-
дяхъ?— спросилъ сотенный командиръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, подушки успѣли снять,—
отвѣчали казаки.

Дойдя до мѣста встрѣчи казаковъ съ турецкой конницей, я
убѣдился въ вѣрности описанія ими характера мѣстности и въ
прочихъ подробностяхъ ихъ разсказа. Тутъ же находился во всей
неприкосновенности брошенный казаками обозъ; буйволы преспо-
койно паслись на свободѣ. Вѣроятно, турки вслѣдствіе наступив-
шей темноты не успѣли увезти съ собой обоза и, кромѣ того, опа-
сались появленія нашихъ, болѣе значительныхъ силъ, чѣмъ ничто-
жный казачій разъѣздъ. Во всякомъ случаѣ ихъ апатическое без-
дѣйствіе было просто непростительно. Итакъ, казачій разъѣздъ
изъ какихъ нибудь нѣсколькихъ человѣкъ, далеко отъ своей части,
среди мѣстности, крайне пересѣченной и занятой несравненно силь-
нѣйшимъ непріателемъ, хозяйничаетъ, какъ у себя дома, среди раз-
долья степей тихаго Дона, при чемъ обнаруживаетъ силу воли, пред-
пріимчивость и смѣтливость, доходящую до безумной дерзости. Пожа-
луй, скажутъ— все это было совершено во имя инстинкта наживы.
Но если это такъ, то все-таки возникаетъ серіозный вопросъ: какимъ
образомъ при столь неблагоприятныхъ условіяхъ и съ такими
ничтожными средствами была достигнута въ данномъ случаѣ из-
вѣстная цѣль? И невольно придется изумиться природной смѣтли-
вости казаковъ, ихъ необычайному глазу, чутью, находчивости,
которые въ совокупности и составляютъ ихъ доморощенную тактику
и стратегію, внушенную имъ однимъ только Господомъ и отнюдь
не вычитанную изъ нѣмецкихъ философскихъ разсужденій о раз-
вѣдочной службѣ кавалеріи, которыя такъ трудно согласовать съ
безпредѣльной удалю русскаго человѣка и съ вдохновенными по-
рывами его самобытнаго, практически находчиваго ума. Но возвра-
тимся къ прерванному изложенію фактовъ.

Наученный опытомъ, прежде чѣмъ итти на Турскій-Издворъ,
я выставилъ на удобнѣйшемъ мѣстѣ постъ, чтобы стеречь ущелье,
ведущее къ Тетевени. Въ самомъ Издворѣ и на нѣсколько верстъ
далѣе нигдѣ непріателя не оказалось. Казаки запрягли буйволовъ
въ оставленныя турками повозки, и обозъ опять отпѣвился къ
Микре. Въ это время со сторожевого поста дали знать, что отъ
Тетевени опять появилась непріательская кавалерія. Не бросая
обоза, мы поспѣшили къ перекрестку ущелій и въ дѣйстви-
тельности увидѣли два турецкіе эскадрона, которые въ двухъ съ чѣмъ-то
верстахъ отъ насъ развернули фронтъ. Мы тоже вытянулись въ
одну шеренгу, чтобы фальшивою численностью издали обмануть
непріателя, который вскорѣ послѣ того обратно повернулъ къ Те-
тевени. Слѣдя за ихъ оступленіемъ, мы убѣдились, что этотъ
пунктъ занять былъ регулярными войсками, съ артиллерією, ка-

валерією и башибузуками. Вернувшись изъ этой рекогносцировки, и оставивъ въ сторонѣ Ловчу, я прямо черезъ Балканы проѣхалъ къ Траянову перевалу, но нигдѣ на пути непріятеля не встрѣтилъ; самый же перевалъ оказался занятъ турками. Въ Горномъ Студнѣ я узналъ о прибытіи гвардіи, расположившейся тутъ же и по ближайшимъ окрестностямъ. Въ началѣ октября гвардейскіе полки выступили за рѣку Видъ, а главная квартира перешла въ Боготъ. Во время боя 12-го октября подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ я былъ при его высочествѣ главнокомандующемъ на Медованскихъ высотахъ. Послѣ занятія Телиша, Горнаго и Дольнаго Дубняковъ, сильныя редуты которыхъ защищали Орханійское шоссе изъ Плевны черезъ Балканы въ Софію, Плевненскія позиціи оказались окруженными съ трехъ сторонъ; оставалась свободою только одна сѣверо-западная сторона къ Старому Искеру. Генералъ Гурко выразилъ желаніе двинуться съ частью гвардіи далѣе по Орханійскому шоссе, чтобы окончательно отрѣзать Плевну отъ Забалканской Болгаріи, Румелии и всей Турціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовить успѣхъ дальнѣйшаго наступленія нашего черезъ Балканы послѣ паденія Плевны. Но прежде, чѣмъ предпринять это весьма важное по своимъ благопріятнымъ послѣдствіямъ движеніе къ Балканамъ, слѣдовало весь свободный для турокъ промежутокъ на мѣстности за рѣкой Видомъ занять новыми войсками. Поэтому съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія гренадеръ, которые должны были на означенной мѣстности смѣнить гвардейскія части и такимъ образомъ дать имъ возможность исполнить стратегическій планъ генерала Гурко. Отъ его высочества я получилъ новое приказаніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Съ шестью казаками отправишься за рѣку Видъ, къ Горному Метрополю, и тамъ образуетъ наблюдательный постъ, въ промежуткѣ отъ гвардейскихъ частей до румынскихъ, съ тѣмъ, чтобы до прибытія гренадеръ ты оставался тамъ не отлучно, а въ случаѣ вылазки Османа-паши изъ Плевны ты долженъ первый дать знать объ этомъ генералу Гурко.

Прибывъ на требуемое мѣсто, я избралъ своимъ обсервационнымъ пунктомъ Копаную Могилу, гдѣ оставался все время до прихода гренадерской части генерала Данилова, коему и сдалъ свой наблюдательный постъ, и затѣмъ вернулся въ главную квартиру. Оставленная мною Копаная Могила находилась въ 7-ми верстахъ на сѣверо-востокъ отъ Дольнаго Дубняка и въ 3-хъ верстахъ къ западу отъ Опанецкаго редута, занятаго турками, и противъ котораго стояли румыны. Черезъ два дня отъ начала моего пребыванія у Копаной Могилы, продолжавшагося около четырехъ сутокъ, къ этому пункту прибыла Донская батарея подъ прикрытіемъ румынской кавалеріи. Батарея обстрѣливала Опанецъ, но снаряды, несмотря на подрывіе хоботовъ, не долетали. Не желая напрасно

терять много свободнаго времени, я между прочимъ занимался у Копаной Могилы высматриваніемъ турецкихъ запасовъ, находившихся на нагорной части окрестностей Плевны. Къ этому мѣсту я подбѣждалъ нѣсколько разъ съ разныхъ сторонъ и такимъ образомъ успѣлъ съ приблизительной точностью пересчитать скирды хлѣба и стога сѣна, а также и стада пасущагося тамъ же скота. Всѣхъ высмотрѣнныхъ мною запасовъ по моему расчету должно было хватить не болѣе, какъ на мѣсяць, для продовольствованія Плевненской арміи, о чемъ я и доложилъ его высочеству. И дѣйствительно, какъ оказалось впоследствии, мнѣ удалось угадать время паденія Плевны.

Возвратясь изъ послѣдней рекогносцировки, я продолжалъ свои очередныя дежурства при его высочествѣ. Наступили холода и морозы. По ночамъ дежурства были особенно тяжелы; приходилось спать на соломѣ, въ холодной палаткѣ, разбитой въ видѣ сѣней при юртѣ его высочества, въ которой тоже было холодно. Наши дежурства разнообразились частыми поѣздками на Зеленныя горы къ генералу Скобелеву. Почти не проходило ни одного дежурства безъ того, чтобы не пришлось побывать у него два раза. Бывало, только успѣешь выпить стаканъ чая въ юртѣ его высочества, какъ слышится одинъ выстрѣлъ, потомъ другой, а за нимъ—третій, и пойдутъ залпы перекатами. Тогда его высочество обращался къ дежурному: «Поѣзжай, узнай, что тамъ дѣлается; не вылазка ли?» Сядешь, бывало, на всегда готоваго коня и, прискакавъ на Зеленныя горы, разыщешь генерала гдѣ нибудь въ траншеяхъ и отрапортуешь ему, что его высочество прислалъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Ничего особеннаго, — отвѣтитъ генералъ Скобелевъ, — турки начали, мы отвѣчали.

И чтобы лично убѣдиться въ настоящемъ положеніи дѣла, на тотъ случай, если бы его высочество пожелалъ узнать подробности, посланный ординарецъ обходитъ за генераломъ траншеи. На самыхъ опасныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ траншея насыпана только на высоту груди, или гдѣ случался особенно сильный огонь, Скобелевъ любилъ останавливаться и вести разговоръ о совершенно постороннихъ предметахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ грозной обстановкой: рассказывалъ бывало о Бухарестѣ и о томъ, какъ хорошо жилось ему тамъ во время послѣдняго отпуска. Едва только начнетъ свѣтать, и на Зеленныхъ горахъ опять раздаются одиночные выстрѣлы, а вслѣдъ за ними залпы, и опять слышишь голосъ его высочества: «Дежурный, поѣзжай узнать, въ чемъ дѣло». И опять то же самое и тотъ же отвѣтъ генерала Слобелева. Надо замѣтить, что въ то же время на всѣхъ остальныхъ позиціяхъ было совершенно спокойно, и, кромѣ одиночныхъ выстрѣловъ изъ крѣпостныхъ ружей, въ продолженіе дня, а тѣмъ болѣе, ночью ничего не было слышно. Когда же генерала Скобелева назначили началь-

никомъ резерва, расположеннаго въ Учендолѣ, поручивъ ему атаковать Османа-пашу въ случаѣ вылазки, а командованіе на Зеленыхъ горахъ ввѣрили другому лицу,—безпокойныя перестрѣлки на этихъ позиціяхъ сразу прекратились.

VII.

Вскорѣ мнѣ пришлось отправиться подѣ Елену. Получивъ телеграмму о дѣлѣ подѣ Еленой, его высочество передалъ мнѣ въ такихъ выраженіяхъ свое приказаніе:

— Подѣ Еленой у насъ неудача, наши сильно пострадали. Ты экстренно поѣдешь туда, отъ моего имени поблагодарить войска, чтобы улучшить ихъ нравственное настроеніе; кромѣ того, узнай, отчего кавалерія прозѣвала и допустила непріятеля врасплохъ произвести нападеніе.

Подѣ Еленой пострадали Сѣвскій и Брянскій полки, боевой славы которыхъ его высочество былъ очевидцемъ еще въ Севастополѣ во время Крымской войны. Кромѣ того, они отличились на Шипкѣ. Отъ Богота до Елены 125 верстѣ. Я выѣхалъ съ 4-мя казаками и съ корнетомъ Минквицемъ, возвращавшимся въ свой полкъ. Почти до Тырнова мы съ нимъ ѣхали вмѣстѣ. Эти 125 верстѣ я сдѣлалъ менѣе чѣмъ въ однѣ сутки на необыкновенно сильномъ 4-хъ-вершковомъ кабардинцѣ, купленномъ у командира 2-й сотни владикавказскаго казачьяго полка, Шшеленскаго, останавливаясь кормить лошадей въ Ловчѣ, Сельви и Тырновѣ. Вслѣдствіе сильной усталости коней, всѣ мои спутники отъ меня отстали, кромѣ одного лишь казака, да и тотъ остался позади, не доѣзжая 15 верстѣ до монастыря св. Николая, куда я прибылъ совершенно одинъ и нашелъ тамъ князя Святополкъ-Мирскаго, къ которому подтягивалась бригада 11 корпуса. Въ слѣдующій день я отправился на позицію, находившуюся по другую сторону ущелья, верстахъ въ пяти отъ монастыря. Позиція, сильная сама по себѣ, по особенному характеру мѣстности, весьма дѣятельно укрѣплялась; но людей, ее занимавшихъ, я засталъ въ невозможномъ видѣ: многіе изъ нихъ были безъ шинелей и мундировъ, въ одномъ только нижнемъ бѣльѣ и сапогахъ, и кутались въ полотнища отъ палатокъ. Между тѣмъ стояла холодная погода, отъ которой люди много страдали. Хорошо еще, что Орловская губернія прислала транспортъ съ теплой одеждой, табакомъ, чаемъ и прочими предметами, во многомъ облегчившій тяжкое положеніе Орловскаго, Брянскаго, Елецкаго и Сѣвскаго полковъ. Въ тотъ же день у князя Святополкъ-Мирскаго собрался военный совѣтъ рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли атаковать турокъ, когда прибудетъ бригада 11 корпуса, или же оставаться въ оборонительномъ положеніи, защищая Тыр-

ново, а вмѣстѣ съ нимъ и весь тылъ Шипкинскаго и Плевненскаго отрядовъ? Я тоже присутствовалъ на этомъ совѣтѣ, и когда онъ окончился, пожелали узнать мое мнѣніе, какъ посторонняго частнаго лица. Я отвѣчалъ, что, не зная подробностей обстановки и силъ непріятеля, сказать что нибудь положительное весьма трудно, но въ общемъ мое мнѣніе таково, что если можно навѣрняка одолѣть турокъ, то это непременно слѣдуетъ сдѣлать; если же успѣхъ сомнителенъ, то въ виду положенія дѣлъ на Шипкѣ и подѣ Плевной и того обстоятельства, что въ Тырновѣ, кромѣ лазарета, не имѣется ни одного солдата, лучше оставаться въ оборонительномъ положеніи. Вскорѣ затѣмъ получена была телеграмма изъ главной квартиры съ извѣстіемъ о взятіи Плевны и плѣненіи всей 40-тысячной арміи Османа-паши.

Вслѣдствіе этого великаго по своимъ послѣдствіямъ событія, произведены были перемѣны въ дизлокаціи войскъ, и бригада 11 корпуса вернулась обратно на мѣсто своей прежней стоянки. Я отправился въ Боготъ. Что же касается до порученнаго мнѣ разъясненія причинъ нашей неудачи подѣ Еленой, то генераль Водиско (командиръ кавалерійской бригады) показывалъ мнѣ всѣ донесенія, полученныя имъ отъ орденскихъ драгунъ, которые, еще задолго до катастрофы, до мельчайшихъ подробностей доносили о томъ, что турки готовятся къ наступленію, исправляютъ дороги, подходятъ артиллерія, и что наконецъ появились въ большомъ числѣ башибузуки, предвѣстники близкаго наступленія регулярныхъ войскъ, которыхъ, по свѣдѣніямъ отъ перебѣжчиковъ, сосредоточивается до 15.000. Но къ этимъ донесеніямъ въ штабѣ корпуса отнеслись съ полнымъ недоувѣріемъ. Какъ образчикъ отвѣта на посылаемыя донесенія орденскихъ драгунъ, генераль Водиско показывалъ мнѣ записку, въ которой между прочимъ сказано: «Вы такихъ страстей наговорите про турокъ, что ночью приключится кошмаръ». Такимъ образомъ турки успѣли безпрепятственно сосредоточиться и изготовиться къ атакѣ, которую стремительно произвели на разсвѣтѣ. Оттѣснивъ драгунъ, они заняли слабую переднюю линію траншей и бросились на нашъ лагерь. Тутъ-то и началась рѣзня. Полураздѣтые люди, спросонья, едва успѣвъ захватить ружье и патроны, бросались въ рукопашную свалку. Да и сонъ нижнихъ чиновъ въ эту злополучную ночь былъ особенно крѣпокъ, такъ какъ въ одномъ изъ полковъ, насколько лишь позволяли средства, наканунѣ отпраздновали всей бригадой полковой праздникъ. Подъ натискомъ тяжело обрушившейся массы непріятельскихъ силъ атакованныя части начали отступать. Улицы Елены были загромождены орудіями, патронными ящиками, трупами людей и лошадей. Особенно труденъ оказался выходъ изъ дефиле на равнину, посреди которой пролегалла довольно большая возвышенность въ родѣ естественнаго бруствера. Къ нему-то

и спѣшили сосредоточиться отступающія части войскъ, какъ къ сильному опорному пункту. Но турки стали обходить городъ, намѣреваясь запереть изъ него выходъ и не допустить насъ до этой позиціи. Тогда командиръ Орловскаго полка, полковникъ Клевезаль, во главѣ двухъ ротъ бросается въ штыки на обходящихъ турокъ, и настолько приостанавливаетъ ихъ наступленіе, что большинство нашихъ успѣваютъ выбраться изъ дефиле и занять новую позицію.

Такимъ образомъ двѣ роты храбрцовъ спасли весь отрядъ, но зато почти были уничтожены въ неравномъ, отчаянномъ рукопашномъ бою съ численно превосходнымъ противникомъ. Оставшіеся въ живыхъ человекъ около 50 съ ихъ доблестнымъ полковымъ командиромъ, сжатые со всѣхъ сторонъ массой непріятельской пѣхоты, попались въ плѣнъ. Послѣ того какъ на совѣтѣ рѣшили турокъ не атаковать, я выѣхалъ обратно съ Боготъ. Явившись съ докладомъ къ его высочеству, я отпросился посмотреть поле сраженія, гдѣ положила оружіе армія Османа-наши. Будучи хорошо знакомъ съ мѣстностью Плевненскихъ позицій, я поѣхалъ для сокращенія пути напрямкомъ, но, лишь въѣхалъ въ линію турецкихъ траншей, убѣдился, что черезъ нихъ верхомъ пробираться весьма трудно. Подъ фронтальными фасадами своихъ траншей и редутовъ турки устроили значительные подкопы. Тамъ они согрѣвались у разложенныхъ огней и находили отличную защиту отъ нашихъ выстрѣловъ. Обыкновенно подвергался опасности одинъ лишь часовой, обязанный слѣдить за непріятельскими дѣйствіями. Въ случаѣ нашего наступленія часовой предупреждалъ своихъ о приближающемся непріятелѣ, и тогда турки, не высывая даже головъ изъ-за гребня траншей, открывали свой убійственный огонь. Но лишь только прекращалась атака, турки опять прятались въ свои норы, гдѣ находились въ совершенной безопасности. Плевна послѣ своего паденія представляла настоящее царство смерти, разазы и невѣроятныхъ человѣческихъ страданій. Только при сильныхъ, привычныхъ нервахъ можно было выносить подобное страшное зрѣлище. Стоявшіе тогда холода еще болѣе увеличивали бѣдственное положеніе множества турецкихъ раненыхъ; брошенные на произволъ судьбы, они умирали по погребамъ и разлагались среди своихъ живыхъ товарищей. Наша администрація выбивалась изъ силъ, чтобы всѣхъ накормить, но не было средствъ и не хватало хлѣба для 40-тысячной плѣнной арміи и для 10 тысячъ раненыхъ и больныхъ турецкихъ солдатъ. Османъ-паша слишкомъ затянулъ сдачу Плевны. Гдѣ было намъ достать ежедневно 50.000 фунтовъ хлѣба и столько же мяса, когда въ Плевнѣ все было дочиста съѣдено, а скудный привозъ съѣстныхъ запасовъ едва былъ достаточенъ для удовлетворенія нуждъ собственныхъ войскъ? Тотъ, кому пришлось хоть разъ увидѣть, какъ лошади

транспорта, надорвавшись отъ чрезмѣрной работы, падали и издыхали въ глубокой вязкой грязи, едва ли имѣеть право роптать на администрацію за то, что ему пришлось иногда поголодать. Повторяю, наша администрація сдѣлала все въ предѣлахъ человѣческой возможности, для спасенія турецкихъ плѣнныхъ и больныхъ; но они все-таки умирали съ голоду и холоду цѣлыми сотнями. Замерзшіе трупы несчастныхъ страдальцевъ складывали въ большія пирамиды и предавали землѣ.

Въ одномъ мѣстѣ, подъ заборомъ, больной, полуживой турокъ простиралъ ко мнѣ руки и жалобно просилъ «экъ-мекъ!» (хлѣба). Я далъ ему 25 копеекъ. Но мнѣ затѣмъ самому досадно стало при мысли, что этотъ бѣднякъ врядъ ли можетъ извлечь какую нибудь пользу изъ этихъ денегъ: въ то время въ Плевнѣ ни за какія деньги нельзя было достать ломтя хлѣба. Осмотрѣвъ городъ и окрестныя позиціи, я опять побывалъ у давно знакомой Копаной Могилы. Именно въ этой мѣстности произошелъ бой 28-го ноября, и разбитая армія Османа-паши положила оружіе. Все поле сраженія было изборождено гранатами и усѣяно множествомъ лежащихъ въ разныхъ положеніяхъ труповъ турокъ. Нашихъ убитыхъ уже прибрали и, положивъ рядами, приготовили къ погребенію. На слѣдующій день наши успѣли очистить эту мѣстность, и на ней его величество смотрѣлъ войска. Государь обѣхалъ всѣ части и, поздоровавшись съ ними, пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ. Общій характеръ и порядокъ смотра былъ тотъ же, что и въ мирное время въ Петербургѣ или Варшавѣ на военномъ Мокотовскомъ полѣ, только вмѣсто щегольской парадной формы на плевненскихъ герояхъ была сильно истрепававшаяся одежда; но зато какія лица, какое всеобщее восторженное настроеніе, какимъ потрясающимъ богатырскимъ «ура» отвѣчали войска на милостивое привѣтствіе отца-государя, и, наконецъ, сколько георгіевскихъ крестовъ. Особенно много было георгіевскихъ кавалеровъ въ Казанскомъ драгунскомъ полку, который усердно поработалъ еще во время перваго лѣтнаго перехода за Балканы.

Раздѣлавшись съ причинившей намъ столько хлопотъ Плевной, наши войска перешли въ рѣшительное и весьма быстрое наступленіе. Еще задолго до разгрома арміи Османа-паши, западный отрядъ генерала Гурко, втянувшійся въ Балканскія предгорія, настойчиво подготавливалъ успѣхъ достопамятнаго зимняго перехода Балканъ. 20-го декабря, гвардейскій корпусъ и прочія части западнаго отряда черезъ Арабъ-Конакскій перевалъ съ боемъ двинулись къ Софіи и отбросили армію Сулеймана-паши къ Татаръ-Базарджику и Филиппополю. Черезъ трудный Траяновъ перевалъ спустился въ южную Болгарію отрядъ генерала Карцева. Наконецъ, 27-го и 28-го декабря, общими усиліями войскъ генераловъ Радецкаго, Святополкъ-Мирскаго и Скобелева, атаковавшихъ Шипкин-

скую армію Весель-паши, блистательно устранена была послѣдняя грозная преграда на нашемъ пути въ Румелію, и опять 40 тысячъ турокъ положили оружіе. Въ началѣ Шейновскаго боя при рекогносцировкѣ Скобелевымъ мѣстности, по которой приходилось вести атаку на турецкіе редуты, бывшіе съ нимъ, теперь уже генералы, Куропаткинъ и Ласковскій, были почти одновременно ранены въ одно и то же мѣсто, ниже ключицы. Но это имъ не помѣшало съ успѣхомъ окончить порученное имъ дѣло. Точно хлынувшія черезъ запруду волны разлившейся рѣки, устремились наши войска къ Адрианополу, къ которому быстро двинулся Скобелевскій отрядъ, имѣя въ авангардѣ кавалерійскую дивизію подъ командой генерала Струкова. Послѣдній со свойственной ему энергіей и пылкой предприимчивостью совершаетъ свое стремительное и весьма важное по результатамъ движеніе на Тырново-Сейменли и Адрианополь. Захватъ кавалеріей генерала Струкова желѣзнодорожнаго узла Тырново-Сейменли окончательно рѣшаетъ участь арміи Сулеймана-паши. Преслѣдуемый по пятамъ войсками генерала Гурко, Сулейманъ-паша во что бы то ни стало стремился занять сильно укрѣпленный Адрианополь. Въ виду этого изъ Филиппополя онъ телеграфировалъ въ Тырново-Сейменли о немедленной присылкѣ всѣхъ имѣвшихся вагоновъ и платформъ для экстренной перевозки его войскъ къ Адрианополу; но телеграмма была перехвачена генераломъ Струковымъ, который и увѣдомилъ Сулеймана, что Тырново-Сейменли уже въ нашихъ рукахъ.

Такимъ образомъ Сулейманъ увидалъ себя отрѣзаннымъ отъ Адрианополя, а лихимъ ночнымъ боемъ подъ Филиппополемъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка вынужденъ былъ съ громаднымъ урономъ отступить въ Родонскія горы. Казачій № 30-й полкъ Грекова довершилъ неудачу Сулеймана, отнявъ у него послѣднихъ лошадей. Въ Адрианополь его высочество отправился черезъ Шипку, и въ Казанлыкѣ встрѣчалъ новый 1878 годъ. Обозы застряли на Шипкинскомъ перевалѣ, такъ что главная квартира налегкѣ поспѣвала за передовыми отрядами Скобелева. Турецкіе уполномоченные встрѣтили главнокомандующаго въ Казанлыкѣ, гдѣ и начали переговоры о мирѣ; но такъ какъ они на требованія его высочества не соглашались, то мы и дошли съ ними до Адрианополя, а войска выдвинуты были впередъ къ Константинополю и заняли линію Чатаджи. Послѣ подписанія прелиминарныхъ условій мира, его высочество, въ виду своего разстроеннаго здоровья, просилъ султана выбрать для себя главную квартиру на берегу Мраморнаго моря, и такъ какъ назначенная комиссія въ районѣ завоеванной нами мѣстности не нашла удобнаго пункта для мѣстожительства главнокомандующаго, то султанъ предложилъ занять Санъ-Стефано. По полученіи пригласительной телеграммы султана, былъ составленъ экстренный поѣздъ, насъ разбудили ночью, поставили въ вагоны верховыхъ коней

и сотню гвардейскихъ казаковъ, и только съ этимъ ничтожнымъ конвоемъ его высочество отправился въ Санъ-Стефано. У Чатаджи главнокомандующій произвелъ смотръ войскамъ, находившимся подъ командой генерала Скобелева, которыя въ данную минуту составляли очень внушительную силу подъ рукой главнокомандующаго. Когда послѣ смотра его высочество опять сѣлъ въ вагонъ, чтобы продолжать путь въ Санъ-Стефано, поѣздъ былъ остановленъ новымъ распоряженіемъ изъ Константинополя. Такъ мы простояли на мѣстѣ очень долго, почти до вечера, пока велись по телеграфу переговоры съ Константинополемъ. Наконецъ, долготерпѣніе его высочества было исчерпано. Исполненный справедливаго негодованія не неблаговидныя выходки константинопольскихъ хитроумныхъ политикановъ, его высочество, какъ мнѣ было передано достовѣрными лицами, приказалъ отправить въ Константинополь слѣдующаго рода телеграмму: «Всему свѣту извѣстно, что русскій главнокомандующій пріѣхалъ сюда для того, чтобы далѣе слѣдовать въ Санъ-Стефано; поэтому, если его не пропустятъ гостемъ, то онъ войдетъ побѣдителемъ, приказавъ собраннымъ подъ ружье войскамъ немедленно штурмовать турецкія позиціи». И дѣйствительно, стоявшія близъ желѣзнодорожной станціи войска отряда генерала Скобелева были въ полной готовности ринуться на Константинополь, по первому мановенію своего горячо любимаго августѣйшаго вождя.

Вскорѣ послѣ этого ультиматума, была получена отвѣтная телеграмма благопріятнаго содержанія. Нашъ поѣздъ тронулся впередъ, а влѣдъ за нимъ Скобелевскій отрядъ. Такимъ образомъ, благодаря только рѣшительности и непоколебимой силѣ воли его высочества, въ эту критическую минуту спасены были честь и достоинство нашей арміи, а слѣдовательно и всей русской державы, и Скобелевскому отряду удалось занять безъ капли крови цѣлый рядъ сильно укрѣпленныхъ позицій, защищавшихъ Константинополь на всемъ протяженіи отъ Чернаго до Мраморнаго моря. Въ Санъ-Стефано, составляющее какъ бы предмѣстье Константинополя, его высочество пріѣхалъ ночью и былъ восторженно встрѣченъ христіанскимъ населеніемъ этого городка, съ иконами, хоругвями и факелами. Главнокомандующій прослѣдовалъ пѣшкомъ въ отведенное помѣщеніе; мы же, ординарцы и прочія лица свиты, размѣстились гдѣ попало и заснули богатырскимъ сномъ, ничуть не придавая особенно важнаго значенія тому обстоятельству, что мы расположились на ночлегъ, какъ дома, съ одной лишь гвардейской казачьей сотней среди расположенія турецкихъ войскъ, которыя только утромъ слѣдующаго дня отошли далѣе къ Константинополю, уступивъ свои позиціи впереди Санъ-Стефано нашимъ войскамъ.

Вскорѣ заключенъ былъ миръ, главнокомандующій отбылъ въ Россію, и мы, ординарцы, послѣдовали за его высочествомъ.

Прибывъ въ Петербургъ, главнокомандующій былъ торжественно встрѣченъ на вокзалѣ государемъ императоромъ. Черезъ нѣсколько дней насъ, ординарцевъ, откомандировали, снабдивъ прогонными деньгами и наградивъ двухмѣсячнымъ отпускомъ, послѣ котораго мы должны были вернуться обратно въ свои полки. Такъ закончилась счастливейшая пора всей моей жизни. По истеченіи разрѣшеннаго мнѣ отпуска, я поспѣшилъ вернуться въ стоявшій въ городѣ Родосто, на Мраморномъ морѣ, лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ принять 4-й эскадронъ, съ которымъ и прибылъ 1-го сентября 1878 года въ городъ Варшаву.

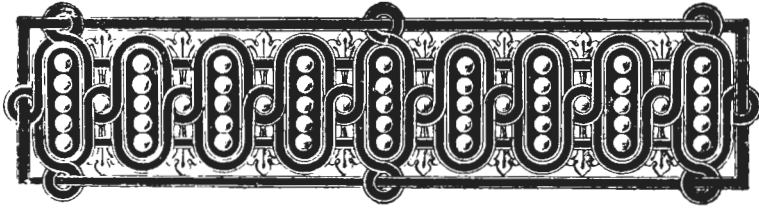
Уже 12 лѣтъ протекло со времени описанныхъ мною событій, но всё подробности пережитаго счастливаго прошлаго, на ординарческой службѣ у августѣйшаго главнокомандующаго, храню съ чувствомъ истиннаго благоговѣнія въ моемъ признательномъ воспоминаніи.

С. А. Цуриковъ.

Г. Варшава.

28-го января 1890 г.

ИСТОРИЯ КАРТОЧНОЙ ИГРЫ НА РУСИ ¹⁾

IV.

Карточные вечера Анны Леопольдовны en petit comité.—Экстренный заказ ломберных столовъ.—Дипломатическіе разговоры за картами.—Въ веселье дни императрицы Елисаветы—картежъ изо дня въ день и съ утра до ночи.—Царство Фараона.—«Банки» гр. А. Г. Разумовскаго и его партнеры.—Нечистый на руку игрокъ съ княжескимъ титуломъ.—Дамы-картежницы.—Пронгрыши великокняжеской четы.—Супружескій l'hombre à deux.—Авансы принцессы Курляндской.—Лопухинскія «враки» за картами.—Дуэль изъ-за игры.

О ПРИМѢРУ своей тетки, принцесса Анна Леопольдовна, ставъ регентшей, проводила вечера за карточной игрой и, повидимому, любила это занятіе. Обыкновенно безпечная и равнодушная къ государственнымъ дѣламъ, она въ первые же мѣсяцы своего кратковременнаго правленія торопится предписать именнымъ высочайшимъ указомъ (2 іюня 1742 года) придворной конторѣ изготовить нѣсколько новыхъ ломберныхъ столовъ—настолько, значить, чувствовалась настоятельная въ нихъ надобность! Чрезмѣрная озабоченность по этому пункту выразилась также въ роскошной и нарядной отдѣлкѣ потребной мебели. Столы были затянuty «гасомъ узорчатымъ съ городками» и «обиты позументомъ» золотымъ на сумму въ 159 рублей ²⁾.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 141.

²⁾ Вн. бытъ Русск. гос., кн. I, 215.

Тѣмъ не менѣе, карточные вечера Анны Леопольдовны не были уже, какъ при покойной императрицѣ, людными, блестящими собраніями сановныхъ картежниковъ, гдѣ золото лилось рѣкой, гдѣ, случалось, проигрывались огромные куши, заставлявшіе говорить о себѣ весь Петербургъ. Принцесса, отличаясь скромнымъ, застѣнчивымъ нравомъ, не любила блеска и парада и, сколько могла, избѣгала большихъ придворныхъ собраній. Впрочемъ, и на послѣднихъ, если они случались, она проводила время, обыкновенно, за картами, о чемъ сообщалось даже въ тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» къ всенародному свѣдѣнію¹⁾. На интимныхъ карточныхъ вечерахъ правительницы обычными ея партнерами являлись наиболѣе приближенные къ ней лица: супругъ ея принцъ Брауншвейгскій, фрейлина Юлія Менгденъ, графъ Левенвольдъ, графъ Минихъ (сынъ) съ женою и польско-саксонскій посланникъ графъ Линаръ, пользовавшійся правами любимца... Въ простомъ и небрежномъ костюмѣ, повязавъ голову носовымъ платкомъ, служившимъ вмѣсто ночнаго «чепца», Анна Леопольдовна, какъ рассказываетъ Манштейнъ, появлялась въ этой компаніи запросто и чувствовала себя свободно и пріятно.

Передъ игрой и во время ея рѣшались иногда важные государственные вопросы. Такъ, Линаръ доносилъ своему правительству, отъ 24 марта 1841 года, что наканунѣ, «за часъ до того, какъ сѣли играть, великая княгиня-регента позвала его къ себѣ и сообщила ему причины, по которымъ она считаетъ себя вынужденною дать отставку фельдмаршалу Миниху». Отставка эта, дѣйствительно, вскорѣ и послѣдовала. Кромѣ Линара, приглашались изрѣдка на карточную игру Анной Леопольдовной и другіе иностранные представители дипломатическаго корпуса, «только русскіе государственные сановники, какъ свидѣтельствуетъ историкъ Германъ, не удостоивались этой чести». Англійскій посланникъ Финчъ въ своихъ донесеніяхъ довольно часто упоминаетъ о случаяхъ, когда правительница приглашала его «на партію въ карты», и о чемъ шель при этомъ у нихъ разговоръ²⁾. Обыкновенно, разговоръ шель дѣловой, политической, изъ чего слѣдуетъ заключить, что Анна Леопольдовна систематически пользовалась этими картежными партіями съ посланниками для веденія своей дипломатіи.

Хорошо извѣстенъ тотъ роскошный, разсѣянный и безпорядочный образъ жизни, который вела императрица Елисавета Петровна, а, приспособляясь къ ея вкусамъ, и весь дворъ, все высшее столичное общество. Пирамъ, баламъ, маскарадамъ, всякимъ зрѣли-

¹⁾ См., напр., № 66 «Спб. Вѣд.» отъ 13 авг. 1741 г., гдѣ описано происшедшее во дворцѣ торжество обрученія статсъ-фрейлины Ю. Менгденъ съ графомъ Линаромъ.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. 96-й.

щамъ и забавамъ не было конца. На парадныхъ придворныхъ балахъ и куртагахъ карточная игра становится почти непремѣнной, еще непремѣннѣе дѣлается она въ будничной обстановкѣ, когда для наполненія праздныхъ досуговъ и для «разбитія мыслей», какъ тогда говорилось, не представлялось другихъ развлеченій.

Пресыщенная, бездѣятельная, скучающая и къ тому же страшно подозрительная, Елисавета Петровна искала разсѣянія и забвенія во всемъ, чѣмъ только могла прислужиться изобрѣтательная прихоть, и, разумѣется, также въ картахъ. Ко всему, вслѣдствіе безпорядочнаго режима и чрезмѣрной мнительности, государыня часто обращала ночь въ день и ложилась въ постель только съ разсвѣтомъ. Надобно было какъ нибудь убивать безконечные скучные часы этихъ безсонныхъ ночей.

Даже въ дорогѣ, во время остановокъ, карточная игра служила Елисаветѣ Петровнѣ и ея приближеннымъ главнымъ, если не исключительнымъ, развлеченіемъ. Въ 1744 году, императрица, въ сопровожденіи наслѣдника великаго князя Петра Ѳеодоровича и его невѣсты съ матерью, принцессы Ангальтъ-Цербстской (будущей Екатерины II), фаворита графа А. Г. Разумовскаго и большой свиты, въ которой находились, между прочимъ, два архіепископа, предприняла путешествіе въ Кіевъ. Въ Козельцѣ императрица остановилась въ новопостроенномъ дворцѣ Разумовскаго и прожила въ немъ около мѣсяца. Рассказывая въ своихъ мемуарахъ объ этой поѣздкѣ, Екатерина говоритъ, что во все время пребыванія въ Козельцѣ «въ большой залѣ, находившейся посреди дома Алексѣя Григорьевича, съ утра до вечера играли въ фараонъ и по большой цѣнѣ»¹⁾.

Такое чрезчуръ усидчивое занятіе фараономъ объяснялось отчасти тѣмъ, что самъ Разумовскій, въ угоду которому было предпринято и это торжественное путешествіе въ Кіевъ, былъ большимъ любителемъ картъ, хотя и безъ всякаго, повидимому, корыстнаго расчета. По разсказу Н. И. Панина, записанному Порошинымъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ, находясь въ силѣ, постоянно велъ большую игру, держалъ всегда банкъ и «нарочно проигрывалъ», а, случалось, смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ у него, безъ всякаго даже выигрыша, «Настасья Михайловна Измайлова (рожденная Нарышкина), напимѣръ, и другіе изъ банку крадывали деньги и послѣ щедрость его въ надлежащемъ мѣстѣ выхваляли». Да что Настасья Михайловна, особа вліятельная,—были «люди и совѣмъ безважные, которые при томъ пользовались! За княземъ И. В. Одоевскимъ,—рассказывалъ Никита Ивановичъ,—одинъ разъ подмѣтили, что тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему»²⁾.

¹⁾ Записки Екатерины II, стр. 23.

²⁾ Записки Семена Порошина, изд. 1881 г., стр. 67.

Дѣйствительно, этотъ Одоевскій, несмотря на свой княжескій титулъ и происхожденіе отъ Рюрика, былъ не только изъ числа «людей безважныхъ», но не пользовался ничѣмъ уваженіемъ за то, что нечистъ былъ на руку въ игрѣ. Очень нехорошо повѣствуетъ о немъ князь Петръ Долгоруковъ. По его словамъ, князь Иванъ Васильевичъ вообще былъ жалкій субъектъ: отецъ его проѣлъ состояніе и ничего ему не оставилъ. Въ ожиданіи наслѣдства отъ матери, которая не торопилась умирать († 1752 года), Одоевскій плутовалъ въ карты и просто таскалъ при удобномъ случаѣ ставки со стола, какъ это подмѣтили за нимъ во время игры у Разумовскаго. Не всегда только сходили князю такія продѣлки безнаказанно. Когда однажды, играя у великаго князя Петра Ѳеодоровича, Одоевскій былъ пойманъ на подобной плутнѣ, то его безъ церемоніи попотчевали оплеухой и вытолкали вонъ пинками ногъ, что, однако-жъ,—иронически заключаетъ Долгоруковъ,—не помѣшало ему, по восшествіи на престолъ Петра Ѳеодоровича, получить орденъ святаго Александра Невскаго ¹⁾.

Дворъ Елисаветы Петровны былъ переполненъ азартными игроками, и, куда бы онъ ни переселялся, при какой бы то ни было обстановкѣ, карточная игра составляла въ немъ, обыкновенно, повседневное препровожденіе времени. Лѣтомъ 1747 г. мы застаемъ его, напримѣръ, въ Ревелѣ, въ Екатериненталѣ. «Придворная жизнь пошла здѣсь прежнимъ, заведеннымъ порядкомъ, т. е., въ залѣ, составлявшей переднюю комнату въ апартаментѣ императрицы, съ утра до поздней ночи происходила карточная игра, довольно значительная» ²⁾. Вращаясь при дворѣ, почти невозможно было уклониться отъ участія въ игрѣ. Всѣ играли, не исключая придворныхъ дамъ, среди которыхъ были страстныя любительницы картъ, напримѣръ, оберъ-гофмейстерина Чоглокова, статсъ-дама графиня М. А. Румянцева, одно время состоявшая при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ чѣмъ-то въ родѣ воспитательницы, и другіе. Чоглокова, когда не съ кѣмъ было поиграть, горько жаловалась на скуку. Графиня Румянцева, надѣждавшая великой княгинѣ своимъ придирчивымъ надзоромъ, «съ утра до вечера играла въ карты въ передней комнатѣ великокняжеской половины и вставала изъ-за стола только за нуждою» ³⁾. Екатерина искусно пользовалась игроцкой страстью своихъ несносныхъ придворныхъ дуэній—сперва, до замужества, Румянцевой, а потомъ Чоглоковой. «Было вѣрное средство,—разсказываетъ она,—усыпить моихъ аргусовъ: это—играть съ ними въ фараонъ и проигрывать. На одну Чоглокову

¹⁾ Mémoires, t. I, p. 79.

²⁾ Записки Екатерины II, 64.

³⁾ Тамъ же, стр. 38.

я истратила 17.000 рублей, безпрестанно играя съ нею и съ ея мужемъ въ карты, а извѣстно, какую они страшную игру вели» ¹⁾.

Молоденькая великая княгиня, для которой подобный проигрышъ приходился тогда вовсе не по карману, была обязана своей гофмейстеринѣ и тѣмъ, что научилась азартнымъ играмъ, вовсе не имѣя къ нимъ склонности. «По настоянію Чоглоковой,—разсказываетъ Екатерина,—я наравнѣ съ другими стала играть въ фараонъ, которымъ обыкновенно занимались всѣ любимцы и любимицы императрицы». Придворныя дамы, однажды, во время игры замѣтили, «что у меня недостаетъ денегъ, и сказали объ этомъ императрицѣ». Послѣ этого, «Чоглокова принесла мнѣ три тысячи рублей на игру въ фараонъ». Это не единственный случай, когда такого рода августѣйшій подарокъ жаловался именно на игру, на уплату карточныхъ долговъ, а не «на булавки» или «карманныя издержки», какъ обыкновенно подобные сюрпризы называются ²⁾.

Въ тѣхъ же запискахъ Екатерины приведено письмо великаго князя къ И. И. Шувалову, въ которомъ онъ благодарить фаворита за то, что, по старанію послѣдняго, ея величество выдала ему, великому князю, 10.000 червонцевъ для уплаты его карточного долга ³⁾.

Можно судить по приведеннымъ цифрамъ, насколько крупная игра велась при елисаветинскомъ дворѣ, и въ какой степени разорительны бывали проигрыши для ея участниковъ, не особенно счастливыхъ или недостаточно искусныхъ. Великокняжеская чета была постоянно обременена долгами, что было чрезвычайно неприятно императрицѣ, и, по словамъ Екатерины, одною изъ главныхъ причинъ ея тогдашней собственной задолженности были именно крупные проигрыши въ карты.

А между тѣмъ, перестать играть не представлялось никакой почти возможности. Даже у себя дома, въ обществѣ съ супругомъ, Екатерина вынуждалась играть съ нимъ за неволю и опять таки на интересъ. Живя въ Лѣтнемъ дворцѣ,—разсказываетъ она,—«отъ скуки великій князь каждый разъ послѣ обѣда игралъ со мною въ l'hombre à deux. Проигрывая, онъ сердился; выигрывая, требовалъ уплаты, но, такъ какъ у меня не было ни копейки, то онъ вздумалъ играть со мною въ азартную игру. Помню, какъ мы однажды условились, что ночной колпакъ его пойдетъ въ 10 т. рублей», при чемъ онъ «приходилъ въ неистовство отъ проигрыша» ⁴⁾. Въ это время втерлась въ общество великокняжеской четы принцесса Курляндская (возвращенная изъ ссылки дочь Бирона, хитрая интриганка).

¹⁾ Записки Екатерины II, стр. 80.

²⁾ У Зибига (Siebigk: Katharina II Brautreise...) есть извѣстіе, что Екатерина, вскорѣ послѣ обрученія, получила отъ императрицы 30.000 рублей «на булавки или, какъ тогда говорили, на карточную игру».

³⁾ Записки, стр. 321.

⁴⁾ Записки Екатерины II, стр. 86.

Ежедневно играя въ карты съ Петромъ Ѳедоровичемъ, она успѣла въ короткое время уловить его въ сѣти своего кокетства и пріобрѣсть надъ нимъ большое вліяніе.

Кстати замѣтитъ, карточная игра всегда, помимо своей прямой цѣли, служила также посредствующимъ способомъ для сближенія и искательства, для вывѣдыванія и судачества, для обдѣльванія, какъ бы мимоходомъ, разныхъ дѣлишекъ и конжурацій. Все это въ данныхъ условіяхъ было очень легко и удобно. Поэтому игрой всегда пользовались, да и до сихъ поръ ловко пользуются для указанныхъ цѣлей волокиты, кокетки, куртизаны, дѣльцы, интриганы, дипломаты и просто фискалы. Мы сейчасъ привели случай женскаго куртизанства, увѣнчавшагося успѣхомъ при посредствѣ карточной игры. Екатерина, какъ мы видѣли ранѣе, будучи великой княгиней, играла въ карты со своими аргусами въ юбкахъ для того, по ея же словамъ, чтобы «усыплять» ихъ. Лопухинское дѣло, современное елисаветинской эпохѣ, даетъ намъ назидательный историческій примѣръ въ данномъ родѣ, гдѣ болтовня за картами послужила матеріаломъ для доноса. На слѣдствіи обнаружилось, что несчастные Лопухины и ихъ сообщники, обвинявшіеся въ тяжкомъ преступленіи противъ особы государыни, «врали большей частью за картами», какъ показали достовѣрные свидѣтели. Все, вѣдь, и злодѣяніе ихъ заключалось въ однѣхъ «вракахъ». Иванъ Лопухинъ и въ ссылкѣ не исправился: «ходилъ въ кабакъ, игралъ тамъ въ карты», и при этомъ опять несуразно «вралъ», какъ доносилъ чуткій и предупредительный прапорщикъ Новинскій ¹⁾. Впереди мы встрѣтимъ аналогичные случаи пользованія карточной игрой, какъ средствомъ для достиженія другихъ цѣлей, стороннихъ игорному интересу.

Но, служа во многихъ случаяхъ связующимъ цементомъ, карты и возбуждаемый ими азартъ нерѣдко ведутъ также къ недоразумѣніямъ, размолвкамъ и ссорамъ. Это такъ же всегда было, какъ бываетъ и теперь. Въ веселые дни царствованія Елисаветы произошла, между прочимъ, такого рода ссора, которую можно назвать исторической, хотя бы потому, что дѣйствовавшія въ ней лица пріобрѣли позднѣе громкую историческую извѣстность. Это были З. Г. Чернышевъ и Н. Леонтьевъ, тогда еще молодые люди, не выдвигавшіеся изъ ряду. Они играли въ домѣ вице-канцлера Р. И. Воронцова и за игрой повздорили. Ссора разгорѣлась до того, что дѣло дошло до дуэли. Дрались на шпагахъ, и Чернышевъ получилъ тяжелую рану въ голову. Случай произвелъ большую сенсацию въ городѣ и дошелъ до свѣдѣнія двора, какъ можно заключить изъ того, что о немъ провѣдала великая княгиня, очень интересовавшаяся въ ту минуту Чернышевымъ.

¹⁾ «Русск. Стар.», т. XI, стр. 39, 213.

V.

Картежные увлеченія И. И. Шувалова и его огромные проигрыши.—Одинъ изъ его счастливыхъ партнеровъ, Р. И. Воронцовъ.—Достопримѣчательный документъ: «вѣдомость» о проигрышахъ и выигрышахъ Воронцова.—Игречкая страсть гр. Кир. Гр. Разумовскаго.—Воспитанникъ, обыгранный воспитателемъ.—Игра въ Малороссіи.

Изъ «случайныхъ людей» и любимцевъ елисаветинскаго царствованія, послѣ А. Г. Разумовскаго, особенно выдвинулся и приобрѣлъ, какъ извѣстно, историческую славу Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, любитель музъ и меценатъ, съ такимъ усердіемъ воспитанный Ломоносовымъ. Превосходя своего предшественника и соперника образованіемъ и элегантною, онъ не уступалъ ему и на зеленомъ полѣ—страстью къ картамъ и веденіемъ большой расточительной игры.

Гельбигъ свидѣтельствуетъ, что И. И. Шуваловъ игралъ постоянно по конецъ жизни и, въ результатѣ, проигралъ значительнѣйшую часть своего огромнаго состоянія. Въ этомъ извѣстїи мы можемъ нисколько не сомнѣваться, имѣя передъ собой замѣчательный и, по своей рѣдкой обстоятельности, драгоцѣнный историческій документъ.

Документъ относится къ началу 50-хъ годовъ, когда Шуваловы вошли въ фаворъ и усилились при дворѣ, а заключается онъ въ своеобразномъ карточномъ счетѣ, или, точнѣе, въ приходо-расходной вѣдомости карточной игры, которую велъ извѣстный не съ блестящей стороны Р. Ил. Воронцовъ ¹⁾ (братъ знаменитаго канцлера М. Ил. Воронцова) съ Ив. Ив. Шуваловымъ и другими лицами.

Подобно своимъ счастливымъ сверстникамъ, взысканнымъ, какъ и онъ, придворной фортуной, видный и типичный представитель елисаветинской эпохи, Воронцовъ также былъ азартнымъ игрокомъ и велъ большую игру. Въ то время, какъ въ открытомъ, гостеприимномъ домѣ его брата, Михаила Иларіоновича, собирався цвѣтъ столичной интеллигенціи—дипломаты, ученые, писатели и художники, столичный домъ Романа Иларіоновича славился въ интимномъ игорномъ мірѣ своими карточными вечерами. Слава эта, какъ мы видѣли въ предшествующей главѣ, компрометировалась иногда и довольно скандальными столкновеніями, столь обычными, впрочемъ, среди игроковъ, хотя бы и неподдѣльно аристократическихъ, воспитанныхъ и элегантныхъ.

¹⁾ Это—тотъ самый, прославившійся позднѣе въ бытность свою намѣстникомъ, немовѣрнымъ взяточничествомъ, Р. И. Воронцовъ, которому Екатерина II при слала въ именины огромный кошелекъ.

Въ любопытной «вѣдомости»¹⁾, съ которой мы сейчасъ познакомимъ читателей, подробно и обстоятельно обозначены, съ одной стороны, цифры всего, что было «выиграно» ея составителемъ (т. е. Воронцовымъ) съ «его превосходительства Ивана Ивановича Шувалова» и осталось за нимъ въ долгу, а съ другой—параллельно—цифры проигрыша. Къ сожалѣнiю, въ вѣдомости не имѣется никакихъ почти датъ; поэтому неизвѣстно, какой промежутокъ времени она захватываетъ; по всему, однако, можно заключить, что не особенно большой, и что «счетъ» заканчивается 1752 годомъ. Трудно также рѣшить, весь ли оборотъ игры Воронцова приведенъ здѣсь за взятый периодъ времени (и не съ однимъ только Шуваловымъ), или же въ «вѣдомость» занесены «для памяти» только суммы, оставшіяся въ долгу, что въ тѣ времена и позже весьма часто случалось у игроковъ, даже очень богатыхъ. Цифры, во всякомъ случаѣ, довольно внушительныя и весьма краснорѣчивыя... Читатель въ этомъ легко убѣдится: мы приводимъ здѣсь «вѣдомость» цѣликомъ—она этого стоитъ во многихъ отношенiяхъ!

Выиграно:

	Рубли.
Въ фаро выигралъ (я) у его превосходительства (т. е., И. И. Шувалова) ²⁾ пятьсотъ рублей.	500
Въ Царскомъ Селѣ, какъ играли съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, выигралъ четыреста пятьдесятъ рублей.	450
Съ нимъ же, какъ играли, выигралъ тридцать рублей.	30
Съ нимъ же выигралъ триста сорокъ восемь рублей.	348
Въ фаро выигралъ у его превосходительства восемьсотъ рублей	800
Съ князь Петромъ Ивановичемъ Репнинымъ въ два тура выигралъ восемьсотъ девяносто рублей	890
Въ дежурной въ ломберъ съ Хитровымъ пятьсотъ восемьдесятъ рублей.	580
Въ дежурной выигралъ у его превосходительства триста рублей	300
Съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, какъ за него игралъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, триста пятьдесятъ рублей.	350
Въ два тура выигралъ у его превосходительства пятьсотъ восемьдесятъ рублей.	580
Еще выигралъ триста семьдесятъ рублей	370
Да какъ были въ домѣ брата моего, выигралъ сто девяносто рублей.	190
Въ фаро въ дежурной выигралъ у его превосходительства шестьсотъ рублей	600
Какъ играли съ Алексѣемъ Андреевичемъ Хитровымъ, выигралъ четыреста рублей	400
Въ Москвѣ 20 декабря 752 году выигралъ у его превосходительства въ фаро тысячу двѣсти восемьдесятъ рублей	1280

¹⁾ «Архивъ кн. Воронцова», т. XXV, стр. 212.

²⁾ Подъ титуломъ «его превосходительства» и ниже обозначенъ въ «вѣдомости» тотъ же Шуваловъ.

Проиграно:

	Рубли.
Въ фара проигралъ его превосходительству сто рублейъ	100
Въ домберъ проигралъ его превосходительству въ июль мѣсяцѣ четы- реста пятьдесятъ рублейъ	450
Въ биллиардъ пятьдесятъ рублейъ	50
По записному туру съ ея величествомъ двѣсти тридцать рублейъ . .	230
На именинахъ его превосходительства Ивана Ивановича долженъ остался сто десять рублейъ	110
За пѣтуха проигралъ десять рублейъ	10
За брата графа Ивана Маріоновича сто пятьдесятъ рублейъ	150
Въ именины проигралъ пятьдесятъ рублейъ	50
Въ фара проигралъ триста рублейъ	300
Въ Москвѣ въ фара проигралъ шестьсотъ рублейъ	600
Получилъ я отъ его превосходительства сто рублейъ	100
Въ Москвѣ получилъ отъ его превосходительства триста рублейъ . .	300
Да еще получилъ и сто рублейъ	100
Да червонными отъ его превосходительства забрано и проиграно и переведенныхъ	720

Какъ можетъ судить читатель, «вѣдомость» эта для насъ не простая бухгалтерская запись, а цѣлая, въ своемъ родѣ, бытовая картина, цѣнная и весьма краснорѣчивая, при всемъ своемъ лаконизмѣ, страница изъ исторіи «поврежденія нравовъ» и матеріальныхъ состояній карточной игрою въ елисаветинской Россіи! Въ этой безцѣнной лѣтописи карточного стола особенно выдаются, особенно интересны слѣдующія черты и обстоятельства: во-первыхъ, игра ведется почти постоянно азартная и очень крупная для того времени, когда денегъ было мало, а рубль стоилъ много дороже нынѣшняго; во-вторыхъ, въ игрѣ участвуютъ все важныя, придворныя, знатныя лица, начиная съ императрицы, и, несмотря на ихъ богатство и знатность, игра ведется не на наличныя, а чаще въ долгъ; въ-третьихъ, всего чаще и больше проигрываетъ И. И. Шуваловъ, чѣмъ отчасти и слѣдуетъ объяснить раболѣпный тонъ, съ какимъ счастливый лѣтописецъ относится къ его превосходительной особѣ и къ его проигрышамъ (похоже даже какъ бы на то, что лѣтописецъ завѣдомо и навѣрняка обыгрывалъ «его превосходительство»); въ-четвертыхъ, наконецъ, игра, какъ видно, велась при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ, безъ стѣсненія временемъ и мѣстомъ: въ столицѣ и Царскомъ Селѣ, зимою и лѣтомъ — въ іюль, во дворцѣ и частныхъ домахъ на именинахъ, во время исполненія служебныхъ обязанностей—въ дворцовой «дежурной» и т. д.

Авторъ «вѣдомости» игралъ, видно, счастливо, да, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ большой мастеръ «сихъ дѣлъ» и смотрѣлъ на игру серьезно—не какъ на забаву, а какъ на хорошій источникъ хищнической наживы, что очень похоже на Р. Ил. Воронцова. Балансъ его «вѣдомости» краснорѣчиво это доказываетъ: подъ рубрикой «выиграно» общая сумма составляетъ 7.668 рублей (въ томъ

числѣ отъ одного И. И. Шувалова 4660 рублей), а подѣ рубрикой «проиграно» итогъ равняется 3270-ти рублямъ. Значитъ, въ барышѣ оставалось до четырехъ съ половиною тысячъ. Тутъ было изъ чего похлопотать человѣку, знавшему счетъ денежкѣ!

Не послѣднее мѣсто въ галлерей историческихъ игроковъ долженъ занимать и графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (младшій братъ фаворита), по удивительной игрѣ судьбы, прямо изъ пастуховъ выскочившій почти сразу въ графы Россійской имперіи, въ гетманы всей Малороссіи, въ президенты академіи наукъ, и проч., и проч. Все это, вмѣстѣ съ огромными «магнетостями», онъ получилъ, едва перейдя двадцатилѣтній возрастъ и послѣ непродолжительнаго курса обученія и воспитанія за границей.

Молодой Разумовскій страстно полюбилъ съ первыхъ же шаговъ своей блестящей карьеры билліардную игру, но одновременно не клалъ охулки на руку и въ карточной. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, слѣдующій курьезный фактъ. Въ первую поѣздку за границу для довершенія образованія его сопровождалъ, какъ владѣтельнаго принца, цѣлый штатъ воспитателей, учителей и слугъ. Главными воспитателями были знаменитый Л. Эйлеръ, Генрихъ Штрубе, членъ петербургской академіи, и Г. Н. Тепловъ. Сначала шло все ладно, но подѣ конецъ ближайшіе менторы графа, Штрубе и Тепловъ, поссорились и стали строчить въ Петербургъ другъ на друга злостные доносы. Причину этой ссоры Тепловъ объяснилъ такъ: «Когда Штрубе,—писалъ онъ Шумахеру,—вопреки моей волѣ выигралъ значительную сумму у молодого Разумовскаго (т.-е. у своего воспитанника) въ карты, то я сдѣлалъ ему выговоръ. Вотъ почему онъ осмѣлился дѣлать дерзкія попытки предѣ графомъ Разумовскимъ (А. Г.), чтобы меня очернить и уронить до такой степени, что въ своихъ письмахъ говорилъ обо мнѣ, какъ объ игрокѣ (sic!), ворѣ, пьяницѣ и имѣющемъ другіе пороки, въ которыхъ я,—оправдывался Тепловъ,—невиненъ даже передъ Богомъ»¹⁾. Трудно разобрать, кто тутъ былъ правъ, но фактъ, что дипломированный воспитатель изъ породы Вральмановъ на досугѣ обыгрывалъ въ картишки своего богатаго воспитанника, русскаго Митрофанушку,—вполнѣ возможенъ и совершенно въ нравахъ восемнадцатаго столѣтія. Возможенъ тѣмъ болѣе въ описываемомъ случаѣ, что графъ К. Г. Разумовскій почти во всю свою долгую, благополучную жизнь оставался, по выраженію его друга, гр. П. Завадовскаго «ночнымъ картежникомъ и дневнымъ билліардщикомъ»²⁾. Жилъ, онъ всегда широко и хлѣбосольно; каждый день собирались въ его богатыхъ палатахъ на Мойкѣ (гдѣ нынѣ Воспитательный домъ)

¹⁾ Исторія имп. академіи наукъ, Пекарскаго, т. I, 671—5.

²⁾ Семейство Разумовскихъ, А. А. Васильчикова, т. I, 461.

гости, званые и незваные, и каждый день гостепріимные хозяинъ и хозяйка забавлялись съ ними игрой до поздней ночи. Графиня Разумовская (урожденная Е. И. Нарышкина) не менѣ мужа, по свидѣтельству Екатерины, питала страстишку къ картамъ.

Даже въ старости, удрученный болѣзнями, графъ Кирилль Григорьевичъ, проживая въ своей гетманской резиденціи — Батуринѣ, большую часть свободнаго времени проводилъ за картами. Отъ билліардной игры онъ долженъ былъ отказаться — ноги не служили и дряхлость одолѣвала; за то — рассказываютъ очевидцы — «любилъ поиграть въ карты и часто за игрою проводилъ бессонныя отъ недуга ночи». Днемъ, въ ночномъ колпакѣ и въ шлафрокѣ, съ нашитой на груди андреевской звѣздой, графа выводили подъ руки или вывозили въ колясочкѣ въ парадные покои, къ гостямъ: обѣдать съ ними за общимъ столомъ онъ уже не могъ, но поиграть никогда не отказывался. Любимый сынъ его, графъ Андрей Кирилловичъ, на рукахъ котораго онъ скончался, описывая въ письмѣ къ женѣ послѣдніе дни отца, рассказываетъ, между прочимъ, обычный порядокъ дня... «Въ полдень я снова прихожу къ отцу, — пишетъ Андрей Кирилловичъ: — послѣ часа онъ играетъ въ триктракъ съ Адамомъ (французъ-библіотекаръ). Въ два часа садятся обѣдать... Послѣ обѣда батюшку въ креслахъ отвозятъ въ гостиную, съ полчаса разговариваютъ, потомъ расходятся отдыхать... Въ пять собираются къ чаю... Потомъ играютъ въ бостонъ, въ чемъ и я принимаю участіе. Въ десять часовъ ужинъ... въ 11 всѣ расходятся» ¹⁾.

Разумовскіе, въ особенности гетманъ Кирилль Григорьевичъ, пользовались большимъ вліяніемъ и большой популярностью въ Малороссіи, а ихъ возвышеніе подняло въ Петербургѣ кредитъ всѣхъ вообще малороссовъ, преимущественно богатыхъ представителей знатныхъ шляхетныхъ фамилій. Потомъ кредитъ этотъ, какъ извѣстно, былъ сильно уроненъ измѣной Мазепы.

Гетманскій дворъ въ Батуринѣ задавалъ тонъ и служилъ образцомъ просвѣщеннаго общежитія на всю шляхетную Украину. Малороссійскіе паны и панки старались во всемъ подражать своему популярному гетману, особенно, что касалось роскоши, удовольствій и развлеченій, въ томъ числѣ, конечно, и карточной игры. Впрочемъ, карточная игра была и ранѣе распространена въ Украинѣ, главнымъ образомъ среди запорожскаго казачества. Превосходный знатокъ малорусскаго народнаго быта, И. П. Котляревскій, авторъ извѣстной пародіи «Енеида», гдѣ, подъ видомъ троянцевъ и ихъ мифическихъ походовъ, юмористически изображены современные ему хохлы — казаки и «бурлаки», ихъ нравы и побытъ, сообщаетъ мимоходомъ въ своей поэмѣ любопытную справку о карточныхъ

¹⁾ Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 472 и др.

«истор. вѣстн.», февраль, 1901 г., т. LXXXIII.

играхъ, имѣвшихъ въ восемнадцатомъ столѣтіи обращеніе въ Малороссіи.

Эней со своими троянцами высадились на гостепріимный берегъ «Кумской земельки» для отдыха и, познакомившись съ туземцами, пустились посвойски пить, кутить и гулять, такъ какъ на все это «булы бурлаки си моторни» (т. е. горазды). Среди забавъ и развлеченій не были забыты и карты.

«Яки-жь булы до картъ охочи,
То не сыдили дармо тутъ:
Гулялы часто до пивночи
Въ носка, въ пары, улавы, въ джгутъ,
У памфиля, въ визка и въ кепа (дуракъ);
Кому-жь изъ нихъ буда дотепа
То въ гроши (на деньги) грады въ симъ листивъ» (семилистикъ) ¹⁾.

Въ этомъ очень цѣнномъ для насъ перечнѣ игръ, употребительныхъ въ то время въ Малороссіи и ставшихъ тамъ почти народными, упоминаются и такія, которыя подъ тѣмъ же или другимъ названіемъ были распространены и по всей Россіи въ простонародной средѣ.

На основаніи уже одного этого показанія слѣдуетъ полагать, что въ дни фавора Разумовскихъ, любившихъ поковырять, недостатка въ подражателяхъ у нихъ среди земляковъ не ощущалось. Сохранилось курьезное завѣщаніе богатаго прилукскаго есаула М. Ѳ. Мовчана, писанное въ 1742 г. Мовчанъ завѣщалъ имѣніе двумъ внукамъ своимъ отъ дочери, Андрею и Ивану Мазаракіямъ, «третьему же ихъ брату, Григорію, ничего не опредѣляю,—пишетъ завѣщатель,—за то, что обыкновенной сыновней чести мнѣ не отдавалъ, приказовъ и наставленій моихъ не слушался и въ такое развращеніе пришелъ, же (что), похищая вещи зъ дому моего и деньги, попропивалъ и попроигрывалъ въ карты» ²⁾.

Безъ сомнѣнія, этотъ изобличенный и покаранный злопамятнымъ дѣдомъ мотъ и картежникъ былъ не единственный въ своемъ родѣ примѣръ среди тогдашняго малороссійскаго казачества и шляхетства.

¹⁾ Енеида, изд. 1890 г., стр. 59.

²⁾ Очерки малоросс. фамилій, «Русск. Арх.», 1875 г., кн. I, стр. 320.

VI.

Раздѣленіе игръ на азартныя—запрещенныя и коммерческія—дозволенныя.—Елисаветинское законодательство о карточной игрѣ.—Проигрыши по векселямъ.—Картежь среди военныхъ.—Игорный искусь Г. Р. Державина.—Знакомство съ московскими шулерами.—Игорная этика прошлаго вѣка.—Дѣло по обвиненію Державина въ обыграніи Д. И. Дмитріева.—Позвія и проза жизни игрока.—Дорожная карточная игра на пути между Петербургомъ и Москвою.

Царствованіе Елисаветы Петровны ознаменовалось важнымъ въ исторіи карточной игры въ Россіи законодательнымъ актомъ. Правительство впервые установило рѣзкое различіе между азартной и коммерческой играми, признавъ первую запрещенной, а вторую—дозволенной. Законъ этотъ, изданный 16 іюня 1761 г., какъ извѣстно, и до сихъ поръ остается въ силѣ. Онъ, какъ руководящее начало, легъ въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ по этому предмету законоположеній и правительственныхъ распоряженій. Съ теченіемъ времени измѣнялась только квалифікація игръ, признаваемыхъ или азартными или коммерческими.

Но прежде, чѣмъ прійти къ этому существенному и во многихъ отношеніяхъ резонному различію, елисаветинское законодательство въ борьбѣ съ распространяющеюся въ обществѣ карточной пассіей повторяло старыя аннинскіе грозныя указы и суровыя мѣропріятія, никакого добраго дѣйствія не оказывавшія.

Повторило оно ихъ два раза—въ 1743 и 1747 гг., въ послѣдній разъ съ довольно, впрочемъ, существенными умолчаніями и вариантами. Начать съ того, что самый указъ былъ уже не именной, а сенатскій. «Нынѣ, — говорилось въ немъ, между прочимъ, — въ правительствующемъ сенатѣ стало извѣстно, что, въ противность всѣмъ выданнымъ о запрещеніи картежной разорительной игры указамъ (включительно до выданнаго въ 1743 г. іюня 9), проигрываютъ въ карты немалыя деньги и въ томъ проигрышѣ векселя даютъ». Это была уже новость, свидѣтельствовавшая о важномъ прогрессѣ въ разореніи отъ картежной игры: въ прежде «выданныхъ» запретительныхъ указахъ, какъ мы видѣли, о векселяхъ по проигрышамъ не упоминалось еще ни однимъ словомъ. Прогрессъ этотъ послѣдовалъ естественнымъ порядкомъ, такъ какъ въ веселые, пышные и расточительные елисаветинскіе дни даже очень богатые люди изъ аристократіи постоянно нуждались въ деньгахъ и входили въ долги. Просвѣщеніе, между тѣмъ, дѣлало свои успѣхи и настолько процвѣло, что прежде невѣдомое вексельное право сдѣлалось теперь общедоступнымъ достояніемъ. Волшебная сила векселя, которымъ можно было расплачиваться, не имѣя ни гроша въ карманѣ, была такъ хорошо понята и усвоена, что пользова-

ніе ею нашло себѣ, какъ можно судить по цитированному указу, весьма дѣятельное примѣненіе и за карточнымъ столомъ.

Далѣе сенатъ, «приказывая» «всякаго чина людямъ» не играть на деньги ни въ какую игру, какъ въ вольныхъ, такъ и въ партикулярныхъ домахъ, уже не грозитъ ослушникамъ прежними бирюновскаго стиля жестокостями, а ограничивается краткимъ и въ высшей степени неопредѣленнымъ напоминаніемъ, что ослушники де «неотмѣнно штрафованы будутъ».

Законодатель, очевидно, успѣлъ убѣдиться, что угрозами игроковъ не запугаешь и карточной игры на деньги не искоренишь. И точно, все шло по-старому, несмотря на повторенія запретительныхъ указовъ. Повторенія эти служатъ для насъ только удостовѣреніемъ все болѣе и болѣе распространявшейся картежной оргіи, принимавшей время отъ времени такіе безобразные размѣры, которые пугали правительство и понуждали его возвышать свой учительско-внушительный голосъ. Ничего другаго, болѣе радикальнаго, оно не умѣло придумать.

Наконецъ догадались — и то уже въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны — считаться съ дѣйствительной жизнью и человѣческими страстями на практической почвѣ и пойти на сдѣлку со зломъ, о полномъ искорененіи котораго напрасно было бы и думать. Пора было увѣриться, что заставить людей играть въ карты «на мѣлокъ», безъ всякаго «интереса» (т. е. безъ денежнаго интереса) — несбыточная бессмыслица, и что разорительное зло карточной игры заключается не столько въ самомъ этомъ интересѣ, сколько въ его размѣрѣ, въ степени риска и въ характерѣ игры. Жизнь на каждомъ шагѣ давала примѣры, что одна и та же игра на интересъ въ одномъ случаѣ могла быть совершенно невинной и неразорительной, въ другомъ — очень рискованной, опасной и противообщественной. Это, наконецъ, было принято во вниманіе и положено въ основу закона 1761 г., который потому-то и слѣдуетъ признать едва ли не единственнымъ здравымъ и цѣлесообразнымъ изъ всѣхъ законоположеній XVIII-го столѣтія, направленныхъ противъ карточной игры.

Сенатъ довольно точно опредѣлилъ, какія игры и при какихъ условіяхъ законъ признаетъ азартными и запрещенными, и какія — коммерческими и дозволенными. Въ 1-мъ пунктѣ указа 16 іюня 1761 г. говорится: «во всякія азартныя въ карты, то есть, въ фарао (фараонъ), въ квинтичъ и тѣмъ подобныя и въ прочія всякаго званія игры на деньги и на вещи никому и нигдѣ (исключая (sic!) во дворцахъ ея императорскаго величества апартаменты) ни подь какимъ видомъ и предлогомъ не играть; а только позволяется употреблять игры въ знатныхъ дворянскихъ домахъ — и то не на большія, но на самыя малыя суммы денегъ, не для выигрышу, но единственно для препровожденія времени, яко-то: въ ломберъ, въ кадъ

рилію, въ пикетъ, въ кохтру, въ памфилъ. А ежели кто и за симъ публикованнымъ указомъ, явно или скрытно, подъ какимъ видомъ, въ большія суммы на деньги и въ долгъ или же на вещи играть станетъ и въ томъ изобличенъ будетъ, то какъ съ игроковъ, такъ и съ хозяина, гдѣ такія игры будутъ, также и съ тѣхъ, кои игрокамъ ссудою денегъ, закладомъ или другими способами на игры вспомогать будутъ, брать штрафу противъ ранговъ ихъ учрежденнаго годового жалованья вдвое, также и всѣ въ игрѣ бывшія суммы денегъ и заклады, изъ коихъ одну часть на гошпиталь, другую на содержаніе полицій, а двѣ части доносителямъ отдавать съ надлежащими письменными производствами.

Хотя вначалѣ сенатъ и пытается поименовать современные азартныя игры, но, очевидно, онъ смотритъ на дѣло съ той же точки зрѣнія, которая ранѣе была уже здѣсь высказана—именно, что каждая игра можетъ стать азартной, рискованной и опасной, когда она идетъ на «большія суммы» и когда обращается изъ простой забавы для препровожденія времени въ орудіе корыстолюбиваго хищничества. Поэтому сенатское запрещеніе направлено, въ сущности, не столько противъ тѣхъ или другихъ игръ, именуемыхъ азартными, сколько противъ всякой игры «на большія суммы», сопровождаемой, конечно, и большими проигрышами.

Весьма характеристично также, что коммерческая игра «по маленькой» позволялась только «въ знатныхъ дворянскихъ домахъ»—ограниченіе очень наивное и на практикѣ неосуществимое. Не менѣе наивна, за то откровенна оговорка въ скобахъ, что азартныя игры нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ не будутъ терпимы, «исключая» дворцовые апартаменты ея императорскаго величества. Безспорно, эта наивная откровенность гораздо лучше прежняго лицемернаго замалчиванія.

Довольно существенно также требованіе законодателя, чтобы изобличеніе и штрафованіе виновныхъ сопровождалось «надлежащими письменными производствами». Этотъ шагъ въ интересѣ законности и въ предупрежденіе злоупотребленій находитъ себѣ новое подкрѣпленіе въ 3-мъ пунктѣ указа, гдѣ говорится, что полиція и другія власти обязаны «въ производствѣ оныхъ дѣлъ осторожно поступать, дабы напрасныхъ приклеповъ, обидъ и безпокойствъ кому приключиться не могло». Вѣроятно, въ прежней слѣдственно-судебной практикѣ по такимъ дѣламъ «приклеповъ», «обидъ» и «безпокойствъ» было чинено немало и вполне безнаказанно. Теперь нѣкоторой сдержкой должно было послужить конечно, не голословное внушеніе «осторожно поступать», а категорическое требованіе документальности при производствѣ подобныхъ дѣлъ и доведенія о всѣхъ такихъ дѣлахъ до свѣдѣнія сената (п. 4-й).

2-й пунктъ указа трактуеть о заемныхъ письмахъ и векселяхъ

по проигрышамъ. Законодатель тогда еще не додумался признавать такія обязательства не имѣющими законной силы, какъ это и слѣдъ тому быть по логикѣ. Въмѣсто того, онъ въ прямое противорѣчіе смыслу закона предписываетъ взысканія, по всѣмъ такого рода обязательствамъ, «брать въ казну и раздѣлять по вышешисанному» (п. 1-й). «Равное же сему штрафное взысканіе,— говорится въ заключеніе,—чинить и купцамъ, кто такіе въ играхъ употребляемые векселя на имена свои брать и переводить будутъ». Какимъ образомъ купцы (т. е. банкиры), дисконтируя векселя своихъ кліентовъ, должны были различать, которые изъ нихъ даны за карточнымъ столомъ, — весьма мудро понять, а указъ никакихъ поясненій не даетъ.

Какъ это всегда водилось и водится до сихъ поръ, картежная игра, чаще азартная, особенно была распространена въ описываемое время среди офицеровъ, преимущественно гвардейскихъ. Самый военный бытъ, условія лагерной, казарменной, постоянной или походной жизни, воинскіе труды и опасныя приключенія, смѣняемые скукой и бездѣльемъ продолжительныхъ досуговъ, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, беззавѣтный азгулъ и молодечество— все это создавало такую обстановку, въ которой восприимчивость къ карточной игрѣ, къ карточному азарту и риску, какъ къ «сильному ощущенію», дѣлалась особенно заразительной, почти неотвратимой и, при отсутствіи умственныхъ интересовъ, была совершенно въ порядкѣ вещей. Извѣстный Болотовъ, рассказывая, по личнымъ наблюденіямъ, объ образѣ жизни нашихъ офицеровъ въ Кенигсбергѣ во время Семилѣтней войны, говоритъ, что «у множайшихъ (изъ нихъ) на умѣ были однѣ только игры, мотовство и распутство, а иные дѣлали того хуже: упражнялись въ разныхъ забіячествахъ, непростительныхъ шалостяхъ и непотребствахъ»¹⁾.

Косвенное подтвержденіе тому, что дѣло обстояло именно такъ, намъ даетъ 4-й пунктъ комментируемаго указа. Предписывая доводить до свѣдѣнія сената о всѣхъ случаяхъ изобличенія въ преступной игрѣ и штрафованія за это, указъ въ концѣ добавляетъ и какъ бы подчеркиваетъ: «еще особливо въ Военную и Адмиралтейскую коллегіи, а о гвардіи въ ихъ полковыя канцеляріи присылать увѣдомленіе, дабы такихъ (т. е. проштрафившихся игроковъ изъ военныхъ) знать и въ производствѣ и награжденіи въ чины съ воздержными не равнять».

О распространеніи карточной игры среди тогдашняго военного сословія и о деморализующемъ ея дѣйствиіи достовѣрныя и обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ также Г. Р. Державинъ въ своихъ запискахъ. Державинъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ въ мартѣ 1762 г., т. е. около того же времени, когда былъ

¹⁾ Записки, т. I, 721.

изданъ вышеупомянутый указъ. Ему тогда было восемнадцать лѣтъ и, подобно другимъ небогатымъ дворянскимъ недорослямъ, онъ началъ службу въ рангѣ рядового и долго тянулъ солдатскую лямку, пока выслужился до офицерскаго чина. Рассказывая объ этомъ періодѣ своей жизни, Державинъ говоритъ, что, вслѣдствіе постоянного общенія съ сослуживцами—«своими братьями дворянами, упражнявшимися въ карточной игрѣ и прочихъ шалостяхъ, молодымъ людямъ свойственныхъ, началъ и онъ помалу въ нравахъ развращаться».

Такъ, будучи уже унтеръ-офицеромъ, Гавріиль Романовичъ имѣлъ случай сблизиться съ братьями П. И. и А. И. Лутовиновыми, молодыми офицерами того же Преображенскаго полка. По случаю проѣзда императрицы въ Москву на коронацію, офицеры эти, въ числѣ другихъ, завѣдывали почтовыми станціями. Подъ команду одного изъ нихъ, младшаго Лутовинова, и попалъ Державинъ въ качествѣ «фурьера». Ближайшей станціей завѣдывалъ старшій Лутовиновъ, а по сосѣдству, какъ на грѣхъ, находилось «извѣстное по распутству» село Валдай (позднѣе городъ). Оба Лутовиновы были типичные представители тогдашней военной «золотой молодежи». «Хотя,— пишетъ о нихъ нашъ поэтъ,— были умные и весьма расторопные въ своей должности люди, но старшій весьма развращенныхъ нравовъ, которому послѣдуюя и младшій нерѣдко упражнялся въ зазорныхъ поступкахъ и неблагопристойной жизни, то-есть въ пьянствѣ, карточной игрѣ и въ обхожденіи съ непотребными ямскими дѣвками». Лутовиновы въ Валдаяхъ «проводили иногда цѣлыя ночи въ кабацкѣ, никого, однако, стороннихъ, кромѣ дѣвокъ, не пущая».

Державину пришлось цѣлую зиму быть въ этомъ миломъ обществѣ, но,— похваляется онъ,— «со всѣми принужденіями Лутовиновы довести его не могли до того, чтобы онъ когда либо напился пьянымъ», зато «въ карты помалу играть началъ». Своему воздержанію Г. Р. приписываетъ то, что сберегъ и себя, и своего начальника отъ казенной растраты и суда, которые навлекъ на себя старшій Лутовиновъ, промотавшій и проигравшій назначенные ямщикамъ за царскій проѣздъ прогоны. Тѣмъ не менѣе грѣхъ въ этомъ же родѣ ждалъ автора записокъ въ Москвѣ, куда онъ, вслѣдъ затѣмъ, прибылъ съ полкомъ на коронаціонное торжество. Тамъ онъ, по окончаніи торжества, отпросился въ отпускъ, побывалъ на родинѣ у матери и, возвратившись въ Москву, остановился въ домѣ своего двоюроднаго брата, майора Н. Я. Блудова (отца знаменитаго графа Д. Н. Блудова). Гостепріимный братецъ въ компаніи съ родственникомъ и сослуживцемъ, подпоручикомъ Максимовымъ, «завели его, Державина, сперва въ маленькую, а потомъ и въ большую карточную игру, такъ что онъ проигралъ имъ данныя ему отъ матери на покупку деревни деньги».

«Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить»,—этотъ проигрышъ материнскаго капитала, скопленнаго долготнкими усиліями, чуть не сгубилъ окончателно молодого Державина, по его чистосердечному признанію. Чтобы не огорчить матери, деревню ему все-таки удалось купить, но очень дорогою цѣною. Обыгравшій его гостепріимный братецъ одолжилъ ему нужную для того сумму на такихъ, однако, условіяхъ, что купленная Г. Р. деревня «съ присовокупленіемъ материнскаго имѣнія, хотя и не имѣлъ на то права», очутились у брата въ залогъ. «Попавъ въ такую бѣду,—разсказываетъ далѣе Державинъ,—бздилъ, такъ сказать, съ отчаянія день и ночь по трактирамъ искать игры». По обыкновенію, хотѣлъ молодой подпрапорщикъ (Г. Р. былъ уже тогда повышенъ въ этотъ рангъ) отыграться. Съ какими только героями московскихъ труппъ не свела его тогда судьба, въ какихъ передѣлкахъ онъ не бывалъ!

«Спознакомился я,—разсказываетъ онъ,—съ игроками или, лучше, съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новичковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ». Хотя Державинъ вслѣдъ за симъ и благодаритъ Бога, что «совѣсть или, лучше сказать, молитвы матери никогда его до того не допускали, чтобы предался онъ въ наглое воровство или въ коварное предательство кого либо изъ своихъ пріятелей, какъ другіе дѣлывали», тѣмъ не менѣе нельзя утверждать, чтобы пріобрѣтенныя имъ у московскихъ шуллеровъ, познанія такъ и оставались безъ примѣненія. «Но когда,—тутъ же онъ наивно признается,—случалось быть въ сообществѣ съ обманщиками и самому обыгрывать на хитрости (sic!), какъ и его подобнымъ образомъ обыгрывали, то никогда таковой, да и никакой выигрышъ не служилъ ему въ прокъ; слѣдственно онъ и не могъ сердечно прилѣпиться къ игрѣ, а игралъ по нуждѣ».

Такова была на этотъ счетъ покладистая этика даже у лучшихъ людей того времени. Вспомнимъ, что свою исповѣдь Державинъ писалъ гораздо позднѣе, уже въ преклонномъ возрастѣ. Считалось предосудительнымъ «обыгрывать на хитрости», т. е. съ шуллерскими приемами, только пріятелей, да и то, оказывается, не всѣ порядочные люди этому щепетильному правилу слѣдовали. Его строго придерживался нашъ поэтъ, какъ онъ увѣряетъ, но не такъ де «другіе дѣлывали». Весьма характеристично также и оправданіе Державина, что, если ему случалось «обыгрывать на хитрости», то дѣлалъ онъ это не по «сердечному» влеченію, а «по нуждѣ», и что выигрышъ никогда не служилъ ему въ прокъ. Послѣднее не согласно и съ фактической правдой: изъ дальнѣйшихъ записокъ видно, что Г. Р. выигрывалъ, случалось, крупные куши, и они прекрасно служили ему въ прокъ.

Вотъ что касается игры «по нуждѣ», ради поправленія разстроенныхъ обстоятельствъ и пріобрѣтенія до зарѣзу нужныхъ денегъ, которыхъ въ наличности нѣтъ и негдѣ достать, то это совершенно согласно съ исторической правдой и въ нравахъ того времени. «Напиши, голубчикъ, стихи на быка (?), у котораго денегъ много: какой умница онъ, а у кого денегъ нѣтъ—великій дуракъ!—шутливо писалъ Державину, нѣсколько лѣтъ спустя, его московскій знакомецъ «по игрѣ», извѣстный уже намъ поручикъ Максимовъ. — Вѣдь на меня,—продолжаетъ онъ,—и въ Москвѣ гнѣваются и въ Казани бѣсятся, все за деньги. Чортъ знаетъ, откуда въ людей зараза вошла, что всѣ уже нынѣ въ гошпиталяхъ валяются одержимы (не) болѣзнію, а только деньгами, деньгами, деньгами! Ежели бы я имѣлъ ихъ довольно, какой бы умница, достойный похвалы и добродѣтельный былъ человѣкъ; въ чемъ и на тебя ссылаюсь, что я, право, вѣдь добрый человѣкъ, да карманъ мой—великій плутъ, мошенникъ (sic!) и бездѣльникъ» ¹⁾).

Признаніе въ высшей степени краснорѣчивое! Дѣйствительно, въ то время очень многіе русскіе культурные люди, въ особенности же военная и свѣтская молодежь, «одержимы» были, словно заразой, нестерпимой нуждой въ деньгахъ, происходившей отъ мотовства, роскоши и главнымъ образомъ отъ неумѣнья и нежеланія жить по средствамъ. Всѣ были кругомъ въ долгахъ, всѣ нуждались въ деньгахъ, но добывать ихъ трудомъ, талантомъ, дѣловой предприимчивостью, инымъ ли какимъ благоприличнымъ способомъ были не горазды, да и самый кругъ практической дѣятельности былъ тогда очень узокъ. Для дворянина, для благороднаго свѣтскаго человѣка всѣ законные источники ограничивались государственной службой, очень скудно оплачивавшейся, да доходомъ съ крѣпостныхъ имѣній. Когда же ихъ не хватало, и благородный человѣкъ не желалъ прослыть «дуракомъ» въ общемъ и собственномъ мнѣніи, приходилось бросаться во всѣ нелегкія: заискивать у сильныхъ міра, что не многимъ удавалось, тайно грабить казну и брать взятки, направо и налево занимать безъ отдачи, наконецъ, «искать игры» съ корыстнымъ расчетомъ на вѣрный выигрышъ...

Вотъ, кажется, и всѣ тогдашніе источники легкой наживы, если не считать категоріи болѣе рискованныхъ «художествъ», предусмотрѣнныхъ уголовнымъ уставомъ, которыми иной благородный человѣкъ инстинктивно брезговалъ и на которыя не всегда рѣшался. Случалось съ нимъ, впрочемъ, и это, какъ случилось съ тѣмъ же остроумнымъ поручикомъ Максимовымъ, о чемъ мы узнаемъ ниже. Мудрено закаиваться отъ грѣха тому, кто, хотя, «право, и добрый человѣкъ, да карманъ у него великій плутъ, мошенникъ и бездѣльникъ».

¹⁾ «Сочиненія» Державина. Изд. Грота, т. V, 7.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ способовъ легкой наживы наиболѣе соблазнительнымъ для тогдашняго благороднаго человѣка съ мошеникомъ-карманомъ, безъ сомнѣнія, должна была казаться карточная игра. Съ формальной стороны, она вполнѣ благовидна— не какойнибудь неряшливый грабежъ; все дѣло въ счастіѣ, въ искусствѣ, въ «благородномъ» рискѣ, а, за всѣмъ тѣмъ, ни съ чѣмъ несравнимая легкость, при удачѣ, вдругъ разбогатѣть. Оттого-то такъ и падки были до игры благородные русскіе люди, одержимые «заразой» безденежья.

Мы видѣли, какъ самъ Державинъ, безпощадно обыгранный Блудовымъ и Максимовымъ, вѣроятно, по ихъ же наущенію и въ ихъ компании, ѣздилъ по московскимъ трактирамъ «искать игры», чтобы отыгаться и выйти изъ бѣды и нужды. Увидимъ далѣе, что въ его жизни это былъ далеко не единственный случай, и далеко не онъ одинъ изъ порядочныхъ людей «искалъ игры» «по нуждѣ» и находилъ въ ней источникъ своего благосостоянія.

Державинъ, къ сожалѣнію, не рассказываетъ, какъ онъ извернулся на тотъ разъ въ своей бѣдѣ, «спознакомившись» съ московскими шуллерами и съ «хитростями» ихъ искусства: отыграли ли или нѣтъ проигранныя и заложенныя любезному братцу материнскія деревнишки? Совершеннымъ молчаніемъ проходитъ онъ въ своихъ запискахъ и одинъ весьма яркій эпизодъ изъ времени его игорнаго йскуса въ Москвѣ. Забыть онъ его не могъ, но, увы, скрыть его отъ потомства славолюбивому пѣвцу «Фелицы» не удалось!

Г. В. Есиповъ нашелъ въ московскомъ губернскомъ архивѣ и сообщилъ въ копіи Я. К. Гроту интересное дѣло «О играніи отставнымъ прапорщикомъ гвардіи Дмитріевымъ съ сержантомъ Державинымъ въ карты въ запретительную указами игру». Дѣло относится къ тому именно времени, когда Г. Р., находясь въ Москвѣ, «искалъ игры», чтобъ отыгаться. Началось оно по жалобѣ матери Дмитріева (Дмитрія Ивановича, брата Ивана Ивановича, знаменитаго впоследствии поэта, государственнаго человѣка и друга Державина). Г-жа Дмитріева жаловалась московской полиціи, что Державинъ и Максимовъ завлекли ея молодого сына въ азартную игру, обыграли и взяли съ него сперва вексель въ 300 рублей на имя одного купца, а потомъ купчую на пензенское имѣніе его отца въ 500-хъ рубляхъ. На слѣдствіи Дмитріевъ подтвердилъ, что, познакомившись съ Державинымъ въ іюлѣ 1769 года, онъ дѣйствительно игралъ съ нимъ въ банкъ фаро нѣсколько разъ въ присутствіи Максимова на кредитъ, такъ какъ наличныхъ у нихъ не было. Подтвердилъ онъ также и выдачу цѣнныхъ документовъ, но допрошенные при этомъ Державинъ и Максимовъ отъ всякой игры съ Дмитріевымъ отреклись и заявили, что вексель и купчая имѣли будто бы другое, совершенно законное происхождение.

Скандалезное дѣло было перенесено въ юстицъ-коллегію, гдѣ, однако, производство его остановилось уже въ 1771 году «за неотысканіемъ (?) прикосновенныхъ лицъ». Раза два оно поднималось въ теченіе 70-хъ годовъ, но съ тѣмъ же результатомъ и, наконецъ, въ 1782 г. состоялось рѣшеніе, что такъ какъ показанія сторонъ разнорѣчивы, и съ подачи иска прошло болѣе 12-ти лѣтъ, а истцы Дмитріевы съ тѣхъ поръ не являлись, то и считать дѣло поконченнымъ ¹⁾.

Зная тогдашнее кривосудіе, слѣдуетъ предположить, что эта безконечная оттяжка щекотливаго дѣла и это сведеніе его въ окончательномъ рѣшеніи «на нѣтъ» стоили отвѣгчикамъ многихъ хожденій, хлопотъ и затратъ. Слѣдуетъ предположить также, что многія изъ дѣлъ, вчинаемыхъ по обвиненію въ «играніи въ запретительную указами игру», оканчивались подобнымъ же образомъ, служа лишь источникомъ сдирства для приказныхъ сутягъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, вексель и купчая Д. И. Дмитріева остались не реализованными, но уже самый фактъ, какъ и при какихъ условіяхъ они были выиграны у молодого человѣка, очевидно, «маменькина сынка»—одного изъ тогдашнихъ Митрофанушекъ, ясно доказываетъ, что уроки московскихъ шуллеровъ, какъ «новичковъ заводитъ въ игру» и обыгрывать, не пропали для Державина даромъ.

Онъ, впрочемъ, чистосердечно признается въ своихъ запискахъ, что, ведя «распутную жизнь» въ Москвѣ, до того «замотался», что, къ довершенію бѣды, болѣе чѣмъ на полгода просрочилъ свой отпускъ изъ полка. Это грозило разжалованіемъ въ армейскіе солдаты, но, по счастью, у Державина былъ въ полку «благодѣтель» — капитанъ-поручикъ Неклюдовъ, исполнявшій должность полкового секретаря. Неклюдовъ сжалился надъ «погибавшимъ мотарыгой» и, для соблюденія проформы, прикомандировалъ его къ московской командѣ капитана Шишкова. Но и послѣ этого «мотарыга» пробылъ въ Москвѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ и «вель жизнь не лучшую» и не въ лучшемъ обществѣ. Все время онъ пользовался гостепримствомъ у Блудова и знался съ Максимовымъ, который, вдобавокъ, чуть не впуталъ его въ какое-то темное дѣло съ кладомъ и фальшивымъ векселемъ; сиживалъ нашъ «мотарыга» и въ московской кутузкѣ; бывалъ и подъ судомъ, кромѣ извѣстнаго уже намъ карточнаго дѣла, еще изъ-за какой-то легкаго поведенія дьяконовой дочери, которая «хаживала къ нимъ въ домъ» и на которой, по ходатайству ея огорченныхъ родителей, судъ хотѣлъ было понудить его жениться; въ другой разъ, изъ-за другой прекрасной дамы трактирные знакомцы по игрѣ собралась было компаніей, «поколотить, можетъ быть, даже и убить» замо-

¹⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 437—438.

тавшагося подпрапорщика (къ послѣднему случаю мы возвратимся въ слѣдующей главѣ, такъ какъ онъ прекрасно характеризуетъ тогдашнихъ московскихъ шуллеровъ и ихъ «хитрости»).

Уже гораздо позднѣе Державинъ, вспоминая свою «распутную жизнь» въ Москвѣ, воспѣлъ ее въ піесѣ «На счастье», разумѣется, въ розовыхъ «пѣтическихъ» краскахъ, съ умолчаніемъ о томъ, что въ этой жизни было темнаго, непріятнаго и тяжелаго. Обращаясь къ богу счастья, поэтъ говоритъ:

Бывало подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красоткой чернобровой рядомъ
Иль съ бѣленькой, сидя со мной,
То въ шашки, то въ картежь играешь,
Прекрасною твоей рукой
Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечный твой тѣмъ кажешь взглядъ,
Я къ кралѣ короля бросаю,
И ферзь къ ладѣ я придвигаю—
Даю марьяжъ иль шахъ и матъ.

На самомъ дѣлѣ, Державинъ, говоря уже прозой и вполнѣ искренно о своей московской жизни, подъ конецъ «чрезвычайно наскучилъ ею или, лучше сказать, возгнущался самимъ собою», какъ исповѣдывается онъ въ своихъ запискахъ. Подъ вліяніемъ этого добраго чувства и пока оно не остыло, взялъ онъ у какого-то «пріятеля матери» займы 50 рублей, «бросился опрометью въ сани и поскакалъ безъ оглядки въ Петербургъ. Сіе было въ мартѣ мѣсяцѣ 1770 года»...

Но не такъ-то легко было спастись молодому «мотарыгѣ» изъ засасывавшаго его московскаго омота и отъ пагубной страсти къ карточной игрѣ. «Въ Твери, — рассказываетъ Державинъ, — его удержалъ было нѣкто изъ прежнихъ (московскихъ?) пріятелей, чловѣкъ распутной жизни, но кое-какъ отъ него отдѣлался, издержавъ всѣ свои деньжонки. На дорогѣ занялъ у ѣдущаго изъ Астрахани садоваго ученика съ виноградными ко двору лозами 50 рублей и тѣ въ Новгородскомъ трактирѣ проигралъ»... Въ концѣ концовъ, послѣ разныхъ мытарствъ, Г. Р. все-таки добрался до Петербурга, но очень ужъ налегкѣ: съ однимъ рублемъ-крестовикомъ въ карманѣ и безъ всякаго багажа.

По поводу дорожныхъ приключеній Державина, кстати будетъ замѣтить, что въ тѣ времена, да и позднѣе, до проведенія Николаевской желѣзной дороги, столбовый путь между Петербургомъ и Москвою былъ исполненъ для податливаго путешественника опасныхъ соблазновъ. Не говоря уже о валдайскихъ сиренахъ, красотой и распутствомъ которыхъ славился этотъ бойкій путь, славился онъ не меньше и опустошительной карточной игрою, свирѣпствовавшей на его станціяхъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, води-

лись тогда тутъ специально-дорожные шуллера, какъ водятся они и посейчасъ на пассажирскихъ пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ. Нельзя было придумать лучшей для игры обстановки: легкость дорожныхъ знакомствъ, пріятныя встрѣчи на станціяхъ, вѣчный отвѣтъ станціоннаго смотрителя: «нѣтъ лошадей—всѣ въ разгонѣ!»; станціонныя скука и бездѣлье—все складывалось такъ, что развлеченіе картами являлось единственнымъ, вполне естественнымъ и почти неизбѣжнымъ исходомъ! Начатая отъ скуки, по «маленькой», игра, по обыкновенію постепенно переходила въ крупную, и многіе изъ легкомысленныхъ путниковъ на ней жестоко платились. Мы видѣли, какъ поплатился въ этомъ случаѣ Державинъ; увидимъ далѣе, какъ на той же московско-петербургской дорогѣ позднѣе проигрывался не разъ и другой нашъ великій поэтъ.

VII.

Московскій «червоный валетъ» первой половины XVIII-го столѣтія. — Шуллерскія «хитрости». — Ловля «пижоновъ» или «олуховъ». — Нравоизобразительная комедія. — Распространеніе карточной игры среди городского плебса. — Народная пѣсня про «картежныя дѣла». — Ванька Каинъ, какъ игрокъ и антрепренеръ игорнаго притона. — Картежь въ острогѣ. — «Сліяніе интеллигенціи съ народомъ» на зеленомъ полѣ. — Карточная игра, какъ «доказательство благородства».

Другой нашъ писатель восемнадцатаго вѣка, современникъ Державина и не менѣе его искушенный въ карточной игрѣ, В. И. Лукинъ, въ предисловіи къ своей пѣснѣ «Мотъ, любовію исправленный» (1765 г.), говоритъ, между прочимъ, что «игравши видѣлъ онъ болѣе ста человекъ, не только совершенно промотавшихся, но и въ самую погибель пришедшихъ. Большею частію случалось сіе, — продолжаетъ онъ, — съ молодыми дворянами, присылаемыми отъ отцовъ своихъ съ глупыми дядьками къ несмысленнымъ или безпечнымъ родственникамъ. Разорялись они обычно ремесленными (т. е. профессиональными) картежными игроками. Всѣ простаки, въ столицы пріѣзжавшіе (sic!), и нѣкоторые щегольки, безъ воспитанія и безъ присмотра въ столицахъ жившіе, бывали оброчными сихъ промышленниковъ крестьянами»¹⁾.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой комедіи былъ «нѣкто, хоти по роду благородный, знатной фамиліи, но по поступкамъ самый подлый человекъ, который содержался въ полиціи за поддѣлку векселей и закладныхъ на весьма большую сумму и подставленіе по себѣ поручительства подложной (!) матери».

Если прибавить къ этимъ чертамъ и «художествамъ», что изображаемый «нѣкто» былъ еще профессиональный трактирный шул-

¹⁾ Сочиненія, изд. П. А. Ефремова, стр. 7, 8.

леръ, то передъ нами выступить форменный московскій «червонный валетъ», рожденіе котораго, по малому знакомству съ нашей бытовой исторіей, приписывалось специально современной намъ эпохѣ «захудалости» и «оскудѣнія» русскаго «благороднаго» чело-вѣка. Напрасно: что касается поврежденія нравовъ, восемнадцатое столѣтіе не уступитъ «концу вѣка» девятнадцатаго!

Героиней комедіи является супруга главнаго героя, вполне его достойная,—какая-то, по аттестаци Державина, «прекрасная иностранка, которая торговала своими прелестями». Торговала съ вѣдома мужа и по его внушенію, какъ ревностная сотрудница въ плутняхъ и шуллерскихъ «хитростяхъ» своего благовѣрнаго и его компаніи. Такія прекрасныя международныя дамы всегда и вездѣ фигурируютъ въ правильно организованныхъ мошенническихъ шайкахъ высшаго тона и принимаютъ дѣятельное участіе въ уловленіи «пижоновъ», по шуллерскому термину, или «олуховъ», какъ названы они въ одной современной пѣснѣ.

Имѣлся на лицо «пижонъ» и въ описываемомъ случаѣ,— «нѣкто, пріѣзжій пензенскій молодой дворянинъ», какъ водится, простодушный провинціалъ, «слабый по уму, но довольно достаточный по имуществу». Такимъ простакамъ въ то время, пожалуй, гораздо труднѣе было, чѣмъ теперь, уберечь свои карманы въ Москвѣ, вообще въ сѣлицахъ, гдѣ ихъ зорко подстерегали цѣлыя стаи «прикрытыхъ благопристойными поступками и одеждою», либо вовсе не прикрытыхъ ими «разбойниковъ»-шуллеровъ и «червонныхъ валетовъ», гдѣ во всѣхъ «вольныхъ домахъ», гостиницахъ, трактирахъ и иныхъ притонахъ велась тогда открыто карточная, биллиардная и всякая другая, въ большинствѣ случаевъ, конечно, шуллерская игра.

Пензенскій «пижонъ», являющійся въ изображаемой здѣсь комедіи, какъ видно, и не особенно остерегался и, по пословицѣ: «на ловца и звѣрь бѣжитъ», какъ разъ попалъ въ передѣлку къ «червонному валету, знатной фамиліи» при дѣятельномъ участіи его супруги. «Прекрасной иностранкѣ», вѣрно, не трудно было плѣнить простоватаго провинціала. Онъ безъ памяти въ нее влюбился и, по мѣрѣ того, какъ красавица стала «коротко съ нимъ обращаться», былъ обобранъ супругами до нитки: не только «лишился денегъ и самыхъ нужныхъ вещей», но «заложилъ свое и материнское имѣніе».

Все это происходило на глазахъ Державина, который, питая пріязнь къ пензенскому «пижону», вздумалъ положить предѣлъ грабежу. Какъ бы не зная о сообщничествѣ супруговъ въ этой мошеннически-любовной интригѣ, Г. Р. однажды «слегка далъ почувствовать мужу поведеніе его жены. Мужъ, — рассказываетъ онъ, — старался прикрыть ее и оправдать себя невѣдѣніемъ» и, хотя обратилъ щекотливый разговоръ въ шутку, но заглаилъ злобу про-

тивъ Державина за непрощенное «чистосердечное предостереженіе». Вѣрнѣе сказать, разоблаченіе мошеннической махинаціи вызвало злобу: «червонные валеты» этого не любятъ и не прощаютъ.

Месть не заставила себя долго ждать. Г. Р. получилъ приглашеніе провести вечерокъ у супруговъ и, когда, ничего не подозревая, явился, то «увидѣлъ на постели двухъ сидящихъ незнакомыхъ, а третьяго лежащаго за ширмами офицера», котораго онъ какъ-то «шуткой» предостерегъ въ трактирѣ, что его обыгрываютъ тамъ на билліардѣ фальшивыми шарами. Радужный хозяинъ сперва принялъ гостя очень ласково, а потомъ «зачалъ его помалу горячить противорѣчіями» и свелъ разговоръ на личную обиду, нанесенную де ему и женѣ давешнимъ щекотливымъ «предостереженіемъ». Несмотря на горячія и энергическія оправданія гостя, хозяинъ «началъ кивать головой» скрытымъ за ширмами соумышленникамъ, что пора, молъ, приниматься за дѣло.

— Нѣтъ, братъ, — сверхъ чаянія возразилъ лежавшій на постели офицеръ.— Державинъ правъ, а виноватъ ты самъ, и ежели кто изъ васъ тронетъ его, то я переломаю тому всѣ ребра!

Неожиданный окрикъ этотъ совершенно обезоружилъ хозяина и остальныхъ его сообщниковъ, ибо офицеръ (пріѣзжій изъ Саратова и также «замотавшійся» землемѣръ-поручикъ П. А. Гасвицкой) «былъ, — какъ съ удовольствіемъ изображаетъ его Г. Р., — молодецъ приземистый, борецъ всѣхъ проворнѣе и сильнѣе и имѣлъ подлѣ себя орасину».

Только благодаря этому рыцарскому заступничеству, Державинъ невредимо вышелъ изъ предательской ловушки, гдѣ его собирались «поколотить, а, можетъ быть, даже и убить». На этомъ и кончилась комедія, которая при менѣе счастливомъ оборотѣ могла бы превратиться въ драму.

Въ тѣ времена и особенно въ Москвѣ, при слабости и продажности полиціи, комедіи, въ родѣ вышеописанной, были обычнымъ явленіемъ и разыгрывались большей частью вполнѣ безнаказанно. Шуллеръ, «червонный валетъ», завѣдомый плутъ и даже разбойникъ, тѣмъ болѣе «знатной фамиліи», съ хорошими манерами и прилично одѣтый, чувствовалъ себя совершенно свободно и независимо, какъ рыба въ водѣ. Не хуже чувствовали себя, впрочемъ, и богато одаренные воровскими талантами представители «подлаго сословія», какъ свидѣтельствуетъ удивительная карьера блистательнаго Ваньки-Каина, пріобрѣвшаго громкую историческую извѣстность и ставшаго героемъ народнаго эпоса.

Извѣстно, что Ванька-Каинъ, бѣглый дворовый, послѣ цѣлаго ряда воровскихъ подвиговъ предложилъ свои услуги московскому начальству по сыску и ловлѣ «лихихъ людей», которыми Москва тогда кишѣла. Дѣло было въ 1741 году. Услуги эти были приняты, и Ванька, облеченный въ чинъ офиціальнаго сыщика, сталъ

грозою не только для воровъ и разбойниковъ, но еще болѣе для мирныхъ обывателей Бѣлокаменной. Данными ему полномочіями онъ воспользовался лишь для расширенія своей многосторонней хищнической дѣятельности. Слишкомъ десять лѣтъ безнаказанно свирѣпствовалъ онъ на Москвѣ и какихъ только вопіющихъ дѣлъ не натворилъ!

Будучи плутомъ на всѣ руки, талантливый Ванька, безъ сомнѣнія, былъ и искуснымъ карточнымъ игрокомъ. Какъ забава и какъ орудіе для легкой наживы, карточная игра была въ то время уже распространена среди подонковъ городского, особенно столичнаго общества не меньше, пожалуй, чѣмъ среди его сливокъ. Зараза, какъ это водится, быстро шла сверху внизъ—изъ барской гостиной чрезъ лакейскую, которая всегда отличалась чрезмѣрной воспримчивостью къ «господскимъ» слабостямъ и порокамъ. Впрочемъ, что касается городской «кабацкой голи», промышлявшей темными дѣлами, то карточная игра хорошо была ей знакома и входила въ репертуаръ ея обычныхъ занятій и развлеченій еще гораздо ранѣе, какъ это мы видѣли изъ старыхъ, запретительныхъ по этой части, грамотъ и указовъ.

Насколько же въ эпоху Ваньки Каина (т. е. въ концѣ первой половины XVIII столѣтія) карточная игра, какъ кабацкая забава и какъ отрасль воровскаго промысла, вошла во вкусы и въ нравы тогдашней городской, преимущественно столичной, деморализованной черни,—весьма наглядное даетъ намъ понятіе нижеслѣдующій перлъ хотя и припорченнаго, но несомнѣнно народнаго пѣснотворства. Это—откровенное изображеніе похощеній и подвиговъ трактирныхъ игроковъ, удалыхъ молодцовъ, у которыхъ «ни стыда ни совѣсти нѣту». Рапсодія сложена въ томъ особенномъ, не столько сатирическомъ, сколько безшабашно-циническомъ духѣ и забубенномъ жанрѣ, какими отличаются почти всѣ русскія острожно-разбойническія пѣсни позднѣйшей формаціи. По всѣмъ вѣроятіямъ, она и сочинена была въ острогѣ какимъ нибудь дошлымъ кабацкимъ шуллеромъ, прошедшимъ чрезъ всѣ лихія мытарства. Замѣчательно, однако, то, что она печаталась въ современныхъ популярныхъ «пѣсенникахъ» и даже вошла въ собраніе избранныхъ, любимыхъ «свѣтскихъ стихотвореній» въ «полезно-забавномъ» Письмовникѣ профессора и кавалера Н. Курганова¹⁾. Это показываетъ, насколько она была распространена тогда и не среди одной только «черни непросвѣщенной». Сочиненіе ея слѣдуетъ отнести именно ко временамъ Ваньки Каина, такъ какъ на это имѣются намеки въ самомъ ея текстѣ.

Передъ нами живьемъ схваченная историческая картинка быта, нравовъ, приемовъ и ухватокъ описываемой среды.

¹⁾ «Письмовникъ», изд. 1796 г., ч. II, стр. 93—94.

Стихотвореніе начинается такъ:

Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ:
 Мысль картежну въ сердца наши всѣялъ,—
 Ту распространяйте, руки простирайте,
 Съ радостнымъ плескомъ кричите: рестъ ¹⁾!
 Дверь въ трактирахъ Бахусъ отворяетъ,
 Полны чаши пуншемъ наливаетъ:
 Тѣмъ дается радость, льется въ уста сладость;
 Дайте намъ карты: здѣсь олухи есть!
 Стенька Разинъ, Сѣнной Гаврюшка,
 Ванька Каинъ и Лжехристъ Андрюшка—
 Хотя дѣла ихъ славны и коль ни удачны,—
 Прахъ противъ нашихъ картежныхъ дѣлъ!
 Постоянники (?) всѣ насъ ругаютъ:
 Авантажа въ картахъ вить не знаютъ.
 Портной и сапожникъ давно-бъ былъ картіожникъ,
 Бросилъ бы шильи и иглы въ печь.
 Ни стыда, ни совѣсти въ насъ нѣту—
 Олухамъ-то здѣшнимъ не въ примѣту:
 Карты подрѣзные, крапомъ намазныя,
 Дѣлайте имъ разомъ и нечоть и чоть.
 Мы въ камзолахъ, хотя безъ кафтановъ,
 Веселятъ посадскихъ брюхановъ.
 Игру-бъ гдѣ провѣдать—сыщемъ мы обѣдать,
 Лишь бы попался намъ въ руки фатюй (sic!).
 Стройтесь стѣны въ тюрьмахъ магистратскихъ—
 Вамъ готовятъ дворянъ и посадскихъ!
 Радуйся, подъячей, камень тѣ горячей,
 Ты гложи кости ихъ послѣ насъ!
 Намъ не страшны никакія бѣдства,
 Мы лишаемъ отцовска наслѣдства:
 Въ тюрьмы запираемъ, казъ ихъ обыграемъ,
 Пусть они плачутъ—намъ весело жить!

Хотя авторъ приведенной піесы, отождествившій въ себѣ трактирную брагію, которой бѣсъ проклятый «мысль картежну въ сердца всѣялъ», и утверждаетъ бахвально, будто «славныя дѣла» такихъ героев, какъ Ванька Каинъ, «прахъ передъ картежными дѣлами» этой братіи, но это не болѣе, какъ лирическая вольность.

Въ дѣйствительности, Ванька и въ «картежныхъ дѣлахъ» стоялъ на высотѣ своего таланта и призванія. Въ апогее своей силы и славы полномочнаго официального сыщика, Ванька завелъ у себя въ домѣ на Зарядѣ нѣчто въ родѣ игорнаго притона, гдѣ у него имѣлись билліардъ, зернь и карты. Картами, случалось, онъ даже взятки давалъ приказнымъ—словно цѣлый складъ ихъ у него былъ. Днемъ онъ обыкновенно носился по Москвѣ, исполняя свою опустошительную службу, а вечера и ночи «отдыхалъ» въ веселой

¹⁾ Игорный терминъ.

компаніи за пуншемъ и картами либо въ трактирѣ, либо у пріятелей, но чаще всего у себя дома. Дома онъ чувствовалъ себя гораздо свободнѣе и безопаснѣе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ компаніи находились «олухи»; которыхъ онъ собирался обыграть. Игра происходила въ особой «блинной избѣ», значитъ, на задворкѣ, вдали отъ сторонняго глаза. Пускались въ ходъ всякія шуллерскія «хитрости» и даже, случалось, фальшивыя деньги. Особенно не церемонились съ обреченными на жертву «олухами». Когда карманы ихъ обчищали дочиста, радушный хозяинъ оказывалъ имъ посильную помощь закладомъ вещей и платья.

Позднѣ Ванька даже въ острогѣ, когда пѣсня его была уже окончательно сибѣта, продолжалъ коротать скучные досуги, послѣ томительныхъ дознаній «съ пристрастіемъ», за картами въ компаніи съ другими арестантами и частью съ тюремными аргусами. Игра велась азартная, на деньги и вещи, велась, конечно, нечисто и послужила поводомъ къ возбужденію новаго слѣдствія. Обыгранный компаніей, колодникъ Осипъ Соколовъ сдѣлалъ доносъ. Обнаружилось, что сержантъ Падымовъ, съ дежурными солдатами, каждый день сходились съ Ванькой Каиномъ и его товарищами, бражничали и играли въ карты, что для этой игры жена Каина приносила ему деньги, принесла разъ 12 рублей, которые онъ проигралъ колоднику Васькѣ Базану, обыгравшему и Соколова. Базанъ, видно, превосходилъ въ шуллерскомъ мастерствѣ самого Каина: въ другой разъ послѣдній проигралъ ему и свою шубу. Подарестныхъ игроковъ отодрали плетью и отобрали у нихъ деньги, а сержанта Падымова, оправдывавшагося «простотою», отослали на судъ военной комиссіи ¹⁾.

Тайная картежная азартная игра всегда и до сихъ поръ, какъ извѣстно, ютится въ тюрьмахъ и острогахъ, несмотря ни на какія строгости и запреты. Вотъ, развѣ только благосклонное участіе въ ней тюремныхъ блюстителей, въ чемъ изобличились стражи Ваньки Каина,—фактъ слишкомъ ужъ исключительный въ позднѣйшихъ анналахъ русской тюрьмы.

Впрочемъ, у оборотливаго Ваньки Каина бывали партнеры много чище и чиновнѣе какого нибудь простоватаго сержанта. Послѣ своего окончательнаго низложенія, во время производства слѣдствія, Ванька неотразимо изобличилъ двухъ полицейскихъ судей московскаго сысканаго приказа, Сытина и Непѣнина, во взяточничествѣ и въ томъ, что они не брезгали съ нимъ, Ванькой, за панбратъ, играть въ карты.

...«Судьѣ Егору Непѣнину,—показывалъ Ванька,—самому и чрезъ служителя его передарилъ я картъ дюжины съ двѣ; и одновременно въ домъ его игралъ я съ нимъ, Непѣнинымъ, по приказу

¹⁾ «Тяжелая память прошлаго». Г. В. Есипова, стр. 375 и сл.

его, для забавы безденежно въ карты, въ называемую игру одну. Да ихъ, Сытина и Непѣнина, къ вербному воскресенію, купя, подарилъ по крашеной вербѣ, и въ той надеждѣ на ихъ судей, секретарей и протоколиста, я... прдерзости и чинилъ, а безъ того дарить бы ихъ не изъ чего. Оные-жъ секретари и протоколистъ, что у меня въ домѣ имѣлась зернь, знали и въ бытность у меня въ домѣ и игроковъ видали».

Вотъ съ какого времени и на какой почвѣ началось то призрачное «слиянiе интеллигенціи съ народомъ», надъ которымъ такъ зло издѣвалась наша позднѣйшая сатира! Въ самомъ дѣлѣ, карточная игра могла въ извѣстной степени служить подобному «слиянiю», такъ какъ занятіе ею считалось однимъ изъ признаковъ интеллигентности и «благородства». Вотъ что говоритъ объ этомъ въ своихъ запискахъ остроумный и наблюдательный Добрынинъ. Когда ему дали въ 1778 г. офицерскій чинъ, онъ собирался, по его словамъ, «вести себя по службѣ и по нравственности такъ, какъ благородному, чтобы не дать причины подозрѣвать, что его вчера только сдѣлали благороднымъ». Но «въ дальнѣйшее теченіе жизни, — съ ироніей замѣчаетъ онъ, — я испыталъ, что доказательства благородства суть: 1) французскій языкъ съ худымъ выговоромъ... 2) карточная игра съ хорошимъ, всякаго рода обманомъ»¹⁾, и т. д. Если, на господствовавшій взглядъ, карточная игра была однимъ изъ «доказательствъ благородства», то, слѣдовательно, каждый представитель «подлаго состоянiя», выучивавшійся этой игрѣ, тѣмъ самымъ уже облагороживался и находилъ точку «слиянiя» съ высшими, культурными сословіями. Такъ это, пожалуй, въ иныхъ случаяхъ и было, какъ показываетъ примѣръ Ваньки Каина.

Обыкновенно, всѣ «выскочки», вышедшіе «въ люди» изъ низшаго общественнаго слоя, во всѣ времена и вездѣ считаютъ первымъ своимъ долгомъ подражать господствующимъ, моднымъ слабостямъ и порокамъ высшаго класса, который служилъ для нихъ идеаломъ «благородства» и образцомъ общечитiя. Эта сторона «культурности» всего, вѣдь, легче и усваивается!

В. О. Михневичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Русская Старина», т. IV, 36.

АТАМАНСКАЯ ЧЕТА.

(Изъ воспоминаній).

ОГДА высшее правительство рѣшило ввести въ непосредственное управленіе Донскимъ войскомъ иногородный элементъ, то вскорѣ по введеніи въ дѣйствіе положенія 1835 года—перваго положительнаго закона для Донского края, на Донъ посланъ былъ генераль Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ, бывший командиръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, въ ту пору начальникъ гвардейской бригады. Хотя Хомутовъ, какъ говорили въ то время, былъ плохой фронтовикъ, часто подвергавшійся жестокимъ выговорамъ со стороны корпуснаго командира Ланского, типичнаго представителя кавалерійскаго генерала того времени, но слылъ за примѣрнаго хозяина и отличался отъ многихъ своихъ товарищей безспорнымъ практическимъ умомъ. Появившійся въ Новочеркасскѣ сначала въ званіи предсѣдателя межевой комиссіи, а потомъ начальника штаба (1839 годъ), онъ быстро завоевалъ симпатіи мѣстной публики. Имѣя отъ роду около 45 лѣтъ и обладая манерами и свѣтскостью высшаго петербургскаго общества, Хомутовъ очаровалъ всѣхъ какъ этими качествами, такъ и необыкновенною своею энергіею и практическимъ взглядомъ на вещи. Несмотря на то, что бывший въ то время наказнымъ атаманомъ генераль Власовъ, природный казакъ, косо смотрѣлъ на всѣхъ пріѣзжихъ, а особенно если они входили въ составъ управленія краемъ и назначались на высшіе посты,—Хомутовъ сумѣлъ не только жить съ нимъ въ

ладахъ, но даже пріобрѣсти отъ него и большое довѣріе по многимъ частямъ внутренняго управленія войскомъ. Это довѣріе атамана дало Хомутову возможность, взявшись за многія отросли, непосредственному вѣдѣнію его не подлежащія, ускорить ходъ дѣлъ, пригласивъ себѣ на помощь лицъ, на которыхъ онъ могъ положиться. Усердно занимаясь военною частью, Хомутовъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе на городъ Новочеркасскъ, который представлялъ собою большую, раскинутую на высокой горѣ, грязную и пыльную станицу, которую въ сущности никакъ нельзя было назвать городомъ. Изъ большой площади, поросшей дикими и безплодными травами и уставленной кое-гдѣ ничтожными лавченками, онъ образовалъ садъ, который существуетъ до сихъ поръ и служитъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно подышать, сравнительно, свѣжимъ воздухомъ; пользуясь услугами рабочаго казачьяго полка, Хомутовъ взялся за мощеніе улицъ, многія изъ которыхъ до сего времени остаются въ томъ видѣ, какой онѣ получили, благодаря неустанной энергіи этого человѣка; не пропустилъ онъ безъ вниманія и новочеркаскаго собора, который строился съ 1811 года и не видѣлъ конца своего созиданія. Хомутовъ принималъ большое участіе въ построеніи корпуса присутственныхъ мѣстъ, освященнаго въ 1844 году, и нѣкоторыхъ другихъ войсковыхъ зданій и церквей; при немъ же начато сооруженіе атаманскаго дворца; личному его вліянію Новочеркасскъ обязанъ и многими домами частныхъ лицъ, распланировкой и устройствомъ мѣстнаго городского базара и городского освѣщенія, а также учрежденіемъ дѣтскаго пріюта, института и устройствомъ новочеркаскаго городского кладбища. Кромѣ всего сказаннаго, частыя поѣздки его по Донскому краю, въ продолженіе которыхъ онъ вникалъ во всѣ подробности донской сельской жизни, сдѣлали его популярнымъ, какъ среди помѣщичьяго населенія, такъ и въ простой казачьей средѣ.

Сдѣлавшись наказнымъ атаманомъ послѣ смерти старика Власова (1848 годъ), Хомутовъ почувствовалъ себя съ развязанными руками, и энергія его усилилась: можно сказать, что въ ту пору стало два Хомутовыхъ, вмѣсто одного. Обвалившійся соборъ вскорѣ былъ разобранъ и начатъ вновь; излишеству энергіи Хомутова надо приписать и вторичное разрушеніе собора, совершившееся черезъ годъ послѣ его увольненія отъ должности: онъ все спѣшилъ, приказавъ строителю снять кружала соборнаго купола ранѣе времени, которое предписано наукой; частныя зданія начали расти, какъ грибы, потому что, благодаря Хомутову, недостаточнымъ лицамъ стали выдаваться для этого субсидіи изъ войскового приказа общественнаго призрѣнія; мостовыя покрыли всѣ главныя и многія побочныя улицы, появившись даже у окраинъ; общественный садъ, охраняемый и хорошо присматриваемый, покрылся прекрасно поспиро-

ванными аллеями, содержался чисто и даже роскошно; въ немъ устроены павильоны и бесѣдки; благодаря вліянію Хомутова, въ 1858 году устроился постоянный театръ, для котораго выхлопотана субсидія изъ войсковыхъ суммъ; при Хомутовѣ увеличено количество войсковыхъ стипендій для бѣдныхъ донскихъ уроженцевъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; къ концу его атаманства, штабъ его состоялъ, въ большинствѣ, изъ людей, окончившихъ университетскіе курсы. Слишкомъ много потребовалось бы времени для перечисленія всего того, что сдѣлано Хомутовымъ для Донского края вообще и для города Новочеркасска въ частности. Но мы думаемъ, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы охарактеризовать этого замѣчательнаго человѣка, какъ администратора.

Хомутовъ былъ женатъ на Екатеринѣ Михайловнѣ Демидовой, отъ которой имѣлъ четырехъ сыновей и одну дочь. Въ семьѣ, какъ говорили въ ту пору, онъ былъ несчастливъ потому ли, что было несходство характеровъ, потому ли, что покойный атаманъ былъ довеласъ большой руки. Дѣти его—гвардейскіе офицеры, отличались въ большинствѣ постоянными кутежами, хотя двое изъ нихъ были отъ природы хорошо одарены. Одинъ изъ нихъ убитъ на Кавказѣ; дочь, упавъ съ качелей, умерла въ молодыхъ лѣтахъ; только отъ одного сына, болѣе всѣхъ степеннаго и развитого, осталось потомство. Михаилъ Григорьевичъ, по крайней мѣрѣ, наружно былъ весьма религіозенъ, и это почтенное качество, часто доводимое имъ до ханжества, никакъ не вязалось съ его довеласничествомъ, о которомъ сохранились цѣлыя легенды. Хомутовъ былъ деспотомъ въ полномъ значеніи этого слова. Держа въ своихъ рукахъ всѣ нити управленія краемъ, Хомутовъ распредѣлялъ дѣла по предметамъ, которыми завѣдывали его министры, т. е. чиновники его личнаго штаба. Такъ, одинъ адъютантъ руководилъ юридическимъ отдѣломъ, другой докладывалъ по части религіозной, третій по литературной, четвертый велъ счетъ по карточной части, пятый, уже не адъютантъ, а человѣкъ независимой профессіи — по секретной... Это—докладчики, такъ сказать, частные, не заграждавшіе путей для лицъ официальныхъ по военному и гражданскому управленію. Только можно удивляться этой бѣшеной энергіи, съ которой Хомутовъ брался за всякое дѣло, вставая утромъ съ пѣтухами и ложась спать далеко за полночь, такъ какъ нужно же было: какъ поругать торговкоъ на базарѣ за нечистоту около ихъ лавчонокъ—пораньше утромъ, такъ и поиграть въ картишки, которыя рѣдко отпускаютъ своихъ любителей ранѣе 12 часовъ ночи. Хомутовъ вмѣшивался во все: онъ былъ и архитекторъ, и горный инженеръ, и землемѣръ, и садовникъ, и мостовщикъ. Для болѣе яркой характеристики дѣятельности его приведемъ почти фотографическое описаніе праздничнаго утра, когда въ атаманскую залу собирались всѣ крупныя и мелкія чиновники, помѣщики и разныя другія лица.

Изъ кабинета выходилъ атаманъ, раскланиваясь во всѣ стороны и поздравляя всѣхъ съ праздникомъ. Проходя сквозь густую массу чиновниковъ и жившихъ въ Новочеркасскѣ помѣщиковъ, Хомутовъ постоянно заводилъ рѣчь о злобахъ дня приблизительно въ такомъ видѣ:

— Опять, Федотъ Петровичъ¹⁾, на Аксайскомъ мосту одинъ плашокъ крыгой разбило... бѣда, да и только!..

— У насъ проходитъ журналъ, ваше высокопревосходительство, и какъ только вы его утвердите, тотчасъ будетъ произведена починка...

— Подгоните, пожалуйста, а то вѣдь у насъ часто журналы идутъ, какъ тяжелые роды... Но этого мало, что починить: надо бы придумать какую нибудь болѣе существенную защиту ото льда... Авиловъ²⁾ здѣсь?

Получается отвѣтъ, что въ командировкѣ.

— Когда онъ прѣдетъ, пошлите его ко мнѣ... Надо устроить такую систему защитныхъ быковъ, чтобы большія крыги не прикасались къ плашкамъ... Вѣдь это возможно устроить, Иванъ Осиповичъ³⁾?

Архитекторъ Вальпреда, строитель собора, отвѣчаетъ утвердительно, послѣ чего Хомутовъ съ улыбкой спрашиваетъ его:

— А вѣдь въ будущемъ году, если Господь поможетъ, и до главъ дойдемъ... а?

— Если не встрѣтятся препятствій, то...

— И непременно встрѣтятся, — перебиваетъ его Хомутовъ съ саркастическою улыбкою и подзываетъ къ себѣ полицеймейстера.

— Я забылъ сказать. Повидайся, пожалуйста, съ хозяевами тѣхъ домовъ, которые строятся на концѣ Московской, я ихъ не знаю, и скажи имъ, что я сегодня поколотилъ тамъ одного рабочаго, который укладывалъ на известъ сухой кирпичъ: лѣнь ему сбрызнуть его водою... рядчикъ ушелъ куда-то, должно быть, поцѣяствовать, а рабочіе—лишь бы скорѣй... Да скажи мясникамъ, что если еще разъ увижу соръ около ихъ лавокъ, то до слезъ доведу... Сегодня—срамъ: подхожу къ мясному ряду, а тамъ отъ пакости и отъ собакъ прохожу нѣтъ... Посади-ка пристава на сутки на гауптвахту, пусть отдохнетъ тамъ отъ трудовъ праведныхъ...

Проходя далѣе, Хомутовъ наталкивается на помѣщика Киселева, извѣстнаго своими подвигами по части женскаго пола. Киселевъ низко кланяется атаману и цѣлуетъ его въ плечо.

— Что это ты съ поцѣлуями? Вѣдь я не гувернантка... Что вы думаете? Зазвалъ онъ, а вѣрнѣе—заманилъ къ себѣ въ домъ двухъ

¹⁾ Хоперскій—старшій членъ войскового правленія.

²⁾ Архитекторъ.

³⁾ Вальпреда—строитель собора.

сестерь—гувернантокъ, заперъ за ними двери на ключъ, да и съ любезностями... Тѣ—туда, сюда,—нѣтъ выхода. Онѣ въ слезы, а онъ съ усиленными предложеніями... На силу вырвались, хотѣли бить окна и кричать на улицу... Ты, пожалуйста, прекрати эти подвиги... Иначе, придется тебѣ снова плакать, какъ, помнишь, точно также молодую монашенку заманилъ?.. Въ другой разъ не пощажу...

Киселевъ, красный какъ ракъ, продолжалъ сконфуженно улыбаться и низко кланяться до тѣхъ поръ, пока атаманъ не обратился къ другимъ.

— Шейеръ ¹⁾, а что какъ Серамахинъ ²⁾?

— Ему лучше, ваше высокопревосходительство, простудился немного...

— Надо о немъ позаботиться... Кто знаетъ? Можетъ быть, изъ него выйдетъ донской Паганини... Какой прекрасный смычекъ! Кривянской Паганини...

— А! Петръ Ѳедоровичъ ³⁾, съ праздникомъ. Ну, что наши большинцы?

— Въ прежнемъ положеніи—никого и ничего не слушаютъ и никакихъ платежей не вносятъ.

— Я, право, голову теряю... Назначить туда военную команду, да и боюсь: вотъ, скажутъ они, освободили насъ отъ помѣщиковъ для того, чтобы сѣчь розгами; а добряки Ефремовы ихъ съ нами не знакомили... Подождемъ еще, авось образумятся... Ни царскіе, ни барскіе... А князь отлично справился съ орѣховцами... Они наѣли на Петра Павловича, а онъ сконфузился и сталъ отступать. Александръ Михайловичъ вышелъ впередъ, да какъ крикнетъ: «молчать, шапки долой». Крестьяне опѣшили и замолчали... Въ этихъ случаяхъ твердость всегда спасительна... Я помню покойнаго государя на Сѣнной площади...

— Здравствуйте, Николай Ивановичъ ⁴⁾, что новаго у васъ въ судѣ?

— Все благополучно...

— Благополучіе-то относительное, т. е. формальное... А жалобъ много... Какъ много!.. Я говорю просителямъ: гражданскій судъ отъ меня независимъ, моя власть къ нему не касается, жалуйтесь въ сенатъ. А они: покуда, батюшка, сенатъ разсмотритъ,—изъ насъ животы вымотаютъ... Богоспасаемое учрежденіе, куда, кромѣ отдаленнаго сената, никто заглянуть не смѣетъ... Жди-подожди, да завтра приходи... А, вотъ, здравствуйте, баронъ ⁵⁾. Что это на шахтахъ происшествіе за происшествіемъ: вчера бадья оторвалась съ рабо-

¹⁾ Дирижеръ оркестра.

²⁾ Первая скрипка войскового оркестра.

³⁾ Черевковъ—членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ.

⁴⁾ Поповъ—дьякъ гражданского суда.

⁵⁾ Врангель—горный инженеръ.

чими, сегодня человекъ упалъ въ незасыпанную и не огражденную шахту?—пожалуйста, примите мѣры, поѣзжайте и сами наблюдайте... А то, вѣдь, пожалуй, атамана вытребуютъ въ Петербургъ, да и скажутъ—ты тамъ въ карты съ горными инженерами играешь, а люди гибнутъ напрасно... Да, Березовскій ¹⁾, скажи этому арестанту, что вчера ударилъ сторожа по головѣ: я его посажу въ одиночную, а окно велю забить... Пусть только попробуетъ въ другой разъ... Иванъ Андреевичъ ²⁾, отчего это вы не оканчиваете дѣла генерала Краснова?.. Жалуются, что ужъ годъ цѣлый онъ къ вамъ ѣздитъ...

Не успѣлъ открыть ротъ секретарь межевой комиссіи, какъ къ атаману подошелъ предсѣдатель ея, генеральъ Зубовъ, и доложилъ, что въ чертежной готова уже картуша плана...

— Это такъ долго занимались картушей! И вправду комиссію нашу вмѣсто межевой зовутъ неживой. Эту картушу можно сдѣлать и въ два дня, а тянутъ нѣсколько мѣсяцевъ... Подгоните, Кирилль Николаевичъ, главнаго-то чертежника; онъ дѣло дѣлаетъ по обстоятельствамъ: иногда очень спѣшитъ, а иногда медлитъ. Николай Павловичъ ³⁾, ты слыхалъ, что на меня вчера напали разбойники и обобрали дочиста?

На отрицательный отвѣтъ адъютанта Волховскаго Хомутовъ продолжалъ:

— Вчера ѣду къ Грекову ⁴⁾ на карты и увидѣлъ Фурмана ⁵⁾, подозвалъ его къ себѣ и ругнулъ немножко... Приѣзжаю къ Грекову, сѣлъ въ преферансъ и за игрою вспомнилъ, что забылъ растолковать Фурману—какой сажень мнѣ нуженъ,—въ эту пору приходитъ игра—всего одна къ сносу... И пошелъ я на большой увертъ... открылъ—глядь, а у меня оказалась въ пяти червяхъ въ концѣ не семерка, а восьмерка... стыдно пятиться назадъ, да еще и атаману... Я просилъ разыгрывать, ну, и остался при шести на полной курицѣ... Въ концѣ концовъ полтораста рублей какъ щучка събла...

— Здравствуйте, Николай Николаевичъ ⁶⁾, ну, что ваша исполнительная экспедиція?

— Бумаги много, ваше высокопревосходительство...

— Бумаги... бумаги... Странный у насъ законъ: лишь бы по бумагамъ былъ исправенъ, а дѣло хоть волкъ заѣшь... Здравствуйте, Пучневскій ⁷⁾. А что скоро перемѣните больничные халаты? Я просто смотрѣть на нихъ не могу...

¹⁾ Новочеркасскій полицеймейстеръ.

²⁾ Парамоновъ—секретарь межевой комиссіи.

³⁾ Волховскій—его адъютантъ.

⁴⁾ Войсковой прокуроръ.

⁵⁾ Архитекторъ.

⁶⁾ Ефремовъ—ассесоръ войскового правленія.

⁷⁾ Предсѣдатель врачебной управы.

— Сроковъ еще не выслужили...

— Покуда сроки подойдутъ, халаты ваши въ тряпки обратятся... Особыхъ болѣзней въ городѣ никакихъ?

— Кое-гдѣ крупъ, но въ слабой степени...

— Вы же не дремлите. Боюсь, какъ бы въ институтъ не занесли... Надо предупредить Авдотью Григорьевну ¹⁾...

Проходя далѣе, Хомутовъ наталкивается на протоколиста войскового правленія Карташова и, схвативъ его за шею, вскрикиваетъ: «пошелъ отсюда,—надоѣлъ». Обратившись затѣмъ къ Хоперскому, атаманъ говоритъ:

— Я къ вамъ, Федотъ Петровичъ, съ жалобой на этого разбойника. Притащилъ вчера мнѣ въ кабинетъ цѣлую гору журналовъ и на мой упрекъ: что это, креста на тебѣ нѣтъ,—съ улыбкой отвѣтилъ, что такую же кипу держать въ передней его писарь, такъ, дескать, какъ прикажу я—дождаться ему или итти обратно. Я его выругалъ, а журналы все-таки подписалъ, чуть не два часа сидѣлъ... А что, если сосчитать, сколько я разъ въ продолженіе года подпишу свою фамилію,—получится большая цифра. Если за каждую подпись класть по двугривенному, то можно и отъ атаманскаго жалованья отказаться...

— Если, Михайлъ Григорьевичъ, и по гривеннику,—добавилъ Хоперскій:—то въ накладѣ не будете.

— Да вѣдь это одно войсковое правленіе. А прибавьте-ка къ этому: уголовный судъ, крестьянское присутствіе, врачебную управу, межевыя комиссіи, да комиссію народнаго продовольствія, да Гавриіла Левлевича со своей атаманской канцеляріей, а войсковое дежурство!..

Хомутовъ отчаянно взмахнулъ рукою.

Запоздавшему начальнику штаба, князю Дондукову-Корсакову, атаманъ сказалъ:

— А вамъ, князь, придется поѣхать въ Чиры—тамъ не ладно: наша медицина пошаливаетъ. Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ, потолкуемъ немного...

Въ эту пору вошелъ войсковою депутатъ ²⁾, генералъ Машлыкинъ, поздоровавшись съ которымъ Хомутовъ продолжалъ:

—Ну, что, Иванъ Алексѣевичъ, какъ нашъ театр? Я начинаю приходить къ убѣжденію, что, выхлопотавъ ему субсидію изъ войсковыхъ суммъ, мы сдѣлали хорошее дѣло... Молодые люди, вмѣсто того, чтобы проводить время въ трактирахъ да въ разныхъ притонахъ, сидятъ въ театрѣ—и деньги сохраняются, и баловства меньше... А просить субсидію было какъ-то совѣстно: скажутъ въ министерствѣ, думалось тогда мнѣ, тратить войсковыя деньги на

¹⁾ Начальница института.

²⁾ Предводитель дворянства.

забавы! Но,—дай Богъ здоровья военному министру,—съ дорогой душой разрѣшилъ и очень скоро... Я давно ужъ не былъ—все некогда... А какъ сборы?

— Въ глухое время—ноябрь и часть декабря—плохи, а вообще можно жить, разумѣется, съ добавкой субсидіи...

— Я не знаю, какое высшее и какое низшее жалованье актера...

— Первый любовникъ у насъ получаетъ 85 рублей, а низшій окладъ 10—12 рублей.

— Ѳедотъ Петровичъ, а вы сколько получаете въ мѣсяцъ?

— Шестьдесятъ пять рублей съ вычетами...

— Значитъ, первый любовникъ стоитъ выше старшаго члена войскового правленія... Это любопытно...

— Ко мнѣ, ваше высокопревосходительство,—говоритъ Хонерскій,—приходитъ съ докладами секретарь войскового по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, получающій 100 рублей въ мѣсяцъ, а я ему часто смѣюсь: мнѣ къ вамъ слѣдуетъ, говорю, приходитъ съ докладомъ, а не вамъ ко мнѣ...

— Да, кстати, секретарь крестьянскаго присутствія, получающій больше перваго любовника, я назначилъ тебя членомъ коммисіи для ревизіи частныхъ аптекъ, а то жалованье берешь генеральское, а дѣло-то твое—хорунжеское. Узнаешь кстати аптечное дѣло, а знаніе за плечами не носить... Здравствуйте, Дмитрій Григорьевичъ ¹⁾. Зайдите, пожалуйста, къ Екатеринѣ Михайловнѣ; она приготовила для институтокъ какія-то бездѣлушки—снесите ихъ первоклассной мелюзгѣ и передайте имъ всѣмъ мой одинъ поцѣлуй,—пусть раздѣляютъ его по равной части... 'Здѣсь Лопухинъ ²⁾?—Лопухинъ боленъ,—отвѣчаютъ ему.—Ахъ, Ѳедотъ Петровичъ, подтолкните его, пожалуйста: въ казенной экспедиціи залежалось дѣло какого-то Евтухова; приходилъ ко мнѣ, плачетъ... А Лопухинъ, отплеываясь, все говоритъ, что дѣло въ докладѣ... Какой длинный докладъ!

Обходъ залы окончился. Хомутовъ попросилъ двухъ-трехъ лицъ къ себѣ въ кабинетъ, но, натолкнувшись еще разъ на Вальпреда, говоритъ ему:

— А пилоны-то въ Константиновской церкви мнѣ, Иванъ Осиповичъ, все-таки не нравятся, и я съ вами никогда не соглашусь...

— По наукѣ, ваше высокопревосходительство...

— По наукѣ, по наукѣ! Упрямы же эти техники. Они воображаютъ, что этой ихъ науки простой смертный и понять не можетъ... А если по наукѣ вы людей побьете?

¹⁾ Калиновскій—членъ совѣта института.

²⁾ Дьякъ казенной экспедиціи войскового правленія.

— Отвѣчать не будемъ, а побьемъ черезъ свою фантазію—въ Сибирь пойдёмъ...

— Ну, подождите... Я васъ упеку на дворцѣ... Пусть только выведутъ стѣны... Я съ вами тогда въ рукопашную...

Ставъ спиною къ двери своего кабинета, Хомутовъ раскланивается съ публикою, посылая на всѣ стороны ручное благословеніе и, предъ тѣмъ какъ удалиться изъ залы, кричитъ въ слѣдъ уходящему полиціемейстеру:

— Березовскій, сегодня на Ратной улицѣ дохлую кошку видѣлъ... скажи своимъ приставамъ, что на будущее время буду вѣшать на шею ихъ благородій этихъ кошекъ и собакъ... Пусть расправляются съ тѣми, кто выбросилъ, какъ хотять... Да строго прикажи полицейскимъ, которые въ Александровскомъ саду, что если я увижу хотя одну отломленную вѣтку, то перепорю всѣхъ до одного... На всемъ помилую, а за порчу моего сада—вдвое взыщу...

Съ этими словами Хомутовъ уходилъ въ кабинетъ, куда за нимъ слѣдовали и приглашенные лица...

Публика то развѣзжалась, то расходилась въ разныя стороны, и гулъ отъ экипажей возвѣщаль, что праздничный пріемъ оконченъ.

Въ хомутовское время всѣ высшіе чины управленія, за исключеніемъ начальника штаба, прокурора и лицъ, приготовленныхъ для горнаго, мѣжевого и нѣкоторыхъ другихъ специальностей, ставились на мѣста по выборамъ дворянства, вслѣдствіе чего общество наше, въ большинствѣ случаевъ, было независимѣе, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ; но, несмотря на это, оно склонялось предъ начальникомъ края, воздавало ему неподобающія почести, которыя дѣлали изъ этого атамана «маленькаго царька». Если къ этому прибавить полное отсутствіе надзора со стороны центрального правительства, какъ бы предоставлявшаго своему довѣренному лицу «carte blanche» въ управленіи, а также царившій тогда повсемѣстно произволъ и то, что войско донское—край военный по преимуществу, то сдѣлается совершенно понятнымъ, что Хомутова и его супругу вездѣ встрѣчали подобострастно: до ихъ появленія не начинали танцевъ, спектаклей; на обѣдахъ и завтракахъ не приступали къ закускѣ; пѣвчіе пѣли гимны, сочиненные придворнымъ поэтомъ и положенные на музыку руководителемъ войскового оркестра и проч. Не будь такого раболѣпія мѣстнаго общества, среди котораго были свои Максимы Петровичи, Молчалины, Загорѣцкіе и проч., деспотизмъ начальника края ограничился бы обыкновенными рамками, не переступая за предѣлы неизбежнаго. Хотя Хомутовъ заслуживалъ того, чтобы имъ увлекались, но интеллигентнымъ людямъ, стоявшимъ выше толпы, слѣдовало бы относиться нѣсколько сдержаннѣе къ своему кумиру.

«Хомутовскій гимнъ», написанный образованнымъ человѣкомъ, былъ положенъ на музыку и распѣваемъ пѣвчими во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этихъ стиховъ:

Да спасибо царю славному,
Царю нашему державному,
Что онъ далъ намъ отца-батюшку
Наказного атаманушку.
Его голосъ серебромъ звучить,
Сердце доброе казацкое
. . . . .
А и поступь залихватская!..

Воспитанницы мѣстнаго института, находясь подъ естественнымъ вліяніемъ своей начальницы, бывшей, можно сказать, въ Хомутовской послугѣ, тоже распѣвали кѣмъ-то сочиненный другой «Хомутовскій гимнъ», старательно положенный на музыку неизвѣстнымъ композиторомъ. Атаманъ пользовался такими почестями, принимая ихъ, какъ бы за должное и, къ чести его надо сказать, съ извѣстнымъ тактомъ, не грубо; что же относится до его супруги, то, какъ увидимъ ниже, она играла роль настоящей маленькой царицы, нисколько не стѣняясь проводить въ дѣло свои властолюбивыя побужденія.

Къ концу своей атаманской карьеры Хомутовъ видимо усталъ, ибо имѣлъ уже на своихъ плечахъ около 70 лѣтъ жизни, полной тяжелыхъ трудовъ. Къ тому же, съ половины 50-хъ годовъ начались освободительныя вѣянія—появилась обличительная литература, въ которой онъ часто фигурировалъ хотя подъ вымышленными, но довольно прозрачными именами. Съ появленіемъ обличительной литературы, появились и мѣстные зоилы, до того времени въ кулакъ шептавшіе. «Искра» помѣстила на своихъ страницахъ рассказъ о томъ, что въ городѣ «Новотатарскѣ» мѣстный воевода, Михаилъ Гавриловъ Золотовъ, прогуливаясь по публичному саду, замѣтилъ, что одна дама, одѣтая въ мѣстный костюмъ, при его прохожденіи, не встала со скамейки и не поклонилась ему, за что и получила отъ него выговоръ; но въ свою очередь отвѣтила воеводѣ, что онъ забылъ, что она—дама,—не снимать же ей передъ нимъ своего колпака. Кромѣ того, послѣ праздника-monstre, даннаго по подпискѣ мѣстнымъ обществомъ въ день именинъ Хомутова въ лѣтнемъ помѣщеніи клуба, въ той же «Искрѣ» напечатано стихотвореніе, въ которомъ находились слѣдующія строфы:

Вотъ затѣялась подписка;
Частный кланяется низко:
«Въ силу прежнихъ лѣтъ,
«Подпишите хоть полтинникъ—
«Воевода именинникъ»,—
И отказа нѣтъ.

Вотъ двѣ тысячи собрали,
 Лѣтній праздникъ заказали,
 Садъ огнемъ горитъ,
 И народъ новотатарскій,
 Праздникъ чествуя гусарскій,
 Весь «ура» кричить.

Въ дополненіе къ такой литературѣ появилась еще мѣстная, непечатная пресса въ лицѣ «Будильника», присылавшагося черезъ почту изъ разныхъ мѣстъ. Въ этихъ тетрадкахъ, уже безъ всякаго стѣсненія и безъ измѣненія фамилій дѣйствующихъ лицъ, указывалось на деспотическія выходки атаманской четы и разныя непотребства ея близкихъ приверженцевъ. Всѣ такія обстоятельства доводили атаманшу до болѣзненныхъ припадковъ, заставлявшихъ ее ложиться въ постель. Атаманъ тоже тревожился, хотя старался не показывать вида и казаться равнодушнымъ. Но это не всегда ему удавалось. Залучивъ однажды молодого офицера, подозрѣваемаго въ писательствѣ, въ свой кабинетъ, Михаилъ Григорьевичъ замкнулъ дверь на ключъ и сталъ его допрашивать. Обвиняемый, однако, не растерялся. На вопросъ, не онъ ли сочиняетъ статейки для «Искры», послѣдовало заявленіе, что если онъ дастъ отрицательный отвѣтъ, то ему не повѣрятъ, а потому онъ, обвиняемый, предоставляетъ атаману дѣлать заключеніе, какое ему угодно. Хомутовъ обнялъ молодого человѣка, поцѣловалъ его и началъ увѣрять въ томъ, что и образованіе его, подозрѣваемаго, и чинъ, и служба не позволяютъ ему заниматься такими недостойными дѣйствіями, а потому онъ снимаетъ съ него всякое подозрѣніе. Между прочимъ, за всѣ послѣдніе годы управленія Хомутова, подозрѣваемый офицеръ былъ содержимъ имъ въ «черномъ тѣлѣ», и что давалось другимъ, равнымъ ему по заслугамъ, то слишкомъ было много для этого сюжета.

Деспотическія замашки Хомутова обязаны своимъ происхожденіемъ и развитіемъ отчасти тому темному времени, въ которомъ онъ воспитался, жилъ и дѣйствовалъ, а главнѣйше—необыкновенной склонности представителей нашего общества къ ухаживанію за сидными, къ виланію хвостомъ, къ заискиваніямъ и вообще раболѣпству, на каковыя качества не дѣйствовали ни обличительная литература, ни устные насмѣшки нѣкоторыхъ мѣстныхъ остряковъ, ни ходившія по рукамъ талантливыя карикатуры князя Д. Г. Голицына, женатаго на графинѣ Шлатовой. Не забывалась родовитость происхожденія, но человѣческое достоинство легко забывалось. Мы боялись сказать откровенное слово, стать лицомъ къ лицу съ правдой, но, согнувшись въ кольцо, говорить начальству «прочувствованную» рѣчь, наполненную льстивыми словами,—считали своею священною обязанностью.

Передъ совершившимся освобожденіемъ крестьянъ Хомутовъ со-

вершенно, что называется, опѣшилъ. Онъ не стѣснялся говорить о своей боязни народнаго бунта, и только молодой начальникъ штаба, князь Дондуковъ-Корсаковъ, успокоилъ его замѣчаніемъ, что при первыхъ признакахъ беспорядковъ или народныхъ волненій у войскового начальства всегда есть возможность, въ одну—двѣ недѣли, мобилизовать нѣсколько донскихъ полковъ, предъ которыми спасуетъ всякая крестьянская смута. Хомутовъ былъ очень мало грамотенъ. У пишущаго эти строки сохранилось нѣсколько образчиковъ его письменности, глядя на которые можно подуматъ, что ихъ нацарапалъ какой нибудь не получившій образованія мѣщанинъ, а не наказный атаманъ войска донского, принадлежавшій къ высшимъ слоямъ петербургскаго общества. Хомутовъ самъ рассказывалъ, что съ юныхъ лѣтъ, какъ сталъ себя помнить, онъ думалъ на французскомъ языкѣ и мысленно переводилъ, если было нужно, на русскій языкъ, которому началъ учиться очень поздно и кое-какъ. Да и по-французски онъ бѣгло зналъ только разговорную рѣчь; что касается письма на этомъ языкѣ, то онъ былъ плохъ въ такой степени, что даже не въ состояніи былъ написать, какъ онъ рассказывалъ смѣясь, обыкновенной любовной записки.

Много было въ то время шопота о томъ, что будто бы Михаилъ Григорьевичъ пріѣхалъ на Донъ съ милліоннымъ долгомъ, лежавшимъ на его рязанскомъ имѣніи, селѣ Бѣлоомутъ, а къ концу пребыванія на Дону этотъ долгъ былъ уплаченъ сполна, но это—разговоры, не имѣвшіе фактической подкладки. Можно сказать только одно, что Хомутовъ сквозь пальцы смотрѣлъ на продѣлки нѣкоторыхъ хапуновъ и слишкомъ легко относился къ такимъ дѣйствіямъ этихъ лицъ, за которыя законъ обѣщаетъ слишкомъ крутое возмездіе. Плохой фронтвикъ, Хомутовъ былъ и плохой воинъ. Командуя войсками, охранявшими побережья Азовскаго и Чернаго морей, онъ сдалъ англичанамъ крѣпость Анапу безъ выстрѣла, за что подвергся сильному нареканію со стороны людей, понимающихъ военное дѣло.

Когда стали крѣпчать новыя вѣянія и на высшихъ постахъ государственнаго управленія появились лица, годившіяся атаману въ сыновья, Хомутовъ увидѣлъ, что часъ его приспѣлъ. Отправившись въ Петербургъ для празднованія своего 50-лѣтняго юбилея въ офицерскихъ чинахъ, онъ уже не возвратился на Донъ и чрезъ годъ (1864) скончался. Преклонявшаяся предъ нимъ болѣе 20 лѣтъ Донская земля, льстившая ему и ползавшая у его ногъ, не отблагодарила его ничѣмъ существеннымъ при его жизни. Только далеко послѣ его смерти одна изъ вновь образованныхъ донскихъ станицъ названа Хомутовскою, да въ Новочеркасскѣ, который обязанъ Хомутову своимъ устройствомъ вообще, и желѣзною дорогою, и водопроводомъ въ частности, только одна улица на городскихъ задворкахъ, имѣющая дома съ одной стороны, а съ другой безобраз-

ную площадь, начавшую застраиваться только въ самое послѣднее время, названа, точно въ насмѣшку, «Хомутовскимъ проспектомъ»...

Окончивъ объ атаманѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о его супругѣ, поведеніе которой, какъ вліятельной половины начальника края, протянуло яркую нить по своеобразному фону картины продолжительнаго ихъ пребыванія на Дону.

Въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ къ Хомутову пріѣхала въ Новочеркасскъ его жена, Екатерина Михайловна, урожденная Демидова. Имѣя отъ роду около 40 лѣтъ, она была очень красива, умна и обворожительна въ обращеніи. Наши дамы-аристократки, по началу косо на нее посмотрѣвшія, вскорѣ не могли не признать въ ней женщины высокаго образованія, вполне свѣтской, доброй и одинаково ко всѣмъ внимательной. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ около Хомутовой образовалась многочисленная клика изъ мѣстныхъ дамъ и кавалеровъ, превозносившая ее до небесъ. Нѣкоторые же изъ этой массы поклонниковъ и поклонницъ въ обращеніи съ ней стали доходить до раболѣпства. Такъ продолжалось до того времени, когда Хомутовъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ войска Донского. Поклонники Екатерины Михайловны, естественно, увеличились и въ качествѣ и въ количествѣ. Было очень мало семействъ, которыя обнаруживали въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую сдержанность; онѣ были на сѣту и фигурировали въ качествѣ протестантовъ. Вѣжливая и деликатная Екатерина Михайловна, вначалѣ, сдѣлала визиты всѣмъ виднымъ членамъ новочеркаскаго общества и усердно повторяла такіа посѣщенія во многихъ случаяхъ: большіе праздники, свадьбы, именины, званые вечера и проч. Самые усердные члены общества мчались другъ передъ другомъ взапуски: сегодня «обѣдъ съ атаманомъ» у такихъ-то, завтра «вечеръ съ атаманшей» у такихъ-то... Не пропускалось безъ вниманія ни одного слова Екатерины Михайловны, ни одного движенія. Вопросы: «что вамъ сказала атаманша, когда вы подошли къ ней?»— «что вы отвѣтили ей, когда она спросила васъ о томъ-то?»— «какъ приняла она вашъ поцѣлуй въ плечо?»— были постоянные вопросы, произносимые при всѣхъ, безъ всякаго стѣсненія. Сколько происходило ссоръ и размолвокъ изъ-за исключительнаго права на вниманіе этой женщины! Боже сохрани, если вы пригласили на обѣдъ или вечеръ атаманшу и забыли позвать кого либо изъ вашихъ знакомыхъ—война объявлялась, безъ мира и перемирія, на всю жизнь. Привыкнувъ къ такому раболѣпству, Хомутова въ старости, подъ видомъ болѣзни, прекратила свои визиты и уже никого не посѣщала. Казалось бы, что такое обстоятельство должно было хотя нѣсколько охладить ея поклонниковъ—ничуть не бывало. Поклоненія еще усилились и дошли до такой степени, что свѣжему человѣку становилось тошно... Изъ ярыхъ поклонницъ Хомутовой особенно отличались двѣ дамы: одну назы-

вали теткой Марабу, всегда носившей на своей шляпѣ перья марабу, другую—генеральшей-гренадеромъ, исполнявшую педагогическія обязанности въ одномъ учебномъ заведеніи. Дамы эти, хорошаго рода и достатка, что называется, топтали слѣды своей повелительницы, сопровождая ее во всѣхъ прогулкахъ, подставляя ей стулья во время церковной службы и т. п. Первая изъ нихъ доводила поклоненіе свое до необычайныхъ размѣровъ: она при всѣхъ цѣловала руку своей благодѣтельницы, цѣловала даже то мѣсто кресла, на коемъ только что покоилась ея рука. Сдѣлавъ то или другое, она съ улыбкой смотрѣла на окружающихъ, какъ бы говоря: «смотрите, какъ я счастлива». Многіе завидовали теткѣ Марабу въ исполненіе грибоѣдовскаго стиха: «Ахъ, если бъ и мнѣ то же!» Мѣстная интеллигенція, хотя и не доводила своего поклоненія до безграничности, но тоже не далеко отставала отъ прочихъ. Мѣстная пресса въ образѣ «Войсковыхъ Вѣдомостей» тоже вторила общему хору: «Его высокопревосходительство изволилъ прослѣдовать изъ Каменской станицы на Грушевскія шахты, которыя изволилъ осматривать во всѣхъ подробностяхъ»; или: «Ея высокопревосходительство изволила посѣтить пріютъ, а оттуда прослѣдовала въ сиропитательный домъ». Начальство, изволите ли видѣть, не могло «ѣхать», оно могло только «слѣдовать».

Когда Екатерина Михайловна, убаюканная всеобщимъ поклоненіемъ, прекратила свои посѣщенія, то мѣстные обыватели высшаго ранга, не желая лишиться ея участія въ ихъ семейныхъ торжествахъ, привозили къ ней виновниковъ этихъ торжествъ: жениха съ невестой, именинниковъ; не привозили только новорожденныхъ... Одинъ молодой человѣкъ посваталъ дѣвушку изъ хорошаго дома. Родители ея, получивъ отъ него отказъ въ представленіи Екатеринѣ Михайловнѣ, свезли къ ней невесту безъ него. Приглашенный имъ въ посаженные отцы, Д. Г. Калиновскій, узнавъ о такомъ противленіи, подошелъ къ дѣлу довольно мудро. Онъ пригласилъ его надѣть мундиръ и отправиться съ нимъ къ одному общему знакомому, котораго онъ уважалъ, но никогда у него не былъ. Юнецъ съ охотою исполнилъ его просьбу и усѣлся вмѣстѣ съ Калиновскимъ въ его карету. Бесѣдуя съ нимъ дорогой о разныхъ предметахъ, молодой женихъ не замѣтилъ, какъ подъѣхали къ квартирѣ атамана и остановились... Женихъ запротестовалъ, но не бѣжать же, въ виду двухъ часовыхъ, отъ атаманскаго подъѣзда. Когда вошли въ переднюю, Калиновскій, сбросивъ съ себя шинель, побѣждалъ предварить атаманшу. Офицеръ, отдавъ пальто уряднику, постоялъ въ недоумѣніи нѣкоторое время въ передней, а потомъ, по приглашенію того же урядника, вошелъ въ залу, гдѣ его встрѣтила лаемъ атаманская собака, съ красными пятнами на мордѣ, и бросилась на него. Онъ оторопѣлъ и былъ уже близокъ къ тому, чтобы обнажить шашку, какъ изъ двери атаманской гостиной появился

Калиновскій и пригласилъ его слѣдовать за нимъ... Сконфуженный и испуганный собакой, этотъ женихъ, дуракъ—дуракомъ, вошелъ въ гостиную и увидѣлъ сидящую въ мягкомъ креслѣ, съ морщинистымъ лицомъ, старуху, приложившую ко лбу правую руку и смотрящую на него черезъ очки. Около нея юлила тетка Марабу. Осмотрѣвъ юнца съ ногъ до головы, Екатерина Михайловна сказала: «хорошую дѣвушку вы посватали, будьте ея достойны; садитесь». Онъ сѣлъ, провелъ нѣсколько минутъ въ умномъ молчаніи и вышелъ, посылая проклятiя своему посаженному отцу, который былъ очень доволенъ тѣмъ, что сыгралъ съ нимъ такую штуку, вынужденную, по его словамъ, «дѣйствительною необходимостью».

Какъ разъ въ это время пріѣхалъ въ Новочеркасскъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, оттянувшій къ своей лагерю значительное число хомутовскихъ поклонниковъ, и началась обличительная литература, обусловленная новыми вѣяніями освободительнаго характера. Екатерина Михайловна, почуявъ новую силу, видимо, присланную для того, чтобы замѣнить старый режимъ новымъ, очень непривѣтливо отнеслась къ князю и княгинѣ. Зная, что Дондуковъ происходитъ отъ калмыцкихъ князей, Екатерина Михайловна очень часто и въ присутствіи постороннихъ называла домъ его то «хуруломъ», то «кибиткою» и съ пренебреженіемъ относилась къ тѣмъ, которые перебѣгали отъ нея во враждебный лагерь.

Не одну чету Хомутовыхъ испортило наше низкопоклонство и приниженность. Лестъ не портить только героевъ, коихъ очень мало на свѣтѣ. Хомутовы въ этомъ отношеніи не были героями. Екатерина Михайловна, изъ деликатной, вѣжливой и внимательной особы, какою была вначалѣ, стала авторомъ такихъ, на примѣръ, сценъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Новочеркасска.

На именины ея мужа въ гостиной собралось все высшее общество. Является туда же для поздравленія и молодая, красивая дама, жена соборнаго подрядчика, только что пріѣхавшая на Донъ изъ Петербурга. Одѣта она была въ разноцвѣтное платье, но, къ несчастью, согласно современной модѣ, прикрылась черной бархатной мантилейей. Подходить она къ атаманишѣ и поздравляетъ ее съ «дорогимъ» именинникомъ.

Осмотрѣвъ пріѣзжую съ головы до ногъ, старуха Хомутова громко произноситъ:

— Ты, милая моя, на похороны, что ли, пріѣхала? Такъ я тебѣ скажу, что Михаилъ Григорьевичъ сегодня именинникъ, а не покойникъ.

Молодая женщина не нашла возраженій, повернулась, зарыдала и оставила гостиную...

Екатерина Михайловна пережила своего супруга болѣе чѣмъ на 25 лѣтъ и отошла въ вѣчность въ глубокой старости и въ пол-

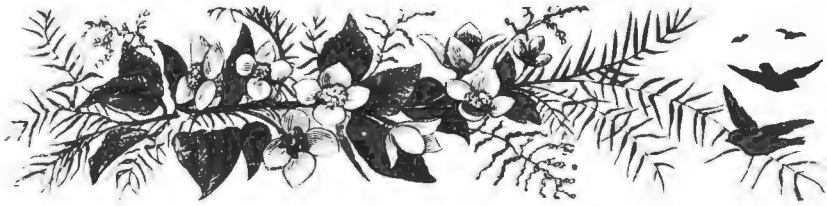
нѣйшемъ одиночествѣ, такъ какъ всѣ дѣти ея умерли задолго до ея кончины.

Какъ бы то ни было, а ни одна атаманская чета, ни прежде, ни послѣ Хомутовыхъ, не оставила по себѣ на Дону такихъ яркихъ воспоминаній, какъ чета Михаила Григорьевича и Екатерины Михайловны, и дѣло будущаго историка страны отдѣлать въ ихъ дѣятельности хорошее отъ дурного на основѣ полнѣйшаго безпристрастія...

А. Карасевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О МОРСКОМЪ КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ.

ВЪ ЯНВАРѢ мѣсяцѣ настоящаго года исполнилось двухсотлѣтіе Морского кадетскаго корпуса. Въ виду этого, Марія Александровна Зеленая препроводила въ редакцію «Историческаго Вѣстника» найденныя ею въ рукописяхъ ея покойнаго отца, Александра Сергѣевича Зеленаго, набросанныя имъ еще тридцать лѣтъ тому назадъ, интересныя воспоминанія его объ этомъ учебномъ заведеніи за время пребыванія въ немъ въ 1836—1844 годахъ. А. С. Зеленый принадлежалъ къ числу передовыхъ людей своей эпохи. Окончивъ, въ 1846 году, съ чиномъ лейтенанта, курсъ въ офицерскихъ классахъ при корпусѣ (переименованныхъ впоследствии въ Морскую академію), онъ по слабости здоровья не былъ въ состояніи продолжать морскую службу, вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи, въ Холмскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, и посвятилъ себя исключительно улучшенію быта своихъ крѣпостныхъ. Между прочимъ, онъ основалъ, едва ли не первую въ Россіи, школу для дѣтей крѣпостныхъ, въ которой преподавалъ самъ, и которая просуществовала до отмены крѣпостного права. По введеніи «Положенія 19-го февраля» онъ сдѣлался мировымъ посредникомъ, а затѣмъ мировымъ судьей, и продолжалъ съ тѣмъ же рвеніемъ служить дѣлу улучшенія народнаго быта и пользоваться общимъ уваженіемъ и любовью. Народное образованіе составляло его постоянную заботу, и онъ написалъ и издалъ нѣсколько популярныхъ книжекъ для грамотнаго простонародія. По этому вопросу

онъ написалъ рядъ статей въ «Земледѣльческой газетѣ» и «Современникѣ». Впослѣдствіи онѣ были изданы, въ 1858 году, отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ «Современные вопросы», имѣвшей большой успѣхъ. Сотрудничество А. С. Зеленаго въ «Современникѣ» очень цѣнилось тогдашними его издателями, Некрасовымъ, Панаевымъ, и Чернышевскимъ, доказательствомъ чему служатъ письма ихъ, сохранившіяся въ бумагахъ Зеленаго. Кромѣ того, онъ напечаталъ въ январской книжкѣ «Морского сборника» 1859 года статью «Замѣтки о службѣ на Волгѣ», навлекшую на него гоненія со стороны главноуправляющаго путями сообщеній, и Зеленый избавился отъ грозившихъ ему неприятностей, лишь благодаря вмѣпательству великаго князя Константина Николаевича, который письменно выразилъ ему, черезъ предсѣдателя морского ученаго комитета, адмиралъ Магюшкина, «совершенную признательность его за статью о плаваніи по Волгѣ».

Я воспитывался въ Морскомъ корпусѣ съ января 1836 года по августъ 1844 года, и потомъ еще пробылъ въ немъ около двухъ лѣтъ офицеромъ, въ офицерскихъ классахъ.

Мнѣ казалось, да и теперь кажется, что не было и нѣтъ учебнаго заведенія въ Россіи лучше прежняго Морского кадетскаго корпуса моего времени... Были въ немъ недостатки, напимѣръ, держаніе 20-лѣтнихъ юношей съ тою же строгостью и за такимъ же присмотромъ, съ какимъ содержатся 10-лѣтнія институтки; грубость нравовъ и обычаевъ воспитанниковъ; постоянныя драки и взаимныя побои ихъ между собою, результатъ принципа «задорства»; скученіе въ одной ротѣ, а въ походахъ на одномъ фрегатѣ, слишкомъ большого числа кадетъ, — но эти недостатки тонули, такъ сказать, въ хорошихъ сторонахъ воспитанія, въ особенности въ томъ военноморскомъ духѣ воспитанниковъ, который господствовалъ въ Морскомъ корпусѣ въ мое время и который, какъ мнѣ кажется, породилъ впослѣдствіи покрывшихъ себя вѣчною славою севастопольскихъ героев...

Отмѣчу, для примѣра, хотя слѣдующій фактъ: во все продолжительное пребываніе мое въ Морскомъ корпусѣ, я никогда не слышалъ, чтобы кто либо изъ воспитанниковъ, кадетъ и гардемаринъ, когда либо говорилъ или разсуждалъ о размѣрахъ ожидающаго его послѣ выпуска въ офицеры жалованья, хотя оно было дѣйствительно весьма ограниченное. Мы въ корпусѣ никогда объ этомъ не говорили и не думали.

Смутно помню, какъ зимою 1836 года моя маменька (давно уже покойная) везла меня изъ нашего захолустнаго сельца, въ кибиткѣ, сначала на своихъ, потомъ на ямскихъ лошадяхъ, въ Петербургъ, отдавать въ корпусъ. Разстояніе около 400 верстъ

вѣхали мы семь или восемь дней. Во мнѣ живо до сихъ поръ то громадное впечатлѣніе, какое на меня, деревенскаго мальчика, ничего не видавшаго, кромѣ ближайшихъ уѣздныхъ городковъ, и никогда ни отъ кого не слыхавшаго про великолѣпіе столицы, произвелъ громадный и красивый городъ. Былъ яркій, солнечный, зимній день и ровно два часа пополудни, когда наша кибитка вѣхала на Невскій проспектъ... Пробудившихся тогда восторжен-ныхъ ощущеній моихъ никакимъ перомъ описать невозможно... Выглядывая изъ кибитки, я только и могъ говорить: «ахъ, маменька, какой городъ!.. Хоть въ тюрьмѣ жить, хоть умереть, только бы въ этомъ городѣ». Мать ничего мнѣ на это не отвѣчала. Помню, поражалъ меня уличный шумъ, блескъ экипажей и сбруй, но болѣе всего—громады домовъ, какъ бы подпирающихъ небо, гордыхъ, правильныхъ, съ высокими вертикальными стѣнами и правильными линиями и огромное количество на нихъ домовыхъ трубъ.

Сколько разъ потомъ вѣзжалъ я въ нашу столицу, но, увы, никогда впослѣдствіи она уже не производила на меня подобнаго впечатлѣнія.

Квартиру мы наняли на Васильевскомъ островѣ, недалеко отъ Морского корпуса. Домовая хозяйка, изъ дворянокъ, узнавъ, что квартиранка помѣщица, въ тотъ же вечеръ пригласила насъ къ себѣ на чай. Я вновь былъ пораженъ невиданнымъ мною доселѣ богатымъ убранствомъ комнатъ, зеркалами, коврами: ничего подобнаго въ помѣщичьихъ домахъ нашего захолустнаго уѣзда я доселѣ не видывалъ.

На другой день, рано утромъ, мать повела меня въ ближайшую церковь, Андреевскій соборъ, гдѣ отслужила молебенъ, во время котораго безпрестанно приказывала мнѣ творить земные поклоны, а оттуда привела прямо въ Морской корпусъ, въ квартиру директора, почтеннаго Ивана Ѳедоровича Крузенштерна.

Въ большомъ залѣ своей квартиры онъ тотчасъ же принялъ насъ, осмотрѣлъ меня, поговорилъ съ маменькою, сказалъ, что такому миниатюрному и по виду слабому мальчику всего удобнѣе поступить въ малолѣтнюю роту, гдѣ его не такъ будутъ обижать, и маменька ввела меня въ малолѣтнюю роту.

Много пролилъ я горькихъ слезъ, много горя, грусти, страшной тоски вынести я первое время послѣ разлуки съ матерью, оставшись одинъ, среди шума сотни кадетъ, среди новой, совершенно чуждой для меня обстановки,—и это тяжелое состояніе продолжалось, сколько я помню, около мѣсяца. Съ какою радостью бросился бы я тогда вонъ изъ корпуса въ свою семью, въ свои дебри, поля и лѣса,—вонъ изъ этого великолѣннаго Петербурга, въ которомъ по первому впечатлѣнію готовъ былъ жить и умереть, хотя бы въ тюрьмѣ,—и непременно бросился бы вонъ, если бъ къ тому представлялась какая либо возможность. Но никакой возможности

не представлялось, и я, какъ и всѣ прочіе, бывавшіе въ моемъ положеніи, черезъ мѣсяцъ или два, привыкъ и къ корпусу, и къ новой жизни, и къ новой обстановкѣ, и вотъ теперь, на старости, не могу вспомнить о корпусѣ безъ особаго теплаго чувства.

Были въ корпусѣ два знакомые земляка офицеры, жившіе въ то время, сколько помню, на одной квартирѣ; они не рѣдко приглашали меня къ себѣ по вечерамъ на чай, и это значительно облегчало тягость перваго времени жизни моей въ корпусѣ; а по субботамъ иногда бралъ «за корпусъ» одинъ мой знакомый, тоже землякъ, Д-овъ, служившій учителемъ рисованія въ Введенскомъ училищѣ. Онъ меня бралъ въ квартиру смотрителя, г. С-ва, чловѣка женатаго (къ холостымъ тогда не пускали), у котораго осталась служить по найму прѣбывавшая съ нами въ Петербургъ моя старая няня, которая меня горячо любила, и которую я любилъ безъ памяти. Эта же крѣпостная старая моя няня успѣла еще до своей смерти вынѣнчить и старшую дочь мою, родившуюся уже послѣ отгѣны крѣпостного права.

Ротный командиръ малолѣтней роты во время моего поступленія былъ, если не ошибаюсь, Петръ Игнатъевичъ Бартошевичъ, чловѣкъ добрый. Отдѣленныхъ офицеровъ нѣкоторыхъ помню (напримѣръ, В. Ф. Ирецкаго, бывшаго впоследствии командиромъ 2 роты), другихъ забылъ, дневника въ первый годъ моего поступленія я не велъ, но отлично хорошо помню старый ротный арсеналь, съ сапогами и всякимъ хламомъ, гдѣ я снялъ свое домашнее платье и одѣлся въ казенный мундиръ, выданный мнѣ каптенармусомъ Армеевымъ.

Этотъ Армеевъ постоянно велъ войну, или правильнѣе кадеты вели войну съ Армеевымъ, за мундиры, шинели, носовые платки, но въ особенности за сапоги не въ пору и съ неисправными подметками, которыми снабжалъ кадетъ Армеевъ. Кадеты его порядочно колотили, да и онъ намъ не давалъ спуска; но онъ никогда не начиналъ драться первый, онъ только ругался; а когда его побоями выведутъ изъ терпѣнія,—защищался энергически, такъ что кадеты цѣлыми десятками обращались изъ арсенала въ постыдное бѣгство, съ порядочными шишками на головахъ. Къ такой энергической защитѣ онъ былъ положительно вынуждаемъ, иначе арсеналь подвергался бы неминуемымъ разграбленіямъ. Этотъ же Армеевъ велъ съ нами весьма оживленную и прибыльную для него торговлю леденцами, маковниками, булками съ масломъ или патокой и т. п., и не прочь былъ за лишній гривенникъ обмѣнять тѣсные сапоги на просторные.

Офицеры и учителя, говоря вообще, никогда насъ не били и обращались съ нами довольно мягко. Былъ одинъ офицеръ малолѣтней роты, который имѣлъ привычку трепать провинившихся кадетъ разомъ за оба уха; какъ теперь, слышу ласкотанье пуго-

вицъ на обшлагахъ его вицмундира при этой операціи; былъ и одинъ учитель той же малолѣтней роты, И-въ, который за худое знаніе урока изъ ариѳметики задавалъ кадетамъ такъ называемые «казнишки», т. е. водилъ нажимая пальцемъ по стриженной головѣ, въ круги и прямо, противъ волосъ, давая по временамъ «шишки», удары по головѣ острою гранью сжатого кулака, въ родѣ того, какъ играютъ на бубнахъ. Но и тотъ и другой были, въ сущности, люди не злые, а что касается собственно «казнишекъ», то подвергавшіеся имъ говорили, что отъ нихъ даже вовсе и нѣтъ боли. Вообще этого учителя, несмотря на его «казнишки», кадеты любили.

«Бей, да только чтобы было за дѣло», было у насъ правило, а К. Ф. В. и И-въ никогда никого не казнили по пристрастію или понапрасну.

Въ какой-то книгѣ недавно случилось мнѣ читать отзывъ покойнаго В. И. Даля о воспитателяхъ и воспитаніи въ Морскомъ корпусѣ его времени. Можетъ быть, во времена Даля и было то, что онъ пишетъ, но при мнѣ ничего подобнаго не было, и табакерка Марка Филипповича Горковенко, который и во времена Даля и въ мое время былъ инспекторомъ классовъ, при мнѣ не ходила по головамъ воспитанниковъ. Напротивъ, въ мое время Маркъ Филипповичъ былъ инспекторъ снисходительный, терпѣливый, служившій съ необыкновеннымъ усердіемъ и любовью къ своему дѣлу. У меня, по крайней мѣрѣ, объ немъ осталась только добрая память,

Да, при такомъ директорѣ, каковъ былъ Иванъ Ѳеодоровичъ Крузенштернъ, ничего подобнаго, что было во времена Даля, и быть не могло.

Но зато нравы самихъ кадетъ и ихъ обращеніе другъ съ другомъ и въ мое время были, по истинѣ, варварскіе. И чѣмъ старше рота, тѣмъ жестче и грубѣе нравы и обычаи воспитанниковъ. Когда я былъ уже во второй ротѣ, въ 1838 году, произошелъ въ гардемаринской ротѣ случай, надѣлавшій въ то время шуму не только въ корпусѣ, но и въ городѣ, съ гардемаринномъ Юрьевымъ, вскорѣ послѣ драки умершимъ.

Мы безпрестанно дрались. Вставали—дрались, за сбитнемъ—дрались, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, въ классномъ коридорѣ, вечеромъ ложась спать—дрались; въ умывалкахъ—сильнѣйшія драки. Мы дрались за все и про все, и просто такъ, ни за что, и не то, чтобы шутками, а серьезно, до крови и синяковъ, дрались. Въ этомъ отношеніи мы были воспитанники заведенія дѣйствительно военно-учебнаго.

Я лично былъ одинъ изъ самыхъ смиренныхъ и благонаравныхъ питомцевъ заведенія, однако же, увлекаемый общимъ потокомъ, помню, что и для меня, на примѣръ, пройти мимо стоящаго въ

дверяхъ спиною ко мнѣ кадета и не толкнуть его въ спину, если послѣ двери идетъ въ слѣдующую комнату ступенька, какъ то было въ цѣломъ рядѣ классовъ по одну сторону класснаго коридора,—было невысказано.

«Шишка», «шапка», «шапка съ позументикомъ и кисточкой», ударить «въ зубы», «въ рыло», дать «пинка», «поддѣть» (подъ ноги), «смазать», «отдуть» и т. п.—все это въ мое время безпрестанно практиковалось между кадетами.

Офицеры насъ не били, и на ихъ глазахъ никто насъ не смѣлъ бить (говорю не про взаимныя драки), но своя братья фельдфебеля, унтеръ-офицеры, ефрейторы, при фронтовыхъ ученьяхъ дрались отлично.

Самоуправство было развито въ высочайшей степени, потому что никто не смѣлъ, не хотѣлъ, да и не расчетъ было хотѣть, сдѣлаться «задорнымъ».

«Задорнымъ» у насъ назывался такой кадетъ, который осмѣливался пожаловаться офицеру на товарища.

Коренной законъ всѣхъ воспитанниковъ корпуса былъ таковъ: съ «задорнымъ» никому не говорить. Какъ только кадеты узнаютъ, что кто нибудь «прозадорился», тотчасъ же оповѣщаютъ: «господа, Н. Н.—задорный! съ нимъ никто говорить не долженъ!» и этотъ законъ исполнялся свято.

Нечего говорить про невыносимое положеніе несчастнаго, живущаго среди сотни товарищей и не могущаго сказать ни съ кѣмъ ни одного слова! Имъ гнушаются, отъ него удаляются, какъ отъ зачумленнаго.

Но была и еще, тоже не писанная, статья закона: «задорнаго» можно простить, если онъ попроситъ у всѣхъ прощенія, при чемъ дѣлалось опредѣленіе: простить ли его такъ или прежде «отдуть». Если «отдуть», то «задорный» садился или становился, понуря голову, и всякій, подходя къ нему, давалъ ему ударъ кулакомъ въ спину или въ голову. Это было своего рода «сквозь-строй». Удары же были сильнѣе или слабѣе, смотря по степени важности послѣдствій «задорства» и по произволу бывшихъ, и это уже было дѣломъ, такъ сказать, «общественной совѣсти». Но, сколько помню, никогда не понесъ наказанія и никогда виновный не былъ наказанъ «свыше мѣры содѣяннаго».

Послѣ наказанія, иногда и безъ наказанія, виновному объявлялось прощеніе, и бывший «задорный» вновь входилъ въ общеніе съ своими товарищами.

Такъ или иначе, но, какъ изволите видѣть, жаловаться на товарищей офицерамъ было нельзя и, слѣдовательно, безпрестанныя драки, независимо отъ «волнений крови молодой», и потому еще, что иногда просто «руки чешутся», являлись неизбѣжными.

При такихъ созданныхъ воспитанниками законахъ, случалось,

конечно, иногда, что сильный обижалъ слабого, но это, во-первыхъ, случалось чрезвычайно рѣдко, а, во-вторыхъ, вѣдь, и въ дѣйствительной жизни, не только между отдѣльными лицами, но иногда и между цѣлыми государствами, это случается.

Въ кадетскихъ ротахъ съ особенною рѣзкостью выдѣлялись два рода кадетъ: «старикашки» и «рябчики». «Старикашками» назывались такіе кадеты, которые давно въ корпусѣ и отличались отъ другихъ значительною физическою силою. Въ наукахъ они, по большей части, не отличались успѣхами.

Внѣшніе признаки «старикашки» — широкіе брюки съ перехватомъ у колѣнъ, особенно расширившіяся къ сапогамъ, для каковой цѣли вшивались въ брюки особые трехугольные клинья. Такія брюки технически назывались «шаришками». Мундиръ непремѣнно широкій въ груди, и если природа не дала достаточно широкой груди, то часть живота переводилась въ грудь, и все-таки мундиръ у «старикашки» долженъ былъ имѣть въ груди достаточную слабинку. «Старикашки» старались ѣсть какъ можно больше, и многіе изъ нихъ могли съѣдать за разъ по пяти порцій крутой рассыпной грешневой каши за ужиномъ. Ноги у «старикашки» должны были быть «колесиками», т.-е. кривыя, такимъ образомъ, чтобы при сжатыхъ каблукахъ между колѣнами было значительное расстояние, и нѣкоторые кадеты, для достиженія такой цѣли, старались распаривать ноги въ банѣ, при сжатыхъ пяткахъ, вкладывая между колѣнъ шайку. Можно было быть и не очень «колесастымъ», чтобы попасть въ «старикашки», но избави Богъ «ексика», т.-е. ноги, расходящіяся врозь при сжатыхъ колѣнахъ: «ексикастый» уже ни подъ какимъ видомъ не могъ рассчитывать попасть въ «старикашки».

«Колесастыя» ноги и широкія брюки потому считались цѣнными, что напоминали собою стараго казака-кавалериста, выросшаго съ дѣтства на конѣ и въ бою, а казаки вообще считались у насъ образцами удали и молодечества. Высокая же и круглая грудь заявляла собою человѣка военнаго, фронтowego, не штафирку какого нибудь съ перомъ за ухомъ, у котораго отъ постоянного согнуванія надъ письменнымъ столомъ корпуса грудь дѣлается «плоска, какъ рукавица».

«Старикашки», по большей части, нюхали табакъ, для чего носили за носовымъ платкомъ, за рукавомъ (при мундирахъ кармановъ не было), особый пакетикъ, или тавлинку. Нюхали они, конечно, тихонько отъ офицеровъ, но всегда старались нюхать такъ, чтобы другіе кадеты это видѣли.

«Старикашки» должны были говорить басомъ. Если же у кого баса не было, то такой старался говорить, по крайней мѣрѣ, съ похожею на басъ хрипотою. «Старикашка» могъ бить всякаго не старикашку, какъ по тому естественному праву, что былъ сильнѣе, такъ и потому, что водилъ дружбу съ всегда готовыми

оказать ему содѣйствіе подобными себѣ «старикашками». «Старикашки» составляли кадетскую аристократію, въ противоположность другой категоріи кадетъ—«рябчиковъ», которые были истинные паріи.

«Рябчиками» назывались новички и вообще кадеты слабые физически, слезливые и робкіе. Нерѣдко «рябчики» чистили сапоги и мундиры «старикашкамъ» и не смѣли отказываться быть у нихъ на посылкахъ.

Затѣмъ большинство кадетъ не принадлежало ни къ той ни къ другой категоріи.

Въ гардемаринской же ротѣ, въ которой при мнѣ всегда было соединено два выпуска, не было въ тѣсномъ смыслѣ ни «старикашекъ» ни «рябчиковъ», но «старикашками» можно было назвать всѣхъ старшихъ гардемаринъ, а «рябчиками» всѣхъ младшихъ, потому что младшимъ отъ старшихъ житья не было, и младшіе это терпѣливо сносили, лаская себя не напраснымъ ожиданіемъ, что на слѣдующій годъ они также будутъ поступать съ своими младшими. Съ нашего выпуска это положеніе нѣсколько измѣнилось; мы своихъ младшихъ гардемаринъ уже не притѣсняли.

Были у насъ въ кадетскихъ строевыхъ ротахъ воры, даже дѣлыва шайки воровъ. Меня самого одинъ разъ,—только что я перешолъ изъ малолѣтней во вторую роту,—очистили, какъ липку. Прислала мнѣ маменька гостинцевъ, между прочимъ отлично шитыя гарусомъ подтяжки, пуховыя перчатки и т. п. ея и сестеръ работы,— все украли вмѣстѣ съ учебниками. Я былъ въ большомъ горѣ и много плакалъ, но, конечно, офицерамъ не жаловался. По счастью у меня былъ землякъ, старый кадетъ первой роты, Б—въ, который, видя мое горе и объяснивъ мнѣ, что шайка воровъ второй роты краденныя въ своей ротѣ вещи передаетъ ворами первой роты, а шайка первой роты то же дѣлаетъ съ краденными вещами своей роты, обѣщалъ разыскать мои вещи и, отобравъ отъ воровъ, возвратитъ мнѣ, что дѣйствительно черезъ нѣсколько дней и исполнилъ. Съ тѣхъ поръ меня уже такъ огульно не обкрадывали.

Изъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною во время пребыванія въ малолѣтней ротѣ, остались въ моей памяти немногія. Помню первую мою переборку на фрегатъ «Вѣрность» въ походъ 1836 года, тѣсоту и неудобство помѣщенія на фрегатѣ, непониманіе первое время, что такое кругомъ меня дѣлается, для чего это мы постоянно тянемъ снасти и все-таки никогда не вытянемъ ихъ окончательно и т. п. Но первый слѣздъ мой съ фрегата въ Петергофъ на берегъ для гулянья, первый взглядъ на Петергофъ, произвелъ на меня, подобно первому взгляду на Петербургъ, громадное впечатлѣніе, доселѣ живое и свѣжее. Помню, съ какимъ

восторженнымъ удивленіемъ остановился я въ первый разъ противъ «Самсона» и смотрѣлъ то на него, то на окружающіе его фонтаны, то на золоченыя главы дворца, обрамленнаго елями, близъ одной изъ которыхъ стоялъ часовой въ лейбъ-уланскомъ мундирѣ. Вѣдь и у меня въ моемъ сельцѣ, думалъ я, тоже есть ели, много ихъ, больше, чѣмъ здѣсь, такія же деревья, даже лучше, но какая разница! Тамъ елушки и избушки, здѣсь тоже елушки, но при какой очаровательной обстановкѣ!..

А этотъ, по истинѣ, земной раекъ, «Александрія», уединенное лѣтнее убѣжище царской семьи, любимое лѣтнее мѣстопробываніе покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, куда не допускалась публика, даже никто изъ офицеровъ, и куда былъ свободный входъ однимъ только кадетамъ!

А что бывало съ нами дѣлалось, когда мы завидимъ издали бѣлую конногвардейскую фуражку покойнаго государя Николая Павловича!.. Мы его положительно боготворили, да и онъ насъ любилъ искренно, ласкалъ, баловалъ... Въ Александріи мы играли на тѣхъ же очаровательныхъ лужайкахъ, тѣми же игрушками, лазили на ту же мачту, прыгали на той же сѣткѣ, гдѣ играли, лазили и прыгали дѣти государя и иногда вмѣстѣ съ нами.

Ароматическихъ цвѣтовъ кругомъ этой восхитительной игрушки, маленькаго Александрійскаго дворца, было такое множество, что воздухъ на сотни сажень отъ дворца былъ буквально напоенъ благоуханіемъ. Мы могли гулять въ Александріи, гдѣ хотѣли, безъ офицеровъ, безъ всякаго надзора; тутъ у насъ былъ одинъ только начальникъ—самъ государь.

Какъ часто смотрѣли мы на сидящую на балконѣ или прогуливавшуюся покойную императрицу Александру Ѳеодоровну, всегда ласково намъ улыбающуюся!

Мы слушали, какъ при открытыхъ во дворцѣ дверяхъ и окнахъ великая княжна Александра Николаевна, такъ рано и беззрѣменно угасшая, распѣвала подъ фортепіано аріи и романсы и, помню, однажды, замѣтивъ, что насъ, маленькихъ кадетъ, собралось у дворцоваго балкона очень много, предваривъ, что споетъ для насъ, спѣла намъ русскую «Тройку»...

Къ сожалѣнію, и въ Александріи мы не всегда вели себя благородно, не всегда платили благодарностью за ласки и радушіе царской семьи. Припоминаю и расскажу два случая, хотя весьма неблагоприятные, но по существу болѣе комическіе, нежели серіозные. Близъ Александрійскаго дворца былъ небольшой мраморный бассейнъ, въ которомъ жила черепаха. Говорили, что императрица любила эту черепаху и иногда кормила ее собственноручно. Какая-то кучка кадетъ, обступивъ бассейнъ, смотрѣла на эту черепаху, иные пихали ее палкою. Нашелся негодяй, который, дождавшись, когда черепаха высунула изъ своей норы голову, ударилъ ее по

головѣ палкою и убилъ до смерти. Кто именно это сдѣлалъ—не знаю, и тогда виновнаго разыскать не могли: товарищи товарища не выдадутъ. Можетъ быть, онъ былъ сильно «отдуть» своими, но для начальства фамилія его осталась тайною.

Близъ того же дворца былъ парникъ съ дынями и говорили, что одна дыня, болѣе спѣлая, была вырощена при личномъ уходѣ за нею императрицы. Эту самую дыню кадеты сорвали и съѣли. Что это сдѣлали именно морскіе кадеты, было очевидно, потому что сухопутныхъ корпусовъ въ то время въ Петергофѣ не было, а черепаха оказалась убитою и дыня съѣденною именно вслѣдъ за окончаніемъ гулянья въ Александріи морскихъ кадетъ.

Виноватыя открыты не были, но на другой же день объ этомъ уже было извѣстно начальнику корпусной эскадры вице-адмиралу П. Ф. Качалову, и начались розыски. Роты на фрегатахъ были построены во фронтъ, командиры разспрашивали, бранились, грозили, но виноватыхъ разыскать не могли. Кончилось тѣмъ, что послѣ этихъ случаевъ насъ цѣлый мѣсяцъ не свозили на гулянье. Свозили только для ученья и купанья. По минованіи же мѣсяца все опять пошло обычнымъ порядкомъ.

Въ Петергофѣ и Александріи мы были, такъ сказать, приобщены къ царскому семейству, приобщены искренно, радушно, ласково, родительски...

Помню, гуляла однажды наша кучка около Санъ-Суси. Видимъ: идетъ хоръ музыкантовъ въ бѣлыхъ мундирахъ къ маленькому дворцу, съ инструментами, пюпитрами и нотами.—Зачѣмъ?—Царская фамилія здѣсь будетъ обѣдать.—Остались и мы посмотрѣть на пріѣздъ царской фамиліи и послушать музыки. Вскорѣ съѣхались члены царской фамиліи, въ заключеніе пріѣхалъ государь съ императрицею и, по обыкновенію, поздоровавшись съ нами, вошелъ во дворецъ. Музыканты взяли за свои инструменты, но не успѣли еще начать игру, какъ выходитъ изъ дворца государь, безъ фуражки, и направляется прямо въ центръ нашей кучки.—Что бы это значило?—думаемъ мы.

Государь взялъ за лѣвый погонъ одного изъ самыхъ маленькихъ кадетъ, Шамшева, и, не спросивъ фамиліи, повелъ его съ собою во дворецъ.

Пока царская фамилія обѣдала, а музыканты играли, мы терялись въ догадкахъ, зачѣмъ государю понадобился Шамшевъ.

Наконецъ, когда музыканты уже стали складывать свои ноты, выбѣжалъ онъ изъ дворца и говоритъ, что обѣдалъ съ царской фамиліей, сидѣлъ возлѣ великой княжны, которая по лежавшему на столѣ списку блюдъ спрашивала у него, чего онъ хочетъ,—на что онъ отвѣчалъ, что ему все равно, а хочетъ онъ всего (надо замѣтить, мы уже пообѣдали). Великая княжна писала карандашомъ названіе кушанья, записка съ тарелкою спускалась

внизъ (обѣдали во второмъ этажѣ), и тотчасъ же кушанье, какъ бы волшебствомъ, являлось передъ его носомъ. Лакеевъ во время стола не было, онъ ихъ не видалъ, а все, что надо, дѣлалось.— Зачѣмъ же государь посадилъ тебя съ собой обѣдать?

— А я, братцы, и самъ не знаю. Тамъ говорили все по-французски. Только обѣдъ былъ славный!

Не безъ зависти смотрѣли мы на Шамшева, и, правду сказать, въ то время мы завидывали не тому, что онъ пообѣдалъ съ царемъ, а тому, что ѣлъ отличный обѣдъ, да еще «двоицъ», т. е. дважды пообѣдалъ. Въ тѣ счастливыя времена мы готовы были по пяти разъ въ день обѣдать съ одинаковымъ аппетитомъ.

Государь и царская фамилія стали разъѣзжаться. Послѣ всѣхъ спустилась съ дворцовой лѣстницы императрица, сопровождаемая какою-то статсъ-дамою. Сзади ея шли два лакея, держа въ рукахъ по огромному подносу съ фруктами и конфетами.

Спустившись на площадку, императрица, съ ласковою улыбкою, дала намъ рукою знакъ, чтобы мы подошли къ ней.

Мы бросились, и такъ бойко, что она вынуждена была отступить шага два назадъ и вправо, при чемъ очутилась въ разстояніи не болѣе сажени отъ края довольно глубокаго и широкаго рва, окружавшаго маленькій дворецъ. Императрица начала сама брать съ подносовъ фрукты и конфеты и раздавать намъ, прежде, разумѣется, тѣмъ, кто стоялъ ближе. То же дѣлала и стоявшая рядомъ съ ней статсъ-дама. Дождавшіе своей очереди, стоявшіе сзади кадеты начали напирать на переднихъ, эти невольно подвигаться къ императрицѣ... Тѣснямая императрица сдѣлала еще шага два назадъ и очутилась въ разстояніи не болѣе одного шага отъ самаго края рва, ничѣмъ не огражденнаго... Тутъ только мы опомнились; раздались восклицанія: «Господа, императрица! ровъ»!.. Кулаки и локти пошли въ дѣло, и толпа, состоявшая изъ 30 или 40 кадетъ, отхлынула...

Конфетъ и фруктовъ все намъ досталось вволю: были вынесены еще два подноса.

Замѣтите, какое деликатное вниманіе! Одного кадета изъ кучки государь взялъ къ себѣ обѣдать, прочимъ кадетамъ кучки императрица сама раздала фрукты и конфеты.

Причину же, почему Шамшевъ попалъ за царскій столъ, намъ впоследствии люди, повидимому, достовѣрные, объяснили слѣдующимъ: когда начали садиться за столъ, государь замѣтилъ, что число обѣдающихъ 13... Шамшевъ былъ четырнадцатымъ.

Смутно помню роскошные «царскіе обѣды», которыми, въ первые годы моего поступленія въ корпусъ, угощали насъ государь, разъ въ лѣто, въ аллеяхъ Верхняго Петергофскаго сада. Члены его семейства обѣдали съ нами, а государь, какъ радушный хозяинъ, обходилъ столы, шутилъ и разговаривалъ съ обѣдающими

кадетами. Потомъ эти царскіе обѣды были отмѣнены, и, вмѣсто нихъ, намъ раздавали на каждаго по фунту превосходныхъ конфетъ. Говорили, что ихъ отмѣнили потому будто бы, что пропало множество серебра, такъ какъ на «царскихъ обѣдахъ» было не то, что въ корпусѣ, гдѣ прежде чѣмъ барабанъ ударить бой къ вставанью изъ-за стола, дежурный по кухнѣ долженъ былъ доложить дежурному по корпусу капитану, что «серебро все». Здѣсь вставали просто, не ожидая доклада о цѣлости серебра, поджентельменски, хотя съ карманами, фуражками и голенищами, набитыми конфетами и фруктами, а нерѣдко и бутылками съ медомъ...

Да и могло ли быть иначе за столомъ, гдѣ хозяинъ—повелитель 80-ти милліоновъ, обладатель седьмой части суши всего земного шара, въ томъ числѣ Сибири, горы и рѣки которой наполнены горами серебра и золота,—хозяинъ, передъ которымъ трепетала Западная Европа, въ царствованіе котораго:

Гаркнули, ударили,
Понеслись на брань,
И въ секунду съ четвертью
Взяли Эривань ¹?—

Хозяинъ, войска котораго были почти у стѣнъ Константинополя, упираясь флангами: лѣвымъ—въ Черноморскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Грейга, правымъ—въ эскадру Эгейскаго моря графа Гейдена?.. Передъ которымъ пала крамольная Варшава,—которому Паскевичъ одно изъ своихъ донесеній начиналъ словами: «Венгрія у ногъ вашего императорскаго величества!»..? Какія славныя воспоминанія!..

Вдобавокъ—хозяинъ, котораго мы, повторяю, боготворили, любили горячо, и который насъ тоже любилъ искренно!..

Скажутъ: однако онъ кончилъ свое царствованіе не совсѣмъ счастливо.—Что же изъ этого?—Ничего!—Наполеонъ I кончилъ свою карьеру еще несчастіе, тѣмъ не менѣе имя его полно обаянія, хотя въ нравственномъ отношеніи Наполеонъ стоитъ несравненно ниже нашего покойнаго государя. Я въ мою жизнь не зналъ человѣка болѣе прямого и честнаго, какъ покойный государь. А счастье или несчастье жизни не суть мѣрила великости или малости духа человѣка.

Въ корпусѣ я учился прилежно и велъ себя «благонравно», вплоть до гардемаринской роты, постоянно имѣлъ въ поведеніи 12 балловъ. Вслѣдствіе этого, когда я еще былъ въ малолѣтней

¹) Одна изъ наиболѣе любимыхъ въ мое время кадетами солдатскихъ пѣсень, начинающаяся словами: «Не туманъ изъ-за моря».

ротѣ, меня одинъ разъ возили, съ другими двумя кадетами нашей роты, въ Зимній дворецъ, играть къ великому князю Константину Николаевичу. (Если бы сохранились всѣ тетрадки моего корпуснаго дневника, я могъ бы обставить всѣ описываемые мною замѣчательнѣйшіе случаи моей кадетской жизни годами, мѣсяцами и числами, а теперь относительно цифръ память измѣнила мнѣ).

Везли насъ во дворецъ изъ корпуса въ каретѣ, въ которую, кромѣ насъ троихъ, сѣлъ корпусный офицеръ. Онъ сдалъ насъ во дворцѣ съ рукъ на руки бывшему дядкѣ маленькаго великаго князя, адмиралу Литке, а самъ отправился обратно въ корпусъ. Кромѣ насъ, морскихъ, были привезены и изъ другихъ корпусовъ; былъ, помню, также одинъ юнкеръ гвардейскаго экипажа, баронъ Крюднеръ, и еще съ десятокъ какихъ-то мальчиковъ въ штатскихъ курточкахъ, — должно быть, это были дѣти знатныхъ придворныхъ, потому что между ними помню сына воспитателя наследника цесаревича, генераль-адъютанта Кавелина.

Мы, кадеты, смотрѣли на этихъ мальчиковъ въ штатскихъ курточкахъ не безъ нѣкотораго чувства презрѣнія, потому что по понятіямъ того времени всякій штатскій былъ несравненно ниже всякаго военнаго; да и въ играхъ, которыя имѣли преимущественно военный характеръ, эти штатскіе мальчики были полные невѣжды.

Помню, что великій князь спрашивалъ у меня: сколько лѣтъ, какой губерніи, въ какомъ классѣ, и, узнавъ изъ отвѣтовъ, что я, по возрасту, годился бы въ старшую роту, спросилъ: почему же тебя назначили въ малолѣтнюю? — Я былъ очень малъ ростомъ, — отвѣчалъ я. — Ты и теперь очень малъ ростомъ, — замѣтилъ тогда 9-ти или 10-тилѣтній великій князь.

Вскорѣ по приѣздѣ мы сѣли обѣдать. Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи весь тотъ день играли и обѣдали вмѣстѣ съ нами. Помню, супъ былъ разлитъ за четверть часа или минутъ за десять, до обѣда; передъ каждымъ приборомъ стояло по бутылкѣ краснаго и бѣлаго меда; стаканы были большіе, но на ножкахъ, подобно рюмкамъ. На стѣнахъ помню большія картины, писанныя масляными красками, съ морскими видами. Адмиралъ Литке, во все время нашихъ игръ читавшій газету, по временамъ дѣлалъ замѣчанія то тому, то другому великому князю, которые тотчасъ же принимали къ исполненію всѣ его замѣчанія. — «Николай Николаевичъ! полно вамъ барабанить! Уши трещать! Перестаньте!» и великій князь, показывавшій намъ въ сосѣдней комнатѣ (помнится, со сводами) уже съ четверть часа различные бои на барабанѣ, тотчасъ вложилъ палки и отставилъ барабанъ въ сторону.

Вскорѣ послѣ обѣда насъ повели шеренгою, маленькіе впереди, черезъ длинный рядъ дворцовыхъ комнатъ, вмѣстѣ съ великими князьями, къ государю. Великолѣпіе дворца, блескъ, роскошь, часовые въ коридорѣ, арабы у дверей, — все это, конечно, не могло

не произвести на меня сильнаго впечатлѣнія. Мы застали царское семейство за обѣдомъ. Императрица сидѣла по лѣвую сторону государя, великія княжны, наследникъ и какой-то сѣдой генераль, весь въ звѣздахъ (должно быть, Волконскій), по другую сторону. Высокій, полный, сѣдой слуга, весь въ красномъ, подавалъ какое-то блюдо. Въ сосѣдней комнатѣ, черезъ которую мы проходили, нѣсколько лакеевъ, въ придворной ливреѣ, съ салфетками въ рукахъ, суетливо уносили и приносили тарелки. Посрединѣ обѣденнаго стола стояло блюдо съ апельсинами, уложенными горкою, на вершинѣ которой лежалъ апельсинъ, значительно большаго противъ прочихъ объема. Принимая насъ, государь продолжалъ обѣдать; шутилъ и разговаривалъ и съ нами и съ членами своего семейства, а когда дошла очередь до вазы съ апельсинами, то я тогда замѣтилъ и теперь помню, что лежавшій на верху самый большой апельсинъ взялъ онъ, и я тогда же по этому поводу подумалъ: какъ хорошо быть царемъ!

Мы подходили къ государю одинъ за однимъ по ранжиру, начиная съ самыхъ маленькихъ. Государь каждаго бралъ довольно крѣпко сзади за шею, спрашивалъ фамилію и наклонялъ голову въ колѣна императрицы, приговаривая: «кланяется вашему императорскому величеству такой-то». Когда дошла очередь до меня, онъ трижды ударилъ мою голову въ колѣна императрицы, проговоривъ: «кланяется вашему императорскому величеству Зеленый, Красный, Синій». У барона Крюднера государь разспрашивалъ о его строевой службѣ въ гвардейскомъ экипажѣ.

Потомъ мы съ маленькими великими князьями удалились въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ, но вскорѣ насъ снова позвали къ государю. Царское семейство, вставъ изъ-за стола, уже перешло въ другую комнату, въ которой, какъ я замѣтилъ, мебель стояла не у стѣнъ, а по срединѣ.

Государь, императрица, великія княжны, сидѣли на какихъ-то невиданныхъ мною дотогѣ особой формы диванахъ, цесаревичъ стоялъ у камина. Здѣсь я въ первый, — и одинъ разъ только въ жизни, — видѣлъ государя въ сюртукѣ безъ эполетъ, что меня очень удивило. Онъ былъ очень веселъ, много шутилъ и разговаривалъ съ нами, потомъ отпустилъ играть. Мы пошли играть въ Георгіевскій залъ.

Мы бѣгали, кричали, возили пушку, смотрѣли на золотыхъ рыбокъ, плававшихъ въ бассейнѣ въ сосѣдней галлерей, лазили на хоры, ходили въ особую игральную комнату, съ лѣтнею горою и множествомъ игрушекъ, всю устланную мягкими тюфяками, — играли съ великими князьями, нисколько не стѣсняясь, все равно, какъ въ корпусѣ съ товарищами, только дракъ не было, и то не потому, чтобы насъ стѣсняло присутствіе великихъ князей, а потому, что

во дворецъ возили только «благонравныхъ», которые и въ корпусѣ дрались только по необходимости, въ видахъ самозащиты.

Во время игры въ мячъ въ Георгіевской залѣ, когда мы, раздѣлившись на двѣ партіи, кидали другъ въ друга мячиками, вошли и приняли участіе въ игрѣ наследникъ цесаревичъ и какой-то иностранный принцъ, сколько помнится, герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, оба уже высокіе, взрослые, въ густыхъ эполетахъ. Цесаревичъ и герцогъ, взявъ мячики, стали въ партію, противоположную той, въ которой я игралъ съ Константиномъ Николаевичемъ. Въ это время кто-то мячикомъ такъ угодили мнѣ въ правый глазъ, что я отъ боли долго не могъ опомниться, и хотя стерпѣлъ, не заплакалъ, но на нѣкоторое время долженъ былъ выбыть изъ строя. Константинъ Николаевичъ принялъ во мнѣ живое участіе и спросилъ: «кто это тебя такъ сильно ударилъ?» но я, помня корпусное «задорство», отвѣчалъ, что не замѣтилъ.

Подали свѣчи и лампы, дворецъ освѣтился. Мы бѣгали въ другія комнаты, были въ тѣхъ, гдѣ великіе князья учатся, разсматривали ихъ книги, гравюры, картинки, ѣли конфеты, пили чай, словомъ проводили время чрезвычайно весело, а въ заключеніе поѣхали съ великими князьями въ Александринскій театръ смотрѣть фокусника.

Во весь этотъ день, въ особенности послѣ исторіи съ глазомъ, великій князь Константинъ Николаевичъ былъ со мной очень внимателенъ, особенно ласковъ, и въ театрѣ посадилъ меня во второй рядъ, прямо за своимъ кресломъ. Публики въ театрѣ не было. Фокусникъ забавлялъ насъ, какъ только могъ, и великій князь оборачиваясь безпрестанно передавалъ мнѣ свои замѣчанія и впечатлѣнія, производимыя на него фокусами. Въ заключеніе фокусовъ изъ рога изобилія полился цѣлый каскадъ прелестныхъ цвѣтовъ. Фокусникъ, выбравъ лучшіе и сдѣлавъ изъ нихъ букетъ, передалъ его въ руки великаго князя. Подержавъ его нѣкоторое время въ рукѣ, великій князь оборотясь передалъ мнѣ, сказавъ: «возьми на память». Изъ театра мы возвратились во дворецъ, гдѣ насъ уже ждалъ корпусный офицеръ. Попрощавшись съ великими князьями, мы возвратились въ корпусъ. Литке передалъ нашему офицеру, что мы вели себя прилично.

Подаренный великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ букетикъ цвѣтовъ я хранилъ, какъ святыню; но, къ сожалѣнію, за годъ до моего выхода изъ корпуса, букетикъ этотъ постигла горькая участь: я его отправилъ вмѣстѣ съ кадетскимъ курсомъ книгъ и нѣкоторыми тетрадками моего корпуснаго дневника домой, къ маменькѣ, съ своимъ мужикомъ и подводкою, на которой была отправлена также годовая провизія сахару, чаю, кофе и т. п., закупленная въ Петербургѣ. Мужикъ, лошадь и возъ пропали на большой дорогѣ между городами Холмомъ и Старой Руссой безъ

вѣсти, и только черезъ годъ или два полиція нашла въ канавѣ близъ большой дороги трупъ несчастнаго мужика съ явными признаками насильственной смерти. Изъ вещей ничего не было найдено, и разбойники открыты не были.

Такъ погибъ милый для меня букетикъ цвѣтовъ, который, если бы былъ цѣль, служилъ бы мнѣ дорогимъ воспоминаніемъ лучшихъ дней моей кадетской жизни и былъ бы мною переданъ моимъ дѣтямъ, съ приличнымъ наставленіемъ.

Хорошо помню, и никогда не забуду высочайшихъ смотровъ нашему корпусу и царскіе разводы.

Въ особенности свѣжъ въ моей слабѣющей памяти одинъ смотръ на плацу перваго кадетскаго корпуса, когда покойный государь былъ нами чрезвычайно доволенъ. За мѣсяцъ или полтора до этого знаменательнаго смотра, государь дѣлалъ намъ смотръ, но мы были худо обучены, и потому онъ насъ прогналъ съ площади, объявивъ, что будетъ насъ смотрѣть вновь, черезъ нѣкоторое время, чтобы мы учились.

Пріѣхалъ къ намъ въ корпусъ флигель-адъютантъ, и ѣздилъ ежедневно цѣлый мѣсяцъ, слѣдя за ходомъ фронтовыхъ ученій. Изъ сапернаго батальона были выбраны къ намъ десятка два ефрейторовъ, лучшихъ фронтовиковъ, обучать насъ маршировкѣ и ружейнымъ приѣмамъ. Эти саперы-ефрейторы казались намъ идеалами, къ которымъ можно стремиться, но достигнуть которыхъ— нѣтъ возможности. Классы были закрыты. Сначала насъ учили пошереножно, потомъ повзводно, наконецъ батальонно. Сколько мы переходили въ этотъ мѣсяцъ то на Смоленское поле, то на плацъ Перваго корпуса (этотъ плацъ рѣдко былъ свободенъ) съ музыкою и барабаннымъ боемъ! Патриотки и воспитанницы дома трудолюбія просмотрѣли всѣ глаза на насъ изъ своихъ выходящихъ на улицу оконъ, съ закрашенными зеленою краскою стеклами въ нижнихъ двухъ звеньяхъ, а мы, школьники, дѣлали имъ изъ своихъ рядовъ ручками...

Наконецъ, насталъ день, назначенный для новаго высочайшаго смотра корпусу. Привели насъ на плацъ Перваго корпуса и выровняли.

Надо было видѣть, что дѣлалось съ нашими батальоннымъ командиромъ, офицерами и флигель-адъютантомъ въ ожиданіи пріѣзда государя. Мы, гардемарины и кадеты, сравнительно, были гораздо покойнѣе.

Пріѣхалъ и князь А. С. Меншиковъ и, сопровождаемый флигель-адъютантомъ и прочими, пошелъ по фронту, съ своею неизмѣнною саркастическою улыбкою...

Государь любилъ, чтобы кадеты во фронтѣ смотрѣли на него

не только бодро, но и весело. Чтобы поднять нашъ духъ, сильно упавшій послѣ неудавшагося смотра, и заставить быть веселыми, флигель-адъютантъ, сопровождая князя Меншикова, дѣлалъ репетицію: онъ показывалъ намъ на лицѣ такія гримасы, что если бы мы не знали, что во фронтѣ смѣяться нельзя, то батальонъ разразился бы хохотомъ. То же повторить онъ, когда потомъ слѣдовалъ по фронту за государемъ.

Наконецъ, раздались: возгласъ махальнаго у воротъ: «его императорское величество изволить ѣха-а-а-ть!» и команда батальоннаго командира: «смирно! слушай! на кра...» и проч. Преклонилось знамя, грянули барабаны, заиграла музыка, и, поздоровавшись, государь пошелъ по фронту... Что это былъ за молодецъ и красавецъ мужчина!.. Кто хоть разъ въ жизни видалъ его проходящимъ или проѣзжающимъ верхомъ по фронту, никогда не забудетъ этой величественной, грандіозной, богатырской и молодецкой фигуры!.. Еще разъ повторяю: мы боготворили его, любили, и онъ любилъ насъ... Одинъ видъ его возбуждалъ въ насъ какія-то геройско-восторженные чувства... Одно его слово и, кажется, что тутъ какойнибудь Константинополь,—города «Лондонъ и Парижъ зашвырнемъ за край Сибирскій»!

Обойдя фронтъ, съ лицомъ серіознымъ и строгимъ, государь сталъ на свое обычное мѣсто противъ середины батальона.

Послѣ первыхъ же ружейныхъ приемовъ лицо государя повеселѣло,—и когда мы взяли «къ заряду», было произнесено его первое на этомъ смотре: «Хорошо!»—Рады стараться, ваше императорское величество!.. гаркнули мы, кажется, не человѣческими голосами, и, Боже мой!.. что съ нами сдѣлалось!..

Въ слѣдовавшихъ за симъ экзерциціяхъ мы превзошли себя и, кажется, выдѣлывали ихъ уже нисколько не хуже даже гвардейскаго санернаго батальона. Государь былъ чрезвычайно доволенъ, и почти за каждый приемъ давалъ благодарности.

Когда всѣ ружейные приемы были передѣланы, государь велѣлъ дать намъ «вольно» и ружья составить въ козлы, а самъ приказалъ кадетамъ Перваго корпуса, толпами глазѣвшимъ на насъ съ своихъ галлерей, взять ружья и, безъ амуниці, въ фуражкахъ, выйти въ батальонномъ строѣ на плацъ.

Черезъ двѣ или три минуты, батальонъ Перваго корпуса, съ ружьями у ноги, уже стоялъ, выровнявшись, на плацу предъ государемъ. Онъ приказалъ офицерамъ выйти изъ фронта, а мѣста ихъ занять унтеръ-офицерамъ. Отстранивъ батальоннаго командира и ставъ самъ на его мѣсто, государь громко произнесъ: «Слушать моей команды!» и самъ началъ, продолжалъ и кончилъ батальонное ученье съ построениями, постоянно давая благодарности.

Мы все это время отдыхали, любуясь на стройныя движенія батальона Перваго корпуса.

Распустивъ этотъ батальонъ, государь продолжалъ смотреть намъ. Когда мы, съ государемъ впереди, прошли развернутымъ фронтомъ болѣе половины плаца, государь, остановивъ батальонъ, подошелъ къ правому флангу и посмотрѣлъ равненіе: ни одно ружье не шевельнулось, и между шеренгами сквозило. «Хорошо, очень хорошо!»—сказалъ государь, и снова раздался нашъ восторженный отзывъ...

На церемониальномъ маршѣ государь каждому взводу говорилъ: «очень хорошо», «отлично», «прекрасно»; благодарилъ директора, флигель-адъютанта, батальоннаго командира, всѣхъ офицеровъ, а насъ велѣлъ распустить на недѣлю за корпусъ. Но прежде, чѣмъ отпустить насъ съ плаца, государь, необыкновенно веселый, вновь велѣлъ намъ составить ружья въ козлы и бѣжать къ нему. Мы его окружили, и онъ съ нами шутилъ, смѣялся, разговаривалъ. Для насъ было интересно знать: скоро ли мы пойдемъ въ походъ, и вотъ кто-то, видя государя въ такомъ добромъ расположеніи духа, рѣшился спросить: «А скоро ли, государь, мы пойдемъ въ походъ?» Лицо государя мгновенно сдѣлалось строго-серіознымъ, и онъ отвѣтилъ: «Когда велѣтъ!»—Мы притихли, понявъ неумѣстность вопроса. Потомъ государь вновь повеселѣлъ и отпустилъ насъ ласково.

Съ музыкой и восторгомъ въ сердцахъ возвратились мы въ свой корпусъ, гдѣ тотчасъ же начались отпуски.

Такой же восторгъ охватывалъ насъ на всѣхъ смотрѣхъ, парадахъ, на всѣхъ царскихъ разводахъ, когда передъ нами раздавалось царское «хорошо».

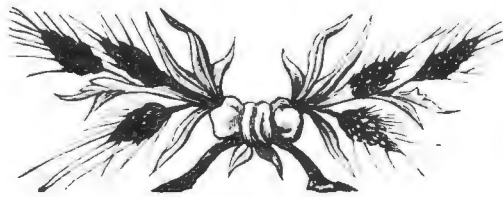
Голосъ у покойнаго государя былъ необыкновенно звучный и ясный. Помню я одинъ случай, когда государь, проходя изъ Петергофа въ Кронштадтъ, въ полночь, мимо нашей корпусной эскадры, на которой, кромѣ вахтенныхъ, уже всѣ спали, не сигналомъ, а своимъ голосомъ, стоя на кожухѣ парохода, скомандовалъ: «на эскадрѣ!»... Тотчасъ со всѣхъ четырехъ фрегатовъ, брига и люгера, занимавшихъ на рейдѣ протяженіе около полоторыхъ верстъ, послышалось отзывное: «ало!» — «Сняться съ якоря!» — продолжалъ государь.—«Ало!»—и черезъ какихъ нибудь четверть часа эскадра, подъ всѣми парусами, по сигналу съ царскаго парохода фонарями, уже слѣдовала за государемъ.

Потомъ, по сигналамъ, эскадра проходила подъ корму царскаго парохода, мы стояли во фронтѣ, государь здоровался, благодарилъ и велѣлъ возвратиться обратно на рейдъ, а насъ, кадетъ, спустить на другой день на берегъ для гулянья.

Могъ бы я еще много записать, но пришлось бы говорить и о такихъ лицахъ, которыя доселѣ, слава Богу, живутъ и здравствуютъ, и о которыхъ слѣдовательно не только дурные, но и хорошіе отзывы неумѣстны.

Закончу мою статью благодарностью судьбѣ, сдѣлавшей меня воспитанникомъ Морского кадетскаго корпуса, изъ котораго вышло много и полезныхъ государственныхъ дѣятелей, и истинныхъ героевъ, имена которыхъ всегда будутъ предметами гордости и одушевленія всѣхъ русскихъ моряковъ, пока существуетъ въ Россіи флотъ, т. е. пока существуетъ Россія.

А. Зеленый.

ПАМЯТИ М. П. ФЕДОРОВА.

ОКОЙНЫЙ Михаилъ Павловичъ Федоровъ оставилъ по себѣ очень добрую память. Его любили, и какъ человѣка и какъ редактора. Враговъ онъ по себѣ не оставилъ, несмотря на то, что ему, какъ редактору большой газеты, нажать ихъ было легко: приносить авторъ рукопись, редакторъ по тѣмъ или другимъ причинамъ рукопись не принимаетъ—и врагъ уже готовъ. То же бывало и съ случайными сотрудниками: рукопись набрана, авторъ обнадеженъ, что она пойдетъ и ждетъ. Проходитъ день, два, три, наконецъ, недѣля—въ печати нѣтъ ничего. Сотрудникъ летитъ къ Михаилу Павловичу и узнаетъ, что рукопись, по какимъ-то соображеніямъ редакціи, напечатана не будетъ. Федоровъ засыпанъ вопросами: «какъ, зачѣмъ, почему?» и въ концѣ концовъ выслушиваетъ нѣсколько неприятныхъ сен- тенцій, хотя въ участи статьи онъ не виноватъ нисколько. Статья была разобрана не имъ, а лицомъ, въ отдѣлъ котораго она поступила. Приходилось не разъ слышать, какъ одинъ авторъ наставлялъ другого:

— Отдай въ «Новое Время»,—только не Федорову: у него семь пятницъ на недѣлѣ. Онъ то одобритъ, то неожиданно возвратитъ статью...

Нужно замѣтить, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и нареканіяхъ Михаилъ Павловичъ терпѣлъ ужасную напраслину. Въ такой громадной и сложной машинѣ, какъ «Новое Время», одному лицу вести все дѣло не мыслимо. Въ теченіе дня номеръ газеты составляется нѣсколькими лицами, завѣдующими каждое своимъ отдѣломъ, и только ночью, когда уже газета сверстана и отгиснута,

происходить генеральное редактированіе номера. Михайль Павловичъ завѣдывалъ только отдѣломъ хроники, но на него же по старой традиціи было возложено и принимать посѣтителей и объясняться съ ними. Онъ принималъ отъ посѣтителя какую нибудь рукопись, передавалъ ее завѣдующему извѣстнымъ отдѣломъ, и этимъ его роль кончалась. Но авторъ рукописи зналъ только его и въ случаѣ неуспѣха считалъ виновнымъ только его одного. Лица, не знакомыя съ механизмомъ веденія газеты, считали Михаила Павловича отвѣтственнымъ за все. Не понравится кому нибудь передовая статья,—говорятъ:—«Чего же это Федоровъ смотритъ?»—Почувствовалъ себя кто нибудь задѣтымъ въ корреспонденціи, — громовое письмо летитъ изъ провинціи Федорову; окажется въ биржевомъ бюллетенѣ цифровая опечатка, — публика обвиняетъ въ этомъ Федорова. А между тѣмъ Михайль Павловичъ Федоровъ не только не читалъ ни передовой статьи, ни корреспонденціи, ни бюллетеня, но даже и не видѣлъ ихъ до появленія въ печати. Все это могло создать цѣлую армію, если не прямыхъ враговъ, то, по крайней мѣрѣ, лицъ недовольныхъ, но Михайль Павловичъ умѣлъ вести себя такъ, что на него никто не могъ сердиться.

Бывали случаи и въ нашей тѣсной редакціонной средѣ. Кто нибудь сдѣлаетъ что нибудь не такъ; Михайль Павловичъ вспылитъ; вспылитъ и его собесѣдникъ, но этой вспышкой дѣло и кончается. Черезъ три-четыре минуты все опять тихо и гладко: Михайль Павловичъ забылъ уже все. У насъ же господствовало мнѣніе, что на Михаила Павловича сердиться нельзя даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ бывалъ не совсѣмъ правъ. Онъ былъ вспыльчивъ, но удивительно незлобивъ. Въ послѣдніе годы его легко было вывести изъ себя, и онъ часто кипятился; но это обостренное состояніе духа продолжалось у него всего нѣсколько минутъ. Онъ быстро входилъ въ норму, и какъ бы ни былъ непріятенъ предшествовавшій разговоръ, — онъ скоро и безслѣдно забывалъ все. Сотрудники его звали въ глаза и за глаза: «папа» или «sheg para», а иногда «милый старикъ». Онъ охотно откликался на всѣ эти обращенія.

Онъ былъ добръ и довѣрчивъ и не умѣлъ отказывать. Этимъ его качествомъ пользовались товарищи и брали у него взаймы мелкія суммы. Давалъ онъ не охотно, но все-таки давалъ. У него даже была заведена особая книжечка, въ которой онъ отмѣчалъ должниковъ и выданныя суммы. Но подъ старость память измѣняла ему, и онъ забывалъ иногда вычеркивать возвращенныя суммы и записывать вновь выданныя. Отъ этого впрочемъ дѣло не страдало: несостоятельныхъ должниковъ у него не оказывалось. Всѣ, кто когда нибудъ пользовался его кошелькомъ въ минуту жизни трудную, съ благодарностью вспоминаютъ о немъ, какъ о человѣкѣ добромъ и отзывчивомъ. Бывали впрочемъ случаи, что его и экспло-

атировали. Онъ самъ рассказывалъ, какъ однажды компанія добрыхъ знакомыхъ пригласила его въ ресторанъ поужинать. Приглашали его, какъ гостя, которому не придется нести никакихъ расходовъ. Но когда ужинъ кончился, то у компаніи не оказалось презрѣннаго металла, и весь счетъ цѣликомъ былъ оплаченъ Михаиломъ Павловичемъ Федоровымъ.

— Хорошо еще,—прибавлялъ онъ добродушно,—что у меня деньги были съ собою въ карманѣ. Иначе вышелъ бы скандалъ...

Такихъ случаевъ было впрочемъ немало въ его жизни, и онъ никогда не сердился, рассказывая ихъ.

Михаилъ Павловичъ прекрасно говорилъ и читалъ по-французски, но русскій языкъ онъ любилъ и предпочиталъ всѣмъ остальнымъ языкамъ. Онъ строго слѣдилъ за правильностью и чистотой родного языка и выходилъ изъ себя, когда кто либо изъ сотрудниковъ употреблялъ въ своихъ газетныхъ отчетахъ неправильные обороты рѣчи и провинціализмы. Онъ строго различалъ такія слова, какъ «одѣлъ» и «надѣлъ». Онъ не выносилъ, когда ктонибудь при немъ говорилъ: «я одѣлъ калоши». Кто бы ни былъ говорившій, М. П. не былъ въ силахъ воздержаться и дѣлалъ непремѣнно поправку.

Онъ любилъ эпоху шестидесятыхъ годовъ и себя причислялъ къ «шестидесятникамъ». Ему нравилось тогдашнее освободительное и либеральное теченіе и хотя онъ, по его собственному признанію, и не былъ въ числѣ активныхъ дѣятелей этой эпохи, но все же, когда рѣчь заходила о шестидесятыхъ годахъ, онъ начиналъ говорить: «мы». При этомъ оказывалось, что и «время наше» было лучше, и «молодежь наша» была лучше, и люди были лучше; словомъ, «мы» было далеко не то, что теперешніе вы... Обладая громадной памятью, М. П. зналъ и рассказывалъ много интересныхъ эпизодовъ изъ жизни шестидесятыхъ годовъ. Особенно были интересны его рассказы объ артистахъ и артисткахъ того времени. Онъ все собирался когданибудь написать свои воспоминанія, но такъ, кажется, и не собрался. А это была бы очень интересная книга. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ знакомствѣ съ корифеями сцены и дѣлалъ имъ очень удачныя характеристики, но, къ сожалѣнію, только устныя. Въ свою очередь ему нравилось, когда вспоминали и о немъ. Знаменитый трагикъ Эрнесто Росси, бывая въ Петербургѣ, два или три раза заходилъ къ М. П. въ редакторскій кабинетъ, подолгу бесѣдовалъ съ нимъ и называлъ его по-итальянски: «il corpulento Fedoroff» (толстякъ Федоровъ). Это такъ нравилось М. П., что онъ по нѣсколько дней съ удовольствіемъ рассказывалъ объ этихъ пріятныхъ для него визитахъ всѣмъ и каждому не только въ редакціи, но даже и въ ресторанахъ, гдѣ онъ завтракалъ и обѣдалъ, и въ театрахъ.

Онъ былъ холостякомъ, и это составляло большое его горе. Это

даже до известной степени и распатало его здоровье. Не имѣя семьи и въ то же время обладая свободными средствами, онъ принужденъ былъ въ теченіе десятковъ лѣтъ питаться въ ресторанахъ и изо дня въ день ѣсть всевозможные пикантные деликатесы, которые далеко не безразличны для желудка. Въ семьяхъ онъ обѣдалъ только въ видѣ исключенія. Водки онъ не пилъ никогда и не любилъ ея, но въ винахъ себѣ не отказывалъ и считалъ себя въ этомъ отношеніи не послѣднимъ знатокомъ.

М. П., будучи редакторомъ большой политической газеты, никогда не интересовался политикой и даже не прочитывалъ иностранныхъ телеграммъ. Ему было рѣшительно все равно, кто сидитъ на папскомъ престолѣ: Пій IX или Левъ XIII. Онъ начиналъ интересоваться событіями Западной Европы лишь тогда, когда они занимали въ газетѣ больше столбцовъ, чѣмъ обыкновенно: умеръ Фридрихъ, воцарился Вильгельмъ, скончался Бисмаркъ, тулонскія торжества—это его занимало. Но и тутъ онъ старался заполучить интересныя свѣдѣнія путемъ устной передачи и бесѣдъ. Радикалы, либералы, консерваторы, партіи, парламенты — это было для него безразлично. Но если дѣло касалось его отдѣла—хроники, онъ становился активнымъ и волновался. Случалось, что на одномъ и томъ же пожарѣ или на какомъ нибудь засѣданіи общества встрѣчались сразу два или три репортера, и оказывалось, что всѣ они были посланы М. П., чтобы какъ нибудь не прозѣвать событія. За недостаточно провѣренное извѣстіе въ хроникѣ репортерамъ отъ него доставалось. Если поступали поправки въ родѣ того, что въ секретари такого-то благотворительнаго общества избранъ не Котовъ, а Котиковъ, то онъ начиналъ волноваться. Болѣе серьезныя возраженія и опроверженія дѣйствовали на него еще болѣе неприятно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ бывалъ даже безпощаденъ. Послѣ невольнаго промаха репортера онъ, не стѣсняясь, говорилъ при всей остальной редакціонной братіи, что этому репортеру ничего поручать нельзя, что онъ человѣкъ ненадежный и т. д. Но если тотъ же промахнувшійся репортеръ приносилъ какое нибудь интересное извѣстіе, то М. П. сразу переменялъ тонъ, забывалъ только что произнесенную филиппику и заявлялъ, что не будь въ его распоряженіи такого надежнаго и хорошаго работника, то и т. д.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ и добрыхъ качествахъ М. П. не умѣлъ и не любилъ хранить чужихъ секретовъ. Это было его слабостью. Иногда изъ этого выходили курьезы. Бывали и смѣшныя положенія. Кто нибудь умышленно сообщалъ ему подъ секретомъ какую нибудь невинную утку, и черезъ часъ эта утка во всевозможныхъ вариантахъ уже циркулировала по всей редакціи. Когда дѣло выяснялось, М. П. первый же добродушно подсмѣивался надъ своей слабостью.

По службѣ Михайлъ Павловичъ былъ удивительно аккуратенъ. Въ редакцію онъ являлся раньше всѣхъ. Манкировалъ онъ замѣчательно рѣдко. Когда Михайлъ Павловичъ не являлся—для насъ было событіемъ, и сейчасъ же начинались тревожные толки о его здоровьѣ. Хворалъ онъ очень рѣдко, и только въ самый послѣдній годъ его кресло оставалось пустымъ все чаще и чаще. Бывать ежедневно въ редакціи было для него такою необходимостью, что, сидя дома по предписанію врача, онъ страдалъ гораздо болѣе нравственно отъ скуки, нежели физически. На лѣтніе мѣсяцы онъ обыкновенно бралъ отпускъ и уѣзжалъ за границу и всякій разъ возвращался оттуда отдохнувшимъ, помолодѣвшимъ и довольнымъ. Европу и ея порядки онъ очень любилъ, но въ послѣдніе годы измѣнилъ ей и сталъ ѣздить на югъ Россіи, въ Бессарабію и въ Одессу. Въ Одессѣ онъ обыкновенно жилъ въ самомъ городѣ, въ гостиницѣ, дышалъ пылью, отравлялся ресторанною кухней, терпѣлъ всяческія неудобства, но все-таки убѣждалъ себя и другихъ въ томъ, что онъ провелъ лѣто превосходно и восстановилъ свои силы.

— Теперъ я—молодцомъ... помолодѣлъ...—говорилъ онъ послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ.

Ему никто не противорѣчилъ, хотя лицо вовсе не показывало, чтобы онъ помолодѣлъ.

Какъ театраль, или, лучше сказать, какъ театральнѣйшій архивъ, Михайлъ Павловичъ былъ незамѣнимъ, и очень жаль, что онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ мемуаровъ. Онъ зналъ наперечетъ и во всѣхъ подробностяхъ всѣхъ этуалей, гастролеровъ и всѣхъ выдающихся и даже посредственныхъ артистовъ и артистокъ. Онъ могъ безошибочно разсказать, кто, гдѣ и въ какихъ роляхъ выступалъ за послѣднія тридцать—тридцать пять лѣтъ. Со многими онъ былъ знакомъ и даже друженъ и очень многихъ зналъ не только по сценѣ, но даже и въ ихъ интимной жизни. Когда, бывало, онъ начнетъ разсказывать странички изъ былой жизни нашихъ театраловъ, ему непремѣнно кто нибудь скажетъ:

— Михайлъ Павловичъ, вы бы это записали. Вѣдь все это неоцѣнимо для потомства!

— Да, да, слѣдовало бы записать... Я все собираюсь, да времени нѣтъ...

У М. П. жизнь сложилась такъ, что у него никогда не было въ достаточномъ количествѣ двухъ вещей: времени и денегъ. О времени сказать что либо трудно, но деньги у него уплывали какъ-то странно и неудержимо. Зарабатывалъ онъ много, не кутилъ и не игралъ, но откладывать хоть что нибудь никакъ не умудрялся.

— Не могу и не умѣю,—говорилъ онъ.—Начиналъ не одинъ разъ откладывать, но ничего изъ этого не выходило...

Онъ такъ и умеръ, не имѣя ничего. Послѣ него остались какія-то ничтожныя крохи.

Какъ товарищъ, онъ былъ вполне корректенъ и безупреченъ. За это его очень цѣнили и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращались къ нему даже за совѣтами, какъ къ старшему. Нужно отдать ему полную справедливость въ томъ, что какъ ни ссорился онъ подъ часъ съ репортерами въ своемъ муравейникѣ, всегда считалъ себя обязаннымъ заступаться за нихъ передъ редакціоннымъ начальствомъ въ случаѣ ихъ вольныхъ или невольныхъ промаховъ. Были случаи, что онъ своимъ заступничествомъ нѣкоторыхъ спасалъ даже отъ опалы и сохранялъ за ними кусокъ хлѣба.

Одною изъ очень большихъ неприяностей для М. П. было, если репортеры пропускали какое нибудь событіе, и оно появлялось въ другихъ газетахъ ранѣе, чѣмъ въ «Новомъ Времени». Въ этотъ день онъ бывалъ не въ духѣ, и репортеры получали отъ него достаточно энергичное внушеніе. Въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно старался какъ нибудь загладить этотъ промахъ и пополнялъ пробѣлъ тѣмъ, что или самъ передѣлывалъ нужный отчетъ изъ газетъ или же поручалъ эту работу прозѣвавшему. Идеальнымъ репортеромъ онъ считалъ покойнаго «короля репортеровъ» Ш. и приводилъ въ назиданіе поучительные эпизоды изъ дѣятельности послѣдняго. Привожу одинъ изъ такихъ разсказовъ.

Въ судѣ разбиралось какое-то дѣло, на которомъ представители печати присутствовать не могли. Ш. явился было въ судъ, но въ дверяхъ его задержалъ судебный приставъ и въ залу не пустилъ. «Король репортеровъ» увѣрилъ пристава, что онъ явился вовсе не ради дѣла, и что дѣло его совсѣмъ не интересуеъ. Ему необходимо до зарѣза проникнуть въ залу только для того, чтобы переговорить съ какимъ-то находившимся тамъ лицомъ. Приставъ повѣрилъ и пропустилъ, но взявъ съ него слово, что о дѣлѣ въ печати не появится ни строки. Ш. далъ слово. Но на другой же день отчетъ о дѣлѣ появился во всѣхъ газетахъ. Нѣсколько времени спустя, судебный приставъ, встрѣтивъ Ш., горько упрекнулъ его въ томъ, что онъ не сдержалъ своего слова и этимъ вызвалъ большую неприяность.

— Впередъ не будьте простакомъ и не вѣрьте журналистамъ, — невозмутимо отвѣтилъ Ш.

Другой эпизодъ, о которомъ М. П. любилъ вспоминать съ удовольствіемъ и тоже въ назиданіе, заключался въ томъ, что Ш. проникъ въ какое-то запретное мѣсто, проскользнувъ между ногъ лица, заграждавшаго входъ репортерамъ. Эти репортеры вели долгіе и бесплодные переговоры и все-таки остались при пиковомъ интересѣ, а у Ш. были необходимыя свѣдѣнія.

— Вотъ какъ надо работать, и вотъ какъ работаютъ настоящіе репортеры! — заканчивалъ М. П. свое поученіе.

По его мнѣнію, репортеръ долженъ былъ знать все и быть вездѣ. Для репортера не должно быть недоступныхъ мѣстъ. Онъ

Михаилъ Павловичъ Федоровъ.

долженъ ухитриться, изловчаться всячески и употреблять всё изгибы своего ума и изобрѣтательности, лишь бы цѣль была достигнута. Не пускають въ дверь,—стучись въ окно.

— А сами вы, Михаилъ Павловичъ, пускали въ ходъ всё эти средства, когда были репортеромъ?—задавали вопросъ.

М. П. слегка смущался, но все-таки отвѣчалъ.

— Наше время было другое. Намъ не было надобности... То были шестидесятые года...

По природѣ онъ былъ очень общительнымъ человѣкомъ и не могъ выносить одиночества. Его постоянно тянуло туда, гдѣ живутъ, говорятъ и суетятся люди, гдѣ есть толпа, и гдѣ жизнь бьетъ ключемъ. Онъ не могъ поэтому сидѣть по вечерамъ дома и проводить эту часть сутокъ большею частью въ театрахъ. Даже въ редакціи въ служебные часы онъ не въ силахъ былъ долго просидѣть въ своемъ кабинетѣ одинъ. Если у него не бывало посѣтителей, то онъ чуть ли не каждыя десять минутъ прибѣгалъ къ звонку и приглашалъ къ себѣ то одного, то другого сотрудника, и нерѣдко случалось, что когда приглашенный являлся, то М. П. не могъ ему сказать ничего или же говорилъ какіе нибудь пустяки, изъ-за которыхъ не стоило и отрывать человѣка отъ дѣла.

Въ театрахъ онъ пользовался большою извѣстностью и популярностью и превосходно зналъ закулисный міръ со всѣми его мелочами и интригами. Онъ имѣлъ въ каждомъ театрѣ свое кресло (въ его же распоряженіи были и редакціонныя кресла). На этой почвѣ иногда разыгрывались весьма комичные инциденты. Случалось, что М. П. по разсѣянности отдавалъ редакціонное кресло въ одномъ и томъ же театрѣ на одинъ и тотъ же спектакль двумъ разнымъ лицамъ, и отъ этого въ партерѣ происходили недоразумѣнія. На другой день М. П. приходилось испытывать очень непріятныя объясненія. Но такъ какъ никто даже и мысли не допускалъ, чтобы М. П. могъ продѣлать такую шутку умышленно, то дѣло обыкновенно кончалось смѣхомъ и тѣмъ, что М. П. конфузился. Въ его добродушіи и воспитанности не сомнѣвался никто. А воспитанъ онъ былъ дѣйствительно прекрасно и, кромѣ того, былъ очень начитанъ. Довольно долгое время онъ былъ театральнымъ рецензентомъ и помѣщалъ свои театральныя замѣтки въ разныхъ газетахъ. При этомъ необходимо отмѣтить то обстоятельство—очень рѣдкое въ наше время,—что сценическіе дѣятели и артисты очень любили его и были напередъ увѣрены въ томъ, что онъ, по своему добродушію, всегда напечатаетъ хорошій отзывъ и въ худшемъ случаѣ промолчитъ. Онъ никогда не бранилъ никого въ печати. Когда онъ умеръ,—закулисный міръ искренно пожалѣлъ о немъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ и мягкомъ и сдержанномъ рецензентѣ. Вспоминается мнѣ по этому поводу одинъ московскій, нынѣ тоже покойный театральный рецензентъ. Тотъ также бывалъ въ театрахъ и за кулисами, но былъ безпощаденъ къ игрѣ артистовъ, и его боялись, какъ огня, и не любили. Когда разнеслась вѣсть о его внезапной кончинѣ, весь московскій театральный міръ вздохнулъ съ облегченіемъ. Федорова же, наоборотъ, не только встрѣчали за кулисами съ распростертыми объятіями, но даже сплошь и рядомъ артисты и артистки пріѣзжали нарочно въ ре-

дакцію, чтобы приглашать его на свои спектакли именно, какъ рецензента.

— Пріѣзжайте, Михаилъ Павловичъ. Вы, по крайней мѣрѣ, если будете писать о насъ, такъ хоть не выругаете...

М. П. въ своихъ разсказахъ о прожитомъ и о старинѣ очень любилъ останавливаться на воспоминаніяхъ о своей дружбѣ съ И. И. Монаховымъ и съ В. А. Лядовой, для которой специально онъ написалъ либретто фарса-оперетты: «Всѣ мы жаждемъ любви».

Любя театръ и слѣдя за его жизнью, онъ часто вздыхалъ. По его мнѣнію, нынѣшній театръ былъ куда ниже театра прежняго: и силы теперь не тѣ, и исполненіе не то, и игра лишена священнаго огня. Настоящій огонекъ былъ у прежнихъ корифеевъ сцены, а теперь уже онъ понемногу угасаетъ. Не знаю, вздыхалъ ли М. П. въ этихъ случаяхъ о невозвратномъ прошломъ такъ же безотчетно, какъ старики вообще вздыхаютъ о добромъ старомъ времени, и по этой ли одной причинѣ видѣлъ все лучшее только позади, въ пережитомъ, но вздыхалъ онъ искренно и глубоко. Какъ бы ни была хороша піеса, какъ ни было блестяще ея исполненіе,—М. П. никогда не выходилъ изъ театра вполнѣ удовлетвореннымъ. Отдавая должное и авторамъ и современнымъ артистамъ-исполнителямъ, онъ все-таки упрямо держался того мнѣнія, что встарину театръ былъ лучше.

Покойный очень много писалъ для театра. Онъ написалъ, кажется, не менѣ тридцати піесъ, изъ которыхъ инныя долгое время были ходовыми, особенно на провинціальныхъ сценахъ. Къ числу ихъ принадлежитъ между прочимъ мелодрама «Хижина дяди Тома», долго не сходившая со сцены губернскихъ городовъ. Изъ его водевилей и до сихъ поръ еще даются: «Модный лакей», «Вспышка у домашняго очага», «Что поѣшь, то и пожнешь», «Перепутались», «Бе-а-ба», «Запрещенный плодъ», «Обличили», «На старости лѣтъ», «Русскіе въ Эмсѣ», «Бываетъ», «Все изъ-за камелій», «Своя своихъ не познаша», «Преступленіе и наказаніе» и много другихъ, часть которыхъ, отвѣчавшая на злобы дня, уже сдана въ архивъ. Но большинство этихъ водевилей, написанныхъ на общежитейскія темы, долго еще не сойдесть со сцены.

Жизнь М. П. сложилась какъ-то странно и была полна противорѣчій. Онъ и самъ не разъ упоминалъ объ этомъ въ товарищеской бесѣдѣ. По рожденію и воспитанію онъ готовилъ себя для одного поприща и всю жизнь проработалъ на другомъ. Родился онъ на югѣ Россіи, въ Кишиневѣ и тамъ провелъ свои лучшіе дѣтскіе годы, о которыхъ, какъ и о горячемъ южномъ солнцѣ и о привольѣ безконечныхъ степей, вспоминалъ всю жизнь съ удовольствіемъ и очень теплымъ чувствомъ. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ сильнѣе тянуло его на югъ. По этой причинѣ онъ и промѣнялъ свои обычные лѣтнія поѣздки за границу на житье въ Бес-

сараби и въ душной Одессѣ. Онъ былъ сыномъ бессарабскаго губернатора, впоследствии новороссійскаго генералъ-губернатора. Потому-то Кишиневъ и Одесса были для него родными палестинами. Какъ сынъ такого важнаго по своему положенію и вліятельнаго лица, онъ могъ разсчитывать смѣло на служебную карьеру, но жизнь распорядилась иначе и сдѣлала его журналистомъ. Онъ воспитывался сначала дома, а затѣмъ въ одесской гимназіи и, закончивъ свое образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ въ 1860 году, поступилъ на службу въ сенатъ. Но бюрократической струнки въ его характерѣ не было и слѣда. Онъ скоро оставилъ службу и посвятилъ всего себя журналистикѣ. Своими юридическими познаніями онъ не пользовался никогда и даже, кажется, постарался къ старости перезабыть все то, чему учился въ университетѣ. Но къ памяти своихъ профессоровъ онъ сохранилъ большое уваженіе и вспоминалъ о нихъ и объ университетѣ съ любовью. О службѣ же въ сенатѣ почему-то говорить не любилъ и очень часто иронизировалъ, вспоминая льготный день—субботу, называя его баннымъ днемъ. По субботамъ, по его словамъ, сенатскіе чиновники, въ его время, ходили не на службу, а въ баню. Не любилъ онъ также и департаментовъ вообще, гдѣ каждый столъ вѣдаетъ свои отдѣльныя дѣла. Онъ нерѣдко высказывалъ этотъ недружелюбный взглядъ и въ редакціи. Если репортеръ отказывался доставить какое нибудь извѣстіе, ссылаясь на то, что это извѣстіе долженъ сообщить другой, такой-то, М. П. сердился и напоминалъ, что въ редакціи департаментскихъ порядковъ заводить нельзя. Очередное, текущее дѣло долженъ дѣлать каждый, кто только въ силахъ его выполнить.

Страсть къ театру зародилась въ М. П. очень рано, когда онъ былъ еще гимназистомъ въ Одессѣ. Каждый воскресный вечеръ онъ былъ непременно въ театрѣ. Увлеченіе послѣднимъ было настолько велико, что онъ еще мальчикомъ организовалъ изъ своихъ сверстниковъ труппу и перевелъ на русскій языкъ комедію «*Que dira le monde*». Этотъ переводъ потомъ постигла горькая участь. Въ тѣ времена издавался «Театральный и Музыкальный Вѣстникъ» М. Я. Раппопорта. М. П. послалъ туда свою рукопись и разсчитывалъ увидѣть переводъ въ печати, но такъ и не увидѣлъ. Рукопись затерялась и погибла.

Возвращаясь опять къ противорѣчіямъ, которыя ставила ему судьба на житейской дорогѣ. Было время, когда М. П. мечталъ не на шутку объ ученой карьерѣ и не только мечталъ, но даже и сдѣлалъ кое-какія попытки въ этомъ направленіи. По окончаніи университета онъ ѣздилъ за границу съ спеціальною цѣлью изучить тюремное дѣло. Это было въ 1860 году. Въ Парижѣ онъ посѣтилъ нѣсколько тюремъ и затѣмъ основательно ознакомился съ

обширною литературой по тюрьмовѣдѣнію. Но дѣло кончилось только тѣмъ, что онъ напечаталъ въ «Голосѣ» фельетонъ о тюрьмахъ во Франціи и затѣмъ навсегда забылъ вопросъ о тюрьмовѣдѣніи и поступилъ въ сенатъ. Но его бюрократическая дѣятельность не ограничилась одною только службою въ сенатѣ. Онъ попробовалъ также послужить и по министерству внутреннихъ дѣлъ въ должности инспектора типографій, литографій и фотографій. Но и на этой должности онъ пробылъ недолго. Его въ это время гораздо болѣе интересовала литературная работа: онъ передѣлывалъ съ французскаго піесы для сцены и пописывалъ театральныя рецензіи.

Влеченіе къ литературной и журнальной работѣ онъ почувствовалъ также съ юныхъ лѣтъ. Первую французскую комедію онъ перевелъ, какъ уже сказано, еще будучи гимназистомъ. Во времена студенчества онъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ студенческаго кружка, предпринявшаго изданіе рукописнаго журнала «Студенческой міръ». Въ составъ этого кружка входили тогда Л. Н. Майковъ, Я. И. Утинъ, Всеволодъ Крестовскій и Ю. М. Богушевичъ. Тогда же въ университетѣ подъ редакціей М. И. Сухомлинова издавался «Сборникъ статей студентовъ». М. П. въ этомъ сборникѣ былъ членомъ редакціонной комиссіи по выбору отъ студентовъ юридическаго факультета.

Свое первое драматическое произведеніе, двухъ-актную комедію «Неопытность», М. П. напечаталъ въ «Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ» въ 1858 году. Это была вещь, написанная въ обличительномъ духѣ, подъ вліяніемъ «Губернскихъ очерковъ» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но ранѣе этого имъ былъ произведенъ журнальный дебютъ въ 1857 году. Это была незначительная статья, напечатанная въ дамскомъ журналѣ «Сѣверный Цвѣтокъ». За нею слѣдовалъ потомъ и рядъ другихъ статей. Подписывался онъ здѣсь М. Ф., М. Михленко и М. М—нко. Въ 1858—1860 году, онъ, еще будучи студентомъ, лѣтъ 19—20, принималъ участіе въ журналѣ А. М. Станюковича «Семейный кругъ» и выступилъ въ немъ сначала съ рассказомъ «Изъ воспоминаній профъзжаго» и потомъ съ цѣлымъ рядомъ статей: «Объ устройствѣ учебной части университетовъ», «Трагедіи Шекспира и г. Айръ-Ольдриджъ», «О званіи адвоката во Франціи», о сочиненіяхъ И. Панаева, Островскаго и др.

Много замѣтокъ, біографій и рецензій онъ напечаталъ въ «Библиотекѣ для чтенія» и въ «Русской сценѣ». Въ послѣдней онъ помѣстилъ между прочимъ «Матеріалы для исторіи русскаго театра въ Петербургѣ» и «Отрывокъ изъ жизни Виктора Гюго, какъ драматическаго писателя».

Въ 1861 году на Александринской сценѣ была поставлена первая его оригинальная пьеса «Женскія слезы». Онъ не разъ говорилъ потомъ, что день этого спектакля глубоко запечатлѣлся въ его

памяти и послужилъ толчкомъ къ дальнѣйшему творчеству специально для сцены.

М. П. въ теченіе почти сорока лѣтъ много работалъ въ разныхъ изданіяхъ. Онъ писалъ въ «Голосѣ», «Народномъ Богатствѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Петербургской Газетѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» К. В. Трубникова, «Театральномъ міркѣ», «Суфлерѣ» и во многихъ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Свои произведенія онъ большею частью скромно подписывалъ одною только буквою «Ф.», а иногда «Вѣсѣ».

Въ «Новомъ Времени» онъ официально считался отвѣтственнымъ редакторомъ и подписывался имъ, но собственно въ редактированіи газеты онъ принималъ довольно скромное участіе. Въ его вѣдѣніи находилась только хроника и отчасти «Театръ и Музыка». По другимъ, болѣе важнымъ и отвѣтственнымъ отдѣламъ онъ рѣшающаго голоса не имѣлъ, да и не могъ имѣть, потому что, какъ уже сказано ранѣе, онъ политикой не интересовался. Къ этому нужно прибавить еще и то, что онъ, по самому складу своей души, не любилъ политической экономіи и всякаго рода общественныхъ и научныхъ вопросовъ и чувствовалъ себя тепло и дома только въ несложной и хорошо ему знакомой сферѣ театра и текущихъ мелкихъ событій. Какъ отвѣтственный редакторъ, онъ дѣйствительно несъ отвѣтственность за промахи редакціи и раза два или три отбывалъ по приговору суда наказаніе. Но это время «высидки» онъ считалъ самымъ спокойнымъ и чуть не самымъ счастливымъ въ своей жизни. Онъ очень комфортабельно устраивался въ мѣстѣ своего заключенія, пользовался прекраснымъ столомъ, никогда не обѣдалъ одинъ, щеголялъ винами и сигарами и отдыхалъ. Говорятъ даже, будто онъ умѣлъ устраиваться такъ, что его видѣли иногда посѣщавшимъ подъ сурдинку загородные сады.

Въ «Новомъ Времени» М. П. началъ работать еще въ тѣ времена, когда оно принадлежало Киркору и Юматову. Затѣмъ онъ оставался дѣйтельнымъ членомъ редакціи этой газеты при Устряловѣ и Нотовичѣ. При О. К. Нотовичѣ онъ занялъ редакторское кресло и уже не разставался съ нимъ и при А. С. Суворинѣ. Въ своемъ редакціонномъ кабинетѣ онъ просидѣлъ безсмынно почти 25 лѣтъ. За послѣдніе годы онъ сталъ понемногу прихварывать, жаловался на боль въ сердечной области и въ печени, на разстройство нервовъ и на общее недомоганіе. Въ одинъ несчастный для него день онъ захворалъ серьезно и пролежалъ въ постели недѣли двѣ. Послѣ этого онъ всталъ уже надломленнымъ и отказался отъ своихъ обязанностей по редакціи. Онъ перешелъ на пенсію, которая была ему назначена очень щедро.

Съ той поры онъ каждый день являлся въ урочный часъ въ редакцію, садился въ мягкое кресло въ общей сотрудиической

комнатѣ, прочитывалъ по привычкѣ газеты, иногда брался за перо и набрасывалъ на бумагѣ нѣсколько строкъ, но большею частью скучалъ безъ дѣла и вступалъ въ бесѣду со всякимъ лицомъ, входившимъ въ комнату. Онъ попрежнему интересовался и жизнью Петербурга, и театромъ, и ходомъ газеты... Но это былъ уже не прежній М. П.! Онъ былъ по-старому сердеченъ, добръ и незлобивъ, но уже незамѣтно для самого себя сталъ повторяться: дважды здоровался съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, то два раза рассказывалъ одну и ту же исторію, быстро забывалъ то, что рассказывали ему, и видимо слабѣлъ. Онъ чувствовалъ это и самъ, и съ грустью повторялъ не разъ фразу, выхваченную изъ какого-то киргизскаго анекдота:

— Стара стала, глупа стала... Пора умирать!..

Окончивъ свое сидѣнье въ комнатѣ сотрудниковъ, онъ аккуратно въ пестомъ часу поднимался съ кресла и уѣзжалъ обѣдать, точь въ точь, какъ въ тѣ времена, когда онъ былъ еще активнымъ лицомъ въ редакціи. На извозчика онъ уже не могъ садиться безъ посторонней помощи. Онъ уѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы на другой день въ обычный часъ пріѣхать въ редакцію опять. Но за два дня до Рождества его обычное мѣсто оказалось пустымъ, и разнеслась вѣсть о томъ, что его постигъ «ударъ». Въ самый день Рождества его не стало. Онъ умеръ отъ апоплексіи... Всѣмъ стало грустно при этой вѣсти, всѣмъ намъ стало жаль нашего М. П., и всѣ мы невольно вспомнили о его прошлой и теперь уже навсегда закончившейся невидной и неслышной, но полезной журнальной дѣятельности. Его имя не гремѣло, оно не было никогда окружено ореоломъ славы выдающагося писателя, о немъ не кричали и не писали; съ М. П. даже не полемизировалъ никто. Но онъ все-таки былъ популяренъ въ Петербургѣ—въ театрахъ и на журнальной нивѣ, всѣ его любили, всѣ знали его, какъ добраго, честнаго и отзывчиваго человѣка, и очень, очень многіе пожалѣли отъ всей души, когда прочли его имя въ траурной рамкѣ.

М. П. родился 30-го сентября 1839 года и умеръ 25-го декабря 1900 года, на 62 году жизни. На его похоронахъ было много представителей литературы и театра. Его могила находится на Митрофаньевскомъ кладбищѣ, возлѣ собора, съ правой стороны.

Ал. Чеховъ (А. Сѣдой).

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВЪ СЕЛѢ КОКШАЙСКѢ ВЪ 1869 ГОДУ.

I.

СЕЛО Кокшайское, Казанской губерніи, Царевококшайскаго уѣзда, находится близъ устья двухъ крупныхъ притоковъ Волги: Большой Кокшаги и Малой Кокшаги.

Путешествующіе на пароходахъ обыкновенно тамъ, гдѣ вливаются въ Волгу эти рѣки, любуются красотами лѣваго берега и невольно запоминаютъ привлекательные виды окрестностей села Кокшайска. Правый волжскій берегъ, противъ села возвышающійся надъ водой не менѣе 35 сажень, покрытъ мѣстами мелкимъ, рѣдкимъ и невысокимъ кустарникомъ; здѣсь преобладаютъ неровности и однообразные крутые спуски; мѣстами виднѣются толстые слои красной глины съ бѣловатыми и синеватыми полосками. Лѣвый же берегъ занятъ сплошными, уходящими въ даль, хвойными лѣсами.

Тамъ, гдѣ стоитъ Кокшайскъ, прежде всего видна узкая полоса песчанаго низменнаго берега, затѣмъ слѣдуютъ красивые луга и ряды кустарниковъ, скрывающихъ длинное, неширокое озеро, богатое рыбой. Снова маленькая песчаная низина, а далѣе идутъ сельскія постройки, въ центрѣ которыхъ возвышается старинная каменная церковь, перестроенная въ 1794 году. Потомъ начинается дремучій лѣсъ, который тянется на сотни верстъ; въ немъ преобладаютъ сосна, ель и пихта, поражающія своимъ мощнымъ ростомъ, часто достигающимъ болѣе 80 футовъ. Обиліе лѣса и воды и ихъ размѣщеніе придаютъ Кокшайской мѣстности разнообразную красоту.

Село Кокшайскъ.

Село Кокшайскъ извѣстно съ 1574 года. Въ это время, по указу царя Ивана Васильевича Грознаго, оно было укрѣплено съ цѣлю имѣть надзоръ за луговыми черемисами. Въ селѣ и до сихъ поръ видны остатки валовъ и рововъ. Каждый годъ вешняя вода въ западной сторонѣ, срывая верхніе слои песка, открываетъ массу костей; поэтому можно думать, что эта мѣстность была издавна обитаема.

Долгое время Кокшайскъ былъ городомъ; имъ завѣдывалъ воевода, въ немъ было четыре церкви, казачья и крѣпостная конторы и таможня.

Во время бунта Стеньки Разина часть населенія, вслѣдствіе нападений волжской вольницы, отсюда переселилась въ Царевококшайскъ, куда переведены были затѣмъ и административныя учрежденія. Кокшайскій край—привольный. Народъ здѣсь смышленный. Владѣя только небольшимъ количествомъ луговой и огородной земли, кокшайцы, тѣмъ не менѣе, живутъ безъ нужды; средства имъ даютъ Волга и лѣсъ; всѣ они принимаютъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ волжскихъ промыслахъ и занятіяхъ.

II.

Въ іюлѣ 1869 года, приволжское населеніе Казанской губерніи узнало, что въ скоромъ времени по Волгѣ будетъ путешествовать наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, съ супругой, Маріей Ѳеодоровной, и великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Съ 13-го числа этого мѣсяца стало извѣстно, что ихъ высочества прибыли уже въ Нижній Новгородъ.

Подъ вліяніемъ такой вѣсти нѣкоторые обыватели Царевококшайскаго уѣзда проѣхали чрезъ село Кокшайскъ въ стоящій выше его по Волгѣ Маринскій посадъ, предполагая, что пароходъ съ ихъ высочествами здѣсь остановится.

16-го іюля, въ четвертомъ часу по полудни, въ Маринскомъ посадѣ, весь волжскій берегъ былъ усѣянъ пестрой и разнообразной толпой: тутъ были мѣстные горожане, пріѣхавшіе крестьяне, группы чувашъ и черемисъ.

Всѣ собравшіеся съ особымъ вниманіемъ ждали парохода съ высочайшими особами. Скоро онъ появился. Поравнявшись съ Маринскимъ посадомъ, пароходъ пошелъ самымъ тихимъ ходомъ около берега, но къ нему не присталъ. Тогда многіе изъ прибывшихъ снизу отправились въ лодкахъ за пароходомъ; въ числѣ такихъ лицъ былъ крестьянинъ села Кокшайска, Николай Андреевичъ Казанцевъ. Подъѣзжая къ своему селу, онъ замѣтилъ, что пароходъ съ ихъ высочествами стоитъ на якорѣ противъ Кокшайска. Удивленный Казанцевъ быстро очутился на берегу близъ парохода и свои впечатлѣнія передалъ своему отцу, который тутъ ло-

Церковь въ селѣ Кокшайскѣ.

виль неведомъ рыбу вмѣстѣ съ черемисами. Съ парохода цесаревича спущена была лодка, и находившіеся въ ней матросы подробно разспросили Казанцевыхъ о Кокшайскѣ и затѣмъ уѣхали обратно. Послѣ небольшого промежутка времени ихъ высочества со свитой своей переѣхали въ лодкѣ на берегъ и направились къ Кокшайску.

Отецъ и сынъ Казанцевы съ артелью рабочихъ немедленно построились рядами и отъ избытка чувствъ встрѣтили прибывшихъ громкимъ «ура», развесшимся по сосѣднимъ лугамъ, гдѣ находилось много крестьянъ, занятыхъ уборкою сѣна. Быстро толпа увеличилась. Впереди ея были Казанцевы и другіе. Къ нимъ наслѣдникъ цесаревичъ обращался съ разспросами объ условіяхъ мѣстной жизни. При дальнѣйшемъ шествіи ихъ высочествъ, на встрѣчу имъ ѣхали въ плетенкѣ три женщины. Замѣтивъ неожиданно оригинальную группу, онѣ свели экипажъ съ дороги и сами остановились. Тутъ была тринадцатилѣтняя дочь священника, Александра Спасская, съ подругой и крестьянкой. Ихъ высочества пожелали узнать отъ встрѣтившихся о цѣли ихъ поѣздки, кто онѣ, и гдѣ проживаютъ постоянно. Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ крестьянъ кратчайшей тропой побѣжали въ село, чтобы предупредить и устроить подобающую встрѣчу ихъ высочествамъ. Вѣстники и вѣстницы явились для сообщенія въ домъ старосты и священника. Но тотъ и другой отсутствовали. Послѣдній въ это время былъ въ Царевкокшайскѣ у своего благочиннаго. Тогда жена священника, Александра Гавриловна Спасская, доселѣ здравствующая, распорядилась отпереть церковь и начать звонъ.

Этимъ способомъ о необыкновенномъ происшествіи извѣщены были всѣ жители, находившіеся на работахъ въ отдаленіи отъ села. Послѣдовало немедленное возвращеніе ихъ, и около церкви въ короткое время составился значительный сходъ. Ихъ высочества, прибывъ въ село Кокшайское, прямо прошли въ церковь. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Алексѣй Александровичъ, сдѣлавъ предъ царскими вратами по земному поклону, сначала были въ алтарѣ, а потомъ стали осматривать церковь. Государыня цесаревна Марія Теодоровна въ это время обдарила присутствующихъ въ церкви дѣтей крестиками. Когда наслѣдникъ цесаревичъ подошелъ къ церковному ящику, то спустил въ него сторублевый кредитный билетъ, протолкнувъ его маленькимъ карандашомъ. Въ это время къ ихъ высочествамъ подошла жена священника, Александра Гавриловна Спасская, представилась имъ и пригласила въ свой домъ. Прибывшихъ высокихъ гостей матушка Спасская успѣла встрѣтить хлѣбомъ и солью и предложила имъ чай съ малиновымъ вареньемъ и деревенскими конфетами. Ихъ высочества, обласкавъ всѣхъ дѣтей священника, подробно разспрашивали о жизни духовенства и съ сожалѣніемъ узнали,

Домъ свещеника въ селѣ Кокшайскѣ.

что о. Спасскій, вслѣдствіе ограниченности средствъ, лишенъ возможности обучать своихъ дочерей въ учебныхъ заведеніяхъ. Наслѣдникъ цесаревичъ, осмотрѣвъ въ кабинетѣ священника церковныя приходо-расходныя книги, взялъ листокъ бумаги, чернильницу съ перомъ, пришелъ въ залу и написалъ: «16-го іюля 1869 года посѣтили домъ священника Ивана Ѳеодоровича Спасскаго государь цесаревичъ, государыня цесаревна и великій князь Алексѣй Александровичъ». Передавая этотъ автографъ матушкѣ, наслѣдникъ сказалъ, что онъ оставляетъ его на память для ея мужа. Изъ комнатъ ихъ высочества перешли въ находящійся на дворѣ небольшой садикъ. Здѣсь государь цесаревичъ сидѣлъ на пенкѣ березы, а государыня цесаревна на диванчикѣ.

Въ 8 часовъ вечера, ихъ высочества, сопровождаемыя всѣмъ населеніемъ Кокшайска, отправились обратно. Дорогой происходила снова живая, непосредственная и разнообразная бесѣда ихъ высочествъ съ жителями; она была такъ интересна для наслѣдника цесаревича, что онъ свои впечатлѣнія весьма часто заносилъ въ записную книжку. Между прочимъ, онъ, по желанію цесаревны, спрашивалъ и о томъ, гдѣ крестьянскія дѣти обучаются грамотѣ, и узналъ, что уроки обученія ведутся въ домѣ священника о. Спасскаго, подъ руководствомъ котораго устроилась школа грамоты. Но разговоръ былъ прерванъ; крестьянинъ Казанцевъ явился на тройкѣ лошадей и просилъ ихъ высочества доѣхать; наслѣдникъ цесаревичъ это предложеніе отклонилъ, разрѣшивъ, чтобы ѣхали уставшія лица изъ свиты, тѣмъ болѣе, что до парохода было уже недалеко.

Когда всѣ подошли къ Волгѣ, то съ дозволенія наслѣдника цесаревича рыбаками заброшенъ былъ неводъ, имъ было оцѣнено не менѣе 150 сажень, но уловъ былъ ничтожный. «Не прибыльно ваше занятіе»,—сказалъ наслѣдникъ и далъ рыбакамъ денегъ.

Искренность Кокшайскаго населенія, его дѣловитость, смѣтливость и энергія доставили, кажется, высокимъ путешественникамъ удовольствіе. Многихъ крестьянъ и жену священника они надѣлили цѣнными подарками, а пароходъ съ ихъ высочествами близъ Кокшайска оставался до утра. Когда стемнѣло, крестьяне устроили на берегу иллюминацію, зажгли смоляныя бочки и освѣтили соседній лѣсокъ фонарями. Здѣсь долго продолжался сборъ народа, а близъ парохода повсюду сновали десятки лодокъ съ мальчиками и дѣвочками, которымъ отъ цесаревны были высланы лакомства. Раннимъ утромъ пароходъ отправился внизъ по Волгѣ къ Казани.

Такъ совершился неожиданный пріѣздъ въ село Кокшайское императора Александра III, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, съ супругой цесаревной Маріей Ѳеодоровной и великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Такъ произошла простая задушевная встрѣча ихъ съ волжскимъ сельскимъ населеніемъ безъ всякой

Училищный домъ въ селѣ Кошпайскѣ

программы и при отсутствіи представителей администраціи. Въ Кокшайскѣ крѣпко хранятся воспоминанія объ отраднѣхъ минутахъ, выпавшихъ на долю его жителей 16-го іюля 1869 года. Главнымъ хранителемъ этихъ впечатлѣній было и будетъ мѣстное начальное училище; въ лѣтописи его давно уже собраны всѣ разказы про этотъ день. Затѣмъ Царевококшайское уѣздное земство, желая увѣковѣчить пребываніе ихъ императорскихъ высочествъ въ селѣ Кокшайскѣ, въ память этого событія въ 1898 году построило для училища зданіе и организовало при немъ ремесленный классъ. Благодаря заботамъ земства и преподавателей И. П. Павловскаго и П. М. Модина, въ училищномъ домѣ постепенно составляется коллекція предметовъ, напоминающихъ о поѣздкѣ наследника цесаревича по Волгѣ въ іюль 1869 года.

В. Люстрицкій.

РАЗСКАЗЪ ОБЪ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II.

В 1856 ГОДУ, послѣ сдачи непріятелю Севастополя, наступилъ незабвенный для насъ день посѣщенія нашего (42 пѣхотнаго Якутскаго) полка императоромъ Александромъ II. Былъ чудный осенній день. Нашъ полкъ стоялъ совершенно отдѣльно отъ другихъ полковъ на Инкерманскихъ высотахъ. Сердца наши учащенно бились въ ожиданіи того, за кого мы охотно отдавали свою жизнь. Глаза наши были обращены въ сторону Бахчисарая, откуда долженъ былъ показаться экипажъ государя. Наконецъ насталъ желанный моментъ, и коляска, запряженная шестерикомъ, подъѣзжала къ мѣсту расположенія полка. Поздоровавшись съ полкомъ, государь подошелъ ко мнѣ, первому изъ офицеровъ, и спросилъ:

- Изъ кадетъ?
- Изъ юнкеровъ, ваше императорское величество.
- Давно на службѣ?
- Съ 1850 года, ваше императорское величество.
- За что получили?..

Такъ какъ французскіе стрѣлки очень мѣтко выбивали офицеровъ, цвѣтъ платья которыхъ рѣзко отличался отъ солдатскаго, то намъ вѣрно было надѣть солдатскую форму. Офицеровъ можнѣ

было отличать лишь по погонамъ, при томъ же въ то время форма мундировъ была измѣнена: фракovidные мундиры были замѣнены двубортными кафтанами; но никто изъ насъ не успѣлъ еще обзавестись новой формой. Да и до того ли было! Итакъ, въ солдатской шинели,—поэтому не при орденахъ,—я недоумѣвалъ, о какомъ отличіи государь меня спрашиваетъ. Послѣдній вопросъ государь повторилъ нѣсколько разъ, вперивъ въ меня свой очаровательно-ласкающій взоръ, съ улыбкой на лицѣ. Съ каждой минутой я все больше и больше терялся, а государь, все терпѣливо улыбаясь, повторялъ одинъ и тотъ же вопросъ. Къ счастью, на выручку подоспѣлъ главнокомандующій, князь Горчаковъ, со свитою его величества. Стоя за государемъ, онъ указалъ мнѣ на саблю съ орденскимъ темлякомъ. Я до того растерялся, что въ эту минуту не могъ пропомнить, какого числа я получилъ саблю «за храбрость», и сказалъ государю: «за штурмъ 6-го іюня, ваше величество». (Этотъ день глубоко вѣзался въ мою память). Государь сказалъ:

— Мнѣ очень интересно услышать отъ очевидца объ этомъ штурмѣ, рассказывайте, что знаете. Что вы видѣли того числа?

Я сталъ рассказывать приблизительно слѣдующее. Въ 4-мъ часу утра, послѣ ракеты, взвившейся на Камчатскомъ редутѣ (отнятомъ у насъ непріателемъ), начался ожесточенный штурмъ на всѣ бастионы. Непріатель, отброшенный съ большимъ урономъ отъ Малахова кургана, устремился на батарею Жерве, находившуюся между Малаховымъ курганомъ и третьимъ бастиономъ, выбилъ оттуда малочисленную роту Сѣвскаго полка, завладѣлъ батареей, съ незаклепанными даже орудіями, и готовился было уже занять вторую оборонительную линію, состоявшую изъ бруствера не выше сажени; но генералъ Хрулевъ, начальникъ Корабельной, подскочилъ къ нашему полку, стоявшему въ резервѣ, близъ Павловскаго мыска, и со словами: «Якутцы, вы моя гвардія, непріатель ворвался въ Севастополь—вышвырнемъ его», ринулся впередъ съ бѣгущихъ за нимъ полкомъ. Къ счастью, непріатель не успѣлъ еще занять оборонительной линіи, и мы залегли за нею вдоль по всему ея протяженію. Хрулевъ, уѣзжая на второй бастионъ (слабѣйшій пунктъ Корабельной), приказалъ намъ не предпринимать ничего до его возвращенія, а лишь отстаивать нашу позицію. Однако, по удаленіи Хрулева, люди не хотѣли оставаться въ бездѣйствіи, и какъ мы ни старались удержать ихъ до приѣзда генерала, они развернули рогатки и съ крикомъ «ура» бросились на непріателя въ штыки. Намъ, офицерамъ, ничего больше не оставалось, какъ послѣдовать за людьми. Не больше какъ въ полчаса значительно превосходящій насъ численностью непріатель былъ выбитъ изъ батареи и обратился въ бѣгство, не успѣвъ заклепать нашихъ орудій, что дало возможность нашимъ офицерамъ

заряжать орудія и обстрѣливать бѣгущаго непріятеля картечью (орудійная прислуга была почти всѣ перебита непріателемъ). Часть французовъ осталась, однако, въ Севастополѣ и залегла въ матросскихъ домикахъ и казармахъ, находящихся между брустверомъ и второю оборонительною линіею, откуда мы должны были выбивать ихъ, при отчаянномъ сопротивленіи, штыками. До пріѣзда Хрулева все было кончено—много французовъ взято было въ плѣнъ, поле сраженія было усѣяно ихъ тѣлами; наша потеря была незначительна. Хрулевъ отозвался къ намъ: «Молодцы якутцы, я замѣшкался и былъ увѣренъ, что вы не долго будете смотрѣть на непріятеля, спасибо, господа офицеры, и вамъ, ребята!».

Государь выслушалъ все это терпѣливо и сказалъ:

— Все, что вы говорите, относится не къ Якутскому, а къ Сѣвскому полку, я отлично помню реляцію этого дѣла.

— Ваше величество, я не посмѣлъ бы лгать передъ моимъ царемъ, да и могла ли устоять малочисленная рота Сѣвскаго полка, не болѣе ста человѣкъ, передъ многочисленнымъ непріателемъ? Половина людей ихъ была перебита, а остальные присоединились къ нашему полку. Что же касается реляцій, то онѣ всегда почти расходятся съ дѣйствительностью.

— Какъ врутъ? Съ какою цѣлью?

— Реляціи, ваше величество, обыкновенно выходятъ невѣрными потому, что офицеры, откомандированные изъ полковъ въ главный штабъ, стараются въ болѣе блестящемъ видѣ выставить свои полки, для предоставленія имъ награды.

— Значитъ, меня обманываютъ?

— На то походитъ, ваше величество.

Въ это время князь Горчаковъ началъ мнѣ грозить пальцемъ. У меня, должно быть, физиономія вытянулась, потому что государь мгновенно обернулся назадъ и, завидя палецъ князя при его носѣ, сказалъ: «Князь! пожалуйста». Затѣмъ, обратясь къ командиру нашего полка генералъ-майору Вѣлому, спросилъ:

— Вѣрно ли показаніе этого офицера?

— Совершенно вѣрно, ваше величество.

Тогда государь обратился къ какому-то генералу своей свиты и сказалъ:

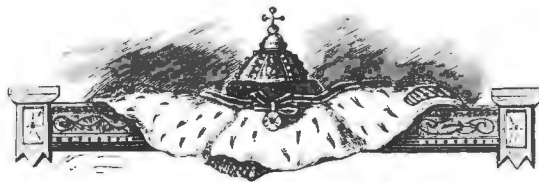
— Произвести слѣдствіе.

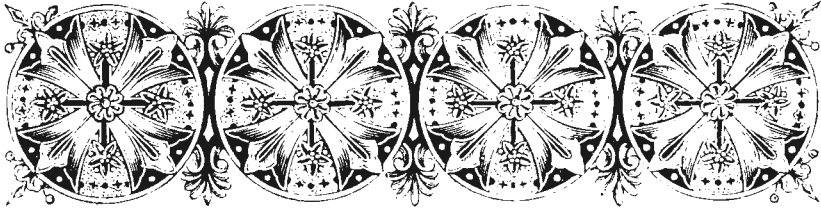
Чѣмъ кончилось это слѣдствіе—не знаю, однако, нашему полку вышли дополнительныя награды; я же не былъ подвергнутъ ни малѣйшей отвѣтственности.

По окончаніи смотра, государь благодарилъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ за усердную боевую службу, при чемъ изволилъ сказать: «Господа офицеры! Я никогда не забуду вашей службы въ Севастополѣ; если кто либо изъ васъ будетъ имѣть нужду,

обращайтесь прямо ко мнѣ». Затѣмъ, простившись съ полкомъ, обратился еще къ нижнимъ чинамъ: «Ребята! не кидайте вверхъ шапокъ, а то испугаете лошадей»; но, въ пылу восторга, вмигъ забыты были царскія слова: грянуло русское «ура»; шапки взвились высоко въ воздухъ, и лошади дѣйствительно прибавили аллюръ, а мы долго провожали глазами удаляющійся экипажъ, покуда онъ не скрылся за горизонтъ.

К. Добровольскій.

ДРАМА СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХЪ ВЪ ОБЕРАММЕРГАУ.

ОЗВРАЩАЯСЬ съ Парижской выставки, я спѣшила въ Мюнхенъ, чтобы застать представленіе драмы страстей Иисуса Христа въ селѣ Обераммергау. Эти представленія, повторяющіяся черезъ каждое десятилѣтіе, даются въ продолженіе одного лѣта по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; если же наплывъ иностранцевъ и пріѣзжихъ очень великъ, то почти всегда бываютъ повторенія на слѣдующій день.

Въ Мюнхенъ я пріѣхала въ воскресенье, день предпослѣдняго представленія, и въ ту же ночь, въ 4 часа, выѣхала въ Обераммергау, чтобы поспѣть въ понедѣльникъ къ началу повторенія. Текстъ очень длинной драмы я изучила еще до пріѣзда въ Мюнхенъ.

Въ католическихъ странахъ религіозныя драмы появились въ IV ст., а въ XII ст. мистеріи давались уже во всей Западной Европѣ. Теперь же религіозныя драмы сохранились въ одномъ только баварскомъ католическомъ селѣ Обераммергау, при чемъ драма страстей Христа повторяется лишь черезъ каждыя десять лѣтъ. Эти періодическія представленія происходятъ по обѣту жителей, данному по случаю избавленія отъ чумы въ началѣ XVII столѣтія. Первое представленіе состоялось въ 1634 г. Съ этого года они повторялись до 1770 г., при чемъ сдѣлана была поправка, чтобы представленія совпадали съ годами, оканчивающимися 0. Съ 1770 г. по 1800 г. они были запрещены, какъ общая мѣра противъ религіозныхъ драмъ со стороны баварскаго правительства. Послѣ

вторичной попытки въ 1801 г. запретить ихъ навсегда, въ 1811 г. они вновь были разрѣшены ¹⁾. Въ промежуткахъ даются драмы, но только изъ жизни святыхъ и преимущественно для мѣстныхъ жителей. И вотъ это небольшое село съ 1500 жителями, закрытое со всѣхъ сторонъ высокими горами, такое уединенное и отдаленное отъ большихъ городовъ съ ихъ суетой и обычнымъ движеніемъ, приобрѣло всемірный интересъ христіанскихъ націй. Повторяющіеся каждое десятилѣтіе наѣзды иностранцевъ сдѣлали жителей общительными и привѣтливыми и заставили ихъ обратить вниманіе на благоустройство своего родного села. На средства ²⁾, заработанныя предшествовавшими представленіями, они устроили у себя канализацію и водопроводъ по образцу большихъ городовъ, выстроили больницу, обновили и украсили церковь, выстроили школу рисованія и рѣзбы по дереву, главнаго ремесла поселянъ, доставившаго имъ извѣстность уже въ средніе вѣка; увеличили пожарную команду и, наконецъ, выстроили новый театръ къ 1900 году.

Въ началѣ нашего столѣтія зрители располагались подъ открытымъ небомъ передъ сценой, затѣмъ выстроили зрительный залъ; долгое время не было нумерованныхъ мѣстъ, и зрители забирались съ вечера, чтобы захватить наилучшія мѣста; постепенно залъ закрывали крышей, и наконецъ въ этомъ году совершенно новое удобное зданіе раскрыло свои двери многочисленнымъ посѣтителемъ.

Я пріѣхала въ Обераммергау въ 7^{1/2} час.; начало въ 8 ч. Провозившись въ поискахъ за билетомъ, я попала въ зрительный залъ ко второй живой картинѣ «боготвореніе креста», пропустивъ первую «изгнаніе прародителей изъ рая» и прологъ. Занавѣсъ уже опускался. Я осмотрѣлась. Мое мѣсто находилось посреди громаднаго зала, отлого спускавшагося къ сценѣ. Послѣдняя устроена такъ. Посреди большой, открытой площади стоитъ храмъ, въ которомъ и находится собственно сцена, накрытая крышей; фронтонъ храма, составляющій занавѣсъ, украшенъ извѣстнымъ изображеніемъ Моисея Микель-Анжело и пророковъ Исаи и Іереміи. Влѣво

¹⁾ I. Schröder, «Oderammergau und sein Passions-Spiel».

²⁾ Средства эти возрастаютъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Въ 1880 г. сборъ со всѣхъ представленій и сумма мелкихъ доходовъ, какъ продажа фотографій и т. п., составлялъ 336.596 марокъ. Въ 1890 г.—694.724 марки. Въ настоящемъ 1900 г. онъ превысилъ милліонъ марокъ. Но до этого года доходъ едва превышалъ расходы. Отъ предшествовавшихъ представленій въ кассѣ осталось всего 560 марокъ 61 пфенингъ, и для обновленія обстановки, костюмовъ и т. д. приходилось дѣлать займы. Третъ валового дохода идетъ на общественныя нужды и постройки села; 242.830 марокъ на уплату жалованья исполнителямъ; исполняющій роль Христа, въ этомъ году Антонъ Лангъ, получаетъ 2.000 марокъ; 6 участвующихъ по 1300 м., остальные—все меньше и меньше до дѣтскихъ ролей, оплачиваемыхъ по 40 марокъ; остатокъ идетъ въ театральную кассу на декораціи, костюмы и т. п. и уплату прежнихъ долговъ. (I. Schröder, «Oberammergau und sein Passions-Spiel»).

и вправо отъ храма ворота, въ которыя видны двѣ іерусалимскія улицы, уходящія вглубь, съ очень живо написанными декораціями домовъ; вдали виднѣются высокія лѣсистыя горы, окружающія Обераммергау. Ворота съ каждой стороны соединяють храмъ съ домомъ первосвященника Анны направо и домомъ Пилата налево; къ домамъ ведутъ широкія лѣстницы; отъ домовъ Анны и Пилата крытыя галереи доходятъ до зрительнаго зала, образуя большую полукруглую авансцену. Надъ всей площадью съ храмомъ, улицами и авансценой открытое небо. Почти невидимый оркестръ находится подъ сценой; суфлеръ отсутствуетъ.

Гигантскій желѣзный дугообразный сводъ поддерживаетъ крышу зрительнаго зала.

Со всѣхъ сторонъ меня окружало море головъ. Я не люблю толпы, но тутъ эта масса народу заставляла живѣе и отраднѣе биться мое сердце; всѣ лица съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, съ затаеннымъ чувствомъ ожиданія чего-то хорошаго въ блестящихъ глазахъ, были устремлены на сцену. Глубокая тишина царила въ залѣ.

И вотъ среди этой тишины и ожиданія вдругъ раздаются восторженные крики толпы: «Благословенъ грядущій во имя Господне, Осанна, Осанна!». Занавѣсъ раздвигается: сцена усѣяна народомъ, черезъ нѣсколько минутъ на сцену медленно вѣзжаетъ Иисусъ Христосъ на ослицѣ. Зрѣлище потрясающее,—Иисусъ Христосъ молодъ и прекрасенъ; волнистые свѣтло-каштановые волосы лежатъ на плечахъ, свѣтло-руссая вьющаяся борода окаймляетъ овальное нѣжное лицо; взглядъ кроткихъ глазъ устремленъ на толпу, а рука его съ благословляющимъ жестомъ ежеминутно поднимается надъ толпой. Иоаннъ, ведущій ослицу, съ невыразимой любовью и умиленіемъ смотритъ на своего Учителя. Окруженный учениками и ликующей толпой съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ и разстилающей на Его пути свои одежды, Христосъ вѣзжаетъ медленно на боковую улицу, а затѣмъ и на авансцену. Здѣсь онъ сходитъ съ ослицы и вступаетъ въ храмъ, въ который успѣла тѣмъ временемъ обратиться улица на сценѣ. Видъ торгашей, алчно считающихъ свои деньги, звонъ монеты мѣновщиковъ, возмущаютъ Христа. Онъ свиваетъ бичъ и изгоняетъ торгующихъ изъ дома Отца Своего. Удаляясь, озлобленные торговцы прославляютъ пророка Моисея и стараются возстановить народъ противъ Христа. Занавѣсъ опускается. Это—первое дѣйствіе.

Вся драма дѣлится на 17 дѣйствій; передъ каждымъ дѣйствіемъ одна или двѣ живыя картины изъ ветхаго завѣта, параллельныя слѣдующему дѣйствію, а картинамъ предшествуетъ чтеніе пролога и пѣніе хора съ пояснительными стихами къ картинамъ и дѣйствію. Кромѣ этого, драма дѣлится еще на два отдѣленія: первое отъ вѣзда Иисуса Христа въ Іерусалимъ до взятія Его стражей

въ Геосиманскомъ саду; второе—до конца. Между отдѣленіями и дѣйствіями единственный антрактъ отъ 12 ч. до 1¹/₄ ч., если не считать таковыми утомительныхъ прологовъ и хора, предшествующихъ картинамъ передъ каждымъ дѣйствіемъ. Во второмъ дѣйствіи,—послѣ живой картины «сыновья Іакова рѣшаютъ убить Іосифа»,—засѣданіе синедріона, на которомъ первосвященники и фарисеи совѣщаются, какъ удобнѣе схватить Христа; призванные ими озлобленные торговцы обѣщаютъ свою помощь.

Третье дѣйствіе (живыя картины: «прощаніе Товія съ родителями» и «невѣста, горящая о женихѣ» изъ книги Пѣсней)—Христосъ въ Виваніи. Онъ въ домѣ Симона прокаженнаго; Марія помазываетъ Ему ноги нардовымъ муромъ; негодование Іуды Христосъ кротко останавливаетъ словами: «Нищихъ всегда имѣете съ собой, а Меня не всегда»... На окраинѣ селенія онъ со слезами трогательно прощается съ матерью, друзьями и дорогой Ему Виваніей.

Четвертое дѣйствіе (живая картина: «персидскій царь Артаксерксъ отталкиваетъ свою непокорную жену Астинь и беретъ себѣ Есеиръ») — въ послѣдній разъ Христосъ идетъ съ учениками въ Іерусалимъ; Онъ кротко бесѣдуетъ съ ними, плачетъ о грѣшномъ городѣ и предсказываетъ его скорую гибель; потомъ Христосъ посылаетъ Петра и Іоанна впередъ приготовить послѣднюю Пасху и черезъ нѣкоторое время Самъ съ учениками слѣдуетъ за ними. Іуда остается, его смущаютъ слова Учителя, такъ ясно говорящаго о Своемъ близкомъ концѣ, а онъ думалъ и вѣрилъ, что Учитель—предсказанный пророками царь Іудейскій! Въ немъ рождается мысль бросить Учителя и искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Въ это время его окружаютъ торговцы и уговариваютъ предать Христа синедріону; послѣ нѣкотораго колебанія онъ соглашается. Декорація быстро мѣняется; у колодца Петръ и Іоаннъ встрѣчаютъ челоуѣка, который указываетъ имъ домъ, гдѣ приготовить Пасху.

Пятое дѣйствіе (живыя картины «манна въ пустынѣ» и «ханаанскій виноградъ» поставлены особенно хорошо; въ нихъ масса участвующихъ и много дѣтей)—тайная вечеря. Христосъ совершаетъ омовеніе ногъ Своимъ ученикамъ и заповѣдуетъ слѣдовать Его примѣру. Декораціи и обстановка съ извѣстной фрески Леонардо-да-Винчи. Она вдругъ ожила для меня; на ней лицо Христа такъ прекрасно, что сложилась легенда будто во время сна художника ангелъ нарисовалъ его; тутъ же передо мной оно было еще прекраснѣе. Преломленіе хлѣба, чаша съ виномъ, слова о предателѣ, уходъ Іуды и чудныя слова задушевной бесѣды съ учениками послѣдовательно проходятъ передъ зрителями. Вечеря кончена. Христосъ и ученики, глубоко растроганные, идутъ въ Геосиманскій садъ.

Шестое дѣйствіе (живая картина «братья продаютъ Іосифа за

Театральная сцена в Обераммергау.
(Хоръ съ прологами).

20 серебрянниковъ») — торговцы приводятъ Иуду въ собраніе синедриона. За 30 серебрянниковъ Иуда соглашается предать имъ Христа въ ту же ночь. Ему отсчитываютъ деньги; онъ жадно прячетъ ихъ и идетъ исполнить. По его удаленіи Каіафа предлагаетъ собранію добиться смерти Христа, дабы избавиться отъ него навсегда. Всѣ согласны, только Іосифъ Аримаѳейскій и Никодимъ протестуютъ и съ негодованіемъ удаляются изъ синедриона.

Седьмое дѣйствіе (живыя картины «Адамъ въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ» и «Іоавъ подъ предлогомъ поцѣлуя вонзааетъ въ Амассу кинжалъ») — Иуда показываетъ воинамъ мѣсто, гдѣ Христосъ проведетъ ночь, и даетъ имъ условный знакъ предательскаго поцѣлуя. Христосъ съ учениками входитъ въ Геосиманскій садъ, бесѣдуетъ съ ними и плачетъ. Іоаннъ, Петръ и Андрей остаются около Христа, остальные усаживаются отдохнуть въ отдаленіи. Христосъ трижды восходитъ на возвышеніе и молится въ глубокой истомѣ. Ангель подтверждаетъ Его. Ученики спятъ. Христосъ подходитъ къ нимъ: «Вы все еще спите и поживаете. Конечно; пришелъ часъ; вотъ предается сынъ человѣческій въ руки грѣшниковъ».

Въ это время Иуда съ воинами и служителями первосвященниковъ входитъ въ садъ и цѣлованіемъ предаетъ Христа. Петръ отсѣкаетъ Малху ухо, Христосъ исцѣляетъ его. Христа связываютъ и уводятъ.

Послѣ этого дѣйствія перерывъ въ часъ съ четвертью. Вся публика перекочевываетъ въ рестораны; кто побѣднѣе, располагается вблизи театра на травѣ и на скамейкахъ съ домашними запасами. Въ этотъ часъ весь Обераммергау ѣдается.

Въ часъ первый и черезъ четверть часа второй пушечный выстрѣлъ такъ же, какъ и передъ началомъ представленія, возвѣстили о продолженіи представленія. Послѣ перваго выстрѣла уже всѣ спѣшатъ на свои мѣста.

Послѣ обычнаго пролога и хора начинается восьмое дѣйствіе. Живая картина «пророкъ Михей получаетъ пощечину за правду, сказанную царю».

Первосвященникъ Анна стоитъ на лѣстницѣ своего дворца въ ожиданіи Христа. Приходитъ Иуда и узнавъ, что Христосъ осужденъ на смерть, въ отчаяніи идетъ хлопотать объ отпѣнѣ приговора. Приводятъ связаннаго Христа. Анна допрашиваетъ Его о Его ученіи. «Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавшихъ, что Я говорилъ имъ». Тогда одинъ изъ служителей ударяетъ Христа по щекѣ. «Если Я сказалъ худо, покажи, что худо, а если хорошо, что ты бьешь Меня?» Христа уводятъ на улицу. Показываются Петръ и Іоаннъ и допрашиваютъ служителя о шумѣ, слышанномъ ими, и осторожно удаляются.

Девятое дѣйствіе (живыя картины «невинный Навуѳей, при-

говоренный къ смерти» и «прокаженнаго Иова осмѣиваетъ жена») — съ улицы раздаются смѣхъ и говоръ солдатъ, и къ первосвященнику Каиафѣ, окруженному фарисеями, вводятъ Христа. Лжесвидѣтели показываютъ противъ Христа. Каиафа раздираетъ свои одежды,

Антонъ Лангъ въ роли Иисуса Христа.

когда на его вопросъ: «Ты ли Христосъ?» Онъ отвѣчаетъ ему: «Я, и вы узрите Сына Человѣческаго, сидящаго одесную силы и грядущаго на облакахъ небесныхъ». Со всѣми своими сообщниками Каиафа находитъ Христа заслуживающимъ смерти. По авансценѣ бродитъ Иуда, онъ мучится мыслью, что предаль Христа на смерть,

и идетъ къ Каіафѣ узнать правду. На сценѣ: воины грѣются вокругъ огня, разведеннаго служанками. Подходитъ Іоаннъ и, получивъ разрѣшеніе привести своего товарища, уходитъ за Петромъ. Входитъ Петръ, грѣется также у огня, его узнаютъ, онъ трижды отрекается отъ Христа. Поетъ пѣтухъ. Воины вводятъ Христа. Онъ съ кроткимъ упрекомъ смотритъ на Петра. Петръ удаляется и проходитъ по авансценѣ, горюя о своемъ отреченіи; въ поискахъ за нимъ проходитъ Іоаннъ. Сцена изображаетъ темницу, Христосъ сидитъ на камнѣ съ завязанными глазами; воины смѣются и надругаются надъ нимъ, плюютъ въ Него и бьютъ по лицу; ослабѣвшій Христосъ падаетъ на полъ. Его поднимаютъ, усаживаютъ опять на камень и продолжаютъ насмѣхаться надъ Нимъ, пока не приходятъ за Христомъ, чтобы вести Его въ синедрионъ.

Десятое дѣйствіе (живая картина «убійство Авеля Каиномъ») — на авансценѣ появляется Іуда, угрызения совѣсти не даютъ ему покоя; онъ спѣшитъ къ первосвященникамъ вернуть имъ деньги. Сцена изображаетъ засѣданіе всѣхъ членовъ синедриона съ Анной и Каіафой во главѣ. Іуда входитъ порывисто и спрашиваетъ, правда ли, что Христосъ осужденъ на смерть; получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ бросаетъ имъ 30 серебрянниковъ и убѣгаетъ. Члены совѣщаются и рѣшаютъ купить на эти «деньги крови» землю горшечника для погребенія странниковъ. Воины вводятъ Христа. Первосвященники допрашиваютъ Его. «Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?» Онъ отвѣчаетъ: «Вы говорите, что я». Вновь всѣ находятъ, что Онъ повиненъ смерти. На авансценѣ передъ домомъ Пилата посланные отъ синедриона спрашиваютъ у слуги Пилата, когда Пилатъ можетъ принять верховный совѣтъ. — Сцена изображаетъ дикую, лѣсную мѣстность. Іуда, мучимый раскаяніемъ и угрызениями совѣсти, рѣшаетъ повѣситься; когда онъ надѣваетъ на шею петлю, занавѣсъ опускается.

Одиннадцатое дѣйствіе (живая картина «враги Даніила угорвариваютъ царя Дарія бросить Даніила въ львиный ровъ») происходитъ на авансценѣ передъ домомъ Пилата.

Первосвященники Анна и Каіафа съ фарисеями и старѣйшинами народа добиваются, чтобы Пилатъ произнесъ смертный приговоръ надъ Іисусомъ. Пилатъ допрашиваетъ Іисуса съ глазу на глазъ и, не найдя въ немъ вины, отправляетъ его къ Ироду.

Двѣнадцатое дѣйствіе (живая картина «филистимляне насмѣхаются надъ плѣннымъ Самсономъ») — Иродъ, окруженный своими приближенными, говоритъ, что желалъ бы видѣть чудеса и волшебства Христа. Когда Христа приводятъ къ нему, онъ добивается отъ него чуда; но не добившись насмѣхается надъ Нимъ и, не находя Его виновнымъ, отправляетъ обратно къ Пилату.

Тринадцатое дѣйствіе (живыя картины «Іакову приносятъ окровавленное платье Іосифа» и «жертвоприношеніе Авраама») —

Въездъ въ Иерусалимъ.
(А. Лангъ и П. Рендъ).

Христа вторично приводятъ къ Пилату. Пилатъ отказывается произнести смертный приговоръ и говоритъ, что по римскому закону накажетъ Иисуса бичеваніемъ. Настойчивость первосвященниковъ раздражаетъ его, и онъ, обѣщаясь слушаться только народа, удаляется. Фарисеи, книжники и торговцы расходятся по городу, чтобы возмутить народъ противъ Христа и заставить требовать Его смерти. Въ преторіи Христосъ привязанъ къ столбу; Его бичуютъ, надѣваютъ и придавливаютъ на голову Ему терновый вѣнецъ. Кроткій, полный страданія взглядъ Христа обращенъ къ небу.

Четырнадцатое дѣйствіе (живыя картины «Иосифъ назначенъ правителемъ Египта» и «первосвященники израильскаго народа рѣшаютъ по жребію, какого изъ двухъ козловъ принести въ жертву за грѣхъ и какого выпустить на волю для отпущенія») — съ улицъ сходитъ на авансцену народъ, подстрекаемый фарисеями; всѣ въ злобѣ кричатъ, что Иисусъ заслужилъ смерть. На своей террасѣ появляется Пилатъ, за нимъ выводятъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ, Его тѣло въ ранахъ. «Смотрите — се человѣкъ!» — говоритъ Пилатъ народу. «Распи Его, распни Его!» — кричатъ со всѣхъ сторонъ. Пилатъ приказываетъ привести Варавву и, по обычаю, предлагаетъ отпустить на праздникъ Пасхи Иисуса, а Варавву казнить. Народъ требуетъ смерти Иисуса. Первосвященники напоминаютъ Пилату обѣщаніе повиноваться голосу народа, и онъ, умывъ руки, отдаетъ имъ Христа на распятіе, а Варавву приказываетъ освободить.

Вмѣстѣ съ Христомъ уводятъ на Голгофу двухъ разбойниковъ.

Пятнадцатое дѣйствіе (живыя картины «Исаакъ, осужденный на жертвоприношеніе, самъ несетъ дрова на жертвенникъ» и «Моисей вѣщаетъ мѣднаго змія въ пустынѣ») — на авансцену выходитъ съ лѣвой улицы Марія, опирающаяся на Іоанна, съ женщинами и Іосифомъ Аримаѳейскимъ, въ то же время со сцены, изображающей городскую площадь, выходитъ Симонъ Коринѳянинъ. Изъ правой улицы движется большая толпа народа съ шумомъ и крикомъ на авансцену; посреди толпы, подгоняемый народомъ и окруженный римскими воинами, идетъ Христосъ, избитый, измученный, весь въ крови, съ трудомъ несущій свой крестъ. За нимъ идутъ разбойники со своими крестами. Ликующіе первосвященники, фарисеи, старѣйшины, книжники и торговцы смѣшались съ толпой. Христосъ изнемогаетъ. Онъ не въ силахъ итти дальше. Сотникъ, увидавъ Симона Коринѳянина, приказываетъ ему нести крестъ; сначала Симонъ отказывается, но, узнавъ Христа, съ радостью беретъ Его крестъ; Христосъ благословляетъ его. Мать узнала своего многострадальнаго Сына, но Она остается на своемъ мѣстѣ; Іоаннъ поддерживаетъ и утѣшаетъ Ее; другія женщины подходятъ къ Христу. Вероника подаетъ Ему платокъ; отеревъ лицо, Хри-

Иисус Христосъ у Каиафы.

стось возвращаетъ ей его въ крови и благословляетъ ее. Всѣ женщины плачутъ, Христось утѣшаетъ ихъ; наконецъ, сотникъ приказываетъ двигаться впередъ.

Передъ шестнадцатымъ дѣйствиємъ нѣтъ живыхъ картинъ; прологъ и хоръ въ траурныхъ одѣяніяхъ. Въ стихахъ говорится о томъ, какъ Христа прибаваютъ къ кресту; въ это время со сцены раздаются удары молота о желѣзные гвозди.

Занавѣсъ раздвигается; мѣстность дикая, на небѣ тучи. Разбойники уже на крестахъ; между ними медленно поднимаютъ и водружаютъ крестъ съ распятымъ Христомъ. Онъ пригвожденъ къ кресту тремя гвоздями; изъ ранъ сочится кровь. Первосвященники недовольны надписью: «сей есть царь Іудейскій»; воины смѣются надъ царемъ Іудейскимъ и дѣлятъ между собой Его одежды. Христось молится за нихъ: «Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ». Лѣвый разбойникъ также смѣется надъ Нимъ, а правый молить Его: «помяни меня, Господи, когда придешь въ Царствіе Твое». «Истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю». Приходитъ Марія съ женщинами и Іоанномъ и плачутъ у креста; Христось поручаетъ мать Іоанну. Онъ проситъ пить и умираетъ. Слышенъ гулъ землетрясенія; слугитель изъ храма прибѣгаетъ за первосвященниками съ извѣстіемъ, что завѣса въ храмѣ разодралась посерединѣ; они уходятъ, проклиная волшебника. Іосифъ Аримаѣйскій идетъ просить у Пилата тѣло Христа. Воины добиваютъ на крестахъ разбойниковъ, а Христу пронзаютъ бокъ копьемъ, кровь льется изъ раны. Сотникъ получаетъ приказаніе отдать тѣло Іисуса Іосифу Аримаѣйскому; вернушіеся первосвященники приходятъ въ ярость. Тѣла разбойниковъ снимаютъ и бросаютъ въ общую яму, всѣ уходятъ: только близкіе окружаютъ Христа, осторожно снимаютъ Его съ креста, гвозди выдергиваютъ клещами, тѣло на простынѣ кладутъ у ногъ Маріи, Она опираетъ Его голову на свои колѣни; Христа оплакиваютъ и погребаютъ.

Въ семнадцатомъ дѣйствиіи воины оберегаютъ гробницу Христа; вдругъ Ангелъ отодвигаетъ камень пещеры; воскресшій Христось выходитъ и исчезаетъ. Потрясенные воины бѣгутъ доложить о случившемся фарисеямъ.

Апоѳеозъ изображаетъ прославленнаго Христа въ облакахъ Хоръ поетъ аллилуію.

Представленіе продолжается съ 8 ч. утра до 5^{1/2} вечера. Эта растянутасть очень утомительна и мѣшаетъ цѣльности и естественности изображенія и безъ того яркой картины страданій Христа. Вставочные, монотонные напѣвы солистовъ и хора совершенно излишне разъясняютъ дальнѣйшій ходъ событій. Музыка очень однообразна; мотивы дѣтски-наивны и повторяются по нѣсколько разъ. Музыку къ драмѣ сочинилъ въ началѣ нашего столѣтія

Иисусъ Христосъ передъ Пилатомъ.

Рохусъ Дедлеръ, сынъ содержателя гостиницы въ Обераммергау. Онъ получилъ свое музыкальное образованіе сначала въ сосѣднемъ монастырѣ, а затѣмъ въ Мюнхенѣ. Позже онъ былъ органистомъ въ своемъ родномъ селѣ, и здѣсь сохранилось много его церковныхъ сочиненій, которыя до сихъ поръ находятъ пламенныхъ почитателей среди жителей села и его окрестностей.

Длиннѣйшія партіи, которыя приходится пѣть солистамъ передъ хоромъ, не могутъ быть исполнены хорошо, потому что голоса плохи, а школы и требовать, конечно, нельзя. Прологъ въ бѣломъ одѣяніи, въ коронѣ и съ золотымъ посохомъ въ рукѣ, а лица хора въ греческихъ цвѣтныхъ мантияхъ и коронахъ выходятъ изъ боковыхъ галлерей и становятся полукругомъ передъ зрителями. Сначала прологъ читаетъ пояснительные стихи къ картинѣ, потомъ такіе же стихи поются къ дѣйствию солистами и хоромъ.

Текстъ также очень растянутъ. Онъ былъ передѣланъ изъ стараго очень длиннаго текста въ 1860 г. священникомъ села Дайценбергеромъ. Если бы исключить совсѣмъ хоръ и пѣніе, а прологъ оставить только настолько, насколько это нужно для поясненія живыхъ картинъ, и сократить растянутыя дѣйствія, гдѣ фигурируютъ фарисеи и члены синедріона, а на первый планъ выдвинуть тѣ дивныя картины, гдѣ появляется Христосъ, получилась бы прекрасная драма, очень трогательно, хотя нѣсколько наивно, исполняемая жителями села. Но говорятъ, что такую реформу трудно провести, потому что обераммергауэрцы любятъ свою драму, какъ она есть, каждый почти знаетъ ее на память и чтить, какъ святыню. Идя смотрѣть это представленіе, не надо забывать, что предстоитъ увидѣть игру простыхъ поселянъ, а не артистовъ, поэтому и критика тутъ должна быть особенная. Это не обыкновенный спектакль, а нѣчто исключительное, какъ по содержанію, такъ и по постановкѣ и устройству сцены.

Живыя картины поставлены прекрасно; костюмы очень хороши, но гриммъ для главныхъ ролей и свѣтовые эффекты совершенно исключены,—напримѣръ, жертвенники и факелы картонные съ нарисованнымъ пламенемъ, Богоматерь все время остается юной и свѣжей и т. д.

Дѣйствующихъ лицъ на сценѣ безконечное множество, почти все село принимаетъ участіе въ представленіи. При выборѣ исполнителей, особенно на главные роли, обращается строгое вниманіе на ихъ безукоризненное прошлое. Съ своей стороны они относятся къ ролямъ съ большимъ усердіемъ и глубокимъ благоговѣніемъ.

Исполнитель роли Христа, Антонъ Лангъ, былъ очень хорошъ; лицо идеальное, съ выразительнымъ кроткимъ взглядомъ, съ свѣтлокаштановыми волнистыми волосами и вьющейся русой бородой. Во всей его осанкѣ столько врожденнаго благородства и граціи, что лучшаго исполнителя нельзя себѣ представить. Игра его вполне

естественная и искренняя заставляла забывать все остальное, когда онъ появлялся на сценѣ. Изъ другихъ исполнителей выдѣлялись Анна, Каиафа, Пилать и Иоаннъ. Иуда и остальные были посредственны; но когда между ними появлялся Христось со своимъ кроткимъ взглядомъ и божественнымъ ученіемъ, все остальное являлось лишь фономъ для дивной картины, полной жизни, правды и небесной красоты. Простыя, прекрасныя слова Евангелія и видъ кроткаго безотвѣтнаго Страдальца, такъ невинно пострадавшаго отъ людской злобы, такъ глубоко проникали душу, что почти всѣ плакали. При одномъ появленіи Христа на сценѣ слезы навертывались на глаза. Самыя потрясающія сцены: вѣздъ въ Иерусалимъ, прощаніе съ матерью, тайная вечеря, несеніе креста и распятіе. Послѣдняя сцена на Голгоѣѣ поражаетъ своею реальностью. Пока читается прологъ, какъ умираетъ на Голгоѣѣ посредникъ между людьми и Богомъ: «Онъ одѣтъ лишь ранами, уже слышно, какъ трещатъ Его кости въ суставахъ, какъ вбиваютъ желѣзные гвозди въ Его руки и ноги...», раздается стукъ прибываемыхъ гвоздей, отъ котораго холодѣетъ на душѣ. Когда занавѣсъ поднимается, въ виду зрителей медленно поднимаютъ и водружаютъ крестъ съ распятымъ Христомъ между разбойниками. Христось прибитъ къ кресту тремя гвоздями: двумя въ ладони и однимъ въ ноги, сложенные одна на другую; изъ ранъ отъ гвоздей сочится кровь, и все тѣло въ ранахъ. Иллюзія полная. Какъ Онъ прикрѣпленъ къ кресту, рѣшительно непонятно. Когда воинъ остриемъ копья пронзаетъ Ему бокъ,—кровь брызжетъ изъ раны,—въ залѣ почти всѣ вскрикнули, такъ это было неожиданно и ужасно. Наконецъ, когда Его снимаютъ съ креста, гвозди вытягиваютъ съ усиліемъ клещами.

Впечатлѣніе отъ драмы получается потрясающее, и оно во всю жизнь не изгладится. Напротивъ съ теченіемъ времени оно усиливается и становится цѣльнѣе; все лишнее изглаживается изъ памяти; укладываются тамъ лишь сцены, центромъ которыхъ является Христось, происходящія по Евангелію, и такъ хорошо съ дѣтства знакомыя каждому. За мной цѣлая скамья была занята простымъ народомъ; они шопотомъ дѣлились своими впечатлѣніями, изливавшимися изъ глубины ихъ простыхъ сердець, потрясенныхъ страданіями Христа и жестокостью Его мучителей; имъ стала понятна заповѣдь любви до самоотверженія, наглядно представленная на тайной вечери и на Голгоѣѣ. Здѣсь они поняли душой Евангельскія истины добра и зла и не скоро забудутъ ихъ. Да не одни простые люди, много образованныхъ людей плакали, какъ дѣти, вѣроятно, по той же причинѣ.

Два года тому назадъ я видѣла въ Парижѣ пьесу Ростана «Самаритянка». Тамъ тоже главная роль принадлежитъ Христу. Бремонтъ, исполнявшій ее, былъ по внѣшности далекъ отъ идеала. Но все же Евангельскія истины, звучавшія въ прекрасныхъ сти-

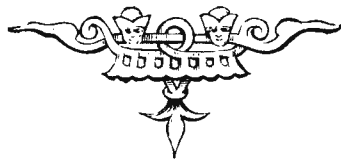
хахъ, хорошо произнесенныхъ, глубоко западали въ сердце слушателей. При словахъ Спасителя точно электрическій токъ пробѣгалъ по залу. Многие вздрагивали, пораженные безконечной свѣжестью этихъ истинъ, такъ знакомыхъ съ дѣтства и такъ прочно забываемыхъ въ водоворотѣ жизни. Короткіе, горячіе апплодисменты и сдержанныя радостныя вскрикиванія были показателями этого настроенія. Среди парижской сутолоки люди шли на этотъ свѣтлый огонекъ, наполняя каждый день театръ, и выходили потрясенные и освѣженные.

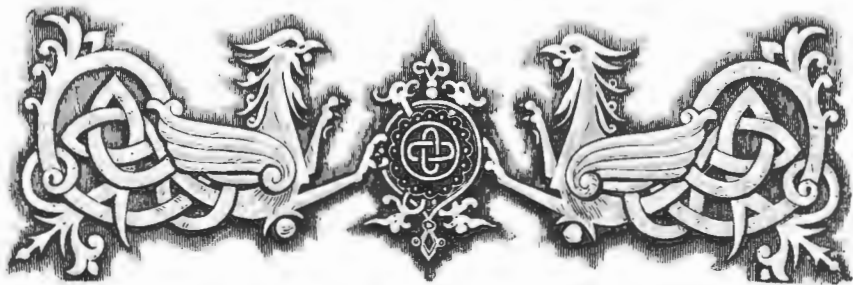
Порядокъ въ зрительномъ залѣ въ Обераммергау образцовый, ни говора, ни шума, а между тѣмъ публики была тѣма, изъ которой половина—простыхъ крестьянъ, и всѣ эти люди тихо, безшумно входили и расходились. Театръ устроенъ очень удобно: 12 большихъ дверей, 6 для одной и 6 для другой стороны, сразу раскрывались по окончаніи, и въ 5 минутъ залъ пустѣлъ. Добрую половину публики составляли иностранцы. Стеченіе народа въ Обераммергау наканунѣ и въ дни представленій громадное; всѣ гостиницы и дома крестьянъ переполнены; многимъ приходится проводить ночь, сидя на стулѣ.

По окончаніи представленія въ 5¹/₂ ч. вечера вся толпа направилась пѣшкомъ къ вокзалу; тамъ 4 скорыхъ поѣзда уже ждали публику. Всѣмъ нашлось мѣсто. Усталые, но довольные, полные впечатлѣній, которыя врядъ ли повторятся еще разъ въ жизни многихъ изъ уѣзжавшихъ, они уносили съ собою въ отдаленнѣйшіе уголки своей родины воспоминанія и рассказъ о видѣнныхъ и прочувствованныхъ страданіяхъ Иисуса Христа, такъ живо и трогательно представленныхъ на сценѣ мирнаго, живописнаго баварскаго села.

О. Н. Гончарова.

20 октября 1900 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ ВЪ ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОЛОГИИ.

ВЪ ЧЕТВЕРГЪ, 28-го декабря 1900 года, въ геологическомъ кабинетѣ Петербургскаго университета, около часа дня, господствовало необычайное оживленіе. Въ обыкновенные дни этотъ уголокъ университета слыветъ однимъ изъ наиболѣ тихихъ и молчаливыхъ. Среди нѣмыхъ отъ вѣка камней, горныхъ породъ и окаменѣлостей, въ строжайшемъ порядкѣ сохраняемыхъ въ витринахъ, здѣсь лишь въ опредѣленные часы раздается звучный голосъ заслуженнаго профессора А. А. Иностранцева, читающаго студентамъ лекціи. Въ остальное же время въ нѣсколькихъ комнатахъ за отдѣльными столиками безмолвно работаютъ надъ геологическими или ископаемыми объектами три—четыре ученыхъ или будущихъ ученыхъ, и въ своемъ отдѣльномъ кабинетѣ копошится надъ своими научными трудами самъ профессоръ. Если въ такое время пройти черезъ амфиладу витринъ, то дѣлается какъ-то неловко за шумъ своихъ собственныхъ шаговъ среди этой научной и серьезной тишины, въ которой привыкли работать гг. ученые.

Теперь же, въ описываемый четвергъ, движеніе въ этомъ пріютѣ науки было необычайное и даже торжественное. Въ проходахъ между витринами встрѣчались и вступали въ бесѣду представители академіи наукъ, профессора, члены петербургскаго общества естествоиспытателей, ученые, студенты, мало причастная къ университету публика, газетные репортеры и даже дамы. А. А. Ино-

странцевъ,—хозяинъ геологическаго кабинета, — встрѣчалъ вновь прибывавшихъ гостей, однихъ направлялъ въ аудиторію, превращенную въ залу для засѣданія; а другихъ приглашалъ къ себѣ въ свой профессорскій кабинетъ.

Во всемъ—въ отрывочныхъ разговорахъ, въ легкой суетѣ, въ любопытствѣ публики, въ шмыганьѣ служителей и въ какомъ-то особенномъ выраженіи лицъ ученыхъ, чувствовалось, что предстоитъ не простое научное засѣданіе, а какое-то празднество. На это между прочимъ указывалъ и огромный, угловатый, загадочный предметъ, длиною въ полторы сажени, возвышавшійся на обтянутой краснымъ сукномъ эстрадѣ и со всѣхъ сторонъ задернутый сплошнымъ сѣрымъ покрываломъ, подобно тому, какъ задерживаются монументы и памятники незадолго до ихъ торжественнаго открытія. Къ этому загадочному для публики предмету по временамъ подходилъ профессоръ Варшавскаго университета Владимиръ Прохоровичъ Амалицкій, заботливо поправлялъ складки покрывала, переходилъ отсюда къ установленному передъ экраномъ волшебному фонарю, дѣлалъ кое-какія указанія демонстратору, наводившему на экранъ огромный свѣтовой кругъ, и загѣмъ исчезалъ. Но его перехватывали по дорогѣ то одинъ, то другой изъ присутствующихъ, жали ему руки и поздравляли. Одни спрашивались о здоровьѣ, а другіе, очевидно, ближе посвященные въ дѣло, спрашивали:

— Ну, какъ первенецъ? Благополучно довели изъ Варшавы? Ребра и кости цѣлы? Какъ вы его назовете: Парейазавръ Владимировичъ?..

Въ залѣ, предназначенномъ для засѣданія, тоже шли оживленные разговоры.

— Ужасное чудище! Я его вчера видѣлъ...

— Зубы у него удивительные. Вы потомъ приглядитесь хорошенько къ зубамъ.

— Какой онъ эпохи? Пермской, кажется?

— Да, изъ пермскихъ отложеній. Что ни говорите, а это—великой важности открытіе, эра въ наукѣ, Лондонскій экземпляръ—куда меньше...

Служители спустили на окнахъ непроницаемыя для дневнаго свѣта черныя шторы; подъ потолкомъ мгновенно вспыхнули электрическія лампочки, и въ волшебномъ фонарѣ загудѣла вольтова дуга; на бѣломъ экранѣ показался яркій свѣтовой кругъ и сразу потухъ. Публика, уже занявшая мѣста на стульяхъ, затихла. Угловатый предметъ на эстрадѣ вырисовывался еще яснѣе и сталъ еще загадочнѣе.

Нѣсколько членовъ с.-петербургскаго общества естествоиспытателей сѣли за отдѣльный столъ, и заслуженный профессоръ А. А. Иностранцевъ объявилъ засѣданіе открытымъ. Публика на-

сторожилась. Послѣ нѣсколькихъ формальностей и отчетовъ, неизбежныхъ въ ученыхъ засѣданіяхъ, на обтянутое краснымъ сукномъ возвышеніе взопелъ профессоръ В. П. Амалицкій, любовно осматрѣлъ и даже потрогалъ скрытый подъ покрываломъ предметъ и, обратившись къ присутствующимъ, заговорилъ:

— Милостивыя государыни и милостивые государи! Нынѣшняя Европа не всегда была такою, какою мы знаемъ ее теперь. Въ отдаленныя отъ насъ эпохи она нѣсколько разъ опускалась подъ воду, и на ея мѣстѣ шумѣло море, и нѣсколько разъ она поднималась, выступала изъ воды и дѣлалась материкомъ...

Публика слушала съ напряженнымъ вниманіемъ... Но мы не станемъ слѣдить за лекціей почтеннаго профессора, не будемъ также пока рассказывать и содержаніе тѣхъ многочисленныхъ картинъ, которыя онъ показывалъ на экранѣ жадно слѣдившей за нимъ аудиторіи. Для нашего рассказа гораздо важнѣе моментъ, когда лекторъ подошелъ къ загадочному предмету и съ помощью служителей снялъ съ него покрывало.

Глазамъ присутствующихъ предсталъ скелетъ огромнаго допотопнаго животнаго съ массивными, неуклюжими костями, съ безобразной, хищной головою и челюстями, усѣянными страшными зубами. Изъ раскрытой части виднѣлись еще три ряда мелкихъ зубовъ и на нѣбѣ. Это былъ скелетъ допотопнаго хищнаго ящера, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ парейазавра (*Pariasaurus*). Это было страшное чудовище, жившее, по толкованію геологовъ, за пять или даже за десять милліоновъ лѣтъ до нашего времени... Зала дрогнула отъ аплодисментовъ, которыми представители науки встрѣтили появленіе рѣдкой палеонтологической находки, честь открытія которой принадлежитъ всецѣло профессору В. П. Амалицкому.

Этотъ скелетъ, помимо того, что онъ — рѣдкость, важенъ въ томъ отношеніи, что появленіе его на Божій свѣтъ составило новую эру въ геологіи, и 28-е декабря 1900 года отнынѣ считается историческимъ моментомъ въ этой наукѣ, моментомъ, признаннымъ не только въ Россіи, но и въ ученomъ палеонтологическомъ мѣрѣ Западной Европы. Находки, сдѣланныя профессоромъ Амалицкимъ, не только пролили новый свѣтъ на одну изъ неразгаданныхъ областей геологіи, но и кореннымъ образомъ измѣнили нѣкоторыя господствовавшія въ ней воззрѣнія. Но еще важнѣе, какъ мы увидимъ ниже, то обстоятельство, что это палеонтологическое открытіе сдѣлано въ Россіи и составляетъ нашу русскую національную гордость. Коллекція ископаемыхъ допотопныхъ гигантовъ, выкопанная русскимъ ученымъ на берегу Сѣверной Двины, по словамъ профессора А. А. Иностранцева, составляетъ «наше національное научное сокровище».

Для того, чтобы пояснить читателю и это торжество, и восторгъ ученыхъ, и взрывы аплодисментовъ, необходимо остановиться на короткое время на нѣкоторыхъ весьма интересныхъ и мало кому знакомыхъ палеонтологическихъ фактахъ. Мы привыкли слышать слово «допотопный» и соединяемъ съ нимъ представление о библейскомъ всемірномъ потопѣ и о Ноевомъ Ковчегѣ. По нашему счисленію этотъ потопъ совершился всего семь тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но наука, имѣющая дѣло съ допотопными животными, насчитываетъ имъ десятки миллионовъ лѣтъ и самого потопъ въ расчетъ не принимаетъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ понятіе «допотопный» нужно принимать въ смыслѣ очень отдаленной древности, но отнюдь не въ библейскомъ и не въ научномъ смыслѣ.

Много десятковъ миллионовъ лѣтъ тому назадъ на землѣ жили животныя, вовсе не похожія на теперешнихъ. Это по большей части были гигантскіе экземпляры рыбъ, ящерицъ, лягушекъ, пресмыкающихся, полуптицъ-полуящеровъ и, наконецъ, млекопитающихъ. Всѣ они теперь называются общимъ именемъ: «вымершія чудовища». Намъ извѣстны только ихъ окаменѣвшіе остатки въ видѣ скелетовъ и разрозненныхъ костей. Эти остатки попадаютъ большею частью въ землѣ и называются ископаемыми. Ихъ не много, но ученые дорожатъ ими, какъ рѣдкими сокровищами, проливающими свѣтъ на древнѣйшую жизнь земли, и для храненія ихъ устраиваютъ дорого стоящіе музеи. Правительства цивилизованныхъ странъ не останавливаются ни передъ какими затратами для того, чтобы приобрести для своихъ музеевъ остатки представителей допотопнаго міра. Французское правительство затратило огромныя суммы на поиски ископаемыхъ животныхъ въ пещерахъ Никерми близъ Авинь; въ сланцахъ Золенгофена въ Баваріи были найдены два экземпляра первобытной птицы—археоптерикса, и за одинъ только дубликатъ его скелета было заплачено Германіи 20.000 марокъ; миланскій музей, не колеблясь, приобрѣлъ скелетъ огромнаго ископаемаго—мегатеріума, за 40.000 франковъ; небольшой скелетъ африканскаго древняго ящера-парейазавра обошелся англійскому правительству въ 4.000 фунтовъ стерлинговъ; въ 1878 году въ Бельгіи, близъ французской границы, было найдено на глубинѣ 150 саженъ нѣсколько скелетовъ пресмыкающихся—игуанодонтовъ; на ихъ извлеченіе изъ земли и очистку было затрачено нѣсколько лѣтъ и сотни тысячъ франковъ. Впослѣдствіи для нихъ на государственнй счетъ построили отдѣльный, очень дорого стоящій музей. Правительство Соединенныхъ Штатовъ не только отпускало и отпускаетъ огромныя суммы на палеонтологическія раскопки у Скалистыхъ горъ, но даже организуетъ для этой цѣли экспедиціи, охраняемыя значительными отрядами солдатъ. Все только что сказанное показываетъ, какъ

дорожить геологія малѣйшими остатками допотопной жизни, и съ какимъ похвальнымъ рвеніемъ она стремится проникнуть въ таинственную глубь доисторическаго прошлаго земли.

Съ другой стороны, только что приведенныя колоссальныя цифры затратъ на палеонтологическія раскопки до извѣстной степени освѣщаютъ и значеніе раскопокъ и находокъ, произведенныхъ профессоромъ В. П. Амалицкимъ. Если одинъ небольшой парейазавръ стоилъ англійскому правительству 40.000 рублей на наши деньги, то находки варшавскаго профессора по своему количеству и разнообразію должны быть оценены не менѣе, какъ въ нѣсколько милліоновъ рублей. Главное же достоинство ихъ заключается въ томъ, что онѣ найдены на русской почвѣ, русскимъ профессоромъ, безъ всякаго участія со стороны иностранцевъ и составляютъ нашу русскую національную гордость. О нихъ будетъ сказано ниже.

Въ чемъ же собственно заключается тотъ историческій моментъ въ геологіи, съ котораго я началъ эту статью?

Въ томъ, что профессоръ Варшавскаго университета сдѣлалъ важное геологическое открытіе и въ то же время далъ Россіи такой богатый палеонтологическій музей, какого до сихъ поръ еще не было въ мірѣ. Въ настоящее время Россія въ палеонтологическомъ отношеніи стоитъ выше всѣхъ странъ цивилизованнаго міра. Кромѣ того, въ строго научномъ отношеніи профессору Амалицкому принадлежитъ еще та огромная заслуга, что онъ доказалъ существованіе допотопной жизни въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ученые до сихъ поръ не только не подозрѣвали ея, но даже нѣкоторые изъ нихъ и совершенно отрицали ее. До сихъ поръ въ геологіи господствовало мнѣніе, утверждавшее, что десять милліоновъ лѣтъ тому назадъ, въ такъ называемую пермскую эпоху, существовали только одни морскія животныя, и что прѣсноводныхъ, наземныхъ не было. Русскій изслѣдователь доказалъ, что они были, и доказалъ это тѣмъ, что представилъ ученому міру свыше тридцати скелетовъ ихъ, найденныхъ въ Вологодской губерніи, на побережьѣ рѣки Сѣверной Двины. Благодаря этому вѣскому доказательству, отнынѣ въ учебникахъ геологіи прибавилась новая, до сихъ поръ не существовавшая страница.

Я вовсе не имѣю въ виду писать ученый геологическій трактатъ. Моя цѣль заключается въ томъ, чтобы рассказать нѣсколько не лишенныхъ общественнаго интереса эпизодовъ изъ исторіи знаменательныхъ раскопокъ профессора Амалицкаго. Въ Западной Европѣ о нихъ давно уже толкуютъ на всѣ лады не только въ ученыхъ кругахъ и учрежденіяхъ, но и въ общей печати. У насъ же почему-то свѣдѣнія о важныхъ ученыхъ открытіяхъ сперва успѣваютъ покрыться плѣсенью въ строго научной сферѣ и въ разныхъ кабинетахъ, а потомъ уже по частямъ и въ видѣ отрывочныхъ свѣдѣній начинаютъ проникать и въ публику путемъ нашей

прессы. Лучшимъ доказательствомъ можетъ послужить такой фактъ. Въ Россіи едва ли десятка два лицъ знали о томъ, что профессоръ Амалицкій приступилъ къ раскопкамъ въ Вологодской губерніи, а между тѣмъ Мюнхенская академія наукъ уже прислала предложеніе помочь изслѣдователю своими капиталами съ тѣмъ, конечно, условіемъ, что часть добычи поступитъ въ ея музеи. Такія же предложенія прислали и другія ученые заграничныя учрежденія. Всѣ они были отклонены, но самый фактъ этотъ указываетъ на то, что за границею о ходѣ нашей русской жизни знаютъ больше, чѣмъ мы сами знаемъ.

Перехожу собственно къ бытовой сторонѣ и буду рассказывать по порядку.

Въ пермскую эпоху, то-есть около 10 милліоновъ лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ теперешней Европы и большей части Россіи бушевало огромное море. Материкъ начинался только въ Вологодской губерніи и шель черезъ Сибирь, Индію и Африку и заканчивался въ Австраліи. Съ тѣхъ поръ многое кореннымъ образомъ измѣнилось: море стало сушей, и въ теперешней Европѣ погребены слѣды морскихъ допотопныхъ животныхъ; на тогдашнихъ же материкахъ слѣдовало ожидать ископаемыхъ остатковъ наземной жизни. Исходя изъ этого, профессоръ В. П. Амалицкій въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ совершалъ экскурсіи въ Вологодскую губернію въ бассейны рѣкъ Сухоны и Сѣверной Двины и съ настойчивостью ученаго искалъ вездѣ остатковъ этой наземной, сухопутной жизни. Какъ только начинались лѣтнія каникулы, онъ укладывалъ чемоданъ и ѣхалъ въ экскурсію въ сопровожденіи своего главнаго помощника, сотрудника, жены, А. П. Амалицкой. Нужно очень любить науку и свою идею для того, чтобы мѣнять комфортабельную жизнь на дачѣ и отдыхъ на странствованіе по непривѣтливымъ деревнямъ и по берегамъ мало живописныхъ рѣкъ Сухоны и Сѣверной Двины. Приходилось быть и подъ дождемъ и пользоваться не всегда удобными ночлегами и питаться не всегда такъ, какъ хотѣлось. Но эти неудобства въ расчетъ не принимались. Послѣ такой экскурсіи изслѣдователь обыкновенно сообщалъ въ ученыхъ обществахъ о томъ, что онъ въ такихъ-то мѣстахъ нашелъ такія-то раковины и остатки такихъ-то растений, убѣдившихъ его въ томъ, что на древнемъ материкѣ допотопная жизнь несомнѣнно существовала. Съ житейской точки зрѣнія казалось бы, что такія не важныя находки составляютъ не Богъ вѣсть что. Но ученый міръ смотрѣлъ на дѣло иначе. Такой авторитетъ въ геологіи, какъ заслуженный профессоръ А. А. Иностранцевъ, счелъ необходимымъ сдѣлать такую оцѣнку экскурсій варшавскаго профессора:

«Профессоръ В. П. Амалицкій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посвятилъ себя изученію отложеній пермскаго періода, и ему обязана наука открытіемъ въ верхнихъ, а отчасти и въ среднихъ

толщахъ этихъ отложеній интересныхъ моллюсковъ и растений, находки которыхъ пролили особый свѣтъ на эти осадки, считавшіеся долгое время палеонтологически-безмолвствующими. Особенно были интересны находки растений и изъ нихъ многочисленные папоротники (*glossopteris*), свидѣтельствующіе о существованіи къ востоку отъ изслѣдованной мѣстности обширнаго материка...» («Правит. Вѣстн.», № 256, 1900 г.).

Но этотъ почетный въ научномъ отношеніи отзывъ знатока былъ вызванъ только цвѣточками. Самая суть открытія, самый знаменательный моментъ — были еще впереди. Въ 1899 году профессоръ Амалицкій пріѣхалъ въ Петербургъ и въ общемъ собраніи императорскаго общества естествоиспытателей сдѣлалъ докладъ, въ которомъ сообщилъ, что въ послѣднюю свою экскурсію онъ уже сдѣлалъ болѣе важное открытіе, чѣмъ раковины: онъ открылъ на Сѣверной Двинѣ кости ископаемыхъ наземныхъ животныхъ... Общество естествоиспытателей немедленно оцѣнило достойнымъ образомъ это открытіе, поздравило неутомимаго изслѣдователя и ассигновало ему на продолженіе работъ 1.500 рублей и выхлопотало 500 рублей отъ министерства народнаго просвѣщенія. Нельзя сказать, чтобы эти суммы были особенно крупны сравнительно съ заграничными ассигнованіями на научныя раскопки, но все же начало было сдѣлано, и раскопки пошли своимъ порядкомъ.

Теперь я принужденъ сдѣлать въ интересахъ же читателя небольшое отступленіе, и затѣмъ я приглашу его на берега Сѣверной Двины.

Въ Трансваалѣ, не далеко отъ мѣста военныхъ дѣйствій буровъ и англичанъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ случайно найденъ и выкопанъ изъ земли не полный скелетъ парейазавра длиною около сажени. Парейазавръ былъ допотопный, неуклюжій ящеръ и при томъ, по устройству зубовъ, хищникъ. У него на челюстяхъ сидитъ два ряда острыхъ пальчатыхъ зубовъ и, кромѣ того, и небо устьяно зубами. Это былъ большой и, судя по скелету, мало симпатичный звѣрь съ короткимъ хвостомъ и спиною, устьянною щитками. Найденный въ Трансваалѣ скелетъ принадлежалъ англичанамъ. Его перевезли въ Лондонъ, и перевозка и очистка его обошлись, какъ уже сказано выше, великобританскому правительству въ 4.000 фунтовъ стерлинговъ или около 40 тысячъ рублей. Англичане помѣстили скелетъ въ Лондонскій музей и очень гордились имъ. Это былъ единственный въ мірѣ экземпляръ этого животнаго. До находки его наука и не подозрѣвала о его существованіи.

Теперь, послѣ этого умышленнаго отступленія, которое въ своемъ мѣстѣ придется весьма кстати, послѣдѣмъ за профессоромъ В. П. Амалицкимъ и его неутомимой спутницей А. П. Амалицкой на берега Сѣверной Двины въ то мѣсто, гдѣ эта рѣка про-

текаетъ по Вологодской губерніи, въ Устюжскомъ уѣздѣ, Ветложомской волости, у самой деревни Ефимовской. Здѣсь есть мѣсто, называемое Соколки. Тутъ тянется высокій правый берегъ С. Двины. Въ самомъ низу, у воды, тянется вдоль берега непрерывною лентой бечевникъ. Интереснаго въ эстетическомъ и художественномъ отношеніи здѣсь нѣтъ ничего. Берегъ поднимается крутою, почти отвѣсною стѣной на двадцать двѣ сажени надъ водой и состоитъ изъ слоевъ ничѣмъ не замѣчательной породы, называемой рухляками. Но для ученаго геолога эта мѣстность оказывается въ высшей степени интересной.

На бечевникѣ у Соколковъ профессоръ Амалицкій нашелъ нѣсколько известково-песчаныхъ камней причудливой формы. Разсматривая и раскалывая ихъ, онъ обнаружилъ внутри ихъ присутствіе окаменѣлыхъ костей позвоночныхъ животныхъ. Изучая ихъ подробнѣе, онъ нашелъ даже въ нѣкоторыхъ камняхъ зацементированные черепа какихъ-то невѣдомыхъ звѣрей. Такіе камни въ наукѣ называются конкреціями. Возникъ вопросъ, какимъ же путемъ эти конкреціи попали сюда на бечевникъ, откуда онѣ взялись? Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ скатывались откуда-то сверху по мѣрѣ того, какъ рѣка подмывала берегъ. Стали изслѣдовать всю почти отвѣсную 22-хъ саженную стѣну отъ воды до верху и наткнулись на очень странное явленіе. На высотѣ 12 сажень надъ бечевникомъ въ однообразные слои рухляковъ оказался точно втиснутымъ огромный плоскій треугольникъ изъ слабо цементированнаго песчаника и песка. Треугольникъ былъ втиснутъ вершиною внизъ и плоскимъ основаніемъ кверху. Размѣры его были довольно солидны: 40—50 сажений въ длину и въ 6 сажень въ высоту, отъ основанія къ вершинѣ. Его назвали «чечевицей» или «линзой». Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что конкреціи съ окаменѣлыми костями выпадали и валялись внизъ именно изъ этой линзы—значитъ, въ ней и надобно искать продолженія найденныхъ на берегу конкрецій. Профессоръ В. П. Амалицкій такъ и поступилъ. Онъ началъ здѣсь свои раскопки и отсюда-то и добылъ свой богатѣйшій палеонтологическій матеріалъ.

Что же такое эта линза? Каково ея происхожденіе, и почему именно въ ней заключены животные остатки? На этотъ мудреный вопросъ очень обстоятельно и правдоподобно отвѣчаетъ геологія. Въ пермскую эпоху очертаніе и поверхность тогдашняго материка были совсѣмъ иныя. Ни Сухоны, ни Сѣверной Двины тогда еще не было. Тогда на этомъ мѣстѣ текла другая какая-то допотопная рѣка. По берегамъ ея бродили допотопные ящеры и прыгали среди тогдашнихъ папоротниковъ гигантскія лягушки. Рѣку постепенно заносило пескомъ и трупами животныхъ и, наконецъ, занесло совсѣмъ настолько, что она перестала существовать и исчезла съ

лица земли. Надъ ея ложемъ образовались свѣжіе заносы рухляковъ и глины. Прошло нѣсколько милліоновъ лѣтъ, поверхность мѣстности снова измѣнилась, и возникли рѣки — теперешняя Сухона и Сѣверная Двина. Послѣдняя въ своемъ теченіи прошла какъ разъ надъ первобытною рѣкою и, размывая свое русло, въ нѣсколькихъ мѣстахъ перерѣзала ея извилины. Эти мѣста разрѣзовъ и выступили въ видѣ чечевичъ или линзъ.

Заручившись сочувствіемъ императорскаго с.-петербургскаго общества естествоиспытателей, профессоръ В. П. Амалицкій принялся за раскопки. Онъ арендовалъ у крестьянъ необходимый участокъ Сокольниковъ, нанялъ рабочихъ и сталъ добываться своей цѣли. Эта цѣль была тѣмъ болѣе заманчива, что напередъ нельзя было съ увѣренностью сказать, въ чемъ именно будутъ заключаться находки. Работы начались 17-го іюня 1899 года. Къ линзѣ удобнѣе всего было подойти снизу, съ бечевника. Такъ и попробовали, начиная съ того мѣста, гдѣ было больше всего выпавшихъ на бечевникъ конкрецій.

Но съ этого момента профессора Амалицкаго сталъ преслѣдовать цѣлый рядъ физическихъ и нравственныхъ неудачъ. Крестьянамъ окрестныхъ деревень—Ефимовской, Мокречиши, Овечкиной и другихъ, работы ученаго показались очень странными и загадочными. Крестьяне разсуждали съ своей точки зрѣнія вполне справедливо, что люди копаютъ тогда, когда предвидится какая нибудь польза, напримѣръ, проводится дорога или что нибудь въ этомъ родѣ. Въ работѣ же профессора, Богъ вѣсть для чего раскапывавшаго берегъ, они не могли видѣть никакого толку. Но такъ какъ онъ не скрывалъ того, что ищетъ вымершихъ чудовищъ, то на него очень скоро мужики и бабы стали смотрѣть довольно подозрительно. На его бѣду какъ разъ въ это время циркулировали нелѣпные слухи о предстоящемъ свѣтопреставленіи, которое ожидалось 1 ноября 1899 года. Въ простой крестьянской массѣ уже бродила молва о скоромъ пришествіи антихриста. Вскорѣ возникъ и вопросъ: не скрывается ли въ лицѣ почтеннаго профессора самъ антихристъ?.. На загадочныя работы крестьяне сбѣгались смотрѣть цѣлыми толпами и съ каждымъ днемъ дѣлались все болѣе и болѣе подозрительными и недружелюбными. Ко всему этому прибавилось и еще одно грустное обстоятельство — въ деревняхъ началъ хворать и падать крестьянскій скоть. Это несчастіе тоже было приписано вліянію антихриста.

Между тѣмъ работы, начатыя снизу, не удались. При каждомъ ударѣ ломомъ и лопатою почва приходила въ сотрясеніе, и сверху падали камни и конкреціи, которыми на худой часъ могло и пришибить кого либо изъ работавшихъ. А тутъ еще помогла и природа. Поднялся страшный ураганъ и обрушилъ своимъ напоромъ громадную глыбу песчанина. Этотъ случай тоже былъ приписанъ

чарамъ антихриста. Чтобы не подвергать опасности рабочихъ, В. П. Амалицкій измѣнилъ свой первоначальный планъ и сталъ производить раскопки сверху. Отмѣряли наверху склона полосу въ 20 саж. длиною и въ одну шириною и принялись снимать землю слой за слоемъ. Для удобства передвиженія выкопали ступенчатый спускъ внизъ. Цѣлый мѣсяцъ работа производилась, какъ говорится, въ пустую. Углубились уже на 6¹/₂ саж., прошли по самой чечевицѣ довольно большое пространство, но никакихъ окаменѣлостей не нашли. Попадались конкреціи и даже большія и очень причудливой формы, но въ нихъ, къ сожалѣнію, не было никакихъ органическихъ остатковъ.

Профессоръ Амалицкій понемногу сталъ приходить въ уныніе. И было отчего. Съ одной стороны не оправдываются надежды, съ другой—понапрасну тратятся деньги и время, а съ третьей—окрестное населеніе смотритъ очень недружелюбно и косо. Но 20 іюля судьба смилостивилась и сразу вознаградила изслѣдователя за его терпѣніе и всѣ перенесенныя имъ нравственныя невзгоды. Въ этотъ счастливый день рабочіе напали на громадную конкрецію, въ которой ясно вырисовались очертанія головы какого-то звѣря. За головою постепенно откопали и огромное туловище съ конечностями и хвостомъ. Весь звѣрь былъ почти небывалыхъ размѣровъ: онъ оказался длиною въ двѣ съ половиною сажени. Можно себѣ представить ту радость, которую почувствовали, послѣ столькихъ испытаній, супруги Амалицкіе! Радость эта сообщилась и рабочимъ. Они съ удвоенной энергіей принялись за дальнѣйшія раскопки. Для только что открытаго чудовища, которое оказалось гигантскимъ парейазавромъ, былъ въ сторонкѣ выстроенъ небольшой шалашъ. Но въ послѣдствіи этого шалаша оказалось очень мало. Находки быстро пошли одна за другою. Въ слѣдующемъ слоѣ, немного поглубже, нашли три рядомъ лежавшихъ цѣлыхъ и неразрозненныхъ скелета, принадлежавшихъ животнымъ уже другого рода: это были хищники-ропалодонты, до трехъ метровъ длиною каждый. Они отличаются сильно развитымъ зубнымъ аппаратомъ. Еще глубже наткнулись на три новые скелета парейазавровъ, но немного поменьше. Затѣмъ были найдены скелеты третьей породы ящеровъ—дицинодонтовъ... Будущій музей обогащался все болѣе и болѣе. Отдѣльныя кости, скелеты и черепа, а также и конкреціи, въ которыхъ заключались окаменѣвшіе остатки растений, стали попадаться очень часто. Не было сомнѣнія въ томъ, что профессоръ Амалицкій попалъ на цѣлую группу допотопныхъ животныхъ, занесенныхъ въ пески первобытной рѣки одновременно, благодаря какой-то невѣдомой намъ катастрофѣ. Есть основаніе предполагать, что ихъ затянуло въ рѣкѣ пескомъ ранѣе, чѣмъ трупы успѣли разложиться. Это видно изъ того, что ихъ органическое вещество вошло въ соединеніе съ пескомъ и образовало цементъ, который со всѣхъ сто-

ронъ облѣпилъ кости и содѣйствовалъ ихъ сохраненію въ теченіе милліоновъ лѣтъ, вплоть до нашего времени.

По мѣрѣ того, какъ находки накапливались, ихъ не убирали, а оставляли на томъ же мѣстѣ, гдѣ и нашли. Это было нужно для того, чтобы выяснитъ ихъ взаимное положеніе на днѣ допотопной рѣки. Къ концу раскопокъ оказалось, что всѣ костяки были расположены длинной лентой въ видѣ латинской буквы S, что указывало на сильное теченіе въ этой рѣкѣ. Одинъ парейазавръ былъ найденъ лежащимъ брюхомъ кверху и съ головой, откинутаю въ бокъ. Очевидно, его сильно тормозило и переворачивало теченіемъ.

Къ 21 августа каникулы кончались, и работы пришлось прекратить. Ископаемой добычи было такъ много, что для ея укладки и упаковки потребовалось болѣе 60 большихъ ящиковъ, которые сначала были перевезены водою по Сѣверной Двинѣ до станціи «Котласть», а затѣмъ отпавлены по желѣзной дорогѣ въ Варшавскій университетъ. Вся кладь, по желѣзнодорожнымъ накладнымъ, вѣсила болѣе 1.400 пудовъ. Профессоръ В. П. Амалицкій покинулъ Соколки очень довольный, но ему было очень больно вспоминать о враждебномъ настроеніи крестьянъ. Когда ископаемыя чудовища были извлечены изъ земли,—эпизоотія въ деревняхъ усилилась, и крестьяне единогласно утверждали, что скотъ падаетъ именно оттого, что профессоръ-антихристъ напускаетъ по ночамъ на деревни своихъ выкопанныхъ «чертей»... Это—одна изъ грустныхъ сторонъ раскопокъ.

Лѣтомъ 1900 года, варшавскій ученый повторилъ свою экскурсію въ Соколки и продолжилъ раскопки. Описывать ихъ нѣтъ надобности. Онѣ велись такъ же, какъ и предыдущія, но находокъ дали больше: вторая экскурсія дала 1.600 пудовъ ископаемыхъ. Къ тому же и работы велись веселѣе и энергичнѣе. Мѣстные крестьяне уже не смотрѣли такъ враждебно. Произошло это, благодаря случайному внимательству епископа устюжскаго Гавріила. Дѣло было такъ. Въ одинъ довольно ненастный день на Двинѣ показался дымокъ парохода. Работавшіе не обратили на пароходъ никакого вниманія, такъ какъ пароходы ходятъ здѣсь часто, но у Соколокъ никогда не останавливаются. Къ общему удивленію, пароходъ не прошелъ мимо, а повернулъ прямо къ Соколкамъ, къ мѣсту раскопокъ. Профессоръ Амалицкій черезъ нѣсколько времени не безъ удивленія увидѣлъ, что толпа народа помогаетъ съ помощью веревокъ подняться вверхъ по скользкому отъ дождя крутому берегу какому-то гостю. Гостемъ оказался преосвященный Гавріиль, много слышавшій о раскопкахъ и нарочно пріѣхавшій, чтобы осмотрѣть ихъ. При осмотрѣ преосвященный интересовался всѣмъ: и ходомъ работъ, и чудовищами, и, уѣзжая, пожелалъ дальнѣйшаго успѣха и преподаль и работавшимъ и окрестнымъ крестьянамъ свое архипастырское благословеніе. Крестьяне поняли, что архіерей не сталъ

бы благословлять антихриста, и оставили съ этой поры В. П. Амалицкаго въ покоѣ. Этотъ оборотъ дѣла оказался особенно приятнымъ, такъ какъ ученый изслѣдователь намѣренъ и въ текущемъ 1901 году продолжать свои раскопки тамъ же.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ богатой палеонтологической добычи, найденной на побережьѣ Сѣверной Двины. Въ общей суммѣ за два года русскимъ профессоромъ на русской территоріи и безъ всякаго участія иностранныхъ ученыхъ и денегъ найдено такое количество палеонтологическихъ объектовъ, какимъ не можетъ похвастать ни одинъ изъ самыхъ богатыхъ современныхъ музеевъ Европы и Америки. Изъ нѣдръ земли уже извлечены и перевезены въ Варшаву двадцать полныхъ скелетовъ парейазавровъ (изъ нихъ самый большой — длиною въ 2½ саж.), пять полныхъ скелетовъ дицинодонтовъ (всѣ величиною до трехъ метровъ), два полныхъ же скелета рапалодонтовъ (величиною съ медвѣдя), двѣ головы съ позвонками огромныхъ саламандры и лягушки, нѣсколько скелетовъ новыхъ и еще совсѣмъ неизвѣстныхъ на земномъ шарѣ животныхъ, множество разрозненныхъ череповъ и костей и, наконецъ, большое количество окаменѣлостей изъ растительнаго царства. Такимъ количествомъ палеонтологическихъ объектовъ не располагало и не располагаетъ ни одно изъ цивилизованныхъ государствъ, затрачивающихъ огромныя деньги на добываніе и пріобрѣтеніе остатковъ допотопнаго міра.

Все это богатство принадлежитъ императорскому Петербургскому обществу естествоиспытателей и, по уставу этого общества, должно составлять собственность геологическаго музея при Петербургскомъ университетѣ. Общество естествоиспытателей позаботилось и о средствахъ на покрытіе расходовъ по этому важному научному предпріятію. Оно просило своего почетнаго президента, е. и. в. великаго князя Александра Михайловича, ходатайствовать объ особой спеціальной суммѣ на продолженіе раскопокъ и вообще на оборудованіе этихъ находокъ. По докладу министра финансовъ, 14 января 1900 г. Государю Императору было благоугодно приказать отпустить на вышеуказанныя нужды общества 50.000 рублей по 10.000 рублей ежегодно на пять лѣтъ («Правит. Вѣстн.», № 257, 1900 г.). Такимъ образомъ предпріятіе обезпечено въ матеріальномъ отношеніи вполне.

Всѣ находки, составляющія болѣе 3.000 пудовъ и занимающія въ Варшавскомъ университетѣ огромную залу, расложены въ полнѣйшемъ порядкѣ и въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ лежали въ землѣ. Въ этой же залѣ В. П. Амалицкій устроилъ первую въ Россіи палеонтологическую мастерскую, въ которой эти глыбы камня путемъ самаго кропотливаго труда превращаются въ цѣнные для науки скелеты. Эта русская мастерская стоила огромныхъ трудовъ

и своимъ возникновеніемъ обязана исключительно настойчивости русскаго профессора. Первокласныхъ палеонтологическихъ мастерскихъ во всемъ мірѣ существуетъ только двѣ: въ Брюсселѣ и въ Нью-Гавенѣ, въ С. Америкѣ. Второстепенныя есть въ Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Работаютъ въ нихъ мастера-специалисты. Проф. В. П. Амалицкій ѣздилъ за границу съ цѣлью пригласить этихъ мастеровъ въ Варшаву для обработки своихъ коллекцій, но они потребовали чрезчуръ высокой платы за свой трудъ и даже поставили условіемъ получение пенсіи. Русскій ученый обшелся и безъ нихъ. Возвратившись домой, онъ пригласилъ каменотесовъ, мраморщиковъ, формовщиковъ и слесаря и, самъ превратившись въ рабочаго, принялся за очистку костей. Первые пробы были не совсемъ удачны, слѣдующія — удачнѣе, а затѣмъ русскіе простые рабочіе вскорѣ такъ наловчились и вошли въ курсъ дѣла, что теперь безъ всякаго знанія анатоміи такъ чисто снимаютъ съ костей каменные сорочки, что ихъ искусству могли бы позавидовать и специалисты иностранцы.

Первый скелетъ парейазавра средней величины (болѣе 1¹/₂ саж.) былъ изготовленъ въ этой мастерской въ два съ небольшимъ мѣсяца въ то время, какъ за границею на такія же работы затрачиваютъ годы. Этотъ парейазавръ въ полтора раза крупнѣе Лондонскаго, и теперь Лондонскій, считавшійся до сихъ поръ единственнымъ въ мірѣ, уже отступилъ на второстепенный планъ. Въ мастерской лежатъ еще не отдѣланными 29 скелетовъ-гигантовъ и среди нихъ — парейазавръ небывалой величины въ двѣ съ половиною сажени. Оттуда же въ недалекомъ будущемъ должны появиться и предстать глазамъ ученаго міра скелеты тѣхъ невѣдомыхъ животныхъ, о которыхъ было упомянуто раньше, и которыя не определены еще до сихъ поръ и самимъ проф. Амалицкимъ.

Первый русскій парейазавръ, открывающій собою цѣлую серію богатѣйшихъ научныхъ находокъ, былъ перевезенъ изъ Варшавы въ Петербургъ. Онъ-то и былъ переданъ профессоромъ Амалицкимъ Петербургскому обществу естествоиспытателей съ такою помпой въ торжественномъ засѣданіи 28 декабря 1900 года. Его-то и встрѣчалъ ученый міръ такими единодушными аплодисментами и его-то и назвали въ честь В. П. Амалицкаго «Парейазавромъ Владимировичемъ». Это была шутка, но шутка милая, сердечная и симпатичная.

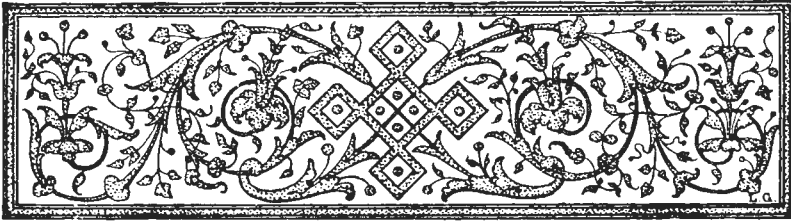
Для этой будущей русской коллекціи проектируется устройство отдѣльнаго, самостоятельнаго палеонтологическаго музея. Въ немъ будутъ храниться все безъ исключенія русскія допотопныя окаменѣлости, и онъ будетъ представлять собою, по выраженію проф. А. А. Иностранцева, «наше національное научное сокровище».

Открытие этихъ ископаемыхъ проф. Амалицкимъ въ Вологодской губерніи оставило важный историческій моментъ въ геологіи.

Этими находками доказано убѣдительно и неопровержимо то, что составляло до сихъ поръ загадку въ этой наукѣ: доказано существованіе наземныхъ животныхъ въ пермскую эпоху. «Палеонтологически-безмолвствовавшіе» осадки заговорили болѣе, чѣмъ красно-рѣчиво. Исторія геологіи отмѣтила на своихъ страницахъ новую эру и рядомъ съ этой отмѣткой начертала и имя русскаго ученаго, такъ блестяще разрѣшившаго загадочный научный вопросъ.

Ал. Чеховъ.

НАСЛѢДСТВО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

РУССКАЯ историческая литература поразительно бѣдна трудами общаго характера, посвященными изображенію отдѣльныхъ эпохъ русской исторіи за XVIII и XIX вѣка. Мы собираемъ историческіе матеріалы за это время, изучаемъ частные вопросы, касающіеся государственной или бытовой исторіи русскаго народа, но почему-то до сихъ поръ не имѣемъ, даже при обиліи матеріаловъ, общей картины жизни Россіи за извѣстный періодъ времени въ немногословномъ, живомъ очеркѣ, доступномъ образованному, ищущему знаній кругу читателей. Попытки наши въ этомъ направленіи даютъ обыкновенно въ результатѣ или легкія, фразистыя историческія обзорѣнія, въ которыхъ, сообразно точкѣ зрѣнія автора, русская исторія «обрабатывается» иногда до неузнаваемости (въ одномъ такомъ обзорѣніи, напримѣръ, о войнахъ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ почти вовсе не упоминается, такъ какъ авторъ его — принципиальный врагъ «военщины»), или многотомныя, увѣщательныя сочиненія, гдѣ ученое гробокопательство сводитъ дѣло опять-таки къ изученію цѣлаго ряда частныхъ вопросовъ, въ ущербъ общей картинѣ, и дѣлаетъ книгу доступною по цѣнѣ лишь для очень достаточной по средствамъ и оттого весьма небольшой части публики. За XVIII вѣкъ у насъ нѣтъ, напримѣръ, ни одной общей исторіи Россіи по царствованіямъ, за исключеніемъ компилятивныхъ исторій Петра I и Екатерины II, Брикнера, а для болѣе подробнаго, общаго знакомства съ русской

исторіей Петровскаго и послѣ-Петровскаго времени можно указать лишь на одну книгу, хотя и устарѣлую,— на «Чтенія изъ русской исторіи» Щебальскаго! Грустно сказать, что историки наши какъ бы не думаютъ о своей обязанности знакомить русское общество съ русской исторіей; досадно сознавать, что невысокій уровень познаній общества въ области отечественной исторіи находитъ себѣ должное возмездіе въ усвоеніи имъ разнаго рода взглядовъ космополитическаго или сепаратическаго характера, въ склонности уважать все чуждое, инородческое, и равнодушно относиться къ своему родному. Впрочемъ, интересъ къ историческимъ знаніямъ растетъ въ обществѣ самъ собою, по мѣрѣ развитія его самосознанія, и, конечно, наши историки, рано или поздно, должны будутъ, волей-неволей, отозваться на его запросы.

Мы твердо надѣемся, что это пріятное будущее наступитъ въ весьма непродолжительномъ времени, потому что теперь знакомить насъ съ нашей исторіей взялись... иностранные ученые: ихъ авторитетъ, несомнѣнно, освятитъ популяризацию русской исторической науки въ глазахъ даже тѣхъ ученыхъ нашихъ, которые полагали свою славу исключительно въ почтенныхъ, но гробокопательскихъ изысканіяхъ по исторіи довольно древнихъ французскихъ крестьянъ или еще болѣе древнихъ афинскихъ архонтовъ. Должно быть, по экономическимъ законамъ, труды эти, захватывая чужіе рынки, побудили иностранцевъ попытаться поработать и для нашего историческаго рынка. Открытымъ является одинъ лишь вопросъ: иностранцы ли лучше понимаютъ русскую исторію или русскіе ученые лучше — французскую, итальянскую и греческую...

Читатели «Историческаго Вѣстника» только что ознакомились съ англійской монографіей объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, а теперь мы должны дать имъ отчетъ о новомъ трудѣ на французскомъ языкѣ по русской исторіи, принадлежащемъ талантливому перу г. Валишевскаго, уже заявившаго себя своими сочиненіями по исторіи Россіи XVIII вѣка: «Pierre le Grand», «Autour d'un trône. Catherine II de Russie», «Le roman d'une impératrice. Catherine de Russie»; послѣднее сочиненіе было даже удостоено преміи французской академіей. Новый трудъ г. Валишевскаго, появившійся въ истекшемъ году, носить заглавіе: «L'héritage de Pierre le Grand. Règne des femmes, gouvernement de favoris. 1725—1741», обнимая собою такимъ образомъ царствованія Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны и малолѣтняго Іоанна VI Антоновича. Приобрѣтенная г. Валишевскимъ за границей репутація знатока новой русской исторіи, традиціонная склонность многихъ нашихъ соотечественниковъ относиться съ особымъ уваженіемъ къ трудамъ, являющимся въ Россію подъ французской маркой,— вынуждаютъ насъ обратить на его новую работу особенное вниманіе и подробно ознакомить съ нею нашихъ читателей.

I.

Эпоха отъ Петра I до Елисаветы Петровны представляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ періодовъ русской исторіи. По замѣчанію г. Валишевскаго, при разсказѣ о ней нѣтъ надобности прибѣгать къ живописному разукрашиванію событій, такъ какъ дѣйствительность превосходитъ въ этомъ случаѣ всякое воображеніе. Къ сожалѣнію, на первомъ планѣ у нашего автора-живописца является изображеніе лицъ, а не исторія эпохи и народа: «романъ» императрицъ оказался заманчивѣе для историка, чѣмъ совершавшаяся въ то время въ Россіи историческая эволюція, имѣвшая громадное значеніе и для нея, и для всей Европы. Тридцать пять лѣтъ неустанной работы великаго преобразователя сдвинули Россію съ привычной для нея колеи, пробудили въ ней новыя силы, ускорили ея движеніе; въ организмѣ русскаго государства усилилось кровообращеніе, происходила оживленная замѣна тканей. Новое приходило на смѣну старому, но не упраздняло его совершенно: старые мѣха заключали въ себѣ часто новое вино и, наоборотъ, новые мѣха — старое, хорошо выдержанное. Кончина Петра Великаго завершила собою активный, если можно такъ выразиться, хирургическій процессъ преобразования: послѣ Петра сообщенная организму прививка тихо, медленно перерабатывалась самимъ организмомъ незамѣтно для чужого глаза; нельзя было ускорить болѣзненный процессъ, но нельзя было и уничтожить значеніе введеннаго въ организмъ началъ: оставалось только сидѣть возлѣ дорогого больного и оберегать его отъ осложнений. Ближайшіе наслѣдники Петра Великаго не были на высотѣ этой своей задачи: Россія и русскій народъ выздоравливали въ благодѣтельномъ, но болѣзнетворномъ періодѣ своего развитія безъ бдительнаго надзора врачей и нянекъ, исключительно благодаря здоровой, крѣпкой своей натурѣ. Чѣмъ занимались въ это время врачи и няньки, это, разумѣется, очень любопытный вопросъ, но для исторіи русскаго народа, для дѣла Петра Великаго, онъ безспорно не является существеннымъ; между тѣмъ, большая часть книги г. Валишевскаго посвящена, главнымъ образомъ, исторіи императрицъ и другихъ лицъ, стоявшихъ у кормила правленія, не исключая сферы ихъ частной, интимной жизни. Мы поэтому думаемъ, что заглавіе книги г. Валишевскаго: «Наслѣдство (l'héritage) Петра Великаго», не вполне отвѣчаетъ ея содержанію: слово наслѣдство правильнѣе было бы замѣнить гораздо болѣе скромнымъ: наслѣдники (héritiers).

Эта коренная ошибка г. Валишевскаго даетъ себя чувствовать на всѣхъ страницахъ его книги. Чрезвычайно интересно для пу-

блики читать въ ней подробности придворной жизни преемниковъ Петра Великаго, уяснять себѣ ихъ характеристики, слѣдить за борьбою страстей и партій: все это прелестно, живо, чуть не въ беллетристической формѣ, описано и рассказано г. Валишевскимъ, но, при всемъ томъ, именно наслѣдства Петра Великаго и не видишь въ трудѣ г. Валишевскаго, посвященномъ этому предмету, не видишь русскаго народа, не осязаешь вовсе пульса его жизни за это время, не наблюдаешь хода его гигантской культурной работы — претворенія въ своемъ организмѣ вновь введенныхъ въ него элементовъ преобразованія. Читая рассказъ г. Валишевскаго о томъ, какимъ ничтожнымъ людямъ досталось наслѣдство Петра, вникая во все подробности ихъ времяпровожденія: ѣды, питья, амурныхъ забавъ, мы никакъ не можемъ избавиться отъ докучливаго вопроса: не послужило ли ко благу Россіи то, что на это время она была предоставлена самой себѣ, что новыя попытки къ новымъ преобразованіямъ на новыхъ началахъ со стороны нѣкоторыхъ «птенцовъ» великаго человѣка, сами по себѣ очень «идейныя», не увѣнчались успѣхомъ, и Россію того времени миновала чаша умныхъ экспериментовъ? Самъ г. Валишевскій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги, какъ бы сознаетъ недоразумѣніе, положенное имъ въ основу своей работы, и съ видимымъ удивленіемъ подчеркиваетъ загадочное для него явленіе, что, несмотря на все ошибки правившихъ Россією людей, несмотря на ихъ бездѣятельность и даже безнравственность, Россія, какъ сказочный богатырь, росла, укрѣплялась, и ея вліяніе въ Европѣ какими-то невѣдомыми путями съ каждымъ годомъ дѣлалось могущественнѣе, а силы—грознѣе. Самыя живыя описанія личностей Екатерины I, Петра II, Анны Иоанновны, даже самого герцога Бирона печальной памяти, а также правительственной дѣятельности за ихъ время, не дають г. Валишевскому ключа къ разрѣшенію этой загадки, и по простой причинѣ: по попойкамъ и любовнымъ похождениямъ Петра Великаго, ярко описаннымъ Берггольцемъ и Юстомъ Юлемъ, нельзя судить о его государственной дѣятельности; точно также и о работѣ народнаго духа послѣ смерти великаго преобразователя не можетъ дать никакого понятія, кромѣ превратнаго, изображеніе личностей, стоявшихъ на верху, у кормила правленія.

Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Валишевскій оправдывается отъ замѣчаній, сдѣланныхъ ему критиками прежнихъ его твореній, въ излишней любви къ эффектамъ и яркости красокъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что событія и факты, имъ сообщаемые, въ данномъ случаѣ сами по себѣ эффектны и живописны. Мы думаемъ, что рѣчь идетъ не о фактахъ, а о манерѣ говорить о нихъ; мы слышимъ въ изложеніи г. Валишевскаго живое, веселаго анекдотиста, радующагося возможности рассказать своей аудиторіи какой-либо забавный фактъ, какъ бы онъ ни былъ грустенъ самъ по

себѣ, и каковы бы ни были его послѣдствія: для него въ сцѣплениі забавныхъ фактовъ безслѣдно пропадаютъ страницы безысходнаго народнаго горя. Короче, не въ обиду будь сказано г. Валишевскому, котораго талантливости и стремленію быть добросовѣстнымъ въ избранной имъ сферѣ мы готовы отдать должное, намъ кажется, что въ трудѣ его нѣтъ главнаго дѣйствующаго лица—русскаго народа во всемъ его цѣломъ, и что поэтому книга его является скорѣе рядомъ историческихъ фельетоновъ, чѣмъ научнымъ изслѣдованіемъ, несмотря на трудолюбіе автора и безспорно обширное знакомство съ литературой предмета. Самый языкъ г. Валишевскаго—скорѣе фельетоннаго характера: онъ несомнѣнно подражаетъ Лависсу, щеголяетъ антитезами, неожиданными сравненіями, бросаетъ въ глаза читателю какую либо неожиданную цитату, вставляетъ въ изложеніе разговоръ дѣйствующихъ лицъ. Все это—очень хорошо, но пользоваться этими приемами слѣдуетъ все-таки въ мѣру, въ томъ лишь случаѣ, если сущность предмета допускаетъ всѣ эти приемы искуснаго повѣствованія; эти же приемы отталкиваютъ своею искусственностью, когда читатель чувствуетъ, что ради нихъ существо дѣла отступаетъ на задній планъ. Было бы весьма жаль, если бы г. Валишевскій, при своихъ способностяхъ, въ историческихъ своихъ экскурсіяхъ гнался исключительно за репутаціей опытнаго, талантливаго рассказчика.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію содержанія книги г. Валишевскаго и болѣе подробному ея разбору, мы позволимъ себѣ еще одно общее замѣчаніе. Г. Валишевскій—полякъ и, какъ извѣстно ¹⁾, до нѣкоторой степени возбудилъ противъ себя неудовольствіе многихъ изъ своихъ соотчичей своими занятіями по исторіи «москалей». Къ нападкамъ этихъ соотчичей г. Валишевскій могъ бы отнестись спокойно, съ объективностью историка: *amicus Plato, sed magis amica veritas*; онъ могъ бы, наконецъ, урезонить своихъ земляковъ въ какой либо специальной, для нихъ написанной отвѣди. Но въ научно-объективномъ историческомъ трудѣ не должно быть мѣста лирическимъ изліяніямъ по адресу соотчичей въ родѣ слѣдующаго: «Мои польскіе читатели должны меня понять»,—говорить внезапно г. Валишевскій, указавъ въ одномъ мѣстѣ своей книги на возрастающую мощь Россіи:—«я говорю здѣсь, какъ историкъ, и если бы я заподозрѣлъ себя въ способности руководиться личными своими симпатіями, я оставилъ бы свои историческія изысканія. Я не выставляю фактовъ и причинъ ни за, ни противъ раздѣла Польши: цѣлью моею является уяснить элементы превосходства, благодаря которому Россія имѣла возможность занять завидное положеніе на сѣверѣ Европы» ²⁾... Мы не думаемъ

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1900, VI, 811—812.

²⁾ «L'héritage de Pierre le Grand», 46—47.

даже, чтобы эти извиненія достигли своей цѣли въ глазахъ людей, для которыхъ исторія есть только средство для доказательства пріятной или полезной для нихъ мысли; напротивъ, извиненія эти невольно возбуждаютъ вопросъ: достаточно ли г. Валишевскій отрѣшился отъ окружавшей его обстановки и ея традицій, чтобы быть способнымъ отнестись къ своей задачѣ съ должной для историка объективностью?

II.

Послѣ кончины Петра Великаго русскій престоль сдѣлался орудіемъ борьбы партій и всякаго рода честолюбцевъ. Въ 1722 году Петръ измѣнилъ порядокъ престолонаслѣдія, предоставивъ царствующему монарху право избирать себѣ наслѣдника. Внезапная болѣзнь лишила его возможности воспользоваться этимъ правомъ. Слабѣющей рукой написалъ онъ: «отдайте все...», но не могъ уже закончить фразы. Если слѣдовать методу исключенія, вѣроятною избранницею великаго преобразователя была старшая дочь его, цесаревна Анна Петровна, незадолго предъ тѣмъ объявленная невѣстой герцога голштинскаго: императрица Екатерина, коронованная въ 1724 году, лишилась его довѣрія вслѣдствіе отношеній своихъ къ Мопсу; внуку Петра, сыну несчастнаго Алексѣя Петровича, великому князю Петру Алексѣевичу, было тогда всего девять лѣтъ, а о передачѣ престола въ руки одной изъ своихъ племянницъ, дочерей старшаго своего брата, царя Иоанна Алексѣевича, едва ли могъ Петръ и думать. Птенцы гнѣзда Петрова, въ моментъ смерти Петра бывшіе господами положенія, рѣшили однако вопросъ по-своему: они вызвали вмѣшательство гвардіи въ дѣло избранія и провозгласили преемницей скончавшагося императора Екатерину въ увѣренности, что ея интересы связаны съ ихъ интересами, и что она будетъ нуждаться въ ихъ поддержкѣ и слушаться ихъ совѣтовъ. Такимъ образомъ, на русскомъ тронѣ появилась бывшая маріенбургская плѣнница, простая, необразованная женщина, темнаго происхожденія, а главнымъ ея совѣтникомъ и фактическимъ правителемъ государства оказался первый «птенецъ гнѣзда Петрова», знаменитый князь ижорскій, Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Въ Россіи началась эпоха правленія женщинъ и господство фаворитовъ.

Г. Валишевскій посвящаетъ по этому поводу нѣсколько страницъ выясненію значенія женщины въ русской исторіи и даетъ свое опредѣленіе понятію о фаворитѣ. Указавъ, что во всѣхъ славянскихъ государствахъ, въ древнемъ періодѣ ихъ исторіи, женщины играли значительную роль, авторъ приписываетъ затѣмъ влиянію Византіи и татаръ подчиненную, теремную жизнь ихъ въ до-Петровской Руси; забывая о дѣятельности многихъ византійскихъ императрицъ, онъ въ возможности женскаго правленія

Елены Глинской въ малолѣтство Іоанна Грознаго, даже царевны Софіи Алексѣевны, видитъ лишь слѣды стараго, патриархальнаго уклада жизни славянъ временъ Любуши и св. княгини Ольги. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Валишевскій отрицаетъ въ русскихъ людяхъ до-Петровскаго періода естественное чувство любви и уваженія къ женщинѣ, возможное при всякомъ укладѣ жизни. Ея красоту, будто бы, опредѣляли вѣсомъ тѣла, который не долженъ былъ быть менѣе пяти пудовъ (*on évalue sa beauté au poids, 5 pouds (80 kilos) passant pour un minimum acceptable*); любили женщину будто бы одной лишь физической, животной любовью. Для подтвержденія послѣдней мысли авторъ приводитъ отзывъ о русской эпической поэзіи одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа Тургенева «Дымъ» и выдержку изъ легенды о князѣ Петрѣ и Февроніи!. Женщина пользовалась де уваженіемъ, лишь какъ хозяйка, и только въ этомъ ея качества законъ предоставилъ ей права наравнѣ въ мужчинами. «Барыня-хозяйка» пользовалась въ своей вотчинѣ неограниченною властью, и, по мнѣнію г. Валишевскаго, наши императрицы послѣ Петра Великаго были именно «барынями-хозяйками» въ своей «вотчинѣ»—Россіи ¹⁾.

Не менѣе оригинально толкованіе г. Валишевскимъ и понятія о фаворитизмѣ. Въ окончательномъ своемъ видѣ, при женскомъ правленіи, фаворитизмъ имѣлъ, по его словамъ, двойное значеніе. Левенвольды, Сапѣги являются фаворитами въ дурномъ, низкомъ смыслѣ этого слова, тогда какъ въ Меншиковѣ, Потемкинѣ тишь фаворита достигаетъ высокой степени государственнаго и соціальнаго значенія: на фаворитовъ переносятся нѣкоторыя функціи верховной власти. Такъ, Екатерина I и ея ближайшіе преемники всецѣло возлагали на близкихъ себѣ лицъ бремя управленія, и первымъ фаворитомъ въ этомъ смыслѣ явился при Екатеринѣ Меншиковъ, еще при Петрѣ Великомъ замѣнявшій особу монарха во время продолжительныхъ путешествій Петра за границей ²⁾. Намъ кажется, что это раздѣленіе фаворитовъ на категоріи есть простое недоразумѣніе. Для фаворитовъ второй, такъ сказать, дѣловой категоріи, указанной г. Валишевскимъ, на русскомъ языкѣ существуетъ ясное, опредѣленное названіе: временщикъ, независимо отъ того, были ли они или нѣтъ фаворитами въ собственномъ смыслѣ этого слова, какъ, на примѣръ, тотъ же Меншиковъ при Екатеринѣ I, и дѣйствовали ли они при женскомъ или при мужскомъ правленіи, какъ, на примѣръ, гораздо позже Аракчеевъ при Александрѣ I. Фавориту въ XVIII вѣкѣ усвоивалось лишь значеніе «случайнаго человѣка»: склонность его къ дѣламъ правленія, способности его въ этомъ отношеніи иногда вовсе не проявлялись

¹⁾ Ibid., 9—10.

²⁾ Ibid., 22—23.

или же выражались весьма односторонне (А. Г. Разумовскій и И. И. Шуваловъ при Елисаветѣ Петровнѣ); самъ Потемкинъ достигъ вершины могущества и вліянія на дѣла управленія, благодаря своимъ дарованіямъ, именно въ то время, когда фаворитами при дворѣ Екатерины II были другія лица, а онъ цѣлыя 10 лѣтъ жилъ далеко отъ двора, занятый устройствомъ Новороссійскаго края.

Меншиковъ получилъ при Екатеринѣ значеніе полноправнаго властителя Россіи потому, что былъ единственнымъ человѣкомъ, на котораго могла съ полнымъ довѣріемъ опереться новая государыня: ему, главнымъ образомъ, обязана была она возведеніемъ своимъ на престолъ, и ему же ради собственныхъ своихъ интересовъ необходимо было поддерживать ее и охранять отъ всевозможныхъ притязаній и покушеній; онъ, при самомъ Петрѣ, управлялъ иногда почти безотчетно дѣлами государства. Новая императрица не имѣла никакихъ данныхъ управлять страной: она не умѣла даже читать и писать, и, если вѣрить французскому посланнику Кампредону, потребовалось три мѣсяца практики, чтобы она научилась подписывать подъ бумагами свое имя. Замѣнить ей Меншикова не могъ ни чуждый Россіи герцогъ голштинскій, сдѣлавшійся супругомъ, цесаревны Анны Петровны, ни кто либо другой изъ ггенцовъ Петровыхъ, уже привыкшихъ играть при Меншиковѣ второстепенную, подчиненную роль; притомъ давнія дружескія отношенія Екатерины къ Меншикову пріучили ее относиться къ нему съ полнымъ довѣреніемъ. Мало того, главные враги Меншикова были въ то же время врагами и императрицы: это были приверженцы малолѣтняго великаго князя Петра Алексѣевича, принадлежавшіе къ родовитой старой знати, не сочувствовавшіе избранію на престолъ ливонской плѣнницы въ ущербъ правамъ внука Петра Великаго; это были люди, враждебно настроенные противъ иноземцевъ, занявшихъ высшія мѣста въ войскѣ и администраціи, и всякаго рода русскихъ выскочекъ, выдвинутыхъ петровской реформой, въ томъ числѣ и Меншикова, стоявшаго во главѣ ихъ. При дворѣ и въ арміи представителями этой партіи были князья Долгорукіе и Голицыны, но къ нимъ примыкали почти всѣ русскіе люди, безъ различія мнѣній и направленій, даже раскольники: для всѣхъ нѣмцы были тошны и досадительны. Едва ли, однако, можно доказать, чтобы люди, стоявшіе во главѣ этой партіи, были враждебны самому дѣлу петровской реформы—общепринятое у насъ мнѣніе, раздѣляемое и г. Валишевскимъ, съ легкой руки иностранцевъ, писавшихъ о Россіи въ XVIII вѣкѣ: наиболѣе дѣятельные и способные изъ нихъ, какъ, напримѣръ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и генераль-адмиралъ Апраксинъ, получили европейское образованіе, отличаемы были самимъ Петромъ за

услуги дѣлу реформы и, сознавая несбыточность и вредъ мечтаний несчастнаго царевича Алексѣя Петровича о возвращеніи Россіи къ старому, московскому укладу жизни,—тѣмъ не менѣе вѣрили въ возможность вести дѣло преобразованія русскими руками; слабой стороной ихъ оказалось стремленіе воспользоваться смутами, наступившими послѣ смерти Петра въ верховномъ управленіи, чтобы воскресить на новыхъ началахъ, на основаніи западныхъ же образцовъ, старыя боярскія традиции въ ущербъ самодержавію и интересамъ прочихъ классовъ народа. Стремленіе это послужило на пагубу представителямъ старой знати: отъ нихъ отшатнулся и народъ, и заполнявшее ряды гвардіи дворянство, увидѣвшее гарантію въ обеспеченіи и развитіи своихъ правъ исключительно въ самодержавіи, кто бы въ данный моментъ ни являлся выразителемъ самодержавнаго начала. Рѣшающимъ голосомъ, въ концѣ концовъ, должна была пользоваться, конечно, гвардія.

Въ свое время мы давали читателямъ «Историческаго Вѣстника» отчетъ о новомъ капитальномъ трудѣ по исторіи гвардіи, «Исторіи кавалергардовъ» г. Панчулидзева¹⁾, которымъ г. Валишевскій не успѣлъ еще воспользоваться. Въ трудѣ этомъ собрано достаточно данныхъ, чтобы уяснить себѣ роль гвардіи въ государственныхъ переворотахъ, наполняющихъ собою вторую четверть XVIII вѣка въ русской исторіи. Гвардія не являлась лишь въ видѣ орудія въ рукахъ честолюбцевъ, какъ думаетъ это г. Валишевскій, и постепенное раскрѣпощеніе дворянства отъ службы государству, развитіе его сословныхъ и экономическихъ привилегій въ XVIII вѣкѣ, было не слѣдствіемъ участія дворянской гвардіи въ переворотахъ, а, напротивъ, являлось ея цѣлью; съ измѣненіемъ состава гвардіи измѣнилась и роль гвардіи, и способы воздѣйствія на нее руководителей. Утверждать, какъ дѣлаетъ это нашъ авторъ, что, при отсутствіи закона о престолонаслѣдіи, военные перевороты не носили и тѣни какого либо принципа, теперь едва ли возможно. Гвардія не была толпою буйныхъ преторіанцевъ и наемниковъ: составлялъ ее въ это время цвѣтъ земельного дворянства изъ Великороссіи, и уже Биронъ, при Аннѣ Ивановнѣ, желая ослабить значеніе этой гвардіи, образовалъ два новые гвардейскіе полка, по преимуществу изъ малороссовъ, предполагая, хотя совершенно неосновательно, что они будутъ враждебны «москалямъ». Отрицая сознательное участіе гвардіи при смѣнѣ царствованій послѣ Петра, г. Валишевскій впадаетъ, между тѣмъ, въ странную ошибку, упоминая о томъ, что Екатерина I избраніемъ своимъ была обязана отчасти сочувствію къ ней... герцога голштинскаго, такъ какъ онъ, будто бы, «пользовался симпатіями завоеванныхъ у шведовъ провинцій: Лифляндіи, Эстляндіи и Каре-

¹⁾ «Придворное войско въ Россіи» («Истор. Вѣстн.», 1899 г., X).

ли, напрасно ожидавшихъ отъ этого принца возвращенія ихъ въ лоно матери-отчизны», т.-е. Швеціи. На самомъ же дѣлѣ, провинціи эти никакой роли въ избраніи Екатерины не играли и играть не могли, а жажда ихъ возвратиться подъ шведское управленіе была болѣе чѣмъ сомнительна, такъ какъ, съ одной стороны, экономическіе и торговые интересы связывали ихъ съ Россіей, а не со Швеціей, а съ другой—именно присоединеніе прибалтійскихъ провинцій къ Россіи обезпечило за ними ихъ привилегіи, которыя шведы неоднократно покушались вовсе упразднить.

Опираясь на безграничное довѣріе къ себѣ императрицы и на гвардію, Меншиковъ въ теченіе перваго года своего управленія чувствовалъ себя полновластнымъ правителемъ государства. Но любимецъ счастья, какъ всегда, и на этотъ разъ увлекся своимъ значеніемъ, перешелъ предѣлы возможнаго, а между тѣмъ враги его не дремали. Завѣдывавшій построеніемъ Ладожскаго канала Минихъ просилъ дать ему для работъ на 1726 годъ 15.000 солдатъ. Правительствующій сенатъ согласенъ былъ исполнить просьбу Миниха, но временщикъ объявилъ сенату, что какое бы онъ ни принялъ рѣшеніе, но не въ его, сената, власти располагать хотя однимъ человѣкомъ. Самъ Петръ Великій съ уваженіемъ относился къ рѣшеніямъ «господъ сенаторовъ», хотя не всегда исполнялъ ихъ, и презрительное отношеніе къ сенату со стороны Меншикова по дѣлу, безспорно для всѣхъ полезному для государства, показало всѣмъ, на что способенъ Меншиковъ, и возбудило общее негодованіе. Многіе сенаторы перестали являться на засѣданія, въ Петербургѣ распространились слухи, невыгодные для Меншикова, стали даже говорить, что армія, расположенная на Украинѣ и находившаяся подъ начальствомъ лучшаго изъ полководцевъ Петра Великаго, князя Михаила Михайловича Голицына, нанесетъ первый ударъ зазнавшемуся временщику. Партія герцога голштинскаго и партія великаго князя Петра Алексѣевича, обѣ согласны, заговорили о необходимости создать учрежденіе, которое положило бы нѣкоторые предѣлы самовластію Меншикова.

Именно стремленіемъ положить границы власти временщика и объясняется учрежденіе именнымъ указомъ 3 февраля 1726 г. высшаго совѣщательнаго установленія, верховнаго тайнаго совѣта, долженствовавшаго вѣдать важнѣйшія дѣла внутренняго управленія государствомъ и внѣшней политики ¹⁾. Сопоставляя мнѣнія русскихъ ученыхъ, г. Валишевскій приходитъ къ правильному выводу, что новое учрежденіе имѣло значеніе лишь компромисса между

¹⁾ Арсеньевъ въ трудѣ своемъ: «Царствованіе императрицы Екатерины I» предполагаетъ, что верховный тайный совѣтъ учрежденъ былъ по инициативѣ самого Меншикова—для усиленія его собственной власти, чтобы всѣ распоряженія дѣлать именемъ императрицы.

партіями. Совѣтъ состоялъ изъ семи членовъ. Наряду съ Меншиковымъ засѣдалъ въ новомъ совѣтѣ герцогъ голштинскій, вмѣстѣ съ птенцами Петра—представители старой знати. Это былъ возрожденный сенатъ, съ переменной именъ и лицъ. Подобно сенату, и совѣтъ имѣлъ три функціи: законодательную, распорядительную и судебную; на долю сената остались дѣла менѣе важныя и до нѣкоторой степени законодательный починъ, хотя доклады его шли уже не къ императрицѣ, а на утвержденіе верховнаго тайнаго совѣта. Въ концѣ концовъ сенатъ потерялъ свое значеніе «правительствующаго», самъ началъ получать указы даже отъ синода и переименованъ былъ «высокимъ». Казалось, что верховный тайный совѣтъ замѣнилъ собою личность самодержавной императрицы: его рѣшенія объявлялись отъ имени императрицы, а между тѣмъ въ нихъ Екатерина не была никогда именована самодержицей... Авторъ, однако, напрасно видитъ въ этомъ серьезный шагъ къ ограниченію самодержавной власти. Въ дѣйствительности же олигархическія вождедѣнія нѣкоторыхъ членовъ совѣта, если только они существовали, не были основаны ни на буквѣ закона, которымъ права совѣта не были точно опредѣлены, ни на политическомъ его значеніи, такъ какъ въ сущности у него не было опоры въ интересахъ какой либо враждебной самодержавію группы населенія имперіи: онъ держался только слабостію и ничтожествомъ личности учредившей его императрицы. Мало того, члены верховнаго тайнаго совѣта чувствовали себя стѣсненными даже въ присутствіи временщика, котораго они взялись сдерживать: они знали, что за Меншиковымъ стоитъ сама императрица, довѣріе которой къ нему было непоколебимо. Теоретическая идея самодержавія оказалась въ Россіи настолько могущественной, что даже въ это время никто не смѣлъ возвысить противъ нея своего голоса; практическая слабость носительницы идеи самодержавія, Екатерины I, только рѣзче отбѣнила его значеніе для Россіи.

Г. Валишевскій изображаетъ Екатерину I, и какъ женщину, и какъ императрицу, самыми черными красками. Описаніе частной жизни императрицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его книги доходитъ до паоса въ защиту оскорбленнаго чувства нравственности. Мы уже обращали вниманіе читателей на эту особенность автора въ началѣ своей статьи, но, отдавая должное его добродѣтели, все-таки находимъ въ его разсказѣ значительную долю преувеличенія. Историкъ не долженъ забывать, что каждое историческое лицо должно быть взято въ современной ему обстановкѣ, а обстановка Екатерины I, и русская, и западноевропейская, достаточно извѣстны: вспомнимъ, на примѣръ, нравы ея современника, короля польскаго Августа II. Легкость нравовъ, злоупотребленіе спиртными напитками были во времена Петра Великаго повсюду зауряднымъ явленіемъ. Ливонская плѣнница, простая, необразован-

ная дѣвушка, умѣла привязать къ себѣ гениальнаго царя, сдѣлаться для него подругой и женою, удостоилась наконецъ коронаванія; для насъ судьба эта поистинѣ кажется сказочной. Но, съ другой стороны, и самъ Петръ, и его сподвижники, среди которыхъ Екатерина получила житейское воспитаніе, удивляютъ также сказочными размѣрами своего разгула и отсутствіемъ нравственной сдержки. Прочтите нѣсколько страницъ изъ записокъ датскаго посланника Юста Юля, воспроизводящаго съ фотографическою точностію пирушки Петра Великаго и нравы современнаго ему общества, со всею невѣроятною ихъ грубостію, и вы увидите, что почти всѣ въ этомъ отношеніи были похожи другъ на друга; даже архіерей новгородскій, знаменитый Теофанъ, не стѣнялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ ни саномъ своимъ, ни образованіемъ. Екатерина восприняла эту обстановку, привыкла легко относиться къ женскому своему достоинству, привыкла пить вино тамъ, гдѣ всѣ обязаны были быть пьяны. Петръ Великій своею невоздержностію самъ былъ для нея примѣромъ: и горе, и радость,— все заливалось виномъ. Между тѣмъ, Екатерининѣ въ послѣдніе годы жизни Петра пришлось пережить немало серіозныхъ испытаній: за два мѣсяца до восшествія ея на престоль, она, возвращаясь съ пирушки съ мужемъ и дочерьми, видѣла на площади воткнутую на шею голову казненнаго, по приказанію Петра, любимца ея, камеръ-юнкера Вилима Монса, и не была увѣрена даже въ собственной своей участи. Внезапная кончина Петра Великаго, желѣзное здоровье котораго не выдержало наконецъ ни гигантскихъ трудовъ, ни гигантскихъ излишествъ, освободила Екатерину отъ давившаго ее кошмара и дала ей возможность отдохнуть послѣ страшнаго напряженія силъ и нервовъ, если только можно признать существованіе нервовъ у людей этого невѣроятнаго по жестокости вѣка. Избранная императрицей, Екатерина рада была имѣть возлѣ себя Меншикова, способности котораго въ управленіи были общепризнаны, а преданность его къ ней лично засвидѣтельствована при самомъ ея избраніи: изоощряя ранѣе всѣ силы своего ума и сердца, чтобы править необузданнымъ по характеру царемъ, новая императрица сознавала полную свою неспособность къ управленію его государствомъ. Правда, Меншиковъ самъ не отличался книжнымъ образованіемъ: онъ самъ едва умѣлъ писать, но зато онъ обладалъ въ высокой степени опытомъ, пріобрѣтеннымъ почти на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности, выдающимся умомъ и непреклонной энергіей,—качествами, которыми признаны были въ немъ даже его врагами. Екатерина стала жить въ глубинѣ дворца, устраняясь отъ дѣлъ правленія и проявляя къ нимъ живое участіе лишь тогда, когда они касались судьбы ея семьи, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда избранный ею временщикъ не умѣлъ справиться съ затрудненіями или давалъ волю

своему властолюбію. Въ качествѣ фаворитовъ при императрицѣ находились остзейскій баронъ Рейнгольдъ Левенвольде, пожалованный ею въ графы, и польскій графъ Сапѣга, одновременно бывшій женихомъ старшей дочери Меншикова, княжны Маріи Александровны; домашній кругъ императрицы составляли четыре камерфрау изъ нѣмокъ съ небезукоризненнымъ прошлымъ, а изъ русскихъ — извѣстная мать-игуменья, княгиня Голицына; кромѣ того, Екатерина, тотчасъ по вступленіи своемъ на престоль, вызвала къ себѣ родственниковъ своихъ, простыхъ литовскихъ крестьянъ: Скавронскихъ, Гендриковыхъ и Ефимовскихъ, и очень благоволила къ зятю своему, герцогу голштинскому, не отличавшемуся воздержнымъ и нравственнымъ образомъ жизни.

Грубость нравовъ императрицы и ея постоянного общества подробно разъяснена г. Валишевскимъ; для полноты картины слѣдовало бы добавить только, что грубость эта была обычною въ русскомъ обществѣ даже въ позднѣйшее время. Въ то же время Екатерина I показывала склонность помогать бѣднымъ. Люди всякаго званія имѣли къ императрицѣ свободный доступъ; въ переднихъ комнатахъ ея дворца ежедневно толпились солдаты, матросы, ремесленники, прося ея о вспоможеніи или приглашая ея быть воспріемницею своихъ дѣтей, въ чемъ Екатерина никому никогда не отказывала, давая по нѣскольку рублей каждому изъ своихъ крестниковъ. «Она давала приданое сиротамъ, говоритъ г. Валишевскій, назначала пенсіи ветеранамъ шведской войны, раздавала милостыню священникамъ, монахамъ... Я нахожу (въ вѣдомости о личныхъ расходахъ Екатерины) два дуката, данные одному мужику, который жаловался, что не имѣетъ средствъ уплатить подушную подать, и десять дукатовъ, данные другому, восьмидесятилѣтнему старику, который сумѣлъ взлѣзть на дерево. Легко, прибавляетъ г. Валишевскій, оцѣнить эту разницу» ¹⁾. Должно сознаться, что сдѣлать эту оцѣнку теперь было бы очень трудно, по крайней мѣрѣ, намъ: иначе, о каждомъ человѣкѣ, на подобныхъ основаніяхъ, можно было бы составить странныя и ошибочныя мнѣнія. Народъ, конечно, также не дѣлалъ этой оцѣнки; простота, доступность супруги Петра Великаго привлекали къ ней сердца. Солдаты и матросы также выражали ей свою преданность, вспоминая, что она со временъ Прутскаго похода дѣлила съ Петромъ труды и опасности походной жизни; притомъ, она неоднократно показывала мужество и хладнокровіе. Разсказываютъ, что, присутствуя однажды (12 февраля 1726 г.) на ученіи гвардейскихъ солдатъ, она не сморгнула, когда пуля, умышленно или случайно пущенная, убила человѣка въ четырехъ шагахъ отъ нея. «Пуля эта не была предназначена этому бѣдняку»,

¹⁾ «L'heritage» etc., 14.

сказала спокойно Екатерина и, подзвавъ къ себѣ офицера, командовавшаго учениемъ, сорвала съ него шпагу. Французскій посланникъ Кампредонъ въ своихъ донесеніяхъ дѣлаетъ самые лестные отзывы объ умѣ и способностяхъ Екатерины, но г. Валишевскій не придаетъ значенія его свидѣтельствамъ, такъ какъ Кампредонъ мечталъ о франко-русскомъ союзѣ и хлопоталъ, хотя неудачно, о брачномъ союзѣ цесаревны Елисаветы Петровны съ королемъ Людовикомъ XV или герцогомъ Орлеанскимъ. Но съ тѣмъ же недо-вѣріемъ, если еще не бѣльшимъ, долженъ былъ онъ отнестись и къ донесеніямъ датскаго посланника Вестфалена, отзывавшагося объ Екатеринѣ только съ невыгодной стороны. Послѣ брака Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ, 21 мая 1726 г., Екатерина взяла на себя поддерживать его притязанія на захваченный датчанами Шлезвигъ, заключила съ этою цѣлью союзъ съ германскимъ императоромъ и въ теченіе всего своего царствованія грозила Даніи войною. Само собою разумѣется, что датскій посланникъ не щадилъ памяти Екатерины даже послѣ ея смерти; между тѣмъ его показанія пользуются полнымъ довѣріемъ нашего автора, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ черезчуръ замѣтна творческая фантазія усерднаго дипломата. Говоря о склонности Екатерины къ спиртнымъ напиткамъ, объ оргіяхъ, происходившихъ при ея дворѣ и бывшихъ, очевидно, продолженіемъ оргій Петра, г. Валишевскій прибавляетъ: «датскій посланникъ Вестфаленъ вычислилъ, что потребление при дворѣ, въ два года царствованія Екатерины, венгерскаго вина и данцигской водки стоило до милліона рублей, — недурная цифра для государства, годовой доходъ котораго не превышалъ десяти милліоновъ!»¹⁾

Г. Валишевскій вообще склоненъ пользоваться донесеніями дипломатовъ, находившихся при русскомъ дворѣ въ XVIII вѣкѣ, если ихъ показанія отвѣчаютъ исходной точкѣ его зрѣнія; между тѣмъ обращаться съ этимъ матеріаломъ нужно съ большою осторожностію и основываться на немъ лишь тогда, когда его данныя подтверждаются другими вполне достоверными свѣдѣніями.

III.

Перейдемъ теперь къ правительственной дѣятельности за царствованіе Екатерины и къ положенію дѣлъ по наслѣдству Петра Великаго за это время въ томъ видѣ, какъ они изложены въ раз-

¹⁾ Ibid., 16. Г. Валишевскій самъ довелъ эту цифру до милліона рублей, округливъ ее такимъ образомъ, тогда какъ Вестфаленъ опредѣляетъ ее болѣе умѣренно—въ 860.000 р. «...Elle (Catherine) doit avoir consommée dans sa cour pendant le temps de son courte règne pour 700.000 r. vins de Hongrie et pour 160.000 r. des aquavits de Dantzig». Корсаковъ: «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», приложенія, 75.

бираемой нами книгѣ. Къ сожалѣнію, авторъ ея удѣлилъ немного мѣста этому, быть можетъ сухому для читателей, но все же любопытному предмету. Законы исторической перспективы представлены у г. Валишевскаго, при разсказѣ о царствованіи Екатерины, слѣдующимъ образомъ: разсказъ о вступленіи ея на престолъ и характеристика ея личности — 21 стр.; о Меншиковѣ и его дѣйствіяхъ—13 стр., о внутреннемъ состояніи Россіи и ея внѣшней политикѣ—12 стр. и о дѣлахъ Курляндіи—18 страницъ, такъ что невольно возникаетъ вопросъ: неужели Курляндія, бывшая въ то время вассальной землей Польши, заслуживаетъ бѣльшаго вниманія читателей книги о наслѣдствѣ Петра Великаго, чѣмъ внутреннее положеніе Россіи? Впрочемъ, будемъ благодарны автору и за то, что онъ предлагаетъ намъ.

Авторъ до нѣкоторой степени справедливо указываетъ въ самомъ началѣ, что истинное разумѣніе реформы Петра покинуло Екатерину и правителей Россіи ея времени тотчасъ послѣ смерти Петра: они не понимали общаго плана зданія, которое желалъ выстроить гениальный архитекторъ; большинство же лицъ, находившихся при дворѣ и у кормила правленія, даже не задавались мыслію объ успѣхѣ дѣла Петра Великаго, думая о немъ лишь постольку, поскольку оно связано было съ личными ихъ выгодами. Толчокъ, данный своей странѣ преобразователемъ, былъ однако такъ силенъ, а страна и народъ его, сами по себѣ, обладали такими могучими задатками для развитія, что предположенія иностранцевъ о гибели реформы Петра послѣ его смерти оказались неосновательными: посѣянные имъ сѣмена дали ростки и съ каждымъ годомъ давали все болѣе и болѣе. Г. Валишевскій указываетъ, однако, на то, что неисчерпаемыя богатства Россіи были въ такомъ положеніи, что ихъ трудно было эксплуатировать «согласно требованіямъ научныхъ формулъ западныхъ экономическихъ теорій. «Много было человѣческихъ жизней, которыми можно было распоряжаться, говоритъ онъ, много было мужества и преданности до излишества, но очень мало кошельковъ съ деньгами; было больше людей, способныхъ жертвовать жизнью за государя, чѣмъ плательщиковъ, бывшихъ въ состояніи внести въ его казну хотя нѣсколько рублей. Крѣпкая вѣра преобразователя въ быстрое развитіе промышленности и торговли, только что созданныхъ, подверглась жестокому испытанію. Доходы государства не повышались, а понижались съ чрезвычайною быстротою. Въ 1725 году доходы едва достигали цифры 10 милліоновъ рублей,—ничтожной для первостепенной европейской державы, которой нужно было поддерживать свое значеніе. А между тѣмъ, въ послѣдующіе годы, цифра доходовъ упала до 8 милліоновъ! Явленіе это объясняется весьма легко соотношеніемъ въ это время общественныхъ и экономическихъ силъ страны. Классъ промышленный и торговый въ

1722 г., во время первой ревизии, составлялъ только 2,9⁰/₁₀₀ населенія Великороссіи, 172.000 душъ на 6.000.000 общаго числа жителей. Въ слѣдующій затѣмъ пятилѣтній періодъ времени замѣчается лишь незначительный прогрессъ въ этомъ отношеніи—195.000 душъ на 6.400.000 жителей. Для всей имперіи статистика эта, въ связи съ данными, собранными современнымъ дипломатомъ Фокеродтомъ, даетъ еще менѣе утѣшительные результаты. Дворянство, чиновники и духовенство представляютъ только 3,8⁰/₁₀₀, 1,5⁰/₁₀₀ и 2,3⁰/₁₀₀ на 15.135.000 общаго числа жителей, и только 2,6⁰/₁₀₀ приходится на долю промышленнаго и торговаго класса; остальные, т.-е. около 90⁰/₁₀₀ населенія имперіи, были крестьяне. Итакъ, этотъ послѣдній классъ, дѣйствительно производительный, оказался совершенно подавленъ новымъ строемъ государственной дѣятельности и былъ не въ состояніи вынести на себѣ его тяжесть: въ 1724 г. въ недоимкахъ по подушной подати оказалось до милліона рублей, то-есть 25⁰/₁₀₀. Административная система Петра Великаго сама по себѣ дѣлала еще болѣе тяжелымъ бремя налоговъ для этихъ единственныхъ плательщиковъ. Система эта въ основѣ своей заключала два элемента, по происхожденію и по цѣнности своей совершенно отличныхъ другъ отъ друга: коллегіальное начало и призывъ къ содѣйствию и развитію мѣстныхъ силъ, при чемъ первое появилось извнѣ, а второй исходилъ изъ уклада народной жизни. Коллегіальное начало оказалось чрезвычайно вреднымъ въ примѣненіи къ практикѣ, и, уничтожая его, преемники великаго человѣка слѣдовали только инстинкту самосохраненія; что касается до развитія мѣстнаго начала, то оно могло и должно было дать благотворные результаты лишь въ будущемъ, но, послѣ смерти Петра, попытки приложить его къ дѣлу оказались преждевременными. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ многихъ другихъ, реформа, лишенная руководства самого преобразователя, похожа была на машину, которой недостаетъ двигателя» ¹⁾).

Эти общія фразы автора, надо признаться, очень мало уясняютъ намъ дѣло. Въ переводѣ на простой языкъ онъ сожалѣетъ, что Россія послѣ Петра осталась страной по преимуществу земледѣльческой и мужицкой, что не совершился сразу переходъ отъ натурального хозяйства, столь понятнаго въ громадной странѣ съ рѣдкимъ населеніемъ, къ денежному, блестящіе примѣры котораго, «по научнымъ формуламъ западныхъ экономическихъ теорій», какъ разъ въ это время показывалъ во Франціи Лоу, что, наконецъ, въ Россіи дѣйствовало въ теченіе всего XVIII вѣка коллегіальное начало, вредъ котораго для Россіи того времени, вопреки взгляду автора, по меньшей мѣрѣ еще не доказанъ. Было бы въ высшей степени интересно, если бы авторъ развилъ эти свои мысли подробнѣе, спустившись съ теоретическихъ высотъ на почву фактовъ

¹⁾ Ibid., 36—38.

и цифръ, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, эти мысли были, будто бы, и мыслями Петра, реформы котораго, будто бы, могли быть проведены въ жизнь только его личностію. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что, закончивъ великую сѣверную войну, Петръ не оставилъ послѣ себя ни копейки долга, что коллегіальное начало было любимымъ его дѣтищемъ, что даже уменьшеніе денежныхъ доходовъ, при натуральной системѣ хозяйствѣ, далеко еще не было показателемъ вреда той поспѣшности, съ какой производилась реформа, или обѣднѣнія массы населенія. Предположеніе, совершенно естественное, что Петръ Великій намѣтилъ въ будущемъ постепенную націонализацию административныхъ учреждений, заимствованныхъ имъ съ Запада, высказанное г. Милюковымъ, также не встрѣчаетъ сочувствія въ г. Валишевскомъ. Въ концѣ концовъ авторъ замѣчаетъ, что преемники Петра хорошо чувствовали опасность положенія, которое они наслѣдовали, сообщаетъ затѣмъ нѣсколько данныхъ о недостаткѣ денегъ для уплаты расходовъ, о жестокомъ взиманіи налоговъ чиновниками и о мѣрахъ правительства въ этомъ отношеніи и, наконецъ, сожалеетъ о соединеніи правительствомъ въ 1726 г., въ видахъ экономіи, свѣтскихъ и духовныхъ школъ, въ чемъ онъ видитъ уничтоженіе якобы «одной изъ самыхъ существенныхъ частей дѣла реформы».

Неужели это—все о внутреннемъ состояніи Россіи при Екатеринѣ I въ книгѣ г. Валишевскаго? Да, къ сожалѣнію, все. Шумиха фразъ, общія, но сбивчивыя опредѣленія, высказанныя съ присущей автору увѣренностью, производятъ нѣкоторую путаницу въ пониманіи читателя, которую онъ склоненъ будетъ объяснить своею неподготовленностью. Но прочтите объ этомъ же предметѣ XVIII томъ «Исторіи Россіи» Соловьева, и вы увидите изъ ряда фактовъ, цифръ, подлинныхъ документовъ, какъ все ясно, просто, услышите, что въ царствованіе Екатерины дѣлали все возможное, чтобы продолжать подвигъ преобразованія; что если и отступили въ нѣкоторыхъ пунктахъ отъ программы Петра, то лишь потому, что «люди, оставленные Россіи Петромъ, не имѣли его вѣры въ способности русскаго народа, въ возможность для него пройти трудную школу, испугались этой трудности и отступили назадъ». И тотъ же Соловьевъ, вопреки г. Валишевскому, признаетъ, что именно въ царствованіе Екатерины, «къ счастью, не отступили отъ программы относительно нравственныхъ средствъ народа, которыя были въ зародышѣ, но, развиваясь, обѣщали вѣрный, хотя и медленный успѣхъ во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни... И относительно школъ придумано было средство сократить расходы соединеніемъ школъ различныхъ вѣдомствъ... Въ октябрѣ 1726 года адмиралтейская коллегія представила въ верховный тайный совѣтъ о соединеніи школъ свѣтскихъ съ семинаріями, и быть имъ въ вѣдѣніи синодскомъ, вслѣдствіе чего адмиралтейская коллегія

освобождалась, разумѣется, отъ хлопотъ и главное издержекъ; верховный тайный совѣтъ согласился» ¹⁾. Не мерещился ли здѣсь г. Валишевскому «клерикализмъ»... въ Россіи XVIII вѣка?

Вопреки Соловьеву, взгляды котораго, вѣроятно, устарѣли для Европы, г. Валишевскій объясняетъ далѣе слѣдующее: «одинъ лишь фасадъ реформы, воздвигнутый Петромъ Великимъ для обмана глазъ (!) остался цѣлымъ, сохраняя свой декоративный видъ. Казалось, что въ этомъ случаѣ Екатерина останется вполнѣ вѣрною гордымъ словамъ, которыми она начала свое царствованіе, что, съ Божіею помощію, она надѣется окончить все, что началъ ея супругъ». «Фасадъ» этотъ Екатерина украсила основаніемъ, по мысли Петра, академіи наукъ и отправленіемъ экспедиціи Беринга для рѣшенія вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой. Г. Валишевскій замѣчаетъ при этомъ, что президентомъ академіи назначенъ былъ нѣмецъ, Блюментростъ, а Берингъ былъ датчанинъ, и что, такимъ образомъ, Россія чванилась (*se donnait l'air de faire la roue*) чужими работами, отвлекая отъ употребленія менѣе виднаго, но болѣе полезнаго, тѣ средства, которыя необходимы были для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей страны. «Но, — прибавляетъ нашъ авторъ, — эксцентричность составляетъ во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ принадлежность законовъ, управляющихъ развитіемъ этой страны» ²⁾.

Не уяснивъ себѣ состоянія Россіи въ первые годы послѣ смерти Петра, г. Валишевскій крайне удивляется, что, несмотря ни на что, эксцентричная Россія оказалась настолько сильною, что могла поддерживать виѣшнюю политику Петра Великаго во всей ея неприкосновенности (*dans son intégrité*) и въ Китаѣ, и въ Персіи, и въ Турціи, и въ Западной Европѣ. Съ одной стороны Россія взяла подъ свою защиту Грузію и заключила выгодный договоръ съ Китаемъ, съ другой—ея союза искали западныя державы, раздѣлившіяся въ то время на два враждебныхъ лагеря, такъ какъ отъ нея зависѣло склонить успѣхъ на ту или другую сторону. Съ своей стороны Россія поддерживала притязанія герцога голштинскаго на захваченный Даніей Шлезвигъ, несмотря на противодѣйствіе Англіи. Дѣло едва не дошло до войны съ нею, но ни Меншиковъ, ни другіе члены верховнаго тайнаго совѣта не сочувствовали въ душѣ герцогу и тянули дѣло, предпочитая уладить затрудненія денежнымъ вознагражденіемъ герцогу, взамѣнъ отказа его отъ Шлезвига, хотя сама императрица была противъ такого способа рѣшенія дѣла. Сношенія съ Франціей по вопросу о брачномъ союзѣ цесаревны Елисаветы Петровны съ Людовикомъ XV

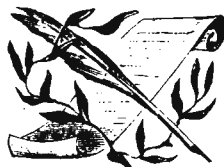
¹⁾ «Исторія Россіи», Соловьева (изд. Тов. Общ. Пользы), кн. II, т. XVIII, 903—904.

²⁾ «L'héritage» etc., 39.

или герцогомъ Орлеанскимъ окончились неудачею; въ этомъ эпизодѣ донесеніе Кампредона, что русскій дворъ соглашался даже на принятіе Елисаветой Петровной католицизма въ случаѣ успѣха брачнаго проекта, требуетъ подтвержденія: самъ г. Валишевскій, по другимъ поводамъ, заподозрѣваетъ вѣрность нѣкоторыхъ донесеній Кампредона, сочувствовавшего задуманному браку и стремившагося уладить всѣ затрудненія. Въмѣсто того, явился въ Петербургѣ новый искатель руки Елисаветы, герцогъ шлезвигъ-голландскій, епископъ любскій, Карлъ-Августъ, успѣвшій снискать любовь цесаревны и объявленный ея женихомъ.

Дѣламъ Курляндіи г. Валишевскій посвящаетъ особую, обширную главу, но она не заключаетъ въ себѣ ничего новаго. Личность герцогини Анны Юанновны, сватовство къ ней знаменитаго Морица Саксонскаго, побочнаго сына Августа II, короля польскаго, споръ его съ Меншиковымъ за курляндское герцогство, и участіе въ этомъ дѣлѣ Польши очерчены довольно живо и удачно, но для историка, имѣющаго своимъ предметомъ «L'héritage de Pierre le Grand», достаточно было бы посвятить дѣламъ Курляндіи нѣсколько страницъ. По поводу рѣшающаго вліянія Россіи на событія, происходившія въ Курляндіи, г. Валишевскій снова удивляется силѣ, обнаруженной Россіей, которая, «по научнымъ формуламъ западныхъ экономическихъ системъ», должна была, наоборотъ, обнаружить свое безсиліе. Но о содержаніи дальнѣйшаго разсказа г. Валишевскаго и о предметѣ новыхъ его недоумѣній мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

Евгеній Шумигорскій.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СЕРГІЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

БИТЬ выдающимся дѣятелемъ на педагогическомъ поприщѣ удастся очень немногимъ нашимъ педагогамъ и руководителямъ педагогическаго дѣла. Много нужно имѣть любви къ избранному дѣлу, много энергіи, много постоянства въ средствахъ и много неослабнаго желанія видѣть результаты своей дѣятельности. А если приходится дѣйствовать еще на окраинахъ нашего обширнаго отечества, гдѣ сплошь и рядомъ едва преодолимое препятствіе представляютъ одни лишь религіозныя и инородческія начала, то тамошній дѣятель, кромѣ вышеуказаннаго, долженъ запастись еще большимъ запасомъ осторожности, хладнокровія и вмѣстѣ съ тѣмъ упорства въ достиженіи своей цѣли.

Всѣми этими качествами вполне обладалъ скончавшійся въ ночь на 16 декабря 1900 года, бывшій помечитель Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Александровичъ Сергіевскій, справедливо считающійся выдающимся просвѣтителемъ Сѣверо-Западнаго края.

Покойный родился въ 1831 году въ семьѣ священника. Высшее образованіе получилъ въ Московской духовной академіи, по окончаніи курса въ которой былъ причисленъ къ первому разряду воспитанниковъ и опредѣленъ бакалавромъ библейской исторіи и греческаго языка въ высшемъ отдѣленіи той же академіи. Его магистерская диссертация, подъ заглавіемъ: «О поведеніи древнихъ христіанъ въ дни воскресные и праздничные», была издана въ 1856 году и признавалась значительнымъ вкладомъ въ тогдашнюю богословскую литературу.

Въ мартѣ 1858 года, Н. А. Сергіевскій уволился отъ духовно-училищной службы и причислился къ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода, гдѣ очень скоро занялъ должность чиновника особыхъ порученій VII класса при оберъ-прокурорѣ. Въ концѣ того же года, онъ высочайшимъ приказомъ былъ командированъ за границу «по особо возложенному на него порученію», и между прочимъ состоялъ почти въ теченіе двухъ лѣтъ при адмиралѣ, графѣ Путятинѣ, занимавшемся, во время своего заграничнаго пребыванія, выработкою новаго устава для морскихъ учебныхъ заведеній. Въ половинѣ 1861 года Н. А. Сергіевскій былъ перевѣщенъ на должность чиновника особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія и нѣкоторое время состоялъ членомъ особаго комитета «для предварительнаго составленія соображеній къ скорѣйшему исполненію высочайшей воли объ отводѣ казенныхъ фермъ подъ народныя училища въ юго-западныхъ губерніяхъ». Въ началѣ слѣдующаго года, онъ снова перешелъ на службу въ святѣйшій синодъ и получилъ тамъ должность старшаго чиновника канцеляріи оберъ-прокурора, которая, впрочемъ, скоро была замѣнена новою, болѣе вышею, а именно должностію оберъ-секретаря святѣйшаго синода. Въ теченіе 1864—1865 годовъ Н. А. Сергіевскій, будучи инспекторомъ Московской практической академіи коммерческихъ наукъ, много употребилъ труда и энергіи для ея лучшаго устройства.

Въ 1866 году, онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность директора канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода и вскорѣ затѣмъ членомъ высочайше учрежденнаго комитета для составленія проекта устава духовно-учебныхъ заведеній, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ губерніи: Рязанскую, Нижегородскую, Костромскую, Самарскую и Астраханскую—для наблюденія за введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ уставовъ духовно-учебныхъ заведеній. Отчеты объ этихъ своихъ командировкахъ и произведенныхъ имъ ревизіяхъ онъ напечаталъ въ слѣдующемъ же году, равно какъ и отчетъ о ревизіи духовно-учебныхъ заведеній С.-Петербургской губерніи, произведенной въ 1868 году. Въ томъ же 1867 году Н. А. Сергіевскій былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, утвержденъ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора и назначенъ членомъ высочайше утвержденного комитета для устройства духовныхъ дѣлъ православнаго вѣроисповѣданія въ Финляндіи.

Въ теченіе 1868—1869 гг. онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ временно учрежденнаго при святѣйшемъ синодѣ комитета для пересмотра существующаго и начертанія новаго для духовныхъ академій устава; обозрѣвалъ духовныя семинаріи и училища С.-Петербургскаго учебнаго округа; былъ членомъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ и членомъ со стороны духовнаго вѣдомства комиссіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія, учрежденной для обсужденія общихъ мѣръ наблюденія за воспитанниками высшихъ учебныхъ

заведеній, и наконецъ ѣздилъ для «осмотра по всѣмъ частямъ» вновь открытой Донской семинари и въ Самарскую губернію для разъясненія возбужденной преосвященнымъ самарскимъ переписки объ увеличеніи числа учащихся въ тамошней семинари.

Въ октябрѣ 1869 года, состоялось памятное для всѣхъ жителей края назначеніе Николая Александровича Сергіевскаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Въ это время были еще слишкомъ свѣжи слѣды бывшаго передъ тѣмъ польскаго возстанія; многое изъ учебно-воспитательнаго дѣла приходилось или передѣлывать или создавать вновь, а между тѣмъ разноплеменность населенія и его разновѣріе на каждомъ шагу представляли массу препятствій. Сами крестьяне отправляли своихъ дѣтей въ школы, подъ вліяніемъ принужденія и «проливая горькія слезы», какъ утверждаетъ одинъ изъ очевидцевъ.

Новому попечителю на первыхъ же порахъ приходилось озаботиться увеличеніемъ числа учебныхъ заведеній. Число классическихъ гимназій и прогимназій, встрѣченное имъ въ 1869 году, простиралось всего до 12, а число реальныхъ училищъ—до 4. Вскорѣ число первыхъ было доведено до 13, а число вторыхъ—до 9. Кромѣ того, найдя въ томъ же 1869 году громадное большинство зданій учебныхъ заведеній весьма «ветхими и совершенно неприспособленными», Н. А. Сергіевскій долго и неустанно хлопоталъ о томъ, чтобы каждое средне-учебное заведеніе имѣло свое собственное, вполне приуроченное къ своей цѣли, зданіе и при немъ домовую церковь, и успѣлъ въ этомъ настолько, что въ 1899 году одна только прогимназія помѣщалась не въ собственномъ зданіи.

Съ расширеніемъ и улучшеніемъ помѣщеній естественно увеличивалось и число учащихся. Къ 1 января 1869 года всѣхъ учащихся во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ было 3.475 человекъ, изъ которыхъ окончило полный курсъ лишь 150; а въ 1892 году ихъ уже было 5.877 человекъ, и изъ нихъ окончило полный курсъ 402.

Справедливо признавая, что главнѣйшею задачею средне-учебныхъ заведеній этого края должно служить установленіе въ умахъ учащихся правильнаго возрѣнія на минувшія судьбы русскаго генія въ области литературы и искусства, Н. А. Сергіевскій особенно заботился объ улучшеніи преподаванія русскаго языка и русской литературы, для чего, между прочимъ, давалъ широкій доступъ такъ называемымъ литературнымъ вечерамъ; старался пополнять фундаментальныя и ученическія бібліотеки историческими сочиненіями и широко разрѣшалъ историческія чтенія со свѣтовыми картинами. Нельзя здѣсь пройти молчаніемъ и того, что покойный одинъ изъ немногихъ вполне правильно смотрѣлъ на

Николаі Александровичъ Сергіевскій.

преподаваніе древнихъ языковъ. Еще въ циркулярѣ 1886 года онъ рѣзко выражался противъ многочисленныхъ заданій учащимся на домъ и противъ односторонняго грамматическаго чтенія древнихъ авторовъ, рекомендуя вмѣсто этого сообщать по преимуществу реальныя свѣдѣнія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ озаботился и открытіемъ женскихъ гимназій и ихъ улучшеніемъ.

Но всего больше хлопотъ доставило покойному попечителю народное образованіе.

Проведя первые годы въ заботахъ надъ увеличеніемъ числа школъ, Николай Александровичъ Сергіевскій рѣшился улучшить ихъ внутреннее состояніе. Для этой цѣли онъ созвалъ въ 1871 году съѣздъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, на которомъ былъ выработанъ рядъ программъ и инструкцій для учителей. А вскорѣ послѣ этого онъ открылъ нѣсколько новыхъ учительскихъ семинарій; составилъ для нихъ въ 1873 году особую инструкцію, которая во многихъ своихъ частяхъ почти цѣликомъ вошла въ изданную 4 іюля 1875 года министерствомъ народнаго просвѣщенія инструкцію для всѣхъ учительскихъ семинарій министерства народнаго просвѣщенія, и въ 1874 году исходатайствовалъ, съ цѣлію улучшенія семинарій, для нѣкоторыхъ педагоговъ заграничную командировку въ Германію. Результаты его дѣятельности по отношенію къ учительскимъ семинаріямъ сказались уже въ томъ, что въ то время, какъ въ 1869 году изъ всего числа учащихся въ сельскихъ народныхъ школахъ число окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ едва простиралось до 6,1⁰/₀,—въ 1893 году ихъ уже было 67,5⁰/₀, а это уже одно давало неизмѣримый перевѣсъ въ опредѣленности характера учительскаго персонала.

Въ 1869 году, всего первоначальныхъ училищъ разныхъ наименованій было 1.405 и, кромѣ того, 434 училищныхъ отдѣленія и 13 воскресныхъ школъ для взрослыхъ крестьянъ. Учащихся было всего 63.453 человекъ (въ томъ числѣ 7.510 дѣвочекъ). Ревизія этихъ учебныхъ заведеній открыла новому попечителю, что они не имѣютъ мало-мальски удобныхъ помѣщеній; у нихъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ программъ, и училищные совѣты вовсе не имѣли руководственныхъ указаній. Заботы обо всемъ этомъ, на ряду съ хлопотами объ открытіи новыхъ училищъ, долго занимали Николая Александровича Сергіевскаго, и наконецъ ему, благодаря отпускамъ средствъ изъ казны, отпускамъ изъ сельскихъ обществъ и частнымъ пожертвованіямъ, удалось сдѣлать нѣчто замѣчательное. Хотя къ началу 1894 году въ вѣдѣніи округа изъ прежнихъ 434 училищныхъ отдѣленій оставалось только 6, а число другихъ начальныхъ училищъ увеличилось лишь на 140, но число учащихся было далеко выше прежняго: вмѣсто 63.453 человекъ, во всѣхъ училищахъ, въ томъ числѣ и училищныхъ отдѣленіяхъ, теперь (въ 1894) было 93.506 человекъ, въ томъ числѣ 13.163 дѣвочки. Затѣмъ неимовѣрными усиліями округа было достигнуто то, что всѣ почти школы имѣли весьма приличныя помѣщенія, были болѣе или менѣе обеспечены средствами, включали въ свои программы курсы ремеслъ, садоводства, гимнастики и проч. и пользовались глубокими симпатіями мѣстныхъ жителей.

Но и это число школъ и учащихся, конечно, не могло быть предѣльнымъ для Николая Александровича Сергіевскаго. Онъ много разъ обращался съ новыми ходатайствами въ министерство народнаго просвѣщенія, но всякій разъ послѣднему отказывало въ суммахъ министерство финансовъ.

Послѣ этого для увеличенія образовательнаго влiянiя на массу онъ рѣшился прибѣгнуть къ вспомогательнымъ средствамъ. Ими онъ хотѣлъ, съ одной стороны, оказать просвѣтительное и воспитательное влiанiе на окружающую темную массу крестьянскаго населенiя и, съ другой, удержать подъ своимъ руководствомъ тѣхъ изъ населенiя, которые усвоили начала грамоты, окончивъ начальныя училища. Такими вспомогательными средствами были избраны, прежде всего, воскресныя и праздничныя чтенiя. Открытiе ихъ относится къ 1883 году и сначала лишь при народныхъ училищахъ Виленской дирекцiи; впоследствии они распространились и на другiя дирекцiи. Правильная постановка чтенiй, ихъ «осторожное веденiе» и строго выработанныя программы, въ разработкѣ которыхъ Николай Александровичъ Сергіевскiй принималъ самое дѣятельное участiе, «сразу же привлекли къ себѣ»,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ,—«симпатiи православнаго сельскаго населенiя», благодаря чему чтенiя продолжали быстро развиваться, несмотря на всѣ противодѣйствiя со стороны католическаго духовенства и начальства.

Наряду съ чтенiями Николай Александровичъ Сергіевскiй почти одновременно принималъ мѣры къ устройству библиотекъ для народнаго чтенiя и успѣлъ къ 1899 году открыть ихъ свыше 500. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увеличилъ число книжныхъ складовъ при народныхъ училищахъ, а равно и ихъ составъ, руководясь при этомъ имъ же самимъ выработанными правилами, когда предсѣдательствовалъ, въ 1880 году, въ особой виленской комиссiи, устроенной «для обстоятельнаго и всесторонняго разсмотрѣнiя и обсужденiя вопроса о книгопечатанiи и книжной торговлѣ въ губернiяхъ Сѣверо-Западнаго края и для выработки проекта правилъ по наблюденiю за изданiями и книжною торговлею, на предметъ устраненiя возможности проявленiя какъ національно-польскихъ, такъ и религиозна-католическихъ проявленiй, соотвѣтственно нынѣ существующимъ условiямъ края».

Неустанно слѣдя за учебными заведенiями своего вѣдомства, Николай Александровичъ Сергіевскiй находилъ еще широкую возможность оказывать свое содѣйствiе и церковно-приходскимъ школамъ. Послѣднiя онъ охотно и широко снабжалъ разнаго рода учебными руководствами, которыхъ церковно-приходскiя школы не могли бы имѣть ниоткуда; охотно шелъ на встрѣчу всѣмъ обращеннымъ къ нему ходатайствамъ по поводу открытiя и улучшенiя названныхъ школъ и, признавая за ними высокое значенiе въ дѣлѣ распространенiя народнаго образованiя на началахъ

православія и русской народности, сдѣлалъ даже въ учительскихъ семинаріяхъ обязательнымъ ознакомленіе со всѣми законодательствами о церковно-приходскихъ школахъ.

Въ дополненіе о заботахъ Николая Александровича Сергіевскаго по поводу начальныхъ народныхъ училищъ нельзя пройти молчаніемъ и того, что прежніе талмудъ-торы и вообще начальныя еврейскія училища мало-по-малу потеряли свою хедерную оболочку, завѣщанную имъ сѣдой стариной, и обратились въ училища, въ которыхъ всѣ почти предметы преподаются на русскомъ языкѣ, благодаря чему и русскій языкъ сдѣлался въ большинствѣ еврейскихъ семействъ «роднымъ языкомъ». Замѣчательно, что при этомъ Николаю Александровичу Сергіевскому удалось увеличить и число училищъ почти вдвое противъ прежняго, а число учащихся болѣе, чѣмъ втрое (около 16.000).

Въ теченіе протекшаго тридцатилѣтія Виленскій учебный округъ пережилъ много знаменательныхъ и торжественныхъ событій и, какъ свидѣтельствуютъ современники, принималъ въ нихъ живѣйшее участіе, исключительно благодаря вліянію своего попечителя. Событія эти—празднованіе 50-ти-лѣтія воссоединенія уніатовъ, открытіе въ Вильнѣ археологическаго съѣзда и памятника Муравьеву, празднованіе 1000-лѣтія памяти свв. Кирилла и Меѳодія и проч.—были ознаменованы со стороны округа производствомъ ученыхъ изслѣдованій, составленіемъ историческихъ записокъ, популярныхъ брошюръ и проч., устройствомъ собесѣдованій и литературно-музыкальныхъ вечеровъ и др., которыя могли только служить къ укрѣпленію русскаго самосознанія.

Помимо печатныхъ изданій, вызванныхъ особыми торжественными случаями, Виленскій учебный округъ ознаменовалъ свою дѣятельность еще выпускомъ цѣлыхъ многочисленныхъ изданій, преимущественно историческаго характера, появленіе въ свѣтъ которыхъ обязано лишь глубокому сочувствію къ нимъ самого попечителя. Н. А. Сергіевскій щедро ссужалъ средства округа на изданія археографической комиссіи, изъ которыхъ самъ болѣе всего поработалъ съ своими помощниками надъ XVI и XX томами, на изданія календарей и на цѣнныя изданія частныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ можемъ назвать труды: «Очеркъ греческихъ древностей» В. В. Латышева, «Бѣлорусскій сборникъ» Е. Романова, «Витебскую старину» Сапунова, «Географическій словарь древней Жимотейской земли» Спрогиса, «Исторію Литовскаго государства» Брянцева, «Краткій очеркъ жизни и дѣятельности митрополита Іосифа» Киприановича и мн. др. Врядъ ли другой учебный округъ можетъ похвалиться столь большимъ количествомъ изданій, принятыхъ на его средства; врядъ ли найдется и другой попечитель, который обнаружилъ бы столь сильное стремленіе къ собранію историческихъ, географическихъ и статистическихъ сочине-

ній о краѣ, случайно ставшемъ для него чуть не роднымъ. Но Николай Александровичъ Сергіевскій, помимо указанныхъ сочиненій, какъ видно изъ любезно намъ представленныхъ его сыномъ, Сергѣемъ Николаевичемъ, свѣдѣній о его личной библиотекѣ, глубоко интересовался знаніями очень многихъ научныхъ дисциплинъ. Его значительная по числу томовъ (около 4.000) библиотека вмѣщаетъ до 23 разныхъ отдѣловъ. Но ранѣе и въ разное время она была еще обширнѣе. Болѣющий сердцемъ за успѣхи народнаго просвѣщенія во вѣренномъ ему округѣ, Николай Александровичъ Сергіевскій не могъ удержаться, чтобы не пожертвовать изъ своей сокровищницы до 1.000 томовъ въ Виленскую публичную библиотечку, около 500 томовъ въ народныя читальни и всѣ періодическія изданія въ библиотечку при управленіи учебнаго округа.

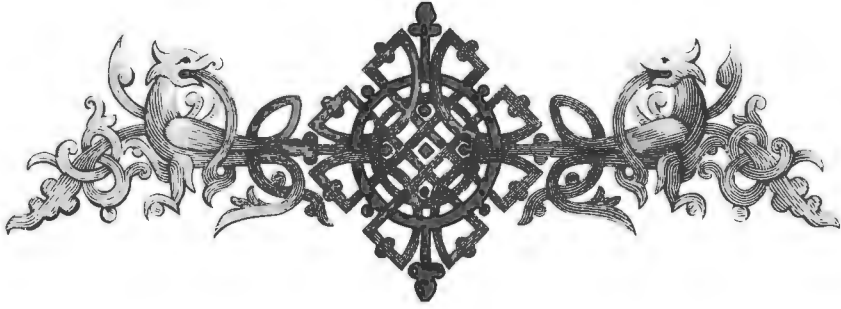
Перечисляя дѣятельность бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа, нельзя не упомянуть еще объ его участіи въ дѣятельности благотворительнаго общества «Доброхотной копейки», для котораго онъ устроилъ нѣсколько школъ, привелъ въ надлежащее устройство благотворительныя учрежденія и основалъ сиротское отдѣленіе для помѣщенія безпріютныхъ малолѣтнихъ сиротъ.

Уже изъ этого краткаго обзора дѣятельности Н. А. Сергіевскаго въ Виленскомъ округѣ видно, насколько она была просвѣдательна и высоко полезна въ общегосударственномъ смыслѣ. Указанныя качества дѣятельности покойнаго могли сложиться лишь при его неослабной энергіи, любви къ дѣлу, упорствѣ въ достиженіи цѣли и въ то же время при соблюденіи строжайшаго хладнокровія и осторожности. И при этомъ, намъ кажется, покойный попечитель какъ нельзя лучше соблюдалъ завѣтъ императора Александра III, сказавшаго еще въ бытность наслѣдникомъ при посѣщеніи Молодеченской учительской семинаріи: «учитесь и учите въ духѣ любви къ нашей святой православной вѣрѣ, къ возлюбленному нашему царю и дорогой нашей Руси».

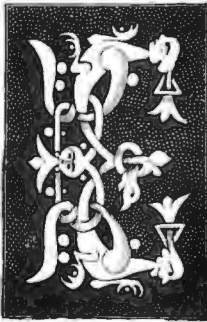
Въ заключеніе нашего некролога укажемъ еще на то, что въ 1891 году покойный участвовалъ въ пересмотрѣ учебныхъ плановъ и программъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, за что и удостоился высочайшаго благоволенія; что въ 1895 году былъ назначенъ къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности, и что въ іюнѣ 1899 года, уволенный отъ должности попечителя, опредѣленъ присутствующимъ въ департаментѣ герольдіи, гдѣ нѣкоторое время исправлялъ обязанности первоприсутствующаго.

Какъ человѣкъ, Николай Александровичъ Сергіевскій пользовался большою любовью и уваженіемъ за свою доступность, готовность помочь прибѣгающимъ къ нему и высокую справедливость.

В. Е. Рудаковъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ПѢСНЬ.

СТЬ ВЕЩИ, которыхъ огромное значеніе невольно чувствуешь, но которыхъ отчетливо не понимаешь, и тѣмъ неотразимѣ ихъ дѣйствіе на душу. Къ числу подобныхъ... словесъ ли, фактовъ ли, прозрѣній, откровеній, но вообще темнота, неизъяснимо волнующихъ душу, относится таинственное представленіе въ Апокалипсисѣ и вообще въ христіанствѣ «Агнца, закланнаго отъ сложенія міра». Что значитъ «отъ сложенія»? Значить ли это: «такъ рано, какъ сложенъ міръ»? Далѣе, что значитъ «Агнецъ»? Почему употребленъ такой терминъ? «Агнецъ»—юное; это—ягненокъ. Будь это совершенно зрѣлое или будь старое, терминъ «Агнецъ» ни въ какомъ случаѣ не былъ бы употребленъ. Не было бы необходимости, и ничего не выражало бы. Далѣе: «закланъ» «отъ сложенія» міра—это есть главное понятіе. Что говоритъ оно нашему сердцу? или нашему уму?—Смерть, жертва. Жертва, которою купилось новое бытіе, въ данномъ случаѣ бытіе цѣлаго міра. Въ представленіи намъ брезжитъ мысль, что въ основу бытія міра положено какое-то столь неоцѣнимое и драгоцѣнное существо, что, иногда кажется, кажется изъ самаго этого представленія—самое бытіе міра его не стоитъ. Міръ самъ себя не искупаетъ. Нужно что-то другое, и даже нужно цѣннѣйшее самаго міра, чтобы этотъ міръ, не совершенный и однако почему-то безцѣнно любовный Богу,—былъ, существовалъ. Представленіе волнуетъ насъ. Про-сыпаясь въ ночи, мы размышляемъ о немъ. И жадно хватаемъ каждую ниточку, которая, даже не имѣя достоинства разъясненія говорить о чемъ-то родственномъ ему, близкомъ, хотя бы даже

только по внѣшнему подобію. Ничего не умѣя сложить въ собственной безсильной мысли объ этомъ «Агницѣ», я нашелъ какой-то глухой шопотъ, невнятную и почти неразумную рѣчь, отвѣтливую на мои горячія и безсильныя размышленія на эту тему въ одной еврейской пѣснѣ, и бытовой, и мистической, и религиозной, которая мнѣ попала въ одной чрезвычайно странной рукописи.

Это — «Автобіографія православнаго еврея, съ приложеніемъ: Букета, или избранныхъ талмудическихъ разсказовъ, анекдотовъ и легендъ, таковыхъ же и другихъ авторитетныхъ еврейскихъ книгъ. Сочиненіе Семена Ильина Ценхенштейна», большой томъ разгони-стаго письма въ листѣ. Авторъ книги, какъ разсказываетъ онъ самъ въ ней, сбѣжалъ въ православіе, рѣшительно угнетенный талмудическимъ благочестіемъ своего отца; но сбѣжалъ, пройдя всю возможную премудрость раввинскихъ школъ стараго закона. Писана рукопись въ старости, лѣтъ около шестидесяти, когда, отслуживъ 25 лѣтъ Николаевской службы, авторъ кончалъ свой вѣкъ «съ медалью и пенсіей 120 рублей въ годъ». Тонъ разсказа необыкновенно чистосердеченъ, какъ въ общемъ, такъ и во множествѣ частныхъ. Авторъ рисуетъ картину юдаизма, почти Варшавско-Вѣнско-Виленскаго гетто, какъ невѣроятную духоту непонятныхъ для него мелочностей, суетвѣрій, фанатизма, которая не разсѣется, пока въ нее не брызнетъ свѣтъ извнѣ. Онъ — мѣстами юмористъ; можно сказать, что онъ нигдѣ не жметъ (не чувствуется этого въ тонѣ) и сплетаетъ свою біографію съ любопытнѣйшими, для него очевидно абсолютно непонятными, еврейскими ритуальными подробностями, которыя мѣстами и на мой, по крайней мѣрѣ, взглядъ представляютъ разительное любопытство.

Такъ какъ авторъ писалъ свою рукопись въ ту пору, когда, кромѣ комическихъ изображеній «жида Янкеля» у Гоголя, мы ничего о еврействѣ въ русской литературѣ не имѣли, то понятно, что, рисуя картину «талмудической темноты», онъ описалъ и нѣкоторые праздники, къ сожалѣнію, не всѣ, а только два: субботу и Пасху. Пѣснь, которая насъ такъ заинтересовала, поется въ Пасху. Но, чтобы понять пѣснь, нужно видѣть пѣвцовъ и почувствовать обстановку пѣнія: ибо всякая вещь познается въ своихъ условіяхъ. Поэтому читатель не посѣтуетъ, если мы приведемъ, отчасти словами автора, описаніе самого праздника.

Здѣсь маленькое нота-бене. Еврейскій праздникъ не проводится на дому, а играется, священствуется на дому; и его играютъ, въ немъ священствуютъ члены семьи. Замѣчательная особенность. Въ субботу ли, въ Пасху ли они бывають въ синагогѣ, спѣшаютъ въ нее; но синагога — не главное; тамъ они читають (раскрытыя мѣста Торы), но тамъ ничего не играется, не совершается, не происходитъ собственно. Нашъ литургиче-

скій моментъ совершенно отсутствуетъ въ еврейской синагогѣ. Происходитъ все—дома. Чѣмъ-то одушевленные евреи (въ праздникъ) бѣгають, бѣгутъ, забѣгають въ синагогу, гдѣ стоятъ въ шапкахъ, качаются, плюются, и, словомъ—въ пути находятся; и стремительно оттуда выйдя (какъ и стремительно вошли туда), они переступаютъ порогъ дома: здѣсь шапка сброшена, плевковъ уже нѣтъ, никто не качается. Еврей спокоенъ, сіяетъ и начинаетъ плавно, почти пластично «играть праздникъ».

Таково общее впечатлѣніе, если, закрывъ книгу съ описаніемъ праздника, мы предадимся воспоминанію о томъ, что читали.

Еще замѣчаніе. Кидающуюся въ глаза особенность еврейскихъ праздниковъ составляетъ подготовленіе къ нимъ, и опять же не синагоги, этого перепутнаго, нисколько не центрального мѣста, а дома, этой настоящей и истинной еврейской синагоги. Поразительны подробности этого подготовленія, ихъ тенденція и смыслъ. Суть ихъ—совершенный разрывъ, перерѣзаніе всѣхъ нитей соединенія между собственно праздникомъ и вокругъ-праздничнымъ временемъ («до» и «послѣ»). Все метется, скребется, вычищается, но далеко не такъ, какъ у насъ, т.-е. въ смыслѣ чистоты, аккуратности, прибранности «дома» «къ празднику»; напримѣръ, если изъ сѣдобнаго въ обыкновенное время завалилась хотя кроха хлѣба, мяса въ щель, и во время праздника Пасхи еврей вдругъ ее увидѣлъ,—«онъ и всѣ его домашніе должны бѣжать безъ оглядки изъ дома и не возвращаться въ него все время Пасхи». Такимъ образомъ праздникъ уничтожается, гасится, если матеріально къ его «чистому тѣсту»—позволимъ себѣ сравненіе—примѣшивается кроха вчерашняго «кислаго хлѣба», «прокислыхъ вчерашнихъ кушаньевъ», вообще что нибудь «вчерашнее» или «завтрашнее», виѣ-праздничное. Праздникъ—особенное, выдѣленное, и именно матеріально выдѣленное. «Се творю все новое», эти слова пророка Исаи и апостола Іоанна въ Апокалипсисѣ выражаютъ удивительно тонко природу еврейскаго праздника, въ которомъ новизна, новодѣланность, новоприготовленность всего составляетъ главную и всего тщательнѣе евреями наблюдаемую черту. Шестъ дней—это какъ бы тотъ свѣтъ; седьмой день, суббота—уже тотъ свѣтъ: вотъ суть разницы, и она неукоснительно соблюдается относительно всѣхъ праздниковъ. Съ нашими праздниками (воспоминальными) они не имѣютъ по качеству, способу и сущности ничего общаго. У евреевъ «праздникъ» не есть «праздничное, свѣтлое, радостное, и въ особенности по тому радостное, что праздное время», совсѣмъ нѣтъ: «праздничное время» есть «выдѣленное», «обведенное чертою», «не «переступаемою», пожалуй, «волшебною», «магическою», или, если вы очень не любите евреевъ,—«наколдованною чертою». За этою чертою, внутри ея, и начинается до нѣкоторой степени «священное волшебство», или

священная тайна праздника. Праздникъ (у нихъ)—чудо; время и мѣсто—чудеснаго, чуднаго. Такъ чувствуется при описаніяхъ; но вотъ, удерживая объясненія, мы къ нему перейдемъ.

«Къ вечеру кануна праздника», рассказываетъ намъ авторъ о празднованіи Пасхи, «еврейскія жилища, всѣ безъ исключенія, уже избавлены отъ негоднаго (NB: курсивы — вездѣ автора) хомеца (внѣ-праздничная пища): все убрано, все прибрано, вездѣ чисто, вездѣ свѣтло и пріятно на взглядъ—хомеца какъ не бывало. Правда, оставляется немного хомецовой пищи; но только сколько потребуется сегодня на ужинъ и завтра на завтракъ, но не больше. За всѣмъ тѣмъ, съ хомецомъ не все еще покончено; требуется еще совершить послѣдній актъ окончательнаго уничтоженія его, хомеца, такъ называемый быдекъ хомецъ. Придя вечеромъ изъ синагоги отъ вечерней молитвы домой и наскоро поужинавъ, глава семейства немедленно принимается за выполненіе этой важной мыквы (заповѣди). Часомъ раньше, жена его уже позаботилась приготовить, что нужно, для этой священной церемоніи. Доставъ кусокъ мякоти чернаго хлѣба и размельчивъ его на крошки, она раздѣлила ихъ на маленькія, не сразу замѣтныя, кучки и разложила ихъ по разнымъ потаеннымъ мѣстамъ комнаты, такъ чтобы мужу было-таки трудненько ихъ находить, черезъ что заслуга его въ выполненіи такой великой молитвы передъ Богомъ будетъ, конечно, больше».

«И вотъ, какъ уже сказано, наскоро отужинавъ послѣднимъ хомецовымъ ужиномъ, глава семейства, въ сопровожденіи жены и всѣхъ домочадцевъ, отправляется искать ненавистнаго, съ этого часа, хомеца, чтобы окончательно его истребить. Одинъ изъ домочадцевъ свѣтитъ ему огаркомъ свѣчи, а самъ глава семейства, вооруженный большою деревянной ложкой въ одной рукѣ и гусинымъ крыломъ въ другой, открываетъ шествіе по комнатамъ, внимательно осматривая каждый потаенный уголокъ, гдѣ можно предполагать присутствіе крошекъ хлѣба; найдя кучку этихъ крошекъ, онъ сосредоточенно, благоговѣнно, тщательно сметаетъ ее крыломъ въ ложку и отправляется дальше за поискомъ другихъ кучекъ, которыя тѣмъ же способомъ, т.е. посредствомъ крыла, попадаютъ въ общую ложку. Все это совершается при общемъ абсолютномъ безмолвіи; и если мужъ, по близорукости ли, или по недогадливости, проходитъ мимо одной изъ кучекъ, не замѣтивъ, разумѣется, ея, жена наводитъ его на путь легкимъ мычаніемъ и миганіемъ глазъ, дескать: «вотъ гдѣ ищи».

«Наконецъ, послѣ получасовой ходьбы по комнатамъ, весь хомецъ прибранъ и положенъ въ ложку, послѣ чего глава семейства крѣпко обвязываетъ бѣлою тряпицею и ложку съ хомецомъ

и хомяковое же крыло (NB: было «прикосновеніе» къ хомяку, до котораго рукой онъ не касался) вмѣстѣ, и весь узелъ этотъ прячетъ подальше, въ такое надежное мѣсто, гдѣ бы, чего сохрани Богъ, крысы не могли добраться (NB: крысы «будутъ ѣсть», «будутъ сыты хомякомъ»—и въ то же время останутся въ домѣ, т. е. въ домѣ останется хомяковое; ибо истребленіе собственно крысами хомяка еще ничего не значитъ въ отношеніи собственно хомяка, который и опредѣленъ къ истребленію).

«На слѣдующій день, утромъ, тотчасъ послѣ утренней молитвы, все семейство наскоро завтракаетъ — послѣднимъ уже на самомъ дѣлѣ хомякомъ, съ какового момента хомякъ абсолютно воспрещенъ; и тотчасъ же глава семейства достаетъ вчерашнюю ложку съ крыломъ, прочитываетъ надъ нею соотвѣтственную случаю краткую молитву и бросаетъ ее въ пылающую печь на всеожженіе. Съ хомякомъ совсѣмъ покончено!.. Вечеромъ начнется праздникъ—и до тѣхъ поръ нельзя ѣсть ни хомяка, ни мацы (NB: пасхальная, специально заготовленная символическая пища),—одинъ только картофель съ гусинымъ саломъ».

Остановимся. Праздникъ, какъ и всякій, какъ особенно священная суббота, начинается съ вечера и, включивъ въ себя ночь, кончается наавтра вечеромъ же. Мы рѣжемъ, разрѣзаемъ ночь часомъ полуночи, 12 ч., когда кончаются однѣ и начинаются другія сутки, не рѣшаясь рѣзать дня—минуть своей суеты и своего труда; они разрѣзаютъ дѣленіемъ день, сохраняя цѣлость, цѣлину ночи: отсюда разный счетъ у насъ и у нихъ сутокъ: съ 12 ночи до 12 ночи, съ 7 вечера до 7 вечера. Сутки—всегда цѣлое, сутки есть космическая и психологическая единица; и часть сутокъ, которую принимаетъ человѣкъ за важную и первую,—онъ не разрѣжетъ, а принимаемую за неважную — разрѣжетъ умственнымъ своимъ дѣленіемъ. Поэтому начало счета сутокъ (съ какого часа)—важный признакъ народовъ. Европейцы, мы—дневные народы; еврей—сумеречные, ночные. Сдѣлаемъ еще замѣчаніе—относительно хомяка: у автора мелькаютъ, конечно, прислушавшіяся съ дѣтства слова: «ненавистный», «въ жертву всеожженія», «бросается въ печь». Самое уничтоженіе хомяка—похоже на охоту; его ищутъ и, не касаясь руками, истребляютъ; тутъ—чувство гадливости и вражды. Бросается въ глаза, что было нѣчто подобное чувству къ хомяку у евреевъ чувство ихъ къ покоряемымъ хананейскимъ городамъ и къ имуществу ихъ, и къ скоту, и къ суммѣ населенія включительно съ дѣтьми. Вы помните, въ «Книгѣ судей израилевыхъ» не буквально, но говорится не разъ: «и пощадилъ израилтянинъ того-то» (друга или доброжелателя), или «спряталъ себѣ то-то» (драгоценности или одежду); и разгнѣвался Богъ, и стали искать, «не взялъ ли кто себѣ что нибудь изъ заклятаго»; и находили несчастнаго (еврея) — и обыкновенно

онъ погибалъ, и съ семействомъ, въ сущности изъ-за «хомеца». По крайней мѣрѣ—одна психологія, одна метафизика, намъ абсолютно непонятная. Такимъ «хомецомъ» былъ и царь, котораго пощадилъ Саулъ, и «пророкъ разодралъ одежду свою на-двое, сказавъ: такъ будетъ разодрано твое царство послѣ тебя». Одна таинственная психологія, одинъ гнѣвъ: специальный израильскій гнѣвъ, параллельный только специальной же израильской любви. Замѣтимъ для тѣхъ, кто подумалъ бы, что хомецъ состоитъ только во внѣ-пасхальной пищѣ, что, напримѣръ, во время Пасхи еврей продаетъ, пусть фиктивно, всё, напримѣръ, трактиры, кабаки и вообще тѣ части имущества, которыхъ касаются чужіе (не еврей), или которое служитъ не евреямъ: на Пасху онъ долженъ быть только еврей и съ евреями. Но будемъ продолжать.

«Наступаетъ наконецъ давно желанный вечеръ великаго праздника Пейсаха. Мужской полъ, безъ различія возраста, отправляется въ синагогу на вечернюю молитву, а женскій — принимается готовить все, что нужно для пасхальнаго стола, и, что тоже не маловажно, царскій престолъ ¹⁾ для главы семейства, устраиваемый на этотъ разъ вплоть у стола, дабы ему, главѣ семейства, было все подъ рукой при совершении велико-таинственнаго священнаго пасхальнаго обряда. Пасхальный столъ убранъ слѣдующимъ порядкомъ.

«Накрытъ онъ—первымъ долгомъ, конечно—бѣлою чистою скатертью. Въ серединѣ стола стоятъ въ рядъ три подсвѣчника, мѣдные или серебряные, смотря по состоянію, — заправленные салными (NB: 40-е года) или стеариновыми свѣчами; близъ нихъ—большой объемистый хрустальный графинъ съ домашняго издѣлія виномъ (NB: собственно—выжимки изъ сушенаго винограда) и вокругъ него, полуокругленіемъ, стоятъ специально пасхальные кейсесы (стаканы) по числу душъ семейства; затѣмъ, немного поодаль, поставлены три блюдечка, на одномъ изъ нихъ лежатъ головки хрѣна тоже по числу душъ семейства, на другомъ—пучекъ зеленой петрушки, а въ третьемъ лежитъ такъ называемый харей-

¹⁾ Примѣчаніе автора: «Талмудъ увѣряетъ, что въ этотъ вечеръ всѣ еврей, главы семействъ (NB), возводятся Богомъ въ царскій санъ, и они должны именоваться всѣ, собственно въ этотъ вечеръ, царями и вести себя по-царски: облачаться въ царскія одежды и воссѣдать на царскихъ тронахъ. Царскій тронъ, устраиваемый въ этотъ вечеръ для минутнаго царя, въ сущности не больше, какъ обыкновенная кровать, мягко и роскошно убранная, съ высокимъ изголовьемъ, приспособленнымъ «къ возлежанію на манеръ древнихъ» (авторъ добавляетъ «римлянъ», но, я думаю, это невѣрно: къ чему евреямъ римлянамъ, т. е. въ своемъ родѣ хомецу, подражать въ святой свой «Пейсахъ»). Во всякомъ случаѣ—замѣчательно, и намъ тутъ брезжится кой-что изъ специально еврейскаго мессіанства: «всѣ будемъ царями», да и въ сущности мы сейчасъ уже сокровенные «цари».

сесъ¹⁾, возлѣ нихъ двѣ тарелки, одна съ легкимъ тузлукомъ, а въ другой—поджаренный говяжій мосоль, напоминающій пасхальнаго агнца, такъ называемый Зроа; въ заключеніе же всего, на столъ, передъ мѣстомъ, гдѣ находится сѣдалище главы семейства, поставлена тарелка съ тремя, діаметрально положенными, мадами, покрытыми бѣленькой, чистенькой салфеткою.

«Покончивъ съ убранствомъ стола, хозяйка дома, сбросивъ съ себя будничную одежду и обувь, замѣняетъ ихъ праздничными, съ усердіемъ и благоговѣніемъ зажигаетъ праздничныя свѣчи, предварительно прочитавъ краткую молитву, и затѣмъ съ достоинствомъ царицы (вѣдь, когда мужъ—царь, жена же, конечно, царица) садится на стулъ и кейфствуетъ въ ожиданіи возвращенія мужа изъ синагоги.

«И вотъ, глава семейства, вмѣстѣ съ дѣтьми мужского пола, явился домой. Послѣ обычнаго привѣтствія со стороны припешшихъ: «гуть іомтовъ», и отвѣтнаго привѣтствія же: «гуть іоръ», со стороны остальныхъ домашнихъ (NB: т. е. всей женской половины семьи), глава семейства облачается въ царское одѣяніе, состоящее: первое—изъ такъ называемаго кителя²⁾, второе—бѣлаго широкаго пояса, и третье—бѣлой же ермолки, и взгромоздившись на импровизованный свой тронъ, гессе-бетъ, и возлегли полу-сидя, даетъ рукою знакъ къ началю кыдеша.

«Одинъ изъ старшихъ членовъ семейства разливаетъ изъ помянутаго выше графина вино по всѣмъ стаканамъ, а глава семейства и вслѣдъ за нимъ остальные, берутъ въ руки по стакану, прочитываютъ вслухъ кыдешъ, выпиваютъ ихъ до дна и усаживаются вокругъ стола,—жена у изголовья мужа, а остальные—по старшинству».

Небольшое замѣчаніе: «нѣтъ дисциплины въ семьѣ, младшіе не почитаютъ старшихъ, дѣти—родителей, а жена—мужа», слышимъ и слушаемъ мы вокругъ. Здѣсь, въ этотъ непремѣнный ежегодный праздникъ, и также въ еженедѣльную субботу, члены еврейскаго семейства выстраиваются въ извѣстную іерархію, по старшинству степеней, и безъ того, чтобы ихъ ктонибудь извнѣ выстраивалъ. Совершенно очевидно, что и въ шесть дней будней, въ еженедѣльной суетѣ, тѣнь этой іерархичности привычно сохраняется.

¹⁾ Примѣчаніе автора: «Родъ тѣста желто-бураго цвѣта, составленнаго изъ смѣси толченыхъ грецкихъ орѣховъ, изюма, инбиря, корицы и другихъ благоуханыхъ продуктовъ. Тѣсто это напоминаетъ ту глину, которую евреи, во время рабства въ Египтѣ, мѣсили для построекъ крѣпостей» (пирамиды? плотинъ?).

²⁾ Длинная рубаха съ широкими рукавами и большимъ воротникомъ. Китель служитъ для евреевъ саваномъ, и они надѣваютъ его не только въ ночь Пасхи, но три раза въ году, въ большіе праздники, они въ синагогѣ отправляютъ молитвы въ кителяхъ. Дѣлается это потому, что евреямъ предписывается закономъ постоянно думать (особенно въ дни радости) о смерти.

Вотъ — культура, т. е. вотъ матеріальныя ступени, по которымъ она ступаетъ, поднимается кверху...

«Тотчасъ за этимъ дверь комнаты запирается кѣмъ нибудь изъ членовъ семейства на ключъ, и начинается сайдеръ (общее названіе вечерней пасхальной трапезы). Глава семейства правую руку беретъ за край тарелки съ тремя мацами, остальные всѣ— то же самое, и обще, монотоннымъ полу-грустнымъ голосомъ, читаютъ краткій монологъ подъ названіемъ: «Кого лахмо аніо». Я думаю, рассказъ мой не пострадаетъ, если я приведу цѣликомъ этотъ небезынтересный монологъ. Вотъ буквально его содержаніе:

«Вотъ хлѣбъ убожества, который ѣли наши предки въ землѣ Египтѣ. Кто голоденъ—приди и ѣшь [съ нами?]. Кому требуется, приди и соверши съ нами Пасху!—Въ нынѣшнемъ году мы здѣсь [на чужой землѣ]; на будущій годъ будемъ въ землѣ Израиля [Иерусалимѣ]. Въ нынѣшнемъ году—мы рабы; на будущій же годъ всѣ будемъ сыны свободы».

«Монологъ конченъ, и самый младшій сынишка (если нѣтъ младшаго—можетъ и старшаго возраста сынъ; если же вовсе нѣтъ сыновей, то можетъ это исполнить одна изъ дочерей и даже самая хозяйка дома—жена) взгромездается на столъ прямо противъ отца, свѣсивъ ножки и хлопнувъ разъ ладошами, многозначительно (NB) обращается къ отцу съ четырьмя вопросами, озаглавленными: ма-ништане.

«— Тателе!—зычнымъ дѣтскимъ голоскомъ начинаетъ маленькій вопрошать, хлопнувъ, какъ я уже сказалъ, руками, и какъ бы серьезно удивляясь:—«тателе, я хочу тебѣ задать четыре вопроса относительно странной обстановки настоящей ночи» ¹⁾.

«Чадолубивый отецъ, съ пріятной улыбкой одобрительно киваетъ ему головой, дескать: говори, говори, мое дѣтище — я этого жду,—и послѣдній начинаетъ:

«— Первый вопросъ,—говоритъ онъ, глядя въ упоръ въ лицо отца:—почему это круглый годъ, по вечерамъ, мы [евреи] ѣдимъ всякій хлѣбъ, какой вздумается — мацу ли, хомецъ ли, все равно; сегодняшній же вечеръ исключительно ѣдимъ одну мацу? Второй: круглый годъ по вечерамъ мы ѣдимъ сладкіе на вкусъ овощи, а сегодняшній вечеръ—ѣдимъ горькія коренья [хрѣнъ?]. Третій: въ другіе вечера года мы ни разу не макаемъ зелень, а нынѣшній вечеръ — два раза? И четвертый: во всѣ другіе вечера года, во время трапезы, мы сидимъ, какъ обыкновенно сидятъ люди: прямо свѣсивши ноги внизъ; нынѣ же [намекая на отца] сидимъ облокотившись [точно по-барски?】».

¹⁾ Авторъ замѣчаетъ, что въ хейдерѣ (первоначальной школѣ грамотности), гдѣ мальчики заучиваютъ эти вопросы, слабые памятью между ними «много испытываютъ колотушекъ и подзатыльниковъ, прежде чѣмъ обвинить всю премудрость этого ма-ништанемъ». Но, во всякомъ случаѣ, существуетъ школьная подготовка къ этому семейному празднику.

«Окончивъ вопросы, мальчикъ слѣзаетъ со стола и садится на свое мѣсто, а глава семейства, и вслѣдъ за нимъ всѣ остальные, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопросы, разомъ, вслухъ, начинаютъ читать краткую исторію рабства ихъ, евреевъ, въ Египтѣ — какъ имъ было горько тогда жить на свѣтѣ... Какъ потомъ Богъ-Иегова сжалился надъ ними и въ лицѣ Моисея прислалъ имъ избавителя и т. д. Чтеніе этой исторіи тянется часъ или полтора, а то и два, смотря по большому или меньшему патріотизму и набожности главы семейства.

«Чтеніе кончается, и глава семейства достаетъ одну головку хрѣна, макаетъ ее въ блюдечкѣ съ помянутымъ выше харейсесъ и цѣликомъ глотаетъ; потомъ, доставъ нѣсколько стеблей зеленой пегрушки и макнувъ ихъ въ помянутый же тузлукъ, съѣдаетъ. Эти оба манѣвра исполняютъ въ точности всѣ остальные сидящіе за столомъ, и вслѣдъ за этимъ начинается трапеза.

«И взявъ изъ тарелки верхнюю мацу и разломивъ ее на куски по числу трапезующихъ и себѣ, глава семейства раздаетъ собственноручно каждому по куску, которые, по предварительномъ прочтеніи надъ ними краткой молитвы: гамойце лехемъ минъ горець, тутъ же съѣдаются.

«Потомъ, разломивъ вторую мацу тоже на куски, но такъ, чтобы каждому приходилось уже по два куска, глава семейства достаетъ кусокъ хрѣна, кладетъ его между помянутыми кусками мацы и жуетъ все это вмѣстѣ, предварительно произнеся слѣдующія слова: «такъ дѣлалъ Гилель [NB: одинъ изъ великихъ учителей еврейства, современникъ Ирода] въ то время, когда храмъ Іерусалимскій еще существовалъ,—онъ [Гилель] свертывалъ мацу и мореръ [=горечь, хрѣнъ] вмѣстѣ и ѣлъ». Его, главы семейства, примѣру слѣдуютъ, конечно, всѣ остальные.

«Вслѣдъ за этимъ, глава семейства достаетъ изъ тарелки третью и послѣднюю мацу, разламываетъ ее на двѣ части, и одну часть оставляетъ для стола, а другую, такъ называемую афикейменъ ¹⁾, прячетъ подъ подушку у (своего изголовья до поры до

¹⁾ Примѣчаніе автора: «о значеніи этого слова существуетъ между учеными разногласіе: кто изъ нихъ говоритъ—такъ, кто—этакъ, кто—не такъ и не этакъ, а вотъ какъ! Такъ что до сей поры этотъ афикейменъ составляетъ неразгаданную загадку. За всѣмъ тѣмъ, несмотря на загадочность его, этого самаго афикеймена, онъ въ этотъ вечеръ сослуживаетъ неоцѣненную службу въ еврейскихъ семействахъ въ отношеніи семейнаго пріятства. Дѣло въ томъ, что у евреевъ съ незапамятныхъ временъ установлено правило, что если жена уловится украсть у мужа афикейменъ, и, конечно, спрятать его подальше,—послѣдній, чтобы получить обратно похищенное, долженъ обѣщать первой купить ей послѣ праздника какую либо обнову. Этимъ правомъ, разумѣется, широко пользуются жены—еврейки, и это имъ почти всегда удается. Эта маленькая семейная исторіюшка пріятно возбуждаетъ семейное веселье, и шуткамъ и прибауткамъ нѣтъ конца».

времени, и затѣмъ уже начинается настоящая ѣда. Сперва ставится на столъ тарелка съ круто-свареными яицами, которыя, накропивъ ихъ въ соленую воду,—ѣдятъ; затѣмъ, крошатъ мелко хрупкую мацу, густо, въ большую миску съ горячимъ, вкуснымъ и питательнымъ, свекловичнымъ борщомъ—и ѣдятъ; потомъ—рыбу; потомъ такъ называемые кнейделы подъ куринымъ соусомъ; еще потомъ—самую курицу съ рѣдкой въ прикуску ¹⁾); въ десертъ же неизбѣжный цимесъ изъ моркови и пастернака,—словомъ, ѣдятъ болѣе, чѣмъ досыта, и теперь наступаетъ очередь питію.

«Стаканы (кейсеъ) наполняются извѣстнымъ уже напиткомъ, каждый ставитъ передъ собой свой стаканъ и мизинцемъ правой руки макаетъ въ жидкость, и образовавшуюся отъ этого на кончикѣ пальца каплю стряхиваютъ на полъ. Это повторяется до десяти разъ по числу каръ, посланныхъ Богомъ на египтянъ за ослушанье фараономъ Его повелѣнія отпустить евреевъ на свободу. При этомъ, съ каждымъ маканіемъ мизинца, произносится на распѣвъ одна изъ каръ, въ слѣдующемъ ихъ порядкѣ: «дамъ» (=«кровь»), «цефардаа» (=«лягушки»), «кинемъ» (=«вши»), «оревъ» (=«нашествіе звѣрей»), «деверъ» (=«моръ»), «шхинъ» (=«паршъ»), «боредъ» (=«градъ»), «арбе» (=«саранча»), «хойшехъ» (=«тьма») и «макосъ бохойойсъ» (=«избіеніе первенцовъ»).

«Кейсеъ эти выпиваются (NB: потомъ?), выпиваются до дна и тотчасъ же наполняются вновь. Этотъ моментъ одинъ изъ важныхъ во всемъ пасхальномъ обрядѣ: здѣсь, теперь, ждется дорогой, желанный гость, который въ этотъ вечеръ неминуемо посѣщаетъ всѣ еврейскія жилища и гоститъ въ нихъ, угощаясь даже прелестнымъ виномъ.—«Кто же такой этотъ важный гость?»—полюбопытствуетъ, можетъ быть, читатель:—«не Моисей ли?»—Нѣтъ, не Моисей, а самъ Эліогу-ганови (Илья пророкъ), который, къ слову сказать, большой охотникъ побывать у евреевъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ (какъ, напримѣръ, обрѣзаніе и проч.). Ему, Эліогу-ганови, очищаютъ почетное мѣсто у стола, ставятъ ему стулъ или (у богатыхъ) кресло и ставятъ передъ нимъ на столъ полный стаканъ, въ той надеждѣ, что ихъ дорогой-то гость не откажется отхлебнуть хоть разъ.

«Предстоитъ вопросъ, какъ впустить въ комнату дорогого гостя. Извѣстно уже, что во все время совершенія обряда дверь комнаты заперта изнутри на ключъ, стало быть, необходимо отпереть дверь.

¹⁾ Нельзя не обратить вниманія на вкусовое и обонятельное влеченіе евреевъ къ пахучему и даже къ оставляющему послѣ себя запахъ: чеснокъ—любимое кушанье; въ обиліи поѣдается лукъ, хрѣнъ. Мы этого не вынесли бы, намъ это не нужно. Мясные нервы (не духовные) у нихъ обильно развиты. Обратимъ также вниманіе, что рыба, мясо коей обильно фосфоромъ и есть сильный нервный возбуждатель,—есть постоянное ритуальное у нихъ кушанье (субботня щука).

Положимъ, для него, Эліогу-ганови, ничего не стоитъ пробраться въ комнату черезъ замочную скважину или другую какую либо щель... онъ вѣдь не человѣкъ, а духъ; но это будетъ вѣдь неприличіе, чтобы пророкъ входилъ такъ...

«И вотъ тутъ-то и запятая: никому изъ домочадцевъ не хочется пойти и отворить дверь; страшно что-то. Послѣ однакожь нѣкотораго пререканія между дѣтьми взрослыми и малыми, въ концѣ концовъ выискивается одинъ, отличающійся героизмомъ больше другихъ; онъ смѣлой поступью шагаетъ къ двери, ключъ — щелкъ разъ—два... дверь растворяется и... Эліогу-ганови здѣсь...

«Всѣ—и самъ глава семейства—быстро поднимаются со своихъ мѣсть, со взорами, обращенными къ двери, и громко, разомъ произносятъ обычное привѣтствіе: борехъ габо (=«благословенъ бывшій!») и тотчасъ садятся обратно.

«И тутъ-то въ присутствіи великаго пророка, евреи наши изливаютъ свою горечь и жалуются на свою горькую судьбину въ чужой землѣ, въ землѣ враговъ ихъ — гоевъ. Плачевнымъ, грустнымъ до трогательности голосомъ, разомъ всѣ сидящіе за столомъ громко читаютъ извѣстный псаломъ Давида (кажется), начинающійся словами: Шфейхъ хамосху (NB:?). И достается же тутъ бѣднымъ гоямъ на орѣхи, какъ говорится... И ругаютъ ихъ, и клянутъ ихъ, такъ, что еслибъ хоть часть ихъ, евреевъ, пожеланія намъ, гоямъ, исполнилась,—насъ давнымъ-давно не было-бъ на свѣтѣ. Вотъ отъ слова до слова текстъ этого шфейхъ-хамосха:

«—Излей [Боже] Твою злобу на гоевъ, которые не познали Тебя, и на царства, которые не призываютъ Твое имя! Ибо они съѣли (sic) Іакова и его храмъ опустошили. Излей на нихъ Твой гнѣвъ, и паръ ноздрей Твоихъ да достигнетъ ихъ!.. Гони ихъ мщеніемъ и изгладь (уничтожь) ихъ изъ-подъ небесъ»...

Не будемъ волноваться отъ этихъ платоническихъ пожеланій, въ особенности когда въ нашихъ рукахъ было и матеріальное, уже не платоническое, осуществленіе всяческихъ нашихъ пожеланій, и они вовсе не были нѣжны. Къ тому же невозможность что либо сдѣлать всегда удесятеряетъ пылъ собственно платонизма.

«Стаканы-кейсеъ вышиваются всѣми, окружающими столъ,—за исключеніемъ гостя-пророка, который такъ и не дотрагивается до своего стакана,—и тогда глава семейства достаетъ изъ-подъ подушки спрятанную имъ, какъ извѣстно уже, половину мацы-африкейменъ, крошитъ ее на куски, также по числу душъ семейства, равно и себѣ, роздаетъ каждому по ломтику, и съѣдаютъ. Послѣ этого стаканы вновь, въ четвертый разъ, наполняются ароматной влагой, вышиваются всѣми, и потомъ, совсѣмъ уже сытые и довольные, принимаются за пѣніе пасхальныхъ пѣсенъ. Изъ числа этихъ пѣсенъ выдаются двѣ по своей оригинальности и характеру. Первая изъ нихъ сложена въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ на по-

добіе катехизиса и не составляетъ еще большого интереса. Начи-
нается она вопросомъ объ единицѣ и отвѣтомъ на него, и такъ
по порядку до тринадцати. Напримѣръ, поющій, какъ бы хвали
самъ себя, съ какимъ-то отгѣнкомъ гордости, спрашиваетъ, ни къ
кому впрочемъ не обращаясь:—«Одинъ (единицу) кто знаетъ?» И
самъ же себѣ отвѣчаетъ: «Одинъ — я знаю: одинъ — нашъ Богъ,
сотворившій небо и землю».—«Два кто знаетъ?»—«Два—я знаю:
два (т. е. двѣ половины)—скрижали десяти заповѣдей».—«Три кто
знаетъ?»—«Три—я знаю: три наши праотцы—Авраамъ, Исаакъ и
Іаковъ».—«Четыре кто знаетъ?»—«Четыре—я знаю: четыре—наши
праматери: Сарра, Ревекка, Рахиль и Лія»,— и такъ до тринад-
цатаго» ¹⁾.

Праздникъ почти конченъ. Что же онъ такое? Прежде всего—
ничего общаго съ тѣмъ, что мы представляемъ себѣ, и что бываетъ
у насъ подъ этимъ именемъ. Авторъ описываетъ Пасху, еврейскіи
важнѣйшій, еще при выходѣ изъ Египта установленный, праздникъ.
Но какая роль въ ней синагоги?—Никакой.—Раввина?—Никакой же.
Они гдѣ-то далеко, за горизонтомъ; въ фонѣ видимаго — только
семья. Но просто ли и только ли это семья? Нельзя не обратить
вниманія на точность церемоніала, въ которомъ очевидно ничего
нельзя измѣнить. Да, это нѣкоторое служеніе и въ то же время
совершенное отрицаніе «службы» въ привычномъ для насъ смыслѣ
тяготы: служба эта у нихъ — охотная, это своя субъективная
радость. Отдѣлена ли она чѣмъ нибудь отъ «понедѣльника», «втор-
ника», будней семьи? И да, и нѣтъ. Невыразимо отдѣлена... ну,
какъ у насъ отдѣляется литургія въ Казанскомъ соборѣ отъ суеты
Казанской площади въ одни и тѣ же, положимъ, двѣнадцать часовъ
дня. «Ненавистный хомецъ», какъ остатокъ понедѣльниковъ, втор-
никовъ, средъ и проч., не только выметенъ, но истребленъ, какъ
въ Казанскомъ соборѣ истреблено куреніе, пьянство, разговоры,
все площадное и уличное, но въ то же время по лицамъ и по
мѣсту—это вполнѣ земной и нашъ праздникъ; онъ—у насъ въ
домѣ; его празднуемъ—мы. Небесное и земное—удивительно соеди-
нено здѣсь, сгармонизовано, какъ струны скрипки и дека скрипки
въ одномъ инструментѣ. И посмотрите на всѣ эти вкусныя яства.
Мы имѣемъ передъ собою религиозное пиршество, драматизиро-
ванный ужинъ, съ чуть-чуть выраженной, но выраженной игрой.
Здѣсь есть (для насъ) иллюзія: Ілія—пророкъ; но какъ религиозная
иллюзія, то для участвующихъ она дѣйствительнѣе всякой дѣй-
ствительности. Даже это маленькое переодѣваніе, это облаченіе
«въ царей» есть черта, но только совершенно серіозной, преобра-

¹⁾ Большой ущербъ, что авторъ не приводитъ остальныхъ, столь любопыт-
ныхъ вопросовъ и отвѣтовъ.

зовательной, пророческой игры же. Но наше слово «игра» такъ удаляется отъ смысла совершающейся здѣсь дѣйствительности, что мы лучше бросимъ его; даже презрительно, гадливо бросимъ. Нѣтъ, это — сама жизнь, моментъ бытія Израиля, но гдѣ есть лица, представленіе, роли. Кто же въ нихъ дѣйствующіе? Самый маленькій мальчикъ въ семьѣ, заучившій свою роль въ школѣ, его мать и «глава семьи», по постоянной терминологіи автора. Соединенные или, точнѣе, иногда соединяемые въ священное дѣйствіе, они, конечно, образуютъ «священную труппу» собственнаго житейскаго странствія и въ то же время — узелки одной (кровной) ниточки. Великая проблема священной (а не физиологической) семьи, къ разрѣшенію которой Европою не сдѣлано и перваго шага, и разрѣшается, притомъ какъ-то побочно, само собою—при помощи этихъ «пейсахъ», «субботъ», «кущей» и т. п.

Еще одно замѣчаніе относительно комментаторовъ Библии: они извлекаютъ изъ послѣдней, что имъ нужно, а не что есть въ ней. Они замѣчаютъ въ ней духовный свѣтъ, духовныя длинныя нити и усердно ихъ эксплуатируютъ, не обращая вниманія на ту почву, которая лежитъ подъ ними, на то невидимое, скрытое темное ядро, отъ котораго идутъ таинственные лучи, сплетаемые этими комментаторами въ затѣйливое, но вовсе не израильское, а римско-византійское кружево. Свѣтоносность этого кружева—отъ Библии; но узоръ плетенія —это оригинальное и новое построеніе Европы. Слова—пророковъ; но тѣло—не ихъ! Гдѣ же здѣсь обрѣзаніе?! Нѣтъ его! А когда его нѣтъ—нѣтъ ничего и отъ израильскаго существа. Но оставимъ слова, которыя переходятъ въ печаль. Замѣтимъ только, чтобы подтвердить фактически свою мысль о комментаторахъ, что среди комментаріевъ 1) филологическихъ, 2) географическихъ, 3) катехизическихъ, 4) моральныхъ и 5) «прообразовательныхъ» (всего больше) мы ни разу, мелкимъ шрифтомъ къ словамъ Библии, не читаемъ тѣлесно-человѣческаго комментарія, обоня которыи воскликнули бы: «вотъ духъ обрѣзанія! узнаю плоть и смыслъ его» (т. е. изъ комментарія). Ничего подобнаго! Дивно ли, что ничего подобнаго библейскому не возрастаетъ, не отдѣляется свѣтомъ отъ римско-византійскихъ плетеній?!

Я затеплю свѣчу
Воску яраго,
Распаяю кольцо...

Это можно повторить объ обрѣзаніи: его кольцо пало обломками къ нашимъ ногамъ. И нѣтъ теперь для насъ смысла въ Библии, нѣтъ связуемаго кольцомъ, ни связи черезъ это мистическое кольцо—у человѣка съ Богомъ. И нѣтъ для насъ пророковъ, нѣтъ у насъ пророчества. Оставимъ.

«Вторая пѣсня»,—говоритъ нашъ авторъ,—«и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя до того оригинальна, чтобы не сказать потѣшна, что заслуживаетъ того, чтобы привести ее здѣсь цѣликомъ. Пѣсня эта озаглавлена *Ходъ гадіо*, что означаетъ въ переводѣ на русскій языкъ—Единственный ягненокъ, и вотъ буквально ея содержаніе»...

Пѣсня эта, кажущаяся нашему автору «потѣшною», произвела на насъ сильное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что необыкновенная простота ея сложенія, доходящая до односкладности, свидѣтельствуешь о чрезвычайной ея древности. Это что нибудь изъ Халдеи, изъ Египта—это неперемѣнно. Въ ней почти нѣтъ смысла, она тянетъ какую-то туманную канитель на одну тему, монотонно ее повторяя. Засѣлъ гвоздь въ мозгъ, «паль туманъ на сердце», и какой-то безконечно наивный еще умъ, но съ чисто юдаическимъ упорствомъ, только что и умѣетъ повторить и повторять тему.

Ягненокъ... Что такое «ягненокъ»? Жертва... Что такое «жертва»? Мы учимся, мы молимся словами Давидова псалма: «жертва Богу—духъ сокрушенъ; сердце уничиженное—Богъ не уничижитъ»... Но почему же, но зачѣмъ же, но въ насыщеніе чего и по какому закону воображенія или совѣсти нужна еще кровавая, ягнячья, напимѣръ, жертва? Однако, что это—такъ, и до «скончанія міра», ясно изъ того, что и Предвѣчный Агнецъ истекъ кровью «за грѣхи людей». Да, въ основѣ христіанства или, точнѣе, самый фактъ христіанства не есть ли вѣдь тоже «кровавое жертвоприношеніе»? Но почему же въ основѣ христіанства не одинъ «духъ сокрушенъ»? и не одна чистѣйшая, святѣйшая нагорная проповѣдь? Что мы можемъ постигать въ этомъ? Ничего. «Покапай кровью на крышку Ковчега Завета», «помажь кровью косяки двери», «Господь Богъ твой любить обонять кровь жертвъ» (всѣ слова—въ Исходѣ). Не понимаю.

Непонятною, но самую раннюю чертою въ Библии проходитъ приказаніе Господне Моисею о пасхальномъ агнцѣ. Перечтемъ его, ибо я не могу не чувствовать, что странная еврейская пѣснь, до сихъ поръ поющая въ Вильнѣ и Варшавѣ на пасхѣ, имѣетъ что-то родственное съ этимъ повелѣніемъ Господнимъ:

1. «И сказалъ Господь Моисею и Аарону въ землѣ Египетской, говоря:

2. «Мѣсяцъ сей (да будетъ) у васъ началомъ мѣсяцевъ, первымъ (да будетъ) онъ у васъ между мѣсяцами года.

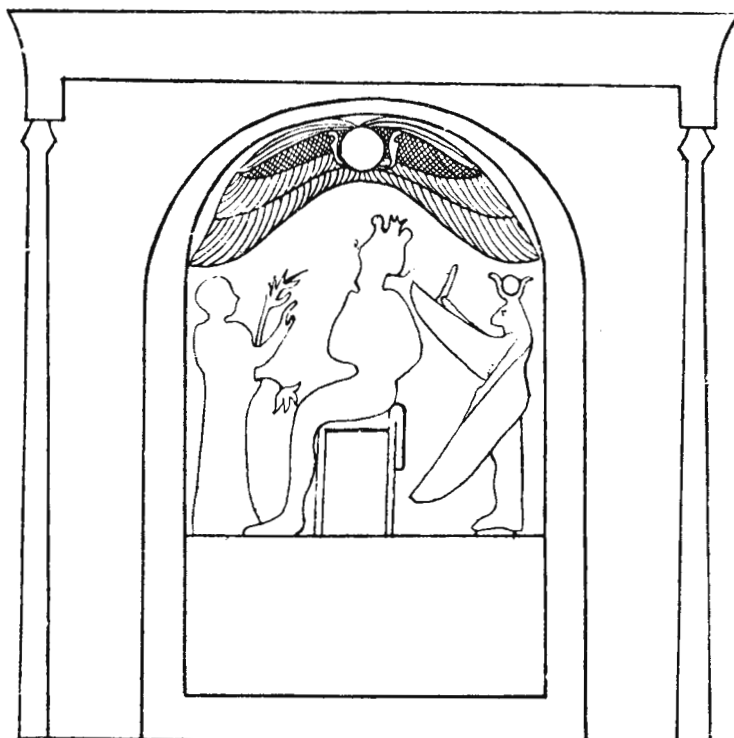
3. «Скажите всему обществу сыновъ израилевыхъ: въ десятый (день) сего мѣсяца пусть возьмутъ себѣ каждый одного агнца по семействамъ, по агнцу на семейство;

4. «а если семейство такъ мало, что не (сѣѣстъ) агнца, то пусть возьметъ съ сосѣдомъ своимъ, ближайшимъ къ дому своему, по числу душъ: по той мѣрѣ, сколько который сѣѣстъ, расчислитесь на агнца.

5. «Агнецъ у васъ долженъ быть безъ порока, самецъ годовалый; отъ овецъ или отъ козъ,

6. «и пусть онъ хранится у васъ до четырнадцатаго дня сего мѣсяца: тогда пусть заколетъ его все собраніе общества израильскаго вечеромъ,

7. «и пусть возьмутъ отъ крови его и помажутъ на обоихъ косякахъ и на перекладинѣ дверей въ домахъ, гдѣ будутъ ѣсть его;

Барельефъ изъ внутренности египетскаго храма. На тронѣ сидитъ Озирисъ, предъ нимъ — молящійся человекъ, приносящій ему въ жертву цвѣты, позади его — крылатая фигура херувима. Надъ ними верховное божество, съ распушенными крыльями.

8. «пустъ съѣдятъ мясо его въ сію самую ночь, испеченное на огнѣ¹⁾, съ прѣснымъ хлѣбомъ и съ горькими травами пусть ѣдятъ его;

9. «не ѣшьте отъ него недопеченнаго или свареннаго въ водѣ, но ѣшьте испеченное на огнѣ, и голову съ ногами и съ внутренностями (NB: идея полноты и цѣлости, «безъ остатка»);

¹⁾ Чисто, безпримѣсно, безъ воды, напримѣръ, и безъ приправъ, безъ смѣси и безъ разжиженія: требованіе параллельное тому, чтобы онъ былъ «безъ перебитыхъ костей и порока» (цѣлостенъ и единъ).

10. «не оставляйте отъ него до утра и кости его не сокрушайте; но если что останется отъ него,—до утра сожгите то на огнѣ.

11. «Это—Пасха Господня.

13. «И будетъ у васъ кровь знаменіемъ на домахъ, гдѣ вы находитесь, и увижу кровь (Мнѣ угодите?) и пройду мимо васъ, и не будетъ между вами язвы губительной.

14. «И да будетъ вамъ день сей памятенъ, и празднуйте въ оный праздникъ Господу въ роды ваши, какъ установленіе вѣчное.

15... «Съ перваго же дня уничтожьте въ домахъ вашихъ квасное, ибо кто вкуситъ квасного между первымъ днемъ (Пасхи) и послѣднимъ днемъ—душа та истребится изъ среды Израиля».

Что мы можемъ понимать въ этомъ прѣсномъ и квасномъ? Ничего. Только душа наша дрожитъ, вспоминая, что, какъ и за отступленіе отъ закона обрѣзанія, тутъ повторена страшная одна и та же угроза: «душа того будетъ истреблена изъ народа своего». «А кто,—сказалъ Богъ Аврааму,—не обрѣжетъ крайнюю плоть свою, душа та будетъ истреблена изъ народа своего»... Но что общаго между «кваснымъ» и «необрѣзаніемъ», между «прѣснымъ» и «обрѣзаніемъ»? Въ смыслѣ тяжести, тяжелодумности? И если мы сего, до очевидности яснаго Моисею, не постигаемъ, что мы постигаемъ въ его руководящихъ нитяхъ? Ничего. Библия даже не начата, съ собственной Моисеевой точки зрѣнія, не начата комментировать!.. Замѣтимъ, какъ краткій филологическій комментарий, что еврейское слово «песахъ» (пасха) значить: «пройду съ пощадою, съ распущенными крылами, какъ птица, берегущая своего дѣтеныша». Пеш'т есть корень слова, находимый и въ египетскомъ языкѣ, означающій: «распускать крылья надъ»... Въ египетскихъ храмахъ, на фронтонахъ ихъ, надъ дверьми—всегда есть это пеш'т, широко распущенные крылья, и при томъ одни только крылья, безъ головы и, какъ казалось бы, связанной съ ними птицы.

Теперь приведемъ пѣсню; слово «гульденъ», въ ней звучащее, конечно, не обманетъ читателя: это—у насъ, наша, сегодняшняя вставка, замѣняющая старое динарій въ Римѣ, драхма въ Александріи, дарикъ въ Персіи, дилептонъ въ Іудеѣ, разные деньги, на которыя велъ свои счета вѣчный Израиль:

1.

«Единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!! Купленный отцомъ за два гульдена, —единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

2.

«И пришла кошка и съѣла ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

3.

«И пришла собака и закусила кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

4.

«И пришла палка и избивала собаку, закусавшую кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

5.

«И пришелъ огонь и сожегъ палку, избившую собаку, закусавшую кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

6.

«И пришла вода и затушила огонь, сжегшій палку, избившую собаку, закусавшую кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

7.

«И пришелъ Шоръ-габоръ ¹⁾ и выпилъ воду, затушившую огонь, сжегшій палку, избившую собаку, закусавшую кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

8.

«И пришелъ шой-хетъ («рѣзакъ») и зарѣзалъ Шоръ-габора, выпившаго воду, затушившую огонь, сжегшій палку, избившую собаку, закусавшую кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

9.

«И пришелъ Малахъ-гамовесъ («ангелъ смерти») и зарѣзалъ шой-хета, зарѣзавшаго Шоръ-габора, выпившаго воду, затушившую огонь, сжегшій палку, избившую собаку, закусавшую кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена,—единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

¹⁾ «Быкъ-гигантъ, выпивающій, какъ уѣряетъ талмудъ, воду ежедневно изъ тысячъ рѣкъ и съѣдающій траву съ тысячъ же горъ». Примѣчаніе автора рукописи. Мы поставимъ nota-bene, что у евреевъ бродить или бродило въ воображеніи представленіе такого чудовищно-огромнаго «теляца».

10.

«И пришелъ (наконецъ) самъ Господь и зарѣзалъ Малахъ-гамовеса, зарѣзавшаго шой-хета, зарѣзавшаго Шоръ-габора, выпившаго воду, затушившую огонь, сжегшій палку, избившую собаку, закусавшую кошку, съѣвшую ягненка, купленнаго отцомъ за два гульдена, — единственный ягненокъ, единственный ягненокъ!!»

Вотъ пѣсня—монотонная, одно-сложная, упорная... Въ ней, какъ сквозь туманъ, мы и видимъ и не видимъ какое-то чувство единства главной нити міра, подчиненностей въ мірѣ, пожираемостей міра, жертвоприношеній въ мірѣ; торжество Господа надъ всѣмъ (ст. 10), даже надъ смертью, но что до Господа—смертью все одолевается, и она есть черныя ворота, въ которыя стекаетъ океанъ бытія. Можетъ быть, мы пугаемъ, можетъ быть, мы превеличиваемъ, но мы не сильнѣе выражаемъ, чѣмъ эти стихи, ту мысль и ту истину, что и стихіи и твари стоятъ равно въ связи поѣдаемостей ли, жертвъ ли. Какъ страшно это слово, холодное, безучастное: «зарѣзалъ». Рѣжетъ насъ смерть, рѣжетъ она бытіе; но потомъ—Господь, вотъ въ чемъ утѣшаетъ странная пѣснь. Что же въ основѣ ея?—«отецъ, приносящій агнца», вотъ этотъ, именуемый авторомъ, крещенымъ еврейчикомъ, «глава семейства» съ ежегодно имъ закальваемымъ «единственнымъ (однимъ, цѣлымъ) ягненкомъ въ цѣну двухъ гульденовъ». Но пѣсня идетъ такъ далеко своею нитью, что мы можемъ поставить и прописную букву и сказать, что въ верху лѣстницы стоитъ «Отецъ, приносящій Единственнаго Ягненка, Единаго Агнца — въ основу, въ снѣдь міра»; это въ стихѣ I, а въ X—«Господь, зарѣзавшій Малахъ-гамовеса, ангела смерти». «И смерти больше не будетъ», какъ говоритъ Апокалипсисъ. Но въ пѣснѣ замѣчательно то, что и стихіи бездушныя, водная, огненная и эта искусственно приготовленная вещь, палка — въ душѣ міра, въ составѣ ея колотвореній... Все — Господне». Гегель, когда-то желая объяснить свою метафизику, наставлявшую, что *das Sein* исчезаетъ, а сохраняется только *Werden*, или, какъ говорили схоласты аристотелики, что исчезаютъ особи, индивидуумы, а роды (*genus*) сохраняются, привелъ въ примѣръ кошку, съѣдающую мышь, при чемъ мышь, которая, казалось бы, абсолютно была до завтрака кошки, послѣ такового абсолютно же исчезла, видъ исчезъ, какъ вода и огонь въ поразительномъ стихотвореніи. Въ самомъ дѣлѣ раздвинемъ иллюстрацію Гегеля универсально, и мы получимъ данное стихотвореніе, именно въ его монотонности. Монотонно, какъ теченіе міра, какъ капли вѣчнаго дождя. Но какъ

въ мыши и кошкѣ, и здѣсь—«пожирание» и «пожирание», т.-е. идея «жертвы».—«Не будешь живъ, аще не искупишься: и какъ ты самъ малъ купить себя—ты будешь купленъ бѣльшимъ тебя, но и самъ же за это купи—меньшее себя». Что-то это, близкое этому—брезжить. Нужно и жертвовать, въ жертвѣ рокъ; «кровь агнцевъ, тукъ агнцевъ обоняетъ Господь».—«Ты далъ, Ты и взялъ—да будетъ благословенно имя Господне», говоритъ Іовъ. Идея страданія въ мірѣ, нѣтъ—больше: фактъ страданья... что мы въ немъ понимаемъ?—Ничего; и умѣемъ только сказать: «да будетъ благословенно имя Господне!» Но это—молитва, а не философія. А развѣ смерть—философія? Или рожденіе—параграфъ ея? Это суть члены жертвы, параграфы жертвоприношенія,—и вотъ почему «духъ сокрушенъ» недостаточенъ для связи съ Богомъ, но и нужно «номазать кровью косяки дверей», «дабы Господь прошелъ милостью, какъ птица, распространяющая крылья надъ птенцомъ своимъ»... Мы ѣдимъ: вотъ еще фактъ! Но замѣчательно, что нельзя набѣсться, не пожравъ! «Поглотилъ воду», «затушилъ огонь», «зарѣзалъ шоръ-габора» и «сытъ»; а въ основѣ всего «единственный ягненокъ, единственный ягненокъ, купленный отцомъ или Отцемъ за два гульдена», «за 30 серебрянниковъ». Да, нельзя вкусить пици, не приобщившись кругообороту міра и до извѣстной степени не отвѣдавъ «пасхальнаго агнца». И каждая ѣда есть «пейсахъ»—«торопливая ѣда въ пути». «А кто этого не помнитъ—истребится душа того изъ народа своего» и даже изъ «рода человѣческаго». Онъ—язычникъ; онъ въ мірѣ, но забылъ міръ; и какъ только «забылъ міръ», не понимаетъ, что такое «быть въ мірѣ»—забылъ и о Господѣ, вышелъ изъ Господа. Для такого Богъ не «зарѣжетъ» Малахъ-гамовеса, черную темь небытія.

Еврей—философы, Халдея—философія, но только въ гимнахъ, въ гимнахъ безсилія и упованія, или, пожалуй, *mutatis mutandis*, въ гимнахъ упованія и посему силы. Да, и тутъ кругооборотъ: «я безсиленъ—и долженъ вѣровать, но какъ вѣрую—то уже силенъ. Итакъ, безсиліе рождаетъ силу, почти какъ «смерть ягненка» рождаетъ «побѣду Господа надъ смертью». Большая философія, длинная философія; мы кончимъ ее, какъ слѣдуетъ и всякую философію кончать,—сказкою. Это—видѣніе въ сущности прекраснаго и благороднаго (уже потому, что безвѣстнаго) крещенаго еврея, который однажды во время самой этой пѣсни заснулъ. Замѣтимъ, что пѣсня эта кончается вечерю пасхи: «тогдашъ читается всѣми бирхасъ-гамозенъ, краткая благодарственная молитва послѣ принятія пици,—и всѣ расходятся спать».

Ему было 7—8 лѣтъ. Съ отцомъ и старшимъ братомъ онъ вернулся изъ синагоги. «Несмотря на угрюмость и суровость, свойственныя людямъ, зараженнымъ фанатизмомъ,—разсказываетъ онъ,—въ этотъ разъ оба они были въ самомъ веселомъ расположении духа: хмурья всегда лица ихъ сіяли удовольствіемъ, а глаза свѣтились, какъ четыре электрическихъ солнца». Общій духъ заразилъ и мальчика. «Я до того былъ радъ и веселъ, что когда настала минута впустить въ комнату дорогого гостя Эліогу-ганови, я, безъ всякихъ побужденій со стороны, самъ вызвался на геройскій, соотвѣтственно моему дѣтскому возрасту, подвигъ: храбро зашагалъ къ двери, повернулъ ключъ и распахнулъ дверь, вновь захлопнулъ и однимъ скачкомъ назадъ. Правда (къ чему таить!), у меня мурашки забѣгали по тѣлу, когда онъ вошелъ»... Страхъ его, однако, мало-по-малу улегся, и, сидя *vis-à-vis* со стуломъ, гдѣ, повидимому, возсѣдалъ пророкъ, мальчуганъ украдкой взглядывалъ на стаканъ съ виномъ, стараясь услѣдить убыль вина передъ пустымъ стуломъ. Но, несмотря на мучительное любопытство, ни убыли вина, ни самого Эліогу-ганови мальчикъ не видѣлъ. «Въ отношеніи второго желанія меня выручало мое пылкое, дѣтское воображеніе. Эліогу-ганови всегда представлялся мнѣ маститымъ старцемъ, съ большой, сѣдой, бѣлой какъ лунъ бородой, и такими же длинными-предлинными пейсами; на головѣ, поверхъ неизбѣжной ермолки, преобладающей сподекъ, а въ рукахъ—громадный посохъ». Такимъ, какъ сквозь туманъ, брезжился пророкъ и въ этотъ сіяющій огнями вечеръ и усталому и веселому ребенку.

«Все шло прекрасно. Я, какъ самый младшій сынъ, молодецки отбарабанилъ вызубренный мною въ хейдерѣ пресловутый Ма-ништане; не безъ усердія читалъ и прочиталъ всю гагоду; макалъ зеленую петрушку въ соленой водѣ, головку хрѣна въ харейсесъ и прожевалъ со слезами на глазахъ горчайшій кусокъ хрѣна совместно съ двумя кусочками мацы. ...Ужинъ подходилъ къ концу, шло уже пѣніе пасхальныхъ пѣсенъ и дошло наконецъ до послѣдней Хадъ-гадіо».

«Нужно было случиться, что при самомъ началѣ этой хорошенькой пѣсенки меня взяла сильная дремота, и я мало-по-малу крѣпко таки заснулъ, сидя на своемъ стулѣ, свѣсивъ голову на грудь. И то сказать (NB), кого не убаюкаетъ такая чудненькая сказочка-пѣсенка, пѣтая такимъ сладенькимъ, монотоннымъ, полутрогательнымъ голоскомъ, въ особенности послѣ такого сытнаго, аппетитнаго ужина.

«И видѣлъ я чудный, дивный сонъ:

«Прогуливаюсь я по прекраснымъ аллеямъ Рая. Прогуливаюсь не одинъ, а съ провожатымъ-ангеломъ, тѣмъ самымъ, если вы изволите помнить, который, при самомъ зачатіи моемъ въ чревѣ

моей матери ¹⁾, былъ приставленъ ко мнѣ въ видѣ доброй няньки... Идемъ мы, идемъ съ нимъ, топчя ногами мелкій песокъ изъ чистаго золота; на вѣтвяхъ стройныхъ деревъ, усыпанныхъ всевозможными чудными для глазъ фруктами, качается многое множество большихъ и малыхъ пѣвчихъ птицъ, перья которыхъ переливались разноцвѣтными лучами и какъ бы сплошь были унизаны яхонтами, изумрудами, брильянтами ²⁾ и т. д.

«И какъ дивно и чудно пѣли эти птицы!.. во вѣкъ не растался бы съ ними—все слушалъ бы да слушалъ до конца своей жизни.

«— Пойдемъ дальше,— мягко сказалъ мнѣ ангелъ, ласково взявъ меня за руку, замѣтя, что я совсѣмъ заслушался пѣнія птицъ и намѣренъ остаться тутъ до безконечности.— Пойдемъ, я покажу тебѣ праведниковъ, обитающихъ здѣсь. Теперь самый часъ, когда они выходятъ на прогулку,—добавилъ онъ.

«Пошли.

«На встрѣчу намъ попались старые старики, повидимому, умершіе лѣтъ за три или четыре тысячи тому назадъ; они шли группами по три, по четыре и больше.

«Спрашиваю, указавъ на первую группу: эти кто такіе?»

«—Эти,—сказалъ онъ,— Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ». «А эти?»— указавъ на вторую группу, спрашивалъ я вновь.

«— Это Моисей, Ааронъ, Іисусъ Навинъ и пророкъ Самуилъ,— объяснилъ онъ. Словомъ онъ, провожатый мой, постепенно познакомилъ меня со всѣми праведниками, древними и новыми.

«— Пойдемъ теперь къ праведницамъ; я тебя познакомлю съ ними,—вновь сказалъ ангелъ.— Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ направо, налево и потомъ опять направо, мы очутились въ женскомъ отдѣленіи, гдѣ, подъ сѣнью воликолтѣпной акаціи, на скамейкѣ массивнаго золота съ такими же подножьями, сидѣли четыре старыя старушки, перешептываясь между собою въ полъ-голоса; ихъ окружалъ цѣлый сонмъ такихъ же старухъ, внимательно вслушивавшихся въ шопотъ первыхъ.— Вотъ эти четыре сидяція старухи,—сказалъ мнѣ ангелъ, не ожидая моего вопроса,— четыре праматери: Сарра, Ревекка, Рахиль и Лія. А остальные— всѣ жены ³⁾ пророковъ и другія праведницы,—добавилъ онъ.

«— Теперь пойдемъ въ самый садъ Ганъ-ейденъ (NB: Эдемъ?),—любезно предложилъ мнѣ ангелъ, минуту спустя.— Тамъ

¹⁾ Это чрезвычайно любопытное еврейское «упованье», которое со временемъ мы не отказываемъ себѣ въ удовольствіи привести.

²⁾ Родственность семитическаго гения съ блестящими камнями—замѣчательна; см. въ особенности описаніе Небеснаго Іерусалима въ Апокалипсисѣ, гдѣ все въ блистаціи каменевъ.

³⁾ Это не иллюзія мальчика, ибо въ Ветхомъ Завѣтѣ упоминается неоднократно о женахъ пророковъ.

увидишь такія вещи, отъ которыхъ тебя бросить въ жаръ и въ холодъ отъ восхищенія,—добавилъ онъ, ангельски улыбаясь.

«Пошли и вошли въ садъ.

«Боже великій, что это за садъ!.. Что это за деревья!.. Что за плоды!.. Одинъ другого лучше, одинъ другого красивѣе и вкуснѣе... И что главное чудно, это то, что плоды на деревьяхъ никогда не убавляются, сколько бы ихъ ни рвали. Сорвешь тамъ наливной персикъ или апельсинъ въ арбузъ величиной—тотчасъ, глядишь, на его мѣстѣ выросъ уже другой такой же спѣлый, такой же сочный, ароматный. Достоинъ такъ же вниманія тотъ отрадный фактъ безвредности тѣхъ райскихъ плодовъ, что сколько ихъ ни ѣшь—все больше хочется, а желудокъ все-таки отъ этого нисколько не страдаетъ, какъ будто бы ничего не было, и обитатели рая, праведники и праведницы, отлично, безъ сомнѣнія, пользуются этимъ случаемъ—ѣдятъ, ѣдятъ сколько душѣ угодно, безъ страха заболѣть, безъ всякихъ послѣдствій... И вотъ, пройдя съ своимъ провожатымъ часть сада, я обратилъ вниманіе на два стоящихъ особнякомъ, почти рядомъ, гигантскаго роста дерева; на одномъ росли прелестныя, румяныя и сочныя яблоки, а на другомъ—чудныя груши съ кулакъ величиной.

«— Не эти ли деревья Познанія добра и зла и Жизни?—спросилъ я ангела.

«— Такъ... Не ошибся...— какъ-то быстро, отрывисто сказалъ онъ и исчезъ.

«Оставшись одинъ около этихъ деревьевъ, я почувствовалъ, что меня охватило какое-то неотразимое чувство искушенія скупать одно яблоко съ дерева Познанія добра и зла. Не стыжусь сознаться, что тутъ главную роль играло честолюбіе. Пожалуй,—размыслилъ я про себя,—это будетъ большой грѣхъ... Пострадала же немало бѣдная наша праматерь Ева за это яблоко; но вѣдь за то я наберусь столько познаній въ одинъ разъ, что другому въ тысячу лѣтъ на узнать.—Я протянулъ руку и...

«Но не успѣлъ я сорвать намѣченное мною яблоко, какъ, откуда ни возмись, самъ Эліогу-ганови, точь въ точь такимъ, какимъ мнѣ представлялся въ моемъ воображеніи: сѣдой какъ лунъ, съ широкой длинной бородой и длинными же пейсами, съ большимъ сподеркомъ на затылкѣ. Онъ, грозно закричавъ на меня: «ахъ, ты, шейгецъ... Азесъ понемъ... какъ ты смѣешь этого сдѣлать (sic)», такъ ошарашилъ меня посохомъ по головѣ, что я вскочилъ и... проснулся. Протеревъ кулаками глаза, вижу: въ позѣ грознаго ангела карателя предо мной, въ полномъ царскомъ облаченіи, стоитъ мой многоуважаемый отецъ съ поднятымъ надъ моей головой сжатымъ кулакомъ, готовясь, повидимому, повторить:—«Ахъ, ты, такой сякой»,—кричалъ онъ на меня съ пѣной

у рта:—«гдѣ это видано, когда это слыхано, чтобы еврей засыпалъ во время пѣнія такой священной пѣсни!..»

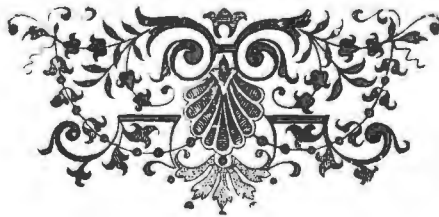
«Я, какъ шальной, отскочилъ и выбѣжалъ на дворъ, проклиная въ душѣ и сновидѣніе и... самую пресловутую пѣсню Хадъ-гадіо».

Мальчикъ—какъ мальчикъ. А мы, какъ взрослые, отнесемъ къ нему, какъ взрослые. Проснемся и мы отъ еврейскаго праздника къ своему арійскому будню:

Встасть купецъ, идетъ разносчикъ,
На биржу тянется извозчикъ,
Съ кувшиномъ охтянка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный,
Открыты ставни... Етъ.

Откуда это разительное несходство не только слова, но души, напримѣръ, видѣній и, наконецъ, сновидѣній, фізіологическихъ сновъ у семита и у арійца? Да, я увѣренъ: у соннаго еврея душа не та, не такова, какъ у спящаго арійца; т.-е. она не такова внѣ личнаго всякаго преднамѣренія, внѣ хотѣнія, внѣ воли. И неужели повѣрить смутному, но твердому слову: «мы одни избраны?..» Вы избраны; но мы одни же позваны къ всемірному побиманію и всемірному сочувствію. И есть Единъ, позвавшій васъ и насъ къ разнымъ участямъ, или, какъ научалъ насъ нашъ Учитель: «у Отца Моего Небеснаго обителей много...»

В. В. Розановъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ ¹⁾.

Княгиня Д. Х. Ливень и ея письма къ барону Баранту.—Императоръ Николай I-й въ Англіи въ 1844 году.—Герцень черезъ очки нѣмецкой идеалистки.—Бесѣды Стада съ министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ М. Н. Муравьевымъ.

ПРЕСЛУВУТОЙ русской дипломаткѣ Д. Х. Ливень говорилось не разъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» ²⁾, и въ настоящее время она снова сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе, благодаря ея письмамъ къ барону Баранту, напечатаннымъ въ его «Воспоминаніяхъ» ³⁾, и отзывахъ о ней герцога Брольи въ его монографіи о лондонской конференціи 1830—1831 г.г., которая появляется въ «Revue des deux mondes» подъ тенденціознымъ заглавіемъ: «Послѣднее благодѣяніе монархіи: нейтралитетъ Бельгіи» ⁴⁾. Еще ранѣе Брольи, Эрнестъ Додэ, описывая въ томъ же журналѣ посольство герцога Деказа въ Лондонѣ въ 1820 году ⁵⁾, говоритъ о тогдашней русской посланницѣ въ Англіи: «Деказъ въ первый день своего приѣзда въ Лондонъ обѣдалъ у графа Ливена,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ». т. LXXX, стр. 300.

²⁾ «Княгиня Дарья Христофоровна Ливень», очеркъ А. Н. Бѣлозерской, «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1898 г.

Переписка русскихъ аристократокъ съ иностранными знаменитостями. «Историческій Вѣстникъ», октябрь 1899 г.

³⁾ Иностранцы о Россіи: баронъ де-Барантъ и Николай I-й. «Историческій Вѣстникъ», сентябрь 1900 г.

Souvenirs du baron de-Barant. VII vol. 1893—1899. Paris.

⁴⁾ Le dernier bienfait de la monarchie: La neutralité de la Belgique, par le duc de Broglie, «Revue des deux mondes», 1 decembre 1899, 15 janvier, 1 juillet, 15 novembre 1900.

⁵⁾ L'ambassade du duc Decazes à Londres 1820—1821, par Ernest Daudet. «Revue des deux mondes», 15 octobre, 15 novembre 1899.

который уже восемь лѣтъ занималъ постъ русскаго посланника въ Лондонѣ, жена котораго графиня, впоследствии княгиня Ливенъ, была въ сущности настоящимъ посланникомъ, совѣтуя мужу во всемъ, руководя имъ всецѣло и составляя для него депеши, такъ какъ онъ, по словамъ Деказа, былъ «пустѣйшій изъ людей». Тридцати шести лѣтъ отъ роду и столь же привлекательная по своему уму, какъ и по граціи, эта необыкновенная прелестная женщина неограниченно царила въ лондонскомъ дипломатическомъ мірѣ и въ высшемъ англійскомъ обществѣ. Она дѣлила свою власть только съ ея пріятельницей, австрійской посланницей княгиней Эстергази, которой въ особенности дорожили при королевскомъ дворѣ, что возбуждало въ ней ревность, доходившую до комичной ярости и заставлявшую ее громко повторять придворныя сплетни о томъ, что ея соперница находилась въ интимной связи съ сыномъ фаворитки Георга IV, лэди Конингамъ. Относительно самой княгини Ливенъ также ходили толки, и злые языки увѣряли, что она пользовалась милостями короля. Но это была очевидная ложь, такъ какъ княгиня въ то время была влюблена въ князя Меттерниха.

Что касается до герцога Брольи, то, рисуя картину лондонской конференціи, создавшей независимую конституціонную Бельгію подъ скипетромъ короля Леопольда I-го, онъ признаетъ, что тогдашній французскій посолъ въ Англій знаменитый Талейранъ многимъ былъ обязанъ графинѣ Ливенъ, которая своимъ вліяніемъ на мужа сдерживала и смягчала получаемыя изъ Петербурга рѣзкія повелѣнія, чѣмъ сглаживала путь къ международному соглашенію. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ Талейранъ въ своихъ мемуарахъ, въ которыхъ онъ отзывается о русской дипломаткѣ гораздо сочувственнѣе, чѣмъ Шатобрианъ. По словамъ послѣдняго, «ее прославили умной, потому что ея мужа считали дуракомъ, но это было совсѣмъ несправедливо». Впрочемъ онъ видалъ ее впоследствии въ Парижѣ, и тогда она казалась ему кислой, сухой, непривлекательной старухой, говорившей только о политикѣ и прикрывавшей свою умственную посредственность въ обществѣ выдающихся людей тономъ скуки. Напротивъ Талейранъ, хотя и признаетъ, что княгиня Ливенъ причиняла много вреда своему мужу, ступшеывая его болѣе, чѣмъ слѣдовало, но считаетъ ее очень умной женщиной съ прекрасными манерами и съ большимъ достоинствомъ. «Если же, говорилъ онъ, она писала по-французски лучше, чѣмъ говорила, то это происходило отъ того, что разговаривая она безконечно забрасывала своего собесѣдника вопросами, стараясь удовлетворить свое ненасытное любопытство; на бумагѣ же ея стиль отличался оригинальностью и особой прелестью».

По словамъ герцога Брольи, лично знавшаго княгиню Ливенъ въ послѣдніе дни ея жизни въ Англій и Парижѣ, характеристика Талейраномъ этой замѣчательной женщины была вполне справед-

лива, въ особенности относительно ея ненасытнаго любопытства. «Разсказывали, замѣчаетъ онъ, что ея молодость была не безупречной, но слышанные мною по этому предмету разказы и упоминаемыя имена героевъ ея романовъ не позволяютъ мнѣ предположить, чтобы сердечныя чувства заставляли когда нибудь забыть ея пламенную любовь къ политикѣ или стушевали бы ея любопытство ко всему, что касалось политики. Поселившись въ Парижѣ и соединясь тѣсными узами дружбы съ Гизо, что дѣлало имъ обоимъ одинаковую честь, она открыла салонъ, въ которомъ хозяйку и Гизо окружили всѣ французскіе иностранные дипломаты, приносившіе княгинѣ со всѣхъ концовъ Европы то, что Сентъ-Симонъ называлъ запахомъ дипломатической кухни, безъ чего она не могла обойтись. Я самъ замѣтилъ, что она стала меня принимать гораздо любезнѣе съ того момента, какъ я получилъ возможность приносить ей изъ министерства иностранныхъ дѣлъ такія свѣдѣнія, какія она не могла получить ни отъ кого другого. Брولي находилъ, что Талейранъ также совершенно правильно подмѣтилъ въ княгинѣ Ливенъ способность находиться въ хорошихъ отношеніяхъ съ представителями власти данную минуту, кто бы они ни были, чѣмъ онъ пользовался во время лондонской конференціи. «Когда во Франціи пала монархія,—прибавляетъ Брولي,—княгиня Ливенъ, не отворачиваясь отъ своихъ старыхъ друзей, привѣтливо принимала въ своемъ салонѣ выдающихся слугъ новой имперіи, и она такъ поступала не изъ какой нибудь корыстной цѣли, но для того, чтобы оставаться въ сосѣдствѣ источниковъ, изъ которыхъ можно было черпать свѣдѣнія о политикѣ. Такъ между прочимъ я видѣлъ въ ея салонѣ будущую императрицу Евгенію за нѣсколько дней до объявленія ея брака». Эту отличительную черту княгини Ливенъ, всегда умѣвшей лавировать между политическими партіями и быть въ дружбѣ съ героями дня, замѣчали и другіе ея современники. Графъ Малэ писалъ Баранту въ 1838 году: «Салонъ княгини Ливенъ попрежнему—сборъ всѣхъ самолюбій. Гизо, Тьеръ и Берье бывають тамъ утромъ и вечеромъ»; а наканунѣ государственнаго переворота 2-го декабря графъ Сентъ-Олэръ указываетъ въ своемъ письмѣ къ тому же Баранту, что въ «салонѣ княгини Ливенъ мнѣнія раздѣлены, но русскіе и вообще иностранцы держатъ сторону президента».

Напечатанныя до сихъ поръ письма княгини Ливенъ къ Баранту обнимають пятнадцать лѣтъ отъ 1836 до 1851, и хотя они отличаются той излишней болтливостью, въ которой упрекалъ княгиню еще Талейранъ, но представляютъ любопытную, живую картину тогдашняго дипломатическаго міра, а такъ какъ она рѣдко высказывала свои взгляды, и лишь служила вѣрнымъ эхомъ того, что говорилось въ дипломатическихъ сферахъ Парижа и Лондона, то свѣдѣнія, сообщаемыя ею о русскихъ событіяхъ и русскихъ дѣятеляхъ того времени, прямо подходятъ подъ рубрику «Иностранцы

о Россіи». Такъ самыя интересныя изъ ея писемъ о пребываніи императора Николая I-го въ Лондонѣ въ 1844 году, по ея собственнымъ словамъ, составляютъ сводъ полученныхъ въ Парижѣ безконечныхъ писемъ отъ англійскихъ друзей объ этомъ выдающемся событіи русской политики.

«Англійское общество не знаетъ и не любитъ сюрпризовъ, пишетъ княгиня Ливенъ, 8 іюля 1844 года, а потому приѣздъ императора безъ предупрежденія и безъ всякаго шума, а также его визитъ къ лэди Гейтсбюри (женѣ бывшаго англійскаго посланника въ Петербургѣ) такъ удивили всѣхъ, что многіе спрашивали себя, настоящій ли это императоръ. Поэтому въ первые дни эффектъ сообщенія не удался, но теперь все идетъ, какъ по маслу, и государю чрезвычайно много рукоплескали на парадѣ въ Виндзорѣ, гдѣ онъ появился въ мундирѣ. Назначенный уже два мѣсяца тому назадъ польскій балъ теперь приходится очень некстати; его устроительницы, высшія англійскія аристократки, собрали чрезвычайное засѣданіе комитета, чтобы рѣшить, какъ выйти изъ этого затрудненія. Большинство, въ томъ числѣ лэди Кланрикордъ и герцогиня Судерландъ, высказалось въ пользу того, что балъ долженъ состояться въ назначенный день, несмотря на присутствіе въ Лондонѣ императора. Тогда государь, желавшій остаться до 12, назначилъ свой отъѣздъ на 9, т.-е. наканунѣ бала. Вообще полагаютъ, что этотъ балъ имѣетъ характеръ чего-то нелюбезнаго въ отношеніи императора. Королева, взятая врасплохъ, такъ какъ она уже три недѣли отложила всякую мысль объ его приѣздѣ, недовольна этимъ сюрпризомъ. Въ самый день его приѣзда въ Лондонъ 1-го іюня явился туда и король Саксонскій. Викторія ему приготавливала торжественный приемъ, какъ главѣ саксонскаго дома, а вы знаете, что она болѣе саксонка, чѣмъ англичанка. Теперь же съ приѣздомъ императора король Саксонскій совершенно ступешанъ, тѣмъ болѣе, что Николай съ давнихъ поръ его терпѣть не можетъ. Кромѣ того, коротева сильно экономничаетъ, находится въ интересномъ положеніи, стала тяжела на подъемъ, поражаетъ всѣхъ своимъ краснымъ лицомъ и некрасивымъ видомъ, побуждавшими ее вести затворническую жизнь; а теперь ей надо выносить всякаго рода усталости и подвергаться всѣмъ требованіямъ королевской представительности. Неудивительно, что она надулась и даже не сняла траура. Это послѣднее обстоятельство очень непріятно поразило императора, который не терпитъ траура. Онъ всѣмъ и каждому говоритъ, что онъ находитъ англійскій дворъ смѣшнымъ по его этикету. Эти слова передали королевѣ, и она еще болѣе нахмурилась. Ея мужъ находится совершенно въ тѣни, хотя обязанъ былъ всюду сопровождать императора. Онъ кланяется, когда толпа рукоплещетъ, и тогда ему кричатъ: «это не для васъ, это для русскаго». Императоръ пожертвовалъ много денегъ на скачки, а принцъ Альбертъ всего

болѣе пользуется непопулярностью, потому что онъ считаетъ скачки безнравственными и не даетъ на нихъ ни гроша. Что касается до министерства, то оно ликуетъ, и премьеръ лордъ Абердинъ внѣ себя отъ счастья. Дипломатическій корпусъ желалъ представиться императору, но онъ отклонилъ этотъ пріемъ, говоря, что увидитъ пословъ у королевы, а напротивъ Саксонскій король назначилъ имъ аудіенцію. Вотъ, любезный посланникъ, все, что вамъ могу передать сегодня, а вскорѣ я сообщу вамъ и дальнѣйшія подробности».

Черезъ два дня она сдержала слово и возобновила свою бесѣду на бумагѣ: «Вы просите новостей? Конечно, о путешествіи государя? Хорошо, я вамъ скажу прямо, что успѣхъ его пошелъ crescendo съ Аскотскихъ скачекъ. Величественная наружность императора, его любезность и щедрость, а также политическія объясненія съ министрами—все понравилось въ Лондонѣ. Къ тому же успѣху моего повелителя много содѣйствовалъ контрастъ съ надменностью королевы и глупостью принца. Государь побѣдилъ представителей всѣхъ партій, и въ минуту его отъѣзда онъ пользовался громадной популярностью. Всѣ жалуются только, что его мало видѣли, и обвиняютъ въ этомъ королеву. Она ужасно ему надоѣла. Изъ семи дней она продержала его четыре въ Виндзорѣ: она заставила его провести одинъ скучный вечеръ при дворѣ, гдѣ она ему показала только уродливыхъ старухъ; въ оперѣ она посадила его за своимъ кресломъ, и онъ не смѣлъ двинуться впередъ, а она ему этого не предложила, такъ что публика была внѣ себя отъ гнѣва. Она платила по пятисотъ фунтовъ стерлинговъ за ложу и не видѣла своего царственного гостя. Вообще королева была постоянно надутой и угощала по вечерамъ отвратительной нѣмецкой музыкой, при чемъ ни на минуту не отпускала его отъ себя. Въ письмахъ изъ Лондона государя называютъ «скованнымъ орломъ». На свободѣ онъ былъ только въ Кесвикѣ, въ Кумберландѣ, гдѣ онъ посѣтилъ живописныя озера. Тамъ онъ вполне царилъ, и праздникъ вышелъ на славу. Ему представили все лондонское лучшее общество, и онъ былъ очарователенъ со старыми знакомыми и чрезвычайно любезенъ съ новыми. Съ Пальмерстономъ онъ обошелся очень милостиво, а Пиль и Абердинъ въ восторгѣ отъ него. Вообще все высшее общество и даже дворъ сохраняютъ о немъ самыя лучшія воспоминанія. Всѣ полученныя мною письма, которыя я переслала императрицѣ, выражаютъ это мнѣніе. Герцогиня Судерландъ пишетъ: «Императоръ великое созданіе Провидѣнія», а леди Пальмерстонъ выражается: «Мы нимало не хотѣли оскорбить императора польскимъ баломъ». Вообще этотъ балъ былъ большой неловкостью. Брунновъ отъ имени императора заявилъ желаніе взять сколько угодно билетовъ, но Дудлей Стюартъ ему въ этомъ отказалъ, дамы попечительницы потомъ прислали билеты Бруннову. Вышла какая-то каша, но все-таки балъ со-

стоялся, а императоръ выѣхалъ наканунѣ изъ Лондона. Кстати, я вамъ еще не передала, что онъ сказалъ моему племяннику Константину (Бенкендорфу), который явился къ нему въ Лондонъ: «Думаютъ, что я пріѣхалъ сюда для того, чтобы нарушить доброе согласіе, но это неправда. Я не пріѣхалъ, чтобы ссориться. Я не хочу ссоры, я не желаю ея, но она придетъ сама собой». Дѣйствительно онъ предложилъ королевѣ всѣхъ своихъ солдатъ и повторилъ эти слова многимъ англичанамъ. На прощаніе онъ далъ Бруннову ленту св. Александра, а его женѣ брилліантовъ на двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ, что по-моему лучше ордена св. Екатерины. Императоръ нашель, что она слишкомъ похожа на маленькую дѣвочку, но Бруннова онъ считаетъ великимъ человѣкомъ. Прибавлю еще, что англичане разочаровались въ красотѣ императора. Онъ показался имъ старымъ, утомленнымъ и скорѣе солдатомъ, чѣмъ аристократомъ. Но всѣ согласны, что онъ представляетъ замѣчательную фигуру по энергіи, силѣ и величію».

Спустя нѣсколько дней, княгиня Ливенъ добавила это характерное описаніе поѣздки императора Николая въ Лондонъ письмомъ лорда Абердина, который слѣдующимъ образомъ отзывался объ этомъ событіи: «Визитъ императора имѣлъ большой успѣхъ, всѣ классы общества въ восторгѣ отъ него. Какъ вы говорите, онъ, дѣйствительно, замѣчательный человѣкъ. Правда, я представлялъ себѣ его нѣсколько инымъ, но онъ произвелъ на меня еще лучшее впечатлѣніе. Онъ говоритъ очень хорошо, и каждое его слово звучитъ убѣжденіемъ; но, несмотря на его внушительную внѣшность, величественныя манеры и мужественный видъ, онъ возбуждаетъ какое-то странное меланхоличное чувство, происходящее, я полагаю, отъ особаго выраженія его глазъ. Нашимъ парижскимъ друзьямъ нѣтъ причины быть недовольными этимъ визитомъ, потому что я полагаю, что наше общее положеніе поправится, благодаря ему». Однако впоследствии, какъ сообщила княгиня Ливенъ въ началѣ ноября, Гизо узналъ, что Николай I дурно говорилъ въ Англіи о Франціи и выразилъ желаніе, чтобы между обоими правительствами установились самыя холодныя отношенія, если не открытая борьба. Дѣйствительно, осенью Лондонъ посѣтилъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Нессельроде, который, по словамъ княгини Ливенъ, дополнилъ, или, лучше сказать, исправилъ впечатлѣніе, оставленное императорамъ. «Онъ отозвался о французскомъ королѣ и его правительствѣ съ большей похвалой, прибавляетъ она, и совѣтовалъ, чтобы Англія устроила мирно всѣ свои пререканія съ Франціей, такъ какъ отъ хорошихъ отношеній между этими двумя странами зависитъ европейскій миръ. Вообще Нессельроде произвелъ прекрасное впечатлѣніе на всѣхъ въ Англіи». Объ императорѣ Николаѣ княгиня Ливенъ говоритъ еще въ своихъ письмахъ и раньше и послѣ его отъѣзда въ Лондонъ, но очень кратко и не сообщаетъ

о немъ ничего новаго. Такъ, упоминая о выстрѣлѣ, сдѣланномъ неизвѣстной личностью по эскорту императора при его проѣздѣ по улицамъ Познани въ 1843 году, она только заявляетъ, что это обстоятельство осталось невыясненнымъ, и хотя въ Петербургѣ ему придали трагическій смыслъ покушенія на жизнь императора и отслужили благодарственный молебенъ, а Нессельроде передалъ всѣ подробности покушенія французскому повѣренному въ дѣлахъ, Андрэ, но самъ Николай былъ очень этимъ недоволенъ и сдѣлалъ выговоръ за молебенъ.

Конечно, отъ писемъ русской дипломатки можно было ожидать любопытныхъ свѣдѣній о Меттернихѣ и Гизо, такъ какъ романъ ея съ первымъ отличался пламеннымъ, страстнымъ характеромъ и долго продолжался, а трогательная идиллія съ послѣднимъ только окончилась ея смертью, когда ей было 73 года, а ему 70 лѣтъ. Но о Гизо она только упоминаетъ, какъ о необходимой принадлежности своей жизни, и очень рѣдко распространяется объ его политической дѣятельности или домашней жизни. Такъ въ 1844 году, когда онъ былъ первымъ министромъ, она гордо замѣчаетъ: «Я надѣюсь и увѣрена, что онъ выйдетъ съ честью изъ всѣхъ затрудненій», а, три года спустя, въ самый разгаръ избирательной агитаціи во Франціи она пишетъ: «Гизо очень занятъ и, по его словамъ, съ большой пользой; я готова съ этимъ согласиться только, чтобы онъ не рассказывалъ мнѣ про свои подвиги. Я ничего не понимаю во внутреннихъ дѣлахъ, и они мнѣ ужасно надоѣдаютъ». Что касается Меттерниха, который занималъ прежде такое же мѣсто въ ея сердцѣ и жизни, какъ Гизо впоследствии, княгиня Ливенъ въ своихъ письмахъ къ Барангу отзывалась колко, ядовито, даже презрительно. Напримѣръ, говоря о поѣздкѣ англійской королевы во Францію въ 1843 году, она замѣчаетъ: «Меттернихъ, всегда все предвидѣвшій, все предсказывавшій и все совѣтовавшій, ничего въ этомъ случаѣ не видѣлъ, не предсказалъ и не присовѣтовалъ, а его вполне застала врасплохъ «фантазія дѣвченки», какъ онъ выражается». Вскорѣ послѣ этого она объявляетъ, что «Абердинъ очень друженъ съ Россіей, расположенъ къ Франціи, бранитъ Пруссію и въ грошъ не ставитъ теперешняго Меттерниха». Когда же революція 1848 года заставила ея обоихъ кумировъ прошедшаго и настоящаго бѣжать въ Англію, то она писала изъ Лондона: «Князь Меттернихъ болтаетъ и вретъ передъ очень ограниченной аудиторіей, потому что въ Лондонѣ никто не любитъ нарушать своихъ привычекъ, и только немногіе иностранцы посѣщаютъ его по вечерамъ. Онъ все говоритъ о себѣ, но очень тихо, очень долго. Онъ совершенно оглохъ, въ сущности онъ всѣмъ надоѣлъ». Къ этому она считаетъ своимъ долгомъ прибавить: «Гизо много выѣзжаетъ, всѣ приглашаютъ его къ обѣду, и всѣ желаютъ его видѣть; вотъ онъ такъ никому не надоѣдаетъ». По простествіи

нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она снова пишетъ изъ Брайтона: «Я вижу Меттерниха и его жену ежедневно. Хотя она толстая, вульгарная женщина, но добрая, простая, и съ ней легко ужиться. Онъ же надменный, самодовольный болтунъ, и его безконечная, тяжелая, метафизическая, постоянно себя выхваляющая, болтовня навѣваетъ скуку за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ говоритъ и, признаюсь, очень занимательно о Наполеонѣ».

Мальвида фонъ-Мейзенбургъ, о «Мемуарахъ»¹⁾ которой уже упоминалось въ «Историческомъ Вѣстникѣ»²⁾, очень рельефно рисуетъ въ своей книгѣ благородную, человѣчную фигуру Герцена и ея отношенія къ нему, какъ воспитательницы его дочерей. Хотя въ своихъ воспоминаніяхъ нѣмецкая идеалистка часто пускается въ длинныя, туманныя, скучныя псевдо-философскія разсужденія, но все, что она говоритъ о Герценѣ, живо, ясно и глубоко симпатично. Конечно, наибольшій интересъ возбуждаютъ приводимые ею разговоры съ нимъ и его письма къ ней, а потому нелишне познакомить съ ними читателей.

Впервые идеалистка, какъ называетъ себя авторъ этихъ мемуаровъ, увидѣла Герцена въ Лондонѣ въ 1848 году у нѣмецкаго эмигранта Кинкеля. Прежде явился сынъ Герцена, пишетъ она, и я смотрѣла на него съ восторгомъ, такъ, какъ онъ былъ въ расцвѣтѣ юности и красоты. Затѣмъ вошелъ въ комнату Герценъ. Онъ былъ плотный, коренастый мужчина съ черными волосами и бородой, крупными славянскими чертами лица и удивительными глазами; я никогда не видала, чтобы у когонибудь глаза такъ выражали все движенія души, какъ у Герцена. Мы его представили, и у насъ завязалась живая бесѣда; я нашла въ немъ тотъ же блестящій, пронизательный умъ, которымъ дышала прочитанная мною его книга «De l'autre rive», и еще поразительную силу діалектики. По странной случайности высказанныя имъ мнѣнія совпадали съ моими, но когда подали послѣ чая по англійскому обычаю сандвичи и вино, а я, поднявъ рюмку, сказала Герцену «да здравствуетъ анархія», то онъ чокнувшись отвѣчалъ съ улыбкой: «я этого не говорилъ». Потомъ она встрѣтилась съ нимъ на публичной лекціи Кинкеля и на похоронахъ одной нѣмецкой эмигрантки. Въ послѣднемъ случаѣ онъ подошелъ къ ней и, взявъ ее за руку, съ волненіемъ сказалъ: «нѣтъ еще года, какъ я стоялъ на краю могилы съ моими сиротками». Спустя нѣсколько времени, г-жа Мейзенбургъ получила письмо отъ Герцена, который зная, что она занималась воспитаніемъ дѣтей, просилъ у нея совѣта, какъ

¹⁾ Memoires d'une idealiste, par Malvida de Meisenbug. 2 vol. Paris. 1900.

²⁾ Заграничныя историческія новости и мелочи: Мемуары идеалистки. «Историч Вѣстникъ», октябрь 1900 года.

организовать жизнь его двухъ маленькихъ дочерей, которыхъ онъ выписалъ изъ Парижа, гдѣ онѣ находились со смерти матери у знакомыхъ. Онъ не хотѣлъ отдать ихъ въ пансіонъ, такъ какъ питалъ отвращеніе къ лицемѣрью англійской жизни, и приглашалъ г-жу Мейзенбургъ давать уроки его старшей дочери. Она согласилась, такъ какъ у нея оставалось свободное время отъ даваемыхъ уже уроковъ, и, высказывая на письмѣ свое согласіе, она прибавила, что съ удовольствіемъ постарается, занимаясь съ его дѣтьми, которыхъ онъ, повидимому, такъ любитъ, хотя нѣсколько уменьшить горечь его печальной жизни.

«Ваша дружба напоминаетъ мнѣ мою молодость», отвѣчалъ Герценъ, «эта дружба активная и единственно истинная. Я понимаю только такую дружбу и практикую ее. Пассивную дружбу можно встрѣтить всюду: въ товариществѣ, въ сотрудничествѣ, въ заговорахъ, масонствѣ и политическихъ связяхъ, но все это отвлеченно и туманно. Горячо благодарю васъ за то, что вы напомнили мнѣ о существованіи болѣе личнаго и человѣчнаго сочувствія въ васиш *hogendum*, которымъ окружаетъ насъ міръ. Вѣрьте мнѣ, что, несмотря на мои манеры Фальстафа, нѣтъ чувства, какъ бы оно утончено ни было, которое не нашло бы отклика въ моемъ сердцѣ». «Спустя нѣсколько дней,—разсказываетъ Мейзенбургъ,—Герценъ привелъ ко мнѣ свою старшую дочь, дѣвочку лѣтъ семи, отличавшуюся оригинальной красотой: у нея былъ странный типъ, настоящій русскій типъ, по словамъ ея отца. Ея прекрасные глаза выражали въ одно и то же время энергію и задумчивую мягкость. Она сразу побѣдила мое сердце, а также меня тронула та истинно материнская вѣжность, съ которою отецъ обращался съ нею. «Я долженъ быть нянькой»,—говорилъ онъ. На другой день я отправилась къ Герцену. Онъ нанялъ отдѣльный домъ на одномъ изъ большихъ лондонскихъ скверовъ. Въ первой комнатѣ я увидѣла нѣмецкую няньку, занятую шитьемъ, а рядомъ съ нею сидѣли въ большомъ креслѣ моя вчерашняя знакомая и прелестная двухлѣтняя дѣвочка. Черезъ минуту явился Герценъ и повелъ меня по всему дому. Онъ отличался простотой, но удобствомъ; сынъ помѣщался отдѣльно со своими учителями, а дѣвочки находились на попеченіи у няни, повидимому, образованной особы. Такимъ образомъ начались мои уроки со старшей дочерью, а послѣ этихъ уроковъ Герценъ часто звалъ меня въ свой кабинетъ и знакомилъ съ русской литературой, переводя Пушкина, Лермонтова и Гоголя съ очень интересными комментаріями насчетъ русскихъ обычаевъ и характеровъ».

Однажды онъ пригласилъ наставницу своей дочери на вечеръ, чтобы познакомиться со знаменитымъ итальянскимъ агитаторомъ Мадзини, и на этомъ вечерѣ произошелъ между Мадзини съ одной стороны и Герценомъ и Ореліо Саффи, также итальянскимъ эми-

грантомъ, съ другой, любопытный политическій споръ. Первый горячо защищалъ догматъ революціоннаго долга, обязывавшаго его адептовъ вести постоянную пропаганду дѣйствіемъ, и гнѣвно нападалъ на скептицизмъ, который довольствовался однимъ отрицаніемъ. Напротивъ Герценъ съ своей изумительной діалектикой приводитъ безконечные примѣры неспособности революціонной партіи къ дѣйствію и вмѣстѣ съ Ореліо Саффи утверждалъ, что тогда слѣдовало только протестовать противъ существовавшихъ порядковъ и отрицать старый міръ съ его отжившими политическими, релігіозными и социальными формами. Вскорѣ послѣ этого вечера г-жа Мейзенбургъ перебралась на лѣто въ Бродстэрси на берегу моря у самаго устья Темзы, и Герценъ обѣщалъ переѣхать туда съ дѣтьми или во всякомъ случаѣ прислать ихъ туда съ няней. Но время шло, а дѣти не являлись, и на письмо съ просьбой поспѣшить пріѣздомъ получился слѣдующій отвѣтъ: «Вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, котораго судьба преслѣдуетъ даже въ мелочахъ. Я, право, не знаю, когда мы будемъ въ состояніи пріѣхать къ вамъ: мой сынъ боленъ, а дѣвочекъ я не могу прислать съ няней, потому что она нужна въ домѣ. Вы, однако, надняхъ получите мой ультиматумъ. Прочитавъ ваше письмо, я сказалъ себѣ: и ты Брутъ? Я думалъ, что вы меня знаете лучше всѣхъ въ Лондонѣ, и однако вы также полагаете, что мнѣ необходимы кофейная Вэри, ресторанъ на Пикадилли, Риджентская улица, толпа, болтовня. Правда, кромѣ этого, у меня нѣтъ ничего. Но вы знаете мою жизнь: она разбитая, мрачная, похожая на старинный дворецъ, въ которомъ можно жить только въ одной комнатѣ. Что привязываетъ меня къ жизни? Я люблю только одно въ жизни и люблю до фанатизма—это мою независимость. Но вѣдь у себя, на берегу моря, вы не будете меня тиранить? Я еще люблю моихъ дѣтей, но вѣдь и они со мною тамъ будутъ. Нѣтъ, вы не правы, что обо мнѣ такъ судите. Я зналъ жизнь широкую, жизнь увлеченія и счастья, но это *tempi passati*. Для меня осталось одно въ жизни—бороться, и я буду бороться. Борьба—вотъ моя поэзія. Все остальное для меня безразлично; а вы думаете, что мнѣ лучше жить въ Лондонѣ, чѣмъ въ Бродстэрси. Однажды я сказалъ вамъ, что вы одинъ человѣкъ, съ которымъ я говорю по душѣ не только объ общихъ вопросахъ, что я дѣлаю со всѣми, кого уважаю, но и о личныхъ моихъ дѣлахъ. Это удовольствіе, я полагаю, удовлетворяетъ въ значительной степени за отсутствіе другихъ удовольствій».

Все-таки Герцены не пріѣхали на морской берегъ, и г-жа Мейзенбургъ получила одно за другимъ два письма. Въ первомъ ея новый другъ писалъ между прочимъ: «Боже мой, какъ вы еще молоды сердцемъ. Все, что вы мнѣ пишете, я знаю по воспоминаніямъ. Я также родился въ Аркадіи, но во мнѣ исчезли молодость и свѣжесть. Вы идете впередъ, а я назадъ. Мнѣ остается

единственное утѣшеніе—любовь къ труду. Въ этомъ отношеніи я остался молодъ и сохранилъ свой прежній пылъ». Второе письмо еще интереснѣе и характеристичнѣе: «Я получилъ извѣстіе изъ Россіи о пріѣздѣ одного существа, которое я ожидалъ съ замираніемъ сердца, но вчера я узналъ, что этотъ визитъ отложенъ. Потомъ въ «Morning Advertiser» напечатана статья, въ которой говорится о Бакунинѣ, какъ о русскомъ шпионѣ. Слѣдовало дать хорошую головомойку Ф. М., подписавшему эту статью, и отвѣтить на его отвѣтъ. Наконецъ я долженъ былъ принять участіе въ очень непріятныхъ полемикахъ. По всѣмъ этимъ причинамъ я не былъ расположенъ писать любезности, и вы такъ долго не получали отъ меня извѣстія. Вы говорите о самоубійствѣ. Нельзя отправить себя на тотъ свѣтъ вслѣдствіе логическаго разсужденія. Пуля не силлогизмъ. Однажды въ жизни я думалъ о самоубійствѣ, но никто объ этомъ не зналъ. Я краснѣю въ этомъ сознаться и поступить, какъ негодяи, которые эксплуатируютъ самоубійство. Я не чувствую въ себѣ такихъ сильныхъ страстей, которыя довели бы меня до такой крайности. Я даже ощущаю проницательное любопытство увидѣть, какой оборотъ примутъ дѣла. Два года тому назадъ я написалъ, посвящая одно свое сочиненіе другу: «Я ничего не жду для себя; ничто не можетъ причинить мнѣ ни большой радости, ни большого горя. Я достигъ такого равнодушія, такой покорности судьбѣ, такого скептицизма, что я переживу всѣ удары судьбы, хотя не желаю ни жить долго, ни умереть скоро. Конецъ придетъ такъ же, какъ пришло начало, безъ разумной причины, безъ предупрежденія. Я не хотѣлъ бы ни ускорить его, ни бѣжать отъ него». Эти слова искренно выражали мои мысли. Обдумайте ихъ. Вы могли бы меня упрекать за мое утомленіе, если бы я жаловался, но я никогда не жалуясь, исключая тѣхъ случаевъ, когда дружеская рука прикасается къ моей ранѣ. Обыкновенно я говорю только о революціяхъ, о демократическихъ комитетахъ Милана Америки, Молдавіи и т. д. Многіе считаютъ меня счастливѣйшимъ человекомъ на свѣтѣ, на примѣръ, Г. и К. Другіе, именно всѣ поляки, видя меня задумчивымъ, приписываютъ мою задумчивость самолюбію. Бываютъ минуты, когда въ моемъ сердцѣ клокочетъ буря, когда чувствуешь желаніе имѣть друга, пожать руку, вызвать на глазахъ слезу. Тогда я выхожу на улицу. Я люблю Лондонъ ночью, и я хожу, хожу безъ конца. Надняхъ вечеромъ я дошелъ до Ватерлооскаго моста. Я былъ одинъ и сѣлъ на скамейку. На сердцѣ у меня было такъ тяжело, какъ можетъ быть только у сорокалѣтняго юнца. Но это продолжалось недолго. Вино для меня даръ неба, и стаканъ вина заставляеть меня очнуться. Но довольно объ этомъ предметѣ, вы можете прочесть все это въ любомъ романѣ».

Возвратясь осенью въ Лондонъ, Мальвида Мейзенбургъ возобновила свои уроки въ домѣ Герцена, и однажды, зайдя къ нему

вечеромъ, она застала его въ столовой съ дочерью. Онъ показался ей очень печальнымъ и мрачнымъ, а когда она распростилась, то онъ проводилъ ее до наружной двери и вдругъ заплакалъ, говоря: «Въ моемъ домѣ полный беспорядокъ; вокругъ меня какія-то развалины; будущность дѣтей меня пугаетъ. Право, я этого не заслужилъ. Дайте мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать?» Добрая наставница пришла въ большое волненіе и обѣщала подумать. Въ этотъ же вечеръ она написала Герцену длинное письмо и предложила ему принять совершенно на себя воспитаніе его дѣтей, но какъ другъ дома, а не какъ наемница-гувернантка, и съ полнымъ правомъ поступать, какъ она находила нужнымъ. Не имѣя же денежныхъ средствъ и не желая получать жалованье, она выговорила на покрытіе своихъ необходимыхъ расходовъ нѣсколько свободныхъ часовъ въ недѣлю для уроковъ въ чужихъ домахъ. Герценъ отвѣчалъ полнымъ согласіемъ. «Я самъ,—прибавлялъ онъ,—хотѣлъ давно предложить вамъ эту комбинацію, но меня останавливалъ страхъ людей и зависимости. Я боюсь всѣхъ, даже васъ. Но сдѣлаемъ опытъ. Вы мнѣ оказываете величайшую услугу, спасая дѣтей. У меня нѣтъ педагогическихъ способностей; я это знаю и не тѣшу себя никакими иллюзіями. Но я готовъ помогать вамъ и дѣлать все, что вы найдете нужнымъ».

Такимъ образомъ началась жизнь Мальвиды Мейзенбургъ въ домѣ Герцена въ качествѣ полной хозяйки и второй матери его дѣтей. Онъ самъ ни во что не вмѣшивался, удалилъ няню, несмотря на любовь къ ней дѣтей, потому что она пыталась противодействовать новой хозяйкѣ, и даже положилъ предѣлъ наплыву своихъ русскихъ и польскихъ друзей, назначивъ для ихъ пріема одинъ день въ недѣлю, такъ какъ иначе они не давали возможности установить порядокъ въ семейной и домашней жизни. Однако, едва все устроилось и устроилось прекрасно, по словамъ организаторши всѣхъ этихъ реформъ, какъ Герценъ подъ вліяніемъ одного русскаго эмигранта Энгельсона сталъ находить, что система воспитанія, которой придерживалась Мейзенбургъ, не была достаточно серьезна и строга. У нихъ состоялось по этому случаю объясненіе при Энгельсонѣ, и послѣдній тотчасъ согласился съ правильностью доводовъ наставницы, а Герценъ написалъ ей въ ту же ночь слѣдующее письмо:

«Я хочу поговорить съ вами о вчерашнемъ нашемъ спорѣ. Споры ни къ чему не ведутъ: горячишься, сердитшься, самолюбіе раздражается, и наговоришь то, что вовсе не хотѣлъ. Позвольте мнѣ сказать прежде всего и совершенно искренно, что вполне согласенъ съ вами и съ Энгельсономъ насчетъ того, въ чемъ вы меня упрекаете по вопросу о воспитаніи. Я очень хорошо знаю свои недостатки и стараюсь исправиться, но это нелегко. Я также согласенъ съ вами теоретически и практически во всемъ, что касается нравственнаго воспитанія и обученія дѣтей, а потому из-

лишне говорить объ этомъ. Вы сдѣлали намъ неоцѣнимую услугу, очистивъ окружающую насъ атмосферу и введя элементъ здоровья и независимости, который удивительно хорошо вліяетъ на дѣтей. Я это вполне признаю и высоко цѣню. Остается внѣшняя сторона воспитанія, такъ сказать, дрессировка. Конечно, это вопросъ второстепенный, но онъ имѣетъ характеръ эстетической и общественной необходимости. Въ этомъ отношеніи я нахожу, что вы не такъ искусны, какъ въ остальномъ. А знаете—почему? Потому что вы не болѣе меня знаете практическую жизнь, потому что мелочныя подробности жизни не только врагъ, но и непреодолимая преграда для тѣхъ, которые всегда жили въ мірѣ идей, въ сферѣ теорій и не одарены способностью къ администраціи, къ проявленію власти. Будьте откровенны и сознайтесь, думали ли вы когда нибудь о дрессировкѣ? Вы такъ же, какъ и я, не обращаете никакого вниманія на эту сторону воспитанія, и однако безъ дисциплины нѣтъ ни безопасности, ни послушанія, ни возможности заботиться о здоровьѣ и предупреждать опасности. Вы меня упрекаете, что я слишкомъ рѣзко пристаю къ дѣтямъ, а я обвиняю васъ въ томъ, что вы вынуждаете меня на это. Вы говорите, что потомъ дѣлаете имъ выговоръ; можетъ быть, но вы иногда этого не замѣчаете, потому что вы не придаете значенія такимъ мелочамъ. Дѣти васъ любятъ, а Ольга васъ обожаетъ. Отчего же ихъ послушаніе не всегда соотвѣтствуетъ ихъ привязанности къ вамъ? Я вамъ откровенно скажу причину этого явленія. Вы не умѣете приказывать и постоянно поддерживать свой авторитетъ. Энгельсонъ указалъ мнѣ на это, и его замѣчанія возбудили нашъ споръ, такъ какъ я предложилъ ему переговорить съ вами; но онъ не только не отвергалъ вашихъ доводовъ, но соглашался съ вами, и я не могъ не высказать свои замѣчанія, хотя они не мои, а Энгельсона. Въ нихъ слышится голосъ практической жизни. Вы взяли на себя громадную задачу: воспитывать дѣтей—это постоянный подвигъ покорнаго самопожертвованія. Кромѣ того, съ матеріальной стороны надо имѣть къ этому настоящее призваніе. Вотъ причина, почему я не хотѣлъ самъ ничего вамъ предложить, а ждалъ, пока вы сами сдѣлаете въ этомъ отношеніи первый починъ. Я зналъ, какую вы возьмете на себя тяжелую обузу, тѣмъ болѣе, что вы, быть можетъ, тѣшили себя иллюзіями на мой счетъ. На словахъ и въ романахъ люди, остающіеся вѣрными своимъ несчастіямъ и не сворачивающіе со своего пути отъ претерпѣваемыхъ страданій, а терпѣливо переносящіе всѣ удары судьбы,—очень интересны, но въ сущности это не такъ. Они подвергнуты своего рода болѣзнямъ, а всѣ болѣзны одинаково капризны и непріятны. Протянувъ мнѣ дружескую руку и взявшись за воспитаніе моихъ дѣтей, вы имѣли двоякую цѣль. Вы часто мнѣ повторяли, что хотѣли исцѣлить меня самого. Я понимаю ваше желаніе и очень благодаренъ вамъ за всѣ доказатель-

ства вашей истинной, благотворной дружбы. Но вы въ этомъ не успѣли, и тогда вы поняли, что, исключая общаго сочувствія ко всему, что намъ обоемъ дорого и свято, а также личныхъ взаимныхъ симпатій, мы находимся на противоположныхъ полюсахъ. Я стараюсь сохранить при себѣ своихъ дѣтей, единственный остатокъ поэзіи въ моемъ сердцѣ. Я работаю, я читаю «Times» и сердечно люблю своихъ истинныхъ друзей, въ числѣ которыхъ находитеcь вы, но они не могутъ меня измѣнить. Если бы еще вы не представляли никакихъ требованій къ жизни, то мы оба могли бы существовать, какъ выброшенные моремъ на необитаемый островъ жертвы кораблекрушенія, но вы имѣете права на счастье и желанія, подлежащія удовлетворенію, такъ какъ передъ вами разстилается будущее. Неужели вы считаете меня такимъ эгоистомъ, что я не страдаю въ душѣ, думая о той невыносимой жизни, которую вы ведете подъ моимъ проклятымъ кровомъ? Я тѣмъ болѣе страдаю, что не могу измѣнить этой жизни, не могу безъ лицемѣрія сдѣлать мое существованіе другимъ. Думали ли вы обо всемъ этомъ, подвергая себя такой каторгѣ? Нѣтъ. Все это мнѣ очень тяжело, вѣрьте мнѣ».

Г-жа Мейзенбургъ также письменно отвѣчала Герцену, и, по ея словамъ, онъ обладалъ одной изъ тѣхъ прекрасныхъ натуръ, въ душѣ которыхъ искреннее слово разсѣиваетъ всѣ облака недоразумѣнія и сомнѣнія, временно затмевающія ихъ нравственный небосклонъ, и которыя быстро возвращаются къ довѣрью. Поэтому, прочитавъ ея письмо, въ которомъ она еще разъ повторяла свою теорію воспитанія добромъ, а не насиліемъ, и увѣренность въ ея конечномъ, хотя медленномъ успѣхѣ, но предлагала прервать начатую тяжелую работу, если не сумѣла возбудить къ себѣ полного довѣрія, онъ согласился, что она была права, а его химеры не имѣли никакого основанія. Между ними возстановилось полное довѣріе, и какъ воспитаніе, такъ и домашняя жизнь пошли своимъ заведеннымъ порядкомъ, спокойно, мирно, счастливо, въ Ричмондѣ, гдѣ Герценъ жилъ лѣтомъ и зимою. Занимаемый Герценомъ домъ былъ очень удобный, а жизнь въ немъ установилась самая правильная и аккуратная. Онъ вставалъ рано и работалъ, во время чего не любилъ, чтобы ему мѣшали, поэтому утромъ къ нему никого не пускали. Одинъ французскій эмигрантъ, Доманже, занимался съ его сыномъ, а г-жа Мейзенбургъ отдавала свое время его дочерямъ, кромѣ нѣсколькихъ часовъ въ недѣлю, посвященныхъ на изученіе русскаго языка, съ цѣлью не оторвать совершенно дѣтей отъ ихъ національной почвы. «За утреннимъ завтракомъ и обѣдомъ,—говоритъ она,—а также по вечерамъ мы всѣ собирались вмѣстѣ, и бесѣды Герцена доставляли каждому изъ насъ громадную пользу. Его умъ вѣчно юный и въ движеніи былъ неизсякаемымъ источникомъ жизни. Послѣ того, какъ дѣвочки ложились спать,

онъ читалъ своему сыну и мнѣ. Прежде всего онъ познакомилъ юношу съ Шиллеромъ и въ особенности съ лучшимъ его произведеніемъ «Валленштейномъ». Отрадно было видѣть, какъ въ эти минуты Герценъ всецѣло отдавался сыну, и какъ, несмотря на все его увѣренія, что онъ не имѣетъ педагогическаго таланта, онъ умѣлъ передавать юному сердцу одушевлявшую его искру жизни, зажигая въ немъ то пламя энтузіазма, которое служитъ лучшимъ воспитаніемъ. Въ эти минуты онъ заставлялъ молчать свой скептицизмъ, забывая всякую политическую полемику, и въ немъ говорилъ художникъ и эстетикъ. Мнѣ казалось, что ничто не могло лучше развить юный умъ, какъ подобныя бесѣды».

Однако, счастливая, спокойная жизнь въ домѣ Герцена недолго продолжалась. Неожиданная смерть императора Николая I произвела глубокой переворотъ въ существованіи Герцена. По словамъ г-жи Мейзенбургъ, «онъ сталъ надѣяться, что новый государь будетъ склоненъ къ либеральнымъ идеямъ и въ виду политическаго положенія, созданнаго Крымской войной, освободитъ крестьянъ, а затѣмъ проведетъ другія необходимыя реформы. Быть можетъ, въ душѣ Герцена возникла мысль о скорой возможности возвратиться въ Россію, которую онъ тѣмъ болѣе любилъ, что видѣлъ на западѣ повсемѣстную апатію». Чтобы придать внѣшнюю форму своей твердой вѣрѣ въ новую жизнь родины, онъ сталъ издавать въ Лондонѣ русскій ежемѣсячный журналъ «Полярная Звѣзда» и принялъ впервые участіе въ публичномъ митингѣ по случаю годовщины революціи 1848 года, на которомъ произнесъ или вѣрнѣе прочиталъ блестящую рѣчь о благотворныхъ послѣдствіяхъ Крымской войны для Россіи. При этомъ не лишне замѣтить, что Герценъ, прекрасно и свободно говорившій въ дружескомъ кружкѣ, не могъ по какой-то странной застѣнчивости говорить публично, а потому очень рѣдко появлялся на митингахъ и вынужденъ былъ, подобно Мадзини, читать свои рѣчи. Сначала усиленная политическая и журнальная дѣятельность Герцена не нарушала порядка его домашней жизни, и онъ продолжалъ жить въ Ричмондѣ. «Вы видите,—сказалъ онъ однажды г-жѣ Мейзенбургъ,—что вы хорошо сдѣлали, оставшись у насъ и не испугавшись первыхъ затрудненій. Русская дама, о которой я вамъ говорилъ, не можетъ пріѣхать сюда. Она вышла замужъ и обзавелась своимъ домашнимъ очагомъ. Супружеская чета составляетъ отдѣльный міръ и не можетъ заниматься чужой семьей. Останемся вмѣстѣ, будемъ попрежнему работать и постараемся побороть злую судьбу».

Но мало-по-малу стали чувствительны удары этой судьбы. Во-первыхъ, Герценъ разстался со своимъ другомъ Энгельсономъ, который не могъ помириться съ тѣмъ, что статьи Герцена имѣли громадный успѣхъ, а его серьезныя, но скучныя разсужденія не обращали на него никакого вниманія, и потому возбуждалъ одну скан-

дальнюю сцену за другой. Во-вторыхъ, пришлось снова поселиться въ Лондонѣ, такъ какъ сынъ Герцена началъ работать въ химической лабораторіи профессора Гофмана, а старшей дочери, Натальѣ, потребовались уроки, которыхъ уже не могла давать г-жа Мейзенбургъ. Наконецъ, грянула гроза, перевернувшая все вверхъ дномъ въ счастливомъ домѣ, который нѣмецкій эмигрантъ Кинцель называлъ маленькимъ раемъ. Безъ всякаго предупрежденія явились въ Лондонъ товарищъ дѣтства Герцена, поэтъ Огаревъ, и его жена, другъ первой жены Герцена, жившая прежде съ ними за границей и которой, по желанію покойницы, онъ до послѣдняго времени хотѣлъ поручить воспитаніе своихъ дѣтей. Съ появленіемъ этого новаго элемента, домашняя жизнь Герцена совершенно измѣнилась. Огарева смотрѣла на занимавшую предназначенное ей когда-то мѣсто г-жу Мейзенбургъ, какъ на гувернантку, а не какъ на вторую мать сиротокъ, вмѣшивалась не только во всѣ хозяйственныя мелочи, но и въ воспитаніе дѣтей, и главное старалась все поставить на новую, русскую ногу. Конечно, это не правилось прежней неограниченной распорядительницѣ, но она всячески пыталась мирно уладить всѣ недоразумѣнія и столкновенія, прося Герцена энергично поддержать ея авторитетъ и установленный порядокъ. Но, по ея словамъ, онъ, какъ типичный, слабохарактерный русскій человекъ, не хотѣлъ оскорбить ни той, ни другой стороны своимъ вмѣшательствомъ и со дня на день откладывалъ объясненіе съ Огаревой въ надеждѣ, что какимъ нибудь способомъ все уладится. Наконецъ видя, что двойственное вліяніе ея и г-жи Огаревой пагубно дѣйствуетъ на дѣтей, въ особенности на старшую дочь Герцена, г-жа Мейзенбургъ объявила ему, что въ домѣ не могутъ управлять два лица, и чтобы онъ выбралъ одну изъ нихъ. Онъ отвѣчалъ со своей обычной мягкой добротой и обѣщалъ все устроить, но черезъ нѣсколько дней, уѣзжая изъ дома до вечера по какому-то дѣлу, онъ написалъ ей, что она права, и ихъ разлука необходима, но онъ просилъ позволенія обставить это разставаніе торжественнымъ образомъ. Г-жѣ Мейзенбургъ было не до блестящихъ проводовъ, и она тотчасъ тайно покинула домъ, увѣдомивъ объ этомъ Герцена и Огареву. На другой день она получила отъ Герцена слѣдующее письмо:

«Дорогой другъ.

«Со слезами я прочиталъ ваше письмо. Нѣтъ, конечно, не такъ слѣдовало намъ разстаться. Но если вы такимъ образомъ уменьшили горечь тяжелаго испытанія, то да будетъ по-вашему. Но наше разставанье не должно быть разрывомъ. Огаревъ и Александръ снесутъ вамъ это письмо и выскажутъ вамъ, какъ неограниченно я васъ уважаю, и какъ дружески я вамъ преданъ. Съ одной стороны вы правы: безмолвное прощаніе съ дѣтьми, изъ

любви къ которымъ вы переступили порогъ моего несчастнаго дома, имѣть нѣчто величественное. Я принимаю ваши благословленія для моихъ дѣтей, но для себя прошу вашей дружбы.

«Вашъ братъ и другъ А. Герценъ».

Приводя это письмо, г-жа Мейзенбургъ замѣчаетъ: «Я прочла это письмо съ глубокимъ волненіемъ и острой горечью. Почему его дружба не могла найти болѣе дѣйствительнаго и энергичнаго выхода, чтобы спасти то, что было навсегда потеряно? Почему люди самые лучшие и самые достойные только игрушки въ рукахъ случайности, перерѣзывающей имъ дорогу и заставляющей ихъ уклоняться отъ прямого, вѣрнаго пути?»

Добрая женщина, безкорыстно посвятившая три года воспитанію чужихъ дѣтей, которыхъ она любила всею душою, была тѣмъ болѣе въ отчаяніи отъ разлуки съ ними, что предвидѣла, какъ несчастны они будутъ безъ нея. Когда же она по наведеннымъ справкамъ убѣдилась, что дѣйствительно обѣ дѣвочки влекутъ несчастное существованіе безъ нея, она забыла объ оскорбленномъ самолюбіи и написала Огаревой, что согласна вернуться въ домъ и не вмѣшиваться ни во что, кромѣ воспитанія дорогихъ ей дѣтей. Но вмѣсто Огаревой ей отвѣчалъ самъ Герценъ: «Да, вы правы, на этой почвѣ, на почвѣ безкорыстной честной дружбы мы всѣ будемъ согласны между собою. Вы приносите намъ жертву; злой рокъ причинилъ эту ссору и нарушилъ спокойствіе нашей семейной жизни. Никто въ этомъ не виноватъ. Мы всѣ были искренни, но среди насъ раздалась фальшивая нота, уничтожающая гармонию. Я хотѣлъ устроить наше разставаніе торжественнымъ образомъ. Я вамъ это предложилъ, но вы не хотѣли. Вашъ быстрый отъѣздъ сдѣлалъ невозможнымъ осуществленіе моей мысли, но слава общаго примиренія принадлежитъ вамъ. Я много думалъ о вашемъ предложеніи. Нѣтъ, совместная жизнь только растравитъ едва закрывшіяся раны, но будемъ продолжать наши русскіе переводы здѣсь или гдѣ вамъ угодно. Вы вездѣ найдете во мнѣ преданнаго вамъ брата. Прощайте. Ну, господа клеветники? Дружба взяла верхъ».

Хотя дѣйствительно дружба взяла верхъ, но самопожертвованіе со стороны Мейзенбургъ принималъ все большіе и большіе размѣры, не доставляя ей никакого удовлетворенія, такъ какъ посѣщенія дѣтей Герцена, чтобы ихъ несовершенно отучить отъ себя, увеличивали ея горькое настроеніе, убѣждая ее, что дорогія ея сердцу дѣти, въ особенности маленькая Ольга, получаютъ совершенно противоположное ея желаніямъ воспитаніе. Но дѣлать было нечего, ей приходилось только издали слѣдить за ними въ ожиданіи, что, быть можетъ, такъ или иначе ей случайно удастся дополнить начатое ею дѣло ихъ нравственнаго развитія. Съ этой

цѣлью она продолжала свои сношенія съ Герценомъ, которыя интересовали ее и сами по себѣ помимо ея дружбы къ нему и нѣжнаго чувства къ его дѣтямъ. Издавая, кромѣ своего журнала и многихъ отдѣльныхъ брошюръ, газету «Колоколь», онъ въ это время всецѣло предался одной мысли пропагандировать всѣми средствами идею объ освобожденіи крестьянъ. «При этомъ Герценъ, говоритъ г-жа Мейзенбургъ, не имѣлъ революціонной программы. Онъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы требовать для Россіи рѣзкаго насильственнаго переворота. Его программа состояла изъ четырехъ статей: 1) освобожденіе крестьянъ съ землей, 2) уничтоженіе предварительной цензуры, 3) прекращеніе тайныхъ слѣдствій съ ихъ результатами и 4) отмена тѣлеснаго наказанія. По его словамъ, всѣ эти реформы не имѣли въ себѣ ничего, напоминавшаго Робеспьера или Марата, и вообще онѣ не могли никого пугать, а должны были мирно содѣйствовать превращенію Россіи въ образованное государство. Въ это время Герценъ былъ далеко не доктринернымъ революціонеромъ и ненавидѣлъ всѣ теоретическія доктринерныя разсужденія, какъ республиканцевъ, такъ и монархистовъ. Ему все равно была форма правительства, а онъ желалъ только, чтобы оно даровало свободу въ какомъ угодно видѣ. По его словамъ, времена демагогіи прошли, и миновала эра великихъ революціонныхъ движеній. «Мы вступили въ новую эпоху либеральныхъ реформъ, писалъ онъ, а всѣ разсужденія доктринерныхъ республиканцевъ принадлежатъ прошедшему и кажутся мнѣ допотопными».

Но среди этихъ политическихъ заботъ Герценъ не забывалъ, что г-жа Мейзенбургъ была вѣчно къ его услугамъ, когда дѣло шло о воспитаніи дорогихъ ей дѣтей, и какъ только Огарева уѣхала на берегъ моря для своего здоровья, то онъ предложилъ ей занять свое прежнее мѣсто въ его домѣ. Она охотно на это согласилась, и пока семья жила вдали отъ Огаревой, то все шло, какъ по маслу, и дѣти стали привыкать къ прежней системѣ, снова введенной г-жей Мейзенбургъ. Но какъ только Герценъ нашелъ нужнымъ присоединить къ своей семьѣ снова г-жу Огареву, возникли прежнія между ними недоразумѣнія, и вторично г-жѣ Мейзенбургъ пришлось покинуть дорогой для нея домъ. Но на этотъ разъ Герценъ предложилъ ей раздѣлить свою семью пополамъ, уступивъ одну изъ дочерей совершенно ей, а другую предоставить всецѣло попеченіямъ Огаревой; на ея долю выпадала ея любимица, младшая дочь Герцена, Ольга, и Герценъ въ знакъ своего полнаго довѣрія къ вѣрному другу отдавалъ ее всецѣло на ея распоряженіе. Г-жа Мейзенбургъ на это охотно согласилась и съ тѣхъ поръ исключительно заботилась о ней, какъ о своей дочери. Она жила съ нею во Франціи и Италіи и послѣ смерти Герцена выдала ее замужъ въ 1873 году за французскаго профессора Габ-

різля Моно. По слабости здоровья она съ тѣхъ поръ проживаетъ въ Италіи и до сихъ поръ, несмотря на 83 года, занимается литературными трудами. Къ послѣднимъ ея произведеніямъ, кромѣ ея мемуаровъ, прекращающихся на отъѣздѣ изъ Лондона въ 1862 году, принадлежатъ романъ «Федра» изъ временъ парижской коммуны, томъ различныхъ мыслей подъ заглавіемъ Sinnungsbilder, добавленіе къ ея мемуарамъ «Вечеръ жизни идеалистки», въ которомъ приведены ея воспоминанія о Вагнерѣ, Листѣ, Мингетти, Ницше и другихъ друзей ея старости, а наконецъ рядъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ газетахъ и въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ пламенный протестъ въ пользу Дрейфуса и очеркъ о Гете, подготовленный ею для слѣдующаго выпуска «Gete's Jahrbuch».

Извѣстный англійскій публицистъ Стэдъ помѣстилъ въ «Revue des Revues» на французскомъ языкѣ, а въ «Contemporary Review» на англійскомъ, любопытную характеристику покойнаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Муравьева, подъ заглавіемъ: «Графъ Муравьевъ и его преемникъ» ¹⁾. Въ этой статьѣ онъ доказываетъ, что смерть графа Муравьева и замѣщеніе его графомъ Ламсдорфомъ не представляетъ никакой значительной эволюціи въ русской политикѣ, такъ какъ послѣдній находился всегда и при Муравьевѣ настоящимъ главою и руководителемъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, а графъ Муравьевъ былъ только внѣшнимъ представителемъ русской иностранной политики и посредникомъ между иностранными послами и высшей властью. Поэтому только въ особыхъ случаяхъ, именно въ дѣлѣ Фашоды, въ вопросѣ о гагской конференціи и въ китайской катастрофѣ его инициатива является вполне замѣтной, а въ остальныхъ случаяхъ, по словамъ Стэда, русская политика велась уже по заведенной Гирсомъ рутинѣ, переданной впослѣдствіи Ламсдорфу. Тотъ и другой, т. е. Гирсъ и Ламсдорфъ, принадлежатъ къ старой испытанной школѣ русскихъ политиковъ, придерживались правила: «Слово то же, что дѣйствіе», а графъ Муравьевъ, напротивъ, какъ увѣряетъ Стэдъ, благодаря своему высокому независимому положенію, позволялъ себѣ говорить много излишняго. Эти излишнія слова составляли его характеристичную черту, и Стэдъ приводитъ много любопытныхъ разговоровъ съ нимъ. Первая ихъ бесѣда происходила въ 1888 году, когда Муравьевъ былъ вторымъ лицомъ въ русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ. Онъ не вѣрилъ въ близость войны между Франціей и Германіей, о которой тогда всѣ говорили, какъ о неизбежномъ фактѣ, и грубо откровенно высказывалъ свои мнѣнія

¹⁾ Le comte Mouravieff et son successeur, par W. Stead. Revue des Revues, août. 1900.

по этому предмету. «Французы, сказалъ онъ между прочимъ, имѣютъ теперь одну только страсть къ деньгамъ, и ихъ идеаломъ служить матеріальное благоденствіе. Что же касается до Эльзаса, Лотарингіи, то о нихъ думаютъ во Франціи только два человѣка, и то изъ нихъ одна женщина». Очевидно, онъ намекалъ на г-жу Аданъ и Поля Дерулэда, а генералу Буланже онъ не придавалъ никакого значенія. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ Стэдъ, я вынесъ изъ разговора съ графомъ Муравьевымъ не очень приятное впечатлѣніе и выразился о немъ довольно рѣзко, говоря, что это маленькій Бисмаркъ, который подражаетъ своему образцу рѣзкостью и грубостью своихъ выраженій».

Впослѣдствіи онъ двѣнадцать лѣтъ не видался съ графомъ Муравьевымъ, до 1899 года, когда онъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, гдѣ уже графъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Нѣсколько раньше по поводу Портъ-Артура онъ выразился о немъ въ печати очень рѣзко и потому нѣсколько боялся встрѣчи съ нимъ. Но къ его удивленію Муравьевъ принялъ его очень любезно и сказалъ: «Вы высказались обо мнѣ очень рѣзко, но въ вашей книгѣ есть много справедливаго о Россіи, и изъ любви къ ней я очень доволенъ, что вы написали эту книгу». Послѣ этого онъ пустился въ длинный разговоръ со Стэдомъ и впродолженіе двухъ часовъ говорилъ безъ умолка, сыпля любопытными анекдотами и откровенно признавая ошибки русской политики, какъ внутренней, такъ и внѣшней. Между прочимъ онъ разсказалъ о своемъ отношеніи къ иностранной прессѣ въ прежнія времена. «Много лѣтъ тому назадъ, говорилъ онъ, я находился при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ, и между прочимъ на мнѣ лежала обязанность помѣщать въ парижскихъ журналахъ статьи въ пользу Россіи. Это дѣло было очень легкое, и стоило только заплатить извѣстную сумму за хвалебную статью, какъ за объявленіе, и статья появлялась безъ малѣйшаго измѣненія. Но, устроивъ подобное дѣльце, я часто писалъ своему правительству, протестуя противъ такого безсмысленнаго бросанія денегъ. Я говорилъ прямо, что подобныя статьи своей безконечной похвалой дѣйствіямъ русскаго правительства выдавали свое происхожденіе и не имѣли никакого усѣха. По моему мнѣнію, если статья должна была обратить на себя вниманіе, то въ ней не слѣдовало представлять все прекраснымъ, что дѣлается въ Россіи, а такъ какъ даже въ Россіи ничто не является безусловно прекраснымъ, то можно было въ каждомъ событіи найти что нибудь подлежащее критикѣ. Этой легкой критикой можно было скрыть основную похвалу и придать статьѣ правдивый характеръ. Я всегда держался того мнѣнія, что, дѣлая салатъ, не надо забывать необходимой капли уксуса». На это остроумное замѣчаніе Муравьева Стэдъ не стерпѣлъ и замѣтилъ съ улыбкой: «Ваше превосходительство, однако должны признать, что я, говоря о вашей политикѣ, прибавилъ слишкомъ много уксусу въ свой салатъ».

Муравьевъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ свою рѣчь, перейдя вообще къ вопросу о печати, относительно которой онъ, повидимому, придерживался теории графа Швейница, который говорилъ: «для водворенія мира надо только повѣсить десять редакторовъ газетъ». «По моему мнѣнію, замѣтилъ Муравьевъ, опасность для европейскаго мира зависитъ не столько отъ правительствъ государственныхъ людей и дипломатовъ, какъ отъ неотвѣтственной силы общественнаго мнѣнія. Отвѣтственные министры знаютъ, какъ велико бѣдствіе, навлекаемое войною, и осторожно относятся къ общественнымъ интересамъ. Печать и въ особенности англійская печать дѣйствуетъ совершенно иначе. Она не думаетъ ни о чьихъ интересахъ, кромѣ своей публики, и чаще всего видитъ свой и ея интересъ въ воззваніи къ страстямъ и предрасудкамъ своихъ читателей. Такимъ образомъ создается общественное мнѣніе, съ которымъ очень трудно бороться, и которое очень опасно для поддержанія мира. Впрочемъ все-таки изъ всѣхъ европейскихъ печатей англійская — самая лучшая, потому что она самая практичная. Французская печать не серьезна, нѣмецкая обратилась въ еврейскую лавочку, а русская — просто нелѣпа. Нѣкоторые полагаютъ, что русская печать, какъ подлежащая цензурѣ, всегда выражаетъ мнѣніе русскаго правительства. Но это неправда. Русская печать находится подъ контролемъ министра внутреннихъ дѣлъ, который не дозволяетъ ей публиковать какія нибудь свѣдѣнія или разсужденія, вредныя его вѣдомству. Но въ вознагражденіе за то veto, которые онъ накладываетъ на всѣ статьи по внутреннимъ дѣламъ, онъ предоставляетъ ей полную свободу по всѣмъ вопросамъ, касающимся внѣшней политики. Поэтому часто во время глубокаго мира вдругъ въ русскіихъ газетахъ раздается нелѣпный крикъ, и проповѣдуется война на томъ или другомъ пунктѣ земнаго шара. За границей подобныя статьи наводятъ на всѣхъ страхъ, потому что на русскія газеты смотрятъ, какъ на выразительницъ правительственнаго мнѣнія. Въ сущности одинъ я терплю непріятности, такъ какъ русскія газеты гложутъ брошенную кость за неимѣніемъ другой пищи». Въ доказательство, что иностранцы смотрятъ на русскія газеты, какъ на правительственные органы, Муравьевъ приводилъ анекдотъ изъ его отношеній съ Бисмаркомъ. Однажды желѣзный канцлеръ призвалъ его къ себѣ, когда онъ исполнялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Берлинѣ, и попросилъ его немедленно написать Гирсу, что если онъ не уіметъ русскую печать, то война между Россіей и Германіей будетъ неизбежна, такъ какъ онъ не можетъ болѣе сдерживать своей прессы. «Все это происходитъ отъ обоюднаго недоразумѣнія, — отвѣчалъ Муравьевъ. — Какъ нѣмцы считаютъ, что Гирсъ держитъ въ рукахъ русскую печать, такъ русскіе полагаютъ, что всѣ нѣмецкія газеты зависятъ отъ Бисмарка. Я знаю, что вы не

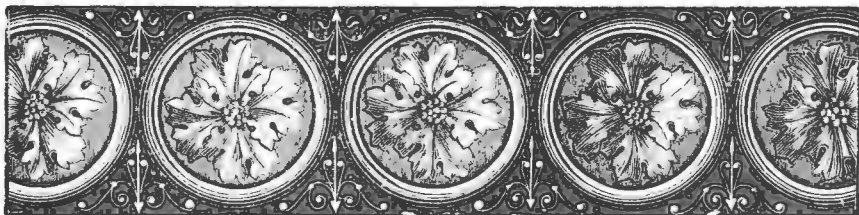
имѣете никакого вліянія на «Кельнскую газету», которая вполне англофильскій органъ, и на «Германію», которая олицетворяетъ ультрамонтанскій центръ, но и у насъ происходитъ то же. Медвѣдь очень добрый звѣрь, онъ любитъ, чтобы его ласкали, и за ласку готовъ пренебречь своимъ собственнымъ интересомъ, но если вы его сердите и выводите изъ терпѣнія, то онъ въ состояніи озлиться и въ своей злобѣ забыть всѣ свои интересы. По природѣ медвѣдь отвѣчаетъ на любезность—любезностью, а на удары тѣмъ же». Бисмаркъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Хорошо, не пишите ничего вашему правительству». Но Муравьевъ описалъ свой разговоръ съ желѣзнымъ канцлеромъ, хотя въ видѣ частнаго письма, а не въ качествѣ официальной депеши.

Вообще, по словамъ Стѣда, графъ Муравьевъ выражался очень рѣзко, и хотя онъ отрекался отъ многихъ его разговоровъ, приведенныхъ въ газетахъ иностранными корреспондентами, но Стѣдъ увѣряетъ, что большинство изъ приписываемыхъ ему словъ были такъ правдоподобны, что могли быть дѣйствительно имъ произнесены. Такъ онъ считаетъ, что «Муравьевъ могъ вполне сказать по поводу дѣла о Портъ-Артурѣ: «Я такъ поступилъ для славы Россіи». Имя Муравьевыхъ останется вѣчно связаннымъ со славою Россіи. Одинъ Муравьевъ распространилъ границы Россіи до Амура, а второй подарилъ ей Портъ-Артуръ». Точно также Стѣдъ считаетъ вѣроятными и всѣ приписываемыя Муравьеву газетными корреспондентами мнѣнія о ненасытныхъ интригахъ Англіи, постоянно ловащей рыбу въ мутной водѣ. Но если онъ и имѣлъ антианглійскія стремленія, то, благодаря обстоятельствамъ, ему не пришлось ихъ выразить практически. Такъ, во время Фашодскаго эпизода англичане и нѣмцы всячески старались побудить Францію объявить войну; Муравьевъ, находясь въ Парижѣ, сдѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы удержать французовъ отъ войны, для которой они вовсе не были готовы. «Россія,—говорилъ онъ,—громко заявляла о своей преданности союзницѣ, и эта преданность доходила до того, что она говорила ей правду». Франція послушалась главнымъ образомъ Муравьева и, рѣшившись на тяжелый шагъ въ нравственномъ отношеніи, предупредила войну, которой жаждали Чемберленъ и Вильгельмъ II. Но если Муравьеву удалось въ этомъ отношеніи преодолѣть воинственные замыслы двухъ страныхъ союзниковъ, то всѣ его усилія для разрѣшенія распри съ Трансваалемъ третейскимъ судомъ, установленнымъ Гаагской конференціей, не привели ни къ чему. На этотъ разъ Вильгельмъ II осилилъ его мрныя стремленія, и Англія начала свою позорную борьбу съ южно-африканской республикой, которая продолжается до сихъ поръ. Что касается до китайскихъ дѣлъ, то Муравьевъ умеръ передъ убійствомъ европейцевъ въ Пекинѣ, и хотя въ послѣднее время онъ считалъ, что бомбардировка фортовъ въ Таку

произведетъ благодѣтельное дѣйствіе, но ранѣе, два года передъ тѣмъ, онъ держался совершенно иного мнѣнія. Тогда онъ говорилъ: «Мы всегда подвергнуты опасности со стороны Китая и никогда не можемъ ручаться въ китайскихъ дѣлахъ за завтрашній день. Рано или поздно въ Китаѣ будетъ революція и безпримѣрное распаденіе этого государства. Если бы только была готова сибирско-маньчжурская желѣзная дорога, и Портъ-Артуръ былъ бы превращенъ въ Новый Гибралтаръ, то мы могли бы спокойно ожидать великой катастрофы». Но великая катастрофа грянула раньше, чѣмъ ожидалъ графъ Муравьевъ, и въ ту самую минуту, какъ его не стало на занимаемомъ имъ сторожевомъ пунктѣ.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. Сменцовскій. Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Спб. 1899.

Его же. Церковно-историческіе матеріалы. Дополнительныя приложенія къ изслѣдованію „Братья Лихуды“. Спб. 1899.

ВШИРНЫЙ трудъ г. Сменцовскаго посвященъ обзору весьма важнаго религіозно-просвѣтительнаго движенія на Руси, возникшаго въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ подъ воздѣйствіемъ прибывшихъ въ наше отечество греческихъ ученыхъ, братьевъ Лихудовъ. Изслѣдованіе молодого автора представляетъ крупный интересъ для занимающихся исторіей культуры въ нашемъ отечествѣ и его сношеній съ греческимъ востокомъ. Оно состоитъ изъ введенія, семи главъ ученыхъ изысканій по указанному вопросу и приложеній.

Во введеніи (стр. 1—46) предложенъ очеркъ духовнаго просвѣщенія въ Московской Руси въ XVII вѣкѣ и выясняется историческое положеніе личности Лихудовъ. Здѣсь авторъ, на основаніи обширной литературы по исторіи русскаго просвѣщенія, изображаетъ попытки московскаго правительства въ XVII вѣкѣ завести постоянную, правильно организованную школу, не имѣвшія, однако, успѣха до тѣхъ поръ, пока въ Москву не прибыли братья Лихуды. Причина неуспѣха зависѣла отъ ожесточенной борьбы на Руси двухъ просвѣтительныхъ управленій, греческаго и латинскаго. Первое возникло у насъ одновременно съ принятіемъ христіанства отъ Византіи и то усиливалось, то ослабѣвало, въ зависимости отъ нашихъ историческихъ условій. Въ XVI и XVII сто-

лѣтіяхъ наблюдается нѣкоторое оживленіе въ просвѣтительномъ воздѣйствіи грековъ на Руси, выразившееся и въ томъ, что восточные патріархи, въ заботѣ о просвѣщеніи на Руси, настойчиво совѣтовали русскому правительству насаждать ученіе греческое, строго-истинное и православное, имѣя въ виду такимъ просвѣщеніемъ поддержать православіе не только на Руси, но и на востокѣ, гдѣ «начинала гаснуть искра мудрости». Но одновременно съ греческимъ просвѣтительнымъ движеніемъ, на Руси наблюдалась и другое теченіе, тяготѣвшее къ западу и къ западной культурѣ. Будучи въ началѣ слабымъ, это теченіе усилилось послѣ смутнаго времени, обнаружившаго нравственную и матеріальную несостоятельность русскаго народа, сравнительно съ западно-европейскими. Но русскіе еще не рѣшались обратиться къ западнымъ ученымъ для удовлетворенія своихъ просвѣтительныхъ запросовъ и, въ частности, за помощью для устройства собственной школы. Они хотѣли учиться лишь у грековъ, испытанныхъ въ вѣрѣ и благочестіи, и довѣрили имъ устроить въ Москвѣ школу. Въ теченіе 1632—1653 годовъ въ Москвѣ было устроено нѣсколько школъ прибывшими съ востока греческими учителями, но всѣ онѣ были кратковременны и неудачны по своей внутренней организаціи и успѣхамъ. Въ 1666 году предъ русскимъ правительствомъ выступилъ съ замѣчательнымъ проектомъ объ открытіи греческихъ школъ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, поддержанный въ этомъ дѣлѣ другимъ неизвѣстнымъ грекомъ, который въ 1669 году также предлагалъ нашему правительству основать греческое училище, но и эти предложенія не имѣли практическаго осуществленія, а Москва попрежнему оставалась безъ учителей и безъ школы. Когда всѣ попытки вызвать отъ грековъ надежнаго учителя оказались не удачны, русскіе обратились къ содѣйствію кіевлянъ, проводниковъ уже не греческаго, а западнаго, латинопольскаго образованія и культуры. Впрочемъ, сначала въ Москву явилась дружина юго-западныхъ ученыхъ еще домогилянскаго, греческаго направленія въ своемъ образованіи; во главѣ ея стоялъ Епифаній Славинецкій. Но въ 1664 году въ Москву прибылъ Симеонъ Полоцкій, представитель латинскаго образованія и ревностный его распространитель въ основанной имъ школѣ. При рѣзкой разницѣ просвѣтительныхъ направленій, сторонниками коихъ были Славинецкій и Полоцкій, между ними неизбежно должно было произойти столкновение. Главными виновниками этого столкновения были ближайшіе ученики Славинецкаго и Полоцкаго — чудовскій инокъ Евѣимій и Сильвестръ Медвѣдевъ, изъ коихъ первый былъ руководителемъ защитниковъ греческаго ученія, а второй стоялъ во главѣ латинской науки. Поводомъ къ столкновению послужилъ вопросъ объ открытіи академіи. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, воспитанникъ Полоцкаго, поручилъ ему составить правила для предположеннаго къ открытію высшаго учебнаго заведенія («привилегію» академіи). Разумѣется, Полоцкій составилъ этотъ проектъ въ духѣ своихъ латинскихъ воззрѣній. Когда о немъ узнали сторонники греческаго ученія, то выступили съ критикой проекта Полоцкаго и съ литературной апологіей своего направленія. Въ «привилегію» были внесены такіа измѣненія, которыя въ корнѣ подрывали всѣ надежды латинствующей партіи на господство ея направленія, а одинъ изъ послѣдователей Славинецкаго составилъ особый трудъ («Доводъ вкратцѣ...»),

въ которомъ доказывалъ необходимость для русскихъ учиться прежде всего греческому языку и уже потомъ латинскому, а не наоборотъ, какъ настаивали его противники. Во время этого столкновенія Полоцкій умеръ († 1680 г.). Его проектъ академіи, въ исправленномъ видѣ, былъ представленъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ царю Θεодору для утвержденія. Но смерть царя († 1682 г.) помѣшала осуществленію проекта, и Медвѣдевъ, вмѣсто учительства въ академіи, долженъ былъ ограничиться скромною ролью учителя «словенскаго языка» во вновь построенной школѣ въ Спасскомъ монастырѣ; эта школа существовала до 1687 года. Между тѣмъ, сторонники греческаго ученія, во главѣ съ патріархомъ Іоакимомъ, въ противовѣсъ школѣ Сильвестра, въ 1681 году основали въ Москвѣ при типографіи школу «греческаго языка и писанія», съ греческими учителями. Типографская школа была съ восторгомъ привѣтствована защитниками греческаго ученія, даже іерархами востока (Досиѳеѣ іерусалимскій). Но и съ открытіемъ школы типографской и Сильвестра Медвѣдева, въ коихъ преподавался элементарной курсъ наукъ, вопросъ о школѣ высшей или академіи попрежнему оставался открытымъ. Поэтому и въ концѣ XVII вѣка раздавались голоса въ пользу открытія высшаго учебнаго заведенія. Въ 1682 году Каріонъ Истоминоу представилъ царевнѣ Софіи просьбу въ стихахъ о водвореніи наукъ въ Россіи, а Сильвестръ Медвѣдевъ въ 1685 году просилъ царевну утвердить академическую «привилегію». Но было уже поздно. Въ мартѣ того же 1685 года, въ Москву прибыли съ востока братья Іоанникій и Софроній Лихуды, коихъ давно ожидали сторонники эллинизма, неоднократно пытавшіеся привлечь въ Россію греческихъ ученыхъ.

Въ главѣ первой изслѣдованія г. Сменцовскаго (стр. 47—85) излагается біографія Лихудовъ и разсматривается ихъ дѣятельность въ Богоявленской школѣ и въ Заиконоспасской академіи. Братья Іоанникій и Софроній Лихуды были потомками родовитой византійской фамиліи Лихудовъ, родились—первый въ 1633 году, а второй въ 1652 году на островѣ Кеаалонія, одномъ изъ Цикладскихъ, учились сперва на родинѣ, а потомъ въ Венеціи и въ Падуанскомъ университетѣ. По окончаніи ученія, старшій братъ былъ священникомъ на родинѣ, но овдовѣлъ и постригся въ монахи, по примѣру младшаго, жившаго въ одномъ изъ греческихъ монастырей. Затѣмъ, братья долгое время учительствовали и занимались проповѣдничествомъ въ различныхъ мѣстахъ греческаго востока, а въ 1683 году прибыли по своимъ дѣламъ въ Константинополь. Здѣсь, когда они жили на іерусалимскомъ подворьѣ у патріарха Досиѳея, послѣдній получилъ отъ московскаго патріарха Іоакима предложеніе прислать надежнаго учителя изъ грековъ для московской школы. Признавая Лихудовъ вполне способными къ этому дѣлу и по образованію, и по религіознымъ вѣрованіямъ, онъ послалъ ихъ въ Москву. Здѣсь Лихуды привѣтливо были встрѣчены, помѣщены въ новыхъ кельяхъ, для нихъ построенныхъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, и получили содержаніе отъ казны. Для испытанія учености и православія Лихудовъ, въ 1685 году былъ устроенъ торжественный богословско-философскій диспутъ между ними и кальвинистомъ-эклектикомъ Яномъ Бѣлободскимъ, прибывшимъ въ Москву изъ Слуцка. Диспутъ окончился побѣдою Лихудовъ. Послѣ этого они открыли школу въ Богоявленскомъ мона-

стырѣ. Но эта школа ни по своимъ размѣрамъ, ни по постановкѣ учебнаго дѣла не отвѣчала ни нуждамъ общества, ни желаніямъ правительства. Въ виду этого въ Заиконоспасскомъ монастырѣ было построено новое зданіе для славяно-греко-латинской академіи, которая начала свою жизнь и дѣятельность осенью 1687 года, въ періодъ времени между 12 октября и 28 декабря этого года. Въ академіи было значительное число (до 70) учениковъ, которые принадлежали къ различнымъ классамъ общества: здѣсь были князья, родственники патріарха, священники, монахи, спальники, стольники и челядинцы. Академія дѣлилась на три класса или школы: верхняя, средняя и нижняя; каждая изъ школъ, въ свою очередь, дѣлилась на два отдѣленія. Кромѣ того, при академіи была приготовительная школа—русская или «словенскаго книжнаго писанія». Въ академіи изучались русская грамота, греческое чтеніе и письмо, грамматика, риторика, логика, физика или естественная философія, нѣтика и богословіе. Преподаваніе велось отчасти на греческомъ, отчасти на латинскомъ языкахъ. Учебниками служили руководства, составленныя Лихудами и отличавшіяся схоластическимъ характеромъ. Но Лихуды внесли въ преподаваніе и нѣкоторую долю оригинальности и самостоятельности, такъ что обученіе имѣло прямое отношеніе и къ потребностямъ жизни и времени. Ученики и учителя получали казенное жалованье. Усибѣ обученія были значительны. Вообще славяно-греко-латинская академія при Лихудахъ была очень хорошо организовала и оказала большую пользу русскому просвѣщенію.

Но возникновеніе академіи лишь обострило взаимныя отношенія сторонниковъ двухъ просвѣтительныхъ направленій на Руси—греческаго и латинскаго—и создало въ средѣ ихъ такое боевое настроеніе, что достаточно было малѣйшаго повода для открытаго между ними столкновенія. Такимъ поводомъ и послужилъ вопросъ о времени пресуществленія св. даровъ на литургии, долго волновавшій умы на Руси, вызвавшій обширную литературу и закончившійся только въ первой четверти XVIII столѣтія. Въ спорѣ по этому вопросу принимали дѣятельное участіе и братья Лихуды. Въ обширной второй главѣ своей книги (стр. 85—244) г. Сменцовскій весьма обстоятельно излагаетъ исторію этого спора и участіе въ немъ братьевъ Лихудовъ, которые были сторонниками и защитниками православнаго ученія о времени пресуществленія святыхъ даровъ.

Въ главѣ третьей (стр. 245—297) рѣчь идетъ объ общественныхъ отношеніяхъ братьевъ Лихудовъ. Лихуды, поселившись въ Москвѣ, скоро заняли здѣсь очень видное и вліятельное положеніе, что обуславливалось ихъ усердною дѣятельностью въ академіи, трудолюбіемъ, ученостью и особенно защитою православія въ спорѣ о пресуществленіи святыхъ даровъ. Они заняли въ тогдашней церковно-общественной средѣ положеніе руководителей и совѣтниковъ, которымъ оказывали уваженіе и послушаніе. Многіе изъ современныхъ церковно-общественныхъ дѣятелей на Руси находились съ ними въ близкихъ отношеніяхъ. Г. Сменцовскій въ настоящей главѣ изображаетъ отношенія къ Лихудамъ различныхъ сторонниковъ греческой партіи: инока Евѣимія, Аванасія, архіепископа холмогорскаго, патріарха Іоакима и архимандрита Іова, впоследствии митрополита новгородскаго, а также свѣтскихъ покровителей «само-

братій Лихудіевых»: князя Голицына, А. Θ. Лопухина, Θ. М. Апраксина, Θ. А. Головина. Но у Лихудовъ было много и враговъ, которые съ завистью и недоброжелательствомъ слѣдили за ихъ успѣхами и стремились подорвать ихъ значеніе. Ихъ вражда была тѣмъ ожесточеннѣе, что основывалась на принципиальной розни въ основныхъ воззрѣніяхъ, а затѣмъ многіе имѣли поводъ быть недовольными и вслѣдствіе личныхъ сношеній съ Лихудами. Положеніе Лихудовъ въ Москвѣ, какъ изображаетъ г. Сменцовскій, мало-по-малу сдѣлалось настолько тяжело и непріятно, что въ 1694 году они бѣжали изъ столицы, но на дорогѣ къ западной границѣ были схвачены и возвращены въ Москву. Патріархъ Адріанъ, желая наказать Лихудовъ, удалил ихъ изъ академіи въ типографію. Послѣ этого академія сильно унала въ своемъ просвѣтительномъ значеніи.

Въ главѣ четвертой (стр. 299—331) описывается жизни дѣятельность Лихудовъ по удаленіи ихъ изъ академіи до вызова въ Новгородъ. Пользуясь относительно свободою и независимостью положенія, Лихуды занялись обученіемъ желающихъ итальянскому языку и церковною проповѣдью. Проповѣди ихъ изъ этого періода составлены преимущественно въ нанегирическомъ тонѣ и отличаются схоластическимъ построеніемъ. Однако, благодаря проповѣдничеству, Лихуды возстановили въ глазахъ московскаго правительства свою репутацію и снова приобрѣли свободное и независимое положеніе. Но съ 1696 года опять посыпались обвиненія въ неправомысли и порочной жизни со стороны іерусалимскаго патріарха Досіея и его племянника Хрисанеа, оскорбленныхъ неблагодарностью къ нимъ Лихудовъ, и со стороны другихъ враговъ. Лихуды въ 1698 году были удалены изъ типографіи въ Новосіаскскій монастырь, гдѣ занимались полемикой съ протестантствомъ, а потомъ, по политическому доносу нѣкоего Саввы Рагузинскаго, отправлены на жительство въ Ипатьевскій костромской монастырь. Здѣсь они прожили около двухъ лѣтъ, до 1706 года. Это было тяжелое время ихъ жизни. Лихуды и въ изгнаніи занимались учеными трудами, направленными противъ лютеранъ и кальвинистовъ.

Глава пятая (стр. 333—374) обозрѣваетъ жизнь и дѣятельность Лихудовъ въ Новгородѣ, куда ихъ вызвалъ въ 1706 году съ разрѣшенія правительства мѣстный митрополитъ Іовъ въ качествѣ учителей проектируемой здѣсь школы. Лихуды устроили въ Новгородѣ школу изъ отдѣленій славянскаго и греческаго, имѣвшую большой успѣхъ. Въ то же время они занимались литературными трудами и переводами книгъ греческихъ и латинскихъ. Въ 1707 году, когда Софроній Лихудъ отправился въ Москву по порученію митрополита Іова, его здѣсь задержали для преподаванія греческаго языка. Въ Новгородской школѣ остался одинъ Іоанникій, который съ прежнимъ успѣхомъ велъ школьное дѣло. Впослѣдствіи новгородская школа Лихудовъ сдѣлалась расадникомъ просвѣщенія для всего края и даже распространила свое вліяніе за предѣлы его, такъ какъ питомцы школы сдѣлались учителями многихъ такъ называемыхъ епархіальныхъ и партикулярныхъ школъ, устроенныхъ по образцу новгородской школы. Но Лихудамъ не удалось видѣть полный расцвѣтъ своей просвѣтительной дѣятельности въ Новгородскомъ краѣ, такъ какъ Іоанникій, удрученный старостью и трудами, удалился въ Москву, гдѣ и скончался въ

1717 году. Новгородская школа въ 1726 году была закрыта новымъ новгородскимъ архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ. Лихуды и въ разсматриваемый періодъ дѣятельности занимались учено-богословскими трудами, которые подробно разсмотрѣны г. Сменцовскимъ.

Въ главѣ шестой (стр. 375—435) разсматривается жизнь и дѣятельность Софронія Лихуда въ Москвѣ послѣ возвращенія его изъ Новгорода. Дѣятельность Софронія была двоякаго рода. Во-первыхъ, онъ былъ учителемъ въ школѣ «эллинскаго языка», вновь открытой въ Москвѣ по распоряженію митрополита Стефана Яворскаго, а, во-вторыхъ, онъ участвовалъ въ исправленіи славянскаго перевода Библии. Тѣ и другіе труды Софронія подробно обозрѣваются нашимъ авторомъ.

Наконецъ, въ седьмой и послѣдней главѣ (стр. 437—459) разсматривается послѣдній періодъ жизни Софронія Лихуда—въ званіи настоятеля Солотчина монастыря Рязанской епархіи. За труды Софронія на поприщѣ народнаго просвѣщенія святѣйшій синодъ рѣшилъ дать ему новое и почетное назначеніе. Но избраніе его на епископскую кафедру не состоялось, вѣроятно, въ виду его старости и болѣзненнаго состоянія, и въ 1723 году онъ былъ назначенъ архимандритомъ Солотчина монастыря, нѣкогда богатаго и владѣвшаго большими вотчинами, но ко времени прибытія въ него Софронія пришедшаго въ упадокъ. Софроній Лихудъ перенесъ здѣсь немало тяжелыхъ испытаній, такъ какъ не имѣлъ достаточнаго матеріальнаго обезпеченія, а затѣмъ возбудилъ противъ себя сильное недовольство братіи монастыря за то, что будто не радѣлъ о матеріальныхъ интересахъ монастыря. Дѣло восходило на разсмотрѣніе святѣйшаго синода. При такихъ обстоятельствахъ Софроній рѣшился покинуть монастырь и бѣжалъ въ 1729 году въ Москву. Онъ поселился въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался въ юнѣ 1730 года, 78 лѣтъ отъ роду.

Въ приложеніи къ изслѣдованію (стр. I—XLIX+149) г. Сменцовскій опубликовалъ девять памятниковъ русской духовной письменности конца XVII и начала XVIII вѣка, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ его ученымъ изысканіямъ о дѣятельности братьевъ Лихудовъ въ нашемъ отечествѣ. Памятники издаются въ печати впервые по различнымъ рукописямъ. Таково содержаніе книги г. Сменцовскаго.

Настоящій обзоръ показываетъ, что г. Сменцовскій очень подробно и обстоятельно разсмотрѣлъ жизнь и дѣятельность знаменитыхъ «самобратій Лихудіевыхъ» и не оставилъ не обслѣдованнымъ ни одного даже изъ мелкихъ событій въ ихъ исторіи. Онъ весьма тщательно изучилъ обширную литературу предмета, добросовѣстно провѣрилъ по первоисточникамъ всѣ болѣе или менѣе важные научные выводы прежнихъ ученыхъ изслѣдователей этого вопроса, одни изъ этихъ выводовъ принялъ и включилъ въ составъ своего сочиненія, а другіе опровергъ. Немало содержится въ книгѣ г. Сменцовскаго и новыхъ свѣдѣній изъ исторіи просвѣщенія на Руси въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, добытыхъ нашимъ авторомъ путемъ усерднаго изученія обширной литературы первоисточниковъ. Вообще трудъ г. Сменцовскаго является серьезнымъ и важнымъ изслѣдованіемъ изъ исторіи церковнаго просвѣщенія и церковной жизни на Руси въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣковъ.

Σ.

Ученье и учитель. Педагогическія замѣтки. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1900.

Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1899 года мы говорили довольно подробно о книгѣ К. П. Побѣдоносцева «Новая школа», въ которой государственный человѣкъ, издатель книги, намѣчалъ тѣ желаемые пути и коренныя преобразованія, которые потребовались нашей средней школѣ. Уже и тогда авторъ книги находилъ, что наше юношество слишкомъ много «пичкаютъ» мертвыми языками, что «ученіе, какъ оно нынѣ ведется, убиваетъ всякую самобытность въ человѣкѣ, и что при такой системѣ ясность мысли, ни силы физическія не могутъ быть достояніемъ пичканья...»¹⁾.

Теперь, въ своей новой книгѣ, высокопоставленный издатель обращаетъ вниманіе на предметъ, столь же близкій школѣ—на систему и характеръ обученія въ школѣ и на манеру и характеръ самого учителя, — при чемъ преподаются многіе вѣсныя и цѣнные совѣты и указанія, выработанные, очевидно, долготѣтными наблюденіями и опытностью автора, бывшаго профессора Московскаго университета.

Въ своей книгѣ К. П. Побѣдоносцевъ обращаетъ тщательное вниманіе на всѣ подробности, которыя могутъ встрѣтиться учителю при самыхъ первыхъ шагахъ его педагогической дѣятельности: на его манеру занятій съ дѣтьми, какъ во время классныхъ уроковъ, такъ равно и въ междуурочные часы, — онъ доказываетъ, что надо любить дѣтей, чтобы пользоваться взаимно и ихъ любовью, что надо знать въ своемъ классѣ лично и поименно cadaго ученика, что надо имѣть, прежде всего, терпѣніе и кротость въ обхожденіи съ дѣтьми и пр. «Не раздражайтесь мелочами и не придавайте имъ значенія, — говоритъ авторъ учителю. — Шалунъ нарисовалъ на столѣ твою фигуру, да еще подписался... Чтѣ тебѣ дѣлать? Спокойно сотри ее, или вели стереть сосѣду. Бѣда, если разсердишься, да еще станешь разслѣдовать! Тогда примѣръ станетъ заразителемъ». Авторъ старается объяснить педагогу, что «научныя правила» еще не дають ему въ руки универсальнаго средства сдѣлать съ учениками что угодно, что у него въ рукахъ не мягкій воскъ, изъ котораго чело- вѣкъ, обладающій педагогической техникой, можетъ лѣпить какія угодно фигуры: напротивъ, каждый классъ въ 20, 30, 40 дѣтей есть живое существо, живущее свою жизнью, имѣющее свою душу, и что въ эту-то душу учителю и необходимо проникнуть.

К. П. Побѣдоносцевъ предостерегаетъ учителей отъ многихъ невѣрныхъ шаговъ на ихъ педагогическомъ пути. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что если работа употребляется въ школѣ въ видѣ наказанія — это плохо: значить, что или эта работа мало цѣнится, или же что сама по себѣ она считается тяжелымъ и скучнымъ дѣломъ. «Нѣтъ науки, — говоритъ авторъ, — которую нельзя было обратить въ орудіе мученій для «малыхъ сихъ», состоящихъ подъ ферулою учителя. Вотъ — казалось бы, простое дѣло — правописаніе, а сколько таятся въ немъ пытки, сколько изобрѣтенныхъ правилъ, которыя сво-

¹⁾ «Исторія дѣтской души», изданіе К. П. Побѣдоносцева.

дять на мертвую букву дѣло разума и логики. И какія правила — у одного одни, у другого другія. Тетради учениковъ твоихъ испачканы отмѣтками ошибокъ тамъ, гдѣ сосѣдній учитель не нашель ошибки. Ты приводишь ученика въ стыдъ и въ слезы за то, что онъ написалъ: маленькіе дѣти; а сосѣдъ твой— за то, что онъ написалъ: маленькія дѣти. У тебя большимъ грѣхомъ считается искусство съ однимъ *с*, а у сосѣда изгоняется двойное *с* изъ этого слова. Ты съ великимъ прещеніемъ уничтожаешь запятія тамъ, гдѣ сосѣдъ твой ставить ихъ обильно, укоряя ученика за ошибку, и гдѣ у тебя повелѣвается двоеточіе, сосѣдъ твой повелѣваетъ ставить тире или точку съ запятой. Такъ, процѣживая комаровъ, ты поглощаешь въ то же время верблюдовъ здоровой педагогій. И стойтъ ли мучить его на мнимыхъ, кѣмъ-то узаконенныхъ тонкостяхъ правописанія, когда онъ самъ распознаетъ современемъ, на чтеніи художественной рѣчи, гдѣ и чтѣ требуется ея правильнымъ складомъ!»

Говоря, собственно, о личности учителя, К. П. Побѣдоносцевъ утверждаетъ, прежде всего, что учитель долженъ быть созданъ для школы. «Любую канцелярію можно составить изъ охотниковъ и изъ работниковъ, но бѣда, если и школу вздумаютъ подгонять подъ мѣрку той же канцеляріи: стѣбитъ де кликнуть кличъ—и явятся учителя; понастроимъ и надѣлаемъ школъ—этого требуетъ просвѣщеніе,—наберемъ учителей, дадимъ имъ въ руки программы и новѣйшіе методы обученія, свяжемъ ихъ правилами инструкцій,—и дѣло пойдетъ въ ходъ... Нѣтъ, это не такъ!—учитель ремесленникъ, учитель-чиновникъ не годится для живого дѣла: учитель долженъ быть подвижникомъ своего дѣла, полагающимъ душу свою въ дѣло обученія и воспитанія...». При этомъ, высокопоставленный авторъ указываетъ на нежелательную аномалію, существующую въ средѣ нашихъ учителей въ большихъ городахъ, гдѣ педагогъ является простымъ наемникомъ учебнаго труда, «изывающимъ въ тоскѣ своего званія» и на свое учительство смотрящимъ, не какъ на призваніе, а какъ на ремесло. «Въ непрестанной заботѣ о хлѣбѣ насущномъ для себя и для семьи своей, — говоритъ авторъ, — безъ интереса, безъ одушевленія несетъ онъ поденный трудъ, перебѣгая или перебѣзжая изъ одного учебнаго заведенія въ другое на уроки, и всюду является усталый, раздраженный, утягивая нерѣдко минуты и четверти часа изъ каждаго урока, и не посвящая труда своего ни одной изъ школъ, въ коихъ учительствуетъ. Какъ ему знать учениковъ своихъ, какъ слѣдить за ихъ способностью и развитіемъ? Остается ему только давать урокъ, предлагать вопросы и на отвѣты ставить безличныя цифры отмѣтокъ... Рѣдко можно встрѣтить учителя, довольнаго трудомъ своимъ, мѣстомъ и положеніемъ—онъ поглощенъ заботою объ улучшеніи своего быта и высматриваніемъ, гдѣ бы лучше устроиться на другомъ мѣстѣ». Какая это горькая правда ¹⁾!

¹⁾ Что такое печальное явленіе существуетъ, въ этомъ, конечно, не можетъ быть и сомнѣній; но при этомъ напрашивается новольный вопросъ: отчего и почему это происходитъ?. Вѣдь слѣдствіе вытекаетъ изъ причины. Вѣдь если бы—допустимъ—трудъ преподавателя оплачивался у насъ такъ же хорошо, какъ, напримѣръ, служба чиновниковъ въ управленіи казенной продажи питей или даже въ частныхъ, коммерческихъ и земельныхъ банкахъ, то не существовало бы и этой печальной аномаліи. Съ подобнымъ явленіемъ мы не встрѣчаемся же,

Далѣ, К. П. Побѣдоносцевъ говоритъ о неумѣлости гг. педагоговъ при назначеніи ученикамъ такъ называемыхъ «сочиненій», которыя такъ мало приноравливаются къ степени способностей и развитія каждаго ученика въ отдѣльности. Затѣмъ, авторъ переходитъ къ «варварству нѣкоторыхъ формъ новѣйшей культуры», относя къ этому разряду, въ области педагогіи, наши экзамены. «Жестокая и бездушная форма ихъ образовалась и развилась нераздѣльно съ новѣйшимъ вырожденіемъ нашей школы, во всѣхъ ея степеняхъ. При массѣ учениковъ и при службѣ однихъ и тѣхъ же учителей въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, преподавателю стало крайне трудно; или вовсе невозможно слѣдить за результатами своего труда въ массѣ учениковъ или слушателей, и почти единственнымъ способомъ разобраться сколько нибудь въ этой массѣ, при концѣ курса или обученія, служить экзаменъ. Въ пять минутъ можно справиться съ каждымъ, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ: если молчать, или неладно отвѣтить, или не припомнитъ названія царя, города, рѣки или цифру года, стало быть, не годится—разсуждать нечего. Такого рода мѣрка оказывается особливо жестокою при экзаменахъ пріемныхъ. Это признается кратчайшимъ способомъ повѣрки знаній, вынесенныхъ ученикомъ изъ годичнаго курса. Этой повѣркѣ подвергается масса; экзаменатору нѣтъ дѣла до личности ученика. Самъ, приведенный въ нервное состояніе механическою работою, онъ выдергиваетъ вопросы, на которые долженъ отвѣчать ученикъ...».

Свою небольшую книгу К. П. Побѣдоносцевъ заканчиваетъ слѣдующими прекрасными словами: «Буква убиваетъ, духъ животворитъ. Но служителей буквы, къ несчастью, несравненно болѣе, нежели служителей духа. И первымъ приходится иногда господствовать надъ послѣдними: въ такомъ случаѣ они являются нерѣдко гасителями духа. Но хорошо, когда въ школѣ свѣтло и и весело — подлинно хорошая эта школа. Увы! бѣдность наша, нищета наша заставляетъ насъ ютиться въ темныхъ, тѣсныхъ помѣщеніяхъ — иногда совсѣмъ безъ свѣту. Но плохой учитель, когда у него въ школѣ не весело, когда дѣти не бѣгутъ туда съ радостью, не рвутся туда въ каждую свободную ми-

напримѣръ, въ Германіи, гдѣ трудъ педагога, по занятіямъ только въ одной школѣ (средняго типа), оплачивается, на первыхъ же годахъ учительства, почти тремя тысячами марокъ, что, при дешевизнѣ тамошней жизни, вполне достаточно для начинающаго учителя. А у насъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, мы знаемъ нѣсколькихъ учителей, изъ коихъ каждый, получивъ высшее образованіе, преподаетъ въ трехъ-четырехъ школахъ, имѣетъ свыше тридцати уроковъ въ мѣсяцъ, и въ конечномъ результатѣ получаетъ всего до 150 рублей въ мѣсяцъ. Позволимъ себѣ спросить: возможно ли несчастному учителю, да еще съ семьєю, прожить мало-мальски прилично на эти деньги въ Петербургѣ, при баснословной дороговизнѣ здѣшней жизни и квартиръ въ особенности?.. Известно, что теперешній г. министръ народнаго просвѣщенія, тотчасъ же по вступленіи своемъ въ управленіе министерствомъ, обратилъ должное вниманіе на этотъ серьезный вопросъ, и, если не ошибаемся, была даже учреждена комиссія для обсужденія мѣръ и изысканія средствъ къ увеличенію учительскаго вознагражденія; но о результатахъ занятій этой комиссіи ничего до сихъ поръ не известно, и даже, какъ слышно, комиссія эта уже прекратила свои занятія, ничего не рѣшивъ по этому вопросу первостепенной важности въ дѣлѣ обученія. И. З.

нута. Гдѣ есть только возможность, украшайте вашу школу, изгоняйте изъ нея грязь и пыль и мрачныя, наводящія тоску, цвѣта. Пусть она будетъ любимымъ мѣстомъ общежитія; если оно темно, школа освѣтитъ его; если оскудѣло духовнымъ интересомъ, школа привьетъ къ нему мысль и чувство; если загубѣло и зачерствѣло, школа дохветъ на него любовью».

Какія это прекрасныя, благородныя слова, — и какую серьезную услугу оказываетъ высокопоставленный авторъ нашей многострадальной русской школѣ, надъ которою такъ долго и безжалостно производились всевозможные опыты и эксперименты, и въ душу которой проводились многоразличныя системы ея многоразличными реформаторами, начиная съ недоброй памяти Магницкаго и кончая гр. Д. А. Толстымъ.

И. Н. З.

А. В. Половцовъ. Прогулка по Русскому музею императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39 рисунками. М. 1900.

Названная нами книжка небезызвѣстнаго любителя и знатока искусства, А. В. Половцова, подъ скромнымъ заглавіемъ: «Прогулка», представляетъ на самомъ дѣлѣ выдающееся произведеніе. Помимо прекраснаго спутника, путеводителя и указателя музея, въ ней читатель найдетъ цѣлыя очерки изъ исторіи искусства, характеристики художниковъ и скульпторовъ, теоретическія объясненія, разнаго рода историческіе эпизоды, анекдоты, воспоминанія, которыя всѣ почти отличаются если не полною новизною, то во всякомъ случаѣ крайнею рѣдкостью. Авторъ для своихъ сужденій и воспоминаній старался не только исчерпать всю печатную литературу предмета, но нерѣдко обращался и къ архивнымъ даннымъ, отчего немало свѣдѣній въ «Прогулкѣ», обязанныхъ своимъ появленіемъ на свѣтъ исключительно А. В. Половцову. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе обращаютъ данныя о живописныхъ работахъ государыни императрицы Маріи Феодоровны (см. о нихъ ниже). Все это интересное содержаніе книжки изложено въ высшей степени легкимъ, литературнымъ языкомъ и какъ бы демонстрировано приведеніемъ въ концѣ 39 прекрасно исполненныхъ рисунковъ лучшихъ произведеній нашихъ художниковъ, что должно придавать еще большее значеніе и большее распространеніе «Прогулкѣ».

Начинается «Прогулка» «введеніемъ», въ которомъ излагаются: просвѣтительная дѣятельность императора Александра III; научные и художественные труды великаго князя Георгія Михайловича, управляющаго Русскимъ музеемъ; исторія и характеристика самаго зданія музея, бывшаго Михайловскаго дворца, передѣланнаго въ стилѣ емпіе искусною рукою художника В. Ф. Свиньина, съ затратою всего 540.000 рублей; и наконецъ способы образованія музея. Любопытно, что «до основанія русскаго музея императора Александра III русская живопись не имѣла родного пріюта, «дома», гдѣ всякій интересующійся ею и ея судьбами могъ бы ознакомиться съ нею всесторонне» (стр. 14).

За этимъ «введеніемъ» слѣдуетъ обзоръ предметовъ искусства, находя-

щихся въ нижнемъ этажѣ музея. Тутъ г. Половцовъ прежде всего говоритъ о христіанскихъ древностяхъ, а именно о византійскихъ иконахъ, объ иконахъ русской иконописи—новгородской и московской, о паникадилахъ, крестахъ и многихъ другихъ церковно-обрядовыхъ предметахъ.

Далѣе идетъ рѣчь о картинахъ «добраго стараго времени», т. е. XVIII вѣка и начала XIX, когда наиболѣе выдающимися, выдвинутыми Екатериною II, художниками были В. Л. Боровиковскій, Ѳ. Я. Алексѣевъ и проч. При перечнѣ другихъ художниковъ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что громадное большинство ихъ вышло изъ крѣпостныхъ. Заканчивается этотъ отдѣлъ указаніемъ на «скульптурныя произведенія на площадкѣ лѣстницы».

Слѣдующій этажъ—верхній, какъ наиболѣе наполненный, и разсматривается авторомъ «Прогулки» съ болѣшими подробностями. Особенно подробно трактуетъ онъ о К. П. Брюловѣ и его произведеніяхъ, гдѣ болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе приведенное г. Половцовымъ (впервые въ печати) письмо К. П. Брюлова къ брату, подробно излагающее планъ знаменитой картины «Послѣдній день Помпеи». Любопытна также дѣлаемая г. Половцовымъ поправка по поводу общераспространеннаго мнѣнія, будто на картину Брюлова «Смерть Инесы де-Кастро» повліяла опера Персіани «Инеса де-Кастро»; оказывается, что Брюловъ написалъ свою картину за два года до постановки названной оперы.

Послѣ Брюлова, хотя и съ меньшими подробностями, г. Половцовъ говоритъ о Ѳ. А. Бруни, при чемъ на основаніи документальныхъ данныхъ утверждаетъ, что Бруни «принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи Бароффи-Бруни», что его отецъ переселился съ семьей въ Россію только въ 1807 г., а не при Павлѣ I, какъ было до сихъ поръ принято во всѣхъ біографіяхъ этого художника, и что Ѳ. А. Бруни родился не въ 1800 г., а въ 1799 г. и въ Миланѣ, а не въ Москвѣ.

Далѣе обозрѣваются произведенія «спутниковъ Брюлова и Бруни», именно П. В. Васина, графа Ѳ. П. Толстого, Н. С. Пименова и др.

Покончивъ затѣмъ съ «последнимъ историческимъ чертогомъ», авторъ переходитъ къ «Пантеону современниковъ», справедливо замѣтивъ предварительно, что всѣ лучшія произведенія послѣднихъ собраны и приобрѣтены самимъ императоромъ Александромъ III и долго скрывались отъ публики. Къ числу такихъ произведеній болѣе всего могутъ относиться картины А. Е. Коцебу. Послѣ этого г. Половцовъ останавливается на скульптурныхъ произведеніяхъ этихъ двухъ залъ верхняго этажа и между прочимъ высказываетъ немало симпатичныхъ своихъ взглядовъ и убѣжденій въ отношеніи искусства вообще, ваянія, зодчества и будущаго русскаго стиля XX вѣка.

Въ предпоследней главѣ, названной «Памятный отдѣлъ императора Александра III», находимъ пока немного «письменныхъ и печатныхъ матеріаловъ», а равно и «предметовъ», относящихся до царствованія покойнаго монарха, но, судя по программѣ, этотъ отдѣлъ обѣщаетъ въ будущемъ быть очень богатымъ и поучительнымъ. Тутъ же встрѣчаемъ впервые въ печати свѣдѣнія о томъ, что «въ Анничковскомъ дворцѣ въ Петербургѣ и въ Гатчинскомъ дворцѣ находится много картинъ работы ея величества, вдовствующей императрицы

Маріи Теодоровны, изображающихъ какъ внутренніе виды библіотеки и другихъ дворцовыхъ помѣщеній, такъ и nature morte и портреты» (стр. 125), и что находящаяся въ отдѣлѣ «превосходно написанная красивая голова русскаго мужика» — портретъ кучера Ивана Любушкина — собственноручное произведеніе императрицы Маріи Теодоровны.

Наконецъ, въ главѣ «Современность» передается исторія созданія «Іоанна Грознаго» Антокольскаго, указывается на картины Крамскаго, Верещагина, Ярошенко, Перова, Бурова и др.

Вотъ содержаніе образцоваго на нашъ взглядъ «Указателя Русскаго музея императора Александра III», изданнаго на лучшей бумагѣ, съ 39 прекрасно исполненными рисунками, и продаваемого всего за 60 коп.

В. Р-въ.

Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ первый. Спб. 1900.

Первый выпускъ «Извѣстій русскаго генеалогическаго общества» представляетъ по содержанію своему богатый матеріалъ для всѣхъ интересующихся не только родословіемъ, но и исторіею русскаго дворянства. Прекрасно и тщательно изданный подъ редакціею проф. Н. П. Лихачева и при ближайшемъ участіи специалиста-генеалoga В. В. Руммеля, томъ состоитъ изъ 5 отдѣловъ: въ 1-й вошли изслѣдованія и замѣтки, во 2-й — родословія, въ 3-й — полуобработанные матеріалы, въ 4-й и 5-й — хроника, вопросы и отвѣты. Послѣдніе отдѣлы имѣютъ цѣлью установить оживленный обмѣнъ мыслей между обществомъ и посторонними любителями, которымъ дорога исторія служившихъ людей Московскаго государства.

Первая статья выпуска «По поводу родословія Нагихъ» принадлежитъ вице-предсѣдателю общества, графу С. Д. Шереметеву, неумоимо и много уже лѣтъ занимающемуся исторіею Смутнаго времени. Авторъ указываетъ на недостатки и замѣченныя имъ неточности въ существующихъ родословіяхъ Нагихъ, которые во второй половинѣ XVI вѣка играли немалую роль и заслуживали бы особаго вниманія и изслѣдованія. Тщательно составленное родословіе семьи Нагихъ, съ правильнымъ означеніемъ годовъ ссылки, смерти и пр. главнѣйшихъ лицъ этого семейства, могло бы оказать значительную услугу для раскрытія нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ угличской драмы.

Въ первомъ же отдѣлѣ помѣщены двѣ весьма интересныя статьи гг. Лихачева и Руммеля о Бархатной книгѣ и о Государевомъ родословцѣ. Всѣмъ занимающимся генеалогіею или исторіею нашего дворянства извѣстна Бархатная книга по печатному ея изданію, сдѣланному Новиковымъ, но появившіяся до сихъ поръ свѣдѣнія о способѣ ея составленія, о заключающихся въ ней неточностяхъ, пропускахъ и о причинахъ оныхъ были отрывочны и разбросаны. Г. Лихачевъ дѣлаетъ сжатый, но прекрасный и ясный очеркъ составленія Государева родословца и устанавливаетъ время его редакціи (1555 г.). Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію Бархатной книги и объясняя, въ чемъ заключались трудности, съ которыми пришлось бороться составителямъ оной, почтенный

исследователь наглядно указывает на родословиях Глѣбовыхъ и Ляпуновыхъ слабыя стороны этого официального сборника XVII вѣка и приходитъ къ весьма основательному заключенію, что для правильныхъ генеалогическихъ работъ необходимо выдѣлить изъ Бархатной книги текетъ родословца 1555 г., и подвергнуть строгой критикѣ и провѣркѣ въ родословіяхъ 130-ти-лѣтній періодъ, отдѣляющій «родословецъ» отъ «книги», хранящейся въ департаментѣ герольдіи.

Статья г. Руммеля по тому же предмету дополняетъ изслѣдованіе Н. П. Лихачева; въ ней излагается самая исторія составленія Бархатной книги въ патрѣ родословныхъ дѣлъ; мы узнаемъ всѣхъ дяковъ, завѣдывавшихъ этою генеалогическою работою, и имѣемъ описаніе ея наружнаго вида и краткое оглавленіе внутренняго содержанія. Г. Руммель заканчиваетъ статью сообщеніемъ свѣдѣній о печатномъ изданіи Бархатной книги, сдѣланномъ Новиковымъ въ Москвѣ въ 1787 г., и общааетъ указать въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ «Извѣстій» всѣ неточности Новиковскаго изданія сравнительно съ подлинникомъ.

Для любителей генеалогіи большой интересъ представляетъ «Замѣтка по родословію нѣкоторыхъ княжескихъ фамилій» Н. П. Лихачева, въ которыхъ онъ съ свойственнымъ ему добросовѣтностью и трудолюбіемъ открываетъ много новыхъ именъ въ напечатанныхъ родословіяхъ княжескихъ семействъ и исправляетъ въ нихъ неточности и погрѣшности.

Тому же автору, много потрудившемуся для перваго выпуска «Извѣстій», принадлежатъ еще нѣсколько прекрасныхъ замѣтокъ по разнымъ вопросамъ, входящимъ въ область генеалогіи ¹⁾.

Во 2-й отдѣлъ вошла только одна родословная таблица рода Ефремовыхъ, составленная Л. М. Савеловымъ. Хотя фамилія эта и мало извѣстна въ Россіи, но родъ Ефремовыхъ въ донскомъ дворянствѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и нѣкоторые представители его играли въ исторіи Дона въ XVIII вѣкѣ выдающуюся роль. Ефремовы, кромѣ того, отличались благотворительностью и построили въ Старочеркасскѣ женскій монастырь, названный Ефремовскимъ ²⁾.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ напечатаны: 1) чинъ бракосочетанія царя Ивана Васильевича съ царицею Анною Васильчиковою (1575 г.), который найденъ недавно умершимъ молодымъ А. А. Васильчиковымъ, занимавшимся исторіею своего рода, и 2) грамоты рода Осоргиныхъ (числомъ 13), изъ коихъ древнѣйшая относится къ 1500 году, 4—къ XVII вѣку, а остальные къ XVIII-му.

¹⁾ Заслуживаютъ также вниманія весьма обстоятельная замѣтка Д. О. Кобеко «Шереметевы и Полевы» и написанная живымъ языкомъ очень интересная статья г. Кашкина «Архивъ Кашкиныхъ и прежнихъ владѣльцевъ села Нижнихъ Прысковъ», въ которой авторъ приводитъ рядъ любопытныхъ свѣдѣній объ этой старинной русской усадьбѣ и хранящемся въ ней богатомъ семейномъ архивѣ, заключающемъ въ себѣ важные документы для исторіи и родословія родовъ Ртищевыхъ, Кашкиныхъ, Щербачевыхъ, Бахметевыхъ, Нестеровыхъ и др.

²⁾ Несмотря на все это, родословіе Ефремовыхъ появилось въ первомъ выпускѣ, вѣроятно, только потому, что у общества не нашлось изготовленнаго родословія болѣе крупной или болѣе извѣстной фамиліи.

Родъ этотъ, говоритъ Н. П. Лихачевъ въ предисловіи къ грамотамъ, дорогъ для насъ не военными доблестями его членовъ, не представителями на высокихъ государственныхъ должностяхъ, а тѣмъ, что эту фамилию носила Юліанія Лазаревская, которая много испытала въ своей жизни, и которую современники, не дожидаясь канонизаціи, причислили къ лику святыхъ. Грамоты содержатъ важныя и любопытныя свѣдѣнія о древнѣйшихъ поколѣніяхъ рода Осоргинныхъ.

Послѣдній отдѣлъ — хроника и библиографическія замѣтки по генеалогической литературѣ — составленъ княземъ Путятинымъ.

Привѣтствуя генеалогическое общество съ изданіемъ такого полезнаго и интереснаго перваго тома своихъ трудовъ, мы можемъ только пожелать скорѣйшаго появленія слѣдующихъ выпусковъ «Извѣстій». К. А.

С. С. Татищевъ. Родъ Татищевыхъ. 1400—1900. Историко-генеалогическое изслѣдованіе. Спб. 1900.

Въ Китаѣ, гдѣ существуетъ «религія предковъ», каждый порядочный китаецъ знаетъ своихъ предковъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Въ Россіи существуетъ совершенно противоположное явленіе, презрѣніе къ предкамъ. Кромѣ царствующихъ родовъ и нѣсколькихъ аристократическихъ фамилій, очень рѣдко кто либо знаетъ своихъ предковъ далѣе прадѣда, и поэтому русская генеалогія едва ли не наименѣе разработанная часть русской исторіи.

Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ по отношенію къ своему роду, нашъ извѣстный публицистъ г. Татищевъ и занялся критическою провѣркою печатнаго матеріала о родѣ Татищевыхъ (въ Бархатной книгѣ, въ сочиненіяхъ Спиридова, князя П. В. Долгорукова, П. Петрова и графа Бобринскаго) и дополненіемъ печатныхъ свѣдѣній, заимствуя новыя данныя частью изъ сообщеній живыхъ представителей рода, но главнымъ образомъ изъ библиотекъ и архивовъ, особенно изъ архивовъ министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ и департамента герольдіи въ С.-Петербургѣ.

Такимъ образомъ собраны болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о 649 представителяхъ рода Татищевыхъ, въ 16 колѣнахъ, свѣдѣнія, раздѣленные на 4 главы: родословную поколѣнную роспись, выводы изъ родословной росписи, генеалогическіе документы и княжеское происхожденіе рода Татищевыхъ отъ Рюрика, князей Смоленскихъ и Соломерецкихъ. Къ книгѣ приложены алфавитный указатель именъ и родословная таблица.

Въ будущемъ предполагается издать еще томъ съ очеркомъ исторіи рода, біографіями наиболѣе выдающихся его членовъ и автобіографіей автора книги.

Краткія біографіи представителей рода имѣются и въ настоящемъ изданіи. Изъ нихъ видно, что значеніе рода было главнымъ образомъ служилое. 10 Татищевыхъ убиты на войнѣ. Въ старинной Россіи: 1 былъ бояриномъ, 3 окольными, 4 думными дворянами, 1 казначеемъ Большой казны, 12 послами и по-сольскими дворянами, 19 воеводами, 1 постельничимъ, 2 ясельничими, 36 стольниками разныхъ категорій, 12 московскими дворянами, 8 стряпчими, 12 жиль-

цами. Въ два послѣднія столѣтїя 2 Татицевыхъ были министрами, 3 членами государственнаго совѣта, 2 сенаторами, 15 имѣли придворные чины, 32 состояли кавалерами разныхъ орденовъ, 89 служили въ военной службѣ, 11 были предводителями дворянства, 4 дипломатами, 6 въ государевой свитѣ, въ томъ числѣ 2 денщиками Петра Великаго. Въ живыхъ находится 110 представителями рода, распадающихся на четыре вѣтви. Авторъ очерка принадлежитъ къ старшей вѣтви — Юрьевской.

Крупное, государственное и общественное значеніе имѣли впрочемъ не многіе члены рода. На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены: знаменитый историкъ, администраторъ, строитель горныхъ заводовъ и авторъ нелиціи о возстановленіи самодержавія Василій Никитовичъ; затѣмъ занимали важное служебное положеніе: Алексѣй Даниловичъ — генераль-полицеймейстеръ въ 1745—1760 гг., графъ Александръ Ивановичъ — военный министръ 1824—1827 гг., Дмитрій Павловичъ — посолъ въ Вѣнѣ 1826—1841 гг., графъ Никита Алексѣевичъ — инспекторъ по инфантерїи 1801—1803 гг. и графъ Иванъ Дмитріевичъ — помощникъ командующаго войсками Кавказскаго округа 1890—1897 гг. Въ древнемъ періодѣ отмѣчается крупная дѣятельность Игнатія Петровича по дипломатической части и въ качествѣ казначея Большой казны 1577—1602 гг., Михаила Игнатьевича, какъ главы партїи, низвергнувшей Самозванца. Теперь родъ измельчалъ, и Татицевы служатъ въ полиціи, таможенныхъ, по желѣзнымъ дорогамъ и проч. Родовыя имѣнія, прежде очень многочисленныя, также утрачены.

Помимо своего спеціальнаго значенія, новая книга г. Татицева, написанная съ его обычнымъ талантомъ и ясностью, интересна не для однихъ историковъ-специалистовъ, но и вообще для образованныхъ читателей. Въ ней собрано изъ архивныхъ документовъ, особенно изъ писцовыхъ книгъ, много любопытныхъ подробностей старинной русской жизни. Въ заключеніе надобно прибавить, что авторъ безъ достаточной филологической провѣрки принимаетъ легенду о происхожденіи прозванія рода отъ словъ: тать — ища, даннаго будто бы Василію Юрьевичу, намѣстнику московскаго великаго князя Василя Дмитріевича въ Великомъ Новгородѣ, за открытіе заговора, о которомъ, однако, ничего не знаетъ исторїи.

Е. С.

Матеріалы для исторїи императорской академіи наукъ. Томъ десятый. [1749—(іюнь—декабрь)—1750]. Спб. 1900.

Новый томъ «Матеріаловъ для исторїи императорской академіи наукъ» (вся вторая половина 1749 года и весь 1750 годъ) заключаетъ въ себѣ много живыхъ, характерныхъ и любопытныхъ подробностей изъ ранней поры жизни перваго разсадника нашего новаго просвѣщенія.

Прежде всего, разумѣется, приковываетъ къ себѣ наше вниманіе могучая фигура Ломоносова, бывшаго въ то время академическимъ профессоромъ. Дѣятельность его, по обыкновенію, кипуча, многообъемлюща и плодотворна. Онъ занялъ вопросомъ, какъ добывать берлинскую лазурь, и въ своемъ «репортѣ» президенту академіи графу Разумовскому докладываетъ о найденныхъ имъ

способахъ приготовления этой краски. Онъ дѣлаетъ въ то же время опыты надъ примѣненіемъ «крашенныхъ» стеколь къ мозаикѣ и минеральныхъ красокъ для финифти. Но вотъ президентъ объявляетъ по академіи словесный указъ императрицы, коимъ повелѣвается профессорамъ Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи. У Ломоносова уже готова трагедія «Темира и Селимъ», которая, по распоряженію начальства, и печатается вслѣдъ за симъ въ 600 экземпляровъ «на заморской коментарной бумагѣ». Въ то же время въ чисто служебныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ Ломоносовъ является чуть ли не самымъ дѣтельнымъ, горячимъ и неутомимымъ изъ профессоровъ. Положительно изумляешься и недоумѣваешь, какъ хватается на все этой пламенной, богато одаренной натуры, этого гениальнаго русскаго самородка!

А вотъ совершенно иной типъ, которому тоже немало посвящено страницъ въ десятомъ томѣ «Матеріаловъ». Это профессоръ «изъ нѣмцевъ», взявшихъ на себя задачу просвѣщать тогдашнюю, небогатую собственными учеными силами, Русь, исторіографъ Миллеръ. Во главѣ съ Миллеромъ была снаряжена и послана въ Сибирь научная экспедиція для составленія описанія этого края. Получивъ достаточныя на то суммы, Миллеръ предпочелъ, пріѣхавъ въ Сибирь, остаться на мѣстѣ, а на изслѣдованія разослать находившихся при немъ студентовъ. Результатомъ такихъ научныхъ изысканій было то, что Миллеръ привезъ съ собою ворохъ копій, собранныхъ по сибирскимъ канцеляріямъ, которыя «малымъ издвигеніемъ можно было получить черезъ указы сената». Затѣмъ тотъ же Миллеръ сочинилъ диссертацию о началѣ россійскаго народа, въ которой, по отзыву адъюнкта Попова, «рѣчи въ матеріи отъ имени достовѣрнѣйшихъ нашихъ писателей и святыхъ отцовъ приведены фальшиво и умышленно». За все это и за дерзкія выходки противъ другихъ профессоровъ Миллеръ, по распоряженію президента, былъ лишенъ на годъ профессорскаго званія, и ему приказано было быть на это время адъюнктомъ, а профессору Ломоносову, обиженному Миллеромъ, предоставлено было обратиться къ суду.

А между тѣмъ этотъ Миллеръ (такъ же, какъ и другіе академическіе «нѣмцы») получалъ усиленный профессорскій окладъ того времени, т. е. 1.000 рублей въ годъ, или 333 р. 33¹/₄ к. въ треть, тогда какъ гениальный Ломоносовъ получалъ всего 286 р. 66¹/₂ к. въ треть. Профессоръ «эдоквенціи и стихотворства» Тредьяковскій получалъ въ это время 220 рублей въ треть. Довольно много въ книгѣ небезынтересныхъ матеріаловъ и объ этомъ неутомимомъ переводчикѣ и кропотливомъ труженикѣ.

Въ то время въ академіи, какъ извѣстно, читались лекціи студентамъ. Весьма характерна и любопытна аттестація студентовъ того времени, сдѣланная инспекторомъ Фишеромъ и озаглавленная имъ: «О нравахъ и понятіяхъ студентовъ» (стр. 304—306).

Есть отзывы весьма хорошіе, какъ, напримѣръ, «Семень Котельниковъ—человѣкъ добрый и совѣстный; упражняется въ математическихъ наукахъ». «Антонъ Барсовъ—ведетъ себя честно, добрыхъ совѣтовъ слушается». «Андрейнъ Дубровскій, Федоръ Соколовъ, Борисъ Волковъ—по сіе время вели себя непорочно». «Михайла Софоновъ—человѣкъ добронравный и прилежа-

ніемъ всѣхъ товарищей превосходитъ». «Иванъ Братковской — разумъ тупъ, но что уже пойметъ, то твердо помнитъ». «Степанъ Румовскій — всѣхъ лучше въ учени, нравовъ добрыхъ, стыдливъ и молодъ, ибо нѣтъ ему еще и семнадцати лѣтъ».

Но значительная часть отзывовъ совершенно иного характера. Напримѣръ: «Павель Веденскій — не глупъ, но пьяница, и за пьянство сидѣлъ нѣсколько разъ въ карцерѣ». «Василій Клементьевъ — по своему состоянію чистогу любитъ больше всѣхъ товарищей. Нѣкогда и сей приличился въ пьянствѣ, что учинилъ онъ, уповательно, не самъ собою, но отъ худой компаніи». «Григорій Павинскій — съ лица можно почестъ его за добронравнаго человѣка, но ошибаются, которые знаки на лицѣ почитаютъ за довольные къ познанію человѣка. Въ пьянство такъ сильно вдался, что трудно его отъ того отвратить. Весьма опасно попасться ему въ руки пьяному и бѣшеному; хватается иногда за ножъ или за другое, что въ сердцѣ ему ни попадется, чѣмъ всякаго, кто ни попадется, хотя не убьетъ, но устрашаетъ». «Егоръ Павинскій — меньшей братъ прежняго, но злыми дѣлами его превосходитъ. Онъ въ пьянствѣ не разсуждаетъ о честности, славѣ, благодѣяніи, пристойности, а наившись, какъ человѣкъ не смиренный и суровый, дерзостно и нагло поступаетъ. Онъ человѣкъ упрямаго нраву и не усмиряется науками, къ которымъ склонности не имѣетъ. Оба за пьянство и за наглость сидѣли нѣсколько разъ въ карцерѣ для исправленія, но напрасно». «Филиппъ Яремской — человѣкъ болтливый и злословящій, хвастливый, другихъ людей, а между ими профессоровъ и учителей своихъ, непристойными словами поноситъ, наипаче предъ такими людьми, которые охотно слушаютъ ласкательныя его слова, за что пришелъ въ любовь у нѣкоторыхъ профессоровъ. Впрочемъ и сей иногда для увеселенія напивается». «Иванъ Барковъ — среднихъ обычаевъ, но больше склоненъ къ худымъ дѣламъ».

Впрочемъ, несмотря на эту нѣкоторую «склонность къ худымъ дѣламъ» и слабость иной разъ «для увеселенія напиваться», студенты, по видимому, все-таки занимались порядочно, и не только всѣ, о которыхъ выше приведенъ хорошій отзывъ, но даже аттестованные не особенно лестно: напримѣръ, Григорій Павинскій и Ф. Яремскій, въ концѣ года «за прилежное обученіе и добрыя поступки» были награждены шпagoй, а Яремскій, по окончаніи публичнаго экзамена, произнесъ даже рѣчь на латинскомъ языкѣ (703—706 стр.).

Въ концѣ X тома «Матеріаловъ» приложенъ подробный, прекрасно составленный алфавитный указатель къ этому тому. — Д. —

Н. В. Гоголь. Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Текстъ по послѣдней редакціи академика Тихонравова. Съ портретомъ Гоголя, 10 геліографюрами и 355 иллюстраціями. Изданіе А. Ф. Маркса. Выпускъ первый. Спб. 1900.

Наконецъ, Гоголь дождался достойнаго его изданія. А. Ф. Марксъ задумалъ выпустить въ свѣтъ «Мертвыя души» въ такомъ роскошномъ и худо-

жественномъ видѣ, который своими внѣшними качествами соотвѣтствовалъ бы внутреннимъ красотамъ великаго творенія. Съ этой цѣлью онъ поручилъ художникамъ Андрееву, Аванасьеву, Бажину, Быстренину, Далькевичу, Козачинскому, Маньковскому, Пирогову, Самокишъ-Судковской, Соломко и Хохрякову иллюстрировать «Мертвыя души». Каждому изъ нихъ было предоставлено взять на себя исполненіе тѣхъ эпизодовъ поэмы, которые-бы соотвѣтствовали характеру и средствамъ его таланта. Нужно отдать справедливость поименованнымъ художникамъ: они прониклись важностью предстоявшей имъ задачи, старательно, до мельчайшихъ подробностей изучили текстъ «Мертвыхъ душъ» и соединенными усилиями воспроизвели разнообразное и прекрасное цѣлое. Ихъ талантливые рисунки олицетворяютъ типы, созданные Гоголемъ, изображаютъ ихъ живыми людьми, взятыми изъ дѣйствительности, въ тогдашнихъ костюмахъ, среди тогдашней внутренней и внѣшней обстановки. Издатель не пожалѣлъ средствъ, чтобы сдѣлать это изданіе, можно сказать безъ преувеличенія, выдающимся въ нашей литературѣ. «Мертвыя души» напечатаны на дорогой, веленовой бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, въ большемъ форматѣ. Клише всѣхъ иллюстрацій изготовлены за границей; наиболѣе значительные рисунки воспроизведены гелиографурой, — способомъ, очень еще мало распространеннымъ у насъ вълѣдствіе его дороговизны; остальные автотишией, лучше всего передающей всѣ тонкости оригинала. Въ общемъ, изданіе будетъ состоять изъ 12 выпусковъ, съ 10 гелиографурами и 355 автотишиями. Мы убѣждены въ его успѣхѣ и справедливой оцѣнкѣ публикой издательской дѣятельности г. Маркса. Досадно, что мы все-таки вынуждены высказать одно замѣчаніе, относящееся исключительно къ гг. Гнѣдичу и Далькевичу, подъ наблюденіемъ которыхъ находился художественный отдѣлъ; типъ Чичикова не выдержанъ строго всѣми художниками: у однихъ онъ моложе, у другихъ полнѣе, у третьихъ красивѣе. Къ первому выпуску приложенъ портретъ Гоголя, прекрасно исполненный на стали Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ. С. Ш.

Письма и бумаги Суворова. Изъ суворовскаго сборника императорской Публичной бібліотеки. Издалъ А. Алексѣевъ. Вып. I. Спб.: 1901.

Въ этомъ выпускѣ для читателя, не специалиста по археологіи и исторіи, очень интересно «введеніе» самого издателя, въ которомъ авторъ старается оправдать Суворова въ ясно доказанной его письмами мелочности и даже мстительности, а также и въ непостижимыхъ чудачествахъ, къ которымъ, собственно въ письмахъ, не было надобности прибѣгать даже изъ страха практиковавшейся въ тѣ годы «перлюстраціи», которой подвергались почти всѣ письма не только сановниковъ и знаменитыхъ людей времени, но также и письма иностранныхъ посланниковъ. Подвергались этому же, конечно, и письма Суворова, хотя онъ ихъ тщательно, даже къ дочери, посылалъ съ нарочными. Мнѣ кажется, что эта часть труда г. Алексѣева достигаетъ своей цѣли, и образъ Суворова получается достаточно свѣтлымъ и значительнымъ. Но вотъ.

когда переходишь къ самымъ письмамъ, то начинаешь дивиться безконечному терпѣнью издателя, приложившаго колоссальный трудъ къ разбору этихъ ино-сказательныхъ и запутанныхъ іероглифовъ. Мнѣ сдается, что за одну корректуру этихъ невразумительныхъ писемъ, побивающихъ рекордъ самой запутанной китайской головоломки, надо бы взять большія деньги. И все же, въ этихъ письмахъ, за исключеніемъ очень немногихъ, мы съ вами, читатель, не поймемъ ни слова. Здѣсь загадка орфографическая ѣдетъ на загадкѣ грамматической, такъ какъ вмѣсто имени Суворовъ писалъ въ своихъ письмахъ какіе-то невѣдомые никому псевдонимы. Нѣкоторые изъ нихъ, и притомъ довольно часто повторяющіеся, даже самъ терпѣливый издатель разгадать навѣрное не рѣшается, и недоумѣніе такъ и остается недоумѣніемъ. Пользуясь свободой профана, я думаю, что едва ли эти письма что либо дадутъ и самому опытному, знающему и внимательному историку. Въ нихъ все хаосъ: распоряженія боевыя или хозяйственныя по имѣніямъ сразу переходятъ въ какія-то жалобы на угнетеніе, перемежаются замѣчаніями, какъ бы для себя писанными Суворовымъ, и все кончается поклономъ Наташѣ и благодарностью за вишенки тетушкѣ. Даже управляющимъ и бургомистрамъ въ своихъ имѣніяхъ Суворовъ писалъ слогомъ римскаго оратора, съ мнѣологическими уподобленіями и съ пафосомъ болѣе чѣмъ неестественнымъ. Удивительно, какъ его понимали даже современники!

Вотъ причина, почему даже убѣжденные историки нѣсколько инквизиторскихъ талантовъ, способныхъ пронизывать письма до ихъ сокровеннѣйшихъ корней, вѣроятно, согласятся съ г. Алексѣевымъ, что чтеніе писемъ и бумагъ Суворова, даже и при его помощи, трудъ не легкій. Для насъ же, простыхъ читателей историческихъ документовъ, это не только трудъ тяжкій и безплодный, но, простите мнѣ это слово, — прямо невозможный. В. П.

Матеріалы для біографіи К. Н. Тихонравова. Письма къ нему разныхъ лицъ. Подъ редакціей А. В. Смирнова. Владимиръ. 1900.

Съ учрежденіемъ у насъ губернскихъ архивныхъ комиссій дѣло изученія мѣстной исторіи и археологіи двинулось весьма далеко и идетъ со все болѣе и болѣе возрастающимъ успѣхомъ. Не то было въ болѣе отдаленное отъ насъ время, въ царствованіе императора Николая Павловича. Тогда работали кой-гдѣ самоотверженные труженики, печатавшіе свои труды съ большой опаской и почти съ непреодолимыми трудностями. Тѣмъ признательнѣе и благодарнѣе должно отнестись потомство, какъ къ трудамъ такихъ тружениковъ, такъ и къ плодотворной и безкорыстной дѣятельности вообще. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ объ этихъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ дѣятеляхъ мы знаемъ очень мало, да и то, что знаемъ, принадлежитъ перу членовъ архивныхъ комиссій.

Въ нѣсколько иномъ положеніи, благодаря исключительно своей слишкомъ большой популярности среди ученыхъ историковъ обѣихъ нашихъ столицъ, стоитъ изслѣдователь Владимиро-Суздальскаго края Константинъ Никитичъ Тихонравовъ. О немъ говорилось въ 1879 году, по поводу его смерти,

въ «Древней и Новой Россіи»; въ 1886 году П. Голышевъ напечаталъ пространную его біографію; позднѣе писалъ о немъ А. Смирновъ; встрѣчаются упоминанія въ извѣстномъ трудѣ г. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», и др. Нынѣ подъ редакціей А. В. Смирнова вышла новая книга (въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и не «для продажи»), посвященная К. Н. Тихонравову, и заглавіе которой мы привели выше. Несмотря на то, что она заключаетъ въ себѣ, иногда даже въ извлеченіяхъ, письма лишь 30 корреспондентовъ К. Н. Тихонравова, тѣмъ не менѣе, сообщаетъ интересные «матеріалы» для біографіи не только адресата, но и самихъ корреспондентовъ, а также много цѣнныхъ свѣдѣній для исторіи просвѣщенія и науки того времени.

К. Н. Тихонравовъ уже съ конца 1840-хъ годовъ представлялъ собою центральную фигуру, около которой группировались всѣ лица, желавшія поработать на пользу мѣстнаго края и мѣстной исторіи. Съ начала же пятидесятихъ годовъ, послѣ участія въ расконкахъ П. С. Савельева и графа А. С. Уварова, имя К. Н. Тихонравова стало широко извѣстно и столичнымъ археологамъ и историкамъ, которые во всѣхъ необходимыхъ имъ случаяхъ прямо обращались къ нему, иногда даже не умѣя назвать его правильно по имени и отчеству. Наиболѣе часто обращались къ К. Н. Тихонравову за справками П. С. Савельевъ, архіепископъ Савва (Тихомировъ), М. П. Погодинъ, гр. А. С. Уваровъ, А. А. Мартыновъ и др., и обращались рѣшительно за всѣмъ, что только интересовало ихъ во Владимирской губерніи. При этомъ корреспонденты частенько высказывали и мнѣнія относительно работъ А. Н. Тихонравова и впечатлѣнія другихъ лицъ. Въ общемъ всѣ видѣли въ нашемъ изслѣдователѣ большого знатока не только прошлой исторіи края, но и современнаго его положенія, и многіе изъ нихъ старались привлечь его въ число своихъ сотрудниковъ; каковы, напримѣръ, А. И. Артемьевъ, И. С. Аксаковъ, А. А. Мартыновъ, М. П. Семевскій и др.

Изъ писемъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ можно извлечь немало данныхъ и для ихъ собственной біографіи. Такими данными наиболѣе изобилуютъ письма В. А. Борисова и Е. С. Тиличеева. Борисовъ самоучка, много писавшій и собиравшій о родномъ ему краѣ, подробно описываетъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ (ихъ сохранилось болѣе всѣхъ прочихъ), какъ онъ работалъ и собиралъ свои драгоценные историческіе матеріалы, и тутъ же попутно сообщаетъ свои наблюденія надъ шуйскими жителями. Особенно любопытны слѣдующія его строки изъ письма, отъ 6-го марта 1854 года. Посовѣтовавъ К. Н. Тихонравову «нобесѣдовать лучше о современности», онъ пишетъ: «Чтеніе журналовъ и газетъ въ настоящее время у насъ въ Шуѣ сдѣлалось потребностью всеобщюю, любопытство каждаго увлекается новостями, политическими внутренними и иностранными извѣстіями, а многіе преимущественно интересуются старыми чисто литературнаго и ученаго достоинства. Оттого-то у насъ нѣкоторыя лица получаютъ по два, по три и болѣе журнала и газетъ... Страсть къ чтенію развилась въ Шуѣ и селѣ Ивановѣ въ довольно значительныхъ размѣрахъ... Въ Шуѣ выписывается, по достовѣрному источнику, всѣхъ газетъ и журналовъ — 236 полныхъ годовыхъ экземпляровъ... О

любви къ чтенію въ нашемъ городѣ и уѣздѣ можете заключить и изъ того, что нѣкоторые мѣста и лица имѣютъ довольно порядочныя бібліотеки»... (стр. 53—54).

Не безынтересно также и замѣчаніе А. И. Артемьева, близко стоявшаго къ императорскому русскому археологическому обществу, что оно было дѣятельнымъ только при П. С. Савельевѣ, умѣвшемъ объединять около себя всѣхъ членовъ общества, и что послѣ его смерти стало «тихо поспѣшать».

По поводу каждаго корреспондента редакторъ А. Смирновъ сообщаетъ о немъ краткія свѣдѣнія, и это еще болѣе возвышаетъ значеніе предпринятой имъ кропотливой и нелегкой работы.

В. Рудаковъ.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ А. В. Зеленинъ. Съ рисунками и картами. 2 тома. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 1901.

Дѣятельность и ученые заслуги нашего знаменитаго путешественника Н. М. Пржевальскаго извѣстны всему свѣту, и о нихъ нечего распространяться. Онъ провель въ Средней Азій, въ общей сложности, слишкомъ 9 лѣтъ и прошелъ около 30.000 верстѣ. Изслѣдованія Пржевальскаго охватили громадную площадь отъ Памира на востокъ до хребта Большой Хинганъ, длиною около 4.000 верстѣ, а съ сѣвера на югъ отъ Алтая до середины Тибета, т.-е. шириною до 1.000 верстѣ. Онъ далъ первое описаніе Восточнаго Туркестана, установилъ окончательно на картѣ теченіе Тарима и мѣсто Лобъ-Нора, куда онъ впадаетъ. Обслѣдовавъ на протяженіи 1.300 верстѣ всю южную окраину Восточнаго Туркестана, Пржевальскій былъ первымъ европейцемъ, посѣтившимъ эти мѣстности. Ему же принадлежитъ честь обслѣдованія впервые Куень-Луня, сѣверной границы громаднаго Тибетскаго нагорья, до него обозначавшагося на картахъ лишь гадательно. Имъ выяснено впервые строеніе земной поверхности этихъ мѣстѣ, гдѣ громадный хребетъ Алтынъ-Тага, поднимающійся къ югу отъ Лобъ-Нора, раздѣляетъ собою двѣ совершенно различныя природы. Въ сѣверо-восточномъ краѣ Тибетскаго нагорья Пржевальскому удалось впервые подробно изслѣдовать всю область озера Куку-Нора и посѣтить истоки Желтой и Голубой рѣкъ. Вообще Пржевальскій первый далъ вѣрную картину всего сѣвернаго Тибета. Человѣкъ съ разностороннимъ образованіемъ, онъ во время своихъ путешествій, кромѣ географическихъ изслѣдованій, производилъ еще изслѣдованія этнографическія, зоологическія, ботаническія и метеорологическія. Подробныя описанія путешествій Пржевальскаго и сдѣланныхъ имъ важныхъ открытій были изданы императорскимъ географическимъ обществомъ; но по обширности своего объема и высокой цѣнѣ они оставались мало доступными публикѣ. Г. Сойкину пришла удачная мысль популяризовать труды Пржевальскаго въ такомъ изданіи, которое, сохраняя все достоинства оригинала, вмѣстѣ съ тѣмъ было бы доступно широкому кругу читателей и по своей небольшой цѣнѣ и по легкости изложенія. Это полезное дѣло было поручено имъ А. В. Зеленину, который отнесся къ своей задачѣ въ высшей

степенни добросовѣстно и справился съ ней вполне удачно. Онъ сжалъ описаніе путешествій Пржевальскаго въ два компактныхъ тома, тщательно и умѣло выбравъ все, что можетъ представлять интересъ для неспециалиста. Къ изданію присоединены: біографія Пржевальскаго, оцѣнка его заслугъ, множество иллюстрацій и обстоятельная карта его путешествій.

С. Ш.

Грамоты и другіе историческіе документы, относящіеся до Грузіи. Томъ II. Выпускъ I. Грузинскіе тексты съ 1768 по 1801 г. Подъ ред. А. А. Цагарели, орд. проф. С.-Петербургскаго университета. Спб. 1898.

Первый томъ «Грамотъ и историческихъ документовъ» появился въ 1891 г., но по истеченіи семи лѣтъ отпечатанъ втораго тома первый выпускъ, поступившій въ обращеніе лишь недавно. Настоящій выпускъ заключаетъ въ себѣ документы исключительно на грузинскомъ языкѣ. Они обнимаютъ періодъ съ 1768 г. по 1801 г. Наибольшая часть ихъ приходится на царствованіе царя карталинскаго и кахетинскаго Ираклія II, остальные на царствованія сына Ираклія II, царя Георгія XII, и имеретинскихъ царей—Соломона I и Давида. Документы захватываютъ также правленіе владѣтельныхъ князей Каціи и Григорія Дадіани (мингрельскихъ), равно Маміи, Симона и Вахтанга Гуріели (гурійскихъ). Весьма важны вошедшіе въ это изданіе договоры, заключенные между Иракліемъ II и Соломономъ I, между Соломономъ и Маміей Гуріели, между царями и владѣтелями Грузіи, между Екатериной II и Иракліемъ II. Этотъ послѣдній, единственный ретификованный договоръ 1783 г. между Россіей и Грузіей въ 80-хъ годахъ XVIII в., былъ напечатанъ параллельно на русскомъ и грузинскомъ языкахъ и нынѣ составляетъ библиографическую рѣдкость. Проектъ новаго договора между Павломъ I и Георгіемъ XII формально не былъ ратификованъ. Проектъ этотъ, выработанный въ Петербургѣ уполномоченными послами Георгія XII, былъ апробованъ Павломъ I и подписанъ первенствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Ростовчинымъ. Онъ состоитъ изъ 16 пунктовъ и напечатанъ въ I томѣ Актовъ Кавказской археографической комиссіи. Текстъ договора 1783 г., который нынѣ переизданъ, списанъ съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ со включеніемъ начала и конца, выпущеннаго въ старопечатныхъ экземплярахъ. Грузинскіе подлинники не всегда оказываются въ архивѣ, гдѣ имѣются только русскіе переводы, такъ, на примѣръ, нѣтъ грузинскаго текста ноты, врученной министерству грузинскими послами въ апрѣлѣ 1801 г. Содержаніе документовъ, помѣщенныхъ какъ въ I т., такъ и въ I выпускѣ II тома, нерѣдко значительно расходится не только съ извѣстнымъ пересказомъ и очеркомъ русско-грузинскихъ отношеній П. Г. Буткова (см. его «Матеріалы для новой исторіи Кавказа», I, II и III т.), но и послѣдующихъ историковъ, какъ заявляетъ проф. А. А. Цагарели въ предисловіи къ своему изданію. Размѣры библиографической рецензіи не позволяютъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе содержанія до-

кументовъ. Скажу лишь, что они выясняютъ не только ходъ дипломатическихъ отношеній между Грузіей и Россіей, но и проливаютъ обильный свѣтъ на внутреннее состояніе страны, напримѣръ, «Краткое описаніе странъ и народовъ, окружающихъ Грузію». Много характернаго сообщаютъ документы о столкновеніи между Иракліемъ II и безтактнымъ генераломъ Тотлебеномъ. Письма, полныя оскорбленнаго чувства и укоризны, отправляетъ по этому поводу царь Ираклій къ гр. Н. П. Панину. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ были уже напечатаны на русскомъ языкѣ въ I томѣ, другіе (большею частью) впервые появляются въ печати. Документы послѣднихъ моментовъ существованія грузинскаго царства отличаются не только своей дѣловитостью, но и необычайной напряженностью интереса, возбуждающагося въ ихъ читателяхъ. Письма, грамоты, объявленія царя Георгія XII, разсылаемыя полномочному своему министру при русскомъ дворѣ кн. Г. Чавчавадзе, русскому посланнику при грузинскомъ дворѣ П. И. Коваленскому, командирующему на Кавказской линіи генералу Кноррингу, армянскому архіепископу Іосифу Мхаргрдзели, отличаются тревожнымъ характеромъ, опасеніями предъ грядущимъ стеченіемъ обстоятельствъ, угрожающихъ неблагопріятнымъ исходомъ составленныхъ предначертаній объ оздоровленіи страны и водвореніи въ ней порядка. Предчувствуя грозу, грузинскіе цари (Ираклій II и Соломонъ) и владѣтельные князья (Одипи и Гуріи) заключаютъ союзный договоръ, сиѣшати объединиться, но эти зародившіяся благія попытки не увѣнчиваются успѣхомъ, и смерть царя Георгія XII становится первымъ поводомъ къ установленію въ Грузіи русскаго правленія, распространившагося постепенно на всѣ части грузинскихъ владѣній.

А. Хахановъ.

Studia biblica et ecclesiastica. Essays chierly in biblical and patristic criticism by members of the University of Oxford. Volume V. Part I. Life of st. Nino. By Marjory Wardrop and I. O. Wardrop. Oxford. 1900.

Грузинологія возбуждаетъ интересъ въ настоящее время во всей Западной Европѣ и, между прочимъ, въ Англии. Тамъ г-жа Маржори Уордропъ и братъ ея г-нъ Оливеръ Уордропъ, давно уже съ честію занимающіеся грузинологіей, выпустили новый вышеназванный трудъ, который наряду съ прежними ихъ работами займетъ видное мѣсто въ ученой литературѣ о Грузіи. Въ предисловіи къ переводу «Житія св. Нины» сообщается, что англійскіе его перелататели пользовались грузинскими письменными памятниками, по этому вопросу помѣщенными въ «Сакартвелосъ Салютхе» (Рай Грузіи), изд. М. Сабина (Сиб., 1882), и «Мокцева Картлиса» (Обращеніе Грузіи). Переводчики воспользовались также свѣдѣніями о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ изъ византійскаго историка Руфина и армянскаго—Моисея Хоренскаго. Помимо названныхъ источниковъ, г-нъ и г-жа Уордропъ приняли во вниманіе различные варианты житія св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, насколько они оказываются въ сборникахъ житій святыхъ грузинскихъ обитателей—Шю-Мовинской и Иоанно-Крестительской (Натлисъ Мцемели), а также свѣдѣніе о

Нинѣ, извлеченное изъ Картлись-Цховреба (грузинской лѣтописи) по редакціи царя Вахтанга VI, изданной академикомъ Броссе, и изъ ея варианта, писаннаго между 1636—1646 гг., извѣстнаго подъ именемъ Картлись-Цховреба царицы Маріи, жены Росмола, и предшествовавшаго редакціи лѣтописи царя Вахтана (начало XVIII в.). Сдѣлавъ краткую оцѣнку каждого изъ вышеназванныхъ туземныхъ источниковъ, переводчики разбираютъ сложные хронологическіе вопросы о времени прибытія Нины въ Грузію и принятія царемъ Миріаномъ христіанства. Переводчики принимаютъ слѣдующія даты (выставленныя мною въ работѣ «Источники по введенію христіанства въ Грузію», М., 1891): прибытіе св. Нины въ Грузію 324 г., крещеніе царя Миріана 332 г., кончина св. Нины 338 г. Епископомъ, крестившимъ царя Миріана, правильно считаютъ Евстахія, бывшаго патріарха антиохійскаго (325—331 г.), лишеннаго трона и изгнаннаго изъ Антиохіи еретиками. Въ 1051 году глава духовенства Антиохіи претендуетъ на патріархатъ надъ Грузіей. Автокефалія, однако, грузинской церкви по времени приписывается шестому вселенскому собору, хотя при Вахтангѣ Горгасланѣ (конецъ V вѣка) грузинская церковь еще подчинялась Антиохіи. Замѣтимъ, что вопросъ объ автокефаліи грузинской церкви подлежитъ пересмотру и не можетъ считаться разрѣшеннымъ на основаніи лѣтописныхъ извѣстій. Переводчики справедливо подчеркиваютъ значеніе проживавшихъ въ древней столицѣ Грузіи, во Мцхетѣ, евреевъ и женщинъ при введеніи христіанства и крещеніи Миріана. Царица Нина, подобно св. Еленѣ въ Византіи и Клотильдѣ во Франціи, явилась первой протектрисой христіанства. Другія замѣчанія и толкованія переводчиковъ, весьма цѣнныя и вдумчивыя, внесены въ видѣ нотъ въ самое изложеніе и обличаютъ въ г-нѣ и г-жѣ Уордронъ солидныхъ знатоковъ какъ языка, такъ и исторіи грузинскаго народа. Трудъ ихъ представляетъ интересъ не только для иностранцевъ, но и для специалистовъ-грузинъ по новизнѣ ряда соображеній, объясняющихъ темныя мѣста въ исторіи св. Нины. Значеніе труда гг. Уордронъ на англійскомъ языкѣ возрастаетъ еще отъ того, что во второй части этого изданія мы находимъ «армянскую версію Джуаншера», переведенную по-англійски извѣстнымъ арменистомъ Ф. Конебиромъ. «Армянская версія Джуаншера» о св. Нинѣ есть переводъ грузинскаго сочиненія на армянскій языкъ, что доказывается его формами, и относится ко времени не позже XIII в., такъ какъ онъ уже цитируется армянскимъ историкомъ Степаномъ Орбеліани, жившимъ въ этомъ столѣтіи. Джуаншеру приписывается въ источникахъ описаніе историческихъ событій отъ Вахтанга (448—499) до царя Арчила, 688—718 (или до Іоанна? 713—786), то-есть до своего времени. Относительно періода, предшествовавшаго жизни Джуаншера, лѣтописецъ воспользовался прежними замѣтками. Принявъ все это во вниманіе, г-нъ Конебиръ заключаетъ, что армянскій переводъ о св. Нинѣ представляетъ воспроизведеніе грузинскаго текста конца V вѣка. Сравнивая повѣствованіе Джуаншера съ рассказами о св. Нинѣ по тѣмъ источникамъ, которые переведены г-ми Уордронами, г-нъ Конебиръ отмѣчаетъ и нами указанную краткость перваго памятника сравнительно со вторымъ. Структура грузинскаго оригинала сохранена въ переводѣ. Намъ представляются весьма важными слѣдующія соображенія почтеннаго

ученаго. Онъ считаетъ армянскій переводъ или, лучше сказать, сообщеніе Джуаншера болѣе примитивнымъ и, быть можетъ, какъ онъ говоритъ, даже *montanist*, откинутый св. Ниной, однако онъ былъ, безъ сомнѣнія, начальнымъ типомъ вѣры, внесенной въ Грузію. Это соображеніе, впрочемъ, имъ не обосновано. Изъ армянской версіи,—будемъ такъ называть армянскій переводъ грузинскаго разсказа Джуаншара,—опущены черты болѣе развитой стадіи христіанства V вѣка, открывающіяся въ грузинскихъ источникахъ, и обратно есть въ ней интерполяціи, которыя отсутствуютъ въ грузинскихъ. Въ такихъ случаяхъ армянскій и грузинскій источники другъ друга уничтожаютъ, и мы можемъ сказать, что черты поздняго церковнаго развитія не имѣлись въ начальныхъ актахъ. Такъ, напримѣръ, въ армянской версіи опущены догматическія сужденія о Троицѣ въ молитвѣ св. Нины. Съ другой стороны въ армянскую версію (стр. 23) внесено подобное свѣдѣніе, отсутствующее въ грузинскихъ источникахъ. Въ послѣднихъ читается: «Троица, безконечный Богъ», чему соответствія нѣтъ въ армянской версіи. Но зато армянская и представляется болѣе догматической, чѣмъ грузинскія, такъ какъ въ первой имѣется: «Мой Богъ, Иисусъ, царь вѣчный». Обѣ версіи согласны въ томъ, что Иисусъ былъ «небесный человекъ». Армянская опускаетъ выраженіе, сохранившееся въ грузинской, о томъ, что св. Нина крестила царя Миріана. Принятіе Абіаторомъ послѣ его обращенія имени Павла яснѣе въ армянской версіи, чѣмъ въ грузинской. Сама просвѣтительница именуется Муни въ концѣ X главы, а въ остальныхъ мѣстахъ Нино, какъ въ грузинскихъ. Имя «Нюфаръ» возводитъ онъ къ греческому *Νυφόρος*, чрезъ посредство сирійской измѣненной транскрипціи, что заставляетъ предполагать первоначальный текстъ на сирійскомъ языкѣ. Англійскій переводъ армянской версіи сопровождается сравненіями съ грузинскими источниками въ извлеченіяхъ г-жи Уордропъ и г-на Уордропъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г-нъ Кониберъ удачно исправляетъ армянскій текстъ. Изъ этого краткаго отчета можно видѣть, что появившійся на англійскомъ языкѣ трудъ о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ принадлежитъ къ числу немногихъ работъ по этому важному вопросу.

А. Хах—овъ.

И. Тэнъ. Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе, переводъ съ французскаго В. И. Герье. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900.

Одинъ изъ замѣчательныхъ умовъ XIX вѣка, Тэнъ, довольно хорошо извѣстенъ русской публикѣ, какъ философъ, критикъ и историкъ. Его книга объ умѣ, появившаяся въ 1870 году, привлекла вниманіе своей оригинальной системой и литераторовъ, и художниковъ. Методъ Тэна—строго экспериментальный, онъ связываетъ всѣ фізіологическіе факты съ психологическими, не замѣчая въ нравственномъ и физическомъ мірѣ ничего, кромѣ ощущенія и движеній. Его критика тѣсно связана съ его философіей, и его литературные этюды являются «наблюденіями» научной психологіи. Онъ—детерминистъ, литературу опредѣляетъ тремя главными причинами—расой, средой и моментомъ. Въ дѣйствительности онъ оперируетъ надъ абстракціями.

Сочиненіе Тэна о Титѣ Ливіи—одно изъ самыхъ блестящихъ его произведеній. Особенности этого труда выяснены профессоромъ Герье въ его предисловіи, занимающемъ цѣлыхъ сорокъ три страницы, гдѣ профессоръ даетъ мастерскую оцѣнку міровоззрѣнія Тэна. Онъ указываетъ на то, что молодой Тэнъ «въ точномъ научномъ методѣ сталъ искать средства обновленія для философіи, для литературной критики и для исторіи». Въ этомъ исканіи и заключалась жизненная сила Тэна. Въ молодости Тэнъ зачитывался и наслаждался Гегелемъ, сила котораго, какъ говорилъ Тэнъ, выражалась въ способности раскрывать общія идеи. Тэнъ говоритъ, что, кромѣ Гегеля, который установилъ формулу всего существующаго, другимъ философскимъ даромъ, который Германія оставила людямъ, были сочиненія Гете.

Послѣ Гегеля для Тэна другимъ учителемъ былъ Мильль, который, по словамъ Тэна, «описалъ англійскій духъ, полагая, что изображаетъ духъ человѣчeskій». Указавъ на то, что многочисленныя сочиненія Тэна, тѣсно связанные между собою общностью метода, распадаются, кромѣ философскихъ, на четыре группы: психологія, исторія, литература и искусство, профессоръ Герье говоритъ, что сочиненіе Тэна о Титѣ Ливіи является «классическимъ образцомъ объясненія памятника теоріей господствующаго свойства». Такимъ свойствомъ у Ливіи Тэнъ считаетъ его ораторскую способность. «Здѣсь все, какъ бы само собою, непринужденно вытекаетъ изъ положеннаго въ основаніе господствующаго свойства, такъ что можно думать, что и самая теорія возникла или окрѣпла подъ вліяніемъ удавшагося опыта. Дѣйствительно, какою-то неподражаемою свѣжестью и цѣльностью вѣетъ отъ этого юношескаго труда Тэна, и эти свойства общаюотъ ему вѣчность, какіе бы успѣхи ни сдѣлало изученіе исторіографіи».

Чтобы доказать, какъ господствующее свойство оратора сдѣлало изъ Ливіи историка, Тэнъ долженъ былъ изучить біографію Тита Ливіа. По его предположенію, всякій человѣкъ обладаетъ одной способностью (*faculté maîtresse*) настолько сильной, что она подчиняетъ себѣ всѣ другія, измѣняетъ ихъ въ свою пользу, дѣлается, наконецъ, какъ бы движущимъ центромъ этого человѣка, формируетъ его, а также направляетъ и толкаетъ въ извѣстную сторону. Для него все предопредѣлено, человѣкъ долженъ быть «ходячей теоремой». Сказавъ о родинѣ Ливіа, его семьѣ, его дѣтствѣ и зрѣломъ возрастѣ, Тэнъ доказываетъ, что Титъ Ливій, подобно Цицерону, былъ во всемъ ораторомъ. «Онъ сдѣлался современникомъ разрушенной республики и сталъ ораторствовать въ древней исторіи; когда краснорѣчіе было усмирено, т. е. воспрещено,—Ливій сдѣлался историкомъ, чтобы остаться ораторомъ. Когда же, наконецъ, стало почитаться преступнымъ даже вспоминать о старинной свободѣ, онъ пересталъ писать и покинулъ Римъ, чтобы докончить свои дни въ Падуѣ, вдали отъ подлостей сената и отъ взоровъ Тиберіа (18 лѣтъ по Р. Х.). Характеръ и талантъ Ливіа требовали публичной трибуны и свободнаго отечества. Обстоятельства отклонили его отъ его истиннаго призванія, но это послужило въ пользу исторіи, въ пользу и ущербъ самого историка».

Такъ наследственные свойства племени Тита Ливіа и его сословія толкали историка на путь оратора, а, перейдя послѣ установленія имперіи къ исто-

рін, онъ остался здѣсь ораторомъ. Въ своемъ сочиненіи Тэнъ доказываетъ, какъ Титъ Ливій остался ораторомъ во всѣхъ недостаткахъ и достоинствахъ его «Исторіи».

Главный недостатокъ Ливія—отсутствіе критики источниковъ. И здѣсь, какъ объясняетъ Тэнъ, во всемъ виновато преобладающее ораторство Ливія. Исторія Ливія—это трудъ моралиста, который выставляетъ людямъ примѣры поведения, и гражданина, который желаетъ прославить доблести своего отечества». Ливій никогда не приводитъ фактовъ безъ доказательствъ, ссылаясь на свои авторитеты при каждомъ событіи. За критикой Тита Ливія Тэнъ признаетъ достоинства, которыя даются честностью, любовью къ отечеству и ораторскимъ талантомъ. Но Титъ Ливій не обладаетъ критической страстью, онъ не интересуется памятниками, въ силу того, что онъ историкъ-ораторъ. «Требовать»,—говоритъ Тэнъ,—«чтобы Ливій перерылъ этотъ ворохъ суевѣрныхъ пустяковъ, торговыхъ подробностей, административныхъ цифръ, для того, чтобы извлечь изъ нихъ черты нравовъ, точныя даты, достовѣрныя свѣдѣнія о порядкѣ военныхъ дѣйствій, о настоящемъ ходѣ войнъ,—это значитъ не понимать его характера и свойствъ его таланта. Можно ли вообразить себѣ благороднаго оратора цѣлые дни углубленнымъ въ покрытыя плѣсенью рукописи со свѣтлыиикомъ въ рукахъ, въ углу стараго храма, чтобы провѣрить Фабія,—подобно стряпчему, растерявшемуся среди подробностей дѣлопроизводства и преслѣдующему какую нибудь неблагодарную мелочь, сквозь вздоръ и царпанье цѣлой сотни судебныхъ актовъ. Это все равно, какъ если бы мы вставили Ливія рыгъся въ фамильныхъ архивахъ, ощупью пробираться сквозь риторическія преувеличенія, поддѣлки изъ тщеславія, сочиненныя генеалогіи, прибавленные триумфы и консульства, и все, что было искажено римскимъ высокоуміемъ и греческимъ подобострастіемъ».

Благодаря преобладающему ораторству, Ливій сталъ моралистомъ, какъ объясняетъ Тэнъ, а это даетъ возможность французскому критику выяснить, какова была философія-исторія у Ливія. «Ораторскій духъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ въ себѣ долю философскаго духа такъ же, какъ и критическаго смысла; но самъ по себѣ онъ ни то, ни другое». Титъ Ливій понялъ главную идею, заключающую въ себѣ всю исторію Рима: медленное измѣненіе нравовъ и глубокая испорченность были причиной паденія Рима.

Переходя къ изображенію характера у Тита Ливія и къ его слогу, Тэнъ говоритъ, что хотя рѣчи Ливія-оратора, дышущія страстью, выражаютъ все, что есть высокаго и героическаго въ характерѣ Рима, но онѣ не рисуютъ цѣлаго характера. Герои Ливія похожи между собою, все они говорятъ убѣдительныя рѣчи однимъ и тѣмъ же слогомъ, рѣчи ихъ нерѣдко искусны. «Въ области краснорѣчія Титъ Ливій можетъ быть поставленъ»,—говоритъ Тэнъ,—«наравнѣ съ Цицерономъ. У него есть блестящіе періоды, мѣткія, изящныя, живыя слова. Его краснорѣчіе правится намъ своимъ благородствомъ; а когда набѣгаетъ потокъ страстей, оно покрываетъ слогъ блестящими и пышными выраженіями, подобно алмазнымъ украшеніямъ на пурпуровой мантии» (357 стр.).

Изслѣдованіе Тэна о Титѣ Ливіи представляетъ собою не только замѣчательную характеристику Тита Ливія, какъ историка, не только анализируетъ

методъ его и взглядъ на исторію Рима, но представляетъ собою, по авторитетному замѣчанію профессора В. И. Герье, «драгоценное пособие для римской исторіи», такъ какъ Тэнъ изображаетъ въ этомъ сочиненіи весь ходъ римской исторіи. Здѣсь же читатель найдетъ оцѣнку трудовъ Макиавели, Монтескье, Нибура.

Слѣдуетъ прибавить, что отрывки, приведенные Тэномъ изъ Тита Ливія, въ новомъ русскомъ изданіи переведены не съ французскаго языка, а непосредственно съ латинскаго оригинала Е. Н. Щепкинымъ прекраснымъ русскимъ языкомъ, но языкъ самого Тэна въ новомъ русскомъ переводѣ утратилъ и блескъ, и ясность, и силу.

В. Ал.—въ.

Эмиль Жебаръ. Мистическая Италия. Очеркъ изъ исторіи возрожденія религіи въ среднихъ вѣкахъ. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900.

Религіозная исторія средневѣковой Италии чрезвычайно богата содержаниемъ. Начиная съ XIII вѣка, Италия была главнымъ центромъ, откуда западная цивилизація черпала поэзію и искусство. Самобытность религіи Италии Жебаръ формулируетъ слѣдующими словами: «совершенно своеобразное пониманіе идеи Царства Божія и пути къ его достиженію; удивительная свобода мысли, которую Италия примѣняла и къ вопросамъ догмата и къ церковной дисциплинѣ; беззаботность, которую она сохранила передъ великой и мучительной загадкой жизни и смерти; искусство, съ которымъ она примиряла вѣру и рационализмъ; далѣе — ея неспособность къ формальной ереси и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайняя смѣлость ея мистическаго воображенія; способность любить, поднимавшая ее на самую высокую точку христіанскаго идеала; ужасъ, который она иногда испытывала при взглядѣ на римскую церковь, и право, которое она себѣ присвоила, смѣло и безпощадно изобличать всѣ ея слабости, жестокости и насилія, терзая ея честолюбіе»...

Онъ отмѣчаетъ въ исторіи итальянской религіи три основныхъ элемента: римскую церковь, христіанскую совѣсть и рационализмъ, выразившійся въ различныхъ формахъ. Въ этомъ сочиненіи Жебаръ разсматриваетъ «героическій» періодъ исторіи итальянской религіи.

Его книга раздѣляется на семь главъ. Въ первой главѣ Жебаръ нарисовалъ прекрасную картину религіознаго и нравственнаго состоянія Италии до Іоакима дель Фіоре. Изобразивъ паденіе папства и измѣненія въ церковной дисциплинѣ, Жебаръ излагаетъ первыя слабосильныя попытки ереси и раскола, начиная съ ереси Катаровъ, которыхъ въ XII вѣкѣ было очень много. Но ихъ аскетическое и пессимистическое направленіе мало вязалось съ характеромъ итальянцевъ. Гораздо большее значеніе имѣла другая ересь второй половины XII вѣка Петра Вальдо, еретическаго предшественника св. Франсиска. Но и вальденцы не увлекли подвижнаго итальянца, поклоняющагося красотѣ. «Всѣ эти ереси,—говоритъ Жебаръ,—слишкомъ проникнуты рационализмомъ, дѣлали, если такъ можно выразиться, Бога неосязаемымъ, и хотя онѣ совершенно освобождали вѣрующаго отъ цѣпей церкви, все же онѣ не могли уста-

новить между Богомъ и людьми тѣ простыя, отеческія отношенія, которыя существовали во времена апостоловъ; онѣ не освобождали челоуѣка отъ гнета настоящей жизни, отъ сознанія, что все въ этомъ мірѣ нехорошо, и что дѣло спасенія, въ сущности, слишкомъ тяжело для людей среднихъ силъ».

Настоящимъ пророкомъ и выразителемъ новаго міросозерцанія, полного противорѣчій, былъ знаменитый борець, полу-монахъ, полу-трибунъ, реформаторъ, проникнутый строго аскетическимъ духомъ и стремленіемъ къ свободѣ, знатокъ Писанія, Арнольдъ Брешианскій. Онъ выразилъ то, что смутно шевелилось въ тысячѣ головъ. Неудача, постигшая этого реформатора, объясняется Жебаромъ тѣмъ, что у него были слишкомъ грандіозные планы. Вкусивши сладость идеала, онъ «умеръ отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью» (стр. 48). Причину неудачи осуществленія мечтаній Арнольда Жебаръ видитъ въ томъ, что онъ искалъ религіозную свободу въ гражданской свободѣ общества, былъ гораздо больше трибунъ, чѣмъ мистикъ.

Вторая глава посвящена характеристикѣ великаго средневѣковаго мистика Іоакима дель-Фіоре. Его слова взволновали всю Италію, отъ Сициліи до Альпъ. Весь христіанскій міръ встрепенулся отъ возвышенныхъ взглядовъ калабрійскаго пророка. Особенно поражало людей XII вѣка его ясновидѣніе. Образцомъ совершеннѣйшаго христіанина для дель-Фіоре служитъ отшельникъ, онъ ждалъ не гибели христіанства, а возвышенія церкви, того времени, когда во главѣ религіознаго общества стануть монахи, займутъ роль клириковъ, первенствовавшихъ прежде въ свѣтскомъ обществѣ. Онъ возвѣщалъ объ упадкѣ священническаго сословія, апостольскаго престола, сдѣлавшагося мірскимъ.

Послѣ его смерти Италія, «снова ввергнутая имъ во все ужасы Апокалипсиса, со страхомъ ожидала пришествія Антихриста, но внезапно, надъ долинами Ассизы, Перузы, Агуббіо, Орвіето и Сполето прорвался широкій лучъ солнца, и ихъ обвѣяла благодать ранняго весенняго утра».

Явился радостный представитель апостольской жизни въ бѣдности, началась новая эра—нищенствующаго движенія, начало которому было положено серіознымъ Арнольдомъ и строгимъ Вальдо. То былъ Францискъ Ассизскій. Жебаръ сдѣлалъ очень хорошую характеристику этого удивительнаго челоуѣка. Вся третья глава посвящена біографіи Франциска и характеристикѣ францисканской проповѣди. Съ Франциска начинается новый видъ міровоззрѣнія, котораго до него не наблюдалось въ литературѣ среднихъ вѣковъ. Въ особенности поразительны были рѣчи Франциска, полныя трогательной любви ко всему, въ тѣ времена мстительности и нетерпимости. Все существо Франциска было полно веселья. Товарищи его странствій свидѣтельствуютъ, какъ прорывалась радость, наполнявшая душу Франциска. «Эта религіозная радость,—говоритъ Жебаръ,—была однимъ изъ элементовъ силы его апостольской дѣятельности. Онъ очаровалъ братію, а она, въ свою очередь, очаровала всю Италію той свѣтлой радостью, съ которой они принимали все великія бѣдствія, все мелкія неприятели, все скромные дары жизни».

Жебаръ рассказываетъ о цѣломъ рядѣ случаевъ изъ жизни Франциска, характеризующихъ любовь Франциска, о томъ, какъ онъ отдавался «ласкамъ» природы, и выясняетъ отличительныя черты францисканской религіи. Черты

эти составляют: свобода мысли, любовь, состраданіе, свѣтлое, радостное настроеніе, простота въ обращеніи съ людьми.

Въ слѣдующей главѣ Жебаръ даетъ живой очеркъ дѣятельности императора Фридриха II, представителя гибелинской цивилизаціи, внесшаго много новаго своимъ философскимъ духомъ въ религіозную жизнь Италіи. «Сицилійская культура,—по объясненію Жебара,—породила въ Италіи много людей не вѣрующихъ или индифферентныхъ, но зато она укрѣпила въ нѣкоторыхъ склонность къ внутренней религіи и къ свободному изученію ея вопросовъ. Въ вѣкъ Франциска Ассизскаго и подобно ему самому она надолго оторвала итальянцевъ отъ схоластическаго христіанства, которому въ XIII вѣкѣ противорѣчилъ Абельяръ, и которое парижскій университетъ только что установилъ съ такимъ великимъ трудомъ. Въ силу преобладающей черты своей философіи, сицилійская культура сообщила итальянскому христіанству то умѣряющее начало, которое помогло разумнѣйшимъ изъ христіанъ не впасть въ крайности индивидуальнаго мистицизма».

Въ пятой главѣ Жебаръ разсматриваетъ развитіе францисканскаго мистицизма. Удивительно быстрое развитіе францисканскаго христіанства Жебаръ объясняетъ двумя главными причинами. Первая причина—обаятельный образъ основателя религіи Франциска, увлекшаго своимъ полетомъ воображенія весь орденъ. Еще при жизни о немъ сложилось множество легендъ, въ немъ видѣли какого-то мессію, и на его ученіе смотрѣли, «какъ на послѣднія и окончательныя выраженія религіозныхъ вѣрованій». Вторая причина заключалась въ томъ, что Францискъ какъ бы установилъ новый договоръ между Богомъ и христіаниномъ, «въ той необыкновенной свободѣ, которую даровалъ Францискъ душамъ, воспламененнымъ стремленіемъ къ постоянному усовершенствованію». Вслѣдствіе развитія францисканскаго мистицизма между истинными послѣдователями Франциска, называвшимися спиритуалами, возгорѣлась борьба съ конвентуалами, т. е. тѣми, которые выстроили себѣ обширные монастыри, признавали собственность и свѣтскія науки. Жебаръ рассказываетъ о столкновеніи спиритуаловъ съ намѣстникомъ Франциска Иліей Кортонскимъ, выясняетъ значеніе Іоанна Пармскаго, представителя чистѣйшаго францисканскаго идеала, «съ челою ангела, всегда веселымъ и смѣющимся», терпеливымъ, скромнымъ и милосерднымъ. Далѣе, историкъ переходитъ къ флгеллантамъ и обществу бегинокъ. Заканчивается эта интересная глава очеркомъ жизни Салимбене, написавшаго свою хронику.

Послѣднія главы содержательной книги Жебара разсматриваютъ значеніе дѣятельности Целестина V, литературной, религіозной и политической оппозиціи противъ панства. Выразителемъ всей ненависти, накопившейся противъ престола, былъ Джакопоне, сочинившій въ концѣ XIII вѣка рифмованные памфлеты противъ Бонифація и свѣтской церкви.

Седьмая и заключительная глава разсматриваетъ мистицизмъ, этику и религію Данте. Жебаръ считаетъ его величайшей фигурой изображенной имъ эпохи, наравнѣ съ св. Францискомъ, отводитъ ему первое мѣсто въ мистическомъ идеализмѣ среднихъ вѣковъ, но не выясняетъ отчетливо той двойственной роли, какую Данте игралъ въ качествѣ выразителя переходной эпохи.

Издана и переведена книга очень хорошо, но слѣдовало бы переводить все, не оставляя большихъ цитатъ на иностранныхъ языкахъ, какъ это видимъ на стр. 133, 217, 266, 268 и др. А—въ.

Людвигъ Вольтманнъ. Историческій матеріализмъ. Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1901.

Теорія историческаго матеріализма, какъ и всякая теорія, пролагающая новые пути въ области человѣческаго знанія, долгое время встрѣчала сильное сопротивление и даже прямое непониманіе, чему отчасти способствовалъ и, такъ сказать, «боевой» характеръ, приданный ей ея послѣдователями. Чѣмъ далѣе, однако, шло время, тѣмъ болѣе оно оправдывало основныя положенія теоріи Маркса, но зато тѣмъ болѣе обнаруживались и ея противорѣчія. Противорѣчія эти вызвали за послѣднее время живую и талантливую критику, служившую къ лучшему уясненію и дальнѣйшему развитію самой теоріи. «Я не могу не осудить, говорить авторъ, часто непріятную и отталкивающую черту марксизма, состоящую въ томъ, чтобы насмѣхаться надъ «идеаломъ» и «идеологіями», постоянно выставлять все истинно великое и человѣческое въ прошлой исторіи, какъ нѣчто незначительное, и принижать человѣка до степени экономической машины... Систематическая критика марксизма, предпринятая въ этой книгѣ, старалась доказать, что духовный процессъ въ исторіи жизни человѣческаго рода также самостоятельный факторъ развитія и при томъ въ двоякомъ отношеніи, что духовную жизнь нельзя объяснить исключительно матеріалистически ни въ смыслѣ естествознанія, ни въ смыслѣ экономіи»...

Согласно своей задачѣ, авторъ останавливается не на экономическихъ и социалистическихъ ученіяхъ, но на философской системѣ марксизма. Все изслѣдованіе, послѣ небольшого введенія, въ которомъ онъ даетъ схему своего дальнѣйшаго изложенія, распадается на три части: въ первой разсматриваются философскіе источники діалектическаго и историческаго матеріализма, историческія предпосылки и основанія критическаго метода, развитіе критики въ діалектику и т. д., при чемъ особенно налегаетъ на важность философіи Канта, необходимой для яснаго пониманія происхожденія и развитія діалектическаго матеріализма. Во второй части излагается исторія развитія марксизма, «впервые предпринимается общее краткое изложеніе философскаго содержанія марксизма», и подводится «итогъ основныхъ его положеній», необходимый для систематической критики теоріи. Здѣсь авторъ убѣдительно доказываетъ, гдѣ коренятся многія противорѣчія въ сужденіяхъ о марксизмѣ, такъ какъ «обѣ стороны (противники и приверженцы теоріи) основываются на положеніяхъ, высказанныхъ въ различное время и находящихся между собою въ неодинаковыхъ соотношеніяхъ». Полное научное безпристрастіе автора особенно сказывается въ послѣдней части, гдѣ дается критика марксизма. Авторъ, признавая, что «принципіальныя, основныя положенія діалектическаго матеріализма неизмѣнно останутся базисомъ всего будущаго философскаго развитія человѣческаго духа», не закрываетъ глазъ и на слабыя стороны, или, точнѣе, на необ-

основанные выводы учения, болѣе всего использованные догматическими учениками Маркса и Энгельса. «Мнимый экономическій механизмъ исторіи,—говоритъ онъ,—оказывается идеологіей самаго худшаго сорта... утверждать, что на основаніи экономическихъ измѣненій должно необходимо вырасти социалистическое общество—это діалектическій самообманъ. Экономическія производительныя силы сами по себѣ настолько же средства рабства, какъ и свободы; поэтому развитіе хозяйственной техники всегда приводило только «къ измѣненію формы рабства», къ исторической перемѣнѣ, но никогда не приводило къ принципиальному прекращенію классового господства. Такое прекращеніе—всегда вопросъ этнки, а не техники».

А. Никитинскій.

Н. Чернавскій. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Исслѣдованіе. Выпускъ первый. (Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ VII). Оренбургъ. 1900.

Исслѣдованіе г. Чернавскаго появилось по случаю исполнявшагося въ 1899 году столѣтія существованія самостоятельной Оренбургской епархіи; но среди многихъ другихъ юбилейныхъ изданій оно представляетъ довольно счастливое исключеніе и обращаетъ на себя вниманіе не только специалистовъ, но и всѣхъ вообще, интересующихся судьбами православія и духовнаго управленія на нашихъ окраинахъ.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что г. Чернавскій первый представилъ довольно подробное и строго обоснованное обзорѣніе исторической жизни Оренбургской епархіи. То, что было сдѣлано по этому вопросу гг. Суходольскимъ, авторомъ «Церковно-статистическаго описанія Оренбургской епархіи», Игнатьевымъ, Сперанскимъ и Херувимовымъ, оказалось весьма недостаточнымъ, потребовало тщательной провѣрки и вызывало продолжительную работу въ архивахъ. Главный матеріалъ для своего изслѣдованія г. Чернавскій нашелъ въ архивѣ Оренбургской духовной консисторіи.

Здѣсь онъ болѣе всего пользовался такъ называемыми исполнительными дѣлами, которыя дѣлятся на три рода. Къ первому изъ нихъ относятъ дѣла чисто правленскія, составляющія акты, постановленія и черновыя записи дѣлъ духовныхъ правленій—Оренбургскаго и Челябинскаго, собранныя по годамъ, начиная съ 1739 г. Дѣла второго рода составляютъ консисторскіе документы (съ 1800 по 1812 г., въ количествѣ 15.000 №№), и дѣла третьяго—документы нынѣшней Оренбургской духовной консисторіи (начиная съ 1830 г.; свыше 35.000 №№).

Кромѣ того, авторъ воспользовался матеріалами въ архивахъ: Оренбургской ученой архивной комиссіи, въ которой хранятся дѣла упраздненной канцеляріи Оренбургскаго и Самарскаго генераль-губернаторства, Уфимской духовной консисторіи и Уфимской духовной семинаріи.

Свое изложеніе г. Чернавскій началъ съ подробнаго обзорѣнія колонизаціи Оренбургскаго края съ древнѣйшихъ временъ по XIX вѣкъ включительно; затѣмъ представилъ административное дѣленіе края до послѣднихъ временъ, и

только послѣ этого приступилъ къ выясненію вопроса о началѣ распространенія христіанства и состояніи его въ краѣ до конца XVIII вѣка.

Изложивъ все это въ четырехъ раздѣлахъ первой главы, онъ во второй главѣ, состоящей также изъ четырехъ раздѣловъ, обозрѣваетъ состояніе Оренбургской епархіи отъ 1799 г. до позднѣйшаго времени, при чемъ наиболѣе подробно останавливается на положеніи церковнаго управленія въ Уральскомъ войскѣ, на учрежденіи Оренбургско-Уфимской епархіи и на опредѣленіи границъ епархіи въ разное время.

До образованія самостоятельной Оренбургской епархіи, или, какъ называетъ ее авторъ, «Оренбургско-Уфимской», такъ какъ въ ея составъ входили тогдашнія губерніи Оренбургская и Уфимская, и самая кафедра епископская и консисторія находились въ Уфѣ, — Оренбургскій край въ духовно-административномъ отношеніи подчинялся преимущественно казанскимъ архипастырямъ; и только нѣкоторыя его части и притомъ временно находились въ вѣдѣніи епархій Вятской, Тобольской и Астраханской. Управленіе это велось всюду чрезъ духовныя правленія, кромѣ Уральского казачьяго войска, гдѣ единственными главарями были протопопы Михаило-Архангельскаго собора города Уральска, на которыхъ, впрочемъ, часто вліялъ войсковой кругъ и войсковая канцелярія.

Уральскіе казаки были такъ привержены къ своимъ протопопамъ, что всѣ попытки подчинить ихъ духовному правленію, и даже наиболѣе настойчивая, предпринятая казанскимъ архіепископомъ Лукою Конаповичемъ, дѣйствовавшимъ съ согласія П. И. Неплюева, не имѣли успѣха.

Обширность территоріи Оренбургскаго края, его разрозненность въ церковно-административномъ отношеніи и наконецъ обширность епархій, которымъ этотъ край былъ подчиненъ, уже въ XVII вѣкѣ, привлекали къ себѣ вниманіе российскихъ іерарховъ и возбуждали въ нихъ мысль объ образованіи самостоятельной Оренбургской епархіи. Поднимался не разъ этотъ вопросъ и въ царствованіе Екатерины II, но осуществиться ему суждено было лишь при Павлѣ I, въ 1799 г. Черезъ 60 лѣтъ послѣ этого послѣдовало раздѣленіе Оренбургско-Уфимской епархіи на двѣ—Оренбургскую и Уфимскую, главнымъ образомъ, вслѣдствіе чрезмѣрной ея обширности.

Въ составъ Оренбургской епархіи отчислены были сначала: Оренбургскій уѣздъ, совмѣщавшій тогда и нынѣшній Орскій, а затѣмъ изъ остальныхъ трехъ уѣздовъ—Челябинскаго, Троицкаго и Верхнеуральскаго—однѣ казацкія церкви. Кромѣ того, къ составу епархіи отошла Уральская область, а также церкви въ «Зауральной» степи, образовавшей потомъ Тургайскую область, и двѣ церкви, состоявшія на Сырь-Дарьинской линіи. Всего на территоріи вновь образованной Оренбургской епархіи оказалось 142 церкви. Въ 1862 г. къ ней отошли цѣликомъ и вышеупомянутые уѣзды: Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій; но черезъ 10 лѣтъ епархія лишилась 14 церквей Сырь-Дарьинской области, составившихъ вмѣстѣ съ Семиръченскими особую Туркестанскую епархію. Въ настоящее время Оренбургская епархія заключается въ предѣлахъ Оренбургской губерніи и областей: Уральской и Тургайской, на пространствѣ 885.000 кв. верстъ.

Дѣятельность архиепископства новой епархіи, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательнымъ былъ Августинъ (Сахаровъ; съ 1806 по 1819 г.), выразилась въ «строительности» церквей и монастырей, «церковно-школьныхъ дѣлъ», въ обращеніи раскольниковъ и въ миссіонерствѣ среди язычниковъ края. Наиболѣе результатными оказались хлопоты по устройству церквей, монастырей (ихъ теперь въ епархіи 8) и общинъ (4), а также начиная съ 1884 г. и церковно-приходскихъ школъ, число которыхъ къ 1899 году было доведено до 505. Но что касается обращенія раскольниковъ и сектантовъ, и особенно язычниковъ, то тутъ дѣло имѣло очень ничтожный успѣхъ. Церковно-полицейскія мѣры, практиковавшіяся всюду въ царствованіе императора Николая I, съ ихъ секретно-совѣщательнымъ комитетомъ, скорѣе плодили раскольниковъ и сектантовъ, чѣмъ уменьшали ихъ число. Начавшееся затѣмъ ослабленіе преслѣдованія раскола помогло лишь укрѣпиться и утвердиться ему. И только съ 1882 г. впервые рѣшено было приступить къ болѣе успѣшнымъ мѣрамъ—публичнымъ бесѣдамъ съ раскольниками, учрежденію специальныхъ должностей окружныхъ миссіонеровъ и наконецъ въ 1893 г. основанію при Михаило-Архангельскомъ братствѣ противораскольническаго комитета, принявшаго на себя общее руководство дѣлами противораскольнической миссіи. Очевидно, что расколъ тамъ еще «мало поколебленъ», какъ скромно выражается нашъ авторъ.

Еще хуже обстояло и обстоитъ дѣло обращенія въ христіанство инородцевъ. «Въ періодъ существованія,—говоритъ г. Чернавскій,—Оренбургско-Уфимской кафедры, о миссіи среди нашихъ инородцевъ серіозно стали помышлять съ начала тридцатыхъ годовъ». Но дѣло дальше «помышленій» не пошло. Въ 1853 г., по настоянію императора Николая I, обратившаго вниманіе «на многочисленность идолопоклонниковъ въ Оренбургской епархіи», была учреждена противоязыческая миссія въ составъ 15 приходскихъ священниковъ-миссіонеровъ. «Но едва,—читаемъ на стр. 344,—успѣла миссія начать свои дѣйствія, какъ по политическимъ обстоятельствамъ того времени пришлось закрыть ее въ маѣ 1854 года». Не имѣли также успѣха и дальнѣйшія попытки учрежденія подобныхъ миссій. Кое-какіе результаты стали сказываться лишь съ 1876 года, когда былъ открытъ миссіонерскій комитетъ, заведшій нѣсколько инородческихъ школъ, и затѣмъ наиболѣе съ 1893 г., со времени учрежденія формальной миссіи для киргизъ Тургайской области, исповѣдующихъ исламъ.

Въ «приложеніяхъ» къ своему «изслѣдованію» г. Чернавскій помѣстилъ четыре обширныхъ списка церквей и приходовъ Оренбургской епархіи, существовавшихъ въ разное время; таблицу расходовъ и прибыли свѣчнаго завода въ 1881—1899 гг.; программу испытаній для ищущихъ той или иной степени священнаго сана; таблицу распредѣленія населенія въ предѣлахъ Оренбургской епархіи за 1898 годъ, по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ, всего 2.643.474 человекъ обоого пола; въ томъ числѣ православныхъ—1.275.546 человекъ обоого пола; раскольниковъ и сектантовъ—111.259 человекъ обоого пола и магометанъ—1.241.357 человекъ обоого пола, и историческую записку, прочитанную имъ же на торжественномъ актѣ 17-го октября 1899 г., подъ заглавіемъ: «Общій взглядъ на исторію Оренбургской епархіи».

Этим г. Чернавскій неограничиваетъ своей работы, и въ будущемъ обѣщаетъ представить продолженіе, въ видѣ «Историко-статистическаго описанія церквей и монастырей Оренбургской епархіи» и проч., что мы и желаемъ ему выполнить съ такимъ же успѣхомъ, какой должно имѣть разсмотрѣнное нами «изслѣдованіе».

В. Рудаковъ.

Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Въ столѣтію существованія университета 1802—1902. Составилъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ Е. В. Пѣтуховъ. Юрьевъ. 1900.

Названная книга г. Пѣтухова появилась въ свѣтъ въ виду приближающагося (въ 1902 году) столѣтняго юбилея Юрьевскаго (Дерптскаго) университета.

Профессорскую каѳедру русскаго языка и словесности въ Дерптскомъ университетѣ занимали слѣдующія, большею частію, далеко небезызвѣтныя въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы, лица: Г. А. Глинка (1802—1810), А. С. Кайсаровъ (1810—1813), А. Ѳ. Воейковъ (1814—1820), В. М. Перевощиковъ (1820—1830), М. П. Розбергъ (1836—1867), А. А. Котляревскій (1868—1873) и П. А. Висковатовъ (1873—1895)¹⁾. Давая сжатые біографіи перечисленныхъ лицъ, а также доцентовъ и лекторовъ русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ, книга г. Пѣтухова рисуетъ предъ нами немало очень характерныхъ и интересныхъ сторонъ и фактовъ изъ исторіи нашего просвѣщенія. Несмотря на широкую извѣстность въ исторіи многихъ изъ числа перечисленныхъ нами именъ, все это были далеко не блестящіе профессора, что объясняется, впрочемъ, прежде всего общимъ направленіемъ стариннаго Дерптскаго университета, въ которомъ русскій языкъ находился въ загонѣ. При открытіи университета въ 1802 году профессора русскаго языка была предложена знаменитому историку, Н. М. Карамзину, но послѣдній отказался отъ этой чести, и первымъ профессоромъ русскаго языка въ Дерптѣ явился Г. А. Глинка. Глинка происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Дворянинъ-профессоръ—это было въ началѣ нашего вѣка очень необычнымъ явленіемъ, и Карамзинъ посвящаетъ Глинкѣ особую (сочувственную) замѣтку въ «Вѣстникѣ Европы». Глинка ведетъ въ университетѣ практическія упражненія студентовъ «въ русскомъ стилѣ», читаетъ грамматику русскаго языка на французскомъ языкѣ, переводитъ съ французскаго «Риторику для молодыхъ дѣвицъ, которая, равнымъ образомъ, можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки»,—и скоро покидаетъ университетъ для занятій сельскимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе своихъ сперва натянугтыхъ, а потомъ и непріязненныхъ отношеній съ нѣмецкими профессорами. Его преемникъ, ученикъ А. Ѳ. Мерзлякова, другъ В. А. Жуковскаго и А. П. Тургенева, Кайсаровъ, былъ (по словамъ Тургенева) «однимъ изъ первыхъ славянофиловъ»; онъ скоро оста-

¹⁾ Съ 1895 года и по настоящее время эту каѳедру занимаетъ авторъ разбираемой книги, профессоръ Пѣтуховъ.

виль университетъ для военной службы, поступивъ въ 1812 году въ дѣйствующую армію и чрезъ то поставивъ совѣтъ университета въ «большое затрудненіе», такъ какъ совѣту приходилось «присылать нужнѣйшія донесенія и предложенія университета на російскомъ языкѣ», а переводчика (таковымъ служилъ профессоръ или лекторъ русскаго языка) не было... Авторъ знаменитаго «Дома сумасшедшихъ», А. Ѳ. Воейковъ, хотя и былъ удостоенъ Дерптскимъ университетомъ, за свои поэтическіе и иные труды, степени доктора философіи honoris causa, но, какъ профессоръ, по рѣзкому отзыву Н. И. Греча, «былъ совершенный невѣжда; на лекціяхъ своихъ, на которыя являлся очень рѣдко, не преподавалъ ничего, а только читалъ стихи Жуковскаго и Батюшкова, приправляя свое чтеніе насмѣшками надъ Хвостовымъ и Шишковымъ и проч.». Его преемникъ, В. М. Перевощиковъ, болѣе усердно исполнялъ свои обязанности, но также не пользовался симпатіями студенчества; одинъ изъ его учениковъ пишетъ: «къ сожалѣнію, хотя и вовсе не къ удивленію, должно упомянуть, что число его слушателей было необыкновенно ограничено»... Только съ М. П. Розберга, поклонника А. С. Пушкина, и особенно съ А. А. Котляревскаго, впослѣдствіи весьма извѣстнаго ученаго слависта, въ Дерптскомъ университетѣ начинается рядъ болѣе удачныхъ профессоровъ русской литературы.

Собственно историческому очерку кафедры профессоръ Пѣтуховъ предпочла въ своей книгѣ нѣсколько интересныхъ замѣчаній также историческаго характера, касательно самой постановки преподаванія русскаго языка въ Дерптскомъ университетѣ.

Въ общемъ книга г. Пѣтухова, хотя она и предназначалась не для широкой публики, а «для немногихъ» (между прочимъ, извлеченія изъ архивныхъ данныхъ приводятся въ подлинникѣ, т. е. на нѣмецкомъ или латинскомъ языкѣ, безъ перевода), является очень интересною для каждаго, кого интересуютъ историческія судьбы русскаго просвѣщенія.

Зн.

Докторъ Герхартъ фонъ Шульце-Гевеверницъ. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. В. Авилова и П. П. Румянцова съ предисловіемъ Петра Струве. Изданіе Н. И. Глаголева. Спб. 1901.

Среди литературы о Россіи, появляющейся за границей и, несмотря на свое иностранное происхожденіе, такъ часто блистающей поразительнымъ незнаніемъ трактуемыхъ предметовъ, нельзя не отмѣтить труда Шульце-Гевеверницъ. Авторъ, извѣстный экономистъ, профессоръ Фрейбургскаго университета, пишетъ не только по литературнымъ источникамъ, но и по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ—онъ жилъ въ Россіи, совершилъ нѣсколько научныхъ поѣздокъ, посѣтивъ, между прочимъ, и голодающія мѣстности, имѣлъ возможность на мѣстѣ изучать различныя экономическія отношенія (особенно любопытны аграрныя наблюденія автора, гдѣ онъ съ любовью останавливается на выдѣленіи экономически сильныхъ группъ населенія). Буржуазно-либеральные взгляды Шульце-Гевеверницъ, его излишній оптимизмъ въ оцѣнкѣ русскаго промышлен-

наго, аграрнаго и особенно финансоваго хозяйства за послѣднее десятилѣтіе не мѣшаютъ ему, однако, оставаться вездѣ на строго реальной почвѣ пониманія исторіи. «Философскія, политическія и социальныя идеи Европы, — говоритъ онъ, — въ Россіи пріобрѣтаютъ значеніе только тогда, когда онѣ оказываются подходящими къ своеобразнымъ хозяйственнымъ потребностямъ страны». Понятно, что онъ стоитъ и за неизбежность внутренней европеизаціи русскаго народнаго хозяйства — «именно въ интересахъ политической самостоятельности и въ интересахъ увеличенія могущества государства». Такое опредѣленное направленіе придаетъ большую законченность и цѣлостность труду автора; но тутъ онъ впадаетъ иногда уже въ явное преувеличеніе, хотя бы, напримѣръ, въ оцѣнкѣ дѣятельности извѣстнаго Кюпа. Съ другой стороны замѣтно отразилось у него неполное знакомство съ исторіей нашихъ общественныхъ теченій и отношеній; такъ онъ ставитъ чуть не на одну доску Ив. Аксакова и Каткова, придаетъ чрезмѣрное значеніе панславизму, вообще слишкомъ односторонне и иногда весьма неудачно старается свести всю исторію къ дѣйствию одного экономическаго фактора. Но даже и въ области хозяйственныхъ отношеній Шульце-Гевверницъ дѣлаетъ промахи. Особенно странно, что онъ проглядѣлъ роль, которую сыграло помѣщичье производство хлѣба, роль, хорошо уже выясненную русскими экономистами. Наконецъ, очень сомнительны и ближайшіе политическіе идеалы автора, который стоитъ за сближеніе Россіи съ Германіей (противъ Англіи — мы не касаемся здѣсь, впрочемъ, вопроса о торговомъ договорѣ съ Германіей). Какъ бы то, однако, ни было, бесспорно, что обширный трудъ Шульце-Гевверница довольно полно знакомитъ германскую публику съ экономическимъ развитіемъ нашего отечества, да и для насъ весьма интересенъ, какъ взглядъ человѣка, имѣвшаго полную возможность смотрѣть со стороны.

Русскому переводу предшествуетъ предисловіе П. Струве, коротенькое, но весьма удачно обрисовывающее, какъ сильныя, такъ и слабыя стороны названнаго труда. Переводъ сдѣланъ хорошо.

А. Никитинскій.

Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь. Этнографическій очеркъ. Сост. капитанъ О. А. Михайловъ, подъ редакц. начальника Закаспійской области ген.-лейт. А. А. Боголюбова. Асхабадъ. 1900.

Въ этой небольшой брошюркѣ вы найдете довольно логично и послѣдовательно изложенныя свѣдѣнія: о географическомъ положеніи Закаспійской области и Мерва, общемъ составѣ ихъ населенія, краткія свѣдѣнія о туркменахъ съ ихъ исторіей; нѣчто объ ихъ племенномъ составѣ, какъ всегда туманное, о кое-какихъ обычаяхъ этихъ народовъ и родѣ ихъ занятій въ области земледѣлія, скотоводства, кустарной промышленности, — тутъ, главнымъ образомъ, идетъ разговоръ о способахъ тканья и пряжи для знаменитыхъ туркменскихъ ковровъ и палассовъ, и, наконецъ, въ отдѣлѣ о рыбномъ промыслѣ можете узнать, что туркмены не умѣютъ и до сего дня солить рыбу впрокъ.

Въ общемъ брошюрка полезна каждому, въ первый разъ ѣдущему на службу въ эту отдаленную окраину нашего обширнаго отечества, и притомъ она не обременительна величиной и не дурно, въ смыслѣ языка, написана. Страннѣ всего въ этой книжкѣ предисловіе ея редактора, изъ котораго мы узнаемъ, что исторію туркменъ надо начинать, по крайней мѣрѣ, съ Александра Македонскаго, слѣдую такимъ историкамъ, какъ Квинтъ Курцій и Арріанъ. Затѣмъ кое-что можно найти у Рашедедина въ XIII вѣкѣ, а въ XV вѣкѣ еще нѣчто у Амира Навли, и послѣ этихъ древнихъ вѣдуновъ туркменовъ непосредственно слѣдуетъ капитанъ Михайловъ, трудъ котораго рекомендуется, «какъ первая попытка систематическаго и графическаго (?) изображенія разрозненныхъ и неполныхъ свѣдѣній объ этнографическомъ составѣ населенія области».

Редактору этого изданія слѣдовало бы вспомнить имена товарищей по оружію, изъ которыхъ многіе работали въ той же области, и каждый въ отдѣльности сдѣлалъ много болѣе капитана Михайлова. Вѣдь живъ еще генералъ Н. И. Гродековъ, у котораго есть большія и основательныя работы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, по тому же вопросу. Его четырехтомная исторія «Туркменія и туркмены» въ самомъ дѣлѣ является богатымъ вкладомъ въ исторію спутаннаго вопроса о происхожденіи туркменскихъ племенъ и сарговъ. Далѣе слѣдуетъ его превосходная монографія о киргизахъ Сыръ-Дарьинской области, а также редактированный имъ переводъ громадныхъ VI томовъ по юридическимъ основамъ и понятіямъ тѣхъ же народовъ, гдѣ дано много точнѣйшихъ и фактическихъ указаній о всѣхъ нравахъ, обычаяхъ и правахъ этихъ же запутанныхъ по этнографіи племенъ. Затѣмъ имѣются работы въ томъ же направленіи генерала Иванова, работы Фесенко, который ходилъ по Афганистану и Туркменіи, не завоеваннымъ еще, переодѣтый дервишемъ, и собралъ множество самыхъ интересныхъ этнографическихъ фактовъ. Кромѣ того, много указаній подобнаго же характера и часто гораздо большей оригинальности и цѣнности можно найти въ описаніи работъ по устройству Мервской плотины на Мургабѣ, въ отчетахъ инженеровъ Карловича и Сахарова. Наконецъ, въ сочиненіяхъ талантливаго А. В. Верещагина и не менѣ талантливаго А. Н. Маслова можно найти также немало данныхъ чисто этнографическаго значенія о характерѣ и нравахъ того же населенія. Неужели же тощая брошюрка можетъ рядомъ съ тѣми трудами (я еще забылъ многіе) играть не только первую, но и какую либо роль?!

Александръ Македонскій былъ несомнѣнно великимъ человѣкомъ, несомнѣнно и побѣдоносно ходилъ онъ по Туркменіи и Хорасану; можетъ быть, и невѣдомые мнѣ историки Арріанъ, Рашединъ и Навли, также были люди великіе, но именно ради этого ихъ величія такими именами не слѣдовало бы украшать трудъ скромнаго уѣзднаго начальника, — трудъ, который всего менѣе является первымъ опытомъ систематической классификаціи запутанныхъ племенъ теке и юмудовъ.

В. П.

Alexander Kraushar. Książę Repnin i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta (1764—1768). Wydanie nowe, przejrzane i poprawione, z ilustracyami. Два тома. Warszawa. 1900.

Солидный труд г. Краусгара, талантливаго автора многочисленныхъ монографій, посвященный исторіи первыхъ четырехъ лѣтъ правленія Станислава Понятовскаго, ознаменованныхъ вмѣшательствомъ Россіи во внутреннія дѣла Польши, — появился подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ въ Краковѣ въ 1897 году, и мы на него своевременно указали читателямъ «Историческаго Вѣстника» (т. LXVIII, 647—648). Прошло три года. Монографія г. Краусгара имѣла успѣхъ — выдержала два изданія за границей и теперь вышла въ Варшавѣ третьимъ, исправленнымъ и дополненнымъ приложеніемъ 66 прекрасныхъ иллюстрацій (36 въ I томѣ и 30 во II), представляющихъ портреты историческихъ лицъ эпохи, предшествовавшей раздѣлу Польскаго королевства, и виды зданій, упоминаемыхъ въ текстѣ «Репнина». Большинство иллюстрацій — снимки съ портретовъ, картинъ, гравюръ и плановъ изъ собраній ординатовъ гр. Красинскихъ, князя В. Четвертинскаго, М. Берсона и др. — являются впервые. Оба тома сопровождаются приложеніями, содержащими въ себѣ нѣсколько наиболее любопытныхъ документовъ, цитируемыхъ авторомъ. Книга издана во всѣхъ отношеніяхъ превосходно. Г. А. Воробьевъ.

О сыпномъ тифѣ въ Яранскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, за десять лѣтъ (1887—1896 гг.). Статистическіе матеріалы по эпидемиологіи уѣзда. Земскаго врача И. В. Аксакова. Казань. 1900.

Изданная императорскимъ Казанскимъ университетомъ въ качествѣ приложенія къ «Ученымъ Запискамъ» этого университета (сентябрь 1900 года), книга земскаго врача Аксакова представляетъ собою не исключительно лишь медицинскій интересъ; съ неменьшимъ интересомъ прочтеть ее и чловѣкъ, занимающійся общественными вопросами русской жизни: громадное значеніе вопросовъ о народномъ здоровіи для общественныхъ наукъ несомнѣнно.

Въ русской литературѣ сравнительно еще очень мало такихъ монографій изъ области медицинской статистики, которыя знакомятъ бы насъ съ санитарнымъ состояніемъ тѣхъ или иныхъ мѣстностей нашего отечества. Тѣмъ пріятнѣе видѣть книгу, гдѣ статистически разработано санитарное состояніе отдаленнаго и захолустнаго уѣзда Вятской губерніи, населеннаго въ большемъ количествѣ инородцами (около $\frac{1}{3}$ населенія уѣзда составляютъ черемисы); къ тому же въ теченіе разсмотрѣннаго десятилѣтія 1887—1896 г.г. Вятская губернія потерѣла сильный голодъ 1892 года (въ этомъ году и наблюдалось наибольшее число заболѣваній).

Авторъ оперироналъ надъ больничнымъ матеріаломъ и имѣлъ въ своемъ распоряженіи 8.947 случаевъ сыпного тифа. Мы не будемъ излагать здѣсь выводовъ автора; съ ними лучше всего познакомиться по приложеннымъ къ книгѣ г. Аксакова діаграммамъ и картограммамъ. Сдѣлаемъ лишь нѣсколько извлеченій изъ

вступительнаго очерка книги, гдѣ авторъ даетъ болѣе или менѣе всестороннее описаніе Яранскаго уѣзда и изображаетъ бытовыя условія его обитателей. Въ нѣсколькихъ волостяхъ уѣзда мы встрѣчаемъ своеобразный «промыселъ» — нищенство; по численности занимающихся имъ, нищенство стоитъ среди другихъ промысловъ уѣзда на четвертомъ мѣстѣ. Всего нищихъ — 2.033 чело-вѣка, изъ которыхъ 755 бродятъ по своему уѣзду и 1.280 собираютъ милостыню въ Яранскаго уѣзда. О развитіи алкоголизма говорятъ слѣдующія данныя: въ сѣверной бѣднѣйшей половинѣ уѣзда одинъ кабакъ приходится на 1.748 жителей, въ южной — на 2.536 чело-вѣкъ; въ заштатномъ городкѣ Царевосанчурскѣ, съ его 1.425 жителями, существовало 15—19 ни-тейныхъ заведеній.

Зн.

**Краткій историческій очеркъ административныхъ учрежденій
горнаго вѣдомства въ Россіи. 1700—1900 гг. Сост. А. М. Лоранскій.
Спб. 1900.**

Это юбилейное изданіе, какъ и большинство юбилейныхъ, всего короче могло бы быть названо формуляръ горнаго дѣла въ Россіи. Тутъ все дѣло идетъ о постепенномъ переходѣ древнихъ, до-петровскихъ, «приказовъ Большої казны», «Сибирскаго», «Пушкарскаго» и, наконецъ, позднѣе, «приказа рудокопныхъ дѣлъ» черезъ разныя бергъ-коллегіи и бергъ-директоровъ, послѣ петровскаго времени, въ современный департаментъ горнаго дѣла при министерствѣ земледѣлія. Собственно объ организаціи горнаго дѣла и заводовъ здѣсь нѣтъ свѣдѣній, но зато подробно и въ строгомъ порядкѣ изложены послѣдовательныя измѣненія въ администраціи этого дѣла въ смыслѣ правитель-ственнымъ. Книжка спеціальная и скучная для обычнаго чтенія, для котораго она, впрочемъ, врядъ ли предназначалась. Весьма цѣнный вкладъ въ нее представляютъ тринадцать прекрасныхъ портретовъ государей и государынь, за время царствованія которыхъ развивалось, упрощалось и крѣпло наше горное дѣло въ своемъ административномъ развитіи.

В. П.

**Труды Оренбургской ученой архивной комиссіи. Выпускъ VI.
Подъ редакціей И. С. Шукцинцева. Оренбургъ. 1900.**

Шестой выпускъ «Трудовъ» названной комиссіи, кромѣ официальнаго от-дѣла — протоколовъ и отчета комиссіи, заключаетъ въ себѣ три довольно цѣн-ныхъ статьи. Въ первой изъ нихъ находимъ интересныя и едва ли не впервые извѣстныя въ печати «Матеріалы для исторіи города Троицка» за періодъ отъ 1743 до 1891 года, или «церковную лѣтопись», составленную протоіереемъ Гавріиломъ Аманацкимъ († 1871 г.) и продолженную его наслѣдниками. Во второй имѣется много данныхъ о многочисленныхъ курганахъ Оренбургской губерніи, включая сюда и преданія о нихъ, и наконецъ въ третьей, озагла-вленной: «Пушкинскіе дни въ Оренбургѣ», въ числѣ наиболѣе любопытнаго матеріала для біографіи нашего великаго поэта встрѣчаемъ «воспоминанія»

о пребываніи Пушкина въ Оренбургѣ — Н. П. Иванова (извлечено изъ его труда: «Хивинская экспедиція 1839 — 1840 гг.») и купца Н. А. Кайдалова (первоначально были напечатаны въ «Современныхъ извѣстіяхъ» за 1800 г.) и довольно подробныя свѣдѣнія о пребываніи поэта въ Бердахъ.

Остальное содержаніе разсматриваемаго выпуска «Трудовъ» Оренбургской архивной комиссіи составляютъ некрологъ бывшаго ея предѣдателя, генералъ-лейтенанта Павла Петровича Бирка, много поработавшаго для процвѣтанія комиссіи и устройства цѣннаго въ историческомъ отношеніи архива бывшаго оренбургскаго генералъ-губернаторства и «Опись нѣкоторыхъ дѣлъ казачьяго отдѣла архива комиссіи», относящихся къ 1798—1835 годамъ.

В. Р.—въ.

Профессоръ П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изданіе журнала „Русскій Медицинскій Вѣстникъ“. Спб. 1900.

Психіатрическіе эскизы профессора Ковалевскаго пользуются большимъ успѣхомъ среди читающей публики; такъ мы заключаемъ изъ того, что передъ нами уже пятое изданіе I тома этихъ эскизовъ, въ который вошли: Саулъ, царь израилевъ, Навуходоносоръ, царь вавилонскій, Камбизъ, царь персидскій, Людвигъ II, король баварскій, и византійскій деспотъ—Андроникъ Комнинъ.

Немного найдется профессоровъ, которые посвятили бы свое, такъ сказать, внѣслужебное время на изданіе «эскизовъ», — какъ скромно называетъ ихъ г. Ковалевскій, — написанныхъ такимъ изящнымъ и, въ то же время, совершенно популярнымъ языкомъ и имѣющихъ такой увлекательный интересъ въ чтеніи. Впрочемъ, секретъ успѣха историческихъ эскизовъ профессора Ковалевскаго заключается, какъ намъ кажется, не въ однѣхъ лишь названныхъ нами внѣшнихъ особенностяхъ, присущихъ писательскому таланту автора, но, главнымъ образомъ, и въ удачномъ выборѣ тѣхъ крупныхъ историческихъ фигуръ, которыя проходятъ въ его книгѣ, а также и въ томъ нѣжномъ, деликатномъ, любовномъ вниманіи, съ которымъ относится даровитый авторъ къ намѣченнымъ образамъ. Какими, на примѣръ, нѣжными и симпатичными красками рисуетъ авторъ портретъ несчастнаго баварскаго короля Людвигъ II: говоря объ увлеченіи короля композиторомъ Вагнеромъ, г. Ковалевскій находитъ, что «увлекающаяся, мечтательная и фантазирующая душа короля цѣликомъ отдалась этой музыкѣ (вагнеровской) и не отличала уже созданія отъ создателя, героевъ оперъ отъ себя лично и образовъ фантазіи отъ дѣйствительной обстановки»... Какъ извѣстно, музыка Вагнера была первымъ толчкомъ, направившимъ умъ этого короля въ міръ фантазій, — какъ потомъ архитектура была послѣднимъ толчкомъ, приведшимъ къ положительному психическому разстройству.

Въ той же книгѣ г. Ковалевскаго есть и еще одинъ очеркъ, столь же интересный—византійскаго Грознаго, Андроника Комнина. Этотъ жестокосердый, ужасный и распутный человекъ, пролившій на своемъ вѣку едва ли даже не болѣе крови, чѣмъ нашъ Грозный, вызываетъ у читателя, въ описаніи г. Ко-

валевскаго, невольную все-таки жалость: такъ велики и ужасны были предсмертныя мученія и истязанія, коимъ подвергла кровожадная константинопольская чернь своего кровожаднаго государя!..

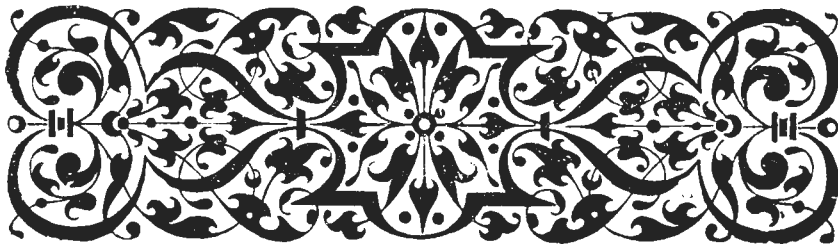
Въ общемъ, «эскизы» профессора Ковалевскаго читаются съ большимъ интересомъ и даже увлеченіемъ,—такъ живо и талантливо они написаны.

И. Н. З.

«Новгородъ XVI вѣка». (По изображенію на хутынской иконѣ «Видѣніе понамаря Тарасія»). Съ 24 рисунками П. Л. Гусева. Спб. 1900.

Икона эта символическая; на ней изображено, какъ въ XV—XVI вѣкахъ постигли Великій Новгородъ бѣдствія: морь и пожаръ. Авторъ написалъ свою брошюру пользуясь, преимущественно, почтенными трудами арх. Макарія, В. С. Передольскаго, П. И. Красова и др., но изслѣдованію новгородскихъ древностей. Онъ разсматриваетъ каждую частицу иконы сначала съ вѣшной стороны, потомъ даже съ бытовой; заглядываетъ въ вышеназванные труды и по нимъ указываетъ на рисункахъ, гдѣ долженъ быть какой храмъ, какая боярская палата; но дѣлаетъ это непослѣдовательно, скачками и заставляетъ читателя обращаться отъ конца снова къ началу. Такимъ образомъ, чтобы уяснить указанія, предлагаемыя о. Гусевымъ, надо быть до его указаній фактически знакомымъ съ Новгородомъ, иначе въ его брошюрѣ можно запутаться, какъ въ лабиринтѣ. По существу брошюра не даетъ ни новыхъ данныхъ, ни новыхъ открытій: тѣ же дворища, концы, дѣтинець, надъ которыми уже достаточно поработали наши присяжные археологи. Съ такими основаніями, какъ «вѣроятно», «можетъ быть», «не ручаюсь», брошюра не можетъ служить серьезнымъ матеріаломъ, а какъ книга для чтенія она суха и скучна, хотя нельзя отвергать, что авторъ добросовѣстно потрудился надъ имѣвшимися у него источниками для изученія старины новгородской. А. С.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПРЕДВОЗВѢСТНИКИ Христофора Колумба. Уже давно европейскіе ученые послѣ юбилея Христофора Колумба почти единогласно были того мнѣнія, что въ открытіи Америки ему предшествовали многіе другіе. Это открытіе считали даже дѣломъ китайцевъ. Теперь американцы взяли на себя разъясненіе этого вопроса и всячески стараются опредѣлить, кто были первые пионеры въ этомъ дѣлѣ. По словамъ одного канадскаго журнала ¹⁾, Америка открыта задолго до появленія тамъ Христофора Колумба, то-есть въ 1001 году, норманномъ Лейхомъ Эрксеномъ, которому, между прочимъ, одинъ изъ американскихъ городовъ, Бостонъ, ставитъ теперь памятникъ. Такимъ образомъ вполне подтверждается американскими открытіями, что норманны поселились въ Гренландіи, части Канады и большей части Сѣверной Америки. По словамъ газеты «Montréal», норманны впервые принесли въ Новый Свѣтъ христіанство, какъ подтверждаютъ древнѣйшія саги того времени, остатки христіанскихъ церквей и камни съ руническими надписями, сохранившіеся донинѣ въ замѣчательной степени. Также Ховлей, изыскатель вѣхъ норманнскихъ древностей въ Новомъ Свѣтѣ, подтверждаетъ, что норманны поселились около 1000 года въ бухтѣ Мирамичи (Новый Брауншвейгъ). Американскіе историки считаютъ, что католическія сношенія съ первобытными христіанами Америки начались гораздо ранѣе Христофора Колумба. Сохранились даже папскія буллы за четыре вѣка до Христофора Колумба. Поэтому одинъ изъ американскихъ журналовъ отвергаетъ открытіе Канады Себастьяномъ Каботомъ, которое относятъ ко времени гораздо

¹⁾ La presse de Montréal, 1900.

позднѣйшему, именно послѣ открытія Америки Колумбомъ въ 1544 году. Въ число 117 картъ, составленныхъ различными лицами, не вошло, по мнѣнію Ховлея, 16 картъ, изданныхъ до Колумба. Такое странное умолчаніе о вновь открытыхъ норманнами земляхъ объясняется тѣмъ, что это открытіе оставалось долго почти неизвѣстнымъ, и что ихъ поселеніе тамъ произошло тихо и не произвело шума въ Европѣ, и только теперь, благодаря изслѣдованіямъ американскихъ ученыхъ, о немъ стали говорить. Сами же норманны, открывшіе ихъ, не очень ими дорожили и предпочитали болѣе шумные подвиги и легкую, богатую добычу на берегахъ Средиземнаго моря. Кромѣ этой причины, частыя распри со скандинавами и большая смертность, распространившаяся среди первоначальныхъ поселенцевъ, уменьшили процвѣтаніе первыхъ колоній норманновъ въ Новомъ Свѣтѣ, а послѣдующія столкновения оставшихся въ живыхъ жителей съ эскимосами мало-по-малу уничтожили поселенцевъ. Вслѣдствіе этого мало было извѣстно въ Европѣ первое появленіе норманновъ, но во всякомъ случаѣ фактъ ихъ появленія въ Америкѣ до Колумба доказанъ вполне существующими картами, изъ которыхъ одна, именно № 1, относящаяся къ 1424 году, Антильскихъ острововъ, сохраняется въ Саксоніи, въ библиотекѣ города Веймара, а другая — № 2, относится къ 1427 году. Всего — 12 картъ.

— Письма Гельвеція къ его женѣ. Редакція журнала «Le carnet historique et litteraire» помѣстила въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ интересную переписку между знаменитымъ писателемъ XVIII столѣтія Гельвеціемъ и его женою ¹⁾. Она тѣмъ интереснѣе, что доказываетъ, въ какихъ дружескихъ, нѣжныхъ отношеніяхъ съ женою находился авторъ книги «Объ умѣ». Какъ извѣстно, Гельвецій былъ откушникомъ налоговъ и родился въ 1715 году. Происходя изъ голландскаго семейства, его отецъ поселился во Франціи при Людовикѣ XVII, который даровалъ ему дворянство, и за его удачное лѣченіе Людовика XVIII онъ былъ сдѣланъ придворнымъ докторомъ. Въ 23 года Гельвецій уже велъ роскошную жизнь, часто бывалъ въ фойе артистовъ французской комедіи, гдѣ пользовался любовью г-жи Госсе и не разъ танцевалъ въ оперѣ вмѣсто знаменитаго Дюпре, конечно, подъ маской, скрывавшей его личность, вызывая бурю аплодисментовъ. Изъ его сердечныхъ побѣдъ всего болѣе извѣстна была побѣда надъ модной знаменитостью, герцогиней Шалькъ. Будучи завсегдаемъ обѣдовъ г-жи Помпадуръ, вечеровъ барона Гальбаха и г-жи Тансинъ, Гельвецій сдѣлался пламеннымъ послѣдователемъ писателей философвъ-сенсуалистовъ или энциклопедистовъ. Въ это время онъ познакомился съ молодой дѣвушкой Анной де-Ленъевилль, дочерью небогатой, но знатнаго рода семьи въ Лотарингіи, влюбился въ нее и женился въ 1751 году. Прежде своей свадьбы, какъ бы желая пользоваться вполне своимъ брачнымъ положеніемъ, онъ отказался отъ своего мѣста откушника, что побудило контролера финансовъ Машо отвѣчать ему остроумной фразой: «А, вы, значить, не такъ ненасытны, какъ ваши товарищи». Тотчасъ послѣ свадьбы молодая чета отправи-

¹⁾ La Correspondance d'Helvetius avec sa femme. «Carnet historique et litteraire», novembre—decembre, 1900.

лась въ помѣстьѣ Ворэ, прибрѣтенное Гельвеціемъ незадолго передъ тѣмъ. Въ этомъ имѣніи философъ съ женою проводили все свое время, за исключеніемъ четырехъ мѣсяцевъ ежегоднаго пребыванія въ Парижѣ. Они представляли образцовую супружескую чету и, по выраженію одной помѣщицы-сосѣдки, слова: «мой мужъ», «моя жена», «мои дѣти», произносились ими не такъ, какъ обыкновенными людьми. Въ 1752 году у Гельвеція родилась дочь Аделаида, сдѣлавшаяся впослѣдствіи г-жею Мёнъ и въ 1764 году родилась другая—Жене-вьева, которая вышла замужъ за графа д'Андло. Въ 1755 году умеръ отецъ Гельвеція, и философъ отказался отъ наслѣдства въ пользу своей матери. Будучи другомъ Дидеро, Даламбера и другихъ энциклопедистовъ, онъ главнымъ образомъ разрабатывалъ этику и старался основать нравственность на собственномъ интересѣ человѣка, который, по его мнѣнію, всегда стремится къ наслажденію и общему благу. Плодъ его размышленій по этому предмету составила книга «De l'esprit», появившаяся въ 1758 году. Она подверглась преслѣдованію, потому что Гельвецій въ ней оклеветалъ всѣхъ добрыхъ людей и самого себя. Она не только признана опасной книгой епископомъ парижскимъ Христофоромъ де-Вомонъ, но 13 января 1759 года папа Климентъ VIII ее запрещаетъ, и, по приказанію парламента, она уничтожена 6-го февраля, а 9-го апрѣля она запрещена Сорбоной. Его друзья подвергли эту книгу общему выраженію неудовольствія, такъ Бюффонъ выражался: «Гельвецій долженъ былъ сдѣлать однимъ договоромъ болѣе и одной книгою менѣе». Кондорсе увѣрялъ, что ея сочиненіе могло только принести вредъ философскимъ идеямъ, а Тюрго называлъ его книгу безнравственной и отвратительной. Г-жу Гельвеціусъ, имѣвшую литературный салонъ въ Отейль, всѣ убѣждали побудить мужа отказаться отъ своего сочиненія, но она благородно отвѣчала, что готова скорѣе экспатрироваться, чѣмъ переменить мнѣнія своего мужа. По случаю этого дѣла Гельвецій долженъ былъ оставаться въ Парижѣ для хлопотъ о своей книгѣ, вдали отъ своей жены, жившей тогда въ имѣніи, и по этому случаю онъ написалъ къ ней тринадцать писемъ, теперь впервые напечатанныхъ и отличающихся самой нѣжной супружеской любовью. Кромѣ надѣлавшей столько шума «De l'esprit», Гельвецій написалъ еще нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ главныя: «De l'homme» и «Роѣте sur le bonheur». Повинуясь англomanіи, бывшей одной изъ характеристичныхъ чертъ того времени, онъ предпринялъ путешествіе въ Англію въ 1763 году. Во все время пребыванія тамъ онъ писалъ самыя восторженныя письма, настолько же объ англичанахъ и ихъ нравахъ, какъ и о своей преданности женѣ. «Въѣздъ въ Лондонъ», писалъ онъ, «черезъ Вестминстерскій мостъ какъ нельзя болѣе великолѣпнень. Вообще англичане болѣе образованы, чѣмъ французы, и Англія очень уважаемая и очень опасная для насъ нація. Изъ всего видно, что управленіе дѣлами ведется здѣсь гораздо лучше, чѣмъ у насъ, потому что въ парламентѣ всѣ дѣла обсуждаются и оспариваются. Всѣ англичане не зрители, какъ у насъ, а дѣйствующія лица въ государственныхъ дѣлахъ. Это—страна свободы, и мнѣ кажется, что тутъ дышится съ большей легкостью, чѣмъ въ другихъ странахъ. Объ англійскихъ женщинахъ можно сказать, что они—лучшія жены, чѣмъ французенки, но тѣ пріятнѣе, какъ любовницы. Англичане уважаютъ нашу націю, но прези-

раютъ наше правительство. Меня всего болѣе сердить, что легко было бы добиться у насъ такого же хорошаго правительства, какъ англійское, и однако я увѣренъ, что необходимыя перемѣны не будутъ приняты, и мы будемъ предметомъ общаго презрѣнiя Европы». Вернувшись во Францію, Гельвецій посѣтилъ въ 1765 году Берлинъ, сдѣлавшійся священной Меккой для всѣхъ писателей, благодаря пребыванiю тамъ Фридриха Великаго. Письма, которыя онъ писалъ женѣ въ это время, не менѣе интересны, чѣмъ изъ Англии. Достигнувъ пребыванiя короля «Санъ-Сусси», онъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ. «Всѣ знаютъ», пишетъ Гельвецій, «что король—великій человѣкъ, но надо его видѣть лично, чтобы убѣдиться, насколько онъ очарователенъ. Его разговоръ напоминаетъ Вольтера, и я никогда не видывалъ человѣка, который болѣе походилъ бы на него. Главное его качество—гуманность, и ею онъ преисполненъ такъ же, какъ умомъ. Нельзя не быть въ восторгѣ отъ этого короля». По возвращенiи въ Парижъ, Гельвецій вернулся къ своей замкнутой и ученой жизни. Въ 1771 году онъ умеръ отъ припадка подагры, бросившейся въ сердце. Что касается до жены Гельвеція, то она пережила своего мужа и, пользуясь двадцатью тысячами ливровъ годового дохода, отличалась всю остальную свою жизнь благотворительными дѣлами.

— Шведскiя статьи о Россiи. Недавно въ Стокгольмѣ, къ 50-ти-лѣтнему юбилею профессора и историка Густава Мальмстрёма, изданъ его учениками и почитателями небольшой сборникъ историческихъ статей. Это рядъ очерковъ изъ шведской исторiи, при чемъ взяты самые различные періоды, начиная съ доисторическаго и кончая XIX вѣкомъ. Три изъ этихъ очерковъ касаются отношенiй Швеции къ Россiи.

Небольшой очеркъ Однера посвященъ нотѣ графа Разумовскаго, послужившей поводомъ къ разрыву между Швецией и Россiей и къ войнѣ 1788—1790 гг. Густавъ III искалъ только малѣйшей придирки, чтобы объявить войну Екатеринѣ; онъ рассчитывалъ поднять этой войной свой престижъ, подавить оппозицію внутри страны, оградить себя отъ вѣчно-грозящей и могущественной сосѣдки. Екатерина, съ своей стороны, обиженная его интригами въ Константинополь и его кознями противъ Данii, не теряла надежды усмирить его и прямо наказывала своему послу при шведскомъ дворѣ возбуждать всячески націю противъ короля. Въ такое-то напряженное время на постъ посла въ Стокгольмѣ былъ назначенъ графъ Разумовскiй. Принять онъ былъ хорошо, тѣмъ болѣе, что король зналъ его уже и раньше, но его неосторожныя насмѣшливыя замѣчанiя по поводу поѣздки короля въ Данiю испортили отношенiя. Онъ сильно интриговалъ противъ короля вмѣстѣ съ недовольными и не обращалъ никакого вниманiя на недовольство Густава III.

Вооруженiе 16-ти новыхъ военныхъ кораблей въ Карльскронѣ возбудило въ Петербургѣ тревогу и волненiе, тѣмъ болѣе, что король до послѣдней минуты откладывалъ сообщенiе объ этомъ. Канцлеръ графъ Остерманъ, отвѣчая Разумовскому на его депешу объ этомъ, совѣтуетъ ему держать себя возможно спокойнѣе, увѣрять въ миролюбiи Екатерины, а подъ рукою продолжать агитацію. Эту послѣднюю впрочемъ велъ Разумовскiй весьма вяло. Когда король упорно продолжалъ доказывать странѣ (не стѣняясь даже дѣлать нѣкоторыя

передержки въ донесеніяхъ шведскаго посла въ С.-Петербургѣ—Нолькена), что Россія хочетъ войны, тогда Екатерина рѣшила официально заявить шведской націи о своемъ миролюбіи. Остерману было поручено составить письмо, предназначенное къ огласкѣ. Послѣ обычныхъ заявленій о миролюбіи Россіи, объ ея нежеланіи начинать съ кѣмъ бы то ни было войну, имѣя уже на рукахъ войну съ Турціей, и напоминанія объ усиленномъ вооруженіи Швеціи, явно направленномъ противъ Россіи, въ письмѣ говорится: «При такихъ обстоятельствахъ императрица не можетъ далѣе колебаться и проситъ васъ сообщить министерству его величества короля шведскаго, а также всѣмъ тѣмъ изъ націи, кто имѣютъ какое либо участіе въ правленіи, что ея императорское величество не можетъ дать имъ большаго доказательства своего миролюбиваго образа мыслей, относительно ихъ и ея интереса къ сохраненію ихъ спокойствія, какъ когда она увѣряетъ ихъ своимъ императорскимъ словомъ, что всѣ противоположныя намѣренія, которыя ей могутъ быть приписаны, лишены всякаго основанія». Подчеркнутыя фразы—тѣ, которыя подали Густаву желанный поводъ къ разрыву, когда это письмо, изложенное въ видѣ ноты, было представлено королю. Это раздѣленіе короля отъ націи было принято имъ за прямое оскорбленіе: «Такъ какъ тамъ, къ счастью, попадаетея выраженіе, какъ будто отдѣляющее короля отъ націи, ищетъ Густавъ Армфельту, то мы примѣмъ мѣры, чтобы опредѣлить наше положеніе, или, выражаясь дипломатическимъ языкомъ, выяснигъ ситуацію».

Такимъ образомъ, нога произвела какъ разъ обратное дѣйствіе, чѣмъ то, на которое она была рассчитана. Въ результатъ послѣдовалъ разрывъ, и, какъ всегда бываетъ, гнѣвъ обѣихъ сторонъ обрушился на Разумовскаго.

Второй очеркъ Гаральда Хьерне (Hjærne) посвященъ разбору двухъ проектовъ Цедерхельма (вождя голштинской партіи въ 1727 году и бывшаго посла въ Россіи), касающихся Россіи. Въ первомъ онъ предлагаетъ увезти Петра II въ Швецію, подъ предлогомъ исполненія его образованія, и такимъ образомъ вмѣшаться очень интимно въ русскія дѣла, имѣя въ рукахъ такого знатнаго заложника. Императрица будетъ благодарна за избавленіе ея отъ этого мальчика безъ пролитія его крови, ей и дочерямъ будутъ развязаны руки. Приверженцы же Петра будутъ рады помѣстить его въ безопасное мѣсто.

Второй проектъ Цедерхельма касается распространенія лютеранства въ Россіи. Онъ говорилъ съ Теофаномъ Прокоповичемъ, и тотъ открылъ ему, какъ мало удовлетворила его греческая религія, какъ мало нашелъ онъ подходящаго и въ католической, изучая ее въ Италіи, и какъ на возвратномъ пути, въ Германіи, открыли ему глаза сочиненія Мейснера. Другіе писатели только утвердили его еще болѣе, такъ что онъ даже пользовался ихъ положеніями, хотя и не называлъ авторовъ. Далѣе Теофанъ сообщилъ ему, что онъ часто и особенно въ послѣднюю болѣзнь Петра говорилъ съ нимъ объ евангелическомъ ученіи; упомянувъ о проектѣ обратить монастырскіе доходы на устройство школъ по всей имперіи, куда онъ предполагалъ назначать нѣмцевъ или вообще иностранцевъ евангелическаго исповѣданія. Черезъ третье лицо Теофанъ сообщалъ Цедерхельму, что теперь положеніе его очень пошатнулось, и просилъ дать отвѣтъ, можетъ ли онъ рассчитывать на пріютъ въ Швеціи.

Третій и самый большой очеркъ сборника (Карльсона) посвященъ Полтавской битвѣ. Это подробный отчетъ о всѣхъ передвиженіяхъ арміи Карла XII, объ осадѣ Полтавы, о битвѣ и бѣгствѣ войска и о сдачѣ его. Все это факты общезвѣстные и представляютъ здѣсь интересъ лишь потому, что собраны воедино, при чемъ авторъ пользуется громадной литературой на всѣхъ языкахъ, не исключая и русскаго (Соловьевъ, Костомаровъ, Чичеринъ, Лееръ и др.). Интереснѣе самой статьи являются примѣчанія къ ней, взятія изъ неизданныхъ дневниковъ и писемъ офицеровъ, донесеній военныхъ агентовъ и т. п. Весь походъ въ Украину былъ обусловленъ не столько переговорами съ Мазеной, сколько фактической невозможностью идти на Москву; благодаря необычайно дождливому лѣту, рѣки разлились, а болота стали и вовсе непроходимы: «подобнаго лѣта я никогда не переживалъ, пишетъ Пинеръ королевѣ-вдовѣ Гедвигѣ-Элеонорѣ 16-го іюля. Вотъ уже семь недѣль, какъ почти ни одного дня не обошлось безъ дождя, и при этомъ стоитъ такой холодъ, какъ поздней осенью. Все это не только является причиной несчастнаго похода, подобнаго какому по всевозможнымъ трудностямъ мы никогда не испытывали, но и дѣлаетъ непроходимыми дороги и порождаетъ въ войскѣ разныя болѣзни. Въ фуражѣ такой недостатокъ, что за нимъ приходится ѣздить за три мили, и все же не достать ничего, кромѣ незрѣлой ржи, отъ которой лошади болѣютъ»... Затѣмъ гибельной оказалась увѣренность Карла въ безсиліи Петра, послужившая причиной тому, что корпусъ Лёвенгауита былъ разбитъ при Лѣномѣ. Эта самоувѣренность Карла поражаетъ даже его современниковъ (депеша прусскаго посла Кейзерлинга изъ Москвы). Походъ въ глубь страны представлялъ громадныя трудности, а войско и безъ того было изнурено. Вотъ какъ описываетъ этотъ походъ полковникъ Гилленшернъ въ своихъ (не напечатанныхъ) запискахъ: «...мы должны были идти густымъ лѣсомъ, протянувшимся на 18 миль, гдѣ до тѣхъ поръ не проходилъ ни одинъ отрядъ, а тѣмъ менѣе армія. Тамъ не было ни настоящихъ дорогъ, ни деревень, только тамъ и сямъ отдѣльные дома, но большей части сожженные. При этомъ лѣсъ былъ наполненъ казаками, такъ что если кто нибудь сбивался съ дороги, его или пристрѣливали или брали въ плѣнъ; поэтому боялись разсылать въ стороны отряды, въ силу чего доставать провіантъ было немыслимо, и люди и лошади гибли въ такомъ количествѣ, что тѣ, кто шли назадъ, не нуждались въ указаніи пути, ибо дороги были полны трупами». При этомъ казаки не переставали тревожить шведовъ неожиданными нападеніями и засадами, такъ что приходилось вѣчно быть насторожѣ, и часто случалось до 26 часовъ проводить въ сѣдлѣ! При этомъ Карлъ велъ войну съ обычной своей неровностью и полнымъ невниманіемъ къ внѣшнимъ условіямъ. Такъ, на примѣръ, въ жестокой морозъ въ декабрѣ онъ отправился вдругъ въ Гадячъ, чтобы дать русскимъ сраженіе. Вотъ что пишетъ очевидецъ, рейтмейстеръ Каггъ, въ своемъ дневникѣ: «18 декабря 1708 подошелъ его величество съ частью войска къ городу Гадячу въ ужасный морозъ, такъ что многіе простудились, а другіе отморозили руки и ноги, нѣкоторые же вовсе замерзли. Солдаты, правившіе повозками, сидѣли мертвые, а лошади несли, закусивъ удила. Среди арестантовъ, скованныхъ попарно, если одинъ умреть, то живой отрѣзалъ руку у

мертвого, такъ что нѣкоторые изъ живыхъ бѣжали». Батальонный священникъ Агрель пишетъ въ дневникѣ: «только въ одномъ нашемъ полку замерзло на смерть 32 нижнихъ чина и 2 офицера; искалѣчено же морозомъ 200 слишкомъ, при чемъ около половины такъ пострадали, что никогда уже не будутъ въ состояніи нести королевскую службу... Ужасенъ видъ всѣхъ отмороженныхъ. Фельдшера работаютъ цѣлыми днями, отрѣзывая руки и ноги. Цѣлыя сутки провозятъ мимо на саняхъ покойниковъ для погребенія въ подвалахъ и другихъ ямахъ, такъ какъ въ землю класть невозможно». Это злосчастное стояніе подъ Гадячемъ и штурмъ никому ненужной крѣпости Веприкъ выхватили изъ войска 4.000 человекъ. Не легче стало и съ наступленіемъ весны; рѣки разлились, снѣгъ растаялъ, и чуть не вся окрестность обратилась въ озеро. Солдаты шли часто по поясъ въ водѣ: «Люди были насквозь мокры, а ночью сильно стало морозить, такъ что одежда на нихъ затвердѣла, какъ панцырь» (дневникъ полковника Поссе, 18 февраля 1709 г.). Понятно, что даже преданное Карлу войско начало роптать; все зависѣло отъ короля, а онъ точно нарочно (и офицеры роптали, что именно нарочно) безъ нужды подвергалъ свою жизнь опасности. Полковникъ Зигротъ сообщилъ королю, что ему нельзя довѣрять больше офицерамъ и солдатамъ: «король отвѣтилъ, что если бы онъ это зналъ навѣрно, то онъ бы желалъ, чтобы ни онъ, никто изъ его арміи не вернулся домой живымъ» (дневникъ прусскаго генералъ-адъютанта барона Зильтмана). Осада Полтавы и самая битва слишкомъ извѣстны, чтобы даже личныя воспоминанія могли прибавить что либо новое. Одинъ изъ участниковъ боя говоритъ о поведеніи казаковъ: «о казакахъ Мазены я не думаю, чтобы больше трехъ человекъ участвовали въ бою. Ибо пока мы сражались, они оставались позади, а когда дѣло дошло до бѣгства, тогда они оказались далеко впереди».

— Баронесса Крюденеръ. Недавно появилась въ серіи «Государынь и знатныхъ дамъ» Жозефа Тюркана біографія баронессы Крюденеръ, подъ заглавіемъ «Une illuminée au XIX siècle» ¹⁾. Авторъ довольно откровенно признается, что его взгляды на баронессу Крюденеръ не проверены психологическимъ анализомъ, а основаны на сочувствіи къ ней, такъ какъ «она любила Францію и была добра къ бѣднымъ». Но надо отдать справедливость, что, несмотря на пристрастный способъ критическаго разбора личности баронессы Крюденеръ, Тюрканъ все-таки собралъ съ полнымъ безпристрастіемъ все, что извѣстно о ея похожденияхъ въ Европѣ. Это тѣмъ болѣе интересно для русскихъ читателей, что объ эпохѣ ея жизни за границей было очень мало написано. Юлія Ивановна Фитингофъ родилась 21 ноября 1764 года въ Ригѣ. Ея отецъ, женатый на дочери фельдмаршала Миниха, благодаря своимъ удачнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, возстановилъ значеніе своего рода, который, несмотря на старинное лифляндское происхожденіе и принадлежа къ Тевтонскому ордену, пришель въ упадокъ. Онъ купилъ богатыя помѣстья въ Лифляндіи, домъ въ Петербургѣ и другой въ Ригѣ, а подъ конецъ своей жизни сдѣлался сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ. Сынъ его, Борисъ, былъ впоследствии

¹⁾ Une illuminée de XIX siècle, par Joseph Turquan, Paris.

гофмаршаломъ при дворѣ великаго князя Константина Павловича и вліятельнымъ членомъ Библейскаго общества. Дочь Юлія получила самое поверхностное образованіе, и даже знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ она обязана не изученію ихъ, а практикѣ, такъ какъ у нихъ въ домѣ говорили только на этихъ двухъ языкахъ. Когда ей минуло лишь тринадцать лѣтъ, родители взяли ее съ собою на воды въ Спа, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ она, посѣщая тогдашнее нравственно вымирающее парижское общество Людовика XVI, естественно не могла, по словамъ Тюркана, усвоить себѣ серіознаго понятія о нравственности, что помогло сформироваться изъ нея позднѣе необыкновенной авантюристкѣ. «Но, если бы, оговаривается Тюрканъ, она была отдана въ одно изъ серіозныхъ воспитательныхъ заведеній, то изъ нея вышла бы самая замѣчательная женщина ея вѣка». Онъ совершенно отвергаетъ, что въ эту эпоху ея жизни за границей она посѣщала литературные салоны, и что ея родители принимали у себя литераторовъ и философовъ того времени. Только Бернарденъ-де-Сенъ-Шерь, съ которымъ ея мать познакомилась въ Ригѣ, бывалъ у нихъ, но никогда не бесѣдовалъ ни о литературѣ, ни о философіи. Единственныя познанія, которыя ей преподали въ Парижѣ, были танцы и хорошія манеры, которыми обучалъ ее тогдашній богъ танцевъ, Вестрихъ. Если же что либо и прибавилось къ ея умственному багажу, то этимъ она обязана только одной своей природѣ. Благодаря ли ея юности или состоянію, но едва ей минуло 16 лѣтъ, какъ уже ей сдѣлалъ предложеніе сосѣдъ помѣщикъ. Родители отвѣтили ему согласіемъ, не спросивъ даже мнѣнія дочери. По счастью для нея она заболѣла корью, и женихъ отказался, что привело ее въ восторгъ. Цѣлыхъ два года она наслаждалась свободой, проводя все свое время въ мечтаніяхъ и грезахъ... Но вотъ появился новый блестящій женихъ, и на этотъ разъ она охотно приняла предложеніе. Баронъ фонъ-Крюденеръ, остзейскаго происхожденія, былъ видный русскій дипломатъ. Несмотря на свои сравнительно не старые годы, — ему было 38 лѣтъ, — онъ былъ, благодаря своимъ неудачнымъ двумъ бракамъ, холоднымъ, разочарованнымъ прозаическимъ человѣкомъ. Въ молодую дѣвушку баронъ былъ влюбленъ и хотѣлъ приобрѣсть въ ней мать для своей маленькой дочери отъ перваго брака, а себѣ помощницу въ блестящей дипломатической карьерѣ. Юлія Фитингофъ исполнилось тогда 18 лѣтъ. Она не отличалась красотою, но, по словамъ Тюркана, послѣ возвращенія изъ Парижа развилась и приобрѣла какую-то особенную прелесть. Средняго роста, прекрасно сложенная, съ подвижными умными и выразительными чертами лица, съ громадными голубыми, живыми, пронизательными глазами, съ роскошными вьющимися бѣлокुरыми волосами, она производила какое-то оригинальное новое впечатлѣніе; при этомъ она обладала граціей и легкимъ впечатлительнымъ умомъ. Первый годъ они жили въ замкѣ у матери барона, гдѣ молодая баронесса родила сына Павла. Хотя баронъ былъ внимателенъ къ своей женѣ, но холодная, спокойная его любовь не удовлетворяла мечтательной жены, и она очень обрадовалась, когда ея мужа назначили посланникомъ въ Венецію, и когда они отиравились въ Петербургъ, чтобы представиться императрицѣ Екатерины. Путешествіе изъ Петербурга въ Венецію совершенно развлекло молодую женщину, и если бы баронъ не былъ такъ холодно спокоенъ, то баро-

несса была бы совершенно счастлива. Баронъ съ своей стороны примѣтилъ недостатки воспитанія и образованія своей молодой жены. Онъ угадалъ въ ней живой умъ и рѣшился пополнить и исправить ошибки того и другого, чтобы подготовить ее къ той роли, которую ей предстояло играть въ дипломатическомъ обществѣ. Это обидѣло молодую женщину, которая думала, что если ее любятъ, то должны видѣть только ея достоинства. Въ такомъ настроеніи они пріѣхали въ Венецію. Послѣ сѣвера эта чудная природа, южная нѣга, катанье въ гондолѣ, самъ городъ, шумная блестящая жизнь, совершенно опьянили молодую женщину и понемногу ступшевали мысль объ ея мужѣ. Что же касается до него, то венеціанское солнце не перемѣнило его холоднаго, официально спокойнаго отношенія къ женѣ. Этотъ психологическій моментъ сердечнаго неудовлеторенія баронессы замѣтилъ молодой секретарь ея мужа, котораго Турканъ называетъ графомъ Александромъ Стакіевымъ, и серьезно увлекается баронессой, но во время удерживаетъ себя, и, желая остаться честнымъ человѣкомъ относительно барона, проситъ отпускъ и уѣзжаетъ изъ Венеціи. Баронесса угадываетъ причину отъѣзда Стакіева, и польщенная этой интригой, она начинаетъ сожалѣть, что романъ такъ внезапно прервался, и на время уединяется, но не надолго: она начинаетъ скучать и бросается снова въ водоворотъ удовольствій, и ея сентиментальная любовь переходитъ въ кокетство. Прошли полтора года шумной жизни; баронъ былъ переведенъ посланникомъ въ Копенгагенъ. Здѣсь баронесса неожиданно встрѣчаетъ снова Стакіева, который занималъ въ это время постъ секретаря посольства въ Даніи. Прерванный романъ готовъ возобновиться, но Стакіевъ рѣшается письменно во всемъ признаться мужу, чтобы окончательно положить преграду къ сближенію съ баронессой. Крюденеръ пришелъ въ восторгъ отъ честности молодого секретаря, показалъ письмо женѣ и уговорилъ его остаться. Но доверчивый посланникъ жестоко ошибся, оставляя своего секретаря и надѣясь на твердость его воли. Романическая связь, которой такъ жаждала молодая женщина, завязалась, и честь посланника была опозорена. Этотъ первый шагъ Крюденеръ-кокетки не оставилъ послѣ себя большихъ угрызений совѣсти, кромѣ желанія возобновлять новыя интриги и похождения, которыя стали теперь столь многочисленны, что баронъ рѣшился миролюбиво разойтись съ женою. Баронесса уѣхала, какъ объяснялъ баронъ своимъ знакомымъ, «лѣчиться на воды».

Тогда баронесса Крюденеръ отправилась въ Парижъ. Это было, какъ разъ, въ первые дни революціи, въ 1789 году, когда народъ ликовалъ въ порывѣ политическихъ энтузіазма и надеждъ. Но баронессу не это привлекло въ Парижъ; она была полна желанія наслажденій и удовольствій и спѣшила посѣщать свѣтскіе и литературные салоны, куда провела ее Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ. Въ одномъ изъ этихъ салоновъ она познакомилась съ академикомъ Сюаромъ и, несмотря на разницу лѣтъ, такъ какъ почтенный академикъ былъ на 32 года старше баронессы, завела съ нимъ интригу, чтобы забыть неудачные результаты копенгагенскихъ походовъ. Сюаръ занялся художественнымъ и литературнымъ развитіемъ баронессы, посѣщала съ нею академію, бібліотеки и достопримѣчательности Парижа, знакомилъ съ античною жизнью Рима и

Авинь и сблизилъ ее съ литературнымъ міромъ, гдѣ она имѣла блестящій успѣхъ. Но недолго длилась эта связь, и бѣлокурная лифляндка наскучила французскому журналисту; онъ задумалъ жениться на дочери богатаго лильскаго типографа. Сюаръ прилично порвалъ эту связь, прося баронессу разрѣшить ему жениться, дабы устроить благополучно жизнь подъ старость. Пролить нѣсколько слезъ о преждевременномъ эпилогѣ романа, но считая, что принесла себя въ жертву будущему счастью Сюара, баронесса, по свойственному ей тщеславію, еще болѣе возвысилась въ своемъ мнѣніи, что помогло ей излѣчиться скоро отъ этой неудачной любви. Она покидаетъ Парижъ опять подъ тѣмъ же предлогомъ болѣзни. Вся ея жизнь была наполнена тщеславіемъ, и если она влюблялась иногда въ молодыхъ людей, то всегда была влюблена только въ себя. Последнее посѣщеніе Парижа и неудачная развязка романа развили въ ней легкомысленныя мысли. Поселившись на югѣ Франціи, она совершенно забыла своего стараго философа и завела новыя интриги въ Монпелье сначала съ графомъ Лезэ Маркезіа, а затѣмъ съ Фрежвилемъ, гусарскимъ офицеромъ и необыкновеннымъ красавцемъ. Ея свободныя манеры, положеніе соломенной вдовушки, не боящейся предразсудковъ, которыми были полны провинціальныя дамы, привлекли его къ ней; она же приняла его объясненіе за серіозную любовь, отдалась ему всецѣло и не жалѣла денегъ, чтобы удержатъ у своихъ ногъ. Они возвратились въ Парижъ, но карманы баронессы опустѣли, а денегъ ей не высылали изъ Лифляндіи; къ тому же оставаться въ Парижѣ было не безопасно, благодаря событіямъ революціи, и грубый, но въ то же время практичный любовникъ уговорилъ баронессу примириться съ мужемъ и возвратиться въ Копенгагенъ, обѣщая проводить ее и примирить съ мужемъ. Въ сущности онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы безопасно эмигрировать. Посланникъ любовно принялъ жену, простилъ ей все, наивно вѣря, что она раскаялась и на этотъ разъ серіозно займется своими обязанностями посланницы, жены и матери. Видя, что баронъ сдается, баронесса Крюденеръ не удовольствовалась этой побѣдой, а потребовала, чтобы мужъ принялъ Фрежвиля, какъ друга дома, такъ какъ обязанъ ему ея возвращеніемъ и спасеніемъ изъ революціоннаго водоворота. Какъ ни былъ безконечно добръ Крюденеръ, но на этотъ разъ онъ понялъ, какую роль игралъ гусаръ, и выгналъ его изъ дома. Затѣмъ между супругами произошло непріятное объясненіе, которое не извѣстно чѣмъ окончилось бы, если бы Фрежвиль внезапно не заболѣлъ, и баронесса въ романической экзальтаціи не перебралась быкъ нему въ гостиницу, гдѣ стала за нимъ ухаживать. Въ это время она написала просьбу о разводѣ и увѣдомила объ этомъ мужа, который, испугавшись скандала, почти приказалъ баронессѣ отправиться къ ея родителямъ въ Ригу. Надо было повиноваться, такъ какъ у нея болѣе не было денегъ, а Фрежвиль явно хотѣлъ отдѣлаться отъ наскучившей ему любовницы; она поѣхала въ Ригу къ родителямъ. На время теперь прекратились любовныя похождения баронессы, и ей оставалось только мечтать, вспоминая прежніе романы и предаваться меланхолическому настроенію въ тихой непривычной для нея провинціальной обстановкѣ. Ея настроеніе сдѣлалось еще меланхоличнѣе отъ неожиданной смерти отца и отъ неудачной встрѣчи съ пер-

вымъ предметомъ любви, Стакіевымъ, который обошелся съ нею такъ холодно, какъ будто никогда не былъ въ нее влюбленъ. Это оскорбило гордую, самомящую, тщеславную кокетку, и первый разъ она задумалась о своихъ лѣтахъ. Въ 28 лѣтъ она исчерпала всѣ сильныя ощущенія и всѣ удовольствія свѣтской жизни и чувствовала, что устала, что старѣеть, и ей ничего не остается больше, какъ раскаяться въ своихъ грѣхахъ и удалиться изъ шумнаго, блестящаго общества. Баронесса продолжала жить отдѣльно отъ мужа, но услыхавъ, что баронъ находится въ затруднительномъ финансовомъ положеніи, и по натурѣ не злая и не лишенная благородныхъ порывовъ, она бросилась къ нему, умоляя ее простить. Необычайно добрый баронъ Крюденеръ простилъ и на этотъ разъ свою жену, но видя, что ея здоровье расшатано, онъ уговорилъ ее поѣхать лѣчиться въ Берлинъ, куда она пріѣхала въ 1793 году, въ концѣ января мѣсяца. Приглашенія за приглашеніями посыпались на баронессу, и видя, что ей здѣсь не дадутъ спокойно жить, она отправилась въ Лейпцигъ въ сопровожденіи мужа. Устроивъ и оставивъ ее на попеченіе ея бывшей компаньонки, г-жи Арманъ, онъ уѣхалъ опять въ Берлинъ. Въ Лейпцигѣ баронесса проводила время въ обществѣ графа Тилли, въ чтеніи и въ перепискѣ, между прочимъ, съ авторомъ «Поль и Виргинія», котораго она боготворила. Въ этихъ письмахъ баронесса упоминаетъ о своемъ настроеніи и физическомъ и моральномъ здоровьѣ. Она пишетъ между прочимъ: «Природа мнѣ предложила еще утѣшительное и сладкое развлеченіе. Она не представляется мнѣ болѣе покрытой траурнымъ вуалемъ. Я снова сдѣлалась мать и существую любовью друзей, которые мнѣ дороги, какъ прежде. Пріѣзжайте хотя на нѣсколько мѣсяцевъ къ другу, душа котораго искренна и чутка. Я счастлива, что живу съ моимъ сыномъ, и радуюсь его успѣхамъ». Въ такой спокойной, семейной обстановкѣ баронесса Крюденеръ провела конецъ 1793 года и почти весь 1794 годъ. Здоровье ея мало-по-малу возстановилось, а съ нимъ возвратилось желаніе прежней свѣтской, блестящей жизни. Потребность къ передвиженію воскресла съ новой силой, и послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ путешествій по Германіи и невозможности возвратиться въ Парижъ по причинѣ революціи, она поѣхала въ Ригу къ своей матери. Но скучная провинціальная жизнь, сплетни, уколы самолюбія, которыми награждали баронессу сосѣди матери, смотрѣвшіе на нее, какъ на заблудшую овцу, — все это вмѣстѣ заставило ее уѣхать въ отдаленное имѣніе, полученное ею послѣ смерти отца, гдѣ она занялась земледѣіемъ и своими крестьянами. Наконецъ это ей надоѣло, и баронесса опять отправилась путешествовать, на этотъ разъ въ Швейцарію. Для своего пребыванія она выбрала Лозанну, гдѣ посѣщала собравшееся тамъ блестящее общество, въ которомъ была очень хорошо принята. Но вскорѣ французы овладѣли Швейцаріей, и баронесса поѣхала въ Мюнхенъ, гдѣ ее ожидалъ мужъ. Дочь уже сдѣлалась взрослой дѣвушкой, и ея нѣжность много помогла сближенію родителей. Въ это время барона назначили посланникомъ въ Берлинъ. Супруги отправились вмѣстѣ, и салонъ баронессы снова открылъ свои двери. Она царствовала въ немъ, не благодаря своимъ знаніямъ свѣта, а благодаря своему такту, разнообразному знакомству, тонкому уму и умѣнью очаровывать мужчинъ. Но ея веселая болтовня и непринужденныя

манеры мало подходили къ требованіямъ холоднаго, чопорнаго, нѣмецкаго общества, которое требовало отъ ея возраста болѣе серьезнаго, положительнаго обращенія. Въ ея салонѣ можно было встрѣтить самое разнообразное общество, какъ, напримѣръ, де-Ривароля, съ которымъ она познакомилась у княгини Долгорукой, графа Тилли, Буфлёра, ея пріятельницу г-жу де-Сабранъ и разныхъ другихъ эмигрантовъ. Графъ Тилли посѣщалъ запросто Крюденеръ по двумъ причинамъ: изъ симпатіи къ баронессѣ и изъ расчета на покровительство барона, какъ русскаго посланника. Онъ сумѣлъ его очаровать, пока тотъ не замѣтилъ въ отношеніяхъ жены къ графу особой симпатіи, отчего сразу къ нему охладѣлъ. Несмотря на шумную жизнь, блестящее общество, роскошные обѣды, безумныя траты денегъ на наряды, которые она получала ежедневно изъ Парижа, баронесса недолго выдержала скуку нѣмецкаго двора и снова начала капризничать и нервничать, чѣмъ часто ставила мужа въ очень неловкое положеніе. Она скрывала завѣтную мысль попасть въ свой милый Парижъ подѣ жалобами на нездоровый климатъ Берлина и находила необходимымъ перемѣнить его по совѣту доктора на болѣе мягкій, хотя бы Франціи. Мало-по-малу она настояла на своемъ и уѣхала въ Теплицъ, взявъ съ собою дочь; здѣсь она близко сошлась съ принцемъ де-Линемъ. Спустя нѣкоторое время, она отправилась въ Швейцарію, гдѣ поселилась въ Лозаннѣ, откуда уѣзжала часто въ Женеву. Здѣсь во многихъ салонахъ восхищались ея своеобразной, граціозной, страстной манерой, съ которой баронесса исполняла мимическій танецъ съ шалью. Ему она обязана своимъ шумнымъ успѣхомъ. Познакомившись еще въ Парижѣ съ г-жею де-Сталь, она не упустила случая навѣстить знаменитую писательницу въ ея имѣніи Коппэ, рассчитывая въ ея салонѣ имѣть успѣхъ, о которомъ послѣдняя не замедлитъ возвѣстить въ Парижѣ и тѣмъ подготовить ея новый триумфъ въ дорогой для нея столицѣ. Въ эту эпоху пребыванія въ Женевѣ, подѣ впечатлѣніемъ г-жи де-Сталь, она начала писать свой романъ «Валерія». Напрасно баронъ Крюденеръ ожидать возвращенія своей жены въ Берлинъ; баронесса проѣхала изъ Швейцаріи въ Парижъ. Это было въ 1801 году, въ самый разгаръ консульства, когда Парижъ тонулъ въ жаждѣ наслажденій, баловъ, вечеровъ. Аристократическіе и литературные салоны возродились болѣе блестящими, болѣе оживленными. Въ особенности славились салоны г-жи де-Сталь, графини Бомонъ и красавицы Рекамье. Это была эпоха танцевъ; молодые люди и свѣтскія женщины посѣщали съ увлеченіемъ модныя курсы танцевъ и оспаривали другъ у друга пальму первенства въ граціи и легкости. Какъ только г-жа де-Сталь возвратилась въ Парижъ, баронесса Крюденеръ успѣшила сдѣлать ей визитъ. Ее охватила какой-то безумный пылъ, какой охватываетъ женщину, чувствующую приближеніе старости. Ей уже было въ это время 37 лѣтъ. Принятая сначала съ любопытствомъ, она вскорѣ очаровала всѣхъ своей живой, легкой бесѣдой и остроумными, оригинальными замѣчаніями; въ особенности сводилъ всѣхъ съ ума ея танецъ съ шалью. Но и на этотъ разъ баронесса не избѣгла романтической интриги съ моднымъ пѣвцомъ Гарра, страшнымъ уродомъ и фатомъ, который совершенно не зналъ музыки, хотя получалъ за пѣніе моднаго романа 750 ливровъ. Баронесса гордилась его посѣщеніями ея салона и при-

нимала его сначала изъ тщеславія, но потомъ увлеклась имъ серьезно, чувствуя, что это послѣдній ея романъ, и въ порывѣ своего обожанія доходила до изступленія. Это ухаживаніе свѣтской кокетки льстило пѣвцу, и онъ присоединилъ ее къ числу своихъ многочисленныхъ поклонницъ; но вкорѣ связь съ нею ему наскучила, и, воспользовавшись однимъ изъ безконечныхъ страстныхъ писемъ баронессы, какъ орудіемъ, которое избавитъ его отъ ея навязчивой любви, Гарри покончилъ эту интригу. На этотъ разъ она поняла, что ея пора романовъ прошла, и что ея молодость безвозвратно ушла. Она поклялась покончить съ романтическими похождениями и, чтобы легче сдержать обѣщаніе, рѣшила покинуть Парижъ, подъ приличнымъ предлогомъ. Въ послѣдній разъ ей оказала услугу мужъ, умеревъ неожиданно въ Берлинѣ, что послужило предлогомъ ея отъѣзда изъ Парижа. Отправившись въ Лионъ, она провела тамъ всю зиму 1802—1803 годовъ, среди баловъ и праздниковъ. Она увѣряла всѣхъ, что дѣлаетъ это ради своей дочери. Еще будучи въ Парижѣ, баронесса набросала нѣсколько мыслей на бумагѣ, которыя ея друзья нашли замѣчательными и напечатали въ «*Mercur de France*»; что же касается до ея романа «*Валерія*», то она не имѣла времени продолжать его въ Парижѣ и только теперь вновь принялась писать его. Она сначала читала его своимъ лионскимъ друзьямъ-литераторамъ, Журдану и Беранже, которые исправляли ея стиль и дѣлали критическія замѣчанія. Въ 1803 году, въ началѣ мая, когда «*Валерія*» была совершенно окончена, прежде, чѣмъ поѣхать въ Парижъ, баронесса занялась обезпеченіемъ ея успѣха и стала рекламировать ее черезъ посредство своихъ друзей. То и дѣло въ парижскихъ газетахъ появлялись стихи и статейки, въ которыхъ говорилось о томъ, что Парижъ скучаетъ по ней и ждетъ ея возвращенія. Эти стихи добывалъ ей докторъ Ге, за что она обѣщала ему доставить обширную практику. Вотъ какое письмо писала она къ Ге: «Благодарю васъ за стихи,—они прелестны. Не можете ли вы уговорить Делилля написать тоже стихи о Сидоніи? Миръ такъ глупъ, что надо прибѣгать къ шарлатанству, которое выставляетъ васъ на видъ и даетъ возможность услужить друзьямъ». Подъ Сидоніей она разумѣла себя, такъ какъ этимъ именемъ героини ея другого романа, нигдѣ не напечатаннаго, «*La savane de lataniens*», ее называли въ литературныхъ кружкахъ. Рядомъ съ этимъ сознаніемъ своего шарлатанства, баронесса писала тому же доктору: «Мы навѣрно одержимъ успѣхъ, потому что чистыя, непорочныя намѣренія всегда одерживаютъ успѣхъ». Объ этомъ письмѣ Сень-Бевъ отозвался слѣдующей фразой: «Меня въ особенности поражаетъ, что, прибѣгая просто къ приемамъ торговли, что вовсе не нравственно и не деликатно, она позволяетъ себѣ говорить о нравственности и чистотѣ». Обезпечивъ, такимъ образомъ, себѣ успѣхъ, она отправилась въ Парижъ, но прежде, чѣмъ напечатать романъ, баронесса какъ возможно чаще посѣщаетъ Шатобріана, Бернаденъ-де-Сень-Пьера, Дюси, Жофруа, Мишо и всѣмъ имъ читаетъ отрывки изъ своего романа, мѣля въ восторгъ отъ ихъ любезныхъ похвалъ, но въ то же время она пользовалась ихъ замѣчаніями, какъ это дѣлала въ Лионѣ съ Журданомъ и Беранже. Въ концѣ 1803 года «*Валерія*» вышла изъ печати и имѣла большой успѣхъ. Баронесса была въ восторгѣ, но находила, что успѣхъ не достаточно шумный, а потому она вновь прибѣгла къ

рекламамъ, на этотъ разъ совершенно иного рода. Нѣсколько дней подъ рядъ она бѣгала по лучшимъ магазинамъ модъ, спрашивая то шляпу, то шарфъ, то перья и т. д. à la Valerie. Не желая упускать изящную покупательницу, продавцы спѣшили назвать свой товаръ новымъ прозвищемъ. Если же ей отвѣчали, что такихъ не существуетъ, то она съ сожалѣніемъ спрашивала: «Неужели есть въ Парижѣ люди, которые не читали «Валерію»? Благодаря этимъ ухищреніямъ, она сдѣлала въ торговлѣ движеніе въ пользу «Валеріи». Друзья, не подозрѣвавшіе всего этого, продолжали разносить вѣсть о ея романѣ. Книгопродавцы, въ свою очередь, оказали ей услугу тѣмъ, что, предлагая «Валерію», изданную безъ имени автора, тайнственно говорили, что романъ написала свѣтская женщина, посланница, изобразивъ въ немъ свою жизнь, и подъ секретомъ сообщали имя автора. Цѣль баронессы была достигнута. Въ салонахъ только и говорили о «Валеріи»; рассказывали, будто княгиня Голицына, одѣваясь на балъ къ принцу де-Линь, такъ увлеклась «Валеріей», что забыла о балѣ. Баронесса, забывъ о средствахъ, благодаря которымъ она достигла успѣха, писала г-жѣ Арманъ: «Успѣхъ «Валеріи» полный и необыкновенный, есть что-то сверхъестественное въ немъ. Да, другъ мой, небу было угодно, чтобы выраженныя въ этой книгѣ нравственныя идеи распространились во Франціи, гдѣ онѣ составляютъ новинку». Рядомъ съ этимъ письмомъ страннымъ кажется письмо къ надчерицѣ: «Для успѣха недостаточно имѣть умъ, гений и доброе намѣреніе, а все зависитъ отъ шарлатанства». Самъ романъ — сентиментальная, скучная вещь. Тутъ собрано все: и любовь къ ней Стакіева, и смерть въ чахоткѣ отъ любви къ ней неизвѣстнаго юноши. Тюрканъ находитъ его хорошей книгой, занимающей видное мѣсто во французской литературѣ. Баронесса не посѣщала общества во время директоріи, и вовсе не была знакома ни съ Барра, ни съ г-жей Тальенъ, ни съ Бонапартомъ, ни съ Жозефиной, но это не смутило ея, и она отравила Наполеону одинъ экземпляръ «Валеріи», желая, для окончательной своей славы, приобрести въ его лицѣ поклонника своего таланта. Но она не знала Наполеона. Найдя среди другихъ книгъ «Валерію» Крюденеръ, онъ, какъ любитель романовъ, сталъ ее перелистывать, но, увидавъ, что въ ней развивалась идея платонической любви, да еще въ письмахъ, онъ бросилъ книгу и сказалъ своему бібліотекарю Барбье: «Право, не понимаю, зачѣмъ нишуть романы въ письмахъ, довольно того, что есть «Новая Элоиза» и произведенія Дора. Все это могутъ читать женщины, которымъ досугъ терять время». Не получивъ отвѣта, баронесса подумала, что книга не пала въ руки Наполеону, и послала новый экземпляръ въ роскошномъ переплетѣ, приложивъ къ нему письмо, въ которомъ говорилось, что авторъ — иностранка, полюбившая Францію и выбравшая ее своей родиной по сердцу. Наполеонъ вторично взялъ книгу и, не подозрѣвая, что онъ уже разъ забракковалъ ее, сталъ пробѣгать нѣкоторыя страницы. Онъ ему показались очень скучными, а, прочитавъ письмо автора, онъ воскликнулъ, обращаясь къ Барбье: «Повидимому, у баронессы Сталь явился двойникъ. «Дельфина» родила «Валерію», одна стоитъ другой. Все тотъ же паюсъ, та же болтовня. Только женщины будутъ читать съ восторгомъ эту сентиментальную чепуху. Посоветуйте отъ меня сумасбродной г-жѣ Крюденеръ писать впредь по-русски или по-нѣ-

мецки, тогда мы, по крайней мѣрѣ, избавимся отъ этой нелѣпой литературы». Барбе разсказалъ друзьямъ, какъ Наполеонъ отозвался о «Валеріи», и это дошло до ушей баронессы. Хотя баронесса и оскорбилась поступкомъ Наполеона, но ея сомнѣніе слишкомъ было велико, и она приписала все тому, что Наполеонъ не прочиталъ «Валеріи», и въ третій разъ послала ему еще роскошнѣе переилетенный экземпляръ; на этотъ разъ Наполеонъ бросилъ въ каминъ книгу и сказалъ библіотекарю: «Виредъ я буду безжалостно сжигать всякую книгу, которую не стоитъ читать. Писательницы меня могли бы избавить отъ этого труда и сами сжигать свои рукописи вмѣстѣ со старыми любовными письмами». Теперь баронесса Крюденеръ сдѣлалась его злѣйшимъ врагомъ, а убійство герцога Ангіенскаго дало ей поводъ объявить это открыто, и чтобы выразить сильнѣе свой протестъ, она покинула Парижъ и возвратилась въ Ригу, черезъ Германію. Крюденеръ — кокетка сошла со сцены, ее замѣнила Крюденеръ-святая, какъ назвала ее императрица Александра Теодоровна. Забыты балы, празднества, ужины и прочее, сорванъ ея прекрасный бѣлокурый парикъ, оставлены свободно расти сѣдѣющіе волосы, и только не надѣта власяница, но потому, что ее никто не замѣтилъ бы. Она думаетъ только о своемъ спасеніи и о спасеніи другихъ, и теперь убѣдилась, что счастье въ Богѣ, и что она орудіе Божіе, которому предстоитъ возвращать на путь заблудшихъ овецъ. «Небо—это я», говорила она, и теперь ее не покидало сомнѣніе и театральность. Та же страсть продолжала господствовать въ ней, но только перемѣнила предметъ: сначала она любила дьявола, теперь—небо, прежде она кокетничала лицомъ и умомъ, а теперь набожностью и благотворительностью. Подъ этой новой личиной она появилась снова въ Европѣ въ 1806 году, съ цѣлью обращать всѣхъ другихъ въ ея новую вѣру. Это превращеніе Крюденеръ-кокетки въ Крюденеръ-святую произошло, благодаря внезапной смерти одного знакомаго, проходившаго мимо ея дома въ моментъ, когда онъ ей кланялся; кромѣ того, ей пришлось имѣть дѣло съ башмачникомъ очень бѣднымъ, но всегда веселымъ и счастливымъ. Когда она спросила причину его довольства судьбою, онъ объяснилъ ей, что счастье его происходитъ отъ принадлежности къ моравскимъ братьямъ гернгутерамъ. Баронесса увлеклась ихъ проповѣдью и присоединилась къ сектѣ. Первой ея прозелиткой была прусская королева, называвшая ее ангеломъ-женщиной, съ которой она была даже въ перепискѣ. Сблизившись со знаменитымъ Юнгомъ-Штиллингомъ въ Карльсруэ, считавшимся первымъ мистикомъ, баронесса сдѣлалась его ревностной ученицей. Это не мѣшало ей и посѣщать королеву Гортензію и поддерживать мистическія связи. Послѣднія разрослись, и она сошлась съ шарлатаномъ пасторомъ Оберлиномъ и Фредерикомъ Фонтэнномъ, который свелъ баронессу съ простой поселянкой Маріей Кумринъ. Баронесса пришла въ восторгъ отъ предсказанія Кумринъ, обѣщавшей ей высокое призваніе въ царствѣ Божіемъ, и поселила ихъ у себя, въ виртембергскомъ сельскомъ домикѣ. Но вскорѣ виртембергскій король арестовалъ Кумринъ, а баронессѣ приказалъ въ 24 часа выѣхать изъ его владѣній, за волненіе, которое онъ возбуждаютъ въ народѣ своимъ пророчествомъ. Въ сущности въ Крюденеръ онъ видѣлъ врага Наполеона и ея изгнаніемъ хотѣлъ

угодить ему. Она перебралась въ Баденъ и продолжала въ сообществѣ Фонтэна и Кумринъ свои проповѣди и пророчества, поддерживая въ то же время свѣтскія связи и пользуясь милостями принцессы Стефаніи. Теперь ее повсюду сопровождала ея хорошенькая семнадцатилѣтняя дочь Юлія, изъ-за которой баронесса выдала нечаянно свое лицемѣріе. Одинъ господинъ, влюбленный въ ея дочь, просилъ у баронессы ея руки, но не упомянулъ имени дочери. Она приняла это объясненіе на себя и когда узнала правду, то упала въ обморокъ. Личина святой-Крюденеръ не вполне скрыла Крюденеръ-кокетку; одна не мѣшала другой. Въ концѣ 1809 года она уѣхала въ Ригу, гдѣ въ это время умерла ея любимая мать. Это укрѣсило ея мистическое настроеніе, и она писала г-жѣ Кишлэ, фрейлинѣ голландской королевы: «Только въ печальные дни горькихъ потерь познаешь вѣру въ Бога!» Тутъ же она спрашиваетъ о здоровьѣ королевы и сообщаетъ, что видѣла въ Римѣ русскую императрицу, прекрасную, добрую и несчастную. Такимъ образомъ, баронесса не забывала поддерживать свѣтскія связи. Въ началѣ 1812 года Крюденеръ вернулась въ Баденъ изъ Риги черезъ Кенигсбергъ, Бреславль и Дрезденъ, гдѣ она проповѣдывала передъ большой толпой. Фонтэнъ и Кумринъ продолжали ее обирать. Къ нимъ присоединился еще молодой студентъ богословскаго факультета, Эмпейгазъ, наивный и мистично настроенный противъ кальвинистской церкви. Между тѣмъ война свирѣпствовала сначала въ Россіи, потомъ въ Германіи и, наконецъ, во Франціи. Вся Европа возстала противъ Наполеона и побѣдила его. Крюденеръ, ненавидѣвшая Наполеона и открыто называвшая его «сѣвернымъ Аттилой», громила его въ своихъ проповѣдяхъ. Она пророчила полную побѣду «бѣлому ангелу»—олицетворенію добра, т. е. императору Александру, надъ «чернымъ ангеломъ»—олицетвореніемъ зла, т. е. надъ Наполеономъ. Въ этихъ пророчествахъ она искусно примѣшивала политику къ религіозной пропагандѣ, что служило ей удачною рекламой. Уставшее отъ войны общество съ удовольствіемъ слушало проповѣдь мира и любви. Эту проповѣдь Крюденеръ вела очень картинно. Успѣхъ ея проповѣди былъ удивительный, она захватывала всѣхъ и культурныхъ и некультурныхъ людей. Въ особенности сильное впечатлѣніе произвела она на любимую фрейлину русской императрицы Елизаветы, г-жу Стурдзу, съ которой познакомилась въ Карльсруэ и тѣсно подружилась, и черезъ нее же она сблизилась съ императрицей. Послѣ отъѣзда фрейлины Стурдзы съ императрицей въ Вѣну къ Александру, присутствовавшему на вѣнскомъ конгрессѣ, баронесса переписывалась съ нею и въ своихъ письмахъ прямо касалась императора Александра. Такъ какъ Стурдза и императоръ были мистически настроены, то и сошлись; письма она показывала Александру и въ отвѣтъ къ Крюденеръ не скрыла этого, прибавивъ восторженные похвалы Александру. Крюденеръ, обладая практичнымъ умомъ, ухватила за возможность познакомиться съ императоромъ и отвѣтила Стурдзѣ письмомъ, въ которомъ она говоритъ: «Мнѣ также извѣстно, что Господь дастъ мнѣ радость его увидѣть. Я имѣю многое сказать ему, что мнѣ открыто свыше». Мысль овладѣть душою Александра и вліять на него не оставляла Крюденеръ, и она подготовила очень хитрый планъ. Узнавъ, что Александръ поѣхалъ въ Гейльборнъ, находящійся въ Виртембергѣ близъ баденской границы, гдѣ расположена была тогда глав-

ная квартира русской армии, она съѣла въ карету и отправилась къ нему на встрѣчу. Когда императоръ прибылъ въ Гейльборнъ 23-го мая, то святая-Крюденеръ ожидала удобный моментъ, чтобы повидаться съ нимъ. Вотъ какъ Александръ разсказывалъ впослѣдствіи Стурдзѣ свою встрѣчу съ баронессою Крюденеръ: «Наконецъ я вздохнулъ свободно, оставшись наединѣ, и первымъ моимъ движеніемъ было раскрыть книгу, которая всегда со мною, но отуманенный разсудокъ мой не проникалъ въ смыслъ читаемаго. Мои мысли были безсвязны, и сердце стѣснено. Я оставилъ книгу и думалъ, какимъ была бы для меня утѣшеніемъ въ подобную минуту бесѣда съ сочувственнымъ мнѣ человѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о васъ и о томъ, что вы говорили мнѣ о г-жѣ Крюденеръ, а также о желаніи, высказанномъ вамъ мною, познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя, и какъ мнѣ повстрѣчаться съ нею? Не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь. Это былъ князь Волконскій, который съ видомъ нетерпѣнія и досады сказалъ, что поневолѣ беспокоитъ меня въ такой неурочный часъ, только съ цѣлью отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требовала свиданія со мною, и назвалъ г-жу Крюденеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи. Мнѣ показалось, что это сновидѣніе. Г-жа Крюденеръ! Г-жа Крюденеръ!—воскликнулъ я. Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль не могъ быть случайностью. Тотчасъ принялъ ее, и она, какъ бы читая въ моей душѣ, обратилась ко мнѣ съ самыми утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился». Съ тѣхъ поръ Александръ сдѣлался истиннымъ ея адептомъ, но, какъ ловкая интриганка, баронесса хотѣла крѣпче держать императора, а потому она заставила его пламенно желать встрѣчи съ нею, не являясь вновь къ Александру. Каждый день императоръ посылалъ ей богатые подарки, а уѣзжая въ Гейдельбергъ, написалъ ей приглашеніе пріѣхать туда. Тамъ она наняла скромный крестьянскій домикъ, недалеко отъ квартиры императора, гдѣ онъ проводилъ у нея большую часть вечеровъ. Бесѣды съ Крюденеръ сдѣлались необходимою для императора. На другой день послѣ побѣды при Ватерлоо онъ уѣхалъ въ Парижъ, взявъ слово съ баронессы, что она послѣдуетъ за нимъ. Прошли три недѣли, и, наконецъ, баронесса рѣшила отправиться къ Александру въ Парижъ и поселилась въ меблированныхъ комнатахъ въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Но Александръ пожелалъ, чтобы она жила подлѣ Елисейскаго дворца. Баронесса наняла отель Моншеню, гдѣ помѣстилась вмѣстѣ съ нею дочь съ мужемъ. Императоръ имѣлъ особый ключъ отъ калитки, ведущей изъ сада Елисейскаго дворца въ отель Моншеню. Духеспасительныя бесѣды возобновились. Императоръ уединился, избѣгалъ праздниковъ и все время проводилъ въ молитвѣ и религиозныхъ бесѣдахъ. Ея вліяніе на императора было громадно, но апогеемъ славы баронессы было участіе въ знаменитомъ смотрѣ русскихъ войскъ въ Вертю. Съ утра явились за нею императорскій экипажъ, и почести, которыя Людовикъ XIV оказалъ г-жѣ Ментенонъ въ компъенскомъ лагерѣ, не превосходили того почтенія, которое оказалъ умиротворитель Европы баронессѣ Крюденеръ. Съ обнаженной головой, такъ какъ она постоянно сбрасывала маленькую соломенную шляпку со своихъ бѣлокурыхъ волосъ, изъ которыхъ въ Парижѣ изгнала сѣдину, при чемъ на лбу ея красовалась бубля, въ

элегантно сидѣвшемъ на ней длинномъ темномъ платьѣ, перетянутомъ снуркомъ, баронесса стояла во время богослуженія съ осанкой Пестра-Отшелника, среди колѣнопреклоненной арміи. Но если смотреть въ Вертю былъ вѣдшимъ триумфомъ кокетки Крюденеръ, то священный союзъ, созданный Александромъ нѣсколько дней спустя въ Парижѣ, былъ нравственнымъ ея торжествомъ. Не разъ она проповѣдывала ему этотъ союзъ, и только передъ отъѣздомъ изъ Парижа императоръ пришелъ къ ней и сказалъ: «Я оставляю Францію, но до моего отъѣзда я хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которую мы обязаны воздать за оказанное намъ покровительство, и призвать народы къ повиновенію евангелію. Я принесъ вамъ проектъ этого акта и прошу васъ внимательно рассмотретьъ. Если вы не одобрите въ немъ какого нибудь выраженія, то укажите мнѣ. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мною въ этомъ актѣ богопочитанія, чтобы люди видѣли, какъ мы, подобно восточнымъ волхвамъ, признаемъ верховную власть Бога Спасителя. Вы будете вмѣстѣ со мною просить у Бога, чтобы мои союзники были расположены подписать его». На другой день Александръ взялъ проектъ, принялъ представленныя ему замѣчанія, а на третій вечеръ сообщилъ баронессѣ, что союзные государи подписали проектъ. Послѣ подписанія союза, Александръ уѣхалъ въ Россію, пригласивъ баронессу пріѣхать въ Петербургъ, для чего оставилъ ей паспортъ. Но, къ удивленію всего парижскаго общества, баронесса осталась въ Парижѣ. Извѣстныя отношенія къ русскому императору послужили новымъ триумфомъ баронессѣ. Въ ея отелѣ сосредоточилось все избранное парижское общество. Мистицизмъ и религіозныя стремленія тогда были въ модѣ, и ея проповѣди слушались съ любопытствомъ. Она картинно устроила свою обстановку, ловко позировала и увлекала пламеннымъ краснорѣчіемъ. Улоеніе усѣхкомъ удержало ее въ Парижѣ. Наконецъ въ 1815 году она отправилась въ Россію черезъ Швейцарію и Германію, гдѣ она провела три года. Здѣсь она, кромѣ проповѣди, матеріально помогала бѣднымъ, проповѣдывала братство и утѣшала въ горѣ и вела себя такъ благородно, что ей можно было простить прежнія похождения. Преслѣдуемая властями, она переѣзжала изъ одного города въ другой, пока наконецъ въ 1818 году не очутилась у русской границы. Тогда она написала императору, прося разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, но онъ отвѣчалъ любезнымъ отказомъ... Не находясь болѣе подъ ея вліяніемъ, императоръ не только охладѣлъ къ ней, но сталъ относиться враждебно. Слухи о ея народной дѣятельности, о предосудительномъ поведеніи приближеннаго къ ней Фонтена и его арестъ дошли до императора, и онъ увидѣлъ Крюденеръ въ настоящемъ свѣтѣ. Но отказъ Александра не обидѣлъ баронессу, и она, продолжая публично расхваливать его, удалилась въ Лифляндію, гдѣ оставалась два года. Жизнь ея тамъ была самая аскетическая, и она довела себя до того, что стала видѣть видѣнія. Наконецъ въ 1821 году она снова просила разрѣшенія Александра пріѣхать въ Петербургъ, къ больному зятю, и на этотъ разъ получила его, такъ какъ императоръ въ это время былъ на конгрессѣ въ Троппау. Здѣсь ее приняли съ распростертыми объятіями, и на ея молитвенныя собранія стекалось лучшее петербургское общество. Но императоръ, воз-

вратившись изъ-за границы, явно избѣгалъ ея. Ея проповѣдь въ пользу крестоваго похода за освобожденіе Греціи и нападки на правительство заставили императора принять мѣры противъ нея. Онъ написалъ ей длинное письмо, которое было прочитано баронессѣ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ, Тургеневымъ, и взято обратно. Въ этомъ письмѣ Александръ говорилъ, что онъ обязанъ ничего не предпринимать безъ согласія союзниковъ, а потому не можетъ прійти на помощь грекамъ; кромѣ того, онъ порицаетъ ее за то, что она осуждала русское правительство и его личныя дѣйствія, а потому онъ разрѣшаетъ ей жить только на Ланскомъ шоссе и бывать въ городѣ подъ условіемъ сохранять почтительное молчаніе, относительно положенія дѣлъ. Баронесса поблагодарила императора за снисходительное вниманіе и, не желая подвергаться стѣсненіямъ, возвратилась въ 1821 году въ Лифляндію, гдѣ продолжала вести аскетическую жизнь, разстроившую ей здоровье. У нея сдѣлался ракъ, и въ 1824 году она умерла въ день Рождества въ крымскомъ имѣніи княгини Голицыной, Карасубазарѣ. Такъ окончилась жизнь и похождения знаменитой мистической авантюристки XIX столѣтія.

— Смерть герцога Брольи и композитора Верди. Недавно умерли извѣстный французскій, реакціонерный, политическій дѣятель Франціи, герцогъ Брольи, и знаменитый итальянскій композиторъ, Джузеппе Верди. Первый изъ нихъ, принадлежавшій къ одному изъ знатныхъ французскихъ родовъ, родился въ 1821 году и началъ свою карьеру въ дипломатіи. Но февральская революція прекратила его дальнѣйшіе успѣхи на этомъ поприщѣ, такъ какъ онъ принадлежалъ къ реакціонной партіи, и послѣ этого посвятилъ себя литературѣ, помѣщая свои труды въ «Revue des deux mondes» и въ «Correspondant». Въ то же время онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ трудовъ, именно: «Церковь и Римская имперія въ IV вѣкѣ», 6 томовъ. До паденія второй имперіи онъ принадлежалъ къ либеральной оппозиціи, а съ 1871 года избранъ членомъ національнаго собранія и былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ, но смѣненъ Тьеромъ за энергичную дѣятельность въ пользу слиянія раздробленныхъ монархическихъ фракцій. Впослѣдствіи, при Макъ-Магонѣ онъ боролся съ Тьеромъ и былъ назначенъ имъ премьеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Будучи главою такъ называемаго правительства нравственнаго порядка, принималъ участіе въ движеніи шестнадцатаго мая. Онъ извѣстенъ былъ своей борьбой противъ Гамбетты, и въ это время послѣдній поставилъ свое знаменитое «se soumettre ou se demettre». Несмотря на свой клерикализмъ и реакціонныя тенденціи, онъ не сумѣлъ удовлетворить легитимистовъ и въ 1874 году палъ. Съ тѣхъ поръ Брольи исключительно занимался своими литературными трудами и академической дѣятельностью, такъ какъ былъ однимъ изъ французскихъ безсмертныхъ. Изъ его позднѣйшихъ историческихъ трудовъ замѣчательны: «Фридрихъ II и Марія-Терезія»; «Фридрихъ II и Людовикъ XV»; «Марія-Терезія императрица и Аахенскій миръ» и т. д. Его послѣднее историческое сочиненіе «Le dernier bienfait de la monarchie» помѣщено въ «Revue des deux mondes», и не доведено до окончанія. Въ немъ, какъ всегда, онъ расхваливаетъ монархическое правленіе во Франціи. До 1885 года Брольи прославилъ себя въ сенатѣ нападками на

третью республику, и потерялъ окончательно въ 1885 году свое мѣсто въ сенатѣ и въ депутатскомъ собраніи. Онъ умеръ вдали отъ дѣлъ на 80-мъ году своей жизни.

Джузеппе Верди родился въ 1813 году, въ бѣдной крестьянской семьѣ въ мѣстечкѣ Ронколе, близъ города Буассето и съ юныхъ лѣтъ страстно любилъ музыку. Начавъ учиться у плохихъ учителей въ Буссето, онъ выказалъ необычайный талантъ, почему муниципалитетъ города и одинъ меценатъ отправили его учиться на свой счетъ въ Миланскую консерваторію, но тамъ его не приняли. Однако эта неудача не смутила его, и онъ сталъ брать частные уроки у Лавинья, аккомпаниатора театра «La scala» въ Миланѣ. Въ 1839 году онъ выступилъ со своей первой оперой «Oberto, conte di san Bonifazio». Успѣхъ этой оперы воодушевилъ молодого Верди, и онъ написалъ въ 1840 году новую комическую оперу «Одинъ день власти», на этотъ разъ неудачную. Однако Верди, обладавшій желѣзною волею, не упалъ духомъ и написалъ новую оперу «Навуходоносоръ», въ 1842 году, имѣвшую блестящій успѣхъ. Въ слѣдующемъ году онъ написалъ оперу «Лонгобарды», а черезъ годъ—«Эрнани», которыми онъ составилъ себѣ солидное имя даже за границей. Эпоха съ 1842 года по 1844 годъ была для него самою блестящею, но послѣ ея успѣхъ его уменьшился. Его восемь оперъ, написанныя съ 1844 по 1850 годъ положительно не имѣли успѣха. Съ 1850 года неудачный періодъ окончился для Верди, и его лучшая опера «Риголетто» привела въ восторгъ весь музыкальный міръ. Послѣ нея слѣдовали «Трубадуръ» и «Травиата», сдѣлавшіяся любимыми операми; но затѣмъ опять успѣхъ ослабѣлъ, и только написанная имъ въ 1858 году опера «Баль-маскарадъ» возстановила славу композитора. Апогеемъ же славы Верди является «Аида», заказанная хедивомъ Измаиль-пашею для Каирскаго опернаго театра. Съ 60-хъ годовъ творенія маститаго композитора стали появляться рѣже и отличались тщательной отдѣлкой, напимѣръ, какъ послѣднія оперы послѣ «Аиды»: «Фальстафъ» и «Отелло». Мелкихъ произведеній онъ написалъ только 12 романсовъ. Уже восьмидесятилѣтнимъ старикомъ онъ далъ четыре произведенія духовнаго содержанія. Какъ человекъ, Верди отличался простотой и скромностью. Республиканскій духъ въ немъ сохранился до конца дней. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ король Гумбертъ предложилъ ему орденъ Аннунціаты, по статуту дающій право пожалованному считаться близкимъ родственникомъ королевской семьи, то Верди отказался отъ ордена, сохранивъ только сенаторское званіе. Его первыя оперы были такъ полны горячаго воодушевленія, что поддерживали народный пылъ въ объединеніи и возрожденіи Италіи, и самое имя композитора послужило политической маской для тайныхъ демонстрацій: «Viva Verdi» обозначало «Viva Vittorio Emanuele Re d'Italia». Такимъ образомъ полиція ничего не могла сдѣлать съ демонстраторами. Онъ былъ женатъ на знаменитой пѣвицѣ Стреппони, которая немало содѣйствовала успѣху его оперы «Навуходоносоръ». Верди устроилъ въ Миланѣ убѣжище для престарѣлыхъ музыкантовъ и пѣвцовъ, на постройку котораго онъ пожертвовалъ около трехъ милліоновъ лиръ, но открытіе его просилъ устроить послѣ своей смерти. Остальное состояніе перейдетъ неизвѣстно къ кому, вѣроятно, къ племянницѣ его второй жены, госпожѣ

Каррара. Въ 1898 году Верди сдѣлалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ требовалъ, чтобы его похороны были самыя простыя: «Достаточно», сказалъ онъ въ этомъ документѣ, «двухъ священниковъ, двухъ свѣчъ и одного креста. Я хочу, чтобы меня похоронили при восходѣ солнца или въ часъ, когда читается «Ave Maria», безъ пѣнія и музыки».

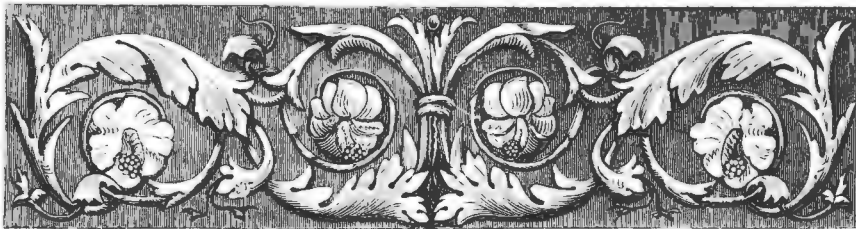
Изъ рассказовъ о королевѣ Викторіи. Всѣ иностранныя газеты и журналы полны рассказами о скончавшейся въ январѣ королевѣ Викторіи. Приводимъ изъ этихъ рассказовъ свѣдѣнія объ опасностяхъ, неоднократно угрожавшихъ жизни государыни, тѣмъ не менѣе, успѣвшей достигнуть преклоннаго возраста. Ей было всего полгода, когда въ первый разъ ей угрожала смертельная опасность. Мальчикъ, охотившійся въ имѣніи у Сидмоуса, промахнулся, и цѣлый зарядъ дрови попалъ сквозь окно въ комнату, гдѣ спало хорошенькое дитя. Три съ половиною года послѣ этого развалилась повозка, въ которой ѣхала будущая монархиня, и если бы ирландскій солдатъ не подхватилъ, подбѣжавъ, ребенка, то его раздавило бы обломками. Лишь черезъ полстолѣтіе послѣ этого бравый ирландецъ узналъ, что имъ спасена отъ смерти будущая королева. Трѣжды смерть угрожала ей на морѣ. Однажды она плыла, будучи 13 лѣтъ отъ роду, на яхтѣ. Поднялась сильная буря. Принцесса стояла подъ мачтою, которая вдругъ начала шататься. Офицеръ, замѣтившій это, попросилъ ее занять другое мѣсто. Лишь только она бросила это мѣсто, какъ мачта рухнула и упала какъ разъ на то мѣсто, гдѣ она стояла. Другой разъ въ густой туманъ яхта ея попала въ массу тяжеловѣсныхъ рыбацкихъ судовъ и съ трудомъ избѣжала столкновенія, которое могло ее заставить затонуть на мѣстѣ. Въ 1875 году во время поѣздки изъ Осборна въ Гаспортъ яхта королевы столкнулась съ другимъ судномъ, при чемъ три человѣка погибли. Еще ранѣе передъ тѣмъ ее разъ понесли лошади, а въ другомъ случаѣ ей пришлось пострадать отъ крушенія на желѣзной дорогѣ. Черезъ три года по вступленіи королевы на престолъ на нее произведено было первое покушеніе. 10-го іюля 1840 года она ѣхала съ супругомъ по Гайдъ-Парку, когда молодой человѣкъ 17-ти лѣтъ изъ пистолета прицѣлился въ нее. Принцъ, замѣтившій это, немедленно привлекъ супругу къ себѣ, и предназначенная королевѣ пуля пролетѣла надъ ея головою. Молодого человѣка схватили и передали въ домъ умалишенныхъ; позже онъ былъ отпущенъ на свободу въ Австралію. Черезъ два года новое покушеніе состоялось въ Гайдъ-Паркѣ. Нѣкій Френсисъ выстрѣлилъ въ нее, но къ счастью промахнулся. Онъ былъ приговоренъ къ смерти, но королева помиловала его къ пожизненной ссылкѣ. Въ тотъ же день, когда стало извѣстно это помилованіе, нѣкій Ринъ сдѣлалъ новое нападеніе на англійскую государыню: онъ былъ сосланъ на 7 лѣтъ въ ссылку. Срокъ ссылки какъ разъ кончился, когда ирландскій каменщикъ попробовалъ выстрѣлить въ королеву; но счастье оставалось ей вѣрнымъ, и револьверъ далъ промахъ. Прошло лишь немного лѣтъ, когда произошло новое гнусное покушеніе. Во время возвращенія королевы отъ овра болѣзни ея дяди, герцога Кембриджскаго, къ ея коляскѣ подбѣжалъ какой-то бывший гусарскій ротмистръ и ударилъ ее палкою по лицу, причинивъ легкую рану, не имѣвшую послѣдствій. 22 года послѣ этого на королеву не было нападенія. Потомъ

были сдѣланы два покушенія на нее, но оба, къ счастью, совершенно не удались.

— Болѣзнь Гейне. Какъ извѣстно, поэтъ Гейне въ теченіе всей своей жизни сильно страдалъ отъ болѣзни, которая до сихъ поръ не была опредѣлена въ точности. Съ легкой руки нѣкоторыхъ изъ его біографовъ, про Гейне сложилось мнѣніе, что вслѣдствіе невоздержной жизни и преждевременной развращенности онъ навилъ себѣ сухотку спинного мозга, которая въ концѣ-концовъ приковала его на нѣсколько лѣтъ къ постели и свела въ могилу. Въ настоящее время берлинскій врачъ, д-ръ З. Рамеръ, посвятилъ особую книгу болѣзни Гейне ¹⁾. На основаніи изученія всей корреспонденціи поэта и заявленій и записокъ врачей, лѣчившихъ его, З. Рамеръ приходитъ къ заключенію, что болѣзнь Гейне не имѣетъ ничего общаго съ половымъ излишествомъ, а является наследственной невращеніемъ. Болѣзнь проявилась въ ранней молодости поэта въ ильныхъ головныхъ боляхъ. Позже замѣчены были явленія паралитическія, проявившіяся въ 1832 году въ рукахъ, но потомъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ распространились по всему почти тѣлу и лишили Гейне способности управлять мускулатурою. Въ 1848 году Гейне такъ изображалъ свою болѣзнь. «Уже 8 дней я лежу въ полномъ параличѣ, такъ что помѣщаюсь то въ креслахъ, то на кровати; ноги мои точно изъ ваты. Меня переносятъ съ мѣста на мѣсто, какъ ребенка; у меня страшнѣйшія судороги, правая рука моя начинаетъ умирать, и Богъ знаетъ, буду ли я когда либо въ состояніи писать. Даже диктовать мнѣ больно изъ-за паралича челюстей. Слѣшота моя еще самое меньшее изъ золъ». З. Рамеръ опредѣляетъ болѣзнь послѣднихъ дней Гейне, какъ прогрессивную атрофію мышцъ, которая, по свойствамъ своимъ, рѣшительно ничего общаго съ половою сферою имѣть не можетъ. Если заключенія берлинскаго врача правильны, то съ памяти Гейне исчезаетъ одно изъ позорившихъ его пятенъ.

¹⁾ D-r S. Rahmer. «Heinrich Heine's Krankheit und Leidensgeschichte». Berlin. 1901.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Разказы о митрополитѣ Филаретѣ.

ПРОВОДИЛЪ каникулы въ селѣ Выдыборѣ Киевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда. Здѣсь я познакомился съ мѣстнымъ почтеннымъ старичкомъ - священникомъ О. М. Л—цкимъ и часто заходилъ къ нему бесѣдовать и послушать его занимательные разговоры. Нѣкоторые изъ нихъ я записалъ и изъ чпела ихъ сообщаю разказы о знаменитомъ московскомъ митрополитѣ Филаретѣ, имѣющіе, по моему мнѣнію, историческое значеніе.

I.

Хорошій былъ человекъ покойный митрополитъ Филаретъ,—мало людей есть такихъ, какъ онъ. Когда я учился еще въ Киевѣ, въ Подольской бурсѣ, насъ въ маѣ мѣсяцѣ два раза отпускали на гулянки въ рощу, туда, гдѣ теперь стоитъ кадетскій корпусъ. Во время самаго разгара гулянья, бывало, непременно придетъ и митрополитъ Филаретъ. За нимъ келейникъ несетъ мѣшокъ мѣдныхъ денегъ, и митрополитъ бывало запуститъ руку въ мѣшокъ, возьметъ оттуда горсть денегъ и броситъ въ траву, а затѣмъ любитъся, какъ бурсачки возьмется и дерутся, подбирая деньги. Иногда онъ любилъ подурачить бурсачковъ: набереть горсть денегъ и показываетъ видъ, что хочетъ бросить деньги,—бурсачки сразу и кинутся по направленію взмаха руки митрополита, а онъ тотчасъ броситъ деньги въ противоположную сторону...

II.

Когда въ семинаріи (Киевской) былъ ректоромъ монахъ А., въ это время ректоромъ въ академіи былъ Д.; А. не любилъ Д. и всячески старался насолить

ему. У Д. жили два его племянника, учившіеся въ кievской духовной семинаріи. Въ то время въ семинаріи, — не знаю, какъ теперь, — преподавали сельское хозяйство; преподавателемъ этого предмета былъ окончившій земледѣльческое училище. Однажды во время урока сельскаго хозяйства одинъ изъ племянниковъ Д., Р—нъ, пустилъ по классу изъ-подъ парты возочка; возочекъ этотъ и покотился по классной комнатѣ. Учитель вскипѣлъ: «Чей это возочекъ?»—«Р—на», отвѣчаютъ ученики.—«Я доложу ректору, что вы, Р—нъ, безчинствуете въ классѣ». Забралъ съ собой возочка и отнесъ ректору. А нужно знать, что у насъ въ семинаріи въ то время были мѣсячныя конференціи, на этихъ конференціяхъ начальствомъ читались вѣдомости о поведеніи и успѣхахъ учениковъ, тутъ же прочитывались лучшія ученическія сочиненія и тутъ же объявлялось объ исключеніи изъ семинаріи учениковъ за дурное поведеніе. Въ слѣдующую конференцію, слышимъ, хотятъ исключить изъ семинаріи Р—на. Д. немедля обратился къ Филарету съ просьбой оставить племянника въ семинаріи. Черезъ дня три узнаемъ, что Р—на позвали къ митрополиту, который жилъ тогда въ Голосіевской пустыни. Вечеркомъ послѣ этого Р—нъ забѣгаетъ ко мнѣ радостный. «Ну, что?»—спрашиваю.—«Когда я пришелъ къ митрополиту, я засталъ его въ саду вмѣстѣ съ моимъ дядей и ректоромъ семинаріи. «Ты Р—нъ?»—спрашиваетъ митрополитъ.—«Это твой возочекъ? Покажи-ка намъ, какъ онъ бѣгалъ въ классѣ?» Я завелъ пружинку, и возочекъ покотился по дорожкѣ. «А какъ онъ учится?»—спрашиваетъ митрополитъ у ректора.—«Ничего, порядочно, ваше преосвященство».—«Смотри же, учись хорошо, но и это дѣло хорошее, не слѣдуетъ и этого забывать. На, вотъ тебѣ, а твой возочекъ останется у меня». И далъ мнѣ за возочка 25 рублей». Конечно, Р—нъ остался въ семинаріи.

III.

Одинъ изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи просилъ у Филарета мѣста священника. Филаретъ нѣсколько разъ отказывалъ въ просьбѣ этого семинариста. Но однажды этотъ семинаристъ забѣгаетъ къ моему брату (братъ мой былъ учителемъ Подольской бурсы) очень веселый. «Чему ты такъ обрадовался?»—спрашиваетъ братъ семинариста.—«Приходъ получилъ.»—«Какъ, расскажи!»—«Захожу я сегодня къ митрополиту и повторяю ему свою просьбу—отказываетъ. Я ушелъ, зашелъ уже за колокольню, какъ вдругъ слышу, келейникъ зоветъ меня и говоритъ, чтобы я немедленно возвратился къ митрополиту. Прихожу. Въ пріемной стоятъ двѣ женщины—старуха и молоденькая—«не изъ простыхъ». Выходитъ митрополитъ и говоритъ: «Ты просилъ прихода, а вотъ вдова, священница, проситъ предоставить приходъ за ея дочью: если понравится другъ другу—женись, приходъ будетъ за тобой. Ступайте, подумайте, а завтра приходите ко мнѣ». Братъ мой предложилъ семинаристу пригласить попадью съ дочкой на его квартиру. Оказалось—попадья богатая и дочь красавица. На другой день отправились они втроемъ къ митрополиту. Первое слово митрополита было: «понаравились?» Затѣмъ онъ обратился къ попадѣ: «А что же ты, матушка, назначила дочери въ приданое?»—«Двѣ

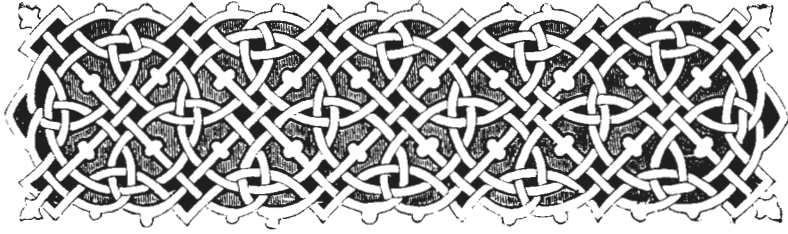
пари воливъ, пару коней...»— «Постой, постой, матушка, а, кромѣ этой дочери, естьеще у тебя дѣти?»— «Есть».— «А оставила ты чтонибудь для нихъ?»— «Та буде ще и для ихъ»,—говоритъ матушка.— «То-то же, ты готова для этой дочки остальныхъ обидѣть». Далѣе митрополитъ обращается къ секретарю: «Принеси листъ бумаги и записывай, что будетъ говорить матушка». Секретарь записалъ на одной сторонѣ полулиста приданое; послѣ этого митрополитъ на другой сторонѣ полулиста написалъ: «Смиранный митрополитъ Филаретъ». Затѣмъ велѣлъ келейнику принести хлѣбъ и этимъ хлѣбомъ благословилъ нареченныхъ жениха и невѣсту. Разказываютъ, что эта пара жила замѣчательно богато и счастливо. А записъ о приданомъ семинаристъ хранилъ въ рамкѣ до самой смерти и показывалъ всякому, кто являлся къ нему въ домъ.

IV.

Однажды къ Филарету является вдова-священница съ дочерью, крайне безобразной по наружности, и проситъ у него предоставить за дочерью приходъ. Филаретъ взглянулъ на дочь и сказалъ: «Ну, о чемъ ты, матушка, просишь? Твоя дочь мнѣ старика не понравилась, а молодому и подавно не понравится. Кто на ней женится? Проси, матушка, лучше попечительства, а прихода за твоей дочерью я не предоставляю».

Мелетій Васильевъ.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе императорской академіи наукъ. 29-го декабря, въ большомъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ, въ часть дня, состоялось годовое торжественное засѣданіе. Залъ былъ декорированъ живыми растеніями, среди которыхъ возвышался бюстъ Петра I. Публика допускалась безъ билетовъ, но собраніе было не особенно многлюднымъ. Было нѣсколько почетныхъ гостей. Присутствовали также почти всѣ ординарные академики и нѣкоторые изъ почетныхъ академикомъ. Засѣданіе началось ровно въ часть дня.

На кафедре возжелъ непремѣнный секретарь, академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, и открылъ засѣданіе чтеніемъ отчета по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1900 годъ. Были прочитаны некрологи покойныхъ вице-президента академіи Л. Н. Майкова, академикомъ В. П. Васильева и С. И. Коржинскаго и перечислены ихъ научныя заслуги. Затѣмъ было упомянуто о кончинѣ почетныхъ членомъ академіи: извѣстнаго математика Бертрана (члена французской академіи) и сербскаго архимандрита Никифора Дучича, члена-корреспондента академіи, сенатора А. А. Тилло и проф. В. В. Болотова. При обзорѣ ученыхъ предпріятій, ознаменовавшихъ академическую жизнь за истекающій годъ, Н. Ѳ. Дубровинъ остановился на самомъ крупномъ событіи, имѣющемъ всемірное значеніе — на экспедиціи по градусному измѣренію Шницбергена. Вторымъ предпріятіемъ того же рода является снаряженная въ текущемъ году русская полярная экспедиція для изслѣдованія Земли Санникова, инициатива которой принадлежитъ барону Э. В. Толлю. На выполненіе программы этой экспедиціи было ассигновано 180 тыс. рублей. Затѣмъ были перечислены научныя работы академіи.

При академіи 25-го января 1900 г. была организована постоянная центральная сейсмическая комиссия, на обязанности которой лежит производить систематическія наблюденія за землетрясеніями. Предсѣдателемъ ея состоитъ академикъ О. А. Баклундъ. Академія вступила членомъ въ международную ассоціацію академій, организованную по почину лондонскаго королевскаго общества и нѣмецкихъ академій. Ассоціація, имѣющая цѣлю періодическія совѣщанія между главнѣйшими учеными обществами, для обсужденія научныхъ предметовъ, требующихъ международнаго соглашенія и для подготовленія международныхъ научныхъ предпріятій, уже сдѣлала нѣсколько постановленій при участіи делегатовъ отъ нашей академіи. Что касается внутренней жизни академіи и дѣятельности ученыхъ, вспомогательныхъ учреждений, входящихъ въ ея составъ, то она выразилась въ слѣдующемъ. Азіатскій музей обогатился цѣлою серіей мусульманскихъ рукописей, купленныхъ въ Бухарѣ, и бумагами и записками покойнаго академика В. П. Васильева, пожертвованными его наслѣдниками. Утвержденъ новый планъ геологическаго музея, и въ немъ разобраны старинныя коллекціи. Поступило нѣсколько новыхъ палеонтологическихъ и геологическихъ коллекцій. Въ ботаническомъ музеѣ приступлено къ разработкѣ особаго гербаріума криптогамическихъ коллекцій и подготовленъ матеріалъ для нѣсколькихъ изданій. Зоологическій музей значительно пополнился новыми коллекціями. Музеемъ антропологии также сдѣлано нѣсколько цѣнныхъ пріобрѣтеній. Севастопольская біологическая станція также проявляла въ 1900 году энергичную научную дѣятельность. Далѣе слѣдоваль подробный перечень ученыхъ работъ гг. академикомъ, послѣ котораго непремѣнный секретарь академіи перешелъ къ отчету о присужденіи въ 1900 году премій: М. В. Ломоносова, К. М. Бэра и Л. Л. Рклицкаго. Ломоносовская премія въ 1.000 рублей была присуждена проф. П. Г. Меликову и приватъ-доценту Л. В. Писаржевскому за ихъ ученое «Ислѣдованіе надъ перекисами». Премій Бэра были удостоены: 1. Проф. В. М. Бехтеревъ за работы «Проводящіе пути головного и спинного мозга» и «*Leitungsbahnen im Gehirn und Rückenmark*». 2. Проф. И. П. Павловъ за сочиненія: 1) «Къ хирургической методикѣ ислѣдованія секреторныхъ явленій желудка». 2) «О смерти животныхъ вслѣдствіе перерѣзки блуждающихъ нервовъ». 3) «Иннерваціи желудочныхъ железъ у собакъ». 4) «Къ вопросу о мѣстѣ образованія мочевины въ тѣлѣ» и 5) «Лекціи о работѣ главныхъ пищеварительныхъ железъ». Каждому изъ авторовъ присуждено по 750 рублей. Преміи Рклицкаго были присуждены: 1. Проф. С.-Петербургскаго университета А. С. Догелю за его труды: 1) *Die sensiblen Nervenendigungen im Herzen und in den Blutgefäßen der Säugethiere*. 2) «*Zur Frage über den Bau der Herbst'schen Körperchen und die Methylenblaufixirung nach Bethe*». 3) «*Zur Frage über den feineren Bau der Herzganglien des Menschen und der Säugethiere*». 4) «*Ueber den Bau der Ganglien in den Geflechten des Darmes und der Gallenblase der Menschen und der Säugethiere*». 5) «*Zur Frage über den Bau der Spinalganglien beim Menschen und bei den Säugethiere*». 6) «*Die Nerven-elemente im Kleinhirne der Vögel und Säugethiere*». 7) «*Строеніе нервныхъ клѣтокъ сѣтчатки*». 8) «*Гистологическія ислѣдованія*». Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности за 1900 г. былъ прочитанъ академикомъ А. Н.

Пыпинымъ. Была помянута память скончавшихся академикомъ Л. Н. Майкова и В. С. Соловьева. Во внутренней жизни отдѣленія произошли важныя измѣненія. Указомъ 29-го апрѣля 1899 г. учрежденъ былъ разрядъ изящной словесности, и съ 1900 г. ему дано было право расширить свой составъ шестью новыми членами. 8-го ноября 1900 г. въ почетные академики по разряду изящной словесности были избраны: «К. Р.», гр. Л. Н. Толстой, А. А. Потѣхинъ, А. О. Кони, А. М. Жемчужниковъ, гр. А. А. Голеницевъ-Кутузовъ, В. С. Соловьевъ, Ан. П. Чеховъ и В. Г. Короленко. 1-го декабря 1900 г. были избраны еще слѣдующія лица: К. К. Арсеньевъ, П. Д. Боборыкинъ, С. В. Максимовъ и В. В. Стасовъ. Переходя въ частности къ трудамъ отдѣленія, А. Н. Пыпинъ заявилъ съ отраднымъ чувствомъ, что истекающій годъ отмѣченъ особеннымъ оживленіемъ дѣятельности отдѣленія. Составъ его умножился нѣсколькими заслуженными представителями русской филологіи, славяновѣдѣнія и исторіи искусства въ лицѣ И. Н. Жданова, Вл. И. Ламанскаго, О. Е. Корша и Н. П. Кондакова. Труды членомъ отдѣленія состояли въ слѣдующемъ. Академикъ М. И. Сухомлиновъ приготавлиалъ къ изданію V томъ сочиненій Ломоносова; подъ его редакціей вышелъ X томъ матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ. Академикъ А. Н. Веселовскій издалъ нѣсколько трудовъ по средневѣковой племенной исторіи, средневѣковой поэзіи и по исторіи новѣйшей западно-европейской литературы. Академикъ И. В. Ягичъ былъ занятъ печатаніемъ критико-библіографическаго труда «А. С. Пушкинъ въ южно-славянскихъ литературахъ» и напечаталъ XXII томъ журнала «Archiv für slavische Philologie» и еще нѣсколько трудовъ. Академикъ А. А. Шахматовъ приготвилъ седьмой выпускъ словаря русскаго языка и напечаталъ нѣсколько ученыхъ трудовъ. Академикъ А. Н. Пыпинъ закончилъ первую серію изданія сочиненій императрицы Екатерины II и напечаталъ «Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII вѣкѣ». Академикъ Ф. О. Фортунатовъ написалъ разборъ сочиненія В. Н. Щепкина: «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги». Академикъ В. И. Ламанскій занимался обработкою своего труда по этнологической и культурной исторіи западнаго славянства. Академикъ Ив. Н. Ждановъ напечаталъ нѣсколько статей; академикъ О. Е. Коршъ напечаталъ очеркъ персидскаго стихосложенія и выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько изслѣдованій. Академикъ И. П. Кондаковъ приготвилъ къ выпуску «Памятники древности и искусства на Аѳонѣ». Преміи имени гр. Д. А. Толстого были присуждены: магистру В. Н. Щепкину — большая золотая медаль за соч. «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» и автору, скрывшему свое имя, денежная награда въ 400 р. за «Грамматику словинскаго языка». Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ постоянной комиссіи для выдачи пособій имени императора Николая II нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Отчетъ составленъ предсѣдателемъ этой комиссіи и вице-президентомъ академіи П. В. Никитинымъ. Комиссія располагала почти тѣми же средствами, что и въ предшествующіе годы, т.-е. 50.000 р. по высочайшему указу, 300 р., которыми Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ благоугодно было увеличить средства комиссіи, и остатками и возвращеніями, что въ общей сложности составило 51,293 р. 44 к. Кромѣ того, въ запасномъ капиталѣ состоитъ 291 р. 44 к. Въ теченіе

отчетнаго года комиссія имѣла 22 совѣщанія, во время которыхъ удовлетворено 316 ходатайствъ и отклонено 139; осталось не разрѣшенными 5 ходатайствъ. Пенсій имени императора Николая II выдано 56 лицамъ на сумму 21.170 рублей. Единовременныя пособія выданы 227 лицамъ, на сумму 10,251 р. 70 коп., въ томъ числѣ 20 лицамъ для уплаты за обученіе дѣтей и въ 9 случаяхъ на расходы по погребенію, въ 27—на лѣченіе и въ 2—по случаю пожара. Въ томъ же числѣ въ 63 случаяхъ была оказана помощь въ общей сложности на сумму 2.526 руб. экстренно изъ аванса. Пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, выдано 85 лицамъ на сумму 19.069 руб. Изъ возвращенныхъ должниками суммъ выданы двумъ лицамъ пенсіи въ размѣрѣ 520 рублей. Съ 1 іюля предсѣдательство къ комиссіи перешло къ вице-президенту академіи академику В. П. Никитину. Засѣданіе закончилось провозглашеніемъ именъ лицъ, вновь избранныхъ академіею въ почетные члены и члены-корреспонденты. Въ почетные члены избраны: управляющій морскимъ министерствомъ вице-адмиралъ П. П. Тыртовъ и начальникъ военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба генераль-лейтенантъ О. Э. фонъ-Штубендорфъ. Въ члены-корреспонденты избраны: 1. «По физико-математическому отдѣленію, по математическимъ наукамъ: ординарный профессоръ Харьковскаго университета А. М. Ляпуновъ, заслуженный ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Н. Я. Цингеръ и профессоръ Гейдельбергскаго университета Морицъ Канторъ; 2. По отдѣленію русскаго языка и словесности ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи Н. К. Никольскій и дѣйствительный статскій совѣтникъ П. А. Ефремовъ; 3. По историко-филологическому отдѣленію а) по исторіи и политическимъ наукамъ директоръ императорской публичной бібліотеки генераль-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ и б) по классической филологіи и археологіи рел. профессоръ С.-Петербургскаго университета Ѳ. Ѳ. Соколовъ.

Публичное собраніе императорской академіи наукъ. 17-го декабря подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Константиновича и въ присутствіи великой княгини Елизаветы Маврикіевны состоялось публичное засѣданіе императорской академіи наукъ, въ которомъ академикъ Ѳ. И. Чернышовъ прочиталъ сообщеніе о ходѣ работъ экспедиціи по градуснымъ измѣреніямъ на островахъ Шницбергена въ 1899—1900 г. Открывая собраніе, августѣйшій президентъ академіи произнесъ слѣдующую рѣчь: «Два года тому назадъ по высочайшему повелѣнію подъ моимъ предсѣдательствомъ при императорской академіи наукъ образована комиссія, которой поручено выработать, по соглашенію со шведскою комиссіей, состоящей подъ предсѣдательствомъ его королевскаго высочества кронпринца Густава, подробности плана производства градусныхъ измѣреній на островахъ Шницбергена, о чемъ мечтали лучшіе геодезисты всего міра за послѣднія семьдесятъ лѣтъ. Какъ русская, такъ и шведская комиссіи вполнѣ сознавали всю трудность огромнаго научнаго предпріятія и потому озаботились, чтобы экспедиціи, посылаемая для его выполнения, были обставлены наилучшимъ образомъ какъ со стороны личнаго состава, такъ и относительно необходимыхъ инструментовъ. Предположеніе о зимовкѣ на Шницбергенѣ нѣкоторыхъ изъ членовъ экспедиціи, входившее въ

планъ ея работъ, потребовало значительныхъ денежныхъ средствъ, которыя и могли явиться въ распоряженіи комиссіи лишь при просвѣщенномъ содѣйствіи министровъ финансовъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія и военнаго и управляющаго морскимъ министерствомъ. Но не менѣ существенная задача лежала на исполнителяхъ предначертаній комиссіи, въ особенности на тѣхъ, которые должны были принять на себя тяжелую обязанность пережить суровую полярную зиму на Шпицбергенѣ и произвести всѣ зимнія и весеннія наблюденія въ этомъ непріютномъ краѣ. Съ чувствомъ полнаго удовлетворенія считаю отряднымъ для себя долгомъ заявить, что труды участниковъ экспедиціи, отчетъ о которыхъ будетъ сегодня прочтенъ, заставляють насъ гордиться доблестными исполнителями сложныхъ работъ на Шпицбергенѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивляться ихъ неустрашимости и отвагѣ при тѣхъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, какія наблюдались въ особенности лѣтомъ настоящаго года. Мнѣ особенно пріятно также засвидѣтельствовать заслуги нашихъ моряковъ, составлявшихъ экипажъ двухъ судовъ— «Бакана» и «Ледокола № 2-й»; несмотря на всѣ опасности, выпавшія на ихъ долю при плаваніи въ бурномъ полярномъ морѣ и при встрѣчѣ съ надвигавшимися по Шпицбергену льдами, наши моряки оказались вѣрными той высокой научной задачѣ, ради которой была послана экспедиція на Шпицбергенъ. Работы по градуснымъ измѣреніямъ еще не закончены, и ближайшимъ лѣтомъ потребуется посылка продолжателей этого предпріятія; но послѣ ознакомленія съ тѣмъ, что уже сдѣлано, не трудно будетъ усмотрѣть, что, благодаря нашимъ бодрымъ и дѣятельнымъ участникамъ экспедиціи, все, считавшееся наиболѣе труднымъ и сомнительнымъ въ предпріятіи,—закончено русскими, и въ настоящее время вопросъ объ успешномъ окончаніи всего дѣла находится внѣ какого бы то ни было сомнѣнія. Еще осенью нынѣшняго года международный конгрессъ геодезистовъ астрономовъ, освѣдомленный о ходѣ работъ на Шпицбергенѣ, особенно горячо привѣтствовалъ осуществленіе этого исключительно важнаго и труднаго научнаго предпріятія, выразивъ твердую увѣренность, что оно будетъ доведено до конца. Императорская академія наукъ и состоящая при ней высочайше назначенная комиссія не могутъ не высказать въ сегодняшнемъ засѣданіи самой горячей и прочувствованной благодарности всѣмъ участникамъ экспедиціи за ихъ беззаветную преданность научнымъ задачамъ и выражаютъ пожеланіе, чтобы блестящій успѣхъ сопровождалъ работы ученыхъ на Шпицбергенѣ до конца, и имъ удалось бы въ благополучное царствованіе императора Николая II создать такой же научный памятникъ, каковой созданъ скандинаво-русскимъ градуснымъ измѣреніемъ въ царствованіе императора Николая I». Академикъ Ѳ. Н. Чернышевъ подробно шагъ за шагомъ прослѣдилъ работы экспедиціи на Шпицбергенѣ и описалъ жизнь экспедиціи на стоянкѣ во время долгой полярной ночи, иллюстрируя свое сообщеніе многочисленными свѣтовыми картинками, составленными по фотографическимъ снимкамъ, которые были сдѣланы членами экспедиціи. Несмотря на многія особенно неблагопріятныя условія того года, въ которомъ была предпринята экспедиція, ей все же удалось сдѣлать многое изъ того, что было намѣчено программой и въ ближайшемъ будущемъ несомнѣнно будутъ выполнены и всѣ планы. Экспедиція имѣла и то значеніе, что

другія страны стали также предпринимать подобныя работы. Такъ во Франціи скоро состоится подобная же экспедиція въ Перу, на что ассигнована правительствомъ громадная сумма въ 600 тысячъ франковъ. На собраніи присутствовало очень много публики.

Археологическое общество въ С.-Петербурѣ. Подъ предѣдательствомъ графа П. И. Толстого состоялось 14-го декабря общее собраніе общества. Произведены были выборы, рассмотрѣна и утверждена смѣта на 1901 годъ. Въ члены ревизіонной комиссіи избраны: Н. В. Покровский (какъ получившій наибольшее количество голосовъ—предѣдателемъ комиссіи), П. К. Коковцовъ и В. В. Латышевъ. Въ дѣйствительные члены: П. В. Аничковъ и Ф. И. Щербатскій. Въ члены-сотрудники: А. А. Васильевъ и докторъ А. Грюнвельдъ. С. К. Родионовъ сдѣлалъ сообщеніе «Реставрація собора Смоленской Божіей Матери въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ». Докладъ вызвалъ живое обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ реставраціи Н. В. Султановымъ и Н. В. Покровскимъ. Новодѣвичій монастырь весьма древняго происхожденія; основанъ онъ по обѣту великимъ княземъ московскимъ Василиемъ III около 1524 года. Соборъ особенно изукрашенъ былъ Борисомъ Годуновымъ, который изъявилъ здѣсь свое согласіе на принятіе царства. Всѣ русскіе государи весьма милостиво относились къ монастырю, одаряя щедро, ремонтируя и украшая его. Такъ большой ремонтъ происходилъ въ царствованія Михаила Феодоровича и императрицы Екатерины II. Во время нашествія французовъ въ 1812 году монастырь едва не погибъ: спасли его стойкость и мужество монахинь. По внѣшнему виду соборъ Смоленской Божіей Матери сходенъ съ Московскимъ Успенскимъ соборомъ. При работахъ по реставраціи открыты древнія XVI вѣка фрески. Нѣкоторыя изъ нихъ въ натуральную величину были демонстрированы въ засѣданіи. 18-го декабря А. Ф. Эмманомъ сдѣлалъ докладъ о могилѣ Ромула. Эта могила до сихъ поръ еще извѣстна только по свидѣтельству древнихъ писателей. Но въ 1899 году раскопками Форума обнаружена была черная мраморная площадка, а подъ нею предметы, относящіеся неоспоримо къ глубокой древности, и учеными была высказана увѣренность въ тождественности открытаго памятника древности съ могилою Ромула. Взглядъ этотъ однако осаривается, и референтъ принадлежитъ къ числу отрицателей. М. И. Ростовцевъ горячо возражалъ референту, защищая предположеніе итальянскихъ ученыхъ о несомнѣнной аналогіи вновь открытаго памятника съ извѣстной древнимъ «могилою Ромула». Могила по описанію состояла изъ чернаго камня, стѣллы (надгробнаго столба) и по сторонамъ двухъ львовъ. Львы и стѣлла исчезли. Б. А. Тураевъ сообщилъ о двухъ рѣдкихъ монетахъ (уникахъ), находящихся въ Эрмитажѣ и относящихся къ весьма древнему періоду абиссинской исторіи. Я. П. Смирновъ указалъ на находки на островѣ Кипрѣ, относящіяся къ VI—VIII вѣкамъ по Рождествѣ Христовѣ. М. И. Ростовцевъ высказалъ новый взглядъ на происхожденіе бюста «Голова Ирода», хранящагося въ Эрмитажѣ; принадлежность бюста Ироду или одному изъ римскихъ императоровъ онъ отрицаетъ, признавая его головою жреца. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія подъ предѣдательствомъ барона В. Р. Розена 21-го декабря В. А. Жуковский сдѣлалъ сообщеніе о «Баба Тахирѣ Голышѣ». Б. А. Тураевъ привелъ нѣкоторыя инте-

ресныя данныя изъ исторіи абиссинскаго монашества XIV вѣка, В. В. Бартольдъ затронуть не рѣшенный еще археологами вопросъ объ открытыяхъ въ Самаркандѣ костехранилищахъ (оссуаріяхъ). Баба Тахиръ Голышъ — персидскій поэтъ мистикъ, жившій по нѣкоторымъ даннымъ въ XIV вѣкѣ нашей эры. О жизни его сохранилось очень мало слѣдовъ. В. А. Жуковскій тщательно собралъ всѣ свѣдѣнія, опредѣливъ мѣсто погребенія поэта и записавъ нѣсколько весьма любопытныхъ легендъ изъ его жизни. Б. А. Тураевъ, изслѣдователь абиссинскихъ древностей, прочелъ наиболѣе характерныя мѣста изъ житія абиссинскаго святого, монаха Евстафія, основателя религіозной секты. Эпоха, когда жилъ Евстафій, — XIV вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ, — была эпохой расцвѣта, наибольшаго распространенія монашества въ Абиссиніи. В. В. Бартольдъ привелъ нѣкоторыя данныя изъ имѣющихся письменныхъ памятниковъ относительно загадочнаго ритуала погребенія костей. Такъ въ древности существовалъ обычай отдавать тѣла умершихъ на съѣденіе собакамъ, кости же затѣмъ могли быть и погребаемы. Въ Дагестанѣ, близъ Дербента, тѣла очищались отъ костей, кости разбивались для добыванія мозга и затѣмъ складывались въ мѣшки, на которыхъ и дѣлались надписи объ имени покойнаго и днѣ кончины. Н. И. Веселовскій высказалъ съ своей стороны мнѣніе, что для точнаго археологическаго изученія этихъ интересныхъ памятниковъ необходимы еще многія дополнительные раскопки. Въ засѣданіи русскаго отдѣленія, 22-го декабря, подъ предсѣдательствомъ профессора С. Θ. Платонова, прочитанъ былъ А. А. Спицынымъ докладъ В. Н. Глазова о раскопкахъ въ 1900 году въ Псковской и Петербургской губерніяхъ. Въ Псковской губерніи раскопки велись В. Н. Глазовымъ на средства общества и, согласно полученнымъ имъ указаніямъ профессора Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына, изложеннымъ ими въ особой запискѣ, одобренной отдѣленіемъ. Цѣль этихъ раскопокъ: опредѣленіе границъ русскихъ племенъ. Раскопки 1900 г. съ этою цѣлью производились въ верховьяхъ рѣки Великой и указали, что курганы изслѣдованной мѣстности принадлежатъ къ типу кургановъ полоцкихъ кривичей. По заявленію А. А. Спицына, работы В. Н. Глазова исполнены прекрасно и дали нѣкоторые научные результаты. Находки, въ видѣ значительной коллекціи предметовъ погребальнаго ритуала и украшеній одежды, демонстрированныя А. А. Спицынымъ, поступаютъ въ собственность музея общества. В. Н. Глазовымъ изслѣдовались курганы, жальники (невысокія насыпи) и загадочные до сихъ поръ длинныя валы различнаго вида. Валы эти оказались лишь разновидностью погребальныхъ насыпей. Характеръ погребенія въ нихъ тщательно выясненъ. Земляные памятники древности, изслѣдованныя В. Н. Глазовымъ, относятся къ X—XIII вѣкамъ. Затѣмъ обсуждался вопросъ о раскопкахъ общества въ будущемъ 1901 году. По предложенію профессора Н. И. Веселовскаго раскопки постановлено произвести въ верховьяхъ Волги и Бѣжецкомъ верху (по рѣкѣ Ловати).

Библиологическое общество. 9-го декабря, состоялось въ зданіи Михайловскаго дворца общее собраніе членовъ библиологическаго общества. В. Н. Рогожинъ сдѣлалъ интересный докладъ (съ архивныхъ дѣлъ московской цензуры за 1797 годъ. Дѣла эти подлежали уничтоженію. Разобравъ

ихъ, г. Рогожинъ нашель въ этомъ матеріалѣ немало интереснаго. На основаніи его г. Рогожинъ установилъ существованіе книгъ, до сихъ поръ оставшихся неизвѣстными и безслѣдно исчезнувшими, сдѣлалъ цѣлый рядъ поправокъ библиографическаго характера, раскрылъ нѣсколько псевдонимовъ и даже анонимовъ. Затѣмъ А. В. Балдинъ прочелъ рефератъ, посвященный памяти М. И. Погодина. Не задавая цѣлью дать характеристику и оцѣнку Погодина, какъ человѣка и ученаго, г. Балдинъ далъ обстоятельную его біографію. Рефератъ вызвалъ замѣчанія со стороны гг. Павлова-Сильванскаго и Кульмана, указавшихъ на желательность не столько біографіи Погодина, сколько оцѣнки его дѣятельности. Очень живой, даже страстный, обмѣнъ мнѣній вызвалъ докладъ А. М. Ловягина, посвященный опредѣленію задачъ и значенія библиологіи. Приведя цѣлый рядъ мнѣній, высказанныхъ иностранными учеными по вопросу о задачахъ библиографіи и библиологіи, г. Ловягинъ пришелъ къ тому выводу, что библиологія является болѣе широкимъ сравнительно съ библиографіей терминомъ. Задачи библиологіи очень обширны. Библиологія, ставящая своєю задачею изученіе книги и литературы въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, стремящаяся готовить матеріалъ для изслѣдователей, работающихъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ литературы, наукъ, искусствъ, приходитъ въ большее соприкосновеніе со всѣми уже установившимися дисциплинами, отъ которыхъ не всегда можетъ быть отдѣлена. Ставя себѣ такія задачи, библиологія не можетъ и не должна заниматься только составленіемъ каталоговъ и указателей. Критическая оцѣнка того или другого матеріала, его группировка, выясненіе біографическихъ фактовъ, статистика и т. д., и т. д., все это подвѣдомственно библиологіи. Практически работа библиологовъ, по мнѣнію г. Ловягина, должна выражаться въ двухъ формахъ: разработать или подготовить матеріалъ (изслѣдованія, статьи, описи, указатели и т. д.) и въ организациіи способовъ пользованія ими, т. е. устройства справочнаго бюро, библиотекъ, изданій указателей и т. д. Всѣ эти цѣли и преслѣдуетъ общество. Въ преніяхъ по поводу доклада приняли участіе Ѳ. А. Витбергъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Кульманъ, Кораблевъ, Лященко и другіе. Не возражая по существу противъ предложеннаго г. Ловягинымъ толкованія задачъ библиологіи, указанные члены общества настаивали только на необходимости точнѣе формулировать цѣли и методъ библиологіи. Въ дѣйствительные члены общества избраны: П. В. Быковъ, П. А. Дилакторскій, Д. В. Ульянинскій и М. М. Маргодинъ.

Археологическое общество въ Москвѣ. I. Въ послѣднемъ ноябрьскомъ засѣданіи общества А. И. Кирничниковъ прочелъ интересное сообщеніе, въ которомъ ознакомилъ присутствовавшихъ съ новыми данными, касающимися существовавшихъ въ первые вѣка христіанства у языческихъ скинскихъ племенъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, предковъ славянъ) варварскаго обычая—сѣдять стариковъ, умерщвляя ихъ путемъ зарѣзыванія или сбрасыванія съ утесовъ. Въ доказательство этого мнѣнія докладчикъ привелъ слѣдующій новый текстъ изъ недавно собранныхъ В. В. Латышевымъ: «Извѣстій греческихъ писателей о Скиѣи и Кавказѣ». Епископъ Кирскій Феодоритъ (родился около 390 г. въ Антиохіи), бывшій ученикомъ св. Іоанна Златоустаго и

Феодора Мопсуестійскаго, поставленный въ 423 году епископомъ сирійскаго городка Кира и извѣстный своею борьбой противъ монофизитовъ, въ своей рѣчи «о законахъ» говоритъ: «къ персамъ, скивамъ и прочимъ варварскимъ народамъ законы перешли послѣ кончины апостоловъ, и несмотря на противо-дѣйствіе всѣхъ не только варваровъ, но и самихъ римлянъ, продолжали со-хранять одинаковую силу», и далѣе: «И массагеты, прежде считавшіе весьма несчастными умершихъ какъ нибудь иначе, нежели отъ зарѣзанія, и по-этому установившіе законъ приносить старцевъ въ жертву и угощаться ихъ мясомъ, получили отвращеніе къ этой гнусной пищѣ и рѣзнѣ, когда услы-шали рыбацкіе и кожевническіе законы. И тиварины, имѣвшіе обычай стал-кивать стариковъ съ высочайшихъ утесовъ, уничтожили этотъ безобразный законъ, принявъ законы Евангельскіе. Уже ни ирканцы съ касійцами не откармливаютъ псовъ тѣлами умершихъ, ни скины не зарываютъ живьемъ вмѣстѣ съ умершими любимыхъ ими лицъ». II. Въ происходившемъ 11 декабря за-сѣданіи С. К. Богоявленскій и Ю. В. Готье сообщили отчетъ о произведенныхъ ими лѣтомъ 1900 года археологическихъ раскопкахъ въ мало-извѣданной, но интересной въ историко-археологическомъ отношеніи мѣстности въ Волоколам-скомъ уѣздѣ, Московской губерніи, на землѣ имѣнія Елизарова князя А. Д. Голи-цына, между деревнями «Князя Горы» и «Жилыя Горы». Могильникъ на землѣ князя Голицына расположенъ на невысокомъ холмѣ у верховья рѣчки Бѣлой, выдающей въ рѣку Рузу. Холмъ покрытъ молодымъ лѣсомъ, въ ко-торомъ и разсыпано около 140 кургановъ, изъ которыхъ нѣкоторые послу-жили предметомъ поисковъ искателей кладовъ, норами для барсуковъ и прочія. Изъ 90 нетронутыхъ кургановъ раскопано было 28, — полушарообразной формы, вышиной отъ 1 до 3 аршинъ. Насколько можно было опредѣлить по скеле-тамъ и найденнымъ вещамъ, мужскія погребенія были въ 13 курганахъ, жен-скія въ 9, въ двухъ курганахъ найдены парныя погребенія, остальные 4 кур-гана оказались раскопанными ранѣе. Всѣ труны погребались безъ гробовъ, скелеты лежатъ на спицѣ, по большей части съ вытянутыми руками и ногами. 3 черепа взяты и переданы въ антропологическій музей Московскаго универси-тета. Въ курганахъ Елизаровскаго могильника найдены: изъ головныхъ укра-шеній въ 10 курганахъ — тонкія височныя кольца съ перевитыми концами, расположенныя по 2—4 съ каждой стороны головы, у двухъ колецъ найдено по два и по три бубенца; на шеѣ большинства женскихъ скелетовъ найдены бусы различныхъ образцовъ. О томъ, каковъ былъ покрой и форма одежды, которую носили люди, похороненные въ Елизаровскомъ могильникѣ, нельзя со-ставить опредѣленнаго понятія. На рукахъ найдены браслеты и перстни въ небольшомъ количествѣ. Можно заключить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ грудь и спина украшались зеленымъ и бѣлымъ бисеромъ, одежда застегивалась пряжками съ бронзовыми нагрудными украшениями. Кромѣ того, найдены: ко-стяной гребень, звѣринные зубы съ просверленными отверстиями, служившіе, повидимому, амулетами и, наконецъ, въ одномъ изъ кургановъ найдена цѣнная въ археологическомъ отношеніи монета города Эмдена въ Саксоніи съ изобра-женіемъ графа Германа, брата Саксонскаго герцога Ордульфа, умершаго въ 1086 году. Эта послѣдняя находка позволяетъ сдѣлать выводъ, что послѣдо-

ванный могильникъ служилъ кладбищемъ во 2-й половинѣ XI столѣтія. Возникаетъ вопросъ: какому племени могъ принадлежать Елизаровскій могильникъ: финскому или славянскому? При рѣшеніи этого вопроса необходимо имѣть въ виду, что интересующее изслѣдователей племя жило на Ламскомъ Волокѣ, одномъ изъ извѣстныхъ естественныхъ путей въ то время, когда давно уже существовало великое княжество Кіевское. Въ эпоху составленія нашихъ первыхъ лѣтописей, то-есть въ XI вѣкѣ, нѣтъ сколько нибудь ясныхъ указаній на составъ населенія нынѣшней Московской губерніи, которая составляла какъ бы промежуточную полосу между финскимъ и славянскимъ населеніемъ. Изъ сравненія предметовъ Елизаровскаго могильника съ предметами, находимыми въ среднихъ уѣздахъ Тверской и сѣверной части Новгородской области, а равно и указаній Воскресенской лѣтописи подъ 1135 г., съ большею долей вѣроятности можно предполагать, что въ первой половинѣ XII вѣка и за полвѣка ранѣе Волокъ на Ламѣ могъ имѣть славянское населеніе Новгородскаго прохода, судя по раскопкамъ, находившееся еще въ язычествѣ. Съ частью этого населенія и знакомитъ насъ Елизаровскій могильникъ. III. Въ послѣднемъ декабрьскомъ засѣданіи общества П. П. Ивановъ прочелъ интересный докладъ о мірской казнѣ въ XVII и началѣ XVIII вѣка. Матеріаломъ для этого сообщенія послужили двѣ найденныя среди документовъ Николаевскаго Корельскаго монастыря тетради съ датами отъ 1 января и 13 марта 1709 года. Обѣ онѣ велись сотскимъ Ярокурской деревни — Иваномъ Кирилловымъ, сыномъ Лабзина: первая о мірскомъ расходѣ за вышеозначенный годъ, а вторая о сборахъ на мірскіе расходы. Изъ имѣющихся въ литературѣ этого предмета данныхъ, по вопросу о мірской казнѣ, одни изслѣдователи видятъ самостоятельную мірскую казну, назначенную исключительно на общія крестьянскія нужды, другія же — казну, назначеніе которой состояло въ собираніи средствъ для уплаты податей и повинностей. Хотя въ тетрадяхъ этихъ и нѣтъ указаній на многіе источники мірскаго дохода, но найденный матеріалъ, помимо своего непосредственнаго интереса, какъ запись мірскихъ приходовъ и расходовъ, даетъ цѣлый рядъ интересныхъ картинъ мірской жизни. Государственная и мірская казна значительную часть своихъ средствъ черпала изъ одного общаго источника — средствъ отдѣльныхъ крестьянъ. Приемы раскладки тѣхъ и другихъ налоговъ были одинаковы: общая сумма мірскаго налога, подобно государственному, разверстывалась между волостными крестьянами, сообразно съ количествомъ земли, имѣвшимся у каждаго. Первое мѣсто между крестьянскими расходами занимало подношеніе «въ почестъ» различнымъ монастырскимъ, духовнымъ, приказнымъ властямъ и постороннимъ лицамъ. «Почестъ» не считалась взяткой, не служила выраженіемъ подчиненнаго положенія: она скорѣе была своеобразнымъ выраженіемъ особаго уваженія къ лицу, хотя бы и равному, но такъ или иначе полезному волости, хотя въ большинствѣ случаевъ лицами этими были люди, отъ которыхъ крестьяне находились въ той или иной зависимости. Несмотря на это, «почестъ» была иногда тѣсно связана со взяткой и подносилась при просьбѣ и при благодарности за ея исполненіе. Такъ, въ найденныхъ тетрадяхъ записано слѣдующее: «и то все: семга, кра, сельди отдано ему жъ — Карпу (писцу) и подьячему въ почестъ: были челомъ,

чтобы меньше крестьянскихъ дворовъ написали». Въ этихъ немногихъ словахъ любопытно все: и средства, употребляемыя крестьянами для избѣжанія тяжелаго обложенія, и податливость московскаго чина, и способъ отправления имъ своихъ служебныхъ обязанностей. Такой фактъ имѣеть громадную важность для критики писцовыхъ книгъ. Самое интересное въ этомъ: наивная откровенность, съ которою сотскій записываетъ въ офиціальнѣйшій документъ выдачу «почести» (взятки) писцу, т. е. констатируетъ фактъ совершения мѣромъ инкриминирующаго дѣянія.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 1. 27-го ноября въ общемъ собраніи, кромѣ текущихъ дѣлъ, были прослушаны научныя сообщенія: 1) члена сотрудника общества, П. С. Михеева «Замѣтки о бесермянахъ» и 2) дѣйствительнаго члена Н. М. Петровскаго «Памяти графа А. И. Мусина-Пушкина (1744—1817)». Г. Михеевъ началъ свое сообщеніе съ указанія на различныя мнѣнія, существующія въ наукѣ о происхожденіи загадочнаго племени—бесермянъ, живущихъ въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи; одни изъ этнографовъ видятъ въ этомъ племени помѣсь вотяковъ съ татарами, другіе считаютъ ихъ выходцами изъ Хивы; третьи даже высказываютъ предположеніе, что бесермяне—потомки аборигеновъ Болгарскаго царства. Ни одна изъ этихъ гипотезъ не можетъ, по мнѣнію референта, считаться основательной. Личныя наблюденія автора доклада привели его къ убѣжденію, что загадочное племя это—потомки крещеныхъ татаръ, только принявшіе вотяцкій языкъ. Тѣмъ не менѣе, сліяніе ихъ съ вотяками подвигается крайне туго; бесермяне избѣгаютъ браковъ съ вотячками и стараются не отдавать своихъ дочерей за вотяковъ; по мнѣнію бесермянъ, жена-вотычка вноситъ въ домъ только всяческія бѣдствія. Бесермяне признаютъ себя народомъ, совершенно отличнымъ отъ вотяковъ, и даже ихъ школьники, когда въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ ихъ записываютъ вотяками, протестуютъ противъ такого опредѣленія, называя себя бесермянами. Несмотря на то, что бесермяне крещены уже давно, въ ихъ быту замѣчается много пережитковъ язычества; знахари играютъ въ ихъ жизни значительную роль; сохранился даже цѣлый ритуальъ жертвоприношенія, съ моленіемъ, которое можетъ продолжаться два и даже болѣе дней; не утратили бесермяне вѣры и въ заговоры, образцы которыхъ референтъ привелъ въ своемъ сообщеніи. Докладъ былъ выслушанъ присутствовавшими съ большимъ интересомъ и подалъ поводъ къ оживленнымъ преніямъ; принимавшіе въ нихъ участіе члены общества, отзываясь о сообщеніи г. Михеева въ весьма сочувственныхъ выраженіяхъ, изъявляли желаніе слышать продолженіе его въ связи съ болѣе подробнымъ обслѣдованіемъ многихъ вопросовъ, намѣченныхъ въ этомъ рефератѣ. Сообщеніе г. Петровскаго было вызвано исполненнымъ въ 1900 году столѣтіемъ со времени выхода въ свѣтъ перваго изданія «Слова о полку Игоревѣ». Представивъ краткую біографію гр. Мусина-Пушкина, референтъ сдѣлалъ очеркъ возникновенія обширнаго собранія достопримѣчательностей, принадлежавшаго графу и заключающаго въ себѣ рукописи, печатныя книги, монеты и т. д. Перечисливъ затѣмъ труды и изданія Мусина-Пушкина, докладчикъ далъ подробный обзоръ научныхъ приемовъ, употребленныхъ графомъ

при изданіи «Поученія Владимира Мономаха». Отмѣчая недостатки этого изданія, референтъ указалъ, что причиною ихъ было тогдашнее состояніе русской исторіи и ея вспомогательныхъ наукъ. Несмотря на полную неудовлетворительность, съ современной точки зрѣнія, изданій графа Мусина-Пушкина, послѣдній занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія; его отношенія къ современнымъ ему специалистамъ по русской исторіи были прецедентомъ для такъ называемаго «Кружка графа Н. П. Румянцова», а его коллекционерство, поставленное на чрезвычайно широкую почву, нашло себѣ въ послѣдствіи подражателя въ лицѣ ученаго, столѣтіе со дня рожденія котораго праздновалось въ недавнее время, М. П. Погодина. 11. 18-го декабря 1900 года въ очередномъ общемъ собраніи сдѣлано было пять сообщеній, первымъ изъ которыхъ выслушанъ докладъ Д. А. Кочнева «О скопцахъ Вилюйскаго округа (Якутской области)». Референтъ далъ краткій очеркъ быта скопцовъ, въ 1870-хъ годахъ переселенныхъ въ названную мѣстность изъ Туруханскаго уѣзда Вилюйскаго губерніи, и подробно остановился на выясненіи вопроса, насколько полезнымъ или вреднымъ можетъ считаться поселеніе скопцовъ среди инородцевъ, въ данномъ случаѣ—якутовъ. По мнѣнію докладчика, скопцы оказываются скорѣе полезнымъ, нежели вреднымъ элементомъ—подъ ихъ вліяніемъ якуты пріучаются къ земледѣлію, которое ранѣе въ Вилюйскомъ округѣ находилось на весьма низкой ступени развитія, такъ что цифра привоза хлѣба значительно превышала сумму мѣстнаго производства. Слѣдующій рефератъ, И. М. Покровскаго, озаглавленный «Насельники казанскаго кремля и города въ XVI и XVII вѣкахъ», былъ посвященъ преимущественно судьбамъ архіерейскаго двора, который послѣ покоренія Казани былъ построенъ въ кремлѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во время татарскаго владычества стоялъ дворецъ казанскаго хана. Приведа изъ документовъ—писцовыхъ и приходо-расходныхъ книгъ—весьма интересныя данныя о бытѣ духовенства, жившаго при владычнемъ дворѣ, докладчикъ далъ обзоръ мѣропріятій, клонившихся къ постепенному выселенію духовенства изъ кремля. Въ числѣ источниковъ своего доклада референтъ указалъ на извѣстное путешествіе Николая Витзена («Noord en Oost Tartarye»), въ которомъ воспроизведенъ, между прочимъ, видъ казанскаго кремля. Затѣмъ г. председатель общества, Н. Ѳ. Катановъ, демонстрировалъ одинъ изъ немногихъ, находящихся въ Россіи, экземпляровъ этого путешествія—второе изданіе, 1705 г., со всеми таблицами, представляющими большую рѣдкость. Для сличенія съ современными русскими свѣдѣніями объ Азій г. Катановъ представилъ нѣсколько выдержекъ изъ русскихъ сказаній XVII о жителяхъ Азій и демонстрировалъ составлявшіяся во времена Витзена русскими людьми карты Сибири. Далѣе было прочитано сообщеніе свящ. І. Шестакова «О пермякахъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ», давшего очеркъ быта пермяковъ, такъ называемаго Пинвенскаго края. Небогатый этнографическими свѣдѣніями, докладъ этотъ развернулъ передъ слушателями печальную картину жизни «поддиповцевъ нашихъ дней», обездоленныхъ судьбою. Послѣднимъ въ программѣ было поставлено сообщеніе П. А. Китицына «Заселеніе Устинской волости (Костромской губерніи)». За позднимъ временемъ была прочитана только часть этого

обширнаго доклада, касающагося какъ первоначальныхъ судебъ края, такъ и позднѣйшей его исторіи. Особой подробностью отличалось изложеніе событій XVIII вѣка въ Костромской губерніи, связанныхъ съ «генеральнымъ межеваніемъ» и представляющихъ немало документальныхъ данныхъ для характеристики «добраго стараго времени».

Воронежская архивная коммисія. 1-го декабря состоялось открытіе Воронежской архивной коммисіи въ торжественномъ собраніи изъ представителей мѣстныхъ административныхъ учрежденій, начальства учебныхъ заведеній и небольшого кружка лицъ, возбудившихъ въ свое время ходатайство о разрѣшеніи учредить въ Воронежѣ архивную коммисію. Предсѣдателемъ новой коммисіи избранъ Е. Л. Марковъ, а правителемъ дѣлъ—секретарь статистическаго комитета М. Н. Быловъ. Въ самомъ близкомъ будущемъ откроетъ свои дѣйствія и церковно-археологическій и историческій комитетъ, съ особымъ уставомъ, утвержденнымъ святѣйшимъ синодомъ. Комитетъ учреждаетъ свой церковный музей, для котораго уже отведено помѣщеніе въ зданіи мѣстной духовной консисторіи.

Комитетъ по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ. 9-го декабря, состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ сообщил о результатахъ своей командировки съ цѣлью изученія памятниковъ церковныхъ древностей Харьковской губерніи. Имъ посѣщены были для этого слѣдующія мѣстности: въ Ахтырскомъ уѣздѣ — Великіе Бобрики, Боромля, Ахтырка, Ахтырскій монастырь; въ Сумскомъ уѣздѣ — городъ Сумы; въ Лебединскомъ уѣздѣ—Лебединъ, Михайловка, Алешня. Постъ общаго указанія на значеніе для науки русской археологіи церковныхъ памятниковъ Харьковской губерніи, докладчикъ остановился подробно на архитектурѣ деревянныхъ церквей XVII—XVIII вѣка г. Лебедина и нѣкоторыхъ сель Ахтырскаго уѣзда. По мнѣнію докладчика, эта архитектура имѣетъ ближайшую связь съ архитектурой церкви Донской области и, какъ послѣдняя, вѣроятно, находится подъ вліяніемъ древней архитектуры Галиціи и Польши. Е. М. Ивановъ сообщил о результатахъ своихъ занятій въ 4 частныхъ архивахъ Харьковской губерніи. Изъ нихъ для исторіи Харьковскаго края даютъ наибольшее количество матеріала—архивъ Ковалевскихъ (Зміевского уѣзда) и Пассековъ (Волчанскаго уѣзда); въ обоихъ, а особенно въ послѣднемъ, находится значительное количество документовъ и бумагъ XVII—XIX вв., дающихъ рядъ свѣдѣній по разнымъ вопросамъ мѣстной исторіи: колонизаціи, землевладѣнія, сельскаго хозяйства въ связи съ экономическимъ положеніемъ крестьянства, отчасти быта и нравовъ высшаго слободско-украинскаго общества. Нѣкоторые изъ документовъ архива Пассековъ имѣютъ значеніе и для исторіи Курскаго края въ XVII—XVIII в. Два другихъ архива—И. И. Малиновскаго и М. А. Ходжинудо (въ Изюмскомъ уѣздѣ) заключаютъ собраніе бумагъ почти исключительно XIX вѣка. И въ томъ, и въ другомъ находятся бумаги законоучителя и духовника Александра I, протоіерея А. А. Самборскаго. Въ нихъ много данныхъ для полной и обстоятельной его біографіи; равно въ нихъ много интересныхъ писемъ къ нему высочайшихъ особъ и мѣстныхъ дѣятелей. Въ

архивъ П. П. Малиновскаго, кромѣ бумагъ Самборскаго, интересны бумаги писателя и перваго директора царскосельскаго лицея В. Θ. Малиновскаго, и рядъ документовъ, относящихся къ дѣятельности харьковскаго комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Среди документовъ архива М. А. Ходжишуро, докладчикъ отмѣтилъ еще и выдающійся матеріалъ—весьма интересное представленіе въ сенатъ (конца XVIII вѣка) харьковскаго губернатора Теплова о необходимости нѣкоторыхъ мѣръ для унорядоченія экономическаго положенія войсковыхъ обывателей и обширное донесеніе (1783 г.) нѣкоего Евреннова московскому архіепископу Платону о расироstrаненіи и усибхахъ раскола. Д. П. Миллеръ сообщилъ о результатахъ своей командировки съ археографическою цѣлью въ сѣверо-западные уѣзды Харьковской губерніи: Сумской, Лебединскій, Ахтырскій и Богодуховскій. Въ Лебединскомъ уѣздѣ докладчикъ посетилъ село Михайловку и, благодаря любезному разрѣшенію графа В. А. Капниста, познакомился съ его фамильнымъ архивомъ. Архивъ этотъ представляетъ несомнѣнный научный интересъ, главнымъ образомъ, какъ собраніе цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Черниговщины въ XVII и XVIII вѣкахъ. Древнѣйшіе изъ документовъ — привиллегіи короля Владислава IV (на польскомъ языкѣ) любечскимъ боярамъ Злобамъ и Кондрату Кукарѣ—на ихъ имѣнія. Затѣмъ идетъ рядъ многочисленныхъ царскихъ грамотъ, гетманскихъ универсаловъ и купчихъ крѣпостей перваго владѣльца и основателя Михайловки, гадяческаго полковника Михаила Васильевича, и знаменитой въ исторіи Малороссіи фамиліи Полуботковъ, къ которымъ внослѣдствіи Михайловка перешла. Изъ числа другихъ документовъ докладчикомъ отмѣчены: рукописный сборникъ, составленный Павломъ Полуботкомъ во время его ученія въ Кіевской академіи, постановленіе генеральной канцеляріи объ избраніи П. Полуботка въ наказные гетманы, отрывокъ изъ духовнаго завѣщанія П. Полуботка, чрезвычайно интересная опись имуществу Полуботка, сдѣланная послѣ его ареста въ 1723 г., сборникъ писемъ къ разнымъ лицамъ бригадира Коробовскаго, владѣвшаго Михайловкой въ концѣ XVIII вѣка, и др. Въ архивѣ волостного правленія слободы Межирича докладчикъ нашелъ такъ называемыя комиссарскія дѣла, повидимому, только здѣсь и уцѣлѣвшія, затѣмъ дѣла мѣстной расправы и рядъ приказовъ земскаго суда конца XVIII столѣтія. Нѣкоторые изъ данныхъ, почеркнутыхъ изъ архива Межирическаго волостного правленія, докладчикомъ были предложены вниманію комитета: таковы свѣдѣнія о цехахъ, о межиричскихъ цеховыхъ, о военныхъ постояхъ въ Межиричѣ, о мѣрахъ противъ развитія тяжбъ и др. Архивъ сумской гимназіи, осмотрѣнный Д. П. Миллеромъ, представляетъ собраніе документовъ по исторіи мѣстнаго просвѣщенія въ концѣ XVIII и въ XIX столѣтіи. Онъ дастъ полную картину жизни и дѣятельности сумскаго малаго народнаго училища, возникшаго при Екатеринѣ II, и уѣзднаго училища въ первые годы царствованія императора Александра I. Помимо чисто мѣстнаго интереса, данныя архива имѣютъ и нѣкоторое общее значеніе: по нимъ, наприимѣръ, можно составить index prohibitorum librorum за все время завѣдыванія училищемъ Харьковскаго университета. Докладчикъ перешелъ затѣмъ къ фамильному архиву графа Строганова въ с. Хотѣни, Сумскаго

уѣзда. Документы этого чрезвычайно цѣннаго архива можно разбить на двѣ группы: бумаги бывшихъ владѣльцевъ Хотѣни, Кондратьевыхъ, считавшіяся до сихъ поръ погибшими, и бумаги ихъ наслѣдника по владѣнію Хотѣнью, М. П. Комбурлея. Кондратьевы, изъ рода которыхъ вышелъ рядъ сумскихъ полковниковъ, играли важную роль въ исторіи мѣстнаго края, а потому и оставленное ими документальное наслѣдство заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователя мѣстной страны. Документы Кондратьевыхъ, хранящіеся въ Хотѣни, преимущественно официальные акты на ихъ имѣнія и частная переписка, представляющая большой интересъ для характеристики нравовъ того времени. Старѣйшіе изъ нихъ XVIII столѣтія, а частная переписка по большей части второй половины XVIII столѣтія. Бумаги Комбурлея, строителя прекрасно сохранившагося хотѣньскаго «дворца»,—всѣ начала XIX столѣтія, главнымъ образомъ эпохи наполеоновскихъ войнъ. Комбурлей при Павлѣ былъ курскимъ губернаторомъ, а при Александрѣ—губернаторомъ, а потомъ и генераль-губернаторомъ на Волыни. Онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми видными государственными дѣятелями того времени, былъ въ связяхъ даже съ русскими агентами за границей, отъ которыхъ получалъ сообщенія объ общевропейской политикѣ и о настроеніи общества. Его частная переписка представляетъ огромный интересъ для общей русской исторіи періода, описаннаго въ «Войнѣ и мирѣ». Кромѣ того, въ бумагахъ Комбурлея заключается и рядъ данныхъ, относящихся къ исторіи собственно Волыни за одинъ изъ самыхъ любопытныхъ періодовъ ея новѣйшей исторіи. Комбурлей былъ образцовымъ хозяиномъ. Вѣдомости и всякаго рода свѣдѣнія, поступавшія къ нему изъ его деревень, тщательно сохранялись и представляютъ въ настоящее время большой интересъ, какъ матеріалъ для исторіи южнорусскаго помѣщичьяго хозяйства. Въ заключеніе докладчикъ упомянулъ съ благодарностью о доставленіи ему извѣстнымъ авторомъ «Исторіи харьковскаго дворянства» Л. В. Иляшевичемъ любопытныхъ документовъ о чугуевскихъ казакахъ и о возмущеніи чугуевскихъ военныхъ поселенъ въ 1819 г. Профессоръ Д. П. Багалъй доложилъ: 1) заявленіе г-жи П. Г. Гугель—о желаніи представить на археологическую выставку при сѣздѣ коллекцію ольвійскихъ ожерелій, собранныхъ частью въ селѣ Парутино (бывшая Ольвія), частью въ Керчи; 2) сообщеніе о трудахъ полтавской комиссіи по подготовкѣ сѣзда, которая надѣется доставить обширный этнографическій матеріалъ, частью изъ кустарной выставки, которая войдетъ въ составъ предполагаемой кустарной выставки въ С.-Петербургѣ; 3) сообщеніе В. П. Андрушева о составѣ сумскаго цеховаго архива (древніе акты — уступныя писма по раздѣлу имущества за 1762, 1764, 1794 гг.); 4) заявленіе г. Рудакова о желаніи оказать содѣйствіе комитету въ изученіи древнихъ старообрядческихъ иконъ и пожертвовать виды города Харькова (1854 г.). Профессоръ Я. К. Рѣдинъ доложилъ о поступившихъ пожертвованіяхъ комитету и музею древностей университета чрезъ посредство Е. М. Пванова отъ священника о. Астерія Лукашева — рогового креста XVIII вѣка, деревяннаго рѣзного креста XVIII вѣка; отъ священника о. А. Щетинскаго требника Петра Могилы; отъ священника о. Николая Лобковскаго одной крышки перелета съ пятью мѣдными пластинками, съ рельефными изобра-

женіями; отъ А. Ѳ. Ковалевскаго—рядъ цѣнныхъ памятниковъ: живопись на стеклѣ, статуэтки Распятія Христа, Воскресенія—XVIII вѣка, вѣроятно, изъ завода Миклашевскихъ, Черниговской губерніи; образъ на кожѣ св. Евдокіи, Воскресенія Христова; два портрета масляными красками И. И. и М. Г. Ковалевскихъ (XVIII вѣка); портретъ архимандрита Сильвестра Лебединскаго, фотографическій снимокъ съ портрета Юсіфа Горленки, 19 гравюръ и 5 аква-релей. Профессоръ Е. К. Рѣдкинъ доложилъ также: 1) о трудахъ комисіи при воронежскомъ губернскомъ статистическомъ комитетѣ по устройству съѣзда. Комиссія предполагаетъ распространить программы по собиранію свѣдѣній о древностяхъ; привести въ извѣстность существующіе въ губерніи памятники старины; ознакомиться съ мѣстными архивами; составить списокъ мѣстныхъ изданій и литературныхъ произведеній, которыя касаются Воронежскаго края; 2) заявленіе Поликарпа Морозова о костяхъ мамонта въ мѣстечкѣ области Войска Донскаго; 3) предположеніе извѣстной издательницы народнаго орнамента Черниговской губерніи г-жи П. Литвиновой—объ изданіи комитетомъ приготовленнаго ею къ печати 2-го выпуска рисунковъ съ узоровъ шитья, тканья, писанокъ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ. По предложенію профессора Д. И. Багалѣя, отъ имени комитета выражена глубокая благодарность всѣмъ жертвователямъ, докладчикамъ и лицамъ, сдѣлавшимъ ему со-общенія; предложеніе г-жи Литвиновой рѣшено принять и издать ко времени съѣзда ея трудъ, если только позволятъ денежныя средства.

Археологическая находка. Въ Черемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ селѣ Пятницкомъ, имѣніи предводителя дворянства Д. А. Попова, при расчисткѣ ключа на берегу рѣки Локна, на глубинѣ двухъ аршинъ, въ наплавняхъ пла найдена сѣкира. Боевая сѣкира имѣетъ длины 15 вершковъ при 3-хъ вершкахъ ширины. Сѣкира хорошо сохранилась. Сдѣлана она изъ стали, хорошо отточена. Съ внутренней стороны имѣетъ 38 проколовъ, какъ можно предполагать, для прикрѣпы украшеній. Для спуска воды изъ засорившагося родника была, по направленію къ рѣчкѣ, вырыта канава въ 2¹/₂ аршина глубины, при чемъ наткнулись на срубъ изъ чернаго дуба, за стѣнкой котораго нашли сѣкиру. Далѣе срубъ разслѣдованъ не былъ. Вообще на поляхъ имѣнія имѣется много кургановъ, оставшихся, по преданіямъ, отъ времени нашествія татарскихъ полчищъ. Имѣніе принадлежало въ старину древнему роду бояръ Салтыковыхъ, потомъ Ермоловымъ. Имѣніе находится въ 15 верстахъ отъ заштатнаго города Воротынска, близъ впаденія Угры въ Оку. Недалеко отсюда разыгралась мужественная оборона сына царя Ивана III, князя Ивана младшаго, въ 1480 году, не допустившаго переправы хана Ахмата черезъ Угру и отстоявшаго Москву. Хотя ханъ и простоялъ на правомъ берегу до покрытія ея льдомъ, и препятствіе въ переправѣ устранилось, но время было упущено, получились изъ Орды дурныя вѣсти, и Ахматъ бѣжалъ съ Угры въ ноябрѣ, для того, чтобы найти свою гибель въ январѣ 1481 года на берегахъ Донца.

Археологическіе грабежи и поддѣлки. «Крымскій Вѣстникъ» увѣряетъ, что въ Керчи непрежнему идетъ самый откровенный и грубый грабежъ археологическихъ находокъ въ древней Пантиккапѣ. Производство раскопокъ част-

нымъ лицамъ строго воспрещено и преслѣдуется закономъ. Это, однако, не останавливаетъ гробокопателей, выбирающихъ для своей работы темныя ненастные ночи, когда они увѣрены, что объѣздки спокойно сидятъ по домамъ. Профессиональный гробокопатель съ перваго взгляда легко опредѣляетъ, насколько тотъ или иной курганъ продуктивенъ. Чаще всего работа производится цѣлою шайкою, такъ какъ нерѣдко приходится наталкиваться на такія препятствія, одолѣть которыя одному человѣку не подъ силу. Работа гробокопателей рѣдко бываетъ неудачна. Напавъ на «кладохранилище», гробокопатели или «счастливики», какъ ихъ здѣсь называютъ, забираютъ все, что только возможно унести, но этимъ работа еще не заканчивается. Надо еще замести свои слѣды, чтобы не привести къ открытому мѣсту властей, которыя могутъ приняться за розыски похитителей. Вслѣдствіе этого гробокопатели засыпаютъ разрытое мѣсто и по возможности приводятъ его въ первоначальное состояніе. Найденная же добыча сдается нерѣдко за безцѣнокъ мѣстнымъ антикваріямъ. Послѣдніе, уплативъ гроши, зарабатываютъ на этихъ антикахъ тысячи. Опытный глазъ антикварія сразу опредѣляетъ цѣнность принесенныхъ ему вещей и сообразно съ этимъ уплачиваетъ «счастливицамъ». Бывали случаи, когда босовиками сбывались дорогія, замѣчательно изящной работы древнія вазы за рубли, въ то время, какъ антикварій бралъ за нихъ сотни и тысячи рублей. Иногда археологическія рѣдкости вывозятся за границу и тамъ сбываются въ различные музеи. Этимъ путемъ нѣкоторые керченскіе антикваріи нажили себѣ солидныя состоянія и нынѣ отдыхаютъ на лаврахъ. Наряду съ тайными раскопками древнихъ гробницъ созданъ въ Керчи и другой промыселъ, имѣющій тѣсную связь съ археологіей. Появился цѣлый классъ промышленниковъ, занимающихся поддѣлкой древностей. Нѣкоторые изъ нихъ въ этой области дошли до такого искусства, что нерѣдко даже опытному археологу трудно бываетъ отличить дѣйствительную рѣдкость отъ фальсификаціи. Обыкновенный же туристъ, довольно часто наѣзжающій въ Керчь для ознакомленія съ памятниками древней Пантикапей, увозитъ въ свои палестины различныя статуетки, слезницы, монеты и другіе «антики» мѣстнаго приготовленія, вполнѣ, конечно, увѣренный въ томъ, что приобрѣлъ самыя что ни на есть настоящія древности. У мѣстныхъ антикваріевъ въ большомъ ходу при разныхъ дальнѣйшихъ неприяностяхъ съ покупателями—малороссійская поговорка: «бачили очн, що куповали».

Общество любителей древней письменности. 8-го декабря, состоялось общее собраніе подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, который открылъ засѣданіе, сообщивъ текстъ пожертвованной въ общество В. Л. Величко жалованной грамоты, данной царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ въ 1605 году Маркушевой пустыни. Затѣмъ Н. П. Кондаковъ сдѣлалъ сообщеніе о поѣздкѣ въ иконописныя села Метеру, Холуй и Палехъ, которую онъ въ минувшемъ юнѣ совершилъ совмѣстно съ графомъ С. Д. Шереметевымъ и въ которой принялъ участіе В. Т. Георгіевскій. Докладъ имѣлъ цѣлью ознакомить общество съ вынесенными изъ поѣздки впечатлѣніями и дать отчетъ о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находятся три знаменитыхъ иконописныхъ села, лежащихъ въ глухомъ и малопосѣщаемомъ специалистами углу

Владимирской губерніи. Бѣгло обозрѣвъ тѣсную художественную среду, окружающую здѣсь иконописное мастерство—церкви, двѣ бѣдныя школы, и отмѣтивъ, какіе памятники иконописи являются наиболѣе замѣчательными въ церквахъ этихъ селъ (особенное вниманіе обращаютъ на себя иконы въ мстерской церкви мстерскаго же письма конца XVI—начала XVII вѣка), и могутъ служить вдохновляющими образцами для мѣстныхъ иконописцевъ, Н. П. Кондаковъ перешелъ къ обозрѣнію самыхъ условій, при которыхъ они работаютъ. Впечатлѣніе эти условія оставляютъ самое тяжелое и ясно указываютъ, почему иконопись здѣсь все болѣе и болѣе изъ искусства становится тяжелымъ, скудно питающимъ ремесломъ и почему въ иныхъ селахъ, напримѣръ, въ Мстерѣ, многія семьи уходятъ на фабрики, тогда какъ въ Палехѣ и окрестныхъ селахъ иконопись развивается, но вынужденно, за отсутствіемъ фабрикъ. Лучше сравнительно дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ работаетъ одинъ мастеръ со своими учениками; въ самомъ печальномъ положеніи дѣло тамъ, гдѣ мастерскія (таковыхъ отъ 5 до 10 въ каждомъ селѣ) имѣютъ видъ заводовъ или фабрикъ. Мастера еще работаютъ въ свѣтлыхъ избахъ и комнатахъ, тогда какъ большія мастерскія или заводы помѣщаются обыкновенно въ сараяхъ и подклѣткахъ—подземныхъ полутемныхъ подвалахъ, тѣсныхъ и длинныхъ и настолько заставленныхъ всякимъ матеріаломъ, что едва находится мѣсто для мастера, который принужденъ писать икону въ самомъ неудобномъ положеніи. Тяжелый воздухъ этихъ мастерскихъ пропитанъ запахомъ клея, красокъ, испорченной олифы, а между тѣмъ мастера и ученики проводятъ въ нихъ за работой до 15 часовъ въ сутки. Обрисовавъ пріемы работы и высказавъ убѣжденіе, что раздѣленіе труда въ иконописныхъ селахъ (грунтовщики, чеканщики, «доличники»—рисующіе фигуру до лица и т. д.) объясняется не традиціями, унаслѣдованными отъ старины, а исключительно необходимостью удешевить продажу иконъ, Н. П. Кондаковъ демонстрировалъ рядъ образцовъ различныхъ типовъ иконъ, при чемъ отмѣчалъ, сколько стоитъ матеріалъ для той или другой иконы (изъ ольхи доска до 3 коп., изъ кипариса до 30 коп.), сколько работа (отъ 7 до 40 коп.), сколько прибыли получаетъ при продажѣ хозяинъ мастерской (болѣе того, что стоитъ работа,—отъ 10 коп. и выше на икону) и сколько офеня (почти столько же, что стоитъ весь забранный имъ и вывезенный товаръ, т. е. 100%). Между прочимъ были представлены и худшіе образчики фольжной (уборной подъ фольгу) работы, чтобы показать, до чего упало производство. Какъ ни тяжелы условія иконописной работы въ упомянутыхъ селахъ, все же эта работа, по мнѣнію докладчика, имѣетъ характеръ искусства, и нельзя не видѣть, что мастера любятъ свое дѣло и работаютъ во все свое знаніе безъ всякаго желанія отдѣлаться поскорѣе отъ работы. Каждая мастерская практикуетъ не одинъ родъ или мотивъ, а нѣсколько и можетъ исполнить икону «подъ строгановское письмо», подъ «фряжское», «съ чеканкой» и т. п. Характеризовать всѣ пошибы, которыми пишутся иконы, трудно, потому что наблюдается много смѣшанныхъ типовъ, но наиболѣе употребительны слѣдующіе: 1) подстаринный, 2) деражскій и московскій, 3) «подъ строгановское письмо». Въ самое послѣднее время на иконописное мастерство обрушилась новая тяжесть, которая грозитъ, если не за-

давить его совѣмъ, то поставить въ еще худшія, чѣмъ до сихъ поръ условія: это конкуренція съ московской фирмой Жако и Бонакеръ, которая печатаетъ иконы на жести. И въ самыхъ иконописныхъ селахъ вынуждены принимать заказы на иконы особаго пошиба: «подъ Жако», чтобы эти иконы не разнились отъ жестяныхъ, продаваемыхъ громадными партіями въ наиболѣе привлекающихъ паломниковъ обителяхъ. Переходъ въ иконописномъ дѣлѣ къ машинному производству, по мнѣнію докладчика, несомнѣнное паденіе, шагъ къ гибели иконописи, какъ искусства. Легко представить себѣ, насколько нежелательно поощреніе машинныхъ издѣлій въ такой области, гдѣ искусство, хотя бы слабое, примитивно-народное, одно оживляетъ и одухотворяетъ священное изображеніе. Никакая цензура надъ такими машинными издѣліями не спасетъ иконописъ отъ конечнаго уродованія древнихъ типовъ. Вообще, по убѣжденію докладчика, положеніе иконописныхъ селъ въ настоящее время угасаетъ, что имъ необходимо прийти на помощь. Н. П. Кондаковъ высказался за необходимость открыть въ иконописныхъ селахъ школы, гдѣ выучивали бы рисунку и гдѣ преподавали бы Законъ Божій и русскій языкъ. При этихъ школахъ ученики старшихъ классовъ должны формироваться въ артели которымъ енархія могла бы поручать росписи сельскихъ и городскихъ церквей. Именно теперь русская церковная живопись является въ рядѣ высокихъ произведеній, всѣмъ извѣстныхъ, В. М. Васнецова, связавшаго современные художественныя приемы и русскую старину въ одно живое цѣлое, и именно теперь стало возможно руководство для будущихъ народныхъ художественныхъ школъ. Рисовальная школа иконописи можетъ быть въ Россіи наиболѣе практичнымъ, жизненнымъ и вмѣстѣ исторически-естественнымъ типомъ желательныхъ нынѣ «художественно-промышленныхъ школъ», особенно если вмѣстѣ съ иконописцами тамъ будутъ учиться и работать артели чеканщиковъ, финифтчиковъ, позолотчиковъ, стѣнниковъ,—мастеровъ тѣхъ видовъ мастерства, какіе доселѣ можно видѣть въ упомянутыхъ иконописныхъ селахъ.

Русское библиографическое общество. Изъ прочитаннаго на годичномъ засѣданіи 7 декабря отчета видно, что общество насчитываетъ въ своемъ составѣ 72 члена. Средства общества очень ограничены и къ концу года составляли лишь 42 рубля. Предсѣдатель общества профессоръ А. И. Кирпичниковъ сдѣлалъ сообщеніе о значеніи открытія Іоанна Гуттенберга. Собраніе закончилось выборами нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Кандидатомъ къ секретарю избранъ Д. В. Байковъ, кандидатомъ къ казначею В. И. Безсоновъ и кандидатомъ къ бібліотекарю—И. П. Никольскій.

Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. 30 ноября состоялось подъ предсѣдательствомъ И. Θ. Миллера публичное засѣданіе отдѣла. А. В. Марковъ прочелъ сообщеніе «Характеръ русскихъ былинъ и ихъ исполненіе». За послѣднее время,—замѣтилъ докладчикъ,—во взглядахъ на народное творчество замѣчается огромный переворотъ: то, что во время оно называли простонароднымъ и грубымъ, то теперь считается національнымъ и художественнымъ. Народныя пѣсни служатъ источникомъ, изъ котораго черпали вдохновеніе для своихъ произведеній Бородинъ, Римскій-Корсаковъ и еще раньше Глинка и Даргомыжскій. Народныя

пѣсни записываются, собираются и издаются; меньше извѣстны до сихъ поръ былины, которыхъ записано сравнительно немного. Наиболѣе богатымъ источникомъ былинь, какъ и вообще народнаго творчества, является Олонецкая губернія и вообще весь сѣверный край. Первымъ открылъ былинные родники Олонецкой губ. извѣстный этнографъ Рыбниковъ (1859—1867). Затѣмъ собрали много былинь и пѣсенъ (300) Гильфердингъ и другіе, въ томъ числѣ и самъ докладчикъ, записавшій тамъ до 30-ти былинь, напѣвы которыхъ по его устной передачѣ были затѣмъ записаны и гармонизированы гг. Паскаловымъ и Масловымъ. Средняя Россія, по замѣчанію докладчика, являлась для сохранения былинь неблагодарной почвой: типъ свободнаго независимаго богатыря здѣсь мало былъ понятенъ народу, такъ какъ крѣпостное право пустило именно здѣсь наиболѣе крѣпкіе корни (въ противоположность сѣверо-западу Россіи и областямъ Дона, Урала, Кубани). Да и на сѣверѣ былина въ наше время понемногу вымираетъ, число «сказителей» уменьшается, и потому интеллигенція теперь больше чѣмъ когда либо должна позаботиться о записи и сохраненіи этихъ драгоценныхъ остатковъ народнаго творчества. Послѣ доклада г. Маркова были исполнены образцы былинь г-жей Трейтеръ и г. Лосевымъ. Поясненіе къ музыкальному исполненію русскихъ былинь давалъ товарищъ председателя Н. А. Янчукъ, при чемъ передъ исполненіемъ былины пѣз сборника Т. И. Филиппова онъ указалъ на заслуги покойнаго въ дѣлѣ собиранія русскихъ народныхъ пѣсенъ, выразившіяся, между прочимъ, въ организациі ежегодныхъ экспедицій съ этою цѣлью на высочайшее дарованныя средства, и наполнилъ присутствующимъ о томъ, что день засѣданія совпалъ съ годовщиною смерти покойнаго Т. И. Филиппова. Н. А. Янчукъ выразилъ также сожалѣніе о томъ, что дѣло собиранія перловъ русской музыки, пропадающихъ безслѣдно, мало находитъ сочувствія въ Москвѣ, хранительницѣ русской старины, и что здѣсь не находится средствъ для снаряженія специальныхъ экспедицій съ этою цѣлью. Вторая часть засѣданія была посвящена еврейскимъ народнымъ пѣснямъ. П. С. Марекъ въ подробномъ очеркѣ представилъ содержаніе цѣлаго ряда пѣсенъ—колыбельныхъ, свадебныхъ, семейныхъ, солдатскихъ и другихъ (записано 600 пѣсенъ), относящихся главнымъ образомъ ко времени до середины XIX вѣка и отражающихъ въ себѣ различныя стороны народной жизни, замкнутой и проникнутой строго религіознымъ характеромъ. Реформы Александра II внесли новую струю въ содержаніе народной жизни, а за ней и въ пѣсни. Ю. Д. Энгель представилъ музыкальную характеристику пѣсенъ на основаніи 60 записей. Докладчикъ находитъ въ еврейской пѣснѣ рядомъ съ современнымъ мажоромъ и миноромъ широкое примѣненіе старинныхъ ладовъ эолійскаго, фригійскаго и др., а также нѣкоторыя чисто-восточныя черты. Затѣмъ г-жа Шпигель, г. Лосевъ, Лескесъ, Шенелевскій исполнили образцы еврейскихъ мелодій, гармонизированныхъ Ю. Д. Энгелемъ. Собравшаяся многочисленная публика наградила лекторовъ и исполнителей громкими рукоплесканіями. Во время засѣданія отъ извѣстнаго знатока народной музыки и изслѣдователя въ области гармоніи и акустики Сокальскаго и его семьи была получена изъ Кишинева на имя председателя телеграмма съ выраженіемъ сочувствія дѣятельности музыкально-этнографической комиссіи на процвѣтаніе русской народной музыки.

Географическое общество. I. 29-го ноября, подъ предѣдательствомъ И. В. Мушкетова, въ засѣданіи по отдѣленію географіи математической и физической, баронъ Н. В. Каульбарсъ сдѣлалъ сообщеніе: «Объ озахъ скандинавскаго ледяного періода». Барономъ Каульбарсомъ сдѣлано крайне тщательное и подробное изслѣдованіе озъ (особыхъ холмистыхъ гребней) въ Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ. Мы, встрѣчая въ упомянутыхъ мѣстностяхъ на каждомъ шагу ряды холмовъ, не придаемъ имъ обыкновенно значенія, а между тѣмъ они очень интересны по своему строенію и происхожденію. Всѣ они идутъ по направленію къ сѣверу и сѣверо-востоку, иногда очень узки до $1\frac{1}{2}$ сажени и круты въ своихъ склонахъ до 70° , геологически они состоятъ изъ рѣчныхъ наносовъ—глыбъ и камней, на нѣкоторыхъ изъ нихъ лежатъ озера; существуютъ различныя теоріи образованія этихъ озъ, но въ одномъ всѣ соглашаются, что они ледниковаго періода; послѣднія путешествія и изслѣдованія (наблюденія герцога Абрудскаго въ Аляскѣ) привели къ заключенію, что озы—суть наносы просачивающихся подъ ледъ и образующихъ подъ нимъ тунели рѣкъ; вся южная Финляндія испещрена озами и образовавшимися среди нихъ озерами, идущими въ нормальномъ направленіи (на сѣверъ и сѣверо-востокъ), въ какомъ спускались и льды. Самыя живописныя и характерныя озы Финляндіи находятся около станціи Перкіярви вокругъ озера Молеярви. Въ общемъ финляндскія озы завалены моренами всевозможныхъ образованій, озы же прибалтійскія гораздо тише и рѣже по выдѣленію: тамъ они достигаютъ до 60-ти верстъ длины, густы по своему расположенію и во многихъ случаяхъ могутъ имѣть стратегическое значеніе. Въ томъ же засѣданіи А. И. Варнекъ сдѣлалъ докладъ «О распредѣленіи льдовъ и условій плаванія на морскомъ пути въ Сибирь». Путь этотъ крайне важенъ, но въ то же время и очень труденъ, благодаря скопленію льдовъ; самой тяжелой частью пути является Карское море и проливы, соединяющіе его съ Ледовитымъ океаномъ. Докладчикъ увѣренъ, что въ движеніи льдовъ въ Карскомъ морѣ существуетъ правильность; пароходы до сихъ поръ избирали и избираютъ преимущественно путь преимущественно на Югорскій Шаръ; выборъ такого исключительнаго направленія неоснователенъ. Условія плаванія въ сѣверныхъ широтахъ, въ водахъ Новой Земли не хуже условій плаванія южныхъ проливовъ: условія образованія льдовъ—температура, направленіе вѣтровъ и процентъ солености воды—въ южныхъ широтахъ также болѣе благоприятны. Путь вокругъ Новой Земли длиннѣе всего на двое сутокъ, въ пользу его говоритъ и такой фактъ, что подъ рядъ пять послѣднихъ лѣтъ онъ былъ свободенъ отъ льда. Норвежскіе промышленники съ 1869 года въ продолженіе (достоверныхъ по свѣдѣніямъ) 13 лѣтъ плавали у сѣверныхъ береговъ Новой Земли; температура воды въ сѣверной части Карскаго моря, благодаря Оби и Енисею, а также Гольфстрему, выше температуры южной части. Важность наблюденій распредѣленія льдовъ несомнѣнна, необходимо въ этомъ направленіи продолжать собирать статистическія свѣдѣнія, а также производить промѣры; было бы полезно въ теченіе іюля, августа и сентября дѣлать обслѣдованіе возлѣ Ново-земельскихъ проливовъ. Для этого нужно предназначить крѣпкій пароходъ, приблизительно въ 1.500 тоннъ, скоростью $11\frac{1}{2}$ узловъ въ часъ, который бы ежегодно могъ

обходить Карское море, на что потребуются не болѣе $9\frac{1}{2}$ дней; не долженъ быть оставленъ безъ вниманія и путь вокругъ Новой Земли. Что касается желѣзной дороги, долженствующей соединить Обь съ какимъ нибудь пунктомъ близъ Югорскаго Шара, то докладчикъ такое ея направленіе считаетъ нерациональнымъ, ибо море на всемъ протяженіи береговъ Югорскаго Шара, вплоть до Печоры, неблагопріятно для выбора гавани. Онъ считаетъ, что выгоднѣе вести дорогу прямо къ устью Печоры. II. Въ метеорологической комиссіи 21-го декабря лейтенантъ И. И. Ислямовъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о метеорологическихъ и гидрологическихъ наблюденіяхъ на ледаколѣ «Ермакъ» въ 1899 году, во время плаванія его въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Главнѣйшіе выводы этого сообщенія сводятся къ тому, что многодневный ледъ достигаетъ толщины 7 футовъ; толщина же ледяныхъ полей не превосходитъ 10—14 футовъ, при чемъ весьма часто такой ледъ имѣетъ прослойку изъ воды или снѣга. Торосы, то-есть нагроможденія надъ водою не выше 2—рѣдко 3 сажени, подъ водою же идутъ на глубину 5—7 сажень, что опредѣлялось вполнѣ точно трубками отъ лота Томсона. Размѣры льдинъ весьма различны и колеблются отъ нѣсколькихъ сажень до версты въ поперечникѣ. Ледъ постоянно находится въ движеніи, хотя свободнаго пространства немного, не болѣе 10%. Средняя суточная температура 0° (нѣсколько сотыхъ градуса выше 0); наименьшая температура въ полночь— $0,2$, наибольшая въ полдень $-0,2^{\circ}$. Температура воды на большой глубинѣ— 1° , ближе къ поверхности— 2° , у самой поверхности ниже нуля, при чемъ вода до нѣкоторой глубины перемѣшана и находится въ неустойчивомъ равновѣсіи, что доказывается одинаковостью удѣльныхъ ея вѣсовъ. Вполнѣ ясные дни рѣдки; часто идетъ снѣгъ или дождь. Преобладающіе вѣтры сѣверные; сила вѣтровъ невелика. Сообщеніе г. Ислямова было иллюстрировано туманными картинками и интересными снимками кинематографа. Послѣ г. Ислямова сдѣлалъ сообщеніе о теченіяхъ въ Керченскомъ проливѣ г. Лойндисъ, показавшій зависимость между теченіемъ и вѣтрами лѣтомъ. Кромѣ силы теченія, г. Лойндисъ измѣрялъ температуру и плотность воды и скорость и направленіе вѣтра. Теченіе на поверхности почти всегда идетъ изъ Азовскаго моря, благодаря большому притоку прѣсныхъ водъ, и отчасти уравнивается подводнымъ теченіемъ изъ Чернаго моря. Въ самой узкой части пролива докладчикъ измѣрилъ глубину въ 42 фута, тогда какъ наибольшая глубина по существующимъ картамъ не должна превосходить 36 футовъ. Вѣроятно, такая глубина образовалась отъ размывающаго дѣйствія подводнаго теченія.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. 7-го декабря, за болѣзнь графа И. И. Толстого председательствовалъ В. В. Сабанинъ, который довелъ до свѣдѣнія общаго собранія о смерти одного изъ дѣятельныхъ членовъ общества, Грюнберга, и предложилъ почтить память его вставаніемъ. Затѣмъ председатель заявилъ, что акціонерное товарищество словолитни О. И. Лемана предложило въ распоряженіе общества на 3 года прекрасное помѣщеніе въ своемъ новомъ домѣ, гдѣ будетъ устроена бібліотека для членовъ и постоянная выставка образцовъ печатныхъ работъ. Общее собраніе благодарило представителя фирмы І. І. Лемана за этотъ даръ. На меблировку помѣщенія пожертво-

вали гг. Вилліе, Прошеръ и Вильборгъ по 100 рублей. Остальную сумму добавить общество. Большую часть засѣданія заняло обсужденіе проекта устава общества взаимнаго кредита дѣятелей печатнаго дѣла и преимущественно § 1-го, въ которомъ сказано: «Общество взаимнаго кредита дѣятелей печатнаго дѣла учреждается съ цѣлью доставлять членамъ русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла необходимые для ихъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ капиталы». Послѣ долгихъ преній общее собраніе постановило: общество взаимнаго кредита должно быть учреждено не для однихъ членовъ Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла, какъ предполагала комиссія, выработавшая проектъ устава, а вообще для всѣхъ лицъ, работающихъ въ области печатнаго дѣла, не исключая и литераторовъ. Обсужденіе остальныхъ параграфовъ устава отложено за позднимъ временемъ до слѣдующаго общаго собранія. За отказомъ А. Н. Кремлева отъ секретарскихъ обязанностей, собраніемъ выбранъ А. П. Шуговъ. Въ дѣйствительные члены общества выбраны: П. П. Базловъ, Г. Р. фонъ-Витте, Н. Н. Дрейеръ, М. Н. Залшунинъ, А. А. Казначеевъ, графиня Н. Ѳ. Карлова, Г. Ф. Кербакъ, О. Ф. Кирхнеръ, Ф. С. Комарскій, Л. К. Лейхманъ, А. Э. Мюнстеръ, Ф. С. Ольшевскій, А. В. Печаткинъ, С. М. Прокудинъ-Горскій, А. А. Слѣщовъ, Н. Н. Соколовъ. Избрана комиссія по изданію бюллетеней, въ которыхъ будутъ сообщаться свѣдѣнія изъ области печатнаго дѣла, и по организаціи бесѣдъ. На изданіе бюллетеней неизвѣстнымъ пожертвовано 300 рублей.

НЕКРОЛОГИ.

ОНДАРЕНКО, В. А. Въ декабрь 1900 г. скончался одинъ изъ талантливыхъ русскихъ художниковъ, Владимиръ Архиповичъ Бондаренко. Умеръ онъ на 31 году отъ чахотки легкихъ. Покойный—уроженецъ Малороссіи—занимался въ академіи художествъ подъ руководствомъ профессора Киселева пейзажною живописью. По окончаніи академическаго курса онъ написалъ рядъ полотенъ, большинство которыхъ появлялись впервые на академическихъ выставкахъ. Изъ нихъ назовемъ «Утро съ лѣсу». Покойный долго жилъ въ Валаамскомъ монастырѣ и привезъ оттуда серію картинъ монастырскихъ мѣстностей и монастырскаго быта.

† **Пресвященный Владимиръ.** Недавно скончался въ Нижнемъ Новгородѣ отъ удара пресвященный Владимиръ, епископъ нижегородскій и арзамасскій. Покойный (въ мѣрѣ Василій Степановичъ Никольскій) родился въ 1829 году, образованіе получилъ въ курской семинаріи. Начавъ свою пастырскую дѣятельность священникомъ, онъ вскорѣ овдовѣлъ, 28 лѣтъ отъ роду постригся въ монахи и поступилъ въ С.-Петербургскую духовную академію, курсъ которой кончилъ со степенью магистра богословія. Затѣмъ о. Владимиръ былъ инспекторомъ Казанской духовной семинаріи, читалъ педагогику въ Казанской духовной академіи и былъ инспекторомъ этой академіи. Покойный

пользовался извѣстностью, какъ одинъ изъ видныхъ духовныхъ дѣятелей. Онъ былъ горячимъ поборникомъ распространенія духовнаго просвѣщенія путемъ увеличенія школъ и въ теченіе всей своей жизни подавалъ примѣръ благотворнаго труда на поприщѣ церковнаго служенія. Послѣднія 25 лѣтъ почившій владыко былъ епископомъ сперва брестскимъ и ковенскимъ, затѣмъ калужскимъ, пермскимъ и съ 1892 г. нижегородскимъ и всюду внутреннее духовное развитіе паствы выдвигалъ на первое мѣсто. Благодаря его трудамъ и заботамъ, открыто въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько сотенъ новыхъ церковно-приходскихъ школъ, возникло братство св. Стефана Пермскаго для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ, учредилось нѣсколько новыхъ благотворительныхъ обществъ и учреждений. Среди паствы управляемыхъ покойнымъ епархій онъ пользовался почетомъ и симпатіями.

† **Гіероглифовъ, А. С.** 29-го декабря, скончался въ Царскомъ Селѣ отъ ослабленія сердечной дѣятельности одинъ изъ старѣйшихъ журналистовъ-публицистовъ Александръ Степановичъ Гіероглифовъ. Имя покойнаго появилось въ русской журналистикѣ въ концѣ 50-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ было тѣсно связано съ цѣлымъ рядомъ періодическихъ изданій, большинство которыхъ давно уже прекратило свое существованіе. Отличаясь замѣчательною предприимчивостью и энергіей, покойный являлся въ то же время патриотомъ-идеалистомъ, горячо ратовавшимъ въ подготовительную эпоху освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости за идеи свободы, равенства и служенія народу. Непокупно честный, при полной независимости своихъ взглядовъ и мнѣній, онъ сохранилъ отпечатокъ шестидесятыхъ годовъ до послѣдняго дня своей жизни. Въ 1860 г. покойный принялъ на себя редактированіе газеты «Русскій Міръ» Ѳ. Т. Стелловскаго и сумѣлъ сосредоточить въ газетѣ лучшія наличныя силы тогдашней журналистики. Въ «Русскомъ Мірѣ» участвовали при немъ Ѳ. М. Достоевскій, А. Ѳ. Писемскій, В. В. Крестовскій, Ал. А. Григорьевъ и другія, а также начали свою литературную дѣятельность С. Н. Шубинскій и С. Н. Тершигоревъ (Атава). При «Русскомъ Мірѣ» издавались музыкальныя приложенія и сатирическій журналъ «Гудокъ», подъ редакціей Д. Д. Минаева, возникшій по идеѣ покойнаго А. С. Послѣ прекращенія этихъ изданій вслѣдствіе ссоры покойнаго съ издателемъ, А. С. работалъ въ «Голосѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ». Затѣмъ онъ приобрѣлъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Базуновымъ иллюстрированный журналъ «Пчелу» и издавалъ ее въ теченіе 1875—1876 гг. Онъ попрежнему собралъ вокругъ себя кружокъ талантливыхъ людей, между прочимъ привлекъ къ постоянному сотрудничеству М. О. Микѣшина, А. В. Прахова, В. Г. Авѣнко, М. М. Пванова и другихъ. Ему принадлежитъ идея иллюстрировать «Мертвыя души» Гоголя, и рисунки Гоголевскихъ типовъ Боклевскаго, впервые напечатанные въ «Пчелѣ», были изданы имъ отдѣльнымъ альбомомъ. Въ журнальномъ мірѣ покойный пользовался большими сим-

патіями; онъ былъ постояннымъ участникомъ литературныхъ вечеровъ графа Кушелева-Безбородко, на которые собирались наиболѣе талантливые журналисты. Онъ былъ особенно близокъ съ Н. Н. Страховымъ, совместно съ которымъ издалъ нѣсколько серьезныхъ переводныхъ сочиненій по исторіи, философіи и психологіи. Изъ нихъ назовемъ Ранке «Римскіе папы», Тэна «Объ умѣ и познаніи», Финделя «Исторія франмасонства» и другія. Въ 1881 г. покойный началъ издавать газету «Гласность», но она была приостановлена на 22-мъ номерѣ вслѣдствіе рѣзкости передовыхъ статей, писанныхъ А. С. Покойный одно время издавалъ «Журналъ Охоты», затѣмъ въ 1878 году предпринялъ вмѣстѣ съ профессоромъ А. П. Доброславиннымъ изданіе журнала «Здоровье», сдѣлавшагося вскорѣ органомъ общества охраненія народнаго здравія. А. С. выступилъ на литературное поприще вскорѣ по окончаніи курса въ Пензенской гимназіи. Большія и разнообразныя познанія приобрѣтены имъ путемъ чтенія и самостоятельнаго изученія интересовавшихъ его наукъ. Горячій интересъ къ знаніямъ не покинулъ покойнаго до конца его жизни. Умеръ А. С. на 76-мъ году отъ роду, завѣщавъ похоронить себя какъ можно проще.

† **Гурко, І. В.** 15-го января, въ своемъ родовомъ имѣніи въ Тверской губерніи, скончался герой послѣдней русско-турецкой войны, членъ государственнаго совѣта, генераль-фельдмаршалъ Іосифъ Владимировичъ Гурко. Покойный родился въ 1828 году, воспитывался въ нажескомъ его величества корпусѣ, по окончаніи курса котораго, въ 1846 году, выпущенъ на службу корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій (нынѣ его величества) полкъ. Въ 1849 году, во время венгерской кампаніи, находился въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ имперіи. Съ 1855 по 1856 годъ былъ послѣдовательно прикомандировываемъ во фронтъ къ образцовому пѣхотному полку и генераль-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго полку. Въ концѣ 1856 года переводится обратно въ лейбъ-гвардіи гусарскій его величества полкъ и вскорѣ принимаетъ въ командованіе эскадронъ. Въ 1860 г. назначается флигель-адъютантомъ къ императору Александру II-му, а черезъ два года зачисляется въ свиту его величества. Въ 1866 году назначенъ командиромъ 4-го гусарскаго мариупольскаго полка, а въ слѣдующемъ году, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генераль-майоры, съ назначеніемъ въ свиту его величества.

Съ 1869 года, въ теченіе пяти лѣтъ командовалъ лейбъ-гвардіи конно-гренадерскимъ полкомъ, а затѣмъ назначается командиромъ первой бригады 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи. Въ 1875 году занимаетъ постъ командующаго 2-ю гвардейской кавалерійской дивизіею, а въ слѣдующемъ году производится въ генераль-лейтенанты и утверждается въ этой должности. 15-го іюня 1877 года І. В. командирруется въ дѣйствующую армію, и съ этого

времени начинается рядъ геройскихъ подвиговъ почившаго фельдмаршала, который становится однимъ изъ выдающихся дѣятелей минувшей войны. Съ именемъ І. В. связаны: переправа нашихъ войскъ черезъ Дунай у Систова, взятіе Тырнова, занятіе переходовъ черезъ Балканы: Хаинкіойскаго, который турки считали непроходимымъ для войскъ, и Шипкинскаго. Командуя передовымъ отрядомъ, Гурко разбилъ турокъ подъ Уфландами, Казанлыкомъ, Енизагрою и Джуранли, овладѣлъ непріятельскими укрѣпленіями при Горномъ Дубникѣ и Телишѣ и совершилъ зимній переходъ черезъ Балканы. Къ числу другихъ военныхъ подвиговъ Гурко относятся сраженіе при Ташкисенѣ, трехдневные бои подъ Филиппополемъ и, наконецъ, энергичное преслѣдованіе разбитой непріятельской арміи до Адрианополя. При осадѣ Плевны І. В. былъ сначала начальникомъ кавалеріи запаснаго отряда, а затѣмъ начальникомъ войскъ гвардіи.

При окончаніи войны былъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, назначенъ генераль-адъютантомъ, помощникомъ августѣйшаго главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военного округа, а затѣмъ с.-петербургскимъ временнымъ генераль-губернаторомъ съ особыми полномочіями; въ 1882 году—получаетъ назначеніе на постъ временнаго одесскаго генераль-губернатора и командующаго войсками одесскаго военного округа, а въ слѣдующемъ году занимаетъ постъ варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военного округа. 6-го декабря 1894 года Гурко, произведенный въ генераль-фельдмаршалы, уволенъ отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи генераль-адъютанта. Не менѣе боевой является выдающейся административная дѣятельность покойнаго, въ особенности въ бытность его варшавскимъ генераль-губернаторомъ: имъ былъ положенъ предѣлъ нѣмецкой колонизаціи въ Привислянскомъ краѣ, мѣстныя учрежденія, сохранивъ свою обособленность, преобразованы, изъята изъ обращенія мелкая монета мѣстнаго чекана, упразднены устарѣлыя мѣры и вѣсы, сдѣлано обязательнымъ употребленіе государственнаго языка въ общественныхъ учрежденіяхъ и проч.

† **Даценко, В. А.** Въ Николаевѣ скончался 2-го января мѣстный городской голова, Василій Андреевичъ Даценко, принадлежавшій къ виднымъ провинціальнымъ дѣятелямъ. Покойный родился въ Севастополѣ. По окончаніи курса со званіемъ инженеръ-механика, онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ служилъ во флотѣ въ составѣ Черноморской эскадры и завѣдывалъ Николаевскимъ морскимъ юнкерскимъ училищемъ. Въ училищѣ онъ преподавалъ математику. Когда училище закрылось, В. А. вышелъ въ отставку и посвятилъ свои силы общественной дѣятельности. Во время морской службы ему была поручена постройка самаго большого маяка въ Одессѣ, извѣстнаго подъ именемъ

«Большого фонтана». Эта постройка, а также установка на маякѣ электрическаго освѣщенія удалась ему вполне и сдѣлали имя его извѣстнымъ на Югѣ.

Свою общественную дѣятельность покойный сосредоточилъ въ Николаевѣ, гдѣ онъ былъ сперва членомъ городской управы, затѣмъ въ теченіе четырехлѣтій избирался въ городскіе головы. Городъ Николаевъ обязанъ покойному многимъ. Благодаря его энергій и стараніямъ, въ Николаевѣ возникло нѣсколько механическихъ и судостроительныхъ заводовъ, рѣшено открыть среднее техническое училище, выстроены первоклассный коммерческій портъ, городъ покрылся гранитными мостовыми.

В. А. не былъ чуждъ и журналистики. Онъ сперва дѣятельно сотрудничалъ въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ» А. Н. Юрковскаго, затѣмъ основалъ свою газету «Николаевскій Листокъ», переименованный при передачѣ г. Рюмину въ «Южанинъ». Въ своемъ изданіи покойный являлся главнымъ дѣятелемъ и напечаталъ массу статей по разнымъ вопросамъ, преимущественно по морскому дѣлу. Въ послѣдніе годы онъ писалъ въ «Одесскомъ Листкѣ». Покойному, какъ автору, принадлежить учебникъ ариметики, рекомендованный ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній.

† **Ефремовъ, А. А.** Съ 25-го на 26-е декабря 1900 г. скончался въ Вышнемъ-Волочкѣ Аркадій Александровичъ Ефремовъ. Окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1848 г. по историко-филологическому факультету со степенью кандидата, онъ служилъ въ инспекторскомъ департаментѣ военнаго министерства, отсюда въ 1858 г. перешелъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ и затѣмъ въ удѣльное вѣдомство, гдѣ между прочимъ занималъ должность управляющаго новгородскою удѣльною конторою. Его рассказы и очерки (напримѣръ, «Ненужныя чувства») печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» времени Дудышкина, а нѣкоторыя корреспонденціи изъ поѣздокъ по Россіи были помѣщены въ «Голосѣ» и тамъ же, а равно въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Книжномъ Вѣстникѣ», напечатано нѣсколько библиографическихъ статей. Записанныя имъ въ Новгородской и другихъ губерніяхъ народныя пѣсни были передаваемы имъ Н. Ѳ. Щербинѣ и Т. П. Филипову, его товарищу по Московскому университету.

† **Клементьевъ, Н. Ѳ.** Въ Тифлисѣ недавно скончался Николай Федотовичъ Клементьевъ, производитель картографическихъ работъ, классный военный топографъ. Покойный, поступивъ 13-ти лѣтъ отъ роду на службу топографомъ, болѣе 40 лѣтъ прослужилъ на Кавказѣ и по справедливости считался однимъ изъ знатоковъ его. Во время войны 1877—1878 г. онъ былъ награжденъ за понесенныя имъ труды орденомъ св. Анны 3-й степ. и св. Станислава 2-й степ. съ мечами. Состоя въ распоряженіи генераль-лейтенанта

Геймана, онъ указаль войскамъ путь черезъ Саганлугскій переваль и былъ колонновожатымъ летучаго кавалерійскаго отряда генераль-майора Лорисъ-Меликова при нападеніи на деревню Амъ-Кала. Н. О. издалъ планъ гор. Тифлиса и 40-верстную рельефную карту Кавказа, за которую получаль неоднократно награды на выставкахъ (въ Чикаго, Антверпенѣ и друг.).

† **Левашовъ, И. И.** Въ ночь на 10-е декабря, въ селѣ Разказовѣ, Тамбовской губерніи, скончался послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни членъ совѣта главнаго управленія государственнаго коннозаводства и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Левашовъ. Покойный по окончаніи курса въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицѣе началъ службу при костромскомъ губернаторѣ въ 1855 году и тогда же поступилъ въ вологодское государственное ополченіе, съ которымъ совершилъ походъ до Севастополя. По упраздненіи ополченія, И. И. послѣдовательно занималь должности судебного слѣдователя, мирового посредника, производителя дѣлъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ и участвовалъ во введеніи положенія о крестьянахъ удѣльныхъ, государственныхъ и помѣщичьихъ. Затѣмъ онъ перешель въ министерство государственныхъ имуществъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ. Онъ исполняль обязанности личнаго секретаря при четырехъ министрахъ, завѣдываль кустарною частью министерства и занимался въ комиссіяхъ по самымъ различнымъ предметамъ: о нефтяныхъ земляхъ на Апшеронскомъ полуостровѣ, по коневодству и др. Въ дѣлѣ коневодства онъ считался весьма свѣдущимъ и помѣщаль по этому предмету статьи въ «Журналѣ коннозаводства». Кромѣ того, по особому къ нему довѣрію министровъ, И. И. ежегодно производилъ ревизію управленій государственныхъ имуществъ различныхъ губерній. Съ 1898 года онъ состояль членомъ совѣта главнаго управленія государственнаго коннозаводства.

† **Лисовскій, Д. Л.** 25-го декабря 1900 года скончался чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Дмитрій Львовичъ Лисовскій. Покойный родился въ 1832 году, образованіе получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, курсъ котораго кончилъ по юридическому факультету. Начавъ свою служебную дѣятельность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ 1853 году, онъ не разставался съ этимъ вѣдомствомъ до конца своей жизни; былъ секретаремъ русской миссіи въ Иссахъ, вице-директоромъ азіатскаго департамента, съ 1892 года — чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ. Между прочимъ ему пришлось сопровождать князя Горчакова въ Берлинъ на конгрессъ и редактировать условія мира послѣ русско-турецкой войны, а также быть представителемъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Палестинскомъ обществѣ. Его перу

принадлежит цѣнное исследование «О службѣ и должностныхъ лицахъ въ древней Россіи».

† **Максимовичъ, С. П.** 10-го января, скоропостижно скончался отъ апоплексіи инженеръ Сергѣй Павловичъ Максимовичъ, потрудившійся немало въ дѣлѣ развитія и улучшенія русскихъ торговыхъ портовъ и водяныхъ путей. Многія грандіозныя сооруженія, какъ Морской каналъ, Либавскій портъ, Очковскій портъ и др., устроены С. П. Максимовичемъ совмѣстно съ другимъ извѣстнымъ и здравствующимъ инженеромъ П. А. Борейшей. Въ послѣдніе года С. П., окончивъ съ инженерной практикою, отдался всею душою общественной дѣятельности и былъ однимъ изъ передовыхъ людей, стоявшихъ внѣ партій и личныхъ интересовъ. Состоя гласнымъ с.-петербургской городской думы, С. П. въ то же время былъ и земскимъ гласнымъ въ Тверской губерніи и въ Ярославской, куда онъ недавно еще ѣздилъ на земскія собранія. Особенно любилъ С. П. свою дѣятельность попечителя 10-го школьнаго городского участка, гдѣ онъ надолго оставитъ въ дѣтяхъ память по себѣ, какъ добрый, радушный и искренній человекъ, всегда съ своею женою устраивавшій блестящія елки и морскія прогулки лѣтомъ для дѣтей школъ. Въ прошломъ 1900 году исполнилось двадцатипятилѣтіе инженерной дѣятельности С. П., въ ознаменованіе котораго его бывшими и настоящими служащими, его сотрудниками по уѣзднымъ земствамъ и городской службѣ собранъ былъ капиталъ въ 8.000 р., въ которомъ приняли участіе также учителя и дѣти. Капиталъ переданъ былъ по желанію С. П. въ городскую управу, и теперь основана одна стипендія въ институтѣ путей сообщенія имени С. П. Максимовича. Въ послѣднее время С. П. пожертвовалъ солидную сумму на улучшеніе женской учительской школы тверского земства имени отца своего, Павла Павловича Максимовича, основанной послѣднимъ въ 1872 году въ Твери на свои средства. Унаслѣдовавъ любовь въ школьной дѣятельности отъ отца, Сергѣй Павловичъ съ примѣрной любовью служилъ ей до конца жизни.

† **Мельниковъ, Н. М.** 30-го декабря 1900 г. скончался профессоръ Казанскаго университета Николай Михайловичъ Мельниковъ. Покойный родился 14-го іюля 1840 г. въ Казани. Отецъ его былъ профессоромъ математики. По окончаніи курса сперва въ казанской гимназіи, затѣмъ въ Казанскомъ университетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ, покойный въ качествѣ стипендіата министерства народнаго просвѣщенія уѣхалъ за границу для подготовленія къ профессорскому званію. Будучи еще студентомъ, Н. М. занимался по промислу зоологіей подъ руководствомъ проф. Э. А. Эверсмана и за сочиненіе «О лучшихъ признакахъ для классификаціи птицъ» былъ награжденъ золотой медалью. За границей покойный работалъ у Лейкарта въ Гиссенѣ, у Брюкке, Роллета и Гиртля въ Вѣнѣ и на берегу моря въ Неаполѣ. Вернувшись въ Казань, онъ былъ приглашенъ читать лекціи въ мѣстномъ уни-

верситетѣ въ качествѣ приватъ-доцента, въ 1867 году защитилъ магистерскую диссертацию «Микроскопическія изслѣдованія кипечнаго канала рыбъ», въ 1869 году—докторскую диссертацию «Матеріалы къ ученію объ эмбріональномъ развитіи насѣкомыхъ» и съ 1871 года по день своей кончины занималъ каѳедру зоологіи въ Казанскомъ университетѣ.

Ему принадлежитъ цѣлый рядъ научныхъ сочиненій, посвященныхъ преимущественно изслѣдованію фауны юго-востока Россіи. Изъ нихъ назовемъ «Объ эмбріональномъ развитіи» (1869 года), «Образованіе эндотелия и кровяныхъ тѣлецъ сердца» (1875 года), «Саранча Малмыжскаго уѣзда» (1880 года), «О фаунѣ восточнаго берега Каспійскаго моря и острова Челекена», «О змѣяхъ казанскаго музея, относящихся къ русской фаунѣ», и друг.

† **Никитенко, С. А.** 12-го января скончалась въ Петербургѣ Софья Александровна Никитенко, дочь извѣстнаго въ свое время А. В. Никитенко. Дневникъ Никитенки обязанъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ покойной С. А. Съ рѣдкимъ умѣньемъ и большимъ тактомъ освѣтила она личность своего покойнаго отца, память котораго глубоко чтитъ. С. А. была одарена блестящими способностями. Окончивъ курсъ въ Екатерининскомъ институтѣ съ шифромъ, она посвятила себя изученію иностранныхъ литературъ. Она основательно знала французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки. Переводы покойной отличаются изяществомъ и носятъ отпечатокъ ея тонкаго вкуса. Она сотрудничала много лѣтъ въ «Вѣстникѣ Европы», для котораго переведена ею «Дача на Рейнѣ» Ауэрбаха, въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и «Новомъ Времени». С. А. участвовала и въ трудахъ академіи наукъ, внося въ свою работу рѣдкую добросовѣтность. Перу ея принадлежатъ два изслѣдованія: «Женщины-философы» и «Медики въ Греціи и въ средніе вѣка». Изслѣдованія эти были напечатаны въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и въ «Русской Мысли». Они составлены по матеріаламъ итальянскихъ архивовъ. Къ сожалѣнію, плохое здоровье всю жизнь мѣшало покойной сдѣлать еще многое, что она замышляла и могла по своимъ дарованіямъ.

† **Селифоновъ, Н. Н.** 29-го декабря 1900 г. скончался предсѣдатель департамента духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта статъ-секретарь д. тайн. сов. Николай Николаевичъ Селифоновъ. Покойный принадлежалъ къ числу видныхъ государственныхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ разработкѣ разнообразныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ вѣдомствахъ юстиціи и путей сообщенія. Кромѣ того, Н. Н. извѣстенъ былъ, какъ любитель русской старины, работавшій въ качествѣ предсѣдателя костромской ученой архивной комиссіи надъ архивными изысканіями костромскихъ достопримѣчательностей. Между прочимъ имъ составлено цѣнное историческое изслѣ-

дованіе о домѣ Романовыхъ, а также подробная родословная фамиліи Селпфоновыхъ, родъ которыхъ упоминается въ грамотахъ XV столѣтія. Н. Н. собиралъ коллекцію старинныхъ грамотъ, и его коллекція можетъ считаться одной изъ лучшихъ по рѣдкости экземпляровъ и полнотѣ.

Покойный родился въ 1836 году. По окончаніи курса въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, онъ началъ свою службу въ министерствѣ юстиціи. Благодаря своимъ способностямъ, Н. Н. быстро выдѣлился изъ среды своихъ сослуживцевъ и 33 лѣтъ отъ роду былъ уже помощникомъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, 36 же лѣтъ — товарищемъ министра путей сообщенія и сенаторомъ. Въ качествѣ редактора трудовъ IV отдѣленія департамента министерства юстиціи и начальника этого отдѣленія, затѣмъ начальника отдѣленія канцеляріи комитета министровъ, Н. Н. хорошо ознакомился съ практическимъ разрѣшеніемъ сложныхъ юридическихъ вопросовъ. Занявъ въ 1872 г. постъ товарища министра путей сообщенія, онъ былъ съ 1874 г. по 1880 годъ ближайшимъ помощникомъ К. Н. Посьета въ проведеніи тѣхъ реформъ, которыя были направлены къ развитію судоходства и къ увеличенію и улучшенію желѣзнодорожной сѣти. Онъ принималъ участіе въ пересмотрѣ законовъ о бечевникахъ, обсужденіи вопроса объ улучшеніи волжскихъ гирлъ около Астрахани, разсмотрѣніи проекта сѣти подѣздныхъ путей, а также предсѣдательствовалъ въ комисіи по устройству Мариннекаго воднаго пути. Когда возникалъ Добровольный флотъ, Н. Н. внесъ свой трудъ и въ это дѣло, предсѣдательствуя въ учредительскомъ отдѣленіи организаціоннаго комитета. Уволившись по нездоровью отъ должности товарища министра, покойный принялъ болѣе дѣятельное участіе въ Сенатѣ, работая въ межевомъ департаментѣ. Затѣмъ ему пришлось предсѣдательствовать въ комисіи при министерствѣ путей сообщенія по проектированію новаго устава путей сообщенія и въ комисіи при министерствѣ юстиціи по разсмотрѣнію проекта эмеритальной кассы судебнаго вѣдомства. Въ 1889 году Н. Н. былъ назначенъ первоисутствующимъ въ IV департаментѣ сената, въ 1896 году — членомъ государственнаго совѣта, 1-го января 1900 г. — предсѣдателемъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта. Досуги своей служебной дѣятельности онъ посвящалъ обществу спасанія на водахъ, въ которомъ былъ до прошлаго года товарищемъ предсѣдателя, Малестинскому обществу, въ которомъ былъ вице-президентомъ, обществу ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III, императорскому историческому обществу, а также правовѣдской кассѣ, въ которой былъ предсѣдателемъ. Покойный немало послужилъ и развитію археологическаго института, за что былъ избранъ въ почетные члены института. Умеръ онъ 64 лѣтъ.

† **Соловьевъ, М. И.** Въ ночь съ 7-е на 8-е января въ С.-Петербургѣ скончался членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, бывшій начальникъ главнаго

управленія по дѣламъ печати Михаилъ Петровичъ Соловьевъ. Покойный по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ правъ началъ свою службу въ царствѣ Польскомъ въ комиссіи по устройству крестьянъ, затѣмъ былъ нѣсколько лѣтъ присяжнымъ повѣреннымъ московскаго судебного округа, помощникомъ юрисконсульта военнаго министерства и дѣлопроизводителемъ законодательнаго отдѣла этого министерства.

М. П. былъ извѣстенъ, какъ знатокъ живописи, исторіи искусства и церковныхъ древностей. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ статей по вопросамъ искусства и политики, появившихся въ разное время: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Изыщныхъ Искусствъ», «Русскомъ Обзорѣніи», «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и другихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ послѣдніе годы онъ редактировалъ «Сообщенія» императорскаго Палестинскаго общества. Болѣе подробныя статьи по исторіи искусства были напечатаны покойнымъ въ «Вѣстникѣ Изыщныхъ Искусствъ», издававшемся академіей художествъ, подъ редакціей А. И. Сомова. Изъ нихъ назовемъ слѣдующія: «Христіанское искусство до эпохи иконоборцевъ» (1883 г.), «Фра-Джованни Фьезольскій» (1884 г.), «Мозаика на Западѣ и въ Россіи», «Исторія итальянскаго искусства въ эпоху Возрожденія» (1885 г.), «Микель-Анджело» (1886 г.), «Рѣзной деревянный крестъ» (1887 г.), «Джотто-ди-Бондоне» (1888 г.), «Живопись въ XIX столѣтіи» (1889 г.). Въ послѣднее время литературная дѣятельность г. Соловьева сосредоточивалась въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ онъ около 20 лѣтъ печаталъ свои фельетоны о русскомъ искусствѣ, въ «Сообщеніяхъ Палестинскаго общества» и «Русскомъ Обзорѣніи». Въ послѣднемъ журналѣ были напечатаны слѣдующія работы М. П.: «Ветхозавѣтный храмъ» (1891 г.), «Очерки Абиссиніи» (1894 г.), «По Святой Землѣ» (1891 г.), «Письма изъ Италіи», рядъ ежегодныхъ обзорѣній русскаго искусства и библиографическихъ замѣтокъ. Академія наукъ избрала его, какъ знатока изящныхъ искусствъ, рецензентомъ извѣстныхъ трудовъ Н. М. Благовѣщенскаго «Греческая пластика» и покойнаго А. В. Вышеславцева «Біографія Рафаэля». Академія художествъ присудила покойному званіе почетнаго вольнаго общника за его акварели къ тексту Евангелія. Во главѣ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. находился съ іюля 1896 г. по декабрь 1899 г.

† **Туниковъ, Н. М.** 29-го декабря 1900 г. въ городѣ Ялтѣ скончался отъ чахотки 32 лѣтъ отъ роду преподаватель мѣстной женской гимназіи Николай Михайловичъ Туниковъ. По окончаніи курса во 2-й с.-петербургской гимназіи, Н. М. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ на словесное отдѣленіе. Въ 1892 году, по окончаніи курса, онъ былъ оставленъ при университетѣ профессоромъ А. И. Соболевскимъ по кафедрѣ русскаго языка для приготовленія къ профессурѣ. Въ 1894 г. онъ

сдалъ магистерскій экзамень и сталъ готовиться къ защитѣ магистерской диссертации, но чрезмѣрно усиленные занятія на педагогическомъ поприщѣ, куда онъ вступилъ тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, окончательно подорвали его слабое вообще здоровье, и безъ того уже надломленное восьмилѣтнимъ гимназическимъ курсомъ, который онъ прошелъ, все время идя первымъ ученикомъ. Въ 1897 году ясно опредѣлилась его болѣзнь, и по предписанію врачей онъ долженъ былъ немедленно уѣхать въ Ялту, откуда уже и не суждено было ему вернуться въ свою дружескую среду, оставленную имъ въ Петербургѣ. Имя покойнаго небезызвѣстно и въ наукѣ.

Перу его принадлежатъ нѣсколько изслѣдованій изъ области древней и новой литературы. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» было напечатано его обстоятельное изслѣдованіе о литературныхъ трудахъ царевича Ивана Ивановича; въ одномъ изъ имѣющихъ въ скоромъ времени выйти выпускѣвъ «Памятниковъ древней письменности» будетъ помѣщено его изслѣдованіе о Никодимовомъ Евангеліи; въ «Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ» и въ изданіи С. А. Венгерова «Русская поэзія» были напечатаны двѣ его работы: одна—посвященная обзору литературной дѣятельности Веревкина, другая—Аблесимова. Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ журналахъ «Живая Старина», «Библиографъ», Русскомъ историческомъ словарѣ и въ большомъ Энциклопедическомъ словарѣ Ефрона.

Большая часть статей, помѣщенныхъ въ вышеупомянутыхъ изданіяхъ, относится къ области древней литературы. Капитальнымъ его трудомъ былъ словарь древнерусскихъ собственныхъ именъ, представленный имъ еще на VI курсѣ въ университетѣ на соисканіе медали и увѣнчанный золотою медалью, а въ исправленномъ и дополненномъ видѣ увѣнчанный императорскою академіею наукъ Ломоносовскою преміею.

† **Шарлемань, А. О.** 13-го января, скончался послѣ продолжительной болѣзни, на 75 году отъ роду, художникъ его величества, профессоръ императорской академіи художествъ, Адольфъ Осиповичъ Шарлемань. А. О. родился 8 декабря 1826 г. и въ 1847 г. поступилъ въ императорскую академію художествъ, гдѣ и окончилъ курсъ по классу батальной живописи профессора Б. П. Виллевалде съ казенной пенсіею для поѣздки за границу. Въ 1858 г. за картину «Послѣдній ночлегъ Суворова въ Швейцаріи» онъ былъ признанъ академикомъ, картина же была приобрѣтена въ собственность государемъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Въ 1867 г. за программную картину «Екатерина II въ мастерской скульптора Фальконета» А. О. получилъ званіе профессора. Съ 1870 г. государь императоръ Александръ Николаевичъ освѣстливлялъ А. О. постоянными заказами, а въ 1875 г. пожаловалъ ему рѣдкое званіе художника его величества. Съ 1870 г. покойный состоялъ художникомъ въ гравировальномъ отдѣленіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бу-

магъ. Въ 1895 году съ рѣдкимъ одушевленіемъ и большой торжественностью петербургскій артистическій міръ отпраздновалъ 50-лѣтній юбилей художественной дѣятельности покойнаго. Въ послѣдніе годы своей жизни А. О. занимался акварелью и рисунками перомъ; послѣдней работой, надъ которой А. О. и скончался, было иллюстрированіе юбилейнаго изданія исторіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Послѣ почившаго художника осталась вдова съ двумя сыновьями, изъ которыхъ младшему 14 лѣтъ.

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ.

Наталья Николаевна Ланская.

На Пушкинской выставкѣ 1899 года, въ Петербургѣ, было выставлено пять портретовъ жены А. С. Пушкина, Натальи Николаевны, рожденной Гончаровой. Изъ этихъ портретовъ одинъ изображалъ ее въ дѣтствѣ, а остальные въ цвѣтущую пору ея жизни. Всѣ они довольно извѣстны, такъ какъ не разъ воспроизводились въ разныхъ иллюстрированныхъ журналахъ и біографіяхъ Пушкина. Надняхъ, черезъ посредство А. Д. Мясоѣдова, мы получили отъ князя Владимира Михайловича Голицына принадлежащую ему фотографію, снятую съ Н. Н. Ланской, въ Ниццѣ, въ 1861 году, за два года до ея кончины. Съ любезнаго разрѣшенія князя В. М. Голицына прилагаемъ къ настоящей книжкѣ нашего журнала этотъ портретъ, воспроизведенный въ гравюрѣ профессоромъ В. В. Матѣ.

Правила о преміи имени А. М. Сибирякова.

1. При Императорскомъ Томскомъ университетѣ учреждена премія изъ 0,0 денегъ съ капитала въ 16.500 рублей, пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ А. М. Сибиряковымъ и хранящагося въ числѣ специальныхъ средствъ Императорскаго Томскаго университета.

2. Въ соисканіи преміи могутъ участвовать оригинальныя на русскомъ языкѣ историческія сочиненія о Сибири, а именно такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ или общую исторію всего края или отдѣльныхъ его частей, а также исторію сибирскихъ племенъ, гражданскаго быта, древностей, промысловъ, просвѣщенія и т. д. Къ соисканію преміи допускаются также и научныя изданія сборниковъ историческихъ документовъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ.

3. Первое присужденіе преміи Томскимъ университетомъ будетъ происходить въ 1901 г. Авторы, желающіе участвовать въ ея соисканіи, должны доставлять свои сочиненія не позже 1-го января того же года въ юридическій факультетъ Императорскаго Томскаго университета.

4. Изъ печатныхъ сочиненій къ соисканію преміи принимаются лишь такія, которыя вышли въ свѣтъ въ теченіе пяти лѣтъ, предшествовавшихъ конкурсному.

5. Рукописныя сочиненія, представляемыя къ соисканію преміи, должны быть написаны четко и чисто. Авторамъ ихъ предоставляется или выставить свое имя на самой рукописи, или скрыть его въ приложенномъ къ ней особомъ пакетѣ, подъ девизомъ.

6. Премія за рукописное сочиненіе выдается автору лишь по представленіи имъ въ юридическій факультетъ экземпляра отпечатаннаго сочиненія.

7. Юридическому факультету Императорскаго Томскаго университета предоставляется право увѣнчивать преміей въ нижеуказанные сроки также сочиненія и не представленныя на конкурсѣ. Сочиненія, представляемыя на соисканіе преміи, могутъ быть передаваемы факультетомъ на разсмотрѣніе специалистовъ по разнымъ историческимъ вопросамъ, не состоящихъ профессорами Томскаго университета.

8. Члены юридическаго факультета, представившіе сочиненіе на конкурсѣ, не участвуютъ въ присужденіи преміи.

9. Право на полученіе преміи имѣетъ лишь авторъ или его наслѣдники, но отнюдь не издатель увѣнчаннаго сочиненія.

10. Размѣръ преміи опредѣляется въ 1000 рублей, половинный размѣръ въ 500 рублей.

11. Если въ назначенный срокъ премія не будетъ присуждена, то накопившіеся проценты присоединяются къ капиталу.

12. Присужденіе преміи производится чрезъ каждые три года юридическимъ факультетомъ Императорскаго Томскаго университета въ теченіе сентября мѣсяца соответствующаго года; постановленіе факультета объявляется на торжественномъ актѣ Томскаго университета 22-го октября того же года.

13. Печатаніе рецензій о сочиненіи, которому присуждается премія, въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ», а также объявленія о конкурсѣ на премію имени Сибирякова производится за счетъ остатковъ отъ процентовъ послѣ присужденіи преміи.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ
ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА

СОЛОВЬЕВА.

(Дополнительный томъ къ „ИСТОРИИ РОССИИ“).

Предлагаемый томъ составляетъ какъ бы продолженіе и дополненіе къ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» того же автора и изданъ въ ея форматѣ.

Содержаніе: Исторія паденія Польши. Императоръ Александръ I. Начала Русской земли. Древняя Россія. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Историческія письма. Восточный вопросъ. Прогрессъ и религія. Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ. Наблюденія надъ историческою жизнью народовъ. Писатели русской исторіи XVIII вѣка. Н. М. Карамзинъ. А. Л. Шлецеръ. Шлецеръ и антиисторическое направленіе.

Дополнительный томъ заключаетъ въ себѣ 51 листъ (808 страницъ) текста, напечатаннаго четкимъ, убористымъ шрифтомъ.

Цѣна 4 р. безъ пересылки, на веленовой бумагѣ 5 р. Въ переплетѣ 5 р.; на веленовой бумагѣ 6 р. Пересылка по разстоянію и вѣсу.

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СЕРГѢЯ МИХАЙЛОВИЧА СОЛОВЬЕВА.

Вышли въ свѣтъ вторымъ изданіемъ всѣ 6 книгъ и 7-я указатель, заключающія въ себѣ всѣ 29 томовъ прежняго изданія. Цѣна 15 р., съ пересылкой 18 р. 50 к. Приобрѣтать можно и съ разсрочкой по подпискѣ. При подпискѣ высылаются 3 р., на остальную сумму будетъ налож. плат.: при высылкѣ съ 1—4 кн. по 3 р., на 5 книгу—3 р. 50 к., а 6-я книга и указатель высылаются бесплатно. Экземпляры на веленовой бумагѣ стоятъ на 10 р. дороже. Имѣются въ продажѣ экземпляры отдѣльныхъ томовъ прежняго изданія ИСТОРИИ РОССИИ и стоятъ по 1 р. 50 к. за томъ, за исключеніемъ IX, XII и XV т., которыхъ нѣтъ. Изготовлены прочныя переплеты, за каждую книгу приплачивается по 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Подписчики Азіатской Россіи и заграничные, получающіе изданіе въ переплетѣ, уплачиваютъ 22 рубля и за пересылку по разстоянію и вѣсу.

Н. ДУБРОВИНЪ

**ИСТОРИЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.**

Три тома, заключающіе 1480 стр. текста съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ товарищества „Общественная Польза“, С.-Петербургъ, Никольскій пер., 8.

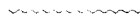
ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ СОЧИНЕНИЕ Н. К. Шильдера.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Съ 25 портретами, видами, планами и факсимиле.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.

Въ полночь Оливье достигъ улицы Роше и, сказавъ привратнику, что его рекомендуетъ Леонаръ, назвалъ себя гражданиномъ Жерменомъ.

— Пожалуйста, дайте мнѣ комнату и прямо проводите меня туда, я очень хочу спать.

Однако онъ не спалъ въ продолженіе всей ночи и тревожно ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Утромъ онъ снялъ подушки и простыни на постели, чтобы не возбудить подозрѣнія, и вышелъ изъ дома, сказавъ привратнику, что онъ отправляется по важному дѣлу. Очутившись на улицѣ, онъ поспѣшно направился къ тюрьмѣ Ла-Бурбъ, какъ называли теперь аббатство Поръ-Рояля.

Вскорѣ онъ достигъ этого громаднаго зданія, въ одномъ изъ флигелей котораго мучились его мать и невѣста. Остановившись передъ красной каменной массой этого зданія, онъ впервые отдалъ себѣ отчетъ въ безнадежности своего предпріятія. Нѣсколько разъ онъ обошелъ вокругъ его, даже не смѣя пристально смотрѣть изъ боязни обратить на себя подозрѣніе.

Наконецъ онъ удалился отъ тюрьмы, ломая себѣ голову, какъ поступить въ такомъ безвыходномъ положеніи. Всѣ лица, которыхъ онъ зналъ въ Парижѣ, или погибли подъ гильотиной или находились въ рядахъ эмиграціи. Онъ вспомнилъ объ англичанинѣ Воганѣ, но не зналъ, гдѣ его искать, и при томъ его могли также арестовать. Потомъ въ головѣ его блеснула мысль пойти въ старый домъ своего дѣда, гдѣ, вѣроятно, еще находился добрый привратникъ Бенуа. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ направленіи этого дома, онъ вспомнилъ, что жилище его дѣда было конфисковано и продано, а слѣдовательно тамъ не могъ находиться Бенуа, къ тому же сосѣди могли его узнать, и эта неосторожная выходка кончилась бы, по всей вѣроятности, его арестомъ.

Побродивъ по городу машинально и безо всякой цѣли, Оливье совершенно машинально очутился въ улицѣ Роше. Онъ вошелъ въ свою комнату, и чувствуя, что у него кружится голова отъ голода, онъ потребовалъ завтракъ. Ему подали два яйца, котлету и фрукты. Яйца онъ жадно съѣлъ, но котлетку не кончилъ, а до фруктовъ не дотронулся. Наконецъ, утомленіе взяло верхъ, и онъ, сидя въ креслѣ, заснулъ.

Когда онъ открылъ глаза, уже было четыре часа. Сожалѣя, что у него пропалъ даромъ день, онъ снова быстро вышелъ на улицу. Но въ снѣгахъ его остановилъ привратникъ и спросилъ:

— Вы дѣйствительно гражданинъ Жерменъ?

— Да.

— Пожалуйте вашъ паспортъ. Вчера ночью я не спросилъ у васъ ничего, потому что было поздно.

— У меня нѣтъ при себѣ паспорта. Онъ остался за городомъ.

— Вы можете достать новый въ полицейскомъ участкѣ, но намъ нельзя васъ держать безъ паспорта. Это запрещено по закону.

— Хорошо,—отвѣчалъ съ улыбкой Оливье,—я завтра достану паспортъ, а сегодня у меня слишкомъ много дѣла.

— Завтра декади, и вы ничего не добьетесь.

— Ну, такъ послѣзавтра.

— Извольте, я подожду, но помните, что я за васъ отвѣчаю.

Оливье поблагодарилъ его и снова очутился на улицѣ. Онъ снова направилъ свои шаги къ тюрьмѣ Ла-Бурбъ, но машинально взялъ другую дорогу черезъ улицу и площадь Революціи. Вездѣ было большое движеніе. Всѣ дома украшались трехцвѣтными флагами и цвѣточными гирляндами. Спросивъ у какого-то прохожаго, какой готовился праздникъ, онъ узналъ, что на другой день должно было произойти на площади Революціи торжество въ честь Верховнаго Существа.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ по площади, какъ увидалъ между статуей «Свободы» и входомъ въ Тюильри роковую гильотину, которую рабочіе, очевидно, разбирали. Онъ вздрогнулъ и, обращаясь къ проходившей мимо пожилой женщинѣ, спросилъ:

— Что это значитъ?

— Какъ что!—это г-жа Робеспьеръ.

— Я знаю, что это гильотина, но что съ ней дѣлаютъ?

— Ее уносятъ.

— Уфъ!..—произнесъ Оливье, чувствуя, что у него съ души какъ бы свалился камень.

— Но ее воздвигнуть на другомъ мѣстѣ.

— Гдѣ?—спросилъ юноша, и лицо его снова омрачилось.

— На площади Бастиліи,—сказала женщина и прибавила съ улыбкой:—повидимому, еще остались аристократы, съ которыми надо покончить.

Оливье посмотрѣлъ съ изумленіемъ вокругъ себя. Многочисленная толпа такъ же равнодушно и легкомысленно, какъ эта женщина, смотрѣла на перенесеніе съ мѣста на мѣсто этого грознаго орудія смерти. Неужели никто не имѣлъ достаточно мужества, чтобы громко закричать: «долой гильотину»? Быть можетъ, если бы явился такой человѣкъ, то легкомысленная, но благородная и человѣчная толпа пошла бы противъ тирановъ.

Углубившись въ эти мысли, Оливье машинально повернулъ на набережную и дошелъ до Поръ-Рояля, почти не сознавая, куда онъ направлялся. Но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мрачнаго зданія тюрьмы онъ невольно остановился. Большія ворота были открыты, и въ нихъ входили люди всякаго вида, преимущественно хорошо одѣтые, съ корзинками, мѣшками и картонками. Онъ поспѣшно подошелъ къ одному изъ часовыхъ и спросилъ:

— Сегодня пускаютъ къ арестантамъ?

— Да. Друзьямъ и родственникамъ дозволяютъ приносить арестантамъ чистое бѣлье, фрукты и сласти. У васъ здѣсь ктонибудь?

— Да, мать и невѣста.

— Вы желаете ихъ видѣть?

— Да.

— У васъ есть деньги?

Оливье молча подалъ ему золотой.

— Не мнѣ,—воскликнулъ съ презрѣніемъ часовой:—а привратнику!

При этомъ онъ указалъ на маленькаго юркаго человѣчка, стоявшаго у дверей тюрьмы.

Оливье подошелъ къ нему и сказалъ, что желаетъ видѣть гражданокъ Дюранъ, и сунулъ ему въ руку золотой.

— Вы пришли къ гражданкамъ Дюранъ? Хорошо. Онѣ должны быть во дворѣ Акацій.

Онъ далъ юношѣ карточку, которую просилъ возвратить при выходѣ изъ тюрьмы, а затѣмъ повелъ его черезъ темный коридоръ къ рѣшеткѣ, которая выходила на обширный дворъ. Открывъ рѣшетку, онъ сказалъ со смѣхомъ:

— Вы, конечно, сами ихъ найдете.

И, затворивъ рѣшетку, онъ удалился.

V.

Оливье видѣлъ передъ собою обширный дворъ, окруженный съ двухъ сторонъ высокими каменными стѣнами, а съ остальныхъ громадными кирпичными домами, на окнахъ которыхъ были желѣзные перекладки. На ихъ крышахъ виднѣлись острыя загородки, дѣлавшія бѣгство, повидимому, невозможнымъ. Оба зданія соединялись каменнымъ коридоромъ, выходившимъ въ концѣ террасы, на которой стоялъ часовой съ ружьемъ. Посрединѣ въ коридорѣ была отворенная желѣзная дверь, за которой виднѣлся другой дворъ, усаженный деревьями.

Озираясь по сторонамъ, юноша пошелъ къ этому второму двору, гдѣ нѣсколько арестантовъ гуляло вокругъ куста акаціи въ цвѣту. Лучи заходившаго солнца играли на немъ и на окружавшемъ его газонѣ.

Съ тревожно бившимся сердцемъ сталъ Оливье пристально осматривать проходившія мимо него группы. Тутъ были мужчины, женщины и дѣти. Но всѣ ему были незнакомы, и не видно было ни матери, ни Терезы. Онъ не смѣлъ спросить о нихъ у когонибудь, боясь ихъ компрометировать и забывая, что всѣ эти лица были ихъ товарищами по заключенію. Неожиданно къ нему подошла молодая женщина въ скромномъ, но изящномъ костюмѣ.

— Вы кого-то ждете?—спросила она мелодичнымъ голосомъ.

— Мою мать и невѣсту, гражданокъ Дюранъ.

— Онѣ еще сидятъ за столомъ. Посмотрите, молодая дѣвушка ничего не хочетъ ѣсть, и ваша мать ее тщетно уговариваетъ.

Въ своемъ смущеніи Оливье не замѣтилъ, что по ту сторону акаціи стоялъ деревянный столъ съ глиняной посудой, которую убирали нѣсколько тюремныхъ служителей, несмотря на то, что группа арестантовъ еще сидѣла за столомъ. Наконецъ онъ нашелъ дорогихъ ему существъ, но боялся броситься къ нимъ, чтобы не причинить имъ болѣзненнаго припадка неожиданной радостью. Говорившая съ нимъ молодая женщина какъ будто отгадала его мысли.

— Если хотите, я ихъ предупрежду,—и прибавила, чтобы его совершенно успокоить:—я графиня Нарбонъ.

Оливье поблагодарилъ ее и послѣдовалъ за своимъ добрымъ проводникомъ.

Она тихонько подошла къ Клариссѣ и что-то шепнула ей на ухо. Та обернулась и, увидѣвъ сына, смертельно поблѣднѣла.

— Ты арестованъ?—воскликнула она, бросаясь къ нему на шею.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, крѣпко прижимая ее къ своей груди.—Я освобожденъ; мнѣ разрѣшили повидаться съ вами.—Потомъ онъ обернулся къ Терезѣ и нѣжно поцѣловалъ ее.

— Правда, что ты свободенъ?—спросила молодая дѣвушка.

Совершенно успокоивъ обѣихъ женщинъ въ своей безопасности, Оливье помѣстился вмѣстѣ съ ними на отдаленной скамейкѣ и сталъ забрасывать ихъ вопросами, но Кларисса перебила его и потребовала, чтобы онъ сначала рассказалъ, какъ онъ узналъ объ ихъ арестѣ, какъ онъ очутился въ Парижѣ и гдѣ остановился въ этомъ шумномъ, опасномъ городѣ. Удовлетворивъ любопытство матери, онъ въ свою очередь спросилъ:

— Ну, теперь вы расскажите все, что было съ вами. Я хочу знать все, все.

Кларисса объяснила, какъ ихъ арестовали и повезли прежде въ Монморанси, а потомъ въ Парижъ, гдѣ и заперли въ этой тюрьмѣ, которая оказывается наименѣе ужасной во всемъ Парижѣ. На слѣдующее утро ихъ окружили товарищи по заключенію, которые оказались представителями и представительницами высшаго свѣта. Кларисса при этомъ указала Оливье уже знакомую ему графиню Нарбонъ съ маленькимъ прелестнымъ ребенкомъ, графа и графиню Лавернь, маркизу Шуазель, семью Малесси, графа Брольи, шевалье де-Бара, маршала Муши съ женою, которыхъ Кларисса знала въ юности въ Версали, дѣвицу Бетизи и маркизу д'Аво.

— Посмотри,—прибавила она съ печальной улыбкой:—я никогда не была въ такомъ избранномъ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ покинула Понтиви.

— Это понятно,—отвѣчалъ Оливье:—республиканскія тюрьмы назначены исключительно для аристократовъ.

— Нѣтъ, ты ошибаешься,—возразила мать:—среди аристократовъ есть мужчины и женщины мелкаго средняго класса, которые отличаются самыми возвышенными чувствами.

— Поэтому они и въ тюрьмѣ. Республика признаетъ лишь равенство въ низости.

— Тише, тише, тебя могутъ подслушать.

— Не говорите мнѣ быть тише, я тогда только успокоюсь, когда узнаю, зачѣмъ васъ арестовали.

— Я также этого не понимаю,—промолвила Кларисса:—сначала я думала, что кто нибудь на насъ донесъ. Но кто же могъ это сдѣлать?

— Кто!—воскликнулъ Оливье.—Развѣ вамъ не сказали?

— Нѣтъ.

— Робеспьеръ.

Она вскочила со скамейки, словно ужаленная, и воскликнула съ ужасомъ:

— Это неправда!

— Какъ неправда? Леонару рассказалъ объ этомъ возница, который доставилъ васъ въ Парижъ. Робеспьеръ находился съ веселой компаніей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего дома и послалъ арестовать васъ.

Мысль, что въ такомъ случаѣ арестованъ былъ Воганъ, еще болѣе омрачила лицо Клариссы.

— Да, Робеспьеръ, этотъ безсовѣстный злодѣй, приказалъ васъ арестовать.

Она бросилась къ нему и, закрывая ему ротъ рукой, промолвила:

— Тише, тише, не говори этого! Ты ошибся, Леонаръ не понялъ. Мнѣ бы объ этомъ сказали.

— Нѣтъ, нѣтъ, это онъ,—продолжалъ Оливье и изложилъ всѣ подробности, переданныя ему садовникомъ.

Въ сущности Кларисса была вполне убѣждена, что дѣйствительно она арестована по приказанію Робеспьера, но она хотѣла убѣдить Оливье въ противномъ, такъ какъ ей пришла мысль, что сынъ прокликаетъ отца.

— Вѣдь онъ не знаетъ, кто мы такіе!—начала она снова.—Тайные агенты ввели его въ заблужденіе. Онъ поступилъ такъ по недоразумѣнію.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Оливье, пожимая плечами:—онъ дѣйствуетъ намѣренно, онъ жаждетъ крови, этотъ прокля...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого!—возразила Кларисса, снова зажимая ему ротъ, и видя, что онъ смотритъ на нее съ удивленіемъ, прибавила:—тебя могутъ услышать, ты себя скомпрометируешь!

— Здѣсь? Да вѣдь здѣсь каждый его ненавидитъ.

— Да, но тутъ ежеминутно снуютъ тюремщики, и потомъ кто же поручится, что нѣтъ шпионовъ между арестантами? Ты долженъ быть очень остороженъ.

— Да, это правда! Теперь народъ сталъ невозможенъ.

И онъ объяснилъ матери, какое отвратительное впечатлѣніе произвела на него парижская толпа, которая апатично смотрѣла на то, какъ переносили проклятую гильотину съ площади Революціи на площадь Бастиліи.

Пока онъ говорилъ, Кларисса съ безпокойствомъ думала, что Робеспьеръ могъ приказать арестовать Оливье, не подозрѣвая, что онъ ея сынъ. Но тутъ она вспомнила, что она уже въ то самое утро написала нѣсколько словъ Робеспьеру о томъ, что она арестована и безпокоится о своемъ девятнадцатилѣтнемъ сынѣ. Она была убѣждена, что это письмо, отданное одному изъ тюремщиковъ, дойдетъ до него, и онъ не только освободитъ ее съ Терезой, но и приметъ мѣры, чтобы обезопасить юношу, въ которомъ онъ, конечно, отгадаетъ своего сына. Поэтому она совершенно успокоилась и уже стала думать только о томъ, какъ бы помѣшать Оливье сдѣлать какуюнибудь безумную выходку до полученія Робеспьеромъ ея письма. Ей казалось, что лучшимъ для этого способомъ было доказать ему, какъ пріятно онѣ проводили время въ тюрьмѣ, а потому рѣшила познакомить его съ нѣкоторыми изъ ихъ товарищей по заключенію.

Между тѣмъ и самъ Оливье сталъ съ любопытствомъ разглядывать группы гулявшихъ вокругъ акацій узниковъ. Женщины отличались изящнымъ достоинствомъ, несмотря на ихъ скромные туалеты и простые плетенные чепцы. Мужчины весело улыбались, любезно ухаживали за женщинами, а между собою играли въ карты или шахматы. Между всѣми этими группами спокойно прохаживался привратникъ тюрьмы, Гали, съ двумя большими бульдогами.

— Простите, monsieur,—произнесъ пятнадцатилѣтній мальчикъ, который игралъ въ мячикъ и нечаянно толкнулъ Оливье.

— Какой славный юноша!—произнесъ Оливье.

— Это молодой графъ Малье,—сказала Тереза:—никто не знаетъ, зачѣмъ его арестовали. Но его судьба рѣшена: онъ бросилъ гнилой сеledкой въ лицо привратнику.

— Это, вѣроятно, неправда!—воскликнула Кларисса:—мало ли что говорятъ, а нашъ привратникъ недурной человѣкъ! Не правда ли, маркиза,—обратилась она къ проходившей мимо дамѣ:—Гали вѣдь недурной человѣкъ?

— Конечно, это отецъ въ сравненіи съ другими тюремщиками.

— Маркиза де Шуазель,—произнесла Кларисса, представляя ей Оливье:—это мой сынъ.

Оливье почтительно поклонился, а маркиза, пораженная аристо-

кратическимъ видомъ этого молодого рабочаго, протянула ему руку, которую Оливье поцѣловалъ съ придворной учтивостью.

— Сынъ выдаетъ мать,—сказала маркиза съ улыбкой:—васъ не зовутъ Дюранъ, вы принадлежите къ нашему обществу. Я это знала съ первой минуты, какъ васъ увидѣла. Но не беспокойтесь,—прибавила она, видя, что Кларисса хочетъ что-то сказать:—я не хочу нарушать вашей тайны.

И, обратясь къ Оливье, она объяснила, что его мать была совершенно права насчетъ Гали, который хотя грубый человѣкъ, но отличался добротой, позволялъ узникамъ принимать родственниковъ, которые приносили имъ пищу и бѣлье.

— А главное,—продолжала она:—онъ дозволяетъ намъ гулять и забавляться здѣсь до ночи. Вы видите, какъ мы пользуемся его любезностью,—и она указала на нѣсколько группъ взрослыхъ и дѣтей, игравшихъ въ различныя игры.

Кларисса была очень довольна оборотомъ, который принялъ разговоръ, и, желая удержать маркизу, сказала:

— Разскажите ему, пожалуйста, какъ вы проводите ваши вечера.

— Какъ, вы развѣ сами ему объ этомъ еще не сказали?

— Я вѣдь въ вашемъ обществѣ только со вчерашняго дня и потому знаю очень мало.

— Это правда,—отвѣчала маркиза, которая поняла съ материнскимъ инстинктомъ намѣреніе Клариссы, и продолжала, указывая Оливье на нѣсколько оконъ въ одномъ изъ зданій тюрьмы:—вотъ тамъ находится большая комната, гдѣ мы собираемся по вечерамъ. Мы ее называемъ нашей гостивой и въ ней играемъ въ шарады, отгадываемъ загадки и сочиняемъ *vous rimes*. Нѣкоторые изъ насъ декламируютъ стихи, а другіе занимаются музыкой. Посмотрите, тотъ господинъ, который перелистываетъ альбомъ, это баронъ Вирбахъ, нашъ первый артистъ. Онъ прекрасно играетъ на «*viola d'amore*».

Оливье слушалъ ее съ удивленіемъ и начиналъ мало-по-малу успокоиваться.

— Вы видите,—продолжала маркиза:—мы можемъ вообразить себѣ, что находимся въ Версалѣ. Впрочемъ, по правдѣ сказать, всѣ остатки Версаля находятся въ тюрьмѣ. Вотъ принцъ и принцесса Сень-Морисъ, рядомъ съ ними шевалье де-Понсъ, а немного подалѣе графъ Армальи, племянникъ котораго юный Д'Отвиль былъ пажемъ Людовика XVI. А вотъ взгляните на эту группу,—прибавила она, указывая на нѣсколькихъ мужчинъ, которые окружали молодую красавицу, сидящую на травѣ подъ акаціей:—право, можно подумать, что это сцена въ Трианонѣ. Эта красавица графиня Мерэ, а вотъ къ ней подходитъ маркиза Вернель, которая здѣсь также кокетливо одѣвается, какъ при дворѣ. Она даже такъ ловка, что одна безъ помощи горничной и парикмахера перемѣняетъ три раза

въ день свой костюмъ и прическу. Мало того, она сама моетъ и гладитъ свое бѣлье. При всемъ этомъ она постоянно весела, постоянно смѣется. Право, нельзя на нее смотрѣть безъ слезъ.

Хотя слова маркизы совершенно успокоили Оливье насчетъ тюремной жизни дорогихъ ему существъ, но онъ не могъ не высказать, хотя въ очень приличныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ, своего удивленія къ тому равнодушію, съ которымъ узники относились къ своей судьбѣ.

— Равнодушіе народной толпы на улицахъ,—прибавилъ онъ,—возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе, но равнодушіе аристократіи меня огорчаетъ до глубины души.

Кларисса хотѣла ему отвѣтить, но маркиза ее перебила.

— Вы, вѣроятно, пріѣхали изъ деревни и давно не видали парижанъ. Нельзя измѣнить французовъ, и ничто не въ состояніи уничтожить ихъ веселость. То, что вы принимаете за равнодушіе, въ сущности стоическая покорность судьбѣ. Мы видимъ, что борьба бесполезна, и намъ такъ надоѣлъ міръ съ его низостями, что мы готовы во всякое время умереть, но умираемъ, какъ подобаетъ французамъ, съ улыбкой на устахъ. Конечно, есть между нами отчаивающіеся, безпокойные люди, но ихъ немного.

Въ эту минуту раздались громкіе крики:

— Bravo, bravo! прекрасно, прекрасно!

Молодая дѣвушка съ завязанными на спинѣ руками стояла на верхней перекладинѣ подставной лѣстницы, на которую она забралась по поставленнымъ одинъ на другой столамъ, стульямъ и скамейкамъ. Граціозно раскланявшись, она стала спускаться съ помощью протянутыхъ къ ней отовсюду рукъ. Ея примѣру послѣдовала маркиза д'Аво, на которую уже указала Оливье маркиза Шуазель, и начала вскарабкиваться на груды мебели, но довольно неловко.

— Что это—новая игра?—спросили въ одинъ голосъ Кларисса, Тереза и Оливье, смотрѣвшіе съ изумленіемъ на это необыкновенное упражненіе.

— Да, но это очень печальная игра,—отвѣчала маркиза Шуазель и прибавила торжественнымъ тономъ:—эти дамы учатся, какъ всходить на эшафотъ.

И она объяснила, что по деревяннымъ ступенямъ, которыя вели къ гильотинѣ, было очень трудно подниматься, въ особенности съ завязанными руками, а потому женщины часто спотыкались и путались въ своихъ платьяхъ, что возбуждало громкій смѣхъ въ толпѣ.

— Чтобы избѣгнуть этого униженія,—продолжала маркиза,—и чтобы достойно встрѣтить смерть, мы здѣсь репетируемъ свою роль, которую, быть можетъ, завтра намъ придется сыграть на площади.

Оливье пришелъ въ восторгъ отъ этого благороднаго презрѣнія къ смерти и эшафоту. Въ ту же минуту раздался веселый смѣхъ.

Платье маркизы д'Аво запуталось въ спинкѣ верхняго стула, и она едва не упала. Она засмѣялась со всѣми другими и прибавила:

— Мнѣ будетъ работа на сегодняшній вечеръ!

— Вы видите, — продолжала маркиза, обращаясь къ Оливье: — что скрываетъ въ сущности возмутившее васъ равнодушіе. Многія изъ этихъ женщинъ поддерживаютъ мужество своихъ мужей и готовы умереть за нихъ.

Но Кларисса боялась, что разговоръ снова коснулся слишкомъ печальнаго предмета, и обратила вниманіе сына на проходившую мимо графиню Нарбонъ съ корзинкою вишенъ, которыми она угощала свою маленькую дѣвочку.

— Какія прекрасныя ягоды! — воскликнула Кларисса.

Графиня остановилась и предложила ей вишенъ, но она отказалась, и когда графиня продолжала настаивать, то она сказала:

— Я не хочу, благодарю васъ, но, можетъ быть, моя племянница попробуетъ вашихъ удивительныхъ вишенъ.

Тереза также отказалась, но Оливье, взявъ изъ корзинки вѣтку вишенъ, поднесъ одну къ розовымъ губамъ своей невѣсты и сказалъ:

— Скушайте, пожалуйста, для меня.

Кларисса не могла не улыбнуться, и Оливье прибавилъ:

— И вы также, мама.

Эту прелестную семейную сцену нарушилъ медленный звонъ колокола.

— Переключка! — промолвила графиня Нарбонъ поблѣднѣвъ.

Всѣ разговоры смолкли, и всѣ глаза со страхомъ обратились на желѣзную рѣшетку, словно въ ожиданія кого-то.

— Какая переключка? — спросилъ Оливье, снова приходя въ безпокойное волненіе.

Маркиза Шуазель и графиня Нарбонъ быстро удалились, а Кларисса, быть можетъ, инстинктивно понявшая, въ чемъ дѣло, произнесла:

— Не знаю!

Тереза задрожала всѣмъ тѣломъ и крѣпко прижалась къ Клѣриссѣ, предчувствуя что-то ужасное, а Оливье, подойдя къ одному изъ узниковъ, спросилъ его, что значитъ эта переключка.

— Это вызываютъ лицъ, подлежащихъ явкѣ въ революціонный трибуналъ, — отвѣчалъ онъ спокойно: — колоколъ возвѣщаетъ, что сейчасъ прибудетъ представитель этого суда и вызоветъ по именамъ тѣхъ, которые должны явиться въ судъ.

— То-есть на эшафотъ! — воскликнулъ съ яростью Оливье.

Арестантъ молча кивнулъ головой.

— Такъ всѣ, имена которыхъ будутъ выкликать?...

— Будутъ сегодня отвезены въ консіержери п...

— И?...

— И черезъ два дня взойдутъ на эшафотъ,—произнесъ узникъ, повидимому, вполне примирившійся со своей судьбой.

— Такъ могутъ вызвать когонибудь изъ насъ?—спросила Тереза, заливаясь слезами.

— Нѣтъ,—отвѣчала Кларисса, стараясь побороть свое волненіе:— нѣтъ, еще слишкомъ рано. Скажи ей, Оливье, что этого не можетъ быть.

— Почему?—промолвилъ мрачно юноша, которымъ овладѣло отчаянье.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, увѣряю васъ, что это невозможно!

Между тѣмъ посланный изъ революціоннаго трибунала, маленькій, толстый человѣкъ съ краснымъ лицомъ и съ отвратительной улыбкой, вышелъ изъ-за рѣшетки и усѣлся на стулъ подъ акаціей. Вокругъ него помѣстились Гали, тюремщики и жандармъ.

— Я думалъ,—произнесъ съ удивленіемъ Гали,—что трибуналъ не будетъ засѣдать завтра по случаю праздника Верховнаго Существа.

— Вы правы, но онъ будетъ засѣдать послѣзавтра. Я также хочу быть свободенъ завтра и принять участіе въ праздникѣ.—Онъ цинично засмѣялся и приказалъ принести себѣ стаканъ вина, который и опорожнилъ однимъ залпомъ.

— Однако пора за дѣло!—воскликнулъ онъ со смѣхомъ и потребовалъ фонарь, такъ какъ уже начинало смеркаться; онъ вынулъ роковую бумагу, въ которой были назначены жертвы гильотины.

Между тѣмъ дворъ переполнился узниками, явившимися изъ всѣхъ помѣщеній тюрьмы. Большинство были спокойны и хладнокровны, нѣкоторые смотрѣли съ ужасомъ на вѣстника смерти. Одни ожидали съ нетерпѣніемъ, чтобы произнесли ихъ имя, видя въ смерти конецъ невыносимыхъ страданій, а другіе болѣе слабохарактерные надѣялись, что будутъ выкликать не ихъ, а товарищей.

Были, однако, и такіе мужественные стоики, которые спокойно разговаривали или играли въ карты. Кларисса и Тереза сидѣли на скамейкѣ и не спускали глазъ съ представителя революціоннаго трибунала, а Оливье стоялъ возлѣ нихъ, готовый защитить дорогихъ для него существъ до послѣдней капли крови, если бы въ борьбѣ палъ на нихъ.

— Что же это не несутъ проклятаго фонаря!—воскликнулъ наконецъ разгнѣванный маленькій человѣкъ, на которомъ сосредоточены были всѣ взгляды.—Я и такъ начну!

Онъ всталъ и началъ съ трудомъ разбирать имена, выставленныя въ спискѣ.

— Первое имя Бур... нѣтъ, Лур...

— Не читайте такъ,—перебилъ его какой-то гнѣвный голосъ:— вы усугубляете страданія. Это ужасно! это ужасно!

Протестующій голосъ принадлежалъ Оливье.

— Кто смѣетъ здѣсь говорить?—грозно воскликнулъ посланный революціоннаго трибунала.

Кларисса схватила за руку сына и жалобно прошептала:

— Умоляю тебя, замолчи.

Въ эту минуту принесли фонарь, и началась правильная переключка.

— Сурдеваль!

— Здѣсь!—отвѣчалъ твердый голосъ.

Изъ толпы вышелъ человѣкъ высокаго роста съ гордо поднятой головой и спокойно, не смотря по сторонамъ, направился къ выходу.

Молодой графъ Малье, услыхавъ свое имя, пересталъ играть съ дѣтьми и мужественно пошелъ на смерть. Но старый маркизъ Моклеръ, какъ только слышалось его имя, упалъ въ обморокъ и былъ вынесенъ жандармами. Когда пришла очередь маркизы Нарбонъ, то она молча передала свою маленькую дочь маркизѣ Шуазель.

— Куда ты идешь, мама?—спросилъ ребенокъ.

— Я сейчасъ вернусь, моя радость.

— Не уходи, мама, не уходи, я не хочу, чтобы ты ушла.

Графиня Нарбонъ поспѣшно удалилась, громко рыдая.

Всю семью Малесси вызвали разомъ. Она состояла изъ отца, матери и двухъ дочерей, которыя бросились другъ другу въ объятія, благодаря небо, что онѣ не разлучатся въ смерти. Дряхлая, сѣдая чета маршалъ Муши и его жена не выразили ни малѣйшаго волненія, но рука въ руку съ гордымъ достоинствомъ прошли черезъ всю толпу узниковъ, которые почтительно имъ кланялись. Всеобщій восторгъ возбудили графъ и графиня Лавернъ. Такъ какъ выкликнули одного графа, то графиня стала пламенно просить, чтобы ея не разлучали съ мужемъ, а когда ей въ томъ отказали, она громко воскликнула:

— Да здравствуетъ король!

Это одно восклицаніе заслуживало тогда смертную казнь, и ея имя тотчасъ было занесено въ роковой списокъ.

Сцены необыкновеннаго мужества продолжались одна за другой. Маркизъ Гурней молча закурилъ трубку у фонаря и, не говоря никому ни слова, удалился въ сопровожденіи жандарма. Графъ Брольи игралъ въ шахматы съ шевалье де-Баромъ; когда раздалось его имя, онъ спокойно всталъ и сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ вы проиграли, шевалье, но не безпокойтесь, я вамъ дамъ отыграться на томъ свѣтѣ.

Онъ пожалъ руку своему противнику, простился со всѣми знакомыми, любезно раскланялся съ дамами и весело вышелъ, словно онъ отправлялся на банкетъ.

Рядомъ съ Оливье, который стоялъ, крѣпко прижавшись къ своей матери и Терезѣ, происходилъ разговоръ между пожилымъ господиномъ и юношей.

— Вызываютъ Легея, — сказалъ послѣдній: — развѣ это ваша фамилія?

— Да, и ваша также?

— Да. Вы женаты или холостой?

— У меня жена и двое дѣтей.

— А я холостой, погодите, я пойду!

— Ну, что же Легей! — раздался голосъ вѣстника смерти.

— Здѣсь! — отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Оливье, слышавшій этотъ разговоръ, бросился впередъ, желая пожать руку герою, но онъ уже удалился.

— На сегодня кончено, — произнесъ представитель революціоннаго трибунала, сложилъ свою бумагу, спряталъ ее въ карманъ и цинично выпилъ стаканъ вина.

Всѣ присутствовавшіе словно очнулись отъ страшнаго кошмара.

— Слава Богу, — промолвила Кларисса, тяжело вздохнувъ.

— А вы увѣряли, мама, въ своей безопасности! — воскликнулъ Оливье.

— Я боялась за другихъ, а не за себя! — отвѣчала Кларисса.

Оливье покачалъ головой и хотѣлъ что-то сказать, но въ эту же минуту послышался грубый голосъ Гали:

— Всѣ посѣтители вонъ! Пора запирать!

Стоя у рѣшетки, онъ пропускалъ мимо себя всѣхъ посѣтителей, отбирая карточки. Но Оливье не торопился уходить, и, наконецъ, Гали крикнулъ ему:

— А вы, что же, хотите остаться, пожалуйте, не стѣсняйтесь, мы васъ сейчасъ занесемъ въ списокъ арестантовъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ идетъ! — воскликнули въ одинъ голосъ Кларисса и Тереза. Онъ послѣшно поцѣловали его и толкнули къ рѣшеткѣ.

Но, прежде чѣмъ уйти, Оливье обѣщалъ матери не приходить въ тюрьму въ продолженіе нѣсколькихъ дней и въ письмахъ къ нимъ не упоминать своего адреса.

Обѣ женщины невольно подошли къ рѣшеткѣ и увидѣли, какъ съ большого двора выѣзжала при мерцаніи факеловъ большая телѣга съ обвиняемыми, въ числѣ которыхъ онъ узнали графиню Нарбонъ, посылавшую со слезами поцѣлуи тюрьмѣ, въ которой осталась ея дѣвочка.

— Это ужасно, это ужасно! — прошептала Тереза, и голова ея опустилась на плечо Клариссы.

Выйдя изъ тюрьмы, Оливье машинально пошелъ за телѣгой съ арестантами, которая медленно двигалась среди равнодушно смотрѣвшей на нее толпы. Но вскорѣ она исчезла изъ его глазъ въ темнотѣ, и онъ продолжалъ идти, словно его обуялъ какой-то страшный сонъ. Только достигнувъ берега Сены, онъ остановился и сталъ жадно вдыхать въ себя свѣжій вечерній воздухъ.

Неожиданно вдали надъ Тюильрійскимъ садомъ показались снопы лучезарнаго свѣта. Это была проба фейерверка, приготовленнаго для завтрашняго дня. Оливье перешелъ мостъ и вскорѣ достигъ площади Революціи, которая была переполнена бульварными зѣваками, смотрѣвшими съ любопытствомъ на приготовленія къ празднику. Всюду видѣлись высокія мачты съ флагами, соединенныя гирляндами изъ зелени и пестрыхъ фонариковъ для вечерней иллюминаціи. Тамъ и сямъ уличные пѣвцы, акомпанируя себѣ на скрипкѣ, обучали молодежь новому гимну въ честь Верховнаго Существа, который былъ написанъ Госсекомъ для предстоящаго торжества. Но какъ только замирали звуки гимна, то раздавались веселый вальсъ или гавоть, и молодежь весело пускалась въ плясъ.

Оливье смотрѣлъ на все это съ чудовищнымъ изумленіемъ. Ему казалось, что онъ находился во снѣ. Онъ только что видѣлъ горе, страданіе, смерть, а теперь его поражали веселье, смѣхъ, пѣнье, танцы. И того самаго человѣка, который посылалъ столько жертвъ на эшафотъ и вырывалъ матерей изъ объятія ихъ дѣтей чтобы предать казни, должны были на слѣдующій день вѣнчать лаврами!

— Робеспьеръ! Это Робеспьеръ!—пробѣжалъ шопотъ по толпѣ.

Оливье обернулся и увидалъ, что какой-то человѣкъ невысокаго роста поспѣшно проходилъ мимо, держа подъ руку видную женщину.

Дѣйствительно это былъ Робеспьеръ. Онъ пошелъ передъ ужиномъ погулять съ Корнеліей Дюплэ и не могъ удержаться отъ удовольствія взглянуть на подготовлявшуюся арену его завтрашняго торжества.

— Народъ, кажется, душой и тѣломъ радъ этому празднику,— сказала Корнелія, указывая на веселыя танцующія пары.

Робеспьеръ молча пожалъ ей руку.

Они вернулись домой, погруженные въ совершенно противоположныя думы. Корнелія думала о великолѣпномъ платьѣ, которое она заказала для праздника портнихъ, тогда какъ она обыкновенно шила сама себѣ туалеты; а Робеспьеръ, по обыкновенію тревожимый сомнѣніями и подозрѣніями, мысленно спрашивалъ себя: хорошо ли онъ сдѣлалъ, что прошелъ по площади Революціи, такъ какъ комитетъ общественной безопасности могъ предположить, что онъ желалъ обратить на себя вниманіе толпы? Какъ бы то ни было, они спокойно достигли дома Дюплэ въ улицѣ Сентъ-Онорэ, и Робеспьеръ, остановившись въ дверяхъ, учтиво пропустилъ впередъ Корнелію.

Въ эту самую минуту Оливье выходилъ съ площади Революціи и, озаренный какой-то новой идеей, говорилъ себѣ:

— Я пойду завтра на этотъ праздникъ!

VI.

Домъ Дюплэ, въ которомъ жилъ Робеспьеръ, находился въ улицѣ Сентъ-Онорэ, противъ церкви Успенія. Наружная дверь отворялась въ крытый проходъ, уставленный по стѣнамъ досками. Въ концѣ его находился небольшой дворъ, окруженный четырьмя флигелями двухъ-этажнаго дома. Верхній этажъ былъ занятъ семьею Дюплэ, состоявшей изъ мужа, жены и двухъ дочерей, Корнеліи и Викторіи, а въ нижнемъ этажѣ находились три комнаты, въ томъ числѣ столовая и гостиная. Робеспьеръ жилъ въ комнатѣ, находившейся въ верхнемъ этажѣ лѣваго флигеля, и она соединялась со столовой деревянной лѣстницей, а подъ нею находилась столярная мастерская Дюплэ. Окно же его комнаты выходило на крышу сарая, гдѣ также производились столярныя работы. Такимъ образомъ жилище трибуна было съ одной стороны охранено семьей Дюплэ, а съ другой Симономъ и Морисомъ Дюплэ, которые занимали двѣ комнаты въ одномъ флигелѣ съ Робеспьеромъ, также выходившія окнами на крышу сарая.

Трудно было бы найти помѣщеніе, которое такъ вполне соответствовало бы жаждѣ Робеспьера къ республиканской простотѣ. Обстановка его ежедневной жизни состояла изъ принадлежностей столярной мастерской, гдѣ съ утра до ночи пилили, строгали и т. д., а также изъ простыхъ элементовъ скромной жизни старика Дюплэ, снимавшаго свой рабочій передникъ только во время обѣда и посѣщеній якобинскаго клуба или революціоннаго трибунала, гдѣ онъ игралъ роль присяжнаго.

Недавно его посѣтили два члена конвента, и ихъ встрѣтила на дворѣ Корнелія Дюплэ, вѣшавшая тамъ только что вымытые чулки. Робеспьеръ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту сцену изъ окна комнаты, передъ которымъ онъ брился. Его подозрѣвали въ желаніи сдѣлаться диктаторомъ, а вотъ какое странное зрѣлище представилось посѣтителямъ, неожиданно вторгнувшимся въ его частную жизнь.

При возвращеніи домой Робеспьера и Корнеліи ихъ встрѣтилъ Блунтъ громкимъ лаемъ и веселыми прыжками. Вся семья Дюплэ сидѣла во дворѣ и ожидала своего жильца.

— Вотъ они наконецъ!—воскликнула старуха Дюплэ, которая сидѣла подъ окномъ столовой и мыла салатъ у водокачки.

— Но мы вѣдь не опоздали, мама,—сказала Корнелія, благо-разумно останавливаясь поодаль, чтобы на нее не попала вода.

— Не очень,—отвѣчала добрая женщина,—но при теперешнихъ обстоятельствахъ никогда нельзя знать, что можетъ случиться въ толпѣ. Невольно всегда беспокоишься о тѣхъ, кого любишь. Не правда ли?—сказала она, обращаясь къ Робеспьеру, у котораго Викторія взяла палку и шляпу.

Но онъ не обратилъ вниманія на ея слова, такъ какъ былъ всецѣло занятъ своей собакой, которая продолжала прыгать и ласкаться къ нему.

— Да, да, добрый песъ, это я,—говорилъ онъ, глядя собаку,—я не бралъ тебя съ собою, потому что такой хорошей собакѣ не прилично показываться въ толпѣ.

— А много народу?—спросилъ Дюплэ, сидѣвшій съ трубкой въ зубахъ на скамейкѣ подлѣ своего сына Мориса, который что-то вырѣзывалъ изъ деревянной планки.

— Да, много.

— Ужасная толпа!—прибавила Корнелія:—особенно на площади Революціи.

— Какъ, вы прошли черезъ площадь Революціи?

— Да,—объяснилъ Робеспьерь,—Корнелія хотѣла видѣть, что тамъ дѣлають, и ея желаніе понятно, такъ какъ тамъ танцуютъ.

— Какъ, сегодня?—спросила Викторія со сверкающими глазами.

— Да!

И Робеспьерь съ большимъ оживленіемъ рассказалъ объ ихъ прогулкѣ, обращаясь нѣсколько разъ къ Корнеліи, чтобы она подтвердила всю основательность его восторга. Но молодая дѣвушка была озабочена тѣмъ, что еще не принесли ея платье, хотя ея сестры находились въ томъ же положеніи.

— Я говорила Дюплэ, что завтрашній день будетъ вашимъ торжествомъ,—произнесла добрая старуха, выслушавъ съ живѣйшимъ интересомъ рассказъ Робеспьера.

— А что же, мы сегодня не будемъ ужинать?—спросилъ Дюплэ.

— Будемъ, но ты знаешь, что когда Максимилианъ говоритъ, то я забываю обо всемъ.

Въ хорошую погоду они обѣдали и ужинали во дворѣ, гдѣ уже столъ былъ приготовленъ, такъ что оставалось только его накрыть.

— Ай! ай!—промолвила г-жа Дюплэ, взявъ салатъ, и быстро побѣжала въ кухню.—У меня курица-то, вѣрно, сгорѣла.

По счастью въ кухнѣ, которая находилась въ нижнемъ этажѣ возлѣ столовой, уже хлопотала ея младшая дочь, г-жа Леба.

— Я обо всемъ подумала, мама,—сказала она и съ гордостью указала на прекрасно зажаренную курицу, лежавшую совершенно готовой на блюдѣ.

— Вотъ и прекрасно!—произнесла г-жа Дюплэ.—Заправь супъ, а я приготовлю салатъ. Викторія, накрывай на столъ.

Въ семьѣ Дюплэ было заведено, что мать и дочь готовили на кухнѣ и подавали на столъ, а прислуга только потомъ мыла посуду. Объяснялось ли это боязнью отравы или какой иной причиной, но Робеспьерь совершенно одобрялъ этотъ обычай.

— Хорошо знать, что ѣшь,—говаривалъ онъ,—недурно тоже, что за столомъ васъ не подслушиваетъ прислуга.

Черезъ нѣсколько минутъ подали супъ, и г-жа Леба разлила его по тарелкамъ, при чемъ поставила послѣднюю тарелку Робеспьеру, чтобы супъ достался ему погорячѣе.

— За столъ! За столъ!—крикнула старуха Дюплэ, разставляя стулья.

Но Робеспьеръ и Дюплэ не двинулись съ мѣста: такъ внимательно они слушали то, что рассказывалъ имъ Леба, который только что вернулся изъ Тюильри, куда онъ ходилъ «пощупать пульсъ конвента», по его выраженію. Оказалось, что всѣ скандальныя сплетни распространялись врагами Робеспьера, и весь конвентъ такъ же, какъ весь народъ, стоялъ за Робеспьера.

— Только комитетъ общественной безопасности...—прибавилъ Леба, но Робеспьеръ не далъ ему окончить фразы и знакомъ просилъ его переимѣнить разговоръ.

— Что же вы не идете? Супъ стынетъ!—крикнула г-жа Дюплэ.

— Идемъ, идемъ!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ трое мужчинъ и быстро направились къ столу.

По дорогѣ Робеспьеръ шепнулъ Леба.

— Что мнѣ комитетъ общественной безопасности! Я покажу имъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло!

Робеспьеръ сѣлъ за столъ между хозяиномъ и хозяйкой.

— Что это, другъ мой, вы не ѣдите супа! Развѣ онъ не хорошъ?—сказала г-жа Дюплэ.

— Нѣтъ, прекрасный!

Викторія стала очень медленно убирать глубокія тарелки, поджидая, чтобы Робеспьеръ кончилъ супъ.

— Вотъ это хорошо, — сказала она, когда онъ сѣлъ все до послѣдней капли.—Вы знаете, что вамъ надо приготовить силы для завтрашняго дня.

Въ эту минуту г-жа Леба побѣжала на кухню и вернулась съ курицей, которая вызвала всеобщее восторженное удивленіе.

— Вотъ это я называю блюдомъ!—воскликнулъ Симонъ Дюплэ, отличавшійся обжорствомъ.

— А завтра, дѣти мои, вы получите утку, утку съ рѣпой!—произнесла г-жа Дюплэ торжественнымъ тономъ и принялась рѣзать жаркое, при чемъ лучшей кусокъ она положила Робеспьеру, который принялся машинально ѣсть, погруженный въ глубокія мысли.

— Я только что встрѣтилъ Фукье-Тенвиля,—сказалъ Леба:—онъ возвращался съ площади Бастилии, куда перенесли гильотину.

— Ахъ, да, она сегодня не работала?—спросила г-жа Дюплэ, продолжая рѣзать курицу.

— Она и завтра не будетъ работать,—отвѣчалъ Робеспьеръ,—но послѣзавтра...

— Вы намекнете объ этомъ въ вашей рѣчи, добрый другъ?

— Да, въ концѣ. Надо, чтобы аристократы знали, что мы не складываемъ рукъ.

— Это было бы слишкомъ глупо,—замѣтилъ Дюплэ.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ Робеспьеръ, который видимо повеселѣлъ, благодаря обороту, который принялъ разговоръ,—завтрашній праздникъ будетъ предостереженіемъ не только для аристократовъ, но и для измѣнниковъ нашей партіи.

Вмѣстѣ съ веселымъ расположеніемъ вернулся къ Робеспьеру и аппетитъ, а потому онъ протянулъ свою тарелку за второй порціей.

— Крыло или лапку?—спросила г-жа Дюплэ съ восхищеніемъ.

Но Робеспьеръ неожиданно повернулъ голову. Онъ слышалъ какой-то шумъ.

— Я увѣренъ, что отворили наружную дверь,—сказалъ онъ.

Симонъ Дюплэ зажегъ лампу, а Морисъ вскочилъ и, устремивъ глаза въ темноту, сказалъ:

— Вошла какая-то женщина съ большой картонкой.

— Это наши платья!—воскликнули въ одинъ голосъ три сестры.

Дѣйствительно это были платья, и горѣвшія нетерпѣніемъ женщины хотѣли тутъ же на дворѣ открыть картонку, но Викторія была всѣхъ благоразумнѣе и боясь, чтобы на столѣ не замарались платья, унесла картонку въ столовую въ сопровожденіи своихъ сестеръ.

Мужчины и г-жа Дюплэ продолжали говорить о подготавливавшемся праздникѣ, доказывая, что народъ сумѣетъ лучше королевской власти устроить поразительное и національное символическое торжество.

— Дѣтки, куда вы запропалились?—крикнулъ старикъ Дюплэ, замѣтивъ, что его дочери долго не возвращались.

— Мы здѣсь, мы здѣсь,—отвѣчала Викторія, показываясь въ дверяхъ столовой и кокетливо оправляя хорошенькое бѣлое платье. За ней слѣдовали г-жа Леба въ голубомъ платьѣ и Корнелія въ красномъ.

— Какъ, вы одѣвались въ столовой!—воскликнула недовольнымъ тономъ г-жа Дюплэ.—Это положительно неприлично! Не правда ли, Максимилианъ?

— Полноте, вонпе мѣге,—отвѣчалъ Робеспьеръ съ улыбкой:—вѣдь не каждый день праздникъ.

Онъ взглянулъ на всѣ три платья и сказалъ, что они прелестны и отличаются большимъ вкусомъ.

— А вы замѣчаете,—произнесъ Морисъ:—что онѣ втроемъ представляютъ трехцвѣтное знамя?

— Мы приготовили вамъ этотъ сюрпризъ,—сказалъ Корнелія, подходя къ Робеспьеру.

— Ничто не могло бы мнѣ доставить большаго удовольствія,— отвѣчалъ онъ:—это я называю настоящимъ патриотизмомъ.

Во все время ужина съ улицы долетали звуки шумнаго говора, музыки и приготовленій къ завтрашнему празднику.

— Посмотрите, посмотрите!—вдругъ воскликнулъ Морисъ, и надъ самымъ дворомъ разорвался цѣлый снопъ ракетъ, усѣвая небо золотистымъ дождемъ.

Робеспьеру съ его распаленнымъ воображеніемъ показалось, что это былъ увѣнчивающій его ореолъ славы, и онъ очень довольный ушелъ въ свою комнату.

На слѣдующее утро Максимилианъ всталъ очень рано и вышелъ во дворъ въ 9 часовъ.

— Какъ, вы уже одѣты, а мы еще не начали одѣваться!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Я нарочно поторопился,—отвѣчалъ Робеспьеръ:—чтобы заранѣе пойти въ Тюильри и обо всемъ позаботиться. Вѣдь малѣйшій недочетъ можетъ испортить общее впечатлѣніе. А посмотрите, какой прекрасный день, жаль, если онъ не удастся.

— Очень естественно, что небо благопріятствуетъ празднику Верховнаго Существа. Но вы, конечно, прежде позавтракаете?

— Нѣтъ, я тамъ позавтракаю.

Вся семья окружила Робеспьера, поздравляя его съ блестящей внѣшностью, поправляя его галстухъ и смегая пудру съ его сюртука. На немъ былъ синій сюртукъ, короткія нанковыя брюки, перевязанныя внизу трехцвѣтными лентами, бѣлые шелковые чулки и башмаки съ пряжками. Но всего наряднѣе былъ его жилетъ, украшенный кружевнымъ жабо.

Конечно, онъ, по обыкновенію, былъ напудренъ, вообще всѣ женщины пришли въ восторгъ, какъ онъ былъ одѣтъ со вкусомъ, а Корнелія подала ему большой букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и хлѣбныхъ колосьевъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ,—до свиданія! Я, конечно, вскорѣ увижу васъ, и вы, какъ всегда, будете прелестнѣе всѣхъ.

Съ этими словами Робеспьеръ, сіяя въ своемъ новомъ нарядѣ, завитый и надушенный, поспѣшно направился къ дверямъ, гдѣ его ожидали Леба, Симонъ и Морисъ, которые хотѣли проводить его до Тюильри. На улицѣ къ нимъ присоединились Дидье съ двумя тайными агентами, но они пошли нѣсколько поодаль. Открывалъ же шествіе «неподкупный» рядомъ съ Леба, съ которымъ онъ разговаривалъ.

Всѣ дома были украшены гирляндами изъ цвѣтовъ, которые распространяли въ воздухѣ нѣжное благоуханье. Всѣ улицы кишѣли толпами въ праздничныхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями или хлѣбными колосьями въ рукахъ. Узнавая Робеспьера, всѣ почтительно ему кланялись, а онъ съ пламенной радостью въ

сердцѣ скромно отдавалъ имъ поклонъ. На Фельянтской террасѣ его ожидалъ сюрпризъ. Несмотря на раннее время, садъ уже былъ почти полонъ, и въ немъ шумно волновалось бозконечное человѣческое море, въ которомъ колыхались трехцвѣтныя кокарды и ленты. Онъ продолжалъ свой путь къ Тюильрійскому дворцу, который былъ весь украшенъ гирляндами изъ цвѣтовъ. На каждомъ шагу онъ долженъ былъ любезно раскланиваться съ многочисленными толпами, спѣшившими на его апоѳеозъ.

Передъ дворцомъ былъ устроенъ обширный амфитеатръ для членовъ національнаго конвента, но никого изъ нихъ еще не было видно. Поспѣшно взглянувъ на этотъ амфитеатръ, Робеспьеръ остановилъ свой взглядъ на возвышавшейся трибунѣ, которая была приготовлена для него предсѣдателемъ конвента. Съ этой трибуны онъ долженъ былъ произнести рѣчь къ народу, который собрался слушать его и рукоплескать ему.

Онъ вошелъ въ Тюильри одинъ, такъ какъ Леба и оба Дюплэ вернулись домой за семьей. Съ сіяющимъ лицомъ прошелъ «неподкупный» черезъ залу конвента и помѣщеніе комитета общественной безопасности, желая встрѣтить тамъ знакомыя лица, но никого тамъ не было. Сторожа ему сказали, что въ комитетъ приходили только Бареръ, Коло-д'Эрбуа, Пріеръ и Карно, но повернувшись ушли завтракать въ ближайшій ресторанъ. Однако въ залѣ свободы онъ встрѣтилъ Вилата, который былъ вмѣстѣ съ Дюплэ присяжнымъ въ революціонномъ трибуналѣ. Робеспьеръ оказалъ ему какую-то услугу и вмѣстѣ съ Бареромъ помѣстилъ его въ павильонѣ Флоры Тюильрійскаго дворца. Благодаря этому, онъ имѣлъ въ немъ вѣрнаго шпіона, слѣдившаго за каждымъ шагомъ комитета общественной безопасности. Вилатъ почтительно и подобострастно пригласилъ его завтракать, говоря, что онъ могъ изъ оконъ его квартиры спокойно пользоваться зрѣлищемъ собиравшейся толпы.

Робеспьеръ принялъ предложеніе и остался тамъ около двухъ часовъ; даже когда Вилатъ удалился, онъ продолжалъ сидѣть и смотрѣть на приготовленія къ его торжеству. Онъ былъ близокъ къ своему апогею, къ тому моменту, когда народный энтузіазмъ вознесетъ его такъ высоко, что всякій шагъ, сдѣланный противъ него, будетъ оскорбленіемъ народа. Онъ безмолвно улыбался. Весь французскій народъ черезъ нѣсколько минутъ признаетъ его диктаторство! Оно будетъ провозглашено сотнею тысячъ голосовъ въ присутствіи трехсотъ членовъ конвента. Самыя радужныя мысли тѣснились въ его головѣ, и если когда нибудь Робеспьеръ былъ счастливъ, то въ эту минуту.

Кто-то постучался.

— Войдите!—сказалъ Робеспьеръ, словно пробужденный ото сна

Это былъ Леба, который, едва переводя дыханье, прибѣжалъ сказать ему, что конвентъ уже собрался и ждетъ его.

— Вилагъ прислалъ меня сюда,—прибавилъ онъ:—а то я не зналъ, гдѣ васъ искать.

— Еще рано,—произнесъ Робеспьеръ.

— Какъ рано!—уже половина перваго.

— Неужели половина перваго?

Начало праздника было назначено въ двѣнадцать часовъ, значитъ, онъ опоздалъ на полчаса. Ироническія улыбки нѣкоторыхъ членовъ конвента при его появленіи на трибунѣ были достойной карой за его неаккуратность.

— Онъ не отличается учтивостью королей, хотя дерзокъ, какъ они,—послышался голосъ Барера.

Такимъ образомъ капли желчи уже примѣшивались къ его чапѣ счастья. Но громовыя рукоплесканія раздались во всемъ саду, и Робеспьеръ подошелъ къ самому краю трибуны. Народныя толпы хлынули со всѣхъ сторонъ къ нему, чтобы не проронить ни одного слова. Окруженный народнымъ энтузіазмомъ и одурающимъ благоуханіемъ цвѣтовъ, «неподкупный» возвышался на своей трибунѣ высоко надо всѣми.

— Трибуна-то' устроена, точно тронъ,—раздался снова чей-то голосъ. Дѣйствительно трибуна была помѣщена на высокомъ пьедесталѣ, и только теперь Робеспьеръ замѣтилъ неловкость своего положенія. Поэтому онъ съ замѣтнымъ волненіемъ вынулъ изъ кармана бумагу и началъ читать свою рѣчь. Голосъ его былъ слышенъ только сидѣвшими близъ него членами конвента. Самыя блестящія фразы, на которыя онъ всего болѣе рассчитывалъ, прошли незамѣченными, и ихъ громко одобряли только друзья, которые казались какими-то театральными клакерами.

Когда Робеспьеръ замолкъ, то раздались шумныя рукоплесканія, но не вокругъ его, а въ народныхъ толпахъ. Въ ту же минуту слышалось гнѣие опернымъ хоромъ гимна, сочиненнаго Госсекомъ. «Неподкупный» сошелъ съ трибуны, недовольный собою, но убѣжденный, что успѣхъ его второй рѣчи, которую онъ долженъ былъ произнести къ народу на площади Революціи у подножья статуи «Свободы», залладить эту первую неудачу. Тамъ онъ войдетъ въ соприкосновеніе съ народомъ, а народъ стоялъ за него, что доказывалось и теперь его шумными рукоплесканіями. Робеспьеръ въ сопровожденіи конвента пошелъ къ первому фонтану, гдѣ возвышалась аллегорическая группа, изображавшая Атеизмъ и Безуміе, окруженные Пороками, тогда какъ Мудрость стояла поодаль и указывала на нихъ пальцемъ. Всѣ эти фигуры были устроены пиротехнически; Робеспьеръ долженъ былъ зажечь фитиль, и Атеизмъ вмѣстѣ съ Безуміемъ и Пороками, лучезарно вспыхнувъ, исчезъ бы, оставивъ за собою торжествующую Мудрость. Но оказалось, по

какой-то злой ироніи судьбы, что Мудрость загорѣлась прежде всего и увлекла за собой въ бездну огня остальные фигуры, при оскорбительномъ смѣхѣ большинства депутатовъ.

Робеспьеръ поблѣднѣлъ. Очевидно, празднество началось не при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Невольно онъ обвелъ глазами вокругъ себя, съ инстинктивнымъ желаніемъ, которое всегда овладѣвало имъ въ критическія минуты, найти себѣ опору въ какомъ нибудь сочувственномъ взглядѣ. Его вниманіе остановилось на хорошенькомъ розовомъ ребенкѣ, который, сидя на рукахъ у своей молодой матери, игралъ букетомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ и хлѣбныхъ колосьевъ, который мать протягивала Робеспьеру. Онъ узналъ свой букетъ, который онъ въ своемъ смущеніи забылъ на трибунѣ, и который теперь ему возвращался столь граціознымъ образомъ. Среди непріятныхъ впечатлѣній это деликатное вниманіе живительно подѣйствовало на него, и онъ съ благодарной улыбкою взялъ букетъ.

Между тѣмъ шествіе двигалось къ площади Революціи, предшествуемое трубачами и барабанщиками, среди двухъ шпалеръ національныхъ гвардейцевъ, сдерживающихъ толпы любопытныхъ. Всѣ депутаты были въ официальномъ костюмѣ: темно-синемъ сюртукѣ съ красными воротниками, узкихъ брюкахъ, высокихъ сапогахъ, широкихъ трехцвѣтныхъ перевязяхъ и трехцвѣтномъ плюмажѣ на шляпахъ. Каждый изъ нихъ держалъ по букету изъ полевыхъ цвѣтовъ и злаковъ. Робеспьеръ отличался ото всѣхъ болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ своего сюртука.

Онъ шелъ впереди своихъ товарищей, и на немъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе. Преодолевъ свое смущеніе и предчувствуя свое наступавшее торжество, онъ жадно прислушивался къ крикамъ народа, встрѣчавшаго шумными рукоплесканіями на площади Революціи передовыя группы шествія. Это были представители различныхъ кварталовъ Парижа со знаменосцами и хорами музыки. Достигнувъ сквера, они раздѣлились на двѣ группы: съ одной стороны расположились женщины и молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ съ букетами розъ, а съ другой—старики и юноши съ дубовыми и лавровыми вѣтвями. Народныя толпы встрѣтили ихъ появленіе восторженными криками и общимъ дружнымъ пѣніемъ «Chant du départ». Когда пламенные звуки народного гимна Менеля замерли, то ихъ замѣнило пѣніе новаго произведенія Госсека, которое зывало къ Верховному Существо, чтобы оно благословило Францію и все человѣчество.

Затѣмъ показался баталіонъ юныхъ парижскихъ воиновъ, въ синихъ и розовыхъ одеждахъ, державшихъ въ рукахъ длинныя пики, украшенныя трехцвѣтными лентами. Но наибольшій восторгъ вызвала группа, изображавшая четыре возраста: дѣтство, юность, зрѣлость и старость; многочисленныя дѣти, юноши, молодыя дѣвушки, мужчины и старухи были увѣнчаны символическими вѣн-

ками изъ фіалокъ, дубовыхъ листьевъ, миртъ, масличныхъ вѣтвей и виноградныхъ лозъ. Единодушный взрывъ энтузіазма огласилъ воздухъ, залитый золотистыми лучами солнца, которые весело играли на флагахъ и трехцвѣтныхъ лентахъ.

Восторженное настроеніе толпы достигло своего апогея. При появленіи на площади Революціи членовъ конвента отовсюду раздались крики:

— Онъ здѣсь?

— Кто?

— Робеспьеръ.

Народная толпа такъ нетерпѣливо ожидала увидѣть своего героя, что она принимала за него то одного депутата, то другого. Наконецъ онъ явился, любезно улыбаясь и держа шляпу въ рукахъ.

— Это онъ! это онъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Дѣйствительно это былъ Робеспьеръ. Въ воздухъ полетѣли шляпы, чепцы; всюду махали платками, букетами, пальмовыми вѣтвями. Матери высоко подымали дѣтей, чтобы показать имъ народнаго кумира.

Робеспьеръ медленно подвигался, умѣряя свои шаги, чтобы не слишкомъ опередить депутатовъ, которые выступали по шести въ рядъ съ торжественной суровостью судей. Все шествіе расположилось вокругъ статуи Свободы, подлѣ которой воздвигнутъ былъ жертвенникъ изъ цвѣтовъ. Передъ нимъ надлежало освятить среди клубовъ еиміама поклоненіе Верховному Существо.

Когда «неподкупный» проходилъ черезъ то мѣсто, гдѣ еще наканунѣ возвышалась гильотина, какая-то женщина упомянула объэтомъ по простотѣ души. Но ея голосъ былъ заглушенъ звуками сотни арфъ, которыя наполнили воздухъ нѣжной мелодіей. Всѣ члены конвента достигли уже площади Революціи, и тогда показалась замыкавшая шествіе колесница Земледѣлія, задрапированная синей матеріей, увѣшанная гирляндами розъ и запряженная двумя волами съ золочеными рогами. Богиню земледѣлія изображала красивая танцовщица изъ оперы, которая сіяла блестящей красотой молодости, а ея прелестная бѣлокурая голова была украшена вѣнкомъ изъ золотистыхъ колосевъ.

Стоя передъ жертвенникомъ, Робеспьеръ зажегъ приготовленные ароматы востока, и облака еиміама окружили его дрожащимъ въ воздухъ ореоломъ. Потомъ онъ спустился со ступеней жертвенника и обратился къ народу. Звуки музыки, восторженные восклицанія народа, оживленный говоръ и даже крики уличныхъ торговцевъ мгновенно замолкли. Сотни тысячъ глазъ устремились на Робеспьера, и онъ началъ рѣчь, простирая руки надъ безмолвно внимавшей толпой.

Неожиданное вдохновенье овладѣло имъ: онъ рѣшилъ повторить самыя замѣчательныя фразы изъ его прежней рѣчи. Депутаты вы-

слушали ихъ холодно, равнодушно, а народъ, сердце котораго билось въ униссонъ съ его сердцемъ, докажетъ своимъ искреннимъ восторгомъ ихъ справедливость и публично дастъ урокъ своимъ представителямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказъ во всемъ и всегда повиноваться «неподкупному».

Теперь увлекаемый общимъ энтузіазмомъ толпы Робеспьеръ говорилъ свободно, пламенно, ниразу не смотря на бумагу. Голосъ его раздавался громко, внушительно. Каждая его фраза вызывала громъ рукоплесканій, наполнявшихъ все фибры его сердца чувствомъ гордаго довольства. Онъ сознавалъ, что дѣйствительно и навсегда былъ повелителемъ Франціи, всемогущимъ диктаторомъ по волѣ народа. Онъ уже видѣлъ конвентъ у своихъ ногъ, побѣжденный, пораженный этимъ грознымъ выраженіемъ народной воли.

— Благодарю всю французскую націю,—говорилъ онъ восторженно:—что, оставивъ на этотъ день свои личныя заботы, она обратила свои мысли и стремленія къ Великому Верховному Существому. Никогда, да, никогда сотворенный Имъ міръ не представлялъ Ему столь достойнаго зрѣлища. Онъ видѣлъ до сихъ поръ царство тирановъ, преступленія, лжи на землѣ...

Неожиданно въ толпѣ недалеко отъ Робеспьера какой-то человекъ произнесъ въ полголоса какое-то оскорбительное для него выраженіе, но Робеспьеръ его не слышалъ и продолжалъ:

— Французы, если вы хотите восторжествовать надъ своими врагами, будьте справедливы и принесите Верховному Существому единственное достойное Его приношеніе, т. е. будьте нравственны, добры и великодушны...

— Сохраняя гильотину!—громко воскликнулъ голосъ въ толпѣ съ ироническимъ хохотомъ.

Вокругъ человека, произнесшаго эти слова, поднялась суматоха. Но изъ уваженія къ Робеспьеру, который продолжалъ свою рѣчь, раздавались восклицанія въ полголоса:

— Арестовать его!

— Что ему нужно?

— Что онъ сказалъ?

На послѣдній вопросъ Оливье, такъ какъ это былъ онъ, отвѣчалъ:

— Я сказалъ, что вы должны крикнуть этому шарлатану: «вмѣсто того, чтобы курить еиміамъ твоему идолу, тиранъ, лучше сожги гильотину»!

Въ эту минуту васъ народъ съ большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ прежде, покрылъ рукоплесканіями послѣднія слова Робеспьера, и выведенный изъ себя Оливье закричалъ во все горло, въ какомъ-то дикомъ изступленіи:

— Дураки, они еще рукоплещутъ ему!

Толпа не вынесла этого оскорбленія, и послышались сотни голосовъ:

— Смерть ему! Смерть!

Теперь голосъ Робеспьера былъ совершенно заглушенъ неистовымъ воплемъ толпы, среди которой Оливье безпомощно боролся съ десятками рукъ, протянутыми, чтобы разорвать его на куски.

— Смерть ему! Это аристократъ! Это шуанъ!—ревѣла толпа, и одинъ изъ патриотовъ уже хотѣлъ пронзить его пикой, какъ толпу растолкалъ полицейскій отрядъ, и предводитель его, схвативъ Оливье за горло, громко воскликнулъ:

— На троньте его, съ нимъ справится законъ.

Это былъ Геронъ, глава полицейскихъ агентовъ комитета общественной безопасности.

Съ помощью своихъ людей онъ повлекъ Оливье къ Робеспьеру, который, увидя смятенье, сошелъ съ платформы и направился въ толпу. Всѣ разступились передъ нимъ, и онъ торжественно спросилъ:

— На что жалуется этотъ безумецъ, дерзнувшій помѣшкать нашему празднеству?

— На тебя, негодяй, лицемѣрь! — кричалъ во все горло Оливье:—какъ ты смѣешь говорить о справедливости и человѣколюбіи на томъ мѣстѣ, гдѣ ты пролилъ столько неповинной крови.

Стонъ ужаса вырвался изъ груди всѣхъ присутствовавшихъ. Но Робеспьеръ знакомъ руки водворилъ молчаніе. Оливье въ эту минуту хотѣлъ броситься на него, но его удержала полиція.

— Посмотри на подошвы твоихъ башмаковъ,—кричалъ онъ видя себя:—онѣ красны отъ крови и...

Но ему не дали продолжать, и по знаку «неподкупнаго» полиція увела его, изъ боязни, чтобы его не растерзала толпа, оглашавшая воздухъ:

— Смерть ему! Смерть ему!

— Вы можете меня убить, негодяи!—произносилъ Оливье:—но я первый подниму крикъ, который будетъ повторенъ вскорѣ всѣми: долой гильотину!

Его слова были заглушены общимъ смятеніемъ. Но черезъ минуту Робеспьеръ вернулся къ статуѣ Свободы и спокойно, торжественно произнесъ:

— Граждане, вернемся къ нашему счастливому празднеству, которому не могутъ помѣшать безумныя оскорбленія измѣнника! Завтра мечъ правосудія будетъ карать враговъ отечества!

Вся двухсотъ-тысячная толпа воскликнула, какъ одинъ человѣкъ:

— Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Робеспьеръ! Да здравствуетъ «неподкупный»!

Только вдали раздавался одинокій голосъ, едва слышно произносившій:

— Долой гильотину!

Это былъ Оливье, котораго полиція съ помощью національной гвардіи вводила въ тюрьму.

VII.

Робеспьеръ медленно сошелъ со ступеней, надъ которыми выштался жертвенникъ. Послѣднія слова Оливье поразили его въ самое сердце, какъ онъ ни казался хладнокровнымъ. Этотъ голосъ, полный ненависти и мести, послышался изъ толпы, которая, по его мнѣнію, была заодно съ нимъ. Правда, народъ протестовалъ противъ оскорбленія, раздавагося среди него, но все-таки народу пришлось защищать его, тогда какъ онъ думалъ, что народъ единодушно признаетъ его диктаторомъ Франціи.

Блѣдный и тревожный, слѣдовалъ онъ за процессіей на Марсово полѣ, гдѣ торжество должно было кончиться грандіозной патриотической демонстраціей. Онъ чувствовалъ, что его всемогущество колеблется, и удивлялся, сколько еще фальшивыхъ нотъ нарушаетъ гармонию торжества. Увы, всюду были замѣтны предзнаменованія раздора. Многіе изъ членовъ конвента, подстрекаемые смѣлой выходкой Оливье, громко выражались очень свободно и саркастически. До ушей Робеспьера доносились слова ненависти, презрѣнія, угрозы и роковыхъ предсказаній.

— Онъ возбуждаетъ во мнѣ только отвращеніе и ненависть!— говорилъ одинъ.

— Одинъ только шагъ отъ Капитолія до Тарпейской скалы!— прибавлялъ другой.

— Всегда можетъ найтись новый Брутъ!—сказалъ третій.

Заставить замолчать всѣ эти злые языки могъ только гласъ народа, который громко бы произнесъ на всю Францію:

— Да будетъ Робеспьеръ диктаторомъ, пожизненнымъ диктаторомъ!

Но тщетно ждалъ «неподкупный» такого народнаго приговора. Праздникъ на Марсовомъ полѣ далеко не былъ такимъ торжественнымъ и блестящимъ, какъ торжество на площади Революціи. Всѣ устали, и нервы у всѣхъ были разстроены. Робеспьеръ произнесъ еще рѣчь, но народъ слушалъ его разсѣянно. Вообще день окончился среди общаго утомленія. Обратное шествіе совершилось безпорядочно и безъ малѣйшаго торжества.

Робеспьеръ долженъ былъ вернуться въ Тюильри для совѣщанія со своими товарищами по конвенту и комитету общественной безопасности. Но вмѣсто того онъ отправился домой и заперся въ своей комнатѣ. Семья Дюплэ настигла его у дверей дома.

— Не правда ли, праздникъ очень удался?—спросила старуха Дюплэ.

— Да,—отвѣчалъ Робеспьеръ.

— Такъ вы довольны?

— Да, но я очень усталъ.

Корнелия подошла къ нему и стала ему рассказывать подробности торжества, которыхъ онъ, вѣроятно, не замѣтилъ.

— Неужели? это очень интересно!—отвѣчалъ онъ:—вы мнѣ все расскажете завтра.

— Развѣ вы не будете обѣдать съ нами?

— Нѣтъ. Мнѣ надо отдохнуть.

Она продолжала его упрашивать не испортить ихъ праздника, но онъ произнесъ:

— Нѣтъ, извините меня. До свиданія. Дозавтра.

Съ этими словами онъ ушелъ въ свою комнату и заперъ за собою дверь.

Въ этотъ вечеръ всѣ были очень печальны въ домѣ Дюплэ. Никто не дотрогивался до ужина. Ни для кого не была тайна, что день вмѣсто торжества окончился большимъ разочарованіемъ для Робеспьера, и всѣ раздѣляли его чувства, хотя не желали этого обнаружить.

— Не надо его беспокоить, — сказала г-жа Дюплэ, хотя вся семья хорошо поняла, что утомленіе было только придумано имъ для предлога.

— Но развѣ мы не пойдемъ смотрѣть фейерверкъ?

— Нѣтъ, — отвѣчала его мать:—мы не можемъ забавляться безъ него.

И всѣ легли спать очень рано.

Домъ, обитатели котораго проснулись въ этотъ день веселые, счастливые, безмолвно дремали, когда улицы Парижа снова наполнились шумной толпой, спѣшившей на фейерверкъ.

Робеспьеръ увидѣлся съ семьею Дюплэ только на слѣдующій день за ужиномъ. Все утро и весь день онъ провелъ въ своей комнатѣ, подъ предлогомъ спѣшной работы. Дѣйствительно онъ работалъ одинъ въ безмолвной тишинѣ надъ составленіемъ грознаго преріальскаго закона, который онъ намѣревался на другой день предложить на утвержденіе конвента. Этой суровой мѣрой уничтожалась всякая защита подсудимаго въ революціонномъ трибуналѣ, и не требовалось для удостовѣренія виновности подсудимаго ни уликъ, ни добровольнаго признанія, ни свидѣтельскихъ показаній, а достаточно было нравственнаго убѣжденія судей, что подозрѣваемый виновенъ.

Этимъ законопроектомъ онъ отвѣчалъ на нанесенныя ему публично оскорбленія. Онъ хотѣлъ основать свое диктаторство на мирной демонстраціи, но это ему не удалось. Измѣнники могли быть побѣждены только терроромъ. Этотъ безжалостный законъ, конечно,

Робеспьеръ самъ намѣревался представить въ конвентъ, и, конечно, даже его враги безмолвно должны были его принять послѣ того скандала, который случился наканунѣ. Даже этотъ скандалъ былъ хорошимъ предлогомъ для проведенія новаго закона, который будетъ примѣненъ впервые къ безумному юношѣ, оскорбившему Робеспьера, какъ еще никто его никогда не оскорблялъ, и ко всѣмъ близкимъ ему лицамъ.

Покончивъ съ этой работой, Робеспьеръ сошелъ въ столовую, гдѣ вся семья Дюплэ собиралась для ужина. Столъ былъ накрытъ не на дворѣ, гдѣ ужинали въ послѣдніе дни, чтобы отвлечь мысли Робеспьера отъ злополучнаго празднества, о которомъ въ тѣ дни столько было разговора.

Вся семья встрѣтила его очень радушно и была рада видѣть его здоровымъ и веселымъ. Онъ объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ, что совершенно оправился, и былъ очень доволенъ, что отдохнулъ цѣлый день, но окружавшія его улыбки и видимыя старанія отвлечь его вниманіе отъ неприятнаго предмета, занимавшаго всѣхъ, наконецъ ему надоѣли. Послѣ десерта онъ самъ навелъ разговоръ на вчерашнія событія.

— Скажите мнѣ откровенно,—спросилъ онъ у г-жи Дюплэ:—какое вы вынесли впечатлѣніе изъ вчерашняго торжества?

— Оно было грандіозно,—отвѣчала она.

— Вы говорите, какъ добрая женщина и мать,—произнесъ онъ печально и признался своимъ друзьямъ, что всѣ его надежды не исполнились, такъ что ему приходится начинать дѣло сызнова.

— Вы преувеличиваете,—замѣтилъ Леба.

— Нисколько,—замѣтилъ спокойно Робеспьеръ,—и цѣлый день я провелъ въ подготовленіи моей мести.

Въ эту минуту раздался стукъ въ дверь, и Мористъ, отворивъ ее, радостно воскликнулъ:

— Это—Буонароти.

— Какой пріятный сюрпризъ!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

Въ сущности это вовсе не былъ сюрпризъ. Дѣвицы Дюплэ нарочно пригласили Буонароти къ ужину, такъ какъ онъ отлично игралъ на фортепіано и охотно аккомпанировалъ Леба, талантливому скрипачу. Вообще Буонароти былъ очень оригинальнымъ человѣкомъ: родомъ съ Корсики, онъ признавалъ себя прямымъ потомкомъ Микель Анджело и былъ не только пламеннымъ революціонеромъ, но рьянымъ поклонникомъ Робеспьера. На полученное приглашеніе онъ отвѣчалъ отказомъ въ виду какихъ-то спѣшныхъ занятій, но обѣщалъ зайти вечеромъ, чтобы постараться развлечь своего друга.

Г-жа Дюплэ воспользовалась его появленіемъ, чтобы перейти въ гостиную, и предложила тотчасъ заняться музыкой, хотя Буонароти горѣлъ желаніемъ разсказать Робеспьеру собранныя имъ

свѣдѣнія о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ вчерашній праздникъ на различные кружки Парижа, но ему не дали времени поболтать и прямо усадили за фортепіано, а Леба взялъ на скрипкѣ первые акорды одной изъ сонатъ Моцарта.

Ни въ одной изъ комнатъ дома Дюплэ такъ ярко не обнаруживался культъ къ Робеспьеру, какъ въ этой гостиной, скромно меблированной диванами и креслами, покрытыми утрехтскимъ бархатомъ. Портреты «неподкупнаго» видѣлись всюду: на стѣнахъ, на столахъ, на кронштейнахъ и даже на фортепіано. Они были всевозможнаго вида и формъ, начиная отъ портретовъ карандашомъ и акварелью до медальоновъ бронзовыхъ и алебастровыхъ. Вся семья Дюплэ любила проводить свободное время въ этомъ храмѣ, посвященномъ полубогу. Они проводили тутъ вечера, на которые иногда являлись немногочисленные друзья дома. Дочери Дюплэ обыкновенно были заняты вышиваньемъ и шитьемъ, а мужчины разговаривали о различныхъ предметахъ, часто возбуждаемыхъ перепиской Робеспьера, которую обыкновенно вскрывалъ Дюплэ или Леба.

По временамъ искали развлечения въ музыкѣ или въ чтеніи. Относительно первой пальма первенства принадлежала Леба и Буонароти, но въ декламации никто не могъ сравниться съ Робеспьеромъ. Онъ сохранилъ свою юношескую любовь къ стихамъ и съ удивительнымъ искусствомъ читалъ среди суровой республиканской обстановки трагедіи Корнеля и Расина съ замѣчательнымъ выраженіемъ и эффектомъ.

Но въ этотъ вечеръ онъ обращалъ мало вниманія на музыку, самъ разбирая свою многочисленную переписку. Съ лихорадочной поспѣшностью онъ вскрывалъ письма, бросалъ на нихъ взглядъ и передавалъ Симону для ихъ классификаціи или для уничтоженія. Старуха Дюплэ по обыкновенію дремала, сидя въ покойномъ креслѣ, а ея мужъ курилъ трубку у окна, изъ котораго онъ слѣдилъ за уходомъ рабочихъ, задержанныхъ какой-то слѣбной работой. Юный Морисъ перебѣгалъ отъ одной группы къ другой, быстро прыгая по комнатамъ съ ловкостью бѣлки.

Неожиданно Буонароти заигралъ гимнъ Верховному Существо, сочиненный Госсекомъ, и, услыхавъ эти звуки, Робеспьеръ невольно вспомнилъ о событіяхъ, совершившихся наканунѣ. Судя по полученнымъ имъ письмамъ и полицейскимъ донесеніямъ, нельзя было сомнѣваться, что его предполагаемое торжество оказалось полнымъ поражениемъ.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Дидье, и на вопросъ Робеспьера, какого онъ—мнѣнія о вчерашнемъ праздникѣ, онъ отвѣчалъ:

— Все обошлось прекрасно!

— Вы лжете!—произнесъ Робеспьеръ.

Прижатый такимъ образомъ къ стѣнѣ полицейскій агентъ дол-

женъ былъ согласиться, что дѣло было совершенно проиграно, и, къ сожалѣнію, по винѣ полиціи. Люди, которыхъ наняли для исполненія роли кланеровъ, получили деньги впередъ, напились въ кабакахъ и явились, когда уже было поздно. Кромѣ того, Дидье сообщилъ нѣсколько другихъ фактовъ, которые привели втупикъ Робеспьера, не подозрѣвавшаго, чтобы его враги были такъ смѣлы. Онъ позвалъ Дюплэ, чтобы посоветоваться, но Дидье, видя смущеніе «неподкупнаго», взялъ смѣлость предложить ему совѣтъ.

— Между нами,—сказалъ онъ,—гильотина становится очень непопулярной. Слова молодого фанатика «долгой гильотину», повидимому, охотно произнесли бы многіе изъ присутствующихъ вчера на праздникѣ, если бы только имѣли достаточно на это храбрости. Большинству опротивѣла гильотина, что доказывается протестомъ обитателей Бастильскаго квартала противъ перенесенія туда гильотины. Комитетъ общественной безопасности разсмотрѣлъ этотъ протестъ сегодня въ вашемъ отсутствіи и рѣшилъ перенести гильотину къ Тронной заставѣ.

Это послѣднее извѣстіе вывело изъ себя Робеспьера. Какъ! его товарищи по комитету осмѣлились сдѣлать такой важный шагъ безъ него и на другой день послѣ его публичнаго оскорбленія. Нечего сказать, хорошую они выбрали минуту, чтобы выказать свое отвращеніе къ гильотинѣ!

— А сколько сегодня было приговорено лицъ въ трибуналѣ?—спросилъ Робеспьеръ у Дюплэ.

— Пятнадцать.

— Маловато! Неужели трибуналъ принадлежитъ къ заговору мягкосердечныхъ.

— Это—случайное обстоятельство, и Фукье-Тенвиль въ качествѣ государственнаго обвинителя замѣтилъ въ концѣ засѣданія, что если дѣла будутъ итти такимъ образомъ, то они никогда не кончатся, такъ какъ въ тюрьмахъ сидѣло до семи тысячъ обвиняемыхъ.

— Фукье-Тенвиль правъ: дѣла идутъ слишкомъ медленно.

— Но какъ же имъ итти скорѣе?

— Погодите, у меня есть свой планъ.

— А можно узнать?

— Вы его узнаете завтра. А пока мнѣ надо сдѣлать примѣръ изъ этого юнаго фанатика, съ которымъ пора покончить!—И, обращаясь къ Дидье, Робеспьеръ спросилъ:—гдѣ онъ?

— Въ двухъ шагахъ отсюда: въ полицейскомъ участкѣ улицы Сень-Флорентинъ, куда Геронъ заперъ его до вашего распоряженія.

— Хорошо, прикажете Герону привести его сюда. Я хочу его лично допросить!

Повелительный тонъ этихъ словъ не допускалъ возраженія, и

Дидье быстро вышелъ изъ комнаты въ сопровожденіи Симона, которому «неподкупный» далъ нѣсколько порученій.

— А теперь, я надѣюсь, вы обратите вниманіе и на насъ,—сказала Корнелія и, кокетливо взявъ за руку Робеспьера, хотѣла подвести къ фортепіано, но онъ учтиво поцѣловалъ ей руку и просилъ позволенія написать два слова его другу Сень-Жюсту.

— А затѣмъ,—прибавилъ онъ,—я весь въ вашемъ распоряженіи.

Онъ сѣлъ къ столу и сталъ писать. Послѣ него помѣстился Леба, который пересталъ играть на скрипкѣ и курилъ трубку.

— А какія извѣстія изъ Сѣверной арміи?—спросилъ онъ у Робеспьера.

— Сень-Жюстъ пишетъ оттуда, что все обстоитъ благополучно,—отвѣчалъ «неподкупный».

— Я также имѣю хорошія извѣстія отъ брата Огюстена. Онъ вскорѣ возвращается изъ Ліона и очень рекомендуетъ мнѣ молодого артиллерійскаго генерала, котораго онъ зналъ въ Ниццѣ и который отличился въ Тулонѣ. По его словамъ, этотъ молодой человекъ могъ бы съ пользой замѣнить пьяницу Ганрію въ качествѣ начальника Парижской арміи.

— Вы говорите о Бонапарте?—спросилъ Буонароти, попрежнему что-то игравшій на фортепіано.

— А вы знаете его?—спросилъ Робеспьеръ, взглянувъ на Буонароти.

— Еще бы не знать!—мы жили съ нимъ въ Корсикѣ.

— Какого же вы о немъ мнѣнія?

— Самаго лучшаго. Онъ истый республиканецъ.

— Хорошо, увидимъ!—произнесъ Робеспьеръ, который всегда придерживался принципа, что военныхъ не надо долго оставлять на одномъ мѣстѣ.

Онъ снова принялся за свое письмо, но не успѣлъ онъ написать нѣсколькихъ словъ, какъ Дюплэ воскликнулъ:

— Я и забылъ, Максимилианъ, отдать вамъ письмо.

— Отъ кого?—спросилъ «неподкупный», не поднимая глазъ съ бумаги.

— Отъ какого-то арестанта, который наивно отдалъ его одному изъ шпионовъ, а тотъ отдалъ мнѣ сегодня въ трибуналѣ.

Дюплэ вынулъ изъ кармана письмо и отдалъ Робеспьеру, а тотъ, не взявъ его, сказалъ:

— Прочтите письмо съ Леба.

Послѣдній подошелъ къ камину, гдѣ горѣла свѣчка, и сталъ читать письмо вмѣстѣ съ Дюплэ.

Это было письмо Клариссы къ Робеспьеру.

«Я не писала бы вамъ, если бы только мнѣ пришлось просить о себѣ, но я должна умолять васъ спасти жизнь моей племянницы,

находящейся въ этой тюрьмѣ вмѣстѣ со мной, и моего девятнадцати-лѣтняго сына, котораго могутъ каждую минуту арестовать и подвергнуть казни, по приказанію, страшно подумать кого!

«Кларисса».

Окончивъ письмо къ Сень-Жюсту, Робеспьеръ спросилъ:

— Ну, отъ кого это письмо?

— Отъ женщины, которая умоляетъ освободить племянницу, находящуюся вмѣстѣ съ нею въ тюрьмѣ.

— Миѣ надоѣли эти письма!—произнесъ Робеспьеръ:—я получаю ихъ по двадцати каждый день.

— Она умоляетъ также спасти ея сына.

— Всегда одно и то же.

— Такъ бросить письмо въ корзину?

— Пожалуйста.

Но Дюплэ взялъ письмо изъ рукъ Леба, свернулъ его, зажегъ на свѣчкѣ и сталъ закуривать трубку.

Робеспьеръ всталъ и подошелъ къ фортепіано, гдѣ его встрѣтили веселыми восклицаніями:

— Наконецъ-то!

Корнелія сказала что-то шопотомъ Буонароти и положила на пюпитръ фортепіано новыя ноты.

— А въ награду,—сказала она,—Буонароти споетъ вамъ свой новый романсъ.

— А слова романса, который онъ положилъ на музыку, написаны вашимъ пріятелемъ!—сказала таинственнымъ тономъ г-жа Леба.

Робеспьеръ спросилъ имя этого пріятели, но Викторія объявила, что онъ долженъ отгадать это имя. Наконецъ послѣ непродолжительнаго пререкательства всѣ женщины въ одинъ голосъ воскликнули:

— Его имя Максимиліанъ Робеспьеръ!

— Вотъ пустяки!—произнесъ съ улыбкой «неподкупный»:—что вы говорите, я написалъ стихи?

— Да!

И Корнелія начала декламировать:

«Поберегись, красавица Офелія!»

Дѣйствительно онѣ были правы, и Робеспьеръ вспомнилъ, что онъ написалъ эти стихи въ Арасѣ и даже читалъ ихъ публично въ засѣданіи литературнаго общества Розатти, къ которому онъ принадлежалъ. Даже первый куплетъ сохранился въ его памяти, и онъ тотчасъ его продекламировалъ.

— А вы дѣйствительно переложили этотъ романсъ на музыку?—спросилъ онъ у Буонароти, окончивъ декламацію:—если такъ, то я съ удовольствіемъ послушалъ бы вашу музыку.

Г-жа Леба сѣла за фортепіано, а Буонароти спѣлъ первый куплетъ, сопровождаемый общими рукоплесканіями.

Робеспьеръ былъ очень доволенъ и присоединился къ общему одобренію.

Но въ эту минуту въ открытое окно послышался на улицѣ крикъ разносчика газетъ.

— Купите сегодняшній листъ приговоренныхъ!

«Неподкупнаго» передернуло, и хотя Буонароти началъ второй куплетъ, но пока онъ пѣлъ его, на улицѣ снова раздалось:

— Купите выигрышные номера лотереи святой гильотины! Купите! купите!

— Закройте окно!—произнесъ съ нетерпѣніемъ Робеспьеръ.

Морисъ подбѣжалъ къ окну и воскликнулъ:

— Пришелъ Геронъ съ тремя неизвѣстными!

На всѣхъ лицахъ выразилось удивленіе. Только Робеспьеръ зналъ, въ чемъ дѣло, и спокойно сказалъ:

— Я послалъ за нимъ, и онъ привелъ негодяя, который нарушилъ порядокъ на вчерашнемъ праздникѣ.

— А шуанъ, надѣлавшій шуму на площади Революціи!—воскликнули въ одинъ голосъ дамы и стали съ любопытствомъ смотрѣть на дверь, въ которую постучались.

— Войдите,—произнесъ Дюплэ.

Геронъ появился на порогѣ и почтительно поклонился.

— Обвиняемый съ вами?—спросилъ Робеспьеръ нервно.

Полицейскій агентъ утвердительно кивнулъ головой и по приказанію Робеспьера велѣлъ двумъ сторожамъ ввести въ комнату Оливье, блѣднаго, утомленнаго, со связанными руками. Онъ не сопротивлялся и какъ бы привыкъ къ своей роли жертвы.

— Красивый мальчикъ!—сказала въ полголоса г-жа Леба.

Робеспьеръ издали осмотрѣлъ юношу съ головы до ногъ и, не подходя къ нему, спросилъ Герона:

— Что вы узнали о немъ?

Оказалось, что о немъ собрали очень мало справокъ. Въ первыя минуты ареста юноша проговорился, что его мать и невѣста были въ тюрьмѣ, и онъ боялся, что ихъ приговорятъ къ казни. Но съ тѣхъ поръ онъ не промолвилъ ни слова. Единственныя свѣдѣнія, имѣвшіяся о немъ, были доставлены г-жею Легранъ, содержательницей меблированныхъ комнатъ въ улицѣ Роше. Узнавъ объ его арестѣ, она заподозрѣла своего жильца и, явившись въ полицію, дѣйствительно признала, что это былъ Жерменъ, ученикъ слесаря, поселившійся у нея два дня передъ тѣмъ.

— Гдѣ его бумаги?—спросилъ Робеспьеръ.

— У него нѣтъ никакихъ. Даже нѣтъ паспорта.

При немъ оказалось лишь немного денегъ въ кошелекѣ, связка ключей и бумажникъ.

Все это Геронъ положилъ на столъ.

— А оружія у него не было?—и, получивъ утвердительный

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки. пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. П. Шубинскій.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

МАРТЪ, 1901.

СОДЕРЖАНИЕ

МАРТЪ, 1901 г.

	СТРАН.
I. На чужбинѣ. Записки эмигранта. Романъ. (Посвящается Льву Николаевичу Толстому). (Продолженіе). V—VII. Марка Басанина	857
II. Записки Н. И. Мамаева . (Продолженіе). Часть первая. Гл. VI—VIII.	888
III. Переходное время. (Изъ быта ремесленниковъ). (Продолженіе). X—XXI. М. Е. Ермолиной	921
IV. Воспоминанія военнопленнаго. В. Н. Клевезала	950
V. Исторія карточной игры на Руси. (Окончаніе). VIII—XIII. В. О. Михневича	978
VI. Главная задача исторіи. Н. Н. Страхова	1012
VII. Три встрѣчи съ Ф. М. Достоевскимъ . (Отрывокъ изъ воспоминаній). А. А. Зеленецкаго	1021
VIII. Къ біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина . Барона Н. В. Дризенна	1030
IX. Грузинская царица въ Бѣлгородѣ. А. А. Танкова	1135
X. По слѣдамъ голода. (Изъ воспоминаній очевидца). Василія Лар. Якимова	1052
XI. Сувѣрїе и преступленіе. (Изъ воспоминаній мирового судьи). П. А. Тулуба	1082
XII. Къ біографіи П. А. Оедотова . В. В. Жерве	1102
Иллюстраціи: 1) Павелъ Петровичъ Киневичъ.—2) Ростиславъ Матвѣевичъ Лермонтовъ.—3) Александръ Оттовичъ Бекъ.—4) Иванъ (или Левъ?) Федоровичъ Наствкн.г.—5) И. М. Радивановскій.—6) Ce n'est pas moi, m-Ne.—7) Мадонна съ Младенцемъ.	
XIII. Признанія эмира Афганскаго. Л. А. Богдановича	1126
XIV. Послѣдній отпрыскъ Ганноверскаго дома. I—IV. В. Т.	1138
XV. Критика и библіографія	1170

1) В. М. Грибовскій. Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II. Сиб. 1901. л—на.—2) Посольство Кунрада Фанъ-Кленка къ царю Алексѣю Михайловичу и Теодору Алексѣевичу. Изданіе Археографической комиссіи. Сиб. 1900. в. в—на.—3) Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ. Изданіе А. П. Лопухина. Томъ I. Инославный христіанскій Западъ. Сиб. 1900. с.—4) Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Сиб. 1900.—ц.—5) Литературный Вѣстникъ. Изданіе русскаго библиологическаго общества. Томъ I. Книжка I. Сиб. 1901. **Николая Энгельгардта**.—6) Московская трагедія, или рассказъ о жизни и смерти Димитрія. Со снимкомъ заглавной страницы латинскаго подлинника 1603 г. Переводъ съ латинскаго А. Браудо и И. Росціуса. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Сиб. 1901. м. п—аго.—7) Византійскій Временникъ, издаваемый при императорской академіи наукъ подъ редакціей В. Э. Регеля, члена-корреспондента академіи. Томъ VII. Влукси I—4. Сиб. 1900. с.—8) Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной аристократіи. Томъ 1-й. Части 1 и 2. Изданіе второе, К. Т. Солдатенкова, Москва, 1901. К. **Алексѣева**.—9) Сочиненія графа П. И. Капниста. Тома I и II. Москва, 1901. **А. Нинитинскаго**.—10) Вл. Череванскій. Миръ истама и его ц.обужденіе. Историческая монографія, 2 части. Сиб. 1901. в. **Розанова**.—11) Фридрихъ Паульсенъ (почетный членъ Московскаго психологическаго общества). Введеніе въ философію. Второе изданіе (Московского психологическаго общества). Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціей В. П. Преображенскаго, М. 1900. д. 3—на.—12) Философія и социологическая основанія марксизма. Этюды по социальному вопросу. Масарика, профессора Чеш-

См. слѣд. стр.

скаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. А. Нинитинскаго.—13) Д. П. Шанге и де-ла-Соссей. Иллюстрированная исторія религій. Москва. 1900. А—ва.—14) Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей С. А. Венгерова. (Библиотека великихъ писателей). Томъ I. Изданіе акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1901. Б. Г—цага.—15) А. В. Петровъ. Городъ Нарва, его прошлое и достопримѣчательности въ связи съ исторіею упроченія русскаго господства на Балтійскомъ побережьѣ. Съ портретомъ Петра Великаго, 48 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ и планами сраженій 1700 и 1704 гг. Спб. 1901. S. W.—16) А. П. Пятковский. Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ. Историко-литературныя характеристики. (Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и писемъ къ автору: князя Одоевскаго, барона А. Г. Жомини и княгини М. А. Вяземской). Изданіе третье, редакціи «Наблюдателя». Спб. 1901. Ан. Алесандрова.—17) Д. М. Левшинъ, Т. Н. Грановскій. (Опытъ историческаго синтеза). Спб. 1901. А. н.—18) Присяга гражданъ города Херсонеса Гаврическаго. Греческій текстъ съ русскимъ переводомъ и краткими объясненіями академика В. В. Латышева. Спб. 1900. Л. М.—19) Towarzystwo warszawskie przycisając nauk. 1800—1832. Monografia historyczna, osnuta na źródłach-archiwalnych przez Alexandra Kraushara. Księga I. Czasy pruskie. 1800—1807. Z ilustracyami. Kraków-Warszawa. 1900. (Александръ Краусгаръ. Варшавское общество друзей наукъ. 1800—1832. Историческая монографія, основанная на архивныхъ источникахъ. Книга I-я. Прусскія времена. 1800—1807. Съ иллюстраціями. Варшава и Краковъ. 1900). Г. А. Воробьева.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1209

1) Наполеоніана.—2) Последніе годы императрицы Жозефины.—3) Политическія убійства въ XIX столѣтіи.—4) Внукъ Наполеона.—5) Смерть короля Милана Обреновича.—6) Новый англійскій король.

XVII. Смѣсь 1229

1) Памятникъ императору Александру II въ Минскѣ.—2) Публичное собраніе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ.—3) Московское археологическое общество.—4) Общество любителей древней письменности.—5) Общество археологии, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ.—6) Археологическій институтъ.—7) Гоголевская комиссія.—8) Русское библиологическое общество.—9) Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла.—10) Географическое общество.—11) Славянское общество.—11) Къ археологическому съѣзду.—12) Публичная бібліотека.—13) Письма И. С. Никитина.

XVIII. Некрологи 1246

1) Бѣлявскій, А. В.—2) Добропасцевъ, М. Е.—3) Ивановъ, Г. А.—4) Мясальскій, В. К.—5) Манасинъ, В. А.—6) Мещерскій, Н. П.—7) Пашутинъ, В. В.—8) Поливановъ, Ю. Н.—9) Шапиро, Г. А.—10) Теофилактовъ, К. М.

XIX. Замѣтки и поправки 1252

1) По поводу воспоминаній Пашкова. Графа П. А. Беннигсена.—2) Двѣ замѣтки. А. П.—3) Огъ редакціи.—4) Оговорка по поводу «Разсказовъ о митрополитѣ Филаретѣ».

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Павла Андреевича Ѳедотова.—2) Робеспьеръ (Robespierre). Романъ Анжа Гальдемара. Переводъ съ англійскаго. (Продолженіе). X—XII.

При настоящей книжкѣ разсылается иногороднымъ и городскимъ подписчикамъ объявленіе объ изданіи А. Ф. Девриена: «Животный міръ, его бытъ и среда». Сочин. д-ра В. Гаака.

НОВАЯ КНИГА:

„ДОМНА-РЕКТОРША“.

Повѣсть А. В. Круглова.

Изданіе Спиридонова. Цѣна 50 к.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЬ 1901 года).

СТРАН.

На чужбѣнѣ. Записки эмигранта. Романъ. I—VII. Марна Басанина	7, 427, 857
Записки Н. И. Мамаева . Часть первая. Гл. I—VIII	40, 471, 888
Братья Хрычевы. Разсказъ. В. Г. Авѣнко	77
Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ. С. А. Цурикова	118, 536
Исторія карточной игры на Руси. В. О. Михневича	141, 559, 978
Воспоминанія о Михаилѣ Петровичѣ Погодинѣ. Н. А. Чаева	162
<i>иллюстраціи:</i> 1) Михаилъ Петровичъ Погодинъ. (Съ фотографіи, снятой въ пятидесятыхъ годахъ).—2) Михаилъ Петровичъ Погодинъ (въ старости).	
Памяти А. К. Шеллера. А. И. Фарсова	174
<i>иллюстрація:</i> Александръ Константиновичъ Шеллеръ.	
Памяти Алексѣя Петровича Коломнина. А. П. Чехова (А. Сѣдой)	206
Воспоминанія А. И. Абариновой	213
Къ біографіи М. В. Буташевича-Петрашевскаго. А. В. Безроднаго	225
Разсказъ очевидца о пожарахъ въ Спмбирскѣ въ 1864 году. В. Дублицнаго	230
Плащаница 1566 года. Е. Романова	240
<i>иллюстрація:</i> Плащаница 1566 года.	
На берегахъ Куры. С. И. Уманца	247
<i>иллюстраціи:</i> 1) Видъ Тифлиса.—2) Крестъ св. Нины.—3) Метехскій замокъ.—4) Могила А. С. Грибоѣдова.—5) Ванскій соборъ.—6) Памятникъ князю Воронцову.—7) Памятникъ А. С. Пушкину.—8) Сувитская мечеть.—9) Шитская мечеть.—10) Русскій театръ въ Тифлисѣ.	
Иностранцы о Россіи. В. Т.	303, 729
Переходное время. (Изъ быта ремесленниковъ). I—XXI. М. Е. Ермолиной	509, 921
Атаманская чета. (Изъ воспоминаній). А. А. Карасева	588
Воспоминанія о Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. А. С. Зеленаго	604
Памяти М. П. Федорова. А. П. Чехова (А. Сѣдой)	623
<i>иллюстрація:</i> Михаилъ Павловичъ Федоровъ.	
Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ селѣ Кокшайскѣ въ 1869 году. В. Люстричнаго	636
<i>иллюстраціи:</i> 1) Село Кокшайскъ.—2) Церковь въ селѣ Кокшайскѣ.—3) Домъ священника въ селѣ Кокшайскѣ.—4) Училищный домъ въ селѣ Кокшайскѣ.	
Разсказъ объ императорѣ Александрѣ II. Н. Добровольскаго	645
Драма страстей Господнихъ въ Обераммергау. О. Н. Гончаровой	649
<i>иллюстраціи:</i> 1) Театральная сцена въ Обераммергау. (Хоръ съ прологомъ).—2) Антонъ Лангъ въ роли Иисуса Христа.—3) Въѣздъ въ Иерусалимъ.—4) Иисусъ Христосъ у Каиафы.—5) Иисусъ Христосъ передъ Пилатомъ.	
Историческій моментъ въ области современной геологіи. А. П. Чехова	665
Наслѣдство Петра Великаго. I—III. Е. С. Шумигорскаго	679
Николай Александровичъ Сергіевскій. (Некрологъ). В. Е. Руданова	698
<i>иллюстрація:</i> Николай Александровичъ Сергіевскій.	
Замѣчательная еврейская пѣснь. В. В. Розанова	706
<i>иллюстрація:</i> Рисунокъ, представляющій изображенія на фронтонѣ древняго египетскаго храма.	
Воспоминанія военнопѣннаго. В. Н. Клевезаля	950
Главная задача исторіи. Н. Н. Страхова	1012
Три встрѣчи съ Ф. М. Достоевскимъ. А. А. Зеленецкаго	1021
Къ біографіи М. Е. Салтыкова-Щедрина. Барона Н. В. Дризена	1030
Грузинская царица въ Бѣлгородѣ. А. А. Танкова	1035
По слѣдамъ голода. (Изъ воспоминаній очевидца). В. Л. Янимова	1052
Сувѣріе и преступленіе. (Изъ воспоминаній мирового судьи). П. А. Тулуба	1082

Къ біографіи П. А. Федотова. В. В. Жерве	1102
Иллюстраціи: 1) Павелъ Петровичъ Киновичъ.—2) Ростиславъ Матвѣевичъ Лермонтовъ.—3) Александръ Оттовичъ Векъ.—4) Иванъ (или Левъ?) Федоровичъ Наскинъ.—5) И. М. Радивановскій.—6) Ce n'est pas moi, mlle.—7) Мадонна съ Младенцемъ.	
Признанія эмира Афганскаго. Л. А. Богдановича	1126
Послѣдній отпрыскъ Ганноверскаго дома. I—IV. В. Т.	1138
КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ	330, 752, 1170

1) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть пятая, съ 8 апрѣля 1853 по 22 іюня 1854 года. Спб. 1900. 2.—2) Н. Н. Оглоблинъ. Обзоръ столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть третья. Документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. Изданіе Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1900. **В. Рудамова**.—3) Извѣстія историко-филологическаго института князя Везбородко въ Нѣжинѣ. Томъ XVIII. Нѣжинъ. 1900. **В. Рудамова**.—4) Труды Владимирской ученой архивной комиссіи. Книга вторая. Съ приложеніемъ 2-хъ плановъ, 24-хъ рисунковъ и 9 портретовъ. Владимиръ. 1900. **В. Рудамова**.—5) Справочный словарь орфографическій и толковый русскаго литературнаго языка. Составленъ подъ редакціей А. Н. Чудинова. Шестъ выпусковъ. Спб. 1900. **А.—6)** Чернушевичъ. Матеріалы къ исторіи пограничной стражи. Часть I-я. Служба въ мирное время. Выпускъ I-й. Въ царствованіе императора Николая I (1825—1855 гг.). Спб. 1900. **А.—мова**.—7) Труды Я. К. Грота. III. Очерки изъ исторіи русской литературы (1848—1893). Спб. 1901. **А. н.—8)** К. В. Харламповичъ. Къ вопросу о сущности русскаго раскола старообрядства. Казань. 1900. **Х. Р. А.—вича**.—9) М. Тутанъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Томъ I. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1900. **А. Нимитинскаго**.—10) Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ съ восьмой. Юрьевъ. 1900. **Ан. Ал.—11)** Józef Dunin-Karwicki. Z zamglonej i niedawno minionej przeszlosci. Wolynskie opowiadania historyczne. Warszawa. 1901. **н. х.—12)** А. Л. Волынский. Леонардо-да-Винчи. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1900. **А. Нимитинскаго**.—13) Юсифъ Голечекъ. Россія и Западъ. (Глава изъ книги «Поѣздка въ Россію»). Переводъ съ чешскаго. Сообщеніе, сдѣланное 31-го марта 1900 г. въ кружкѣ имени Н. П. Полонскаго. Изданіе Н. П. Сойкина. Спб. 1900. **А. Нимитинскаго**.—14) А. К. Дживелеговъ. Городская община въ средніе вѣка. Москва. 1901. **п. к.—15)** Эмиль Фага. Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Третья серія. Москва. 1900. **н. Алексѣева**.—16) Э. Вернштейнъ. Историческій матеріализмъ. Переводъ Л. Канцель. Изданіе товарищества «Знаніе». Спб. 1901. **А. Нимитинскаго**.—17) Н. Осаянъ. Болгарія и болгары. Съ картой Балканскаго полуострова. Спб. 1900. **А. А.—18)** М. Сменцовскій. Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ. Спб. 1899. Его же. Церковно-историческіе матеріалы. Дополнительные приложенія къ изслѣдованію «Братья Лихуды». Спб. 1899. 2.—19) Ученые и учитель. Педагогическія замѣтки. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1900. **и. н. з.—20)** А. В. Половцовъ. Прогулка по Русскому музею императора Александра III въ С.-Петербургѣ. Съ 39 рисунками. М. 1900. 2. **Р.—ва**.—21) Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ первый. Спб. 1900. **н. а.—22)** С. С. Татищевъ. Родъ Татищевыхъ. 1400—1900. Историко-генеалогическое изслѣдованіе. Спб. 1900. **н. а.—23)** Матеріалы для исторіи императорской академіи наукъ. Томъ десятый. (1749—(іюнь—декабрь)—1750). Спб. 1900. — **л —**.—24) Н. В. Гоголь. Похожденія Чичикова или Мертвыя души. Текстъ по послѣдней редакціи академика Тихонравова. Съ портретомъ Гоголя, 10 гелиографіями и 355 иллюстраціями. Изданіе А. Ф. Маркса. Выпускъ первый. Спб. 1900. **с. ш.—25)** Письма и бумаги Суворова. Изъ суворовскаго сборника императорской Публичной бібліотеки. Издалъ А. Алексѣевъ. Вып. I. Спб. 1901. **в. п.—26)** Матеріалы для біографіи К. Н. Тихонравова. Письма къ неуразнымъ лицъ. Подъ редакціей А. В. Смирнова. Владимиръ. 1900. **В. Рудамова**.—27) Путешествія Н. М. Пржевальскаго. Составилъ по подлиннымъ сочиненіямъ А. В. Зеленинъ. Съ рисунками и картами. 2 тома. Изданіе П. Н. Сойкина. Спб. 1901. **с. ш.—28)** Грамоты и другіе историческіе документы, относящіеся до Грузіи. Томъ II. Выпускъ I. Грузинскіе тексты съ 1768 по 1801 г. Подъ ред. А. А. Чагарели, орд. проф. С.-Петербуркскаго университета. Спб. 1898. **А. Хаханова**.—29) Studia publica et ecclesiastica. Essays chiefly in biblical and patristic criticism, by members of the University of Oxford. Volume V. Part. I. Life of st. Nino. By Marjory Wardrop and I. O. Wardrop. Oxford. 1900. **А. Хаханова**.—30) И. Тянь. Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе, переводъ съ французскаго В. И. Герье. Изд. К. Т. Солдатенкова, Москва. 1900. **б. ал—ва**.—31) Эмиль Жебаръ. Мистическая Италия. Очеркъ изъ исторіи возрожденія религіи въ средніе вѣка. Переводъ съ французскаго. Спб. 1900. **А.—ва**.—32) Людвигъ Вольфманнъ. Историческій матеріализмъ. Изложеніе и критика марксистскаго міросозерцанія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей д-ра фило-

софія М. Филиппова. Спб. 1901. А. Никитинскаго. — 33) Н. Чернавскій. Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ. Исследованіе. Выпускъ первый. (Труды Оренбургской ученой архивной комисси. Выпускъ VII). Оренбургъ. 1900. В. Руданова. — 34) Каѳедра русскаго языка и словесности въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ. Къ столѣтію существованія университета. 1802—1902. Составилъ по архивнымъ и печатнымъ матеріаламъ Е. В. Пѣтуховъ. Юрьевъ. 1900. Зн. — 35) Докторъ Герхардъ фонъ Шульце-Геве-рица. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Б. В. Авилова и П. П. Румянцева съ предисловіемъ Петра Струве. Изданіе Н. И. Глаголева. Спб. 1901. А. Никитинскаго. — 36) Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь. Этнографическій очеркъ. Сост. капитанъ О. А. Михайловъ подъ редак. начальника Закаспійской области ген.-лейт. А. А. Боголюбова. Асхабадъ. 1900. В. п. — 37) Alexander Kraushar. Książce Ropnin i Polska w pierwszym czteroleciu panowania Stanisława Augusta (1764—1768). Wydanie nowe, wzejrzane i poprawione, z ilustracyami. Два тома. Warszawa. 1900. Г. А. Воробьева. — 38) О сыномъ таифъ въ Иранскомъ уѣздѣ Ватской губерніи, за десять лѣтъ (1887—1896 гг.). Статистическіе матеріалы по антропологии уѣзда. Земскаго врача И. В. Аксакова. Казань. 1900. Зн. — 39) Краткій историческій очеркъ административныхъ учреждений горнаго вѣдомства въ Россіи. 1700—1900 гг. Сост. А. М. Лоранскій. Спб. 1900. В. п. — 40) Труды Оренбургской ученой архивной комисси. Выпускъ VI. Подъ редакціей И. С. Шукцинцева. Оренбургъ. 1900. В. Р-ва. — 41) Профессоръ П. И. Ковалевскій. Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Изданіе журнала «Русскій Медицинскій Вѣстникъ». Спб. 1900. и. н. з. — 42) «Новгородъ XVI вѣка». (По изображенію на хутынской иконѣ «Видѣніе пономаря Тарасія»). Съ 24 рисунками П. Л. Гусева. Спб. 1900. А. с. — 43) В. М. Грибовскій. Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II. Спб. 1901. л.-на. — 44) Посольство Кунраада Фанъ-Клена къ царю Алексію Михайловичу и Федору Алексѣевичу. Изданіе Археографической комисси. Спб. 1900. В. В-на. — 45) Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ. Изданіе А. П. Лопухина. Томъ I. Инославный христіанскій Западъ. Спб. 1900. С. — 46) Источники словаря русскіихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Спб. 1900. Ц. — 47) Литературный Вѣстникъ. Изданіе Русскаго библіологическаго общества. Томъ I. Книжка I. Спб. 1901. Николая Энгельгарда. — 48) Московская трагедія или разсказъ о жизни и смерти Димитрія. Со снимкомъ заглавной страницы латинскаго подлинника 1698 года. Переводъ съ латинскаго А. Браудо и Н. Росцуса. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1901. м. п-аго. — 49) Византийскій Временникъ, издаваемый при императорской академіи наукъ. Подъ редакціей В. Э. Ределя, члена-корреспондента академіи. Томъ VII. Выпускъ 1—4. Спб. 1900. С. — 50) Максимъ Ковалевскій. Происхождение современной аристократіи. Томъ I. Часть 1 и 2. Изданіе второе, К. Т. Солдатенкова. Москва 1901. К. Алексеева. — 51) Сочиненія графа П. И. Капнина. Томы I и II. Москва 1901. А. Никитинскаго. — 52) Вл. Черванскій. Миръ ислама и его пробужденіе. Историческая монографія. 2 части. Спб. 1901. В. Розанова. — 53) Фридрихъ Наульсенъ (почетный членъ Московскаго психологическаго общества). Введеніе въ философію. Второе изданіе. (Московскаго психологическаго общества). Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей В. П. Преображенскаго. М. 1900. Д. з-на. — 54) Философскія и социологическія основанія марксизма. Этюды по социальному вопросу. Марсарика, профессора Чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900. А. Никитинскаго. — 55) Д. П. Шантепи де-ла-Соссей. Иллюстрированная исторія религіи. Москва. 1900. А-ва. — 56) Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскіихъ писателей. Подъ редакціей С. А. Венгерова. (Библіотека великихъ писателей). Томъ I. Изданіе акціонернаго общества Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1901. Б. г-аго. — 57) А. В. Петровъ. Городъ Нарва, его прошлое и достопримѣчательности въ связи съ исторіею упроченія русскаго господства на Балтійскомъ побережьѣ. Съ портретомъ Петра Великаго, 48 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ и планами сраженій 1700 и 1704 гг. Спб. 1901. S. W. — 58) А. П. Пятковскій. Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ. Историко-литературныя характеристики. (Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и писемъ къ автору: князя Одоевскаго, барона А. И. Жюмини и княгини М. А. Вяземской). Изданіе третье, редакціи «Наблюдателя». Спб. 1901. — 59) Д. М. Левшинъ. Т. Н. Грановскій. (Опытъ историческаго синтеза). Спб. 1901. А. н.—60) Присага гражданъ города Херсонеса Таврическаго. Греческій текстъ съ русскимъ переводомъ и краткими объясненіями академика В. В. Латышева. Спб. 1900. л. м.— 61) Towarzystwo warszawskie przyjaciel nauk. 1800—1832. Monografia historyczna, osnuta na źródłach-arcybaldnych przez Alexandra Kraushara. Księga I. Czasy pruskie. 1800—1807. Z ilustracyami. Kraków-Warszawa. 1900. (Александръ Краусгаръ. Варшавское общество друзей наукъ. 1800—1832. Историческая монографія, основанная на архивныхъ источникахъ. Книга I-я. Пруссія времена. 1800—1807. Съ иллюстраціями. Варшава и Краковъ. 1900).

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . . 357, 794, 1209

1) Почему Тезей былъ другомъ Геркулеса.—2) Одинъ изъ враговъ Рима.—3) Англичане въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ.—4) Графъ Головкинъ и принцъ де-Ливъ.—5) Фридрихъ Великій о Вольтерѣ.—6) Испанская инквизиція въ XVIII вѣкѣ.—7) Новые французскіе мемуары.—8) Юбилей перваго гренадера Французской республики.—9) Таинственное похищеніе французскаго сенатора сто лѣтъ тому назадъ.—10) Молодость Даниэля Вебстера.—11) Автобіографическія «Мысли» Леопарди.—12) Причина борьбы между Ватиканомъ и Квириналомъ.—13) Конгрессъ исторіи религій.—14) Отголосокъ юбилея Сенкевича во Франціи.—15) Переписка прусской королевской четы съ императоромъ Александромъ I.—16) Изъ разсказовъ Джевадъ-наши.—17) Предвозвѣстники Христофора Колумба.—18) Письма Гельвеція къ его женѣ.—19) Шведскія статьи о Россіи.—20) Баронесса Крюденеръ.—21) Смерть герцога Врольи и композитора Верди.—22) Изъ разсказовъ о королевѣ Викторіи.—23) Волъзанъ Гейне.—24) Наполеоніана.—25) Последніе годы императрицы Жозефины.—26) Политическія убійства въ XIX столѣтіи.—27) Внукъ Наполеона.—28) Смерть короля Милана Обреновича.—29) Новый англійскій король.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 816

Разказы о митрополитѣ Филаретѣ. Мелетія Васильева.

СМѢСЬ 390, 819, 1229

1) Чествованіе памяти М. П. Погодина.—2) Памятникъ Нарвской битвѣ.—3) Диспутъ В. Н. Перетца.—4) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—5) Археологическій институтъ.—6) Церковно-археологическій отдѣлъ при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ.—7) Библиологическое общество.—8) Пермская ученая архивная комиссія.—9) Курская ученая архивная комиссія.—10) Географическое общество.—11) Антропологическій отдѣлъ общества любителей естествознанія въ Москвѣ.—12) Торжественное засѣданіе императорской академіи наукъ.—13) Публичное собраніе императорской академіи наукъ.—14) Археологическое общество въ С.-Петербургѣ.—15) Въ библиологическомъ обществѣ.—16) Археологическое общество въ Москвѣ.—17) Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ.—18) Воронежская архивная комиссія.—19) Комитетъ по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.—20) Археологическая находка.—21) Археологическіе грабежи и поддѣлки.—22) Общество любителей древней письменности.—23) Русское библиографическое общество.—24) Этнографическій отдѣлъ общества любителей естествознанія, антропологи и этнографіи.—25) Географическое общество.—26) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла.—27) Памятникъ императору Александру II въ Минскѣ.—28) Публичное собраніе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ.—29) Московское археологическое общество.—30) Общество любителей древней письменности.—31) Общество археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ.—32) Археологическій институтъ.—33) Гоголевская комиссія.—34) Русское библиологическое общество.—35) Русское общество дѣателей печатнаго дѣла.—36) Географическое общество.—37) Славянское общество.—38) Къ археологическому съѣзду.—39) Публичная бібліотека.—40) Письма И. С. Никитина.

НЕКРОЛОГИ 410, 842, 1246

1) Гриценко, Н. Н.—2) Забугинъ, Н. П.—3) Иверсень, В. Е.—4) Ильковъ, В. Е.—5) Имеретинскій, А. К.—6) Юхеръ, А. А.—7) Конисскій, А. Я.—8) Коржинскій, С. И.—9) Мордвиновъ, С. А.—10) Назарьева, К. В.—11) Нащокина, В. А.—12) Николаевъ, Н. Г.—13) Подрезъ, А. Г.—14) Посальскій, П. Т.—15) Феннеръ, Г. Г.—16) Хорень, Ст.—17) Бондаренко, В. А.—18) Пресвященныи Владимиръ.—19) Героголифовъ, А. С.—20) Гурко, Г. В.—21) Даденко, В. А.—22) Ефремовъ, А. А.—23) Клементьевъ, Н. Ф.—24) Левашовъ, И. И.—25) Лисовскій, Д. Л.—26) Максимовичъ, С. П.—27) Мельниковъ, Н. М.—28) Никитенко, С. А.—29) Селифонтовъ, Н. Н.—30) Соловьевъ, М. П.—31) Тупиковъ, Н. М.—32) Шарлеманъ, А. О.—33) Бѣляевскій, А. В.—34) Доброписцевъ, М. Е.—35) Ивановъ, Г. А.—36) Масальскій, В. К.—37) Манасенинъ, В. А.—38) Мещерскій, Н. П.—39) Пашутинъ, В. В.—40) Полавановъ, Ю. Н.—41) Шапиро, Г. А.—42) Теофилактовъ, К. М.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 418, 1252

1) По поводу «Воспоминаній о быломъ» Е. А. Сабанъевой. И. н. Нашина.—2) По поводу воспоминаній Палкова. Графа П. А. Беннигсена.—3) Двѣ замѣтки. А. П.—Отъ редакціи.—4) Оговорка по поводу «Разсказовъ о митрополитѣ Филаретѣ».

РѢДКІЕ ПОРТРЕТЫ 854

Наталя Николаевна Ланская.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: А. К. Шеллера, Н. Н. Ланской, въ первомъ замужествѣ Пушкиной, и П. А. Федотова. 2) Робеспьеръ (Robespierre). Романъ Анна Гальдемара. Переводъ съ англійскаго. I—X.

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ФЕДOTOBЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 20 ФЕВРАЛЯ 1901 Г. СПБ.

НА ЧУЖБИНѢ ¹⁾.

Записки эмигранта.

Романъ.

(Посвящается Льву Николаевичу Толстому).

V.

МУЛЬСОНЪ занималъ квартиру въ двѣ комнаты обычнаго типа здѣшнихъ квартиръ съ дверями, которыя выходили прямо на вымощенный дворикъ. Одна изъ комнатъ служила столовой — комидоромъ, другая спальней — дормидоромъ.

Жена Шмульсона, молоденькая, красивая, черноволосая еврейка, отворила намъ дверь и, увидѣвъ меня, вопросительно взглянула на мужа.

— Русскій, Сарра, — сказалъ Шмульсонъ.—Представь, только что приѣхалъ изъ Россіи.

— Очень рада. Тебя ждетъ Иванъ Павловичъ,—обратилась она къ мужу:—ужь часъ, какъ пришелъ.

Мы вошли.

У обѣденнаго стола сидѣлъ человекъ въ очень потертой, выцвѣтшей сѣрой поджачной парѣ, съ огромной, яйцевидной головой, въ очкахъ, съ крючковатымъ носомъ и рѣдкими рыжеватыми усами

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣсти», т. LXXXIII, стр. 427.

«Истор. ввств.», мартъ, 1901 г., т. LXXXIII.

и бородой. Онъ былъ худъ, невзраченъ и показался мнѣ жалкимъ. Не понравились мнѣ его глаза: большіе, голубые и наглые, точно прятавшіеся за очками и не глядѣвшіе прямо, а куда-то въ сторону. Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки и шумно сталъ выражать свою радость.

— Вотъ такъ денекъ сегодня!—воскликнулъ онъ.—Не даромъ у меня было предчувствіе чего-то хорошаго! А, дорогой гость, дорогой гость! Шутка ли сказать—изъ Петербурга.

Восторгъ его мнѣ показался не искреннимъ и нѣсколько смутилъ меня, особенно, когда онъ вдругъ раскрылъ объятія и бросился цѣловать меня.

— Вы не удивляйтесь,—сказалъ онъ, замѣтивъ, вѣроятно, что я холодно отвѣчаю на его привѣтствія: — я васъ встрѣчаю, какъ отецъ сына, именно, какъ отецъ сына. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Вотъ счастье-го! Я, кажется, съ ума сойду! Ужъ какъ хотите, Лазарь Самуиловичъ, — обратился онъ къ хозяину, — а ради такого торжественнаго случая вы должны угостить насъ живительной влагой.

— Разумѣется, разумѣется!—согласился Шмутьсонъ.—Только не вредно ли вамъ будетъ, Иванъ Павловичъ?

— И что вы! Полноте! Вы не смотрите, что я такой. Когда я служилъ въ N—ской судебной палатѣ, такъ тамъ не было никого, кто бы могъ меня перепить. И здоровье у меня было желѣзное.

Шмутьсонъ позвалъ жену и началъ съ нею попотомъ совѣщаться.

Петровъ сѣлъ напротивъ меня, положилъ локти на столъ и пристально сталъ вглядываться въ мое лицо.

— Сразу вижу въ васъ хорошаго человѣка,—объявилъ онъ.—Меня не надуете. Я, батюшка, шестнадцать лѣтъ судебнымъ слѣдователемъ былъ, десять лѣтъ частнымъ ходатаемъ по дѣламъ.

Не знаю, какимъ образомъ съ языка моего тотчасъ же сорвался нескромный вопросъ:

— Почему же частнымъ? Вы говорите, что раньше были судебнымъ слѣдователемъ, значитъ, кончили курсъ юридическихъ наукъ и могли быть присяжнымъ повѣреннымъ.

Что-то недоброе мелькнуло въ лицѣ Петрова, но тотчасъ же оно приняло прежнее добродушное, блаженное выраженіе.

— Вотъ онъ, русскій-то духъ! Видна на васъ печать нашей великой, несуразной родины: допросы, пытки, шпіонство и сплетни. Все надо знать: какъ, почему, зачѣмъ? Ахъ, Россія, Россія! Что они тамъ дѣлають съ молодежью! Это ужасно! Подлецы! Подлецы!

— Я не такъ ужъ молодъ, — сказалъ я: — мнѣ тридцать пять лѣтъ.

— А мнѣ, сударь мой, пятьдесятъ пять. Я вамъ въ отцы го-жусь. Но вы, конечно, не виноваты. Среда—великая штука. А любопытство ваше я могу удовлетворить. Судебнымъ слѣдователемъ

я не имѣлъ права быть, но былъ-съ, по протекціи, ибо въ Россіи все возможно по протекціи. А протекція у меня была огромная. Фамилію Гусь-Лапчатыхъ слышали?

— Нѣтъ.

— Моя мать урожденная Гусь-Лапчатая. Громкое имя! Можно сказать историческое. У меня связи были роскошныя. Но этого мало-съ. Связи—связями, а надо еще, чтобы вы были человѣкомъ не очень твердыхъ нравственныхъ принциповъ... Ну, а я-съ—никогда подлецомъ не былъ, и Петрова купить нельзя!—съ паѳосомъ заключилъ онъ, ударяя кулакомъ по столу.

Мнѣ онъ сталъ еще неприятнѣе.

Шмульсонъ съ женой между тѣмъ занялись хозяйственными хлопотами. Онъ накрылъ на столъ, она готовила въ кухнѣ.

Подали что-то въ родѣ ужина. Сначала жидкій, жирный супъ, засыпанный мелкой, незнакомой мнѣ, крупой, потомъ вареную говядину съ салатомъ. Въ заключеніе хозяинъ принесъ изъ кухни самоваръ, а хозяйка налила намъ чаю.

Петровъ ѣлъ жадно и неряшливо, глоталъ, не прожевывая, огромные куски, залилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ скатерть и накрошил вокругъ своей тарелки хлѣба. Большія, сухія, костлявыя руки его, покрытыя жесткой кожей въ складкахъ, были слабы и дрожали.

Онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ водки, отъ которой я отказался, и которой, какъ я замѣтилъ, не сталъ пить и хозяинъ, и оживился.

Желтовато-бурое, съ мѣшками подъ глазами и съ кадыкомъ лицо его побагровѣло, глаза стали щуриться и подернулись масломъ. Онъ, не смолкая, говорилъ, брызгая слюною, не слушая возраженій и не дожидаясь отвѣтовъ.

— Да-съ,—сыпалъ онъ:—пока Россія зѣваетъ,—лучшія ея силы уходятъ и несутъ свои сокровища въ чужія земли. Вы думаете, я уѣхалъ бы изъ Россіи? Никогда! Но они затравили меня. Про меня кричали: социалистъ, социалистъ! Но, позвольте, всякій честный человѣкъ—социалистъ. Однако я не былъ динамитчикомъ и не подбрасывалъ бомбъ. А теперь я анархистъ, самый безжалостный анархистъ! Прежде я былъ снисходителенъ, теперь я беспощаденъ. Если кроткія мѣры не дѣйствуютъ, надо взорвать все это старье на воздухъ и на развалинахъ начать строить новое. Вы вѣдь тоже социалистъ?—внезапно оgoroшилъ онъ меня.

— Я? Нѣтъ. Почему вы думаете?

Петровъ саркастически разсмѣялся.

— Почему? Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Вотъ она, матушка Россія! Да вы не бойтесь, говорите правду. Вѣдь это у васъ тамъ социалистъ—бранное слово, а здѣсь это—почетное званіе.

— Можетъ быть. Но я не считаю себя въ правѣ носить его.

— Такъ вы по убѣжденіямъ не социалистъ теперь?—спросилъ Петровъ.

Въ голосѣ его послышалась строгость.

— Я не социалистъ,—повторилъ я.

— Кто же вы, наконецъ? Не фальшивый же вы монетчикъ?

— Я васъ не понимаю,—сказалъ я.—Почему я непременно долженъ быть или социалистомъ или фальшивымъ монетчикомъ?

— Ну, не фальшивый монетчикъ, такъ въ родѣ этого. Если вы не социалистъ и не мошенникъ, то зачѣмъ вы сюда попали?

Я чуть было не рассказалъ ему всей моей исторіи, но мысль, что мнѣ придется впутать нѣсколько дорогихъ мнѣ лицъ, остановила меня, и я сухо сказалъ:

— Я не считаю нужнымъ непременно при первомъ же свиданіи рассказывать вамъ всю свою подноготную. Тѣмъ болѣе, что по отношенію къ вамъ я нахожусь совершенно въ такомъ же положеніи, какъ вы по отношенію ко мнѣ.

— Да! Но я вамъ сказалъ, что я социалистъ,—съ горячностью возразилъ Петровъ.

— Э, господа!—вступился Шмұльсонъ:— что вамъ за охота спорить? Чужая душа—потемки. И находимся мы въ Аргентинѣ, а ужъ всякій знаетъ, что отъ добра добра не ищутъ, и что въ Аргентину человѣкъ по собственной охотѣ не попадетъ. Всѣхъ насъ судьба пристукнула, такъ, что тутъ разбирать, кто въ чемъ провинился. Мы вотъ съ Саррочкой провинились тѣмъ, что мы жида. А Сарра?

Но жена нахмурила брови и недовольно сказала:

— Оставь, пожалуйста, свои шутки, терпѣть не могу!

— Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ!— снова заговорилъ Петровъ.— Что значить, еще не уходились-то: сейчасъ и горячиться. Поживите-ка съ наше, не то будетъ.

— Иванъ Павловичъ,—перебилъ Шмұльсонъ,— вы говорили мнѣ, что какое-то дѣло затѣваете.

— Да, да,—съ оживленіемъ отвѣтилъ Петровъ:— я теперь завожу фотографію.

— Дорого стоитъ,—сказала жена Шмұльсона.— За одну квартиру придется платить тысячи двѣ песовъ. Да вы вѣдь и снимать, я думаю, не умѣете?

— Долго ли научиться?—возразилъ Петровъ.— Базиліо у меня ужъ снимаетъ, а квартиры намъ не нужно. Мы будемъ бродячими фотографами. Это очень выгодно. Почти ничего не стоитъ, и можно драть хорошія цѣны.

— Гм!..— задумчиво произнесъ Шмұльсонъ:— все-таки вамъ надо выучиться.

— Выучусь между дѣломъ, а пока будетъ работать Базиліо.

— Ну, это что!— сказалъ Шмультсонъ:—какой онъ работникъ! Васѣ всего тринадцать лѣтъ.

— Ничего!—настаивалъ Петровъ:—Васька у меня молодецъ. И потомъ я забылъ сказать, что я непремѣнно подыщу себѣ компаньона, который бы умѣлъ хорошо снимать. Можетъ быть, вы умѣете?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я занимался фотографіей, но какъ любитель только.

— Да все-таки приемы-то знаете?

— Конечно, знаю.

— Такъ вотъ не хотите ли?

— Не сумѣю вамъ сказать, надо подумать. Я хотѣлъ отыскать какую нибудь службу.

— Службу трудно найти,—сказалъ Шмультсонъ,—но можно попробовать. Вѣдь вы языка не знаете, вотъ что плохо. А аргентинецъ не любитъ тѣхъ, кто не говоритъ на его языкѣ. Такъ Кнопъ пишетъ, что пріѣдетъ, говорите вы?—задумчиво обратился онъ къ Петрову.

— И жену привезетъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Какъ жену?

— Да, такъ, женился на индіанкѣ. Прелестная, пишетъ, женщина!

— Гдѣ же онъ будетъ жить?—спросила жена Шмультсона.

— Со мной.

— Да вѣдь у васъ, кажется, одна комната.

— Ну, такъ что-жъ! Мы отлично помѣстимся, тѣмъ болѣе, что это не надолго. Вѣдь я, Васька и Кнопъ уйдемъ, а она останется одна.

— Куда же вы уходите?

— Я же вамъ говорю, будемъ бродячими фотографами. Пойдемъ прямо въ Кордову. Тамъ встрѣчается много индѣйцевъ, можно снимать съ нихъ фотографіи.

— Съ индѣйцевъ?—удивился Шмультсонъ:—да вѣдь они нищіе, платить не могутъ.

— Какой вы не практичный человекъ! Зачѣмъ имъ платить? По справедливости они съ насъ должны бы деньги брать. Потомъ каждый экземпляръ можно будетъ продавать, по крайней мѣрѣ, по пяти песовъ. Сами знаете, какъ дорого цѣнятся фотографіи разныхъ типовъ и народностей.

Тутъ Петровъ взглянулъ на висѣвшіе надъ дверью круглые часы и съ досадой сказалъ:

— Вѣдь сказалъ Васекѣ прійти за собою полчаса десятого, а вотъ уже тридцать двѣ минуты десятого, а его нѣтъ.

— Наши часы немного впередъ,—сказала жена Шмультсона.

— Ужасно не аккуратный,—продолжалъ Петровъ.—Такая скотина, вѣчно опоздаетъ!

— Напрасно вы мнѣ не сказали, что онъ придетъ за вами,— продолжала она,—я бы не велѣла тушить огонь на кухнѣ. Пойду, разогрѣю ему супъ.

— Пожалуйста, не безпокойтесь!—буркнулъ Петровъ.

— Пойди, пойди,—сказалъ Шмұльсонъ. — Мальчикъ придетъ голодный, усталый. Вѣдь я знаю, вы его держите въ черномъ тѣлѣ, Иванъ Павловичъ.

— Вовсе нѣтъ, онъ пользуется всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуюсь я. И если я мирюсь съ чѣмъ, то думаю, что и Васька можетъ мириться съ тѣмъ же.

Въ двери постучали три раза.

— Войдите!—крикнулъ Шмұльсонъ.

Въ комнату вошелъ мальчикъ высокій, стройный, черноволосый, съ добродушнымъ, круглымъ, дѣтскимъ лицомъ, съ наивными, но умными черными глазами.

Онъ снялъ съ головы своей истрепанную старую фуражку и неловко протянулъ Шмұльсону грубую, закорузлую, рабочую руку.

— Полюбуйтесь: какая рожа!—воскликнулъ Петровъ, указывая на сына.—Гдѣ ты пропадалъ?

Мальчикъ густо покраснѣлъ.

— Я, кажется, папочка, не опоздалъ?—пролепеталъ сынъ.

— Позволь тебѣ сказать, что это только тебѣ кажется. Ты опоздалъ на цѣлыхъ пять минутъ.

— Только-то?—съ улыбкой сказалъ мальчикъ:—а я ужъ испугался!

— Садись, Вася! Сейчасъ тебѣ дадутъ кушать,—ласково обратился къ нему хозяинъ.

Вася сѣлъ на стулъ. Шмұльсонъ подвинулъ ему приборъ.

Мальчикъ былъ одѣтъ плохо. На ногахъ его были грубые, кожаные, совсѣмъ рыжіе и очевидно слишкомъ большіе для него сапоги. Старые нанковые панталоны, впрятанные въ нихъ, были всѣ въ заплатяхъ, а мѣстами прорѣдились такъ, что оставались только однѣ нитки. Узкій, сѣрый пиджачекъ, порыжѣвшій на спинѣ и продранный на локтяхъ, былъ ему малъ и не застегивался на груди, прикрытой толстой, полосатой, очень грязной фуфайкой. Волосы его давно не были стрижены и, должно быть, совсѣмъ не знали ни гребенки, ни щетки и космами и мохрами лѣзли во всѣ стороны.

— Аппетитъ есть?—улыбаясь спросилъ Шмұльсонъ.

— Есть,—тоже улыбаясь, отвѣтилъ Вася.

Но Петровъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста.

— Да что же мы дѣлаемъ!—вскричалъ онъ:—Васька, собирайся живо домой. Вѣчно все забудешь. Я тебѣ приказалъ мнѣ напомнить, что мы должны сегодня вечеромъ зайти къ Лѣвшѣ.

— Первый разъ слышу о Лѣвшѣ,—возразилъ мальчикъ.

— Потому что ты болванъ! Ну, живо! Прощайте, Лазарь Самуловичъ. Саррѣ Моисеевичъ поклонъ.

— Да куда вы?—удивился Шмульсонъ.

Жена его появилась въ это время въ дверяхъ съ тарелкой супа.

— Какъ, вы уходите?—сказала она.—Но я для васъ разжигала уголья. Вася, голубчикъ, садись и кушай.

— Никакъ нельзя,—серіозно отвѣтилъ Вася.—Папа говоритъ, что обѣщаль быть у Лѣвша.

— Ну, пускай папа и идетъ, но тебѣ-то что тамъ дѣлать? Ты останься у насъ. Поужинаешь, напьешься чайку и пойдешь домой.

Мальчикъ съ жадностью посмотрѣлъ на супъ, отъ котораго поднимался горячій паръ.

— Пустяки!—рѣшилъ Петровъ, надѣвая шляпу и взявъ палку.— Васька, мы идемъ вмѣстѣ.

— Да оставьте вы его у насъ,—вступился Шмульсонъ.

— Невозможно!—отрѣзалъ Петровъ:—онъ знаетъ, гдѣ живетъ Лѣвша, а я не знаю.

— Ну, такъ онъ скажетъ вамъ адресъ.

— Это неудобно. Вечеромъ я могу заблудиться. Улицы такъ похожи одна на другую. Притомъ я близорукъ, и мнѣ трудно читать номера.

Вася покорно всталъ и началъ прощаться.

— Пойдемте-ка и вы съ нами,—обратился вдругъ ко мнѣ Петровъ.—Вотъ вамъ прекрасный случай познакомиться съ дѣйствительно замѣчательнымъ человѣкомъ.

— Если мнѣ по дорогѣ съ вами домой, то я пойду съ удовольствіемъ.

— А вы гдѣ остановились?—спросилъ Шмульсонъ.

— На Calle Lavalle.

Петровъ свистнулъ.

— Фью! Да вы знаете, гдѣ раки зимуютъ.

— У кого вы остановились?—серіозно спросилъ Шмульсонъ.

— У Вульфсона.

Петровъ хихикнулъ, а Шмульсонъ все такъ же серіозно сказалъ:

— Нельзя сказать, чтобы вы попали въ хорошую гостиницу, но, быть можетъ, вамъ тамъ будетъ покойно.

— Такъ намъ съ вами по дорогѣ или нѣтъ?—сказалъ Петровъ.

— Конечно, по дорогѣ, папа,—вмѣшался Вася.—Отъ Лѣвша до Кадже Лавадже рукой подать. Я ихъ даже потомъ могу довести.

— Такъ и прекрасно. Идемте.

— Папа,—сказалъ Вася, едва мы очутились на улицѣ:—здѣсь, черезъ двѣ квадры, есть закусовая. Позволь мнѣ, пожалуйста, купить хлѣба и кусокъ свинины, у меня есть десять центавовъ.

— Ну, вотъ!—раздражительно вскричалъ Петровъ,—ты удиви-

тельно глупъ и непрактиченъ. Во-первыхъ, мы потеряемъ время, во-вторыхъ, тебѣ сейчасъ предлагали ѣсть. Ты могъ бы сообразить, что тебѣ выгоднѣе поѣсть у Шмульсоновъ, гдѣ ты ничего не платишь, чѣмъ отправляться въ закусочную и тратить деньги.

— Ты забываешь, папа, что ты самъ не позволилъ мнѣ ужинать.

— Совсе нѣтъ! Это твоя обычная замашка. Ты, кажется, воображаешь, что твой отецъ миллионеръ?

— Этого вообразить невозможно, — сказала мальчикъ. — А десять центавовъ я заработалъ самъ.

— Играя въ рѣшку?

— Хотя бы и въ рѣшку. Но я не игралъ. Мнѣ дала ихъ наша сосѣдка за то, что я сходилъ для нея на базаръ и принесъ ей мяса.

— Давно ли ты превратился въ халуга?

— Съ тѣхъ поръ, — серьезно отвѣтилъ мальчикъ: — какъ мы съ тобою въ Америкѣ.

— А! вотъ какъ ты научился разговаривать. Значить, это я виновать?

— Ты! — твердо отвѣтилъ мальчикъ.

— Я? — рѣзко и раздражительно воскликнулъ Петровъ.

— Ты!

— Ахъ, ты, щенокъ! — и въ темнотѣ послышался рѣзкій звукъ пощечины. — А для кого отецъ твой унижается, кланяется, живетъ, какъ нищій, работаетъ, какъ волъ?

— Все это ты бы дѣлалъ и безъ меня, — сказала мальчикъ со слезами въ голосѣ, — но если бы ты работалъ столько, сколько я, мы не были бы такъ бѣдны.

— Значить, ты работаешь, а я дармоѣдъ?

— Я не говорю, что ты дармоѣдъ. Я отлично знаю, что дѣти должны кормить старыхъ родителей, а ты ужъ старикъ. Я только хочу, чтобы ты говорилъ одну правду. Ты говоришь, что ты работаешь, какъ волъ. Я съ этимъ не согласенъ.

— Такъ я не работаю?

— Да, ты не работаешь. Я и не хочу, чтобы ты работалъ, но зачѣмъ ты говоришь, что ты работаешь, какъ волъ?

— Значить, я бездѣльникъ?

— Я этого не говорю. Только ты не можешь такъ жить. Ты умный, ученый и несчастный. И я хорошо понимаю, что ты не можешь быть поденщикомъ, какъ я. Я работаю и молчу. Но за что же бить меня?

— Я удивляюсь, какъ я не убилъ тебя до сихъ поръ, — съ озлобленіемъ взвизнулъ Петровъ.

— Это было бы лучше, — сказалъ сынъ, — и для меня и для тебя. Для тебя потому, что ты бы тогда тотчасъ же увидѣлъ, что

я совсѣмъ не такъ бесполезенъ, какъ это тебѣ кажется. А для меня потому, что все это мнѣ надоѣло, и жить такъ тяжело.

— То ли бы дѣло играть въ рѣшку?

— Въ рѣшку играть весело. Весело бѣгать, бороться, дѣлать гимнастику, ходить въ школу, вообще, дѣлать все то, что дѣлаютъ мальчики моихъ лѣтъ. И очень скучно дѣлать то, чего никто изъ нихъ не дѣлаетъ: разводить огонь, готовить кушанье, ходить на базаръ, на поденную работу. Но ты не думай, что я жалуясь, я только хочу сказать, что ты не правъ.

— Мы не туда идемъ,—оборвалъ вдругъ Петровъ.

— Ты приказалъ вести тебя къ Лѣвшѣ?

— Да.

— Ну, такъ Лѣвша живетъ въ концѣ этой улицы.

— А я тебѣ говорю—нѣтъ.

— Въ концѣ этой улицы.

— Нѣтъ!

— Да!

— Ты опять спорить?

Петровъ поднялъ палку, мальчикъ увернулся и побѣжалъ впередъ.

— Въ концѣ этой улицы! — громко крикнулъ онъ, скрываясь во мракѣ.

Отецъ, спотыкаясь и высоко занеся палку, бѣжалъ за нимъ, съ раздраженіемъ выкрикивая:

— Негодяй, остановись! Этотъ мальчишка убьетъ меня! Остановишься ты или нѣтъ? Вѣдь я ничего не вижу.

— Въ концѣ этой улицы!—послышалось еще разъ.

— Я тебѣ приказываю остановиться!—задыхающимся голосомъ кричалъ Петровъ, не будучи въ состояніи бѣжать.

Но мы скоро нагнали Васю, который, не слыша за собой погони, остановился.

— Мы пришли,—сказалъ онъ:—вотъ домъ.

Онъ постучалъ молоткомъ.

— Видишь, ты опять не правъ!

— Молчи!—сдавленнымъ шопотомъ произнесъ отецъ.—Ты слышишь, идутъ. Не срами меня, по крайней мѣрѣ, передъ чужими людьми.

VI.

Дверь отворила безмолвная женская фигура и, заперевъ ее, поспѣшно удалась. Мы очутились въ темномъ и холодномъ, какъ погребъ, коридорѣ.

— Вы дома, Андрей Семеновичъ? Я къ вамъ съ гостемъ, —крикнулъ въ пространство Петровъ.

— Вы, Петровъ? Кто съ вами?—откликнулся сердитый голосъ.

— А вотъ увидите.

— Входите. Эта дура Мерседесъ ничего мнѣ не сказала. Впускаетъ людей съ улицы, не спросивъ даже—кто.

Во мракѣ блеснула огонекъ, вспыхнула восковая спичка и озарила часть земляного пола, раскрытую дверь съ выбитыми стеклами и стоящаго на порогѣ мужчину атлетическаго сложенія, театралью задрапированнаго въ пестрый плащъ.

Черезъ мгновеніе спичка потухла, и все погрузилось въ прежній мракъ.

— Идите, идите, смѣлѣ!—ободрялъ хозяинъ:—не берите только влѣво. Тутъ у меня столъ. Сейчасъ зажгу лампу.

Толкая другъ друга и натываясь на разные предметы, мы оцупью вошли въ комнату.

Довольно долгое время стояли мы, сбившись въ кучу и не рѣшаясь двинуться, пока Лѣвшна зажигалъ лампу.

— Чортъ знаетъ!—сердито ворчалъ онъ:—лампу нашель, теперь спички не знаю гдѣ. Вѣдь вотъ тутъ сейчасъ были, проклятыя! А теперь нѣтъ! Помню, въ рукахъ держалъ. А! вотъ онъ наконецъ!

Онъ съ остервенѣніемъ принялся чиркать спичку за спичкой, продолжая ворчать, плевать и браниться.

— Проклятая лампа! Дьявольское издѣліе! Не зажигается да и только! Неужели я упустилъ фитиль? И почему эта идиотка Мерседесъ до сихъ поръ не зажгла ея? Развѣ это мужское,—это бабье дѣло! Проклятая испанка!

Съ послѣднимъ восклицаніемъ лампа вспыхнула и скудно освѣтила просторную, почти пустую комнату съ уходящимъ подъ небеса потолкомъ.

Съ земляного, неровнаго пола, отъ двери, въ которую мы вошли, и отъ другой такой же двери на противоположномъ концѣ тоже безъ стеколъ, но забитой картономъ, несло холодомъ. Сквозной вѣтеръ гулялъ по всѣмъ направленіямъ. Время отъ времени холодная струя его колебала пламя лампы, которая начинала коптить. Паръ отъ нашего дыханія клубами носился въ воздухѣ.

— Бр!—сказалъ Петровъ:—у васъ таки холодненько.

— Садитесь!—вмѣсто отвѣта пригласилъ Лѣвшна, предоставляя въ наше пользованіе нѣсколько грубыхъ табуретовъ, разсѣянныхъ по разнымъ угламъ.

Петровъ познакомилъ насъ.

— Такъ вы только что пріѣхали,—произнесъ Лѣвшна, грузно опускаясь на скамью у стола, заваленнаго книгами, газетами, рукописями, костями, сушеными растеніями и безчисленнымъ множествомъ окурковъ.

Столъ этотъ былъ единственный въ комнатѣ и вмѣстѣ съ табуретами, скамейкой и кожанымъ диваномъ въ глубинѣ, съ кучей одѣялъ, подушекъ и платья, составлялъ всю мебелировку.

— Только что прѣѣхали,—медленно повторилъ онъ.—Это хорошо. Только какой чортъ занесъ васъ въ эту проклятую страну? Вѣдь здѣсь порядочный человѣкъ можетъ только издохнуть. Знаете, что я вамъ скажу? Если вы не зарѣзали, не ограбили, если вы не воръ, не убійца, не государственный преступникъ и не чувствуете въ себѣ способностей вора и убійцы,—плюньте вы на Аргентину и уѣзжайте назадъ. Умнѣе ничего не сдѣлаете, повѣрьте моему опыту и чести.

— Экъ, вѣдь васъ!—сказалъ Петровъ.—Попалъ на любимого конька человѣкъ. А вы ему не вѣрьте!—обратился онъ ко мнѣ:—все, что онъ говоритъ, ложь и клевета. Напротивъ оставайтесь, и вы скоро убѣдитесь, какая это прекрасная страна!

— Да вотъ я вамъ скажу, какая это прекрасная страна!—съ саркастическимъ смѣхомъ подхватилъ Лѣвша.—Что она находится у чорта на куличкахъ,—въ этомъ вы могли наглядно убѣдиться во время вашего путешествія. Климатъ, какъ на чей взглядъ, а по-моему отвратительный. Переходныхъ временъ года нѣтъ. Сегодня зима,—сами видите какая, нужды нѣтъ, что безъ снѣгу,—завтра лѣто и тоже «очень симпатичное», по выраженію Кюпа,—не видали еще Кюпа?—съ грозами сногсшибательными, съ солнечными ударами, съ засухами, съ клопами, блохами, комарами, саранчей и тому подобной дрянью. Люди? Но кто хозяинъ въ Аргентинѣ? Аргентинецъ, «сынъ страны», какъ онъ себя величаетъ. Что за штука аргентинецъ? А вотъ что. Возьмите индѣйца со всей его некультурностью, глупостью, безпечностью, задоромъ и тщеславіемъ дикаря, съ коварствомъ и хищническими инстинктами звѣря и прибавьте къ нему испанскаго солдата, грубаго, алчнаго, безсовѣстнаго, суевѣрнаго, не уважающаго ни чужихъ правъ, ни собственности, ни личности. Это фундаментъ. Теперь возведите на немъ безобразное зданіе изъ предразсудковъ, верхушекъ знаній, невѣрно схваченныхъ, чуждыхъ представленій и плохо усвоенныхъ понятій, склейте все это смѣшанной кровью французовъ, англичанъ, итальянцевъ, нѣмцевъ, даже евреевъ со всѣми ихъ пороками, недостатками, болѣзнями, но безъ тѣхъ сокровищъ цивилизаціи и высокой культуры, которыя столѣтіями накопляла и хранила Европа, и вы получите аргентинца, существо, у котораго нѣтъ ничего за душой, ни вѣры, ни религіи, ни традицій, ни даже предковъ. Назовите его испанцемъ,—онъ плюнетъ вамъ въ лицо; назовите индѣйцемъ,—онъ васъ зарѣжетъ. Это—хозяинъ страны. Съ легкостью и неразборчивостью обезьяны онъ перенимаетъ внѣшніе приемы, образъ жизни, нравы набравшихся къ нему въ гости пришельцевъ и ненавидитъ и презираетъ ихъ, и инстинктивно боится ихъ. И инстинктъ не обманываетъ его. Пришельцы съѣдятъ аргентинца, наполовину съѣли его. Онъ обреченъ на гибель. Ну, а кто же эти нѣмцы, французы, итальянцы, испанцы? Кто ѣдетъ въ Аргентину?

Во-первыхъ, торгашъ съ тѣмъ, чтобы съ сотней рублей сдѣлать оборотъ, какого онъ у себя дома не сдѣлаетъ и съ тысячью. Во-вторыхъ, авантюристъ, которому терять нечего, и наконецъ мошенникъ, которому надо спасать свою шкуру. Вотъ къмъ населена Аргентина.

— Такъ зачѣмъ же вы живете въ ней?—перебилъ Петровъ.

— А вотъ именно зачѣмъ, что принадлежу къ третьей категоріи, къ категоріи мошенниковъ, и нахожу, что это все-таки лучше, чѣмъ быть торгашемъ или авантюристомъ. Что вы кочевряжитесь? Вѣдь вы отлично знаете, что мнѣ надо было выбирать между Сибирью и Аргентиной. Ну, я и выбралъ Аргентину. Тутъ все-таки теплѣе.

Я успѣлъ между тѣмъ къ нему приглядѣться. Темно-русые, коротко подстриженные волосы его и окладистая густая борода начинала серебриться сѣдиной. Лицо еще свѣжее и довольно пріятное было бы красиво, если бы всѣ черты его не были такъ крупны, топорны.

Точно и лобъ его, большой и широкій, и прямой носъ, и толстыя, добрыя губы, и плотно прилегающія къ головѣ уши,—все было съ плеча и наскоро вырублено опытной и умѣлой, но ужъ слишкомъ самонадѣянной и смѣлой рукой.

Гигантская фигура его съ широкими плечами, могучей спиной и грудью и огромными руками и ногами тоже производила впечатлѣніе топорности и медвѣжеватости.

Одѣтъ онъ былъ въ суконныя брюки, въ сапоги и въ короткій полушубокъ, поверхъ котораго накинута было пестрое съ сѣрыми, черными и красными полосами одѣяло. На головѣ у него была легкая свѣтлая фуражка, въ родѣ тѣхъ, что носятъ велосипедисты.

Петровъ разсмѣялся жиденькимъ, фальшивымъ голосомъ.

— Вѣдь вотъ человекъ!—воскликнулъ онъ.—Ну, ужъ клеветалъ бы, куда ни шло, на Аргентину, а то вѣдь и на себя клевететь. Вы ему не вѣрьте, Александръ Петровичъ! Это ужъ такой характеръ! Для краснаго словца не пожалѣетъ матери—отца. Какой каторжникъ, подумаешь! Слышишь, Базиліо?

Но Вася забился въ уголь, усѣлся тамъ на деревянномъ обрубкѣ и весь ушелъ въ перебирание какихъ-то мелочей въ стоявшемъ передъ нимъ ящикѣ.

— Ни на кого я не клевету,—сказалъ Лѣвша:—а рассказывать небывлицы въ лицахъ тоже не люблю. А говорю правду.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ!—заюлилъ Петровъ.—Вѣдь этакъ вы свѣжаго человека совсѣмъ огорошите. Онъ подумаетъ, что мы всѣ тутъ каторжники.

— Онъ не сдѣлаетъ большой ошибки.

— Слышите!—взвизгнулъ Петровъ.—Нѣтъ, Андрей Семеновичъ, вы хватили черезъ край. Это ужъ чертъ знаетъ что такое! Вы

просто невозможный человекъ! Отчего же вы не допускаете, что въ Аргентину могутъ попасть и другіе люди? Люди съ широкими либеральными идеалами, задыхающіеся подъ гнетомъ стѣснительнаго режима, ищущіе достойной арены для общественной, ничѣмъ не стѣсняемой, дѣйствительно полезной дѣятельности. Здѣсь есть все, что можетъ плѣнить и обѣщать награду подобнымъ людямъ. Либеральное правленіе, общество, воспитанное на началахъ свободы и равноправія, наконецъ, недостатокъ въ людяхъ, а слѣдовательно полная возможность для такихъ дѣятелей заявить о себѣ, провести свои теоріи въ практику. И напрасно вы говорите, что Аргентина страна некультурная. Вы глубоко ошибаетесь. Посмотрите, здѣсь есть все, что есть въ цивилизованныхъ странахъ: телефоны, телеграфы, электрическое освѣщеніе, университеты, музеи, да мало ли что!

— Да, да,—горячо возразилъ Лѣвша.—Да развѣ я отрицаю это? И не думаю. Вы тысячу разъ правы, Иванъ Павловичъ. Мало того, въ этой милой странѣ есть пустыри, не заселенные и глухіе, но освѣщенные электричествомъ, желѣзныя дороги, на которыхъ отъ поѣзда до поѣзда проходитъ два-три дня, телефоны, которыми никогда ни одна душа не пользовалась, телеграфныя станціи, съ которыхъ не было отправлено съ тѣхъ поръ, какъ онѣ стоятъ, ни одной телеграммы, и университеты, гдѣ съ различныхъ кафедръ преподаются, подъ разными названіями, суррогаты знаній—фруктъ для аргентинца самый подходящій, такъ какъ аргентинецъ по натурѣ невѣжда и истинную науку презираетъ.

— Это все преувеличенія.

— Пусть, но преувеличенное или нѣтъ,—все это есть. А для близорукихъ людей оно и хорошо, что преувеличено, а то вѣдь и не разглядятъ.

— Почему это вы считаете другихъ близорукими, а себя нѣтъ? Въ такомъ случаѣ я скажу, что вы ужъ слишкомъ дальнорюрки и не видите, что у васъ дѣлается подъ носомъ. И аргентинцевъ вы совсѣмъ не такъ понимаете. Аргентинецъ еще утретъ носъ всѣмъ другимъ націямъ. Почему это вы вообразили, что иностранцы на половину его съѣли? И евреевъ сюда приплели. Много ли евреевъ въ Аргентинѣ? Все это, батюшка, голословно.

— Ну, такъ я вамъ скажу, что евреи-то скорѣе другихъ скушаютъ вашу Аргентину, да такъ, что она и не почувствуетъ. Аргентина—это будущее еврейское царство. Правда, теперь ихъ немного, и одна половина, говорятъ, околѣваетъ съ голоду тамъ въ колоніяхъ, вѣрнѣе въ имѣніяхъ своего благодѣтеля, зато другая разсѣяна по всей Аргентинѣ и по всѣмъ угламъ тклетъ свою паутину, которая когда нибудь опутаетъ всю страну. И чѣмъ незамѣтнѣе еврей, чѣмъ меньше о немъ думаетъ Аргентина, тѣмъ страшнѣе онъ для нея, тѣмъ вѣрнѣе его побѣда. Что вы посмѣи-

ваются? Евреи всюду начинали тихо, робко, униженно и кончали тѣмъ, что надменно поднимали голову и плевали въ лицо той странѣ, которая ихъ приютила. Посмотрите, что дѣлается во Франціи. Впрочемъ вы не читаете французскихъ газетъ.

— И не желаю читать. Франція идетъ назадъ. Она отрекается отъ лучшихъ своихъ традицій. Это царство буржуазіи, гдѣ самыя лучшія идеи человѣчества приносятся въ жертву тщеславію, гдѣ президентовъ окружаютъ царской пышностью и раболѣпствуютъ передъ ними, и гдѣ...

— И гдѣ жида все держатъ крѣпко въ своихъ цѣпкихъ рукахъ,—перебилъ Лѣвша.

— Да. Только этого нельзя сказать про евреевъ въ Аргентинѣ. О нихъ и не слыхать.

— Вотъ именно. Посмотрите, какъ ведетъ себя еврей. Во-первыхъ, онъ даже и не еврей, онъ русскій, и аргентинцы не знаютъ никакихъ евреевъ, они знаютъ русскихъ. Какова его религія, во что онъ вѣритъ—все это неизвѣстно. Аргентинцы воображаютъ, что нашъ православный священникъ существуетъ здѣсь для евреевъ. Въ еврейскихъ колоніяхъ живутъ русскіе, los Russos. Самое слово «еврей» просто не употребительно. Но погодите. Пройдутъ годы, и аргентинцы узнаютъ, что такое этотъ смиренный, незамѣтный еврей. Но тогда будетъ ужъ поздно. И сейчасъ еврей—богатый земельный собственникъ. Нужды нѣтъ, что онъ мретъ съ голоду на своей землѣ. Это вѣдь только пока. Съ земли онъ уйдетъ, обрабатывать предоставитъ ее другимъ, а самъ займется тѣмъ, чѣмъ испоконъ вѣка занимался еврей. Заберетъ въ свои руки биржу, денежный рынокъ, настроитъ банковъ, повсюду разсѣетъ дисконтеровъ, мѣняль, ростовщиковъ, устроитъ царство мамона и въ этомъ царствѣ сядетъ царемъ. Спыхватится Аргентина, да, шалишь, голубушка, раньше надо было думать. Спыхватится она тогда, когда еврей ужъ не будетъ скрываться, не будетъ робко прятаться за Россію, когда онъ подыметъ голову, воздвигнетъ мраморныя синагоги и объявитъ беспощадную войну всему, что не поклоняется Іеговѣ и золотому тельцу.

— Не понимаю, что за ненависть у васъ къ евреямъ. Это еще въ васъ матушка-Россія не выдохлась. Я прежде тоже не любилъ евреевъ, а, живя въ Аргентинѣ, я убѣдился, что есть между ними прекрасные, честные и безкорыстные люди. Спросите-ка Ваську, какъ относились къ намъ евреи,—онъ вамъ скажетъ. Ужъ ему-то вы можете повѣрить.

— Когда мы голодали и нуждались съ папой,—взволнованно заговорилъ Вася изъ своего угла:—евреи дѣлились съ нами всѣмъ, что имѣли, и это были совсѣмъ чужіе, незнакомые намъ люди. Мы жили цѣлый мѣсяцъ въ колоніяхъ, насъ тамъ кормили, давали намъ работу, старались всячески намъ помочь. Вы, Андрей

Семеновичъ, совѣмъ не знаете евреевъ, а говорите о нихъ дурно. Это нечестно!

— Разумѣется, нечестно!—повторилъ Петровъ.—Наконецъ къ вамъ самому здѣшніе евреи всегда относились хорошо.

— Вотъ странные люди!—сказалъ Лѣвша.—Я ничего противъ евреевъ не имѣю и вовсе не ненавижу ихъ, какъ вы думаете. Напротивъ, я, если хотите, уважаю еврейскій народъ, его стойкость, его упорство, его своеобразность. Будь я еврей, я бы гордился тѣмъ, что принадлежу къ такому живучему, выносливому и могучему племени, которое весь міръ гонитъ и которому весь міръ подвластенъ. Еврейскій народъ самый старый изъ народовъ, личность его выяснялась вѣками и въ настоящее время выяснилась настолько, что пытаться измѣнить ея характернѣйшія черты—чистѣйшій абсурдъ. А ты, донъ-Базиліо, еще малъ и не понимаешь вещей, поэтому лучше не суйся въ еврейскіе адвокаты.

Онъ умолкъ. Петровъ не сталъ возражать. Онъ, кажется, очень озябъ, ежился и безпрестанно потиралъ свои костлявыя руки.

— А не дадите ли вы намъ чайку?—обратился онъ къ Лѣвшѣ.

— Пожалуй, хотя Мерседесъ навѣрное спитъ. Базиліо, сходи-ка въ кухню. Если ея тамъ нѣтъ, загляни къ хозяевамъ и спроси ее, не соблаговолитъ ли ея милость вскипятить намъ воды.

— Что у васъ тамъ въ ящикѣ?—сказалъ Петровъ, когда Вася вышелъ.

— Чучела птицъ изъ послѣдней экспедиціи. Богатую коллекцію удалось собрать. Надо ихъ еще привести въ порядокъ.

— А вы въ какой экспедиціи участвовали?—заинтересовался я.

— А вотъ, видите ли, я служу здѣсь при этнографо-зоологическомъ обществѣ. Такъ раза два въ годъ меня снаряжаютъ въ разныя мѣста для изслѣдованій и собиранія коллекцій.

— Андрей Семеновичъ вѣдь замѣчательный ученый,—вставилъ Петровъ.—Онъ оказалъ множество услугъ здѣшней наукѣ и пользуется огромнымъ уваженіемъ.

— Что мнѣ въ ихъ уваженіи?—сказалъ Лѣвша.—Изъ уваженія шубы не сошьешь, а шуба здѣсь не мѣшается. Только не стоитъ съ ними дѣло имѣть. У нихъ все напоказъ, для выставки, а настоящего, серьезнаго отношенія къ наукѣ не понимаютъ. И потому здѣсь всюду кумовство. Приходится быть подъ началомъ у недоучекъ и невѣждъ, которые занимаютъ видныя мѣста, получаютъ огромныя оклады и третируютъ васъ свысока. Вѣдь здѣшнее правительство—воръ, мошенникъ. Пока оно правительство, оно думаетъ только о томъ, какъ бы набить свой карманъ и надѣлать всѣхъ присныхъ. Ну, и подыскиваются разные благовидные предлоги, создаются проекты, придумываются новыя должности. Отъ насъ недавно одно ничтожество получило назначеніе представить всѣ виды парагвайскаго чая. Снарядили экспедицію, снабдили сред-

ствами, дали людей. Любятъ они поощрять своихъ доморощенныхъ ученыхъ. Пока онъ путешествовалъ, въ газетахъ подняли шумиху. Вернулся нашъ ученый изслѣдователь и привезъ съ собой...—ну, какъ бы вы думали, что?—Полторы тысячи видовъ парагвайскаго чая! Excusez du peu. Курьезно для насъ, а имъ очень понравилось. Выдали десять тысячъ песовъ награды и назначили на видное мѣсто. А слава? Благодарность признательныхъ современниковъ? И все это за полторы тысячи листиковъ, сорванныхъ, пожалуй, съ одного куста. А я получаю сто песовъ въ мѣсяцъ, а когда отправляюсь въ экспедицію, по шести песовъ въ день на мои личные расходы, кромѣ, разумѣется, платы за проѣздъ,—все, что я соберу, принадлежитъ обществу, а работаю я за десятерыхъ, завѣдую одинъ отдѣлами: палеонтологическимъ, орнитологическимъ и анатомо-физиологическимъ.

Вернулся Вася и объявилъ, что кипятокъ сейчасъ будетъ готовъ, что онъ самъ развелъ огонь и налилъ водой котелокъ, чѣмъ расположилъ въ свою пользу Мерседесъ.

— Ну, вотъ и отлично!—сказалъ Лѣвша. — Вася, посмотри-ка, вонъ тамъ у двери за ящикомъ должна быть банка. Нашелъ?

— Нашелъ. Неужели варенье?

— А ты что думалъ, лакомка? У меня и варенье есть. Это и самъ сварилъ изъ торонховъ. Настоящее аргентинское варенье. Сахару пошло пропасть, а вышло дрянь.

Еще не старая, красивая, но бѣдно и неряшливо одѣтая испанка принесла чугунный котелокъ съ кипяткомъ, большой жестяной чайникъ и три стакана безъ блюдецекъ. Лѣвша всыпалъ чаю въ чайникъ и перелилъ въ него изъ котелка кипятокъ.

Мы подѣли поближе къ столу, каждый очистилъ передъ собой маленькое пространство и получилъ на свою долю стаканъ очень жидкаго, но зато и очень горячаго чаю.

— Сахару нѣтъ,—сказалъ Лѣвша.—Будетъ съ насъ и варенья.

Онъ выдвинулъ ящикъ изъ стола, порылся тамъ и выкинулъ на столъ серебряную столовую ложку.

— А ложка есть, но одна,—сказалъ онъ. — Не церемоньтесь. *A la guerre, comme à la guerre.*

Ложка была большая, тяжелая и украшена изящной монограммой съ короной.

— Что вы смотрите? — сказалъ Лѣвша. — Это моя фамильная, изъ Россіи со мной приѣхала. Я вѣдь когда-то жилъ иначе и сидѣлъ за столомъ, покрытымъ бѣлоснѣжной скатертью и прилично сервированнымъ, не то, что теперь.

Голосъ его дрогнулъ и пресѣкъся.

— А ваша жена когда же приѣдетъ въ вамъ, Андрей Семеновичъ?—спросилъ Вася.

— Не знаю, другъ, вѣрнѣе, что никогда. Что ей тутъ дѣлать?

— Я этого не понимаю, — сказалъ Петровъ. — По-моему, если ваша жена васъ любитъ, она обязана пріѣхать.

— А по-моему, если сказать-то по совѣсти, она лучше сдѣлаетъ, если не пріѣдетъ. Какая жизнь ждетъ ее здѣсь? Я-то, конечно, воскресну, но ей будетъ тяжело.

— Мало ли что!—сказалъ Петровъ.—А все-таки она должна пріѣхать, если васъ любитъ.

— Вы все повторяете, если любитъ. Да вѣдь мы девять лѣтъ не видались. Она успѣла и отвыкнуть отъ меня, все равно что похоронила.

— Это почему? Вы ее за девять лѣтъ не забыли, а она забыла.

— Очень понятно. Я здѣсь одинъ и одинокъ, страшно одинокъ, на чужбинѣ. У меня здѣсь ничего нѣтъ, все осталось тамъ, и всѣ помыслы мои обращены къ тому, что тамъ. А у нея здѣсь только я, а тамъ родина, кругъ родныхъ, знакомыхъ, нѣжно-любимая семья, замужняя дочь, ея дѣти, сынъ взрослый, кончаетъ университетъ, младшая дочь-невѣста. Чтобы пріѣхать сюда, ей нужно оторваться отъ всего, что ей дорого.

По суровому лицу его пробѣжала грустная тѣнь.

Онъ задумался и печально поникъ головой.

— Я такую жену зарѣзалъ бы,—объявилъ вдругъ Петровъ.

— Значитъ, ваша жена отлично дѣлаетъ, что не ѣдетъ къ вамъ.

— Мама непременно пріѣдетъ, — съ горячностью проговорилъ Вася.

— Дай Богъ! Ты, я надѣюсь, не дашь ее въ обиду.

— И папу тоже не позволю обижать.

— Что же вамъ нравится мое варенье? — обратился ко мнѣ Лѣвша.

— Нравится. Изъ чего оно, сказали вы?

— Изъ торонхо. Торонхо это тоже, что наранхо-апельсинтъ, только меньше, кожа его крѣпче, и мясо горько.

— А знаете что?—сказалъ Петровъ.—Я вѣдь собираюсь завести кондитерскую. Обзаведеніе стоитъ пустяки, а какія выгоды, подумайте. Дери хоть по пяти песо за фунтъ.

— А фотографія, папа?—спросилъ Вася.

— Фотографія сама по себѣ. Одно другому не мѣшаетъ.

— Надо знать производство,—сказалъ Лѣвша.

— Что за премудрость! Пустое дѣло! Да и знать нечего! Я вѣдь самъ варить варенье не буду, это возьметъ на себя жена, а она все это знаетъ отлично. Я же займусь организаціонной и административной частью: пріисканіемъ мѣстъ сбыта, закупкой матеріала, печатаніемъ бланковъ, рекламъ и объявленій, веденіемъ книгъ. Вы увидите, какіе будутъ барыши. Хотите въ компанію, Андрей Семеновичъ?

— Вы серьезно?

— Разумѣется.

— Какой же я компаніонъ? Денегъ у меня нѣтъ, дѣла я не знаю, человѣкъ я непрактичный.

— Полноте! Зато вы свой человѣкъ. Нѣтъ, правда, Андрей Семеновичъ!

— Да я бы непрочъ начать какое нибудь самостоятельное дѣло. Только я думалъ другое. Я хотѣлъ заняться изслѣдованіями. Вѣдь на этомъ можно разбогатѣть. Въ прошлую экспедицію, напримѣръ, индѣйцы указали мнѣ нѣсколько допотопныхъ щитоносцевъ да аэролитъ. По условію я за это ничего не получаю и обязанъ доставить въ музей общества, а не будь я батракомъ,— вотъ у меня и состояніе. А вѣдь Аргентина, вы сами знаете, страна ископаемыхъ, тутъ, что ни шагъ, заберись только подальше, сокровища валяются просто подъ ногами.

— Да Аргентина—золотое дно!—воскликнулъ Петровъ.—Здѣсь, къ чему ни прикоснись, къ рукамъ липнетъ золото. Въ Аргентинѣ можно разбогатѣть въ одинъ день. Такъ что-жъ? Берите съ собой Васюку,—онъ выносливъ, отлично стрѣляетъ, по-испански говоритъ, какъ hijo del país—сынъ страны, и отправляйтесь съ нимъ.

— Да, да,—оживился Лѣвшя:—я давно объ этомъ подумываю. Что, правда, сидѣть на мѣстѣ? Посмотрите, Кроль выстроилъ себѣ домъ въ Буэносъ-Айресѣ и теперь какой тузъ, торгуетъ, ведетъ дѣла съ Лондономъ, съ Парижемъ. А вѣдь былъ простымъ препараторомъ и нищимъ. Ловкій нѣмецъ!

— Такъ вѣдь онъ невѣжда, а вы — ученый, — подхватилъ Петровъ,—вы предъ нимъ солнце. Посмотрите, что вы надѣлаете, только захотите.

— Поѣдемте, Андрей Семеновичъ!—вмѣшался Вася и съ мольбой поднялъ глаза на Лѣвшю.—Отправимтесь въ Патагонію или къ Кордильерамъ. Я знаю, какъ отыскиваютъ рѣдкости. Надо только подружиться съ индѣйцами, и они насъ сведутъ на знакомыя мѣста. Мы возьмемъ съ собой водки, цвѣтныхъ лоскутьевъ, бусъ, брошекъ, шпилекъ, разной такой дряни. Намъ и покупать не нужно. Все это у меня найдется. У меня вѣдь осталась куча вещей отъ прошлаго года, когда я ходилъ съ кахой (съ коробомъ).

— Ну, вотъ, ну, вотъ!—заговорилъ Лѣвшя, и лицо его просвѣтлѣло и оживилось.—Ты, Базилію, говоришь дѣло, ты именно понялъ, что тутъ нужно. Ты славный мальчикъ, ты будешь мнѣ страшно полезенъ. Я тебя научу дѣлать шкурки птицъ и звѣрей, и мы съ тобой соберемъ такія коллекціи, которыхъ здѣшнее дурачье и не нюхало. Только гдѣ взять денегъ?

— Денегъ вѣдь нужно немного,—сказалъ Петровъ.—Я постараюсь достать вамъ. Можно попросить у Шмюльсона и у другихъ. Дѣло выгодное, всякій съ удовольствіемъ вложитъ въ него небольшую сумму, зная, что все вернется впоследствии въ десять разъ.

— Нѣтъ, папа!—сказалъ Вася.—Такъ денегъ мы не достанемъ. Никто не дастъ. Лучше мы сдѣлаемъ вотъ какъ. Ты вѣдь открываешь кондитерскую, такъ тогда тебѣ, особенно безъ меня, некогда будетъ заниматься фотографіей. Мы возьмемъ съ собою фотографическій аппаратъ, будемъ вездѣ, гдѣ можно, снимать карточки, и на это мы можемъ существовать. А фотографическій аппаратъ намъ и для себя необходимъ: мало ли что покажется интереснымъ во время путешествія. А я прихвачу съ собою каху, прикуплю товару. Индѣйцамъ мы будемъ дарить, а въ городахъ я буду торговать. Это очень выгодно. Можно нажить на песо два.

— Это практично,—сказалъ Лѣвшинъ,—очень практично. Тогда мы можемъ, не теряя времени, отправиться надняхъ.

— Можно попробовать взять штукъ пятнадцать билетовъ въ національной лотереѣ,—раздумчиво проговорилъ Петровъ.—Чѣмъ чортъ не шутить? Быть можетъ, если не на всѣ, то хоть на нѣсколько мы выиграемъ.

— Ну, это гадательно!—возразилъ Лѣвшинъ.—Мнѣ кажется, въ національной лотереѣ чаще проигрываютъ, чѣмъ выигрываютъ.

— Не говорите! Наживаются огромныя состоянія. Тутъ есть какая-то механика, которую надо постигнуть. Это знаете, какъ въ рулеткѣ. Извѣстные нумера возвращаются періодически. Есть люди, которые очевидно владѣютъ тайной. Напримѣръ, Сальтини. Три раза по сорока тысячъ выигралъ. А вотъ другой суммы не можетъ выиграть. Я ужъ давно собираюсь изучить эту штуку, да все нѣтъ времени. Но я добьюсь своего. А подумайте-ка, какая афера. Тутъ ужъ ничего не надо: просто прикинулъ въ умѣ, и у тебя въ рукахъ десятки тысячъ. Вотъ, Александръ Петровичъ,—обратился онъ ко мнѣ:—давайте-ка разрабатывать этотъ вопросъ сообща, барышни пополамъ.

— Да что тутъ разрабатывать, когда тутъ все основано на иррѣ случая, на томъ, чего нельзя предвидѣть.

— Экой вы скептикъ! Не безпокойтесь, и случай подчиненъ извѣстнымъ законамъ. Изучите эти законы, и случай въ вашей власти. Вы вѣрите въ спиритизмъ?

— Я не знакомъ съ предметомъ.

— А въ гипнотизмъ?

— И о гипнотизмѣ имѣю весьма смутное понятіе.

— А я вѣрю и видѣлъ удивительныя вещи. По-моему Васяка превосходный медиумъ и очень способенъ подчиняться внушенію. Я дѣлаю большую ошибку, что не эксплуатирую въ немъ этихъ блестящихъ способностей. Подумайте, вѣдь это капиталъ. Но это потомъ. Такъ когда же вы думаете отправиться, Андрей Семеновичъ?

— Я вамъ говорю—надняхъ. Мнѣ собираться недолго. Откажусь отъ мѣста и отправлюсь. Omnia mea mecum porto. Сами знаете.

— Вы отъ мѣста не отказывайтесь, Андрей Семеновичъ!—съ живостью вмѣшался Вася.—Какъ можно! Мѣсто для васъ заручка. Мало ли что можетъ случиться! Вы просто просите отпуска по разстроенному здоровью. Они вамъ непременно дадутъ отпускъ, да еще и жалованье будутъ платить. Тогда вы ничего не теряете.

— А вѣдь онъ говоритъ правду,—сказалъ Петровъ.—Васька у меня такая шельма.

— Онъ практичнѣ насъ съ вами, дружище!—со вздохомъ отвѣтилъ Лѣвша.—Мы съ вами старые дураки и фантазеры, а онъ разсуждаетъ здраво и на жизнь смотритъ прямыми глазами.

— Вовсе не въ томъ дѣло,—возразилъ Петровъ.—Просто онъ прошелъ другую школу, чѣмъ мы съ вами. Мы съ вами—господа, насъ растили въ хлопочкахъ, водили на помочахъ. Взгляните на него. Вѣдь это испанскій мужикъ, здоровенный, веселый, грубый и глухой, безъ всякой эстетики. Посмотрите на его круглую, смуглую, румяную рожу, на рабочія, сильныя руки. А послушайте его, когда онъ идетъ съ своей кахой по городу и выкрикиваетъ товары: вы удивитесь, какая у него здоровая глотка!

— Тѣмъ лучше для него,—сказалъ Лѣвша.—Значитъ, мы отпрапляемся, Вася. А вы тутъ, Иванъ Павловичъ, заводите кондитерскую.

— Кондитерская—вещь выгодная,—задумчиво заговорилъ Петровъ,—но у меня, знаете ли, явилась идея. Я ужъ теперь кондитерскую по-боку.

— Какъ же такъ?—изумился Лѣвша.

— Вѣдь не только свѣта, что въ окошкѣ. Я думаю, что рыбокопильное заведеніе еще лучше пойдетъ. А? Какъ вы думаете? Вѣдь этого здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Кондитерская въ каждомъ городѣ все-таки есть, и не одна, а нѣсколько, а тутъ нигдѣ ничего подобнаго. Завтра же пишу женѣ, чтобы выѣхала скорѣе и непременно захватила специальное руководство къ рыбокопченію.

— Не знаю,—сказалъ Лѣвша.—Можетъ быть, вы правы. Я вамъ говорю, я не практичный человѣкъ. Бродить по свѣту я люблю. Давайте мнѣ Базилію, и до свиданія. Мы съ нимъ не пропадемъ. Здоровье у меня желѣзное, сила такая, что могъ бы быть профессиональнымъ силачемъ, и характера я не робкаго. Когда въ третьемъ году мы ѣздили въ Чубуть, мнѣ пришлось восемь дней прожить въ голой песчаной степи безъ пищи и почти безъ воды, если не считать лужъ, образовавшихся отъ дождей въ солончакахъ. И ничего. Я даже не скажу, чтобъ очень страдалъ.

— И мнѣ тоже холодъ, голодъ и жажда—наплевать!—съ наслажденіемъ уписывая варенье, объявилъ Вася.—Вотъ только не знаю, какъ папа безъ меня будетъ. Вѣдь онъ улицъ не знаетъ, купить ничего не умѣетъ, и всегда съ него за все сдерутъ втридорога.

— А Кнопъ на что?—сказаль Петровъ.

— А скоро Кнопъ будетъ здѣсь?—спросиль Лѣвна.

— Недѣли черезъ двѣ. Вѣдь въ Бразиліи была революція. Онъ бѣжалъ въ Парагвай; только что устроился,—и тутъ революція; онъ въ Уругвай—попаль какъ разъ наканунѣ революціи. Тогда ужъ онъ рѣшилъ ѣхать сюда. Ну, у насъ революція еще не сейчасъ, можно пожить.

Между тѣмъ чайникъ нашъ мы опорожнили до дна, да и варенья въ банкѣ поубавилось.

— Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше,—поднимаясь, сказалъ Петровъ.

— Куда же вы? Посидите,—пригласиль Лѣвна.

— Нѣтъ. Намъ еще нужно Александра Петровича завести.

— Ну, какъ хотите.

Онъ проводиль насъ до двери и выпустиль на улицу.

— Смотри же, Вася, собирайся въ путь-дорогу,—крикнуль онъ намъ вслѣдъ, передъ тѣмъ, какъ запереть дверь:—а не то одинъ уѣду.

— Да-съ, батюшка,—шагая по пустыннымъ улицамъ, разглагольствовалъ Петровъ:—вотъ увидите, какая страна Аргентина! Тутъ только не надо зѣвать, живо сдѣлаетесь Крезомъ. Да будь мнѣ ваши годы,—Господи! что бы я натвориль! Ахъ, какая страна! Сюда пріѣзжаютъ нищими, а уѣзжаютъ миллионерами. Какое дѣло ни заведи,—все дасть огромный барышъ.

— Вы давно здѣсь, Иванъ Павловичъ?

— Пятый годъ.

— А Андрей Семеновичъ девять лѣтъ?

— Да, онъ старожилъ, давно здѣсь. Замѣчательная голова!

— Скажите, почему вы не завели какого нибудь дѣла, если вы находите, что здѣсь предпріятія даютъ такія выгоды?

— А кто вамъ сказалъ, что я не заводиль? У меня былъ образцовый огородъ. Не пошло, т. е. пошло отлично, все уродилось сверхъ ожиданія, и сбытъ былъ бы хорошій, да все поѣла разная гадость, лангоста (саранча), бичемора. Я плюнулъ на огородъ и открыль тамбо, образцовую ферму, занялся молочнымъ хозяйствомъ. Чудесно наладиль дѣло. Только пришлось бросить. Съ здѣшнимъ проклятымъ скотомъ ничего не подѣлаешь. Дикій скотъ! Плюнулъ. Открыль переплетную. Выписаль изъ Лондона руководство. Вѣдь здѣсь переплетать не умѣютъ, за паршивый переплетъ, который въ Россіи стоитъ 15—20 копеекъ,—дерутъ полтора—два рубля. Можно бы деньги нажить. Да бѣда съ матеріаломъ, того нѣтъ, другого нѣтъ, а тутъ еще страшная сырость или нестерпимая жара. Переплеты то всѣ разбухнуть, то покоробятся, какъ береста на огнѣ. Махнулъ рукой! Выписаль изъ Берлина чулочно-вязальную машину, открыль заведеніе. Оказалось

прескучное занятіе. Во-первыхъ, самъ гни день деньскою, не разгибаясь, спину, во-вторыхъ, и машина — дрянъ. То иглолка сломается, то нитка порвется, то шестерня хлябаетъ. Только и знаешь, что ее подмазываешь да подвинчиваешь, разбираешь да собираешь. Надоѣла смерть! Кончилъ тѣмъ, что купилъ Базиліо каху-коробъ, набилъ ее разной галантерейной пустяковиной,—пуговицами, шпильками, гребенками, мыломъ, духами, румянами, бѣлилами, пудрами, взялъ ему папелету—торговое свидѣтельство, пошелъ онъ у меня ходить по улицамъ да кричать: *Que lindo japon, hermosas senoras!* Ничего, хорошо торговали. Выгодно. Да папелетѣ вышелъ срокъ, а на новую денегъ не было, такъ каху и забросили.

Я съ изумленіемъ выслушалъ это перечисленіе различныхъ профессій.

На улицахъ было тихо и пусто. Огни въ магазинахъ давно были потушены. Немногія окна, за которыми еще видѣлся свѣтъ, были закрыты ставнями. На черномъ небѣ ярко блестѣли золотыя звѣзды. Газовые фонари тускло мигали въ холодномъ воздухѣ. Время отъ времени въ ночной тишинѣ слышались свистки полицейскихъ.

— Еще двѣ кадры, и будетъ Кадже-Лавадже,—сказалъ Вася.

Издали стали доноситься нестройные звуки. Мелодіи разобрать было нельзя. Играли на нѣсколькихъ разнородныхъ инструментахъ и разныя вещи. Слышались шумъ и голоса.

Мы повернули въ узкую улицу, которая на первый взглядъ показалась мнѣ ярко освѣщенной. Тѣ же тусклые газовые фонари мигали и здѣсь. Но изъ оконъ домовъ, сквозь прозрачныя занавѣски лился свѣтъ, широкими полосами ложась на мостовую и тротуары, а въ раскрытыхъ дверяхъ спускались съ потолка разноцвѣтные съ зелеными, желтыми и красными стеклами фонарики. Со всѣхъ сторонъ, изъ каждой раскрытой двери вырывалась наружу музыка. То пиликала скрипка вальсъ, то чьи-то деревянные пальцы отбивали трескучую польку на разбитомъ піанино, тренькала гитара, гудѣлъ органъ, разливался оркестріонъ.

— Это что за веселая улица?—спросилъ я.

— Да это и есть Кадже-Лавадже,—отвѣтилъ Вася.— Развѣ не узнали?

— Улица самая веселая въ Буэносъ-Айресѣ,—хихикнулъ Петровъ.—Вы, однако, не зѣваете. Всего день, какъ пріѣхали, а уже начали изучать здѣшнія мѣста значныя и прохладныя.

— Вотъ альмасенъ и ресторанъ Вульфсона,—объявилъ Вася.

Не скажи онъ, я не узналъ бы дома моихъ хозяевъ; неприкѣтный, невидный и скромный, теперь онъ такъ и бросался въ глаза своими ярко освѣщенными окнами. Дверь, тщательно запертая днемъ, стояла настежь, и подъ потолкомъ висѣлъ подозрительный цвѣтной фонарикъ. Слышались голоса, звонъ посуды, треньканье гитары.

— До свиданья,—сказалъ Петровъ.—Желаю вамъ веселиться, только если вамъ это веселье надоѣстъ, и вы вздумаете уйти отсюда,—приходите къ намъ. Вѣдь вы не Крезъ. Тамъ, гдѣ мы живемъ съ Васькой, вы можете дешево и хорошо устроиться.

— Мы въ Милькасасть,—вставилъ Вася. — По-русски это значитъ тысяча квартиръ. Такъ здѣсь называютъ домъ для рабочихъ.

— Милькасасть, что подлѣ Ла Восса у пристани, вамъ всякій покажетъ,—добавилъ Петровъ:—а когда придете въ Милькасасть, спросите донъ-Хуана.

— Это кто же донъ-Хуанъ?

— Да я же. Вѣдь меня зовутъ Иванъ, а по-испански это выйдетъ донъ-Хуанъ.

— А то я завтра утромъ приду къ вамъ,—сказалъ Вася:—вы, пожалуй, не найдете насъ.

— Онъ завтра придетъ,—подтвердилъ Петровъ.

Мы распростились.

VII.

Я вступилъ въ подѣздъ.

Ту-ча-а чо-орная мой ха-ри-зонть закры-ыла...

пѣлъ сильный, грудной, вибрирующей женскій голосъ.

Я сдѣлалъ еще нѣсколько новыхъ шаговъ и остановился, волнуемый смѣшаннымъ, непонятнымъ мнѣ, пріятнымъ и жуткимъ чувствомъ.

Большая комната, заставленная столами, такъ и сіяла и была полна народу.

Посреди ея въ полоборота къ двери стояла женщина, высокая, видная еврейка съ прекраснымъ матово-жгучимъ лицомъ, съ большими, черными, какъ спѣлая вишня, глазами. На ней былъ на дѣтъ какой-то пестрый не то русскій, не то малороссійскій костюмъ, съ вышивками и позументомъ, на шеѣ ея было ожерелье изъ монетъ, на головѣ красный шелковый, завязанный за уши назадъ, платочекъ, тоже съ монетами, бахромой падавшими на лобъ. Бѣлая, нѣсколько большія, обнаженные руки ея, въ пушистыхъ, собранныхъ къ плечамъ рукавахъ, недвижно висѣли вдоль тѣла. Стройная, рослая фигура ея заслоняла собой всѣ остальные, и мои глаза приковались сначала только къ ней. Пѣла она.

Онъ сопровождалъ молодой, красивый, черноусый испанецъ. Онъ сидѣлъ на низенькомъ складномъ стулѣ, широко разставивъ ноги въ туфляхъ съ пряжками, наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ надъ гитарой, лежавшей у него на колѣняхъ, закинувъ назадъ голову въ мягкой фетровой шляпѣ, не спуская восхищеннаго, упornaго и страстнаго взора съ пѣвицы. Время отъ времени онъ

бралъ тихіе, рѣдкіе, звенящіе акорды. Мягкій, темный плащъ окутывалъ его, и перекинутый черезъ плечо длинный конецъ его висѣлъ сзади до земли. Шея его повязана была бѣлоснѣжнымъ фуляромъ, на фонѣ котораго ярко выступало его смуглое, мужественное лицо.

Еврейка умолила. Кругомъ раздались восклицанія:

— *Muy bien! muy bien! Que lindo!* (Очень хорошо! Какъ прекрасно!).

Группы мужчинъ въ шляпахъ, въ пальто или плащахъ, сидѣли у столиковъ, заставленныхъ бутылками и стаканами. Тамъ и сямъ между ними были женщины, все еврейки, въ голубыхъ, розовыхъ и черныхъ платьяхъ. На одной былъ надѣтъ тотъ польскій костюмъ, который такъ часто встрѣчается въ нашихъ маскарадахъ.

Еврейку опять заставили пѣть.

*Я васъ люблю, и вы повѣрите,
Когда цыганка говоритъ...*

Думалъ ли я когда нибудь, что услышу этотъ пошлый романсъ въ Аргентинѣ, въ тридцатомъ царствѣ?

Когда она кончила, ее стали просить пѣть еще, а одинъ изъ кавалеровъ поднесъ ей бокалъ вина и вѣтку винограда. Она приняла и то и другое, но пѣть отказалась, и сѣла къ столу, у котораго никого не было.

Испанецъ повернулся въ ея сторону и, не мѣняя позы, но все преслѣдуя ее тѣмъ же упорнымъ взглядомъ, сказалъ:

— Сеньора пѣла намъ. Пусть позволить она отплатить ей тѣмъ же.

Онъ взялъ нѣсколько аккордовъ, откинулъ назадъ голову и запѣлъ пріятнымъ, несильнымъ теноромъ.

Пѣсня его была рядъ куплетовъ, восхвалявшихъ прелести его возлюбленной или изображавшихъ его чувства къ ней.

Напѣвъ былъ однообразный и грустный, но въ немъ онъ ухитрялся дѣлать красивые, сложные переходы, которые на первый разъ трудно было уловить.

Куплеты были приблизительно такого содержанія:

*Какъ это солнце блещетъ,
Блестятъ ея наряды,
Какъ это солнце грѣетъ,
Такъ грѣютъ ея взгляды.*

Мнѣ казалось, онъ импровизировалъ. Послѣ двухъ, трехъ подобныхъ куплетовъ, онъ повторялъ, въ видѣ припѣва слѣдующій:

*Los ojos de mi morena
Se parassen a me malos...*

Въ переводѣ на русскій языкъ это выходило:

*Глаза моей любезной
Не нравятся мнѣ очень:
Глубокіе, какъ бездна,
Они темнѣе ночи.*

Иногда онъ варьировалъ такъ:

Моей любезной очи
Не нравятся мнѣ очень:
Глубокіе, какъ море,
Очи черны, какъ горе.

Онъ кончилъ, и его наградили аплодисментами.

Я подошелъ къ двери комнаты, въ которой ночевалъ.

Она была заперта. Но изнутри былъ виденъ свѣтъ. Комнаты рядомъ стояли темныя.

— А! Это вы вернулись,—сказалъ мнѣ Мойше, проходя мимо.

Онъ былъ принаряженъ и несъ поднось, заставленный напитками.

— Идите туда,—указалъ онъ на другой дворъ:—сюда нельзя.

Въ коридорѣ, какъ и наканунѣ, какъ и утромъ, кипѣлъ тотъ же грязный самоваръ. Хозяйка, закутавшись въ платокъ, наливала чай мужу. Висячая лампа коптила подъ потолкомъ.

— А! И ждраштвуйте!—произнесла еврейка.

— Добраго вечера! Желаете чаю?—сказалъ Вульфсонъ.

И опять долго не выпускалъ моей руки изъ своей.

Я сѣлъ къ столу. Гдѣ я, я хорошо понималъ. Но было уже около двухъ часовъ, и эту ночь надо было провести здѣсь.

Еврей и жена его, кажется, были чѣмъ-то озабочены. Оба молчали, но по ихъ лицамъ видно было, что у нихъ есть о чемъ поговорить, только мое присутствіе ихъ стѣсняеть.

Вдругъ дверь въ комнату рядомъ скрипнула, тихо отворилась, и какъ разъ напротивъ меня къ столу нерѣшительно подошла дѣвушка въ голубомъ свѣтломъ платьѣ, съ голой шеей и руками.

Явленіе это было такъ неожиданно, что я вздрогнулъ. Еврей насупился, а еврейка побагровѣла и, сжавъ губы, процѣдила:

— Ну, и что ты хочешь?

Дѣвушка перевела глаза съ еврейки на Вульфсона и остановила ихъ на мнѣ.

Она была невысокаго роста, очень тоненькая, стройная, блѣлая. По ея дѣтски ясному лицу съ пухлыми, какъ у ребенка, щечками и большими простодушными и испуганными голубыми глазами, а также по ея худенькимъ рукамъ и шеѣ, ей можно было дать никакъ не болѣе шестнадцати лѣтъ.

— Ну, и что жъ?—съ нетерпѣніемъ повторила еврейка.

— Я не пойду,—почти шопотомъ промолвила дѣвушка.

— Ну, что это за глупости! всѣ дѣвушки идутъ, а ты почему не идешь? Ге?

— Я не могу.

— Что?

— Слушай, Бася, — заговорилъ съ растановкой Вульфсонъ: — ты уже не маленькая, ты должна все понимать. Мы люди бѣдные,

кормимъ тебя, помимъ, одѣваемъ, даемъ квартиру. Привезли тебя сюда, тоже заплатили деньги. Что же, ты хочешь даромъ ѣсть нашъ хлѣбъ? Да?

— Я не поѣхала-бъ, еслибъ знала...

— А что тебѣ знать?—съ сердцемъ закричала еврейка.—Тебѣ нечего знать. Безъ работы никто не станетъ держать.

— Я не отказываюсь работать. Заставьте меня мыть полы, стирать, прикажите дѣлать самую тяжелую работу, я буду. Я буду рада, а вы...

— Хе! Ты глупая дѣвушка!—сказалъ Вульфсонъ.—А ты будь рада, что тебя не заставляютъ мыть полы. Пока ты молода и красива, тебѣ не надо работать. Вотъ, погоди, состарнись, подурнѣешь, тогда и полы мыть будешь.

Мнѣ стало неловко и тяжело присутствовать при этомъ разговорѣ.

— Я хотѣлъ бы пройти въ свою комнату,—сказалъ я.

— Извините,—отвѣтила еврейка:—тамъ теперь нельзя. Занято.

— Извините,—сказалъ и Вульфсонъ:—занято. Такой гость. Всегда привыкъ этотъ номеръ занимать. А чемоданъ вашъ я пока велѣлъ сюда перенести. Вонъ онъ.

Еврейка, между тѣмъ, безмолвно дѣлала какіе-то знаки дѣвушкамъ.

Та отрицательно качала головой.

— Нечего, нечего,—сказалъ Вульфсонъ, — вонъ Мойше тебя проводитъ.

— Я съ нимъ не пойду,—рѣшительно отвѣтила дѣвушка, остановивъ на мнѣ робкій, молящій взоръ.

Мнѣ стало невыразимо жаль ее. Чѣмъ я могу помочь ей?—думалъ я. Попробовать ее выкупить? Но у меня такъ мало денегъ, что ихъ всѣхъ, вѣроятно, не хватитъ на это.

— Ну, иди съ Ревеккой, — сказала еврейка, бросивъ искоса взглядъ на меня.

Я понималъ, что стѣсняю ее. Безъ меня съ бѣдной Басей не стали бы говорить такъ мягко.

— Мойше! Кликни Ревекку!—приказалъ Вульфсонъ.

— Некогда ей. Гостей занимаетъ.

— На минуту пусть выйдетъ.

Послышались легкіе, неспѣшные шаги, и въ комидоръ вошла красавица пѣвица.

— Вотъ возьми ее туда,—сказалъ Вульфсонъ, указывая на Басю:—познакомь съ гостями. Пусть привыкаетъ.

— Не пойду я,—сказала Бася.—Съ какими глазами я войду туда? Да я лучше умру.

— Дура!—сказалъ Вульфсонъ.—Вѣдь тебя не зарѣжутъ и ничего худого не сдѣлаютъ. Только посидишь съ гостями. Не понравится никто, мы тебя неволить не хотимъ. А прятаться нечего...

— Я съ ней не пойду.

— Такъ одна иди.

— И одна не пойду.

Пѣвица презрительно передернула плечами и вышла.

— Я съ ними хочу итти,—она указала на меня глазами.

Еврейка вытаращила глаза.

— И што! Развѣ-жъ этотъ господинъ для тебе нянька?

Но Вульфсонъ сдѣлалъ ей знакъ молчать и, обращаясь ко мнѣ, занскивающе сказалъ:

— А, можетъ быть, вы желаете въ залъ? Пожалуйста, идите. И она пойдетъ съ вами. Пожалуйста, веселитесь.

— Намъ очень пріятно,—буркнула еврейка.

Я почувствовалъ себя еще болѣе неловко. Я предпочиталъ итти въ залъ, чѣмъ сидѣть съ Вульфсономъ и его женой; кромѣ того, мнѣ хотѣлось побыть съ Басей, поговорить съ ней, — для этого представлялся отличный случай, — но вести ее на позоръ, сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ пособникомъ ея эксплуататоровъ, взять на себя посредничество въ этомъ мерзкомъ дѣлѣ, было мнѣ до крайности противно.

Я взглянулъ на Басю и встрѣтился съ ея молящимъ и настойчивымъ взглядомъ.

— Пойдемте,—сказалъ я.

Вульфсонъ съ женой поднялись съ своихъ мѣстъ и стали въ дверяхъ, слѣдя за мной и за Басей.

Еврейка порывалась что-то сказать, но мужъ остановилъ ее.

Мы прошли на передній дворъ и остановились въ глубинѣ, прижавшись къ холодной стѣнѣ.

Я взялъ Басю за руку. Она была холодна и дрожала.

— Если вы не хотите итти туда,—сказалъ я: —вернитесь. Пока я здѣсь, я не позволю обижать васъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ. Сегодня вы здѣсь, завтра васъ не будетъ. И потомъ, все равно, я должна погибнуть. Прежде я боролась. Теперь я поняла, что это бесполезно. Я рѣшила, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Видите, какъ я одѣта. Я одѣвалась сама. Я бы не одѣлась, если бы не сказала себѣ, что надо уступить.

Голось ея дрожалъ, и въ немъ звенѣли слезы.

Жалость душила меня. Нельзя ли спасти ее? Мысли вихремъ закружились у меня въ головѣ.

— Бася,—сказалъ я, задыхаясь отъ волненія, подхваченный могучимъ и неудержимымъ порывомъ: — идемте прямо на улицу. И найму экипажъ и отвезу васъ къ одному знакомому. Хотите?

Она вдругъ отдѣлилась отъ стѣны, стремительно перешла патію, на мгновенье остановилась у входа въ роковую дверь и вступила въ комнату.

Все это такъ быстро совершилось, что, когда я понялъ, что она дѣлаетъ, она была уже среди залы.

Я бросился, не помня себя, за ней, догнавъ ее, схватилъ за руку и повлекъ къ выходу.

Она выдернула руку и твердо сказала:

— Вонъ свободный столъ, сядемте тамъ.

Въ голосѣ ея не слышно было ни робости, ни грусти, ни слезъ. Онъ звучалъ жестко и рѣшительно. Это было отчаяніе.

Кругомъ слышались восхищенные возгласы:

— Una rubia! (Блондинка)! Que linda! Que hermosa! Que seductora! (Какъ прелестна! Какъ мила! Какъ обольстительна!)

Жадные взоры точно ощупывали ее.

Я спросилъ вермута и фруктовъ.

Бася выпила полъ-бокала и обвела глазами комнату.

— Трактиръ! Кабакъ!—съ отвращеніемъ произнесла она.

— Хуже!—подумалъ я.

— Вы сейчасъ предлагали мнѣ бѣжать отсюда, — тихо заговорила она:—изъ этого ничего бы не вышло. Вы не знаете законовъ этой страны. Я несовершеннолѣтняя и принадлежу тому, кто меня усыновилъ. Вульфсонъ мой пріемный отецъ. До двадцати одного года я въ его власти и не могу безъ его воли распорядиться собой. Я—раба.

— Что вы говорите? — вскричалъ я. — Вѣдь здѣсь свободная страна.

— Свободная?—съ горькой усмѣшкой переспросила она.—Для тѣхъ, кто покупаетъ, — да, но не для тѣхъ, кто купленъ. Здѣсь всякій желающій имѣть дарового работника усыновляетъ какого-нибудь несчастнаго. Меня разыскали бы и вернули, васъ наказали бы штрафомъ, а, можетъ быть, посадили бы въ тюрьму.

— Откуда вы знаете все это?—съ удивленіемъ спросилъ я:—вѣдь вы сами недавно здѣсь.

— О! Я здѣсь много узнала.

— Послушайте, вы такъ правильно говорите по-русски. Откуда вы?

— Изъ Варшавы, я тамъ училась въ гимназіи, только до пятого класса.

— Какъ же вы попали сюда?

— Мнѣ предложили мѣсто бонны въ Аргентину, я сдурю согласилась. Вотъ и все.

— А вы говорите, Вульфсонъ вашъ пріемный отецъ?

— Такъ это онъ ужъ здѣсь взялъ меня въ пріемныя дочери, чтобы не платить таможенной пошлины, и чтобы я не надѣлала ему хлопотъ.

— Таможенной пошлины, за что?

— За живой товаръ, за дѣвицъ...

— Не можетъ быть!

— Какъ же не можетъ быть, когда я это знаю навѣрно! Прежде не брали, теперь берутъ.

Она выпила еще вина, и щеки ея порозовѣли.

Я пилъ тоже. Меня мучила жажда или, можетъ быть, отъ волненія и усталости,—я чувствовалъ, что усталъ, — пересыхало во рту и въ горлѣ.

Въ комнатѣ становилось все шумнѣе и жарче. Съ улицы входили новыя лица. Явился скрипачъ. Стали танцовать. Я пилъ вино, смотрѣлъ на танцующихъ, и у меня сильно кружилась голова.

Бася стала казаться теперь мнѣ какой-то другой, необыкновенно соблазнительной, яркой и блестящей.

Она много и оживленно говорила.

Я старался слушать ее, но порою все на мгновенье какъ бы задерживалось какимъ-то туманомъ, слова ея звучали откуда-то издалека и только ласкали слухъ, не имѣя смысла.

— ...и эти всѣ лица отвратительны. Послушайте, вѣдь я вамъ нравлюсь? Да? я это вижу по вашимъ глазамъ. Я хочу вамъ нравиться. Я погибну. Ну, и пусть. Но я хочу, чтобъ первый были вы, но ни одна изъ этихъ пьяныхъ рожъ. Я хочу хоть разъ въ жизни выбрать сама, и я выбираю васъ...

И опять все слилось въ какой-то хаосъ. Я очнулся посрединѣ комнаты. Кто-то сильно толкнулъ меня. Я увидѣлъ передъ собой красавицу пѣвицу, и ту же минуту въ ушахъ у меня зазвенѣли слова ея пѣсни:

Туча черная мой горизонтъ закрыла...

Я бросился вонъ, отыскалъ еврея, и, не помня себя, вытащилъ бумажникъ и бросилъ передъ нимъ на столъ.

Онъ читалъ толстую, въ грубомъ кожаномъ переплетѣ съ мѣдными застежками книгу. Еврейки не было.

— Вотъ деньги. Сколько? Бася моя.

Онъ съ изумленіемъ поднялъ на меня глаза, и въ глубинѣ ихъ, при видѣ денегъ, загорѣлись двѣ яркія, огненныя точки, какъ въ глазахъ волка.

Помню, я выкинулъ ему пачку денегъ, и онъ аккуратно пересчиталъ ихъ и возвратилъ мнѣ нѣсколько бумажекъ, а у меня осталась еще добрая половина. Помню также, что онъ что-то шепталъ мнѣ, дергая меня за рукавъ и тряся за плечо, говорилъ о какой-то тайнѣ, о томъ, что это стоитъ полторы, а то и двѣ тысячи, и что не будь я русскій, онъ не уступилъ бы мнѣ такъ дешево, и мнѣ самому казалось, что это ужасно дешево, и я искренно, почти до слезъ, радовался тому, что я русскій, и что это все такъ прекрасно случилось.

Потомъ я очутился въ крошечной темной комнатѣ. Кто-то за-

жегъ свѣчу, и я увидѣлъ передъ собой постель, а на ней сидящую съ краю Басю, но уже не въ голубомъ платьѣ, а въ чемъ-то бѣломъ, и не такую, какой она была въ залѣ, а такую, какой она явилась передъ мной впервые, робкую, застѣнчивую, нѣжную, юную и глубоко несчастную. Я зарыдалъ, бросился передъ ней на колѣни и сталъ цѣловать ея маленькія ножки.

Затѣмъ налетѣлъ какой-то вихрь, подхватилъ меня, и я потерялъ сознаніе. По временамъ казалось мнѣ, что кто-то стучитъ по моей головѣ въ самое темя тяжелымъ молотомъ, и я увертываюсь отъ него, и когда мнѣ это удавалось, я видѣлъ передъ собой Басю, но это ужъ не была живая Бася, а холодная, бѣлорозовая, мраморная статуя, и я тщетно старался оживить ее. Потомъ опять все заволакивалось, и я переставалъ ощущать себя и ощущалъ только руки и ноги. Онѣ точно были налиты свинцомъ и такъ тяготили меня, что я предпочелъ бы, чтобъ ихъ совсѣмъ не было.

Затѣмъ я очутился въ Россіи. Я ѣду по желѣзной дорогѣ. Зима. Холодно, я весь дрожу. Поездъ двигается медленно-медленно и все стучитъ равномерно, однообразно, тоскливо, но все громче, громче, наконецъ, такъ громко, точно надъ самымъ ухомъ.

Я вздрогнулъ и проснулся. Въ комнатѣ было холодно, какъ въ подвалѣ. Кто-то, что было мочи, стучалъ кулакомъ въ переплетъ двери.

Я вскочилъ, поднялъ у окна занавѣску, узналъ Васю и впустилъ его.

Одѣвшись, я машинально сунулъ руку въ карманъ, гдѣ у меня лежалъ бумажникъ. Бумажника не было. Я сталъ шарить по карманамъ, перерылъ постель, осмотрѣлъ всю комнату.

На лбу у меня выступилъ холодный потъ, и къ дрожи отъ холода прибавилась нервная.

— Что съ вами, Александръ Петровичъ?—спросилъ Вася, замигавъ наконецъ мое волненіе.

— У меня пропали деньги, Вася, теперь я нищій.

— А сколько денегъ?

— Самъ не знаю.

Вася посмотрѣлъ на меня, какъ на сумасшедшаго.

— Надо заявить комиссару.

— Не стоитъ. Я говорю тебѣ: я самъ не знаю, сколько потерялъ.

— Гдѣ же ваши вещи?

— Не знаю, вчера были къ комидорѣ.

— Надо взять. Погодите, я схожу.

Онъ живо вернулся съ чемоданомъ.

— Это все? Пойдемте. Хозяйка еще спитъ. Вы заплатили?

— Заплатилъ.

— Чемоданъ понесу я. Вы еще слабы послѣ дороги. И потому я очень силенъ и привыкъ таскать тяжести.

Улица была безлюдна и погружена въ сонъ. Ничто не напоминало о вчерашнемъ шумѣ и оживленіи.

Вася быстрыми шагами подвигался впередъ, таща мой чемоданъ. Я едва поспѣвалъ за нимъ. Голова моя болѣла, тѣло ныло, и я тупо и тяжело старался рѣшить какой-то вопросъ, но такъ какъ я скоро догадался, что даже не знаю, что это за вопросъ, и почему онъ меня такъ тревожитъ, то мысли мои устремились на другое, и мнѣ страшно захотѣлось прійти, все равно куда, только бы можно было лечь въ постель, въ теплую и хорошую постель съ чистымъ и душистымъ бѣльемъ, подъ легкое, мягкое одѣяло, завернуться въ него и крѣпко, крѣпко заснуть.

Маркъ Басанинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

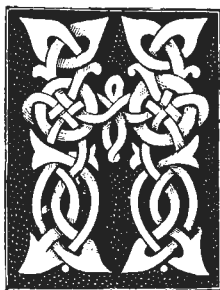

ЗАПИСКИ Н. И. МАМАЕВА ¹⁾.

VI.

Ворожея.—Ю. И. Мейснеръ.—Мой выходъ изъ Горнаго корпуса и возвращеніе въ Казань на «долгихъ».—Свиданіе съ родителями и родственниками.

АСТАЛИ каникулы 1829 года. По обыкновенію, я проводилъ ихъ у А. С. Телепневой. Разъ, въ началѣ іюля, поздно вечеромъ, я возвращался отъ родного дяди моего по матери, Д. В. Мельгунова, служившаго полковникомъ въ л.-г. Павловскомъ полку и, не знаю по какому случаю, остававшагося въ Петербургѣ, когда вся гвардія была въ лагеряхъ. Дома засталъ необыкновенную гостью: проходя гостиной, я замѣтилъ, что за столомъ передъ диваномъ сидѣли младшая дочь Телепневой, Елизавета, и какая-то дама, весьма оригинально одѣтая. Любопытство мое тотчасъ же было возбуждено, и я узналъ, что то была знаменитая въ то время ворожея—чухонка. Я уже говорилъ, что Елизавету Стахѣвну не оставляло желаніе выйти замужъ, и она гадала о своемъ суженомъ-ряженомъ.

По свойственной мнѣ живости во всѣхъ движеніяхъ и моей отвагѣ, я вбѣжалъ въ гостиную. На столѣ горѣли двѣ свѣчи, дальніе углы комнаты скрывались въ полумракѣ: все преисполнено было какой-то торжественности вмѣстѣ съ таинственностью. Передъ колдуньей стояла тарелка съ кофейной гущей, и она что-то нашептывала своей пациенткѣ, а та краснѣла и млѣла, слушая ея

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 471.

пророческія слова!.. Колдовка была не старая еще женщина; имѣла, правильныя, красивыя черты лица, большіе черныя глаза. Изъ-подъ головного ея убора какой-то старинной формы, въ родѣ тюрбана, прядями въ завиткахъ падали на плечи густыя волосы пепельнаго цвѣта; на ней надѣта была большая шаль ярко-краснаго цвѣта; остальнаго ея костюма я не могъ замѣтить, такъ какъ она сидѣла въ креслахъ, близко къ столу, и вся остальная часть ея одѣянія скрывалась въ тѣни. Вообще же, въ ней, во всей ея фигурѣ, не было ничего отвратительнаго, ничего отталкивающаго, что совершенно сбило меня съ толка въ понятіяхъ о вѣдьмахъ. Полагаясь на авторитетъ моей няни, я по ея рассказамъ представлялъ себѣ всѣхъ ворожей и вѣдьмъ (что по-моему означало одно и то же) не иначе, какъ чудовищами, съ птичьимъ клювомъ вмѣсто носа, совиными глазами, огромнымъ кабаньимъ ртомъ, снабженнымъ клыками, съ маленькими рожками на лбу, доказывающими ихъ прямое сродство съ чертями, съ копытами вмѣсто ногъ, и съ необходимой принадлежностью—хвостомъ... Какъ я удивился, когда, подробно разсмотрѣвъ сидящую колдунью, я не нашелъ въ ней ничего необыкновеннаго, ни одного изъ вышеозначенныхъ признаковъ, отличающихъ ее отъ прочихъ людей, напротивъ — встрѣтилъ привѣтливый, ласковый взглядъ и пріятную наружность.

Ободренный ея видомъ, я живо подбѣжалъ къ ней и, протягивая раскрытую ладонь правой руки, сказалъ:

— Погадай и мнѣ.

— Ого! какой бойкій мальчуганъ! Если хочешь, чтобы я погадала, то дай мнѣ лѣвую ладонь.

Я повиновался.

Взявъ меня за пальцы, она, улыбаясь, мелькомъ взглянула на ладонь, но тотчасъ же измѣнила выраженіе лица и со словами: «постой-ка, стой», приблизила мою руку къ свѣчкѣ и стала внимательно ее разсматривать. Я не спускалъ съ колдуньи своихъ глазъ, видѣлъ перемѣну, происшедшую на ея лицѣ, какъ оно изъ насмѣшливаго сдѣлалось серьезнымъ; я понялъ, что сначала исполненіемъ моей просьбы она хотѣла телько потѣшить ребенка, но, замѣтивъ на рукѣ моей что-то необыкновенное и что для меня было скрыто, занялась своимъ дѣломъ серьезно.

Долго и молча она всматривалась въ жилки моей ладони, то сгибая, то разгибая ее; раздвигала пальцы, чтобы видѣть, куда уходятъ концы жилокъ; наконецъ спросила:

— Что случилось при твоёмъ рожденіи?

— Ничего особеннаго, кромѣ того, что случается со всякимъ при его рожденіи; что случилось, вѣроятно, и съ тобой, если ты только не дьяволъ.

Разсмѣявшись, она продолжала.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1901 г., т. LXXXIII.

— Я вижу, ты большой шутникъ. Но я тебя серьезно спрашиваю: не произошло ли что либо необыкновенное, когда ты родился?

— Я тебѣ сказать, что ничего необыкновеннаго.

— Не можетъ быть.

— Если что и было, ты должна знать; на то ты и колдунья.

— Ты хотя и востеръ, да молоденецъ умкомъ. Пойми: я вижу, что-то случилось, но что именно, то отъ меня скрыто.

О бурѣ съ ея послѣдствіями, бывшей при моемъ рожденіи, тогда ничего не знали ни я, ни окружающіе меня люди.

Колдунья продолжала:

— Случай, бывшій при твоёмъ рожденіи, предвѣщаетъ, что ты много одержишь побѣдъ въ жизни и сдѣлаешь какое-то славное дѣло, которое тебя прославитъ.

Я расхохотался.

— Ты мнѣ понравился. Хочешь, я погадаю тебѣ на кофе, скажу твою будущность?

— Что надо для этого сдѣлать?

— Видишь эту гущу въ тарелкѣ? Помѣшай ее сильнѣе пальцемъ лѣвой руки.

— Которымъ?

— Все равно, только непременно лѣвой руки.

Обмакнувъ указательный палецъ въ гущу, я началъ ее взбалтывать, при чемъ какъ бы нечаянно брызнулъ ею на мороженю.

— Ахъ ты, пострѣленокъ, не проказничай. Уши надеру.

Кофейная гуща, которую я мѣшалъ, была настолько густа, что за моимъ пальцемъ оставались слѣды, которые хотя потомъ и сливались, но оставляли по себѣ дорожки.

— Ну, довольно! Теперь со мной вмѣстѣ смотри на гущу.

Пока не улеглась вполне взбудораженная мной гуща, дорожки, оставленныя слѣдами моего пальца, скрещивались между собой, то вытягивались въ одну длинную нить, то перерывались, пересѣкали одна другую; все волновалось. Наконецъ движеніе нитей прекратилось, и на поверхности гущи означились неподвижно слѣды дорожекъ. Образовался какой-то фантастическій узоръ: то были каблистическія письма, по которымъ колдунья должна была прочесть мое будущее.

— Ну, слушай,—начала она.—Ты совѣмъ неожиданно и скоро увидишь своихъ родныхъ; увидишь мѣсто своей родины.

— Все-то ты врешь,—бухнулъ я въ отвѣтъ и убѣжалъ отъ колдуни, не слушая дальнѣйшихъ ея пророчествъ.

Не задолго до описаннаго сейчасъ случая я получилъ изъ Казани письмо, въ которомъ отецъ и мать благодарили меня за успѣхи въ ученѣи и хорошее поведеніе, и писали, чтобъ я и на будущее время продолжалъ угѣшать ихъ своей нравственностью и прилежаніемъ; а въ вознагражденіе обѣщали оба пріѣхать зимой въ Пе-

тербургъ для опредѣленія старшаго брата въ полкъ, а на меня— взглянуть. Судя по этому письму, нельзя было и предполагать, даже въ дальнемъ будущемъ, что я возвращусь въ Казань.

Вернувшись изъ гостиной, я разсказалъ старухѣ Телепневой всё продѣлки со мной колдуньи и какъ она предсказала мнѣ скорый отъѣздъ мой въ Казань, тогда какъ изъ письма родныхъ мы знаемъ совершенно противное.

Старушка, покачавъ головой, сказала:

— Я всегда говорила, что всё ворожеи—обманщицы. Охота, право, Лизанькѣ, связываться со всякой дрянью. Охъ, дѣвки, дѣвки, всё-то вы одинаковы!

Но каково было наше всёхъ удивленіе, когда, нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго случая, мы получили письмо отъ отца, которымъ онъ просилъ Телепневу взять меня изъ Горнаго корпуса и для этого уполномочивалъ ее подать всё нужныя бумаги; а мнѣ писалъ, что привезетъ меня въ Казань знакомая его, Ю. И. Мейснеръ, отправляющаяся въ Петербургъ для опредѣленія своихъ двухъ младшихъ сыновей въ Морской корпусъ.

Всѣ мы были поражены такимъ скорымъ и неожиданнымъ исполненіемъ предсказанія ворожеи. Больше всёхъ торжествовала Лизанька. Обращаясь къ матери, она часто повторяла: «Вотъ, маменька, вы меня все укоряете, что я связалась съ обманщицей. Теперь вы сами видите, какъ эта обманщица вѣрно предсказала Николенькѣ. Нѣтъ, вы позвольте продолжать наши гаданья».

Старуха опять качала головой, но уже отъ удивленія и молча пожимала плечами. Да и что можно сказать противъ совершившагося факта?

Въ началѣ августа пріѣхала Ю. И. Мейснеръ и много передала мнѣ подробностей о моихъ родныхъ, чего, конечно, я не могъ знать по однимъ письмамъ. Нашъ отъѣздъ назначенъ былъ на 26-е августа, день навсегда для меня незабвенный... Я получилъ изъ корпуса мои бумаги, представленныя при моемъ опредѣленіи, сдалъ всё казенныя вещи, при чемъ взыскали съ меня, и довольно много, за разорванныя и замаранныя книги; простился съ товарищами, оставшимися въ корпусѣ по неимѣнію родныхъ или знакомыхъ, у которыхъ они могли бы провести каникулы, и облекшись въ партикулярное платье, порвалъ всякую связь съ корпусомъ, въ стѣнахъ котораго провелъ болѣе двухъ лѣтъ.

Насталъ конецъ моему нестерпѣнью—скорѣй ѣхать. Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, я простился съ Телепневой и ея дочерью; горячо благодарилъ за ласки, радушіе, за хлѣбъ-соль, вполне сознавая всю великость ихъ благодѣяній. Безъ нихъ я былъ бы совершенной сиротой и сидѣлъ бы въ свободные отъ ученія дни въ корпусѣ, какъ и тѣ мои товарищи, которыхъ только что оставилъ. Безъ нихъ я, можетъ быть, киснулъ бы въ стѣнахъ корпуса...

Собравъ весь мой скарбъ, я отправился съ нимъ къ Мейснеръ, такъ какъ отъѣздъ нашъ былъ назначенъ рано утромъ.

Наконецъ, съ такимъ томительнымъ нетерпѣніемъ ожидаемая минута настала.

На разсвѣтѣ мы выѣхали изъ Петербурга. Отправились мы на «долгихъ», т. е. одна и та же четверка лошадей должна была довести насъ до Москвы. Мейснеръ сдѣлала это изъ денежнаго расчета и тѣмъ причинила мнѣ страшную досаду и сдѣлала, такъ сказать, оселокъ моему терпѣнію.

Нечего дѣлать! Надо было покориться судьбѣ. Итакъ, мы потащились, останавливаясь каждая сутки по два раза на нѣсколько часовъ для корма и необходимаго отдыха лошадей. Мои путевыя впечатлѣнія, по узкости горизонта моихъ этнографическихъ познаній, были очень слабы, и только глаза мои останавливались на видимыхъ предметахъ. Помню, Новгородъ поразилъ меня своими древними постройками крѣпостныхъ башенъ и стѣнъ, своими кривыми, узкими улицами, что послѣ Петербурга не могло мнѣ не броситься въ глаза. Въ Новгородѣ, вездѣ и во всемъ, такъ и проглядывала маститая старость временъ. Тверь совѣмъ изгладилась изъ моей памяти... Но вотъ показалась и Москва съ своими золотыми макушками церквей. День былъ ясный, солнце игриво переливалось на главахъ соборовъ. Приѣхали мы на «Трубу» и остановились въ домѣ знакомаго г-жи Мейснеръ, проведя 12-ть дней въ дорогѣ. Двѣнадцать дней отъ Петербурга до Москвы! Теперь, въ такой промежутокъ времени, можно объѣхать почти всю Европу! Такъ люди сумѣли завладѣть временемъ! Но къ лучшему ли?..

Пробывъ въ Москвѣ дней пять, отправились далѣе и, слава Богу, на «почтовыхъ лошадяхъ». Но опять новая бѣда! Почти до самаго Владимира мы встрѣчали на каждой станціи остановку въ лошадяхъ, ожидая ихъ иногда до полусутокъ. Отъ Владимира мы поѣхали скорѣе, но въ Нижнемъ новая остановка—сломалась коляска. Все это сильно раздражало мое нетерпѣніе, возраставшее по мѣрѣ приближенія къ цѣли путешествія. Коляска починена, и мы отправились далѣе уже безъ остановокъ. Завидя пирамиду, означавшую границу Казанской губерніи, я снялъ фуражку и три раза прокричалъ «ура». Не думаю, чтобы до меня была кѣмъ либо оказана сѣ такая честь. Радость мою вполне раздѣлил слуга Мейснеръ, Евгеній, только по-своему. По приѣздѣ на станцію, онъ такъ напился, что его должны были привязать кушакомъ къ сидѣнью на козлахъ: иначе онъ неминуемо бы упалъ. И прежде въ дорогѣ случалось, что онъ предавался «выпивкѣ», но могъ сидѣть безъ помощи кушака. На этотъ разъ онъ былъ пьянъ до безобразія. Мейснеръ сердилась на Евгенія, сердилась и на меня, зачѣмъ я смѣюсь. Но я не могъ воздержаться отъ шумной радости, видя, какъ онъ покачивается и пожимается въ своихъ «узахъ».

Съ каждымъ поворотомъ колеса я все ближе и ближе подвигался къ цѣли моего пути. Казалось, сама природа сочувствовала моеї радости. Какая разница съ тѣмъ, что было три года тому назадъ, когда везли насъ въ Петербургъ? Тогда была зима, снѣга и мятели преслѣдовали насъ; на небѣ было пасмурно, какъ у насъ на душѣ. А теперь ѣхалъ я по той же дорогѣ, только въ обратный путь. Вездѣ зелень, вездѣ жизнь проявлялась въ разныхъ видоизмѣненіяхъ. Время стояло ясное, солнце согрѣвало землю. Въ поляхъ зеленѣлись озими. Жаворонокъ высоко звенѣлъ въ воздухѣ! Вездѣ было ясно, весело...

Мысли мои были заняты предстоящимъ свиданіемъ съ отцомъ и матерью. Мое молодое воображеніе рисовало картину встрѣчи съ ними и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, далеко было отъ дѣйствительности...

Изъ Свіяжска на минуту показалась Казань и опять скрылась. Сердце во мнѣ дрогнуло. Но вотъ проѣхали и послѣднюю станцію Куземетево. Переѣзжаемъ мостъ черезъ рѣку Казанку... ѣдемъ Морской слободой... Вотъ мѣста, свидѣтели моихъ ребяческихъ игръ и гуляній... а вотъ и нашъ бывший домъ, въ которомъ я провелъ свое дѣтство. Вотъ лужайка передъ домомъ, на которой мы такъ любили гулять во время весенняго разлива водъ. Новый обитатель дома обсадилъ ее березками. При видѣ всего этого сердце сжалось... слезы брызнули изъ глазъ... Время дѣтства пронеслось въ памяти...

Спускаемся въ котловину (гдѣ нынѣ устроена дамба), въ глазахъ — вся Казань съ своими крѣпостью, соборомъ, Сумбекиной башней, зданіями. Сердце хочетъ выпрыгнуть изъ груди... Въѣзжаемъ въ городъ, поднимаемся на Ивановскую гору, ѣдемъ Воскресенской улицей—этимъ Невскимъ проспектомъ Казани, сворачиваемъ мимо Чернаго озера на Покровскую, выѣзжаемъ на Театральную площадь, вотъ и нашъ домъ! Глаза застилаются слезами, и уже не сердце только, но я самъ хочу выпрыгнуть къ нему на встрѣчу. До половины свѣсился я изъ коляски, и если бы не подержали меня сзади, непременно упалъ бы на мостовую...

Подъѣзжаемъ къ крыльцу. На стукъ коляски выбѣгаетъ камердинеръ отца, Ѳедоръ. Завидя меня, онъ вмѣсто того, чтобы посадить меня изъ экипажа, опрометью бросился назадъ, крича что есть силы: «Барченокъ пріѣхалъ! Пріѣхалъ Николай Иванычъ!»

Лакей Мейснеръ отворилъ дверцы коляски, и я, не давъ ему времени опустить подножекъ, соскочилъ на крыльцо. Вступивъ въ сѣни, я былъ окруженъ дворней, сбѣжавшейся со всѣхъ сторонъ на крикъ Ѳедора. Со слезами на глазахъ, наперерывъ всѣ бросились хватать и цѣловать мои руки. Не было никакой возможности остановить ихъ порывы изъявленія радости! Показалась и моя няня. Завидя меня, она всплеснула руками и молча, тутъ же, безъ

чувствъ грохнулась на полъ. Въ этой общей суматохѣ я насилу могъ добиться извѣстiя, что отца и матери не было дома. То былъ день 17-го сентября, и они проводили его на именинахъ у моей бабки. Послали къ нимъ верхового извѣстить о моемъ приѣздѣ.

Новая сцена! Мать, блѣдная отъ волненья, безъ слезъ, молча, крѣпко обвила мнѣ шею своими руками. Отецъ стоялъ нѣсколько поодаль и видимо крѣпился, но когда пришла его очередь обнять меня, не выдержалъ, и горячая слеза упала на мою щеку. Братъ и сестра, которыхъ я оставилъ очень маленькими, въ особенности перваго, ласкали, цѣловали меня. Оба они много перемѣнились въ эти три года, оба выбѣжали въ ростѣ.

Когда волненiя первой встрѣчи нѣсколько поутихли, пошли разспросы, другъ друга перебивали, осматривали меня со всѣхъ сторонъ, говорили, что и я много измѣнился за это время. Наконецъ, мать первая положила конецъ всей этой суматохѣ, сказавъ: «Николенька усталъ съ дороги! Дайте ему покой!» и, несмотря на мои завѣренiя въ противномъ, меня уложили въ постель и загрозили двери комнаты, оставивъ меня одного. Сердце матери не приняло моихъ протестовъ!.. Долго еще я ворочался въ постели, будучи не въ силахъ успокоить себя отъ перенесенныхъ волненiй, наконецъ молодость взяла свое, и я въ первый разъ послѣ долгаго отсутствiя заснулъ подъ родной кровлей крѣпкимъ сномъ...

VII.

Казань.—Моя бабка С. А. Мельгунова.—А. О. Каховская и «привидѣнiе» въ деревенскомъ домѣ Есипова.—Трагическая судьба Груни и смерть Есипова.—Мое ученiе у профессора Казанскаго университета Брашмана и мой учителя.—Казанская полицiя.—Поступленiе моего старшаго брата въ военную службу, а младшаго въ Морской корпусъ.

На другой день по приѣздѣ въ Казань меня повезли къ бабкѣ. Старушка очень обрадовалась, не знала, гдѣ усадить меня, чѣмъ угостить. Несмотря на свои 70 лѣтъ, она сохранила бодрость и слѣды прежней красоты. Въ особенности эти чудные «рославлевскiе» глаза нисколько не утратили своего блеска, попрежнему смотрѣли мягко, привѣтливо. Старушка пеняла, что въ письмахъ своихъ изъ Петербурга я рѣдко вспоминалъ о ней. Цѣлуя ея все еще прелестныя ручки, я завѣрялъ, что всегда помнилъ и любилъ ее, и если не писалъ ей, то отъ «избытка чувствъ». Много смѣялись надъ приведенной причиной, чтобы оправдать свою лѣнь. Бабка назвала меня «петербургской штучкой».

Послѣ обѣда, когда она, по привычкѣ, отправилась въ свою спальню на отдыхъ, мать повезла меня къ живущей на той же

улицѣ, недалеко отъ бабки, А. Ѳ. Каховской, очень любившей все наше семейство. Я былъ пораженъ ея видомъ. Три года тому назадъ оставилъ ее бодрой, здоровой женщиной; теперь нашелъ въ постели больную, расслабленную, разбитую параличемъ. Глаза ея, прежде столь ясные, живые, выразительные, помутились, смотрѣли какъ-то тупо. Говорила она громко, бойко; теперь съ большимъ трудомъ можно было понимать ее... Мать забыла предупредить меня о такомъ плачевномъ ея состояніи, и я не могъ скрыть на лицѣ моего удивленія. Долго я молчалъ, вслушиваясь въ слова Каховской, и, не понимая ихъ, смотрѣлъ то на нее, то на мать, какъ бы искалъ развязки такой загадки.

Съ памятью о Каховской у меня связанъ одинъ рассказъ ея моей матери въ моемъ присутствіи. Но прежде долженъ сказать нѣсколько словъ о ея жизни, характерѣ и привычкахъ, чтобы сдѣлать понятной ту роль, которая выпала на ея долю, и участіе, принятое ею въ описываемомъ мною происшествіи.

Природа ошибкой создала Каховскую женщиной, надѣливъ всѣми качествами мужчины. Она была смѣла и отважна до безразсудства; для нея не существовало чувство страха. Имѣла всѣ наклонности мужчины, любила ѣздить на бѣшеныхъ лошадахъ и приходила въ восторгъ, когда онѣ «били». Замѣчательно, во всю ея жизнь не было случая, чтобы она поплатилась хотя легкимъ ушибомъ за свою отвагу. Разъ, лошади «несли» ея коляску прямо къ крутому, глубокому оврагу; думали, что Каховская расшибется вдребезги... ничуть не бывало: лошади, доскакавъ до обрыва, круто повернули въ сторону и сами собой остановились. На блѣдныхъ лицахъ кучера и лакея ясно былъ виденъ испугъ; она же все время смѣялась и восторгалась.

Въ бѣшеной скачкѣ своихъ лошадей она видѣла только одну скорость ѣзды, но никакъ не опасность. Сама любила ѣздить «верхомъ» и стрѣляла изъ пистолета, какъ не каждый мужчина. Никакія препятствія не могли остановить ее въ исполненіи своихъ намѣреній. Женственнаго въ ней было только нѣжное, любящее, въ высшей степени доброе сердце, что выказывалось въ ея расположеніи къ роднымъ и въ безграничной привязанности къ ея единственному сыну, въ которомъ она, что называется, «души не чаяла». Узнавъ, что сынъ ея, служившій въ гвардейскихъ кирасирахъ, за покушеніе на дуэль посаженъ въ Петербургѣ на гауптвахту, она въ концѣ октября, въ самую распутицу, поскакала одна, безъ горничной и слуги, на перекладной почтовой телегѣ,—другого экипажа по состоянію дороги нельзя было имѣть,—изъ Казани, т. е., болѣе чѣмъ за полторы тысячи верстъ, чтобы обнять сына и просить о смягченіи наказанія за его проступокъ. Въ то время не только не было еще устроено желѣзныхъ дорогъ, но и Москву съ Петербургомъ не соединяло еще шоссе; понятно, сколько нужно

было имѣть отваги и мужества, чтобы вынести всѣ невзгоды тако й дальней почтовой ѣзды.

Урожденная Желтухина, она вышла замужъ за нижегородскаго помѣщика Каховскаго, но жила съ нимъ недолго и была очень несчастлива къ замужеству. Размолвка ихъ разъ дошла до того, что мужъ въ догонку ей пустилъ кинжалъ, который разрѣзалъ ей пятку ноги. А. Ѳ., окончательно придя къ убѣжденію, что послѣ этого случая житье съ мужемъ невозможно, ночью тайкомъ оставила его, увезя съ собой сына.

Черты лица ея и вся наружность сильно врѣзались въ мою память. Она умерла въ 1829 г.; но я, какъ живую, и теперь вижу ее передъ собой. Лицомъ она была некрасива; имѣла черные глаза, но, близорукая отъ природы, смотрѣла въ лорнетъ, въ одно стекло, рукояткой которому служило кольцо, которое она вдѣвала на свой палець. Щеки ея были покрыты свѣжимъ, густымъ румянцомъ, несмотря на немолодые ея уже лѣта. Ея густые черные съ легкой просѣдью волосы въ локонахъ лежали на затылкѣ. Косы она не носила и подстригалась по-мужски, представляя тѣмъ прототипъ нынѣшнихъ «нигилистокъ». Но, спѣшу оговориться, кромѣ головного украшенія, она не имѣла съ послѣдними ничего общаго. Имѣла, какъ я сказалъ, добрую душу, по своимъ убѣжденіямъ была истинная христианка и нѣжная мать. Поведеніе ея въ разлукѣ съ мужемъ было чисто даже отъ самой тѣни подозрѣнія. Въ этомъ отношеніи она могла служить примѣрнымъ образцомъ для другихъ; вся жизнь ея сосредоточивалась на любви къ своему сыну. Хорошаго средняго роста, она постоянно носила капоты сѣро-стального цвѣта, съ 2—3 воротниками, пелеринками, лежащими на ея плечахъ, — костюмъ того времени, котораго она не измѣняла и впослѣдствіи.

Очертивъ характеръ и вообще личность Каховской, расскажу необъяснимое, таинственное происшествіе, въ которомъ она невольно приняла участіе.

Въ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ іюльскихъ дней, когда въ воздухѣ какъ бы все замираетъ, тихо, ничто не шелохнется, когда солнце палитъ такъ, что трудно дышать, Каховская ѣхала къ своему брату, въ его «закамскую» деревню (такъ называются въ Казани имѣнія, лежащія за рѣкой Камой). Дорога была песчаная. Шестерикъ собственныхъ добрыхъ, сытыхъ коней, понуря головы, съ трудомъ тащилъ тяжелую, высокую карету. Вблизи показался лѣсъ. Лошади, почувявъ прохладу, прибавили шагу. Между тѣмъ, незамѣтно, за ѣдущими, на дальнемъ горизонтѣ, показалась синяя большая туча. Туча надвигалась все болѣе и болѣе. Путешественница наша въѣхала въ лѣсъ. Вдругъ поднялся вѣтеръ; закачались со скрипомъ верхушки деревьевъ; сухой листъ и пыль закружились въ воздухѣ, запахло сыростью, началъ накрапывать крупный, рѣдкій дождь, потомъ все чаще и сильнѣе, наконецъ полился ливнемъ. Настали

сумерки, которыя въ лѣсу вскорѣ превратились въ темень. Не замедлила явиться буря, какая бываетъ послѣ жаркаго дня, со всѣми ея послѣдствіями: яркой молніей и сильными раскатами грома. Удары учащались все болѣе и болѣе, слились въ одинъ общій немолкаемый гулъ. Молнія не переставала сверкать ни на минуту. Буря достигла высшей степени своей ярости. Старыя деревья гнулись и трещали, грозя, ежеминутно, сломаться и паденіемъ своимъ придавить нашихъ смѣлыхъ путешественниковъ, подвигающихся впередъ весьма медленно. Удары молніи приближались все ближе и ближе; лошади отъ страха падали на колѣни. До мѣста путешествія оставалось болѣе 15 верстъ. Каховская видѣла, что лошади совершенно выбились изъ силъ и не вынесутъ такого дальняго пути. Узнавъ, что сейчасъ за лѣсомъ, верстахъ въ трехъ отъ мѣста, гдѣ ее застала буря, лежитъ усадьба Есипова, она рѣшилась свернуть съ дороги и ѣхать въ усадьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, громъ и молнія, какъ бы довольные, что принудили ее перемѣнить свой путь, начали удаляться; только одинъ вѣтеръ все еще бушевалъ. Показались огоньки усадьбы; лошади, почуввъ отдыхъ, побѣжали рысцей, и карета подѣхала къ флигелю барскаго дома. Управитель изъ крѣпостныхъ Есипова вышелъ на крыльцо встрѣтить неожиданную гостью. На спросъ Каховской, можно ли ей остановиться переночевать и переждать бурю, управитель отвѣчалъ:

— Съ нашимъ великимъ удовольствіемъ, сударыня, только боюсь, что вамъ будетъ безпокойно. Семья у меня большая, а флигелекъ маленькій.

— А что же не въ домѣ?

— Не смѣю, сударыня!

— Почему? Ты знаешь, что я знакома съ твоимъ барининомъ; онъ, вѣрно, не будетъ сердиться, если ты пустишь меня въ его домъ переночевать.

— Не того я боюсь.

— Но чего же?

— Тамъ... въ домѣ... нечисто.

Все еще не понимая причины отказа, Каховская продолжала настаивать:

— То-есть, не прибрано, сорно. Для меня это рѣшительно все равно. Мнѣ теперь не до опрятности и убранства.

— Совсѣмъ не то, сударыня! Вотъ... извольте видѣть... какъ бы вамъ доложить... въ домѣ... является привидѣніе.

Каховская такъ и припрыгнула на мѣстѣ, получивъ отвѣтъ управляющаго. Такое заявленіе приходилось по ея вкусу.

Давно она искала случая испытать сильныя ощущенія, и вотъ по пословицѣ: «на ловца и звѣрь бѣжить», совершенно нечаянно напала она на давнишнее свое желаніе—привидѣніе!.. Чего же лучше? Такіе случаи не всякому выпадаютъ на долю.

Она продолжала:

— Никакимъ привидѣнїямъ я не вѣрю и ничего не боюсь. Прощу тебя, отвори мнѣ домъ сейчасъ же.

— Власть ваша, сударыня!—съ покорностью отвѣчалъ управитель. Взялъ ключи, зажженный фонарь, свѣчи и въ сопровожденїи Каховской и ея прислуги направился къ дому.

Буря, между тѣмъ, прошла, дождь пересталъ, по небу неслись разорванныя тучи, то оссеребряемая луной, то затемнявшїя ее.

Вошли на крыльцо дома, щелкнулъ замокъ, и тяжелыя входныя двери, съ трудомъ отворяясь на заржавленныхъ петляхъ, издали визгъ. На вошедшихъ пахнуло гнилью и спертымъ воздухомъ, какой бываетъ въ домѣ, давно не обитаемомъ. Каховская приказала вести себя въ то мѣсто, гдѣ является привидѣнїе. Управитель, дрожа отъ страха, ввелъ ее въ одну изъ комнатъ дома и, едва переводя дыханїе, шопотомъ сказалъ:

— Вотъ... здѣсь!

— Хорошо. Зажги свѣчи.

Когда это было исполнено, она продолжала:

— Ты можешь идти. Прощай!

Оставшись одна, съ своей горничной и лакеемъ, дрожавшими отъ страха, Каховская начала осматривать комнату. Двѣ двери вели въ сосѣднее помѣщенїе. Комната освѣщалась двумя окнами и стеклянной дверью, ведущей на балконъ, за которымъ разстилался густой старинный садъ.

Стѣны были обиты (тогда еще не умѣли клеивать) бумажными обоями зеленого цвѣта. По стѣнамъ шли широкїе турецкїе диваны, обитые ситцемъ, довольно хорошо сохранившимся. Въ углахъ, образуемыхъ диванами, стояли небольшїе столики, кромѣ того, нѣсколько креселъ и стульевъ. Все въ строгой простотѣ смотрѣло довольно угрюмо. Замѣтивъ, что прислуга блѣднѣетъ и дрожитъ отъ страха, Каховская приказала принести изъ кареты свои подушки, книгу, пистолеты; когда все это было исполнено, она отпустила всѣхъ.

Оставшись одна, Каховская осмотрѣла еще разъ внимательно свою комнату, заглянула и въ сосѣднїя и, не видя ничего подозрительнаго, придвинула одинъ изъ столиковъ къ дивану, поставила на него свѣчи, возлѣ нихъ положила пистолеты и, взявъ книгу, улеглась, не раздѣваясь, на диванъ, такъ же спокойно, какъ бы у себя въ спальнѣ.

Быль одиннадцатый часъ вечера. Раскрывъ книгу, она читала разсѣянно, прислушивалась къ малѣйшему шуму. Вездѣ было тихо. Началъ одолѣвать ее сонъ... Кладя книгу на столикъ, она нечаянно взглянула на балконную дверь и видитъ... да, точно, глаза не обманываютъ ее, видитъ: на балконѣ, прямо противъ двери, стоитъ какая-то фигура, окутанная вся въ бѣломъ, освѣщенная полнымъ блескомъ луны. Приподнявшись на локоть и приставивъ лорнетъ

къ глазу, Каховская явственно разсмотрѣла, что фигура киваетъ головой, какъ бы маня ея къ себѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, то— не мечта воображенія, но дѣйствительность; передъ ней фигура, которая приглашаетъ ея слѣдовать за собой. Каховская встаетъ съ дивана, въ одну руку беретъ свѣчу, въ другую — пистолеть, спускается съ дивана, подходитъ къ двери, отворяетъ, выходитъ на балконъ... Фигура оглядывается, какъ бы желая удостовѣриться, слѣдуютъ ли за ней, спускается въ садъ, идетъ въ аллею, поворачиваетъ въ другую, подходитъ къ дереву и, оглянувшись въ послѣдній разъ, исчезаетъ... Каховская, идя за нею слѣдомъ, дошла до того мѣста, гдѣ она исчезла, и, чтобы не ошибиться въ отысканіи его, поставила у дерева свѣчу, конечно, давно уже потухшую отъ вѣтра. Потомъ, вернувшись въ свою комнату, легла преспокойно на диванъ, какъ будто ничего необычайнаго не случилось, и заснула крѣпкимъ сномъ.

Между тѣмъ, по селу разнесся слухъ, что «базяковская барыня» пріѣхала въ усадьбу и ночевала одна въ запустѣломъ домѣ, посѣщаемомъ привидѣніемъ. Когда Каховская встала утромъ и вышла на крыльцо дома, то увидала толпу людей обоаго пола, дожидавшихся ея появленія. Впереди толпы стояли священникъ и управитель.

Пригласивъ послѣднихъ слѣдовать за собой въ комнаты, Каховская рассказала имъ, что видѣла. Священникъ безпрестанно крестился, приговаривая: «съ нами сила небесная»; а управитель мѣнялся въ лицѣ; оба глубоко вздыхали. Каховская потребовала двухъ рабочихъ съ желѣзными заступами; и когда, по распоряженію управителя, приказаніе ея было исполнено, она въ сопровожденіи толпы отправилась въ садъ.

Помня очень хорошо мѣстность, Каховская шла по тѣмъ аллеямъ, которыя проходила ночью. Издали еще замѣтили между двухъ деревьевъ шандаль со свѣчей, тутъ оставленный. Каховская приказала рыть на этомъ мѣстѣ землю... На глубинѣ не болѣе аршина показался человѣческій скелетъ, совершенно очистившійся отъ тѣла; только около черепа лежала длинная русая коса, да въ ногахъ довольно хорошо сохранившіеся козловые башмаки. При видѣ всѣхъ этихъ предметовъ въ толпѣ заговорили, что кости эти должны быть останки Груни—дѣвушки, бывшей на господскомъ дворѣ (т.-е. въ числѣ дворовой прислуги) и нѣсколько лѣтъ тому назадъ пропавшей безъ вѣсти; ея считали въ «бѣгахъ». Явилась старуха, мать Аграфены, и съ плачемъ и причитаньями бросилась на останки своей дочери, которые она признала по слишкомъ знакомой ей русской косѣ. Каховская поручила священнику собрать кости и предать ихъ погребенію по христіанскому обряду и, усѣвшись въ поданный свой экипажъ, отправилась къ брату, въ деревню «Базяково», по которой и получила отъ толпы прозвище «базяковская барыня».

Мѣсяца полтора спустя, возвращаясь отъ брата въ Казань, Каховская нарочно заѣхала въ имѣніе Есипова, любопытствуя знать послѣдствія ея тамъ недавняго пребыванія. Подѣзжая къ дому усадьбы, она увидѣла всѣ ставни открытыми и рамы въ окнахъ поднятыми, изъ чего и заключила, что домъ, вѣроятно, сдѣлался попрежнему обитаемымъ или, по крайней мѣрѣ, лишился способности наводить собой страхъ на жителей. Вышедшій ей навстрѣчу управитель объявилъ, что домъ попрежнему пустъ; окна въ немъ открыты для «провѣтриванія», и что въ него всѣ теперь входятъ безбоязненно, потому что никакихъ явленій или привидѣній въ немъ болѣе не показывается, словомъ, все обстоитъ «благополучно».

Приѣхавъ въ Казань, Каховская, нимало не мѣшкая, отправилась навѣстить Есипова, жившаго тогда въ своемъ домѣ, на углу Покровской улицы и Театральной площади (нынѣ Рычкова). Подымаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ жилъ самъ хозяинъ, Каховская встрѣтила спускающагося священника съ запасными св. дарами; отъ него она узнала, что Есиповъ умираетъ, и онъ его напутствовалъ на переходъ въ жизнь вѣчную. Такое извѣстіе смутило, но не остановило Каховскую, и она поспѣшила итти далѣе. Въ передней комнатѣ (прихожей) встрѣтила ее толпа слугъ, но затруднялась доложить о ней своему господину, лежащему на смертномъ одрѣ; но, по настоящему требованію Каховской, что она имѣетъ сообщить, и немедленно, нѣчто важное, одинъ изъ прислуги рѣшился итти въ спальню. Возвратившись, пригласилъ посѣтительницу слѣдовать за собой. Войдя въ комнату, Каховская увидѣла лежащаго на постели Есипова, съ чертами лица, искаженными уже приближающейся смертью.

Есиповъ слабымъ голосомъ спросилъ:

— Чему я обязанъ, что вы посѣтили меня?

— Прошу васъ выслать всѣхъ изъ комнаты. Я желаю остаться съ вами наединѣ,—былъ ея отвѣтъ.

Когда желаніе ея было исполнено, и Каховская удостовѣрилась, что она одна съ умирающимъ, то рассказала во всей подробности, что она видѣла и что дѣлала въ его имѣніи.

Во все время ея разказа Есиповъ слушалъ ее внимательно, только часто вздрагивалъ и тяжело дышалъ.

Когда Каховская кончила, Есиповъ долго еще молчалъ, лежа съ закрытыми глазами; видно было, что въ немъ происходила внутренняя борьба. Наконецъ, открывъ свои помутившіеся уже глаза и устремивъ ихъ на Каховскую, онъ слабымъ голосомъ началъ:

— Расчетъ мой съ землей оконченъ! Я не подлежу болѣе суду людей, меня скоро будетъ судить Верховный Судья, не по дѣяніямъ моимъ, но по побужденіямъ, ихъ произведшимъ; передъ

такимъ судьей не скрытъ ни одинъ изъ нашихъ помысловъ! Слушайте! Я расскажу вамъ тайну, которую думалъ было унести съ собой въ могилу, но благое Провидѣніе распорядилось иначе: Оно поставило васъ на путь, мною пройденный, и сдѣлало невольной участницей въ искупленіи моего тяжкаго преступленія, конечно, не безъ намѣренія. Покоряюсь Его волѣ и открою вамъ тайну, доселѣ меня тяготившую. Слушайте! Вы знаете, что я всегда страстно любилъ театръ, знаете, что на удовлетвореніе этой страсти ушла половина моего значительнаго состоянія, знаете, что у меня была своя труппа актеровъ, составленная изъ крѣпостныхъ людей; ничего я не жалѣлъ, чтобы развить, образовать ихъ и съ успѣхомъ поставить ихъ на театральные подмостки. Вы сами, бывая въ моемъ театрѣ, могли удостовѣриться, что старанія мои не остались напрасными; болѣе чѣмъ удовлетворительная игра моихъ актеровъ и актрисъ неоднократно вызывала и ваше рукоплесканіе. Но вы не знаете, къ чему привела меня эта страсть къ театру!..

Тутъ Есиповъ остановился, какъ бы собираясь съ силами, потомъ продолжалъ:

— Первой по игрѣ и красотѣ въ труппѣ была Груня. Грѣшнѣйшій человекъ! Я полюбилъ ее. Воспитаніемъ и образованіемъ желалъ поставить въ уровень нашего общества; не могъ на ней жениться потому только, что тогда была еще жива моя покойная жена. Но я недолго пользовался запрещеннымъ счастьемъ моей преступной связи. Одинъ изъ преданныхъ мнѣ людей, какъ демонъ-соблазнитель, шепнулъ, что Груня мнѣ невѣрна, что у нея есть любовникъ. Ярость закипѣла во мнѣ, и я потребовалъ доказательствъ. Демонъ обѣщалъ скоро удовлетворить моему требованію и дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, въ одинъ осенній, темный вечеръ сказалъ, что у Груни съ ея любовникомъ назначено въ саду свиданье, и что она уже на мѣстѣ ожиданія. Какъ бѣшеный, бросился я на кинжалъ, постоянно висѣвшій на стѣнѣ моего кабинета и, въ сопровожденіи искусителя, побѣжалъ въ садъ. Издали, несмотря на темноту,—глазъ ревности зорокъ,—я примѣтилъ между деревьями платъ Груни и подкравшись, какъ тигръ, бросился на свою добычу. Не разбирая, въ чемъ дѣло, и не слушая никакихъ объясненій, я ударилъ ее въ грудь кинжаломъ... послышался слабый крикъ, паденіе тѣла... Я бросился къ Грунѣ... она болѣе не существовала; но падая Груня слабо проговорила: «неповинна...», дальнѣйшія слова замерли на ея устахъ. Смыслъ произнесеннаго ею единственнаго слова остался для меня навсегда тайной... Я дѣйствовалъ безсознательно, какъ бы въ горячкѣ... Тутъ же своими руками, съ помощью сопровождавшаго меня слуги, вырылъ яму, положилъ въ нее Груню и самъ засыпалъ землю!

Затѣмъ Есиповъ сталъ дышать еще тяжелѣе. Силы, собранныя

имъ для своего разсказа, видимо стали оставлять его, а самое воспоминаніе объ убійствѣ ускорило часть его кончины. Однако, отдохнувъ немного, Есиповъ прерывающимся, хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ успѣлъ еще сказать: «Вы, уважаемая Александра Ѳедоровна, знаете все!.. Не кляните меня!.. Помолитесь за мою грѣшную душу!..».

Затѣмъ съ нимъ началась предсмертная агонія. Каховская вскричала людей, и Есиповъ на ея рукахъ скончался, не открывъ имени соучастника своего преступленія.

Такъ объяснилась эта кровавая драма, начатая въ объятіяхъ сластолюбца и кончившаяся въ саду, подъ покровомъ ночной темноты, въ присутствіи убійцы и его клеветы.

Тѣнь убитой несчастной жертвы ревности и злобы долго послѣ того блуждала въ видимомъ мірѣ, какъ бы прося себѣ у людей честнаго погребенія, появилась при лунномъ свѣтѣ въ видѣ «бѣлой» женщины другой женщиной, которая своей смѣлостью и отвагой успокоила ее, предавъ землѣ по христіанскому обряду, послѣ чего тѣнь Груни болѣе уже не показывалась.

Явленіе это, по своему свойству выдающееся изъ ряда обыкновенныхъ и, повидимому, находящееся въ явномъ противорѣчій съ общеизвѣстными законами природы, заслуживаетъ серіознаго вниманія и, вѣроятно, при дальнѣйшемъ старательномъ анализѣ подобныхъ фактовъ и рядомъ опытовъ будетъ объяснено слѣдующими поколѣніями и тогда изъ области сверхъестественнаго перейдетъ въ сферу научныхъ изслѣдованій. Въ настоящее же время такіе случаи остаются пока загадкой.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на тайные, послѣдовательные пути Провидѣнія. Гроза вынудила измѣнить дорогу, захватить въ чужую усадьбу, что никакъ не входило въ планъ Каховской, и ночевать въ пустомъ домѣ, чтобы сдѣлать ее свидѣтельницею явленія и потомъ исполнительницею тайныхъ велѣній судьбы, которая выбрала орудіемъ для того не простую трусливую женщину, но женщину съ характеромъ и твердостью, превосходящими многихъ мужчинъ. Далѣе слѣдуетъ объясненіе Есипова, котораго самая смерть выпустила, такъ сказать, изъ своихъ объятій, чтобы онъ могъ исповѣдать свою тайну...

Все это сцѣпленіе обстоятельствъ, повторяю, не можетъ быть слѣдствіемъ одной простой случайности; но доказываетъ преднамѣренное сближеніе ихъ для уясненія случившагося происшествія.

Съ своей стороны, я могу только завѣрить, что разсказъ мой не вымыселъ: ссылаюсь на свидѣтельство находящихся еще въ живыхъ и знавшихъ покойную Каховскую. Всѣ они, надѣюсь, подтвердятъ, что она была женщина въ высшей степени правдивая, никогда въ разговорахъ своихъ не допускавшая даже въ шутку никакой лжи...

Этот «случай, случайно случившийся» съ ней, Каховская однажды рассказывала моеи матери, въ минуту душевной откровенности, не обращая вниманія на мое присутствіе, вѣроятно, какъ ребенка. Она и не подозрѣвала, что ребенокъ этотъ съ устремленными на нее глазами и возбужденнымъ въ высшей степени любопытствомъ, жадно вслушивается въ ея слова, глубоко заронить ихъ въ своей памяти и черезъ 50 почти лѣтъ припомнить и расскажетъ свѣту.

Эту-то женщину, оставленную мной, три года тому назадъ, полной жизни и силъ, теперь я увидалъ передъ собой лежащей въ постели, разбитую параличемъ, почти безъ движенія, съ потухшимъ взоромъ, лепечущую невнятные для меня слова. Было чему удивиться!.. Вскорѣ послѣ этого она скончалась.

Выше я сказалъ, что отецъ и мать рѣшили приготовить меня для поступленія въ университетъ. На предварительно сдѣланномъ испытаніи оказалось, что мои познанія въ наукахъ далеко были недостаточны для выдержанія вступительнаго экзамена. Меня поручили профессору математики, Н. Д. Брашману, квартировавшему въ нижнемъ этажѣ нашего дома; къ нему я поступилъ 1 октября 1829 г. Впрочемъ, я у него только занимался съ разными учителями и ночевалъ, но пить чай и обѣдать ходилъ къ своимъ, наверхъ.

Успѣхи мои въ наукахъ вполнѣ выказали всѣ блестящія стороны моихъ счастливыхъ способностей. Слухъ о нихъ распространился по городу, и обо мнѣ заговорили, какъ о феноменѣ. Дѣйствительно, было чему удивляться! Такъ: буквы латинскаго языка мнѣ были знакомы по сходству ихъ съ французскими, но зато и произносилъ я ихъ на французскій ладъ; стало быть, все равно, что не зналъ ихъ. Начавъ учиться латинскому языку, съ азбуки 1 октября, я къ 1 января 1830 г., т.-е., въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, прошелъ грамматику, сладилъ съ неправильными глаголами,— а ихъ не мало,—началъ синтаксисъ и приступилъ къ переводамъ Корнелія Непота. Правда, моимъ изумительнымъ успѣхамъ много способствовалъ отличный методъ преподаванія учителя Грацинскаго, но и онъ бы ничего не сдѣлалъ безъ помощи моихъ способностей. Что могутъ произвести сѣмена, хотя и здоровыя, брошенные на непроизводительную почву? Одинъ только нѣмецкій языкъ мнѣ не давался, и то потому, что я его возненавидѣлъ. Извѣстно, что все ненравящееся намъ мы обѣгаемъ и стараемся всѣми силами отстранить отъ себя. Мои способности, послушныя моеи волѣ, отказались помогать въ насильственномъ изученіи нѣмецкаго языка.

Но въ обученіи меня опять являлась новая бѣда! Прежде, не сумѣли развить мои способности; теперь задавили ихъ множествомъ предметовъ и поспѣшностью изученія ихъ на срокъ.

Каждый день я имѣлъ два урока до обѣда и два послѣ обѣда, все изъ разныхъ предметовъ. Съ помощью моей отличной памяти я могъ только выучить уроки, но не оставалось свободнаго времени—вникнуть, обсудить заученное, отъ чего память развивалась во мнѣ быстро; но остальные способности: мышленіе, соображеніе, анализъ и т. п., оставались какъ бы парализованныя. Отцу желалось, да я и самъ хотѣлъ, скорѣе поступить въ университетъ, зная, что за нимъ окончится и мое ученье и надзоръ за мной разныхъ лицъ. Все это такъ льститъ юношеству. И мнѣ въ 15 лѣтъ хотѣлось скорѣе вырваться на свободу! Вотъ почему я такъ спѣшилъ скорѣе изучить все требуемое для поступленія въ университетъ, къ дверямъ котораго моими усиленными занятіями я скакалъ, какъ на почтовыхъ. Поэтому многого не достаетъ въ моемъ образованіи. Правда, я могъ исправить такое упущеніе и остальные свои, за исключеніемъ памяти, способности изощрить въ университетѣ; но по молодости своихъ лѣтъ я не сознавалъ пользы ученія, видѣлъ въ немъ только переходное состояніе отъ принужденія къ волѣ; при томъ, предоставленный самъ себѣ, не понималъ нужды въ уравновѣшиваніи памяти съ прочими умственными способностями. Ко всему этому, нужно прибавить, что, поступивъ въ университетъ, я нашелъ болѣе чѣмъ жалкій составъ профессоровъ, какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, съ которыми едва ли я могъ, если бы и желалъ, изощрить мои способности... Когда же понялъ недостаточность своего образованія,—помочь было уже поздно.

Прочія мои воспоминанія того времени ограничиваются очень немногимъ. Такъ въ отношеніи общественнаго порядка, въ Казани употреблялся еще первобытный способъ тревоги во время пожара: набатъ и трещотки. На Спасской башнѣ, въ крѣпости, виситъ и понынѣ большой колоколь, къ которому приставлялся часовой съ ружьемъ отъ учебнаго карабинернаго полка, квартировавшаго здѣсь до 1826 года; его замѣнилъ часовой отъ гарнизоннаго батальона. Въ случаѣ замѣченнаго пожара часовой обязанъ былъ учащенными ударами бить въ колоколь, что и называлось: «бить въ набатъ». Въ разныхъ мѣстахъ города были построены «будки», очень небольшіе домики съ печью. У каждой будки, на деревянномъ крестообразномъ станкѣ, какой и понынѣ употребляютъ на гауптвахтахъ для барабановъ, лежалъ большой деревянный цилиндръ съ рукояткой. Въ цилиндрѣ помѣщался весьма несложный механизмъ, производящій, при поворотѣ ручки, оглушительный трескъ; кромѣ того, были еще ручныя трещотки. Будочникъ, т. е., часовой у будки, изъ полицейскихъ служителей, слышавъ набатный колоколь, приводилъ въ движеніе «свою механику» и пронзительнымъ трескомъ возвѣщалъ жителямъ города о пожарѣ. Товарищъ его, называемый, кажется, «подчасокъ», въ то

же время бралъ «ручную трещотку» и, идя по улицамъ своего участка, вертѣлъ ею, производя тоже немалый трескъ. При этомъ не могу умолчать о вооруженіи тогдашнихъ будочниковъ. Оно состояло изъ алебарды, которой будочники отдавали честь проходящему начальству, отставляя во всю длину правую руку, вооруженную алебардой. У блюстителей порядка и неусыпныхъ хранителей покоя обывателей часто во время ихъ сна шалуны похищали алебарды. Можно представить переполохъ проснувагося неусыпнаго стража, когда онъ замѣчалъ такое похищеніе...

Теперь, съ устройствомъ частныхъ домовъ полиціи съ каланчею и вывѣшиваніемъ на нихъ въ случаѣ пожара «шаровъ», трещотки болѣе не существуютъ; но бить въ набатъ въ колоколь допускается и доселѣ. Точно также уничтожены и алебарды, потому ли, что всѣ онѣ раскрадены шалунами, или чтобы уничтожить улики неусыпности стражи. Какъ бы то ни было, но Казань подражаетъ столицамъ. Теперь по улицамъ города расхаживаютъ такъ называемые «городовые», вооруженные шапками и свисткомъ...

Въ отношеніи нашей домашней жизни тоже произошла перемена. Въ концѣ 1829 года, отецъ уѣхалъ въ Петербургъ, для опредѣленія старшаго брата, все еще остававшагося у Телепневой, — въ Оренбургскій уланскій полкъ, квартировавшій въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губерніи. Въ бытность свою въ Петербургѣ отецъ свидѣлся съ своими старыми сослуживцами моряками. Узнавъ, что онъ отдаетъ старшаго сына въ кавалерію, и что у него осталось еще два сына, они уговорили отца записать меньшого — Илью, въ малолѣтнее отдѣленіе Морского корпуса. Возвратясь домой, отецъ никому не говорилъ о своемъ рѣшеніи насчетъ Илюши; онъ зналъ нежеланіе матери видѣть кого либо изъ своихъ дѣтей морякомъ, такъ какъ она считала море коварной стихіей; но получена была официальная бумага, извѣщавшая о доставленіи Ильи въ отдѣленіе. Пришлось объявить матери: та разразилась слезами и упреками, но нечего было дѣлать, надо было братишку везти въ Петербургъ. Имѣя въ виду еще его нѣжный возрастъ, мать настояла, что сама отвезетъ его, и зимой, въ началѣ 1831 года, отправилась съ сестрой и братомъ въ путь. Горькія были разставанія! При этомъ я припомнилъ и свою разлуку и тяжелыя впечатлѣнія, испытанныя мной, четыре года тому назадъ, когда меня самого вырвали изъ семьи и увозили въ Петербургъ для помѣщенія въ Горный корпусъ...

Дорогой мать должна была подвергнуться всѣмъ карантинамъ, устроеннымъ по случаю холеры и измучившимъ ее окончательно. Больная и душой и тѣломъ, она прибыла въ Петербургъ, гдѣ и оставалась до слѣдующей зимы, и возвратилась домой на этотъ разъ безъ всякихъ препятствій.

Всѣ карантинныя и заставы были сняты, какъ учрежденія без-

полезныя противъ распространенія эпидеміи, служащія только для обремененія, но никакъ не для предохраненія жителей.

Помню, какъ мать рассказывала, что, слушая въ Петербургѣ выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости, возвѣщавшіе взятіе Варшавы, сердце ея обливалось кровью. Старшій братъ участвовалъ въ польской кампаніи, и мы долго не получали отъ него никакихъ извѣстій. Нѣжное любящее сердце матери тревожно прислушивалось къ выстрѣламъ. Она думала, что выстрѣлы эти возвѣщаютъ побѣду, которая, можетъ быть, стоитъ жизни ея сыну.

— Что мнѣ въ такой побѣдѣ?—говорила она.

Эгоизмъ—извинительный въ матери!

Но, слава Богу, вскорѣ получили письмо отъ брата. Онъ былъ при штурмѣ Варшавы и не только остался цѣлъ, но въ продолженіе всей польской кампаніи, кромѣ необходимыхъ лишеній, не былъ даже раненъ. За свои подвиги получилъ орденъ св. Анны 3-й степеніи съ бантомъ и 4-й на саблю, съ надписью «за храбрость». Первый—за варшавскій штурмъ; второй—за дѣло подъ Вильной, на Панарскихъ высотахъ. Кромѣ того, награжденъ серебряной медалью и польскимъ орденомъ *virtuti militari*.

VIII.

Варенька Дурасова и Нади Колбецкая. — «Наука любви».—Моя страсть къ чтенію.—Смерть моей бабки С. А. Мельгуновой.—Холера въ Казани 1830 г.—Смерть моего младшаго брата въ 1835 г.—Пріѣздъ старшаго брата въ Казань осенью 1831 г.—Его доводы о преимуществахъ военной службы.—Подполковникъ Голенищевъ-Кутузовъ.—Флигель-адъютантъ князь Ливень.—Декабристъ П. П. Жуковъ, его семья въ Архангельскѣ, женитьба на Е. О. Шульцѣ, неожиданный переводъ на Кавказъ, возвращеніе въ Казань и помилованіе.

Слѣдующую главу я посвящу всецѣло моей университетской жизни съ ея интеллектуальной стороны, а теперь забѣгу впередъ и расскажу мои похождения за это время.

Выше я сказалъ, что, не умѣя или не желая развивать свои врожденныя умственныя способности, я, несмотря на свои усиленныя занятія для поступленія въ университетъ, не допускалъ застоя въ своихъ сердечныхъ влеченіяхъ.

По французскому приговору изъ Жюконда: «et l'on revient toujours à ses premières amours», я думалъ было въ началѣ вернуться къ Annette Дитель, но встрѣтилось препятствіе. Танцмейстера Monsard—этой связи, соединявшей нашъ домъ съ домомъ Дитель, уже не было въ Казани. Мѣсто его заступилъ m-r Billet. При этомъ произошла замѣчательная случайность. Несмотря на то, что я и Annette долго жили въ одномъ городѣ, я нигдѣ не встрѣчалъ ея

со времени нашей разлуки передъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, и по сіе время не видалъ ея.

Billet не собиралъ къ себѣ своихъ учениковъ и ученицъ, какъ Monzard, а разъѣзжалъ по домамъ давать уроки подъ звуки своей маленькой скрипки. Семейство наше было въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ П. А. Дурасова, управляющаго Низовымъ округомъ корабельныхъ лѣсовъ. Вслѣдствіе этого согласились, что обѣ его дочери будутъ пріѣзжать къ намъ и вмѣстѣ съ моей сестрой учиться у m-г Billet танцамъ. Присутствуя иногда при ихъ хореграфическихъ упражненіяхъ и смотря на меньшую дочь Дурасова, восьмилѣтнюю Дунюшку, не красивую собой, но съ добрымъ выраженіемъ въ лицѣ, и видя, какъ она, стоя за стуломъ и держась руками за его спинку, выворачивала свои ноги для различныхъ па, могъ ли, говорю, думать, что вижу передъ собою свою будущую жену? Въ ожиданіи этого событія, послѣдовавшаго 14-ть лѣтъ спустя, я «пріударилъ» за ея старшей сестрой, Варварой, и не безуспѣшно. Мои усиленныя занятія оставляли мнѣ мало времени для изліяній моихъ сердечныхъ чувствъ, а потому при рѣдкихъ моихъ съ ней свиданіяхъ и затрудненіи оставаться наединѣ, всѣ наши объясненія ограничивались урывчатыми словами во время танцевъ и пожатіемъ рукъ. Отъ такихъ помѣхъ взаимная привязанность наша, конечно, не могла быть сильна. Не помню всѣхъ перипетій нашей любви; но помню причины нашей размолвки. Однажды, танцуя съ ней, я увлекся желаніемъ выказать ей свою привязанность и, чтобы доказать силу моей любви, такъ сильно сжалъ ея руку, что у нея отъ боли выступили на глазахъ слезы. Она разсердилась, и такъ какъ это было во время послѣдняго танцевальнаго класса, и Дурасовы вскорѣ уѣхали на лѣто въ свою симбирскую деревню, то я и не имѣлъ возможности помириться съ ней. Когда же она возвратилась въ городъ, я былъ уже студентомъ и имѣлъ другую привязанность.

Въ Казани проживало семейство Колбецкихъ, состоявшее изъ слѣпного отца, матери и нѣсколькихъ дѣтей.. Мать была простая, добрая женщина. Взрослыя дѣти ихъ были: сынъ Василій, бывший вмѣстѣ со мной въ университетѣ, и дочери: Надежда, Анна и Александра; прочихъ дѣтей, тогда очень маленькихъ, я не зналъ.

Старшая, Надя, была очень стройная, миловидная блондинка, лѣтъ 16-ти. Имѣла прекрасный свѣжій цвѣтъ лица, голубые изсиня глаза, полныя губы. Мое влюбчивое сердце не могло не замѣтить и не остановиться на всѣхъ этихъ совершенствахъ, и я сдѣлался страстнымъ ея поклонникомъ. Жили они тогда въ своемъ домѣ, выходящемъ на Арское поле (принадлежитъ нынѣ А. О. Лихачеву), имѣли своего изъ крѣпостныхъ танера, Николая, и потому мы, студенты, очень часто и «запросто» у нихъ танцевали.

Эти-то танцы и способствовали нашему сближенію и привели къ объясненію въ любви. Помню очень хорошо одну мазурку, когда Надя на мои настоянія, потупивъ глаза и зардѣвшись стыдливымъ румянцемъ, произнесла давно желанныя слова: «люблю васъ». Я былъ и взволнованъ и обрадованъ вмѣстѣ, но сумѣлъ совладѣть собой и ни однимъ движеніемъ лица не выдалъ своей тайны. Счастье этой минуты высказалось только тѣмъ, что я забылъ встать съ своего мѣста, чтобъ дѣлать «фигуру» танца. Когда мнѣ прочіе закричали: «Мамаевъ! твоя очередь!» — я, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ мазурку. Такая моя забывчивость не могла обратить на себя ничего подозрительнаго вниманія, такъ какъ и прежде случалось, что я пропускалъ свою очередь, и мнѣ часто напоминали о моей разсѣянности.

Мнѣ никто не преподавалъ науку любить; до всего, что служило мнѣ счастьемъ въ жизни, я доходилъ самъ, постепенно, чрезъ рядъ опытовъ и наблюденій. Напрасно говорятъ, что самый лучший учитель въ любви есть сама природа. Нѣтъ, съ этимъ я не соглашусь. Природа даетъ намъ влеченіе одного пола къ другому, и тѣмъ оканчивается всякая дальнѣйшая ея заботливость въ любви; но умѣнье управлять влеченіемъ, вызваннымъ природой, довести до сознанія, сдерживать или вовсе прекращать его, зависитъ отъ насъ самихъ; иначе между женщинами не было бы кокетокъ, а между мужчинами — ловеласовъ.

Пройдя продолжительный рядъ опытовъ разнаго рода любви, я подмѣтилъ нѣкоторые тайные приемы въ искусствѣ любить; и потому любовь для меня — наука, а не одно природное влеченіе одного къ другому.

Первые начатки составленной мной системы «любить» были примѣнены къ Надѣ, или, лучше сказать, на ней я началъ учиться любить, какъ наукѣ, и дальнѣйшія мои сердечныя привязанности въ жизни развили во мнѣ понятія о любви по теоріи, мной составленной. Не скажу, чтобъ я дошелъ до совершенства, но приобрѣлъ навыкъ настолько, что, дѣйствуя по своей системѣ любить, никогда не имѣлъ неудачи. Сама природа способствовала моимъ успѣхамъ; наградивъ меня влюбчивымъ сердцемъ, она, съ тѣмъ вмѣстѣ, отняла отъ меня чувство ревности. Въ любви я испытывалъ досаду, огорченія, пока не добивался признанія; но эти чувства не были такъ жгучи, такъ язвительны, какъ чувство ревности, насколько могу судить по разсказамъ другихъ. Получивъ же признаніе, что меня любятъ, я ничѣмъ болѣе не тревожился, не волновался и спокойно продолжалъ наслаждаться своимъ счастьемъ. Убѣжденія мои въ этомъ случаѣ были такого рода: ревностью я оскорбилъ бы женщину, которая сказала мнѣ «люблю». Послѣ ея признанія никакія подозрѣнія въ ея искренности не могутъ имѣть мѣста; если же женщина меня не любитъ, то какое я имѣю право

ревновать ее? При этомъ, въ первомъ случаѣ, ревность — оскорбительна; оскорбленіе уничтожаетъ уваженіе, а для меня истинная, чистая, святая любовь не можетъ существовать безъ уваженія... Всякая другая любовь есть только влеченіе одного пола къ другому.

Не быть ревнивымъ въ любви — большое счастье и вѣрный выигрышъ на успѣхъ. Неревнивый въ любви все равно, что человѣкъ хладнокровный въ спорѣ. Съ такимъ человѣкомъ вспылчивый, горячій всегда проиграетъ. Мнѣ кажется, что можно легко достичь такого преимущества: поболѣе разсудка и силы воли, и тогда можно поборотъ чувство ревности.

Приемы въ любви, которые я употреблялъ для достиженія взаимности, и всегда съ успѣхомъ, заключались въ слѣдующемъ.

Никогда не унижался передъ женщинами. Женщина не полюбить мужчину, когда видитъ, что онъ изъ угодливости способенъ на всякія униженія; тѣмъ еще менѣе — плаксиваго, готоваго слезами вымалывать себѣ взаимность, какъ милостыню. Она, по природѣ своей, ищетъ защиты въ твердости и силѣ мужчины, и всякая слабость, въ чемъ бы она ни проявлялась, способна оттолкнуть ее отъ него.

Ничто такъ не побуждаетъ мужчину и женщину къ откровенности, какъ возбужденная досада. Женщины, въ особенности, скорѣе поддаются этому чувству. Подмѣтивъ эту слабую въ нихъ сторону, я сообразно тому управлялъ и своими дѣйствіями. Замѣтивъ, что произвелъ впечатлѣніе на женщину, отъ которой добивался взаимности, и желая довести ее до признанія, я первое время окружалъ ее полнымъ вниманіемъ и любезностью, старался раздуть заронившуюся въ ней искру любви и, добившись своего, вдругъ перемѣнялъ тактику, дѣлался какъ бы холоднѣе, обращаясь въ то же время съ прежней внимательностью къ другимъ. Маневръ этотъ всегда достигалъ цѣли: раздражалъ, причинялъ досаду и оканчивался обыкновенно сперва укорами, а потомъ и полнымъ признаніемъ. Само собою разумѣется, что должно дѣйствовать въ границахъ благоразумія, чтобы «не пересолить». Слишкомъ натянутая струна всегда лопнетъ.

Всѣ эти приемы я началъ съ Нади и потомъ употреблялъ съ другими. Въ произведеніи опытовъ такой теоріи недостатка не было, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшихъ разсказовъ о моей жизни.

Въ честь Нади я булавкой накололъ на мякоти лѣвой руки якорь, какъ эмблему ея имени, и затеръ порошокъ. Знакъ этотъ долго былъ виденъ, хотя мѣсто Нади заступили уже другія привязанности. Имя ея на рукѣ пережило ея имя въ сердцѣ! Въ ея же честь у меня вездѣ были написаны стихи, начинавшіеся:

«Надежда! Ты моя богиня!

Надежда, — лучъ души моея» и т. д.

Стихи эти случайно были написаны и на тетрадь — «Догматическое богословіе». Не правда ли, какое умѣстное сочтаніе небесной любви съ земной? Тетрадка эта случайно же попала въ руки отца. Прочтя стихи, онъ сказалъ: «я такую тебѣ задамъ Надежду — богиню, что выкинешь изъ головы всѣхъ Надеждъ, а будешь имѣть только одну надежду: выдержать экзаменъ и перейти на слѣдующій курсъ». Такъ отецъ смотрѣлъ на мою привязанность, хотя и невинную, но, по его мнѣнію, несовмѣстимую съ моими тогдашними занятіями по университету.

Страсть къ чтенію проявлялась во мнѣ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ и усиливалась по мѣрѣ того, какъ я подвигался по пути жизни, и теперь составляетъ для меня единственное пріятное развлечение. Съ малолѣтства я тщательно собиралъ книги и съ того времени и повинѣ я постоянно пополняю свою библіотеку по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, но преимущественно книгами беллетристическаго содержанія и періодическими изданіями. Библіотека моя, смѣло скажу, какъ частнаго лица, при строгости у насъ цензуры, богата рѣдкими сочиненіями и собирается мной съ немалымъ трудомъ и значительными денежными расходами. Книги свои я называю моими неизмѣнными, испытанными друзьями, утѣшающими меня въ горькія минуты жизни, помогающими коротать мое незавидное одиночество...

Выше я сказалъ, что страсть къ чтенію проявилась во мнѣ съ малолѣтства. Помню, съ какой жадностью, едва научившись грамотѣ, я бросился на книги, особенно съ картинками, читалъ ихъ. Слушателемъ моимъ была няня; съ ней я мѣнялся ролями. На ночь она мнѣ рассказывала сказки, а днемъ я читалъ ей «Россійскій Театръ», «Письма русскаго путешественника» и т. п. Но первое серьезное чтеніе, послѣ разныхъ сказокъ, дѣтскихъ и другихъ книгъ, состояло въ стихотвореніи В. А. Жуковскаго «Громобой, или двѣнадцать спящихъ дѣвъ». Вслушавшись однажды въ чтеніе этого сочиненія бывшимъ нашимъ учителемъ Знаменскимъ, я былъ пораженъ, конечно, не могучимъ стихомъ и художественной его отдѣлкой, — тогда я не былъ достаточно развитъ, чтобы понять красоту поэзіи, — но самымъ содержаніемъ, взятымъ изъ сказочнаго міра и изложеннымъ языкомъ, дотогдѣ для меня невѣдомымъ. Попросивъ у Знаменскаго книгу, добытую, кажется, изъ студенческой библіотеки университета, я списалъ стихи со всѣмъ тщаніемъ и каллиграфическимъ искусствомъ, на почтовой золотобрѣзанной бумагѣ и не разставался съ своей рукописью, что навывается, «ни днемъ, ни ночью». Скоро съ моей отличной памятью, отъ частаго перечитыванья, я выучилъ всего «Громобоя» наизусть; но отъ этого нисколько не умалилось у меня значеніе стиховъ, и я возился съ своей тетрадкой, какъ съ сокровищемъ. Въ 1827 г., отправляясь въ Петербургъ, я не могъ забрать съ собой своихъ

любимыхъ книгъ, но рукопись взять съ собой. Въ Горномъ корпусѣ начальство отняло у меня мою тетрадку на томъ основаніи, что никакихъ писанныхъ стиховъ кадетамъ имѣть не позволялось, хотя бы то были классическія. Я долго плакалъ; такъ было мнѣ жаль разставаться и съ рукописью и съ трудами, на переписку ея употребленными.

Во время пребыванія моего въ Петербургѣ, въ 1827—1829 годахъ, у Телешевой я постоянно читалъ А. С. Пушкина «Первыя главы Онѣгина», «Графа Нулина» и др.; изъ періодическихъ изданій—«Русскій Инвалидъ», «Сѣверную Пчелу», «Сынъ Отечества», «Архивъ». Всѣ эти изданія выходили тогда очень тощими и по объему и по содержанию. Тогда же прочиталъ первый нравоописательный романъ Ѳ. В. Булгарина: «Иванъ Выжигинъ». Какъ первый еще въ своемъ родѣ, романъ этотъ возбудилъ сильное впечатлѣніе въ публикѣ, и я очень хорошо помню, что о немъ много тогда говорили въ гостинныхъ. Особенно дамы восхищались имъ, и встрѣчи непремѣнно сопровождались спросами: «Читали «Выжигина»? Ахъ, что за прелесть! Ахъ, что за прелесть! Цѣлую ночь читала, не могла оторваться!» и т. п.

Когда я возвратился въ Казань въ 1829 году, семья наша выписывала «Дамскій журналъ», князя Шаликова, конечно, только для модныхъ картинокъ, но я имѣлъ возможность доставать «Московскій Телеграфъ», издаваемый Полевымъ. Первая книга, поступившая въ мою собственность и послужившая краеугольнымъ камнемъ въ основаніи библіотеки, была — «Отступникъ» Д'Арлинкура, въ русскомъ переводѣ. Книга эта и понынѣ хранится у меня, уцѣлѣвъ какимъ-то чудомъ отъ общей растраты прочихъ, бывшихъ тогда въ моемъ владѣніи. Читая ее, я проливалъ горькія слезы надъ злополучіями Эвильды и Агобада... Въ то время читалъ я все, безъ разбора, и Калашникова «Дочькупца Жолобова», и Погорьльскаго: «Монастырка», и Лажечникова: «Ледяной домъ» и «Послѣдній Новикъ», и Полевого: «Клятва при гробѣ Господнемъ», и Загоскина: «Юрій Милославскій», и Пасѣчника Паньки Рудаго—Н. Гоголя: «Вечера близъ Диканьки», и статьи Б. Ѳедорова и др. Тогда писали много, и печатались книги, между которыми были очень дѣльныя; любознательность моя и страсть къ чтенію вполне удовлетворялась! Въ бытность мою въ университетѣ, я пользовался книгами изъ студенческой библіотеки. Сожалѣю объ одномъ, что не было у меня опытнаго руководителя въ выборѣ сочиненій, и я «глоталъ» все, безъ всякой системы, что мнѣ ни попадало «на зубъ».

Въ сентябрѣ 1830 г., въ самый разгаръ холеры въ Казани, скончалась бабка наша, С. А. Мельгунова. Умерла она не отъ эпидеміи; страдая послѣднее время своей жизни спазмами въ же-

людѣ, она нравственно страдала во время холеры за жизнь близкихъ сердцу. Этотъ-то страхъ и ускорилъ ея кончину; она похоронена на кладбищѣ Кизицкаго (или Кизическаго) монастыря, что близъ Казани. Никто изъ насъ не могъ присутствовать при послѣднихъ минутахъ ея жизни, и она скончалась на рукахъ своей прислуги. Всѣ мы тогда были въ заперти, какъ въ карантинѣ, въ зданіи университета.

Какъ только появилась холера въ городѣ, лекціи прекратились съ 14-го сентября, и университетское начальство обязательно предложило своимъ членамъ помѣщеніе въ комнатахъ, занимаемыхъ аудиторіями. Отецъ воспользовался такимъ предложеніемъ, и вся наша семья переѣхала въ университетъ. Насъ, такихъ добровольныхъ переселенцевъ, было довольно много; между нами находился и докторъ Э. К. Эверсманъ. Лавки изъ аудиторій были вынесены, и мы помѣстились, какъ на бивакахъ; объ удобствахъ жизни и думать было нельзя. Университетъ заперли, никого не впускали и не выпускали, и всѣ сношенія съ прочими, живущими въ городѣ, были сопровождаемы строгими предосторожностями. Ничто не могло проникнуть къ намъ, не бывъ предварительно подвергнуто окурению хлора, даже самая провизія подвергалась той же операци. Такимъ образомъ мы въ стѣнахъ университета составили свой собственный міръ, со всѣми его житейскими потребностями, міръ, совершенно отдѣльный отъ прочаго. Время проводили нескучно, въ посѣщеніяхъ другъ друга; по вечерамъ собирались у когонибудь всѣ вмѣстѣ и занимались или разговорами, или чтеніемъ, или игрой въ карты. Такъ продолжалось до конца октября, когда мы рѣшились разѣхаться по своимъ домамъ. Къ тому времени первое впечатлѣніе страха холеры значительно ослабѣло. Можно привыкнуть ко всему, даже къ безпокойству о смерти, и мы, по переѣздѣ изъ университета, продолжали нашу обычную жизнь, хотя въ городѣ эпидемія еще не прекращалась.

Заговоривъ о смерти, похитившей въ нашей семьѣ бабу, переключу черезъ четыре года впередъ и расскажу о другой потерѣ, еще болѣе чувствительной. Бабука уже была въ преклонныхъ лѣтахъ и, по общему закону природы, должна была, раньше или нѣсколько позже, окончить свои дни; но другая потеря, въ лицѣ брата Ильи, 12-ти-лѣтняго отрока, полного, казалось, силъ и здоровья и умершаго при исключительныхъ обстоятельствахъ, глубоко огорчила всѣхъ насъ. Переведенный изъ малолѣтняго отдѣленія въ Морской корпусъ, Илюша отъ усиленныхъ занятій получилъ воспаленіе въ мозгу и умеръ въ 1835-мъ году. Въ то время старшій братъ Петръ находился въ Павловскѣ, въ Образцовомъ кавалерійскомъ полку; узнавъ о болѣзни Илюши, онъ поспѣшилъ въ Петербургъ и имѣлъ только то утѣшеніе, что закрылъ ему глаза и похоронилъ. Когда было получено извѣстіе о его кончинѣ, мать

наша въ первую минуту отчаянія попрекнула отца въ причинѣ преждевременной его смерти, говоря, что она предчувствовала это несчастье, не желая видѣть Илюшу морякомъ. Упрекъ этотъ такъ подѣйствовалъ на отца, что онъ первое время заперся въ своемъ кабинетѣ, оставался въ немъ по цѣлымъ днямъ одинъ, и когда выходилъ, то лицо имѣлъ блѣдное, осунувшееся, съ глазами, опухшими отъ слезъ. Мать, нуждавшаяся сама въ утѣшеніи, видя отца въ такомъ положеніи, убитаго горемъ, изъ состраданія и опасенія за его жизнь, должна была успокаивать его, сильно раскаиваясь въ неблагоразуміи сказанныхъ ею словъ...

Въ природѣ, въ цѣпи жизни, такъ устроено, что потери и лишенія замѣняются какой либо радостью или утѣшеніемъ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Потеря бабки сильно огорчила мать мою; но Провидѣніе послало ей утѣшеніе, значительно ослабившее ея горе. Въ ноябрѣ 1831 г. пріѣхалъ въ отпускъ давно ожидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ мой старшій братъ, котораго мать не видала съ 1827 года.

Тогда она отпускала его въ Петербургъ юношей 14-ти лѣтъ, теперь онъ возвращался молодымъ человѣкомъ 18-ти лѣтъ. Красивый, статный, въ уланскомъ мундирѣ, съ крестами и медалями на груди, онъ произвелъ собой въ обществѣ большой эффе́ктъ. Тогда на военныхъ смотрѣли вообще уважительно и привѣтливо. И въ гостиныхъ, и въ собраніяхъ, и на балахъ, вездѣ, военные имѣли шагъ передъ статскими, которыхъ звали «рябчиками», между тѣмъ какъ военныхъ — «душками». Въ танцахъ барышни выбирали безпрестанно брата, а въ гостиныхъ всѣ слушали съ глубокимъ вниманіемъ его рассказы о только что конченной польской кампаніи, въ которой онъ принималъ дѣятельное участіе.

Братъ сильно поколебалъ укоренившееся дотолѣ во мнѣ желаніе служить «по статской». Между прочими доводами, онъ говорилъ: «Что тебѣ за охота купаться въ чернилахъ! ступай-ка, лучше къ намъ въ полкъ. Товарищи мои все лихіе ребята. Живемъ мы дружно! Въ статской службѣ другъ дружкѣ подставляютъ ножки, чтобы занять повиднѣе мѣсто; тамъ «матушкины сынки да бабушкины внучки» по протекціи лѣзутъ впередъ, оставляя за собой истинныхъ тружениковъ не замѣченными, ничѣмъ не отличенными. При томъ, всѣ статскіе пользуются очень незавидной репутаціей; ихъ считаютъ взяточниками, корыстолюбивыми. У насъ въ военной службѣ не то, у насъ нѣтъ протекцій. Производятъ въ чины по линіи, на вакансіи, всѣхъ по порядку; перескочить черезъ старшаго по службѣ можно въ томъ только случаѣ, если отличишься чѣмънибудь необыкновеннымъ. Но для этого нужно какое нибудь видимое отличіе, и тогда каждый знаетъ подвигъ отличившагося и оцѣниваетъ его заслуги. Въ статской же службѣ, напротивъ, подпольными путями достигаютъ и отличій и наградъ. Всякій военный это знаетъ, и по-

тому нѣтъ у насъ ни интригъ, ни протекцій, чтобы занять мѣсто другого; а если такой «гусь» и заведется въ полку, то общество офицеровъ сейчасъ же вынудитъ его оставить или перемѣнить службу» и т. п.

Отъ такихъ его словъ я крѣпко призадумался. Сознывая справедливость его убѣжденій, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, не скрывалъ отъ себя и трудностей военной фронтовой службы: солдатизмъ тогдашняго времени пугалъ меня.

Долго я «ломалъ голову» и колебался между «рыбчикомъ» и «душкой»; наконецъ «махнулъ рукой» и съ полнымъ обскурантизмомъ истаго фаталиста, какъ потомокъ монголовъ мусульманъ, рѣшеніе своей участи предоставилъ судьбѣ. . . . .

Какъ радостна была встрѣча брата, такъ грустны были его проводы, когда по окончаніи срока отпуска онъ долженъ былъ возвратиться въ полкъ. Печаль разлуки нѣсколько уменьшилась тѣмъ, что черезъ полтора года намъ всѣмъ предстояло новое свиданіе. Къ тому времени я долженъ былъ кончить курсъ въ университетѣ и опредѣлиться на службу.

Отецъ и мать обѣщали сопровождать меня и заѣхать навѣстить брата.

На слѣдующую зиму пріѣхалъ въ Казань для приѣма рекрутъ того же уланскаго полка подполковникъ Голенищевъ-Кутузовъ и привезъ намъ письмо отъ брата. Кутузовъ былъ принятъ и обласканъ въ нашемъ домѣ, какъ «дорогой» вѣстникъ. Личность Кутузова представляла своеобразный типъ, на которомъ нельзя было не остановиться. Отъ головы до пятокъ и всѣми жилками проникнутый военной службой, онъ тоже уговаривалъ меня вступить въ ихъ полкъ, рисуя яркими красками бытъ военныхъ. Но мнѣ онъ не понравился съ перваго же знакомства. Всѣ его слова и манеры, даже самая одежда, отзывались какой-то арлекинадой, въ немъ ничего не было задушевнаго, напротивъ—все заученное, заранѣе на себѣ примѣренное.

Онъ, видимо, рисовался и щеголялъ какъ словами, такъ и военной одеждой. Разъ, по его приглашенію, придя къ нему на вечерній чай, я засталъ его въ фантастической формѣ. На ногахъ—сапоги изъ желтаго сафьяна, съ большими, звенящими при малѣйшемъ движеніи, шпорами; красныя шелковыя турецкія шаровары, широчайшаго размѣра, со складками, собранными на сапогахъ и стянутыми шнуркомъ, кисточки котораго болтались снаружи; въ бѣлой шелковой рубахѣ, въ пестромъ цвѣтномъ платочкѣ на шеѣ; въ форменномъ сюртукѣ, надѣтомъ нараспашку, и густыхъ эполетахъ.

Въ такомъ нарядѣ Кутузовъ, вѣроятно, воображалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, египетскій вице-король! Въ разговорѣ онъ подъ секретомъ сообщилъ мнѣ, что занимается литературой и пишетъ за-

писки о своей боевой жизни. Какъ образчикъ, далъ мнѣ прочесть одну статью, озаглавленную «Рамки Кульмскаго дѣла». Какъ заглавіе, такъ и содержаніе отличались полнымъ отсутствіемъ здраваго смысла и изобличали въ авторѣ совершенное незнаніе грамматическихъ правилъ.

Часто изъ рекрутскаго присутствія онъ пріѣзжалъ къ намъ обѣдать въ сюртукѣ, съ распущенными этишкетами, въ лядункѣ и шарфѣ; вся грудь увѣшана крестами и медалями. Меня, незнакомаго еще съ военной формой, удивляло такое одѣяніе; я никогда не видалъ, чтобы братъ, служившій въ томъ же полку, во время пребыванія своего въ отпускѣ, два съ половиною мѣсяца, надѣвалъ такую форму. Дѣйствительно, по опредѣленіи моемъ въ военную службу, я узналъ, что существуетъ «полная походная форма», въ которую облакался Кутузовъ, и надѣвалась она на дежурствѣ и въ «походѣ»; но никогда не надѣвались этишкеты при сюртукѣ. Послѣднее прибавленіе была выдумка Кутузова, навѣшивавшаго ихъ для большаго эффекта и красоты и разсчитывавшаго весьма справедливо, что въ Казани, какъ избавленной тогда отъ постоя войскъ, не найдется никого, кто бы могъ указать ему такое отступленіе отъ формы. Но когда, къ концу того же набора, пріѣхалъ флигель-адъютантъ кн. Ливенъ, который впослѣдствіи былъ назначенъ командиромъ Оренбургскаго уланскаго полка, то Кутузовъ при немъ остерегался носить придуманную имъ походную форму, и являлся и въ присутствіе и въ общество, какъ и слѣдовало, въ колетѣ.

Около того же времени жила въ нашемъ семействѣ, Л. О. Жукова. Судьба этой женщины замѣчательна по стеченію разныхъ обстоятельствъ, и жизнь ея можетъ служить канвой для романа, въ которомъ дѣйствительность событій вполне замѣнитъ вымыселъ.

И. П. Жуковъ, дальній нашъ родственникъ, за принадлежность свою къ Южному тайному обществу, въ 1826 году, былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость и судимъ вмѣстѣ съ прочими заговорщиками. Находясь въ заключеніи, онъ обратился съ письмомъ къ В. К. Михаилу Павловичу, дотолѣ ему покровительствовавшему, которымъ просилъ, какъ милости, о назначеніи своемъ на Кавказъ. По высочайше конфирмованному приговору верховной слѣдственной комиссіи, Жуковъ былъ разжалованъ въ солдаты и посланъ въ Архангельскъ, въ тамошній гарнизонный батальонъ.

Дальнѣйшія событія покажутъ, что многое, совершающееся въ нашей жизни, подчинено тайнымъ велѣніямъ судьбы, дѣлающимся ясными черезъ болѣе или менѣе отдаленное время, и открываютъ тотъ путь, которымъ слѣдовали стеченія обстоятельствъ, приведшихъ къ извѣстному результату. Лизавета Ѳеодоровна Шульцъ жила въ Архангельскѣ; дѣятельность и жизнь Ивана Петровича Жукова происходила въ Волынской губерніи. Одна — на сѣверѣ, другой —

на югѣ Россіи. Огромное пространство раздѣляло ихъ, невѣдомыхъ другъ другу; интересы той и другого были совершенно разные. Казалось, не представлялось никакой возможности не только къ ихъ сближенію, но и простому свиданію. При другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, оба они при встрѣчѣ прошли бы бокъ-объ-бокъ, не замѣтивъ другъ друга... Судьба рѣшила иначе.

Старикъ Шульцъ, отецъ Лизаветы Ѳедоровны, служилъ комендантомъ въ Архангельскѣ.

Добрыи въ душѣ, онъ радушно принялъ Жукова, не только не показалъ своей надъ нимъ власти, какъ начальникъ, но въ своемъ солдатѣ видѣлъ молодого человѣка, увлеченнаго, можетъ быть, своими товарищами и если имѣющаго свои убѣжденія, то еще не зрѣлыя, за которыя онъ достаточно и наказанъ. Поэтому Жуковъ въ своемъ солдатскомъ мундирѣ въ домѣ генерала былъ принятъ, какъ равный.

Красивой наружности, отлично образованный, хорошии музыкантъ, ко всему этому, обладавшій увлекательнымъ даромъ слова, Жуковъ скоро обратилъ на себя вниманіе Лизаветы Ѳедоровны, тоже красоты замѣчательной, въ которую и самъ влюбился. При томъ, и его «несчастное» положеніе много содѣйствовало къ ихъ сближенію. Въ глазахъ дочери онъ былъ жертвой своихъ заблужденій. Молодые люди объяснились, признались въ взаимной привязанности и поклялись любить другъ друга вѣчно, несмотря ни на какія препятствія. Последняя клятва и погубила Лизавету Ѳедоровну!..

Жуковъ открылся Шульцу и просилъ руки его дочери. Старикъ, несмотря на всю свою доброту, сознавая, что дочь его будетъ замужемъ, все-таки, за солдатомъ, наотрѣзъ отказалъ Жукову.

Видя слезы и отчаяніе дочери, Шульцъ тогда только догадался о злѣ, которое причинилъ ей, допуская сближеніе ея съ такимъ опаснымъ по своимъ достоинствамъ человѣкомъ, какимъ былъ Жуковъ, и, думая разлукой ослабить ея привязанность, отказалъ послѣднему отъ дома.

Но было уже поздно.

Вмѣстѣ съ Жуковымъ былъ тоже за принадлежность къ тайному обществу разжалованъ и сосланъ въ Архангельскъ морякъ Иванчинъ-Писаревъ. Шульцъ, не подозрѣвая въ немъ соучастника въ привязанности Жукова къ своей дочери, продолжалъ принимать его у себя попрежнему. Черезъ Писарева Жуковъ велъ дѣятельную переписку съ Лизаветой Ѳедоровной, напоминалъ, что настало время доказать, что клятва ея любить вѣчно, несмотря ни на какія препятствія, была не пустыя слова, но исполнится на дѣлѣ, умолялъ согласиться на тайное съ нимъ свиданіе и во всемъ довѣриться Писареву, который сумѣетъ устроить все, устранивъ препятствія и подъ покровомъ невѣднія для другихъ. Ли-

звета Федоровна согласилась. По легкости и удобству свиданій, послѣднія происходили все чаще и чаще.

Извѣстно, что насъ ничто такъ не раздражаетъ, какъ препятствія, и люди самые робкіе дѣлаются мужественными, чтобы достигъ своей цѣли. Въ виду этихъ-то препятствій, положенныхъ отцемъ, видѣться на свободѣ, Жуковъ, въ одно изъ тайныхъ свиданій, своимъ мастерскимъ, краснорѣчивымъ языкомъ, представилъ Лизаветѣ Федоровнѣ, что если люди по своимъ предразсудкамъ разстраиваютъ ихъ счастье и не соглашаются на ихъ соединеніе, то есть Богъ, который видитъ ихъ чистыя сердца, полныя любви другъ къ другу, и, конечно, въ неизреченномъ милосердіи своемъ благословитъ ихъ бракъ, хотя бы и не освященный по обрядамъ церкви. Увлеченная не столько доводами его убѣжденій, сколько силою своей собственной любви, давно нашептывавшей ей то же, что говорилъ Жуковъ, Лизавета Федоровна согласилась... Послѣдствіемъ этого было, что самъ Шульцъ вынужденъ былъ спѣшить бракомъ. При томъ, онъ надѣялся, за службу свою и раны, испросить у государя помилованіе своему зятю.

Послѣ вѣнчанія, происходившаго утромъ, всѣ участвующіе въ церемоніи и другіе знакомые были приглашены Шульцемъ на обѣдъ новобрачныхъ. Только что усѣлись за столъ, какъ раздался звонъ почтового колокольчика, къ подѣзду комендантскаго дома подскакала тройка. Выскочившій изъ нея фельдъегерь, войдя въ залъ, гдѣ происходило пиршество, подаль Шульцу конвертъ.

Съ тайнымъ предчувствіемъ новаго горя, старикъ принялъ его и дрожащими руками сломалъ печать. При чтеніи бумаги, лицо его сильно измѣнилось, предчувствіе не обмануло его, онъ получилъ приказаніе, въ которомъ значилось, что «согласно письма Жукова къ великому князю Михаилу Павловичу исходатайствованъ его переводъ на Кавказъ, и потому предписывалось Шульцу тотчасъ же, немедля нимало, отправить Жукова съ симъ же фельдъегеремъ къ новому мѣсту его служенія». Вотъ, когда письмо Жукова возымѣло свое дѣйствіе, и въ какую минуту!

Можно представить положеніе молодыхъ! Радость ихъ брачнаго союза нарушена мгновенно. Насколько они были сильны побороть препятствія, налагаемыя людьми, настолько оказались безсильными передъ велѣніемъ судьбы... Съ большимъ трудомъ могли уговорить фельдъегеря нѣсколько повременить, чтобы дать время окончить обѣдъ и собраться въ дорогу. Вѣрный, точный исполнитель данныхъ ему инструкцій и опасаясь строгаго взысканія за малѣйшее промедленіе, фельдъегерь торопилъ отъѣздомъ.

Жуковъ долженъ былъ проститься съ своей молодой женой, прямо «изъ-подъ вѣнца»...

Горе, несчастье, обманутыя ожиданія, все это сильно подѣй-

ствовало на крѣпкое дотолѣ здоровье старика Шульца; раны его раскрылись, изъ которыхъ послѣдняя рана, нанесенная его отцовскому сердцу, была еще чувствительнѣе, и онъ, промучившись года два послѣ отъѣзда Жукова, скончался. По смерти его, Лизавета Федоровна осталась совершенно одна въ чуждомъ ей городѣ, между враждебными людьми. Ближайшихъ родныхъ, у которыхъ могла бы надѣяться получить пріютъ, она не имѣла. Мать ея скончалась давно; изъ братьевъ старшій служилъ гдѣ-то въ полку, а младшіе воспитывались въ корпусѣ. Въ такомъ незавидномъ положеніи, она вспомнила, что мать ея мужа живетъ въ Казани, и еще при жизни ея отца приглашала пріѣхать къ ней повидаться.

Распродавъ все ненужное и распорядившись достояніемъ братьевъ, Лизавета Федоровна съ горничной оставила негостеприимный ей Архангельскъ и отправилась въ Казань, слѣпо довѣривъ судьбу свою неизвѣстному будущему. Въ Казани ждало ее новое горе.

Разспросивъ, гдѣ живетъ ея свекровь, бывшая во второмъ замужествѣ за Кондратовичемъ, она направилась къ указанному дому. Подъѣзжая къ крыльцу, она была поражена представившимся ей зрѣлищемъ. У воротъ дома стоялъ погребальный катафалкъ, окруженный толпой народа. Къ крыльцу была приставлена крышка отъ гроба. Войдя робкими шагами и съ замираніемъ отъ предчувствія сердца, въ залѣ она увидѣла покойника, лежащаго въ гробу на столѣ; около него свѣчи и священники въ черныхъ ризахъ. На тревожный спросъ: кто этотъ покойникъ? получила отвѣтъ: А. М. Кондратовичъ, т. е., ея свекровь, къ которой она стремилась, какъ къ единственному пристанищу на землѣ. Такого напора преслѣдующихъ ее несчастій ея душевныя силы не выдержали болѣе, и она безъ чувствъ грохнулась на полъ... Присутствующіе на печальной церемоніи, въ числѣ которыхъ была и моя мать, видя незнакомую имъ женщину, распростертую въ обморокѣ, приняли въ ней горячее участіе, подали необходимую помощь и привели въ чувство.

Мать моя, узнавъ, кто она, своимъ сердцемъ, чуткимъ ко всему доброму, сразу поняла всю безвыходность положенія ея, какъ женщины молодой, въ совершенно незнакомомъ ей городѣ, среди людей чуждыхъ, приняла въ ней горячее участіе и предложила ей и свой домъ, и свои услуги. Лизавета Федоровна прямо съ похоронъ переѣхала къ намъ и была принята въ нашей семьѣ со всѣмъ радушіемъ и вниманіемъ къ ея несчастью.

Лизавета Федоровна, найдя въ матери моей и поддержку и теплое сочувствіе къ своей горькой долѣ, успокоилась, скоро освоилась съ своей новой жизнію и занялась воспитаніемъ своего сына. Молодость и свѣжесть ея красоты, интересность ея положенія въ обществѣ, все это не могло быть не замѣченнымъ и не привлечь

къ себѣ казанскихъ ловеласовъ; они толпой преслѣдовали ее, лстя себя «задними» на нее видами, но ея холодность, ея умѣнье держать себя съ достоинствомъ, приличнымъ безукоризненной женщицѣ, скоро вынудили отхлынуть отъ нея ея поклонниковъ и питать къ ней полное уваженіе.

Судьба, доселѣ преслѣдовавшая постоянно Лизавету Федоровну, въ своемъ послѣднемъ ударѣ, какъ бы истощила свои силы... Счастье ей улыбнулось!

Мужъ ея (скажу мимоходомъ, тотъ самый Жуковъ, которому другой декабристъ, А. А. Бестужевъ, извѣстный писатель того времени, любимый публикой, подъ псевдонимомъ Марлинскаго, посвятилъ свою повѣсть «Наѣзды») за личное участие во взятіи Казимуллы, извѣстнаго предводителя горцевъ, и за полученную при этомъ рану въ голову, по ходатайству главнокомандующаго Кавказскимъ корпусомъ, барона Розена, былъ прощень. Жукову возвращены: прежній чинъ штабсъ-капитана и знаки отличія и дозволено жить въ своемъ казанскомъ имѣніи съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы испрашивать каждый разъ дозволеніе у мѣстнаго начальства для своихъ пріѣздовъ въ губернской городъ. Въ 1837 году, въ пріѣздъ государя въ Казань, бывший тогда военнымъ губернаторомъ, генераль-адъютантъ, С. С. Стрекаловъ, тотъ самый, который привезъ 14-го декабря 1825 г., на Исакиевскую площадь, для увѣщанія заговорщиковъ, митрополита Серафима, стоя за его каретой, на запяткахъ, испросилъ для Жукова отъѣху и этого стѣсненія: ему дозволено было разѣзжаться свободно вездѣ, исключая, однакожь, столицъ.

Первое свиданіе Жукова съ женой произошло въ нашемъ домѣ... но такія сцены не описываются; ихъ можно только чувствовать...

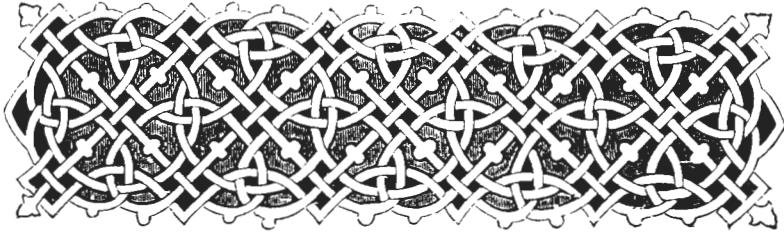
Настало время сдачи предварительнаго экзамена, для поступленія моего въ университетъ. Собственно за экзамень я не боялся, твердо изучивъ свои предметы, но робѣлъ, какъ робѣетъ каждый передъ неизвѣстностью будущаго, ожидаемаго съ нетерпѣньемъ! Не зная моихъ экзаменаторовъ, я боялся, что меня будутъ «сбивать», чего весьма легко достигнуть, когда ученье, какъ мое, производится только одной памятью, и предметъ не подвергается разностороннему обсужденію, и когда отъ ученика не требуется собственнаго своего размысленія, а довольствуются отвѣтами твердо заученнаго урока. Но, по пословицѣ «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», экзамень мой далеко былъ не такимъ, какъ я представлялъ себѣ. Вопросы дѣлались самые несложные, и отвѣчать на нихъ было легко. Миѣ еще было труднѣе, чѣмъ прочимъ; распространившійся слухъ о моихъ необыкновенныхъ способностяхъ и быстрыхъ успѣхахъ въ наукахъ вынудилъ экзаменаторовъ заняться

мной особо, чтобы на дѣлѣ удостовѣриться, насколько справедлива разнесшаяся обо мнѣ молва. Такому любопытству я былъ обязанъ, что изъ всѣхъ предметовъ мнѣ предлагались лишніе вопросы противъ другихъ моихъ товарищей по экзамену; но, несмотря ни на что, я вышелъ изъ испытанія побѣдителемъ, какъ объ этомъ будетъ разсказано въ слѣдующей главѣ.

Н. И. Мамаевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ¹⁾.

(Изъ быта ремесленниковъ).

Х.

ОМАШНЯЯ жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ; впрочемъ кое-что измѣнилось. Во-первыхъ, вмѣсто свѣчей у насъ появилась лампа, которую привѣсили къ потолку, посреди мастерской, и въ томъ году «засидки» были у насъ особенно веселы. Засидками назывался первый вечеръ, когда начинали работать при огнѣ, обыкновенно 14 сентября.

Чудную новинку, лампу, мы разукрасили цвѣтными лентами, бантиками, и когда зажгли ее, восторгу всѣхъ не было границъ; всѣ были довольны и счастливы, что разстались съ копотью тусклыхъ саленныхъ свѣчей, а отецъ по этому поводу поставилъ магарычъ, т. е. вмѣсто одного подогрѣтаго мясного супа, мы имѣли еще на ужинъ водку и колбасу. Второе событіе, также немало порадовавшее обывателей нашей улицы, заключалось въ томъ, что ее начали мостить. Появились каменщики, взрывали и ровняли землю, заступали топорами и заступами, и стали прилаживать камешекъ къ камешку, и на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояли непролазные лужи, образовалась прекрасная мостовая. Кромѣ того, противъ насъ сло-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. LXXXIII, стр. 509.
«Истор. вѣстн.», мартъ, 1901 г., т. LXXXIII.

мали два ветхихъ дома и на мѣсто ихъ стали возводить большія двухъэтажныя каменныя зданія; все это заставляло насъ, ребятишекъ, чрезвычайно волноваться, чему-то радоваться и бѣгать по постройкамъ, чтобы набрать побольше дарового топлива.

Когда я научилась довольно бѣгло читать, то въ зимніе вечера, когда не было никакого захожаго странника, сокращавшаго своими разсказами рабочій вечеръ, читала вслухъ свои книжки; перечитала я «Родное Слово», «Дѣтскій міръ» и принялась было за задачникъ, когда матушка открыла свой завѣтный сундукъ и достала оттуда нѣсколько книжекъ, житій святыхъ, и я ихъ всѣ перечитала вслухъ. Потомъ я гдѣ-то въ шкафу нашла старую, престарую книжку съ пожелтѣвшими страницами, это была «Переписка Маріи Меншиковой съ Густавомъ Салтгой»; написана она была въ сентиментальномъ духѣ и доставила мнѣ и матушкѣ немало слезъ; въ ней описывалась ссылка Меншикова и жизнь его семьи въ Сибири, при чемъ подчеркивалась преданность дочери, отказавшейся отъ блеска свѣтской жизни изъ любви къ престарѣлому отцу. Я потомъ нигдѣ никогда не встрѣчала такой книжки, не знаю, кѣмъ она писана, какимъ образомъ попала къ намъ; я ее перечитала разъ десять, каждый разъ обливаясь слезами жалости къ несчастной судьбѣ разжалованнаго царедворца, который выставлялся въ ней, какъ прекрасный семьянинъ и добродѣтельный человѣкъ, погибшій вслѣдствіе интриги князя Долгорукаго.

— Вотъ и богатство и славу имѣли, а что изъ этого вышло!— говорила матушка со вздохомъ: — и отчего это люди не живутъ тихо между собою, всѣ такъ и норовятъ ножку другъ другу подставить?

— Все жадность ихъ до этого доводитъ, все имъ мало! — глубокомысленно замѣчалъ отецъ.

Стали у насъ появляться и другія книжки, которыя покупалъ то Яшка, то отецъ, а то я выпрошу у матушки пягачекъ на книжку; изъ нихъ я хорошо помню «Битву русскихъ съ кабардинцами», «Милорда Англійскаго», «Анекдоты о Суворовѣ и Петрѣ Великомъ», сценки изъ еврейскаго и малороссійскаго быта, вызывавшія гомерическій хохотъ. Чтеніе всѣ любили, а такъ какъ на мою долю выпала роль чтеца, то я считала себя не послѣдней спицей въ колесницѣ.

Воскресная школа при семинаріи закрылась, и Яшка пересталъ учиться, къ великому моему торжеству.

— Ага,—говорила я,—теперь я больше тебя буду знать! Я буду еще долго учиться, а ты уже нѣтъ!

— Важность какая!—презрительно отвѣчалъ Яшка:—много ты научишься въ своей школѣ, да и толку никакого, потому что ты дѣвченка!

Да, Яшка имѣлъ передо мной неоспоримое преимущество, потому что кому же неизвѣстно, что мальчикомъ быть гораздо лучше, чѣмъ дѣвочкой — ему воли больше даютъ, онъ можетъ уходить, куда хочетъ.

Вотъ хоть бы взять Сашу, онъ куда моложе Вари, а ему меньше достается «за гульбу», чѣмъ ей. Власьевна хоть и добрая, а очень сердится, если Варя, вмѣсто того, чтобы домой съ работы прійти, гуляетъ съ Андреемъ, да и сосѣдки шутюкаются, головами покачиваютъ и говорятъ, что это до добра не доведетъ.

Я была увѣрена, что Андрюша, сынъ лавочкицы, съ которымъ Варя часто гуляла, — ея женихъ, и ужасно огорчалась, что Варѣ «достается». Андрюша былъ широкоплечій, здоровый парень и работалъ въ желѣзнодорожной мастерской. Прежде онъ, бывало, любилъ съ нами, дѣтвора, играть, а теперь заважничалъ, задумчивый сталъ и молчаливый. Онъ у насъ бывалъ по праздникамъ и велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ всѣ молодые люди; усядется въ уголку, да посматриваетъ на всѣхъ исподлобья: не поетъ, не танцуетъ, только пьетъ. Пьетъ, а все-таки не спивается и всегда такой серьезный; я даже стала его побаиваться, а Варя ничего, такъ и вертится передъ нимъ, хохочетъ задористо и танцовать тащить.

— Что вы въ самомъ дѣлѣ, точно ежикъ, прячетесь все? — говоритъ она лукаво. — Я васъ бояться буду!

— А что жъ мнѣ дѣлать! — угрюмо говорилъ Андрей: — перестаньте вертѣться, какъ коза, да посидите со мной, Варя. Отчего вы такая легкомысленная? Вы знаете, что я ради васъ пришелъ сюда, а что до остальныхъ, то, право же, эти глупости мнѣ надоѣли.

— Господи, какой же вы! — вспыхнула Варя: — развѣ нельзя повеселиться? У васъ все только глупости! Ну, и пусть я глупая, ну, я хочу быть такой! — капризно произнесла она, надувъ губки.

— Полно, полно! Вотъ вы уже и разсердились, а я совсѣмъ не хотѣлъ васъ обидѣть. Я хотѣлъ вамъ что-то интересное рассказать, а вы все летеете. — Андрюша улыбнулся и загадочно посмотрѣлъ на Варю.

— Что? что? — встрепенулась она.

— Мы хотимъ устроить слесарную мастерскую, такъ что хозяина у насъ не будетъ, а мы всѣ сами хозяева.

— Будто это можно? какъ же такъ безъ хозяина? — усомнилась Варя, недоувѣрчиво качая головой: — кто же будетъ вести дѣло, кто деньги дастъ?

— Мы — всѣ! — снисходительно улыбнулся Андрей: — всѣ будемъ хозяева и барышъ будемъ дѣлить между собой. Отчего вы сомнѣваетесь, Варя?.. Развѣ вы не можете понять, что такъ будетъ справедливѣе? Сами сообразите: вотъ вы получаете теперь пятнадцать

рублей въ мѣсяцъ, а работы, можетъ, сдѣлали на тридцать—ну, а гдѣ онѣ, эти остальные деньги?.. Хозяйка ваша себѣ забрала, а это несправедливо; а вотъ если бы вы, швеи, устроили артельную мастерскую,—все больше и больше увлекался Андрей,—то эти пятнадцать рублей у васъ бы въ карманѣ остались...

Еще что-то много говорилъ Андрей, и лицо его становилось живѣе, и глаза блистали, а съ лица Вари сходило оживленіе: оно вытянулось, потускнѣло, и я видѣла, какъ она стала зѣвать, прикрывая ротъ рукой, и съ завистью бросала взгляды на кружокъ распѣвавшей молодежи...

— Варя, да вы меня не слушаете? —спохватился Андрей, и лицо его передернулось, а глаза заволоклись грустью... Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него и расхохоталась.

— Какой вы смѣшной, когда сердитесь!.. Въ другой разъ поговоримъ, а теперь, ну, право же, мнѣ хочется веселиться... пойдете пѣть!.. Да ну же, ну!..

Варя взяла его за руку и торжественно потащила за собой...

XI.

Съ Яшкой мы теперь меньше ссорились; онъ вышелъ въ подмастерья и сталъ держать себя солиднѣе; на свое первое жалованье онъ заказалъ у Якова Степаныча костюмъ и по воскресеньямъ носилъ крахмальные рубашки. Онъ очень сдружился съ Сашей; они сообща устроили бібліотеку, давали читать сосѣдямъ книги по двѣ копейки въ недѣлю; между всевозможными растрепанными романами, которые они собственноручно умудрялись переплетать, у нихъ оказалась поэма Лермонтова «Демонъ»; она всѣхъ приводила въ восторгъ; отдѣльныя части заучивались наизусть, переписывались въ тетрадки, такъ какъ каждому хотѣлось имѣть у себя драгоценную вещь... Я до такой степени увлекалась стихами, что любила запирается одной въ кухнѣ и декламировать вслухъ, сопровождая чтеніе соответственными жестами и интонаціями голоса. Но, Боже упаси, если ктонибудь заставалъ меня за такими упражненіями,—переконфужусь до того, что не знаю, куда дѣться; а Яшка при этомъ начиналъ подымать меня на смѣхъ и называть актрисой, такимъ образомъ разоблачая мою тайну передъ всѣми. Чтобы скрыть свою неловкость и смущеніе, я становилась грубой и злой со всякимъ, кто напоминалъ мнѣ о моей слабости. Однажды, во время такихъ моихъ сеансовъ, матушка неожиданно вошла въ кухню; лицо у нея было блѣдно и озабоченно.

— Даша, бабушка заболѣла, я иду къ ней, а ты тутъ похозяйничай—ужинъ подогрѣй и все такое! Власьева присмотри... Матушка поцѣлова меня и ушла. Мнѣ стало грустно: бабушка забо-

лѣла, значить, можетъ умереть: она, вѣдь, очень старая! Я не была привязана къ бабушкѣ, я ее больше боялась, чѣмъ любила, но смерть казалась мнѣ такимъ страшилищемъ, что я искренно жалѣла бабушку.

Послѣ ужина отецъ пошелъ навѣдаться о здоровьѣ бабушки и вернувшись сказалъ, что ей плохо, и что мать останется тамъ ночевать. А на другой день вмѣсто школы меня отправили къ бабушкѣ... Мнѣ стало жутко, когда я увидала ее: такъ сильно она измѣнилась и странно поводила тусклыми, почти стеклянными глазами, а руки ея шевелились, точно искали, что вокругъ себя: «Должно быть, ключи отъ буфета»,—подумала я, зная, что бабушка никогда не разставалась съ ними... Комната, гдѣ лежала бабушка, была чисто прибрана; неподалеку отъ постели стоялъ столъ, накрытый бѣлой скатертью, на немъ осьмиугольный крестъ, восковыя свѣчи. Матушка велѣла мнѣ поцѣловать руку бабушки и послала за отцомъ, чтобы онъ скорѣе шелъ, такъ какъ бабушку будутъ соборовать.

Къ вечеру она умерла; послѣ похоронъ бабушки дядя запилъ; онъ пилъ ужасно много, безъ просыпа, а отецъ и мать сокрушались, не зная, какъ быть.

Дядя былъ человекъ стараго закала, крѣпкій, какъ говорили о немъ. Промышленный, торгашескій духъ, духъ быстрой наживы, спекуляціи и всевозможныхъ аферъ, которымъ былъ проникнутъ нашъ городъ съ самаго основанія его, плохо гармонировалъ съ тяжелымъ, застывшимъ въ традиціяхъ умомъ дяди Семена. Это былъ старозавѣтный типъ мастера ремесленника, отрицавшаго товарный духъ ремесла. Дѣлать мебель не по заказу, а на продажу, устроить на бойкомъ мѣстѣ складъ своего товара, рекламами заманить покупателя, было не по его характеру, а между тѣмъ время требовало предприимчивости, энергіи, риска, которыхъ не хватало дядѣ Семену. Можетъ быть, отчасти «отрѣшенности» дяди способствовала его одинокая жизнь, лишенная радостей семейнаго очага. Въ самомъ дѣлѣ изъ-за чего бороться, къ чему ломать себя въ угоду духа времени? Вѣдь все равно онъ умретъ, все пойдетъ прахомъ, и фирма Семена Семякина погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Когда-то это была солидная, уважаемая въ городѣ фирма, и заказчики у него были «настоящіе господа». Впослѣдствіи же, когда количество мебельныхъ мастерскихъ возросло въ городѣ, и въ особенности, когда молодые наслѣдники, вѣрные духу времени, оказались прогрессивнѣе стариковъ и стали устраивать эффектные склады модной мебели, мастерская дяди захудала.

— Вы бы, Семенъ Ивановичъ, магазинъ устроили да объявленіе въ газету дали—можетъ, и новыхъ заказчиковъ приобрѣли бы,—не разъ говорила матушка, слушая сѣтованія дяди на новыя времена.

— Жидъ я что ли какой! —угрюмо отвѣчалъ дядя Семенъ:—что-

бы къ новымъ выдумкамъ прибѣгать! Слава Богу, прожилъ до сихъ поръ честнымъ путемъ, авось, и впредь проживу, Богъ не оставитъ!

Но жить оказывалось все труднѣе да труднѣе; квартиры повышались въ цѣнѣ, блаженныя времена порто-франко давно канули въ вѣчность, и дядя едва сводилъ концы съ концами; разстаться съ бойкой улицей, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ, гдѣ его знали все и онъ всехъ, разстаться со старой излюбленной квартирой, дядѣ было тяжело, и онъ, какъ говорится, тянулся изъ всехъ силъ, входилъ въ долги; но новый духъ оказался сильнѣе; старый домъ, гдѣ жилъ дядя, принадлежавшій купцу стараго типа, былъ проданъ еврею, который сталъ перестраивать его на новый ладъ, и дядя долженъ былъ уступить, т. е. выбратся изъ центра города въ предмѣстье, гдѣ квартиры были дешевле. Такая радикальная перемѣна всехъ его привычекъ вызвала въ душѣ дяди глубокую тоску, и онъ все чаще и чаще сталъ прибѣгать къ единственному утѣшенію отрѣшенныхъ людей—къ вину; насколько можно было, бабушка удерживала дядю отъ пагубной страсти, но вотъ и она умерла, и дядя Семень покотился по наклонной плоскости къ полному разоренію; мастерская стояла въ бездѣйствіи, долгъ за квартиру нарасталъ, и домохозяинъ грозилъ описью. Дядя ругалъ всехъ на свѣтѣ и, запершись въ своей комнатѣ, тянулъ горькую и бредилъ; кончилось тѣмъ, что онъ заболѣлъ; матушка стала каждый день ходить къ нему, носить обѣдъ, убирать квартиру, а если почему либѣ не могла, посылала меня. Стояла пасмурная холодная осень; въ комнатѣ дяди было уныло и мрачно; каждый разъ, когда я переступала порогъ его пустынной квартиры, меня охватывалъ безотчетный страхъ, и мои собственные шаги, раздававшіеся въ холодной залѣ, заставляли меня вздрагивать...

— Это ты, Даша! Спасибо, что пришла... дай-ка испить воды!

Я подавала дядѣ воду и съ ужасомъ смотрѣла на его блѣдное, пухлое лицо, большой животъ; говорили, что у него водянка; если бы спустить воду изъ живота да не дать ему больше водки, можетъ быть, онъ и поправится,—говорила матушка. Но какъ удержать его? Чья любящая заботливая рука будетъ охранять его отъ неминуемой гибели? Никого подлѣ него не было, кромѣ стараго Егорюшки, который съ удовольствіемъ носилъ ему водку, раздѣляя компанію. Думали, думали, хотѣли взять дядю къ намъ, да помѣстить негдѣ, тѣсно, и наконецъ рѣшили отправить въ больницу; тамъ, спустя мѣсяць, дядя умеръ, а все его достояніе было продано за долги. Мнѣ очень было жаль дядю, и я горько плакала, провожая его на кладбище; плакала и мать.

— Тяжелая была жизнь у горемычнаго!—со вздохомъ говорила она:—никакой радости, ни свѣту не зналъ онъ. Подумать страшно: какъ жилъ прежде, а умирать пришлось въ больницѣ!

И вотъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ печальная тѣнь моего дяди встаетъ передо мною, и я спрашиваю: что должна была испытывать одинокая сумрачная душа дяди въ тѣ долгіе осенніе вечера, когда онъ одинъ лежалъ въ своей комнатѣ, а вѣтеръ уныло гудѣлъ за окномъ, рвалъ ставни и навѣвалъ мучительныя грезы? Какое страданіе заливалъ этотъ угрюмый, обездоленный человѣкъ, какія картины рисовались его больному воображенію? Одну изъ нихъ, слышанную мною изъ устъ самого дяди, я приведу теперь и тѣмъ закончу свое воспоминаніе о немъ.

Это было еще при жизни бабушки, вскорѣ послѣ того, какъ онъ перебрался на новую квартиру и запилъ; насталъ великій постъ, а дядя все продолжалъ пить и только на страстной опомнился, бросилъ водку, пошелъ въ баню, выпарился и сталъ говѣть.

— Иду это я въ страстной четвергъ въ церковь,—глухимъ, монотоннымъ голосомъ рассказывалъ дядя Семень,—а маменька дала мнѣ крашенку, которую я спряталъ въ карманъ; иду это и вижу, что какой-то махонькій мальчишка бѣжитъ передо мной; самъ онъ такой юркій, чудной, шапочка у него красная, а глазенки черныя, точно угли, блестятъ. Бѣжитъ это онъ, подскакиваетъ, въ ногахъ моихъ путается, языкъ высовываетъ, рожи такія скверныя дѣлаетъ, пальцемъ на меня показываетъ да кричитъ: «вотъ идетъ Семень, что весь постъ пилъ, а теперь въ церковь слѣшитъ грѣхъ великій замаливать!» А люди, что мимо шли, останавливаются, хохочутъ, пальцами на меня показываютъ! Жутко мнѣ стало, страшно таково, руки, ноги дрожать,—вижу навожденіе. Сталъ я молитву читать, имя Господне призывать, а бѣсъ-то не отстаеетъ, за полы дергаетъ. Вхожу въ церковь съ сокрушеніемъ, а онъ за мной, анаеема, да тутъ и провалился въ притворѣ... Иду, крестомъ себя осѣняю, а народъ—весь народъ, что въ церкви былъ, обступаетъ меня со всѣхъ сторонъ, тѣснить и кричить: «вотъ пришелъ Семень, грѣхъ свой великій замаливать»... Тутъ я вспомнилъ, что яйцо у меня въ карманѣ, испугался, что раздавится и платье испачкаетъ. Хватился за карманъ... Господи, что это, гляжу?.. Ничего-то страшнаго нѣтъ, народъ молится, никто на меня не смотритъ, сталъ и я молиться. Охъ, погубить меня сатана, чувствую, что погубить! — со вздохомъ заключилъ дядя свой мрачный рассказъ, отъ котораго мурашки забѣгали у меня по тѣлу.

ХІІ.

На третій годъ моего пребыванія въ школѣ я усвоила всю премудрость ея, то-есть бѣгло читала, писала, конечно, съ ореографическими ошибками, и очень бойко, механически складывала,

вычитала, множила и дѣлила самыя длинныя числа. Матушка съ грустью поговаривала о томъ, что скоро придется взять меня изъ школы и отдать учиться къ портнихѣ швейному ремеслу. Въ нашемъ бытѣ считалось необходимымъ давать дочерямъ самостоятельное занятіе, чтобы онѣ честно зарабатывали свой хлѣбъ и не торопились съ замужествомъ за перваго встрѣчнаго. Идея женскаго самостоятельнаго труда раздѣлялась, конечно, не всеми; были и такія семьи, гдѣ дочерей держали взаперти, приучая только къ хозяйству, а потомъ выдавали замужъ по сватовству, не соображаясь съ склонностью дочери; иной разъ приходилось пускать въ ходъ плетку, чтобы заставить упрямую дочь принять предложеніе выгоднаго жениха. Мои родители, также какъ и Яковъ Степановичъ съ Власьевной, далеко опередили въ этомъ отношеніи свою среду и терпѣть не могли такъ называемыхъ свахъ. Когда Варѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, свахи не замедлили явиться къ Власьевнѣ, но она рѣшительно заявила, что отдастъ свою дочь замужъ только за того, кто ей понравится, и попросила больше не являться съ подобными предложеніями.

Итакъ мнѣ предназначалась судьба быть портнихой, но случилось событіе, перевернувшее старозавѣтный духъ нашей школы. Дѣло въ томъ, что нашъ педагогъ получилъ болѣе выгодное мѣсто и распростился съ нами, а на мѣсто его поступилъ новый. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, брюнетъ, съ добрымъ подвижнымъ лицомъ. Прежде всего, онъ угостилъ весь классъ пряниками, расспрашивалъ насъ о нашихъ семьяхъ, о занятіяхъ, перекламеновалъ и узналъ, кто сколько времени учился. Потомъ онъ разбилъ всѣхъ по группамъ, ввелъ звуковую методу и начатки грамматики. Большихъ верзилъ, не желающихъ серьезно заниматься, онъ удалилъ, посовѣтовавъ имъ научиться какому нибудь ремеслу, чтобы не сидѣть на шеѣ у своихъ родителей. Съ нами онъ обращался просто, по-товарищески; по воскресеньямъ водилъ гулять за городъ: въ каменоломни, на гавань, въ сады, знакомилъ съ мѣстной флорой, приносилъ въ классъ чучела птицъ, насекомыхъ. Духъ школы измѣнился; тѣлесныя наказанія отошли въ область преданій, а мѣсто ихъ заняли рассказы изъ географіи, исторіи, открывавшіе передъ нами обширную перспективу міра и зажигавшіе въ душѣ любовь къ знанію. Мы полюбили учителя, чуя въ немъ близкаго, родного намъ человѣка.

Я съ грустью думала о томъ, что наступаетъ конецъ моимъ школьнымъ занятіямъ, и невольно на глазахъ у меня показались слезы, когда я прощалась съ учителемъ, распускавшимъ насъ на каникулы.

— О чемъ ты плачешь, Даша? — спросилъ онъ, ласково положивъ руку на мое плечо, но вмѣсто отвѣта я еще сильнѣе разрыдалась. Онъ удержалъ меня подлѣ себя, и когда все ученики вы-

шли изъ класса, снова спросилъ о причинѣ моихъ слезъ. Я сказала, что меня хотять взять изъ школы и отдать въ швей.

— А ты хочешь еще учиться? Хорошее дѣло! Не плачь же, мы все уладимъ. Ну, утри же свои глазки и пойдемъ.

Онъ взялъ меня за руку, и мы отправились; сознание, что я иду рядомъ съ учителемъ, вливало гордость въ мою душу; онъ разспрашивалъ меня о моей семьѣ, о дѣлахъ отца; на перекресткѣ двухъ улицъ, гдѣ мы расходились въ разныя стороны, онъ снова успокоилъ меня и увѣрилъ, что будетъ скоро у насъ. Дѣйствительно, спустя недѣлю, онъ исполнилъ свое обѣщаніе; онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы уговорить моего отца согласиться продолжать мое образованіе, обѣщая помѣстить меня на казенный счетъ въ гимназію, снабжать учебниками.

— Такую способную дѣвочку жаль оставить такъ, тѣмъ болѣе, что вамъ это не будетъ много стоить, а въ будущемъ она будетъ вашей опорой! Правда, Даша, ты любишь папу и маму и, когда вырастешь, будешь помогать имъ?..

— Буду! буду!—горячо вскрикнула я, цѣлуя матушкину руку.

Родители были польщены и такъ очарованы учителемъ, что вопросъ о моей будущности былъ рѣшенъ въ благопріятномъ для меня смыслѣ.

— Только смотри, Даша,—строго сказалъ отецъ:—передъ бѣднымъ, темнымъ человѣкомъ не чинись, Бога помни и родителей почитай! Будешь образованная, нашей темноты не гнушайся!

Матушка вытерла передникомъ выступившія на глазахъ слезы и дрожащимъ голосомъ поблагодарила учителя, а я бросилась цѣловать и обнимать всѣхъ.

О дорогой наставникъ! Свѣтлою тѣнью поднимается твой образъ изъ дали прошлаго, и струны души моей дрожатъ отъ благоговѣйнаго трепета.

Сколько лицъ прошло передо мной за это время, сколько новыхъ привязанностей имѣла я, но никогда ничто не могло затереть твой свѣтлый ликъ и тѣ чудныя мгновенія, которыя я пережила въ бесѣдахъ съ тобой!

Какъ теперь, вижу я его маленькую комнатку: кровать, два стула, письменный столъ, заваленный тетрадами и книгами—вотъ и все убранство ея; сквозь зелень цвѣтовъ, стоявшихъ на окнѣ, пробирался яркій солнечный лучъ, игралъ на полу и касался платья юной дѣвушки, передававшей своему другу всѣ свои тревоги и сомнѣнія и со страстью ставившей мучительный вопросъ: такъ что же дѣлать?

— Любить человѣка и нести въ тьму невѣжества свѣтъ знанія!—отвѣчалъ глубокой, кроткой голосъ учителя.

— Твой путь ясенъ, какъ этотъ день: поднявшись духовно надъ темной массой тружениковъ, возвратись къ нимъ, отдай имъ

свое сердце, свой умъ. Не гонись за призракомъ, не увлекайся обманчивымъ миражемъ и никого не заставляй страдать! Помни, что благо родины въ широкомъ распространеніи образованія. Свободный отъ предразсудковъ, образованный народъ, повѣрь, дитя, лучше насъ устроить свою судьбу и повернетъ на настоящую дорогу свою жизнь. Дайте же ему то, чего онъ просить, на что онъ имѣетъ такое же право, какъ всѣ—дайте ему знанія! Учись сама! Не тебѣ братья за большія обще-человѣческія задачи—что ты знаешь, что ты можешь? Думай, присматривайся къ жизни, люби людей, люби твоихъ родителей; помни, что имъ тоже пришлось кое-чѣмъ пожертвовать, чтобы образовывать тебя; не отравляй же ихъ старость и не стремись сама къ гибели!

Это были послѣднія слова, послѣдняя поддержка, которую оказалъ мнѣ мой наставникъ въ смутную годину моей жизни. Цѣлебнымъ бальзамомъ проникали они въ смятенную душу молодой дѣвушки, и благодарныя слезы лились изъ ея глазъ. А онъ исхудалый, блѣдный, взволнованный моею горячею рѣчью, взялъ мои руки и тихо прибавилъ: и меня не позабуди!

Чухотка съѣла свою жертву, но свѣтлый образъ «друга народа», какъ онъ самъ называлъ себя, живетъ и доселѣ, я думаю, не въ одной моей душѣ и изъ дали прошлаго указываетъ путь къ свѣту, труду и чистой безкорыстной любви...

XIII.

Юные годы застали меня уже при другой обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ, вызванныхъ требованіями жизни. Во-первыхъ, наша улица значительно измѣнила свою фізіономію: прекрасная мостовая, газовое освѣщеніе, водопроводъ, большіе каменные дома вперемежку со старыми ясно свидѣтельствовали, что старый патриархальный бытъ вытѣсняется все развивающимся промышленнымъ духомъ города. Ремесленное населеніе улицы вытѣснялось чиновниками, офицерами, конторскими писцами и прочимъ штатомъ промышленныхъ учрежденій. Орава ребятишекъ, оглашавшихъ прежде улицу, мало-по-малу исчезла, большія старыя акаціи, осѣнявшія дома, уступили свое мѣсто молодымъ деревцамъ, которыя, словно солдаты, вытянулись въ струнку по обѣимъ сторонамъ улицы. Цѣны на квартиры возросли противъ первоначальныхъ почти вдвое; заказчикъ тоже измѣнился; онъ не любилъ теперь забираться въ глубь дворовъ, а требовалъ, чтобы мастеръ былъ на виду—пришлось переѣхать квартиру. Проживъ чуть ли не пятнадцать лѣтъ на одной улицѣ, въ одномъ и томъ же домѣ, родители съ сожалѣніемъ разставались со старымъ гнѣздомъ, каждый уголокъ котораго много говорилъ душѣ.

Матушкѣ въ особенности было трудно примириться съ мыслью, что въ новыхъ тѣсныхъ дворахъ ей нельзя держать домашнюю живность—куръ, утокъ, гусей, а въ квартирахъ исчезли большія русскія печи, гдѣ она пекла такой чудесный домашній хлѣбъ и роскошные пироги, льстившіе ея хозяйской гордости.

Но жизнь не справлялась съ обычаями и привычками людей и требовала приспособленія къ новымъ формамъ, грозя нищетой пролетаріата.

Квартиру съ дверью на улицу отецъ нашелъ въ большомъ новомъ домѣ, находившемся противъ соборной площади, которая тоже измѣнила свой видъ. Густая рощица акацій, окружавшихъ соборъ, была уничтожена и замѣнена цвѣтниками, а вокругъ, по окраинѣ, проведена аллея, осѣненная деревьями и усыпанная морскимъ пескомъ.

Мѣсто, куда мы переехали, было людное, бойкое; заново перекрашенная вывѣска, прибитая надъ дверью «лавки», гостепріимно приглашала заказчика, которому не надо было тратить дорогого времени, чтобы выискивать по дворамъ, гдѣ живетъ сапожный мастеръ Антонъ Семякинъ; ему стоило только спуститься по асфальтовой лѣстницѣ внизъ, въ подвальный этажъ, открыть дверь и сразу очутиться въ мастерской, гдѣ его охватывалъ запахъ кожи. Новая квартира далеко уступала прежней по количеству свѣта и воздуха; кромѣ мастерской, выходящей небольшимъ квадратнымъ окномъ на улицу, у насъ была сзади небольшая комната и кухня, окна которыхъ выходили въ полутемный коридоръ; въ этой половинѣ господствовали почти постоянныя сумерки, и лучъ солнца не рѣшался проникать сюда. Сообразно измѣнившимся условіямъ, подмастерья теперь не жили у хозяина, и работали поденно на своихъ харчахъ; только одинъ Яшка продолжалъ оставаться на прежнемъ положеніи въ качествѣ пріемнаго сына и наследника. Въ то время, какъ мой отецъ приноравливался къ духу времени, измѣняя сообразно свой бытъ, Яковъ Степанычъ покорно отступалъ.

Видя, что ему не совладать съ новыми требованіями жизни, онъ переехалъ въ предмѣстье города, Молдаванку, гдѣ народъ былъ проще, квартиры дешевле, и отношенія еще носили отпечатокъ былой патріархальности.

— Ну, что, Яковъ Степанычъ, какъ у васъ идутъ дѣла?—спрашивалъ отецъ сильно посѣдѣвшаго пріятели, который по субботамъ заезжалъ къ намъ, когда шелъ въ соборъ на всенощную; старикъ не могъ измѣнить своей привычкѣ къ собору и, несмотря на грязь и слякоть, брелъ въ любимую церковь.

— Слава Богу! Господь не оставляетъ трудящихся, живемъ по-маленьку!—неизмѣнно отвѣчалъ онъ, сохраняя все ту же ясность и спокойствіе духа.

Саша продолжалъ работать у отца, а Федоръ былъ взятъ въ

солдаты, къ великому огорченію Власьевны, боявшейся, чтобы солдатская служба не развратила ея первенца.

— Онъ вѣдь у меня былъ, что красная дѣвица,—со вздохомъ говорила она, вытирая слезы:—что пить, али гулять, какъ другіе—ни, ни! А солдаты, извѣстно, народъ разный, какъ бы не совратился съ пути.

— И, Власьевна! Какой чловѣкъ хочетъ себя соблюсти, то вездѣ соблюдетъ! Федоръ парень грамотный, толковый, можетъ, вѣ писаря возьмутъ. И въ солдатахъ люди есть, не то что!... Конечно, жалко парня—въ казармахъ не то, что дома, да не онъ первый. И то сказать, кому и послужить, какъ не молодымъ!

— Яковъ Степанычъ тоже такъ говорить... Коли бы, говорить, слушать вашего бабьяго разуму, то и служить было бы некому... Оно такъ, точно, а все сердце материнское—не камень!.. Разныя мысли въ голову лѣзутъ...

— Что и говорить!—со вздохомъ отвѣчала матушка:—слава Богу за то, что теперь съ новаго закона недолго служить... Все же пять лѣтъ не то, что двадцать... Тоже, поди, нелегко сердечнымъ было, почитай, всю жизнь солдатскую лямку тянуть.

— Оно, конечно, полегчало при нонѣшнемъ царѣ, спору нѣтъ. А все-таки страшно—война, упаси Боже! Вотъ, слышно, тамъ турки народъ рѣжутъ, какъ бы чего не было!—съ опаской замѣтила Власьевна.

XIV.

Болгарскіе ужасы и наступившая затѣмъ русско-турецкая война поглотили вниманіе всѣхъ. Теперь и у насъ покупались каждый день газеты, и я во время утренняго чая прочитывала ихъ вслухъ, чутко прислушиваясь и присматриваясь къ тому, что говорилось и дѣлалось вокругъ меня. Любовь къ родинѣ, сказывавшаяся въ простыхъ людяхъ радостью по поводу нашихъ побѣдъ на Балканскомъ полуостровѣ, печалью въ случаѣ пораженія, била вокругъ живымъ ключемъ... Герои войны: Черняевъ, Гурко, Скобелевъ, вызывали неподдѣльный энтузіазмъ; въ особенности бѣлый генералъ плѣнялъ всѣхъ своею неустрашимостью.

Федора услали на войну; Власьевна горько плакала, не чая видѣть въ живыхъ своего первенца, и служила молебны о здравіи сына и русскаго воинства. Яковъ Степанычъ, подавляя естественную тревогу, открыто гордился, что и его сынъ пошелъ на защиту царя и отечества.

Старшая дочь Власьевны, Варя, увлеченная подъемомъ патріотическихъ чувствъ, выразила желаніе вмѣстѣ съ Катенькой пойти въ сестры милосердія; хорошенькія личики дѣвушекъ горѣли, глаза

блистали энтузіазмомъ, когда онѣ бывало послѣ лекцій забѣгутъ къ намъ и рассказываютъ, что имъ читали.

Сформировывался отрядъ «братьевъ милосердія», куда записался Яшка, теперь превратившійся въ Якова Иваныча.

Молодежь, добровольно идущую на подвигъ любви и милосердія, окружали вниманіемъ, почетомъ; Яковъ выше поднималъ свою голову, едва удостоивая меня взглядомъ; прослушавъ соотвѣтственный курсъ, онъ облачился въ форменное платье съ блестящими пуговицами, въ высокіе ботфорты и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда вновь сформировавшійся отрядъ отправятъ въ дѣйствующую армію.

Общій подъемъ духа сказался на мнѣ: я завидовала совершеннолѣтнимъ дѣвушкамъ и очень печалилась, что не могу отдать себя на служеніе людямъ; даже подумывала бѣжать за границу, на поле битвы, откуда, думалось мнѣ, меня не отправятъ обратно, а позволятъ ухаживать за ранеными, которыхъ все больше и больше прибывало въ нашъ городъ; собирались пожертвованія, устраивались временные госпитали; мужчины и женщины нашего круга вмѣняли себѣ въ обязанность посѣщать по праздникамъ раненыхъ, надѣлая ихъ, кто чѣмъ могъ. Я помню то ужасное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня видъ госпиталя, куда я въ первый разъ пришла съ матушкой и Власьевной; безрукіе, безногіе, съ искалѣченными лицами, они долго преслѣдовали меня и поубавили мой военный пылъ. Переходя отъ койки къ койкѣ, Власьева спрашивала солдатъ о своемъ сынѣ, и скорбныя слезы несчастной матери увеличивали и безъ того тягостное впечатлѣніе; плакала также и моя мать, плакали и другія женщины, рассказывая между ранеными и надѣлая солдатъ, кто пирогами, кто деньгами и пр. «Зачѣмъ война, зачѣмъ люди калѣчатъ другъ друга?»—въ глубокой тоскѣ спрашивала я, видя потрясающую картину народнаго горя, и въ первый разъ тогда я возненавидѣла войну...

Дома тоже не все было благополучно; какъ извѣстно, нашъ городъ живетъ насчетъ отпускной торговли за границу, и разъ вывозъ хлѣба уменьшается, или, какъ говорится, «наступаетъ застой въ дѣлахъ», то и работы у ремесленниковъ уменьшаются, и приходится поневолѣ задолживаться; положимъ, домохозяинъ по настоянію отца спустилъ цѣну за квартиру, но платить и эти деньги отецъ не былъ въ силахъ, и долгъ на квартиру нарасталъ. Сдѣлать даже самый незначительный долгъ трудовому человѣку, и такъ едва успѣвающему свести концы съ концами, это значить запутаться такъ, что потомъ и не выберешься, и мы съ матушкой тревожно поглядывали другъ на друга. Я стала искать уроковъ, чтобы не быть въ тягость своей семьѣ. Мнѣ минуло тогда пятнадцать лѣтъ; я была уже въ пятомъ классѣ гимназіи и считала себя уже взрослою, обязанной заботиться о своей семьѣ и помогать своимъ родителямъ...

XV.

Въ это время поднималась новая волна, новое движеніе, отвлекшее вниманіе всѣхъ отъ войны; волна эта поднималась давно, но она еще не успѣла достигнуть до насъ—то было политическое движеніе нашей молодежи. Въ первый разъ мы обратили на это вниманіе, когда прочли въ газетѣ сенсационное извѣстіе о беспорядкахъ на Казанской площади въ Петербургѣ. Я помню хорошо этотъ моментъ: читая описаніе демонстраціи, я чувствовала, какъ усиленнѣе забилось мое сердце, дыханіе захватило, такъ что я съ трудомъ дочитала до конца; опустивъ газету на колѣни, я обвела вопросительнымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ; тревожное недоумѣніе пронизало доброе лицо матери, а глаза отца блеснули негодующимъ огонькомъ; молодой подмастерье Никита, оставивъ работу, смотрѣлъ на меня, разиня ротъ, а старый Егорушка, который послѣ смерти дяди былъ помѣщенъ въ богадѣльню и приходилъ къ намъ на весь день, покачивалъ своей сѣдой головой...

— Господи, что это дѣлается на свѣтѣ!—сокрушенно воскликнула матушка, ставя на столъ блюдечко съ чаемъ:—чего они хотять, зачѣмъ они смущаютъ народъ!..

— Все это штуки барскія,—злбно произнесъ отецъ, заерзавъ на мѣстѣ:—помѣщики забунтовали, недовольны, значитъ, что крестьянъ отъ нихъ отняли... На висѣлицу бы всѣхъ, подлецовъ! Отечество въ опасности, войну ведетъ, сколько народу гибнетъ, а они на тебѣ—бунтъ устроили.

Отецъ съ негодованіемъ сплюнулъ въ сторону, матушка перекрестилась, а Никита снова принялся за работу...

— Послѣднія времена настали,—мрачно произнесъ Егорушка:—антихристъ народился! Ибо въ писаніи сказано: возстанетъ народъ на народъ и братъ на брата!.. Охъ, грѣхи, грѣхи наши тяжкіе!.. Вѣра старая рушится, Бога забыли, родителей не почитаютъ... Тяжкое время!.. Молиться надо, молиться!.. Спаси насъ, Господи, и помилуй отъ лукаваго!.. — надтреснутымъ голосомъ воскликнулъ старикъ, дрожащей старческой рукой осыняя себя крестомъ...

— И молодые все какіе!—снова замѣтила матушка:—небось, родители есть, то-то намучатся бѣдные!..

— Скорбь пришла, скорбь на всѣхъ,—затянулъ Егорычъ своимъ монотоннымъ голосомъ:—и настанетъ великая скорбь въ тотъ день, сказано въ писаніи... Вотъ она идетъ, идетъ окаянная,—повысиль онъ голосъ,—и нѣсть ей конца!.. И придетъ супротивникъ Христа и паразитъ многихъ... Берегитесь, берегитесь!..

Никита испуганно посмотрѣлъ на Егорушку, скорбленная фигура котораго на мгновеніе выпрямилась, глаза блеснули и снова потухли... Старикъ съѣжился, закрихтѣлъ и снова принялъ свой

обычный видъ богадѣленнаго старичка... Матушка вздыхала, убирая со стола посуду, а отецъ сумрачно молчалъ, сильнѣе налегая на работу.

Убѣжденія, что революціонное движеніе подняли помѣщики, недовольные реформой, придерживалось большинство; но вотъ вскорѣ стали носиться слухи объ арестахъ у насъ въ городѣ то рабочихъ, то студентовъ... Я видѣла, какъ вся въ слезахъ пришла мать Андрюши, Власьева, и о чемъ-то шепталась съ матушкой; отъ моего чуткаго уха не ускользнули слова: арестъ, жандармы, полиція... Неужели и Андрея арестовали? — думала я:—что жъ это будетъ?

Въ воскресенье пришла къ намъ изъ госпиталя Варя съ Власьевной, онѣ убитыя, опечаленныя.

— Я такъ и знала, что этимъ кончится!—безнадежно говорила Варя, сидя у меня въ комнатѣ, и слезы градомъ катились по тусклому лицу дѣвушки. Она любитъ его, пронеслось въ моей головѣ, въ то время какъ сердце сжималось отъ сладостнаго ожиданія, что Варя повѣритъ мнѣ свои сердечныя дѣла.

— Говорила я ему, не разъ говорила, что погубить онъ себя,— скорбно продолжала Варя:—не слушалъ, не вѣрилъ, а вотъ теперь и мучься!..

— Варя, вы поѣдете за нимъ?—спросила я, вспомнивъ некраковскихъ героинь...

— Онъ этого не хочетъ!.. Говоритъ, чтобы я подождала, боится, что намъ трудно тамъ будетъ... А здѣсь, небось, лучше? Господи, какая тоска!..

Варя тоскливо заламила свои руки, беспомощно смотря вдаль.

— И что за охота самому на себя ярмо надѣвать? Жилъ бы, какъ всѣ люди живутъ, было бы счастье... Развѣ любовь не все?..

Я ничего не отвѣтила; мнѣ было жаль Варю; инстинктомъ я понимала, что она глубоко должна страдать, но въ то же время своимъ непониманіемъ Андрея она возмущала меня.

— А все-таки на вашемъ мѣстѣ я бы поѣхала за нимъ.

— Нѣтъ, голубушка, надо погодить!.. Вотъ письмо напишешь, тогда...

— Варя, Даша, идите чай пить!—крикнула матушка изъ кухни и тѣмъ прервала нашъ разговоръ съ Варей.

Матушка и Власьева сидѣли за самоваромъ и бесѣдовали на ту же тему.

— Охъ, болитъ у меня сердце, крѣпко боюсь за Сашу!—жаловалась Власьева матушкѣ:—завязался онъ съ господами, не доведетъ это до добра! Будетъ такъ же, какъ съ Андреемъ... Что, Варя, видѣла ты Ивановну?..

— Видѣла,—угрюмо отвѣтила Варя, садясь въ уголокъ:—плачетъ, убивается...

— Какъ не плакать, одинъ, вѣдь, онъ у нея!.. Тоже, поди, сердце матери не камень... Вотъ какъ подумаю только о Сашѣ, что можетъ съ нимъ такое приключиться, такъ все во мнѣ и мретъ!..

— И, что вы, Власевна!—успокоивала ее матушка,—парнишка вашъ, слава Богу, хороший: не пьяница, не мотъ, и разумъ свой имѣеть. Чего ему путаться къ этимъ сицилистамъ, прости ихъ, Господи!..

— Такъ-то оно такъ, Антиповна, а все по-моему лучше, чтобы онъ по-нашему жилъ... Молодому молодое нужно. Ну, пусть бы онъ гулялъ, ну, какъ всѣ... А то книжки да книжки. Этакъ можетъ умъ за разумъ зайти. И чего они мутятъ, эти молодые, и ума не приложу!.. Время какое-то тяжкое настало, Господь его разберетъ!..

— Грѣхъ, знать, попуталъ, Власевна. Вотъ Егорушка говоритъ, что антихристъ народился... Оно и похоже на то!.. Ужъ коли дьяволъ начнетъ мутить людей, то добра отъ этого не будетъ... Что нынче за люди стали?.. Истинно антихристъ въ силу вошелъ!..

— Спаси насъ, Господи, и помилуй!—суевѣрно воскликнула Власевна, и въ глазахъ ея мелькнулъ тупой ужасъ.

— Ну, а мой-то говоритъ,—продолжала матушка:—что это однѣ бредни, что никакого антихриста, значить, нѣтъ, а что господа мутятъ... Господь его знаетъ, что и думать... Жили, слава Тебѣ, Господи, а такихъ дней еще не видали!..

Всѣ недоумѣвали, сбитые съ толку натискомъ новой силы, неожиданно, негаданно врывающейся въ ихъ семьи и уносившей дорогихъ сердцу дѣтей. Недоумѣвала и я, не находя отвѣтовъ на многіе вопросы, поднимаемые жизнью, и съ затаеннымъ любопытствомъ прислушивалась къ толкамъ ученицъ старшихъ классовъ, которыя собирались въ группы и о чемъ-то горячо разсуждали...

XVI.

Война окончилась. Федоръ вернулся раненый въ ногу; у него было прострѣлено колѣно, которое не вполне зажило въ госпиталѣ и доставляло ему по временамъ нестерпимыя страданія. Онъ сильно измѣнился—возмужалъ, похудѣлъ и сталъ очень религиозенъ. Вернулась и Катенька. Варя продолжала работать сестрой при мѣстной общинѣ, а Катенька вышла замужъ за офицера и совѣмъ перестала бывать у насъ. Возвратился и Яковъ, который былъ очень недоволенъ порядками въ госпиталяхъ и своею ролью, такъ какъ «братья милосердія» превратились въ простыхъ служителей, что, конечно, мало льстило его гордости. Онъ никогда не разсказывалъ про свое пребываніе въ госпиталѣ, отдѣляясь односложными отвѣтами, и ругалъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, начальство. Онъ

снова принялся за шило и дратву, но гораздо съ меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ прежде: сдѣлался серіозенъ и задумчивъ. Матушка стала чаще прихварывать, отецъ былъ угрюмъ, такъ какъ надежда на то, что послѣ войны дѣла поправятся, плохо оправдывалась, а цѣна на квартиру снова повысилась; мало того, что квартирная цѣна увеличилась, домохозяинъ грозилъ выселеніемъ, такъ какъ плохо надѣялся, что мы выплатимъ долгъ, дошедшій до ста рублей, что для рабочаго человѣка составляетъ цѣлый капиталъ. Такое положеніе семьи, конечно, тягостно отзывалось на мнѣ; бодрость духа поддерживалась гимназіей, гдѣ я забывала о нашемъ шаткомъ положеніи, да десятками неосуществимыхъ плановъ, которыми я ободряла падавшую духомъ матушку. Впрочемъ, молодость брала свое; если дѣйствительность была непривлекательна, то всегда можно уйти отъ нея въ міръ грезъ, а тоску юной души можно излить въ звонкой пѣснѣ; конечно, послѣднее я могла тогда только дѣлать, когда не было никого дома...

Я очень любила субботніе вечера... Матушка и отецъ уходили въ церковь, подмастерья и Яшка тоже куда нибудь, и я оставалась совершенно одна, и какъ я бывала счастлива отъ сознанія, что я одна!.. Я живо принималась за уборку квартиры, оглашая ее громкой пѣсней, наслаждаясь своимъ одиночествомъ и работой... Я любила физическій трудъ, когда всѣ мускулы тѣла приходятъ въ дѣйствіе, ощущая молодую здоровую силу: любила перетаскивать съ мѣста на мѣсто тяжелую мебель, мыть полы, полки, чтобы все вокругъ меня блестѣло и сіяло; наработавшись вдоволь, я съ удовольствіемъ осматривалась, видя, какъ все измѣнилось подъ моими руками и точно улыбалось мнѣ... И я улыбалась, взмахивала руками и громко кричала, завертѣвшись по комнатѣ... Вѣдь я одна, меня никто не видитъ, не видитъ, какія удивительные прыжки производитъ босая, въ короткой юбочкѣ дѣвушка, съ большой русой косой, раскраснѣвшимся лицомъ и бойкими блестящими глазами; никто не слышитъ, какія удивительныя импровизаціи произноситъ она, воображая себя артисткой, художницей, ораторомъ—и въ этомъ ея безконечное счастье и блаженство...

Въ одну изъ такихъ субботъ, приводя въ порядокъ постель Яшки, я нашла подъ подушкой свертокъ и машинально развернула его... Каково же было мое удивленіе и волненіе, когда моимъ глазамъ представились листки «Колокола», «Земли и Воли», о существованіи которыхъ я уже знала изъ политическихъ процессовъ и знала также, что Яшка за это можетъ попасть въ тюрьму. Я поскорѣе поторопилась окончить уборку квартиры, заперлась въ комнатѣ и стала съ жадностью поглощать запрещенный плодъ—такимъ образомъ началось мое знакомство съ нелегальной литературой.

Я ничего не сказала Якову о томъ, что знаю его тайну, и стала внимательнѣе всматриваться въ него. Я думала такъ въ своей наивности: разъ человѣкъ читаетъ «такія» вещи, то онъ, значитъ, и дѣлаетъ что-то такое, что поднимаетъ его надъ общимъ уровнемъ, а слѣдовательно и въ немъ должно быть «что-то». Какъ я ни наблюдала за Яковымъ, но «чего-то» такого, что бы импони- ровало на меня, я не замѣчала; надо сказать, что мои отношенія съ Яковымъ были очень странныя; хотя мы не ссорились и не бранились попрежнему, но между нами не было и той близости, которая образовывается между людьми, живущими съ дѣтства вмѣстѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся съ войны, его отношенія ко мнѣ стали другими, и онъ часто глядѣлъ на меня какимъ-то страннымъ, смущающимъ меня взглядомъ. Яковъ былъ красивъ: высокій, хотя немного сутуловатый, съ лицомъ южанина и умными, какъ будто наглыми глазами, онъ очень нравился барышнямъ-швейкамъ, къ ухаживанію которыхъ относился съ презрительной снисходительностью; по отношенію ко мнѣ онъ держался почтительно и любилъ оказывать мнѣ маленькія услуги: очевидно, въ глазахъ Яшки я была уже не дѣвченкой, которую можно дразнить, а взрослой барышней, да притомъ гимназисткой, передъ которой нельзя было являться въ прежнемъ неглиже; теперь Яковъ работалъ не въ синей, запущенной въ штаны рубахѣ, а въ блузѣ, либо въ пиджакѣ, и ужасно конфузился, если я заставляла его за умываньемъ. Онъ очень занимался своею наружностью, стараясь какъ можно меньше походить на сапожника, и въ манерѣ одѣваться допускалъ небрежность, свойственную студентамъ того времени. Въ своемъ желаніи походить на интеллигентнаго человѣка онъ доходилъ до комизма, вертясь передъ маленькимъ зеркальцемъ и по возможности небрежнѣе повязывая галстухъ.

Меня очень злило, что Яковъ не открывалъ мнѣ своихъ тайныхъ сношеній съ «соціалистами», отъ которыхъ, я была убѣждена, онъ получаетъ книжки.

Если онъ считаетъ меня взрослой, то почему не дѣлится со мной своею жизнью, своими интересами, почему онъ обращается ко мнѣ со всякими пустяками, а самаго главнаго не говоритъ?

Вообще, неискренность Якова, улыбочки «себѣ на умѣ» производили на меня очень непріятное впечатлѣніе, точно такъ же, какъ и его желаніе казаться чѣмъ-то другимъ, а не быть тѣмъ, что онъ есть. А что такое онъ былъ, какіе планы роились въ его головѣ, я не знала, да и врядъ ли кто зналъ, потому что Яковъ всегда маскировался, а что находится подъ этой внѣшней маской, красивое или уродливое лицо, трудно было сказать.

XVII.

У меня всегда были книжки для чтенія, которыя я приносила изъ гимназій; сначала—Майнъ-Ридъ, Куперъ, Жюль-Вернъ, а потомъ—Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ и пр. Яковъ всё ихъ перечиталъ.

— Не дадите ли, Даша, книжечку? — спрашивалъ онъ, входя въ комнату своими неслышными шагами, отчего я невольно вздрагивала, такъ странно звучалъ его голосъ.

— Вотъ Тургеневъ, возьмите!..

Яковъ бралъ книжку, переворачивалъ страницы, топтался на мѣстѣ, словно ему хотѣлось о чемъ-то поговорить, и также неслышно удалялся.

Возвращая мнѣ однажды книгу Тургенева, гдѣ находился рассказъ «Отцы и дѣти», Яковъ пытливо посмотрѣлъ на меня, очевидно, собираясь вступить въ разговоръ. Я оторвалась отъ уроковъ, оперлась о спинку стула и выжидательно глядѣла на него.

— А молодецъ Базаровъ,—сказалъ Яковъ:—такъ и отрѣзалъ сразу, что Бога нѣтъ! А вѣдь это правда, какъ вы думаете, Даша?—не то вопросительно, не то утвердительно произнесъ онъ, и что-то наглое, дерзкое скользнуло по его лицу.

— Чтобы рѣшать такіе вопросы, надо много знать! — вспыхнула я.

Я должна замѣтить, что религіозное чувство, воспитанное во мнѣ съ ранняго дѣтства, было во мнѣ сильно развито; зарождавшееся сомнѣніе заставляло меня глубоко страдать; помню, когда я прочла рѣшительный отвѣтъ Базарова: и Бога нѣтъ!—я вздрогнула, точно громъ ударилъ въ окно. Теряя Бога, я инстинктивно чувствовала, что я теряю что-то очень важное и существенное, ту крѣпкую основу, которая вливаетъ твердость духа и силу переносить страданія, какъ бы глубоко ни захватывало оно человека. Теряя того Бога, законамъ котораго меня научили повиноваться съ дѣтства, я искала другого такого же Абсолюта, Силу, въ торжество которой я бы могла безусловно повѣрить, законамъ которой я могла бы безусловно повиноваться... Я мучилась, горѣла, проводила бессонныя, томительныя ночи, и вдругъ этотъ полубразованный юноша дерзко и нахально ставитъ крестъ надъ большимиъ вопросомъ—я возмутилась...

— Вотъ и въ Законѣ Божьемъ сказано, что Богъ сначала сотворилъ день и ночь, а потомъ солнце... Ха! ха! ха!.. Какъ же это, когда всѣмъ извѣстно, что день только отъ солнца!

Яшка устремилъ на меня глаза и ухмыльнулся.

— Право, Яковъ, въ настоящее время эти вопросы меня мало интересуютъ! — холодно отвѣтила я, углубляясь въ книги; я на-

дѣялась, что Якову ничего не останется больше дѣлать, какъ оставить меня въ покоѣ, но онъ не двигался съ мѣста.

— Не интересуютъ! — удивленно протянулъ онъ:—а по-моему это и есть самое, что ни на есть важное! Потому что, если Бога нѣтъ, значитъ, нѣтъ ни ада, ни рая...

— Ну, что-жъ дальше?

— Дальше!.. Дальше, нѣтъ и грѣха!

Я подняла на Якова глаза и съ жаромъ произнесла:

— А грѣхъ передъ людьми, передъ совѣстью, передъ правдой?.. Или и этого ничего нѣтъ?

— Люди, совѣсть, правда!—протянулъ Яковъ такъ, какъ будто взвѣшивалъ каждое слово:—вишь, куда вы метнули! Я не про то. Я думаю, значитъ, про то обстоятельство, какъ насъ, бывало, пугали чертями, адомъ; и теперь попы народъ пугаютъ, стращаютъ; ежели, значитъ, народъ будетъ грѣшить и все прочее, то его ждетъ геенна огненная, гдѣ черти будутъ его поджаривать, подсмаливать. А если человѣкъ, какъ лягушка, то и адъ по боку—шабашъ, значитъ!.. Всѣ превратятся въ прахъ, либо черви съѣдятъ!

— Ну, что-жъ изъ этого слѣдуетъ? — нетерпѣливо прервала я разсужденія Якова.

— Ничего особеннаго; я только такъ, изъ любопытства, значитъ, какъ вы насчетъ этого самого!.. И вотъ, что еще, Даша, хотѣлъ я вамъ сказать, — измѣнившимся голосомъ проговорилъ Яковъ, — касательно васъ; не хорошо, что вы гнушаетесь мною; я хотя и сапожникъ и въ гимназiи не учился, а тоже не послѣднiй человѣкъ!

— Я? васъ?—искренно удивилась я:—откуда вы взяли?

— Не гнушаетесь, Даша? — обрадовался Яковъ, свѣтло взглянувъ на меня; онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но запнулся и торопливо добавилъ:—если не гнушаетесь, то дайте пожать вашу ручку!..

Я нехотя протянула ему руку, которую онъ горячо пожалъ, а меня при этомъ пронизала холодная дрожь. Яковъ давно уже ушелъ, а я все продолжала сидѣть въ той же позѣ, стараясь понять, что такое произошло сейчасъ съ Яковымъ, и машинально вытирала свою руку.

XVIII.

Сама оставилъ школу послѣ разсказаннаго уже мною эпизода съ учителемъ и усѣлся на верстакѣ своего отца съ иглой и наперсткомъ въ рукѣ; такимъ образомъ, будущность его была рѣшена.

Сама былъ лѣтъ на пять старше меня, и, конечно, вести со мной компанiю ему не приходилось. Съ Яковымъ онъ былъ очень

друзень, по вечерамъ заходилъ за нимъ, и они куда-то отправлялись. Съ Сашей я никогда ни о чемъ не разговаривала, кромѣ здравствуйте и прощайте, а между тѣмъ онъ мнѣ нравился; высокій блондинъ съ ясными добрыми глазами, мягкими манерами, тихимъ голосомъ, онъ привлекалъ мое вниманіе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что это онъ снабжалъ Якова нелегальной литературой. Неожиданный случай помогъ моему сближенію съ нимъ.

Я шла домой изъ гимназіи послѣ экзаменовъ, наслаждаясь роскошнымъ весеннимъ днемъ; солнце ярко свѣтило, пушистые прозрачныя облачка медленно плыли по голубому небу, и радость бытія пронизывала все мое существо, и смутныя грезы волновали мою грудь. Я съ улыбкой смотрѣла на прямую, какъ стрѣла, улицу, на дома, въ которыхъ были настежь открыты окна квартиръ, на сверкающій въ вышинѣ золотой крестъ собора, на воробьевъ, весело чиликавшихъ въ зеленой листьѣ акацій. Я не торопилась домой въ полутемную, душную квартиру, гдѣ раздаётся стукъ колодокъ, слышится запахъ кожи и кухни, гдѣ сосредоточенное угрюмое лицо отца и частые вздохи матушки спугивали мои плѣнительныя мечты, которыя переносили меня въ лучшій, новый міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печалей, ни воздыханій, въ тотъ міръ всеобщаго равенства, свободы и справедливыхъ отношеній, который начиналъ смущать мою молодую душу. Среди моихъ смутныхъ мечтаній, до слуха моего долетѣлъ какой-то неопредѣленный гулъ, заставившій меня обернуться. Я увидала медленно шедшую среди улицы толпу молодежи и остановилась, охваченная непонятнымъ мнѣ чувствомъ радости и ликовація; по тротуарамъ бѣжали ребятишки, любопытными взглядами поглядывая на группу, которая затянула пѣсню; прохожіе останавливались, съ улыбкой взглядывали на необычайное явленіе и обмѣнивались другъ съ другомъ замѣчаніями. Въ окнахъ квартиръ появлялись молодыя, любопытствующія лица, и въ одномъ изъ нихъ я замѣтила молодую дѣвушку, которая стояла съ букетомъ въ рукахъ и махала имъ, глядя на молодежь, которая несла кого-то.

— Что это такое? Кого они несутъ, куда идутъ?—спросила я у немолодой дамы, остановившейся подлѣ меня.

— Оправдали на судѣ студента! Вотъ товарищи и празднуютъ его освобожденіе! — сказала дама, привѣтливо взглянувъ на меня.

Я очень взволновалась и торопливо пошла вслѣдъ за манифестантами. Толпа, не останавливаемая никѣмъ, спокойно прошла улицу, направилась черезъ Соборную и прошла на Дерibasовскую и остановилась у дома, гдѣ былъ ресторанъ «Парижъ». Я въ недоумѣніи стояла и смотрѣла въ открытыя настежь ворота, куда входили манифестанты, какъ вдругъ кто-то дотронулся до моего плеча.

— И вы здѣсь, Даша?—услышала я знакомый голосъ и живо обернулась; подлѣ меня стоялъ Саша и весело улыбался.

— Скажите, зачѣмъ они пришли сюда, что будутъ дѣлать?

— Пировать по случаю оправданія своего товарища!

— А, вотъ что!—медленно проговорила я, не спуская глазъ съ Саши; лицо его сіяло, глаза искрились неподдѣльнымъ энтузіазмомъ.

— Я радъ, я ужасно радъ!—волнуясь заговорилъ онъ:—Смуринъ такой милый, хорошій человекъ, его всѣ «наши» любили!

— Развѣ вы знаете его?

— О, да! Онъ часто бывалъ у насъ на сходкахъ. Вы знаете, Саша при этомъ понизилъ голосъ,—у насъ есть свой рабочій кружокъ, и Смуринъ часто бывалъ! Если бы вы слышали, какъ онъ хорошо говоритъ!

Все, что я слышала отъ Саши, было для меня такой захватывающей новостью, что я стала забрасывать его вопросами.

— Потише,—улыбнулся Саша, ласково глядя на меня:—объ этомъ нельзя громко говорить! Если хотите, пойдѣмъ на бульваръ, и я вамъ кое-что расскажу.

Мы отправились на бульваръ, спустились въ пустынный садъ, гдѣ когда-то такъ весело играли ребятишками, выбрали укромный уголокъ и усѣлись на траву.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ Саша восторженно:—здѣсь собираются наши сходки, здѣсь мы о многомъ говоримъ и встрѣчаемся съ дѣятелями.

Саша посвятилъ меня въ тайны своего кружка; говорилъ онъ съ увлеченіемъ, глубоко вѣря, что скоро настанетъ близкое торжество «идеи».

Съ этой встрѣчи у насъ образовались близкія, дружескія отношенія; почти каждый вечеръ я ходила съ Сашей на бульваръ, гдѣ передъ нашими глазами разстилалась широкая панорама моря съ темными едва различаемыми силуэтами пароходовъ и свѣтившимися огоньками; усѣвшись на широкой каменной лѣстницѣ, мы передавали другъ другу свои чаянія, свои мечты, свои наблюденія, свои знанія; Саша знакомилъ меня съ дѣятельностью кружка, рисовалъ перспективу свободнаго будущаго, отъ созерцанія котораго у насъ захватывалось дыханіе. Я въ свою очередь спѣшила подѣлиться съ нимъ своими знаніями, читала ему цѣлыя лекціи по географіи, исторіи; моя обычная робость и смущеніе пропадали, а внимательные искрящіеся глаза моего ученика вдохновляли меня, и я сама удивлялась, откуда у меня берется такая плавная, легкая рѣчь. По воскресеньямъ Саша приходилъ къ намъ, и мы вмѣстѣ, втроемъ съ Яковомъ, читали Писарева, Добролюбова, Шелгунова и пр. рекомендованныхъ писателей, сочиненія которыхъ я доставала изъ библіотеки, куда записалась на каникулярное время. Это было чудное лѣто! Мы не жили, а горѣли; сколько свѣтлыхъ упованій, чистыхъ порывовъ, волновало насъ, какъ горячо мы спорили по поводу всякихъ вопросовъ!

— Видите, Даша, какъ я съ вами свободно говорю, и мысли такъ неожиданно являются, а съ «ними» робѣю, двухъ словъ связать не могу... Отчего это? Они меня прозвали даже молчальникомъ,—улыбался Саша своей доброй улыбкой.

— Ну, вотъ, совсѣмъ вы не молчальникъ! Вы всегда все говорите, а вотъ Яковъ такъ дѣйствительно молчальникъ! Отчего вы всегда молчите?—съ нѣкоторой дозой раздраженія обратилась я къ Якову.

— Слушаю умныхъ людей!—уклончиво отвѣтилъ Яковъ.

Да, онъ попрежнему слушалъ и свое думалъ, и меня все больше и больше раздражала его замкнутость. Не нравилось мнѣ также, что онъ какъ будто слѣдилъ за мной: вездѣ, куда бы я ни пошла съ Сашей, встрѣчалась намъ его высокая, сутуловатая фигура, и всегда онъ какъ-то странно заторопится и спѣшитъ увѣрить, что встрѣча вышла невзначай.

— Вотъ и прекрасно!—добродушно отвѣчалъ Саша:—въ такомъ случаѣ, пойдемъ вмѣстѣ на бульваръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ некогда! Я по дѣлу иду!—Яковъ раскланивался и торопливо удалялся.

— Вы думаете, онъ въ самомъ дѣлѣ по дѣлу—вретъ!—сказала я какъ-то Сашѣ.—Ничему я не вѣрю, и не нравится онъ мнѣ; вотъ съ вами я меньше знакома, а больше васъ знаю, чѣмъ его. И чего онъ всегда молчитъ, да смотреть, какъ мышь—не люблю такихъ!

— Я думаю, просто оттого, что онъ еще васъ стѣсняется... онъ самолюбивый, а вы, Даша, держитесь съ нимъ гордо...

— Неправда! неправда! Я ни передъ кѣмъ не горжусь, да и гордиться нечѣмъ, и вы это отлично знаете!—обидчиво вскрикнула я:—а что Яковъ самъ держитъ себя странно со мной, это я вамъ не разъ говорила... Отчего онъ никогда прямо не говоритъ, что думаетъ, а все экивоками, выспрашиваетъ только да высматриваетъ... это не честно!

— Ну, право же, Даша, вы напрасно нападаете на него... Онъ хорошій человѣкъ и умный, и онъ далеко пойдетъ!..

— Можетъ быть, а только онъ не внушаетъ мнѣ симпатіи...

— Вы очень подозрительны,—улыбнулся Саша...

XIX.

Въ концѣ лѣта Яковъ заговорилъ съ отцомъ на ту тему, что ремесло теперь даетъ плохіе заработки, что новыя лавки «заграничной и варшавской обуви» дѣлаютъ теперь ненужнымъ сапожника.

— Всѣ будутъ покупать тамъ, потому что и лучше и дешевле... — заключилъ Яковъ.

— Дешевле можетъ быть, а чтобы лучше—никогда,—горячился отецъ, задѣтый за живое:—развѣ жидъ сдѣлаетъ такъ, какъ мы, по-хозяйски! У него и кожа гнилая и подметка деревянная, не настоящая! Нѣтъ, противъ нашей обуви ему не устоятъ!

— Оно точно, Антонъ Матвѣичъ, -- соглашался Яковъ:— работа наша, безъ сомнѣнія, крѣпче, да теперешній человекъ ищетъ другого, ему какъ бы подешевле да покрасивѣе. Вотъ хоть бы взять, примѣрно, меня: я сапожникъ, а нахожу выгоднѣе купить, чѣмъ самому шить сапоги, вотъ вы сами взгляните, развѣ это не настоящіе сапоги.

Яковъ вытянулъ впередъ свою ногу, обутую въ новый изящный башмакъ. Отецъ вздохнулъ.

— Что жъ ты думаешь дѣлать? Есть у тебя чтонибудь на примѣтѣ, или такъ, зря, болтаешь? Другого ремесла ты не знаешь?

— Э, Антонъ Матвѣичъ, свѣтъ не клиномъ сошелся!—снисходительно улыбнулся Яковъ, бросая на отца косою взглядъ:—что касается ремесла, то насмотрѣлся я на жизнь мастерового человека—не важная, поди. Съ утра до вечера гнуть спину надъ работой и не имѣтъ никакого обезпеченія тоже не сладко. Нѣтъ, Антонъ Матвѣичъ, я думаю по другой части пойти, по торговой.

— Гмъ, вотъ какъ! это другой сказъ, — сумрачно протянулъ отецъ сморкаясь.—Что жъ, ты самъ себѣ хозяинъ, знаешь, какъ тебѣ лучше. Мое дѣло кончилось: я тебя вспоилъ, вскормилъ, на ноги поставилъ... да. Я, значить, все, что могъ, сдѣлалъ; теперь у тебя своя голова на плечахъ, свой умъ...

— Я вамъ премного благодаренъ, Антонъ Матвѣичъ, вы точно на меня, какъ на сына родного, смотрѣли, вѣкъ этого не забуду. А что касается будущаго, то точно я самъ долженъ смотрѣть, какъ лучше.

— Такъ, такъ! — машинально отвѣтилъ отецъ, низко опуская свою сѣдую голову; безнадежностью, уныніемъ вѣяло отъ сгорбившейся, опустившейся фигуры отца, точно передъ нимъ открывалась его собственная могила, но это продолжалось недолго; поднявъ голову, онъ озабоченно спросилъ у Якова:

— Что жъ ты думаешь дѣлать? имѣешь что на виду?

— Есть, Антонъ Матвѣичъ, есть. Мѣсто въ книжный магазинъ случается, жалованье, положимъ, не большое, но современемъ больше дадутъ. Была бы голова.

— Такъ, такъ! Ну, что жъ, иди, пробуй. Помни, въ случаѣ чего, я тебѣ не врагъ.

Послѣднія слова отецъ выговорилъ съ трудомъ. Очевидно ему было очень больно, и онъ старался побороть эту боль, чувствуя основательность Яшкиныхъ доводовъ. Вѣдь не даромъ, между мастерами, при встрѣчахъ, велись разговоры о томъ, что жить теперь въ Одессѣ ремесленному человеку куда хуже прежняго, не

даромъ они со вздохомъ вспоминали о добромъ, старомъ времени. Да, жизнь вытѣсняетъ его, исконнаго русскаго ремесленника, это инстинктивно чувствуетъ каждый мастеръ и сваливаетъ всю бѣду на жида. Юркій, всюду проникающій промышленникъ-еврей, какъ нельзя болѣе подходилъ къ современному духу; подвижной, увлекающійся, готовый на рискъ, вездѣ, гдѣ можно, урвать кушъ или грошъ, нахальный, заискивающій, съ острымъ, ищущимъ взглядомъ, онъ бросался въ глаза полной противоположностью неподвижной, стойкой, славянской натурѣ, вызывая ненависть; его ненавидѣли, ему же и удивлялись; удивлялись неустанности, съ которой онъ борется за право жить, его выносливости, алчности, съ какой онъ набрасывается на дѣло, увертливости и приспособляемости его натуры.

Выросшій въ старыхъ традиціяхъ, русскій ремесленникъ привыкъ къ тому, чтобы заказчикъ искалъ его, нуждался въ немъ. Бѣгать въ поискахъ за давальцемъ, «канючить» передъ нимъ, не соответствовало тяжелой натурѣ мастера, который плотно сидѣлъ на мѣстѣ, сросшись съ ремесломъ, и вдругъ этотъ заказчикъ перехватывается «жидомъ», который притомъ всучиваетъ покупателю дрянной товаръ вмѣсто хорошаго, но борется съ этимъ «жидомъ», подрывающимъ ремесленный старо-завѣтный бытъ, у русскаго человѣка не хватало выдержки, энергіи, риска. Чтобы выступить противъ «жида», измѣнить своимъ исконнымъ привычкамъ, пойти на встрѣчу развивающемуся торгово-промышленному духу, надо было имѣть подвижность, зоркій глазъ и нѣкоторую дозу нахальства, которыхъ не доставало ни моему отцу, ни Якову Степанычу, ни многимъ другимъ ремесленникамъ; нѣкоторые, видя, что ихъ дѣло падаетъ, искали другого подспорья: такъ сапожникъ Кравченко открылъ на окраинѣ города мелочную лавку, не оставляя при томъ своего ремесла; жена портного Тарасова занялась квартирантами; Яковъ и другая ремесленная молодежь, угадавшая духъ времени, спѣшила распротиться съ своимъ ремесломъ, съ старымъ укладомъ жизни, и искала новыхъ путей.

Культура расширяла потребности, развивала аппетиты, жизнь измѣняла свою физиономію, и въ перспективѣ стоялъ заманчивый кумиръ быстрой наживы, богатства, манящій болѣе энергическую, практичную молодежь.

XX.

Устои стараго ремесленнаго быта расшатывались, это было ясно, какъ Божій день, и блаженные времена, когда у моего отца и другихъ, подобныхъ ему, мастеровъ, работало до десяти чело-вѣкъ, отошли въ область преданій; теперь было хорошо, если ра-

боты хватало на двухъ, на трехъ, а квартирная цѣна быстро росла, и мы платили за нашу конуру 30 рублей въ мѣсяцъ. Говорить нечего, что старый долгъ не уменьшался, и если не увеличивался, то благодаря небольшому подспорью, которое добывала я уроками. Мать печалилась, тревожилась, уговаривала отца оставить дорогую квартиру и перебраться подальше, ссылаясь на примѣръ Якова Степаныча.

— Живетъ хоть и на Молдаванкѣ, а лучше нашего и долговъ не знаетъ. Ну, что будетъ, если хозяинъ не захочетъ терпѣть да опишетъ насъ?.. Срамъ одинъ! Да и то сказать, что это за квартира—одно названіе только. Даша выросла, тоже жить хочеть, а сюда ни людей, никого принять нельзя.

— Потерпите, потерпите немножко, все будетъ хорошо, — не глядя въ глаза матери, отвѣчалъ отецъ.

— И такъ ужъ терпимъ, и конца этому терпѣнію не видно. Ну, самъ ты сообрази, дѣвушка работаетъ, силы свои надрываетъ, гроша своего не имѣетъ, все въ эту проклятую прорву, квартиру, идетъ. А удовольствіе ей какое—придетъ, и отдохнуть негдѣ.

— Говорю, потерпи. Самъ понимаю, не дуракъ!.. Небойсь!—разсердился отецъ: — и какъ начнетъ зудить объ одномъ, даже тошно становится. Тѣфу, ты, пропасть!

— Вотъ ты, Антонъ, сейчасъ и сердишься, какъ я начну говорить, а развѣ это не резонъ!.. Ну, самъ ты подумай, гдѣ ты столько работы найдешь по нынѣшнимъ временамъ. А потомъ Даша, ты посмотри, на что она стала похожа, ишь, какъ исхудала, далеко ли до бѣды! Да и то сказать, человѣкъ—не камень: она и учись въ гимназіи, она и на уроки, она же и дома что поможетъ: надо и о ней подумать...

— А ты полагаешь, не думаю?.. обо всѣхъ думаю, оттого-то и говорю—потерпи: не съ руки мнѣ теперь выбиратьъся, понимаешь?.. Можетъ, въ управу, въ старшины выберутъ, тогда все на ладъ пойдетъ.

Матушка вздохнула и перестала говорить, сомнительно покачивая головой. Дѣйствительно, между мастерами шла агитація противъ настоящаго старшины, котораго уличали въ растратѣ общественныхъ денегъ. Въ былое время цеховыя кассы не были соединены въ одну общую ремесленную кассу, какъ теперь, и находились въ завѣдываніи старшинъ цеховъ, которые не всегда оказывались чисты на руку и употребляли въ свою пользу общественныя деньги.

XXI.

Въ день выборовъ мы съ матушкой очень волновались; съ одной стороны матеріальныя выгоды побуждали насъ желать удачнаго исхода для отца, съ другой—зная его слабый характеръ, не

могущій устоять противъ выпивки, орошаншей каждое управское дѣло, мы боялись.

— Сходи-ка, Даша, въ управу да посмотри, что тамъ!—не выдержала магушка, истомившись ожиданіемъ. Я только что вернулась изъ гимназіи, наскоро пообѣдала и пошла. Ремесленная управа помѣщалась неподалеку отъ насъ, въ собственномъ домѣ, гдѣ занимала двѣ комнаты; въ первой изъ нихъ были канцеляріи цеховыхъ управъ; обстановка ея состояла изъ восьми столовъ, обитыхъ черной клеенкой, трехъ шкафовъ съ дѣловыми книгами, стульевъ; у стѣны подъ окнами стояла длинная скамейка для избирателей, которые толкались взадъ и впередъ по комнатѣ и отпускали тяжеловѣсныя остроты. Я прошла сюда подъ предводительствомъ Николая, бывшаго отцовскаго ученика и подмастерья, который сталъ недавно мастеромъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что каждый столъ заключаетъ два цеха или три, имѣвшихъ одного писаря; въ этой комнатѣ производятся выборы старшины; въ другой, называемой «присутственной», стоялъ столъ, накрытый краснымъ сукномъ, на немъ зеркало, надъ нимъ портретъ императора Александра II.

Здѣсь производились засѣданія общей ремесленной управы и выборы ремесленнаго головы. Я попросила Николая устроить меня гдѣ нибудь въ укромномъ уголку, чтобы я могла видѣть выборы, не привлекая вниманія, и помѣстилась между двумя шкафами. Народъ не сидѣлъ, а расхаживалъ, толкался, собирался въ группы и громко разговаривалъ; нѣкоторые выбѣгали во дворъ, хохотали, бросая другъ въ друга снѣжками; нѣкоторые бродили по улицѣ, заворачивали въ близъ лежащую «ресторацию съ напитками», откуда выходили съ довольными лицами, пережевывая соленый огурецъ. Часть мастеровъ, недовольная старшиною, агитировала противъ его избранія, совѣтуя остановить вниманіе на такомъ-то, болѣе, по ихъ словамъ, способномъ, и въ нѣкоторыхъ группахъ слышалась фамилія моего отца. Когда избирателей сошлось въ достаточномъ количествѣ, всѣ вошли во дворъ и ворота заперли, чтобы никто не ушелъ. Избиратели толпились у стола, лѣзли на окна на скамьи, подымая невообразимый шумъ. Засѣданіе открылось.

— Господа, кого желаете ставить на шары!—громко, покрывая гулъ, спросилъ предсѣдатель. Въ отвѣтъ поднялся ужасный крикъ, среди котораго слышались фамиліи старшаго старшины и другихъ.

Поставили три ящика по числу кандидатовъ, и началась баллотировка... Увы, моего отца при юмористическомъ смѣхѣ всѣхъ присутствующихъ «прокатили на воронихъ», т.-е. забросали черными шарами; такія «штуки», по словамъ Николая, избиратели любили продѣлывать не разъ; назначать иногда большинствомъ голосовъ какого нибудь кандидата, да и провалить его на выборахъ, къ об-

щему удовольствію всѣхъ. Выбраннымъ оказался прежній старшина. Мнѣ было больно и грустно за отца, придавленный, угнетенный видъ котораго свидѣтельствовалъ, что «штука» глубоко задѣла его. Выбравшись съ помощью Николая изъ толпы избирателей, я поспѣшила на улицу, гдѣ стала въ сторонкѣ, чтобы дожидаться появленія моего отца; онъ вскорѣ вышелъ въ группѣ другихъ мастеровъ, о чемъ-то горячо говорилъ и жестикулировалъ.

Старшина съ своими клеветами отправился закончить выборы въ кабачекъ, а мой отецъ съ своими тоже отправился куда-то, по всей вѣроятности, подумала я, залить виномъ свою неудачу. Сердце мое защемило: мнѣ хотѣлось броситься вслѣдъ за нимъ, взять и увести домой... Ахъ, эта проклятая водка! Сколько горя доставляетъ она ремесленному люду, сколько слезъ проливаютъ бѣдныя жены и матери въ долгія зимнія ночи, дожидаясь своихъ кормильцевъ!.. Грустная, безпокойная пришла я домой извѣстить матушку о результатѣ.

— Ну, теперь, къ ночи жди его!—съ раздраженіемъ сказала она, и темныя, тяжелыя мысли омрачили ея лицо. Мы стали сообщать, что дѣлать, какъ быть, чтобы выпутаться съ честью изъ нашего запутаннаго матеріальнаго положенія.

— Нашей работой теперь не проживешь, а только въ конецъ разоришься!—озабоченно говорила матушка:—я такъ полагаю, Даша; пока что, подыщи ты маленькую квартиру, да уговоримъ его выбратся.

— Это лучше всего будетъ!—отвѣтила я:—два года еще какъ нибудь протянемъ, а тамъ... Я не договорила, боясь своей заманчивой мечты; это былъ предпоследній годъ моей гимназической жизни, и представленіе будущаго, которое мнѣ рисовалось въ розовомъ свѣтѣ, заставляло усиленнѣе биться мое сердце...

Отецъ вернулся поздно въ такомъ ужасномъ видѣ, что мы обѣ ахнули. Угмонивъ и уложивъ его спать, мы тоже почувствовали страшную усталость и стали собираться на покой, а сильная тревога за отца гнала сонъ...

Но наши опасенія, что онъ «закутитъ во всю», не оправдались; отецъ встряхнулся отъ кошмара выборовъ и съ горячностью принялся за работу. У него явилась небывалая энергія; очевидно, онъ рѣшился во что бы то ни стало отстоять свое любимое дѣло, суетился, бѣгалъ куда-то, какъ мы узнали потомъ, рассчитывая получить подрядъ въ сиротскомъ училищѣ и такимъ образомъ поддержать свою мастерскую. Но и это ему не удалось. Болѣе смѣтливый молодой сапожникъ, спустившій цѣну до невозможности низко, отстранилъ отца, который сталъ искать другихъ заказчиковъ, понижая цѣну своихъ издѣлій... Такая прыть отца была вполнѣ понятна; всю жизнь свою онъ провелъ, мастера обувъ; работа кормила его и его семью; она же давала ему свои радости, прино-

сила и горести. Онъ любовался парю своихъ удачныхъ сапогъ, какъ любитъ художникъ своимъ произведеніемъ; огорчался, если товаръ выходилъ неудачнымъ. Онъ наслаждался кипучей жизнью своей мастерской, стукомъ колодокъ, звуками продѣваемой дратвы; грязь и чернота его рабочей комнаты нравилась ему, какъ доказательство, что дѣло въ ходу; и вдругъ «варшавская и заграничная обувь», или «жидовская», какъ въ сердцахъ называлъ ее отецъ, вытѣсняетъ его исконные русскіе сапоги, лишаетъ его жизнь смысла—могъ ли онъ примириться съ этимъ? Отецъ боролся, отстаивая свое любимое дѣтище, свою мастерскую и, не внимая мольбамъ и просьбамъ матушки, входилъ въ новые долги.

— Подожди, не спиши!—сердито говорилъ онъ въ отвѣтъ на неустанное жужжаніе матушки, торопившей его съ мѣной квартиры.—Не выдержать ихъ товару противъ нашего!

Что было дѣлать съ такимъ ослѣпленіемъ?.. Примириться и ждать, когда сама жизнь откроетъ ему глаза... Ахъ, если бы скорѣе окончить гимназію!—думала я, горя страстнымъ желаніемъ «стать на ноги» и быть поддержкой для своихъ старѣющихъ родителей.

М. Ермолина.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ВОЕННОПЛѢННАГО.

В ДЕКАБРЬСКОЙ книжкѣ «Русской Старины» 1898 г. помѣщены «Воспоминанія офицера Преображенскаго полка изъ турецкой кампаніи 1877—1878 гг.». Авторъ, упоминая между прочимъ о своей встрѣчѣ съ русскими плѣнными, прибывшими изъ Скутари на пароходѣ въ Санъ-Стефано, говоритъ и о свиданіи со мною. Въ «Военномъ Сборникѣ» за июнь 1900 года, въ статьѣ: «34-й пѣхотный Сѣвскій полкъ въ дѣлѣ подъ Еленой 22 ноября 1877 года», авторъ, излагая совмѣстныя дѣйствія сѣвцевъ и орловцевъ, называетъ и меня, какъ бывшаго командира Орловскаго полка. «Воспоминанія» обоихъ авторовъ побудили и меня набросать свои воспоминанія о дѣлѣ 22 ноября, имѣвшемъ столь печальныя для меня послѣдствія.

Несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло почти четверть вѣка, не только крупныя эпизоды войны, но и мелкія, даже самыя незначительныя подробности выступаютъ живо и рельефно въ моей памяти, когда я мысленно переносусь на театръ военныхъ дѣйствій или въ казарму сераскеріата (военнаго министерства)—мѣсто моего 4-хъ-мѣсячнаго заключенія.

По служебнымъ обязанностямъ я не имѣлъ возможности ранѣе заняться подготовкою къ печати своихъ воспоминаній; но въ настоящее время, при полномъ отдыхѣ, позволяю себѣ познакомиться читателей «Историческаго Вѣстника» съ времяпровожденіемъ военноплѣнныхъ на чужой сторонѣ, при обстановкѣ далеко не обыденной, извиняясь заранѣе за подробности, которыя невольно напрашиваются, лишь только коснешься какого либо случая или эпизода изъ этой достопамятной эпохи.

Послѣ занятія Горнаго Дубняка, 12-го октября 1877 года, при моемъ участіи въ дѣлѣ, въ должности командира 1-го баталіона Измайловскаго полка, полки гвардіи продвинулись къ Плевнѣ. Измайловскій полкъ, занявъ указанный ему участокъ позиціи, обезпечилъ себя ложементами для стрѣлковъ и редутомъ на правомъ флангѣ. По полученіи въ полку высочайшаго приказа о моемъ назначеніи командиромъ 36-го пѣхотнаго Орловскаго полка, я отправился на Шипкинскую позицію и 31-го октября, представившись генералу Радецкому, вступилъ въ командованіе полкомъ. Здѣсь я узналъ, что, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Сулейманъ-паша, не рѣшаясь вновь на приступъ Шипкинской позиціи послѣ понесенныхъ неудачъ, думаетъ пробиться на Тырновъ черезъ Елену. Въ виду такихъ свѣдѣній, Орловскій полкъ былъ двинутъ на подкрѣпленіе Сѣвскаго полка, занимавшаго 10-ю ротами съ 4-мя орудіями Маренскую позицію, верстахъ въ 4-хъ впереди Елены. 12-го ноября, полкъ прибылъ въ Елену и вступилъ въ составъ Еленинскаго отряда подъ командой генераль-майора Домбровскаго. 15-го ноября, для выбора позиціи, былъ произведенъ мною осмотръ мѣстности впереди города, совмѣстно съ полковникомъ генеральнаго штаба Веригинымъ и командиромъ 42-го пѣхотнаго Якутскаго полка, находившагося въ Златарицахъ, верстахъ въ 15 отъ Елены. Мы условились съ командиромъ полка, полковникомъ Красовскимъ, что какъ только онъ услышитъ выстрѣлы со стороны Елены, то немедленно придетъ съ полкомъ. Мѣстность впереди города оказалась крайне невыгодною для обороны: не болѣе какъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ города, расположеннаго въ лощинѣ, находились командующія высоты, препятствовавшія хорошему обстрѣлу артиллеріи, а занять ихъ по малочисленности полкового состава не было возможности безъ риска разбросать свои силы; къ тому же фланги не были обезпечены отъ обхода. Правда, въ тылу Елены, у деревни Яковцы, позиція была несравненно выгоднѣе, но при условіи, если бы отрядъ былъ достаточно силенъ, чтобы, принявъ на себя отступавшія роты Сѣвскаго полка, задержать противника до прибытія подкрѣпленія. Мѣстность у деревни Яковцы была открытая; противнику приходилось бы наступать подъ дѣйствительнымъ огнемъ пѣхоты и артиллеріи, тогда какъ на Еленинской позиціи артиллерійскій огонь былъ ограниченъ командующими высотами, а пѣхотѣ приходилось стрѣлять снизу вверхъ. Волей-неволей, при малочисленности отряда, пришлось мириться съ Еленинскою позиціей и не подвергаться риску, при отступленіи отъ Яковцевъ, быть припертымъ къ ущелью Св. Николая, не говоря уже объ обозѣ, который задерживалъ бы отступающія части, имѣя возможность отходить по ущелью въ одну повозку.

На усиленіе Еленинскаго отряда прибылъ одинъ лишь Орловскій полкъ. Если бы существовало предположеніе, что Сулейманъ-

паша, послѣ неудачныхъ приступовъ на Шипку, можетъ избрать другой путь на Тырновъ, несомнѣнно, были бы приняты соответствующія мѣры, и послѣ осмотра возможныхъ путей наступленія къ Тырнову численность войскъ въ этихъ пунктахъ была бы обусловлена потребностью обстановки, а составъ Еленинскаго отряда—доведенъ по меньшей мѣрѣ до дивизіи пѣхоты съ соответствующимъ числомъ орудій и полка кавалеріи. Сѣвскій полкъ неоднократно съ успѣхомъ отбивался отъ башибузуковъ. Поэтому, вѣроятно, было рѣшено, что двухъ полковъ, пѣхотнаго и кавалерійскаго, для той мѣстности достаточно. Послѣдствія показали, что присланные въ подкрѣпленіе орловцы не могли помочь дѣлу, когда вмѣсто башибузуковъ появился Сулейманъ съ дивизіей Фуада-паша въ авангардѣ. Предоставляю читателямъ судить, въ какомъ безвыходномъ положеніи очутился бы Еленинскій отрядъ, если бы Сулейманъ, не довольствуясь занятіемъ Елены, преслѣдовалъ по пятамъ отступавшаго противника. Отрядъ былъ бы, безъ сомнѣнія, припертъ къ ущелью Св. Николая и либо уничтоженъ, либо вынужденъ положить оружіе. Но, къ счастью, этого не случилось потому, какъ мнѣ говорилъ прусскій офицеръ Крумбюгель, состоявшій при штабѣ Сулеймана, что Сулейманъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны: одну—направилъ на Елену, а другую—на Златарицы. Колонна, атаковавшая Златарицы, была съ большими потерями отброшена къ Беброву, такъ что Сулейманъ, опасаясь за свой правый флангъ, вынужденъ былъ остановить преслѣдованіе Еленинскаго отряда.

21-го ноября, прибылъ въ Елену начальникъ дивизіи, князь Святополкъ-Мирскій, и, по обычаю, былъ встрѣченъ отрядомъ хлѣбомъ-солью. Во время обѣда былъ поднятъ вопросъ, какимъ образомъ чествовать Георгіевскій праздникъ 26-го ноября. Мнѣ было поручено составить предположеніе. Для совмѣстнаго обсужденія я пригласилъ командира 4-ой роты штабсъ-капитана Домбровскаго, георгіевскаго кавалера. Вечеръ затянулся въ разговорахъ, и въ исходѣ 12-го часа, утомившись за день, я рѣшился отдохнуть; но лишь только добрался до постели, какъ вошелъ денщикъ съ докладомъ, что хозяинъ дома, болгаринъ, проситъ позволенія войти, такъ какъ имѣетъ сообщить мнѣ что-то важное. Я приказалъ передать болгарину, что по случаю сильнаго утомленія не могу его принять, а прошу прійти завтра утромъ. Разбуженный около 6-ти часовъ утра орудійнымъ выстрѣломъ, я догадался, о чемъ хотѣлъ сообщить болгаринъ. Въ комнату вошелъ денщикъ, за нимъ—ординарецъ отъ начальника отряда. Генераль Домбровскій приказывалъ мнѣ немедленно вести 1-й баталіонъ на подкрѣпленіе роты Сѣвскаго полка. Во время сбора баталіона, я обратилъ вниманіе на веселое расположеніе духа командира 3-й роты капитана Разнатовскаго. На мой вопросъ: чему радуется капитанъ?—онъ отвѣтилъ: «радуюсь, г. полковникъ, что будетъ наконецъ дѣло». — «Ну,

такъ что-жъ изъ этого для васъ лично?»—«А вотъ видите ли, полковникъ: мнѣ необходимо получить чинъ майора, и послѣ дѣла начальство, вѣроятно, не обидитъ».—«Богъ знаетъ, капитанъ,—сказалъ я,—чѣмъ еще дѣло-то кончится, и по-моему радоваться преждевременно». Дѣйствительно, день 22 ноября былъ роковымъ днемъ для капитана Разнатовскаго: онъ былъ убитъ!

Съ 1-мъ баталіономъ орловцевъ слѣдовали два орудія 5-ой батареи 9-ой артиллерійской бригады; фамиліи офицера не помню. По дорогѣ къ деревнѣ Маренъ встрѣчались болгарскія телѣги, нагруженныя домашнимъ скарбомъ съ женщинами и плачущими дѣтьми. При подъемѣ на возвышенность было очевидно, что наши не выдерживаютъ, такъ какъ лѣвый флангъ сѣвцевъ уже подался назадъ. Въ это время подскакалъ ко мнѣ командиръ Сѣвскаго полка, полковникъ Жиржинскій, съ просьбою дать двѣ роты на подкрѣпленіе лѣваго фланга. Я назначилъ 1-ю и 4-ю роты, но, вспомнивъ капитана Разнатовскаго, замѣнилъ 4-ю роту 3-ей, а самъ остался съ тремя ротами. Подвигаясь впередъ, я замѣтилъ, что за землянками, уже покинутыми сѣвцами, собирается непріятельская кавалерія. Я приказалъ тогда взводу 5-й батареи занять позицію на высотѣ справа и открыть огонь по кавалеріи. Въ это время слышу голосъ: «какая тутъ позиція, тутъ никакой позиціи нѣтъ, я своимъ приказалъ сняться». Поворачиваюсь и вижу всадника въ полушубкѣ; только по офицерской кокардѣ я могъ принять его за офицера. Это былъ командиръ драгунскаго полка, полковникъ Лермонтовъ. Я приказалъ ротамъ прибавить шагъ въ надеждѣ на поддержку двухъ орудій, которыя могли дѣйствовать поверхъ пѣхоты. Обернувшись, я напрасно искалъ глазами артиллерію. Очевидно, слова командира драгунскаго полка подѣйствовали на молодого артиллериста, и онъ не счелъ нужнымъ исполнить отданнаго приказанія, тогда какъ артиллерійскій огонь, направленный въ собиравшуюся непріятельскую кавалерію, оказалъ бы дѣйствительную поддержку ротамъ Орловскаго полка, пущеннымъ въ атаку, и лишилъ бы возможности черкесовъ съ легкостью прорваться въ образовавшійся промежутокъ между сѣвцами и орловцами и заскакать мнѣ въ тылъ. Подвигаясь далѣе, я встрѣтилъ начальника штаба 9-ой дивизіи, полковника фонъ-Раабенъ, отозвавшася неодобрительно о преждевременномъ оставленіи позиціи двумя конными орудіями. Встрѣченный мною, какъ я сказалъ, командиръ драгунскаго полка полковникъ Лермонтовъ ѣхалъ одинъ и шагомъ, ни полка, ни конныхъ орудій, ни одиночныхъ драгуновъ я не видѣлъ и подумалъ: вѣроятно, полкъ, по раскрытіи направленія противника, отошелъ съ двумя конными орудіями въ резервъ (на что указываетъ и авторъ упомянутой статьи въ «Военномъ Сборникѣ», въ выноскѣ къ стр. 251). Войдя въ сферу пѣхотнаго огня, я спѣшилъ и повелъ роты въ атаку. Турки были сбиты

«истор. вѣств.», мартъ, 1901 г., т. LXXXIII.

съ высотъ сѣвскихъ землянокъ, при чемъ одинъ турецкій солдатъ захваченъ въ плѣнъ. Но торжество продолжалось не долго: черкесы прорвались между сѣвцами и орловцами и заскакали намъ въ тылъ. Приходилось отступить оврагомъ подъ фланговымъ огнемъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Оглянувшись, я замѣтилъ турецкаго офицера въ разстояніи 100 шаговъ не болѣе, цѣлившаго въ меня съ колѣна. Пули сновали вправо, влево; вдругъ я почувствовалъ ударъ въ спину. Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, но силы оставили меня, далѣе идти я не могъ. Вижу, справа идетъ унтеръ-офицеръ Николаевъ; я окликнулъ его и попросилъ взять меня подъ руки; турокъ же продолжалъ стрѣлять. Внезапно мой спутникъ застоналъ и со словами: «я раненъ», повалился на землю. Что стало съ бѣднымъ Николаевымъ: былъ ли онъ подобранъ товарищами или добить турками,—не знаю. Дѣлать нечего, кое-какъ я побрелъ одинъ, цѣпляясь за кусты. Скоро подошелъ ко мнѣ командиръ 4-й роты, штабсъ-капитанъ Домбровскій, взялъ меня подъ руки, и мы понемногу подвигались. Пришлось переходить рѣчку въ бродъ, но перешли не скоро: вода заливала въ голенища. Лишь только перешли мы на другой берегъ, какъ вдругъ передъ нами точно выросъ изъ земли турецкій офицеръ съ обнаженной саблей и за нимъ трое солдатъ. Ну, думаю, пришелъ конецъ, полетятъ наши головы! Къ удивленію, офицеръ, повернувшись тотчасъ же къ своимъ, продолжавшимъ стрѣлять въ нашу сторону, замахалъ саблей, чтобы прекратили огонь. Такая неожиданность объяснилась впоследствии: по шитому измайловскому воротнику, бѣлымъ петлицамъ на пальто и околышу того же цвѣта офицеръ принялъ меня за пашу (генералъ). Наружный видъ рѣзко отличалъ меня отъ орловцевъ съ черными околышами и петлицами. По прекращеніи огня, офицеръ обратился къ намъ со словами: «гайда Сулейманъ-паша!». Я знаками далъ ему понять, что не могу идти, и просилъ позволенія немного отдохнуть и освободить воду изъ голенищъ. Офицеръ не настаивалъ. Здѣсь я долженъ вернуться нѣсколько назадъ.

Командиръ Орденскаго драгунскаго полка (на стр. 195 статьи «Драгунскій военнаго ордена полкъ подъ Мареномъ и Еленой», «Военный Сборникъ» 1880 года, № 11) повѣствуетъ такъ: «При встрѣчѣ здѣсь полковника Лермонтова съ полковникомъ Клевезалемъ послѣдній спросилъ: почему отступаютъ?» — «Потому, — отвѣтилъ полковникъ Лермонтовъ: — что вся нѣхота отступила, слѣдовательно держаться нельзя» «Мы поправимъ дѣло, — отозвался полковникъ Клевезаль, — только поддержите насъ артиллеріей». «Немедленно, продолжаетъ авторъ, было приказано взводу 20-й конной батареи занять указанную позицію и поддержать орловцевъ. При поддержкѣ артиллеріи орловцы пошли въ атаку и т. д. Полковникъ Клевезаль и одинъ офицеръ выбились изъ силъ и отстали отъ своихъ. Тогда драгуны Цвѣт-

ковъ, Голица и Перепеловъ взяли полковника Клевезаля подъ руки и, зная хорошо дороги, пытались пробиться къ своимъ на С. Крестовцы, но были отрѣзаны турецкою кавалеріей и взяты въ плѣнъ». На стр. 200 приведены подлинныя показанія драгунъ.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. Во-первыхъ, съ вопросомъ: почему отступаютъ? могъ обратиться къ командиру драгунскаго полка челоуѣкъ, незнакомый съ боевой обстановкой, а не командиръ полка, знавшій напередъ, что едва ли малочисленный отрядъ въ состояніи долго продержаться на неблагопріятной для обороны позиціи; во-вторыхъ, хотя поговорка и гласитъ: уничтоженіе паче гордости, но въ данномъ случаѣ очевидно, что командиръ Орловскаго полка былъ не въ силахъ выказать чудодѣйственнаго подвига «поправить дѣло» тремя ротами, когда уже вся пѣхота отступила. Короче сказать: ни въ какіе разговоры съ встрѣчнымъ всадникомъ я не вступалъ и догадался, кто онъ, лишь послѣ его словъ: «я приказалъ и своимъ сняться». Дѣло было такъ, какъ я объяснилъ выше. Въ заключеніе статьи авторъ говоритъ: «Бой 22 числа показалъ, что орденцы выполнили все, что только можно ожидать отъ лучшей конницы, ихъ разѣзды и рекогносцировки открыли задолго до боя присутствіе непріятеля на флангахъ и опредѣлили приблизительно его численность, указавъ даже вѣроятное направленіе его будущаго движенія». Никто, скажемъ отъ себя, до сихъ поръ не сомнѣвался въ доблестяхъ орденскаго драгунскаго полка; къ сожалѣнію, пословица: «въ семьѣ не безъ урода», и тутъ примѣнима. Весьма сожалѣю, что полковникъ Лермонтовъ, восхваляя подвиги драгунъ Цвѣткова, Голицы и Перепелова, не провѣрилъ ихъ показанія, спросивъ меня: такъ ли все было, какъ они рассказываютъ? А сдѣлать это было не трудно, такъ какъ полковнику было извѣстно, что я былъ взятъ въ плѣнъ и освобожденъ одновременно съ плѣнными нижними чинами. Я увѣренъ, что, узнавъ истину, полковникъ Лермонтовъ не похвалилъ бы этихъ драгунъ за поведеніе, недостойное воинскаго званія.

Возвращаясь къ прерванному разсказу: въ то время какъ мы съ штабсъ-капитаномъ Домбровскимъ присѣли и стали облегчать сапоги, наполненные водою, къ намъ подошли два челоуѣка въ полушубкахъ съ перекинутыми за спину ружьями. По форменнымъ фуражкамъ мы догадались, что это драгуны; слѣдомъ за ними явились трое турецкихъ солдатъ. Воины въ полушубкахъ весело разговаривали и смѣялись и, подѣвъ къ намъ, продолжали веселый разговоръ. Мы съ Домбровскимъ обмѣнивались грустными предположеніями объ исходѣ сраженія. «Плохо будетъ нашимъ, сказалъ я, если вовремя не подоспѣтъ подкрѣпленіе». — «Эхъ, господа, — впутывается въ разговоръ одинъ изъ драгунъ, — чего вы такъ печалитесь, по крайности, теперь больше воевать не будемъ». — Въ отвѣтъ смѣлый разговорщикъ получилъ отъ насъ нѣсколько крѣпкихъ словъ,

при нашемъ безсиліи проучить его, какъ бы слѣдовало. Очевидно, эти войны, «развинченные въ конецъ», рѣшили по-своему: «нечего, молъ, церемоніи водить, сѣли въ кружокъ, значить всѣ тутъ ровня». Вотъ въ чемъ состоялъ подвигъ двухъ плѣнныхъ драгунъ, рассказъ о которомъ въ другомъ тонѣ они такъ гладко и согласно подстроили за четыре мѣсяца плѣна!.. О третьемъ ихъ товарищѣ скажу послѣ, при моемъ посѣщеніи Скутари, гдѣ содержались плѣнные нижніе чины.

Послѣ краткаго отдыха насъ повели къ Сулейману-пашѣ. Дорогой подскакалъ турецкій офицеръ, повидимому, ординарецъ, и въ изысканныхъ выраженіяхъ на французскомъ языкѣ старался насъ успокоить, что мы будемъ подъ вѣрной охраной до самаго Константинополя. Далѣе намъ повстрѣчался другой всадникъ въ фескѣ, но въ шинели прусскаго образца. Это былъ прусскій офицеръ Крумбюгель, состоявшій при штабѣ Сулеймана. Крумбюгель представилъ меня и Домбровскаго Сулейману, который спросилъ меня по-французски, кто я. Я назвалъ себя. Узнавъ, что я раненъ, Сулейманъ приказалъ насъ отправить на перевязочный пунктъ въ д. Маренъ. Благодаря заботливости Крумбюгеля, англійскіе врачи (другихъ національностей не было) тщательно осмотрѣли мою рану, которая оказалась неопасною, благодаря тому, что пуля, ударивъ въ спину, не задѣла позвоночника. Ударъ былъ ослабленъ полушубкомъ и пальто. Однако, допуская возможность воспаления позвоночнаго хребта, врачи предлагали: одинъ—поставить пиявки, другой—банки, третій—компрессъ. Прислушиваясь къ ученымъ разговорамъ, я спросилъ Крумбюгеля: долго ли насъ продержатъ на перевязкѣ? — «Минутъ черезъ двадцать васъ всѣхъ (разумѣя и нижнихъ чиновъ) отправятъ въ турецкій лагерь въ Ахметли, верстахъ въ 6-ти отъ Маренъ»,—отвѣчалъ онъ. Сулейманъ приказалъ долго здѣсь не задерживать плѣнныхъ изъ опасенія фанатизма башибузуквъ. Не желая оставаться одинъ на перевязочномъ пунктѣ, я отказался отъ врачебныхъ пособій и попросилъ только обвязать чѣмънибудь спину, такъ какъ изъ раны сочилась кровь. Крумбюгель любезно предложилъ мнѣ свой платокъ. Погода была сырая и холодная. Насъ съ Домбровскимъ усадили на верховыхъ лошадей. Нижніе чины слѣдовали пѣшкомъ. Чтобы не свалиться съ лошади, я держался за луку, бросивъ поводъ. Турецкія лошади, очевидно, привыкли ходить по горамъ: мой конь осторожно ступалъ черезъ Балканы и ни разу не споткнулся. Къ вечеру мы прибыли въ Ахметли. Насъ помѣстили въ землянкахъ. На другой день привезли троихъ плѣнныхъ офицеровъ: Орловскаго полка штабсъ-капитана Розова — командира 1-ой стрѣлковой роты, подпоручика Ласкевича (нынѣ капитанъ 42 пѣх. Якутскаго полка) и Сѣвскаго полка штабсъ-капитана Сушкова. Намъ съ Домбровскимъ посчастливилось: насъ не обобрали, а бѣдный Розовъ жестоко поплатился:

злодѣи сняли съ него все, оставивъ въ одномъ бѣльѣ. Чтобы укрыться отъ холода и непогоды, онъ вынужденъ былъ на полѣ сраженія подобрать солдатскую шинель. Въ такомъ печальномъ видѣ, безъ сапогъ, предсталъ онъ передъ нами въ Ахметли! Здѣсь уже снабдили его ботинками. Въ Ахметли насъ продержали два дня. Въ первый день, утромъ, потребовалъ меня къ допросу каймакамъ (подполковникъ) генеральнаго штаба.

— Сколько пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи подъ Рущукомъ?— спросилъ онъ по-французски.

Я отговорился незнаніемъ. Турокъ, усомнившись въ моей искренности, возразилъ:

— Я служу султану, вы русскому императору; мы же съ вами товарищи, и намъ нѣтъ причины скрывать другъ отъ друга, что знаемъ.

— Вы справедливо сказали, полковникъ,—замѣтилъ я,—что служите своему государю, а я своему, и мы, пожалуй, товарищи по оружію; но я все-таки не могу дать свѣдѣній о количествѣ войскъ подъ Рущукомъ, такъ какъ выступилъ съ гвардіей изъ Петербурга подъ Горный Дубнякъ и послѣ «дѣла» получилъ назначеніе на Шипку.

Турокъ поморщился, но не настаивалъ и отпустилъ меня. Изъ Ахметли насъ отправили въ Сливны. Утомленный и ослабѣвшій, я просилъ какую нибудь повозку или телѣгу, но ничего подобнаго не оказалось. Дѣлать нечего, пришлось весь путь до Ямболи сдѣлать верхомъ по ужасной дорогѣ и при дождливой, холодной погодѣ, и, правду сказать, какимъ-то чудомъ я уцѣлѣлъ!..

Въ Сливнахъ насъ размѣстили съ нѣкоторымъ комфортомъ: намъ отвели двѣ комнаты; въ одной—помѣстили меня, въ другой—прочихъ офицеровъ. Для меня была приготовлена двухспальная кровать съ подушками и теплымъ одѣяломъ. Комендантъ отличался утонченною любезностью и предупредительностью. Явился даже музыкантъ, производившій неистовые звуки на цимбалахъ и видимо бившій на эффектъ, а мы думали, какъ бы избавиться отъ назойливаго артиста. На наше несчастье музыкантъ явился и къ ужину и еще отчаяннѣе билъ по струнамъ. Къ счастью, въ слѣдующіе дни онъ уже не являлся. Обѣды и ужины были à la turque: все одни супы и какая-то зелень, отбивавшая аппетитъ. Впрочемъ, во всю дорогу ѣсть не хотѣлось, зато жажда была мучительная, такъ что я рѣшился даже пить изъ лужи. Однако, любезность и предупредительность турокъ постепенно ослабѣвали; въ первый день пришелъ комендантъ, на второй—его помощникъ, а на третій—солдатъ, и уже не такъ-то легко можно было добиться чего нибудь съѣстнаго. На третій день вечеромъ мы продолжали путь на Ямболи. Здѣсь пріютилъ насъ въ своемъ домѣ еврей Криспинъ; онъ отнесся къ намъ весьма радушно, кормилъ безвозмездно и

поилъ своего приготовленія краснымъ виномъ. Черезъ три дня насъ перевезли на станцію желѣзной дороги, для слѣдованія изъ Ямболи въ Константинополь въ сопровожденіи подполковника, который меня допрашивалъ въ Ахметли. Онъ сообщилъ, что еврей Криспинъ, обѣщавшій проводить насъ на вокзалъ и привезти на дорогу своего вина, ѣхалъ верхомъ; лошадь чего-то испугалась, онъ упалъ и ушибся до смерти. Вѣрнѣе предположить, что еврей былъ убитъ раздраженной чернью за оказанное намъ гостепріимство. При нашемъ выходѣ изъ его дома одна женщина плюнула мнѣ вслѣдъ. На станціи присоединился къ намъ раненый Орловскаго полка подпоручикъ Сотскій. Въдняя такъ же, какъ штабсъ-капитанъ Розовъ, былъ въ солдатской шинели и безъ сапогъ. Наконецъ, послѣ 5-ти часового ожиданія, 1-го декабря, въ 8 ч. вечера поѣздъ тронулся. Въ каждомъ отдѣленіи вагона съ плѣннымъ офицеромъ помѣстили турецкаго солдата. Мой спутникъ сидѣлъ всю дорогу съ закрытыми глазами и что-то напѣвалъ, лишая меня отдыха. На послѣдней станціи къ Константинополю солдатъ замѣнили офицерами. На Адрианопольскую станцію къ приходу поѣзда, въ 9 ч. утра 2-го декабря, прибылъ комендантъ Джемиль-паша. Онъ обошелся съ нами весьма любезно, приказалъ приготовить для насъ завтракъ и объяснилъ, что съ удовольствіемъ показатъ бы мнѣ городъ, но не желаетъ стѣснять меня видомъ любопытныхъ. Я попросилъ коменданта снабдить ботинками бѣднаго Сотскаго, ноги котораго были завернуты въ однѣ тряпки. Просьба была немедленно исполнена. На станцію прибылъ и англійскій консулъ, сэръ Влоупт. Я ему жаловался на холодъ въ вагонахъ; въ особенности страдали ноги. Онъ тотчасъ же предложилъ мнѣ свой пледъ, а прочимъ офицерамъ были выданы одѣяла. На станціи обрадовалъ меня австріецъ, по фамиліи Кучера: онъ подошелъ ко мнѣ, на ухо сообщилъ о паденіи Плевны и обѣщалъ о нашемъ свиданіи написать моей женѣ; обѣщаніе свое онъ исполнилъ. Наконецъ, 3-го декабря, въ 6 ч. вечера, поѣздъ подошелъ къ Константинополю. У вокзала меня поджидала верховая лошадь для слѣдованія по улицамъ на показъ публикѣ; но такъ какъ я оказался не пашой (т. е. генераломъ), а миралаемъ (полковникъ), то меня усадили въ карету и подъ конвоемъ трехъ черкесовъ повезли къ коменданту, а отъ него — въ казарму и помѣстили въ отдѣльную комнату, къ наружнымъ дверямъ которой приставили двухъ чвсовыхъ. Офицеровъ и нижнихъ чиновъ отвезли на Азіатскій берегъ — въ Скутари, и размѣстили въ казармѣ. Всѣхъ плѣнныхъ нижнихъ чиновъ съ обоихъ театровъ войны было 450 чел. Комната для офицеровъ оказалась невозможною: грязная, сырая, съ убійственнымъ воздухомъ, благодаря сосѣдству отхожаго мѣста. Пищу давали солдатскую, не привычную русскому человѣку. Къ счастью, такое бѣдствіе продолжалось не долго. Послѣ представленія султану, 5-го декабря, офицеровъ на

другой же день перевели въ ту же казарму, гдѣ былъ помѣщенъ я. Издававшаяся въ Константинополь газета «La Verité» въ одномъ изъ своихъ номеровъ помѣстила замѣтку, что плѣнные офицеры были размѣщены въ заранѣе приготовленныхъ для нихъ «аппартаментахъ». Перепечатали и наши газеты. Нечего сказать: хороши были эти аппартаменты!!... Всѣхъ офицеровъ со мной было 8. Пятерыхъ я назвалъ раньше; изъ нихъ подпоручикъ Сотскій, раненый, былъ отправленъ въ лазаретъ, а черезъ двѣ недѣли по прибытіи нашемъ въ Константинополь присоединились еще двое: сотникъ Секретевъ и Чугуевскаго уланскаго полка корнетъ Главацкій. 5-го декабря, насъ, т. е. меня, Домбровскаго, Розова, Ласкевича и Сушкова, отправили на смотръ султану въ загородный дворець. Меня усадили въ карету съ подполковникомъ, который меня допрашивалъ въ Ахметли, а офицеры должны были слѣдовать пѣшкомъ. До дворца пришлось итти около часа; погода была ненастная, шелъ дождь. Недалеко отъ дворца подкатили кареты, и офицерамъ предложили войти; но они благоразумно отказались. Послѣ того, какъ насъ выстроили въ шеренгу передъ дворцомъ, въ одномъ изъ оконъ раздвинулась занавѣсъ, и на мгновеніе показалась чья-то фигура. Это, какъ мнѣ сказали, и былъ султанъ. Затѣмъ ввели насъ во дворець,—въ небольшую, изящно убранную комнату въ европейскомъ вкусѣ и предложили сѣсть; сначала мы не рѣшались этимъ воспользоваться, такъ какъ наше верхнее платье намокло отъ дождя, но по настоянію дежурнаго наши повиновались. Въ комнату вошелъ лейбъ-медикъ, нѣмецъ, и передалъ мнѣ въ атласномъ мѣшечкѣ отъ имени его величества султана 25 турецкихъ лиръ; офицеры получили по семи. При раздачѣ денегъ я долженъ былъ удостовѣрить, что штабсъ-капитанъ Розовъ дѣйствительно офицеръ, такъ какъ онъ явился во дворець въ солдатской шинели съ погонами рядового. Подсѣвъ ко мнѣ, лейбъ-медикъ повелъ такую рѣчь:

— Ich glaube, alle Officiere der russischen Armee sind gegen den unrechten Krieg so unfreundlich gehoben von Alexander dem Zweiten über Seine Majestät den Sultan». (Я думаю, всѣ офицеры русской арміи противъ несправедливой войны, такъ недружелюбно начатой Александромъ II противъ его величества султана).

И ему отвѣтить:

— Die russische Armee mischt sich nie in die Politik. Sie beveget sich direkt nur nach dem Befehl Seiner Majestät, Aber nach meiner Meinung der Krieg wäre schon längst zu Ende, wenn die Engländer sich nicht in fremde Thaten mischten; da sie aber nach dem russischen Sprichwort «Oel zum Teuer zugießen», so ist es kein Wunder, dass der Krieg so lange dauert. (Русская армія не вмѣшивается въ политику, она наступаетъ по приказу его величества. Но, по моему мнѣнію, война давно была бы окончена, если бы не англичане,

которые, вмѣшиваясь не въ свое дѣло, по русской пословицѣ, подлили масла въ огонь. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что война затянулась).

— Ich werde also Ihre Meinung Seiner Majesätt dem Sultan vortragen,—сказалъ онъ. (Я доложу о вашемъ мнѣніи его величеству султану).

— Bitte, seien Sie so gefällig, Herr Arzt,—отвѣтилъ я. (Будьте такъ любезны, господинъ докторъ).

Къ концу разговора подали кофе въ маленькихъ чашечкахъ à la turque; затѣмъ мы откланялись. На другой день я представлялся военному министру Реуфу-пашѣ, который сказалъ, что его величество султанъ поручилъ передать мнѣ свое удовольствіе по случаю вчерашняго представленія ко двору и пожелалъ, чтобы мы были довольны и ни въ чемъ не нуждались. Однако цѣлый мѣсяцъ до начала января насъ никуда изъ комнатъ не выпускали. Къ моимъ дверямъ, какъ я сказалъ, приставили двухъ часовыхъ и въ качествѣ прислуги назначили татарина Арифа, плохо говорившаго по-русски. Въ первый же вечеръ, когда я вышелъ въ коридоръ, одинъ изъ часовыхъ неожиданно схватилъ меня за горло и, растворивъ дверь, втокнулъ въ комнату. Слабость была еще такъ велика, а нервы до такой степени расшатаны, что я не удержался на ногахъ, упалъ и заплакалъ. Въ такомъ положеніи засталъ меня мой татаринъ. Когда объ этомъ случаѣ доведено было до свѣдѣнія коменданта, онъ приказалъ строго наказать часового; но по моей просьбѣ наказаніе было отмѣнено въ виду моего объясненія, что не часовой виноватъ, а тотъ, кто ставилъ его на постъ, не объяснивъ, что онъ охраняетъ не преступника, а военноплѣннаго офицера. Подобный же случай повторился, но въ другомъ родѣ, съ штабсъ-капитаномъ Розовымъ: онъ такъ же вышелъ въ коридоръ, и часовой чуть не закололъ его; онъ спасся, лишь благодаря тому, что успѣлъ во время оттолкнуть отъ себя штыкъ. Въ это время въ концѣ коридора показался офицеръ. Розовъ попросилъ его подойти, а татарина—разсказать, въ чемъ дѣло. Офицеръ, не долго думая, начинаетъ бить часового; часовой бросаетъ ружье и убѣгаетъ. Тогда Розовъ приказываетъ передать офицеру, что онъ все-таки будетъ жаловаться коменданту. Турокъ рѣшительно недоумѣваетъ: устремивъ на Розова неподвижный и удивленный взоръ, развелъ руками, желая какъ бы сказать: «вотъ чудакъ, чего же ему еще надо, кажется, я все сдѣлалъ, что слѣдовало?!»...

Въ продолженіе мѣсяца, какъ я сказалъ, насъ держали взаперти. Положеніе было невыносимо. Комната моя кишѣла насѣкомыми разныхъ породъ: тутъ были красныя, черныя и свѣтло-сѣрыя. Они, очевидно, съ нетерпѣніемъ поджидали свою жертву. Если прибавить къ этому, что бѣлье съ 22 ноября по 10 января оставалось безъ смѣны, можно себѣ представить, съ какимъ остер-

венѣиёмъ принялись за работу казарменные хозяева, обрадованные новымъ квартирантомъ, котораго они не стѣсняясь привѣтствовали и днемъ. Выведенный изъ терпѣнія и обезсиленный въ неравной борьбѣ, я обратился за совѣтомъ къ турецкому капитану, служившему на Кавказѣ и говорившему немного по-русски. Тотъ очень спокойно возразилъ: «то ли еще будетъ весной!». Утѣшительно, думаю, если придется дожидаться здѣсь весны... На мои неоднократныя просьбы о разрѣшеніи сходить въ магазинъ за бѣльемъ и помыться въ банѣ я получалъ одинъ отвѣтъ: «ясакъ» (нельзя), несмотря на то, что баня находилась въ чертѣ казарменнаго расположенія. Наконецъ, я вздохнулъ свободно, когда пришелъ первый драгоманъ германскаго посольства, г. Шредеръ, отъ имени принца Рейса, германскаго посла, которому были поручены русскіе плѣнные. Съ г. Шредеромъ я переписывался по возвращеніи изъ плѣна. Благодаря принцу, который принялъ въ насъ большое участіе, намъ разрѣшили сходить въ Перу (европейская часть города) за бѣльемъ и наконецъ свели въ баню. На радостяхъ мы купили «угощенья» и своимъ казарменнымъ мучителямъ. Кромѣ Шредера, заходилъ ко мнѣ англичанинъ, сэръ William Sellar, членъ константинопольскаго библейскаго общества. Онъ водилъ меня по зданію отдѣла общества, ознакомилъ съ богатой бібліотекой и вручилъ на память брошюру съ текстомъ изъ Евангелія на языкахъ и нарѣчіяхъ всего свѣта. Къ брошюрѣ Sellar присоединилъ и свою кабинетную карточку. Кое-какъ мы съ нимъ объяснялись по-нѣмецки и подъ конецъ хорошо понимали другъ друга.

На улицѣ намъ разрѣшено было показываться не иначе, какъ въ турецкой военной формѣ и въ сопровожденіи турецкаго офицера. Поэтому, до перваго выхода въ «свѣтъ», насъ нарядили въ какіе-то пиджаки въ родѣ нашихъ «тужурокъ» съ погонами, какъ у подпрапорщикова; хотѣли нарядить въ фески, но я добился разрѣшенія остаться въ фуражкахъ. Одновременно съ разрѣшеніемъ гулять разрѣшили входъ къ намъ постороннимъ посѣтителямъ. Начали появляться турецкіе офицеры и, вѣроятно, ради смѣлости, всегда попарно: войдутъ, останоятся въ дверяхъ на 1—1½ минуты, установятся на меня, затѣмъ, повернувшись, исчезаютъ. Чтобы ободрить трусливыхъ посѣтителей, я запасся папиросами и, какъ только являлась такая пара, я тотчасъ же говорилъ имъ, показывая на папиросы: «тютюнъ, ефендимъ!» (табачку, господа). Тогда они подходили ближе и рѣшались сѣсть, но не иначе, какъ рядышкомъ. Слово тютюнъ перешло и къ намъ для обозначенія низшаго сорта табаку. Впослѣдствіи эти посѣтители стали смѣлѣе: приносили мнѣ въ утѣшеніе яблоки, апельсины, черносливъ и изюмъ. Вниманіе ихъ ко мнѣ въ особенности усилилось послѣ того, какъ турецкая газета «Bassiret» объявила, что великій князь главнокомандующій плѣннымъ отправленъ въ Адриано-

поль, что онъ былъ взятъ Сулейманомъ съ 20 т. арміей и 80 орудіями, и великому князю въ утѣшеніе султанъ приказалъ послать много разнаго сорта кушаній и лакомствъ! Добродушные турки вѣрили и храбрились въ моемъ присутствіи!! На другой день поѣхалъ меня старшій евнухъ султана, который повторилъ тѣ же свѣдѣнія, будто бы полученныя при дворѣ. Признаться, меня это встревожило; думаю: можетъ быть, нашу армію постигла какая нибудь неудача. Въ тотъ же день къ вечеру отлегло: читаю въ «Levant Herald»: «Il parait, que Souleiman-pascha était ceindré par les troupes russes» (кажется, Сулейманъ-паша былъ окруженъ русскими войсками). Поѣхали меня также: венгерець—полковникъ на турецкой службѣ и профессоръ военной школы, турокъ, получившій образованіе въ Сень-Сирской школѣ. Первый принесъ мнѣ два нумера «Berliner Tageblatt», второй доказывалъ, что русскіе не знаютъ турокъ, считая ихъ варварами. Напротивъ, турки—народъ добродушный, къ христіанамъ не питаютъ злобы и жаждутъ просвѣщенія, но правительство тормозитъ всякое движеніе впередъ. «Всѣ народы, говорилъ, между прочимъ, профессоръ, стремятся къ объединенію, и мы сдѣлаемъ тоже: нашихъ братьевъ—мусульманъ много въ Азіи. Мы обратимъ свои взоры на Индію. Если это не понравится англичанамъ, не наше дѣло». Профессоръ перечислялъ нѣсколько проектовъ, для рѣшенія ихъ въ законодательномъ порядкѣ. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ и въ блестящей будущности Турціи, благодаря русскимъ, которые въ настоящую кампанію дали имъ хорошій урокъ. Однако пламенные рѣчи профессора не произвели пожара, и всѣ проекты для торжества мусульманъ не нашли практическаго примѣненія въ Индіи, гдѣ все осталось по-старому. Что касается процвѣтанія Турціи, то блестящая будущность можетъ наступить для нея развѣ съ освобожденіемъ женщинъ изъ заключенія, возведеннаго въ культъ правовѣрныхъ. Кстати о затворницахъ: вышли мы какъ-то по обыкновенію на прогулку, я со своимъ постояннымъ спутникомъ—турецкимъ офицеромъ. Случайно мы попали въ запретную улицу, гдѣ жительствовакъ какой-то знатный паша. Въ извѣстные часы улица замыкалась съ обѣихъ сторонъ. На этотъ разъ входъ въ улицу былъ открытъ. Идемъ. Вдругъ, съ противоположнаго конца улицы наступаютъ на насъ женщины попарно въ бѣлыхъ одеждахъ. Изза нихъ выскакиваютъ на насъ съ угрозами какія-то блѣднолицыя существа. Мы поспѣшно поворачиваемъ назадъ. Моему спутнику за недозволенный променадъ порядкомъ досталось, хотя онъ былъ не виноватъ.

Кромѣ газеты «Levant Herald» на которую я подписался, принцъ Рейсъ черезъ военнаго министра прислалъ мнѣ нѣсколько книжекъ журнала «Revue des deux mondes» и нумера газеты «Kölnische Zeitung». Я хотѣлъ пойти поблагодарить принца за вниманіе. На

мой вопросъ помощнику коменданта: дозволяютъ ли мнѣ посѣтить принца, онъ отвѣтилъ: «едва ли, а впрочемъ я спрошу коменданта». Не желая получить официальный отказъ, я просилъ помощника коменданта не возбуждать объ этомъ вопроса, такъ какъ я раздумалъ идти къ принцу. Между тѣмъ, совершая ежедневныя прогулки, я ознакомился съ улицами, ведущими къ зданію германскаго посольства, и черезъ нѣсколько дней, какъ всегда, въ сопровожденіи турецкаго офицера, подошелъ къ желанному пункту. Швейцаръ по моей фуражкѣ догадался, кто я, и мигомъ растворилъ дверь; но едва мой спутникъ ступилъ за мной, какъ въ тотъ же мигъ передъ нимъ закрылась дверь, и бѣдный турокъ остался на улицѣ дожидать моего выхода. Принцъ принялъ меня очень любезно, тотчасъ усадилъ, спросилъ, не нуждаюсь ли я въ чемъ, и всѣмъ ли довольны мы и плѣнные нижніе чины. Я отвѣчалъ принцу, что, благодаря его заботливости, мы всѣмъ удовлетворены. Что касается нижнихъ чиновъ, то мнѣ ничего о нихъ неизвѣстно, и, несмотря на мои просьбы навѣстить ихъ, разрѣшенія я не получилъ. Принцъ выхлопоталъ мнѣ это разрѣшеніе, и черезъ нѣсколько дней я отправился на пароходѣ въ Скутари въ сопровожденіи помощника коменданта. Съ пристани мы направились къ скутарійскому коменданту, любезно пригласившему насъ къ завтраку. Усѣлись къ столу. Не говоря уже объ отсутствіи скатерти, не было ни ножей, ни вилокъ, ни салфетокъ. Подали изрядной величины мѣдную сковороду съ небольшими кусочками баранины съ обильнымъ масломъ. Комендантъ, захвативъ двумя перстами первый кусокъ, подаль его мнѣ съ улыбкою благорасположенія. Принявъ кусокъ, я такъ же съ улыбкой благодарилъ за оказанное вниманіе и подумалъ: что-жъ теперь дѣлать? Подавиться надо! Однако, взявъ себя, какъ говорится, въ руки, кусокъ проглотилъ къ удовольствію паши. Отъ коменданта я пошелъ въ помещеніе нижнихъ чиновъ. Оказалось, что многіе изъ нихъ не имѣли бѣлья и шинелей. Все это было доставлено по распоряженію принца по моему докладу его свѣтлости. При опросѣ люди заявили, что имъ надоѣлъ сладкій супъ, которымъ ихъ угощаютъ ежедневно: «то ли дѣло, говорили они, наши щи да каша!» Въ это время подошелъ ко мнѣ одинъ изъ плѣнныхъ. Я не могъ разобрать, во что онъ одѣтъ: что-то на немъ висѣло порванное, грязное.

— Что тебѣ надо и кто ты такой?—спросилъ я.

— Я орденскій драгунъ,—отвѣтилъ онъ.—Когда освободятъ плѣнныхъ, возьмутъ ли меня домой?

— Почему же, ты полагаешь, не возьмутъ?

— Да я передался туркамъ.

— Какъ такъ?

— Болгаринъ везъ два воза сѣна; я хотѣлъ отнять, онъ не давалъ, я его и зарубилъ. Очень ужъ я испугался наказанія, взялъ да убѣгъ къ туркамъ.

Это и былъ, вѣроятно, третій герой статьи полковника Лермонтова, подхватившій якобы меня въ трудныя минуты подъ руки?!..

Пища была однообразная: рисовый супъ, на второе—коюнь (баранина съ рисомъ); послѣ посѣщенія Шредера, на третье—давали по два яблока. Отпускали чай съ лимономъ. Въ первый разъ подали чай, заваренный въ мѣдной кастрюлѣ на жаровнѣ; но послѣ моего объясненія, что чай такимъ способомъ не готовится, ежедневно появлялись уже два чайника, какъ это принято въ гостиницахъ. Въ той же казармѣ, по сосѣдству со мной, содержался подъ арестомъ турецкій майоръ (бимбаши) за то, что при переправѣ нашихъ войскъ у Систова его баталіонъ бѣжалъ. Майору понравился мой чай. Онъ, конечно, зналъ время, когда татаринъ приносилъ чай. Лишь только бывало возьмусь за чайники, майоръ тутъ какъ тутъ! Получаетъ онъ, разумѣется, каждый разъ приглашеніе къ столу и наливаетъ себѣ по вкусу. Майоръ любилъ сладкій чай и клалъ отъ 6 до 8 кусковъ на стаканъ. Послѣ нашего чая подсаживался безъ церемоніи къ столу мой татаринъ и кушалъ себѣ въволю. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда мы съ майоромъ налили себѣ по стакану, а Арифъ ждалъ очереди, майоръ обратился къ татарину съ какой-то фразой. Изъ словъ: гранъ дюкъ Никола, я догадался, что рѣчь идетъ о его высочествѣ главнокомандующемъ, а татаринъ переводитъ: «бимбаши спрашиваетъ, гдѣ теперь французъ»!..

Отопленіе комнатъ производилось по особому способу. Печей не существовало, комнаты нагрѣвались жаровнями прямоугольной формы, которыя наполнялись угольями и вносились въ комнаты. Такую жаровню приносили ко мнѣ на ночь, и, странное дѣло, я засыпалъ, и мнѣ въ голову не приходило, что я могу не проснуться на другой день. Точно такъ же я не останавливался на мысли, что одному изъ часовыхъ, имѣвшихъ свободный доступъ въ мою комнату, при открытыхъ дверяхъ, днемъ и ночью, можетъ вздуматься заколотъ меня, оправдываясь тѣмъ, что Магометъ приснился ему и приказалъ покончить съ гяуромъ. Или, переходя по мосту въ Галату (европейская сторона города) съ фонаремъ въ рукахъ, на окликъ часового: «кто идетъ?»—отвѣтишь: аскеръ, (солдатъ) и спокойно идешь дальше, нисколько не думая, что часовой, замѣтивъ русскую фуражку, въ догонку ударитъ штыкомъ въ спину. Въ то время, не знаю, какъ теперь, улицы въ Константинополѣ не освѣщались фонарями, а каждый пѣшеходъ имѣлъ въ рукахъ фонарь. Фонари готовились изъ спиральной проволоки, обтянутой провощенымъ коленкоромъ разныхъ цвѣтовъ. Фонарь выпускался передъ выходомъ на улицу и собирался по минованіи надобности, и тогда замѣнялъ подсвѣчникъ со свѣчой. Такой фонарь я сохранилъ на память.

Первое письмо къ женѣ, въ Петербургъ, я передалъ не запечатан-

нымъ въ руки помощника коменданта. Не получая отвѣта, я написалъ второе и третье, но уже черезъ германское посольство. Вдругъ получаю телеграмму отъ жены: «*rescue seconde, troisieme lettre, première non*». Телеграмма меня встревожила, такъ какъ первое письмо могло своевременно успокоить жену, что я живъ и въ безопасности. Я отправился съ телеграммой къ Реуфу-пашѣ. «*Pardon, general, d'être venu vous deranger*, говорю ему, *mais comme il s'agit du repos de ma famille, j'ai pris cette liberté*». На вопросъ Реуфа, что меня такъ встревожило, я показавъ ему телеграмму и добавилъ: «*cette lettre, votre excellence, était une lettre de confiance, non cachetée*». Реуфъ-паша старался меня успокоить, обѣщавъ навести справку. Письмо было отъ 12 декабря. Жена получила его 15 февраля, послѣ того, какъ до нея дошли 2, 3 и 4-е. По наведенной справкѣ, письмо было отправлено въ Петербургъ черезъ англійское посольство. Въ послѣдующіе разы я былъ осторожнѣе и передавалъ письма черезъ германское посольство и раза два черезъ канцелярію Реуфа-паши.

Съ турецкими посѣтителями я обыкновенно объяснялся черезъ своего переводчика татарина Арифа-ефенди. Этой прибавкѣ очень смѣялись турки, такъ какъ ефенди—по-нашему господинъ. Чтобы какъ нибудь самому объясняться съ ними по-турецки, я сталъ учиться турецкому языку. Ко мнѣ ежедневно приходилъ офицеръ *Rami-effendi*, и я съ его помощью записывалъ и заучивалъ отдѣльные слова и цѣлыя фразы. Теперь, конечно, я все позабылъ, лишь нѣкоторыя слова еще остались въ памяти; но въ то время я значительно подвинулся впередъ и разъ даже разсердился по-турецки. Случилось это при такихъ обстоятельствахъ: сначала, какъ я сказалъ, меня на прогулку возили въ каретѣ; это было раза два, а затѣмъ водили пѣшкомъ, въ сопровожденіи офицера. По обращенію турокъ со мною я узнавалъ, въ какомъ положеніи дѣла на театрѣ войны. Если для турокъ хорошо, со мной вѣжливы и предупредительны, если плохи, турки грубы и неохотно вступаютъ въ разговоры. Вѣроятно, въ одинъ изъ непріятныхъ для нихъ дней, я возвращался домой съ прогулки около 10 часовъ вечера. Казарменные ворота, охраняемыя офицерскимъ карауломъ, оказались запертыми. Мой провожатый проситъ отворить. Изъ-за воротъ раздается голосъ: «*ясакъ*» (нельзя). Офицеръ настаиваетъ, объясняя, что онъ съ русскимъ полковникомъ. Охранитель воротъ повторяетъ: «*ясакъ*». Тогда ужъ я начинаю: «*русскій миралай ярень гедежекъ сераскеръ-паша! Ачь!*»!.. (Русскій полковникъ пойдетъ завтра къ военному министру! Отворить!) Ворота отворяются настежь, и офицеръ извиняется.

Въ первую экскурсію по городу въ каретѣ со мной посадили молодого турка, весьма образованнаго, хорошо говорившаго по-французски. Онъ имѣлъ занятія въ трехъ учрежденіяхъ: читалъ лекціи

въ медицинской академіи, занимался въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и два раза въ недѣлю долженъ былъ являться на ученіе въ казармы, числясь въ національной гвардіи. Фамилія его Хазипъ-бей. Онъ показывалъ мнѣ рельефную карту войны съ Россіей на Дунаѣ. Работа замѣчательная, обнаруживавшая руку талантливаго мастера. Объѣзжая городъ по разнымъ направленіямъ, мы заѣхали съ Хазипъ-беемъ въ мечеть св. Софіи. Зданіе по обширности грандіозно, но наружной красотой не поражаетъ. Соборъ былъ осмотрѣнъ подробно: надъ входными дверями гробъ св. Софіи, а въ одномъ изъ куполовъ замѣтенъ ликъ Спасителя съ поднятыми вверхъ руками. Изображеніе это хотя закрашено, но очертанія сохранились. Я оставилъ у себя на память нѣсколько мозаичныхъ камешковъ, выпадающихъ временами изъ куполовъ.

Константинополь въ то время не отличался постройками: около большого красиваго дома—маленькій, невзрачный, напротивъ либо пустое мѣсто, ничѣмъ не занятое, либо развалины когда-то бывшихъ каменныхъ построекъ. Зато рѣзко выдѣляется красивое зданіе сераскеріата (военное министерство) съ двумя корпусами по сторонамъ. Подъ прямымъ угломъ къ этимъ корпусамъ два каменныхъ съ колоннами флигеля. Въ одномъ—квартира коменданта, въ другомъ—учрежденія министерства. Зданія эти, вмѣстѣ съ казармой, обращенной переднимъ фасомъ къ главному корпусу сераскеріата, образуютъ обширную квадратную площадь. Въ продолженіе перваго мѣсяца, когда меня держали взаперти, изъ окна моей комнаты я могъ развлекаться одиѣми и тѣми же картинами: въ извѣстные часы, наши, видимо щеголявшіе красными панталонами, проходили изъ сераскеріата въ комендантское управленіе и обратно, или на площади появлялась рота, баталіонъ, и начиналась маршировка. Солдатъ не маршировалъ, т. е., не ходилъ, а приставлялъ каблукъ поднятой ноги къ носку другой. Въ это время мнѣ было любопытно знать, какая польза ожидалась отъ такого упражненія, но когда разрѣшили прогулку, я, разумѣется, забылъ просить разъясненія загадки, потерявшей временный интересъ.

День 14-го февраля 1878 года запечатлѣлся въ моей памяти и, вѣроятно, въ памяти моихъ товарищей по заключенію: мы имѣли счастье видѣть перваго соотечественника со дня нашего прибытія въ Константинополь. Встрѣча послѣдовала при такихъ обстоятельствахъ. Утромъ я еще былъ въ постели, когда вошелъ помощникъ коменданта съ письмомъ отъ князя Ме—о къ военному министру. Князь просилъ разрѣшенія меня видѣть. День былъ хорошій, хотѣлось прогуляться, но, въ виду визита князя, я рѣшилъ остаться, чтобы не упустить случая видѣть «своего», ибо, понятнo, каждый русскій при данной обстановкѣ былъ свой человѣкъ. Часовъ въ 10-ть пришелъ нашъ терджиманъ (переводчикъ) — гимназистъ 4-го класса Керченской гимназіи, по фамиліи Петруцоло, родомъ

грекъ. Онъ охотно исполнялъ наши порученія. Петропуло сообщилъ, что былъ у князя Ме—о, который очень желаетъ меня видѣть и будетъ ждать меня до 12 часовъ. У него будетъ лейтенантъ Пущинъ, содержавшійся въ казармѣ морского вѣдомства. Я отправился на свиданье вмѣстѣ съ штабсъ-капитаномъ Домбровскимъ. Судьба соединила насъ въ минуту несчастья, и съ тѣхъ поръ мы вмѣстѣ совершали прогулки. Когда мы вошли въ помѣщеніе князя, Пущинъ уже былъ тамъ. Послѣ обычной фразы: «очень пріятно познакомиться», его сіятельство пригласилъ насъ сѣсть, а самъ опустился въ кресло, протянувъ ноги. Закрывъ лицо платкомъ и зѣвнувъ, онъ, продолжая прикрываться платкомъ, издавалъ неясные звуки. Вижу, товарищи начинаютъ морщиться и сидятъ, какъ на иголкахъ. Я начинаю рассказывать кое-какіе эпизоды изъ нашего житья-бытья. Наконецъ мнѣ и это надоѣло. Мы переглянулись, взяли за фуражки и стали откланиваться. На прощанье я затронулъ вопросъ о времени освобожденія нашего изъ плѣна. Его сіятельство былъ столь милостивъ, что выразилъ готовность спросить объ этомъ графа Игнатьева, добавивъ: «если вы желаете»...

Предоставляю каждому судить о степени испытаннаго нами удовольствія отъ такого свиданія...

Зато какъ мы были обрадованы черезъ нѣсколько дней свиданіемъ съ истинно русскимъ человѣкомъ. Онъ не изъ любопытства пришелъ посмотрѣть на плѣнныхъ. Нѣтъ! Въ его словахъ, голосѣ мы почувствовали человѣка родного. Онъ пришелъ оказать посильную помощь своимъ братьямъ, заброшеннымъ судьбою на чужую сторону. Это былъ А. Н. Мо—въ, сотрудникъ «Петербургской Газеты». По освобожденіи изъ плѣна Османа-паши и прибытіи его въ Константинополь, А. Н. неоднократно не только справлялся о времени нашего освобожденія изъ плѣна, но вступалъ по этому поводу въ объясненія съ лицами, власть имѣвшими, и, странное дѣло, встрѣчалъ въ нихъ полное равнодушіе и удивленіе нетерпѣнію плѣнниковъ поскорѣ выйти на свободу...

Каждый разъ при полученіи извѣстій съ театра войны комендантъ присылалъ за мной и, сообщая положеніе воюющихъ сторонъ, спрашивалъ моего мнѣнія о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ столкновенія. Сулейманъ-паша былъ восхваляемъ болѣе Османа. Къ этимъ бесѣдамъ приглашались нѣсколько паней, которые молча выслушивали нашъ разговоръ съ комендантомъ. Переводчикомъ служилъ подполковникъ, съ которымъ, какъ я уже упоминалъ раньше, я познакомился въ Ахметли. Въ одно изъ такихъ засѣданій, когда рѣчь зашла о Сулейманѣ и Османѣ, я спросилъ на ухо у переводчика: какъ по-турецки хорошій и дурной, и, обратившись къ коменданту, сказалъ: Османъ-паша «и—и», а Сулейманъ-паша «фена». Такое сопоставленіе крайне удивило слушателей. Я тотчасъ же объяснился: «первый, говорю, укрѣпилъ Плевну на славу, заста-

вивъ осаждающихъ потерять много людей при неоднократныхъ и неудачныхъ приступахъ, а второй самъ потерялъ отборныя войска при неоднократныхъ и бесполезныхъ приступахъ на Шипку».

Печальная судьба постигла Сулеймана: возвеличенный герой былъ свергнутъ съ пьедестала темною, неуязвимою интригою, пустившюю глубокіе корни въ турецкихъ гаремахъ. Послѣ разгрома арміи Сулеймана онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Константинополь и посаженъ въ ту же казарму, гдѣ содержались плѣнные офицеры, взятые имъ при Еленѣ. Бывшій маршалъ, главнокомандующій, еще не былъ осужденъ, даже судъ надъ нимъ не собирався, а онъ уже, какъ простой арестантъ, заключенъ въ темницу на хлѣбъ и на воду, ему не даютъ табаку, что для турка дороже пищи; окна покрашены масляною краской, и комната охраняется десятью часовыми.

Въ одно изъ засѣданій, о которыхъ я упомянулъ, вышелъ забавный случай: въ комнату вошелъ не то денщикъ, не то офицеръ, безъ погонь, въ солдатской шинели и въ фуражкѣ съ кокардой, лѣтъ 21 — 22-хъ. Я спросилъ, кто онъ. Онъ отвѣтилъ: «Чугуевскаго уланскаго полка майоръ Главацкій». Я посоветовалъ ему снять фуражку. По молодости лѣтъ я усомнился видѣть передъ собой майора; но, думаю, бываютъ же случаи въ военное время быстро возвышенія по службѣ. Помѣстили майора Главацкаго вмѣстѣ съ прочими офицерами. На вопросъ товарищей, почему онъ такъ счастливо вышелъ въ майоры, Главацкій безъ запинки съ достоинствомъ отвѣчалъ: «великій князь главнокомандующій неоднократно давалъ мнѣ рискованныя порученія подъ Плевной, и я ихъ съ успѣхомъ выполнялъ. Въ послѣдній разъ, во время тумана, я попалъ въ турецкій лагерь и былъ захваченъ коннымъ пикетомъ». Такъ Главацкій все время и слылъ за майора, какъ у насъ, такъ и у турокъ. Когда, по распоряженію турецкаго правительства, намъ ежемѣсячно приносили на мелочные расходы кредитные билеты (кайме), Главацкій, какъ майоръ, получалъ больше прочихъ оберъ-офицеровъ. Послѣ Санъ-Стефанскаго договора, когда плѣннымъ офицерамъ разрѣшено было выходить на прогулку безъ конвоя, а изъ Стефано пріѣзжали въ Константинополь русскіе офицеры въ партикулярномъ платьѣ, случилось какъ-то, что майоръ Главацкій прогуливался съ прочими офицерами. На одной изъ улицъ подходитъ къ нимъ какой-то господинъ въ статскомъ платьѣ, въ шляпѣ, и обращается къ Главацкому со словами: «какъ вамъ не стыдно, г. офицеръ, показываться на улицѣ въ разстегнутой шинели и красной фуфайкѣ на посмѣяніе публикѣ!»—«А вамъ, милостивый государь, какое до этого дѣла,—отвѣчаетъ Главацкій,—и какое вы имѣете право дѣлать мнѣ замѣчаніе?» Тогда одинъ изъ спутниковъ Главацкаго, штабсъ-капитанъ Розовъ, дергаетъ его за шинель и шепчетъ: «это Скобелевъ!»—«А ну его,—отвернувшись говоритъ Главацкій,—пой-

демъ, Розовъ». На другой день за Главацкимъ явился посланный отъ генерала Скобелева. Главацкій возвратился отъ генерала съ 50 турецкими лирами, которыя ему было поручено раздать плѣннымъ товарищамъ. Главацкій распредѣлилъ полученную сумму по чинамъ, не забывъ, разумѣется, своего майорскаго чина. Какъ долженъ былъ этотъ майоръ въ душѣ смѣяться надъ нами: мы его признали въ майорскомъ чинѣ, и торжество его продолжалось бы до возвращенія изъ плѣна, но судьба и надъ нимъ посмѣялась! Случилось это на улицѣ, во время прогулки Главацкаго съ Розовымъ: идутъ они беззаботно, глазѣя по сторонамъ, какъ вдругъ Главацкій съ нѣкоторымъ безпокойствомъ обращается къ своему спутнику: — «Свернемте, Розовъ, въ эту улицу». — «Это зачѣмъ?» — спрашиваетъ тотъ. — «Да такъ себѣ», — нерѣшительно отвѣчаетъ Главацкій. Но въ это время настигъ ихъ молодой статскій и въ фамиллярномъ тонѣ заговариваетъ съ Главацкимъ. Свободное обращеніе юноши съ майоромъ коробитъ штабсъ-капитана Розова, и онъ, обратившись къ молодому человѣку, говоритъ, что его, какъ строевого офицера, крайне удивляетъ недостатокъ уваженія младшаго къ старшему, да еще къ майору. Молодой человѣкъ, выслушавъ спокойно замѣчаніе штабсъ-капитана Розова, раздражается громкимъ неудержимымъ смѣхомъ, то останавливаясь, то принимаясь снова хохотать. Наконецъ, ударяя майора по плечу, говоритъ: какой онъ майоръ, его лишь недавно произвели въ корнеты!.. И вотъ майоръ Главацкій, по возвращеніи въ казарму, былъ шумно привѣтствованъ товарищами...

Столица, въ особенности власти, были крайне встревожены близостью нашихъ войскъ и не сомнѣвались въ неизбежности вступленія побѣдоноснаго непріятеля въ Константинополь. На всѣхъ мечетяхъ и видныхъ зданіяхъ были расклеены объявленія, приглашавшія населеніе столицы быть покойнымъ и не обнаруживать враждебной демонстраціи при вступленіи непріятеля въ городъ, такъ какъ русскія войска не остановятся по квартирамъ, а пройдутъ городъ, чтобы сѣсть на суда и немедленно покинуть Константинопольскія воды. Реуфъ-паша послалъ за мной, поздравляя съ окончаніемъ войны и добавивъ, что я скоро увижу свой полкъ. На вопросъ: «можетъ ли это быть такъ скоро?»—Реуфъ-паша отвѣтилъ: «онъ сюда придетъ». Секретарь военнаго министра уже началъ заискивать во мнѣ и просилъ заявить о немъ принцу Рейсу, такъ такъ принималъ иногда отъ меня письма въ Петербургъ... И что же: вышелъ я какъ-то на прогулку, вижу бывшихъ товарищей-измайловцевъ въ статскомъ платьѣ. Спрашиваю: что это значитъ? развѣ вы не вступите въ Константинополь?—«Нѣтъ, говорятъ, мы остановились въ Санъ-Стефано и дальше ни шагу!». Досада меня взяла! А что я могъ сдѣлать? Дать знать, что городъ со смиреніемъ ожидаетъ вступленія въ столицу побѣдоноснаго врага? Я былъ ли-

шенъ этой возможности: за мной слѣдили, и всякая попытка была бы бесполезна!..

Послѣ Санъ-Стефанскаго договора было разрѣшено ходить по городу безъ провожатаго—турецкаго офицера, но только мнѣ одному, а для прочихъ офицеровъ разрѣшеніе послѣдовало черезъ недѣлю, по моему ходатайству. Первымъ дѣломъ было обзавестись статскимъ платьемъ, сбросить турецкую форму и уже въ обновленномъ видѣ показываться на улицѣ и по обыкновенію, но уже безъ стѣсненія, въ петербургской гостиницѣ, куда мы часто хаживали и распивали *safe au lait*, угощая и турецкихъ спутниковъ. Здѣсь я вновь встрѣтился съ Крумбюгелемъ, съ которымъ мы коротко сошлись. Онъ просилъ моего ходатайства о поступленіи на русскую службу. По возвращеніи въ Петербургъ я докладывалъ объ этомъ военному министру и получилъ въ отвѣтъ, что желаніе Крумбюгеля можетъ быть удовлетворено лишь въ томъ случаѣ, если онъ получитъ согласіе германскаго правительства и заручится соотвѣтствующей рекомендаціей. Я написалъ объ этомъ Шредеру и получилъ отвѣтъ, что Крумбюгель едва ли можетъ рассчитывать на удовлетворительную рекомендацію, такъ какъ, разстроивъ свои дѣла на родинѣ, онъ рѣшился ихъ поправить на турецкой службѣ и состоитъ при штабѣ Фуада-паши. Посѣщая часто Перу, я познакомился съ симпатичнымъ греческимъ семействомъ *Rasquali*, гдѣ съ удовольствіемъ проводилъ время въ пріятной бесѣдѣ. Случилось мнѣ зайти къ нимъ около половины марта. Разговоръ коснулся времени освобожденія нашего изъ плѣна. Добрые люди весьма сочувственно относились къ нашему положенію полной неизвѣстности. Какъ разъ въ этотъ день мимо ихъ квартиры должны были прослѣдовать экипажи изъ Санъ-Стефано во дворецъ Дольма-Бахче съ высокопоставленными лицами, по приглашенію султана. *Rasquali* совѣтовали мнѣ выйти на улицу и показаться проѣзжимъ.

— Васъ увидятъ,—говорили они,—и тотчасъ же прикажутъ освободить.

Я поблагодарилъ добрыхъ людей за сочувствіе, но совѣта не принялъ потому, сказалъ я, что пока ходилъ по улицамъ съ «турецкимъ хвостомъ». Я былъ въ нетерпѣннѣ скорѣе отъ него избавиться, но съ того дня, какъ я воленъ ходить безъ провожатаго, буду терпѣливо ожидать дня освобожденія.

День этотъ скоро наступилъ и при забавной обстановкѣ. Ночью изъ глубокаго сна я былъ разбуженъ стукомъ раскрывшихся дверей; моя комната освѣтилась сильнымъ свѣтомъ. Къ постели подошли четверо, у cadaго въ рукахъ по зажженной свѣчѣ. Нельзя было не испугаться и не заподозрѣть злого умысла. Но страхъ тотчасъ же прошелъ, когда заговорилъ одинъ изъ ночныхъ посѣтителей. Это былъ помощникъ коменданта въ сопровожденіи моего татарина Арифъа и двухъ незнакомецъ. Али-бей обратился ко мнѣ

со словами: «Миралай гайда Одесса». На выраженное съ моей стороны затрудненіе отправиться ночью помощникъ коменданта пояснилъ, что у пристани стоитъ срочный пароходъ, отходящій въ Одессу, и потому слѣдуетъ торопиться, чтобы не опоздать. Однако я настойчиво продолжалъ доказывать, что мнѣ никакъ не возможно такъ скоро собраться въ путь,—мнѣ необходимо еще до отъѣзда побывать у принца Рейса, поблагодарить его за заботу о русскихъ плѣнныхъ; наконецъ бѣлье мое отдано въ стирку. На первый пунктъ турокъ не возражалъ, «а бѣлье, говорилъ, вамъ приплюютъ въ Одессу». Съ послѣднимъ словомъ ночные гости ушли. Послѣ ихъ ухода было не до сна, конечно. На другой день передъ тѣмъ, какъ итти въ посольство за разъясненіемъ, я посоветовалъ офицерамъ ничего безъ меня не предпринимать, пока я не вернусь. Совѣтникъ посольства, г. Ону, нынѣ посолъ въ Афинахъ, на мой вопросъ: «почему я долженъ немедленно отправиться въ Одессу?»—удивился и въ свою очередь спросилъ: «кто же васъ заставляетъ немедленно отправляться?». Узнавъ о ночныхъ посѣтителяхъ, онъ улыбнулся и сказалъ: «поѣзжайте, когда хотите. Вотъ въ чемъ загадка: вчера за обѣдомъ во дворцѣ я шепнулъ великому князю о плѣнныхъ; его высочество доложилъ султану, который приказалъ немедленно освободить плѣнныхъ, а исполнители приказанія приняли его буквально, а вы поѣзжайте, когда вздумаете». Когда я вернулся въ казарму, офицеры передали мнѣ требованіе коменданта немедленно отправляться на пароходъ, и когда они ему сказали, что ждуть моего возвращенія изъ посольства, комендантъ сердился и говорилъ, что въ русской арміи, какъ видно, нѣтъ дисциплины. На другой день, простившись съ казармой, я переѣхалъ въ семью Rasquali, которая любезно предоставила въ мое распоряженіе свободную комнату, а черезъ нѣсколько дней перебрался въ гостиницу.

23-го марта 1878 года, я поѣхалъ въ Санъ-Стефано представляться великому князю. Его высочество слушалъ внимательно мой рассказъ обо всемъ, что случилось со мной до плѣна и во время пребыванія въ Константинополѣ. Во время рассказа доложили о приводѣ лошадей отъ султана. Великій князь всталъ и, прощаясь со мной, сказалъ: «поѣзжайте въ Петербургъ, а тамъ увидимъ». Въ тотъ же день я получилъ отъ главной квартиры видъ на проѣздъ, а на слѣдующій — поѣхалъ въ Чаталджу проститься съ Орловскимъ полкомъ. На обратномъ пути я захватилъ съ собой своего денщика Степана и уцѣлѣвшія вещи. Этотъ преданный слуга ни за что не хотѣлъ уступить мои вещи, когда ему говорили, что я убитъ, и вещи все равно придется продавать. Хотя Степану было извѣстно донесеніе генерала Домбровскаго, что я «остался на мѣстѣ», онъ, несмотря на это, все-таки упорствовалъ и не вѣрилъ. «Повезу, говорилъ, вещи барынѣ въ Петербургъ».

Передъ выѣздомъ изъ Константинополя я заходилъ откланяться принцу Рейсу, благодарилъ за его постоянныя заботы о русскихъ плѣнныхъ, за журналы и газеты, которыми онъ снабжалъ меня. Принцъ далъ мнѣ на прощанье свой фотографическій портретъ.

Пароходъ несъ меня къ родному берегу, и, казалось, наступилъ конецъ моимъ тревогамъ и волненіямъ. Однако, оказалось, что это еще не все. Прошло немало времени, пока я вздохнулъ свободно... 5-го апрѣля 1878 года, я возвратился въ Петербургъ; черезъ нѣсколько дней представлялся военному министру, который принялъ меня благосклонно, спросилъ о послѣдствіяхъ контузіи, вообще выказалъ много теплоты и участія. Черезъ недѣлю я имѣлъ счастье представляться покойному государю Александру II.

Государь подалъ мнѣ руку и милостиво спросилъ, хорошо ли со мной обращались въ Константинополѣ. Я отвѣтилъ, что не имѣю причины жаловаться. Въ декабрѣ 1877 года, я былъ зачисленъ по армейской пѣхотѣ, слѣдовательно, съ весьма ограниченнымъ содержаніемъ. Какъ человекъ семейный, я долженъ былъ позаботиться о матеріальномъ обезпеченіи своего семейства. Соображая, что предпринять, я вспомнилъ слова великаго князя: «поѣзжай въ Петербургъ, а тамъ увидимъ». Я ухватился за эти слова и, не откладывая, пошелъ въ Знаменскій дворецъ. Его высочество въ тотъ день смотрѣлъ въ манежѣ племенныхъ телятъ, и швейцаръ обо мнѣ не доложилъ, предупредивъ, что если завтра приѣду послѣ десяти часовъ утра, то его высочество опять не приметъ, такъ какъ вчерашній смотръ въ манежѣ не былъ оконченъ. Я, разумѣется, пришелъ вовремя. Изъ представлявшихся, кромѣ меня, былъ только одинъ. «Вотъ,—думаю,—какъ удачно попалъ: великій князь будетъ имѣть время меня выслушать». Его высочество, увидѣвъ меня, подошелъ со словами:

— А! Здравствуй! Государь мнѣ говорилъ, что тебя видѣлъ. Получаешь назначеніе?

— Пришелъ за приказаніемъ къ вашему императорскому высочеству.

— Теперь не я,—сказалъ великій князь и, круто повернувшись, подошелъ къ ожидавшему очереди; послѣ объясненія съ нимъ, великій князь, сдѣлавъ общій поклонъ, удалился.

Какія чувства и мысли волновали меня въ эту минуту, понятно каждому... Выйдя изъ дворца, я перешелъ мостъ, повернулъ направо по набережной, но тутъ осѣнила меня мысль: «Нѣтъ! Не можетъ быть! Государь былъ такъ милостивъ ко мнѣ. Не виновать же я, что остался живъ!» Подъ вліяніемъ такихъ мыслей нижу передо мною домъ, но не домъ у Измайловскаго моста, гдѣ проживала моя семья. Тутъ только я сообразилъ, что перешелъ рѣку, да не ту: противъ меня оказалось зданіе академіи художествъ!.. Послѣ первой неудачи я рѣшился избрать другой путь: пошелъ

въ приѣмный день въ домъ Лобанова. Военный министр, выслушавъ меня, спросилъ, былъ ли я у великаго князя. Я отвѣтилъ утвердительно, добавивъ, что его высочество далъ мнѣ понять, что ничего сдѣлать для меня не можетъ. Военный министр приказалъ мнѣ подать докладную записку. Въ ней я просилъ о зачисленіи меня на должность губернскаго воинскаго начальника и о сохраненіи содержанія командира полка впредь до полученія соотвѣтствующей должности. Недѣли черезъ двѣ, приѣдя въ главный штабъ за справкою, узнаю, что мнѣ ассигновано 400 рублей. Это, говорю, недоразумѣніе, такъ какъ я просилъ о сохраненіи содержанія командира полка. Мнѣ объяснили, что военный министр назначилъ мнѣ 400 рублей изъ фонда для раненыхъ, а по докладной запискѣ резолюціи еще не послѣдовало. При вторичномъ посѣщеніи главнаго штаба я имѣлъ личное объясненіе съ начальникомъ штаба, графомъ Гейденомъ, и сказалъ, что охотнѣе командовалъ бы строевою частью, вмѣсто должности воинскаго начальника. 17-го августа 1878 года, состоялся высочайшій приказъ о моемъ назначеніи командиромъ 6-го гренадерскаго таврическаго его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полка, которымъ я имѣлъ честь командовать десять лѣтъ. Въ 1888 году, съ производствомъ въ генералъ-майоры, я былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 34-й пѣхотной дивизіи, которою командовалъ девять лѣтъ; въ 1897 году—назначенъ начальникомъ 61-й пѣхотной резервной бригады и 24-го октября 1899 года уволенъ отъ службы по предѣльному возрасту.

За всю сорокапяти-лѣтнюю службу въ войскахъ я сохранилъ самое свѣтлое и дорогое воспоминаніе о покойномъ государѣ Александрѣ II и его сподвижникѣ, графѣ Д. А. Милютинѣ, которому я обязанъ возстановленіемъ моего добраго имени.

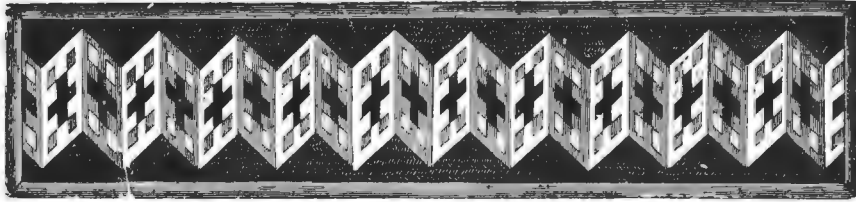
В. Клевезаль.

Г. Тула.

9-го декабря 1900 года.

ИСТОРИЯ КАРТОЧНОЙ ИГРЫ НА РУСИ ¹⁾.

VIII.

Любимая игра императора Петра III.—Карточная игра въ придворномъ и домашнемъ обиходѣ Екатерины II.—Партнеры императрицы.—Неистовыя выходки за картами камергера Черткова и графа Строганова.—«Ломберъ», какъ модная и любимая игра.—Бриллиантовое макао.—Примѣры достопамятныхъ ставокъ въ игрѣ.

ТАВЪ императоромъ, Петръ III «любилъ посидѣть за столомъ и повеселиться», какъ рассказываетъ Болотовъ, въ то время, въ качествѣ ординарца генераль-полицеймейстера Корфа, почти ежедневно посѣщавшій Зимній дворецъ и присутствовавшій на дворцовыхъ куртагахъ и пирушкахъ. «Веселился» государь въ компаніи своихъ любимыхъ голштинцевъ, у которыхъ научился курить табакъ и неумѣренно тянуть англійское пиво.

«Тутъ насмотрѣлся я досыта,—рассказываетъ точный и достовѣрный очевидецъ:—какъ на государя, такъ и всему происходившему. Видѣлъ, какъ тутъ играли въ карты и какъ танцевали, наслушался прекрасной музыки, въ которой государь самъ бралъ соучастіе и игралъ на скрипицѣ, вмѣстѣ съ прочими, довольно хорошо и бѣгло; наконецъ за большимъ столомъ и со многими, съ превеликимъ хотаніемъ и крикомъ, забавлялся онъ въ свою любимую игру кампію». За этой игрой, сопровождаемой, конечно, приличными возліаніями, Петръ нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи напролеть.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXIII, стр. 559.

Болотовъ говорилъ, что этой игры «кампіи» онъ до той поры никогда и нигдѣ не видывалъ, хотя, сдѣлавъ нѣсколько кампаній въ семилѣтнюю войну, долженъ былъ, кажется, насмотрѣться на всякія карточныя игры, свирѣпствовавшія среди современнаго ему офицерства. Очень ему хотѣлось видѣть, какъ играетъ государь въ эту невиданную игру: «былъ я уже,—разсказываетъ онъ:—столько смѣлъ и отваженъ, что, подойдя близехонько къ столу, смотрѣлъ на оную и не могъ довольно насмотрѣться и надивиться» ¹⁾).

Екатерина II не питала большого пристрастія къ карточной — тѣмъ менѣе — азартной игрѣ, строго слѣдуя въ этомъ пунктѣ «наставленію» своего отца: «ненавидѣть и избѣгать крупную игру, въ которой проявляется только алчность и скряжничество» ²⁾). Если, какъ мы видѣли, она, будучи великой княгиней, и измѣняла иногда этому правилу, то не по страсти, а скорѣе по принужденію и ради стороннихъ расчетовъ. Державинъ, обращаясь къ Фелицѣ и отождествляя въ своемъ лицѣ современный типъ культурнаго россиянина со всеми его слабостями и пороками, безъ всякой лести могъ сказать:

Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра.

Тѣмъ не менѣе, уступая общепринятому обычаю, Екатерина регулярно отдавала картамъ извѣстные часы почти ежедневно. Кромѣ разсѣянія и отдыха, она находила въ игрѣ удобный способъ для бесѣды, для сближенія и знакомства съ лицами, чѣмъ нибудь ее интересовавшими. Когда, напримѣръ, Потемкинъ при первыхъ встрѣчахъ имѣлъ счастье понравиться, его приглашаютъ въ Эрмитажъ и послѣ спектакля милостиво предлагаютъ сыграть партію; партія затягивается на весь вечеръ — и рѣшаетъ всю судьбу будущаго «великолѣпнаго князя Таврическаго» ³⁾). Карты служили, случалось, и для интимной переписки. Въ бумагахъ А. Ю. Нелединскаго-Мелецкаго, пожалованнаго камергеромъ въ 1768 г., пользовавшагося милостью Екатерины и бывшаго ея партнера, сохранились тщательно завернутыя двойка червей и двойка бубенъ. На первой написано карандашомъ рукою императрицы: «Кумъ, здравствуй!», а на второй: «Прошу повѣрить во всемъ. Екатерина» ⁴⁾). Послѣдней, повидимому, обезпечивался карточный долгъ.

Екатерина вела очень регулярный образъ жизни. Въ перепискѣ съ извѣстной г-жей Жоффренъ, относящейся къ первымъ годамъ ея царствованія, она описала какъ-то обычный порядокъ дня: «Послѣ обѣда,—пишетъ она между прочимъ,—является гадкій ге-

¹⁾ «Записки», т. II, стр. 199.

²⁾ «Исторія Екатерины II» В. А. Бильбасова, т. I.

³⁾ Разказы П. О. Карабанова, «Русская Старина», т. V, 466.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1867 г., стр. 103.

нераль (le vilain général—И. И. Бецкій), чтобы читать мнѣ наставленія; онъ беретъ книгу, а я—свою работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты и другія помѣхи, длится до пяти съ половиною часовъ: тогда я или ѣду въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ нибудь до ужина, который кончается до 11 часовъ, затѣмъ я ложусь въ постель и на другой день повторяю то же самое, какъ по нотамъ»¹⁾).

Дѣйствительно, Екатерина оставалась вѣрна этому режиму до конца жизни съ тою только разницею, что съ лѣтами она чаще предпочитала карточную игру театру²⁾. Игра происходила обыкновенно во время дворцовыхъ «куртаговъ» (то-есть, съѣздовъ), которые начинались въ 6 часовъ вечера и къ 10-ти оканчивались. Куртаги бывали, смотря по числу гостей и степени парадности, «большіе» и «малые». На послѣдніе съѣзжались только наиболѣе приближенныя къ императрицѣ лица. Съ появленіемъ государыни, гости вмѣстѣ съ нею усаживались за карты, хотя всегда находились и неигравшіе «зрители», которые все время оставались у карточныхъ столовъ. Эта разгруппировка не всегда бывала случайной. Въ положеніи и роли такого «зрителя» началъ свои авансы Г. А. Потемкинъ или, по крайней мѣрѣ, нашель случай ихъ обозначить. Рассказываютъ, что однажды, когда Екатерина играла съ Г. Г. Орловымъ, находившійся тутъ Потемкинъ, въ качествѣ «зрителя», подошелъ къ столу и, развязно опершись на него рукою, сталъ смотрѣть въ карты государыни. Раздосадованный такой вольностью Орловъ шепнулъ ему, чтобы онъ отошелъ.

— Оставьте его,—возразила Екатерина:—онъ вамъ не мѣшаетъ,³⁾!

Легко понять, какое впечатлѣніе произвела эта коротенькая фраза на Орлова и всѣхъ окружающихъ.

Обыкновенно партію императрицы составляли: графъ К. Г. Разумовскій, фельдмаршалъ графъ З. Г. Чернышевъ, графъ А. С. Строгановъ, фельдмаршалъ князь А. М. Голицынъ, графъ Брюсъ, князь Вяземскій, князь Г. Г. Орловъ (смѣненный въ 70-хъ годахъ Потемкинымъ), камергеры Чертковъ, Нелединскій-Мелецкій и другіе, а также иностранные посланники. Послѣдніе играли съ императрицей, главнымъ образомъ, на большихъ куртагахъ и во время придворныхъ баловъ. Тогда обставлялось это нѣкоторой церемоніальностью. Лицъ, удостоенныхъ составить партію государыни, по ея приказу и ея именемъ, приглашали камеръ-пажи и подавали имъ карты⁴⁾. Извѣстный Коксъ, лично присутствовавшій на большомъ

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. I, 261.

²⁾ Князь Эстергази, въ письмѣ къ женѣ изъ Петербурга, рассказывая, насколько была опечалена Екатерина извѣстіемъ о смерти князя Потемкина, говорить, что она даже отъ карточной игры на время отказалась по этому поводу.

³⁾ «Русская Старина», т. XII, 420.

⁴⁾ «Записки» Л. Н. Энгельгардта, 46.

дворцовомъ куртагѣ 1-го октября 1778 г., такъ описываетъ карточную игру императрицы: явившись въ собраніе и посмотрѣвъ нѣкоторое время на танцы, Екатерина удалилась въ сосѣднюю комнату. «Мы,—разсказываетъ Коксъ,—бросились слѣдомъ за ея величествомъ въ числѣ другихъ придворныхъ и столпились у стола, за который она сѣла играть въ карты. Партнерами ея были: герцогиня (?) Курляндская, графиня Брюсъ, сэръ Дж. Гаррисъ, Потемкинъ, Разумовскій, Панинъ, Репнинъ, И. Чернышевъ... Въ теченіе вечера великій князь и великая княгиня подходили къ играющимъ и съ четверть часа постояли у карточного стола. Императрица, повидимому, мало обращала вниманія на карты и все время непринужденно и весело разговаривала съ партнерами и стоявшими возлѣ лицами. Около десяти часовъ ея величество удалилась въ свои апартаменты»¹⁾.

Екатерина «болѣе любила,—разсказываетъ П. И. Сумароковъ,—дѣлать партію съ Разумовскимъ и Чернышевымъ для того, что они не мирволили ей, какъ другіе, но отбивали у нея игры, заставляли брать каски и ставить ремизы». Чертковъ же «всегда за картами съ нею шумѣлъ, горячился, доказывалъ, что она играть не умѣетъ, и часто съ досадою бросалъ карты. Екатерина кротко или оправдывалась, или извинялась и никогда за то на него не гнѣвалась». Однажды она сослалась въ своей правости на двухъ сидѣвшихъ подлѣ нея французскихъ генераловъ (эмигрантовъ).

— Хороши свидѣтели!—возразилъ Чертковъ:—ну, кто имъ повѣритъ, когда они своему королю измѣнили²⁾?

Только тутъ императрица сочла нужнымъ предостеречь своего строптиваго партнера, чтобы онъ впредь былъ воздержнѣе на языкъ.

Не менѣе характеристичную сцену записалъ М. П. Полуденскій со словъ князя С. М. Голицына. Она относится къ 90-мъ годамъ. Князь былъ ея очевидцемъ. Тогда еще капитанъ гвардіи, онъ однажды находился на дежурствѣ во дворцѣ и стоялъ у дверей комнаты, гдѣ императрица играла въ карты съ графомъ А. С. Строгановымъ, Н. П. Архаровымъ и графомъ Стакельбергомъ. Играли въ вистъ по имперіалу за роберъ. Строгановъ проигрывалъ, сердился, наконецъ, бросилъ карты и сталъ ходить по комнатѣ.

— Съ вами играть невозможно,—горько жаловался онъ, адресуясь къ государынѣ:—вамъ легко проигрывать, а мнѣ-то каково!

Архаровъ, для котораго эта сцена была еще вновь, испугался и всплеснулъ руками.

— Не пугайтесь, Николай Петровичъ,—спокойно и кротко замѣтила Екатерина:—пятьдесятъ лѣтъ та же исторія!

¹⁾ «Русская Старина», XIX, 29.

²⁾ «Черты Екатерины Великой».

Походивъ немного, графъ Строгановъ опять сѣлъ къ столу, и игра продолжалась какъ ни въ чемъ не бывало ¹⁾.

Играла Екатерина, по словамъ того же Сумарокова, «прежде въ вистъ по девяти рублей робертъ, послѣ въ рокомболъ, а наконецъ въ бостонъ, пикетъ по самой малой цѣнѣ». Дежурный камерпажъ «имѣлъ всегда червонцы, имперіалы, для заплата ея проигрыша». Порошинъ, ведшій подневныя записки и по личнымъ наблюденіямъ, болѣе достовѣренъ, свидѣтельствуя, что «прежде», т.-е. въ срединѣ 60-хъ годовъ, Екатерина играла, обыкновенно, въ ломбертъ. Тогда ломбертъ былъ модной игрой, какъ можно судить по тѣмъ же запискамъ... «Сѣли и разговаривали заужиной о балетѣ, о московскомъ житьѣ нашемъ и о ломбертѣ»,—записываетъ Порошинъ подъ 22-мъ ноября 1764 года, разумѣя подъ собесѣдниками своего воспитанника, малолѣтняго тогда великаго князя Павла Петровича, графа Н. И. Панина, Салдерна, себя и другихъ лицъ, составлявшихъ «маленькій дворъ» великаго князя ²⁾.

Если даже въ нарочито-назидательныхъ бесѣдахъ съ наследникомъ престола, которому тогда едва исполнилось девять лѣтъ, его мудрые и степенные воспитатели находили умѣстнымъ «разговаривать», между прочимъ, о ломбертѣ, то можно судить, насколько игра эта была тогда въ ходу и владѣла всеми просвѣщенными умами. Сумароковъ ошибся въ датѣ: вистъ сталъ извѣстенъ у насъ гораздо позже ломбера и вошелъ въ моду не ранѣе 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Но объ этомъ послѣ.

Не упоминаетъ Сумароковъ и о макао, которое также допускалось иногда на придворныхъ куртагахъ, при личномъ участіи въ немъ императрицы, впрочемъ, уже въ позднѣйшіе годы ея жизни. Весьма распространенное у насъ въ то время макао было, кажется, единственной азартной игрою, которая проникла во дворецъ въ екатерининскіе дни. Велась она очень оригинально и, на первый взглядъ, чрезчуръ расточительно—играли не на деньги, а на брилліанты. Вотъ какъ описываетъ, въ письмѣ къ Гримму, сама Екатерина одинъ изъ устроенныхъ ею сеансовъ этой игры: «для макао были разставлены три большіе стола, покрытые бархатными коврами. На каждомъ столѣ помѣщались небольшой ящикъ, золотая ложечка и афишка, которая гласила слѣдующее: «африканскій вельможа выложилъ на каждомъ столѣ ящикъ съ брилліантами не на продажу, а чтобъ играть въ макао. Каждое девять (выигранное число очковъ въ макао) будетъ оплачиваться камнемъ въ одинъ каратъ». «Какъ весело играть въ брилліанты! Это похоже на «Тысячу и одну ночь»,—добавляетъ Екатерина ³⁾.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1869 г., 641.

²⁾ Записки Порошина, 2-е изд., стр. 15 и сл.

³⁾ Сборникъ И. Р. И. О., т. XXIII.

Это брилліантовое макао было устроено, во время великолѣпныхъ празднествъ, данныхъ на масляницѣ въ 1778 году, по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича. Событіе это, какъ извѣстно, чрезвычайно обрадовало Екатерину. Участвовавшій въ этихъ празднествахъ англійскій посланникъ, Джемсъ Гаррисъ (впослѣдствіи лордъ Мальмсбюри), описалъ и вышеупомянутое макао. «Во время игры,—сообщалъ онъ въ своемъ донесеніи отъ 18-го марта,—кромѣ (?) денежнаго выигрыша, брилліантъ цѣною въ 50 рублей выдавался императрицей каждому, кто имѣлъ (на картахъ) девять. Такимъ образомъ было роздано 150 брилліантовъ. Никто, кромѣ русскихъ высшихъ фамилій, не былъ приглашенъ на сей разъ; но, нѣсколько дней спустя, иностранцамъ и прочимъ лицамъ было показано это великолѣпное собраніе драгоцѣнныхъ камней»¹⁾.

Извѣстно, что Екатерина любила драгоцѣнные камни, особенно брилліанты, какъ любилъ послѣдніе и князь Потемкинъ, въ апогеѣ своего возвышенія нерѣдко забавлявшійся по вечерамъ тѣмъ, что пересыпалъ руками при свѣтѣ многихъ свѣчей цѣлыя кучи этихъ блестящихъ камешковъ. Въ Эрмитажѣ была особая комната, называвшаяся брилліантовой. Играть на брилліанты было «очень весело», очень затѣйливо и могло напоминать волшебную сказку изъ «Тысячи и одной ночи», но, на самомъ дѣлѣ, игра была въ результатѣ далеко не изъ крупныхъ. Сто пятьдесятъ брилліантовъ, по 50-ти рублей за штуку, составляли, вѣдь, всего семь тысячъ пятьсотъ рублей. Что могла значить эта сумма по сравненію съ тѣми шальными кушами, которые нерѣдко ставились на карту и проигрывались тогдашними баловнями фортуны, подверженными страстишкѣ къ азартной игрѣ или искавшими въ нихъ сильныхъ ощущеній!

Вотъ нѣсколько достопамятныхъ примѣровъ.

Князь Потемкинъ какъ-то, въ минуту откровенности, говоря о своемъ пресыщеніи удачей и счастьемъ, сказалъ, между прочимъ, что онъ «любилъ играть и проигрывалъ суммы несчетныя»²⁾. На языкѣ «великолѣпнаго князя Таврическаго», сорившаго миллионы, «суммы несчетныя», дѣйствительно, должны были представлять цифры, едва постижимыя уму простыхъ смертныхъ.

Не меньшія суммы проигрывалъ и другой блистательный герой «случая» С. Г. Зоричъ, резиденція котораго—Шкловъ—прославилась въ короткое время на всю Европу неслыханно-крупной азартной игрой. Разъ, проѣздомъ черезъ Москву, Зоричъ вмгъ пропонттировалъ 44.000 рублей³⁾.

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1874 года, стр. 1484.

²⁾ Записки Л. Н. Энгельгардта, 116.

³⁾ Разказы изъ русской исторіи, Ал. Барсукова, 257.

П. Б. Пассекъ, во время своего генераль-губернаторства въ Могилевѣ, проигрывалъ и выигрывалъ, случалось, по десяти и двадцати тысячъ рублей въ одинъ вечеръ.

Куши эти, впрочемъ, могли казаться довольно еще умѣренными и заурядными передъ ставками, напримѣръ, извѣстнаго самодура и богача Л. Д. Измайлова, который позднѣе въ одномъ аристократическомъ игорномъ домѣ въ Москвѣ ставилъ съ перваго абцуга на одну карту по 50-ти тысячъ и доводилъ ставку до 300-хъ тысячъ рублей.

Весьма предприимчивъ былъ въ этомъ отношеніи и Валеріанъ Зубовъ, братъ фаворита Платона Александровича Зубова. Игралъ въ фараонъ, онъ, если вѣрить Массону, ставилъ бывало по 30.000 рублей на одну карту, но это еще что: позднѣе, при Павлѣ, знаменитый графъ Паленъ, понтируя тому же Зубову, ставилъ на карту 200.000 рублей, какъ свидѣтельствуешь графъ П. А. Толстой¹⁾.

Въ Москвѣ, гдѣ въ екатерининскіе дни особенно была развита крупная азартная игра, среди элегантныхъ игроковъ вошло какъ-то въ обыкновеніе, когда игра шла на наличное золото, ставить въ банкѣ ставки червонцами не счетомъ, а мѣрою—стаканами²⁾. Считать было слишкомъ мѣшкотно—значило бы «золотое время» терять, а съ другой стороны и неряшливо: холеные пальчики приходилось бы грязнить монетами, невѣсть гдѣ и у кого предъ тѣмъ побывавшими, *fi-donc!*

Въ какое же сравненіе съ приведенными примѣрами и хотя бы только съ послѣднимъ могли итти скромныя ставки, по 50 рублей каждая, брилліантоваго макао, устроеннаго Екатериной?

IX.

Личное отношеніе Екатерины II къ крупной азартной игрѣ и къ ея героямъ.—Нравственное вліяніе и мѣры кротости.—Игра Г. Г. Орлова.—Проигрышъ во время кстати.—Сенаторъ, изобличенный императрицей въ незаконной игрѣ.—Карточная оргія.—Картина игорнаго «сообщества» подъ перомъ очевидца.—Карточные моты, ростовщики и «купцы».—«Вольное» житье и «вольная» игра.—Законъ о недействительности актовыхъ обязательствъ по карточнымъ долгамъ.

Сохранилось немало документовъ, фактовъ и анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что императрица Екатерина, дѣйствительно, не любила большой игры и, сколько могла, не мирволила ей ни въ обществѣ, ни даже среди своихъ приближенныхъ. Когда до ея свѣдѣнія доходили выдающіеся, сенсаціонные случаи такой игры, она всегда почти близко принимала ихъ къ сердцу, зачастую

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1882 года, II, 63.

²⁾ Замѣчательныя богатства Е. П. Карновича, 60.

энергически требовала строгаго разслѣдованія и изыскивала мѣры къ пресѣченію зла, хотя это, къ сожалѣнію, рѣдко приводило къ желаемымъ результатамъ.

Всего лучше и нагляднѣе обрисовывается отношеніе императрицы къ подобнымъ случаямъ въ слѣдующей сценѣ, бѣгло набросанной въ «Дневникѣ» Храповицкаго отъ 19-го марта 1789 г.

Жилъ былъ нѣкто Делицынъ, побочный сынъ вице-канцлера кн. А. М. Голицына,—малый не весьма, должно быть, крѣпкій и обстоятельный, потому что жилъ недолго и передъ смертью былъ «обмануть и обыгранъ», какъ удостовѣрялъ его опечаленный отецъ. Сообщая объ этой утратѣ въ письмѣ А. Д. Мамонову, бывшему тогда «въ случаѣ», князь просилъ походатайствовать у императрицы, чтобы право наслѣдованія имѣніями князя было утверждено за дѣтьми, оставшимися послѣ Делицына. Письмо это перешло въ портфель Храповицкаго, и, когда онъ его прочиталъ въ слухъ на утреннемъ докладѣ, Екатерина была очень взволнована несчастной участію Делицына и хотѣла непремѣнно знать, чьей онъ сталъ жертвой. «Былъ вопросъ,—записываетъ Храповицкій:—кто обыгралъ?» Храповицкій не могъ дать отвѣта. «Спрашивали у П. И. Турчанинова. Тотъ не знаетъ, но слышалъ, что долгу до 70 т., и сіе есть смерти (Делицына) причиною». Догадка эта подлила масла на огонь. Императрица волнуется, не можетъ успокоиться и продолжаетъ разспрашивать, кто были виновники смерти бѣднаго молодого человѣка, безжалостно его обманувшіе и обыгравшіе? Она должна знать ихъ, чтобы достойно наказать.—«Не Рибасъ ли? М. С. Потемкину, кажется, нельзя было обыграть?»... Чтобы положить конецъ этимъ щекотливымъ разспросамъ, тактичный и деликатный секретарь вынужденъ былъ изъясниться съ нѣкоторой рѣшительностью: «Я сказалъ,—заключаетъ онъ,—что, по истинѣ, ничего не знаю, да и (Де)Лицына не зналъ». На этомъ, повидимому, все дѣло и кончилось...

Конечно, изъ политики и по особымъ личнымъ отношеніямъ, на инья «шалости» и грѣшки въ этомъ родѣ приходилось смотрѣть сквозь пальцы или вразумлять «шалуновъ» мягко и снисходительно силою одного лишь нравственнаго вліянія. Екатерина, какъ извѣстно, владѣла тайной такого вліянія—оно было у нея огромное и нерѣдко оказывалось по результатамъ болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ всякіе запреты и репрессалии.

До переворота 1762 г., главные его герои, Орловы, слыли отчаянными кутилами, сорви-головами и картежниками. Особенно пристрастенъ былъ къ картамъ и велъ большую игру Г. Г. Орловъ. Къ нему на пирушки и для игры собиралась вся тогдашняя гвардейская «золотая молодежь», у которой онъ пользовался популярностью и любовью. Здѣсь-то, подъ веселый шумъ холостецкой гульбы, когда молодыя, удалыя головы разгорались отъ хмеля и игрецкаго

азарта, Орловы вербовали сторонниковъ Екатерины и сообщниковъ задуманнаго ими заговора. Вино и карты сослужили заговорщикамъ великую службу даже въ самый моментъ переворота. Тайно наблюдать за Орловыми былъ приставленъ со стороны безпечнаго Петра III преданный ему, но такой же безпечный С. В. Перфильевъ. Орловы довѣдались объ этомъ и были насторожѣ, а накануне достопамятнаго «дѣйства» 28-го іюня, когда А. Г. Орловъ скакалъ въ Петергофъ къ Екатеринѣ, Г. Г. Орловъ, по разсказу Гельбига, «всю эту ночь поилъ Перфильева и проигралъ ему нѣсколько тысячъ рублей, чтобы занять его и отвлечь отъ наблюденія». Неравнодушный къ вину и къ картамъ надсмотрщикъ далъ себя поймать въ эту нехитрую ловушку!

Съ воцареніемъ Екатерины Г. Г. Орловъ, возвысившійся до сана «перваго вельможи», какъ привѣтствовалъ его современный описецъ, рѣзко перемѣнилъ свое поведеніе. Такъ, по свидѣтельству князя М. М. Щербатова, онъ заблагоразсудилъ, что «карточная азартная игра можетъ привести другихъ къ разоренію, и играть въ нее пересталъ» ¹⁾. Не можетъ быть сомнѣнія, что Орловъ въ этомъ случаѣ, кромѣ личнаго благоразумія, подчинился нравственному вліянію императрицы.

Къ подобнымъ рѣшеніямъ Екатерина умѣла приводить приближенныхъ ей лицъ, случалось, одною, мимоходомъ брошенной, выразительной фразой, намекомъ, шуткой.

Какъ-то разъ она узнала, что у кавалергардскаго генераль-майора Ѳ. И. П. съѣзжаются по ночамъ для крупной игры. Кавалергарды и особенно конногвардейцы, сказать мимоходомъ, особенно славились въ екатерининскіе дни большой игрой и разными «шалостями», не всегда позволительнаго свойства ²⁾.

Встрѣтивъ П., императрица спросила его:

— Играете ли вы въ карты, Ѳедоръ Ивановичъ?

— Играемъ, государыня,—отвѣтилъ генераль простодушно.

— Въ какую игру?

— И въ ломберъ играемъ...

— Вашъ ломберъ разорительный,—усмѣхнулась императрица ³⁾.

Неизвѣстно, сдѣлалъ ли П. свой ломберъ менѣе «разорительнымъ», но что данный ему намекъ долженъ былъ произвести сильное, вразумляющее впечатлѣніе,—можетъ доказывать слѣдующій аналогичный примѣръ, записанный П. И. Сумароковымъ со словъ того лица, которое играло въ немъ главную роль. Сумароковъ скрылъ

¹⁾ О поврежденіи нравовъ, «Русск. Старина», III, 676.

²⁾ Храповицкій, подъ 20-мъ февраля 1787 г., въ своемъ «Дневникѣ» записалъ: «говорено (императрицей) о шалостяхъ въ конногвардейскомъ полку»... Мы увидимъ далѣе, какія это были «шалости».

³⁾ Разсказы П. О. Карабанова. «Русск. Стар.», V, 678.

его имя подъ инициалами, весьма, впрочемъ, прозрачными. Это былъ графъ С., сенаторъ, одинъ изъ приближенныхъ къ императрицѣ.

Однажды, графъ С. выигралъ во дворцѣ на куртагѣ у кого-то 10.000 рублей. Екатерина видѣла его за картами, подходила къ столу, за которымъ С. игралъ, и «полагала въ томъ занятіи одну забаву». Только на другой день она узнала, что подъ маской невинной «забавы» велась очень крупная игра, не допускаемая во дворцѣ. Ее возмутили и этотъ обманъ, и большой проигрышъ, и то, что виновникомъ являлось лицо, пользовавшееся ея милостью и довѣріемъ. Въ тотъ же день графъ С., засѣдая въ сенатѣ, получилъ своеручную записку отъ государыни, которой вначалѣ очень обрадовался и покичился передъ товарищами, какъ знакомъ особаго благоволенія. Каково же было его разочарованіе, когда онъ прочиталъ въ запискѣ слѣдующее рѣзкое осужденіе: «Стыдно сенатору, — писала Екатерина: — забывать свое званіе, законы государства, стыдно алкать деньгами и обманывать свою государыню!»

«Какъ громомъ сразили графа сіи строки,— рассказываетъ Сумароковъ:— рѣдкіе упреки Екатерины сильно дѣйствовали! С. нѣсколько дней пребывалъ подъ гнѣвомъ и съ трудомъ снискалъ прощеніе»¹⁾.

Приведенные факты поучительны и въ другомъ отношеніи. Если императрицѣ приходилось непосредственно считаться съ противозаконной карточной игрой даже у себя во дворцѣ, среди лицъ, наиболѣе къ ней приближенныхъ, если даже высокооставленные сенаторы не «стыдились» иногда вести такую игру съ придворныхъ собраніяхъ, въ глаза «обманывая свою государыню» маской якобы невинной «забавы», то легко представить себѣ, съ какой непринужденностью и въ какихъ размѣрахъ шла подобная игра за стѣнами дворца, въ обществѣ, болѣе или менѣе культурномъ и привилегированномъ!

«У насъ карточная игра главное мотовство составляетъ»,— писалъ В. И. Лукинъ еще въ 1765 году, въ предисловіи къ своимъ изданнымъ тогда «Сочиненіямъ и переводамъ». Лукинъ въ этомъ вопросѣ былъ судья компетентный, потому что самъ, какъ онъ чистосердечно признается, «въ ономъ вредномъ ремеслѣ долго упражнялся», то-есть, игралъ. Не напрасно, видно, слылъ онъ у своихъ литературныхъ соперниковъ «повѣсой и шалуномъ», какъ называлъ его В. И. Майковъ. Въ сильныхъ и яркихъ краскахъ изображаетъ Лукинъ, очевидно, по личнымъ впечатлѣніямъ, тогдашніе столичные игорные дома и самихъ игроковъ или «художниковъ», какъ онъ ихъ иронически называетъ, производя это названіе отъ «худо или зло творить».

---

¹⁾ Черты Екатерины В.

«Вообрази, читатель, — рассказываетъ Лукинъ: — толпу людей, нѣрѣдко больше ста человѣкъ составляющую. Обычайно собираются оныя художники въ большую палату. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ, иные ходятъ по комнатѣ, но всѣ сооружаютъ разные, наказанія достойныя, вымыслы къ обыгранію своихъ соперниковъ. Но можно общественно (вообще) объ нихъ сказать, что всѣ они съ однѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и самыя чести. Вотъ причины ихъ собранія!»

А вотъ и результаты: «изъ сотни, обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу и Мидасу, имѣютъ передъ собою золотыя горы, возвышенныя изъ иждивенія ихъ несчастныхъ противоборниковъ... Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столѣ облокотятся и имѣя видъ веселый, изъясняютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастныя игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды: иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми глазами — ужаснымъ фуріямъ; иные уныlostію духа — преступникамъ, на казнь ведомымъ; иные необычнымъ румянцемъ — ягодъ клюквѣ... Большая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, клянуть день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты... Словомъ, дѣлаютъ дѣла неудобопонятныя»...

Въ дополненіе «живого описанія сего сообщества», Лукинъ рассказываетъ, что обыкновенно въ такихъ «сходбищахъ бывали самыя безбожныя ростовщики и безсовѣстные купцы», которые одолжали проигрывавшихся «мотовъ» деньгами на разбойничьихъ условіяхъ. «Если бы я, — заключаетъ авторъ: — писалъ опроверженіе на игру карточную, то бы подробно вывелъ всѣ образы хитрыхъ шильничествъ, въ зерновыхъ (игорныхъ) сборищахъ употребляемыхъ»... Очень жаль, что Лукинъ этого не сдѣлалъ; тѣмъ не менѣе онъ категорически утверждаетъ, что «между игроками водились всякаго рода обманы», и что вообще тотъ, «кто поигралъ довольно», — прошелъ, «что называется, сквозь огонь и воду». Другими словами: игра не только разоряла, но и деморализировала. Игрокъ не могъ быть честнымъ человѣкомъ, — хочетъ сказать Лукинъ и ссылается въ этомъ на «всѣхъ въ карты игравшихъ людей, если они по совѣсти признаются»¹⁾. Пусть читатель вспомнитъ аналогичныя признанія Державина — въ нихъ проводится почти та же горькая истина. Наконецъ, въ сатирѣ на современные нравы истина эта возводится какъ бы даже въ общее правило. Въ своемъ извѣстномъ «Наставленіи сыну» А. П. Сумароковъ посвящаетъ этому сюжету слѣдующіе, проникнутые ѣдкой ироніей стихи:

¹⁾ «Сочиненіе», стр. 8—11.

Позволю я тебѣ и въ карты поиграть,
 Когда ты въ тѣ игры умѣешь подбирать:
 И видь игру свою безъ хитрости ты мертву:
 Не принеси другимъ себя, играя, въ жертву!

А этого, мой сынъ, не позабудь:

Играя, честенъ ты въ игрѣ во вѣкъ не будь ¹⁾!

По отзыву другого наблюдательнаго современника, относящемуся уже къ 80-мъ годамъ, въ Петербургѣ карты были однимъ изъ главныхъ «увеселеній» и въ частныхъ домахъ, и въ клубахъ, и въ разныхъ «вольныхъ заведеніяхъ». «Игры азартныя хотя закономъ были запрещены, но правительство смотрѣло на то сквозь пальцы. Словомъ, всѣ, жившіе въ Петербургѣ, жили вольно и пріятно безъ всякаго принужденія» ²⁾.

Точно, жили «вольно и пріятно», но нельзя сказать, чтобы тогдашнее правительство, въ особенности сама императрица всегда «смотрѣли сквозь пальцы» на разрастающуюся карточную оргію и сопровождавшее ее «поврежденіе нравовъ» и кармановъ.

Уже въ 1766 году, т. е. вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина обратила серіозное вниманіе на это противообщественное явленіе. Ей сталъ извѣстенъ такой фактъ: нѣкто, проигравъ въ запрещенную карточную игру крупную сумму, «почти превосходящую настоящій (наличный) его капиталъ», и не имѣя чѣмъ заплатить, выдалъ своему счастливому противнику вексель на имена разныхъ купцовъ и закладную на свое недвижимое имѣніе. На закладной, кромѣ игроковъ, подписалось, въ качествѣ свидѣтеля, третье лицо, завѣдомо знавшее, что она «не въ заемныхъ, а въ проигрышныхъ деньгахъ сочинена». Закононарушеніе было двойное: во-первыхъ, противъ указа, запрещавшаго азартныя игры, и, во-вторыхъ, противъ другого указа, запрещавшаго брать по проигрышамъ долговья обязательства. Виновные были изобличены и «подвергали себя той тяжкой строгости», какая предписывалась закономъ.

Фактъ этотъ послужилъ Екатеринѣ прецедентомъ для изданія двухъ указовъ, изъ коихъ послѣдній имѣлъ весьма существенное значеніе въ исторіи нашего законодательства о карточной игрѣ и до сихъ поръ сохранилъ свою силу.

Первый изъ этихъ указовъ далъ только императрицѣ лишній случай всенародно засвидѣтельствовать свое «матернее милосердіе» и заботливость о благѣ вѣрноподанныхъ, а также «подтвердить всѣ прежніе предковъ ея величества указы о запретительныхъ играхъ въ недозволенныхъ мѣстахъ». Что касается помянутыхъ «преступниковъ», то «онимъ изъ одинаго природнаго ея импера-

¹⁾ «Русск. поэзія», изд. С. А. Венгерова. Вып. II, 184.

²⁾ Записки Л. Е. Энгельгардта, 49.

торскаго величества милосердія подлежація» строгія «наказанія облегчены въ содержаніе ихъ нѣкоторое время подъ крѣпкимъ карауломъ»¹⁾—и только. Конечно, это было большое облегченіе, сравнительно съ суровыми, разорительными карами аннинскихъ и елисаветинскихъ законовъ.

Приведенный указъ былъ изданъ 16-го января, а не далѣе, какъ 10-го марта того же 1766 года представился Екатеринѣ случай явить «новый знакъ матерняго своего милосердія и попеченія, къ отвращенію вышедшаго злоупотребленія въ нерадивыхъ о собственномъ и наслѣдственномъ имѣніи» подданныхъ, которые приобрѣли дурную привычку зарываться въ карты и проигрываться въ кредитъ.

Поводомъ къ замѣчательному указу 10-го марта послужила челобитная какихъ-то петербургскихъ купцовъ,—изъ тѣхъ, надо полагать, которые вели свои кредитныя операціи въ игорныхъ «сообществахъ», по удостовѣренію Лукина. Купцы въ своей челобитной всенижайше просили «о заплатѣ по дошедшимъ къ нимъ векселямъ на проигранныя въ карты деньги». Челобитная была доложена императрицѣ. По прочтеніи ея, Екатерина «собственною рукою соизволила» положить на ней такую резолюцію: «Отослать къ генераль-полиціймейстеру, чтобъ поступалъ по законамъ, а дабы генераль-полиціймейстеръ не имѣлъ сомнѣнія, то симъ ясно предписуется, что закономъ повелѣно: картежныя долги уничтожить, а, вторымъ, при живомъ отцѣ неотдѣленному сыну не вѣрять»²⁾.

Собственно, такого закона, который бы «повелѣвалъ картежныя долги уничтожить», до той поры у насъ не было, хотя онъ логически вытекалъ изъ основнаго взгляда законодательства на карточную игру. Изданъ этотъ законъ впервые Екатериной въ вышеприведенномъ указѣ. Онъ долженъ былъ произвести большой переполохъ въ тогдашнемъ игорномъ мірѣ и, если не искоренить игру въ кредитъ, то сильно затруднить и спутать кредитныя операціи на зеленомъ полѣ. Не съ той ли поры карточный долгъ, который, по закону, можно было не платить, сталъ самымъ отвѣтственнымъ пунктомъ чести (point d'honneur) среди людей порядочныхъ и свѣтскихъ, считающихъ себя аристократіей? Но прежде, чѣмъ до этого дойти, сколько легкомысленныхъ господъ этого избраннаго сорта своекорыстно злоупотребляли помянутымъ закономъ, не заботясь о брэнной славѣ своего добраго имени!

¹⁾ П. С. З., № 12.560.

²⁾ Тамъ же, № 12.593.

X.

Кому обижана Россія введеніемъ «непомѣрно великой игры»?—С. Г. Зоричъ и его карточные подвиги.—Громкая слава Шклова, какъ международнаго игорнаго центра.—Проигрыши Зорича и его долги.—Явившіеся ему на выручку графы Зановичи. — Типичныя интернаціональныя шуллера и авантюристы того времени.—Смѣлая финансовая операція съ фальшивыми ассигнаціями и ея плачевный конецъ. — Екатерина характеризуетъ Зорича, а Добрынинъ пишетъ ему эпитафію.

Суровый моралистъ, князь М. М. Щербатовъ, упрекая «случайныхъ» людей екатерининскаго времени въ томъ, что почти каждый изъ нихъ «какимъ нибудь порокомъ за взятые миллионы одолжилъ Россію», утверждаетъ, что ставленникъ Потемкина — Семень Гавріиловичъ Зоричъ, «ввелъ въ обычай непомѣрно великую игру».

Безъ сомнѣнія, одно лицо, какъ бы оно ни было сильно и вліятельно, не могло вдругъ вести такого «обычая». Беззаботный, до вѣрчивый, простодушный и беззавѣтно увлекавшійся страстями своей необузданной пылкой природы, С. Г. Зоричъ былъ не первымъ и не послѣднимъ виновникомъ указаннаго «порока». Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что въ исторіи карточной игры въ Россіи Зоричу безспорно принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Пожалуй, и своей исторической извѣстностью онъ главнымъ образомъ обязанъ игорнымъ и инымъ, связаннымъ съ ними, сомнительнымъ авантюрамъ, средоточіемъ которыхъ служила одно время его роскошная резиденція въ Шкловѣ. Слава не особенно завидная, но на иную едва ли и былъ гораздъ этотъ «случайный» баловень сумасшедшей фортуны, никакими дарованіями не надѣленный и никакихъ особыхъ подвиговъ не совершившій.

Громкая историческая извѣстность съ этой стороны упрочилась за Зоричемъ съ того времени, когда онъ въ 1778 г., удаленный отъ двора, поселился въ пожалованномъ ему Екатериной богатомъ мѣстечкѣ Шкловѣ Могилевской губерніи. Фаворъ его продолжался не больше года: «безъ всякаго образованія, Зоричъ не могъ удержаться на скользкихъ паркетахъ придворныхъ», какъ выразился о немъ Бантышъ-Каменскій. Это, однако, не помѣшало ему зажить очень весело, пышно, шумно и расточительно въ своемъ почетномъ изгнаніи. Въ средствахъ недостатка не было. Сынъ сербскаго крестьянина и турецкій недорѣзокъ, бѣжавшій въ Россію отъ петли въ чемъ мать родила, Зоричъ въ описываемую минуту имѣлъ 100 т. рублей дохода и былъ по уши въ неоплатныхъ долгахъ.

Кромѣ роскошной, безумно-расточительной и безпорядочной жизни, огромныя доходы Зорича поглощались игрой. Слава о хлѣбосольствѣ Зорича, о необыкновенно веселой жизни у него въ Шкловѣ, о большой игрѣ, которою онъ развлекался, разнеслась не только по Россіи, но и по Европѣ. Со всѣхъ сторонъ потянулись въ Шкловъ

жуиры, авантюристы, игроки и всякаго сорта проходимцы въ надеждѣ поживиться на счетъ Зорича или около него. И точно: «многіе отъ него наживались игрой», какъ свидѣльствуетъ достовѣрный очевидецъ. Сильно наживались даже слуги, на рукахъ которыхъ находились карты. Зоричъ поручилъ эту доходную статью двумъ карламъ, которымъ, по словамъ того же очевидца, во время большой игры, «за карты давали по сто рублей и болѣе» ¹⁾).

Шкловъ, слывшій дотолѣ столицей Израиля въ сѣверо-западной Руси, теперь пріобрѣлъ европейскую извѣстность какого-то международнаго увеселительно-игорнаго центра, въ родѣ нынѣшняго, напримѣръ, Монте-Карло. Огромный домъ радушнаго Зорича былъ открытъ для всѣхъ пріѣзжихъ, и въ его раззолоченныхъ хоромахъ изо дня въ день гостила чрезвычайно пестрая толпа. Тутъ были русскіе помѣщики, польскіе паны, мѣстные чиновники, офицеры, были не вѣсть откуда заѣхавшіе иностранцы—нѣмцы, французы, итальянцы, сербы, греки, молдаване, даже турки. Особенно великъ бывалъ этотъ международный съѣздъ во время ярмарокъ, которыя—не въ одномъ только Шкловѣ—служили уже тогда, какъ и позднѣе, средоточіями большой азартной игры и излюбленнымъ прищемъ для работы шуллеровъ.

Въ репертуарѣ шкловскихъ забавъ и увеселеній азартная карточная игра была обычнымъ и главнымъ занятіемъ. Случалось, Зоричъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за картами, потребность въ которыхъ была такъ велика, что ихъ привозили обыкновенно цѣлыми ящиками. Чаще всего Зоричъ металъ банкъ и проигрывалъ постоянно большія деньги. Счастливъ онъ былъ во многомъ свыше мѣры, но въ картахъ ему не везло. Какіе огромные куши случалось ему проигрывать,—мы приводили уже примѣръ, происшедшій съ нимъ въ Москвѣ. Зоричъ на тотъ разъ заѣзжалъ въ Москву, между прочимъ, для найма подходящаго педагога на должность «директора» въ основанномъ имъ въ Шкловѣ военномъ училищѣ, которое съ такимъ вѣлербіемъ ставилось ему въ особую, чрезвычайную заслугу.

Педагогъ былъ найденъ въ лицѣ француза Салморана, аттестовавшаго себя ученикомъ Вольтера. Зоричъ очень ему обрадовался, сошелся въ условіяхъ и торопилъ какъ можно скорѣе ѣхать въ Шкловъ. На проѣздѣ же и въ задатокъ посулилъ 500 рублей.. черезъ недѣлю, такъ какъ только что проигрался и наличныхъ не имѣлъ.—«Проигралъ 44 т. рублей и нашелъ же чѣмъ ихъ заплатить, а тутъ отказываетъ въ малой вещи человѣку, находящемуся у него въ услуженіи!»—съ горечью отмѣтилъ этотъ случай довѣрчивый французъ, которому впослѣдствіи пришлось испытать много въ такомъ родѣ разочарованій со стороны безпечнаго шкловскаго маг-

¹⁾ Л. Н. Энгельгардтъ: Записки, 30, 31.

ната. Посуль черезъ недѣлю затянулся на полгода, и только послѣ многихъ мытарствъ, хожденій и проволочекъ удалось Салморану получить обѣщанные 500 рублей и отправиться въ Шкловъ ¹⁾).

Можно судить по этому факту, въ какомъ беспорядочномъ положеніи находились денежныя дѣла Зорича. Проигрываясь и проматываясь въ пухъ и прахъ, онъ все болѣе и болѣе запутывался въ долгахъ, сумма которыхъ уже къ 1782 году возросла до полумилліона. Денегъ не хватало часто даже на самое необходимое. Выѣзжаетъ, на примѣръ, Зоричъ съ обычной пышностью въ Петербургъ, доѣзжаетъ до Смоленска и возвращается назадъ, потому что денегъ не достало на дорогу. Основанное имъ пресловутое училище и его несчастные воспитанники, главная обязанность которыхъ состояла—танцовать въ балетахъ на потѣху своего мецената и его гостей, нерѣдко терпѣли самыя вопіющія нужды. Разъ, въ проѣздъ князя Потемкина, Зоричъ, желая похвастать передъ нимъ своимъ училищемъ, устроилъ парадный смотръ его воспитанниковъ, на который изъ 60-ти явилось только 12, такъ какъ 16 кадетъ лежали въ лазаретѣ больные, а у 32-хъ не было «штановъ».

Долги Зорича росли, главнымъ образомъ, отъ проигрышей, потому что онъ зачастую игралъ въ кредитъ и расплачивался векселями. Платить наличными онъ «не имѣлъ обычая», какъ говорить Салморанъ. Даже мелкіе карточные долги онъ не всегда платилъ наличностью и забывалъ про нихъ. Салморанъ впослѣдствіи предъявилъ ко взысканію любопытный счетъ (слишкомъ въ 14 т. рублей) всего, что Зоричъ остался ему долженъ. Въ счетѣ этомъ была, между прочимъ, и такая статья: «Долженъ мнѣ его превосходительство по игрѣ въ вистъ—38 рублей»...

Недобрая слава Шклова достигла своего апогея, когда къ Зоричу пріѣхали изъ-за границы въ гости блистательные графы Маркъ и Аннибалъ Зановичи, въ сопровожденіи своднаго брата Семена Гавриловича, Д. Г. Неранчича, гусарскаго полковника русской службы, про котораго Фонвизинъ, лично знавшій его, замѣтилъ, что онъ «никогда не бралъ книгъ въ руки и никогда картъ изъ рукъ не выпускалъ».

Неранчичъ былъ въ свойствѣ съ Зановичами и, встрѣтясь съ ними за границей, радушно, именемъ своего своднаго брата, пригласилъ ихъ въ Шкловъ. Съ прибытіемъ дорогихъ гостей и послѣ интимныхъ бесѣдъ съ ними, Зоричъ замѣтно повеселѣлъ, сталъ хвалиться, что скоро разбогатѣетъ—доведесть свои доходы до 180 т. рублей, и въ четыре года заплатитъ всѣ долги. Счастливымъ оборотъ этотъ брались сдѣлать Зановичи, изъ дружбы и признательности къ гостепріимному хозяину и земляку. Положиться на нихъ было тѣмъ вѣроподобнѣе, что они имѣли подкупающій видъ эле-

¹⁾ Шкловскіе авантюристы, Ал. Барсукова.

гантныхъ знатныхъ и очень богатыхъ людей съ европейскимъ лоскомъ, щеголяли роскошнымъ гардеробомъ, драгоценностями, сорили деньгами и вели очень большую игру. Особенно умѣлъ нравиться и привлекать старшій Зановичъ, плѣнившій Салморана и красивой наружностью и многостороннимъ образованіемъ, и «гибкимъ, уловительнымъ разумомъ»¹⁾.

Очаровательные гости внесли оживленіе и въ веселую шкловскую жизнь, а главное — въ карточную игру, которая, при ихъ участіи, стала еще азартнѣе и крупнѣе и велась теперь систематически изо дня въ день. Зановичи играли, повидимому, «въ моти» (*à moitié*) съ хозяиномъ. Въ партнерахъ недостатка не было, и, къ удивленію, находились между ними счастливицы, которые выходили побѣдителями изъ борьбы съ тонкимъ искусствомъ заграничныхъ мастеровъ высшей школы. Такъ, по рассказамъ Салморана, однажды, когда въ игрѣ принимали участіе Зановичи, какой-то заѣзжій лихой артиллеристъ сорвалъ у Зорича банкъ въ 10 тыс. рублей. Въ другой разъ, когда Зоричъ и младшій Зановичъ въ компаніи держали и метали банкъ, полковникъ князь Волконскій выигралъ у нихъ 50.000 рублей. Зановичъ сейчасъ же заплатилъ свою долю деньгами и брилліантами, а Зоричъ, который не любилъ этого «обычая», сперва въ досадѣ бранилъ князя и только черезъ нѣсколько дней за обѣдомъ написалъ ему вексель. За немѣніемъ песку, Волконскій засыпалъ вексель солью изъ солонки. «Поступилъ князь, — иронически замѣчаетъ Салморанъ, — весьма благоразумно, посоливъ на всякій случай вексель, которому придется долго лежать въ его карманѣ»²⁾.

Что касается искусства и призванія Зановичей, то они внѣ всякаго сомнѣнія. Это были типичнѣйшіе для XVIII столѣтія международные профессиональные шуллера высокаго полета и высшей школы, походаженія которыхъ не лишены были даже нѣкоторой романичности *à la Монте-Кристо*. Хотя они обладали разнообразными талантами и, какъ водится, искусились въ различныхъ «художествахъ» уголовного свойства, но главнымъ ихъ ремесломъ было карточное шуллерство. Они «странствовали по Европѣ и промышляли карточной игрой», — говоритъ о нихъ другой всесвѣтлый пройдоха, Казанова, лично ихъ знавшій, знавшій и темное ихъ прошлое. «Два рагузинца, графы Зановичи, бродяги и промышленники, которые ищутъ фортуны искусствомъ», — отозвался объ нихъ кн. Потемкинъ еще до слѣдствія по знаменитому дѣлу о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, когда Зановичи, живя въ Шкловѣ, сходили, хотя и за нѣсколько загадочныхъ, но безупречно блестящихъ «знатныхъ иностранцевъ». Когда возникло помянутое

¹⁾ «Шкловскіе авантюристы», А. л. Барсукова, стр. 279.

²⁾ Тамъ же, стр. 261.

дѣло, и младшій Зановичъ былъ арестованъ при въѣздѣ въ Москву, то, кромѣ поддѣльныхъ ассигнацій, въ его чемоданахъ былъ найденъ и запасъ поддѣльныхъ картъ—неотразимая улика его спеціальной профессіи! Улика эта, сказать мимоходомъ, сообщаетъ особое освѣщеніе и той тароватости, съ какою шкловскіе игроки платили карламъ Зорича за карты. Энгельгардтъ добавляетъ, что платили за карты «по сто рублей и болѣе, особливо Зановичи, когда метали банкъ». Щедрѣ шуллеровъ никто, какъ извѣстно, не платитъ за карты слугамъ, которые обыкновенно являются ихъ тайными сообщниками. Кстати и во-время подать, вмѣсто настоящихъ, поддѣльныя карты—услуга драгоцѣнная въ шуллерскомъ ремеслѣ! Конечно, Зановичи отлично знали цѣну этой услуги, какъ знали ее и карлы Зорича, не послѣднюю роль игравшіе въ шкловскихъ авантюрахъ.

Но какъ ни искусны были графы Зановичи на зеленомъ полѣ, одною игрой, очевидно, нельзя было ни самимъ разбогатѣть въ Россіи въ мѣру своихъ слишкомъ хищныхъ аппетитовъ, ни поправить разстроенныя дѣла Зорича, какъ они того желали. Въ темномъ ремеслѣ легкой наживы были они, какъ потомъ оказалось, травленные мастера на всѣ руки. На этотъ разъ въ Шкловѣ была задумана и пущена въ ходъ большая финансовая операція съ фальшивыми сторублевыми ассигнаціями заграничнаго привоза. Сфабриковалъ ихъ частью младшій Зановичъ въ бытность свою въ Брюсселѣ и привезъ, при посредствѣ жидковъ-контрабандистовъ, въ Шкловъ подъ видомъ ящичковъ съ картами. За таковые выдалъ ихъ самъ Зоричъ въ запискѣ къ начальнику нашей таможи, прося пропустить ихъ безъ досмотра, что и было сдѣлано въ угоду эксъ-любимцу, какъ дѣлалось и раньше съ привозимыми на имя шкловскаго владѣльца товарами, среди которыхъ карты составляли главную статью.

Вначалѣ брусельскія ассигнаціи пошли. Онѣ были очень искусно поддѣланы: выдавала ихъ только одна маленькая опечатка—«ассигнація», вмѣсто «ассигнація». Шкловскіе еврейчики первые подмѣтили фальшь, не стали принимать новыхъ ассигнацій, а одинъ изъ нихъ, наиболѣе предприимчивый и юркій, секретно сообщилъ свои сомнѣнія князю Потемкину, пребывавшему на тотъ разъ въ своемъ бѣлорусскомъ имѣніи, по сосѣдству со Шкловомъ. Потемкинъ, точно, какъ бы ждавшій этой оказіи, тотчасъ же поднялъ всѣ власти на ноги, и началось знаменитое дѣло, сильно скомпрометировавшее Зорича и приведшее блестящихъ братьевъ-выходцевъ къ заточенію въ Нейшлотской крѣпости.

Эта смѣлая финансовая операція была задумана въ очень большихъ размѣрахъ. Кромѣ партіи заграничнаго привоза, фабриковались ассигнаціи и въ Шкловѣ, какъ можно заключить изъ того, что при обыскѣ въ квартирѣ Зановичей были найдены подѣ по-

ломъ станокъ и инструменты, нужные для такого производства. При арестѣ младшаго Зановича въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ довершить операцію по очень хитрому плану, найдено было въ потайныхъ ящикахъ его коляски фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій на 700 т. рублей. Сколько же ихъ передъ тѣмъ было пущено въ ходъ, сколько, по всѣмъ вѣроятіямъ, пропонтировано и прометано за карточными столами въ шкловскомъ «палаццо», осталось неразслѣдованнымъ, но, по обстоятельствамъ дѣла, надо полагать—сумма не малая. На слѣдствіи въ могилевскомъ намѣстническомъ правленіи свидѣтель Шмуילו Гиршовичъ показывалъ, «якобы видѣлъ въ покояхъ г. Зорича ящикъ, у коего крышку поднималъ находившійся при немъ карла, и въ томъ ящикѣ карты положены были только сверху, подъ ними же наложены были ассигнаціи ¹⁾»...

Зоричъ въ этомъ скверномъ дѣлѣ навлекалъ на себя серьезныя подозрѣнія, но его пощадили. Въ его завѣдомомъ соучастіи съ Зановичами былъ убѣжденъ Потемкинъ, была убѣждена и императрица. Въ 1793 г., вспомнивъ какъ-то о Зоричѣ, Екатерина характеризовала его въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ такъ: «Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ дурное; былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріателемъ, но лично трусь. И виноватъ по дѣлу графовъ Зановичей съ фальшивыми ассигнаціями».

Позднѣе, когда Семена Гавриловича уже не стало, остроумный Добрынинъ, хорошо знавшій про шкловскія авантюры, помянулъ его полусушутливой эпитафіей, гдѣ, между прочимъ, говорилось:

«Миръ твоему праху, благодѣтель сиротъ и бѣдныхъ, Зоричъ! миръ твоему праху! А въ символъ колода картъ, отъ которыхъ Шкловъ и понынѣ не выплатился!»²⁾—намекъ на огромные долги Зорича, сдѣланные карточной игрою и достигшіе ко дню его смерти (1799 г.) до 2 милліоновъ рублей, которые, конечно, легли на оставшееся послѣ него имѣніе. По повелѣнію Павла, Шкловъ былъ взятъ въ опеку.

¹⁾ Шкловскіе авантюристы, А. л. Барсукова, 276.

²⁾ «Русск. Старина», IV, 120.

XI.

Историческая мораль шкловской эпопеи.—Тогдашній «свѣтъ» и его типичный представитель.—Игра не какъ забава, а какъ «упражненіе».—Игорныя прихоти и увлеченіе кн. Потемкина.—Расправы съ шуллерами.—Вистъ гр. А. А. Безбо-родка.—Ренонсы, отмѣчаемые пушечной пальбой.—Партнеры князя А. А. Вяземскаго.—Протеже Потемкина. В. С. Поповъ и его проигрыши.—Графъ А. И. Морковъ, по отзывамъ Ростопчина и Грибовскаго.

Мы подолѣе остановились на шкловской эпопеѣ по той причи- нѣ, что видимъ въ ней не случайный, не исключительный эпи- зодъ на полотнѣ набрасываемой нами картины, а скорѣе—ея цен- тральное обобщеніе, ея, такъ сказать, фокусъ, въ которомъ съ наибольшей силой и яркостью отразились характеристическія чер- ты изслѣдуемаго явленія въ границахъ взятой эпохи.

То, что творилось въ Шкловѣ en grand слишкомъ ужъ явно и скандально,—творилось тогда по мелочамъ, съ большею или меньшею оглядкой, вездѣ почти, гдѣ сосредоточивалась обще- ственная жизнь культурныхъ, привилегированныхъ сливокъ, гдѣ, по суровому выраженію современнаго сатирика, «восклицанія сла- столюбія» заглушали «производительный вопль несчастныхъ», и гдѣ «богатство нѣсколькихъ частныхъ хищниковъ бѣдности государ- ства насмѣхалось» ¹⁾).

Зоричъ съ его безумными проигрышами, оргіями, роскошью и распутствомъ, съ его удивительной карьерой, баснословнымъ обо- гащеніемъ и разореніемъ, былъ истымъ, кровнымъ дѣтищемъ своего вѣка. Въ другое время онъ былъ бы невозможенъ и просто невысказанъ, но въ «вѣкъ искателей приключеній и страшнаго эгоизма», какъ характеризовалъ конецъ XVIII столѣтія Ростопчинъ, Зоричъ былъ вполне естествененъ, вполне на своемъ мѣстѣ и нисколько не хуже, не порочнѣе, не расточительнѣе своихъ совре- менниковъ. Онъ съ неоспоримымъ правомъ могъ бы покаянно ска- зать о себѣ стихомъ поэта:

... Фелица, я развратенъ!
Но на меня весь свѣтъ похожъ...

Это не единственный строгій приговоръ тогдашнему «свѣту». «Печальное состояніе нашего отечества!—писалъ въ 1790 г. В. Н. Зинovieвъ въ своемъ журналѣ:—молодость (т. е., молодежь) самая развращенная, а старики и разные люди—безъ правилъ, и игроки, волокиты и подлецы и не имѣютъ ни малѣйшаго вѣса надъ юно- шествомъ. Что изъ этого выйдетъ?» ²⁾). Говоря въ другомъ мѣ-

¹⁾ Н. И. Новиковъ, Неведенова, 65.

²⁾ «Русск. Старина», т. XXIII, 611.

стѣ о петербургскомъ «свѣтѣ» и его жизни, Зиновьевъ ѣдко замѣчаетъ, что «карты, забава обыкновенная, у насъ обратилась въ упражненіе, которое заставляетъ забывать нужныя и полезныя вещи».

Мы, впрочемъ, уже видѣли отчасти, каковъ былъ этотъ свѣтъ въ своихъ увлеченіяхъ карточной игрой. Здѣсь, въ дополненіе картины, возьмемъ главнѣйшихъ и болѣе извѣстныхъ представителей этого «свѣта», современнаго Зоричу.

Вопреки увѣренію кн. Щербатова, будто одному Зоричу тогдашнее общество было обязано введеніемъ «непомѣрно великой игры», такую игру вели, какъ мы знаемъ, и Орловы, и «великолѣпный князь Таврическій», по собственному сознанію, проигрывавшій «суммы несмѣтныя», и Зубовы, и прочіе екатерининскіе «случайные люди» и вельможи, за рѣдкими исключеніями.

Человѣкъ величайшихъ крайностей, Потемкинъ, во время находившей на него полосы лѣни, апатіи и бездѣлья, нерѣдко проводилъ цѣлыя ночи за картами. Сохранилось любопытное тому подтвержденіе, въ видѣ нѣжнаго письма одной изъ безчисленныхъ интимныхъ пріятельницъ женолюбиваго князя. Письмо относится къ концу семидесятыхъ годовъ и писано въ Петербургѣ.

«Я проѣзжала мимо вашего дома,—пишетъ адрессанта:—и видѣла большое освѣщеніе въ окнахъ; вы, безъ сомнѣнія, играли въ карты. Милый князь, если бы только вы могли принести мнѣ эту жертву—не такъ сильно предаваться игрѣ! Это только разстроиваетъ ваше здоровье. Сдѣлайте мнѣ это удовольствіе, любезный другъ мой! докажите, что можете что нибудь для меня сдѣлать, и не засиживайтесь, какъ вы это дѣлаете (sic!), до четырехъ и до пяти часовъ за полночь. Нѣтъ ничего вреднѣе для здоровья»¹⁾.

Нѣжное увѣщаніе, разумѣется, не оказало должнаго дѣйствія; изъ него мы можемъ только видѣть, что Потемкинъ, не щадя здоровья, постоянно и нерѣдко чрезмѣрно предавался карточной игрѣ. Почти всѣ вечера, а иногда и дни, подобно другимъ современнымъ ему вельможамъ, онъ проводилъ за картами и у себя дома, и въ гостяхъ, и даже на походѣ, въ военное время. Случалось, для картъ онъ пренебрегалъ служебными дѣлами и обязанностями: «самому писать некогда—играю въ карты», писалъ онъ однажды родственнику, П. С. Потемкину, хотя случай былъ офиціальнымъ и рѣчь шла объ исполненіи высочайшей воли.

Находясь въ силѣ, гордый и надменный, онъ не часто удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ дома петербургскихъ вельможъ. Тѣмъ удивительнѣе должны были казаться очевидцамъ частые и долгіе визиты князя въ 80-хъ гг. нѣкому М. Ѡ. Кашталинскому, хотя и состоявшему въ должности оберъ-церемоніймейстера, но не

¹⁾ «Русск. Стар.», т. XII, 682.

пользовавшемуся большим значеніемъ. Правда, Кашталинскій былъ старый пріятель и землякъ Потемкину. Главной, однако же, приманкой для князя въ домѣ пріятеля служили не столько старая дружба, сколько—«лакомый столъ» и большая игра, на которую собирались «знатнѣйшіе карточные игроки» ¹⁾, знатнѣйшіе не по родовитости, а по громкой славѣ, пріобрѣтенной на зеленомъ полѣ. Кашталинскій, видно, умѣлъ угодить заразъ двумъ слабостямъ «великолѣпнаго» князя—прихотливому аппетиту и страсти къ игрѣ; не можетъ быть сомнѣнія, что одновременно радушный хозяинъ доставлялъ совершенное удовольствіе и «знатнѣйшимъ игрокамъ», сводя ихъ съ такой важной особой, сдѣлавшей привычку проигрывать «несмѣтныя суммы».

Потемкинъ не всегда бывалъ разборчивъ въ ангажированіи партнеровъ и, случалось, насканивалъ на заправскихъ шуллеровъ самой низкой пробы. Повсюду и всегда около него кружилась пестрая, раболѣпная толпа льстецовъ, искателей и прихлебателей, среди которой попадались и весьма подозрительные проходимцы. Несомнѣнно, бывали тутъ и травленные профессиональные игроки, искавшіе случая воспользоваться слабостью князя къ игрѣ.

Особенно много, надо полагать, втиралось такого сорта артистовъ въ походныя штабъ-квартиры Потемкина, на примѣръ, въ Яссахъ, гдѣ на балахъ и собраніяхъ у свѣтлѣйшаго постоянно шла сильная азартная игра, въ которой принимали участіе и жестоко проигрывались, между прочимъ, и пылкіе молдаванскіе бояре ²⁾.

Зато ужъ «великолѣпный» князь бывалъ до послѣдней крайности нецеремоненъ, взыскателенъ и даже жестокъ съ такого сорта сомнительными партнерами, когда они попадались въ нечистой игрѣ или въ плутовскомъ расчетѣ.

Разъ, играя съ однимъ изъ такихъ артистовъ, Потемкинъ замѣтилъ, что тотъ пользуется его разсѣянностью и плутуетъ. Проигравъ значительную сумму, князь бросилъ карты и съ отличавшей его нецеремонностью отрѣзалъ:

— Нѣтъ, братецъ, съ тобой я буду играть только на плевки! Приходи завтра.

Приглашенный не посмѣлъ ослушаться и явился въ назначенный часъ.

— Плюй на двадцать тысячъ!—сказалъ ему Потемкинъ.

Партнеръ собралъ всѣ силы и плюнулъ.

— Выигралъ, братецъ; смотри—я дальше твоего носа плюнуть не могу!

¹⁾ Записки Энгельгардта, 50.

²⁾ О размѣрахъ этой игры можно заключить изъ того, что Гарновскій высылалъ изъ Петербурга въ Яссы Потемкину заразъ по сто дюжинъ картъ («Русск. Стар.», XVI, 425).

Съ этими словами Потемкинъ плюнулъ ему въ лицо и отдалъ проигрышъ.

Съ такою же самодурской, затѣйливой жестокостью проучилъ онъ въ другой разъ за фальшивый расчетъ при игрѣ одного «вельможу», по увѣренію анекдота. Большая игра рѣдко велась въ тѣ времена на наличныя деньги, которыхъ, сравнительно, было въ обращеніи немного; во всякомъ случаѣ, въ нихъ постоянно нуждались даже богатѣйшіе люди, особенно такіе безграничные расточители, какимъ былъ Потемкинъ—и не онъ одинъ. Поэтому, вмѣсто наличныхъ или, когда наличныя спускались, игра шла на векселя, на деревни, на разныя цѣнности и, между прочимъ, на брилліанты. Потемкинъ, какъ мы уже знаемъ, очень любившій эти камешки, охотно игралъ на брилліанты. Анекдотическій «вельможа» проигралъ ему значительную сумму и уплатилъ ее брилліантами, которые, по справкѣ, оказались стоимостью гораздо ниже проигрыша. Раздосадованный князь, не показывая вида неудовольствія, любезно пригласилъ, вскорѣ затѣмъ, своего плутоватаго партнера на прогулку, завезъ подалеже отъ дома въ болото, гдѣ подученный кучеръ вывалилъ «вельможу» въ лужу и самъ ускакалъ. Весь измоченный и испачканный грязью, гость возвратился пѣшкомъ въ хоромы своего радушнаго хозяина, который встрѣтилъ его громкимъ смѣхомъ. «Этимъ,—заключаетъ рассказчикъ анекдота,—ограничилось все мщеніе князя недобросовѣстному игроку».

Не съ одними только «недобросовѣстными игроками» Потемкинъ обращался посамодурски-грубо и своенравно,—такое же отношеніе нерѣдко испытывали на себѣ и партнеры, пользовавшіеся его довѣріемъ и фаворомъ; но иные изъ нихъ отваживались порой давать ему и рѣзкій отпоръ. Въ Яссахъ онъ любилъ играть съ однимъ калмыкомъ, который вышелъ въ люди, вель большую игру, всѣмъ говорилъ «ты» и постоянно, при каждомъ словѣ, повторялъ: «Я тебѣ лучше скажу!» Однажды, князь, повтируя съ какимъ-то знатнымъ молдаваниномъ противъ калмыка, сильно проигрывалъ.

— Надо быть сущимъ калмыкомъ, чтобы метать такъ счастливо!—сказалъ онъ, наконецъ, съ досадой.

— А я тебѣ лучше скажу,—рѣзко и наставительно возразилъ банкометъ:—что калмыкъ играетъ, какъ князь Потемкинъ, а князь Потемкинъ, какъ сущій калмыкъ, потому что сердится.

— Насилу-то сказалъ «лучше!»—захохоталъ Потемкинъ, очевидно польщенный азіатской лестью подъ грубой формой упрека ¹⁾).

Страшно расточительный, князь презиралъ деньги и игралъ, конечно, не изъ-за выигрыша. Де-Линъ въ своей извѣстной характеристикѣ Потемкина сказалъ, между прочимъ, что онъ «лучше

¹⁾ «Собр. анекдотовъ о кн. Г. А. Потемкинѣ Таврическомъ». С. И. Шубинскаго, Спб., 1867 г.

любилъ давать, чѣмъ платить долги». Совершенно вѣрно, но въ такой же степени Потемкинъ былъ невзыскателенъ и къ своимъ собственнымъ должникамъ, тѣмъ болѣе карточнымъ. Ему проигрывали и не платили, и онъ объ этомъ забывалъ. Зато, изъ великодушія, а частью изъ политики, Потемкину случалось платить чужіе проигрыши. Такъ, въ 1787 г., въ Кіевѣ князь Дашковъ (сынъ знаменитой княгини Екатерины Романовны) проигралъ 1.200 рублей и не имѣлъ чѣмъ заплатить: заплатилъ за него Потемкинъ, изъ чего, по шутливому выраженію Гарновскаго, «политика верхняго парламента предвозвѣстила Дашкову великое благополучіе» ¹⁾.

Игорную пассію Потемкина психологически слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что онъ любилъ игрецкое ощущеніе, любилъ процессъ игры и, повидимому, любилъ ее, какъ искусство. По словамъ Энгельгардта, Потемкинъ, напримѣръ, находилъ удовольствіе «смотрѣть на искусныхъ игроковъ въ билліардъ, почему всѣхъ лучшихъ искусниковъ отыскивали и къ нему привозили; тоже любилъ смотрѣть игру въ шахматы, для чего изъ Тулы выписали одного купца, и князь возилъ его съ собою даже и въ армію». На этой прихоти всесильнаго временщика дошлые искатели и карьеристы пытались составить свою фортуна: втирались къ нему въ компанію и «старались его забавлять» кто во что былъ гораздъ. По случаю взятія Измаила, въ посвященной этому событію одѣ «Россъ въ Измаилѣ» авторъ, соблюдая историческую правду, а еще болѣе ради краснаго словца, ради эффектнаго образа, не преминулъ упомянуть о шахматной игрѣ побѣдителя въ слѣдующихъ великолѣпныхъ стихахъ:

Одной рукою онъ въ шахматы играетъ,
Другой рукою народы покоряетъ ²⁾.

Потемкинъ иногда ловко пользовался игрою и для цѣлей дипломатическихъ, какъ можно судить по слѣдующему анекдоту, записанному Пушкинымъ. Нѣкто III., молодой петиметръ, напроказилъ. Графъ Безбородко собрался пожаловаться на него императрицѣ. Родня перепугалась. Бросились къ Потемкину, прося его заступиться за молодого человѣка. Потемкинъ велѣлъ III. быть на другой день у него и прибавилъ: «да сказать ему, чтобы онъ со мною былъ посмѣлѣе». III. явился въ назначенное время. Потемкинъ вышелъ изъ кабинета, не сказавъ никому ни слова и сѣлъ играть въ карты. Въ это время пріѣзжаетъ Безбородко. Потемкинъ принимаетъ его, какъ нельзя хуже, и продолжаетъ играть. Вдругъ онъ подзываетъ къ себѣ III.

¹⁾ Записки Гарновскаго, «Русск. Стар.», XV, 26.

²⁾ А. В. Суворовъ, главный виновникъ взятія Измаила, кажется, относилъ эти стихи не къ Потемкину, а къ самому себѣ, сколько можно догадываться по езоповскому языку его переписки съ родными («Русск. Старина», т. VI, 420).

— Скажи, братъ,—говорить Потемкинъ, показывая ему свои карты:—какъ мнѣ тутъ сыграть?

— Да мнѣ какое дѣло, ваша свѣтлость,—отвѣчаетъ Ш.:—играйте, какъ умѣете!

— Ахъ, мой батюшка,—возразилъ Потемкинъ:—и слова нельзя тебѣ сказать: ужъ и разсердился!

Услыша такой разговоръ, Безбородко раздумалъ жаловаться ¹⁾.

Къ слову о Безбородкѣ—тоже одномъ изъ выдающихся и типичнѣйшихъ представителей екатерининскаго большого свѣта. Подобно другимъ вельможамъ-сарданапаламъ, проводившимъ время, по выраженію Державина, «среди игръ, среди праздности и нѣги», графъ А. А. Безбородко, хотя и не былъ, сколько извѣстно, азартнымъ картежникомъ и не обращалъ игры въ исключительное «упражненіе», тѣмъ не менѣе короталъ свои досуги за картами съ удовольствіемъ, а, случалось, и съ юморомъ въ такой своеобразной, шутливо-торжественной формѣ, которую, точно, могъ бы позволить себѣ развѣ какойнибудь баснословный, не знавшій удержу своимъ прихотямъ, Сарданапалъ.

Безбородко любилъ вистъ и часто игралъ въ него, живя лѣтомъ на своей пышной петербургской дачѣ. Въ числѣ обычныхъ партнеровъ его былъ извѣстный лейбъ-медикъ Рожерсонъ, пользовавшійся особымъ довѣріемъ Екатерины. Отличный врачъ, Рожерсонъ былъ, видно, плохимъ игрокомъ, игралъ разсѣянно и часто дѣлалъ ренонсы, къ великой, конечно, досадѣ партнеровъ. Какъ-то графъ въ это время, находясь у императрицы съ докладомъ, испросилъ у нея разрѣшеніе стрѣлять изъ пушекъ для потѣхи у себя на дачѣ ²⁾. Послѣ этого, когда составился обычный вистъ, и Рожерсонъ по привычкѣ сталъ дѣлать ренонсы, то каждый разъ въ ту же минуту, по знаку Безбородка, грохоталъ залпъ изъ пушекъ. «Сія шутка,—добавляетъ рассказчикъ:—раздражила вспыльчиваго медика, и едва не дошло до драки». Какой нужно было имѣть полетъ игривой фантазіи, какую «розвязъ», какъ тогда выражались, чтобы о карточныхъ ренонсахъ партнера оповѣщать столицу пушечной пальбою!

Очень любилъ вистъ и другой важный екатерининскій вельможа, князь А. А. Вяземскій, исполнявшій генераль-прокурорскую должность. Игралъ князь, впрочемъ, «по маленькой» и чаще всего съ «малочиновыми и небогатыми людьми», принятыми у него въ домъ, хотя, повидимому, въ карточныхъ расчетахъ былъ довольно взыскателемъ и не любилъ манкированія карточныхъ должковъ.

¹⁾ Сочиненія. Изд. 1887 г. Литер. фонда. Т. V, 275. У Пушкина Безбородко титудуется княземъ. Это ошибка. Княжескій титулъ былъ пожалованъ Безбородкѣ позже императоромъ Павломъ.

²⁾ Разказы Карабацова.

Эту черту проникательно угадалъ Державинъ, въ началѣ своей статской карьеры сильно заискивавшій у всемогущаго князя, и очень оттого успѣлъ, какъ въ мнѣніи своего покровителя, такъ и въ своихъ служебныхъ авансахъ. Радужно приглашенный Вяземскимъ (1777 г.), я,—разсказываетъ Гавріилъ Романовичъ:—«часто у него бывалъ и, проводя съ нимъ дни, забывая въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ, хотя никогда въ ней ни счастливо, ни несчастно играть не умѣлъ, платилъ всегда проигранныя деньги исправно (sic!) и съ веселымъ духомъ... Таковымъ поступкомъ, всегда благороднымъ и смѣлымъ,—заключаетъ Державинъ, точно, въ самомъ дѣлѣ, совершилъ не вѣсть какой подвигъ,—понравился (я) ему (т. е. князю) и приобрѣлъ его благоволеніе» ¹⁾. Это не единственный примѣръ снисканія «благоволенія» у сильныхъ міра сего находчивыми партнерами, умѣющими составить для нихъ пріятную партію и платящими свои маленькіе проигрыши «исправно и съ веселымъ духомъ». Позднѣе, какъ увидимъ, у грибоѣдовскаго Молчалина это обращается въ одно изъ основныхъ мудрыхъ правилъ житейскаго *savoir vivre*.

Распространяться о невинной страстишкѣ къ неразорительнымъ коммерческимъ играмъ, какую питалъ князь Вяземскій, было бы излишне. Ей были преданы почти всѣ екатерининскіе вельможи и знаменитости, не говоря уже о простыхъ смертныхъ—представителяхъ среднихъ слоевъ культурнаго общества. Гораздо важнѣе и поучительнѣе тотъ прискорбный фактъ, что среди екатерининскихъ вельможъ, администраторовъ и людей вліятельныхъ—развѣ только немногіе не предавались безъ всякаго удержу разорительнымъ азартнымъ играмъ.

Не составлялъ счастливаго въ этомъ родѣ исключенія, напримѣръ, извѣстный *alter ego* князя Потемкина, статсъ-секретарь и генераль-майоръ Василій Степановичъ Поповъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ при жизни своего патрона и безответственно распорядившійся громадными суммами казенныхъ денегъ, поступавшихъ въ вѣдѣніе послѣдняго. Черезъ проворныя руки Попова прошли десятки милліоновъ и, такъ какъ онъ не весьма церемонился съ казеннымъ достояніемъ, то могъ бы благоприобрѣсть несмѣтныя богатства, если бы «не предавался распутству и не проводилъ все время за картами», какъ характеризовалъ его Ростопчинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Воронцову ²⁾. А. М. Грибовскій подтверждаетъ это показаніе, говоря, что Поповъ—человѣкъ вообще «не строгихъ добродѣтелей», дѣлалъ «необычныя издержки на столъ, игру и любовницъ», многократно превосходившія его личныя оклады и доходы съ пожалованныхъ ему имѣ-

¹⁾ Записки, 123.

²⁾ «Русск. Архивъ», 1876 г., кн. 4.

ній—тоже не маленькіе. «Часто на игру приносилъ онъ изъ своего кабинета полныя шляпы червонцевъ, которые никогда въ оный не возвращались»,—добавляетъ Грибовскій, близко знавшій Попова и нерѣдко пользовавшійся его хлѣбосольствомъ ¹⁾).

Ростоичинъ, въ той же перепискѣ съ Воронцовымъ, одновременно отзывался о другомъ вліятельномъ царедворцѣ и дипломатѣ, быстро возвысившемся къ «концу вѣка» и царствованія Екатерины, именно—о графѣ А. И. Морковѣ, что онъ «преданъ азартной игрѣ и сорить деньгами». По отзыву же Грибовскаго, Морковъ, уже достигнувъ власти, положенія и богатства, не только не сорилъ деньгами, а напротивъ «велъ жизнь скромную и скупую, никого къ себѣ не принималъ, никому ни обѣдовъ, ни ужиновъ не давалъ, черезъ что скопилъ много денегъ и брилліантовъ» ²⁾).

Скупость, впрочемъ, нисколько еще не исключаетъ страсти къ азартной игрѣ, а для иныхъ натуръ, пожалуй, даже усиливаетъ искушеніе.

XII.

Хлѣбосольство П. И. Мелисина и карточные вечера въ его домѣ.—Наблюденіи кавалера Казанова надъ петербургскими великосвѣтскими игроками.—«Везовѣтственная» игра.—Столичные «авантюрье» 80-хъ гг. и ихъ игорныя «шадости». — «Корабельная компанія» князя Несвицкаго.—Н. П. Бутурлинъ и князь С. О. Голицынъ.—Неблагоприятный для конногвардейцевъ отзывъ императрицы.—Поддѣлка фальшивыхъ ассигнацій.—Дѣло о карточной игрѣ и картежныхъ долгахъ корнета Ржевскаго и К'.—Всеподданнѣйшій докладъ сената.—Кн. Ю. В. Долгорукій отъказывается платить карточные долги сына.

Большую игрою и собраніями «знатнѣйшихъ игроковъ», подобно хлѣбосольному дому извѣстнаго уже намъ пріятеля Потемкина, оберъ-церемоніймейстера Кашталинскаго, славился одновременно въ Петербургѣ также домъ знаменитаго сподвижника кагульскаго героя, П. И. Мелисина. Домъ этотъ и въ хлѣбосольствѣ никому не уступалъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ кавалеръ Казанова—извѣстный пройдисвѣтъ, на показанія котораго въ этихъ дѣлахъ положиться можно. Всесвѣтный авантюристъ этотъ, кажется, и въ Россію заѣхалъ потому, главнымъ образомъ, что составилъ себѣ о ней мнѣніе, какъ о «странѣ гостепрїимства и подобострастія», гдѣ, къ тому-жъ, рассчитывалъ чѣмъ нибудь жирно поживиться.

¹⁾ Записки, 20.

²⁾ Тамъ же, 16.

Казанова оставилъ въ своихъ «запискахъ» любопытное описаніе карточныхъ вечеровъ въ домѣ Мелиссино. Попалъ онъ туда по рекомендательному письму нѣкоей де-Лольо, бывшей фаворитки Меллисино. «Благодаря этой рекомендаціи,—разсказываетъ онъ:— генеральтъ принялъ меня какъ нельзя лучше и пригласилъ разъ навсегда бывать на его ужинахъ». Кавалеръ, конечно, не упустилъ воспользоваться этимъ любезнымъ приглашеніемъ—тѣмъ скорѣе, что, на его вкусъ, въ домѣ Мелиссино «все было на французскій ладъ: столъ и напитки отличные, бесѣда оживленная, а игра и пуще того».

«Съ перваго же вечера,—продолжаетъ Казанова,—я засѣлъ въ фараонъ; общество состояло изъ людей порядочныхъ, проигрывающихъ безъ сожалѣнія и выигрывающихъ безъ похвалы... Банкъ держалъ баронъ Лефортъ, сынъ или племянникъ знаменитаго адмирала Лефорта. Этотъ молодой человекъ былъ запятнанъ однимъ дурнымъ дѣломъ, навлекшимъ на него немилость императрицы». По словамъ разсказчика, «дурное дѣло» заключалось въ лопнувшей публичной лоттерей, на которую будто бы Лефортъ исходатайствовалъ у правительства привилегію и потребный фондъ.

У кавалера, во время его пріѣзда въ Петербургъ, денежные дѣла были крайне тонки, поэтому онъ понтировалъ очень сдержанно, и на первый разъ выигрышъ его доходилъ до нѣсколькихъ лишь рублей. Зато на его глазахъ какой-то «князь К*** спустилъ однимъ разомъ десять тысячъ рублей, отчего нисколько не казался смущеннымъ». Казанову поразило такое «хладнокровіе, столь рѣдкое у игроковъ», и онъ подѣлился съ банкометомъ своимъ наивнымъ удивленіемъ.

— Нечего сказать, велика заслуга! — презрительно возразилъ тотъ:—вѣдь князь игралъ на честное слово и, стало быть, ничего не заплатитъ: это его привычка!

— А честь?—вставилъ кавалеръ.

— Честь не пострадаетъ отъ неплатежа игорныхъ долговъ,—отвѣтилъ Лефортъ:—по крайней мѣрѣ, такъ принято въ здѣшней странѣ. Между игроками существуетъ безмолвный договоръ, по которому проигравшій на слово воленъ платить или нѣтъ. Выигравшій былъ бы смѣлпонтъ, если бы требовалъ уплаты, коль скоро проигравшій не предлагаетъ внести ее самъ.

— Подобный обычай,—не унимался Казанова:—долженъ бы, по крайней мѣрѣ, давать право банкомету отвергать ставку того или другаго партнера.

— Ну, ни одинъ банкометъ не посмѣетъ нанести такой обиды кому бы то ни было! Проигравшійся дотла,—пояснялъ хорошо, видно, осведомленный въ этихъ дѣлахъ Лефортъ:—обыкновенно удаляется, не расплатившись; честнѣйшіе изъ нихъ оставляютъ залогъ, но это бываетъ рѣдко. Здѣсь есть молодые люди самыхъ

знатныхъ фамилій, которые ведутъ игру, такъ сказать, фиктивную, безотвѣтственную, и смѣются прямо въ глаза тѣмъ, кто у нихъ выигрываетъ ¹⁾).

Конечно, здѣсь много преувеличенія. Если бы точно былъ такой «обычай», тогда и самая игра на интересъ была бы просто невысказана. Одно изъ двухъ—или Казанова слышалъ звонъ, да, по обыкновенію «знатныхъ иностранцевъ», пописывавшихъ о Россіи, перевралъ его смыслъ, или Лефортъ умышленно его обмолчилъ. Никакъ нельзя, однако, отрицать, что въ тогдашнемъ «свѣтѣ», да и позднѣе случаи такой «безотвѣтственной» игры, такого неряшества въ карточныхъ расчетахъ бывали и, какъ увидимъ ниже, бывали даже нерѣдко. Державинъ ненапрасно похваляется, какъ мы видѣли, тѣмъ, что онъ платилъ свои проигрыши «исправно и съ веселымъ духомъ». Не велика, казалось бы, добродѣтель, но очевидно отличались ею въ тѣ времена далеко не всѣ изъ искушавшихся на зеленомъ полѣ.

Въ 80-хъ годахъ въ петербургскомъ «свѣтѣ» пользовалось довольно громкой, но не особенно лестной репутаціей нѣсколько кружковъ или компаній авантюрье, какъ ихъ называетъ въ своемъ дневникѣ Храповицкій, которые сильно пошаливали, кутили и вели большую, не всегда чистую игру, завлекая въ свою компанію неопытныхъ юношей, сынковъ богатыхъ родителей, и навѣрняка ихъ обыгрывая. Игорныя «шалости» этихъ свѣтскихъ авантюрье бывали иногда настолько скандальны, а ихъ выигрыши настолько крупны и разорительны для жертвъ, что становились извѣстны императрицѣ и крайне ее возмущали. Одинъ изъ такихъ случаевъ съ нѣкимъ Делицынымъ былъ уже нами разсказанъ. Въ обыгрываніи этого юнца государыня заподозрѣла тогда Рибаса и С. М. Потемкина. Въ дневникѣ Храповицкаго записанъ отъ 13-го апрѣля 1787 года другой такой же случай. Тогдашній петербургскій главнокомандующій, графъ Брюсъ, доносилъ, что «корабельная компанія» князя Несвицкаго «затачила» наканунѣ молодого Апраксина и обыграла его. Въ ней принимали дѣятельное участіе, кромѣ Несвицкаго: князь С. Ѳ. Голицынъ, Н. К. Закряжская, Н. И. Бутурлинъ—«все авантюрье»,—отмѣчено въ «дневникѣ», а о Бутурлинѣ сказано особо—«игрокъ». Замѣчанія эти сдѣланы, вѣроятно, самой императрицей при чтеніи доношенія ²⁾). Почему компанія называлась «корабельной»—не знаемъ; знаемъ только, что не одинъ лишь Николай Ивановичъ Бутурлинъ,—«человѣкъ», по отзыву Державина, любившій праздную жизнь, игрокъ и гуляка»,—слылъ въ петербургскомъ свѣтѣ отчаяннымъ картежникомъ: такую же славою пользовался тогда и блестящій екатери-

¹⁾ Мемуары. «Русск. Стар.», IX, 559.

²⁾ Дневникъ, 31.

нинскій генераль, князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, женатый на племянницѣ Потемкина, В. В. Энгельгардтъ. «Смолоду князь,— рассказываетъ о немъ Вигель:— былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копейки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ не приобрѣлъ игрой нѣсколько сотъ тысячъ: тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты пересталъ брать въ руки»¹⁾... Случилось это гораздо позднѣе; въ описываемый же здѣсь моментъ (1787 г.) кн. Голицынъ, какъ видно, не думалъ еще закаиваться играть въ карты и былъ на счету самыхъ отчаянныхъ столичныхъ «авантюрье».

Азартная игра потому безнравственна и вредна, что обыкновенно она разнуздываетъ человѣка, особенно слабовольнаго и плохо воспитаннаго, и, когда онъ зарывается, толкаетъ его на крайне рискованныя и прямо преступныя операціи по части стяжанія.

Мы видѣли, какъ легкомысленный Зоричъ, все болѣе и болѣе проигрываясь и влѣзая въ неоплатные долги, далъ себя завлечь въ завѣдомо уголовную авантюру съ фальшивыми ассигнаціями. Но и въ этомъ отношеніи на него былъ «весь свѣтъ похожъ», по крайней мѣрѣ, свѣтъ игорный, и онъ являлся только наиболѣе типичнымъ представителемъ себѣ подобныхъ сыновъ «златого вѣка»!

Такъ и тѣмъ же кончали иногда и другіе проматывавшіеся и проигрывавшіеся столичные «авантюрье»—люди свѣтскіе, нерѣдко титулованные, съ блестящими именами, главнымъ образомъ представители военной «золотой молодежи». Въ началѣ 1787 г., Екатерина, какъ записалъ Храповицкій, была озабочена полученнымъ ею извѣстіемъ, что конногвардейскаго полка корнетъ Сумароковъ съ вахмистрами Ромбергомъ и Куницкимъ изобличились въ поддѣльваніи новыхъ ассигнацій. По этому поводу, — продолжаетъ Храповицкій, — «говорено (императрицей) о шалостяхъ, въ томъ полку прежде бывшихъ, и что изстари подписывались подъ руки и разные дѣлали обманы для полученія денегъ» (рѣчь шла, конечно, о конногвардейцахъ)²⁾.

Изъ «прежде бывшихъ» въ этомъ родѣ «шалостей» конногвардейцевъ государынѣ особенно должно было быть памятно громкое и довольно темное дѣло корнета Василя Ржевскаго, подпоручика Матвѣя Сомова и премьеръ-майоровъ князя Александра Долгорукова и Михаила Тараканова. Дѣло это тянулось нѣсколько лѣтъ, прошло черезъ сенатъ, восходило на высочайшее усмотрѣніе и можетъ назваться историческимъ (оно занесено въ «Полное собраніе законовъ»). Возникло оно въ 1767 г. вслѣдствіе изобличенія Ржев-

¹⁾ Записки, кн. I. 136.

²⁾ Дневникъ, 25.

скаго и его товарищей въ веденіи противозаконной карточной игры. Какъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ произошло это изобличеніе — неизвѣстно. Можно догадываться только, что игра велась крупная и, какъ всегда почти водилось тогда въ такого размѣра игрѣ, велась не на однѣ лишь наличныя деньги, но и на векселя, которые выдавались проигрывавшимися или непосредственно счастливымъ партнерамъ, или же стороннимъ благодѣтелямъ-ростовщикамъ, промышлявшимъ, подъ именемъ купцовъ, грабительской лихвой около знатныхъ богатыхъ мотовъ. На этотъ разъ «купцы» напали, повидимому, не на простачковъ и— ошиблись въ расчетѣ. Векселя, которыми обезпечивались одолженныя ими на игру деньги, были арестованы и приобщены къ дѣлу, какъ улика, и, по извѣстному уже намъ закону 10-го марта 1766 г., могли утратить всякую цѣнность. Весьма возможно, судя по записанному Храповицкимъ зловѣщему намеку императрицы о «прежде бывшихъ шалостяхъ», что искусившіеся въ нихъ векселедатели, въ желаніи освободиться отъ докучныхъ обязательствъ, искусно эксплуатировали этотъ законъ въ свою пользу: и въ запретной игрѣ дали себя изобличить, и во всѣхъ своихъ картежныхъ грѣхахъ чистосердечно исповѣдались, и съ покаянной предупредительностью изъяснили незаконность выданныхъ ими векселей. Въ средѣ, гдѣ люди для поправленія своихъ денежныхъ обстоятельствъ отваживались на поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій, подобная комедія могла считаться совершенно уже позволительной, милой и остроумной «военной хитростью».

Въ довершеніе типичности этой темной игрецкой исторіи, одинъ изъ замѣшанныхъ въ ней «купцовъ»-заимодавцевъ оказывался армяниномъ. По странной игрѣ случайностей, армяне да еще вотъ греки преимущественнѣе передъ всѣми другими національностями, не исключая іудейской, искони фигурируютъ въ подобнаго рода отвѣтственныхъ и очень благодарныхъ роляхъ во всѣхъ солидныхъ шуллерскихъ организаціяхъ и игорныхъ эпопеяхъ.

Жулфинскій (?) купецъ, армянинъ Григорій Тембозъ подалъ въ сенатъ, 25-го іюля 1771 г., челобитную «о возвращеніи ему, для взысканія капитала, отобранныхъ у него двухъ векселей, данныхъ отъ имени лейбъ-гвардіи коннаго полка корнета Василія Ржевскаго суммою въ 4.750 рублей». Векселя эти были отобраны отъ Тембоза, по именному высочайшему указу, еще въ 1767 г., при начатіи дѣла «объ оказавшихся въ запретительныя карточныя игры игрокахъ», до разъясненія, законны ли они, или фиктивны, т. е., точно ли купецъ Тембозъ далъ по нимъ «капиталъ», а не благоприобрѣлъ ихъ запретной игрою, помощью счастья и искусства?

Сенатъ навелъ справку въ юстиць-коллегію, гдѣ производилось дѣло о Ржевскомъ съ товарищами. Оказалось, что тамъ задержаны

векселя не одного Ржевскаго, но и другихъ лицъ, «въ равномъ преступленіи съ нимъ» избличившихся, а вмѣстѣ съ тѣмъ наложено запрещеніе на недвижимыя оныхъ векседавецвъ имѣнія, либо отданныя «купцамъ» въ залогъ, либо назначенныя, по ихъ претензіямъ, къ продажѣ. Сдѣлано это было, какъ мы уже знаемъ, въ силу указа 10-го марта 1766 г., руководствуясь которымъ сенатъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе слѣдующій докладъ: «1) Всѣ данныя въ происшествіи сей карточной игры, какъ на проигранныя, такъ и на занятыя для оной наличныя деньги и товары, векселя, закладныя и всякія крѣпости уничтожить и написанныя въ нихъ суммы платить запретить, а которыя заплатили, тѣ, отъ заимодавцевъ взыскавъ, заемщикамъ возвратить. 2) Кѣмъ взяты деньги и товары по невѣдѣнію заемщиковъ, что точно для карточной игры даны и заимодавцами приняты векселя и закладныя, по тѣмъ векселямъ и закладнымъ точно написанныя въ нихъ суммы, сполна взыскавъ, отдать заимодавцамъ: однако-жъ, сіе взысканіе учинить съ тѣхъ однихъ заемщиковъ, которые отъ отцовъ своихъ и матерей въ отдѣлѣ или имѣютъ отдѣленное или собственно нажитое ими имѣніе, а неотдѣленные отъ отцовъ и матерей дѣти, по содержанію вышепрописаннаго указа, какъ не имѣющія своей собственности, отъ сего взысканія изъемятся, отцы и матери ихъ тѣхъ за нихъ долговъ платить не повинны, а самыя векселя и закладныя сихъ послѣднихъ не только за дѣйствительныя не почитать, но и взысканія по онымъ никакого дѣлать не слѣдуетъ, ибо заимодавцы, за силою сего указа, потерянню своего капитала сами стали быть причиною, а потому юстицъ-коллегіи повелѣнію наложенное на недвижимое имѣніе премьеръ-майора князя Александра Долгорукова запрещеніе снять. Въ сенатъ же вступили прошенія: 1) отъ углицкаго купца Федора Лифанова объ отдачѣ ему взятаго у него, равно какъ у Тембоза, и удержаннаго въ юстицъ-коллегіи даннаго вышеупомянутымъ корнетомъ Ржевскимъ въ 1.200 рубляхъ для взысканія векселя; 2) отъ отставныхъ премьеръ-майора Михаила Тараканова и подпоручика Матвѣя Сомова, чтобъ въ разсужденіи имѣющихся на нихъ, по закладнымъ и векселямъ, многихъ партикулярныхъ, кромѣ карточной игры, долговъ, для свободной продажи и закладу недвижимыя ихъ имѣнія изъ-подъ запрещенія разрѣшить; но сенатъ, за прописаннымъ своимъ мнѣніемъ, какъ о тѣхъ векселяхъ, такъ и о разрѣшеніи запрещенныхъ имѣній на ихъ прошенія безъ особливаго вашего величества повелѣнія къ разсмотрѣнію вновь приступить не можетъ, а приемотреть смѣлость,—не угодно ли вашему императорскому величеству будетъ сей докладъ удостоить высочайшей конфирмаціи, по воснослѣдованіи которой какъ заимодавцы тѣ, кои по сему сенатскому мнѣнію имѣтъ будутъ право, могутъ получить свое удовольствіе, такъ и заемщикамъ, по сня-

тии съ имѣнія ихъ запрещенія въ перепискѣ закладныхъ, равно и для удовольствія своихъ кредиторовъ въ продажѣ ихъ имѣнія препятствія настоятъ не будетъ?»¹⁾

Екатерина одобрила соображенія сената и на докладѣ подписала: «Быть по сему». Несомнѣнно, это была существенная поправка къ закону 1766 г., пятилѣтняя практика котораго, какъ видно, повела ко многимъ хитроумнымъ обходамъ его прямого смысла, къ злоупотребленіямъ и обманамъ. «Авантюрье» и «шалуны» просто пользовались имъ для освобожденія себя отъ докучливыхъ обязательствъ и долговъ, хотя бы и не имѣвшихъ ничего общаго съ запрещенной карточной игрой.

Широко имъ пользовались, если вѣрить Казановѣ, и иные великосвѣтскіе, не особенно счастливые и еще менѣе амбиціозные игроки; тѣмъ легче и скорѣе пользовались ихъ именитые родители, когда имъ предстояло уплачивать карточные долги своихъ мотоватыхъ сынковъ. Въ концѣ уже девяностыхъ годовъ былъ такой случай—одинъ изъ многихъ, но особенно выразительный и надѣлавшій много шума. Генераль-аншефъ, князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, состоявшій московскимъ главнокомандующимъ по личному назначенію императора Павла, вельможа вліятельный, важный и очень богатый, имѣлъ единственнаго сына, генераль-майора, которому открывалась блестящая карьера, если бы молодой человѣкъ не питалъ страсти къ игрѣ и не втянулся оттого въ неоплатные долги. И вотъ въ одно прекрасное утро князь Юрій Владимировичъ привелъ всю Москву въ крайнее изумленіе, офиціально заявивъ, что онъ наотрѣзъ отказывается платить карточные долги сына, которые простирались до полумилліона рублей. «Всѣ его порицали за сей поступокъ, — рассказываетъ, близко знавшій князя, родственникъ его, князь И. М. Долгорукій:—самъ государь писалъ къ нему и, вступаясь за одну кредитorkу, требовалъ уплаты. Князь, искушая тогда взаимно мои къ нему чувства, хотѣлъ, чтобы я написалъ отъ него отрицательное письмо къ императору, и я, несмотря на важность обстоятельствъ и опасныя его послѣдствія, съ удовольствіемъ и нѣкоторымъ успѣхомъ принесъ ему сію жертву моей приверженности»²⁾. Жертва, дѣйствительно, была немалая — писать императору Павлу «отрицательныя письма». Къ сожалѣнію, авторъ не разъясняетъ, въ чемъ заключался «нѣкоторый успѣхъ» сочиненнаго имъ письма. Зато вполне вѣроподобно, что присущее Павлу Петровичу рыцарское чувство чести было возмущено «поступкомъ» московскаго главнокомандующаго, хотя тотъ, отказы-

¹⁾ П. С. З., № 13.677.

²⁾ Капище моего сердца, 155.

вансь платить карточные долги сына, и дѣйствовалъ на законномъ основаніи. Замѣчательнъ и тотъ фактъ, что московское общество также не одобряло этого «поступка».

XIII.

Картежъ время Зорича въ Могилевѣ.—Громадный проигрышъ графа Салтъги.—Могилевскій намѣстникъ П. Б. Пассекъ и его «помпадурша». — Губернаторскіе доходы отъ картъ и губернаторскій домъ, превращенный въ игорный. — Пассекъ покровительствуетъ игрокамъ и держитъ съ ними банкъ въ мотин. — Вѣщія карточные сны губернатора. — «Землемѣрская партія» и ея жертва. — Довтрадася!

Провинціальный «свѣтъ» екатерининскихъ временъ не отставалъ въ козыряніи отъ столичнаго, а мѣстами даже превосходилъ его, какъ это мы видѣли на шкловскихъ скандалезныхъ дѣянiяхъ Зорича и его компаніи.

Замѣчательно, что могилевскому намѣстничеству, гдѣ находился Шкловъ, по странной судьбѣ, особенно везло тогда на азартныхъ игроковъ и большую игру. Въ 80-хъ годахъ Могилевъ, какъ описываетъ его наблюдательный очевидецъ, «уподоблялся болѣе столичному, нежели губернскому городу», но, любопытно, въ какомъ именно отношеніи? — «Безпрестанные были праздники, балы и карточная игра, каковой (по размѣру), конечно, прежде въ Россіи не бывало, да сомнительно, было ли и послѣ. Графъ Салтъга (женатый на племянницѣ Екатерины I, Софьѣ Карловнѣ Скавронской) проигралъ тогда все свое знатное состояніе¹⁾».

Не говоря уже о могилевскомъ партикулярномъ «свѣтѣ», могилевскіе представители правительственной власти были на подборъ отъявленные картежники, начиная съ губернатора (позднѣ бѣлорусскаго генераль-губернатора), знаменитаго П. Б. Пассека, возвысившагося дѣятельнымъ участіемъ въ переворотѣ 1762 года.

Во время процвѣтанія Пассека въ Могилевѣ, его навѣстилъ одинъ заѣзжій иностранецъ, оставившій въ своихъ мемуарахъ интересную характеристику этой исторической, а еще болѣе комической фигуры.

«Я,—разсказываетъ онъ:—былъ представленъ намѣстнику вечеромъ, когда онъ былъ занятъ своимъ туалетомъ. Съ первыхъ же словъ онъ мнѣ сказалъ:

«— Мы проводимъ всѣ вечера за картами у Марьи Сергѣевны, а кто не хочетъ играть, тотъ танцуетъ... Милости просимъ!»

Марья Сергѣевна, по мужу Салтыкова, представляетъ собой также историческую въ своемъ родѣ фигуру. Она состояла фор-

¹⁾ Энгельгардтъ: Записки, 18.

мальной «помпадуршей» у Пассека и значила въ могилевскомъ «свѣтѣ» не меньше, чѣмъ онъ самъ. Ей тогда было уже подъ пятьдесятъ, но она сохраняла еще слѣды красоты. Съ мужемъ она давно уже «развѣхалась». Отъявленный игрокъ, онъ, по увѣренію рассказчика, проигравъ Пассекѣ все свое состояніе, поставилъ на послѣднюю карту жену и проигралъ и ее. «Говорятъ,— добавляетъ онъ:— будто потеря эта менѣе всего огорчила Салтыкова, хотя Марья Сергѣевна была еще молода и хороша собой; Пассекъ, назначенный губернаторомъ въ Могилевъ, увезъ ее съ собой».

У Пассека не было наслѣдственного состоянія; жалованья, по губернаторской должности, онъ получалъ не болѣе четырехъ тысячъ рублей, а между тѣмъ жилъ въ Могилевѣ настоящимъ са-трапомъ—широко, расточительно и открыто, да еще на два дома. Средства добывались большой игрой, «разорительной для всѣхъ, кромѣ самого хозяина». Играли такъ много и часто, что однихъ «денегъ, выручаемыхъ лишь за карты, хватало, по увѣренію свѣдущихъ людей, на содержаніе дома Марьи Сергѣевны, а доходъ отъ банка покрывалъ издержки намѣстника» ¹⁾.

Показанія эти подтверждаются другимъ достовѣрнымъ современникомъ—очевидцемъ, извѣстнымъ Добрынинымъ.

«Пассекъ ничѣмъ не хотѣлъ заниматься,— рассказываетъ о немъ Добрынинъ,— кромѣ картъ, лошадей, любовницы, побочнаго сына и титула губернаторскаго». Играя съ Пассекомъ въ карты, пользуясь его слабостями и угождая имъ, правитель дѣлъ Полянскій—такой же азартный игрокъ, но вдобавокъ пронырливый, своекорыстный честолюбецъ—самовластно управлялъ и всею губерніей, и самимъ губернаторомъ, и былъ въ губерніи «самый большой человѣкъ, хотя ростомъ не выше двухъ аршинъ и двухъ вершковъ» ²⁾.

Живо и съ юморомъ описываетъ Добрынинъ карточные вечера въ гостепріимномъ губернаторскомъ домѣ. Вечера эти бывали часто и, такъ какъ Пассекъ «любилъ всякаго рода удовольствія», то начиналось, обыкновенно, музыкой, но вскорѣ приступали къ настоящему дѣлу, т.-е. къ игрѣ въ банкъ. «Столы, нарядно освѣщенны; при каждомъ—служитель, дабы каждый игрокъ имѣлъ безъ затрудненія удобность: приказывать, требовать и довольствоваться всѣмъ, что ему угодно, кромѣ птичьяго молока. Вообще, всякій игрокъ былъ хорошо принятъ, а особливо тѣ, которые имѣли честь быть съ хозяиномъ въ мотиѣ (sic!), отлично были уважаемы; и если кто счастливъ былъ приобрести ихъ благосклонность, за того слово ихъ предъ губернаторомъ имѣло полный вѣсъ. По такимъ рекомендаціямъ, мало-по-малу, штатъ присут-

¹⁾ «Русск. Стар.», т. XXII, стр. 330 и слѣд.

²⁾ Записки, «Русск. Стар.», т. IV, стр. 109.

ственныхъ мѣстъ началъ замѣщаться или игроками, или надобными для нихъ людьми. Первые были самые дурные по службѣ работники и самые лучшіе компаніоны; вторые, хоть могли знать свою должность, но были пролазы и подлецы... Таковъ былъ плодъ вечернихъ собраний!»¹⁾

Картинка, не правда ли, любопытная! Губернаторскій домъ открыто обращенъ въ игорный, и самъ губернаторъ персонально и, такъ сказать, всенародно, ведетъ запрещенную закономъ азартную игру, да еще съ такими сомнительными, если не явно шуллерскими приемами, какъ конфиденціальное соучастіе на компанейскихъ условіяхъ съ травленными игроками.

Мѣра распушенности на этомъ, однако, не кончается: состоявшіе «въ мотѣ» съ губернаторомъ игроки не только были «отлично уважаемы», но еще получали видныя, отвѣтственныя должности въ присутственныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, Пассекъ бывалъ иногда въ этихъ дѣлахъ строгъ, справедливъ и милостивъ.

Нѣкто, майоръ С. И. Веревкинъ, родственникъ Пассека, явился къ нему въ Могилевъ, по рекомендаціи брата, вліятельнаго директора экономіи, просить тепленькаго мѣстечка по штатской службѣ. Пассекъ сперва прінялъ майора хорошо и обѣщалъ «все, что можно сдѣлать»; но потомъ, увидя, что тотъ, кромѣ карточной игры, ничего не знаетъ и знать не хочетъ, а требуетъ много, прінялъ его въ мотіе и тѣмъ,—остроумно замѣчаетъ Добрынинъ,—кончилъ «все что могъ сдѣлать».

Очень плохой администраторъ, Петръ Богдановичъ во всемъ, что касалось картъ и игорныхъ операций, обнаруживалъ не только находчивость и практичность, но порой и чуть ли не сверхъестественное ясновидѣніе. Заигрывался онъ до того, что ему иногда снились чудные вѣщіе сны

Какъ-то разъ, просидѣвъ за карточнымъ столомъ всю ночь и проигравъ тысячъ съ десять, Пассекъ внезапно и на минутку задремалъ. Вдругъ, очнувшись, съ живостью говоритъ банкомету:

— Attendez! Мнѣ сейчасъ приснился старикъ съ сѣдой бородой, который сказалъ: «Пассекъ, пользуйся, ставь на тройку три тысячи, она выиграетъ тебѣ соника, загни пароли—она тебѣ опять выиграетъ соника, загни сетелева, и еще она выиграетъ соника». Ба, да вотъ и тройка валяется на полу: идетъ три тысячи!

И точно, Пассекъ сряду выигралъ на тройку три раза, какъ сказалъ. «Но сіе видѣніе тѣмъ не окончилось»,—добавляетъ очевидецъ. За упущенія и нерадивость по службѣ П. В. стали получать отъ своего ближайшаго начальника графа З. Г. Чернышева строгіе выговоры и внушенія. Пассекъ потерялъ терпѣніе.

— Долго ли терпѣтъ такія неудовольствія, — жаловался онъ

¹⁾ Тамъ же, 187.

друзьямъ: — выйду въ отставку! Да и старикъ мой, который научилъ меня выиграть двадцать одну тысячу на тройку, сегодня приснился мнѣ и сказалъ: «Полно, Пассекъ, грустить, поди въ отставку—тебя отставятъ, но не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, какъ пожалуютъ тебя сенаторомъ, а ровно черезъ годъ отъ сего дня главнокомандующій въ Москвѣ, князь В. М. Долгоруковъ, умретъ, на его мѣсто будетъ графъ Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ, бывший тогда бѣлорусскимъ генераль-губернаторомъ), тебя же пожалуютъ на мѣсто послѣдняго».

И все это точка въ точку сбылось, какъ увѣрялъ присутствовавшій при пророческомъ вѣщаніи Пассека Н. Б. Энгельгардтъ, впоследствии смѣнившій его въ должности могилевскаго губернатора. Это тотъ самый Энгельгардтъ—«мужъ ростомъ высокородный, по характеристикѣ Добрынина, любящій до безумія собственную пользу, но труду и должности—непримиримый врагъ», котораго князь Потемкинъ, по обнаруженіи фабрики фальшивыхъ ассигнацій въ Шкловѣ, по-родственному пожурилъ (они были между собой родня).

— Видишь, Николай Богдановичъ,—сказалъ князь, показывая ему пукъ шкловскихъ сторублевокъ:—у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты этого не знаешь!

Такіе администраторы, какъ Энгельгардтъ и Пассекъ, многого не знали и не видѣли, что дѣлалось у нихъ подъ носомъ, а если про иныя обывательскія прорухи и знали, то либо смотрѣли на нихъ снисходительно, либо завѣдомо имъ мирволили изъ личнаго расчета. Могъ ли, на примѣръ, Пассекъ, превратившій свои губернаторскіе хоромы въ игорный домъ, предпринимать какія нибудь строгія мѣропріятія противъ овладѣвшей могилевскимъ «свѣтомъ» азартной игры?

Во время его правленія завелась въ Могилевѣ, между прочимъ, «землемѣрская партія игроковъ», какъ называетъ ее Добрынинъ. Состояла она изъ землемѣровъ, присланныхъ для межеванія, а дѣло это было тогда такое наживное, что «партія никогда въ деньгахъ скудости не имѣла». Благодаря этому, а также поблажкѣ мѣстнаго начальства, землемѣры сильно куролесили и открыто вели крупную игру, къ тому-жъ, не весьма, повидному, чистую. Своимъ примѣромъ они соблазняли мѣстныхъ молодыхъ чиновниковъ, простоватыхъ провинціаловъ, заманивали въ свою компанію, развращали и обыгрывали.

Добрынинъ рассказываетъ весьма характеристическую исторію объ одномъ изъ такихъ молодыхъ людей—нѣкоемъ Хамкинѣ, «избалованномъ и изнѣженномъ» 24-лѣтнемъ протоколистѣ. Отецъ Хамкина, старый, нажившійся взяточничествомъ, приказный, въ заботѣ о благонравіи своего дѣтнца, упросилъ рассказчика взять его подъ свою опеку и въ домъ на хлѣба. Но не успѣлъ менторъ оглянуться, какъ его Телемакъ спознался съ «землемѣрской пар-

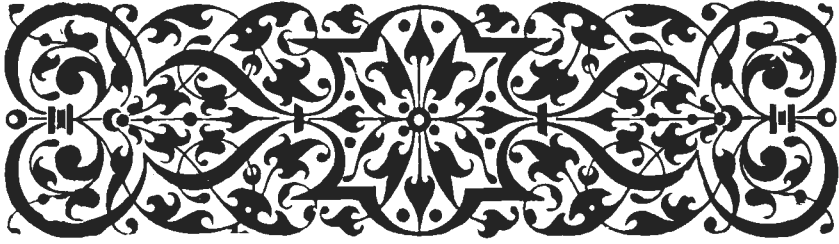
тей» и сталъ проводить съ нею время въ кутежахъ и за карточной игрой. На несчастье, въ картахъ ему сперва повезло. Въ одну прекрасную полночь является онъ домой въ большомъ куражѣ, гремя выигранными деньгами—рублей, что-то, съ двѣсти, и изъявляя «свою радость, будто бы получилъ счастье на всю жизнь». Напрасны были мудрыя менторскія увѣщанія о непостоянствѣ игорнаго счастья; не больше подѣйствовала и родительская нотация—тѣмъ болѣе, что старый Хамкинъ, увидѣвъ любезнаго сына «въ покрытой гарнитуромъ шубѣ небеснаго цвѣта съ воротникомъ чернобурыхъ лисицъ», въ сопровожденіи собственнаго «порядочно одѣтаго гусара» (выѣзднаго лакея) и радуясь его цвѣтущему состоянію, ежечасно сталъ ему твердить: «Сынъ мой Егоръ, ты благородный человѣкъ, благороднаго отца сынъ: играй въ карты — это дѣло благородное!»

Землемѣры, между тѣмъ, не дремали и дружно стали увиваться около зазнавашагося молодого простофили. «Мало-по-малу,—по каламбурному выраженію рассказчика,—дѣлается землемѣрская партія и вмѣстѣ партія игроковъ. Молодой Хамкинъ, румяный, живой, играетъ въ ней героическое лицо, говоритъ, вопрошаетъ, отвѣчаетъ понѣмецки (?) и заставляетъ о себѣ думать, что ему безызвѣстна вся Германія: скромности, осторожности въ словахъ и поступкахъ и уваженія къ старшимъ онъ не имѣлъ съ натуры». Но вотъ проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и «благородный сынъ благороднаго отца», совершенно отдавшійся «благородному упражненію», не платитъ уже ни за столъ, ни за квартиру, исчезаетъ великолѣпная шуба «съ гарнитуромъ небеснаго цвѣта», а изъ столоваго и чайнаго серебрянаго сервиза остается одна только ложка; уже самъ «вѣрный гусаръ» ходитъ въ лохмотьяхъ и предательски изобличаетъ своего барина въ мотовствѣ и конечномъ разореніи. «Напослѣдокъ, — заключаетъ Добрынинъ, — землемѣрская партія переѣхала въ другую губернію, и съ нею ловля, торговля и промышленность для благороднаго Егора упали»; но повадился кувшинъ по воду ходить—тамъ ему и голову сложить: развратившійся молодой человѣкъ уже не могъ перемѣнить ни образа жизни, ни своего «благороднаго» ремесла и, послѣ разныхъ безпутныхъ скитаній, скоропостижно окончилъ на тридцатомъ году свое жизненное поприще на какой-то почтовой станціи по пути въ Петербургъ, куда онъ «отправлялся для поиска счастья, думая, что въ столицѣ на такихъ людей недостатокъ»¹⁾).

Безъ сомнѣнія, такова была судьба многихъ провинціальныхъ «благородныхъ» недорослей, попадавшихъ въ игорную компанію, и не въ одномъ только Могилевѣ.

В. О. Михневичъ.

¹⁾ Записки. «Русская Старина», IX, 151 и сл.

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ИСТОРИИ.

АЗНОСТОРОННИЙ писатель, Н. Н. Страховъ, работаль и въ области исторіи, такъ тѣсно связанной съ литературой. Изъ его черновыхъ бумагъ видно, что онъ задумываль обширный историческій трудъ философскаго характера, собираль необходимый для этого матеріаль, даже началъ систематическое его изложеніе подъ заглавіемъ— «Главная задача исторіи», но все это осталось лишь въ отрывкахъ, которые, однакоже, настолько интересны, что я препровождаю ихъ для напечатанія въ «Историческій Вѣстникъ».

Ив. Матченко.

I.

«Во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ необходимо различать явленія настоящія отъ фальшивыхъ. Въ неодушевленной природѣ и въ жизни животныхъ этого различія нѣтъ; но въ человѣческомъ мірѣ фальшь является непремѣнно и, кажется, бываетъ тѣмъ обильнѣе и сильнѣе, чѣмъ выше извѣстная область человѣческой дѣятельности. Источникъ фальши, очевидно, заключается въ самой двойственности человѣческой жизни. Что бы мы ни дѣлали, что бы ни чувствовали и ни мыслили, все существуетъ для насъ въ двухъ видахъ: во-первыхъ, какъ дѣйствительность, какъ дѣйствительное дѣло, чувство, мышленіе, и, во-вторыхъ, какъ идея, представленіе

объ этомъ самомъ дѣлѣ, чувствѣ и мысли. Эта способность представленія и ведетъ насъ къ фальши, такъ какъ даетъ возможность человѣку уклоняться отъ дѣйствительности и вмѣсто настоящихъ явленій производить ихъ подобія. Именно, тогда какъ въ дѣйствительности каждая вещь и каждое дѣло существуетъ всегда во всей своей полнотѣ и перестало бы существовать при отсутствіи какого бы то ни было изъ своихъ условій, въ представленіи, по самой сущности этой способности, явленія могутъ отражаться во всевозможныхъ степеняхъ ясности и полноты, и слѣдовательно, могутъ быть опущены самыя существенныя черты, и можетъ быть схваченъ лишь односторонній и отрывочный его образъ. Между тѣмъ человѣкъ дѣйствуетъ и творитъ, руководясь своими представленіями, и въ этомъ случаѣ та драгоценная способность, посредствомъ которой мы можемъ анализировать каждое извѣстное намъ явленіе, раздѣлять его на части и разлагать на элементы, разбирать отдѣльно каждую его черту и, наоборотъ, уловлять малѣйшій признакъ явленій, намъ извѣстныхъ и трудно доступныхъ,—эта самая способность дѣлается источникомъ всяческихъ уродствъ, всякаго рода фальши. Создаются безчисленныя явленія, которыя лишь по наружности, по нѣкоторымъ чертамъ, подобны настоящимъ явленіямъ, и въ нѣкоторыхъ не достаетъ самаго существеннаго, внутренняго содержанія».

«Исторія, какъ и другія науки, имѣетъ свои существенныя нормальныя источники и формы. Въ области умственной дѣятельности человѣка она зарождается даже неизбѣжнѣ, растетъ крѣпче и шире, чѣмъ какая бы то ни было другая отрасль знанія».

«Смерть и забвеніе—вотъ участь всего живого и всякаго душевнаго проявленія. Но человѣкъ вооружается противъ закона времени; онъ хочетъ, чтобы люди и народы съ ихъ судьбами, мыслями и чувствами, вѣчно жили въ нашей памяти. Хотя безпрестанно, ежеминутно новая жизнь смѣняетъ старую, мы хотимъ, чтобы старая не исчезала, не теряла своего бытія и оставалась передъ нашими глазами въ формѣ мысли, въ видѣ правдиваго точнаго разсказа, яркой живой картины. Откуда это желаніе? Очевидно, корень его заключается не въ исканіи какой нибудь пользы, не въ любви и благодарности къ предкамъ, однимъ словомъ, не въ какомъ нибудь побужденіи настоящей минуты и нашей личной жизни, а въ естественномъ дѣйствіи нашихъ способностей и въ томъ значеніи, которое можетъ имѣть это дѣйствіе. Мы обладаемъ способностью памяти, мы умѣемъ помнить, а потому и желаемъ помнить».

«Исторія, такимъ образомъ, основана на памяти, слѣдовательно, на томъ душевномъ отправленіи, которое входитъ, какъ существенный элементъ, во всѣ другія отправленія; и она относится къ человѣческому міру, слѣдовательно, къ такому, который есть міръ

попреимуществу историческій, временный. Понятно поэтому, что главная масса того, что пишется и печатается, посвящена исторіи».

«Эта огромная сфера нашей умственной дѣятельности, какъ легко видѣть, переполнена фальшивыми явленіями. Несмотря на все обиліе исторической литературы, часто говорятъ не безъ основанія, что исторія еще не есть наука, или что у насъ нѣтъ еще исторіи (того или другого народа, той или другой эпохи)¹⁾. Тогда какъ, напримѣръ, математики и химики спокойно работаютъ надъ возведеніемъ зданія своей науки, и каждый камень, приносимый отдѣльнымъ ученымъ, каждый кирпичъ, имъ сформованный и высушенный, идетъ на расширение и возвышеніе этого зданія,—историки какъ будто осуждены на бесплодную работу вѣчнаго перебирания все тѣхъ же матеріаловъ и вѣчныхъ попытокъ строить зданія, которыя скоро опять разваливаются и иногда даже рушатся подъ руками самихъ строителей».

«Эта разница, конечно, главнымъ образомъ, зависитъ оттого, что математикъ и химикъ работаютъ по требованіямъ, установившимся и неизмѣняющимся, тогда какъ историкъ руководится требованіями, измѣняющимися съ теченіемъ времени. Каждый вѣкъ пишетъ исторію по-своему, подобно тому, какъ и отдѣльный человѣкъ измѣняетъ свой взглядъ на свое прошлое, смотря по той точкѣ развитія, съ которой онъ смотритъ на это прошлое. Но, сверхъ того, требованія въ исторіи такъ велики и такъ общи и отвлеченны, что ученые и вообще писатели не въ силахъ ихъ выполнить, какъ слѣдуетъ, и потому вѣчно производятъ лишь подобіе исторіи, нѣчто, лишь по наружному виду, похожее на ея истинныя формы. Когда мы читаемъ простодушную лѣтопись монаха или записки частнаго человѣка о своей жизни, мы часто бываемъ чрезвычайно довольны — очевидно потому, что простыя и ясныя требованія, которыми задавались эти писатели, выполнены ими почти въ совершенствѣ. Но, читая ученныя сочиненія объ исторіи, мы обыкновенно поражаемся ужасною несоразмѣрностью между задачами и самого автора и тѣми, которыя онъ въ насъ возбуждаетъ, съ одной стороны, и чрезмѣрно слабымъ и неправильнымъ выполненіемъ этихъ задачъ, съ другой. Очевидно, однако, мы не чувствовали бы тутъ никакой фальши и не были бы раздражаемы

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ своей книги «Борьба съ Западомъ» Н. Н. Страховъ, по поводу спора изъ-за «Россіи и Европы» Н. Я. Данилевскаго, говоритъ объ общей сокровищницѣ знаній всего человѣчества, какъ наслѣдіи, принадлежащемъ одинаково всѣмъ народамъ. Каждый народъ вноситъ въ нее плодъ своей цивилизаціи, и она, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе обогащается. Но имѣетъ ли эта сокровищница дѣйствительное значеніе для человѣчества? Хотя она и для всѣхъ открыта, однако разумно пользоваться ею трудно, такъ какъ въ нашихъ бібліотекахъ бережно сохраняются всевозможныя заблужденія, противорѣчія и нелѣпности (кн. 2, изд. 3-е, стр. 215, 217). П. Матченко.

противорѣчіемъ между требованіями исторіи и ихъ выполненіемъ, если бы каждый авторъ ясно видѣлъ свою дѣйствительную работу, не представлялъ бы вполне извѣстнымъ то, что извѣстно лишь отчасти, не выдавалъ бы гипотезу за доказанную имъ истину, отдѣльную черту за цѣлую картину, матеріалъ за готовое зданіе,— словомъ, если бы онъ строго держался въ предѣлахъ дѣйствительной работы своей мысли».

«Возможно ли и какъ возможно сдѣлать это въ исторіи? Мы предлагаемъ себѣ, такимъ образомъ, методологическій вопросъ, т. е. мы хотѣли бы рассмотреть, какія различныя правильныя формы можетъ имѣть и должна проходить исторія. Мы предполагаемъ, что возможно открыть цѣль, къ которой стремится эта наука, и что есть опредѣленные и ясные пути, по которымъ слѣдуетъ идти къ этой цѣли. Отыскивая эту цѣль и эти пути, мы, очевидно, будемъ стараться найти не временныя, а всегдашнія черты этой умственной сферы. Во всякихъ умственныхъ работахъ самое важное для ученаго не увѣренность въ достиженіи полной истины, предполагаемаго результата работы, а увѣренность въ методѣ, въ томъ пути, по которому идетъ работа. Силы человѣка всегда ограничены — не только въ разсужденіи того, что онъ можетъ сдѣлать, но и въ разсужденіи того, чѣмъ онъ можетъ обладать. Поэтому нужно довольствоваться тѣмъ, когда мы чувствуемъ себя на твердой почвѣ и знаемъ, что трудимся не бесплодно. Нужно стараться найти такія формы работы, чтобы все, нами сдѣланное, несмотря на неполноту и недоконченность, не содержало въ себѣ ничего фальшиваго, несоразмѣрнаго съ дѣйствительнымъ содержаніемъ нашего труда».

II.

«Войдемъ прямо въ нашъ предметъ. Исторія есть изложеніе судебъ человѣчества. Мы такъ уже привыкли къ отвлеченности, что для насъ легко и даже неизбѣжно брать предметъ исторіи въ этой его общности и цѣлости. Мы беремъ все человѣчество, какъ нѣчто единое, и задаемъ мыслью изобразить его развитіе отъ начала и до настоящей минуты. Мало того: по естественному теченію мысли мы задаемъ себѣ вопросъ о будущемъ, о томъ, куда идетъ и къ чему приведетъ это развитіе. Изъ разсказа о минувшемъ исторія часто переходитъ въ предсказаніе о будущемъ, и такимъ образомъ захватываетъ весь возможный объемъ своего предмета».

«Такова идея, отвлеченное представленіе о содержаніи исторіи. Легко согласиться, что настоящей мысли тутъ еще нѣтъ, такъ какъ созерцаніе судебъ человѣчества въ его цѣломъ есть дѣло невообразимо-трудное, если не невозможное, и не оно внушаетъ намъ мысль объ этомъ объемѣ исторіи, а напротивъ, мы задаемъ

заранѣ этимъ объемомъ и стараемся наполнить его всѣмъ созерцаніемъ, какое намъ достижимо. Несмотря на такую явную трудность задачи, попытки всякихъ построеній исторіи и предсказаній будущаго развитія человѣческаго рода есть дѣло очень обыкновенное. Фальшивость такихъ порожденій ума часто сама собою бросается въ глаза, и можно сказать, что вообще они уже не обманываютъ насъ. Рѣдко кто останавливается на нихъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое соотвѣтствовало бы важности ихъ предмета. На нихъ справедливо смотрятъ съ полуулыбкой, какъ на игру ума, а не какъ на настоящую его работу. Определенное и отчетливое изложеніе минувшаго развитія и будущаго хода человечества намъ уже противно, такъ какъ даетъ всему предмету сухость и окаменѣлость, противорѣчащія нашему чувству при представленіи всякаго рода жизни, и мы лучше готовы остаться въ невѣдѣніи, охотнѣе миримся съ таинственною загадочностью исторіи, чѣмъ съ самымъ рациональнымъ ея объясненіемъ».

«Но требованія отвлеченной мысли неизбѣжны. Неизбѣжно, невольно мы задаемъ себѣ вопросы о началѣ и концѣ человечества и о соотношеніи его частей, какъ чего-то цѣлаго, и очевидно самая важность этихъ вопросовъ, ихъ высокій интересъ для человѣка, побуждаютъ насъ такъ часто отваживаться на попытки ихъ разрѣшенія. Легко однако же поставить себя въ правильное отношеніе къ этой работѣ ума. Такъ какъ побужденія къ этимъ вопросамъ и основанія для ихъ разрѣшенія находятся въ области мысли, не соприкасаются съ дѣйствительностью, то есть возможность, такъ сказать, насквозь видѣть всѣ движенія ума, которыя при этомъ происходятъ, и не обманываться въ ихъ значеніи. Прошедшее есть то, что уже не существуетъ, а будущее то, что еще не существуетъ, и слѣдовательно, то и другое является намъ лишь въ идеѣ, а не въ дѣйствительности. Анализируя свои идеи, мы можемъ видѣть ихъ связь и не принимать гипотезы за твердую истину и своего желанія за неизбѣжную необходимость вещей».

«Гораздо труднѣе правильная постановка мысли, когда дѣло идетъ о настоящемъ. Настоящее есть наша дѣйствительность, и мы связаны съ нимъ нашею плотью и кровью, всѣмъ существомъ своимъ, а не одною безплотною мыслью ¹⁾. Глядѣть отвлеченно на настоящее всего труднѣе, и полная отвлеченность здѣсь даже едва ли возможна».

На этомъ систематическое изложеніе обрывается.

Изъ сохранившагося же при этомъ черноваго матеріала выпи-

¹⁾ Въ статьѣ «О времени, числѣ и пространствѣ» Н. Н. Страховъ говоритъ: «настоящее существуетъ, прошедшее и будущее не существуетъ... А такъ какъ мы ничего не можемъ признать существующимъ внѣ времени, то и все существующее должно заключаться въ настоящемъ, илн: только то существуетъ, что существуетъ въ настоящемъ» («Русскій Вѣстникъ», 1897, I, 74). П. М.—ко.

сываемъ слѣдующіе болѣе или менѣе цѣльные отрывки и замѣтки:

«Исторія потому привлекательна, что къ ней можно относиться чисто созерцательно, чего нельзя къ современнымъ событіямъ».

«Какъ во всякой наукѣ, я ищу въ исторіи постоянного, неизмѣннаго, вѣчныхъ силъ и законовъ.

«То-есть—я отвергаю, считаю менѣе существеннымъ все прогрессирующее».

«Поэтому нравственная природа для меня важнѣе, чѣмъ умственная».

«Такъ и Бокль признаетъ, что нравственность не прогрессируетъ; только онъ находитъ въ этомъ ея негодность для исторіи, тогда какъ нужно, наоборотъ, изъ прогрессивности знанія выводить ея негодность.

«Такъ и Гюго признаетъ, что поэзія не прогрессируетъ сравнительно съ наукой, слѣдовательно, важнѣе науки».

«Тотъ, кто пережилъ самъ переходъ отъ одной эпохи къ другой (хотя бы и небольшой переходъ и не между большими эпохами), долженъ былъ непременно замѣтить, что отжившая эпоха далеко не исполнила своихъ задачъ, не развила своихъ мыслей и плановъ до конца, и что новая эпоха явилась какъ будто со стороны и подавила всѣ незрѣвшія начинанія предшествовавшей эпохи. Этотъ характеръ перехода тѣмъ для насъ яснѣе, чѣмъ сильнѣе мы были проникнуты мыслями и чувствами старой эпохи. Странно утверждать, что какое нибудь дѣло, учрежденіе, ученіе, развилось до конца, отжило свое время и потому было смѣнено другимъ. Естественная смерть есть такое же рѣдкое явленіе въ исторіи, какъ и въ неразумной природѣ».

«Первое впечатлѣніе человѣка, начинающаго мыслить, т. е. дѣлающаго попытки становиться внѣ жизни и созерцать ее, конечно, будетъ то, что онъ находится въ потокѣ исторіи, т. е. что дѣйствительность, его окружающая, и вся обстановка его жизни есть плодъ какого-то громаднаго и незапамятно-древняго движенія. Онъ слышитъ знаменитыя имена и рассказы о великихъ событіяхъ; одна «краткая священная исторія» уже должна дать ему понять, что онъ живетъ наследіемъ тысячелѣтій. Не знаю, часто ли встрѣчается то чувство, которое я такъ сильно испытывалъ въ дѣтствѣ, чувство пустыни, затерянности въ мірѣ. Казалось, что историческая жизнь совершается гдѣ-то далеко-далеко, а прежняя, уже совершившаяся, также давно миновала (напримѣръ, 12-й годъ казался двѣнадцати-

лѣтнему мальчику въ 1840 году ¹⁾ уже большою древностью). Главное же казалось, что чѣмъ древнѣе имя и событіе, тѣмъ они величавѣе, героичнѣе, богоподобнѣе, и что въ самой сѣдой древности совершалась самая важная исторія, которая уже никогда не повторялась и не повторится. Такимъ обрзомъ, человѣкъ самому себѣ кажется жалкимъ и мелкимъ въ сравненіи съ великимъ міромъ настоящаго и великою исторіею прошедшаго. И слѣдовательно, главнымъ предметомъ его желаній будетъ приблизиться къ далекому отъ него величію»...

«Тотъ на себѣ испыталъ исторію, кто видѣлъ, какъ на его глазахъ важное и громкое забывалось и исчезало. По мѣрѣ теченія времени нашъ взглядъ на предметы измѣняется, блѣднѣютъ имена знаменитостей, тогда какъ иные изъ прошлыхъ дѣятелей какъ будто растутъ все больше и больше, и не только не помрачаются новыми, а скорѣе выигрываютъ отъ сравненія. Вотъ дѣйствіе исторіи!»

«Въ послѣднее время въ образованномъ мірѣ все больше и больше, кажется, является людей, которые недовольны не то, чтобы собственною особою или другою какою нибудь частностью, а недовольны вообще ходомъ всемірной исторіи. Тутъ нѣтъ, конечно, ничего мудренаго. Кто же можетъ быть доволенъ всемірною исторіею? Въ ней столько слезъ и грязи, столько крови и огня, такъ сильно еще играетъ животная природа человѣка, такъ открыто и всесильно царствуетъ эгоизмъ и своекорыстіе, что этимъ зрѣлищемъ никакъ не можетъ остаться доволенъ человѣкъ, получившій порядочное воспитаніе, привыкшій къ чистоплотности, обладающій тонкимъ обоняніемъ и изящнымъ вкусомъ».

«Дѣло понятное, но загадка дальше. Многіе изъ людей, о которыхъ я говорю, не ограничиваются однимъ недовольствомъ, одними разсужденіями и сожалѣніями, однимъ не безъ пріятности совершающимся созерцаніемъ всеобщей мерзости и собственной красоты. Нашлось немало такихъ, которые отъ всей души желаютъ и даже всячески стараются и усиливаются измѣнить ходъ всемірной исторіи. Опять — ничего страннаго тутъ найти невозможно. Если ходъ какого нибудь дѣла намъ не нравится, если мы находимъ въ немъ явные и разительные недостатки, то не естественно ли приложить всѣ старанія къ тому, чтобы исправить этотъ ходъ».

«Дѣло—самое понятное. Но старанія этихъ людей до сихъ поръ оказываются совершенно неудачными, вполнѣ безуспѣшными. Тя-

¹⁾ Н. Н. Страховъ родился въ октябрѣ 1828 г., и въ 1840 г. ему было 12 лѣтъ. П. М—ко.

желый ходъ всемірной исторіи не поддается ихъ усиліямъ. Что это—факты, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Стоитъ только вспомнить всю длинную и плачевную исторію этихъ попытокъ. Изъ нихъ, я думаю, можно вывести только одно заключеніе, именно, что люди, опасные для существующаго порядка, вовсе для него не опасны, что ихъ называютъ такимъ образомъ несправедливо, и что вѣрнѣе будетъ, если мы возьмемъ обратное отношеніе и скажемъ, что это—люди, для которыхъ чрезвычайно опасенъ существующій порядокъ».

«Это—общій выводъ. Но были, конечно, случаи, когда дѣло, повидимому, шло не такъ. Желаніе измѣнить ходъ всемірной исторіи иногда становилось весьма распространеннымъ увлеченіемъ, и мы помнимъ два случая, когда люди, наиболѣе желавшіе этого измѣненія, стояли во главѣ великаго народа, такъ что въ рукахъ ихъ была полная возможность двинуть колесницу исторіи въ ту сторону, въ какую только имъ вздумается. Увы! эти исключенія, если только въ нихъ вдуматься, самымъ разительнымъ образомъ подтверждаютъ лишь общее правило (невозможность измѣнить ходъ событій). Въ самомъ дѣлѣ: происходило нѣчто невѣроятно-странное, фактически трагикомическое; походило на то, какъ будто человекъ, попавшій въ болото, самъ тащилъ себя изъ него и притомъ находилъ, что поступаетъ не только высоко-разумно, но и героически. Дѣло скоро кончалось; болото затягивалось, и тяжелая колесница исторіи проходила мимо по твердой почвѣ, давя и низвергая все на пути».

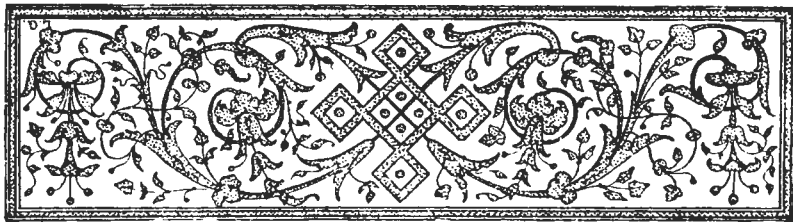
«Замѣчательно здѣсь одно обстоятельство. Люди, недовольные ходомъ этой колесницы и желающіе повести ее по дорогѣ, которую считаютъ наилучшею, уже давно порѣшили, что для этой цѣли всѣ средства позволены. Такое правило можно бы было осудить, если бы дѣло не шло именно о всемірной исторіи. Въ какихъ нибудь пустякахъ, конечно, можно ставить себѣ извѣстные предѣлы, но когда дѣло идетъ о такой безконечной выгодѣ, о такомъ благѣ, выше котораго ничего нѣтъ и быть не можетъ, именно—объ измѣненіи къ лучшему всего хода исторіи, тамъ странно было бы чѣмъ нибудь затрудняться, тамъ совѣстливость была бы грѣхомъ передъ человѣчествомъ. Вотъ почему, что бы ни говорили моралисты (да ихъ, впрочемъ, кажется, и нѣтъ нынче), но вся просвѣщенная Европа въ настоящее время извиняетъ средства цѣлью и не думаетъ считать безнравственными тѣхъ, кто дѣйствуетъ по этому правилу. Дѣло чистое; оно дѣлается не ради собственной выгоды, а для общаго блага, притомъ наибольшаго изъ всѣхъ благъ» ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь находимъ болѣе подробное развитіе мысли, выраженной въ третьемъ письмѣ о «Нигилизмѣ». (Борьба съ Западомъ, кн. 2-я, издан. 3-е, стр. 80—81). П. М.—ко.

«Казалось бы—чего лучше? Если одни люди стѣсняются въ своихъ дѣйствіяхъ, ставятъ себѣ извѣстные предѣлы, а другіе, напротивъ, всё себѣ позволяютъ, то, повидимому, перевѣсъ непременно долженъ быть на сторонѣ вторыхъ. Всемирная исторія никогда не разрѣшала себѣ всѣхъ средствъ. Какъ ни много въ ней крови и грязи, она всегда заявляла притязаніе на чистоту нравовъ и приличіе. Недовольные ея ходомъ весьма зорко открыли въ ней это слабое мѣсто и весьма справедливо направили на него свои усилія. И что же? самымъ страннымъ образомъ оказывается, что вдругъ средства не достигаютъ цѣли, какъ будто вовсе и не въ средствахъ дѣло, какъ будто даже наоборотъ—успѣшно и побѣдоносно можетъ идти только то, что идетъ само собою, безъ всякаго употребленія какихъ бы то ни было средствъ».

Н. Н. Страховъ.

ТРИ ВСТРѢЧИ СЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКИМЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

БЫЛЪ еще совсѣмъ юнымъ студентомъ С.-Петербургской духовной академіи.

Была пятница Страстной недѣли. Мнѣ вздумалось пойти къ вечернѣ въ лаврскую церковь. Нужно замѣтить, что въ Александроневской лаврѣ церемонія выноса плащаницы совершается особенно торжественно: плащаница не выносится, а переносится изъ одной церкви (Св. Духа) въ другую (Троицкій соборъ). При переносѣ плащаницы, которую несетъ самъ митрополитъ, поетъ хоръ въ 120 человѣкъ. «Тебе одѣющагося» при этомъ исполняется настолько въ совершенствѣ, что это дивное исполненіе многіе приѣзжаютъ послушать издалека. Разумѣется, чтобы видѣть всю церемонію съ начала до конца, нужно идти въ Свято-Духовскую церковь, откуда берется плащаница, потомъ съ народомъ сопровождать ее въ Троицкій соборъ. Но я имѣлъ обыкновеніе заходить сначала въ соборъ, чтобы приложиться къ мощамъ св. Александра Невского, потому что потомъ, при большомъ стеченіи народа, это трудно уже бываетъ сдѣлать.

Войдя въ соборъ и приложившись къ мощамъ, я направился уже къ выходу, какъ вдругъ замѣтилъ человѣка въ мѣховомъ

пальто, который очевидно чего-то ждалъ и безпокойно осматривался кругомъ, лица чего-то своими острыми, бѣгающими глазами. Черты лица его показались мнѣ знакомыми. Замѣтивъ, что онъ чего-то ждетъ или ищетъ, я подошелъ къ нему.

— Если вы мощей ищете, то онѣ вонъ тамъ, у праваго клироса, — сказалъ я и показалъ рукою.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я жду выноса плащаницы; но странно, что народа никого нѣтъ, а между тѣмъ уже два часа. Незамѣтно никакихъ приготовленій.

— Выносъ плащаницы будетъ не изъ этой церкви, а изъ другой сюда и послѣ вечерни, во время которой и будутъ сдѣланы всѣ приготовления.

— А вы не можете мнѣ сказать, изъ какой церкви будетъ выносъ? Ихъ здѣсь не одна.

— Да пойдите со мною: я вамъ покажу, а мнѣ все равно по дорогѣ.

— Вотъ очень вамъ благодаренъ, — обрадовался незнакомецъ, — пойдите, пойдите.

Мы вышли и скоро дошли до Свято-Духовской церкви. Я указалъ ему входъ.

— Большое вамъ спасибо! Не знаю, чѣмъ и отблагодарить васъ. Если у васъ будетъ какое либо затрудненіе, или нужда, я помогу. Вотъ моя карточка. Заходите безъ церемоніи.

Онъ приподнял шапку и ушелъ въ церковь.

На карточкѣ стояло: «**Феодоръ Михайловичъ Достоевскій**».

Я бросился за нимъ въ церковь.

Въ это время выносили изъ алтаря плащаницу. Достоевскій стоялъ у колонны, смотрѣлъ на плащаницу и часто, часто престился. Слезы градомъ катились изъ его глазъ. Выраженіе лица его было растроганное, умиленное.

Я понялъ теперь его выраженіе: «берегите дорогое достояніе—вѣру народную; у него есть чему намъ поучиться».

Загѣмъ народная волна подхватила меня и скрыла изъ моихъ глазъ Оедора Михайловича.

II.

Наступило и прошло лѣто, подошла и осень. Учащаяся молодежь съѣхалась изъ провинціи, гдѣ она отдыхала на каникулахъ, и принялась за лекціи. Но на голодный желудокъ лекціи плохо воспринимались. А голодающей молодежи было много. Чтобы помочь бѣдѣ, интеллигенція Петербурга устраивала концерты и различныя чтенія въ пользу нуждающихся студентовъ.

Принимали участіе въ этихъ чтеніяхъ и литераторы, напримеръ, Григоровичъ, Потѣхинъ, Вейнбергъ, Достоевскій.

Въ Россіи, если присмотрѣться поближе къ ходу ея интеллектуальнаго развитія, въ каждый періодъ этого развитія былъ духовный руководитель, вождь. Сначала такимъ вождемъ (въ XIX столѣтіи) былъ Пушкинъ, потомъ—Гоголь и Бѣлинскій, затѣмъ—Добролюбовъ и Писаревъ. Когда улеглась буря, поднятая «реалистами», взоры всѣхъ обратились на Тургенева, вскорѣ передавшаго свое право «первородства» Достоевскому. Въ описываемый періодъ Достоевскій и былъ этимъ духовнымъ вождемъ русской интеллигенціи. Онъ находился тогда въ апогеѣ своей славы. Только что на открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ имъ была произнесена рѣчь, взволновавшая весь русскій интеллигентный міръ. Какъ извѣстно, многіе во время произнесенія этой рѣчи плакали, а одинъ юноша такъ былъ нервно потрясенъ, что упалъ въ обморокъ.

29 октября 1880 года, былъ назначенъ литературный вечеръ въ пользу недостаточныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета въ залѣ Кредитнаго общества. Въ чтеніи участвовали почти всѣ знаменитости. Отправился на этотъ вечеръ и я.

Стоялъ гуль отъ множества молодыхъ голосовъ, когда я вошелъ въ залу. Масса молодежи толпилась и сновала тамъ взадъ и впередъ. Были тутъ и длинноволосые студенты, и стриженые курсистки, были и литераторы, были и аристократы. Какое-то тихо-торжественное и вмѣстѣ радостное настроеніе господствовало у молодежи. Чувствовалось, что начнется сейчасъ что-то важное и въ высшей степени интересное. Молодежь увидитъ и услышитъ сейчасъ своихъ любимцевъ.

— Вотъ это Потѣхинъ,—говорилъ мнѣ товарищъ, указывая на русаго, длинноволосаго и длиннородаго мужчину среднихъ лѣтъ,— а это—Григоровичъ,—говорилъ онъ о высокомъ господинѣ съ густой гривой волосъ, ходившемъ между публикою.

Ударилъ колокольчикъ. Толпа перестала сновать. Всѣ заняли свои мѣста и устремили взоры на эстраду. Я въ первый разъ видѣлъ «настоящихъ» писателей, а потому весь обратился въ слухъ и зрѣніе. Вотъ вышелъ какой-то незначительный поэтъ и прочелъ свое стихотвореніе. Затѣмъ вышла актриса и прочла стихотвореніе Шиллера: «Бѣлое покрывало».

Чѣмъ дальше, тѣмъ шумнѣе становились рукоплесканія, которыми награждались чтецы. Но я не могу описать той бури восторга, которая встрѣтила появленіе Ф. М. Достоевскаго.

Вотъ онъ появился на эстрадѣ, блѣдный, взволнованный.

«Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной и влачилъ»...

Началъ онъ тихимъ и проникновеннымъ голосомъ. Голосъ его постепенно возвышался, крѣпъ, становился звонче, и достигъ необычайной силы и энергіи, когда онъ читалъ:

«И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жгн сердца людей»...

Ураганъ аплодисментовъ поднялся послѣ прочтенія Достоевскимъ этого стихотворенія. Нѣкоторые, не удовлетворяясь рукоплесканіями и криками: «браво!» стучали стульями о полъ. Курсистки же, какъ болѣе увлекающійся народъ, прямо кричали:

«Браво, пророкъ! Пророкъ, Федоръ Михайловичъ! Достоевскій, пророкъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить Пушкинскаго пророка и Достоевскаго, то выходило, какъ будто между ними было много общаго. Пушкинскій пророкъ въ «пустынь мрачной влачился»— и Достоевскій былъ въ пустыняхъ Сибири. Въ пустынь пророку является ангелъ, указываетъ ему путь служенія челоѣчеству— и Достоевскій, послѣ каторги, начинаетъ «глаголомъ жечь сердца людей». Въ довершеніе сходства съ библейскимъ пророкомъ Достоевскій прочелъ и Лермонтовскаго «Пророка». Сходства было еще больше съ Лермонтовскимъ пророкомъ, который сталъ провозглашать «любви и правды чистыя ученья». Онъ былъ худъ и блѣденъ, какъ и пророкъ Лермонтова. Сходство, значитъ, полное... И вотъ еще громче раздались крики: «пророкъ, пророкъ!»

Такъ какъ я очень близорукъ, то протискался впередъ, чтобы поближе разглядѣть его: не было сомнѣнія—это былъ тотъ самый господинъ, который встрѣтился со мною въ лаврѣ.

Вызовамъ его не было конца. Онъ уходилъ и, блѣдный, взволнованный, потрясенный этимъ шумнымъ поклоненіемъ молодежи, этимъ бурнымъ проявленіемъ любви, медленно проходилъ рядами этой молодежи, чтобы взойти на эстраду и раскланяться предъ этими юношами съ горящими восторгомъ глазами.

Нѣкоторымъ казалось мало того, что они шумно выкрикивали: «Пророкъ!»—они подбѣгали къ нему, хватили его за фалды сюртука и восклицали: «браво, Федоръ Михайловичъ!»

Съ безконечно доброй и вмѣстѣ грустной улыбкой **Ф. М.** пожималъ имъ руки и спѣшилъ уходить въ другую комнату.

Вечеръ кончился. Литераторы разъѣзжались. Но долго еще молодежь продолжала вызывать Достоевскаго, пока распорядитель вечера, которымъ былъ, кажется, Григоровичъ, не вышелъ и не объявилъ, что Достоевскій уже уѣхалъ.

Помню, что мы вышли съ моимъ товарищемъ **С. А. П—скимъ** чуть не послѣдними съ вечера и шли, блаженные и безконечно довольные.

— Да, — говорилъ мнѣ **П—скій**, — такого вечера, пожалуй, не повторится.

Дѣйствительно, такихъ вечеровъ больше не было. Были интересные вечера по обилію участвовавшихъ въ нихъ литературныхъ силъ, но такого подъема духа, такого восторженнаго настроенія на литературныхъ вечерахъ я потомъ уже не видалъ.

III.

Третья и послѣдняя моя встрѣча съ Ф. М. Достоевскимъ произошла по слѣдующему случаю.

Я началъ тогда пописывать. Стихи свои я печаталъ въ то время въ журналѣ «Слово», издаваемомъ Коропчевскимъ. Но мнѣ показалось недостаточнымъ, что я печаталъ стихотворенія, я заѣбалъ еще написать поэмѣ. Это было неуклюжее и нескладное созданіе, все проникнутое любовью къ народу и учащейся молодежи. Когда я писалъ ее, мнѣ казалось, что изъ нея выйдетъ нѣчто великое, но когда кончилъ и прочелъ, то и самъ нашелъ, что въ поэмѣ что-то неладно. И меня взяло сомнѣніе относительно того, есть ли у меня талантъ.

Этотъ вопросъ сильно меня беспокоилъ. Другой вопросъ, который волновалъ меня не менѣе, если не болѣе перваго, былъ объ истинѣ бытія Божія, о безсмертіи души и о необходимости нравственной жизни.

Въ дѣтствѣ я былъ очень религіозенъ, но когда мнѣ минуло 16 лѣтъ, общее увлеченіе молодежи Дарвиномъ, Спенсеромъ и теоріей эволюціи увлекло и меня—и я сдѣлался скептикомъ, хотя по привычкѣ и продолжалъ ходить въ церковь. Нравственности я не отвергалъ, хотя и чувствовалъ, что безъ религіи одной нравственности недостаточно. Да и въ самой системѣ атеизма, по моему крайнему разумѣнію, были большіе пробѣлы. Кромѣ того, меня занималъ вопросъ о народничествѣ.

И вотъ я рѣшилъ отправиться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ Ф. М. Достоевскому.

Достоевскій охотно принималъ тогда молодежь, особенно обращавшуюся къ нему за разрѣшеніемъ какихъ либо вопросовъ.

Жилъ онъ тогда въ Кузнечномъ переулкѣ.

Я взошелъ по лѣстницѣ и позвонилъ.

Вышла горничная.

— Вамъ кого угодно?

— Федора Михайловича.

— Какъ о васъ доложить?

— Скажите, что студентъ такой-то.

Черезъ минуту она вернулась.

— Пожалуйте.

Я вошелъ въ кабинетъ Достоевскаго. Помню, что въ первое время я не обратилъ вниманія на обстановку и уже послѣ замѣтилъ широкій письменный столъ у окна, этажерку съ книгами, массу бумагъ на столѣ и бюстъ Пушкина въ углу, на тумбочкѣ. Все вниманіе я обратилъ на самого хозяина этого кабинета. Большой, бѣлый, открытый, слегка лысоватый лобъ, русское лицо,

свѣтло-русская, рыжеватая, довольно рѣдкая, съ просѣдью, борода. На правой щекѣ родинка. Глаза сѣрые, умные и проникательные.

— Здравствуйте! Ну, что вамъ?—обратился онъ ко мнѣ задушевнымъ тономъ, видя, что я смѣшался и не знаю, что говорить.

— Садитесь, пожалуйста.

Тутъ я молча полѣзъ въ боковой карманъ своего сюртука и досталъ свою поэму и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

— Вотъ, Федоръ Михайловичъ, если не трудно вамъ будетъ, то, пожалуйста, потрудитесь просмотрѣть и сказать, есть ли у меня талантъ.

— Печатаются?

Я сказалъ.

Онъ пробѣжалъ стихотворенія.

— Стихи продолжайте, современемъ еще больше усовершенствуетесь... А это что такое? Поэма? Да нынче ихъ никто и не пишетъ.

Онъ быстро перелистывалъ ее, посматрѣлъ начало, середину и конецъ.

— Ну, вотъ это слабо. Видно, что вы жизни не знаете, что вы совѣмъ зеленый мальчикъ. Я бы вамъ совѣтовалъ поэмы бросить, писать стихи, а повѣстей не писать до тѣхъ поръ, пока не узнаете жизни. Слогъ у васъ, очевидно, есть, но съ жизнью вы еще совѣмъ незнакомы. Да если и познакомитесь, вы будете писать лучше такія вещи, которыя сами пережили, чѣмъ такія, о которыхъ приходится слышать: у васъ талантъ, что называется, субъективный. Еще разъ повторяю: подождите прозой писать, наблюдайте жизнь, вдумывайтесь въ ея явленія, а пуще всего прислушивайтесь къ движеніямъ собственной души... Лѣтъ черезъ 5—10 можете начать писать прозой.

Я поблагодарилъ Федора Михайловича.

— Это все, что вы имѣли мнѣ сказать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я не сказалъ вамъ самаго главнаго, зачѣмъ я пришелъ.

— Что же это?

Тутъ я подробно изложилъ ему свою исповѣдь и то, въ чемъ была моя вѣра.

Я кончилъ и замолчалъ, тревожно глядя на Федора Михайловича.

Онъ молчалъ, грустно и укоризненно качая головой.

— Изъ какого вы учебнаго заведенія?

Я сказалъ.

— Боже мой! Даже и туда закралось невѣріе?...

И онъ снова грустно покачалъ головой.

— Если бы люди всѣ, т. е. человѣчество, отказались отъ вѣры въ Бога, сдѣлались атеистами и поняли бы, что они остались совѣмъ одни, какъ желали того, то разомъ почувствовали бы великое сиротство свое. Какъ безпомощны и жалки показались бы они

себѣ! Безъ Бога, безъ Христа, безъ вѣры въ Единого Безгрѣшнаго и всеискупляющую кровь Его! Боже! что бы это было за время!.. (Онъ помолчалъ). Но этого никогда не будетъ, никогда, никогда!.. (Онъ устремилъ загадочный взглядъ куда-то въ пространство).

— Знаете, что? Я бы и васъ, и всѣхъ молодыхъ людей съ вашими взглядами сослалъ въ каторгу. Что вы улыбаетесь? Право, сослалъ бы! Отъ народа вы тамъ научились бы вѣровать въ Бога и чтить святую правду Его. Прежде всего увѣруйте въ Бога всѣми фибрами вашего существа, въ Христа-Искупителя, въ Христа-Любовь. А затѣмъ, если вы почувствовали, что вамъ тяжело ѣсть, пить и ничего не дѣлать, и если дѣйствительно вамъ стало жаль бѣдныхъ, которыхъ такъ много, то отдайте имъ свое имѣніе и идите работать на пользу общую и получите «сокровище на небеси, тамъ, гдѣ не копятъ и не собираютъ». Но не раздача имѣнія обязательна, не надѣваніе зипуна,—все это лишь буква и формальность: обязательна и важна лишь рѣшимость ваша дѣлать все ради дѣйтельной любви, все, что вы сами искренно признаете для себя возможнымъ. Всѣ эти старанія «опроститься»—лишь одно переряживание, васъ унижающее. Вы слишкомъ «сложны», чтобы опроститься. Лучше мужика вознесите до вашей «осложненности». Будьте только искренни и простодушны; это лучше всякаго опрощенія. Не говорите также: «не даютъ ничего дѣлать», «связываютъ руки» и пр. Кто хочетъ приносить пользу, тотъ и съ буквально связанными руками можетъ сдѣлать бездну добра. У насъ одно изученіе Россіи сколько времени займетъ, потому что вѣдь рѣдко какой человѣкъ у насъ знаетъ Россію. У насъ, въ Россіи, надо насаждать истинныя понятія о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Нынѣ полагаютъ свободу въ разнузданности страстей, тогда какъ истинная свобода состоитъ лишь въ одолѣніи себя и воли своей, такъ чтобы подъ конецъ достигнуть такого нравственнаго совершенства, чтобы всегда быть настоящимъ хозяиномъ самому себѣ. Нынѣ полагаютъ свободу въ денежномъ обезпеченіи, а въ сущности это не свобода, а рабство деньгамъ. Самая высшая свобода, напротивъ, не копить и не обезпечивать себя деньгами, а раздѣлить всѣмъ, что имѣешь, и пойти всѣмъ служить. Если это сдѣлаютъ всѣ люди, то ужъ, конечно, они станутъ братьями. А гдѣ братство, тамъ будетъ и равенство. Но прежде всего нужно увѣровать въ Бога, въ русскаго Христа, который, «удрученный ношей крестной, нашу Русь исходилъ, благословляя», нужно полюбить народъ и святую правду его. Я хотѣлъ написать книгу объ Иисусѣ Христѣ, гдѣ намѣревался показать, что Онъ есть чудо исторіи, и появленіе такого идеала, какъ Онъ, въ человѣчествѣ, въ этомъ грязномъ и гнусномъ человѣчествѣ, есть еще большее чудо. Я хотѣлъ доказать еще, что этимъ нравственнымъ обликомъ Христа, какъ дерево соками, жило, живеть и сотни вѣковъ еще будетъ жить желовѣчество... Нѣтъ,

молодой человекъ, вспомните, что вамъ въ дѣтствѣ говорили отецъ и мать: «Есть Богъ и есть святая правда Его!»

Онъ кончилъ эту тираду со слезами на глазахъ. Не помню, какъ я простился съ нимъ, какъ дошелъ до дома, и не помню, какъ окончилъ этотъ день.

Но помню, что съ того дня во мнѣ произошелъ громадный нравственный переворотъ. Изъ невѣрующаго я сталъ горячо убѣжденнымъ христіаниномъ, а народничество мое, вмѣсто того, чтобы принять форму моднаго тогда радикализма и «хожденія въ народъ», приняло ту форму, какую оно имѣло у Достоевскаго. Я сталъ всматриваться, во что народъ вѣритъ, чему онъ поклоняется, какіе его идеалы, какія историческія начала его. Изъ западника я превратился въ истинно-русскаго человека. Съ захватывающимъ интересомъ и жаднымъ вниманіемъ вчитывался я въ послѣдній романъ Достоевскаго: «Братья Карамазовы», и съ радостію находилъ въ немъ развитіе и подтвержденіе тѣхъ взглядовъ, которые онъ высказывалъ мнѣ въ эту послѣднюю свою встрѣчу со мною.

IV.

Зимой 1880—1881 года я собирался еще разъ сходить къ Достоевскому и попрощаться съ нимъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году я уже оканчивалъ курсъ и, ожидая назначенія на мѣсто въ провинцію, думалъ навсегда разстаться съ Петербургомъ. Но 28-го января 1881 года Достоевскаго не стало. Мы съ однимъ изъ товарищей отправились на квартиру Достоевскаго. Встрѣтила насъ на этотъ разъ жена Достоевскаго, Анна Григорьевна, и, отирая градомъ катившіяся слезы, повела насъ къ гробу, въ которомъ покоился Федоръ Михайловичъ.

«Недвижимъ онъ лежалъ—и странно
Былъ томный миръ его чела».

Глубокое спокойствіе и какая-то дума были на лицѣ этого человека, одного изъ величайшихъ и типичнѣйшихъ русскихъ людей. Неподалеку отъ гроба сидѣлъ поэтъ А. Н. Майковъ. Тутъ же были и дѣти Достоевскаго: дѣвочка лѣтъ 12 и мальчикъ 8—9 лѣтъ.

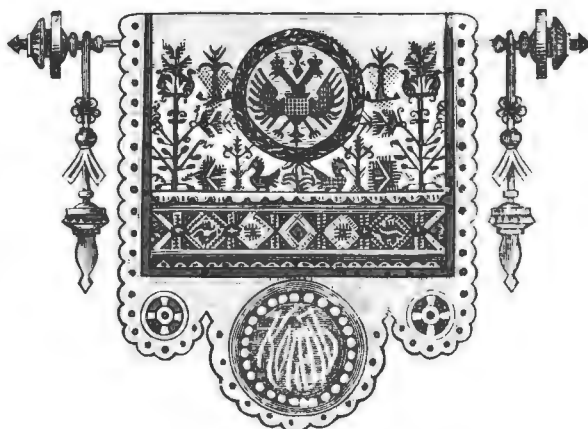
Мы молча поклонились праху Федора Михайловича.

— Какой семьянинъ, какой семьянинъ-то былъ! — повторяла Анна Григорьевна.—Какъ онъ любилъ меня и дѣтей!

Студенты нашей «*almae matris*» сдѣлали складчину и заказали скромный вѣнокъ изъ лавровъ на гробъ Достоевскому. Мнѣ выпала честь нести этотъ вѣнокъ. Необычайно громадная толпа народа провожала тѣло Федора Михайловича изъ квартиры въ мѣсто его вѣчнаго упокоенія, въ Александро-Невскую лавру.

Въ этой массѣ соединились люди всѣхъ направленій и всѣхъ оттѣнковъ. Забыто было, какого онъ держался образа мыслей, забыто было все, былъ только признанъ и помнился всѣми его могучій, гениальный умъ, да колоссальный талантъ, да пламенѣвшее любовью къ людямъ великое сердце. Отпѣвали его въ той самой церкви, гдѣ Богъ судилъ мнѣ впервые съ нимъ встрѣтиться; тамъ же я далъ ему и прощальный поцѣлуй.

А. А. Зеленецкій.

КЪ БЮГРАФІИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.

Ъ МОЕЙ СТАТЬЕ «М. Е. Салтыковъ въ Рязани»¹⁾ я старался по возможности отгнать отношенія покойнаго сатирика къ своимъ подчиненнымъ. Всегда гуманный и справедливый, М. Е. не могъ терпѣть произвола, въ какой бы формѣ онъ ни обнаружился, и энергично боролся съ нимъ. Вскорѣ по напечатаніи моей статьи, архивариусъ Рязанской казенной палаты, В. А. Атласовъ, доставилъ мнѣ документы, еще ярче иллюстрирующіе Салтыкова, какъ образцоваго начальника. Съ разрѣшенія г. управляющаго палатой, уважаемаго М. И. Слезкина, пользуюсь этими документами въ извлеченіи.

«Дѣло объ обращеніи уѣзднаго казначея N. съ подчиненными ему чиновниками» возникло въ февралѣ 1868 года²⁾; такимъ образомъ, относится ко второму періоду служебной дѣятельности М. Е. въ Рязани. Началось оно съ жалобы казначея на нерадивость своего подчиненнаго, бухгалтера С., жалобы, выраженной въ такой формѣ, что результатъ ея могъ быть только одинъ: чистая отставка С. Но «дѣло» разыгралось иначе. «Бухгалтеръ, по словамъ N., при небольшихъ способностяхъ, слабомъ прилежаніи и довольно недостаточномъ знаніи счетоводства», не оправдываетъ «занимаемой имъ должности». «Ежели я самъ чего либо не до-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», 1900 г.

²⁾ По описи № 126, 1868 г., архивъ Рязанской казенной палаты.

смотрю, — говорить Н., — то непремѣнно впослѣдствіи оказываются неисправности, но какъ я самъ занимаюсь болѣе серьезнымъ дѣломъ, поэтому и не всегда могу услѣдить за всѣмъ счетоводствомъ». Рапортъ казначея былъ доложенъ Салтыкову немедленно, и на немъ характернымъ росчеркомъ его написано: «къ объясненію». Однако, результатъ доклада былъ далеко не тѣмъ, чего ожидалъ казначей. На верху бумаги чья-то незнакомая рука написала карандашемъ: «Поручено словесно г. управляющимъ чиновнику Т. произвести дознаніе», а затѣмъ 20-го февраля поступило и самое дознаніе. Оно было не въ пользу Н. Чиновникъ Т. прежде всего удостовѣрялъ, что обвиняемый С. «занимается прилежно, книги бухгалтерскія у него въ исправности, если же казенная палата возвращала нѣкоторыя для исправленія вѣдомости, то бухгалтеръ въ этомъ нисколько не виноватъ, потому что г. казначей завелъ для себя отдѣльныя книги по каждому департаменту и приказываетъ бухгалтеру брать цифры при составленіи вѣдомости изъ этихъ книгъ, а не изъ казначейскихъ, отчего часто происходятъ ошибки, а если бухгалтеръ возьметъ цифры изъ казначейскихъ книгъ, то онъ перечеркнетъ вѣдомости и передѣлаетъ по-своему». Наконецъ, отъ постороннихъ лицъ Т. слышалъ, что «казначей желаетъ на мѣсто бухгалтера опредѣлить какого-то своего родственника». Покончивъ съ злосчастнымъ С., ревизующій чиновникъ посвятилъ нѣсколько словъ характеристикѣ самого Н., человѣка, повидимому, очень грубаго и не воспитаннаго. «Когда я былъ въ казначействѣ, — рассказываетъ Т., — то всѣ чиновники заявили мнѣ, что съ казначеемъ Н. служить нельзя, такъ какъ онъ обходится съ ними очень дурно: ругаетъ ихъ ужаснымъ образомъ, слово «дуракъ» у него на каждомъ шагу, такъ что помощникъ бухгалтера Л. просилъ меня передать вашему превосходительству его просьбу о перемѣщеніи его въ какое нибудь другое казначейство; еще чиновники казначейства заявили мнѣ, что г. Н. вечеромъ даетъ мало освѣщенія, а между тѣмъ заставляетъ сидѣть до 12 ч. пополуночи». Правъ казначея пользовался вообще худой славой. «Неудовольствіе на дурное обхожденіе Н. изъявляютъ не одни чиновники казначейства, но даже и постороннія лица, имѣющія съ нимъ частыя по службѣ столкновенія». Салтыковъ сердцемъ чувалъ неправду въ рапортѣ казначея и велѣлъ произвести секретное дознаніе. За то, когда обнаружилось вѣроломство Н., не пощадилъ онъ его и собственноручно составилъ ему предписаніе. Вотъ оно почти дословно: «До свѣдѣнія моего дошло, — писалъ Салтыковъ (22-го февраля), — что въ ввѣренномъ вамъ казначействѣ заведены двѣ бухгалтеріи: одна дѣйствительная по книгамъ, высланнымъ изъ казенной палаты, и другая частная по тетрадамъ, заведеннымъ собственно вами. Сверхъ того, сдѣлалось мнѣ извѣстно, что вы позволяете себѣ обходиться съ подчиненными вами чинов-

никами нестерпимо грубо, и что вслѣдствіе сего чиновники сіи не желаютъ служить подъ вашимъ начальствомъ. Посему предлагаю вашему высокоблагородію донести мнѣ, въ какой степени справедливо первое изъ изложенныхъ выше обвиненій, а также имѣете ли вы намѣреніе измѣнить ваше дерзкое обхожденіе съ подчиненными вами чиновниками». Положеніе N. было поистинѣ критическимъ. Только что онъ обвинялъ, а теперь изъ роли судьи попалъ въ обвиняемые. Но письмо требовало отвѣта, и бѣдный казначей оправдывался, какъ могъ, забывая, что чистосердечное раскаяніе скорѣе могло расположить Салтыкова въ его пользу, нежели наивныя ссылки на законъ, который, если и былъ на чьей нибудь сторонѣ, то ни въ какомъ случаѣ не на сторонѣ самого N. Какъ и слѣдовало ожидать, рапортъ казначея начинается съ энергичной защиты введенной имъ системы счетоводства. Двѣ бухгалтеріи дѣйствительно существуютъ, одна казенная, «заведенная по книгамъ, высланнымъ изъ палаты», а другая частная, выдуманная собственно казначеемъ, веденіемъ которой, однако, онъ «никого не обременяетъ, а самъ ею занимается». Преимущества такой системы очевидны, и недаромъ предшественникъ Салтыкова, г. Коллиръ, призналъ ее даже «удобо примѣнимой къ дѣлу». «Ведя это счетоводство,—объясняетъ казначей,—можно во всякое время и всякую вѣдомость, или другое какое либо свѣдѣніе, сдѣлать безошибочно, а равно и ежемѣсячныя недоимочныя реестры, доставленные и въ казенную палату и полицейское управленіе, составить вѣрно и, наконецъ, закончить по истеченіи года всѣ вообще расчетныя книги положительно вѣрно, словомъ, эти тетради замѣняютъ существовавшую до введенія въ дѣйствіе правилъ единства кассы вѣдомость о всѣхъ доходахъ и расходахъ, съ тѣмъ только различіемъ, что по истеченіи каждаго мѣсяца по этой формѣ можно свести все счетоводство въ три или четыре часа, а по той не менѣе, какъ въ пять сутокъ». Къ сожалѣнію, казначей совершенно обходитъ молчаніемъ наиболѣе существенный пунктъ въ этомъ дѣлѣ, именно, насколько онъ, не обременяя своихъ чиновниковъ веденіемъ собственной частной бухгалтеріи, заставляя ихъ ею руководствоваться, что въ концѣ концовъ сводило вопросъ къ одному и тому же, а прямо обращается къ другой статьѣ обвиненія—грубому обращенію его съ подчиненными. Здѣсь, нужно отдать справедливость г. N., онъ достигаетъ большой виртуозности, хотя иногда и шитой бѣлыми нитками; онъ не скупится на черную краску для характеристики своихъ враговъ. Попадаются многіе, почти весь составъ казначейства, но, разумѣется, пальма первенства досталась бухгалтеру С.: онъ всему дѣлу голова и зачинщикъ. «Если бы онъ былъ съ тѣмъ же взглядомъ на дѣло, къ которому призванъ, и считалъ себя подчиненнымъ своему непосредственному начальнику, какъ слѣдуетъ по 2.908 ст. II т. св.

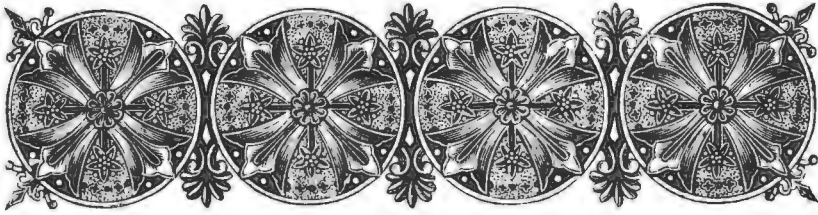
зак. граж (изд. 1857 г.), какъ я самъ всегда служилъ и въ настоящее время служу, тогда было бы все хорошо». Напрасно обвиняютъ N. въ грубости по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Грубостей онъ себѣ не позволяетъ, а напротивъ «отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ» самъ слышитъ «дерзости невыносимыя» при напоминаніи «о несвоевременномъ и совершенно невѣрномъ закончаніи книгъ» или «о положенныхъ часахъ явки на службу». Что же касается до нежеланія подчиненныхъ ему чиновниковъ служить подъ его начальствомъ, то въ этомъ онъ, казначей, нисколько не сомнѣвается. Онъ «привыкъ служить аккуратно во всѣхъ отношеніяхъ безъ малѣйшаго отступленія», тогда какъ «всѣ эти господа, какъ С., Л., Р.», всегда «несвоеременно исполняютъ возложенныя на нихъ обязанности, или же исполняютъ, но не тѣмъ порядкомъ, какъ бы слѣдовало». Впрочемъ, все прошедшее этихъ господъ краснорѣчиво подтверждаетъ только что сказанное. Напримѣръ, бухгалтеръ С, если «вникнуть въ формулярный списокъ о службѣ его», только съ апрѣля 1855 г. поступилъ на службу и по настоящее время «уже на 8-е мѣсто переведенъ». Не лучше чиновникъ Л. «Находясь уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ и служа приказчикомъ», онъ «забылъ (?) права и обязанности государственной службы» и т. д. и т. д. Вполнѣ понятно, что при такихъ обстоятельствахъ казначей N. нисколько не дорожитъ всѣмъ составомъ своего учрежденія. Пускай уходятъ всѣ. «Я не только не думаю упрашивать ихъ, простодушно заявляетъ онъ, чтобы еще со мною хотя нѣсколько времени послужили, (но) даже очень доволенъ этимъ буду». Чиновники, которыхъ, вѣроятно, позволяютъ ему выбрать замѣсто ушедшихъ, будутъ вполнѣ достойны своего назначенія. Быть можетъ, въ «началѣ поступленія» они и окажутся не совсѣмъ опытными, но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Нѣчто подобное случилось при поступленіи самого N. въ казначейство. Тогда, рассказываетъ онъ, онъ не встрѣтилъ ни одного чиновника, «мало-мало понимающаго дѣло, а все счетоводство въ большомъ безпорядкѣ, между прочимъ въ короткое время приспособилъ каждого изъ нихъ къ своему занятію, тщательно наблюдая за ними» и проч. Какъ и слѣдовало ожидать, доводы уѣзднаго казначея не только не убѣдили М. Е. въ его правотѣ, но еще болѣе возстановили его противъ N. Особенно возмутило его предложеніе казначея замѣнить весь составъ казначейства новымъ. Отвѣтъ Салтыкова очень энергиченъ и строгъ. «На рапортъ отъ 8 сего марта, пишетъ онъ, даю знать вашему высокоблагородію, что я не считаю себя въ правѣ уволить всѣхъ чиновниковъ N—скаго уѣзднаго казначейства для того только, чтобы удовлетворить вашему произволу. Такое мое рѣшеніе я основываю на томъ, что при личной ревизіи казначейства я удостовѣрился, что самыя грубыя ошибки въ счетахъ исходятъ прямо отъ васъ, чиновники, же вамъ подчиненные, вовсе не

такъ неисправны, какъ вы ихъ аттестуете. Вообще, я бы покорнѣйше просилъ васъ лучше обращаться(ся) съ чиновниками казначейства и требовать отъ нихъ не столько подобострастія, сколько исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей. Что же касается до второй бухгалтеріи, которая вами ведется рядомъ съ бухгалтеріей, установленною инструкціею губернскимъ и уѣзднымъ казначействамъ, то я, конечно, считаю излишнимъ препятствовать вамъ вести всякаго рода вспомогательные счета, которые вы сочтете для себя полезными, но при этомъ обязанностью своею считаю предупредить васъ, что счета эти ни въ какомъ случаѣ документальнаго достоинства имѣть не могутъ».

Грозная филиппика была написана 19-го марта, а уже въ іюнѣ 1868 г. Салтыковъ навсегда покинулъ Рязань. Не знаю, какъ отнесся Н. къ совѣту начальника, но старожилы мнѣ рассказывали, что казначей недолго оставался на своемъ мѣстѣ. Преемникъ М. Е., г. Вишневскій, былъ совершенно солидаренъ съ Салтыковымъ въ своихъ взглядахъ на отношенія Н. къ обязанностямъ службы, почему послѣдній принужденъ былъ вскорѣ подать въ отставку.

Баронъ Н. В. Дризенъ.

ГРУЗИНСКАЯ ЦАРИЦА ВЪ БѢЛГОРОДѢ.

I.

АКЪ ИЗВѢСТНО, въ 1801 году Грузія была присоединена къ Россіи, и политическое ея существованіе прекратилось. Между тѣмъ въ 1803 году бывшая грузинская царица Марія Георгіевна совершила страшное преступленіе: убійство генераль-майора Лазарева. Дочь ея Тамара, несмотря на свой юный возрастъ, пыталась собственноручно убить тифлискаго полицеймейстера, который едва успѣлъ избѣжать смерти. Тогда императоръ Александръ I повелѣлъ обѣихъ провинившихся грузинокъ выслать въ уѣздный городъ Курской губерніи—Бѣлгородъ, на жительство въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ. О нѣкоторыхъ небезынтересныхъ фактахъ изъ жизни грузинской царицы въ ссылкѣ мы и расскажем въ предлагаемой вниманію читателей замѣткѣ.

2-го іюня 1803 года, курскій губернаторъ А. М. Вережкинъ получилъ слѣдующее именное высочайшее повелѣніе:

«Грузинской царицѣ Маріи, при отправленіи ея изъ Грузіи, учинившей убійство изъ мщенія и злобы генераль-майору Лазареву, и дочери ея царевнѣ Тамарѣ, на равное злодѣяніе покусившейся, назначивъ пребываніе, съ семействомъ ихъ, въ Бѣлгородскомъ Рождественскомъ монастырѣ, я вмѣстѣ съ симъ курскому и бѣлгородскому архіепископу далъ надлежащее о томъ предписаніе. Вамъ же поручаю, по сношеніи съ воронежскимъ губернаторомъ,

отъ коего фамилія сія изъ Воронежа въ Бѣлгородъ отправлена будетъ, распорядиться приѣмомъ ея и водвореніемъ въ назначенномъ ей мѣстѣ. При чемъ не оставите вы бѣлоградскому городничему дать наставленія, дабы онъ не позволялъ ни царицѣ, ни царевнѣ, ни семейству ея, безъ особеннаго моего на то повелѣнія, удаляться изъ города, употребляя для сего хотя не открытый, но точный присмотръ, съ соблюденіемъ, впрочемъ, надлежащей благопристойности. О поведеніи ея вы прикажете себѣ почасту рапортовать и если бы открылося въ немъ что либо достойное вниманія или отходящее отъ порядка, вы имѣете мнѣ доносить. Въ Санктъ-Петербургѣ, мая 19-го дня 1803 г. Александръ. Графъ Викторъ Кочубей».

Въ то же время курскій архіепископъ Теокистъ, каедрa котораго находилась въ Бѣлгородѣ, получилъ повелѣніе государя о водвореніи въ бѣлгородскомъ женскомъ монастырѣ грузинской царицы. Въ этомъ повелѣніи, между прочимъ, было сказано:

«По неизвѣстности о числѣ семейства царицы, въ Бѣлградъ отправится имѣющаго, не назначается оному никакого содержанія, но я желаю, чтобы вы сообразили съ губернаторомъ, какое приличное, но безъ всякаго излишества, положено быть можетъ содержаніе царицѣ, во время ея пребыванія въ монастырѣ.

«Впрочемъ, не подвергая царицу Марію и дочь ея всей строгости монастырской жизни, вы не позволите имъ въ образѣ жизни ничего соблазнительнаго, отъ правилъ пристойности отходящаго и съ мѣстомъ пребыванія ихъ несогласнаго, преподавая имъ нужныя духовныя наставленія и внушая имъ, что участь, коей онѣ себя подвергли, есть самая снисходительнѣйшая, какую, по мѣрѣ преступленія ихъ, назначить имъ было можно».

Губернаторъ, получивъ именно повелѣніе, поспѣшилъ сдѣлать необходимыя распоряженія. Полетѣли изъ Курска ордера бѣлгородскому городничему и земскимъ исправникамъ. Первому было приказано: «оную грузинскую царицу встрѣтить и провезти прямо въ женскій монастырь, въ жилище, отъ преосвященнаго назначенное, и о приѣздѣ ея тотчасъ доложить его преосвященству. Въ случаѣ требованія духовнаго начальства въ бѣлгородскій женскій монастырь рабочихъ, немедленно выслать ихъ». Земскимъ исправникамъ уѣздовъ, по которымъ долженъ былъ ѣхать поѣздъ грузинской царицы, было сдѣлано предписаніе о томъ, чтобы на почтовыхъ станціяхъ заблаговременно были приготовлены лошади въ количествѣ 50, на каждой станціи. Затѣмъ губернаторъ распорядился вытребовать изъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ Курской губерніи изъ такъ называемыхъ «штатныхъ командъ», которыя находились въ завѣдываніи городничихъ, 20 рядовыхъ—самыхъ надежныхъ и 3-хъ унтеръ-офицеровъ для содержанія карауловъ въ Бѣлгородѣ «впередъ до предписанія». Солдаты немедленно должны были явиться въ Бѣлгородъ «съ присвоеннымъ имъ оружіемъ» и поступить въ распоряженіе бѣлгородскаго городничаго Леонтьева.

9-го іюня, курскій губернаторъ получилъ отъ воронежскаго губернатора *Θ. А. Пушкина* нѣкоторыя бумаги, касавшіяся ожидаемаго прїѣзда въ Бѣлгородъ царицы *Маріи*, а именно копию съ высочайшаго ему повелѣнія и отношеніе главнокомандующаго Грузіи, князя *Циціанова*. Въ этомъ отношеніи есть любопытныя свѣдѣнія о выѣздѣ изъ Грузіи *Маріи Георгіевны*.

«Отправивъ отсель, писалъ князь *Циціановъ*, по высочайшему повелѣнію въ Россію царицу *Марію* съ ея семействомъ и царевича *Баграта Георгіевича*, которые изъ *Моздока* вслѣдъ за симъ извѣщеніемъ¹⁾ моимъ имѣютъ въ скорости выѣхать, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, дабы вы благоволили дать предписаніе о заготовленіи на станціяхъ лошадей. Когда жъ они прибудутъ въ Воронежъ, по извѣстнымъ причинамъ, нужно оставить ихъ въ семь городѣ подъ вѣдѣніемъ вашимъ, впредь до высочайшаго о судьбѣ ихъ рѣшенія, и во время ихъ тутъ пребыванія, оказывать имъ всякое нужное пособіе и снисхожденіе, но притомъ нисколько не упускать изъ виду ихъ поведеніе, за коимъ надлежитъ имѣть осторожное надзираніе, равно какъ и заботиться о сохраненіи ихъ здоровья, на какой случай воспретить имъ и свитѣ имѣть и малѣйшее оружіе, особливо же царицѣ *Маріи*, по случаю звѣрскаго поступка ея съ генераль-майоромъ *Лазаревымъ*, коего она зарѣзала; царевича *Баграта* нужно также содержать подъ нѣкоторымъ присмотромъ».

Въ высочайшемъ повелѣніи, полученномъ *Θ. А. Пушкинымъ* 2-го іюня, было сказано: «Я поручаю вамъ объявить царицѣ *Маріи*, что она вмѣстѣ съ дочерью имѣетъ отправиться въ Бѣлгородъ на жительство въ женскомъ монастырѣ. Къ препровожденію ихъ до Бѣлгорода вы не оставите избрать одного или двухъ надежнѣйшихъ чиновниковъ, а коллежскому ассесору *Зассу* приказать съ царевичемъ *Багратамъ* отправиться въ Москву и явиться тамъ у военнаго губернатора генераль-фельдмаршала графа *Салтыкова*. Что же касается остальнаго семейства царицы *Маріи*, то вы можете оное или отправить съ царевичемъ въ Москву или отпустить съ царицею въ Бѣлгородъ, согласно ихъ желанію».

Курскій губернаторъ въ это время находился въ Курскѣ, а мѣстный архіепископъ въ Бѣлгородѣ, а между тѣмъ имъ совмѣстно надо было рѣшить вопросъ о составленіи смѣты расходовъ на содержаніе въ бѣлгородскомъ монастырѣ грузинской царицы съ ея семействомъ и свитою. Поэтому архіепископъ *Феокистъ* писалъ *А. М. Веревкину*: «для общаго, совмѣстно съ вами, положенія о приличномъ, безъ всякаго излишества, содержаніи царицы *Маріи* съ ея семействомъ, прїѣхалъ бы я въ Курскъ, но мнѣ изъ Бѣл-

---

¹⁾ Отношеніе главнокомандующаго Грузіей было отправлено изъ Тифлиса въ Воронежъ 20 апрѣля, а получено ровно черезъ мѣсяць, 20 мая.

города отлучиться не можно, по немѣннѣю свѣдѣнїя о времени прибытія оной царицы. Келліи въ женскомъ монастырѣ, въ которыхъ жила игуменїя, и по близости оныхъ, въ которыхъ жили монахини, отведены для царицы и ея семейства; начата необходимая въ келліяхъ пристройка и уборка; остается только учинить съ вашимъ превосходительствомъ соображеніе о содержаніи царицы, по прибытіи ея въ Бѣлгородъ».

Губернаторъ немедленно прїѣхалъ въ Бѣлгородъ. Онъ привезъ съ собою полученное имъ отъ воронежскаго губернатора увѣдомленіе о прїѣздѣ грузинской царицы въ Воронежъ. «На сихъ дняхъ, было сказано въ увѣдомленіи, она съ чиновниками, Дегтяревымъ и княземъ Кугушевымъ, будетъ отправлена прямѣйшимъ трактомъ чрезъ Нижнедѣвицкъ, Старый Осколь и Корочу въ Бѣлгородъ. Кромѣ царицы Марїи, въ Бѣлгородъ должны были прїѣхать: царевичи (дѣти царицы) Жебраилъ, Илія, Окропиль и Ираклій; царевны Тамара и Анна, а также нѣсколько грузинскихъ князей, дворянъ и дворянокъ, священникъ съ дьякономъ и грузинская прислуга». Воспользовавшись спискомъ лицъ семейства и свиты царицы, А. М. Веревкинъ совмѣстно съ архіепископомъ Теокистомъ составили положеніе о денежной суммѣ, необходимой на содержаніе высланныхъ грузинъ. Царицѣ Марїи было назначено 1.460 р. въ годъ, царевичамъ и царевнамъ по 730 р., князьямъ по 365 р., дворянамъ по 182 р. 50 к., лѣкарю и священникамъ «сообразно полковому положенію»—первому 300 р., второму 120 р. Были также ассигнованы суммы на отопленіе, освѣщеніе и т. и., всего 11.053 р. 50 к. въ годъ.

II.

Грузинская царица со своею свитою прїѣхала въ Бѣлгородъ 21-го іюня. Въ 3 часа по полудни ея поѣздъ приблизился къ чертѣ города, гдѣ его ожидалъ городничій съ полицейскими чиновниками. Впереди ѣхала четырехмѣстная карета на рессорахъ, за нею коляска, затѣмъ пять кибитокъ, а за ними телѣги съ поклажей. Городничій препроводилъ прїѣхавшихъ въ женскій монастырь. Карета вѣхала на монастырскій дворъ и остановилась у крыльца. Отворили дверцы для выхода грузинской царицы изъ экипажа, возлѣ котораго стоялъ въ парадной формѣ городничій. Между тѣмъ, къ удивленію присутствовавшихъ, царица оставалась въ каретѣ и не хотѣла изъ нея выходить...

Почему она поступила такъ, изъ архивныхъ бумагъ не видно. Только сейчасъ же къ ней приблизились князья и дворяне и убѣждали ее войти въ келліи. Убѣжденїя оставались безплодными, пока не подошелъ духовникъ царицынъ, протоіерей Іосифъ, сказалъ Марїи Георгіевнѣ нѣсколько словъ и благословилъ ее. Тогда

она пошла въ приготовленное для нея помѣщеніе, а за нею послѣдовали князья и дворяне. Здѣсь въ угольной комнатѣ царица сѣла на кровать и погрузилась въ глубокую думу.

«Я,—рапортовалъ губернатору городничій,—оставался въ передней, а какъ все устроилось, попросилъ переводчика, капитана Челаева, доложить обо мнѣ царицѣ. Онъ побывалъ у нея и вышедши сказалъ.

— «Ея высочество пообезпокоилась отъ дороги, не можетъ васъ принять и видѣть.

«Царица на видѣ довольно свѣжа, 34-хъ лѣтъ отъ роду, царевичамъ: Жебраилу 18 лѣтъ, Илиі 14, Окропилу 10, Ираклію 6; царевнѣ Тamarѣ 17 лѣтъ, а Аннѣ 3 года. Жебраилъ имѣетъ два горба—спереди и сзади».

Приѣхавшіе размѣщали свои вещи въ келліяхъ. Къ городничему подошелъ капитанъ Челаевъ и сказалъ:

— Выданныя мнѣ въ Воронежѣ на расходъ деньги издержаны во время пути. Покорнѣйше прошу васъ для покупки къ столу припасовъ и для другихъ надобностей отпустить мнѣ необходимую сумму денегъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ городничій,—только напишите мнѣ расписку въ полученіи денегъ.

Онъ передалъ капитану 175 р. своихъ собственныхъ денегъ.

Капитанъ откланялся городничему. Но тотъ удержалъ его и обратился къ нему съ такими словами:

— Позвольте вамъ сказать...

— Чтò прикажете?—перебилъ рѣчь городничаго капитанъ.

Городничій былъ въ большемъ смущеніи. Прибывшіе съ царицей князья и дворяне преспокойно располагались въ келліяхъ женскаго монастыря. А между тѣмъ по приказанію начальника губерніи для мужчинъ были приготовлены квартиры внѣ монастырскихъ стѣнъ, въ домахъ, смежныхъ съ монастыремъ и нанятыхъ у мѣстныхъ жителей.

— Квартиры для князей, дворянъ и служителей,—заявилъ Челаеву городничій,—отведены въ обывательскихъ домахъ, сбоку монастыря. Просите князей и дворянъ туда, я проведу васъ...

— Извините,—отвѣтилъ капитанъ:—я сначала доложу объ этомъ ея высочеству.

Черезъ минуту онъ вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ и сказалъ:

— Ея высочество изъяснила, что не можетъ отдѣлится отъ себя князей и дворянъ, по тому случаю, что они всегда должны быть при ней, а притомъ и имѣть надлежащій присмотръ за малолѣтними ея дѣтьми.

Городничій удалился изъ монастыря.

Преосвященный Феокистъ написалъ А. М. Веревкину о приѣздѣ

грузинской царицы... Въ письмѣ было замѣчено, что она «скучаетъ, что поварня не окончена, и залы нѣтъ; залъ можно бы пристроить къ сѣнямъ келлій, гдѣ царица пребываетъ, только нѣтъ плотниковъ; надобно бы нанять ихъ, но денегъ нѣтъ. Данные изъ дому моего 150 р. всѣ уже въ расходѣ, а надобно еще столько же на одну поварню. Зала же нечѣмъ строить, а залъ нуженъ; поелику царица со всѣмъ семействомъ и почетною свитою кушаетъ вмѣстѣ.

«Послалъ я къ ужину потребная: принято благосклонно. Положилъ я завтра священнодѣйствовать въ томъ монастырѣ. Послѣ божественной литургіи зайду я къ царицѣ и если успѣю на почту, то извѣщу ваше превосходительство о послѣдствіяхъ, а нынѣ только о томъ извѣщаю, что деньги, матеріалы и работники необходимо нужны»...

На это письмо губернаторъ отвѣчалъ: «я прошу васъ покорнѣйше приказать, что надо, устроить, употребивъ на то деньги, на первый случай, хоть собственныя ваши, а я потребное число оныхъ доставить вамъ не премину».

Слѣдующее свое письмо архіепископъ Теокистъ отправилъ А. М. Веревкину на второй же день пребыванія въ Бѣлгородѣ грузинской царицы.

«Священнодѣйствовалъ я, писалъ онъ, въ женскомъ монастырѣ. Грузинская царица Марія за болѣзнію въ церкви не была, были только нѣкоторые изъ свиты ея. Послѣ божественной литургіи ходилъ я въ келлію, поздравилъ царицу на новосельѣ съ хлѣбомъ-солью и пожелалъ ей временнаго и вѣчнаго благополучія, совѣтовалъ ей имѣть упованіе на Бога и на всемилостивѣйшаго монарха, съ изъясненіемъ, что правосудіе его императорскаго величества сопряжено со всемилостивѣйшимъ снисхожденіемъ. Примѣтилъ я царицу довольную и спокойную настоящимъ мѣстопребываніемъ, и я обѣщалъ, по окончаніи строеніемъ поварни, пристроить къ сѣнямъ келлій большой залъ; но царица изволила сказать:

— «Приостановите работу, чтобы стукъ плотниковъ не беспокоилъ меня, по нынѣшней моей слабости.

«Г. Дегтяревъ сказалъ мнѣ, что царицу Марію въ Воронежѣ титуловали ея высочествомъ, и въ предписаніи, ему отъ воронежскаго губернатора данномъ, таковъ же титулъ означенъ».

Архіепископъ сдѣлалъ визитъ царицѣ послѣ обѣдни, а въ 5 часовъ вечера того же дня къ нему явился переводчикъ Челаевъ и просилъ его немедленно пожаловать лично къ ея высочеству.

— По какому случаю? — встревожившись спросилъ преосвященный.

— Не знаю, — отвѣчалъ Челаевъ. — Просили васъ самихъ.

Тогда преосвященный поспѣшилъ въ женскій монастырь. Марія Георгиевна встрѣтила его жалобами на свои недостатки въ одѣяніи, посудѣ и столовомъ приборѣ. Онъ обѣщалъ позаботиться о всемъ

необходимомъ и въ тотъ же вечеръ написалъ губернатору письмо объ удовлетвореніи нуждъ царицы и ея семейства, на что, по его мнѣнію, нужно было 2.000 рублей.

Вслѣдъ за водвореніемъ грузинъ въ Бѣлгородѣ, губернаторъ и архіепископъ препроводили государю всеподданнѣйшіе рапорты, при чемъ послѣдній доносилъ, что онъ дѣлалъ царицѣ «духовныя наставленія и впредь, при всякомъ случаѣ, дѣлать будетъ».

Между тѣмъ А. М. Вережкина очень озабочивало то обстоятельство, что въ женскомъ монастырѣ поселилась мужская свита грузинской царицы. Онъ счелъ нужнымъ написать преосвященному Θεоктисту слѣдующее: «Теперь мнѣ прискорбно то, что вся свита царицы расположилась въ женскомъ монастырѣ, что противно какъ правиламъ церкви, такъ и самому именному высочайшему повелѣнію; ибо въ монастырѣ велѣно водворить только царицу и дочь ея царевну. Не знаю, какъ будетъ принято. Всепокорнѣйше прошу васъ внушить царицѣ, чтобы она благоволила приказать совершеннаго возраста царевичамъ, князьямъ, дворянамъ и прочимъ чинамъ выйти въ квартиры, отведенныя близъ монастыря, или чтобъ сія лица, по крайней мѣрѣ, ночевали въ квартирахъ. Я надѣюсь, что вы въ семъ успѣете къ нашему общему спокойствію».

Преосвященный Θεоктистъ старался успокоить губернатора. «Изволите упоминать,—писалъ онъ 29-го іюня,—о неприличномъ водвореніи семейства и свиты мужеска пола въ женскомъ монастырѣ; но какъ, по прибытіи въ женскій монастырь, бѣлгородскій городничій объявилъ мнѣ, что царица пожелала водвориться въ монастырѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и свитою, да и въ бытность мою у царицы такое желаніе свое и мнѣ подтвердила, притомъ жительство монахинь расположено отдѣльно, въ келліяхъ, находящихся въ отдаленіи за церковью, и уже недѣля прошла пребыванію царицы въ монастырѣ, но нѣтъ ничего отъ правилъ благопристойности отходящаго и съ мѣстомъ пребыванія несообразнаго, а все происходитъ спокойно и благочинно; то, кажется, не надобно теперь беспокоить царицу напоминаніемъ о выводѣ нѣкоторыхъ изъ ея семейства и свиты на квартиры, а должно ожидать дальнѣйшаго повелѣнія или непредвидимаго случая; въ монастырѣ присмотръ за всякою всячиною какъ съ моей стороны, такъ и отъ городничаго. Дай Богъ и впредь такого благочинія и спокойствія».

Несмотря на успокоительное письмо архіепископа, губернаторъ счелъ нужнымъ сдѣлать представленіе министру о томъ, что князья и дворяне грузинскіе поселились въ женскомъ монастырѣ. Министръ отвѣтилъ, что государь императоръ приказать соизволилъ, «чтобы вы (то-есть губернаторъ) поступали съ царицей Маріей безъ всякихъ особенныхъ почестей и угожденія ея излишнимъ прихотямъ. Сама она съ семействомъ и нужными для прислуги

женщинами можетъ жить въ монастырѣ, находящаяся же при ней свита ¹⁾ должна состоять на собственномъ ей иждивеніи и жить внѣ монастыря. Помѣстить же въ монастырѣ всѣхъ князей и дворянъ было бы противно правиламъ монашескимъ».

Губернаторъ, получивъ извѣстіе о высочайшемъ повелѣніи, сейчасъ же написалъ преосвященному Феофисту: «не оставьте внушить объ отпускѣ изъ монастыря на квартиры князей и дворянъ», а черезъ два дня городничій отпрапортовалъ губернатору о томъ, что «вывелъ изъ монастыря грузинъ, кромѣ духовника, лѣкаря и служителя, оставшихся на время болѣзни царевича Жебраима, приключившейся ему отъ сильнаго ослабленія желудка».

На основаніи высочайшаго повелѣнія, министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ Бѣлгородской почтовой конторѣ, чтобы она всякій разъ, какъ грузинская царица будетъ или сама писать, или получать отъ кого либо письма, доносила курскому губернатору, и чтобы для большей предосторожности почтмейстеръ развѣдывалъ, съ кѣмъ царица ведетъ переписку, отъ кого и какъ часто будетъ получать письма. Изъ губернаторскихъ донесеній видно, что грузинская царица посылала и получала письма довольно часто. Переписка велась съ царевичами—Михаиломъ и Давидомъ, находившимися въ Петербургѣ, и Баграмомъ, жившимъ въ Москвѣ. Были письма изъ Тифлиса—царицѣ отъ ея матери и бывшей придворной дамы, изъ Петербурга—отъ духовника Никифора. Сама царица, между прочимъ, писала въ Петербургъ графу Кочубею ²⁾, въ Моздокъ какому-то архимандриту и протоіерею Аарону.

Перлюстрація писемъ вскорѣ была прекращена. 27-го августа министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ курскому губернатору: «по затрудненіямъ, каковыя встрѣтились при наблюденіи за письмами, и по неудобности сыскать на мѣстѣ вѣрныхъ переводчиковъ, государь повелѣлъ оставить переписку царицы безъ дальнѣйшаго вниманія».

Главноуправляющій Грузіей, генераль-лейтенантъ князь Циціановъ, довелъ до свѣдѣнія государя о томъ, что падчерицы царицы Маріи, Рипсима Соколаева и Софія Тарханова, по выѣздѣ ея въ Россію, самопроизвольно вѣхали въ ея домъ; также царевна Гаяна, и прежде тамъ жившая, просила объ отдачѣ всѣмъ имъ троимъ сего дома. Государь повелѣлъ спросить Марію Георгіевну: согласна ли она сдѣлать уступку дома?

Царица отвѣчала согласіемъ.

¹⁾ Нужно сказать, что лица царицыной свиты не были сосланы; они находились при Маріи Георгіевнѣ по ея желанію. Многія изъ нихъ впоследствии уѣхали изъ Бѣлгорода на родину.

²⁾ Письмо это вѣсило 5 лотовъ. Во всѣхъ донесеніяхъ почтмейстера было точно обозначено, сколько лотовъ вѣсило каждое письмо, и посланное грузинской царицей и полученное ею.

Губернатора кто-то увѣдомилъ о томъ, что будто бы грузины привезли съ собою сабли. Обезпокоенный этимъ, онъ предписалъ городничему: о привезенныхъ сабляхъ объяснить, чьи онѣ, къмъ взяты изъ Грузіи и для чего? Городничій отписалъ, что четыре сабли были при самомъ отправленіи царицы изъ Грузіи препровождавшимъ ее генераль-майоромъ Тучковымъ отобраны у лицъ ея свиты и привезены въ Бѣлгородъ, но сданы городничему, а при царицѣ и свитѣ ея подобнаго оружія не оказалось. Грузины, прибавилъ городничій, ведутъ жизнь кроткую, съ соблюденіемъ во всемъ благопристойности.

III.

Дѣйствительно, судя по рассказамъ моего дѣда, жившаго въ то время въ Бѣлгородѣ и интересовавшагося, подобно многимъ бѣлгородцамъ, личностью грузинской царицы, она вела жизнь очень скромную и, повидимому, избѣгала, по крайней мѣрѣ, въ первые годы нахожденія въ ссылкѣ, какихъ бы то ни было знакомствъ, хотя могла имѣть ихъ. Въ началѣ истекающаго столѣтія въ Бѣлгородѣ находился штабъ кавалерійскаго корпуса, и тамъ проживали корпусный командиръ и генералы съ семействами. На городскихъ улицахъ царицу можно было видѣть весьма рѣдко. Желавшіе ее увидѣть, въ особенности пріѣзжіе, обыкновенно посѣщали по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ церковь женскаго монастыря, гдѣ иногда бывала и Марія Георгіевна и слушала литургію на особо устроенномъ мѣстѣ съ членами своей семьи. Князья и дворяне, будучи въ церкви, занимали мѣста поодаль отъ царицы. Если служилъ архіепископъ, то подходили къ нему подъ благословеніе, при чемъ царицѣ подавалась большая просфора. Царица молилась усердно и не разъ, во время службы, опускалась на колѣни. Высокаго роста, стройная, съ строгими, выразительными чертами лица, съ крючковатымъ носомъ, она производила сильное впечатлѣніе своей наружностью. Дочь ея Тамара не особенно походила на мать, имѣла типъ восточной красавицы; немало было поклонниковъ ея красоты, но дѣвушка держала себя гордо и недоступно. Одѣвались мать и дочь въ національные грузинскіе костюмы. На голову надѣвалось покрывало, въ видѣ фаты, изъ бѣлой кисеи у матери и изъ золотистой у дочери. Покрывало ниспадало на спину и почти доходило до пола. На платьѣ, отдѣланное куньимъ мѣхомъ, набрасывался зеленаго или краснаго цвѣта кафтанъ, обшитый золотымъ позументомъ и бахромой и опоясанный шелковымъ кушакомъ синяго или розоваго цвѣта. Подолъ платья былъ отдѣланъ бѣлымъ атласомъ, а ноги обуты въ синіе бархатные башмаки. Находясь внѣ дома, царица и царевна носили на головахъ большіе платки. Марія Георг-

гівна никогда не разставалась съ черепаховой табакеркой, изъ которой частенько нюхала табакъ.

Царевичи, князья и дворяне ходили также въ національныхъ костюмахъ: въ круглыхъ шапкахъ изъ калмыцкой черной смушки, въ кафтанахъ, подпоясанныхъ цвѣтными поясами и отдѣланныхъ золотымъ позументомъ, въ шелковыхъ красныхъ рубашкахъ, неширокихъ шароварахъ, бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и сафьянныхъ сапожкахъ. Протоіерей Іосифъ одѣвался въ синюю рясу тонкаго аглицкаго сукна, гвоздичнаго цвѣта подрясникъ, ситцевый бешметъ, подпоясанный цвѣтнымъ шелковымъ кушакомъ. На головѣ онъ носилъ круглую шапку изъ куньяго мѣха, на ногахъ — козловые сапоги. Дьяконъ надѣвалъ голубую рясу и плисовую шапку.

Замѣчательно убранство постелей царицы и царевенъ: перина зеленая бархатная, три подушки въ парчевыхъ золотыхъ наволочкахъ, голубое атласное одѣяло, выстеганное не на ватѣ, а на хлопчатой бумагѣ, съ бумажною подкладкою.

Развлеченіемъ лицъ царицыной свиты служили прогулки по бѣлгородскимъ улицамъ; выходить изъ города, а тѣмъ болѣе выѣзжать изъ него они не имѣли права. Когда Марія Георгіевна выразила желаніе, чтобы врачъ ея, Чараевъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ дворянъ съѣздили въ Харьковъ для покупки тамъ лѣкарствъ и нѣкоторыхъ вещей, а городничій представилъ по этому случаю рапортъ губернатору, то А. М. Вережкинъ сдѣлалъ городничему выговоръ:

— Я, — писалъ онъ, — далъ же вамъ наставленіе, дабы вы не позволяли никому—ни царицѣ, ни царевнѣ, ни семейству ея удаляться изъ города, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, а вы отваживаетесь присылать подобные рапорты. Необходимыя для нихъ вещи вы сами можете искупить и доставить по принадлежности.

Такъ писалъ губернаторъ городничему, а самъ все-таки просилъ министра внутреннихъ дѣлъ дать для лицъ свиты грузинской царицы разрѣшеніе отлучаться въ Харьковъ, по слѣдующимъ резонамъ: «въ Бѣлгородѣ какъ аптеки, такъ и матерій хорошихъ нѣтъ. Бѣлгородъ отъ Харькова отстоитъ въ 75, а отъ Курска въ 125 верстахъ». Просимое разрѣшеніе было дано.

Бѣлгородскій городничій еженедѣльно рапортовалъ губернатору о положеніи грузинскихъ дѣлъ; но всѣ его рапорты сводились къ одному знаменателю: все обстоитъ благополучно. Между тѣмъ не прошло еще трехъ мѣсяцевъ со времени пріѣзда царицы Маріи въ Бѣлгородъ, какъ архіепископъ Θεоктистъ вынужденъ былъ донести въ Петербургъ о весьма странной просьбѣ царицы, съ которой она обратилась къ архіепископу—именно въ высокаторжественный день тезоименитства императора отслужить по ея мужѣ панихиду. Преосвященный отклонилъ такую просьбу и написалъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Тотъ отвѣчалъ:

«Я имѣлъ счастье представлять письмо ваше относительно требованія царицы Маріи государю. Онъ отозваться соизволилъ, что какъ вамъ извѣстны причины заключенія царицы въ монастырѣ, то и поведеніе ваше съ нею тому должно быть сообразно. Не отказывая ей ни въ какихъ духовныхъ утѣшеніяхъ, вы не допустите, конечно, ничего противнаго установленному церковному порядку».

Отвѣтъ министра архіепископъ сообщилъ губернатору, а о положеніи вещей въ Бѣлгородѣ писалъ такимъ образомъ: «Въ Бѣлгородѣ и бѣлоградскомъ монастырѣ все благополучно, чинно и спокойно. Третьяго дня и вчера здѣсь несносный былъ зной, а нынѣ небесныя орошенія прохладили землю. Пристройка къ келліямъ царицы врядъ ли чрезъ три недѣли окончится. Сколько осталось денегъ у городничаго, я еще не спрашивалъ. Озабоченъ онъ отводомъ квартиръ для полка, чрезъ 2 или 3 дня въ Бѣлградъ прибыть имѣющаго. Въ минувшую субботу священнодѣйствовалъ я въ женскомъ монастырѣ, былъ и у царицы. Намѣренъ побывать и сегодня. Кромѣ работниковъ и матеріаловъ на постройку, дано изъ дому моего 300 рублей, велѣлъ я еще дать 200 рублей, а болѣе недоумѣваю, что предпринять, ежели не достанетъ»...

Но дѣло устроилось благополучно. Было высочайше повелѣно выдавать изъ государственнаго казначейства по 11.000 рублей въ годъ на содержаніе грузинской царицы, ея семейства и свиты. Нужно, однако, сказать, что, несмотря, повидимому, на значительную сумму денегъ, назначенную на содержаніе грузинской царицы, она не разъ жаловалась губернатору и министру внутреннихъ дѣлъ на свое стѣсненное, въ денежномъ отношеніи, положеніе, на недостатокъ отпускаемаго ей содержанія отъ казны. Такъ 6-го октября 1803 года она писала губернатору: «Уповаю, что вамъ весьма извѣстны обстоятельства моей жизни и пребыванія. Нахожусь въ бѣдственномъ и горестномъ состояніи. При отъѣздѣ моемъ не могла взять съ собою никакого имущества. Вознамѣрилась я отправить въ Грузію служителя Вежана для доставленія ко мнѣ изъ оставленныхъ моихъ собственныхъ вещей и денегъ, а наипаче церковныхъ книгъ, такъ какъ нечѣмъ исправлять обрядовъ священнослуженія. И намѣрены прислать ко мнѣ отецъ и мать мои все, требуемое для меня, имущество. Прошу я отпустить служителя и выдать ему подорожную до Тифлиса или Моздока... Если сами не разрѣшите и пошлете къ министру, то прошу прислать мнѣ изъ казенныхъ или вашихъ собственныхъ денегъ 2.000 рублей для одѣянія малолѣтнихъ царевичей».

8-го ноября, курскій губернаторъ получилъ отъ архіепископа (еоктиста) письмо довольно тревожнаго содержанія. «Въ сію минуту, — сказано было въ этомъ письмѣ, — присланъ ко мнѣ благочинный женскаго монастыря, о. Евѣимій Усенковъ, отъ грузинской царицы съ требованіемъ объ отводѣ лѣкарю ея особой келліи

въ монастырѣ, по причинѣ открывшейся весьма сильной горячки между грузинами и семинаристами, квартирующими въ одномъ домѣ, ниже онаго монастыря, противъ мясныхъ рядовъ. Приказалъ я семинарскому правленію освидѣтельствовать больныхъ семинаристовъ и велѣлъ дать знать городничему о больныхъ грузинахъ для принятія мѣръ къ пресѣченію болѣзни. А какъ сказываютъ, что болѣзнь сія послѣдовала отъ тлетворнаго воздуха, изъ мясныхъ рядовъ исходящаго и парами наполненнаго, по совмѣстному въ томъ содѣйствію и нынѣшней осенней погоды, то по такимъ обстоятельствамъ нужно грузинъ помѣстити въ другихъ квартирахъ, да и мясные ряды не у мѣста, поелику оныя тамъ и по плану не положены.

Губернаторъ въ день полученія письма сдѣлалъ предписаніе врачебной управѣ принять мѣры къ прекращенію болѣзни между грузинами. А городничему данъ былъ выговоръ: «Вы доносите, что все обстоитъ благополучно, а преосвященный въ то же время увѣдомляетъ меня объ открывшейся болѣзни. Приложите все свое стараніе» и проч.

Губернаторъ требовалъ, чтобы врачебная управа командировала въ Бѣлгородъ одного изъ своихъ членовъ; но инспекторъ управы рѣшилъ съѣздить туда самъ и результаты своихъ наблюденій изложилъ въ слѣдующемъ донесеніи:

«Я въ Бѣлгородѣ, по пріѣздѣ туда, пригласилъ тамошняго штабъ-лѣкаря Базилевича и Ингерманландскаго драгунскаго полка штабъ-лѣкаря Штала, осматривалъ живущихъ близъ дѣвичьяго монастыря въ одномъ домѣ грузинъ и семинаристовъ и нашелъ грузинскаго дьякона больного простудною горячкою, а прочихъ 5 грузинъ и 5 малолѣтнихъ семинаристовъ освободившимися отъ болѣзни, точію еще слабыхъ; но ни малѣйшей опасности нами не найдено. Болѣзнь же приключилась не отъ чего иного, какъ отъ бывшей перемѣнной сырой погоды и по случаю стоянія дома на низкомъ мѣстѣ, а совсѣмъ не отъ мясныхъ рядовъ и якобы отъ нихъ исходящихъ тлетворныхъ паровъ. Сіе тѣмъ болѣе утверждать можно, что во многомъ числѣ въ выстроившихся близъ тѣхъ рядовъ домахъ жители, какъ прежде, такъ и нынѣ, по благодати Божіей, не претерпѣваютъ никакихъ болѣзненныхъ припадковъ, да и оныя мясные ряды выстроены въ самомъ удобномъ мѣстѣ, можно сказать, за городомъ, при рѣчкѣ Везелицѣ. Не оставилъ я осмотромъ нынѣ же мясныхъ рядовъ, гдѣ нашелъ, что соблюдаются порядокъ и чистота наилучшимъ образомъ».

IV.

Въ маѣ 1804 года императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ собрать свѣдѣнія о положеніи грузинской царицы въ Бѣлгородѣ. Министръ предложилъ курскому губернатору слѣдующіе вопросы:

1) Въ какомъ состояніи находится царица Марія съ семействомъ, не терпитъ ли въ какихъ либо потребностяхъ недостатка, и къ положенной на содержаніе ея суммѣ не нужно ли еще прибавить?

2) Не затрудняется ли царица со стороны воспитанія своихъ дѣтей, и не согласится ли она отдать ихъ на попеченіе правительства для доставленія имъ воспитанія?

Губернаторъ на другой же день по полученіи министерскаго предписанія отправился въ Бѣлгородъ, гдѣ посѣтилъ Марію Георгіевну и имѣлъ съ нею продолжительный разговоръ, въ присутствіи архіепископа Теокиста. Царица изложила губернатору ¹⁾ свои желанія и согласилась отправить въ Петербургъ для воспитанія двоихъ изъ своихъ сыновей, Илію и Окропила. Возвратившись изъ Бѣлгорода, губернаторъ немедленно отослалъ министру внутреннихъ дѣлъ представленіе объ успѣхѣ своей миссіи.

«Я увѣрилъ,—писалъ губернаторъ,—царицу Марію въ неуклонномъ на жребій ея монаршемъ вниманіи и въ томъ, что царевичи въ свое время всякое слѣдующее имъ отличіе, безъ сомнѣнія, получатъ. Въ семействѣ царицы — сыновья Жебраилъ 18-ти, Илія 13-ти, Окропилъ 11-ти и Ираклій 6-ти лѣтъ. При всемъ томъ, со стороны моей, наклоненіи о предоставленіи попеченію правительства воспитывать дѣтей, царица, благодаря за монаршее милосердіе, рѣшилась наконецъ отпустить въ Петербургъ двухъ царевичей, Илію и Окропила, испрашивая милости, чтобы за ними пріѣхалъ сюда сынъ ея, царевичъ Михаилъ.

«У себя оставляетъ царица двухъ сыновей. Изъ нихъ старшій, будучи отъ природы горбать и изуродованъ, имѣетъ очень слабое сложеніе, часто хвораетъ, а посему едва ли какое ученіе можетъ постигнуть, а самый меньшой, по мнѣнію царицы, не достигъ еще тѣхъ лѣтъ, въ которыя долженъ начать ученіе; съ двумя же царевичами отпустить хочетъ изъ свиты трехъ человѣкъ.

«Усердная просьба царицы наиболѣе о томъ, чтобы у государя исходатайствовать пенсію для оставляемыхъ у нея царевичей и царевенъ. Выслушавъ эту просьбу, я, говоритъ губернаторъ, спросилъ

— «На чтò нужны вашему высочеству деньги въ такомъ, маломъ городѣ, какъ Бѣлгородъ?»

¹⁾ Курскимъ губернаторомъ въ это время вмѣсто А. М. Верекина былъ П. И. Протасовъ.

«Она отвѣчала:

— «Нужно для дѣтей завести экипажъ, чтобы могли они приобрести себѣ знакомство.

«Въ экипажѣ,—писалъ губернаторъ,—большой нужды не вижу. Однако же на одежду царицѣ и ея свитѣ необходимо было бы отпустить по 2.000 рублей ежегодно, какъ о томъ представлялъ мой предмѣстникъ».

Марія Георгіевна нашла нужнымъ послать два письма: одно государю, другое губернатору. Къ губернатору она писала слѣдующее:

«По объявленіи мнѣ высочайшаго повелѣнія отъ вашего превосходительства въ разсужденіи требованія моихъ двухъ дѣтей въ Петербургъ и по обѣщаніи имъ монаршей милости съ прочими равно царевичами, приношу я благодарность его величеству письмомъ, а для остальныхъ дѣтей прошу пенсіи, а себя предаю въ волю государя. Когда вы спрашивали меня о моихъ недостаткахъ, тогда я не могла отъ скорби моей доложить вашему превосходительству, что пища здѣсь дешева, но одѣяніе весьма дороговизно. Мы всѣ состоимъ 30 душъ, также нанять при кухнѣ одного работника. Выходитъ на мой столъ ежедневно 15 рублей, а на свиту 14 рублей 60 копеекъ, а мнѣ опредѣлено въ день на пропитаніе 30 рублей. На одѣяніе употребляли мы до сего времени деньги свои. Во время отпращиванія меня изъ Грузіи доставилъ мнѣ князь Гивъ-Сагиновъ 300 рублей, еще привезъ съ собою протопопъ голландскихъ червонцевъ 1.000 рублей, также парчи на шитье платья. Еще заняла я въ Моздокѣ за проценты 600 рублей и нынѣ не заплачено; также прислалъ изъ Петербурга сынъ мой Михаилъ 1.000 рублей. Вышеупомянутыми деньгами мы содержались до сего времени. Просьба моя состоитъ въ томъ, что какъ прочіе царевичи имѣютъ пенсію, то и мои не оставлены бы были отъ сего».

Слѣдствіемъ письма грузинской царицы государю было то, что онъ повелѣлъ къ содержанію царицы прибавить по 2.000 рублей ежегодно; но на просьбу о назначеніи пенсій не изъявилъ согласія. Тогда Марія Георгіевна обратилась съ просьбой, чтобы и старшій ея сынъ, Жебраилъ, былъ взятъ на воспитаніе въ Петербургъ.

Вскорѣ отъ графа Кочубея курскимъ губернаторомъ было получено увѣдомленіе о томъ, чтобы царевичей отправить въ Петербургъ, увѣривъ ихъ мать снова, что они на казенномъ иждивеніи будутъ воспитываемы въ Петербургѣ, съ возможнымъ почтеніемъ. Царевичъ же Михаилъ не поѣхалъ за своими братьями, отозвавшись, что дѣла его не позволяютъ ему предпринять поѣздку. Губернаторъ отвѣчалъ министру, что онъ, зная нерѣшительный и неудобосклонный характеръ царицы, самъ отправился въ Вѣлгородъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ губернаторъ получилъ любопытную для насъ бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ. «Грузинская

царица Марія,—писалъ министръ,—подала прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ выразила жалобу на несправедливое (якобы) обвиненіе ея въ смертоубійствѣ генераль-майора Лазарева, и просила: 1) чтобы дозволено было ей съ дѣтьми пріѣхать въ Петербургъ какъ для принесенія лично своего оправданія, такъ и для представленія о своихъ нуждахъ; и 2) чтобы дѣти ея, наравнѣ съ прочими грузинскими царевичами, дядьями и братьями, не лишены были знаковъ монаршаго къ нимъ благоволенія.

«Государь императоръ, не признавъ за благо, на основаніи прежнихъ причинъ, дозволить царицѣ Маріи прибыть сюда и будучи, однако, совершенно удаленъ отъ того, чтобы дѣти ея, непричастныя ни къ какому преступленію, терпѣли въ чемъ либо нужду, повелѣтъ соизволить: увѣрить царицу въ монаршемъ вниманіи къ ея семейству. Сыновья ея, для надлежащаго воспитанія, могли бы быть помѣщены въ Петербургѣ, въ какомъ либо кадетскомъ корпусѣ, или въ Москвѣ, при университетѣ; но какъ здѣсь, такъ и тамъ приложено было бы невозможное о нихъ стараніе. Сообщая о семъ вашему превосходительству, не могу не присовокупить, что сыновья царицы, воспитываясь въ товариществѣ съ російскимъ благороднымъ юношествомъ, пріобрѣли бы нужныя познанія и мало-малу забыли навыки своей земли; познакомились бы съ нашими обычаями и, переродясь, такъ сказать, изъ грузинъ въ русскихъ, со временемъ могли бы быть полезнѣе, нежели прочіе грузинскіе царевичи и князья»...

13-го іюля 1804 года, царевичи Илья и Окропилъ, въ сопровожденіи дворянина Хуцисова, выѣхали изъ Бѣлгорода въ Петербургъ. Во время поѣздки они были поручены губернаторомъ наблюдению депутата курской дворянской комиссіи, Денисьева, которому дано было особое наставленіе, какъ именно доставить царевичей на мѣсто ихъ назначенія.

«Знаю васъ,—писалъ въ этомъ наставленіи губернаторъ,—способнѣйшимъ къ исполненію сей обязанности, знаю лично доброе ваше поведеніе, благородныя свойства и отличную во всемъ расторопность; но, тѣмъ не менѣе, по обязанности моей, одолжаюсь въ руководство вамъ дать наставленіе»...

Оно состоитъ изъ 12 параграфовъ. Денисьеву было рекомендовано: обходиться съ царевичами съ благородной лаской, а на случай, если бы который нибудь изъ царевичей подвергся болѣзни, то надо требовать медицинскаго чиновника отъ мѣстнаго начальства, такъ какъ въ російскомъ благоустроенномъ государствѣ во всякомъ городѣ можно найти искуснаго врача. Денисьевъ долженъ былъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, представить министру внутреннихъ дѣлъ царевичей и губернаторскій рапортъ, въ которомъ изложены были принятые губернаторомъ мѣры къ благополучному препровожденію грузинскихъ царевичей въ Петербургъ. Рапортъ

былъ заключенъ такими словами: «рекомендуя г. Денисьева въ милостивомъ вашего сіятельства покровительствѣ, увѣренъ, что всякій достойный вами вознаградится». Государь императоръ пожаловалъ Денисьеву брилліантовый перстень.

Въ сентябрѣ 1804 года, царица Марія отпустила въ Петербургъ и старшаго своего сына, Жебраила. Объ устройствѣ судьбы грузинскихъ царевичей мы узнаемъ изъ слѣдующаго письма министра внутреннихъ дѣлъ курскому губернатору.

«Его императорское величество, изъявивъ волю свою, чтобы они воспитаны были въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ генералъ-майора Клингера, указать соизволилъ:

«1) Царевичей помѣстить въ особыхъ покояхъ, поручить ихъ въ особое ближайшее смотрѣніе надежному чиновнику — корпусному бібліотекарю Фоларту, снабдить ихъ всѣми учебными пособиями и доставить особыхъ учителей для преподаванія имъ наукъ, доколѣ не придутъ они въ состояніе слушать ученіе въ классахъ вмѣстѣ съ прочими кадетами.

«2) На платьѣ каждому изъ царевичей производить ежегодно по 500 рублей, сверхъ прочаго содержанія.

«3) Обнадежить царевичей, что, при окончаніи курса ученія, приняты они будутъ въ гвардію съ приличными преимуществами».

Весьма интересенъ тотъ фактъ, что когда царевичи Илія и Окропиль уѣхали въ Петербургъ, то старушка-грузинка, ихъ нянька, по имени Анна, сильно затосковала о своихъ воспитанникахъ, а когда снарядили въ путь-дорогу и старшаго царевича Жебраила, то она не выдержала и заявила, что, во чтò бы то ни стало, поѣдетъ въ столицу, чтобы тамъ имѣть возможность хоть изрѣдка видѣть царевичей. Мольбы няни были удовлетворены. Губернаторъ разрѣшилъ ей ѣхать въ Петербургъ, о чемъ счелъ нужнымъ увѣдомить министра внутреннихъ дѣлъ. Гдѣ жила въ Петербургѣ эта преданная царскому семейству женщина, и долго ли оставалась она тамъ, неизвѣстно.

Изъ тѣхъ архивныхъ источниковъ, какіе были у насъ подъ руками, мы можемъ привести еще два извѣстія о пребываніи въ Вѣлгородѣ грузинской царицы.

Первое относится къ 1808 году. Въ этомъ году царица писала курскому губернатору, князю Д. А. Прозоровскому: «Отпускаются мнѣ на содержаніе изъ казны по 14.000 рублей, а ими я никакъ не могу исправиться; какія я имѣла вещи, распродала, и тѣмъ способствовала содержанію себя. Послѣ того задолжала, и никто ничего мнѣ въ кредитъ не вѣритъ, почему претерпѣваю крайнюю нужду и прошу представить государю прошеніе мое о прибавкѣ жалованья».

Неизвѣстно, увѣнчалась ли эта царицына просьба успѣхомъ. Но вторая просьба, принесенная Маріей Георгіевной въ 1809 году, была уважена. Именно она просила о позволеніи ей, по случаю слабости здоровья, по сдѣланнымъ отъ докторовъ совѣтамъ, прогуливаться за городомъ. Просьба была представлена государю, и онъ повелѣлъ: «предоставить царицѣ свободу выѣзжать за городъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы мѣстное начальство имѣло за симъ нужное наблюденіе».

Любопытно здѣсь отмѣтить, какъ осуществлялось на практикѣ это нужное наблюденіе. Каждый разъ, когда царица предполагала прокатиться по какой либо дорогѣ, ведущей изъ Вѣлгорода, она должна была увѣдомить городничаго о своемъ маршрутѣ: куда она поѣдетъ и до какого мѣста. Получивъ увѣдомленіе, городничій снаряжалъ нѣсколько конныхъ стражниковъ. Одинъ изъ нихъ становился у выѣзда изъ города, другіе на пути предположеннаго движенія царицына экипажа, а одинъ въ томъ мѣстѣ, которое должно было быть предѣломъ прогулки. Конвоировать же царицу было признано почему-то неудобнымъ. Какъ только царица возвращалась въ городъ, стражники скакали къ квартирѣ городничаго и рапортовали ему о совершенной прогулкѣ.

Царица прожила въ Вѣлгородѣ до 1811 года, когда по просьбѣ сына ея, Михаила, государь разрѣшилъ ей переѣхать въ Москву.

А. Танковъ.

ПО СЛѢДАМЪ ГОЛОДА.

(Изъ воспоминаній очевидца).

I.

Начало конца.

ГОРОДЪ, застилаемый несшейся изъ-подъ колесъ нашего тарантаса пылью, уходилъ все болѣе и болѣе назадъ. Колокольчикъ неровно позвякиваетъ подъ дугой коренника, какъ-то судорожно рвавшася впередъ и тѣмъ увлекавшаго за собой обѣихъ пристяжныхъ. Степанъ, нашъ ямщикъ, то и дѣло взмахиваетъ въ воздухѣ кнутомъ, но и тотчасъ же опускаетъ его: лошадей онъ жалѣлъ, даромъ, что онъ не его, а хозяйскія, и зря ихъ не билъ... Вотъ пригородная слобода Старославка,—и нашъ уѣздный городъ скрылся совсѣмъ изъ глазъ...

Съ самага выѣзда изъ города мы не произнесли ни слова... Не о чемъ было говорить теперь... Еще тамъ, въ земской управѣ, все было переговорено. Со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ волостей получались безотрадныя вѣсти... «Дожей нѣтъ»,—писали изъ одной,— «рожь еле-еле поднялась»... «Овсы низки и рѣдки»,—писали изъ другой,— «греча вся выгорѣла, проса плохи»... «Кормовъ совсѣмъ нѣтъ: всѣ выгорѣли... Скотина не находитъ травы на пастбищѣ»... — доносили изъ третьей. И такъ далѣе, и такъ далѣе,— все въ этомъ родѣ.

Нашъ старый предсѣдатель только передавалъ эти донесенія намъ и произносилъ:

— Полюбуйтесь-ка... Девяносто первый годъ, видно, придется встрѣчать...

Мы всё смутно предчувствовали, что, пожалуй, девяносто перваго года не избѣжать намъ. И все-таки въ душѣ каждаго изъ насъ шевелилось, что «авось... Богъ дастъ, и не будетъ этого... Только дождей—и все поправится»...

А тѣмъ временемъ подсчитывались хлѣбные запасы, высчитывалось, сколько можно будетъ снять съ полей.

Между тѣмъ дождей все нѣтъ и нѣтъ...

— Погодите вотъ, зимой управа въ осадѣ будетъ... — пугаль старый предсѣдатель.

И въ душѣ каждаго изъ насъ рисовались сцены, одна другой тяжелѣе, одна другой мрачнѣе...

Видѣвшіе въ нашихъ мѣстахъ голодъ рассказывали страшныя вещи. Лебеда, желудь, чуть не навозъ, — вотъ анализъ того «голоднаго» хлѣба, про который рассказывали эти очевидцы.

Смутно, тяжело на душѣ каждаго изъ насъ становилось тогда.

— Иванъ Михайловичъ,—обратился разъ предсѣдатель къ члену управы: — вчера вотъ краснухинскіе мужики прислали бумагу... Просятъ позволенія разобрать магазинъ... Это только теперь, въ началѣ іюля... Что же послѣ-то будетъ? Казенная помощь либо будетъ, либо нѣтъ. Чѣмъ же зимой-то будутъ кормиться? Не разрѣшать разобрать магазинъ, сами разберутъ... На скамью подсудимыхъ еще попадутъ. Съѣздите туда... Выясните имъ все. Пусть пообождаютъ съ разборкой-то...

Поѣздка члена управы совпала съ моей, и мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ.

Впереди небольшая гора, послѣдній и чуть ли не единственный пригорокъ, который встрѣчается въ нашемъ уѣздѣ. Сторона вообще имѣетъ характеръ степной, плато ровное. Впереди дорога, ровная, пыльная, каменистая, безъ малѣйшихъ признаковъ растительности по краямъ... Мѣстами попадаются трещины, глубиною фута въ полтора и больше: земля не выдержала подъ жгучими, раскаленными лучами солнца—и трескается.

Кругомъ поля... Боже! что это за поля?..

Низенькая, пренизенькая рожь, рѣденькая, колось отъ колоса далеко отстоитъ. А среди нея то и дѣло выглядываютъ синенькія головки васильковъ, какіе-то желтые цвѣты и рѣденькая, начавшая желтѣть, зелень...

Тяжело и грустно становится смотрѣть на этотъ хлѣбъ, и у каждаго изъ насъ съ тревогой за будущее сжимается сердце.

Степанъ какъ будто понимаетъ, что творится въ нашихъ душахъ, оборачивается къ намъ и произноситъ:

— Соломы даже не будетъ...

Про зерно онъ и не упоминаетъ: это ясно каждому.

Вотъ пошла ярь...

Греча, вся пожелтѣвшая, спаленная, точно ржавчина, стелется по землѣ. Низенькіе, также рѣденькіе овсы, снопы изъ которыхъ будутъ прямо игрушечными, съ пустымъ зерномъ. Просо, горохъ... На нихъ просто глядѣть не хочется...

— Что, красиво? — какъ-то криво улыбаясь, спросилъ, обращаясь ко мнѣ, Иванъ Михайловичъ.—Что изъ этого «недорода», про который пишутъ, будетъ: официальное «недоѣданіе» или фактический голодъ?..

Я ничего не отвѣчалъ: все было такъ ясно.

Луговина... И тутъ все выжжено... А что было, то все скотъ приѣлъ. Вотъ онъ ходитъ, отощавшій, ребра видны, тычется мордой въ землю, вытягиваетъ во всю длину языкъ, чтобы захватить какую нибудь былинку. Оборванный пастухъ развалился у самого края дороги и провожаетъ насъ апатичнымъ взглядомъ... Только отощавшая его собаченка кинулась было къ нашимъ лошадямъ, тявкнула раза два, да и отстала.

А сверху жизнерадостное солнце, безжалостное солнце посылаетъ свои жгучіе лучи... Жарко... Потъ струится у насъ по лбу, затылку, смачивая фуражки, ворота рубахъ... Душно, тяжело... Глаза устали смотрѣть на эти безрадостныя картины, выжженныя поля и луга. Голова клонится книзу... Уснуть бы...

И, какъ сквозь сонъ, слышишь монотонный голосъ Ивана Михайловича:

— Да... Сарайцевъ приѣхалъ надняхъ и говорить, что въ Южначинской волости жучекъ какой-то на ржи пошелъ. Мѣстами кое-гдѣ вспыхиваетъ сибирская язва... Скотъ валится... Въ Кузнецкой волости масса овецъ передохла... Ветеринаръ ѣздилъ... Доносить: съ голоду пали.

Иванъ Михайловичъ служитъ только первое трехлѣтіе членомъ управы. Онъ молодъ, не мудрено, что онъ все это къ сердцу принимаетъ...

— Плохо дѣло...—оканчиваетъ онъ.

— Плохо,—соглашаюсь я съ нимъ.

И еще двадцать верстъ такого тягостнаго пути.

Вонъ и Краснуха. На околицѣ рожь какъ будто погуще... Да и та безнадежна. Я указываю на нее Ивану Михайловичу.

— Капля въ морѣ,—цѣдитъ онъ сквозь зубы.

У отворенныхъ воротъ стояли ребягишки, бѣлоголовые, съ большими животами. Испуганно шарахнулись они въ сторону, когда наши лошади въѣзжали въ село. Я гляжу въ лица. Блѣдныя, почти ни кровинки.

— А вѣдь это только начало...—думаю я.

— На въѣзжую? — обращивается къ намъ Степанъ.

— На въѣзжую...

Тарангасъ останавливается около большой избы. Мы вылѣзаемъ и разминаемъ свои отекише члены.

На крыльцо выходитъ какая-то старуха и, прикрывъ глаза рукой зонтикомъ, смотритъ подслѣповатыми глазами нѣсколько времени на насъ и затѣмъ уходитъ назадъ.

Степанъ сталъ отворять ворота.

Мы входимъ въ избу.

Та же старуха, которая встрѣтила насъ на крыльцѣ, стояла у печки и чего-то шевыряла въ угольяхъ.

— Здравствуй, бабушка,—произносимъ мы.

Старуха поднимаетъ къ намъ свое безучастное сморщенное лицо и смотритъ на насъ, не говоря ни слова. Должно быть, глухая.

Иванъ Михайловичъ подходитъ ближе къ ней.

— Мужики-то есть кто дома?—громко спрашиваетъ онъ, чтобы старуха услышала его вопросъ.

— Мужики-то? — переспросила та. — Нѣту... Никого мужиковъ нѣтъ... Нѣту...

— Гдѣ-жъ они?

— Гдѣ? А разошлись все... мужики-то...

— А староста гдѣ-жъ живетъ?

— Староста? А вонъ отъ угла второй домъ... Тамъ живетъ онъ... староста-то...

Иванъ Михайловичъ выходитъ вонъ и велитъ Степану позвать старосту.

Черезъ нѣсколько времени входитъ староста. На немъ обычный знакъ его власти—мѣдная бляха.

— Вотъ что, староста, — обращается къ нему Иванъ Михайловичъ, — какъ у васъ хлѣба?

— Вы насчетъ хлѣбовъ спрашиваете?.. Да какіе же нонѣ хлѣба будутъ?.. Не будетъ нонѣ хлѣбовъ. Скотину не на что прокармливать... А ужъ какъ сами будемъ—Богъ знаетъ одинъ...

— Вы просите позволенія разобрать магазинъ?

Мнѣ показалось, что въ глазахъ старосты что-то блеснуло.

— Именно, ваше благородіе.. Все, значить, просить, всей деревней... разобрать позволить ее... магазю-то...

— Хорошо. Собери сходъ.

— Сей минутъ...—отвѣчалъ староста и скрылся.

Черезъ нѣсколько минутъ къ избѣ стали подходить одинъ за другимъ крестьяне. Когда ихъ набралось достаточное количество, Иванъ Михайловичъ вышелъ на крыльцо. Я послѣдовалъ за нимъ.

— Вотъ что, православные, — обратился онъ къ нимъ. — Вы просите позволенія разобрать магазинъ. Развѣ у васъ нѣтъ больше хлѣба?

— Хлѣбъ-отъ? — раздались тамъ п сямъ голоса въ толпѣ.— А то какъ же... Все до званія...

— Я еще въ прошлый четвертокъ послѣдки сгрѣбъ... — прошамкаль какой-то беззубый старикъ, стоявшій впереди.

— Да у насъ, ваше благородіе, — пояснилъ староста, — у рѣдкаго до Пасхи хлѣба-то хватить... А тамъ все по занимаемъ...

— Это вѣрно, — подтвердили изъ толпы.

— А какъ дальше-то, если разберете магазинъ, будете кормиться?.. Зимой-то что будетъ?

Толпа молчала. Она хорошо знала, что будетъ зимою. Страшныя картины будущаго голода носились передъ ними и поражали всѣхъ ужасомъ. Девяносто первый годъ былъ у всѣхъ въ памяти...

— Какъ же тогда будете? — переспросилъ Иванъ Михайловичъ.

— Какъ тогда-то? — прошамкаль тотъ же старикъ. — А ужъ мы и сами не знаемъ... Должно быть, ложись да помирай...

— Это вѣрно, дѣдушка Андрей, — поддержали изъ толпы. — Видно, что помирать придется.

— Да вы бы перебились какънибудь теперь... не разбирая магазина... — путаясь въ словахъ, говорилъ Иванъ Михайловичъ.

Видимо, эта тупая покорность толпы передъ грядущей судьбой сильно дѣйствовала на него, и онъ не зналъ, что говорить имъ, не находилъ словъ.

— Ну... продавали бы чтонибудь... — какъ-то растерянно произнесъ онъ.

— Да что продавать-то? — слышалось изъ толпы.

— Ну, что... — окончательно путался Иванъ Михайловичъ. — Ну, овчешекъ, что ли...

— Овчешекъ?.. Да мы ихъ давно ужъ размотали... Многіе за коровенокъ взялись... Экъ, хватились, овчешекъ...

Мы растерянно взглянули другъ на друга. У обоихъ въ глазахъ свѣтилась одна и та же мысль. Намъ было стыдно и нашихъ увѣщаній; представлялась безцѣльность и нашей поѣздки и нашихъ уговоровъ.

Нужда, безпощадная нужда, неумолимая, надвигалась на эту сѣрую массу, на эти крытыя почернѣвшей соломой избы.

И невольно сердце сжималось за грядущее...

II.

Магазинъ разобрали.

Миѣ что-то не спалось, и я напрасно ворочался съ боку на бокъ на своемъ чепанѣ, который я, изъ боязни клоповъ, разостлалъ не на нарахъ, а прямо на полу. Да къ тому-жъ и уснуть-то было мудрено. Гдѣ-то, то и дѣло, хлопали двери, слышались какіе-то голоса, сдержанный шопотъ, удерживающіе возгласы, въ родѣ:

— Тише ты... Баринъ тамъ... Услышить...

«Точно заговоръ»,—подумалось мнѣ.

Я не зналъ въ эту минуту, какъ я былъ недалекъ отъ истины...

Голодъ тогда былъ уже «признанъ»... То-есть, не совсѣмъ еще признанъ, такъ какъ официально назывался онъ все еще «недоѣданіемъ» (хорошее словечко!), но ни для кого не было тайной, что собственно обозначаетъ это сдержанное опредѣленіе. Въ газетахъ то и дѣло попадались корреспонденціи изъ уѣздовъ о голодающемъ населеніи, обсуждались мѣры для оказанія помощи нуждающимся, были даже робкія попытки къ воззванію объ организаціи продовольственныхъ комитетовъ... Мы, сельскіе жители, прекрасно видѣли, что не только ничего на сѣмена не собрано, но даже и соломы-то почти нѣтъ. Не для однихъ крестьянъ этотъ годъ былъ плохой, но и для помѣщиковъ; въ этомъ-то и вся разница между нынѣшнимъ голодомъ и таковымъ же въ девяносто первомъ году. Вышло, что нынче ударило

Однимъ концомъ по барину.

Другимъ -- по мужику.

Въ управѣ приходилось видѣть заявленія многихъ помѣщиковъ, экономіи которыхъ были заложены въ банкѣ, съ просьбой выдачи свидѣтельствъ «на предметъ отсрочки процентовъ». Крестьяне начали «разматывать» на сторону свою рухлядь. На базарѣ все чаще и чаще можно было видѣть выводимый на продажу скотъ, на который цѣны съ теченіемъ времени пали чрезвычайно низко: корову можно было купить за шесть-пять рублей (цѣна шкуры), лошадь за 15--12, даже 10 рублей. Нужда надвигалась со всѣхъ сторонъ, нужда мрачная, тяжелая, имѣющая надолго разстроить мужицкое хозяйство... И невольно на умъ шель вопросъ: «Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Гдѣ помощь, и скоро ли она придетъ?..»

Всѣ эти думы, видѣнныя мною по селамъ тяжелыя картины, вереницею пронеслись въ моей головѣ, когда я безпокойно ворочался на полу взвѣзжей избы въ селѣ Неряпкинѣ.

Наконецъ, я забылся тяжелымъ сномъ. Какія-то страшныя сновидѣнія одолевали меня, забытыя лица и сцены всплывали передо мною, раздавались когда-то отъ кого-то слышанныя слова.

Утромъ я рано всталъ и двинулся въ путь.

Мой вѣчный ящикъ Степанъ («крѣпостной», какъ смѣялся онъ) вдругъ круто повернулся ко мнѣ и произнесъ:

— А слышали, что затѣваютъ здѣшніе мужики?

— Нѣтъ... А что?

— Да хотятъ магазее-го разобрать...

-- Какъ разобрать?

— Да такъ... очень просто... Взломають дверь да и разберутъ хлѣбъ-отъ.

— Да у нихъ нѣтъ на это разрѣшенія?

Обыкновенно добродушное лицо моего Степана при этомъ какъ-то перекошилось.

— Да какого же тутъ разрѣшенія ждать, когда народу жрать нечего?.. Не помирать же стать... А въ Салманихѣ какъ? А въ Казыляхъ? А въ Озеркахъ?

Да, да... Это правда... Я слышалъ, какъ у насъ въ городѣ говорили, что и въ Салманихѣ, и въ Казыляхъ, и въ Озеркахъ народъ самовольно разбираетъ хлѣбъ.

— Богатѣямъ-то что,—продолжалъ Степанъ:—имъ ладно... Имъ хлѣба не нужно... Вотъ они и отговариваютъ народъ... Знаю, начальства боятся... Ну, а народу-то бояться нечего. Все равно помирать приходится. Вотъ вчера у нашего хозяина на взъѣзжей мужики-то опять на этотъ счетъ говорили.

Я вспомнилъ слышанные мною вчера полусдержанные разговоры, шепотъ, «тише ты... баринъ услышитъ».

— И разберутъ...—увѣренно закончилъ Степанъ.

.... На обратномъ пути мнѣ опять пришлось ѣхать черезъ Неряпкино.

Еще не доѣзжая до села, я различилъ доносившійся до меня какой-то шумъ, гулъ громкихъ голосовъ, отдѣльныя восклицанія... Какъ будто бы море какое волновалось и гудѣло своимъ приливомъ и отливомъ.

— Ну, кажись, началось,—обернулся ко мнѣ Степанъ.

— Что началось?—не понялъ было я.

— А магазю-то разбирать... Да и то сказать,—добавилъ онъ, немного помолчавъ,—клали, клали въ нее, а тутъ, когда нужда до зарѣзу подошла, не смѣи и разбирать...

Когда мы въѣзжали въ ворота села, я увидѣлъ на улицахъ массу бѣгущихъ бабъ и ребятишекъ. Мужиковъ не было видно,—должно быть, всѣ были около запаснаго хлѣбнаго магазина.

Чѣмъ дальше нашъ тарантасъ двигался по улицамъ, тѣмъ больше попадалось народу... На меня порой оборачивались, но никто большого вниманія не обращалъ.

Мы подъѣхали къ взъѣзжей квартирѣ. Тамъ никого не было.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ на сельской площади, на которой помѣщался магазинъ, и сталъ наблюдать.

Сотни мужиковъ (въ Неряпкинѣ считалось до тысячи душъ мужского полу) толпились на площади около большого деревяннаго зданія магазина, кричали, сильно жестикулировали. Лица у всѣхъ были возбуждены. Пьяныхъ я не замѣтилъ.

- Несутъ, несутъ...—раздался крикъ.
И всѣ обернулись въ одну сторону.
Я обернулся тоже.
Изъ сосѣдней улицы нѣсколько мужиковъ несли громадное толстое бревно.
— Давай его сюды... Давай...
Бревно было поднесено къ магазину.
— Ну, становись, робя... Всѣ становись... — кричали мужики.
— Чтобъ, значить, всѣ за бревно.
— Знамо, всѣ...
— Отвѣчать—такъ всѣмъ... Чтобъ всѣмъ подъ судъ...
— Ребята,—вдругъ раздался чей-то пискливый голосъ,—а Тимохина-то нѣтъ...
— Какъ нѣтъ?.. Гдѣ-жъ онъ?..
— Знамо дома... Ему что?.. Онъ богатѣй...
— Ребята, иди, тащи Тимохина... Коли онъ богатѣй, такъ ему и не отвѣчать, што ли?..
— Знамо, съ міромъ должонъ... Пусть, какъ міръ, такъ и онъ...
Нѣсколько мужиковъ бросилось куда-то, и черезъ нѣсколько времени тащили рыжебородаго мужика. Онъ упирался, не шель, но щедро даваемые сзади пинки и удары заставляли его двигаться впередъ.
— А... — раздавались голоса. — Богатѣй—такъ и не хочешь?..
Нѣтъ, братъ, коли итти подъ судъ, такъ и ты съ нами...
Втолкнутый въ толпу Тимохинъ исчезъ въ ней.
— Ну, держи, робя, бревно...
Бревно было поднято. Явилось еще два такихъ. Всѣ столпились около нихъ.
— Всѣ берись, братцы... Всѣ... Отвѣчать—такъ всѣмъ...
— Ужъ, знамо дѣло, всѣмъ... Міромъ, значить.
Многимъ не было мѣста у бревенъ. Тогда они протягивали руки черезъ плечи впереди стоявшихъ и старались хотъ пальцемъ дотронуться до послѣдняго или же держались за нихъ и подталкивали ихъ.
— Ну, ребята, начинай... Съ Богомъ...
— Начинай, братцы, начинай... Съ Богомъ... Всѣмъ міромъ...
— О-охъ,—раздалось въ толпѣ.
Послышался ударъ... Еще и еще. Дверь магазина затрещала. Вотъ она подалась. Громкій крикъ не то радости, не то неожиданности разомъ вылетѣлъ изъ груди этихъ сотенъ человѣкъ. Всѣ кинулись было въ чернѣвшее въ стѣнѣ магазина отверстіе.
— Стой, стой, православные... — вдругъ закричалъ одинъ изъ мужиковъ. — Нельзя сразу... Давай по порядку... чтобъ, значить, всѣмъ по ровну...
Толпа сразу осѣла.

— Староста... иди, выдавай...

Со всѣхъ сторонъ бѣжали бабы и ребятишки съ мѣшками.

Я ушелъ на взъѣзжую—и черезъ нѣсколько времени уѣзжалъ изъ Неряпкина.

А по улицамъ шли мужики и бабы съ мѣшками хлѣба за плечами.

Черезъ нѣсколько дней въ «потребительской лавкѣ» нашего городка шель разговоръ:

— Слышали, еще въ Алпаховѣ магазинъ разобрали?—произнесъ нашъ агрономъ.

— Это уже пятый въ уѣздѣ,—отозвался исправникъ.

— Что же будетъ за это самовольно разобравшимъ? — по интересовался я.

Исправникъ пожалъ плечами.

— Что будетъ? Не сажать же на скамью подсудимыхъ поголовно всю деревню, нѣсколько сотъ человѣкъ... Вѣдь всѣ, всей деревней, міромъ цѣлымъ участвовали въ разборѣ...

Я вспомнилъ о тѣхъ, которые хотъ пальцемъ касались до бревна или подталкивали впереди стоящихъ.

— Оно, положимъ, слѣдовало бы для острастки, — закончилъ исправникъ.

— Но вѣдь надо понять, въ какомъ исключительномъ положеніи они находятся,—замѣтилъ нашъ земскій врачъ.

— Въ томъ-то и дѣло...

— Это вы насчетъ «голода»?—киво улыбаясь, сказалъ земскій начальникъ, пріѣхавшій изъ своего участка (одинъ изъ тѣхъ, что въ донесеніяхъ своихъ упорно стояли за «только недородъ», а затѣмъ за «только недоѣданіе»). — Разобрать-то магазинъ разобрали, а черезъ нѣсколько дней хлѣбъ и на базаръ вывезли.

Мы всѣ воззрились на него и не повѣрили. Но это оказалось правдой: нѣкоторые неряпкинцы, дѣйствительно, продали разобранный изъ магазина хлѣбъ. Но это были исключительно только «богатѣи», которые нисколько не нуждались въ хлѣбѣ для своего обихода.

III.

Около цынги.

— Ну, что, какъ у васъ?—спрашивалъ я у молодого помѣщика Сергѣя Павловича Каратаева, сидя въ кабинетѣ его усадьбы при селѣ Корожаныхъ.

— То-есть, это вы насчетъ голода?—отвѣчалъ онъ.

— Ну, конечно... Вѣдь это теперь вопросъ дня.

— Вотъ какъ,—усмѣхнулся онъ,—даже и въ «центрахъ»?
 — Даже и тамъ,—подтвердилъ я.
 — Увѣровали, значить?
 — Увѣровали.
 — «Недородъ»-го по боку,—и голодъ?
 — Именно.
 — Такъ,—еще разъ усмѣхнулся онъ.—Давно бы пора... Теперь будутъ пожертвованія... Столовыхъ заведемъ побольше... А то смотрите: наши Кировжаны село громадное — и только три столовыхъ: двѣ для малолѣтнихъ и стариковъ и одна для цынготныхъ... Нѣтъ средствъ больше.

— Чьи столовыя?

— Для цынготныхъ отъ Краснаго Креста, а двѣ на частныя пожертвованія. Священникъ у насъ съ учителемъ орудуютъ много... Особенно первый: и въ газеты писалъ, призывалъ къ пожертвованіямъ, и по базарамъ самъ ѣздитъ провизію закупать... Дѣятельный старикъ...

— А цынготныхъ много?

— Порядочно: человекъ съ сотню наберется.

— Такъ много?—удивился я.

— Что тутъ такого? Богъ дастъ, и больше будетъ, если не откроемъ еще нѣсколькихъ столовыхъ...

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль число цынготныхъ возросло въ Корожанахъ до четырехъ сотъ.

— А кстати: не хотите ли посмотрѣть на врачебный приѣмъ? Сегодня какъ разъ докторъ приѣхалъ изъ участка.

Я изъявилъ желаніе, и мы, одѣвшись, отправились.

Подходя къ взвѣзжей квартирѣ, гдѣ происходилъ приѣмъ земскаго врача, мы увидѣли около нея цѣлую толпу народа. Одни стояли на ногахъ, другіе же, — и такихъ была большая часть, — сидѣли на землѣ, на снѣгу. Я сталъ вглядываться въ лица. Блѣдныя, испитыя, по большей части, безъ кровинки, съ апатичными, усталыми глазами, съ безучастнымъ выраженіемъ. Нѣкоторые какъ-то странно выговаривали слова, точно имъ больно было произносить ихъ, ежеминутно неестественно поджимая губы.

Къ избѣ то и дѣло подходили новыя лица... Многіе еле двигались, какъ-то кряхтя и стелая отъ боли, безучастно смотря передъ собою, какъ бы осторожно обдумывая каждый свой шагъ.

Вотъ идетъ какой-то старикъ, сторбившись отъ какой-то тяжелой ноши за спиной... Когда онъ подошелъ поближе, то ношей этой оказалась старуха, не могущая самостоятельно двигаться отъ болѣзни и, должно быть, истощенія...

Въ снѣгахъ также было биткомъ набито народу... Многіе лежали на полу, стоя и хрипло кашляя... Мы едва протискались черезъ эту толпу... Дверь еле отворили,—ее держали притворенной при-

слонившіеся къ ней нѣсколько крестьянъ, которые ожидали своей очереди...

Принимавшій больныхъ врачъ былъ среднихъ лѣтъ субъектъ, съ черной бородой и въ золотыхъ очкахъ.

Сергѣй Павловичъ насъ познакомилъ...

— Полюбоваться пришли?—усмѣхнулся докторъ.—Да, да...— продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта,—есть на что... Вы ужъ меня извините... Я буду продолжать пріемъ... А то вонъ сколько ихъ тамъ,—и до вечера не кончишь...

Мы присѣли около стола, гдѣ молоденькій фельдшеръ возился съ лѣкарствами.

— Ну, ты, подходи,—произнесъ докторъ, обращаясь къ молодой бабѣ.

Та подошла къ столу.

— Что у тебя?

Бабенка вмѣсто отвѣта разинула ротъ.

Не было сомнѣнія, что это цыганка... Покраснѣвшая, воспаленная слизистая оболочка рта, разрыхленные десны, гнилостный запахъ изо рта... Докторъ надавилъ пальцемъ на десну... Изъ-подъ пальца выступила маленькая капля крови...

— Покажи ноги,—обратился онъ къ бабѣ.

На ногахъ оказались синебагровые кровоподтеки различной величины... Картина, сама по себѣ, отвратительная...

— Суставы болятъ?—спросилъ докторъ.

— Чаво?—не поняла баба.

— Ноги ломить?

— Охъ, ломить, батюшка... ломить... Страшно ломить...

Докторъ взялъ клочекъ бумажки и, что-то написавъ на немъ, подалъ бабѣ.

— Въ столовую...

— Дай тебѣ Богъ добраго здоровья, батюшка...—закланылась баба.

На лицѣ ея была написана радость, и она торопливо совала бумагу за пазуху.

— Иванъ Алексѣевичъ,—обратился докторъ къ фельдшеру,—дайте ей полосканіе изъ ложечниковой травы, да растиранья для ногъ...

— Слѣдующій,—обратился онъ къ толпѣ...

Подошелъ мужикъ, лѣтъ сорока пяти, съ блѣдно-землистымъ цвѣтомъ лица, съ взъерошенной головой и бородой.

— Что у тебя?

— Охъ, батюшка, нельзя ли меня въ столовую записать...—жалобнымъ голосомъ произнесъ онъ.

— А что у тебя болитъ?

— Всего разломило, сударикъ мой... какъ есть всего... Ничего не могу дѣлать... Руки не поднимаются (онъ съ трудомъ поднялъ

руки, которыя затѣмъ безсильно упали внизъ), ноги еле ходять (къ столу онъ подошелъ колеблющейся походкой)... Совсѣмъ моей силушки нѣту...

И мужикъ какъ-то безсильно осунулся книзу... Углы рта какъ-то судорожно дрожали...

Докторъ осматрѣлъ его... Но цынга не оказалось... Просто этотъ человѣкъ ослабъ отъ долгаго «недоѣданія»...

— Ну, дядя,—сказаль докторъ, окончивъ осмотръ.—Въ столовую я помѣстить не могу...

Мужикъ испуганно вскинулъ на него свои безцвѣтные мутные глаза.

— Какъ же такъ?..—дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ.

— Если бы у тебя цынга была, такъ тогда другое дѣло... Тогда бы помѣстить... У насъ столовая только для цынготныхъ...

— Батюшка!.. Да вѣдь я тоже больной, жалобнымъ голосомъ говорилъ онъ.—Мочи моей нѣту... Силонъ никакихъ...

— Нельзя,—произнесъ докторъ.

Мужикъ началъ просить, но изъ этого ничего не вышло. Столовая была только для цынготныхъ. Докторъ съ этой точки зрѣнія былъ правъ.

Мужикъ, чуть не плача, ушелъ... Докторъ отъ волненія еле владѣлъ собой...

— А сколько симулянтовъ приходитъ—страсть,—обратился онъ къ намъ, немного погодя.—Изголодался человѣкъ, вотъ и создаетъ себѣ искусственную цыngu, чтобы попасть въ столовую...

— То есть, это какъ же?—удивился я.

— А очень просто! исковыряетъ себѣ десна булавкой, натретъ ихъ чѣмъ нибудь твердымъ—пескомъ или золой, чтобы покраснѣли, возьметъ въ руки палку, чтобы показать, что у него болятъ суставы ногъ... Если можно было бы сдѣлать искусственные кровоподтеки, такъ и это сдѣлали бы... Пока нѣтъ столовыхъ для всѣхъ голодающихъ, мы должны заботиться только о цынготныхъ... Скрѣпя сердце, отказываешь остальнымъ... Ну, старикъ, подходи,—обратился онъ къ сѣдому дѣду съ трясущеюся головой.

И опять потянулись цынготные, съ разрыхленными, кровоточащими деснами, съ скрюченными членами, съ ужасными пелетями на тѣлѣ.

Голова кружилась отъ этихъ картинъ...

— А тифу сколько ходитъ,—произнесъ докторъ.

— Много?

Онъ безпомощно махнулъ рукой...

— Страсть!.. Самый сезонный,—усмѣхнулся онъ:—голодный... Да и какъ не быть ему?.. Кромѣ того, тутъ есть цѣлыя селенія—особенно мордовскія—сплошь зараженныя сифилисомъ... Попадается много туберкулезныхъ... Значитъ, почва для худосочія готова... Что говорить: скверный годъ...

— А помощники у васъ есть?

— Мало... Хотя все-таки есть... И «Красный Крестъ» посылаетъ, и частныя лица, и комитеты... Студенты старшихъ курсовъ, курсистки, фельдшера, фельдшерицы... Все народъ молодой, работающій, готовый положить душу свою за други своя... Нѣкоторыхъ даже попридерживать приходится, чтобы не надорвались... Особенно тѣхъ, которые помоложе... Слава Богу, есть еще честная молодежь на Руси...

Мы распростились съ докторомъ и вышли...

IV.

Въ голодающей деревнѣ.

Въ Корожанахъ половина русскихъ, половина татаръ.

Когда мы пробрались сквозь толпу въ сѣняхъ на улицу, Сергѣй Павловичъ обратился ко мнѣ:

— Хотите посмотрѣть, чѣмъ питаются тѣ, которые не имѣли счастья захворать цынгой?

Я, конечно, охотно изъявилъ желаніе.

Сергѣй Павловичъ посмотрѣлъ на часы.

— Самое обѣденное время,—произнесъ онъ.

Мы прошли одну улицу. Почти на всѣхъ избахъ соломенныя крыши были разобраны: надо же было чѣмъ нибудь скотину кормить.

— Зайдемте сюда,—произнесъ Сергѣй Павловичъ, указывая на одну низенькую избенку съ почернѣвшими окнами. Соломенная крыша на ней тоже была разобрана.

— Все скоту стравили,—произнесъ Сергѣй Павловичъ.—А какъ нечѣмъ стало кормить, такъ и скотину на базаръ повели... На многихъ дворахъ курицы не осталось...

Мы вошли во дворъ... Мнѣ бросилась въ глаза валявшаяся по срединѣ двора старая колода. По краямъ ея виднѣлись свѣжіе слѣды зубовъ.

— Видите,—сказалъ Сергѣй Павловичъ.—Это скотина съ голоду грызла...

Мы вошли на крыльцо... Дверь со скрипомъ отворилась...

Въ избѣ, низенькой, почернѣвшей, вся семья собралась за столомъ... Татары... Я насчиталъ девять душъ, изъ которыхъ пятеро малышей... При скрипѣ двери всѣ обернулись на насъ.

— Саламъ маликамъ (здравствуйте), —сказалъ Сергѣй Павловичъ.

Старый дѣдъ, съ длинной сѣдой бородой, отвѣчалъ на привѣтствіе.

— Ашаешь?

— Да... ашать катимъ...

Мы подошли къ столу. На немъ стоялъ большой желѣзный тазъ, наполненный какой-то мутной, бѣловатой жидкостью.

— Знаете это что?—спросилъ меня Сергѣй Павловичъ.—Это горячая вода, въ которой сварено нѣсколько горстей муки... Ни овощей, ни крупы, ни мяса. Та же лошадиная болтушка, да только пожиже ея... Вотъ и вся бѣда... Казеннаго пайка, конечно, не хватаетъ, такъ какъ онъ выдается только на бѣдокъ, а ѣсть-то всѣ хотятъ...

Мы вышли вонъ.

Тяжелыя думы одолевали меня... О, какъ я въ эту минуту хотѣлъ помѣстить на мѣсто этихъ голодающихъ всѣхъ тѣхъ, которые говорили о томъ, что нужда преувеличивается, что земства и газеты муссируютъ ее, что выдача казеннаго вспомошествованія только развращаетъ (кого развращаетъ? Этотъ голодный, не могущій ходить, не могущій работать народъ?), что у насъ гдѣ чуть недородъ, такъ начинается настоящая «оргія благотворительности» (вѣдь и выдумали словечко!)... Хороша «оргія»!.. Вспомнились и тѣ препятствія, которыя ставились частнымъ лицамъ и комитетамъ при открытіи ими столовыхъ...

И я съ озлобленіемъ отшвырнулъ понавнѣйся на землѣ мерзлый кусокъ навоза...

Мы зашли въ другую избу.

Тѣ же истомленные, безкровныя лица... Старикъ дѣдъ, свѣсивъ голову сверху, съ палатей, безучастно смотритъ на насъ своими воспаленными подслѣпловатыми глазами... Ребятишки жмутся около печки... Бабы сидятъ у станковъ и ткуть холстъ... По ихъ движеніямъ, лѣнливымъ, неоживленнымъ, видно, что для этого оживленія имъ не хватаетъ силы... что онѣ «недоѣдаютъ»...

— Здѣсь то же самое, — промолвилъ Сергѣй Павловичъ.— Если не хуже... Скотина-то какая осталась?— обратился онъ къ мужику, вставшему при нашемъ входѣ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, никакой скотины не осталось, — отвѣчалъ тотъ.— Надняхъ лошаденку продалъ въ Малтанахъ за пятнадцать цѣлковыхъ... Вотъ на эти деньги и кормимся...

— Вотъ видите... У крестьянъ мелкій скоть по зимамъ все въ избахъ живетъ... А теперь въ горницѣ вонъ какъ чисто...— замѣтилъ Сергѣй Павловичъ.

— За грѣхи все Богъ наказываетъ,—запамкалъ съ печи дѣдъ.— За грѣхи... Опутали всю землю желѣзной проволокой, телеграммой, желѣзныхъ полосъ наложили... Всеё ея, матушку, въ желѣзо заковали... Ситцы попли, чай да карасины... Все отъ него, отъ нечистаго... За грѣхи все...

Мы вышли на улицу.

— Хотите еще зайти?

— Нѣтъ, будетъ,— отвѣчалъ я.—И этихъ картинъ достаточно... А скажите, бывали случаи смерти отъ голода?

— Бывало и это... хотя держится въ секретѣ... «несвоевременно» опубликовывать... — усмѣхнулся Сергѣй Павловичъ. — Нашъ священникъ съ осени пустилъ въ церковную сторожку одного старика... Недавно онъ померъ... И священникъ говоритъ, что онъ увѣренъ, что старикъ этотъ умеръ отъ истощенія на почвѣ хроническаго голоданія... А вотъ кстати изба, — показалъ онъ на покачнувшуюся избенку... — Недѣли двѣ тому назадъ здѣсь я нашелъ всю семью, поголовно лежавшую безъ движенія... Думали— отъ цынги... Оказывается, что они просто отоцали отъ голода... Ну, мы подкормили ихъ все-таки... Теперь немного двигаются...

На встрѣчу попалась намъ маленькая дѣвочка съ сумой черезъ плечо... Она робко посмотрѣла на насъ и торопливой походкой прошмыгнула дальше.

— Побирается?

— Да... Только едва ли чего собрала... Подавать-то нечего...

— А знаете,— продолжалъ онъ, немного погодя:— въ сосѣднемъ селѣ Аркановѣ одинъ мужикъ зарѣзался...

— Неужели... съ голоду?— вырвалось у меня.

— Съ голоду, — подтвердилъ Сергѣй Павловичъ. Волосы дыбомъ у меня стали...

— У него въ одну недѣлю жена и дочь отъ цынги померли... Онъ помѣшался отъ этого... Къ тому же организмъ былъ истощенъ отъ голодовки... Онъ и того...

Въ это время на встрѣчу намъ изъ-за угла выпелъ молодой парень съ исхудалымъ, блѣднымъ лицомъ... Шелъ онъ тяжело, опираясь на палку. Ни кровинки не было на его лицѣ, на его блѣдныхъ губахъ...

«Цынготный», — подумалось мнѣ.

Парень остановился и съ улыбкой глядѣлъ на насъ.

— Ты что, Лазаревъ?— съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй Павловичъ.

Парень пытался улыбнуться какой-то страдальческой улыбкой.

— Приняли, Сергѣй Павлычъ, меня... Приняли... Слава тѣ, Господи!..

И парень зашагалъ дальше неровной шатающейся походкой...

— Знаете, чему онъ радуется?— спросилъ Сергѣй Павловичъ.— Тому, что онъ заполучилъ цыngu... А въ силу этого его будутъ кормить въ столовой...

— Это ужасно!.. — произнесъ я.

— Э, такіе ужасы теперь на каждомъ шагу, — махнулъ рукой Сергѣй Павловичъ.

— Не зайти ли въ столовую?

Я съ большой охотой согласился.

Столовая произвела на меня пріятное впечатлѣніе.

Чистая комната, посрединѣ которой стояло два длинныхъ стола, вычищенныхъ скребками. На третьемъ, меньшемъ, столѣ лежали нарѣзанные куски хлѣба. Три стряпухи, одѣтыя чистенько, встрѣтили насъ съ поклонами.

— Что откормили? — спросилъ Сергѣй Павловичъ, не замѣтившій нарѣзаннаго хлѣба.

— Нѣтъ, Сергѣй Павлычъ, сейчасъ придуть...

— Это дѣтская столовая, — пояснилъ Сергѣй Павловичъ.

Я попробовалъ хлѣбъ. Онъ оказался прекрасно пропеченнымъ съ пріятнымъ запахомъ.

— По сколько даете?

— По полфунту... Да только въ столовой не всѣ ѣдятъ его... Только горячимъ питаются...

— Почему?

— А домой относятъ его... Дома вѣдь у каждаго есть, кто не имѣетъ права столоваться здѣсь...

Между тѣмъ въ сѣняхъ послышался топотъ множества ногъ и гулъ голосовъ. Разъ въ отворившуюся дверь просунулась дѣтская рожница.

— Ну, пущать пора, — произнесла старуха.

Она отворила дверь, и дѣти, не торопясь, точно сознавая, что тутъ происходитъ важное дѣло, начали входить...

Проходя мимо насъ, они кланялись и произносили:

— Здравствуйте!..

Мы отвѣчали на ихъ поклоны.

Затѣмъ они стали около столовъ и, когда шумъ смолкъ, дружно запѣли «Отче нашъ» и молитву передъ обѣдомъ.

Стряпухи тѣмъ временемъ накладывали въ большія деревянные чашки мясныя щи (былъ Филипповскій постъ) и подавали ихъ на столъ. Каждый изъ ребятишекъ вытаскилъ свою ложку, и работа началась...

Я видѣлъ, какъ блѣдныя до того лица дѣтей прояснились, какъ краска выступала на нихъ... Въ глазѣнкахъ заискрился огонекъ, присушая дѣтямъ шаловливость просыпалась въ нихъ...

Я замѣтилъ, что тремъ-четыремъ дѣтямъ стряпуха наливала изъ другого горшка.

— Это почему? — спросилъ я.

— А этимъ родители не позволяютъ ѣсть скоромнаго, — отвѣчала стряпуха. — Имъ постное варимъ.

По взглядамъ, бросаемымъ этими дѣтьми на своихъ товарищей, было ясно видно, что родительское приказаніе имъ далеко не по сердцу, и имъ больше бы хотѣлось поѣсть скоромнаго. Но родителей они не смѣли ослушаться.

Мы вышли изъ столовой.

Кончившіе обѣдать ребятишки высыпали на улицу. Кое-гдѣ началась бѣготня, стали бросать другъ въ дружку снѣжками.

«Какъ немного надо человѣку, чтобы быть довольнымъ»,— подумалось мнѣ.

И опять вспомнились мнѣ разглагольствованія о развращающемъ дѣйствиі бесплатнаго кормленія, объ «оргіи благотворительности»...

... Недѣли черезъ три въ Корожанахъ было открыто еще четыре столовыхъ, и стало возможно принять всѣхъ голодающихъ.

V.

За казенными лошадьми.

Подъ окнами взѣзжей квартиры, гдѣ я остановился, и въ настоящую минуту сидѣлъ за самоваромъ, бесѣдуя съ хозяиномъ избы о голодѣ, раздавался звонъ бубенчиковъ. Я поднялся съ мѣста, чтобы посмотреть, кто это подѣхалъ, но ничего не могъ рассмотреть сквозь ночную тьму. Гдѣ-то захлопали дверями, застучали ногами, раздавался скрипъ отворяемыхъ воротъ... Черезъ нѣсколько времени дверь въ комнату отворилась, и въ нее вошелъ невысокій человѣкъ въ тулупѣ, подпоясанный кушакомъ. Я сталъ вглядываться въ него и тотчасъ же узналъ. Это былъ нашъ земскій ветеринарный врачъ Основинъ.

Не обращая на меня вниманія, онъ, пыхтя и отдуваясь, сталъ раздѣваться. Когда этотъ процессъ былъ оконченъ, и обладатель тулупа остался въ одной синей поддевкѣ и валеныхъ сапогахъ, я окликнулъ его:

— Владимиръ Степановичъ!..

Онъ уставилъ на меня свои близорукіе глаза, снялъ очки, чтобы ихъ протереть и, когда опять надѣлъ ихъ на носъ, только тогда узналъ меня.

— Э, да у васъ тутъ самоварчикъ!—воскликнулъ онъ, когда мы поздоровались съ нимъ.—А у меня ромъ есть...

Черезъ минуту мы сидѣли за столомъ, на который была выставлена бутылка рома и кое-какія закуски, вытщенные Основинымъ изъ дорожнаго мѣшка.

— Вы откуда въ эту пору распутницу?—спросилъ его я.

— Издалека, милѣйшій,—отвѣчалъ онъ:—изъ Ч.

Ч. былъ уѣздный городъ смежнаго съ нами уѣзда, верстахъ въ ста двадцати отъ нашего.

— Что же вы тамъ дѣлали?

— За правительственною милостью ѣздили всѣмъ ареопагомъ: съ предсѣдателемъ и исправникомъ. Еще предводитель дворянства долженъ былъ ѣхать, да отказался.

— За какой же милостью?

— За лошадами, что правительство пригнало для нуждающагося населенія.

Мы разговорились.

Основинъ былъ еще молодой человѣкъ, всего нѣсколько лѣтъ окончившій курсъ. На службу въ наше земство онъ поступилъ всего года полтора и какъ-то сразу привился. Благодаря ему, земская ветеринарія у насъ начала становиться на прочную почву. Онъ устроилъ земскую ветеринарную амбулаторію и выхлопоталъ сумму на устройство бактериологическаго кабинета. Это былъ человѣкъ, интересующійся въ равной степени и жизнью, и наукой. У него у одного во всеѣ уѣздѣ былъ микроскопъ, чего не было даже ни у одного медика въ уѣздѣ. Къ дому его ничто не привязывало, и онъ охотно ѣздилъ по уѣзду, пропадая тамъ дня по четыре—по пяти подъ рядъ.

— Вотъ, видите,—говорилъ онъ, подливая рому въ чай,—у васъ въ земствѣ я служу только второй годъ, до того я служилъ въ государственномъ коннозаводствѣ, а попалъ какъ разъ въ черную годину. Признаюсь, все эти перипетіи неурожая и голода такъ на меня подѣйствовали, что я одно время не на шутку боялся, какъ бы не заболѣть.

— Что, много скота пропало въ уѣздѣ?—спросилъ я.

— И не спрашивайте,—отмахнулся онъ рукой.—Если хотите, я пораскажу вамъ кое-что изъ этой, такъ сказать, скотской эпопеи.

Я, конечно, согласился.

Основинъ закурилъ папиросу, помолчалъ нѣсколько времени и началъ:

— Скажите: если у васъ падаетъ половина количества наличнаго скота, то какъ отзовется эта потеря на общемъ ходѣ вашего хозяйства? Безъ сомнѣнія, она въ высокой степени вредно повліяетъ на все ваше благосостояніе. Представьте же себѣ крестьянина, у котораго умираетъ или задешево продается послѣдняя лошадь. Какъ онъ долженъ себя чувствовать? Не похоже ли это чувство будетъ на то, которое испытываетъ человѣкъ, попавшій въ яму, въ которой ему придется просидѣть Богъ знаетъ сколько времени?

Онъ хлебнулъ чая и продолжалъ:

— Я вамъ не могу сейчасъ сказать цифровыхъ данныхъ дефекта, образовавшагося до сего времени въ крестьянскомъ скотѣ. Но только эти числа ужасно громадны. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что, по крайней мѣрѣ, двѣ пятыхъ скота, если не вся половина, исчезла съ крестьянскихъ дворовъ.

— Началось это еще съ прошлаго года, когда сталъ обнаруживаться неурожай. Прошлогоднее лѣто, какъ вы помните, было жаркое. А уѣздъ нашъ—одинъ изъ самыхъ скверныхъ въ губерніи: когда-то здѣсь свирѣствовала на рогадомъ скотѣ чума, а теперь

приходится бороться съ сибирской язвой. А послѣдней въ жары самый водъ. Ну, и въ прошломъ году начала обнаруживаться эпизоотія. То тутъ, то тамъ началъ хлопаться скотъ. Сначала всё думали—и помѣщики, и крестьяне, что валится онъ отъ безкормицы. Такъ и въ управѣ мнѣ сказали, что тамъ де «валится скотъ отъ недостатка кормовъ... Но, впрочемъ, не мѣшало бы вамъ поподробнѣе разузнать объ этомъ...». Ну, а по вскрытіи и по бактеріоскопическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что тутъ не безкормица виновата, а настоящая сибирская язва гуляетъ. Впрочемъ, въ этомъ надо было еще убѣждать всѣхъ—и помѣщиковъ, и крестьянъ. Всѣ они въ одинъ голосъ говорили, что никакой де тутъ заразы нѣтъ, а прямо безкормица. И мнѣ много пришлось убѣждать ихъ въ справедливости моего мнѣнія, приводить въ исполненіе санитарныя мѣропріятія и уговаривать ихъ самихъ беречься. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ люди сами захварывали, заразившись сибирской язвой, они убѣждались въ этомъ. А всего за это лѣто у насъ въ уѣздѣ заболѣло сибирской язвой восемнадцать человѣкъ, изъ нихъ трое умерло.

— Пріѣхалъ къ намъ тогда корреспондентъ одной большой столичной газеты, и того увѣрили, что скотъ валится отъ безкормицы. Ну, а я, боюсь вамъ, сколько этимъ лѣтомъ ни вскрывалъ навшихъ животныхъ, ни одного издохнушаго голодной смертью не видалъ. Другое дѣло зимой: тогда много скота подошло отъ истощенія.

— Ну, вотъ вы ѣздите по уѣзду. Видали, что осталось отъ соломенныхъ крышъ? Ихъ нѣтъ теперь. Вся эта солома, перегнившая, черная, вонючая, вся пошла въ кормъ. Напихаетъ ее мужикъ въ колоду, отпаритъ горячей водой и этимъ кормитъ скотину. Я сколько разъ видалъ, что лошади, какъ бы онѣ голодны ни были, отворачивались отъ этого корма... И только крайній голодъ заставлялъ ихъ ѣсть эту мерзость. Ну, а потомъ, когда и этой соломы мало осталось, еще какъ ѣли-то... Даже безъ посыпки... Муки-то и отрубей у многихъ ли осталось?.. Для самого себя не хватало...

— Тутъ стали муку выдавать на лошадей. Но много ли это: два фунта на голову въ день? Даже брюха обмануть нельзя. И это только лошадямъ. А остальной скотинѣ, рогатой, которая въ крестьянскомъ обиходѣ играетъ такую же роль, какъ и лошадь, ничего нѣтъ...

— Чтобы покончить съ кормами, скажу вамъ еще о жолудяхъ. Ихъ прошлымъ лѣтомъ особенно много уродилось. Я просмотрѣлъ всю специальную литературу по этому вопросу и посоветовалъ нѣкоторымъ знакомымъ помѣщикамъ собирать ихъ и употреблять этотъ суррогатъ въ кормъ скоту. Потомъ, по моему же совѣту, управа сама стала рекомендовать ихъ помѣщикамъ и крестьян-

скимъ обществамъ. И жолуди, шедшіе до того только въ кормъ свиньямъ, стали усиленно собираться по лѣсамъ. Собирали ихъ и исполу—ведро владѣльцу лѣса, ведро собирающему, и за деньги— пять, шесть копеекъ за ведро.

— И ничего, шель этотъ кормъ въ прокъ?—спросилъ я.

— Да еще какъ!.. Суррогатъ этотъ оказался очень хорошимъ. Послѣ я собиралъ свѣдѣнія,— всѣ были довольны. Только одинъ помѣщикъ ругалъ ихъ, да и меня за совѣтъ. Я рекомендовалъ начинать давать ихъ съ двухъ фунтовъ на голову и доходить постепенно до пяти. А онъ съ перваго же разу началъ давать ихъ по пяти фунтовъ на голову, и отъ этого у него захворали пять лошадей коликами и подохли. До чего жолуди привились, можно видѣть изъ того, что одинъ хитроумный торговецъ сталъ подмѣшивать ихъ въ продаваемую муку... Налейте-ка мнѣ еще,— пододвинулъ онъ ко мнѣ стаканъ.

— Ну, какой видъ представляла изъ себя скотина, и говорить нечего,—продолжалъ онъ.—Сами видѣли: до сихъ поръ еще кости да кожа; идетъ, а самоѣ точно вѣтромъ изъ стороны въ сторону такъ и качаетъ. Когда же кормить стало нечѣмъ, стали разматывать ее. Цѣны, которыя стояли на скотину, вы, конечно, знаете. Лошадь восемь—двѣнадцать рублей, корова—три, пять... То-есть, корова шла за цѣну шкуры. Въ большихъ количествахъ лошадей скупали татары. Какъ-то разъ я ѣду въ одно село. Смотрю, татары гонять молоденькихъ жеребятъ. «Почемъ?»—спрашиваю.— Оказывается, что покупали ихъ по пятидесяти—по шестидесяти копеекъ за голову. До чего стала нужда остра,—показываетъ тотъ фактъ, что, какъ я слышалъ, крестьяне одной деревни хотѣли просить епархіальное начальство разрѣшить имъ ѣсть конскую «маханину», т.-е. погань, по ихъ воззрѣнію... Это ужъ, какъ хотите, кульминаціонная точка нужды...

— Ну, такъ вотъ, правительство рѣшило снабдить нуждающееся населеніе лошадьми. Закупали ихъ въ областяхъ Уральской, Тургайской и Акмолинской. У нашей управы запрашивали: сколько на нашъ уѣздъ нужно лошадей. Мы подсчитали. Оказывается, что не менѣе четырехъ съ половиной тысячъ. Ну, а «тамъ», конечно, какъ и всегда, подумали, что мы больше дѣйствительной цифры просимъ, и дали только двѣ тысячи... Вотъ за ними-то мы и ѣздили...

Основинъ хлебнулъ изъ стакана.

— Ну, и каковы оказались лошади?—спросилъ я.

Онъ только махнулъ рукой.

— По пословицѣ: на безрыбѣ и ракъ рыба, — произнесъ онъ вслѣдъ затѣмъ.—Вѣдь вы подумайте только: шли онѣ зимой, когда подножнаго корма нѣтъ, гнали ихъ по весенней распутицѣ нѣсколько тысячъ верстъ. Ну, какія же тутъ лошади будутъ? Заку-

паль этихъ лошадей въ степяхъ какой-то полковникъ, гналъ какой-то чиновникъ изъ министерства, специалистъ же ветеринаръ почему-то отъ покупки и отъ гона былъ устраненъ. И вышло то, что какъ увидалъ я въ Ч. пригнанныхъ лошадей, такъ и ахнулъ!.. Мелочь, питаніе такое, что сквозь кожу ребра видны, изъ стороны въ сторону такъ и шатается, еле на ногахъ держится...

— Неужто этакихъ одровъ принимать станемъ? — спрашивалъ я у предсѣдателя.

— Что-жь, говоритъ, дѣлать: даровому коню въ зубы не смотрятъ.

— Ну, говорю, отъ такой даровщины и отказаться въ пору.

— Что тутъ дѣлать? Выбирать? Нельзя. По инструкціи министерства мы имѣемъ право устранять лошадей, только зараженныхъ саномъ или заподозрѣнныхъ въ этомъ заболѣваніи...

— Ну, тутъ я, грѣшный человѣкъ, рѣшилъ для своего уѣзда немного покривить душой... Какъ какого плохого одра подведутъ, — такъ я его въ «подозрительные».

— Ну, а чиновникъ что?

— Сунулся было сначала, говоритъ: «какая же это подозрительная? У нея и истечения нѣтъ изъ носа, и подчелюстныхъ железы не опухшія»... Ну, я его и попросилъ, какъ неспециалиста, не въ свое дѣло не мѣшаться...

— Ну, видимъ мы, что тутъ хорошихъ лошадей мало, да къ тому же послѣ такой въ нѣсколько тысячъ верстъ гонки онѣ и ослабли, мы и рѣшили ихъ подкормить. Для этого давали имъ отдохнуть въ Ч. по три, по пяти и по семи дней и подкармливали ихъ. И тутъ съ ними горе... Лошади степныя, привыкшія находить кормъ лишь на «тебеневкахъ» подъ ногами и исключительно лишь степную растительность... А тутъ имъ предлагаютъ мучную болтушку, которую онѣ и ѣсть-то не умѣютъ. Смѣхъ смотрѣть было сначала, какъ онѣ начинаютъ ногами бить по колодѣ!.. Такъ всю болтушку и выхлещутъ... Насилу-то приучили ихъ... Но какъ мужики будутъ пахать на нихъ, — право, не знаю... Все дичь, прямо изъ косяковъ, упряжи никогда на себѣ не чувствовали... Много помается съ ними мужикъ...

Дѣйствительно, послѣ мнѣ приходилось видѣть въ полѣ такія куріозныя сцены. Кое-какъ мужикъ выѣдетъ въ поле на такой лошади. А какъ пахать начнетъ — лошадь на дыбы... И все это въ концѣ-концовъ кончалось тѣмъ, что соха летитъ въ одну сторону, мужикъ въ другую, а лошадь одна несется по полю... И много затѣмъ несчастному мужику составляетъ труда поймать ее...

Тѣмъ не менѣе мнѣ послѣ пришлось убѣдиться, что эти лошади, привыкшія вполсѣдствіи къ работѣ, служили прекрасно.

Какъ я послѣ узналъ, изъ этихъ двухъ тысячъ, при пригонѣ ихъ изъ Ч. въ нашъ уѣздъ, еще пало около трехъ десятковъ, да шесть пришлось убить за обнаруженіемъ у нихъ сапа.

Въ общемъ эта первая пригонка лошадей оказалась крайне неудачной. Пройти нѣсколько тысячъ верстъ по весенней распутицѣ, при ограниченномъ кормленіи (заготовленное по пути сѣно, какъ оказалось послѣ, было очень подозрительнаго качества), было для лошадей не по силамъ, и не мудрено, что этотъ скорбный для гонимыхъ лошадей путь былъ сплошь усѣянъ ихъ трупами...

Второй пригонъ состоялся въ іюнѣ. Эти лошади гнались по лѣтнему пути; въ дорогѣ онѣ находили много прекраснаго подножнаго корма, почему и на мѣсто явились въ хорошемъ тѣлѣ. Между прочимъ замѣчу, про лошади второго пригона набирались на мѣстѣ ветеринаромъ и гналъ ихъ до нашего города также ветеринаръ.

VI.

Паразиты.

Около всякаго живого тѣла всегда присасываются различные паразиты. Эти пѣвки такъ и смотрять, чѣмъ бы поживиться, урвать лакомый кусочекъ около великаго народнаго бѣдствія...

Въ предшествующій голодъ этихъ пѣвокъ у насъ проявилось видимо-невидимо, и всѣ, такъ или этакъ, смотря по способностямъ, аппетитамъ и нахальству, старались хоть что нибудь сорвать въ свою пользу.

Встрѣчи съ двумя такими пѣвками я позволю себѣ припомнить.

Мнѣ нужно было ѣхать въ Кузьминкино на базаръ. Но выѣхаль я поздно, въ дорогѣ что-то задержало, и, въ концѣ концовъ, я пріѣхаль поздно. При въѣздѣ въ село я встрѣчалъ многихъ крестьянъ, уже возвращающихся съ базара домой.

— На въѣзжую?—обернулся ко мнѣ Степанъ.

— Нѣтъ, поѣжай къ Сипягину,—отвѣчалъ я.

Алексѣй Степановичъ Сипягинъ былъ богатый мужикъ въ Кузьминкинѣ. У него было много земли, еще больше онъ арендовалъ, имѣлъ на селѣ лавку, разѣзжалъ по базарамъ и велъ довольно большую торговлю хлѣбомъ.

По какому-то дѣлу онъ былъ у меня раза три въ городѣ и всякій разъ усердно просилъ, когда я буду въ Кузьминкинѣ, посѣтить его «хатенку».

Какъ-то разъ мнѣ пришлось разговориться съ однимъ кузьминкинскимъ мужикомъ. Я свелъ разговоръ на Сипягина.

— Ну, а Сипягинъ каковъ?—спросилъ я.

— Сипягинъ-то?.. Это, милый человекъ, мужикъ основательный... Земли эта у него—страсти, деньжищъ—бугры... Одно слово, мужикъ обстоятельный...

— А какъ онъ къ мужикамъ-то относится?

— Дыть какъ относится?.. Знамо дѣло, по Божьему... Человѣкъ онъ божественный... Хорошо относится...

— То-есть, что значить «божественный»?

— Да вотъ въ церковь часто ходить, Господа Бога нашего всегда почитаетъ, чернымъ словомъ никому не обмолвится, по средамъ и пятницамъ скоромнаго ни-ни... Семью въ струнѣ, по старинному держитъ... Церковной старостой вотъ его выбрали... Два колокола на колокольню поставилъ... Оно хотя колокола-то небольшие,—ну, да вѣдь Богу-то что: большой колоколъ, али малый?.. Ему усердіе это самое значить... А колоколъ ему все равно...

— А на деревнѣ не кулачить?

— Дыть какъ это тебѣ сказать? Себѣ вѣдь никто не врагъ... Кто жъ отъ добра откажется, коли оно само тебѣ въ руки плыветъ?..

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что Сипягинъ ссужалъ крестьянъ въ этотъ тяжелый для нихъ годъ хлѣбомъ, вываривая себѣ въ будущемъ полевья работы и при томъ, конечно, въ размѣрахъ вдвое и втрое превышающихъ стоимость ссуженнаго хлѣба.

— Эй, голова!—окрикнулъ мой Степанъ проходившаго мимо мужика.—Который домъ Сипягина?

— Сипягина? Лексѣй Степаныча?

— Его самого,—отвѣтилъ я.

— А вотъ къ самому краю поѣзжай... У ево крайній домъ...

«Хатенка» Сипягина оказалась довольно большимъ каменнымъ домомъ въ два этажа, съ желѣзной крышей. Внизу была лавка, а вверху онъ самъ жилъ. Новья ворота, высокій заборъ, утыканный желѣзными гвоздями.

Едва мои лошади остановились у широкаго, съ выкрашенной въ зеленую краску дверью, крыльца, какъ на послѣднее выскочилъ высокій коренастый мужикъ, съ широкой, съ просѣдою бородой и изборожденнымъ мелкими морщинками лицомъ. Начиная отъ лба, тянулась назадъ большая лысина. Глаза имѣли какое-то, такъ сказать, елейное выраженіе.

Это и былъ самъ Сипягинъ.

— Боже ты мой!—воскликнулъ онъ, увидя меня. — Да кого это я вижу?... Баринокъ нашъ милый!.. Ваше благородіе... Вотъ истинный свѣтлый праздникъ для меня... Пожалуйте, пожалуйста сюда...—торопливо отворялъ онъ передо мною двери.

Я вошелъ въ домъ. Хорошимъ устройствомъ домъ не могъ похвалиться. Но все-таки было видно, что Сипягинъ старался придать своему жилищу видъ благоуобразнѣе, на манеръ купеческаго. Рядомъ съ обыкновенными, деревянными стульями, стояло три вѣнскихъ стула. Въ углу стоялъ новенькій, трехногий угольникъ, покрытый красной вязанной скатеркой. По стѣнамъ были прибиты прямо къ стѣнѣ безъ рамокъ картины, изображавшія

Гвоздиду и Долбилу, бьющихъ французовъ, митрополита Θεодосія Черниговскаго и какую-то красавицу съ открытой грудью и краснымъ цвѣткомъ въ рукѣ.

— Вотъ ужъ искренно радость для меня, — продолжалъ говорить Сипягинъ.—И не чаялъ я никогда, что зайдешь какъ нибудь ко мнѣ... Мароа!!--крикнулъ онъ за перегородку.

Изъ-за перегородки изрѣдка слышался крикъ ребенка, скрипъ шеста, на которомъ у крестьянъ качается люлька, и успокоивавшій ребенка голесъ.

На зовъ Сипягина вышла оттуда здоровая, красивая, молодая баба.

— На счетъ самоварчика, милая, похлопочи-ка... Вотъ мы съ баринкомъ покушаемъ.

— Да ты не хлопочи много-то, Алексѣй Степановичъ,—сказалъ я.

— Ахъ, что ты, золотой мой... Да какъ же и не хлопотать-то?.. Вѣдь сегодня рѣдкій день для меня... Въ родѣ какъ бы Свѣтлаго дня...

Онъ суетился, самъ накрывалъ столъ и вытаскивалъ изъ шкафа тарелки, какіе-то пряники и бутылочку съ свѣтлой жидкостью.

Самоваръ скоро вскипѣлъ, и мы сидѣли съ нимъ вдвоемъ за столомъ.

— Ну, какъ у васъ дѣла, Алексѣй Степановичъ?

— Это вы насчетъ чего же, ваше благородіе?

— Да насчетъ голода-то?

— Да какой же теперича голодъ у насъ? Мужики должны Бога благодарить за эфтотъ самый голодъ-отъ... Вотъ какъ... Ничего не дѣлають, а ихъ за эфто даромъ кормятъ...

— Да какъ же даромъ? Ну, столовые это такъ... А за правительственную-то ссуду все равно выплачивать придется...

Сипягинъ хмуро улыбнулся.

— Ну, эфто еще когда будетъ... Не даромъ же люди говорятъ, что эфто разговоръ одинъ... Для проформы, значить... А потомъ все простятъ... По манифесту, значить...

— По какому манифесту?

— А вотъ какъ у царя сынъ родится, такъ, значить, все и простится...

Дѣйствительно, такой слухъ ходилъ въ народѣ.

— Да-съ... Теперича мужику очинно, значить, легко жить... Хлѣба нѣтъ—и правительство, и земство дадутъ... Лошадей вонъ будутъ, говорятъ, раздавать... А бабы вонъ говорятъ, что и коровъ для нихъ раздавать будутъ...

Я засмѣялся.

— Ну, это ужъ враки,—сказалъ я.

— Конечно, враки, — подтвердилъ, тоже смѣясь, Сипягинъ. — Только промежъ нихъ такой разговоръ идетъ... Быдто бы царица наша и говорить царю: «Вотъ ты мужикамъ лошадей раздаешь.

А пошто же бабъ моихъ обижать? И я имъ коровъ раздамъ»... Знаю, глупости однѣ...

Мы посмѣялись.

Тутъ мнѣ вспомнился рассказъ одного земскаго начальника (истинный или выдуманный—оставляю на его совѣсти), будто татары въ его участкѣ спрашивали его, не будутъ ли самоваровъ имъ раздавать.

— Ну, а ты какъ, Алексѣй Степановичъ, зашибъ деньгу?— посмѣиваясь спросилъ я.

Сипягинъ какъ-то комично съежился, сощурилъ свои подслѣповатые глаза и отвѣчалъ:

— Ты-ись, какъ тебѣ сказать?.. Оно, конечно, все къ хорошему... Голодъ-то этотъ самый...

— Что же хорошаго-то въ голодѣ?

— Да какъ же? Все зашибешь копейку... Конечно, по человѣчеству-то голодъ этотъ самый, цынга, все это не ладно... Ну, да вѣдь это же Божье попустительство... Съ нимъ, батюшкой, много-то спорить не станешь... Только и умному человѣку своего упускать не надоть... Ежели теперича человѣку съ головой, такъ прямо надо говорить: здорово мошну набить можно...

— Но согласись самъ, Алексѣй Степановичъ, что пользоваться около нужды немножко того... неудобно... сказалъ я.

— Да вѣдь какъ же пользоваться?.. Оно, конечно... Да вѣдь зачѣмъ же и упускать-то свое?... Вотъ хлѣбъ теперь восемь гривенъ стоитъ... А у меня его прежняго много осталось... Такъ неужто-жъ его по прежней цѣнѣ, тридцать-сорокъ копеекъ продавать? Ну, хорошо, положимъ... Я по четыре гривенника его пуцую... А другой-то по восьми гривенъ его пустить... Всю-то нужду я одинъ не удоблетворю, а убытку себѣ надѣлаю... А тотъ-то, другой-то, тѣмъ самымъ здоровую копейку зашибеть... За что же я-то убытки терпѣть долженъ?

На этотъ аргументъ, конечно, нечего было сказать.

— Или вотъ теперь возьмемъ земство,—продолжалъ Сипягинъ.—Въ нашемъ Кузьминкинѣ оно хлѣбный амбаръ открыло. На базарѣ мука семьдесятъ восемь копеекъ, и оно въ амбарѣ по семьдесятъ три продаетъ. По своей цѣнѣ, значить... Ну, скажите, пожалуйста, какая польза отъ эфтого земству? Никакой... Ровнешенько никакой... А намъ-то, торговымъ людямъ, они эфтимъ самимъ одинъ убытокъ причиняють... Хорошо, что хоть помногу-то въ однѣ руки не продають... Фунтовъ по пяти не больше...

— Батюшка,—высовывая голову въ дверь, произнесла давишняя молодая баба.

— Ась, касатка? — откликнулся Сипягинъ, поворачивая свою голову.

Въ его голосѣ при обращеніи къ ней мнѣ послышались какія-то особенныя нотки.

— Андрюшка съ базару прѣхалъ.
— Прѣхалъ?.. Много купилъ?
— Да головъ съ десятокъ.
— Ну, скажи, чтобы на задній дворъ гналъ. Я сейчасъ выйду.
— Купили, что ли, что?—спросилъ я.
— Да... Сынокъ на базаръ ѣздилъ... Такъ скотинки скупилъ по малости... Соломки у меня много осталось. Ну, до весны есть чѣмъ прокормить... А тамъ продадимъ... Ты посидишь, баринъ, пока я схожу, посмотрю тамъ...

— Если можно, такъ и я бы съ тобой...

— Чего же не можно... Пойдемъ... Купленное вѣдь... не краденое...

Мы вышли. Пройдя черезъ дворъ и ворота, отдѣлявшія его отъ огорода, вышли на этотъ послѣдній.

Тамъ, жалобно мыча и грустно понуривъ головы, лѣниво бродили тощія коровенки нашей туземной «тасканской» породы.

Молодой парень, отворившій намъ ворота, поклонился мнѣ. Я взглянулъ на него и сразу узналъ въ немъ сына Сипягина. Тѣ же елейные и въ то же время и хищные глаза, та же манера держать себя.

Алексѣй Степановичъ началъ осматривать купленную скотину.

— Ну, къ чему ты эту-то купилъ, дуболомъ?—обратился онъ къ сыну.—Сколько ей лѣтъ-то—не счелъ?.. Гляди,—началъ считать онъ кольца на рогахъ:—пятнадцать колець... да два... Всего семнадцать лѣтъ... Куда этакую старуху?

— А почему покупали?—спросилъ я сына.

Тотъ усмѣхнулся.

— Почитай задаромъ,—отвѣчалъ онъ:—на кругъ рублей пять безъ малаго... Цѣны совсѣмъ худыя... Почитай за шкуру отдають...

По веснѣ и лѣтомъ этихъ коровъ Сипягинъ продавалъ по двадцати—тридцати рублей.

— А лошадей нѣтъ?—спросилъ сына Алексѣй Степановичъ.

— Ничего не стоятъ сегодняшнія,—отвѣчалъ тотъ.

— А имъ цѣна?—спросилъ я.

— Рублей десять, двѣнадцать, много пятнадцать. Жеребята—тѣ совсѣмъ задаромъ: гривень за шесть, за восемь... Тѣхъ татары много на маханъ покупають...

— А вы много всего скотины скупили?

— Да порядкомъ,—усмѣхнулся сынъ.—Батка по веснѣ деньгу здоровую зашибеть.

Когда мы опять сѣдѣли въ комнатахъ, входная дверь въ послѣднюю робко отворилась, и въ нее просунулась чья-то голова съ взъерошенной бородой.

Алексѣй Степановичъ оглянулся на скрипъ.

— Ты что, Сапуновъ?—спросилъ онъ.

— Да я къ тебѣ, Ляксѣй Степанычъ, — отвѣчала голова и сдѣлала было попытку втащить въ комнату вслѣдъ за собой и туловище..

— Не лѣзь, не лѣзь, — крикнулъ ему Сипягинъ. — Постоить тамъ немного... Видишь, у меня гость..

Голова исчезла.

Минуть черезъ пять Сипягинъ вышелъ въ сѣни, и я услышалъ оттуда слѣдующій діалогъ.

— И не проси лучше, — говорилъ Сипягинъ. — Больше восьми рублей не дамъ. И то большія деньги. По нонѣшнимъ временамъ ихъ на полу не подынешь.

— Гдѣ поднять? — слышался голосъ Сапунова. — Да вѣдь корова-то какая, Ляксѣй Степанычъ... Самъ видѣлъ: ведерница.. Одно вымя како — страсти!.. Самъ въ третьемъ годѣ четвертную далъ за нее.

— Зато восемь цѣлковыхъ и даю... А то бы ей теперича красная цѣна четыре рубля... Ну, ладно, — еще полпудовки муки дамъ... Больше ни синь-пороха не получишь... Мое слово аминь...

— Видно, ужъ бери, — послышался послѣ нѣкотораго молчанія со вздохомъ голосъ Сапунова. — За одно, видно, зориться-то...

— На то Богъ, — послышался утѣшающій голосъ Сипягина. — Ему надо молиться... Безъ Него, безъ Батюшки, никуда...

Я понялъ, что около голодной нужды Сипягинъ присосался превосходно.

Когда я уѣзжалъ изъ Кузьминкина, Степанъ обернулся ко мнѣ и спросилъ:

— Ну, какъ Алексѣй Степанычъ поправился вамъ?

— Да ничего... Себя не обидить...

— Это ужъ вѣрно, — осклабился Степанъ. — Себя не забудеть... Почитай поль-села теперича у него въ долгу... Рѣдкій не долженъ ему... А на скотѣ теперича онъ сколько наживетъ — бугры!..

— Снохачъ, — немного погодя, произнесъ онъ.

— Развѣ?

— А бабу-то эту молодую видѣли? Жена сыновняя... Сынъ-то въ солдатахъ... Ну, онъ съ ней..

Но по веснѣ Сипягинъ отчасти полатился. Много скота онъ прирѣзалъ на мясо. Цѣны на мясо зимой стояли низкія: полторы-три копейки. Онъ рѣшилъ тогда зимой придержать его и продать весной, когда цѣна на мясо поднимется.

Но зима въ этотъ годъ была не стойкая: то жестокіе морозы, то чуть не весенній оттепели. И, въ концѣ концовъ, къ марту все мясо «тронулось» (Сипягинъ, изъ желанія взять подороже за свѣжее мясо, его не солилъ). Какъ-то объ этомъ дознались, и земскій ветеринаръ, осмотрѣвшій мясо, забраковалъ его, послѣ чего пудовъ съ сотню его было уничтожено.

И такихъ паразитовъ около великой народной нужды было много. Одно сказать, что крупныя и мелкія фирмы, ведущія торговлю хлѣбомъ, нажили на продажѣ хлѣба земству громадныя барыши.

Такъ, когда одного Титъ Титыча пытались усовѣстить и упрасивали его взять за хлѣбъ подешевле, то онъ стоически держался своей цѣны и ни гроша не уступилъ.

— Голодный годъ лучше сытаго накормить,—усмѣхаясь, сказалъ онъ.

Когда мѣстное отдѣленіе благотворительнаго общества обратилось къ нему съ просьбой пожертвовать сколько нибудъ на голодающихъ, то онъ выбросилъ три красненькихъ—и тѣмъ закончилъ свое благодѣяніе.

А на продажѣ хлѣба онъ нажилъ не одну тысячу...

VII.

Поджогъ.

Когда я поднимался на ступени лѣстницы взлѣзжей квартиры, на встрѣчу мнѣ изъ двери вышло двое мужиковъ съ бляхами на груди и между ними слабый, тщедушный мужиченка, съ испитымъ лицомъ и пугливо бѣгающими по сторонамъ глазами. Шестіе замыкалъ осанистый урядникъ.

— Что допрашивали кого нибудъ? — спросилъ я слѣдователи, входя въ избу.

Слѣдователь при моемъ входѣ сидѣлъ за столомъ, подирая голову лѣвой рукой. Хотя правой онъ и держалъ перо, но ничего имъ не писалъ и, видимо, чѣмъ-то былъ озабоченъ.

При моемъ вопросѣ онъ поднялъ голову, и мы поздоровались.

— Да, батенька, — произнесъ онъ:—допрашивалъ... Да только лучше бы никогда такихъ дѣлъ не вести...

— А что?

— Видали вы мужика, котораго сейчасъ вывели?

— Видалъ.

— Какъ по-вашему,—похожъ онъ на преступника?

— Не знаю. Я преступныхъ людей мало видалъ.

— Ну, а я много и говорю вамъ, что онъ не можетъ быть преступникомъ.

— Что онъ сдѣлалъ?

— Совершилъ поджогъ. Да только не преступная воля натолкнула его на это...

— А что же?

Слѣдователь для эффекта, должно быть, помолчалъ и затѣмъ произнесъ:

— Голодъ.

Я широко раскрылъ глаза.

— Да, да... голодъ...—подтвердилъ слѣдователь, видимо, наслаждаясь моимъ изумленіемъ.

— Расскажите, пожалуйста,—попросилъ я.

— Ну, слушайте,—сказалъ онъ и, взглядывая на лежащія передъ нимъ бумаги, сталъ рассказывать.

— Шестнадцатаго ноября, въ двѣнадцать часовъ ночи, въ саду усадьбы госпожи Курагиной загорѣлась старая баня, которая и сгорѣла вся дотла. Дворовая прислуга при свѣтѣ пожара видѣла какого-то бѣжавшаго по направленію къ селу челоуѣка. А на другой день къ уряднику Мартынову пришелъ крестьянинъ села Нартова, Андрей Кузьминъ, и заявилъ, что пожаръ есть дѣло его рукъ, что баню поджегъ онъ.

— Когда я сталъ допрашивать его, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ, что совершилъ поджогъ по злобѣ на землевладѣлицу Курагину. Но про причину злобы онъ сказать ничего не могъ. Курагина же говоритъ, что она не знаетъ, чѣмъ она вызвала эту злобу, такъ какъ никогда въ жизни Кузьмина не видала. Убытка большого отъ пожара бани она не получила, такъ какъ баня была старая, и ее все равно пришлось бы сносить.

— Теперь вы понимаете, почему я думаю, что онъ сдѣлалъ это съ голоду?... Вѣдь если бы онъ, дѣйствительно, хотѣлъ причинить зло Курагиной, то онъ бы поджегъ или хлѣбный амбаръ, гдѣ была не одна сотня пудовъ хлѣба, или же скотный дворъ. Но жечь хлѣбъ, даръ Божій, или животину лишать жизни—ему не позволяла совесть. И вотъ онъ поджигаетъ старую баню. Самъ Кузьминъ—мужикъ бѣдный, самъ—восьмой. Бѣдность такая, что даже односельцы рукой махаютъ... «И въ хорошее-то время», — говорятъ они,—«съ хлѣба на воду перебивался, а теперь хоть помирать имъ всѣмъ въ пору»... И вотъ онъ рѣшается на преступленіе...

— Но зачѣмъ же?—спросилъ я, все еще не понимая.

— Неужели не поняли?—засмѣялся слѣдователь.—Да все для того, чтобы въ тюрьму попасть.

— Въ тюрьму?—съ удивленіемъ спросилъ я.

— Ну, да... Вѣдь тамъ онъ будетъ сытъ и въ теплѣ. А здѣсь ни прута для печки, ни горсти муки. Все, что можно было продать, все, до носильнаго платя включительно, распродано. На дворѣ—я былъ тамъ—ходь шаромъ покати. Ну, онъ и рѣшился на преступленіе, зная, что въ тюрьмѣ онъ голодать не будетъ... А семьѣ мѣръ съ голоду умереть не дастъ.

— Однако это того...—еле могъ я вымолвить отъ изумленія.

— Героическое средство?—засмѣялся слѣдователь. Да... пожалуй... По возможности я слѣдствіе затяну до весенней сессіи. А

тамъ, какъ выяснятся на судѣ мотивы преступленія, несомнѣнно, что присяжные оправдаютъ его.

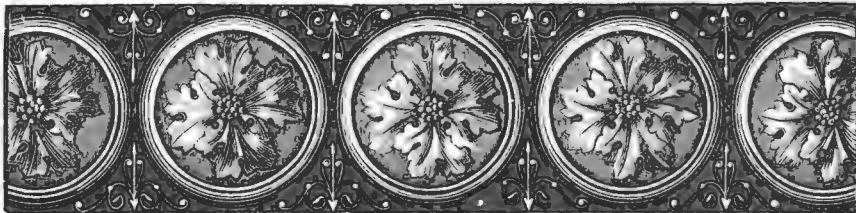
Я ничего не говорилъ и тупо смотрѣлъ, какъ слѣдователь укладывалъ въ портфель свои бумаги.

На судѣ Кузьмина дѣйствительно оправдали. Свидѣтели—односельчане все показывали въ его пользу, говоря, что Кузьминъ работникъ, какихъ мало, только линія у него такая незадачливая, какъ выразился одинъ изъ нихъ: «за что ни возьмется,—все ему задача выходить... А мужикъ строгій, непьющій ...»

Но я долго не забуду этого случая, когда голодъ гонитъ человѣка Богъ знаетъ на что, даже на преступленіе...

Василій Лар. Якимовъ.

СУЕВѢРІЕ И ПРЕСТУПЛЕНІЕ.

(Изъ воспоминаній мирового судьи).

Лучь знанья, свѣта лучь! Пади сюда! Разсѣй
Холодный мертвый мракъ, столѣтьями копимый!..

СПРОСЬ о суевѣрїи, какъ мотивъ уголовного правонарушенія, вопросъ не праздный. Въ особенности у насъ, въ Россїи, гдѣ много преступленій возникаетъ именно на почвѣ суевѣрнаго невѣжества русской деревни. И жаль поэтому, что о суевѣрїи народныхъ массъ теперь почти не пишутъ — ни въ общей, ни въ специальной, юридической литературѣ. Искякъ, очевидно, интересъ къ народной жизни; охладѣли порывы, когда-то волновавшіе русскихъ образованныхъ людей. Чѣмъ дальше назадъ, въ глубь исторїи, уходитъ 19-е февраля, тѣмъ сильнѣе бросается въ глаза это постепенное замираніе любви къ народу, это безразличіе къ нуждамъ и темнотѣ меньшаго брата ¹⁾.

Или, быть можетъ, тутъ виноваты совсѣмъ инныя причины? Исчезли, быть можетъ, реальныя основанія для подобныхъ изслѣдованій? Новые дни, озаренные свѣтомъ широко разливашагося знанія, не они ли нанесли ударъ остаткамъ средневѣковаго мрака?

Увы, думать такъ значитъ быть совершенно далекимъ отъ

¹⁾ Отраднымъ исключеніемъ въ этомъ отношенїи является книга А. А. Ле-венстима «Суевѣрїе и уголовное право», вышедшая въ Петербургѣ въ 1897 году. Обширная и чрезвычайно интересная работа.

жизни провинцій, значить безусловно не знать русской дѣйствительности.

Пусть прогрессъ нашъ и несомнѣненъ; но онъ захватываетъ больше верхніе слои. Просвѣщаются высшіе классы общества; народныя же массы остаются пока во власти все той же непроглядной темноты. Заботы земства въ дѣлѣ народнаго образованія, всевозможнаго типа школы, открываемыя за послѣдніе годы повсемѣстно въ деревняхъ,—все это факты чрезвычайно отрадныя, всѣми искренно и горячо привѣтствуемыя. Но всѣ они — пока капля въ морѣ народнаго мрака.

Правда, грамота проникаетъ понемногу въ глушь. Деревня начинаетъ читать и писать. Съ разлитіемъ просвѣщенія подымается и экономическое положеніе крестьянской среды. Улучшаются постройки, совершенствуются орудія и способы обработки земли; измѣняются къ лучшему даже внѣшніе облики селъ.

Но все это слабо касается самыхъ нѣдръ народной жизни, — народныхъ взглядовъ и вѣрованій. Суевѣрія осѣли тамъ прочно, и пошатнуть ихъ, а тѣмъ болѣе разрушить—дѣло далеко нелегкое. Ихъ, эти суевѣрія, создавали и накопили цѣлые вѣка. Суевѣрія дышатъ такою заманчивою таинственностью, бьютъ по нервамъ, волнуютъ воображеніе. Сказочный элементъ окутываетъ ихъ дымкою очарованія и поэзіи. Они даютъ скорый и удобопонятный отвѣтъ на многіе вопросы, которые естественно роятся въ головѣ простолюдина, стоящаго лицомъ къ лицу съ природою, съ ея величественными и непостижимыми явленіями и съ ея же даруемыми бѣдами въ видѣ неурожаевъ, бездождія, града, болѣзней, моровыхъ язвъ. Область изслѣдованія остается, поэтому, все тою же, ни въ чемъ неизмѣнившеею областью, и для пытливыхъ наблюдателей, будь они на лицо, открыто и теперь широкое поле для самой плодотворной дѣятельности. Но, очевидно, наблюдателей нѣтъ, и нельзя искренно не пожалѣть объ этомъ.

Когда я думаю о суевѣрії народныхъ массъ, я всегда обращаю свои мысли къ одному глухому уголку Юго-Западнаго края, еще такъ недавно, въ видѣ мирового участка, подсудному моей юрисдикціи. Уголокъ этотъ—четвертая часть Брацлавскаго уѣзда Подольской губерніи: тамъ протекала моя судейская дѣятельность съ конца 1893-го по средину 1898 года.

Полоса земли протяженіемъ до семидесяти, шириною отъ двадцати до тридцати верстъ. Площадь необширная, но густо заселенная. Масса селъ и деревень. Уѣздный городъ, два мѣстечка. Населеніе чрезвычайно пестрое. Преобладающими по количеству—малороссы; но много евреевъ и поляковъ; есть и великороссы—старобрядцы. Населеніе пестрое, и въ немъ обильный избытокъ и не-

вѣжества, и дикости, и связаннаго съ ними суевѣрія... Обильный потому, что грамотный человекъ среди неевреевъ былъ большою рѣдкостью, и бывали случаи, когда, напримѣръ, по одному дѣлу, гдѣ чуть ли не половина деревни обвинялась въ неисполненіи какого-то требованія полиціи, изъ ста двадцати пяти крестьянъ, рослыхъ и крѣпкихъ людей въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ, явившихся ко мнѣ въ камеру, только три человека могли подписать свою фамилію, да и то съ трудомъ.

И помню, съ перваго дня службы то тамъ, то сямъ, во время засѣданій, стали проявлять себя намеки на живучесть въ народѣ суевѣрія. То бывало, глядишь, «потерпѣвшій», у котораго украдена какая либо вещь, заявляетъ, что онъ долго и понапрасну искалъ похитителя, пока добрые люди не посоветовали ему обратиться къ колдуну. Колдунъ «пошепталъ, поколдовалъ» и сказалъ наконецъ, куда должно направиться съ поисками. Оттого-то воръ и былъ найденъ. То порою свидѣтель, при разсмотрѣніи дѣла о кражѣ лошадей, злобно и вмѣстѣ съ тѣмъ боязливо оглядываясь на обвиняемаго, говоритъ, что подсудимый давно у нихъ въ деревнѣ подъ подозрѣніемъ, давно славится, какъ человекъ дурной нравственности, «до чужого добра охочій», но что поймать его было трудно, «потому укрываться онъ мастеръ, вашескродіе, слово такое знаетъ,— небось, не дастся въ руки!».

Но все это только мелькомъ, только невзначай, точно случайные всплески на поверхности моря народной жизни, нѣдра которой все-таки мало доступны наблюденію интеллигентнаго человека, въ особенности, если этотъ человекъ—мировой судья, обремененный срочно-тяжелою, кропотливою и никогда неизсякающею работою.

Бывали, однако, случаи, когда изъ нѣдръ этого моря выносились на поверхность и не одни только намеки на суевѣріе. Порою вырисовывались и цѣлые факты—рѣзкіе и типичные, и передъ камерою развертывались картины далеко невеселаго характера.

Немного у меня въ памяти такихъ фактовъ—всего четыре, но они стоять того, чтобы подѣлиться ими.

Какъ сегодня, вижу предъ собою двухъ крестьянъ—мужа и жену. Совершенно молодая чета—оба почти однихъ лѣтъ. Въ бракъ, однако, вступили не по любви, а по матеріальному расчету. Жена—стройная, красивая малороска; мужъ—приземистый, широкоплечій человекъ, понурый, угрюмый, съ нѣсколько тупымъ выраженіемъ некрасиваго лица. Она—дочь бѣдныхъ родителей; онъ—наоборотъ сынъ зажиточной семьи, пользующейся почетомъ въ деревнѣ. Его соблазнила красота, ее—деньги. Старики одобрили планъ сватовства, и молодые люди стали мужемъ и женою.

По началу жизнь текла мирно—безъ ссоръ, даже безъ мелкихъ недоразумѣній. Одно было непріятно: ужъ слишкомъ красота жены привлекала къ себѣ вниманіе парней. И хотя ничего подозрительнаго за женою не замѣчалось, въ мужѣ все-таки стало смутно бродить чувство ревности. Но ревновалъ онъ покуда сдержанно, про себя. И все шло благополучно до той поры, пока на семью не обрушилось несчастіе въ видѣ натуральной оспы.

Заболѣла не жена, а мужъ. Болѣзнь была упорная и мучительная. Долго тянулась, а когда прошла, оставила слѣды на виѣшности: и безъ того некрасивое лицо мужа стало совсѣмъ изуродованнымъ, изрытымъ.

Затосковалъ мужикъ. Обычная угрюмость овладѣла имъ еще болѣе. Въ характерѣ проявилась жестокость и какое-то сердитое, нетерпѣливое раздраженіе. И нелѣпая мысль понемногу стала закрадываться въ голову крестьянина. Болѣзнь, думалось ему, обезобразила его не случайно: онъ жертва чаръ жены, — жена его околдовала. И не его одного: околдованы, видно, и всѣ тѣ парни, что ходятъ толпою за нею.

Довольно было разъ явиться этой мысли, она дальше стала расти и принимать самые причудливые размѣры. Уже сталъ ему чудиться и самый моментъ околдованія. Это было на свадьбѣ у знакомыхъ, за недѣлю до болѣзни. Онъ хорошо помнитъ: жена тогда много смѣялась и все шутила съ паробками, а потомъ вдругъ вспомнила о немъ, налила въ чарку водки и подойдя сказала: «на, выпей на здоровье!». Онъ не сообразилъ тогда, въ чемъ дѣло, выпилъ, «а съ водкой-то и вошла въ него болѣзнь».

— Но, — мелькало порою у него въ головѣ, — откуда знать женѣ колдовство? Колдуютъ больше старыя, а она совсѣмъ молодая и такая веселая, безпечная. Что если онъ ошибается, и жена ни въ чемъ не виновата?

И онъ пробовалъ исподволь разспрашивать молодую женщину: скажи, молъ, какъ по твоему мнѣнію, грѣхъ или не грѣхъ христіанской душѣ спознаться съ чортомъ? И, задавая такіе вопросы, онъ пристально приглядывался къ лицу, къ глазамъ жены, не мелькнетъ ли тамъ что либо подозрительное. Но жена не понимала его, даже удивлялась его словамъ: какъ будто и не къ ней относятся всѣ эти разспросы. А потомъ стала отдѣливаться шутками, «смѣется, но по глазамъ видно, что ей не до смѣху».

Тогда онъ сталъ укорять ее, стыдить. Наконецъ прибѣгнувъ къ угрозамъ. И въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, за что же «терпѣть ему все это»? Вѣдь проходу нѣтъ ему въ деревнѣ. Всѣ смѣются надъ нимъ и говорятъ, что у него «чортъ на лицѣ горохъ молотилъ». А почему говорятъ? По винѣ жены. А кто «послалъ» на него болѣзнь, тотъ можетъ и «назадъ вернуть порчу». Стоитъ захотѣть женѣ, и у него будетъ такое же лицо, какъ и раньше, и даже

лучше того, краше. Но жена не хочет: она глуха къ его просьбамъ, отворачивается отъ него...

Однажды въ праздничный день молодая женщина стала собираться куда-то въ гости. Мужъ искоса и недовольно посматривалъ на сборы. Когда же жена принарядилась и повернулась къ нему, сіяя своимъ цвѣтущимъ, красивымъ лицомъ, терпѣніе крестьянина надломилось,

— Не пуцу!—воскликнулъ онъ вдругъ и ринулся къ ней.— Не пуцу!—повторилъ онъ.—Сиди дома! Колдунья ты,—еще другихъ попортишь.

Удивленная и оскорбленная, женщина испуганно отшатнулась въ сторону. Но потомъ, овладѣвъ собою, подошла къ мужу и пробовала ласково и кротко успокоить его. Но ласковыя слова только подлили масла въ огонь. Крестьянинъ пришелъ въ полнѣйшую ярость и со словами—«а пропадай все!»—сталъ руками и ногами колотить домашнюю утварь.

Когда миски, стаканы, макотры, кувшины превратились въ дребезги, онъ бросился къ женѣ. На груди у нея было нѣсколько нитокъ крупныхъ коралловъ—его же собственный предсвадебный подарокъ. Мужъ сорвалъ кораллы прочь, разорвалъ шнурокъ, на который они были нанизаны, разбросалъ ихъ по полу, а затѣмъ, схвативъ жену за руку, сталъ громко требовать:

— Отдай мнѣ назадъ всю твою одежду,—всю, какая только есть у тебя!

Жена подала ему ключъ отъ ея сундука. Этого оказалось мало. Мужъ потребовалъ и то, что было на ней.

— Все, все!—кричалъ онъ.—До послѣдней нитки! Вѣдьмѣ одежда не нужна!

Тогда женщина съ плачемъ упала на колѣни, моля о пощадѣ. Но мужъ былъ не умолимъ. Повторивъ еще разъ свое требованіе и видя, что оно не исполняется, онъ самъ сорвалъ съ жены головной платокъ, юбку, рубаху, раздѣлъ ее донага и погналъ вонъ изъ хаты.

Все это произошло въ праздничный день, когда на улицахъ деревни всюду были люди. Проходя черезъ сѣни, несчастная женщина успѣла захватить какой-то старый кафтанъ. Она набросила его на себя и въ такомъ видѣ, съ чуть-чуть прикрытой наготой и подгоняемая мужемъ—онъ все норовилъ сорвать съ нея прочь и этотъ кафтанъ—перевѣжала черезъ улицу къ воротамъ ближайшей усадьбы и скрылась тамъ у знакомыхъ.

Послѣ этого всѣ отношенія были порваны. Жена осталась у пріютившихъ ее сосѣдей и наотрѣзъ отказалась возвратиться домой, когда мужъ сталъ требовать ее къ себѣ. Удерживало ее оскорбленное самолюбіе и боязнь быть убитой, и въ концѣ концовъ она рѣшила обратиться къ защитѣ суда.

Была подана жалоба. Въ ней прежде всего указывалось на «насилственное отнятіе имущества, стоящаго пятьдесятъ рублей». Этимъ измѣнялась подсудность дѣла волостному суду, который вѣдаетъ самоуправство между крестьянами лишь тогда, когда стоимость отнятаго предмета не выше тридцати рублей. Затѣмъ въ жалобѣ предьявлялось обвиненіе по 43 статьѣ мирового устава—«за безстыдныя и соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ».

Но пока приготовлялась жалоба, пока была послана по назначенію и получена, а главное назначена къ слушанію, мужъ загрустилъ въ одиночествѣ и сталъ пить. Дни его протекали теперь не дома, не за работой, а близъ питейнаго заведенія. Появились трактирныя знакомства. Какъ-то вечеромъ компанія подвыпившихъ гулякъ предложила ему принять участіе въ кражѣ. Во хмель мужикъ согласился, былъ пойманъ, судимъ и приговоренъ въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ. Этимъ наказаніемъ поглотилось и то, которое было наложено по жалобѣ жены.

Всю эту печальную повѣсть о своихъ бѣдахъ излагали передо мною въ камерѣ и жалобщица, и обвиняемый. Особенно трогательны были объясненія послѣдняго. Говорилъ онъ медленно, не спѣша и тономъ, въ которомъ слышалось глубокое смиреніе. Онъ не сѣтовалъ, не жаловался--нѣтъ. Безъ ропота покорялся онъ своей судьбѣ, «потому противъ нечистой силы не пойдешь, и все, что ни дѣлается, все вѣдь по Божьей волѣ, вашескродіе».

Вспоминается мнѣ затѣмъ слѣдующій—второй по порядку—случай.

Въ одной изъ деревень Брацлавскаго уѣзда проживалъ и теперь, кажется, проживаетъ крестьянинъ, по имени Кипріанъ Пукасъ. Человѣкъ этотъ пользуется широкой популярностью въ уѣздѣ: людская молва приписываетъ ему умѣнье узнавать вѣдмъ. Слыветъ онъ вообще за знахаря, и къ нему многіе обращаются за совѣтами при болѣзняхъ и вообще при затруднительныхъ случаяхъ жизни.

Пришелъ онъ какъ-то—дѣло было въ 1894 году—въ одну крестьянскую семью. Дома были хозяйка и двѣ ея родственницы, пожилыя женщины.

Пукаса встрѣтили любезно, какъ всегда желаннаго гостя. Усадили къ столу, предложили угощеніе. И тутъ же стали жаловаться, что вотъ, молъ, въ хозяйствѣ у нихъ бѣда: есть всего двѣ коровы, и обѣ перестали давать молоко. И безъ всякой видимой причины. И сколько ни дои—нѣтъ ни капли: одна только кровь сочится...

Кипріанъ слушалъ жалобы участливо и серьезно. Прослушавъ, выразилъ соболѣзнованіе и затѣмъ поинтересовался взглянуть на

коровъ. Какъ разъ въ то время животныя вышли изъ сарая во дворъ, и ему указали ихъ изъ открытаго окна.

Долго глядѣлъ Пукасъ на коровъ и наконецъ заявилъ, что, видно, ихъ попортила вѣдьма. Другой причины нѣтъ и быть не можетъ. Вотъ п тѣломъ-то онѣ совсѣмъ похудѣли, и вымя у нихъ стало совсѣмъ маленькое, и ходять-то онѣ, какъ въ воду опущенныя.

При словѣ «вѣдьма» женщины пришли въ волненіе и негодованіе. Такъ вонъ оно гдѣ причина! Но кто же тогда это вѣдьма? Всѣмъ имъ случалось слышать про вѣдьмъ, и всѣ онѣ хорошо знаютъ—для того, чтобы навести на коровъ порчу, вѣдьмѣ нужно самой приходиться въ хлѣвъ и выдаивать животныхъ. Иначе куда же дѣнется молоко? Нужно, слѣдовательно, принять мѣры и отыскать виновницу несчастія. Тутъ-то и необходима Кирианова помощь.

Пукасъ выслушалъ разсужденія женщинъ и вполне согласился съ ними. Да, принять мѣры нужно, безъ этого дѣло не обойдется, и онъ готовъ всегда оказать содѣйствіе. Но сказать, отчего нѣтъ молока, не значитъ еще оказать помощь. Сказать—дѣло нетрудное, обнаружить же и уличить вѣдьму—задача далеко не простая.

— Вѣдьма—она не глупа!—наставительно заявилъ Кирианъ.— Сама не отдастся въ руки. Подстеречь надобно ее, когда она ночью пробирается къ коровамъ! А то еще можно узнать по хвосту. Хвостъ это первая примѣта...

Въ это время у воротъ послышался стукъ: кто-то съ улицы пробовалъ открыть калитку. Щиколда приподнялась, и во дворъ вошла женщина. Всѣ въ ней узнали сосѣдку, живущую тутъ же рядомъ, на смежной усадьбѣ. Появленіе ея всѣмъ показалось страннымъ.

— Ужъ не это ли и есть вѣдьма? — промолвилъ Пукасъ: — смотри-ка о ней разговоръ, а она ужъ тутъ какъ тутъ.

Женщина замерла за собою калитку, дошла до середины двора, остановилась. Затѣмъ повернулась къ коровамъ и, рукою прикрывъ глаза отъ солнца, стала пристально разглядывать животныхъ. Вдругъ одна изъ коровъ замычала. Женщина сдѣлала рѣзкій, крутой поворотъ въ сторону и быстро направилась къ дому.

Наблюдавшіе переглянулись: подозрѣніе начинало оправдываться.

Раздались въ сѣняхъ шаги, дверь распахнулась, и гостья появилась на порогѣ. Она сказала «здравствуйте», внимательно обвела глазами присутствующихъ и спросила:

— А о чемъ это вы здѣсь разговоръ ведете?

Тонъ ли вопроса былъ страненъ, или ужъ почва была подготовленною, но слова эти оказались рѣшающими. Въ одно мгновеніе Пукасъ очутился у дверей, набросилъ крючекъ на петлю, и пришедшую окружили съ криками:

— А, вѣдьма, попалась? Постой-ка—теперь не уйдешь.

Испуганная женщина замерла въ оцѣпенѣніи: и крики, и вне-

запность всего случившагося не могли не произвести на нее ошеломляющаго впечатлѣнія.

Она стояла въ опѣпенѣніи, а между тѣмъ Кипріанъ уже двигался на нее—медленно, словно крадучись, и прямо, и строго посмотрѣвъ ей въ глаза, потребовалъ отъ нея немедленнаго отвѣта: она ли это портить здѣсь во дворѣ коровъ, она ли приходитъ ихъ доить по почамъ?

Не вполне понимая смыслъ вопроса, женщина собралась съ силами и отвѣтила, что нѣтъ, не она.

— Не признаешься?—загремѣлъ ей въ отвѣтъ Пукасъ.—Ну, такъ погоди, мы сами дождемся. Эй-ка, бабы, посмотрите, есть ли у нея хвостъ!

И, поручивъ бабамъ эту операцію, Кипріанъ приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ отыскать и подать ему ножъ.

— Пусть будетъ чѣмъ отрѣзать, если найдется. А безъ хвоста ужъ никому отъ нея не будетъ порчи.

Одна изъ женщинъ бросилась за ножемъ, двѣ другія схватили несчастную жертву и стали пытаться обнажить ее.

Но сладить оказалось не такъ-то легко. Вѣдьма вырывалась, боролась... Страхъ и стыдъ придали ей силу. Нападающія оказались слабѣе.

Тогда Пукасъ, уже вооруженный ножемъ, рѣшилъ прибѣгнуть къ иному средству. Онъ потребовалъ у хозяйки страстную свѣчу.

— Прожечь вѣдьмѣ свѣчею глаза,—заявилъ онъ,—и тогда вся сила ея навсегда ее покинетъ.

Въ углу комнаты, гдѣ въ нѣсколько рядовъ были поставлены иконы, въ одномъ изъ кіотовъ оказалась требуемая свѣча. Ее подали. Принесли и спичекъ.

И вотъ уже зажгли свѣчу, уже приблизились съ нею къ измученной жертвѣ. При видѣ огня женщина издала нечеловѣчскій вопль. Рѣзкій пронзительный крикъ ея огласилъ и домъ, и дворъ, донесся до улицы... И въ ту же минуту у калитки, а затѣмъ и на дворѣ послышались мужскіе голоса, раздался топотъ бѣгущихъ людей. Люди проникли въ сѣни. Послѣдовалъ стукъ въ двери и требованіе открыть ихъ.

Появленіе постороннихъ людей произвело смущеніе—двери были открыты.

Оказалось—нѣсколько человѣкъ заводскихъ рабочихъ и съ ними заводскій механикъ. Они случайно проходили мимо, и крики не могли не привлечь къ себѣ ихъ вниманія.

Рабочіе потребовали объясненій. Имъ отказали въ этомъ. Они настаивали. Возникли пререканія. Посыпалась брань. Пользуясь замѣшательствомъ, женщина проскользнула въ сѣни, оттуда во дворъ и была такова.

Происшествіе сдѣлалось предметомъ судебнаго разбирательства

по жалобѣ «потерпѣвшей», предъявившей обвиненіе въ насиліи и угрозахъ лишить ее зрѣнія.

Обвиняемые не оспаривали заявленій жалобщицы. Да, все это такъ, все это было; но иначе они и поступить не могли—«вѣдьмѣ и вѣдьмина честь».

— И слава Богу,—говорили обвиняемые,—что такъ оно вышло. Послѣ того коровамъ сдѣлалось куда легче, а теперь онѣ и совсѣмъ здоровы.

Жалобщица волновалась, возражая. Она отрицала колдовство, она заявляла, что подозрѣнія обвиняемыхъ крайне обидны для нея—она, вѣдь, «христіанская душа», и просила о строгомъ наказаніи виновныхъ.

Преппирательства были долги и бурныя. Но страсти понемногу улеглись, и противники, какъ сосѣди, порѣшили окончить дѣло миромъ.

— Только пусть она никогда ни на кого не наводитъ порчи—ни на скотъ, ни на людей.

Обвиняемые нѣсколько разъ повторяли эту фразу и просили записать ее въ протоколъ, какъ условіе примиренія: записать и потребовать отъ жалобщицы, чтобы такую оговорку она скрѣпила не только своею подписью, но и присягою «предъ крестомъ и Евангеліемъ».

Третій случай... Но тутъ необходима маленькая оговорка. Третій случай нѣсколько разнится отъ только что описанныхъ. Онъ идетъ, пожалуй, въ разрѣзъ и съ самимъ заголовкомъ статьи. Дѣло въ томъ, что суевѣріе не являлось въ этотъ разъ прямою причиною преступленія. Подъ вліяніемъ суевѣрія лишь сложились опредѣленнымъ образомъ отношенія среди тѣхъ лицъ, которыя участвовали въ «дѣлѣ». Отношенія, правда, враждебныя, но съ уголовной точки зрѣнія совершенно безразличныя. И лишь впоследствии, благодаря этимъ отношеніямъ, но помимо всякаго суевѣрнаго мотива, совершилось то событіе, которое послужило основаніемъ для уголовного преслѣдованія.

Но прямая ли, косвенная ли роль пала въ этотъ разъ на долю суевѣрія, проявленіе его не теряетъ отъ этого своего интереса. Грустная сторона народной жизни—безпросвѣтная темнота простого челоуѣка—и здѣсь сказалась все съ тою же и силою и яркостью.

Однажды въ судебномъ засѣданіи передо мною предсталъ въ качествѣ обвиняемаго молодой крестьянскій парень. Обвиненіе было серьезное: подсудимому приписывалась кража коровы.

Посмотрѣлъ я на обвиняемаго—худощавый, блѣдный юноша, застѣнчиво потупившій глаза... Странно. Выѣнность совершенно не вяжется съ преступленіемъ.

Задаю ему вопросъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ. Парень

постоялъ, подумалъ и затѣмъ, покачавъ отрицательно головою, обмолвился однимъ словомъ «нѣтъ», а на дальнѣйшіе разспросы отвѣтилъ молчаніемъ.

Это показалось еще болѣе страннымъ. Передо мною лежало довольно обстоятельное полицейское дознаніе, и въ немъ—я это хорошо помнилъ—были сосредоточены довольно вѣскія улики. Я рѣшилъ поэтому прочесть во всеуслышаніе протоколъ. Думалось, такимъ путемъ оживлю въ памяти обвиняемаго подробности, легко можетъ статься, имъ забытыя, и тогда онъ самъ признаетъ безцѣльнымъ упорствовать и отрицать свою очевидную вину.

Протоколъ гласилъ, что преступленіе совершено было ночью, въ одной изъ глухихъ деревень уѣзда. Кража была обнаружена сейчасъ же въ ночь ея совершенія, и собственница коровы немедленно по горячему слѣду отправилась на поиски. Поиски увѣнчались успѣхомъ—на утро и корова, и «похититель оной» были задержаны въ ближайшемъ мѣстечкѣ, на ярмаркѣ. Вора арестовали, отвели въ становую квартиру, и тамъ женщинѣ было предложено доказать, что корова—ея собственность, «ибо похититель утверждалъ противное». Женщина сказала, что на ярмаркѣ у нея есть человекъ, который можетъ быть свидѣтелемъ. Ей предложили привести этого человека. Она ушла и вскорѣ возвратилась въ сопровожденіи крестьянина. Крестьянинъ подтвердилъ, какъ фактъ кражи, такъ и то, что корова принадлежитъ «заявительницѣ». Между прочимъ свидѣтелю былъ предложенъ вопросъ и о личности вора. Посмотрѣвъ на парня, крестьянинъ сказалъ, что человекъ этого онъ совсѣмъ не знаетъ—видитъ его сегодня въ первый разъ. Тогда задержанный воскликнулъ: «батько, что вы? Сына своего родного не узнаете?»

Когда чтеніе дознанія дошло до этого мѣста, апатично-молчаливое настроеніе обвиняемаго моментально исчезло. Весь вспыхнувъ краскою стыда и негодованія, онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ заявилъ, что все, только что прочитанное, онъ признаетъ совершенно правильнымъ. Больше даже—онъ признаетъ безусловно правильнымъ и все то, что дальше заключено въ протоколѣ. И тѣмъ не менѣе признать себя виновнымъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Не кражу онъ совершилъ, а взялъ то, на что имѣлъ полное право. И не онъ виноватъ, —виноватъ его отецъ, заподозрѣвшій въ его матери колдунью и бросившій поэтому свою семью...

И, волнуясь и спѣша, обвиняемый сталъ передавать подробности недоразумѣній, бывшихъ между его родителями.

Какъ и когда заподозрѣна была его мать въ колдовствѣ, того онъ не могъ объяснить. Но когда мысль о томъ, что мать колдунья, окрѣпла окончательно въ умѣ отца, онъ однажды собралъ всю свою одежду, всѣ свои земледѣльческія орудія и принадлежности сель-

скаго хозяйства и съ ними переселился къ своей замужней сестрѣ. Очутилась тогда покинутая семья безъ всякихъ средствъ къ существованію—въ пустой хатѣ и безъ земли, такъ какъ отецъ, уходя, заявилъ, что пользоваться надѣломъ онъ никому не позволить. И все, что ни давала земля, отецъ сталъ собирать въ свою пользу. Отъ прежняго хозяйства осталась дома только одна корова. Она была когда-то куплена отцомъ и подарена матери. Но въ одинъ прекрасный день и эту корову увелъ старикъ. Увелъ, продалъ куда-то въ отдаленное селеніе, а на вырученныя деньги купилъ новую, которую и отдалъ семьѣ своей сестры. Ничего тогда не оставалось и матери, и имъ, дѣтямъ, какъ завладѣть хоть этою новою коровою. Открыго взять не допустили бы. Порѣшили увести ее ночью, сбить и, по примѣру отца, приобрести себѣ другую взазмѣнъ отнятой. И вотъ исполненіе этой-то задачи и пало на долю обвиняемаго. Онъ увелъ корову, но отецъ и тетка спохватились во время, догнали его на ярмаркѣ. Бросились на него, схватили, позвали полицію... И вотъ онъ теперь подъ судомъ, а отецъ—стыдно сказать—свидѣтелемъ, противъ сына-то...

Объясненія обвиняемаго—искреннія, горячія—произвели впечатлѣніе. Камера чутко насторожилась. Въ публикѣ послышался сдержанный сочувственный шопотъ, раздались вздохи и соболѣзнованія женщинъ...

Но какъ ни искренни были слова обвиняемаго, для того, чтобы имѣть доказательное значеніе, они, по закону, должны были быть чѣмъ либо подтверждены, и поэтому изъ свидѣтельской комнаты былъ приглашенъ отецъ обвиняемаго.

Старикъ вошелъ въ камеру, недружелюбно косясь въ сторону сына. Онъ могъ отказаться отъ дачи показанія—это право принадлежало ему по правиламъ уголовного процесса, и я объяснилъ ему о существованіи такого правила. Однако воспользоваться своимъ правомъ старикъ не захотѣлъ. Даже удивился, что его спрашиваютъ объ этомъ. Зачѣмъ отказываться? Напротивъ, онъ радъ рассказать все, какъ было. Пускай всѣ знаютъ, чего только иногда не приходится испытать человѣку. Вѣдь, должно быть, сынъ тутъ много жаловался на него. Вѣроятно, говорилъ и про корову. Забралъ, молъ, ее отецъ, продалъ, а корова-то материнская. Что-жъ? Онъ взялъ, продалъ—все это такъ. И не одну корову... Онъ взялъ все, что только можно было взять, и ушелъ, потому что ѣсть хлѣбъ-соль съ вѣдьмою не приходится.

Старикъ остановился. Онъ дышалъ нервно и видимо былъ взволнованъ. Овладевъ, наконецъ, собою, онъ продолжалъ:

— Старая все это исторія, баринъ. Давно началась она. Всего сразу и не перескажешь. Еще совсѣмъ молодою была моя баба, а ужъ и тогда все бѣгала по ворожейкамъ да по колдуньямъ. Говорилъ я ей не разъ: «ей, баба, баба, смотри! И самой-то не-

далеко до грѣха: дѣло, вѣдь, нечистое!» Не слушала... не слушала, пока сама не стала такою же.

— Сколько горя пришлось мнѣ пережить съ того времени! — жалостливо добавилъ крестьянинъ.— Не мало было и сраму.

— Вотъ, ваше высокородіе, напримѣръ, — продолжалъ онъ тономъ, полнымъ и негодованія, и глубокой горечи: — вотъ поймали ее разъ вечеромъ на улицѣ, возлѣ старостиной усадьбы... А староста былъ человѣкъ степенный — богатый и всѣми уважаемый. Поймали ее у самыхъ у воротъ. Копошилась она тамъ и что-то въ землю закапывала... Ну, дали знать старостѣ. Перепужался староста — и самъ, и вся его семья. Молилися, — къ батюшкѣ ходили отчитываться... Думали — отведуть бѣду. Куда тамъ! Не помогло. Заболѣлъ мужикъ и отдалъ Богу душу. А вѣдь человѣкъ-то былъ — силища-то какая! Косая сажень въ плечахъ. Царствіе ему небесное.

Старикъ со вздохомъ сокрушенія перекрестился нѣсколько разъ.

— А въ другой разъ замѣтили ее ночью подлѣ хаты дьячка. Подъ окномъ бродила, а у крыльца все посыпала какимъ-то зерномъ. Посыпала и шептала. И что же? Сталъ чахнуть дьячокъ. Чахотка такъ и наслѣла на него, и черезъ годъ его не стало.

— И донимала-то она, жена моя, по началу все чужихъ. А тамъ и къ родичамъ, къ своимъ стала подбираться. И перво-наперво ни къ кому другому, какъ къ брату моему, къ родному...

— А братъ-то мой, ваше высокородіе, — внушительно съ отгнкомъ гордости заявилъ старикъ, — былъ человѣкъ хозяйственный и мастеръ по столярной части, — на весь уѣздъ первый мастеръ, а главное — всегда трезвый. Чтобъ водки или вина, — и ни въ жисть! Такихъ-то, говорятъ, и не любятъ вѣдьмы. Не понравился онъ и ей-то, женѣ моей, и навела она на него порчу: сталъ мужикъ безъ причины пить запоемъ. Ну, извѣстно все поплыло въ кабакъ. Совсѣмъ человѣкъ пропадалъ, а семья бери суму и ступай по міру. Глядѣли сосѣди — только руками разводили. И, должно, бѣдняга самъ хорошо зналъ, откуда пришло къ нему горе. Бывало, какъ увидитъ ее, свою-то виновницу, такъ весь и затрясется, какъ въ лихорадкѣ. Разъ даже ружье схватилъ и выстрѣлилъ. Не попалъ — отвела. Нашлись по счастью жалостливые люди — пожалѣли несчастнаго: сказали ему про одну старуху, про знахарку; ну, та и сняла съ него порчу. Пересталъ пить и теперь опять сталъ хозяиномъ. Какъ же, баринъ милостивый, — воскликнулъ взволнованно крестьянинъ, — долженъ ли, или не долженъ я былъ обратитъ на это вниманіе?

И онъ сталъ излагать свои соображенія по поводу того, что вниманіе съ его стороны было необходимо, и что мѣры имъ дѣйствительно были приняты. Но что онъ могъ сдѣлать съ женою? Говорилъ ей, объяснялъ — не хочетъ слушать. А потомъ стала

сердиться. Подумаль онъ, какъ бы и самому не накликать на себя несчастья. Да, видно, уже было поздно,—и его «коснулось».

Лицо старика подернулось чѣмъ-то, похожимъ на боль. Казалось, одно воспоминаніе о прошломъ причиняетъ ему страданія. Онъ нѣсколько разъ нервно повелъ плечами, потомъ тряхнулъ головою, словно отгоняя отъ себя непріятныя думы, и, откашлявшись, произнесъ.

— Н-да, коснулось, а когда—и не скажу теперь. Только тѣломъ сталъ я чувствовать, что плохо мнѣ. И каждый день дѣлалось хуже. Все нутро горѣло, животь вздулся, ходилъ къ докторамъ. «Такъ и такъ, говорю, помогите!» Извѣстно, доктора дали лѣкарствъ, а пользы нѣтъ. А силы-то все слабѣе становились. И на ноги сталъ плохъ. И не день и не два, а цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ маялся я такъ. И рѣшилъ—пойду къ ворожейкѣ, въ сосѣднюю деревню. Про нее-то, про ворожейку, молва идетъ—много она людямъ пособляетъ въ болѣзняхъ.

— Ну, пришелъ къ ней, баба давай осматривать да расспрашивать. А потомъ говоритъ: «плохо твое дѣло», говоритъ, «видно жена угостила тебя гадюкою!» Какъ такъ—гадюкою? Испужался я, какъ осиновый листъ, трясусь. А баба: «а такъ, говоритъ, съ борщомъ, говоритъ, съ горячимъ молокомъ, съ ухою, говоритъ... Сварила и попотчевала». Сталъ я тогда молить ворожейку: «помоги, спаси!» И стала баба меня обкуривать и отчитывать, а потомъ дала зелья и говоритъ: «ну, вотъ тебѣ, человѣче, — прими рано утромъ съ водкою. Прими,—говоритъ,—и жди, что будетъ». Поблагодарилъ я бабу, ушелъ, а внутри меня все такъ и горитъ, такъ и бьется, словно что-то живое.

По лицу свидѣтеля вновь промелькнула тѣнь страданія. Онъ вздохнулъ глубоко и умолкъ, и въ камерѣ воцарилось молчаніе. Только публика обнаруживала возбужденіе. Сдержанный говоръ вспыхивалъ то тамъ, то сямъ, и тихо разливался по камерѣ... Интересъ къ дѣлу росъ,—слушатели дѣлились впечатлѣніями...

Старикъ встрепенулся.

— Такъ вотъ,—началъ онъ сухимъ усталымъ голосомъ,—пришелъ это я домой отъ ворожейки. Ну, думаю, довѣдается вѣдьма—не дастъ тогда выгнать гадюку. Дома лѣчиться несподручно. И пошелъ я тогда къ сестрѣ своей и все ей рассказалъ, какъ есть, какъ на исповѣди, и попросилъ, чтобъ помогла. Согласилась; говоритъ: «приходи ко мнѣ завтра, утречкомъ». И только на другой день стало свѣтать, я уже былъ у сестры. Поджидала меня,—спасибо ей; горница была чисто убрана, и въ углу передъ иконою—лампада. И двѣ сосѣдки у нея, — пригласила, значитъ, ихъ для помощи. И при нихъ-то размѣшалъ я зелье въ водкѣ, перекрестился и выпилъ.

Крестьянинъ поморщился и закрылъ лицо руками.

— Ваше высококордіе, баринъ милостивый!—взмолился онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ.—Какъ припомню я то утро, такъ и теперь въ глазахъ темно становится. Боже ты мой, Господи! За что на меня такое горе? Помню—какъ выпилъ я его, этого самаго зелья, такъ словно что обошло меня внутри. Я потомъ онѣмѣлъ весь, сѣлъ на лавку, и словно сонъ нашелъ на меня. А потомъ опять зажгло внутри. Стало плохо—пошли рвоты. Повалился я тогда на полъ безъ памяти, а когда опомнился—болѣзни какъ и не бывало: животъ спалъ, и боли какъ рукой сняло. И говорили потомъ бабы,—таинственнымъ голосомъ добавилъ старикъ,—что пока лежалъ я на землѣ и рвалъ, то у меня изъ горла такъ и сыпались одна за другою живыя ящерицы. Вотъ тогда-то я и сказалъ себѣ: «теперь конецъ, шабашъ!» Собрать все свое добро, взвалилъ его на повозку и переѣхалъ къ сестрѣ. А потомъ забралъ и корову. Только боязно стало—чего добраго, жена и ее, корову-то мою, попортить. Ну, такъ я продалъ корову и купилъ себѣ новую. А сынъ-то ее и укралъ. Это вѣрно я говорю, какъ передъ Богомъ. Солдатъ я, служилъ, присягу на службѣ принималъ,—стыдно бы мнѣ на старости лѣтъ совѣсть-то свою забыть. Вѣрно говорю, ваше высококордіе, сущую правду.

Старикъ умолкъ... Я бросилъ взглядъ на обвиняемаго. Онъ стоялъ блѣдный, неподвижный. Только губы его худоцаваго лица нервно вздрагивали, да на рѣсницахъ блестѣли слезы. Во все время, пока говорилъ отецъ, онъ не проронилъ ни звука. Молчалъ онъ и теперь и на предложеніе воспользоваться правомъ возраженій противъ показанія свидѣтеля отвѣтилъ лишь всхлипываніями.

Дѣло было вполнѣ разъяснено. Обвиненіе теряло подъ собою почву, и въ допросѣ другого свидѣтеля по дѣлу—матери обвиняемаго—не представлялось подобности.

Но трудно было овладѣть собою—остаться въ служебныхъ рамкахъ и не поинтересоваться «вѣдьмою». Хотѣлось полноты картины, послѣдняго заключительнаго аккорда. И свидѣтельница была позвана.

Худая, блѣдная женщина, съ маленькими черными глазами, она повѣдала то же, что и ея сынъ. Она пламенно возражала противъ подозрѣній ея мужа. Какая же она, въ самомъ дѣлѣ, колдунья? Въ церковь ходитъ, Бога не забыла. Ей ли вѣдаться съ нечистымъ? Она готова доказать свою правоту чѣмъ угодно, всѣмъ—клятвою, присягою предъ Св. Евангелиемъ... Дайте ей сырой земли, она ее ѣсть станетъ...

И вдругъ, точно озаренная внезапною мыслию, она быстро выхватила изъ-за ворота своей рубахи нагрудный крестъ и припала къ нему своими тонкими, блѣдными губами. Она покрывала крестъ поцѣлуями, она сжимала его въ рукахъ, она прикладывала его ко

лбу, ко груди и снова цѣловала—порывисто и страстно. И при этомъ твердила: «вотъ, вотъ, вотъ!».

Мужъ, посматривавшій въ началѣ на жену искоса и съ замѣтнымъ неудовольствіемъ, при видѣ поцѣлуевъ пришелъ въ неподдѣльный ужасъ. Крестъ и вѣдьма! Дѣйствія жены, очевидно, показались ему и дерзостью, и кощунствомъ. Онъ попятился въ страхъ назадъ, и—я видѣлъ это—сжатые пальцы правой его руки нѣсколько разъ поднимались ко лбу его, къ груди и плечамъ,—онъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Когда провозглашенъ былъ оправдательный приговоръ, «вѣдьма» вздрогнула и вдругъ залилась горькими слезами. Бормоча что-то безсвязное, она сдѣлала шагъ по направленію къ мужу, протянула къ нему руки. Она молила, повидимому, о чемъ-то—о забвеніи, должно быть, о прощеніи...

При видѣ слезъ, мужикъ, казалось, пришелъ въ смущеніе—на лицѣ его мелькнуло подобіе жалости. Онъ словно сталъ меньше ростомъ и, понурый, замеръ на нѣсколько мгновеній въ раздумьѣ.

Но потомъ, точно отгоняя отъ себя малодушіе и нерѣшительность, тряхнувъ головою, отворотился отъ жены и, не оглядываясь на нее, быстро оставилъ камеру.

Еще одинъ—четвертый и послѣдній случай.

Какъ-то, въ сентябрѣ 1897 года, ко мнѣ поступило прошеніе, писанное отъ имени шести мѣщанокъ. Оно не было подано лично, а пришло по городской почтѣ, въ заказномъ письмѣ.

Въ прошеніи заявлялось, что жалобщицы—торговки: на рынкѣ г. Брацлава онѣ продаютъ съѣстные припасы: хлѣбъ, сало, колбасы, и у каждой изъ нихъ имѣется по отдѣльному столу, на которомъ онѣ и раскладываютъ свои товары. Такою же торговлею занимается и та, противъ кого направлена жалоба. Обвиняемая явилась однажды на базаръ и какою-то жидкостью облила столы жалобщицъ. За это-то ее и просятъ подвергнуть наказанію.

Поврежденіе чужого имущества запрещено закономъ. Облить жидкостью съѣстные припасы значитъ уничтожить ихъ, такъ какъ никто вѣдь такихъ припасовъ не станетъ покупать. Жалоба была поэтому принята, и на обложкѣ ея и была поставлена именно та статья устава о наказаніяхъ, которая караетъ подобный проступокъ.

Когда въ назначенный день открылось судебное засѣданіе, мнѣ, помню, невольно бросилось въ глаза необычайное количество публики. Слушались въ тотъ разъ дѣла незначительныя и болѣе иногороднія, и только одно было городскимъ. Между тѣмъ вся камера, несмотря на ея достаточную обширность, буквально была переполнена многолюдною пестрою толпою. Вглядѣвшись въ публику, я узналъ почти всѣхъ торговцевъ и торговокъ базара. Предстоящее

дѣло, очевидно, было для мѣстнаго населенія дѣломъ сенсационнымъ.

Я вызвалъ жалобщицъ и свидѣтелей,—они были на лицо. Назвалъ затѣмъ обвиняемую... Изъ публики послышалось: «нѣтъ, ея нѣту». И вслѣдъ затѣмъ: «есть, есть; только она не здѣсь, а на улицѣ, у воротъ: боится супротивницъ и свидѣтелей».

Я отправилъ разсылнаго на поиски, и онъ вскорѣ возвратился въ сопровожденіи женщины, закутанной въ длинный сѣрый платокъ. Торопливо прошла она среди публики, заняла свое мѣсто, и ея лицо дѣйствительно говорило о страхѣ и безпокойствѣ.

Жалобщицы сплотились тутъ же, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ подсудимой. Онѣ враждебно поглядывали на нее, шептались о чемъ-то и заявили, что ими доставлено шесть новыхъ свидѣтелей.

Новые и девять раньше вызванныхъ свидѣтелей—цѣлая вереница очевидцевъ преступленія; три женщины, остальные—мужчины; все пожилые люди, съ темными, загорѣлыми лицами, съ длинными бородами, съ сѣдѣющими головами—они прошли въ свидѣтельскую комнату, тяжело стуча своими грубыми сапогами, и такъ же, какъ и обвинительницы, каждый изъ нихъ, мимо идя, бросалъ на обвиняемую по взгляду, полному вражды.

Настроеніе и свидѣтелей, и жалобщицъ невольно бросалось въ глаза. Оно казалось страннымъ: предстоящее дѣло было, вѣдь, самымъ простымъ, зауряднымъ дѣломъ, какія десятками бываютъ въ любомъ мировомъ участкѣ. Въ глухой провинціи, среди темныхъ и грубыхъ людей, такъ часто въ минуту недоразумѣній раздраженный простолудинъ выражаетъ свой гнѣвъ не только на противникъ, но и на вещахъ, ему принадлежащихъ. Дѣло простое и съ точки зрѣнія самого закона, рекомендующаго недоразумѣнія подобнаго рода оканчивать миролюбивымъ соглашеніемъ сторонъ. И такъ какъ склонять стороны къ такому соглашенію является обязанностью судьи, я, прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла, предложилъ жалобщицамъ и обвиняемой забыть случившееся и помириться.

Но жалобщицы рѣзко отстранили это предложеніе.

— Какъ помириться?—взволнованно вскричали онѣ.—Ни за что, никогда! Великую бѣду наводила она на насъ. Столы намъ поливала водою, но не простою, а мертвою и нашептанною.

Я невольно посмотрѣлъ на обвиняемую. Еще болѣе смутясь отъ заявленія жалобщицъ, она низко наклонила голову и стала нервно кутаться въ свой платокъ. Поднять на меня глаза она не рѣшилась. Я смотрѣлъ на нее, а въ публикѣ уже росъ глухой ропотъ негодованія. Прорывались отдѣльные голоса, звучавшіе угрозами... Причина сенсационности дѣла становилась для меня ясною.

Но въ чемъ же, однако, проступокъ, въ чемъ вина подсудимой?

Я обратился къ ней съ вопросомъ по этому поводу, предлагая чистосердечно разсказать, какъ было дѣло.

Обвиняемая испуганно глянула на меня и опять стала кутаться въ платокъ. Наконецъ послышался ея голосъ—робкій, нерѣшительный.

Она заявила, что она ни въ чемъ невиновата и не знаетъ, чего отъ нея хотятъ. У нея умеръ отецъ. Протекла недѣля, наступилъ девятый день кончины. Нужно было служить панихиду, а послѣ панихиды—угостить тѣхъ, кто зайдетъ къ ней, къ обвиняемой, помянуть покойника. Рано утромъ, чуть только стало свѣтать, она и вышла изъ дома за покупками. Нужно было припасти многого, между прочимъ и водки, и она взяла съ собою бутылку, положивъ ее въ кошевку. Да, видно, горе застлало ей глаза. Не видѣла, что дѣлала, вмѣсто пустой взяла бутылку со святою водою. По дорогѣ оглядѣлась, замѣтила ошибку. Возвращаться назадъ домой—далекій путь. А тутъ вотъ ужъ рукой подать—базарная площадь, а не ней столы торговокъ. И пусто кругомъ, ни души... Она подумала: пролить святую воду на землю грѣхъ, а на столы—только польза людямъ. И какъ подумала, такъ и поступила: выплеснула воду на столы. Но лишь только сдѣлала это, какъ услышала—кто-то бѣжитъ къ ней. Оказалось—два ночныхъ сторожа. Поглядѣли и съ крикомъ «держи, лови» бросились къ ней, точно къ злодѣйкѣ какой. Уронила она тогда со страху бутылку и побѣжала, что есть духу. Не догнали ее, но узнали. И вотъ отсюда и пошла бѣда.

— Ну, какая же тутъ моя вина?—закончила свои объясненія обвиняемая.—Если бы вода была нашептанная или мертвая, уже была бы на людяхъ порча. Однако, слава Богу, ничего про это не слышно.

Но эта попытка обѣлить себя подлила только масла въ огонь. Жалобницы заволновались пуще прежняго, твердя, что сказанное обвиняемою—ложь, не правда.

— Ей, видите ли,—объясняли онѣ,—была не по сердцу наша торговля: она, вѣдь, наша сосѣдка по базару. Ей захотѣлось всѣхъ покупателей приколдовать къ себѣ. Не святою водою поливала она столы намъ—нѣтъ. У нея дѣйствительно умеръ отецъ. Покойника, какъ водится, обмывали. И вотъ ту воду, что была на покойникѣ, она и пустила въ ходъ: поливала ею столы; поливала,—говорятъ ночные сторожа, тѣ, что поймали ее,—и при этомъ шептала.. Думала: какъ мертвая вода, пусть такъ умретъ наша торговля и мы сами. И времечко выбрала какъ разъ на руку себѣ. Утречкомъ дѣйствовала, когда никого не было на базарѣ, ни людей, ни товаровъ...

Объясненіемъ жалобницъ совершенно измѣнялось положеніе дѣла. Разъ не было на столахъ товаровъ, не было и не могло быть ихъ порчи. Нѣтъ, слѣдовательно, и состава проступка, кара-

емаго закономъ, и на лицо лишь суевѣрныя дѣйствія, никому не причинившія никакого вреда. Къ чему же тогда свидѣтели—вся эта масса вызванныхъ и приведенныхъ людей?

— Нѣтъ, ужъ извольте допросить ихъ,—заговорили въ одинъ голосъ обвинительницы, когда я ихъ спросилъ объ этомъ,—сдѣлайте милость. Вѣдь это наши свидѣтели, они все видѣли и все докажутъ. Колдовство это было, настоящее колдовство. Вонъ и люди: прослышавъ про это дѣло, долго ничего не хотѣли покупать у насъ. Боялись, какъ бы имъ не было бѣды. Правда, благодаря Бога, до сихъ поръ ни намъ, ни покупателямъ, никому не приключилось несчастія. Но и теперь еще многіе подойдутъ къ намъ, постоятъ и пойдутъ мимо; товаровъ не берутъ и только спрашиваютъ: «ну, что, живы вы до сихъ поръ?» Свидѣтели все знаютъ. Они присягаютъ, что это было колдовство. Они докажутъ, что вода была мертвою. Сама дочь обвиняемой, дѣвочка девятилѣтка, говорила про то свидѣтелямъ, видала, какъ мать припасаа воду...

Было ясно: вѣрою въ колдовство проникнуты въ равной мѣрѣ обѣ стороны и обвиняющая, и обвиняемая: первая—боясь дурныхъ послѣдствій отъ чаръ волшебства и прося поэтому о наказаніи обвиняемой; другая—обращаясь къ этимъ чарамъ, какъ къ средству для достиженія желательныхъ цѣлей.

Я объявить, что свидѣтели не будутъ допрошены, и приказалъ освободить ихъ.

Опять потянулась изъ свидѣтельской комнаты длинная вереница людей и остановилась среди камеры съ выраженіемъ вопроса и удивленія.

Вслѣдъ затѣмъ былъ провозглашенъ оправдательный приговоръ.

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ приговоромъ. И жалобницы, и стоявшіе подлѣ нихъ свидѣтели—все соединилось въ одну толпу и стало шумно выражать свое неудовольствіе. Возбужденныя лица, горящіе негодованіемъ глаза. Рѣзкіе громкіе возгласы, угрожающіе жесты по адресу обвиняемой. Глухой ропотъ слышался и на скамьяхъ, въ рядахъ публики. Обвинительницы твердили, что онѣ крайне обижены «этимъ судомъ», пусть будетъ имъ выдана копія приговора, онѣ перенесутъ дѣло въ сѣздъ.

— Что же это такое? Гдѣ же это видано?—повторяли онѣ.—Колдовство, и нѣтъ за него наказанія!

Возбужденіе росло, охватывая собою почти всю камеру.

Оправданная же подсудимая, прижавшись къ рѣшеткѣ, окружающей возвышеніе, на которомъ помѣщается судейскій столъ, стояла блѣдная, испуганная, съ видомъ затравленнаго звѣря поглядывая на своихъ противницъ.

И при видѣ всего происходящаго я почувствовалъ, что нервное волненіе охватываетъ и меня самого. Вотъ она, думалось мнѣ, вотъ она воочію ужасная, мрачная и, казалось, давно забытая ста-

рина. На порогѣ двадцатаго вѣка—средневѣковый процессъ о вѣдѣмѣ, о колдовствѣ! Да, она не умерла—эта жестокая, кровавая старина. Она жива—здѣсь, вокругъ, въ каждомъ глухомъ углу нашей бѣдной, темной родины. Она жива и, на время скрытая, то тамъ, то сямъ прорывается порою наружу и повергаетъ зрителей въ смущеніе рѣзкимъ блескомъ своихъ кровавыхъ зловѣщихъ красокъ. Дайте всѣмъ этимъ людямъ—и жалобщицамъ, и свидѣтелямъ, и этой имъ сочувствующей публикѣ, дайте имъ, всѣмъ этимъ темнымъ людямъ, просторъ для проявленія ихъ негодованія, и вновь повторилась бы одна изъ тѣхъ средневѣковыхъ драмъ, о которыхъ страшно подумать цивилизованному человѣку.

Мысль о возможности насилія и самосуда невольно возникла у меня въ умѣ. Настроеніе слушателей было угрожающимъ. Являлась безусловная необходимость въ извѣстныхъ мѣрахъ предосторожности. И я рѣшилъ прибѣгнуть къ вразумленію и успокоенію толпы.

Потребовалось, однако, немало усилій, чтобы хоть нѣсколько ослабить возбужденное настроеніе публики.

Приноравливаясь къ умственному уровню стоящихъ предо мною людей, я попробовалъ сколь возможно удобопонятнѣе, а главное спокойно и терпѣливо объяснить имъ всю неосновательность ихъ негодованія и ихъ опасеній. Я говорилъ, что колдовства на свѣтѣ нѣтъ и быть не можетъ: никто изъ людей не въ состояніи обладать такою силою, чтобы невидимо насылать на другихъ несчастія, человѣкъ можетъ убить другого, обворовать его, оскорбить; можетъ поджечь чужое имущество. Но насылать на ближняго болѣзнь или несчастіе это ужъ не въ человѣческой волѣ. Я говорилъ, что такъ насъ учатъ всѣ умные, ученые люди, такъ пишется во всѣхъ свѣтскихъ и церковныхъ книгахъ, такъ говоритъ нашъ, наконецъ, законъ. Законъ же не станетъ совѣтовать намъ чтонибудь неправильное или дурное. Въ законахъ, пояснялъ я, прямо сказано, что тотъ, кто называетъ себя колдуномъ, говоритъ сущую неправду. Если онъ только хвастается своею силою, значить онъ или смѣется надъ тѣми, кто его слушаетъ, или самъ такой темный человѣкъ, что вѣрить въ свое знахарство. И за одно такое хвастовство наказанія нѣтъ. Если же ктонибудь говоритъ другому человѣку: «вотъ я, колдунъ, могу помочь тебѣ въ твоей бѣдѣ, заплати только мнѣ денегъ», то такого человѣка законъ называетъ обманщикомъ и мошенникомъ и приказываетъ заключать его въ тюрьму.

Я нѣсколько разъ повторялъ эти незамысловатые соображенія, варьируя ихъ на всевозможные лады, подыскивая самыя простыя, обыденныя выраженія, иллюстрируя свою мысль даже примѣрными случаями изъ жизни.

Люди слушали съ любопытствомъ и вниманіемъ. Вполнѣ ли ихъ убѣдили мои слова, трудно сказать. Но возбужденіе начало замѣтно падать, улегаться, и обвинительницы вмѣстѣ со свидѣтелями, а

также съ родственниками и знакомыми, поднявшимися съ занимаемых ими мѣстъ и составлявшими, какъ оказалось, болѣе чѣмъ половину присутствующей публики, не слѣша стали уходить изъ зала засѣданія.

И странное впечатлѣніе производила эта пестрая, многоголовая толпа, тихо гуторившая и медленно, густымъ потокомъ двигавшаяся по направленію къ выходу. Казалось, откуда-то издалека, изъ безбрежнаго моря народнаго мрака и невѣжества прилила сюда на время эта темная людская волна, помедлила здѣсь и вотъ, отхлынувъ, возвращается обратно туда, гдѣ все такъ безотрадно и холодно, такъ безнадежно-уныло, и гдѣ въ вѣковой безмолвной сумракъ не западаютъ покамѣстъ солнечные лучи.

П. А. Тулубъ.

КЪ БІОГРАФІИ П. А. ФЕДОТОВА.

БІЦЕСТВЕННОЕ мнѣніе и критика, во главѣ съ академіей художествъ и такимъ авторитетомъ, какъ К. П. Брюлловъ, еще 50 лѣтъ тому назадъ признали въ Павлѣ Андреевичѣ Федотовѣ не только крупный талантъ, но и родоначальника русской жанровой живописи. Его имя произносили вмѣстѣ съ именемъ Гоголя, основателя нашей натуральной школы въ литературѣ, — и уже одна эта параллель ясно показываетъ все значеніе Федотова въ исторіи нашей живописи. Поэтому мы имѣемъ въ виду вовсе не оцѣнку его художественной дѣятельности, такъ какъ въ такомъ вопросѣ считаемъ себя некомпетентными; мы желаемъ лишь, имѣя подъ рукою кое-какія новыя свѣдѣнія о Федотовѣ и нѣсколько его неизданныхъ произведеній, этимъ матеріаломъ подѣлиться съ публикою. Л. К. Дитерихсъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ этого художника говоритъ ¹⁾: «До-саднѣ всего, что, кажется, желанію имѣть обстоятельный трудъ о личности Федотова не суждено осуществиться, такъ какъ всѣ попытки (а онѣ были) разбивались о трудности отысканія матеріала, разбросаннаго по рукамъ многихъ лицъ, его знакомыхъ и пріятелей, которые до сихъ поръ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, не откликнулись на неоднократные призывы... Трудно возстановить

¹⁾ Л. К. Дитерихсъ: «П. А. Федотовъ. Его жизнь и художественная дѣятельность». С.-Петербургъ. 1893 г. (Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова).

цѣльный образъ этого удивительнаго человѣка, предшественника и учителя Перова, Пукирева, Влад. Маковского и другихъ изъ блестящей плеяды нашихъ художниковъ, поставившихъ русское искусство на одинъ уровеньъ съ западнымъ».

Вотъ эта-то бѣдность біографическихъ свѣдѣній о Оедотовѣ даетъ намъ смѣлость прибавить хотя бы кое-что съ цѣлью большаго выясненія личности художника, жизнь и судьба котораго такъ поучительны и въ то же время полны такого ужаснаго трагизма. Предполагая, что читателю болѣе или менѣе извѣстна біографія Павла Андреевича, мы приводимъ здѣсь о немъ лишь такія подробности, которыя нигдѣ не были напечатаны. Нашъ рассказъ вслѣдствіе этого, будетъ имѣть отрывочный характеръ, но мы надѣемся, что онъ нѣсколько облегчитъ трудъ будущаго біографа Оедотова.

Для интересующихся П. А. Оедотовымъ, какъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, который далъ такой богатый матеріалъ для его художественныхъ произведеній, приведемъ нѣкоторыя подробности изъ его послужнаго списка, хранящагося въ полку. Начнемъ съ орографіи его фамиліи, которая одними изъ его біографовъ пишется черезъ Θ (Сомовъ, Булгаковъ, Дитерихсъ), другими (и въ томъ числѣ А. В. Дружининимъ, извѣстнымъ литераторомъ, сослуживцемъ и другомъ Павла Андреевича) — черезъ Φ . Въ послужномъ списокѣ Оедотова, являющемся въ данномъ случаѣ и официальнымъ указателемъ, его фамилія изъ года въ годъ переписывается съ Φ (то же и въ приказахъ по полку). Самъ онъ писалъ свою фамилію то чрезъ Φ , то чрезъ Θ , и потому трудно сказать, какую орографію слѣдуетъ считать болѣе правильною, если не основываться только на его послужномъ списокѣ.

Тамъ же о пребываніи его въ Московскомъ (нынѣ 1-мъ Московскомъ) кадетскомъ корпусѣ имѣются отмѣтки, что онъ былъ зачисленъ въ корпусъ 5 декабря 1826 года, унтеръ-офицеромъ 15-го іюля 1830 г. и фельдфебелемъ 25 февраля 1832 года. «Произведенъ прапорщикомъ 1833 г., декабря 13-го, лейбъ-гвардіи въ Финляндскій полкъ и прибылъ къ оному генваря 3». Въ гвардію онъ былъ выпущенъ исключительно за успѣхи въ наукахъ, о чемъ говорится и въ его послужномъ списокѣ: «Изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго кадетскаго корпуса, имя коего на основаніи высочайше утвержденнаго устава военно-учебныхъ заведеній 2 класса, объявленнаго приказомъ его императорскаго высочества главнаго начальника Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго полка, отъ 13 апрѣля 1835 года за № 70, помѣщено на мраморную доску въ награду за успѣхи его въ наукахъ и отличное поведеніе, получилъ полныя двѣнадцать балловъ».

Интересенъ перечень наукъ, изученіе которыхъ дало ему право

на офицерскій чинъ и открыло пути къ самостоятельной жизни и художественной дѣятельности. Всѣ онѣ обозначены въ графѣ, имѣющей курьезный для нашего времени заголовокъ: «Россійской грамотѣ читать и писать и другія какія науки знаетъ ли?» Оказывается: «Закону Божію и Священной исторіи, языкамъ: россійскому, нѣмецкому и французскому, рисованію, черченію ситуационныхъ плановъ¹⁾, географіи, исторіи, ариѳметикѣ, алгебрѣ съ примѣненіемъ оной къ геометріи, геометріи простой, прямолинейной тригонометріи съ примѣненіемъ оной къ съемкѣ, правиламъ строевой, гарнизонной и лагерной службы, главнымъ правиламъ тактики и малой войны, полевой фортификаціи, начальнымъ понятіямъ объ артиллеріи, военному судопроизводству и письмоводству, коническимъ сѣченіямъ, начальнымъ основаніямъ физики и химіи, продолженію артиллеріи, долговременной фортификаціи и минному искусству».

Въ томъ же послужномъ спискѣ (за 1833 г.), къ слову сказать, есть еще довольно любопытная отмѣтка, сдѣланная въ соотвѣтствующей графѣ собственноручно командиромъ полка: «Къ производству въ офицеры аттестовался, но будетъ ли достоинъ получить знакъ отличія безпорочной службы, то по причинѣ неслуженія до сихъ поръ неизвѣстно»...

6 декабря 1836 г. П. А. Өедотовъ былъ произведенъ въ подпоручики, ровно черезъ два года послѣ того—въ поручики и 6-го же декабря 1841 г.—въ штабсъ-капитаны.

Въ «кондуитномъ спискѣ» офицеровъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка за 1833 г. и послѣдующіе находимъ у Өедотова слѣдующую аттестацию:

Усерденъ ли по службѣ? Усерденъ.

Каковыхъ способностей ума? Хорошихъ.

Въ какихъ наукахъ имѣетъ знаніе? Перечислены всѣ вышепоименованныя.

Каковъ въ нравственности? Хорошъ.

Каковъ въ хозяйствѣ? Хорошъ?

Служебныхъ занятій у офицера Өедотова было достаточно, и съ каждымъ годомъ служба видимо отнимала у него все больше времени, лишая его возможности отдаваться какъ слѣдуетъ искусству, которому онъ приносилъ въ жертву почти всѣ клочки своего свободнаго времени и которому отдавался такъ усердно и безкорыстно. Графа, въ которой въ послужномъ спискѣ перечислены высочайшія благоволенія, полученныя Өедотовымъ, въ числѣ прочихъ, за смотры, маневры и ученья, изъ года въ годъ заполняется все больше и больше. И если припомнить бывшее николаевское

¹⁾ Въ послѣднихъ двухъ предметахъ отмѣченъ лѣтнимъ, какъ значитъ въ автобіографической запискѣ Өедотова, написанной имъ въ 1848 г. и напечатанной М. П. Погодинымъ въ «Москвитинѣ» 1853 г. (Булгаковъ: «П. А. Өедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя». Спб. 1893 г., стр. 5).

время, когда военный духъ отчасти царилъ и въ гражданскихъ учрежденіяхъ, а въ войскахъ обращалось такъ много вниманія на мелочи и на наружную, парадную сторону службы, — станеть яснымъ, что эти высочайшія благоволенія даже «въ числѣ прочихъ» не давались даромъ¹⁾.

Извѣстно, что изъ скуднаго содержанія и кое-какого заработка за картины и портреты Өедотовъ содержалъ не только себя, служа въ гвардіи, но и помогалъ еще своимъ роднымъ, проживавшимъ въ Москвѣ: престарѣлому отцу, еще екатерининскому воину, и двумъ сестрамъ. Онъ дѣлился съ ними послѣднимъ грошемъ, зная ихъ крайнюю нужду, но никому не говорилъ объ этой нуждѣ—ни своимъ, ни чужимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ всегда желалъ и личнымъ участіемъ помогать роднымъ, чаще видѣть ихъ,—и тѣмъ не менѣе за всю его десятилѣтнюю службу въ полку онъ могъ съѣздить въ отпускъ только одинъ разъ въ Москву и Орловскую губернію, а именно въ 1837 году съ 20 августа на 4 мѣсяца по домашнимъ обстоятельствамъ и «на срокъ явился», какъ значится въ его послужномъ спискѣ. Это было въ томъ самомъ году, когда Павелъ Андреевичъ написалъ свою знаменитую акварель «Встрѣча въ лагерѣ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка великаго князя Михаила Павловича». Его высочество посѣтилъ лагерь 8 іюля 1837 г. (такова подпись подъ картиною), 20 августа Өедотовъ уже отправился въ отпускъ, значитъ, главную часть своей работы онъ выполнилъ на свободѣ, въ отпуску, такъ какъ вся вторая половина іюля была у него занята высочайшими маневрами и ученіями. Чтобы не возвращаться болѣе къ этой картинѣ, упомянемъ здѣсь, что она была поднесена Өедотовымъ великому князю Михаилу Павловичу, послѣ смерти котораго перешла во владѣніе его августѣйшей дочери — великой княгини Екатерины Михайловны; по кончинѣ же ея, сынъ покойной, герцогъ Георгій Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрѣлицкій, принесъ эту картину Өедотова въ даръ его родному лейбъ-гвардіи Финляндскому полку, гдѣ она и служитъ теперь однимъ изъ лучшихъ украшеній офицерскаго собранія. За эту картину великій князь Михаилъ Павловичъ пожаловалъ Өедотову брилліантовый перстень, о которомъ, впрочемъ, въ послужномъ спискѣ не упомянуто. Тамъ отмѣчено однако, что въ воздаяніе отличо-усердной и ревностной службы ему всемилостивѣйше пожаловано въ 1836 г.—230 р., въ 1837 г.—350 р. и въ 1838 г.—300 рублей. Въ 1838 же году Павелъ Андреевичъ значится въ

¹⁾ Они занесены въ послужной списокъ Өедотова: въ 1835 и 1836 гг. — по 6 разъ, въ 1837 г.—15 разъ, въ 1838 г.—10 разъ, въ 1839 г.—14 разъ, въ 1840 и 1841 годахъ—по 15 разъ, въ 1842 г.—23 раза и, наконецъ, въ 1843 г.—25 разъ. 3-го января 1844 г. онъ вышелъ въ отставку (капитаномъ) и такимъ образомъ прослужилъ въ полку, со дни прибытія, ровно 10 лѣтъ.

комплектъ полка, но находящимся по приказу по отдѣльному гвардейскому корпусу (отъ 25 августа 1838 г. за № 116) въ сводномъ учебномъ гвардейскомъ батальонѣ. 3-го сентября этого года, въ числѣ другихъ офицеровъ, назначенныхъ въ ту же командировку, онъ представлялся командующему гвардейскимъ корпусомъ, генераль-адъютанту Ушакову, но уже съ 4-го октября того же года онъ несетъ служебные наряды въ полку, съ которымъ, значить, ради этой командировки не разставался. Во всякомъ случаѣ въ 1840 г. онъ уже состоитъ «въ комплектѣ при полку».

Въ полку его жизнь и служба текли обычнымъ порядкомъ; онъ дѣлилъ время между служебными обязанностями, любимымъ имъ искусствомъ и обществомъ товарищей и знакомыхъ. По словамъ лицъ, помнящихъ Ѳедотова, именно въ этотъ періодъ его жизни, онъ былъ всегда веселъ, остроуменъ, общителенъ, охотно занимался не только рисованіемъ, писаніемъ стиховъ, но и музыкой, играя то на рояли, то на гитарѣ, то на флейтѣ, то на скрипкѣ—и все самоучкой. Рисовалъ онъ не только у себя дома, гдѣ строго отдавался искусству: его бойкій карандашъ всюду и всегда находилъ пищу. Часто среди разговоровъ вдругъ просилъ онъ кого нибудь посидѣть въ схваченной имъ позѣ, съ такимъ-то поворотомъ головы, при такомъ-то освѣщеніи, потому что видѣлъ въ этомъ нѣчто художественное, достойное рисунка. Въ Финляндскомъ полку, къ сожалѣнію, сохранилось мало его работъ. Въ числѣ ихъ имѣется небольшой карандашный рисунокъ женской головки, въ профиль, съ косою, закрученною на затылкѣ. Рисунокъ исполненъ очень тонко. Прежде онъ принадлежалъ Е. И. Боткиной, которая принесла его въ даръ полку. Изъ числа рисунковъ, хранящихся въ полку, мы прилагаемъ здѣсь копии съ исполненныхъ Ѳедотовымъ четырехъ карандашныхъ портретовъ его полковыхъ товарищей: Киновича, Лермонтова, Бека и Насѣкина ¹⁾).

¹⁾ Пав. Петр. Киновичъ, одноклассникъ Ѳедотова по корпусу, 25-го іюля 1827 г. изъ кадетъ произведенъ въ прапорщики л.-гв. Финляндскаго полка, въ которомъ прослужилъ до 14-го апр. 1841 г., когда по собственному желанію, будучи капитаномъ, переведенъ въ Вѣлевскій пѣхотный полкъ подполковникомъ.

Рост. Матв. Лермонтовъ, также корпусный товарищ Ѳедотова, произведенъ изъ кадетъ въ прапорщики л.-гв. Финляндскаго полка 25-го дек. 1828 г.; 11-го апрѣля 1848 г. произведенъ въ полковники въ Минскій пѣхотный полкъ.

Алекс. Оттов. Бекъ изъ подпрапорщиковъ л.-гв. Егерскаго полка 6-го авг. 1830 г. былъ произведенъ въ прапорщики л.-гв. Финляндскаго полка, изъ котораго 10-го февраля 1849 г. въ чинѣ полковника уволенъ отъ службы по домашнимъ обстоятельствамъ.

Въ л.-гв. Финляндскомъ полку служили два брата Насѣкины: Иванъ Ѳедоровичъ и Левъ Ѳедоровичъ, оба произведены въ прапорщики изъ камеръ-пажей двора его величества: Иванъ—6-го авг. 1829 г., Левъ—19-го апр. 1831 г. Первый 21-го марта 1841 г., будучи штабсъ-капитаномъ, назначенъ полицеймейстеромъ гор. Ярославля, съ зачисленіемъ по арміи майоромъ; второй — 12-го мая 1842 г., будучи штабсъ-капитаномъ, назначенъ городничимъ въ гор. Елатмю

Павель Петровичъ Киновичъ.

Кромѣ того, мы случайно узнали, что у В. И. Радивановскаго (профессора института гражданскихъ инженеровъ) имѣется аква-

---

Тамбовской г., съ зачисленіемъ по арміи майоромъ. Затрудняемся опредѣлить, какой изъ братьевъ Насѣвкиныхъ изображенъ Оедотовымъ на прилагаемомъ портретѣ.

(Свѣдѣнія заимствованы изъ «Исторіи л.-гв. Финляндскаго полка», Ф. Ростовскаго, 1881 г.).

рельный портретъ его отца, Ив. Мих. Радивановскаго, также однополчанина Ѳедотова, который нарисовалъ этотъ портретъ въ началѣ 1840-хъ годовъ во время его совмѣстной службы съ Радивановскимъ въ л.-гв. Финляндскомъ полку ¹⁾. Съ любезнаго разрѣшенія владѣльца, прилагаемъ портретъ его отца, очевидно, въ домашней лѣтней (формѣ, въ вязанной шапочкѣ на головѣ. И. М. Радивановскій стоитъ, облокотясь о валикъ палатки, спиною къ Дудергофской горѣ (близъ Красносельскаго лагеря), которая видна вдаль. Къ сожалѣнію, ради желанія вставить въ овальную рамку, углы его срѣзаны. Вслѣдствіе этого на оборотѣ портрета собственно-ручная (чернилами) подпись Ѳедотова нѣсколько пострадала: видна помѣтка «18...» (годъ?) и «Рисовалъ П. А. Ф.»... Рисунокъ очень хорошей сохранности, лицо въ особенности отличается тонкой отдѣлкой и полнѣйшимъ сходствомъ съ оригиналомъ, какъ это подтверждаетъ вдова покойнаго И. М. Радивановскаго. Кстати замѣтимъ, съ ея же словъ, что ея мужъ былъ друженъ съ Ѳедотовымъ, который, кромѣ этого портрета, написалъ масляными красками другой портретъ своего друга передъ отъѣздомъ послѣдняго въ 1846 году въ г. Пензу, куда онъ былъ назначенъ губернскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ. Къ сожалѣнію, вѣроятно, за недостаткомъ времени, этотъ портретъ не былъ оконченъ Ѳедотовымъ; онъ успѣлъ лишь написать лицо, имѣющее нѣсколько смуглый отгѣнокъ, мундиръ же, каска и фигура до пояса додѣланы другимъ художникомъ. У И. М. Радивановскаго былъ цѣлый альбомъ собственноручныхъ рисунковъ Ѳедотова, преимущественно изъ полковой жизни, но, къ большому сожалѣнію, онъ пропалъ безслѣдно послѣ смерти Радивановскаго.

Близкій семьѣ его, Павелъ Андреевичъ нарисовалъ нѣсколько акварельныхъ портретовъ родственниковъ И. М. Радивановскаго. Изъ этихъ акварелей сохранились портреты его сестеръ, Маріи Михайловны и Анны Михайловны Радивановскихъ, изъ которыхъ послѣдняя была замужемъ за Семеномъ Васильевичемъ Пацевичемъ, лѣкаремъ л.-гв. Финляндскаго полка ²⁾. Ѳедотовскіе портреты супруговъ Пацевичъ, а также М. М. Радивановской, принадлежатъ теперь Соф. Сем. Бакулиной, рожд. Пацевичъ, у которой въ институтскомъ альбомѣ ея матери сохранилась также маленькая акварель, которою Ѳедотовъ желалъ изобразить наступленіе новаго—1837 года. Рядъ послѣдовательныхъ лѣтъ изображены какъ бы исходящими изъ океана въ видѣ дуги или радуги, лѣвый конецъ которой—1836 годъ—ниспровергается въ бездну, надъ поверхностью

¹⁾ И. М. Радивановскій 24-го сент. 1834 г. переведенъ въ этотъ полкъ подпоручикомъ изъ поручиковъ гренадерск. Сибирскаго полка. 16-го іюня 1846 г., будучи капитаномъ, переведенъ въ корпусъ жандармовъ подполковникомъ.

²⁾ С. В. Пацевичъ былъ переведенъ въ этотъ полкъ изъ л.-гв. Преображенскаго полка въ 1832 г.; въ 1840 г. онъ уволенъ отъ службы за болѣзнью.

Ростиславъ Матвѣевичъ Лермонтовъ.

которой сіяетъ 1837 годъ. На вершинѣ дуги возсѣдаетъ сѣдой, длиннородый и длинноволосый старикъ, вѣроятно, Хроносъ, съ распушенными крыльями, косою на плечѣ и съ песочными часами въ рукахъ. На горизонтѣ занимается яркая заря... На соотвѣствующемъ этому рисунку чистомъ листѣ альбома, рядомъ, Оедотовымъ сдѣлана надпись: «Неумолимъ!» (рокъ).

Черезъ нѣсколько страницъ его же рукою, но безъ подписи, вписано стихотвореніе, начинающееся словами:

«Прости меня, я не умѣю
 «Твой взоръ небесный позабыть,
 «И образъ милый втайнѣ смѣю
 «Я въ сердцѣ пламенномъ хранить» и т. д.

Стихотвореніе помѣчено 20-мъ февраля 1847 г., портреты же и аллегорическій рисунокъ 1836 и 1837 гг. и соединенными буквами П. и Ф.

Къ этому году относится прекрасная акварель Ѳедотова, подобно предыдущей, также изъ полковой жизни. Замѣтимъ при этомъ, что она не только не издана, но даже не упоминается ни въ одномъ печатномъ спискѣ въ числѣ его другихъ произведеній. Она изображаетъ собою группу офицеровъ Финляндскаго полка, собравшихся около лагерной палатки ихъ командира, генерала Алексѣя Серг. Вяткина, къ которому пріѣхали изъ Петербурга его жена и дочь съ гувернанткой. Въ центрѣ — сидитъ генеральша Елизавета Алексѣевна Вяткина, которая держитъ картину, будто бы нарисованную Ѳедотовымъ, представляющимъ ее на судъ собравшагося общества. Возлѣ генеральши, въ голубомъ платьицѣ, стоитъ ея 12-ти-лѣтняя дочь — теперь уже почтенная дама, Мар. Алекс. Дрентельнъ, а позади нея — ея гувернантка (m-lle Циммерманъ). Облокотясь на кресло, стоитъ генер. Вяткинъ, по лѣвую руку котораго полк. Пав. Ив. Гречъ, родной братъ извѣстнаго издателя «Сѣверной Пчелы» ¹⁾ и Павелъ Петров. Киновичъ (отдѣльный портретъ котораго, также работы Ѳедотова, мы прилагаемъ здѣсь). Лицомъ къ Вяткинымъ и въ профиль къ зрителю (слѣва) стоитъ полковн. Алекс. Иван. Гильденштуббе, впоследствии генераль-адъютантъ и грозный командующій войсками Московскаго округа. За нимъ, лицомъ другъ къ другу, стоятъ Пав. Емел. Заварицкій (справа) и Орестъ Семен. Лихонинъ (слѣва), между которыми сидитъ Алекс. Ѳедоров. Ганъ, впоследствии — генер.-отъ-инфантеріи и директоръ Николаевской Чесменской военной богадѣльни. Крайнимъ слѣва стоитъ полк. Конст. Макс. Розе, возлѣ котораго сидитъ родственникъ семьи Вяткиныхъ, г. Макуаеръ, чубукомъ трубки показывающій на изображенія двухъ отсутствующихъ офицеровъ: это —

¹⁾ Декабристъ баронъ Андр. Евг. Розенъ, сослуживецъ П. И. Греча по Финляндскому полку, очень симпатично отзываясь о немъ и отмѣчаетъ, что онъ дослужился до генеральскаго чина и умеръ въ 50-хъ годахъ; былъ вторымъ комендантомъ Петербурга. Императоръ Николай, узнавъ о смерти Греча, сказалъ о немъ: «Это одинъ изъ честиѣйшихъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей жизни».

(«Одиссея недавнихъ дней: въ ссылку». Сочиненіе Андрея Розена. Москва. 1899 г.).

Александръ Оттовичъ Бекъ.

Алекс. Филипп. Воассель (слѣва) и Алекс. Карл. Фридриксъ (справа), впоследствии московскій комендантъ ¹⁾. Правѣе всей этой группы,

¹⁾ Случалось, что вел. кн. Михаилъ Павловичъ, строгій въ фронтовыхъ требованіяхъ, оставался не совсѣмъ доволенъ полкомъ, производя смотры или репетиціи, особенно частыя передъ полковымъ праздникомъ 12-го декабря (память св. Спиридонія). Взволнованный неудачею, Фридриксъ обыкновенно нервно поправляя очки и при этомъ съ досадою повторялъ: «Der verfluchte Spiridon» Этого жестъ и схваченъ Оедотовымъ на миниатюрѣ.

въ формѣ дежурнаго по полку, стоитъ и самъ художникъ Ѳедотовъ, скромно ожидающій приговора надъ своимъ произведеніемъ. Наконецъ, вправо, поодаль отъ всѣхъ, остановился полковой адъютантъ, Алексѣй Иван. Угрюмовъ, которому докладываетъ одну изъ «текущихъ бумагъ» полковой писарь Ѳедоровъ, впоследствии... генераль. Здѣсь же пріютились и адъютантскія собаки. Вдали видны музыканты, возвращающіеся къ своимъ палаткамъ.

Въ оригиналѣ эта прелестная акварель полна жизни и удивительнаго сходства всѣхъ лицъ, здѣсь фигурирующихъ. Краски сохранились замѣчательно хорошо, несмотря на 60-лѣтнюю давность, и придаютъ картинѣ видъ только что нарисованной. По словамъ нашего извѣстнаго художника Вл. Ег. Маковского, видѣвшаго эту акварель, она великолѣпна и вполне достойна кисти ея талантливаго автора. Подъ этою картиною, которая была поднесена Ѳедотовымъ генералу Вяткину, сохранилась собственноручная подпись художника (чернилами): «Величайшее изъ всѣхъ удовольствій — дѣлать удовольствіе другимъ. Ѳедотовъ. 1840».

Можно смѣло сказать, что печальная участь постигла многія произведенія Ѳедотова, который набрасывалъ ихъ нерѣдко на простыхъ клочкахъ бумаги, часто безъ подписи, о чемъ, конечно, слѣдуетъ искренно пожалѣть, потому что и его мелкіе рисунки, какъ неподобныя жанровыя картинки, полныя жизненной правды, имѣютъ несомнѣнную цѣну и общій интересъ. По словамъ В. И. Сухихъ, отставной генераль Поляковъ-Пересвѣтовъ, участвовавшій всегда въ Петербургѣ въ ежегодныхъ обѣдахъ бывшихъ кадетъ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса (24-го ноября), обыкновенно приносилъ съ собою немало рисунковъ своего однокашника Ѳедотова. Но вотъ уже года четыре онъ не появляется на этихъ обѣдахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстно, гдѣ эти Ѳедотовскіе рисунки: въ надежныхъ ли рукахъ кого либо изъ наслѣдниковъ генерала, по слухамъ — уже покойнаго, или въ числѣ ненужныхъ бумагъ попали Богъ вѣсть куда..

Кстати о «неизвѣстныхъ» рисункахъ Ѳедотова. Въ изданіи г. Булгакова есть списокъ Ѳедотовскихъ рисунковъ подъ рубрикою: «Неизвѣстно гдѣ находятся». Въ числѣ ихъ указаны: 1) «Молодая женщина ведетъ нетрезваго мужа съ помощью дѣтей. Подпись: «Господа, женитесь—пригодится!» и 2) «Домашній воръ (мужъ, проигравшій у себя на вечерѣ всѣ деньги, втихомолку вынимаетъ изъ бюро жены новые ресурсы и попадаетъ ей на мѣстѣ преступленія)». Оба эти рисунка въ настоящее время принадлежатъ художнику В. Е. Маковскому, который получилъ ихъ отъ покойнаго П. М. Третьякова. Кромѣ того, у Владимира Егоровича есть еще 5—6 листовъ мелкихъ Ѳедотовскихъ рисунковъ и набросковъ, подаренныхъ ему Л. М. Жемчужниковымъ, однимъ изъ ближайшихъ друзей Павла Андреевича.

Случайно намъ удалось встрѣтить еще нѣсколько неизданныхъ рисунковъ Федотова. У вдовы морского офицера, Над. Семен. Шишмаревой, теперь уже почтенной старушки, сохранился ея инсти-

Иванъ (или Левъ?) Федоровичъ Наскинъ.

тутскій альбомъ, который она съ полною готовностью предоставила въ наше распоряженіе, узнавъ, что мы интересуемся Федотовымъ. Ея альбомъ—продолговатая книжка, размѣромъ около восьмой доли обыкновеннаго листа, въ бархатномъ переплетѣ, на лицевой сто-

ропѣ котораго вдѣланъ, подѣ стекломъ, раскрашенный видѣ угла Невскаго проспекта и большой Морской улицы 1830—1840-хъ годовъ. Среди рисунковъ обращаютъ на себя вниманіе: сепія А. Брюллова—хорошенькій мальчикъ въ соломенной шляпѣ и два воспроизведенныхъ здѣсь эскиза Ѳедотова. Кромѣ того, здѣсь есть на новогоднюю тему нѣсколько карикатуръ перомъ, исполненныхъ далеко несовершенно въ техническомъ отношеніи. Ѳ. И. Булгаковъ, въ рукахъ котораго былъ альбомъ г-жи Шишмаревой, ошибочно принялъ эти карикатуры (безъ подписи) за рисунки Ѳедотова, подѣ видомъ которыхъ онѣ были помѣщены въ иллюстрированномъ приложеніи къ «Новому Времени», кажется, въ январѣ 1898 г. Пользуемся случаемъ указать эту ошибку: по словамъ Н. С. Шишмаревой, эти карикатуры рисованы не П. А. Ѳедотовымъ, а ея другимъ знакомымъ — барономъ Ив. Роман. фонъ-деръ-Ховеномъ, который къ тому же заимствовалъ ихъ изъ «Будильника».

Гораздо интереснѣе рисунокъ самого Ѳедотова на тему изъ институтской жизни съ подписью: «Ce n'est pas moi, m-lle!» Характерное лицо классной дамы съ строгимъ выраженіемъ глазъ и типичной прической соперничаетъ съ замѣчательно вѣрно схваченнымъ выраженіемъ лица и всей фигуры стоящей передъ нею институтки. Ея губки надуты, вотъ-вотъ расплачется бѣдная дѣвочка, которая пытается защититься отъ неумолимой наставницы единственнымъ «ce n'est pas moi»... Вдали виднѣются болѣе счастливыя подруги-шалуньи, шепчущіяся съ безпокойствомъ и о своей участи. Какъ извѣстно, Ѳедотовъ замышлялъ и даже началъ писать картину: «Пріѣздъ государя императора въ патріотической институтъ», но, по словамъ А. И. Сомова, болѣзнь и смерть художника лишили его возможности выполнить свое намѣреніе. Тѣмъ не менѣе онъ много думалъ объ избранномъ сюжетѣ, и прилагаемый рисунокъ явился въ пору этихъ думъ.

Рядомъ съ тѣмъ же рисункомъ рукою Ѳедотова написана его же «Басня институткамъ: Цвѣтки садовый и оранжерейный». Въ изданіи Ѳ. И. Булгакова эта басня напечатана подѣ заглавіемъ: «Два цвѣтка». Не останавливаясь на разницѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ въ обоихъ текстахъ, укажемъ здѣсь лишь строки, которыхъ нѣтъ въ упомянутомъ изданіи. Такъ, на примѣръ, послѣ словъ:

«Подуй еще—цвѣтокъ ужъ боленъ:
«Ужъ пострадалъ его и блескъ и аромать»...

въ альбомѣ г-жи Шишмаревой слѣдуютъ еще двѣ строки:

«Межъ тѣмъ въ теплицѣ печка грѣеть,
«И тамъ цвѣтокъ съ дня на день хорошѣеть»...

Кромѣ того, въ изданіи Булгакова стихъ:

«Но такъ какъ съ чистыми онѣ (т. е. институтки) еще душами»...

замѣненъ въ альбомѣ:

«Не святотатствую своими я стихами»...

Мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на литературныхъ произведеніяхъ Өедотова въ виду того, что, по справедливому замѣчанію его біографовъ, его стихи дѣйствительно выражаютъ настроеніе души художника, любопытны и по выраженнымъ въ нихъ мыслямъ. Съ ви́шней стороны, они имѣютъ свои недостатки, но въѣдъ художникъ-поэтъ и самъ былъ очень скромнаго мнѣнія о своихъ стихахъ и прямо говорилъ ¹⁾:

«Кто бъ ни былъ добрый мой читатель,
«Родной вы мой или пріятель,
«Теперь хочу я васъ просить
«Къ моимъ стихамъ не строгимъ быть.
«Я не отъявленный писатель,
«Хоть я давно ношусь съ перомъ,
«Да то перо, что носить въ шляпѣ.
«А что писатель держать въ лапѣ,
«Я съ тѣмъ, ей-Богу, незнакомъ,
«И не пускаюсь въ сочиненья,
«А ужъ особенно въ печать»...

Тѣмъ не менѣе нижеслѣдующее стихотвореніе Өедотова крайне интересно, какъ выразитель его душевнаго настроенія; оно имѣетъ значеніе и въ автобіографическомъ отношеніи, если припомнить, какъ тяжела была его жизнь, и какъ часто, вѣроятно, поддерживалъ онъ себя лишь надеждою на лучшее будущее. Это стихотвореніе написано Өедотовымъ собственноручно въ альбомъ Н. С. Шишмаревой и лично для нея.

Возвратъ потери и находка.

Ночью зимнею путника вихрь на дорогѣ застигъ,
Какъ слѣпецъ, отовсюду онъ пылью осыпанный снѣжной
На удачу бредеть и ужъ гибели ждетъ безнадежный.
Вдругъ—вблизи огонекъ... О, какъ сладостень первый тотъ мигъ!
Въ подземеель сыромъ цѣпью скованный узникъ-старикъ,
Лишь о смерти мечталъ, какъ о благѣ, онъ многіе годы,
Какъ въ возвратъ юныхъ дней, столько-жъ вѣра въ возвратъ и свободы,—
Вдругъ ее получила... О какъ сладостень первый тотъ мигъ!
Въ лѣтахъ бодрыхъ слѣпецъ безнадежной душою поникъ,
Умъ и сердце и память его тяготили,
Для чего ему все, коль его, какъ ребенка, водили?
Вдругъ опять онъ прозрѣлъ! О, какъ сладостень первый тотъ мигъ!
Неужель чистота ея свой отыскала двойникъ?
Что-жъ влечетъ ее такъ? Сердце чистое грязи не любитъ,
Ужъ она не дитя,—такъ змѣю неужель приглубить?..
Улыбнулась она... О, какъ сладостень первый тотъ мигъ!

¹⁾ См. его стихотвореніе: «Нѣ моимъ читателямъ, стиховъ моихъ строгимъ разбирателямъ».

Какъ глубоко онъ гордостью душу поэта проникъ!
 Путникъ, узникъ, слѣпецъ—скоро мигъ тотъ счастливый забыли:
 Власть привычки сильна—и они лишь свое воротили,
 А поэту—какъ даръ... О, какъ сладостенъ первый былъ мигъ!
 У поэта открылъ онъ въ душѣ животворный родникъ
 Новыхъ силъ, помирилъ его небо съ враждебной землею,
 Въ небѣ то-жъ—идеаль, и ужъ здѣсь не совѣмъ сиротю:
 Есть подъ-пару душа... Людямъ—счастье на мигъ,
 У него-жъ отъ одной отъ минуты—вѣкъ счастья возникъ.

П. Федотовъ.
 1849.

Это стихотвореніе написано Федотовымъ въ ту пору его жизни, когда направленіе его художественной дѣятельности замѣтно измѣнилось. «Усталъ ли онъ вѣчно давать уроки морали, — говоритъ Л. К. Дитерихсъ,—или, можетъ быть, его больше не удовлетворяла сатира и насмѣшка надъ общественными нравами, только онъ сталъ пробовать себя надъ сюжетами, имѣвшими или религіозный или грустный, сентиментальный характеръ». И дѣйствительно, въ подтвержденіе этихъ словъ, въ томъ же альбомѣ находимъ карандашный рисунокъ Павла Андреевича: «Мадонна съ младенцемъ». Къ сожалѣнію, эскизъ нѣсколько пострадалъ отъ времени, карандашъ слегка истерся, размазался, но все же трудно не согласиться, что освѣщеніе очень эффектно, лица Мадонны и Предвѣчнаго Младенца полны неземного выраженія и вполне воплощаютъ мысль художника: Младенецъ—Христосъ, при видѣ плодовъ, впервые задумывается надъ тѣмъ, что черезъ плодъ сошелъ грѣхъ на землю. Въ общемъ, этотъ эскизъ производитъ самое пріятное впечатлѣніе и является интереснымъ по содержанію, какъ одинъ изъ рѣдкихъ рисунковъ Федотова въ такомъ жанрѣ.

Н. С. Шишмарева познакомилась съ П. А. Федотовымъ совершенно случайно, и такъ какъ послѣ того онъ довольно часто бывалъ въ домѣ ея матери, то мы считаемъ небезынтереснымъ привести кое-какія подробности о Павлѣ Андреевичѣ. Для удобства будемъ продолжать рассказъ отъ ея имени.

«Во время выставки въ академіи художествъ, кажется, весною 1849 года, многолюдная публика стояла у картинъ Федотова, и какой-то господинъ дѣлалъ объясненія ихъ сюжетовъ. Моя матушка обратилась ко мнѣ со словами:

— «Les sujets de ces tableaux n'ont pas besoin d'être expliqués, — chaque personnage parle.

«Незнакомый господинъ оказался Федотовымъ, который подошелъ къ намъ, представился и съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ, что большей похвалы за свои картины онъ не получалъ. Мы разговорились, познакомились съ нимъ, и тутъ же онъ представлялъ намъ художника Лагорію, тогда еще совѣмъ юнаго. Съ тѣхъ

И. М. Радивановскій.

поръ Павелъ Андреевичъ сталъ нашимъ частымъ и любимымъ гостемъ, всегда веселымъ, разговорчивымъ, приятнымъ. Часто онъ игралъ, пѣлъ, читалъ свои стихотворенія, которыя обыкновенно декламировалъ очень быстро и съ жаромъ; нѣкоторые изъ стиховъ онъ приносилъ въ готовыхъ спискахъ, иные же переписывалъ нарочно или даже сочинялъ по какому нибудь поводу. Такъ, однажды, ко дню моего рожденія (14 декабря) онъ прислалъ мнѣ поздравленіе въ стихахъ, изъ которыхъ я помню лишь одинъ:

«Не лицемѣрить можетъ только мать»....

«Къ сожалѣнію, и это стихотвореніе и другія рукописи Ѳедотова не сохранились, такъ какъ ихъ взялъ у меня писатель Алекс. Вас. Арсеньевъ, послѣ смерти котораго мнѣ не удалось получить ихъ обратно.

«Когда Павелъ Андреевичъ собрался устроить выставку своихъ картинъ въ Москвѣ и сообщилъ объ этомъ моей матери, она дала ему письмо на имя Алексѣя Петровича Ермолова, котораго знала давно, съ просьбою тѣмъ можно оказать содѣйствіе Ѳедотову. Письмо это дѣйствительно пригодилось, такъ какъ Ермоловъ принялъ въ немъ участіе и помогъ выхлопотать печатаніе безъ измѣненій картины Ѳедотова «Свѣжій кавалеръ». Строгая цензура того времени сначала не допускала, чтобы на халатѣ «кавалера» красовался орденъ....

«Павелъ Андреевичъ былъ очень расположенъ и къ моей матушкѣ и ко мнѣ, тогда еще почти дѣвочкѣ, только что окончившей институтъ. Помню, онъ самъ предложилъ нарисовать мнѣ что нибудь на память въ альбомъ, долго держалъ его у себя и когда, наконецъ, принесъ, то объявилъ, что я его вдохновила, и онъ написалъ «Мадонну», эскизъ которой у меня въ альбомѣ. Онъ нѣсколько разъ приглашалъ насъ къ себѣ, чтобы посмотреть его мастерскую, и вотъ мы съ матушкой собрались къ нему; онъ жилъ тогда въ одной изъ дальнихъ линій Васильевского острова ¹⁾. Это было зимою. Мы порядочно замерзли, пока доѣхали къ нему, но и здѣсь не пришлось намъ отогрѣться. Отъ замерзшаго сверху до низа окна несло такимъ холодомъ, что мы не рѣшились снять теплую одежду, тѣмъ болѣе, что и нашъ бѣдный хозяинъ сидѣлъ чуть ли не въ шубѣ. Бѣдность всей обстановки была ужасающая, не помню даже, былъ ли приличный диванъ, стулъ....

¹⁾ А. В. Дружининъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о П. А. Ѳедотовѣ» (см. Полное собраніе его сочиненій, т. 7, и отдѣльн. брошюрка, изд. 1853 г.), кстати сказать, дающихъ самый цѣнный матеріалъ для біографіи его друга, говоритъ, что П. А. жилъ въ 21 линіи, какъ кажется, между Большимъ проспектомъ и набережною Невы, въ маленькомъ деревянномъ домѣ въ одинъ этажъ. Л. М. Жемчужниковъ, также ближайшій другъ Ѳедотова, посѣщавшій его много разъ въ этомъ домѣ, передавалъ намъ лично, что еще въ прошломъ году нарочно

Ce n'est pas moi, m-lle.

«Никогда не унывавший хозяинъ показалъ намъ, въ числѣ другихъ картинъ, тогда недавно оконченную имъ «Вдовушку», а также «Армейскій офицеръ, квартирующій въ деревнѣ», небольшую картину (6—7 вершк.), масляными красками. Сюжетъ ея таковъ: офицеръ, въ бѣльѣ, лежитъ навзничъ на диванѣ; въ рукахъ у него длинный чубукъ, черезъ который онъ заставляеть пуделя прыгать; на столѣ — нагорѣвшая сальная свѣча. Эта картина почему-то не давалась Павлу Андреевичу и просто приводила его въ отчаяніе: не удавалось освѣщеніе. Мы пробыли у него нѣсколько времени и съ тяжелымъ чувствомъ разстались съ нимъ.

«Прошло много времени—Оедотовъ все не приходилъ къ намъ. Наконецъ является, видимо взволнованный, грустный и говоритъ:

— «Вотъ причина моего долгаго отсутствія. Вы видѣли мою картину: «Офицеръ, квартирующій въ деревнѣ»? Вы помните, какъ долго я бился съ нею? Представьте себѣ, я видѣлъ сонъ: приходитъ ко мнѣ К. П. Брюлловъ и говоритъ, что я не такъ расположилъ краски, потому и освѣщеніе плохо. Я бился, бился, но никакъ не могъ вспомнить еще одного его совѣта. Освѣщеніе картины не улучшилось, а я потерялъ столько времени.... Нѣтъ у меня больше энергіи!

«Печально звучали эти роковыя слова ¹⁾.

«Недѣли черезъ двѣ послѣ этого пришелъ къ намъ Всевол. Никандр. Жадовскій, тогдашній помощникъ почтъ-директора, и сообщилъ грустную неожиданную вѣсть, что Павелъ Андреевичъ сошелъ съ ума, и его помѣстили въ больницу къ доктору Штейну ²⁾. Мы съ матушкой вскорѣ послѣ этого поѣхали навѣстить бѣднаго Оедотова. Путь былъ далекій: лѣчебница помѣщалась гдѣ-то на Пескахъ, возлѣ Таврическаго сада, и въ добавокъ докторъ сначала не хотѣлъ допустить свиданія съ больнымъ. Долго уговаривали мы его, пришлось заговорить и на нѣмецкомъ языкѣ, что, кажется,

---

вздвигъ взглянуть на мѣсто, гдѣ когда-то жилъ П. А., и съ грустью убѣдился, что всеокрушающее время стерло съ лица земли тотъ скромный домикъ, въ которомъ такъ много пережилъ и преждевременно окончилъ свою дѣятельность несчастный художникъ.

¹⁾ Картина «Армейскій офицеръ, квартирующій въ деревнѣ» не значится въ спискѣ произведеній Оедотова, составленномъ А. П. Сомовымъ (см. его очеркъ: «Павелъ Андреевичъ Оедотовъ», Спб., 1878 г.) и дополненнымъ О. П. Булгаковымъ въ ихъ изданіяхъ. Пользуемся случаемъ указать этотъ пробѣлъ. Для полноты свѣдѣній о вѣсѣхъ картинахъ Оедотова было бы весьма желательно знать, въ чьихъ рукахъ находится она теперь, тѣмъ болѣе, что, по словамъ г-жи Шишмаревой, какъ сейчасъ увидимъ, эта картина сыграла даже нѣкоторую роль въ жизни несчастнаго художника.

²⁾ А. П. Сомовъ (стр. 17) и Л. К. Дитерихсъ (стр. 75) говорятъ, что Оедотовъ былъ отправленъ въ больницу Лейдесдорфа. Н. С. Шишмарева ясно помнитъ, что Павелъ Андреевичъ былъ помѣщенъ у д-ра Штейна: то же говоритъ и Л. М. Жемчужниковъ въ «Воспоминаніяхъ» о своемъ другѣ Оедотовѣ («Артистъ» 1893 г., мартъ).

Мадонна съ Младенцемъ.

главнымъ образомъ, и помогло—и насъ пустили. Несчастнѣй Павелъ Андреевичъ, котораго мы еще такъ недавно видѣли здоровымъ человѣкомъ, помѣщался теперь въ подвальномъ помѣщеніи больницы, черезъ открытое окно которой слышалъ наши голоса, узналъ ихъ и поднималъ шумъ. Докторъ самъ вошелъ къ больному, чтобы вывести его изъ подвала, и когда Ѳедотовъ вошелъ въ сосѣднюю маленькую комнату, то вдругъ слышался его возгласъ:

— «Вотъ мои доктора! Вотъ мои спасители!

«Страшно становилось возлѣ него: онъ былъ въ очень возбужденномъ состояніи, поднималъ кулаки и крикнулъ:

— «Какая у меня силища!... Меня бьютъ, но и я ихъ тоже.

«Дѣйствительно это и было видно по синякамъ на его рукахъ и лицѣ. Потомъ онъ успокоился, пересталъ жаловаться и говорилъ какъ будто въ обыкновенной обстановкѣ.

«Говорили намъ, что докторъ Штейнъ и его семья очень интересовались Ѳедотовымъ, однажды пригласили его къ себѣ на вечеръ и, между прочимъ, предложили ему нарисовать что нибудь. Для этого его оставили одного въ кабинетѣ, но когда черезъ нѣсколько времени вошли къ нему, то почти все на письменномъ столѣ оказалось переломаннымъ, а обломки и осколки онъ растиралъ, какъ краски...

«Когда мы съ матерью вторично пріѣхали къ нему, принесли ему карандашъ и бумагу и попросили его что нибудь нарисовать, онъ могъ только изъ буквы Т однимъ почеркомъ нарисовать кошку, а потомъ сталъ мазать какъ попало карандашомъ по бумагѣ. Общій его видъ былъ гораздо хуже, чѣмъ при нашемъ первомъ свиданіи: не бритое, похудѣвшее лицо и, главное, горящіе глаза говорили ясно объ его роковой болѣзни. Онъ заговаривался больше, чѣмъ въ первый разъ, и только среди отдѣльныхъ, безсвязныхъ фразъ слышались иногда такія, которыя вдругъ напоминали намъ прежняго Ѳедотова.

— «Вы знаете,—вдругъ обратился онъ комнѣ,—я сочинилъ оперу «Спящая Надина»... Замѣчательная партія фортепіано: слышатся рулады, то громкія, то тихія,—это храпъ...

— «Voulez vous des bonbons?—перебиваю я его....

— «Du jambon—согласенъ,—по привычкѣ острить онъ и теперь.

«Больно становилось при видѣ его....

«Осенью 1852 г. я вышла замужъ за флотскаго офицера, который служилъ тогда въ Кронштадтѣ. Передъ отъѣздомъ туда мы съ мужемъ рѣшили повидать Павла Андреевича еще разъ — послѣдній, какъ я уже предчувствовала. Онъ былъ тогда уже на 11-ой верстѣ, въ больницѣ «Всѣхъ скорбящихъ». Когда его привели къ намъ въ залъ, у насъ сразу начался довольно связанный разговоръ съ нимъ. Мы говорили долго, и я какъ-то совсѣмъ позабыла познакомиться его съ моимъ мужемъ, просто не пришло въ голову исполнить эту формальность съ больнымъ человѣкомъ.

— «Мы столько времени разговариваемъ, а я не знаю, съ кѣмъ имѣю удовольствіе бесѣдовать,—вдругъ замѣтилъ Өедотовъ.

«Я извинилась передъ нимъ и назвала фамилію моего мужа, объяснивъ, что теперь я замужемъ.

— «Шишмаревъ....сталъ припоминать Павелъ Андреевичъ.—Вамъ не родственникъ ли Шишмаревъ, женатый на Державиной? Я его хорошо зналъ.

«Онъ говорилъ такъ разумно и связно, что мой мужъ просто не могъ вѣрить сумасшествію своего собесѣдника.

— «Мнѣ мой вѣстовой говорилъ, что вы замужемъ,—обратился онъ ко мнѣ,—но я не зналъ, за кѣмъ.

«Өедотовъ подразумѣвалъ своего вѣрнаго Коршунова, не покидавшаго барина до смерти.

«Когда мы прощались, онъ сказалъ мнѣ едва слышно:

— «Какъ меня здѣсь мучатъ! Если бы вы могли помочь!...

«Черезъ нѣсколько времени послѣ этого свиданія, нашъ бѣдный, добрый Павелъ Андреевичъ скончался».

Такъ заканчиваетъ свои воспоминанія о немъ Н. С. Шишмарева. Въ началѣ ноября Өедотовъ вдругъ пересталъ страдать и пришелъ въ себя,—то былъ признакъ близкой кончины. Онъ приобщился св. Таинъ, прочиталъ письмо отъ старика—отца, обнялъ Коршунова и плакалъ долго-долго.... 14 ноября 1852 г. его не стало. Мы интересовались знать, какое непосредственное впечатлѣніе произвела на тогдашнюю публику кончина Өедотова, насколько объ этомъ можно судить по газетнымъ отзывамъ, и съ этой цѣлью внимательно просмотрѣли современныя этому событію петербургскія газеты, которыя, если не ошибаемся, тогда только и составляли: «Русскій Инвалидъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Сѣверная Пчела». И что же? «Инвалидъ», помѣщавшій на своихъ страницахъ статьи общаго содержанія, напечатавшій еще при жизни Өедотова одну изъ его басенъ («Два цвѣтка»), наконецъ, тщательно отмѣчавшій cadaго прапорщика въ особой рубрикѣ приѣхавшихъ и уѣхавшихъ,—не обмолвился ни словомъ о нашемъ художникѣ, который также 10 лѣтъ носилъ военный мундиръ.... «Сѣверная Пчела» подъ громкимъ названіемъ: «Замѣчательныя происшествія въ Россіи за послѣднее время», 20 ноября 1852 г. сообщила, на примѣръ, о томъ, что въ Черниговскій губерніи казакъ Герасимъ Кноразъ съ сыномъ, занимавшисъ чисткою колодца, умерли въ немъ отъ скопившагося удушливаго воздуха, или что въ Забалъкайской области 7 іюля громовымъ ударомъ поражены 50 барановъ и козловъ, принадлежавшихъ командиру 6-ой сотни 2-го коннаго полка, а о Өедотовѣ.... не упомянуто даже послѣ барановъ.... Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за тотъ же ноябрь мы также не нашли ничего.... Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже въ слѣдующемъ году, о родоначальникѣ русскаго

жанра появились статьи въ «Русскомъ художественномъ листкѣ» Тимма, въ «Москвитянинѣ», «Пантеонѣ» и, что особенно цѣнно, «Воспоминанія» о немъ А. В. Дружинина, который съ большимъ талантомъ, теплотой и безпристрастіемъ далъ яркій обликъ этого поистинѣ замѣчательнаго чловѣка и художника. Въ общемъ же, по справедливому замѣчанію одного изъ его біографовъ, наша присяжная критика проморгала появленіе Ѳедотова и его значеніе въ исторіи русской живописи.

Желающимъ ближе ознакомиться съ біографіею П. А. Ѳедотова необходимо прочесть выше указанныя нами книги и статьи о немъ. Трудно безъ самаго горькаго чувства читать страницы повѣсти ужасныхъ нравственныхъ, а затѣмъ и физическихъ страданій чловѣка, достойнаго лучшей участи. «Меня слишкомъ мало любили и цѣнили въ мою жизнь», однажды въ горькую минуту вырвалось у него въ откровенной бесѣдѣ съ своимъ другомъ Дружининымъ. И дѣйствительно, при жизни его мало цѣнили, лучшимъ доказательствомъ чего могутъ служить и его постоянная бѣдность, доходившая чуть не до нищеты, и хладнокровное отношеніе къ нему самой академіи во время его болѣзни. Быть можетъ, теперь люди воздадутъ должное Ѳедотову послѣ его смерти, ктати есть и поводъ вспомнить о немъ: 14 ноября 1902 года исполнится 50 лѣтъ со дня его смерти. Было бы жаль, если бы къ этому дню не появилась новая, возможно полная біографія Ѳедотова, который «не только выказалъ себя замѣчательнымъ, совершенно оригинальнымъ художникомъ, но и создалъ новое направленіе, еще небывалое въ русской школѣ живописи», какъ говоритъ А. И. Сомовъ, глубокій знатокъ и авторитетный цѣнитель художественныхъ произведеній. По его же мнѣнію, съ которымъ нельзя не согласиться, важность мѣста, которое такимъ образомъ должно быть отведено Ѳедотову въ исторіи отечественнаго искусства, требуетъ, чтобы было издано подробное сочиненіе о немъ. Къ сожалѣнію, послѣ изданія книги А. И. Сомова («Павелъ Андреевичъ Ѳедотовъ», Спб., 1878 г.) прошло уже 22 года, а такого «подробнаго сочиненія» все еще нѣтъ....

Намъ кажется, что въ этомъ дѣлѣ нравственный долгъ нашей академіи художествъ взять на себя инициативу и трудъ въ отношеніи родоначальника нашей жанровой живописи, котораго она удостоила званіемъ «академика». Пока еще не совсѣмъ поздно, можно обратиться и къ бывшимъ полковымъ товарищамъ Ѳедотова, изъ которыхъ понынѣ здравствуютъ: генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій, генераль-отъ-инфантеріи Н. С. Ганецкій, отставной генераль-отъ-инфантеріи А. И. Вернеръ. Л. М. Жемчужниковъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Ѳедотова, также находится еще въ вождельномъ здравіи, отъ времени до времени пріѣзжаетъ въ Петербургъ и, вѣроятно, съ удовольствіемъ пополнитъ бы своими указаніями разныя свѣдѣнія о Ѳедотовѣ и его произведе-

ніяхъ. Въ числѣ лицъ, хорошо знавшихъ Павла Андреевича, считаемъ долгомъ назвать М. А. Дрентельнъ, покойный мужъ которой (впослѣдствіи генераль-адъютантъ и командующій войсками Кіевскаго военнаго округа) былъ сослуживцемъ Фодотова по л.-гв. Финляндскому полку. Марія Александровна съ дѣтства прекрасно помнитъ П. А. Фодотова и многихъ офицеровъ, фигурирующихъ на его картинахъ и рисункахъ, такъ какъ ея отецъ, Алекс. Серг. Вяткинъ, командовалъ Финляндскимъ полкомъ именно въ тотъ періодъ (съ 1839 по 1846 г.), когда служилъ въ немъ и Фодотовъ. Быть можетъ, есть и другіе его однополчане-сослуживцы и частныя лица, болѣе или менѣе близко знавшіе его. Каждый фактъ его жизни, даже мелкія подробности, въ цѣломъ создадутъ ясный обликъ этого человѣка и художника, котораго не слѣдовало бы забывать русскому обществу.

Рисунки Фодотова до сихъ поръ мало знакомы нашей публикѣ, потому что многіе изъ нихъ не только не изданы, но даже неизвѣстно у кого находятся. Мы твердо убѣждены, что если бы академія художествъ, помимо біографіи Фодотова, задалась цѣлью устроить выставку его произведеній и рѣшила бы привести въ извѣстность и издать по возможности всѣ его рисунки, а попутно съ ними его литературныя и даже музыкальныя произведенія, то на ея призывъ помочь этому дѣлу отозвались бы всѣ тѣ, кому дороги и русское искусство и русское имя — и подобное изданіе увѣнчалось бы полнымъ успѣхомъ. Правда, оно стоило бы, вѣроятно, не дешево, но, во-первыхъ, академія, надо полагать, не отказалась бы, по мѣрѣ силъ, прійти на помощь своими средствами, во-вторыхъ, есть же у насъ истинные цѣнители искусства, которые не отказали бы въ денежныхъ пожертвованіяхъ и, наконецъ, если бы академія художествъ объявила подписку на изданіе, украшенное ея авторитетнымъ именемъ, то матеріальный успѣхъ изданія былъ бы обезпеченъ, и академія заслужила бы глубокую благодарность всякаго образованнаго человѣка, не вполне равнодушнаго къ русской живописи.

Если забыта или почти забыта на Смоленскомъ кладбищѣ Фодотовская могила, поддерживаемая лишь л.-гв. Финляндскимъ полкомъ, памятующимъ своего однополчанина, то пусть же не будутъ забыты творенія Фодотова и тѣ высокіе идеалы, которыми онъ жилъ, и стремленіе къ которымъ преждевременно свело его въ могилу.

В. Жерве.

ПРИЗНАНІЯ ЭМИРА АФГАНСКАГО.

ТЪ ТЕЧЕНІЕ нѣсколькихъ лѣтъ нашъ сосѣдь, эмиръ Афганскій, жестоко страдающій ревматизмомъ, пользовался медицинской помощью женщины-врача, миссъ Лиліанъ Гамильтонъ. Въ свое время слухи о дѣятельности этого лейбъ-медика въ юбкѣ вызывали далеко недвусмысленные комментаріи, но мы не будемъ останавливаться на томъ, какъ эта предприимчивая миссъ проникла и устроилась при дворѣ Абдурахмана-хана и какимъ вліяніемъ вмѣстѣ съ другомъ ея, сперва мистеромъ, а потомъ сэромъ ¹⁾ Сольтеромъ Пайномъ пользовалась она въ Кабулѣ. Скажемъ лишь, что въ 1897 году миссъ Гамильтонъ, вѣроятно, стосковавшись по родинѣ, рѣшила оставить своего вѣнценоснаго паціента и въ числѣ различныхъ экзотическихъ bibelots вывезла изъ Кабула нѣкоего Миръ-Мунчи-Мохамеда-хана, красиваго юношу, состоявшаго секретаремъ при эмирѣ. Подчеркнемъ, что она его не увезла, а вывезла съ милостиваго разрѣшенія эмира, который мечталъ черезъ нѣсколько лѣтъ получить обратно своего секретаря не только вкусившимъ, но и переварившимъ плоды британской цивилизаціи, отшлифованнымъ и искушеннымъ... Эмиръ имѣлъ на него виды, о которыхъ дальше. Миссъ Гамильтонъ, при помощи своего однофамильца (а, можетъ быть, и родственника), секретаря по индійскимъ дѣламъ,

¹⁾ Сэромъ онъ сталъ послѣ того, какъ устроилъ въ Кабулѣ оружейный, пушечный, патронный и пороховой заводы, на которыхъ работаютъ теперь свыше 1.000 человекъ ежедневно.

лорда Джоржа Гамильтона, усердно муссировала юношу, вывозила его въ салоны и театры, на митинги и at home'ы, и красивый юноша въ живописномъ костюмѣ производилъ такое впечатлѣніе, что чуть ли не сдѣлался героемъ сезона въ Лондонѣ.

Лондонскій корреспондентъ «Новаго Времени» въ свое время констатировалъ этотъ фактъ, а какъ предѣдатель ассоціаціи иностранной прессы въ Лондонѣ и человекъ, понимающій значеніе злобы дня, пригласилъ экзотическаго юношу въ качествѣ «гвоздя» на ежегодный обѣдъ ассоціаціи, въ маѣ 1898 г., если не ошибаюсь. На этомъ обѣдѣ съ секретаремъ эмира познакомился и я и, побесѣдовавъ съ нимъ, пришелъ, во-первыхъ, къ убѣжденію, что миссъ Гамильтонъ прекрасная преподавательница англійскаго языка, а, во-вторыхъ, что Миръ-Мунчи оправдываетъ надежды эмира и пойдетъ далеко.

Я не ошибся. Передо мною лежитъ книга, которая вызвала не только большую сенсацію въ Лондонѣ, но и полемику въ печати, и которая не можетъ не интересоваться насъ, русскихъ, ибо это—quasi-автобіографія нашего «добраго сосѣда» и бывшаго «самаркандскаго пансіонера», эмира Абдурахмана-хана. Какъ видно изъ заголовка и предисловія ея, первую часть книги эмиръ самъ написалъ, а вторую — продиктовалъ, и разрѣшилъ все это перевести на англійскій языкъ и въ назиданіе бриттамъ издать своему секретарю Миръ-Мунчи, который въ предисловіи скромно именуется себя «преуспѣвающимъ студентомъ Chrest College'a въ Кембриджскомъ университетѣ»...

Переводчикъ весьма благоразумно оговорился въ предисловіи, что эмиръ самъ писалъ лишь первую часть, которую можно назвать «поэтической», а вторую «политическую» — диктовалъ лишь,—благоразумно, потому что пишущій подъ диктовку можетъ ошибиться, а диктующій можетъ и не отвѣчать за ошибки перваго; но, къ сожалѣнію, «преуспѣвающій студентъ» не повѣдалъ намъ, кто редактировалъ и корректировалъ эту «политическую» часть автобіографіи эмира, кто ретушировалъ и по своему усмотрѣнію то затушевывалъ, то сгущалъ краски во многихъ пунктахъ «profession de foi» эмира. Что къ этой части сенсаціонной книги кто-то «руку приложилъ»,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, какъ увидимъ дальше, но въ подлинности первой части можно и не сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе, и та и другая интересны безусловно, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Относительно первой приходится лишь пожалѣть, что неопытная рука переводчика лишила оригиналь его прелести восточнаго стиля, хотя все же въ немъ чувствуется и сверхчеловѣческая гордость азіатскаго деспота и восточная поэзія и душа государя, проникнутая сознаниемъ его святой миссіи по отношенію къ подданнымъ, на которыхъ онъ смотритъ въ то же время, какъ на свою личную собственность.

Какъ и подобаетъ сверхчеловѣку Кабула, онъ начинаетъ автобиографію апологіей себя, ибо жизнь его—полная противоположность жизни всѣхъ прочихъ лѣнливыхъ и развратныхъ деспотовъ азіатскихъ...

Эмиръ работаетъ весь день, даже больной, не имѣя силъ подняться съ постели, при чемъ не страдаетъ отъ усталости, ибо «работа заставляетъ его испытывать такое удовольствіе, что усталости онъ даже не чувствуетъ». Эмиръ говоритъ: «Каждый человѣкъ имѣетъ свое собственное тщеславіе,—мое-же заключается въ томъ, что я хочу завершить для моего царства обезпеченіе добраго управленія, ибо, какъ говорятъ, «если возлюбленная не одобряетъ любовника, идя къ нему, никогда любовникъ не будетъ имѣть мужества приблизиться къ ней».

«Эта любовь къ труду во мнѣ отъ Бога. Это Богъ далъ мнѣ ее, чтобы я могъ блюсти благо человѣческаго стада, довѣреннаго моимъ заботамъ. Устами пророка своего Аллахъ говоритъ: «Когда Всемогущій хочетъ, чтобы что либо совершилось, — онъ приготовляетъ все, чтобы оно совершилось» (Коранъ), а такъ какъ Всемогущій пожелалъ охранить Афганистанъ отъ иноземныхъ нашествій и внутреннихъ волненій, онъ сдѣлалъ мнѣ, его скромному слугѣ, честь поставить меня на занимаемый мною тронъ и позволилъ мнѣ всего себя отдать идеѣ блага моего народа. Да будетъ благословенно имя Аллаха и его Пророка!

«Исторія моя — это исторія хорошо извѣстнаго на Востокѣ любовника, по имени Майнунъ. Онъ такъ влюбленъ былъ въ молодую женщину, по имени Лейла, что однажды, увидя ея собаку, пошелъ за нею и прошелъ, не замѣтивъ ни мечети, ни молившихся въ ней. Когда муллы мечети потребовали отъ него отчета въ его поведеніи, онъ сказалъ, что не видѣлъ ни мечети, ни молящихся: такъ велика была его любовь къ собакѣ его возлюбленной, и добавилъ, что муллы не любятъ такъ Бога, какъ онъ собаку, ибо, молясь Ему, они увидѣли и его и собаку,—такая молитва стоитъ немногаго». Даже во снѣ эмиръ думаетъ лишь о благѣ народа своего. «Во всѣхъ сновидѣніяхъ моихъ я вижу печальное положеніе моего царства и думаю, какъ защитить эту несчастную серну, Афганистанъ,—жертву, которую подстерегаютъ съ одной стороны — левъ, а съ другой — ужасный медвѣдь,—оба готовые проглотить ее при первомъ удобномъ случаѣ ¹⁾. Всѣ придворные мои знаютъ, напримѣръ, что за-

¹⁾ Достъ-Магомедъ, дѣдъ нынѣшняго эмира Афганскаго, по словамъ послѣдняго (см. «The Ameer Abdur-Rahman», професс. С. Миллера), любилъ рассказывать дѣтямъ своимъ басню, въ которой эмиръ изображался лебедемъ, плавающимъ по озеру—Афганистану, на сѣверномъ берегу котораго сидитъ волкъ, а на южномъ тигръ. Лебедь безопасенъ только на середняхъ озера, но... оно высыхаетъ, а когда высохнетъ — волкъ и тигръ встрѣтятся, и произойдетъ великая борьба, послѣ которой отъ лебедя и черева не останется. Очевидно, это—тоже притча, но версія и символизмъ Достъ-Магомета намъ кажутся потчичнѣе.

долго до вопроса объ опредѣленіи границъ моего царства я видѣлъ сонъ, который потомъ обнародованъ былъ во всей странѣ. Я видѣлъ, что до моей смерти мнѣ удалось окружить Афганистанъ крѣпкой стѣной для его защиты. Сонъ этотъ надлежащимъ образомъ истолкованъ былъ моими астрологами. Онъ обозначалъ, что я долженъ опредѣлить границы Афганистана съ цѣлью положить конецъ предпримчивой политикѣ моихъ сосѣдей, которые изъ года въ годъ привыкли ползти впередъ, захватывая мои территоріи. Немало и другихъ моихъ сновидѣній, рассказанныхъ приближеннымъ моимъ, также сбывались. И вотъ границы царства моего опредѣлены, и я все еще живъ, къ великой досадѣ тѣхъ, которые такъ нетерпѣливы въ ихъ желаніи освободиться отъ меня, что еженедѣльно распускаютъ ложные слухи о моей смерти.

Любовь Абдурахмана къ народу своему не мѣшаетъ ему, однако, съ горечью и строго судить его.

«Очень часто, — говоритъ эмиръ, — я готовъ былъ потерять мужество, видя скверное поведеніе моихъ подданныхъ, упорствующихъ въ мятежахъ, ссорахъ, интригахъ другъ противъ друга, въ ложныхъ доносахъ. Я вынужденъ назначать слѣдствія для открытія истины, и это отнимаетъ у меня добрую половину моего драгоценнаго времени. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ я стараюсь идти впередъ по пути прогресса, мои подданные непрестанно влекутъ меня назадъ. Досада овладевала мною часто, и нерѣдко мнѣ приходило въ голову, что ни положеніе подданныхъ моихъ нельзя улучшить, ни интриги ихъ прекратить, что нѣтъ возможности поднять ихъ на ту высоту силы и характера, которая сравняла бы ихъ съ сосѣдями. И тогда я готовъ предоставить ихъ фатальной гибели и отдаться отдыху, отказавшись отъ этой безпокойной жизни и непрестанной борьбы, но вскорѣ я одумываюсь и сознаю, что это было бы малодушіемъ, отказомъ отъ исполненія предписаннаго мнѣ Богомъ долга, ради котораго я созданъ. Я думаю, что любовникъ никогда не долженъ приходить въ отчаяніе отъ затрудненій, встрѣчаемыхъ на своемъ пути, что онъ долженъ во всѣхъ зловредныхъ дѣяніяхъ своей возлюбленной, во всѣхъ ея жестокостяхъ — видѣть безконечно пріятное занятіе, ибо затрудненія любовника суть прелести его любви»...

И Абдурахманъ не приходитъ въ отчаяніе, и работа такъ глубоко поглощаетъ его, что онъ едва находитъ время для посѣщенія гарема, «несмотря на живую радость, которую, конечно, испытываютъ тамъ при его посѣщеніяхъ». Прежде онъ хаживалъ туда по два раза въ недѣлю, но теперь онъ едва-едва два-три раза въ годъ бываетъ тамъ. Взамѣнъ этого эмиръ позволяетъ женамъ своимъ приходить къ нему въ апартаменты 10—12 разъ въ годъ, «но такіе ихъ визиты продолжаются не долѣе нѣсколькихъ часовъ», прибавляетъ эмиръ. Затѣмъ онъ описываетъ намъ употребленіе

своего времени, часъ за часомъ. Ложась спать не ранѣе пяти часовъ утра и почивая очень дурно, благодаря неустаннымъ заботамъ о благѣ своего царства, эмиръ подымается съ постели не ранѣе трехъ часовъ пополудни. «Прежде всего я принимаю моихъ докторовъ и хакимовъ, которые изслѣдываютъ меня и рѣшаютъ, нужно ли мнѣ какое нибудь лѣкарство». Послѣ докторовъ является портной, и эмиръ, выбравъ костюмъ, приступаетъ къ туалету, а затѣмъ къ завтраку, во время котораго принимаетъ доклады. Здѣсь эмиръ приводитъ длинный списокъ своихъ приближенныхъ отъ «хранителя печати» и «сердарей» до «мойвадуровъ» (фруктодары) и «аббардуровъ» (винодары), игроковъ въ шашки, чтецовъ и разсказчиковъ сказокъ...

Во время завтрака всѣ чины эти смотрятъ въ глаза эмиру и, какъ онъ думаетъ, «говорятъ въ сердцахъ своихъ»: «О! пусть онъ поторопится и допуститъ насъ приблизиться и доложить о работахъ нашихъ!»

— «Я не осуждаю въ нихъ это чувство, ибо каждый изъ нихъ вѣдаетъ дѣла высокой важности!»—прибавляетъ эмиръ, не дѣлая, очевидно, исключенія и для «хитманговъ» (буфетчиковъ), «сакабъ-бардуровъ» (носильщиковъ воды) и «шарибардуровъ» (разливающихъ чай)....

Когда эмиръ выходитъ изъ своего дворца, хотя бы для того, чтобы сдѣлать непродолжительную прогулку, его обязательно сопровождаетъ весь этотъ персоналъ верхами, на богато разукрашенныхъ лошадяхъ, и эмиръ, очевидно, чувствуетъ немалое удовольствіе, описывая, «какую блестящую и веселую на видъ картину представляетъ эта кавалькада». Съ наименьшими деталями и довольствомъ онъ описываетъ и тѣ мѣры предосторожности, которыя принимаются имъ постоянно для обезпеченія безопасности его жизни. Въ карманахъ каждаго его халата, редингота или пальто, какъ и въ карманахъ шароваръ и панталонъ, всегда имѣются заряженные револьверы; сабли и ружья день и ночь находятся у него подъ рукою, а въ специальныхъ мѣшкахъ, всегда прикрѣпленныхъ къ сѣдламъ, хранятся значительныя суммы денегъ въ золотѣ на случай, если ему внезапно понадобится спастись бѣгствомъ. Такимъ образомъ, эмиръ не обходитъ молчаніемъ ни малѣйшей детали своей ежедневной жизни, объясняя свои отношенія къ женамъ, дѣтямъ, женамъ своихъ сыновей, министрамъ, слугамъ и всѣмъ вообще поданнымъ.

«Каждый мой подданный»,—говоритъ между прочимъ эмиръ,— «можетъ принести мнѣ жалобу слѣдующимъ образомъ. Онъ приходитъ къ воротамъ моего дворца и заявляетъ, что хочетъ меня видѣть; его немедленно принимаютъ и приглашаютъ или лично приблизиться ко мнѣ, или письменно изложить, что ему нужно. Онъ ставитъ на конвертѣ: «можетъ быть вскрыто только эмиромъ».

И дѣйствительно, всѣ такого рода письма я вскрываю самъ и, если это необходимо, собственноручно отвѣчаю. Если, благодаря препятствіямъ, жалоба истца не достигнетъ рукъ моихъ, я строго наказываю моихъ шпионовъ и полицейскихъ, какъ тайныхъ, такъ и явныхъ. Въ Афганистанѣ всѣ увѣрены, что въ каждомъ домѣ имѣется мой шпионъ, но... я думаю, что это нѣсколько преувеличено»...

Что касается его приближенныхъ, эмиръ считаетъ своими «личными друзьями» тѣхъ изъ нихъ, которые служатъ ему «искренно и честно», но къ «лживымъ и лицемернымъ» онъ «очень строгъ и тяжелъ» и по этому поводу всегда вспоминаетъ стихъ поэта Саади: «хорошо обращаться съ нарушителями мира значитъ быть врагомъ друзей мира»...

Несомнѣнно важными персонажами въ числѣ приближенныхъ эмира являются «чтець» и «разказчикъ сказокъ».

«Когда я ложусь спать»,—говоритъ эмиръ,—«я не могу заснуть тотчасъ же. Чтець мой, сидя у моего изголовья, читаетъ мнѣ какуюнибудь книгу, наприкладъ, исторію какогонибудь народа, географическое изслѣдованіе, жизнеописаніе великихъ государей или полководцевъ. Я слушаю чтеніе, пока дремота не смежитъ очей моихъ, и тогда разказчикъ сказокъ занимаетъ мѣсто чтеца и рассказываетъ ихъ вплоть до моего пробужденія: непрерывное и монотонное его бормотаніе успокаиваетъ усталые мои нервы и мозгъ».

Къ первой части «Автобіографіи» относится и глава, въ которой эмиръ описываетъ свое пребываніе въ Самаркандѣ, но тѣ англичане, которые надѣялись найти здѣсь разоблаченія русской «тайной» политики,—разочаровались. Собственно говоря, эмиръ не рассказываетъ здѣсь ничего новаго, хотя *n'en deplaise aux anglais*, онъ «съ искренней благодарностью къ русскимъ» вспоминаетъ это время. Впрочемъ, эмиръ и не могъ бы дать англичанамъ ожидаемая ими разоблаченія, ибо, во-первыхъ, не могъ пользоваться интимностью К. П. Кауфмана, а, во-вторыхъ, «все время проводилъ въ охотѣ и стрѣльбѣ» и, кромѣ того, онъ «имѣлъ слишкомъ мало денегъ, ибо издержки наши были велики, а субсидія русскаго правительства—мала... но, такъ какъ я не имѣлъ на нее никакого права, я былъ болѣе чѣмъ благодаренъ и за эту малую сумму»... Не разоблачая «тайны» русской политики, эмиръ могъ бы, однако, повѣдать нѣсколько детальнѣе, при какихъ именно условіяхъ русскіе помогли ему взойти на кабульскій тронъ, но онъ сообщаетъ лишь, что во время англо-афганской войны, «послѣ долгихъ разговоровъ съ генераломъ Кауфманомъ, онъ получилъ разрѣшеніе отъ русскаго правительства отправиться въ свою страну». Впрочемъ, онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что, «конечно, русскіе ожидали отъ меня поддержки ихъ интересовъ, въ случаѣ моего успѣха»...

При помощи русскихъ, исключительно, онъ добился этого успѣха, но... общанія свои эмиръ забылъ, увлекся флиртомъ съ Англіей и устройствомъ своего государства, вскорѣ разочаровавшись и въ той и въ другомъ...

Это, однако, относится уже ко второй части, въ которой, какъ мы говорили, былъ съ небылицей, правда съ ложью и мечты и планы самого эмира съ таковыми же британскихъ чиновниковъ перемѣшаны такъ ловко, что нельзя разобрать, гдѣ собственно кончается эмиръ, и начинается... докторъ Робертсонъ, сэръ Сольтеръ Пайнъ или самъ Керзонъ.

Весьма возможно, что редактировалъ эту quasi-«автобіографію» кто нибудь и въ Лондонѣ, но во всякомъ случаѣ редакторъ ея принадлежитъ къ школѣ Керзона, ибо *soi-disant* эмиръ осуждаетъ здѣсь всѣ системы индійской политики, системы Литтона, Рипона, Дюфферина и Эльджина, кромѣ настоящей системы Керзона, которой поются диѳирамбы.

Больше всего, однако, диѳирамбовъ авторъ поетъ самому себѣ (если авторомъ былъ эмиръ).

Явившись въ Афганистанъ, онъ нашель тамъ истинный хаосъ, и «первое, что я сдѣлалъ»,—говоритъ онъ, — «это снести головы безчисленнымъ грабителямъ, убійцамъ, ложнымъ пророкамъ и фальшивымъ претендентамъ. Я долженъ сознаться, что задача была не легкая, и мнѣ пришлось 15 лѣтъ вести борьбу, прежде чѣмъ враги мои были подчинены, отправлены въ ссылку или на тотъ свѣтъ» ¹⁾.

Въ результатѣ этихъ рѣшительныхъ мѣръ эмиръ «съ гордостью» констатируетъ, что «въ короткое время подъ его властью народъ афганскій совершилъ такой прогрессъ въ цивилизаціи, что богатѣйшіе люди могутъ безопасно путешествовать по владѣніямъ эмира даже ночью, тогда какъ, съ другой стороны, на границахъ Афганистана, находящихся подъ контролемъ Англіи, никто не можетъ ступить шагу безъ сильной охраны».

Почему это такъ, эмиръ объясняетъ тутъ же.

«Близорукіе англійскіе администраторы, одержимые маніей «передовой политики», присоединили къ индійскимъ владѣніямъ нѣсколько афганскихъ племенъ, называя ихъ независимыми и нейтральными, и, захвативъ бесплодную ихъ территорію, обременили индійскую казну непосильными издержками по содержанію арміи» и т. д. Съ этими «хвастунами и всезнающими миссіонерами передовой политики» эмиру было бы плохо, но, къ счастью «для британской націи» (!), «ея государственные люди и народъ лучше освѣдомлены и дѣйствительно заботятся о томъ, чтобы Афгани-

¹⁾ Отправившимся на тотъ свѣтъ «фальшивыми претендентами» были братья, дяди и племянники эмира.

станъ былъ сильнымъ и независимымъ государствомъ, настоящимъ союзникомъ и оградой для охраненія Индiйской имперiи ихъ благородной королевы»...

Рѣшивъ, очевидно, что капля дегтю не испортигъ бочки меду, «преуспѣвающій» Миръ-Мунчи и его соредакторы умѣло размѣстили во второй части «автобіографіи» нѣкоторыя болѣе или менѣе ядовитыя замѣчанія эмира по адресу англо-индiйской администраціи. Впрочемъ, одно изъ этихъ замѣчаній оказалось очень горькимъ...

Въ главѣ, посвященной главнымъ образомъ событію 18-го (30-го) марта, извѣстному у насъ подъ именемъ «боя на Кушкѣ» или «кушкинскаго урока», эмиръ говоритъ, что «до этой минуты офицеры и чины англійской разграничительной комиссіи увѣрили моихъ офицеровъ, что Россія не посмѣетъ атаковать мою армію, пока она не тронется отъ Пянджа», но... 30-го марта русская бригада атаковала афганскія силы, и англійскіе офицеры при этомъ извѣстіи бѣжали съ своимъ отрядомъ въ Гератъ»...

Мало того, что эмиръ повторяетъ далѣе, что «обѣщавшіе помощь афганцамъ англичане отказались дать эту помощь», онъ весьма прозрачно и зло намекаетъ, что струсившіе капитанъ Ятсъ и К^с въ бѣгствѣ своемъ растеряли свой багажъ, муловъ и погонщиковъ...

На это «оскорбленіе чести британской арміи» въ «Times»'ѣ пространно, но неубѣдительно отвѣтили сперва сэръ Питеръ Ламсденъ, бывшій въ моментъ «кушкинскаго урока» британскимъ комиссаромъ по разграниченію, а потомъ нѣкто «бывшій въ тѣсной связи (?) съ Афганистаномъ въ теченіе многихъ лѣтъ службы, путешествій и изученія и много времени удѣлившій изученію восточной литературы».

Первый изъ нихъ, придираясь къ фразѣ въ предисловіи, гласящей, что «книга эта покажется европейцу главою изъ «Тысячи и одной ночи», утверждаетъ, что именно сказкой, а не исторіей является это обвиненіе эмира, а второй требуетъ, «чтобы была ясно опредѣлена будущая историческая цѣнность автобіографіи». Сэръ Питеръ Ламсденъ и господинъ, «бывшій въ тѣсной связи съ Афганистаномъ», утверждаютъ, что они ничего афганцамъ не обѣщали, а все время занимались разоблаченіемъ и борьбой съ интригами русскихъ, которые убѣждали сараксовъ принять русское подданство, тогда какъ послѣдніе хотѣли быть «британскими» подданными... «Разоблачители русскихъ интригъ» и не могли оказать помощи афганцамъ и не обѣщали ея, ибо ихъ была горсть (400 человекъ); что же касается ближайшихъ послѣдствій «урока» 30-го марта, то англичане не бѣжали, а отступили къ Марушаку вслѣдъ за афганцами, если же и растеряли багажъ, муловъ и погонщиковъ, то благодаря не бѣгству беспорядочному, а бурѣ и дождю съ градомъ...

Дѣло въ томъ лишь, что «афганцы слишкомъ близко къ сердцу приняли ихъ пораженіе», а виноватъ въ немъ «эмиръ, обманувшій англичанъ, сказавъ, что послалъ сильный отрядъ на границу, и что въ Гератѣ стоитъ еще болѣе сильный резервъ...

Очевидно, обѣ стороны другъ друга обманули...

Горько жалуется эмиръ и на другое обстоятельство, которое теперь онъ, очевидно, надѣется исправить, благодаря тѣмъ «государственнымъ людямъ, которые лучше освѣдомлены», и т. д.

Послѣ fiasco, которое въ 1895 году потерпѣла въ Лондонѣ миссія Насрулла-хана, второго сына эмира, желавшаго имѣть при Сентъ-Джемскомъ дворѣ постоянного посла афганскаго, эмиръ рѣшилъ сперва подготовить къ тому общественное мнѣніе въ Англии, — какими путями и средствами, онъ не говоритъ, но къ послѣднимъ несомнѣнно надо отнести настоящую композицію Миръ-Мунчи.

Въ ожиданіи, когда британское правительство согласится аккредитовать афганскаго посланника, эмиръ въ своей apologia pro vita sua очень ловко самъ защищаетъ свою политику, которая давно принесла бы блестящіе результаты, если бы не непостоянство политики британской.

Въ самомъ дѣлѣ, г.г. вице-короли практиковали сначала «политику невмѣшательства», которая привела къ Хаїберскому инциденту; потомъ культивировали «политику пассивную», разрѣшившуюся англо-афганской войной; затѣмъ, при лордѣ Литтонѣ, пытались раздѣлить Афганистанъ на нѣсколько мелкихъ государствъ, но, наконецъ, съ лордомъ Керзономъ воцарилась политика, одобренная и британскимъ и афганскимъ народами, политика «сохраненія Афганистана въ качествѣ независимаго государства и сильнаго буфера для безопасности Индійской имперіи».

Вообще, въ главахъ «Англо-афганскія отношенія» и «Англія, Россія и Афганистанъ», эмиръ очень умѣло печется о безопасности Индіи и даетъ понятъ англичанамъ, насколько онъ сознаетъ все значеніе его страны для этой безопасности.

Да, эмиръ доволенъ Керзономъ и его политикой, но этого ему мало: онъ требуетъ присоединенія къ Афганистану территорій всѣхъ независимыхъ племенъ Патана и ни болѣе, ни менѣе, какъ «образованія тройственнаго союза съ двумя сосѣдними мусульманскими государствами—Персіей и Турціей».

А затѣмъ? Затѣмъ Афганистанъ долженъ стать морской державой... Да, Афганистанъ долженъ получить доступъ къ океану и имѣть свои собственные корабли...

Хорошо еще, что эмиръ прибавляетъ, что «время еще не настало для этого, и этотъ пунктъ нужно лишь имѣть въ виду», относительно же тройственнаго магометанскаго союза его свѣтлость полагаетъ, что реализовать проектъ этотъ необходимо немедленно.

Приведемъ по возможности его любопытные аргументы въ пользу этого проекта.

«Афганистанъ не настолько силенъ, чтобы оставаться изолированнымъ, и принужденъ для своей безопасности примкнуть къ одному изъ двухъ его сильныхъ сосѣдей, дабы предотвратить вторженіе другого. Эта поддержка одного изъ сильныхъ сосѣдей противъ другого необходима, ибо иначе такое маленькое государство, какъ Афганистанъ, подобный лани между двухъ львовъ или пшеничному зерну между каменныхъ жернововъ, будетъ стертъ въ прахъ. Афганистанъ совершенно свободенъ въ выборѣ сосѣда и окажетъ дружбу тому, кому захочетъ. Въ настоящее время, несомнѣнно, въ его интересахъ и выгодахъ избрать другомъ Англію, во-первыхъ, потому, что она не претендуетъ на Персію и Турцію, въ предѣлы которыхъ она могла бы искать пути черезъ Афганистанъ, тогда какъ Россія собирается совершить нашествіе на Индію, для чего она должна пройти черезъ мою страну, а для обезпеченія тыла своего—совершенно овладѣть Афганистаномъ, если у нея на это хватитъ силъ... Во-вторыхъ, Англія великая морская держава и не желаетъ воевать съ Россіей на сушѣ, пока не будетъ къ тому принуждена, а потому въ интересахъ и выгодахъ Англіи, чтобы Афганистанъ былъ государствомъ, играющимъ роль сильнаго буфера и преграды на пути Россіи. Наоборотъ, Россія, желающая войны съ Англіей на сушѣ, добивается того, чтобы Афганистанъ оказалъ ей поддержку при ея нашествіи на Индію, или чтобы Афганистанъ, какъ государство, былъ уничтоженъ. Въ-третьихъ, у Англіи есть деньги и оружіе, но нѣтъ солдатъ, годныхъ для войны, Афганистанъ же бѣденъ первымъ и богатъ воинами, которые могли бы служить Англіи за ея деньги и оружіе. Въ противоположность Англіи, Россія не можетъ дать намъ денегъ, ибо у нея не хватаетъ ихъ и на собственныя нужды, и въ то же время она нуждается въ моихъ воинахъ, ибо людей у нея больше, чѣмъ она можетъ содержать въ порядкѣ... Если въ англо-индійской политикѣ произойдетъ перемѣна, и Англія вознамѣрится присоединить Афганистанъ, или вообще нарушить его независимость, то афганскій народъ вынужденъ будетъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свободу и въ крайнемъ случаѣ, конечно, перейдетъ на сторону Россіи, ибо она болѣе тѣсно примыкаетъ къ границамъ нашимъ, чѣмъ Англія. Въ концѣ концовъ, по отношенію къ могущественнымъ сосѣдямъ своимъ Афганистанъ долженъ быть друженъ съ тѣмъ, кто менѣе ему враждебенъ, и враждебенъ къ тому, кто собирается нарушить его независимость или пройти черезъ его территорію. Такъ или иначе мы не должны раздражать никого изъ сосѣдей нашихъ, не позволяя въ то же время никому изъ нихъ вступать въ нашу страну ни подъ какимъ предлогомъ, какія бы обѣщанія и обязательства они ни давали».

Все это очень элементарно и откровенно, и мы охотно вѣримъ, что эмиру Россія не нужна до тѣхъ поръ, пока хороши его отношенія съ Англійей, и пригодится Россія, даже и безъ денегъ, когда Англія вздумаетъ наложить свою руку на Афганистанъ. Но можно ли приписать эмиру, магометанину-фанатику, не разъ подымавшему зеленое знамя и претендовавшему на званіе второго калифа, прекрасно знающему истинныя причины великаго индійскаго возстанія и вѣротерпимость русскихъ, слѣдующія соображенія: «англійская политика, хотя и является предметомъ случайныхъ вѣяній и переменъ, въ общемъ благоприятна для государствъ, исповѣдывающихъ исламъ, тогда какъ политика Россіи, постоянная, сильная и упорная, всегда была направлена къ тому, чтобы мѣшать имъ развиваться и стать сильными. Отсюда нѣтъ никакого сомнѣнія, что магометане всего свѣта предпочтутъ британскую дружбу русской, ибо понимаютъ, что на британской дружбѣ покоится ихъ миръ»...

Нѣтъ, эта ложь эмиру не принадлежитъ, и мы видимъ здѣсь ту руку, которая приготовила кровавую рѣзню въ Ферганѣ, которая, весьма вѣроятно, постарается распространить эту *soi-disant* «автобіографію» эмира или знаменательныя изъ нея выдержки въ Персіи, Турціи и нашей центральной Азіи.

Книга «преусиѣвающаго» Миръ-Мунчи не «Тысяча и одна ночь», а тысяча первая англійская мина, подводимая подъ нашъ Туркестанъ, гдѣ на зло Англии царитъ миръ и благоденствіе.

«Times», знакомя читателей своихъ съ этой книгой, по поводу послѣдняго курсива замѣчаетъ: «свидѣтельство столь компетентнаго авторитета по этому вопросу—достойно замѣчанія»...

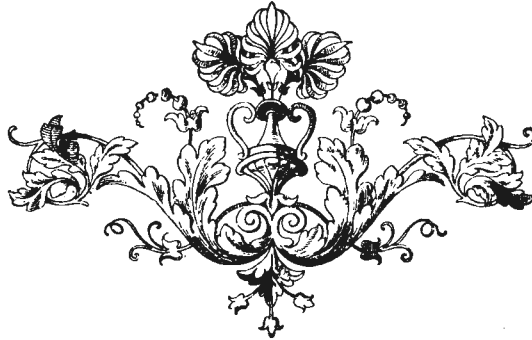
Мы, по этому поводу и въ назиданія «Times»'а, позволимъ себѣ привести мнѣніе авторитетнѣйшаго въ Англии руссофоба, сэра Раулинсона, труды котораго являются евангеліемъ для всѣхъ англичанъ, заинтересованныхъ въ Средней Азіи.

По поводу поѣздки въ 1884 году для изслѣдованія мѣстности между рѣками Мургабомъ и Герирудомъ бывшаго нашего политическаго агента въ Бухарѣ, а нынѣ старшаго совѣтника нашего посольства въ Лондонѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. М. Лесара, сэръ Раулинсонъ въ засѣданіи королевскаго географическаго общества выразился, между прочимъ, такъ: «Россія совершаетъ великое дѣло,—никто не станетъ отрицать, что успѣхи русскаго оружія на Востокѣ отъ Каспія въ послѣднее время принесли громадную пользу краю. Дѣйствительно, замѣна въ значительной части Азіи туземной власти русскою есть благо несомнѣнное. Отвратительный торгъ невольниковъ уничтоженъ, разбои прекращены, магометанскій фанатизмъ ослабленъ и сдержанъ, торговля стала безопасною, искусства и промышленность поощря-

ются, и на нужды населенія обращается вниманіе. Поэтому я признаю прекрасную роль, которую Россія до сихъ поръ играла, и которую ей суждено играть и въ будущемъ въ дѣлѣ цивилизаціи Азіи».

Говорить ли что либо подобное сэръ Раулинсонъ о роли Англии, противъ которой изъ года въ годъ неустанно возстаютъ вазирысы, суаты, афридисы, оракзаи и всѣ прочія племена, имена которыхъ Ты, Господи, вѣси.

Л. А. Богдановичъ.

ПОСЛѢДНІЙ ОТПРЫСКЪ ГАННОВЕРСКАГО ДОМА.

ВАДЦАТЬ второго января 1901 года, умерла на восемьдесят второмъ году жизни англійская королева Викторія I, и вмѣстѣ съ нею прекратилась Ганноверская династія. Своимъ долговременнымъ, славнымъ и высоконравственнымъ царствованіемъ она вполне искупила всю порочность, развратъ и неспособность четырехъ Георговъ и Вильгельма IV, позорно ознаменовавшихъ лѣтописи Ганноверскаго дома за первыя времена его существованія. Викторіи удалось загладить своей шестидесяти-четырехлѣтней эрой печальные сто двадцать три года, которыми обезславили себя презрѣнные ганноверцы. Благодаря ей, можно добромъ помянуть этотъ царствующій домъ въ ту минуту, когда онъ канулъ въ вѣчность. Спокойно, среди хорошихъ воспоминаній славнаго царствованія, воцаряется новая англійская династія Кобургская, и Эдуардъ VII восходитъ на престолъ, принявъ отъ матери не одинъ хорошій примѣръ, а особенно нравственность и преданность конституціи.

Естественно, что въ виду столь длиннаго царствованія литература о Викторіи чрезвычайно богата; уже появилось о ней до пятидесяти сочиненій, а обѣщано въ будущемъ двадцать; изъ этихъ сочиненій самое интересное будетъ трудъ зятя королевы, герцога Аргайля, подъ названіемъ «Королева Викторія, ея жизнь и имперія». Въ числѣ уже появившихся книгъ всего замѣчательнѣе ея

собственный дневникъ, веденный въ Шотландіи отъ 1848 до 1883 г.г. въ двухъ томахъ ¹⁾. Такъ же чрезвычайно важенъ для ея біографіи трудъ сэра Теодора Мартина «Жизнь принца Альберта» ²⁾, въ которомъ королева принимала самое живѣйшее участіе. Неменьшее участіе она принимала и въ своей біографіи, составленной ея бібліотекаремъ Гальмсомъ ³⁾. Эта книга была въ корректурахъ прочитана ею, и она снабдила автора свѣдѣніями о своей жизни, какъ принцессы, королевы, жены и матери. Она издана чрезвычайно богато, и къ ней приложено множество портретовъ и великолѣпныхъ картинъ, а потому она стоитъ чрезвычайно дорого, именно за большое изданіе сто рублей, а за малое около тридцати рублей. Теперь же появилось дешевое его изданіе, и къ нему прибавлена глава, доводящая жизнь Викторіи до самой ея смерти. Въ прошедшемъ году напечатана очень обстоятельная и богатая различными свѣдѣніями книга Обри, подъ заглавіемъ «Викторія въ домашней жизни» ⁴⁾; она снабжена многочисленными рисунками, изображающими Викторію во всѣ эпохи ея жизни, а также видами ея мѣстопребываній.

Въ настоящее время ежедневно выходитъ множество статей, изображающихъ Викторію со всѣхъ точекъ зрѣнія. До сихъ поръ появилась статья извѣстнаго публициста Стѣда подъ названіемъ «The passing of Victoria» ⁵⁾; любопытный взглядъ на королеву мистриссъ Крофортъ, въ февральской книжкѣ «Contemporary Review», озаглавленной ⁶⁾ «Наша любимая королева» ⁷⁾, и очень интересная біографія королевы, сэръ Герберта Максвелля, также названная «Наша любимая Викторія» ⁸⁾, въ «Pall-Mall magazine». На французскомъ языкѣ можно указать на очеркъ «Викторія и викторьевская эпоха» Ланзака де Лабори въ «Correspondant» и «Викторія и ея царствование» ⁹⁾ Альсида Эбрэ въ «Revue universelle».

Пользуясь всѣми этими матеріалами, мы постараемся представить обстоятельную и подробную характеристику Викторіи, какъ королевы и женщины.

¹⁾ Leaves from the journal of our life in the Highlands from 1848 to 1861, by Victoria Regina. London.

Leaves from the journal of our life in the Highlands from 1861 to 1883. By Victoria Regina. London.

²⁾ Life of prince Albert, by sir Theodore Martin. London.

³⁾ Queen Victoria, by P. Holms. 2 edition. 1901.

⁴⁾ La reine Victoria intime, par I. H. Aubry. Paris. 1900.

⁵⁾ «The passing of Victoria», by Stead», «Review of Reviews», Febr. 15, 1901.

⁶⁾ «Our Late Beloved Queen», by mrs Grawford. «Contemporary Review», 1901.

⁷⁾ «Victoria the Wel Beloved», by sir Herbert Maxwell». «The Pall-Mall magazine», March. 1901.

⁸⁾ «La reine Victoria et Fère Victorienne», par L. de Lanza de Laborie. «Le Correspondant». Janvier 25, 1901.

⁹⁾ «La reine Victoria et son regne», par Alcide Ebray. «Revue universelle», 16 fevrier, 1901.

I.

Королева Викторія увидѣла впервые свѣтъ въ суровомъ и мрачномъ Кенсингтонскомъ дворцѣ, 24 мая, 1819 года, въ 4^{1/2} часа утра. Отецъ ея, герцогъ Кентскій, четвертый сынъ короля Георга III и королевы Шарлотты, несмотря на то, что росъ и воспитался среди развращеннаго и безнравственнаго въ ту эпоху двора, былъ честный, добрый малый, либераль и почти открытый противникъ правительства, за что былъ удаленъ отъ двора. Принадлежа къ партіи виговъ, онъ естественно возстановилъ противъ себя аристократію и парламентъ, въ которомъ въ это время были сильны торіи, что повліяло на его матеріальное положеніе, такъ какъ ему уменьшили содержаніе. Но герцогъ Кентскій не унывалъ: весело переносилъ матеріальные недостатки, заставлялъ своихъ поставщиковъ беконечно ожидать уплаты денегъ, но на сторону торіевъ не переходилъ, за что пріобрѣлъ большую популярность среди народа.

Не помышляя о тронѣ ни для себя, ни для своихъ дѣтей, онъ велъ беззаботно холостую жизнь и только, когда умерла бездѣтной единственная наслѣдница престола, дочь его старшаго брата, короля Георга IV, и несчастной королевы Каролины, его убѣдили жениться на вдовѣ герцога Лейнингенскаго, изъ Кобургскаго дома, которая и произвела на свѣтъ будущую королеву Великобританіи и Ирландіи и императрицу Индіи. Спустя мѣсяць послѣ рожденія, когда ея мать поправилась, назначены были крестины 24 іюня; воспріемниками были: принцъ-регентъ, будущій король Георгъ IV, и герцогъ Йоркскій, какъ представитель русскаго императора.

Когда архіепископъ спросилъ, какое намѣрены выбрать имя, то завязался споръ. Отецъ хотѣлъ назвать Елизаветой, а принцъ-регентъ Александрой въ честь русскаго императора. Герцогъ Кентскій началъ оспаривать, не желая назвать дочь иностраннымъ именемъ, но принцъ-регентъ наотрѣзъ отказался отъ имени «королевы-дѣвственницы». Тогда отцу ничего больше не оставалось другого, какъ согласиться, но съ условіемъ, чтобы къ имени Александра присоединили—Викторія, имя его жены. Позже молодая принцесса просила всѣхъ называть ее Викторіей, ссылаясь на то, что имя ея матери не должно произноситься послѣ другого, и когда она сдѣлалась королевой, то настояла, чтобы ее провозгласили, подъ именемъ Викторіи.

Первые мѣсяцы Викторія провела въ Клермонтскомъ дворцѣ. Мать пожелала, чтобы ея первые дни протекли на чистомъ сельскомъ воздухѣ, вслѣдствіе чего ребенокъ росъ крѣпкій, здоровый, избѣжавъ всѣхъ болѣзней дѣтскаго возраста.

Но рожденіе маленькой Викторіи не измѣнило матеріальнаго

положенія дѣль герцога Кентскаго. Онъ такъ сильно нуждался въ деньгахъ, что не могъ даже нанять кормилицы для ребенка, и герцогиня Кентская сама кормила ее. Несмотря на всю прелесть сельской жизни, суровая зима 1819—1820 года принудила ихъ переехать въ Сидмутъ, славившійся болѣе теплымъ климатомъ, но было уже поздно; герцогъ, схватившій въ Клермонтѣ бронхитъ, запустилъ его, а когда переѣхали климатъ и пригласили доктора, то всѣ усилія были тщетны, и онъ умеръ 20 января 1820 г. Маленькой Викторіи исполнилось въ то время восемь мѣсяцевъ.

Теперь началась для герцогини Кентской трудная задача. Герцогъ оставилъ послѣ себя массу долговъ и непріязнь аристократіи, что совѣмъ не обезпечивало вдовѣ сколько нибудь сноснаго существованія. Будучи въ первомъ бракѣ очень несчастной, она вообще сторонилась общества; кромѣ того, ея характеръ совершенно не подходилъ къ тогдашнему развратному образу жизни, и если ея мужъ нажилъ себѣ враговъ за либеральные взгляды, то она нажила ихъ за отвращеніе къ пороку. Но это была женщина умная и сердечная; привязавшись всею душою къ своей маленькой Викторіи, она рѣшила отстранять отъ нея все, что могло бы повліять дурно на ея характеръ. Физическимъ развитіемъ Викторія обязана своему дядѣ по отцѣ, герцогу Юркскому, очень любившему своего брата, покойнаго герцога Кентскаго, и походившему на него до того, что маленькая Викторія, принимая за отца, называла его «папа». Дядя привязался всѣмъ сердцемъ къ малюткѣ и руководилъ мать своими совѣтами. Онъ обратилъ вниманіе невѣстки главнымъ образомъ на физическое развитіе ребенка и совѣтовалъ не утомлять ее преждевременнымъ умственнымъ развитіемъ, поэтому Викторія проводила большую часть дня на чистомъ воздухѣ въ различныхъ играхъ, катаньѣ на ослѣ, позже въ спортѣ и катаньѣ верхомъ. Что же касается до умственнаго развитія, то имъ руководилъ братъ герцогини, король бельгійскій, Леопольдъ.

До пяти лѣтъ Викторія играла въ куклы, обладая самой красивой коллекціей. Въ дни брилліантоваго юбилея «Strand magazine» помѣстилъ статью, которую королева не полѣнилась исправить, диктуя лично поправки своему секретарю Понсонби. Авторъ рассказываетъ, что страсть къ кукламъ у нея сохранилась до 14 лѣтъ, и что 132 куклы, помѣщенные въ иллюстраціяхъ, были только частью той громадной коллекціи, которую пожертвовали въ общественную лотерею. Она составила особый списокъ и озаглавила его «List of my dolls» (Списокъ моихъ куколъ). Каждая кукла имѣла особое имя, какой нибудь коронованной особы, придворной дамы, актрисы или танцовщицы, героини балета, на которыхъ присутствовала Викторія. Около имени куклы было записано имя особы, которая ее подарила, а также кого она должна изображать, почему она сдѣлала такой именно костюмъ, кто дѣлалъ его рисунокъ и

имена лицъ, помогавшихъ его шить. Между ними были Лейчестеръ, Дуддэй, французская танцовщица Дювернуа, вскружившая голову Теккерю, Тальони, королева Елисавета и другія. Всѣ эти куклы были съ грубыми деревянными головами, съ размалеванными лицами, съ торсомъ, обтянутымъ лайкою, и, несмотря на это, считались въ ту эпоху верховъ искусства. Но... у маленькой Викторіи не было подругъ, а потому эти безобразныя куклы были ея лучшими друзьями, если не считать осла, на которомъ она часто каталась въ Кенсингтонскомъ дворцовомъ саду.

Такъ росла принцесса здоровая и веселая, съ легкимъ, ровнымъ характеромъ. Были у нея, какъ и у всѣхъ, свои недостатки, такъ она была очень забывчивая, вспыльчивая и довольно лѣниво училась первое время. Ея лучшія два качества, которыя она сохранила до старости, были: прямота и доброе сердце. Въ особенности она выказывала ихъ въ отношеніяхъ къ своей матери, такъ много вложившей въ ея воспитаніе полезнаго. Держала она себя просто, но повелительно, сознавая, что она королевской крови. Такъ лэди Дженни Лисъ рассказываетъ, что, увидѣвъ впервые Викторію, когда имъ обѣимъ было по шести лѣтъ, она съ удивленіемъ услышала отъ нея: «Ты не должна трогать моихъ куколъ и называть меня Викторіей, а я могу называть тебя Дженни».

Когда ей исполнилось шесть лѣтъ, парламентъ увеличилъ содержаніе герцогини на шесть тысячъ ливровъ стерлинговъ специально на образованіе Викторіи, и герцогиня Кентская могла теперь серьезно заняться ея образованіемъ. До сихъ поръ у ней была только одна гувернантка-нѣмка, баронесса Леценъ, такъ какъ французенку и англичанку мать не могла нанять, теперь же она наняла этихъ двухъ гувернантокъ, которыя занялись преподаваніемъ французскаго и англійскаго языковъ. Позднѣе, когда Викторія стала немного старше, она начала изучать итальянскій языкъ и немного латинскій, а также естественныя науки, исторію и въ особенности ботанику и рисованіе, которыя она очень любила.

Проводя большую часть времени въ загородныхъ дворцахъ и видя передъ собою красивые пейзажи, Викторіи пріобрѣла страсть къ пейзажамъ, и ей представили лучшихъ художниковъ учителей, какъ Вестлея и Лэндсира, съ которыми она охотно занималась. Изученіе языковъ шло менѣе успѣшно, чѣмъ рисованіе, что же касается музыки, то она питала къ ней отвращеніе, приводившее въ отчаяніе ея мать, прекрасную и талантливую музыкантшу. Пробовали дѣйствовать на ея самолюбіе, уговаривали ее, но все было тщетно, и музыка ей совсѣмъ не давалась.

Ведя совершенно уединенную жизнь и никогда почти не показываясь при дворѣ, герцогиня Кентская принимала у себя только тѣсный кружокъ друзей своего покойнаго мужа, между которыми первое мѣсто занималъ лордъ Мельбурнъ, глава виговъ и лучший

другъ ея мужа. Все это раздражало торіевъ, и когда въ 1830 году умеръ Георгъ IV, и на тронъ вступилъ Вильгельмъ IV, то его первой заботой было постараться отстранить отъ Викторіи ея мать. Такъ какъ теперь Викторія сдѣлалась единственной претенденткой на англійскій престолъ, то онъ заявилъ герцогинѣ Кентской, что будущая королева должна имѣть лучшее воспитаніе, чѣмъ она получаетъ, а потому онъ предложилъ ей выбрать для дочери воспитательницу изъ придворныхъ дамъ, которая должна подготовить ее къ предстоящему высокому положенію. Въ это время будущей королевѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ, и герцогиня Кентская хотѣла понемногу подготовить Викторію къ неожиданной для нея перемѣнѣ, а потому она, по словамъ сэра Теодора Мартина, поручила баронессѣ Леценъ составить генеалогическое древо и вложить его въ учебную книгу. Когда вскорѣ послѣ этого Викторія, раскрывъ за урокомъ книгу, нашла незнакомую ей записку, то сказала баронессѣ Леценъ, прочитавъ ее.

— Этой записки прежде здѣсь не было, почему же теперь ее положили сюда?

— Потому что прежде не требовалось.

— Я никогда не думала, что такъ близко стою къ трону; многія дѣти гордились бы этимъ положеніемъ, не понимая всей его тяжести. Конечно, оно очень блестящее, но и очень отвѣтственное...

Она задумалась и послѣ продолжительнаго молчанія прибавила:

— Я буду хорошо учиться... Я теперь хорошо понимаю, почему вы такъ настаивали на томъ, чтобы я занималась латинскимъ языкомъ. Мои тетки Мэри (герцогиня Глостерская) и Августа (вскорѣ умершая незамужнею) никогда не учились латинскому языку; но вы мнѣ говорили, что латинскій языкъ—основаніе англійской грамматики и всякаго изящнаго разговора. Я теперь это отлично понимаю и повторяю—буду хорошо учиться.

— Но,—сказала гувернантка,—ваша тетка Аделаида еще молода и можетъ имѣть дѣтей; тогда старшій изъ нихъ, послѣ смерти своего отца, Вильгельма IV, взойдетъ на престолъ, и вы, ваше высочество, не будете царствовать.

— Въ этомъ случаѣ я не буду разочарована,—отвѣчала Викторія,—потому что на личномъ опытѣ знаю, какъ любить дѣтей королева Аделаида.

Съ этой минуты Викторія измѣнилась характеромъ.

Герцогиня Кентская, до тѣхъ поръ почти не расстававшаяся со своей дочерью, была огорчена при мысли, что другая женщина будетъ руководить ея воспитаніемъ, но и на этотъ разъ она выказала полное самоотверженіе въ пользу Викторіи и выбрала воспитательницей герцогиню Нортумберландскую. Воспитаніе Викторіи стало вестись иначе; герцогиня Нортумберландъ относилась къ ней взыскательно и строго, что заставляло будущую королеву бояться ея. Она обра-

тила вниманіе на то, что Викторія дурно говоритъ по-англійски, предпочитая нѣмецкій языкъ, къ которому она привыкла съ дѣтства. Затѣмъ она занялась ея свѣтскимъ воспитаніемъ и музыкальнымъ образованіемъ, для чего пригласила знаменитаго Тальберга быть ея учителемъ музыки; рисованьемъ уже занимались съ нею Вэстли и Лэндсиръ. До тѣхъ поръ герцогиня, какъ мы уже говорили, совершенно удалилась отъ развратнаго двора, и если изрѣдка появлялась, то Викторія ея никогда не сопровождала, такъ какъ она боялась, чтобы растлѣвающіе нравы придворныхъ не коснулись ея дочери. Теперь герцогиня Нортумберландъ повезла Викторію на балъ; ей только что исполнилось 12 лѣтъ. Непривычная къ шуму, блеску и поклоненію, какимъ ее окружили, принцесса совершенно опьянѣла отъ массы впечатлѣній; она вернулась въ лихорадкѣ и сдѣбалась до такой степени нервная, что герцогиня Нортумберландъ поняла свою ошибку и рѣшила болѣе не появляться при дворѣ, пока принцесса не привыкнетъ мало-по-малу къ свѣтской жизни. Это очень обрадовало герцогиню Кентскую, которая всячески удаляла Викторію отъ Сентъ-Джемскаго двора.

Съ этой минуты ей не представляли другихъ развлеченій, какъ только Аскотскихъ скачекъ и путешествій съ образовательною цѣлью. Она посѣтила съ матерью и герцогиней Нортумберландъ островъ Уайтъ, гдѣ впоследствии построила себѣ дворецъ, а также Вортингъ, Мальвернъ, Ворчестеръ, Гересфордъ и Честеръ, гдѣ онѣ осматривали великолѣпные соборы. Вся окрестная аристократія наперерывъ приглашала ихъ къ себѣ, и переѣзжая изъ замка въ замокъ, Викторія знакомилась съ полу-феодалными нравами того времени. Ее посвящали въ умственное развитіе страны, въ успѣхи промышленности, знакомили на заводахъ и фабрикахъ съ бумагопрядильнымъ, металлическими и другими производствами. Однимъ словомъ герцогиня Нортумберландъ старалась извлекать, какъ можно больше пользы для Викторіи изъ этихъ путешествій.

Въ 1832 году, принцесса возвратилась въ Кенсингтонскій дворецъ и стала готовиться къ конфирмаціи. Ея религіознымъ развитіемъ руководилъ докторъ Ховлэй, прежній лондонскій епископъ, исполнявшій церемонію ея крещенія и впоследствии сдѣлавшійся епископомъ Кантэбюрійскимъ. Послѣ конфирмаціи опять возобновились научныя путешествія, и теперь стало замѣтно, насколько сгладились недостатки Викторіи, а въ то же время развился наслѣдованный отъ отца самостоятельный характеръ, съ либеральными взглядами.

Въ 1837 году, 24 мая, ей исполнилось совершеннолѣтіе, и Вильгельмъ IV провозгласилъ ее наслѣдницей престола. Парламентъ постановилъ праздновать этотъ день публично, а аристократія устроила по этому случаю рядъ великолѣпныхъ празднествъ. Вечеромъ передъ окнами Кенсингтонскаго дворца дана была Викторіи серенада.

Король подарилъ великолѣпный фортепіано, а каждый пѣръ прислалъ ей богатый подарокъ...

Здоровье Вильгельма IV уже нѣсколько мѣсяцевъ было совсѣмъ плохо, а со дня совершеннолѣтія Викторіи его силы все болѣе и болѣе ослабѣвали, и въ ночь на 20-е іюня онъ скончался.

Для юной Викторіи наступила новая эра.

Ничего не подозрѣвая, принцесса крѣпко спала, какъ вдругъ въ 5 ч. утра епископъ Кантэръбурійскій и оберъ-камергеръ двора, маркизъ Куннингамъ, позвонили у рѣшетки дворца. Улицы Лондона были пустыни, и ни одной живой души не было видно въ Кенсингтонскомъ предмѣстьѣ. Во дворцѣ все спали, даже сторожевыя собаки не залаяли при раздавшемся звонѣ колокольчика, и оба почетные вѣстника, принесшіе такую важную новость, едва могли дозвониться. Въ концѣ концовъ привратникъ открылъ дверь и проводилъ ихъ въ залъ нижняго этажа, гдѣ они оставались забытыми очень долго. Потерявъ терпѣніе, они позвонили слугѣ и приказали доложить принцессѣ, что они пришли съ важнымъ извѣстіемъ, не терпящимъ отлагательства. Еще прошло время — отвѣта никакого. Они снова звонятъ. На этотъ разъ появляется гувернантка, заявляя, что принцесса такъ сладко спитъ, что она не смѣла разбудить ее.

— Мы желаемъ видѣть королеву по дѣламъ, касающимся государства, — отвѣтилъ епископъ, — и нѣтъ такого священнаго сна, который не преклонился бы передъ столь важнымъ дѣломъ!

Такимъ образомъ Викторіи рано пришлось испытать иго могущества.

Гувернантка удалилась, и черезъ нѣсколько минутъ появилась Викторія, съ распухшими отъ сна глазами, съ распущенными чудными золотистыми волосами, въ длинномъ бѣломъ пеньюарѣ, стянутомъ въ талии поясомъ, съ накинутой на плечи бѣлой шалью и въ бабушахъ, наскоро надѣтыхъ на голыя ноги.

Оба вѣстника сообщили ей новость и, опустившись на колѣни, почтительно поцѣловали ей руку, попросивъ ея приказаній.

— Помолитесь за меня, милорды, — сказала она имъ, — и скажите лорду Мельбурну, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ.

Лордъ Мельбурнъ былъ въ это время первымъ министромъ.

Затѣмъ она удалилась въ свою комнату, но встрѣтила въ коридорѣ свою гувернантку, баронессу Лепенъ, которая напомнила ей объ ея обѣщаніи быть доброй королевой.

Викторія не могла ничего ей отвѣтить, настолько она была взволнована. Наступилъ день, когда ей пришлось разстаться съ беззаботной и счастливой жизнью, и она горько заплакала. По поводу ея первыхъ горькихъ слезъ создалась даже литература; такъ поэтесса Браунингъ посвятила ей прекрасныя строфы, сдѣлавшіяся классическими подъ заглавіемъ: *Victoria's Gears!*

Черезъ часъ явился первый министръ Мельбурнъ и обсудилъ

съ нею всё необходимыя мѣры для созванія тайнаго совѣта. Въ девять часовъ представители главныхъ государственныхъ учрежденій уже были въ Кенсингтонскомъ дворцѣ съ лордомъ-мэромъ и представителями различныхъ корпорацій во главѣ. Въ 11 часовъ королева, окруженная главными военными чинами, вошла въ большой залъ, гдѣ созванъ былъ наскоро собранный тайный совѣтъ, и помѣстилась на импровизованномъ тронѣ. Она была въ глубокомъ траурѣ, и художникъ Давидъ Вильки, перенесшій на полотно этотъ знаменательный моментъ, совершенно ошибочно представилъ ее въ бѣлой одеждѣ. Лордъ-канцлеръ привелъ Викторію къ присягѣ, которою она обязывалась управлять страной, согласно конституціи, свято придерживаться англиканской церкви, установленной закономъ, и сохранить политическія учрежденія. Въ свою очередь ей присягнули дяди, министры и члены совѣта. Присутствовавшій при этомъ шагѣ Викторія, сэръ Робертъ Пиль, свидѣтельствуетъ, что ея поведеніе удивляло всѣхъ; она была полна сознанія своего положенія, твердости и такта. Съ первой же минуты Викторія показала, что, сдѣлавшись королевой, она продолжаетъ оставаться женщиной, и когда ея дяди, герцоги Суссекскій и Кумберландскій, хотѣли преклонить передъ нею колѣни, она приблизилась къ нимъ и обнявъ сказала:

— Прежде чѣмъ быть вашей королевой, я была вашей племянницей; мой долгъ къ вамъ не можетъ стусеваться.

Не менѣе такта выказала она при подписываніи бумаги, когда вмѣсто Александрины-Викторіи она подписала — Викторія. Никто не желалъ, чтобы англійская государственная бумага была подписана иностраннымъ именемъ, а потому всѣ были пріятно поражены ея поступкомъ.

Возвратившись домой, герцогиня Кентская, озабоченная отвѣтственностью положенія, предстоящаго ей дочери, спросила ее:

— Ты не боишься принять на себя такое бремя, Дрина?

— Нѣтъ, потому что я увѣрена въ прямотѣ моихъ намѣреній и въ томъ, что я люблю правду и справедливость.

На другой день въ 10 часовъ утра вся аристократія, окруженная представителями арміи собралась на дворъ стараго дворца; черезъ нѣсколько минутъ въ окнѣ нижняго этажа появилась бѣлокурая головка королевы. Въ этотъ моментъ раздались звуки трубъ и барабанный бой. Лордъ-канцлеръ объявилъ громкимъ голосомъ, что принцесса взошла на престолъ своихъ предковъ и будетъ царствовать подъ именемъ Викторіи I. Всѣ обнажили головы и громко привѣтствовали криками, а музыка заиграла — *God save the Queen!* Эта церемонія такъ подѣйствовала на юную королеву, что она почти потеряла сознаніе, а затѣмъ разразилась рыданіями. Герцогиня Кентская, стоявшая позади, подхватила ее въ свои объятія.

— Останусь ли я хотя для васъ прежней Викторіей?—спросила она мать, обливаясь слезами.

Викторія сдѣлалась пятьдесятъ-шестымъ королею въ Англии и восемьдесятъ-первымъ въ Шотландіи. Она взошла на тронъ, какъ единственная дочь герцога Кентскаго, четвертаго сына Георга III, такъ какъ старшіе три сына умерли бездѣтными.

II.

Наслѣдуя любовь къ независимости отъ отца, Викторія съ той минуты, какъ ея воспитаніемъ занялась герцогиня Нортумберландъ, начала понимать, что счастье не въ королевскихъ привилегіяхъ, а докторъ Ховлэй, объясняя ей будущія обязанности съ религіозной точки зрѣнія, еще болѣе далъ ей почувствовать всю тяжесть короны. Внезапное пробужденіе во имя закона, въ памятную ночь, когда умеръ Вильгельмъ IV, окончательно убѣдило ее въ тираніи могущества. Теперь настало время, когда третій воспитатель, воспитатель политическій, долженъ былъ нанести послѣдніе штрихи въ умственномъ развитіи королевы.

Лордъ Мельбурнъ занялся съ отеческою заботою и преданностью политическимъ воспитаніемъ Викторіи. Съ дѣтства привыкнувъ къ нему, она привязалась искренно къ другу своего отца и не желала имѣть другого совѣтника, какъ въ офиціально-политическихъ вопросахъ, такъ и въ интимной жизни. Можно ли было строго винить Викторію за ея нежеланіе управлять страной, принявъ во вниманіе ея юность, слѣдствіемъ чего было полное повиновеніе своему наставнику. Лордъ Мельбурнъ зналъ, что королева ничего не понимаетъ въ политикѣ, и, къ чести его, онъ не злоупотреблялъ ея неопытностью, а развивалъ въ ней истинно конституціонную королеву, которая была бы душею своего народа и безпрекословно повиновалась большинству.

До тѣхъ поръ англійскіе короли не придерживались политики при выборѣ министровъ, и бывали случаи, что они удаляли ихъ, несмотря на протесты парламента. Самъ лордъ Мельбурнъ въ царствованіе Вильгельма IV долженъ былъ неожиданно для него передать министерскій портфель сэру Роберту Пилю, вызванному тогда изъ Италіи. Викторіи онъ внушилъ, чтобы она не поддавалась своимъ личнымъ предпочтеніямъ, а подчинялась бы желанію большинства. Его безкорыстіе въ этомъ случаѣ доходило до того, что онъ ни однимъ словомъ не обмолвился въ пользу партіи виговъ. До дня своего замужества Викторія не выходила изъ-подъ его вліянія, которое благотворно отзывалось во все время ея царствованія.

Теорія Мельбурна привилась, но Викторія не приобрѣла популярности въ первые дни своего царствованія. Всѣ ея дѣйствія разсматривались только съ дурной стороны. Ея вѣротерпимость при-

нималась за измѣну англиканской церкви, въ пользу ультра-протестантской и даже католической церкви; радикалы жаловались, что она не произвела разомъ реформъ, какъ слѣдовало ожидать отъ дочери принца—радикала; торіи опасались потерять свое вліяніе на судьбу страны и при дворѣ, знатныя особы обвиняли ее даже въ томъ, что съ перваго дня своего царствованія она увлекла Даніэля О'Коннеля, главнаго агитатора Ирландіи, который собралъ сто тысячъ соотечественниковъ для защиты «милой королевочки». Викторія видѣла, что такая масса недовольныхъ можетъ составить большинство, и на выборахъ 1837 года она убѣдилась, что нація не раздѣляетъ взглядовъ ея руководителя, лорда Мельбурна. Помня его совѣты подчиняться большинству, она замѣстила его, согласно желанію парламента, сэромъ Робертомъ Пилемъ. Это было ея первое огорченіе на политическомъ поприщѣ, но зато она сдѣлалась популярнѣе.

Не менѣе она обязана сэру Роберту Пилю за тактъ, который онъ развилъ въ ней. Благодаря ему, королева выходила изъ самыхъ запутанныхъ отношеній, какъ, напримѣръ, съ Соединенными Штатами въ дѣлѣ «Тридцати» и съ Россіей въ дѣлѣ Польши. Во внутреннемъ управленіи она держала свой скипетръ недосыгаемо высоко надъ всѣми партіями.

Конечно, ея подчиненіе парламенту зависѣло отчасти и отъ другой причины, помимо вліянія Мельбурна. Его формулы были ей тѣмъ болѣе подходящи, что она была совершенно довольна, имѣя отвѣтственныхъ министровъ, такъ какъ тяготилась не только управлять страной, но даже придворнымъ этикетомъ; и какъ только представлялась возможность, она исчезала изъ Лондона. Но все-таки Викторія не оставляла совершенно свой постъ, и отдавъ управленіе страной въ руки парламента, она не позволяла ему вмѣшиваться въ ея придворныя распоряженія: «иначе она показала бы ему, что она королева Англии», какъ писала Викторія своему наставнику и другу Мельбурну на другой день знаменитой «юбочной революціи». Этотъ знаменательный эпизодъ надѣлалъ много шума и состоялъ въ томъ, что когда сэръ Робертъ Пиль, получившій министерскій портфель, послѣ ухода Мельбурна, составилъ торійскій кабинетъ, то онъ по старому обычаю хотѣлъ перемѣнить и придворныхъ дамъ. Но Викторія на это не соглашалась отчасти по дружескимъ чувствамъ къ главной изъ нихъ, своей бывшей воспитательницѣ герцогинѣ Нортумберландъ, и изъ тайнаго желанія возвратить власть лорду Мельбурну, котораго она любила, какъ втораго отца. Сэръ Робертъ Пиль стоялъ на своемъ; Викторія хотѣла, по ея выраженію, доказать, что она не дѣвочка, а королева, и кончилось тѣмъ, что торіи отказались отъ составленія кабинета, и виги, къ ея удовольствію, остались у власти. Королева только этого и хотѣла, и вопросъ о юбкахъ самъ собою устранился.

Но лордъ Мельбурнъ, хотя и поддерживалъ ее въ этомъ первомъ и послѣднемъ конституціонномъ кризисѣ, но потомъ доказалъ ей, что она не права. Она впоследствии уже никогда не посягала на нарушение конституціи даже въ мелочныхъ вопросахъ. Хотя практически неловко одной партіи управлять государствомъ, а женамъ и дочерямъ членовъ другой враждебной партіи стоять близко къ королевѣ и имѣть возможность вліять на нее. Съ тѣхъ поръ все въ Англии, а также и вопросъ о придворныхъ дамахъ, разрѣшалось компромиссомъ согласно съ премьерами. При составленіи новыхъ кабинетовъ, сама королева удаляла тѣхъ изъ придворныхъ дамъ, родство которыхъ съ вожаками оппозиціи дѣлало опаснымъ ихъ пребываніе.

Чувство долга было развито въ Викторіи, и несмотря на свою антипатію къ управленію, она не хотѣла совѣмъ покинуть свои королевскія привилегіи, несмотря на ихъ тяжесть. Чтобы легче исполнять свою обязанность, она сдѣлала себѣ расписаніе, какъ въ доброе старое время, когда ея мать ежедневно собственноручно привѣщивала расписаніе ея занятій и удовольствій надъ ея учебнымъ столомъ.

Она вставала въ 8 часовъ, и указывала, пока она завтракаетъ, прочитывать ей передовыя статьи изъ «Times», а также иностранныя извѣстія, затѣмъ просматривала вечернія извѣстія обѣихъ палатъ парламента и отчетъ засѣданія кабинета, который составлялся особымъ чиновникомъ послѣ каждого засѣданія. Потомъ она пробѣгала свою личную корреспонденцію; ею завѣдывалъ особый чиновникъ. Его обязанность была отбирать письма для прочтенія и отбрасывать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ неизвѣстныя лица объяснялись въ любви, или угрожали ея жизни. Она прекрасно распознавала истинную бѣдность отъ искусственной, истинное горе отъ фальшиваго и никогда не просила правосудія отмѣнить наказаніе, пока совершенно не была убѣждена въ невинности подсудимаго. Одинъ случай въ началѣ ея царствованія служить доказательствомъ. Однажды герцогъ Веллингтонъ, ея старый другъ, подалъ ей для подписи смертный приговоръ одного солдата—дезертира. Первый разъ жизнь человѣка была въ ея рукахъ, и это ее очень взволновало.

— Что онъ за человѣкъ?—спросила она герцога.

— Очень скверный солдатъ и дурной примѣръ для полка. Онъ заслуживаетъ сто разъ быть повѣшеннымъ.

— Поищите, герцогъ, не найдется ли у него хотя одного хорошаго качества, которое выкупаетъ его недостатки.

— Да,—отрѣзалъ рѣзко генералиссимусъ,—его товарищи говорятъ, что онъ добрый малый.

— О, благодарю!—воскликнула облегченная королева и подписала: «Простить, Викторія».

Но въ то же время она допускала вѣшать женщинъ, въ особенности дѣтубійцъ, къ нимъ она была безжалостна.

Затѣмъ Викторія диктовала секретарю свои отвѣты, шла на прогулку и возвращалась только въ два часа къ завтраку. Ея завтракъ былъ очень умѣренный и простой; она предпочитала кусокъ баранины самымъ изысканнымъ блюдамъ. Послѣ завтрака она переходила въ гостиную, гдѣ посвящала около часа на просмотръ списка приглашенныхъ къ обѣду, который составлялъ оберъ-камергеръ, и затѣмъ отправлялась кататься верхомъ или въ каретѣ, смотря по погодѣ. Послѣ обѣда она посвящала только нѣсколько минутъ государственнымъ дѣламъ, редактируя отчетъ, приготовленный для обнародованія всѣхъ дневныхъ событій при дворѣ, какія она принимала визиты, кто изъ фрейлинъ или лордовъ былъ дежурный при дворѣ и прочее. При этомъ Викторія со вниманіемъ слѣдила, вѣрно ли выставлены титулы, и нѣтъ ли ореографическихъ ошибокъ въ фамиліяхъ.

Черезъ годъ и восемь дней послѣ провозглашенія Викторіи королевой было назначено ея коронованіе. Въ этотъ періодъ времени многому научилась юная королева, но чѣмъ болѣе она узнавала могущество, тѣмъ менѣе она его любила. Теперь ей пришлось совершенно порвать со своимъ прошедшимъ, покинувъ Кенсингтонъ, полный воспоминаній дѣтства, и переселиться въ Букингамскій дворецъ.

Вопросъ о церемоніи коронованія вызвалъ препирательства. Одни говорили, что въ виду ея пола слѣдовало, какъ можно блестяще, устроить церемонію; другіе возражали, ссылаясь на то, что современная монархія не должна отягощать народъ непосильными налогами. Политики-экономисты палаты депутатовъ протестовали противъ безумныхъ затратъ, какія дѣлали при Георгѣ IV, коронаціонная церемонія котораго стоила болѣе шести милліоновъ франковъ, и предлагали устроить церемонію болѣе скромную, какою была коронація Вильгельма IV, стоившая милліонъ двѣсти пятнадцать тысячъ франковъ. Парламентъ замѣтилъ, что для королевы надо устроить церемонію пышнѣе, и наконецъ остановились на цифрѣ семидесяти ливровъ стерлинговъ.

Коронованіе состоялось 28 іюня 1838 года въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Улицы были полны народомъ. Въ 10 часовъ утра ударили во всѣ колокола столицы, и процессія двинулась въ Букингамскій дворецъ, черезъ гору Конституціи, Пикадили, Сентъ-Джемскую улицу, Пель-Мель и т. д., восторженно привѣтствуемая народомъ. Какъ только юная королева вышла изъ экипажа, въ храмѣ раздались звуки органа. Все вниманіе сосредоточилось на ней. Она вошла просто, съ достоинствомъ, и держала себя съ большимъ тактомъ. Пройдя прямо въ ризницу, она вышла оттуда въ бѣломъ кружевномъ платьѣ съ большимъ плейфомъ, въ королев-

ской мантии изъ фіолетоваго бархата, вышитой золотомъ и окаймленной горностаемъ. На ея шеѣ были надѣты орденскія цѣпи Подвязки, Бани, Шиповника и св. Патрікія, а на головѣ ея красовался гладкій золотой обручъ. Сопровождаемая двѣнадцатью фрейлинами, несшими шлейфъ ея мантии, она приблизилась къ трону, устроенному противъ алтаря.

Этотъ тронъ достоинъ вниманія, не по своей красотѣ, а по историческому значенію, если вѣрить легендѣ. Онъ состоитъ изъ готическаго кресла, въ одной изъ ножекъ котораго вдѣланъ камень. На немъ, по преданію, спалъ патріархъ Іаковъ, когда онъ видѣлъ во снѣ лѣствицу, ведущую на небо. Этотъ знаменитый камень былъ сначала въ Испаніи, затѣмъ его переслали въ Ирландію, а оттуда въ Шотландію и въ Англію. Во время коронаванія Эдуарда I шотландское собраніе поднесло его королю вмѣстѣ со скипетромъ и короною. Эдуардъ-Исповѣдникъ впослѣдствіи приказалъ вдѣлать его въ тронъ. Со времени Эдуарда-Исповѣдника всѣ короли Англіи коронавались на этомъ тронѣ.

Епископъ Кантэръбурійскій всталъ передъ алтаремъ, и началась церемонія.

— Лорды и господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ,—представляю вамъ Викторію, неоспоримую королеву нашего королевства, и спрашиваю васъ всѣхъ, пришедшихъ сюда, чтобы засвидѣтельствовать ей вашу преданность: останетесь ли вы всегда при нашемъ теперешнемъ мнѣніи?

— Да покровительствуетъ Богъ королевѣ!—громко воскликнули всѣ присутствующіе въ отвѣтъ.

Въ это время королева представила свои подарки церкви. Они состояли изъ тяжелаго слитка золога и золотого покрывала на алтарь, а послѣ этого произнесъ рѣчь архіепископъ лондонскій, объясняя королевѣ всю важность присяги, которую она должна будетъ принять. Когда онъ окончилъ, Викторія произнесла слѣдующую присягу:

«Я торжественно обѣщаю, что буду управлять народомъ соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи и принадлежащихъ къ нему владѣній согласно статутамъ, принятымъ въ парламентѣ, существующимъ законамъ и обычаямъ страны; что во всѣхъ моихъ рѣшеніяхъ, насколько будетъ въ моей власти, я буду поддерживать законъ, справедливость и милосердіе».

Затѣмъ, согласно выраженію протокола коронаціи, она поклонилась на всѣ четыре стороны, пока собравшіеся придворные, по старинному обычаю, громко выражали свое согласіе повиноваться ей, какъ королевѣ. Въ этотъ моментъ былъ заключенъ тотъ договоръ или завѣтъ между королевой Викторіей и англійскимъ народомъ, который, по словамъ Гладстона, она поддерживала до послѣдней минуты.

Присяга окончилась; королева опустилась на колѣни передъ алтаремъ. Въ это время заплѣлъ придворный хоръ: «*Veni, creator spiritus*», и архіепископъ подалъ ей евангеліе, на которомъ она присягала. Викторія возвратилась къ своему трону и стала на колѣни. Четыре герцога, кавалеры ордена Подвязки, раскинули надъ ея головой золотую ткань въ видѣ балдахина. Вестминстерскій деканъ подалъ миро, и архіепископъ помазалъ ей голову и руки, произнося: «Будь помазана на царство святымъ масломъ королей, пророковъ и первосвященниковъ». Затѣмъ онъ вложилъ въ ея лѣвую руку державу, а на правую надѣлъ кольцо съ рубиномъ. При этомъ случился эпизодъ, стоившій королевѣ нѣсколько часовъ физическихъ страданій. Кольцо было сдѣлано на маленькій палецъ, архіепископъ же его сталъ надѣвать на безымянный и на замѣчаніе королевы, что онъ надѣваетъ его не на тотъ палецъ, отвѣтилъ ей: «Обычай требуетъ надѣть кольцо на безымянный палецъ», и при этомъ съ такой силой надѣлъ его, что у королевы заболѣлъ палецъ, и въ продолженіе церемоніи она чувствовала сильную боль. По возвращеніи во дворецъ ей пришлось держать руку въ ледяной водѣ, чтобы имѣть возможность снять кольцо. Затѣмъ ей подали скипетръ изъ слоновой кости. Королева еще продолжала стоять на колѣняхъ, когда архіепископъ поднялъ надъ ея головой корону со знаменитыми громадными рубинами, извѣстными подъ названіемъ «Трофей Чернаго принца».

Пэры и ихъ жены также подняли свои короны, и въ самый моментъ, когда архіепископъ надѣлъ на королеву корону, они надѣли свои, при громкихъ крикахъ: «да здравствуетъ королева!» На улицахъ раздались пушечная пальба, звукъ трубъ и барабанный бой, извѣщавшіе народъ, что коронація совершилась. Королева поднялась съ колѣнъ и сѣла на тронъ; архіепископъ благословилъ ее, и начались поздравленія. Первый преклонилъ передъ нею колѣно архіепископъ Кантэръбурійскій и произнесъ присягу въ вѣрности, затѣмъ дяди. На этотъ разъ они не опускались на колѣно, а присягали стоя слѣдующей фразой: «Я становлюсь вашимъ вассаломъ на жизнь и смерть и присягаю жить и умереть для васъ. Да поможетъ мнѣ Богъ». Затѣмъ, дотронувшись правой рукой до ея короны, поцѣловали ее въ лѣвую щеку. Затѣмъ слѣдовали остальные присутствовавшіе по старшинству титуловъ. Во время всей церемоніи Викторія держала себя очень тактично, и даже въ одномъ комическомъ фактѣ она выказала большой тактъ. Одинъ знатный лордъ, подходя къ ней съ поздравленіемъ, такъ засмотрѣлся на нее, что запнулся и упалъ, растянувшись во весь ростъ передъ самымъ трономъ. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на ея лицѣ, и она сдѣлала видъ, что вовсе ничего не замѣтила. По окончаніи церемоніи канцлеръ казначейства лордъ Суррей, по старому обычаю, сталъ разбрасывать пригоршнями серебряныя медали, на-

рочно вычеканенныя для дня коронаванія. Всѣ бросились ихъ ловить. Было очень странно видѣть нарядныхъ дамъ и дѣвицъ, которыя не стѣсняясь толкались, забывая этикетъ, чтобы достать на память медаль. Королева же, снявъ корону, приступила къ принятію причастія. Затѣмъ она отправилась въ часовню Эдуарда-Исповѣдника, гдѣ скинула свое кружевное платье, и возвратилась въ красной бархатной мантии и въ коронѣ, со скипетромъ и державою въ рукахъ. При выходѣ изъ аббатства королева передала скипетръ и державу лицамъ, которыя должны были ихъ нести, а сама сѣла въ богатую золотую коляску, запряженную двѣнадцатью лошадьми. Всѣ лорды слѣдовали за нею въ своихъ экипажахъ и съ коронами на головахъ. Часть изъ нихъ, не имѣвшихъ приглашенія въ Букингамскій дворецъ, отправилась домой. Вечеромъ былъ данъ блестящій балъ, и горѣла иллюминація. Юная Викторія сохранила въ особенности два противоположныя воспоминанія объ этомъ днѣ: это—боль, которую ей причинилъ архіепископъ кольцомъ, и радостное чувство, когда по возвращеніи домой она услышала дружескій лай своего вѣрнаго друга—собаки Дѣшъ.

Такъ окончилась коронація Викторіи; мы нарочно остановились на ней подробно, потому что въ скоромъ времени ея сыну и наслѣднику Эдуарду VII предстоитъ исполнить ту же церемонію.

III.

Въ матеріальномъ отношеніи для королевы Викторіи наступили лучшіе дни. Послѣ недостатковъ, которыми она была окружена въ ея первые годы жизни, когда ея мать не имѣла возможности даже нанять гувернантокъ, теперешнее ея положеніе было для Викторіи поистинѣ царскимъ. Ей назначили ежегодно на содержаніе двора девять милліоновъ шестьсотъ двадцать пять тысячъ франковъ, изъ которыхъ четыре милліона триста двѣнадцать тысячъ приходились на содержаніе дома. Кромѣ того, ей полагалась ежегодная пенсія въ милліонъ пятьсотъ тысячъ франковъ, триста двадцать пять тысячъ на дѣла благотворительности и «на булавки» двѣсти тысячъ франковъ. Ея матери, герцогинѣ Кентской, выдавалось ежегодно триста тысячъ франковъ. Штатъ ея прислуги состоялъ изъ девяти-сотъ тридцати одного человѣка. Гардеробомъ королевы завѣдывала особая придворная дама, выбиравшаяся изъ герцогинь; на ея отвѣтственности было все, начиная отъ историческихъ костюмовъ и кончая чулками.

Викторія отличалась отсутствіемъ вкуса не только въ гармоніи цвѣтовъ, но и въ выборѣ фасона; ея туалеты были полны безвкусія, въ особенности подъ старость. Пока она была молода, это не бросалось въ глаза, такъ какъ, по описанію англійскаго писателя Кембля, видѣвшаго ее во время коронаціи, «она была не кра-

савица, но прелестна, лицо ея спокойно и весело, она не высокаго роста съ красивыми округленными плечами; вся фигура ея выражаетъ скорѣе довѣренность, чѣмъ могущество. Ея голосъ звучный, ясный, и рѣчь ея звучитъ, какъ музыка; болѣе мелодичнаго произношенія невозможно придать неблагозвучному англійскому языку; при этомъ у нея прекрасныя руки». Но послѣ замужества она очень пополнѣла, и ея безобразные туалеты бросались въ глаза. Вообще въ вопросѣ туалетовъ она придерживалась мѣщанскихъ привычекъ, говоря, что англійскія женщины сдѣлались легкомысленны и расточительны, а потому она хотѣла служить имъ примѣромъ экономіи, добродѣтели и простоты. Если ея платья были и безвкусны, то ихъ было громадное количество, такъ какъ Викторія никогда не надѣвала два раза одно и то же платье на парадные выходы, обѣды или вечера. Что же касается до перчатокъ, то онѣ были коротенькія, на одной пуговкѣ для ежедневнаго употребленія, и бальныя и вечернія едва доходили до локтя и стоили не дороже тринадцати франковъ; дороже она не позволяла покупать. Когда она дѣлала фрейлинамъ подарокъ, то обыкновенно это было одно изъ ея платьевъ, и онѣ заранѣе знали, что въ немъ нельзя будетъ показаться, не рискуя быть осмѣянной. Кромѣ того, она обладала страстью къ индійскимъ кашемировымъ шалямъ и ежегодно выписывала изъ Индіи большое количество, изъ котораго она раздавала большую часть въ видѣ подарковъ избраннымъ придворнымъ дамамъ.

Привыкшая съ малолѣтства къ правильному образу жизни, она сохранила эту привычку почти до послѣднихъ дней. По словамъ сэра Шарля Муррэн, одного изъ ея придворныхъ, вотъ какъ она проводила время въ Виндзорѣ:

«Въ два часа съ половиной она оканчивала свой скромный завтракъ; гофмейстеры, придворныя лица, фрейлины, ожидали ее въ коридорѣ, ведущемъ на подъѣздъ Виндзорскаго замка. Придворные лакеи въ голубыхъ съ краснымъ ливреяхъ держали подъ узцы тридцать осѣдланыхъ лошадей. Раньше всѣхъ подавали прекраснаго рыжаго коня, котораго Викторія назвала «Императоромъ». Королева легко вскакивала на сѣдло; ея посадка граціозна и легка, что заставляеть всѣхъ невольно любоваться ею. Бельгійскій король съ королевой слѣдуютъ ея примѣру, хотя не съ тою ловкостью, ихъ лошади болѣе спокойныя и послушныя. Герцогиня Кентская, мать королевы, обожающая лошадей и прекрасная наѣздница; лордъ Конингамъ, герцогъ Веллингтонъ, лордъ Мельбурнъ и остальные придворные садятся на своихъ лошадей. Кавалькада направляется къ Виндзорскому лѣсу. Всѣ непринужденно болтають и смѣются безъ удержу, сама королева показываетъ примѣръ непринужденности. Она очень наблюдательна и знаетъ основательно исторію всѣхъ присутствующихъ и ихъ лошадей; если которая ни-

будь изъ лошадей ей неизвѣстна, она подскакиваетъ къ владѣльцу и разспрашиваетъ ее подноготную. Очень часто она оцѣниваетъ сама лошадь, заставляя продѣлывать передъ нею всевозможныя упражненія, при этомъ владѣлецъ старается отличиться, чтобы выставить качества своей лошади въ лучшемъ свѣтѣ. Королева страстно любитъ упражненія на чистомъ воздухѣ, она болтаетъ со всѣми просто, непринужденно, но въ ея жестахъ и голосѣ видна привычка повелѣвать. Съ бельгійскимъ королемъ она говоритъ по-французски, съ матерью по-нѣмецки, съ нѣкоторыми присутствующими иногда по-итальянски. Напрасно придворные стараются не опережать ее и слѣдовать почтительно за нею, она не обращаетъ вниманія, останавливается, возвращается, приближается то къ тому, то къ другому. Въ пять часовъ они располагаются пить чай, не сходя съ лошадей, а иногда стоя, который имъ приносили изъ дворца. Въ шесть часовъ они возвращались домой и одѣвались къ обѣду».

Невзирая на возрастъ дамъ, декольте было обязательно; мужчины должны были надѣвать придворную одежду, при бѣлыхъ шелковыхъ панталонахъ и при шпагѣ. Ровно въ восемь часовъ съ половиною королева выходила изъ своихъ апартаментовъ и направлялась въ столовую. Ожидавшіе въ прихожей ея выхода придворные слѣдовали за нею по порядку: сначала шли родственники, а затѣмъ придворные и приглашенные; для каждаго приглашеннаго было назначено мѣсто. Какъ только королева садилась за столъ, начинался концертъ. Всѣ блюда были холодныя, и королева не любила, чтобы за обѣдомъ велся разговоръ. Если кто нибудь начиналъ рассказывать что нибудь забавное, она рѣзко и сухо его прерывала. Послѣ обѣда дамы проходили въ залъ, а мужчины въ биллиардную. Нѣкоторыя лица оставались весь вечеръ, чтобы послушать пѣніе королевы. Иногда она сама себя акомпанировала. Но болѣе всего играли въ вистъ, и всегда не болѣе шиллинга ставка. Чаще всѣхъ выигрывала королева, несмотря на грубые промахи, что ее очень веселило. Когда она затруднялась, съ какой карты идти, то оборачивалась къ стоящимъ сзади придворнымъ и просила совѣта. Въ 11 часовъ она удалялась въ свои апартаменты, а лица, приглашенные ночевать, отправлялись въ свои комнаты, остальныхъ придворные экипажи отвозили на Вестминстерскій вокзалъ.

Иногда Викторія дѣлала смотръ солдатамъ во дворѣ дворца. Въ дурную погоду она каталась въ каретѣ, и никто изъ свиты не имѣлъ права ее опережать. Въ воскресенье утромъ она ходила въ часовню, а остальное время дня игралъ военный оркестръ, и она гуляла по парку.

Отношенія къ герцогинѣ матери измѣнились. Въ первые дни ея царствованія мать попробовала давать ей совѣты, но Викторія, обла-

давая независимымъ характеромъ, отклоняла ихъ; когда однажды за обѣдомъ герцогиня спросила ее про нѣкоторыя политическія дѣла, то Викторія сухо попросила мать не настаивать на этомъ. Герцогиня обидѣлась и удалилась отъ двора, продолжая вести одинокую жизнь.

Насладившись всѣми привилегіями королевскаго величія, Викторія почувствовала сердечную пустоту и одиночество, тѣмъ болѣе, что она была создана скорѣе для семейной жизни, чѣмъ для блестящей шумной придворной жизни. Она была свободна выбирать въ мужа кого хочетъ, но кого выбрать? Слухи были, что ей очень нравился сынъ Луи-Филиппа, герцогъ Немурскій, но онъ принадлежалъ къ римско-католической церкви, что дѣлало бракъ невозможнымъ. Народъ мечталъ выдать ее за котораго нибудь англійскаго принца, ея двоюроднаго брата, герцога Кумберландскаго или герцога Кэмбриджскаго. Кромѣ этихъ жениховъ, не было ни одного подходящаго къ ней лѣтами. Что же касается до нѣмецкихъ принцевъ, то о нихъ и не думали въ Англии. Въ этотъ вопросъ вмѣшался ея дядя, бельгійскій король Леопольдъ, хотѣвшій устроить ея бракъ съ которымъ нибудь изъ двухъ Саксенъ-Кобургъ-Готскихъ принцевъ, ея двоюродныхъ братьевъ. Онъ всячески расхваливалъ ихъ обоихъ, Эрнеста и Альберта, въ особенности послѣдняго, и поручилъ своему довѣренному лицу, барону Штокмару, приготовить къ тому принца Альберта, бывшаго немного моложе Викторіи. Баронъ уговорилъ его предпринять путешествіе въ Англію вмѣстѣ съ братомъ, которому предстояло царствовать въ Саксенъ-Кобургскомъ герцогствѣ. Ничего не подозрѣвая о цѣли поѣздки въ Англію, они отправились черезъ Голландію и, только уѣзжая изъ Роттердама, узнали отъ принцессы Оранжской о замыслѣ бельгійскаго короля. Наконецъ, они явились къ Вильгельму IV, обошедшемся съ ними небрежно, съ невниманіемъ, какъ съ мелкими нѣмецкими князьями. Тогда герцогиня Кентская пригласила ихъ къ себѣ въ Кенсингтонскій дворецъ.

Принцъ Альбертъ, повидимому, произвелъ впечатлѣніе на Викторію, такъ какъ послѣ его отъѣзда ихъ сношенія продолжались черезъ переписку. Когда она сдѣлалась королевой, онъ прислалъ ей слѣдующее письмо:

«Вотъ вы и королева самаго могущественнаго государства въ Европѣ, въ вашихъ рукахъ счастье милліоновъ людей. Да подкрѣпитъ васъ небо въ столь высокой и трудной задачѣ. Желаю вамъ, чтобы ваше царствованіе было долго и славно, и чтобы ваши усилія привязали къ вамъ сердца вашихъ подданныхъ». Но очевидно, что сердце Викторіи еще не было покорено окончательно принцемъ Альбертомъ, и въ ея выборѣ былъ главнымъ виновникомъ король Леопольдъ.

Въ 1839 году, оба брата снова вернулись въ Англію и были при-

няты королевою Викторіей. Они прѣхали съ письмомъ отъ короля Леопольда, въ которомъ онъ просилъ Викторію ласково ихъ принять. Они прибыли въ Виндзоръ вечеромъ, и королева встрѣтила ихъ на верхней площадкѣ лѣстницы очень радушно и ласково. Въ тотъ же вечеръ она писала Леопольду: «Я не встрѣчала никого очаровательнѣе принца Альберта». Четыре дня онъ оставался въ Вестминстерѣ и совершенно побѣдилъ сердце Викторіи, а на пятый день 14-го октября 1839 года она пригласила лорда Мельбурна и объявила ему о своемъ рѣшеніи выйти замужъ за принца Альберта, на что онъ отвѣтилъ ей: «Я одобряю ваше рѣшеніе; женщина не можетъ жить одинокой, какое бы она ни занимала положеніе».

Но самое трудное для Викторіи было сдѣлать предложеніе.

Молодые люди уже разъ объяснились въ любви, хотя символически. Это было на одномъ изъ баловъ. Отшпиливъ отъ корсажа розу, Викторія подала ее Альберту. Молодой человѣкъ, не имѣя на сюртукѣ петли для цвѣтка, все-таки не растерялся и, подскочивъ къ турецкому посланнику, вырвалъ у него кинжалъ и сдѣлалъ прорѣзъ на сюртукѣ, куда и воткнулъ цвѣтокъ. Но это считалось не официальнымъ объясненіемъ, и его было недостаточно. Вотъ что писала Викторія въ своемъ дневникѣ по поводу этого предложенія:

«Въ половинѣ перваго я послала за Альбертомъ. Онъ вошелъ въ мой кабинетъ, гдѣ я находилась одна, и послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія я начала съ того, что онъ, вѣроятно, и не подозреваетъ, для чего я пригласила его къ себѣ, и что онъ сдѣлаетъ меня безконечно счастливой, если согласится исполнить одно изъ моихъ желаній—именно жениться на мнѣ. Онъ нисколько не растерялся и выслушалъ меня съ выраженіемъ доброты и расположенія...

...«Я ему сказала, что недостойна его... Онъ мнѣ отвѣтилъ, что былъ бы безконечно счастливъ провести всю жизнь со мною. Тогда я попросила его сходить за братомъ, что онъ и сдѣлалъ. Мы сообщили ему о нашемъ соглашеніи; онъ поздравилъ насъ и при этомъ казался очень счастливымъ».

На другой день послѣ объясненія, принцъ Альбертъ, еще взволнованный событіемъ, которое произошло въ его жизни, писалъ барону Штокмару: «Я слишкомъ потрясенъ случившимся, чтобы писать длинное письмо, но сердце мое утопаетъ въ счастіи».

Въ свою очередь Викторія писала своему дядѣ Леопольду Бельгійскому:

«Я не сумѣю выразить, насколько я люблю Альберта; я готова на все, что въ моей власти, чтобы сдѣлать его жертву (такъ какъ я считаю, что это большая жертва) какъ можно легче».

Она просила не объявлять о своемъ рѣшеніи раньше, чѣмъ она

объ этомъ сообщить тайному совѣту; на это время принцъ уѣхалъ изъ Англіи.

Принцъ Альбертъ прекрасно понималъ, сколько предстоитъ Викторіи затрудненій, что доказываетъ его письмо къ барону Штокмару, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ до послѣдняго дня жизни.

«Я долженъ пріобрѣсть себѣ уваженіе не только королевы, но и всей націи. Небо не всегда будетъ безоблачно».

Но если Викторія затруднялась, какъ сдѣлать предложеніе Альберту, то она была не менѣе озабочена теперь, когда ей предстояло объявить объ этомъ совѣту. Для большей храбрости она даже надѣла браслетъ съ портретомъ жениха, который онъ подарилъ ей передъ отъѣздомъ.

Рѣшеніе королевы было почтительно принято, но энтузіазма большого никто не выказалъ, а скорѣе недовольство. Нѣкоторые изъ членовъ палаты лордовъ опасались, что его вѣроисповѣданіе можетъ повліять на религіозные взгляды Викторіи, но лордъ Бруггамъ успокоилъ всѣхъ, говоря, что королева понимаетъ прекрасно опасность переменъ религіи, такъ какъ тогда она лишится престола. Затѣмъ поднялся вопросъ, сдѣлать ли принца Альберта перомъ Англіи, какъ поступили съ принцемъ датскимъ. Но герцогу Веллингтонъ, зная, что Альбертъ не ищетъ этихъ привилегій,—протестовалъ. Дѣло дошло до деликатнаго вопроса о суммѣ, которую надо выдавать на содержаніе принца. Это былъ самый тяжелый и непріятный вопросъ для королевы. Нѣкоторые лица предлагали выдавать ему милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ, но большинство запротестовало и настаивало на томъ, чтобы королева сама содержала мужа. Чтобы положить конецъ этой непріятной для Викторіи торговли, ему назначили семьсотъ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

Принцъ Альбертъ былъ уязвленъ; онъ рассчитывалъ не на такую сумму. Не имѣя своихъ средствъ при положеніи, которое ему предстояло, жить было затруднительно. Рассчитывая покровительствовать искусствамъ и наукамъ, чтобы имѣть какое нибудь официальное положеніе, онъ думалъ, что будетъ въ состояніи тратить деньги на различныя усовершенствованія; но изъ этой суммы нельзя было много сдѣлать, однако онъ не настаивалъ.

Викторія ни однимъ словомъ не обмолвилась. Парламентъ ее слишкомъ оскорбилъ. Во время этихъ переговоровъ коснулись многихъ больныхъ мѣстъ ея семьи, упомянули тоже, что она должна была уплатить долгъ отца въ милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ франковъ изъ парламентскихъ же денегъ и проч. Она рассчитывала, что жениху назначать сумму, равняющуюся, по крайней мѣрѣ, цифрѣ ея личныхъ расходовъ, но никогда не думала о такой небольшой суммѣ... Кромѣ того, несмотря на то, что

принцъ Альбертъ заявилъ о своемъ нежеланіи вмѣшиваться въ дѣла политики, его штатъ былъ назначенъ по выбору тайнаго совѣта; даже секретаря назначили, который былъ ранѣе у Мельбурна. Этотъ послѣдній поступокъ возмущилъ окончательно Альберта.

Наконецъ, въ январѣ мѣсяцѣ, лордъ Торрингтонъ и полковникъ Грей повезли принцу Альберту орденъ «Подвязки», который и передали ему съ большою и пышною церемоніею. Такимъ образомъ совершилась натурализація принца Альберта. Послѣ церемоніи онъ отправился съ ними въ Англію, и при громкихъ оваціяхъ народа онъ покинулъ свою родную страну.

8-го февраля 1840 года, принцъ пріѣхалъ въ Букингамскій дворецъ въ полдень. Королева и герцогиня Кентская ожидали его у парадной двери. Какъ только онъ вошелъ, его тотчасъ заставили присягнуть въ томъ, что онъ будетъ уважать и покровительствовать англиканской церкви.

10 февраля состоялась свадьба. День былъ сумрачный, но, несмотря на то, громадныя толпы любопытныхъ стояли шпалерами отъ дворца до старой церкви Сентъ-Джемскаго дворца. Первый кортежъ состоялъ изъ жениха и его приглашенныхъ, второй изъ невесты и придворныхъ лицъ. Въ этотъ день на королевѣ не было ни одного украшенія, кромѣ вѣнка изъ мирты и розъ, между которыми выглядывали померанцевыя цвѣты. Она выбрала эти цвѣты изъ любви къ жениху, такъ какъ старинный нѣмецкій обычай не допускалъ другихъ украшеній. Ее сопровождали герцогини Кентская и Сундерландъ. Женихъ былъ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ, въ бѣлыхъ шелковыхъ панталонахъ, бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ брилліантовыми пряжками, при шпагѣ и въ орденѣ «Подвязки», украшенномъ брилліантами и рубинами, подаренными королевой.

Первый разъ церковь Сентъ-Джемскаго дворца была такъ блестяще украшена. На алтарѣ была выставлена вся золотая церковная посуда. Предъ алтаремъ были воздвигнуты четыре трона: одинъ для королевы, другой для принца Альберта, третій для герцогини Кентской и четвертый для вдовствующей королевы Аделаиды. Церемонію исполнялъ архіепископъ Кантѣрбурійскій. Посаженымъ отцемъ былъ дядя королевы, герцогъ Суссекскій. Викторія, несмотря на свои заплаканныя глаза, была безконечно счастлива. Члены торійскаго кабинета отсутствовали, дуясь на Викторію за ея либеральный выборъ, и только два представителя ихъ партіи, герцогъ Веллингтонъ и лордъ Ливерпуль, были налицо. Архіепископъ Кантѣрбурійскій не зналъ, какъ ему поступить; онъ долженъ былъ согласовать при вѣнчаніи обязанность жены и независимость королевы; но королева замѣтила ему: «Я желаю, чтобы меня вѣнчали, какъ женщину, а не какъ королеву, и я буду от-

вѣчать на всѣ вопросы, какіе вы предлагаете при бракѣ моимъ подданнымъ». Онъ такъ и поступилъ. Послѣ обряда вѣчанія кортежъ на этотъ разъ только одинъ возвратился въ Букингамскій дворецъ. Принцъ Альбертъ сидѣлъ съ королевой въ парадной каретѣ, запряженной восемью лошадьми. Народъ восторженно привѣтствовалъ молодыхъ, а также отца и брата невѣсты. Послѣ завтрака молодые уѣхали на два дня въ Виндзорскій дворецъ.

Въ прежнія времена и даже когда женился Георгъ III на королевѣ Шарлотѣ, брачная церемонія начиналась въ полночь и продолжалась до 10 ч. утра другого дня, но со свадьбы Викторіи ввелись три новые обычая: вѣнчаться утромъ; украшать голову митровымъ вѣнкомъ съ розами и померанцевыми цвѣтами и уѣзжать изъ Лондона на нѣсколько дней послѣ брачной церемоніи.

IV.

Новая эпоха и самая счастливая наступила для Викторіи со дня ея замужества. Бельгійскій король не ошибся, устроивъ ея бракъ съ принцемъ Альбертомъ. Хотя онъ былъ даже моложе Викторіи, но это не помѣшало ему сдѣлаться и остаться до послѣдняго дня своей жизни вѣрнымъ и преданнымъ другомъ и совѣтникомъ. Несмотря на свое незавидное официальное положеніе и на всѣ оскорбленія, которыя ему пришлось вынести отъ парламента и даже прессы съ перваго момента его пребыванія въ Англіи, онъ не добивался болѣе блестящаго положенія и довольствовался быть личнымъ совѣтникомъ и секретаремъ королевы, покровительствуя наукамъ и искусствамъ, за что совѣтъ министровъ предложилъ ему званіе почетнаго директора изящныхъ искусствъ.

Тщетно Викторія мечтала добиться для него отъ парламента званія короля супруга, но ея дядя, король Леопольдъ Бельгійскій, баронъ Штокмаръ, сэръ Робертъ Пиль и герцогъ Абердинъ предвидѣли послѣдствія этого плана и уговаривали ея обождать до того времени, когда нація понемногу оцѣнитъ его заслуги передъ государствомъ. Въ сущности же они знали, что парламентъ никогда не согласится признать незначительнаго нѣмецкаго принца королемъ Англіи. Надо было примириться съ обстоятельствами, а въ ожиданіи, когда осуществится ея мечта, королева пользовалась каждымъ случаемъ, чтобы выставить на видъ всѣ достоинства и заслуги мужа въ отношеніи Англіи. Что же касается до ея личныхъ отношеній къ нему, то они дышали такой любовью и нѣжностью, какая возможна была только въ романтическую эпоху. Ни одного предпріятія, ни одного дѣйствія, какъ относительно частной жизни, такъ и официальной, она не сдѣлала, не спросивъ предварительно его совѣта; какъ прежде она преклонялась передъ парламентомъ изъ вѣрности къ конституціи и отчасти изъ умственной лѣности

и любви къ спокойнымъ удовольствіямъ, такъ теперь преклонялась передъ любовью къ мужу.

Но къ чести принца Альберта онъ дѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы устроить жизнь Викторіи счастливо. Первые дни Викторіи протекли такъ же счастливо, какъ и послѣдніе, а она старалась обставить его жизнь такъ, чтобы онъ какъ можно менѣе замѣчалъ всѣ неприятныя стороны своего официальнаго положенія.

Теперь какъ официальная, такъ и внутренняя жизнь двора окончательно измѣнилась; на всемъ замѣтна стала энергическая мужская рука. Сентъ-Джемскій дворъ, прославившійся своей развратной жизнью уже нѣсколькихъ царствованій, не могъ отдѣлаться отъ своихъ укоренившихся привычекъ, когда юная Викторія вступила на престолъ. Ее сразу окружили интриги, вокругъ совершались непозволительные скандалы, придворные были настолько распущены, что позволяли себѣ обращаться съ нею небрежно, безъ должнаго почтенія, тѣмъ болѣе, что питали нелюбовь къ ея покойному отцу и знали, въ какой нуждѣ она провела первые годы. Торіи не могли примириться съ тѣмъ, что на тронѣ воцарилась дочь принца, принадлежащаго къ партіи виговъ, а виги увидѣли, что ошиблись, думая найти въ ней поддержку своей партіи.

Въ дворцѣ, по рассказамъ одной придворной дамы, царствовалъ полный беспорядокъ, прислуги были совсѣмъ дурно дисциплинированы; входили безъ разрѣшенія даже въ комнаты королевы. Гизо, посѣтившій Виндзорскій дворецъ, рассказываетъ слѣдующій эпизодъ. Однажды ночью, разыскивая въ длинномъ коридорѣ Виндзорскаго дворца уборную и не зная, которая именно дверь ведетъ туда, онъ толкнулъ первую попавшуюся дверь и, къ своему сильному смущенію, очутился передъ королевой, которой горничная причесывала на ночь волосы. Бѣдный Гизо не зналъ, какъ выйти оттуда, такъ какъ его костюмъ былъ недостаточно наряденъ, чтобы показаться передъ королевой. Второй случай былъ еще удивительнѣе. Какой-то неизвѣстный челоѣкъ забрался въ уборную королевы, и никакъ не могли отъ него добиться, какимъ образомъ и зачѣмъ онъ туда попалъ. Всѣ эти факты рисуютъ довольно ясно, до какой степени былъ распущенъ дворъ.

Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о Виндзорскомъ дворцѣ, въ которомъ протекли единственные два дня, когда Викторія прожила въ немъ не официальной королевой, а просто счастливой женщиной. Этотъ старинный замокъ былъ построенъ Эдуардомъ-Исповѣдникомъ и около восьмисотъ лѣтъ служилъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ англійскимъ королямъ. Онъ расположенъ на правомъ берегу Темзы, въ 35 километрахъ на востокъ отъ Лондона. Причудливый замокъ не имѣетъ въ сущности никакого стиля, такъ какъ каждый король до Георга IV включительно дѣлалъ новыя пристройки. Послѣдній затратилъ на него двѣнадцать милліоновъ

ливровъ, чтобы привести его въ тотъ видъ, въ какомъ онъ находится до сего времени. Одна только часовня св. Георга въ стилѣ XV вѣка замѣчательна по своей архитектурѣ. При немъ находится обширный паркъ съ очень большой террасой, украшенной бронзовыми и мраморными статуями.

Роскошно убранные апартаменты щеголяютъ лучшими северскими коллекціями и украшены картинами французскихъ и итальянскихъ художниковъ, и въ особенности портретами всего королевскаго дома.

Большую часть дворца занимаетъ королева. Ея штатъ состоитъ изъ многихъ вѣдомствъ; изъ нихъ: дворцовое вѣдомство, которымъ завѣдываетъ гофмейстеръ, онъ же секретарь тайнаго совѣта; подъ его управленіемъ находятся все дворцовые расходы, какъ лондонскихъ, такъ и загородныхъ дворцовъ; затѣмъ слѣдуетъ вѣдомство камергера, управляющаго церемоніальной частью, подъ его управленіемъ находились секретари, казначеи, дежурные лорды, придворные кавалеры и дежурные офицеры, церемонімейстеры и ихъ помощники, бібліотекари, поэтъ-лавреатъ, живописецъ и художникъ, груммы, смотрители картинъ, придворные музыканты и проч. служащіе всехъ дворцовъ. Медицинское вѣдомство совершенно отдѣльно; у королевы было три доктора ординарные и четыре экстраординарные, одинъ ординарный хирургъ и три экстраординарные, три аптекаря, одинъ личный зубной врачъ королевы и нѣсколько дантистовъ для придворныхъ. Церковное вѣдомство зависѣло отъ лондонскаго архіепископа.

Званіе придворнаго милостынераздавателя переходитъ по наследству и принадлежитъ обязательно представителю аристократіи; при королеви Викторіи былъ маркизъ Экстеръ; на его обязанности было распоряжаться королевскими пожертвованіями. Но самое главное—это вѣдомство оберъ-шталмейстера, которое занималъ герцогъ Портландъ, пользующійся славой страшнаго богача. Кромѣ того, есть еще второстепенныя вѣдомства. Несмотря на громадный штатъ, до принца Альберта царилъ страшный безпорядокъ, но со дня свадьбы Сень-Джемскій дворъ принялъ совершенно другой видъ.

Черезъ два дня молодые возвратились въ Букингамскій дворецъ.

Въ 1703 году, этотъ дворецъ былъ купленъ Георгомъ III у герцога Букингамы, и дворъ перебрался изъ стараго Сень-Джемскаго дворца. Въ 1775 году, онъ перешелъ къ королеви Шарлотѣ; съ тѣхъ поръ въ немъ начали устраивать высочайшіе приемы. Еще передъ смертью Георга III зданіе пришло въ ветхость, а при Георгѣ IV парламентъ постановилъ выдать необходимую сумму денегъ на ремонтъ. Новый король, имѣвшій слабость къ постройкамъ, рѣшилъ, что этотъ дворецъ не достоинъ первыхъ джентльменовъ на свѣтѣ, какъ англійскіе короли. Но парламентъ не обратилъ вниманія на это, и король умеръ, не дождавшись поваго дворца. Вильгельмъ IV

ненавидѣлъ его и не желалъ въ немъ жить, и только съ восшествіемъ на престолъ Викторіи этотъ дворець сдѣлался настоящей королевской резиденціей. Какъ зданіе, онъ ничѣмъ не замѣчательнъ, если не считать рѣшетки, которая дѣйствительно весьма искусно отлита и стоила семьдесятъ тысячъ франковъ. Входъ во дворець состоитъ изъ портика, окруженнаго колоннами. Мраморный залъ тоже окруженъ колоннами карарскаго мрамора, по угламъ мраморныя статуи, затѣмъ еще залъ, называемый галереей скульптуры, съ сорока двумя колоннами, съ прекрасными и рѣдкими бронзами и мраморомъ, въ концѣ его идетъ министерская лѣстница, черезъ которую проходятъ высочайшія особы, во время пріемовъ. Затѣмъ залъ, называемый сорокъ четыре, въ честь того, что его заново отдѣляли въ этомъ году для высочайшаго пріема русскаго императора. Въ немъ собрано множество великолѣпнаго северскаго фарфора, замѣчательныхъ картинъ, между прочимъ портретъ императора Николая, работы Кокстанъ Крюгера. Роскошная бѣлая мраморная лѣстница ведетъ въ первый этажъ, здѣсь находится балный залъ съ огромнымъ органомъ и множество богато отдѣланныхъ залъ, ведущихъ къ тронному залу, гдѣ въ дни пріема дамы ожидаютъ своей очереди. Въ верхнемъ этажѣ личные апартаменты королевы, наполненные коллекціями картинъ старинныхъ мастеровъ, которые собиралъ еще Георгъ IV; затѣмъ слѣдуютъ музыкальная комната принца Альберта въ готическомъ стилѣ, съ органомъ и т. д.

Вліяніе принца Альберта на Викторію стало замѣтно во всемъ. До тѣхъ поръ королева избѣгала показываться въ парламентѣ, совѣтѣ министровъ и тайномъ совѣтѣ; теперь же она предсѣдательствовала вездѣ. Даже фізіономія тайнаго совѣта стала измѣнять свой первоначальный видъ. Прежде онъ состоялъ лишь изъ лицъ королевской семьи, или изъ высшей аристократіи, теперь же въ него начали принимать всѣхъ лицъ, чѣмъ нибудь прославившихся; большинство же состояло изъ членовъ парламента. Принцъ объяснилъ Викторіи необходимость присутствовать лично на открытіяхъ большихъ публичныхъ работъ, выставокъ и проч. празднествахъ, а также дѣлать морскіе и сухопутные смотры, собственноручно награждать медалями солдатъ и офицеровъ, возвратившихся съ театра военныхъ дѣйствій, однимъ словомъ выказывать при всякомъ случаѣ народу свою дѣятельность и вниманіе. До тѣхъ поръ апатично относившаяся къ обязанности королевы и съ неудовольствіемъ исполнявшая официальные церемоніи, Викторія теперь открывала сама парламентъ. Разодѣтая по-парадному, съ короною на головѣ, она проходила по залѣ среди разукрашенныхъ орденами лордовъ и садилась на тронъ. Движеніемъ руки Викторія разрѣшала членамъ парламента садиться и послѣ трехъ поклоновъ рыцаря чернаго жезла начинала читать свою рѣчь звонкимъ голосомъ съ прекраснымъ выговоромъ, о которомъ Фанни Кемблъ говоритъ: «Самый лучшій

выговоръ, какой только можетъ быть, это выговоръ королевы Виктории», и парламентъ объявлялся открытымъ. Тотчасъ послѣ рѣчи она уѣзжала. Съ не меньшей пышностью она присутствовала при раздачѣ орденовъ, которыми собственноручно награждала. Впослѣдствіи у нея развилась слабость раздавать направо и налево званіе пэра. Смотры она дѣлала верхомъ, одѣтая въ амазонку, поверхъ которой красовался фельдмаршальскій мундиръ съ орденомъ «Подвязки» въ шляпѣ съ золотымъ перомъ. Она по-военному дѣлала честь передъ знаменемъ и командовала сама солдатами.

Болѣе всего она не любила высочайшаго выхода и приѣма. Сидя на тронѣ съ діадемою или короною на головѣ и орденомъ «Подвязки», положивъ правую руку на ручку кресла и окруженная членами королевскаго дома, она съ привѣтливой улыбкой принимала своихъ подданныхъ. Дамы, первый разъ удостоившіяся этой чести, при словѣ «представляется», произнесенномъ гофмейстеромъ, стоящимъ справа у трона, дѣлали глубокій придворный поклонъ, протягивая ей наружной стороною кисть правой руки, затакнутой въ перчатку, на которую она клала свою для поцѣлуя. Дамы, уже не первый разъ бывшія на приѣмѣ, ограничивались придворными поклонами. Придворный поклонъ долженъ быть особенно граціозенъ, а потому для изученія его существовали особыя профессора, нажившіе себѣ громадныя состоянія преподаваніемъ этого искусства. Такъ какъ королева лично просматривала списокъ лицъ, допущенныхъ до приѣма, то она заранѣе знала, кто будетъ представляться, а потому тѣмъ, которыхъ хотѣла отличить, говорила нѣсколько любезныхъ фразъ; это дѣлало ихъ на цѣлую недѣлю героями общества. Приѣмъ начинался около часа позже высочайшаго выхода. Дама, разъ представлявшаяся, имѣла право представить другую даму, предварительно увѣдомивъ камергера и получивъ его разрѣшеніе. Бывали случаи, что нѣкоторыхъ дамъ не допускали. Для молодой дѣвушки высшаго общества было необходимо представляться, если она не желала оставаться старой дѣвой. Туалетъ былъ обязателенъ съ корсажемъ декольте при придворномъ шлейфѣ. Этотъ шлейфъ стоилъ очень дорого; кромѣ того, нацѣвлялся придворный вуаль съ тремя бѣлыми страусовыми перьями, которыя располагались спереди вуаля, почти стоя. Это традиціонное расположеніе перьевъ, несмотря на свой комическій некрасивый видъ, было обязательно, и измѣнить его не допускалось ни подъ какимъ видомъ.

Блестящіе балы въ Букингамскомъ дворцѣ смѣнялись одинъ за другимъ. Обыкновенно они устраивались въ большой залѣ. Чаше всего были костюмированные балы, и на нихъ допускались костюмы только того стилия, который былъ назначенъ королевой. Принцъ Альбертъ выбиралъ костюмы изъ прежнихъ историческихъ блестящихъ эпохъ Англіи. Часто онъ появлялся рядомъ съ Викторіей, одѣтый королемъ или которымъ нибудь изъ рыцарей королевскаго

дома древней Англiи; Викторiи доставляло большее удовольствiе видѣть принца Альберта хотя на одинъ вечеръ королемъ. Такимъ образомъ повторялись всѣ эпохи Англiи, и сама королева, тогда бывшая въ самомъ расцвѣтѣ красоты, являлась то въ одномъ, то въ другомъ историческомъ костюмѣ. Страшныя суммы денегъ тратились аристократiей, чтобы блестятъ при дворѣ, и торговля была въ самомъ блестящемъ положенiи такъ же, какъ и ремесла. Балы прерывались интермедiями, во время которыхъ принцъ Альбертъ и Викторiя пѣли дуэты, соло или участвовали въ хорѣ. Банкеты бывали не менѣе, какъ въ пятьсотъ кувертовъ. Драматическiе вечера исполнялись придворными особами, иногда съ участiемъ знаменитыхъ артистовъ, которые считали появленiе при дворѣ апогеемъ своей славы. Въ такомъ случаѣ королева надѣляла ихъ подарками, но очень незначительными.

Концерты были не менѣе блестящи, въ особенности они щеголяли именами лучшихъ артистовъ и даже самой королевы. Извѣстный дирижеръ оркестра итальянской оперы въ Лондонѣ, занимавшiй этотъ постъ съ 1837—1860, Микаэль Коста, приглашался во дворецъ на эти концерты. Онъ передавалъ, что королева сама участвовала въ нихъ. Такъ въ первые мѣсяцы ея замужества она пѣла 12-го iюня 1840 года пять разъ: въ дуэтѣ съ принцемъ-супругомъ, въ хорѣ, состоявшемъ изъ одиннадцати придворныхъ, въ трио со знаменитыми Рубини и Лаблашемъ, въ хоровой пѣснѣ и квартетѣ съ хоромъ.

На музыкальной выставкѣ въ «Хрустальномъ дворцѣ», бывшей не далѣе, какъ въ прошломъ году, наследники Михаила Коста выставили интересную коллекцiю автографовъ, принадлежащую знаменитому дирижеру оркестра, между которыми были автографы принца Альберта и программы концертовъ, въ которыхъ участвовала королева.

Викторiя обладала довольно прiятнымъ сопрано и, по словамъ маркиза де-Донко, «пѣла правильно и красиво». Благодаря герцогинѣ Нортумберландской, она была ученицею знаменитаго Лаблаша и достигла извѣстной степени виртуозности, несмотря на свою нелюбовь къ музыкѣ, и умѣла отбiнять всѣ выраженiя, а также строго сохраняла ритмъ. Вотъ какъ отзывается объ ея пѣнiи Мендельсонъ, посѣтившiй принца Альберта въ 1843 году, въ своемъ письмѣ къ матери отъ 12-го iюля 1842 года.

«Принцъ Альбертъ пригласилъ меня передъ моимъ отъѣздомъ попробовать его органъ въ субботу, въ половинѣ второго. Я отправился въ Буккингамскiй дворецъ и засталъ его одного. Только что мы съ нимъ разговаривались, какъ вошла королева въ простомъ утреннемъ платьѣ. Она заявила мужу о своемъ желанiи отправиться въ Клермонтъ послѣ завтрака и хотѣла уже удалиться, какъ вдругъ увидѣла на полу въ безпорядкѣ разлетѣвшiяся по всей комнатѣ

ноты. Кстати у принца чудный органъ и служить самымъ прекраснымъ украшеніемъ комнаты.—«Какой безпорядокъ!»—воскликнула королева и принялась подбирать листы. Она даже стояла на колѣняхъ, когда мы съ принцемъ бросились ей помогать. Принцъ принялся объяснять порядокъ листовъ, но королева отстранила меня, прибавивъ, что она займется сама приведеніемъ ихъ въ порядокъ. Я началъ просить принца сыграть мнѣ, чтобы я могъ сказать въ Германіи объ его игрѣ. Онъ сыгралъ нѣсколько пьесъ на память; его игра замѣчательно точна; его стиль ясенъ, и недурно было бы, если бы профессиональные органисты брали съ него примѣръ. Очаровательная королева, приведя въ порядокъ ноты, подошла къ намъ и слушала съ удовольствіемъ игру мужа.

Когда принцъ окончилъ, то пришла моя очередь играть, и я началъ «Les messagers gracieux» изъ моего хора св. Павла. Я еще не окончилъ и первой партіи, какъ принцъ и королева начали подѣвать; принцъ въ то же время очень ловко передвигалъ мнѣ регистры и мѣнялъ «borté» и «riano», прекрасно отгѣняя игру. Я былъ въ восторгѣ.

«Въ это время вошелъ наслѣдникъ Саксенъ-Кобургскаго герцогства, и мы принялись болтать, а послѣ дружескаго разговора королева сказала мнѣ, что обожаетъ пѣть мои произведенія и при этомъ спросила, не написать ли я чегонибудь новаго.

— «Вы должны намъ чтонибудь спѣть,-- обратился къ ней принцъ Альбертъ.

«Королева заставила немножко себя упрашивать, а затѣмъ сказала, что попробуетъ «Весеннюю пѣснь» въ si bemol, если только можно ее найти, такъ какъ ноты были уже уложены для отъѣзда въ Клермонтъ. Принцъ пошелъ самъ искать, но возвратился, сказавъ, что онъ въ дорожномъ сундукѣ.

— «О, нельзя ли открыть сундукъ?»—спросилъ я.

«Королева позвонила и спросила вошедшую придворную даму, но никто не могъ отыскать ихъ, и она побезпокоилась пойти сама.

— «Королева вамъ спѣла бы чтонибудь изъ произведеній Глюка,-- замѣтилъ принцъ Альбертъ.

«Неожиданно пріѣхала принцесса Саксенъ-Кобургская, и мы всѣ отправились въ гостиную королевы, куда явилась и герцогиня Кентская. Какъ разъ на піанино лежала моя первая тетрадь пѣсенъ; королева ее открыла и выбрала «Италію». Я съ восторгомъ слушалъ ея пѣніе; она исполнила пѣсню почти въ совершенствѣ, и сдѣлала единственную ошибку, взявъ въ концѣ «ге» простое вмѣсто «ге» дѣзъ.

«Я признался королевѣ, что это было произведеніе моей сестры, Фанни, и просилъ ее спѣть чтонибудь изъ моихъ сочиненій. Она охотно согласилась и спѣла намъ «Le chant du Pelerin», со всѣми отгѣнками и съ большимъ выраженіемъ. Когда я поздравилъ ее съ усовершенствованіемъ въ пѣніи, она сказала просто:

— «О, я спѣла бы лучше, если бы не стѣснялась, такъ какъ обыкновенно у меня бываетъ лучшее дыханіе.

«Затѣмъ принцъ сыгралъ намъ «Жнецы и цвѣты» и просилъ меня закончить нашъ концертъ какой нибудь импровизаціей. Я затруднялся и просилъ принца дать мнѣ тему. Онъ предложилъ хораль и только что сыгранную пьесу.

«Вопреки моему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, я исполнилъ великолѣпно мою импровизацію; весь недостатокъ заключался въ томъ, что она была слишкомъ длинна, но я хотѣлъ продолжить свое удовольствіе. Конечно, я прибавилъ и оба мотива, спѣтые королевой.

«Когда окончилъ, королева мнѣ сказала: «Надѣюсь, вы скоро возвратитесь въ Англію, и мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ у себя».

«Я поблагодарилъ и передъ тѣмъ, какъ удалиться, попросилъ королеву принять посвященіе моей «Шотландской симфоніи» въ «la mineur», которая была причиной моего пріѣзда въ Англію».

Въ Виндзорскомъ дворцѣ балы устраивались въ Ватерлооскомъ залѣ и были не менѣ блестящи; что же касается до банкетовъ, то они были еще богаче. Великолѣпная золотая посуда Виндзорскаго дворца часто украшала столы въ эту эпоху жизни королевы. «Garden-parties» на террасѣ этого замка, передобѣденный чай въ палаткахъ и прочія развлеченія смѣнялись одни другими. Поѣзда всегда были наготовѣ, и вокзалы лондонскій и виндзорскій бывали переполнены блестящими придворными ливреями. Если не было баловъ и празднествъ, то королева проводила время въ тѣсномъ кружкѣ за игрою на роялѣ и пѣніемъ. Вотъ какъ описываетъ придворная дама, лэди Блумфильдъ, одно изъ такихъ интимныхъ времяпровожденій въ Виндзорѣ, въ 1843 году, 12 декабря.

«Вчера до завтрака я упражнялась на роялѣ съ королевой и принцемъ Альбертомъ около двухъ часовъ. Мы играли въ шесть рукъ отрывокъ изъ Бетховена, очаровательный, но очень трудный. Счетъ былъ тяжелый, и надо быть прекрасной музыкантшей, чтобы его соблюдать».

Второе письмо было слѣдующее:

«Вчера вечеромъ королева, Матильда Паджетъ и я играли à livre ouvert септуаръ Бетховена. Мы обыкновенно играемъ увертюры и другія классическія произведенія безъ подготовки, но этотъ септуаръ былъ такъ труденъ, что, когда мы окончили, королева сказала: «Мы можемъ себя поздравить, не сдѣлавъ ни одной ошибки, такъ какъ, если бы одна изъ насъ сбилась, намъ было бы не добратъся до нея». Я очень счастлива и испытываю большое удовольствіе отъ этого задушевнаго обращенія королевы и очень хотѣла, чтобы тѣ, кто ея не знаетъ, сами удостовѣрились, насколько она пріятна, когда въ хорошемъ настроеніи и ничѣмъ не встревожена».

Викторія удѣляла немало времени живописи. Не будучи сама великимъ артистомъ, такъ какъ не обладала главнымъ—воображеніемъ, но занимаясь съ дѣтства подъ руководствомъ знаменитыхъ художниковъ, она достигла извѣстнаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ королева была хорошимъ цѣнителемъ и часто удивляла первыхъ художниковъ Англіи своими замѣчаніями. Любовь къ пейзажамъ доходила у королевы до того, что не только у себя дома она занималась рисованіемъ, но даже верхомъ на лошади дѣлала это съ большою ловкостью. Также при посѣщеніи кого нибудь изъ придворныхъ въ ихъ замкахъ она среди разговора внезапно удалялась въ садъ и начинала рисовать пейзажъ, остановившій на себѣ ея вниманіе. Придворные это знали и всегда приготавливали въ саду стулъ, столъ и зонтикъ. Дамы старались подражать ей, но очень неудачно.

Принцъ Альбертъ обожалъ гравюры акватинта и самъ искусно гравировалъ, чему научилъ и Викторію. Если въ Англіи нѣтъ знаменитыхъ музыкантовъ, то талантливыми живописцами она обязана принцу Альберту, устроившему школу рисованія и весьма оригинальную. Онъ же вывелъ въ 1851 году всемірную выставку и этимъ выдвинулъ впередъ англійское производство и искусство.

Литература занимала тоже не послѣднее мѣсто у королевы Викторіи; кромѣ англійской литературы, она была знакома съ нѣмецкой и французской. Любимыми ея авторами были Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Теннисонъ и Аделаида Проктеръ. Но болѣе всѣхъ она любила романистку г-жу Олифантъ, къ которой относилась съ самой нѣжной привязанностію. Вообще она любила читать романы, написанные женщиной. Викторіи доставляло большое удовольствіе, когда принцъ Альбертъ читалъ ей вслухъ нѣмецкихъ или англійскихъ авторовъ, тогда она знакоима его съ достоинствами англійской литературы, и они продолжали бесѣду по нѣсколько часовъ.

Принцу Альберту обязаны много также Оксфордскій и Кэмбриджскій университеты.

Королева и сама любила посѣщать своихъ подданныхъ, когда жила за городомъ, что имъ очень льстило. Какъ только кто нибудь изъ придворныхъ узнавалъ, что она желаетъ его посѣтить, онъ тотчасъ же посылалъ ей официальное приглашеніе. Случалось, что королева вдругъ измѣняла свое рѣшеніе, и хозяинъ дома только напрасно дѣлалъ затраты, но это было рѣдко. Когда принца Альберта назначили канцлеромъ Кэмбриджскаго университета, одинъ изъ представителей города Кэмбриджа долженъ былъ принять королеву съ принцемъ у себя. Разсчитывая видѣть одну королеву, онъ ничего не перемѣнилъ въ своей обстановкѣ, но къ его ужасу королева явилась къ нему со всей свитой. Кое-какъ онъ устроилъ ихъ всѣхъ; за обѣдомъ совершенно простымъ, хотя сытнымъ, онъ обращался со всѣми, а также съ королевой, совершенно просто, не

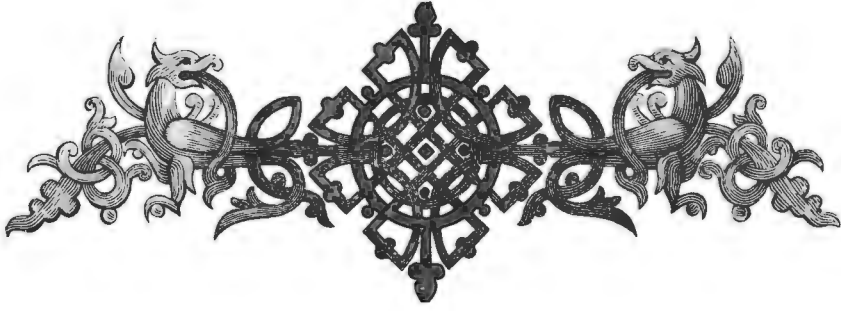
придерживаясь этикета, а послѣ обѣда онъ, указавъ королевѣ и ея свитѣ комнаты, удалился въ свою. Утромъ королева встала раньше его, и когда онъ вышелъ, первая спросила, какъ онъ спалъ. Придворные страшно возмутились такимъ поведеніемъ хозяина дома и его небрежностію относительно этикета, но королева была очень весела и довольна, что съ нею обращаются, какъ со всѣми смертными.

Но это исключительный случай, такъ какъ обыкновенно она дѣлалась полною хозяйкой дома, который посѣщала. Раньше, чѣмъ пригласить гостей, хозяинъ долженъ былъ представить ей списокъ приглашенныхъ на просмотръ, такъ какъ бывало нерѣдко, что она, не желая видѣть тѣхъ или другихъ лицъ, оставалась обѣдать въ своей комнатѣ. Передъ отъѣздомъ она составляла что нибудь на память, и это считалось чуть ли не святыней, которую передавали изъ рода въ родъ.

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. М. Грибовскій. Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II. Спб. 1901.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ г. Грибовскаго, названіе котораго написано выше, посвящено исторіи сената при Екатеринѣ II до изданія извѣстнаго учрежденія о губерніяхъ 1775 г. Нельзя не одобрить выбора подобной темы авторомъ, потому что въ то время, какъ исторія сената при Петрѣ I, а также и въ послѣдующую эпоху, при существованіи верховнаго тайнаго совѣта и кабинета министровъ, подробно разработана въ трудахъ гг. Петровскаго (О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго), Филиппова (Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета) и Лазовскаго (Правительствующій сенатъ въ сборникѣ «Внутренній бытъ Русскаго государства», книга 2), исторія Екатерининскаго сената до сихъ поръ мало обращала на себя вниманіе изслѣдователей. Правда, на историческія судьбы сената при Екатеринѣ II имѣются цѣнныя указанія въ трудахъ историковъ: Соловьева (Исторія Россіи), Вильбасова (Исторія Екатерины II) и профессора Иконникова (Сенатъ въ царствованіе императрицы Екатерины II въ «Русскомъ Архивѣ» 1888 г., книга 1), и юристовъ: покойнаго Градовскаго (Высшая администрація Россіи XVIII столѣтія и генераль-прокуроры) и отчасти проф. Щеглова (Государственный совѣтъ въ царствованіе Александра I), но спеціальной монографіи, основанной на архивныхъ данныхъ и посвященной указанному предмету, до сихъ поръ не было.

Первыя пять главъ изслѣдованія г. Грибовскаго имѣютъ вводный характеръ и касаются исторіи высшаго суда и надзора въ Россіи въ періодъ времени отъ учрежденія сената и до вступленія на престолъ Екатерины II. Онѣ написаны на основаніи полнаго собранія законовъ и существующей литературы предмета. Остальныя главы изслѣдованія, посвященныя высшему суду и надзору при Екатеринѣ II, являются результатомъ весьма кропотливаго и добросовѣстнаго труда исключительно надъ данными первоисточниковъ, какъ изданныхъ, такъ и архивныхъ, часть которыхъ напечатана авторомъ въ видѣ особаго приложенія къ изслѣдованію подъ названіемъ «Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора».

Далеко не со всѣми мнѣніями г. Грибовскаго можно согласиться, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ недостаточно обоснованы. Иногда же авторъ грѣшитъ противъ ясной формулировки своихъ положеній. Такъ, говоря о реформѣ сената 1763 года, имѣвшей въ результатъ раздѣленіе его на департаменты, онъ въ однихъ мѣстахъ своей книги вполне признаетъ наличность опасности для власти Екатерины II со стороны объединеннаго и нераздробленнаго сената (до реформы), а въ другихъ—эту опасность отвергаетъ. «Сомнительные старики (сенаторы), читаемъ на страницѣ 166, были разбиты въ своемъ прежнемъ единствѣ... и по одиночкѣ были безопасны во всѣхъ отношеніяхъ, но въ общемъ собраніи при случаѣ могли представить опасную партію, у которой въ памяти еще оставались свѣжими воспоминанія о сенатскихъ вольностяхъ въ царствованіе дочери Петра». Точно также на стр. 193 авторъ высказываетъ, что сенатъ въ значительной степени является собраніемъ лицъ «старога елисаветинскаго закала, наружно выражавшихъ Екатеринѣ знаки преданности, но въ тайнѣ преслѣдовавшихъ свои сокровенныя цѣли». И вдругъ, на стр. 152 и 169 оказывается, что сенатъ, «хотя бы и нераздробленный», никакой опасности для императрицы не представлялъ, тѣмъ болѣе, что и «Елисаветинскій сенатъ не ограничивалъ юридически власти монарха». Такимъ образомъ точка зрѣнія автора по указанному вопросу не отличается опредѣленностью.

Выше было сказано, что далеко не со всѣми мнѣніями г. Грибовскаго можно согласиться. Такъ, едва ли онъ правъ, упрѣкая прокуратуру въ формальномъ характерѣ ея дѣятельности (стр. 70 — 72). По крайней мѣрѣ, тотъ примѣръ, которымъ онъ иллюстрируетъ свое мнѣніе, свидѣтельствуетъ какъ разъ въ пользу противнаго. А именно: въ 1742 году президентъ бергъ-коллегіи Суворовъ, не собравъ коллежскихъ членовъ, сочинилъ и подписалъ одно опредѣленіе, яко-бы отъ имени присутствія коллегіи. Это опредѣленіе было позже закрѣплено вице-президентомъ и тремя членами. На основаніи его тѣ же лица мѣсяць спустя составили приговоръ, подписанный только ими, и представили его въ сенатъ. «Остальные же члны, говоритъ г. Грибовскій, не имѣли о немъ никакого понятія; было, очевидно, что приговоръ составленъ внѣ коллегіи». Такое явное нарушеніе закона (генеральнаго регламента) и такой келейный способъ рѣшенія дѣлъ вызвали протестъ прокурора и донесеніе его въ сенатъ. За этотъ поступокъ г. Грибовскій обвиняетъ блюстителя законности въ формализмѣ! Но во что бы превратились петровскія коллегіи, специально учрежден-

ныя для коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ, если бы въ нихъ стали процвѣтать порядки, подобныя вышеописанному?

Мождо сдѣлать немало и другихъ возраженій, но недостатокъ мѣста заставляетъ насъ отказаться отъ этого.

Во всякомъ случаѣ изслѣдованіе г. Грибовскаго обладаетъ многими положительными сторонами. Путемъ обстоятельнаго и добросовѣстнаго изученія первоисточниковъ, какъ напечатанныхъ, такъ и архивныхъ, онъ разработалъ до мельчайшихъ деталей дѣятельность сената при Екатеринѣ II, въ качествѣ высшаго судебнаго и контролирующаго учрежденія, при чемъ освѣтилъ многія стороны этой дѣятельности. Такъ, въ особенности подробно разработана имъ апелляціонная функція сената и находящаяся въ связи съ ней дѣятельность рекетмейстера. Въ предшествующихъ разсматриваемому изслѣдованію трудахъ и названныхъ нами выше о значеніи Сената, какъ высшаго апелляціоннаго суда, почти ничего не говорится, и г. Грибовскому пришлось, при разрѣшеніи названнаго вопроса, быть вполне самостоятельнымъ. Онъ выяснилъ, что понималось подъ апелляціей при Екатеринѣ II, какія дѣла разсматривались въ апелляціонномъ и какія въ ревизіонномъ порядкѣ, и нарисовалъ, пользуясь архивными данными, обстоятельную картину апелляціоннаго производства въ сенатѣ. Точно также тщательно и добросовѣстно отнесся г. Грибовскій къ выясненію ревизіоннаго значенія сената въ связи съ дѣятельностью его въ разрѣшеніи такъ называемаго колодническаго вопроса. Наконецъ, благодаря обилію архивныхъ данныхъ, надъ которыми пришлось оперировать автору, читатель найдетъ въ его изслѣдованіи цѣлый рядъ страницъ, посвященныхъ дѣятельности сената, въ качествѣ органа надзора надъ управленіемъ, и изложенію тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ этотъ надзоръ осуществлялся на практикѣ. Не можемъ не отмѣтить также и того, что автору удалось вполне основательно разрѣшить запутанный вопросъ о протоколахъ и журналахъ сената. Точно также считаемъ необходимымъ указать на пересмотръ авторомъ вопроса объ уничтоженіи смертной казни Елисаветою Петровою и на выясненіе роли сената при разрѣшеніи этого вопроса. Не можемъ только согласиться, будто сенатъ, представляя въ 1743 году «всеподданнѣйшее мнѣніе» императрицѣ, что «буде убійцамъ, ворами, разбойникамъ и прочимъ чинить облегченіе и натуральною смертію не наказывать, то онъ великое опасеніе имѣеть, чтобы такихъ злодѣевъ не умножилось», «сталъ прямо въ оппозицію» по отношенію къ государынѣ. Конечно, это сильно сказано! Ни о какой «оппозиціи» сенатъ, само собою разумѣется, не думалъ и цѣлымъ рядомъ указовъ, изданныхъ имъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XVIII столѣтія (зачастую даже по своей инициативѣ), смягчалъ участь преступниковъ и отмѣнилъ нѣкоторые суровые виды наказаній. Г. Грибовскій увлекся предположеніемъ проф. Сергѣевского объ оппозиціи сената—предположеніемъ, впрочемъ, не подкрѣпленнымъ никакими данными первоисточниковъ.

Л—въ.

Посольство Кунраада фанъ-Кленка къ царю Алексѣю Михайловичу и Теодору Алексѣевичу. Изданіе Археографической комиссіи. Спб. 1900.

Археографическая комиссія не впервые выступаетъ съ изданіемъ «Сказаній иностранцевъ». Ею изданы уже давно два большіихъ тома иностранныхъ текстовъ о Россіи; кромѣ того, она дала переводъ записокъ Гейденштейна, сказаній Массы и Геркмана, записокъ гетмана Жолкевскаго. Настоящее изданіе отличается отъ предыдущихъ нѣкоторыми своими особенностями. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою не одинъ лишь текстъ и не одинъ лишь переводъ: намъ дается, послѣ подробнѣйшаго введенія, голландскій текстъ книги 1677 года, до сихъ поръ въ Россіи мало извѣстной, за текстомъ дается переводъ, а подъ переводомъ не одни лишь обычные пояснительныя примѣчанія, но и обширныя выписки изъ современныхъ посольству фанъ-Кленка неизданныхъ документальныхъ источниковъ. Поэтому настоящее изданіе нельзя называть простымъ переводомъ или переизданіемъ голландской книги о посольствѣ: это, скорѣе, сводъ всякихъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, данныхъ о посольствѣ Кунраада фанъ-Кленка.

Кто такой Кунраадъ фанъ-Кленкъ, — это безызвѣстно читателямъ «Историческаго Вѣстника». Почти шесть лѣтъ тому назадъ, въ сентябрьской книжкѣ за 1894 годъ, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Голландецъ Кленкъ въ Московіи». Эта статья написана, какъ разъ, на основаніи той книги, которая въ настоящее время издается Археографической комиссіею. Книга о посольствѣ вышла анонимно въ 1677 году съ обозначеніемъ, что ее сочинилъ одинъ изъ дворянъ свиты посла. Дворянъ въ свитѣ было нѣсколько, но, по нѣкоторымъ автобіографическимъ замѣчаніямъ автора, можно полагать съ достаточною достовѣрностію, что написана книга двадцатипятилѣтнимъ Балтазаромъ Койэтомъ, впервые и, повидимому, единственный разъ посѣтившимъ Россію въ 1675—1676 годахъ, во время посольства Кленка. Въ изданіи комиссіи въ первый разъ (не только на русскомъ языкѣ, но и вообще) приведены подробныя свѣдѣнія о жизни Койэта, заимствованныя изъ дѣлъ остиндскаго архива въ Гаагѣ.

Книга Койэта, которой до сихъ поръ русскіе историки почти не пользовались (только въ прошломъ году Е. Ф. Шмурло занялся разборомъ нѣкоторыхъ изъ сообщеній этой книги), волюнѣ стоитъ того, чтобы съ ней подробнѣе ознакомиться. Большая часть книги — простой дневникъ, но дневникъ замѣчательно точный и весьма цѣнный по непосредственности и нѣкоторой наивности автора, записывавшаго рѣшительно все, что ему казалось замѣчательно. Подробности, приводимыя авторомъ, порою утомительны, иногда попадаются повторенія, иногда авторъ даетъ много несущественнаго, но все-таки общее впечатлѣніе остается весьма благоприятное: читатель начинаетъ цѣнить въ авторѣ человѣка любознательнаго, умнаго (хотя и не ученаго), а главное — непосредственнаго, свѣжаго и въ высшей степени правдиваго. Стоитъ, напримеръ, сравнить даваемые Койэтомъ описанія разныхъ видѣнныхъ имъ церемоній съ подлинными русскими документами, приводимыми въ введеніи или

въ примѣчаніяхъ настоящаго изданія, чтобы оцѣнить по достоинству всю выдающуюся добросовѣтность и точность его. Въ книгѣ Койэта есть, конечно, и недочеты. Желая дать возможно больше подробностей, авторъ иногда пускается въ экскурсіи для того, чтобы представить, на примѣръ, въ цѣлой картинѣ, какъ русскіе живутъ, какъ одѣваются, какъ женятъ своихъ дѣтей, какъ хоронятъ близкихъ, какъ судятся, управляютъ и т. д. Въ этихъ экскурсіяхъ сказался недостатокъ личныхъ наблюденій автора, который, какъ мы видимъ, иногда старается дополнить ихъ свѣдѣніями изъ разныхъ другихъ источниковъ, въ томъ числѣ и печатныхъ. При этомъ, кое-гдѣ, наряду съ фактами вѣрными, Койэтъ приводитъ и нелѣпности, вымышленныя прежними путешественниками: особенно много недоразумѣній въ главахъ сороковой и сорокъ первой, въ которыхъ авторъ введенъ былъ въ заблужденіе плохими, имѣвшими у него подъ руками, пособіями.

Отдѣльныя части книги Бальтазара Койэта слѣдующія: сначала въ шестнадцати главахъ дается описаніе пути отъ Голландіи черезъ море, Сѣверную Двину, Сухону и т. д. до Москвы, потомъ, цѣлая глава посвящена описанію крещенской церемоніи, далѣе слѣдуютъ подробности о выѣздѣ Кленка въ Москву, рассказъ объ аудіенціяхъ посла и конференціяхъ съ нимъ (главы XX—XXXVI), рядъ отступленій о власти царя, о судѣ у русскихъ, о Москвѣ, о монастыряхъ и т. д. Послѣ вставной главы о Димитріи Самозванцѣ слѣдуетъ описаніе отъѣзда изъ Москвы и проѣзда черезъ Переславль, Вологду и Устюгъ въ Архангельскъ. Мелкія отступленія попутно постоянно дѣлаются авторомъ: онъ, на примѣръ, описываетъ всѣ видѣнные имъ города. По случаю упоминанія о головѣ четвергованнаго Стеньки Разина, онъ пересказываетъ всю исторію мятежа Разина, воспользовавшись, вѣроятно, устными сообщеніями извѣстнаго писателя Стрюйса, находившагося также въ числѣ свиты посла, въ качествѣ конюха и пушкаря. Слѣдуетъ замѣтить, что о дальнѣйшей судьбѣ Фролки Разина единственное вообще имѣющееся упоминаніе мы находимъ у Койэта, который самъ видѣлъ, какъ предавали казни «брата великаго мятежника». О событіяхъ, сопровождавшихъ кончину царя Алексѣя и послѣдовавшихъ за нею, мы у Койэта находимъ много весьма интересныхъ свѣдѣній; цѣнныя дополненія къ нимъ приведены изъ рукописныхъ донесеній посла Кленка, въ примѣчаніяхъ. На примѣръ, на стр. 462 и 463, приведенъ весьма характерный эпизодъ, о столкновеніи между датскимъ резидентомъ и А. С. Матвѣевымъ, которое произошло черезъ нѣсколько недѣль послѣ кончины Алексѣя Михайловича.

Въ обширномъ введеніи разъяснена цѣль посольства, приведены біографическія свѣдѣнія о послѣ Кленкѣ, собранныя въ голландскихъ архивахъ и бібліотекахъ, и вкратцѣ пересказана исторія первыхъ посольствъ изъ Нидерландовъ въ Москву. Здѣсь же напечатаны цѣликомъ всѣ русскіе документы, привезенные посломъ Кленкомъ изъ Москвы въ Гаагу, приведены текстъ и переводъ очень рѣдкой реляціи 1676 года о выѣздѣ Кленка въ Москву, изданы обширныя выдержки изъ дѣлъ посольскаго приказа, относящихся къ посольству, разъясненъ маршрутъ посольства и сообщена біографія Ромейна де-Гоохе, снабдившаго своими рисунками голландское изданіе 1677 года. Изъ

неумѣстной экономіи, Археографическая комиссія не перепечатала рисунковъ, а дала одинъ лишь фронтисписъ 1677 года. Правда, Гоохе рисоваль свои виды и т. п. не въ Россіи, а въ Голландіи, но, тѣмъ не менѣе, весьма жаль, что отсутствіе рисунковъ дѣлаетъ изданіе какъ бы дефектнымъ.

Какъ мы узнаемъ изъ предисловія, переводъ сочиненія Койэта, по порученію Археографической комиссіи, сдѣланъ А. М. Ловягинымъ; имъ же составлены введене, примѣчанія и указатель. Отсутствіе обычныхъ въ изданіяхъ комиссіи указаній на «смотрѣніе» того или другого изъ членовъ комиссіи доказываетъ, что работа сдѣлана А. М. Ловягинымъ совершенно самостоятельно, и что роль комиссіи въ настоящемъ изданіи ограничилась однимъ лишь ассигнованіемъ денегъ на предпріятіе.

Нужно пожелать, чтобы у комиссіи оказалась возможность приступитъ къ изданію и другихъ цѣнныхъ голландскихъ изданій XVII вѣка. Особенно интересно было бы изданіе на русскомъ языкѣ Хутериса и Данкарта. Только, конечно, Хутериса слѣдовало бы издать со всѣми рисунками, которые представляютъ въ этомъ изданіи особую цѣнность.

В. В.—нѣ.

Исторія христіанской церкви въ XIX вѣкѣ. Изданіе А. П. Лопухина. Томъ I. Инославный христіанскій Западъ. Спб. 1900.

На рубежѣ двухъ столѣтій является естественное желаніе оглянуться назадъ и обозрѣть, что далъ, въ томъ или иномъ отношеніи, минувшій вѣкъ, какое наслѣдіе онъ оставилъ послѣ себя въ удѣлъ вѣку новому, его смѣнившему, какія задачи поставилъ онъ человѣчеству и какіе указалъ пути и средства для осуществленія этихъ задачъ. Особенно любопытно ознакомиться съ церковно-религіознымъ наслѣдіемъ недавно минувшаго вѣка, въ виду того, что оно касается самыхъ существенныхъ сторонъ въ общественной жизни человѣчества, затрагиваетъ самые дорогіе его интересы и уясняетъ наиболѣе важныя проявленія человѣческаго духа. Исходя изъ этихъ и подобныхъ соображеній, профессоръ А. П. Лопухинъ, редакторъ духовнаго журнала «Странникъ», предпринялъ изданіе, въ приложеніи къ этому журналу, «Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ», въ коей намѣчено представить обстоятельный обзоръ того, чѣмъ ознаменовался минувшій вѣкъ въ церковно-религіозномъ отношеніи, и что онъ оставилъ въ наслѣдство своему преемнику.—XX столѣтію. Исторія христіанской церкви естественно распадается на двѣ половины—исторію православнаго востока и исторію инославнаго запада. Въ первый томъ этого изданія, опубликованный въ минувшемъ году, вошла исторія западной церкви со всѣми ея главными вѣроисповѣданіями.

Этотъ томъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ изъ нихъ обозрѣвается исторія римско-католической церкви въ XIX вѣкѣ, во второмъ—исторія старокатолицизма, въ третьемъ—исторія протестантизма и въ четвертомъ—исторія англиканской церкви.

Въ частности, первый отдѣлъ—самый обширный (стр. 1—338). Онъ состоитъ изъ семнадцати главъ и весьма обстоятельно обозрѣваетъ судьбу римско-

католической церкви. Нѣтъ нужды входить здѣсь въ подробности содержанія каждой изъ этихъ главъ, достаточно лишь сказать, что въ этомъ отдѣлѣ разсматриваются въ исторической послѣдовательности дѣянія слѣдующихъ римскихъ папъ: Пія VII (1800—1823 г.), Льва XII (1823—1829 г.), Пія VIII (1829—1830 г.), Григорія XVI (1831—1846 г.), Пія IX (1846—1878 г.) и Льва XIII (съ 1878 г. до настоящаго времени). Излагая исторію перваго изъ этихъ папъ—Пія VII, авторъ отдѣла изображаетъ печальное положеніе папства наканунѣ XIX вѣка, созданное анти-религіознымъ и революціоннымъ движеніемъ въ XVIII столѣтіи, охватившимъ почти всю Западную Европу и проникшимъ даже въ Италію, гдѣ также разразились антипапскія волненія. Но папство, вопреки ожиданію вольнодумцевъ, не погибло, но вновь возстало изъ своего разрушенія. Въ 1800 году состоялся конклавъ, избравшій перваго папу XIX вѣка—Пія VII. Въ очеркѣ (глава вторая) подробно описывается порядкомъ избранія этого папы, и разсматривается дѣлопроизводство въ конклавѣ въ его историческомъ развитіи и фактическомъ проявленіи. Вступивъ на престолъ, Пій VII оказался въ плачевномъ положеніи. Церковныя дѣла въ Римѣ были до крайности разстроены, народъ деморализованъ и враждебно относился къ папѣ, въ силу прежняго вольнодумства. Затѣмъ папѣ нужно было установить тѣ или нныя отношенія къ Наполеону Бонапарту, стремившемуся сдѣлаться верховнымъ повелителемъ всего міра. Онъ энергично принялся за дѣла, и въ результатѣ—между папой и Наполеономъ заключенъ конкордатъ, сущность коего и значеніе обстоятельно уясняются въ очеркѣ. Папа и короновалъ Наполеона въ Парижѣ. Но затѣмъ между папой и Наполеономъ произошелъ разрывъ, поводомъ къ которому послужилъ разводъ Наполеона съ своею женою Жозефиной, а также разводъ Жерома, младшаго брата Наполеона. Протестовавшій противъ этихъ разводовъ, папа былъ арестованъ и заключенъ. Борьба продолжалась до паденія Наполеона, послѣ похода въ Россію. Подъ влияніемъ бѣдственности этого похода состоялось примиреніе Наполеона съ Піемъ VII. Вслѣдъ затѣмъ торжественно совершилась реставрація папства; Пій VII возвратился изъ плѣна въ Римъ, возстановилъ орденъ іезуитовъ, упрочилъ свое политическое положеніе и содѣйствовалъ развитію въ Италіи наукъ и искусства. Онъ скончался въ 1823 году, немного переживъ своего бывшаго противника Наполеона, умершаго въ изгнаніи на островѣ св. Елены.

Вторымъ папою XIX вѣка былъ Левъ XII († 1829 г.). Это былъ хотя и энергичный отъ природы, но болѣзненный человекъ, поэтому онъ ничего не прибавилъ къ славѣ папскаго престола. Главнымъ выдающимся событіемъ его папства было совершеніе такъ называемаго юбилейнаго года (1824), года великихъ милостей, возстановленій и исцѣленій; кромѣ того, папа велъ борьбу съ разбойничествомъ и тайными обществами, старался возвысить значеніе монашества, искоренить взяточничество въ средѣ папскихъ чиновниковъ.

Преемникъ Льва XII—папа Пій VIII, недолго занималъ папскій престолъ и ничѣмъ не ознаменовалъ времени своего управленія.

Григорій XVI, занявшій папскій престолъ въ 1831 году, велъ энергичную борьбу съ духомъ времени, стремясь провести средневѣковые принципы въ современную дѣйствительность. Все, что въ окружающей дѣйствительности

создалось подъ вліяніемъ свободы духа и его животворныхъ началъ, осуждалось и изгонялось, какъ опасное и вредное. Наука, искусство, литература — все подавлялось мертвящею рутинной схоластики, которую вновь водворили въ этихъ сферахъ вѣрные слуги папства — отцы іезуиты.

Знаменитый преемникъ Григорія XVI — папа Пій IX, былъ современникомъ и виновникомъ выдающихся событій въ исторіи папства. При немъ на ватиканскомъ соборѣ 1870 года была провозглашена папская непогрѣшимость, въ слѣдующей формѣ: когда римскій папа говоритъ *ex cathedra*, т. е. когда онъ, въ исполненіи своей должности, какъ пастырь и учитель всѣхъ христіанъ, утверждаетъ касающіяся вѣры и нравственности ученія, какъ подлежащія принятію всею церковью, то онъ обладаетъ тою непогрѣшимостью, которую Христосъ далъ церкви на всѣ подобные случаи, поэтому такіа опредѣленія папы сами по себѣ, а не чрезъ согласіе церкви, суть непреложны; а кто дерзнетъ противорѣчить этому постановленію, анаѣма да будетъ... При Піѣ XII въ католической церкви былъ провозглашенъ и другой новый догматъ, неизвѣстный церкви вселенской — о ненорочномъ, безгрѣшномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Наконецъ, при немъ же состоялось лишеніе папы свѣтской власти, которую они издавна имѣли. Всѣ указанные факты обстоятельно обозрѣваются въ разсматриваемой книгѣ, особенно вопросъ о папской непогрѣшимости въ ея послѣдствіяхъ для церкви и государства.

Далѣе, въ книгѣ ведется пространная рѣчь о нынѣшнемъ папѣ Львѣ XIII, дѣлается его общая характеристика, отмѣчается его дипломатическій тактъ, характеризуется его дѣятельность, какъ церковнаго учителя, и описываются отношенія къ Французской республикѣ. Съ особымъ вниманіемъ обозрѣвается миссіонерская дѣятельность папы Льва XIII, направленная на востокъ, греческій и славянскій, и получившая большой успѣхъ въ Галиціи, Босніи и Герцеговинѣ.

Отдѣлъ о состояніи католицизма въ XIX вѣкѣ заканчивается обзоромъ дѣятельности различныхъ католическихъ орденовъ — іезуитскаго, бенедиктинскаго и многихъ другихъ, характеристикой римско-католическихъ богослововъ въ лицѣ Гермеса, Меллера и другихъ и сообщеніями о миссіонерской дѣятельности католицизма въ Америкѣ и Африкѣ.

Второй отдѣлъ обозрѣваемой книги (стр. 339 — 380) посвященъ весьма интересному вопросу о старокатолицизмѣ, какъ независимой отъ Рима церковной общинѣ, возникшей въ силу отрицанія ватиканскаго догмата о непогрѣшимости папы, который былъ провозглашенъ на соборѣ 1870 года. Въ отдѣлѣ рѣчь идетъ о происхожденіи старокатолицизма, излагается его исторія и описывается современное состояніе, въ частности международные старокатолическіе конгрессы и недавнія формальныя коміссіи, образованныя для обсужденія вопроса о соединеніи старокатоликовъ съ церковью православною.

Третій отдѣлъ, обозрѣвающий исторію протестантизма въ XIX вѣкѣ, состоитъ изъ введенія и трехъ главъ (стр. 381 — 495). Во введеніи отмѣчается глубокое вліяніе протестантской богословской науки на нашу науку и жизнь, уясняется необходимость всесторонне ознакомиться съ протестантствомъ, дабы умѣло парализовать его вредное иногда воздѣйствіе, и кратко обозрѣвается

исторія протестантизма въ XVIII вѣкѣ. Обращаясь къ XIX вѣку, авторъ сперва излагаетъ внѣшнюю исторію протестантизма, а потомъ внутреннюю, при чемъ отмѣчаетъ тѣсную связь протестантскаго богословія съ философіей и влияние на богословіе философскихъ ученій Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, характеризуетъ научно-богословскія воззрѣнія Шлейермахера, Штрауса, Баура и позднѣйшихъ протестантскихъ богослововъ — Ричля, Бидермана, Пфлейдерера, Кафтана, Гарнана и другихъ, уясняя общія теченія протестантства и его науки.

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ (стр. 496 — 584) излагается исторія англиканской церкви въ XIX вѣкѣ. Къ началу этого вѣка, подъ влияніемъ протестантизма, угасла жизнь этой церкви, упала энергія и ослабло влияние. Отсюда возникло непреодолимое желаніе живой, твердой и непосредственной вѣры. Въ отвѣтъ на это желаніе явился методизмъ, созданный Веслеемъ, который пытался поднять религіозный духъ народа и пробудить дѣятельность церкви. Но онъ кончилъ расколomъ съ церковью. Дальнѣйшее пробужденіе сказалось въ партіи евангеликовъ, но они пренебрегли историческимъ христіанствомъ, его древнѣйшими церковными формами и дисциплиной и объявили открытую борьбу церкви. Церковь вышла изъ этой борьбы побѣдительницей, и снова ея жизнь забилъ ключемъ. Но многіе ея члены захотѣли вновь вернуться къ Риму и въ немъ надѣялись найти полноту церковной жизни. Ватиканъ радовался своимъ успѣхамъ и захотѣлъ большихъ. Но «непогрѣшимый» папа погрѣшилъ, когда объявилъ англиканскую церковь не церковью, таинства — не таинствами и священство — не священствомъ. Этими онъ только оттолкнулъ отъ себя пекателей правды. Тогда послѣдніе обратились къ востоку и здѣсь, въ церкви православной, стали искать солнца правды. Конецъ XIX вѣка и ознаменовался сношеніями церкви англиканской съ православной восточной, какъ греческой, такъ и русской. Результаты этихъ сношеній принадлежатъ еще будущему.

Первый томъ «Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ» снабженъ многочисленными рисунками, а въ концѣ его (стр. 585—588) указана литература, на основаніи коей книга составлена.

Такъ какъ въ нашей литературѣ разсматриваемая книга является первымъ опытомъ полного изложенія исторической судьбы Западной церкви въ XIX вѣкѣ, то значеніе ея для русской публики — внѣ всякаго сомнѣнія. Книга написана популярнымъ языкомъ, очень живо и интересно, при чемъ въ ней принята во вниманіе и новѣйшая научная литература предмета. Безспорно, она представляетъ хорошій вкладъ въ русскую церковно-историческую литературу.

Σ.

Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Спб. 1900.

Приступая нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ изданію своего «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ», неутомимый дѣятель на поприщѣ русской библиографіи С. А. Венгеровъ занялся регистраціей рус-

ских печатных произведений: отдѣльно вышедших книгъ и журнальных статей, а также начать собирать біографіи и автобіографіи русскихъ писателей. Цѣною десятилѣтнихъ усилій и значительныхъ денежныхъ затратъ почтенному библиографу удалось накопить до милліона записей на отдѣльныхъ карточкахъ, совокупность которыхъ теперь представляетъ остовъ біо-библиографическаго словаря. Желая сдѣлать этотъ богатый матеріалъ доступнымъ для публики, г. Венгеровъ обратился во II отдѣленіе академіи наукъ съ ходатайствомъ объ изданіи нѣкоторой части своего архива, приведенной въ извѣстную систему. Ходатайство это академія отчасти удовлетворила, принявъ на себя печатаніе изданія и отпустила г. Венгерову небольшую сумму на расходы по обработкѣ собраннаго матеріала.

«Источники словаря» — совершенно новый типъ библиографическаго изданія. До сихъ поръ изданія эти представляли собою либо пространные каталоги, т. е. голый перечень книгъ, расположенныхъ въ какой нибудь системѣ, либо біографическіе словари, съ небольшими біографіями. Исключеніями служили часть изданій Межова, «Обзоръ» Изыкова и «Словарь» Геншадт, гдѣ иногда подъ заглавіемъ книги встрѣчались ссылки на отзывы о ней, и «Критико-біографическій словарь» Венгерова, включающій въ себѣ разнообразный и цѣнный матеріалъ.

Распределеніе матеріаловъ въ «Источникахъ» совсѣмъ иное. Въ нихъ имѣются расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ очень краткія біографическія даны о писателѣ (имя, отчество и фамилія, профессія, годъ рожденія и смерти) и затѣмъ, что представляетъ главную цѣнность книги, указанія на изданія, гдѣ появлялись о писателѣ какія либо свѣдѣнія и критическіе отзывы о его произведеніяхъ. Такая систематизація матеріала сразу выясняетъ цѣль изданія: оно должно служить необходимымъ пособіемъ при изученіи какого либо писателя. Обыкновенный читатель нужды въ такой книгѣ не встрѣтитъ, для людей же, занимающихся литературой или наукой, она будетъ большимъ подспорьемъ.

Первый томъ «Источниковъ», заключающій въ себѣ 51 листъ убогистаго нетита, въ два столбца, охватываетъ имена Ааронъ-Гоголь, и по приближительному расчету составляетъ $\frac{1}{5}$ всего изданія.

Состоитъ онъ, какъ мы уже сказали, изъ перечня писателей съ біографическими датами и изъ ссылокъ на различныя изданія.

Число авторовъ, указанныхъ въ книгѣ, доходитъ до 10.000. Намъ кажется, что этотъ перечень очень длиненъ, и иногда заполненъ именами, которыя безъ всякаго ущерба могли бы и не вноситься въ изданіе. Включена, на примѣръ, масса именъ врачей, написавшихъ лишь по одной диссертациі; разныхъ топографовъ, малоизвѣстныхъ педагоговъ и другихъ смертныхъ, ничѣмъ особеннымъ себя не проявившихъ. Затѣмъ, при именахъ малоизвѣстныхъ журнальныхъ сотрудниковъ, слѣдовало бы указывать не только на фактъ ихъ сотрудничества въ такомъ-то журналѣ, но и на родъ ихъ произведеній. При нѣкоторыхъ именахъ такія указанія сдѣланы, при другихъ нѣтъ. На примѣръ, на стр. 241, послѣ фамиліи Бибииковъ (И. П.) напечатано: стихотворецъ, сотрудникъ «Сына Отечества» 1830-хъ гг., а дальше при имени другого Бибиикова (И. Н.) только: сотрудникъ «Современника» 1850-хъ гг. Былъ ли этотъ Би-

биковъ поэтомъ, критикомъ или романистомъ — неизвѣстно. По отношенію къ псевдонимамъ замѣтна небрежность; иногда они указываются, иногда нѣтъ; ссылки помѣщены то подъ фамиліей автора, то подъ псевдонимомъ.

Что касается центра тяжести изданія — перечня самыхъ источниковъ, то онъ поражаетъ своею полнотою. Здѣсь находятся ссылки на такую массу изданій, что одно даже перечисленіе ихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Ссылки имѣются какъ на источники систематическаго характера, т. е. на сборники биографій, энциклопедическіе и биографическіе словари и на статьи, специально посвященныя тому или другому писателю, такъ и на источники случайные — различные мемуары, собранія сочиненій видныхъ писателей, обзоры разныхъ наукъ, исторіи учебныхъ заведеній и т. д. Съ особенною тщательностью дѣлаются сноски на «Русскій Архивъ», «Русскую Старину» и «Историческій Вѣстникъ» — журналы съ обиліемъ мемуаровъ, сообщающихъ весьма интересные биографическіе матеріалы.

Длиннѣйшіе списки сопровождаютъ имена Бѣлинскаго (42½ столбца съ 900 ссылками) и Гоголя (56 столбца, съ 1.200 ссылокъ; въ нихъ вошли ссылки даже на юбилейныя статьи и замѣтки, появившіяся въ столичной и періодической печати).

Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ перечень источниковъ страдаетъ, конечно, и нѣкоторыми шероховатостями. Такъ, едва ли нужно дѣлать ссылки на академическій «Указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго биографическаго словаря» (Сборн. Имп. Русс. ист. общ., т. 60 и 62), или, какъ онъ цитируется г. Венгеровымъ — «Списокъ ист. общ.». Въ немъ вѣдь отмѣчены лишь даты о рожденіи и смерти писателя, что имѣется и въ самихъ «Источникахъ». Ссылки на этотъ «Списокъ» лишь занимаютъ мѣсто. Эти сноски было бы правильнѣе дѣлать только тогда, когда «Списокъ» является единственнымъ источникомъ свѣдѣній о какомъ либо лицѣ.

Встрѣчаются также ссылки на мелкія журнальныя и газетныя замѣтки, не представляющія собою никакого интереса. Но эта излишняя полнота объясняется, конечно, невозможностью даже обѣлаго рецензирования каждой записи на карточкахъ, послужившихъ остономъ изданія. Самыми главными недостатками «Источниковъ» является, во-первыхъ, хронологическая неравномѣрность указаній, происшедшая вслѣдствіе того, что томъ печатался въ теченіе 4 лѣтъ, при томъ постепенно, по мѣрѣ заготовленія матеріала. Такимъ образомъ: указанія на А не идутъ дальше 1896 г., конецъ Б захватываетъ 1898 годъ (юбилей Бѣлинскаго), въ указаніяхъ о Гоголѣ есть данныя 1899 года.

Во-вторыхъ, должно быть указано отсутствіе общаго алфавитнаго списка источниковъ, ссылки на которые въ самой книгѣ сдѣланы въ сокращеніи. Это усложняетъ справку. Напечатано, наиримѣръ: Saulbars, Ареци; Богдановъ, Матеріалы; Вороновъ, Обзорніе — все это ясно для г. Венгерова и его сотрудниковъ, но для публики не понятно. Правда, въ предисловіи есть перечень источниковъ, но онъ далеко на полонъ, да и размѣщенъ не въ алфавитѣ. Последняя оплошность легко можетъ быть исправлена въ слѣдующемъ же 2-мъ томѣ.

Невзирая на всё перечисленные недостатки, «Источники» являются цѣнным вкладомъ въ русскую литературу по библиографіи, и надо желать, чтобы дальнѣйшіе томы ихъ появились быстрее.

Слѣдуетъ замѣтить, что цѣна перваго тома «Источниковъ» болѣе чѣмъ скромная: онъ стоитъ 2 р. 50 к. —Ц.—

Литературный Вѣстникъ. Изданіе русскаго библиологическаго общества. Томъ I. Книжка I. Спб. 1901.

Научная разработка исторіи литературы, а также обоснованная критическая оцѣнка произведеній слова, возможны только на почвѣ предварительныхъ черновыхъ, библиографическихъ трудовъ. Систематическая каталогизація выходящихъ книгъ, даже совершенно сухихъ, является драгоценнымъ пособіемъ при изученіи какого либо вопроса. Библиографъ даетъ ученому аriadнину нить, съ помощью которой тотъ странствуетъ по книжному либиринту. Нельзя не порадоваться отъ души возникновенію библиографическаго общества, которое объединитъ труженниковъ библиологической науки и внесетъ болѣе широкіе взгляды въ ихъ совмѣстную работу. Со скромными средствами общество успѣло уже выпустить и первую книжку своихъ трудовъ. Новый журналъ намѣренъ слѣдовать по тропѣ предшествовавшихъ библиографическихъ изданій, изъ которыхъ выдавались «С.-Петербургскія ученые вѣдомости» Новикова (1777), «Russische Bibliothek» Бакмейстера (1772—1778), «Библиографическіе листы» Кешена (1825), «Библиографическія записки» Аванасьева (1858—1859 и 1861), «Библиографъ» Лисовскаго (1885—1894), «Библиографическія записки» Шибанова (1892). У русской библиографіи, какъ видимъ, есть внушительное прошлое, и свыше 125 лѣтъ предшествуетъ изданію XX-го вѣка. Однако «Литературный Вѣстникъ» заранѣе суживаетъ свою задачу: «не имѣя возможности слѣдить за новой литературой во всѣхъ отрасляхъ знаній», онъ будетъ удѣлять главное вниманіе изученію родной исторіи и литературы. Отзывы Rossica (т. е. сообщенія о книгахъ и статьяхъ на иностранныхъ языкахъ, касающихся Россіи), хроника ученой и литературной жизни, биографическія замѣтки, не изданные историко-литературные матеріалы, вопросы «теоретической библиографіи», перепечатки цѣнныхъ матеріаловъ, теперь пропадающихъ заурядъ при своемъ появленіи въ малосохраняемыхъ особенно провинціальныхъ изданіяхъ и газетахъ, — вотъ постоянные отдѣлы «Литературнаго Вѣстника». Книжка открывается «руководящей» статьей А. М. Ловягина «О содержаніи библиологіи». Авторъ занятъ точнымъ опредѣленіемъ своей науки и разграниченіемъ синонимическихъ терминовъ «библиологія», «библиографія» и «библиогнозія», доказываетъ, что «если библиографъ иногда и является каталогизаторомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что всякій каталогизаторъ можетъ называться библиографомъ», наконецъ широко чертитъ цѣлую «энциклопедію библиологіи». Все это, конечно, *ria desideria* пока. И простому «каталогизатору» приходится при бѣдности трудовъ этого рода приносить подъ часъ искреннюю благодарность. Какъ украшеніе книжки, включено

нѣсколько новыхъ историко-литературныхъ матеріаловъ: неизданная статья поэта К. Н. Батюшкова «Замѣчанія на баснословіе сѣверныхъ народовъ», найденная въ бумагахъ «Вольнаго общества любителей словесности» (1801—1824), представляющая впрочемъ переводъ изъ примѣчаній къ поэмѣ Монбрана «Les Scandinaves»; три письма И. С. Тургенева къ Вучетичу, переводчику на сербскій языкъ романа «Дымъ», и наконецъ письмо И. П. Дмитріева къ А. П. Тургеневу (1819 г.). Пока и все. Постоянные отдѣлы журнала составлены довольно полно, живо, интересно. Въ «Обзорѣ русской печати» говорится лишь о журналахъ, и новое библиографическое изданіе ни словомъ не обмолвилось о газетахъ, которыя въ настоящее время играютъ такую видную роль и среди неворотливыхъ и малоотзывчивыхъ ежемѣсячниковъ положительно выдаются вліяніемъ на читающую публику, свѣжестью матеріаловъ и посильнымъ стремленіемъ идти на встрѣчу запросамъ жизни. Къ газетѣ видимо гг. библиологи относятся нѣсколько свысока и пренебрежительно. А между тѣмъ въ отдѣлахъ новаго журнала: «Изъ русской печати» ровно 9 стр. мелкаго шрифта составляетъ перепечатку изъ «Новаго Времени»; въ «Rossica»—2 стр. изъ той же газеты; изъ некрологовъ — 10 взяты оттуда же, такъ что въ общей сложности перепечатка изъ «Новаго Времени» представляетъ не менѣе печатнаго листа, или $\frac{1}{10}$ книжки. Не можемъ пропустить безъ возраженія такъ же крайне несимпатическаго замѣчанія журнала о рецензентахъ русской печати, дающихъ отзывы о новыхъ книгахъ. Высказавъ, что вообще «положеніе рецензій у насъ очень прискорбное, причемъ очень трудно поправимое», журналъ прибавляетъ: «не желая обобщать, мы упускаемъ худшіе изъ возможныхъ случаевъ, каково, напримѣръ, низведеніе рецензій на степень платныхъ объявленій». Однако нѣсколькими строками ниже готово это жестокое и едва ли справедливое «обобщеніе»: «Все болѣе и болѣе у насъ пріобрѣтаетъ взглядъ на рецензію, какъ на рекламу. На большинство газетныхъ рецензій теперь врядъ ли кто иначе и смотритъ. Повидимому, той же эволюціи грозятъ подвергнуться и журнальныя рецензіи. Конечно, будетъ весьма жаль, если вся наша читающая публика извѣрится въ возможность безкорыстной и безпристрастной критики». Вообще во многихъ отдѣлахъ и статьяхъ новаго библиографическаго изданія разлитъ крайне унылый и желчный тонъ, придающій молодому изданію отгѣнокъ брызгливой старости. Такъ, г. А. Липовскій, давшій первую изъ предпринимаемаго имъ ряда статей о представителяхъ русской новѣйшей повѣсти, начинается прямо «за упокой»: «Личность оторвавшись... почувствовала себя одинокой... дальнѣйшее развитіе парализовалось... мертвящей скукой, бессмысленной суетой... человѣконенавистническимъ скудоуміемъ. Въ результатъ — гибельная тоска» и т. д. и т. д. Пожелаемъ новому начинанію, въ общемъ весьма удовлетворительному, побольше бодрости и дѣловитости. Не привязывая себя къ текущему моменту, который всегда кажется сѣрымъ и малосодержательнымъ, журналъ можетъ почернить утѣшеніе въ той громадной умственной работѣ, которая все же, при всѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, совершена творческой мыслью за истекшее столѣтіе и завоевала русскому языку и литературѣ мировое значеніе. Подвести «библиографически» итоги столѣтія — важная и большая задача.

Къ книжкѣ приложенъ отчетъ о дѣятельности библиологическаго общества въ 1900 году и порядочный портретъ покойнаго Л. Н. Майкова.

Николай Энгельгардтъ.

Московская трагедія, или рассказъ о жизни и смерти Димитрія. Со снимкомъ заглавной страницы латинскаго подлинника 1608 года. Переводъ съ латинскаго А. Браудо и И. Росціуса. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1901.

Наука русской исторіи многимъ обязана графу С. Д. Шереметеву: основанныя имъ «Общество любителей древней письменности» и недавно возникшее «Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III» обогатили нашу историческую литературу многочисленными цѣнными изданіями; самъ предсѣдатель этихъ обществъ является замѣтнымъ работникомъ нашей науки: изданныя имъ года два тому назадъ «Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени» подтвердили слухъ, давно уже ходившій въ кружкахъ русскихъ историковъ, будто графъ занятъ капитальнымъ изслѣдованіемъ изъ исторіи смуты; письма эти даютъ понять, какъ оригиналенъ и интересенъ будетъ этотъ трудъ. Этими-то занятіями графа С. Д. и объясняется изданіе имъ многихъ интересныхъ памятниковъ, касающихся конца XVI и начала XVII вѣка нашей исторіи; не говоря о помѣщенныхъ въ коллекціи «Памятниковъ древней письменности и искусства» отрывкахъ «Хроникъ Пясецкаго», «Книгѣ о чудесахъ преп. Сергія» Симона Азарына и т. д., по мысли графа и въ его изданіи появились: «Сѣра Томаса Смита путешествіе и пребываніе въ Россіи», «Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка»; къ числу этихъ изданій присоединилось нынѣ и то, заглавіе котораго мы выписали выше.

Въ числѣ памятниковъ эпохи Лихолѣтія «Tragedia Moscovitica» занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто; появившійся въ Кѣльнѣ въ 1608 году, она близка по времени къ изображаемымъ въ ней событіямъ, свидѣтельствуя этимъ о напряженномъ вниманіи, съ какимъ слѣдили тогда на Западѣ за таинственными и грозными событіями въ далекой Московіи; событія эти становились достояніемъ и поэзіи—Лопе де Вега воспользовался этимъ благодарнымъ сюжетомъ для драмы «El gran Duque de Moscovia y Emperador perseguido»—и историческаго повѣствованія; трудно даже перечислить ту массу разказовъ о трагической судьбѣ названнаго Димитрія, какая появилась въ то время въ Европѣ, разказовъ, зачастую принадлежавшихъ лицамъ, и не бывавшимъ въ Россіи, знавшимъ ее только по наслышкѣ. Ученый редакторъ перевода «Трагедіи», А. И. Браудо, въ началѣ своего предисловія разсматриваетъ вопросъ объ ея авторѣ: долгое время видѣли такового въ кѣльнскомъ книгоиздателѣ Гревенбрухѣ, затѣмъ перенесли эту честь на сотрудника Гревенбруха—Каспара Энса; вопросъ этотъ и до сего времени остается открытымъ, для насъ же важно лишь то, что и Гревенбрухъ, и Энсъ -- оба не были въ Россіи, оба писали, если только «Трагедія» написана однимъ изъ нихъ, по слухамъ, по

чужимъ свѣдѣніямъ. Поэтому весьма важно, прямо даже необходимо знать кругъ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовался авторъ «Трагедіи»; здѣсь г. Браудо указываетъ намъ цѣлый рядъ памятниковъ, которые несомнѣнно или легли въ основу «Разказа», или же имѣли съ нимъ какой либо одинъ общій источникъ (нельзя только не пожалѣть, что г. Браудо не остановился болѣе подробно на разборѣ произведеній этой второй категоріи). Наиболѣе важными матеріалами для автора «Трагедіи», какъ то удалось довольно убѣдительно доказать г. Браудо, являются извѣстное «Повѣствованіе» Бареццо-Барецци, съ болышимъ однако основаніемъ приписываемое знаменитому Поссевино (ср. статью отца Пирлинга въ «Русской Старинѣ» 1900 г., № 10), и «The Report of a bloody and terrible massacre in the city of Moscow», принадлежащее перу нѣкоего Вильяма Русселя; первымъ составитель «Трагедіи» больше пользуется въ началѣ своего труда, кончая воцареніемъ Димитрія (этимъ фактомъ разказъ Бареццо-Поссевино и оканчивается), далѣе же онъ основываетъ изложеніе преимущественно на «The Report». Но, кромѣ указанныхъ произведеній, ему были извѣстны и нѣкоторые другіе памятники, въ то время не изданные, мало извѣстные; таковы, наиримѣръ, отчеты о посольствахъ Аѳанасія Власьева и князя Волконскаго; здѣсь необходимо предположить знакомство автора съ какимъ либо архивнымъ документомъ, и при этомъ съ документомъ достаточно авторитетнымъ, такъ какъ нынѣ извѣстные данныя показываютъ намъ, насколько разказъ «Трагедіи» близокъ къ официалъному описанію фактовъ.

Содержаніе «Трагедіи» полно интереса; здѣсь мы встрѣтимъ и краткій перечень попытокъ папской курии завязать сношенія съ дальнею Московіею (исторія этихъ попытокъ—у Пирлинга въ его замѣчательномъ «La Russie et le Saint-Siège»), и любопытный разказъ о послѣднихъ временахъ жизни и царствованія Грознаго, и фантастическое, у Барецци-Поссевино взятое, описаніе Углицкаго дѣла, и извѣстія о жизни «царевича» въ Польшѣ и о походѣ его на Москву—эти извѣстія носятъ на себѣ яркій отпечатокъ іезуитской обработки; любопытно далѣе описаніе вѣзда Димитрія въ Москву, фантастичный разказъ о статуѣ, долженствовавшей учинить взрывъ въ дворцовомъ подземельѣ—этотъ разказъ цѣлкомъ перешелъ въ извѣстную «Исторію» Де-Ту, повѣствованіе о дѣлѣ Шуйскаго, о сношеніяхъ Димитрія съ Польшей (здѣсь наше вниманіе останавливаетъ оригинальное написаніе имени Марины Мышекъ—Anna-Maria), о заговорахъ и волненіяхъ въ Москвѣ и о тѣхъ жестокостяхъ, которыми Димитрій старался подавить враждебное ему движеніе; здѣсь, подобно Массѣ, авторъ «Трагедіи» идетъ въ разрѣзъ съ тѣми свѣдѣтельствами иноземцевъ, которыя выставляютъ царя Димитрія образцомъ кротости и за это упрекаютъ его въ безнечности; нельзя не замѣтить, что, соображая всѣ обстоятельства, мы скорѣе примемъ извѣстія о строгостяхъ молодого царя. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе вѣзда въ Москву невѣсты царя, его бракосочетанія, повѣствованіе о заговорѣ бояръ, объ избіеніи поляковъ и о смерти царя; заслуживаютъ вниманія своеобразныя соображенія автора о характерѣ этого событія и по поводу разнесшихся слуховъ о томъ, что царь спасся отъ рукъ злоумышленниковъ.

Таково содержаніе разсматриваемаго памятника; оно полно живого интереса, и одно это, казалось бы, даетъ намъ право не согласиться съ почтеннымъ редакторомъ перевода, когда онъ заявляетъ: «мы должны прійти къ заключенію, что произведеніе это могло бы имѣть самостоятельное значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы до насъ не дошли ни письма іезуитовъ, ни книжки Бареццо и Русселя, ни данныя о московскихъ посольствахъ въ Варшаву»; выраженное въ такой формѣ мнѣніе кажется намъ немного рѣзкимъ; «Трагедія» до сихъ поръ считалась и считается однимъ изъ важныхъ источниковъ по исторіи смуты; мастерской анализъ состава ея, сдѣланный г. Браудо, разумѣется, долженъ насъ убѣдить, что значеніе ея гораздо меньшее, чѣмъ то предполагалось, но совершенно отрицать за ней это значеніе мы не можемъ; намъ мѣшаетъ въ этомъ наличность любопытныхъ соображеній автора о смерти Димитрія и о предполагаемомъ его спасеніи, мѣшаетъ и фактъ пользованія архивными матеріалами, не бывшими въ то время въ печати...

Разумѣется, это маленькое замѣчаніе не должно умалить выдающейся заслуги почтеннаго редактора перевода; ему и тому, кто подвинулъ его на этотъ трудъ, всякій, занимающійся исторіей Смутаго времени, принесетъ благодарность.

М. П—й.

Византійскій Временникъ, издаваемый при императорской академіи наукъ подъ редакціей В. Э. Ригеля, члена-корреспондента академіи. Томъ VII. Выпуски 1—4. Спб. 1900.

«Византійскій Временникъ», основанный знаменитымъ русскимъ византологомъ, профессоромъ В. Г. Васильевскимъ († 1899), является у насъ единственнымъ періодическимъ изданіемъ, посвященнымъ разработкѣ еще мало обследованной и недавно народившейся научной отрасли—византологіи. Здѣсь сосредоточены всѣ главныя русскія научныя силы, такъ или иначе воздѣлывающія обширное и общающее богатую жатву поле византійской исторіи, какъ гражданской, такъ и церковной. Журналъ благополучно завершилъ семилѣтній періодъ своего существованія, при чемъ послѣ кончины академика Васильевского редактированіе изданія перешло къ извѣстному нашему ученому историкъ и археологу, приватъ-доценту С.-Петербургскаго университета, г. Ригелю, который въ первые годы его существованія былъ главнымъ помощникомъ покойнаго профессора.

Четыре выпуска седьмого тома «Византійскаго Временника» представляютъ большой интересъ для лицъ, занимающихся исторіей, спеціально византійской. Въ каждомъ изъ нихъ помѣщены, во-первыхъ, изслѣдованія и матеріалы изъ области византологіи, во-вторыхъ, критико-библиографическій обзоръ книжныхъ новостей, и, въ-третьихъ, мелкія извѣстія и замѣтки. Мы не будемъ въ настоящей замѣткѣ дѣлать подробный обзоръ разнообразнаго содержанія седьмого тома «Византійскаго Временника», укажемъ лишь нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ здѣсь статей, представляющія интересъ для читателей «Историческаго Вѣстника».

1) А. А. Шахматова—«Древнеболгарская энциклопедія X вѣка» (стр. 1—35). Въ этой статьѣ рѣчь идетъ о малоизслѣдованномъ литературномъ памятникѣ древней Руси, такъ называемомъ Еллинскомъ и Римскомъ лѣтописцѣ, отличающемся энциклопедическимъ содержаніемъ. По мнѣнію академика Шахматова, этотъ памятникъ имѣетъ болгарское происхожденіе. Въ X вѣкѣ въ Болгаріи была составлена обширная энциклопедія изъ всей почти имѣвшейся тогда въ тому времени въ наличности переводной литературы. Въ Россіи эта энциклопедія появилась не позже XI вѣка, при чемъ она произвела рядъ компиляцій, извѣстныхъ частью подъ именемъ Еллинскаго и Римскаго лѣтописца, а частью подъ другими названіями. Рукописи и памятники этого рода по своему содержанію и особенностямъ редакцій можно раздѣлить на четыре вида.

2) П. В. Безобразова—«Патмосская писцовая книга» (стр. 68—106). Въ изданіи Миклошича и Мюллера «Acta et diplomata graeca medii aevi» (t. VI) помѣщена византійская писцовая книга XI вѣка, найденная въ библиотекѣ монастыря апостола Іоанна Богослова на островѣ Патмосѣ. Этотъ литературный памятникъ касается казеннаго имѣнія Варисъ, которое византійскій императоръ Михаилъ Дука подарилъ въ 1073 году одному изъ придворныхъ лицъ Андронику Дукѣ. Въ составленной по этому поводу писцовой книгѣ сдѣлано описаніе имѣнія Варисъ и другихъ, къ нему приписанныхъ; указаны ихъ доходы, перечислены крѣпостные люди, жившіе въ имѣніяхъ съ ихъ семьями и имуществомъ, указава подать, которую платили парики и т. д. Такимъ образомъ, патмосская писцовая книга имѣетъ важное значеніе для ознакомленія съ исторіей византійскаго землевладѣнія. Г. Безобразовъ въ своей статьѣ и занимается анализомъ содержанія этого любопытнаго памятника.

3) О. Вульфъ—«Архитектура и мозаика храма Успенія Богородицы въ Никсѣ» (стр. 315—425). Въ обширной работѣ г. Вульфа помѣщено описаніе древней церкви въ честь Успенія Богородицы, находящейся въ малоазійскомъ городѣ Никсѣ. Этотъ храмъ замѣчателенъ не только особенностями своего архитектурнаго стиля, но и мозаиками, а также монограммами, представляющими большой научный интересъ. Г. Вульфъ въ своей статьѣ и занимается описаніемъ всего храма, принося нѣкоторыя новыя данныя въ исторію византійскаго искусства.

4) Ю. Кулаковскій—«Новоизданный византійскій трактатъ по военному дѣлу» (стр. 645—666). Здѣсь рѣчь идетъ о трактатѣ «Περὶ καταστάσεως ἀπλῆστον...», приготовленномъ для печати французскимъ византинистомъ Гро и изданномъ его ученикомъ Мартеномъ (Paris, 1898). Профессоръ Кулаковскій въ своей статьѣ занимается анализомъ этого памятника. Вопреки Мартену, приписывающему этотъ трактатъ испытанному въ бояхъ византійскому литератору Никифору Фокѣ, г. Кулаковскій, на основаніи содержанія трактата и историческихъ данныхъ, находитъ болѣе справедливымъ относить составленіе этого памятника ко времени императора Василія II Болгаробойцы, именно къ 991—995 годамъ. Авторъ трактата неизвѣстенъ. Въ немъ говорится о разбивкѣ лагеря дѣйствующей арміи въ нормальномъ ея составѣ, о караульной службѣ, о нормальномъ числѣ конницы въ дѣйствующей арміи, о томъ, какъ

слѣдуетъ сниматься съ лагера, о походахъ во вражеской землѣ, объ осадѣ вражескихъ укрѣпленій, о смотряхъ и обученіи войска, о службѣ въ арьергардѣ, «о нарядахъ» и т. п. Трактатъ замѣчательнъ и тѣмъ, что упоминаетъ о русскомъ гвардейскомъ отрядѣ (οἱ Ῥωσ), состоявшемъ при византійскомъ императорѣ; этотъ отрядъ во время похода находился при особѣ императора; онъ составлялъ лѣшее войско, но въ экстренныхъ случаяхъ садился и на коней, для быстроты нападения. Это упоминаніе о русской гвардіи также говоритъ въ пользу того, что трактатъ относится ко времени императора Василія Болгаробойцы, такъ какъ начало варяго-русской дружины въ Византіи восходитъ, какъ доказалъ покойный В. Г. Васильевскій, къ 988 году. Наконецъ, въ трактатѣ (гл. 28) есть упоминаніе о Русѣ (Ῥωσία), какъ о странѣ, сосѣдней съ Византіей и ей враждебной.

Изъ другихъ статей перваго отдѣла «Византійскаго Временника» отмѣтимъ: «Замѣтки о памятникѣ Равенны» г. Рѣдина (стр. 36—42), «О времени мозаикъ св. Софій Солунской» г. Смирнова (стр. 60—67), «Къ исторіи греческаго періода въ верхне-египетскомъ богослуженіи» г. Тураева (стр. 426—431), «Два произведенія Константина Манасси, относящіяся къ смерти Θεодора Контостефанины» г. Курца (стр. 621—645).

Въ отдѣлѣ критики и библиографіи, кромѣ многихъ рецензій на спеціальныя изданія, помѣщены обширные библиографическіе обзоры книгъ изъ области византологіи на языкахъ: русскомъ, греческомъ, болгарскомъ, сербскомъ, румынскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, голландскомъ, итальянскомъ, испанскомъ и португальскомъ. Обзоры систематически и аккуратно ведутся различными лицами и своевременно знакомятъ интересующихся византологіей со всѣми книжнымъ новостями изъ этой области знанія.

Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ журнала помѣщены различныя извѣстія и замѣтки, знакомящія съ тѣми или иными событіями въ жизни русской и иностранной, касающимися византологіи. Между прочимъ, здѣсь обозрѣваются рефераты историко-археологическаго содержанія, читанные на XI археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ (стр. 276—282), описывается дѣятельность двѣнадцатаго интернаціональнаго конгресса ориенталистовъ въ Римѣ (стр. 282—290), излагается содержаніе рефератовъ византологическаго характера, читанныхъ въ 1899 и 1900 годахъ въ различныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществахъ (стр. 292—296), говорится о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ въ 1898 и 1899 годахъ (стр. 574—592) и о занятіяхъ втораго съѣзда христіанскихъ археологовъ въ Римѣ, бывшаго въ апрѣлѣ 1900 года (стр. 795—816). Σ.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной аристократіи. Томъ 1-й. Части 1 и 2. Изданіе второе, К. Т. Солдатенкова. Москва. 1901.

Первое изданіе труда г. Ковалевскаго вышло въ 1895 году. Съ тѣхъ поръ ученый воспользовался многими изъ того, что было обнаружено во Франціи по поводу столѣтія со времени взятія Бастиліи. Кромѣ того, живя въ Парижѣ,

профессоръ Ковалевскій расширилъ первоначальныя рамки своего труда дополнительными работами въ центральномъ архивѣ. Такимъ образомъ, прежній первый томъ распался теперь на два тома, разолся вдвое.

Во второе изданіе перваго тома вошли только первыя двѣ части прежняго изданія, въ которыхъ изученъ общественный и политическій строй Франціи наканунѣ революціи. Къ прежнимъ тремъ главамъ первой части: Владѣтельные и невладѣтельныя сословія. Правящіе классы и классы подвластные (гл. I), Сеніоральное право, экономическое и социальное положеніе крестьянства въ концѣ прошлаго вѣка (гл. II), Цеховое устройство и зарожденіе свободы труда (гл. III), прибавлена новая глава—IV: Строй французской промышленности въ послѣдней четверти XVIII вѣка. «Едва ли можно найти», говоритъ авторъ (стр. 421), «въ исторіи другой болѣе разительный примѣръ тѣсной зависимости, въ какой уровень обрабатывающей промышленности стоитъ отъ разработки природныхъ богатствъ страны, какъ тотъ, какой представляетъ намъ положеніе фабрикъ и заводовъ въ двадцатилѣтіе, предшествующее революціи. Несмотря на всѣ усилія Людовика XIV-го и Людовика XV-го обезпечить ихъ процвѣтаніе высокими таможенными тарифомъ и даже простымъ запретомъ ввозить во Францію извѣстныя мануфактураты, въ ней производимыя, несмотря на обезпеченіе предпринимателямъ дешевой заработной платы, благодаря запрещенію отпускать хлѣбъ за границу, несмотря на щедрую раздачу льготъ лицамъ, положившимъ начало новымъ порядкамъ производства, льготъ, принимающихъ форму податныхъ изъятій, монополій и денежныхъ субсидій, французская заводская и фабричная промышленность стала все больше и больше отражать на себѣ вліяніе низкаго уровня сельскаго хозяйства и горнаго дѣла».

Франціи трудно бороться на заграничныхъ рынкахъ съ дешевизной голландскихъ и англійскихъ товаровъ. Она должна была отказаться отъ вывоза своихъ фаянсовыхъ издѣлій въ виду конкуренціи съ англійскими. Во всемъ сказывалось гибельное вліяніе зависимости Франціи отъ сосѣдей въ дѣлѣ добыванія сырья. Особенно это было замѣтно на шерстяномъ производствѣ, гдѣ наглядно стало обнаруживаться вліяніе, какое оказываютъ на увеличеніе издержекъ промышленности «и доставка угля изъ-за границы, и недостаточная разработка мѣстныхъ копей и залежей, и плохое состояніе внутреннихъ путей сообщенія, и высота обложенія, вызываемая существованіемъ внутреннихъ заставъ и таможенъ». Административная переписка того времени, какъ разсматриваетъ профессоръ Ковалевскій, доклады, рапорты интендантовъ промышленности, заявленія торговыхъ камеръ, наказы, данныя выборщикамъ и депутатамъ учредительнаго собранія—все это полно недовольства состояніемъ промышленности.

Такъ, одинъ инспекторъ мануфактуръ Толотанъ въ своемъ отчетѣ о состояніи промышленности во ввѣренной ему области разсуждаетъ и о причинахъ, благоприятствующихъ производству сукна или задерживающихъ его. Онъ говоритъ, что пока не удастся завести лучшей породы овецъ, его области останутся въ чуждыми данниками Испаніи и Англій. То же самое слышится въ сѣтованіяхъ провинціального собранія Руана. Изъ этихъ сѣтованій ясно видна зависимость обрабатывающей промышленности отъ сельскаго хозяйства. Зависимость эту

авторъ прослѣдилъ и въ отношеніи къ полотняному производству, а также и въ кожевенному промыслу. (Одною изъ крупныхъ причинъ, тормозившихъ развитіе промышленности въ концѣ XVIII вѣка во Франціи, профессоръ Ковалевскій считаетъ недостаточную разработку мѣстныхъ залежей каменнаго угля: руанскимъ фабрикамъ каменный уголь обходился въ два раза дороже цѣны его на мѣстѣ, и французы находили для себя выгодно выписывать его изъ Англіи, хотя существовали высокія пошлины.

Не менѣе важную причину малаго развитія французской промышленности авторъ видитъ и въ томъ обстоятельствѣ, что трудно было имѣть постоянный контингентъ подготовленныхъ работниковъ. «Причина тому лежала въ незаконности процесса обособленія класса батраковъ или безземельнаго пролетаріата—процесса, обезпечивавшаго Англіи вѣкомъ ранѣе дешевизну труда, такъ много содѣйствовавшую росту ея промышленныхъ капиталовъ. Хотя, какъ мы видѣли, начинавшійся во Франціи съ середины XVIII вѣка упадокъ оброчнаго хозяйства и надѣльной системы постепенно выбрасывать въ города часть сельскаго населенія, не находившую болѣе занятія въ земледѣльческихъ промыслахъ или предпочитавшую батрачеству судьбу фабричнаго, домашняго слуги, или чернорабочаго поденщика. Но этотъ классъ, какъ образованный изъ элементовъ, не исполнѣ порвавшихъ съ прежнимъ земледѣльческимъ бытомъ и только выбывавшихъ изъ стараго пепелища на временные заработки, такъ же мало могъ обезпечить заводчику или фабриканту достаточное число всегда свободныхъ и при томъ хорошо подготовленныхъ рукъ, какъ въ состояніи были сдѣлать это наши отхожіе промыслы не далѣе четверти вѣка назадъ».

Разсматривая весьма любопытныя свѣдѣнія, собранныя по требованію государственнаго контролера въ 1769 году мѣстнымъ интендантомъ промышленности, профессоръ Ковалевскій приходитъ къ тому заключенію, что работа правильно производилась только зимою, и приходилось нерѣдко увеличивать за особое вознагражденіе продолжительность работы. Работникъ имѣлъ полную возможность порвать съ фабрикой и вернуться къ землѣ,—это служитъ объясненіемъ обычнаго явленія стачекъ въ средѣ рабочихъ Дофинэ.

Недостаткомъ рабочихъ рукъ объясняется и довольно высокое вознагражденіе разныхъ чистильщиковъ, ткачей, пресовщиковъ и др. Наблюденія свои авторъ провѣряетъ на организациіи обрабатывающей промышленности въ Нормандіи. Тамъ, рядомъ съ фабричною существуетъ кустарная выдѣлка холста, и сельское производство полотень по величинѣ своихъ оборотовъ стоитъ впереди городского. Изъ всѣхъ разобранныхъ фактовъ авторъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «промышленная исторія Франціи стараго порядка отнюдь не отвѣчаетъ понятію капиталистическаго производства. Если бы мы продолжили дальше нашъ обзоръ, вводя въ него и кожевенное дѣло, и перчаточное, и чулочное, и глиняное, и желѣзодѣлательное и др., намъ пришлось бы по поводу каждаго отмѣтить преобладаніе небольшихъ фабрикъ и заводовъ, испытываемую ихъ собственниками трудность обезпечить своимъ заведеніямъ достаточное число дешево оплачиваемыхъ работниковъ и конкуренцію, какую сколько нибудь широкимъ предиріятіямъ оказываютъ дѣйствующіе на свой страхъ или по заказу купцовъ кустари и крестьяне».

Свой вывод онъ иллюстрируетъ нѣсколькими примѣрами, на основаніи богатаго матеріала, заключающагося въ бумагахъ центральнаго парижскаго архива.

Разсматривая вопросъ о взаимномъ отношеніи крупнаго и мелкаго производства наканунѣ революціи, профессоръ Косалевскій останавливается и на томъ, какъ оцѣнивали этотъ вопросъ его современники. Изъ всѣхъ отзывовъ наиболѣе серьезный—Артура Юнга, по мнѣнію котораго мануфактурное развитіе страны не создаетъ усилія земледѣлія, а кустарное производство отвлекаетъ лишь крестьянина отъ обработки полей. Почти всѣ экономисты указываютъ на строгую регламентацію промышленности цеховыми статутами и правительственными мѣропріятіями, какъ на главное неудобство для техническихъ усовершенствованій. По мнѣнію профессора Ковалевскаго, съ 1776 г. въ промышленной политикѣ государства произошла крупная перемѣна: правительство пыталось вернуть прежній порядокъ. «Трудно утверждать», говоритъ онъ (стр. 470), что, отказавшись отъ началъ свободной конкуренціи, провозглашенной, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, фізіократомъ и приложенной на практикѣ министромъ-реформаторомъ, французское правительство непосредственно вернулось къ порядкамъ не одного покровительства, но и вмѣшательства въ промышленную жизнь націи. Мы присутствуемъ скорѣе при хаотической борьбѣ старыхъ и новыхъ началъ, изъ которыхъ первыя находятъ себѣ выраженіе въ законахъ, а вторыя—въ административной практикѣ не столько низшихъ, сколько высшихъ органовъ власти».

Слѣдовательно, французская промышленность передъ революціей уже не встрѣчала тѣхъ правительственныхъ стѣпеній, что въ первой половинѣ XVIII в. Послѣ характеристики французской промышленности въ царствованіе Людовика XVI, профессоръ Ковалевскій даетъ обзоръ важнѣйшихъ ея отраслей, начиная съ выдѣлки шелковыхъ, суконныхъ, льняныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей.

Вплоть до революціи замѣчается быстрый упадокъ шелководѣлія. Немалая вина падаетъ въ этомъ отношеніи на Руссо, съ его проповѣдью опрощенія нравовъ, шелковое убранство стѣнь уступаетъ мѣсто бумажнымъ обоямъ, сукно даже среди высшихъ сословій замѣнило собою шелкъ. Сюда же присоединяется и нерадѣніе фабрикантовъ. Переходя къ вопросу о положеніи суконной промышленности, профессоръ Ковалевскій отмѣчаетъ и здѣсь постоянное и прогрессирующее паденіе. Онъ особенно настаиваетъ на томъ, что торговому договору съ Англіей преувеличенно приписываютъ подавляющее вліяніе на французскую промышленность. Этому договору, говоритъ онъ, часто приходилось имѣть дѣло не съ живымъ, а съ наполовину уже разрушившимся организмомъ. «Упадокъ промышленности былъ вызванъ въ концѣ концовъ болѣе глубокими причинами: обѣдненіемъ крестьянства, заставлявшимъ его расширять потребленіе льняныхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей въ ущербъ шерстянымъ и сокращать количество содержимыхъ овецъ по мѣрѣ утилизаціи общинныхъ угодій подь посѣвы, расчистки пустошей и сокращенія пастбищныхъ сервитутовъ».

И въ главныхъ, и въ мелкихъ центрахъ сукнодѣліе принимало форму то

кустарной промышленности, то фабричной. Отъ Норманди авторъ переходитъ къ Никкардин, наблюдая и здѣсь, какъ широкое развитіе ткачества въ селахъ парализовалось постепенно вліяніемъ англійской конкуренціи. Это парализующее вліяніе сильно проявилось, главнымъ образомъ, въ хлопчато-бумажной промышленности. Причина этого заключается въ самыхъ условіяхъ существованія этой промышленности во время подписанія торгового договора съ Англійей. Отсюда авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что мелкая промышленность во Франціи не только въ селахъ, но и въ городахъ была въ полной слѣдъ, хотя и зависѣла отъ фабрикъ, что Франція передъ революціей въ сферѣ распределенія движимой собственности подходитъ подъ понятіе страны мелкихъ состояній, чѣмъ въ сферѣ недвижимой собственности (стр. 574).

Выводъ этотъ подтверждается имъ на характеристикѣ желѣзодѣлательнаго производства, развитію котораго много мѣшало. Сами экономисты XVIII в. не интересовались расширеніемъ этой промышленности, повидимому, оттого, что во Франціи чувствовался недостатокъ въ топливѣ. Развитію желѣзодѣлательной промышленности препятствовало еще и довольно высокое обложеніе металла поборами въ пользу казны. Этотъ налогъ тормозилъ и ростъ бумажныхъ фабрикъ, вслѣдствіе чего бумажное производство носило кустарный характеръ. Даже фарфоровыя и фаянсовыя производства были сильно подорваны англійской конкуренціей.

Эту главу авторъ заканчиваетъ тѣмъ основнымъ положеніемъ, которое онъ подтверждаетъ множествомъ взятыхъ изъ архивныхъ данныхъ свидѣтельствъ, что кризисъ, пережитый Франціей наканунѣ революціи, не даетъ изслѣдователю никакого права утверждать фактъ существованія во Франціи въ тѣ времена капиталистическаго производства въ новомъ смыслѣ этого слова. «Недостатокъ капиталовъ», говоритъ авторъ въ заключеніи, и несовершенство техническихъ приѣмовъ производства, въ связи съ фискальной политикой и вредомъ, приносимымъ предпримчивости правительственными регламентами, поставили фабричное производство Франціи въ условія, при которыхъ ей трудно было выдержать конкуренцію болѣе богатой капиталами, болѣе снабженной машинами и усовершенствованными приѣмами обработки и болѣе свободной отъ правительственной опеки и финансово-го гнета англійской промышленности. Вредъ, причиненный странѣ торговымъ договоромъ 1786 года, обусловленъ, поэтому, не ложностью самой системы свободного обмѣна, а посторонними причинами, корень которыхъ лежитъ во всемъ экономическомъ и финансовомъ строѣ Франціи стараго порядка» (стр. 593). Историкъ XVIII в. придется серьезно считаться съ этими выводами профессора Ковалевскаго, вносящими много свѣта въ экономическую исторію старой Франціи.

Главою о старинной французской конституціи, перепечатанной безъ измѣненій съ перваго изданія, заканчивается первый томъ новаго изданія изслѣдованія профессора Ковалевскаго. Третья и четвертая части этого тома въ прежнемъ изданіи теперь образовали новый томъ, вышедшій раньше первыхъ частей.

К. Алексѣевъ.

Сочиненія графа П. И. Капниста. Томы I и II. Москва. 1901.

Графъ Капнистъ принадлежитъ къ значному греческому роду съ острова Занте; одинъ изъ его предковъ переселился въ Россію въ концѣ царствованія Петра Великаго, и скоро потомки его такъ обрусѣли, что самый извѣстный изъ нихъ, дѣдъ автора, сумѣлъ написать вѣднѣ національную, знаменитую «Ябеду». Авторъ, о которомъ идетъ рѣчь, сынъ московскаго губернатора (въ эпоху Закревскаго, съ которымъ, правда, отецъ его былъ во враждѣ), совершалъ свою жизненную карьеру, не знаемый русскимъ обществомъ, но довольно счастливо; большую часть ея онъ провелъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ семидесятихъ годахъ былъ даже редакторомъ «Правительственнаго Вѣстника», но вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку. Отъ чиновниковъ графъ Капнистъ отличался, однако, тѣмъ, что писалъ не только служебные доклады, но и стихи, а отъ писателей тѣмъ, что свои произведения, за ничтожными исключеніями, при жизни не печаталъ, а читалъ ихъ лишь въ кругу своихъ знакомыхъ, да и то рѣдко. Изданіе его сочиненій является, такимъ образомъ, первымъ и посмертнымъ въ одно и то же время; и эта особенность едва ли и не характеризуетъ ихъ всего болѣе. По крайней мѣрѣ, и самъ Капнистъ какъ будто сознавалъ это; на убѣжденія своихъ друзей. Не грѣхъ ли вамъ! За чѣмъ вы не печатаете?» или «Графъ! какъ можно прятать эти стихи?»—онъ отвѣчалъ улыбаясь: «Къ чему печатать! Кому теперь, въ нашъ вѣкъ, нужны стихи? Никто ихъ не читаетъ»...

По направленію своей литературной дѣятельности, если о ней можно только говорить, Капнистъ принадлежалъ къ тому кружку, главнымъ представителемъ котораго считается теперь К. К. Случевскій. Но взгляды его на литературу опредѣлились еще давно въ служебномъ докладѣ: «Очеркъ направленія русской лирической поэзіи съ 1854 по 1864 годъ включительно», въ свое время (1865 г.) напечатанномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (т. II, стр. 320, и т. I, стр. СХХII). Какъ видно, впрочемъ, изъ воспоминаній о Капнистѣ его дочери, приложенныхъ къ первому тому его сочиненій, самъ Капнистъ былъ очень добрымъ человѣкомъ и въ большой степени отличался независимостью характера. Вообще воспоминанія эти довольно любопытны; не смотря на свой апологетическій и панегирический характеръ, они хорошо рисуютъ какъ самого графа Капниста, такъ и окружающую его среду. Извлекаемъ изъ нихъ такой любопытный фактъ: «14 октября 1867 года произошло засѣданіе совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, на которомъ присутствовали и поэтъ Ф. И. Тютчевъ, бывшій тогда однимъ изъ членовъ совѣта. Отъ вниманія Капниста не ушло, что Тютчевъ во время засѣданія былъ весьма разсѣянъ и что-то рисовалъ или писалъ карандашомъ на листѣ бумаги, лежавшемъ передъ нимъ на столѣ. Послѣ засѣданія онъ ушелъ въ раздумь, оставивъ бумагу. Капнистъ бросилъ на нее взглядъ и замѣтилъ, что вмѣсто канцелярскихъ дѣлъ тамъ написано нѣсколько стиховъ. Онъ, конечно, взялъ и сохранилъ на память о любимомъ имъ поэтѣ слѣдующія строки:

Какъ ни тяжелъ послѣдній часть, —
 Та непонятная для насъ
 Пестомъ смертнаго страданья, —
 Но для души еще страшнѣй
 Слѣдить, какъ вымирають въ ней
 Всѣ лучшія воспоминанья....

Любопытно сопоставить здѣсь стихотвореніе самого графа Калниста на ту же тему:

Но смерть страшна,—но странно умиранье...

Отмѣтимъ еще цензурное столкновеніе Калниста съ Лавровымъ (т. I, стр. СХVII), отношенія къ Некрасову (стр. СХХ и СХХIV) и Гончарову, но недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ останавливаться на нихъ, какъ и на многомъ другомъ. Во всякомъ случаѣ воспоминанія эти, весьма тепло и душевно написанныя, выясняютъ намъ нравственный обликъ графа Калниста несравненно ярче, чѣмъ его произведенія.

А. Никитинскій.

Вл. Череванскій. Міръ ислама и его пробужденіе. Историческая монографія. 2 части. Спб. 1901.

Трудъ этотъ принадлежитъ члену государственнаго совѣта, бывшему товарищу государственнаго контролера. Отмѣчаемъ это, чтобы выразить глубокую симпатію тому явленію, что текуція дѣловыя занятія не безраздѣльно владѣють умами нашихъ государственныхъ людей, и они находятъ возможнымъ отдавать часть вниманія своего темамъ обширно-историческимъ или обширно-политическимъ. Книга г. Череванскаго написана живымъ и легкимъ языкомъ публициста и практическаго человѣка и читается съ такимъ же удовольствіемъ и безъ всякихъ трудностей, какъ романъ. Дешевизна и обширность, вѣроятно, сдѣлають ее крайне распространенною, а въ дѣ мусульманскій міръ до такой степени поверхностно знакомъ намъ, что уже это одно качество составляетъ достоинство книги и заслугу автора. Чтобы понять религію и что нибудь религіозное, нужно быть поэтомъ, и имѣть на челѣ своемъ хоть чуть-чуть, хоть чуточку, хоть наутинку «пророчества», «посланичества», «жребія» святого. Этого нѣтъ у г. Череванскаго, и это отнимаетъ у его книги глубину и настоящую значительность. Тонъ его часто ироническій; говоря о Каабѣ и въ ней о черномъ камнѣ, онъ замѣчаетъ, что съ достовѣрностью ученые знаютъ только одно, что это—метеоритъ, но что «болѣе подробныя свѣдѣнія о немъ пока приходится отложить до того времени, когда свѣтъ просвѣщенія допуститъ физиковъ и химиковъ войти въ святилище мусульманъ». Этотъ слогъ, и мысль, и предположеніе открываютъ въ авторѣ русскаго прогрессиста, для котораго все въ мірѣ погибнетъ, кромѣ русскаго (особеннаго, характернаго) прогресса. «Все умретъ, и вотъ когда все умретъ, останемся Дарвинъ и мы, и еще обезьяны». Этою краткою формулою мы не дѣлаемъ большого упрека автору, но мы ею очерчиваемъ только глу-

бокій прозаизмъ душевнаго сложенія того поколѣнія, къ которому онъ принадлежитъ (60-е годы). и выше котораго онъ не хочетъ стать. Мы не критикуемъ, мы констатируемъ.

Однажды, просмотрѣвъ «календарь праздниковъ» православной церкви, я разсѣянно перевернулъ страницу «Крестнаго календаря» и разсѣянно же началъ пробѣгать строки сперва «еврейскаго календаря», а затѣмъ «магометанскаго календаря». Сонъ разсѣянности вдругъ сбѣжалъ съ моихъ глазъ; я потеръ глаза рукою, очнулся: сколько же «откровений» историческихъ, поэтическихъ и философскихъ въ одномъ сложеніи календаря! У насъ всѣ годовые праздники суть историческіе, воспоминательные, собственно—юбилейные: вотъ 1600-е воспоминаніе «Воздвиженія креста Господня» (св. Еленою), вотъ въ нынѣшнемъ году будетъ 1601-е воспоминаніе того же; еще другіе праздники—святыхъ иконъ: «Казанской Божіей матери», «Смоленской Божіей матери»; еще праздники—мучительные, воспоминанія мученій, мучениковъ и мученицъ: «29-го августа чествованія главы Іоанна Предтечи», «12-го октября мученика Прова и мученицы Доминики». Но вотъ у евреевъ есть тоже много историческихъ, но между ними вдругъ глазъ читаетъ: «первый день новолунія шобата» (8-го января), «день новолунія адара» (6-го февраля), «день новолунія нисана» (8-го марта), «день новолунія іара» (6-го апрѣля) и т. д. Очевидно, что-то и какъ-то евреи чувствуютъ въ лунѣ, чего мы не чувствуемъ и никакъ не можемъ уловить въ ней! Чтò новолуніе, чтò полнолуніе, чтò безлуніе,—просто православному священнику не можетъ прійти въ голову, чтобы это хотя малѣйшее отношеніе имѣло до круга его обязанностей, службъ и хотя малѣйшаго вниманія. Стоимость стеариновыхъ свѣчъ для него занимательнѣе всѣхъ «нозлуній» въ свѣтѣ. «Значитъ и корни ихъ религіи совсѣмъ другія, чѣмъ у насъ», подумалъ я. И сталъ я дальше любопытствовать: 5-го января «ночь всемогущества» въ магометанскомъ календарѣ.

Тутъ что-то «каннуло» въ умъ и сердце мусульманъ, чтò они называли «ночью всемогущества». Есть какіе-то наивно-суевѣрные праздники: напримѣръ, 10-е февраля помѣчено только: «сонливья бѣлки уходятъ въ пещеры». Чтò это такое, ума приложить не могу! Есть историческія, и между ними—еврейскія: «13-го февраля, переходъ Моисея черезъ Ниль». Одна эта строчка календаря лучше всякихъ разсужденій и справокъ историческихъ говоритъ о зависимости магометанства отъ іуданзма, и объ неотчужденности магометанъ отъ евреевъ: тогда какъ вѣдь для насъ мусульманство—хуже язычества! Но понимаешь вдругъ дружелюбіе евреевъ къ маврамъ и ненависть же евреевъ къ христіанамъ въ Испаніи до Фердинанда, Изабеллы и Колумба. Но вотъ строки специально мусульманскія: «4-го іюня—праздникъ трубъ», «15-го іюля—священная ночь», «2-го апрѣля — перетень Али», «4-го октября—ночь тайнъ». Какія удивительныя слова! Я не подказываю читателю: онъ и самъ сумѣетъ задуматься о глубокой и, кажется, вовсе для насъ непостижимой особенности сложенія религіи Магомета! Наше воззрѣніе и даже самый терминъ: «магометанство», прямо и безъ обиняковъ какъ бы бросаетъ: «вѣра въ Магомета», они вѣруютъ въ Магомета», «мы» въ Христа, а они—въ Магомета». Между тѣмъ, Христосъ есть Богъ нашъ, а они такъ же мало «вѣруютъ въ Бога-Магомета», какъ

евреи теперь, да и три тысячи лѣтъ назадъ, «вѣровали въ Моисея». Обѣ религiи «вѣруютъ въ Бога, Елоахъ (ед. число отъ «Елогимъ») у евреевъ, Аллахъ— у аравитянъ», «кого Моисей открылъ однимъ, а Магометъ— другимъ». Это разница. «А кто же Магометъ?»—Пастухъ, рабъ Божiй, слуга народа.

Абуль-феда пишетъ: «по настоянiю жителей Мекки, родственники потребовали у Магомета, чтобы онъ прекратилъ розказни о видѣнiяхъ и пророчествахъ; но услышали отъ него въ отвѣтъ: «дайте мнѣ луну и солнце—я и тогда не откажусь отъ своихъ помысловъ». Не правда ли, это прекрасно, какъ «стой солнце и не движься луна» Иисуса Навина. Вообще, въ магометанствѣ много поэзи, легендъ и суевѣрiй; отъ «суевѣрiй» вѣдь не избавлены и мы, и теологи всей Европы весьма недружелюбно смотрятъ на манипуляци исторической критики. Но вотъ легенда, которой, не вѣря, я все-таки радуюсь, что она есть, т. е. рассказываетъ между Каиромъ, Меккою и Казанью: «Однажды къ Магомету прилетѣлъ голубь съ просьбою о защитѣ противъ гнавшагося за нимъ ястреба. Голубя онъ спряталъ въ рукавъ, но тутъ ястребъ потребовалъ выдачи своей добычи, говоря, что у него нѣтъ корма для его большой семьи (какой реализм!). Мухаммедъ предложилъ ему овцу, а послѣ отказа принять эту замѣну—предложилъ самого себя. Онъ намѣревался уже воткнуть ножъ въ свое тѣло, но... тогда голубь и ястребъ превратились въ ангеловъ и признались, что они, по изволенiю всемогущаго Бога, являлись къ нему для испытанiя» (ч. I, стр. 119). Какое сплетенiе реальнаго и чуда, добродушия человѣческаго и жестокости законовъ природы!

Или вотъ еще уже не легенда, а фактъ: обращенiе Омара. Произошла въ самомъ началѣ проповѣдничества Магомета уличная небольшая свалка изъ-за него. Омаръ былъ громаднаго роста и необычайной силы. Запрятавъ кинжалъ въ рукавъ, онъ отправился къ дому, въ которомъ жилъ Магометъ, дабы покончить съ ненавистнымъ сѣятелемъ смутъ. Но на пути его встрѣтилъ арабъ, отъ котораго онъ услышалъ: «твоя семья не поблагодаритъ тебя, если ты убьешь ся пророка». При этихъ неожиданныхъ словахъ Омаръ вспомнилъ, что однажды сестра его приглашала его выслушать нѣсколько стиховъ, списанныхъ для нея изъ коранической пѣсни. Теперь онъ поспѣшилъ къ сестрѣ и потребовалъ, чтобы она прочла ему стихи. Едва она ихъ сказала, какъ онъ пришелъ въ неописанное восхищенiе и объявилъ, что съ этого времени онъ—врагъ кумировъ Каабы и будетъ поклоняться Единому, «а сердце мое пусть расклюютъ коршуны, если когда нибудъ я измѣню величайшему пророку». Его дочь современемъ сдѣлалась женою Магомета, и она оказала неоцѣненную услугу исламу, сохранивъ тщательно сутры корана. Здѣсь, въ этомъ фактѣ, лучше, чѣмъ въ безчисленныхъ описанiяхъ и изъясненiяхъ, мы читаемъ объ очарованiи, разомъ и непобѣдимо дѣйствующемъ, которое исходило изъ Корана и ослѣпило очи Востока.

Книга г. Череванскаго содержитъ достаточно опроверженiй его теоретическому освѣщенiю дѣлу. «Мусульманство—косно, неспособно къ развитiю, имѣетъ вмѣсто семьи нѣчто въ родѣ нашихъ веселыхъ домовъ». Вотъ общiй его взглядъ на дѣло. Между тѣмъ отъ арабовъ европейцы научились алгебрѣ; черезъ арабовъ начали понимать Аристотеля и высшiя

части геометріи. Философія арабовъ, въ лицѣ Авиценны и Аверроэса, достигла величайшихъ утонченій построенія, къ которымъ вовсе не способны даже самые либеральныя изъ современныхъ приватъ-доцентовъ философіи. Арабы создали архитектурный стиль! Этого одного уже не мало. А степень ихъ симпатій къ умственному свѣту ничто такъ не выражаетъ, какъ слова, приписываемыя халифу Али: «Чернила ученаго столь же достойны уваженія, какъ и кровь мученика». Кажется, это можно было бы избрать эпиграфомъ къ всемірной исторіи наукъ! Наконецъ, семья: если бы у мусульманъ она напоминала наши веселые дома (буквальное выраженіе автора), то... откуда же высокій и прямой ростъ, сила и крѣпость нашихъ татаръ-халатниковъ? Вѣдь это—гвардія въ смыслѣ породистости. А какова семья въ чистотѣ, силѣ и интенсивности своей, такова и порода человѣка. Не замѣчаетъ ли авторъ, что какой-то рахитизмъ породы у христіанъ заставляетъ подозрѣвать у нихъ худосочіе и семьи. На этомъ мы и кончимъ наши краткія замѣчанія о книгѣ, прекрасно написанной, но едва ли эквивалентно обдуманной, вывѣренной. Кажется, авторъ исторически смѣшавъ «туретчину» съ исламомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящій историческій моментъ монголы являются носителями, хранителями и пропагандистами корана: турки, татары и бухарцы. Посредственность національной ихъ крови есть причина упадка теперь ислама, его временной и случайной, не протекającej изъ существа Корана, некультурности. Были Багдадъ, Дамаскъ, Гренада; теперь—Константинополь и Хива; но вѣдь и въ христіанствѣ есть Парижъ, пожалуй—быль Парижъ, и есть Бухарестъ и Буда-Пештъ.

Въ моей небольшой нумизматической коллекціи есть дирхемъ (серебряная монета въ наши 50 копеекъ величиною) аббасидскаго калифа Мехди. Меня трогаютъ какимъ-то воодушевленіемъ и чистосердечіемъ надписи на ней. Пусть судитъ читатель: на лицевой сторонѣ, внутри ободка, крупно начертано: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога единого, не имѣющаго сообщника»; въ ободкѣ написано: «Во имя Бога выбить этотъ дирхемъ въ Каербъ Эс-Саламъ въ 167 году геджры» (отъ бѣгства Магомета изъ Мекки въ Медину). На оборотѣ монеты, въ ободкѣ: «Мухаммедъ, посоль Божій, послать его Богъ съ прямымъ направленіемъ и истинною вѣрою, да прославится она надъ всеми вѣрами, и невѣрные не воспротивятся этому»; въ серединѣ монеты (т.-е. внутри ободка): «Мухаммедъ посоль Бога, да сплутается надъ нимъ Богъ и да спасетъ его. Халифъ Эль-Мехди».—Не правда ли, выразительно? В. Розановъ.

Фридрихъ Паульсенъ (почетный членъ Московскаго психологическаго общества). Введеніе въ философію. Второе изданіе (Московскаго психологическаго общества). Переводъ съ 5-го нѣмецкаго изданія подъ редакціей В. П. Преображенскаго. М. 1900.

«Всякое время, — говоритъ Фр. Паульсенъ (по поводу «Stoff und Kraft» Бюхнера), — характеризуется болѣе тѣми книгами, которыя оно читаетъ, чѣмъ тѣми, которыя оно пишетъ». Съ этой точки зрѣнія труды самого Паульсена

должны быть отнесены къ книгамъ, которыя лучше всего характеризуютъ нашу эпоху, и именно философское настроеніе умовъ современнаго общества. Паульсенъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ популярныхъ и наиболѣе читаемыхъ философовъ нашего времени. Среди живыхъ философовъ онъ уступаетъ въ этомъ отношеніи только Льву Ник. Толстому, да развѣ еще Герберту Спенсеру. Но что особенно для насъ въ данномъ случаѣ важно, философскіе труды Паульсена обязаны своею извѣстностію совсѣмъ не авторитетности его имени и личности, что можно сказать, наиримѣръ, относительно Толстого, и не блестящей злободневной славы, примѣръ чего мы видимъ во Фр. Ницше, и, наконецъ, не естественно-научнымъ трудамъ и открытіямъ, какъ это нужно сказать про Спенсера и Дюбуа-Реймонда. Интересно и то, что въ средѣ спеціалистовъ-философовъ на родинѣ Паульсена труды его встрѣчены были далѣко не радушно. При всемъ томъ «*Einleitung in die Philosophie*» Паульсена, появившись впервые въ концѣ 1892 года, выдержало въ Германіи въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ пять изданій (что для солидныхъ философскихъ сочиненій большая рѣдкость даже и въ Германіи); пользуясь большимъ успѣхомъ и въ другихъ странахъ Европы, у насъ, въ Россіи, названная книга Паульсена вслѣдъ за первымъ изданіемъ потребовала второго; не меньшимъ успѣхомъ пользуются и другія сочиненія Паульсена, особенно его «*System der Ethik*»... Очевидно, современное читающее общество симпатизируетъ философскому міросозерцанію Паульсена, находитъ въ его философіи желанный отвѣтъ на запросы своей души. Интересно поэтому спросить: что же это за философія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ безспорно прольетъ намъ лишній лучъ свѣта для пониманія современнаго настроенія умовъ, для полнаго уразумѣнія нашей эпохи, стоящей на рубежѣ двухъ столѣтій...

«Введеніе въ философію» можно назвать философскимъ «сredo» Паульсена; здѣсь изложена его собственная система. Система эта довольно своеобразна и подъ обычными шаблонными рамками не укладывается. Начать съ того, что нашъ философъ отрицаетъ самую «философію, какъ спеціальность»; онъ открыто заявляетъ, что для него уже самое слово «философъ-спеціалистъ» звучитъ нѣсколько странно, не многимъ лучше, чѣмъ если бы вздумали говорить, съ другой стороны, и о «дуракахъ по спеціальности». Однако на основаніи этихъ и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ взглядовъ и выраженій Паульсена было бы ошибочнымъ причислить его къ лагерю позитивистовъ или, выражаясь болѣе современнымъ терминомъ, агностиковъ. Идеалистическій характеръ философіи Паульсена вѣ сомнѣніи. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ въ его системѣ является ученіе о громадномъ значеніи для человѣка вѣры и религіи. Вѣра, по Паульсену, есть «элементъ, даже болѣе—настоящее формирующее начало всякой философіи»; чтобы познать смыслъ вещи, особенно же смыслъ собственной жизни и всего міра,— для этого предварительно надо вѣрить въ этотъ смыслъ; а философія и есть не что иное, какъ познаніе смысла вещей. Основываясь на вѣрѣ, философія тѣмъ самымъ близка къ религіи, но она совсѣмъ не включаетъ этой послѣдней. Религія необходима для человѣка. Она одна только можетъ «истолковать смыслъ вещей — не для разума, съ помощію его понятій, а съ помощію святыхъ символовъ для души;

она одна только может удовлетворить этимъ высшимъ потребностямъ человѣческой души, отвѣтить на его «тоску».

Это громадное значеніе Паульсенъ признаетъ лишь за историческою религіею каждаго даннаго человѣка; «безконечная скука съ зѣвотой и нервной дрожью,—говоритъ онъ,—должны обуять каждаго, обладающаго хоть малѣйшимъ чутьемъ къ поэзіи исторіи, если онъ сопоставитъ съ дѣйствительно историческою религіею попытки искусственнаго новообразованія, какъ, напримѣръ, Конттовскую религію человѣчества съ ея понятіями и формулами, съ ея символами и съ ея культомъ». Въ частности, въ христіанской религіи современной эпохи Паульсенъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и чувствомъ привѣтствуетъ вѣяніе новаго принципа — строгое разграниченіе «Божія» и «Кесарева». Такое разграниченіе необходимо: «вѣра по своей природѣ есть самое нѣжное, самое свободное и самое интимное проявленіе жизни; она замираетъ тамъ, гдѣ вмѣшивается принужденіе, боязнь людей и политика»... И «кто знаетъ,— пророчески заканчиваетъ Паульсенъ,— не представляетъ ли освобожденіе христіанства отъ сѣвленія съ интересами господствующихъ общественныхъ классовъ условія для новаго и великаго развитія его жизни?»...

Эти новыя вѣянія въ христіанствѣ сказываются прежде всего въ отношеніяхъ религіи (и церкви) къ философіи и наукѣ. Прежде религія считала нужнымъ вмѣшиваться въ дѣло науки и философіи, ставить границы свободному изслѣдованію; при чемъ она нерѣдко «доказывала свою истинность враждой, презрѣніемъ и судомъ надъ еретиками, вмѣсто того чтобы доказывать ее плодами справедливости и любви». Отъ такого вмѣшательства религіи въ чуждую ей область особенно много приходилось страдать философіи. Наука имѣетъ слишкомъ мало общаго съ религіею; между ними почти нѣтъ точекъ соприкосновенія. Зато между ними всегда существовала посредница, и эта посредница — философія. «Роль посредницы,—говоритъ Паульсенъ,—легко переходитъ здѣсь, какъ и вездѣ, въ борьбу съ двухъ фронтовъ. Съ одной стороны философія служитъ мишенью для нападокъ супранатуралистической теологіи, она обвиняется въ подкапываніи авторитета признаваемаго церковью и охраняемаго государствомъ ученія. Съ другой стороны, философія испытываетъ нападки со стороны представителей чисто-физическаго міровоззрѣнія». Эта борьба съ двухъ фронтовъ была продолжительна и жестока. Она не прекратилась и до сихъ поръ. Но «не стучится ли миръ въ двери?»—спрашиваетъ Паульсенъ. И отвѣчаетъ: «предзнаменованія, кажется, благоприятны. Философія давно протянула руку къ примиренію»...

Проповѣдуемая Паульсеномъ идея о необходимости полнаго мира (основаннаго на естественномъ разграниченіи задачъ) между наукою и философіею, съ одной стороны, и религіею, съ другой, столь гуманна и столь симпатична, что съ ними нельзя не согласиться, и можно только пожелать, чтобы наступившій XX вѣкъ окончательно водворилъ на землѣ этотъ многозначительный миръ. При этомъ нельзя не упомянуть, что въ нашей православной церкви въ пользу такого мира говоритъ вся предшествующая исторія. Авторъ «Введенія въ философію», говоря о религіи, имѣетъ въ виду западную церковь,—протестантизмъ и особенно католичество. Греко-восточная церковь на-

ходила, какъ извѣстно, въ иныхъ условіяхъ. Здѣсь чаще отличали науку и философію отъ религіи. Въ то время какъ на Западѣ еще въ III вѣкѣ нашей эры провозглашался принципъ: «credo, quia absurdum», — восточные учителя проповѣдывали: «полагаю первымъ благомъ ученость, не только ту, которая емлется за одно спасеніе, но и внѣшнюю (т.-е. языческую), которою многіе изъ христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ удаляющею отъ Бога» (слова Григорія Богослова). Византійцы наслѣдовали отъ своихъ античныхъ предковъ духъ свободнаго изслѣдованія. Этимъ, безъ сомнѣнія, и объясняется столь широкое развитіе на востокѣ религіозныхъ волненій. Последнія нерѣдко побуждали церковь отступать отъ древняго признанія полной свободы за философскою мыслию; однако инквизиціи здѣсь не было; не было также здѣсь чего либо подобнаго папству или іезуитамъ. Вплоть до самаго паденія Константинополя, на востокѣ не угасала совершенно искра свободной научной мысли; и не кто иные, а именно византійскіе выходцы явились, какъ извѣстно, виновниками «возрожденія наукъ» на Западѣ, — возрожденія, вызвавшаго потомъ и самую реформацію.

Россію Джонъ Дрэнперъ въ своей извѣстной книгѣ «Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой» называетъ «болѣе счастливою, нежели другіе народы». Отчасти его слова справедливы; Россія не знала ничего подобнаго папству; духовная дочь Византіи и наслѣдница ея завѣтовъ, русская церковь отличалась на первыхъ порахъ полною вѣротерпимостію; финскіе инородцы цѣлые вѣка жили рядомъ съ русскими, часто находясь въ политической зависимости отъ нихъ, и, однако, сохранили неприкосновеннымъ свою религію и народность. Ничего подобнаго инквизиціи у насъ также не было. Только политическія отношенія заставили съ теченіемъ времени русскаго христіанина видѣть въ «бусурманинѣ» и «латынинѣ» своего злѣйшаго врага. Но замѣчательно: склоняя государей къ преслѣдованію еретиковъ, наше духовенство принуждено было указывать на примѣръ именно ненавистнаго тогда для Руси «латынства» и въ частности, на примѣръ, на испанскаго короля, который (по выраженію Геннадія Новгородскаго) «свою очистилъ землю». Самаго слова «чернокнижіе» (за что на Западѣ жгли на кострахъ) у насъ не было вплоть до Петра Великаго, со времени котораго оно вошло, въ подражаніе западнымъ народамъ, въ наши уголовные кодексы.

О современномъ состояніи вопроса наглядно говоритъ отмѣченный нашею ежедневною прессою диспутъ приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета, князя С. Н. Трубецкаго, происходившій въ минувшемъ году. Его докторская диссертация: «Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Философско-историческое изслѣдованіе», — одно изъ первыхъ въ Россіи строго-научныхъ сочиненій на такого рода темы, которыя трактовались ранѣе только въ полемически-богословскомъ духѣ. «Диспутъ ждали всѣ, — прочитали мы въ одной газетѣ, — съ большимъ нетерпѣніемъ... Въ обществѣ носились заманчивые слухи, ожидали турнира представителей двухъ точекъ зрѣнія». Ожиданія эти не сбылись. Но одинъ изъ оппонентовъ, Л. М. Лопатинъ, справедливо высказалъ на диспутѣ, что «диссертация князя С. Н. Трубецкаго въ корнѣ разрушаетъ предубѣжденіе, будто

вѣрующій христіанинъ долженъ оберегать себя отъ выводовъ науки и, наоборотъ, только невѣрующій способенъ стать на научную почву въ вопросахъ религіозной исторіи».

Д. З—въ.

Философскія и социологическія основанія марксизма. Этюды по социальному вопросу. Масарика, профессора Чешскаго университета въ Прагѣ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900.

За послѣднее время въ ученіи матеріалистическаго пониманія исторіи наступилъ замѣтный поворотъ. Созданное, по сознанію одного изъ творцовъ его, въ пылу борьбы, когда не было времени для методическаго размысленія, оно носило слишкомъ революціонный и, такъ сказать, абсолютный характеръ. Съ другой стороны, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе и болѣе накопились факты, иногда рѣзко противорѣчившіе теоріи—вспомнимъ хотя бы аграрныя отношенія. Отсюда явилась необходимость пересмотрѣть теорію, и вотъ тутъ-то Масарикъ и надо отвести видное мѣсто. Трудъ свой авторъ составилъ изъ университетскихъ лекцій (что отражается нѣсколько на изложеніи), но лишь по излишней скромности называетъ его «этюдами по социальному вопросу». На самомъ дѣлѣ, это обширный трактатъ, критически, но съ полнымъ безпристрастіемъ излагающій ученіе Маркса и Энгельса во всей его полнотѣ. Полнота содержанія и дѣлаетъ произведеніе Масарика цѣннымъ. «Соціализмъ вообще и марксизмъ въ особенности есть не только экономическій вопросъ,—говоритъ авторъ; между тѣмъ философская сторона марксизма слишкомъ долго оставалась въ забвеніи, и весь онъ, вообще, въ рукахъ своихъ послѣдователей, пріобрѣлъ слишкомъ ортодоксальный характеръ. Но это, конечно, не могло повредить теоріи, которая, какъ и всякое жизненное ученіе, продолжала развиваться и, развиваясь сама, двигала впередъ и науку». Какъ справедливо говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, «для нашего времени и въ особенности для рѣшенія социальныхъ вопросовъ марксизмъ гораздо важнѣе, чѣмъ въ этомъ обыкновенно сознаются. При этомъ Марксъ и Энгельсъ несомнѣнно выигрываютъ при обсужденіи ихъ философіи и метода. Марксъ и Энгельсъ вынуждаютъ насъ къ обсужденію многихъ вопросовъ, о которыхъ до сихъ поръ почти ничего не говорилось въ литературѣ о Марксѣ». Прежде всего, поэтому, авторъ выясняетъ ученіе Маркса, какъ ученіе философское по преимуществу, и опредѣляетъ его мѣсто въ ряду другихъ философскихъ системъ; критически изслѣдуетъ сущность историческаго матеріализма и прослѣживаетъ его происхожденіе и дальнѣйшее развитіе, слѣдствіемъ котораго является теперь «возвратъ къ Канту», такъ какъ, по его мнѣнію, недостаточно одного лишь «соціологическаго» объясненія прогресса. Понятно, что онъ долженъ отнестись критически и къ классовой борьбѣ и вообще къ абсолютному вліянію массы. Еще болѣе самостоятельности Масарикъ выказываетъ въ вопросахъ о прибавочной стоимости, гдѣ онъ расходится съ другими критиками Маркса. Затѣмъ авторъ переходитъ къ отношенію марксизма къ государству, религіи, этикѣ, искусству, семьѣ и т. д. и, наконецъ, осанавливается на практической сторонѣ

марксизма, идеаль котораго видигь въ сзидающей работѣ демократіи. Конечный выводъ автора тотъ, что въ марксизмѣ происходитъ теперь научный и философскій кризисъ; но, говоритъ онъ, противники социализма напрасно возлагаютъ надежды на этотъ кризисъ; «если бы марксизмъ и оказался вполнѣ несостоятельнымъ, если бы всѣ марксисты вполнѣ согласились съ этимъ, все-таки отъ этого социализмъ не былъ бы уничтоженъ». Таковы взгляды автора на современное состояніе вопроса. Но наша рецензія слишкомъ разрослась бы, еслибы мы даже въ общихъ чертахъ коснулись содержанія всей книги. Во всякомъ случаѣ на русскомъ языкѣ еще ни разу не появлялось такого полного, строго научнаго труда о теоріи Маркса и Энгельса и исторіи марксизма вообще. Надо замѣтить еще, что къ книгѣ приложена библиографія сочиненій Маркса и Энгельса и важнѣйшая, социалистическая преимущественно, литература предмета.

А. Никитинскій.

**Д. П. Шантепи де-ла-Соссей. Иллюстрированная исторія религій.
Москва. 1900.**

Сочиненіе Шантепи де-ля-Соссей появилось въ первомъ изданіи въ 1889 г. подъ заглавіемъ «Lehrbuch der Religionsgeschichte» и представляетъ собою одинъ изъ замѣчательныхъ трудовъ по религіозной исторіи. Русскій переводъ сдѣланъ по новому изданію нѣмецкаго подлинника, сокращенному, сравнительно съ первымъ, и составленному въ сотрудничествѣ извѣстныхъ ученыхъ. Благодаря участію спеціалистовъ, каждая часть стоитъ на высотѣ современной науки: всѣ народы описаны съ одинаковымъ безпристрастіемъ, одинаковой полнотой, интересомъ и знаніемъ. Сочиненіе это представляетъ собою не исторію развитія религій, а исторію отдѣльныхъ религій.

Жаль, что въ новомъ изданіи такъ сильно сокращены общіе вопросы и этнографическая часть, занимающіе въ первомъ (нѣмецкомъ) изданіи около половины всего перваго тома. Тѣмъ болѣе этого жаль, что общіе принципы и отдѣлы религій первобытныхъ народовъ вообще менѣе разработаны.

Первыя 53 страницы посвящены этимъ общимъ вопросамъ (наука о религіяхъ, раздѣленіе и главныя формы религій) и религіямъ дикихъ народовъ (народы Африки, Америки, Великаго океана, монголы), народовъ «въ такъ называемомъ естественномъ состояніи». Послѣ общаго описанія доисторическаго состоянія идетъ изложеніе разныхъ религій въ видѣ обзора «въ той послѣдовательности, которая сама по себѣ обусловливается ихъ этнографическими и историческими отношеніями».

Сначала излагается исторія религій въ Китаѣ. Этотъ отдѣлъ почти оставленъ въ томъ же видѣ, въ какомъ былъ онъ и въ первомъ изданіи, прибавлена новая статья о даосизмѣ. Послѣ Китая идетъ исторія религій у японцевъ—новая глава. Довольно слабо изложена египетская религія: здѣсь читатель не получитъ исторіи религіозныхъ идей Египта и эволюціи его религій, указаны лишь наиболѣе общія черты развитія египетской религій, мало связанныя при томъ съ исторіей народа. Изъ слѣдующихъ статей (Вавилоняне, Ассиріяне, Израилтяне и Исламъ) особенно хороша статья объ израильтя-

нахъ, написанная профессоромъ Валетономъ и дающая дѣйствительную исторію религій.

Второй отдѣлъ книги Шантени посвященъ исторіи религій у индо-германцевъ, т. е. индусовъ, пращевъ, грековъ, римлянъ, славянъ и германцевъ. Религій ихъ, отличаясь между собою, въ частности представляютъ собою развитой и одухотворенный политеизмъ. «Въ ихъ религій никогда не существовало рѣзкаго разграниченія между божескимъ и человѣческимъ». Читатель найдетъ здѣсь замѣчательное изложеніе религій Индіи, Греціи и Рима. Остальныя религій изложены слабѣе.

Къ русскому переводу приложенъ превосходный библиографическій указатель книгъ и статей на русскомъ языкѣ по исторіи религій, просмотрѣнный кн. С. Н. Трубецкимъ. Въ изданіи помѣщено 182 рис. въ текстѣ и 2 рисунка на отдѣльномъ листѣ.

Мы не входимъ въ детальное разсмотрѣніе огромнаго труда, составленнаго очень видными специалистами подъ руководствомъ такого знатока религій, какъ Шантени де-ля-Соссей: для каждаго любознательнаго читателя сочиненіе это представитъ много поучительнаго и цѣннаго, такъ какъ ученые специалисты старались придать своему изложенію ясность и доступность. Конечно, подобнаго рода сборники всегда страдаютъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: неровностью, иногда разными точками зрѣнія на предметъ. Но это почти неизбежно при коллективномъ трудѣ. Русскій переводъ читается легко.

А—въ.

Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціей С. А. Венгерова. (Библиотека великихъ писателей). Томъ I. Изданіе акц. общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1901.

Книгоиздательство «Брокгаузъ-Ефронъ», пріобрѣвшее уже достаточную извѣстность своею «Энциклопедіею», предприняло новое, роскошное изданіе— «Библиотеку великихъ писателей».

Изданіе это должно представлять собою рядъ отдѣльныхъ собраній сочиненій наиболѣе выдающихся представителей всемірной литературы, при чемъ каждое собраніе произведеній отдѣльнаго писателя явится вполне законченнымъ и самостоятельнымъ цѣлымъ. Предполагается издать Шиллера, Шекспира, Байрона, Мольера, Гете, Гейне, Лермонтова, Пушкина и др.

Починъ «Библиотеки» положенъ «Собраніемъ сочиненій Шиллера», редактируемымъ г. Венгеровымъ; первый томъ изданія, заключающій въ себѣ 3 выпуска in quatuor (изданіе выходитъ выпусками), вышелъ недавно.

Въ русской читающей публикѣ Шиллеръ пріобрѣлъ широкую распространенность, благодаря покойному Н. В. Гербелю, выпустившему въ 1857 г. первый томъ «Собранія сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей». Собраніе это, включавшее въ себѣ нѣсколько томовъ и законченное въ 1863 г., выдержало семь изданій. Это главное русское собраніе сочиненій Шиллера — оно составлено вполне добросовѣстно, имѣетъ массу достоинствъ, но страдаетъ большими пробѣлами, во-первыхъ — отсутствіемъ примѣчаній и объясненій, а во-

вторыхъ — неполнотой, объясняющейсѣ тѣмъ, что изданіе предназначалось, главнымъ образомъ, для средней публики.

Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, насколько можно судить по первому тому, обѣщаетъ быть очень полнымъ: въ немъ находятся многія не появлявшіяся на русскомъ языкѣ произведенія Шиллера, и имѣются историко-литературные комментаріи, примѣчанія и библиографическіе матеріалы.

Внѣшній видъ «Шиллера» не оставляетъ желать ничего лучшаго: четкій шрифтъ, красивыя заставки и заглавныя буквы, многочисленные политипажки, прекрасно отпечатанныя фототипіи, представляющія собою полное повтореніе знаменитой «Schiller-Gallerie», изданной Брукманномъ въ Мюнхенѣ (болѣе извѣстной подъ именемъ «Каульбаховской галлерей»), и рядъ портретовъ русскихъ переводчиковъ Шиллера — ставятъ изданіе въ число роскошныхъ.

Внутренняя сторона изданія по богатству матеріала не уступаетъ внѣшней. Въ составъ разбираемаго нами тома вошла: масса стихотвореній — часть ихъ, переведенная лучшими нашими поэтами, уже появлялась раньше въ печати; другая часть — переведена заново П. И. Вейнбергомъ, К. К. Случевскимъ, К. М. Фофановымъ, Влад. Соловьевымъ и др.; новый и прекрасный переводъ (В. А. Крылова) «Заговоръ Фіеско въ Генуѣ» и «Разбойники» въ переводѣ Мих. Достоевскаго, съ дополненіями Зян. Венгеровой. Помимо того, цѣнность книги увеличиваетъ слѣдующій интересный матеріалъ:

а) Статья проф. Кирпичникова «Шиллеръ и его произведенія», составленная на основаніи многочисленныхъ источниковъ и дающая обстоятельную біографію великаго поэта съ общей характеристикой его произведеній. Легко читающаяся, невзирая на свой объемъ (LXXIII стр.), она обильно иллюстрирована политипажками и портретами, взятыми изъ лучшихъ заграничныхъ сочиненій о Шиллерѣ, а также рисунками, впервые воспроизводимыми съ фотографій, специально собранныхъ редакторомъ въ Веймарѣ и Мирбахѣ.

б) «Примѣчанія къ стихотвореніямъ», т. е. историко-литературныя и эстетическія поясненія къ стихотвореніямъ, указаніе русскихъ переводовъ, ихъ характеристика и воспроизведеніе тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ литературный характеръ. Часть этихъ примѣчаній — поясненія, составлены А. Г. Горнфельдомъ и даютъ читателямъ возможность легче усвоивать значеніе произведеній поэта, отдѣленныхъ отъ насъ цѣлымъ столѣтіемъ и не всегда доступныхъ непосредственному воспріятію. Другая часть — кропотливый трудъ редактора — разнообразныя библиографическія свѣдѣнія и критическая оцѣнка большинства существующихъ переводовъ Шиллера — можетъ служить незаменимымъ источникомъ при серіозномъ изученіи великаго классика.

в) Замѣтка проф. Ѳ. Ф. Зелинскаго къ «Семелѣ».

г) Вступительный этюдъ А. И. Кирпичникова къ «Разбойникамъ», гдѣ почтенный профессоръ знакомитъ читателя съ источниками этой драмы, съ ея переработками и подражаніями и даетъ общую характеристику пьесы и дѣйствующихъ лицъ.

д) Вступительный этюдъ А. Рейнгольда къ «Заговору Фіеско» (переводъ новый и очень удачный).

е) «Объясненія къ рисункамъ» и «Алфавитный указатель стихотвореній».

Изъ сказаннаго видно, что Брокгаузовскій «Шиллеръ» совмѣщаетъ въ себѣ вышнія достоинства роскошныхъ, дорогихъ изданій съ историко-литературною обстоятельностью—соединеніе довольно рѣдкое. В. Г—ій.

А. В. Петровъ. Городъ Нарва, его прошлое и достопримѣчательности въ связи съ исторіею упроченія русскаго господства на Балтійскомъ побережьѣ. Съ портретомъ Петра Великаго, 48 иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ и планами сраженій 1700 и 1704 гг. Спб. 1901.

Городу Нарвѣ за послѣднее время посчастливилось; о немъ не только говорили въ періодической печати, но нашелся усердный изслѣдователь, собравшій въ большой томъ всѣ историческія свѣдѣнія объ этомъ городѣ. По своему значенію въ исторіи Россіи, Нарва вполнѣ заслуживаетъ особой лѣтописи, и въ книгѣ г. Петрова историческому описанію стараго яблока раздора между русскими и западными сосѣдями-соперниками отведено много страницъ. О добросовѣстности автора свидѣтельствуетъ длинный перечень использованныхъ имъ русскихъ и иностранныхъ матеріаловъ (лѣтописи, мемуары, путешествія, рукописи, устные сказанія старожилловъ, пѣсни, монографіи и тому подобное). По всей книгѣ разсыяны постоянныя ссылки на эти матеріалы, и самой придирчивой критикѣ можно поставить автору въ упрекъ только одинъ забытый имъ источникъ: остались незамѣченными архивы ревельскаго губернскаго правленія и суда, гдѣ нѣкоторое время хранился архивъ нарвскаго магистрата. Кое-что новаго могли бы дать еще археологическія раскопки, такъ какъ, по словамъ автора, каждый клочекъ городской земли скрываетъ въ себѣ обрывки одежды, куски утвари, могильныя плиты, обломки оружія и домашняго быта. Много старины безжалостно уничтожено временемъ и руками человѣческими. Въ 1823 году, напримѣръ, богатый историческій матеріалъ, уцѣлѣвшій послѣ многихъ пожаровъ, былъ проданъ на бумажную фабрику. При такихъ условіяхъ, конечно, не легко писать исторію русскихъ городовъ. Между тѣмъ это необходимо, и трудъ г. Петрова тѣмъ болѣе цѣненъ, что даетъ прекрасный образецъ для подобныхъ изслѣдованій. Однородныя исторіи Риги, Юрьева, Ревеля дали бы русскому читателю всю картину нашей вѣковой борьбы за Балтійское побережье. Книга г. Петрова не есть сборникъ матеріаловъ о Нарвѣ, напротивъ того, это послѣдовательная исторія съ 1223 года до нашихъ дней, написанная легко и интересно, подчасъ даже съ излишними подробностями общаго характера. Нѣсколько менѣе ярко отгѣнена новѣйшая внутренняя борьба нѣмецкой и русской народностей въ городѣ, закончившаяся введеніемъ городского положенія 1870 г., — точно авторъ боялся обидѣть своихъ нѣмецкихъ согражданъ. Къ книгѣ приложено много прекрасно исполненныхъ иллюстрацій и плановъ.

S. W.

А. П. Пятковскій. Князь В. Θ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ. Историко-литературныя характеристики. (Съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и писемъ къ автору: князя Одоевскаго, барона А. Г. Жюмини и княгини М. А. Вяземской). Изданіе третье, редакціи «Наблюдателя». Спб. 1901.

Нельзя не привѣтствовать появленія новаго изданія книги г. Пятковскаго. Первая половина ея посвящена талантливому беллетристу и выдающемуся мыслителю тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, князю В. Θ. Одоевскому, вторая—даровитому, безвременно угасшему поэту «пушкинской плеяды» Д. В. Веневитинову.

Статья о князѣ Одоевскомъ знакома давнымъ подписчикамъ «Историческаго Вѣстника», такъ какъ впервые появилась на его страницахъ въ 1880 г., послѣ чего (въ томъ же году) вышла отдѣльною брошюрой, а затѣмъ была включена во второе изданіе монографій г. Пятковскаго «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія» (Спб., 1888 г.).

Статья о Веневитиновѣ, приложенная къ 3-му изданію его сочиненій (Спб., 1862 г.), была затѣмъ тоже включена во 2-е изданіе монографій г. Пятковскаго.

Такъ какъ и брошюра о князѣ Одоевскомъ, и 3-е изданіе сочиненій Веневитинова, и оба изданія историко-литературныхъ монографій г. Пятковскаго давно уже разошлись и нынѣ попадаются въ продажѣ только случайно, у книгопродавцевъ-антикваріевъ, то появленіе новаго изданія его статей о князѣ Одоевскомъ и Веневитиновѣ является болѣе чѣмъ своевременнымъ и умѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что прежній текстъ ихъ нѣсколько дополненъ по новымъ источникамъ и собственнымъ воспоминаніямъ автора; кромѣ того, къ нему приложены два сохранившіеся письма къ автору отъ современника и современницы князя Одоевскаго, лично звавшихъ его и хранившихъ о немъ восторженную память.

Обѣ статьи г. Пятковскаго составлены обстоятельно, дѣльно и сердечно и являются цѣннымъ вкладомъ въ скудную критико-библиографическую литературу о тѣхъ писателяхъ, которымъ посвящены, представляя важный матеріалъ для ихъ изученія.

Ан. Александровъ.

Д. М. Левшинъ. Т. Н. Грановскій. (Опытъ историческаго синтеза). Спб. 1901.

Съ именемъ Тимофея Николаевича Грановскаго связывается такая блестящая страница исторіи культурнаго развитія русскаго общества, что всякій новый трудъ о немъ, мало-мальски выходящій изъ предѣловъ простой біографіи или компиляціи, не можетъ не представлять собою большого интереса. Въ данномъ же случаѣ произведеніе г. Левшина заслуживаетъ тѣмъ большее вниманіе, что онъ пользуется, такъ называемымъ, синтетическимъ методомъ и—надо отдать ему справедливость,—пользуется имъ очень умѣло. Мы не хотимъ этимъ, впрочемъ, сказать, чтобы авторъ болѣе полно или въ болѣе новомъ свѣтѣ представилъ изслѣдуемую имъ эпоху и личность самого Т. Н. Гранов-

скаго; но, вѣдь, нельзя этого и требовать въ данное время, такъ какъ полная исторія сороковыхъ годовъ у насъ вообще еще не написана, да при существующихъ условіяхъ и не можетъ быть написана. Все же таки, именно изображеніе «среды» и составляетъ, по нашему мнѣнію, наиболѣе слабую сторону этого труда; здѣсь элементарность изложенія выступаетъ слишкомъ замѣтно. Не нова и исходная точка зрѣнія автора — борьба между западниками и славянофилами, вопросъ, на чью сторону встать, на который Градовскій отвѣчаетъ своею проповѣдью о человѣчествѣ. Но исполненіе этого труда, — повторяемъ еще разъ, — превосходно (см., напримѣръ, блестящую характеристику отца Грановскаго). Во всякомъ случаѣ, эта не большая, но умѣло и толково составленная книжка даетъ читателю ясное представленіе, откуда и какъ явилось обаяніе писателя, который написалъ такъ мало, но за то такъ много сдѣлалъ.

А. Н.

Присяга гражданъ города Херсонеса Таврическаго. Греческій текстъ съ русскимъ переводомъ и краткими объясненіями академика В. В. Латышева. Спб. 1900.

Настоящая небольшая книжка академика Латышева, прекраснаго знатока эпиграфическаго матеріала, оставленнаго древне-греческими колоніями сѣвернаго берега Чернаго моря, представляетъ научную популяризацию той болѣе спеціальной, сопровождаемой обстоятельнымъ комментариемъ работы, которая составляетъ часть его изслѣдованія — Греческія и латинскія надписи, найденныя въ Южной Россіи въ 1889—1891 годахъ («Матеріалы по археологіи Россіи», изд. императорскою археологическою комиссіею, № 9, С.-Петербургъ, 1892, стр. 1—13). Она содержитъ греческій текстъ общегражданской присяги, которую давали вступавшіе въ совершеннолѣтіе молодые люди Херсонеса (Корсунь—русскихъ лѣтописей) на вѣрность установленіямъ государства, точный переводъ текста этой присяги и нѣкоторыя пояснительныя примѣчанія историко-археологическаго характера. Текстъ этой присяги дошелъ до насъ въ надписи, найденной при раскопкахъ въ мѣстности Херсонеса и относящейся, по мнѣнію издателя, къ первой половинѣ III вѣка до Р. Х. или даже къ концу IV в. Значеніе этой надписи тройное: во-первыхъ, она интересна, какъ источникъ для ознакомленія съ исторіей и государственнымъ устройствомъ Херсонеса въ III вѣкѣ до Р. Х.; во-вторыхъ, она важна въ томъ отношеніи, что «представляетъ интересное дополненіе къ длинному ряду документальныхъ источниковъ для изученія греческой государственной жизни», такъ какъ она отражаетъ въ себѣ, въ главнѣйшихъ чертахъ, практическіе взгляды на обязанности гражданина къ государству, какъ они, съ теченіемъ времени, выработались въ греческихъ политіяхъ; въ-третьихъ, интересъ херсонесской надписи—лингвистическій, такъ какъ она дополняетъ нашъ матеріалъ по древне-греческой діалектологіи. (Херсонесъ былъ основанъ, какъ извѣстно, выходцами изъ Гераклии Понтійской, а послѣдняя была колонизирована мегарянами; слѣдовательно, нарѣчіе, бывшее въ употребленіи въ Херсонесѣ, принадлежало къ дорической вѣтви).

Л. М.

Towarzystwo warszawskie przyjaciół nauk. 1800—1832. Monografia historyczna osnuta na źródłach-archiwalnych przez Alexandra Kraushara. Księga I. Czasy pruskie. 1800—1807. Zillustracyami. Kraków-Warszawa. 1900. (Александръ Краусгаръ. Варшавское общество друзей наукъ. 1800—1832. Историческая монографія, основанная на архивныхъ источникахъ. Книга I-я. Прусскія времена. 1800—1807. Съ иллюстраціями. Варшава и Краковъ. 1900).

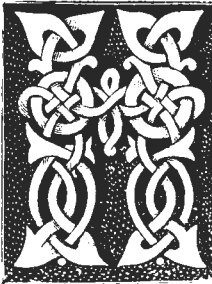
Въ исторіи литературы каждаго культурнаго народа приходится встрѣчаться съ учрежденіями, которыя, хотя и не были учрежденіями правительственными, въ родѣ, напримѣръ, академій, но вліяніе которыхъ на развитіе національной литературы и науки не только было не меньше, но иногда даже и больше послѣднихъ. У насъ, напримѣръ, начиная со второй половины XVIII столѣтія, существовали: «Общество любителей русской словесности при первомъ кадетскомъ корпусѣ», «Вольное экономическое общество» (1765 г.), «Вольное российское собраніе при Московскомъ университетѣ» (1771—1787 г.), «Бесѣда любителей русскаго слова» (1811—1816 г.), поставившая себѣ задачей «обогащать и возвышать родную словесность красотами священнаго и народнаго языка», и общество «Арзамасъ» отчасти преслѣдовавшее тѣ же цѣли. Всѣ эти частныя литературныя общества, — пишетъ одинъ изъ арзамасцевъ, графъ Уваровъ («Современникъ» 1851 года, № 6), — «оказывали у насъ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, замѣчательное вліяніе на успѣхи словесности, превышая своимъ дѣйствіемъ дѣйствіе подобныхъ официальныхъ учреждений. Эти послѣднія большею частію не даютъ знаменитымъ писателямъ, а заимствуютъ отъ нихъ жизнь и направленіе, тогда какъ частныя собранія лицъ, связанныхъ между собою свободнымъ призваніемъ и личными талантами, имѣютъ силу возбуждать авторскія дарованія къ дѣятельности и направлять ее къ извѣстной цѣли». Такимъ литературнымъ обществомъ, получившимъ внослѣдствіи громкую и заслуженную извѣстность, у поляковъ было (до 1832 года) — «Варшавское общество друзей наукъ», со дня основанія котораго, въ ноябрѣ минувшаго года, исполнилось сто лѣтъ. Проектъ соединенія выдающихся писателей, ученыхъ и мыслителей вмѣстѣ — въ одинъ кружокъ, посвятившій себя служенію перомъ и словомъ родной литературѣ и наукѣ, вышелъ изъ дома С. и А. Солтыковъ. Послѣдніе, желая противодѣйствовать модному въ то время въ литературѣ французскому вліянію и охранить народный языкъ отъ возможной германизаціи, въ своихъ салонахъ собирали ученыхъ, литераторовъ и поэтовъ, свидѣтелей блистательной станицлавовской эпохи. Первымъ предсѣдателемъ, возникшаго въ 1800 г., общества друзей наукъ былъ извѣстный историкъ, епископъ зенополитанскій Альбертранди, а членами: Іоакимъ Хрептовичъ, Тадеушъ Чацкій, «генераль земель подольскихъ», князь А. Чарторыскій, Франц. Дмоховскій, Станиславъ Грабовскій, Людвигъ Гутаковскій, Франц. Карпинскій, С. Клокоцкій, генераль Я. Комаржевскій, Людвигъ Кроинскій, С. Линде, Тадеушъ Матушевичъ, графъ Тадеушъ Мостовскій, Іос. Оссолинскій, астрономъ М. Почобуть, братья Пгн. и Станис. Потоцкіе, князь Алекс. Санъга, профессоръ Шейдтъ (Scheidt), Іос. Сѣраковскій, Янъ

Снядецкий, В. Соболевский, Станисл. Солтыкъ, кс. Станисл. Сташиць, поэтъ Трембецкий, докторъ Т. Твардохлѣбовичъ, Хр. Веселовскій, кс. Я. Вороничъ и Я. Вылежинскій (стр. 127—128). Все они, говоря словами Альбертранди, были «люди, уже раньше составившіе себѣ имя или своими сочиненіями, или своимъ творчествомъ въ сферѣ наукъ или, наконецъ, безспорнымъ вкусомъ въ области изящнаго». Первое публичное собраніе общества, открытое превосходною рѣчью предсѣдателя (140—147), происходило 23-го ноября 1800 года въ залѣ библіотеки о.о. пiarовъ на Медовой улицѣ. Здѣсь же происходили и все послѣдующія собранія до 1807 года, когда кс. Сташиць отказалъ обществу свои три дома на ул. Канонія (на Kanonjash). А для того, чтобы прусское правительство (которому тогда принадлежала Варшава) не смотрѣло косо на дѣятельность новаго общества и не мѣшало его развитію,—рѣшено было пригласить, въ качествѣ почетныхъ членовъ, прусскихъ министровъ Шуленбурга, Гольдбека, Фосса, Клевича, Гойма и варшавскаго губернатора Кёлера. Число членовъ общества на первыхъ порахъ было ограничено 60-ю. Они носили названіе дѣйствительныхъ (czynnych). Но, кромѣ нихъ, въ занятіяхъ общества могли принимать участіе такъ называемые члены-общинники (przybrani). Они обыкновенно участвовали во всехъ собраніяхъ и даже съ правомъ голоса. Съ теченіемъ времени стали выбирать почетныхъ членовъ и изъ среды знаменитыхъ иностранныхъ литераторовъ и ученыхъ. Такъ, на примѣръ, Г. Р. Державинъ и чешскій историкъ и филологъ І. Добровскій, въ 1802 году, были выбраны членами общества друзей наукъ (213). Въ засѣданіи 30-го октября 1802 года былъ утвержденъ, выработанный секретаремъ общества, уставъ послѣдняго. Въ 1804 году, послѣ посѣщенія Варшавы королевскою четюю, общество друзей наукъ взято подъ покровительство короля, а послѣ созданія княжества Варшавскаго, при королѣ саксонскомъ Фридерикѣ-Августѣ, получило наименованіе королевскаго. Титулъ этотъ оно сохраняло за собою и при русскихъ монархахъ Александрѣ I и Николаѣ I. Г. Краусгаръ, изъ труда котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія, доводитъ пока исторію варшавскаго общества друзей наукъ до 1807 года. Общпрный томъ оканчивается описаніемъ вступленія французовъ въ Варшаву 28 ноября 1806 года. На протяженіи 400 слишкомъ страницъ талантливый авторъ слѣдитъ шагъ за шагомъ за развитіемъ дѣятельности общества въ лицѣ его членовъ. Интересный текстъ дополняютъ многочисленные иллюстраціи—портреты членовъ общества и лицъ, имѣвшихъ вліяніе на его судьбы, а также виды мѣстностей и зданій, находившихся въ какомъ либо къ нему отношеніи. Въ концѣ книги помѣщены обильныя примѣчанія и приложения. Пожелаемъ, чтобы слѣдующіе томы этого капитальнаго труда не замедлили своимъ выходомъ. Что трудъ можетъ быть завершенъ,—въ этомъ мы не сомнѣваемся: порукою тому служитъ рѣдкое трудолюбіе г. Краусгара, автора многочисленныхъ и цѣнныхъ историческихъ монографій, лишь бы только не встрѣтилось къ его задержкѣ какихъ либо побочныхъ причинъ...

Г. А. Воробьевъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АПОЛЕОНІАНА. Въ послѣдней книжкѣ «Le Carnet historique et litteraire» помѣщено письмо Наполеона I къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Шампаньи, написанное въ Шенбрунѣ въ 1805 году, по поводу одного сочиненія члена института Делаланда, въ которомъ послѣдній высказываетъ свои атеистическіе взгляды. Это письмо¹⁾, переданное въ редакцію «Carnet historique et litteraire»²⁾ сенаторомъ Полемъ Ле-Ру, слѣдующаго содержания: «Господинъ Шампаньи, со скорбью я узналъ, что членъ института, извѣстный своими познаніями, но, къ сожалѣнію, впаавшій въ дѣтство настолько, что не имѣетъ достаточно ума сдѣлать это незамѣтнымъ, а напротивъ старается возбудить о себѣ толки, то помѣщеніемъ объявленій, недостойныхъ ни его прежней репутаціи, ни корпораціи, къ которой онъ принадлежитъ, то открытымъ неовѣданіемъ атеизма, принципы котораго разрушаютъ общественное устройство и отнимаютъ у человѣка всѣ его надежды и утѣшеніе. Вотъ моя воля: пригласите къ себѣ президента или секретаря института и поручите ему предупредить это славное учрежденіе, къ которому принадлежу и я, чтобы оно извѣстило Делаланда и предиксало ему отъ имени учрежденія ничего болѣе не печатать и не омрачать въ его старые годы того, что онъ сдѣлалъ въ молодости и чѣмъ заслужилъ уваженіе ученыхъ. А если братское предупрежденіе будетъ недостаточно, я буду принужденъ напомнить себѣ мой главный долгъ охранять мой народъ отъ отравы нравственности, такъ какъ атеизмъ—

¹⁾ Contre l'athéisme.—Une lettre de Napoléon I au comte de Champagne. «Le Carnet historique et litteraire», février 1801.

²⁾ «Napoléon et Sain-Marin», par Marc Parker. «Le Carnet historique et litteraire», janvier 1901.

разрушитель нравственности, если не индивидуумовъ, то народовъ». Это замѣчательное письмо вполне доказываетъ, насколько Наполеонъ притѣснялъ свободныхъ мыслителей, а въ особенности философовъ, которыхъ онъ называлъ идеологами.

Въ томъ же журналѣ за январь мѣсяцъ напечатана небольшая статейка Марка Паркера объ отношеніяхъ Наполеона къ маленькой республикѣ Санъ-Марино. Онъ даже не знаетъ объ ея существованіи, когда впервые увидалъ республику на ея неприступной, горной вершинѣ. Въ это время онъ спускался съ Аппенинъ, во время своей второй итальянской компаніи. Подозвавъ математика Монжа, сопровождавшаго его въ экспедицію, онъ спросилъ, указывая пальцемъ на югъ, гдѣ видѣлось укрѣпленіе: «Что это за цитадель?»—«Генераль, это—Санъ-Марино».—«Санъ-Марино?»—«Да, это образцовая маленькая республика». Затѣмъ онъ съ жаромъ разсказалъ, какъ эта маленькая республика храбро защищала свою свободу и независимость, и описалъ, какимъ образомъ она основалась. Это заинтересовало Наполеона, и онъ послалъ Монжа въ качествѣ посланника къ санъ-маринцамъ съ предложеніемъ увеличить ихъ территорію. Въ эпоху революціи во Франціи республика Санъ-Марино существовала спокойно. Этотъ городокъ, основанный подъ покровительствомъ духовенства, жилъ только одной мыслью, избавиться отъ папы и отъ патеровъ, которые не разъ входили въ стачку противъ нихъ съ окрестными селеніями. Въ то время патеры, какъ въ Итали, такъ и въ другихъ католическихъ странахъ, пользовались не только духовнымъ, но и матеріальнымъ могуществомъ. Санъ-маринцамъ приходилось переносить много неприятностей. Въ 1739 году архіепископъ Альберони, легатъ папы Климента XII въ Романіи отправился въ различныя провинціи, гдѣ распространялъ рекомендательныя письма съ цѣлью освобожденія узниковъ посредствомъ денегъ. Такъ какъ въ тюрьмѣ Санъ-Марино было много преступниковъ, то архіепископъ передалъ имъ тоже письмо, требуя освобожденія узниковъ. Когда республика отказала, то Альберони во главѣ со многими пѣзъ освобожденныхъ узниковъ овладѣлъ Санъ-Марино. 24-го октября 1739 года онъ вторгнулся въ столицу и на другой день, сопровождаемый своими сбирями, вошелъ въ церковь и требовалъ, чтобы санъ-маринцы отказались отъ своей независимости и свободы въ пользу сосѣднихъ государствъ. Тогда жители громко протестовали крича: «Да здравствуетъ Санъ-Марино, да здравствуетъ свобода!». Это взбѣсило Альберони, и онъ хотѣлъ ихъ жестоко наказать, но санъ-маринцы обратились къ папѣ, прося его вмѣшаться и назначить третейскаго судью. Папа поручилъ кардиналу Наполетано произвести слѣдствіе и, получивъ отчетъ по этому дѣлу, возвратилъ имъ все права. Съ тѣхъ поръ санъ-маринцы жили спокойно; никакія перемѣны правительства во Франціи, ни война съ Италіей и Австріей, не отозвались на Санъ-Марино, и маленькая республика оставалась безразличной ко всемъ треволненіямъ. Въ одну изъ этихъ минутъ покоя посоль Наполеона явился въ Санъ-Марино. Его приняли съ восторгомъ; въ это время республикой управлялъ Онофри, неутомимый и способный человѣкъ; онъ поблагодарилъ Монжа за предложеніе Наполеона, но отказался отъ увеличенія территоріи. Монжъ возвратился и передалъ отвѣтъ Наполеону, который, выслушавъ его, нахмурился. Спустя нѣко-

торое время, возвращаясь изъ Италіи, главнокомандующій прислалъ имъ пшеницы и четыре пушки. Онофри принялъ пшеницу, а отъ пушекъ отказался. Тогда только Наполеонъ понялъ слова Монжа, что санъ-маринцы ведутъ ловко политику. Послѣ этого случая Наполеонъ о нихъ совсѣмъ забылъ, и только когда онъ сдѣлался первымъ консуломъ, они напомнили ему о себѣ. Среди различныхъ посланныхъ съ поздравленіями лицъ въ Санъ-Клу находился гражданинъ Франсуа Апостоли, посланникъ изъ Санъ-Марино. Наполеонъ принялъ его очень радушно и съ большимъ почетомъ. Онъ чувствовалъ, что гражданинъ Санъ-Маринской республики явился къ нему безъ всякой предвзятой политической мысли, а потому удержалъ его довольно долго. Одинъ изъ историковъ говоритъ о дружбѣ санъ-маринцевъ съ Франціей слѣдующее. «Съ такимъ генераломъ, который не только великій полководецъ, но и политикъ, Франція напишетъ золотую страницу въ своей исторіи, предиктованную ей этимъ человѣкомъ. Перебъивъ такъ легко политику правительства, онъ достигнетъ въ немъ господства. Мы считаемъ себя счастливыми, что онъ доказываетъ намъ свою дружбу, когда могъ бы насъ погубить безъ всякой причины». Когда въ 1805 году Наполеонъ надѣлъ ломбардскую корону, то среди представителей дипломатіи, офицеровъ и прочихъ, присутствовалъ Онофри, присланный республикой благодарить императора отъ имени соотечественниковъ за великодушіе и симпатію. Наполеонъ оберегалъ эту маленькую республику, и итальянскія провинціи не рѣшались нарушать ея покой изъ страха къ корсиканцу. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Le Journal»¹⁾ находится интересная замѣтка объ одномъ ордень, созданномъ Наполеономъ, но до сихъ поръ оставшемся неизвѣстнымъ. Этотъ орденъ предполагался составить самую высшую награду и долженъ былъ оставить далеко за собою самые блестящіе знаки отличія, созданные какъ въ средніе вѣка, такъ и въ эпоху возрожденія. Наполеонъ предполагалъ назвать его орденомъ трехъ Золотыхъ Рунъ и создать его въ Шенбрунѣ декретомъ, помѣченнымъ 13-го августа 1809 года. Въ предисловіи этого декрета между прочимъ говорится: «Желая дать нашей великой арміи доказательство нашего особаго удовольствія» и т. д. Орденъ долженъ былъ состоять не больше, какъ изъ ста главныхъ рыцарей, изъ четырехъ сотъ командировъ и изъ тысячъ рыцарей. Въ мирное время его не назначаютъ никому, министры имѣютъ на него право лишь только тогда, когда они десять лѣтъ безпрерывно сохраняли министерскій портфель, а председатели сената, если они три года не покидали своей должности. Никто другой не имѣлъ на него права, если только не былъ на войнѣ и не получилъ трехъ ранъ, въ трехъ различныхъ битвахъ. Но эти три раны должны быть условны: если онъ полученъ при защитѣ знамени; при прибытіи первымъ на брешь, и если кто перейдетъ первый мостъ, а также за какойнибудь другой славный подвигъ. Какая причина, что этотъ орденъ никогда никому не давался, — неизвѣстно, но что онъ существовалъ, теперь доказано найденнымъ декретомъ.

— Послѣдніе годы императрицы Жозефины. Извѣстный историкъ Фредерикъ Массонъ, написавшій длинную эпопею жизни императрицы Жозе-

¹⁾ Un orde inconnu. «Journal», 20 fevrier. 1901.

фины, закончить ее послѣдними годами жизни императрицы ¹⁾). Касаясь вопроса о разводѣ, Массонъ говоритъ, что хотя онъ былъ для нея горекъ, но она должна была его принять, какъ единственный исходъ. По разнымъ причинамъ разводъ не могъ состояться черезъ судъ, такъ какъ отъ него отказались. Наконецъ, послѣ семейнаго совѣта, въ присутствіи императора и Жозефины, было рѣшено, что разводъ будетъ совершенъ сенатскимъ рѣшеніемъ, какъ будто бы дѣло шло о добавленіи конституціи имперіи. Постановленіе сената должно быть самое правильное, какъ и все остальное, и что одинъ только сенаторъ будетъ говорить, именно — принцъ Евгений. Жозефину безпокоилъ болѣе вопросъ о ея официальномъ положеніи и содержаніи, чѣмъ потеря сердца Наполеона; объ этомъ она неоднократно говорила своимъ близкимъ. Не желая поставить ее въ положеніе разведенной или мorganатической жены, а тѣмъ менѣе фаворитки, которой можно было бы пожаловать герцогство, какъ Шатору, Помпадуръ или другимъ, рѣшили, что она будетъ считаться вдовствующей императрицей, съ сохраненіемъ титула, двора и герба императрицы-королевы. Въ придворныхъ собраніяхъ и официальныхъ церемоніяхъ ея мѣсто было назначено послѣ царствующей императрицы, даже прежде матери. Любовь къ порядку соединилась у Наполеона съ широкой натурой относительно денежнаго вопроса. Глубокое презрѣніе къ человѣческой природѣ заставляло его считать все продажнымъ, какъ преданность и молчаніе, такъ и повиновеніе. Онъ осыпалъ деньгами Жозефину, начавъ съ того, какъ онъ дѣлалъ во время супружеской жизни, что заплатилъ ей долги около двухъ милліоновъ, правда, сильно сбавивъ кредиторамъ долгъ. Покончивъ съ бывшими долгами, покинутая жена, сверхъ того, получила два милліона ежегодной вдовьей части, которую ей гарантировалъ сенатскій указъ, и третій милліонъ на содержаніе, кромѣ того, Елисейскій дворецъ, какъ городскую резиденцію, и Мальмезонъ, какъ лѣтнее мѣстопробываніе. Наполеонъ пошелъ еще далѣе въ своихъ заботахъ о ней, заплативъ заранѣе назначенный ей бюджетъ, чтобы она, пользуясь процентами съ него, откладывала часть ихъ. По его расчету черезъ нѣсколько лѣтъ она составила бы капиталъ около двадцати милліоновъ для своихъ внучатъ. Но Наполеонъ забылъ, что Жозефина, не привыкшая ни въ чемъ себѣ отказывать, не можетъ уберечь этихъ денегъ на старость. Такъ, напримѣръ, Наполеонъ назначилъ ей на туалеты 100.000 франковъ, а съ 1804 года расходъ на нихъ ежегодно увеличивался на милліонъ сто тысячъ франковъ. Послѣ развода Жозефина продолжала бросать деньги и дѣлать долги; она устроила себѣ кредитъ черезъ нѣкоего Пьерло, честнаго человѣка, управляющаго банкомъ, и главнаго сборщика податей. Любовь къ придворнымъ титуламъ побудила его принять мѣсто главнаго управляющаго императрицы, и за это всѣ отъ него отвернулись, домашніе его оттолкнули, и несчастный человѣкъ совершенно запустилъ свои личныя дѣла. Въ то же время онъ не могъ завести никакого порядка въ дѣлахъ Жозефины, такъ что въ одинъ прекрасный день, когда Наполеонъ былъ въ дурномъ настроеніи, онъ заставилъ его взять на себя уплату долговъ и отказалъ ему отъ мѣста. Въмѣсто него назначили Гюйонъ де Монгливо, ка-

¹⁾ Joséphine répudiée (1809—1814), par Frédéric Masson.

валера Мальтійскаго ордена, добившагося реформы нѣкоторыхъ воюющихъ злоупотребленій и ликвидаціи. Несмотря на сверхзначенные въ 1811 году два милліона, долги увеличились въ концѣ года на 1.100.000 франковъ, и ему пришлось уплатить ихъ изъ денегъ, полученныхъ отъ срубки лѣса. Въ то же время было рѣшено, что у отверженной императрицы будутъ, какъ и у всѣхъ принцессъ, почетныя дежурства и дворъ, состоящій изъ лицъ, бывшихъ ранѣе при ней. Но нѣкоторые лица не пожелали остаться при ней, что ее очень оскорбило. Такъ, напримѣръ, жена маршала Нея по приказанію мужа отказалась остаться, въ виду того, что ей предстояло занять мѣсто при дворѣ Маріи-Луизы. При ней остались госпожа Ремюза, Сегюръ и Вальсъ, а чтобы пополнить незанятые мѣста, стали приглашать первыхъ понавишихся лицъ. Сама же Жозефина окружала вниманіемъ г-жу Гаццони, къ которой, какъ извѣстно всѣмъ, Наполеонъ имѣлъ слабость. Опираясь на исторію, въ которой встрѣчались подобные случаи, какъ, напримѣръ, въ царствованіе Генриха IV, когда королева Марго присутствовала при коронаціи Маріи Медичи, Наполеонъ отнесся очень легко къ своей фантазіи сдѣлать изъ Жозефины напереницу Маріи-Луизы. Что же касается до Жозефины, то она никогда не отличалась гордостью, а потому живо освоилась съ этой мыслью, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ ей можно было блестяще при дворѣ и не покидать Парижа, безъ котораго она не могла жить. Чтобы крѣпче утвердиться въ своемъ будущемъ положеніи, Жозефина задумала обезпечить себѣ благодарность Маріи-Луизы, взявъ на себя некрасивую роль въ этомъ дѣлѣ. Она предложила г-жѣ Меттернихъ свои услуги, чтобы устроить бракъ Наполеона съ Маріей-Луизой. На этотъ разъ даже Евгенийъ и Гортензія не отвернулись отъ этой грязной интриги, принимая въ ней участіе. Но расчетъ Наполеона оказался невѣрнымъ, и отпоръ послѣдовалъ со стороны Маріи-Луизы. Патріархальная и набожная, къ тому же до ревности влюбленная въ своего мужа, молодая женщина при одномъ предложеніи посѣтить Мальмезонъ, въ отсутствіе его владѣльцы, заплакала горькими слезами, и Наполеонъ понялъ, что встрѣчи жены съ Жозефиной невозможны. По распоряженію Наполеона Жозефина официально никогда не видѣла Маріи-Луизы, и только однажды безъ ея вѣдома она могла подѣловать римскаго короля, котораго привезла въ Богатель г-жа Монтескью. Жозефину какая-то сила притягивала къ незаконнымъ дѣтямъ Наполеона; такъ, напримѣръ, рассказываютъ, что она съ этою же цѣлью заманила къ себѣ въ Мальмезонъ Валевскую, гдѣ безконечно ласкала ея сына, задаривъ игрушками. Она такъ устроила ловко, что въ ихъ перепискѣ съ Наполеономъ возстановилось прежнее «ты»; но все-таки онъ видѣлся съ нею рѣдко и какъ бы секретно. Подъ предлогомъ ссоры лакеевъ за тождественность ливрей она не могла оставаться въ Мальмезонѣ, когда дворъ Наполеона находился въ Парижѣ или Сень-Клу. Что же касается до Елисейскаго дворца, то она должна была жить тамъ въ четырехъ стѣнахъ. Когда въ 1810 году Наполеонъ перемѣнилъ Елисейскій дворецъ на бельгійскій замокъ Лакенъ, Жозефина не очень горевала, и только ея слуги были огорчены, что у нихъ не будетъ пристанища въ Парижѣ. Находя, что Мальмезонъ находится слишкомъ близко, Наполеонъ замѣнилъ его еще до своей свадьбы большимъ имѣніемъ въ Наваррѣ, которое онъ сдѣлалъ

герцогствомъ съ тѣмъ, что послѣ смерти Жозефины его наследуетъ Евгений. Оно находилось рядомъ съ городомъ Д'Эврѣ, и его названіе перешло къ нему отъ средневѣковой принцессы Жанны—французской, королевы Наваррской и графини д'Эврѣ, которая построила въ немъ домъ. Людовикъ XIV присвоилъ его отъ герцога Бульонскаго владѣнъ Седана. Конфискованное конвентомъ и возвращенное во время консульства послѣднему герцогу Бульонскому, который заложилъ домъ адвокату де-Рюа, послѣ смерти герцога Наполеонъ захватилъ его, какъ выморочное. Замокъ былъ построенъ въ XVIII столѣтіи и выглядѣлъ непривѣтливымъ; въ серединѣ былъ громадный залъ, но который было невозможно топить, по сторонамъ неудобныя комнаты совершенно безъ мебели, съ плохо закрывавшимися окнами и съ деревянной панелю, совершенно подгнившей. Но въ утѣшеніе Жозефинѣ оставался прекрасный дѣбъ, который еще не успѣли вырубить, и чудная рѣка. Развлеченіемъ же служило только сосѣднее д'Эврѣ. Какой страшный контрастъ представлялъ этотъ замокъ мрачный и полуразоренный съ блестящимъ Парижемъ, готовящимся въ моментъ пріѣзда Жозефины въ эту глушь въ 1810 году къ блестящимъ свадебнымъ празднествамъ! Вся эта обстановка печально поразила Жозефину и даже ея слугъ. Хотя въ замкѣ устроили печи, навезли изъ Парижа мебель, понаѣхали съ образчиками кушцы, прибавилось общество въ д'Эврѣ, Жозефина чувствовала, что она въ изгнаніи. Окружающіе не знали, что дѣлать отъ скуки, и когда въ день рожденія римскаго императора директоръ почтъ явился, какъ было условлено, сообщить объ этой новости, то ему было невозможно возвратиться, такъ какъ офицеры, состоявшіе при Жозефинѣ, бросились всѣ въ Тюильри съ поздравленіемъ, а за нимъѣнѣмъ болѣе свободныхъ почтовыхъ лошадей они распрягли карету директора и уѣхали на его лошадахъ. Жозефина отъ скуки занялась устройствомъ свадебъ своихъ придворныхъ, которые, чтобы убить время, завязывали романическія интриги. Гортензія пріѣзжала рѣдко къ Жозефинѣ, хотя ея появленіе съ Фляо никого не удивило бы, а напротивъ появленіе будущаго герцога Морни привело бы всѣхъ въ смущеніе. Эта непостоянная женщина была слишкомъ придирчива къ этикету, который совершенно игнорировала Жозефина. Что же касается до Евгения, то онъ пріѣзжалъ отдыхать, а потому первый показывалъ примѣръ полной распущенности, и до такой степени дворъ Жозефины въ то время веселился, что Наполеонъ принужденъ былъ предписать держаться этикета, прибавивъ: «Если тамъ возобновится скука, то это будетъ болѣе подходить къ императорскому положенію». Наполеонъ, желая отдѣлаться отъ Жозефины, нѣсколько разъ повторялъ ей предложеніе предпринять путешествіе въ Италію, въ особенности совѣтовалъ ей выбрать мѣстожительствомъ Миланъ, гдѣ она могла ознакомиться со своими внуками. Наконецъ, она рѣшилась поѣхать. Когда она пріѣхала, то вице-королева только-что родила; она осталась тамъ нѣсколько дней, нашла, что внуки обворожительны, и скорѣе отправилась назадъ, чтобы не умереть отъ скуки. Въ Aix-les-Bains ей нравилось болѣе, и въ особенности въ Женевѣ, куда она возвращалась по нѣскольку разъ. Жозефина паняла тамъ въ окрестностяхъ Пренъ виллу и задавала такія празднества, не давая женевамъ передышки, что они только тогда начинали прихо-

дить въ себя, когда она уѣзжала. Одинъ изъ женевцевъ писалъ: «Такой образъ жизни, какой ведется здѣсь съ той минуты, какъ она здѣсь, совершенно не подходитъ къ нашимъ привычкамъ». Но все-таки ее тянуло въ Мальмезонъ, и какъ только Наполеонъ ей разрѣшалъ или быть въ отсутствіи, она поселялась тамъ, возобновляя цѣлую серію празднествъ, пріемовъ, баловъ, на которые собиралась всевозможная публика. Но всего удивительнѣе, что Жозефина была самая нѣжная и баловливая бабушка. Маленькимъ Богарне она отсылала цѣлыя ящики грушекъ и бездѣлушекъ, а сыну Гортензіи, въ особенности когда Гортензія оставляла его на ея попеченіи, она позволяла дѣлать все: ходить въ оранжерею, срѣзать и портить рѣдкія растения, ломать и высасывать сахарный тростникъ, и при этомъ повторяла все время: «Дѣлайте все, что вамъ доставляетъ удовольствіе». Самый маленькій, прозванный «Они-ош», будущій Наполеонъ III сохранилъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, воспоминанія о баловствѣ въ Мальмезонѣ, о чемъ писалъ послѣ своего паденія. Въ 1814 году, когда союзники приблизились къ Мальмезону, Жозефина спаслась въ Наварру и возвратилась въ Мальмезонъ лишь послѣ отреченія отъ престола Наполеона. Неслыва за остроумную женщину, она отвѣтила императору австрійскому довольно остроумно. Когда онъ прислалъ къ ней узнать, согласна ли она его принять, то она отвѣчала: «почему же нѣтъ? Вѣдь онъ не меня лишить престола, а свою дочь». Съ той минуты, какъ Наполеонъ развелся съ нею, она не считала себя обязанной раздѣлять съ нимъ неудачи, а такъ какъ она осталась во Франціи, то ей нельзя было отвергать симпатій союзниковъ. Императоръ Александръ сдѣлалъ ей визитъ, и она приняла его чрезвычайно любезно, а вмѣстѣ съ тѣмъ ни однимъ словомъ не повредила Наполеону. Показывая паркъ императору Александру, она простудилась и, когда возвратилась въ замокъ Сенъ-Ле близъ Монморанси, то заболѣла ангиной. 26 апрѣля ее ожидалъ въ Тюилъри Людовикъ XVIII, но она уже лежала въ постели, а 27 она не могла присутствовать на обѣдѣ въ честь русскаго императора. Ночью лихорадка усилилась, а 28 не оставалось никакой надежды. Королева Гортензія распорядилась, чтобы дежурили около больной всю ночь, и первую ночь она хотѣла дежурить сама. Но при Жозефинѣ въ эту послѣднюю ночь находилась не королева Гортензія, не фрейлина, даже не лектриса, а простая горничная и даже не ея, которой пришлось видѣть ея агонію. 29 апрѣля, въ 8 часовъ утра, уже было извѣстно, что она умретъ. Милостынераздаватель, г-нъ Бароль, отсутствовалъ, и молодой аббатъ, воспитатель принцевъ, далъ ей причастіе; въ 12 часовъ она умерла. Массонъ вполне отвергаетъ легенду объ отравленіи Жозефины сторонниками Бурбоновъ, изъ опасенія, чтобы она не рассказала союзникамъ о будто бы извѣстной ей тайнѣ спасенія изъ Тампля Людовика XVII.

— Политическія убійства въ XIX столѣтіи. Ни одинъ вѣкъ не ознаменовался такимъ количествомъ политическихъ убійствъ, какъ прошедшій, и никогда такой длинный рядъ государей, министровъ и государственныхъ людей не погпбалъ отъ руки убійць. Поэтому очень кстати подводить итоги этихъ преступленій англійскій публицистъ В. Кетчи въ статьѣ, напечатанной въ «Pall-Mall magazine» ¹⁾ за январь мѣсяць. По его словамъ, столѣтію еще не

¹⁾ Assassinations of the Century, by Ketchie, «Pall-Mall magazine», januari 1901.

было трехъ мѣсяцевъ, какъ въ Россіи совершилось событіе 11 марта 1801 года. Неожиданная смерть императора Павла возвела на престолъ императора Александра I, и вся Россія вздохнула свободно, и прекратилась мрачная година, которую одинъ современникъ мѣтко назвалъ «задами Юанна Грознаго». Началось царствованіе юнаго Александра, полное столькихъ надеждъ и счастливыхъ унованій. Что касается до Англіи, то первое политическое преступленіе въ ней было—убійство перваго министра Спенсера Персевала 11 мая 1812 года. Онъ палъ жертвой мщенія не частнаго или личнаго, а государственнаго; морякъ, Джонъ Беллинггамъ, былъ внѣ себя отъ гнѣва на англійское правительство за несправедливое, какъ онъ полагалъ, обращеніе съ нимъ и за невыдачу ему вознагражденія Англіей или Россіей за потери, понесенныя имъ въ Ригѣ. Въслѣдствіе этого онъ убилъ перваго министра въ коридорахъ парламента, и едва окровавленный трупъ упалъ на полъ, какъ убійца уже жестоко раскаялся въ своемъ преступленіи. Онъ не могъ простить себѣ несправедливаго преступленія, и даже казнь не могла искупить его раскаянія въ смерти ни въ чемъ неовиннаго человѣка. Случившееся 1820 года убійство Лубелемъ герцога Беррійскаго англійскій авторъ описываетъ чрезвычайно подробно, но пропускаетъ разстрѣляніе Наполеономъ герцога Энгиенскаго, которое можно назвать политическимъ преступленіемъ. Онъ также не упоминаетъ объ убійствѣ студентомъ Йенскаго университета Зандомъ нѣмецкаго драматурга Коцебу, въ 1819 году, по подозрѣнію въ шпионствѣ либеральной партіи изъ угожденія реакціонерамъ. Точно также не упомянуто мистеромъ Кетчи надѣлавшее много шума убійство графа Росси, итальянскаго перваго министра и мужа знаменитой пѣвицы Зонтагъ, въ 1848 году 15 ноября. Зато онъ въ стихахъ и прозѣ оплакиваетъ мученическую смерть президента Американскихъ штатовъ Линкольна, убитаго въ театрѣ актеромъ Бутцомъ 14 апрѣля 1863 года. Мстя за погибель своей родины, Южныхъ штатовъ, онъ бросился на Линкольна съ яримъ крикомъ: *sic semper tyrannis!*—и поразилъ его роковымъ кинжаломъ. На другой день великій патріотъ умеръ, и его слава сравнялась со славою Вашингтона, «отца отечества». Слѣдующее десятилѣтіе было ознаменовано убійствомъ трехъ общественныхъ дѣятелей, имено: черногорскаго князя Данила, убитаго политическимъ изгнанникомъ въ Катаро, въ августѣ 1860 года; князя Михаила Обреновича въ 1868 году, застрѣленнаго тремя, вооруженными револьверами людьми, и испанскаго маршала Прима. Извѣстно, что послѣднее злодѣяніе совершено невѣдомыми людьми въ 1870 году, передъ самымъ прїѣздомъ въ Испанію избраннаго, по наущенію маршала Прима, въ корони втораго сына итальянскаго короля, Амедея. Убійцы остановили его экипажъ и нанесли ему семь ранъ, отъ которыхъ онъ умеръ черезъ 48 часовъ. Въ 1872 году случилось памятное убійство генераль-губернатора Индіи лорда Мейо въ Брайтонѣ. Оно замѣчательно тѣмъ, что злодѣи не имѣли ничего общаго съ нимъ, и убилъ его изъ общей мести ко всѣмъ правительственнымъ лицамъ; это былъ простой преступникъ, приговоренный къ каторжной работѣ. Турецкій султанъ, Абдулъ-Азизъ, былъ заставленъ отказаться отъ престола, и черезъ нѣсколько дней распространилась вѣсть, что онъ самъ посягнулъ на свою жизнь, но турецкому обычаю, прїбѣгнувъ къ ножницамъ. Въ сущности же

онъ былъ убитъ по приказанію вступившаго на престолъ Мурата V, 4-го июня 1876 года. Ужаснѣе всѣхъ этихъ преступленій была мученическая смерть Царя-Освободителя Александра II, который былъ убитъ 1 марта 1881 года. Четыре мѣсяца спустя, погибъ трагической смертью американскій президентъ Гарфильдъ. Причина его убійства была месть американскихъ искателей приключеній за попытку Гарфильда уничтожить, водворившуюся въ Америкѣ при президентѣ Грантѣ, продажность администраціи. Злодѣемъ, рѣшившимся на такое преступленіе изъ столь гнусной цѣли, былъ Гито. Катастрофа въ Фениксѣ-паркѣ, въ Дублинѣ, 1882 года, привела въ ужасъ всю Англію. Въ этотъ день были убиты лордъ Фредрихъ Кавендишъ, племянникъ Гладстона, только-что назначенный министромъ по ирландскимъ дѣламъ, и также помощникъ его Томасъ Буркъ. Это злодѣяніе совершено было ирландскими феніями. Въ послѣднія семь лѣтъ были всего чаще политическія преступленія, и ежегодно кто нибудь падалъ ихъ жертвой. Въ 1894 году первый изъ этой серіи былъ президентъ французской республики Карно, которому нанесъ роковой ударъ кинжаломъ итальянецъ Санто. Въ слѣдующемъ году былъ умерщвленъ политическій дѣятель въ Болгаріи Стамбуловъ. Въ 1896 году былъ убитъ изъ револьвера персидскій шахъ Насръ-Эддинъ фанатикомъ изъ секты бабистовъ. Слѣдующей жертвой сдѣлался испанскій первый министръ Кановасъ-дель-Кастильо. Онъ палъ такъ же, какъ и Карно, отъ руки итальянца. Въ 1898 году отъ итальянскаго анархиста Лукени погибла несчастная императрица австрійская Елисавета. Наконецъ, съ передышкой одного года, совершилось послѣднее политическое убійство въ минувшемъ столѣтіи, именно— короля итальянскаго Гумберта I.

— Внукъ Наполеона. Годъ тому назадъ умеръ въ городѣ Хемницѣ портной, жена котораго, по словамъ австрійскихъ газетъ, помѣстила слѣдующее объявленіе въ одной изъ мѣстныхъ газетъ: «Клара Людовикъ, урожденная Ведтъ, извѣщаетъ, что 4 декабря 1900 года, на 68 году жизни, умеръ портной Людовикъ Бонапартъ». При этомъ газета прибавила, что портной считалъ себя сыномъ герцога Рейхштадтскаго. Такое объявленіе подняло безконечные споры. Еще и ранѣе его смерти, когда въ Парижѣ давали драму Ростана «Орленокъ», австрійскія газеты начали помѣщать статейки по поводу проживающаго въ Хемницѣ портного, который былъ будто бы сыномъ «Орленка». Эти статейки возбудили вниманіе во Франціи, и наконецъ одинъ, проживающій лѣтомъ въ Дрезденѣ, французскій писатель отправился въ Хемницъ самъ, чтобы посмотрѣть этого портного и поговорить съ нимъ. Вотъ какъ рассказываетъ этотъ писатель свое свиданіе съ Бонапартъ-портнымъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Figaro». «Претендентъ ожидалъ меня при входѣ въ маленькій домикъ, въ которомъ онъ жилъ со своей женой и рабочицей, занимая нижній этажъ». Стѣны «чистой комнаты» украшены гравюрами, изображающими Наполеона I и герцога Рейхштадтскаго. Людовикъ былъ маленькаго роста и слабаго сложения, и казался изящнымъ; въ немъ было что-то, отличающее его отъ обыкновеннаго портного. Особенно выдавался тонкоочерченный носъ и высокій красивый лобъ. «Претендентъ» говорилъ робкимъ голосомъ и подчеркивалъ многія выраженія характернымъ жестомъ руки. Онъ не знаетъ ничего достовѣрнаго

о своемъ рожденіи и думаетъ, что родился въ 1832 году, однако, не знаетъ навѣрно, было ли это въ Австріи или Германіи, но хорошо помнить, что воспитывался въ Вурценѣ у портного протестанта. Вслѣдствіе этого и онъ исповѣдовалъ протестантскую вѣру; портной же и выбралъ ему имя «Людвикъ». Воспитатель ежегодно получалъ за его содержаніе извѣстную плату, которую выдавалъ ему вурценскій адвокатъ Зульдбергеръ. Съ того же времени, недалеко въ окрестностяхъ Вурцена, появилась неизвѣстная доселѣ жителямъ одинокая дама, купившая имѣнье Нипшицъ, близъ Вурцена, называвшая себя баронессой Ритценбергъ. Мальчикъ Людвикъ часто гулялъ въ паркѣ баронессы, гдѣ она встрѣчала его, и при этомъ всегда обнимала и цѣловала, а также дарила игрушки. Это странное обращеніе, да и вся обстановка, стали возбуждать толки, и наконецъ возникъ слухъ, что мальчикъ «Людвикъ» сынъ баронессы Ритценбергъ и герцога Рейхштадтскаго. Нашлись люди, которые уговорили мальчика, когда ему минуло шестнадцать лѣтъ, подать на баронессу въ судъ и заставить ее признать себя сыномъ; на это необходимы были деньги, а у Людвика ихъ не было; такъ дѣло и кончилось ничѣмъ. Въ 1870 году умерла баронесса, не открывъ тайны; она оставила все состояніе городу Вурцену, не упомянувъ нислова о Людвикѣ. Людвикъ былъ убѣжденъ, что онъ сынъ герцога Рейхштадтскаго, но такъ какъ жить ему было не возможно не работая, то онъ и выучился ремеслу у своего воспитателя портного. Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, онъ ушелъ изъ Вурцена и работалъ то въ Дрезденѣ или Мюнхенѣ, то въ Лейпцигѣ или Штутгартѣ, продолжая хлопотать о признаніи себя сыномъ герцога Рейхштадтскаго. Онъ обращался ко многимъ дворамъ, заявляя, что онъ былъ бы доволенъ не большой суммой денегъ, но, тщетно прохлопотавъ лѣтъ двадцать, онъ все-таки ничего не добился. Единственно король саксонскій, выслушавъ, пообѣщавъ заняться его судьбою, но затѣмъ и онъ отступился отъ этого дѣла. Въ 1869 году «претендентъ» отправился къ Наполеону, но не добился аудіенціи и возвратился въ Штутгартъ, опять безъ результатовъ. Но съ 10 іюля 1869 года въ это дѣло вмѣшивается личный другъ герцога Рейхштадтскаго, Даніэль Кассони, бывший офицеръ гонведовъ, жившій въ Линденау близъ Лейпцига и знавшій, что баронесса Ритценбергъ была любовницей «Орленка» и матерью Людвика-портного; а что этотъ портной Людвикъ ея сынъ, на это онъ имѣетъ доказательство—именно, шрамъ на лѣвой сторонѣ груди, образовавшійся отъ насилія, которое употребили съ нимъ въ борьбѣ, отнимая его отъ отца и матери. Дѣйствительно у «претендента» оказался шрамъ на лѣвой сторонѣ груди. Неожиданно Людвикъ получилъ 10 іюля письмо, подписанное Даніэлемъ Кассони и адресованное: «Его высочеству принцу Іосифу-Евгенію-Наполеону-Бонапарту». Черезъ годъ онъ снова получилъ письмо, на этотъ разъ безъ подписи и на французскомъ языкѣ. Хотя письмо было написано поддѣльнымъ почеркомъ, но утверждаютъ, что его писала французская рука. Содержаніе было слѣдующее: «Прошу ваше императорское высочество ждать терпѣливо возстановленія нашихъ правъ». Эти обстоятельства совершенно запутали дѣло и обнадежили портного Людвика; онъ перешелъ этимъ временемъ въ католическую вѣру, какъ и надлежало Бонапарту, и получилъ при этомъ слѣдующій документъ, подтвержден-

ный печатью католическаго викаріата города Штутгарта: «Принцъ Іосифъ-Евгеній-Наполеонъ-Вонапартъ 1-го января 1872 года принять въ вѣроисповѣданіе католической церкви викаріемъ Циммерле, послѣ предварительнаго изученія догматовъ вѣры. Это свидѣтельствоеть собственноручной подписью — Бергеръ, Штутгартъ 27 сентября 1872 года». Какимъ образомъ могъ засвидѣтельствовать этотъ документъ чиновникъ Штутгарта, если не получилъ на то приказа? Неожиданная смерть прекратила всѣ тщетныя надежды претендента.

— Смерть короля Милана Обреновича. Надняхъ покончилось постыдное существованіе бывшаго сербскаго короля Милана, постоянно грозившаго опасностью своей родинѣ, хотя нѣкогда онъ былъ ея славою и первымъ королемъ Сербіи. Первый представитель династіи Милошъ Обреновичъ происходилъ изъ крестьянъ. Свѣщенный въ 1839 году династіей Карагеоргіевичей, онъ вернулъ свои права въ 1858 году и княжилъ до 1860 года. Ему наследовалъ сынъ Михаилъ, котораго убили въ 1868 году. Не имѣя дѣтей, Михаилъ усыновилъ своего племянника Милана, мать котораго была знатная молдаванка Марія Катараджи и замѣчательная красавица. Ея мать, г-жа Вальшь происходила изъ извѣстнаго французскаго семейства Ле-Во изъ Прованса, что отчасти объясняетъ французскія наклонности Милана. Онъ наследовалъ отъ матери горячій характеръ и любовь къ наслажденіямъ, а парижское воспитаніе развило въ немъ чисто парижскій нравъ. Князь Михаилъ отправилъ его учиться въ Парижъ, въ лицей Людовика Великаго; воспитаніе же его поручилъ профессору Курту. Когда однажды Михаилъ спросилъ профессора о программѣ воспитанія будущаго короля Сербіи, то профессоръ Куртъ отвѣтилъ: «Моя программа слѣдующая. Я воспитываю принца, какъ своего сына». «Благодарю васъ, отвѣтилъ князь, я не требую лучшаго воспитанія». Но ему не пришлось, вѣроятно, кончить всю программу воспитанія, потому что Милану не было и четырнадцати лѣтъ, какъ его призвали княжить, послѣ смерти дяди, убитаго благодаря борьбѣ партій. Съ дѣтства Миланъ выказывалъ выдающіяся способности и быструю сообразительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жестокое сердце. Другой его парижскій профессоръ Гюэ старался подѣйствовать на его сердце и немного сдерживалъ его. Въ Бѣлградѣ же, хотя и подъ опекой регентовъ Ристича, Давидовича и Власноваца, онъ развивался настолько независимымъ, что невозможно было ничѣмъ обуздать его сильный, самовластный характеръ, такой онъ былъ головорѣзь. Въ 1868 году Миланъ былъ провозглашенъ княземъ Миланомъ I, а въ 1872 году, по его совершеннолѣтіи, онъ былъ коронованъ и принялъ отъ регентства управленіе страной. Послѣ совершеннолѣтія Миланъ поѣхалъ въ Вѣну, Парижъ и Константинополь и, послѣ бурно проведенной трехлѣтней жизни, женился на дочери русскаго полковника, Наталіи Кешко. Первое время своего княженія онъ придерживался русскаго политикѣ, чему много способствовала его жена. Начавшееся движеніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ 1875 году, принудило его объявить Турціи войну въ іюль 1876 года, хотя лично Миланъ не хотѣлъ дѣлать этого шага. Одно за другимъ пораженія доказали его неспособность къ стратегіи, и онъ передалъ генералу Черняеву командованіе войсками. Отличаясь колоссальной трусостью, онъ съ удовольствіемъ возвратился въ Бѣлградъ. Послѣ нѣсколькихъ пораже-

ній, Сербія стала терять свой престижъ, и, чтобы поправить дѣла, генераль Черняевъ провозгласилъ Милана королемъ въ 1882 году, хотя ни одна держава не хотѣла признать этого акта, пока берлинскій конгрессъ не утвердилъ независимость Сербіи отъ Турціи. Теперь Миланъ примкнулъ къ австрофильской партіи и думать объ одномъ, какъ бы обезпечить себѣ полную власть, при чемъ не пренебрегалъ никакими средствами. Народъ же, оберегая конституцію и не желая подпасть совершенно подъ иго Милана, естественно защищалъ свои интересы, что послужило къ началу смуть. Миланъ въ этой борьбѣ велъ себя некрасиво и даже не стѣснялся подтасовывать результаты выборовъ въ скупщину. Эта борьба послужила причиной народженія въ Сербіи социалистической партіи и народно-радикальной, преданной Россіи, возстававшихъ противъ Милана. Политическіе процессы смѣнялись одинъ за другимъ; произволъ царствовалъ полный. Рядомъ съ этимъ, Миланъ велъ самую развратную жизнь, расходуя невообразимыя суммы денегъ на содержаніе двора и на своихъ любовницъ, заставляя за всѣ свои безумныя выходки расплачиваться бѣдный сербскій народъ. Многочисленныя любовницы вмѣшивались въ его государственныя дѣла, и онъ дѣйствовалъ подъ ихъ влияніемъ въ важныхъ вопросахъ. Такъ всѣмъ извѣстна роль Артемизии Христичъ въ его не только семействѣ, но и политической жизни. Наконецъ народъ потерялъ терпѣніе, и въ 1883 году Елена Марковичъ совершила на Милана покушеніе, но неудачно; виновница, по сообщенію начальства, будто бы сама застрѣлилась въ тюрьмѣ, что же касается Милана, то это его несколько не образумило, и онъ продолжалъ свое постыдное управленіе. Возмущенная партія радикаловъ открыто возсталла, и въ то же время вспыхнулъ бунтъ, сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но особенно въ Зайчарѣ. Въ этомъ случаѣ Миланъ выказалъ всю свою жестокою безсердечностью и необузданною натурою, приказывая подавлять возстаніе, не стѣняясь мѣрами. Съ этой минуты совершился вполне переходъ на сторону австрійцевъ, и въ угоду имъ Миланъ смѣстилъ митрополита Михаила за расположеніе къ Россіи. Его дружба къ Австріи была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что Миланъ опасался недовольства народа, которое могло способствовать происканью Карагеоргиевичей. Онъ сдѣлалъ тайный договоръ съ нею, отказываясь за Сербію въ пользу Австріи отъ Босніи и Герцеговины, и тѣмъ заручился помощью Австріи, въ случаѣ противодѣйствія Карагеоргиевичамъ. Кромѣ того, Австрія обязалась не прикасаться къ границамъ Сербіи и обѣщала не вмѣшиваться въ его дѣйствія въ областяхъ Балканскаго полуострова, конечно, не австрійскихъ. Заручившись этимъ обѣщаніемъ, Миланъ началъ войну съ Болгаріей, придравшись къ незначительной причинѣ, и тогда произошла безстыдная рѣзня въ 1883 году, окончившаяся пораженіемъ сербовъ при Сливницѣ, которое совершенно убило его престижъ. Смышленный и хитрый Миланъ сообразилъ, какъ поправить дѣло, и примирился съ радикалами, дававъ имъ обѣщаній, и освободилъ ихъ вождей, арестованныхъ послѣ возстанія въ 1888 году. Но расточительная жизнь и деспотическое правленіе вмѣстѣ съ налогами и долгами государства продолжались попрежнему, а вмѣстѣ съ этимъ начался семейный разладъ съ королевой Наталіей, тяготѣвшей къ Россіи и желавшей воспитывать сына въ своихъ принципахъ. Ловкій Миланъ, замаскировавшійся въ любовь къ сыну, теперешнему

королю Александру, разсчитывать воспитывать его въ томъ направленіи, какое самому Милану было бы благопріятнѣе, а потому начались ссоры, кончившіяся изгнаніемъ королевы изъ Сербіи и скандальнымъ процессомъ развода. Эта грязная исторія окончательно уронила Милана во мнѣніи народа, и онъ долженъ былъ отказаться отъ престола въ 1889 году въ пользу сына, тогда еще несовершеннолѣтняго Александра, за котораго управляло регентство, что, однако, не мѣшало Милану вмѣшиваться въ дѣла Сербіи. Онъ перебрался въ Парижъ и проживать тамъ подъ пменемъ графа Такова, выговоривъ себѣ пенсію въ 300.000 франковъ, которыхъ ему, конечно, не хватало. Ведя блестящую и развратную жизнь, проводя большую часть времени за игорнымъ столомъ, Миланъ, конечно, требовалъ изъ Сербіи еще денегъ, угрожая, въ противномъ случаѣ, возвратиться туда. Наконецъ, онъ дошелъ до того, что постыдно продалъ за миллионъ франковъ свои родительскія и королевскія права, вмѣстѣ съ подданствомъ, освободивъ отъ себя Сербію, конечно, *de jure*; что же касается *de facto*, то онъ продолжалъ вмѣшиваться въ дѣла Сербіи. Покупивъ въ Парижѣ и видя, что царствуя онъ можетъ тратить больше денегъ, а также боясь, что Александръ выйдетъ изъ-подъ его вліянія, Миланъ снова захотѣлъ поторжествовать въ Сербіи, что его хитросмышленому уму было нетрудно устроить. Воспользовавшись на этотъ разъ любовью къ сыну королевы Наталіи, онъ примряется съ нею въ 1893 году, и сербскій синодъ отмѣняетъ постановленіе о церковномъ разводѣ въ 1894 году. Этимъ поступкомъ Миланъ завоевываетъ симпатію сына, и тотъ подпадаетъ подъ его вліяніе. Народъ съ трепетомъ сталъ ожидать прежнихъ бурь—и не ошибся. Первымъ шагомъ Милана было низверженіе регентства 1-го апрѣля 1895 года, затѣмъ послѣдовалъ новый разрывъ съ радикалами, отставка министерства Груича и государственный переворотъ 1894 года. Наконецъ, въ январѣ 1894 года, Миланъ совсѣмъ возвращается въ Бѣлградъ, и Александръ возстановляетъ его въ правахъ члена королевскаго дома. Онъ живетъ съ тѣхъ поръ отчасти за границей, преимущественно въ Парижѣ, но часто бываетъ въ Австріи и Венгріи, гдѣ у него было много знакомыхъ магнатовъ. Это не мѣшаетъ ему дѣйствовать не только на Сербію, но и на Болгарію и большую часть балканскихъ славянъ. Преданный и душею и тѣломъ Австріи, онъ дѣйствовалъ по предписанной ею программѣ. Черезъ него Австрія тайно дѣйствуетъ противъ союза, почти уже подготовленнаго по инициативѣ черногорскаго князя Николая, черезъ Милана же устроилось дѣло такъ, что съ Черногоріей прекращено еовершенно сообщеніе. Хитро разсчитавъ, что войско для него правая рука, онъ, въ качествѣ генералиссимуса, назначилъ офицерамъ чудовищные оклады, а въ гражданскомъ управленіи пользовался смутами, подстроеными имъ же самимъ. Но Миланъ, какъ азартный игрокъ, зарвался, и счастье отвернулось отъ него. То, что онъ выигрывалъ, ему пришлось разомъ потерять. Уже позорно скандальный процессъ Княжевича, по поводу мнимаго покушенія, вмѣсто того, чтобы укрѣпить подъ нимъ почву, расшатать ее, но самая главная туча пришла не съ той стороны, откуда могъ ожидать Миланъ. Драга Машина, послѣ безконечныхъ интригъ сдѣлавшаяся супругою короля Александра, положила начало концу несчастному и въ то же время вредному для Сербіи Милану. Король

Александръ вышелъ изъ-подъ его вліянія съ помощью жены. На этотъ разъ Миланъ былъ окончательно изгнанъ. По словамъ русскаго посланника въ Бѣлградѣ, А. С. Персіани, Миланъ былъ человекъ съ выдающимися способностями, съ тонкой проницательностью въ оцѣнваніи личностей и обстоятельствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отличался необыкновенной изворотливостью. При этомъ Персіани говорилъ: «Все это либо пропадетъ, либо становится здовреднымъ, благодаря наклонностямъ и привычкамъ, усвоеннымъ въ отроческіе годы въ Парижѣ и развитымъ въ годы несовершеннолѣтія, когда правило регентство и предоставляло своему князю пользоваться во всю жизненными удобствами въ Бѣлградѣ и его окрестностяхъ». Самъ Ристичъ говорилъ: «Это великое несчастье для Сербіи, что Миланъ—едва ли не умнѣйшій и хитрѣйшій человекъ въ странѣ». Еще въ началѣ его царствованія онъ надѣлалъ долговъ въ Сербіи, но эти долги исчезли, какъ по волшебству, лишь только возникли концессіи «Лендеръ-банка». Последнее время онъ проживалъ въ Вѣнѣ изгнанникомъ и очень стѣснялся матеріально, но не терялъ надежды опять вернуть свою власть. Конецъ явился совсѣмъ для него непредвидѣнный. Мысль о смерти не могла даже мелькомъ залетѣть въ его голову среди развратной, веселой и разнообразной жизни. Она явилась 20-го января 1901 года въ 4 ч. 20 м. пополудни; Милана не стало, и Сербія вздохнетъ свободно. Но сербы, вѣроятно, изъ благодарности, что во время его княженія Сербія сдѣлалась королевствомъ, а, можетъ быть, изъ безогчетной благодарности, что онъ ихъ избавилъ отъ себя и не можетъ болѣе угрожать, составили во многихъ городахъ Сербіи подишеку на сооруженіе памятника, и въ Нишѣ уже собрано 10.000 динаровъ. Эпитафіей же ему служить докторъ Миловановичъ, приговоренный въ процессѣ мншмаго покушенія на жизнь Милана къ двумъ годамъ ссылки и назначенный теперь на постъ министра торговли. Судьбѣ угодно было, чтобы Австрія сыграла роль друга до послѣдней минуты, и вмѣстѣ съ тѣмъ внесла смугу въ судьбу Милана. Несмотря на желаніе короля Александра и сербскаго народа, Австрія не выдала тѣло скончавшагося Милана и похоронила его, по его желанію, въ Крушедольскомъ монастырѣ, на австрійской землѣ, вдали отъ родины. Изъ его біографій наибольшій интересъ имѣетъ очеркъ Стѣда въ «Review of Reviews» ¹⁾ за декабрь 1899 года.

— Новый англійскій король. Прошло не болѣе мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ на престолъ, послѣ смерти Викторіи, ея старшій сынъ, герцогъ Уэльскій, подъ именемъ Эдуарда VII, а уже возникла цѣлая литература о немъ. Всего замѣчательнѣе основательная біографія Стѣда въ февральской книжкѣ «Review of Reviews», подъ заглавіемъ «Король Эдуардъ VII» ²⁾. Изъ французскихъ статей по этому предмету можно назвать: «Новое царство» Гектора Депасса, въ «Revue bleu» ³⁾. Еще болѣе появилось и появляется ежедневно во всѣхъ газетахъ, преимущественно въ англійскихъ, статей, воспоминаній и

¹⁾ Ex-king Milan of Serbie. «The Review of Reviews», december. 1898.

²⁾ «King Edouard VII». «Character sketch», by Stead. «Review of Reviews», febr. 1901.

³⁾ «Nouveau regne», par Hector Depasse. «Revue bleu», 2 fevrier 1901.

замѣтокъ объ Эдуардѣ VII. Такимъ образомъ уже теперь получается полная возможность опредѣлить, что за человекъ—новый англійскій король. Назвавъ себя Эдуардомъ VII, новый король соединилъ, хотя и номинально, свою новую начавшуюся только отъ него династію Кобурговъ съ древнѣйшими англійскими династіями Плантагенетовъ и Тюдоровъ. Семь столѣтій тому назадъ въ 1277 году вступилъ на престолъ Эдуардъ I, участвовавшій въ первомъ Крестовомъ походѣ. Онъ учредилъ первый палату общинъ и царствовалъ 35 лѣтъ. Сынъ его Эдуардъ II первый изъ королей Англии, который присоединилъ еще и титулъ принца Уэльскаго, родился въ 1284 году. Затѣмъ слѣдовалъ Эдуардъ III, царствовавшій болѣе пятидесяти лѣтъ, а именно онъ вступилъ на престолъ въ 1327 году, а умеръ въ 1377 году. Царствованіе Эдуарда IV отличалось междоусобицами. Одинъ изъ сыновей Эдуарда IV царствовать подъ именемъ Эдуарда V, вступилъ на тронъ ребенкомъ двѣнадцати лѣтъ и былъ убитъ по распоряженію герцога Глостерскаго въ Лондонской башнѣ черезъ два мѣсяца по воцареніи. Эдуардъ VI, сынъ стараго Генриха VIII и красавицы Джени. Симуръ, былъ провозглашенъ королемъ, когда ему исполнилось только девять лѣтъ, но царствовалъ не болѣе семи лѣтъ, такъ какъ былъ очень слабого здоровья и вскорѣ умеръ. Пришло цѣлыхъ три съ половиною столѣтія, прежде чѣмъ воцарился Эдуардъ VII. Что касается собственно династіи Кобургской, то она теперь царствуетъ въ пяти европейскихъ государствахъ: въ Англии, Португаліи, Бельгіи, Кобургъ-Готъ и Болгаріи. Могъ ли думать основатель этой династіи, сто лѣтъ тому назадъ, что его потомки, называвшіеся выскочками, станутъ могущественными государями. Еще до рожденія Эдуарда VII его появленіе на свѣтъ было обѣщано матерью. Когда королева Викторія спросила мужа, постѣ рожденія своей первой дочери, будущей германской королевы, доволенъ ли онъ ею, то принцъ Альбертъ отвѣчалъ: «Я очень радъ, но опасаясь, что народъ будетъ разочарованъ этой новостью, такъ какъ ожидать наследника». — «Обѣщаю вамъ, что слѣдующій будетъ мальчикъ». И королева сдержала слово; 11-го ноябрю 1841 года она родила сына—Альберга-Эдуарда, появленіе котораго было шумно привѣтствовано англійскимъ народомъ. 4-го декабря королева произвела его въ принца Уэльскаго и графа Честерскаго; въ то же время онъ наследовалъ отъ отца званіе герцога Саксонскаго, а отъ матери—герцога Корнуэльскаго, герцога Ротзейскаго, графа Каррика, барона Ранфрея, лорда острововъ и главнаго управляющаго Шотландіей. 25-го января 1842 года его крестили съ пышной церемоніей въ часовнѣ св. Георга въ Виндзорскомъ дворцѣ. Королева Викторія потребовала іорданской воды для крещенія, а обрядъ исполнять архіепископъ Кантербурійскій. Отцемъ крестнымъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король прусскій, а крестной герцогиня Саксенъ-Кобургская, замѣстительница которой была герцогиня Кентская, бабушка маленькаго принца. Первые годы онъ провелъ въ Осборнѣ и въ Ричмондѣ, и въ свободное отъ уроковъ время занимался плотничнымъ ремесломъ. До тринадцатилѣтняго возраста маленькій принцъ былъ на попеченіи лэди Литльтонъ, сестры г-жи Гладстонъ, которая говорила о немъ: «Это былъ скромный и застѣнчивый мальчикъ, съ чрезвычайно хорошими принципами и въ особенности любить правду». То же удостоверялъ и

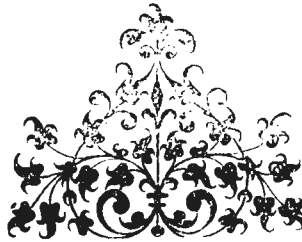
князь Меттернихъ, прибавляя, что въ семнадцать лѣтъ «онъ не былъ находчивъ въ разговорѣ». Однако, про него рассказываютъ, что онъ въ 15 лѣтъ не обнаруживалъ большой застѣнчивости съ императрицей Евгеніей. Посѣтивъ Парижъ вмѣстѣ со старшей сестрой и родителями, онъ такъ веселился въ немъ, что просилъ императрицу уговорить мать оставить его въ Парижѣ съ сестрою погостить. «Врядъ ли королева и принцъ-супругъ согласятся разстаться съ вами»,— отвѣчала императрица.— «Разстаться съ нами?—воскликнулъ мальчикъ,— у нихъ еще осталось шесть штукъ дома, такъ врядъ ли они будутъ заботиться о насъ». Когда принцъ сталъ старше, его воспитателемъ сдѣлался баронъ Штокмаръ, другъ принца Альберта. Но королева все-таки продолжала слѣдить за его воспитаніемъ сама, и воспитатели знали, что имѣли право во всякое время тревожить королеву, если вопросъ касался сына. Лично она обращалась съ нимъ очень строго, и всѣмъ извѣстно, что она наказывала его, не стѣняясь постороннихъ. Однажды, катаясь съ королевой, принцъ Уэльскій не отвѣтилъ на привѣтъ публики, тогда королева рукою сбила съ него фуражку, а другою дала звонкую пощечину. Образование онъ получилъ прекрасное и, можетъ быть, даже слишкомъ хорошее. Королева и принцъ Альбертъ такъ за этимъ слѣдили, что вызывали даже насмѣшки. Такъ въ «Punch» было помѣщено сатирическое стихотвореніе подъ названіемъ: «Принцъ подъ прессомъ». Въ немъ осмѣивалось постоянное зубреніе, которымъ бѣдный принцъ долженъ былъ заниматься большую часть времени, хотя королева Викторія, помня систему своего воспитанія, удѣляла довольно времени для спорта, къ которому Эдуардъ питалъ большое пристрастіе. Послѣ своего совершеннолѣтія онъ тотчасъ же отправился въ путешествіе, по возвращеніи изъ котораго слушалъ лекціи въ Эдинбургскомъ университетѣ; затѣмъ переехалъ въ Оксфордъ. Съ этого времени онъ сталъ вести студенческую жизнь, полную различныхъ приключеній, что вызывало частыя объясненія съ отцемъ, воспитаннымъ скромно въ нѣмецкомъ духѣ. Принцъ Альбертъ не разъ огорчался обращеніемъ съ нимъ сына, что повело къ холодности между матерью и сыномъ. Въ 1860 году онъ предпринялъ путешествіе въ Канаду и Соединенные Штаты, гдѣ помимо удовольствія изучалъ нравы, обычаи, умственное развитіе и промышленность американцевъ. Американцы его приняли радушно, но онъ какъ бы въ упрекъ имъ выказалъ наслѣдованные отъ дѣда, герцога Кентскаго, либеральные взгляды, отказавшись осмотрѣть кварталъ рабовъ. Возвратившись изъ путешествія, онъ принялся снова за ученье, слушая лекціи въ Кэмбриджскомъ университетѣ. По окончаніи курса Эдуардъ поступилъ въ военную службу въ чинѣ полковника, но это его не удержало на мѣстѣ, и онъ отправился въ Германию. Осматривая Вормскій соборъ, онъ встрѣтилъ датскую принцессу Александру. Конечно, эта встрѣча не могла быть неожиданной, такъ какъ лордъ Пальмерстонъ давно уже хлопоталъ устроить этотъ бракъ. Королева Викторія была этимъ выборомъ очень огорчена, такъ какъ ея симпатіи были на сторонѣ нѣмцевъ, а не датчанъ, и она думала женить его на нѣмецкой принцессѣ. Послѣ этой встрѣчи принцъ отправился въ Египетъ и Палестину. Возвратясь изъ Палестины, онъ рѣшилъ жениться, и 10 марта 1863 года состоялось бракосочетаніе его съ датскою принцессой Александрой. Королева Вик-

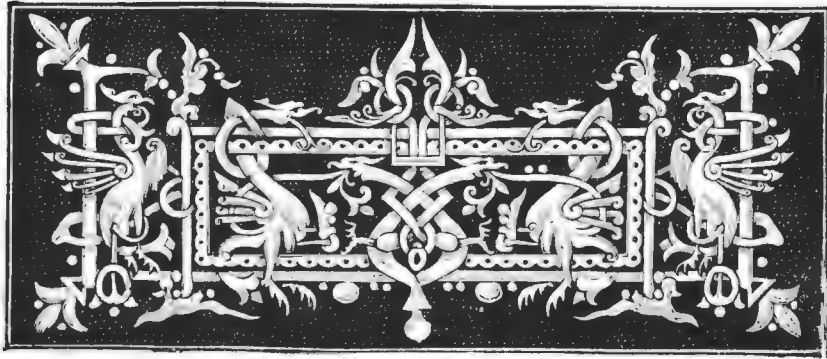
торія официально не присутствовала на свадьбѣ, а только смотрѣла; это объяснили ея трауромъ по мужѣ, въ сущности же она была сильно огорчена своеволиемъ сына. Его поведеніе относительно принца Альберта, выразившееся полнымъ неуваженіемъ къ нему и даже презрѣніемъ, можетъ быть, вслѣдствіе нелюбви къ нѣмцамъ, все болѣе и болѣе охлаждало материнскія чувства Викторіи. Только на короткій промежутокъ времени отношенія были немного лучше, именно послѣ его болѣзни. Въ 1871 году Эдуардъ занемогъ тифомъ; надежды почти не оставалось, доктора отказались, и только его сильная натура поборолъ роковую развязку, если не считать случайнаго оригинальнаго лѣченія шампанскимъ, которымъ обтирали ему тѣло какой-то фельдшеръ... Въ это время королева оказала ему чисто родительское участіе; ухаживала за нимъ сама и не отходила почти отъ его постели. Но послѣ выздоровленія все пошло попрежнему. Дурныя отношенія съ матерью дѣлали его очень непопулярнымъ среди народа, и если онъ сталъ немного популяренъ, то благодаря своей болѣзни. Размолвка съ королевой доходила до того, что она удаляла его отъ всѣхъ дѣлъ, и онъ неоднократно жаловался на ту разницу, какая существовала между нимъ и его племянникомъ, нѣмецкимъ императоромъ: «Посмотрите, говорилъ онъ нерѣдко, онъ еще молодой человѣкъ, а центръ всего, онъ приказываетъ каждому и управляетъ всѣмъ, а мнѣ запрещаютъ выказывать мою дѣятельность». Это обязательная бездѣятельность ему была тѣмъ неприятнѣе, что онъ былъ дѣловой человѣкъ и былъ не только рѣдкимъ предсѣдателемъ въ земледѣльскомъ обществѣ, но и выказывалъ необыкновенныя способности, какъ членъ многихъ комитетовъ, какъ, напримѣръ, предсѣдатель «Комитета домовъ для бѣдныхъ» и «Обращенія со стариками», при чемъ энергично заботился о врученныхъ ему общественныхъ дѣлахъ. Онъ былъ чрезвычайно разочарованъ, когда лордъ Салтсберри отказался допустить его до рабочей коммисіи. Но и онъ не оставался въ долгу своимъ довольно безцеремоннымъ отношеніемъ къ матери. Такъ, напримѣръ, одна «professional beauty» мистриссъ Ленкстри, которая была одной изъ его многочисленныхъ слабостей, во что бы то ни стало, хотѣла попасть на официальный пріемъ королевы. Не разсуждая долго, принцъ отправился къ матери, которую подобное желаніе возмутило; у нихъ произошло объясненіе, и наконецъ, нѣсколько времени спустя, принцъ добился таки провести ее на этотъ пріемъ. При этомъ случился забавный эпизодъ. Мистриссъ Ленкстри не позаботилась узнать подробно объ этикетѣ при пріемѣ и явилась туда хотя и съ традиціонными тремя бѣлыми страусовыми перьями, но расположенными очень красиво и къ лицу. Такъ какъ этикетъ требовалъ, чтобы эти перья стояли на головѣ самымъ комичнымъ образомъ, то при появленіи ея въ сосѣдней съ тронной залѣ къ ней приблизился дежурный придворный и вернулъ, не допустивъ до пріема. Онъ посоветовалъ ей отправиться и переменить прическу, такъ какъ иначе ее нельзя допустить. Черезъ четыре года Эдуардъ отправился въ Индію. Его совершенное удаленіе отъ политическихъ дѣлъ и рѣдкое допущеніе до занятій общественными вопросами давали ему тѣмъ болѣе возможность предаваться веселой и развратной жизни, что было особенно въ юности главной его слабостью. Онъ любилъ вести разгульную жизнь съ актрисами, аме-

риканками и всякими публичными красавицами; извѣстными его любимицами были знаменитыя актрисы, англичанка миссъ Терре, Шнейдеръ, Гранье и Сарра Бернаръ. Впрочемъ онъ не брезгалъ и всякими другими парижанками, такъ какъ всего болѣе веселился въ Парижѣ. Часто посѣщая французскую столицу, онъ знакомъ былъ не только съ представителями шумной веселой молодежи, но и съ политическими и литературными дѣятелями. Особенно извѣстна его дружба съ Гамбетой, который говорилъ о немъ: «Принцъ выказываетъ рѣшительное предпочтеніе иностранной политикѣ. Онъ знаетъ ее подноготную, но, не привыкнувъ практически къ политическому міру, онъ врядъ ли способенъ понять всѣ ея тонкости. поэтому я не полагаю, чтобы онъ былъ подъ стать ловкимъ дипломатамъ Америки и Россіи». Съ годами онъ пересталъ посѣщать не только полусвѣтъ, но даже и не такъ любить, какъ прежде, свѣтскія удовольствія, такъ какъ въ этомъ отношеніи онъ въ молодости доходилъ до безумія. Напримѣръ, въ одномъ лондонскомъ сезонѣ онъ сорокъ три раза былъ на банкетахъ и балахъ, тридцать разъ въ театрѣ и сорокъ пять разъ на официальныхъ и общественныхъ торжествахъ. Страсть къ скачкамъ онъ сохранилъ до настоящаго времени и, говоря, вступивъ на престолъ, продолжаетъ, хотя и подъ чужимъ именемъ, пускать лошадей на ипподромъ. Первый разъ принцъ прославился своими скаковыми лошадьми въ 1875 году и не разъ брать призы на дэрбійскихъ скачкахъ. Въ 1886 году онъ выручилъ въ семидесяти скачкахъ 92,014 фунтовъ стерлинговъ. Кроме скачекъ, онъ былъ еще страстный игрокъ въ карты и въ рулетку. Главной его слабостью была любовь къ общественнымъ билетямъ. Но при этомъ онъ преимущественно питалъ страсть къ безобиднымъ толкамъ, которые не касались чести кого бы то ни было. Еще замѣчательной чертою принца было его умѣнье произносить рѣчи, особенно послѣ объѣда. Не отличаясь краснорѣчіемъ, онъ говорилъ всегда толково, кстаги, ясно, и былъ извѣстенъ своей удивительной памятью. Но вообще въ разговорахъ онъ отличался неумѣніемъ сосредоточиваться и быстро переходилъ съ одного предмета на другой. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ болѣе обнаруживалъ пристрастие къ сельской жизни въ Сандрингамѣ; при этомъ онъ былъ самымъ любезнымъ, гостепріимнымъ хозяиномъ и дѣловымъ землевладѣльцемъ, выказывая необыкновенное умѣнье управлять крупными имѣніями. Жизнь въ Сандрингамѣ влася веселая, но свободная и простая. Принцъ принималъ одинаково радушно какъ аристократію, такъ художниковъ, писателей и финансистовъ. Отношенія его къ евреямъ были самыя дружественныя, такъ Ротшильдъ и Гиршъ были его хорошими друзьями, и онъ очень интересовался еврейскимъ вопросомъ. Что касается до его жены, то принцесса Александра, выйдя замужъ 18-ти лѣтъ, была воспитана въ идеальной-семейной обстановкѣ. Она за свой умъ и прекрасныя душевныя качества пользуется едва ли не болѣе симипатіей въ Англии, чѣмъ ея мужъ. Не найдя первые годы въ принцѣ Эдуардѣ идеальнаго мужа, принцесса предалась дѣлу благотворительности. Когда она жила въ Сандрингамѣ, ее часто можно было встрѣтить у постели больныхъ и умирающихъ. Благодаря ей, лондонскія больницы и убѣжища процвѣтаютъ. Будучи очень нервной, она производитъ первое впечатлѣніе сдержанной и молчаливой, но когда находится въ кругу друзей, то всѣ очаж-

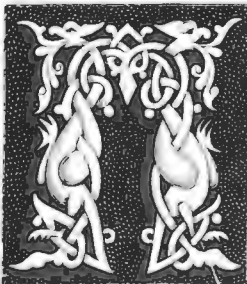
рованы ся обращеніемъ. Все свое свободное время она посвящаетъ дѣтямъ, но не отказываетъ себѣ и въ любимомъ занятіи—спортѣ, такъ какъ теперешняя королева Александра прекрасная наѣздница и ловко катается на конькахъ. Кромѣ того, она прекрасная музыкантша. У нихъ было шестеро дѣтей, изъ которыхъ одинъ умеръ. Одна изъ дочерей замужемъ за герцогомъ Файфомъ, директоромъ золотыхъ рудниковъ въ Трансваалѣ. Последнимъ событіемъ въ жизни принца Уэльскаго было покушеніе на его жизнь, сдѣланное итальянскимъ мальчикомъ Спидо въ Брюсселѣ въ прошломъ году. Наконецъ, онъ дождался трона шестидесятилѣтнимъ старикомъ, хотя и совершенно здоровымъ; 22 января настоящаго года онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Эдуарда VII. По словамъ одного изъ членовъ тайнаго совѣта, «герцогъ Валлійскій исчезъ, его замѣнило совершенно новое лицо, котораго мы прежде не знали». По обычаю онъ присягнулъ конституціи передъ тайнымъ совѣтомъ, торжественно похоронилъ мать и съ большимъ торжествомъ открылъ парламентъ, при чемъ вторично присягнулъ въ вѣрности своему народу. Въ этой присягѣ заключается отреченіе отъ католической церкви, и на этотъ разъ эта старинная формула возводила всѣхъ католиковъ. Тридцать пэровъ католическаго вѣроисповѣданія протестовали противъ этой формулы, требуя ея отмены; но лордъ Салюсбери отвѣчалъ, что таковъ законъ, и его нельзя уничтожить. Что касается до королевы Александры, то она до сихъ поръ проявила себя очень нервной; въ день открытія парламента ей пришлось надѣть ту самую корону, которая за нѣсколько дней передъ тѣмъ красовалась на гробу Виктории. Сначала, считая это дурнымъ предзнаменованіемъ новаго царствованія, она отказалась надѣть корону и уступила лишь требованію мужа исполнить церемоніаль. Новый наслѣдникъ престола, герцогъ Йоркскій, произведенъ уже въ принцы Корнуэльскіе, а принцемъ Уэльскимъ онъ будетъ назначенъ только послѣ посѣщенія Австраліи для открытія новаго федеративнаго парламента въ нынѣшнемъ году. Онъ родился 3 іюня 1865 года и росъ въ простой обстановкѣ. Его воспитателемъ былъ гофмейстеръ Дальтонъ. Принцъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, герцогомъ Кларенскимъ, внезапно умершимъ въ 1892 году, проходилъ курсъ морскихъ наукъ, и въ 1877 году герцогъ Уэльскій, по окончаніи ихъ курса, отправилъ обоихъ братьевъ на военномъ учебномъ кораблѣ. Принцы занимали скромную каюту и исполняли службу, какъ и всѣ остальные. Въ 1879 году начался большой рейсъ, продолжавшійся три года. Все это время они продолжали учиться; астрономія и математика ихъ интересовала болѣе всего. Всѣ свои путевыя впечатлѣнія они занесли въ записныя книжки, и по возвращеніи ихъ воспитатель Дальтонъ напечаталъ эти замѣтки въ двухъ томахъ подъ названіемъ: «The Cruise of H. G. Bacchaute 1879». Кромѣ этого, наслѣдникъ совершилъ много другихъ рейсовъ. За любовь къ морю его прозвали «The Sailor Prince». Несмотря на привычку къ морскимъ путешествіямъ, онъ не можетъ избѣжать каждый разъ морской болѣзни. Онъ прекрасно изучилъ свои владѣнія. Наслѣдный принцъ такъ же, какъ и его отецъ, страстный спортсменъ, но не можетъ похвастаться такимъ счастьемъ, какъ теперешній король. Онъ женатъ на принцессѣ Викторин-Маріи, единственной дочери принцессы Марин-Аделаиды Кембриджской и герцога Франца Текъ, сына покойнаго

герцога Александра Вюртембергскаго отъ мorganатическаго брака герцога съ графиней Клаудиной Гогенштейнъ, рожденной графиней Редэй. Она родилась 26 мая 1867 года въ Кенсингтонскомъ дворцѣ. Это стройная симпатичная женщина, весьма остроумная и прекрасная музыкантка; живопись ей тоже не чужда. Кроме того, она прекрасная пѣздница и ловкая спортсменка. Паслѣдница престола удѣляетъ время и на дѣла благотворительности, занимаясь этимъ дѣломъ вмѣстѣ со своей матерью. Такимъ образомъ, мы перечтали всѣ свѣдѣнія объ англійскомъ королѣ изъ современныхъ газетъ, и намъ остается прибавить нѣсколько словъ о политикѣ Эдуарда VII. Въ этомъ отношеніи онъ во всѣхъ произнесенныхъ имъ доселѣ публичныхъ рѣчахъ былъ остороженъ и локкъ, не говоря ничего новаго, а только обѣщая слѣдовать по стопамъ Викторіи. Если же мы вздумаемъ основывать свое мнѣніе о его будущей политикѣ на прошедшемъ, то намъ будетъ очень трудно прийти къ чему нибудь определенному. Извѣстно только, что въ юности онъ былъ либераль и большой сторонникъ Гладстона, но потомъ онъ мало-по-малу соблазнился идеями имперіалистовъ. Говорятъ, что Эдуардъ VII оставилъ у власти торіевъ лишь для отвода глазъ и при первомъ удобномъ случаѣ поставитъ у власти своего друга Розберри, прежняго либерала, а тепершняго несоимперіалиста. Конечно, этому слуху нельзя окончательно вѣрить, и новый король въ политическомъ отношеніи еще представляется сфинксомъ.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ императору Александру II въ Минскѣ.

7-го января состоялось въ Минскѣ долго ожидаемое открытіе памятника императору Александру II. Назначенное первоначально на 25 декабря открытіе, по случаю сильныхъ морозовъ, было отмѣнено, и несмотря на то, что публика вторично не была извѣщена, оно состоялось при громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи всей администраціи, въ сослуженіи духовенства. Послѣ обычнаго церемоніала былъ произведенъ блестящій парадъ войскамъ. Памятникъ, по словамъ виленскихъ газетъ, стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ, на которомъ возвышается очень удачно воспроизведенная бронзовая фигура императора Александра II. На пьедесталѣ высѣченная золотая надпись: «Императору Александру II благодарные граждане города Минска. 1900 г.». По сторонамъ памятника два чугунныхъ столба съ тремя электрическими фонарями на каждомъ, которые ночью придаютъ памятнику очень красивый видъ. Въ Минскѣ до сихъ поръ не было ни одного памятника.

Публичное собраніе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. 21-го января состоялось первое публичное собраніе отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности, въ которомъ были произнесены рѣчи почетными академиками. Собраніе открылъ авгу-

стѣйшій президентъ академіи его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ слѣдующими словами: «По случаю празднованія столѣтія со дня рожденія Пушкина, при отдѣленіи русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ по высочайшей волѣ быть учрежденъ разрядъ изящной словесности. Эта оказанная академіи монаршая милость невольно наводитъ на мысль, что вновь учрежденный разрядъ послужитъ связующимъ звеномъ между отдѣленіемъ и обществомъ. Послѣ перваго же избранія членовъ разряда изящной словесности, получившихъ наименованіе почетныхъ академиковъ, нѣкоторыми изъ нихъ выражалось желаніе, чтобы при вступленіи въ академическую среду вновь избираемаго устраивались публичныя засѣданія; высказывалась мысль, чтобы въ этомъ засѣданіи вступающій почетный академикъ произносилъ слово въ память своего предшественника и былъ привѣтствуемъ рѣчью одного изъ своихъ сочленовъ. Примѣнить такой порядокъ къ сегодняшнему собранію еще нельзя; всѣ мѣста разряда изящной словесности заняты не далѣе какъ въ самомъ концѣ только-что истекшаго года. Тѣмъ не менѣе разрядъ спѣшитъ широко раскрыть передъ обществомъ академическія двери, чтобы выразить свое желаніе сближенія съ нимъ и тѣмъ ознаменовать начало перваго года XX столѣтія. Въ этомъ первомъ собраніи два почетныхъ академика любезно предложили подѣлиться своими мыслями. К. К. Арсеньевъ прочтетъ рѣчь «Россійская академія и разрядъ изящной словесности», а А. Ѳ. Конн произнесетъ слово въ память почетнаго академика В. С. Соловьева». К. К. Арсеньевъ въ своей рѣчи привелъ исторію возникновенія, временнаго упадка и прекращенія теперь вновь возродившагося разряда изящной словесности. 60 лѣтъ назадъ неожиданно перестало существовать учрежденіе, хотя и оставлявшее желать много лучшаго, тѣмъ не менѣе представлявшее собой одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ императрицы Екатерины. Со смертію Шишкова было предположено включить членовъ академіи русской словесности въ составъ новаго общественнаго учрежденія, которое напоминало бы французскій институтъ и носило бы названіе соединенной академіи, другую часть которой составляла бы академія наукъ, исторіи и филологіи. Планъ этотъ, принадлежавшій графу Уварову, не былъ, однако, одобренъ; вмѣсто этого высочайше повелѣно присоединить академію словесности къ академіи наукъ въ видѣ отдѣленія русскаго языка и словесности. Въ отдѣленіе на правахъ дѣйствительныхъ членовъ вошло 14 лицъ, а 35 присвоено званіе почетныхъ академиковъ; со смертію послѣдняго изъ нихъ званіе это и совсѣмъ исчезло. Въ моментъ преобразованія академіи предполагалось, что отдѣленіе украсятъ имена отличнѣйшихъ писателей, составляющихъ гордость русской литературы. Не принимая на себя обязанностей дѣйствительныхъ членовъ, почетные академики, по мысли, должны были принести пользу своимъ опытомъ и вкусомъ въ художественныхъ произведеніяхъ. Предположенію не пришлось осуществиться, и отдѣленіе скоро приняло характеръ исключительно научнаго учрежденія; въ его среду не входилъ ни одинъ изъ прославившихся писателей того времени. Оправдались слова Вяземскаго, что лучше было бы не трогать Россійскую академію. Теперь, благодаря Пушкинскимъ днямъ, возникъ новый разрядъ изящной словесности, который является

преемникомъ-продолжателемъ Россійской академіи, но при бодѣ благопріятныхъ условійхъ. Еще до Ломоносова высказывалось убѣжденіе о необходимости единенія литературы съ обществомъ, и было основано особое собраніе, 12 членовъ котораго перенесли затѣмъ въ составъ Россійской академіи. Академія пользовалась общимъ сочувствіемъ, и всѣ писатели считали долгомъ быть тамъ наравнѣ съ учеными и литераторами. При императорѣ Павлѣ жизнь академіи сильно затихаетъ, а при императорѣ Александрѣ I впадаетъ въ узкое русло, благодаря Шишкову, дѣйствующему писателю съ точки зрѣнія старовѣра. Онъ фактически закрылъ писателямъ доступъ въ академію. Правда, отъ времени до времени возникаетъ вопросъ: нужна ли академія? Но, не вдаваясь въ особенно глубокія размышленія, можно сказать, что ея значеніе заключается уже въ томъ, что она, какъ учрежденіе, имѣющее торжественную санкцію, охраняетъ печатное слово. Собраніе закончилось рѣчью А. Ѳ. Конни.

Московское археологическое общество. Въ засѣданіи 15-го января профессоръ Ѳ. Г. Мищенко сдѣлалъ сообщеніе «О слѣсныхъ рабахъ скиѳовъ» по Геродоту. Приведя разсказъ Геродота и сопоставивъ различныя попытки его объясненія, докладчикъ высказалъ мнѣніе, что изъ этого разсказа нельзя выводить заключенія объ обычаяхъ ослѣпленія скиѳами своихъ рабовъ во времена Геродота (V в. до Р. Х.), а слѣдуетъ относить этотъ разсказъ къ записанному Геродотомъ преданію о возвращеніи скиѳовъ на родину въ VII вѣкѣ (до Р. Х.) послѣ продолжавшагося 28 лѣтъ похода въ Мидію, при чемъ они, узнавъ, что за время ихъ отсутствія жены ихъ вступили въ связь съ рабами, подвергли послѣднихъ въ наказаніе ослѣпленію. Употребленное Геродотомъ настоящее время глагола «ослѣпляютъ» должно быть объясняемо, какъ *gracens historicum*, относящійся къ разсказываемому преданію. Сообщеніе это вызвало замѣчанія В. Ѳ. Миллера, Д. П. Пловайскаго, М. П. Соколова и др., при чемъ профессоръ В. Ѳ. Миллеръ сообщилъ объ одномъ обычаѣ скиѳовъ, имѣющемъ параллели и у другихъ восточныхъ народовъ,—пользоваться для клятвы въ дружбѣ или братствѣ совмѣстнымъ принятіемъ мяса жертвеннаго животнаго или вина, съ которымъ смѣшивали нѣсколько капель крови братующихся. — Графиня П. С. Уварова сообщила о древностяхъ Сициліи, осматрѣнныхъ ею въ поѣздку нынѣшнею осенью. Сицилія — одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи странъ. Доисторическіе циклопы и лестригоны смѣнились здѣсь на зарѣ исторіи сикулами, затѣмъ финикіянами, греками, карфагенянами, римлянами, византійцами, арабами, норманнами. Древности греческія наиболѣе обильны на южномъ и восточномъ берегахъ, на первомъ особенно замѣчательны развалины городовъ Сегесты, Селинунта и Акрагаса (Agrigentum, нынѣ Джирженти); послѣдній городъ имѣлъ когда-то 800.000 жителей, теперешній городъ Джирженти имѣетъ только 21.000. Здѣсь еще сохранились мѣстами храмы съ дорическими колоннами, но многіе изъ нихъ разрушены, особенно бывшимъ въ 1401 г. страшнымъ землетрясеніемъ. Раскопки, производимыя особенно въ Селинунтѣ на средства итальянскаго правительства, дали много остатковъ древняго искусства, въ томъ числѣ замѣчательные метоны съ изображеніями мифологическихъ сюжетовъ. На восточномъ берегу особенно замѣчательны развалины Сиракузъ и Таормины.

Въ Сиракузахъ расконки захватили только малую часть древняго города; въ окрестностяхъ его находятся громадныя и очень глубокія каменоломни, гдѣ добывался строительный песчаникъ. Средства на расконки правительствомъ отпускается немного, но въ городѣ имѣется все-таки музей античныхъ древностей. Около одного храма находятъ много терракотовыхъ статуэтокъ въ родѣ танатрскихъ. Сообщение сопровождалось демонстраціей множества фотографическихкихъ снимковъ и плана Селинунта.

Общество любителей древней письменности. 12-го января, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, засѣданіе было открыто заявленіемъ предсѣдателя о кончинѣ члена-корреспондента общества Н. М. Тушкова. Общество почтило его память вставаніемъ, и секретаремъ былъ прочитанъ некрологъ покойнаго. Затѣмъ графъ С. Д. Шереметевъ прочелъ записку слѣдующаго содержания: «Въ печать уже давно проникло извѣстіе о томъ, что въ синодикѣ Макарьевского монастыря на Унжѣ, уже вышедшемъ изъ употребленія во времена патріарха Филарета, встрѣчается имя инока Леонида, упоминаемаго послѣ царей Рюрикава дома и Бориса Годунова и передъ царями дома Романовыхъ. Въ настоящее время возбуждено подозрѣніе, что записъ «инока Леонида» могла бы относиться къ лицу женскаго пола, а именно къ вдовѣ царевича Ивана Ивановича, инокинь Леонидѣ. Предположеніе это должно отнестъ при видѣ синодика и надписи «инока Леонида» (тѣмъ же почеркомъ, хотя немного крупнѣе). Все сказанное побуждаетъ къ тщательному осмотру и описанію Макарьевского синодика, для чего желательно получить вновь разрѣшеніе доставить оный въ общество, для оглашенія впоследствии результатовъ изслѣдованія и для точнаго опредѣленія значенія приписки имени «инока Леонида», страннымъ образомъ появляющагося въ ряду царскихъ именъ. Въ томъ же синодикѣ записанъ родъ Огреневыхъ и между ними «Григорій убиенный». Слѣдующее сообщеніе было сдѣлано С. Ф. Платоновымъ и посвящено вопросу о томъ, возможно ли по извѣстнымъ нынѣ памятникамъ древней письменности возстановить планъ стараго Угличскаго «города» (кремля) и топографическую обстановку, въ которой произошла кончина царевича Дмитрія 15-го мая 1591 г. Возстановленіе этой обстановки, безъ сомнѣнія, имѣетъ важность, если не для разъясненія обстоятельствъ самой кончины, то для устраненія многихъ неточныхъ представленій, съ этимъ событіемъ связанныхъ; напримѣръ, оно можетъ содѣйствовать правильной постановкѣ и рѣшенію вопроса о степени достовѣрности такъ называемаго «слѣдственнаго дѣла». Основаніемъ для заключеній докладчика послужили, кромѣ «житій» царевича и слѣдственнаго дѣла, официальные описи Углича 1665, 1674—1676 и 1678 гг., переписная книга Углича 1710 г., переписная книга 1717 г. и отрывки дозора 1620 г. Всѣ эти документы даютъ возможность лишь отчасти возстановить планъ угличскихъ укрѣпленій въ XVII вѣкѣ и опредѣлить мѣсто, занятое дворцомъ и его дворомъ въ XVI столѣтіи; но они совершенно не могутъ служить для важнѣйшей цѣли — для приуроченія къ опредѣленному мѣсту на планѣ различныхъ частей «двора» и упоминаемыхъ въ слѣдственномъ дѣлѣ «избъ», «подворій», и даже церквей, именно теплаго собора и церкви «Царя-Константиновской», причѣтъ когорой не разъ

упоминается въ «дѣлѣ». Приходится признать, что топографія Углича XVI вѣка для насъ потеряна, если счастливый случай не поведетъ къ открытію какихъ либо новыхъ документовъ, въ родѣ подробнаго чертежа Углича, который былъ сдѣланъ въ 1628—1629 гг. и о которомъ дошли до насъ опредѣленные свѣдѣнія. Далѣе сдѣлалъ сообщеніе о своей поѣздкѣ въ Кирилловскій уѣздъ Новгородской губерніи графъ П. С. Шереметевъ, ознакомивъ собраніе съ частью записанныхъ имъ въ Петроавловской волости, Кирилловскаго уѣзда (между озерами Бѣлымъ, Кубанскимъ и Чарондой) текстовъ народной поэзіи и предложивъ вниманію присутствовавшихъ коллекцію (до 60 штукъ), приобретенныхъ въ упомянутой же мѣстности полотенецъ, украшенныхъ древнимъ орнаментомъ. Между прочимъ докладчикъ сообщилъ текстъ записанной имъ отъ крестьянина А. П. Аранова въ деревнѣ Трофимовой былины о Тюхменѣ Адехментьевичѣ, представляющей собственно, какъ было отмѣчено въ сообщеніи, соединеніе двухъ былинь, изъ которыхъ одна является вариантомъ къ былинамъ о Сухманѣ, а другая—къ былинамъ о Василиѣ Никулчицѣ, женѣ Данилы Денисовича. Въ томъ же засѣданіи Г. А. Пльинскій сдѣлалъ докладъ «О грамотѣ царя Іоанна Асѣя II и о необходимости ея новаго изданія». Указавъ на неудовлетворительность существующихъ изданій грамоты, подлинникъ которой хранится въ императорской академіи наукъ, референтъ сообщилъ текстъ грамоты въ русскомъ переводѣ и выяснилъ ея значеніе палеографическое (въ графикѣ грамоты не мало архаизмовъ) и лингвистическое (грамота—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ народнаго болгарскаго языка XIII вѣка). Особая глава была посвящена референтомъ историческому анализу содержанія грамоты, какъ почти единственнаго туземнаго свидѣтельства о царствованіи величайшаго изъ Асѣевичей и какъ источника для опредѣленія политическихъ границъ втораго болгарскаго царства въ средніи XIII вѣка.

Общество археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ. Въ общемъ собраніи 23 января, въ началѣ засѣданія председатель сказалъ нѣсколько словъ, посвященныхъ памяти скончавшагося 21 января дѣйствительнаго члена общества, Н. А. Толмачева, профессора Казанскаго университета по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней; медицинская дѣятельность покойнаго не мѣшала ему живо интересоваться предметами, входящими въ кругъ занятій общества, однимъ изъ членовъ-основателей котораго онъ былъ. Программа засѣданія заключала въ себѣ три научныхъ сообщенія, первымъ изъ которыхъ былъ прочитанъ «Отчетъ о поѣздкѣ къ башкирамъ Оренбургской и Уфимской губерній» М. С. Кулаева; референтъ передалъ нѣсколько свѣдѣній о языкѣ и бытѣ названныхъ инородцевъ въ связи съ ихъ народной поэзіей, довольно подробно коснувшись башкирскихъ сказокъ. Далѣе слѣдовалъ докладъ профессора Н. Θ. Катанова «Венеціанскій путешественникъ XIII—XIV вв. Марко Поло и сообщенія его о татарскихъ и монгольскихъ племенахъ». Передавъ біографію «Гумбольдта XIII столѣтія», референтъ коснулся извѣстій его о странахъ, населенныхъ татарскими и монгольскими племенами, а затѣмъ демонстрировалъ два изображенія знаменитаго путешественника—фотографическіе снимки со статуй, находящихся въ Венеціи (въ Museo civico и въ Ра-

lazzo ducale). Въ качествѣ третьяго сообщенія было прочитано окончаніе статьи П. А. Китицына «Заселеніе Усгинской волости (Костромской губерніи)», касавшееся судебъ названной мѣстности съ эпохи учрежденія Костромской удѣльной экспедиціи (1797 г.) до новѣйшихъ временъ.

Археологическій институтъ I. На состоявшемся въ 23-ю годовщину основанія института 15-го января общемъ собраніи членовъ и слушателей предѣвателемъ императорской археологической комиссіи сенаторомъ графомъ А. А. Бобринскимъ сдѣланъ былъ интересный докладъ: «Археологическія изысканія въ Приднѣпровьѣ. Результаты, добытыя раскопками послѣднихъ 20 лѣтъ. Задачи будущаго». Послѣднія 20 лѣтъ археологическихъ изслѣдованій Приднѣпровья дали богатые результаты. Огромныя собранія предметовъ, большіе печатные труды, даютъ богатый матеріалъ для научныхъ выводовъ. Рефератъ графа А. А. Бобринскаго представлялъ въ этомъ отношеніи весьма удачную попытку дать выводы и обобщенія въ живой, увлекательной формѣ. Особенно удалось референту возсоздать жизнь, бытъ, обстановку, наружность и вѣрованія обитателей Приднѣпровья скифо-сарматскаго времени. Скифо-сарматскій періодъ заканчивается, по мнѣнію референта, II вѣкомъ до Р. X. Въ это время греческое вліяніе уступаетъ свое мѣсто римскому, которое продолжается до III в. по Р. X. Слѣдуютъ затѣмъ періоды великаго переселенія народовъ III—VI в. по Р. X., славянскій—VI—IX в., великокняжескій съ византійскимъ вліяніемъ—X—XII в. нашей эры. Но хорошо вспаханная археологическая нива Приднѣпровья ждетъ еще многихъ труженниковъ науки для освѣщенія спорныхъ и темныхъ вопросовъ о культурѣ древняго обитателя Кіевской области. Докладъ графа иллюстрировался многочисленными фотографическими снимками. Затѣмъ директоръ института профессоръ Н. В. Покровскій сообщилъ отчетъ о «Состояніи губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій въ 1899 году». Губернскія ученые архивныя комиссіи, эти скромныя учрежденія, собирающія въ тѣсныя группы безкорыстныхъ труженниковъ исторической науки, въ 1899 г. продолжали неустанно свою плодотворную работу по собиранію памятниковъ родной старины. Матеріальная необезпеченность сильно тормозитъ ихъ развитіе. II. На общемъ собраніи членовъ и слушателей 25-го января прочтено было два реферата: Г. М. Балеуновымъ—«Успѣхи доисторической археологіи въ XIX столѣтіи» и Н. А. Штоффомъ—«Раскопки, произведенныя Археологическимъ институтомъ въ 1900 г.». XIX-е столѣтіе было для доисторической археологіи вѣкомъ ея зарожденія и блестящаго, хотя кратковременнаго ея развитія. Только въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія явилась впервые мысль заглянуть въ то отдаленное прошлое человѣчества, отъ котораго не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ. Надъ французскимъ ученымъ Буше-де-Пертомъ, высказавшимъ, что найденные имъ обтесанные камни представляютъ не игру природы, а орудія первобытнаго человѣка, смѣялся. Двадцать лѣтъ необходимо было для доказательства правильности его мнѣнія. Но съ тѣхъ поръ археологія быстро пошла впередъ. Находки въ Даніи слѣдовъ стоянокъ первобытнаго человѣка (кухонныхъ отбросовъ), свайныя постройки, обнаруженныя въ Швейцаріи, дали богатый матеріалъ для освѣщенія темнаго періода жизни доисторическаго обитателя нашей планеты. Отечественная наука также дала

много весьма важныхъ изслѣдованій по археологiи. Наиболѣе значительнымъ является открытiе существованiя въ Европейской Россiи челоуѣка пнтерглияциальнаго (межледниковаго) періода. Раскопки въ Петергофскомъ уѣздѣ въ маѣ 1900 г., произведенныя членами и слушателями института, о которыхъ сообщилъ Н. А. Штофъ, подтвердили уже извѣстные обряды погребенiя славянъ и дали въ результатѣ нѣсколько новыхъ данныхъ о подробностяхъ погребальнаго ритуала.

Гоголевская коммисія. 17 января въ Московскомъ университетѣ происходило первое засѣданіе коммисіи общества любителей руссiйской словесности, выбранной для подготовленiя чествованiя памяти Гоголя († 21-го февраля 1852 г.) и Жуковскаго († 12-го апрѣля 1852 г.) по поводу исполняющагося въ 1902 г. пятидесятилѣтiя кончины ихъ. Въ коммисію вошли десять членовъ: профессоръ Н. П. Стороженко, профессоръ А. Н. Веселовскій, А. Е. Носъ, В. И. Шенрокъ, профессоръ А. П. Кириичниковъ, почетный членъ общества П. А. Ефремовъ, А. Е. Грузинскій, В. В. Каллашъ, А. П. Станкевичъ и В. Е. Якушкинъ. Такъ какъ въ составѣ коммисіи находятся предѣдатель, временный предѣдатель, казначей и временный секретарь общества, то коммисія и просила этихъ должностныхъ лицъ принять на себя и соответственныя обязанности по коммисіи. Предѣдателемъ Гоголевско-Жуковской коммисіи будетъ профессоръ Н. П. Стороженко и товарищемъ предѣдателя профессоръ А. Н. Веселовскій. Коммисія постановила просить принять участіе въ ея работахъ живущаго теперь въ Москвѣ сына поэта, П. В. Жуковскаго, и намѣтила другихъ лицъ, которыхъ предполагаетъ просить или вступить въ члены коммисіи, или оказать содѣйствіе дѣлу чествованiя знаменитыхъ писателей. Точно также коммисія намѣтила учрежденiя научныя, литературныя, сценическія, музыкальныя, художественныя и общественныя, которыхъ предположено просить о содѣйствіи. Время чествованiя въ точности не опредѣлено еще, но срокъ для него опредѣляется самъ собою: съ 21-го февраля (годовщина смерти Гоголя; этотъ день придется въ слѣдующемъ году въ четвергъ на масленой недѣлѣ) по 21-е апрѣля 1902 года (конецъ Святой недѣли); день смерти Жуковскаго, 12-е апрѣля придется въ будущемъ году въ пятницу на Страстной недѣлѣ. Не останавливаясь пока на подробностяхъ программы чествованiя, коммисія намѣтила ее лишь въ общихъ чертахъ: въ дни, избранные для чествованiя, будутъ устроены торжественныя засѣданiя общества, выставка, музыкально-литературные вечера; признано желательнымъ, чтобы дни чествованiя были ознаменованы постановкой на всѣхъ сценахъ Москвы спектаклей въ честь Гоголя и Жуковскаго, устройствомъ лекцій, народныхъ чтеній и пр. Слѣдующее засѣданіе коммисіи назначено на 21-е февраля, въ годовщину смерти Гоголя.

Русское библиологическое общество. 27-го января, въ 8 часовъ вечера, въ зданіи Михайловскаго дворца (въ помѣщеніи Археологическаго института) состоялось годовое общее собраніе русскаго библиологическаго общества подъ предѣдательствомъ А. Ю. Малеина. Былъ прочитанъ отчетъ о состояніи и дѣятельности общества за 1900 г. Въ отчетномъ году общество имѣло десять общихъ собраній (1 годовое и 9 очередныхъ) и девять засѣданій совѣта; избрано было 9 почетныхъ и 55 дѣйствительныхъ членовъ и 13 членовъ-со-

трудниковъ, въ общемъ число членовъ за годъ почти удвоилось. Умерли два дѣйствительныхъ члена (Л. Н. Майковъ и П. П. Семеновъ) и членъ-сотрудникъ (Н. М. Тупиковъ). Къ 1-му января 1901 года состоятъ 9 почетныхъ, 90 дѣйствительныхъ членовъ и 14 членовъ сотрудниковъ. Капиталы и доходы въ отчетномъ году сравнительно съ предыдущимъ возросли,—первые болѣе чѣмъ вдвое, а послѣдніе почти втрое; поступленийъ было всего на сумму 1.228 рублей 74¹/₄ к. (въ томъ числѣ вступительныхъ взносовъ 440 р.), что съ остаткомъ наличности къ 1-му января 1900 г. составляетъ 1.260 р. 11¹/₄ к., изъ нихъ 414 р. 16 к. израсходовано, 374 рубля 50 коп. обращено на покупку процентныхъ бумагъ и 295 р. вынесено на книжку сберегательной кассы. Въ наличности къ 1-му января 1901 г. состоятъ 176 р. 45¹/₄ к. Общество начало издавать съ 1901 г. ежемѣсячный журналъ «Литературный Вѣстникъ». Библіотека общества весьма расширилась въ теченіе отчетнаго года преимущественно пожертвованіями. Для справочнаго бюро общества составляется карточный каталогъ статей въ повременныхъ изданіяхъ съ цѣлью дать возможность наведенія справокъ о статьяхъ по тому или иному вопросу, объ ихъ авторахъ, объ отзывахъ о той или иной книгѣ, о беллетристическихъ произведеніяхъ, напечатанныхъ въ журналахъ. Шканъ этого справочнаго бюро съ карточками помещается въ I отдѣленіи бібліотеки императорской академіи наукъ. Послѣ отчета была доложена и утверждена смета на 1901 годъ. Президентомъ общества вновь избранъ А. М. Ловягинъ, казначеишъ—К. І. Храневичъ, членомъ совѣта вмѣсто отказавшагося А. П. Браудо—А. Л. Липовскій. Въ дѣйствительные члены избраны: А. В. Селивановъ, П. А. Дамичъ, П. Н. Псаковъ, Э. А. Вольгеръ, М. А. Халяева, М. Д. Ратмеръ, Н. Д. Носковъ; въ члены-сотрудники—Ш. А. Конскій. Послѣ перерыва состоялось очередное общее собраніе, въ которомъ избраны были въ дѣйствительные члены Е. В. Дмитровскій, А. С. Николаевъ, П. П. Иващенко, Э. Э. Лявбекъ. Докладъ Д. И. Абрамовича: «Библіографическіе труды П. П. Смирнова и А. В. Мезіеръ», вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей по поводу способа рецензирования бібліографическихъ трудовъ.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. 17-го января, обсуждался, подъ предѣлательствомъ В. В. Сабанина, вопросъ о правѣ собственности на словолитные оригиналы и рисунки, имѣющій большое экономическое значеніе. Изъ преній выяснилось, что словолитное дѣло, являясь одною изъ обширныхъ отраслей художественной промышленности, не пользуется защитой закона и вслѣдствіе все болѣе и болѣе увеличивающейся контрафакціи не можетъ развиваться у насъ правильно и въ той прогрессіи, которая была бы желательна вообще для успѣховъ книгопечатанія. Русскій словолитчикъ, затрачивая капиталъ на свое новое произведеніе, не только рискуетъ не найти ему сбыта, но и ничѣмъ не гарантированъ, что черезъ нѣсколько недѣль появятся поддѣлки, значительно уступающія оригиналу въ качествѣ, но зато много удешевленные. И выходитъ, что контрафакторъ наживается, а честный и предприимчивый словолитчикъ въ большинствѣ случаевъ терпитъ убытки. Не то въ западныхъ государствахъ: тамъ существуетъ законная регламентація правъ собственности на образцы словолитныхъ произведеній, и контрафакто-

рами признаются не только дѣйствовавшіе съ злымъ умысломъ, то-есть являющіеся беззастѣнчивыми похитителями художественной собственности, но и тѣ, кто обнаружилъ даже нѣкоторое позаимствованіе или, выражаясь современнымъ терминомъ заимствователей, слегка «оперся» на оригинальный шрифтъ той или другой словолитни. Въ виду важности вопроса была избрана комиссія для болѣе детальной его разработки. Комиссія должна представить свои соображенія совѣту русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла черезъ недѣлю, а затѣмъ докладъ ея поступитъ на обсужденіе общаго собранія членовъ.

Географическое общество. 12 января подъ предсѣдательствомъ В. Н. Ламанскаго состоялось засѣданіе общества по отдѣленію этнографіи. Было сообщено о посылкѣ отъ имени отдѣленія привѣтственной телеграммы (что было сдѣлано и 2-мъ отдѣленіемъ академіи наукъ) извѣстному галицкому ученому Юсифу Степановичу Трушевичу, восьмидесятилѣтній юбилей котораго праздновался 11 января. Затѣмъ А. Л. Погодинъ слѣдалъ небольшое сообщеніе «О древности евреевъ въ Южной Россіи». Греческія колоніи сѣвернаго побережья Чернаго моря—Ольвія, Херсонесъ, Пантикапея, уже съ V вѣка до Р. Хр. начинаютъ привлекать къ себѣ варваровъ, интересующихся оживленной торговлей этихъ колоній съ сѣверными странами. Варвары эти сживаются съ греками, ихъ жизнью, обычаями, оставляютъ послѣ себя подобные греческимъ памятники съ обозначеніемъ именъ и надписями. Собственныя имена на этихъ памятникахъ изслѣдованы мало; болѣе или менѣе изслѣдованъ и выдѣленъ элементъ иранскій, между тѣмъ существуютъ и другіе элементы, коихъ три: кавказскій (горцы), грузинскій и еврейскій. Остановившаяся на послѣднемъ, докладчикъ считаетъ возможнымъ доказать, что въ Пантикапесѣ (Керчи) евреи не только мужчины, но и женщины, встрѣчались въ IV вѣкѣ до Р. Хр. Нѣкоторыя историческія указанія устанавливаютъ существованіе евреевъ въ томъ же IV и даже V вѣкахъ до Р. Хр. въ части Мидіи, Арменіи, Грузіи и Персіи. Нѣкоторыя надписи позднѣйшихъ временъ указываютъ на то, что и въ I вѣкѣ до Р. Хр. еврейскій элементъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря былъ силенъ. Въ двухъ керченскихъ надписяхъ, относящихся къ 80 г., существуетъ упоминаніе о синагогѣ, и дается предположеніе о цѣлой іудейской колоніи въ Керчи. Въ надписи III вѣка (у Латышева) указывается на еврейскіе религіозные символы; надписи надгробныя появляются съ 157 г. Въ житіяхъ херсонскихъ мучениковъ, относящихся къ III вѣку, дѣлаются указанія на участіе евреевъ въ религіозныхъ гоненіяхъ. Докладчикъ на основаніи 27 приведенныхъ имъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ греческихъ надписяхъ и несомнѣнно принадлежащихъ евреямъ, возводитъ ихъ поселенія въ вышеуказанныхъ колоніяхъ къ IV вѣку до Р. Хр. При этомъ онъ отмѣчаетъ странный перерывъ въ надписяхъ отъ III до I вѣка, что объясняется имъ возможностью захвата Керчи готами. Въ связь съ этими поселеніями евреевъ на югѣ референтъ ставитъ фактъ появленія евреевъ въ X и IX вѣкахъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ Россіи. Нѣкоторыми изъ присутствующихъ было сдѣлано указаніе на возможность ошибочности въ выводахъ, дѣлаемыхъ на основаніи собственныхъ именъ въ надписяхъ, благодаря затрудненію, потому и неясности ихъ передачи греческими буквами, а также и на то, что связь

появленія южныхъ евреевъ съ появленіемъ ихъ въ Кіевѣ одна изъ самыхъ трудныхъ проблемъ. II. Въ состоявшемся 19-го января засѣданіи статистическаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ Д. П. Семенова, Н. Федуловъ сдѣлалъ сообщеніе: «Первые итоги переписи населенія города С.-Петербурга 15-го декабря 1900 г.». Перепись, по словамъ завѣдывающихъ, прошла довольно благополучно, хотя на долю завѣдывавшихъ выпало немало труда, особенно въ пригородныхъ участкахъ, гдѣ предварительно иногда приходилось дѣлать цѣлыя рекогносцировки. Работа облегчилась, благодаря нѣкоторымъ новымъ приемамъ, принятымъ завѣдывавшими: какъ-то: перекрестнымъ допросомъ счетчиковъ, введеніемъ участковыхъ контролеровъ и т. п. Въ общемъ силы переписныя бюли все-таки слабы, ибо на каждого завѣдывавшаго пришлось до 35 тысячъ человекъ, въ то время какъ въ Берлинѣ въ 1895 г. (при болѣе культурномъ населеніи) всего 17 тысячъ, и на каждого счетчика 470 человекъ. По составу своему счетчики, какъ и въ 1890 г., такъ и въ нынѣшнюю перепись, были студенты 62,7% (въ 1890 г. 69%), участвовали также женщины, преимущественно курьестки (135 изъ 170 человекъ). Отзвѣвы о работѣ женщинъ благоприятны, всѣ онѣ были ревностны, аккуратны и почти безкорыстны. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ счетчики отнеслись къ своему дѣлу добросовѣстно. Слишкомъ большіе участки (на нѣкоторыхъ счетчиковъ приходилось болѣе тысячи человекъ, въ то время какъ въ Берлинѣ 77) привели въ многихъ случаяхъ къ поверхностному и бѣглому отношенію къ работѣ. Опасенія относительно большихъ недоразумѣній, могущихъ быть при обходѣ квартиръ, почти не оправдались; но, какъ и въ предыдущую перепись, такъ и въ настоящую наблюдается, что отношеніе къ ней низшихъ классовъ гораздо серьезнѣе и внимательнѣе, чѣмъ интеллигентовъ, позволявшихъ себѣ намѣренную небрежность и неумѣстное остроуміе, и въ этомъ направленіи, какъ это ни грустно, но нужно признать ухудшеніе сравнительно съ переписью 1900 г. Что касается самыхъ опросныхъ листовъ, то многое оказалось въ нихъ нераціональнымъ и вело къ недоразумѣніямъ. Инструкція для заполняющихъ листки можетъ считаться обременительной, сами листки слишкомъ малыи по формату. Многіе вопросы не такъ понимались, и на нихъ давались неточные отвѣты. Наиболѣе точные и полные отвѣты давали нѣмцы и финляндцы. Относительно цифровыхъ результатовъ настоящей переписи можно сдѣлать приблизительно слѣдующіе выводы: число жителей въ городскихъ частяхъ пристраивается до 1.248.643, прибыль населенія съ 1881—1890 г.—93.097, т. е. 10,8 проц., и съ 1890—1900—294.243, т. е. 30,8 проц.; всего же въ Петербургѣ вмѣстѣ съ пригородами жителей—1.439.194, при чемъ увеличеніе съ 1890—1900 г. произошло на 405.585, т. е. на 39,2 проц. Такого прироста, какъ за послѣднія 10 лѣтъ, въ Петербургѣ никогда не наблюдалось; въ этомъ отношеніи Петербургъ немногимъ уступаетъ Берлину и американскимъ городамъ. При такомъ увеличеніи населенія замѣчается общее явленіе: убыль въ центрахъ и приростъ на окраинахъ. Распредѣленіе густоты и плотности населенія у насъ гораздо неравномернѣе, напримѣръ, чѣмъ въ Берлинѣ: въ общемъ на 1 километръ приходится 13.904 человекъ. Точныхъ заключеній относительно скученности населенія еще сдѣлать трудно, но дальнѣйшая разработка мате-

ріала дасть много интересныхъ выводовъ по этому вопросу, а также и относительно санитарнаго положенія города. III. Въ состоявшемся 24-го января пятьдесятъ пятомъ годовомъ собраніи общества въ вице-предсѣдатели его единогласно былъ избранъ П. П. Семеновъ на новое 4-лѣтіе, по счету уже девятое. Кромѣ того, избраны: въ казначей—В. О. Струве, въ почетные члены: директоръ тифлискаго музея Г. И. Радде и членъ государственнаго совѣта В. И. Вешняковъ и Ѳ. Г. Тернеръ; въ дѣйствительные: В. І. Гомилевскій, Е. П. Демидовъ-Санъ-Дonato, В. В. Клейменовъ, К. И. Кокшаровъ, П. А. Россовъ, П. П. Толмачовъ и Ю. А. Шмидтъ; въ члены совѣта Ѳ. Н. Чернышевъ и А. И. Вильницкій; въ члены ревизіонной комиссіи А. И. Вильницкій, Ѳ. Ѳ. Вишрамъ, князь В. В. Голицынъ, С. Н. Никитинъ, К. В. Шарнгорстъ, П. Ѳ. Барковскій, М. П. Кашкаровъ и Н. В. Латкинъ. Затѣмъ секретаремъ общества А. В. Григорьевымъ былъ прочитанъ отчетъ за 1900 годъ. Отчету предпослано было нѣсколько воспоминаній объ умершихъ членахъ общества въ истекшемъ году: графъ Ѳ. Л. Гейденъ, Л. Н. Майковъ, В. П. Васильевъ, Н. П. Стояновскомъ и др. Изъ отчета видно, что къ 1-му января 1901 года членовъ въ обществѣ считалось 1.185 человекъ, изъ нихъ 18 августѣйшихъ особъ, 17 почетныхъ членовъ и 899 дѣйствительныхъ. Средства общества къ 1-му декабря 1900 года простиралась до 139.200 рублей. Спеціальнаго капитала—77 тысячъ, полученій за годъ—39.194 рублей, а расхода—38.526 рублей. Затраты на изданія выразились въ суммѣ 22 тысячъ. Библіотека обогатилась большими пожертвованіями. Отчетъ коснулся также положеній крупныхъ экспедицій, какъ предпринятыхъ, такъ только и продолжавшихся въ 1900 году; изъ нихъ о самой большой тибетской, во главѣ которой стоятъ Козловъ и Казнаковъ, имѣются очень отдаленныя извѣстія, относящіяся еще къ марту мѣсяцу 1900 года. О корейско-сахалинской имѣются свѣдѣнія, именно о приблизительной ея дѣятельности съ іюня по октябрь нынѣшняго года. О камчатской только что получены интересныя сообщенія, дающія много интересныхъ данныхъ объ изслѣдованіяхъ ея рѣкъ, вулканическихъ изверженій и особенно ледниковыхъ группъ. Экспедиція Н. Л. Заруднаго—восточно-персидская, обѣщаетъ быть очень интересной и продлится до поздней осени. Въ заключеніе былъ прочитанъ списокъ медалей, присужденныхъ за ученые труды въ истекшемъ году. По отдѣленію географіи математической и физической—константиновская медаль дѣйствительному члену В. А. Обручеву за труды по геологіи Азій; медаль графа Ѳ. П. Литке—дѣйствительному члену М. Е. Жданко за общую совокупность его географическихъ работъ; медаль П. Н. Семенова—Г. А. Керсновскому за его трудъ по метеорологіи. Большая серебряная медаль П. М. Пржевальскаго—профессору Томскаго университета В. В. Сапожникову за его изслѣдованіе физико-географическаго характера Алтая. Малая золотая—члену сотруднику Н. А. Бушу за его изслѣдованіе ледниковъ и природы Сѣвернаго Кавказа. Малыя серебряныя: 1) П. Е. Воларевичу, 2) В. П. Веберу, 3) П. П. Веберу, 3) П. И. Сорокину, 4) А. Е. Микеладзе, 5) С. П. Тургеневу, 6) Мустафѣ Бенъ-Поливандову. По отдѣленію статистики малая золотая медаль присуждена П. Ѳ. Унтербергеру за его трудъ «Приморская область въ 1956—1898 гг.». По отдѣленію этнографіи: малая золотая—В. А. Мошкову за его труды согласно

отзыву В. П. Ламанскаго. Серебряныя медали: священнику Н. Предтеченскому, К. Жакову за сообщеніе о зырянахъ; Л. Я. Штернбергу, В. П. Жевичу, Н. Г. Ончукову, П. Я. Нестеровскому и Д. К. Зеленину.

Славянское общество. 22-го января, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества, В. С. Драгомирецкій сдѣлать сообщеніе о «современномъ положеніи Галицкой Руси». Лекція началась краткимъ историческимъ очеркомъ Галицкой Руси. Любопытно то, что Прикарпатская Русь, находящаяся въ самомъ центрѣ Европы, по непонятной причинѣ до сихъ поръ почти совершенно пренебрегается нашими учеными. Особенно интересно было описано экономическое положеніе Галичины. Вся торговля въ странѣ, вся промышленная дѣятельность, банковая и, наконецъ, земледѣльческая—все это въ рукахъ евреевъ, являющихся какъ бы фактическими владѣльцами края и всячески его эксплуатирующихъ. Русскому или поляку и думать нечего о конкуренціи съ ними. Евреи настолько сильны и сплочены между собою, что никто изъ иной національности не въ состояніи бороться съ ними. До 1867 года, когда евреямъ не разрѣшалось пріобрѣтать землю въ ихъ личную собственность, въ ихъ рукахъ находилось только 36 крупныхъ имѣній; со времени же состоявшейся въ этомъ году конституціи, предоставившей и евреямъ права на пріобрѣтеніе земли наравнѣ съ христіанами, положеніе еврейскаго землевладѣнія быстро измѣнилось. Въ 1870 году, т.-е. спустя всего лишь три года по обнародованіи новой конституціи, явилось уже 68 крупныхъ еврейско-землевладѣльцевъ, въ 1876 году уже 289 крупныхъ имѣній было въ ихъ рукахъ. Въ настоящее время число такихъ имѣній достигло уже 850, т.-е. одна пятая всѣхъ крупныхъ землевладѣній въ Галичинѣ принадлежитъ евреямъ. Если евреи достигли столь блистательныхъ успѣховъ въ пріобрѣтеніи крупныхъ шляхетскихъ имѣній, то о ничтожныхъ земельныхъ участкахъ галицкихъ переселенцевъ и говорить нечего—такіе участки перешли и переходятъ ежегодно въ еврейскія руки цѣлыми тысячами. Съ 1873 года до настоящаго времени евреи съ аукціоновъ при крестьянскомъ банкѣ пріобрѣли около 55.000 крестьянскихъ усадебъ и земельныхъ надѣловъ. Сколько же крестьянъ обезземелили они частнымъ образомъ, объ этомъ сказать трудно, но во всякомъ случаѣ минимумъ въ три раза болѣе. Усиленіе еврейскаго землевладѣнія продолжается съ ужасающей быстротой, и мѣстныя власти относятся къ захвату евреями христіанской земли съ удивительнымъ равнодушіемъ. Въ данное время, какъ уже сказано, пятая часть изъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ въ Галиціи—евреи; слѣдовательно вполне возможно, что черезъ какихъ нибудь десять—двадцать лѣтъ большинство имѣній поочередно перейдетъ въ руки евреевъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что процентъ еврейскаго населенія въ Галичинѣ увеличивается съ каждымъ годомъ съ поражающей быстротой. Въ 1857 году въ Галичинѣ было около 450.000 евреевъ, въ 1870 году было уже 570.000, въ 1880 году евреевъ оказалось уже 687.000 человекъ, а въ настоящее время ихъ насчитывается уже свыше 900.000 человекъ. Одновременно съ увеличеніемъ количества евреевъ увеличивается съ каждымъ годомъ и число русскихъ переселенцевъ изъ Галиціи въ Сѣверную Америку, Канаду и проч. страны. Такихъ переселенцевъ за послѣднія 20 лѣтъ насчитывается свыше

400.000 человекъ. Интеллигентные евреи въ странѣ весьма любопытны. Они всячески стараются походить на русскихъ и поляковъ. Съ этой цѣлью они носятъ польское платье, бросаютъ говорить на своемъ жаргонѣ, а дѣтей совсѣмъ не обучаютъ родному языку, даже во многихъ синагогахъ богослуженіе совершается только на польскомъ языкѣ. Такіе евреи именуютъ себя «поляками», исповѣдующими еврейскую религію.

Къ археологическому съѣзду. Въ понедѣльникъ, 15-го января, состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ. Профессоръ Д. И. Багалъй доложилъ просьбу І. П. Короленко о сообщеніи ему чрезъ посредство комитета изъ московскихъ архивовъ матеріала о вещахъ, неизвѣстно куда поступившихъ изъ церкви Чартомлынской сѣчи (послѣ разоренія ея въ 1709 г.), изъ церкви Поднольной сѣчи (послѣ разоренія въ 1775 г.), а равно описей войсковыхъ клейнодовъ указанныхъ сѣчей. Въ виду того, что этотъ матеріалъ необходимъ г. Короленкѣ для подготавливаемой имъ къ харьковскому археологическому съѣзду статьи о церковныхъ древностяхъ кубанскихъ казаковъ, постановлено обратиться съ соответствующей просьбой къ московскому предварительному комитету. Прочтено сообщеніе А. Яковлева о случайно произведенной имъ раскопкѣ могилъ доисторическаго вѣка въ холмахъ у рѣки Чирь, въ Донской области, о нахожденіи имъ въ одной могилѣ пяти скелетовъ, а въ другой — трехъ, при чемъ кости всѣхъ скелетовъ были красноватаго цвѣта, при нихъ найдено нѣсколько штукъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и кремневыхъ ножей. Постановлено г. Яковлева благодарить за сообщеніе и просить о высылкѣ кремневыхъ предметовъ для выставки съѣзда. Прочтено сообщеніе С. І. Ивановича о произведенной имъ раскопкѣ кургана, находящагося въ Изюмскомъ уѣздѣ, Петровской волости, въ 3-хъ верстахъ отъ слободы Валвенкиной, на правой сторонѣ р. Дона. Въ могилѣ, на глубинѣ 1¹/₄ аршина, найдены обожженные угли, горшокъ, деревянный ящикъ съ человѣческими костями, разбитыми, съ черепомъ, сверху приплюснутымъ, безъ челюсти, около черепа горшокъ; между костями — металлическія украшенія въ видѣ серегъ. Постановлено благодарить г. Ивановича за сообщеніе и за доставленныя вещи. Профессоръ Д. И. Багалъй доложилъ, что комитетомъ получены отъ секретаря харьковскаго губернскаго статистическаго комитета свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ, имѣющихся въ различныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи. Постановлено: мѣсто нахожденія бабъ обозначить на археологической картѣ Харьковской губерніи, составляемой профессоромъ Д. И. Багалъемъ, сдѣлать фотографическіе снимки съ каменныхъ бабъ и произвести раскопки тѣхъ кургановъ, на которыхъ эти бабы находятся. Согласно предложенію московскаго предварительнаго комитета, рѣшено собрать свѣдѣнія о различнаго рода археологическихъ коллекціяхъ, собраніяхъ, имѣющихся у помѣщиковъ, купцовъ и вообще частныхъ лицъ Харьковской губерніи, путемъ обращенія въ газетахъ, и, кромѣ того, рѣшено просить о содѣйствіи помощи комитету въ этомъ отношеніи губернатора, земскую управу и земскихъ начальниковъ. Профессоръ Е. К. Рѣдинъ доложилъ: а) о поступленіи свѣдѣній по программамъ комитета отъ народныхъ учителей Волчанскаго уѣзда, при чемъ прочталь сообщенія учителя Верхне-Салтовскаго

народнаго училища В. Бабенко, приславшаго и цѣлую коллекцію предметовъ древности и этнографическихкихъ; б) о просьбѣ, обращенной отъ имени комитета, къ духовной консисторіи и г. понечителю округа, указать священникамъ и народнымъ учителямъ, не доставившимъ свѣдѣній — срокомъ доставки такихъ — 15-е марта сего года; по этому же поводу рѣшено: въ виду мало остающагося времени до съѣзда и необходимости произвести подготовительныя работы (составленіе каталоговъ, фотографированіе и проч.) — просить всѣхъ, кто имѣетъ что доставить для выставокъ при съѣздѣ, — присылать теперь же комитету. Профессоръ М. Г. Халанскій познакомилъ съ продолженіемъ описи коллекціи г-жи Томиліной и нѣкоторыми рукописными книгами (соборное уложеніе Алексѣя Михайловича; сборникъ XVIII вѣка: Александрія, Русская лѣтопись до 1706 года, Бесѣды о трехъ святителяхъ и др.) и старопечатными (Ифигенія въ Тавридѣ, драма на музыкѣ (1768) и драма «Сократъ»), полученными имъ изъ Бѣлгорода (отъ г. Мичурина): далѣе прочелъ сообщенную г. Лернеромъ народную свадебную пѣсню. Постановлено выразить благодарность инспектору народныхъ училищъ Волчанскаго уѣзда, народнымъ учителямъ этого уѣзда, С. Н. Пономареву (приславшему рукопись XVIII вѣка — Акакистъ покрову Пресвятой Богородицы) и всѣмъ лицамъ, сообщившимъ свѣдѣнія и предметы; также напечатать приготовленныя профессоромъ Ю. И. Морозовымъ карты подземныхъ ходовъ въ г. Харьковѣ.

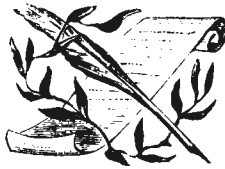
Публичная библіотека. Работы по отдѣлкѣ внутреннихъ помѣщеній въ пристройкѣ зданія Императорской публичной библіотеки почти совершенно закончены, и въ недалекомъ будущемъ (говорятъ, 15-го — 25-го февраля) для чтенія и занятій посѣтителей открывается новый великолѣпный читальный залъ. Пристройка на самомъ дѣлѣ есть новое, совершенно самостоятельное зданіе громаднхъ размѣровъ: 33 сажени по фасаду въ длину и свыше 20 сажень въ ширину, отдѣленное отъ стараго собственной капитальной стѣною и соединяющееся съ нимъ только въ четырехъ мѣстахъ особыми переходами. Въ виду предстоящаго открытія новаго зала для читателей будетъ не безынтересно узнать объ этой архитектурной новинкѣ и исторіи ея возникновенія. Какъ ни велико зданіе библіотеки, но постепенное, постоянное изъ года въ годъ увеличеніе книгъ за время вѣкового ея существованія сдѣлало это зданіе тѣснымъ. Въ послѣднее время тѣснота эта достигла своего апогея. Книги, часто весьма цѣнныя, складывались на ступенькахъ лѣстницъ въ разныхъ служебныхъ помѣщеніяхъ, не исключая даже уборныхъ, и попросту кучами на полу. Проходы вездѣ сужены были до минимума. Точно также настоящій читальный залъ чрезвычайно малъ и рѣшительно не въ состояніи вмѣстить всю ту массу учащейся молодежи и прочей публики, которая ежедневно посѣщаетъ библіотеку. Тѣснота здѣсь невообразимая. Столы разставлены такъ скученно, что проходы между ними нигдѣ не превышаютъ трехъ четвертей и самое большее аршина. Было немало курьезовъ, когда какой либо тучный посѣтитель застревалъ въ проходахъ. Достаточно сказать, что залъ этотъ, рассчитанный всего на 180 человекъ, вмѣщаетъ зачастую свыше 300 человекъ и болѣе. Новое зданіе по фасаду, выходящему на площадь Александринскаго театра, является непосредственнымъ продолженіемъ стараго, одной съ нимъ вышины

и въ томъ же стилѣ Возрожденія. Съ улицы оно двухъ-этажное, высотой въ 8 сажень, со двора—четырёхъ-этажное, высотой въ 10¹/₂ сажень. Входъ въ читальный залъ выстроенъ новый, нѣсколько лѣтъ настоящаго, и ведетъ въ обширный вестибюль, въ нѣсколько разъ большихъ размѣровъ, чѣмъ старый. Новинкой новаго вестибюля помимо его величины является обширное помѣщеніе для храненія велосипедовъ посѣтителей библиотекки. Изъ него ведутъ нѣсколько дверей въ разныя помѣщенія: въ старое зданіе, въ новое книгохранилище, въ уборныя и въ курительную комнату. Последняя, являющаяся также новинкой и пріятнымъ сюрпризомъ для посѣтителей обновленной библиотекки, достаточно обширна и комфортабельно меблирована. Строители здѣсь приняли всѣ мѣры предосторожности для безопасности въ пожарномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ. Комната отдѣляется отъ вестибюля массивной желѣзной дверью. Внутри ея горѣть совершенно нечему: дерево отсутствуетъ, все сдѣлано изъ камня, желѣза и стекла. Для отвода дыма приспособлена вентиляція. Изъ вестибюля широкая мраморная лѣстница ведетъ во второй этажъ въ аванзалъ. Великолѣпная лѣстница съ одной стороны снабжена массивной рѣшеткой изъ кованнаго желѣза художественной работы, сдѣланной на извѣстномъ механическомъ заводѣ Винклера. Рѣшетка эта на послѣдней парижской выставкѣ обращала на себя общее вниманіе знатоковъ-спеціалистовъ. Въ аванзалѣ на столахъ будутъ размѣщены всевозможныя справочныя изданія, каталоги, календари и всѣ законы Россіи. Стѣны здѣсь утилизированы весьма интересно: направо размѣщена колоссальная, единственная во всемъ мірѣ по величинѣ (10 верстъ въ квадратномъ дюймѣ) карта Европейской Россіи, направо—Азиатская Россія (50 верстъ въ квадратномъ дюймѣ), а также планъ города и окрестностей Петербурга, на прочихъ стѣнахъ размѣщены всѣ карты прочихъ странъ свѣта. Насколько велики карты, можно судить потому, что всѣ онѣ, за исключеніемъ карты Азиатской Россіи и плана Петербурга, приводятся въ движеніе особымъ механизмомъ при помощи электричества. Изъ аванзала переходимъ въ читальный залъ. Последній особенно красивъ и величественъ. Размѣры зала: въ длину 19 саж., въ ширину 8 саж., при высотѣ около 4 саж. Залъ двусвѣтный, окна съ обѣихъ сторонъ, и свѣта здѣсь изобиліе. Направо отъ входа—у боковой стѣны выдача книгъ, сверху на циферблатѣ вѣчный мѣсяцесловъ, направо въ другомъ концѣ—портретъ государя императора, портретъ нѣсколько болѣе натуральной величины. Въ простѣнкахъ по обѣимъ сторонамъ залъ размѣщены бюсты 16 главнѣйшихъ русскихъ литераторовъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ Ломоносова и кончая Львомъ Толстымъ. На стѣнѣ у выдачи книгъ бюсты главнѣйшихъ русскихъ историковъ: Карамзина и Соловьева. Съ другой стороны, по бокамъ портрета государя, размѣщены шесть бюстовъ российскихъ государей: Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. Новый залъ рассчитанъ на 400 посѣтителей, размѣщенныя нормально, удобно. Если же въ немъ допустить скученность, которая теперь наблюдается въ старомъ залѣ, то здѣсь размѣстятся свыше 1.000 человекъ. Освѣщается залъ восемью дугowymi лампами по 1.200 свѣчей каждая. Надъ входомъ въ залъ на громадномъ щитѣ золотыми буквами сдѣлана надпись изъ лѣтописи Нестора: «Слова

книжная суть рѣки, напояющія вселенную». Полы во всемъ зданіи и во всѣхъ этажахъ изъ меглазскихъ плитъ, подоконники изъ мрамора. Вообще—роскошь видна во всемъ, даже въ мелочахъ. Постройкой зданія завѣдывала особая строительная комиссія. Наблюдать за работами архитекторъ г. Воротиловъ. Всѣ работы по его сооруженію обошлись въ 485.000, считая въ этой суммѣ и 38.000 р., уплаченныхъ за облицовку наружнаго фасада песчаникомъ. Новыя помѣщенія для храненія книгъ расположены во всѣхъ четырехъ этажахъ: въ первомъ— въ громадномъ помѣщеніи, одинаковомъ съ читальнымъ заломъ, расположено естественно-историческое отдѣленіе; во второмъ—при читальномъ залѣ и въ ближайшихъ отъ него помѣщеніяхъ всѣхъ трехъ этажей размѣщено такъ называемое «дублетное» отдѣленіе, состоящее изъ 300 тысячъ томовъ. Это отдѣленіе состоитъ исключительно изъ вторыхъ экземпляровъ книгъ, предназначенныхъ для чтенія обывденной публики. Всѣ книги названнаго отдѣленія размѣщены уже въ новомъ помѣщеніи, и теперь для нихъ составляется новый каталогъ. Въ настоящее время изъ нихъ занумеровано около 25.000 экземпляровъ. Всѣ помѣщенія для храненія книгъ утилизированы крайне экономно. Вездѣ оставлены только небольшіе проходы, а все остальное занято полками отъ пола до потолка; свободнымъ, кажется, не оставлено ни одного квадратнаго вершка. Въ новомъ зданіи можетъ быть размѣщено то же количество книгъ, какое хранилось до сихъ поръ въ старомъ, хотя вмѣстимость послѣдняго несравненно больше. Длина всѣхъ полокъ для книгъ въ новомъ помѣщеніи бібліотеки свыше 30 верствъ. Мѣдные пироны, на которыхъ доски укрѣплены къ стѣнамъ, вѣсятъ по $5\frac{1}{2}$ золотниковъ. Каждую доску поддерживаютъ 4 пирона, а для всѣхъ досокъ понадобилось 130 пудовъ пиროновъ, или 91.000 штукъ, стоимостью каждый въ 4 кош. Количество всѣхъ книгъ— томовъ, хранящихся въ бібліотекѣ, въ настоящее время свыше 2 милліоновъ. Если бы всѣ полки, заставленныя книгами, разложить въ одну линію, то таковая протянулась бы дальше Навловска. Съ открытіемъ новаго читальнаго зала для публики, въ старомъ немедленно приступать къ работамъ по перестройкѣ его также подъ помѣщенія для храненія книгъ. Изъ него сдѣлаютъ два этажа. Все новое зданіе бібліотеки совершенно безопасно въ пожарномъ отношеніи. Какъ извѣстно изъ практики, пожары въ подобныхъ зданіяхъ возникаютъ чаще всего вслѣдствіе неисправностей системы отопленія, не только печами, но и такъ называемаго центральнаго, или же освѣщенія. Въ зданіи бібліотеки отъ этихъ причинъ пожара ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ, такъ какъ отопленіе во всемъ зданіи устроено водяное (безъ пара,—послѣднее не вполне безопасно, а только при помощи нагрѣтой воды). Отопленіе производится въ совершенно особомъ изолированномъ зданіи, при чемъ вода здѣсь никогда не нагрѣвается до температуры кипѣнія (80° R.), а всегда нѣсколько менѣе; нагрѣтая вода доходитъ по трубамъ въ зданіе бібліотеки уже нѣсколько охлажденная, а именно не свыше 60° R., тогда какъ дерево начинаетъ горѣть только при температурѣ въ 200° . То же слѣдуетъ сказать и о системѣ устройства во всемъ зданіи проводовъ для электрическаго освѣщенія. Во всѣ четыре этажа со станціи для освѣщенія проведены въ разныхъ мѣстахъ надъ окнами четыре кабеля. Особенность устройства та, что эти провода нигдѣ не только

не закрыты въ стѣнахъ или потолкахъ, но ни въ одномъ мѣстѣ даже не проникають къ нимъ и расположены совершенно свободно. Нигдѣ въ зданіи нѣтъ ни одной кнопки, устроенной, на примѣръ, на стѣнѣ, — всё оиѣ прикрѣплены къ спускающимся отъ проводовъ и лампъ шнурамъ. Любопытно также устроена въ зданіи система вентиляціи. Последняя будетъ циркулировать: лѣтомъ — при помощи электричества, зимою — при помощи отопленія, по особымъ трубамъ. Во избѣжаніе пыли въ помѣщеніяхъ, чистый воздухъ будетъ сначала подогреваться, затѣмъ увлажняться до желаемой степени, наконецъ фильтроваться и только послѣ этихъ манипуляцій поступать въ помѣщенія.

Письма И. С. Никитина. Изъ Петербурга въ Воронежъ черезъ писателя Е. Л. Маркова въ ученую архивную комиссію доставлено семнадцать еще неизданныхъ писемъ поэта И. С. Никитина. Письма эти относятся къ послѣднему періоду жизни поэта — къ 1856—1861 гг., и написаны на печатныхъ бланкахъ съ текстомъ: «Воронежъ. Книжный магазинъ и бібліотека для чтенія Никитина. Продажа русскихъ и французскихъ книгъ, географическихъ картъ, атласовъ и письменныхъ принадлежностей». Адресованы въ г. Нижнедѣвицкъ, на имя Брюханова. Содержаніе этихъ писемъ имѣетъ несомнѣнный интересъ какъ для біографіи поэта, такъ и для знакомства съ интересами лѣтней общественной жизни той эпохи.

НЕКРОЛОГИ.

ВЪЛЯВСКІЙ, А. В. 24-го января скончался въ Петербургѣ бывшій директоръ сначала Гельсингфорской гимназій, а потомъ Глуховскаго учительскаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Вѣлявскій. Сынъ священника Смоленской губерніи, онъ по окончаніи курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи въ симферопольскую гимназію, откуда перешелъ въ Кронштадтъ учителемъ въ штурманское училище, затѣмъ—въ Москву.

Въ 1870 г. на него было возложено устройство и организація открывавшейся въ то время Гельсингфорской Александровской гимназій, директоромъ которой онъ и былъ утвержденъ. Затѣмъ, покойный былъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ, устройтелемъ и первымъ директоромъ глуховскаго учительскаго института. Послѣдніе годы А. В. жилъ въ Глуховѣ. Умеръ онъ на 60-мъ году жизни, отъ порока сердца. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: переводы сочиненій Бирнацаго—«Очерки и картины изъ всеобщей исторіи», Шутце—«Училищевѣдѣніе», Линднера—«Общее ученіе о воспитаніи» и «Общее ученіе объ обученіи», а также составленъ «Историческій очеркъ развитія элементарной школы». («Нов. Вр.», 1901 г., № 8955).

† **Доброисцевъ, М. Е.** 28-го января скончался на 61-мъ году жизни Михаилъ Евграфовичъ Доброисцевъ, пользовавшійся въ столичномъ педагогическомъ мѣрѣ заслуженною извѣстностью, какъ преподаватель въ бывшей женской гимназій М. П. Спѣшневой, въ гимназіяхъ Покровской общины и Э. П. Шаффе, въ гимназій Мая, 1-мъ реальномъ училищѣ и Елисаветинскомъ институтѣ и вездѣ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія: скромный и сдержанный въ сужденіяхъ, М. Е. отличался основательнымъ знаніемъ своего предмета и пониманіемъ его образовательнаго значенія. Чуждый условной искусственности въ пріемахъ преподаванія и формализма въ его содержаніи, покойный неустанно работалъ надъ развитіемъ въ своихъ ученикахъ и учени-

цахъ живой рѣчи и сознательной любви къ родной литературѣ. Имѣя въ иные годы до 48 уроковъ въ недѣлю, заваленный по вечерамъ горами ученическихъ тетрадокъ, М. Е. отличался рѣдкою добросовѣстностью въ исполненіи своего долга, доходившаго иногда до настоящаго самопожертвованія, искреннею любовью къ дѣлу и живымъ участіемъ къ интересамъ жизни учащейся молодежи. Покойнымъ была напечатана въ журналѣ «Семья и Школа» прекрасная статья «О преподаваніи русской грамматики въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній» и брошюра: «Возможно ли примѣнить «Русское правописание» академика Грота къ практикѣ?» («Нов. Вр.», 1901 г., № 8955).

† **Ивановъ, Г. А.** Въ Москвѣ скончался 21-го января бывшій ректоръ Московскаго университета, заслуженный профессоръ Гавриилъ Аванасьевичъ Ивановъ, извѣстный въ научномъ мѣрѣ, какъ выдающійся филологъ и знатокъ классическаго стиля римской литературы. Покойный родился 11-го іюля 1828 г., образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ кончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическихъ наукъ. По выходѣ изъ университета, Г. А. около 9 лѣтъ занимался педагогической практикой въ частныхъ семьяхъ, преподавалъ латинскій языкъ въ одесскомъ Ришельевскомъ лицѣ и служилъ столоначальникомъ въ канцеляріи московскаго оберъ-полицеймейстера. Въ 1859 году онъ былъ приглашенъ Московскимъ университетомъ преподавать латинскій языкъ и съ тѣхъ поръ не разставался съ университетомъ, будучи сперва адъюнктомъ, потомъ профессоромъ по кафедрѣ римской словесности, деканомъ историко-филологическаго факультета и съ 1888 г. по 1891 г. ректоромъ университета. Г. А. читалъ болѣе 40 лѣтъ лекціи по классической филологіи съ объясненіями греческихъ и римскихъ писателей. Кромѣ того, онъ ежегодно читалъ необязательные курсы, выбирая для чтенія мало разработанныхъ авторовъ. Покойный былъ всецѣло поглощенъ избранной имъ спеціальностью, умѣлъ жить интересами великихъ людей древности и передавать замѣтельно точно и изящно сухія страницы древнихъ авторовъ въ живой интересной рѣчи. Какъ лекторъ, онъ обладалъ талантомъ привлекать слушателей и увлекать ихъ. Этимъ онъ обязанъ также своей симпатичной натурѣ, чуждой зла и полной отзывчивости. Покойный отличался необычайной скромностью и не искалъ ученыхъ степеней. Московскій университетъ поднесъ ему въ 1872 году степень доктора въ уваженіе къ его крупнымъ научнымъ знаніямъ *honoris causa*. Читая лекціи въ университетѣ, Г. А. одновременно преподавалъ классическую филологію въ лицѣ Цесаревича Николая и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ директоромъ лица. Изъ его немногочисленныхъ печатныхъ трудовъ можно назвать «Взглядъ Цицерона на современное ему изученіе краснорѣчія въ Римѣ въ связи съ его собственнымъ образованіемъ» (актовая рѣчь), переводъ бесѣды Плутарха «О лицѣ, видимомъ на дискѣ лѣны» и переводъ «Введенія въ гармонику», приписываемую Эвклиду. («Нов. Вр.», 1901 г., № 8948).

† **Масальскій, В. К.** Близъ Минска на дачѣ Кальваришки послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни въ январѣ скончался бывшій непремѣнный членъ минскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Веніаминъ Константиновичъ Масальскій. Сынъ извѣстнаго литератора сороковыхъ годовъ,

покойный родился 15-го июня 1842 г., воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1862 г. выпущенъ поручикомъ въ 1-й гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, но въ 1863 году оставилъ военную службу и поступилъ на должность чиновника особыхъ порученій при начальникѣ Костромской губерніи. Послѣ этого В. К. служилъ короткое время по акцизному вѣдомству Костромской губерніи, а въ 1865 году предложеніемъ главнаго начальника Сѣверо-западнаго края былъ назначенъ сначала кандидатомъ, а затѣмъ мировымъ посредникомъ въ Ковенской губерніи. Въ 1877 году В. К. былъ назначенъ въ Минскую губернію непремѣннымъ членомъ Новогрудскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 1878 году мозырскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1880 году определенъ на должность непремѣннаго члена минскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ каковой должности и оставался до 11-го ноября 1898 года. Посвятивъ такимъ образомъ большую часть своей служебной дѣятельности крестьянскимъ учрежденіямъ Сѣверо-западнаго края, покойный работалъ на разныхъ поприщахъ, связанныхъ съ послѣднею должностію непремѣннаго члена минскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, съ усѣхомъ исполняя самыя серьезныя, выдающіяся порученія по губерніи, всецѣло отдавая служебнымъ обязанностямъ. В. К. издалъ также двѣ книги: «Сельскій сходъ и сельскія должностныя лица» и «Какъ окончательно выкупать земли, получать особыя данныя и утверждаться въ правахъ наслѣдства въ крестьянскомъ быту». Послѣдній трудъ его «Объ общинномъ владѣніи» остался, влѣдствіе болѣзни, неоконченнымъ. Имъ издана переписка его отца и помѣщено нѣсколько статей, очерковъ и разсказовъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1860-хъ годовъ. («Нов. Вр.» 1901 г., № 8947).

† **Манасениъ, В. А.** 13-го февраля, послѣ четырнадцатидневныхъ страданій скончался отъ воспаленія мозга бывший профессоръ императорской военно-медицинской академіи Вячеславъ Авксентьевичъ Манасениъ. Покойный родился въ 1841 году. Высшее образованіе онъ получилъ на медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета, по окончаніи котораго, для усовершенствованія уѣхалъ за границу и слушалъ лекціи въ Вѣнѣ и Тюбингенѣ. По пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1866 году, В. А. выдержалъ испытаніе на званіе приватъ-доцента и сталъ читать лекціи въ императорской военно-медицинской академіи, а въ 1877 году занялъ самостоятельную кафедру и получилъ въ завѣдываніе терапевтическую клинику при этой академіи. Покойный былъ извѣстенъ не только какъ врачъ, но и какъ публицистъ, и до послѣднихъ дней своей жизни редактировалъ газету «Врачъ». И въ совѣтѣ академіи, и въ печати В. А. энергично ратовалъ за необходимость точно соблюдать установленный предѣльный срокъ для занятія даннымъ лицомъ самостоятельной кафедры (25 лѣтъ), чтобы не стѣснять доступа къ профессурѣ молодымъ силамъ. Самъ В. А. въ 1891 году, — по истеченіи двадцати пяти лѣтъ со времени занятія имъ кафедры, — несмотря на всѣ просьбы, категорически отказался отъ профессуры. В. А. Манасениъ всегда предъявлялъ высокія требованія къ званію врача, и этимъ-то, въ связи съ глубокою предавностію къ наукѣ, обусловливается и горячность, проявлявшаяся покойнымъ въ борьбѣ

съ ненаучнымъ, по его мвѣнію, способомъ лѣченія и съ представителями ихъ въ медицинской средѣ. Эта горячность навлекла на В. А. даже судебное преслѣдованіе. Еще не забылось громкое дѣло покойнаго съ берлинскимъ профессоромъ Іегеромъ, котораго В. А. называлъ въ печати «шарлатаномъ» за то, что докторъ Іегеръ назначалъ своимъ больнымъ принимать внутрь выдѣленія здоровыхъ людей, вдыхать воздухъ, насыщенный потомъ здоровыхъ людей (въшая чулки, носки и другіе предметы этихъ людей къ постелямъ больныхъ) и т. д. Дѣло это окончилось полнымъ оправданіемъ покойнаго. В. А. Манасинъ принималъ также дѣятельное участіе въ литературномъ фондѣ, неоднократно изобразившемъ его своимъ предсѣдателемъ. Изъ массы научныхъ трудовъ покойнаго особенно выдаются: «Матеріалы для вопроса объ этиологическомъ и терапевтическомъ значеніи техническихъ вліяній», «Матеріалы для вопроса о голоданіи», «О значеніи техническихъ вліяній», «Лекціи по общей терапіи», «Chemische Beiträge zur Fieberlehre» и др.

† **Мещерскій, Н. П.** Въ селѣ Дугинѣ Смоленской губерніи скончался 19-го января гофмейстеръ высочайшаго двора князь Николай Петровичъ Мещерскій. Покойный—внукъ по матери Н. М. Карамзина—принадлежалъ къ числу видныхъ дѣятелей по народному образованію и ближайшихъ помощниковъ покойнаго графа Д. А. Толстого въ дѣлѣ насажденія классическаго образованія въ Московскомъ учебномъ округѣ. Н. П. родился въ Петербургѣ, первоначальное образованіе получилъ въ семьѣ, затѣмъ кончилъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Опредѣлившись на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, онъ былъ съ 1870 г. по 1874 г. помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа и съ 1874 г. по 1880 г.—попечителемъ того же округа. Примкнувъ къ кружку М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, покойный явился горячимъ приверженцемъ взглядовъ Д. А. Толстого въ дѣлѣ народнаго образованія и обогатилъ Москву и губернскіе города округа нѣсколькими новыми классическими гимназіями, а также другими учебными заведеніями. Когда графъ Д. А. Толстой покинулъ постъ министра народнаго просвѣщенія, князь Н. П. тоже удалился отъ управленія Московскимъ учебнымъ округомъ. Покойный занимался на досугѣ и литературой. Ему принадлежитъ нѣсколько стихотвореній, печатавшихся въ разное время въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». («Н. Вр.». 1901 г., № 8947).

† **Пашутинъ, В. В.** 20-го января, въ 5^{1/2} часовъ пополудни, отъ паралича сердца внезапно скончался начальникъ императорской военно-медицинской академіи и предсѣдатель медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, заслуженный ординарный профессоръ и академикъ Викторъ Васильевичъ Пашутинъ. Покойный, сынъ священника города Новочеркасска, родился 16-го января 1846 г. По окончаніи курса въ медико-хирургической академіи В. В. былъ оставленъ при академіи на три года для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія. Въ 1870 г. онъ защитилъ диссертацию на степень доктора медицины, а въ слѣдующемъ уже году, послѣ прочтенія двухъ пробныхъ лекцій, былъ признанъ въ званіи приватъ-доцента академіи по кафедрѣ физиологій и командированъ за границу съ ученою цѣлью на два года. За границей В. В. занимался въ лучшихъ евро-

пейскихъ лабораторіяхъ и опубликовалъ цѣлый рядъ научныхъ изслѣдованій. По окончаніи срока командировки покойный былъ выбранъ совѣтомъ Казанскаго университета на кафедрѣ общей патологіи и занялъ ее въ 1874 году. Преподаваніе общей патологіи въ видѣ самостоятельной экспериментальной науки въ то время еще не велось даже и въ заграничныхъ университетахъ. У насъ же, въ Россіи, и именно только въ Казанскомъ университетѣ, рѣшено было впервые отдѣлить общую патологію отъ клиники. Отсутствие лабораторій, разбросанность напечатаннаго матеріала, масса пробѣловъ въ экспериментальной разработкѣ патологическихъ явленій дѣлали преподаваніе общей патологіи особенно труднымъ и несомнѣнно требовали отъ лектора энергіи и таланта. В. В. принадлежитъ та большая заслуга, что онъ съ честью преодолѣлъ всѣ эти трудности, доказавъ несомнѣнную пользу новаго направленія въ патологіи и вызвавъ образованіе такихъ же кафедръ во всѣхъ другихъ российскихъ университетахъ и въ медико-хирургической академіи, которыя заняли, по большей части, ученики. Продолжая самъ разрабатывать экспериментально нѣкоторые отдѣлы, В. В. издалъ часть своихъ лекцій въ формѣ учебника общей патологіи, перваго русскаго учебника. Въ 1879 году самостоятельная кафедра общей патологіи была учреждена и въ академіи и предоставлена покойному.

Профессорская дѣятельность В. В. продолжалась до 1890 года, когда онъ былъ назначенъ на должность начальника военно-медицинской академіи. За это время появились нѣкоторыя его ученыя работы и 2-й томъ общей патологіи. Будучи самъ энергичнымъ работникомъ, В. В. и отъ работающихъ подъ его руководствомъ требовалъ упорнаго систематическаго труда.

Въ 1877 году В. В. былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, а въ 1889 году—сначала совѣщательнымъ членомъ, а затѣмъ вскорѣ и предсѣдателемъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, который является высшимъ медицинскимъ учрежденіемъ въ Россійской имперіи. («Н. Вр.», 1901 г., № 8946).

† **Поливановъ, Ю. Н.** 24-го января скончался въ Москвѣ газетный работникъ Ю. Н. Поливановъ. Въ Петербургѣ покойный сотрудничалъ въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ», а въ Москвѣ онъ въ 1900 году состоялъ секретаремъ редакціи журнала «Муравей». Последнее время Ю. Н. мечталъ объ учрежденіи въ Москвѣ журнала на артельныхъ началахъ, но осуществить этого ему не удалось. («Нов. Вр.», 1901 г., № 8951).

† **Шапиро, Г. А.** 22-го января скончался профессоръ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны Генрихъ Александровичъ Шапиро. Покойному было всего 48 лѣтъ. Уроженецъ Гродны, получивъ здѣсь среднее образованіе, Г. А. поступилъ затѣмъ въ военно-медицинскую академію и блистательно окончилъ ея курсы въ 1876 году. Прямо со школьной скамьи Г. А. пришлось въ качествѣ врача отправиться въ дѣйствующую армію. Послѣ русско-турецкой войны Г. А. былъ назначенъ ординаторомъ клиники покойнаго профессора Эйхвальда, а въ 1880 году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. Черезъ пять лѣтъ Г. А. былъ избранъ приватъ-доцентомъ академіи по кафедрѣ внутреннихъ болѣзней и съ того же года

началь преподавательскую дѣятельность въ клиническомъ институтѣ въ качествѣ ассистента и ближайшаго помощника основателя института профессора Эйхвальда. Въ этомъ институтѣ Г. А. работалъ до послѣднихъ дней жизни, и лекціи его по діагностикѣ внутреннихъ болѣзней всегда привлекали большое количество провинціальныхъ врачей. Въ 1896 году Г. А. занялъ должность старшаго ассистента терапевтическаго отдѣленія института, а черезъ годъ назначенъ профессоромъ. Послѣ покойнаго осталось очень много изслѣдованій по той области медицины, въ которой Г. А. заслужилъ извѣстность одного изъ лучшихъ практическихъ врачей. Изслѣдованія касались болѣзней сердца, сахарнаго діабета, печени и злокачественныхъ опухолей. Часть лекцій покойнаго изложена въ большомъ трудѣ о діагностикѣ заболѣваній сердца и сосудовъ. Послѣдняя работа Г. А. напечатана въ только что вышедшемъ сборникѣ въ честь сорокалѣтней дѣятельности директора института профессора Склифосовскаго. Кромѣ того, Г. А. перевелъ много солидныхъ медицинскихъ сочиненій нѣмецкихъ ученыхъ. («Нов. Вр.», 1901 г., № 8949).

† **Феофилактовъ, К. М.** Въ Кіевѣ скончался 21-го января профессоръ университета св. Владимира докторъ геологій и минералогій Константинъ Матвѣевичъ Феофилактовъ. Имя его извѣстно, какъ одного изъ старѣйшихъ выдающихся геологовъ, которому юго-западный районъ Россіи обязанъ цѣнными геологическими изслѣдованіями. Покойный родился 20-го октября 1818 г. въ Петербургѣ, образованіе получилъ въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ оставленъ для спеціальныхъ занятій по минералогіи и геологій, затѣмъ командированъ на Уралъ для геологическихъ изслѣдованій и за границу для усовершенствованія въ знаніяхъ. К. М. слушалъ лекціи въ Берлинѣ и Парижѣ и по возвращеніи въ Россію былъ приглашенъ въ 1845 г. университетомъ св. Владимира въ качествѣ адъюнкта по кафедрѣ минералогіи и геологій. Съ этого года научная дѣятельность покойнаго сосредоточилась въ Кіевѣ. Онъ читалъ лекціи, былъ секретаремъ и деканомъ физико-математическаго факультета, ректоромъ университета (1880—1881 гг.), преподавалъ естественную исторію въ кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и состоялъ предѣвателемъ кіевского общества естествоиспытателей. Имъ произведено нѣсколько геологическихъ изслѣдованій ближайшихъ къ Кіеву губерній, подробно и обстоятельно изложенныхъ въ цѣломъ рядѣ научныхъ работъ, изъ которыхъ назовемъ «О юрскихъ и мѣловыхъ осадкахъ Кіевской губерніи», «О кристаллическихъ породахъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской», «Нѣкоторыя данныя о дилювіальныхъ образованіяхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи», «Третичные осадки въ отложеніяхъ города Лубень», «Тоназь въ гранитахъ Кіевской губерніи», «Приднѣпровскіе оползни и обвалы въ Кіевѣ» и др. Кромѣ того, имъ составлены цѣнныя геогностическія карты Кіевской губерніи и Кіева. Въ послѣдніе годы покойный работалъ надъ вопросомъ объ артезіанскихъ колодцахъ и водоснабженіи Кіева. («Нов. Вр.», 1901 г., № 8953).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу воспоминаній Папкова.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1900 годъ появились воспоминанія П. А. Папкова, записанныя, какъ сказано въ примѣчаніи, 50 лѣтъ тому назадъ внукомъ его, барономъ Б. А. Фитингофъ-Шель. Въ воспоминаніяхъ этихъ довольно много мѣста отведено войнѣ 1806—1807 годовъ, при чемъ нѣкоторыя событія этой эпохи излагаются болѣе или менѣе невѣрно, и бросается попутно комъ грязи въ прахѣ моего, графа Л. Л. Беннигсена, бывшаго во время этой войны главнокомандующимъ дѣйствующей арміи. Последнее обстоятельство побуждаетъ меня взяться за перо и указать на нѣкоторые факты, воплѣтъ, по моему мнѣнію, доказывающіе невѣрность разсказовъ Папкова.

Изъ изложенія г. Шелемъ этихъ разсказовъ можно подуматъ, что русскія войска до Фридландскаго сраженія находились подъ начальствомъ фельдмаршала графа Каменскаго, оказали, предводимыя имъ, сильный отпоръ Наполеону при Пултускѣ и Прейсшипъ-Эйлау и только послѣ назначенія главнокомандующимъ Беннигсена, назначенія, встрѣченнаго будто бы войсками съ недоверіемъ, начали испытывать всякія бѣдствія. Еслибъ г. Фитингофъ, прежде, чѣмъ напечатать свою статью, заглянулъ въ любую исторію Наполеоновскихъ войнъ, то, вѣроятно, онъ и самъ передѣлалъ бы въ ней многое. Такъ, онъ увидѣлъ бы, что графъ Каменскій, пробывъ при арміи всего немного болѣе недѣли, покинулъ ее наканунѣ Пултускаго сраженія, пославъ всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ приказъ отступать въ предѣлы Россіи, покидая, въ случаѣ надобности, артиллерію и обозы, и сдавъ командованіе графу Буксегвену, узнавшему объ этомъ лишь черезъ два дня. Это былъ тотъ самый Буксегвенъ, который въ 1808 году командовалъ русскими войсками въ Финляндіи въ войнѣ противъ Швеціи, и про котораго императоръ Александръ I говоритъ, что «ни одинъ изъ главнокомандующихъ не надѣлъ мнѣ столько, какъ графъ Буксегвенъ». Прахѣдъ мой, послушавшись приказанія графа Каменскаго, принялъ сраженіе подъ Пултускомъ и разбилъ атакующіе его французскіе корпусы. Вскорѣ послѣ этого сраженія приказомъ отъ 1-го января 1807 года онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ.

По словамъ Папкова, не бывшаго еще въ это время въ арміи, ибо гвардія вступила въ составъ дѣйствующихъ войскъ лишь незадолго до Фридланда,—назначеніе это было встрѣчено арміей съ неудовольствіемъ. Сопшлюсь здѣсь на извѣстнаго А. П. Ермолова, который, наоборотъ, говоря о смѣнѣ Буксегвена генераломъ Беннигсеномъ указываетъ, что армія была обрадована этимъ извѣстіемъ (Записки Ермолова, т. I, стр. 53). Если мы возьмемъ воспоминанія Д. В. Давыдова, извѣстнаго поэта-партизана, то и тутъ увидимъ, что отношеніе войскъ къ прахѣдъ было совсѣмъ иное, чѣмъ рисуетъ г. Папковъ. Битва подъ Прей-

сишъ-Эйлау происходила 27-го января 1807 года, при чемъ арміей командовалъ мой прадѣдъ, такъ что вся слава этого боя должна принадлежать ему. Въ этотъ день оба противника удержали свои позиціи, и только на слѣдующій день Беннигсень отступилъ съ цѣлью приблизиться къ обѣщаннымъ ему подкрѣпленіямъ. Про это сраженіе Ермоловъ говоритъ, что только «наглость и безстыдство Наполеона приписали эту баталію къ числу выигранныхъ имъ».

Самъ Бонапартъ говоритъ въ 1809 году въ Шенбруннѣ ротмистру Чернышеву, что онъ приписалъ себѣ эту побѣду лишь потому, что русская армія отступила.

Почти тотчасъ же послѣ Эйлау прадѣдъ просилъ объ увольненіи его отъ командованія арміею, такъ какъ постоянныя интриги въ главной квартирѣ его, интриги, руководителями коихъ были лица, пользовавшіяся вліяніемъ въ Петербургѣ (см. тоже Записки Ермолова), совершенно утомили его. Въ отвѣтъ на эту просьбу онъ получилъ отъ императора Александра I письмо отъ 8-го февраля 1807 года, которое, кажется, еще нигдѣ не было напечатано, и которое я здѣсь приведу почти цѣликомъ. «Вы поймете, генераль, ту радость, какую мы испытали при извѣстїи о счастливомъ исходѣ сраженія при Эйлау. Вамъ на долю выпала слава побѣдить того, кто до сихъ поръ считался непобѣдимымъ. Мнѣ весьма пріятно выразить вамъ искреннюю благодарность мою и всего отечества. Вы получите съ симъ курьеромъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. вмѣстѣ съ симъ я приказалъ министру финансовъ выплачивать вамъ ежегодную пенсію въ 12 тысячъ рублей. Вся армія, подчиненная вамъ, получитъ въ награду треть жалованія,—жду съ нетерпѣніемъ списокъ награждъ, чтобъ выразить всѣмъ тѣмъ, кого вы представите, мою благодарность. Долженъ вамъ, однако, сознаться, что я испытываю одно сожалѣніе,—это вствѣдствіе того, что вы сочли необходимымъ ретироваться; но разъ я вамъ довѣрился, предоставляю вамъ рѣшать, сообразуясь съ вашими познаніями и опытностью. Вы сумѣете выбрать время для наступленія, дабы воспользоваться вашей побѣдой».

Послѣ исчисленія войскъ, направленныхъ для подкрѣпленія арміи, государь продолжалъ: «Теперь я коснусь вопроса, который меня непріятно поразило: это ваше прошеніе объ увольненіи васъ отъ командованія арміею. Неужели въ минуту, когда спасеніе государства и всей Европы зависитъ отъ васъ, вы можете думать объ иномъ, какъ о славѣ, которая вамъ предстоитъ, которая, такъ сказать, въ вашихъ рукахъ. Продолжайте, какъ вы начали, и вы обезсмертите ваше имя. Съ своей стороны я желаю одного: это—убѣдить васъ въ полномъ моемъ къ вамъ довѣрїи. Говоря откровенно, я подозреваю, что нныя соображенія побудили васъ къ этому, но я умоляю васъ помнить, что вы—главнокомандующій, и что всѣ безъ исключенія должны подчиняться вашимъ приказаніямъ. Докажите, что я не ошибся въ выборѣ, и доставьте мнѣ удовольствіе выразить вамъ мою благодарность. Посылаю къ вамъ своего генераль-адъютанта Уварова, который слѣдуетъ за Бенкендорфомъ, онъ уполномоченъ выразить вамъ словесно чувство моего къ вамъ уваженія. Нѣсколько генераловъ ранено, а потому назначьте его туда, гдѣ онъ вамъ покажется полезнымъ. Разрѣшаю вамъ смѣнить генерала Эссена I и назначить вмѣсто

него того изъ генераловъ, кого вы считаете наиболѣе способнымъ командовать отдѣльнымъ корпусомъ. Примите увѣреніе въ моемъ къ вамъ почтеніи».

Позднѣе, незадолго до Фридланда, прадѣдъ снова просилъ объ увольненіи его, и снова просьба его не была уважена. На этотъ разъ, кромѣ непрекращавшихся интригъ, главной причиной, по которой онъ хотѣлъ быть освобожденнымъ отъ ответственной обязанности главнокомандующаго, была каменная болѣзнь, уже давно его мучившая, а теперь особенно обострившаяся. Благодаря ей, почти все сраженіе подъ Гейльсбергомъ онъ пролежалъ въ полусознаніи подъ деревомъ; благодаря ей же припадку, происшедшему наканунѣ Фридландскаго сраженія и совершенно его ослабившему, онъ оказался неспособнымъ разобратъся во всѣхъ полученныхъ имъ за эти дни свѣдѣніяхъ и принять бой, не могшій имѣть для насъ уснѣшнаго исхода.

Изъ всего, мною сказаннаго, видно, что прадѣдъ мой пользовался полнымъ довѣріемъ государя. Послѣ пораженія подъ Фридландомъ, какъ извѣстно, онъ принималъ дѣятельное участіе въ войнахъ нашихъ съ Наполеономъ. Бородино, Тарутино, Лейцигъ, Гамбургъ—имена, съ которыми связано его имя. Побѣда его при Тарутинѣ была бы во всякомъ случаѣ полная, если бы его во время поддержалъ Кутузовъ, какъ это было условлено заранѣе (см. Записки очевидца, В. П. Левенштерна, «Русская Старина», 1901 г., январь). Роль его въ 1812—1814 годахъ была, безъ сомнѣнія, значительна, и никто еще, кажется, не позволялъ себѣ обвинять его въ измѣнѣ, какому бы безопасному разбору ни подвергали его дѣйствія. Не говоря о томъ, что мнѣніе Панкова о моемъ прадѣдѣ не подтверждается никѣмъ изъ участниковъ этого боя, а также и фактами, оно не заслуживаетъ никакого довѣрія уже и потому, что вообще рассказъ Панкова о его личномъ участіи въ этомъ дѣлѣ очень и очень туманенъ и расходится съ истиной. Изъ статьи г. Фитингофа нельзя даже вывести заключеніе о томъ, гдѣ именно сражалась бригада Панкова, и за что онъ получилъ орденъ св. Георгія; но еще труднѣе объяснить, какимъ образомъ императоръ Александръ I, находившійся въ день сраженія 2-го іюня 1807 года не при арміи, а въ предѣлахъ Россіи, въ мѣстечкѣ Олитѣ, и получившій извѣстіе объ этой неудачѣ лишь 4-го іюня, могъ съ безпокойствомъ слѣдить за дѣйствіемъ бригады Панкова и наградить его 2-го іюня орденомъ св. Георгія 3-ей степени, особенно если принять во вниманіе, что по списку Георгіевскихъ кавалеровъ, изданному къ столѣтію этого ордена, Панковъ получилъ его лишь 21-го апрѣля 1808 года. Фактъ преданія его суду за Фридландъ вполне объясняетъ его желаніе какъ нибудь доказать недобросовѣтность моего прадѣда. Если впоследствии, занимая должность с.-петербургскаго оберъ-полицеймейстера, Панковъ и занимался собираніемъ свѣдѣній объ измѣнѣ генерала Беннигсена, то въ этомъ удивительнаго ничего нѣтъ, — чѣмъ же и занимался въ то время полиція, какъ не выслѣживаніемъ всюду крамолы. Вѣдь въ это время пострадалъ, обвиненный въ измѣнѣ, даже такой рѣдкій государственный дѣятель, какъ Сперанскій. Въ двѣнадцатомъ же году въ измѣнѣ же обвинялся Барклай-де-Толли, при чемъ про эту измѣну говорило и такое лицо, какъ великій князь Константинъ Павловичъ. Осталось ли, однако, теперь что нибудь отъ этихъ, вызванныхъ общимъ безпокойствомъ, слуховъ, и своевременно ли повторыть г. Фитингофу клевету его дѣда? Приводимая имъ въ доказательство

извѣстная фраза Галилея «Е рипи si move» на этотъ разъ бездоказательна. Насколько, впрочемъ, дѣятельность Пашкова мало заслуживала вниманія даже въ то время, видно изъ того, что уже въ 1809 году государь снова сталъ относиться къ прадѣду такъ же благосклонно, какъ и до Фридланда, пожаловавъ ему въ этомъ году имѣнiе Закреть близъ Вильно и крестивъ у него въ слѣдующемъ году сына Александра, внослѣдствii ганноверскаго министра-президента.

Закончу мой отвѣтъ на статью барона Фитингофа выдержкою изъ письма Жюини отъ 30-го марта 1817 года, въ которомъ, испрашивая нѣкоторыя подробности и свѣдѣнiя для своей исторiи, онъ, между прочимъ, пишетъ: «Мое искреннѣйшее желанiе представить военныя событiя въ безпристрастномъ видѣ; если я позволю себѣ нѣкоторую критику, то она будетъ сдѣлана съ тою осторожностью и достоинствомъ, которыя обязательны для безпристрастнаго историка относительно полководца, который одинъ изъ первыхъ боролся съ успѣхомъ противъ колосса вѣка. Вы слишкомъ опытны, генераль, чтобы не согласиться съ Тюреномъ, что самый великiй полководецъ тотъ, кто дѣлалъ всего менѣе ошибокъ. Ганнибалъ не пошелъ на Римъ,—Вонапартъ пошелъ на Москву. Послѣ этихъ примѣровъ можно вынести критику, если, какъ вы, можно назвать такiя побѣды, какъ: Пултускъ, Эйлау, Гейльсбергъ и Тарутно».

Графъ П. А. Беннигсенъ.

II.

Двѣ замѣтки.

Въ февральской книгѣ «Историческаго Вѣстника» допущены два недосмотра.

Въ статьѣ г. Михневича «Исторiя карточной игры» на стр. 569 сказано: «Разумовскiе, въ особенности гетманъ Кирилль Григорьевичъ, пользовались большимъ влiянiемъ и большой популярностью въ Малороссiи, а ихъ возвышенiе подняло въ Петербургѣ кредитъ всѣхъ вообще малороссовъ. Потомъ кредитъ этотъ, какъ извѣстно, былъ сильно уроненъ измѣной Мазены».

Разумовскiй родился въ 1728 г. Гетманомъ былъ назначенъ въ 1750 г. Какъ же измѣна Мазены въ 1708 г. могла потомъ поколебать кредитъ малороссовъ?

Въ статьѣ г. Шумигорскаго «Наслѣдство Петра Великаго» на стр. 686-й сказано о Екатеринѣ I:

«Новая императрица не умѣла даже читать и писать, и, если вѣрить французскому посланнику Кампредону, потребовалось три мѣсяца практики, чтобы она научилась подписывать подъ бумагами свое имя».

Екатерина вступила на престолъ 28-го января 1725 г., а въ Погодинскомъ «Историческомъ альбомѣ» есть ея автографъ:

«впротчемъ»
«пробываемъ ваше" ма" ти дорожелатѣная»
«Ц. Екатерина».

•27 августа 1716».

Какъ же вѣрить, что она не умѣла читать и писать, и что ей (въ 1725 г.) потребовалось три мѣсяца практики, чтобы научиться подписывать свое имя, когда есть документальное доказательство, что еще въ 1716 году она не только могла подписывать, но и писать?

А. П.

Отъ редакціи. По поводу двухъ замѣтокъ г. А. П. мы должны сказать слѣдующее.

Такой знатокъ русской исторіи XVIII столѣтія, какъ В. О. Михневичъ, разумѣется, не могъ сдѣлать столь крупнѣйшей хронологической ошибки, которая всецѣло должна быть отнесена къ корректурному и редакторскому недосмотру. Оправданіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что посмертная и не оконченная статья Михневича «Исторія карточной игры» набиралась съ черновыхъ набросковъ, крайне неразборчивыхъ. Фраза, указываемая г. А. П., будетъ ясна и точна, если ее исправить такимъ образомъ: «а ихъ (Разумовскихъ) возвышеніе подняло въ Петербургѣ кредитъ всѣхъ вообще малороссіянъ, потому что кредитъ этотъ, какъ извѣстно, былъ сильно уроненъ Мазею».

Что касается Екатерины I, то все ея современники утверждаютъ, что она была безграмотна. Такъ, на примѣръ, царскій посолъ въ Петербургѣ, Бюсси-Рабутенъ, въ донесеніи своемъ Вѣнскому двору, въ половинѣ 1725 г. между прочимъ пишетъ: «Екатерина получила у пастора Глюка хорошее воспитаніе, но впрочемъ читать и писать не умѣла, и теперь (т.-е. въ 1725 г.) все респириты и менемъ ея подписываетъ тайный совѣтникъ Остерманъ» (см. Устряловъ: «Исторія Петра Великаго», томъ IV, стр. 131). М. П. Семевскій, пользовавшійся въ государственномъ архивѣ письмами Екатерины къ Петру Великому, удостовѣряетъ, что все они писаны рукой ея секретаря, Яковлева (см. «Семейство Монсъ»). Выдержка изъ письма Екатерины, воспроизведенная Погодинымъ въ его «Альбомѣ», очевидно, писарскаго почерка, и онъ легко могъ ошибиться, принявъ письмо Яковлева за собственноручное Екатерины. Только у С. М. Соловьева (Исторія, часть IV, стр. 55) находимъ указаніе, что подъ нѣкоторыми письмами есть подпись «Екатерина» и иногда съ приписью «прѣбываю и остаюся ваша»; но при этомъ С. М. Соловьевъ не упоминаетъ, что эти подписи собственноручныя. Такимъ образомъ, несомнѣнныхъ доказательствъ, что Екатерина умѣла не только «подписывать» свое имя, но и «писать», мы не имѣемъ.

III.

Считаемъ необходимымъ оговорить, что сообщенные г. Васильевымъ и напечатанные въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» «Разказы о митрополитѣ Филаретѣ» («Изъ прошлаго», стр. 816) относятся къ митрополиту кievскому Филарету Амфитеатрову, а не къ митрополиту московскому Филарету Дроздову.

отвѣтъ, Робеспьерь прибавилъ:—развяжите ему руки; мы посмотримъ, похожи ли онѣ на руки рабочаго.

Дюплэ взглянулъ на нихъ и объявилъ, что эти руки могли принадлежать рабочему, такъ какъ онѣ очевидно привыкли обращаться съ деревомъ и желѣзомъ.

— Но, можетъ быть, онѣ бывалъ на войнѣ?—сказалъ «неподкупный»:—можетъ быть, это шуанъ и явился изъ Вандеи, чтобы убить меня въ суматохѣ во время праздника?

Женщины вскрикнули отъ ужаса и прибавили въ одинъ голосъ:

— Конечно, у него есть сообщники.

— А вы осмотрѣли комнату, которую онѣ занималъ?—спросилъ Робеспьерь.

— Конечно,—отвѣчалъ Геронъ,—но тамъ нашлись только одежда и мѣшокъ, который я не смѣлъ открыть безъ васъ.

— Давайте его скорѣе сюда,—сказалъ Робеспьерь,—и откройте поскорѣе.

Геронъ приказалъ принести изъ передней дорожный мѣшокъ и отперъ его однимъ изъ ключей въ связкѣ, найденной въ карманѣ Оливье. Въ мѣшкѣ оказалось бѣлье, туалетныя принадлежности, шкатулка изъ слоновой кости въ серебряной оправѣ и бумажный свертокъ, въ которомъ оказались золотыя монеты. Пока дамы осматривали шкатулку, а Дюплэ считалъ деньги, приговаривая, что ученикъ слесаря былъ богаче его, Геронъ продолжалъ обыскивать мѣшокъ.

— Тутъ есть письма,—сказалъ онѣ.

— Отдайте ихъ Леба,—отвѣчалъ Робеспьерь и, обращаясь къ нему, прибавилъ:

— Просмотрите письма у лампы и передайте мнѣ ихъ содержаніе.

Въ эту минуту Геронъ нашелъ въ мѣшкѣ золотой медальонъ, украшенный мелкими жемчужинами. Его открыли, и въ немъ оказались бѣлокурые волосы и двѣ буквы Т. П.

— Это—настоящій жемчугъ!—замѣтила г-жа Дюплэ.

Во все это время Оливье сохранялъ хладнокровное равнодушіе, которое наконецъ вывело изъ терпѣнія Робеспьера.

— Никто меня не увѣритъ,—произнесъ онѣ пронически,—что столько денегъ и настоящій жемчугъ принадлежатъ ученику слесаря.

Геронъ замѣтилъ, что онѣ, можетъ быть, укралъ ихъ, но Оливье молча пожалъ плечами. Когда же Дюплэ поддержалъ мнѣніе Герона, то онѣ не выдержалъ и воскликнулъ:

— Все это принадлежитъ мнѣ, и если вы хотите знать, то я—аристократъ, роялистъ и шуанъ!

— Наконецъ-то онѣ сознался!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ мужчины.

— Если я сознался,—продолжалъ юноша,—то отправьте меня поскорѣе на эшафотъ, мнѣ все это ужасно надоѣло!

Но Робеспьеръ спокойно сказалъ ему, что нечего торопиться, и прежде его казни надо узнать его имя и имена его сообщниковъ.

— Моего имени я никогда не скажу, а сообщниковъ у меня нѣтъ, хотя, конечно, вы можете ихъ создать сколько угодно.

Въ это время Леба окончилъ чтеніе найденныхъ писемъ и пошелъ къ Робеспьеру. Всѣ эти письма были написаны два или три года тому назадъ, и въ нихъ не было ничего важнаго. Два письма были подписаны «Терезой», вѣроятно, сестрой или невѣстой обвиняемаго.

— Такъ медальонъ принадлежитъ ей,—воскликнула Викторія:— на немъ буквы Т. П.

— Третье письмо, — продолжалъ Леба, — подписано: «Твоя мать». Въ немъ высказываются горячія материнскія чувства, и стиль письма обнаруживаетъ, что оно писано аристократкой. Только четвертое письмо, помѣченное 1791 годомъ, даетъ кое-какія, хотя смутныя свѣдѣнія. Оно адресовано къ молодому человѣку, тогда еще студенту, повидимому, его дѣдомъ и вмѣстѣ крестнымъ отцемъ, такъ какъ въ немъ говорится: «Я ожидаю тебя завтра, это нашъ общій праздникъ, день святого Оливье».

— Такъ его зовутъ Оливье?—спросилъ Робеспьеръ, смотря на юношу.

— «Я не пришло за тобой лакея,—продолжалъ читать письмо Леба,—потому что тебѣ пятнадцать лѣтъ, и ты можешь путешествовать одинъ». А такъ какъ письмо писано въ маѣ 1791 года,—прибавилъ отъ себя Леба,—то молодому человѣку теперь девятнадцать лѣтъ.

— Да, да, ему должно быть девятнадцать,—произнесъ Робеспьеръ съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ:—продолжайте, продолжайте!

— «Моя карета будетъ тебя ждать у нашего дома въ улицѣ Лионъ».

— Въ улицѣ Лионъ?—повторилъ Робеспьеръ, не спуская глазъ съ юноши:—продолжайте, продолжайте...

— «Бенуа».

— Привратникъ Бенуа,—перебилъ его Робеспьеръ.

Леба посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, но не сказалъ ни слова и продолжалъ чтеніе письма.

— «Бенуа откроетъ тебѣ ставни въ маленькой комнатѣ, которая рядомъ съ моимъ кабинетомъ. Ты вынешь изъ шкапа, на которомъ стоятъ бюсты Цицерона и Сократа, и привезешь мнѣ X и XI томъ большихъ in-folio въ красномъ сафьянномъ переплетѣ подъ главіемъ...

— «Парламентскія постановленія!»—воскликнулъ Робеспьеръ, къ общему удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, не исключая и Оливье.

— Это вѣрно, тутъ написано «Парламентскія постановленія»⁹ но какъ же вы это знаете?

— Очень просто,—отвѣчалъ Робеспьеръ, не спуская глазъ съ Оливье и стараясь скрыть свое волненіе:—я часто видѣлъ эти книги въ библіотекѣ совѣтника парижскаго парламента де-Понтиви, дѣда этого молодого человѣка.

Оливье смертельно поблѣднѣлъ и схватился за стулъ, чтобы не упасть. Онъ чувствовалъ, что его мать погибла.

— Вы знаете его семью и расскажите намъ его исторію!—воскликнула въ одинъ голосъ вся семья Дюплэ, устремляя на юношу любопытные взгляды.

— Да, знаю и расскажу вамъ все,—отвѣчалъ Робеспьеръ,—но прежде мнѣ надо поговорить съ нимъ наединѣ. Насъ тутъ слишкомъ много. Я васъ потомъ позову, Геронъ, вы можете подождать во дворѣ со своими помощниками.

Всѣ удалились, нѣсколько разочарованные, особенно женщины, и недоумѣвая, чѣмъ все это кончится.

Видя, что Леба также направлялся къ двери, Робеспьеръ сказалъ:

— Не уходите, вы можете мнѣ понадобится.

Оставшись втроемъ, Робеспьеръ вздохнулъ свободнѣе.

Передъ нимъ былъ его сынъ. Злоба, овладѣвшая имъ, совершенно исчезла при этомъ неожиданномъ открытіи, но онъ все-таки сохранилъ суровый видъ, несмотря на сильное душевное волненіе, съ которымъ онъ едва могъ справиться. Инстинктивно онъ сказалъ Оливье:

— Садитесь.

Юноша не обратилъ никакого вниманія на это слово, и даже когда Робеспьеръ повторилъ его дрожащимъ, мягкимъ голосомъ, то онъ не двинулся съ мѣста, не произнесъ ни слова. Видя, что Леба пожалъ плечами, «неподкупный» объяснилъ, не спуская глазъ съ Оливье, что онъ естественно былъ расположенъ къ внуку человѣка, у котораго онъ былъ секретаремъ.

Юноша вздрогнулъ.

— Такъ вамъ никогда не говорили объ этомъ? — продолжалъ Робеспьеръ:—впрочемъ это понятно. Ваша семья ненавидитъ меня, не правда ли? Но это не причина мнѣ забывать время, проведенное въ домѣ Понтиви,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Леба.—Я не могу забыть, сколько счастливыхъ вечеровъ и пріятныхъ обѣдовъ я провель, сидя рядомъ съ матерью этого молодого человѣка.

— Къ чему говорить о прошедшемъ?—произнесъ грубо Оливье:—рѣшайте скорѣе мою судьбу, она въ вашихъ рукахъ. Вся моя семья сдѣлалась жертвой революціи: мой дѣдушка умеръ отъ горя, дядя убитъ въ Вандеѣ; мой отецъ скончался отъ тяжелой раны, полученной на полѣ брани.

— Но ваша мать жива, вы не имѣете права жертвовать ея жизнью. Вѣдь если вы кричали на площади: «долой гильотину», то лишь потому, что боялись казни вашей арестованной матери. Не правда ли? Вѣдь я правъ: она арестована?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ юноша, и поединокъ на словахъ между отцомъ и сыномъ продолжался съ прежней силой.

Одинъ хотѣлъ во что бы то ни стало разузнать, гдѣ находилась Кларисса, а другой мужественно скрывалъ тайну, вполне увѣренный, что кровожадный тигръ только жаждалъ новой жертвы.

— Неужели вы не понимаете?—продолжалъ Робеспьеръ угрожать юношу, несмотря на то, что каждое его слово оскорбляло гордость «неподкупнаго»: — неужели вы не понимаете, что я хочу спасти вашу мать и найти ей безопасное убѣжище изъ дружбы къ ней, изъ памяти о прошедшемъ?

— Напрасно вы теряете слова!—отвѣчалъ Оливье съ горькой ироніей: — вы слишкомъ горды, чтобы помириться со своимъ прошедшимъ, и хотите уничтожить свидѣтельница этого прошедшаго. Робеспьеръ сдѣлаетъ что нибудь изъ дружбы! Полноте! Да не вы ли отправили на эшафотъ всѣхъ вашихъ друзей?

Леба не могъ удержаться отъ крика негодованія, но Робеспьеръ сказалъ въ порывѣ волненія, которое уже не могъ скрыть.

— Успокойтесь, Леба! Этотъ юноша не вмѣняемъ! Ему свернули голову шуаны. Но подумайте, молодой человѣкъ, вѣдь если бы я былъ такимъ тираномъ, какимъ вы меня воображаете, давно бы велѣлъ васъ казнить, а я напротивъ говорю съ вами мягко и стараюсь васъ уговорить.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Оливье,—вы хотите найти мою мать, чтобы выместить на ней оскорбленіе, нанесенное вамъ мною! Робеспьеръ не такой человѣкъ, чтобы простить тому, кто заклеилъ его публично презрѣніемъ и позоромъ.

— Негодяй!—воскликнулъ Леба.

Робеспьеръ махнулъ рукой и спросилъ у Оливье:

— Такъ вы очень меня ненавидите?

— Всѣми силами своего существа.

— Но вѣдь я вамъ не сдѣлалъ никакого вреда?

— Вы не сдѣлали мнѣ вреда?!—воскликнулъ Оливье, теряя всякое самообладаніе, и едва не высказалъ своей тайны.—А развѣ не вы приказали?.. — Онъ спохватился и не окончилъ своей фразы. Но Робеспьеръ сдѣлалъ это за него.

— Арестовать вашу мать?

— Нѣтъ!—произнесъ Оливье, и поединокъ между ними продолжался съ прежнимъ азартомъ.

Робеспьеръ былъ теперь вполне увѣренъ, что Кларисса находится въ тюрьмѣ, но въ какой? Это онъ рѣшилъ узнать во что бы то ни стало. Подойдя къ тому креслу, около котораго

стоялъ юноша, онъ сталъ умолять его оказать ему помощь для спасенія дорогихъ юношѣ существъ.

— Вы хотите, чтобы я помогъ вамъ ихъ казнить!—воскликнулъ Оливье.

Робеспьеръ отскочилъ отъ него, какъ ужаленный.

— Вы съ ума сопли!—произнесъ онъ.—Развѣ вы не понимаете, что каждая минута дорога, что, пока вы теряете время на пустыя подозрѣнія, эти несчастныя женщины могутъ взойти на эшафотъ!

— Если ты, негодяй, не взойдешь раньше ихъ!—перебилъ его Оливье, скрежеща зубами.

— Безумецъ!—продолжалъ Робеспьеръ:—быть можетъ, въ эту минуту ихъ везутъ въ революціонный трибуналъ, а завтра онѣ сложатъ головы подъ гильотиной, и все потому, что вы не хотите сказать ни одного слова, которое ихъ спасло бы. Вы—безжалостный, безчеловѣчный сынъ, вы убиваете свою мать!

— Однако вы очень жаждете ея крови!—сказалъ Оливье, поражаемый все болѣе и болѣе упорствомъ Робеспьера.

Это послѣднее оскорбленіе вывело изъ себя Робеспьера.

— Дуракъ! Сумасшедшій!

— Вы правы, онъ сумасшедшій, и пора съ нимъ покончить,—сказалъ Леба, подходя къ двери.

— Нѣтъ! нѣтъ! погодите,—произнесъ Робеспьеръ.

— Геронъ!—крикнулъ Леба, будто бы не слыша словъ Робеспьера.

Робеспьеръ схватилъ его за плечи и прижалъ къ стѣнѣ.

— Не кричите! не надо!—промолвилъ онъ, едва переводя дыханіе, и потомъ прибавилъ:—успокойтесь, это мой сынъ!

— А!—могъ только произнести Леба, виѣ себя отъ изумленія.

Черезъ минуту онъ прибавилъ также шопотомъ:

— Отчего вы ему этого не скажете?

— Нѣтъ, я не могу теперь сказать, что я его отецъ,—произнесъ печально Робеспьеръ и тяжело опустился въ кресло.

— Вы правы,—промолвилъ Леба, глубоко тронутый этой сценой, и крѣпко пожалъ руку Робеспьера.

— Такъ мы сами найдемъ арестованныхъ женщинъ!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Оливье.—Онѣ должны быть въ Парижѣ.

Оливье вздрогнулъ, и это не ускользнуло отъ вниманія Леба, который произнесъ:

— Онѣ не могутъ быть далеко отъ него.

— Вы правы!—сказалъ Робеспьеръ.—Возьмите скорѣе экипажъ, поѣзжайте по всѣмъ тюрьмамъ и допросите каждую женщину, арестованную съ молодой дѣвушкой.

— Но вѣдь ихъ можетъ быть много,—возразилъ Леба:—я не успѣю до утра всѣхъ допросить. Къ тому же, если этотъ юноша сказалъ правду, то эта женщина можетъ быть записана подъ фамиліей ея мужа.

— Ея мужа звали Молюссонъ,—перебилъ его Робеспьеръ, неожиданно вспоминая, что онъ когда-то читалъ въ газетахъ это имя:—да, да, среди лицъ, надѣвшихъ трауръ по Людовикѣ XVI, были упомянуты Понтиви, его зять Молюссонъ и дочь Кларисса.

— Кларисса?—воскликнулъ Леба:—его мать зовутъ Клариссой? Да вѣдь письмо женщины, въ которомъ она просила пощады своему де-вятнадцатилѣтнему сыну, и которое только что вы не хотѣли прочесть...

— Было подписано Клариссой!—добавилъ Робеспьеръ.

— Да.

— Такъ это его мать!—произнесъ Робеспьеръ и, указывая на юношу, поблѣднѣвшаго, какъ смерть, прибавилъ:—посмотрите, это ея живой портретъ.

— Въ такомъ случаѣ она находится въ тюрьмѣ Ла-Бурбъ.

Робеспьеръ не могъ скрыть своей радости, но въ эту минуту онъ обернулся и увидѣлъ, что Оливье падаетъ въ обморокъ. Онъ подбѣжалъ къ нему, поддержалъ его, нѣжно говоря ему, что его мать будетъ немедленно выпущена на свободу.

— Онъ ничего не слышитъ,—произнесъ Леба и помогъ Робеспьеру положить юношу на кресло:—но будьте осторожны, ктонибудь можетъ войти.

Между тѣмъ Робеспьеръ схватилъ со стола флаконъ съ духами, оставленный одной изъ женщинъ, и сталъ обтирать духами виски юноши.

— Пусть всѣ идутъ,—произнесъ онъ съ нетерпѣніемъ:—я, кажется, имѣю право простить моего сына!

— Нѣтъ, вы не имѣете права простить шуана, который оскорбилъ предсѣдателя конвента,—отвѣчалъ Леба:—ваши враги вспомнятъ Брута, принесшаго въ жертву своего сына ради отечества, и потребуютъ отъ васъ такого же патріотическаго подвига.

— Вы правы,—отвѣчалъ Робеспьеръ, развязывая галстухъ у Оливье:—такъ или иначе, но мои враги постараются убить моего сына. Единственнымъ средствомъ его спасти было заточеніе въ тюрьму. Дня черезъ три можно его тайно освободить.

Молодой человекъ тяжело вздохнулъ, не открывая глазъ, и Робеспьеръ, наклонившись къ нему, незамѣтно прикоснулся губами къ его блѣдному лбу.

— Онъ приходитъ въ себя,—промолвилъ «неподкупный».

— Надо позвать полицію,—замѣтилъ Леба:—а то, вѣроятно, всѣ удивляются, что допросъ такъ продлился.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ Геронъ со своими двумя помощниками и, взглянувъ на Оливье, спросилъ:

— Что это?—юноша упалъ въ обморокъ.

— Нѣтъ, негодяй разыгралъ гнусную комедію,—сказалъ Робеспьеръ, принимая на себя грубый, суровый видъ.

Между тѣмъ въ дверяхъ показалась вся семья Дюплэ и забросала Максимилиана вопросами.

— Что же, онъ сознался?

— Нѣтъ, но онъ выдалъ себя, и я знаю все, что мнѣ нужно.

— И прекрасно!—раздалось со всѣхъ сторонъ:—вы, значить, найдете его сообщниковъ.

Однако, увидавъ блѣдный, болѣзненный видъ юноши, г-жа Леба и Викторія хотѣли подойти къ нему, но Робеспьеръ остановилъ ихъ и презрительно произнесъ:

— Оставьте этого безумца: онъ не достоинъ, чтобы имъ интересовались.

— Чудовище!—застоналъ Оливье.

Робеспьеръ схватилъ за руку Леба и судорожно ее сжалъ. Потомъ онъ приказалъ суровымъ тономъ Герону отвезти Оливье въ тюрьму Ла-Форсъ. Полицейскіе такъ грубо схватили юношу, что онъ вскрикнулъ.

— Живодеры!—воскликнулъ Робеспьеръ и инстинктивно бросился къ своему сыну.

— Будьте осторожны!—шепнулъ Леба.—Не беспокойтесь, я провожу его.

Онъ попросилъ полицейскихъ, чтобы они вели себя помягче, и вышелъ вмѣстѣ съ ними изъ комнаты.

Робеспьеръ слѣдилъ за сыномъ, пока дверь не затворилась за нимъ. Тогда онъ опустился тяжело въ кресло.

Черезъ минуту онъ почувствовалъ, что кто-то взялъ его за руку. Онъ вздрогнулъ. Это была Корнелія.

Всѣ окружили его и говорили въ одинъ голосъ:

— Вы, должно быть, устали?

— Безумный юноша васъ утомилъ?

— Вы такъ долго его допрашивали, что, вѣроятно, узнали много важнаго?

— Нѣтъ, но я очень усталъ и утомился!—отвѣчалъ Робеспьеръ, вставъ съ кресла, простился со всѣми и ушелъ въ свою комнату подъ предлогомъ спѣшной работы.

— Конечно, онъ пошелъ подписать приговоръ юноши,—замѣтилъ Дюплэ.

— Жаль,—замѣтила Викторія:—онъ очень хорошенкій.

— Что ты съ ума сошла!—сказала ея мать.—Что бы подумалъ «неподкупный», если бы онъ слышалъ твои слова?

IX.

Войдя въ свою комнату, Робеспьеръ заперъ двери и сѣлъ въ кресло. Наконецъ онъ одинъ и могъ вполнѣ предаться своимъ мыслямъ. Онъ нимало не думалъ о нанесенныхъ ему оскорбленіяхъ, а всѣ его мысли были сосредоточены на томъ, какъ спасти мать и невѣсту своего сына, который послѣ этого помирился бы съ нимъ.

Но кто ихъ арестоваль? Что онѣ могли сдѣлать? Неужели онѣ были причастны къ какому нибудь заговору? Что же касается до Оливье, то слѣдовало продлить его дѣло до той минуты, какъ Робеспьеръ сдѣлается вполне всемогущимъ и получить возможность поступить съ нимъ, какъ угодно. Въ сущности его поступокъ касался одного Робеспьера, который еще не былъ воплощеніемъ республики. Если его провозгласить диктаторомъ и единственнымъ официальнымъ представителемъ Франціи, то естественно ему принадлежало бы право помилованія, и было бы болѣе чѣмъ прилично ознаменовать первый день своего управленія страной актомъ милости. Во всякомъ случаѣ надо было удержать Оливье подольше въ тюрьмѣ подъ самымъ зоркимъ наблюденіемъ.

Возвращаясь мысленно къ арестованнымъ женщинамъ, Робеспьеръ терялся въ догадкахъ, кто и зачѣмъ ихъ арестоваль. Быть можетъ, онѣ въ это время уже находились въ революціонномъ трибуналѣ. Но это не могло помѣшать ему вырвать ихъ изъ когтей даже рокового трибунала. Тогда Оливье долженъ будетъ признать, что онъ не такой чудовище, какимъ юноша себѣ представлялъ его.

Среди этихъ размышленій Робеспьеръ услыхаль, что кто-то стучится въ дверь. Онъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Чей-то голосъ за дверью произнесъ его имя. Онъ узналъ голосъ Леба и поспѣшно отворилъ дверь.

— Я увидѣлъ свѣтъ въ вашемъ окнѣ,—сказаль Леба,—и поняль, что вы еще не легли спать.

— Вы узнали что нибудь объ арестованныхъ женщинахъ?—спросилъ съ безпокойствомъ Робеспьеръ.

— Узналь: онѣ все еще въ тюрьмѣ Ла-Бурбъ.

— Обѣ?

— Обѣ.

Робеспьеръ свободно вздохнулъ.

— Я приказаль вашимъ именемъ,—продолжалъ Леба:—чтобы ихъ ни подѣ какимъ видомъ отсюда не выпускали. Впрочемъ тамъ знаютъ, что онѣ посажены по вашему приказанію.

— По моему приказанію?

— Вы приказали въ Монморанскомъ лѣсу арестовать этихъ женщинъ.

Робеспьеръ молча опустился въ кресло.

— Вы не могли этого предвидѣть,—продолжалъ Леба сочувственнымъ тономъ:—подобныя совпаденія теперь случаются часто. Ну, не безпокойтесь! Вы, должно быть, очень устали, и я тоже. Прощайте, завтра! Въ сущности вамъ нечего безпокоиться, вѣдь власть въ нашихъ рукахъ.

— Это еще вопросъ,—отвѣчалъ Робеспьеръ, не подымая глазъ. Леба пожелаль ему доброй ночи и вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Робеспьеръ глубоко задумался. Теперъ было

все для него ясно. Онъ понималъ настоящую причину оскорбленія, нанесеннаго ему юношей. Но обстоятельства были сложнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Что дѣлала Кларисса въ Монморанси? Какимъ образомъ она была знакома съ англичаниномъ Воганомъ, который предлагалъ отъ имени виговъ быть регентомъ Франціи? Можетъ быть, Кларисса дѣйствовала заодно съ англичаниномъ и хотѣла переманить его на сторону роялистовъ, сознавая все его вліяніе и всю пользу, которую онъ могъ принести странѣ? Но въ такомъ случаѣ она знала объ его свиданіи съ англичаниномъ и могла однимъ словомъ погубить его. Нѣтъ, нѣтъ, это было невозможно. Мать его сына никогда не выдастъ его! Но зачѣмъ же она была въ Монморанси? зачѣмъ? зачѣмъ?

Съ закрытыми глазами Робеспьеръ повторялъ это слово «зачѣмъ» и мало-по-малу впалъ въ забытѣе. Онъ какъ будто перенесся въ тюрьму Ла-Бурбъ и увидалъ Клариссу. Но она была попрежнему молодая и хотя блѣдная, но прелестная, съ чудными голубыми глазами. Но какъ могла она столь молодая имѣть взрослого сына? Нѣтъ, она была не матерью, а невѣстою Оливье, и онъ обѣщаль поженить ихъ въ Лондонѣ съ помощью Фокса, который былъ въ Англіи такъ же всемогущъ, какъ онъ, Робеспьеръ, во Франціи.

Его голова медленно опустилась на грудь, и онъ крѣпко заснулъ.

Лампа, стоявшая на столѣ, уже догорала, и при ея мерцающемъ свѣтѣ неясно выдѣлялось изъ темноты блѣдное, все еще выражавшее тревогу лице Робеспьера. Онъ заснулъ одѣтый, и руки его висѣли по сторонамъ, какъ плети. Отъ времени до времени онъ нервно вздрагивалъ, и какія-то несвязныя слова или глухіе звуки вырывались изъ его устъ.

Комната «неподкупнаго», скромно меблированная кресломъ, въ которомъ онъ теперь спалъ, нѣсколькими плетеными стульями, простымъ письменнымъ столомъ, книжными полками и кроватью краснаго дерева съ пестрыми занавѣсками, сдѣланными изъ платя г-жи Дюплэ, находилась рядомъ съ помѣщеніемъ, гдѣ спалъ маленькій Морисъ. Около трехъ часовъ ночи ребенокъ вдругъ проснулся, услышавъ голосъ Робеспьера. Но послѣдній не разъ разговаривалъ во снѣ, и потому ребенокъ повернулся и снова заснулъ. Однако его вторично разбудилъ шумъ падающаго кресла. Онъ вскочилъ и отворилъ дверь въ сосѣдную комнату.

При мерцаніи совершенно угасавшей лампы Морисъ увидалъ, что Робеспьеръ стоялъ одѣтый и, вытянувшись во весь ростъ, дико махалъ руками, словно отъ кого-то обороняясь. Подлѣ него стояло опрокинутое кресло.

Ребенокъ подбѣжалъ къ нему и спросилъ, что съ нимъ. Робеспьеръ пристально посмотрѣлъ на него, опустился на колѣни и, схвативъ его, прижалъ къ своей груди.

— Сынъ мой, сынъ мой! — произносилъ онъ едва слышно, среди болѣзненныхъ стонovahъ.

Между тѣмъ лампа потухла, но сквозь полуоткрытые ставни пробивался сѣроватый свѣтъ начинающагося дня. Морисъ съ трудомъ помогъ Робеспьеру подняться съ полу и сѣсть въ кресло, которое онъ прежде того поднялъ.

— Не нужно ли вамъ еще что?—спросилъ онъ.

Но Робеспьеръ уже крѣпко спалъ.

Ребенокъ тихонько вышелъ изъ комнаты и, бросившись на свою постель, также заснулъ.

Въ семь часовъ утра Робеспьеръ открылъ глаза. Онъ ничего не помнилъ, что было ночью, а тотъ фактъ, что онъ спалъ одѣтый въ креслѣ, его нимало не удивилъ. Это случилось нерѣдко въ критическіе моменты его жизни. Онъ открылъ ставни, и въ комнатѣ стало свѣтло. Кто-то постучалъ въ дверь. Это былъ Морисъ, который просилъ позволенія войти.

Это раннее появленіе мальчика, котораго онъ очень любилъ и которому давалъ въ свободныя минуты уроки исторіи, изумило Робеспьера.

— Какъ ваше здоровье?

— Отлично! Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Потому что... вы знаете... вчера ночью...

— Что вчера ночью?

— Вы меня очень перепугали.

— Чѣмъ я тебя перепугалъ?

Морисъ рассказалъ, что случилось ночью.

— Ты въ этомъ увѣренъ?—спросилъ Робеспьеръ тревожнымъ тономъ.

— А такъ какъ вы меня узнали и назвали своимъ сыномъ, то я успокоился и подумалъ, что у васъ жаръ былъ не очень большой.

— Да, да, ты правъ, значить, у меня не былъ большой жаръ, если я тебя узналъ и назвалъ своимъ сыномъ. Вѣдь ты, правда, мой добрый сыночекъ,—прибавилъ Робеспьеръ, лаская ребенка по щекѣ.—Но ты не говори объ этомъ ни слова, нечего тревожить отца и мать.

— Я никогда ничего не говорю!

— Какъ никогда?—спросилъ съ безпокойствомъ Робеспьеръ.

— Съ вами это случилось не въ первый разъ.

— А что же со мною случилось раньше?

— Вы часто говорили вслухъ во время сна.

— А что я говорилъ?

— Какія-то несвязныя слова, которыя я не могъ понять. Но я такъ привыкъ къ этому, что не обращалъ вниманія. А вотъ вчера случилось нѣчто необыкновенное, и я вскочилъ съ постели.

— Совершенно напрасно. Я просто усталъ.

— Можетъ быть, васъ разстроилъ допросъ шуана?

— Можетъ быть. Но, ты видишь, я теперь совсѣмъ здоровъ. Ну, иди, дитя мое, и помни—никому ни слова.

Когда мальчикъ ушелъ, Робеспьеръ подумалъ, что, быть можетъ, слишкомъ мало ходитъ, и потому у него дѣлается приливъ крови къ головѣ. Хорошая прогулка по Елисейскимъ полямъ была бы для него всего полезнѣе. Поэтому онъ переодѣлся, побрился, попудрился и по обыкновенію надушился. Но прежде чѣмъ выйти изъ дома, онъ вынулъ изъ ящика стола написанный два дня передъ тѣмъ проектъ закона и спряталъ въ карманъ.

Очутившись на свѣжемъ воздухѣ, онъ совершенно оправился и пошелъ прямо къ Кутону, одному изъ вѣрныхъ своихъ друзей, въ числѣ которыхъ находились, кромѣ него, Леба, Сенъ-Жюсть и братъ Робеспьера, Огюстенъ. Онъ полагалъ, что лучше было Кутону предложить новый законъ конвенту, и тогда ему будетъ удобнѣе отстаивать его противъ оппозиціи. Кутонъ былъ дома и согласился на желаніе Робеспьера. Покончивъ съ нимъ, онъ пошелъ черезъ Тюильри въ Елисейскія поля. По своему обыкновенію, онъ шагалъ быстро, несмотря на жару, и Блунтъ весело слѣдовалъ за нимъ, прыгая и лая.

Мало-по-малу «неподкупный» совершенно успокоился. Онъ уже хладнокровно обдумывалъ, кто изъ его враговъ будетъ жертвою новаго закона. Что же касается до Оливье, его матери и невѣсты, то ихъ судьба его болѣе не тревожила. Онъ рѣшилъ, что они спокойно останутся въ тюрьмѣ, пока наступитъ удобное время для ихъ освобожденія.

Въ концѣ Елисейскихъ полей онъ повернулъ къ Сенѣ, чтобы выкупать свою собачку, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ въ теплые лѣтніе дни. На берегу рѣки онъ остановился и сталъ бросать въ воду палки, за которыми кидалась собака, и, схвативъ ихъ, приносила обратно. Это мирное зрѣлище еще болѣе возстановило хорошее расположеніе духа, и онъ явился въ конвентъ вполне готовый къ борьбѣ съ врагами.

Какъ было условлено, Кутонъ прочелъ новый законопроектъ среди громкихъ протестовъ, а затѣмъ начались шумныя пренія. Многихъ пугало предложеніе ускорить производство въ революціонномъ трибуналѣ уничтоженіемъ свидѣтельскихъ показаній и перекрестнаго допроса. Но когда дѣло дошло до предоставленія комитету общественной безопасности права жизни и смерти, то произошла паника. До тѣхъ поръ конвентъ имѣлъ право судить представителей народа.

— Если этотъ законъ пройдетъ, то всякому изъ насъ остается только пустить себѣ пулю въ лобъ!—произнесъ какой-то голосъ.

Но Робеспьеръ вошелъ на трибуну, и законъ былъ принятъ конвентомъ. На слѣдующій день уже было сдѣлано нѣсколько попытокъ отмѣнить этотъ законъ, вводившій терроръ среди конвента, но тщетно.

Пользуясь такимъ обоюдоострымъ закономъ, который можно было одинаково обратить противъ конвента и комитета общественной безопасности, Робеспьеръ могъ держать въ порядкѣ своихъ враговъ въ комитетѣ. Ему стоило только предъявить противъ нихъ обвиненіе и замѣнить ихъ своими собственными креатурами, которые слѣпо повиновались бы его волѣ.

Все шло хорошо. Его враги слѣпые и неумѣлые начали истреблять другъ друга и распадаться на мелкія группы съ того самаго дня, какъ прошелъ законъ, сдѣлавшій Робеспьера столь грознымъ для всѣхъ: онъ со своей стороны пользовался этими раздорами, но, быть можетъ, слишкомъ торопился. Что касается до комитета общественной безопасности, то онъ, почувявъ опасность, дружно сплотился противъ «неподкупнаго», который въ случаѣ неудачнаго результата своей борьбы съ комитетомъ долженъ былъ прибѣгнуть къ открытой силѣ. При такихъ обстоятельствахъ онъ пересталъ ходить въ комитетъ и сталъ втайнѣ энергично готовить государственный переворотъ, для того, чтобы навсегда отдѣлаться отъ своихъ враговъ съ помощью Сентъ-Жюста, котораго онъ вызвалъ изъ Сѣверной арміи,—Ганрію, главнокомандующаго парижской арміи, Флерію-Леско, парижскаго мэра, Пэана, агента коммуны, Дюма, предсѣдателя революціоннаго трибунала, и Кофиналя, его вице-предсѣдателя.

Планъ Робеспьера былъ очень простой. Онъ предъявить въ конвентѣ обвиненіе противъ комитета общественной безопасности и потребуетъ преданія его суду, если же конвентъ не согласится на это, то онъ усмирить его войсками Ганрію, а въ крайности подыметь съ помощью коммуны народное возстаніе въ Парижѣ.

Что касается до Оливье, его матери и невѣсты, то они все это время спокойно сидѣли въ своихъ тюрьмахъ. Два раза имена Клариссы и Терезы попадались въ списки, и два раза ихъ вычеркивалъ Робеспьеръ, который приказалъ подавать заранѣе эти списки на его просмотръ.

Но рѣшительная минута приближалась. Былъ уже седьмой термидоръ. Прошло шесть недѣль послѣ знаменитаго праздника Верховнаго Существа и принятія преріальскаго закона, который возвелъ на эшафотъ 700 жертвъ. Терроръ достигъ своего апогея, и Франція тревожно ждала результата борьбы между Робеспьеромъ и его врагами.

Доведенный до крайности, «неподкупный» назначилъ послѣдній бой на 8-е термидора, когда онъ рѣшился снять съ себя маску и открыто обвинить комитетъ общественной безопасности въ конвентѣ. Хотя онъ былъ совершенно убѣжденъ въ своемъ торжествѣ, но онъ все-таки считалъ благоразумнымъ принять мѣры, чтобы обезопасить Оливье, его мать и невѣсту въ случаѣ своего пораженія, какъ оно ни было невѣроятно. Ихъ слѣдовало выпустить

изъ тюрьмы и помѣстить въ безопасномъ убѣжищѣ, откуда они могли бѣжать въ случаѣ опасности.

Выборъ Робеспьера остановился на городской ратушѣ, гдѣ онъ царилъ безгранично. Въ улицѣ Мартруа находилось зданіе, имѣвшее сообщеніе съ ратушей, и въ которомъ было нѣсколько пустыхъ квартиръ. Кларисса могла спокойно жить въ одной изъ этихъ квартиръ со своей племянницей и Оливье, пока они найдутъ возможность безопасно покинуть Парижъ. Обдумавъ со всѣхъ сторонъ этотъ проектъ, Робеспьеръ сообщилъ о немъ Леба, который одинъ зналъ о тайной драмѣ, разыгрывавшейся въ частной жизни Робеспьера въ самую критическую минуту его политической карьеры.

— Вполнѣ одобряю вашъ планъ и готовъ всячески помогать его осуществленію.

— Благодарю, я на васъ рассчитывалъ. Но нечего торопиться. Вы успѣете все сдѣлать завтра. Если вы замѣтите, что въ началѣ засѣданія большинство конвента колеблется, то отправляйтесь прямо въ тюрьму Ла-Бурбъ и, освободивъ женщинъ, водворите ихъ въ извѣстную вамъ квартиру. Тамъ все готово. Потомъ отправляйтесь въ тюрьму Ла-Форсъ и перевезите въ означенную квартиру Оливье, который долженъ найти тамъ свою мать и невѣсту.

И онъ передалъ Леба два приказа объ освобожденіи арестованныхъ.

— Хорошо,—отвѣчалъ Леба,—все будетъ исполнено.

На слѣдующій день въ конвентѣ Леба, бывший опытнымъ парламентскимъ экспертомъ, былъ убѣжденъ, что Робеспьеръ одержитъ побѣду, и онъ не ошибся. «Неподкупный» заявилъ подготовленное имъ обвиненіе противъ комитета общественной безопасности. Оно было выслушано безмолвно, и раздалось только нѣсколько протестовъ. Во всякомъ случаѣ было рѣшено напечатать его рѣчь и распространить въ Парижѣ. Такимъ образомъ Робеспьеръ одержалъ побѣду, и предъявленное имъ обвиненіе противъ своихъ враговъ приняло характеръ обвиненія ихъ передъ всей Франціей. Ему оставалось только назвать своихъ жертвъ.

Но комитетъ общественной безопасности его предупредилъ. Вадье бросился на трибуну, а за нимъ Камбонъ, который чувствуя, что все для нихъ погибло, смѣло обвинилъ лично Робеспьера.

— Настоящій измѣнникъ—это онъ!—воскликнулъ Камбонъ, приводя въ изумленіе всѣхъ присутствовавшихъ:—онъ въ своемъ чрезвычайномъ самолюбіи парализуетъ волю національнаго конвента!

Эти слова какъ бы заставили очнуться конвентъ отъ своего рабскаго подчиненія Робеспьеру.

Бильо-Варренъ замѣнилъ Камбона на трибунѣ.

— Пора снять маски со всѣхъ, кто бы они ни были!—воскликнулъ онъ.—Я предпочитаю, чтобы самолюбивый тиранъ пріобрѣлъ власть, переступивъ черезъ мой трупъ, чѣмъ съ помощью моего безмолвія.

Другіе ораторы были еще смѣлѣе. Робеспьеръ хотѣлъ усмирить бурю, но это было ему не по силамъ. Предъявивъ огульное обвиненіе и не назвавъ никого по имени, онъ навелъ страхъ на каждаго. Конвентъ отмѣнилъ только что принятое постановленіе и рѣшилъ, что его рѣчь прежде напечатанія будетъ послана въ комитетъ на заключеніе.

— Какъ,—воскликнулъ Робеспьеръ,—я мужественно рѣшилъ для спасенія страны обвинить недостойныхъ людей, а вы посылаете это обвиненіе на разсмотрѣніе обвиняемымъ лицамъ!

За побѣдой слѣдовало пораженіе, хотя, конечно, частное, и видя колебаніе конвента, Робеспьеръ надѣялся на другой день поставить на своемъ. Но все-таки ему надо было принять немедленно мѣры на случай крайности. Въ тотъ же вечеръ онъ долженъ былъ приготовить возстаніе парижской коммуны, которое разсѣяло бы всѣхъ его враговъ. Онъ готовъ былъ придерживаться законности, пока было возможно, но считалъ неизбѣжнымъ обратиться къ насилію при необходимости.

Онъ оглянулся во всѣ стороны, отыскивая Леба. Но онъ уже давно исчезъ, и это обстоятельство возбудило въ немъ надежду, что обѣ женщины, а, можетъ, и Оливье были въ приготовленномъ для нихъ убѣжищѣ, въ улицѣ Мартруа.

— Мнѣ надо лично убѣдиться, все ли обстоитъ благополучно,—подумалъ онъ,—нельзя терять ни минуты.

И, выйдя изъ конвента, онъ поспѣшно направился къ парижской ратушѣ.

Х.

Въ это самое время Леба подѣзжалъ съ другой стороны къ ратушѣ вмѣстѣ съ Клариссой и Терезой. Оставляя тюрьму Лабурбъ, онъ далъ ложный адресъ возницѣ того экипажа, въ которомъ находились освобожденные узники. Самъ же онъ слѣдовалъ сзади въ другомъ экипажѣ съ однимъ изъ сторожей ратуши, пламеннымъ сторонникомъ Робеспьера, по имени Урбеномъ. По дорогѣ онъ догналъ первый экипажъ и крикнулъ возницѣ:

— Въ улицу Мартруа, № 13!

Когда экипажи остановились передъ указаннымъ домомъ, и Леба почтительно пропустилъ на лѣстницу Клариссу и Терезу, то послѣднія находились въ такомъ волненіи, что не знали, живы ли онѣ или мертвы.

Выходя изъ тюрьмы, Кларисса спросила, куда ихъ везутъ, но Леба отвѣчалъ:

— Ради себя и своей племянницы не спрашивайте меня ни о чемъ, пока мы не достигнемъ до мѣста вашего назначенія!

Обѣ женщины молча послѣдовали за Леба и Урбеномъ, который

нести ихъ вещи. Въ третьемъ этажѣ онѣ остановились передъ дверью, отворивъ которую Леба сказалъ:

— Пожалуйте!

Кларисса и Тереза вошли въ простенькую гостиную, очень скромно меблированную, а Урбенъ отнесъ вещи въ сосѣдную комнату, которая была спальнѣй.

— Вы здѣсь дома,—сказалъ Леба,—вы совершенно свободны, но изъ благоразумія тотъ, кто васъ спасъ, и по порученію котораго я васъ привезъ сюда, желаетъ, чтобы вы не выходили изъ этой квартиры, пока не уничтожится всякая опасность.

Кларисса и Тереза не могли прійти въ себя отъ изумленія и умоляли Леба сказать имъ имя ихъ избавителя.

— Я не могу вамъ этого сказать, такъ какъ не получилъ разрѣшенія,—отвѣчалъ Леба,—но будьте увѣрены, что онъ всемогущъ въ парижской коммунѣ; ваша квартира вотъ черезъ эту дверь находится въ прямомъ сообщеніи съ ратушей, такъ что вы состоите подъ его прямымъ наблюденіемъ.

Кларисса вздрогнула. Она теперь поняла, что ихъ спасъ Робеспьеръ. Письмо, которое она писала ему мѣсяць тому назадъ, попало ему въ руки, и она получила черезъ два дня отвѣтъ:

«Не бойтесь ничего, вашъ сынъ внѣ опасности».

Леба еще объяснилъ успокоившимся женщинамъ, что Урбенъ и его жена будутъ находиться въ квартирѣ для ихъ услугъ, и что ихъ свобода была только ограничена условіемъ не выходить изъ квартиры и даже не приближаться къ окнамъ въ особенности отъ четырехъ до шести, когда мимо провозятъ приговоренныхъ къ гильотинѣ.

Обѣ женщины вздрогнули.

— По несчастью,—прибавилъ Леба,—мы не могли вамъ найти другой квартиры, а по этой улицѣ самая близкая дорога къ Трону заставѣ, куда теперь переведена гильотина. Но васъ предупредятъ народные крики, и вы можете удалиться въ столовую, которая выходитъ на дворъ.

Но Кларисса не обращала вниманія на его слова. Мысль увѣдомить Оливье объ ихъ спасеніи всецѣло овладѣла ею.

— Могу я написать нѣсколько строкъ къ дорогому мнѣ существу?—спросила она. Леба отвѣчалъ утвердительно и прибавилъ, что онъ зайдетъ за ея письмомъ черезъ нѣсколько времени, такъ какъ теперь ему необходимо исполнить еще одно важное порученіе.

Онъ быстро удалился, а Урбенъ сталъ приводить въ порядокъ мебель въ гостиной.

Тереза сіяла счастьемъ, громко благодарила Бога за ихъ спасеніе и выражала надежду, что онѣ вскорѣ увидятъ Оливье.

— Но кому мы обязаны всѣмъ этимъ?—спросила она у тетки.

— Я думаю, что бывшему секретарю твоего дѣда,—отвѣчала Кларисса,—онъ теперь всемогущъ, и я ему писала изъ тюрьмы. Если же я тебѣ объ этомъ раньше не говорила, то не хотѣла тѣшить тебя надеждами, быть можетъ, несбыточными.

Молодая дѣвушка взглянула въ отверстіе ставней, которые были немного пріотворены Урбеномъ, и воскликнула:

— Тутъ церковь!

Мысленно она обѣщала себѣ при первой возможности пойти въ церковь и помолиться за ихъ покровителя, который долженъ былъ много грѣшить, такъ какъ, если онъ былъ всемогущъ, то онъ не могъ не принадлежать къ правительству террора.

Между тѣмъ Урбенъ принесъ чернила и поставилъ на столъ.

— Наконецъ-то я могу написать Оливье!—воскликнула радостно Кларисса.

Она присѣла къ столу и начала писать, а Тереза начала подробно осматривать комнату. Неожиданно ея глаза остановились на иллюстрированной газетѣ. Она была старая, но ее сохранили, потому что въ ней было подробное описаніе съ картинками праздника въ честь Верховнаго Существа.

Это заинтересовало молодую дѣвушку, потому что Оливье во время его посѣщенія тюрьмы Ла-Бурбъ горячо протестовалъ противъ этого торжества. Она стала читать прежде всего содержаніе газеты, напечатанное крупными буквами:

«Описаніе шествія.—Пиротехническія фигуры.—Типическія группы.—Арестъ шуана.—Народное негодованіе».

— Я видѣлъ, какъ его арестовали!—замѣтилъ Урбенъ.

— А за что его арестовали?—спросила Тереза.

— За то, что онъ закричалъ: «долой гильотину!».

Услыхавъ эти слова, Кларисса подняла голову. Она вспомнила, что Оливье наканунѣ праздника упрекалъ французскій народъ за то, что никто не рѣшился публично произнести этой фразы. Она и Тереза въ одинъ голосъ воскликнули:

— А что это былъ за человѣкъ?

— Насколько мнѣ помнится,—отвѣчалъ Урбенъ:—это былъ юноша лѣтъ двадцати. Его арестовали немедленно, чтобы спасти отъ толпы, которая хотѣла его растерзать на куски.

— А какъ его зовутъ?—снова въ одинъ голосъ воскликнули обѣ женщины.

Урбенъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ. Кларисса съ материнскимъ инстинктомъ стала доказывать Терезѣ, что онѣ напрасно беспокоились, такъ какъ Оливье не могъ быть означеннымъ юношей. Если бы онъ произвелъ такую скандальную выходку, то ихъ бы давно разыскали и привлекли къ дѣлу. А напротивъ въ послѣднее время съ ними обращались въ тюрьмѣ очень почтительно.

— Это правда,—отвѣчала Тереза и быстро успокоилась.

Кларисса взяла изъ ея рукъ газету и бросила ее.

— Лучше, чѣмъ читать всякій вздоръ, ты бы убрала нашу комнату. Ты даже еще не посмотрѣла на нее.

Она нѣжно повела ее въ спальню и поспѣшно закрыла свою дверь.

Оставшись наединѣ съ Урбеномъ, Кларисса тревожно спросила въ полголоса:

— Вы видѣли этого молодого человѣка? Какіе у него глаза? Какъ онъ былъ одѣтъ?

— Глазъ его я не помню,—отвѣчала Урбенъ,—но на немъ была рабочая одежда: сѣрая куртка, такія же брюки и полосатый черно-сѣрый жилетъ.

— Это онъ! это онъ!—промолвила Кларисса, вспоминая обычный костюмъ Оливье, и упала въ кресло, едва не потерявъ сознанія.

Въ эту минуту отворилась дверь изъ передней, и кто-то помахалъ оттуда рукою Урбену, который вышелъ и, немедленно вернувшись, сказалъ:

— Гражданинъ Робеспьеръ желаетъ говорить съ вами.

— Гдѣ онъ? гдѣ онъ?—воскликнула Кларисса, заливаясь слезами.

Какъ только въ дверяхъ показался Робеспьеръ, Кларисса поспѣшила къ нему на встрѣчу и, не давъ времени поздороваться съ нею, воскликнула:

— Гдѣ мой сынъ? гдѣ мой сынъ?

— Успокойтесь: вашъ сынъ здоровъ и невредимъ!

Она взглянула на него пристально и, замѣтивъ его смущеніе, продолжала съ ожесточеніемъ:

— Значить, арестованный молодой человѣкъ—Оливье? Значить, вы приказали его арестовать? Нечего сказать, хорошо! вы сдѣлались тюремщикомъ своего сына.

Робеспьеръ сначала опустил глаза въ смущеніи, потомъ оправился и объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ все, что случилось. Если онъ заперъ Оливье въ тюрьму, то лишь для того, чтобы его спасти, иначе комитетъ общественной безопасности могъ его схватить и возвести на эшафотъ, въ доказательство того, что Робеспьеръ не имѣлъ права помилованія. Напротивъ теперь Леба повезъ его въ тюрьму Ла-Форсъ и тотчасъ привезетъ его сюда. Здѣсь Оливье проживетъ съ матерью и Терезой до того дня, какъ они всѣ трое уѣдутъ въ провинцію.

Кларисса видимо успокоилась и довѣрчиво слушала Робеспьера.

— Но какъ вы его узнали?

— Благодаря случайности и найденнымъ письмамъ въ его дорожномъ мѣшкѣ, онъ же самъ упорно отказывался назвать себя по имени.

Глаза Клариссы засверкали новымъ страхомъ.

— Такъ Оливье знаетъ тайну своего рожденія?

— Нѣтъ, не безпокойтесь, я не сказалъ ему ни слова, чтобы уменьшить его любовь къ вамъ и вѣру въ васъ, или чтобы уменьшить его ненависть ко мнѣ, которая вполнѣ можетъ служить вамъ местию.

— Вы ошибаетесь насчетъ моихъ чувствъ, я нисколько не думаю о мести и даже давно перестала упрекать васъ. Вѣдь прошедшее было такъ давно, такъ давно.

«Неподкупный» бросилъ на нее взглядъ, полный горя и сожалѣнія. Блѣдная, увядшая не по возрасту, она была для него живымъ укоромъ. Если она забыла прошедшее, то онъ не могъ забыть, что на этихъ поблекшихъ отъ страданій и печали, нѣкогда розовыхъ губахъ онъ запечатлѣлъ свой первый поцѣлуй.

— Хотя я не могу забыть прошедшаго,— произнесъ онъ,— но я, право, не такъ виноватъ, какъ кажется. Отчего вашъ отецъ изъ личной гордости отказалъ мнѣ въ вашей рукѣ и прогналъ, какъ лакея? Благодаря этой аристократической гордости, возникла революція и всѣхъ сравняла подъ гильотиной. Печальное прошедшее и ужасное настоящее обязаны своимъ происхожденіемъ гордости вашего отца. Я никогда не бросился бы съ такимъ безуміемъ въ политическій водоворотъ...

— Полноте,— перебила его Кларисса:— прошедшее умерло, давно умерло!

— Нѣтъ, оно не умерло!— воскликнулъ онъ:— и вашъ сынъ служить живымъ доказательствомъ, что прошедшее...

— Если его ненависть нанесла минутный ударъ вашему самолюбію,— промолвила Кларисса, перебивъ его въ третій разъ:— то я должна всю жизнь смертельно страдать всякій разъ, какъ онъ произнесетъ ваше имя съ презрѣніемъ и отвращеніемъ. Я должна постоянно съ ужасомъ спрашивать себя: проститъ ли онъ мнѣ когда нибудь, что по моей милости такой отецъ, какъ вы?..

— И вы также!— воскликнулъ «неподкупный», печально смотря на нее.— Какъ, вы раздѣляете общее заблужденіе насчетъ меня? Даже вы не поняли, что подъ кажущейся жестокостью я скрываю идеальныя стремленія. Я имѣлъ въ виду только счастье Франціи и всего человѣчества, но достигъ этой цѣли можно, только очистивъ Францію отъ низкихъ измѣнниковъ. Я—убійца? Я—тиранъ? Я—мститель, я пророкъ, провозвѣстникъ справедливости и добродѣтели! Я не отвѣчаю за то, что народъ, скованный цѣпями рабства въ продолженіе многихъ вѣковъ, освободившись, во зло употребилъ свою свободу. Каждая побѣда сопровождается кровопролитіемъ!

Кларисса слушала съ такимъ же изумленіемъ, какъ Воганъ проповѣдь Робеспьера о достиженіи гильотиной всеобщаго счастья.

— Будущее меня оправдаетъ!— прибавилъ онъ.— Когда я

достигну власти, то мои дѣйствія докажутъ чистоту моихъ намѣреній.

— А развѣ вы теперь не всемогущи? — спросила Кларисса.

— Нѣтъ, я не всемогущъ! Враги мѣшаютъ мнѣ дѣйствовать, какъ я хочу. Но я уже вступилъ съ ними въ послѣдній бой. Надо все покончить разомъ. Я не могу болѣе переносить этой проклятой жизни. Всѣ меня ненавидятъ, всѣ мнѣ измѣняютъ. Надъ моей головой постоянно виситъ кинжалъ. Я провожу безсонныя ночи. Пора, пора все кончить! Однимъ страшнымъ ударомъ я освобожусь ото всѣхъ изверговъ, подвергающихъ меня ужаснымъ мукамъ, а затѣмъ—миръ, вѣчный миръ. Я встрѣчу его радостно, съ распростертыми объятіями.

— Но если такъ,—возразила Кларисса: — то отчего же вы до сихъ поръ не закрыли революціоннаго трибунала и не выпустили на свободу всѣхъ узниковъ? Сколько благословеній тогда посыпалось бы на васъ, вы осушили бы столько же слезъ, сколько пролито, благодаря вамъ. Все было бы забыто, и вы были бы счастливы.

— Это было невозможно,—отвѣчалъ Робеспьеръ:—это еще невозможно и теперь. Если бы я вздумалъ такъ поступить, то погибъ бы, подобно Дантону. До настоящей минуты еще не пришло время. Милосердіе значило измѣна, а человѣколюбіе—смерть. Чтобы пережить, надо было уличать, обвинять, убивать, убивать безжалостно. Страхъ, смерть, а не что иное побуждало французовъ къ самымъ безчеловѣчнымъ поступкамъ. Страхъ овладѣлъ всѣми: конвентомъ, комитетомъ, революціоннымъ трибуналомъ, даже толпой, которая сдѣлалась позорнымъ рабомъ ужаса, овладѣвшаго Франціей. Это правительство назвали терроромъ, и дѣйствительно это было время террора для жертвъ, обвинителей и судей, для всѣхъ и cadaго.

Кларисса съ ужасомъ смотрѣла на него.

— Такъ нѣтъ надежды, — промолвила она: — Франція погибнетъ отъ гнуснаго страха. Неужели не найдется смѣльчака, который возьметъ бы это чудовище за горло и задушилъ бы его?

— Найдется.

— Но, Боже мой, кто?

— Я.

— Вы?

— Да, я.

И Робеспьеръ развилъ передъ нею свой планъ. Какъ только погибнетъ комитетъ общественной безопасности, — онъ станетъ полнымъ, всемогущимъ повелителемъ, уничтожитъ гильотину и водворитъ миръ, справедливость, милосердіе.

— Но когда это будетъ? — спросила Кларисса, очарованная его словами.

— Не знаю. Можетъ быть, чрезъ нѣсколько дней. Сегодня канунъ великаго боя. Надо ждать и быть терпѣливымъ.

Вдали послышался какой-то смутный шумъ въ родѣ переката морскихъ волнъ.

— Что это такое?—спросила Кларисса.

Робеспьеръ ничего не отвѣтилъ, но вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Кларисса поняла, что означаетъ этотъ шумъ. Леба ее предупредилъ, и теперь именно было время проѣзда по улицѣ мимо ихъ оконъ телѣгъ съ жертвами гильотины. Робеспьеръ поспѣшно закрылъ ставни.

— Такъ всѣ эти несчастные люди, — воскликнула Кларисса, вѣя себя отъ отчаянія:—должны умереть, потому что часть милосердія еще не пробилъ! Чрезъ нѣсколько дней, вы сами говорите, ихъ можно было бы спасти. Неужели они погибнуть наканунѣ общаго спасенія? О, это ужасно, ужасно!

— Я ничего не могу сдѣлать, я безсиленъ.

— Какъ, вы безсильны? Сдѣлайте сегодня то, что вы хотите сдѣлать черезъ нѣсколько дней. Крикните изъ этого окна толпѣ: «Милость несчастнымъ!». Вы кумиръ толпы, и ваше слово раздастся по всей Франціи. Скажите это слово милосердія, и вы будете героемъ, вашъ сынъ перестанетъ ненавидѣть и проклинать васъ.

— Вы не понимаете, что говорите, — отвѣчала Робеспьеръ въ сильнѣйшемъ волненіи. — Какъ могу я остановить однимъ словомъ эти телѣги и толпу человѣческихъ подонковъ. Въ ней нѣтъ ни одного уважающаго себя человѣка. Это — чернь, обезумѣвшая отъ жажды крови. Они боятся и уважаютъ только одно — гильотину. Вы говорите, что я — ихъ кумиръ. Это — неправда: ихъ кумиръ — палачъ. Вступить въ бой мнѣ одному съ этой слѣпой, безумной толпой — сумасшествіе.

Кларисса не обращала вниманія на его аргументы и продолжала умолять, ломая себѣ руки.

Шумъ приближался. Робеспьеръ невольно пріотворилъ ставень въ одномъ изъ оконъ и взглянулъ на улицу.

— Это они! это они! — промолвила Кларисса, заливаясь слезами.

Робеспьеръ быстро закрылъ ставень.

— Подумайте о своей юности, — неожиданно воскликнула Кларисса: — вы тогда были милосердны и человѣколюбивы. Васъ тогда возмущала всякая несправедливость, и вы заступались за слабыхъ, за угнетенныхъ. Подумайте о вашей юности! Они невинны, а вы не хотите ихъ спасти.

— Да это безуміе, — повторилъ Робеспьеръ въ отчаяніи. — Вы хотите моей смерти, своей и вашей племянницы. Малѣйшая попытка со стороны кого либо спасти этихъ жертвъ навлечетъ на него ожесточенную злобу толпы. Его разорвутъ на части, его раздавятъ

подъ колесами телѣгъ! Этого вы хотите? Не лучше ли, чтобы я остался живъ и спасъ васъ, вашего сына и вашу племянницу?

Въ эту минуту дверь отворилась, и на порогѣ показался Урбенъ. Робеспьеръ понялъ, что явился Леба съ Оливье; но онъ не желалъ, чтобы сынъ его видѣлъ.

— Пусть гражданинъ Леба и его товарищи подождутъ, пока я уйду.

Урбенъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Гражданинъ Леба одинъ,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ одинъ?—спросилъ Робеспьеръ.

— А Оливье?—воскликнула Кларисса, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Робеспьеръ бросился къ двери и позвалъ Леба.

Дѣйствительно Леба пришелъ одинъ и объявилъ, что Оливье не было въ тюрьмѣ Ла-Форсъ.

— Онъ спасся бѣгствомъ?—спросилъ Робеспьеръ.

— По несчастію, нѣтъ: его взялъ полицейскій агентъ Куланжонъ, но куда онъ его повезъ, неизвѣстно. Можетъ быть, въ консержери.

— Въ революціонный трибуналъ!—вскрикнула съ ужасомъ Кларисса.

Робеспьеръ былъ также пораженъ страхомъ. Комитетъ, вѣроятно, отдалъ Оливье подъ судъ, и, быть можетъ, онъ находился въ числѣ жертвъ, которыхъ сейчасъ провезутъ мимо оконъ на пути къ гильотинѣ.

— Бѣгите и узнайте!—крикнулъ онъ Леба, а пока послѣдній бросился къ дверямъ, онъ поспѣшилъ къ окну.

— Если онъ въ числѣ жертвъ,—воскликнула Кларисса, обезумѣвъ отъ горя:—то вы должны закричать народу, что это вашъ сынъ.

— Это невозможно!—отвѣчалъ Робеспьеръ:—мнѣ отвѣтять, что мой сынъ шуанъ, и что я долженъ быть благодаренъ комитету, что онъ спасъ меня отъ такого позора.

Въ эту минуту Тереза вошла въ комнату, дрожа отъ страха.

— Мама, мама, ихъ везутъ!—промолвила она, вспомнивъ предостереженіе Леба.

Увидавъ Робеспьера, она остановилась.

— Это—другъ, который насъ спасъ.

Но когда Тереза хотѣла подойти къ окну, то она остановила ее рукою.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не для тебя такое зрѣлище. Лучше стань на колѣни и молись. Молись за несчастныхъ жертвъ, молись за всѣхъ насъ!

Тереза повиновалась и, поднявъ свои голубые глаза, полные слезъ, стала молиться.

На улицѣ шумъ все усиливался. Слышны были дикіе крики, грубый хохотъ, безобразныя шутки. Вся ненависть и все безуміе парижской черни вылились наружу.

Первая телѣга съ приговоренными тихо подвигалась по улицѣ Мартруа, предшествуемая пьяными изступленными женщинами, которыя неистово плясали «карманьолу» подъ звуки революціонныхъ гимновъ. Робеспьеръ открылъ на половину ставень, чтобы лучше разсмотрѣть, кто находился въ первой телѣгѣ. Кларисса хотѣла также выглянуть, но онъ силой ее удерживалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я буду смотрѣть одинъ.

— Вы его видите? Скажите мнѣ, онъ здѣсь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Робеспьеръ, попрежнему не допуская ея къ окну.

Неожиданно Максимилианъ дрогнулъ, и она воскликнула:

— Онъ здѣсь! Онъ здѣсь! Я знаю, что онъ здѣсь!

И она снова рванулась къ окну.

— Клянусь, его нѣтъ!—произнесъ «неподкупный» и, выпустивъ изъ своихъ рукъ Клариссу, обтеръ платкомъ свой лобъ, на которомъ выступилъ холодный потъ.

Первая телѣга проѣхала, и мало-по-малу стали замирать крики, пѣнье, говоръ толпы. Оливье не было въ первой телѣгѣ, но онъ могъ находиться во второй.

Между тѣмъ Тереза, стоя на колѣняхъ и не спуская глазъ съ церкви, продолжала молиться:

— Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя твое, да придетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя.

Но ея голосъ былъ заглушенъ новымъ взрывомъ криковъ и пѣніемъ.

Dansons la Carmagnole!

Vive le son!

Vive le son!

Dansons la Carmagnole!

Vive le son

Du canon!..¹⁾

Пользуясь тѣмъ, что Робеспьеръ прозѣвалъ минуту, Кларисса приблизилась къ окну съ крикомъ отчаянія:

— Вторая телѣга!

— Ихъ двѣ!—прибавилъ Робеспьеръ; хотя и малаго роста, онъ былъ выше Клариссы и могъ видѣть черезъ ея плечи.

— Двѣ телѣги, значитъ, Оливье въ нихъ!—продолжала Кларисса:—я чувствую, что онъ въ нихъ!

Страхъ овладѣлъ ею до такой степени, что она забыла предосторожность и едва не высунулась въ окно. Робеспьеръ не могъ удержать ее, и она не обращала вниманія на его слова.

— Это безуміе, васъ могутъ увидѣть!

¹⁾ Пляшите карманьолу. Ура! Ура! Ура! Пляшите карманьолу! Ура! Ура! Пушкамъ ура!

Между тѣмъ Тереза окончила молитву Господню и начала звать со слезами къ Богородицѣ:

— Пресвятая Дѣва Марія, моли Бога о насъ и въ минуту нашей смерти. Аминь.

Неожиданно раздался вопль отчаянія: Кларисса узнала Оливье.

— Вотъ онъ! вотъ онъ въ телѣгѣ!—стонала она.

Робеспьеръ, полумертвый отъ страха, напрягалъ свое зрѣніе, но ничего не видѣлъ.

— Какъ вы не видите? Вотъ юноша съ опущенной головой.

Кларисса съ неимовѣрными усиліями хотѣла раскрыть широко ставень, но Робеспьеръ неистово боролся съ нею.

— Это не правда! Это не Оливье!—промолвилъ Максимилианъ.— Посмотрите, юноша поднялъ голову. Вы видите, что это не онъ.

— Такъ онъ въ другой телѣгѣ.

Однако Кларисса была такъ истощена, что невольно опустилась въ кресло. Шумъ началъ замирать вдаль. Робеспьеръ свободно вздохнулъ; это была, конечно, послѣдняя телѣга.

— Смотрите вы, — промолвила Кларисса: — я болѣе не могу.

Она закрыла лицо руками, и крупныя слезы потекли между ея пальцевъ. Робеспьеръ открылъ ставень въ надеждѣ, что смертельная пытка окончилась. Приближалась еще новая телѣга. Усиливающийся шумъ на улицѣ предвѣщалъ ея появленіе. Однимъ прыжкомъ Кларисса очутилась опять у окна.

— Неужели это никогда не кончится!—вырвалось изъ ея груди.

— Ради Бога, не кричите!—произнесъ Робеспьеръ, протянувъ руку, чтобы зажать ей ротъ.

Кларисса не слушалась его и громко кричала:

— Я пойду на улицу! Я положу этому конецъ! Это слишкомъ ужасно!

Робеспьеръ продолжалъ съ ней бороться, но эта сцена наконецъ обратила вниманіе Терезы, и она мгновенно поняла, въ чемъ дѣло.

— Оливье везутъ на эшафотъ?

— Да, да, Оливье хотятъ убить,—произнесла Кларисса, забывая обо всемъ.

— Оливье хотятъ убить!—повторила Тереза, и ея раздирающій вопль раздался во всемъ домѣ.

— Мама! Мама!

Несмотря на всѣ усилія и мольбы Робеспьера, Кларисса продолжала рваться и кричать.

— Я хочу вырвать моего сына изъ рукъ палача, всѣ матери мнѣ помогутъ, а если онъ не отдастъ мнѣ моего сына, то пусть убьетъ и меня. Пустите меня, ради Бога, я хочу спасти моего сына!

Робеспьеръ просилъ Терезу успокоить тетку, и молодая дѣвушка, понявъ все безуміе несчастной, старалась нѣжными словами возбу-

дить въ ней надежду, но ея голосъ былъ заглушенъ дикимъ ревомъ толпы, которая неистово распѣвала:

Ah! ça ira, ça ira!
 Les aristocrates à la lanterne,
 Ah! ça ira, ça ira!
 Les aristocrates on les pendra ¹⁾.

Неистовымъ движеніемъ Кларисса вырвалась и бросилась къ дверямъ, но Робеспьеръ задержалъ ее и произнесъ твердо, рѣшительно:

— Вы останетесь здѣсь! Я васъ не пущу! Я самъ пойду. Если онъ будетъ въ этой телѣгѣ, то я рѣшусь на все, чтобы его спасти!

Кларисса съ сомнѣніемъ посмотрѣла на него, и онъ прибавилъ:

— Клянусь!

— Да простится вамъ все за эту благородную рѣшимость!—промолвила она со слезами благодарности.

Онъ посадилъ ее близъ окна, а Тереза, помѣстившись рядомъ съ нею, старалась осушить ея слезы, какъ бы забывъ свое собственное горе. Новый взрывъ народныхъ криковъ привлекъ Робеспьера къ окну. Это была послѣдняя телѣга, и за нею виднѣлся конный эскортъ. Если въ этой телѣгѣ не окажется Оливье, то онъ былъ спасенъ.

— Онъ непременно въ этой телѣгѣ. Гдѣ ему быть иначе!—промолвила Кларисса и, опустившись на колѣна, стала молить небо: «О Господи! Боже мой! Боже милостивый! Спаси моего сына!»

Тереза послѣдовала ея примѣру, и, крѣпко обнявшись, обѣ женщины соединили свои мольбы и молитвы.

На улицѣ толпа ревѣла:

Ça ira! ça ira!

— Господи, Боже милостивый, спаси насъ!—повторяли уста обѣихъ женщинъ. Робеспьеръ блѣдный, неподвижный стоялъ на часахъ. Кларисса и Тереза сосредоточили свои глаза на немъ, ожидая отъ него надежды или смертнаго приговора. Наконецъ онъ восторженно воскликнулъ:

— Его нѣтъ! его нѣтъ!

— Вы увѣрены?—спросила Кларисса, усиливаясь встать.

Болѣе довѣрчивая Тереза радостно цѣловала ее.

Робеспьеръ подошелъ къ Клариссѣ, поднялъ ее и отнесъ къ окну.

— Смотрите сами,—сказалъ онъ.

— Тутъ только женщины!

— Слава Богу!—воскликнула Кларисса.

Но въ ту же минуту она сознала, какъ эгоистично и безчеловѣчно было ея сердце. Она упала на колѣна и стала умолять несчастныхъ жертвъ простить ее.

¹⁾ На ладъ идетъ! На ладъ идетъ! Аристократовъ вадернуть! На фонари! На фонари!

Между тѣмъ Робеспьеръ сталъ недоумѣвать, гдѣ Оливье, и, взявъ шляпу, направился къ дверямъ.

— Кто бы вы ни были, да благословить васъ Господь,—сказала Тереза, бросая на него благодарный взглядъ.

Робеспьеръ обернулся, пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и хотѣлъ что-то сказать, но голосъ ему измѣнился, и онъ быстро вышелъ изъ комнаты.

Шумъ на улицѣ замеръ. На церковной башнѣ пробило шесть часовъ.

X.

На лѣстницѣ Робеспьеръ встрѣтилъ Урбена и сказалъ ему:

— Позовите скорѣе экипажъ.

Урбенъ побѣжалъ на улицу и остановилъ проѣзжавшій мимо фіакръ.

— Что?—спросилъ возница цинично:— площадь Свергнутого Трона? Забава еще не началась.

Робеспьеръ поспѣшно вскочилъ въ экипажъ и крикнулъ:

— Въ комитетъ общественной безопасности и поскорѣй!

Откинувшись на спинку экипажа, «неподкупный» углубился въ свои мысли. Онъ немедленно узнаетъ отъ Куланжона, гдѣ Оливье, и если тотъ станетъ заператься, то онъ силой вырветъ у него правду.

Но, прибывъ въ Тюильри, онъ тщетно искалъ повсюду Куланжона. Полицейскій агентъ неизвѣстно куда исчезъ. Его отсутствіе снова возбудило въ умѣ Робеспьера подозрѣніе, что Оливье находился въ консьержери.

— Я самъ пойду туда и все выясню,—подумалъ онъ и отправился домой.

Было уже семь часовъ. Вся семья Дюплэ тревожно ждала Робеспьера и Леба, тѣмъ болѣе что они знали о закрытіи засѣданія въ конвентѣ. Дюплэ недавно вернулся изъ революціоннаго трибунала и смотрѣлъ на обстоятельства съ оптимистической точки зрѣнія. Хотя засѣданіе конвента кончилось не въ пользу Робеспьера, но онъ, конечно, сегодня же вечеромъ въ якобинскомъ клубѣ восторжествуетъ надъ своими врагами. Женщины рѣшили присутствовать при этомъ торжествѣ своего друга, хотя Дюплэ и возражалъ противъ этого.

— Но если вы убѣждены въ его побѣдѣ,—воскликнулъ Морисъ:— то чѣмъ же мы рискуемъ?

Въ это время появился Робеспьеръ съ вытянутымъ, испытаннымъ лицомъ, но онъ улыбался и на вопросъ о Леба отвѣчалъ:

— Онъ сейчасъ вернется. Я видѣлъ его часъ тому назадъ.

— Гдѣ?

— Въ ратушѣ.

Они поняли, что Робеспьеръ и Леба приняли мѣры, чтобы въ случаѣ крайности возбудить возстаніе коммуны, поэтому вся семья въ одинъ голосъ предложила пойти съ нимъ послѣ ужина въ якобинскій клубъ, и онъ былъ такъ убѣжденъ въ своемъ торжествѣ, что съ удовольствіемъ согласился на присутствіе на этомъ торжествѣ его друзей.

Неожиданно наружная дверь отворилась, и вошелъ Леба, который едва переводилъ дыханіе отъ усталости. Онъ не довольствовался тѣмъ, что на улицѣ осматрѣлъ телѣги съ жертвами гильотины, но направился къ эшафоту и окончательно убѣдился, что тамъ не было Оливье.

— Вы можете быть спокойны, — отвѣчалъ онъ на вопросительный взглядъ Робеспьера: — на сегодня онъ внѣ опасности.

— Я знаю. Но вы не узнали, гдѣ онъ?

— Нѣтъ.

— Онъ, конечно, въ консьержери, и я самъ пойду туда послѣ засѣданія якобинскаго клуба.

Вскорѣ ужинъ окончился. Робеспьеръ хотѣлъ быть въ клубѣ въ восемь часовъ, чтобы предупредить комитетъ, который могъ рѣшиться на все.

— Я убѣжденъ, что мои злѣйшіе враги будутъ тамъ! — сказалъ онъ Дюплэ, который утверждалъ противное.

Вся семья поспѣшно собралась и направилась по улицѣ Сентъ-Онорэ. «Неподкупный» шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди всѣхъ.

— Онъ сегодня какой-то странный, — сказала Корнелія находившемуся подлѣ нея Леба: — онъ даже не предложилъ мнѣ свою руку, какъ всегда.

— Это ничего! Онъ очень занятъ своими мыслями, — отвѣчалъ Леба съ улыбкой.

— Нѣтъ, — возразила Корнелія: — что-то неладно, я никогда не видѣла его такимъ.

Дѣйствительно она не разъ ходила съ нимъ въ якобинскій клубъ въ критическія минуты, и онъ всегда искалъ поддержки въ ея сочувствіи. Но теперь онъ шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія отъ нея и не обращалъ на нее никакого вниманія. Его мысли были всецѣло заняты Клариссой, и онъ представлялъ, съ какой радостью она встрѣтитъ Оливье, котораго онъ отвезетъ къ ней изъ консьержери, какъ только одержитъ побѣду надъ врагами въ якобинскомъ клубѣ. Въ этой побѣдѣ онъ нимало не сомнѣвался и только сожалѣлъ, что Кларисса не могла видѣть ее. Она тогда бы убѣдилась воочію, какъ его любятъ и уважаютъ истинные пламенные республиканцы, настоящіе друзья справедливости и человѣчества.

Достигнувъ дверей якобинскаго клуба, онъ вошелъ, даже не обернувшись, чтобы посмотрѣть, слѣдуетъ ли за нимъ семья Дюплэ.

Это зданіе, нѣкогда принадлежавшее монахамъ ордена св. Якова, было недавно обращено въ революціонный клубъ. Въ немъ царилла могущественная политическая партія, которая имѣла громадное вліяніе на государственныя дѣла и на конвентъ, благодаря своей фанатической энергіи. Засѣданія клуба происходили въ прежней церкви, теперь обращенной въ амфитеатръ съ возвышеннымъ мѣстомъ для предсѣдателей и трибуной для ораторовъ. Робеспьеръ безгранично главенствовалъ въ этомъ клубѣ. Его воля была закономъ для всѣхъ, и какъ только онъ появился въ дверяхъ, то раздались оглушительныя рукоплесканія, среди восторженно настроенной толпы, которую возмутила неудача ея кумира въ Тюильри. Глубоко тронутый этимъ пламеннымъ приемомъ, Робеспьеръ отвѣчалъ радужными привѣтствіями и произнесъ рѣчь, подготовленную для засѣданія конвента на слѣдующій день. Она возбудила въ слушателяхъ неописанный энтузіазмъ, тѣмъ болѣе, что онъ назвалъ эту рѣчь своимъ послѣднимъ завѣтомъ.

— Я умру съ тобою, Робеспьеръ,—воскликнулъ одинъ изъ депутатовъ.

— Твои враги—враги всего народа,—прибавилъ другой.—Скажи только слово, и мы сотремъ ихъ съ лица земли.

Робеспьеръ сіялъ удовольствіемъ и озирался по сторонамъ, надѣясь, что кто нибудь возразитъ ему и тѣмъ дастъ возможность тутъ же, не дожидаясь завтрашняго дня, отразить всѣ аргументы враговъ.

Дѣйствительно въ толпѣ находились его враги: Бильо-Варренъ и Коло-д'Эрбуа. Они хотѣли говорить, но ихъ ошικάли. Но когда они настаивали на своемъ, то раздались крики:

— Смерть измѣнникамъ! Смерть!

Мало того, въ воздухъ сверкнули кинжалы, и дѣло кончилось бы кровопролитіемъ, если бы они не исчезли въ толпѣ.

Имя Робеспьера было на всѣхъ устахъ, и долго всѣ присутствующіе стоя оглашали воздухъ рукоплесканіями и криками одобренія, которые доносились до Тюильри.

Семья Дюплэ была внѣ себя отъ счастья и терпѣливо дожидалась на улицѣ Робеспьера, но онъ куда-то скрылся, и его нельзя было отыскать.

Выйдя незамѣтно изъ залы, гдѣ уже восторженные почитатели собирались поднять его на руки и пронести съ торжествомъ по всему Парижу среди оглушительныхъ криковъ восторга, и поднявъ воротникъ сюртука, чтобы не обратить на себя вниманія, онъ быстро достигъ Тюильри, а затѣмъ направился въ консьержери. Мысли его теперь были самыя радужныя. Его необыкновенный успѣхъ въ якобинскомъ клубѣ долженъ былъ поразить, какъ громомъ, комитетъ общественной безопасности, и онъ уже представлялъ себѣ, какъ на слѣдующій день конвентъ рабски отдастъ ему на съѣде-

ніе враждебныхъ членовъ комитета. Съ торжествующей улыбкой онъ прошелъ черезъ Новый мостъ, не бросивъ взгляда на прелестную картину, открывавшуюся по обѣимъ сторонамъ въ прекрасную июльскую ночь и при мерцаніи безчисленныхъ звѣздъ, отражавшихся въ рѣкѣ.

Онъ шелъ быстро, и теперь мысли его сосредоточились на Оливье, котораго онъ сейчасъ освободитъ, и мѣсто котораго займутъ завтра тѣ самыя лица, которыя хотѣли возвести его на эшафотъ.

Наконецъ онъ остановился у подножія Серебряной Башни, заостренный шпиль которой казался гигантскимъ указательнымъ пальцемъ, поднятымъ къ небу. Въ этой башнѣ жилъ Фукье-Тенвиль, государственный обвинитель революціоннаго трибунала. Робеспьеръ взглянулъ на окна, въ нихъ не видно было ни малѣйшаго свѣта.

— Такъ Фукье можетъ спать, безсердечное чудовище!—подумалъ онъ:—но я и вскорѣ буду спать спокойно всѣ ночи напролетъ. Еще три дня, и всѣ ужасы гильотины прекратятся! Больше не будетъ огульной рѣзни! Я обѣщаль это матери моего сына и сдержу слово!

Подойдя къ главной двери консьержери, онъ постучалъ три раза, а когда въ двери открылось маленькое окошечко съ желѣзными перекладинками, то онъ сказалъ:

— Это я, гражданинъ Робеспьеръ.

Дверь отворилась на тяжелыхъ петляхъ, и послышался голосъ:

— Братскій привѣтъ, гражданинъ!

Это былъ Коласъ, дежурный тюремщикъ.

— Мнѣ надо видѣть гражданина Фукье-Тенвила.

— Онъ еще не вернулся домой, гражданинъ.

Робеспьеръ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Не могу ли я быть вамъ чѣмъ нибудь полезенъ?—спросилъ Коласъ.

— Я желаю знать, находится ли въ числѣ вашихъ арестантовъ Жермень, недавно переведенный изъ тюрьмы Ла-Форсъ.

— Мы это легко узнаемъ въ тюремной книгѣ, гражданинъ, если только книга здѣсь. Не угодно ли вамъ войти. Я сейчасъ спрошу у ночного сторожа. Подождите минутку; мнѣ надо взять ключи.

Коласъ вошелъ въ свою комнату и вышелъ оттуда съ ключами, потомъ онъ снялъ со стѣны зажженный фонарь и повелъ Робеспьера по многочисленнымъ коридорамъ консьержери. «Неподкупный» никогда еще не бывалъ въ этой тюрьмѣ, въ которую онъ сажалъ столько жертвъ. Пройдя черезъ старинную банкетную залу французскихъ королей, длинную галерею со сводами, опирающимися на массивныя колонны, они достигли желѣзной двери, которую тюремщикъ отперъ. Тогда Робеспьеръ очутился въ другой длинной галереѣ подъ сводами. Съ лѣвой стороны двое воротъ вели во дворъ, освѣщенный луною.

Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ наткнулся на человѣка, спавшаго сидя на стулѣ. У ногъ его стоялъ фонарь. Это былъ ночной сторожъ.

— Эй, Барасень!—воскликнулъ тюремщикъ, громко звеня ключами подъ самымъ его ухомъ.

Онъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, и узнавъ, что передъ нимъ Робеспьеръ, началъ извиняться, что невольно заснулъ, такъ какъ въ послѣдній мѣсяцъ постоянно привозили ночью столько арестантовъ, что нельзя было спать ни минуты. Съ подобострастными поклонами онъ просилъ Робеспьера посидѣть на его стулѣ, пока Коласъ пойдетъ за тюремной книгой, хотя врядъ ли она была тутъ такъ поздно.

— Это какая часть тюрьмы?—спросилъ Робеспьеръ, когда Коласъ удалился.

— Мы между двумя воротами, гражданинъ. Развѣ вы никогда не бывали въ консьержери?

— Никогда.

Барасень былъ очень радъ, что онъ могъ занять «неподкупнаго» интереснымъ разговоромъ, и пустился въ безконечныя подробности на счетъ знаменитой тюрьмы.

Направо тянулись кельи мужчинъ арестантовъ, а въ концѣ находился дворъ, въ который выходили женскія кельи.

— Если вы сдѣлаете два шага впередъ,—продолжалъ онъ,—то можете увидѣть фонтанъ, въ которомъ арестантки моютъ бѣлье, такъ какъ онѣ сохраняютъ до послѣдней минуты свое кокетство и хотятъ взойти на эшафотъ въ чистомъ бѣльѣ.

Барасень грубо засмѣялся, чувствуя себя очень счастливымъ, что Робеспьеръ слушаетъ его, повидимому, съ интересомъ.

— Гдѣ вы стоите, тутъ обыкновенно происходитъ переключка,—продолжалъ Барасень.

Робеспьеръ вздрогнулъ и отшатнулся. Взглянувъ на длинный рядъ дверей, онъ спросилъ:

— Эти кельи не заняты?

— Нѣтъ. А вотъ здѣсь,—прибавилъ онъ, указывая на дверь прямо противъ Робеспьера:—содержалась королева.

И онъ открылъ широко дверь, чтобы Робеспьеръ могъ видѣть внутренность кельи.

— Здѣсь ей было не такъ хорошо, какъ въ Версалѣ,—замѣтилъ Барасень съ улыбкой.

Робеспьеръ поколебался съ минуту, потомъ заглянулъ въ келью и закрылъ дверь.

— Что это,—воскликнулъ онъ:—на этой двери виднѣтся черный крестъ?

— Это, вѣроятно, сдѣлалъ какой нибудь узникъ послѣ смерти королевы, и съ тѣхъ поръ всѣ арестанты здѣсь останавливаются

и произносятъ молитву. Вообще они любятъ писать на стѣнахъ карандашемъ и даже ногтемъ. Вотъ и ваше имя,—прибавилъ онъ съ грубымъ смѣхомъ.

— Мое имя?—спросилъ Робеспьеръ вздрогнувъ.

Барасенъ поднесъ фонарь къ стѣнѣ, и «неподкупный» прочелъ надпись крупными буквами:

«Мы будемъ отомщены, Робеспьеръ, чудовище! Твоя очередь настанетъ!»

Далѣе при свѣтѣ того же фонаря онъ увидѣлъ двѣ другія надписи.

«Робеспьеръ тиранъ!»

«Робеспьеръ убійца!»

Онъ поблѣднѣлъ. Не разъ ему приходилось слышать и читать оскорбленія, но эти надписи казались ему проклятіями мертвецовъ, написанными кровью и огнемъ.

— Надо же имъ чѣмъ нибудь заниматься,—продолжалъ Барасенъ, не переставая смѣяться.

«Неподкупный» отвернулся, ему было не по себѣ. Онъ сталъ спрашивать у сторожа, спалъ ли онъ по ночамъ, и не являлись ему иногда мертвецы, не слышались ему иногда стоны и рыданія.

— Нѣтъ, гражданинъ, я сплю спокойно. Я не женщина! При томъ же мертвецы не встаютъ изъ гробовъ! И въ сущности я ни въ чемъ не виноватъ, не я убивалъ ихъ.

Вдали послышались шаги; вернулся тюремщикъ и объяснилъ, что арестантская книга была заперта, и нельзя было ее достать. Но мы можемъ пойти съ вами по кельямъ и разбудить арестантовъ. Вы, конечно, узнаете человѣка, которымъ вы интересуетесь.

Робеспьеръ нимало не желалъ, чтобы его видѣли арестанты, а потому отказался отъ этого предложенія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Коласъ,—Барасенъ можетъ пойти по всѣмъ кельямъ и разыскать, нѣтъ ли гдѣ Жермена. Онъ принесетъ вамъ сюда отвѣтъ, а я, извините, долженъ вернуться къ своему посту. Вамъ не угодно ли здѣсь посидѣть,—и Коласъ подвинулъ стулъ Робеспьеру.

— Хорошо, но, пожалуйста, не теряйте времени.

Оставшись наединѣ, Робеспьеръ предался тревожнымъ, тяжелымъ думамъ. Въ глазахъ у него все виднѣлась надпись: «Робеспьеръ убійца, твоя очередь придетъ». Если въ завтрашней рѣшительной борьбѣ онъ потерпитъ поражение и покончитъ жизнь подъ гильотиной, то онъ оставитъ послѣ себя память кровожаднаго тирана. Если ему не удастся совершить того идеальнаго превращенія Франціи, о которомъ онъ мечталъ, то потомство поставитъ его наряду съ Калигулой и Нерономъ.

Онъ опустился на стулъ и закрылъ глаза. Мысли у него начали путаться. Онъ часто по ночамъ видалъ ужасные призраки, и не разъ ему казалось, что Камиль Демулень приходилъ за нимъ,

произнося тѣ же слова, которыя онъ только что читалъ на стѣнѣ: «Робеспьеръ, пришла твоя очередь». Конечно, все это были галюцинаціи, и не онъ одинъ былъ подверженъ имъ. Фукье-Тенвиль не разъ видѣлъ ночью, что Сена будто катила кровавыя волны. Но отчего это происходило? Отъ укоровъ совѣсти? Но его, напри- мѣръ, совѣсть не мучила. Онъ былъ убѣжденъ, что стремился къ торжеству истины. Рѣшительно это происходило отъ нервнаго раздраженія и болѣзненной игры фантазіи.

Въ исторіи были примѣры такихъ иллюзій. Бругу казалось, что онъ видѣлъ тѣнь Цезаря, входившаго въ его палатку, тогда какъ это было только отраженіе лампы на занавѣсахъ, колыхаемыхъ вѣтромъ. Что это?..

Прямо передъ нимъ блѣдѣлась прозрачная женская фигура. За ней появилась вторая такая же фигура, а за ней третья... четвертая.

Робеспьеръ всталъ, не сводя глазъ съ этихъ фигуръ. Онъ не спалъ, и глаза его были широко раскрыты. Онъ слышалъ, какъ кровь билась въ его жилахъ, и сознавалъ, что онъ находился въ консьержери, откуда хотѣлъ освободить своего сына Оливье, что онъ только что говорилъ съ тюремщикомъ и сторожемъ, и однако его нервы были такъ разстроены, что ему представлялись призраки.

Конечно, онъ былъ убѣжденъ, что это не призраки, что это болѣзненная галюцинація, но ему было не ловко, и сердце его щемило. Какія странныя существа люди! Они гордятся своимъ умомъ и подчинены такимъ галюцинаціямъ.

Среди этихъ размышленій онъ увидѣлъ на освѣщенномъ луною дворѣ безконечное число двигавшихся фигуръ, которыя ходили взадъ и впередъ, разговаривали между собою и не обращали на него никакого вниманія.

Неожиданно онъ вскрикнулъ. Въ блѣдныхъ прозрачныхъ существахъ онъ узналъ г-жу Ролланъ, принцессу Елисавету, сестру короля, и Шарлотту Кордэ, убившую Марата. Страхъ овладѣлъ имъ...

— Что я съ ума сошелъ, — подумалъ онъ:— что я уже вѣрю, какъ дѣти и старухи, въ призраки? Это чистое сумасшествіе. Но что же это значить? Откуда явились всѣ эти фигуры? Вѣдь только слабые люди поддаются страху и суевѣрію!

Онъ рѣшительно пошелъ къ рѣшеткѣ въ надеждѣ встрѣтить сторожа, который своимъ появленіемъ положилъ бы конецъ всѣмъ этимъ галюцинаціямъ. Онъ даже громко вскрикнулъ:

— Неужели онъ никогда не придетъ!

Въ эту минуту въ галереѣ направо показалась какая-то чело- вѣческая фигура. Робеспьеръ думалъ, что это Барасенъ. Но это былъ не онъ. За первой фигурой показалась вторая, третья... десятая... двадцатая, и всѣ онѣ стали медленно подвигаться къ нему. Онъ узналъ ихъ издали.

— Жирондены... Бриссо... Вержнио!..

Неужели всё его жертвы теперь собрались, чтобы подвергнуть его страшной пытке и довести его до сумасшествия?!

Дѣйствительно со всѣхъ сторонъ надвигались на него призраки его жертвъ и толпились передъ закрытой рѣшеткой. Но никто изъ нихъ не смотрѣлъ на него, никто не бросалъ на него грозныхъ взглядовъ, никто не отворялъ рѣшетки.

Но вотъ рѣшетка безъ шума отворилась... Холодный потъ выступилъ у него на лбу. Призраки прямо шли на него, но какъ будто его не видѣли. Онъ отскочилъ въ сторону и быстро направился въ крытый коридоръ. Но... вдругъ передъ нимъ показались Дантонъ и Камиль Демуленъ. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ... Ему некуда было скрыться...

Но тѣни его главныхъ жертвъ шли спокойно, разговаривая между собою, какъ будто не видя его.

Дверь кельи королевы тихо отворилась. Изъ нея вышла Марія-Антуанета и подошла къ другимъ призракамъ, которые всё почти-тельно передъ нею преклонились.

Робеспьеръ чувствовалъ теперь, что онъ погибъ. Бѣжать было некуда, но онъ все-таки попробовалъ направиться къ рѣшеткѣ въ мужскомъ отдѣленіи, пятась назадъ и не спуская глазъ съ призраковъ. Достигнувъ рѣшетки, онъ толкнулъ ее спиной. Она не поддалась. Онъ обернулся. Рѣшетка была заперта. Онъ сталъ бѣшено шатать ее... но все тщетно.

Онъ снова обернулся, боясь, чтобы призраки не напали на него сзади. Но они попрежнему не обращали на него вниманія. Но это не могло долго продлиться, и они набросятся на него. Онъ едва переводилъ дыханіе...

— Это нелѣпо!—воскликнулъ онъ громко:—мертвецы не встаютъ изъ могилъ!

Онъ увѣрялъ себя, что стоять только не вѣрится призракамъ, и они тотчасъ исчезнутъ. Онъ толкнулъ ногой и бросилъ на нихъ смѣлый взглядъ.

Теперь всѣ глаза были обращены на него. И эти глаза грозно обвиняли его, сурово осуждали! Онъ замеръ на мѣстѣ... Они продолжали смотрѣть на него и начали медленно подвигаться...

— Ни шага далѣе! Умоляю васъ, ни шага далѣе! Я знаю, что вы скажете. Вы назовете меня убійцей.

Ему казалось, что его жертвы утвердительно кивнули головами.

— Правда! правда! я убійца! И вы справедливо меня такъ называете. Я знаю, чего вы хотите потребовать отъ меня. Я долженъ освободить всѣхъ узниковъ и уничтожить гильотину!

Онъ снова видѣлъ, что его жертвы утвердительно кивнули головами.

— Клянусь, я все исполню! Только уйдите, только оставьте меня!

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

